

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Санкт-Петербургский государственный университет

МАТЕРИАЛЫ

Международной научной
конференции

«Российское социологическое
сообщество: история, современность,
место в мировой науке»

(К 100-летию Русского
социологического общества
имени М.М. Ковалевского)

10-12 ноября 2016 года

Санкт-Петербург
2016

ББК 60.5
УДК 316
Р76

Редакционная коллегия:

Н.Г. Скворцов
А.О. Бороноев
Ю.В. Веселов
С.Д. Савин
В.Н. Келасьев
В.В. Козловский
А.И. Куропятник
Ю.В. Асочаков
Д.В. Иванов
В.Я. Фетисов
Н.А. Пруель
А.А. Флягин

Р76 Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. – 1634 с.

ISBN 978-5-98620- 221-1

© Ю.В. Асочаков, 2015

© Коллектив авторов, 2015

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ.....	34
Осипов Г.В. (Москва) Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации.....	34
WELZ F. (INNSBRUCK, AUSTRIA) CONTEMPORARY SOCIOLOGY: CONDITIONS OF KNOWLEDGE PRODUCTION	37
Горшков М.К. (Москва) О национальной самобытности российской социологии.....	38
Бороноев А.О. (Санкт-Петербург) Роль М.М. Ковалевского в становлении русской социологической школы.....	45
Починок Н. Б. (Москва) ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ: РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ (В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ М.М. КОВАЛЕВСКОГО О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ)	47
Ж. Т. Тощенко (Москва) Эволюция идей социологии (100 лет спустя) (ТЕЗИСЫ ПЛЕНАРНОГО ДОКЛАДА).....	53
Осипова Н.Г. (Москва) Роль социологического образования в формировании профессионального социологического сообщества.....	55
Покровский Н.Е. (Москва) Современная российская социология во взаимодействии с естествознанием: люди, годы, жизни	60
Волков Ю. Г. (Москва) Социология будущего: новые перспективы развития отечественной социологии	63
Локосов В.В. (Москва) Российская социология в контексте академической и постакадемической науки.....	72
СЕКЦИЯ 1. МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА СОЦИОЛОГИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	76
DEICHSEL A. (Гамбург, Германия) ОБЫЧАЙ И ПРАВО. ТРИ ПРИМЕРА АКТУАЛИЗАЦИИ КЛАССИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ: БОРОНОЕВ, КОВАЛЕВСКИЙ, ТЕННИС	76
Артамонова М.В. (Москва) РЕЛЕВАНТНОСТЬ ИДЕЙ ВИЛЬФРЕДА ПАРЕТО ДЛЯ АНАЛИЗА МЕДИАПРОСТРАНСТВА (МЕДИА СОБЫТИЙ)	77
Астахов А.М. (Ростов-на-Дону) ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ БАЗ ДАННЫХ СМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	79
БАТАЕВА Е.В. (Харьков, Украина) Современная социология и проблема кризиса социогуманитарных наук.....	81
Батуренко С.А. (Москва) «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В РАБОТАХ РУССКИХ СОЦИОЛОГОВ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ	82
Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург) М.М. Ковалевский и литература.....	84
Бразевич С.С. (Санкт-Петербург) М.М.Ковалевский как социолог в оценках современников.....	86
Бубнова М.И. (Москва) Алгоритмы российской повседневности в контексте феноменологической социологии А. Шуца.....	88
Буланова М.Б. (Москва) Эвристический потенциал программы социологизации обществознания М.М. Ковалевского.....	91
Бурмакина А.Л. (Кемерово) Понятие политического лидерства в русской и зарубежной социологии конца XIX – начала XX вв.....	92
Быков В.П. (Санкт-Петербург) Социологическое воображение Ч.Р.Миллса: камо грядеши?.....	94
Войцеховский С.Н. (Санкт-Петербург) Разногласия Т.Парсонса и П.А.Сорокина в свете динамической теории действия	98
Волков Ю.Г. (Ростов-на-Дону) Социология будущего: новые перспективы развития отечественной социологии	99
Волконская А.А. (Москва) Особенности современной стадии социального и личного отчуждения как проекция состояния мирового бытия у С.Л. Франка	101

ГНАТЮК О.Л. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) И.А.Ильин и П.Б.СТРУВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»	104
ГУЖАВИНА Т.А. (ЧЕРЕПОВЕЦ) СОЦИОЛОГИЯ В РЕГИОНЕ: ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ	106
ГУРАРИЙ А.Д. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ	108
ДАВЫДОВ С.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ТИПОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА В ПАРАДИГМЕ НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМА.....	110
ДАНИЛОВА А.В. (ЕКАТЕРИНБУРГ) МОБИЛЬНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	112
ЕРЁМЕНКО С.А., ПОПОВА В. В. (ИРКУТСК) ВОЗМОЖНОСТИ ЭФФЕКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ГРУППОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЛЯ РАБОТЫ С КЛИЕНТАМИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ	114
ЖИВЕНОК Н.В. (КАЛИНИНГРАД) ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСОВ МОЛОДЕЖИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	116
ЗАРУБИНА Н.Н., НОСКОВА А. В., ТЕМНИЦКИЙ А. Л. (МОСКВА) ДОВЕРИЕ К СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ	117
ЗЛОТНИКОВ А.Г. (ГОМЕЛЬ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) РЕЛЕВАНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СОЦИОЛОГИИ.....	119
ИВАНОВ Д.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ТРЕНДЫ В СОЦИОЛОГИИ XXI ВЕКА.....	122
ИГНАТЬЕВА О.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОДЕРЖАНИЕ "ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ" МАКСА ВЕБЕРА В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	123
ИЛЬИНА И.В. (ТЮМЕНЬ) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДВИДЕНИЯ И.ИЛЬИНА	125
ИСАЕВ Д.П. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) И.С.КОН: ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ	127
КАЖАНОВ О.А. (СМОЛЕНСК) СТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ВЫБОРАХ: АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ	129
КАРАСЕВ Д.Ю. (МОСКВА) РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЛНА 1917-1923 ГГ. В ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ МАЙКЛА МАННА	132
КАРМАЕВ Н.А., КАРМАЕВА Н.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) КУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА И КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО.....	134
КАТАЕВ Д.В. (ЛИПЕЦК) АУТЕНТИЧНАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МАКСА ВЕБЕРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТОМАС ШВИНН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ШКОЛЫ ВЕБЕРИАНСТВА.....	136
КАТАЕВ С.Л. (ЗАПОРОЖЬЕ, УКРАИНА) СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ Е.В. ДЕ РОБЕРТИ И Р. КОЛЛИНЗА.....	138
КИСЕЛЁВА Н.И. (МОСКВА) СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ.....	140
КОВАЛЕВА Я.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА «МАНИПУЛИРОВАНИЕ» В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ	142
КОЗЛОВА Л.А. (МОСКВА) К ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЭТАПА.....	143
КОЗЫРЕВА Л.Д. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) П.И.НОВГОРОДЦЕВ О ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	145
КОЛЕСНИКОВА Е.Ю. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ.....	147
КОЛОКОЛЬЦЕВ М.Г. (БАРНАУЛ) ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС.....	148
КОРБИКОВА Д.К. (МОСКВА) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Г.ЗИММЕЛЯ И СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.....	151
КОРНИЛЬЦЕВА Е.Г., КУЗНЕЦОВ А. Ю. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОЛОГИИ.....	152

Костина Н.Б., Дуран Т.В., Скоробогатская Н. А. (Екатеринбург) МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.....	155
Костюкевич С.В., Андрос И. А., Баханов А. Г. (Минск, Республика Беларусь) ИНТЕГРАЦИЯ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕХНИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ СТРАН КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК	158
Крыжановская В.И. (Харьков, Украина) ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. КОВАЛЕВСКОГО: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ХНУ ИМ. В. Н. КАРАЗИНА.....	159
Кузиванова О.Ю., Ломоносова М. В. (Сыктывкар) ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА В РОССИИ В 21 ВЕКЕ	161
Куклин Г.А. (Санкт-Петербург) СТРУКТУРА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ БУДУЩЕГО РУССКОЙ МЫСЛИ	163
Кукушкина Е.И. (Москва) Рыцарь Истины в повседневной жизни: характерные черты личности Максима Максимовича Ковалевского	165
Кулешова А.В. (Петрозаводск) СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ: СРАВНЕНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ	167
Лапыгин В.Д. (Москва) Постановка задач в развитии метода неоконченных предложений.....	169
Лебедева Г.Н. (Санкт-Петербург) Ученый-универсалист 19 века Владимир Иванович Ламанский.....	171
Левченко И.Е. (Екатеринбург) ТАНАТОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО.....	173
Лозинская Е.О. (Москва) РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 18 ВЕКА КАК ПРЕДСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ.....	175
Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург) СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. М.М.КОВАЛЕВСКОГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	177
Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е. А. (Москва) Дети и детство как объекты социологических исследований: сравнение фокуса зарубежных и российских профессиональных сообществ	179
Максимова О.А. (Казань) Релевантность дискурса поколенческого анализа в условиях информационного общества.....	181
Малинов А.В. (Санкт-Петербург) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский – первый председатель русского социологического общества им. М.М. Ковалевского.....	183
Матвеева Н.Ю. (Москва) Основные принципы интерпретации смыслов социальных явлений в русской социологической традиции.....	185
Медведев В.И. (Санкт-Петербург) М.М.Бахтин и методология социальных наук.....	186
Миронов Д.В. (Санкт-Петербург) К проблеме актуализация российского социологического наследия.....	188
Немирова Н.В. (Санкт-Петербург) «Спасая социологию»: теоретико-методологические искания русской школы неокантианства	189
Орлова И.Б. (Москва) Социологии исторического знания: актуализация классики	191
Потоцкий С.С., Гольденштейн С. М. (Санкт-Петербург) Технологические инновации количественных методов в современной социологии.....	195
Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург) Социологи России. В контексте российской полиментальности.....	197
Синютин М.В. (Санкт-Петербург) Актуальность изучения наследия отечественной социологии за период 1920-1950 годов.....	198
Смирнов П.И. (Санкт-Петербург) Можно ли вернуться в теоретической социологии к методологии позитивизма?	200
Сорокина Н.Д. (Москва) Социальная организация, эволюция современного общества и наследие М.М. Ковалевского.....	202

СУРКОВА И.Ю. (САРАТОВ) СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА АНАЛИЗА СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТУРБУЛЕНТНОЕ ВРЕМЯ	204
ТИТАРЕНКО Л.Г. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗАПАДНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	206
ТИТОВА Е.Н. (МОГИЛЁВ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	208
ТИХАЗЕ Д.К., КУРИЛОВА А. С. (МОСКВА) РОЛЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОЛОГИИ П.СОРОКИНА И Н.ДАНИЛЕВСКОГО.....	209
ТХАКАХОВ В.Х. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ГОРОД: ИНТЕГРАЦИЯ УРБАНИЗМА И РУРАЛИЗМА.....	211
ФЕДОРОВА Е.В. (МОСКВА) ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. ИЛЬИНА И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ	213
ФЕТИСОВ В.Я. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) КОНВЕРГЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК ПРОЦЕСС, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ СОВРЕМЕННОСТЬ.....	215
ФОБЬЯНЧУК А.А. (МОСКВА) НАУЧНЫЙ ВКЛАД П.А. СОРОКИНА В МИРОВУЮ СОЦИОЛОГИЮ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	216
ШАГИАХМЕТОВА А.Х. (КАЗАНЬ) ИЗУЧЕНИЕ ЛИДЕРСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В РОССИИ В РАМКАХ ДВИЖЕНИЯ НОТ	218
ШАРОНОВ Д.И. (МОСКВА) ЭКОСИСТЕМЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО: ИНТЕГРАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ П.А. СОРОКИНА.....	219
ЩЕМЕЛЕВА И.И. (НОВОСИБИРСК) ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ КОНЦЕПЦИИ Э. ФРОММА.....	221
ЭНДРЮШКО А.А. (МОСКВА) ТЕОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ К. МАРКСА В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ	223
СЕКЦИЯ 2. ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ	225
АСОЧАКОВ Ю.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) БУДУЩЕЕ И НОВЫЕ ФОРМЫ НЕРАВЕНСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ.....	225
БАЛАНЦЕВА Е.М. (ВОЛГОГРАД) ИГРОК В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА.....	226
БАРБАРУК А.В. (МАГАДАН) ДИСКУРСИВНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	229
БЕЛОКРЕНИЦКАЯ П.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СЛУЧАЙНОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В СОЦИОЛОГИИ.....	230
БЕСПАЛОВА А.А. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ.....	232
БУРГАНОВА Л.А., ИСХАКОВА Э.И. (КАЗАНЬ) ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА: ДОГОНЯ ЗАПАДНУЮ СОЦИОЛОГИЮ	234
ГОЛИКОВ А.С. (ХАРЬКОВ, УКРАИНА) ПОРЯДКИ И РЕЖИМЫ: К ПОСТРОЕНИЮ ЗНАНИНЕВОГО ДИЗАЙНА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО	236
ГОЛОУХОВА Д.В. (МОСКВА) ПРОСТРАНСТВО ПОТОКОВ М. КАСТЕЛЬСА: ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ.....	238
ГОРБУНКОВА Д.Н. (ТОЛЬЯТТИ) ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ.....	239
ГУБАНОВА А.Ю. (МОСКВА) ДЕТСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ: НОВЫЕ ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ.....	242
ДЕРЮГИН П.П., БАРУЗДИН И. А., АЛЕКСАНДРОВА А. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ: УРОВНИ ИЕРАРХИИ И ПОТЕНЦИАЛЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	243
ДЕСЕНКО Д.С. (ХАРЬКОВ, УКРАИНА) "ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ": НЕКОТОРЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВКЛЮЧЕНИЯ/ИСКЛЮЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	246
ДУДИНА В.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК НОВОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК	247
ДЫЖОВА А.А. (МОГИЛЁВ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	248
ЕВСИКОВА Е.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИСТОРИЯ XX ВЕКА В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).....	250

Желнина Е.В. (Тольятти) Концептуализация понятия «хабитуализация инноваций»	252
Жирина М.В. (Москва) Социальные технологии современного российского образования.....	255
Зверькова С.А. (Санкт-Петербург) Доверие как индикатор социального капитала в информационном обществе	257
Зиновьева Н.А. (Санкт-Петербург) Фокус исследования многопользовательских онлайн игр (ММОРПГ) как отражение социальных изменений.....	258
Зубок Ю.А., Чупров В. И., Дивненко О. В. (Москва) Симулятивно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся социальной реальности	260
Иванов Д.В. (Санкт-Петербург) Образы социальной реальности в современной теоретической социологии: от объектных к процессным метафорам	263
Игнатьев В.И. (Новосибирск) «Пересборка» социальных структур в квантово-резонансных информационных потоках. К теории информационного резонанса в социальной системе	265
Ильдарханова Ч.И. (Казань) Методологические возможности исследования современных сельских реалий	267
Ирсетская Е.А. (Москва) Особенности отношения к людям пенсионного возраста в современном российском обществе	270
Искандерова Л.В. (Санкт-Петербург) Теоретические подходы к изучению репродуктивного поведения и репродуктивных установок	272
Ишкинеева Г.Ф. (Казань) Новые паттерны межкультурного взаимодействия в глобализированных городах: торговые центры как новая форма адаптации мигрантов.....	273
Калашникова Л.В. (Николаев, Украина) Становление социологии безопасности в современной западной социологии	275
Каменский Е.Г. (Курск) Редукция «сложности субъекта» в «сложном социуме»: проблема ценностей новой техногенной реальности	278
Каменский Е.Г. (Курск) Редукция «сложности субъекта» в «сложном социуме»: проблема ценностей новой техно-реальности.....	280
Карпова Д.Н. (Москва) Явные и латентные риски непрерывной онлайн-коммуникации	282
Колпина Л.В., Артеменко О. И. (Белгород) Социально-сетевой подход и теория социального капитала в исследовании здоровья.....	283
Кононов М.Ю. (Москва) Уровни социогеографического анализа в западном марксизме: мир, страна, регион и город.....	286
Корнеева И.И. (Москва) Социальные технологии манипуляции общественным сознанием: эвристический потенциал социологии.....	287
Корохов Б.Г. (Москва) Исследование моделей, факторов и механизмов политической социализации: теоретико-методологический анализ.....	289
Куклин Г.А. (Санкт-Петербург) Рефлексивный анализ в социологии: контуры нового теоретического поля	290
Кулинич А.И. (Санкт-Петербург) Особенности совершенствования социальных технологий	293
Купряшкина Е.А., Филипова А. Г. (Владивосток) Переосмысливая мобильности: от П. Сорокина к Дж. Урри	294
Лакизов А. (Москва) Социологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности.....	296
Лапшина Н.Р. (Волгоград) Основные вопросы социологии повседневности в работах Мишеля де Серто и Джеймса Скотта	299
Латыпова А.Р. (Санкт-Петербург) Трансформация социального в эпоху медийного поворота	301
Лебедева Е.В. (Минск, Республика Беларусь) Пространственная парадигма в городских исследованиях: перспективы и дальнейшие направления развития	303

ЛЕГОСТАЕВА Н.И. (ПЕТРОЗАВОДСК) ЧЕЛОВЕК ПОТРЕБЛЯЮЩИЙ.....	306
ЛУКИНА Д.С., ШУБИНА Т. Ф. (АРХАНГЕЛЬСК) РОЛЬ КРАУДСОРСИНГА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	308
ЛЫСЕНКО О.В., ИГНАТЬЕВА О. В. (ПЕРМЬ) ЛЮДИ И СИСТЕМЫ: ТЕЗИСЫ К ПРОГРАММЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	310
МАЛМЫГИН А.С. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ.....	312
МАРТЫНЕНКО Т.С. (МОСКВА) МЕТАФОРЫ МОБИЛЬНОСТИ И СЕТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ НЕРАВЕНСТВ	313
МАЧКАСОВА Я.К., СОЛОВЬЕВ В. В. (ТОМСК) МЕТАФОРА СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕТЕРОГЕННЫХ СООБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ АСТ.....	315
МЕЛЬНИКОВ М.В. (НОВОСИБИРСК) ПРИВАТИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.....	317
МИКЛЯЕВА А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ФЕНОМЕН «ИНФАНТИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА.....	319
МИХЕЕВ Д.А., МОРОЗОВА В. О., КУЗНЕЦОВА Д. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРИНЦИПЫ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В ИТ-СООБЩЕСТВЕ).....	320
МУХА В.Н. (КРАСНОДАР) ПРОБЛЕМАТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ	322
НИКОЛАЕНКО Г.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) КОММЕМОРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ 30 ЛЕТ СПУСТЯ. В ПОИСКАХ ИСТОКОВ.....	324
ПЛЕТНЕВ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИЛЛЮЗИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	326
ПОДЛЕСНАЯ М.А., ХАРЧЕВКИНА Н. Н. (МОСКВА) П.БЕРГЕР: К ВОПРОСУ О «ЕВРОСЕКУЛЯРНОСТИ» И «АМЕРИКАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ».....	327
ПОЗДЕЕВА Е.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СИНГУЛЯРНОСТЬ И ЕЕ ОБРАЗЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	329
ПОПОВА И.П. (МОСКВА) УСТОЙЧИВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА – ПРОСТРАНСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ ..	331
ПРУДНИКОВА В.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) WELLNESS КАК СТИЛЬ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	333
РАХМАНОВ А.Б. (МОСКВА) ГЛОБАЛЬНОЕ КУЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОРОДОВ РОССИИ	335
САВЕЛЬЕВА А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПЕРИОДИКИ XX ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНТРУКЦИОНИСТСКОГО ПОДХОДА	337
САВИНОВ Л.И. (САРАНСК) СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОЦИОЛОГИИ РЕГИОНА.....	339
СЕРГЕЕВ В.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЭПОХУ СВОЕГО РАСПАДА.....	341
СЕРГЕЕВА О.В., ОРЕХ Е. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОГО ОПЫТА)	342
СИБИРЕВ В.В., СИБИРЕВ В. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ИНТЕРНЕТ	344
СКОК Н.С. (МАРИУПОЛЬ, УКРАИНА) СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХРОНОТОПА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	347
СОРОКИН О.В. (МОСКВА) СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РЕГУЛЯЦИИ ДЕВИАЦИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	348
СУЛЬЖИЦКИЙ И.С. (ГРОДНО, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ИНТЕРНЕТ-РЕАЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР: ОПТИКА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	350
СУТЯГИНА Д.С. (МОСКВА) СОЦИОДИНАМИКА ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА	352
ТОМАЛИНЦЕВ В.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСТРЕМОЛОГИЯ КАК НАУКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ.....	354
ТОРМОШЕВА В.С. (ВЛАДИМИР) МЕТАФОРА ВИРТУАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ПОСТМОДЕРНА	356
ФАЙЗУЛЛИН Ф.С. (УФА) СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ИНТЕНСИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	358
ФЕДОРОВА И.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.....	360

Целищева В.Г. (Санкт-Петербург) Этническая специфика в сетях социальных взаимодействий	362
Шелкин А.Г. (Санкт-Петербург) Критика постмодернистской модели повседневности с позиции социологической и философской классики.....	362
Шеляпин Н.В. (Санкт-Петербург) Проблема социального времени в контексте исследования социальной реальности (на примере концепции ритмологии).....	364
Ширяева В.А. (Волгоград) Доверие в конструировании современного сетевого пространства.....	366
СЕКЦИЯ 3. СОЦИОЛОГИЯ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	368
Рашкова V.M. (Сидней, Австралия) Истина и правдивость в политике через призмы социологии образования и политической философии Ханны Арендт	368
Абдульязнов А.Р., Абдульязнов А. Р. (Казань) Системный подход в социологическом исследовании безопасности дорожного движения	370
Абрамова М.А. (Новосибирск) Динамика количества межэтнических браков и мультикультурализм в России.....	372
Аверин Ю.П. (Москва) Социальные факторы поведения школьников по отношению к учебе в условиях современной России: теоретический подход и эмпирический анализ	374
Акимова А.В., Челышева Н. А. (Санкт-Петербург) Социальная значимость реабилитации родителей, лишенных родительских прав	374
Алькаева Ю.И., Деньдобренко Д. А. (Санкт-Петербург) Гендерная специфика лидерства в бизнесе.....	375
Амбарова П.А. (Екатеринбург) Синдром социальной усталости: диагноз или вызов образовательным общностям?	378
Антипова А.А. (Саранск) Влияние социальных условий в сельской местности на поселенческие установки сельчан как предмет социологического исследования в регионах России	379
Антонов А.И. (Москва) Некоторые итоги социолого-демографических исследований 2014-2015- 2016 гг. установок к числу детей в семье в сопоставлении с данными предшествующих выборочных опросов населения в регионах России	381
Антонова Н.Н. (Волгоград) Социологический анализ семьи, находящейся в социально опасном положении: из опыта работы медико-социального кабинета детской поликлиники	387
Антонова Н.Л. (Екатеринбург) Медицинское обслуживание в системе сельского здравоохранения: проблемы и противоречия.....	390
Антонович И. (Барнаул) Возможности фототерапии в социальной работе с детьми и подростками	391
Аржаных Е.В. (Москва) Экстремистское поведение среди подростков.....	394
Артамонова О.Е. (Великий Новгород) Развитие ответственной гражданственности учащихся	396
Артес Г.А. (Санкт-Петербург) Эксперт-социолог как стейкхолдер процессов городского планирования и развития..	398
Атякшева Т. (Саранск) Социальное положение нуждающихся пожилых граждан в современной России	400
Ахметова С.А., Ишкинеева Ф. Ф. (Казань) Социальная адаптация первокурсников к институциональной среде вуза	402
Ашевская В.А. (Тверь) Парламентская оппозиция в современной России: возможности и ограничения	405
Бабанина Е.А. (Тула) Уровень патриотизма современной тульской молодежи	407
Бабич И.Н. (Москва) Междисциплинарный синтез в образовании как сложная социальная проблема.....	409
Бабушкина Е.В. (Барнаул) Социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями: специфика, проблемы и перспективы	410
Баженов А.М., Мартынова Т. М. (Тула) Патримониализм в политической жизни России	412

БАЗИЕВА Э.М. (Волгоград) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	414
БАЛЯТИНСКАЯ У.А. (Саранск) ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ	416
БАРАНОВА Г.В. (Орёл) ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	418
БАСИМОВ М.М. (Москва) СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ПРИЧИНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ	420
БАТИНА О.Э. (Тольятти) УРОВЕНЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г.О. ТОЛЬЯТТИ).....	424
БАЦМАН О.С. (Полтава, Украина) ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ	426
БЕДРИК А.В. (Ростов-на-Дону) ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	429
БЕЗРУКОВА О.Н., САМОЙЛОВА В. А. (Санкт-Петербург) ПРИЕМНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПОТРЕБНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ.....	431
БЕЛГАРОКОВА Н.М. (Москва) СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	433
БЕЛКИНА В.А., КИЛИМОВА Л.В. (Курск) СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	435
БЕЛОВА Т.П. (Иваново) ПРОТЕСТАНТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК СУБЪЕКТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕРКВИ АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ В РОССИИ)	437
БЕЛЯЕВА Л.А. (Москва) ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ.....	439
БИРЮКОВА А.В. (Санкт-Петербург) ТРУДОУСТРОЙСТВО МОЛОДЕЖИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ОБЩЕСТВА	442
БИСТЯЙКИНА Д.А., СОЛОВЬЕВА Т. В. (Саранск) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЮРО МЕДИКО- СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ИНВАЛИДАМИ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	443
БОБРОВА Д.Н. (Санкт-Петербург) СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ	446
БОДАНОВА Ю.М. (Рыбинск) СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЯН	447
БОДРОВА Ю.В. (Новосибирск) ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОГО СУИЦИДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МОТИВОВ	449
БОЖИЧКО П.Ф. (Санкт-Петербург) НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ	451
БОНДАРЕВ В.П., СИДОРИНА А.В. (Москва) ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН ПО ДАННЫМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СМИ ..	452
БОРИСЕНКО Е.В. (Волгоград) ОСОБЕННОСТИ КОВОРКИНГА КАК НОВОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И РАБОЧЕГО ПРОСТРАНСТВА	454
БОЧАРОВА А.С. (Барнаул) АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	456
БОЧАРОВА Т.С., КИЛИМОВА Л. В. (Курск) РОЛЬ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ.....	459
БРАЗЕВИЧ Д.С. (Санкт-Петербург) СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	460
БРАЧКОВА Е.А., ДОРОВСКИХ А. С. (Барнаул) ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЕЙ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА НАСЕЛЕНИЯ Г. БАРНАУЛА.....	462
БУБНОВ Ю.М. (Могилёв, Республика Беларусь) СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗМЕРЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА	464
БУДНИКОВА Н.С. (Улан-Удэ) ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ	467
БУЛАНОВА М.А. (Воскресенск) ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН	469

БУЛАТЕЦКАЯ А.Ю. (Пермь) СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ	470
БУЛАТОВА Т.А. (Томск) ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РАЗВИТИИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)	472
БУРМЫКИНА О.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖПОКОЛЕННОГО СЕМЕЙНОГО КОНТРАКТА.....	474
БУХНЕР Н.Ю. (Барнаул) СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ).....	476
БУХТИЯРОВА И.Н. (Москва) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОРМИРОВАНИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ	478
БУШКОВА-ШИКЛИНА Э.В. (Киров) РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ ГОРОЖАН (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРЕХ ГОРОДАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)	479
БЫКОВ И.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	481
ВАГАБОВА А.И. (Волгоград) ТЕЛО КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИЙ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	483
ВАЛИАХМЕТОВ Р.М., БАЙМУРЗИНА Г. Р. (Уфа) АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ СТАНДАРТОВ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ.....	484
ВАСИЛЬЕВА Е.А. (Якутск) ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	486
ВАСИЛЬЧЕНКО Д.Д. (Курск) ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)	488
ВЕЛИЕВА С.В. (ЧЕБОКСАРЫ) ОКАЗАНИЕ ВСЕСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ РОДИТЕЛЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ СО СЛОЖНОЙ СТРУКТУРОЙ ДЕФЕКТА	490
ВЕРЕЩАГИНА А.В. (Ростов-на-Дону) СЕМЬЯ И ДЕТСТВО В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ: ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	492
ВЛАСОВА А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СПЕЦИФИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ (ПОДРОСТКОВ), НАХОДЯЩИХСЯ НА СЕМЕЙНОМ ОБРАЗОВАНИИ	494
ВЛАСОВА Н.В. (Ульяновск) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	496
ВЛАСУКОВ В.А., НОВИКОВА Л. В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН К ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА.....	498
ВОЕВОДИНА Е.В. (Москва) СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН С ИНВАЛИДНОСТЬЮ.....	500
ВОЙТЕНКО В.П. (Ростов-на-Дону) ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В США И ФРГ И ВЫЯВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ	502
ВОЛКОВА О.А. (Белгород) ИДЕНТИЧНОСТЬ СОЦИОЛОГА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ПРОФЕССИИ	504
ВОЛКОВА Т.И. (Челябинск) СУИЦИД КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	506
ВОЛОВАТОВА Д.А. (Волгоград) СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: УЧЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА.....	508
ВОРОБЬЕВА А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОРИЕНТАЦИЮ МОЛОДЕЖИ.....	510
ВОРОБЬЕВА А.А., ЧУДОВА С. Г. (Барнаул) СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ЖЕНЩИН В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	512
ВОРОНИНА О.А., ВОЛЧЕНКОВА Е. В. (Киров) ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ	513
ВОРОНКОВА О.А. (Москва) ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ	516
ВОРОНКОВА С.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА НА СОЦИОЛОГИЮ ТРУДА.....	518
ВОРОНОВА Л.Н. (Москва) ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОПРОИЗВОДСТВЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ.....	521

Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону) Научные подходы к изучению социального поведения в сфере здравоохранения	523
Гаджигасанова Н.С., Леонтьева Т. А. (Ярославль) Особенности ценностных ориентаций жителей регионов с низкой интенсивностью этноконтактной среды	525
Галиева Г.И. (Казань) Ислам, женщина, семья в зеркале социологического анализа	527
Галич Л.П. (Минск, Республика Беларусь) Эмпирико-социологический анализ удовлетворенности жизнью белорусов и россиян (на примере населения Орловской области Российской Федерации и Витебской области Республики Беларусь)	529
Галкина Е.П., Кадничанская М. И. (Ульяновск) Социальные проблемы российской семьи в демографической политике государства (на примере Ульяновской области)	531
Галкина М.М. (Москва) Материальное положение сельской интеллигенции. Анализ состояния и влияния на профессиональную самореализацию	533
Гара В.В. (Минск, Республика Беларусь) Социальные потребности и интересы в развитии общества	535
Гафиятуллина К.Р. (Екатеринбург) Религиозность и религиозное поведение российской студенческой молодежи: методологические аспекты социологического анализа	536
Герасимова М.М. (Санкт-Петербург) Дискурс-анализ политического сообщения (на примере плакатов российских политических акций 2012-2015 годов): визуальное сообщение как высказывание	538
Герашенко Л.И., Рочева Я. С. (Санкт-Петербург) Социально-экономическое положение инвалидов Санкт-Петербурга (по результатам социологического исследования)	539
Герберг Т.А. (Волгоград) Особенности политической социализации российской студенческой молодежи (на примере г. Волгограда)	541
Гилязова О.С. (Екатеринбург) К вопросу о формах и способах осуществления местного самоуправления и возможностях их реализации	542
Глушкова С.А. (Ростов-на-Дону) Этнокультурное образование как одна из практик конструирования этнической идентичности на Юге России	544
Головин Н.А. (Санкт-Петербург) Эволюция ориентаций российского общества на модели модернизации: 1992-2016 годы	548
Голодова К.Е. (Санкт-Петербург) Формы и механизмы деятельности ООН по противодействию террористической угрозе	549
Голубева И.Г. (Нижний Новгород) Феминизм в России: вызовы современности	551
Гольбрайх В. (Санкт-Петербург) Экологические общественные инициативы в Интернете как новая практика политического участия	551
Гончарова Г.С., Абрамова М. А. (Новосибирск) Выбор брачного партнера и тип семьи	554
Горбункова Д.Н. (Тольятти) Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор профессиональной адаптации	555
Горбунов Н.М. (Тольятти) Уровень региональной идентичности тольяттинских школьников	558
Горлина А.С. (Санкт-Петербург) Трудные дети и подростки как уязвимая группа населения, их социализация	560
Горовец В.Н., Ярошевич Е.А. (Могилёв, Республика Беларусь) «Есть или не есть?» Или анорексия как проблема современного общества	561
Гребенщиков И.В. (Санкт-Петербург) Проблема нормативной и научной интерпретации экстремизма и радикализма	563
Григорьева И.А., Келасьев В. Н. (Санкт-Петербург) Проблематизация старения в современной социологии	565
Гринкевич О.В. (Минск, Республика Беларусь) Отражение социальных проблем в образе будущего молодежи	567

ГРОМОВА Н.С. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	568
ГРОШЕВА И.А., ГРОШЕВ И. Л. (ТЮМЕНЬ) УСКОЛЬЗАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ	570
ГРОШЕВА Л.И. (ТЮМЕНЬ) ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖНОЙ БИЗНЕС-АКТИВНОСТЬЮ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	572
ДАГБАЕВ Э.Д. (УЛАН-УДЭ) СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ МОНГОЛИИ	574
ДАНИЛОВ А.Н. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЙ – НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЦЕННОСТЬ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА	576
ДАСАЕВА Р.М. (КАЗАНЬ) МИРОВОЙ ОПЫТ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ ЗА РУБЕЖОМ: РЕКОМЕНДАЦИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА.....	578
ДЕВЯТКИН В.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ РАША В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	580
ДЕГТЯРЕВА Ю.А. (ВОЛГОГРАД) СТИГМАТИЗАЦИЯ – ДЕВИАЦИЯ – АГРЕССИВНОЕ ОБЩЕСТВО	581
ДЕМАКОВА К.В. (МОСКВА) ОПИСАНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ “СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ГРАЖДАН” В ПЕРМСКОМ КРАЕ)	583
ДЕМИНА К.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ТЕОРИЯ МЕДИУМОВ БОРИСА ГРОЙСА.....	586
ДЁМИНА Н.С. (ОРЁЛ) ИДЕАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫДУМКА?.....	588
ДЕНИСОВА Ю.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ	591
ДЕНЬДОБРЕНКО Д.А., АЛЬКАЕВА Ю. И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) АКАДЕМИЧЕСКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ. ПЛАГИАТ	592
ДИДЕНКО И.В., ДИДЕНКО А. А. (НОВОЧЕРКАССК) ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА.....	595
ДОРОВСКИХ А.С., БРАЧКОВА Е. А. (БАРНАУЛ) КАЧЕСТВО И ДОСТУПНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ОЦЕНКАХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КГБУЗ «АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА»).....	596
ДОРОШЕНКО М.В. (МОСКВА) ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	598
ДОРОШЕНКО М.Ю. (БЕЛГОРОД) ГОСТЕВОЙ БРАК В РОССИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННОМУ БРАКУ	600
ДРОНОВА Е.Н. (БАРНАУЛ) РИСКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ.....	602
ДУБРОВА М.А., ПЕРВОВА И.Л., ДУБРОВА М. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И НКО В ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ	603
ДУГАРЖАПОВА Д.Б. (ИРКУТСК) ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ	604
Е ЧЖАОСЯ (ПЕКИН, КИТАЙ) ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ КИТАЯ К БРАКУ	606
ЕВДОКИМОВА Т.Г. (МОСКВА) СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ.....	606
ЕВЛЕГИНА А.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ КАК "ЗЕРКАЛО" СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ....	608
ЕВСЕЕВ Е.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НЕЧЕТКАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСПРОГРАММ	610
ЕВТУШЕНКО Г.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) КАЧЕСТВЕННЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ВЫБОРОВ.....	612
ЕГОРОВА Н.Ю. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЖИТЕЛЕЙ И СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ: ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА?	612
ЕЛИСЕЕВ С.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПЕРЕСМАТРИВАЯ ТЕОРИИ И ФАКТЫ.....	615
ЕРЁМЕНКО Д.В. (ВОЛГОГРАД) ПРОЦЕССЫ МАРГИНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	616
ЕФАНОВА Е.В., КОЖЕВНИКОВА О. В. (ВОЛГОГРАД) ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ	618

ЕФИМОВА Г.З., КИЧЕРОВА М. Н., ЕФИМОВА Г. З. (Тюмень) ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КВЕСТОВ)	619
ЖЕЛНИНА Е.В. (Тольятти) ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О СТРАНЕ В 2050 ГОДУ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	621
ЖИВЕНКО Н.В. (Калининград) ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСОВ МОЛОДЕЖИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	624
ЗАГАРСКАЯ Ю.С., ЛИТУНОВСКАЯ А. С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЛИЯНИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЕМЕЙНУЮ ПОЛИТИКУ	626
ЗАХАРОВА В.А. (Симферополь) РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕСПУБЛИКИ КРЫМ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА	626
ЗАХАРОВА Е.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПАТРИОТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	628
ЗБОРОВСКИЙ Г.Е. (ЕКАТЕРИНБУРГ) НЕЛИНЕЙНОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В МАКРОРЕГИОНЕ КАК ИННОВАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ.....	630
ЗЕЛЕНЕВ И.А. (МОСКВА) ДИНАМИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	631
ЗЕНИНА О.М. (БЕЛГОРОД) НИЗКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СРЕДИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСТРАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	633
ЗИННУРОВА Н.Р., ШАРАФУДИНОВА Т. И. (НОВОСИБИРСК) УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ТРУДА РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВУЗА	634
ЗЛОТНИКОВ А.Г., ЛОПАТОВА А. П. (ГОМЕЛЬ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СЕМЬИ	636
ЗЛОТНИКОВА Л.М. (ГОМЕЛЬ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ГЕНДЕРНАЯ КОМПОНЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.....	639
ЗОБКОВА Л.Д. (МОСКВА) ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ	641
ЗУЕВА Т.Ф. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) «ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ» К. МАРКСА И РАСПАД СССР.....	643
ЗЫКОВА А.А. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (ЗА 2014 – 2015 Г.Г.)	645
ЗЫКОВА О.В., ЛЮБИМОВА Е. А. (Тюмень) УПРАВЛЕНИЕ ЗАНЯТОСТЬЮ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДЕ ТЮМЕНИ	647
ИВАНОВ О.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ	649
ИВАНОВА О.В. (ВОЛГОГРАД) КЛУБЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ.....	651
ИВАНОВА Т.Н., ЖЕЛНИНА Е. В. (Тольятти) ОЦЕНКА НОВОГО ПРОФСТАНДАРТА РАБОТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	652
ИЛЬДАРХАНОВА Ф.А., АБДУЛЗЯНОВ А.Р. (КАЗАНЬ) СЕМЬЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	654
ИСАЕВА О.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ	656
КАВЕРИНА Е.С. (ВОЛГОГРАД) СЕМЬЯ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА	658
КАВЕЦКИЙ С.Т. (БРЕСТ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	659
КАДУШКИНА А.А. (ВОЛГОГРАД) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА.....	663
КАЗАКОВ С.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ).....	664
КАНЕВСКИЙ П.С. (МОСКВА) ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОББИЗМА КАК НЕФОРМАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ВЛАСТИ..	666
КАРЦЕВА Л.В. (КАЗАНЬ) БРАК КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ.....	668

КАСАРКИНА Е.Н. (САРАНСК) ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	670
КАТАЕВА В.И. (МОСКВА) СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ КЛАСТЕРНО-СЕТЕВОЙ МОДЕЛЬЮ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСЛУГ ..	673
КАЧКИН А.В., СУХОПАРОВ Е. Н. (УЛЬЯНОВСК) КОНВЕРГЕНЦИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	674
КАШИНА М.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) РОССИЙСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ДВИЖЕНИЕ ПО СПИРАЛИ ВВЕРХ ИЛИ ВНИЗ?	676
КВЕТЕНЬ Е.О. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РПЦ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РАБОТЕ С ДЕВИАНТНЫМИ ПОДРОСТКАМИ.....	679
КЕЙДИЯ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИНТЕРНЕТ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АКЦИИ "ЯНЕБОЮСЬСКАЗАТЬ" И ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛНОГО ЗАПРЕТА АБОРТОВ В ПОЛЬШЕ).....	680
КЕЛАСЬЕВ О.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ В ПРЕОДОЛЕНИИ НАРКОКОНФЛИКТОВ.....	682
КИЛИМОВА Л.В. (КУРСК) СОЦИАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРАКТИК ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ.....	683
КИРИЛИНА Т.Ю., БУЗМАКОВА Т. И., ЛАПШИНОВА К. В. (КОРОЛЁВ) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО НАУКОГРАДА.....	686
КИРИЛЛОВ А.В. (МОСКВА, РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ) РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ НЕДОВОЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2015 ГОДУ	688
КИРИЛЮК О.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ	691
КИСЛЕНКО И.Ю. (МОСКВА) ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	693
КИТАЙЦЕВА О.В. (МОСКВА) ПЕНСИОНЕРЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ	695
КЛЕЙМЕНОВ М.О. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕДРАБОТНИКОВ И ПАЦИЕНТОВ: ПРЕДМЕТНЫЕ ЗОНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ	697
КЛОЧКОВА А.В. (МОСКВА) ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	700
КОВАЛЕВ А. (МОСКВА) ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	701
КОВАЛЕВА Г.А. (ЧЕРЕПОВЕЦ) ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ НЕМЕДИЦИНСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. ЧЕРЕПОВЦЕ)	704
КОВАЛЁВА М.С. (КРАСНОДАР) МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА	706
КОВТУН Е.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВОСПРИЯТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ	708
КОГАЙ Е.А. (КУРСК) ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	710
КОГТЕВА Е.В. (КОРОЛЁВ) МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСМИССИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ.....	712
КОЖУХОВСКАЯ А.А. (ЧЕЛЯБИНСК) ВРЕМЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРОБЛЕМА ЕГО НЕДОСТАТКА У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	714
КОЗЫРЕВ А.А., ШАНГАРЕЕВА З. С. (АЛЬМЕТЬЕВСК) ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ В РФ	716
КОЛДУШКО А.А. (ПЕРМЬ) ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ.....	719
КОМАРОВА А.Н. (КУРСК) СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	720
КОНОВАЛОВА Е.И., КИЛИМОВА Л.В. (КУРСК) ИМИДЖ ГОРОДА КУРСКА ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	723
КОРЕНЬКОВА М.М. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ВЫЗОВЫ СЕМЕЙНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ НЕУКЛОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА	725
КОРКИНА К.А. (ТОЛЬЯТТИ) СТЕРЕОТИПЫ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТОЛЬЯТТИ)	727

КОРНЕВА Л.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ОБ ИНСТИТУТЕ ПРИЁМНОЙ СЕМЬИ	729
КОРОЛЕВА К.Ю., МАЗИКИНА С.Г., ЛЮТАЯ О.Н. (БЕЛГОРОД) ПОСТРЕАБИЛИТАЦИОННАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ ИНВАЛИДАМИ: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНКЛЮЗИИ.....	731
КОСОВА Д.А., БРУШКОВА Л. А. (МОСКВА) КУРЯЩАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ	732
КОСОЛАПОВА А.И. (САРАНСК) МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ.....	737
КОСТЕНКО В.В. (ОРЁЛ) ПРОТЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ	739
КОЧНЕВА М.С. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ ПАРФЮМЕРНЫХ ИЗДЕЛИЙ: СТИГМАТИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ	741
КРАЙНОВА О.С., АЛЛАХВЕРДОВА О. В., БОЖИЧКО П. Ф. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПЕРВИЧНАЯ ПРОФИЛАКТИКА КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ.....	743
КРИВОВИЧЕВА Е.Д. (САРАНСК) СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	745
КРОКИНСКАЯ О.К. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: В ОЖИДАНИИ НОВОГО ВЗЛЕТА ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	747
КРУГЛОВА А.Ю. (РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ) ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ ИСЛАМИСТСКИХ СТРУКТУР НА ЮГЕ РОССИИ.....	749
КРУТОВА Ю.А. (ВОЛГОГРАД) ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ	751
КУЗНЕЦОВ И.Е. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	754
КУЗНЕЦОВА П.Ю. (ПЕРМЬ) ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ)	755
КУЗНЕЦОВА С.И. (ЕКАТЕРИНБУРГ) СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ГЕНДЕРНЫЙ ПРОЕКТ: КАК ГЕНДЕРНЫЕ МУЖСКИЕ РОЛИ МЕНЯЛИ СВОЁ СОДЕРЖАНИЕ.....	757
КУЗЬМЕНКОВА А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ СЕМЕЙ, ВЗЯВШИХ ДЕТЕЙ ПОД ОПЕКУ, В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА.....	759
КУЛШОВА А.В. (МОСКВА) ПАРАДОКСЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ.....	760
КУЧЕНКОВА А.В., КОЛОСОВА Е. А. (МОСКВА) РАБОТНИКИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ, МЕДИЦИНЫ, КУЛЬТУРЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРОЯВЛЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ	763
КУЧИНСКАЯ Ю. (ПЕТРОЗАВОДСК) КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ	765
ЛАЗАРИЧЕВА С.Г. (МОСКВА) ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ.....	767
ЛАПИНА С.В., ДОМАСЕВИЧ И.В. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИДЕРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	769
ЛАПШИНА Н.Р. (ВОЛГОГРАД) ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	771
ЛАРИКОВА С.С. (ВОЛЖСКИЙ) ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	773
ЛАРИНА А.С., ГОРЧАКОВА С. А. (КУРСК) ПРОБЛЕМА ЧТЕНИЯ В ОСОБЕННОСТЯХ ВЫБОРА КНИГ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКИХ ЖИТЕЛЕЙ)	775
ЛАРШИНА Н.В. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТСМЕНОВ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (НА ОСНОВАНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НИЖЕГОРОДСКИХ СПОРТСМЕНОВ)	776
ЛАУКАРТ-ГОРБАЧЕВА О.В. (КАЗАНЬ) ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ.....	778

ЛЕБЕДЕВА Е.В. (Тула) ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И СОЦИУМ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	780
ЛЕВИН А.И., ЛЕВИНА Л. В. (Курск) ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ	782
ЛЕВЧЕНКО Н.В. (Москва) ПРОБЛЕМА ОБЕЗЛЮЖИВАНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)	784
ЛЕДЕНЦОВ Д.О. (Санкт-Петербург) ВЛИЯНИЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В ОТНОШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	786
ЛЕОНОВ А.К., РОМАНОВА А. А. (Благовещенск) СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА	788
ЛЕСИНА Л.А. (Екатеринбург) МУНИЦИПАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	790
ЛЕЦКО И.А., БЕНДРИКОВА А. Ю. (Барнаул) ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ ПОЖИЛЫХ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	792
ЛЕШУКОВА П. (Санкт-Петербург) КЛУБЫ ЭЛИТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОБЗОР	794
ЛЕЩЕНКО Л.А. (Волгоград) ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	796
ЛЕЩИНСКАЯ С.Н. (Сочи) СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА... ..	798
ЛИПАТОВА М.Е. (Москва) ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖЬЮ СВОЕГО БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	799
ЛИТИНСКАЯ Е.Ю., МАТЮШИНА Ю. Б. (Воронеж) СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РАБОТАЮЩИХ БЕДНЫХ В Г. ВОРОНЕЖ	801
ЛИТУНОВСКАЯ А.С. (Санкт-Петербург) ПОСЛЕДСТВИЯ СКРЫТОГО СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ДЛЯ РЕБЕНКА	803
ЛИХАЧЕВА О.Н. (Минск, Республика Беларусь) СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАК ФАКТОР ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ	804
ЛИХАЧЁВА С.Н. (Могилёв, Республика Беларусь) РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	805
ЛОГУНОВА М.Р. (Тула) ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	807
ЛУБСКИЙ Р.А. (Ростов-на-Дону) МЕНТАЛЬНАЯ МАТРИЦА НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ... ..	808
ЛУГОВАЯ А.В. (Москва) ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ	810
ЛУКЬЯНЧИКОВА Д.С., НИШНИАНИДЗЕ О. О. (Курск) РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ	812
ЛУШНИКОВА М.А. (Екатеринбург) ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ ОБЩНОСТИ К ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ.....	814
ЛЫСЕНКО И.С. (Санкт-Петербург) МЕДИАЦИЯ КАК МЕТОД УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	815
ЛЯДОВА А.В., ЛЯДОВА М. В. (Москва) ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ВРАЧЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ВРАЧЕЙ-ТРАВМАТОЛОГОВ ПО ОКАЗАНИЮ ЭКСТРЕННОЙ ПОМОЩИ)	817
МАВЛИКАСОВ А.Х. (Санкт-Петербург) ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ.....	819
МАЗАЙЛОВА Т.А., ДУРМАНОВА Т.Ю. (Барнаул) ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ	821
МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА С.Н. (Москва) КАК ОРГАНИЗОВАТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?.....	823
МАКАРОВА С.П. (Череповец) К ВОПРОСУ ОБ УВЕЛИЧЕНИИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ	824
МАКСИМОВА С.Г. (Барнаул) ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	826

Малахов Н.Е. (Уфа) Исторические аналогии современного социального положения России	828
Маликова Н.Р. (Москва) Социология как «зеркало» общественного мнения VS конструкта «агенты влияния»	830
Малышев А.Г. (Санкт-Петербург) Организационный потенциал распространения ответственного отцовства на Северо-Западе России.....	832
Малышко Я.О., Струкова К. С. (Курск) Вовлеченность курских студентов в волонтерскую деятельность	833
Мальцева А.А. (Тюмень) Дополнительное образование как способ профилактики негативной девиации	836
Маргулян Я.А. (Санкт-Петербург) Социальная политика как фактор развития человеческого капитала	838
Маркасова О.С. (Могилёв, Республика Беларусь) Некоторые факторы повышения репродуктивного потенциала современной семьи.....	841
Масленцева Н.Ю. (Екатеринбург) Социальная адаптация: госуслуга глазами безработных женщин	843
Матвеева М.Е. (Санкт-Петербург) Статистический анализ данных в сфере образования Ленинградской области в сравнении с Северо-Западным округом и Россией	845
Махиянова А.В. (Казань) Гендерный аспект оценки социально-экономических условий (на материалах Республики Татарстан).....	847
Медова Х.В. (Назрань) Семья-базовая основа государства	849
Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург) Социальная дифференциация как проблема современного российского общества: специфика и возможные пути решения	851
Меньшикова Г.А. (Санкт-Петербург) Процесс принятия политических решений как как мейнстрим современной управленческой науки	852
Меренков А.В. (Екатеринбург) Факторы, вызывающие положительные переживания молодых горожан в условиях кризиса.....	854
Милецкий В.П., Пименов Н. П. (Санкт-Петербург) Особенности политико-коммуникативных технологий предвыборной кампании 2016 года.....	856
Митюкова Е.А. (Балашиха) Трудности взаимодействия педагогов и родителей в условиях современного российского дошкольного учреждения	858
Михайлец Д.И. (Барнаул) Готовность к материнству студенток средних специальных и высших образовательных учреждений	859
Михайлов В.А., Михайлов С.В. (Тверь) Государственная идеология в истории России	860
Михашин О.Н. (Санкт-Петербург) Воздействие бюрократии на процесс социального обслуживания	862
Михеева В.В., Чупров В. И. (Москва) Связь социокультурных факторов с уровнем доверия в современном украинском обществе.....	863
Мозокина Е.С. (Санкт-Петербург) Снижение значимости института семьи в представлениях молодёжи, как результат сокращения осведомленности	866
Мокшин В.К., Шипелик О.В. (Архангельск) Социология о личности в системе социальных отношений	866
Мосиенко О.С., Овсенкова Ю.Г. (Ростов-на-Дону) Мотивация участников волонтерских движений.....	868
Москальчук Е.И. (Санкт-Петербург) Факторы легитимации международной консалтинговой деятельности неправительственных организаций	871
Мосягина Я.О. (Санкт-Петербург) Качество жизни населения Республики Мордовия	872
Мурашкин Д.Р. (Волгоград) Взаимодействие власти и общественного мнения в российском обществе	874
Мурашова А.А. (Санкт-Петербург) Избирательная активность молодёжи в российском обществе (на примере Санкт-Петербурга).....	876

Муфтахова А.Н. (Санкт-Петербург) К вопросу о жилищной стратификации мегаполиса (на примере г. Санкт-Петербурга).....	878
Мыльникова А.В. (Барнаул) Трансформация подходов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: вектор развития восстановительных практик	880
Нагач Т.А., Белгарокова Н. М. (Москва) Факторы безопасности детей дошкольного возраста	882
Назаретян Д.Г. (Волгоград) Социально-политический потенциал модернизации российского общества	884
Назарова Д.В. (Минск, Республика Беларусь) Социология в управлении: конфликт экспертов в вопросах реформирования социальной политики.....	886
Неваева Д.А. (Барнаул) Гражданская активность населения в современном российском регионе (на примере социологического исследования).....	888
Немировский В.Г. (Санкт-Петербург) Представления о справедливости в контексте структуры российского общества.....	890
Нечай Е.А. (Екатеринбург) Профессиональные планы студентов сквозь призму социологического воображения....	891
Николенко А. (Москва) Нравственный облик судьи: социологический анализ	894
Новикова Е.М. (Москва) Образовательные потребности молодых педагогов.....	896
Новикова С.Е. (Москва) Экономическая преступность в понимании Э. Сатерленда: историко-сравнительный анализ.....	898
Новоселова Е.Н. (Москва) Гендерные аспекты поведенческих практик здоровья.....	899
Обухова Ю.О. (Санкт-Петербург) Социотехническое воображаемое в современном российском обществе	901
Огарков А.А. (Волгоград) Социальная ответственность в системе кадровой безопасности.....	904
Ореховская Н.А. (Москва) Молодежная безработица как социальная проблема современного российского общества.....	906
Орлова О.Ю., Черезов Д. Н. (Санкт-Петербург) Системность социальной политики как предпосылка защиты прав ребенка в современном российском обществе	907
Осадчая Г.И. (Москва) Социологическое измерение интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе	909
Осипова М.Р. (Новочеркасск) Исследование ценностных ориентаций и мотивации работников предприятия современного российского малого бизнеса.....	915
Павенков В.Г., Бородина Л. Б., Аксенова В. А. (Санкт-Петербург) Организация патриотического воспитания в школе как форма политической социализации детей и подростков.....	917
Паламарчук К.О. (Санкт-Петербург) Социальная адаптация женщин-мигрантов в Санкт-Петербурге и в Турку (Финляндия)	919
Палибина А.С. (Саранск) Трансформация семьи как социального института	921
Пашкова В.А. (Курск) Мотивация выбора профессии студентами региона.....	923
Пашкова В.А. (Курск) Профессиональная самореализация женщины в представлении курских студентов	925
Певная М.В., Амбарова П.А. (Екатеринбург) Российское волонтерство в проблемном поле социологии управления.....	926
Первова И.Л., Келасьев В.Н., Ткаченко С.Л. (Санкт-Петербург) Неолиберализм в практике современной социальной политики и социального обслуживания населения	928
Пермякова Т.В. (Екатеринбург) К вопросу о типологии неполной семьи.....	930
Петельчук Е. (Санкт-Петербург) Эволюция концепции корпоративной социальной ответственности и решение социальных проблем	932

ПЕТРОВА И.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ	933
ПЕТРОВА М.Н. (ВОЛГОГРАД) СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН КАК ПОДХОД К ИДЕНТИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	934
ПЕТРОВА Н.Г., МИНУЛЛИН Т.И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ОБ УРОВНЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР БОЛЬНИЦЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)	936
ПЕТРОВСКАЯ Ю.А. (ПЕТРОЗАВОДСК) РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ	938
ПЕТРУШЕНКО Т.К. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД ОБЩЕСТВА.....	940
ПЕТРУШИНА А.К. (МОСКВА) ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	943
ПЕТУХОВА И.С. (ПЕТРОЗАВОДСК) СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ	945
ПИКУС О. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА	946
ПЛАТОНОВ К.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) АНТИПАТТЕРНЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЗНАНИЯ ОБ ЭКОЛОГИИ.....	948
ПЛЕШАКОВА А.В. (ВОЛГОГРАД) ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ, КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)	950
ПЛЮЩ А.Н. (КИЕВ, УКРАИНА) МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ	952
ПОДГОРНЫЙ А.С., КИЛИМОВА Л. В. (КУРСК) СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ.....	953
ПОДОРОВА-АНИКИНА О.Н. (УХТА) ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СМИ	955
ПОДПОРИНОВА Н. (БЕЛГОРОД) ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ	957
ПОДЪЯБЛОНСКАЯ Е.С., САВЧЕНКО И. А. (МОСКВА) ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДЕ МОСКВЕ.....	959
ПОДЪЯЧЕВ К.В. (МОСКВА) ИТОГИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2016 ГОДА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	960
ПОПОВА А.А. (МОСКВА) ПРЕКАРИАТ: НОВАЯ ФОРМА НЕРАВЕНСТВА.....	962
ПОСУХОВА О.Ю. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) ГЕРОИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	964
ПРОВТОРОВА Ю.Н. (ПЕТРОЗАВОДСК) СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ, ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ	966
ПРОКАЗИНА Н.В. (ОРЁЛ) РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ.....	968
ПРОНЧЕВ Г.Б., ГОНЧАРОВА И. В. (МОСКВА) НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПО ЗРЕНИЮ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	970
ПРОХОДА В.А. (МОСКВА) ДИСКРИМИНАЦИЯ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.....	972
ПУГАЧ В.Ф. (МОСКВА) СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА РОССИЙСКИХ ВУЗОВ.....	974
ПУГАЧЕВ М.Д. (БАРНАУЛ) ДОСТУПНАЯ СРЕДА ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ	976
ПУЗАРОВА Ю.А. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ НКО В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА.....	977
ПУТИЛИНА М.Ю. (МОСКВА) ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	980

РАГИМОВА Э.А. (МОСКВА) ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДОМОХОЗЯЕК: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОЛГОГРАДА)	982
РАХМАТУЛЛИНА З.Б., РАМАЗАНОВА А. Р. (УФА) ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СЕМЕЙНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ	984
РЕБРО Д.Д. (ВОЛГОГРАД) СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.....	986
РЕЗАНОВА Е.В. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	988
РОГОВА А.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В СОЦИОЛОГИИ.....	990
РОДИОНОВА Е.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЭТНИЧЕСКИЙ СТАТУС НАРОДОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ: ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.....	992
РОСЕНКО С.И., КУМПЕН А. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) КОНЦЕПЦИЯ КЛАССОВ Н. ПУЛАНЗАСА В КОНТЕКСТЕ НЕОМАРКСИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ.....	994
РОСТОВА А.В. (ТОЛЬЯТТИ) ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.....	995
РУБЦОВА М.В., ХЕМАЛАТХА НАРАЯНОМУРТИ, ПАВЕНКОВ О. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОРНИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: К СИНТЕЗУ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	996
РУДЕНКИН Д.В. (ЕКАТЕРИНБУРГ) КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА	999
РУППЕЛЬ А.Ф. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ФАРМАЦЕВТИКАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	1001
РУСАНОВА М.В. (АНГАРСК) ЗАВИСИМОСТЬ МОЛОДЕЖИ ОТ ON-LINE – ИГР КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	1003
РЫБАКОВА Л.Н. (МОСКВА) БЭБИ-БОКС В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ	1005
РЯБЦОВСКИЙ Г.В., БОЛХОВИТИНА Т. С. (БРЯНСК) КОНЦЕПТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	1007
РЯЗАНОВА М.Ю., РЯЗАНОВА Т. А. (НОВОСИБИРСК) ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА	1012
САВИН С.Д. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЭТНИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	1014
САВИНОВ Л.И. (САРАНСК) ОСНОВНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ....	1016
САВЧЕНКО И.А. (ЕГОРЬЕВСК) РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	1018
САЛО Е.П. (МОСКВА) ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ АССОЦИАЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ТРАДИЦИОННОЙ И НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ С ГОСУДАРСТВОМ В РОССИИ.....	1020
САМЫГИН С.И. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ И В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ.....	1023
СЕДОВА-БАХЕНСКАЯ М.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ.....	1024
СЕЛИВЕРСТОВА Н.И. (ОРЕНБУРГ) ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ	1026
СЕМЁНОВА В.В. (КРАСНОДАР) МЕХАНИЗМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ САМОСОЗНАНИЯ ЭТНОСА	1028
СЕМЕРИКОВА М.Г. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ.....	1029
СЕМЯШИНА И.А. (ТУЛА) ПРЕКАРИЗАЦИЯ РЫНКА ТРУДА КАК ОСТРАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ	1031

Сенченко И.Н., Мостовая И. В. (Ростов-на-Дону) Социологический анализ потенциала постурбанизации в современной России.....	1033
Сердюков Б.В. (Санкт-Петербург) Субъектность индивида в отношениях гражданской солидарности.....	1035
Серикив А.В. (Ростов-на-Дону) Патриотизм в менталитете жителей современной России	1037
Сидоров Д.С., Бандалиева А. М. (Санкт-Петербург) Методологическая триангуляция в вопросе энергопотребления: социально-технологический анализ.....	1039
Сизова И.Л. (Нижний Новгород) Основные индикаторы занятости лиц пенсионного возраста и особенности трудовых стратегий мужчин и женщин в современной России	1042
Сикевич З.В. (Санкт-Петербург) Общие и специфические особенности этносоциальных процессов в современном обществе	1044
Синица А.Л. (Москва) Рождаемость в арктических регионах Европейской части России в 1990-2015 годах ...	1046
Синицына Е.И., Кардаш О. И. (Волгоград) Первичная профилактика суицидального поведения среди студенческой молодежи	1048
Сиротина Т.В., Хакимова М. П. (Барнаул) Качество социального обслуживания людей с ментальной инвалидностью (оценка потребителей услуг)	1049
Сиушкина Н. (Петрозаводск) Проблема социального сиротства пожилых людей	1051
Скрипка Ю.С. (Москва) Влияние телевизионной рекламы на потребительское поведение столичной молодежи	1053
Смирнова А.Н. (Санкт-Петербург) Проблемы социального благополучия современной молодежи.....	1055
Смирнова Т.С. (Москва) Интеграция образовательного и воспитательного процессов при использовании информационных технологий	1056
Смолева Е.О. (Вологда) Социальное отчуждение в современной России	1058
Соколова М.К. (Москва) Престижность профессии инженера среди учащихся 9-11 классов	1059
Солдатов А.В., Голованова О.В., Батрак Е.В. (Санкт-Петербург) Социологический сектор в техническом вузе: проблемы, функции, перспективы	1061
Солдатов А.А., Солдатов А.В. (Санкт-Петербург) Особенности президентских выборов в США в 2016 году	1063
Соловей А.П. (Минск, Республика Беларусь) Особенности формирования социального самочувствия женщины-исследователя.....	1064
Соловьев А.К. (Москва) Проблема повышения пенсионного возраста в России как фактор обострения социальных конфликтов	1066
Соловьева С.Н. (Анапа) К вопросу об отношении студентов малого города к молодежным субкультурам	1067
Сорокин Н.С. (Санкт-Петербург) Влияние государства на реализацию социального партнерства в трудовой сфере	1069
Сорокина Н.Д., Николаева М. Е., Яримак С. К. (Москва) Массовое высшее образование: вызовы и угрозы ...	1071
Сосновская Н.А. (Минск, Республика Беларусь) Стратегии белорусской молодежи в сфере брачно-семейных отношений	1073
Сошнев А.Н., Сошнева Е. Б. (Санкт-Петербург) Современные социальные проблемы российского села	1074
Спирина Д.В., Ковалева Г. А. (Череповец) Гаджет-зависимости: есть ли гендерная разница?	1076
Старикив В.С. (Санкт-Петербург) Этносоциальное измерение конфликтного потенциала в академической среде: случаи вузов российских национальных республик.....	1079
Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь) Насилие в семье как социальная проблема: формы, последствия и пути устранения.....	1080

Столяров Д.В. (Минск, Республика Беларусь) Гендерная дискриминация как явление в рамках социальных институтов религии, семьи и образования	1082
Столярская Е.В. (Минск, Республика Беларусь) Основные противоречия самореализации молодежи	1084
Стрельникова Т.В. (Санкт-Петербург) Организационное самоуправление: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта	1086
Стрельцын М.И. (Санкт-Петербург) Проблема вандализма в современном российском обществе	1088
Строгнецкая Е.В. (Санкт-Петербург) Социологические предпосылки становления концепта «организационная культура»: известное и забытое	1090
Струкова М.Э. (Курск) Потенциал выпускников вузов в инновационном развитии региона (на примере Курской области).....	1092
Субботкина А. (Саранск) Показатели эффективности надомного социального обслуживания пожилых людей: региональный аспект	1094
Таширева М.А. (Санкт-Петербург) Последствия трансформации политической идентичности россиян на постсоветском пространстве	1096
Тевлюкова О.Ю. (Новосибирск) Формы духовного насилия в современном обществе	1098
Терентьев К.Ю. (Петрозаводск) Выпускник вуза на рынке труда: самооценка профессиональных перспектив	1100
Тимченко С.А. (Барнаул) Социальные ориентации студентов-первокурсников медицинского вуза	1101
Тищенко А.А. (Санкт-Петербург) Социальные проблемы учащейся молодежи	1102
Токарева Ю.М. (Волгоград) Социальные факторы риска развития сердечно-сосудистых заболеваний	1104
Толубаева Л.Т. (Пенза) Влияние гендерного аспекта на ценностные ориентации в процессе консолидации жителей Поволжья (по итогам социологического исследования)	1106
Тулчинский Г.Л. (Санкт-Петербург) Позитивизм и конструктивизм в социально-политических науках: пример политического протеста	1108
Туманова О.И. (Тверь) Общественная и государственная безопасность в системе стратегических национальных приоритетов.....	1110
Турьянский А.А. (Белгород) Теоретические аспекты коммуникативного инжиниринга как перспективной коммуникативной технологии на уровне местного самоуправления	1112
Тыканова Е.В., Хохлова А. М. (Санкт-Петербург) Ипотека в траекториях жизненных путей петербуржцев: биографические риски и возможности	1113
Урсу И.С., Мохоров Г. А., Шакарян Я. Э. (Санкт-Петербург) Морально-правовые предпочтения современной студенческой молодежи.....	1115
Ускова К.С., Токина В. А. (Волгоград) Значение сказкотерапии как технологии в работе с детьми, страдающими онкологическими заболеваниями	1117
Усматова З.Э. (Казань) Семья в системе ценностей, определяющих жизненные стратегии работающей молодежи моногородов Республики Татарстан	1118
Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург) Гендерные исследования в социологии политики	1120
Файзуллин И.Ф. (Уфа) Основные тенденции социальной группы безработных и проблемы ее сокращения	1122
Файзуллин Т.Ф. (Уфа) Сохранение экологического баланса как фактор укрепления здоровья населения	1125
Фатхуллин Ю.А. (Санкт-Петербург) Социокультурная адаптация мигрантов как фактор развития трудовых ресурсов	1126
Февральская М.А. (Оренбург) Причины и последствия развития идей сепаратизма в Западной Европе.....	1128
Фёдорова Т.Н. (Санкт-Петербург) Влияние кризиса на патриотическое самоощущение молодежи	1130

Филипова А.Г. (Владивосток) Социология детства в подготовке специалистов для работы с детьми.....	1132
Филиппова Т.И., Кононова О. В. (Санкт-Петербург) Опасность компьютерных игр как социальная проблема: взаимосвязь законодательной и научной публичных арен.....	1134
Фортунова М.Г. (Санкт-Петербург) Роль средств массовой информации в урегулировании национальных конфликтов в современной России	1138
Фролова А.С. (Ростов-на-Дону) Анализ дискурса профессиональной идентичности в советской прессе 20-30-х гг. XX в.....	1140
Фролова А.С., Попова О. А. (Ростов-на-Дону) Социокультурная адаптация и цифровая идентичность мигрантов: постановка проблемы.....	1142
Фролова Е.А. (Санкт-Петербург) Терроризм как социальная эпидемия. Социальная работа с людьми подвергшимися террористической атаке	1144
Харченко В.Д. (Краснодар) Внешние и внутренние факторы, обуславливающие специфику русского самосознания.....	1146
Хвоин Н.Н. (Санкт-Петербург) Трудоустройство бездомных граждан в Санкт-Петербурге	1147
Хмельёва А.А. (Санкт-Петербург) О необходимости формирования экологической культуры	1150
Холманова А.И. (Тула) Ценностные ориентации студенческой молодежи как показатель ее социальной адаптации в современном российском обществе	1152
Хорошилова А.В. (Курск) Малый бизнес как фактор развития регионов центрального Черноземья	1154
Цветкова Г.А. (Москва) Изменение территориального размещения пенсионеров России за последние двадцать пять лет	1156
Цветкова Г.А. (Москва) Общинное самоуправление в поддержании и сохранении здоровья крестьян	1158
Цыплакова Е.П. (Санкт-Петербург) Консенсус элит как фактор управления современными политическими процессами.....	1159
Чаплинская А.А. (Санкт-Петербург) Ценности молодёжи: традиционализм или готовность к инновациям?... ..	1161
Чернышова А.Г. (Королёв) Основные модели социальной политики.....	1162
Чернышова Е.В. (Новосибирск) Информационное перенасыщение как социальная проблема современного общества	1165
Черцова А.А. (Барнаул) Инклюзивное образование студентов с ограниченными возможностями здоровья: развитие и проблемы	1166
Числовский А. (Москва) Внутренние и внешние угрозы политической стабильности России: социологический анализ	1168
Чумак Н.А. (Волгоград) К вопросу об обучаемости современных студентов	1171
Чунихина Л.Д. (Санкт-Петербург) Возможности модернизации учебного процесса при помощи мобильных приложений	1173
Чурина Р.С. (Санкт-Петербург) Политико-правовые аспекты противодействия международному терроризму.. ..	1174
Шалькевич Н.И. (Иркутск) Трансформация семейных ролей в современной России	1175
Шаповалова А. (Ростов-на-Дону) Формирование профессиональной идентичности муниципальных служащих.....	1177
Шарова Е.Н. (Мурманск) Трансформационные процессы в системе высшего образования: анализ основных противоречий	1178
Шаронова А.А. (Москва) Спираль молчания: женщина и домашнее насилие	1180
Шевцов А.В. (Санкт-Петербург) О некоторых особенностях инструментария электоральной социологии	1183
Шевченко И.О. (Москва) Сводные семьи: отношения и проблемы.....	1185

ШЕКЕРА Е.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ФЕНОМЕН ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА В СОЦИОЛОГИИ ПРАВА.....	1187
ШЕЛЯПИН Н.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МЕСТО И РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФУТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ "АКСИОДЕМИЯ" А. ГИЛОЯНА)	1189
ШИБКОВ Ю. (МОСКВА) ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....	1192
ШИЛЬНИКОВА Л.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ	1195
ШИРОКАЛОВА Г.С. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА.....	1198
ШИШКИНА Е.В., ЛАВРОВА З. И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ У РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ.....	1199
ШЛЯПНИКОВ В.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	1202
ШОВКОМУД Д.С. (ИРКУТСК) АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ	1204
ШОРОГИН Е.А. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КАМИНГ-АУТА.....	1205
ШТАБИНА А.В. (НОВОСИБИРСК) ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ	1209
ШУБИНА Т.Ф. (АРХАНГЕЛЬСК) ФОТОГРАФИИ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ.....	1211
ШУКЛИНА Е.А. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ПАРТИЦИПАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ И МЕТОДИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ.....	1214
ШУНК Е.П., ЧУКАНОВА Т. В. (БАРНАУЛ) СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЛИЧНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	1215
ЩЕКОТИН Е.В. (ТОМСК) ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЕ	1217
ЩЕЛКОВА Т.В. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК РЕАКЦИЯ НА «ВЫЗОВЫ» СРЕДЫ	1219
ЩЕРБАКОВ Н.Ю. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ И ПРОФКОНСУЛЬТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ	1221
ЮРАСОВ А.Д., САПРЫКИНА И. Э. (МОСКВА) РИСКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	1223
ЯИЦКОВА А.И. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) ВЛИЯНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ.....	1225
ЯКОВЛЕВА А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ПРАКТИКЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	1227
ЯКОЛЕНКО А.Д. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИСТОЛКОВАНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	1229
ЯНАК А.Л. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МОНОРОДИТЕЛЬСКИХ ОТЦОВСКИХ СЕМЕЙ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ИХ СПЕЦИФИКИ И ПРОБЛЕМ	1231
ЯРМАК О.В. (СЕВАСТОПОЛЬ) ТЕЛЕФОННОЕ ИНТЕРВЬЮ ПО ТЕХНОЛОГИИ САТІ: ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА МЕТОДА.....	1233
СЕКЦИЯ 4. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО: ТРАДИЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	1236
АБРАМОВА С.Б. (ЕКАТЕРИНБУРГ) БЕДНОСТЬ В ПЕРИОД КРИЗИСА: ЦЕННОСТНЫЕ СДВИГИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОЦЕНОК	1236
АНДРОС И.А. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	1238
БОДЯНСКАЯ С.Ю., ФИЛИПОВА А. Г. (ВЛАДИВОСТОК) ПОДРОСТКИ И ПОТРЕБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПРОДУКЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	1239
БОРИСКИНА М.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ МОДНОЙ ИНДУСТРИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА	1241
ВАРАВКИНА А.В., САВЧЕНКО И. А. (МОСКВА) ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА..	1242

Васильев В.П. (Москва) Социология государства и экономика: междисциплинарные области взаимодействия	1244
Васильев М.В. (Москва) Анализ теоретических и методологических основ деятельности рабочих групп в современных организациях	1246
Веселов Ю.В. (Санкт-Петербург) Экономика и общество в работах М.М. Ковалевского	1247
Власова С.А. (Орёл) Человеческий фактор в системе обеспечения информационной безопасности корпорации: механизм социального управления	1249
Волкова К.В. (Санкт-Петербург) Влияние экономического фактора на отношение к здоровью учащейся молодежи	1251
Голохвастов Д.В. (Санкт-Петербург) Социологический подход к определению и оценке доверия рыночных агентов	1253
Голубева К.А. (Москва) Влияние финансовой грамотности населения на экономический рост страны	1255
Голубкова О.А., Гусева О.Л. (Санкт-Петербург) Сравнительный анализ мотивов к труду у российской и американской молодежи в ресторанном бизнесе	1257
Гонашвили А.С. (Санкт-Петербург) Политическая экономия труда: предмет и его специфика	1259
Горелова И.В. (Волгоград) Разработка муниципальных стратегий: что делать и кто виноват	1260
Горчакова Д. (Москва) Неоинституционализм – социальное направление экономической науки в условиях глобализации	1262
Горячева К.Е. (Москва) Российский социальный капитал в условиях трансформации социально-экономического развития	1264
Данилова Е.О. (Волгоград) Человеческий капитал в социально-экономическом пространстве российских городов: особенности внешней трудовой миграции	1267
Дерюгин П.П., Сивоконь М. В., Панкратов В. О. (Санкт-Петербург) Ценностно-целевая диагностика корпоративных организаций	1268
Дудина И.М., Круглова В.С. (Ярославль) Исследование кредитного поведения молодежи г.Ярославль	1270
Еремичева Г.В. (Санкт-Петербург) Прекаризация трудовых отношений в России	1271
Ефимов А.М. (Санкт-Петербург) Стиль жизни фрилансеров-совместителей в российских мегаполисах	1273
Злотников А.А., Злотников А. Г. (Гомель, Республика Беларусь) Социология пенсии: российский и белорусский полходы	1275
Ивчик В.В., Ивчик Т.В. (Горки, Республика Беларусь) Бизнес-философия «Кайдзэн» и особенности ее применения в Беларуси	1279
Ильин В.И. (Санкт-Петербург) Модели потребления как подсистемы моделей капитализма: кризисная трансформация	1281
Ишмухаметов Н.С. (Уфа) Некоторые вопросы потребительского поведения и моделей потребления домохозяйств	1283
Калугина Д.А., Попова И. Н. (Екатеринбург) Оценка условий для развития малого бизнеса в России: результаты социологического исследования	1284
Карапетян Р.В. (Санкт-Петербург) Наемный труд и российское государство: за гранью компромисса	1286
Карапетян С. (Санкт-Петербург) Подходы к анализу молодежного рынка труда России в условиях современного кризиса	1288
Касабуцкая М.С. (Санкт-Петербург) Изменение социально-трудовых отношений: социально-исторический анализ ориентации на развитие интеллектуального капитала компаний	1289
Касимов М.З. (Санкт-Петербург) Некапиталистический характер российской экономики и использование западных экономических теорий для анализа её проблем	1291
Квачев В.Г. (Москва) Субъективный критерий при идентификации среднего класса	1294

КИБАКИН М.В. (МОСКВА) СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	1295
КЛИМЕНКО Л.В. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССВИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	1297
КЛЮЧАРОВ Г.А. (МОСКВА) НАУКОЕМКИЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	1299
КОБЯК О.В. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НОВЫМИ МЕТОДАМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	1301
КОМЕЛЬКОВА И.А. (ПЕРМЬ) СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ Г. ПЕРМИ...	1302
КОРЫТНИКОВА Н.В. (ХАРЬКОВ, УКРАИНА) ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА ОНЛАЙН-ОПРОСА В СОЦИОЛОГИИ И МАРКЕТИНГЕ	1306
КУЗЕВАНОВА А.Л., САГАЙДАК В. А. (ВОЛГОГРАД) СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА И ПОЛИТИКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ИМИДЖА БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	1308
КУЛИКОВ А.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВОЗДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	1310
ЛАБАДЗЕ О.Е. (НОВОЧЕРКАССК) КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	1311
ЛЕСИНА Л.А. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА	1313
ЛИХАЧЁВ Н.Е. (МОГИЛЁВ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ	1315
МАЛИНИНА Т.Б. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: МЕРА ТРУДА И МЕРА ПОТРЕБЛЕНИЯ.....	1317
МАЛЬЦЕВА Н.В. (ТЮМЕНЬ) ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	1319
МАСКАЕВ А.И. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕКАРИТИЗАЦИИ ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ.....	1321
МАТВЕЕВА А.Р. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОФИСА КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА.....	1323
МАШКИНА Д.И. (УФА) СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ	1325
МИЛЛЕР Н.В., ДАВИДЕНКО Л. М. (ОМСК) МЕХАНИЗМЫ ЭВОЛЮЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ПО РАЗВИТИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	1327
МИНЕЕВА А.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МОДНЫЙ ТРЕНД ИЛИ НОВАЯ МОДЕЛЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ?	1330
МИЩЕНКО А.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ:ВОЗМОЖНЫЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ЕЁ ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ	1331
МОГИЛЬЧАК Е.Л. (ЕКАТЕРИНБУРГ) НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	1333
МОИСЕЕВА Д.В., ДУЛИНА Н.В. (ВОЛГОГРАД) ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	1334
МОИСЕЕВА Е.О., АРАКЕЛЯН А.А. (МОСКВА) ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ	1336
НИКИФОРОВА О.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА: ПОНИМАНИЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ	1339
ОГУРЦОВА А.Ю., НИШНИАНИДЗЕ О. О. (КУРСК) МИГРАЦИОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК ИНДИКАТОРЫ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ	1341
ОРЛИК Е.Н. (ВЛАДИМИР) ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ.....	1342

ПЕТРОВ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ЕГО ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ: ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	1345
ПИМЕНОВА В.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	1346
ПИСЬМЕННАЯ Е.Е., АНОШКИНА М. С., АБРАМКИНА М. О. (МОСКВА) ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	1348
ПОДГОРНАЯ К.С. (ТОЛЬЯТТИ) СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ Г. ТОЛЬЯТТИ	1350
ПОКРОВСКАЯ Н.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИССЛЕДОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЦЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	1352
ПОКРОВСКАЯ Н.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ: ВОПРОС ЗАМЕНЫ ФУНКЦИЙ И СТРУКТУР.....	1354
ПОЛТАВСКАЯ М.Б., КУЗНЕЦОВА О. В. (ВОЛГОГРАД) САМОЗАНЯТАЯ МОЛОДЁЖЬ ВОЛГОГРАДА: МОТИВАЦИЯ И ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ ФРИЛАНСЕРОВ	1356
ПОЛТАВСКАЯ М.Б., РЕЗНИКОВА Е. С. (ВОЛГОГРАД) СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОПЫТ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	1358
ПОЛЯНИЧКО В.В. (МОСКВА) СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	1359
РОМАНОВА В.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЦЕЛЕВАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ СЕТЕВОЙ СТРУКТУРЫ КЛАСТЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ПРИМЕРЕ СПБГМТУ.....	1361
РУБЦОВА Т. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СВАДЬБА «ПОД КЛЮЧ»: СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЫНКА ОРГАНИЗАЦИИ СВАДЕБ.	1364
САДОМСКАЯ В.С., ПОЛТАВСКАЯ М.Б. (ВОЛГОГРАД) РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В СТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОЦИОЛОГИЯ БРЕНДА И BRAND COMMUNITIES	1367
САЧУК Д.И. (ПЕТРОЗАВОДСК) РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА НА ФОНЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ	1368
СИМАКОВА А.В., КЕККОНЕН А. Л., ФЕДОРОВА Е. А. (ПЕТРОЗАВОДСК) ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПЕРИФЕРИЙНОГО СТОЛИЧНОГО ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА	1370
СМЕЛОВА А.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	1373
ТАРАНДО Е.Е. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) В.Я.ЕЛЬМЕЕВ КАК ОСНОВАТЕЛЬ НОВОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИИ СОБСТВЕННОСТИ.....	1375
ТКАЛИЧ М.А. (КОРОЛЁВ) ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ	1377
ТУРАКАЕВ М.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СЕЛЬСКАЯ ВАХТОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	1379
УНЕСИХИН В.Р. (ПЕРМЬ) СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА	1381
УРАЗГАЛИЕВ В.Ш. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ БЛАГ	1383
ХВЕДЕЛИДZE К.Ш., ЧЕРНОБРОВКИНА О. Г. (ЕКАТЕРИНБУРГ) О ПРЕОБЛАДАЮЩЕМ ТИПЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ.....	1385
ХОЛОДЕНКО Ю.А. (МОСКВА) СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА.....	1387
ХУСНУТДИНОВА М.Р. (МОСКВА) КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЗАРПЛАТЫ УЧИТЕЛЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА	1388
ЧЕРНЯГИНА О.С., ПОДГОРНЫЙ А. С., КИЛИМОВА Л. В. (КУРСК) ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КОРЗИНА. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУРСКОЙ СЕМЬИ	1390

ШИЛЯЕВА А.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	1392
ЩЕРБАКОВА Л.И. (НОВОЧЕРКАССК) ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.М.КОВАЛЕВСКОГО	1394
ЯГАФАРОВА Д.Г. (УФА) УРОВЕНЬ ДОХОДОВ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	1397
СЕКЦИЯ 5. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	1400
MORAWICKI J. (Лодзь, Польша) К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ЛОДЗИ И КРАКОВА: ПОПЫТКА ТИПОЛОГИИ	1400
TEZİC(ТЕЗИЧ) М. (АНКАРА, ТУРЦИЯ) «ГЭСЭР» МИФО - СИМВОЛИЧЕСКОЕ КОНСТРУИВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БУРЯТИИ	1403
АБРОСИМОВА Н.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) «ФОТОГРАФИЯ В ПУТЕШЕСТВИИ»: ЭЛЕМЕНТЫ ПРОГРАММЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВОГО ЭТАПА НЕЗАВИСИМОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ	1404
АЛЛАХВЕРДОВА О.В., ШЭ ЛИНЬ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	1406
АНДРИЯНОВА Т.В. (КУРСК) СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАЧЕСТВОМ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КУЛЬТУРЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ	1409
АРЕФЬЕВ М.А., ДАВЫДЕНКОВА А.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗМА	1411
БАЛИЧ Н.Л. (МИНСК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ И РУССКИХ (НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ).....	1413
БАСИМОВ М.М. (МОСКВА) МЕТОД РЕФЛЕКСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, РЕАЛИЗУЕМЫЙ ЧЕРЕЗ МНОЖЕСТВЕННОЕ СРАВНЕНИЕ	1416
БЕСПАЛОВА П.А., БУРМИСТРОВА М. С., ИВАНОВА А. О., РАЕВСКАЯ М. Д. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВЕГЕТАРИАНЕЦ СРЕДИ "ДРУГИХ".....	1420
БИКМЕТОВ Е.Ю. (УФА) ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ .	1421
БОЧАРОВА А.С. (БАРНАУЛ) ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ШКОЛЕ	1423
БУХТИЯРОВА И.Н. (МОСКВА) ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	1425
БУШИНА Е. (МОСКВА) СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ЦЕННОСТЕЙ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ.....	1426
ВАНЕВСКАЯ П.Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) "ДОМ ВДАЛИ ОТ ДОМА": АНТИКАФЕ КАК ФОРМА ДОМЕСТИКАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА.....	1428
ВАСИЛЬЕВА Д.А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	1430
ВЕРШИННИНА И.А. (МОСКВА) МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	1431
ВОЙТЕНКО В.П. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ.....	1433
ВОЛЧКОВА Л.Т. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) КУЛЬТУРА, ГАРМОНИЯ И СОЛИДАРНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ АКТОРОВ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ.....	1436
ВЯЛЫХ Н.А. (РОСТОВ-НА-ДОНУ) ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ	1438
ГРОШЕВА Л.И., ХАНБЕКОВ Э. Р. (ТЮМЕНЬ) ВЫЗОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЗАКРЫТОГО ТИПА	1440
ГРУНТ Е.В., ЛЕЕНАФ О. (ЕКАТЕРИНБУРГ) ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ЭМИГРАНТАМИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ	1441
ГУКОВ П.С., ГУКОВ П. С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИГР И МУЗЫКИ	1443
ГУРЕВИЧ М.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) АККУЛЬТУРАЦИЯ НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ, ПРИЕХАВШИХ В СПБГУ ПО ЛИНИИ МЕЖВУЗОВСКОГО ОБМЕНА.....	1446

Данилова Е.А. (Ольденбург/Минск, Германия/Беларусь) Социокультурная идентичность молодежи Беларуси в условиях государственного суверенитета и влияния глобализации.....	1448
Дашибалова И.Н. (Улан-Удэ) Социокультурная дифференциация бурят в измерении влияния киноидеологии	1449
Дегтярев А.К. (Ростов-на-Дону) Российская идентичность в контексте глобализации.....	1452
Демиденко А.С. (Ростов-на-Дону) Миграционные установки молодежи России и социальные последствия их реализации.....	1454
Дергунова Н.В. (Ульяновск) Вопросы методологии изучения динамики этнокультурной идентичности русскоязычной молодежи, эмигрировавшей за рубеж (постановка проблемы)	1456
Дивисенко К.С., Дивисенко О. В. (Санкт-Петербург) Феномен реинтерпретации личной истории в биографическом нарративе	1458
Дроздова Ю.А. (Волгоград) Модели миграционных процессов в Волгоградской области	1460
Злотников А.Г., Смалюга А. К. (Гомель, Республика Беларусь) Фильтр миграции: молодые - на Запад, зрелые - на Восток, пожилые - домой.....	1462
Зобов Р.А. (Санкт-Петербург) Культура и цивилизация как компоненты развития современного общества	1465
Кальян С.Е. (Полтава, Украина) Некоторые аспекты национально-этнической самоидентификации личности..	1466
Кардинская С.В. (Санкт-Петербург) Конструирование этнической идентичности в социальных сетях Санкт-Петербурга	1468
Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург) Молодежь и кризис: гендерный аспект.....	1469
Коркия Э.Д. (Москва) Социологический контекст концепта «культура»	1470
Куропятник А.И. (Санкт-Петербург) Культура и идентичность в условиях мобильности	1472
Куропятник М.С. (Санкт-Петербург) Культура коренных народов в контексте глобализации	1474
Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург) Смысл исторического познания в условиях социокультурных изменений: позиция учащейся молодежи	1474
Лактюхина Е.Г. (Волгоград) «Новое родительство»: постановка проблемы	1476
Ларионова И.В. (Казань) Проблемы социокультурной идентичности личности в России XXI века	1477
Лисицын П.П., Резаев А.В., Трегубова Н.Д. (Санкт-Петербург) Сравнительный анализ каузальных механизмов не-возникновения этносоциальных конфликтов в академической среде (случаи СПбГУ и АУниверситета Калифорнии, Лос-Анджелес)	1479
Лубский А.В. (Ростов-на-Дону) Ментальные программы и социальные практики повседневности: методология мультидисциплинарных социологических исследований	1480
Лузина Т.И., Орнатская Л. А. (Санкт-Петербург) Единство и многообразие культур: возможности межкультурного диалога	1482
Мавликасов А.Х. (Санкт-Петербург) Историко-культурный подход в изучении электорального поведения россиян	1484
Маликова Н.Р. (Москва) Этносоциальные идеи поиска позитивной стратегии межкультурного взаимодействия: вековая традиция, современные инновации	1486
Малолетнева И.В. (Москва) Межкультурная коммуникация как проблема обучения в глобальном мире	1488
Маркеева А.В., Гавриленко О. В. (Москва) Корпоративная культура глобальной организации VS корпоративная культура, основанная на национальных деловых традициях.....	1490
Мартынова Ю.А. (Уфа) Гендерные стереотипы как фактор трансформации социального института семьи.....	1492
Микиденко Н.Л., Сторожева С. П. (Новосибирск) Межкультурная компетентность и восприятие культурных различий школьниками старших классов.....	1494

Милукова И.А., Артемьева У. Н. (Петрозаводск) Классическая музыка в жизни студенческой молодежи Республики Карелия.....	1496
Минина В.Н., Снопина С.М., Демидова И.Д. (Санкт-Петербург) Петербургская идентичность в практиках культурного потребления горожан.....	1497
Митрофанова Е.С. (Москва) Трансформация перехода во взрослую жизнь в условиях глобализации	1499
Моргунов Е.В. (Москва) Актуальные вопросы государственной национальной политики России	1503
Омельницкая Н.В. (Королёв) Исследование барьеров нравственной социализации современной российской молодежи.....	1505
Омельченко Д.А. (Барнаул) Этническая идентификация в многонациональном обществе (пример Алтайского края).....	1507
Павенков О.В. (Санкт-Петербург) Мультисемиотический анализ религиозного дискурса: вопросы методологии.	1508
Панич Н.А. (Москва) Образовательная миграция в изменяющемся мире (на примере иностранных учащихся Московских вузов)	1510
Пацукевич О.В. (Горки, Республика Беларусь) Особенности белорусской социокультурной идентичности	1512
Петрова Т.Э. (Москва) Социологи о студенчестве	1514
Пименова О.И., Перетыкина С. А. (Екатеринбург) Фотографии как средство самопрезентации старших школьников в социальных сетях.....	1516
Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург) Социально-психологическое благополучие молодежи как социологическая проблема	1518
Посухова О.Ю. (Ростов-на-Дону) Проблемы национальной консолидации и интеграции в российском обществе.....	1521
Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь) Влияние глобализации на функции государства.....	1523
Прохода В.А., Клейменова Е. В. (Москва) Отношение к мигрантам жителей европейских государств	1525
Ракачев В.Н. (Краснодар) Образ Беларуси сквозь призму авто- и гетеростереотипов: результаты социологического исследования	1527
Ракачева Я.В. (Краснодар) Миграция в зеркале общественного мнения жителей Юга России	1529
Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург) Кризис мультикультурализма	1531
Рахматуллина З.Б. (Уфа) Культурно-мировоззренческий цикл как путь реализации компетентностного подхода	1532
Реутов Е.В., Тришина Т.В. (Белгород) Межличностное доверие и удовлетворенность коммуникативной средой в регионе.....	1535
Салистая Г.С. (Москва) Ценностные установки потребителей индустрии красоты в условиях глобализации	1537
Сароян Я.О. (Курск) Престиж учительства как социально-профессиональной группы (на примере Курской области).....	1538
Сидоров Д.С., Чечикова С. В. (Санкт-Петербург) Потребление алкоголя и сигарет как часть стиля жизни: гендерный аспект	1540
Смирнова Н.В. (Волгоград) Мигранты в социокультурной среде современного города: социологический анализ.....	1543
Смирнова С.В. (Сыктывкар) Глобальные вызовы современности и модернизация образования как направление социокультурных изменений.....	1544
Смолина Е.Г. (Волгоград) Сетевая идентичность молодежи: проблема пластичности и неустойчивости в условиях глобализации	1546
Смольникова Л.В., Покровская Е. М., Колесник А. В. (Томск) Институт Кураторов как площадка для взаимодействия с образовательными мигрантами.....	1548

Соколова Д.А. (Владивосток) Социокультурные и социоэкономические аспекты адаптации внешних трудовых мигрантов на Дальнем Востоке России.....	1550
Старых Н.П. (Орёл) Социальный портрет внешнего российского эмигранта.....	1552
Степанов А.М. (Санкт-Петербург) Русские в Америке или американцы из России: по результатам эмпирических исследований	1554
Суслова Т.И., Фирсова Л.В. (Томск) Формирование модели комфортного межэтнического взаимодействия в культурно-образовательном пространстве университета.....	1555
Тамразян Н.А. (Барнаул) Социальное сиротство как проблема современного общества: мнения русской и армянской молодежи.....	1557
Тартыгашева Г.В. (Улан-Удэ) Роль государства в формировании регионального культурного пространства	1559
Тимофеева Е.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) Культурная динамика французского национального общества	1561
Трапш Н.А. (Ростов-на-Дону) Криминальная специализация этнических общин современного мегаполиса как специфическое отражение профессиональной идентичности	1563
Трегубова Н.Д., Степанов А.М. (Санкт-Петербург) Влияние университетских политик на межэтническое и межрегиональное общение студентов: случаи Казани и Киева.....	1565
Трофимов С.В. (Москва) Глобализация и религия: невыученные уроки Ю.Хабермаса.....	1566
Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург) Дресс-код в вузах России: идентичность однообразия и дисциплинарности .	1567
Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург) Чеченская идентичность в городской топонимике Грозного.....	1569
Фаткуллина Г.Р. (Уфа) Отражение воздействия телевидения на аудиторию в научной литературе	1570
Фурцева В.Ю., Пятова М. А. (Москва) Роль миграции в политике мультикультурализма в современной Германии	1573
Царева А.В. (Санкт-Петербург) Социальные эффекты современных компьютерных игр.....	1574
Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург) Биографические нарративы о поисках идентичности в эпоху социально-культурных изменений	1576
Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург) Маргинальность как форма социокультурной адаптации молодежи в обществе риска.....	1578
Черепанова М.И., Сарыглар С. А., Неваева Д.А., Курбонов Ф.А. (Барнаул) Иммиграционные установки населения приграничных регионов России	1580
Шапаров А.Е. (Архангельск) Миграционный кризис и существование общеевропейских ценностей	1582
Шведовский В.А., Стандрик А. С. (Москва) Измерения культурной идентичности Востока и Запада: эволюционный (диахронный) подход к построению индекса.....	1584
Шимица М.А., Ветюгова И. П. (Нижний Новгород) Проблема культурной ориентации студентов технического вуза	1586
Шупенько Т.И. (Минск, Республика Беларусь) Современные тенденции использования потенциала диаспор (глобализационный контекст)	1588
Шушунова Т.Н. (Минск, Республика Беларусь) Феномен селфи как способ коммуникативного воздействия ..	1590
Щеклачева Т.В. (Новосибирск) Иноэтнические мигранты и принимающее общество: взаимные представления и влияние на взаимодействие.....	1593
МАТЕРИАЛЫ ТЕМАТИЧЕСКИХ СЕКЦИЙ	1595
Винер Б.Е. (Санкт-Петербург) Зачем нужны научные общества?	1595
Илле М.Е. (Санкт-Петербург) География российской социологической периодики	1597

БОРОНОВ А.О. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА/АССОЦИАЦИИ: СПЕЦИФИКА И НАЗНАЧЕНИЕ.....	1601
КУЗИВАНОВА О.Ю. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА В РОССИИ В XXI ВЕКЕ	1604
КУКУШКИНА Е.И. (МОСКВА) РЫЦАРЬ ИСТИНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ МАКСИМА МАКСИМОВИЧА КОВАЛЕВСКОГО	1606
ЛОМОНОСОВА М.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	1608
БОГОМЯГКОВА Е.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ ФОРМ НЕРАВЕНСТВА. ПОСЛЕДСТВИЯ И ВЫЗОВЫ "ПОВОРОТА К БИОЛОГИИ.....	1610
ИВАНОВ Д.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ТРЕНДЫ В СОЦИОЛОГИИ XXI ВЕКА	1612
АМИРХАНИЯ А.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ТУБЕРКУЛЕЗА СРЕДИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.	1613
БОРОДКИНА О.И., АМИРХАНИЯ А. Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ).....	1615
ИВАНОВА М.М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МИГРАНТОВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.....	1617
ИВАШКИНА Ю.Ю. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: УСПЕШНЫЙ ОПЫТ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	1620
КАМНЕВА А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЖЕНСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ.....	1622
ПАНКРАТОВА Л.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МИГРАЦИЯ И СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В РОССИИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	1624
РЕХТИНА Л.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) РОЛЬ ДОВЕРИЯ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ СООБЩЕСТВ*..	1625
РОМАНЕНКО В.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖЕНСКОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ	1627
СОКОЛОВ Н.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИДЕНТИФИКАЦИЯ МИГРАНТА КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ИССЛЕДОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	1629
ТАВРОВСКИЙ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ИНДЕКС ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ MIREX: ОЦЕНКА СИТУАЦИИ В РОССИИ ...	1631
ШЕНДРИКОВСКАЯ А.В., ЭПЕЛЬ Е. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУПП)	1632

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Осипов Г.В. (Москва)

Мы, социологи, как и ученые в целом, стоим на плечах гигантов. Этот предложенный Исааком Ньютоном образ развития науки, фундаментом которой являются достижения предшественников, как нельзя лучше подходит для характеристики российской социологии. В России одним из таких гигантов был М.М. Ковалевский.

Великая заслуга Русского социологического общества имени Ковалевского заключается в издании корпуса трудов и увековечивании вклада этого выдающегося ученого в российскую и мировую науку. Можно без преувеличения сказать, что без основанной М.М. Ковалевским традиции социология в России не была бы возможной.

В наши дни российская социология имеет высокий статус. 14 ноября отмечается день социолога – единственный в мире профессиональный праздник представителей этой дисциплины. С 2001 года присуждается премия имени М.М. Ковалевского.

На мой взгляд, было бы правильным в этот юбилейный для Общества год поставить вопрос об учреждении Большой золотой медали имени М.М. Ковалевского, тем самым отметив его неопределимый вклад в развитие российской социологии. Если будут подготовлены соответствующие документы, я, со своей стороны, готов их представить на Президиуме РАН.

Социология М.М. Ковалевского и его последователей представляет собой важный этап в развитии российской социологии, отвечавший задачам, которые стояли в то время перед социальной наукой.

Н.И. Кареев рассматривал в качестве одного из самых значительных достижений М.М. Ковалевского преодоление господствовавших в его время в российской социальной науке метафизических построений, восходящих к немецкой идеалистической философии, и принятие более эмпирических установок, характерных для французской и английской социологии[1].

Размежевание философского и социально-научного знания представляет собой то, что я называю «вторым большим водоразделом» в развитии науки, поскольку первый характеризует отделение от философии естественнонаучного знания[2].

Однако времена меняются и перед социологией встают новые задачи, которые требуют ее перехода на новый уровень развития. Наблюдаемая в наши дни ускоренная трансформация социальной реальности несет с собой не только новые возможности, но также новые угрозы и риски, с которыми человечество еще не сталкивалось.

Анализ новой социальной реальности и ее конструирование в интересах человека и общества является приоритетной задачей современной социологии.

На наших глазах происходит становление электронно-цифровой цивилизации, важнейшей характеристикой которой является возникновение планетарной социосистемы. Современные технологии, устранив пространственно-временные ограничения для коммуникации, фактически превратили человечество в единый социальный организм, все элементы которого взаимосвязаны и взаимозависимы в рамках единой коммуникационной среды, что порождает сложные сетевые взаимодействия.

Однако превращение человечества в «единую глобальную деревню», по выражению одного из первых теоретиков электронного общества Маршалла Маклюэна, отнюдь не делает его более сплоченным, а совсем наоборот, обеспечивает, - как полагал Маклюэн, - полное несогласие по всем вопросам[3].

Причина этого, на мой взгляд, заключается в том, что в связи с переходом к электронно-цифровой стадии происходит обострение двух базовых противоречий, присущих динамике человеческой цивилизации. Первое из них, «культурное отставание», проявляется в рассогласовании ускоренного технологического развития и более медленной трансформации культурных паттернов и общественной морали.

Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) открывают для огромных масс людей доступ к самым разнообразным образцам культуры, однако одновременно происходит снижение содержательного и эстетического уровня создаваемой культурной продукции в условиях доминирования массовой культуры, основанной на ценностях неограниченного потребления и космополитизма. Внедрение этих ценностей через электронные СМИ размывает традиционные представления людей о своей истории, культуре, идентичности,

подрывает основы общественной жизни. Те же современные ИКТ, предоставляя мгновенный выход на огромную аудиторию, становятся инструментами распространения радикальных идеологий, основанных на вражде и ненависти, инструкций по террористической деятельности, сцен жестокости и насилия.

Например, нанотехнологии как часть современной цивилизации, работающие на молекулярном уровне, создают продукты с заданной атомной структурой путём контролируемого манипулирования отдельными атомами, молекулами и наночастицами. По сути они ориентированы на решение конкретных проблем общества за счет создания новых веществ, не имеющих аналогов в природе.

По аналогии можно сказать, что современные социальные технологии в совокупности с ИКТ – это система методов управления сознанием людей в целях создания тех или иных аспектов социальной реальности, и в целях реализации позитивных и негативных интересов различных социальных групп. В данном случае это не просто манипулирование сознанием, а осознанное целенаправленное управление им.

Для упрощения решения данной задачи используется социальный хаос. С возрастанием энтропии и поглощением внедряемой информации обществом происходит ее включение в социальную проекцию.

Например, поспание устоявшихся духовных ценностей происходит на уровне роста русофобии и нивелирования исторической памяти, через поругание мемориальных памятных мест Великой Отечественной войны 1941-1945 года.

Развитие киберпреступности, в частности, совершенствование средств взлома компьютерных сетей несет риск не только для репутации политиков, но и создает непосредственную угрозу для объектов жизнеобеспечения, атомной энергетики, других потенциально опасных объектов.

Таким образом, характер использования достижений цивилизации напрямую зависит от установок и ценностей людей, изучение которых входит в функции социологии.

Второе противоречие или «управленческое отставание» связано с усиливающимся влиянием информации на процессы управления в условиях усложнения социальной реальности. Проблема заключается в том, что связанное с информацией расширение возможностей социального действия происходит быстрее на индивидуальном уровне и среднем уровне социальных групп, движений и корпораций, но гораздо медленнее на макроуровне национальных обществ, экономик и мировой системы в силу их большей инертности. В результате происходит снижение управляемости и нарастание хаотических процессов на системном уровне. Показательным примером в этом плане являются современные финансово-экономические кризисы, во многом ставшие результатом отставания инструментов государственного управления экономикой от ускорившегося роста стратегической информации игроков на финансовых рынках.

В мире, который все более функционирует по сетевому принципу, наибольшей властью располагают наиболее крупные узлы, т.е. транснациональные корпорации (ТНК), действия которых часто угрожают национальному суверенитету и становятся причиной вооруженных конфликтов.

В этих условиях существенно расширяется спектр управленческих задач, а принимаемые решения должны быть научно обоснованными и просчитанными.

Использование в системе государственного управления метода проб и ошибок, характерного для индустриальной стадии развития общества, в современной сложной социальной реальности превращает простую ошибку в системную, следовательно, несущую разрушительную силу для всего общества.

Успешное противостояние всем этим вызовам требует четкой системы регулирования динамики социальной реальности. Включение социально-научного знания в практику принятия стратегических решений позволит избежать пресловутого метода проб и ошибок. Нормальной процедурой должно стать привлечение на стадии обсуждения решения экспертного сообщества, в задачи которого должны входить: анализ последствий принимаемого решения, его коррекция или, возможно, вынесение заключения о его нецелесообразности.

На разработку методов и инструментов управления социально-экономической динамикой ориентирован новый междисциплинарный подход «экономика и социология знания», разработанный в Институте социально-политических исследований РАН. Этот подход был использован при разработке системы государственного аудита Российской Федерации, а также для

формулирования конкретных предложений в институциональной и законодательной сферах, способных ускорить инновационное развитие России.

Научный подход к управлению социальной реальностью невозможен без системы достоверных данных, получаемых в ходе ее измерения, т.е. социальных индикаторов и показателей[4]. Мониторинг общественного развития и прогноз его тенденций являются необходимыми элементами социального конструирования, направленного на предупреждение негативных и создание желательных последствий.

Особый характер инструментов измерения социальной реальности определяется сложностью измеряемого объекта.

Мы живем в социальной реальности, создаваемой людьми на основе того, что находится в их сознании (цели, установки, диспозиции), которые определяются двумя факторами: состояние социальной реальности и система управления этой социальной реальностью.

Социальная реальность является объективированный результатом субъективной деятельности людей, т.е. имеет субъективно-объективный характер. Вместе с тем, она также является непредвиденным последствием совокупных действий множества индивидов, каждый из которых действует в собственных интересах, т.е. представляет собой сочетание аспектов «микро» и «макро».

Синергетический подход в сфере социальных отношений означает рассмотрение социальной реальности в целом, в совокупности всех ее элементов. Происходит включение и взаимодействие всех макро, микро, мезо уровней, где равное значение имеет и сознание человека, и окружающая его среда. При этом, как отмечал И. Пригожин, «...отдельный случай на микроуровне не может изменить макросистему в целом». Приоритет всегда отводится порядку над хаосом, бифуркациям над воссоединением различных социальных явлений в одно целое, открытости над замкнутостью и так далее.

В современной социальной реальности существует два вида хаоса – стихийный и управляемый.

Стихийный хаос выступает как результат действия стихийных сил социальной системы общества. Такой процесс является специфическим порождением и всегда имеет дальнейшее развитие. Это живой, динамичный беспорядок изменяющихся тенденций и соответствующих им рождающихся, функционирующих и отмирающих социальных общностей. В стихийном хаосе пробивают себе путь закономерности, тенденции, частного и единичного социального порядка. В обыденном представлении хаос - это беспорядок, требующий управления.

Управляемый хаос - это вид социального хаоса, созданный сознательно кем-либо в частных, субъективных интересах конкретных людей и социальных групп, через использование современных социальных технологий. В этом процессе дестабилизация систем общества становится основным инструментом. Но пути создания управляемого хаоса лежат через определенную формализацию систем общества и могут привести к становлению порядка. Как отмечал В.Д. Зорькин, «...может быть сформирована авторитарная, тоталитарная или даже с элементами фашизма система, поскольку людям необходима стабильность и им надоедает жить в состоянии дезорганизации и дестабилизации».

Сложный характер социальной реальности предполагает, что в дополнение к объективным социальным условиям (доход, жилищные условия, экология и т.д.), которым традиционно уделяет основное внимание социальная статистика, должно также фиксироваться субъективное отношение к этим явлениям индивидов и групп (удовлетворенность, соответствие ожиданиям, желание изменений и т.д.).

Важно также не ограничиваться системным аспектом, но оценивать функционирование социетальных систем с точки зрения реализации интересов конкретных социальных групп.

В частности, как пример, социологами введено понятие «бытовая коррупция», подразумевающее то, что вознаграждения за услуги, которые представители различных организаций чаще всего обязаны предоставлять населению бесплатно, обременены "поборами". Это обременение небезобидно и в моральном и в материальном плане, если учесть, что достигает в год в совокупности 60 млрд. долларов США. Это то количество денег, которое наше государство выделило на строительство АЭС в Индии.

В широкую сеть "бытовой коррупции", как ни прискорбно, вовлечены в первую очередь государственные организации, призванные консолидировать государство и население в опоре на социальное страхование. Эти организации функционируют на средства налогоплательщика и его же облагают дополнительной "данью". Одна из основных причин существования "бытовой

коррупции" – субъективные факторы и объективные - слабая конкурентная среда и в долевого отношении низкая представленность частных фирм во многих отраслях обслуживания населения, в которых сохранилась монополия государства (в частности, образование, здравоохранение, услуги жилому фонду).

В этом плане представляется полезным провести различие между показателями уровня и показателями качества. Первые дают главным образом количественные характеристики социальных условий, фиксируют общие направления процессов и относятся в основном к тому, что можно назвать «социальной инфраструктурой» (уровень занятости, уровень доходов, уровень образования и т.д.). Вторые же указывают на качественные характеристики происходящих изменений с точки зрения реализации социальных целей

Использование функционально дифференцированных показателей позволяет с научной достоверностью судить как об общем направлении развития социальной системы, так и о конкретных условиях жизни людей, что позволяет решить проблему социального неравенства.

На решение проблемы геополитической безопасности России в условиях глобализации и роста влияния ТНК ориентирован мегапроект ТЕПР-ИЕТС, предполагающий создание мультимодальной Интегральной Евразийской Транспортной Системы (ИЕТС), соединяющей морские и сухопутные терминалы на восточной и западной границах России. Парадигма «Транс-Евразийского пояса RAZVITIE» предполагает создание вдоль ИЕТС интегральной инфраструктурной системы, формирующей гибкое согласованное единство транспорта, энергетики и телекоммуникаций. Данная мультиинфраструктура создаст основу для организации наукоемких производств и современных поселений.

Имея на своей территории главные узлы Евразийской транспортной системы, Россия будет оптимизировать грузопотоки и обеспечивать компромисс интересов главных хозяйствующих субъектов важнейших экономико-политических зон мира, что станет важным инструментом геополитической безопасности страны.

Таковы лишь несколько примеров вклада социально-научного знания в решение стоящих перед современным обществом задач. Они демонстрируют то, что возможности социальных наук отнюдь не исчерпаны, как это полагают, например, представители постмодернизма. Более того, именно сейчас, когда этими науками накоплен значительный потенциал знания в области управления обществом во всех сферах его жизнедеятельности и на различных уровнях, открываются реальные возможности переустройства общества на научных принципах.

1. *История социологии. Под ред. Г.В. Осипова и В.П. Култыгина. М., 2009, с. 474-475.*
2. *Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010, с. 10.*
3. *MacLuhan: Hot and Cool. N.Y., 1967, p. 286.*
4. *Осипов Г.В. Измерение социальной реальности: показатели и индикаторы. М., 2011.*

CONTEMPORARY SOCIOLOGY: CONDITIONS OF KNOWLEDGE PRODUCTION

Welz F. (Innsbruck, Austria)

Current conditions of sociological knowledge production push sociology to descriptive approaches at the expense of relational theories while most particular since the world economic Great Recession of 2008 the latter would be in high demand for understanding the relational interplay of biographies and history (C. W. Mills).

Applying the distinctions of 'epistemologically/ontologically oriented' and 'substantial/relational concepts' on contemporary sociological theories results in four distinguishable approaches: While epistemologically oriented 'Kantian' social theories such as of Habermas and Parsons fit to the western 'modern' 1950-80 welfare state, Niklas Luhmann's systems theory articulates the contemporary neoliberal social order in which the economic system, the communication system of science, the political system, etc. do not intervene into each other. In contrast, relational but ontologically oriented approaches are able to better explain the rise of 'ethnicity' and identity movements or the anticipated decline of the middle class in Europe, such as Bourdieu's sociology that relationally perceives social phenomena as deficiencies of the social order rather than as individual attributes.

Four circumstances, however, currently push European – and further -- sociologies to descriptive approaches which tend to reflect trends rather than to analyse social transformation: *First*, the (conceptual) eclipse of 'society' in sociology has replaced previous categories such as collective institutions and the 'social' by nominalist labels such as individualization, risk, patchwork biographies etc. *Second*, the triumph of the decentred, fragmented and hybrid 'individual' in cultural analysis further

fractured group categories of social solidarity. The same applies to, *third*, the triumph of quantitative and qualitative ready-made methods which are pushed by project-driven and funding-driven sociological work. *Fourth*, the increasing importance of 'research assessment', applying a numeric measure to quick, precise and descriptive 'good work', further supports the 'triumph' of the sociologist as an academic 'self-entrepreneur' (Foucault) instead of strengthening the education of scholars as experts on societal transformation or, at least, as experts on specific fields of society.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Горшков М.К. (Москва)

В условиях современного глобализирующегося мира и переживаемых научным сообществом интеграционных процессов постановка вопроса о национальной самобытности отечественной социологии может показаться излишней. А кого-то и вовсе ввергнуть в состояние раздраженности и неприязни: «мол, опять русские стремятся показать свою особость, теперь уже в плане истории становления и развития социологической науки». Вместе с тем, подобные реакции, если вдуматься, лишены оснований как минимум по трем причинам.

Во-первых, само понятие «самобытность» не таит в себе ничего предосудительного, ибо выражает, пользуясь широко распространенными синонимами, *своеобразие, специфичность и самостоятельность в развитии*. В моем выступлении речь пойдет о своеобразии и особом пути российской социологии, пути, который, повторяя русло развития мировой социологической мысли, не может не быть связан и обусловлен самобытностью истории, культуры и традиций самого российского народа, государства и общества.

Во-вторых, если уж говорить о влиянии процессов глобализации на парадигмы современных социальных наук в страновом контексте, то далеко не все национальные социологические школы спешат примкнуть к предлагаемым научными авторитетами концепциям настоящего и будущего мирового сообщества, зачастую мало в чем проецирующимся на реальное состояние и особенности развития конкретного национально-государственного образования. Это с очевидностью демонстрируют Всемирные социологические конгрессы и форумы последнего десятилетия (в особенности, выступления на них представителей стран БРИКС, а также социологических школ Японии, Франции, ряда скандинавских стран).

В-третьих, настороженное отношение к установлению самобытности российской социологии (как собственно и других национальных социологий) «снимается» обращением к категориям исторического и логического. В самом деле, если мы говорим о социологии как о науке об обществе, то для нас не просто желательно, но и необходимо знать и понимать то общее и специфическое, существенно постоянное и динамично меняющееся, что происходит в жизни конкретного социума и определяет «его лицо».

Таким образом, суть вопроса состоит не в том, оправдано или нет обращение к теме национальной самобытности российской (русской) социологии, а в том, чем такая самобытность определяется, характеризуется и выделяется среди иных самобытностей.

Ответ на данный вопрос следует искать в трех оценочно-аналитических измерениях, которые для краткости и смысловой емкости можно определить следующим образом:

- *исторические корни;*
- *субстанциональное и институциональное становление;*
- *современное состояние и ресурс дальнейшего развития.*

Разумеется, в одном выступлении не представляется возможным осветить должным образом все отличительные особенности нашей науки. Поэтому апеллируя к каждой из них, будем исходить прежде всего из того, что наиболее ярко и показательно высвечивает своеобразие истоков и противоречия становления социологии в России.

Начнем с предпосылок, которые определили и само возникновение, и историческую логику становления отечественной социологии, и которые, пожалуй, как нигде были обусловлены своеобразием общественной жизни России XVIII – XIX веков. О чем идет речь?

Прежде всего, о том, что в течение длительного времени проблемы состояния и развития общества освещались в России преимущественно посредством художественных средств (поэзии, прозы, публицистики и т.д.). Не случайно, рассуждая о великом русском критике Белинском, Г.В. Плеханов характеризовал его как «великого социолога»[1]. Что же касается идейной основы возникновения отечественной социологической мысли, то она, безусловно, неразрывно связана с трудами Ю. Крижанича, М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, П.Я. Чаадаева, а также с

произведениями русского философа, поэта и критика В.С. Соловьева. В своих работах они не только дали блистательные образцы социологического анализа российского общества и личности, но и доказали, что в понимании многих вопросов государственного устройства и общественных отношений российские мыслители не уступают своим коллегам из других стран, а в чем-то их и превосходят.

Нельзя не признать, что возникновению социологии в России как самостоятельной области научных знаний предшествовал период развития общественной мысли, совпавший с появлением и четким разграничением двух мировоззренческих ориентаций: *западнической* и *славянофильской*. Первое направление было ориентировано на усвоение и развитие на российской почве идей великих европейских философов – Канта, Гегеля, Фихте и т.д. В свою очередь, славянофильство предполагало приоритетное осмысление исторической судьбы России, ее культуры и места в мировой цивилизации, что, однако, вовсе не закрепощало отечественную социальную мысль, не вынуждало обществоведов того времени придерживаться узких рамок, но наоборот – стимулировало их стремиться к синтезу идей, полемике с западной наукой[2].

Нельзя не сказать и о том, что важнейшей исходной особенностью российской обществоведческой мысли того времени явился *органический подход к обществу*. При этом менее всего речь шла о концепциях натуралистического типа, которые хотя и имели в нем место, но пользовались незначительным влиянием. Органический подход заключался в стремлении представить мир как некое иерархически устроенное целое, где общество и человек – суть взаимодействующие элементы. Этим определялась склонность мыслителей России к широчайшим социологическим обобщениям, базирующимся на основе описания всемирной социальной эволюции и принципа единства микрокосма и макрокосма. Отсюда же – стремление найти и обосновать общезначимый социальный идеал, следуя которому возможно освободить общество от нарушающих его органичность тенденций и сознательно направить его в сторону достижения органической целостности в духе социального конструктивизма.

Однако, пожалуй, главной особенностью начального этапа развития социологии в России оказалось, по признанию большинства экспертов, большое влияние на данный процесс сложившихся в середине XIX века течений – *позитивизма* и *марксизма*. И это вполне закономерно, поскольку при всей самобытности русской социологии ее становление происходило в общем русле развития мировой общественной мысли. И если говорить о начальном этапе зарождения отечественной социологии (50 – 90-е годы XIX века), то, как и на Западе, *она возникла в лоне позитивистской доктрины, предложенной О. Контом*.

Примечательно, что уже в 1845 г. работы Конта имелись в библиотеке петрашевцев – участников собраний разночинной русской интеллигенции, благодаря чему с ними мог ознакомиться большой круг молодежи. Позитивизм и социологические идеи О. Конта активно обсуждались в кружке В.Г. Белинского, бывшего в то время властителем дум интеллектуальной молодежи, внимательно следившей за духовной жизнью Европы, особенно Франции. И здесь нельзя не вспомнить Валериана Майкова – рано скончавшегося молодого писателя (1823 – 1847), давшего в своей неоконченной работе «Общественные науки в России», помещенной в «Финском вестнике» за 1845 г., емкую трактовку контовского «Курса позитивной философии» и подчеркнувшего значимость и влияние его основных идей.

В.Н. Майкова называют первым русским позитивистом. Еще при жизни О. Конта он первым познакомил Россию с его идеями и заговорил о необходимости создания новой науки об обществе. Поразительно, как еще совсем молодой для понимания сути социальных наук человек сумел дать глубокий критический анализ состояния общественных дисциплин того времени и предвидеть будущность русской социальной науки. «Мы поняли теперь, - писал В.Н. Майков, - что самое разнообразие цивилизации западно-европейских народов свидетельствует об односторонности каждого из них, что мы должны делать строгий выбор между тем, что должно и чего не должно у них заимствовать. Следовательно, первые шаги наши на поприще создания национальной науки должны состоять в строгом критическом разборе наук Запада»[3].

Обращаясь к истокам отечественной социологии, нельзя не заметить, что отличительной чертой общественной жизни России середины XIX века стало динамичное развитие социальной мысли, связанное с выходом работ П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, написанных в русле методологии позитивизма. Именно с этого времени, по словам Н.И. Кареева, и началась в России по-настоящему социологическая литература.

В позитивизме русских социологов привлекало стремление к научному методу, к логике современной науки, к созданию целостного учения об обществе. В духе Конта уже на начальном

этапе становления русской социологии осмысливается и ее функция: *социология рассматривается как интегративная наука*, опирающаяся на синтез всех научных знаний и разрабатывающая всеобщие социальные законы. Не случайно характерной чертой первых отечественных социологов стала тяга к всеобъемлющим обобщениям, опора на колоссальный и разнородный эмпирический материал.

По мере развития новой науки достаточно быстро нарастало количество публикаций. Когда в 1897 г. вышел в свет первый учебный обзор по социологии Н.И. Кареева («Введение в изучение социологии»), его библиография, состоявшая из почти 900 работ, насчитывала около трети изданий, принадлежащих русским авторам. Стали складываться школы и направления социологических исследований: *натуралистическая социология*, представленная в различных формах (Н.Я. Данилевский, А.И. Стронин, Л.И. Мечников и др.), *психологическое направление* (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, Е.В. де Роберти и др.), *школа М.М. Ковалевского*. Утверждается *экономический материализм* как марксистская социология, представленная в двух вариантах: ортодоксального марксизма (Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов-Ленин) и так называемого «легального» марксизма (П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский).

С конца XIX – начала XX веков доминирует мнение, согласно которому социология представляет собой одну из многих социальных наук, имеет собственный предмет исследования и специфические задачи. Именно в таком понимании она все более органично внедряется и принимается в научных и общественных кругах и, что очень важно, проникает в академическую среду. Одновременно социологический подход начинает широко использоваться и в других социальных дисциплинах.

Столь бурное и разноплановое развитие русской социологии приводит к тому, что она *выходит на международную арену, причем выходит на равных с ведущими социологическими школами*. Русские социологи и прежде всего благодаря деятельности М.М. Ковалевского активно участвуют в работе Международного института социологии, регулярно проводившего международные конгрессы. Три русских социолога (П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин) избирались президентами Института, что безусловно говорит о международном признании отечественной социологии.

Огромный вклад в достижение этого признания внес Максим Максимович Ковалевский. Как известно, в центре его социологических воззрений находилось учение о солидарности и общественном прогрессе. «Без идеи прогресса, - подчеркивал он, - не может быть социологии, самый же прогресс... сводится к расширению сферы солидарности»[4].

М.М. Ковалевский критиковал однофакторные точки зрения, получившие широкое распространение на Западе, *подчеркивая системный характер социальных взаимодействий*. Впоследствии эту центральную идею социологии поддержал Т. Парсонс, выстроив на ней системную теорию структурно-функционального анализа. Активно используя сравнительно-исторический метод, М.М. Ковалевский стал активным продолжателем идей позитивизма.

Невольно задумываешься: как бы творчески насыщенно и влиятельно могли сложиться судьбы отечественной социологии, закрепиться процесс ее институционализации и раскрыться черты ее национальной самобытности, если бы не еще одна характерная черта ее эволюции – неприятие (в отличие от тех же западных стран) социологической науки властями предрержащими, влияние на ее развитие политических процессов и событий. Начало резко негативному отношению к социологии положил отнюдь не сталинский режим, о чем еще до сих пор нередко говорят в студенческих аудиториях, а царские власти, в особенности – конца XIX – начала XX веков. Дело дошло до того, что на волне отождествления социологов с социалистами в Россию был запрещен ввоз социологической литературы, а Русскую высшую школу общественных наук (которую справедливо называют «первым русским факультетом социологии») пришлось открывать в 1901 году в Париже. Несмотря на политическое давление и французских, и российских властей, за несколько лет своего существования эта Школа сумела выпустить сотни слушателей, ставших уже в России проводниками передовых социологических идей. Однако царский режим не уступал: под угрозой лишения участников Школы российского гражданства через несколько лет (1906 г.) ее пришлось закрыть.

И все же после длительного противостояния и не без влияния уроков первой русской революции (1905-1907 гг.), наконец, начала решаться проблема институционализации российской социологии. По личному разрешению Николая II в 1908 г. в Петербурге был открыт частный Психоневрологический институт во главе с академиком В.М. Бехтеревым с первой русской социологической кафедрой, которую возглавил М.М. Ковалевский, а позднее – П.А. Сорокин и

К.М. Тахтарев. Конечно, надо признать тот исторический факт, что первая отечественная кафедра социологии открылась на 16 лет позже социологической кафедры при Чикагском университете. Но понятны и политические причины произошедшего. Главное, что ее создание состоялось и продемонстрировало научную устремленность русских социологов. К тому же кафедра провела большую работу по организации обучения социологии и подготовила четыре выпуска сборника «Новые идеи в социологии».

С этого периода, можно сказать, развитие российской социологии вновь активизируется. Нарастает процесс ее институционализации: в 1912 г. открывается социологическая секция при историческом факультете Петербургского университета, а в марте 1916-го учреждается Русское социологическое общество, получившее после кончины М.М. Ковалевского его имя (май 1916 г.). Годом позже вводится научная степень по социологии, а в 1919 г. в Петроградском и Ярославском университетах образуются кафедры социологии. В 1920 г. в Петроградском университете открывается первый в России факультет общественных наук с социологическим отделением во главе с П. А. Сорокиным.

Национальную самобытность отечественной социологии определяет своеобразие не только ее теоретико-методологических основ, но и ее *эмпирическое наполнение*. Возникновение и развитие эмпирической социологии в России принято относить к середине XIX столетия. Отмена крепостного права (1861 г.), создание мануфактурной промышленности, развитие внутренней и внешней торговли, безусловно, послужили надежным основанием и, можно сказать, своеобразным прологом к индустриальному обновлению страны и росту интереса к вопросам социально-экономического регулирования всех сторон жизни общества. В особенности выделялась в этом плане социальная статистика промышленности, в поле зрения которой находились вопросы содержания и условий труда рабочих, причин травматизма и заболеваемости, трудовых конфликтов, а также проблемы гигиены и быта трудящихся. Первое десятилетие XX века было отмечено и началом масштабных эмпирических исследований молодежной среды, в том числе в той области, которую сегодня называют девиантным поведением.

Привлекает своим своеобразием и основательностью методический аппарат российской эмпирической социологии 1920-х годов, к сожалению, до сих пор еще недостаточно изученный и в очень малой степени востребованный в более поздний период (1960 – 1970-е годы)[5]. А между тем, понимание самобытности российской прикладной социологии первых послереволюционных десятилетий невозможно вне учета общественно-политической обстановки, сложившейся в стране в тот период. Накопление эмпирического опыта в деле строительства новой жизни, осознание необходимости перехода в работе с населением от прямолинейных «агиток» к научно-исследовательским методам *создали почву для возникновения отраслевой социологии*, причем на представительном, а порой уникальном, практическом материале труда, быта, культуры, социальной структуры. В этом нетрудно убедиться, обратившись к проблематике прикладных исследований того времени, среди которых – бюджет времени рабочих, крестьян и служащих, социологическое изучение села, труда и быта инженерно-технического персонала, исследование кинозрительской и читательской аудитории, методические особенности социального обследования детства и многое другое.

Результаты исследований освещались более чем в десяти журналах по проблемам условий организации труда и управления («Организация труда», «Система и организация», «Производство, труд и управление», «Экономика и быт», «Статистика труда» и т.д.), что стимулировало интерес к социологии. В свою очередь, все более широкое обращение к конкретным социологическим исследованиям способствовало росту числа методических разработок, которые были сродни американской эмпирической социологии. И хотя в советской социологии работа над методикой и техникой прикладных исследований носила фрагментарный характер и зачастую осуществлялась путем проб и ошибок, тем не менее происходило активное накопление практического опыта организации и проведения исследований, комплексного использования различных социологических методов. При этом активно практиковалось ставшее традиционным для российской социологии обращение к социальной статистике.

Еще один вопрос, который заслуживает внимания: следует ли, поднимая тему самобытности отечественной социологии, апеллировать к сталинскому периоду жизни советского государства и общества? Полагаю, что следует, тем более, что благодаря широкому доступу к архивным материалам обнаруживаются документы и факты, ставящие под сомнение радикальные оценки отношения к социологической науке в СССР в 1930 – 1940-е годы. Прежде всего, речь

идет об известном тезисе, согласно которому в послереволюционный период социология (и даже само это понятие) была запрещена как «буржуазная лженаука».

Действительно, с конца 1930-х годов социология «выпала» из системы советского обществоведения на несколько десятилетий. Однако, согласно последним исследованиям историков социологии ИС РАН (Козлова Л.А.), какого-либо специального постановления партийных или научно-административных органов власти, санкционировавшего это «выпадение», не обнаружено. В отличие, например, от реального запрета такой отрасли научно-исследовательской деятельности и общественной практики как популярная в стране в 1920 – 1930-е годы педология. В результате принятого в июле 1936 г. Постановления ЦК ВКП (б) она буквально за месяц была ликвидирована с одним единственным наставлением: «желающих педологов-практиков перевести в педагоги»[6].

Заметим, что социологи «не проходили» и по нашумевшему процессу в отношении ученых – так называемому «Академическому делу» 1929-1931 гг., поскольку в Академии наук СССР их попросту не было. В числе репрессированных тогда оказались историки, филологи, географы и даже геологи. Разумеется, находки ученых ИС РАН не означают, что социология, как и социальная философия, не понесла урона в 1920-е – 1930-е годы. Среди известных социологов, попавших в кампанию по высылке гуманитарной интеллигенции, - университетские профессора П.А. Сорокин (с чьим именем в основном и ассоциируется репрессирование отечественной социологии в начале 1920-х годов) и Б.Д. Бруцкус – экономист-аграрник со значительной тягой к социологии, а также социальные философы И.А. Ильин, С.О. Франк, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, И.И. Лапшин, А.В. Фроловский и др. Некоторые видные ученые-обществоведы эмигрировали добровольно (П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский, С.Н. Тимашев и др.). Но были и те, кто после революции не уехал из России и стремился развивать социологию в условиях советской власти. Среди них – Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, А.С. Лаппо-Данилевский, П.А. Флоренский и многие другие.

Так что же означают не только сложившаяся вокруг социологии мрачная атмосфера, но и реальные факты идеологического и организационного давления на нее советского режима? Наверное, правильнее всего говорить не о слабостях самой российской социологии 1920 – 1930-х годов, которая при всем своем институциональном несовершенстве накопила за предшествующие 70 лет солидный ресурс научной самобытности и заняла видное место в мировой социологической мысли, а о *воздействии на нее системных политических и социальных условий того времени*. Условий, в которых утвердившаяся советская власть предписывала обществу жесткие рамки, обусловленные идеологией, теорией и практикой советского строительства. Что же касается социологической науки, то ее функции в этом контексте были, по сути дела, переданы марксистско-ленинской философии и другим социально-гуманитарным дисциплинам. Однако это не означало ликвидации социологического знания и самого термина «социология». В среде осторожных обществоведов, оглядывавшихся на «буржуазное» происхождение предмета, они становились, можно сказать, «плавающими», амбивалентными. В итоге – с середины – конца 1930-х годов для российской социологии наступает период забвения, а точнее сказать – перехода в латентное состояние.

Причины такого перехода очевидны – переломные исторические события в России: революция 1917 года, Первая мировая и Гражданская войны, индустриализация и коллективизация народного хозяйства, внедрение плановых начал в управление экономикой. Однако при том, что политико-идеологические каноны советской власти предъявляли к социологии жесткие требования, дух и буква дореволюционной русской социологии, уровень ее научного развития (причем не менее высокий, чем социологии европейской и американской) не могли исчезнуть по чьему-либо велению, а потому она естественным образом (по известной формуле: *«Я – мысль, а мысль убить нельзя!»*) сохраняла свои традиционные и самобытные черты.

Остается, конечно, вопрос о личном отношении к социологии И. Сталина. Имеющиеся документальные свидетельства говорят о том, что специально по этому поводу вождь не высказывался и явных претензий, к тому же в публичной форме, к социологии не предъявлял. Более того, как установлено, случалось и такое, что он использовал термин «социология» в «положительном смысле» (Козлова Л.А.). Уместно в контексте нашего разговора напомнить и о том, что в своей известной работе «О диалектическом и историческом материализме» 1938 года И. Сталин поделился следующим признанием: «Наука об истории общества... может стать такой же

точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»[7].

С началом периода «хрущевской оттепели» акцент в возрождении социологии пришелся на область ее прикладных функций и обоснование значимости эмпирических методов познания социума. В этот период стали налаживаться зарубежные контакты. В 1956 г. советские ученые впервые приняли участие в заседании Международной социологической ассоциации, а в последующее десятилетие СССР посетили Арон, Мертон, Парсонс и другие представители западной социологии. С созданием в 1962 г. Советской социологической ассоциации была завершена официальная институционализация отечественной социологии. В 1968 г. специальным Постановлением Совета министров СССР в стране был создан первый академический институт социологии – Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ АН СССР), причем с отделами в ряде крупных городов. С середины 1960-х гг. стала активно издаваться социологическая литература, начали выходить периодические сборники «Социальные исследования» и «Информационный бюллетень ССА». Широко публиковались статьи, монографии и сборники по социологической проблематике.

В этот же период в стране появились социологические центры, ведущие систематическую работу над совершенствованием научного аппарата исследований. Так, ленинградские социологи плодотворно занимались разработкой методики сбора первичной информации, новосибирские – совершенствованием математического аппарата исследования социальных процессов, таллинские исследователи – вопросами компьютерной обработки социологических данных и т.д.

Начиная с середины 1960-х гг. экстенсивное развитие получили социологические исследования в различных отраслях промышленности (заводская социология), стали создаваться социологические подразделения в союзных республиках.

В начале 1980-х гг. появились признаки нового политико-идеологического давления на советскую социологию. Была предпринята попытка подменить социологические исследования опросами общественного мнения. Но начиная с конца 1980-х годов постановлениями ЦК КПСС социология была призвана для решения задач политики перестройки М. Горбачева. В 1989 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова и Ленинградском университете создаются социологические факультеты, положившие начало формированию в стране системы высшего профессионального социологического образования.

В 1991 г. с созданием Российской академии наук закрепляется образование Института социологии в структуре РАН, а в 1992 г. – правопреемником ССА становится Российская социологическая ассоциация – ныне Российское общество социологов (РОС), представляющее интересы отечественной социологии в Международной социологической ассоциации.

В заключение правомерно поставить вопрос: чему же учит анализ противоречивого процесса становления русской социологии, осмысление ее национальной самобытности?

Прежде всего, конечно тому, что любые научные (как и иные) институты формируются и проявляют себя через систему общественных отношений, которые складываются в конкретно-исторических условиях. Перефразируя известную ленинскую формулу, можно сказать так: существовать в обществе и быть свободным от общества – нельзя. Это не под силу даже социологии, науке по природе своей глубоко аналитической, независимой, а временами и непокорной.

Вместе с тем, уроки истории учат и тому, что социология является важным ресурсом изменений в общественной жизни и общественных институтах, который сосредотачивает в себе способы рационального осмысления социальных проблем. А это означает, что она изначально представляет собой *способ самопознания общества*.

Однако данный способ самопознания может существенно меняться в ходе исторических трансформаций, переживаемых обществом. Вступление в каждый новый этап развития означает рождение нового взгляда общества на самое себя. А это значит, что социологическое мышление приобретает новые параметры в своем собственном содержании, что и отражает эволюция национальной самобытности российской социологии.

Что это означает? А то, что понятие общество, в том числе и такое своеобразное как Россия, возможно только на основе ее собственного исторического развития, ибо отношения и взгляды людей на самих себя и на жизнь общества не уходят в прошлое бесследно. Они живут в каждом новом поколении, приспосабливаясь к инновациям современности. В этом, по мысли А.Г. Здравомыслова, и состоит одна из дилемм социального мышления: оно не может освободиться от

сложившихся форм мышления в тех же масштабах и темпах, которые сопряжены с изменением жизненных практик. И в тоже время оно не может существовать без постоянного обновления[8].

Получается, что *специфика социологического мышления и заключается в постоянном движении от теоретических постулатов и предположений к фактическому материалу, а затем вновь к восхождению от эмпирического знания к построению теории.*

Безусловно, отрадный факт, что на всех этапах развития отечественной социологии, в особенности, в нынешний период, ее отличает многообразие научных школ, приверженность российских социологов разным теоретическим концепциям и взглядам, методическим подходам. Печально другое, когда различия в научных позициях становятся причиной личного неприятия оппонента, что, в конечном счете, оборачивается разобщенностью профессиональных связей, слабостью «корпоративного научного духа».

История становления и развития отечественной социологической науки демонстрирует, через какую острую борьбу и конфликты она пробивала себе дорогу в жизнь, завоевывала научный авторитет и влияние в системе управления государством и обществом. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала на себе подобные «хождения по мукам», особенно в послевоенный период, когда решалась задача возрождения и утверждения лучших достижений и традиций отечественной социологии, ее конституирования в качестве самостоятельной науки.

Тем не менее, и в современной России социологическая наука постепенно включается в такие сферы деятельности, как принятие государственных решений, законодательный процесс, организация науки и образования, журналистика, маркетинг, реклама, избирательные кампании, общественная и правозащитная деятельность и т.д. Другое дело, что результаты, получаемые социологами, конечно, можно было бы использовать эффективнее – как инструмент подъема экономики в масштабах всей страны и отдельных ее регионов, улучшения управления предприятиями и их персоналом, совершенствования социальной политики, решения проблем неравенства, бедности, урегулирования этнических и религиозных конфликтов.

Утвердившиеся сегодня открытость и плюрализм современной российской социологии означает, что идет напряженный творческий процесс переосмысления доминирующих в мировой литературе теоретических направлений с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях. При этом российская социология связана сегодня с зарубежными социологическими школами, направлениями и соответствующими университетами. В этом – одно из ее преимуществ, так как она не замкнута в рамках некоторой самобытной ортодоксии.

Вместе с тем, во многих регионах мира (и, прежде всего, в странах БРИКС) укрепляются тенденции преодоления гегемонии западной социологии и поиска источников науки об обществе, соответствующих национальной культуре и актуальным запросам конкретного социума. К настоящему времени многие национальные социологии, можно сказать, преодолели стадию ученичества у западной социологии, которая продолжалась с конца XIX до начала XXI века. От конгресса к конгрессу Международной социологической ассоциации появляется все больше примеров того, что национальные социологи активно разрабатывают самобытные методологии и теории социологических исследований, предлагая мировому сообществу весьма оригинальные и необычные научные тренды.

Российская социология, к большому сожалению, во многом утратившая преемственность с дореволюционной социологией и пережившая в 1990-е годы подражательный этап своего развития, оказалась в качестве «догоняющей». До сих пор она еще не в полной мере отвечает императивам времени, предлагая концепты, не во всем соответствующие ее интеллектуальным достижениям прошлого и настоящего. Отсюда, по сути дела, естественным образом вытекает непереносимое условие плодотворности развития современного российского социологического поля – *научно-критическое осмысление и применение накопленного западными социологическими школами знания, причем непременно в контексте формирования уважения к собственным национальным традициям социального мышления, использования багажа собственных школ социологического знания и осуществление на этой основе собственного социологического осмысления российских реальностей.*

1. Плеханов Г.В. Сочинения: В 24 томах. Том X. – М. – Л.: Госиздат, 1923-1927.

2. Подробнее см., например: Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984; Кошелев А.И. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010; Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? – М.: РОССПЭН, 2002; Гильфердинг А.Ф. Россия и

- славянство / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009; Славянофилы. Историческая энциклопедия / Автор-составитель О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации и др.
3. Майков В.Н. Общественные науки в России // Финский Вестник. 1845. Т. 1. Отд. IV. – С. 1-56.
4. Ковалевский М.М. Сочинения в 2-х томах. Том 1: Социология / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1997. – С. 96-102.
5. Подробнее о методическом аппарате отечественной прикладной социологии 1920-х гг. см.: Шереги Ф.Э. Методический аппарат прикладной социологии 1920-х годов // Социологические исследования. 1978, № 1. – С. 192-201.
6. Подробнее см.: Козлова Л.А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016, № 12. – С. 105-113.
7. Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник академии наук. 1991. Том 60, № 10. – С. 93-94.
8. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире / Под общ. ред. Н.И. Латина. – М.: Логос, 2010.

РОЛЬ М.М. КОВАЛЕВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Бороноев А.О. (Санкт-Петербург)

М.М. Ковалевский занимает особое место в истории российской социальной науки и культуры. Его творчество известно историкам, экономистам, юристам, антропологам. В каждом из этих направлений он создал свои школы, которые значимы и сегодня.

Особое место в деятельности М.М. Ковалевского, безусловно, занимала социология. П.Н. Милоков писал: «Имя той науки, которая содержала в себе полный ответ на духовные потребности Ковалевского, которая была так сказать, его систематизированным мировоззрением, есть социология» [6, с.137-381]. Из его творческой биографии видно, что последние 15 лет (1900-1916) он почти полностью посвятил изучению социологических проблем. По утверждению зоолога и социолога В.А. Вагнера, Ковалевский «постоянно следил за всеми течениями в социологии и ни за одним из них не видел оснований признавать первенство, больше того: он резко осуждал добровольную «односторонность» ученых специалистов, которые не хотели понимать огромной важности сотрудничества и взаимопомощи» [1, с.98]. И Н.С. Тимашев, его ученик, писал, что Ковалевский был первым кто «преодолеl политизированную односторонность российской социологии интеллигенции», состоящую из таких школ, как субъективистская, марксистская, анархическая и революционная (В.М. Чернов) и «...построил свою систему не на политических размышлениях, но на тщательном исследовании истории социальных, политических, правовых и экономических институтов» [8, с.626].

Он снял конфликтность социологических направлений в отечественной социологии, которая мешала системно-научному взгляду на социальные явления и процессы, определяя ортодоксальность и субъективность (нормативность). Этому способствовало его плюралистическое мышление, которого придерживался Ковалевский. Он утверждал, что в разные периоды и эпохи развития в обществе могут преобладать те или иные факторы, например, плотность населения, экономика, политические мотивы, но говорить о всестороннем господстве одного фактора нельзя. Так, им подчеркивалась большая роль народонаселения в социальной эволюции, но в то же время был против утверждения в социологии демографического монизма.

Безусловно, этому способствовал также развиваемый им сравнительно-исторический метод. Он предполагал рассмотрение социальных институтов и других форм общественности как проявления многих факторов, иногда в чередовании или взаимодополнении. Он называл этот метод «средством построения совершенно новой ветви описательной социологии – я разумею историю человеческих обществ» [3, с.69].

Построение своей системы социологии (Н.С. Тимашев) определяло постоянное внимание Ковалевского к предмету социологии, ее соотношению с предметами других наук и методологии социального исследования. Эти фундаментальные темы социологии им обсуждаются во многих работах, но подробно они рассмотрены в 1 томе «Социологии». По его мнению, социология как молодая наука, которая делает свои первые шаги, может «стать на ноги только с момента установления ею собственных законов». Особенность социологии он видел в том, что она в отличие от других общественных наук (экономической, юридической и исторической), которые

изучают отдельные стороны и периоды общественного развития, социология способна дать целостное и развернутое представление об обществе.

М.М. Ковалевский был сторонником диалога в социологии разнородных течений, призывал не опровергать существующие социологические концепции, а находить в них позитивные моменты. Он осуждал те социологические школы, которые претендуют на монопольное право истинности своих выводов, и выступал за сближение различных подходов и синтез их в позитивной социологии. В этом проявлялось его стремление снять в социологическом сообществе элементы узости и борьбы на основе однофакторного подхода и политических ориентаций. Как мы говорили выше, это послужило основой зарождения русской социологической школы, связанной в первую очередь с именем М.М. Ковалевского, а также Л.И. Петражицкого, Н.И. Кареева, А.С. Лаппо-Данилевского, Е.В. де Роберти и учеников Ковалевского – П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева, Н.Д. Кондратьева, Н.С. Тимашева и др. Эта школа, как утверждает А.Н. Медушевский, оказала влияние «на становление ряда ключевых направлений мировой социологии: на общую теорию социальной и культурной динамики и социальной мобильности, культурную антропологию, теорию рационального выбора, бихевиоризм, институционализм и на такие направления современной социологической мысли, как социология культуры, истории права, криминология и политическая социология» [5, с.112].

Заслуга Ковалевского перед отечественной социологией состоит не только в развитии ее теоретико-методологических проблем, но и в ее институционализации, которая понимается как процесс организации знания, признание его структур, становление образования и других форм ее воспроизводства и определенных традиций деятельности. Он считал, что организация той или иной науки и утверждение ее в общественном сознании и в системе наук начинается с образования. Поэтому Ковалевский обращал много внимания образовательному процессу, и институционализации социологии.

Как писал Н.И. Кареев, он «был убежденным сторонником преподавания социологии в высшей школе...» [2, с.177]. Как известно к концу XIX и в начале XX веков российская социология, несмотря на наличие многих исследований и направлений оставалась без организационно-воспроизводственной структуры, без конкретной дифференциации по предмету с другими науками, т.е. без признания со стороны научной общественности, без чего она не могла преподаваться в университетах.

В 1912 году по инициативе Ковалевского при Историческом обществе Петербургского университета была образована социологическая секция. Ученик Ковалевского П.А. Сорокин в своем обосновании секции утверждал, что она должна способствовать развитию социологии, распространению социологического знания и быть зародышем будущего российского социологического сообщества [7, с.276].

Благодаря его педагогической деятельности появляются первые ученики-социологи. Среди них – П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.Д. Кондратьев, П.И. Люблинский, Я.Н. Магазинер, Н.С. Тимашев и др. Эти имена подтверждают наличие школы Ковалевского, традиции которой составляют основу русской социологической школы.

Сказанное заставляет нас сделать следующие выводы. Во-первых, М.М. Ковалевский один из тех, кто повернул российскую социологию на путь научности (академичности), сняв внутреннюю политизированность, отвергая проявления субъективности, нормативности, ортодоксальности, что «сдерживали развитие научной социологии в России» (Н.С. Тимашев).

Большую роль в этом сыграла идея плюрализма как взаимозависимости факторов, которая снимала методологическую узость социологических теорий и стала, по мнению, Н. Тимашева фундаментом социологической теории Сорокина и отдельных учеников. Во-вторых, он создал свою системно-функциональную традицию, на которую влияли идеи Конта, Маркса и Спенсера. Позиция Маркса нашла свое отражение в экономических трудах Ковалевского, Спенсера – в реализации его антропологических исследований в понятиях генетической социологии, которую можно рассматривать как содержательный опыт.

В-третьих, как было показано, организационные процессы в отечественной социологии непосредственно связаны с деятельностью М.М. Ковалевского. Он способствовал включению социологии в структуру университетского образования, создал первую в России кафедру социологии, начал пропаганду социологических идей, подготовил учеников.

В-четвертых, Ковалевский в начале 20 века, когда активно встал вопрос о развитии социологии и ее месте в системе социогуманитарного знания представил свое понимание ее предмета и его соотношение с предметами других наук. Системная интерпретация предмета

социологии как науки, изучающей организацию (социальную структуру), социальные институты и эволюцию общества и теория взаимодействия факторов позволили ему найти непротиворечивую логику взаимодействия наук. Н. Тимашев писал, что это «выдающийся вклад Ковалевского в понимание взаимодействия наук и нахождения форм их взаимодополнения».

Активная деятельность Ковалевского, фундаментальные идеи и труды, обучение социологии, его учительство позволяют говорить о создании русской социологической школы, о которой мечтал.

Таким образом, отечественная школа социологии с антропологическим уклоном формировалась с конца XIX и в начале XX века благодаря усилиям в первую очередь Ковалевского и его коллег Кареева, Петражицкого, де Роберти, Лаппо-Данилевского, Хвостова; их традиции продолжили его ученики – Сорокин, Тахтарев, Кондратьев, Тимашев, Магазинер, Люблинский и др. К сожалению, развитие школы было прервано в 30-х годах XX века в связи с господством однофакторной теории, приведшей к догматизму.

В настоящее время для развития традиций отечественной школы социологии чрезвычайно важно новое прочтение трудов наших предшественников, использование их опыта в современном теоретизировании и в эмпирических исследованиях и через это включение их в процесс формирования социологического мышления в стране и идентичности отечественной социологии.

1. Вагнер В.А. М.М. Ковалевский в вопросах просвещения // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917.
2. Кареев Н.И. М.М. Ковалевский как историк и социолог // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917.
3. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. М., 1880.
4. Ковалевский М.М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб., 2011.
5. Медушевский А.Н. Российская социологическая мысль: ключевые концепции в свете когнитивной теории // Мир России. Социология. Экология. Т. 24, № 3, 2015.
6. Милюков П.П. М.М. Ковалевский как социолог и как гражданин // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917.
7. Сорокин П.А. К обоснованию социологической секции Исторического общества при Санкт-Петербургском университете // Запросы жизни. 1912, № 48.
8. Тимашев Н.С. Социологические теории Максима Ковалевского // М.М. Ковалевский. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы / Отв. ред. А.О. Бороноев. Изд-во Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2011.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ: РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ (В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ М.М. КОВАЛЕВСКОГО О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ)

Починок Н. Б. (Москва)

Максим Максимович Ковалевский (1851-1916), как известно, оставил огромное наследие, связанное со многими направлениями науки. Многие идеи, взгляды М.М. Ковалевского не только развивали науку прошлого периода, но и, по-прежнему сохраняют свою актуальность в настоящее время. Популяризацией его наследия плодотворно занимается социологическое общество М.М. Ковалевского. И мне очень приятно выступать на этом форуме.

Научные труды М.М. Ковалевского, его личный политический опыт, работа в политических партиях, в Государственном совете, в Государственной думе, в крупных изданиях общественно-политической направленности, позволили ученому дать реальную картину политического устройства России, доказать необходимость реформ в определенных направлениях.

Так, М.М. Ковалевский большое значение придавал структуре и функциям местного самоуправления. Более того, он был убежден, что именно оно является главным импульсом прогрессивного социального развития современного общества. Он утверждал: «... Никакой, даже самой просвещенной, центральной администрации недоступно в такой мере понимание местных нужд, как местным обывателям, знакомым с повседневной административной практикой; а таких обывателей не в состоянии создать ни школа, ни даже университеты... а одна лишь практическая деятельность, участие возможно большего числа местных жителей в заведовании местными делами»[1, 819-820].

Убеждение М.М. Ковалевского в том, что в России должна быть сильная государственная власть, эффективно взаимодействующая с местным самоуправлением, является, по-прежнему недостигнутой, но чрезвычайно востребованной идеей. Основные мысли М.М. Ковалевского по этому вопросу изложены в работе «Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие» (1885). Максим Максимович выделяет два основных аспекта, необходимые для эффективного управления на местах: во-первых, местная власть должна быть самостоятельна в своем волеизъявлении; во-вторых, население «на местах» должно быть активным, должно артикулировать свои реальные потребности, чтобы приобрести гражданскую зрелость.

Однако обозначенные М.М. Ковалевским маяки для создания гармоничного российского общества в этой части и сегодня не до конца осознаны. Самостоятельность местной власти в своем волеизъявлении во многом зависит от ее финансовой самостоятельности. Однако в настоящее время по-прежнему наиболее трудным остается вопрос о необходимом финансовом обеспечении деятельности муниципальных образований по решению вопросов местного значения во всех субъектах Российской Федерации. Приведенные на рисунке 1 данные свидетельствуют о том, что консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации исполняются с существенным дефицитом.

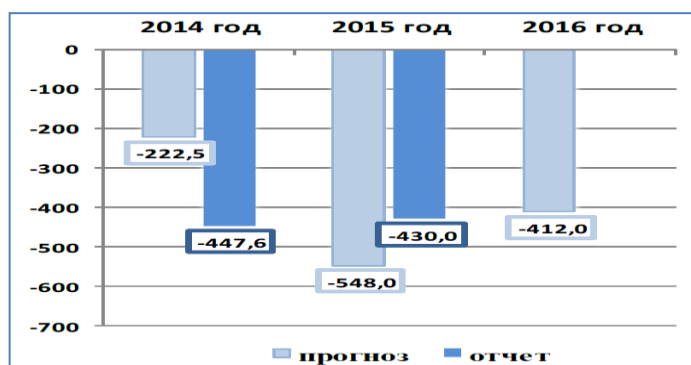

Рис.1. Дефицит консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (в млрд. рублей) [2, 111]

Анализ тенденций бюджетного обеспечения муниципальных образований РФ позволяет сделать вывод об их искусственной дотационности: изъятие в вышестоящие бюджеты основной части налоговых поступлений, и последующий их возврат в форме межбюджетных трансфертов приводит к высокой степени централизации власти, зависимости местного самоуправления от федеральных и региональных властей. Налоговые доходы местных бюджетов в основном формируются за счет отчислений от налога на доходы физических лиц, на администрирование которого органы местного самоуправления не могут оказывать существенного влияния.

Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрена возможность установления разовых платежей в порядке самообложения граждан. В настоящее время муниципальные образования по всей России все шире используют передовой опыт Кировской области, где институт самообложения активно реализуется с 2009 года, с 2010 года внедрен механизм стимулирования органов местного самоуправления по привлечению средств самообложения граждан к решению вопросов местного значения. Так в городах и районах Пермского края востребованы жителями конкурсы социально-значимых проектов; позитивно принята населением практика субсидиарного участия краевой власти в софинансировании работ по решению тех вопросов местного значения, на которые жителями внесены в муниципальный бюджет средства самообложения (на благоустройство, в частности, краевой бюджет выделяет 75% или три рубля на рубль средств, внесенных населением).

В 2015 году собственные доходы местных бюджетов, используемые муниципальными образованиями в интересах финансового обеспечения решения вопросов местного значения, увеличились по сравнению с 2014 годом на 5,4 % (или на 123,9 млрд. руб.) и составили 2 429,1 млрд. руб., но при этом на 7,3% (или на 258,8 млрд. руб.) увеличились и расходы муниципальных образований (рисунок 2).

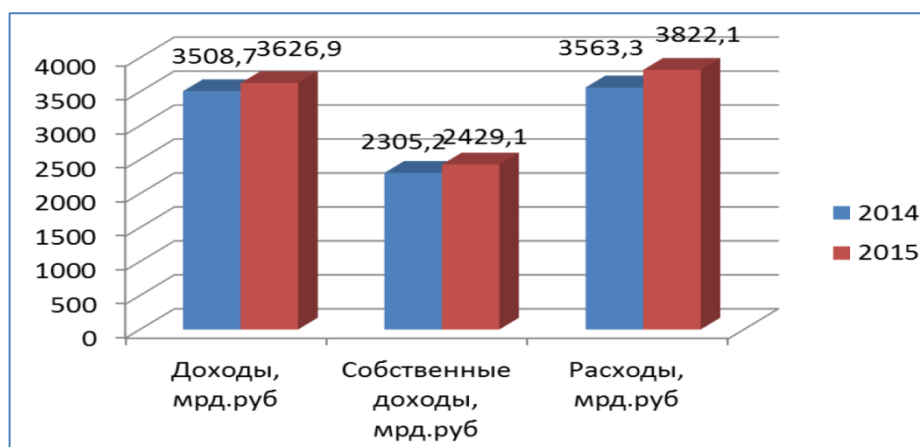

Рис.2. Динамика доходов и расходов местных бюджетов в 2014-2015 годах (в млрд. рублей)[2, 113]

Как отметил В.В. Путин в сентябре 2016 года на заседании Совета Безопасности Российской Федерации, где обсуждался проект основ государственной политики регионального развития России до 2025 года: «Важно предлагать решения, которые повысят самостоятельность регионов и муниципалитетов в вопросах развития своей налогооблагаемой, доходной базы»[3].

В области местного самоуправления настоятельно необходимо сменить фискальную бюджетно-налоговую политику на стимулирующую, при которой муниципальные образования будут иметь возможность влиять на увеличение налоговых поступлений в свои бюджеты через механизмы расширения налогооблагаемой базы местных бюджетов, через механизмы участия в учете и контроле за взиманием налогов, которые (доли которых) поступают в местные бюджеты.

Для эффективной плановой работы муниципалитетов, для формирования перспективных документов стратегического планирования муниципальные образования должны иметь средства не только на текущие расходы – они должны иметь возможность формировать в бюджетах муниципалитетов бюджеты развития, составляющие 10-20% доходов местных бюджетов. Наличие бюджетов развития в структуре местных бюджетов является принципом Европейской хартии местного самоуправления (часть 1 статьи 9). Для этого необходимо решать вопрос о закреплении за местными бюджетами дополнительных налоговых доходов, на развитие налоговой базы которых могут влиять органы местного самоуправления.

Федеральный закон № 131-ФЗ кроме полномочий в области бюджетной и налоговой политики, управления муниципальным имуществом, дорожной деятельности и других вопросов, наделяет органы местного самоуправления полномочиями по решению вопросов, касающихся социальной сферы муниципального образования. Результаты исследования [4], проведенного на основе уникальной методики, разработанной специалистами РГСУ, социологическая оценка эффективности результатов социального обслуживания позволяют заключить, что, в целом, учреждения социального обслуживания справляются с решением социальных проблем. Средняя оценка удовлетворенности качеством оказанных социальных услуг по всем федеральным округам составляет 3,34 балла (максимальное значение – 5 баллов).

Большинство респондентов указывает на то, что проблема, с которой им пришлось обратиться за помощью, «решена полностью» учреждением социального обслуживания, либо «скорее решена, чем нет». В целом, опыт обращения респондентов в учреждения социального обслуживания, носит позитивный характер, однако, клиенты учреждений социального обслуживания в Южном федеральном округе чаще недовольны качеством оказанных социальных услуг. Практически по всему спектру социальных услуг наблюдается тенденция наименьшей удовлетворенности качеством оказанных услуг в областных и краевых центрах, а также г. Москве. При этом наибольшая удовлетворенность их качеством зафиксирована в Белгородской и Московской областях, наименьшая - в Ростовской области.

Большинство (68,4%) получателей социальных услуг отмечают, что качество предоставляемых услуг повысилось. Наиболее существенное повышение качества социальных услуг за последние 3-5 лет наблюдается в Курской и Белгородской областях, а также Ставропольском Крае. В качестве основных направлений повышения качества социального обслуживания респонденты называли: увеличение финансового обеспечения социального

обслуживания, повышение компетентности персонала, улучшение материально-технического оснащения учреждений, повышение доступности и открытости информации о порядке предоставления социальных услуг и другие, отраженные на рисунке 3

Рис.3. Направления повышения качества социального обслуживания, по мнению опрошенных респондентов

Устойчивое развитие муниципального образования во многом зависит от осознанного и массового (не менее 30% от общего количества жителей) вовлечения населения в общественное движение и, прежде всего, в волонтерство. Забота о ближнем, взаимовыручка, коллективная ответственность за свой дом и двор, поддержка власти в ее социальных инициативах - всё это является сегодня неотъемлемым атрибутом эффективно развивающейся территории: муниципалитета, региона, России в целом.

Особенно показательно в этой связи международное волонтерское движение Абилимпикс, федеральным оператором которого в России выступает наш университет (рисунок 4). Волонтеры Абилимпикс способствуют разрушению барьеров для людей с ограниченными возможностями здоровья, создают ситуацию успеха для тех людей, которые в наибольшей степени нуждаются в заботе со стороны муниципального образования.

Рис. 4. Волонтеры Абилимпикс способствуют разрушению барьеров для людей с ограниченными возможностями здоровья

Примеры успешных практик, когда волонтеры, проявляющие заботу о людях с инвалидностью, сами становятся активистами в органах местного самоуправления - яркая демонстрация социально ориентированного общества, в котором успешность человека определяется не его карьерным ростом, а общественной полезностью.

Успешная реализация социальных преобразований в регионе возможна только на основе социально-экономических методов управления территорией. При этом руководство должно укрепить свои позиции среди широких слоев населения. Вопрос о том, в каком случае более эффективна роль государства, а в каком - рынка остается нерешенным до сих пор. Здесь требуется комбинированный подход, который может обеспечить грамотная реализация модели «сити-менеджер». Эта модель активно развивается (рисунок 5).

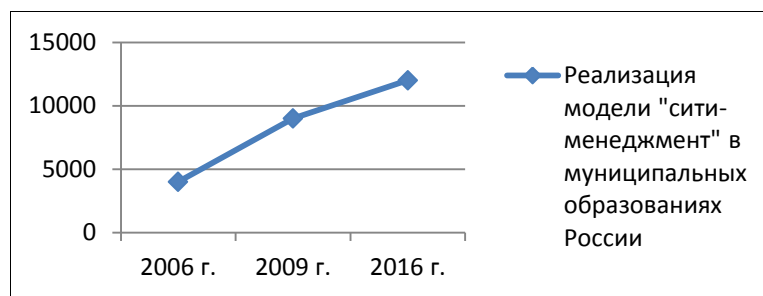

Рис. 5 Динамика реализации модели «сити-менеджер» в муниципальных образования Российской Федерации.

Однако здесь еще много неразрешенных проблем. Социологический опрос среди муниципальных служащих России (май 2016 г), проводимый Всероссийским советом по местному самоуправлению совместно с Российским государственным социальным университетом показал неоднозначное отношение муниципальных служащих к модели «сити-менеджер», в том числе занимающих руководящие должности (рисунок 6) .

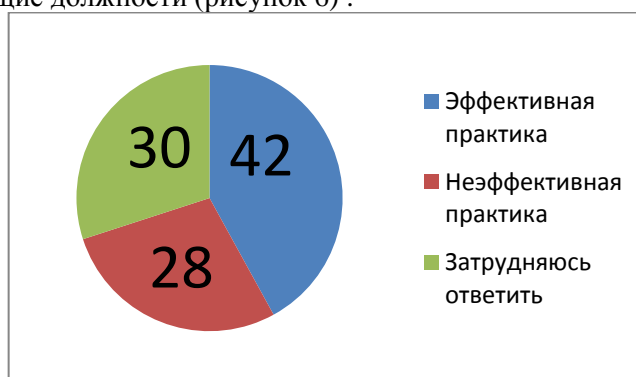

Рис. 6 Оценка реализации модели «Сити-менеджер» в муниципальных образования Российской Федерации

Практика многих регионов свидетельствует, что модель «сити-менеджер» способствует появлению конфликтных рисков субъектно-объектных отношений. Исследования показывают, что реализация модели «сити-менеджер» возможна лишь в условиях единого интегрального подхода кадрового обеспечения процесса формирования модели, использования дифференцированного методического обеспечения по типам муниципальных образований.

Не до конца решена и проблема активности населения, о необходимости развития и поддержания которой не однократно писал М.М. Ковалевский. Результаты опросов населения свидетельствуют, что низкий уровень общественной активности граждан – это не столько особенности российских поведенческих установок, сколько результат сложившейся односторонней практики взаимодействий с властью. Жители современных муниципальных образований не доверяют власти, описывая существующие практики взаимодействия как имитацию конструктивного диалога. Низкий уровень доверия населения к местным органам власти, информационная закрытость системы муниципального управления, устоявшиеся

коррупционные практики – все это не соответствует ожиданиям людей и детерминирует высокую степень отчуждения населения от местного самоуправления.

Следует отметить, что одна из важнейших задач местного самоуправления, а значит и государства в целом, заключается в преодолении пассивно-иждивенческого отношения населения к власти, в развитии активно-деятельностной позиции личности. Организация местного самоуправления и расширение управленческих функций местных органов власти ведёт к преодолению отчуждённости между органами власти и населением, между государством и обществом в целом, к росту доверия населения к ним.

В настоящее время Федеральный закон № 131-ФЗ дает возможность муниципальным образованиям способствовать организации территориального общественного самоуправления (далее – ТОС), помогать их становлению, тем более, что ТОС – это институт, дающий гражданам реальную возможность и навыки участия в осуществлении местного самоуправления. ТОС становится наиболее действенным посредником между властью и населением. Принципиальное отличие ТОС от органов местного самоуправления кроется в назначении деятельности: ТОС призвано осуществлять собственные инициативы населения в решении вопросов местного значения, в то время как органы местного самоуправления, по большей части, осуществляют не инициативы населения, а реализуют задачи государственного управления. По данным советов муниципальных образований на 01 января 2016 года в Российской Федерации зарегистрировано 35 334 ТОС (таблица 1).

Таблица 1 - Организации территориального общественного самоуправления, зарегистрированные на 01 января 2016 года [2, 159]

Показатель	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Городские округа	Городские округа с делением	Внутригородские районы
Количество юридически зарегистрированных ТОС	175	414	3520	379	1	7
Количество ТОС зарегистрированных органами местного самоуправления	-	3424	10860	16377	120	-
Всего	175	3838	14380	16756	121	7
ИТОГ	3534					

Анализ практики деятельности территориального общественного самоуправления в различных муниципальных образованиях, тенденций развития движения ТОС позволяет определять роль ТОС как одного из наиболее серьезных резервов развития непосредственной демократии и реального вовлечения населения в управление общественно-властными процессами. Положительный эффект развитого территориального общественного самоуправления проявляется также в повышении доверия общества к власти, преодолении наблюдаемого отчуждения органов местного самоуправления от населения.

Сдерживающим фактором в развитии и функционировании ТОСов является недостаточная компетенция руководителей и активистов ТОС в вопросах местного самоуправления, права, психологии, ведения текущей хозяйственной деятельности. Фактор недостатка образования является проблемной зоной всех органов местного самоуправления. Важность этого фактора отмечал и М.М. Ковалевский. Он писал: «Великие пионеры идей государственности и гражданского общежития на американском Западе, те Джефферсоны и Синклеры, воззрения которых определили собой дальнейшую судьбу, хорошо сознавали, что во всеобщем образовании, – образовании притом по возможности всестороннем, лежит не только ключ к обращению

полуодичавших колонистов в граждан свободнейших государств в мире, но и тот цемент, который должен сплотить в одну массу пестрый этнографический состав, какой представляло собой их первоначальное население»[1, 811].

Существующая сегодня в России система обучения муниципальных кадров излишне теоретизирована, зачастую не учитывает мнения и потребности самих муниципальных служащих при составлении программ повышения квалификации. В настоящее время к обучению могут привлекаться и коммерческие образовательные организации, которые участвуют в конкурсах и выигрывают их путем демпинга, что является неприемлемым для любой системы повышения квалификации, в том числе и для повышения квалификации муниципальных служащих. Вышеназванные учреждения порой не обладают не только необходимым материально-техническим потенциалом, но и необходимым профессиональным профессорско-преподавательским составом, обеспечивающим более качественный и контентный подход к обучению муниципальных служащих.

Необходимо формирование нового подхода к системе подготовки и переподготовки муниципальных кадров. Следует создавать экспериментальные профессиональные площадки по разработке и внедрению специализированных комплексов, выстроенных с учётом систем информационного обучения, а также развитию дистанционных технологий для разных уровней повышения квалификации. Реализация мероприятий по созданию систем подготовки муниципальных кадров для местного самоуправления должна сопровождаться совместной работой образовательных учреждений и профессионального сообщества (ОКМО).

В целом, закономерно заключить, что многие представления Максима Максимовича Ковалевского предопределили ход реформирования местного самоуправления в России. Покинув, на время, социально-политическую сцену, они сегодня вновь представляют большую ценность для реформирования территориальных и организационных структур местного самоуправления, обеспечения взаимодействия населения, местных сообществ с органами власти. Поскольку, решая задачи повышения эффективности муниципальной власти, необходимо использовать все-то положительное, что дает опыт прошлого, учесть уроки, вытекающие из него. В этой связи идеи М.М. Ковалевского о местном самоуправлении являются богатейшей базой для его дальнейшего развития, и их грамотный учет позволит быстрее решить наиболее острые современные проблемы.

1. Ковалевский М.М. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие. //Вестник Европы. Т. I. Февраль. 1885. С. 793-820.

2. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации и предложения по совершенствованию организации и осуществления местного самоуправления. Общероссийский Конгресс муниципальных образований. М., 2016. – 159 с.

3. Официальный сайт Президента России. Заседание Совета Безопасности 22 сентября 2016 года, Москва, Кремль.
<http://special.kremlin.ru/events/president/news/52947>

4. Исследовательский проект «Независимая оценка качества социальных услуг в сфере социального обслуживания: результаты и выводы». М, 2016

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ СОЦИОЛОГИИ (100 ЛЕТ СПУСТЯ) (ТЕЗИСЫ ПЛЕНАРНОГО ДОКЛАДА)

Ж. Т. Тощенко (Москва)

1. Источники сравнения:

- Новые идеи в социологии. (Под ред. проф. М.М.Ковалевского и Е.В. де Роберти. СПб. : Образование. Сб. 1-4. 1913-1914.
- Новые идеи социологии /Отв. ред. Ж. Т. Тощенко М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2013-2014.
- Журнал СОЦИС - Рубрика Научного совета ООН РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике»

2. Цель анализа:

Сравнить

- Основные идеи, обсуждаемые социологами в 1910-е и 2000-е гг.
- Дать анализ трактовок социологии как науки

- Какие теоретические и методологические проблемы обсуждались
- На какие общественные процессы и явления обращалось первостепенное внимание?

Какие идеи сохранили свою актуальность?

3. Положение социологии в обществе

1910-е гг.:

- Запрет социологии
- Ассоциация с социализмом (слова Ковалевского)
- Позиция Министерства просвещения
- Первая кафедра социологии в частном институте в 1908г. По распоряжению императора

2000-е гг.:

- Признанное, но слабо востребованное или своеобразно используемое

4. Основные идеи

1910-е гг.:

- Идея прогресса, которая характерна для 19 и начала 20 веков (де Роберти Е.В., Новиков Я.А., Сорокин П.А.)

2000-е гг.:

- Общество постиндустриальное, информационное, общество знания
- Турбулентное, парадоксальное

5. Теоретические проблемы

1910-е гг.:

- Предмет, границы, место в структуре социально-гуманитарных наук (Ковалевский М.М.)
- Предмет социологии - социальное взаимодействие (Сорокин П.А.)
- Размежевание с философией (де Роберти Е.В.)

2010-е гг.:

- Проблемы остались те же, но по-иному решались
- Добавились: Идеи меж (транс)дисциплинарности

6. Методологические основы

1910-е гг. :

- социологический реализм (от общества – к человеку)
- на основе анализа П.А.Сорокиным идей Конта, Спенсера, Зиммеля, де Роберти, Гимпловича, Дюркгейма, Новикова)

2010-е гг.:

- Социологический номинализм (от человека – к обществу)
- Социологический конструктивизм (объективные условия и субъективные факторы, одновременный анализ макро-, мезо- и микро-мира)

7. Методические основы

1910-е гг.:

- Общее признание роли и значения эмпирических данных (но не было систематизации, разработанных методик анализа эмпирических данных)

2010-е гг.:

- Обсуждение валидности и значимости различных применяемых методик и их критический анализ.

Конкретные темы анализа В 1910-е годы

- Труд (де Роберти Е.В.),
- право, мораль (Ковалевский М.М.),
- семья (Сорокин П.А.),
- религия (Кондратьев Н.Д.)

8. Концепции, подходы, идеи

2010-е гг.:

- Все полотно общественной жизни
- Пионерные идеи в 1910-е гг.
- Социально-психологические сюжеты и методы (проблемы морали, добра и зла)
- Генетическая социология (Ковалевский, де Роберти, Сорокин)

2000-е гг.:

- Клеточная глобализация (Покровский Н.Е.),
- «Русская мечта» (Горшков М.К.),
- Неотходничество (Великий П.П.)
- Нейросоциология (Шкурко А.С.)
- Парадоксальность, кентавризм, фантомность (Тощенко Ж.Т.)

9. Взаимодействие с другими науками

1910-е гг.:

- общий анализ взаимодействия с другими наукам, особенно с философией

2010-е гг.:

- С точными науками (математикой), естественными (биологией, медициной). С другими социальными науками (философией, психологией, экономикой и др.)

10. Социологическое образование и просвещение

1910-е гг.:

- Ковалевский – надо преподавать в университетах и гимназиях
- Иметь журналы
- Иметь социологическое общество
- Де Роберти – сравнение с Западом

2010-е гг.:

- Провозглашенные, но урезанные права в образовании

11. Полемика

1910-е гг.:

- Как обосновать, что социология наука (новая информация не равна новому знанию)?
- Социология – часть социального знания или все социальное знание?

2010-е гг.:

- Парадигмальна ли социология
- Как относиться к постмодернизму
- Проблема постнеклассической социологии

12. Социология жизни как перспектива

Социология жизни включает в себя жизненный мир, состоящий из:

- реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии;
- деятельности, действительного поведения людей;
- условий, в которых они реализуются
- смысла, нацеленного на реализацию целей-принципов.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Осипова Н.Г. (Москва)

Важнейшей составляющей процесса институционализации любой науки является создание системы образовательных подразделений и учреждение профессиональных ассоциаций,

объединяющих виднейших представителей научного сообщества. Целью первых является передача накопленных научных знаний, а вторых - обмен между учеными передовым опытом, идеями и технологиями, обсуждение результатов научных исследований и открытий. Несмотря на то, что профессиональные объединения являются особой формой солидаризации профессионалов в области конкретной науки, часто, особенно на первых этапах ее развития, они включают людей из разных областей. Социология не является исключением - в институционализации ее как полноценной научной дисциплины участвовали как ученые обществоведы – философы, историки, экономисты, этнологи, лингвисты, так и меценаты.

Например, в 1903 г. в Великобритании по инициативе шотландского коммерсанта и одновременно центральной фигуры институционального развития социологии в этой стране - Виктора Бранфорда и ряда философов - последователей О. Конта, было учреждено *Английское социологическое общество*, которое представляло собой первую национальную ассоциацию социологов. Оно объединило людей, которые, как правило, в социологии являлись меценатами-любителями, не имели университетской степени, но были богаты и далеко не молоды. Следует отметить, что в России инициаторами создания подобных профессиональных объединений, ярким примером которых является Российское социологическое общество имени М.М. Ковалевского, являлись выдающиеся ученые.

Сегодня лицо профессионального социологического сообщества определяют специально подготовленные специалисты с высшим социологическим образованием.

Социологическое образование представляет собой целенаправленный процесс передачи молодому поколению социологов мировых и отечественных достижений в области теории и практики социологической науки, умений и навыков проведения социологического исследования.

Социологическое образование воздействует на экономическую (производственную), социальную, политическую и духовную жизнь общества за счет подготовки специалистов, умеющих исследовать процессы, происходящие в данных сферах, тем самым, способствует позитивным преобразованиям в каждой из них.

Социологическое образование предполагает освоение ценностей и норм профессиональной социологической деятельности, приобщение к профессиональной социологической культуре, и, конечно, включение в социально-профессиональную группу социологов.

Социологическое образование в нашей стране получило полный законный статус в 1988 году, когда был издан приказ Государственного комитета СССР по народному образованию «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране». В 1989 году почти одновременно открылись социологические факультеты в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Ленинградском государственном университете. С тех пор в этих и в социологических подразделениях многих других Вузов прошли профессиональную подготовку и начали строить свою профессиональную карьеру несколько поколений социологов – профессионалов.

В современной России система социологического образования сталкивается с внешними и внутренними вызовами, имеющими место на разных уровнях функционирования образовательного процесса.

Внешние вызовы обусловлены глобализацией образовательного пространства и особенностями интеграции в нее институтов отечественного социологического образования. К этим особенностям, прежде всего, следует отнести «спонтанность» и «хаотичность» тех реформ, с помощью которых предполагалось ускорить включение в процесс интеграции российского образования.

Так, в России началась серьезная модернизация всей системы образования. Ее цель заключалась в создании современного образовательного комплекса, отвечающего высочайшим международным стандартам и способствующего сохранению лидирующего места российского образования в мировом образовательном пространстве.

Однако в каждой стране процесс функционирования института образования имеет национальную специфику, которую определяют ее внешняя и внутренняя политика, макроэкономическая динамика, демографическая ситуация, социальная мобильность и т.п. Это также та нормативная база, которая задает необходимые направления реформирования данного института, всей образовательной сферы общества.

Стратегию и основные направления развития высшего образования определяет «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», которая является основополагающим государственным документом в данной области.

Согласно данной доктрине, система *высшего образования* в России призвана обеспечить:

- систематическое обновление всех аспектов образования, отражающего изменения в сфере культуры, экономики, науки, техники и технологий;
- многообразие типов и видов образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, обеспечивающих индивидуализацию образования;
- подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий. И это действительно необходимо.

Тем не менее, в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» присутствует множество декларативных моментов; стратегическая цель и последствия ее реализации не разделены; не определены конкретные направления совершенствования законодательства в данной области.

Обозначенная доктрина непоследовательна в определении будущего развития и масштабов образовательной реформы и утопична в экономическом отношении. В ней отсутствует четкая и однозначная концептуализация основных составляющих образовательной реформы – стратегии и тактики, цели и задач. Все уровни образования представляют монолит, в котором неоправданно мало места, при его ключевой роли в модернизируемом обществе, занимает высшее образование.

К сожалению, не уделено должного внимания тому, что история высшего образования в России и его актуальное состояние определяют конкурентные преимущества по сравнению со многими другими странами.

Главное из них - **фундаментальность образования**, основанная на академических традициях, неразрывной связи образования, науки и практики, на тесном и конструктивном академическом взаимодействии всех участников образовательного процесса.

Быстрые и хаотичные шаги, предпринятые в процессе реформирования *отечественного высшего образования*, обусловили специфическую образовательную ситуацию, для которой характерна спонтанная политика реорганизации сферы образования, можно сказать – **радикальная ее либерализация**, нацеленная на внедрение западных моделей и инструментов управления образовательными учреждениями.

К сожалению, обозначенная ситуация обусловила дисфункциональное состояние отдельных компонентов образовательной сферы, прежде всего, высшего образования.

К числу **дисфункций** современного института высшего образования в России можно отнести:

- увеличение и усложнение внешнего и внутреннего документооборота по различным вопросам жизнедеятельности Вузов;
- диспропорцию в отдельных направлениях развития образования, ориентация, в первую очередь, на количественные (в том числе, наукометрические, рейтинговые), а не на качественные показатели.
- замещение курсов курсами (профилями) псевдонаучной направленности, политизация читаемых курсов;
- подмену профессиональных кадров профессорско-преподавательского состава случайными кадрами, не прошедшими должной подготовки и аттестации. Так, некоторые из претендентов на вакантные преподавательские должности являются непрофильными специалистами, пришедшими, в том числе, из органов государственной власти и управления или бизнеса, многие из которых никогда не изучали ту область науки, на преподавание которой они претендуют профессионально. Однако по тем или иным обстоятельствам они были вынуждены вклиниться в преподавательскую деятельность и науку, и, более того, пожелали сразу получить в ней высокий статус;
- использование образовательных площадок для политической пропаганды, реализации политических амбиций, извлечения материальной выгоды.

На наш взгляд, цель образовательной реформы в России - создание современного образовательного комплекса, гарантирующего сохранение подобающего места российского государства в мировом сообществе. Реализация данной цели обусловлена решением нескольких групп конкретных задач.

Важнейшей задачей в области реформирования системы образования является преодоление популистских подходов к современному образованию, навязанных обществу различными политическими силами, некритичное заимствование западных моделей.

Модернизация и профессионализация системы образования в Российской Федерации должна быть объявлена приоритетной стратегической целью всего общества, а не отдельного ведомства или группы ведомств.

Особое место должно быть отведено функциональным нагрузкам системы высшего образования. Главным моментом представляется сохранение традиций высшего образования в России, учет специфики его отдельных направлений, особое значение в ряду которых имеет социологическое образование.

В свою очередь, процесс функционирования социологического образования в современной России сталкивается с рядом проблем внешнего и внутреннего характера.

Во-первых, социологическое образование в России было вынуждено отражать **внешние атаки** со стороны так называемых «высокорейтинговых» зарубежных вузов, модели преподавания социологии в которых рекомендуются в качестве «эталонных». На самом деле, анализ отечественных образовательных программ и их западных аналогов свидетельствует в пользу преимуществ профессиональной подготовки в России. В их числе:

- особое внимание к глубокому освоению философских дисциплин, которые служат фундаментом понимания сущности современных социальных процессов.
- большой объем преподавания фундаментальных дисциплин, акцент на теорию, сбалансированное соотношение прикладной и теоретической подготовки.
- серьезный цикл математических дисциплин.
- более структурированная, последовательная и логичная, с точки зрения формирования заложенной образовательным стандартом системы компетенций, система предложения студентам курсов по выбору.

Так, специальные исследования показали, что впечатляющее разнообразие дисциплин по выбору в западных вузах не имеет прямой связи с научным знанием или носит довольно узкий характер. При этом нет четкого разделения курсов по годам обучения, студенты могут выбирать большую часть курсов в любой последовательности. Это приводит к нарушению логики процесса усвоения знаний, наносит ущерб функциональности образования по специальности.

- большая, чем в большинстве зарубежных вузов, аудиторная нагрузка, что предоставляет лучшие возможности для работы со студентом, в том числе и для контролируемой самостоятельной работы.

- наличие учебно-ознакомительных и производственных практик, на которых студенты получают возможность получить, в условиях реальных социологических и исследовательских организаций, являющихся в большинстве случаев потенциальным работодателем, необходимые практические навыки, применить теоретические знания в реальной профессиональной среде.

Во-вторых, резкое увеличение числа подразделений социологического профиля в системе высшего образования в России обусловило рост конкуренции за лидерство между ними. При этом подобная конкуренция не всегда имела добросовестный характер.

Специально проведенные исследования показали, что, несмотря на острую конкуренцию, только социологические факультеты государственных университетов России имеют достаточные условия для подготовки социологов высокой квалификации.

Важнейшими из них являются: возможность осуществлять относительно большие наборы абитуриентов (не менее 100 человек на 1 курс); наличие кафедр, сотрудники которых могут преподавать весь спектр социологических дисциплин; хорошая сбалансированность учебных планов, предполагающих полное использование педагогического и научного потенциала преподавателей (факультетов и университетов).

В-третьих, несмотря на то, что социология в России стала модной специальностью и престижным занятием, в кругах выпускников школ и их родителей часто бытуют ложные представления о самой социологии и о профессии социолога.

Во многом это связано с тем, что в большинстве имеющихся российских и зарубежных учебников по социологии, в содержании читаемых в некоторых высших учебных заведениях курсов имеет место явная произвольность в интерпретации структуры социологического знания, в трактовке предметной области и содержательного наполнения общей и специальных социологических теорий. Это не только существенно снижает возможность получать адекватные представления о сущности и структуре социологической науки, ее роли в современном обществе, о профессии и задачах социологов. Наиболее серьезным следствием данной тенденции является подготовка специалистов, уровень профессиональной компетентности которых не соответствует современным реалиям.

Целесообразно обратить внимание на две основные группы актуальных внутренних проблем, которые стоят перед социологическим образованием в России.

Первая группа проблем связана с качеством процесса преподавания оснований социологической науки.

Прежде всего, на социологических факультетах ряда высших учебных заведений России, особенно отраслевого профиля, качество преподавания «базовых» социологических дисциплин не всегда соответствует принятому образовательному стандарту. В отдельных курсах социальные явления и процессы не соотносятся с целостным представлением об обществе и широкой картиной исторического развития, структура и особенности предмета современного теоретического социологического знания практически не рассматриваются. В частности, отсутствуют темы, которые бы затрагивали перспективы развития современной социологической теории, новейшие социологические концепции и понятия. В списках литературы нередко преобладают устаревшие источники, содержание которых не отвечает реалиям развития современного общества.

К сожалению, сами студенты-социологи, будучи изначально ориентированы на прикладную сферу своего профессионального применения, не понимают важность теоретических основ той дисциплины, которую они выбрали в качестве своей профессии.

Далее, качество многих учебников и учебно-методических пособий, призванных способствовать полноценному усвоению социологической дисциплины, оставляет желать лучшего.

В настоящее время не только в России, но и за рубежом, публикуется достаточное число книг, учебников и пособий «социологического» профиля, предназначение которых часто трудно определить. Для многих учебников характерно непропорциональное разбиение на подразделы, а также теоретические, методологические и стилистические погрешности. Кроме того, повсеместно отсутствуют современные аспекты рассматриваемых тем, некорректно используются имена социологов-классиков и современных специалистов.

На качестве фундаментальной социологической подготовки сказывается кризис дивергенции отраслевой матрицы социологического знания.

Кризис дивергенции отраслевой матрицы социологии – это интенсивный процесс горизонтального дробления предметного поля социологии. При этом значительную часть сегментов социологического поля заполняют далекие или автономные от языка этой науки отраслевые дисциплины.

Эти отрасли (подотрасли и подподотрасли), как правило, заявляются специалистами негуманитарного профиля, в том числе, из органов государственной власти и управления или бизнеса, многие из которых никогда не изучали социологию, ее теорию и историю профессионально. Однако по тем или иным обстоятельствам они были вынуждены вклиниться в эту науку, а также пожелали сразу получить в ней высокий статус.

Действительно, стало модным буквально каждый аспект, явление или предмет окружающей действительности соединять со словом социология, что предопределило ускоренный рост числа названий отраслевых социологических дисциплин. Правомерно утверждать, что сегодня предпринимаются попытки претендовать на «открытие» все новых и новых отраслей социологического знания, предметная область которых, однако, не определяется, понятийный аппарат не концептуализируется, теоретические подходы, релевантные социологическому знанию, не разрабатываются, представительные исследования не проводятся. Очень часто подобные отрасли представляют собой плод инсайта (спонтанного озарения) одного или двух-трех авторов.

Как отмечают специалисты, «сегодня нет области, которой можно было бы дать название “социология” просто добавив к нему еще одно существительное или прилагательное»[5, 142]. Тогда «социология - это не что иное, как собирательное слово, под которым помещают различные гетерогенные занятия: фразеологию и историю, политическую философию нищеты или историю современного мира. Непрерывность социологии существует разве что благодаря ее названию, которое устанавливает чисто вербальную связь между интеллектуальными активностями, которые ее используют в качестве единственной общей точки соприкосновения»[6, 191].

Довольно часто слово социология связывается с каким-либо явлением социальной, политической, экономической или культурной жизни - социология моды, социология бедности, социология риска, социология нестабильности и т.п. В данном направлении обычно пробуют работать те исследователи, которые выбирают любой понравившийся им объект: они подобны детям любящим сладкое, но отказывающимся от супа. Здесь следует согласиться с французским

исследователем М. Доганом, который утверждает, что «подобная социология – это собирательное определение для большого числа людей, интересующихся различными вещами»[5, 143].

В самом деле, это хороший способ для прикрытия научной несостоятельности человека с определенными амбициями, не умеющего сформулировать конкретную тему собственного научного исследования, но заранее претендующего на его масштабность и научное признание. Более того, очевидно, что часто подобным объектом оказывается хорошо известный и разработанный раздел общей социологии.

Наконец, терпят неудачу попытки создания системы дистанционного социологического образования в России.

Дистанционное социологическое образование – это особая форма организации учебного процесса, требующая развития содержания образования на принципиально новом качественном уровне. Основой любого базового дистанционного курса является электронный учебник, в результате изучения которого налаживается интерактивное взаимодействие обучаемых лиц с учебным заведением. Его неотъемлемыми составляющими являются четкая структура, "наглядность" и "лаконичность" представленных материалов, возможность ориентации в них, высокая информативность текстового сопровождения.

К сожалению, ни одной качественной, целостной компьютерной версией какого-либо «учебного комплекса» отечественное образование не располагает. Нет также аудиовизуального учебного плана, конкретизирующего организацию интерактивного взаимодействия студентов и преподавателей в процессе обучения.

Вторая группа проблем *относится к сущности подготовки личности социолога-профессионала*. До сих пор многие выпускники, изначально ориентированные на прикладные сферы своего профессионального применения, испытывают трудности при вхождении в профессиональное академическое сообщество социологов. Их отличают узкий кругозор, критичное отношение к классикам социологической науки, отсутствие интереса к современным исследованиям, к современным социологическим публикациям.

В целом имеется большое поле для целенаправленной работы не только в области повышения качества преподавания социологии, совершенствования учебно-методического обеспечения данного процесса. Большое внимание должно уделяться формированию у будущих специалистов-социологов умения мыслить критично, или, социологического мышления, которое связано с окончательным осознанием молодыми социологами своего профессионального выбора, высокой значимости социологической науки в свете вызовов современности.

Задача профессионального социологического сообщества - не только организовывать целенаправленный процесс передачи знаний и компетенций, но и показать нравственный смысл социологической науки, ее функции и гуманистическое назначение в обществе, роль в формировании мировоззрения человека, а также особенности социологического знания в контексте его профессионального применения на практике.

1. Осипова Н.Г. *Профессия социолог*. М.: Издательство КДУ, 2009.
2. Осипова Н.Г. *Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции* // Вестник московского университета. Серия 18. 2013. № 2.
3. Осипова Н.Г. *Теоретико-методологические проблемы изучения и оценки творческого наследия зарубежных социологов в российской социологии* // Проблемы теоретической социологии. Вып. 10. Межвуз. Сб. / Отв. Ред. А.О. Бороноев. СПб.: Издат. Центр экономического ф-та СПбГУ, 2014.
4. Осипова Н.Г., Зырянов В.В., Носкова А.В., Титова М.А. *Национальная система образования в России: проблемы и перспективы в контексте реформ и глобализации* // Вестник московского университета. Серия 18. 2015. № 3.
5. Dogan M., Pahre R. *L'Innovation dans les Sciences Sociales*. Paris: PUF, 1991. P. 142.
6. Veyne P. *Comment on Ecrivit l'Histoire*. Paris.: Le Seuil, 1971. P. 191.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ЕСТЕСТВОЗНАНИЕМ: ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНИ

Покровский Н.Е. (Москва)

Начиная со своих первых шагов Общество рассматривало социологию в тесном взаимодействии с естествознанием.

По мнению основателей Общества социология и естественные науки имеют общую методологическую основу. Объективность, опора на эмпирическое исследование, научность.

Общество было образовано в 1916 году и получило имя одного из его инициаторов, крупнейшего русского социолога М.М. Ковалевского. В числе организаторов и первых членов общества были выдающиеся ученые-естествоиспытатели - лауреат Нобелевской премии физиолог И.П. Павлов, психолог В.М.Бехтерев.

Принято решение о создании Общества - 17 мая 1916 г.

13 ноября 1916 г. состоялось его первое официальное учредительное собрание.

24 марта 1916 г. Смерть М.М.Ковалевского.

С ноября 1916 г. по март 1917 года заседания общества проходили регулярно.

Первый доклад сделал А.С.Лаппо-Данилевский. Доклад был посвящен взаимодействию истории и социологии. Были также обсуждены доклады биолога В.А. Вагнера, политэконома и статистика А.А. Кауфмана, психолога А.Ф. Лазурского. Гогель Сергей Константинович (1860 – 1933) - правовед, социолог права. Свой доклад С.К.Гогель посвятил «социальной патологии», а именно самоубийствам, преступлениям, бездомности. Однако Гогель рекомендовал Обществу не сосредотачиваться на жгучих политических вопросах современности, например, на Первой мировой войне. По его мнению, это могло бы увести социологию в сторону от научности и превратить в политику.

1907 г. — открыта первая в России кафедра социологии в Психоневрологическом институте. Первоначально, в течение двух лет, ее возглавляли М.М.Ковалевский, затем Е.В.Де-Роберти, П.А.Сорокин и К.М.Тахтарев. Было издано пять выпусков серии "Родоначальники позитивизма" (СПб., 1910-1913).

В.М.Бехтерев и социальный бихевиоризм в ранней российской социологии

Коллективная рефлексология. Принцип объективности в исследовании психической деятельности индивида, Бехтерев распространил его и на область социальных явлений.

Задача: по внешним проявлениям реконструировать внутренние переживания людей, что, по мнению Бехтерева, нельзя осуществить на основе интроспекции и самопознания. Проблемы инстинктов и поведения занимались в России И. П. Павлов и В. М. Бехтерев, В.А. Вагнер, К. М. Тахтарев, П. А. Сорокин.

Согласно основополагающему тезису В. М. Бехтерева, нет ни одного сознательного или бессознательного психического процесса, который не имел бы объективных социальных проявлений. Для Бехтерева коллектив есть нечто целое, обобщенное, своего рода «собираетельная личность», имеющая свою индивидуальность, зависящую от особенностей составляющих ее лиц. Формирование личности возможно только во взаимоотношениях с коллективом.

В.А.Вагнер

Профессор Петербургского университета биолог и социобиолог В. А. Вагнер (1849 - 1934).

Подражание → развитие умственных способностей → акты творчества → критическое отношение к реальности.

П.А.Сорокин

Поведенческая социология раннего П.А.Сорокина. Естествознание – образец для социологии. Объективность и неприложность социального мира. Эмпирические исследования реальных взаимодействий между людьми. Метафизические теории, «философия», умозрительные схемы претят социологии по определению. Идея креационизма несовместима с социологией.

Влияние социобиологии П.А.Кропоткина

П.А.Кропоткин «Взаимопомощь как фактор эволюции». Главные понятия: взаимопомощь, кооперация, естественный отбор, экология. **Социальная география.** Исследование социальных

процессов в их раскрытии в территориально-природных пространствах. Взаимная обусловленность общества и пространственно=природной среды.

Идейная преемственность Русского социологического общества имени М.М.Ковалевского и Сообщества профессиональных социологов

Сообщество профессиональных социологов[СоПСо] (первоначально «Профессиональная социологическая ассоциация») основано в 1993 г. А.Г.Здравомысловым при участии Т.И.Заславской, В.А.Ядова, Ю.А.Левады, Н.И.Лапина, О.И.Шкаратана, В.Н.Шубкина.

Историческая преемственность Русского социологического общества имени М.М.Ковалевского и Сообщества профессиональных социологов. Опора на научные принципы современной международной социологии. Единая социология для глобального мира. Признание объективной социальной реальности доминирующей над другими реальностями вторичного характера. Тесные взаимодействия с естественными науками.

Угорский проект

Ведущий научный проект СоПСо – Угорский проект, полевые исследования на Ближнем Севере РФ. Ежегодные экспедиции. Участвуют Институт географии РАН, Институт проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцова РАН, НИУ ВШЭ, МГУ имени М.В.Ломоносова, СПГУ.

Тенденции дезурбанизации и "клеточная" глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты, 2000-2016 гг. Костромская область (поселения по реке Унже) и Вологодская области (Бабаевский район).

Социальный фон: обвальная депопуляция местного населения

В проекте осуществляется междисциплинарное исследование социальных, социально-экономических и социокультурных процессов трансформации сельских сообществ в нечерноземных депрессивных районах Ближнего Севера России. Анализируются процессы сокращения количества и качества трудовых ресурсов, депопуляции в сельских районах, происходящих на фоне роста «отходничества» и встречной замещающей «маятниковой» миграции жителей крупных городов в сельскую местность. Анализируются перспективы социокультурной модернизации сельских сообществ, повышения уровня и качества жизни, расширения практик потребления и досуга, формирования нового типа сельско-городских повелений, дезурбанизации и дауншифтинга, внедрения новых технологий, развития инфокоммуникаций, экотуризма, комплексной рекреации.

Замещающая экономика, «очаговая экономика»

Сельский и экологический туризм. Рекреационный спорт. Зоны экологического восстановления здоровья. Органическое сельскохозяйственное производство. Регулируемая коммерческая охота и спортивное рыболовство. Местное фольклорное искусство.

Изменение инфраструктуры. Перспективы.

Система современных автомобильных дорог. Малые аэропорты. Широкополосный Интернет. Мобильная связь.

Новые социальные группы

Социальная анатомия «дачников» (до 30% сезонной миграции). ИТ-профессии. Удаленная работа. Научная и творческая ориентация.

Системный кризис мегаполиса. Тенденции дезурбанизации

Современный мегаполис—это переплетение неразрешимых социальных противоречий. Транспортные коллапсы. Деградация экологии. Преступность. Контрастное зонирование и стратификационные диспропорции.

Дауншифтинг

Down-shifting—целенаправленный выход из системы современной, «продвинутой» городской цивилизации. Переход на пониженную скорость, «замедление» с целью повышения качества жизни. Варианты «замедления». «Опрощение», «потрудиться на родной ниве», чаще всего религиозная и традиционалистская подоплека, с.-х. труд «на земле». ИТ-дауншифтинг и креативный дауншифтинг (с использованием всех средств современных технологий). Перетекающая миграция. «Жидкостная» миграция «город-село». Отсутствие понятия ПМЖ (постоянного локуса проживания). Доходоприносящая работа в инфокоммуникациях или с помощью инфокоммуникаций. Характерный стиль жизни.

ИТ-дауншифтинг: набор ценностей

Экологический набор ценностей. Ландшафтная эстетика. Архитектурные традиции организации жилища. Технологичность «начинки» жилища. Консервация и реанимация культурно-исторического наследия. Создание современной инфраструктуры (коммуникации, дороги, «прогрессивные» школы, мобильная медицина и др.).

Перенос учебного процесса современного университета во внегородскую среду

Эксперимент. Сельский университет на Унже (2014).

- 1. Потенциал ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта: коллективная научная монография / сост. и под ред. Н.Е.Покровского и Т.Г.Нефедовой. М.: Логос, 2014.*
- 2. Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография / общая ред. и сост. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. – М.: Университетская книга, 2015. - 264 с., илл.*

СОЦИОЛОГИЯ БУДУЩЕГО: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Волков Ю. Г. (Москва)

Статья подготовлена при поддержке РНФ проект №15-18-00122.

Отмечая, что российская социологическая мысль в своем развитии достигла определенных результатов как научная, академическая, университетская дисциплина, российские социологи выделяют в качестве проблемы для размышления то, каким образом может идти развитие российской социологической мысли. Очевидно, что путь рецессии, путь ученичества постепенно изживает себя. Речь не идет об изоляции российской социологии или изобретении особой русской социологии, хотя включение в социологическую проблематику идей культуры, православия является достаточно плодотворным, более реальным представляется то, что социология будущего на основе разработки теоретико-методологического и социально-прикладного инструментария стимулирует развитие отечественной социологической мысли.

Призыв к уходу от мелкотемья по существу становится манифестацией нового этапа в развитии социологической мысли. Как пишет Ж. Т. Тощенко, для того, чтобы понять логику развития социологии, необходимо обращение не просто к актуальным темам, но и социологическое осмысление новых реальностей. В этом смысле с ним солидарен М. К. Горшков, когда заявляет, что проблемы российского общества, в частности, проблемы гражданского общества – взаимосвязи личности, социальных групп, общественных формирований, государства – связаны с опытом социологической диагностики, с тем, что, несмотря на всю дискуссионность, многозначность в понимании гражданственности,[1, 16] речь идет о том, что идеи демократии равных возможностей, как социальный проект, нуждается в концептуальном обосновании, в том, чтобы в российском обществе имело место понимание взаимосвязи экономических и политических прав, понимание того, что именно уровень развития демократии в стране в конечном счете определяет возможность честно работать и зарабатывать.[1, 25] Такая позиция содержит одобрительный момент в отношении того, что стратификационный анализ может быть дополнен и расширен анализом субъектно-деятельностным, а такой теоретический сдвиг требует включения проблем социологии будущего. Можно сказать, что между будущим российской социологии и социологии будущего существует ситуация двойственной зависимости: с одной стороны, будущее российской социологии предполагает расширение и в качестве цели – создание социологии для общества и, соответственно, повышение авторитета российской социологии и в стране, и в мире; с другой – социология будущего определяет тренд расширения теоретико-методологической проблематики, включения новых предметных полей социологии и пересмотра проблем настоящего и прошлого по новому, в контексте требований будущего.

Данная познавательная ситуация указывает на то, что будущее российской социологии связано с ее темпорализацией, с тем, чтобы конвертировать достижения по исследованию современного российского общества, исторической памяти в социальную диагностику, в социологическую экспертизу. Временная множественность социологии проявляется в том, что социологическое знание получает прикладное подтверждение неоднократно в рамках общества, в разное время и в различных обществах и сферах, если перефразировать выражение А. Е. Гофмана относительно модернизации.[1, 30] Отметим, что для будущего российской социологии важно, чтобы в обществе сформировалась потребность в социальной компетентности, что означает свободу общества от тоталитаристских, фундаменталистских, анархистских идей и установок. Также важным является, чтобы социологическое сообщество воспринималось не как сообщество оракулов или профессиональных кланов, для будущего отечественной социологии важно формирование образа независимых, компетентных, имеющих гражданскую позицию, экспертов. В этом смысле социология будущего открывает уникальные возможности, так как связана с получением обладающей высокой степенью достоверностью социологической информации и внедрение в социологическое знание стандартов объективности и гражданской ангажированности. Социологическая традиция условно консервативна, то есть в развитии социологии лежит преемственность социологического знания, и какие бы революции, смены парадигм не означают полного разрыва с предшествующей социологической теорией, так как это бы означало утрату целостности социологии, наступления эпохи фрагментированности социологического знания. Поэтому для отечественного социологического сообщества важно выработать баланс традиции и развития, что является достаточно осуществимым и осложняется тем, что в социологию постоянно вбрасываются идеи о конце социологии, об исчерпанности социологии как системы социально-теоретического знания.

Но если посмотреть на современное состояние мировой социологической мысли, то открываются новые предметные поля, особенно учеными Латинской Америки, Индии, Китая. Речь идет не только о введении в социологию принципа мультикультурализма, за этим клише скрывается вполне реальный процесс глобализации социологии, отхода от традиционных тем, связанных с европейской традицией. Показателен опыт американской социологии 60-х – 70-х годов в эпоху доминирования структурно-функционального анализа. Постулируя принцип социального равновесия, что оправдано с точки зрения понимания социологией проблем социальной стабильности и социального порядка, социологи структурно-функционалистского направления реально осознали ограниченность данного подхода в исследовании проблем молодежи, расовой проблемы, новых организаций, наконец, в целом того сдвига, который произошел в общественном сознании США в 60-е годы XX века и в связи с войной во Вьетнаме и дискредитации официальных американских институтов, и движением за гражданские права и,

наконец, кризисом американских традиционных ценностей, возникновение новых форм морали среди молодежи.

Каким образом отреагировала американская социологическая мысль при осознании того, что ближайшее будущее страны как раз принадлежит тем, кого могли презрительно ранее охарактеризовать как социальных маргиналов или отщепенцев? В работах А. Инкельса, Дж. Э. Девиса, Р. Н. Бейла просматривается тенденция не только включать основные единицы специализированной социетальной функции, характерные для промышленных и государственных институтов, но и перейти к осмыслению локальных общностей, осуществлять не только структурный акцент, но и добиваться эмпирических достижений в сфере, казалось бы, пограничной с социальной психологией.[2, 29-33] Таким образом, не поступаясь принципом социологической нейтральности, то, что Ч. Миллс квалифицировал как социальную апологетику, социологи вынуждены были рассматривать наблюдаемые социальные процессы не только с точки зрения функционирования социальной системы в целом, детерминант социальной структуры и процессов, но и определить то, что явилось общественным стимулом изменений, а именно, проблема социальной и равной справедливости.[2, 34]

Не преувеличивая значение данного сдвига, можно сказать, что картина американской социологии стала изменяться, что в нее были включены ранее не доступные по теоретическим и идеологическим соображениям проблемы. Для российской отечественной мысли американский опыт важен тем, что введение новых в социологический дискурс проблем является императивом развития социологии, дает мощный стимул росту социологического знания. Разумеется, социолог не может полностью нести ответственность за использование полученных им результатов и обобщений в обществе, так как это определяется не только квалификацией социологического сообщества, но и потребностью общества в социологическом диагнозе, также как и включением социологического знания в управленческий процесс. Однако, несомненным можно считать, что социологическая мысль изменяется под влиянием социальных перемен, возникновением новых социальных реальностей. Другое дело, в какой степени социология становится опережающим знанием, предвидит новые социальные тенденции, становится системой социально ориентирующего знания. Американская социологическая мысль 60-х – 70- годов осталась на позиции в целом структурно-функционального анализа, как отличительного качества американской социологической мысли, когда социологический анализ был сведен к пониманию структуры функционирования социальных систем.[2, 52]

Однако, в этом смысле новые исследования требовали перехода к социальному контексту действий индивидов, к созданию всеобъемлющей объяснительной схемы, где требовалась интеграция или координация социально-структурного и личностного аспекта, а, следовательно, создание нового уровня фундаментального знания.[2, 53] Констатируя данную познавательную ситуацию для развития отечественной социологической мысли, можно говорить о том, что социология развивается, прежде всего, в качественном измерении, в том, что можно назвать повышением уровня объяснительности и прогностики социальных процессов в контексте социологической мысли и созданием новых методик социологического исследования. Ж. Т. Тощенко, отмечая, что российская социология вступила в эпоху масштабных исследований экономического, политического, нравственного и других видов общественного сознания, а также их реализации в процессе социальной практики, подчеркивает, что немалую сложность при анализе функционирования современного общества в России, его социального и духовного развития, представляет его явление, на которое ранее не обращалось должного внимания: аномия, основное проявление которой безразличие, апатия; фрустрация – агрессивность, демонстративность, неподконтрольность; рост ксенофобии и этнофобии, макдональдизация сознания, архаизация социальной практики, - то, что в обществе утрачены значительной частью населения этические и нравственные ориентиры.[3, 22]

Очевидно, что комплекс обоснованно актуализируемых Ж. Т. Тощенко проблем связан с тем, что внутренние источники развития отечественной социологической мысли до сих пор являются предельными, что новые явления общественной жизни, которые не укладываются в рамки социальной нормативности, выводят за пределы социологии. Важным моментом является и то, что инициативу в этих проблемах часто перехватывают социологи и исследователи, апеллирующие к умозрительным категориям, к рассуждениям о врожденной агрессивности российского общества, о присущем россиянам стремлении к архаике, к тому, что вне государственного контроля россияне не могут быть свободными и им свойственны апатия, настроения социальной аномии. В этом смысле социология будущего позволяет преодолеть

предрасудки об отставании отечественной социологии, так как ориентируются на ее новейшие достижения, на мысль о праве на автономность, на реализацию интеллектуального потенциала российскими социологами, на выдвигание собственных оригинальных идей. Действительно, рассмотрение новой проблематики означает и расширение предметного поля социологии, и выработку новых инструментов социологического познания исследования действительности.

Социальная реальность российского общества динамична. За внешними явлениями скрываются достаточно глубинные, имеющие неоднозначные последствия процессы. Так, формирование креативного класса, рост солидаристских практик сопровождается продолжением социальной маргинализации отдельных слоев населения, деградации духовной среды. В связи с этим важно совместить исследования актуального социального, социально-прикладного характера и проективные исследования, определяющие движение российского общества к будущему. В этом и состоит смысл социологического диагноза, который моделирует будущее на основании системного анализа факторов, подготавливающих будущее.

Социология будущего в этом контексте воздействует на развитие отечественной социологической мысли тем, что ставит перед ней новые теоретические вызовы, поднимает планку требований к социологическому знанию по критерию социальной диагностики.[4, 98] Проблематика социологии будущего, затрагивающая формирование в российском обществе групп, ориентированных и создающих будущее креативного класса, солидаристских практик, утверждающих реально принцип и формулу равных возможностей, демократия участия на основе диалога власти и общества предполагают, что отечественная социологическая мысль включает реальное исследование процессов, которые на первый взгляд выглядят конъюнктурными. Речь идет о том, что состояние российской социологической мысли не достигает картины самопознания российского общества, так как ориентирована на, казалось бы, приоритетные, но в реальности оказывающие побочное влияние, процессы российской жизни. Конкретизируя это положение, можно говорить о том, что иерархия исследовательских приоритетов складывается под влиянием социальной, политической, рыночной конъюнктуры, что господство в 90-е годы электоральной социологии, которая, впрочем, не утратила своего места, сменилась вроде бы углубленным анализом проблем среднего класса, региональных диспропорций, ценностных ориентаций россиян, и, в то же время, содержит ограничительные моменты, связанные с существованием в социологическом сообществе зависимости от заказчика.

Понятно, что в условиях рыночной экономики социологи вынуждены адаптироваться к изменениям, однако, сохранение автономности социологического сообщества, самостоятельность теоретических и гражданских позиций содержат шанс на развитие социологии потому, что в иной ситуации углубление зависимости приводит к утрате престижа социологического знания, к недоверию со стороны наиболее активных слоев общества. Подчеркивая это обстоятельство, можно говорить о том, что социология будущего, являясь граждански ангажированной, содержит и определяет выбор в пользу профессиональной компетентности социологии и тем, что открывает новые предметные сферы социологического знания, которые действительно требуют профессиональной высококвалифицированной оценки, и тем, что в социологическом сообществе наблюдается конкуренция в рамках сценарного мышления социологов, способности не только фиксировать картины будущего в общественных настроениях, но и определять, какие картины будущего наиболее соответствуют потенциалу российского общества.

Можно констатировать, что, таким образом, развитие отечественной социологической мысли путем придания социологии будущего самостоятельной социологической дисциплины, открывает не только границы междисциплинарного взаимодействия, но и в большей степени способствует росту социологического знания. Это подтверждается тем, что социология будущего, как знание в становлении, переформатирует отношение и к застарелым, казалось бы, тривиальным социологическим проблемам. В анализе социальной структуры российского общества появляется новый исследовательский сегмент, связанный с пересмотром критериев социальной стратификации, групповой идентичности, институциональных ресурсов.

В контексте вышеизложенного можно говорить о том, что социология будущего, с одной стороны, дает импульс развитию укоренившихся социологических теорий; с другой – требует принятия новых интегративных парадигм. Дж. Ритцер, отмечая тенденцию развития интеграции в современной социологии, стремится доказать, что социологическая мысль не может фокусироваться либо на макроуровне, либо на микроуровне, что в современных обществах, где господствуют абстрактные системы со значительным пространственно-временным дистанцированием, рассматривать доверие.[5, 489] Действительно, речь идет о том, что

современность определяет вовлеченность социологии в рефлексивную организацию социальной жизни, что по утверждению Э. Гидденса сама личность становится рефлексивным проектом. В силу этого обстоятельства, можно говорить о том, что социология будущего в определенной степени обосновывает ненасильственный вариант социальных изменений, благодаря, во-первых, тому, что на коллективный уровень и повседневную жизнь пробиваются одни и те же вопросы, что отечественная социология не может исключать из социальной жизни фундаментальные проблемы; во-вторых, тем, что в отечественной социологии, и это явствует из того, что принимаются различные сценарии и концептуальные схемы, есть определенный задел для концентрации исследовательского внимания на теоретическом творчестве, на том, что два континуума социальной реальности (микро-макроконтинуум и объективно-субъективное измерение) социального анализа имели точку смыкания в будущем.

Определяя задачи социологической мысли на уровне социальной рефлексии, социология будущего ориентирует на лучшее понимание теории и создание новых обобщающих теоретических подходов. Судьба таких теоретических концептов как макдональдизация общества, критика глобального общества, несмотря на яркий метафоризм, исчерпывает себя, общество глобальности, сетевое общество уходят в сторону, поскольку обнаруживают только определенные срезы общественной жизни, ограниченные временные состояния, иногда только побочные тенденции. Понимая значение социологии будущего для развития отечественной социологической мысли, следует подчеркнуть, что в рамках поиска интегративной концепции, способной объединить усилия отечественных социологов, будущее является достаточно выверенной точкой отсчета. Когда речь заходит о том, что возникают определенные теоретические сложности, связанные с разделением утопического и социологически достоверного компонентов в понимании будущего, становится очевидной задача проведения реальных и обоснованных различий для того, чтобы иметь возможность изучать новую социальную реальность.

В этом смысле социология будущего относится к тому, что Дж. Ритцер описывает объективно-субъективный континуум, более важный, чем существовавшее до этого деление на макро- и микроконтинуумы. Если переводить на язык взаимовлияния будущего, ориентироваться на оценку будущего российской социологии, то этот диагноз достаточно точен. Действительно, российская социология пережила в 90-е годы исследование макроконтинуума, в настоящее время занялась социологическим анализом микроконтинуума, но, безусловно, ей предстоит сделать значимый шаг в направлении исследования явлений, которые занимают промежуточное положение, обладают и объективными, и субъективными элементами.[5, 579] Эта позиция совпадает с тем, что видные российские социологи, как Ж. Т. Тощенко, М. К. Горшков, С. А. Кравченко, В. К. Левашов называют трансформацией социологической мысли от описательности к диагнозу. Как пишет М. К. Горшков, при всем многообразии разновидностей выхода итогов социологической продукции, среди них не хватает еще одного, а именно, социологических оценок и суждений. Речь идет о социологической диагностике и как способе обобщения результатов эмпирических исследований.[6, 15] При этом автором указывается важное понимание, что развитие социологии не связано с введением в оборот других понятий не из багажа социологии.[6, 15]

Формирующаяся категориально-смысловая сетка социологии будущего развертывается в рамках социологической традиции, также как и опирается на эмпирические социологические исследования, на то, что можно назвать социально-временными ориентациями российского общества. Следует подчеркнуть, что через социологию будущего оценка свойств, особенностей, состояний российского общества в рамках социологического диагноза приобретает качественно новый смысл. Крупномасштабные общероссийские исследования замечательны тем, что показывают повышение статуса социологии в российском обществе. Вместе с тем, в рамках реализации этих проектов социологических исследований важно выявить вектор развития российского общества.

Отечественная социологическая мысль характеризуется бифуркацией, точкой отсчета, с которой возможны альтернативные варианты развития. Первый заключается в том, чтобы, продуцируя внешне значимые результаты прикладных исследований, практически топтаться на месте в концептуальном аспекте, заниматься заимствованием новейших теорий в том виде, в каком они применимы к социальным практикам других обществ. Это означает, по крайней мере, что будет наблюдаться процесс неуклонного падения авторитета социологии и погружение в мелкотемье. Другая альтернатива заключается в том, чтобы осуществить прорыв, в частности, сделав предметным полем социологии проблему будущего российского общества. Эта цель не

содержит скорых результатов, но имеет стимулирующий эффект в том, чтобы попытаться творчески перерабатывать достижения мировой социологической мысли, включать механизм междисциплинарного эффекта не на уровне трансфузии готовых терминов и понятий, а путем их ввода в социологический оборот, селекционируя на основании соответствия критериям социологического знания и недопустимости утраты его специфики.

Подчеркивая это обстоятельство, можно говорить о том, что, разумеется, российская социология не изолирована от содействия с другими социальными дисциплинами, что плодотворные результаты могут быть достигнуты на пути реального синтеза. В частности, рассматривая такие аспекты как взаимодействие с социальной философией, правом, социальной психологией, в контексте социологии будущего можно говорить о том, что именно в этой сфере могут обкатываться пилотные проекты, что социология будущего по существу актуализирует как фундаментальные (экзистенциальные) вопросы, имеющие философский смысл, так и проблемы прикладного характера, связанные с функционированием политико-правовой системы, оценкой социально-психологического состояния общества.

Когда в конце 90-х годов сформировался феномен осмысления социального анархизма в российском обществе, возникла проблема разграничения нормативного и желаемого порядка. В той же степени, подверглась критическому осмыслению теория критичности российской истории. В эпоху доминирования консенсуса между либералами и технократами на Западе, основанном на признании того, что научно-техническая революция является надежной альтернативой не только социальным революциям, но и колониальным захватам, а значит и внешним войнам,[7, 7] российская социология концептуализировала социальный анархизм только как исторический рецидив, как свидетельство того, что при слабости государства общество впадает в состояние социальной аномии. Однако, подобная концептуальная ось не учла важное обстоятельство, а именно то, что на уровне адаптивных стратегий россияне продемонстрировали высокий уровень социальной энергии и оптимизма. Анархические настроения, несмотря на резкие социальные настроения, не доминировали в российском обществе и не определяли его перспективы.

На это указывает и автор схемы российского анархизма В. Г. Федотова, когда пишет о том, что анархизм связан с институциональными дефектами, что невозможно жить в состоянии анархизма, и во внутреннем или международном плане рано или поздно поставить вопрос о роли государства.[7, 138] Соглашаясь с этим утверждением, можно сказать, что автор ограничивался констатацией актуального состояния так называемых самоадаптирующихся слоев населения и игнорировал тот факт, что большинство населения придерживаются позиции институционализованного порядка, что в России не следует заново создавать институциональную систему, а исходить из того, что можно охарактеризовать как доминирование коллективных настроений и представлений о роли государства и о будущем. Такая позиция имеет основания в том, что в современных условиях, несмотря на кризисные явления, не наблюдается возвращение к анархизму 90-х годов, что россияне в целом продолжают поддерживать идею законности и порядка, что в российском обществе, несмотря на социальные и экономические трудности, в целом проявляется сдержанный оптимизм относительно будущего. Очевидно, что большинство россиян, полагая, что Россия достойна судьбы великой державы, ориентированы на воспроизводство социального порядка и основной их претензией является как раз то, что властные институты не реализуют до конца властные полномочия.

Важным моментом в развитии отечественной социологии, как отмечает Ж. Т. Тощенко, являются новые резервы старых исследований.[8, 15-16] Речь идет о том, что отечественная социологическая мысль в определенной степени пострадала от того, что в начале 90-х годов появились признаки разрыва с социологической традицией, что не обращалось внимания на обстоятельные глубокие исследования проблем экономического, политического, исторического и нравственного сознания, которые проводились еще в советский период. Это определило и возрастание рецессивности российской социологии, заимствование слепого копирования зарубежного социологического опыта вне соотнесения с российскими реалиями, и отношение к прошлому как тому, что может сохраняться в виде исторических синдромов, рецидивов и, тем самым, перевело исследование прошлого в сферу идеологизации, имеющую мало общего с социологическим анализом.

Между тем, социология будущего, определяя единство трех временных ориентаций (прошлого, настоящего и будущего), стимулирует интерес к социологической традиции. В социологии будущего, как отмечалось ранее, есть место и социологической инновации, и развитию традиционных социологических методов. Разумеется, предлагаемый методологический

инструментарий, включающий структурно-деятельностный и субъектно-деятельностный подходы, определяется не догматически. Для исследования конкретной грани будущего используется метод, который имеет наибольшую аналитическую, объяснительную и прогностическую силу. Так, в частности, по отношению к структурным переменам российского общества, конкретизируется положение структурно-деятельностного подхода, в то время как, когда речь заходит о социальной субъектности, о потенциале конкретных социальных групп в созидании будущего российского общества, обращается внимание на субъектно-деятельностный подход. В принципе, это не входит в противоречие с мировой социологической мыслью, где важным является выстраивание субъективно-объективного континуума.

Рассматривая влияние отечественной социологии на перспективы развития социологии будущего, можно отметить неоднозначный процесс. С одной стороны, в отечественной социологии, как отмечалось выше, есть запрос на социологию для общества, однако, часто этот запрос интерпретируется в рамках социальной и политической конъюнктуры. С другой стороны, будущее рассматривается в контексте динамики социальных настроений, что приводит к тому, что сфера социально-прикладных исследований будущего представляется суженной. Для того, чтобы социология будущего стала самостоятельной отраслью социологического знания, продуцирующей его рост и связанной с формированием и разработкой новых теоретических моделей, требуется выполнение трех условий.

Во-первых, в социологическом сообществе необходим консенсус по поводу возможности легитимации социологии будущего, определение ее предметного поля и включение в социологический репертуар. Второе обстоятельство связано с тем, чтобы социологи не разделяли жестко социально-прикладные исследования и социологию будущего как некую социологическую схему, а находили возможности эмпирической идентификации процессов, изучаемых социологией будущего. В-третьих, для отечественной социологии важным представляется расширение возможностей социальной диагностики, того, что является уходом от сосредоточения на конъюнктурных сферах социологического сознания и принятие социологии будущего как содержащего потенциал научного роста.[4, 64]

Действительно, существует проблема моделирования будущего, ситуации, в которой множественность образов будущего создает иллюзию размытости социологического знания. Речь идет о том, что социологический диагноз, включающий процедуру моделирования, не проявил себя в полной мере как объяснительная схема. Между тем, от того, каким образом социология будущего направлена на то, чтобы описывать текущее состояние социальной системы с тем, чтобы перейти к интерпретации будущего, можно говорить о том, что для отечественной социологической мысли важно принятие социологии будущего как совокупности социологических практик.[4, 104] Можно констатировать ситуацию, в которой социология будущего развивает понимание социальной диагностики путем выбора будущего как основной проблемы, в которой важными являются не только цели исследования, но и определенные методологические принципы.[4, 111] Иначе говоря, для оценки перспектив социологии будущего следует учитывать прозрачность, ясность и достоверность ее результатов и для социологического сообщества, и для ориентированных на будущее социальных групп. Таким образом, взаимодействие и взаимовлияние социологии будущего и социологического знания в целом проявляются и в постановке и разработке определенных теоретико-концептуальных и теоретико-методологических проблем, и на уровне выработки новых критериев социально-прикладного исследования.

Так как социология будущего находится в проективном состоянии, можно говорить о том, что в ее рамках могут найти воплощение качественные методы социологического исследования, что если исходить из непрерывности субъективно-объективного континуума общественной жизни, то основные точки соприкосновения с настоящим и прошлым в социологии будущего наблюдается в рамках мониторинга изменений, которые имеют наиболее значимые последствия в формировании будущего. В современной социологической мысли определенную сложность представляет то, что называется проблема непреднамеренных последствий и результатов, описываемых Э. Гидденсом, то, что будущее не может быть запрограммировано и детерминировано состоянием настоящего. Действительно, в рамках социологии будущего необходимо включать понятие вероятности, исходить из того, что свойства социальных систем, структурированных в пространстве и во времени, выходит далеко за рамки контроля, который способен осуществить каждый актор.[9, 115] Однако, это ограничение следует понимать так, что субъекты, ориентированные на будущее, не обладают тем уровнем компетентности, который

можно было бы охарактеризовать как социальное предвидение, что социология будущего развивает диалектику преднамеренного и непреднамеренного, случайности и инвариантности. Важно также отметить, что в рамках влияния на состояние социологической мысли понятия, которые являются для социологии далекими, могут входить в социологический оборот через операционализацию в социологии будущего. Это важный исследовательский момент, связанный с тем, что действительно, инновации, связанные с междисциплинарным эффектом, часто неоднозначны, так не проходят через промежуточные звенья, через теории пограничного типа.

Можно констатировать, что будущее социологии связано с развитием социологии будущего как перспективного направления социологического знания. Такой вывод закономерен, так как российская социология, чтобы не отстать от развития мировой социологической мысли и быть одновременно в проблематике собственного общества, испытывает запрос на рост социологического знания, и социология будущего удовлетворяет этим требованиям. Понимая, что россияне столкнулись и с внутренними, и с внешними вызовами, таким образом, внешний вызов отечественной социологии состоит в том, чтобы освоить пространство самостоятельности, не находиться в позиции вечно догоняющего. Внутренний вызов определяется тем, что социологическая мысль испытывает определенный отрыв от действительности, от того, что социологическое сообщество страдает и смысловым многоголосьем, и клановостью.

Делая скидку на молодость российской социологической мысли, необходимо помнить о том, что сами проблемы перспективности развития социологии возникли в 90-е годы, что для того, чтобы социология оформилась в целостную систему знания при сохранении разнообразия мировоззренческих и методологических установок социологов, уже в этот период ведущие российские социологи (Н. И. Лапин, В. А. Ядов, Ж. Т. Тощенко) задавали вопрос о том, как может российская социология развиваться аккумулируя собственные проблемы, предлагая оригинальные теоретико-методологические решения, качественный анализ происходящих социальных процессов и явлений.

Как отмечалось выше, путь российской социологии не усыпан звездами, но и тернии являются следствием замещения социологической дискуссии, конъюнктурными схемами. Интересно то, что в период становления российской социологии (июль 1993 г.), как пишет М. К. Горшков, существовало три точки зрения на будущее России: первая исходила из возможности сохранения стабильности в стране, умеренных реформ; вторая связывала будущее реформ в России с утверждением современных стимулов труда; третья предвещала социальный катастрофизм. Социологическое сообщество, к сожалению, стояло в стороне от этого процесса, считая, что нельзя быть вовлеченным в политические конфликты и потрясения. Такую позицию можно назвать разумным сосредоточением на организационных и внутренних проблемах социологии, но можно согласиться с М. К. Горшковым, что, к сожалению, если бы социологическая мысль реализовала мониторинг общественных настроений, возможно, что позиция социологов повлияла на развитие умеренного сценария. Урок 1993 г. для отечественной социологии заключается в том, что, не отстаивая позицию автономности, необходимо проявлять чувство гражданской ангажированности, предлагать обществу и власти свое видение социальных проблем.

Социология будущего придает этому тренду ускорение, поскольку связана с тем, что моделирует будущее, исходя из возможных сценариев развития. Таким образом, можно говорить о том, что, благодаря включению в контекст социологической мысли социологии будущего, повысит уровень гражданской ангажированности социологии, позволит предложить обществу наиболее оптимальный сценарий развития, избежания социальных конфликтов. В этом отношении важно, чтобы социология будущего рассматривалась как имеющая право на легитимацию в социологическом знании. Характерно и то, что в рамках социологии будущего возможно рассмотрение постсоветских реформ как единого процесса, как того, что может быть оценено адекватно только через проблематизацию будущего.

Характерной приметой отечественной социологической мысли является стремление к формированию в обществе культуры социального компромисса и отсутствие радикальных оценок и суждений, способных спровоцировать общественные настроения. Это важно для социологии будущего, которая не может быть проповедью алармизма, катастрофизма или внушать обществу избыточную эйфорию. Очевидно, что нынешний кризис является фоном, на котором развитие социологической мысли характеризуется моделированием будущего: от того, какие варианты социологии будущего предложит социология обществу, во многом зависят социальные настроения. Ресурс прочности российского общества измеряется не только накоплениями

граждан, но и тем, как СМИ, социальная мысль интерпретирует ситуацию в стране, какова траектория социальных изменений, каким образом общество может реагировать, каков характер социальных тревог и ожиданий.

Как подчеркивает С. А. Кравченко, современное сложное общество характеризуется тем, что возникают совершенно новые типы социальных взаимоотношений, новые типы мобильности, возникших и возникающих буквально на наших глазах, которые проявляются как на микро-, так и на макроуровнях.[10] Внешне кажущаяся включенной в стратификационную проблематику, в реальности отмеченные социальные тренды характеризуют гуманистический поворот в социологии, что требует от отечественной социологической мысли переинтерпретации традиционных критериев имущественного расслоения, власти, престижа, образования.

Социология будущего ориентирована на то, чтобы постигнуть эти сдвиги в рамках сценарного мышления, рассматривать структурные и институциональные изменения как непрерывный процесс социального обновления, ведущий к появлению новых социальных параметров и качеств. Поэтому рассматриваемые в социологии будущего проблемы являются стимулом для того, чтобы отечественная социологическая теория обновлялась, ей придавались новые смыслы. Важное место занимает исследование конструирования реальности, которая, как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, является процедурой повседневных практик. Несмотря на то, что в них преобладает прагматический мотив,[11, 72] следует подчеркнуть, что для социологии важно исследование институционального мира как созданной человеком, сконструированной объективности.[11, 101] Это имеет в качестве последствия понимание специфики российского общества в том, что необходимо преодолеть ресурс объективированности, то, что закрепляется в качестве социальной инерции. Это важно с точки зрения постижения того, что социальная энергия общества, усилия отдельных людей и групп создают фон будущего. Конструируя социальную реальность в настоящем, закладывается фундамент будущего. Но этим высказыванием нельзя ограничиться, так как для отечественной социологии важно понять, какова динамика развития российского общества, какой вектор развития преобладает и влияет на будущее страны.

Характерно, что российские социологи, отмечая расставание с предшествующей советской эпохой, до сих пор ограничиваются достаточно бедной констатацией постсоветского общества. Это имеет операциональный смысл, но не создает условия для понимания того, что общество, пройдя период социальных трансформаций, принимает контуры стабильного, что выросло новое поколение людей, имеющее дело с современными социальными реальностями.

Для исследования этого процесса важно отметить, что если отношение к предшествующему периоду характеризовалось категорией прошлого, то отношение к современности характеризуется категорией будущего. Это подтверждается тем, что россияне, адаптируясь к современным реальностям, формулируют свои ожидания относительно будущего, и социология будущего создает поле для изучения сдвигов в общественных настроениях. Иными словами, социология будущего обеспечивает рост знаний, которые позволяют лучше диагностировать настоящее. Подчеркивая, что социология будущего делает заявку на то, чтобы стать самостоятельной отраслью социологического знания, и то, что социология будущего развивается в русле социологической традиции, возникает уникальная возможность найти новые источники роста социологического знания, поддержать конструктивный диалог в социологическом сообществе и, наконец, прийти к определению того, что значит для отечественной социологии предназначение для общества. Можно надеяться на то, что социология будущего, если отнестись к ее становлению серьезно и с пониманием возникших проблем, станет катализатором развития отечественной социологической мысли.

1. *Россия реформирующаяся. Вып. 11. М., 2012*
2. *Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.*
3. *Новые идеи в социологии. М., 2013.*
4. *Волков Ю. Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза. М., 2015.*
5. *Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.*
6. *Горшков М. К. Российское общество как оно есть. Т. 1. М., 2016*
7. *На перепутье. М., 1999.*
8. *Новые идеи в социологии. М., 2013.*
9. *Гидденс Э. Устройство общества. М., 2003.*
10. *Кравченко С. А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». М., 2015*
11. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.*

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Локосов В.В. (Москва)

Теоретическая социология продолжительное время в нашей стране специализировалась на критическом рассмотрении западных концепций и апологетике исторического материализма, который официально был признан базовой метатеорией советской социологии. Это позволило отечественным социологам в отличие от западных не участвовать в поисках социологической метатеории и сосредоточиться на разработках так называемых теориях среднего уровня (по проблемам семьи, молодежи, образа жизни и многим другим). Проблемы кризиса социологии как научной дисциплины, которые с 70-х годов пытались раскрыть многие западные теоретики, такие как А. Гоулднер, Р. Будон, П. Бергер, Н. Луман, Г. Вагнер [1, 236-260], также оставались без внимания советских социологов и назывались проявлениями теоретической несостоятельности буржуазных концепций.

Американский социолог Джеффри Александер выразил следующие типичные доводы против научного статуса социологии, которые остаются актуальными и сегодня.

Во-первых, естественнонаучная модель неприменима в общественных науках, т.к. отличается от естественных наук низким уровнем согласия о характере эмпирического знания и принципах объяснения социальных явлений. **Социология – это скорее искусство, а социологическому знанию свойственны такие качества, как «интерпретативный инсайт», «риторическая сила», «красота и текстура аргументации»**[2, 29]. Успех социологической деятельности зависит от способностей ученого к интерпретации психических состояний, реконструкции эмпирического мира и формулированию моральных и идеологических оценок. Он утверждает, что социология занимается лишь имитацией «эмпирического решения задач»[2, 22].

Во-вторых, в силу этих и других причин социология не может удовлетвориться просто объяснением. Ее характерной особенностью является дискурс, представляющий собой «акт разумного обоснования», который становится особенно важным в условиях отсутствия явной и очевидной истины. У каждого автора якобы может быть своя истина. При таком подходе в социологии существует **проблема взаимопонимания**. Она решается путем обращения к классике, которая в силу признания, авторитета может дать систему координат для интеграции дискурса в рамках социологии [2, 27].

В-третьих, в естественных науках эмпирические объекты находятся вне человеческого сознания, их достоверность может быть проверена в ходе межличностной коммуникации или повторного проведения эксперимента. В социологии объектами являются психические состояния или их контекст, что повышает вероятность смешения психического состояния наблюдателя с психическим состоянием наблюдаемых объектов. **Непосредственная связь социолога с социальным событием или явлением может способствовать возникновению ангажированного знания, которое противоположно знанию научному.**

В-четвертых, выводы социальных исследований часто содержат рекомендации для организации или реорганизации социальной жизни желаемым образом, то есть **имеют сильный оценочный компонент в отличие от выводов естественных наук**, которые обычно не предполагают изменения социальных структур [2, 20-21].

В названных четырех упреках социологии есть резон. Раздор между «белой костью» - естествознанием и «черной» - общественными науками, при высокомерном наблюдении за этим раздором самой точной науки – математики, имеет длительную историю. Но согласиться с доводами о вненаучности социологии, принципиальном различии двух типов наук, обоснованных в немецкой школе философии XIX века – *наук о природе, объясняющих явления* и *наук о духе, понимающих явления*, означает отвергнуть возможность сделать изучение общества столь же научным, каким стало изучение природы. При всей спорности позитивистского подхода к социологии надо признать, что **социологическое знание делает научным, прежде всего, возможность измерения социальной реальности и выявление, на основе анализа, интерпретации полученных статистических и эмпирических данных, объективных тенденций и закономерностей развития общества.**

В 90-е годы с отечественной социологии было снято идеологическое бремя исторического материализма, интенсивно прошла очередная волна ее институционализации. Однако, романтические надежды тех лет на обновленное развитие российских теоретических школ в постсоветских условиях не только не сбылись, скорее укрепилось мнение о кризисе социологии

как научной дисциплины. Ситуация усугубилась чрезмерным многообразием современных социологических концепций, заимствованных преимущественно из западной теории, их эклектичностью, полипарадигмальностью, неоднозначностью и другими характеристиками, которые размывают единство социологии как научной дисциплины.

В научной среде и обществе усилилось разочарование в объяснительных и прогностических возможностях социологии. Российская социология не смогла дать научного описания советского общества, верных прогнозов и рекомендаций по проведению реформ, оценке их последствий. Слабость концептуально-теоретического обеспечения нелиберальной трансформации, в конечном счете, обернулась переходом от одних мифов к другим, наукообразной аргументацией «шоковой терапии» под лозунгом «иногое дано», хотя с научной точки зрения, безальтернативных ситуаций не бывает, тем более в столь сложном процессе социальной трансформации[3].

Ж.Т. Тощенко отмечает, что за всю историю XX века не было более неверных и примитивных прогнозов, чем те, которые сделаны в перестроечный период и начале 90-х годов[4]. Насколько нелепо выглядит в настоящее время заявление авторов знаменитой программы «500 дней» о том, что: «логика перехода на рынок предусматривает использование теневых капиталов в интересах всего населения страны. Это один из важных факторов ресурсного обеспечения реформ», и далее: «... свыше 90 процентов объема операций теневой экономики можно довольно быстро устранить с помощью мероприятий по формированию рынка»[5]. Напомним один из прогнозов Б.Н. Ельцина: «Хуже будет всем примерно полгода, затем – снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»[6]. Чуть позже, поздравляя россиян с наступлением нового 1992 года, Б.Н. Ельцин заверил: «Говорил и не раз буду повторять - нам будет трудно, но этот период не будет длительным. Речь идет о шести-восьми месяцах».

Стоит ли винить в столь примитивном представлении об обществе российскую социологию? Это остается открытым вопросом. Вместе с тем, нет сомнений, что, во-первых, социология как наука не смогла помочь нашему обществу более разумно ответить на исторический вызов кризиса советской модели. Во-вторых, среди прорабов перестройки, апологетов переноса нелиберальной модели общества в Россию было немало ведущих российских социологов. В-третьих, для объяснения новой социальной реальности использовались теории, которые для решения этой задачи были неприменимы. Л.Г. Ионин отмечал в 1996 г.: «Мы упустили из виду процессы, происходящие в нашем собственном обществе, и живем сейчас не своим знанием, а тридцати-сорокалетней давности идеологией западного модерна»[7].

В настоящее время, вместе с постмодернистской тенденцией дискредитации ценностно-смыслового, познавательного значения социологической науки, проявляется и некий новый ряд причин слабой востребованности фундаментальных социологических теорий - причин, связанных с иной плоскостью развития общественных наук – их разделением на так называемые академическую и постакадемическую науки.

Приставка «пост» свидетельствует, что видение атрибутивных черт нового типа науки во многом носит апофатический характер, что усиливает спорность и неясность концепта «постакадемическая наука». Тем не менее, его содержание разрабатывается и уточняется уже более 40 лет. Профессор Федотова В.Г. пишет: «Под академической наукой понимается... фундаментальное научное знание, добываемое в науке как социальном институте, опирающемся на определенный этос, в ходе ее саморазвития, ориентированном на получение научной истины. Постакадемическая наука – это многообразные виды знания, добываемые не только в академической среде, университетах, но и в лабораториях, на предприятиях, обладающие высокой и непосредственной применимостью, эффективностью, внедряемостью и направленностью на практические задачи. Внешне это сходно с разделением на фундаментальное и прикладное знание, но только внешне, поскольку ведущая роль фундаментального знания была очевидна для знания прикладного. Здесь же роли меняются»[8].

Накопленные огромные резервы, запасы фундаментальных знаний нуждаются в практической и внедренческой реализации на уровне технологий и техники. Четвертая индустриальная революция, переход к так называемому шестому технологическому укладу дают уникальные возможности для этого процесса. Отсюда проистекает рост актуальности установки Штарнбергской группы, основанной в 70-е годы в Германии, на «финализацию фундаментальной

науки»[9]. Пересмотр концепции общества знания в контексте практического применения науки для решения повседневных задач и включения социологии в систему управления обществом[10], публичная социология - одна из наиболее обсуждаемых социологических тем нулевых годов, инициированная М.Буровым [11], хорошо вписываются в постакадемическое представление о социологии.

Деление на академическую (фундаментальную, классическую) и постакадемическую (прикладную, организованную) науки и соответствующие способы получения научного знания создают для социологии принципиально новые условия существования и развития, ведут к ее новому институциональному статусу. Теоретическая социология, которая ранее с трудом достигала научного статуса, сходного со статусом естественных наук, в этих условиях фактически становится не нужной. Даже сервильные способности теоретической социологии уходят на задний план. Вернее, мы возвращаемся к советскому варианту разработки фундаментальных теорий, когда цель задана и надо найти наиболее эффективные социальные технологии (организационные, управленческие, коммуникационные и др.) ее достижения. В разработке подобных технологий якобы и состоит основная задача современной социологии. Постакадемическую социологию, таким образом, толкают на политические баррикады.

При этом, среди утвержденных Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. N 899 приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня 34 критических технологий нет социальной проблематики. Отсутствие этой проблематики, долговременное недофинансирование социальной сферы, хотя именно в ней будут сосредоточены технологии шестого уклада, косвенно дискриминируют социологическую область знания.

Отчасти по этим и иным причинам мы видим, что сегодня социология, вместо царицы общественных наук, объясняющей закономерности развития общества и определяющей цели его развития, в лучшем случае, выполняет функции апологета официально принятых целей, например, модернизации общества; как и прежде, разрабатывает отраслевую проблематику (иногда надуманную), или конструирует многочисленную плеяду обществ будущего: риска, знания, сложного, хорошего, индивидуализированного и т.д. В худшем случае – социология отвечает за пиаровские, маркетинговые, рекламные, электоральные и рейтинговые исследования, которые проводят скорее не социологи, а поллстеры, пиарщики, маркетологи, имиджмейкеры. Причем, по данным экспертных опросов, наблюдается снижение качества эмпирических исследований по сравнению с советским периодом, а рассогласование теоретической и прикладной социологии идет во вред достоверности социологического знания.

В основе проводимых реформ системы высшего образования, российской академической науки лежит (по крайней мере латентно) директивная установка на «финализацию фундаментальной науки», и прежде всего, фундаментальных общественных наук. Эта установка получала многочисленные псевдонаучные доказательства, в том числе, с помощью социологов. Например, согласно, выводам исследования «Оценка состояния Российской Академии наук» в гуманитарном секторе академической науки «кадровый балласт» составлял в 2005 г. 90% научных сотрудников, а в негуманитарном – 53%. На основании этих сфальсифицированных выводов делались заявления о неэффективности российской академической науки и далее – о необходимости ее кардинального реформирования по примеру образцовых западных стран[12].

Чем может обернуться вульгарная ориентация на примат постакадемической социологии?
Во-первых, нежелание знать общество, в котором мы живем, или скептическая оценка социологии, как науки не дающей объективное знание об обществе, несколько не помогают определить эффективные социальные технологии. Вспомним фразу Ленина В.И.: «Пытаюсь решить частные вопросы, не решив общих, мы будем вновь и вновь наткаться на общие». Уход от объективизма (структурализма) в сторону субъективизма (активизма) имеет свои методологические ограничения. Они связаны с опасностью отказа от научной истины из-за прагматических интересов «техно», от стратегического планирования социальной реальности в угоду тактике латания дыр или ручного управления. Формулировку «теоремы Томаса» можно изменить зеркальным образом, в контексте объективизма, примерно так: «Если люди не оценивают ситуацию как реальную, то она все равно реальна по своим последствиям». И эта новая формулировка будет не менее верна, чем привычная «теорема Томаса». Образно говоря, человека, знающего законы общества, общество ведет, незнающего законы - тащит.

Во-вторых, вместо формирования социэкономике под популярным девизом «вначале человек» («People-First»), о необходимости которой активно пишут отечественные и

зарубежные социологи[13], примат постакадемической социологии скорее приведет к трансгуманизации общества[14]. Идеи трансгуманизма отражают использование достижений науки и техники для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения таких аспектов существования, как страдания, болезни, старение и даже смерть. Предполагается, что к 2030 г. человек будет иметь принципиально иные способы питания, лечения и деторождения. Например, по мнению директора Института геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского РАН, академика Э.Галимова: «Нетрудно предвидеть возможность радикального изменения механизма питания и деторождения, последовательной замены биогенных органов техногенными, постепенное возникновение биотехногенного гибрида».[15]

Проекты увеличения продолжительности жизни человека до 150 и более лет, его генной модификации, клонирования человека, создания «сверхчеловека» инициируются научным сообществом. Прогнозируется, что к 2030 г. около 70% финансовых средств, направляемых на фундаментальную науку, будут идти на биохимические, биомедицинские и близкие по тематике исследования, связанные с человеком как биологическим видом. Например, в результате реализации национального проекта к 2023 г., около 80-90% жителей Японии смогут рассчитывать на пересадку органов, выращенных из стволовых клеток созданного банка iPS-клеток[16]. За этими фантастическими и зачастую сомнительными с биоэтической точки зрения взглядами стоят перспективы иного понимания социобиологической сущности человека, а значит - иного понимания гуманизма.

Логика развития общества, связанная с радикальным технократизмом, утилитаризмом по мнению ряда исследователей, в частности немецкого социолога П.Козловски, может привести к построению тоталитарного режима[17]. При этом будут и далее актуализироваться идеи социал-дарвинизма, мальтузианства, радикальных левых/правых, конфессиональных течений, типа так называемого исламского государства, а социологические данные будут получать, возможно, путем «чипизации» населения и установления полного контроля над личной жизнью.

Вместе с делением науки на академическую и постакадемическую осложняется задача консолидации разрозненного российского социологического сообщества и выработки общественно признанной повестки дня для социологической науки. Соблюдение критериев научной рациональности при ориентированности постакадемической науки на внешний заказ вызывает много сомнений. Организационные схемы постакадемической индустрии научных знаний наталкиваются на конфликт экономических, политических интересов разных социальных групп, когда ни российское государство, ни бизнес не проявляют заинтересованности в инвестировании в науку и профессиональный потенциал населения.

Большинство вопросов технологического и технического освоения фундаментальных научных знаний, изменения менеджмента науки, укрепления связи академической и вузовской науки реальны и нуждаются в решении. Однако такое решение следует искать в преемственности и точном расчете. Возможно, попытки построить новую постакадемическую ось: вузы-лаборатории-бизнес, пока не увенчались успехом в связи с тем, что европейская модель организации науки, опирающаяся на национальные академии, а не на университеты (как это происходит в англо-саксонской модели) имеет в России вековую историю. Академическая наука и теоретическая социология, не претендуя на монопольное управление общественными науками и процессами, имеют право рассчитывать на понимание их миссии в развитии российского общества и уважение дисциплинарного статуса.

В докладе Академии наук Китая о развитии науки и технологии до 2050 г. утверждается: «Мир стоит на пороге новой научно-технической революции», и Китай нацелен на достижение успеха в ней[18]. Военная стратегия Соединенных Штатов основана на трех принципах: необходимости обеспечения военного превосходства над миром, для этого превосходства требуется превосходство в науке, лидерство в науке другой страны должно рассматриваться как угроза США. Научное знание, в том числе, социологическое знание, становится не только экономической силой, но и политической властью, стратегическим потенциалом ведения современных гибридных войн, нахождения ответов на угрозы социокультурной безопасности или мягкого демографического геноцида. Авантюрные нововведения могут привести к деградации фундаментальной российской науки, неуместному противоборству между академической и постакадемической формами организации и воспроизводства социологической науки.

I. Cm. Gouldner A.W. The Coming Crisis of Western Sociology. – N.Y.: Basic Books, 1970; Boudon R. Will Sociology Ever Be a Normal Science? // Theory and Society. – 1988, Vol. 17, – P. 747-771; Berger P.L. Does Sociology Still Make Sense? // Schweizer

- Zeitschrift für Soziologie.* – 1994. – Bd. 20. – S. 3-12; Луман Н. *Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества* // *Социо-логос.* – М., 1991. – Вып. 1. – С. 194-216; Вагнер Г. *Социология: к вопросу о единстве дисциплины* // *Теория общества. Фундаментальные проблемы.* – М., 1999. – С. 236-260.
2. Alexander J. *The centrality of the classics* // *Social theory today* / Ed. A. Giddens, J. Turner. Stanford, 1987.
3. См. *Иного не дано.* Под. ред. Афанасьева Ю.Н. М., Прогресс, 1988.
4. Тоценко Ж.Т. *Социология управления.* – Центр социального прогнозирования и маркетинга. – М. – 2011. – С. 83.
5. *Переход к рынку. Концепция и программа.* – М., 1990. – С. 136-139.
6. Выступление Ельцина Б.Н. на 6 съезде народных депутатов России. *Известия* 1991 г. 28 ноября.
7. Ионин Л.Г. *Культура и социальная структура.* – *Социологические исследования*, № 2. – 1996. – С. 10.
8. Федотова В.Г. *Академическая и (или) постакадемическая наука?* – *Вопросы философии*, №8. – 2014. С. 44.
9. См. Кезин А.В. *Идеалы научности / Философия и методология науки.* – М., 1996.
10. См. Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г. *Общество знания: Переход к инновационному развитию России.* – М.: Книжный дом «Либроком». – 2013.
11. См. *Public sociology: Fifteen eminent sociologists debate politics and the profession in the twenty-first century* / Ed. by D. Clawson, R. Zussman, J. Misra, N. Gerstel, R. Stokes, D.L. Anderton, M. Burawoy. Berkeley: University of California Press, 2007.
12. См. Локосов В.В. *Эффективность РАН: эссе о псевдосоциологах. Российское сообщество: трансформация целей, интересов, ценностей.* – М. – 2006. – С. 186-196.
13. См. Богомолов О.Т. *Крупный неэкономический потенциал модернизации: проблемы его использования. Научный доклад на Президиуме РАН. 13 ноября 2012 г.;* Горшков М.К. *Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы*// *Гуманитарные науки.* – №2 (10). – 2013.
14. См. Bostrom N. *A history of transhumanist thought*// *Journal of Evolution and Technology.* – 14 (1), 2005.
15. *Технические формы жизни. Независимая газета.* – 2004, 10 ноября. – С.15.
16. Куракова Н., Зинов В., Комаров В., Павлов П. *Долгосрочные прогнозы как инструмент формирования научно-технологической политики*// *Экономическая политика.* – 2014, №4. – С. 10.
17. Козловски П. *Общество и государство. Неизбежный дуализм.* – М.: Республика, 1998. – С.185-186.
18. См. *Наука и технология в Китае: дорожная карта до 2050 года: Фундаментальный сводный доклад Академии наук Китая.* Science Press Beijing. – 2010.

СЕКЦИЯ 1. МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА СОЦИОЛОГИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ОБЫЧАЙ И ПРАВО. ТРИ ПРИМЕРА АКТУАЛИЗАЦИИ КЛАССИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ: БОРОНОВ, КОВАЛЕВСКИЙ, ТЕННИС

Deichsel A. (Гамбург, Германия)

Для начала обратимся к предмету социологии. Для этого нам понадобится Эвклид и его геометрия: мы живём на земном шаре. Все точки на его поверхности имеют одинаковые значения. Поверхность шара, сфера – единственная замкнутая поверхность, не имеющая центра. Это конечное и бесконечное одновременно, уникальное явление. Почему это интересно для нас? На Земле появляется человек. Он знает, что он – центр. Его самоуверенность меняет ситуацию драматично – на поверхности Земли возникают миллиарды центров. Каждый центр создаёт культурные гештальты – местный обычай, язык, архитектуру, одежду, богов всё это – индивидуальный гештальт. Эти маленькие общности встречаются, ведут борьбу за источник, убивают друг друга. До того момента, как одному из них не приходит мысль, что нужно найти другое решение - заключить соглашение: до полудня источник наш, после – ваш. Таким образом произошло рождение договора, контракта, права. Появилась новая форма социального. Между субстанциями общностей возникает социальное взаимодействие. Общности остаются друг для друга чужими, врагами, но вступают в договорные отношения. Связь через договор дополняет сущностную волю избирательной. Не стоит путать одно с другим и ставить между ними знак равенства. Есть две различных формы социального: общность (Gemeinschaft) и общество (Gesellschaft). Они показывают разницу между моралью и этикой. Данная тема характерна и для

русских социологов. Это можно рассмотреть на примере двух учёных: А.О. Бороноев, чья работа о Сибири наглядно показывает силу местности, а следовательно и обычая (поскольку обычай всегда связан с местностью) или менталитета; и М.М. Ковалевский, объединяющий такие субстанции в солидарность договора, закона, государства. Я хочу показать, как Фердинанд Тённис раскрывает их соотношение – общность и общество. Почему это актуально? Потому что: глобализация лишь оживляет извечные субстанциальные силы местности и её обычая. Она ведёт под руку права человека. Этот факт также имеет важное значение для бизнеса. В этом - драма нашего будущего.

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ИДЕЙ ВИЛЬФРЕДА ПАРЕТО ДЛЯ АНАЛИЗА МЕДИАПРОСТРАНСТВА (МЕДИА СОБЫТИЙ)

Артамонова М.В. (Москва)

В рамках деятельности Центра развития социологического образования ВШЭ одним из направлений исследований является - взаимодействие профессионального сообщества вузовских преподавателей в медиа пространстве (в социальных сетях) по поводу образовательных задач. Попытаемся обозначить границы области исследования, возможный круг проблем и тем. Можно выделить здесь следующие основные вопросы:

- 1) Что собой представляет общность/социальные группа(ы) в таком специфическом медиапространстве как «профессиональное сообщество вузовских преподавателей»
- 2) Сетевые взаимодействия как вид социальной деятельности. Взаимодействие в сети как интеракция с результатом, вид социальной активности/ социальной деятельности
- 3) Цели социальной активности в медиапространстве.
- 4) Формирование общественного мнения в профессиональной среде в медиапространстве. Как сообщество формирует «единый взгляд» на событие.

Отсюда вытекают следующие вопросы социального управления: анализ и поиск существующих закономерностей; методы взаимодействия, стимулирование активности, направление активности; результативность активности как действия.

Формат тезисов позволяет выделить только существенные признаки, интересные для нас, и оставить разработку более содержательной аргументации на будущее. То же самое относится и к определению содержания такого понятия как «социальная группа в медиа», «преподаватели вуза», «профессиональные сети преподавателей», «процесс самоорганизации» «процесс функционирования профессиональных сетей».

Так, понятие «преподаватели вуза» можно соотнести с понятием Вильфреда Парето «неправящая элита», в противовес правящей. Парето писал, что элита и неэлита образуют высший и низший слои общества: «Мы имеем две страты, два слоя населения: 1) низшая страта, т.е. класс, не являющийся элитой (здесь его возможное влияние на управление не рассматривается; 2) высшая страта, класс избранных, т.е. элита, состоящая в свою очередь из двух частей: правящей и неправящей» [1, Глава 8, с.309]. Опуская доказательства, экстраполируем определение Парето неправящей элиты на социальную группу преподавателей, допускаем, что общность «неправящая элита» включает «преподавателей вузов» как составную часть и исследуем только ту часть профессионального сообщества преподавателей вузов, которая является активными пользователями интернета, социальных сетей. Именно эта категория пользователей сети может создавать и структурировать информацию и создавать событийное медиа-пространство - откликами, оценочными суждениями, поиском и предъявлением аналогов событий, ассоциаций, то есть производить и воспроизводить медийную среду, поддерживать социальные сети, направлять процессы самоорганизации и функционирования профессиональных сетей, социальных групп в медиа. Социальная сеть – институциональное образование, поскольку удовлетворяет как минимум потребность в социальном взаимодействии (в общении, обмене одобрением, причастности и пр.) и развивается, «самоорганизуется» согласно классическим этапам формирования институтов, обозначенным Спенсером и Вебером.

Возможно, для понимания и объяснения функционирования социальных сетей могут быть применимы положения классической теории социального действия, понимающей

социологии (Вебер, Дюркгейм), понятие рациональности (Вебер) классификации «остатков и дериваций» Парето [2, Главы 6,7,8]

Является ли социальная активность в интернете, общение в социальных сетях, социальным действием?

Социальное взаимодействие - это процесс непосредственного или опосредованного взаимодействия социальных субъектов (акторов) друг на друга. Это процесс обмена действиями между двумя и более акторами. Если социальная активность в сети - разновидность социального действия, то можно ли применить классические теории социального действия, к объяснению поведения участников сетей, анализу поведения «социальных акторов» в медиапространстве виртуальной реальности, возникшем на два столетия позже, чем сама теория. Согласно «понимающей социологии» социальное действие основано на рациональном целеполагании и направлено на изменение объектов с целью сохранения или изменения их состояния, это действие человека, связывающего с ним субъективный смысл (рациональность), которое по предполагаемому его субъектом смыслу соотносится с действием других лиц и ориентируется на них.

Значит, интеракции в медиа можно рассматривать с позиций теории социального действия и находить смыслы с позиций классических классификаций типов социальных действия и объяснения рациональности. Кроме того, в медиавзаимодействии есть все компоненты социального действия: социальный актор – отправитель; интенция - действие; социальное ожидание; социальный актор - получатель информации; реакция и новый цикл.

Если опираться на классические основания, то участники сетевых интеракций преследуют рациональные цели. Отправитель информации преследует субъективную цель. Управляющее воздействие (достижение субъективных целей) оказывается опосредовано через формирование общественного мнения и функционирование (социальная активность) в медиа пространстве: оценочная активность, разделение на группы поддержки и противников события и есть самоорганизация и функционирование медиасообщества, которое, будучи неправящей элитой, зачастую играет роль хора лягушек в комедии Аристофана «Облака», берет на себя опосредовано управляющую и оценочную функцию.

Субъективность и рациональность по Веберу, категории, которые определяют социальное поведение. Актор стремится к рациональности действий на основе субъективного смысла. Социальный актор – источник информации - оказывает управляющее воздействие в целях достижения субъективно значимого результата. Рациональность поведения актора-источника информационного сообщения в управляющем воздействии на получателя информации сводится к минимизации затрат (временных, пространственных, финансовых и пр.) для получения результата, заданного субъективным значением источника информационного сообщения. Информация должна воздействовать, таким образом, на её получателя, чтобы при минимизации транзакций, усилий вызвать необходимый отправителю информации эффект (результат). Рациональность будет заключаться в минимизации транзакций (шагов, передаточных звеньев и т.д.). Значит информационное сообщение, которое заведомо приводит к желаемому результату, будет наиболее рациональным актом. Это порождает в информационном сетевом пространстве эффект цугцванга, когда любая реакция, действие получателя информации, ведет к ухудшению его положения, к ожидаемому (прогнозируемому) результату. Чтобы добиться рациональных целей, нужно вызвать эмоциональную реакцию, обратиться к «остаткам 1 класса» - инстинкту комбинаций (Парето) и запустить процесс отнесения к ценностям (Вебер). Что запускает процесс отнесения к ценностям, что заставляет социального актора открыть сообщение в новостной ленте, прочитать его, отметить, т.е. «поставить лайк», ответить /«дать комментарий», перепостить.

Субъективность смыслов действия, согласно Парето, вовсе не всегда рациональна, а скорее наоборот, он пишет о нелогичной иррациональной природе человека. Парето делит социальные действия на логичные и нелогичные. Нелогичные основаны на эмоциях и чувствах. Именно чувства движущие стимулы любой социальной деятельности: управление – есть извлечение выгоды из эмоций (Парето). Согласно Парето нелогические действия обосновываются с помощью кажущихся логичными теорий и аргументов. Парето называет их «производными» или деривациями. Чтобы получить социальную реакцию нужно обратиться к «остаткам», инстинктам, ценностным установкам. Чтобы «обратиться» необходимо использовать «деривации». То есть отправитель информации с помощью «дериваций» [2, С.196] скрывает субъективные смыслы своих действий.

Именно Вильфред Парето разработал систему «остатков», классификацию иррациональных установок, которые составляют основу для объяснения мотивов (субъективной рациональности) деятельности социальных групп и отдельных акторов. Подходы итальянского классика XIX века, его теория объяснения логического и нелогического поведения актуальны и применимы для анализа социальных действий в медиа, управления социальными группами, сообществами и отдельными акторами.

1. Паретто В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. С.309

2. См. там же: С.196

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ БАЗ ДАННЫХ СМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Астахов А.М. (Ростов-на-Дону)

Средства массовой информации имеют большое значение для общества. Развитие интернет технологий позволило выйти на новый уровень формирования общественного мнения, что повлекло за собой увеличение интереса со стороны научного сообщества. В маркетинговых проектах большое значение получили исследования, позволяющие оценить эффективность распространения коммерческих продуктов, исследования имиджа компании, персоны, с использованием специфического инструмента, - баз данных СМИ и сопутствующего программного обеспечения. Под базами данных (БД СМИ условный термин, включающий в себя, собственно БД, СУБД, модуль построения полнотекстового индекса, формирования выборки, модули интерфейса и аналитики) в данном случае понимаются продукты, предлагаемые такими компаниями как «Медиология», «Интерфакс», «АИСТ», и др.. Заявленная тема так же касается инструментов, предлагаемых компаниями Яндекс, Гугл, специализированных государственных баз данных и т.д.. Исходя из широкого распространения данных инструментов можно говорить о том, что подобный подход воспринимается как достаточно эффективный. В научной среде так же активно используются методы анализа СМИ основанные на различных методиках: контент - , интент- анализа, графического, лингвистического анализа и др. Базы данных СМИ:- с осторожностью, но так же применяются в частности в области анализа политических процессов, специфики межнациональных, конфессиональных, культурных, трудовых взаимоотношений.

Данная работа является результатом анализа публикаций, выступлений и докладов на конференциях, посвящённых анализу СМИ, с выделением ошибок которые, к сожалению можно назвать типичными. Стоит отметить, что в специализированной литературе посвящённой методологии проведения исследований уделяется много внимания их специфике, а первопричины появления данных ошибок затронуты прямо или косвенно[1][2], однако регулярное их воспроизводство обуславливает необходимость акцентировать на них внимание ещё раз.

В данной работе предлагается обратить внимание на два аспекта имеющих высокую актуальность при применении баз данных СМИ: специфика использования программного обеспечения предоставляемого БД СМИ и специфика подбора источников используемых в исследованиях.

Использование инструментов предоставляемых данными базами данных. В большинстве баз данных существует собственный инструментарий, позволяющий проводить анализ материалов. К примеру, различные виды «медиа индексов», формы и виды выделения значимых, первичных и вторичных публикации, значимости источников и т.д.. В применении данных процедур существуют особенности, которые необходимо учитывать при их использовании для проведения научных исследований.

Имеет смысл в общих чертах охарактеризовать, что такое аналитический инструментарий с точки зрения исследователя. Процесс выстраивается, исходя из аналитических процедур, в основе которых лежат подходы статистического, дискриминантного и кластерного анализа, машинного обучения, типизации. Ещё более упрощая, это процессы связанные с «запросом» (поисковым словом или фразой) ограниченным логической операцией или признаком (географическим расположением источника, публикации, сферой направленности источника, тиражом и т.д), выстраиванием определённой «таблицы» публикаций где данный «запрос» присутствовал, её ранжирование в соответствии с признаками (наличие определённого количества слов, значимость источника, расположение по сравнению с другими «запросами», словами «запроса» и др.) их группировка и типизация в соответствии с заложенными аналитическим инструментариям. То есть фактически аналитический инструментарий баз данных является

аналогом проведённой научной работы, где методология и инструментарий уже определены, сравнительные таблицы созданы, категории предписаны. Исходя из этого, при применении данного аналитического инструментария возникает вопрос, соответствия целям и задачам, индикаторам и сравнительным таблицам работы исследователя.

Ещё более важный вопрос связан с одной из специфических характеристик представленных продуктов, - открытостью данных. Ряд компаний придерживаются политики не предоставления данных о процедурах, применяемых в аналитической работе. Даже государственные структуры не делятся подобной информацией, к примеру «Федеральное агентство по делам национальностей» при вопросе об основаниях на которых действует «система мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений» ссылается на «алгоритмы, представляющие совершенно новый подход в области мониторинга»[3]. Соответственно, возникает вопрос о возможности использования аналитических продуктов, предлагаемых «закрытыми» компаниями в научных исследованиях. Исходя из представленных выше аргументов, можно утверждать, что при отсутствии возможности выявить соответствия применяемого инструментария целям и задачам, а так же невозможности проведения независимой проверки результатов, что объективно из-за отсутствия инструментария как такового (точнее его скрытого состояния) сделать сложно, использование данных инструментов как минимум спорно. Более того в их применении можно усмотреть нарушение принципов проведения исследования, - объективности, воспроизводимости, что в свою очередь ставит вопрос о научности.

Специфика подбора источников используемых в исследовании. Трудно недооценить значение процесса подборки источников для проведения исследования, не будет преувеличением сказать, что она соответствует значению выборки для опроса или интервью. Однако применение источников обрабатываемых и используемых в БД имеет определённые особенности, которые можно обозначить как «необходимость проверки комплектности публикаций (источников). База данных СМИ агрегирует информационные объекты, которые были записаны как источники. И, несмотря на заявления, не всегда публикации полностью, в печатных источниках эпизодически игнорируются рекламные публикации, законы, постановления, сообщения на языках отличных от русского, в электронных ресурсах зачастую обращаются только к RSS ленте, которая не всегда полноценна, пропускается часть региональных новостей или наоборот федеральных, непрофильных информационных блоков. Соответственно необходимо уточнять вопрос какую именно часть информационного потока охватывает используемая база. Не стоит забывать и о простых технических ошибках, сбоях программного обеспечения, оборудования, человеческого факторе.

Не будет лишним, в этой связи напомнить ещё об одном компоненте связанным с определением пула источников, а именно с вопросом «обобщённого подхода» к выбору источников. В контексте данной работы это носит характер скорее рекомендации. Не вмешиваясь в сам процесс работы, признавая право автора на творчество, стиль написания, выбор подхода и методики, хотелось бы рекомендовать не использовать обобщённый подход к выборке, а именно избегать формулировок и шагов, связанных с использованием всей базы данных, её части, предписано отнесённой к какой либо подгруппе (источники, ориентированные на бизнес сферу, регион и т.д). Данный подход значительно усложняет понимание смысла заложенного автором, требует привлечение дополнительных ресурсов для их расшифровки. Связанно это с тем, что общий набор изданий для каждой БД, разный, критерии отнесения по подгруппам так же индивидуальны.

Таким образом, применяя данный инструмент необходимо учитывать несколько важных особенностей. При использовании аналитического инструментария важно обращать внимание на открытость данных, крайне осторожно применяя инструментарий с закрытыми алгоритмами. В случае, если данные открыты, необходимо убедиться что алгоритмы соответствуют заявленным целям и задачам исследования. Значительного внимания требует проверка «комплектности» источников, их полнота и соответствие версии используемой в БД оригиналу.

1. М.В. Йоргенсен, Л. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. — 2-е изд., испр. — Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008;
2. С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. - Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009;
3. Ответ на обращение № 54104 Астахова А.М. в «Федеральное агентство по делам национальностей» №15-02-02 от 14.06.16.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА КРИЗИСА СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Батаева Е.В. (Харьков, Украина)

В современной системе высшего образования все более привычной становится риторика кризиса социогуманитарных наук, в перечень которых включают науки, изучающие функционирование человека в обществе (в том числе и социологию). Кризис (понимаемый как «поворотный пункт», переломное состояние, в котором существующие способы решения проблем становятся неэффективными и, как следствие, возникает необходимость в поиске новых форм существования и новых средств совладания с проблемами) социогуманитарных наук проявляется на нескольких уровнях: 1) объективно он проявляется в не/недофинансировании гуманитарных факультетов/вузов; слиянии гуманитарных кафедр; сокращении нагрузки преподавателей-гуманитариев; хроническом недоборе на социогуманитарные специальности в вузах; 2) на субъективном уровне он проявляется в критическом отношении к социогуманитарным наукам (и их представителям) со стороны абитуриентов, студентов, работодателей; 3) на дисциплинарном/институциональном уровне кризис проявляется в активной переоценке научным социогуманитарным сообществом социокультурной миссии и научных целей конкретных дисциплин (в том числе и социологии), в попытке переопределения их концептуальных задач. Рассмотрим негативные и позитивные социальные эффекты анализируемого кризиса.

Наиболее очевидную причину кризиса социогуманитарных наук можно заметить в парадигмальных сдвигах, возмевших место в системе высшего образования, о которых говорят современные социологи. «Вместо гуманистической парадигмы, трактующей высшее образование как право человека обогащать себя высшими интеллектуальными достижениями человечества и ставить их на службу социальному прогрессу, легитимизируется парадигма экономическая, трактующая высшее образование как сферу инвестиций, приносящих дополнительный доход, финансовые дивиденды и иные бонусы» [1, с.10]. Вместо классического образа высокообразованного человека, который должен был не только владеть навыками конкретной профессии, но и заниматься духовным, эстетическим, интеллектуальным саморазвитием, утверждается утилитарная модель узкого специалиста, владеющего определенным набором умений, с помощью которых можно получать различные бонусы в своей профессии. Как следствие, социогуманитарные знания, которые не дают моментальной прибыли, расцениваются как бесполезные, как некое «излишество», от которого можно безболезненно отказаться (ведь «это не пригодится!»). Другую причину кризиса социогуманитарных наук можно заметить в мании всемирного подражательства реформам в образовательных системах наиболее развитых стран мира, таких как США или Япония (сокращение объема гуманитарных дисциплин в вузах этих стран повлекло за собой волну аналогичных реформ в остальных странах, в которых не существовало для этого особых причин и, наоборот, в которых веками поддерживались сильные гуманистические традиции, например, в России или в Украине). Можно упомянуть еще одну причину, о которой говорят сами представители социогуманитарных наук – речь идет об их недостаточной публичной активности, нацеленной на популяризацию своих наук и привлечения к ним общественного внимания.

Каковы негативные социальные эффекты анализируемого кризиса, что мы теряем, отказываясь от гуманитарных дисциплин в вузах? В отличие от точных и естественных наук, которые по своей сути аппликативны (то есть нацелены на применение и адаптацию определенных научных установок и законов), гуманитарное знание коммуникативно и проблематично, по своим внутренним установкам являясь дискуссионным, порождающим множественность интерпретаций определенных фактов/концепций. Как полагает М. Нуссбаум, именно эти характеристики социогуманитарного знания способствуют развитию таких абсолютно важных личностных качеств, как критическое мышление, научная креативность, самостоятельность мышления: «перечислю способности, связанные с гуманитарными науками и искусством: способность к критическому мышлению; способность отвлечься от частных интересов и взглянуть на мировые проблемы с точки зрения «гражданина мира»; и, наконец, способность сочувственно относиться к трудностям другого человека» [3, с.22]. Соответственно, если «урезать» объем социогуманитарных дисциплин в вузах, это негативным образом может сказаться на качестве коммуникативных и критических навыков будущих теоретиков и практиков.

В контексте же концепции «культурного капитала» П. Бурдьё обнаруживаются несколько иные отрицательные эффекты кризиса социогуманитарных наук. Согласно П. Бурдьё, культурный капитал – это уровень образования, навыки устной и письменной речи, эстетические ценности, умение взаимодействовать с людьми, ориентация на достижения в учебе, разнообразные культурные знания, позволяющее человеку понимать содержание самых различных артефактов. В современном мире именно обладание культурным капиталом становится определяющим фактором в профессиональном становлении специалиста: «сейчас в бывших социалистических странах объем владения экономическим капиталом играет второстепенную роль, а основным фактором позиции в социальном пространстве становится обладание культурным капиталом» [2]. Культурный капитал накапливается годами (в отличие от навыков пользования определенными функциональными системами), позволяя специалисту комплексно и масштабно оценивать конкретные научные проблемы и генерировать новые оригинальные идеи. Однако огромную роль в накоплении культурного капитала играют именно социогуманитарные науки (такие как социология, психология, философия, культурология, политология), знание которых помогает человеку глубоко и системно анализировать конкретные концептуальные проблемы. Кризис социогуманитарного знания может возыметь своим эффектом сокращение культурного капитала современных специалистов и, как следствие, их неспособность ориентироваться в потоке все усложняющейся информации.

Однако, как уже было сказано выше, любой кризис, как «поворотный пункт», подразумевает не только отрицательные, но и положительные эффекты. К числу таковых можно отнести возникновение нового контекста теоретической работы, который, по мнению многих социологов, должен способствовать возрождению интереса к социогуманитарным наукам. Речь идет о междисциплинарных исследованиях, которые в силу их масштабности и комплексности могут стать фундаментом нового этапа (а, может быть, и взлета) в развитии социогуманитарных наук. Что касается современного кризиса социологического знания, то положительным его следствием можно признать появление нового контекста социологической работы, описанного в проекте «публичной социологии» М. Буравого, призванной решать самые разнообразные проблемы общественного бытия и развивать коммуникационные контакты с внеакадемической аудиторией [4].

1. Бакиров В. Трансформация университета, функций и статуса университетского преподавателя // *Кадровый потенциал современных образовательных систем: состояние и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., Харьков, 18 февр. 2016 г. Харьков: Изд-во НУА, 2016. С. 3-12.*

2. Ковалиско Н. Многомерный анализ социальной стратификации современного украинского общества // *Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 3. С.5–37.*

3. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / [пер. с англ. М. Бендет; под науч. ред. А. Смирнова]; М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 192 с.

4. Burawoy M. *For Public Sociology // American sociological review, 2005, Vol. 70. Pp.4-28.*

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В РАБОТАХ РУССКИХ СОЦИОЛОГОВ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Батуренко С.А. (Москва)

Современная феминистская социология является одной из относительно новых областей науки. Предметная область исследований активно развивается, обсуждается и критикуется. Многие современные дискуссии этого направления получили развитие и в отечественной социологии. Рассматривая предпосылки и условия становления феминистской социологии как междисциплинарного научного направления, необходимо обратить внимание на период русской социологии XIX — начала XX веков, в течение которого отчетливо проявлялся интерес первых русских социологов к данной проблеме. Одним из наиболее актуальных вопросов и одновременно наименее изученных является перспектива зарождения в России феминизма как социального явления и теории феминизма в истории русской социальной мысли.

В качестве предпосылок зарождения современной феминистской социологии можно рассматривать разработки русских философов и первых русских социологов XIX — начала XX

веков. Проблема положения женщин вызывала живой интерес у представителей самых разных направлений социологической науки в России: позитивистского, неопозитивистского, субъективной социологии, генетической, неокантианской, марксистской, географического направления. Отдельного внимания заслуживает теория марксистского феминизма, наиболее полно представленная в работах А.М. Коллонтай, В.И. Ленина и других авторов.

Понятие «женский вопрос» имеет французские корни. В начале XIX века в России оно употребляется в более широком значении нежели французское слово «эмансипация». Фактически «женский вопрос» в русской социологии это не только вопрос о равноправии и освобождении женщин, но также широкий спектр проблем, затрагивающих интересы обоих полов в равной степени: семья и брак, отношения мужчины и женщины, воспитание и социализация, защита детства и материнства и другие вопросы социального характера. Постановка проблемы неравноправия, преодоления зависимого положения женщины, обеспечения ее прав в России отличается от западной особой спецификой. Эта специфика обусловлена историческим и социальным развитием общества, становлением правовой системы, религиозным сознанием. Русский философ Н.А. Бердяев в своей работе «Метафизика пола и любви» характеризовал проблему: «С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти» [1, 213]. В западной социологии проблема концентрировалась в основном на правовом и юридическом аспекте. В России вопрос о достижении равных избирательных прав между мужчиной и женщиной составлял только часть проблемы «женского вопроса» в целом.

Данная проблематика в широком философском аспекте отражена в работах русских философов XIX — начала XX веков. Среди русских философов можно отметить публициста и философа Розанова Василия Васильевича (1856-1919) с его разработкой проблемы «метафизики пола» в работе «Люди лунного света» (1911) [2], Соловьева Владимира Сергеевича (1853-1900) с учением об андрогинизме, изложенного в серии статей «О смысле любви» (1892-1893) [3], Бердяева Николая Александровича (1874-1948) с разработкой проблемы антагонизма между «двумя стихиями пола» – стихией личной, в её утверждении пути к индивидуальному бессмертию и стихией родовой в работах «Метафизика пола и любви» и «Размышление об Эросе» [4].

Русская социология рассматриваемого периода была тесно связана с философскими учениями, во многом определившими ее специфику и направление. Вместе с тем она остается недостаточно изученной с точки зрения постановки и решения данной проблемы. Социологи самых разных научных направлений занимались разработкой так называемого «женского вопроса». Среди представителей неокантианского направления известны имена таких ученых как Петражицкий Лев Иосифович (1867-1931) [5], Хвостов Вениамин Михайлович (1868-1920) [6], также это основатель генетической социологии Ковалевский Максим Максимович (1851-1916) [7], представитель географического направления в социологии Щапов Афанасий Прокопьевич (1831-1876) [8], представители марксистского направления Коллонтай Александра Михайловна (1872-1952), представитель субъективной социологии Южаков Сергей Николаевич [9], представитель неопозитивизма Сорокин Питирим Александрович [10].

На основании анализа работ русских социологов можно говорить о возникновении огромного проблемного поля, а также серьезном вкладе ученых в разработку теоретико-методологических оснований изучения данной проблемы, что задает горизонты и ориентиры для современной социологии феминизма. Русская социология конца XIX — начала XX века демонстрирует огромный интерес и серьезные успехи в разработке данной проблемы. Многие вопросы, решаемые современной феминистской социологией, созвучны с идеями первых русских социологов. В частности особое значение имели вопросы, связанные с образованием и правовым положением женщин, изучением женских общественных движений, а также множество других проблем, заявленных русской социологией и требующих решения.

1. Бердяев Н.А. *Новое религиозное сознание и общественность*. М.: Канон+, 1999. - 464 с.
2. Розанов В.В. *Семейный вопрос в России*. СПб., 1903. Т. 12; Розанов В.В. *Люди лунного света: метафизика христианства*. М.: Директ-Медиа. 2015.
3. Соловьев В.С. *Женский вопрос* // Соловьев В.С. *Собр.соч.: в 8т.* СПб., 1903. Т.VIII; Соловьев В.С. *Смысл любви* – М: Путь, 1995.

4. Бердяев Н.А. *Метафизика пола и любви*. // Н.А. Бердяев. *Эрос и мораль*. - М.: Фолио, 2009; Бердяев Н. *Размышление об Эросе*. // Н.А. Бердяев. *Самопознание (опыт философской автобиографии)*. - М.: Международные отношения, 1990.
5. Петражицкий Л.И. *О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г.* Пг., 1915; Петражицкий Л.И. *О пользе политических прав женщин*. Спб., 1907.
6. Хвостов В.М. *Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу)*. М., 1906; Хвостов В.М. *Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос*. М., 1914; Хвостов В.М. *Женщина в обновленной культуре*. М., 1917; Хвостов В.М. *О равноправии женщин*. М., 1911.
7. Ковалевский М.М. *Высшее женское образование* // *Вестник Европы*. 1910. N 6; Ковалевский М. *Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты?* // *Союз женщин*. - 1908. - №7-8; Ковалевский М.М. *Очерк происхождения и развития семьи и собственности*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. - 152 с.
8. Щапов А.П. *Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России*. Сочинения. Т. 2. Спб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 55-104; Щапов А.П. *Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности*. Сочинения. Т. 2. Спб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 31-55; Щапов А.П. *Мирозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества*. Сочинения. Т.3. 1908. С. 431-605; Щапов А.П. *Положение женщины в России по до-петровскому воззрению*. Сочинения. Т. 2. Спб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 105-154.
9. Южаков С.Н. *Социологические этюды*. М.: Астрель, 2008; Южаков С.Н. *Женщина-избирательница: (К вопросу о реформе русского избирательного права)*. — М.: Л. О. Крумбюгель и Н. Н. Худяков, 1906. — 16 с.
10. Сорокин П.А. *Система социологии*. М.: Астрель, 2008. - 1008 с.

М.М. КОВАЛЕВСКИЙ И ЛИТЕРАТУРА

Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург)

Литература была доминирующим элементом культуры в России XIX – начале XX в. О влиянии литературы на М.М.Ковалевского свидетельствуют и факты его биографии, и его социологические исследования.

Ковалевский - «эмпирик до мозга костей, позитивист и ярый поборник «реальности» по П.А.Сорокину, «эмпирик» и «позитивист», по оценке его творчества Н.И.Кареевым, «до конца своих дней оставался большим поклонником Конта». Знаток французского языка он изучал его работы, факты жизни и переписку по первоисточникам. И в своих исследованиях он обращался не только к работам «основателя социологии», но и к анализу его «литературных пристрастий».

Так, в «Очерке истории развития социологических исследований» (1906) Ковалевский пишет об умении Конта оценить влияние, какое греческий политеизм «оказал на широкий полет фантазии поэтов и художников...на их искреннее и наивное отношение к религиозным мифами, какое выступает столько же в Гомеровской «Илиаде», сколько в стихотворениях Гесиода и произведениях первых греческих трагиков» [1, с. 236]. Конт имел большое влечение к двум искусствам – к поэзии и музыке: «Его любимым отдохновением было чтение великих стихотворцев древности и некоторых итальянских поэтов Средних веков и эпохи Возрождения, в частности Данте» [1, с.234-235]. Ковалевский особо выделяет, что Конт, используя исторический метод, для оценки императорской власти Наполеона III «не знает другого имени, как «мамамушизм»; слово это заимствовано им из известной комедии Мольера» [1, с.222]. И далее повторяет, у Конта «республиканская диктатура может держаться под одним условием признания ею свободы; непонимание этой истины и есть причина неустойчивости Наполеоновского правительства, которое выродилось в какую-то «театральную полувосточную монархию», для которой Конт, как я уже сказал, употребляет термин, заимствованный им из комедии Мольера - «мамамушизм» [1, с.231].

Речь идет об «известной комедии» Ж.Б.Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670), в которой мещанин Журден хочет заявить о себе как о дворянине. С этой целью учится одеваться, фехтовать, правописанию, философии, танцам, музыке, но все его попытки нелепы и вызывают только смех. Он отказывает в руке своей дочери мещанину Клеону на том основании, что тот не дворянин. Тогда Клеон и его слуга Ковель идут на обман. Переодетого Клеона выдают за восточного «сына султана». Его слуга от имени «сына султана» просит руки дочери Журдена, и предлагает произвести Журдена в высокое звание и самый почетный сан в мире «наизнатнейших вельмож» - «мамамуши». На этом основании Конт уже пишет о «мамамушизме» как о явлении,

которое соответствует императорской власти Наполеона III, этой «театральной восточной монархии».

О знании литературы и ее влиянии на работы Ковалевского свидетельствуют его многочисленные ссылки: на П.Виргилия, Гомера, А. Данте, Ф. Петрарку, Т.Торквато, Ж.Мольера, Ж.Расина, Г. Гейна, И. Гете, В.Гюго, Ж.Санд, А.Сталь, В. Шекспира, Р.Стивенсона, А.Н.Радищева, Н.М.Языкова, Н.А.Полевого, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Н.В.Сушкова, Л.Н.Толстого и т.д.

Так как в России литература была господствующим элементом культуры, многие отечественные социологи сами участвовали в литературном процессе, писали романы, повести, рассказы, поэмы, стихи, эпиграммы (Л.Е.Оболенский, А.И.Стронин, П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский, Н.И.Кареев, П.А.Сорокин и др.). Кареев, например, с юмором оценивал свои поэтические опыты, с которыми, по его словам, он обращался «как Тютчев, бросавший написанное. С его стороны, правда, это было непростительно, он разбрасывал бриллианты и перлы, у меня же это были самые простые бусы, собирать которые совершенно не стоило» [2, с.302].

Ковалевским в 1893 г. было опубликовано стихотворение «Из-за дали и разлуки...» (Волна: Сб. русской художественной лирики, СПб, 1893. С.173. Подп.: М.М.Ковалевский). Указание на авторство Ковалевского подтвердил Смирнов-Сокольский Н.П в сборнике «Русские литературные альманахи и сборники ХУШ-ХІХ вв.». М., 1965. С.401. Книга Николая Павловича Смирнова-Сокольского (1898-1962) артиста, писателя, библиофила была издана после его смерти. (Имя, отчество автора расшифровано, так как в ссылках его инициалы указаны неверно - «Н.Н.»).

В Санкт-Петербургском отделении Архива РАН находятся и наброски повестей Ковалевского «Американки или вечер в Чикаго» и «Трясина».

По поводу названия «Трясина» стоит обратиться к воспоминаниям Ковалевского, который в Париже при посещении И.С.Тургенева обратился к нему с просьбой написать роман, где в общих чертах отметить те стороны российской общественной жизни, которые еще не были затронуты Тургеневым. На что Тургенев ответил, что недоумевает, какое литературное произведение может выйти из попытки изобразить еще не вполне определившиеся течения, не имеющие твердой почвы: «Уж не назвать ли мне свой новый роман «Трясиною»? Нет» [3].

Особо дружеские отношения у Ковалевского сложились с Тургеневым и Чеховым.

Первый раз в Париже в 1878 г. его привел к Тургеневу П.Д.Боборыкин, они обсуждали предстоящий международный литературный конгресс. Ковалевский присутствовал на конгрессе, где председательствовал В.Гюго. Когда Гюго «вследствие утомления» перестал появляться, его заменил Тургенев. Русскую делегацию на конгрессе представляли Боборыкин, М.П.Драгоманов, Ковалевский, Л.А.Полонский, В.В.Чуйко. В том же году Ковалевский встретился с Тургеневым в Лондоне на завтраке у А. Дилька - переводчика «Нови».

В России Ковалевский дважды встречался с Тургеневым. В феврале 1879 г. Тургенев по случаю смерти брата приехал в Москву. Ковалевский пригласил его на торжественный обед и представил ему сотрудников редактируемого им «Критического обозрения» (профессоров Московского университета). На правах хозяина он провозгласил тост за Тургенева как «снисходительного наставника молодежи». Тургенев разрыдался, а потом с жаром и любовью говорил о Белинском и признался Ковалевскому, что мало его читал, он повлиял на него «своими беседами». По инициативе Общества любителей российской словесности в Москве был устроен банкет в честь Тургенева. Ковалевский распоряжался устройством этого праздника.

В 1880 г. Тургенев приехал в Москву на праздник по случаю открытия памятника А.С.Пушкину. Ковалевский был членом комитета по подготовке открытия памятника. Тургенев помогал комитету советами, писал в разные концы Европы, приглашая литераторов отозваться «на наш первый общественно-литературный праздник». Больше в России Ковалевский с Тургеневым не виделся, дальнейшие их встречи проходили уже в Париже.

По свидетельству Ковалевского, во время своей поездки в США в 1882 г. он «имел случай убедиться», что в этой стране читателям не только высшего, но и среднего общества хорошо известны «Записки охотника» Тургенева, где автор поднимал голос за свободу крестьян, что воспринималось в США как аналогия борьбы за освобождение негров. Свой визит к американскому писателю Дж.Кейблу и беседе с ним о Тургеневе Ковалевский описал в очерке «Мое знакомство с Кэблем», который был опубликован в «Вестнике Европы» в 1883 г., № 5. Ковалевский отмечал, что и некоторые англичане и французы не прочь думать, что крестьян в России освободили потому, что Тургенев написал «Записки охотника».

В 1887-1905 гг. Ковалевский живет за границей, в основном во Франции. В 1889 г. он поселился в 7 км. от Ниццы в Болье-сюр-мер. Знакомство Ковалевского с Чеховым произошло в сентябре 1897 г. в Ницце, где Чехов поселился в пансионате вместе со своим другом зоологом, профессором А.А.Коротневым, который заведовал русской биологической станцией в Вилла Франке близ Неаполя. Между Чеховым и Ковалевским завязываются дружеские отношения. Во время второго посещения Ниццы в феврале 1901 г. они совершили путешествие по Италии. Чехов собирался поехать с Ковалевским недели на две в Алжир для лечения, но тот заболел и этот план не осуществился. Чехова нелегко было вызвать на продолжительный разговор на социально-политическую тематику, но Ковалевскому это удавалось. Он вынес убеждение, что Чехов необходимыми условиями для будущего России считал исчезновение дворянина-помещика и желал, чтобы земля досталась крестьянам не в мирскую, а в личную собственность и чтобы в их среде были школы и правильно поставленное медицинское обслуживание. Россию он хотел видеть свободной, чуждой всякой национальной вражды, а крестьянство призванным к земской деятельности и к представительству в законодательном собрании. Чехов отзывался о Ковалевском с большой теплотой и называл его «большой человечиней во всех смыслах», представителем лучшей части «жизнеспособной» русской интеллигенции [4].

Статьи и воспоминания Ковалевского о русских писателях содержали оценку их взглядов и творчества. Так, он пишет о Чехове как о «позитивисте» и «реалисте» во взглядах и произведениях, а о Тургеневе как авторе «общественно значимых произведений». Полемизируя с «великим писателем земли русской» Л.Н.Толстым, который с позиции «нравственной проповеди» считал важным элементом развития общества духовно-нравственное воспитание народа, Ковалевский возражал, что история рассудит, кто прав, кто виноват, кто верно оценил требования времени и законы общественного развития: «Ведь народ воспитывался и переменой учреждений, а не одной нравственной проповедью» Ковалевский М.М. Обращение к великому писателю земли русской. // Страна. 1906. № 109.

В 1909 г. в России отмечали 100-летие со дня рождения Н.В.Гоголя. Статья Ковалевского «Устарел ли Гоголь?» была опубликована в «Вестнике Европы» [5]. В собрании перед общественностью Москвы 19 марта 1909 г. Ковалевский выступил с речью (по тексту своей статьи). Он не касался художественных достоинств творчества великого писателя. По мнению Ковалевского сатира Гоголя («Мертвые души», «Ревизор») не устарела и в России продолжают господствовать самоуправство чиновников, взяточничество. Чтобы общество перестало отвечать «гоголевскому описанию», необходимо «исправление общественных и политических порядков», политическое «обновление» в России. Свою речь он закончил словами: «Политическое обновленная Россия, Россия, призванная к управлению собственными судьбами, на расстоянии одного-двух поколений создаст и новый тип, не чиновника, и не простого обывателя, а свободного гражданина, сеятеля благосостояния и просвещения на необъятной русской ниве» [5].

В заключение следует отметить, что тема «М.М.Ковалевский и литература» имеет не только иллюстративный, биографический характер, но помогает лучше понять содержание процесса развития отечественной социологии в пореформенной России.

1. Ковалевский М.М. Теоретико-методологические и историко-социологические работы / Отв.ред. А.О.Боронов, СПб.: РХГА, 2011.

2. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

3. Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С.Тургеневе // И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. М.: Худ. лит., 1983

4. Ковалевский М.М.. Об А.П.Чехове // А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1960.

5. Ковалевский М.М. Устарел ли Гоголь? // Вестник Европы. 1909. № 4, с. 648.

М.М.КОВАЛЕВСКИЙ КАК СОЦИОЛОГ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Бразевич С.С. (Санкт-Петербург)

Анализ теоретических взглядов М.М.Ковалевского представляет существенный научный и практический интерес потому, что они являются результатом органического синтеза достижений ряда общественных наук: социологии, истории, политической теории, права, политэкономии, этнографии. Центром научных интересов М.М.Ковалевского была проблема общества и государства, рассматриваемая в социологическом и историческом аспектах. При этом во всех

своих исследованиях М.М.Ковалевский всегда оставался социологом, он стремился к социологическому объяснению того общественного строя, в направлении которого с большей или меньшей интенсивностью двигалось все человечество.

Формирование социологических взглядов М.М.Ковалевского происходило в условиях либерализации общества под влиянием реформ 60-70-х годов XX в., давших сильный толчок развитию российской науки, культуры и интеллигенции. Учеба в Харьковском университете и продолжение образования в Германии, Франции, Англии стали фундаментальной научной школой для М.М.Ковалевского. Десятилетие (1877-1887) преподавания в Московском университете для профессора было насыщено интенсивной преподавательской и научной работой, сближением с передовыми профессорами-позитивистами, плодотворной работой в качестве историка, этнографа, сторонника конституционного строя. Длительная эмиграция (1887-1905) определила главенствующее положение социологии в многогранном спектре научных изысканий М.М.Ковалевского, его практической деятельностью в институционализации социологического знания. М.М.Ковалевский видел задачу социологии в изучении общих, постоянных законов развития общества, анализе взаимодействия различных социальных элементов, в синтезе основных выводов.

Непосредственно к социологической тематике относятся следующие работы М.М.Ковалевского: «Современные социологи» (1905), «Очерк развития социологических учений» (1906), «Социология» в двух томах (1910), «Современные французские социологи» (1913), «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии» (1914) [1, с.264-274].

Социологические исследования М.М.Ковалевского основывались на глубоком, в основном личном, изучении конкретных исторических, этнографических, экономических, правовых материалов. Впервые в научной практике социологических исследований М.М.Ковалевский стал широко и систематически применять к социологическим построениям основные факты и выводы родственного ряда гуманитарных наук - археологии, этнологии, этнографии, антропологии, юриспруденции, и, более всего - истории.

Основной идейный стержень всей системы социологических взглядов и построений М.М.Ковалевского составляла плюралистическая теория прогресса, понимавшаяся им как непрерывное и самопроизвольное развитие ценностей, создаваемых человеком; при этом М.М.Ковалевский был убежден в закономерности постепенного эволюционного развития общества, развития, исключавшего явления статики и регресса и насильственных революционных переворотов.

М.М.Ковалевский на рубеже XIX-XX вв. стал своеобразным рупором передовой русской научной мысли в Европе, формируя не только мнение европейских коллег об уровне развития обществоведения в Российской империи, но и, во многом, мнение российских ученых о мировых тенденциях в развитии наук об обществе. На эту научно-интеграционную роль Ковалевского указал сразу после его кончины французский социолог Рене Вормс, сравнивший русского ученого с «соединительным звеном между двумя мирами - Западом и Востоком» [2, с.37].

Еще при жизни М.М.Ковалевского и сразу после его кончины в 1916 г., вышел ряд работ и откликов о нем как справочно-библиографического, так и обобщающе-исследовательского характера, некрологов и воспоминаний, написанных современниками, учениками и коллегами М.М.Ковалевского. «Мнения были едины - ушел из жизни великий русский ученый и демократ». Многие прочили долгую жизнь научным идеям М.М.Ковалевского, нравственному опыту его жизни [3].

Анализ литературы и научных исследований показывает, что до 1917 года в основном изучались научно-теоретические источники формирования взглядов М.М.Ковалевского [4], сущность плюралистического подхода к исследуемым явлениям [5], содержание различных сторон его деятельности как ученого [6]. К.Маркс и Ф.Энгельс высоко оценивали М.М.Ковалевского, как исследователя [7].

П.Н.Милюков в работе «М.М.Ковалевский, как социолог и как гражданин» выделял «источники социологии Ковалевского» - социологию О.Конта и достижения в области генетической социологии западных ученых и дал оценку его научной деятельности [8]. В.А.Вагнер в статье «М.М.Ковалевский, как социолог» анализировал отношение ученого к различным направлениям в русской социологии (в частности к биологическому и психологическому), определял его место в мировой общественной науке [9].

М.М.Ковалевский, по оценке современников, был настоящим «социальным историком», социология которого «была очень похожа на историю, конечно на историю социологической складки».

1. М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сборник статей. Пг., 1917.
2. Ковалевский Е.П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сборник статей. Пг., 1917.
3. Ковалевский М.М. // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / Под ред. С.Н.Южакова. В 22 тт. Т. 11. СПб., 1903. С. 120-122; Современники. Альбом биографий Н.И.Афанасьева. В 2 тт. Т. 1. Б.м. 1909. С.130-132; Котляревский С. Памяти Ковалевского // Юридический вестник, 1916. Кн. 14; Русанов Н.С. Памяти М.М.Ковалевского // Русский архив. 1916. № 3; Тимирязев К.А. Памяти друга // Летопись, 1916, № 8; Анучин Д.Н. Речь, посвященная памяти М.М.Ковалевского // Этнографическое обозрение. - М., 1916; Ивановский И.А. М.М. Ковалевский. - Пг., 1916.
4. Боголепов А.А. М.Ковалевский как историк политической мысли. - Пг., 1916; Магазинер Я.М. Политическая идея М.М.Ковалевского в связи с характеристикой его личности. - Пг., 1917; Фатеев А.Н. М. Ковалевский (к годовщине смерти). - Харьков, 1917.
5. Виноградов П.Г. Памяти М.М. Ковалевского // М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. - Пг., 1917; Кареев Н.И. М.М.Ковалевский как историк и социолог // Там же; Кондратьев Н.Д. Рост народонаселения как фактор социально-экономического развития в учении М.М.Ковалевского // Там же; Кони А.Ф. М.М.Ковалевский в Государственном Совете // Там же; Соколов К. М.М.Ковалевский как учитель конституционного права // Там же; Сорокин П.А. Теория факторов М.М.Ковалевского // Там же.
6. Сорский С. М.Ковалевский как социолог // Дело. 1916. № 7,8.
7. Маркс К. Конспект книги М.Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Часть 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. - Т.45; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Главы 2 и 6 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. - Т. 21; Энгельс Ф. К истории первобытной семьи (Баховен, Мак-Леннан, Морган). Предисловие к четвертому немецкому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. - Т.22.
8. Милюков П.Н. М.М.Ковалевский как социолог и гражданин // М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. - Пг., 1917.
9. Вагнер В. М.М.Ковалевский как социолог // Вестник Европы. 1916. № 8. С.125-148.

АЛГОРИТМЫ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ А. ШУЦА

Бубнова М.И. (Москва)

Социология повседневности, возникшая в последнее десятилетие XX века, отражает социальный мир посредством феноменологического метода, который обеспечивает специфический взгляд к сферам жизнедеятельности человека, не доступный для традиционного позитивистского подхода.

Один из основателей применения феноменологического метода исследования проблем повседневности в социологии – А. Шюц, исходил из того, что точки зрения по-зиции собственного «Я» и «Другого» несовместимы. Каждый индивид как в физическом восприятии собственного «Я» в мире, так и в его смысловых интерпретациях повседневной жизни индивидуальны и вполне самодостаточны. Поименовав индивидуальный кругозор биографической ситуацией индивида, Шюц определяет общее обозначение целого ряда детерминант. В частности, видение человеком его жизненной позиции определяются обстоятельствами его рождения, дальнейшего воспитания, образования и других повседневных алгоритмов.

Биографическая ситуация – это нулевая точка в системе координат субъекта, представляющая собой своеобразную индивидуальную транскрипцию биологических и социокультурных факторов. Она детерминирует поступки индивида, одинаково присущий всем живущим. Постоянно изменяющаяся ситуация и постижение нового опыта, благодаря биографической ситуации выступает основой понимания и интерпретации каждого другого человека, с которым встречается субъект. Его актуальное «сейчас» является источником всех временных перспектив, по которым организуется мир повседневности. Так предметносмысловой

характер бытия заключают в себе усвоенную в процессе «всеобщей «истории» повседневных алгоритмов образования и воспитания, в которой каждый смысл сохраняет в себе систему других смыслов, разделенными с фактами Другого. Каждый момент моего опыта с самого начала типичен чередой опыта Другого, точнее многих Других, считает Шюц. Отбор типизирующих признаков явления вокруг моего «Я» – задача моей собственной активности.

Экстраполируя феноменологический метод в социологии, предложенный А. Шюцем на российские реалии, следует учитывать тот социальный опыт, в рамках которого он мог формироваться в рамках биографической ситуации российского индивида. Во всяком случае, тех социально-экономических потрясений, которые переживает Россия на протяжении всего XX века в Америке не отмечалось. Значит ли это, что для российских неустойчивых условий этот метод не приемлем? Метод вполне приемлем, но в других терминах. Чаще всего в российском обиходе повседневность определяется как «обыденная жизнь» – это мир, в котором люди рождаются и умирают, заполняя этот временной промежуток самыми разными событиями. Но именно эти события являются сферой социологии и постепенно проблема повседневности актуализируется в отечественной социологии.

В монографии «Российская повседневность в условиях кризиса», под редакцией М.К. Горшкова, проведены фундаментальные исследования основных целей и ценностей, значимых для россиян, в потоке повседневного быта, в семейных отношениях, в восприятии своей работы, способах проведения досуга в условиях кризиса 2008-2009 гг.

В исследовании использован крупномасштабный эмпирический материал, из которого сделано большое число социологических выводов, но применение феноменологического метода мог бы придать научно-социологический статус процессам обыденной жизни и, пользуясь методом А. Шюца, более пристально изучить процессы.

В изучении проблемы повседневности особое место занимает российская историография. Данное направление становится популярным в 1990-е годы – начале XXI в. В эти годы переводятся на русский язык исследования А. Шюца, которые стимулировали осмысление проблемы повседневности в российской гуманитарной науке, особенно в философско-социологическом и культурологическом аспектах. Выходят труды, посвященные проблемам повседневности в контексте и микроистории, и макроистории, в которых пересекаются несколько наук: история, философия, социология, психология, этно-логия. Человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые заполняют жизнь человека: его труд, быт, отдых и т. д. В повседневном потоке постоянно воспроизводится мощный пласт отношений, ценностей, которые для истории повседневности определяются новым местом биографического и автобиографического в понимании вопроса о том, какова степень свободы индивида в заданных историко-политических, хронологических, этнокультурных и иных обстоятельствах.

В таком случае, смыслообразование истории и включение исторического человека в эту историю меняет образ будущего, предоставляет спектр возможностей, реализуемых людьми, в вариативности и альтернативности.

Философ Ю.В. Перов справедливо замечает по этому поводу, что философия истории (особенно российская) в XXI в. вряд ли сможет стать монистичной. Она может быть выражена в таких теоретических «проекциях», совмещения и типизации которых не обязательно даст результаты поиска.

Общество в понимании феноменологической социологии – феномен, созданный и постоянно воссоздаваемый в духовном взаимодействии индивидов, в процессах межиндивидуальной коммуникации. Весь социальный мир – факт осмысленного человеческого бытия в его повседневном, индивидуальном опыте. Истинные основания социальной жизни переносятся с макромира объективных процессов на микромир повседневности. Вместе с тем, вводимое феноменологической социологией понятие интерсубъективности позволяет увидеть «вертикальную динамику» становления социального знания – от единичных субъективных значений, формируемые в потоке переживаний и опыта индивидуального субъекта («конструкты первого порядка»), до высокогенерализованных, интерсубъективно обоснованных конструкций науки об обществе («конструкты второго порядка»).

Для России исторический плюрализм особенно поучителен, тем более, авторы феноменологического метода предлагают его в повседневном опыте взаимообусловленных, а не противостоящих социальных действий.

Именно в повседневной жизни повторяющееся множество вариантов развития событий закрепляются в сознании культурными символами, «фигурами речи», вещи становятся поименованными, а отношения обретают – общественные формы. Так повседневность в концепции феноменологической социологии выступает «плавильным тиглем рациональности». Семантический анализ концептов русского языка свидетельствует о его феноменологической специфике (особенно в сравнении с английским и немецким языками), поэтому поэтапная рационализация, в рамках социологического метода, ориентированного на биографическую ситуацию индивида, может играть в процессе образования и воспитания благотворную роль.

Повседневное мышление, пишет А. Шюц преодолевая различия индивидуальных взаимных перспектив, продуцирует ощущение объективности воспринимаемого общего ему и его партнерам intersубъективного мира. Это мир, в котором он существует, воздействуя на окружающих, изменяя их, в свою очередь подвергаясь их воздействиям и изменениям, изменяется сам. Это наш типичный социокультурный повседневный мир. Он-то и есть мир повседневной жизни в его самых общих чертах, как он воспринимается в согласии подавляющим большинством социальных индивидов.

Такая «социально организованная» объективность – существенная характеристика мира повседневной жизни, она вполне целесообразна для сравнительного анализа российского опыта. В таком понимании Шюц предлагает назвать ероче естественной установкой. Ероче – не индивидуальная умственная операция, проводимая каждым социальным индивидом, а продукт образования, воспитания, возрастного развития – того, что в целом именуется социализацией.

Как справедливо замечает О.Н.Ноговицын: «Хотя, по А. Шюцу, человек определяет свой мир, исходя из своей собственной перспективы и биографической ситуации, его мир «изначально является intersубъективным миром», то есть миром, который он разделяет с другими людьми .

Преодолеть различия индивидуальных перспектив и ответить на вопрос, как возможно знание других людей, А. Шюцу помогают две основные идеализации: взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности, вместе образующие общий тезис взаимности перспектив. Данные идеализации предполагают следующее:

Идеализация взаимозаменяемости точек зрения. Я считаю нечто (ситуацию, вещь, смысл) само собой разумеющимся и предполагаю: другой считает так же. Следовательно, если я поменяюсь с ним местами и его «здесь» станет моим, я буду находиться на том же расстоянии от объектов и видеть их в той же самой типичности, что и он в настоящий момент. Более того, в пределах моей досягаемости будут находиться те же самые вещи, что и у него сейчас. Действительно также и обратное отношение.

Идеализация совпадения систем релевантности. До тех пор, пока не доказано обратное, я считаю само собой разумеющимся – и предполагаю: Другой считает так же, – что различия перспектив, порождаемые нашими уникальными биографическими ситуациями, несущественны с точки зрения наличных целей любого из нас. И что он, как и я, то есть мы, полагаем, что выбрали и интерпретировали актуально и потенциально общие объекты, и их характеристики тем же самым или, по крайней мере, «эмпирически тем же самым», то есть тем же самым, с точки зрения наших практических целей, образом .

Для российской ситуации в этой концепции ценно то, что Шюц высоко ценит исторический опыт, не подвергая его ценностно-смысловой интерпретации. К тому же, предпосылка взаимности перспектив отнюдь не должна пониматься, как только актуально существующая, а как социальная история индивидуального опыта и потенциальная возможность совмещения перспектив – его и любого другого человека. Факт реального многообразия перспектив таким образом не отрицается: люди отличаются друг от друга мировоззрением, структурой своих знаний, их мобильностью и т. п. В повседневном опыте важны не только знания, но и анализ действий или поступков, основывающихся на заранее принятом решении по поводу этого действия. Оно может быть явное и скрытое, ибо не совершенные действия в феноменологической социологии учитываются как некая повседневная реальность.

1. *Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Альфа-М, 2009.*

2. *Феноменология повседневности: Теория социального конструирования реальности: Текст лекции / О. Н. Ноговицын; ГУАП. – СПб., 2006.*

3. *Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. - М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2009.*

4. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин, М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003
5. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом* / Пер. с нем. и англ. - М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2004.
6. Ritzer G. *Classical sociological theory*. – McGraw Higher Education, 2000. – Chapter 13 "Alfred Schutz".

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОГРАММЫ СОЦИОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Буланова М.Б. (Москва)

Сегодня, когда социологии приходится (как и 100 лет назад) доказывать свою полезность другим социальным наукам, особенно актуальной становится идея социологизации обществознания, с которой в конце XIX в. выступил М.М. Ковалевский и Московская группа обществоведов [1, 224-240].

В Московскую группу обществоведов, кроме М.М. Ковалевского, входили С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров, А.И. Чупров. Все они (за исключением М.М. Ковалевского) закончили юридический факультет Московского университета, остались преподавать в нем, став впоследствии профессорами (Муромцев в 1875 г., Чупров в 1878 г., Гамбаров в 1884 г.). М. М. Ковалевский работал в Московском университете с 1877 г. доцентом, а с 1880 г. – профессором. Их связывала личная дружба, которую они сохранили на всю жизнь, а также особое понимание своего долга ученых-обществоведов.

Эту московскую группу обществоведов называли «московскими европейцами», т. к. каждый из них определенное время проработал в европейских университетах. С.А. Муромцев в качестве стипендиата Московского университета с 1872 по 1874 гг. работал в Геттингенском университете под руководством профессора Рудольфа Йеринга, знаменитого немецкого юриста, основателя реалистического направления в изучении права. Известно, что Р. Йеринг стремился выявить универсальные принципы законодательства, а также социологически трактовал право, как конфликт реальных интересов. Под влиянием учения Р. Йеринга находился и Ю.С. Гамбаров, который изучал право в университетах Германии с 1873 по 1878 гг. Учителем А. И. Чупрова в Венском университете был Лоренц фон Штейн – знаменитый немецкий юрист, государствовед, экономист, снабжавший свои труды обширными историко-экономическими очерками. Его лекции охватывали всю совокупность государственных наук, приведенных им в стройную, глубоко продуманную систему. Этот ученый использовал метод сравнительно-исторического анализа правовых институтов Англии, Германии, Франции. Наконец, М.М. Ковалевский, находясь за рубежом в 1872-1876 гг., познакомился с деятельностью практически всех крупных университетов Европы, установил личные и профессиональные связи с известными историками и обществоведами.

Именно «Московская группа» выдвинула в конце 1870-х – начале 1880-х гг. программу теоретизации и концептуализации социальных наук на базе социологии. Идея социологизации обществознания прямо вытекала из контовской трактовки социологии как общей энциклопедической науки. По мнению ученых, социология призвана обобщать выводы частных социальных и исторических видов знания, устанавливать общие законы функционирования и развития общества. В свою очередь, эти общие законы должны использоваться частными науками в целях избавления от собственного «ползучего эмпиризма».

В первую очередь, М. Ковалевский, С. Муромцев и Ю. Гамбаров выдвинули программу социологизации права и правопедения. Так, С. Муромцев считал, что правопедение должно полностью базироваться на исследовании социальных условий и социальных причин возникновения норм и институтов права, ибо само право есть социальное явление. Он писал: «Задача правопедения, как науки, состоит в том, чтобы изучать законы определенной группы социальных явлений, которые в своей совокупности составляют право. Поставленное таким образом правопедение должно стать отделом социологии» [2, 7]. Этот подход поддержал в своих работах и Ю.С. Гамбаров, используя понятие «социология права» [3].

Затем, М. Ковалевский распространил принцип "основания частных наук на социологии" на другие социальные и исторические науки. В своем докладе в Париже (1899 г.) на Международном конгрессе по вопросам сравнительного права, он говорил, что история «не может

обойтись без содействия той абстрактной общественной науки, которая называется социологией» [4, 44]. В то время как социология вырабатывает свои обобщения, используя при этом данные и выводы конкретных наук, формулируемые ею «социологические законы» в свою очередь являются «путеводной нитью» для самих отдельных общественных дисциплин [4,40].

Программу социологизации общественнознания поддержали и другие ученые. Например, Е.В. де Роберти еще в 1869 г., в работе «Политико-экономические этюды», обосновал необходимость основания политической экономии на социологии. А в 1880 г. в книге «Социология» он предложил социологически изучать и индивидуальные явления сознания [5].

Первый опыт реализации программы социологизации общественнознания был осуществлен в рамках образовательного учреждения Высшая русская школа общественных наук в Париже (1901-1905 гг.). Основателями данного учреждения были известные ученые – М.М. Ковалевский, Е.В. де-Роберти, Ю.С. Гамбаров. Задумана она была как своего рода просветительское учреждение. Организаторы школы ставили своей задачей объединить различные дисциплины таким образом, чтобы дать слушателям целостное представление об обществе, его истории, культуре, государственных институтах. В учебный план Школы входил широкий круг дисциплин: социология, история, археология, география, этнография, статистика, экономика, мораль, политика, художественное творчество различных видов – от литературы и музыки до живописи и пластики. Ставилась задача показать, что связь между ними не является случайной, что «те конкретные знания, на которых возвышается еще не достроенное здание социологии» и которые рассеяны по разным школам, на самом деле объединены одной наукой «о законах, управляющих ростом общественности» [6, 443].

Как и предполагал М.М. Ковалевский, идея социологизации общественнознания оказалась удачной и для социологии, и для других наук об обществе. Организованному после смерти ученого Русскому социологическому обществу им. М.М. Ковалевского, в известной степени именно благодаря данной идее, удалось объединить в своих рядах не только социологов, но и таких известных ученых, политических деятелей, как И.П. Павлов, В.А. Вагнер, А.Ф. Лазурский, В.М. Бехтерев, П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, Е.В. Тарле, А.В. Пешехонов и др. С точки зрения П.А. Сорокина, данный состав Общества подчеркивал признание и значение роли социологического знания среди других наук об обществе.

За прошедшие годы многие социальные науки с успехом воспользовались конкретными наработками социологии (например, опросными методиками и не только). Сегодня на повестке дня перед общественнознанием стоит задача изучения глобальных процессов, однако, создание общей модели их понимания и исследования, пожалуй, по силам только социологии.

1. Новиков Н.В. Проекты социологизации. Программа московской группы. // *Российская социология: Историко-социологические очерки* / Отв. ред. А.О. Бороноев, В.В. Козловский. – М., 1997.

2. Муромцев С. *Что такое догма права?* – М., 1880.

3. Гамбаров, Ю.С. *Социологические основания института «negotiorum gestio».* – М., 1880.

4. Ковалевский М.М. *Социология и сравнительная история права* // *Вестник воспитания.* – 1902. – № 2.

5. Де-Роберти Е.В. *Социология.* – СПб., 1880.

6. Ковалевский М. М. *Русская высшая школа общественных наук в Париже* // *Социология в России XIX – начала XX в. в. (вып. 1).* – М., 1996.

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ

Бурмакина А.Л. (Кемерово)

Истоки изучения политического лидерства наметились в научных публикациях классического этапа развития общественных наук. На рубеже XIX – XX вв. в западной социологии с формированием собственного предмета науки, уходом от естественнонаучных парадигм, с возникновением самостоятельных исследований, опирающихся на собственно социологические методы, были сформулированы основы целостных концепций политического лидерства.

Наиболее яркими учеными этого периода, оказавшими влияние на формирование теории лидерства, можно считать представителей психологического направления в социологии. Его основатель, французский социолог Г. Тард, утверждал, что всякая настоящая ассоциация, будь то толпа, или корпорация, непременно имеет вождя, скрытого или явного. Вождь создает и ведет

толпу, он вдыхает в нее душу. Взаимодействие вожака и толпы строится на основе закона подражания. Великий лидер – это высшая случайность, высший источник социального развития. Большинство людей не способно к самостоятельному социальному творчеству, поэтому они поддаются внушению, подражают вождю и следуют за ним [8].

Французский социолог Г. Лебон также анализировал лидерство в контексте феномена толпы, но придавал ему скорее негативную оценку. Толпа инстинктивно подчиняется власти своего вожака (человека действия, а не мыслителя), главная задача которого создать веру, будь она религиозная, политическая, социальная или вера в какое-либо дело. Толпа по своей природе находится во власти иррациональных чувств, и вождь не исключение. Социолог отмечал, что вожаками чаще становятся психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на грани безумия. Только непоколебимо веря в правоту своих взглядов, они способны придавать своим словам громадную силу внушения.

Г. Лебон подчеркивал, что крупные успехи любой цивилизации совершаются всегда небольшой кучкой великих умов. Но он не говорит об их исключительности, так как все их действия – результат накопленного предшественниками опыта. Великие люди синтезируют все усилия какой-либо расы. В политике великими становятся те, кто могут предвидеть зарождающиеся тенденции, события, подготовленные прошлым, и наметить путь, которого следует держаться [4].

Бесспорным в разработку политического лидерства является вклад немецкого социолога Макса Вебера. Рассмотренные им понятия харизмы, типов легитимного господства позволили обозначить роль личностных качеств профессиональных политиков в политической деятельности. К таким качествам он относил страсть (самоотдача делу), ответственность и глазомер (способность дистанцироваться от вещей и людей, реально смотреть на положение дел) [2].

Марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс) рассматривал взаимоотношения лидера и народа в контексте классовых интересов и исторической необходимости. Речь уже не идет об исключительности лидера, он лишь выразитель народной воли, а двигатель прогресса – классовая борьба. Политический лидер способен влиять на развитие событий, ускорять или замедлять их, но ход истории он изменить не в силах.

Русская социология предложила не менее значимые идеи в разработку понятия политического лидерства. Возникшая в переломный момент перехода от крепостничества к индустриальному обществу, отечественная социология пыталась решить социальные противоречия, возникающие на стыке старого и нового политических режимов. Поиск новой модели личности, отвечающей параметрам времени: сильной, мыслящей, свободной от пережитков прошлого, становился весьма актуальным.

Одними из первых эти вопросы затронули представители субъективной школы, в частности Н. К. Михайловским [5], теория которого перекликается с теорией Г. Тарда. Подход русского ученого отличается рассмотрением героев только во взаимоотношении с толпой (взаимодействие основано на подражании), то есть первое не может существовать без второго. При этом, герой – это отнюдь не признак чего-то героического, жертвенного, наоборот, социолог отмечает, что существуют герои как положительные, так и отрицательные.

М. М. Ковалевский, представитель генетической социологии, занимаясь изучением развития государственных институтов, отмечает, в некотором смысле, и истоки лидерства. В его работах можно проследить эволюцию оснований для выбора лидера (от суеверий, веры в сверхъестественность качеств лидера, его богоизбранность до идеи служения государю народу). М. М. Ковалевский в основе лидерства выделяет добровольное желание подчиниться [3].

П. Б. Струве, представитель идей легального марксизма и либерального консерватизма, наоборот подчеркивает стремление лидера приспособиться к последователям и сторонникам. Он считал, что значение людей, становящихся крупными государственными деятелями, часто определяется не размером их личности, а тем, что «они попали в определенную историческую минуту на определенную полочку». «Задача и обстановка творят не только человека, они часто задают все значение человека» [1, 56].

Представитель ортодоксального марксизма Г. В. Плеханов в своей статье «К вопросу о роли личности в истории» высказывает противоположную субъективистам точку зрения, «что личность может явиться великой общественной силой» [6, 310]. Он ставит под вопрос деятельное начало личности, которым ее наделили субъективисты. Не отрицая возможности личных особенностей влиять на судьбу общества, все-таки определяющим фактором он считает организацию общества, соотношение в нем общественных сил. Влиятельные личности благодаря

особенностям своего ума и характера могут придать индивидуальности событиям, изменить некоторые частные их последствия, но они не могут изменить общее направление, которое определяется другими силами [6].

Лидерство сопровождается отношениями неравенства. Это подчеркивает П. Сорокин в концепции политической стратификации. Он отмечает, что в обществе никогда не существовало политическое равенство статусов, напротив, политическая форма социума в разные периоды, так или иначе, напоминала пирамиду, отличающуюся лишь формой. Так, в первобытном обществе, на ранних ступенях развития цивилизации политическая стратификация была незначительной и незаметной: можно было выделить всего две группы: несколько лидеров, слой влиятельных старейшин, которые располагались над слоем всего остального свободного населения. В дальнейшем, отмечает П. А. Сорокин, конус политической пирамиды постоянно менялся, колебался, но нельзя сказать, что он когда-либо становился совершенно плоским [7].

Русская социология возникла позже мировой на пару десятков лет, в некоторых моментах опиралась на накопленные знания своих зарубежных коллег. Можно проследить взаимосвязь идей, в данном случае касающихся лидерства (например, созвучие теорий Н. К. Михайловского и Г. Тарда, взглядов Г. В. Плеханова с классической марксистской традицией). Но, тем не менее, отечественная социологическая мысль имела свою самобытность. Возникнув в русле общественно-политической мысли, отвечая духу времени и его потребностям, она пыталась обозначить образ лидера, главным образом концентрируясь на высоких моральных качествах личности, а не внешних проявлениях его поведения. Дальнейшие исследователи политического лидерства, после длительного советского периода затишья в социологии, появились уже в постсоветское время. Исследования продолжились в психологическом русле (Б. Д. Парыгин, Е. Б. Шестопал), в сфере изучения сущности и роли лидера в трансформационных условиях российской действительности (Н. Н. Купчин, Г. К. Ашин, О. А. Крыштановская, О. Н. Гундарь и др.).

1. Вандалковская, М. Г. *Россия в творчестве П. Б. Струве* / М. Г. Вандалковская // *Петр Бернгардович Струве / под ред. О. А. Жуковой, В. К. Кантора*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 55 – 73.

2. Вебер, М. *Политика как призвание и профессия* / М. Вебер. – М.: Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 84 с.

3. Ковалевский, М. М. *Прогресс* / М. М. Ковалевский // *Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы / отв. ред., предисл. и сост. А. О. Бороноев*. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. – 688 с.

4. Лебон, Г. *Психология народов и масс* / Г. Лебон. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 512 с.

5. Михайловский, Н. К. *Герои и толпа* / Н. К. Михайловский // *Соч. в 6 т. : Т. 2*. – С.-Петербург: Тип. Б. М. Вольфа, 1896. – 461 с.

6. Плеханов, Г. В. *К вопросу о роли личности в истории* / Г. В. Плеханов // *Избранные философские произведения в 5 т.* – М.: Политиздат, 1956. – Т.2. – С. 300 – 334.

7. Сорокин, П. *Человек. Цивилизация. Общество* / П. Сорокин, *Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ.* – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

8. Тард, Г. *Мнение и толпа* / Г. Тард // *Психология толп*. – М.: Ин-т психологии РАН, изд-во «КСП+», 1998. – 416 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ Ч.Р.МИЛЛСА: КАМО ГРЯДЕШИ?

Быков В.П. (Санкт-Петербург)

"Удел редких умов –
сочетать точность с воображением".
К.А.Гельвеций.

С тех пор, как Ч.Р.Миллс ввёл в оборот понятие "социологическое воображение"[1], было написано множество работ о том, что собой представляет данный феномен и какова его роль в социологической науке. У этого "половодья" были свои причины. Для западной социологии, перманентно страдающей от "позитивизма", "антипозитивизма", "интеграционизма", органицизма, натурализма, бихевиоризма, интеракционизма, структурализма, функционализма, символизма, психологизма и прочих "парадигм" (в данном случае лучше сказать - односторонностей) [2], выступление Миллса было вызовом, от которого нельзя было отмахнуться. И хотя западные футурологи, например, всегда имели дело с проблематикой, которая предполагала активное

использование воображения, все же в общеметодологическом плане вопрос не был ими ни поставлен, ни решён - со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Следует отметить, что для российского (а еще раньше - советского) обществоведения тема воображения никогда не была новой (хотя и не всегда достаточно ясно оформленной). Это обществоведение изначально развивалась в тесной связи с философией. Более того, можно сказать, что российская теоретическая социология зарождалась, по сути, в "недрах" философии, в "недрах" той ("марксистско-ленинской") философии, в которой гносеология всегда играла первостепенную роль, а в этой гносеологии, в свою очередь, проблема чувственного восприятия и абстрактного мышления, никогда не была вторичной. В течение многих десятилетий без опоры на работы Ф.Энгельса ("Анти-Дюринг" и др.), В.И.Ленина ("Материализм и эмпириокритицизм" и др.), в которых были заложены основы материалистической теории познания, решать коренные философские и "истматовские" проблемы было и немислимо, и не принято. Если же иметь в виду "Немецкую идеологию" К.Маркса и Ф.Энгельса, положившую, собственно говоря, начало историческому материализму, то можно констатировать, что авторы этой работы в качестве важнейшего условия научного исследования общества как раз предлагали представить, вообразить реального, а не вымышленного, человека [3, 11-78].

В результате сегодня в российском обществоведении утвердилась - вполне взвешенная, как представляется, - точка зрения, согласно которой воображение есть психическая деятельность, заключающаяся в продуцировании представлений, в той или иной их совокупности (системе) позволяющих человеку создать образ реальности, подлинной или вымышленной [4, 285; 5, 288].

Приходится с сожалением констатировать, что в настоящее время ситуация в области теоретической социологии в России изменилась несколько не в лучшую сторону. Её, социологию, в немалой степени захватила мода на подражательство западной социологии. А эта последняя, как известно, всегда стремилась быть похожей на "настоящую", то бишь естественную, науку - с её принципом рационализма: на физику, биологию, химию, математику и т.д. Даже антипозитивизм, например, М.Вебера и его последователей, чтобы быть воспринятым "публикой", должен был во многом облечься в одежды рационализма.

Не следует, однако, забывать, что рационализм, на самом деле, представляет собой лишь способность считать, рассчитывать, ибо в переводе с латинского "ratio" означает "счёт", "расчёт". И рационализм, признающийся в сфере обществоведения безусловно доминирующим способом мышления и исследования; рационализм, скрупулезно стремящийся не только поверить "гармонию алгебры", но и подчинить - подчас весьма грубо и неуклюже - "гармонию алгебре"; рационализм, игнорирующий, если говорить современным языком, методы качественного анализа; рационализм, уклоняющийся (ибо ему так проще) от рассмотрения "текучей", многослойной, противоречивой и т.д. жизни, от восприятия феноменов в их "разнопородности", оказывается бесплодной (а подчас просто безумной) "цифроманией", в итоге, - чахнувшей и ведущей в тупик.

Итак, Миллс, - воспринимаемый обычно, и не без оснований, в российской литературе как продолжатель марксистской традиции в социологии [6, 30] - предложил использовать в процессе исследования общества "социологическое воображение". Естественно, возникает вопрос: решил ли он проблему социологического воображения? На наш взгляд, в её основе - нет. И, думается, потому, что он, во-первых, весьма избирательно использовал наследие предшественников, философов, социологов, этнографов и т.д., а, во-вторых, - не освободился от влияния (если не сказать - давления) столь распространенного в общественной науке и духовном пространстве Соединенных Штатов Америки вообще функционализма и структурализма, в итоге остановившись там, где, как представляется, следовало бы начать "решающий штурм".

По мнению Миллса, человечество сегодня становится некой "сверхнацией, которая концентрирует на своих полюсах наиболее организованные и мощные силы для подготовки третьей мировой войны" [1, 12]. Именно поэтому здесь и сейчас своё веское слово должны сказать социологи, используя их особое качество ума, а именно социологическое воображение. Только тот, по Миллсу, "кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей" и тем самым повлиять на исторический процесс [1, 13].

Приступая к исследованию, по логике Миллса, социолог должен поставить и решить следующие три вопроса: 1. Что собой представляют структуры изучаемого общества в целом? 2. Какое место занимает данное общество в истории? 3. Какие социальные типы преобладают в данном обществе и будут преобладать? [1, 15].

Естественно, возникает вопрос: а может ли социолог решить проблему "конкретного общества", если он не решил перед тем проблему "общества вообще", а также проблему "человека вообще" как мельчайшего "атома" последнего? Миллс говорит о существовании вопроса "как возможно общество?", но считает его схоластическим. Он говорит о "природе человека" как о несуществующем феномене, и поэтому отказывает кому-либо в способности понять последний и в ненужности его понимания.

Миллса по-настоящему пугает технократия. По его мнению, в настоящее время "дух технологизма и инженерное воображение внушают скорее сомнение и страх, чем надежду на прогресс" [1, 26]. Одновременно он скептически смотрит на попытки обществоведов найти, как в физике, некие общие социальные "законы" [1, 27]. "Ни одному обществоведову, - утверждает он, - не удалось установить какой-либо "закон", который был бы трансисторическим, действия которого можно было бы распространить за пределы конкретной структуры в конкретно-исторический период"[1, 172]. Именно поэтому важнейшими методами социологии, по Миллсу, становятся сравнительный и исторический.

Миллс говорит о важности понимания сущности человека и приходит к выводу, что человек вне его биографии и включённости в социальную структуру непознаваем. "Любое утверждение о человеке, не учитывающее социально-исторических реалий жизни людей, будет относиться к биологическим представлениям о возможностях человеческого вида" [1, 187]. Вердикт Миллса здесь таков: "Представление о "человеческой природе", общей для человека как такового, является нарушением принципа конкретно-исторической определённости, который необходим для тщательной исследовательской работы в области изучения человека. В самом крайнем случае, это абстракция, на которую обществоведы не имеют права" [1, 188].

Миллс часто ссылается на марксистскую социологию как на классическую, однако он игнорирует то обстоятельство, что Маркс (и Энгельс) свои социологические построения начали именно с указания на природу человека - как существа биологического и социального одновременно - и что именно им "удалось" сформулировать новые представления о законах, действующих в обществе [7]. В "Немецкой идеологии" они писали: "Люди до сих пор всегда создавали себе ложные представления о себе самих, о том, что они есть или чем они должны быть. Согласно своим представлениям о боге, о том, что является образцом человека, и т. д. они строили свои отношения. Порождения их головы стали господствовать над ними. Они, творцы, склонились перед своими творениями. Освободим же их от иллюзий, идей, догматов, от воображаемых существ, под игмом которых они изнывают" [3, 11]. По Марксу и Энгельсу, человек есть неотъемлемая часть природы, и потому обладает всеми теми качествами, которые присущи последней. "Предпосылки, с которых мы начинаем, - писали они, - не произвольны они - не догмы; это - действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это - действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путём... Первая предпосылка всякой человеческой истории - это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, - телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе. ... Всякая историческая география должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории" [3, 18-19]. Следующий факт, который Маркс и Энгельс считают необходимым зафиксировать, - это производство людьми, находящимися в общении, средств жизни. Производя необходимые им средства жизни, люди производят, а затем видоизменяют те отношения, в которых они находятся. Так в действительности, по их представлению, делается история.

Принимая во внимание логику Маркса и Энгельса, а также данные наблюдения ("живого созерцания", по выражению В.И.Ленина), но наблюдения не хаотичного, а управляемого, основанного на осмыслении тех неясностей и тупиков, в которые заходит эмпирическое мышление, можно прийти к выводу, что люди подчиняются законам, которые, с одной стороны, даны им природой, а с другой, - созданы в процессе их жизнедеятельности. Каковы же эти законы? Очевидно, следующие:

1. Люди, как физические существа, должны потреблять. Этот закон можно назвать законом потребления. Как убедительно свидетельствует практика, без потребления человек погибает. То, что человек не потребляет пищу в тот или иной момент, не означает, что он может вообще от неё

отказаться. Легенды о людях, живущих, якобы, "энергией солнца" и пр., никогда на самом деле не подвергались подлинно научной верификации.

2. Для того, что потреблять, люди должны находить (сначала именно находить, а затем - производить) предметы потребления. Этот закон может быть назван законом производства. То, что тот или иной человек может жить за счёт других (например, дети, инвалиды, престарелые и т.д.), не опровергает того факта, что без добывания средств жизни общество обречено на гибель.

3. Люди рождаются в социуме и живут среди себе подобных существ. Без поддержки других людей человеческий индивид погибает. Этот закон может быть назван законом объединения, кооперации. Человек, конечно, может стать отшельником, но без помощи, прямой или косвенной, ему не обойтись. Примеры вымышленного Робинзона Крузо или реальной Агафьи Лыковой и её семьи могут хорошо проиллюстрировать данный тезис.

4. Без общения с себе подобными индивидами человек не может стать собственно человеком. Он будет животным со всеми присущими животному особенностями. Этот закон может быть назван законом социализации. Маугли Р.Киплинга в действительности никогда не существовал.

5. Люди, так или иначе, соперничают друг с другом. Соперничество идёт как на межличностном, так и на групповом уровне (включая классовый и национальный). Этот закон может быть назван законом конкуренции. То, что в данный момент человек ни с кем не конкурирует, вовсе не означает, что его миновала "чаша сия". Можно констатировать, что в решающие моменты его "биографии" человек обычно оказывается в весьма жёстких условиях и должен соперничать, - если, разумеется, хочет избежать устранения как физическая и моральная единица.

6. В процессе производства, в процессе совместной жизни вообще, люди приобретают новые производительные силы, новую культуру и таким образом поднимаются в своём развитии. Этот закон можно назвать законом прогресса. История, правда, свидетельствует, что в течение многих столетий то или иное общество может двигаться вперед очень медленно (как это было в течение десятков тысяч лет в условиях первобытности). Но это говорит лишь о его конкретно-исторической специфике.

Итак, можно сделать вывод, что социальные законы в определенной мере отличаются от чисто физических законов. Но - несущественно. В своей основе они жёстко детерминированы как природой самих людей, так и природой, которая их окружает. И попытка пренебречь этими законами грозит им печальными последствиями.

Конечно, эти законы нельзя воспринимать плоско. Необходимо видеть, что конкретный человек - это мужчина или женщина, ребёнок или взрослый, занятый физическим или умственным трудом, образованный или нет, здоровый или больной и т.д., и т.д. "Зримо", как некоего отдельного индивида, "человека вообще", действительно, не существует. Но как феномен, как реальность он есть, и если мы этого не видим, то мы неизбежно окажемся в гносеологическом тупике.

Завершая тему воображения, можно констатировать, что воображение, конечно, является важным методом научного - и в том числе социологического - исследования. "Всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте", - писал незабвенный Козьма Прутков. Перефразируя его, можно сказать, что воображение причиняет пользу, будучи в нужное время и в нужном месте употреблённым. В противном случае оно может лишь навредить.

1. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. - М.: NOTA BENE, 2001. - 264 с.

2. Дж. К. Хоманс, например, в отчаянии указывал, что американские социологи не выполняют в должной мере свою миссию, что их работа, - в частности, преподавание в вузе, - скорее, разрушительна, чем созидательна. "Иногда мне кажется, - писал он, - что в начале обучения они (студенты - В.Б.) в большей степени понимают реальную природу социальных явлений, чем в конце его, и что наши двусмысленные разговоры убивают их природную мудрость". - Хоманс Дж. К. Возвращение к человеку / Американская социологическая мысль: Тексты. - М., Изд-во МГУ, 1994, С.61. Решил ли сам Хоманс "проблему человека"? Думается, нет. Но это - тема отдельного разговора.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.3. - М., Издательство политической литературы. 1955.

4. Философская энциклопедия. Т.1. - М., Советская энциклопедия. 1960. - 504 с.

5. Немов Р.С. Общая психология: Краткий курс. - СПб., Питер. 2009. - 304 с.

6. См., например: Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. - М., Издательство Экзамен. 2002. - 314 с.

Следует оговориться, что объявить себя сторонником "марксистской парадигмы" и на самом деле быть им - не одно и то же. В решающем, можно сказать, пункте, а именно в вопросе о природе человека и общества, Миллс расходится, - и неправомерно, на наш взгляд, - с Марксом. При этом, думается, мы были бы несправедливы и неблагодарны по отношению к этому человеку, если бы не признали, в качестве его большой заслуги, его острокритический взгляд на действительность, его бескомпромиссность в отыскании и отстаивании истины. Миллс сильно всколыхнул "болото" американской - и не только американской - социологии. А о том, что это существенным образом "болото", на наш взгляд, хорошо говорят, например, статьи Р.Бендикса "Современное общество" и Э.Шилза "Общество и общества: макросоциологический подход" в коллективной монографии "Американская социология: перспективы, проблемы, методы. - М., Издательство "Прогресс". 1972. - С.330-359.

7. Хотя, думается, эти представления были сформулированы давным-давно, хотя и в зачаточной форме, ещё древнегреческими материалистами (прежде всего, Демокритом, Гераклитом и др.). Эти представления можно легко обнаружить в диалогах "идеалиста" Платона.

РАЗНОГЛАСИЯ Т.ПАРСОНСА И П.А.СОРОКИНА В СВЕТЕ ДИНАМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ

Войцеховский С.Н. (Санкт-Петербург)

Т.Парсонс и П.А.Сорокин внесли существенный вклад в развитие современной социологической теории. Анализ их научных представлений позволяет выявить не только суть их разногласий, но и определенное сходство их подходов в развитии социологической теории. П.А.Сорокин раньше Т.Парсонса приступил к разработке положений социологической теории [см. 7-8]. В своих исследованиях он концентрирует внимание на вопросах социальной аналитики. Выявляются элементы социального взаимодействия: индивиды, действия и проводники. Рассматривается соотношение теоретических представлений в социологии с теоретическими представлениями в естественных и общественных науках. П.А.Сорокин придерживается интегративного подхода и пытается обобщить итоги исторического развития социологической теории. Опираясь на предшественников, он разработал представления о волнах в социальном развитии, рассматривая флуктуации различных социальных явлений.

Т.Парсонс в начале своих исследований занимался экономической проблематикой и только затем перешел к разработке положений социологической теории [см. 4-5]. Разработку положений теории действия он начинает с радикальной критики социологической теории Г.Спенсера. Делается заявление, что Г.Спенсер мертв. Для изучения социального взаимодействия используется системный подход и анализируется структура социального действия. Рассматриваются четыре системы действия: система поведения организма, личностная система, социальная система и культурная система. Индивид как элемент социального взаимодействия анализируется не так глубоко, как это делает П.А.Сорокин. Т.Парсонс при рассмотрении индивида учитывает систему поведения организма и личностную систему. Вместе с тем изучаются эмерджентные явления в процессе социального взаимодействия, влияние культурной системы на социальные явления. Разрабатываются положения структурно-функциональной теории. Для описания действия используется принцип дуальности, который ошибочно переводчики называют принципом бинарности.

П.А.Сорокин разрабатывает положения социальной и культурной динамики и с этой точки зрения критикует взгляды Т.Парсонса. Последнего критикуют также другие социологи за недостаточное внимание к вопросам социальной динамики. Т.Парсонс вынужден был реагировать на критику и для разработки положений социальной динамики использует представления об интеграции и дифференциации, которые в свое время использовал Г.Спенсер для аналогичных целей. Таким образом, можно говорить об определенном сходстве идей Т.Парсонса и Г.Спенсера в вопросах социальной динамики, несмотря на вышеуказанную критику Т.Парсонсом идей Г.Спенсера. Тем не менее, больших успехов в разработке положений социальной динамики Т.Парсонс не добился. В связи с этим, возникает необходимость устранения этого недостатка теории действия Т.Парсонса. Данный недостаток может быть преодолен в результате разработки положений динамической теории действия. Некоторые соображения относительно положений динамической теории действия были опубликованы ранее [см. 1-2].

В динамической теории действия целесообразно опираться на принцип дуальности и принцип суперпозиции, который получил новое толкование в синергетике. Понятие синергетики для обозначения нового направления в развитии теории систем использовал Г.Хакен. Основы синергетики были разработаны в трудах Г.Хакена и И.Р.Пригожина, хотя сам И.Р.Пригожин писал, что занимается теорией самоорганизации. В современной российской литературе именно синергетическая парадигма рассматривается как наиболее перспективное новейшее направление в развитии теории систем и как теория самоорганизации. Поскольку теория действия опирается на системный подход, то целесообразно использование положений синергетики для разработки положений динамической теории действия.

Использование положений синергетики позволяет дать не только линейное, но и нелинейное толкование принципа суперпозиции и это будет способствовать разработке положений концепции нелинейного социального развития. В синергетике особое внимание уделяется вопросам флуктуации элементов системы, рассматриваются равновесные и неравновесные состояния системы. В условиях неравновесного состояния системы возникают диссипативные структуры. Посредством автокатализа диссипативные структуры могут приобретать устойчивость. Опираясь на эти представления И.Р.Пригожин и И.Стенгерс объясняют возможность волнообразной логистической эволюции системы [6, с. 171-178].

С точки зрения синергетики можно осмыслить положения концепции волнообразного социального развития, которые были разработаны Н.Д.Кондратьевым. Последний, анализируя использование закона трех стадий О.Конта для описания социальной эволюции, указывает на возможность использования для этих же целей закона двух стадий Л.Вебера, в соответствии с которым происходит чередование технической деятельности и идеологической деятельности в обществе. Н.Д.Кондратьев предлагает учитывать закономерное чередование таких двух стадий в общественном развитии как повышательная волна и понижательная волна [см. 3].

1. Войцеховский С.Н. О разработке динамической теории действия как теории социального развития // Вестник современной науки: Научно-теоретический журнал. – 2016. - № 4 (16): В 2-х ч. Ч.2. – С. 139-143.
2. Войцеховский С.Н. Динамическая теория действия о выявлении и разрешении противоречий // Журнал научных и прикладных исследований. Научно-практический журнал. – 2016. - № 5. – Ч. 2. – С. 116-122.
3. Кондратьев Н.Д. Избранные произведения. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002. - 880 с.
5. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002. - 832 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: УРСС, 2003. - 312 с.
7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

СОЦИОЛОГИЯ БУДУЩЕГО: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Волков Ю.Г. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке РНФ проект №15-18-00122.

Отмечая, что российская социологическая мысль в своем развитии достигла определенных результатов как научная, академическая, университетская дисциплина, российские социологи выделяют в качестве проблемы для размышления то, каким образом может идти развитие российской социологической мысли. Очевидно, что путь рецессии, путь ученичества постепенно изживает себя. Речь не идет об изоляции российской социологии или изобретении особой русской социологии, хотя включение в социологическую проблематику идей культуры, православия является достаточно плодотворным, более реальным представляется то, что социология будущего на основе разработки теоретико-методологического и социально-прикладного инструментария стимулирует развитие отечественной социологической мысли.

Будущее российской социологии связано с ее темпорализацией, с тем, чтобы конвертировать достижения по исследованию современного российского общества, исторической памяти в социальную диагностику, в социологическую экспертизу. Временная множественность социологии проявляется в том, что социологическое знание получает прикладное подтверждение неоднократно в рамках общества, в разное время и в различных обществах и сферах, если

перефразировать выражение А. Е. Гофмана относительно модернизации [3, 30]. Отметим, что для будущего российской социологии важно, чтобы в обществе сформировалась потребность в социальной компетентности, что означает свободу общества от тоталитаристских, фундаменталистских, анархистских идей и установок. Также важным является, чтобы социологическое сообщество воспринималось не как сообщество оракулов или профессиональных кланов, для будущего отечественной социологии важно формирование образа независимых, компетентных, имеющих гражданскую позицию, экспертов. В этом смысле социология будущего открывает уникальные возможности, так как связана с получением обладающей высокой степенью достоверностью социологической информации и внедрение в социологическое знание стандартов объективности и гражданской ангажированности.

Но если посмотреть на современное состояние мировой социологической мысли, то открываются новые предметные поля, особенно учеными Латинской Америки, Индии, Китая. Каким образом отреагировала американская социологическая мысль при осознании того, что ближайшее будущее страны как раз принадлежит тем, кого могли презрительно ранее охарактеризовать как социальных маргиналов или отщепенцев? В работах А. Инкельса, Дж. Э. Девиса, Р. Н. Бейла просматривается тенденция не только включать основные единицы специализированной социетальной функции, характерные для промышленных и государственных институтов, но и перейти к осмыслению локальных общностей, осуществлять не только структурный акцент, но и добиваться эмпирических достижений в сфере, казалось бы, пограничной с социальной психологией [1, 29-33].

Не преувеличивая значение данного сдвига, можно сказать, что картина американской социологии стала изменяться, что в нее были включены ранее не доступные по теоретическим и идеологическим соображениям проблемы. Для российской отечественной мысли американский опыт важен тем, что введение новых в социологический дискурс проблем является императивом развития социологии, дает мощный стимул росту социологического знания. Разумеется, социолог не может полностью нести ответственность за использование полученных им результатов и обобщений в обществе, так как это определяется не только квалификацией социологического сообщества, но и потребностью общества в социологическом диагнозе, также как и включением социологического знания в управленческий процесс. Однако, несомненным можно считать, что социологическая мысль изменяется под влиянием социальных перемен, возникновением новых социальных реальностей.

Социология будущего воздействует на развитие отечественной социологической мысли тем, что ставит перед ней новые теоретические вызовы, поднимает планку требований к социологическому знанию по критерию социальной диагностики [3, 98]. Проблематика социологии будущего, затрагивающая формирование в российском обществе групп, ориентированных и создающих будущее креативного класса, солидаристских практик, утверждающих реально принцип и формулу равных возможностей, демократия участия на основе диалога власти и общества предполагают, что отечественная социологическая мысль включает реальное исследование процессов, которые на первый взгляд выглядят конъюнктурными. Речь идет о том, что состояние российской социологической мысли не достигает картины самопознания российского общества, так как ориентирована на, казалось бы, приоритетные, но в реальности оказывающие побочное влияние, процессы российской жизни. Конкретизируя это положение, можно говорить о том, что иерархия исследовательских приоритетов складывается под влиянием социальной, политической, рыночной конъюнктуры, и содержит ограничительные моменты, связанные с существованием в социологическом сообществе зависимости от заказчика.

Можно констатировать, что развитие отечественной социологической мысли путем придания социологии будущего самостоятельной социологической дисциплины, открывает не только границы междисциплинарного взаимодействия, но и в большей степени способствует росту социологического знания. Для того, чтобы социология будущего стала самостоятельной отраслью социологического знания, продуцирующей его рост и связанной с формированием и разработкой новых теоретических моделей, требуется выполнение трех условий.

Во-первых, в социологическом сообществе необходим консенсус по поводу возможности легитимации социологии будущего, определение ее предметного поля и включение в социологический репертуар. Второе обстоятельство связано с тем, чтобы социологи не разделяли жестко социально-прикладные исследования и социологию будущего как некую социологическую схему, а находили возможности эмпирической идентификации процессов, изучаемых социологией будущего. В-третьих, для отечественной социологии важным представляется расширение

возможностей социальной диагностики, того, что является уходом от сосредоточения на конъюнктурных сферах социологического сознания и принятие социологии будущего как содержащего потенциал научного роста [2, 64].

Так как социология будущего находится в проективном состоянии, можно говорить о том, что в ее рамках могут найти воплощение качественные методы социологического исследования, что если исходить из непрерывности субъективно-объективного континуума общественной жизни, то основные точки соприкосновения с настоящим и прошлым в социологии будущего наблюдается в рамках мониторинга изменений, которые имеют наиболее значимые последствия в формировании будущего. Важно также отметить, что в рамках влияния на состояние социологической мысли понятия, которые являются для социологии далекими, могут входить в социологический оборот через операционализацию в социологии будущего. Это важный исследовательский момент, связанный с тем, что действительно, инновации, связанные с междисциплинарным эффектом, часто неоднозначны, так не проходят через промежуточные звенья, через теории пограничного типа.

Если отношение к предшествующему периоду характеризовалось категорией прошлого, то отношение к современности характеризуется категорией будущего. Это подтверждается тем, что россияне, адаптируясь к современным реальностям, формулируют свои ожидания относительно будущего, и социология будущего создает поле для изучения сдвигов в общественных настроениях. Иными словами, социология будущего обеспечивает рост знаний, которые позволяют лучше диагностировать настоящее. Подчеркивая, что социология будущего делает заявку на то, чтобы стать самостоятельной отраслью социологического знания, и то, что социология будущего развивается в русле социологической традиции, возникает уникальная возможность найти новые источники роста социологического знания, поддержать конструктивный диалог в социологическом сообществе и, наконец, прийти к определению того, что значит для отечественной социологии предназначение для общества. Можно надеяться на то, что социология будущего, если отнестись к ее становлению серьезно и с пониманием возникших проблем, станет катализатором развития отечественной социологической мысли.

1. *Американская социология: перспективы, проблемы, методы.* М., 1972. С. 29 - 33

2. *Волков Ю. Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза.* М., 2015. С.

98

3. *Россия реформирующаяся.* Вып. 11. М., 2012. С. 16

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТАДИИ СОЦИАЛЬНОГО И ЛИЧНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ КАК ПРОЕКЦИЯ СОСТОЯНИЯ МИРОВОГО БЫТИЯ У С.Л. ФРАНКА

Волконская А.А. (Москва)

Современное российское общество переживает критический период своей истории. Падение национального духа, отсутствие единой идеи как цели развития, кризис христианского сознания, – подобного рода события не могут происходить бесследно, не оставляя отпечатка на «поле» духовной и общественной жизни. Существование серьезных экзистенциальных проблем на личностном уровне сознания порождает ощущение тотальной бессмысленности бытия, моральной пустоты в «расползающемся» социуме. То, как под воздействием кризисных событий личного и общественного характера трансформируется современный человек, заставляет всерьез задуматься о будущем, которое ожидает наше общество.

Преобразование мировоззрения российских граждан происходило под влиянием череды исторических событий, которые не могли не отразиться на внутреннем содержании индивида и социума. XX век был полон роковых происшествий, изменивших ход развития нашего Отечества и самой истории.

Лик революции 1917 года и, как следствие, приход к власти большевиков наряду с I Мировой войной стали первыми в череде потрясений, которые положили начало откровенному проявлению зла в общественной и культурной жизни России. Попытка В.И. Ленина реализовать в огромной аграрной стране идеи марксизма потерпела заведомую неудачу, ибо невозможно мгновенно изменив идеологию преобразовать сознание человека, не имея заранее подготовленной идейной почвы, определенных, укорененных в традиционном сознании народа принципов, которые бы поспособствовали адекватному восприятию смены власти и коренной ломки основ государства и общества. Таким образом, слепо следуя за вождём, активная часть народа, во главе с РКПБ, не осознавала, к чему приведут внезапные перемены во всём строе жизни государства,

особенно в потрясении и отмене его идейных основ. В поисках свободы, равенства, счастья, многие граждане стали жертвами тотальных репрессий на протяжении долгих десятилетий.

Следующим переломным этапом (в пассионарном, демографическом, культурном и интеллектуальном аспекте) в истории российского государства становится Великая Отечественная война, которая забрала десятки миллионов жизней советских людей, павших в борьбе за свою страну. Трагические события тех лет иллюстрируют плачевный исторический пример того, насколько вообще могут быть сильны ненависть, цинизм и признание к роду человеческому со стороны идеократических режимов. По сей день в мировых политических и исторических кругах ведётся спор о том, что было причиной, кто был подлинным инициатором войны, насколько грамотной была тактика ведения военных действий. Однако никто вслед за русскими философами-эмигрантами не задаётся вопросом – в чём корни того, что для человечества перманентная кровопролитная борьба стала единственным способом решения политических проблем.

Советского Союза не существует уже четверть века, однако, за это время в постсоветском обществе так и не появилось новой национальной идеи. На смену марксистско-ленинской идеологии не пришло ничего достойного истории России. Идейная пустота и бессмыслица овладела современным социумом сверху-дону. В такой ситуации не может быть и речи о перспективах развития страны, о задачах и целях, которые стоят перед обществом и индивидом сегодня: отсутствие единой и глобальной цели как основы общего для всех направления сводит на «нет» различные попытки реформирования жизни во всех её многочисленных аспектах. Пришедшая на смену тоталитарному режиму демократия, подарившая людям свободу, в результате отсутствия представлений о пути дальнейшего общественного развития, обесценила само философское понимание и онтологическую ценность этой «свободы». Граждане сегодня, кажется, получили, то, чего желали так долго – возможность выбирать. Но парадокс заключается в том, что выбор, определяемый духовно, делается людьми в большинстве случаев в пользу выбора между материальными ценностями, нескончаемым потоком товаров и услуг, но никак не в сторону ценностного самоопределения, идейно-моральной мотивации и рефлексии. Потребление как смысл жизни и идущий процесс нравственного разложения – девиз так называемого общества XXI века. Человек стал беспредельно эгоистичен, самолюбив и утилитарен (даже по отношению к любви, дружбе, творчеству). Теперь не идёт речи о каком-то общем благе общества: каждый работает преимущественно на себя, во имя реализации собственных, узких и прагматичных интересов. Таким образом, при отсутствии объединяющего пути развития, наступает ситуация псевдоонтологического эгоизма, что только усиливает дезинтеграцию и атомизацию социума. Стоит отметить влияние Запада, который через политику глобализации пропагандирует протестантские и либеральные ценности, реализуемые у нас механически, бездумно, пошло и без понимания их смысла. Опасность здесь заключается в том, что, с точки зрения традиционных христианских ценностей, самые страшные пороки рода человеческого стали эталоном поведения и индикатором правильной, рациональной и прагматичной жизни. Источники духовного развития, которые могут быть только морально-религиозными, уходят на второй план, поскольку смесь демократии с либерализмом позволяет человеку реализовывать свою жизнь так, как ему угодно, субъективно и релятивистски, не неся ответственности за последствия. В связи с этим, можно говорить о том, что личность становится всё более отчуждённой от своей родовой сущности, то есть от себя самой и от общества, поскольку перестаёт даже осмысливать собственное существование и свою роль в мировом процессе.

Россия, отказавшись от подлинно духовных целей, целый век шла к такому состоянию, когда сам фундамент высокой духовности, веры и, вытекающей из неё нравственности, грозит быть скрытым до основания. Сегодня неопровержим тот факт, что и глобально цивилизованным человечеством XXI века утеряна цель, а во многом и цельность существования. Русской философии и социологии Серебряного века удалось почувствовать и предсказать нарастающий кризис, который стал результатом вышеперечисленных событий и повлёкших за собой процесс секуляризации, стандартизации человеческого мышления и наступления эпохи безбожия (о его сути кратко писал И. А. Ильин в работе «Кризис безбожия»[1]). Красной нитью идеи нарастания зла, переоценки ценностей, спасения человека от бесчеловечности и связи его с Богом проходят в работах отечественных мыслителей, начиная с Вл. Соловьёва, вплоть до революций 1917 года и позже в эмиграции.

Философские и социологические воззрения отечественного мыслителя Семёна Людвиговича Франка получают особую актуальность сегодня, так как социально-гуманистические

проблемы, поставленные в его трудах, точно анализируют и описывают положение вещей, сложившихся сегодня в обществе XXI века. Во многом это связано с тем, что большинство проблем современной эпохи зародились, развивались и были увидены и схвачены во время философии русского Серебряного века. Первое–второе десятилетия XX века характеризуются как переломное, роковое время не только в политической жизни нашей страны, но и в идейной и морально-духовной сферах. Ещё до революции образованное российское общество всё больше теряло связь с традиционной религией, во времена революции 1917 года развивался «культ вождя», а рядовой человек, гражданин, был морально дезориентирован и физически сломлен и напуган тем, что происходило вокруг него. Именно в этот период С. Л. Франк особо резко ощущает перелом и описывает сущность противоестественного состояния мирового бытия, которое спустя столетие трансформировалось и приобрело более серьёзные формы духовного падения.

Особо следует отметить: хотя С. Л. Франк внёс существенный вклад в развитие идеи человека и Всеединства в русской философии, его философское и социологическое наследие до сих пор остаётся неизученным в России в достаточной мере. В. В. Зеньковский отмечал, что «Франк обладает исключительным даром ясного изложения, – мысль его, всегда развиваемая систематически, покоряет столько же своей основательностью, сколько и удачными формулами, которые очень часто стоят длинных рассуждений. Литературное дарование Франка делает его анализы и рассуждения прямо мастерскими – так всё ясно, надлежаще и удачно сказано у него. Но рядом с этим стоит и несколько не уступает глубина его философского усмотрения...»[2]. «Религиозный элемент философии С. Франка», – по глубокому замечанию Н. А. Бердяева, – «не есть извне навязанный авторитет, а внутренний духовный опыт»[3]. В связи с этим, при формулировке задач современной социологии, которая призвана описывать основные тенденции развития общества и определять возможные пути выхода из кризисных состояний социума, могут помочь идеи С. Л. Франка.

Помимо рассмотрения устройства общественной жизни, Франк даёт краткую характеристику социальных наук XIX – XX веков, которые пытались свести устройство общественной жизни к «естественным» или «позитивным» основам. По словам мыслителя, такие науки как философия права, социология, философия истории имеют одну неразрешимую проблему – отсутствие чётко определённой области исследования. Так, например, говоря о «положительной» науке – социологии, Франк делает акцент на том, что «несмотря на свою давность и на наличие огромной литературы, «социология» доселе не имеет ни точно определённого предмета, ни общепризнанных методов и научных традиций; в сущности, ещё до сих пор нет социологии, как определённой науки, а есть едва ли не столько же отдельных «социологий», сколько авторов, о ней писавших. Уже из этого ясно, что замысел её не удался и страдает каким-то внутренним дефектом»[4]. Слова отечественного мыслителя остаются актуальными по сей день. Социолог, по завещанию Огюста Конта, должен был стать «духовником общества». Однако на протяжении развития данной науки, основной её целью стало не изучение функционирования общества, а поиск собственного предмета, который до сих пор не может быть конкретно обозначен. «Общественная жизнь есть жизнь человеческая, творение человеческого духа, в которое вкладываются и в котором соучаствуют все силы и свойства последнего»[5]. Методология «положительных» наук исключает возможность самопознания человеком бытия, поскольку деятельность разумных субъектов сведена к неизменным законам природы. Вопросы о свободе, идеале, своеобразной закономерности общественного развития таким образом исключаются из предметной области социологии, если она претендует на звание «главной положительной науки об обществе». Социология тем самым, не успев оформиться в целостную дисциплину, ограничила своё познание и не смогла выйти из предметной области социальной философии. Социологии необходимо пересмотреть методологические основы и цели, для того чтобы стать окончательно утвердившейся общественной наукой.

Социология долгое время занималась констатацией факта и даже фиксацией и оправданием разложения общественной морали как отражения трансформации существующих в западном обществе ценностей в сторону нигилизма и гуманизма. Но, как нам представляется, сегодня от неё требуется совершенно противоположная направленность и постановка перед ней совсем иных целей. Социология не должна искать объяснение происходящему в современном мире, она должна изучать проявление и сущность этих явлений. Речь идёт об онтологии социальности и культуры в целом. В контексте затронутой в данной курсовой работе проблематики, следует упомянуть о возможных перспективах создания аксиологической

социологии, которая бы всецело занималась изучением ценностного содержания современного индивида и общества. Это будет существенным вкладом в насыщенный синтетический междисциплинарный подход к изучению общества.

В середине XX века ряд западных социологов высказывали предположения о необходимости рефлексивной социологии, описывающей объект через призму особенностей сознания и представлений о нём самого исследователя. Таковы и русская субъективная, психологическая и неокантианская школы. Аксиологическая социология может позаимствовать у них существенные элементы данного метода, поскольку, как верно заметил П. Л. Лавров: сначала человек, потом философия, так что невозможно изучать человека только через призму грубой стилизации социальной действительности, т.е. фактически в отрыве от него самого, что наглядного показывает С. Л. Франк. Внутреннее содержание человека – совокупность ценностных установок, целей и образа мысли – всё это вкупе и является наиболее ярким отражением реакции на происходящие в обществе события и констатации состояния общественного сознания. К сожалению, социология долгое время концентрировалась на позитивных моментах изучения общества как на выявлении связей между индивидами и общих законов их функционирования. Но как мы понимаем, сегодня существует тенденция к утере этой связи, и по этой причине необходимо всецело переключиться на рефлексивную составляющую личности. Изучение того, какие принципы и ценности являются основополагающими в жизни современного индивида, позволят дать наиболее полное представление о духовном состоянии общества, определить дальнейшее направления развития социума, чёткое осознание которого, ему так необходимо.

1. Ильин И. А. Кризис безбожия // *Собр. соч. «Русская книга»*. М.: – 1996, Т.1. С. 332-358.

2. Зеньковский В. В. *История русской философии*. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 802.

3. Бердяев Н. А. Рецензия на книгу С. Л. Франка «Непостижимое» // *Путь*. Париж, 1939. Кн. 60. С. 65.

4. Франк С. Л. *Духовные основы общества* // Франк С. Л. *Духовные основы общества* – М.: Республика, 1992. С. 19.

5. Франк С. Л. *Духовные основы общества* // Франк С. Л. *Духовные основы общества* – М.: Республика, 1992. С. 19.

И.А.ИЛЬИН И П.Б.СТРУВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»

Гнатюк О.Л. (Санкт-Петербург)

Охарактеризованы основные концепты теоретика духовного консерватизма И.А.Ильина и представителя консервативного либерализма Л.Б.Струве о нации, которую они рассматривали не в примордиалистской традиции, а в традиции конструктивизма. Сравняются их идеи о сущности и типологии национализма.

The article deals with the comparative investigation of principal ideas, conceptions of nation and types of nationalism, elaborated in Russian Sociology by P.Struve, famous theoretician of conservative liberalism, and I.I'in, great theoretician of spiritual conservatism.

Для нового прочтения идей о природе нации, сущности и типологии национализма в классической русской социологии остается компаративный анализ творчества П. Б. Струве (1870-1944) и И.А.Ильина (1883-1954). П.Струве, политико-социологические взгляды которого эволюционировали от критического марксизма и «критического позитивизма» к научно-критической метафизике, разработал концепцию консервативного либерализма. И.Ильин - неогегельянец, сторонник «монархического сознания» и монархической государственности, теоретик духовного, религиозно-философского консерватизма [Гнатюк О.Л. Русская политическая мысль начала XX века: Н.И.Кареев, П.Б.Струве, И.А.Ильин. СПб., 1994].

В качестве альтернативы реакционному консерватизму, радикальному марксизму, западному экономическому и политическому либерализму модель русского консервативного либерализма представляла собой синтез универсального (правового идеала либеральных ценностей европейской философии и социологии) и локального, почвенного. Концепции русского консервативного либерализма содержали программу развития гражданского правового общества, варианты решения национального вопроса, внешнеполитическую доктрину, а именно модель: 1)

сильного, эффективного правового государства; 2) его хозяйственное могущество: экономический суверенитет (право на частную собственность и свободную предпринимательскую деятельность); 3) национальный суверенитет (право каждого народа России на свою культуру, национальные традиции, язык, религию); 4) государственный суверенитет (защита экономической, политической, культурной самостоятельности и территориальной целостности). Сущность консервативного либерализма П.Струве есть двусловная аксиологическая структура, синтез ценностей как либерализма, так и консерватизма, основными идеями которого являются идеи собственности и отечества, «личной годности», «консервативной» культурой демократии, «свободы лица», традиций и реформаторства, «железный инвентарь нового политического и культурного сознания русского человека, идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда вместе с идеей права и прав» [Гнатюк О.Л. П.Б.Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998].

«Сквозными» ценностями духовного консерватизма И.Ильина являются следующие: взгляд на общество как на органическую, целостную систему; необходимость «охранения» существующих обычаев и национальных традиций; приоритет культуры – перед политикой, приверженность религиозному традиционализму; сильная, здоровая национальная государственность, обеспечивающая закон и порядок; христианская социальная политика солидаризма на основе национальной идеи и сильной власти; Православие как духовно-нравственный фундамент общества; возрождение русской интеллигенции как носительницы русской идеи; сохранение традиционных институтов и духовных основ общества – православной церкви, семьи, родительства, отцовства, института частной собственности [Там же, с.193, 279-280].

Для Ильина «нация есть духовно своеобразный народ»; «свое индивидуальное духовное лицо». Идея родной нации есть «творческое единение людей в общем и сообща творимом лоне – в национальной духовной культуре, где достояние нашей родины (и духовное, и материальное, и человеческое, и природное, и религиозное, и хозяйственное) – едино для всех нас и общее всем нам» [Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. Соч. В 10 т. Т.1 /Сост. и коммент. Ю.Л.Лисицы. М., 1993, с. 208, 199-200]. Для понимания русской нации надо иметь ввиду, что «Россия есть единый живой организм природы и духа: 1) географический (русский народ оказался на открытой равнине, организм больших рек и удаленных морей); 2) стратегический (организм, вечно вынужденный к самообороне); 3) религиозный (отстаивая свою национальность, Россия боролась за свою веру и религию. Этим Россия, как духовный организм, служила не только всем православным народам, но и всем народам мира; 4) языковой, культурный (духовный организм России создал свой язык, литературу и искусство); 4) правовой и государственный (реципированное русское право) 5) хозяйственный (все части территории России связаны взаимным хозяйственным «питанием»); 6) антропологический («расовый синтез», осуществляющийся в истории России и включивший в себя все основные народности ее истории и территории, в результате чего получилось величавое «единообразие в различии»)» [Ильин И. Россия есть живой организм // Русская идея /Сост. М.А.Маслин. М., 1992, с. 431-435].

Как и Ильин, Струве отрицает расовое, этническое и «антропологическое» понимание национальности: «национальность не есть цвет кожи. Это духовные притяжения и отталкивания, которые «живут в душе», в культуре, и которые невозможно измерить «антропологическими приборами». Для него важнее понятие не «класса», а «нации», которая есть не социально-экономическое понятие, а «культурная общность», «духовное единство», создаваемое общностью культуры. Национальное сознание так же образует нацию, как сознание классовое— класс. «В основе нации лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие. Ценность и сила нации есть ценность и сила ее культуры, измеряемая культурным творчеством» [Струве П. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сб.ст. за пять лет (1905-1910). СПб., 1911, с.103, 104]. Для образования и бытия нации решающее значение имеет духовное единство. Нация конституируется национальным сознанием». Национальная идея скрепляет государство, придавая ему целостность, единство и стабильность. Нация — «объединяющая», интегрирующая категория, тогда, как класс— «разъединяющая» [Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сб. ст. о русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991, с. 473–476].

Ильин, как и Струве, отрицает интернационализм. Для Ильина сущность истинного национализма состоит в том, что он есть «национализм духовный: «национализм есть любовь к духу своего народа, его духовное единство, патриотическое самосознание, любовь к родине.

Национализм есть «верная любовь личного «я» к тому единственному для него национальному «мы», которое может вывести его к общечеловеческому «мы» [Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр.соч. В 10 т. Т.1.М., 1993. с. 196-198, 211, 213-215]. Высшей формой национализма является христианский национализм, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и совместной молитвы» [Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. Т.1. М., 1993, с. 323]. В типологии национализма Струве выделяет: последовательный, здоровый, «истинный» национализм, который во главу угла ставит национально-государственные приоритеты и конституционно-демократические права и свободы личности»; 2) реакционный национализм - антисемитизм, антиполонизм, антиарменизм, etc., подавляющий права нерусских народов [Струве П. Patriotica. СПб., 1911, с. 149]. По отношению к враждебным нациям есть два вида национализма: 1) национализм свободный, творческий, открытый, «завоевательный», классическими носителями которого являются англо-саксы. Такой национализм может создать настоящее «*impegium*». «Вопрос о том, быть или не быть Великой России»— это и есть проведение такой национальной политики русского государства, как завоевательный национализм»; 2) национализм скованный, пассивный, закрытый, замкнутый, «оборонительный», классическими «носителями» которого были евреи. «Национальная культура у национальностей, сложных по этническому составу — всегда многосоставная, плод длительного ассимиляционного процесса». Русская национальность и культура, также, как американская, еще «творится», она еще *in the making*. «Официальный» национализм ведет не к национально-государственному объединению, а к национальному автономизму и федерализму [Там же, с. 297-298].

СОЦИОЛОГИЯ В РЕГИОНЕ: ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ

Гужавина Т.А. (Череповец)

Аннотация.

Тенденцией развития социологической науки в стране стала ее «регионализация». Формируются научные сообщества, создаются научные центры, складываются научные школы, ширятся научные исследования. История каждого регионального центра уникальна. Они выросли в тяжелейших условиях трансформационных процессов. Но возможно именно это и создало возможности для развития. Одним из таких центров стала Вологодская область, где за несколько десятилетий сформировалось социологическое сообщество, объединившее в себе академическую науку, университетские кафедры, прикладные исследовательские центры. Идет подготовка специалистов, проводятся разнопрофильные исследования, разворачивается научная коммуникация, формируются и укрепляются контакты с всероссийскими, региональными исследовательскими центрами, международными организациями. Социологическая наука развивается и институализируется за счет возникновения региональных сообществ социологов.

Ключевые слова: наука, социология, становление социологии в регионе, институализация социологии.

Annotation. "Regionalization" of social science has become a trend of its development. Regions formed scientific communities, research centers are created, add up scientific schools, spreading the research. The history of each of the regional center is unique. They grew up in the hard conditions of transformation processes. But perhaps that is what has created opportunities for development. One of these centers was the Vologda region. There emerged sociological community, combining academia, university departments, applied research centers. There is a training, research carried out different profiles, unfolding scientific communication, forming and strengthening contacts with the All-Russian, regional research centers and international organizations.

Sociological science develops and institutionalized by the emergence of regional communities of sociologists.

Keywords: science, sociology, sociology of emergence in the region, the institutionalization of sociology.

Необходимым условием существования современного общества является знание этого общества о себе самом во многом Социология служит источником знания, которое необходимо обществу для его существования. Это то знание, которое дает возможности, как для выработки стратегических решений, так и для решения конкретных ситуаций, возникающих в территориальных, профессиональных, этнических общностях. Спектр тем научных исследований позволяет судить о типе сложившегося общества, об этапе его развития, о структуре и динамике.

Важным направлением развития России стало развитие ее регионов с учетом того территориального многообразия, которое сформировалось в границах российского социокультурного пространства. Требуется в связи с этим более глубокое знание особенностей тех процессов, что разворачиваются в регионах. Это одна из значимых задач, стоящих перед социологической наукой на региональном уровне.

Сегодня в Вологодской области существует значительный потенциал для развития социологической науки. В области функционирует учреждение Российской академии наук Институт социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ РАН), созданный в 1993 году. Его создателем и руководителем в течение четверти века был В. А. Ильин. История института оказалась теснейшим образом связана с историей радикальных перемен, пережитых за эти годы в стране. Он возник и делал свои первые шаги в условиях централизованной системы управления. Что касается всей его дальнейшей деятельности, то она проходила уже в условиях слома институциональной системы страны и построения новых структур. Можно сказать, что история ИСЭРТ – это уникальный опыт формирования и поступательного развития учреждения Российской академии наук в условиях рыночных трансформаций отечественной экономики» [1].

Социологические исследования являются частью исследовательской работы ИСЭРТ РАН. Первые опросы носили в основном тематический характер и не были систематическими. Но с 1995 года институт стал проводить опросы населения по стабильной методике в мониторинговом режиме. У истоков мониторинга стоят такие маститые социологи страны как Г.В. Осипов, Д.С. Львов, Н.М. Римашевская.

Сегодня институт обладает значительными по своему объему информационными ресурсами. Созданные базы данных, на некоторые из которых получены Свидетельства о государственной регистрации, позволяют ученым ИСЭРТ РАН анализировать различные аспекты социальной и экономической жизни региона, выявлять имеющиеся в них тенденции, готовить информацию для региональных и местных органов власти. Многие управленческие решения были приняты на основании полученных данных.

Некоторые исследования, проводимые учеными ИСЭРТ РАН, являются уникальными. К их числу относится медико-социологический мониторинг исследования здоровья и развития детей, который проводится в содружестве и при методологической поддержке Института социально-экономических проблем народонаселения РАН с 1995 г. [2]. Дизайн данного исследования имеет лонгитюдный характер. В его рамках проводится наблюдение за динамикой здоровья отобранных когорт детей в режиме реального времени.

Ведущим аспектом функционирования и развития любого сообщества является коммуникативная составляющая. Основными формами научной коммуникации для вологодских социологов стали научные публикации и информационные собрания в виде конференций, симпозиумов и конгрессов, личные контакты по вопросам конкретных исследований. Сегодня это устойчивые практики взаимодействия. Одной из первых конференций стала организованная совместно с Отделением экономики РАН, Правительством Вологодской области российская научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». Ее история начинается с 1997 года. 7-я конференция состоялась в декабре 2015 года и была посвящена 25-летию ИСЭРТ РАН.

Сегодня в области социологическими исследованиями кроме ИСЭРТ РАН занимаются Агентство мониторинга и социологических исследований (г. Вологда), Информационно-мониторинговое агентство (г. Череповец), кафедра социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Работа первых двух носит прикладной характер и дает информацию руководству области и городов относительно существующих проблем, точек напряжения, ожиданий вологжан.

Наличие академической науки, прикладных исследовательских центров, вузовских кафедр, проведение научных конференций всероссийского масштаба, издание монографий и журнальные публикации дают нам возможность говорить о том, что, не смотря на все трудности и сложности нашего времени, социологическая наука в регионе не просто выжила, а выросла, сформировалась и занимает вполне достойное место в системе институционально организованной российской науки.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

Гурарий А.Д. (Екатеринбург)

Аннотация

В статье дается краткий обзор ключевых вопросов, изучением которых занимались гуманитарные науки, от античного времени до XIX века. Автор более подробно останавливается на трудах таких ученых как Дж. Вико, Ф. Шлейермахер и В. Дильтей, а также дает справку об истории возникновения термина «гуманитарные науки».

Abstract

The brief review of the key questions examined by the Liberal Arts disciplines from Antiquity till XIX century is represented in the article. The author gives a detailed analysis of the key works of G. Vico, F. Schleiermacher, W. Dilthey and also gives the information about the genesis of the term "human studies".

Известно, что науки в самом общем виде делятся на технические, естественные, социальные и гуманитарные. Если естественные науки занимаются изучением явлений природы, социальные науки занимаются рассмотрением вопросов, связанных с жизнью общества, а технические изучают формы и направления развития техники, то в чем же состоит специфика именно гуманитарных наук?

Перед тем, как начать исследование становления и развития гуманитарных наук как отдельной области знания, стоит дать определение понятию «гуманитарный». Большой энциклопедический словарь приводит следующее толкование слову «гуманитарный»: «(от франц. *humanitaire*, от лат. *humanitas* - человеческая природа, образованность) обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека, напр. гуманитарные проблемы, гуманитарная помощь, гуманитарные науки (филология, искусство, история и т. п.)»[1]. Особое внимание стоит обратить на историю возникновения самого термина «гуманитарные науки». Впервые данный термин был употреблен в 1849 г. немецким переводчиком Йоганессом Шилем (J. Schiel) при переводе трудов выдающегося английского философа Джона Стюарта Милля. Используемое Дж.Ст. Миллем понятие *moral sciences* Й. Шиль перевел как *Geisteswissenschaften*, т.е. «науки о духе». Стоит отметить, что решение переводчика использовать именно такой перевод для *moral sciences* не является случайным – ранее термин *Geisteswissenschaft* уже употреблялся в трудах других немецких философов (например, в «Философской пропедевтике» Гегеля)[2]. Но важным является то, что немецкий перевод английского термина становится популярнее оригинала, особенно после появления труда В. Дильтея «Введение в науки о духе» (нем. *Einleitung in die Geisteswissenschaften*, 1880), в котором понятие *Geisteswissenschaft* закрепляется как отдельный научный термин. Это, в свою очередь, повлекло за собой необходимость перевода данного термина на английский язык. Так, в английском языке появились термины *human studies* и *human sciences*, которые переводятся на русский язык как «гуманитарные науки». Таким образом, можно говорить о том, что при переводе термин «науки о духе» был заменен термином «науки о человеке» или «гуманитарные науки». Что явилось причиной такого явления?

К ответу на данный вопрос предлагается прийти через краткий обзор основных исторических этапов развития подходов к выделению сути гуманитарного знания в его отличии от других видов знаний.

Уже во времена античности предпринимались попытки разделить науки на группы. Начало классификации наук было положено еще Аристотелем, который выделял знание теоретическое – познание ведется ради него самого, практическое – вырабатывает идеи, руководящие поведением человека, и творческое – познание осуществляется ради чего-либо прекрасного[3]. Исходя из классификации Аристотеля, гуманитарные науки, на наш взгляд, стоит отнести к знанию творческому, т.к. они всегда связаны с деятельностью человека и стремятся, в первую очередь, к познанию индивидуальности во всей ее полноте.

Более пристальное внимание гуманитарным наукам и их месту и значению в системе знаний было уделено гораздо позже, а именно в XVII веке. По мнению немецких исследователей Йорга – Дитера Гаугера и Гюнтера Рютера, отцами – основателями гуманитарных наук, без которых их дальнейшая институционализация в XVIII и XIX вв. представляется едва ли

возможной, следует считать Г. Галилея, Р. Декарта и И. Ньютона. Великие ученые, внесшие огромный вклад в развитие естественных наук, явились также и выдающимися философами, заложившими основу методологии Новой науки и выработавшими новый стиль мышления и рассуждения – экспериментальный[4]. Александр Койре, анализируя взаимосвязь науки и техники Нового времени, очень точно заключает: Галилей и Декарт никогда не были людьми ремесленных или механических искусств, но создали новые мыслительные конструкции и образцы построения научных теорий[5]. Таким образом, на данном этапе развития гуманитарного знания можно говорить о том, что именно способность мыслить и рассуждать, выстраивать логические цепочки и взаимосвязи, отличали представителей гуманитарного знания от ученых, занимающихся чисто естественными науками, чье знание базировалось, в первую очередь, на эмпирических данных.

В рамках изучения вопроса о становлении основных идей именно гуманитарных наук и понимания их сущности стоит, прежде всего, обратить внимание на работы Дж. Вико, Ф. Шлейермахера и В. Дильтея.

Дж. Вико был одним из первых мыслителей конца XVII века, который начал противопоставлять общий разум индивидуальному. Для человека, утверждал Вико, истиной является только то, что сделано им самим, а то, что сделано им, и есть истина. Этот принцип лег в основу разделения действительности на два мира – мир природы, сотворенный Богом, и мир гражданский, созданный людьми. Вико подчеркивал роль конкретных людей в осуществлении исторического процесса и историческое начало в понимании общества, языка, искусства. Тем самым, Вико разграничил науки естественные и гуманитарные и положил начало развитию множества гуманитарных идей в XVIII - XIX вв. Так, под непосредственным влиянием ученого активизируются исследования культурантропологических факторов развития человечества[6].

Для дальнейшего изучения вопроса о сути гуманитарного знания стоит обратиться к трудам немецкого философа Ф. Шлейермахера, деятельность которого относится к концу XVIII – началу XIX вв. Ученый активно изучает вопрос о природе человека и о развитии его индивидуальности. М. Потепя в своей книге «Этика и герменевтика у Шлейермахера» пишет, что, по Шлейермахеру, «образование индивидуальности — это главное требование; первое условие такого самопонимания, которое только и достигает полного осознания своей неповторимости, — рассматривать исключительно себя самого в своих действиях и всегда стремиться составлять самое отчетливое представление о своеобразии своей сущности, о возможностях и границах своей природы. Коррелятом самопонимания является созерцание другой индивидуальности, которая познается как противоположность своей собственной. Только тот, кто постоянно стремится созерцать все человечество и противопоставляет свое миропонимание другому, может прийти к постижению собственного своеобразия»[7].

Значительный вклад в обоснование гуманитарных наук через выявление их сущности был внесен В. Дильтеем. Дильтей разделял весь комплекс наук на науки о природе и на науки о духе. В работе «Введение в науки о духе» В. Дильтей предлагает свой вариант построения основ для изучения общества и истории, которые затем стали называться гуманитарными науками. Исследователь творчества ученого Л.А. Орнатская в своей статье пишет, что Дильтей утверждает новый взгляд на историю и на роль человека в ней: «история представляется как совокупность духовных фактов, которые в своем следовании друг за другом и сосуществовании образуют культуру. Основная перспектива «исторического исследования» в соответствии с этим – это обнаружение того общего, что характеризует дух отдельных эпох и народов. Возможно это постольку, поскольку жизненное историческое творчество, духовная деятельность людей отливается в определенные вещественные формы, опредмечивается. Культура -выражение, результат объективации духа и существует лишь один способ его исследования – анализ конкретных проявлений индивидуальной человеческой деятельности. Культура начинает рассматриваться как важнейшая функция человеческой жизнедеятельности, становится тем каналом, который связывает человека с «духом», общими целями и ценностями»[8].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что гуманитарные науки в своей эволюции прошли путь от разделения мира на божественный и гражданский через вопросы о природе человека и его духовной составляющей к выделению роли конкретного индивида в жизни общества. Это, в свою очередь, дает ответ на выше обозначенный вопрос о произошедшей замене термина «науки о духе» на термин «науки о человеке» при переводе с немецкого языка на английский. Поскольку духовность как способность познавать и преобразовывать окружающий мир свойственно только человеку, науки его изучающие получают название «гуманитарные».

После Дильтея процесс становления гуманитарных наук как отдельной области знаний продолжился благодаря трудам таких ученых, как Э. Гуссерль («Логические исследования»), Х. Зайферт («Теория науки») Х.-Г. Гадамер («Истина и метод. Основы философской герменевтики») и др. Но, несмотря на достаточную разработанность заявленной темы, основополагающим для понимания сути гуманитарных наук является тот факт, что вопросы, рассмотрением которых занимаются гуманитарные науки, требуют своего дальнейшего изучения в условиях существенного повышения активности человека в преобразовании как мира природы, так и самого себя. Гуманитарные науки - это динамичный и развивающийся процесс, реагирующий на изменяющиеся условия внешней среды, что влечет за собой переосмысление проблемных вопросов современности на основе изучения закономерностей взаимодействия человека с миром природы, с обществом и с самим собой.

1. *Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/16905/> (дата обращения: 25.09.2016).*
2. *Gauger J.D., Rütther G.. Die Geisteswissenschaften als selbstverständliches Element moderner Kultur. Zur Einführung in die aktuelle Debatte [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kas.de/wf/de/33.12307/> (дата обращения: 01.10.2016).*
3. *Хроленко А.Т. Основы современной филологии. Учебное пособие для студентов и магистрантов филологических факультетов высших учебных заведений. // Москва: Флинта; Москва: Наука, 2013. С. 138*
4. *Gauger J.D., Rütther G. Die Geisteswissenschaften als selbstverständliches Element moderner Kultur. Zur Einführung in die aktuelle Debatte [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kas.de/wf/de/33.12307/> (дата обращения: 01.10.2016).*
5. *Горохов В.Г. Галилео Галилей как философ техники (социокультурный подвиг, который изменил мир) [Электронный ресурс]. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_8/4.pdf (дата обращения: 01.10.2016).*
6. *Дианова В.М. Джамбаттиста Вико как культуролог. // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Серия “Symposium”, Выпуск 26. / Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.21-24.*
7. *Потена М. Этика и герменевтика у Шлейермахера. (Перевод Маркова Т.Б.). // Герменевтика и деконструкция. / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. Санкт-Петербург : 1999. С.34.*
8. *Орнатская Л.А. Попытка спецификации культурно-теоретических исследований в немецкой литературе конца XIX - начала XX века. // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Серия “Symposium”, Выпуск 11. / Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 г. Санкт-Петербург Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.109-117.*

ТИПОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА В ПАРАДИГМЕ НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Давыдов С.А. (Санкт-Петербург)

На протяжении длительного времени в научном сообществе заслуженным вниманием пользовалась «хронологическая линейка» развития древнего общества, предложенная Льюисом Генри Морганом. Выделяя в этом развитии три фазы – дикость, варварство и цивилизацию, - Морган полагал, что эти поступательные стадии «раскрывают с известной долей достоверности весь путь человеческого прогресса... Основательное изучение каждого из этих последовательных слоёв выяснит все особенности их культуры и характера и даст окончательное представление об их совокупности в их различных взаимоотношениях». [2, с. 301]

Обладая высокой эвристической ценностью, периодизация Моргана долгое время не имела серьезной интеллектуальной альтернативы. Дискуссия о возможности смены привычной научной парадигмы развернулась, пожалуй, только с XX века. Так, в 1959 г. была организована серия симпозиумов и конференций, приуроченных к столетнему юбилею выхода в свет канонического труда Ч. Дарвина «Происхождение видов», и посвященных развитию взгляда на эволюцию человека. Некоторые результаты обсуждения новой парадигмы нашли свое отражение в монографии под редакцией Маршалла Салинза и Элмана Сервиса «Эволюция и культура». [12] Заложенные в ней идеи составили основу понимания эволюции древнего общества, которое преобладало на протяжении второй половины XX века.

Методологической основой такого понимания стал неозоволюционизм, рассматривающий общественное развитие как процесс качественной реорганизации общества, которая выражается в изменении одного и более элементов связей внутри общества, и что в результате приводит к

изменению остальных или большинства других элементов или связей. [6, с. 6] Несложно понять, что здесь речь идет о системных изменениях в обществе, а, следовательно, прежде всего, об изменении его структуры. [3]

Основываясь на этой методологической посылке, Ф.Вогет определял эволюцию как «процесс, посредством которого на протяжении времени оказывается воздействие на структурную реорганизацию, которая, в конечном счете, продуцирует форму или структуру, которая качественно отличается от предшествующей формы». [13, с. 862] Р.Карнейро уточнил содержание этого процесса, определив его как «переход от относительно неопределенной, рыхлой однородности к относительно определенной, последовательной неоднородности посредством последовательной дифференциации и интеграции». [5, с. 90] Именно критерий сложности социальной структуры различных обществ неозволюционизм положил в основу их упорядочения в эволюционную последовательность. [11]

Опираясь на этот критерий, некоторые исследователи выстраивают общества в такой ряд: наиболее простым видом социальности является семейная группа; за ней по степени сложности следует локальная группа; еще более сложны коллективы во главе с бигменами; выше них стоят вождества – простые, с населением в тысячи человек, и сложные в – десятки тысяч человек; и, наконец, венцом развития общества является государство – в начале архаическое, а затем и национальное. [8, с. 245-246, 304]

Другие исследователи, используя тот же основополагающий критерий, обращают внимание на неизбежное следствие усложнения социальной структуры – растущее социальное неравенство людей. В соответствии с этим формируется несколько иная эволюционная схема. Так, М.Фрид в своем эссе «Эволюции политического общества» располагает общества в такой последовательности: первая фаза носит название эгалитарного общества, вторая – ранжированного общества, третья фаза называется стратифицированным обществом и, наконец, четвертая, с самым высоким уровнем неравенства, – государством. [7]

Но, вероятно, наиболее широкое признание сегодня получила шкала Сервиса-Салинза. [10] Так, согласно воззрениям Э.Сервиса, на первоначальном этапе общества создают локальные группы охотников-собираателей с невыраженным руководством (local band) и коллективным использованием природных ресурсов. Племена, знаменующие собой следующую фазу развития общества, представляют собой надлокальные союзы кланов и общин, объединяющих земледельцев. Лидерство в племени носит харизматический характер, достигается благодаря личным заслугам и завоевывается только для определенных целей, как правило, социальных. [10, с. 101-105]

Вождества представляют собой последнюю доцивилизационную ступень развития общества. К.Оберг так определял общие признаки, выражающие семантику этого понятия: «Вождества (chiefdom) состоят из множества поселений и управляются верховным вождем, под властью которого находятся районы и поселения, управляемые иерархически соподчиненными вождями. Отличительной чертой этого типа политической организации является то, что вожди имеют судебную власть регулировать споры и наказывать преступников вплоть до смертного приговора и – под руководством вождя – реквизируют людей и запасы на нужды войны». [9, с. 484] Принято считать, что вождества возникают под действием таких факторов как ведение сельского хозяйства, специфическая комбинация природных условий, демографическая нагрузка на территорию и войны. [4] Вождества предполагают существование устойчивого соподчинения агентов социальных отношений, наличие центра, координирующего социальную, хозяйственную и культурную жизнь общин, [10, с. 133] и которая способна обеспечить сбор и перераспределение произведенных благ. [10, с. 134]

И, наконец, на завершающей фазе своего развития древние общества могут создавать раннее государство – «особую форму политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющую его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и перераспределять ресурсы; в) построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства». [1, с. 150]

Несмотря на то, что в ходе развернувшейся в середине XX века дискуссии об эволюции общества мнения различных ученых по частным вопросам расходились, в ряде аспектов она объединила большинство из них.

Прежде всего, в большинстве своем исследователи согласились, что парадигма поступательного развития общества в целом не потеряла своей адекватности по двум причинам. Во-первых, на основе анализа большинства известных случаев наблюдается все же достаточно сильная связь между уровнем хозяйственного развития и сложностью социальной организации. Неспециализированные номады-собиратели обычно имеют акефальную структуру и не знают иерархии, а развитое земледелие, как правило, возникало и хорошо функционировало в рамках достаточно сильно стратифицированного общества. Кроме того, децентрализация иерархических систем в историческом процессе выглядит куда более редким явлением, чем образование иерархий и государств из негосударственных политий. И, во-вторых, современная наука располагает весьма богатым историческим и этнографическим материалом, чтобы с высокой долей уверенности судить об адекватности эволюционистской схемы в тех случаях, когда образование ранних государств все-таки становилось исторической реальностью.

Другим важным позитивным следствием дискуссии явилось создание новой понятийной сетки, составившей основу для понимания процессов развития древнего общества. Центральное место в ней заняли понятия акефальной группы, племени, группы бигмена, вожества и раннего государства. Основываясь на обширном археологическом и этнографическом материале, исследователи пришли к заключению о чрезвычайной устойчивости этих форм социальности. Но одновременно они рассматриваются и в своем основном качестве – как переходящие одна в другую ступени общественного развития.

1. Гринин Л.Е. Аналогии раннего государства: альтернативные пути эволюции // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Вып. 1 (34) с.149-169
2. Морган Л.Г. Ленинград.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР. 1934. 368 с.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
4. Carneiro, R. L. *The Chieftdom: Precursor of the State* // Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World*. New York: Cambridge University Press. 1981. P. 37–79.
5. Carneiro, R. L. *The Four Faces of Evolution* // Honigman, J. J. (ed.), *Handbook of Social and Cultural Anthropology*. Chicago. 1973. P. 89–110.
6. Claessen H. J. M., van de Velde, P., Smith M. E. (eds.). *Development and Decline; The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley: Bergin and Garvey, 1985.
7. Fried M. H. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House, 1967.
8. Johnson A.W., Earle T.K. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. Stanford, 2000.
9. Oberg K. *Types of social structure among the lowland tribes of South and Central America* // *American anthropologist*. Vol.57. 1955. P. 472-487.
10. Service E. R. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. New York: Random House, 1962.
11. Service, E. R. *Primitive Social Organization*. 2nd ed. New York: Random House, 1971.
12. Sahlins M. D., Service E. R. (eds.) *Evolution and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.
13. Voget F. W. *A History of Ethnology*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1975.

МОБИЛЬНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Данилова А.В. (Екатеринбург)

Одним из влиятельных направлений современной социологии является «новая парадигма мобильностей», которую автор этой парадигмы Дж. Урри называет «псевдо-новой», подчеркивая ее преемственность по отношению к классическим социологическим теориям. Теоретические основы исследования мобильностей заложены в работах Г. Зиммеля. Он обращает внимание на пространство в поисках причиняющих сил, определяющих социальное взаимодействие, и приходит к выводу, что таковыми являются толкования пространства участниками взаимодействия: «Не пространство, но совершаемое душой членение и сопряжение его частей имеет общественное значение» [Цит. по Филиппов 2008, с. 72]. Толкование пространства представляет собой закрепление или оформление социальных отношений в пространственных феноменах, а не перенос представлений об окружающем мире в сферу социальных отношений. Пространство рассматривается как форма, а социальные отношения, которые приобретают

пространственное оформление - содержание: «Граница - это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется» [Цит. по Филиппов 2008, с. 107]. Социальные отношения и связи участвуют в конституировании пространственных феноменов. Процесс определения устойчивых социальных связей между коллективными единствами приводит к созданию отграниченных пространств - мест (как например город или государство), где эти коллективные единства обладают собственными местами и отделяются дистанцией друг от друга. Таким образом, исследование пространственных феноменов может быть полезно в исследовании социальных отношений и связей между взаимодействующими агентами. Пространство, а значит и дистанции воспринимаются при помощи чувств: зрение, слух, обоняние, осязание - все эти чувства позволяют человеку ориентироваться в пространстве, и, значит, определять дистанции между агентами, занимающими различные места. Ориентация в пространстве, а, следовательно, и содержание, которым наполняют пространство агенты и которое оказывает влияние на социальное взаимодействие, согласно подходу Зиммеля, наблюдается через движение. Изучение движения, по мнению Г. Зиммеля, необходимо для объяснения социальных взаимодействий: социальные действия и взаимодействия осуществляются в соответствии со сложившимися социальными отношениями, которые обнаруживают себя в толкованиях пространства, определяющих движение агентов. Зиммель сформулировал теоретические основания для анализа перемещений: человек, по мнению классика, «стремится к соединению», обладает волей к соединению [Зиммель 2013, с. 146], в противоположность животным, которые такого стремления не демонстрируют; · взаимодействие «лицом к лицу» является «возможно, наиболее непосредственной и чистой формой взаимодействия» [Simmel 1997, p. 111], при этом вся социальная жизнь на микроуровне состоит из таких взаимодействий; · представления о пространстве, сложившиеся у определенных социальных групп, оказывают влияние на характер их взаимодействия как внутри группы, так и между группами; · изучение движения позволяет выявлять социальные связи и отношения и определять причины социальных действий и взаимодействий. В целом подход Зиммеля проясняет, как связаны социальное пространство и пространство физическое / географическое: перемещения в пространстве необходимы для установления социального взаимодействия, в последствие являющегося основой для более масштабных социальных структур. Опираясь, на работы Г. Зиммеля, современный датский социолог О. В. Енсен подробно исследует проблему социальной значимости перемещений [3]. Согласно О. Енсену драматургический подход, предложенный И. Гофманом, позволяет увидеть, как индивиды представляют себя через физическое местоположение и перемещение. Использование этого подхода позволяет развить идею Г. Зиммеля. Перемещения индивида в пространстве определяются не только его представлениями об этом пространстве, но и представлениями о себе самом. Перемещение с этой точки зрения является символическим актом конструирования идентичности, поскольку существует неразрывная связь между процессом идентификации и тем, как индивиды взаимодействуют с окружающей средой. По мнению датского исследователя, телесные взаимодействия с окружающим миром неизбежно влияют на формирование понимания индивидом себя и других. То, как перемещаются индивиды сопряжено с их представлениями о том, какие образцы поведения характерны для их социальной роли, статуса или цели перемещения. Поскольку перемещения участвуют в процессе создания значений и смыслов, их следует определять как социально значимый феномен. Кроме того, чаще всего индивиды «путешествуют» не в одиночестве, в процессе перемещений они вынуждены участвовать во взаимодействии, согласовывать свои действия с действиями других, часто даже с незнакомцами (это могут быть пассажиры общественного транспорта или прохожие). В связи с этим любое физическое перемещение (людей, машин, общественного транспорта и пр.) обусловлено не только смыслами, но и нормами, ценностями, властными отношениями. Способы поведения или образцы поведения в этом случае можно представить как более или менее артикулированные «культуры мобильности», которые могут быть как универсальными, так и локально укорененными нормами и привычками, могут опираться на официальные предписания, но не сводиться к ним. Таким образом, различные виды мобильностей представляют собой отдельные области, характеризующиеся определенным набором социальных практик и регулирующихся определенными нормами и правилами поведения. Каждая из этих областей опирается на свойственную ей внутреннюю логику и, в целом, представляет собой определенную культуру мобильности. Включение феномена мобильностей в предметное поле социологии означает, что ожидание автобуса, чтение в метро, поездки на работу из пригородов являются не просто

инструментальными практиками, позволяющими добраться из пункта А в пункт Б, а практиками в процессе которых индивиды конструируют себя как часть окружающего мира и сам этот мир.

1) Зиммель Г. *Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145-150.*

2) Филиппов А. Ф. *Социология пространства. СПб., 2008.*

3) Jensen O. *Erving Goffman and everyday life mobility // The contemporary Goffman. New York, 2010. p. 333 – 351.*

4) Simmel G. *Sociology of the Senses // Simmel On Culture: Selected Writings Theory, Culture & Society. London, 1997. p. 109 – 119.*

ВОЗМОЖНОСТИ ЭФФЕКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ГРУППОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЛЯ РАБОТЫ С КЛИЕНТАМИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Ерёменко С.А., Попова В. В. (Иркутск)

В двадцатом веке были разработаны теоретические концепции, позволившие по-новому оценить возможности социальных групп для работы с лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации. Широкое применение получили исследования Дж. Хоманса, Л. Фестингера, Р. Путнама, Ф. Теннисаи др.

Как справедливо отмечает Дж. Хоманс, «актуальная теоретическая задача в исследовании малых групп состоит в том, чтобы соединить экспериментальные и «натурные» исследования, окончательно проверить утверждения, которые эмпирически оказываются справедливыми в этих областях, и показать, каким образом эти утверждения могли бы быть выведены из более общего комплекса положений» [3, с.90].

В основе функционирования группы лежит групповая динамика, к процессам которой относятся групповое давление, лидерство, сплоченность, конфликты, формирование группового мнения. Межличностные отношения в группе рассматриваются как связи, способствующие успешному разрешению конфликтов, улучшению социального самочувствия и функционирования клиента во внешней среде, выработке новых продуктивных моделей социального обмена.

Группа взаимопомощи — это коллектив людей, объединенных общей жизненной проблемой или ситуацией. Таковой может быть хроническое заболевание или зависимость, пережитая участниками личная драма, а может, ситуация неприятия обществом и потребность отстаивать свои права. В группы взаимопомощи могут объединяться непосредственно люди, затронутые серьезной проблемой, либо их близкие — родные и друзья [2]. Важнейшей задачей групповой работы, способной обеспечить ее длительное и эффективное функционирование, следует считать достижение баланса между потребностями и интересами конкретной личности и группы в целом.

Группы взаимопомощи является средством сплочения для людей, имеющих трудную жизненную ситуацию. Это позволяет под другим углом взглянуть на социальные стереотипы, получить определенную автономию от разделяемого образа другой группы людей, воспринимать объединение людей со схожими проблемами как аутгруппу.

Общность и схожесть проблем объединяет людей в такие группы, дает возможность воспринимать и восприниматься как личность и индивидуальность, позволяет рассматривать такие объединения не как вторичные, а как первичные малые группы с присущими им характеристиками. П. Штомпка, рассматривает, вслед за Р. Путнамом, са-моорганизацию людей, создание многочисленных товарищеских групп, клубов, объединений, совместную мобилизацию как проявление богатого социального капитала. Он отмечает, что «современное общество, в котором все более преобладают вторичные группы, которое все более явно предстает как безличностный, холодный мир корпораций, денег и большой политики, где отдельный человек переживает «комплекс лилипута», ощущение бессилия перед лицом абстрактных сил, решающих его судьбу, начинает проявлять ностальгическую печаль и стремление к возрождению первичных групп. Интересным проявлением этой тенденции становится формирование и быстрое широкое распространение групп, близких по своему характеру к первичным» [4, с.233].

В качестве примера таких групп П. Штомпка приводит группы социализации, группы реабилитации, группы индивидуального тренинга, терапевтические группы и т.п., где люди встречаются только для того, чтобы «ощутить близость, установить личные связи друг с другом, проявить откровенность, открытость по отношению к другим, незаинтересованность, а

следовательно, для получения того, чего так сильно им не хватает в их профессиональной, трудовой, а также официальной жизни» [4, с.233].

Иными словами, группы взаимопомощи помогают людям сплотиться, найти выход из трудной жизненной ситуации, а главное позволяют находиться в среде людей со сходными проблемами, члены группы стремятся сделать социальные взаимоотношения неформальными и смягченными, они привлекают друг друга как личности, удовлетворяют потребность в общении, используя обстановку социального одобрения и принятия. Первичная группа отличается качеством человеческих отношений, эмоциональной удовлетворенностью. Именно поэтому, группы взаимопомощи воздействуют положительно на личность человека, пребывание в такой группе и принятие ее правил, помогают человеку выйти из кризисной ситуации и не замкнуться в себе. Тем не менее, для группы взаимопомощи присущи и характеристики вторичной группы в части выполнения ею специфических функций. Так, возможности группы взаимопомощи используются для проведения кампании в средствах массовой информации в целях корректировки селективного восприятия, профилактики стигматизации, ориентации на достижение определенных результатов социального взаимодействия.

Численность групп взаимопомощи варьируется от 3 до 20 человек, большее или меньшее количество затруднит общение участников и, как следствие, сократит рабочий потенциал группы.

Координатор или фасилитатор является руководителем группового процесса, он следит за собранием групп, отношением между ее членами, но он не может считаться полноправным членом группы. Главное отличие фасилитатора от координатора является то, что он прошел через схожие проблемы, что и участники группы.

Рассматривая возможности сохранения социальных навыков в ситуации удаления от групповых стандартов, исследуя групповую динамику, К.Левин отмечает следующее: «Если сопротивление изменению до некоторой степени зависит от ценности группового стандарта для индивида, то это сопротивление можно ослабить с помощью процедур, уменьшающих величину ценностей группового стандарта или изменяющих уровень, который воспринимается индивидом как имеющий социальную ценность... До тех пор, пока групповые ценности остаются неизменными, индивид будет сопротивляться изменениям тем сильнее, чем дальше он должен отойти от группового стандарта. Если же изменяется сам групповой стандарт, сопротивление, обязанное своим возникновением приверженности индивида к групповому стандарту, исчезает» [1, с.364].

Контингент групп взаимопомощи различен - это могут быть группы по формированию социальных навыков для проживания в микросоциуме, группы развития и личностного роста, правовые, образовательные, посреднические, группы коммуникативной компетенции и т.д.

Группы взаимопомощи, которые базируется на программе «12 шагов». Изначально этот метод применялся для лечения от алкогольной зависимости, начало ему положили Роберт Смит и Уильям Уилсон в 1935 году. По схожей технологии работают и группы взаимопомощи для лечения от наркотической зависимости. В Иркутской области есть опыт собрания таких групп в Наркологическом Центре города Иркутска.

Группы взаимопомощи для людей, живущих с ВИЧ. Получили широкое распространение в 80—годах прошлого века. В этот период данное заболевание было изучено не до конца, поэтому такие группы являлись единственным средством для эмоциональной и социальной поддержки ВИЧ-инфицированных людей. Некоторые из членов этих групп являлись участниками групп взаимопомощи для наркозависимых, опыт этих членов был полезен для создания групп для людей, живущих с ВИЧ.

Группы взаимопомощи для родителей. Такие группы создаются для решения самых разнообразных вопросов воспитания детей или проблем детского воспитания из-за их особенностей, например группа взаимопомощи родителей детей с аутизмом или группы взаимопомощи для приемных родителей.

Целевая установка является спецификой этих групп. Профилактика социального аутсайдерства и одиночества, взаимодействие с другими социальными институтами и группами для решения своих проблем, адаптация в обществе через малую группу (группу взаимопомощи), раскрытие внутреннего потенциала человека для решения своих проблем – это главные задачи таких объединений как группы взаимопомощи.

Технология работы с группой основана на социологических теориях, позволяющих анализировать и инициировать интерактивные процессы в межличностной коммуникации для консолидации и интеграции клиентов социальной практики.

1. Левин К. Динамическая психология: избранные труды / К. Левин - М.: Смысл, 2001. – 572 с.
2. Недзельский Н. Группы взаимопомощи [Электронный ресурс] / Н. Недзельский, И. Савельева, А. Толмасова // М. : Рубикон, 1998. – 48 с. - Электрон. Версия печат. Публик. – Систем. Требования: AdobeAcrobatReader / - URL: <http://www.aids.tomsk.ru/docs/manuals/13.pdf> / (дата обращения: 03.10.2016).
3. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен / Дж. Хоманс // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82-91
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка Пер. с польск. С.М. Червонной — М.: Логос, 2005. — 664 с.

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСОВ МОЛОДЕЖИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Живенок Н.В. (Калининград)

О проблеме «воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства» серьезно заговорили с принятием программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», в которой указывалось на заметную утрату «нашим обществом традиционно российского патриотического сознания». С этого времени программа стала «раскручивается» как своего рода общенациональная идея, которая официально оформилась в заявлении В.В. Путина на встрече с представителями «Клуба лидеров» (февраль 2016г.) о том, что «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма».

Проблема патриотизма и национального самосознания в развитии любого государства, безусловно, играет важную роль. И вопрос о возрождении России тесно смыкается с вопросом о патриотизме, без которого ни о каком возрождении не приходится и говорить.

Но не следует забывать что, актуализация той или иной гражданской проблемы часто превращает ее в предмет торга и публицистических дебатов. В полной мере это относится и к вопросу о патриотизме, который во все времена был предметом ярых политических спекуляций, особенно во времена смутные, переломные. Как правило, обращение к патриотическим чувствам и интенсивная их эксплуатация политическими деятелями наблюдается в период утверждения и «набирания политических очков» в народной среде.

Социологический анализ данной темы позволяет раскрыть ее значимость в развитии личности и общества, выявить проблемные позиции внедрения ее в массовом сознании. Материалом конкретного анализа послужили данные мониторинга (2013-2016гг.) студенческой аудитории ряда вузов Калининграда (N=380)

Проведенное исследование выявило следующие тенденции.

Подавляющая часть опрошенных позиционируют себя как патриоты: до 83% в 2016г. против 76% в 2014г. Полагаем, что рост патриотических настроений – результат «работы» внешнеполитического фактора, традиционного для исторического сознания россиян в формировании патриотизма. Определяющим в понимании сущности «патриотизма» было и остается - «любовь к Родине» (от 40% до 47% опрошенных), «защита Родины»(39% -45%), «верность отчизне» (34%-38%).

Однако, предметом гордости отчизны не всех этапах исследования отмечалось ее историческое прошлое. По степени значимости прослеживаются следующие объекты этой гордости: «победа в великой Отечественной Войне», «освоение космоса», «культурное наследие страны».

Но, появился и другой показатель гордости за державу – «военная мощь страны» (15% респондентов в 2016г). Что является прямым отражением успехов России во внешнеполитическом пространстве. Полагаем, что этим же фактором объясняется и значительное сокращение числа респондентов, испытывающих «чувство стыда за нашу страну»: с 16% до 9%,

Исследования выявили некие особенности утилитарно-прагматического понимания патриотизма. Так, «труд на благо Родины» как проявление патриотизма отметили 26% студентов, в то же время, более 50% старшекурсников истинный патриотизм видят «в укреплении семьи и воспитании детей». Просматривается ориентированность активной работы не на государство, страну, а на себя, свой быт, свою семью.

Слабая корреляция работы на себя с работой на страну, на наш взгляд, определяется неудовлетворенностью деятельности государства в социально-экономической сфере, недоверием к нему.

Поэтому, несмотря на рост патриотических настроений и тот факт, что более 70% опрошенных студентов хотят жить и работать в своей стране, около 50% из них выражает активное желание уехать за границу на работу, временное проживание. Эти настроения, по данным соцслужбы администрации области, характерны для молодежи региона в целом.

Не случайно, на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, необходимо делать государству для усиления патриотических настроений среди молодежи?», определяющими ответами были: «Повышение уровня жизни населения» и «Внедрение принципов социальной справедливости. То есть проблемы социально-экономические в формировании патриотических настроений, студенты ставят в качестве важнейших целей и ценностей, которые объединяют государство и общество.

Низкий уровень жизни не позволяет большинству студентов активно путешествовать по стране, формировать чувство сопричастности с ней и гордости, хотя бы за ее красоты. Отсутствие «физической» связи со страной усиливает «географический» патриотизм: студентов волнуют больше проблемы и перспективы развития области, нежели государства в целом. Они слабо связывают решение проблем региона, например, с проблемами Дальнего Востока или Сибири. А это поле для развития сепаратистских настроений.

Из других значительных факторов, содействующих усилению патриотических настроений, респонденты назвали: «Создание и показ большего числа фильмов и программ, посвященных трудовым и военным будням и подвигам наших современников». Это является свидетельством потребности молодежи в новых образах, героях, вписанных в канву лучших исторических и культурных традиций страны, которые и должны сформировать новые ценностные установки общества.

Исследование показало, что для воспитания патриотизма «как основы консолидации общества и укрепления государства» недостаточно фактора внешних угроз (который в современных условиях не может иметь долговременного характера), его можно формировать на основе объединения общества вокруг «внутренних» целей и ценностей.

В связи с этим, полагаем, что патриотизм не может собой подменять общенациональную идею или идеологические постулаты. Патриотизм-это важнейший инструмент, механизм реализации общенациональных задач, воплощенных в тех или иных идеях. И реальный (а не квази) патриотизм только укрепляется при наличии общенациональных ценностей и путей их реализации, поддержанных обществом.

Кроме того, следует помнить, что патриотизм – это форма национализма («здорового»), а последний имеет разные формы проявления: от общегражданского (политического), до этнокультурного. А воспитание патриотизма – это воспитание развитого национального самосознания, которое в условиях особенностей российской федерации может проявляться не только в общегражданском патриотизме, но и этническом. В условиях ухудшения экономической ситуации, слабой экономической и культурной взаимосвязи населения различных регионов страны, культурно-этнический патриотизм может активизировать сепаратистские, реакционные настроения. Это еще раз свидетельствует о том, что проблему патриотизма нельзя активно эксплуатировать как синоним общенациональной идеи.

ДОВЕРИЕ К СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Зарубина Н.Н., Носкова А. В., Темницкий А. Л. (Москва)

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-18-10411
«Институциональное доверие к научному знанию в условиях новых рисков и уязвимостей в системе
безопасности современной России».*

Введение. В докладе обсуждаются вопросы институционального доверия к социальной науке с позиции практической значимости производимого знания, переосмысления

социологической теории и разработки социологической методологии исследования институционального доверия к социальным наукам.

Актуальность и постановка проблемы. Важность темы обусловлена практической ролью и возможной противоречивостью результатов применения социального знания в жизни современного общества. Социальная наука имеет особую ценность как институт, производящий знания для общественного блага. На приоритет практической функции социальной науки указывали К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» и П. Сорокин в «В системе социологии».

В истории неоднократно предпринимались попытки использовать теоретические положения в реализации социальных проектов (Р. Оуэн, А.В. Чаянов и др.). Масштабные преобразования обществ в XX в., новые модели социального устройства стран социализма и социально-ориентированного капитализма основывались на передовых наработках социальных наук [1, 7]. И сейчас общественные институты (государство, образование, бизнес, СМИ) так или иначе используют результаты социальных наук в своей деятельности, а для этого нужно доверие к надежности научных результатов – экспертных оценок, диагностики, рекомендаций, прогнозов. Доверие необходимо для практического использования научных результатов в деятельности государственных органов при составлении программ развития и в оценках эффективности деятельности субъектов власти.

Но, как показывает социальная практика, последствия от внедрения научных результатов могут носить противоречивый характер. Поэтому социальная наука может одновременно быть как генератором социальных инноваций, так и источником рисков для общества. В этой связи важным становится переосмысление социологического наследия с позиции доверия к науке, а также разработка методологии исследования институционального доверия к социальной науке в России.

Социологическая интерпретация доверия к науке. По выражению П. Штомпки [2, 392-393], доверие представляет собой такую качественную характеристику отношений между социальными акторами, которая предполагает, что результаты их действий не нанесут вреда и/или будут взаимно полезны. Доверие к науке как институту – это представление о том, что её развитие полезно или, по крайней мере, не дисфункционально для общества, его институтов и групп населения. Таким образом, доверие всегда ориентировано в будущее, сопряжено с неопределенностью последствий действий социальных акторов.

Доверие к науке можно рассматривать в нескольких аспектах, на которые обратил внимание П. Штомпка: 1) доверие к знаниям, производимым наукой — их достоверности, надёжности, пользе для общества; 2) доверие к добросовестности учёных, основанное на представлениях об их достаточной квалификации, корректном применении ими надёжных методов исследований, их бескорыстии и т.д.; 3) доверие к методам, применяемым для получения знания; 4) доверие к организации науки [2].

При рассмотрении доверия всегда важен его субъект. Доверие к науке во всех перечисленных аспектах могут испытывать: во-первых, общественные институты; во-вторых, общество как обычные люди; в-третьих, сами представители научного сообщества [2]. Без взаимного доверия учёных их продуктивная деятельность по производству знаний невозможна, поскольку научное творчество не является индивидуальным. Исследователь, даже если он работает над своей проблемой один, всегда опирается на достижения своих предшественников и коллег, входит в профессиональные сообщества и сети профессиональных связей. Взаимное доверие обеспечивается внутри научного сообщества соблюдением базовых норм научного этикета, которые описал Р. Мертон. К ним относятся: норма универсальности, утверждающая объективность научных результатов, их независимость от статусов, национальной принадлежности и т.д.; норма общности, предполагающая общедоступность научных достижений, невозможность их приватизации; норма бескорыстия, т.е. ориентации на удовлетворение от самих результатов научной деятельности, от поиска истины, а не от вознаграждения в той или иной форме; «организованный скептицизм» как возможность проверки и критического анализа научного результата со стороны других исследователей [3, 67].

В 2000-е гг. отечественная наука столкнулась с проблемой размывания нормативных основ функционирования научного сообщества, что привело к формированию новых практик контроля над результатами научных исследований и актуализировало потребность в эмпирическом изучении доверия к социальному знанию.

Показатели и индикаторы институционального доверия к социальной науке. На основе изложенных теоретических положений разработана система показателей

институционального доверия к социальной науке (представлена в таблице). В дальнейшем она будет использована при составлении инструментария эмпирического исследования.

Оценочные показатели доверия	Индикаторы
Общее трансформационное доверие с учетом фактора социального строя общества	Соотношение уровней доверия к социальной науке в советском и современном российском обществе
Предметное трансформационное доверие с учетом фактора социального строя общества	Соотношение уровней доверия к знаниям, добросовестности ученых, применяемым методам, организации науки в советском и современном российском обществе
Теоретико- либо практико - ориентированное доверие	Соотношение уровней доверия к отечественной фундаментальной и прикладной социальной науке
Институционально обусловленное доверие	Иерархия и взаимосвязь оценок доверия к научному знанию со стороны государства, образования, бизнеса, СМИ, общества и взаимного доверия ученых
Культурно обусловленное доверие	Соотношение оценок уровней доверия к научному знанию, производимому российской и западной социальными науками
Доверие, обусловленное отношением к науке со стороны представителей власти	Оценки причин недостаточного использования научных рекомендаций в практической деятельности со стороны государственных органов власти
Динамика доверия	Оценка изменений в уровнях доверия за последние годы
Факторы недоверия	Оценка причин недоверия к социальной науке
Предметное доверие, обусловленное принадлежностью к социальным слоям общества	Иерархия и взаимосвязь факторов доверия к научным исследованиям со стороны широких слоев населения, представителей власти и чиновников, научного сообщества
Доверие как фактор национальной безопасности	Соотношение избыточного и недостаточного доверия к социальному знанию как фактора национальной безопасности России
Межличностное доверие	Оценка доверия к научным результатам коллег по «цеху»

Выводы. Практическая важность социальных наук обуславливает актуальность проблемы доверия к их научным результатам и практическим рекомендациям. В докладе представлена теория доверия к научным исследованиям. В качестве методологического основания эмпирического изучения доверия к социальной науке предложена система показателей и индикаторов. Такой подход к проблеме позволяет надеяться провести ее глубокий и всесторонний анализ.

1. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис населения. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009.
2. Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.
3. Merton R. *Institutional Imperatives of Science.* / Ed. By B. Barnes. L., 1972.

РЕЛЕВАНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СОЦИОЛОГИИ

Злотников А.Г. (Гомель, Республика Беларусь)

Рассматривается проблема социальных механизмов в качестве предмета социологии. Освещается содержание концепций социального механизма на макросоциологическом и микросоциологическом уровнях.

На макросоциологическом уровне они религиозной, рационалистической, географической, рыночной («невидимой» руки), классовой борьбы, культурологической и потребительского поведения концепциями. Анализируется содержание микросоциологических концепций социального механизма, как «человеческих» отношений и бессознательных инстинктов. Раскрывается, что на смену монистического методологического подхода прошлого в современной социологии сформировался мультипарадигмальный подход.

The problem of social mechanisms as the subject of sociology is regarded. It is illuminated the content of the concepts of social mechanisms at macrosociological and microsociological levels. On macrosociological level they are religious, rationalist, geographical market ("invisible" hand), the class struggle, culture and consumer behavior concepts. We analyze the content of the social mechanism microsociological concepts as "human" relationships and unconscious instincts. It is disclosed that instead monistic methodological approach of the past in modern sociology multiparadigmality approach has formed.

Всегда наука пыталась дать ответы на вопрос «Почему ...?». Почему те или иные процессы протекают таким или иным образом? Какие движущие силы стоят за теми или иными процессами и явлениями? Каков их источник? И т.д. и т.п. На наш взгляд, это проблема социальных механизмов, которой в социологии не уделяют должного внимания. Проблема социальных механизмов – это проблема предмета социологической науки

В ходе развития социологии сформировалось несколько концепций социального механизма, которые противостояли и сменяли друг друга. Это концепции: религиозная, рационалистическая, географическая, рыночная, классовой борьбы, культурологическая или социокультурная, потребительского поведения, «человеческих» отношений и бессознательных инстинктов. Большинство из них охватывают макросоциологический масштаб, последние две относятся к социальным механизмам микросоциологического уровня. Первоначально их взаимодействие и диалог протекали в русле монистической парадигмы. Сторонники каждой из этой концепции исходили из того, что только этот подход, который они абсолютизировали, дает адекватное отражение сущности протекающих социальных процессов и явлений. В последнее время доминирующим стало представление о том, что каждый из этих социальных механизмов важен и все они применимы в отражении системы социальных явлений, процессов и отношений.

Исторически первой формой социального механизма еще до возникновения социологии стала концепция религиозного отражения социальной действительности, независимо от того была это языческая или монистическая религия. Этот социальный механизм исходит из того, что существует некая сила, нами невидимая и стоящая над человеком, которая определяет его судьбу, судьбу народов, их историю. И человеку остается смириться, покориться этой силе. Первоначально, в эпоху языческих религий этим божествам люди приписывали и положительные и негативные черты (вспомним богов Олимпа), что отражало и человеческие отношения. В монистических религиях божество уже выступает в качестве силы, которая является образцом поведения людей.

Позже в эпоху Просвещения на смену этому социальному механизму пришла рационалистическая концепция, связанная с акцентом на мудрость законодателя. Эта сила, также стоит над обыкновенным человеком, но эта сила им видимая, ощущаемая, осязаемая: это правитель страны (князь, король, царь, император и т.д.). И в зависимости от того, насколько мудро его правление или нет, зависит и отношение к этой силе. В этой концепции заложены идеи парламентаризма (одна голова хорошо, а коллективный разум – лучше) и революционного ниспровержения, если монарх оказался деспотом, если его неразумная политика не отвечает интересам определенных социальных сил.

На смену социальных механизмов, отражающих роль субъективных факторов, с середины XVIII века и вплоть до XX века началось обоснование целой череды механизмов, связанных с конкретными явлениями социальной жизни. Прежде всего, это концепция естественных факторов – географического (природно-географического) детерминизма, сформулированная Ш. Монтескье. У него социальные законы должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату, качествам почвы, ее положению, размеру, которые и образуют то, что он называл «духом законов».

Следующим шагом в развитии социальных механизмов является смитовская концепция рыночного механизма. У А. Смита рынок является тем естественным фактором, который и определяет социальное поведение, взаимодействие людей. Роль же субъективного фактора – мудрости законодателя – у него сводится до роли простого ночного сторожа, который, когда

рыночный порядок работает, в него не вмешивается, что и является методологией обоснования различных концепций либерализма.

Важное место в истории социальных механизмов занимает марксистское объяснение хода истории, теория социального конфликта. Этот социальный механизм представлен К. Марксом и Ф. Энгельсом борьбой классов, т.е. борьбой больших социальных групп, различающихся по их отношению к собственности, их исторической роли в общественном производстве и т.д. Ее классическая характеристика представлена второй главой «Манифеста коммунистической партии»: «вся история существовавших до сих пор обществ была историей борьбы классов».

Современная социальная наука представлена большим спектром социальных механизмов. В современной социологии значимое место занимает веберовская теория социального действия и ее концепция социального механизма – концепция социокультурных ценностей. Эта концепция дает обоснование адекватности западных рыночных отношений и типов трудового поведения, т.е. социокультурных ценностей протестантской трудовой этики.

Последней среди макросоциологических социальных механизмов является вебленовская концепция потребительского поведения людей, исходящая из того, что те товары и услуги, которые люди производят, оказывают на их поведение существенное влияние. Источник их потребительского поведения – инстинкты, склонности и привычки людей. С вебленовским методологическим неоинституционалистическим подходом связан и переход к микросоциологическим концепциям социального механизма.

Микросоциологические социальные механизмы охватывают, с одной стороны, уровень групповых и, с другой стороны, индивидуальных отношений. На уровне групповых (малых групп) отношений таким социальным механизмом представлена концепция «человеческих» отношений, исходящая из характера отношений между членами (или внутри) малой группы. На уровне индивидов таким социальным механизмом представлена фрейдистская концепция бессознательных инстинктов и прежде всего роли сексуальных инстинктов.

Следует отметить, что в 1920-х годах получила распространение разновидность неомарксизма, пытавшая соединить социальные механизмы К. Маркса и З. Фрейда, но которая в Советском Союзе считалась антинаучной. Этот вариант неомарксистской концепция исходил из того, что на макросоциологическом уровне К. Маркс дал самое лучшее объяснение, но на микросоциологическом им было мало что объяснено. А З. Фрейдом, по мнению представителей этой разновидности неомарксизма, дано исчерпывающее объяснение поведения индивидов. По их мнению, общим методологическим подходом Маркса и Фрейда, были, во-первых, их материалистическая основа, и, во-вторых, они в своей основе исходили из анализа противоречий.

Особенность исторического развития проблемы социального механизма состоит в том, что до середины XX века господствовал монистический подход, когда выискивался единственный методологический подход. И их диалог шел в русле, какой из этих подходов адекватно отражает процессы социальной действительности, какой из них брать за основу трактовки хода исторического процесса. Сегодня на смену монистического социального механизма пришел методологический подход, что все социальные механизмы имеют право на существование, на объяснение социальной жизни, но на своем отдельном уровне или их ряде. Это мульти- или полипарадигмальный подход.

Так, для верующих людей, никакая логика не может поколебать их веру в силу религиозного социального механизма. Они вникать в другую аргументацию и даже слушать иную трактовку не хотят и не могут.

Политики, стремящиеся попасть во власть (кандидаты в президенты, в депутаты), уповают на значимость рационалистического социального механизма, пытаясь показать и доказать, что именно им характерен мудрый подход, что их программы наиболее и лучше отвечают запросам избирателей, что характеризует теория «общественного выбора» лауреата нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенена.

Идеологи перехода от командно-административной системы хозяйствования к рыночным отношениям акцент делали на рыночном социальном механизме, который приведет к оздоровлению экономики. Проповедники либеральных ценностей негативные результаты в экономическом развитии постсоветских государств объясняют недостаточным использованием рыночных отношений.

Другие специалисты исходят из того, что те же проблемы перехода от командно-административной системы хозяйствования к рыночным отношениям связаны с навязыванием народам постсоветских государств отношений, не свойственных социокультурным ценностям

славянских народов. Западные социокультурные ценности имеют в своей основе крайний индивидуализм, славянским же народам свойственны коллективистские ценности. То же относится и к политике западных государств (прежде всего США) навязать свои ценности арабским и мусульманским народам. И на первый план в сегодняшних проблемах Запада, связанных с мигрантами, исповедующими иные ценности, чем европейский социум, выступает социокультурный социальный механизм.

Сегодня многие социальные конфликты в Украине, Ближнем Востоке и африканском континенте, прорехи в западной толерантности к мусульманским и арабским беженцам в определенной мере отражает марксовый социальный механизм

В начале 1990-х годов на постсоветском пространстве (в частности, в Беларуси) важной проблемой стало требование определенных социальных сил возврата к национальным обычаям. Концепция потребительского поведения объясняет, почему это невозможно. Конечно, надо помнить, сохранять их, но вернуться к ним – невозможно.

Если почти весь советский период концепция социального механизма Фрейда не получала на нашем пространстве распространения, то ныне упор на роли сексуальных инстинктов характерен прежде всего в рекламной деятельности, когда прямо или косвенно реклама спекулирует на этом элементе социального механизма бессознательных инстинктов.

Исторический очерк диалога социальных механизмов показывает процесс их формулирования, развития и функционирования. Вначале шел поиск тех факторов, которые могли бы в какой-то степени, частично или более полной объяснить сущность и источник социальных процессов. Ныне можно с полной уверенностью говорить об их содружестве, когда какой-то один или несколько социальных механизмов могут близко к адекватности объяснить сущность каких-либо социальных явлений и процессов, что невозможно однозначно (монистически) дать ему оценку. Этот социальный механизм может воздействовать на одни социальные процессы прямым образом (в терминологии Мертона явные функции) или оказывать влияние на другие латентно. В результате этого взаимодействия проявляется многомерный характер социальных процессов, имеющих в своей основе действие и взаимодействие многих факторов. Таковы последствия релевантности социальных механизмов в социологии.

ТРЕНДЫ В СОЦИОЛОГИИ XXI ВЕКА

Иванов Д.В. (Санкт-Петербург)

Среди множества различных и зачастую противоречивых тенденций, изменяющих характер современной социологии, можно выделить четыре основных тренда: тематический, теоретический, методологический, идеологический.

Тематический тренд выражается в сдвиге фокуса внимания международного социологического сообщества от изучения глобализации к исследованию неравенства. Тематический тренд отчетливо виден при анализе данных в международных наукометрических базах. Количество публикаций на тему «глобализация» в базе данных Web of Science росло опережающими темпами в 90-х гг. прошлого века и в начале нынешнего столетия практически сравнялось с числом публикаций на традиционную для социологии тему «неравенство», но в последние 5-10 лет проблема неравенства заметно доминирует в сознании социологов.

Тема	Период		
	1992-1999	2000-2007	2008-2015
«глобализация»	2699	21271	33965
«неравенство»	7617	22504	49794

Темы мировых конгрессов Международной социологической ассоциации (ISA) также свидетельствуют о переориентации сообщества на изучение неравенства как сквозной и объединяющей темы социологии. Если в Дурбане (2006) тема конгресса «Качество социального существования в глобализирующемся мире» подчеркивала важность феномена глобализации, а в Гетеборге (2010) тема «Социология в движении» ориентировала исследователей на саморефлексию, то в Йокогаме (2014) тема «Лицом к неравному миру: вызовы для глобальной социологии» задала новый ориентир. Для конгресса в Торонто (2018) анонсирована, которая

очевидно продолжает линию на изучение неравенства и связанных с ним проблем: «Власть, насилие и справедливость: рефлексия, ответы и ответственность». Оформление тематической связки «от изучения неравенства – к концептуализации справедливости» базируется на том общем подходе современного международного социологического истеблишмента к определению неравенства, который наиболее отчетливо выразил шведский теоретик Гёран Терборн (2006): «неравенства – это различия, которые мы рассматриваем как несправедливые».

Теоретический тренд в современной социологии заключается в сдвиге от дискурса «кризиса» и проектов интеграции конкурирующих парадигм к метатеоретизированию. На рубеже веков в социологии стали быстро возникать и распространяться разнообразные дискурсы «поворотов» и поиски новой объектности. На «Западе» / «глобальном Севере» продвинутые социологи практикуют постконструктивистское метатеоретизирование как поиск объединяющих концептуальных схем и решающих метафор. Здесь главный концептуальный продукт – гибридные и темпоральные объектности (актор-сети, потоки, мобильности, перформансы, ассембляжи и т.п.). На «Востоке» / «глобальном Юге» исследователи культивируют постколониальное метеоретизирование как поиск множественностей (Модернов, глобализаций, цивилизаций, идентичностей и т.п.), открывающих возможность отличных от западных форм и способов социального существования.

Методологический тренд в современной социологии можно видеть в сдвиге от противопоставления и комбинирования количественных и качественных методов к перформативному знанию и технологиям Big Data и Web 3.0. Этот методологический тренд опирается на растущее понимание того, что социальные сети – это новый огромный ресурс «естественных» данных, то есть спонтанных, а не искусственно создаваемых анкетированием и интервьюерами. Сетевые платформы сбора данных и программные средства сетевого анализа бурно развиваются и создают как новые возможности, так и новые проблемы для исследователей. Технологии Big Data стали вызовом для социальных наук. Создание инструментов для сбора, анализа и представления данных может теперь осуществляться в формате Web 3.0 (самодельные сайты и мобильные приложения). После господства позитивизма, а затем конструктивизма, теперь распространение получает концепция перформативного знания.

Идеологический тренд в социологии XXI века связан со сдвигом в дискурсе об общественном предназначении социологии от идей защиты «гражданского общества» к идеям новой (после марксизма и неомарксизма) атаки на капитализм. Антикапиталистический дискурс теперь опирается на такие фигуры как Папа Римский и модный экономист Тома Пикетти, а не на Маркса. Идеологический тренд «полевления» отчетливо виден в том, как проект «публичной социологии» Майкла Буравого радикализуется теми, кто впечатлен размахом экономических кризисов и креативностью новых протестных движений. В поисках востребованности и идентичности социологи все чаще пытаются идти «в народ», становясь урбанистами и активистами альтернативных движений.

СОДЕРЖАНИЕ "ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ" МАКСА ВЕБЕРА В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Игнатъева О.А. (Санкт-Петербург)

Заслуга М.Вебера несомненно заключается в том, что он впервые ввел в научный оборот понятие об этике ответственности политической власти. Однако на современном этапе мирового развития его содержание значительно изменилось и трудно сопоставимо с тем, что было в начале, когда немецкий классик возлагал ответственность за выбор цели и средств политики исключительно на одного человека. Сегодня проблема нравственной ответственности политической власти приобретает более весомый характер, чем во времена Вебера – она выходит на глобальный уровень. В настоящее время целесообразно говорить как об этике ответственности национальной власти (т.е. государственной власти), так и глобальной этике ответственности международного сообщества за сохранение и развитие нашей общей среды обитания. Но если этика транснационализма находится на стадии разработки, то государственная этика ответственности уже сформулирована и является частью повседневной политической практики. Например, на уровне отдельно взятого общества целесообразно говорить о формальной (наличие кодексов государственных служащих) и фактической (наличие социальных программ поддержки населения) сторонах этики политической ответственности.

Начиная с Ф.Ницше и М.Вебера, большинство социальных мыслителей и политиков руководствуются идеями «интеллектуальной честности» и «рациональности» для обоснования должного поведения и управления, что отрицательно сказывается как на идеологии современных обществ, так и на их социально-экономическом положении. Например, по мнению американского философа М.Нассбаума, современный глобальный экономический, политический, экологический и социальный кризис, а также наличие расовых и социальных конфликтов обусловлено этой крайней рациональностью и прагматичностью политики национальных государств, замкнутых в своих частных сиюминутных интересах. Следовательно, необходимы альтернативные ценности, альтернативная космополитическая парадигма развития, которая «меньше зависит от рациональности и больше от общей солидарности,... меньше от веры в прогресс и больше от признания человеческой бренности и приоритета нравственных ценностей»[6, Р.52]. По мнению философа, необходимо вернуться к пониманию идеи рациональности, принятой Кантом и римскими стоиками, суть которой заключается в том, чтобы преодолеть ограниченные контексты и традиционные интересы индивидов и обществ, и увидеть рациональное зерно, которое будет являться благом для всех.

Г.Кюнг является автором идеи глобальной политической ответственности, ставшей основой Декларации глобальной этики, принятой на съезде Парламента мировых религий (1993 г.). В своей работе «Глобальная ответственность: в поисках новой мировой этики» немецкий философ выражает основные характеристики новой космополитической системы ценностей. Содержание концепции Кюнга находится под влиянием требований этики И.Канта, трансцендентального прагматизма К.-О.Апеля, универсального прагматизма Ю.Хабермаса и идеи «ответственности власти» М.Вебера. У Вебера заимствуется сама идея, что власть должна отвечать за свои действия в историческом контексте, но наполняется она не прагматическим, а нравственным содержанием Канта, категорический императив которого предполагает необходимость выбора цели и стратегии действия с точки зрения общего блага и справедливости. ««Должно поступать» известным образом – это означает здесь скорее: поступать так справедливо и потому есть наш долг» [3, С.14].

У К.-О.Апеля и Ю.Хабермаса Г.Кюнг заимствует идею о том, что только intersubjectively понимаемое содержание нравственных ценностей является значимым и может служить руководством к действию. Так, например, в теории трансцендентальной прагматики Апель наряду с разумом выделяет язык как средство познания, так как по его мнению, истина открывается только в процессе взаимодействия, в то время как пассивный наблюдатель лишается возможности быть понятым и постигнуть истину. «Трансцендентально-прагматическая теория К.-О.Апеля в целом является попыткой трансформации кантовской трансцендентальной философии субъективности в трансцендентальную философию intersubjectivity»[2, С.70]. При этом Апель выделяет модусы коммуникаций, которые делают взаимодействие между участниками возможным: когнитивный (содержательный), интеракционный (межличностный), экспрессивный (интенционный) и грамматический (понятность). Экспрессивность предполагает искренние намерения участников интеракции по отношению друг к другу и в вопросах постижения истины. Таким образом, коммуникативные модусы становятся основаниями моральной оценки суждения и действия, «прокладывается мостик из семиотики (в частности, прагматики как ее раздела) в этику: прагматические требования к коммуникации, к речевому акту как структурной единице коммуникации становятся этически релевантными»[2, С.73].

К.-О.Апель дифференцирует идеальное и реальное коммуникативное сообщество, полагая, что в и повседневной жизни моральный субъект должен руководствоваться принципами идеального дискурса и учитывать последствия своих действий в историческом контексте. Однако в отличие от сообщества ученых, сообщество обычных людей предполагает коммуникацию для достижения своих целей посредством аргументации, при этом встречные требования также признаются обоснованными, если они могут быть должным образом доказаны. «Человеческие потребности являются этически релевантными в качестве межличностно сообщаемых требований; их следует признавать в той мере, в которой они могут быть межличностно оправданными при помощи аргументов» [1, С.325]. Понимая различие между идеалами нравственной жизни (долг, справедливость, добродетельная жизнь) и повседневной реальностью (рациональность, прагматизм, борьба за выживание), Апель вводит понятие «деонтологической морали», которая предполагает толерантное отношение к уже сложившимся жизненным формам и их постепенное совершенствование. «Точно также не требуется заменять естественные традиционные институты и конвенции непосредственно аргументированным дискурсом. Скорее требуется постепенно

наполнять их новым содержанием или сменять такими, которые благоприятствуют утверждению дискурсивного принципа. Этот процесс длится – особенно в Европе – уже столетие и в демократическом парламентском государстве находит вполне удачные формы» [2, С.111].

Немецкий социолог Ю.Хабермас, анализируя возможности применения практического разума в прагматическом, этическом и моральном аспектах, также поддерживает безусловные требования нравственных принципов Канта, так как «лишь руководствующую моральной точкой зрения и потому целиком рациональную волю можно назвать автономной. Она очищена от всех гетерономных черт спонтанного действия (Willkür) или воли к специфической, всегда также аутентичной жизни»[2, С.17]. Однако он считает, что предлагаемые максимы поведения не должны навязываться членам общества, а должны обсуждаться и проходить проверку на их универсальность, потому что «пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребностей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды»[4, С.107]. Для моральной оценки целей и средств, по мнению Хабермаса, необходимы действительно универсальные стандарты поведения, которые учитывают интересы не только привилегированных слоев населения. «Тот, кто во имя универсализма исключает Другого, кто остается чуждым для Других, предает саму идею универсализма»[4, с.25]. В свою очередь, универсализм практического разума поддерживается посредством коммуникаций, которые опосредуют перевод его идей в разумную коллективную практику.

По мнению Г.Кюнга, для преодоления современных глобальных и региональных проблем, для установления позитивного диалога между нациями и для дальнейшего гармоничного развития человеческого общества необходимо сформулировать глобальные стандарты поведения, единую этику политической ответственности, целью которой является всеобщее благо и справедливость, а не эксклюзивные интересы отдельных государств. «Единый мир, в котором мы все живем, имеет шанс на выживание только при условии преодоления дифференциации, противоречий и даже антагонистической этики. Этот мир нуждается в единой базовой этике»[5, Р.56]. Таким образом, в настоящее время наметилась тенденция, когда на смену этике политической ответственности отдельных правительств перед своими гражданами, приходит этика космополитической ответственности, которая способна преодолеть границы национального интереса на пути достижения всеобщего процветания.

Таким образом, несмотря на то, что Макс Вебер ввел в научный оборот понятие «этики ответственности», в современной социологии и философии данная категория претерпела значительное изменение. Этика ответственности как индивидуальный выбор политика, стала пониматься как этика глобальной ответственности перед мировым сообществом, которая не допускает ценностного релятивизма.

1. Апель К.-О. *Априори коммуникативного сообщества и основания этики // Трансформация философии. М., 2001. С. 325.*
2. Назарчук А.В. *Этика глобализирующегося общества. М., 2002. С. 70.*
3. Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992. С. 14.*
4. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 107.*
5. Kung H. *Global Responsibility: In Search of a New World Ethics. New York, 1991. P. 56.*
6. Nussbaum M. *"Citizens of the World" in Cultivating Humanity: a Classical Defense of Reform of Liberal Education. Cambridge, 1997.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДВИДЕНИЯ И.ИЛЬИНА

Ильина И.В. (Тюмень)

Социальным предвидением принято называть обоснованные предположения о будущем состоянии общественных явлений. Размышления относительно судеб России и Европы можно встретить в трудах многих российских мыслителей: К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина. В период с середины XIX до начала XX в. русскую социально-философскую мысль волновал вопрос: можно ли удержать Россию перед падением в пропасть революции, войны и краха. В произведениях многих мыслящих людей передается эсхатологическое мироощущение, построенное на предвидении неведомого будущего, чреватого социальными катаклизмами.

И.А. Ильин в процессе своей сознательной жизни оказался в эпицентре основных российских и европейских событий первой половины XX века. Он мог давать точный анализ

состоянию общества благодаря методу научного познания, который ученый называл художественно-созерцательным погружением в Предмет, и как сам он писал, что на этом пути необходимо «смирение и способность к самоотвержению в познании... чтобы изолировать в душе нормальное пульсирование личных влечений и личного аффективного интереса от чистого объективного обстояния, имеющего обнаружиться в Предмете» [2].

Прогнозы И.А. Ильина касались внутреннего и внешнеполитического состояния России. О последствиях для России от совершившейся революции он писал: «революция все время изводит национальную Россию – и количественно, и качественно», на «крови и костях» русского народа готовится «порабощение для всех остальных народов». Он точно описал разложение советского строя и дальнейший распад страны. «Если что-нибудь может нанести России после коммунизма новые, тягчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов...» [4]. Это мы видим уже осуществившимся. И, кажется, уже совсем про наше время: «страна вскипит жаждой мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России ничего не забыл. В этом мнении встанут десятки авантюристов, из коих три четверти будут «работать» на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи» [4]. Ильин считал, что России не следует искать чужих форм жизни, русский человек должен перестать поклоняться «чужим идолам», он должен вернуться к корням своей национальной культуры.

В области внешней политики Ильин обращал внимание на то, что посткоммунистический распад исторической России, «явился бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена...». По его прогнозам, в этом случае возникнет «до двадцати отдельных государств, не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армии, ни бесспорного национального населения... И в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями, наймиты соседних держав, иностранные искатели приключений...» [3].

Он писал: «...державы всего мира (европейская, азиатская и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчёты в нововозникшие малые государства» [4]. Ситуации в Прибалтийских государствах, Грузии, на Украине подтверждают это социальное предвидение Ивана Александровича.

В статьях «Что сулит миру расчленение России», «О расчленителях России» мыслитель высказал прогнозы, частью уже ставшие реальностью нашего времени, частью еще выступающие предостережением: «Но единая Россия им не нужна. Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (например, по числу этнических групп или подгрупп!), перестанет висеть вечной угрозой над своими “беззащитными” европейскими и азиатскими соседями. Другие уверены, что Россия сойдет со сцены в качестве опасного - торгового, морского и имперского - конкурента; а затем можно будет создать себе превосходные «рынки» (или рыночки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу. Есть и такие, которые считают, что первую жертвою явится политически и стратегически бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с запада; а за нею быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие вечно враждующие между собою республики» [3].

Однако, он предупреждает, что в результате от этого распада во многом страдает весь мир, ибо разрушается сила, которая бы противостояла Западу. «Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная» [3].

Предупредив о разрушительных тенденциях, И.А. Ильин ищет и находит выход в этой сложной внутренней и внешней ситуации. Чтобы преодолеть смуту, русские национально мыслящие люди должны быть готовы выработать национальную идею применительно к новым условиям. Она должна быть «религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию» [4]. Эту идею Ильин определяет как идею русского Православного Христианства. Воспринятая Россией тысячу лет

тому назад, она обязывает Русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы предметности. Это идея должна быть связана с воспитанием и самовоспитанием в русском народе национального духовного характера. Именно из-за его недостатка в интеллигенции и в массах Россия и рухнула во время революции. «Это воспитание может быть только национальным самовоспитанием, которое может быть проведено самим русским народом, т.е. его верной и сильной национальной интеллигенцией. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой» [5].

В своей статье «Основная задача грядущей России» Ильин писал, что основная задача спасения и строительства России «будет состоять в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости, сверхклассового единения». Этот новый ведущий слой — новая русская национальная интеллигенция должна будет «умственно и духовно воспитывать свой народ в духе его самобытной молитвы и самобытного творчества» [3].

Русский народ, считал Ильин, нуждается в покаянии и очищении, и те, кто уже очистился, «должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого Русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь» [3].

Следующий более длительный и трудный этап и задача: воспитание нового русского человека. Русские люди, писал Ильин, должны обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах.

Часть пророческих предвидений и опасений И.А. Ильина уже претворилась в жизнь. Но есть и не осуществившиеся оптимистические идеи о будущем России. Он был уверен в грядущем возрождении и восстановлении России, потому, что «мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен».

«Россия — не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ... Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!» [1].

1. Асеева И.А.. Проблема будущего и судьбы России в русской философии на рубеже XIX-XX вв // <http://psibook.com/philosophy/problema-buduschego-i-sudby-rossii-v-russkoj-filosofii-na-rubezhe-hih-hh-vv.htm> (Дата обращения 5.10.2016)

2. Шарунов А. М. Пророк грядущей России // <http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/s19.html> (Дата обращения 5.10.2016)

3. Ильин И. А. Наши задачи // <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/> (Дата обращения 5.10.2016)

4. Иван Ильин. Национальная Россия: наши задачи // http://bookz.ru/authors/il_in-ivan/nacional_783/1-nacional_783.html (Дата обращения 5.10.2016)

5. Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // <http://oz-gora.ru/ilin-ivan> (Дата обращения 5.10.2016)

И.С.КОН: ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ

Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону)

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

Оформление социологии в России произошло еще на рубеже XIX □ XX вв., а ее воссоздание после большого перерыва началось с 1960-х гг. По словам Б.М.Фирсова, тогдашний путь в социологию был путем самоучек, не имевших профессиональной социологической подготовки [4, с. 8]. Одним из ярких представителей той плеяды ученых был И.С.Кон. Особенностью исследований ученого было явное тяготение к междисциплинарности в рамках институционально разобщенного поля социогуманитарного знания, по его собственному выражению, «наведением мостов между берегами» [3].

В нашей работе мы попытаемся связать «объективный» процесс эволюции творческой мысли И.С.Кона с субъективным внутренним переживанием этих исканий, профессиональными предпочтениями и ожиданиями. Источниками исследования выступают, в первую очередь,

воспоминания ученого, которые можно анализировать, в том числе, с точки зрения «связи характера научной деятельности и типа личности и как это рефлексировано» [1, с. 50]. Представляется, что изучение междисциплинарности сквозь призму идентичности позволит вскрыть ранее не совсем очевидные пласты отечественного опыта взаимодействия науки, личности и социума.

И. С. Кон проявил себя в истории, философии, социологии, психологии, конституировал в науке смежные с ними новые области знания. Корни столь разнообразного интереса к различным отраслям знания обнаруживаются еще в юности будущего ученого. Выглядит поэтому закономерным результатом защита И.С.Коном после окончания университета сразу двух кандидатских диссертаций, по истории и философии. А ведь он хотел защищать еще и третью □ по юриспруденции [2, с. 41]. Собственно, данный биографический факт оказался связан с дальнейшей самоидентификацией ученого. Очевидно, что для талантливого исследователя это было непросто. На страницах своих воспоминаний он называет себя то историком, то социологом. И хотя Кон признается в отсутствии философского склада мышления, иногда позиционирует себя еще и как философа [2, с. 144, 209, 352, 371].

В своих воспоминаниях исследователь последовательно рассказывает о своем движении от одной дисциплинарной области к другой, открытиях новых тем исследований. На первый взгляд может показаться, что это определенная переквалификация, поиски себя в других науках. Мы знаем, что такой переход обычно сопровождается травматическими стрессовыми переживаниями. И сам автор рефлексировал, говоря о своем предпочтении в подобного рода ситуациях стратегии ухода: «если я не могу изменить неприятную ситуацию, я предпочту приспособлению уход в другую сферу деятельности, среду и т.п.» [2, с. 143]. Оговоримся, что здесь скорее всего подразумеваются «внешние» научному поиску жизненные коллизии, но тем не менее оказывающие влияние на профессиональный выбор. Например, смена мест работы в образовательных и научных учреждениях или изменение политической конъюнктуры. Последний фактор повлиял, в том числе на интерес Кона в 70-е гг. к историко-этнографической проблематике. Это было, по его признанию, «осознанной внутренней эмиграцией, бегством от советской действительности» [2, с. 116].

Что касается первого поворота в научной деятельности И. С. Кона, то это был переход в 1960-е гг. от проблем философии истории к социологии. Хотя следует иметь в виду, что сам автор пишет о преемственности, поскольку социология XIX в. выросла из социальной философии и философии истории. Еще более наглядно такая преемственность выглядит при дальнейшем его движении от социально-этических исследований к сексологии, от социологии детства к его антропологии и т.д. [2, с. 226, 294]. Более того, по мнению самого автора, его обращение к сексологической проблематике, ставшей со временем магистральным путем его научной биографии, являлось не уходом, а прямым продолжением работ по социологии личности, психологии юношества и др. Однако заметим, что те сексологические штудии воспринимались научным сообществом именно как уход из социологической, и даже гуманитарной проблематики [2, с. 307]. И эта оценка была фактом коллективного сознания. Настолько естественными для ученых воспринимались в то время привычные дисциплинарные рамки.

Подобная широта взгляда, выход за узко профессиональные границы советского обществоведения обрекал И. С. Кона на некоторую разобщенность с научным сообществом. Об этом писал и сам автор воспоминаний, говоря, что «междисциплинарность имеет и личностный аспект. Если твоя проблематика представляет широкий общественный интерес, это приносит популярность, но одновременно обрекает на интеллектуальное одиночество» [2, с. 392]. Таким образом, ученый разделял понятия популярности в обществе и одиночества в профессии. Интересно, что данное самоощущение сочеталось с интенсивными научными контактами с российскими и зарубежными коллегами. К примеру, как писал исследователь, выход его статей по национальной проблематике в 70-е гг. поместил автора в круг общения с этносоциологами, этнопсихологами. Интерес к социологии личности интенсифицировал его отношения с психологами. Внимание к сексологическим работам И. С. Кона проявляли урологи, психоаналитики и др. Не говоря уже о постоянных контактах с зарубежными учеными [2, с. 231, 252, 331, 362].

При этом, в воспоминаниях чувствуется явная профессиональная неудовлетворенность. Одну из причин сложившегося ощущения объяснял сам автор. В книге мы неоднократно сталкиваемся с констатацией того факта, что в СССР, позже в России, его новаторские работы были непонятны, попросту не нужны. В одном из писем Кона находим еще более пронзительные

строки: «Поскольку в России никакая научная работа социально не востребована, мне практически безразлично, чем заниматься» [1, с. 46]. И это накладывало отпечаток на его самоидентификацию. Монографии по сексологической тематике оказывались или невостребованы, или даже вызывали острую негативную реакцию среди общественности. Безусловно, здесь играл фактор неподготовленности отечественной науки, да и в целом, читателя в России к открытию своего рода «табуированной» сферы знания. Однако, как представляется, феномен «интеллектуального одиночества» объясняется не только этим. Действительно, стоит говорить о социальных издержках, или эффектах междисциплинарности как таковой. Строго институционализированная отечественная социально-гуманитарная наука отторгала этот своеобразный энциклопедизм. И. С. Кон признавался в трудностях наведения мостов между науками в освоении такой полидисциплинарной области как антропология мужчины. А ведь эти мосты необходимо было навести не только в обмене фактических данных, но и в сфере теоретико-методологического обеспечения, институциональных формах, далее □ в обыденном сознании.

Таким образом, междисциплинарный характер социологических изысканий И.С.Кона позволяет говорить о феномене «интеллектуального одиночества» как данности в условиях продолжающегося воспроизводства традиционных познавательных практик и связей между профессиональными сообществами. Из социальных эффектов его междисциплинарных изысканий выделим фактическое отсутствие потребителя их результатов, а также формирование у автора неопределенной профессиональной идентичности.

1. Игорь Кон. Из переписки // *Телескоп*. 2011. № 3 (87). С. 45-51.
2. Кон И.С 80 лет одиночества. М., 2008. 432 с.
3. Тартаковская И.Н. Игорь Семенович Кон и российские гендерные исследования: «В этом вопросе, как и в других, я занимаюсь наведением мостов между берегами» // *Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 138-143.
4. Фирсов Б.М. Как наводились мосты между советской и зарубежной социологией, или «self-made Sociologists» // *Телескоп*. 2013. № 1 (97). С. 8-24.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ВЫБОРАХ: АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Кажанов О.А. (Смоленск)

Современная электоральная социология обладает широким набором методов и способов сбора фактического материала, позволяющих проводить разнообразные эмпирические исследования феномена электорального поведения в различных странах. Россия – не исключение. Начиная с первых демократических избирательных кампаний рубежа 80 - 90-х годов XX века и по настоящее время идет процесс апробации различных методик эмпирической социологии (опрос, анализ документов, наблюдение и т.д.) применительно к изучению специфики избирательного процесса в национальном контексте.

В современной отечественной социологии малоизучен тот факт, что этот процесс имеет свою предысторию, корни которой уходят в электоральные эмпирические исследования рубежа XIX – начала XX веков. Знакомство с опытом первых «проб и ошибок» позволяет, на наш взгляд, расширить представления о вкладе ученых дореволюционной России в зарождение эмпирической социологии, внести коррективы в устоявшиеся взгляды о том, что феномен электорального поведения россиян появился лишь на заре перестройки [1, с.153], а, соответственно, история отечественной электоральной социологии как науки имеет точкой отсчета конец 80-х годов XX века [2, с.40].

Муниципальные выборы, связанные с введением в стране института местного самоуправления в период правления Александра II, выборы в Государственную Думу Российской империи (1906-1912 гг.), имея недемократический характер, в тоже время создавали ситуацию непредсказуемости результатов голосования, связанную с тем, что авторитарные власти не могли полностью контролировать поведение избирателей. Зарождающийся феномен электорального поведения способствовал проведению первых эмпирических исследований, позволявших разобраться в основных тенденциях и закономерностях этого явления. Не меньший интерес у отечественных исследователей вызывали избирательные кампании в демократических странах Запада, в рамках которых народное волеизъявление носило более развитый характер.

Уже в 1907 году русский партиолог П. Берлин заявил о необходимости создания науки, призванной изучать феномен поведения избирателей, которую он назвал «социология всеобщего голосования». При этом судьба новой отрасли обществоведения, согласно его точке зрения, была неразрывно связана с развитием избирательной статистики, как надежного метода эмпирических исследований, позволявшего «добыть ... материал огромной и еще далеко не оцененной социологической ценности» [3, с.108-109].

На рубеже XIX – XX веков понятие «статистика» в русской научной мысли трактовалось в двух смыслах: как специальная социальная наука, вскрывающая регулярности и закономерности явлений, устанавливающая их причины и как метод числовых наблюдений над массами, который с большой эффективностью применялся в большинстве наук [4, с.1]. К числу этих наук специалисты того времени относили и государственное право, в рамках которой одним из объектов изучения с помощью этого метода (политической статистики) являлись массы избирателей [5, с.6].

Познавательные возможности статистического метода в сфере электоральных исследований оценивались отечественными исследователями неоднозначно. С позиций сторонников социального детерминизма, такого рода исследования позволяли не только фиксировать устойчивые тенденции в поведении избирателей, но и вскрывать их причинно-следственный характер. По мнению Вл. Горна, статистический анализ способен выявить все факторы, влияющие на итоги выборов: от классового состава избирательных коллегий до административного давления на ход голосования [6, с.4]. Его объективность не подвергалась сомнению даже в том случае, если полученные фактические результаты не отражали каузальные связи, концептуально обоснованные исследователем. Так, уже упоминаемый выше марксист П. Берлин, отмечая несоответствие данных избирательной статистики заявленному постулату о «классовом» характере голосования избирателей на выборах в западных странах, объяснял этот факт не «ущербностью» избранного метода исследования, а временной неразвитостью политического сознания представителей важнейших стратических групп капиталистического общества [7, с.104, 109-110]. В тоже время отмечался и тот факт, что объективность статистического анализа могла искажаться под влиянием внешних факторов. В. Ленин относил к ним политические условия, в которых проходили выборы, выделяя хорошую (в условиях всеобщего избирательного права) и плохую (в условиях диктаторского режима) статистику. Примером последней являлась избирательная кампания в IV Государственную Думу Российской Империи (1912 г.). «По вопросу о политической статистике, - писал В. Ленин, - главное, что приходится сказать, это – явная негодность большей части ее вследствие бесстыднейшего применения «мер» администрации: «разъяснения», давление, аресты, высылки и т.д. и т.п. без конца» [8, с.332].

Еще большие сомнения в познавательных возможностях электоральной статистики отражались в альтернативной точке зрения, которую высказывали представители неокантианской социологической традиции, критикуя позитивизм, пытавшийся строить изучение социальных явлений на основе методологии исторического детерминизма и исследования каузальных связей, имеющих объективный характер. Например, П. Новгородцев делал акцент на действии нравственного сознания личности, имеющего априорный характер. По мнению исследователя, в основе мотивации человеческого действия лежат внутренне - психологические переживания, изучение которых полностью недоступно позитивному методу, с его точными количественными методами измерения [9, с.255, 272-273].

Данный методологический подход использовался и при анализе мотивации поведения избирателя. Обращаясь к практике работы с электоральной статистикой, П. Новгородцев, указывал, что она лишь фиксирует результат явки или голосования, но не дает ответа на вопрос о реальных причинах сделанного человеком политического выбора. Например, наличие массового абсентеизма нельзя трактовать однозначно: отсутствие на выборах может определяться как недовольством существующей политической системой управления, так и удовлетворенностью положением дел в стране. Меньшинство голосов, поданное за кандидата, может и не свидетельствовать о его непопулярности, так как широкая масса сочувствующих по тем или иным причинам либо не пришла на выборы, либо проголосовала за другого кандидата. Эмоционально-психологические моменты, способные повлиять на выбор избирателя, трудно уложить в «прокрустово ложе» методов позитивистской эмпирики. «Можно считать односторонностью, - отмечал исследователь, - применять к сложной и тонкой задаче представительства грубую мерку арифметического подсчета» [10, с.150].

Наряду с количественным анализом поведения избирателя, направленным на выявление устойчивых причинно-следственных связей, считал П. Новгородцев, необходимо применять и качественный метод исследования, вскрывающий «базовые», имеющие внеисторический характер, социально-психологические механизмы, управляющие действиями человека. Анализ проводимых в России на рубеже XIX – XX вв. эмпирических электоральных исследований показывает, что исследователи обращались к качественным (наблюдение, традиционный анализ документов и т.д.) подходам в изучении поведения человека на выборах, однако именно статистический метод приобрел наиболее широкое распространение [подробнее см. 11, с. 174-232].

Использовались сравнительный или сравнительно- исторический анализ числовых данных, однако, их познавательные возможности оценивались не слишком высоко. «Когда мы видим перед глазами только общую картину этой (избирательной – О.К.) кампании и суммарные результаты произведенного в стране голосования, - указывал И.Брусиловский, - мы не можем отдать себе ясный и исчерпывающий отчет ни в интенсивности приведенных в движение политических сил, ни в распределении их в конкретных условиях времени и места, ни в направлениях, по которым движутся эти силы» [12, с.150-151]. Значительно более продуктивным считался вариант статистического анализа, который позднее получил название метода агрегированных данных. По мнению П.Берлина дешифровка тайны голосования возможна лишь путем сопоставления данных избирательной статистики с данными профессиональной статистики, с социальной переписью населения [3, с.109]. На рубеже XIX – XX веков в России появились первые оригинальные эмпирические исследования, в которых поведение избирателей изучалось именно этим путем [например, см. 6,13].

Подводя итог, отметим, что поиск отечественными исследователями на рубеже XIX-XX веков эффективных эмпирических методов изучения поведения избирателей шел в общем русле развития мировой электоральной мысли того времени. В 1913 году появляется на свет работа французского демогеографа А.Зигфрида «Политическая картина Западной Франции в период III Республики», в которой применение статистического метода изучения участия жителей одного из регионов страны в политических выборах позволило автору создать одну из первых теорий, объясняющих феномен электорального поведения - теорию «экологического анализа». Более того, прогноз о связи становления электоральных исследований с развитием статистического метода не утратил своей актуальности и в настоящее время. Как отмечает современный российский политолог В.Гельман, наиболее значимые отечественные исследования выборов в конце XX – начале XXI вв. в основном были выполнены на основе анализа агрегированных данных электоральной статистики [14].

1. Федоров В. *Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения*. М.: Праксис, 2010. 384 с.
2. Ковров В.Ф. *Теоретико-методологический анализ электорального поведения: социологический аспект: монография / В.Ф. Ковров*. – М.: Изд-во «Палеотип», 2007. 188 с.
3. Берлин П. *Роль деревни и города в политической жизни // Образование*. 1907. №1. С.108 -124
4. Гольдштейн И. *Статистика и ее значение для современного общества // Мир божий*. 1899. №8. С.1-20.
5. Ходский Л. *Основания теории и техники статистики*. СПб.: Типография «Правда», 1907. 227 с.
6. Горн Вл. *Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3-й Думы (Политико-статистический этюд) // Современный мир*. 1907. № 7 - 8. С. 1 - 34.
7. Берлин П. *Политические партии на Западе: их доктрины, организация и деятельность*. СПб., 1907. 269 с.
8. Ленин В. И. *Итоги выборов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.22*. М.: Политиздат, 1968. С. 319 – 344.
9. *Проблемы идеализма: сборник статей*. М., [1902]. 531 с.
10. Новгородцев П.И. *Кризис современного правосознания*. М., 1909. 393 с.
11. Кажанов О.А. *Россияне на думских выборах: феномен электорального поведения в отечественной социально-политической аналитике начала XX века: монография*. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. 258 с.
12. Брусиловский И.К. *Некоторые итоги австрийской избирательной статистики // Русское богатство*. – 1907. - №7. – С.150-160.
13. Чернышев И.В. *Всеобщее избирательное право: Теория и практика всеобщего избирательного права: Что может дать России всеобщее избирательное право? [СПб.]: Издание А.Е.Лосицкого, 1906. 180 с.*

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЛНА 1917-1923 ГГ. В ТЕОРИИ ИСТОЧНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ МАЙКЛА МАННА

Карасев Д.Ю. (Москва)

Майкл Манн является одним из ведущих современных исторических макросоциологов. В отечественной науке его идеи пока не столь известны, как идеи других выдающихся исторических социологов [1,2,3,4,8]. Социологическая теория социальной власти М. Манна представлена в его фундаментальном четырехтомном историко-социологическом исследовании «Источники социальной власти» и может быть резюмирована несколькими положениями:

Во-первых, она предполагает разрыв с социологической ортодоксией: «Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социально-пространственных сетей власти» [6, С. 1]. Речь об отказе от чрезмерно унитарной и когерентной концепции общества. Во-вторых, «власть» концептуализируется как «генерализованное средство» для достижения любых целей. «Власть целесообразнее всего рассматривать как средства, организацию, инфраструктуру, логистику» [6, С. 518]. Власть не сводится к ее дистрибутивному аспекту, т.е. эксплуататорской власти, куда важнее ее коллективный аспект, т.е. рост возможностей воздействия на природу или третью сторону в результате кооперации людей. В-третьих, четыремя источниками социальной власти выступают идеологические, экономические, военные и политические отношения. Эти отношения не совпадают с границами институтов или сфер общества, напротив, переплетаясь и сливаясь в разных пропорциях, они оформляют социальные ансамбли любой эпохи.

Центральный предмет теории М. Манна – организационные, материально-технические, коммуникационные возможности организации и контроля людей, материалов и территорий, а также развитие этих способностей на протяжении истории. Четыре тома «Источников» представляют собой исследование трансформаций социальной власти от обществ охотников и собирателей до наших дней. Это не сплошная и не эволюционистская всемирная история, а история так называемых «передовых фронтов власти», т.е. тех «обществ», цивилизаций и/или государств, где происходили резкие количественные и качественные скачки человеческих возможностей. На различных исторических примерах М. Манн анализирует и совершенствует основополагающие социологические теории.

Революция определяется М. Манном как «народное повстанческое движение, осуществляющее радикальный и насильственный переворот по крайней мере в трех из четырех источников социальной власти» [7, С. 167]. Революционная волна 1917-1923 гг. в Восточной и Центральной Европе стала последствием поражения в Первой мировой войне. Величайшие социальные революции (Русская и Китайская), по мнению Манна, последовали за мировыми войнами. Недостаток кейсов и ограничения сравнительного метода не дают возможности постулировать строгую каузальную связь между войнами и революциями. М. Манн осуществляет нетипичный компаративный анализ революции 1917 г. в России, сравнивая ее с неудавшимися революциями в Германии, Австрии и Венгрии (также потерпевшими военное поражение в Первой мировой) и отсутствием попыток революции в Италии.

Центральной проблемой низового левого движения в начале XX в. была дилемма реформы или революции. До, вовремя и после Первой мировой даже страны-победительницы сталкивались с ожесточенной борьбой рабочего движения, от которого, однако, удавалось откупиться социальными и политическими правами. В Европе лидеры рабочих были инкорпорированы в состав режима. Последнее лишило рабочее движение организационного единства. Секционный и сегментарный принцип организации рабочих возобладал над общенациональным, общеклассовым принципом.

Ситуация отличалась в странах, потерпевших поражение. Форсированная индустриализация сверху в конце XIX в. в России имела своим непредвиденным последствием быстрый и концентрированный рост рабочего класса. По сравнению с Германией и Австро-Венгрией российский режим был более эксклюзивным. В России не было основных барьеров, препятствующих пролетарским революциям в Германии, Австрии и Венгрии. Не было необходимости налаживать связь между восстаниями рабочих в центрах и крестьян на периферии

– в России они просто совпали в результате упадка «инфраструктурной власти» [5] государства. Рабочих возглавляли большевики, крестьян – эсеры и меньшевики. Прагматично-оппортунистическое коалиционное поведение большевиков на первых этапах революции позволило избежать раскола рабочих по линии «реформы против революции». Николай II и его двор допустили много политических ошибок именно потому, что руководствовались идеологией, нежели чем инструментальными политическим расчетом. Военное поражение и кризис государственных финансов еще сильнее фрагментировали правящие классы, что отчетливо проявилось в действиях Временного правительства. Программа большевиков, резюмированная в лозунге: «Хлеба, земли и мира», напротив, была именно тем, чего хотели массы. Развал армии и дезертирство вооруженных крестьян обеспечили баланс военных сил между революционерами и их соперниками.

Причина поражения немецкой попытки социалистической революции заключалась в том, что революционеры поспешили с решающими действиями: восстание Спартакистов произошло за год до момента максимального разочарования рабочего класса в реформизме СДПГ. В Германии, во-первых, не был преодолен крупный раскол в рядах рабочего движения между реформистами и революционерами. Во-вторых, когда монархия была ликвидирована, господствующие классы остались едиными и прагматичными (их коалиционное поведение напоминало большевиков, тогда как действия НСДПГ, Спартакистов и КПП, скорее, напоминали действия генерала Корнилова). В-третьих, в Веймарской республике не было ни традиции крестьянских восстаний, ни заметных признаков недовольства среди сельского населения (хотя в более промышленно развитой Германии последнее не было столь важным, как в преимущественно аграрной России). В-четвертых, левые были слишком слабо вооружены, революционеры не могли достичь и первого этапа революции: успешного захвата столицы и ее правительственных зданий. Этот фактор был следствием отличающегося от России окончания войны.

В рядах австрийских рабочих не было столь решительного раскола, доминировали реформисты. Как и в Германии, когда монархия пала, господствующие классы и церковь остались едиными, вызвав патовое положение в классовом конфликте. Как и в Германии, крестьяне консервативно поддерживали церковь, не отдавая своей поддержки ни левым, ни правым. В более аграрной Австрии это смещало общий баланс сил вправо. В результате роста австрофашизма и нацизма дезинтеграция армии усилила правых, которые куда решительнее использовали свои вооруженные формирования (Хеймвера), чем левые свои (Шуцбунд).

В Венгрии раскола между реформистами и революционерами не было. Венгерские коммунисты, как и большевики, были леворадикалами, но это оттолкнуло от них большую часть населения за пределами Будапешта, включая крестьян, что и решило их судьбу. Правящие классы оставались сплоченными на основе церковной идеологии. В военном отношении решающее влияние оказала румынская контрреволюционная интервенция, не оставившая революционерам шансов. Разгар гражданской войны в России не позволил большевикам помочь своим союзникам в Венгрии.

Италия – промежуточный пример, номинально она была одной из стран победительниц, хотя ее армии были разбиты австрийцами. Там не было советов солдатских депутатов, только дезертиры и озлобленные ветераны. Имели место массовые забастовки и захваты фабрик, но левые никогда не предпринимали попыток захватить государство. Революционная деятельность не распространилось за пределы ядра рабочего класса. В военном отношении левые были слабее и государственных сил, и фашистских вооруженных формирований, и это стало решающим фактором исхода в Италии.

«В Германии, Австрии и Венгрии после Первой мировой войны революции потерпели поражения потому, что условия, присутствующие в России, там не были столь же ярко выражены» [7, С. 206]. Эти неудавшиеся революции продемонстрировали, что даже, когда силы рабочего класса были увеличены военным поражением государства в войне, это не гарантировало революции. Своим успехом большевики были обязаны внезапным вторжением военных и политических отношений власти, в экономические, классовые отношения, но это во многом ввело в заблуждение левых во всем остальном мире, заставив их преувеличивать свои революционные шансы.

2. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015.
3. Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
4. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 - 1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.
5. Mann M. *The Autonomous Power of the State: its Origins, Mechanisms and Results* // *European Journal of Sociology*. 1984. Vol. 25. № 2. PP. 185-213.
6. Mann M. *The Sources of Social Power. Vol.1. A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1988.
7. Mann M. *The Sources of Social Power. Vol.3. Global Empires and Revolution, 1890–1945*. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2012.
8. Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.

КУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА И КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Кармаев Н.А., Кармаева Н.Н. (Санкт-Петербург)

Развитие общества и человека означает не только улучшение экономического благосостояния, но и культурное, духовное и моральное развитие. Культурный контекст во многом определяет то, как принимаются важные с точки зрения развития общества и отдельного индивида решения. Ценности и принципы, которые влияют на принятие решений, укоренены в социальном контексте, который формировался в исторической перспективе.

Этот доклад рассмотрит некоторые сходства концепции культурно-исторических типов Н. Данилевского и потенциального подхода (А. Сен, М. Нуссбаум). Цель сопоставления - выявить комплиментарность теории классика отечественной социологии в контексте изучения развития человека в современном обществе.

Потенциальный подход основывается на методологическом индивидуализме, рассматривая человека-индивида как конечную цель развития, однако, учитывает его социальные связи и контекст жизнедеятельности. В отличие от потенциального подхода, в концепции культурно-исторических типов предметом анализа является общество, а отдельный индивид не рассматривается в качестве субъекта культурно-исторического процесса. Однако, Н.Я. Данилевский видел связь между менталитетом и религией и признавал, что культура во многом определяет ориентиры индивидуального поведения.

В концепции Н.Я. Данилевского, культурно-исторические типы характеризуют развитие общества, они отличаются друг от друга в организации в сфере науки, искусства, религии, политики. Эти типы не рассматриваются как ступени развития человечества, а как различные планы, в которых достигается свойственное этим образованиям совершенство форм. Определение культурно-исторического основано на нескольких составляющих (законах): общность языка, политическая независимость, уникальные «начала цивилизации», достижение полноты в единстве этнографических начал, наличие периода «цветения» и упадка. Таким образом, выделяются уникальные типы, которые следуют своей логике развития.

Итак, в теории Данилевского, общество рассматриваются в качестве субъекта культурно-исторического процесса в целом, в тех или иных его формах на различных этапах становления. В потенциальном подходе, развитие видится как «продвижение и расширение возможностей, которые ценятся индивидом» (Сен 1990, цит. по Alkire and Black 1997), при этом справедливость в развитии определяется как равенство в аспекте возможностей. Потенциальные возможности – это реальные возможности для достижения тех аспектов жизнедеятельности, которые ценятся, начиная с базовых (питание, укрытие) и заканчивая аспектами жизнедеятельности более высокого уровня (дружба, самоуважение, труд, который имеет ценность).

Развитие в рассматриваемых двух концепциях определяется по-разному. Однако, можно найти и сходства. Во-первых, развитие как динамика системы ценностей и традиций общества. Во-вторых, внимание к контексту – культуре и традициям. В-третьих, определение важнейших общих измерений развития общества и человека. Эти сходства будут более подробно рассмотрены ниже. Основное отличие заключается в том, что потенциальный подход нормативный. Он

определяет возможность изменять традиции общества через саморефлексию и на основе критерия соответствия моральным процедурным принципам (практический разум). По Данилевскому, существуют ограничения по преобразованию определенного культурно-исторического типа, с точки зрения его теории, подобное вмешательство было бы сродни колонизации или «прививке» чужеродного элемента. Однако, такое представление не позволяет преобразовать отжившие элементы структуры общества, которые противны благосостоянию человека. Пример – дискриминация в отношении женщин и девочек в некоторых развивающихся странах.

Развитие у Данилевского реализуется как в рамках одного культурно-исторического типа («расцвет-упадок»), так и под влиянием других культурно-исторических типов. «Пересадка» имеет место обычно при колонизации. «Прививка» означает передачу культуры без учета специфики народов, подвергающихся «цивилизации». «Удобрение» способствует и развитию и того типа, который «удобряет», и того типа, который подвергается «удобрению». По Данилевскому, это самый плодотворный метод воздействия: своего рода творческая переработка достижений, накопленных предыдущими культурно-историческими типами. Однако, все эти изменения не затрагивают основы народного духа, а относятся именно к культурным и технологическим заимствованиям. Данилевский, как и теоретики потенциального подхода, подчеркивает, что происходит творческая и осмысленная переработка уникального культурного бытия при таком типе влияния. Однако, потенциальный подход идет дальше и утверждает, что традиции и социальные связи могут пересматриваться.

Подход А. Сена к определению того, какие аспекты жизнедеятельности особенно важны, целенаправленно не завершен, чтобы подход не был патерналистским в определении, что такое «благо» в конкретном социально-историческом контексте. Однако, М. Нуссбаум предложила список базовых потенциальных возможностей, которые должны быть у людей для обеспечения их развития вне зависимости от культурного контекста и типа общества. Таким образом, ее подход нормативный и претендует на объективность. Некоторые теоретики данного подхода критикуют нормативность уже заданного списка возможностей Нуссбаум и предлагают операционализацию потенциального подхода исключительно на основе теории практического разума (Alkire and Black 1997). Они постулируют существование процедурных моральных принципов, которые могут позволить транслировать нормативное представление о процветании человека в конкретные, локально-ориентированные и контекстуализированные предложения о том, как нужно действовать (Alkire and Black 1997). Эти процедуры позволяют критически оценить существующие традиции и социальные обязательства в конкретном сообществе. Этот подход позволяет преодолеть критику излишней нормативности и оторванности от конкретного контекста списка потенциальных возможностей М. Нуссбаум. Таким образом, возможно разделить процедурную часть (практический разум) и нормативную (этическая составляющая, контекстуализированная в данном сообществе) в принятии решений относительно развития.

Преобразование общества возможно за счет появления новой информации и практик, и на основе процесса саморефлексии. М. Нуссбаум предлагает людям оценить компоненты их жизнедеятельности. Этот метод самооценки предполагает спрашивать, чем должен обладать индивид, чтобы быть полноценной личностью в текущий и в последующие периоды времени (Nussbaum 1995). Метод поддерживается эмпирическими исследованиями различных самоинтерпретаций индивидов в различных контекстах и в разные времена. Саморефлексия реализуется на индивидуальном уровне, однако, каждая культура характеризуется определенным изначально заданным уровнем саморефлексии. Практический разум на уровне индивида «зачем я/другие делаю то, что я делаю» не функционирует вне социального и исторического контекста, он реализуется как саморефлексия о своей жизни и жизни других.

Алкайр и Блэк, основываясь на теории Финниса, выделяет следующие измерения процветания человека: «Жизнь сама по себе – здоровье и безопасность. Знания и восхищение красотой. Некоторая степень совершенства в труде и игре: трансформировать природный мир (...), чтобы выразить смыслы и выполнять предназначения. Дружба (...). Самоинтеграция. Преемственное (когерентное) самоопределение. Трансцендентность или религия (...)» (Alkire and Black 1997, с. 268).

Эта классификация имеет пересечения с классификацией культурно-исторических типов по Данилевскому. Н.Я. Данилевский считал, что у полноценного культурно-исторического типа должно быть четыре основы – религиозная, нравственно-правовая, художественно-эстетическая и технико-экономическая. До сих пор, ни одному типу не удалось совместить в своем становлении и развитии все основы. Однако, возможно это удастся типам, которые возникнут в будущем.

1. Данилевский Н. Я. *Россия и Европа*. — М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002.
Alkire, S., and R. Black. 1997. A Practical Reasoning Theory of Development Ethics: Furthering the Capabilities Approach. *Journal of International Development*: 9 (2): 263-279.
2. Nussbaum, M. 1995. *Human Capabilities, Female Human Being*, In Martha Nussbaum and Jonathan Glover (eds) *Women, Culture and Development*. Oxford: Clarendon Press, 61-104.

АУТЕНТИЧНАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МАКСА ВЕБЕРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТОМАС ШВИНН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ШКОЛЫ ВЕБЕРИАНСТВА

Катаев Д.В. (Липецк)

Статья посвящена анализу социологической рефлексии классической веберовской социологии на современном этапе развития теоретической социологии. На примере творчества известного немецкого социолога-веберианца Томаса Швинна раскрываются возможности переосмысления классической онтологии и гносеологии Макса Вебера для решения актуальных задач социологии.

This article analyzes the sociological reflection of classical weberian sociology at the present stage of development of theoretical sociology. At example of work of the German sociologist Thomas Schwinn reveal opportunities to rethink the classical ontology and epistemology of Max Weber for solving urgent problems of sociology are revealed.

Гейдельбергская школа веберианства является одной из ведущих в современной социологической теории, которая исследует творчество классика под углом зрения его актуализации. Среди очевидных заслуг института социологии им. Макса Вебера Гейдельбергского университета это издательское сопровождение трети из 47 томов полного собрания сочинения Макса Вебера со стороны Вольфганга Шлюхтера, Райнера М. Лепсиуса [5], их фундаментальные, реконструирующие и систематизирующие творчества классика и одновременно «включающие» его в современный социологический дискурс, воспитание целой плеяды веберианцев, к котором относится Томас Швинн и Герт Альберт, продолжающие традиции веберианства уже в парадигмальном аспекте [3; 4]. Также следует отметить, что в разные периоды здесь в качестве приглашенных профессоров читали лекции такие известные теоретики как С.Н. Айзенштадт, Г. Грот, Р. Бендикс, Л.А. Козер и ответственный веберианец Ю.Н. Давыдов.

В отечественной теоретической социологии данная школа получила известность во много благодаря работам Р.М. Шпаковой, Ю.Н. Давыдова, В.В. Козловского и др. Наиболее полно программный тезис данной школы для отечественной социологии веберианства сформулировал блистательный интерпретатор творчества Макса Вебера Ю.Н. Давыдов в заключении своей монографии: воссоздание теоретического образа «аутентичного Вебера» до масштабов задачи «вторичного просвещения» [2, 504].

Томас Швинн является ярким представителем гейдельбергской школы веберианства, который стремится не только к реструктуризации и систематизации «аутентичного» Макса Вебера, развивая традиции своих учителей Вольфганга Шлюхтера и Райнера Марии Лепсиуса, но в большей степени к новому прочтению и «включения» классика в современную теоретическую дискуссию в социологии. Речь идет не о всем творчестве, а о фундаментальных методологических и категориальных основах его социологии.

Основные научные интересы Швинна связаны с такими темами как творчество Макса Вебера, социология множественной реальности и глобализация, теория дифференциации и социальное неравенство, при этом все эти темы имплицитно или эксплицитно связаны с Максом Вебером: «Макс Вебер и системная теория» [7], «Множественная современность. Рассуждения по Максиму Веберу» [8], «Экономическая социология как теория общества? Критические запросы веберовской перспективы» [6].

В вышедшей недавно коллективной монографии «Старые понятия, новые проблемы», Томас Швинн в статье «От сравнительной социологии религии к сравнительной политической социологии» [9, 421-444] Швинн подчеркивает, что веберовскому категориально-понятийному аппарату необходимо доверить функцию «раскрытия проблем», то есть возможность при помощи классических понятий веберианства идентифицировать релевантные проблемы современности. Веберовский тезис о том в социологии религии, что только на Западе сформировалась

современность, в которой мы живём, что она уникальна, его исследования генезиса западно-европейского капитализма не представляются актуальными для современной социологической дискуссии. Напротив, политическая социология является актуальной поскольку речь идет не о генезисе современности, а о ее распространении с начала XX. века. Веберовские исследования США и России, запада и востока, как считает Швинн, амбивалентно. Веберовские оценки путей развития обеих стран колеблются от полной европеизации до «свободного пространства современности», представляют собой сравнительный анализ вариантов современности и являются приемлемым продолжением веберовской социологии религии.

Немецкий веберовец предлагает рассматривать статьи по политической системе Германии, исследования России и США и тексты по социализму как сравнительную политическую социологию в рамках множественной современности.

Резюмирую изыскания немецкого веберовца, выделим следующие пункты сравнительной политической социологии Макса Вебера, направленной на идентификацию и анализ множественного модерна:

1. Современность по Веберу характеризуется отношением напряженности между индивидуальным образом жизни и бюрократизацией. Тема бюрократизации выходит за рамки одномерного, индивидуального культурного пути развития и предлагает структурный плюрализм и многообразие социальных порядков (сфер). Это позволяет сместить акцент от монокаузального анализа в сторону множественных исторических отношений характеризующих действительность.

2. Против редукционизма теории бюрократии Вебер подчеркивает значение культурного измерения сфер и институтов, несмотря на «разволшебствление» в современности они остаются ценностными, т.е. смысл является конститутивным для их возникновения и репродукции. Такие черты как прагматизм в США, мог возникнуть и репродуцируется во многом благодаря пуританским сектам. Традиционные религиозные содержания в современных институциональных контекстах становятся дополнительной созидающей скрепой. Современность обладает собственным культурным измерением и в смешении и конфликте множества смыслов раскрывается культурно-продуктивная тенденция.

Неубедительным представляется попытка представить события в Украине с точки зрения веберовской концепции легитимности, а именно как процесса стремления масс к демократизации и интеграции и соответствующих запрос легитимности. При этом как считает Швинн, Вебер ошибался, предписывая демократические движения освобождения только ранней фазе капитализма, а здесь как считает немецкий профессор, мы имеем дело с четвертой волной демократизации в 21. веке. Вопрос, который может адресоваться Т. Швинну в данной связи только один: на каком основании мы можем характеризовать ситуацию в Украине 2014 г. как демократическое движение освобождения «с несломленной мотивационной силой данных легитимных принципов»? Ведь веберовская социология это, – эмпирическая социология, свободная от ценностных суждений и в данном отношении данный тезис требует эмпирического обоснования.

Ближе к Веберу с точки зрения науки, а не с точки зрения идеологических воззрений, от которых классик отмежёвывался в своих исследованиях (ставшее крылатым веберовское выражение «кто хочет проповеди, пусть идет в церковь») является трактовка легитимности З. Видоевича, которая сейчас в свете событий в Украине выглядит пророческой: «Для современного либерального тоталитаризма характерно идеологическое самоискажение собственной сущности: он направлен на борьбу с тоталитаризмом, а по существу стремится к тотальному покорению, даже к уничтожению других. Сегодня он пытается добиться новой легитимности борьбой против якобы последних «бастионов некоммунизма» и стран «оси 20 зла» . [, с. 44,45].

Таким образом классические категории и понятия, как показывает пример работы Т. Швинна с некоторыми оговорками остаются актуальными не только для описания и исторического экскурса в теоретическую социологию но и для идентификации теоретических проблем. Обращение к сравнительной политической социологии выглядит очень перспективной в теоретическом дискурсе в плане раскрытия множественной современности. К «некоторым оговоркам» следует отнести несколько политизированный взгляд на события в Украине.

1. Видоевич З. *Либеральный тоталитаризм.// Социологические исследования.* - 2007. N 12. С. 39-49.

2. Давыдов Ю.Н. *Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения.* М.: Мартис, 1998.

3. Albert, G., Bienfait, A., Sigmund, S., Wendt, C. (Hrsg.): *Das Weber-Paradigma : Studien zur Weiterentwicklung von Max Webers Forschungsprogramm; zu Ehren von M. Rainer Lepsius und Wolfgang Schluchter*, Mohr Siebeck, Tübingen, 2005.
4. Albert, G., Bienfait, A., Sigmund, S., Stachura, M. (Reihen-Hrsg.): *Studien zum Weber-Paradigma*, Mohr Siebeck, Tübingen, 2003.
5. *Max Weber Gesamtausgabe / (Hrsg.) Baier, Horst, Gangolf Hübinger, M. Rainer Lepsius, Wolfgang J. Mommsen, Wolfgang Schluchter, Johannes Winckelmann. 47 Bände. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) 1984-2016.*
6. Schwinn T. „Wirtschaftssoziologie als Gesellschaftstheorie? Kritische Anfragen aus einer Weberschen Perspektive“, in: Andrea Maurer (Hg.): *Wirtschaftssoziologie nach Max Weber*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften 2010, S. 199-225.
7. Schwinn T. *Max Weber und die Systemtheorie. Studien zu einer handlungstheoretischen Makrosoziologie*. Tübingen: Mohr, 2013.
8. Schwinn T. *Multiple Modernities. Überlegungen im Anschluss an Max Weber // Zeitschrift für Soziologie. 46 (2015), S. 24-44.*
9. Schwinn T. *Von der vergleichenden Religionssoziologie zur vergleichenden politischen Soziologie. Max Weber und die Vielfalt der Moderne// Thomas Schwinn/Gert Albert (Hg.), Alte Begriffe – Neue Probleme. Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Herausforderungen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016.*

СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ Е.В. ДЕ РОБЕРТИ И Р. КОЛЛИНЗА

Катаев С.Л. (Запорожье, Украина)

Аннотация.

В статье рассматривается концепция социологии философии Е.В. де Роберти. Сравняются методологические основания социологии философии де Роберти и американского социолога Рэндала Коллинза. Утверждается, что основные положения концепций этих двух ученых о существовании социальных и социально-психологических детерминант интеллектуальной эволюции во многом совпадают, хотя конкретный методический инструментарий и результат исследования у Р. Коллинза и де Роберти совершенно различный.

Abstract.

The article discusses the concept of philosophy, sociology E.V De Roberty. Compared methodological foundations of sociology and philosophy of de Roberty and American sociologist Randall Collins. It is argued that the basic concept of these two scientists of the existence of social and socio-psychological determinants of intellectual evolution is largely the same, although the specific methodological tools and results of research in P. Collins and De Roberty completely different.

Евгений Валентинович Де Роберти (1843—1915), – один из первых российских социологов и организаторов социологического образования в России. Долгое время имя и творчество Е. де Роберти замалчивалось. Справочники и учебники ограничивались кратким упоминанием ученого в связи с его принадлежности к позитивизму. В последнее десятилетие ситуация изменилась. Вышла статья о Е. де Роберти Ю.Семали и Б.Л. Рубанова [1]. Предпринято переиздание сочинений ученого с обстоятельным предисловием Б.К.Матюшко [2].

Одна из самых фундаментальных его работ - "Прошедшее философии" (1886) [3].

Глава первая второй части этой книги носит название «Социологическое объяснение общего хода развития философии до нашей эпохи», где представлена социологическая концепция истории философии.

Социологический подход к истории философии вновь был представлен современным американским социологом Рэндалом Коллинзом. в монографии «Социология философий» [4]. Считается, что Р. Коллинз первым предпринял попытку социологической интерпретации истории философии. Однако, на самом деле, социологический подход к изучению истории философии первым предпринял Е.В. де Роберти. Оба ученых с энциклопедической полнотой рассмотрели историю философии под углом зрения социологии. Подход к этой проблеме, однако, был разным. Но принципиальное методологическое требование, рассмотреть историю философии не с позиции какой-либо философской школы, не в рамках философии, а в дискурсе социологии был общим у обоих ученых. Оба констатировали, что социологический подход может дать новое знание об истории философии. Оба исходили из методологического требования опираться на факты, создать

классификацию философских учений не на критериях философского характера, а на критериях социологических.

Различия в подходах авторов заключаются в том, что де Роберти рассмотрел проблему влияния социологических факторов на развитие философии с макросоциологических позиций, а Р.Коллинз рассмотрел эту же проблему с позиций микросоциологии. Объединение этих двух подходов дает более полное представление о рассматриваемой проблеме.

Де Роберти считал, что в социологии философии недостаточно установить общий факт наличия философской концепции и определить границы ее исторического действия. Надо еще объяснить этот факт, надо отыскать его причину, надо попытаться связать его внутренне неразрывную связь с другой, соседней группой явлений. Речь идет не только о связи идей, о преемственности и взаимозависимости философских теорий, речь идет о влиянии на философскую теорию более общих причин социального характера. Только таким путем можно достичь важного результата научного исследования: «закона, неизменного, при равенстве прочих условий, отношения между явлениями». Де Роберти стремился отыскать наиболее общие социологические законы развития философии. В этом он, несомненно, следовал позитивистской методологии. В процессе исследования следовало установить связь развития философской мысли с иными явлениями действительности. Ученый ставил перед собой задачу выявить «с каким другим рядом и какой другой группой явлений постоянно связано распадение философских систем прошлого на описанные типы» [3, с.250]. То есть на материализм, идеализм и сенсуализм. К этим «другим явлениям» относятся, прежде всего, социальные факты.

Спустя 100 лет в работах Р. Коллинза можно констатировать появление таких методов социологического исследования истории философии, которые убедительно показывают социальную обусловленность развития философии. Р.Коллинз развивает свою теорию интеллектуальных сетей и культурного капитала на материале истории философии. Тезис, что творчество мыслителя является результатом его прошлых сетевых взаимодействий, выводит социологию на путь продуктивных эмпирических исследований, раскрывающих микросоциальную природу развития философского знания. Микросоциология близка к социальной психологии. Де Роберти много писал не только о социологической обусловленности развития философии, а и о важности психологических факторов, в частности, по его выражению, «коллективной психологии» [3, с.270]. Здесь можно говорить лишь о догадке ученого о влиянии социологических и социально-психологических факторов, воздействующих на появление тех или иных философских теорий, а не о конкретных результатах исследования этого влияния.

То, что Коллинз считает свою работу социологией интеллектуального развития, в какой-то мере совпадает с пониманием прошлого философии де Роберти. Последний фактически ведет речь о развитии метафизики, философии, науки, то есть именно о «глобальной теории интеллектуального изменения», как это указано в подзаголовке книги Коллинза о социологии философий. Коллинз, как и де Роберти, отрицает абсолютизацию гносеологической природы изменения миропонимания. Наука не развивается сама из себя, опираясь только на интеллектуальные результаты самой науки. Существуют социальные и социально-психологические детерминанты интеллектуальной эволюции. Этот фундаментальный тезис разделяет современный американский ученый и российский социолог 19 века.

Согласно Де Роберти «состояние философии и состояние ряда специальных наук – в одинаковой мере явления социологические, факторы и продукты общественного развития» [3, с.266]. Причины, по которым развитие философии зависит от развития специальных наук де Роберти называет тоже социологическими. Отмечая влияние «коллективной психологии» на развитие философии ученый усматривает в этом влиянии «социологическое явление» [3, с.270]. Как видим, де Роберти все аспекты, которые связаны с развитием философии, с влиянием на это развитие различных факторов определяет в рамках социологии. В этом и заключается его концепция социологии философии.

Учение Г.В. де Роберти о социологическом обосновании развития философии было в конце 19 века важным научным достижением, которое обогатило философию и социологию. Макросоциологический подход в исследовании социальной обусловленности истории философии, который использовал де Роберти, был через 100 лет дополнен микросоциологическим подходом Р. Коллинза. Оба подхода являются правомерными и дополняющими друг друга в изучении фундаментальной проблемы интеллектуального развития.

1. Семали Ю., Рубанов Б.Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е.В. де Роберти / Юсуф Семали, Борис Львович Рубанов // Социс. – 2006. - № 8. – С. 139-148
2. Де Роберти Е. Сочинения: в 4 т. / ред. Мозговая Н.Г., Волков А.Г., авт. вступ. ст. Матюшко Б.К. – Киев : НПУ им. М. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014. Т.1.: Социология. – 280 с.
3. Де Роберти Е.В. Прошедшее философии. Опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли. – Москва, 1887 г.- 658 с.
4. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. / Перевод Н.С.Розова. - Сибирский хронограф, Новосибирск. 2002 г., - 1284 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Киселёва Н.И. (Москва)

Глобальные экономические и политические преобразования, начавшиеся в 1991 году, к началу XXI века не привели к формированию нового социального государства. Более того, накопившиеся социальные потрясения формируют серьезные вызовы не только населению, но и политической элите. К укрупненным группам социальных рисков и последствий либерализации экономического режима следует отнести следующие.

1. Сформировано транзитивное общество, характеризующееся высокой неустойчивостью и необратимостью социальных процессов. В нем реальность подменяется «мифами» о прошлом и будущем, и, как следствие, в массах доминирует эгоизм и антиномичность сознания и поведения.

2. Личность и целые социальные группы вынуждены формировать новые и новые качества и ценности, позволяющие адаптироваться в различных сферах жизнедеятельности. [5]

3. Отсутствие социальных лифтов, невозможность самореализоваться в условиях неопределенности и глобализации приводит к снижению адаптивности и массовой инфантильности, особенно молодежи (до 30 лет).

4. Стремление навязать высокую мобильность населения в сфере труда и занятости приводит к размыванию профессиональных качеств, к низкой профессионализации кадров. Так, невозможность реализовать в рамках выбранной профессии, по которой получено образование, приводит к необходимости многократной смены профессиональной области, что снижает уровень профессиональных знаний.

5. Массовое снижение социального статуса гражданина в обществе. Поляризация общества по экономическому, культурному и образовательному уровню, отсутствие перспектив и новых горизонтов вначале приводят к росту внутренних, а затем и внешних конфликтов. [1].

6. Снижение трудовой активности населения при росте объема работ. Несовершенство системы социально-трудовых отношений привело к росту трудового инфантилизма и социально-психологической неудовлетворенности. Трудовая активность не приводящая к росту качества жизни, влечет снижение мотивации и производительности труда.

7. Тотальный кризис недоверия всем социальным институтам сопровождается ростом доверия семье и близким, как более стабильной ценности. Как результат, снижение политической, финансовой и трудовой активности, отстраненность населения от проблем и задач всех социальных институтов, рост нетерпимости и апатии.

8. Нарушение эмоциональной сферы личности. Рост уровня тревоги, наличие тотально стрессового состояния является реакцией субъективного переживания угрозы организму, личности, возникающей при нарушениях интрапсихической регуляции или личностно-средового взаимодействия. [4].

9. Нарушение межличностной сферы. Категоричность восприятия «других»: от яростной нетерпимости к полному безразличию (усталость от новизны, пресыщенность информацией). Рост социальных фобий.

10. Снижение активности демографического поведения (брачного, репродуктивного, самосохранительного и миграционного) как результата трансформации системы ценности и качества жизни. [5].

11. Стремление личности и отдельных социальных групп к персонификации, индивидуализации при кризисе идентичности, месте и роли в обществе, фундаментальных основ личности. В тоже время активная пропаганда, стимулирование потребительской активности, привитие образа жизни буржуа, на фоне невозможности и недостижимости качественной жизни. [6].

Однако решение приведенных вышеперечисленных проблем не приведет к исправлению общей ситуации и будет носить лишь временный и «косметический» характер, так как это частные проблемы общества. Уже сейчас эти проблемы отразились на качестве и достижениях в сфере труда. Либерализация всех уровней образования привела не только к упрощению и минимизации знаний, умений и владений молодого поколения, но и упрощению трудовых достижений.

Технологическая отсталость российской экономики так же определила характер научных исследований в сфере производства высокотехнологичных товаров и услуг. В результате большинство имеющихся разработок не востребованы и не конкурентоспособны.

С каждым годом возрастает конфликт и разрыв между фундаментальными и прикладными исследованиями. Достижения в науке чаще архаичны, так как в условиях либерализации экономики нет воли на новые идеи, достижения, открытия, требующие «длинных» денег. Гуманитарные науки стали заложником отсутствия перспективного развития экономики и общества.

Возрастание общественно значимой роли трудовых ресурсов в условиях глобального цивилизационного кризиса актуализирует процессы исследования закономерностей формирования и эффективной реализации трудовых ресурсов в России. Являясь основой развития общества, российское трудоспособное население на протяжении многих десятилетий демонстрирует характеристиками, отражающие текущее экономическое положение в стране и перспективность.

Смена политических парадигм и экономического устройства государства существенно отразилось как на количественном, так и на качественном составе трудовых ресурсов. Продолжающийся низкий уровень рождаемости и высокая смертность позволяют утверждать, что воспроизводство численности трудовых ресурсов, по самым оптимистическим прогнозам, нам не обеспечить на протяжении как минимум двух поколений [7. С.22].

Существующее распределение занятости трудовых ресурсов позволяет сформулировать несколько выводов.

- Труд перестал быть ценностью, ценностью в трудовой деятельности, особенно для молодежи, является включенность в распределительные отношения [2. С. 167]. Этим объясняется неравномерность социально-демографических особенностей на рынке занятости и профессий.

- Наличие межпоколенческих связей в различных сферах экономики обеспечивает оперативность принятия решений, уверенность в трудоустройстве, заинтересованность в работе и необходимость поддержания дружественных отношений в коллективе, что создает благоприятную атмосферу для высокой производительности труда.

- Не смотря на готовность россиян к новым экономическим идеям (реиндустриализация, и др.), анализ текущих вакансий рынка труда не демонстрирует, что наблюдаются изменения в этом вопросе. Ещё реже реализуются межпоколенческие связи в организациях.

- С учётом снижения качества жизни населения, сокращения доступа к социальным благам, приводящим к росту хронических заболеваний среди молодых трудовых ресурсов и обесцениванию образования, качественные характеристики трудовых ресурсов России будут иметь тенденцию к снижению.

- В этих условиях стоит задача преодоления не только нарастающего дефицита трудоспособного населения, но и диспропорций в развитии отдельных её регионов, включая вакансии, уровень безработицы, возможность трудоустройства по полученной специальности, выравнивание производительности труда, уровня развития социально - трудовых отношений и доходности.

Опыт развития общества показывает, что преобразование обществ – это сложный и противоречивый процесс. Главная особенность заключается в сознательном участии миллионов в социальном творчестве, проявляющемся в разнообразных сферах, и в первую очередь в производственной деятельности. Текущее состояние экономики и общества является результатом доминирования либеральной парадигмы, где нет места реальной экономики (хозяйства).

1. Беляева Л.А. *Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 1) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. №2.*

2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. *Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.*

3. Малкова, Е. Е. *Тревожность и развитие личности / Е.Е. Малкова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. – 268 с.*

4. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В.Синявской; Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2009. - 336 с.
5. Руткевич, М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социс. – 2004. – № 12. – С. 41-45.
6. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных исследований). 2014: Стат.сб./Росстат. – М., 2014. – 143 с.

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА «МАНИПУЛИРОВАНИЕ» В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Ковалева Я.Г. (Санкт-Петербург)

Изучение феномена «манипулирования» восходит еще к античности, и до сих пор является актуальной и значимой проблемой, требующей дальнейшей разработки и углубления.

Еще Древние греки изучали способы влияния на сознание людей. Была создана риторика – особое искусство владения речью, которое способно манипулировать аудиторией. Древнегреческий философ Зенон выделял риторику «открытой ладони» (убеждение оппонента путем аргументированного взаимоприемлемого обсуждения вопроса) и риторику «сжатого кулака» (отрицание возможности компромиссов, применение жестких приемов в полемике).

Проблема манипуляции была введена в оборот западными политологами в 40-50 годах XX века. В отечественной литературе термин «манипуляция» стал рассматриваться несколько позже, в связи с возникновением идеологической борьбы между социализмом и капитализмом (50-60-е годы XX века).

Ф.Энгельс отмечал, что «взаимодействие – это то первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю...» [1] Таким образом, человек взаимодействуя с различными факторами, подвергается физическому, химическому, биологическому, психологическому или социальному воздействию. Существуют несколько стратегий воздействия: императивная, развивающаяся, манипулятивная.

Если обращаться к этимологии термина «манипулирование», то латинский прародитель понятия «*manipulus*» имеет два значения: 1) горсть, пучок; 2) манипул или отряд, маленькая группа.

В первом значении термин «манипулирование» применяется в медицине, согласно которому оно означает определенные лечебные процедуры или техники при осмотре пациента.

Во втором своем значении термин «манипулирование» появилось в Древнем Риме, «манипул» - отряд воинов по количеству порядка 120 человек. «Манипулярный строй требует в высшей степени твердого и верного командования и неукоснительной дисциплины. Что бы ни происходило по дороге, войско всегда встречает противника сомкнутым, непрерывным строем, не теряющим своего порядка...» [2]

В таком описании прослеживаются некоторые сходства с манипулированием (подчинение, управление, лишение возможности выбора), наблюдать такое явление можно в рекламе и средствах массовой информации.

В Большом оксфордском толковом словаре «манипуляция» определяется как акт влияния на людей, управления ими.

В Большой советской энциклопедии понятие «манипуляции» определяется так: 1. движения руки или обеих рук, связанные с выполнением каких-либо определенных процессов; 2. ловкая проделка, ухищрение, подтасовка фактов для достижения неблагоприятной цели; то же, что и махинация.

Французский исследователь Серж Московичи отмечал, что «растворившись в массе, индивиды утрачивают свои личные интересы, чтобы подчиниться общим желаниям, точнее тем, которые как общие преподносят им вожди». Таким образом, характерной чертой «массового человека» является отсутствие критичности и способности принимать правильное решение. [3]

С.Г.Кара-Мурза писал в своих трудах о работе Макиавелли «Государь» следующее: «в области политической философии Макиавелли предвосхитил деятельность якобинцев во время Великой французской революции, которые, как известно, осуществили грандиозную по своим масштабам манипуляцию массовым сознанием». [4]

Известный психолог Э.Шостром определял манипулирование, как систему игр, как «сценарий жизни, который регламентирует всю систему взаимодействия с миром», или

«псевдофилософию, направленную на то, чтобы эксплуатировать и контролировать как себя, так и других». [5]

С.Л.Братченко давал определение термину «манипулирование» в ином свете: «манипулирование – это один из способов целенаправленного воздействия одного человека (манипулятора) или группы людей на другого (других), при котором влияние осуществляется, прежде всего, в интересах манипулятора и предпочтительно незаметно для объекта манипулирования». [6]

Д.Нове (западный социолог) выделял 4 методологии социального знания: функционалистская, гуманистическая, рефлексивная и революционная. Данные методологии отличаются пониманием источников развития манипулятивного поведения: гуманистическая и функционалистская методологии определяют возможность жить без манипуляции, рефлексивная – исходит из невозможности преодоления манипулирования раз и навсегда, радикальная (революционная) методология предполагает следующее: манипуляция – повседневное проявление неравенства людей, значит, существует только один способ бороться с ней – бороться с неравенством. [7]

Эрик Берн, известный американский психолог и психиатр, вместо понятия «манипулирование» использовал термин «игра», понимая под ним «серия следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох». По Берну, «игры являются неотъемлемой и динамичной частью неосознаваемого плана жизни или сценария каждого человека». [8]

Е.Н.Волков писал, что «манипулирование – это психологическое насилие, то есть такое воздействие на сознание и органы чувств человека со стороны другого человека или группы людей, которое побуждает его действовать в соответствии со скрытыми целями и интересами манипуляторов, тщательно скрываемыми от жертвы, особенно на первых этапах вовлечения ее в ловушку». [9]

К.Х.Каландаров отмечал, что манипуляция связана с целенаправленным воздействием на кого-либо для достижения заранее спланированных результатов: «роль и значение манипуляции стали осознаваться в результате широкого использования политических технологий». Манипулирование связано с целенаправленным искажением информации. Согласно ему, манипулирование общественным сознанием достигает особого значения во время идейно-политических кризисов, дезинтеграции общества, дезориентации субъектов. [10]

Таким образом, манипулирование – это совершение каких-либо действий, поступков с целью достижения своих замыслов, интересов, потребностей за счет другого в скрытой, завуалированной форме.

1. Энгельс Ф. *Диалектика природы* //Маркс К. , Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
2. Дельбрюк Г. *История военного искусства*. – СПб, 1994.
3. Московичи С. *Велк толп. Исторический трактат по психологии масс* – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1996.
4. Кара-Мурза С.Г. *Манипуляция сознанием*. – М.: Алгоритм – ЭКСМО, 2006.
5. Шостром Э. *Анти-Карнеги или Человек-манипулятор*. – М.: Полифакт, 1992.
6. Братченко С.Л. *Диагностика личностно-развивающего потенциала* – Псков, 1997.
7. Howe, D. *An Introduction to Social Work Theory* / D. Howe. – Aldershot Hants, England: Wildwood house Ltd. Publishing, 1987.
8. Берн Э. *Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы* – М.: Университетская книга, 1998.
9. Е.Н.Волков. *Феномен деструктивных культов и контроля сознания*. [Электронный ресурс] – точка доступа: <http://www.fund-intent.ru/Document/Show/4471>
10. Каландаров К.Х. «Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов». – М.: Гуманитарный центр «Монолит», 1998.

К ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЭТАПА

Козлова Л.А. (Москва)

В историческом исследовании российской социологии послереволюционный этап, датируемый 1917 г. – концом 1930-х гг., является малоизученным. Речь идет не столько о фактологии (события, труды, идеи, институции, персональные вклады и т.п.), сколько о значении,

роли, месте этого периода в историографии истории российской социологии, его связи с предшествовавшим дореволюционным и последующим «хрущевским» этапами. Кроме того, еще не достаточно исследованы годы между послереволюционным и «хрущевским» этапами, которые обычно считаются периодом запрета российской социологии, что не соответствует действительности (см.: [2; 11]).

Между тем недостаточность и неопределенность трактовок послереволюционного этапа в истории российской социологии, недостаточно разработанные стереотипные точки зрения, ставшие общепринятыми, делают неполной ее общую картину и даже порождают определенные искажения. В частности, считается, что рассматриваемый этап был временным анклавом идей и исследователей, впоследствии навсегда утративших свое влияние на развитие социологии.

Реконструкция исследуемого периода и его значения требует принятия определенных методологических позиций, определенного взгляда на историю российской социологии в целом, которые могут способствовать восполнению пробелов. К таким методологическим позициям, на наш взгляд, можно отнести следующие.

1. Социологическая мысль в России/СССР/России непрерывна несмотря на дискретность ее институционального существования, определяющуюся внешними общественными обстоятельствами (революция, советизация науки, перестройка экономики, война и т.п.). Определение непрерывности мы относим к истории идей, культурных традиций [см., например: 3; 8], а не институциональному измерению социологии, которое к концу 1930-х, действительно, прекратило свое существование. Как известно, периодом «перерыва» в социологии, периодом ее институционального «молчания», стали середина 1930-х – конец 1950-х гг.

2. Российская социология не была запрещена в конце 1930-х гг., а сошла со сцены общественных наук, поскольку не удалось осуществить проект ее советизации. В рамках глобального советского проекта, государственного научного строительства отсутствие условий и свобод (идеологических, политических, социальных), а не подавление, делало невозможным на данном этапе сохранение и развитие социологии (подробнее об этом, см.: [11]).

Среди основных причин выделим следующие. В теории и методологии: к концу 1930-х гг. утрачиваются философско-теоретические достижения дореволюционной социологии и закрепляются марксистско-ленинская теория и методология как единственно верные (они остаются таковыми вплоть до распада СССР); социология отождествляется с историческим материализмом и частично растворяется в других общественных науках (из числа современных источников см., например: [6]). В эмпирических исследованиях: активно развивавшиеся до революции они постепенно идеологизируются и превращаются в инструмент управления обществом, «социальную инженерию», в итоге сводятся на нет, поскольку начинают представлять опасность для правящего режима, а также потому, что власть разочаровывается в «инженерных» возможностях прикладной социологии (см., например: [15; 4, с. 15 150, 203 320; 7, с. 141 161]; соответствующие разделы книги [13]). В образовании: фактически поголовная замена старой профессуры вузов новыми, чаще всего необученными кадрами; ликвидация учебных курсов по социологии, закрытие кафедр (см., например: [9; 5; 1; 10; 12, с. 359 434]). Таким образом социология к концу рассматриваемого периода утратила свои духовные основы — наработанное до революции знание и то, которое стало набираться в ходе многочисленных дискуссий. Знание, конечно, сохранилось в контексте культуры, но перестало реально функционировать в обществе. Социология лишилась и своей «материальной» составляющей — дореволюционной профессуры, институций, которые были открыты до революции, открывались и вскоре закрывались после нее. В итоге социология вышла из намечавшегося корпуса советского обществоведения, и наступил период ее «молчания».

3. Послереволюционный этап (через период «молчания» социологии) связан с этапом 1960-х гг. в сфере теории и методологии. Имеются в виду идеологические установки марксизма, методологические — позитивизма, структурного функционализма. Эмпирические методы в то время по преимуществу были данью общения с западной наукой. После «хрущевской оттепели» в России удалось завершить проект советизации социологии, оставшийся не завершенным в послереволюционное время.

4. Влияние послереволюционного периода социологии затухает в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Иными словами, в это время социология в России перестает быть советской. Причины: в связи с изменением статуса марксистской социологии, прекращением ее тотального влияния; началом полипарадигмальности; сменой поколений в науке; расширением контактов с западной социологией [14].

5. Таким образом, можно предположить, что в послереволюционный период были заложены основы советской социологии с точки зрения ее методологических установок (марксизм-ленинизм), тематики и методов эмпирических исследований, государственной политики в области науки. Рубеж 1990 2000-х гг. стал переломным, завершив советскую эпоху социологии в России и положив начало ее постсоветскому этапу. Именно в эти годы фактически прерывается связь советской/российской социологии с раннесоветской, то есть послереволюционной.

1. Александров Д.А. Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. Э.И. Колчинского, М. Хайнеманна. СПб.: Наука, 2002. С. 152–165.
2. Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник академии наук. 1991. Том 60. № 10. С. 90–107.
3. Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С. 23–44.
4. Беляева Л.А. Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: Учебное пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. — 406 с.
5. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.
6. Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // НЛЮ. 2007. № 88 [электронный ресурс]. Дата обращения: 10.05.2016. URL: .
7. Зборовский Г.Е. Отечественная социология в условиях послереволюционного развития первый период // Зборовский Г.Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу: Монография. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 141–161.
8. Здравомыслов А.Г. К вопросу о периодизации социологии в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 3. С. 38–51.
9. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: АН СССР, Институт истории СССР, 1991.
10. Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.
11. Козлова Л.А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 116–125 (в печати).
12. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х–1930-е годы) / Ред. А.Н. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
13. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Ин-т социологии РАН.
14. Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации / Отв. ред. Л.А. Козлова; ред.-сост. Н.Я. Мазлумянова, И.А. Шмерлина; Учреждение Рос. акад. наук Институт социологии РАН. М.: Научный мир, 2010.
15. Шереги Ф.Э. Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов (проблемы репрезентативности исследований) // Социологические исследования. 1978. Т. 1. С. 192–201.

П.И.НОВГОРОДЦЕВ О ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Козырева Л.Д. (Санкт-Петербург)

Вклад П.И.Новгородцева в развитие русского либерализма трудно переоценить. Многие ученые по праву считают, что его идеи определяли духовную атмосферу российского общества конца XIX – начала XX вв. В частности, отмечается, что вокруг трудов, лекций и докладов ученого складывалась особая полемическая среда, некая «смысловая интенсивность», «идейное бродило», и в результате формировались духовные основы современного мировосприятия и миропонимания [3, с.87].

Пример Новгородцева, депутата I Государственной Думы, члена ЦК кадетской партии, занимавшего активную не только научную, но и политическую позицию, очень показателен. Тогда (как, впрочем, и сейчас) вопрос о том, на чьей стороне окажется активная часть общества – интеллигенция – имел очень актуальное значение.

Вопрос о роли интеллигенции в кризисные времена поднимался Новгородцевым неоднократно. В той или иной мере этому вопросу посвящены его работы начала века: «Кризис

современного правосознания» (1909), «Политические идеалы древнего и нового мира» (1913-14), «Об общественном идеале» (1917) и написанной уже за рубежом работе «Демократия на распутье» (1923). Но есть статья напрямую связанная с анализом гражданской позиции интеллигенции – «О путях и задачах русской интеллигенции» (1918).

Указанная статья продолжает начатое «Вехами» в 1909 г. обсуждение «духовного облика» и «быта» интеллигенции, в котором принимали участие М.О.Гершензон, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, А.С.Изгоев, Б.А.Кистяковский, П.Б.Струве, С.Л.Франк. Необходимо отметить, что критика интеллигенции велась с различных идеологических позиций, Так. П.Б.Струве, С.Л.Франк, А.С.Изгоев, Б.А.Кистяковский «атаковали» интеллигенцию с позиций классического либерализма; М.О.Гершензон, С.Н. Булгаков – с позиций нового религиозного славянофильства.

Что имели в виду под словом «интеллигенция» дискутирующие авторы? Сам термин принадлежит П.Д.Боборыкину, о чем он не преминул напомнить в своем отклике на сборник «Вехи» [1, с.514]. Начиная с середины XIX в. после публикации И.С.Аксакова под интеллигенцией стали понимать наиболее чувствующую, впечатлительную, но отчужденную от народной стихии часть общества. В конце века в научной и литературной публицистике все больше подчеркивались мессианские черты интеллигенции, ее ведущая роль в борьбе со всем отсталым, мешающим прогрессу, гражданская ответственность и т.д. Такой критерий интеллигенции как наличие образования теряет свой смысл еще в 60-е годы XIX в. Как подчеркивает П.Б.Струве, в это время интеллигенция явственно отделяется от образованного класса как нечто духовно особое, «особая культурная категория». Он утверждает, что русская интеллигенция есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями российского культурного, экономического и политического развития [1, с.156, 165].

Как считали авторы «Вех», в XIX в. русская интеллигенция шла «неправильным и гибельным путем» под руководством М.А.Бакунина, Н.Г.Чернышевского, П.Л.Лаврова, Н.К.Михайловского. Именно этот путь привел к отщепенству, безрелигиозному отчуждению интеллигенции от государства, который П.Б.Струве обозначил, как «основной грех русской интеллигенции». По мнению Струве, именно безрелигиозное отщепенство от государства обусловило моральное легкомыслие и политическую недалекость интеллигенции. Итогом этого пути стал крах идей и идеалов как отражение кризиса интеллигентского сознания.

Возможно ли изменение позиции интеллигенции по отношению к государству? Струве видит два пути, которые могут привести к такому результату: «социальное приспособление» к новому (буржуазному) укладу и «настоящий духовный переворот», связанный с отказом от социализма. Однако, русская интеллигенция не вняла обращенному к ней в «Вехах» предостережению, не осознавая великой опасности.

Но возможен и другой путь – «путь жизни», к которому интеллигенцию давно призывали П.Я.Чаадаев, Ф.М.Достоевский, В.С.Соловьев. Что же представляет собой этот другой «путь жизни»?

На данный вопрос и пытается ответить П.И.Новгородцев. Прежде всего, он подчеркивает, что крушение идеалов русской интеллигенции есть «частный случай общего кризиса интеллигентского сознания». Ссылаясь на пример европейской интеллигенции, также пораженной кризисом, сопровождавшемся «крахом надежд» на всеобщее торжество рационального начала, российский ученый видит источники утопического сознания в социалистических и анархических учениях европейской мысли XVIII-XIX вв. Этот «яд» глубоко проник во все мирозерцание русского просвещенного общества [1, с.431]. И если западно-европейская либеральная мысль, сохранив нравственную основу социализма – уважение к человеческой личности, преодолела его революционный утопизм, незрелая несоциалистическая мысль в России по причине своей слабости этого сделать не смогла.

По Новгородцеву, распространение идей социализма (яд) и народничества (отрава), некритичное их восприятие русской интеллигенцией привели к ее отщепенству от государства, имевшем роковые последствия. (Напомним, это писалось в 1918 г.). Выход из глубокого духовного кризиса видится ученому в устранении замкнутости и обособленности интеллигенции, ее сближении с народом, причем не «механическим», а органическим. И самое главное – интеллигенции необходимо заняться «непосредственным практическим делом».

Новгородцев призывает к гражданскому единству, для того, чтобы в непосредственном взаимодействии власти и народа осознать и утвердить необходимые основы государственного бытия [1, с.438]. Гражданское единство возможно, если только отказаться от частных, групповых и партийных лозунгов. Это не путь абсолютного примирения противоположностей, а «сочетания

многообразных различий и возрастающих связей». Основываясь на идеях объективного идеализма, Новгородцев полагает, что объединяющим началом будет любовь к своему общенародному достоянию, к своей культуре, к своему государству.

Новгородцев солидаризируется со П.Б.Струве, подчеркивающим необходимость пересмотра интеллигенцией своего мирозерцания и прежде всего, его главного устоя – отрицания личной ответственности. Дилемма – личное самосовершенствование или активная гражданская позиция – решается однозначно. Только на пути активизации, возрастания личной ответственности за все, что происходит в государстве, видит русский ученый выход из духовного кризиса.

Новый, социальный либерализм, сторонником которого называл себя П.И.Новгородцев, в противоположность старому, негативно относящемуся к государству, требует государственного содействия не только в плане социальных преобразований, но и в деле воспитания. Ученый предлагает системе единого светского образования, призванного привить обществу единые стандарты демократической культуры, утвердить среди людей чувство общей связи и взаимной зависимости, так как любое общество нуждается в единстве [2, с.31].

Справедливости ради, следует сказать, что взгляды П.И. Новгородцева со временем претерпели значительную эволюцию. Вскоре после революции он переходит на праволиберальные позиции. Так, возглавляемая им кадетская партия «Национальный центр» (1918) одним из лозунгов предлагала: «духовно вглубь и вперед, политически направо, социально налево». В последствие – в эмиграции - он отказывается от либерализма вообще. Есть свидетельства о том, что он утверждал об «обреченности идей либерализма».

Таким образом, анализируя идеи П.И. Новгородцева, его представление о гражданском идеале и позиции интеллигенции, необходимо подчеркнуть, что он мыслил Россию как страну реального самоуправления народа. Это самоуправление, по Новгородцеву, будет основываться на устойчивом правовом порядке, предполагающем радикальное изменение в ходе воспитания нравственности каждой отдельной личности. Такая личность будет осознавать свою ответственность и долг пред обществом, постоянно совершенствуясь стремиться к идеалу.

1. Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. 606 с.

2. Зайцева Т.И. Концептуализация социального идеала русским либерализмом: П.И.Новгородцев // Идеи и идеалы. 2012. Т.2. № 3. С.25-34.

3. Куликов В.И. «Дух времени»: Иван Ильин и Павел Новгородцев // Власть. 2015. № 9. С.86-89.

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Колесникова Е.Ю. (Ростов-на-Дону)

Стремительное развитие новых форм социальной реальности, безгранично расширившие социальный опыт человека благодаря тотальной доступности глобального информационного пространства, и симбиоз реальных и виртуальных форм социальной активности существенно изменили не только структуру социальных практик и основания социального поведения, но и традиционные формы субъективных реакций, когнитивные и аксиологические константы социального поведения, рефлексивные и неосознанные механизмы и мотивации социального поведения. В связи с этим актуализировались проблемы, связанные с выявлением и концептуальным осмыслением факторов, оказывающих влияние на социальное поведение, и формирование его моделей.

В социологической науке социальное поведение понимается как присущая человеку форма взаимодействия с окружающей социальной средой, опосредованное как ее внешней структурой и организацией, так и феноменологией самого сознания человека. Социальное поведение есть форма активности субъекта, детерминированная формальными и неформальными социальными институтами, культурой, императивы которых корректируются в соответствии с когнитивной и аксиологической субъектностью личности человека.

В научной литературе представлен значительный опыт как узкодисциплинарных, так и междисциплинарных исследований проблем социального поведения человека: проблемы соотношения биологического и социального в человеке, сознательного и бессознательного, роли внутренних и внешних, эндогенных и экзогенных факторов и детерминант в социогенезе и социализации личности, соотношения личностных и общественных факторов поведения человека

в системе микро-, мезо- и макросоциума, особенностей мотивации поведения, стимулов и ограничений социальной активности, регуляции и саморегуляции, выявлении степени и характера доминирования объектно-субъектных отношений и поликультурного многообразия в различных социальных группах и общностях, особенностей социального поведения человека в виртуальном мире социальных сетей и пространстве искусственных интеллектуальных установок. Все это определяет разнообразие имеющихся сегодня в научном дискурсе теоретических концепций и моделей исследования социального поведения.

Резюмируя различные теоретические подходы и модели исследования социального поведения в рамках дисциплинарно - предметной парадигмы, можно следующим образом структурировать многообразие объективно-субъективных детерминант социального поведения (признание которых в качестве ключевых и отличают друг от друга изложенные выше исследовательские подходы и модели):

1) Внутренние, субъективные, индивидуально-психологические детерминанты: потребности, мотивы, цели, интересы, социальные установки и др.; 2) Внешне акцентированные социально-групповые детерминанты - характер личностного взаимодействия в группе, групповые нормы, ценностные ориентации, ролевые предписания; межгрупповые взаимодействия; влияние референтных групп; 3) Социокультурные детерминанты индивидуального поведения, включающие специфику локальной социально-экономической среды, «наполненность» непосредственного социального пространства артефактами культуры и смысловыми символами, знаковыми конкретно-психологическими формами, элементами культуры (ценностями и нормами) как регуляторами социального поведения личности; 4) Макросоциальные детерминанты, определяющие поведение субъекта как «человека пространственного» (регион, ландшафт, историко-региональные артефакты культуры), проявляющиеся в различных сферах жизни общества - экономической, социальной, политической, правовой, духовной.

Современные социологические концепции социального поведения представляют его в виде структурной модели короткого поведенческого сценария [3, с.110] или когнитивно интерпретированного образца социальной активности. При этом методологическом подходе модели социального поведения оказываются упрощенными представлениями – образами реальности, которые не обязательно должны отражать социальную реальность или социальную ситуацию во всей полноте.

Это методологическое ограничение создает возможность для более глубокого «погружения» в тот или иной когнитивный образ социальной реальности или представления ее в виде наиболее вероятно возможной синергии доступных для восприятия личности фактов и обстоятельств конкретной ситуации, что создает интеллектуальный ресурс для использования в исследовательской практике междисциплинарных подходов [1, с. 3-11], максимально улавливающих полиструктурный многоуровневый характер факторов-детерминант социального поведения, включая внешние и внутренние, сознательные и бессознательные, нормативные и модальные [2].

Таким образом, эволюция исследовательских моделей социального поведения связана с разработкой и развитием методологии междисциплинарных исследовательских практик, в рамках которых осуществляется обобщение накопленного монодисциплинарного знания, и формируется новый, более сложный класс исследовательских задач по созданию целостной социологической теории, обеспечивающей интегрированные результаты воздействия совокупности факторов - детерминант на социальное поведение современного человека.

1. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10.
2. Лубский А.В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // Философия права, 2016. № 2.
3. Павленко О.Б. Взаимосвязь ценностей культуры и моделей социального поведения // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2010. № 10 (41).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Колокольцев М.Г. (Барнаул)

Государство остается одним из главных политических субъектов в социальных отношениях последние столетия. Традиционное и индустриальное общества создали

разнообразные государственные концепции, которые в современном обществе переживают кризис. Информационное общество ставит задачу создания современных концепций взаимоотношений государства, общества и человека. Социолог XIX века А.И. Стронин утверждал, что переход от прогресса к застою вызывается отсутствием новых идеалов [1]. Вместе с тем догматизация какой-либо идеи приводило в России к диктатуре, деспотизму, бюрократизации.

Государство как политический институт возникло на определенном этапе развития общества. Русское государство было образовано в результате призвания варягов, которые должны были оказать новгородцам услуги административного управления и налогообложения. Русское государство создавалось в виде федерации племен, в которых существовало вечевое правление. Русская культура объединила союз суперплемен. Дальнейшая централизация власти в Киеве привела к междоусобным войнам между князьями. Хотя в последующий период политической раздробленности русские князья начали конкурировать между собой по уровню развития их городов, а не за обладание киевским престолом. Социологи на страницах народнического журнала “Неделя” в 1870-е гг. сформулировали идею, что принцип конкуренции, если и будет существовать в социальных отношениях, то он должен соответствовать социокультурной специфике общества.

Древнерусские князья в период нашествия иноземных захватчиков в XIII в. определили евразийскую принадлежность, не заключив союз ни со шведскими войсками, ни с татаро-монгольскими. С тех пор азиатские, а затем немецкие принципы государственного управления стали прививаться в России. Азиатские деспотические методы, считают историки, впервые стали применяться Александром Невским, который поднял кнут против своего подданного. Московское централизованное государство учредило авторитарную государственную власть, которая начала процесс подчинения всех слоев населения. Постепенно государство в России отчуждалось от общества. Этот процесс завершился созданием Петром Алексеевичем Романовым империи. Государственная власть оказалась в руках определенной группы людей, которые проводили в политике немецкие, западноевропейские принципы управления. Государственное управление в России синтезировало русские, немецкие и азиатские принципы управления.

Несформировавшееся национальное государство в России перестало существовать. Встала проблема национального единения, согласия и солидарности в российском обществе. “Бытие русского государства не совместимо и с русской национальностью”, – звучало со страниц “Колокола” в 1860-х гг. [2] Национальное единство, которое привело к власти дом Романовых, было потеряно. Фундамент государственности был разрушен, что стало причиной развития общественного движения в XIX в. Русское общество раскололось на два слоя. Верхний слой, оторвавшись от нижнего, почвы, народа, зажил искусственной жизнью, заимствуя извне и формы, и содержание [3]. Славяновед, член-корреспондент Петербургской Академии наук А.Ф. Гильфердинг писал: “Когда в среде славянской встречаются явления сословного неравенства, то они или имели, например, на Руси источником государственную службу, подобно патрициату в древнем Риме, никогда не признававшим какой-либо “аристократии по праву”, или возникали из заимствований чужих учреждений. Напротив, в германском племени аристократия существовала искони, она с нею, как с кровною принадлежностью своего быта, явилась в истории” [4].

Классовая структура, выстроенная ещё античными философами Платоном и Аристотелем, определила социальные изменения западноевропейского общества, которые характеризуются конкуренцией, классовой борьбой. Классовое государство формировалось в Европе, которое выражало интересы определенного класса. Такое развитие закономерно привело к марксистской идеологии классовой борьбы, которая затем была внедрена в российское общество. Политические отношения в Европе предполагают развитие общества через борьбу противоположностей. Классовое государство сохраняется, что приводит к подавлению интересов меньшинства большинством. Государство пытается сформировать средний класс для продвижения своей политики, реализации своей власти, что становится началом причин политических и социальных конфликтов. Русское государство выросло патриархально, под давлением лишь внешних условий, без борьбы элементов внутри себя. Борьба не определяла ход развития. Русские социологи представляли в основе структуры государства не какой-либо класс, как в западноевропейской социологии, а личность, социальную группу. Классовое государство складывалось в России сверху.

Интересы и потребности различных классов в западноевропейском политическом пространстве выражают партии в парламентах, которые, по мнению русских социологов, не отражают интересы всего общества и не решают проблемы человека. Социологи-народники, в

связи с модернизацией, европеизацией России, выдвигали идею создания в России трёхпартийной системы, которая бы включала партию прошлого, настоящего и будущего. Население современной России, как показали социологические исследования, можно разделить на конформистов, либералистов и почвенников. 30 % россиян, приверженцы либертариистских взглядов, стремятся обрести максимум индивидуальной свободы от государства и самоуправляться. Около трети электората готовы поддержать политику органов власти с целью стабилизировать отношения и получить определённую выгоду, а ещё треть граждан России считают необходимым опираться на самобытную почву в будущем развитии своей родины.

Политической правящей элитой в процессе развития государства были оформлены социальные и правовые нормы, поэтому правовое государство формируется в России сложно и медленно, так как право не укореняется в обыденном сознании общества. Результатом заимствования византийского и западноевропейского права явился раскол между народом и правящей верхушкой. Законы, созданные немецким правительством имперской России, не регламентировали отношения в обществе. Появился в русском менталитете стереотип, что закон можно обойти и не выполнять. Право должно быть сформировано под воздействием социокультурной почвы, самореализации жизненных сил общества.

Политическая власть, перераспределяемая в государстве, приводила лишь к реализации политической воли нового меньшинства. Реформы в государстве все более усиливали силу чиновничества и, соответственно, проблему отчуждения. Политическая революция в России не сопровождалась социальной революцией. Переворот во власти не приводил к переустройству общества на основе русских традиций, а только лишь вновь воспроизводил западноевропейские ценности и нормы. Поэтому социологи-народники не отождествляли правительство и государство.

Политическая форма, были убеждены социологи-народники, не имеет значение, если она реализует жизненные силы народа. М.А. Бакунин в своей работе “Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель”, которая стала идеологической основой народнического движения, видел несколько вариантов развития общества, основой которых могла стать только воля народа: либо земская монархия, либо конституционная монархия, либо республика. Политику российские социологи определяли как «социальную технологию», «терапевтику общественной жизни».

Государство, считал Ковалевский М.М., превращается в посредника человеческих отношений, в фактор роста общественной солидарности. Развитие всего общества, воспринимаемое как “Общее дело”, объединяет все политические силы. Социолог Н.А. Серно-Соловьевич определял государство как совокупность всех сословий. Образование государства и право не результат классовой борьбы, а выражение социальной солидарности всех социальных групп. Например, представители русских городов прибыли к Ивану III и, назвав его государем всея Руси, выразили согласие объединиться, но предложили федеративное устройство. Реформы Ивана IV стали не результатом победы одной боярской группы над другой, а объединением социальных групп. Земский Собор, состоявшийся в 1613 г., завершил смутный период в России объединением народа, который выбрал нового царя. Национальное единство, осознанное и убежденное согласие, являются основой государства.

Недостаток в этническом и государственном уровнях идентичности русские стали компенсировать в региональной самоидентификации [5]. Перенаселение и нехватка плодородных земель в Центральной России способствовало освоению Сибири. Складывался экстенсивный путь развития России. Социальные противоречия и политическая отчужденность обусловили усиление сибирской идентичности. Сибирская идентификация приобрела форму протеста против имперского государства. Старообрядцы, крестьяне бежали в Сибирь от немецкого полицейского государства в поисках свободы и самоуправления. Областники были убеждены, что азиатчина и деспотизм процветает не в Азии, а в Петербурге, так как в Азиатской России в большей мере присутствуют в социальных отношениях русские ценности и нормы. Русская культура и русская интеллигенция создали единство русского государства, отвратили народности от идеи политического сепаратизма [6]. Областники, народники, почвенники заложили основу евразийства. М.А. Бакунин, Г.Н. Вырубов, И.И. Мечников, П.А. Кропоткин, Е.В. де Роберти, М.М. Ковалевский и др. стали предшественниками более позднего евразийства. Евразийство способно было объединить всю Россию, противостоять сепаратизму региональных элит, как историческая общность народов. Сибирь стала возможностью дальнейшего развития России. А.И. Герцен представлял Тихий океан Средиземным морем будущего.

Народники видели конечную цель поэтапной трансформации политической системы в земской федерации, которую, возможно, возглавил бы земский народный царь. Почвенник К.

Леонтьев был убежден, что “Славянский Православный Царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни...”. Народники и сибирские областники видели выход из лжи парламентских форм правления в “коммунальных выборах”, когда каждый крестьянин будет нести ответственность за жизнь в своей общине. Политическая власть, централизованно управляемая административным аппаратом, не способна реализовать социально-экономические интересы общин-коммун, которые составляли бы федерацию. Процесс образования государства должен завершиться союзом всех славянских наций в единую федерацию. Ассоциация государств, мировая федерация представляются как конечная цель развития.

Итак, государство как созданное человеком политическое образование разделило общество, что привело к различным социальным и политическим конфликтам по поводу политической власти. Русские социологи дальнейший путь представляли как трансформацию, растворение государства в сформировавшемся гражданском обществе. Согласие и единение, ассоциация и федерация, самореализация жизненных сил человека и общества являются принципиальной основой и целью государственного развития.

1. Оганян, К.К. Концепции личности в субъективной и органической школах российской социологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 146. С. 180-187.
2. Бакунин, М. А. Бернские медведи и Петербургский медведь // Бакунин, М. А. Избранные произведения. Т. 3. - Пг. ; М., 1920. - С. 24.
3. Ефименко, А.Я. Одна из наших особенностей // Неделя. 1876. № 3-5. с. 122.
4. Гильфердинг, А. История славян // Вестник Европы. 1868. Том IV. С. 270.
5. Щербинин, Д.И. Проблема идентичности населения Сибири // Современные угрозы социальной безопасности населения региона: сб. ст. / под ред. О.Н. Колесниковой, В.В. Нагайцева. Барнаул: Азбука, 2013. 248 с. 152-157.
6. Славинский, М. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Интеллигенция в России: Сб. ст. СПб.: Книгоиздательство “Земля”, 1910. с. 230.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Г.ЗИММЕЛЯ И СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Корбикова Д.К. (Москва)

Начиная с конца XIX века, рост и развитие городов сопровождается изменениями, происходящими внутри социальной организации общества. В этот период происходит трансформация социума, затрагивающая характер социальных отношений и процессов. Это приводит к попыткам описания городского существования и возникновения теорий с использованием эволюционистских идей, находя свое отражение в работах Г.Зиммеля. Многие представления мирового классика социологии на тему города и особенностей городской жизни остаются актуальными и по сей день.

Г.Зиммель обращает свой взор на проблему отношения человека и окружающей его среды. Эволюция общества модерна приводит к тому, что основные социальные процессы начинают происходить уже не только в малых замкнутых группах. Социальная жизнь начинает разворачиваться в больших городах, что дает толчок развитию городского типа личности, который старается ужиться с влияющими на него внешними силами. Немецкий философ и социолог пишет: «Глубочайшие проблемы современной жизни вытекают из стремлений индивидуума охранить свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества, исторической традиции, внешней культуры и техники жизни» [1]. Г.Зиммель называет бесчувственное равнодушие главным свойством, которое присуще большому городу. Психологической основой индивидуальности при этом выступает «повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [2]. Теперь источником смысла для человека становится социум в виде города, в котором царит рациональность. Городское окружение предстает как непостижимый хаос из образов, впечатлений, возможностей и нескончаемых материальных товаров. Будучи сформированным городской окружающей средой, человек определяется уже не только посредством отнесения к какому-либо полу, этничности, классу или профессии. Так и сегодня мы видим, что в городской среде людям присуща высокая степень рациональности, они связаны отношениями полезности, то есть каждый встречающийся человек чаще всего рассматривается как средство для достижения своих целей. В больших городах наблюдается размывание норм и правил поведения, приводящее к девиации. У людей

часто возникают стрессовые состояния, вызываемые нарушением личного пространства. Это ведет к общему повышению напряженности, проявлению нервозности и даже агрессии по отношению к другим людям

Современная городская жизнь заменяет близость, привязанность и притяжение индивидов на дистанцию, отчужденность и даже отвращение. Такой тип социальных отношений глубоко разобщает и формирует у горожан антипатию друг к другу. В свое время Г.Зиммель утверждал, что у городских индивидуалистов появляется еще и антипатия к самому месту – к своему городу. В целях понимания городской повседневности социальный философ продолжил свои рассуждения, обращаясь к теме «чужака». Изначально чужаками было принято считать торговцев, которые имели сугубо прагматичные цели по отношению к местным жителям и чаще всего идентифицировались по национальному признаку. Они не были связаны местными обязательствами, отношения в основном носили временный характер, они характеризовались сдержанностью и анонимностью [3]. Такое описание подходит и к типу городского существования, где прослеживается специфика связи горожанина с местом его обитания.

Г.Зиммелем также была обозначена связь между тревогами людей по поводу их собственной идентичности и присутствием рядом с ними других, на которых эти тревоги проецируются [4]. Привычная для человека группа служит гарантом эмоционального комфорта, обладает предсказуемостью и характеризуется прозрачностью отношений. Такая группа при этом базируется на противопоставлении себя с другими группами, которые представляются чужими. Так, группа «мы» существует за счет того, что существуют «они».

Сегодня благодаря большому многообразию интересов и большому выбору способов времяпрепровождения, индивид с легкостью приобщается к различным сторонам социальной жизни и включается во взаимодействие одновременно с самыми разными людьми, а также становится частью самых разных групп. Для более комфортного сосуществования с другими индивидами житель города так или иначе подчиняется общим требованиям окружающего его городского сообщества. Появляется понятие городской идентичности, которая рассматривается как элемент социальной идентичности и результат идентификации с группой других индивидов, представляющих собой городское сообщество. Собственная городская общность выступает для человека ин-группой, в качестве же аут-группы могут выступать как жители сельской местности, так и представители других городов.

Таким образом, современная эпоха характеризуется стремительными темпами урбанизации, в городах усложняется социальная структура, система социальной стратификации становится гораздо более дифференцированной, у индивидов возрастает социальная мобильность. При этом обзор теоретических представлений о городе классика немецкой социологии Г.Зиммеля подтверждает наш тезис о том, что социологическое наследие идей прошлого может быть применимо даже к постоянно меняющимся условиям жизни в современных городах.

[1] Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3-4. С. 23-34.

[2] Там же. С. 23-34.

[3] Зиммель Г. Чужак // Социологическая теория: история, современность, перспективы / Под ред. А.Ф.Филиппова. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 237-271.

[4] Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Елена Трубина М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 520 е.: ил. С. 56-62

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОЛОГИИ

Корнильцева Е.Г., Кузнецов А. Ю. (Екатеринбург)

В 2016 году исполняется 10 лет с момента смерти одного из самых заметных американских ученых, работавших в области политической социологии, Сеймура Липсета. Наиболее активный период его творчества приходится на середину второй половины (60-е – 80-е годы) XX века. В эти годы в США происходило формирование массового среднего класса, ставшего основой социальной структуры современного западного общества. Это сближает то время с ситуацией в современной России и вновь актуализирует исследования в сфере политического и электорального поведения, проводившиеся тогда Липсетом.

Одно из центральных мест в его концепции занимает категория «политическая культура». И демократия в данной связи есть особое состояние политической культуры, ее историческая

форма. Думается, что именно исследования политической культуры помогли глубже раскрыть сущность и содержание демократии.

В современной науке получила широкое распространение трактовка политической культуры Г. Алмонда, который применил ее для описания феноменов политического сознания и политической деятельности. Однако, возникновение подобного явления связано с зарождением государства. Интерес к вопросам политической жизни присутствует уже в трудах мыслителей Древней Греции: Геродота, Платона, Аристотеля, а их идеи включены во многие политологические концепции современности. Использование самого термина “политическая культура” обычно относят к видному немецкому философу эпохи Просвещения И.-Г.Гердеру, понимавшему под ним искусство управления людьми.

Особую роль здесь приписывают Максу Веберу, который «внес наиболее значительный вклад в развитие исследований политической культуры» [1, p.11]. Описанные М.Вебером типы политической власти стали основными понятиями разработанной Алмондом концепции. В 60-е годы ее принимают многие социологи США: Л.Пай, С.Верба, С.Липсет и др. Но трактовки понятия политической культуры было множество, что предоставляло доступ разноречивым мнениям. Политическая культура связывалась и с политической системой (С.Найман, Д.Истон), и с национальными традициями (С.Виэр, А.Улам), и с “господствующими политическими нормами” (С.Верба), и с американским характером (С.Липсет).

Статья С.Вербы в сборнике “Политическая культура и политическое развитие” содержала более конкретное определение политической культуры общества, которая «...состоит из системы эмпирических убеждений, экспрессивных символов и ценностей, определяющих ситуацию, в которой происходит политическое действие. Она формирует субъективную ориентацию на политику» [2, p.513].

Л.Пай предложил другую дефиницию, где политическая культура представляет собой «совокупность отношений, верований, чувств, которые упорядочивают соблюдение норм, регулирующих поведение людей в политической системе» [3, p.218]. В среде американских социологов появляется стремление изучать политическую систему в целом, придерживаясь ориентации бихевиористов при анализе поведения субъектов. В результате политическая культура обращается к отношениям социальных институтов, представая в виде ценностной системы, в рамках которой функционирует общество.

Г.Алмонд в 1972 году вывел новое определение, чтобы уточнить аналитический аспект концепции политической культуры, где она является областью отношений и индивидуальных ориентаций, разделяемых членами какой-либо системы по отношению к политике. Этот субъективный план составляет основу политических действий и придает им необходимое направление. Данное определение было принято в общих чертах последователями Г.Алмонда, хотя и не привело к прекращению полемики между ними. Концепция политической культуры рассматривается американскими авторами как результат совмещения психологизированного политического поведения индивида с политическими системами и институтами. Таким образом, в своем развитии она превратилась в эффективную теорию для изучения различных общественных систем, характеризующихся определенной политической культурой. Причем доминирующее положение отводилось эмпирической стороне концепции. Понятие политической культуры стало удобным инструментом исследования политического поведения, поскольку в нем присутствовала связь между рациональными и психологическими элементами.

Наряду с этим американскими социологами для обоснования общественно-политического развития США была выдвинута теория модернизации, в центре которой в качестве важного условия становления социума находится снова феномен культуры. Сторонники этой позиции - Г.Алмонд, Д.Белл, Р.Бендикс, С.Липсет и др. - рассматривали процесс преобразования традиционных структур в современные при помощи подробного изучения изменений в области культуры, опираясь при этом на взгляды К.Манхейма, который первым выделил отличия политической культуры в обществах с демократическим и диктаторским устройством. К.Манхейм обратил внимание на специфическое восприятие культуры организованной и неорганизованной массами людей. «Культурная жизнь современного общества либерального толка подчинена, главным образом, тем закономерностям, которые свойственны нерегулируемым общественным структурам, тогда как в диктаторски управляемом массовом обществе на первый план выходят социологические воздействия институциональных элементов» [4, с.75].

Как правило, в тоталитарном обществе в сферу культуры внедряются некомпетентные личности, стремящиеся внести в творческий процесс элементы заданности. Вследствие этого

преобладание политической элиты приводит там к исчезновению элиты культурной. В обществе демократическом — обратная ситуация, и для деятелей культуры нет жестких границ, а открытость социальной структуры способствует продвижению рядовых членов в слои культурной элиты, что негативно сказывается на функционировании духовной жизни. При этом «отсутствие руководства даст диктаторским группам шанс на победу» [4, с.80]. Манхейм отметил следующие черты кризиса культуры демократического общества: уничтожение замкнутости элит, изменение их структуры, возрастание числа элитарных групп, обесценивание их идей, «пролетаризация интеллигенции».

В итоге, в обоих типах обществ - и при диктатуре, и при демократии - не созданы соответствующие развитию культуры условия. Таким образом, подход, к которому присоединился Липсет, нацеливал на изучение процесса функционирования политической культуры. В отличие от Манхейма, Липсет не был озабочен проблемой укрепления жизнеспособности культуры, то есть процессом ее развития. Он определил наличное состояние культуры как демократическое и обратил внимание на изучение данного состояния. В своих работах он не предстает как социальный критик. Скорее, его исследовательскую позицию можно оценить как классически позитивистскую, описывающую реальную политическую систему.

«Демократия в многосоставном обществе может быть определена как политическая система, которая предоставляет регулярную узаконенную возможность для смены государственных чиновников, и социальный механизм, позволяющий большей части населения влиять на основные решения посредством выборов среди кандидатов на политический пост» [5, р.45]. Это высказывание базируется на допущении, что в демократическом государстве субъекты, не включенные во властную структуру, способны значительно влиять на формирование политики. В подобной ситуации избранная на конкретный срок господствующая элита выполняет функцию представительства населения, у которого на этот же срок отнимается право дальнейшего воздействия на принимаемые решения.

Остановимся на том, каким образом Липсет трактует понятие элиты. В теории Липсета «в самом общем понимании она обозначает те позиции в обществе, которые находятся на верху целых социальных структур, то есть наивысшие позиции в хозяйстве, правлении, армии, церкви, общественных организациях, в образовании и профессиональных объединениях» [6, р.8]. Липсет считает элитой представителей разных социальных групп, исходя из институционального подхода. Его взгляд на элиту связан с ее трактовкой как наиболее продуктивных членов общества, идущей от В.Парето. Представления Липсета основываются на принципе меритократии, по которому управление должны осуществлять люди компетентные, имеющие высокий статус. Данный принцип является выражением идеи «равных возможностей», имеющихся изначально у каждого. С подобным утверждением можно не согласиться, поскольку для приобретения заслуженного авторитета недостаточно обладать профессиональными навыками и эрудицией. Необходимо представлять и определенный статусный слой.

Липсет отмечает: «полное понимание различных обстоятельств, при которых существует демократия, может помочь человеку развивать ее там, где в данный момент она отсутствует» [6,р.417]. Он вслед за Вебером и Шумпетером полагает, что «... отличительным и наиболее ценным элементом демократии в многосоставных обществах выступает формирование политической элиты в конкурентной борьбе за голоса в основном пассивного электората» [7, р.208]. Таким образом, принцип смены элит рассмотрен Липсетом через призму процесса, в котором может участвовать каждый член гражданского общества — электоральный процесс.

1. Almond G. *Intellectual History of the Civic Culture Concept. // The Civic Culture Revisited.* - Boston - Toronto: Little Brown and K, 1980. p. 421
2. Verba S. *Comparative political culture. // Political culture and political development.* Pye L. and Verba S.(eds.) - Princeton: Princeton univ. press, 1965.p.p.512-560.
3. Pye L. *Political culture. // International Encyclopedia of Political science.- N.Y., 1969.vol.12.p.p.218-224.*
4. Манхейм К. *Человек и общество в век преобразования.* -М:ИНИОН, 1991.с.220
5. Lipset S. *Political man: the social bases of politics.* – N.Y. : Garden City, 1960.p.432
6. Lipset S. - Solari A.(eds.) *Elites in Latin America.* - N.Y.: Oxford univ. press, 1967.p.531
7. Lipset S. *The First New Nation: the United States in historical and comparative perspective.- N.Y.: Basic Book, 1963.p. 602*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Костина Н.Б., Дуран Т.В., Скоробогачкая Н. А. (Екатеринбург)

Социологическое знание прошлого содержит подходы, сохраняющие свое методологическое значение для изучения современности. Это обуславливает отношение к классикам социологии как партнерам при обсуждении проблем сегодняшнего дня, использование их научных достижений и интеллектуального потенциала и позволяет решить ряд задач.

1. Использование интеллектуального капитала, созданного и накопленного предшествующими поколениями, позволяет расширить интеллектуальные ресурсы современности, обогатить современную науку.

2. Знание истории научной мысли позволяет глубже раскрыть исторические альтернативы, которые могут быть использованы последующими поколениями. Концепции, созданные научными предшественниками, обладают значительным ресурсом теоретического осмысления и практического решения проблем современности.

Задача современных социологов – выявить и показать методологический потенциал классического научного наследия в свете ситуаций и проблем современности.

При выявлении методологического потенциала социологического наследия мы предлагаем выделить три его вида: исторический, явный и скрытый. Исторический потенциал позволяет объяснить историческое прошлое, дать его теоретическую реконструкцию. Явный потенциал представляет собой своего рода предвосхищение будущего, сделанное на основе той или иной идеи самим исследователем либо его последователями. Задача исследователей современности состоит в том, чтобы сопоставить видение будущего учеными прошлого с нашим настоящим, выявить степень корректности высказанных в прошлом предвосхищений будущего. Реализация идей, высказанных социологами-классиками, невозможна в современных им социальных условиях. Поэтому ими создается теоретическая модель будущих условий, и в ее рамках решаются проблемы, которые не могут быть решены в обществе, современном исследователю. При этом надо иметь в виду, что явный потенциал может быть реальным и утопическим. Примеры последнего – знаменитые утопии К. Маркса: теории линейного прогресса истории, классовой борьбы как движущей силы истории, отмирания государства.

Под скрытым потенциалом наследия классической социологии мы понимаем возможность использовать сформулированные в прошлом теории как инструмент для анализа и описания процессов и изменений, происходящих в нашей современности.

Каков критерий наличия скрытого потенциала теории? Это способность теории охватывать виды социального особенного, существовавшего в разные периоды времени. Проиллюстрируем это на примере классического социологического наследия об образовании, поскольку в современном обществе знание – важнейший социальный ресурс, а в силу неразрывной связи знания и образования, несомненно, возрастает и роль последнего. В процессе трансформации индустриального общества в постиндустриальное значимость науки, знания, образования как ресурсов неуклонно возрастает. Социологи-классики теоретически осмысливали начало этого процесса, высказанные ими по этому поводу идеи имеют значение для построения современной социологической концепции образования.

Проблемы образования и воспитания в российской социологической мысли конца XIX – начала XX вв. вписаны в контекст развития всей российской социологии. Становление социологии в России происходило тогда, когда в Западной Европе она уже активно развивалась благодаря трудам О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и многих других. Временной лаг, отделяющий появление российской социологии от ее западно-европейской «старшей сестры», может быть определен приблизительно в тридцать лет. Следовательно, работы западноевропейских социологов не могли не оказать влияния на российскую социологическую мысль. В связи с этим постановка и решение определенного круга проблем, сформулированных российскими социологами, с одной стороны, развивают и дополняют идеи зарубежных классиков, с другой, появляются совершенно новые концепции, возникновение которых было обусловлено спецификой экономической и социально-политической ситуации, в которой происходило становление и развитие социологии в России.

Развернувшаяся в середине XIX века острая полемика между западниками и славянофилами коснулась и вопросов образования и воспитания. Западники – В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Н.П. Огарев и др. – приветствовали

западноевропейскую систему образования, критиковали сословно-крепостнические традиции воспитания и обучения, защищали права личности на самореализацию в этой сфере. Они рассматривали решение вопросов воспитания как неотложную необходимость. Славянофилы, как известно, исходили из самобытности исторического пути русского народа. В этом контексте основой народного, национального воспитания они считали православную религиозность, нравственность и любовь к ближнему (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев. Так, А.С. Хомяков). Первостепенную роль в воспитании личности славянофилы отводили семье. Они полагали, что именно в ней закладываются основы будущей личности (строй ума, душевный склад ребенка и т.д.), оказывающие дальнейшее влияние на ее развитие. По их мнению, родители, дом уже заключают в себе большую часть воспитания, и школьное обучение есть всего лишь меньшая его часть. Одна из важнейших функций семьи, по мнению С.П. Шевырева и А.С. Хомякова, состоит в нравственном воспитании личности.

Представители западников А.И. Герцен и Н.П. Огарев говорили, прежде всего, о народном образовании. Они полагали, что главным средством воспитания народа должна стать школа, критиковали официальную педагогическую теорию и практику того времени, подчеркивая при этом необходимость коренного преобразования устаревшей системы воспитания и образования. По мнению А.И.Герцена, все воспитание того времени сводилось к тому, чтобы убить в детях всякую жизнь и живость. В учебные планы гимназий, училищ, семинарий внедрялось зазубривание «мертвых» языков, риторика, богословие. Правительство всячески приветствовало такое воспитание, которое требовало рабского духа, рабской дисциплины, рабского молчания.

Для того, чтобы преобразовать устаревшую систему образования и воспитания, нужно изменить не только социально-экономические, политические системы и учреждения, но и просвещение России в целом. А.И.Герцен и Н.П.Огарев развивали идею всестороннего, энциклопедического образования, которое должно помочь человеку осмыслить значение историко-культурных ценностей, созданных народом. При этом они уделяли первостепенное значение нравственному воспитанию всего народа, особенно детей и юношества. Таким образом, западники ставили проблемы реформирования всей российской системы образования и воспитания, его доступности. Современным звучат их требования к общеобразовательной школе, которая должна разбудить в человеке любознательность. Они выступали также за гармоничное сочетание естественных и гуманитарных наук. Отмечая необходимость расширения изучения естественных наук для удовлетворения потребностей промышленности, они указывали, что обучение таким знаниям имеет, помимо прикладного и общеобразовательного, огромное воспитательное значение.

Одним из наиболее ярких представителей позитивизма в русской социологии был М.М. Ковалевский. Его научное наследие представляет огромный практический и теоретический интерес как для современной социологической науки в целом, так и для современной социологии образования и педагогики. М.Ковалевский был активным проводником и пропагандистом идей просвещения, образования и науки, ему принадлежит важная роль в утверждении демократических начал в развитии образования в России, в частности, введении обязательного бесплатного начального образования.

Как и О.Конт, М.Ковалевский развивал идею о необходимости введения обязательного, доступного для всех граждан начального образования. В своей работе «Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века», раскрывая проблему свободы и равноправия (по Ковалевскому – «равенства возможностей») как составляющих представительной демократии, он приводит существенное дополнение: в понятие «равенства возможностей» должно входить «получение дарового начального образования». Таким образом, обосновывая принцип «равенства возможностей», Ковалевский рассматривал его в аспекте всеобщей доступности начального образования.

Анализируя опыт других стран, М.М. Ковалевский предупреждал о необходимости избегать допущенных ими просчетов при введении обязательного начального образования. В качестве примера он рассматривает опыт введения обязательного начального образования в Америке и Европе

Одним из неотъемлемых условий развития образования в России, по мнению М.Ковалевского, является окончательное снятие всяких ограничений, препятствий и запретов для желающих учиться, по полу, возрасту и образованию.

Одна из центральных проблем, рассматриваемая М.Ковалевским, – обеспечение благополучия страны через просвещение. Она находит свое отражение в очерке «Политическая

программа нового союза народного благоденствия». Активный участник этого союза и разработчик его политической программы, М.Ковалевский, отстаивая принцип всеобщего голосования, акцентировал внимание на невозможности его осуществления без распространения в массах просвещения.

Идея М.М.Ковалевского о предоставлении всем гражданам равного доступа к образованию значима и для современного российского общества, в котором знание стало одним из важнейших социальных ресурсов, вследствие чего возникает проблема доступа к обладанию им. Знание становится малодоступным или даже недоступным для представителей ряда низших (по уровню дохода) социальных групп.

Для современного российского общества актуальна проблема доступа к более высоким ступеням образования, прежде всего к профессиональному образованию, особенно высшему, причем качественному профессиональному образованию. Как известно, среднее основное образование в нашей стране общедоступно в силу его обязательности, и поэтому школа создает равные возможности для дальнейшего получения профессионального образования. Но эти возможности имеют лишь формально равный характер, так как все выпускники общеобразовательных учебных заведений имеют на руках аттестат зрелости и право поступать в любое учреждение профессионального образования страны, в том числе высшего. Но поступать – не значит поступить.

Мы не можем отрицать того факта, что доступность высшего образования сегодня выросла. Проблема состоит в том, каковы возможности у выпускника для поступления в тот или иной вуз, которые, как правило, ограничены. Доступом в престижные вузы обладают либо наиболее талантливые и одаренные, либо те, кто закончил так называемую «элитную школу», где работают лучшие учителя, что позволяет получить при сдаче ЕГЭ баллы, обеспечивающие конкурентоспособность выпускника, либо те, кто имеют финансовые возможности оплачивать обучение в таком вузе.

Следует отметить, что равенство индивидов в системе образования недостижимо изначально ввиду значительных индивидуальных различий между ними, неравенство заложено уже в самих индивидах, их способностях, склонностях. В тоже время оно определяется целым комплексом факторов социального характера и выражается в неравенстве возможностей доступа к качественному профессиональному образованию.

К таким факторам можно отнести следующие: 1) тип поселения; 2) социальную среду; 3) социально-профессиональный статус родителей (образование родителей, культурный капитал семьи; материальные возможности родителей, финансовый капитал семьи); 4) различия, связанные собственно с системой образования: состав преподавателей, качество преподавания в городской и сельской местности, столичных регионах и провинции.

Таким образом, высшее образование сегодня не одинаково доступно для представителей различных социальных слоев и территориальных групп и становится все более доступным только для состоятельных слоев общества.

Мы столь подробно остановились на проблеме равного доступа к образованию в современном российском обществе именно потому, что ее постановка и решение в работах представителей российской социологии конца XIX – начала XX вв. содержит явный теоретический потенциал; одной из приоритетных задач образовательной политики является обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования.

Помимо позитивизма, в рамках первого периода российской социологии сложилось еще несколько направлений исследований, в которых также ставились и обсуждались проблемы образования и воспитания. К ним можно отнести психологическое направление (Н.И. Кареев, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков) и натурализм в различных его формах (Н.Я. Данилевский, Л.И. Мечников, П.Ф. Лилиенфельд и др.).

Итак, представители ранней классической российской социологии обращались к вопросам образования в контексте решения различных научных проблем, главным образом – теоретической реконструкции современного им общества и выявления тенденций его развития. Тем не менее, их идеи во многом составили фундамент современной социологии образования.

ИНТЕГРАЦИЯ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕХНИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ СТРАН КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

Костюкевич С.В., Андрос И. А., Баханов А. Г. (Минск, Республика Беларусь)

Обретя в 1991 году независимость, бывшие советские страны получили в наследство от Советского Союза промышленный сектор, в котором приоритетом было развитие тяжелой промышленности в рамках административной экономики, в силу чего нужды населения как потребителей приходилось часто удовлетворять за счет ввозимого импорта. В рамках рыночной экономики становится актуальным развитие промышленного малого и среднего предпринимательства негосударственной формы собственности, ориентированного на удовлетворение потребностей рынка. Комбинация интересов государства с интересами рынка предполагает реформирование инженерного образования, так как для рыночной экономики важна подготовка инженера как предпринимателя, обеспечивающего конкурентоспособность и экономическую эффективность.

Логико-исторический анализ, основанный на книгах известных специалистов в области инженерного образования русского инженера и ученого С. Тимошенко «Инженерное образование в России» [1] и немецкого историка С. Шаттенберг «Инженеры Сталина» [2] показывает, что русские инженерные вузы создавались в соответствии с французской моделью (*famous École Polytechnique*). Важным следствием этого было то, что научная подготовка в технических вузах России (и впоследствии СССР) была очень сильной и, естественно, это способствовало тому, что российские инженерные вузы активно развивали технические науки, обеспечивая тем самым научно-технический прогресс. На успешное развитие технических наук в русских инженерных вузах указывает С. Тимошенко в его книге «Инженерное образование в России», перечисляя имена известных русских инженеров-ученых. Однако на что следует обратить внимание? Указывая многочисленные имена инженеров, внесших вклад в развитие науки, С. Тимошенко ничего не пишет о русских инженерах, создавших собственный бизнес и внесших вклад в промышленное развитие страны. Не без основания можно предполагать, что это было сделано умышленно: в отличие от сферы науки, сфера промышленного предпринимательства в царской России была развита очень слабо. Об этом свидетельствует русский инженер М. А. Шателен, мнение которого приводит в своей книге С. Шаттенберг: «До Великой Октябрьской революции русские электротехники могли быть крупными изобретателями, делать крупные открытия, да и только. Осуществлять свои мысли, свои изобретения в старой России они не имели возможности» [2]. Поэтому русские инженеры предпочитали научную карьеру карьере предпринимателя и производственника. Соответственно, в учебном процессе русских инженерных вузов доминировала научная подготовка, практическая оставалась традиционно слабой.

С. Шаттенберг связывает недостаток практической подготовки с тем фактом, что в царской России сдерживалось промышленное и буржуазное развитие. В этой связи студенты-инженеры готовились, главным образом, не для работы в индустрии, а для чиновничьей (бюрократической) карьеры. Соответственно, не было необходимости обеспечивать их большим объемом практических знаний и навыков. С. Шаттенбург также указывает на то, что в царской России инженерное образование и предпринимательство были связаны очень слабо. Это приводило к тому, что «ввиду слабого развития русского предпринимательства большинство заводов, рудников и электростанций ... находились в собственности иностранных фирм» [2]. Подобная ситуация, когда инженеры становились главным образом или учеными, или чиновниками приводила к тому, что сектор промышленного бизнеса в царской России, во-первых, состоял в основном из иностранцев и, во-вторых, был слабо развит.

В 1907 г. известный русский инженер П.И. Пальчинский, публично выступая по вопросам инженерного образования в Российской империи, одним из первых потребовал ввести экономику в качестве обязательного предмета во всех технических институтах. Поскольку П. И. Пальчинский сам стал успешным промышленником-бизнесменом, он осознал необходимость и важность экономического образования для тех инженеров, которые хотели бы начать собственный бизнес. Индустриальное развитие СССР (по сути, наследника Российской империи) шло по модели догоняющего развития, которая «опиралась прежде всего на централизацию и интенсификацию государственного принуждения. Государство здесь выступает ... шумпетеровским предпринимателем. Рынки в этой модели играют ограниченную и подчиненную роль...» [3, С. 169]. Таким образом, в советской экономике ставка делалась на идеологическую мотивацию и

административное принуждение к труду. Такие факторы рыночной экономики как экономическая мотивация труда, приращение персонального капитала, а также такой фактор как конкуренция не были задействованы. В силу особенностей коммунистического мировоззрения индустриальное развитие Советского Союза исключало частное промышленное предпринимательство. Соответственно советские инженеры были технологами и организаторами производства, но не бизнесменами, обеспечивающими экономическую эффективность подвластных им производств.

Сегодня задача интеграции технического образования и бизнес-образования особенно актуальна, если учитывать радикальное изменение в промышленной политике западных стран. Так, в течение нескольких последних десятилетий XX века западные страны проводили политику выноса промышленных производств в страны третьего мира. Однако после финансово-экономического кризиса 2008 года правительства западных стран изменили свой подход к промышленному сектору, например, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил, что производство возвращается на Запад. Его позицию поддерживает Хиллари Клинтон, которая в ходе президентской гонки заявила, что демократическая партия США будет выступать за налоговые льготы для всех, кто откроет завод в Америке. Подобный поворот в промышленной политике означает, что западные страны хотят уйти от чрезмерной финансирования своих экономик. Новая западная политика «возвращение промышленных производств на Запад» означает, что постсоветские страны лишаются широкого участия западных инвесторов и промышленников в развитии своего промышленного сектора. Это однозначно потребует более серьезного внимания к инженерному образованию в этих странах и, прежде всего, к объединению инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах с тем, чтобы готовить часть инженеров как будущих бизнесменов (для промышленного сектора).

1. Stephen Timoshenko. *Engineering Education in Russia*, McGraw-Hill Book Company, 1959. Русский перевод: Тимошенко С.П. *Инженерное образование в России. – ПРОИЗВОДСТВЕННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КОМБИНАТ ВИНТИ*, Люберцы, 1997. Перевод с англ. В. И. Иванова-Дятлова. Режим доступа: http://www.emomi.com/download/timoshenko_obrasovanie/

2. Русский перевод: Шаттенберг С. *Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы.* – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. Перевод с немец. В. А. Брун-Цехового, Л. Ю. Панфиной. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/inzheneriy-stalina-zhizn-mezhdu-tehnikoj-i-terrorom-v-1930-e-gody-read-304681-1.html>

3. Дерлугьян Георгий. *Чем коммунизм был.* В книге «Есть ли будущее у капитализма?» – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015 – стр. 156–209.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. КОВАЛЕВСКОГО: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ХНУ ИМ. В. Н. КАРАЗИНА

Крыжановская В.И. (Харьков, Украина)

Имя Максима Максимовича Ковалевского известно в мировой науке, его вклад в науку неоценим, и, как отметил П. Сорокин, «Ковалевский - прежде всего учёный, прежде всего профессор Божьей милостью, а затем уже общественный деятель, публицист, государственный политик и т. д. В центре его жизни была наука. Ей он отдал большую часть своей жизни, ею он жил и в области научного творчества создал себе наиболее долговечный "нерукотворный" памятник» [1, с. 186]. И в ХНУ имени В. Н. Каразина сохраняют память об этом ученом и популяризируют его идеи в студенческой среде.

Как известно, детство и юность Максим Ковалевский провел в Харькове (1851 – 1873 гг.), получив высшее образование в Харьковском университете на юридическом факультете, был почетным членом Харьковского университета [2, с. 662]. Именно это стало отправной точкой дальнейшего развития и становления его как ученого: после получения кандидата права Максим Максимович продолжил обучение в Берлине и Париже, где учился вместе с Карлом Марксом, Гербертом Спенсером, Генри Мэйном и Адольфом Вагнером, основал Русскую высшую школу общественных наук в Париже, преподавал в Московском университете, где получил степень магистра, а потом защитил докторскую диссертацию. Но его деятельность не ограничивалась только научной сферой – Максим Максимович занимал активную гражданскую позицию, в студенческие годы состоял в различных студенческих организациях, занимался политической деятельностью - в 1905 г. был избран членом Государственной Думы и мн. др.

На социологическом факультете ХНУ им. В. Н. Каразина не забывают знакомить студентов с научной деятельностью отечественных социологов, их основными идеями в области социологии и общественно значимой деятельностью. Например, на первых лекциях курса «История социологии» студентов знакомят с вкладом М. Ковалевского в развитие социологии. Так, например, Максим Максимович, будучи приверженцем позитивизма и марксизма, особое внимание уделяет изучению процесса исторического развития общества, эволюции и прогрессу - рассматривал прогресс как основной закон социологии, сущность которого заключается в расширении человеческой солидарности, считал, что законы и стадии эволюции могут быть определены только с помощью сравнения параллельно протекающих эволюций у народов, находящихся на разных ступенях развития, и изучения коллективного менталитета социальных групп, для чего М. Ковалевский предлагал использовать сравнительно-исторический метод (сравнительная этнология, сравнительная история институтов, его подход – «генетическая социология»). Также М. Ковалевский уделял внимание антропологическим, демографическим, экономическим и политическим вопросам. Ученый указывал, что благодаря общим законам развития народы в будущем объединятся в единое мировое сообщество. Здесь прослеживается идея глобализации, ведь основными факторами такого объединения ученый называл воздействие универсальных религий и международный торговый обмен. Также он рассматривал политический прогресс, который приведет страны к объединению в постоянные союзы или федерации, сохраняющие мир на основе хозяйственного расчета. И как демонстрирует история, его прогнозы оказались верны, ведь сейчас на мировой арене наибольшее влияние приобрели международные союзы и организации (ЕС, ТС, НАТО, СНГ, АТЭС и др.). В целом основной вклад Ковалевского в социологию заключается в преодолении теории однолинейной эволюции прогресса, распространение и утверждение плюралистической теории социальной каузальности, обогащение социологии оригинальными историческими и антропологическими концепциями и масштабным фактологическим материалом [1, с. 186-202].

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина помнит и ценит тот вклад, который М. Ковалевский сделал как юрист, историк, социолог, этнограф в развитие социогуманитарных наук на мировом уровне. Так, чтобы увековечить и почтить память этого ученого на социологическом факультете была введена стипендия имени М. М. Ковалевского, которой удостоиваются решением Учёного совета социологического факультета лучшие студенты, которые показали отличные результаты в учебе, участвуют в международных научных социологических конференциях и форумах, ведут активную общественную и научную деятельность. Именная стипендия является не только престижным денежным вознаграждением выдающимся студентам, но и символом, который позволяет сохранить память о наших великих соотечественниках, передавать от поколения к поколению то наследие, которое оставили эти ученые в истории науки.

Популяризация идей М. Ковалевского происходит и благодаря библиотечному фонду ХНУ им. В. Н. Каразина, в котором хранятся уникальные издания его трудов: «Закон и обычай на Кавказе» (в 2 т., 4 экземпляра, 1890-го года издания), "Общее конституционное право" (лекции, прочитанные в Санкт-Петербургском университете и Политехникуме в 1907-1908 гг., 1 экземпляр, 1908-го года издания), «Действительная природа Государственной Думы» (доклад, прочтенный на заседании Харьковского Юридического Общества 11 сентября 1905 года, 3 экземпляра, 1905 год издания), «Записка члена Государственного Совета, сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности губерний Казанской и Уфимской» (1 экземпляр, 1887-го года издания), «Индивидуализм и социализм: Что такое парламент?» (аналитическая записка в книге Е. Тарновского «Индивидуализм и социализм», 1907 года издания).

На данный момент на социологическом факультете при участии Харьковской Ассоциации молодых социологов и политологов и Кафедры социологии ХНУ им. В. Н. Каразина реализуется проект специального издания книги «М. М. Ковалевский» (руководители – Ковалёва И. Д., Рошин Д. Г., Сорока Ю. Г.), посвященный не только научной деятельности ученого, но и его личности, его личной жизни и общественной деятельности, а также предполагается публикации наиболее интересных историй из жизни, воспоминания современников и студентов, особое внимание уделено периоду жизни в Харькове и обучению на юридическом университете. Уже готовы первые статьи в электронном варианте - «PR губернского масштаба», «Бородатые классики и основоположники», «М. М. Ковалевский и его женщины» и др. [3]. Например, в статье «PR губернского масштаба» изложены воспоминания одного из

современников М. Ковалевского о том, как в 1905 г. М. Ковалевский стал членом первой Государственной Думы в Российской империи от Харьковской губернии, рассказывается о его политических взглядах и о том, какими средствами он этого добился.

Таким образом, в образовательной среде социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина происходит популяризация идей М. М. Ковалевского в различных направлениях, что позволяет сохранить память о нашем соотечественнике, социологе с мировым именем, познакомить молодое поколение с одним из классиков социологии, с его теоретическим наследием, но при этом описывая не только его заслуги в научной сфере, а и представляя его как разноплановую личность – учёного, общественного деятеля, гражданина.

1. Воронцов А. В., Громов И. А. *История социологии. XIX — начало XX века* : в 2 ч. Ч.
2. *Русская социология* : учеб. пособие / А.В. Воронцов, И.А. Громов. — М. : ВЛАДОС, 2005. — 477 с. 2. *Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років* / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев та ін.; Худож.-оформлювач І. В. Осипов. — Харків : Фоліо, 2004. — 750 с. 3. *Страницы истории* – М. М. Ковалевский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sociology.kharkov.ua/index.php/ru/nauka/stranitsy-istorii/99-m-m-kovalevskij>

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА В РОССИИ В 21 ВЕКЕ

Кузиванова О.Ю., Ломоносова М. В. (Сыктывкар)

Наследие Питирима Александровича Сорокина (1889-1968), российско-американского ученого и мыслителя, о котором сегодня уже с полной уверенностью можно говорить, как о научном корифее ушедшего века, во-многом носит парадоксальный характер. П.А.Сорокин стоял у истоков многих современных социологических теорий и отраслевых социологических дисциплин, являясь русским классиком западной социологии. Ему следует отвести особое место в плеяде мыслителей, чьи труды оказали фундаментальное влияние на развитие социологии как научной дисциплины в теоретико-методологических вопросах и институциональных аспектах. К настоящему времени уже проделана большая историко-социологическая работа по возвращению имени Питирима Сорокина в корпус отечественного социологического знания: его теориям посвящены главы в учебниках, диссертации, о нем пишут, его знают. Но насколько его идеи и теории актуальны сегодня?

В России популяризация трудов Питирима Сорокина и их изучение идут параллельно. Включение основных научных работ ученого в отечественную социологию преодолевало различные преграды, в первую очередь идеологического и языкового характера. В число трудностей восприятия научного наследия П. Сорокина можно отнести и период становления постсоветской отечественной социологии, когда потребовалось определенное время, чтобы признать за ученым высочайший теоретический уровень осмысления социальной реальности наряду с такими мыслителями XX века, как Т.Парсонс, Р.Мертон, К.Поппер, А.Тойнби, Ф.Фукуяма и др.

Первые упоминания о П. Сорокине в советской литературе появляются только в конце 1960-х гг., начале 1970-х гг. в связи с активизацией критики американской социально-политической мысли (Голосенко И.А., Бормотова С.С., Момджян К.Х.). Работы этого периода посвящены в основном критическому анализу философско-исторических и социологических воззрений П.А.Сорокина. Безусловно, что они не затронули весь массив социологических проблем в трудах П.А.Сорокина, но послужили базой для дальнейших исследований.

Второй этап изучения творчества П.А.Сорокина связан с началом переиздания и перевода его трудов российского и американского периодов творчества в конце 1980-х - начале 90-х гг. В это время благодаря активной исследовательской работе Ю.А.Согомонова была издана книга, в которой была впервые осуществлена попытка дать целостное представление о творчестве П.А.Сорокина. Состоящая из переводов фрагментов крупнейших работ ученого - «Человек. Цивилизация. Общество» [1] и сегодня остается своеобразным «путеводителем» в мир идей и научных теорий П.А.Сорокина. В этот же период времени в разных научных журналах стали публиковаться отдельные статьи и фрагменты работ П.А.Сорокина российского периода. Одновременно становятся доступными архивные материалы, связанные с его научной и

политической деятельностью. Наиболее значимые историко-биографические исследования принадлежат социологу И.А. Голосенко и историку Ю.В. Дойкову. В целом же научные работы этого периода целенаправленно знакомили читателей с жизнью, интеллектуальной биографией и основными направлениями научного творчества П.А.Сорокина.

Третий этап изучения наследия П.А.Сорокина связан с целым рядом событий. Во-первых, произошло определенное накопление объема исследовательских работ, что помогло вывести изучение научного творчества социолога на качественно новый уровень. Во-вторых, эти исследования получили институциональное подкрепление: с конца 1990-х гг. в российском социологическом сообществе стали проводиться международные конференции, посвященные научному наследию П. Сорокина. На Международном научном симпозиуме, посвященном 110-летию со дня рождения П. Сорокина (Санкт-Петербург, 1999 г.) было объявлено о создании Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева. Одним из основных направлений деятельности Института стали перевод и издание работ П.Сорокина в России. Наиболее значимые труды, изданные при содействии Института - «Социальная и культурная динамика» (2000) и «Социология революции» (2005).

В-третьих, политические преобразования начала 1990-х гг. не могли не сказаться на состоянии отечественной науки об обществе, причем не только в содержательном, но и в институциональном плане. После окончательного падения идеологических препон были открыты первые социологические факультеты в Московском и Ленинградском (Санкт-Петербургском) университетах, открылись десятки отделений, кафедр по подготовке социологов. При этом, одна часть российского социологического сообщества принялась активно осваивать зарубежные теории, концепции, подходы. Другая же его часть обратилась к изучению дореволюционного наследия с целью восстановления его органической связи с современной социологией, понять, на каком уровне находится последняя, оценить реальный вклад отечественных ученых в мировую науку. И в связи с этим, научные труды Питирима Сорокина оказались в фокусе внимания. Поэтому именно на третьем этапе стали возможны защиты кандидатских и докторских диссертаций, публикации серьезных научных монографий. Стали интенсивнее переводиться и издаваться труды ученого, написанные в США.

В 2010 г. постановлением Правительства Республики Коми в Сыктывкаре было образовано государственное бюджетное учреждение «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». Наряду с организацией научных мероприятий, посвященных творчеству П. Сорокина, Центр «Наследие» стал выпускать одноименный специализированный научный журнал, где публикуются научные статьи, развивающие методологию, основные идеи и концепции выдающегося социолога, размещаются материалы историко-биографического характера.

Важным направлением деятельности Центра является издание трудов П. Сорокина. В настоящее время реализуется крупный проект по изданию Собрания сочинений ученого, куда предположительно войдет 30 томов. К настоящему времени издано четыре тома (I том «Ранние сочинения. 1910 – 1914 гг.», II том «Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь», III том «Преступление и кара, подвиг и награда», IV том «Листки из русского дневника. Социология революции»). В 2016 г. планируется издание тома, куда войдут художественные произведения П. Сорокина: роман «Предтеча», рассказы и стихи.

С момента присуждения имени П.А. Сорокина Сыктывкарскому государственному университету в марте 2015 г. Сыктывкар окончательно стал одним из российских центров изучения и популяризации научного наследия всемирно известного социолога. Уже с 2014 г. СГУ им. П. Сорокина регулярно проводит международные конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» [2]. В 2016 г. в университете начал работать Международный центр социальных исследований, одним из направлений которого является систематизация, перевод и публикация архива П.А. Сорокина, находящегося в Саскачеванском университете (Канада).

К настоящему времени обозначились основные направления изучения научного наследия П. Сорокина в отечественной науке, а вместе с тем и перспективные и актуальные темы дальнейших исследований его творчества.

Большую роль в развитии изучения трудов П. Сорокина будет играть перевод и публикация всех фундаментальных работ Сорокина, что уже осуществляется в рамках собрания сочинений П. Сорокина, издаваемом Центром «Наследие», Международным институтом П.

Сорокина – Н. Кондратьева, другими научными центрами России. Особенно это касается такой работы П. Сорокина, как «Социальная и культурная динамика» (1937 – 1939 гг.).

На очереди стоит такая задача, как систематизация, изучение и публикация архивных документов из частной коллекции семьи Сорокиных (Винчестер), специальной коллекции П.Сорокина, хранящаяся в Саскачеванском университете в Канаде.

Сегодня научное наследие Питирима Сорокина имеет несомненный эвристический потенциал. С одной стороны, можно констатировать все более возрастающий интерес научного сообщества к теориям и концепциям Сорокина, что выражается в увеличении количества публикаций. С другой стороны, сами идеи выдающегося социолога становятся импульсом к дальнейшим научным изысканиям в рамках тех проблем, которые были им поставлены.

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество /общ. Ред., сост. И предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. С.А. Сидоренко, А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.

2. Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г.: сборник научных трудов. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

СТРУКТУРА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ БУДУЩЕГО РУССКОЙ МЫСЛИ

Куклин Г.А. (Санкт-Петербург)

Формулировка «русская мысль» мне кажется наиболее точной, так как никто не знает, будет ли эта будущая мысль строго социологической, философской, а может быть она снова станет религиозной. В любом случае, значение слов «социология», «философия» и «религия», скорее всего, изменится уже скоро. А вот «русская» означает попросту, что родится эта мысль в России, и мы будем иметь к ней непосредственное отношение.

Для начала следует сказать, что мы за последние годы многое сделали для того, чтобы попросту отмахнуться от своего. Причина этому скорее в том, что этого своего просто еще нет. У нас есть ряд уникальных интеллектуальных достижений, часть из которых признана, в том числе, и зарубежными традициями. Но в данном случае вряд ли имеет смысл составлять длинные списки. Действительный вклад в мировую гуманитарную науку и философию на сегодняшний день, пожалуй, внесли только И. Павлов, Л. Выготский, Н. Трубецкой, Р. Якобсон, М. Бахтин, и, разумеется, В. Ленин. Благодаря Шумпетеру, сюда можно добавить Н. Кондратьева. Наверное, нам социологам еще следует упомянуть П. Сорокина. Можно добавить еще пару имен, но список останется невелик. И, быть может, то, что он невелик – и есть наше главное богатство.

Новая мысль в России появится в уникальном контексте. Понимание этого контекста во многом и дает надежду на эту мысль. Этот контекст создает возможности ее появления. Структура этих возможностей определяется присутствием, сопresутствием и отсутствием. То есть тем, что у нас есть, той специфической конфигурацией, которую оно образует, и тем, соответственно, чего у нас нет. Мы живем в стране, которая своей историей, культурой и пространственными обстоятельствами создает не имеющий аналогов по сложности потенциал для развития мысли.

Во-первых, Россия представляет уникальную модель исторической преемственности. Мы наследуем историю трех или четырех автономных социально-экономических и культурных образований: Руси, которую при желании можно еще делить надвое или натрое, Российской Империи и Советского Союза. Каждая последующая создавалась практически сызнова, иногда вплоть до уровня антропогенеза. Более того, возможно, сегодня мы находимся в начале какого-то нового образования. Все эти концы и начала дают нам совершенно специфическую возможность, с одной стороны, быть сущностно причастными разным реальностям, а с другой стороны, свободно помыслить эти реальности. Это схоже с уникальным индивидуальным опытом пребывания в различных мирах. Например, когда происходит изменение мировоззрения, или полное изменение социальной среды. Но в случае России, к этому оказалось причастно целое общество. В этих условиях самым важным для гуманитарной мысли становится создание условий для того, чтобы этот опыт не стал очередным полным отрицанием прошлого и очередным погружением с головой в иллюзию будущего. Этому мешает сегодня поляризация интеллектуальной элиты по устаревшей и глубоко не переосмысленной линии советского и демократического.

Далее, в соответствии с этими разными реальностями мы имеем и совершенно беспрецедентный опыт сосуществования личностей-творцов, насколько противоположных, настолько же объединенных странной неудержимой созидательной силой. Это фигуры Сергия Радонежского, Петра, Пушкина, Ленина. Для нашего будущего нужно понять, что каждая последующая фигура не отменяла предыдущую, а будто бы прибавляла недостающее. Можно с трудом попытаться сформулировать эти достижения. Сергей закладывает глубокую религиозную онтологию всякого совместного бытия. Петр вносит в эту структуру момент личной свободы и энергии движения. Пушкин направляет эту энергию в область созидания прекрасного. Ленин создает измерение справедливости. Это не означает какого-либо эмпирически фиксируемого исторического преемства, хотя косвенно оно есть, но скорее символическое преемство, отзывающееся описанной выше специфической исторической ситуации. Мы должны создать преемство не посредством политического мифа, а самим созданием новой философской мысли и нового общества.

Еще одной уникальной особенностью нашей истории является феномен онтологизации литературы, когда именно литература оказывается на месте, традиционно, на Западе, занимаемом философией. Это не неразвитость нашей философии, а скорее то, значение чего еще до конца не понято. Возможно, подлинное русское Возрождение, инициированное литературой, необходимо мыслить вне отрыва от традиции христианской религиозной философии и публицистики рубежа XIX-XX веков. Эта философия, кстати, должна быть открыта заново, так как только нам она может быть подлинно понятна.

Религиозная со-присутственность нашей культуры также уникальна. Христианская ее сердцевина, выраженная, на мой взгляд, наиболее ясно самой фигурой Достоевского, не только писателя, сталкивается с парадоксом как нехристианского начала нашей истории, так и более позднего феномена многоконфессиональности. Это еще один повод со всей серьезностью обратиться к проблемам онтологии, к осмыслению возможностей сосуществования разных реальностей. Мы не просто имеем на своей территории граждан – представителей различных верований. Мы имеем, по меньшей мере, три полюса силы, три центра, соответствующие трем типам религии по Л. Карсавину – теизм в лице ислама, пантеизм в лице восточных религий и христианство. Более того, эти центры географически разъединены и находятся в непосредственной близости от мировых центров соответствующих религий, что определяет политическую необходимость усиления каждого центра, в противоположность размыванию различий или секуляризации. С точки зрения философии, здесь гораздо более серьезная проблема, нежели в области этнических отношений, так как в этом смысле Россия более устойчива.

Все вышеперечисленное создает интеллектуальную ситуацию, в которой совершенно невозможно не отнестись серьезно ни к одному значимому феномену мировой философии и науки о человеке и обществе. Мы должны глубоко переосмыслить марксизм, западную теологию, психоанализ, постмодернистскую философию, так называемую философию языка, идеи М. Хайдеггера, феминизм. Мы должны внимательно отнестись к знанию, маргинализованному современной наукой, например, астрологии. Мы должны понять, что то, что для кого-то является правдой или реальностью не может быть просто ошибкой, заблуждением. И понимание это должно перейти от феноменологического уровня к какому-то другому.

Почему эта ситуация должна привести нас к чему-то новому? Мне кажется потому, что выше было обозначено как отсутствие. Потому, что у нас попросту нет еще своей мысли. Мы не отстали, но мы оказались в такой странной и, надеюсь, счастливой ситуации. Гораздо опаснее в этой ситуации бить себя в грудь и кричать о том, что у нас есть свое и побольше, чем у вас. Именно потому, что у нас нет своей мысли, нет мощной философской школы, сравнимой со школами Франции, Германии и даже Англии, сегодня мы можем свободно увидеть все их проблемы и все их подлинные достижения. Мы свободны в этом отношении так же, как свободы в отношении опыта своей истории, описанном выше. Отсюда, из этого внимания к другой мысли, мы сможем увидеть и золотые зерна нашей трагически прерванной философской традиции, а дальше создадим уже новую мысль, которая протянет руку уже всем остальным. Но куда важнее даже не свобода взгляда, а подлинное могучее стремление к истине, которой еще нет, стремление к обретению реальности, пока поставленной под сомнение.

РЫЦАРЬ ИСТИНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ МАКСИМА МАКСИМОВИЧА КОВАЛЕВСКОГО

Кукушкина Е.И. (Москва)

Среди представителей классического периода развития отечественной социологии Максим Максимович Ковалевский был одним из тех, кто получил при жизни широкую известность не только в России, но и в научных кругах на Западе. Выпускник одного из лучших в то время университетов России – Харьковского, он с дипломом доктора права отправился для продолжения образования в страны Западной Европы, где за короткое время получил основательную подготовку как гуманитарий широкого профиля. Несмотря на ожидавшее его в послереволюционной России почти полное длительное забвение (кадет, буржуазный ученый, позитивист да к тому же социолог - представитель отвергнутой в советской России западной «лженауки») – все эти ярлыки в течение многих лет тормозили изучение и дальнейшее развитие трудов и идей Ковалевского. Исключение составляли лишь ученые-историки.

У новых поколений исследователей, просветителей и педагогов представления о личностях всемирно известных ученых прошлого складываются как правило на основании знакомства с их научными трудами и почерпнутых из самых разных источников, прежде всего мемуаров, обрывочных высказываний их современников. Между тем само восприятие научного наследия предшественников во многом зависит не только от знания представителями новых поколений особенностей того времени (эпохи), когда жили и творили эти ученые, но и от проникновения в конкретную обстановку прошлого, в те детали, по которым можно судить о характере каждого известного человека, о его отношении к жизни, людям, природе, к себе самому наконец, о его вкусах и предпочтениях, то есть обо всем том, что характеризует творческую личность, раскрывая неповторимые черты ее эмоционального и душевного склада. В случае с М.М.Ковалевским мы имеем яркий пример не просто взаимовлияния, но почти полного слияния внутренней жизни личности и его научной, общественно-политической и просветительской деятельности.

Сам о себе Ковалевский говорил и писал мало, считая, что трудно, если не невозможно, правдиво представить картину времени, заслоненную плотной завесой времени и чередой событий. Мы пока мало знаем о нём как истинном представителе российской интеллигенции, а в истории мировой науки - как основателе отечественной традиции в социологии и политологии.

В 1878 г. 19-летний П.Н.Милюков, посещавший гостеприимный дом Вс.Ф.Миллера, встречал там ближайших друзей и коллег ученого, среди которых, как вспоминал он много лет спустя, уже сам став известным ученым и политиком, «самым выдающимся и знаменитым был Максим Максимович Ковалевский» [1]. Ковалевскому тогда было 27 лет. Из оценок, разбросанных по мемуарной литературе и переписке современников Ковалевского можно заключить, что человек он был жизнерадостный, доброжелательный, терпимый к чужим мнениям, заботливый по отношению к своим коллегам, студентам, пользовался большим успехом у женщин (однако, по крайней мере два его серьезных романа браком не завершились). Человек состоятельный, он постоянно тратил личные средства на нуждающихся студентов. Он готов был оказать материальную помощь и студентам, и ученым. При этом предметом его забот мог стать коллега, взгляды которого он не разделял. Так, известно, какую заботу он проявил об идейном руководителе народнического движения П.Л.Лаврове, помогая ему с публикацией его трудов. Доминирующей чертой характера Ковалевского была неиссякаемая жажда знания, необходимого ему как ученому для научной разработки средств и методов избавления человечества от бед и страданий. За это он снискал прочно закрепившееся за ним имя Рыцаря Истины. У него была своя особая гражданская позиция: он не состоял членом такой-либо политической партии и не принимал участия в общественно-политических движениях. При этом проявлял высокую активность как общественный деятель и был избран депутатом в Первую Государственную думу.

Одной из характерных особенностей личности М.М.Ковалевского была потребность в гармонии, стремление к гармонии – во всем, т.е. не только в научных исследованиях, но и в повседневной жизни. Именно от жизненной установки, от потребности жить гармонично, в ладу с самим собой и окружающими рождались у него мысли о будущем не только своей родины России, но и стран всей планеты Земля.

При всей терпимости характера и доброте души Ковалевский, однако, проявлял настойчивость в проведении в жизнь своих незыблемых принципов, что подчас требовало немалого мужества и смелости. Отстаивая права научного знания как основы практической жизни цивилизованного общества, он постоянно открыто в прессе и устных выступлениях напоминал о

том, что «пастыри народные» (правители Российской империи) должны помнить об опасности доверять власть тем, кто верит, что порядок и прогресс зависят от одного лишь исполнения велений начальства. На самом деле важно в управлении государством опираться на знание его правовых основ, учитывая характер взаимодействия государства и права, экономики и политики» и считаясь с «с требованиями общественности, находящими выражение себе в нравственном законе» [2].

Сдержанный и ироничный в оценках людей А.П.Чехов, встречаясь с Ковалевским в Ницце в начале XX века, отзывался о нем почти восторженно: «Это большой человек во всех смыслах». Великий знаток человеческих душ отмечал веселый раблезианский нрав ученого, его заразительный смех. Этой своей оценкой писатель определил важность изучения всех «смыслов» жизнедеятельности Ковалевского как выдающейся личности, о которой необходимо знать всё. Без этого невозможно раскрыть секрет широты и универсальности его интересов, понять его исследовательские задачи и приемы, выбор им тем для своих исследований и связей между всеми направлениями его ученой деятельности.

Почему, будучи блестящим знатоком в области таких наук, как правоведение, история, экономика, этнография, Ковалевский лишь к концу 19 века всерьез занялся социологией и был признан одним из основателей отечественной традиции в этой науке? Дело все в том, что душевному и интеллектуальному строю ученого эта наука оказалась особенно близкой и необходимой как средство осуществления его глобальных творческих замыслов. По словам того же Миллюкова, социология для Ковалевского «была его систематическим мировоззрением» [3].

Широта научных интересов и богатейшая эрудиция в области человековедения и обществоведения, раннее приобщение к сокровищам человеческой мысли, с историей которой его знакомили уже на школьной скамье харьковские гимназические учителя, привели молодого ученого в страны Западной Европы. Он знал, чего не найдёт в архивах и библиотеках России и потому ему необходимо поработать в научных центрах других стран. Привлекаемый богатством исторических источников в западных архивах и библиотеках, отражающих более длительный исторический опыт общественной и государственной жизни стран Европы, он тем не менее пристально наблюдал за событиями в России, что принесло ему репутацию связующего звена между Западом и Россией.

Благодаря общительному характеру и умению налаживать контакты с наиболее интересными для него учеными и писателями западного мира Ковалевский, приехав в Англию, смог попасть в дом к Марксу, познакомился со Спенсером и другими деятелями науки и культуры. Во Франции его друзьями стали знаменитый социолог Р.Вормс и писатель Г.Флобер. С К.Марксом он общался тесно и длительное время, хотя не все в его учении принимал. Но то, в чем был согласен (прежде всего высоко ценя учет экономического фактора в изучении истории общества), признавал и принимал с благодарностью. Через четверть века после кончины Маркса он продолжал сохранять светлую память об этом мыслителе и называл его своим учителем [4].

Кого потеряла в лице М.М.Ковалевского Россия в канун Октября 1917 года.

Таланта и эрудиции М.М. Ковалевского, ушедшего из жизни накануне потрясших весь мир революционных событий в России в 1917 году, его умения прогнозировать ход событий очень не хватало России, особенно в самые трудные для страны первые послереволюционные годы, когда строительство новой жизни велось буквально вслепую в массе своей неквалифицированными кадрами. Блестящий знаток истории общества и общественных отношений, специалист высшего класса по проблемам государственного управления, досконально изучивший процесс зарождения и развития демократии, Ковалевский к тому же обладал редким провидческим даром. Он болел за Россию и потому более, чем кто-либо другой из российских обществоведов того времени мог оказать реальную помощь в становлении и развитии нового типа государства, впервые в истории человечества поставившего перед собой задачу создать строй, основанный на принципе социальной справедливости.

1. Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.73.

2. Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России. // Новые идеи в социологии. Сб. статей. Под ред. М.М.Ковалевского и Е.В. де Роберти. В.1. СПб., 1913. С.10.

3. Миллюков П.Н. М.М.Ковалевский как социолог и как гражданин.// М.М.Ковалевский . Ученый, государственный, общественный деятель и гражданин. Сб. статей. Пг., 1917. С.137.

4. Ковалевский М.М. Две жизни. // Вестник Европы. №7, №8.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ: СРАВНЕНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ

Кулешова А.В. (Петрозаводск)

Целью работы является поиск, обобщение и систематизация научной информации о состоянии молодежных социологических исследований в странах Северной Европы: Финляндии, Дании, Швеции, Норвегии и Исландии. Данное исследование носит во многом разведывательный характер, ибо можно говорить о недостаточной информированности российской научной общественности о научных разработках зарубежных коллег–социологов североευропейского региона.

Основной источниковедческой базой выступили англоязычные статьи журналов Социологической Ассоциации стран Северной Европы (1), опубликованные за 2004 - февраль 2016 гг. и доступные на официальных сайтах. Всего было использовано 6 журналов в электронном виде: 5 общей специализации и один посвященный молодежным исследованиям. К первым относятся: «Qualitative Studies», «Acta Sociologica», «Bifrost Journal of Social Science», «Nordic Journal of Social Research» и «Outlines. Critical Practise Studies». Специализированный журнал – «Young: Nordic Journal of Youth Research».

Настоящее эмпирическое исследование условно можно разделить на два этапа. Первый - поиск статей, посвященных молодежным социологическим исследованиям с помощью традиционного (логического) анализа документов. Второй – контент-анализ выбранных статей с целью выявления основной проблематики и используемых методов, исследовательских подходов.

Единицами контент-анализа выступили ключевые слова, которые были выделены авторами статей или же автором настоящей работы в ходе собственного анализа, прочтения. Для выявления используемых методов и исследовательских стратегий сами эти категории были единицами анализа.

Табл. 1 - Эмпирическая база исследования

Журнал	Изученные номера, период	Количество во изученных статей	Из них про молодежные исследования
Acta Sociologica	С 2004 года (Vol.47) по 2016 год (Vol.59) – итого 49 номеров	239	15
Qualitative Studies	С 2010 года (Vol.1) по 2013 год (Vol.4) – итого 8 номеров	30	2
Bifrost Journal of Social Science	С 2007 года (Vol.1) по 2011 год (Vol.5) – итого 4 номера	8	0
Nordic Journal of Social Research	С 2010 года (Vol.1) по 2015 год (Vol.6) – итого 7 номеров	43	3
Outlines. Critical Practice Studies	С 2004 года (Vol.6) по 2015 год (Vol.16) – итого 21 номер	105	6
Young: Nordic Journal of Youth Research	С 2014 года (Vol.12) по 2015 год (Vol.23)	240	240
Итого		685	266

Для анализа российских социологических исследований молодежи был выполнен аналогичный алгоритм, применимый для журналов Института социологии Российской академии наук: «Вестник Института социологии», «Социологическая наука и социальная практика», «Социологические исследования» и «Социологический журнал» (остальные журналы не имеют общего (разностороннего) социологического содержания, что является главным принципом отбора).

После проведенного исследования посредством контент-анализа были получены следующие результаты и сделаны следующие выводы:

Современная социология молодежи Северной Европы настаивает на том, что первым шагом к исследованию является обязательный и однозначный выбор одной из трех основных

парадигм: позитивистской, реалистической или конструктивистской, которые имеют в основе разные онтологические и эпистемологические основания и исходные положения (3). Следует признать, что сама типология отнюдь не является общепринятой.

Что касается основных вопросов и направлений изучения молодежи в современной социологии Северной Европы, то чаще всего реализуются социокультурные исследования молодежи (10,7%). В политических исследованиях серьезно изучаются молодежная политика и электоральное поведение (9,9%). Также актуальны изыскания в рамках социологии личности (9,5%), социологии образования (8,7%) и гендерные исследования (8,5%). Выявленная проблематика является отражением социальной действительности Северной Европы.

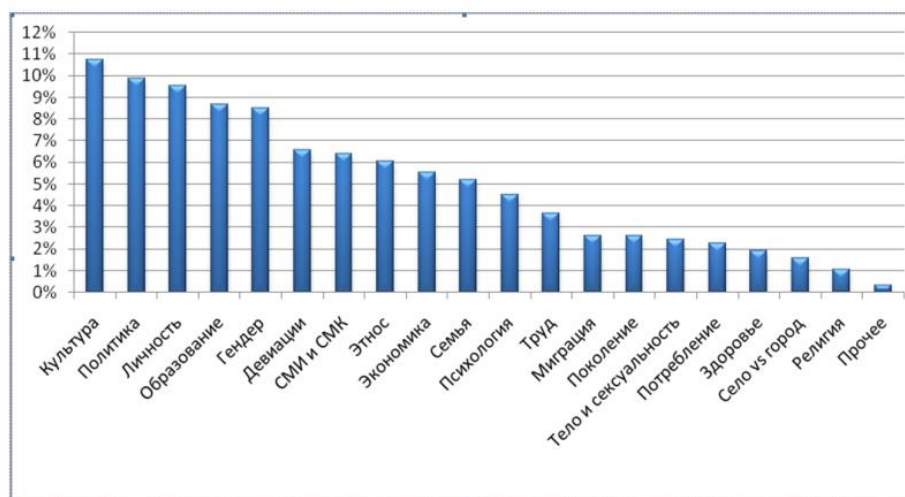

Рис.1 Проблемное поле современных социологических исследований молодежи стран Северной Европы

Полученная иерархия проблематики в отечественных исследованиях молодежи схожа с иерархией стран Северной Европы (Табл.2). Но при этом содержание данных категорией варьируется и отличается друг от друга.

Табл.2. Сравнение основной проблематики социологических исследований молодежи

	СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	РОССИЯ
	Культура (10,7%)	Образование (22,6%)
	Политика (9,9%)	Культура (12,0%)
	Личность (9,5%)	Труд (10,6%)
	Образование (8,7%)	Личность (8,8%)
	Гендер (8,5%)	Девииации (5,2%)

Так, если североевропейские социокультурные исследования включают в себя чаще всего изучение молодежных субкультур, то отечественные социологи в рамках данного направления прослеживают ценности и ценностные ориентации молодежи.

В рамках социологии образования представители североевропейской социологической мысли в основном рассматривают школьную ступень и ее представителей, в то время как отечественные ученые в подавляющем большинстве случаев объектом своих исследований выбирают студенческую молодежь.

Как верно было отмечено Е. Лисицкой, основной проблемой отечественной социологической периодики является то, что теоретико-методологические основы используются в основном только с просветительской функцией, они не выполняют своего прямого предназначения, не объясняют и не интерпретируют элементы окружающей реальности (5). Это

негативно отражается в том числе и на объеме и убедительности условных соответствующих параграфов статей, что, к слову, существенно затрудняло анализ. Для сравнения: в западных журналах используемые концепции и парадигмальные рамки убедительно и изящно связываются с исследуемыми проблемами.

Особенностью и одновременно различием качества социологического знания регионов стали используемые методы исследований. Социологи молодежи Северной Европы придерживаются качественной стратегии исследования и особенно предпочитают использовать метод индивидуального интервью – каждый второй выбор падает именно на него (49,6%). Количественные методы, анкетирование выступают лишь как второстепенные методы сбора социологической информации.

В отечественной периодике на всем протяжении анализируемого периода используются в основном методы количественного сбора данных с акцентом на анкетирование и другие формализованные методы (62,9%). В североевропейских журналах используемые методы представлены не только указанными традиционными формами, но и интервью, анализом биографий, контент-анализом, кейс-стади, анализом дневников (Табл.2).

Табл.2. Сравнение используемых методов при социологическом изучении молодежи

	СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	РОССИЯ
	Интервью (49,6%)	Анкетирование (62,9%)
	Анализ документов (16,1%)	Анализ документов (16,8%)
	Анкетирование (14,5%)	Интервью (12,6%)
	Фокус-группа (10,3%)	Фокус-группа, наблюдение (по 2,6%)
	Наблюдение (9,1%)	

Проведенный анализ показывает, что сами социологи Финляндии и Скандинавии предпочитают работать в русле реалистической парадигмы («реалисты» стремятся как понять, так и объяснить общество, отказываются от отстраненного отношения исследователя к своему объекту, используют «интерактивные» качественные методы), в то время как отечественные ученые «отстают» и находятся в основном на этапе исследований в рамках позитивистской парадигмы (цель – объяснение и контроль, использование стандартизированных опросников). Это можно объяснить различным генезисом социологического знания данных регионов.

1. *Nordic Sociological Association [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nordicsociologicalassociation.org/pub/>, свободный, загл. с экрана. Яз. англ.*
2. *Paradigms of Youth Research. Линкольн и Губа, 1994 и 2003, модификация В.Пууронен. / Mixed Methods in Youth Research. Tampere: Juvenes Print, 2005. С.19.*
3. *Лисицкая Е. Ю. Опыт сравнения социологического теоретизирования в российских и зарубежных научных журналах // Социологические исследования. 2014. №9.*

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ В РАЗВИТИИ МЕТОДА НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Лапыгин В.Д. (Москва)

Метод неоконченных предложений относится к классу проективных методик и изначально пришел в социологию из психологии, соответственно на первых этапах развития метода в социологических исследованиях происходила его адаптация под социологические задачи и теоретическое переосмысление возможностей и ограничений его применения. Метод получил достаточно широкое распространение в качественных исследованиях и закрепил свои позиции как эффективный способ проникновения в индивидуальное сознание, не ограничивающий респондента жесткими рамками априорных установок исследователя. В отечественной социологии значительное развитие метод получил в работах Татаровой Г.Г., Бурлова А.В., Климовой С.Г., Ольшанского В.Б. [1,2,3,4], в том числе были разработаны и обоснованы три стратегии применения и способ анализа полученной эмпирической информации («Пирамида обобщений»).

Однако говорить о достаточной степени развития метода неоконченных предложений (далее МНП) в социологической науке пока рано. Более того, стоит отметить, что в последнее время наблюдается крайне малое количество работ методического характера, которые бы были

направлены на дальнейшее изучение возможностей МНП. Сложилась ситуация при которой новые исследования с применением МНП, как правило, выстраиваются на базе нескольких относительно немногочисленных «классических» исследований, соответственно по их примеру выстраивается инструментарий исследований – сами незаконченных предложения, которые подвергаются достаточно малым изменениям от работы к работе. Также в рамках этой ситуации не велик и перечень предметов изучения, на которых апробируется МНП. Недостатком такого подхода представляется значительное сужение проблемного поля применения метода.

Причиной формирования подобной ситуации представляется недостаточная разработанность методических рекомендаций по формированию инструментария исследования. Действительно, конструирование инструментария МНП представляется куда более сложной задачей для исследователя, так как в отличие от классических опросных методик респонденту предлагается стимульный материал (в виде незавершенных предложений), который должен побудить испытуемого давать ответы в форме проекций. Соответственно возникает проблема так называемого поля поиска ответа или семантического пространства, задаваемого исходным стимулом. Перед исследователем появляется необходимость достаточно точно задать семантические рамки, поскольку при неправильном формировании незавершенных предложений появляется риск либо получить много иррелевантной теме исследования информации (в случае слишком широкого поля поиска ответа), либо, наоборот, получить тривиальные, социально одобряемые или стереотипные ответы (если семантические рамки слишком узки). На данном этапе практически полностью отсутствуют методические наработки по формированию стимульного материала, эту проблему исследователь вынужден решать полагаясь на собственную интуицию или обращаясь к уже апробированным и зарекомендовавшим себя наборам незавершенных предложений. Второй вариант, особенно для тех, кто использует МНП впервые, конечно представляется более простым и надежным, что и приводит к проблемной ситуации, описанной выше.

На наш взгляд решение данной проблемы требует дальнейшего изучения способов применения МНП в различных исследовательских ситуациях, особого внимания заслуживает методологическая рефлексия по поводу формы незавершенных предложений, их длины, составных частей, использования тех или иных логических конструкций, влиянии вышеперечисленного на границы поля поиска ответа. Так можно предположить гипотезу об обратной зависимости количества смысловых элементов и ширине поля поиска ответа. Под смысловыми элементами мы понимаем те слова предложения, что определяют ключевой смысл и направляют сознание респондента в нужное русло. Проиллюстрировать эту мысль можно с помощью следующих предложений: «Как мне кажется, служба в армии...»; «Как мне кажется, служба в армии позволяет...»; «Как мне кажется, к минусам службы в армии можно отнести...». Мы видим, что наиболее широким полем поиска ответа обладает первое предложение, его семантическое пространство может побудить респондента к проекциям своих установок относительно армейской службы любого характера, в тоже время два других предложения условно делят семантическое пространство первого пополам, на позитивный и негативный контекст.

Важность формы можно проиллюстрировать следующим примером: «Чрезмерное употребление алкоголя – это плохо, но...». В этом случае мы можем наблюдать форму, которая предполагает содержание некоторой установки и ограничение реакции респондента на эту установку в важном для исследователя ракурсе. Этот пример предлагает испытуемым социально одобряемую установку относительно употребления спиртного, при этом ограничивая поле поиска ответа позитивными или хотя бы не негативными, оправдательными аспектами явления. Соответственно в качестве завершения этого предложения мы можем получить обоснования следующего вида: «...но иногда это единственный способ расслабиться», или «...но по праздникам можно», и т.д. Подобные чувствительные темы сложны для изучения многими методами, поэтому разработка инструментария, способного извлекать такую информацию представляется крайне актуальной.

Приведенные примеры является весьма простыми и понятными и призваны лишь продемонстрировать некоторые аспекты дальнейшего изучения возможностей МНП. На наш взгляд более детальное изучение способов конструирования инструментария МНП позволит значительно упростить задачу исследователя и расширить как предметное поле применение метода, так и количество обращений к МНП, как средству сбора эмпирической информации.

1. Бурлов А.В., Татарова Г.Г. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. - № 8.
2. Бурлов А.В., Татарова Г.Г. Метод неоконченных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: 4М. - 1997. - №9.
3. Климова С.Г. Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: 4М. 1995. - №№5-6.
4. Ольшанский В.Б. Становление метода неоконченных предложений в Советском Союзе 70-х годов // Социология: 4М. 1997. - №9.

УЧЕНЫЙ-УНИВЕРСАЛИСТ 19 ВЕКА ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЛАМАНСКИЙ

Лебедева Г.Н. (Санкт-Петербург)

XIX столетие стало временем становления большинства всех современных наук, как фундаментальных, так и прикладных. Среди причин, которые сделали то столетие временем великих открытий, были такие трудноуловимые факторы, как становление современных наций, включая народы, которые высокомерно считали «неисторическими». В общественных науках в позапрошлом веке существовали многие трудности, которые сохраняются и поныне. В первую очередь сюда нужно отнести политическую пристрастность наук. И поэтому особого восхищения заслуживают те ученые, которые сохраняли научную «холодность» со страстью первопроходца. К таким ученым можно отнести Владимира Ивановича Ламанского (1833-1914).

Один из создателей научного славяноведения, В. И. Ламанский был также ученым с широким кругом интересов. Его исследования посвящены истории, языку и литературе славянских народов, их этнографии, истории славяноведения, истории культуры России XVIII в., жизни и творчеству М. В. Ломоносова, проблемам палеографии, византиноведения.

В. И. Ламанский родился в многодетной семье дворянина, директора Кредитной канцелярии Министерства финансов. Позже вспоминал о себе, что сформировался среди людей независимых передовых взглядов. Окончил в 1850 г. с золотой медалью Первую петербургскую гимназию, а в 1854 г. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где проходил курс у И. И. Срезневского. По окончании получил серебряную медаль и диплом кандидата за сочинение «Рассуждение о языке Русской Правды». По окончании курса В. И. Ламанский, став формально чиновником губернского правления, много работал в Публичной библиотеке и Государственном архиве, основательно разгребая неизвестные науке летописи и рукописи. А в 1858 г. перешел на службу в Государственный архив Министерства иностранных, где была возможность близко увидеть и опубликовать документы 18 века. В дальнейшем - работа в архивах в 1860 -1870- х гг. по публикации документов и материалов, составление записок и комментариев к ним, которые были опубликованы в специальных изданиях («Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских», «Вестник Императорского Русского Географического общества», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.). Уже работой в архивах Ламанский оставил большой след в истории отечественной науки, Ученик В. И. Ламанского П. Д. Драганов составил полную библиографию учено-литературных трудов В. И. Ламанского за период с 1854 по 1904 гг., в которой насчитывается 471 наименование .

Кропотливо накапливая материал, Ламанский стремился его анализировать и систематизировать. Еще в статье 1857 года «О распространении знаний в России» (Современник. 1857, № 5, с. 1 - 46) он показывал, что необходимо пробудить интерес к «самопознанию и самосознанию русского народа», где выдвигались предложения об учреждении в Москве Общества по распространению знаний, публичной библиотеки и др. На основе обнаруженных документов в архивах написал целый ряд работ о Ломоносове , подготовил академическое издание его сочинений, а также работу об Академии наук в целом . Особо В. И. Ламанский подчеркивал роль Ломоносова в борьбе с иностранным засильем и в утверждении русского литературного языка. В 1864 г. в статье «Столетняя память М. В. Ломоносову» он пишет: «Как помянули его следующие русские поколения, наши деды и отцы? Посмертные его бумаги, целые статьи и записки, небрежно растеряны. Русская литература поныне не имеет сколько-нибудь сносной его биографии и полной критической оценки всех его трудов, ни одного полного порядочного собрания его сочинений. И некоторые из сохранившихся почти вовсе неизвестны огромному большинству русских образованных людей, даже писателей. Сооружен ему памятник плохой и без всякой основательной причины — в Архангельске, где он иногда бывал, еще молодым парнем, по торговым и промышленным делам своего отца. Смело можно сказать, что не только ни одна большая, но и ни одна маленькая европейская словесность не представляет другого примера

подобного равнодушия и невнимания, столь грешного пренебрежения к памяти своего родоначальника и образователя» .

Ламанский вовсе не был кабинетным ученым. Со времен создания академической науки в России при подготовке ученых в качестве практики использовались научные путешествия. В конце 1820 –х гг. с целью близкого знакомства с историей славянских народов в университетах были созданы кафедры славистики, затем, затем эту идею поддержали сначала министр народного просвещения А. С. Шишков, затем ее К. А. Ливен (1828 – 1833), и особенно С. С. Уваров (1833 - 1849). Николай I требовал, чтобы новая наука теоретически подтверждала формулу «православие, самодержавие, народность», и такая задача была заложена в уставе 1835 г., и подтверждалась позже. В университетском уставе 1835 г. было предусмотрено создать на первом (т. н. гуманитарном) отделении философских факультетов университетов кафедры истории и литературы славянских наречий . Для занятия этих кафедр были отобраны кандидаты, которые были направлены за границу для изучения языков, литературы и истории славян: О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович. В 1840 г. славистика была включена в систему высшего образования, с середины 1840-х было две ученых степени: магистра славянской словесности и доктора славяно-русской филологии (первым доктором стал И. И. Срезневский). Дальнейшее развитие славяноведения привело к тому, что уже в 1860 -1880 х гг. отечественные школы и направления заняли ведущее положение в отечественной и мировой славистике , ставшей комплексной научной дисциплиной.

В 1859 В. И. Ламанский защитил магистерскую диссертацию «О славянах Малой Азии, Африки и Испании», удостоенную Демидовской премии Академии наук, а в 1871 защищает докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе»,

В 1862г. и в 1868 – 69 гг. - командировки за границу, где посетил славянские земли Австрийской империи, Италию, Сицилию, Грецию, Константинополь, около года - в Венеции и др., с научной целью. Работал в архивах и библиотеках, собрал много рукописей, установил контакты с учеными и политическими деятелями. Изучал не только славян, но и окружающие их народы, уделял большое внимание политической жизни Европы. Результатом поездки были труды, принесшие ему мировую известность.

В. И. Ламанский в мае 1865 был избран доцентом на кафедру славянской филологии С-Петербургского университета, где прослужил 33 года (1865 – 1898). В становится профессором по кафедре славянской филологии. Помимо Петербургского университета также преподавал в Академии Генерального штаба (1890 – 1900) и Духовной академии (с 1872 г.), читая лекции о совр. положении славян. Известно, что о славянах существуют исследования Лаппо-Данилевского, Н. Кареева.

Его геополитика, взгляды на славянство современной ему эпохи, анализ ситуации, в какой оказался славянский мир по отношению к Западной Европе изложены в работе «Три мира Азийско-Европейского материка», опубликованной впервые в Славянском обозрении, 1892, № 1 – 3. Он выделил на этом материке германо-романский, греко-славянский и азиатский «миры культурного человечества», имеющие географические, этнографические и культурные основы самостоятельного бытия. Еще в 1870-х Ламанский предсказывал неминуемую войну с германизмом.

Однако, как бы ни была велика научная деятельность Ламанского, все же в историю он вошел, прежде всего, как общественный деятель и политический мыслитель. Ламанский был одним из организаторов состоявшегося в Москве в 1867 Славянского съезда. Вместе с генералом А. А. Киреевым он создал Санкт- Петербургское отделение Славянского комитета, сыгравшего большую роль во время восточного кризиса 70-х гг. XIX в. Преобразованное позже в Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество (ССБО) издавало «Известия ССБО» с 1883 – 1916 гг., позднее переименованные в «Славянские известия». С 1 января 1887 до конца 1888 - был их редактором. Вышло 9 книжек под его редакцией, где обильный материал о славянах.

Наконец, Ламанский вовсе не был деятелем, интересующимся славянством «вообще». В. И. Ламанский был секретарем Этнографического отделения Императорского русского географического общества, где в 1865-71 и в 1887-1911 возглавлял отделение этнографии. Под его руководством этнографический отдел Русского Географического общества провел огромную работу по всестороннему изучению антропологии, языка и диалектов, быта и обычаев русского народа, организовывались этнографические экспедиции в славянские страны, а издававшийся им с 1890 г. журнал «Живая старина» стал виднейшим органом этнографии в ученом славистическом мире. Ламанский предлагал выделить в России 13 особых антропо-политико-географических зон.

Уже в н. XX в. Ламанский участвовал в издании (редактором был его ученик В. П. Семенов-Тянь-Шанский, сын знаменитого путешественника) многотомного справочника «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1899—1914), и поныне остающегося непревзойденным образцом научного энциклопедического труда. Необходимо отметить, что, говоря о необходимости объединения славян под эгидой России и о неизбежной борьбе с германизмом, Ламанский вовсе не был апологетом войн, не делил народы на «высшие» и «низшие» расы. «Миродержавная роль нашего славянского племени – не завоевания, а хозяйственно-культурный подъем страны», – считал он.

В 1900 Ламанский В. И. стал академиком императорской российской академии наук. Кроме того, Владимир Иванович Ламанский (1833-1914) был членом Русского и Московского археологических обществ, председателем Историко-филологического общества и членом Философского общества при Петербургском университете, членом ОЛРС.

Исследования истории науки в России, начатые С. Уваровым, С. Шишковым, были продолжены Ламанским, но в целом обобщающего исследования, которое могло бы стать главной книгой по истории науки в России до сих пор не появилось. Как педагог Ламанский воспитал целое поколение последователей, которые имели также своих учеников.

В личности Ламанского можно видеть и то, как наука помогала формироваться ему как личности, так и отпечаток незаурядной личности Ламанского на науку. Конечно, самым важным была эпоха становления Ламанского – общественный подъем в России и славянских землях 60-х гг. 19 века. Но очень благоприятствовала Ламанскому и продуманная система подготовки научных кадров в российских университетах. Этот опыт заслуживает самого пристального внимания.

1. Драганов П. П. Библиография учено-литературных трудов В. И. Ламанского и материалов для его биографии / Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50 – летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. XI – LXIII.
2. В. И. Ламанский. М. В. Ломоносов. Биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 1, с. 244 – 296; № 2; «Столетняя память М. В. Ломоносову 4-го апреля 1865 г.» / День. 1864. № 37 – 38; Отд. Выпуск 1864; 2 –ое изд. 1865; Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносове // ЧИОИД. 1865. Кн. II. Отд. V. С. 69 – 70.
3. В. И. Ламанский. Ломоносов и Академия наук // ЧОИДР. 1865. Кн. I. Отд. V. С. 37 – 192.;
4. День. 1864. № 37. С. 4.
5. Полн. Собр. Законов рос. Империи. Собр. 2. Т. 10, отд. 1. СПб., 1836. С. 842. (взято: Славяноведение в дореволюционной России. 1979. С. 14).
6. Славяноведение в дореволюционной России. 1988, С. 96.

ТАНАТОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

Левченко И.Е. (Екатеринбург)

В многогранном творчестве М. М. Ковалевского определенное место занимает танатосоциологическая проблематика. Например, изучив проблему инфантицида, ученый пришел к следующим выводам: 1) «для войны были необходимы хорошо сложенные, сильные мужчины, способные переносить всякие труды и лишения, то приняли за правило убивать уродливых детей»; 2) «в состоянии постоянной войны, в котором находились первобытные люди, семья заботилась больше всего о сохранении мужского потомства. Дочери часто являлись только обузой, до тех пор, по крайней мере, пока обычай похищения не уступил место их купле. Вот почему обычай убивать девочек сохранялся так долго» [1, 107].

Особое внимание социолог уделял исследованию обычая кровной мести. Придерживаясь концепции матриархата, он отмечал, что месть являлась «обязанностью, вытекавшей из факта родства по матери. Мстить должен был не сын убитого, а его племянники, сыновья сестры. Если убита женщина, то право мести принадлежит в первую очередь ее детям; за их отсутствием — единоутробному брату, наконец, сыну сестры» [1, 30]. Вместе с тем исследователь указывал, что в традиционном обществе в качестве ответчиков выступают не только виновный в убийстве, но и пять его ближайших родственников по мужской линии [3, 9]. При этом «матриархатные» нормы сохранили свое значение и в Раннее Средневековье (например, согласно хроникам меровингской эпохи, за убийство дяди по матери мстят более жестоко, чем за убийство отца).

Значительный интерес представляют изыскания М. М. Ковалевского, посвященные вопросам наследования. Он справедливо подчеркивал, что у многих народов имущество

переходит по боковой линии и притом исключительно к братьям и сестрам. С правом наследования непосредственно связаны погребальные обычаи, которые, по его мнению, наглядно отражают характер собственности, присущий «дикарям» и «исчезнувшим народам». Подтверждением тому служат ритуалы сжигания вдов и рабов после похорон на могилах усопших [1, 61].

С точки зрения М. М. Ковалевского, важную роль в организации социальной жизни играет поминальная обрядность: «Загробная жизнь, жизнь душ является продолжением земной жизни. Мертвые, так же как и живые, нуждаются в пище, топливе и освещении. Доставлять им все эти блага должны оставшиеся в живых. Поэтому осетины стараются делиться с душами умерших тем, чем сами поддерживают свое существование. В течение целого года после смерти мужа вдова приготовляет ему постель и все, что нужно для туалета, как бы думая, что он придет или же невидимый присутствует при всех этих приготовлениях. Каждую пятницу она посещает его могилу и приносит пищу и питье на целую неделю. Во время поста служится панихида и делают чучело, которое сажают за стол и угощают» [1, 71].

Социолог полагал, что культ предков неразрывно связан с самим существованием патриархальной семьи и является одной из причин ее устойчивости на протяжении ряда веков. Центром этого культа был домашний очаг: «Два обстоятельства способствовали этому: прежде всего, обычай хоронить родственников вблизи самого очага — обычай, сохранившийся еще и до сих пор в Китае, — или же окружать этот очаг их изображениями, как это было у этрусков. Затем — понятие об огне, как о прямом посреднике между живыми и мертвыми; сношения с мертвыми выражались только в постоянном предложении им пищи» [1, 77].

М. М. Ковалевский обосновано утверждал, что в древности семейная община являлась в то же время и общиной религиозной. Именно этим обусловлено чрезвычайно жесткое отношение к нарушению брачных норм со стороны женщин: «...прелюбодеяние считалось величайшим преступлением женщины, преступлением, которое семейный совет обычно наказывал смертью, которое во всяком случае клало конец супружеской жизни. Жена, виновная в прелюбодеянии, по необходимости должна была исчезнуть из оскорбленной ею семьи, или будучи умерщвлена лично самим мужем, или в результате торжественного акта, указывающего, что всякая связь с виновной отныне порвана на вечные времена» [1, 82-83].

Танатосоциологическая проблематика исследовалась М. М. Ковалевским и в рамках отечественной истории. Так, он с сожалением констатировал, что «распространение русского господства влечет за собой необходимо исчезновение в более или менее отдаленном будущем туземных племен»: «Остяки и тунгузы, например, вымирают; причиной этого являются, по видимому, эпидемические болезни, неумеренное употребление спиртных напитков и, до известной степени, то обстоятельство, что переселенцы, приходящие из Европейской России, завладевают лучшими землями. Леса поредели или совершенно уничтожены. Охотничьи и пастушеские племена Сибири неспособны приноровиться к новым условиям существования и часть их гибнет с голоду» [2].

Аргументировано выявив причины («социальный и политический гнет высшего дворянства») «бунта донского казака Степана Разина», превратившегося в «массовое восстание всех угнетенных, начиная с рабов и крепостных, продолжая приволжским населением и кончая казаками, составлявшими гарнизон в некоторых пограничных городах», социолог последовательно рассматривает, как было осуществлено усмирение бунтовщиков: «...воеводы подавили восстание страшной резней. Отрезав бунтовщикам руки и ноги, они разослали их объявить и наглядно показать жестокую участь, ожидавшую всех, кто вздумает присоединиться к Разину. Последний же снова убежал на Дон, но был на этот раз выдан атаманом небунтовавших казаков. Ужасная участь ожидала его в Москве. После бичевания и пытки огнем его подвергли новому мучению: холодная вода капля за каплей падала на его предварительно обритую голову; лишь спустя несколько дней он, еще живой, был четвертован, а внутренности его брошены собакам. Несмотря на все эти пытки, бояре не могли вырвать у Степана перед смертью признания, куда он скрыл свои сокровища. Мятежник умер, ни одним словом не обнаружив своего страдания» [2].

М. М. Ковалевский, как истинный историк, указывает, что подобного рода жестокость характерна для противостояния власть имущих и восставших во все времена - Уота Тайлера, Жакерии и Емельяна Пугачева («крестьяне убивали помещиков дворян иногда со всеми семьями») [2].

Для исследователя важным представляется изучение социально-психологических особенностей судебных разбирательств преступных деяний и наказания виновных. Отмечая опасность крестьянских самосудов над захваченными ворами, он выделяет «чрезвычайную жестокость, характеризующую народное правосудие и вердикты присяжных всякий раз, когда они имеют дело с кражей лошади, быка или какого нибудь другого предмета, важного в сельском хозяйстве». С другой стороны, «крестьянин обыкновенно бывает снисходителен, когда дело идет о преступлениях, совершенных под влиянием страстей, как, например, убийство неверной жены и особенно жестокое обращение с нею, даже повлекшее за собою смерть» [2].

Таким образом, М. М. Ковалевский, опираясь на собственные изыскания и данные исследователей, в своих социологических, правоведческих и этнографических работах, плодотворно рассмотрел ряд социально-исторических аспектов феномена смерти.

1. Ковалевский М. М. *Очерк происхождения и развития семьи и собственности*. М.: Соцэкгиз, 1939. 185, [2] с.

2. Ковалевский М. М. *Очерки по истории политических учреждений России [Электронный ресурс]*. М.: Территория будущего, 2007. URL: <http://iknigi.net/avtor-mihail-kovalevskiy/51615-ocherki-po-istorii-politicheskikh-uchrezhdeniy-rossii-mihail-kovalevskiy.html> (дата обращения: 30.09.2016).

3. Ковалевский М. М. *Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права*. 2 вып. «Библиотека самообразования». СПб.: Изд. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1905.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 18 ВЕКА КАК ПРЕДСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Лозинская Е.О. (Москва)

Принято считать, что социология как наука начинается складываться в течение XIX века. В это время происходит институализация новой науки, формируются основные подходы и направления, разрабатывается методология, дифференцируются направления и уровни. Этот процесс формирования научного знания всегда продолжителен по времени, и концу XIX века социология все еще, по словам Людвиг Гумпловича, прошла «только первоначальную и подготовительную фазу своего развития» [3, 8]. Но речь идет уже о науке как знании о специфической реальности – обществе взаимодействующих людей. Одновременно с социологией начинается и история социологии.

История всегда имеет предысторию. Предысторию науки можно назвать преднаукой. Речь идет о периоде, предшествующем появлению официального наименования новой области знания, когда «факт появления новой общественной науки не был еще засвидетельствован «научным сообществом» [3, 8]. В России в XVIII веке, особенно во второй половине, мы можем найти немало примеров вполне социологического подхода к рассмотрению различных социальных процессов и явлений.

Специфически социологическая проблематика не была еще отделена от проблематики социальной философии, политэкономии, правоведения и других смежных наук. Но это не значит, что мыслителями прошлого не ставились вопросы, на которые сегодня отвечает социология. Рассматривая социальную проблематику, отразившуюся в тех, или иных формах в умах наших соотечественников, живших во второй половине XVIII века, представляется более точным назвать это социальным дискурсом, так как рассуждения на интересующие нас вопросы мы можем обнаружить не только в научных трактатах, но и в художественной литературе, публичных выступлениях по различным поводам, мемуарах или частных письмах.

Выделение науки и вместе с ней истории этой науки из числа других начинается тогда, когда возникает следующий вопрос: об истории чего идет речь? Для темы нашего исследования это наиболее актуально, т.к. науки как таковой еще нет, она лишь зреет в недрах общественного сознания, чувствуется пока только необходимость изучения такого феномена как человеческое общество. Что же такое социология, историю которой мы хотим изучать? «Как определить, что относится к этой науке, что – к другой, а что вообще к науке не относится? Какие имена, школы, направления, понятия, теории, методы наиболее важны и, следовательно, должны присутствовать в истории социологии, а какие нет?» [6, 7]

Вопрос о предмете социологии актуален и до сих пор. Идут непрекращающиеся споры и об объекте, и о предмете, и о методе науки. И, хотя эти споры можно наблюдать не только в социологии, а и других науках, в социологии это наиболее наглядно. О предмете социологии не

могут до сих пор договориться не только отечественные социологи, но и западные ученые. «Создается впечатление, что это – парадоксальная наука, обреченная на вечные поиски своего предмета» [3, 9]. Теоретик социологии может выделить те или иные социальные феномены из всего многообразия социальных фактов и связей, которые ему покажутся наиболее значимыми и сфокусировать на них свое внимание, назвав это предметом социологии. Задачей историка является рассмотреть разные теории, школы и направления, а значит, рассмотреть многообразие выборов разными учеными разных периодов времени.

Рассматривая период времени, предшествовавший появлению самой науки, мы можем назвать эту стадию предсоциологией. В определении предмета любой науки должны быть выделены критерии и признаки, при помощи которых мы определяем знание как принадлежащее той или иной дисциплине, в данном случае нас интересуют критерии и признаки науки социологии. Эти же критерии мы применим к поиску проблематики предсоциологии. А.Б.Гофман выделяет несколько групп таких критериев. Это онтологические критерии, которые определяют область исследования социологии или «специфический объект науки», призванные ответить на вопрос, о чем искомое знание. Это знание об обществе, социальных взаимодействиях, которые проявляются в самых разных формах. Таким образом, это раздел научного знания содержащий высказывания о социальной реальности.

Теоретико-познавательные критерии помогают нам среди множества информации об обществе выделить именно научное знание, т.е. такое знание, которое способно зафиксировать наиболее существенные в отношении нашего предмета свойства. Это отличает научный подход от других видов познания социальной реальности. И, наконец, этические критерии, которые предполагают научное познание как высшую ценность.[2, 6-13].

Во второй половине XVIII отечественная общественная мысль проявлялась в самых разнообразных формах и проявлениях. Наряду с политическими и экономическими проблемами социальные вопросы занимают видное место в работе различных комиссий. В 1765 году было создано Вольное экономическое общество, которое должно было подготовить программу повышения производительности помещичьего хозяйства для рассмотрения ее Комиссией для сочинения проекта нового Уложения, или Уложенной комиссией. Сама Екатерина II написала для депутатов комиссии собственный Наказ, в котором представила свою программу, в том числе и социальных преобразований в России. Наказ этот являлся не правовым кодексом, а сводом лучших, по ее мнению, принципов, на которых зиждется упорядоченное общество, заимствованных из трудов наиболее известных авторов того времени. Из Наказа следует, что сословное деление поощряется, и даже указываются меры по формированию этого деления[6].

Интересными для историка социологии являются также многочисленные работы, присланные на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом по созданию нового Уложения. А.Я. Поленов, получивший второе место на этом конкурсе, самым важным видел вопрос о сохранении и увеличении населения в стране.

На конкурсе также была представлена работа первого русского профессора права Московского университета С.Е. Десницкого. Общество, подобно природе, постоянно изменяется путем восхождения от примитивных форм общежития к более сложным. Однако аналогии с биологическим организмом здесь нет, Десницкий критикует популярную в то время «возрастную теорию». По его мнению, биологические закономерности неприменимы к обществу, которое имеет другие источники движения, какими являются совершенствующая деятельность людей, в конечном итоге, выгода и польза. Представляет определенный социологический интерес и взгляд ученого на институт семьи и брака, происхождение которого он видит также в хозяйственной жизни народов.

Социологические воззрения Я.П. Козельского базируются на теории естественного права и договорного происхождения государства, в заключительной части своего труда он излагает теорию общественного договора Ж.Ж. Руссо и много заимствует у Монтескье. Сословное деление и выраженное социальное неравенство возвращает все сословия и нарушает единство общества. Интересные рассуждения о социальном расслоении мы можем найти и в трудах князя М.М. Щербатова. Устойчивость общественных порядков Щербатов видел в сохранении сословного деления, недопущении «смешения сословий»[4].

Элементы социологического знания имели место не только в теоретических работах философов, экономистов, правоведов. Интерес для историка социологии представляют также и документы, составленные по результатам специальных экспедиций, предпринятых Академией наук в 17768 – 1774 годах [1, 43]. В частности, в опубликованных «Дневных записках путешествия

по разным провинциям Российского государства» в 4-х томах, составленных адъюнктом Академии наук И.И. Лепехиным, который возглавил одно из двух направлений этой экспедиции, наблюдения не только над природой, животным миром, но и жизнью населения промыслами, социальными отношениями. Эти записки положили начало эмпирическим исследованиям общественной жизни в России и представляют большой интерес для истории социологии [7]

1. Вернадский Г.В. Русская историография. М., Аграф, 1998.
2. Гофман А.Б. 7 лекций по истории социологии. М., 2006.
3. Давыдов Ю.Н. Истрия теоретической социологии. М., «Наука». 1995
4. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Под общей редакцией И.Я.Щипанова. М., Госполитиздат, 1952.
5. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., Новое литературное обозрение. 2002.
6. Каменский А. Российская империя в XIII веке: традиции и модернизация. - М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 251.
7. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Спб, 1771-1805
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX века) / В 2-х томах. С.-Петербург, 1999.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. М.М.КОВАЛЕВСКОГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург)

Первое в истории России профессиональное объединение социологов было основано в 1916 г. по инициативе ближайших учеников М.М. Ковалевского, которые в память об ушедшем в том же году учителе и наставнике решили присудить обществу его имя. В создании Русского социологического общества (Общества) ключевую роль сыграли П.А.Сорокин, К.М.Тахтарев, П.И.Люблинский, Н.Д.Кондратьев, Я.М.Магазинер. Уставной задачей Общества была «разработка вопросов социологии и других общественных наук, а также распространение знаний по этим наукам». Задачи Общества понимались широко и поэтому в первоначальном списке его членов мы встречаем имена многих выдающихся представителей социальных, естественных наук и известных политических деятелей: лауреата Нобелевской премии И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, Б.Б. Веселовского, А.И. Чупрова, Л.И. Петражицкого, Н.И. Кареева, А.С. Лаппо-Данилевского, М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, А.В.Пешехонова и др. Им, как и всем остальным будущим членам, были разосланы 19-20 октября 1916 г. персональные приглашения принять участие в деятельности создаваемого Общества и практически сразу, в 20-х числах этого же месяца, Питирим Сорокин и Николай Кондратьев (именно они занимались рассылкой приглашений) получили ответы с выражением согласия.

Первым председателем Русского социологического общества был избран академик А.С. Лаппо-Данилевский, профессор Санкт-Петербургского университета. После его кончины в 1919 г. Председателем стал акад. Н.И. Кареев.

Деятельность Русского социологического общества с самого начала проходила в сложных условиях. Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции не способствовали реализации его планов. Тем не менее, в рамках Общества произошло объединение ученых, предпринимались шаги по развитию социологии и социологического образования в стране.

Особое место в послереволюционный период истории Общества занимает Социологический Институт, который был основан в октябре 1918 г. по инициативе А. М. Ловягина и начал свою научную и практическую деятельность с декабря того же года, «развивая одновременно свою деятельность по четырем направлениям: во-первых, в смысле учета материалов по строительству новой жизни в обновленной России; во-вторых, путем выпуска изданий, предназначенных популяризовать занятия социологии; в-третьих, посредством собирания книжных богатств, имеющих отношение к социологии и к социальным наукам; в-четвертых, путем устройства публичных лекций на темы, имеющие отношение к задачам института» [1, 6].

С приходом в Институт П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева и Н.А. Гредескула 5 марта 1919 года было решено завязать отношения с Социологическим обществом имени М. М. Ковалевского, а чуть позже, усилиями членов Общества это научное учреждение трансформировалось в сентябре

1919 г. в Социологический институт, который в 1921 г. был закрыт. Как отмечал Питирим Сорокин, «Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского», основанное тотчас после смерти последнего и едва успевшее приступить к работе, событиями 1917-1918 годов вынуждено было прервать работу. Она возобновилась в 1919 году, но в 1920 году снова прервалась, а частью перешла в основанный тогда «Социологический институт» [2, 26].

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ней кардинальная трансформация политического строя печальным образом сказались на судьбе Общества. Просуществовав около шести лет, оно прекратило свое существование. В 1923 году оно было официально закрыто, фактически же это произошло несколькими годами раньше, когда перестали проводиться регулярные собрания членов общества. На это повлияла в целом неблагоприятная для развития социологии обстановка в стране, а также позиция, которую заняли некоторые члены общества по отношению к новым политическим реалиям. Тем не менее, несмотря на столь непродолжительный период деятельности Общества, было достигнуто главное: русские социологи впервые попытались осознать свои цели и задачи, заявить о себе как о группе профессионалов, способных решать актуальные для общества проблемы, понять свою миссию в обществе.

Таким образом, история «Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского», открывает сегодня заново забытые страницы не только российской социологии, но и истории нашей страны. Как писал Питирим Сорокин, стоявший у истоков зарождения первого профессионального объединения социологов в России, характеризуя этот период истории: «Тяжелые условия России не прервали целиком работы русской науки. Не прекратилась она и в области социологии. Напротив, жизнь, ставившая ежечасно «прикладные вопросы» социального бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли» [2, 23].

Воссоздание Социологического общества им. М. М. Ковалевского 22 мая 1993 года приходится на такие же сложные для России времена, как и времена его возникновения, и целью его явилось восстановление связей между современной социологией и социологией дореволюционной. Необходимо было провести анализ достигнутого тогда и сейчас, чтобы понять на каком уровне находится социологическая наука в России, каков ее реальный вклад в мировую социологию, какие задачи она должна решать в обществе. В числе приоритетных задач общества была определена просветительская деятельность, деятельность по популяризации социологии в обществе.

В 1993 году в журнале «СОЦИС» (№8) было опубликовано открытое письмо А.О. Бороноева и А.П. Прилипко: «Возродим Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского», нашедшее живой отклик у профессионалов. Благодаря усилиям Асалхана Ользоновича Бороноева – ныне Почетного Председателя «Социологического общества им. М.М. Ковалевского», Обществу не только удалось осуществить свои задачи на первом этапе деятельности, но и занять достойное место в российском социологическом пространстве. Сегодня под эгидой Общества активно издается классическая научная литература – серийное издание «Российская социология» (переизданы труды М.М.Ковалевского, П.А.Сорокина, Н.К.Михайловского, К.М. Тахтарева, Е.В. де Роберти, Н.И.Кареева и др.), с 1994 года издается периодически выходящее издание «Проблемы теоретической социологии». Социологическое общество им. М.М.Ковалевского стояло у истоков издания с 1998 года «Журнала социологии и социальной антропологии» (главный редактор проф. В.В. Козловский). Сегодня этот журнал, созданный с целью расширения коммуникационного поля российских социологов, социальных философов, политологов, культурологов и антропологов, пользуется известностью и авторитетом у профессионалов, занимает высокие места в рейтингах научных изданий.

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского в 1998 г. совместно с факультетом социологии СПбГУ выступило организатором Первого Всероссийского социологического конгресса, который состоялся в 2000 г. и стал важнейшим этапом институционализации российской социологии. Начиная с 2006 года, в Санкт-Петербургском государственном университете под эгидой Общества в ноябре ежегодно проходит Всероссийская научно-практическая конференция "Ковалевские чтения".

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского вносит значительный вклад в сохранение не только российских социологических традиций, но и в сохранение культурного наследия и исторической памяти. С участием членов Общества по личной инициативе А.О. Бороноева была восстановлена заброшенная могила М.М. Ковалевского на Никольском кладбище Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга, а в 2006 году была открыта мемориальная доска на доме по адресу: Санкт-Петербург, ул. Моховая, д.22, где жил М.М.Ковалевский, в 2009 году была

установлена мемориальная доска П.А.Сорокина на доме по адресу: Санкт-Петербург, 8 линия В.О., д.31.

В современных условиях развития социологии в России Социологическое общество им. М.М. Ковалевского далеко не единственная профессиональная организация социологов. Существует множество ассоциаций и обществ, как на региональном, так и на общенациональном уровне.

1. Ломоносова М.В. *Российская социология на изломе эпох (1918–1918): Питирим Сорокин и Социо-Библиологический Институт // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2(79). С. 5–14.*

2. Сорокин П.А. *О русской общественной мысли. СПб: Алетейя, 2000.*

ДЕТИ И ДЕТСТВО КАК ОБЪЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СРАВНЕНИЕ ФОКУСА ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е. А. (Москва)

В статье анализируется российская социология детства в контексте мировой социологической науки, рассматривается институционализация социологии детства в России и за рубежом. Выделяются общие черты и особенности изучения детства в разных странах. Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 16-06-00792 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус».

The article analyzes the Russian sociology of childhood in the context of the world social science, considered the institutionalization of sociology of childhood in Russia and abroad. Highlighted similarities and peculiarities of the study of childhood in different countries. Article made within the grant of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (project № 16-06-00792 «Childhood in the socio-humanitarian perspective: Thesaurus”).

Профессиональные сообщества социологов, изучающих детей и детство, и в России и за рубежом институционализировались совсем недавно. Исследовательский комитет 53 «Социология детства» (RC53 Sociology of Childhood) Международной социологической ассоциации оформился как отдельная структура лишь в начале этого века, в Европейской социологической ассоциации работает специализированная Исследовательская сеть (сообщество) 4 «Социология детей и детства» (RN4 - Sociology of Children and Childhood), организованная в 1999 г. С 2008 года такое объединение существует в нашей стране (Исследовательский комитет Российского общества социологов «Социология детства») [3]. До сих пор проблемы детей как субъектов социальных отношений остаются на периферии социологического знания, однако именно консолидация профессионалов-энтузиастов может постепенно менять ситуацию.

При страновом сравнении в этих процессах выделяются некоторые общие черты и особенности. Если мы посмотрим на ядро профессиональных социологов детства, например, в России и в Германии, то увидим, что большинство объединенных в сообщества специалистов – это вузовские преподаватели, однако в Германии и читаемые ими курсы часто непосредственно связаны с проблематикой, в то время как в нашей стране «пробить» учебный курс по этой дисциплине затруднительно, и в настоящее время он читается лишь в 2-х вузах страны.

Сообщества активно отстаивают свою предметную область, и мы констатируем, что и на международном уровне, и на региональных, и на всероссийском отдельные секции, заседания стали обязательными. Например, в 2010 г. XVII Всемирный социологический конгресс проходил в Гетеборге (Швеция). Исследовательский комитет 53 «Социология детства» принял к участию в Конгрессе 120 тезисов, из них - 91 устное выступление, 29 – раздаточные материалы («distributed papers»). На конференции состоялись 10 секционных заседаний, посвященных тематике детства. Тематика детства также обсуждается на всемирных конференциях. Исследовательский комитет «Социология детства» принимает участие в конференциях Европейской социологической ассоциации с 2009 г. Европейские конференции, прошедшие в Лиссабоне (Португалия)-2009, Женеве (Швейцария)-2011, Турине (Италия)-2013, Прага (Чехия)-2015, традиционно организуют секции с включением докладов по проблемам детского труда, детей-мигрантов, детской инвалидности, насилия по отношению к детям.

Второй существенный аспект, основанный на общей идеи распространения междисциплинарности в исследованиях детства, это попытка конгломерации знаний о детстве с другими комитетами и научными группами социологов. Так, две секции на конгрессе в Гетеборге

были объединены: с исследовательским комитетом 12 «Социология права»: «Правовое определение детства», с исследовательскими комитетами 34 «Социология молодежи» и 13 «Социология досуга»: «Взросление в XXI веке». На V Всероссийском социологическом конгрессе 19-21 октября 2016 г. именно социологи детства предложили обсудить на совместном круглом столе характеристики социализаторов детей в современном мире [4].

Фокус исследований детства совпадает в сфере: разработки методологии научных исследований, управления и контроля в сфере детства; проблем насилия над детьми в семье; информатизации детского пространства. Интересно, что есть идентичные векторы (на конгрессе германских социологов в сентябре 2016 г. доклад «Дети как эксперты своего пространства жизни: участие детей в исследовании городского и регионального планирования» [1], на российском – «Владивосток глазами детей: оценка «доброжелательности» городской среды».

Специфическими для российского общества являются векторы исследования организованного отдыха и развития детей (чтения и использования библиотек, детских летних центров, детских общественных организаций и др.). С другой стороны, в отличие от зарубежных коллег в России редко обсуждаются вопросы этики исследований с детьми, детского «гражданства», образов современного детства, социокультурной составляющей повседневности детства (например, ритуалы детства).

Социологи детства активно откликаются на актуальные, но, как правило, негативные события, процессы, имеющие влияния на детство. Так, на уже упоминавшемся конгрессе социологов Германии одно из двух заседаний полностью было посвящено детям беженцев. Такой же фокус на неблагоприятные стороны, сферы жизни этой возрастной группы мы выявили и на нашем последнем конгрессе (Исследования жизненных траекторий детского неблагополучия: перспективы для России; Повышение доступа государственных услуг детям, находящимся в трудной жизненной ситуации).

Сообщества по изучению детства понимают, что задача по исследованию этого социального образования и участия в экспертизе управленческих программ по поддержке детства может быть решена только, если наука будет прирастать новыми профессионалами. Поэтому в фокусе деятельности – подготовка и поддержка молодых. Этой проблемой озабочены наши немецкие коллеги и на своем последнем конгрессе они обсуждали первые итоги организованного ими учебного курса прикладных исследований детства в высшей школе г. Магдебурга, который они рассматривают как множитель детско-ориентированных знаний.

Исследовательский комитет «Социология детства» Российского общества социологов с 2009 года ежегодно проводит Всероссийский конкурс выпускных, дипломных, бакалаврских квалификационных работ и магистерских диссертаций в области социологии детства. Целью конкурса является привлечение внимания молодых исследователей к изучению основных проблем детства, к диагностике эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы; совершенствование учебной и научной работы студентов, повышение уровня их профессиональной подготовки для занятия исследовательской, проектной, управленческой деятельностью в области социологии детства. Конкурс направлен на выявление и профессиональную поддержку талантливых молодых специалистов в области социологии, социальной психологии, социальной педагогики, дошкольной педагогики и психологии и смежных специальностей [2].

За семь лет свои работы на конкурс прислали 190 выпускников более чем из 30 городов России. Всего за 7 лет проведения всероссийского конкурса лучшими были отмечены 58 работ, из них 15 бакалаврских выпускных квалификационных работ, 10 магистерских диссертаций и 33 дипломные работы специалистов. Работы на конкурс присылались из более чем 30 городов, победителями становились чаще всего студенты из Москвы (18), Волгограда (10), Череповца (10), Самары (5). Неоднократно были отмены работы из Красноярска (3), Магадана (2), Санкт-Петербурга (2), Саранска (2). В конкурсе принимали участие специалисты, обучающиеся по различным специальностям, которых насчитывается более 16. Среди победителей наибольшее количество работ по специальности «Социология» (23), «Педагогика и психология» (8).

Анализ всех поданных за этот период работ свидетельствует, что более 40% работ посвящены детям-дошкольникам. По тематике с дошкольным детством связываются следующие темы: социализация детей в современном обществе (новые формы, агенты и др.); социально-педагогическое сопровождению воспитательного и образовательного процесса в дошкольном учреждении; права детей и государственная политика в интересах детей; роль средств массовой информации, книги, Интернета в жизни современных дошкольников; социальная исключенность

уязвимых категорий детей и эффективность социальной работы с ними и др. Проблемами дошкольного детства в основном интересуются выпускники психологических и педагогических специальностей (порядка 60% от всех работ). Подростки «присутствуют» в 25% работ и в основном рассматриваются с точки зрения подростковой девиации и аддиктивного поведения (наркозависимость, алкоголизм, табакокурение, буллинг, вандализм, игровая зависимость); особенностей подростковой социализации (гендерной, профессиональной, потребительской); молодежных субкультур (например, эмо) и досуга; депривированных групп (дети-сироты, дети-инвалиды); насилия в семье; трудовых практик.

Главным требованием соответствия работы положению Конкурса является проведение авторского эмпирического исследования детской аудитории с помощью социологических и/или социо-психологических методов. Среди наиболее часто используемых методик изучения детской аудитории можем назвать рисуночную методику, метод неоконченных предложений, анкетирование, включенное / невключенное наблюдение, глубинное интервью, полужформализованное интервью, анализ документов, констатирующий, развивающий, формирующий эксперименты. Как правило, авторы работ не ограничивались только одним методом, а привлекали целый арсенал методик, чтобы рассмотреть анализируемые проблемы с разных точек зрения.

1. 38 Конгресс Немецкого общества социологов. Режим доступа: <http://kongress2016.sociologie.de/de/aktuelles.html>; Комитет «Социология детства» Немецкого общества социологов. Режим доступа: <http://www.sociologie.de/de/sektionen/sektionen/soziologie-der-kindheit/kurzportrait.html>
2. Гуркина О.А., Колосова Е.А. Конкурс дипломных работ и магистерских диссертаций в области социологии детства // Социологические исследования. 2014. № 2 (358). С. 144-145.
3. Исследовательский комитет Российского общества социологов «Социология детства». Режим доступа: <http://ik.childsoc.ru/>
4. Научная программа V Всероссийского социологического конгресса «Социология общества: социальное неравенство и социальная справедливость». Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/Conference/NSK-V/Programme%20VSK-V.pdf>

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ДИСКУРСА ПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Максимова О.А. (Казань)

Поколенческий анализ общества являлся одним из ведущих дискурсов в исследовании процесса социального воспроизводства и социокультурной преемственности в условиях индустриального общества. Такой подход предполагает дифференциацию возрастных когорт, проживающих в определенный исторический период, не только по годам рождения, но и на основе общности определенного социального опыта, для характеристики которого используется термин «поколение», имеющий ряд принципиальных отличий от термина «когорты». Поколение рассматривалось не столько как совокупность рожденных в определенный период индивидов, сколько как относительно устойчивая социальная группа, обладающая набором общих социокультурных характеристик, отличающих одно поколение от другого.

Методологию социологического исследования поколений одним из первых представил К. Мангейм в работе «Проблема поколений» [1]. По Манхейму, поколение характеризуется определенным положением в обществе, специфической взаимосвязью и единым социальным опытом. При этом у каждого поколения существует собственное временное измерение и историко-культурное пространство. Смена поколений – это универсальный процесс, основанный на биологическом ритме человеческой жизни, вследствие которого в культурном процессе появляются все новые участники, а число их предшественников непрерывно сокращается. Представители каждого поколения могут участвовать в историческом процессе лишь на протяжении некоторого ограниченного периода времени, поэтому возникает необходимость постоянной передачи накопленного культурного наследия, что и осуществляется посредством преемственности поколений.

В исследовании поколенческой структуры общества Мангеймом исследовалась и проблема конфликта, разрыва поколений. Данный разрыв может быть как внутр поколенным, так и межпоколенным. Межпоколенный конфликт Манхейм связывал с феноменом энтелехии поколения, т.е. ясно различимым новым импульсом, новым центром конфигурации поколения.

Энтелехия поколения – это выражение общности его внутреннего предназначения, врожденного ему способа восприятия жизни и окружающего мира. Энтелехия является тем, что отличает одно поколение от другого, при этом быстро изменяющийся, динамичный ритм жизни социума может разрушить энтелехию поколения на этапе формирования. В этом случае особенно остро, на наш взгляд, проявляется межпоколенный разрыв и формируется так называемое «потерянное поколение», фактически выпадающее из общей социальной структуры.

Феномен преемственности поколений и межпоколенного конфликта стал предметом специального рассмотрения в работе Ш. Айзенштадта «От поколения к поколению. Возрастные группы и социальная структура» (1956). Айзенштадт, опираясь на исторические примеры (от примитивных до индустриально развитых государств), проанализировал две взаимосвязанные проблемы – историчности поколенческого деления общества и межпоколенной трансмиссии культуры (процессов социализации).

По мнению Ш. Айзенштадта, формализованные корпоративные одновозрастные группы возникают там, где семья еще не стала центральной ячейкой общественного разделения труда (например, в обществах с так называемыми возрастными классами), либо там, где она уже утратила это положение. И именно в таких обществах, на наш взгляд, наиболее вероятен межпоколенческий разрыв, принимающий крайнюю форму в виде конфликта поколений или «пропасти» (разлома) между поколениями (Generational gap).

Категорией generational gap оперировала М. Мид, полагавшая, что возникновение разрыва между поколениями – явление достаточно давнее, проявляющееся впервые в кофигуративных обществах, где имеет место разрыв в преемственности опыта. Такие эпизоды впоследствии все более усиливаются – общество резко дифференцируется по возрастным группам, восстание молодого поколения против авторитета старших на определенной стадии взросления институционализируется [3; 346]. Максимальной степенью разрыва (пропасти) между поколениями характеризуются префигуративные культуры, возникающие с середины XX века и формирующие уникально новый тип социальной связи между поколениями, когда ценности и знания старшего поколения не довлеют над младшим поколениям: «Во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, ... которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [3; 361].

Новая культура, описанная М. Мид в 1970-е гг. как только зарождающаяся и будущее которой неизвестно, за прошедшие полвека, на наш взгляд, еще более распространилась и усилила межпоколенческий разрыв.

В настоящее время представляется дискуссионным сам принцип разделения общества на поколения, поскольку процесс традиционной преемственности между возрастными когортами фактически трансформировался в свою полную противоположность.

Для поколения молодежи конца XX – начала XXI вв. характерно формирование повседневных практик в условиях принципиально новой информационной среды, основанной на развитии цифровых технологий. Наличие опыта функционирования в виртуальном пространстве, которого не было у старших поколений, может рассматриваться в качестве условной границы, отделяющей одно поколение от другого.

Исходя из приведенного выше тезиса, можно констатировать наличие цифрового барьера (digital divide) между молодежью и старшими поколениями – «отцов» и, в особенности, «дедов». Этот барьер применительно к поколенческому анализу в общем виде характеризует отсутствие/недостаточность навыков работы с цифровой техникой у старшего поколения, что может рассматриваться в качестве фактора, усугубляющего межпоколенческий разрыв.

В условиях информационного общества, на наш взгляд, представляется дискуссионным сам принцип разделения общества на поколения в классическом понимании, поскольку процесс традиционной преемственности между возрастными когортами фактически трансформировался в свою полную противоположность. Так, согласно результатам наших исследований, тот факт, что младшее поколение в семье обладает значительно большими знаниями в сфере компьютерной/цифровой техники, в ряде случаев не выступает в роли барьера, а, напротив, способствует активизации межпоколенческих взаимодействий между ребенком и родителями (дедушками, бабушками).

Результаты наших исследований показывают, что в российском обществе в настоящее время поколение «детей» оказывается не только более информированным в динамично развивающейся технологической среде, но и более адаптированными к новым социально-экономическим условиям, по сравнению с когортой «отцов», следовательно, не всегда нуждается в социализации в ее классическом понимании [4]. Напротив, старшее поколение, по мнению ряда исследователей оказывается в условиях кризиса личностной идентификации [5; 314], а, следовательно, ощущает необходимость ресоциализации, в том числе – и при помощи молодого поколения. Кроме того, развитие цифровых технологий и формирование виртуального пространства, характеризующегося предельной степенью анонимности общения, все более стирают различия между индивидами по возрасту, социальному статусу, гендерной принадлежности, что формирует совершенно уникальное поле межпоколенческого взаимодействия, нуждающееся в дальнейшем изучении [4]. Тем не менее, следует признать, что эвристический потенциал дискурса поколенческого анализа не исчерпан и в современных условиях, и применение данной методологии релевантно по отношению к проблеме преемственности и конфликта поколений в условиях информационного общества.

1. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 30. – С. 7-47.
2. Eisenstadt S. N. From Generation To Generation. Age Groups And Social Structure. – London. 1964. – P. 21.
3. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988.
4. Максимова О.А. Взаимоотношения поколений в условиях информационного общества // Социология и общество: пути взаимодействия: Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008. Режим доступа свободный: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208454924.pdf (дата обращения: 09.10.2016).
5. Ларионова И.В. Социокультурная идентификация личности в контексте общества модерна и постмодерна // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 313-315.

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ – ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РУССКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ИМ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО
Малинов А.В. (Санкт-Петербург)**

Работа подготовлена в рамках НИР СПбГУ (23.38.328.2015)

В докладе рассматривается организаторская деятельность академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского. Лаппо-Данилевский был избран первым председателем РСО. Свою задачу он видел не только в налаживании работы общества, но и в институционализации социологии. Во многом именно благодаря первому председателю, Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, несмотря на свое не долгое существование, оставило заметный след в истории отечественной социологии.

К социологическому периоду можно отнести последние три года жизни академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919). Связано это, прежде всего, с его председательством в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского, хотя еще с конца XIX в. Лаппо-Данилевский вел в Петербургском университете «семинарии» методолого-исторической и социологической направленности. Вне университета он читал лекции по истории социологии. Из собственно социологических работ при жизни Лаппо-Данилевский опубликовал лишь одну статью – «Основные принципы социологической доктрины Конта», занимающую в сборнике «Проблемы идеализма» (1902) около сотни страниц.

Лаппо-Данилевский не был профессиональным социологом, которых в пору становления новой науки об обществе сложно было обособить от представителей других научных дисциплин. Не случайно первыми социологами в России были юристы, историки, экономисты. Так, первый учебник по социологии в России был опубликован другим историком, коллегой Лаппо-Данилевского по Петербургскому университету, – Н.И. Кареевым. Лаппо-Данилевский не был инициатором создания Русского социологического общества, хотя и принимал участие в составлении его устава. Машинописный оригинал устава социологического общества, утвержденный Петроградским губернатором 17 мая 1916 г. и изданный отдельной брошюрой

помимо Лаппо-Данилевского был подписан С.К. Гогелем, Н.И. Каревым, Е.П. Ковалевским и П.И. Люблинским. Председателем РСО Лаппо-Данилевский был избран 13 ноября 1916 г. на первом (учредительном) собрании РСО. Первое общее заседание РСО под председательством Лаппо-Данилевского состоялось 11 декабря 1916 г. Чем было мотивировано избрание Лаппо-Данилевского? Среди учредителей и членов социологического общества были люди, чья профессиональная деятельность теснее сближалась с социологией. Возможно, Лаппо-Данилевский оказался компромиссной фигурой, устраивавшей большинство членов нового общества. И хотя его усилия по внедрению преподавания социологии и популяризации позитивной науки об обществе были известны, но не это, вероятно, стало главным аргументом при избрании Александра Сергеевича. Среди коллег он был больше известен как опытный организатор науки и авторитетный ученый, который способен наладить диалог с властью и академическими структурами. Под руководством Лаппо-Данилевского РСО могло рассчитывать на скорое признание и даже институционализацию социологии. Надо заметить, что Лаппо-Данилевский подошел к организации общества не формально, много времени и сил уделяя работе в нем.

Учредительное собрание РСО и ближайшие заседания проходили в здании Курсов П.Ф. Лесгафта (Английский проспект, 32), последующие – уже в здании университета. В фонде Лаппо-Данилевского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113) сохранились программы нескольких общих собраний РСО (1 февраля 1917 г., 5 марта 1917 г. и 28 декабря 1918 г.). Президиум комитета РСО под председательством Лаппо-Данилевского собирался значительно чаще, вероятно, два раза в месяц, по крайней мере, в первое время. Можно предположить, что в течение полутора лет (с марта 1917 г. по конец 1918 г.) общие собрания, действительно, не проводились, что объясняется политическими событиями, которые происходили в России и, безусловно, отвлекли многих членов РСО от деятельности общества. Достаточно вспомнить П.А. Сорокина, активно включившегося в политическую борьбу. Лаппо-Данилевский же увидел в социально-политических изменениях возможность трансформации социологии из науки, поддерживаемой лишь на уровне общественной инициативы, в признанный научный институт. В 1918 г. он выступил с предложением организовать в составе АН Институт социальных наук. Лаппо-Данилевский возглавил соответствующую комиссию АН и подготовил записку, обосновывающую необходимость такого института. Однако новая власть не поддержала его начинание, после чего Александр Сергеевич решил реанимировать деятельность РСО, но успел провести лишь одно заседание в конце 1918 г., а 7 февраля 1919 г. его не стало.

Много ли успел сделать Лаппо-Данилевский как председатель РСО? Выбор Лаппо-Данилевского в качестве председателя был во многом обусловлен не столько его достижениями в области социологии, сколько административными возможностями в АН и высоким научным авторитетом среди коллег. Ему предстояло «с нуля» организовать работу общества, определить порядок и тематику докладов. Круг вопросов, решение которых требовало участия Лаппо-Данилевского, был достаточно широк: ведение протокола, общие вопросы, издание журнала, выписка иностранных журналов, объявление в иностранных журналах о новом обществе, формирование ревизионной комиссии, избрание новых членов, как русских, так и иностранных, размер членских взносов и способ их взимания, распределение занятий комитета, оплата помещения, в котором проходили заседания, избрание почетных членов, организация печатных изданий и лекций, решение вопроса о том, нужны ли предварительные тезисы докладов, регистрация общества и т. д. Руководимое Лаппо-Данилевским РСО просуществовало не долго. Оно во многом продолжало держаться на личной инициативе заинтересованных в его существовании, помимо Лаппо-Данилевского, людей (К.М. Тахтарев, П.А. Сорокин, В.А. Вагнер, С.К. Гогель и др.). После смерти Лаппо-Данилевского РСО осталось без лидера и при бездействии, сменившего его Н.И. Кареева, было закрыто.

История РСО (1916–1923) наглядно показывает, насколько велика роль в становлении науки личности ученого. Без крупной фигуры, любая научная институция обречена на прозябание, коснение и замыкание в своих корпоративных интересах. Лаппо-Данилевский во многом был олицетворением междисциплинарного синтеза в социальных науках. В своей деятельности в РСО он исходил из широкого понимания социологии, интегрирующей достижения других социальных наук. Можно предположить, что в тех условиях, в которых происходило становление РСО, без Лаппо-Данилевского его история оказалась бы еще более короткой.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛОВ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Матвеева Н.Ю. (Москва)

Поиск возможностей и путей решения социальных проблем напрямую зависит от правильного понимания тех смыслов, которые лежат в основе действия личностей и групп, и, таким образом, в основе социальных процессов. Проблема релевантной социологической интерпретации смыслового содержания социальных процессов и явлений становится особенно важной в современном мире, характерной особенностью которого является уникальная комбинация сосуществования, взаимодействия и конфронтации множества достаточно самостоятельных по своей сути смыслов или идей.

Оригинальный подход к интерпретации социальных смыслов был развит в русской социологической мысли, относящейся к дореволюционному периоду и продолжившей свое развитие в среде ученых, волею судьбы оказавшихся за пределами родины. Имена исследователей, являющихся основателями данной традиции, - это имена крупнейших русских социальных мыслителей первой половины XX в. - Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка. Свои теоретические постулаты и исследовательские принципы они основывали на идеалистической философии В.С. Соловьева, И. Канта, Ф. Гегеля, были хорошо знакомы с учениями представителей немецкого неокантианства. Можно провести непосредственную параллель между их теоретическими позициями и понимающей социологией М. Вебера, однако между ними имеются и серьезные расхождения. Тем не менее, концепции русских ученых, при всех имеющихся между ними различиях в подходах, лежат в общем русле развития мировой социологии и могут быть отнесены к интерпретативной парадигме.

Основополагающие принципы смысловой традиции в русской социологии восходят к платонической интерпретации смыслов как объективных идей [2]. В соответствии с этими принципами, социальные явления имеют две стороны – сторону реальную, фактическую, выраженную в произошедшем событии или процессе, и сторону внутренней идеи, иначе говоря, смысла или значения [3]. При этом смысл или идея социального явления представляет собой его основу, без которой само социальное явление немислимо. Таким образом, только те общественные явления, которые имеют свой внутренний смысл, носящий, при этом, объективный характер по отношению к индивиду, могут быть признаны социальными и подлежать изучению социологическими методами.

Категория внутреннего духовного смысла социальных явлений раскрывается в русской традиции как бы с двух сторон – со стороны общества в целом и со стороны индивидуальных сознаний. Со стороны социального содержания эти смыслы предстают как объективные по отношению к индивидам. Они не случайно имеют сходство с социальными фактами по Э. Дюркгейму, выражая, по сути, одну и ту же социальную реальность. Например, социальные смыслы революции 1917 г. можно связывать с кризисом самодержавно-патриотического нарратива в общественном сознании, с нигилизмом интеллигенции, кризисом православной церкви как социального института, с реализацией духовных тенденций, заложенных западными идеями демократии и социализма, и т.д. Эти культурно-исторические смыслы образуют одновременно объективные идеи социального развития – идеи борьбы с самодержавием, критики уходящих в прошлое правил, ценностей и норм поведения, атеизма, нарратива идеального общества, справедливого социалистического строя.

Индивидуальные смыслы, ощущаемые людьми как субъективные, личностные, на самом деле напрямую связаны со смыслами социальными. Например, индивидуальные смыслы участия или неучастия в революционной борьбе могут быть связаны с вышеназванными или иными идеями и смыслами, преломленными через призму индивидуальных жизненных целей и установок, воспитания, образования, социального положения и т.д. Становясь верой индивида, они увлекают его волю и чувства, его духовное «я». Можно найти смыслы, вокруг которых как бы вращается вся социальная деятельность индивида и его духовная жизнь. Эти «осевые» смыслы образуют, по С.Н. Булгакову, внутреннее духовное ядро личности [1]. Ощущая свои духовные ценности частью социального целого, индивид как бы преодолевает свою экзистенциальную разъединенность с миром и Абсолютом, находит свои цели не в сиюминутном потоке событий, а за его пределами, в реальности, раздвигающей горизонты этого мира. Таким образом, общество и личность образуют неразрывное духовное единство.

Иными словами, основу социальной жизни, рассматриваемую со стороны ее личностного содержания, составляют внутренние духовные факторы – верования, убеждения и идеалы людей. В то же время, они неразрывно связаны с объективными (по отношению к индивидам) идеями социальных явлений. Дело в том, что, как указывалось выше, субъективные смыслы возникают отнюдь не в качестве случайных мыслей или изобретений индивидов. Они коренятся в объективных идеях, независимых от индивидуального сознания, действующих на волю и разум индивида в направлении их реализации в социальной жизни [4]. Например, идея патриотизма, в качестве объективной идеи социального явления, обозначаемого этим же термином, ведет к наличию в сознании разделяющих ее индивидов смыслов самооценности родины, стремления действовать на ее благо и ее защищать. Рассматриваемое направление мысли, таким образом, включает в себя понимание активной роли индивида в социальной жизни, выражающейся в сознательном отражении или усвоении им социальных идей, которые становятся верой и выражают, тем самым, его внутреннюю духовную личность. Именно этот процесс объединяет личность с обществом, создавая между ними неразрывное духовное единство.

Из данной концептуализации социальной жизни следуют определенные методологические принципы. Они базируются на необходимости понимания объективных идей, лежащих в основании социальных процессов, а также взаимосвязей между этими идеями. Например, можно проследить, какие смыслы вкладывают современные россияне в идею патриотизма и сравнить полученные результаты с интерпретацией смыслов, вкладываемых в это понятие людьми других эпох российской истории. Можно далее проследить взаимосвязь между идеей патриотизма и другими социальными идеями, например, идеей охраны природы, идеей военной подготовки юношества, и т.д. В центре внимания исследователей оказывается интерпретация социальных идей, взаимосвязей между ними и логика их развития. Эти методологические задачи предполагают адекватность применения на современном этапе развития социологии таких подходов, как культуросоциология, герменевтика, структурализм. Таким образом, подход русских ученых к пониманию общественной жизни открывает широкие горизонты исследовательского поиска, способные опираться на достижения интерпретативных концепций, разработанных в течение последних полутора веков развития социологической мысли.

1. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип. – Соч. в 2-х тт. М.: Наука, 1993. (Сер.: Из истории отеч. филос. мысли). Т. 2.
2. Dobieszewski J. Neoplatonic Tendencies in Russian Philosophy // Studies in East European Thought. Vol. 62, 1, Polish Studies in Russian Religious Philosophy (March 2010). P. 3-10.
3. Франк С.Л. Духовные основы общества. - Русское зарубежье. Лениздат, 1991.
4. Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М.: Берег, 1922.

М.М.БАХТИН И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Медведев В.И. (Санкт-Петербург)

М.М.Бахтин, конечно же, социологом не был. Тем не менее его соображения о методологии социальных наук имеют прямое отношение к социологии. Кроме того, они явно перекликаются с темами, которые были предметом интенсивных дискуссий в философии и методологии социальных наук в XX в. С конца XIX столетия, с тех пор, как достигли самостоятельного статуса конкретные науки о человеке и обществе (психология и социология в том числе), продолжают споры о том, обладают ли эти науки принципиальными особенностями, отличающими их от естествознания. Еще тогда сформировались основные линии в трактовке социально-гуманитарного познания - натуралистическая и антинатуралистическая. Сторонники первой (такие, как О.Конт или логические позитивисты) считают, что наука как таковая едина по своим методам и источникам знания и что гуманитарные науки просто отстали в своем развитии. Спасение для них в том, чтобы как можно скорее перенять методы прогрессирующего естествознания. Их противники (начиная с В.Дильтея) отстаивали идею особых методов в науках о человеке и обществе.

Как известно, Бахтин большую часть своей жизни был отрезан от мировой философской литературы. Тем более поразительно, что тематика его работ часто совпадает с тем, что обсуждалось в середине XX в. представителями самых новых течений – лингвистической философии, герменевтики, понимающей социологии. И одна из общих для Бахтина и этих

направлений тема – особенности методов и способов познания человека. Российский мыслитель явно занимал здесь антинатуралистическую позицию.

Непосредственно на эту тему он писал в заметках «К методологии социальных наук». Здесь естественные науки характеризуются как «монологическая форма знания», которая не может стать образцом для социально-гуманитарных наук. В точных науках, пишет Бахтин, один субъект, которому противостоит безгласная вещь. Но человек не может восприниматься и изучаться как безгласная вещь, его познание может быть только диалогическим [2, 363]. Эти соображения не являются для Бахтина случайными. Они связаны с важнейшей для него концепцией полифонического романа, которую он развивал, начиная с 20-х гг. [см. 1] Автор монологического романа, по Бахтину, описывает своих героев, в том числе их внутреннюю жизнь, с позиций Господа Бога, который знает все их помыслы, все их тайные мысли. В полифоническом романе автор (для Бахтина это, прежде всего, Ф.М.Достоевский) отказывается от этой привилегии. Он описывает своих героев лишь настолько, насколько люди вообще открыты взгляду извне, не претендуя на исчерпывающее знание их чувств и помыслов. Автор ведет здесь диалог со своими героями.

Социального ученого-натуралиста Бахтин сравнивает именно с автором монологического романа. Позиция, которую он пытается занять, не является человеческой позицией: он претендует на роль если не Господа Бога, то хотя бы незаинтересованного стороннего (ино-планетного?) наблюдателя социальной жизни. Вопрос касается специфики субъектно-объектных отношений в гуманитарном познании. Социальная реальность не является таким же внеположным нам объектом изучения, как природная. Чтобы превратить ее в такой объект, мы должны избавиться от нашей принадлежности к ней. Человек, изучающий общество, не может смотреть на общество извне. Наши представления о социальной реальности – часть нее самой. Эти идеи во многом созвучны феноменологической социологии А.Шюца и герменевтической философии Х.-Г.Гадамера. Шюц и его последователи подчеркивали особенности социальной реальности как предмета изучения: социальный порядок является в том числе продуктом наших интерпретаций и не существует помимо них [4, 36,51-54]. Гадамер подчеркивал невозможность занять внешнюю позицию по отношению к тому, что изучают социально-гуманитарные науки – обществу, эпохе, языку, культурной традиции, к которой мы принадлежим.

Для герменевтики человек может быть дан либо как коммуникативный партнер, либо как объект объяснения. Пока мы с кем-то спорим, выдвигаем контраргументы в ответ на его доводы, мы воспринимаем его как коммуникативного партнера. Если мы начинаем объяснять его извне (например, по методу социологии знания объясняем его политические взгляды как функцию его социального положения), мы выходим из режима диалога и становимся в позицию того, кто смотрит извне и знает больше. Примерно то же имеет в виду и Бахтин, говоря о монологической форме знания. Социология знания, например, явно не должна строиться по такой модели. Ведь в ней утверждается зависимость социальных взглядов от социального положения. Если это так, то никакой теоретик не может оказаться вне действия этого закона и разоблачать чужие идеологические иллюзии, обладая гарантией, что сам он от них свободен. Такова парадоксальная позиция гуманитарных наук вообще (и социологии, в частности): то, что в них изучается (общество, культура) не находится вне субъекта, продолжает воздействовать на него в процессе изучения, причем неконтролируемым до конца образом.

Монологическая форма знания имеет технологическую ориентацию. Социология, с этой точки зрения, должна изучать людей (по выражению В.Парето, «как муравьев и атмосферные процессы») для того, чтобы лучше управлять ими. Но буквальная реализация этой модели в социальных науках предполагала бы четкое деление общества на манипуляторов и манипулируемых: на тех, кто изучает других и на основе изучения дает рецепты лучшего управления ими, и тех, кто является объектом изучения и манипулирования. Причем, последних нужно было бы лишить всякого доступа к знаниям о себе. Такое деление, однако, возможно лишь в самых мрачных антиутопиях. Люди, в отличие от муравьев и атмосферных процессов, способны усваивать знание о себе и менять свое поведение. Поэтому ученого социолога нельзя представлять себе, как незаинтересованного внешнего наблюдателя социальной драмы. Мы все – ее участники, мы включены в борьбу интересов. А социальные науки выполняют в обществе роль самосознания, стремятся сделать наше самопонимание более глубоким и полным.

Бахтин противопоставляет «мысль о мире» и «мысль в мире» [2, 364]. Гуманитарные науки – это всегда мысль в мире. Бахтин и Гадамер критикуют Дильтея примерно за одно и то же. Дильтей, как известно, представлял себе понимание как вчувствование – перенесение себя на

место другого, скачок из собственного внутреннего мира в чужой. Необходимым для него было полное преодоление собственных предрассудков и предварительных мнений. По мнению Гадамера, это и невозможно и не нужно [3, 281-288]. Наше понимание всегда обу-словлено исторически (нашей эпохой), социально (нашим местом в обществе), культурно (нашей культурной традицией) и ситуативно. Любая дистанция (историческая, культурная) продуктивна для понимания: помогает проявиться новым аспектам смысла понимаемого. То же и у Бахтина: он подчеркивал, что мы всегда понимаем со своего единственного места в бытии, что, требуя понимать автора так, как он понимал себя сам, мы теряем преимущество венаходимости, т.е. той самой дистанции, которая позволяет разглядеть новые аспекты смысла понимаемого [2, 23-26,349].

Все эти соображения опять-таки касаются субъектно-объектных отношений в соци-альных науках. Социолог – не вне общества, он не изучает внеположный ему объект, а пыта-ется лучше понять себя самого, лучше понять то, к чему он сам принадлежит – общество, эпоху культуру.

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М., 1979.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
4. Новые направления в социологической теории / Общая ред. Г.В.Осипова. М., 1978.

К ПРОБЛЕМЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ **Миронов Д.В. (Санкт-Петербург)**

История социологии на современном этапе развития социологической науки перестает быть просто рядовой отраслевой дисциплиной. При общем застое, наметившемся в теоретической социологии, она фактически становится инструментом, поддерживающим на плаву теоретическую дискуссию, периодически вводя в нее новые интерпретации известных теоретических традиций или же не давая затухнуть давно известным их вариациям. При том, что традиционные функции истории социологии, среди которых следует особо выделить поддержание единства теоретико-методологического пространства большой социологии, по-прежнему актуальны.

В связи с этим становится понятно, насколько разработки по истории социологии значимы для развития теоретико-методологического дискурса в рамках современной российской социологии. Стоит отметить, что здесь за последнее время немало сделано для популяризации различных теоретических традиций, с превалированием европейских и американских разработок. Однако, не остается без внимания и история российской социологии. Основной акцент делается на дореволюционном периоде развития отечественной социологии, поскольку советская социология еще не воспринимается через призму истории, хотя и здесь выпущены некоторые обобщающие работы. В этом отношении много сделало Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, усилиями которого были переизданы работы многих русских социологов в том числе, М. Ковалевского, К. Тахтарева, Н. Михайловского и ряда других.

Популяризация дореволюционного наследия российской социологии и одновременная попытка его актуализации очень важный шаг в обретении социологией в России национальной специфики, которая распространяется не только на сферу эмпирических разработок, что вполне естественно, но и на традиции теоретизирования. Актуализация последних, на наш взгляд, идет с большими затруднениями, и причин тому несколько.

Во-первых, в истории развития социологии в России, как и в истории нашей, страны, существует ряд водоразделов, которые до сих пор, несмотря на все усилия заинтересованных сторон, не удается преодолеть. Между дореволюционной социологией и социологией сегодняшней, как бы мы не старались представить по-иному, нет прямых точек соприкосновения, поскольку переиздание работ и защиты диссертаций по истории русской социологии того периода не могут сами по себе восстановить органические связи между вчера и сегодня социологии в России.

Во-вторых, в отечественной социологии отсутствует традиция межпоколенческой преемственности, что во многом обусловлено вмешательством в развития науки внешних факторов, в основном социально-политического характера. Отсюда создается впечатление, что история российской социологии – это не единый континент идей, теорий, эмпирических исследований, объединенных общей темой изучения российской проблематики, а скорее архипелаг, между островами (суть те же идеи, теории и эмпирические исследования) которого еще предстоит наладить коммуникацию.

В-третьих, в современном российском социологическом сообществе имеется изрядная доля скепсиса по отношению к тем же дореволюционным теоретическим разработкам, а о современных разработках в этом ключе даже не стоит и упоминать. В связи с этим скорее следует признать, что корни современной российской социологии, в особенности теоретической, нужно искать в европейской или американской социологической традиции, а не российской (советской). И, как следствие, очевидным фактом является то, что современные российские социологи применяют, развивают, верифицируют и пр. преимущественно западные социологические теории, что справедливости ради нужно сказать не является каким-то особенным выбором российских социологов, а отображает общемировые тенденции развития теоретической социологии.

Указанные выше причины достаточно серьезные, чтобы надеяться на их скорое устранение только посредством какой-то социологической дискуссии, тем более что эта дискуссия уже давно ведется на различных площадках, и ее пока все еще предварительные итоги ограничиваются в основном декларациями о намерениях, но никак не видимыми результатами. Во многое такое положение дел складывается вследствие непонимания того, что этот вопрос нужно рассматривать не только лишь в рамках истории социологии, а, напротив, его следует помещать в контекст дискуссий, которые ведутся вокруг истории российского общества в целом.

Актуализация отечественного социологического наследия сложный, многоступенчатый процесс, и он отвечает запросам современного российского общества. Для успешной его реализации перед историками социологии стоит задача, которая сводится к поиску тех проблемных точек в современной российской действительности, где могут быть применимы отечественные разработки. Это вполне возможно осуществить, взяв на вооружение принципы «здорового» историцизма, что сделает историю социологии ориентированной на практическое решение проблем современного общества.

«СПАСАЯ СОЦИОЛОГИЮ»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ РУССКОЙ ШКОЛЫ НЕОКАНТИАНСТВА

Немирова Н.В. (Санкт-Петербург)

На рубеже XIX – XX веков научное господство позитивизма в социологии было поколеблено. Авангардом антипозитивизма выступило неокантианство, выдвинувшее ряд новых концепций и приемов исследования, которые привели к пересмотру предмета социологии, ее отношений с другими науками и, в первую очередь, с науками естественными. Неокантианство радикально изменило ситуацию в социологии, заложив в теории «великое противостояние»: исторической необходимости и долженствования, понимания и наблюдения, факта и ценности, которое не преодолено в социологической науке и поныне.

Неокантианство на российской почве явилось не просто научной школой, объединившей идейных сторонников Канта, Риккерта и Виндельбанда, но и представляло собой социально-культурный феномен, возникший в ответ на вопросы познания, связанные с общественной жизнью, и как результат социально-культурных перемен и трансформаций, происходивших в России на рубеже XIX – XX веков.

Представители русской социологической неокантианской школы явились не просто научными статистами, молчаливыми свидетелями истории, они были активными участниками тех событий, которые впоследствии перевернули всю историю России. Активная социально-политическая жизнь, духовная включенность в действия русского духовного ренессанса порождали в отечественных социологах ту высоко-нравственную морально-этическую ответственность, которая отличает их научные произведения от творчества западноевропейских коллег и, прежде всего, от работ Риккерта и Виндельбанда.

Представители неокантианской школы А.С.Лаппо-Данилевский, Б.А.Кистяковский, В.М.Хвостов, П.И.Новгородцев и Л.И.Петражицкий не составляли единого исследовательского ядра. Их взгляды были не просто различны, а иногда даже и противоположны. Они взаимно критиковали друг друга. Особенно противоречивы они были в толковании отдельных теоретических положений, например априоризма или причинности. Сближающими их факторами, составляющими своеобразие русской социологической школы неокантианства, явились следующие: тема духовно-нравственных исканий стала определяющей для развития российской социологической мысли; неокантианство в России сформировалось не только в противовес позитивизму, но и в не меньшей степени в полемике с марксизмом и субъективной школой

социологии; многие представители русского неокантианства были по своей профессиональной подготовке и научной деятельности правоведами.

Констатируя глубокий кризис социологической науки, русские неокантианцы активно взялись за реформирование ее методологической базы и подведение логико-гносеологических оснований под специфику социального знания в целом. Социология, доверие к которой было подорвано позитивистскими построениями, не имела ни четко определенного предмета, не собственных научных методов исследования. Многие современники вообще ставили вопрос о возможности дальнейшего существования социологии как самостоятельной науки. Ревизия методологии социологического знания явилась своеобразной формой рефлексии для обновляемой науки.

В противовес натуралистическому сведению сущности общественных явлений к набору относительно простых и строго неизменных законов, которые носят, по заверению позитивистов, всеобщий характер как для естественнонаучной, так и для социальной жизни, неокантианцы выдвинули идею о специфичности гуманитарных «наук о духе», о «должном», имеющих дело с реальностью особого рода, а именно культурной сферой ценностей. Соответственно главной объяснительной структурой социальных процессов стал не механистический детерминизм, а понимание субъективного смысла, проникновение в психический мир агентов этих процессов.

Важнейшим для определения объекта социологической науки у неокантианцев становится понятие «социальное взаимодействие», трактуемое ими вслед за Зиммелем, но наделенное большей степенью психологической нагрузки. Для его объяснения они вводят в оборот понятия «мотивы», «нормы», «ценности», «цели». Всю общественную жизнь они рассматривают с помощью противопоставления или соединения причинного, или телеологического, рассмотрения. При этом понятие «общество» не нашло в их трудах серьезной и детальной проработки, оно интересовало неокантианцев лишь постольку, поскольку оно воспринималось через индивидуальные переживания агентов социального взаимодействия.

Специфику социального знания они видели в том, что в его основе заложено целеполагающее действие человека, которое нельзя объяснить, не прибегая к помощи телеологических построений. При выборе целей человеческое действие тесно связано с критериями и масштабами оценки. Построение объективных оценочных суждений является важнейшей задачей методологии социального познания неокантианства. Его представители за основу своих построений взяли риккертское «отнесение к ценности», при этом наделив саму ценность большей психологической и нравственной нагрузкой.

Особое значение понятие ценности в неокантианской методологии приобретает при делении научного знания на идеогарфическое и номотетическое. Именно индивидуализирующее знание использует ценностные оценки как базовый метод всех дальнейших научных построений.

Основной задачей, которую ставили перед собой неокантианцы, было отграничение социологического знания от всех остальных наук, в особенности от истории. Это связано с тем, что в начале XX века многие ученые историки, социологи, обществоведы объединяли эти две науки или взаимоподчиняли их, отказывая в самостоятельном существовании то одной, то другой попеременно. Благодаря неокантианским разработкам в области индивидуализирующего и обобщающего знания, удалось сформулировать и ограничить специфическую область изучения социологических и специфическую область исследования исторических наук.

На любом этапе развития науки встает вопрос об образовании адекватных истинных научных понятий, которые соответствовали бы современным запросам ученых. Представители неокантианской школы социологии предложили свой механизм образования понятий, главным методологическим принципом которого является принцип конструирования адекватных научных теорий.

Заклучая можно сказать, что идеи представителей русской социологической школы неокантианства, как и любое реформаторское начинание, имеющее амбициозные лозунги, подверглись значительной критике. Если обобщить недостатки неокантианской школы, то можно выделить следующие положения:

□ во-первых, как реформаторы науки они ставили перед собой глобальные цели, но в силу исторических условий, самого положения социологии многие из них так и остались лишь на стадии постановки проблем;

□ во-вторых, их концепции, как правило, носили противоречивый характер и не имели однозначного решения даже в рамках собственного направления;

□ в-третьих, их научная деятельность в немалой степени была направлена на критику теоретических положений других социологических школ (позитивизма, марксизма, субъективной школы) нежели на разработку и утверждение собственных позиций.

Однако, несмотря на всю противоречивость и порой неоднозначность методологических работ представителей русской школы неокантианства, они во многом достигли поставленных перед собой целей, а именно: они смогли обосновать необходимость существования социологии как самостоятельной науки, имеющей свою специфическую, отличную от всех остальных наук область исследования. Вместе с тем представители неокантианства разработали обширный план кардинального изменения социологической науки, который включал в себя следующие положения:

□ только методология может вывести социальные науки и, в частности, социологию из затянувшегося кризиса, именно методология играет особую содержательную, смыслообразующую, целеполагающую роль в социальном познании;

□ основными задачами познания является построение единого системообразующего и логически связанного знания, стремление к которому определяет весь ход развития науки;

□ реформирование науки заключается не в открытии чего-то нового, а в строгой критике уже накопленного социологией теоретического материала;

□ социология должна выработать свой, отличный от других наук и, прежде всего, от естествознания метод научного исследования, определяющей характеристикой которого должна стать возможность устранения неизбежной субъективности в истолковании духовных явлений;

□ все явления и процессы в социокультурной сфере необходимо изучать с нравственной точки зрения, а приоритетной целью социологического познания является ценность человеческой личности.

Идеи, высказанные отечественными неокантианцами, в силу исторических причин, не получили дальнейших разработок в том же исследовательском русле, однако они значительно повлияли на ход развития социогуманитарного знания, определили исходные принципы формирования новой парадигмы отечественной социальной мысли, созвучной мировым тенденциям развития социологии начала XX века. В частности, работы отечественных неопозитивистов созданы под влиянием критики неокантианцев. Прямо или косвенно их идеи повлияли на интегральную теорию П.А.Сорокина и теорию структурного функционализма Т.Парсонса.

Некоторые исследователи констатируют кризис современной отечественной социологической науки, в связи с этим актуальным является обращение к творческому наследию и научному опыту представителей русской школы неокантианства, которые смогли реформировать социологическое знание, обратившись к просветляющему самосознанию методологии. Поставленные представителями русского неокантианства проблемы и разработанные методологические принципы, касающиеся вопросов «отнесения к ценности», соотношения «телеологизма и причинности», «должного и необходимого», «качественных и количественных измерений», «идеографических и номотетических методов» могут послужить ориентирами в преобразовании современной социологической науки. Ведь как считали представители неокантианства, разрешив эти научные противоречия, человечество сможет построить единое систематизированное и закономерное знание о характере общественной жизни.

1. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М.: Изд-е М. и С.Сабашниковых, 1916.

2. Немирова Н.В. Русская социологическая школа неокантианства. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

3. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – СПб.: Тип. Ю.Н.Эрлих, 1908.

4. Хвостов В.М. Классификация наук и место социологии в системе научного знания // Вопросы философии и психологии. – 1917. – Кн. 139. – 140. (IV – V). – С. 69 – 126.

СОЦИОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: АКТУАЛИЗАЦИЯ КЛАССИКИ

Орлова И.Б. (Москва)

Статья посвящена социологии исторического знания – новой научной и учебной дисциплине, опирающейся на наследие классиков, заложивших основы социологии знания. Эта дисциплина исследует,

как взаимодействует историческое знание и общество, как формируются представления о прошлой социальной реальности, как эти представления влияют на реальность настоящую; как историческое знание становится все более мощным ресурсом и фактором управления обществом. Подчеркивается идея социального конструирования исторического знания и его использования в целях социального влияния.

The article reveals the content of Sociology of historical knowledge - the new scientific and academic discipline exploring the interaction of historical knowledge and society, of how ideas about the past social reality are formed, how these representations of the past influence the reality of the present; how historical knowledge becomes a more and more powerful resource and a factor of society governance. This article focuses on the idea of historical knowledge social construction and its application in terms of social influence.

Социология исторического знания как новая формирующаяся научная дисциплина стала ответом на вызов времени. Быстро меняющаяся, «текущая», по выражению З.Баумана, современность ищет подтверждение и оправдание сегодняшним общественным процессам в прошлой социальной действительности и трактует прошлое в соответствии с потребностями сегодняшнего дня. Новые трактовки и интерпретации истории широко используются для переформатирования сознания населения, для достижения конкретных социальных и политических целей. Умелое использование исторического знания показало способность не только корректировать сознание и поведение, влиять на идентичность отдельного индивида или группы, но и смещать правителей, обрушивать политические режимы, подчинять себе целые государства, менять карту мира.

Социология исторического знания является одной из ветвей социологии знания, с которой она имеет общие теоретико-методологические основания. Эти методологические основания восходят в К.Марксу и его работе «К критике политической экономии» (1859), где намечен переход от философии познания к социологии знания. Источником идей для социологии знания стала концепция «понимающей социологии» М.Вебера. Если М.Вебер предметом социологического анализа считал только рациональное знание, осознанные социальные действия или материальные продукты этих действий, то значительно расширил понимание предмета немецкий социальный феноменолог Макс Шелер, автор самого понятия «социология знания»[1]. М. Шелер в работах 1920-х годов писал, что знание никогда не существует изолированно, оно окружено эмоциями, ценностями людей, влечениями, интересами, фантазиями, чувствами симпатии и антипатии. Знание, по М.Шелеру, многофакторный социальный процесс, а понятием «знание» обозначается то, что считается знанием в данном обществе. Поскольку знанием нередко считаются и заблуждения и внушенные ложные суждения, М.Шелер делает очень важное заключение о том, что социология знания имеет своим предметом отнюдь не только социологию истинного знания, но и социологию социального безумия, суеверия, социологически обусловленные формы заблуждений и обмана. Эта его трактовка для исследования знания исторического имеет ключевое значение. М. Шелер еще в 1912-1916 гг. исследовавший многообразие человеческих чувств: любовь и ненависть, симпатию и антипатию, показал экзистенциальную детерминированность мышления: обусловленность мышления историческими, психологическими, даже биологическими особенностями. Он описал приоритет влияния «Мы» над «Я», социума над индивидом, эмоционального начала над рациональным. Он показал, что действующий целерационально веберовский индивид сформировался не сам по себе, что он - продукт длительного социального и культурно-исторического развития цивилизации, в данном контексте – западной. В других контекстах формировались иные типы индивидов. У иных неевропейских, в частности, азиатских цивилизаций существуют иные образцы поведения и культуры знания. Таким образом, Шелер демонстрирует относительность, а не абсолютность евроцентристского видения и оценок социальных явления и процессов. Он подчеркивает, что социология как наука может претендовать только на относительную истину, поскольку суждения об обществе, группе или индивиде будут зависеть от социально-исторического контекста, времени, места, социальной позиции наблюдателя (социолога). И представление о том, что считается знанием, будет различным в различных обществах. То есть Шелер показал, насколько для понимания общественных процессов важны исследования национально-культурных и цивилизационных особенностей человеческого мышления, формирующих культуры знания.

Методологически близка М.Шелеру феноменология А.Шютца, изучающая «жизненные миры» людей, которые, исходя из своего представления об окружающей действительности, из своего «знания» определяют «реальность». Развивая идеи Э.Гуссерля, А.Шютц показывает, что

эти представления о «реальности» плюралистичны, и понимать и объяснять природу этих различий – задача феноменологической социологии [2].

Классической для социологии знания является работа Карла Маннгейма «Идеология и утопия», в которой для нас важна трактовка связи мышления с исторической и социальной ситуацией, а также влияния группы на индивидуально-дифференцированное мышление: индивид «говорит языком своей группы, мыслит в формах мышления своей группы» [3, 8].

Социология знания черпает идеи в работах по истории науки (Т. Кун), истории ментальностей (Р.Мандру и др.). Важнейшей является теория социального конструирования реальности П.Л.Бергера и Т.Лукмана, позволяющая выяснить, как человек формирует знание о прошлой реальности, и как эта реальность, в свою очередь, формирует человека. Названные теоретические построения приводят к главному выводу о том, что идеи, точно так же как и их носители - люди – социальны, то есть идеи имеют свои социальные координаты в обществе. Социологу, анализирующему знание, необходимо прочерчивать соединительную линию между идеей, ее автором, социальным миром (или контекстом), в котором эта идея родилась, социальной средой, в которую идея внедрена и последствиями, возникающими в результате социального признания этой идеи в качестве знания.

Социология знания в целом, и социология исторического знания, в частности, определяют место идей в социальном пространстве и их роль в обществе в каждый конкретный исторический период. Социолога интересует, как знание вовлечено в общество и как оно взаимодействует с ним, какие факторы, условия, контекст - влияют на то, что та или трактовка признается в качестве реального знания, и как это знание влияет на общество, иногда меняя его до неузнаваемости. Очень показательным примером является последствия переписывания, начиная с 90-е гг. XX в., истории в новых постсоветских государствах [4].

Когда социологи обратились к исследованию знания, они сделали ряд принципиальных открытий. Во-первых, они убедительно продемонстрировали, что знание не является объективным отражением реальности. Социология показала, что процесс производства, воспроизводства, распространения, потребления знания глубоко социален и контекстуально обусловлен. Он зависит от многих факторов, среди которых интересы, убеждения, аттитюды. Тем самым социология «десакрализовала» знание.

Вторая заслуга социологии - в обосновании диалектической связи знания и общества, о чем писали П.Бергер и Т.Лукман. Знание есть одновременно и социальный продукт, и средство социального конструирования общества. Оно и результат изменений, и агент изменений. То есть общество формирует знание, и знание, в свою очередь, формирует общество, меняя принятые в нем установки, поведенческие стереотипы, стили жизни, нормы.

Третьей заслугой социологии явился анализ взаимоотношений между знанием и властью. Власть «элитарных» социальных групп в большой степени основывается на возможностях распоряжения таким социально значимым ресурсом, как знание, являющееся инструментом влияния и умножения власти. Власть осуществляет политику в области знания.

Четвертой заслугой социологии знания стало формулирование представления о новом этапе развития современного общества - об «обществе знания» (Р. Райх, П. Друкер, Н. Штер, Г.В.Осипов, В.С.Степин и др.) Современное общество все в большей степени становится результатом человеческой деятельности, обусловленной знанием. Знание становится организующим принципом не только современной экономики, но и всей социальной жизни.

Специфика социологии исторического знания заключается в том, что она исследует субъективно осознанные индивидуальные, групповые и коллективные представления о прошлом, которые воспринимаются как истинные, соответствующие реальности. Внимание акцентируется на феноменологической составляющей исследования знания о прошлом: на представлениях, которых люди уверенно придерживаются и воспринимают как данность, и которые институционализированы или наделены авторитетом экспертных групп.

Для социолога важно выявление технологий воздействия на сознание индивида или группы, позволяющих сделать из человека послушного реципиента любых фантазий на исторические темы. Основой манипулятивных технологий является конструирование мифов, обращение не к разуму человека, а к глубинам подсознания, поскольку воздействие на чувства, эмоции оказывается более эффективным, чем воздействие на рассудок. Степень эффективности технологий манипулирования сознанием и поведением человека во многом зависит от духовной зрелости людей. Немаловажную роль в том, что люди позволяют собой манипулировать, играют уровень и качество полученного образования.

Социолог не оценивает знание, факт или явление с позиций «истинные» они или «ложные». Его интересуют процессы, с помощью которых та или иная система знания становится социально признанной в качестве «реальности». Важно выявить механизмы, обуславливающие процесс отбора из множества индивидуальных «мнений», тех, которые формально признаются в качестве «знания». На этот отбор влияют конъюнктурные факторы: социальные, политические, культурологические, при которых в результате социального взаимодействия формируется представление об объективной реальности. В свою очередь, согласно теореме Томаса, представления, воспринимаемые как реальные, имеют реальные социальные последствия.

Исследователь выявляет социальный, политический, интеллектуальный, темпоральный, культурный контекст, специфичный для каждого общества, в котором происходит процесс социального конструирования знания и «формирования социального запаса знания» (А. Шютц). При этом формирование исторического знания рассматривается как социальный процесс, идущий в двух направлениях. Во-первых, это процесс отбора из множества индивидуальных «мнений» тех, которые формально признаются в качестве «знания» и считаются «реальностью». Во-вторых, обратный процесс: знание о социальной реальности само по себе играет активную роль, оно конструирует саму эту реальность, включая ее прошлое, настоящее и будущее. (П.Бергер и Т.Лукман, Б. Барнс, Д. Блур, Н. Гудмен и др.).

Для исследователя исторического знания важным, на наш взгляд, является признание того, что социальная логика, управлявшая прошлыми социальными реальностями, изменилась коренным образом; мир прошлого имел иные смыслы, чем мир настоящего. Мы не можем понять, что означает какое-либо действие или высказывание, и каковы могут быть его последствия, не зная традиций, ценностей, ментальных особенностей, манер поведения, технологий – т.е. логики того социального мира, в котором происходило данное действие.

Особый интерес социолога направлен не на профессиональное, а на быденное историческое знание, представляющее собой сумму усвоенной и признанной самыми широкими слоями населения информации о прошлом народа, страны, вписанной в представления об их месте и роли в мировой истории и культуре. Именно знание этого уровня напрямую влияет на состояние сознания населения и дух народа. Быденное историческое знание может служить духовной опорой государства и общества, формировать культурно-историческую идентичность и, тем самым, выполнять важнейшую социальную и политическую функцию.

Ученые, изучающие знание, подчеркивают, что содержание научных исследований во все большей степени определяется заданными извне социальными, политическими целями. Об этом пишут В.С.Степин, Ю.Хабермас. Эта мысль еще в 1970-е годы встречалась в работах немецких социологов науки (Г. Беме, П. Вайнгарт и др.). Они описали возникновение «гибридных сообществ» - новых организационных структур, в которые включены не только ученые, но и политики, менеджеры, промышленники, администраторы, финансисты. Таким образом, происходит «политизации науки», а производство знания становится процессом, ориентированным в значительной степени на потенциального потребителя, на его интересы. Анализируя увеличивающуюся роль научной экспертизы, социология исторического знания выявляет и связанные с этим новые риски. Экспертиза часто является спорной или неопределенной. Само общество в результате рекомендаций различного рода экспертов становится огромной лабораторией, в которой ведутся реальные социальные эксперименты. Ученые, говоря о растущем влиянии экспертов, применяют даже такой термин как «эксперткратия».

Экспертное сообщество состоит из представителей социальных и общественных групп, которые влияют на процесс конституирования в качестве «знания» тех или иных «мнений» и «суждений» о прошлой социальной реальности [5]. И далеко не всегда это бывают группы профессиональных историков. Очень часто в качестве таковых выступают группы, принадлежащие к политической и экономической «элитам». Положение классиков марксизма о том, что право – есть возведенная в закон воля господствующего класса, можно распространить и на историческое знание. Конституируемый статус «знания» и признание его «истинным» получает то, которое отражает интересы находящихся у власти социальных слоев. Далее это «знание» квалифицируется как верное, соответствующее «реальности», оно транслируется, популяризируется и доводится до остальных слоев населения. Когда потенциал влияния нарастает у иных групп, находящихся прежде в меньшинстве, то возможности конституировать «мнения» и «суждения» в качестве знания появляются и у них.

Терминологический аппарат социологии исторического знания как междисциплинарного направления в значительной степени совмещает базовые понятия социологии, истории, социальной психологии, социальной антропологии.

Особое место занимает понятийный аппарат, относящийся к феноменологической редукции социологии знания: мышление, познание, понимание, мнение, суждение, смысл, заблуждение, интерпретация, толкование, контекст. Один из основных тезисов социологии знания – взаимосвязь мышления и общества, влияние социального контекста, обуславливающего мышление. В этой связи значимыми являются понятия индивидуально-дифференцированного и группового мышления; влияние общественных и групповых норм, ценностей, идеалов, целей, интересов на мышление и социальную легитимацию знания. Социология исторического знания исследует процесс и результаты трансляции знания с уровня научного на уровень обыденного знания и трактует его как демократизацию знания. Демократизация знания – это всегда упрощение, а в определенной степени - деградация знания.

Важную роль в исследованиях по социологии исторического знания играет категория событие. «Событие» является концептуальным понятием, с помощью которого ученые строят и анализируют контингентность (случайность, отсутствие предопределенности) в социальной жизни. Эта категория особенно значима при обсуждении вопроса об открытости истории, о том, является ли историческое развитие вариативным процессом, в котором какое-либо событие способно изменить направление движения, изменить характер исторического развития.

Историческое знание – единственный вид знания, в котором ключевую роль играет категория времени. С этой категорией связано такое понятие, как темпоральность или развитие во времени. Время в истории - это система координат, оно обладает своей долготой и шириной. Движение времени может интерпретироваться различными способами: как развитие или деградация, как повторяющиеся циклы или последовательная линейность, как нестабильность или застой. Интерпретация такого движения времени и есть темпоральность или способ упорядочения, позволяющий связывать различные элементы.

Категориальный аппарат социологии исторического знания релятивизируется, меняется в зависимости от доминирования определенных исследовательских направлений и парадигм. Изменения заключаются не только во включении в научный оборот каких-либо новых понятий, но и в переосмыслении старых. Новые смыслы вкладываются, например, в такие понятия, как «историческая реальность», «правда», «объективная истина», «исторический факт».

Иные трактовки во многом дополняют классическое понимание перечисленных понятий. Процесс познания настолько сложен, что ограничиться единственными классическими концепциями, особенно в социальном и гуманитарном знании, не представляется возможным. Необходимо сочетание разнообразных подходов и мыслительных процедур, открывающих новые грани и новые познавательные возможности. При этом ведущим и главным неизменно должно оставаться стремление к познанию истины в ее классической аристотелевской трактовке. Возможно, это есть недостижимый идеал, к которому все равно нужно стремиться.

1. Шелер М. *Проблемы социологии знания* / Пер. А. Малинкина. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. — 320 с.
2. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
3. Маннгейм К. *Идеология и утопия*. // *Диагноз нашего времени*. М., 1994
4. Орлова И.Б. *Этнизация исторического знания в постсоветских государствах* // *СОЦИС*. 2009, №10, с.126-134; Орлова И.Б. *Социология исторического знания*. Учебник для вузов. М., 2015, 352 с.
5. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Социология знания о прошлом*. Издательский дом ГУ ВШЭ, Москва, 2005.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Потоцкий С.С., Гольденштейн С. М. (Санкт-Петербург)

Методы «бесконтактного интервьюирования» хорошо представлены на социологическом рынке в качестве интернет-технологий. Они позволяют, не обращаясь к услугам интервьюеров опрашивать большое количество людей. Однако такой метод, имеет очевидный недостаток, связанный с репрезентативностью выборки [4, 2001]. Строго говоря, в таких случаях репрезентативность редко когда поддается контролю. И без того будучи неуловимым, но вместе с

тем, несомненно желанным качеством социологического исследования, репрезентативность оказывается главным и непреодолимым пунктом критики количественного метода как такового. Как бы мы не пытались построить выборку, существуют категории населения, которые в неё или очень плохо попадают или не попадают вообще [7, 2006: 23]. По умолчанию считается, что гипотетические данные этой категории будут отражать ту картину, которую показывает произвольно сложившаяся выборка. Тот факт, что результаты этих исследований каждый раз дают схожие данные, работает в пользу опросов общественного мнения и других количественных исследований. Однако всякий раз значительная и непредсказуемая часть выборки выпадает. Именно она старается избегать вопросов, среди этой части распространен нонконформизм, девиантный взгляд на мир, такие люди нередко являются наиболее занятой и даже успешной в социальном и экономическом смысле частью выборки [7, 28]. Статистические модели отражают принципиальную несхватываемость этих категорий населения при известных нам методах количественных опросов.

Мы разрабатываем новую модель бесконтактных опросов при помощи альтернативных систем распространения анкет (Далее – АСРА) [6, 2004; 3, 2014]. Такие технологии, как показывает практика, статистически случайным образом доходят до респондентов, а значит не имеют неизбежных для остальных количественных методов недостатков [2, 2004]. АСРА имеет преимущество в отклике опрашиваемых – практика показывает минимальный процент отказа. Ввиду отсутствия человеческого фактора, АСРА не опосредует ответы респондентов, а также не способно фальсифицировать данные анкет с целью наживы. Скорость опросов увеличивается в среднем в 2-2,5 раза, что позволяет существенно ускорить процесс интервьюирования [5, 2010: 23-28]. Этот фактор значим, когда опрос проводится с целью зафиксировать ситуацию, например, на счет какого-то информационного повода, пока его значимость, а также память о нем у респондентов не сошла на «нет». Таким образом методы АСРА обладают очевидным статистическим преимуществом, а также имеют достоинства связанные со скоростью проведения опросов.

Перейдем теперь к экономическому аспекту данного метода интервьюирования. АСРА позволяет решительно изменить финансовое положение опросной кампании. Основная причина оплаты любого интервьюера, как специалиста лежит в транзакционных издержках, которые мы для удобства разделим на две категории. Первая - издержки, причиненные самому специалисту: на его подготовку, обучению техникам глубинного интервью с минимальным влиянием на респондентов, пространственным перемещениям, в ситуации потенциальных конфликтов, как этических, так и физических - компенсация риска потенциального ущерба. Вторая - альтернативные издержки самого заказчика исследования на проведение интервью лично, которые очевидно превышают издержки первой категории и делают интервьюеров оправданным механизмом. В предлагаемой нами технологии глубинного интервью, альтернативные издержки от нового типа интервьюеров сводятся к явному минимуму, что делает неоправданно дорогими услуги посредников. Данная технология становится универсальным посредником между заказчиком и респондентами и при этом обладает минимальной стоимостью, что приводит нас к идеальному равенству по равновесию теоремы Рональда Коуза и делает её наиболее эффективным экономическим решением.

1. Аузан А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. – Манн, Иванов и Фербер, 2013
2. Бибихин В. Технологические инновации в количественных методах: история, современность, перспективы. М., 2004
3. Зильбельтуд Д. Социология в XXI веке: вызовы и инновации. Казань, 2014
4. Летов Е. Big Data и Перестройка выборки. Будущее количественного метода. М., 2001
5. Latour B., Bauman Z. Why has quantity sociology Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical inquiry* 30.2: 225-248. 2010
6. Selski, Gure. How technique changes cultural studies? A few ideas for new design of social research. Routledge, 2004;
7. Stein G. End of quantity times: introduction in new ways of inquiries. Oxford University press, 2006

СОЦИОЛОГИ РОССИИ. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ Семёнов В.Е. (Санкт-Петербург)

Социологи, как и все люди, в том числе ученые, подвержены ценностно-ментальной зависимости (осознанной и неосознанной). «Совершенно естественно и неизбежно, что предшествующие убеждения и ценности будут влиять на то, что думают и о чем пишут социальные психологи» [2, с. 44]. Эти слова известного психолога Д. Майерса относятся ко всем социальным ученым. Исходя из нашей концепции российской полиментальности [3-5], (доказывающей, что большие социумы, макрогруппы содержат несколько менталитетов, тем более такая многонациональная, многоконфессиональная и многопартийная страна, как Россия), можно предполагать, что и российские социологи принадлежат к различным менталитетам, а значит и к разным мировоззренческим, методологическим и интерпретационным подходам. В нашей концепции, на основе дедуктивно-теоретических предпосылок, базовые менталитеты определяются философскими суперкатегориями-оппозициями: Бог (дух) – идол (материя), по вертикальной координате; общество (коллектив) – личность (индивид), по горизонтальной координате. Индуктивно-эмпирический анализ культурно-исторических и социопсихологических данных позволил автору предложить типологию базовых российских менталитетов. Этими менталитетами являются: духовно-религиозный (в России преобладает православный); просоциально-коллективистский (преобладает социалистический); либерально-индивидуалистический (преобладает прозападно-капиталистический); криминально-клановый, а также мозаично-эклетический менталитет, скорее псевдоменталитет (конгломерат из элементов четырех базовых менталитетов) [5].

Анализ литературы о истории российской социологии и социологах [в частности, 1;6] позволил соотнести различные школы и направления в отечественной социологии, а также биографические материалы о личностях отдельных социологов с базовыми российскими менталитетами. Начнем с зарождения и начала профессиональной социологии в России в конце 19-го – первой четверти 20-го веков. В те времена социологов в «чистом» виде и в современном понимании, прежде всего, как ученых, не только теоретизирующих, но и проводящих эмпирические исследования, практически не было. Анализ соответствующей литературы и справочников позволил сделать распределение социальных ученых по направлениям и школам того времени:

- представители субъективной школы в российской социологии. К ней можно отнести Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, С.Н. Южакова, Л.И. Петражицкого, С.Н. Кривенко, П.И.Новгородцева, М.А. Энгельгардта, В.М. Чернова. Думается, что сюда следует включить Н.Я. Данилевского с его культурно-историческими типами и П.А. Кропоткина с его трудами об этике и факторе взаимопомощи среди людей и животных. Южаков, пожалуй, более верно назвал эту школу этико-психологическим направлением. Эта школа несомненно была самобытной и именно русской. Однако ей был свойственен и несомненный эклектизм, поэтому её представители тяготеют к мозаично-эклетическому менталитету. Вместе с тем, именно положительное в этой школе, связанное с познанием своего народа, после возрождения социологии в 1960-х годах, было забыто ;

- русские социологи-позитивисты. Это М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, Ю.С. Гамбаров, В.А. Гольцев, Г.Д.Гурвич, В.В.Лесевич, П.Ф. Лилиенфельд, Я.А.Новиков, Б.И.Чичерин, А.И. Чупров, ранний П.А. Сорокин 1920-х годов. Представители этой школы по сути использовали методологию европейской социологии и тяготели к западным концепциям. Их можно отнести к либерально-прозападному капиталистическому менталитету ;

- первые русские социологи-марксисты. Здесь Н.И. Зибер, считающийся родоначальником марксистской социологии в России, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин (Ульянов), А.А. Богданов, Н.И.Бухарин, А.В. Луначарский, А.М.Коллонтай. На наш взгляд, стоит отнести сюда и самобытных русских «марксистов до Маркса» Н.Г. Чернышевского и Н.А. Серно-Соловьевича. Это социологи коллективистско-социалистического менталитета, который в СССР превратился в единственный воспитуемый и поощряемый, а социология вся стала исключительно марксистской;

- кроме этих школ, думается, следует обозначить духовно-нравственное (христианское) направление в русской социологии, к которому можно отнести следующих социологов, первым из которых был, пожалуй, Н.И. Хлебников (1840-1880) с его «Божественными регулятивами», затем С.Н. Булгаков, Н.А.Бердяев, Н.С. Трубецкой, Ф.А.Степун, С.Л.Франк, Н.О.Лосский, Г.П. Федотов, а позднее, можно сказать, что в русле этого направления стали работать П.А. Сорокин (вспомним

его «Кризис нашего времени», закон поляризации, основанный им Гарвардский центр творческого альтруизма и любви) и Н.С. Тимашев. Это представители духовно-религиозного, прежде всего, православного менталитета, который в советской социологии был невозможен.

Исходя из авторской концепции российской полиментальности, среди социологов современной России, как и в начале века, пребывают три базовых российских менталитета: российско-православный (например, его выдающийся представитель покойный профессор МГУ А.С. Панарин (1940-2003), ряд преподавателей и сотрудников Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Российской христианской гуманитарной академии, духовных академий и др.); коллективистско-социалистический (например, профессор СПбГУ В.Я. Ельмеев (1928-2010) и его ученики, представители РУСО – российские ученые социалистической ориентации и др.) и прозападно-капиталистический, либеральный (например, сотрудники Европейского университета в Санкт-Петербурге, ряд социологов из Высшей школы экономики и др.). Думается, что полюсами дифференциации в российской социологии в настоящее время являются новые «почвенники» и новые «западники». Социологи-«почвенники», по сути, продолжают направление самобытной русской этико-социологической (включая православную составляющую) школы, а «западники» в основном выступают как продолжатели школы позитивизма и неопозитивизма в качестве подражателей разнообразных современных западных направлений, в том числе постмодерна. Весьма большая часть современных российских социологов между этими полюсами – это представители мозаично-эkleктического псевдоменталитета, что и отражается в их теоретических подходах и эмпирических исследованиях. Вместе с тем, все эти менталитеты и соответственно различные социологические школы и направления отражают реальность социального мира и не должны авторитарно отрицать и подавлять друг друга, уподобляясь неразумной политической борьбе различных партий на взаимоничтожение.

1. *Бороноев А.О. Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014*

2. *Майерс Д. Социальная психология. СПб.: «Питер», 1997*

3. *Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов (Хрестоматия). / Сост. и ред. А.Л. Свенцицкий. СПб.: «Питер», 2000. С.485-492*

4. *Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008*

5. *Семёнов В.Е. Социальные ценности, идентичность и полиментальность в современной России // Национально-культурная идентичность в современной России. СПб.: Алетейя, 2015. С.117-136*

6. *Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. - 2-е изд. М.: Юнити-Дана. 2014*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ЗА ПЕРИОД 1920-1950 ГОДОВ

Синютин М.В. (Санкт-Петербург)

Известно, что каждая эпоха пишет свою историю. Поэтому усиление активности в области истории социологии должно свидетельствовать о наступлении новой эпохи. Причем, несмотря на постоянное совершенствование наших знаний, история социологии осуществляется именно таким образом. Только в свете данного обстоятельства можно приступать к рассмотрению актуальности наследия того или иного периода.

В 1990-е годы стала создаваться новая история отечественной социологии. Новые времена потребовали этого. Характерной особенностью новой истории советской социологии стало противопоставление периодов до и после 1960-х годов. Не последнюю роль сыграло то, что некоторым создателям новой истории это помогало охарактеризовать свое собственное скромное место в истории как некий поворотный пункт. Можно заметить, что чем выше была квалификация ученого в качестве историка социологии, тем меньше он был склонен говорить об исчезновении социологии на первом советском этапе. Наиболее резкие суждения высказывались именно не историками, и часто в мемуарном ключе, что вполне объяснимо. Нельзя проигнорировать также роль политической и идеологической конъюнктуры исторического момента. Однако сама резкость смены отношения к истории довольно большого периода отечественной социологии - 1920-1950-х

годов - никак не может быть определена случайностью, и требует внимательного историко-социологического исследования и объяснения.

Обратим внимание, что развитие отношения к данному периоду среди историков социологии прошло несколько стадий. И так, первые характеристики давались в само это время людьми, непосредственно включенными в перипетии развития социологии и коммуникацию самих социологов, которых приходится характеризовать, и можно отметить работы Н.И. Кареева и Н.Н. Андреева. Лишь когда сам данный период канул в прошлое, стало возможным новое к нему отношение. Цельность общего плана такого отношения сохранялась на протяжении 1960-1980-х годов, когда еще имела место советская общественная система и соответствующая ей социология. В этот период следует выделить труды по истории интересующего периода отечественной социологии, написанные Б.А. Чагиным, В.И. Клушиным, В.А. Малининым, З.Т. Голенковой. Им характерно представление об изучаемом периоде, как необходимом звене социологического развития, отмеченного переходом к марксистской теоретико-методологической базе, условиями чего являлось социалистическая общественная система советского типа. Изменение советских подходов началось с исчезновением советской власти в 1990-е годы, и происходило это в той мере, в которой историки готовы были к пересмотру советского наследия. Появились самые разнообразные в плане характеристик и точек зрения публикации И.А. Голосенко и В.В. Козловского, С.С. Новиковой, Е.И. Кукушкиной, А.А. Галактионова, Г.С. Батыгина. Поэтому сегодня мы имеем несколько историографических пластов в изучении отечественной социологии 1920-1950-х годов. И картину нисколько не проясняют зарубежные историки советской социологии.

Публикации по истории отечественной социологии XXI столетия не демонстрируют перехода к качественно более высокому уровню рассмотрения социологической мысли указанного периода. А.А. Галактионов сделал лишь общие, причем положительные оценки ранней советской социологии, выделяя достижения в каждом из составляющих период десятилетий. Общая оценка звучала следующим образом: «Началась перестройка социологии на принципах марксистской теории с освобождением от надуманных абстрактных концепций» (Галактионов, 408). Е.И. Кукушкина, защищая оценку данного периода от крайнего критицизма, склонялась к положительной оценке: «Социология в это время не стояла на месте. Были еще живы традиции длительного развития академической науки, живы носители идей крупных научных школ и направлений в отечественной социологии недавнего времени. И потому, хоть и медленно, неравномерно и невостребованно, мысль ученых продолжала работать; не всегда в явной форме, подспудно шло накопление новых знаний. В этом процессе определенную роль сыграла та часть представителей науки, которая разделяла марксистские взгляды на социологию и которая в новых условиях стала задавать тон в разработке проблем социологического знания» (Кукушкина, 106).

З.Т. Голенкова характеризует данный период в терминах «догматизация» и «деформация», делая акцент на критике социологической мысли данного периода: «Разделение ученых и науки по классовому признаку и высылка оппонентов из России, в конечном счете, привели к свертыванию свободных научных исследований, критический подход был заменен нигилистическим. Последовательно осуществлялась линия на массовую пропаганду основ марксизма, создание кадровых и институциональных предпосылок для развития только марксистски ориентированных теоретических (и эмпирических) исследований» (Голенкова, 63). В схожих тонах рассматривает социологию 1920-1950-х годов Здравомыслов (Здравомыслов, 42-43). Но наиболее ярко высказалась С.С. Новикова: «Социология была запрещена, но это не означало, что она полностью и бесповоротно умерла, образно говоря, душа в ее теле продолжала теплиться. Просто социология в это время находилась как бы в «коматозном состоянии»... В монографиях по историческому материализму, изданных в период между 30-ми и 60-ми годами, социальные явления и процессы анализировались предельно идеологизированно на крайне общем абстрактно-теоретическом уровне, в полном отрыве от реальной жизни. В это время в науке об обществе господствовали догматизм и схоластика» (Новикова, 135-6) .

Затруднения в рассмотрении истории отечественной социологии 1920-1950-х годов выходят за рамки истории социологии и связаны с выявлением общественных движений, сил и интересов, определявших развитие форм общественного сознания и социологической мысли. Это в свою очередь нельзя решить без объяснения развития капитализма в России. Парадоксально, но хотя капитализм был раскрыт благодаря материалистическому пониманию истории, распространение этой концепции в отечественной социологии совпало с политическим устремлением покончить с любыми капиталистическими тенденциями в развитии страны. В

результате социальная природа советского общества была раскрыта неверно. Стоит обратить внимание на то, что философский характер социологической теории исторического материализма в СССР послужил продолжением присущей отечественной общественной мысли привязке социологии к философии.

Характерное для России переплетение разных форм общественного сознания сохранялось в идеологизации и политизации социологии советского периода, однако, выступало не глубоко, а порой даже внешне, поверхностно. Данное обстоятельство усиливает потребность рассматривать при историко-социологическом исследовании все многообразие мировоззренческих форм в их взаимодействии. Надо иметь в виду, что марксистская форма общественного сознания опережала развитие общественных отношений в России. И как это уже бывало в прежние периоды истории России, практические задачи заслоняли общетеоретические вопросы. Поэтому, с одной стороны возникала популяризация как форма изложения, а теоретические споры сводились к практическим аргументам.

Однако никакие социологические споры не будут до конца ясны, пока не сформировано точное представление об общественных процессах и проблемах, в которых возникали данные споры. Ключевую роль в данном случае играет историческая оценка всего советского периода в его отношении к капиталистическим тенденциям развития России, а также характеристика деятельности и интересов классов и социальных групп, являвшихся носителями таких тенденций и вдохновителями борьбы на идейном и научном поприще. Решение этих вопросов также как и в период 1920-1950-х годов поднимает значение истории для социологии, напоминая нам об актуальности соотношения истории и социологии на каждом новом историческом витке.

1. Галактионов А.А., *Русская социология XI–XX веков*. - СПб.: Лань, 2002.
2. Голенкова З.Т. *Избранные труды*. - М.: Новый хронограф, 2014.
3. Здравомыслов А.Г., *К вопросу о периодизации социологии в России*. / *Журнал социологии и социальной антропологии*, №3, Т. X, 2007.
4. Кукушкина Е.И., *Академическая традиция в истории социологии России*. / *Социс*, №4, 2000.
5. Новикова С.С., *Социология: история, основы, институционализация в России*. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2000.

МОЖНО ЛИ ВЕРНУТЬСЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ К МЕТОДОЛОГИИ ПОЗИТИВИЗМА?

Смирнов П.И. (Санкт-Петербург)

Давняя дискуссия относительно кризиса социологии [1, с.3-8], свидетельствует о неудовлетворенности социологического сообщества уровнем развития своей науки. Эмпирическая социология в сфере методологии близка по этому уровню к естественным наукам. Статистическая обработка результатов социологических опросов, проведенных с опорой на стандартные перечни и квотные выборки, позволяет прогнозировать результаты выборов, покупательский спрос и пр. Метод обработки «больших данных» дает возможность, проследив в информационном пространстве, предсказать реальное поведение людей. Традиционные методы эмпирической социологии вкупе с методом «больших данных» вполне удовлетворяют требованиям контовской формулы: «знать, чтобы предвидеть для того, чтобы мочь».

В сфере теоретической социологии дело обстоит иначе. Представленные в ней школы, направления, подходы, отдельные теории, частные дисциплины образуют сложный конгломерат, разобраться в котором трудно даже профессионалам. Перед социологами-теоретиками встает двойная задача: 1) повысить теоретический уровень социологии, и 2) сделать ее начала понятными большинству людей.

Для ее решения полезно вернуться к принципам позитивизма, что возможно, если пересмотреть традиционную трактовку процесса познания и предложить методологию и теоретические средства, сближающие позиции естествознания и обществоведения.

В традиционной трактовке познание есть «высшая форма отражения объективной действительности», в котором различают «чувственное познание, мышление, эмпирическое и теоретическое познание». Но сведения познания лишь к психической форме отражения действительности слишком узко. Более адекватно познание трактуется, если признать наличие принципиально отличающихся способов пребывания в мире двух классов явлений, описываемых

категориями «субъект» и «объект». Субъекты («существа») существуют, а объекты («вещества») вешествуют [2, с.134-135].

На основе категории «существование» строится упорядоченная совокупность понятий, отражающих формы человеческой активности и уточняющих представление о процессе познания. В число этих форм входят:

- две фазы существования: активность и покой,
- хаотическая и целесообразная активность (последнюю удобно назвать «поведение»),
- инициативное поведение, направленное контакт с миром, на его познание, использование, и уклоняющееся поведение, направленное на минимизацию контакта с миром, уклонение от угроз и пр.,
- инициативное поведение по отношению к объектам – деятельность, по отношению к субъектам - общение [3], но ниже рассматривается лишь деятельность.

Деятельность понимается как процесс взаимодействия между субъектом и объектом, в котором меняются структуры обеих взаимодействующих сторон. В зависимости от преимущественного изменения структуры одной из них различаются два вида деятельности: преобразование и познание. В результате преобразования изменяется объект в соответствии с целями субъекта. В результате познания изменяется анатомия, физиология и психика субъекта в соответствии со свойствами объекта и событиями в окружающем мире.

События (в зависимости от их соизмеримости с временем существования вида) бывают:

- постоянные и неизменные (сила тяготения),
- постоянные, но колеблющиеся в неких рамках (наличие кислорода в воздухе или воде),
- периодические (смена времени суток или годовых сезонов),
- вероятные, но не регулярные (появление добычи, врага, угрозы),
- случайные, неизвестные субъектам (извержение вулкана, падение метеорита).

Знание, запечатленное в структуре и реакциях субъекта, получается путем эволюции конкретного вида в типичных для него условиях. Скелет животного знает о силе тяжести, а легкие наземных животных и жабры рыб знают о наличии кислорода в воздухе и воде, организм медведя знает о смене сезонов и т.п. Поэтому неверно сводить весь процесс познания лишь к познанию, происходящему на основе психических процессов в человеческой голове.

Необходимость в знании о вероятных, но нерегулярных событиях (появление добычи, врагов и стихийных угроз), послужила главным стимулом для возникновения у животных и человека психики, способной отражать окружающую действительность. На основе ощущения, восприятия, представления и памяти возникла способность моделировать явления окружающего мира и прогнозировать события. У человека эта способность, благодаря наличию языка, превратилась в способность самопроизвольно моделировать явления мира в различных описаниях. Все описания можно рассматривать как модели, различающиеся по степени их научности в зависимости от наличия в них представлений, понятий, ценностных установок, математического аппарата.

Построение идеальных моделей (описаний) возможно в естественных и общественных науках. Вебер дал имя теоретическому средству, общему для методологии естествознания и социологии, введя понятие «идеальный тип», узаконив использование в обществоведении абстрактно простейших моделей подобных тем, что издавна используются в естествознании («идеальная жидкость», «идеальный газ»).

Меняя параметры моделей можно изучать поведение отдельных явлений, не прибегая к экспериментам. Сравнение теоретически предсказанного поведения с реальным позволяет оценить пригодность конкретной модели для описания данного явления. Моделирование также устраняет проблему жесткого детерминизма, который якобы присущ естествознанию и не оправдывает себя в обществоведении. В некоторых идеальных моделях естественных явлений жесткий детерминизм отсутствует. Закон Авогадро утверждает, что в равных объёмах различных газов, взятых при одинаковых температурах и давлениях, содержится одно и то же число молекул. Но одно и то же число молекул может оказаться в различающихся по объёму, температуре и давлению газах. В обществоведении аналогичное утверждение, учитывающее два параметра, высказано Лениным относительно революционной ситуации, которая возникает, когда низы не хотят «жить как прежде», верхи не могут «хозяйничать и управлять, как прежде». Теоретически возможны и другие кризисные состояния общества, следующие из перебора вариантов этих параметров.

Построение идеальных типов в обществоведении упрощается при опоре на положение П.Сорокина о том, что на основе качественно различных типов взаимодействия между людьми

возникают качественно различные человеческие объединения [4]. Оно сближает познавательную установку в обществоведении с естественнонаучной. В естествознании для простоты построения теории в ее основу издавна клался какой-то один из типов взаимодействия между объектами, без учета других (ньютоновская теория всемирного тяготения строится на основе одного типа взаимодействия между материальными точками без учета магнитного или теплового).

Необходимость сближения методологии теоретической социологии с естественнонаучной не является чисто академической. Глобализирующееся общество столкнулось с вызовами и проблемами, которые вызваны функционированием самого общества и которые угрожают существованию человечества. Социологии необходимо научиться создавать теоретические модели основных объединений людей, чтобы описывать эволюцию общества и прослеживать ее возможные сценарии с целью управления ею [5].

1. Романовский Н.В. *Дискурс кризиса в современной социологии. Социологические исследования*, 2016, № 4, с.3-13.

2. Смирнов П.И. *Возвращение к позитивизму в теоретической социологии: необходимость и возможность / Дискурс. № 2016. С.133-141.*

3. Смирнов П.И., Смирнов Г.П. *Активность человека: совокупность основных проявлений / Вторые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 16-17 ноября 2007 года / Отв.редактор Ю.В.Асочаков. СПб., 2007, с.83-89.*

4. Сорокин П.А. *Система социологии. Т.1. Ч.2. – Сыктывкар: Коминвест, 1991, с.26-29.*

5. Смирнов П.И. *Управление эволюцией общества: необходимость, средства, ориентир. - Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 2012. 364 с.*

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И НАСЛЕДИЕ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Сорокина Н.Д. (Москва)

Как организовано современное общество, что лежит в основе социального порядка, какие претерпевает изменения в последнее время? В этом поможет разобраться классическое наследие социологии. Но вначале вспомним о том, что социологическая концепция О. Конта возникла как ответ на те социальные сдвиги, которые произошли в результате Великой Французской революции и предшествующего ей кризиса. Возникла потребность в понимании того, что представляет собой социальный порядок, каким он должен быть? Не случайно, социологию О. Конта называют наукой о социальном порядке.

Что же лежит в основе социального порядка? Это сформулировал сам О. Конт. Как известно, в его понимании социология, как учение, состоит из двух основных частей: социальной статики и социальной динамики. Социальная статика изучает то, каким образом социальные элементы общества связаны между собой, а основным законом социальной статики Конт считал солидарность и гармонию общественных явлений. Социальная динамика – каким образом происходят изменения, по мнению Конта, путем прогресса, что сформулировано в его законе трех стадий. Эти две части социологии Конта тесным образом связаны между собой.

М.М. Ковалевский так же справедливо отмечает: «никакой порядок не может упрочиться на долго, если не идет рука об руку с прогрессом; никакой прогресс не может найти осуществления, если он не направлен к упрочению порядка» [1, с. 1]. В то же время, анализируя социальные явления и процессы в России и в других странах, М.М. Ковалевский полагает, что «в русском обществе, как и во всяком другом, имеется организация, но говорить, что все элементы, входящие в состав его, находятся в гармонии, было бы без сомнения слишком смело». Поэтому он вслед за профессором американского Миссурийского университета Карлом Элвудом, считает, что правильнее было употреблять более широкое понятие «организация», поскольку «каждое общество имеет организацию, но не каждое имеет порядок» [1, с. 6].

То же самое Ковалевский предлагает и в отношении термина «прогресс». Вместо него предлагает использовать «более неопределенный», а именно «развитие», поскольку в это понятие не входит необходимым образом «переход от худшего к лучшему» [1, с. 7]. Таким образом, отталкиваясь от О. Конта, во многом следуя ему, М.М. Ковалевский предлагает по-новому взглянуть на вопросы устройства общества и его изменение. Попытаемся это сделать и мы, анализируя те социальные сдвиги, которые произошли почти спустя 200 лет с момента основания

социологии и почти спустя 100 лет с того момента, когда были написаны основные научные работы выдающегося русского социолога М.М. Ковалевского.

В настоящее время происходят колоссальные изменения, сдвиги, которые требуют переосмысления с точки зрения социологии. Социология за 200 лет выработала свой концептуальный аппарат, сформулирован предмет, объект науки, в ее рамках родились парадигмы, множество различных концепций. Тем не менее целостного взгляда на происходящие изменения нет. Делаются попытки их осмысления с точки зрения социологии глобализации, социологии социальных рисков и т.д.

Мы живем в эпоху глобализации, с которой связано появление новых вызовов. Одним из этих вызовов является четвертая промышленная революция. Так же, как предшественницы, четвертая промышленная революция обладает потенциалом поднять уровень жизни всех землян. Это, конечно, большой плюс. В будущем технологические инновации подстегнут рост экономики. Одновременно с этим, как подчеркивают экономисты Эрик Бриньольфссон и Эндрю Макфи, новая революция углубит неравенство. Речь идет об ее потенциале разрушать рынки труда, когда роботы будут замещать живых людей. Хотя, как считает Клуз Шваб, невозможно предвидеть, по какому сценарию будет развиваться четвертая промышленная революция. Исторический опыт позволяет предположить, что скорее всего будет комбинация двух или более сценариев.

Неравенство не только крупная экономическая, но и в первую очередь социальная проблема. Оно оказывает сильное влияние на все общество. Больше всего в выигрыше от новой революции останутся те, кто обеспечивает интеллектуальный и физический капитал: изобретатели, акционеры и инвесторы. В конечном счете четвертая промышленная революция изменит не только то, что делает человечество, но и само человечество. Она повлияет на идентичность людей и все, что с ней связано. Хотя существуют и пессимистические сценарии развития новой революции. По самому мрачному, она «роботизирует» человечество и лишит людей сердца и души. И все же Клаус Шваб надеется на лучшее и рассчитывает, что четвертая промышленная революция позволит человечеству подняться на новый уровень общественного и морального сознания, в основе которого будет лежать общая судьба всех людей, живущих на нашей планете [2].

В настоящее время мы наблюдаем сокращение рабочих мест, связанное с этим такое явление, как прекариат; миграцию, приводящую к удешевлению труда, в целом, к социальной напряженности; терроризм, как проявление глобальной политики. Что касается последней, О. Яницкий предлагает рассматривать «массовый терроризм как всеохватывающий и всепроникающий риск», как некую оборотную сторону «новой технологической революции», породившей неконтролируемое развитие (и использование!) современных информационно-коммуникационных технологий». При этом он отмечает, что «основой современной идеологии терроризма является уже не только покорение или подчинение «неверных», а тотальное разрушение других цивилизаций. Столь любимый принцип западной демократии – разнообразие форм собственности и социального порядка – подвергается уничтожению» [3].

В этой связи возникает вопрос о том, как организовано современное общество и каковы перспективы ее организации в недалёком и далёком будущем? Первое, что необходимо отметить, – это отсутствие должного порядка во многих странах, поскольку происходит усиление социального неравенства, так что снова возникает вопрос о справедливой организации общества. К этому можно добавить отсутствие стабильности. Мир в настоящее время переживает нестабильность практически во всех сферах жизни. Она усиливается на фоне социального раскола, который проходит по разным основаниям: экономическим, этническим, конфессиональным и др. Европейские ценности, такие как толерантность, права человека и др. подвергаются проверке на прочность. Поэтому возникает вопрос поиска истоков и причин происходящих изменений.

М. М. Ковалевский, определяя социологию как науку о социальной организации и социальных изменениях, исповедывал точку зрения, согласно которой социальные причины изменений носят плюралистический характер. Хотя, как отмечает Н.С. Тимашев, «полное понимание плюралистического характера социальной казуальности не помешало Ковалевскому выбрать одну такую причину для пристального изучения. Ей стали рост населения и его плотность, которые, как ему казалось, дают самый постоянный импульс к экономическому развитию» [4, с. 113]. В то же время М. М. Ковалевский полагал, что «демографический фактор никогда не действует в одиночку. Рост населения ... увеличивает или уменьшает его действие на социальную эволюцию в отношении многочисленных чисто социальных причин... В этой связи он

упоминал беспорядки, которые повлекли переселенцы ... и вмешательство правительств (разрешение или ограничение эмиграции» » [4, с. 114].

Сегодня требует осмысления и переосмысления идея М. М. Ковалевского относительно стадий социальной эволюции (орда, феодальный порядок, демократический порядок). В современном мире происходящие изменения, особенно на фоне радикального исламизма и неолиберального глобализма, приведут (и уже приводят) к новой стадии эволюции, которая будет нести черты архаичности, варваризации, отката к авторитаризму и т.д. И если, по мнению М. М. Ковалевского, на последней стадии эволюции в виде демократического порядка «прогресс повлек переход от неравенства к равенству и от государственного вмешательства к частной и коллективной инициативе» [1, с. 58], то сегодня мы наблюдаем как тот же демократический порядок приводит к прямо противоположному результату.

Большую роль в становлении новой стадии социальной эволюции играет демографический фактор (старение населения в странах Европы, демографический взрыв в мусульманских странах), но он не единственный, который изменит социальную организацию общества, помимо этого большую роль играют такие факторы, как экономический, религиозный, политический, экологический. Только, рассматривая в единстве все эти факторы, можно получить представление о сути изменений и о том, что нас ожидает в недалеком, а также, возможно, и далеком будущем.

1. Ковалевский М.М. Социология. В 2-х т. – СПб.: Тип. С.М. Стасюлевича, 1910. – Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. – 300 с.
2. Мануков Сергей 4-я промышленная революция в Давосе [Электронный ресурс] URL: <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolutsiya/?12016> (дата доступа: 07.07.2016)
3. Олег Яницкий о террористической атаке в Ницце. Институт социологии Российской академии наук. Официальный портал [Электронный ресурс] URL: http://www.isras.ru/blog_yan_97.html (дата доступа: 17.07.2016)
4. Тимашев Н.С. Социологические теории Максима Ковалевского // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). Выпуск № 1. 2011. С. 107–116 [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-teorii-maksima-kovalevskogo> (дата обращения: 23.07.2016)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА АНАЛИЗА СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТУРБУ-ЛЕНТНОЕ ВРЕМЯ

Суркова И.Ю. (Саратов)

В современных условиях турбулентного времени мир сотрясают различные катаклизмы, начиная от природных (наводнения, ураганы, землетрясения, пожары) и техногенных катастроф (взрывы на шахтах и предприятиях, транспортные происшествия, обрушения зданий), заканчивая, террористическими актами и различными локальными вооруженными конфликтами. Они не только вызывают гибель людей и всевозможные разрушения, но и оставляют нам военное наследие в виде неразорвавшихся бомб, ландшафтных изменений, посттравматических стрессовых расстройств у тех, кто пережил эти самые катаклизмы. Социальное пространство повсеместно наполнено рисками и угрозами, которые фактически бросают вызов силовым структурам любых государств, поскольку именно от их действий зависит покой и стабильность гражданского населения. В связи с этим, новые структуры гражданско-военных отношений и взаимодействий призваны нивелировать последствия социальной турбулентности, задав векторы оптимизации социальных институтов внутри каждой из страны, социально-политического и экономического баланса между государствами и единой политики противостояния террористической угрозе с наднационального ракурса. В научном сообществе возникла насущная необходимость вывести теории гражданско-военных отношений из-под монополии политологии и придать им социологическое звучание, фактически социологический дискурс может придать эвристический потенциал выше перечисленным векторам противостояния социальной турбулентности.

С середины XX века до настоящего времени в военной социологии ученые оперируют двумя основными теоретическими моделями понимания сущности гражданско-военных отношений. Первый сконцентрирован вокруг теории разделения гражданских и военных институтов с приоритетом общественного контроля над активностью армии - прерогативный подход (С. Хантингтон, У. Миллс, Х. Мэнсфилд, Х. Штейн, Р. Уэллс, Д. Бланд). Второй -

прагматический подход - рассматривает перспективы установления партнерства между армией, политиками и гражданским населением (М. Яновиц, Ч. Москос, П. Фивер, Р. Шифф). Большинство современных концепций, таких как сферный, институциональный, организационный, групповой, личностный, конфликтологический и кооперативный; противопоставляющий или отождествляющий; гражданско-ориентированный, военно-ориентированный или уравнивающий, раскрывающих специфику гражданско-военных отношений [2], так или иначе, можно представить с позиции этих двух классических теоретических перспектив.

Следуя традиционалистской перспективе, обратимся к идеям С. Хантингтона [3], который полагал, что реализация гражданско-военных отношений зависит от специфики национальной политики безопасности с акцентом на принципы комплектования армии, затраты на военную сферу, политические альянсы, а также возможное использование вооруженных сил в случае отсутствия непосредственной угрозы интересам государства. На первый план в данном случае выходит проблема сбалансированности взаимоотношений армии и общества с акцентом на военном профессионализме и военной этике.

Теория С. Хантингтона подверглась критике за идеализированность образа военных профессионалов, культивированной функционалистами. С одной стороны, представления о разделении труда, в целом, и на военной службе, в частности, иллюзорны и в реальной жизни практически не достижимы. Альтруистическое служение Отечеству, высокая доля ответственности за точное, а иногда и филигранное исполнение задач, экспертная автономия вооруженных сил обретает мифические черты, поскольку происходит экспансия социального пространства с целью обретения высокого социального статуса офицера, претендующего на признание в обществе. С другой стороны, вызовы современности, условия турбулентного времени заставляют пересматривать классические представления о предназначении армии. На это обратил внимание М. Яновиц, который предложил свое видение военного профессионализма [4]. Он полагал, что действительно существует два мира: военный и гражданский, между которыми нужно искать области взаимопроникновения.

Модель «традиционного профессионала» сменяется военными - прагматиками, действия которых подпадают под аналитическую перспективу символического интеракционизма. Во-первых, исследовательский акцент делается на взаимодействии между офицерами и гражданским населением. Во-вторых, офицерский корпус модифицируется, собственно, как и любые структуры, попавшие под воздействие процессов глобализации в обществе рисков и угроз. В-третьих, придается особая важность способности актора интерпретировать социальный мир, т.е. военнослужащие не могут автономно осуществлять свои функции по защите безопасности, поскольку представляют собой не просто профессиональную группу, а граждан, имеющих свои представления о целесообразности проведения военных операций.

На социетальном уровне анализа гражданско-военных отношений мы наблюдаем сближение микро- и макро подходов в социологии. Армия и гражданское общество, помещенные в общепринятую схему классификаций, идентифицированы как две системы, одна из которых – армия – определена в категориях профессиональной принадлежности, а другая – общество – в категории клиентской группы. Граждане ожидают от вооруженных сил безопасности от внешних угроз, а офицерский корпус, соответственно, уважительного отношения со всеми вытекающими привилегиями. Процесс создания ролей запускает изменения в социальных структурах, например, привлечение военнослужащих не только для обеспечения безопасности, но и для сохранения и поддержание мира. При этом, формируется «полицейская модель» армии, когда решение о использовании военной силы принимается в жестких условиях централизации и подчинения гражданскому обществу.

Таким образом, и функционалистская, и интеракционистская перспективы анализа профессионализма имеют свои логические объяснительные модели структурных и институциональных изменений, происходящих в системе гражданско-военных отношений. Однако, по нашему мнению, предложенные концепции демонстрируют скорее идеальные образы, как акторов взаимодействия, так и самих институтов: армии, общества и государства. Важным остается максимальный учет механизмов взаимодействия военнослужащих, гражданского населения и управленческих структур государства, с возможностью комбинирования концепций гражданско-военных отношений. В русле же российских реформ вооруженных сил, большее значение имеет отношение к профессионализации, как к процессу производства специальных средств рыночного конституирования и контроля со стороны экспертизы [1, с.41]. В результате

формируется новый облик силовых структур, имеющих в своем арсенале профессиональных военных – обладателей экспертного знания по управлению насилием. Офицеры, как основные представители вооруженных сил, конвертируют свой потенциал в компетенции, а взамен от государства получают высокое денежное содержание и поддержку гражданского общества, что в свою очередь способствует увеличению возможностей армии в регуляции последствий различного рода событий турбулентного мира.

1. Абрамов Р.Н. Социологические интерпретации профессий Р. Дингуэлла: к пониманию англо-саксонской традиции исследования занятий // *Профессиональные группы: динамика и трансформация* / под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2009. С. 41.
2. Шаева О.Н. Анализ гражданско-военных отношений в условиях общественных трансформаций // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: общественные науки*. №2. 2013. С. 232-243
3. Huntington S. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. USA: Harvard University Press, 1957. P.1-2.
4. Janowitz M. *The Professional Soldier: a Social and Political Portrait*. Illinois: Free Press of Glencoc, 1960.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗАПАДНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Титаренко Л.Г. (Минск, Республика Беларусь)

Для успешного включения современной российской социологии в глобальный социологический контекст считается важным включать в российский научный оборот западные подходы и конструировать собственные теории, методологически сопряженные с ведущими глобальными концепциями. Налаживание научной коммуникации всегда требует наличия «общего» научного языка: использование одних и тех же категорий, теорий, которые понимаются и интерпретируются учеными разных стран сходным образом. Разные подходы и парадигмы могут затруднить публикации в международных журналах, приводить к недопониманию друг друга на международных конференциях. Для преодоления этих проблем многие российские теоретики обращаются к западным парадигмам.

Однако в научном сообществе имеется некая иерархия, согласно которой те или иные теории и их авторы претендуют на доминирующие позиции. Своя иерархия имеет место среди авторов макросоциологических парадигм: по давно сложившейся традиции доминируют теории из стран социологического «мейнстрима». Исключением являются альтернативные теории и парадигмы, противостоящие Западу и создаваемые учеными, репрезентирующими остальной мир.

Поскольку социологическая наука всегда «стремится к рациональности, универсализму и теоретическому обобщению» [1, 134], естественным является использование теорий и парадигм, имеющих высокий уровень генерализации и применимых к широкому кругу исследуемых процессов и явлений. Обращение к теориям, созданным в других странах, но адекватным для понимания России и «локальных» проблем России, также уместно. Не случайно в российской социологии отмечается рост интереса к достижениям мировой науки [2, 14-15]. Однако между мировой и российской социологией сохраняется и несовпадение ряда целей: с одной стороны, российская теоретическая социология – часть мировой, с другой – она автономна и дифференцирована. В ней сосуществуют теории, опирающиеся на национальную теоретическую базу (теория институциональных матриц С. Г. Кирдиной, теория «колеи» Н. С. Розова), и теории, содержательно адаптировавшие западные идеи к постсоветским реалиям трансформации: теория трансформации Т. И. Заславской и В. А. Ядова, парадоксального человека Ж. Т. Тощенко, теория стратификации О. И. Шкаратана и др. Каждая группа дает объяснение общественных процессов в России и постсоветском пространстве, только одни делают это в контексте мировых тенденций социального развития, другие в рамках национальной культуры и истории.

В современной теоретической российской социологии существуют теории и парадигмы, являющиеся переложением на национальные культурно-исторические условия концепций и парадигм, созданных за пределами России. В спорах конца 1990-х – начала 2000-х гг. между адептами особой национальной российской социологии и их оппонентами более убедительную аргументацию приводили «глобалисты». Так, Ю. Л. Качанов, признавая, что «социальные науки существуют в национальной форме», утверждал, что «становление национальной российской теории предполагает преобладание мировой социологии» [3, 100]. По мнению В. А. Ядова,

следование в русле мировых теорий и парадигм является нормой: социология не может не развиваться вне национальной формы, но по содержанию она должна подниматься на уровень более общих объяснительных схем и подходов. В. А. Ядов приводил в пример теории трансформации общества. Адаптация теоретических концепций трансформации к российской почве, учет историко-культурных особенностей страны, находящейся на длительном этапе постсоветской трансформации, необходима, однако речь идет именно о национальной специфике глобальных миросистемных изменений. Следовательно, российская социология может создавать лишь «субтеории российской трансформации», опирающиеся на общую «грандтеорию» [4, 128]. В доказательство справедливости данного утверждения В. А. Ядов называл целый ряд российских социологов, которые успешно, по его оценке, применили к России общие парадигмы и теории, предлагая научному сообществу собственные субтеории в общем парадигмальном русле тех или иных глобальных процессов.

В целом, В. А. Ядов критично оценивал теоретические достижения мировой социологии последних десятилетий, утверждая, что ею не было создано ни одной новаторской макросоциологической теории. Последнее остается актуальной задачей мирового уровня, в решение которой, по мнению В. А. Ядова, могут включаться и представители российской социологии. Только если их вклад получит высокую международную оценку, он будет признан мировым достижением.

Часть российских авторов считает, что современные зарубежные концепции необходимо изучать, чтобы посредством западного понятийного аппарата и объяснительных схем, примененных к постсоветской реальности, понятным образом представить их западному читателю, не знакомому с российским менталитетом, культурой и историческими традициями. О.В. Хархордин наглядно демонстрирует, как можно применять к российской социологии и политической науке концепции западных авторов [5]. Он полагает, что каждая из концепций может дать новое знание о российской трансформации читателю, воспитанному на западных парадигмах. По его мнению, использование общего концептуального поля предназначено для налаживания теоретической коммуникации постсоветских и западных теоретиков. Без признания российскими авторами этого единого поля, как считает С.Ю. Барсукова [6, 93], вообще невозможно ожидать, чтобы какие-либо теории российских авторов завоевали сегодня ведущие позиции в мировой общественной науке, независимо от качества самих теорий. Таким образом, переосмысление новейших западных парадигм российскими авторами применительно к постсоветскому региону – возможный путь для их более активного включения в мировой социологический поток, в глобальную коммуникацию.

С учетом вышесказанного, среди современных российских макросоциологических теорий можно выделить три группы: (1) ориентирующиеся на глобальные социологические парадигмы, (2) отстаивающие «особый путь» России и ее четкую зависимость от предшествующего развития, (3) адаптирующие западные теории к культурно-историческим реалиям России (сторонники субтеорий, связанных с западными метатеориями как частное с общим). Независимо от степени, в какой российские авторы готовы заимствовать западные идеи, результат этого заимствования не является культурной апроприацией – это вполне самостоятельное теоретизирование, в котором общность идей и концептов лишь подтверждает их значимость и научную ценность. Будучи эмпирически тесно связаны с российскими реалиями, они часто воспринимаются как сугубо российские и служат фундаментом для новых традиций в российских социологических исследованиях.

Вместе с тем, социально-экономические и политические контуры современного мира после развала советской системы, несмотря на обилие имеющихся теоретических интерпретаций новой ситуации, остались не до конца проясненными. Очевидно, что любые предлагаемые социологические схемы и подходы всего лишь инструменты теоретического анализа, которые могут отбираться с учетом конкретных нужд постсоветской практики и использоваться более или менее адекватно, в зависимости от решаемых с их помощью задач и эффективности их освоения.

1. Александр Дж. Локальный космополитизм //СОЦИС. 2013. № 9.
2. Зборовский Г.Е. Теоретическая социология: QUO VADIS? // Социс. 2013. № 9.
3. Качанов Ю.Л. К социологии социологической теории // Социс. 2001 № 1.
4. Ядов В.А. По поводу статьи А.И. Малинкина //Социс. 2006. № 8.
5. Kharkhordin Oleg. *Main Concepts of Russian Politics*. Lanham, MD: University Press of America, 2005.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Титова Е.Н. (Могилёв, Республика Беларусь)

Термин «социальная адаптация» пришел в советскую социологию с Запада и не использовался в её научном аппарате вплоть до середины XX в. До этого времени исследования процессов адаптации относились большей частью к биологии. Впервые вопрос использования понятия «адаптация» в социологических исследованиях был поставлен В.Н. Шубкиным, Э.С. Маркаряном и др. в конце 60-х годов. В указанный период происходит становление понятия «социальная адаптация» в качестве социологической категории. Но наиболее интенсивно рассматриваемое явление начало изучаться с начала 90-х годов 20 века, когда и стали разрабатываться методики изучения адаптационного процесса. Так, Ромм М.В. представил весь адаптационный цикл в виде следующих последовательных этапов: 1) констатация ситуации информационной неопределённости; 2) определение адаптивной ситуации; 3) выявление типологии адаптивных барьеров; 4) определение адаптивной установки; 5) выявление стратегии социальной адаптации [1]. Данилова З.А. опускает пункт «констатации адаптивной ситуации», но акцентирует внимание на проблеме управления социальной адаптацией. Она предлагает исследовать данный процесс по следующей схеме: определение условий и факторов социальной адаптации; выявление адаптационных ресурсов (социально-экономические, человеческие, социальные); определение критериев изучения социальной адаптации; изучение адаптивных механизмов, выявление барьеров социальной адаптации; выявление этапов адаптационного цикла; определение типов адаптации; выявление результатов адаптационного процесса и определение путей достижения успешной адаптации. Кузнецов П.С. представляет алгоритм измерения адаптации в виде последовательно исследуемых ее объектов, которыми являются: актуализированные потребности, уровень удовлетворения актуализированных потребностей, соответствие актуализированных потребностей уровню их удовлетворения, динамика соответствия актуализированных потребностей уровню их удовлетворения [2].

Многие исследователи (Козырева П.М., Гуревич М.А., Л.В. Корель, М.А. Шабанова, О.В. Шарнина, Ю.В. Чистякова и др.) сходятся во мнении, что в изучении социальной адаптации особое значение имеет измерение такого показателя как «социальное самочувствие». Так, Козыревой П.М. с целью измерения социального самочувствия, выступающего в качестве интегрального показателя степени адаптированности, был сконструирован интегральный индекс из трех составляющих: 1) индекс удовлетворенности и стабильности существования, позволяющий идентифицировать респондентов по их представлениям об актуальных для них условиях человеческого выживания, в основе которого лежат оценки удовлетворенности своей жизнью на момент опроса; изменения положения своей семьи в ближайшие 12 месяцев, уверенности в том, что они смогут обеспечить себя самым необходимым; 2) индекс статусно-престижной идентичности (самооценки), позволяющий идентифицировать респондентов по их субъективным представлениям о своем положении в экономико-политической организации на основании оценок респондентами своего положения в континуумах: «нищих» и «богатых»; «бесправных» и «тех, у кого много власти»; «тех, кого совсем не уважают» и «тех, кого очень уважают»; 3) индекс самооценки состояния здоровья [3].

Ряд ученых Новосибирской школы (Л.В. Корель, М.А. Шабанова, О.В. Шарнина, Ю.В. Чистякова), подвергая изучению социальное самочувствие населения, в качестве индикатора социальной адаптации понимали интегральную субъективную оценку индивидом успешности своего бытия. Гуревич М.А., отводя главную роль в изучении социальной адаптации измерению социально-экономического самочувствия населения, его показателями определил оценку населением своего положения, оценку работы органов власти, обстановку в населенном пункте, объективные и субъективные оценки физического и нравственного здоровья человека, уровень потребления материальных благ и др. [4].

Анализ трудов ученых показывает, что при изучении социальной адаптации индивидов целесообразно подвергать исследованию и ряд других показателей: степень встроенности индивидов в новые рыночные структуры (Корель, М.А. Шабанова, О.В.), степень освоения новых поведенческих образцов и стандартов (Козырева П.М.), место индивида в системах общественного

производства и потребления; уровень дохода; политический статус индивида; профессиональная роль личности; социокультурная и религиозная принадлежность; демографическое своеобразие индивида; состояние здоровья индивида; социально-экологическая ситуация; индивидуально-психологический тип личности (Бабосов Е.М.).

Таким образом, социальную адаптацию индивидов необходимо изучать в единстве различных теоретических подходов, определяющих взаимосвязь социальных и экономических факторов в адаптационном процессе. Основываясь на концептуальных подходах, методологии и методике изучения социальной адаптации, предложенной российскими исследователями, исследование социальной адаптации, на наш взгляд, целесообразно представить в виде следующих этапов: 1) констатация адаптивной ситуации. О наличии адаптивной ситуации можно говорить, когда невозможно достичь целей с помощью прежних средств; происходит нарушение баланса, между социальной системой и средой, возникает состояние дискомфорта, напряженности между ними. Достаточно ясно охарактеризовал адаптивную ситуацию Ромм М.В.: «адаптивной ситуацией делают значимые для субъекта изменения параметров ситуации, которые вынуждают его к адаптивной активности» [1, с. 104]; 2) выделение объекта и субъекта адаптации. Субъектом адаптации является любая социальная система, осуществляющая приспособление к чему-либо. Объект адаптации – это то, к чему вынужден приспособляться субъект адаптации; 3) определение целей адаптации, в которых выражается стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой; 4) оценка состояния социальной адаптации индивидов при помощи объективных (экономическая ситуация в стране, адаптационные ресурсы личности и др.) и субъективных (социальное самочувствие, отношение к проводимым реформам, отношение к работе и др.) показателей; 5) выявление средств адаптации и барьеров адаптации; 6) выявление адаптационных стратегий индивидов, которые представляют собой совокупность действий, предпринимаемых ими для приспособления к изменившимся условиям; 7) определение методов и способов управления социальной адаптацией на основе характеристик неприспособившихся групп.

1. Ромм М.В. *Социальная адаптация личности как объект философского анализа: автореф. дис. ... док. филос. наук / М.В. Ромм. – Томск, 2003. – 47с.*
2. Кузнецов П.С. *Адаптация как функция развития личности. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1991. 76с.*
3. Козырева П.М. *Процессы социальной адаптации россиян в трансформирующемся обществе: автореф. дис. ... док. соц. наук / П.М. Козырева. – М., 2004. – 50с.*
4. Гуревич М.А. *Социальное самочувствие и адаптация населения крупного промышленного региона в период перехода к рыночным отношениям (на примере Челябинской области). Челябинск: НГЦ»-НИИОГР, 2001. 199 с.*

РОЛЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОЛОГИИ П.СОРОКИНА И Н.ДАНИЛЕВСКОГО

Тихазе Д.К., Курилова А. С. (Москва)

Согласно Питирму Сорокину, в каждом социальном взаимодействии существуют три аспекта, которые в реальности неотделимы друг от друга. Это личность – субъект взаимодействия; общество – надиндивидуальная реальность, образованная из объединения взаимодействующих людей и разнообразных процессов и связей, сопутствующих этому объединению; и культура – совокупность норм и идей, за счет которых люди взаимодействуют, а также внешняя часть культуры – внешние действия и материальные предметы как проводники нематериальных, мысленных значений и норм.

Для пояснения этой идеи П. Сорокин приводит пример студенческой аудитории, где преподаватель и студенты являются личностями; обществом становится реальность, образованная коллективом преподавателя и студентов и нормами, принятыми в данном учебном коллективе; культура же состоит из идей, которыми обмениваются участники взаимодействия и книг, учебной доски, другой обстановки и самого помещения.

В действительности, с точки зрения П. Сорокина, общество, культура и личность не существуют одно без двух остальных, их разделение возможно только мысленно, например, для социологического анализа [3].

Таким образом, материальная культура современного исследователю общества является полноправным предметом социологии.

В «Социальной и культурной динамике» П. Сорокин развивал идею о внутренней и внешней сторонах культуры, иллюстрируя примерами из мировой художественной культуры. Внутренний элемент культуры – умственный, смысл, разум. Внешний – объекты, события или процессы, в которых осязаемо воплощается внутренний опыт. Вне породившей их системы внешние вещи перестают быть частью данной культуры, как персидский ковер – бытовая вещь в Персии - в европейском доме приобретает сувенирное, роскошное, колониальное или антикварное значение. П. Сорокин писал, что внутренняя сторона культуры управляет внешней и именно от первой зависит, какие внешние проявления и каким образом становятся частью социокультурной системы.

Социология, согласно П. Сорокину, может одной из целей поставить себе выявление смысла, реализованного в материальном предмете, в системе вещей (он не использовал это словосочетание, а писал, например: «внешняя сторона культуры», «предметы, события и процессы, в которых воплощается, организуется, реализуется или облекается внутренний опыт», «совокупность носителей, передающих значения», «формы внешнего воплощения», «совокупность произведений»), свойственной данной культуре. В теории интегрированной культуры П. Сорокина все культурные элементы образуют общий смысл, в основе каждого элемента лежит основной принцип, все пронизывающий. Однако принцип не всегда ясен, и выявлением его может заниматься социология. Одним из способов для этого является постижение внутренней стороны культуры через анализ ее внешнего воплощения [4].

В современной социологии существует иная, или дополняющая точка зрения относительно того, что внутренняя сторона культуры управляет внешней стороной, изложенная, например, в книге Э. Дэвиса «Техногнозис». Внутренняя сторона создала внешнюю, и последняя начинает влиять на реципиента – получателя сообщения, заложенного в материальном проводнике.

Опираясь на идеи обществоведов, например, Б. Латтура, автор отмечает, что общество изобретает инструменты, которые вплетаются в полотно общественной жизни и определяют ее, направляют мышление и поведение людей. В анализе культуры у автора на первом месте ее материальный аспект, то, что он называет технокультурой. Такой взгляд П. Сорокин назвал бы вполне соответствующим современной склонности к тому типу культуры, который он называл чувственным, т.е. связанным с удовольствием для органов чувств.

По мысли Э. Дэвиса, как только человечество стало переносить мысли и опыт на материальные носители, использование этих материальных носителей стало влиять на картину мира коммуниканта. Из всех вещей больше всего на представления человека о себе и окружающем мире влияют устройства коммуникации, и так было всегда – от наскальных рисунков до компьютерных сетей. То, что П. Сорокин описывал как внутренний опыт, облеченный во внешние проявления, у Э. Дэвиса называется гибридами – вещи, наполненные чем-то, не имеющим отношения к принципам техники, – разумом и смыслом.

Средства коммуникации – часть и «я», и «другого», и внешнего мира. Каждая новая медиатехнология реконструирует культурный дискурс, через который «я» формулирует, более или менее осознанно, себя и мир вокруг; она создает и новые возможности, и новые ловушки для мышления и поведения человека.

Письмо, согласно автору, это влиятельная технология. Поясняет мысль он так: знаки, изображенные на поверхности предмета, проникают сразу в сознание человека, внося информацию. И сложно определить, где кончается письмо и начинается сознание. Интериоризация письма поэтому – могущественная технология [2].

П. Сорокин писал, что условная единица анализа в социологии, или наиболее общая социокультурная модель – это осмысленное взаимодействие двух или более людей. Но насколько в действительности осмысленно мы интериоризуем письмо, в том числе современное, в виде не только букв текста, но и картинок и других символов? Рекламное или новостное сообщение? Окружающие нас современные иероглифы и идеограммы? То есть насколько осмысленно воспринимается внутренняя сторона культуры, реализованная во внешних предметах и событиях, заложенная другими поколениями или современниками?

Что касается представлений первых российских социологов о вещах, можно упомянуть идеи Н.Я. Данилевского. Он считал, что вещи в первую очередь оцениваются по идее, которая с ними соединяется в общественном сознании. Например, знамя – честь полка. Также он полагал, что внешние формы влияют на внутренние, более глубокие слои общественного мышления и поведения. Например, изменения в русском народном быту в пользу элементов общества западного типа изменяют, по его мнению, в той или иной степени и сознание пользующихся этими

элементами. Изменения происходят не только среди индивидов, групп и сословий, но и на институциональном уровне. Изменяются искусство и промышленность, которые основываются на жизненных формах и потребностях. Нет того, что Н. Данилевский называл народными формами быта, - нет и промышленного производства составляющих его вещей, и совершенствования этих вещей. Если бы древнерусский быт, по мысли автора, сохранился бы в высших классах, то, во-первых, нижестоящие сословия подражали бы притягательному высшему классу, а во-вторых, сохранилось бы народное искусство, потому что художники должны были бы соизмеряться с привычными заказчикам вкусами и формами быта [1]. Вещи из тех обществ, где сохраняются или сохранялись народные или свойственные этой культуре долгое время формы быта и соответствующего развитого производства, ручного или машинного, в другой культуре часто получают высокое художественное и эстетическое значение.

1. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. М.: Книга, 1991.
2. Дэвис Э. *Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху*. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008.
3. Питирим Сорокин: *Новые материалы к научной биографии*. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В., Кротов П.П. М.: РАН ИНИОН, 2012.
4. Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель, 2006.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ГОРОД: ИНТЕГРАЦИЯ УРБАНИЗМА И РУРАЛИЗМА

Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург)

В 20 округе Парижа местные жители в XXI веке стали возделывать грядки, высаживать сады, осуществлять иные аграрные операции на пустующих землях глобального города. В 92 департаменте (Нантер) на заброшенных участках городского пространства возрождается сельскохозяйственная деятельность горожан. Жители многоквартирных домов обрабатывают землю, разводят домашних животных – овец, ослов, собак; занимаются пчеловодством, овощеводством и садоводством. Вся деятельность осуществляется на добровольной основе, по инициативе самих горожан. Совместные агропрактики собирают ранее незнакомых друг с другом местных жителей.

В Лиссабоне не один год реализуется проект сближения города и деревни. Заинтересованные горожане на началах самоорганизации и самоуправления занимаются аналогичными видами деятельности. Городское фермерство получило достаточно широкое распространение в Копенгагене, Упсале, Дублине, Берлине, Бостоне, Детройте, Лос-Анжелесе, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Гонконге и других урбанистических пространствах постиндустриальной эпохи [1]. Наряду с городским минифермерством активно развиваются детские городские фермы в Англии, Германии, Швеции, носящие некоммерческую, познавательную, трудовую и коммуникационную направленность [2]. Чем-то это напоминает отечественные аналоги станций юннатов и движения мичуринцев. Релевантное отличие одно. Российские аналоги городских ферм создавались и продолжают создаваться сверху. Их учредители – администрации городов и иные официальные структуры. Первая постсоветская городская ферма открыта в Москве на ВДНХ. Заимствованная идея, реализованная в виде франшизы. Заявленный как развлекательно-образовательный проект на практике был превращен в сугубо коммерческое предприятие, в котором название не соответствует содержанию («симулякр»). Достаточно ознакомиться с отзывами посетителей так называемой городской фермы. На самом деле это территория, превращенная в минизоопарк, облагороженная ландшафтными дизайнерами и архитекторами, ориентирующаяся на извлечение экономической выгоды.

Кто занимается минифермерством в городах постиндустриальной эпохи? Те для кого это не основное занятие, а хобби. Это деятельность, которой они занимаются в свободное от работы время. Новые городские фермеры – это адвокаты, бизнесмены, наемные работники в компаниях, представители творческих профессий, студенты и домохозяйки. Ключевая мотивация формирования урбанизма в сочетании с рурализмом включает три основные составляющие:

а) экологическую (переход на органическое земледелие; отказ от индустриальной поточной продукции; принятие ценностей «зеленого» города);

б) солидаристскую (формирование и возрождение сообщества на базе товарищества по совместной обработке городской земли; осуществление взаимопомощи и обмена опытом; проведение свободного времени в труде и общении; развитие соседства);

в) антиглобалистскую (опора на местное, на собственные ресурсы).

Постиндустриальный город вернул фермерство в различные, порой в совершенно необычные участки городского пространства – на крыши зданий, на территории бывших, заброшенных железнодорожных путей, промпредприятий, во двory жилых домов. Рурализм в городе это не романтическая ностальгия и возрождение деревни в духе эстетизации или артизации альтернативного образа жизни. Это также не новая разновидность ландшафтного дизайна, предлагающего различные проекты облагораживания окружающего пространства, в том числе пустующего, заброшенного и депрессивного. Интеграция урбанизма и рурализма – преимущественно социально-экологический проект, пытающийся в ткани города возродить кусочки коммьюнити и новой зеленой среды. Это один из способов анклавного ухода от анонимности индустриализма, техницизма и корпоративного потребления. Самореализация, солидаризм, создание социальных связей в результате совместной аграрной деятельности, без регулирования сверху.

Одним из символических ресурсов возможности актуализации урбанизма и рурализма в постиндустриальном городе выступают изменения в ментальности горожан. Стало меняться отношение к восприятию сельхоззанятий как неблагородных, «низших», недостойных горожан. Подобные представления стали формироваться в период модерна и индустриализма.

Идеология и политика индустриального города была по преимуществу антируралистской и проурбанистической. Традиция определять город как поселение, где жители не занимаются сельскохозяйственной деятельностью благополучно воспроизводилась весь индустриальный период. Горожане – это индивиды и группы, которые трудятся на фабриках и заводах, в офисах и образовательных учреждениях, развивают банковское дело, управляют ресурсами и людьми. Таково было идеологическое кредо индустриализма по отношению к характеру занятости горожан. Исключение составляли города в нерыночных административно-командных экономиках, где корпорации заставляли вести и сезонную аграрную деятельность для самообеспечения персонала или в качестве шефской помощи технически и технологически отсталым сельхозпредприятиям. Студотряды, выезды «на картошку» городской интеллигенции, военнослужащих – стандартные формы добровольно-принудительного труда в системе социалистического урбанизма. Особый феномен, получивший широкое распространение и всяческое поощрение, дополнял разрешенный аграризм горожан, но исключительно за пределами городской территории. Конечно же, в первую очередь это всем известные дачи. А сам процесс внегородского аграризма получил название «дачнизации». Изначальная функция дач была не рекреационная, а сугубо индивидуально-экономическая как продолжение домашнего хозяйства за пределами города. Дачники должны были сами обеспечить себя и свои семьи продуктами питания, возделывая землю на пресловутых шести сотках. В дополнение к ведению дач, горожанам предлагали заниматься и огородничеством в пределах городской территории. Такая практика получила достаточно широкое распространение и даже превратилась в привычку. Известно немало случаев, когда даже собственники частных домохозяйств с участками в городах получали землю под огороды, где выращивали различные сельхозкультуры, в первую очередь, картофель. На юге России до сих пор это практикуется. Российские географы даже придумали термин «горожане-селяне» для того, чтобы отразить урбаноруралистский феномен части социально-территориальных поселений России. В таких поселках люди живут в многоквартирных домах со всеми городскими удобствами, рядом с которыми во дворах или же в небольшом отдалении разбивают сады, огороды и держат скот.

В рыночных экономиках ни дач, ни принудительных форм помощи сельскому хозяйству, как правило, горожане не знают. Формальная рационализация при индустриализме затронула и процесс разделения труда между городом и деревней. Оппоненты капиталистического индустриализма разрабатывали различные проекты, связанные с попытками преодолеть чрезмерный урбанизм больших городов, унификацию, стандартизацию и односторонность социальной жизни. Стремление практически осуществить мечты об альтернативном урбанизме вызвали к жизни проекты городов-садов, а затем и пригородов-садов. Исторически аграрно-урбанистические утопии, разрабатывались в традициях Т. Мора, Т. Кампанеллы и других мыслителей. Одна из ключевых особенностей альтернативного урбанизма заключалась в том, что проект не предполагал переустройство самого индустриального города и возрождение рурализма на новой основе.

В период индустриализма аграризм в городах (особенно социалистического типа) был дополнением – подсобным хозяйством – для урбанизированных домашних хозяйств, которым

обобществленные государством сельхозпредприятия были не в состоянии обеспечить удовлетворение продовольственных потребностей. Иначе говоря, это была вынужденная социальная практика выживания горожан. Одновременно с этим в полностью не детрадиционализированных урбанпространствах продолжался социальный обмен между городом и деревней на семейно-родственной основе – взаимные дары и взаимопомощь в области продовольствия и труда.

Городское фермерство - это достаточно рациональная стратегия, которая между тем не вписывается в процесс всеобщей рационализации, начатый эпохой индустриализма и капитализма. В основе своей это не коммерческое предприятие, ориентирующееся на преимущественно экономическую выгоду и расчет. Здесь стратегия выгоды – это приобретение и возрождение ценностей социального и культурного характера. Отдельная тема интересная для практического урбанизма – это распространение в городах общественных садов.

1. *О городских фермах Нью-Йорка см. <http://www.facepla.net/index.php/the-news/1-latest-news/3316-new-york-green-roofs> (дата обращения 15.09.2016).*

2. *Дарья Бычкова. Ребенок играющий: зачем нужны козы в городе. <http://www.urbanum.ru/blog/spase/673/Rebenok-igrayuschiy-zachem-nuzhny-kozy-v-go> (дата обращения 15.09.2016).*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. ИЛЬИНА И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Федорова Е.В. (Москва)

Россия в XXI в. столкнулась с многочисленными внешними и внутренними угрозами, создающими препятствия на пути ее восстановления после распада Советского Союза. В настоящее время российская действительность все еще не соответствует тем критериям, которые предписывают ей представители властных структур, и тем требованиям, которые предъявляют граждане страны. По мнению многих специалистов общественных наук, это связано с отсутствием стремления у правящей элиты включать научное социально-гуманитарное знание в управленческую практику. В частности, российский социолог Г.В. Осипов полагает, что особое значение имеет социология, поскольку только она способна предложить нынешним руководителям государства наиболее целостное и приближенное к реальной действительности представление о России как о социальном организме, о ее основных проблемах и способах их решения. Он отмечает, что «включение социологии в систему научного управления обществом является важнейшим интеграционным фактором двух находящихся в противоречии культур – культуры власти и культуры науки» [8, 16]. Кроме того, на наш взгляд, при реализации данной задачи важно обратиться не столько к зарубежным социологическим исследованиям, достаточно успешным и доказавшим свою эффективность в других странах, сколько к разработкам отечественных специалистов. Особенно значимым нам представляется обращение к социально-философскому наследию мыслителей Русского Серебряного века и, в частности, к политико-правовому учению одного из ее выдающих представителей Ивана Александровича Ильина (1883 – 1954 гг.).

Осмысливая состояние политической и правовой сферы в России на рубеже XIX – XX вв., социальные и духовные последствия революции 1917 г. и двух мировых войн, И.А. Ильин создал оригинальную нормативно-правовую концепцию, обладающую, на наш взгляд, большим социологическим потенциалом и актуальностью для эффективной трансформации современной российской действительности. При разработке целостного учения о праве, правосознании, власти и государстве мыслитель подчеркивал их духовную природу и главенствующую роль в управлении всеми социальными процессами и институтами. Формулируя понятие права, а также различных групп составляющих его норм, И.А. Ильин акцентировал внимание на двух его разновидностях – положительной (законодательно закрепленные нормы) и естественной (религиозно-моральные нормы). Он полагал, что они должны составлять единое целое, поэтому «прогресс общественной жизни состоит в постепенном приближении положительного права к естественному; идеал состоит здесь в том, чтобы все положительное право стало естественным (т. е. морально-верным), а все естественное право стало положительным (т. е. получило признание и применение со стороны власти)» [3, с. 101]. Без этого невозможно создание справедливого порядка и развитие духовности. Особое значение И.А. Ильин придавал категории правосознание, которое рассматривал как краеугольный камень всех аспектов социальной жизни людей.

Констатировав его глубокий кризис, как в мире, так и в российском государстве, мыслитель призывал вернуться к его «нормальному» состоянию, что предполагает следование трем основополагающим аксиомам: «закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания» [2, с. 310]. Эти постулаты должны присутствовать в любом обществе, особенно важно реализовать их в постсоветской России, для того чтобы преодолеть так точно предсказанный И.А. Ильиным правовой нигилизм и несоблюдение принципа законности.

Характеризуя понятие власти, мыслитель подчеркивал ее нравственно-волевой и правовой характер. По аналогии с правосознанием И.А. Ильин сформулировал шесть аксиом политической власти, которые необходимо соблюдать в практике всякого государственного управления. В соответствии с данными аксиомами власть всегда должна опираться на правовое полномочие, быть единой, реализовываться лучшими людьми, преследовать общий интерес, быть направленной лишь на осуществимые меры и реформы, и наконец, стремиться к достижению распределяющей справедливости. В неразрывной связи с властью мыслитель рассматривал и понятие государства. Он определял его как «родину, оформленную и объединенную публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания» [5, с. 228]. Анализируя две основные формы государственного устройства (учреждение и корпорация), две формы правления (монархия и республика), а также два соответствующих им типа правосознания (монархическое и республиканское), И.А. Ильин отдавал предпочтение конституционной монархии, построенной по типу учреждения и основанной на принципе аристократизма (правление лучших). Кроме того, мыслитель выступал с резкой критикой формальной демократии и призывал не механически заимствовать успешные в других обществах управленческие модели, а выявлять собственные национально-духовные особенности и уже на их почве возвращать органически подходящую государственную форму.

Теоретические основы нормативно-правовой доктрины И.А. Ильина послужили фундаментом для его практических рекомендаций относительно политической и социокультурной трансформации постсоветской России. Еще в середине XX в. мыслитель предсказал распад Советского Союза, отметив, что после этого события «территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения» [7, с. 347]. Более того, это приведет к резкому снижению уровня жизни большей части населения страны, когда «ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина – не будет вовсе... все будут бедны, переутомлены и ожесточены» [4, с. 464]. Многие из этих негативных тенденций до сих пор не преодолены. Предчувствуя подобную ситуацию, И.А. Ильин призывал создать новую идеологию, которая должна быть «государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная» [6, с. 457]. Для достижения этой цели важно осуществить следующее: 1) выбрать подходящую для России государственную форму, при этом, на первых порах предпочесть авторитарную воспитывающую диктатуру, а в дальнейшем перейти к «творческой» демократии; 2) установить сильную и авторитетную власть (по данным опроса Левада-Центра в настоящее время 66% россиян живут, полагаясь только на себя, и избегают контактов с властью [1], так как она слаба и неэффективна); 3) переосмыслить национально-патриотическую идею на основе исторических традиций русской духовной культуры; 4) осуществить реформу избирательной системы и, в целом, конституционных основ общества; 5) и наконец, возродить духовность, опираясь на ценности традиционно значимого для страны Православия, а также мудрого руководства обновленного слоя интеллигенции. Данные идеи И.А. Ильина, на наш взгляд, вполне целесообразно использовать для поиска путей преодоления кризисных тенденций в российском обществе, в связи с этим, они требуют тщательного социологического анализа, осмысления и оценки.

1. *Готовность участвовать в политике // Пресс-выпуск Левада-Центра от 23.08.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike/> (дата обращения: 24.08.2016).*

2. *Ильин И.А. О сущности правосознания // И.А. Ильин. Собр. соч. в 10 тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. С. 149 – 414.*

3. *Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // И.А. Ильин. Собр. соч. в 10 тт. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. С. 45 – 148.*

4. *Ильин И.А. Очертания будущей России // И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг.: В 2 тт. М.: Айрис-пресс, 2008. Т. 1. С. 458 – 466.*

5. Ильин И.А. *Путь духовного обновления* // И.А. Ильин. *Путь духовного обновления* / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 17 – 281.
6. Ильин И.А. *Творческая идея нашего будущего* // И.А. Ильин. *Собр. соч. в 10 тт.* / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. Т. 7. С. 453 – 488.
7. Ильин И.А. *Что сулит миру расчленение России* // И.А. Ильин. *Наши задачи. Статьи 1948 – 1954 гг.: В 2 тт.* М.: Айрис-пресс, 2008. Т. 1. С. 347 – 360.
8. Осипов Г.В. *Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом* // *Социологические исследования*. 2012. № 7. С. 5 – 16.

КОНВЕРГЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК ПРОЦЕСС, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ СОВРЕМЕННОСТЬ

Фетисов В.Я. (Санкт-Петербург)

Каждый крупный этап в истории, как известно, имеет множество специфических черт. Проблема заключается в том, чтобы выделить среди них наиболее значимые, раскрыть их влияние на жизнь различных общностей и индивидов. Без учета данного обстоятельства трудно объяснять, прогнозировать, а тем более сознательно воздействовать на важнейшие процессы времени. Особую сложность решение этой проблемы представляет относительно современности в силу ее чрезвычайной гетерогенности, пестроты и противоречивости. Неслучайно сосуществуют различные ее определения, основу которых составляют формационный, технологический и цивилизованный подходы. Каждый из них акцентирует внимание на одном аспекте реальности и недооценивает, а то и вовсе игнорирует другие ее стороны. Поэтому весьма симптоматично, что все они в настоящее время подвергаются критике, в связи с чем возникает необходимость поиска нового взгляда на современную реальность.

Методологической основой для анализа современности, как представляется, может служить положение о том, что каждое отдельное содержит в себе черты общего, особенного и единичного. Общим, проходящим через многие события и процессы современности, по нашему мнению, является переход социальных систем и общностей от естественно-исторического к социально-историческому типу сохранения и развития. Современность, конечно, не отгорожена стеной от предшествующих этапов, но в ней указанный процесс приобретает качественно новую характеристику. Она проявляется в возрастании целерационального начала в деятельности и отношениях общностей и индивидов, в становлении их социальными, а не только экономическими и политическими субъектами, в выдвижении ими как конструктивных, так и деструктивных проектов, в конкурентной борьбе за их осуществление. Игнорирование данной тенденции, проходящей «красной нитью» через многие процессы и явления, в социологии ведет к расчленению реальности на отдельные, не связанные друг с другом уровни и фрагменты. Такое видение мира оборачивается засильем эмпиризма, мелкотемья, атомизацией социологического знания. Доказательством объективного характера тенденции становления различных объединений и индивидов социальными субъектами могут служить распространяющиеся в мире негативные явления. Речь идет о росте сепаратизма, национализма и шовинизма, разжигании застарелых и возникновении новых конфликтов, активизации международного терроризма, возрастании наркотизации населения и других видах преступности, бюрократизации общественной жизни, об ослаблении глобальной и региональной систем управления. Все они во многом являются следствием ограничений, деформаций и подавления самостоятельности людей, связанной с процессом их сохранения и развития.

На уровне отдельных государств указанный процесс проявляется в их стремлении даже в условиях глобализации к автономии, к самостоятельному выбору вектора движения, в радикальном расширении диапазона применяемых способов и средств, среди которых особое значение приобретает государство и рынок.

На протяжении двух последних столетий имело место явное господство рынка, идеологическим выражением которого выступал либерализм. Основанная на свободном выборе покупателей и продавцов, рыночная экономика представляла собой базу капитализма как системы, где исключительную роль играют отношения и право частной собственности, накопление капитала и получение прибыли. Рыночная стихия порождает глубокие и масштабные кризисы не только экономики, но и всего общества. Ряд экономистов в последнее время обращает особое внимание на усиливающее бегство капитала в целях получения большей прибыли из реального сектора в сферу обращения – разного рода спекуляций и махинаций, что ведет к падению темпов

роста экономики. В возникшем в ряде стран социализме, наоборот, произошла абсолютизация роли государства с его директивным планированием, регламентацией всех сторон жизни граждан, обернувшаяся нарушением баланса между спросом и предложением, дефицитом товаров и услуг... Реальная жизнь показала односторонность и, следовательно, недостаточность как рыночных, так и государственных механизмов регулирования общества. Поэтому наряду с уже имеющимся опытом их сочетания, особенно в скандинавских странах, формируется новая в данном отношении практика, присущая ряду государств Азии и Латинской Америки.

Речь идет о конвергенции, наиболее эффективно протекающей в Китае, демонстрирующим успехи на фоне общей нестабильности и кризисов в мире (Глазьев, Цаголов, Пивоварова, 2016). Конвергенция представляет собой сознательное использование в различных сферах возможностей государства и рынка. Функция государства прежде всего заключается в формировании стратегии развития общества, координации мер по ее реализации, поддержании принципов социальной справедливости и равенства... Задача рынка – обеспечение частной инициативы, свободы предпринимательства, приобщение к деятельности различных слоев на основе их потребностей и интересов. Мир с помощью науки постепенно преодолевает как утопию всемогущества государства с его директивным планированием, так и утопию «свободного рынка». Он ищет «золотую середину». Однако, если в мире рыночный фундаментализм умирает, то в России он процветает (Гринберг, 2015).

Использование рыночных механизмов как средства включения в сознательную деятельность общества широких слоев было продемонстрировано еще на заре советской власти в результате проведения Новой экономической политики. Но это возможно лишь при определенных условиях – наличии действительно социально ориентированного государства и соответствующих политических партий. В противном случае наступает господство рынка, ведущее к социальной поляризации общества, нарушению равновесия между интересами большинства и меньшинства, равенством и свободой, централизацией и децентрализацией, социальными целями и средствами...

Целерациональная деятельность общества, предполагающая использование и государства, и рынка как средств, прежде монополизированных разными социально-экономическими системами, есть, по нашему мнению, наглядное и эффективное проявление основной тенденции современности, о которой шла речь выше. Однако ее практическая реализация зависит не только от степени зрелости общества, но и теоретического обоснования, в котором особая роль принадлежит социологии.

1. Глазьев С.Ю. *От рыночного фундаментализма к конвергентной модели*; Цаголов Г.Н. *Новое интегральное общество – седьмая формация*; Пивоварова Э.П. *Суть китайских реформ // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под редакцией Г.Н.Цагорова. – М.: Ленанд, 2016. – 256 с.*
2. Гринберг Р.С. *Равенство без равновесия? Как достичь баланса между свободой предпринимательства и справедливостью // Поиск, № 29-30, 24 июля 2015.*

НАУЧНЫЙ ВКЛАД П.А. СОРОКИНА В МИРОВУЮ СОЦИОЛОГИЮ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Фобьянчук А.А. (Москва)

Согласно названию, в статье описывается - научный вклад П.А. Сорокина в мировую социологию. Особенно отмечается интеграция социологии с другими науками.

Упомянуты научные работы П.А. Сорокина, которые внесли неоценимый вклад в мировую социологию. Эта статья окажет большую помощь людям, занимающимся политической деятельностью, административным работникам. Предлагаемый метод дает возможность системного подхода в исследовании социальных явлений современного общества.

According to the title, the article describes scientific contribution P.A. Sorokin's sociology in the world. Especially noted the integration of sociology with other sciences.

Referred to the scientific work of P. A. Sorokin who made an invaluable contribution to world sociology. This article will be of great help the people involved in political activities, administrative employees. The proposed method enables a systematic approach to the study of social phenomena in modern society.

Постоянные переменные происходящие в различных сферах общества не только на территории России, но и других стран, являются достаточной необходимостью в развитии самого

общества. Это связано с различными проблемами, обострившимися перед обществом в глобальном масштабе, проявляющихся на различном уровне в специфике кризисных явлений (политических, экономических, социальных и.д.) События последнего времени показывают интенсивность социальной активности уже в мировом масштабе, заставляют социумы параллельно находить варианты стабильности. Можно наблюдать, как в этом процессе политики, опираясь на конструктивные политические технологии, стараются найти варианты и принять стратегические решения, направленные на долгосрочный период гармонического развития общества. Такая турбулентность в обществе подчеркивает необходимость раскрытия и обоснования новых закономерностей, опираясь на социальные законы, что является актуальностью настоящего времени. Возможность успешного определения новых явлений, их обоснования, лежит в необходимости придерживаться научного подхода. И одним из принципов в данном подходе, на который необходимо опираться, является системность с выраженной интеграцией с другими науками.

В связи с этим необходимо обратиться к материалам классиков социологии, описавших и обосновавших законы общества, тем самым давших возможность настоящему поколению вооружиться научным подходом для правильности принятия политического решения.

Поскольку, говорим об усилившейся нестабильности в обществах, я бы хотел остановиться конкретно на трудах одного из исследователей, внесшего существенный вклад в решения задач связанных с такими проблемами. Питирим Александрович Сорокин - русский, американский социолог, многочисленные фундаментальные труды которого насчитывают 40 книг и несколько сот статей, является основоположником интегральной социологии, теорий социальной стратификации и социальной мобильности показывающей единую систему общества и взаимосвязь ее элементов.

В своей творческой деятельности П. А. Сорокин затрагивает проблемы социального поведения, социального взаимодействия индивидов, которые он рассматривает как родовую модель социальной группы, и общества в целом. Он является одним из виднейших классиков социологии, оказавший большое влияние на ее развитие в XX в., и те темы, которые рассматриваются в его трудах, остаются актуальными и в нынешнее время.

Питирим Александрович Сорокин старался рассматривать социологию с помощью системного подхода, Тем самым заложил основы системности в социологии, в описании структуры общества и его динамического содержания. Такой подход необходим и остается актуальным на сегодняшний момент, о чем я писал выше в своем тезисе. При изучении того или иного общества необходимо учитывать не только социокультурную систему самого общества, как данную объективность, но и субъективный фактор личности этого общества. Фактор, являющийся составляющим элемент самого общества с ее сложной интегральной сущностью. Не зря говорится об интегральной сущности, так как, в русский период жизнедеятельности П.А. Сорокин предпринял попытку, а затем создал интегральную социологию. Отличие интегральной социологии от других общественных наук заключается в изучении всех сфер социокультурного пространства, ее взаимосвязь с точки зрения единой системности и динамики. Таким образом, П.А. Сорокин заложил основные принципы и предопределил основные направления развития современной социологии.

Его труд «русского» периода жизни содержащийся в двухтомнике «Система социологии» (1920) раскрывает основные принципы теории социальной стратификации и социальной мобильности. Эти термины помогают ввести в системность элементы социальной действительности, пронизывая ее социальной аналитикой и функциональностью социальной механики, тем самым помогая понять процессы и явления, происходящие в обществе на данный момент времени. Особенно это актуально в настоящий исторический период, когда происходят глобальные политические и социальные процессы в обществе, выраженные в своей турбулентности. Теоретические основы научных трудов П.А. Сорокина помогают исследователю дать определения социальным явлениям с помощью их анализа, рассмотреть эти явления в динамическом процессе, применяя системность в данном подходе. Применяя принципы теоретических основ П.А. Сорокина можно не только дать оценку происходящему социальному процессу, но и спрогнозировать развития таких явлений.

1. Бороноев Александр Ользонович, Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии: к 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина и 20-летию факультета социологии СПбГУ: материалы международной научной конференции -

- Первых Санкт-Петербургских социологических чтений, С.-Петербург, 16-17 апреля 20 Санкт-Петербург: [б.и.], 2009.*
2. *Сорокин Пилирим Александрович, Система социологии/Пилирим Александрович Сорокин, Москва: Астрель, 2008.*
3. *Фадеева Ирина Евгеньевна, Антропология Пилирима Сорокина: парадоксы интегрализма: [монография] /И. Е. Фадеева, В. А. Сулимов, Санкт-Петербург: Астерион, 2015.*

ИЗУЧЕНИЕ ЛИДЕРСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В РОССИИ В РАМКАХ ДВИЖЕНИЯ НОТ Шагиахметова А.Х. (Казань)

В России внимание вопросам управления начали уделять уже в 17 веке. Но особый интерес к процессу управления трудом возник в рамках движения на научную организацию труда, которое зародилось в России примерно в то же время, что и в странах Европы и США, в начале XX века.

В большинстве своем представители НОТовского движения (А.К.Гастев, П.М.Керженцев и др.) касались проблем руководства, несомненно, указывая на необходимость наличия у руководителя задатков лидера, но в основном их концепции были скорее организационно-техническими, и тема руководства и лидерства была в них второстепенной. В рамках НОТовского движения возникло направление, ставившее в центр своего внимания научную организацию управления (НОУ), которое была представлено такими именами, как Н.А.Витке, Я.С.Улицкий, Р.С.Майзельс, С.Д.Стрельбицкий, И.С.Каннегисер, Г.А.Нефедов.

Одним из самых видных представителей НОУ был Н.А.Витке. Его важнейшим научным достижением стала концепция использования природы человеческого фактора в организации, выдвинутая им в конце 20-х – начале 30-х гг. XX века и опередившая взгляды Э.Мэйо и Ф.Ротлисбергера. Н.А.Витке полагал, что с развитием производства, его концентрацией растет роль и значение управления им. Основная проблема целесообразной организации деятельности людей – это проблема создания трудовой кооперации. Важной задачей руководителя является конструирование человеческих отношений – создание благоприятной социально-психологической атмосферы – «духа учреждения», «духа улья». Руководитель – это «социальный техник», организующий и управляющий человеческими массами. Он должен «убедить всех в важности и необходимости дела и заразить сложный аппарат воодушевлением и энергией. Он должен сбить воедино, согласовать между собой отдельные разрозненные действия организационной машины» [1, с.90].

По мнению Я.С.Улицкого, в деятельности руководителей, управляющих самыми различными объектами, есть однородные общие черты, которые лежат за пределами технической сферы, могут быть приложены ко всякому коллективу вообще и являются предметом особой науки – теории управления. Главную суть проблемы научного управления он видел в исследовании самого труда руководителя, стоящего во главе того или иного коллектива, разложении его деятельности на составные части и выявлении на этой основе повторяющихся элементов – «основных законов правильного управления». Управление - искусство, постигнуть которое посылно лишь талантливым людям, обладающим соответствующим даром. Характерными чертами управленческого дарования Улицкий называл способность к абстрактному мышлению, теоретический склад ума, чувство живой действительности, обладание «калькуляционным духом» (талантливый руководитель сознательно или бессознательно владеет учетно-статистическим методом: он инстинктивно отличает важные показатели от не важных, группирует их по сводным признакам) [2, с.102].

Представители социального течения предприняли попытки выявить и сформулировать принципы управленческой деятельности. Так, С.Д.Стрельбицкий считал, что научную базу управления любым коллективом образуют следующие основные предпосылки:

1. методу мышления руководителя должны быть присущи последовательность и прямолинейность,
2. распоряжения руководителя должны обладать волевыми признаками,
3. единоличное управление должно иметь корни в самом коллективе,
4. каждый работник должен осознавать свою долю участия в труде коллектива.

С.Д.Стрельбицкий, как и все ученые того времени, много внимания уделял предприятиям Г.Форда, оценке их эффективности, которая заключалась в том, что сам Г.Форд представлял собой не только руководителя, но и социального лидера на своем предприятии. Вот, что он пишет о Г.Форде: «Его роль и ценность, как организатора в том, что, установив новый организационный

принцип производственного процесса, он сумел проявить, с одной стороны, колоссальное личное упорство в осуществлении идеи, ставшей, как он сам говорит, делом его жизни, а, с другой стороны, втянуть в свое дело коллектив своих рабочих всех рангов» [3, с.107].

Итак, Стрельбицкий считает, что в основе успеха любой организации в первую очередь лежит личность руководителя, его способность создать сплоченный коллектив, что во многом зависит от его лидерских качеств, и в качестве яркого примера он приводит своего современника Г.Форда.

Интересные идеи высказывает и И.С.Каннегиссер – экономист, директор одного из крупнейших заводов России. Он считал, что руководитель коллектива должен обладать широким спектром морально-нравственных качеств. Вот что он пишет о руководителе: «Лицо или лица, стоящие во главе органов управления предприятием, должны пользоваться репутацией безукоризненно честных и правдивых людей. Где нет убеждения в честном отношении начальника к делу и к подчиненным, там не может явиться у последних преданность интересам предприятия. Без разумной, но строгой дисциплины не может быть ни порядка, ни успеха, и правила, установленные на заводе, как по отношению к рабочему времени, так и по всем другим вопросам, должны соблюдаться в точности. Но при самой строгой дисциплине начальник должен, тем не менее, соблюдать по отношению к подчиненным полную вежливость. Замечание, даже самое строгое не должно быть грубым. Хладнокровное и вежливое замечание действуют гораздо сильнее, чем постоянный окрик и брань, которые иные лица считают необходимыми эмблемами власти» [4, с.95].

А какие качества должны быть у руководителя? «Директор должен быть человеком с сильным характером, с твердою волею и определенными взглядами; он должен знать, чего он хочет, к чему он стремится, и все на заводе должны это чувствовать. Директор должен быть при всей своей твердости, человеком сердечным и доброжелательным по отношению к своим сотрудникам, уметь относиться к ним с доверием, и внушать им доверие к себе» [4, с.81].

С самого начала теоретические разработки НОУ имели множество противников. Считалось, что лидерский аспект управления необходимо изучать лишь в условиях капитализма, где с его помощью преодолевалось классовое сопротивление рабочих. При социализме проблемы противоречия интересов наемных рабочих и работодателей не существует, поэтому не нужны и разработки в этой области. Политический вес противников направления НОУ был настолько силен, что многие представители данного направления были подвергнуты политическим репрессиям, труды многих были уничтожены, годы жизни так и не установлены.

1. Витке Н.А. Организация управления и индустриальное развитие (очерки по социологии научной организации труда и управления). – М.: Изд-во НКРКИ СССР, 1924. – 206 с.

2. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс. – М.: Академический проект; Трикта, 2004. – 1136 с.

3. Стрельбицкий С.Д. Фордизм и его будущее. Опыт анализа организационной системы. - Харьков, 1926. – 160 с.

4. Каннегиссер И.С. Практическое руководство по административно-хозяйственной организации производственных предприятий, в частности металлообрабатывающих. Часть I (гл.1 – 8). – Петроград: Изд-во Сев.-Зап. Промбюро ВСНХ, 1923. – 156 с.

ЭКОСИСТЕМЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО: ИНТЕГРАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ П.А. СОРОКИНА

Шаронов Д.И. (Москва)

В год празднования столетия со дня учреждения в Петрограде Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского обращение к творческому наследию одного из его основателей – П.А. Сорокина – представляется оправданным и логичным. «Вклад Сорокина в социологию столь велик, чтобы быть востребованным сегодня, как у любого деятеля из пантеона социологии» - справедливо полагает Э.А. Тирикьян. Он обращает внимание на характерную нестабильность академических позиций классика русско-американской традиции, которые непрерывно подвергаются «циклам изменений актуальности и признания его заслуг» [1].

Автор считает ключевой задачей данного сообщения переосмысление некоторых аспектов теоретических взглядов П.А. Сорокина, которые обретают особую актуальность именно в наши дни. Примечательно, что комплекс вопросов, связанный с пониманием природы и последствий

процессов символизации общественных реалий, по сути дела, постоянно оказывался на периферии внимания исследователей его идейного наследия. Это касается не только анализа контекстных рамок производства социальных смыслов или ритмов флуктуации ценностных комплексов конкретных цивилизаций, катастрофические последствия столкновений которых мы наблюдаем сегодня во всемирном масштабе. Речь пойдет об общих контурах коммуникативного подхода к исследованию культурной динамики обществ, включая оригинальную модель медиатизации социального пространства, предложенных нашим великим соотечественником в разные периоды эволюции системы его «интегральной» социологии.

Если попытаться резюмировать имеющиеся сегодня достижения в интересующей нас области исследований слишком многомерной системы взглядов П.А. Сорокина, то можно компактно сформулировать их в нескольких положениях. Прежде всего, возможности любого социального контакта, как и поддержание культурной солидарности, обусловлены символически, то есть медиатизированы. Объективированные в виде языковых знаков или культурных артефактов (включая традиции, ритуалы) символические проводники (носители) выступают онтологической основой коллективной памяти человеческих сообществ, выполняя важную функцию обеспечения преемственности культурного наследия между поколениями. В качестве «узла» взаимных зависимостей идеального и материального, индивидуального и коллективного срезов культурных суперсистем они способствуют становлению двух базовых типов коллективной ментальности – чувственной и идеационной. В первом случае значима степень интенсивности пространственного распределения проводников, пропорционально структурирующих массивы и потоки индивидуальных контактов (внешний или «причинный» ассоциирующий фактор). Со своей стороны, избыточность отсылок к определенным ценностно-нормативным эталонам и системам значений способствует логико – смысловой интеграции социума (символический фетишизм и «рикошетное» воздействие знаковых структур как катализирующие эффекты солидарного поведения людей) [2].

Представляется все же, что символические субстанции, которые сам П.А. Сорокин считал «соединительной тканью» общества, предпочтительнее рассматривать в менее линейной перспективе слабых зависимостей сетевого типа, характерных для функционирования живых экосистем. «Поскольку любое значение может проявляться через различные носители и человеческий фактор и поскольку любой носитель или человеческий фактор могут включать в себя различные значения, связь между ними скорее является "полигамной", чем "моногамной"; скорее слабой, чем сильной» [3, с. 203]. Сам создатель интегральной социологии неоднократно указывал, что именно такие ситуативно релевантные «цепочки» неорганических проводников, сочетаемые посредством систем индивидуального сознания, создают саму возможность «удаленной» осмысленной коммуникации, преодолевающей узкий горизонт индивидуального бытия.

В таком случае сетевые переплетения органических и социо - технических субстанций, как это становится особенно заметно в наши дни глобальной интернет – зависимости, уже сложно рассматривать как простые «средства передачи» значений. Это – скорее культурные среды, экотопы. Образно говоря, «людей можно сравнить с полипами: как деятельность последних привела к образованию коралловых рифов, так и процессы человеческого взаимодействия постоянно производят новые пласты материальной культуры и новые наборы проводников. Их постепенное аккумулятивное, пласт на пласт, приводит к образованию новой окружающей среды вокруг взаимодействующих индивидов, среды, полностью отличной от физической, социотехнической среды. Все мы живем в такой среде. Она окружает нас на каждом шагу. Она постоянно передает нам сигналы, инициированные прежними поколениями, и таким образом определенно детерминирует наш опыт и поведение» [4, с. 212].

Рассмотренные в более системной перспективе, комплексы проводников оказываются повышенно лабильны: они подвижны и взаимозаменяемы, ибо «в тысячах форм» функционируют в социальном взаимодействии», объективируя «максимально широкий» диапазон значений. В этом смысле конкретные типы проводников «соединенные в огромные системы, способны передавать очень сложные значения» [5, с. 211]. В таких экосистемах различимы и пласты не вполне однородных уровней наблюдения. Так, П.А. Сорокин настаивает, что телефон, телеграф и радио служат как "проводники проводников", но не являются проводниками непосредственно значений, что имеет место, например, в случае медицинской радиотерапии.

Особо интересны его рассуждения, по сути, предвосхищающие теоретические результаты современных ему «мэйсинских» конференций кибернетиков, вбросивших в дискуссии

обществоведов фермент идеи обратной связи в рамках коммуникативных систем. П.А. Сорокин образно сравнивал механизм передачи социальных значений со сложной системой зубчатых колес, одно из которых приводит в движение следующее, «пока вся система не завершится». С его точки зрения, будучи однажды созданными, такие дифференцированные комплексы обретают функциональную автономию, «живут самостоятельной жизнью», обретая собственную логику, ритм и темп. Рекурсивно (ретроактивно, по выражению П.А.Сорокина) кристаллизуя социальные значения в артефактах конкретных культур, они помогают людям «пускать корни в окружающем нас мире». Как видим, даже сам строй сорокинских метафор методологически ориентирован в направлении своеобразной коммуникативной экологии системно-сетевых типа.

Как подлинный представитель отечественной традиции общественной мысли в американском академическом истеблишменте, П.А. Сорокин считал духовно- символические механизмы культурной преемственности и солидарности реальной основой процессов совместной жизни людей. С его точки зрения, именно медиум смысла и его символические выражения, опосредующий любые общественные взаимодействия, создают уникальный «надорганический» мир социума - средоточие истинно человеческой жизни, столь высоко им ценимой. Кристаллизация же смыслообразующих практик в виде различных «слоев» культурной среды, по сути, описывает механизмы медиатизации жизненного пространства современного человека, способствующие укоренению систем социального взаимодействия в этих слоях культурно релевантным образом.

1. Тирикьян Э.А. *Осовременивание Сорокина // Социологические исследования. 2016. № 3. С.13-14.*
2. Лазебная К.П. *Механизм поддержки социальной солидарности в теории символического П.А. Сорокина // Наследие. 2012. № 2. С. 51-61.*
3. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.*
4. Там же.
5. Там же.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ КОНЦЕПЦИИ Э. ФРОММА

Щемелева И.И. (Новосибирск)

Любое объединение состоит как из активных, так и пассивных участников, причем пассивные участники часто составляют большинство, однако, следует заметить, что любая коллективная деятельность ситуативна и динамична, поэтому нельзя однозначно относить индивида, не проявляющего активность к социально пассивным, поскольку его активность может существовать как определенное состояние – возбуждение, волнение, стремление или готовность к действиям, однако еще не перелившееся в деятельность. Исходя из данного предположения, мы предлагаем в качестве теоретико-методологической основы определения типов социальной активности использовать концепцию Э. Фромма, что позволит более детально исследовать характер социальной активности как индивида, так и отдельных социальных групп.

В книге «Иметь или быть» выдающийся философ, психолог, социолог Э. Фромм значительное место уделяет проблеме обладания и бытия, через которую раскрывал понятие «активность». Именно активность он относит к основной характерной черте модуса бытия, подразумевая под ней не внешнюю активность, в смысле занятости, а внутреннюю активность, продуктивное использование человеческих потенций. Он разделяет активность на отчужденную и неотчужденную (плодотворную). Итак, при отчужденной активности индивид, группа или целое общество не действует, действие совершается над ними внешними или внутренними силами, т.е. они отделены от результата своей деятельности. В случае неотчужденной активности индивид ощущает самого себя как субъекта своей деятельности, такая плодотворная активность означает состояние внутренней активности. Интересно также отметить и то, что Э. Фромм конкретизирует, что отчужденная активность в смысле простой занятости фактически является «пассивностью» в смысле продуктивности, тогда как пассивность, понимаемая как незанятость, вполне может быть неотчужденной активностью [1].

Анализируя активность студенческой молодежи, нами были предложены четыре типа социальной активности: собственно социальная активность, отчужденная активность, потенциальная активность и отсутствие социальной активности. Основанием для выделения

данных типов социальной активности являлось: наличие активности и наличие результатов деятельности. Более подробно с представленными типами можно ознакомиться в Таблице 1.

Таблица 1

Типы социальной активности

Тип социальной активности	Наличие активности	Наличие результата деятельности
Собственно социальная активность	+	+
Отчужденная активность	-	+
Потенциальная активность	+	-
Отсутствие социальной активности	-	-

Тип социальной активности «собственно социальная активность» характеризуется наличием активности, а также результатов деятельности. Для данной категории сам факт участия может приносить удовлетворение, и в этом плане резко возрастает значимость самих структур участия, их доступность и привлекательность как для участия, так и соучастия, достижения целей в соответствии с убеждениями, субкультурными характеристикам субъектов активности. Активность данной группы поддерживается благодаря саморегуляции и самоуправлению. Главная задача управленческого воздействия состоит в поддержке инициатив данной группы: разработке механизмов выявления инициатив, их учет и анализ; создание комплекса экономических, социальных, информационных и иных условий реализации инициатив; социально-психологическое сопровождение реализации инициативы; содействие и поддержка в реализации инициативных проектов.

Тип социальной активности «отчужденная активность» характеризует индивида или социальную группу, которой свойственно наличие результатов деятельности, но отсутствие проявления активности. Согласно Э. Фромму, активность, чтобы считаться таковой, должна носить добровольный характер, поэтому все действия индивида совершаемые вследствие приказа, просьбы, полученного задания или необходимости сделать что-то в сроки, можно классифицировать как внешнюю необходимость, навязанную индивиду, и, следовательно совершаемую им фактически. На наш взгляд, главная задача управленческой технологии для типа социальной активности «отчужденная активность» - это побудить к активности, новым формам деятельности, основанным на добровольном и творческом отношении, чтобы отчужденная активность трансформировалась в потенциальную.

Тип социальной активности «потенциальная активность» характеризуется наличием активности, но отсутствием результатов деятельности. Это идейные личности, у которых хорошо развита инициативность, однако в силу внутренних или внешних обстоятельств они не включаются в участие, поэтому не проявляют активную социальную деятельность. На наш взгляд, главная задача управленческой технологии для типа социальной активности «потенциальная активность» - это активизация деятельности по двум параметрам: стимулирование (моральное и материальное) и мобилизацию. К моральному стимулированию относятся выдача ответственных заданий, контролирование проведения мероприятий или проектов, соучастие в принятии управленческих решений и т.п., к материальному – поощрение как в денежной форме, так и в форме льгот, услуг и информации. Мобилизация – это формирование новых движущих сил для достижения поставленных целей. Примерам мобилизации являются: лозунги, призывы, просьбы, приказы, личный пример, самосознание важности выполняемого задания и т.п. Важно, что данная технология основана на приоритете стимулов и поощрений при выполнении заданий.

Тип социальной активности «отсутствие социальной активности» характеризует индивида или социальную группу отсутствием проявления активности и результатов деятельности. Главная задача управленческой технологии для типа социальной активности «отсутствие социальной активности» является формирование мотивации. Участие в какой-либо деятельности не приведет к повторному или к более широкому участию, если люди не мотивированы, не располагают необходимыми ресурсами, если участники не имеют знаний, навыков необходимых для участия в социальной деятельности. Важнейшими мотиваторами выступают убеждения и внутренние ценности, наличие конкретных интересов, осознание лицом, принимающим участие в социальной

деятельности, что его участие и влияние на процесс деятельности, внесло пользу в решение социальной проблемы. В то же время важно отметить, что отсутствие возможности влиять внутри сообщества или группы может стать основанием кризиса участия и привести к конфликтам или абсентеизму даже в ситуации сохранения формального членства [2, с. 258-259].

Таким образом, применение концепции Э. Фромма позволила выделить четыре типа социальной активности, обладающие специфической характеристикой, а также подходами к управленческому воздействию.

1. Фромм Э. *Иметь или быть*. К.: Ника-Центр, 1998. С.273.

2. Скалабан И.А. *Общественное участие: теория и практика социального конструирования*. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 407 с.

ТЕОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ К. МАРКСА В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРАЛИСТСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Эндрюшко А.А. (Москва)

Структурализм как научное направление возникло в 20-х гг. XX века. в связи с переходом ряда гуманитарных наук от описательного к абстрактно-теоретическому уровню исследования. Структурный метод применялся в лингвистике, затем распространился на этнографию и другие науки. В узком смысле структурализм - это комплекс научных идей, в основе которых лежит применение структурного метода. Его основные представители - М. Фуко, К. Леви-Стросс, Лакан, Деррида, Р. Барт.

Основополагающими считаются идеи Ф.де Соссюра, который ввел значимые различия между реальными актами речи и системой, которая лежит в их основе. Системой, которой овладевает человек в процессе обучения языку. Соссюр говорил, что лингвистика должна изучать эту систему и описывать её структуру через определение её элементов. Если раньше лингвистика уделяла большее внимание исторической эволюции компонентов языка, то Соссюр же утверждал, что структурная лингвистика должна исследовать язык как систему знаков, выявляя противопоставления и правила, создающие значения и управляющие формированием языковых последовательностей [1].

Основу структурного метода составляет выявление структуры как некой совокупности взаимоотношений. Здесь понятие структуры представляет не просто устойчивость какого-либо объекта, а порядок правил, по которым из первого объекта можно получить второй, третий и так далее. Выявление структурных закономерностей достигается не с помощью исключения различий, а с помощью выявления различий объектов как преобразующихся друг в друга конкретных вариантов.

Структурализм не пытается объяснить значимое поведение с помощью универсальных законов. Он стремится обнаружить в поведении людей смысл, который скрыт от самих действующих. Исходной точкой служит указание на скрытую упорядоченность правил языкового поведения [2].

Структурализм объясняет то, каким образом социальные системы создают человеческий опыт. Например, скрытые механизмы и системы позволяют нам создавать семью, писать книгу, соблюдать правила этикета. Пытаясь описать эти системы ценностей и норм, структурализм может противопоставляться причинным объяснениям. Но он, в отличие от причинных, не рассматривает предшествующие состояния, а объясняет значение определенного объекта и соотносит его с имеющейся системой норм.

Наиболее влиятельный структуралист, создавший школу структурной антропологии - К.Леви-Строс. Он говорил, что подобно лингвистике, объекты, действия и поведение следует толковать как проявление бессознательных систем, которые определяют их значение и форму. При изучении социальных институтов и мифов разных народов, К. Леви-Строс выявлял в каждом из них общую структурную основу. Он говорил, что это можно объяснить общим строением подсознания и организма человека. В этом ему и виделась причина общности всех социальных институтов. Но при этом любая культура своеобразна, поскольку формирование каждой идет в различных, порой неравных условиях [3].

Таким образом, структуралистские модели объяснения относятся к макро-уровневым (тогда как объяснения деятельности обычно относятся к микро-уровню теоретизирования).

Возьмем марксистскую теорию классовой борьбы как пример структуралистского объяснения (если она, конечно, является таковой?).

Карл Маркс одним из первых создал учение об обществе, как системе. В ней особое место занимает понятие общественно-экономической формации. Все отношения в обществе являются взаимосвязанными, люди находятся в постоянном прямом или косвенном взаимодействии друг с другом. Он делил отношения на материальные и идеологические. К материальным относил производственные, экономические – они складываются независимо от воли людей. Идеологические отношения формируются сознательно (правовые, политические, эстетические, нравственные).

Маркс придавал решающее значение структурам материального производства, которые отразились в его изучении взаимодействием базиса и надстройки. Экономический базис представляет собой всю совокупность экономических отношений в обществе, то есть его реальную экономическую структуру. Надстройка же являет собой политические, нравственные, правовые, религиозные и другие взгляды акторов общественной жизни, их отношения и организации. Элементы надстройки, взаимодействуя, оказывают активное влияние на становление и развитие не только экономического базиса, но и всего общества.

В исторической деятельности участвуют не отдельные индивиды, а массы людей, занимающие разные места в системе производственных отношений. По его мнению, классовое деление отсутствовало в первобытных обществах, а появилось лишь с возникновением разделения труда и частной собственности. Данное утверждение тот факт, что классовое деление имеет истоки в появлении в обществе определенных структурных компонент.

Маркс говорил, что есть два класса: те, кто владеет средствами производства (капиталисты и промышленники) и те, кто продает свой труд, чтобы заработать себе на жизнь (рабочий класс или пролетариат). То есть объясняет не индивидуальные особенности каждого отдельного члена общества (микро-уровень), а социальные явления (макро-уровень), что также являет признаком структурного анализа.

Модель, предложенная Марксом, носит явно структуралистский характер, поскольку она объясняет различия между индивидами в возможности властвовать через глубинные различия в материальных отношениях. Различия, которые появляются в сфере материального производства, затем распространяются на политические и идеологические институты [2].

Французский марксист Луи Альтюссер при разработке структуралистской версии марксизма называл теорию К. Маркса первым структуралистским анализом капиталистического общества. Альтюссер изучал общественную формацию с упором на то, что она является структурной целостностью на каждом историческом этапе. Он отходил от простых понятий базиса и надстройки и учитывая множество других социальных компонентов, основными из которых являлись: политика, экономика и идеология. Луи Альтюссер стал основоположником такой теории, как «структурный марксизм».

И структурный марксизм и структурализм в целом проявляют интерес к «структурам. Морис Годелье пишет: «Изучение внутреннего функционирования структуры должно предшествовать и проливать свет на исследование ее происхождения и эволюции» [5].

1. Апресян Ю.Д. *Идеи и методы современной структурной лингвистики*. М.: Просвещение, 1966. Гл.1-3.

2. Девятко И. Ф. «*Модели объяснения и логика социологического исследования*» М.: РЦГО-TEMPUS/TASIS, 1996.

3. Леви-Строс К. *Структурная антропология* / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.

4. Маркс К. *К критике политической экономии*. Предисловие // Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*. Т.13.

5. Ритцер Д. *Современные социологические теории* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.studmed.ru/docs/document16660/cc1?page=31> (Дата обращения: 10.03.2016).

СЕКЦИЯ 2. ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

БУДУЩЕЕ И НОВЫЕ ФОРМЫ НЕРАВЕНСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ

Асочаков Ю.В. (Санкт-Петербург)

Социология, на протяжении продолжительного периода занятая теоретическими проблемами, связанными с уточнением специфики нового общества, возникшего в результате технологических сдвигов конца прошлого века – постиндустриального, глобального, информационного общества, в последнее десятилетие приобретает практическую и гуманистическую ориентацию. Это выразилось в том, что проблема неравенства в последнее десятилетие была в центре внимания социологического сообщества. Главные события мировой социологии связаны с проблематикой неравенства на глобальном, региональном, локальном и индивидуальном уровне (XVIII ISA World Congress of Sociology «Facing an Unequal World: Challenges for Global Sociology» Yokohama, Japan, July 13-19, 2014; ESA 12th Conference of the European Sociological Association «Differences/inequalities and sociological imagination» Prague, Czech Republic, August 2015). В этом году мировое социологическое сообщества на своем главном мероприятии обсуждало будущее: Форум Международной социологической ассоциации (ISA) в Вене 10-14 июля 2016 г. был посвящен теме «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». Будущее стало определяющей проблематикой главного события года в мировой социологии впервые почти за полвека. После VII всемирного конгресса ISA «Современные и будущие общества: предсказания и социальное планирование» в Варне в 1970 г. лидеры международного социологического сообщества ни разу не предлагали его членам сделать будущее главным предметом профессионального интереса. Обращение к теме, пребывавшей так долго в тени, показывает, что для социологии основной задачей является не столько решение многочисленных и разнообразных теоретических и методологических проблем и поиск какой-то универсальной научной истины, сколько формирование проекта изменения социального мира. Социология нацелена на проект лучшего общества не только в случаях создания макросоциологических теорий и концепций глобальных социальных изменений, но даже в текущем анализе локальных сообществ и повседневных событий. Черты социальной утопии проступают и в концепциях постиндустриального общества, и в анализе некоммерческих организаций как «очагов» гражданского общества, и в набирающих популярность исследованиях урбанистами конфликтов за контроль над городским пространством: между местными властями и активистами-экологами, между компаниями-застройщиками и местными жителями и т.п. Основной практической проблемой, решению которой должны служить предлагаемые социологией проекты будущего, есть проблема неравенства – проблема, лежащая в основе социальных диспропорций и напряженности, дегуманизирующая жизненный мир человека. Решение этой проблемы как основной предполагал сам проект общества Модерна, в создании которого участвовала социология с самого начала. Классическое понятие «гражданского общества» есть абстракция (идеальная конструкция) предполагающая идентичность (равенство) участников некоей экономического, политического и символического взаимодействия (игры), в ходе которой предполагаются равенство (идентичность) прав и всех участников этого взаимодействия. Проблемы политического и экономического равенства, с которыми имела дело классическая социология к 60-м годам прошлого века, приобрели принципиально новую форму - пролетарий XX века («одномерный человек» Г.Маркузе), получивший в результате развития западной цивилизации возможность считать себя свободным в условиях «общества потребления», оказался подвергнут более сложному и плотному манипулированию и дегуманизирующему отчуждению, чем то, что он испытывал в условиях «несвободы» классического капитализма.

С наступлением информационной эры проблемы доцифрового «аналогового» общества вновь, казалось, получили перспективу решения. В начале нового XXI века мы встречаемся с появлением нового т.н. «креативного класса» в качестве инновационного элемента социальной структуры пост-индустриального общества, обладающего принципиально новыми свойствами относительно групп и классов общества классического Модерна, с новым стилем жизни, ценностями и представлениями, в том числе и относительно богатства и социальной иерархии. Человек получил новое измерение - новое пространство, в которую перемещаются основные виды взаимодействия этого инновационного элемента нового общества обладает иными свойствами, принципиально отличающимися от традиционного «аналогового» пространства взаимодействия.

Ключевые проблемы (свобода, гражданское общество, демократическое участие и т.п.) Модерна «аналогового периода», казалось, получили в этой новой реальности перспективу решения. По мнению широкого ряда исследователей, обозревателей и политиков (1), простое расширение «цифрового пространства», замещение новыми практиками традиционных «аналоговых» практик должно автоматически привести к реализации того, что целое десятилетие (90-е) обсуждалось как «Глобализация» мира, и того, о чем чуть раньше (80-е) строили туманные предположения теоретики Постмодерна (сетевая организация структур текста, мышления и социальной сферы с отсутствием принципа иерархии, центра, репрессий). Дальнейшее развитие, причем не отдельных стран и регионов, а всего мира. Глобальный прогресс уже виделся как реальная перспектива в новых условиях, которое предоставляло виртуальное Интернет-пространство. Новое состояние создало основание для надежд, что с традиционными формами неравенства будет покончено. Но наступление нового постиндустриального «информационного общества» не только не устранило традиционное неравенство, которое рассматривалось как препятствие к освобождению человека, но и породило, но и породило новые формы неравенства. Именно это обстоятельство вновь актуализирует проблематику неравенства, которая в разных формах всегда была одной из центральных для социологии. При взгляде изнутри виртуальное пространство выгладит как территория Свободы, которой свойственны «открытость», «нейтральность сети», «плоскость – отсутствие иерархии». Новая ситуация открытой и неиерархичной структуры по мнению киберутопистов автоматически устраняет неравенство и связанные с ним ограничения. Однако у тех, кто отключен от такого обмена, перспективы катастрофически ухудшаются: «Глобальный тренд заключается в том, что информационная экономика подключает к своей сети тех, кто представляет для неё ценность (тем самым придавая им дополнительную ценность), но отключает тех, кто не имеет для неё ценности (тем самым ещё более уменьшая их шансы обрести какую-то ценность)» (2). И это обстоятельство с самого начала существования «информационного общества» создает новую форму неравенства: цифровое неравенство

Значение и последствия для существования человека информационной эпохи этой формы неравенства, не очевидные на этом этапе, могут приобрести масштабы и значение, сопоставимые со значением экономического и политического неравенства для общества классического Модерна (3,4)

1. Newsom, Gavin (2013). *Citizenville: How to Take the Town Square Digital and Reinvent Government.*; Johnson, Steven (2012). *Future Perfect: The Case for Progress in a Networked Age.*

2. Пекка Химанен, Мануэль Кастельс *Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель = The Information Society and Welfare State: The Finnish Model.* — Логос, 2002.

3. Иванов Д.В. *К теории потоковых структур//Социологические исследования 2012, №4.*

4. Евгений Морозов *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom 2011*

ИГРОК В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА

Баланцева Е.М. (Волгоград)

Развитие индустрии компьютерных игр породило новую субкультуру, имеющую ряд собственных особенностей. На основе проведенного эмпирического исследования было выяснено, каким общество видит типичного геймера, как относится к компьютерным играм в целом, и насколько суждения об этом не заинтересованных играми людей совпадают с суждениями самих геймеров о себе и своём увлечении. Данные исследования помогут взглянуть на компьютерные игры с точки зрения обеих сторон, объективно оценить положительные и отрицательные стороны этого явления, дав понять, каким образом можно использовать положительное влияние игр на человека, и урегулировать возможные конфликты между субкультурой геймеров и тех, кто в неё не входит.

The development of computer games industry has created a new subculture, which has a variety of peculiar features. The basis of this empirical research has let know how the community sees the typical gamer as relates to computer games in general, and how judgments about people who not intrested in playing games coincide with gamer's judgments about themselves and their interests. These research will help to look at computer games from both points of view, to objectively evaluate the positive and the negative aspects of this phenomenon making it clear how you can use the positive influence of games on the man, and to resolve possible conflicts between the subculture of gamers and those who it is not include.

Развитие компьютерных технологий не стоит на месте – компьютеры проникают во все сферы жизни общества, прочно обосновываясь в них и облегчая своим существованием жизнь человека, иногда вовсе замещая того в выполнении определённого рода обязанностей. Вместе с ними широкое распространение получают и программы, в том числе носящие развлекательный характер, основная цель которых – внести разнообразие в досуг человека, в ненавязчивой игровой форме обучить его чему-либо, поспособствовать развитию у личности определённых навыков. Продукты индустрии компьютерных игр, за последнее тридцатилетие получившей стремительное развитие, стали основным способом времяпрепровождения для многих современных пользователей ПК, частично заменив собой занятия спортом, общение с родными и друзьями, даже дав возможность зарабатывать реальные деньги. Игроки в компьютерные игры – геймеры – в настоящее время представляют собой отдельную субкультуру, которой присущи свои собственные специфические нормы и ценности, терминология, традиции, символика [4, с. 105], и взаимодействие между членами которой протекает, в основном, на просторах виртуального пространства, представляющего огромный научный интерес для множества учёных.

Отношение общества к геймерам весьма неоднозначно – многие искренне полагают, что увлечение компьютерными играми отнимает у игрока огромное количество времени и сил, которые можно было бы использовать в ином, более плодотворном русле, и что игры способствуют развитию у человека, особенно в подростковом возрасте, склонности к агрессии и насилию, способствуют десоциализации личности [2, с. 588]. В чём-то влияние компьютерных игр действительно можно назвать пагубным – в некоторых случаях уменьшается время, отводимое на сон, ухудшается продуктивность игрока в трудовой деятельности, однако нельзя исключать и положительное влияние игр на человека и его навыки. Прежде всего игроки в компьютерные игры делятся на категории опытных и увлекающихся, характеризующиеся разной степенью вовлеченности в виртуальную реальность [3, с. 131]. Опытные игроки обладают богатой фантазией, склонны к конкуренции, готовы к различным экспериментам, открыты для всего нового; увлекающимся же присущи такие черты характера, как склонность к гедонизму, робость, низкая потребность в достижениях. Опыт в данном случае не приравнивается к высокой игровой активности и считается скорее степенью стремления к детальному изучению игрового мира и игровой механики – увлекающиеся относятся к играм более поверхностно, не углубляясь в подобные аспекты.

В ходе авторского социологического исследования (Волгоград, июль 2016, N=350) все респонденты были разделены на две группы: играющие в компьютерные игры и не играющие в них, и в одном из вопросов опрашиваемым был предложен список с некоторыми чертами характера с просьбой оценить, насколько те соответствуют первой категории респондентов. Распределение по возрасту следующее: к числу респондентов первой возрастной категории от 19 до 25 лет относятся 68,1%, до 18 лет – 15,9%, от 29 до 30 лет – 12%, от 31 до 35 лет – 3,6% и, самая малочисленная категория старше 36 лет – 0,4%. Среди респондентов, относящихся ко второй категории, в возрасте от 19 до 25 лет находятся 75% опрошенных, от 26 до 30 лет – 12,5%, до 18 лет – 8,3%, старше 30 лет – 4,2%. В числе респондентов, относящихся к первой категории, преобладают мужчины (78,1%), среди респондентов второй категории – женщины (75%). Сами геймеры среди основных присущих им личностных качеств выделили лень (75,6%), ответственность (51,8%), увлекаемость (59%), мечтательность (78,1%), и эмоциональность (46,2%), наличие же у себя таких характерных черт, как азартность (24,7%), агрессивность (16,4%) и коммуникабельность (27,9%) они склонны отрицать. Исходя из оценки своей личности самими игроками можно предположить, что среднестатистический геймер – человек с большим творческим потенциалом, быстро заинтересовывающийся чем-то новым, склонный к интровертному существованию, направленному внутрь себя, и, вопреки расхожему в обществе мнению, вовсе не склонный к агрессии. По мнению же людей, не играющих в компьютерные игры, геймерам присущи лень (62,5%), увлекаемость (66,6%), агрессивность (62,5%), инфантильность (54,1%), азартность (75%) и эмоциональность (54,2%), в то время как к оригинальности (4,2%), коммуникабельности (8,4%), ответственности (4,2%) и усердию (16,7%) они не склонны.

Уже здесь видна разница во взглядах, обусловленная укоренившимися в обществе стереотипами относительно типичного представителя геймерской субкультуры. Игрокам в компьютерные игры приписывают несерьёзное отношение к жизни, склонность к агрессии и сильную увлекаемость, граничащую с азартностью, наличие же у геймеров склонности к

творчеству отрицается. Одно это часто служит причиной недопонимания и конфликтов между двумя представленными в исследовании группами респондентов – общество не желает отказаться от стереотипного взгляда на данное увлечение и взглянуть на те положительные качества, которые оно помогает развить в человеке.

Доказано, что геймеры, имеющие опыт в игре в распространённый в наше время жанр RPG, который, согласно результатам исследования, предпочитает большая часть опрошенных (93,2%), успешны на руководящих позициях благодаря развитым посредством игры навыкам руководства и лидерским качествам [1, с. 39], они более гибки и мобильны, быстрее анализируют ситуацию и реагируют на изменения, благодаря чему более удачливы в бизнесе. Немалая часть же участвующих в исследовании респондентов, не увлечённых компьютерными играми, склонны полагать, что подобное увлечение наоборот мешает на пути построения карьеры (25%) или мешает в случае, если у игрока слабая сила воли и тот сильно увлекается играми (50%), что опять же указывает на необъективное суждение общества о продуктах компьютерной индустрии и их влиянии на человека. Такое же процентное соотношение респондентов, считающих, что компьютерные игры вовсе являются помехой на пути к счастливой и благополучной семейной жизни. Ровно половина опрошенных согласны связать свою жизнь с человеком, имеющим подобное увлечение (50%), немалая часть же полагает, что компьютерные игры создадут множество проблем в отношениях и предпочли бы не вступать в связь с геймерами (33,3%).

Нельзя отрицать, что помимо развлекательной функции компьютерные игры выполняют и развивающую – уже получили широкое распространение всевозможные обучающие игры для детей, в лёгкой и непринуждённой манере передающие знания об окружающем мире, игры, позволяющие быстрее изучить иностранные языки, помогая в усвоении незнакомых слов. Более широко известные продукты игровой индустрии так же нельзя оставить без внимания в данном вопросе – любая компьютерная игра способна чему-то научить, поспособствовать развитию определённых навыков. Среди положительного влияния компьютерных игр самими геймерами было отмечено расширение кругозора (52,6%), улучшение воображения (48,6%), появление возможности узнать что-то новое об интересующих сферах (36,6%), улучшение реакции и скорости реагирования (32,3%). Игры абсолютно не повлияли на коммуникабельность геймера (60,1%), степень его раздражительности (68,1%), не поспособствовали приобретению новых знакомых (68,1%) и посещению каких-либо связанных с игровым миром мероприятий (89,3%), вопреки развитию воображения всё же не побудили к занятиям творческой деятельностью (53,7%), спортом (83,3%), и, большей части респондентов, не дали возможности зарабатывать деньги (92,1%). Вопреки расхожему мнению игры никак не повлияли на отношения игрока с родственниками (58,5%) и друзьями (67,7%). К своим трудовым обязанностям респонденты первой категории относятся весьма ответственно, большая часть даёт себе поблажку лишь изредка (52,2%), многие не пропускают работу и учёбу без уважительной на то причины (21,8%), компьютерные игры служили причиной пропуска лишь для крайне малого числа респондентов (11,2% указали, что такое случается часто, 16,3% – весьма редко, 20,3% припомнили единичные случаи), что свидетельствует о том, что увлечение компьютерными играми никак не сказывается на успешности человека в трудовой деятельности, по крайней мере не в отрицательную сторону.

Исследование показало, что отношение общества к субкультуре геймеров и к её членам основывается на уже устоявшихся стереотипах о продуктах компьютерной индустрии и их влиянии на личность человека, отойти от которых не увлечённые играми люди не могут. Отказавшись от поверхностного суждения, перестав бояться такого феномена, как компьютерные игры, общество сможет грамотно использовать те преимущества, которые нам даёт его стремительное развитие.

1. Аветисова, А. А. Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. - №4. – С. 35 – 58.

2. Попов В. А., Валькова Л. С. Социально-психологическая характеристика личности подростка, склонного к агрессии под влиянием компьютерных игр // Молодой ученый. – 2014. — №21. — С. 587-590.

3. Омельченко Н. В. Диспозиционные особенности играющих в компьютерные игры с разным игровым опытом // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. - №4. – С. 124 – 132.

4. Кропачева М. А., Литвинова Е. С. Геймеры как субкультурный и культурный феномен // Социо- и психоллингвистические исследования. – 2015. - №3. – С. 104 – 108.

ДИСКУРСИВНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Барбарук А.В. (Магадан)

На данный момент социология бедна концепциями дискурсивных сообществ, и те преимущественно разрабатываются социолингвистами, что не может не накладывать отпечаток на характер научного знания о данном предмете.

Рассуждая о дискурсивном сообществе, ученые делают основной акцент именно на дискурсе, точнее на том, как общество влияет на дискурс через систему социальных и культурных конвенций, как это влияние выражается в различных жанрах и пр. Очень часто исследователи приводят в качестве классического примера дискурсивных сообществ группы ученых, работающих в рамках какой-либо научной отрасли, за рамками географических, культурных, национальных границ. Дискурсивное сообщество определяется ими как идейная группа: идеи используются здесь как форма социального поведения, а дискурс как средство утверждения и распространения группового знания и инициации новых членов.

П. Бизель определяет дискурсивное сообщество как группу людей, которые владеют текстами и практиками их использования. В жизни дискурсивное сообщество представляет собой частично пересекающиеся группы. Это люди, которые создают тексты, читают тексты, а также читают и создают тексты одновременно. По мнению автора, дискурсивное сообщество не может порождать любой текст, оно вырабатывает стандарты, согласно которым этот текст производится. Если кто-либо хочет стать членом дискурсивного сообщества, это означает большее, чем просто знать его язык. Это означает понимать и принимать ожидания со стороны этого сообщества. В него можно попасть только через тренировку □2□.

Часто авторы в своих рассуждениях противопоставляют языковые и дискурсивные сообщества. Они трактуются по отношению друг к другу как норма и отклонение. Дискурсивные сообщества способствуют пересмотру социальных ролей, а сам дискурсивный текст часто циркулирует в гетерогенных социальных группах. Так, Д. Бартон отмечает, что в случае дискурсивного сообщества речь идет о социальной сети, основанной на общности цели и коммуникации, при этом физическая дистанция вполне возможна между членами группы. В языковом сообществе непосредственное взаимодействие лицом-к-лицу обязательное условие. Дискурсивное сообщество основано на дискуссии и предполагает внутреннюю свободу, конфликтность мнений. Языковые же группы преследуют цель социализации и формирования солидарности □1□.

Дж. Портер характеризует дискурсивные сообщества в качестве ограниченной в пространстве-времени системы, определяемой как тело текстов, объединенных общим фокусом. Дискурсивное сообщество — текстуальная система с более или менее стандартными условиями, жизненной историей, механизмами утверждения власти, институциональной иерархией и устойчивыми интересами □5□.

Дж. Мей отмечает в своих работах, что дискурсивные сообщества являются группой людей, использующих набор дискурсов, понимаемых как базовые ценности, а также способы коммуникации. В качестве примеров дискурсивных сообществ ученый приводит читателей специализированных научных журналов, или членов клуба фанатов Мадонны. Каждое дискурсивное сообщество имеет собственные неписанные правила о том, что и как говорить. Большинство людей перемещаются из одного дискурсивного сообщества в другое ежедневно. Само по себе дискурсивное сообщество неосяземо, однако оно может быть обнаружено через такие практики, как форумы в Интернете, например □3□.

Дж. Сволис определяет дискурсивное сообщество как диффузную группу индивидов с различным уровнем вовлеченности, коммуникативные потребности которых более или менее удовлетворяются на том или ином отрезке времени. Стоит отметить, что Дж. Сволис первый ученый, который стал использовать в социолингвистике понятие дискурсивного сообщества □6□. В своих работах он постулирует, что существует ряд отличительных признаков дискурсивного сообщества.

1. В группе существует согласие относительно общих декларируемых целей.
2. Существуют механизмы внутренней коммуникации среди членов сообщества.
3. Эти механизмы активно используются членами сообщества для распространения информации и ограничения связей.
4. Используются один или более жанров для публичного представления своих целей.
5. Используется специфическая лексика, характерная только для этого сообщества.

6. Имеется ограниченное число членов с подходящим уровнем владения соответствующей информацией.

К. Р. Миллер, утверждает, что подобно структурам в теории Э. Гидденса, дискурсивные сообщества «располагаются» в человеческих головах и в их специальных инстанциях – словах. Они настойчиво воспроизводятся как структурирующие аспекты всех форм социально-языковых действий. Дискурсивные сообщества существуют как дискурсивная иерархия за рамками непосредственного взаимодействия «здесь и сейчас». Они действуют на более высоком уровне осуществления, чем жанры, которые ученым характеризуются как конкретная практика, обеспечивающая рекурсивность социальных структур.

К-Х. Погнер проводит сравнение между дискурсивным сообществом и сообществом практик. Его интересует, как происходит процесс продуцирования и распространения знаний в обоих типах сообществ. Дискурсивные сообщества характеризуются, по мнению исследователя, различными специфическими образцами использования языка. Его члены распоряжаются текстом для того, чтобы продемонстрировать свою принадлежность ему. Дискурсивное сообщество определяет проблемы и формулирует способы их решения. Внутри него обычно нет гармонии. Сообщества практики представляют собой группы людей, которые сообща решают проблемы в процессе продолжительной интеракции. Знания здесь используются для решения прикладных задач □4□.

Таким образом, несмотря на некоторые различия в трактовках дискурсивного сообщества, мы можем выделить ряд важных черт, которые позволяют его распознавать и отличать от других типов социальных связей людей.

1. Дискурсивное сообщество конструируется вокруг и благодаря тексту, а также правил его производства и распространения.

2. Дискурсивное сообщество предполагает внутреннюю свободу, гетерогенность, конфликтность. Оно базируется на диффузии социальных ролей, а также способно перестраиваться в зависимости от динамики мнений внутри него.

3. Оно может нарушать границы реальных социальных групп, коллективов и охватывать своим влиянием разные социальные общности.

1. Barton D. *Literacy: An Introduction to the Ecology of Written Language*. □ Blackwell, 1994
2. Bizzell P. *Academic Discourse and Critical Consciousness*. □ Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1992
3. Mey J. *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. □ Elsevier, 1998
4. Pogner K.-H. *Discourse communities and communities of practice On the social context of text and knowledge production in the workplace* □ Working paper, <http://ep.lib.cbs.dk/download/ISBN/x656494750.pdf>.
5. Porter J. *Audience and Rhetoric: An Archaeological Composition of the Discourse Community*. — New Jersey: Prentice Hall, 1992
6. Swales J. M. *Genre Analysis: English in academic and research settings*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990

СЛУЧАЙНОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В СОЦИОЛОГИИ

Белокреницкая П.А. (Санкт-Петербург)

Мы часто говорим «это произошло случайно» касательно каких-либо событий, происходящих в группах людей, которые они по тем или иным причинам не смогли предвидеть. Будь то встреча с другом, разбитая ваза или исчезновение файлов с компьютера. Но часто это не так. Мы просто не видим связей наших поступков и реакцией общества.

Случайностей не существует, существуют закономерности, скрытые нити которого мы не видим и приписываем «случайности».

Когда человек стал пытаться осознать свое бытие и поведение, тогда и появилось представление о случайности. Это привело к новым вопросам, связанным со свободой воли человека. [2]

Случайность — это проявление совпадений неких событий. [2] Она исключительна, сильна и ретроспективна — объяснение приходит только после события. [1] Такие характеристики случайности дает Нассим Талеб.

Случайность – конструктивное понятие. Прежде всего нам следует отделить случайность в природе от случайности в общественной жизни.

Так, Леон Буржуа утверждал, что что ничего нельзя поделаться против законов природы, но необходимо непрестанно их изучать и пользоваться ими. [3]

Природа действует закономерно, т.е. по необходимой, существенной, постоянно повторяющаяся взаимосвязи, которая определяет этапы и формы становления явлений природы, общества и духовной культуры. [4]

Первоначально естествознание отвергало случайность — господствовал детерминизм. Так, П.Гольбах писал, что ничего в природе не может произойти случайно; все следует определенным законам.

Первым идеальное воплощение случайности были газы. В них движения молекул независимы и равноправны.

В квантовой теории существует понятие бифуркации — моментах, когда система приобретает черты крайней неустойчивости, что с приводит к качественным преобразованиям. Точки бифуркации – это и есть случайность. [6]

Следует отметить, что природа и общество взаимодействуют противоречиво. Природа и её ресурсы помогли сформироваться обществу. Последняя подстраивается под законы природы. А она нас окружает и живет по своим законам, параллельно диктуя их обществу. [5]

Рассмотреть случайность со стороны общества нам поможет прежде всего социология. О связях природы и общества говорил Огюст Конт. По мнению Конта, «социология» – единственная наука, которая должна открывать законы, универсальные как для природы, так и для общества. Он считал, что природные и социальные законы являются однотипными по своей сущности и форме, и что методы социального познания однотипны с методами естественнонаучного познания. Впоследствии подобное положение назвали принципом универсализма. [8] В дальнейшем его взгляды подверглись резкой критике.

Г. Спенсер разделял мнение О. Конта о том, что социология, непосредственно примыкая к биологии, составляет с ней "физику организованных тел" и рассматривал общество как своего рода социальный организм. Правда, в структуре наук он поместил между биологией и социологией психологию, но это не оказало заметного влияния на его представление об обществе.

Спенсер утверждал, что Конт выступает за объяснение генезиса нашего знания природы. А задачей Спенсера является объяснение генезиса явлений, которые составляют природу. Одно является субъективным. Другое - объективным. Также в отличие от О. Конта, который по преимуществу лишь проповедовал необходимость объективного научного познания, Г. Спенсер активно занимался вопросами беспристрастности и объективности социальной науки. [9].

Фактически социологический анализ имеет дело не со спонтанным человеческим действием, а только с его «идеальным типом» — термин, введенный в социальную науку Максом Вебером. В ходе процедуры «идеального типа» человеческая ситуация с ее разорванностью знаний, случайностью утверждений и общей нестабильностью заменяется куском жизненного пространства, которое называется проверкой научной теории и в котором, по удачному определению Шутца, «судьба этого типа лично регулируется и детерминируется его (идеального типа) создателем, социальным ученым, в такой предустановленной совершенной гармонии, в какой Лейбниц воображал себе сотворенный Богом мир».

«Для цели типологического научного анализа удобно рассматривать все иррациональные аффективные элементы человеческого поведения как факторы отклонения от концептуально чистого типа рационального действия, ибо „идеальный тип“ обладает достоинством чистой понятности и отсутствием неопределенности»[40].

Конечно, рациональное знание взаимодействующих в социуме людей о своей ситуации было бы возможно при условиях вполне утопических. Если бы каждый осознал все элементы всех альтернатив будущего действия... если бы он заранее рассчитывал на интерпретацию или неинтерпретацию этого действия другим, знал реакцию другого, — и все это при условии, что этот другой тоже знает все альтернативы всех элементов действия...

Такая система взаиморациональных актов может быть только результатом постоянной рациональной интерпретации социального мира — качества, не присущего человеческой жизни. [14].

Знаменитый французский социолог Пьер Бурдьё любил говорить, что социология — это боевое искусство, которое помогает защищаться от несвободы. Сейчас несвобода – это наши собственные представления, убеждения, привычки.

Так, к слову, кто-то может сказать, что, допустим, человек случайно выпал из окна, т.е. совершил акт самоубийства. Но все аргументы рушатся книгой Дюркгейма о самоубийстве. Чтобы

обосновать это, Дюркгейму надо было показать, что самые важные решения в жизни людей (причем те, к которым люди в принципе не предрасположены) могут приниматься не самостоятельно, а под воздействием социума. Поэтому он стал изучать самоубийства. Изучив статистику по ним, Дюркгейм показал, что решение о самоубийстве и его средстве зависит от типа общества. Выяснилось, что воздействие общества наиболее отчетливо проявляется в тех самых случаях, когда мы не понимаем, что оно на нас действует. [10].

- 1) Нассим Талеб «Черный лебедь», с 8
- 2) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>
- 3) Гюстав Лебон – Психология социализма
- 4) https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%B2_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B5#.D0.A4.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D0.B5_.D0.B7.D0.B0.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BC.D0.B5.D1.80.D0.BD.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B5.D0.B9
- 5) <http://ege-obchestvoznanie.ru/blog/?p=473>
- 6) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>
- 7) –
- 8) http://www.plam.ru/nauchlit/sociologija_yekzamenacionnye_otvety_dlja_studentov_vuzov/p9.php
- 9) http://studme.org/162306065987/sotsiologiya/organicheski-evolyutsionnaya_sotsiologiya_spensera
- 10) <http://arzamas.academy/courses/30>
- 11) Hartmann, 1966, 10

РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Беспалова А.А. (Ростов-на-Дону)

Статья посвящена рассмотрению рекреационного пространства города, его особенностей, направлений трансформации и значения для формирования идентичности городских жителей, как особой социальной общности. Отмечается, что городская идентичность напрямую зависит от коммуникативных практик и среды, в которой осуществляются повседневные практики горожан. Рекреационное пространство может аккумулировать все соответствующие условия для эффективной коммуникации и формирования идентичности.

The article is devoted to the recreational space of a city, its features, transformation and the role in formation of the identity of citizens, as a special social community. It is noted that the city identity depends on the communicative practices and the environment in which the daily practices of the citizens are performed. Recreational space can accumulate all the necessary conditions for effective communication and identity formation.

В настоящее время в России остро стоят вопросы самоидентификации индивидов, групп и этносов. При этом, самоидентификация социальных групп, в том числе и городских жителей, как особой социальной общности, представляет собой, если отталкиваться от идей Ю.Г. Волкова, «цепочку идентичностей» с меняющимися под влиянием различных факторов идентификационными приоритетами.[4]

В настоящее время наблюдается повышение интереса ученых к идентичностям различного уровня (локальная, региональная, гражданская). Вопросам трансформации и конструирования идентичности посвящены исследования многих отечественных социологов, философов и политологов, экономистов. Так, например, А.В. Лубский, Р.А. Лубский, изучая цивилизационную идентичность в России, приходят к выводу, что «российскую цивилизацию можно рассматривать как воображаемую локально-историческую общность, матрицей которой выступает государственность, задающая в ней единое символическое и нормативно-ценностное пространство.[8] На микроуровне вопросы идентичности хорошо изучены в рамках такой социальной группы, как молодежь. В частности, отечественный социолог Н.К. Бинева, рассматривает формирование социально-профессиональной идентичности студенчества с феноменологической точки зрения. Автор исходит из того, что «общество заранее готовит важнейшую для типизации и социальной идентификации заданность, которая позволит ему функционировать и сохранять устойчивость в ходе социальных изменений».[3] Концептуализации

понятия «экономическая идентичность» и её изучению на региональном уровне посвящены работы Е.Ю. Баженовой, С.В. Баженова и других авторов. Подчеркивается особая значимость исследования «экономической идентичности» социума, которое актуализировано развитием междисциплинарных связей и появлением новых направлений в экономике (экономической социологии, экономической психологии, институциональной экономики), когда идентичности получают экономическое содержание, например, воплощаясь в региональных брендах и брендах регионов».[1]

Несмотря на то, что отдельные аспекты идентичности рассмотрены достаточно глубоко, значение рекреационного пространства для формирования идентичности городских жителей не было предметом специальных социологических исследований. В настоящее время город представляет собой весьма неоднородное явление, характеризующееся своими социокультурными особенностями, демографической, архитектурной, социально-экономической, информационной, этнокультурной спецификой. Образ жизни горожан отличается высоким темпом, что формирует особые типы ментальности, а также уровень усталости и заболеваемости. Это определяет острую потребность в рекреационных услугах, развитой рекреационной зоне, которая позволила бы нивелировать издержки высокого темпа жизни горожан, стрессогенности городской жизни. Иными словами, принимая во внимание тот факт, что настоящее время наблюдается тенденция к значительному увеличению роли рекреационной деятельности в повседневных практиках людей, изучение данного вопроса представляется актуальным. Понимание особенностей формирования идентичности городских жителей позволит определить направления целенаправленного улучшения рекреационного пространства города с учетом его влияния на идентичность горожан.

В иерархии идентичностей жителей мегаполисов, согласно ряду исследований, (Даудрих Н.А.,[7] Микляева А.В., Румянцева П.В., [8] Самошкина И.С.,[10]) наряду с гражданской, этнической, гендерной, возрастной и профессиональной, городская идентичность занимает последнее место. Городское пространство становится не просто пространством реализации профессиональных, семейных, экономических стратегий – это пространство жизни, в котором горожане самовыражаются, проживают самые разные жизненные этапы. Соответственно, то пространство, которое окружает людей в повседневной жизни, оказывает влияние на формирование и изменение идентичности. В городе в результате взаимодействия людей воспроизводятся определенные нормативные и модальные модели поведения, происходит осмысление различных элементов физической среды города. «Многомерность и полиструктурная регуляция социального поведения, резкое расширение технологий деформации нормативных и модальных форм социального поведения, характерные для современных открытых обществ, увеличивают риски непредсказуемости стратегий социального поведения человека». □7□ Таким образом, по мере включенности в коммуникативные практики, осуществляемые в том числе в рекреационном пространстве города, увеличивается идентификация людей с городским сообществом. Городская идентичность может рассматриваться в качестве периферийного компонента социальной идентичности личности.

Традиционно крупный город воспринимается как среда социальной разобщенности, в которой высокую значимость имеет статусное восприятие личности, превалирует формализованное общение и индивидуализм, а также размытые формы идентичности (особенно в условиях высокой динамики миграционных процессов), снижается ценность родственных связей ввиду редких семейных контактов. В контексте миграционных процессов актуализируется проблема взаимной социокультурной адаптации принимающего населения и мигрантов. [2] Одним из направлений улучшения отношений между этими социальными группами может стать реализация совместных проектов, отвечающих интересам всего населения. Также исследователи называют следующие меры: «активизация роли НКО в регулировании межэтнических отношений; разъяснение культурных традиций, стиля поведения и особенностей различных групп; совместные акции различных конфессий против экстремизма и ксенофобии; создание спортивных клубов и команд на территориальной основе (из лиц различной этнической принадлежности), а не по этническому признаку».[11] Очевидна значимость коммуникативных практик в городском пространстве как способа формирования идентичности. Именно рекреационное пространство может аккумулировать все соответствующие условия для эффективной коммуникации и формирования идентичности. Такой стиль жизни, в котором работа и досуг пересекаются, формируя как пространство свободы в рамках реализации творческой активности, так и чрезмерной, практически 24-часовой, занятости, формируют необходимость создания принципиально иного пространства, где бы люди могли и отдыхать и работать одновременно.

Городское пространство современную цифровую эпоху должно ей соответствовать и развиваться в русле информатизации как способа обеспечения мобильности городской жизни и городских граждан, осуществляющих свою жизнедеятельность в духе информационно-цифровой эпохи. Для этого должна быть сформирована соответствующая среда, обладающая следующими свойствами: способность менять свое содержание в соответствии с изменяющимися потребностями личности и общества; непрерывность взаимодействия и преемственность в деятельности индивидов; высокий уровень взаимодействия входящих в нее структур; установка на совместное деятельное общение субъектов.

1. Баженова Е.Ю., Баженов С.В. Формирование научного концепта «экономическая идентичность региона»: междисциплинарный подход // *Крымский научный вестник*. 2015. № 6. С. 151-168.
2. Бедрик А.В., Сериков А.В. Этноконфессиональные отношения в контексте обеспечения национальной безопасности: региональный аспект // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 11. С. 171-180.
3. Бинева Н.К. Формирование социально-профессиональной идентичности как проблема социализации студенчества // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2010. № 1 (1). С. 90-96.
4. Волков Ю.Г. Идентичность и идеология: взгляд в будущее. – М.: «Социально-гуманитарные знания», 2006.
5. Гафиатулина Н. Х., Верецагина А. В., Шахбанова М. М. Повседневные социальные практики как способ идентификации российской студенческой молодежи // *The Caucasus and the world*. 2015. № 20. С. 166-170.
6. ДAUDРИХ Н.А. Социальная идентичность: методический аспект // *Социологические исследования*. 2000. № 13. С. 77-95
7. Колесникова Е.Ю., Беспалова А.А. Социальное поведение как предмет научно-исследовательских практик // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 7. С. 59-67.
8. Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // *Гуманитарий Юга России*. 2013. № 3. С. 90-103.
9. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? // *СПб.: Речь*. 2011.
10. Самошкина И.С. Район проживания в чувствах и переживаниях // *Communitas / Сообщество*. 2006. № 1. С. 35-52.

ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА: ДОГОНЯЯ ЗАПАДНУЮ СОЦИОЛОГИЮ

Бурганова Л.А., Исакова Э.И. (Казань)

Последние четверть века прошли для социологической науки под знаком стремительного роста числа исследований, посвященных рискам. Тем не менее, в этой сфере еще немало белых пятен; кроме того, в глаза бросается некоторое отставание проблематики, изучаемой отечественными социологами, от того спектра исследований, которые распространены в западной социологической науке. Показательной иллюстрацией к этому тезису является ситуация с исследованиями рисков международного туризма: теоретического осмысления указанной проблемы практически нет, типологии международных рисков туризма рассматриваются преимущественно с позиций экономической теории и менеджмента, конкретные эмпирические исследования отсутствуют.

Даже при сравнении используемых в зарубежных и отечественных научных трудах типологий рисков международного туризма видно различие в исследовательской фокусировке. Так, в зарубежных работах преобладает туристоцентричный подход к классификации рисков. Например, У.С. Рол и Д. Фезенмайер использовали в своем классическом исследовании туристских рисков следующую типологию: 1) риск оборудования (проблемы с оборудованием, с организацией турпоездки и пр.); 2) финансовый риск (несоответствие цены за тур его качеству); 3) физический риск (возможность столкновения с опасной ситуацией, ранения, заболевание во время поездки); 4) психологический риск (возможность, что поездка не отразит личность туриста или его самовосприятие / имидж в своих глазах); 5) риск удовлетворения (возможность, что поездка не принесет удовлетворения); 6) социальный риск (возможность, что турпоездка окажет влияние на мнение остальных о туристе); 7) риск времени (возможность, что поездка займет слишком много времени или будет напрасной тратой времени) [1, 18]. В свою очередь, С. Сонмез и А. Грефе добавили к этим типам рисков еще три: риск политической нестабильности, риск терроризма и

риск для здоровья, отделив, в последнем случае, заболевания от различных травм / аварий и выделив их в отдельную категорию [2, 173].

В отличие от западных работ, в отечественных трудах по рискам туризма превалирует отраслевой или субъектный способ классификации туристских рисков с большим акцентом на риски хозяйствующих субъектов. Например, А.О. Овчаров, рассматривая туристские риски, фактически сводит их к рискам туроператора, выделяя следующие их виды: 1) природно-естественные, 2) социально-политические, 3) хозяйственные, 4) научно-технические и 5) юридические [3, 144]. Встречаются и упрощенные двухсоставные классификации рисков. Так, А.Е. Бойко, предлагает следующую субъектную классификацию рисков туризма: 1) возможные риски для туристов при планировании и осуществлении тура и 2) хозяйственные риски [4, 20]. Схожую типологию предлагает и М. Тяжова: 1) риски, которым подвержены туристы, выступая в качестве потребителей туров, и 2) риски, сопутствующие деятельности туркомпаний, предприятий размещения, развлечения и питания, являющихся производителями этих туров [5, 237].

Нам не удалось найти отечественных эмпирических исследований, посвященных рискам, с которыми туристам приходится сталкиваться во время пребывания за границей (максимум, что нам удалось найти – это статистику страховых компаний по распространенным туристским рискам [6, 90-95; 7]). При этом соответствующих англоязычных исследований довольно много. Приведем в качестве примера некоторые из них. Так, Б. Мезер и К. Вайермайер установили, что в большинстве своем туристы озабочены рисками, связанными с болезнями, которые можно подхватить во время поездки, преступностью, стихийными бедствиями, несчастными случаями, гигиеной, транспортом, культурными / языковыми барьерами и незнанием специфики местного законодательства [8].

Пятерка самых серьезных и вероятных, с точки зрения туристов, рисков, установленная в ходе исследования У. Мичтла и В. Вассоса, включала следующие: 1) несоответствие отеля описаниям в туристических брошюрах; 2) переплата за звонки из отеля; 3) ужасное качество еды в отеле; 4) заболевание вследствие потребления еды или воды; 5) неудовлетворительное качество еды в отеле. В противоположность этому, респонденты указанного исследования крайне низко оценивали вероятность и значимость таких рисков, как стихийное бедствие или банкротство туроператора [9, 56].

Исследование Дж. М. Грей и М.А. Уилсон показало, что больше всего туристов, путешествующих за границу, беспокоят риски, связанные с терроризмом, гражданскими беспорядками, политической обстановкой в стране пребывания, преступностью (в т.ч. хулиганскими выходками в отношении туристов), стихийными бедствиями, плохой гигиеной и инфраструктурой. Именно эти факторы, по словам авторов, в значительной степени способствуют отказу от туристических поездок в те или иные страны / регионы [10].

Наконец, недавнее исследование Э. Шредер и Л. Пеннингтон-Грей выявило, что туристы, находящиеся на отдыхе, в большей степени склонны делиться в социальных сетях своими переживаниями по поводу рисков, связанных с воспринимаемыми угрозами преступности, стихийных бедствий, заболеваний, потерь финансового и материального характера, погодных условий, культурных барьеров и политической нестабильности [11].

Таким образом, сфера международных рисков туризма является малоисследованной в отечественной социологии. Соответственно, представляется необходимой активизация усилий отечественного социологического сообщества в данном направлении

1. Roehl, W. S. *Risk Perceptions and Pleasure Travel: An Exploratory Analysis* / W.S. Roehl, D.R. Fesenmaier // *Journal of Travel Research*. – 1992. – Vol.30. – P.17-26.
2. Sonmez, S.F. *Determining Future Travel Behavior from Past Travel Experience and Perceptions of Risk and Safety* / S.F. Sonmez, A.R. Graefe // *Journal of Travel Research*. – 1998. – Vol.37. – P.171-177.
3. Овчаров, А.О. *Управление рисками в сфере туристских услуг* / А.О. Овчаров // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – 2008. – Сер.8. – Вып.2. – С.138-160.
4. Бойко, А.Е. *Исследование рисков формирования туристского кластера: методический аспект* / А.Е. Бойко // *Вестник СГУТюКД*. – 2012. – № 1(19). – С.19-23.
5. Тяжова, М. *Виды рисков в туристском бизнесе* / М. Тяжова // *Туризм и культурное наследие: межвуз. сб. науч. тр.* – Саратов : Изд. СГУ, 2002. – Вып. 2. – С.237-244..
6. Лопаткин, Д.С. *Развитие взаимного страхования в сфере туризма: дис...канд.экон.наук: 08.00.10 / Д.С. Лопаткин.* – М., 2014/

7. Составлена статистика самых распространенных происшествий с туристами // Деловой Петербург. – 2012. – 26 апреля. – URL: http://www.dp.ru/a/2012/04/26/Turistam_grozjat_prostudi (дата обращения: 15.09.2016).
8. Maser, B. *Travel Decision-Making: From the Vantage Point of Perceived Risk and Information Preferences* / B. Maser, K. Weiermair // *Journal of Travel & Tourism Marketing*. – 1998. – Vol.7. – №4. – P.107-121.
9. Mitchel, V.W. *Perceived Risk and Risk Reduction in Holiday Purchases: A Cross-Cultural and Gender Analysis* / V.W. Mitchell, V. Vassos // *Journal of Euromarketing*. – 1998. – Vol.6. – №3. – P.47-79.
10. Gray, J.M. *The Relative Risk Perception of Travel Hazards* /J.M. Gray, M.A. Wilson // *Environment and Behavior*. – 2009. – Vol.41. – №2. – P.185-204.
11. Schroeder, A. *The Role of Social Media in International Tourist's Decision Making* / A. Schroeder, L. Pennington-Gray // *Journal of Travel Research*. – 2015. – Vol.54(5). – P.584-595.

ПОРЯДКИ И РЕЖИМЫ: К ПОСТРОЕНИЮ ЗНАНИЕВОГО ДИЗАЙНА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО

Голиков А.С. (Харьков, Украина)

Теоретическое рассмотрение природы социального невозможно без аналитического разведения ключевых понятий, к каковым, безусловно, относится в том числе понятие социального порядка. Это понятие традиционно употребляется в социологическом дискурсе либо в служебной функции (как ситуативное противопоставление хаосу или аномии), либо в значении максимально широкого термина.

Об этом свидетельствует и анализ словарных статей, посвящённых этому понятию. Так, социальный порядок чаще всего (см., [2], [8], [10]) определяется через отношение к вопросу «Как возможно общество?», а также апеллирует к таким категориям, как «само собой разумеющееся» [2], «форма в общественных отношениях» [8],[10], система [2],[8],[10], образцы [4], связанность, взаимосвязь, структуры, ожидания, упорядоченность (вот уж классический пример злокачественного *circus vitiosus*) и т.п. Более того, при попытке отделить это понятие от понятия контроля или режима мы обнаруживаем, что эта связь сугубо формальна, проходит по техникам игр со словами, а не содержательным аспектам этих игр. Так, одно из важнейших, с нашей точки зрения, понятие в социологии конца XX – начала XXI веков, а именно понятие режима, зачастую приравнивается к порядку (определяясь то как установленный порядок работы/функционирования, то как совокупность правил, мероприятий и норм, то как условия деятельности, работы и существования чего-либо) (см., например, [9]), тогда как словоупотребление таких теоретиков, как Л. Тевено, Л. Болтански, М. Фуко, Ж. Липовецки свидетельствует о том, что такая – явно механистичная – интерпретация устарела и стала гносеологически неповоротливой.

Именно поэтому целью нашей работы является установление порядка дискурса о порядках, режимах и контролях с целью дальнейшего построения знаниевой концепции исследования социального и чертежа структур отношения в этой триаде понятий.

Долгое время социальный порядок был нерелексивным феноменом, чему поспособствовала его непроблематизированность в рамках организменной модели общества и её наследницы - структурно-функциональной парадигмы в социологии. Впрочем, у Т. Парсонса мы предлагаем позаимствовать для определения социального порядка один важный пассаж, а именно – как указывает Э. Коблева, «если рассматривать под социальным порядком неслучайность социального взаимодействия, как это делает Т. Парсонс, то те стандарты, которые признаны членами общества, ценности и цели культуры позволяют обеспечивать упорядоченное функционирование системы [7, с. 191]. Именно с точки зрения этого определения, во-первых, становится понятной логика Т. Парсонса, в дальнейшем эксплицирующего социализацию и социальный контроль как исключительные и критериальные инструменты поддержания социального порядка, а во-вторых – вероятностная и практическая сущность социального порядка. Дискурс ценностей, «цели культуры» (??? – А.Г.), поддержанный рядом других социологов (см., например: «Позитивное социальное конструирование нового российского социума может осуществляться в рамках новых ценностей и социальных идеалов» [11, с. 21]) – это (излишняя?) детализация и операционализация социального порядка, а также попытка перевести социальный порядок как понятие на язык социокультурного подхода. А вот неслучайность (а если быть точнее

– то вероятность) социального взаимодействия в дальнейшем рассматривается нами как сущностный признак социального порядка.

Поэтому и именно поэтому «социальный порядок в обществе не возникает спонтанно. Его поддержание предполагает присутствие определенных социальных институтов и организаций, призванных выполнять контролирующие функции, то есть функции социального контроля» [6, с. 23]. Однако все эти институты, организации, контроль и функции – это производные, ситуативные и (зачастую) случайные. Тогда как куда более важным, с нашей точки зрения, является анализ того, в каких порядках реализуются порядки – иначе говоря, каковы режимы онтологии порядка (в дальнейшем – режимы порядков).

Под режимом мы предлагаем понимать порядок реализации порядка. Иначе говоря, режим есть вероятность определённого взаимодействия феноменов, которые составляют вероятность взаимодействия социальных феноменов. Категория «определённое», вопреки традиционному её употреблению в служебной функции, в данном случае означает, что любой режим порядка прагматически и когнитивно вполне «узнаваем» (и, соответственно, адекватно и релевантно практикуем) участниками социального.

Безусловно, у такого знаниевого дизайна социального (как «вероятности взаимного (у)зна(ва)ния») можно обнаружить и оппонентов: «Хотя и можно представить себе большое общество мирных людей, такое общество не сможет существовать, если единственным способом контроля над насилием будет личное знание и повторяющееся личное взаимодействие. курировать друг с другом за ресурсы или статус при помощи насилия, необходимым следствием» [1], [5]. Однако именно благодаря ему становится понятным возникший от феноменологов и развившийся в синтетических теориях двойственный дизайн социальной реальности: «С одной стороны, общество существует лишь в той мере, в какой индивиды осознают его; с другой – индивидуальное сознание социально детерминировано. С одной стороны, институциональный порядок реален лишь постольку, поскольку реализуется в исполняемых ролях (типизированном поведении); но с другой – роли представляют институциональный порядок, который определяет их характер и придает им объективный смысл» [3, с. 130] Именно поэтому мы утверждаем эту гипотезу как рабочую, от которой разворачиваем дальнейшее теоретизирование.

Опираясь на это, а также на парсонсовскую идею различения порядка в символических системах (собственно и продуцирующего вероятность коммуникации) и порядка в отношении ориентаций и норм (продуцирующего вероятность практик), мы предлагаем различать такие субстраты упорядочивания, как репрезентация (чьими разновидностями мы можем считать дискурсивирование и означивание) и практикование. Не исключая того, что таковых субстратов может быть и больше, мы предлагаем проверить нашу гипотезу на этих двух субстратах. Так, стиль в таком знаниевом дизайне интерпретируется как режим порядка репрезентации, где порядок репрезентации – это, например, искусство; мастерство – как режим порядка практикования, где порядок практикования – это, например, профессиональная деятельность.

Такая лаконизация и аксиоматизация социологической терминологии с одновременным переводом на язык социологии знания, с нашей точки зрения, существенно обновляет как понятийно-категориальный ряд, так и проясняет ряд важных моментов в теории и истории социологии.

1. *Violence And Social Order*. N. Douglas, D. Wollis. - England: Wordsworth Classics, 2013.- 301 p
2. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.. *Социологический словарь*. — М.: Экономика. 2004.
3. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. М., 1995
4. Джери Дэвид, Джери Джулия *Большой толковый социологический словарь*.— М.: АСТ, Вече.. 1999.
5. Каюмова Д.Ф. Гаязова С.Р. *Насилие и социальный порядок // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. - 2014. - № 4-1. - Электронный документ. Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-i-sotsialnyu-poryadok>
6. Клеймёнова Е.Г. *Социальный порядок как основа устойчивости социальной системы // Вестник Удмуртского университета*. - № 3-1. - 2014. - с. 23-30.
7. Коблева Э.А. *Миф как необходимость социального порядка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. - 2008. - № 70. - с. 190-195.
8. *Новейший философский словарь*. — Минск: Книжный Дом. А. А. Грицанов. 1999.
9. *Пограничный словарь*. — М.: Академия Федеральной ПС РФ. 2002.

10. *Социология: Энциклопедия.* — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. 2003.
11. Тихонов Ж.А. Социальные общности и социальный порядок: детерминизм или конструктивизм? // *Теория и практика общественного развития.* - 2010. - № 2. - с. 21-26.

ПРОСТРАНСТВО ПОТОКОВ М. КАСТЕЛЬСА: ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Голоухова Д.В. (Москва)

Внутренняя пространственная организация города представляет особый интерес для исследователей, чьи научные разработки лежат в области городской социологии и урбанистики, так как она является основным предметом городского планирования, градостроительной и архитектурной деятельности. Исследование городской морфологии и социального пространства города является одним из начальных этапов формирования стратегии городского развития. В этой связи необходимо обозначить теоретико-методологические подходы к изучению городского пространства, которые отражали бы специфику современного сложного общества [1]. Один из таких подходов предложил М. Кастельс, испанский социолог, создавший концепцию информационного города [2, с. 83].

М. Кастельс полагает, что в начале XXI века городская социология переживает кризис. По его мнению, разработки социологов Чикагской школы более не могут быть применимы к анализу современных городов и городских сообществ, равно как и разработки теоретиков «второй волны» городской социологии [3, с. 10]. Это связано с тем, что их концепции отвечали вызовам своего времени, но потеряли актуальность в условиях информационной эпохи. С точки зрения ученого, на данный момент в социологических науках нет адекватной теории, отражающей суть городских трансформаций.

По мнению М. Кастельса, суть городских изменений связана с процессом формирования сетевого общества, в котором сети электронных коммуникаций становятся фактором формирования ключевых социальных структур и социальных практик индивидов. Появление сетевого общества вызвало ряд изменений в пространственных структурах и городских процессах. Во-первых, наблюдается рост уровня урбанизации, несмотря на широко распространенное мнение (выраженное в том числе и О. Тоффлером [4]) о том, что информационная революция приведет к «концу города», т.е. исчезновению плотно населенных городских агломераций в силу того, что люди будут работать из дома с помощью компьютеров и телекоммуникаций. По подсчетам М. Кастельса, к середине века три четверти населения земного шара будет жить в городах. Во-вторых, информационная революция привела к появлению новых городских форм – метропольных регионов – городских скоплений, разбросанных по огромной территории вокруг полицентричных структур. В-третьих, появление сетевого предпринимательства как новой формы экономической деятельности привело к функциональному размытию границ между местом работы и местом жительства. Это, в свою очередь, способствовало появлению «фьюжн-пространств» (fusion space) [5], которые позволяют объединять ранее разделенные сферы деятельности (например, работу и отдых). Цифровая революция привела к снижению спроса на специализированные, «приписанные» пространства (частные офисы, рабочие кабинеты и т.п.) и увеличению спроса на «неприписанные» публичные и полупубличные фьюжн-пространства, которые могут быть использованы в различных целях. В-четвертых, города становятся все более полиэтничными и поликультурными. В-пятых, глобальная криминальная экономика полностью сосредоточена в городах. Растущая преступность приводит к появлению новых защитных форм расселения. Это, равно как и коммуникационные разрывы между индивидами и культурами, становится причиной появления закрытых кварталов (gated communities). В-шестых, в современных городах протекают одновременно два процесса: включение и исключение. Вне мегаполисы связаны с глобальными сетями, тогда как внутри страны они исключают из глобальных сетей местные популяции. В-седьмых, метропольные регионы не объединены общим именем или культурой, что затрудняет процесс управления ими, а также участие граждан в политике региона. В-восьмых, изменения претерпевают городские социальные движения. Они формируются вокруг двух основных направлений: локальные движения, направленные на защиту местных сообществ, и энвайронментальные движения.

В целом, трансформацию городов можно описать с помощью трех биполярных осей. Первая оппозиция описывается в терминах глобального и локального. Ключевые экономические,

технологические, коммуникационные и другие процессы протекают в глобальных сетях. Но частная жизнь, культурная идентификация, ежедневная рутина – это локальные феномены. Задача города – связать локальное и глобальное.

Вторая ось – это противопоставление индивидуации и общинности. Под индивидуацией М. Кастельс понимает индивидуальные смыслы, интересы и репрезентации. Общинность основана на общей идентичности, системе ценностей и верований. Сетевое общество усиливает напряжение между индивидуальным и общим, что особенно ярко проявляется в городах, где люди вынуждены сосуществовать в тесной близости.

Третья ось касается пространственных форм и описывает противостояние между «пространством потоков» и «пространством мест». По М. Кастельсу, «пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени» [6, с. 385]. Пространство потоков соединяет людей, отделенных друг от друга расстоянием, через электронные сети. Пространство мест организует социальные практики в границах физической близости. Города одновременно построены вокруг потоков, мест и отношений между ними.

На основе анализа описанных трендов М. Кастельс предлагает ряд рекомендаций по городскому управлению. По его мнению, сохранение городов как культурных форм в новом пространственном контексте возможно при интеграции городского планирования, архитектуры и городского дизайна. Основной задачей городского планирования является обеспечение связанности, как внутренней (между узлами метропольного региона), так и внешней (включенности в глобальную сеть). В то же время городское планирование должно гармонично соединять все зоны метропольного региона, включая природные зоны. Метропольный регион – это полицентричное образование, что предполагает децентрализацию и рецентрализацию населения вокруг основных функциональных узлов. В целом, сверхзадачей городского планирования является адаптация пространства мест к пространству потоков. Ролью архитектуры является восстановление символического значения в метропольном регионе, так как пространство потоков размывает значимое отношение между архитектурой и обществом [6]. Символическое значение необходимо вплести в ткань метропольного региона, что можно сделать только при интеграции архитектуры с городским дизайном. Городской дизайн в информационную эпоху направлен на сохранение культуры городов. Он должен способствовать установлению связи между пространством мест и пространством потоков через создание публичных мест. Публичные места играют важную роль в жизни города. По М. Кастельсу, они являются источниками культуры, социальности, систем коммуникации и демократии, осуществляемой через гражданское участие. Гармоничное взаимодействие между городским планированием, архитектурой и городским дизайном – результат городской политики. Городская политика начинается с разработки эволюционной стратегии развития пространства метропольного региона в его дуальном отношении с пространством потоков и пространством мест. Эта стратегия должна быть основана на компромиссе между противоречащими интересами социальных акторов.

1. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования, 2011. – № 1. – С. 11-18.
2. Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 690 с.
3. Castells, M. *Urban Sociology in the Twenty-First Century // Cidades, Comunidades e Territórios*, 2002. – № 5. – pp. 9-19.
4. Тоффлер О. *Третья волна*. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004.
5. Castells, M., Cardoso, G., eds., *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005
6. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Горбункова Д.Н. (Тольятти)

В настоящее время научно-исследовательская деятельность студентов является наиболее важной составляющей подготовки будущих специалистов, позволяющая развивать творческие способности, побуждающая к поиску и углублению знаний, способствующая формированию необходимых профессиональных и личностных качеств [3, 6]. В последние годы подготовка студентов в области научно-исследовательской деятельности признается неудовлетворительной,

что значительно сказывается на их профессиональном становлении. В связи с этим проблематика вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность на сегодняшний день имеет очень высокую актуальность [5].

В рамках научной работы студент сначала приобретает первые навыки исследовательской работы, затем начинает воплощать приобретенные теоретические знания в исследованиях, так или иначе связанных с практикой, а в конце этого длительного процесса возможно участие в научных конференциях и симпозиумах разного уровня, вплоть до международных [2].

Многие теоретики и практики педагогической работы в вузах утверждают, что НИРС является значимым фактором формирования, становления молодого специалиста [1, 4]. В процессе научно-исследовательской работы студент приобретает навыки теоретического осмысления своей профессиональной деятельности, самостоятельность суждений, умение концентрироваться, постоянно обогащать собственный запас знаний, обладать многосторонним взглядом на возникающие проблемы [2].

Для изучения ценностного аспекта студентов, занимающихся научной работой, использовался метод Стефенсона. Респонденты распределились по специализации обучения: студенты технических и гуманитарных профессий в равном соотношении. Из 25 представленных утверждений, относящихся к рассматриваемой проблеме, респондентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с ними, используя шкалу от -2 до +2.

Анализируя утверждения, касающиеся значения научно-исследовательской деятельности, мы выяснили, что студенты не представляют возможным отсутствие научно-исследовательской работы в университете. Вероятно, это связано с тем, что на сегодняшний день НИРС активно пропагандируется среди студентов и поощряется (морально и материально). Научно-исследовательская деятельность, по мнению студентов, формирует творческий подход к работе. Развитие критического, творческого мышления, умения действовать в стандартных и нестандартных ситуациях – формированию этих и других навыков способствует научная работа в вузе.

В ходе исследования было установлено, что для многих студентов научно-исследовательская работа – это, прежде всего, написание курсовой (выпускной) работы. Интересно, что у студентов технического профиля обучения согласие с утверждением более выражено, чем у студентов гуманитарного профиля обучения. Возможно, это связано с тем, что, согласно многим исследованиям, студенты гуманитарного профиля обучения более склонны к участию в НИРС, чем технического.

Респонденты отметили, что участие в научной работе позволяет получить более глубокие знания. Важной целью обучения является развитие эвристического мышления различными способами организации познавательной деятельности. НИРС выступает одним из этих способов, который направлен на поиск новых рациональных решений проблемы.

В отношении утверждения «Мое участие в НИРС предопределено поступлением в магистратуру» студенты высказались неоднозначно. Скорее всего, многие студенты на сегодняшний день просто не задумываются о дальнейших планах в контексте образования. Причем, у студентов гуманитарного профиля обучения более выражено согласие с данным высказыванием, а у студентов технического профиля – несогласие. Относительно контроля студентов в научной деятельности со стороны руководителя проявляется неоднозначное, неопределенное отношение. При этом большинство студентов отмечают, что проявляют личную активность в научно-исследовательской деятельности. Преимущественно студенты отмечают, что занимаются разработкой интересующей их проблемой.

В отношении утверждения «Темы курсовых (выпускных) работ, как правило, предлагаются преподавателями» мнение студентов разделилось согласно специализации: студенты-гуманитарии, в основном, выражают несогласие с данным утверждением, а студенты технического профиля обучения, преимущественно, согласны с высказыванием. Возможно, это связано с тем, что гуманитарные науки предоставляют студентам более обширную область проблем для изучения, нежели технические специальности.

Анализируя результаты исследования относительно утверждений, связанных со стимулированием студентов к участию в НИРС, мы установили, что респонденты имеют полную информацию о поощрениях за участие в научной деятельности. Высказывание «Студенты, которые участвуют в научных мероприятиях, являются лидерами» не нашло подтверждения среди респондентов. Вероятно, это связано с тем, что студент, занимающийся НИРС, в глазах других

приобретает имидж так называемого «хорошего» студента, что не всегда ассоциируется с понятием лидера.

Большинство студентов имеют различные грамоты, дипломы и сертификаты за участие в научно-исследовательской деятельности. А также участие в НИРС дает возможность студентам публикации в различных научных сборниках.

В ходе исследования мы попытались установить, с какими проблемами сталкивается студент в ходе научно-исследовательской деятельности.

Относительно высказывания «Мне не хочется тратить больше усилий и времени для подготовки научных работ» студенты выражают полное несогласие. Научно-исследовательская работа важна для студентов, интересна и подталкивает их к более глубокому, осмысленному изучению проблемы. Респонденты отмечают, что не стараются воспользоваться готовыми работами в Интернете, а стремятся к написанию собственных качественных работ. Материально-техническая база университета большинством студентов признается удовлетворительной, однако, студенты технического профиля не проявляют единой позиции в данном вопросе.

Согласно мнению студентов, занимающихся НИРС, информированность о проведении научных мероприятий, а также моральная практика поощрения за участие в НИРС в университете находится на высоком уровне.

Однако многие студенты указывают на существование такой проблемы, как невозможность практической реализации результатов исследования. Причем, студенты технической специализации чаще отмечают существование данной проблемы.

Подводя итог, важно отметить, что использование метода Стефенсона позволило выявить ценностный аспект студентов Тольяттинского государственного университета, занимающихся научной работой. Утверждения, представленные для оценки, охватывали несколько сфер научно-исследовательской деятельности студента, что позволило сделать выводы относительно значимости этого вида работ для студентов.

Свое согласие с утверждениями в наибольшей степени респонденты выразили в блоке, касающемся стимулирования студентов к участию в научно-исследовательской деятельности. Для развития научной деятельности студентов в вузе необходимо распространять положительный образ студента, занимающегося НИРС, а также активно освещать различные научные события и поощрять участников научных мероприятий.

В блоке, связанном с проблемами научно-исследовательской деятельности, респонденты выразили несогласие с предложенными утверждениями. Студенты не согласны с приведенными утверждениями относительно существования в вузе ряда проблем в сфере научной деятельности. Таким образом, можно сделать вывод, что организация НИРС в университете, по мнению студентов, удовлетворяет современным требованиям.

1. Иванова, Т. Н., Желнина, Е. В. Профессиональный стандарт педагога. Социологическое изучение оценки нового профстандарта работниками образовательных учреждений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 1 (5). – С. 5 – 15.

2. Научно-исследовательская работа студентов: Учебно-методическое пособие / Ю. В. Андреева, Р. П. Баканов, П. В. Баутина и др.; Под ред. Д. В. Туманова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. – 140 с.

3. Желнина, Е. В. Наука и образование как факторы инновационной активности современных промышленных предприятий // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 2(11). – С. 138 – 143.

4. Желнина, Е. В. Условия эффективности новой образовательной технологии // Многоконцептуальность в науке. Материалы международной научной конференции, посвященной 65-летию профессора Б.В. Личмана / под ред. проф. В.В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ – УПИ, 2011. – С. 328 – 335.

5. Цветкова, И. В., Иванова, Т. Н., Желнина, Е. В., Филиогло, Л. Д. Социально-трудовой потенциал современной молодежи как основа инновационной активности и модернизации российского общества (на примере г. о. Тольятти) // Регионоведение. – 2013. – № 3. – С. 97 – 103.

6. Zhelnina, E. V. Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. – electronic data- Moscow: RSS, 2016. – 378 P. 1 CD ROM; 12 sm – system requirements: Windows XP/Vista/7/10 – Title from disk label. – 2016. – С. 109 – 115.

ДЕТСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ: НОВЫЕ ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Губанова А.Ю. (Москва)

В статье рассматриваются подходы к изучению детства в рамках различных наук, таких как социология, психология, педагогика, социальные функции детского сегмента Рунета, а также приводится обоснование необходимости описания новых явлений детства и новых понятий в связи изменениями в жизни общества в целом и детей в частности, происходящими в последние десятилетия. Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 16-06-00792 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус».

The article considers approaches to the study of childhood in the various sciences, such as sociology, psychology, pedagogy, social functions of children's segment of the Russian Internet, and the necessity of description of a new phenomena and new concepts of childhood due to the changes at society life's in general and children in particular, taking place in recent decades. This article was prepared within the grant supported by the Russian Humanitarian Scientific Fund Project № 16-06-00792 «Childhood in the socio-humanitarian perspective: Thesaurus».

Комплексное изучение феномена детства, в том числе, структурирование проблемного поля детства, которое можно создать с помощью тезауруса детства как социального и культурного феномена в настоящее время является важным и необходимым. Исследования детства находятся в самых различных областях знания, в связи с чем необходима интеграция знаний о детстве, их полидисциплинарный и междисциплинарный синтез, изучение, анализ, обобщение подходов, выработка новых принципов классификации знаний о детстве. Это позволит лучше понимать и предвидеть проблемы и трудности современного детства, в том числе, социальных институтов, отвечающих за развитие детей.

Дети и детство являются крайне сложными феноменами для изучения. Дети – будущее, каждого отдельного родителя, семьи, общества и страны в целом, но, вместе с тем, дети – еще и настоящее, поскольку от того, насколько хорошо построены программы развития и защиты детства, применяемые государством сегодня, зависит и будущее страны. Развитие информационного общества, общества потребления, социальное расслоение (в том числе, бедностью) – эти и многие другие факторы, обуславливающие серьезные изменения, происходящие в последние годы, оказывают существенное влияние и на современное детство.

Требуют обоснования такие термины как электронный контент для детей, детский сегмент Рунета. В психологии внимание исследователей сконцентрировано на таких проблемах как влияние информационно-коммуникационных технологий на развитие детей и подростков, изучение уровней цифровой компетентности детско-подростковой аудитории, предоставляемых Интернетом возможностей и тех онлайн-рисков, с которыми дети могут столкнуться в нем, проблемы дошкольного воспитания, ценностные ориентации, опыт взаимодействия ребенка с компьютерными технологиями, выявление его предпочтений и степени включенности взрослых во взаимодействие ребенка с компьютером и Интернетом. Специалисты в сфере медиаобразования и журналистики изучают особенности взаимодействия и видоизменения получения подростками информации в условиях всеобъемлющего проникновения информационных технологий в жизнь семьи, образование, работу учреждений культуры. Образовательные функции электронного контента, те возможности, которые он предоставляет для обучения и саморазвития детей находятся в поле зрения педагогов. В рамках социологии Интернет рассматривается, в том числе и с точки зрения структуры и функций, содержащихся в нем. Детский сегмент Рунета, так же как и Интернет в целом, имеет свои социальные функции, которые не исчерпываются только изначальной, информационной, традиционно считающейся одной из важнейших функций Интернета, т.е. функцией накопления и хранения информации. Потребность в информации относится к базовым потребностям человека, и её роль становится всё более важной по мере развития современного общества, в котором информация начинает играть ведущую роль. В Интернете информационную функцию выполняют электронные словари и энциклопедии, предметные сайты, посвященные определенной тематике, например, сайты со справочной информацией, предметные сайты по различным наукам. Коммуникативная функция может быть разделена на два направления – общение с друзьями и знакомыми и поиск новых. Коммуникация в контексте Интернета может пониматься как «передача информации от одной системы к другой посредством специальных носителей, сигналов» [1, с. 5]. Агентом данного вида коммуникации может являться не только человек, но и различные печатные источники (книги, журналы и т.п.), а также интернет-сайты, такие, как чаты, блоги, форумы, социальные сети. В настоящее время

наиболее популярными из них считаются социальные сети. Образовательная функция детского сегмента Рунета реализуется посредством образовательных ресурсов для любых возрастов, активно развивающихся сервисов дистанционного и электронного обучения, бесплатных видеоуроков, вебинаров, сайтов учителей, образовательных порталов. Культурно-просветительскую функцию выполняют электронные ресурсы, приобщающие детей и подростков к культуре, рассказывающие им о многообразии культурных форм, мировой истории, истории искусства и архитектуры, о культурах народов мира, повышающие их уровень культуры и образования, обеспечивающие интеллектуальное и духовное развитие. Рунет также может выполнять воспитательную функцию с точки зрения использования в социальном воспитании интернет-ресурсов, которые уже имеются в Сети и использования тех возможностей, которые предоставляет Интернет для реализации с его помощью социального воспитания [2, с. 37]. Данная функция может осуществляться как посредством сайтов, способствующих развитию мышления, приобретению навыков анализа, обобщения и сопоставления получаемой информации, так и посредством дискуссионных клубов, форумов по различной проблематике, в обсуждениях на которых участвуют взрослые (педагоги), дети и подростки. Интегративная функция, направленная на сохранение и поддержание внутреннего единства, связи между поколениями и различными социальными группами, может осуществляться в Рунете с помощью коммуникационных интернет-сервисов (форумов, социальных сетей) и интерактивных сайтов, на которых предоставляется возможность общения с авторами сайта или статей, размещенных на сайте, а также с другими пользователями. Нормативная функция направлена на регулирование сторон общественной и личной жизни с целью поддержания целостности общества, посредством норм морали, права, обычаев, этикета, закрепляемых в культуре реализуется и в Интернете, в котором также существуют особые нормы и правила поведения, распространенные и в Сети, и в детском сегменте Рунета. Так, существуют сайты и сообщества, доступ в которые закрыт взрослым: группа в социальных сетях, закрытая ветка на форуме или открытый только для определенной группы блог. Не менее важной функцией Интернета является рекреационная, поскольку Сеть содержит в себе большое количество возможностей для отдыха: онлайн-игры, онлайн РПГ, досуговые сайты, на которых содержится информация о различных хобби, увлечениях, разнообразных видах творчества.

В последнее десятилетие произошли значительные изменения в сфере детства, требующие применения новых методологических подходов и показателей, для выработки которых знания о детях и детстве накапливаются в разных научных сферах – как естественных, так и социальных и гуманитарных науках. Основой для понимания процессов, происходящих в детстве, изменений в социальных институтах, связанных с развитием личности ребенка (семьи, школы, внешкольного окружения, меняющейся социальной и информационной среды и др.) может стать тезаурус «Детство в социогуманитарной перспективе». Также, создание тезауруса имеет значительное прикладное значение, поскольку реализация как настоящей, так и будущих Национальных стратегий и планов в интересах детей в полной мере невозможна без изучения и представления мнений и поведенческих практик детей и взрослых, которые их окружают и обеспечивают детство юного поколения.

1. Адамьянц, Т. З. Социальные коммуникации. – М.: ИС РАН, 2005.

2. Мудрик, А. В. Воспитательные ресурсы Интернета // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. - Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. - 2008. - Т. 14. - № 4. - С. 37-40.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ: УРОВНИ ИЕРАРХИИ И ПОТЕНЦИАЛЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Дерюгин П.П., Баруздин И. А., Александрова А. А. (Санкт-Петербург)

В данной работе подчеркивается значимость сетевого подхода при изучении как внешней, так и внутренней деятельности организации. В частности, на основе эмпирических данных доказывается идея о том, что интеграция внутриорганизационных сетей, сформировавшихся на основе схожих ценностей сотрудников и образующих определенные уровни иерархии, способствует более успешной деятельности компании во внешней среде. Следовательно, перспективным направлением для изучения социологами является теоретическое моделирование сетей внутриорганизационных структур.

This work highlights the importance of using social network approach in the study of both external and internal activities of the organization. In particular, basing on empirical data, we have proved the integration of intra-organizational networks, which were formed on the basis of similar values of employees and which create levels of hierarchy, contributes to a more successful activity of the company in the external environment. Consequently, a promising direction for the study of sociologists is the theoretical modeling of social networks of intra-organizational structures.

Развитие теоретических основ исследования социальных взаимодействий на базе сетевого подхода для современной прикладной социологии приобретает актуальное значение. Моделирование внутриорганизационных социальных сетей, по мнению М. Грановеттера, обладает тем важным преимуществом над другими подходами в изучении социальной реальности, который заключается в возможности обращения к непосредственным связям и отношениям между людьми и построение на этой основе целостной картины социума: «анализ процессов в межличностных сетях позволяет наилучшим образом навести мосты между макро- и микроуровнями» [1, с.31]. Похожей позиции придерживается и Б. Уцци, утверждающий, что анализ сетевых связей позволяет исследовать укорененность, что в свою очередь способствует формированию отношений доверия между партнерами и совместной выработке решений. И далее, на основании таких отношений формируется социум [2].

Особый интерес прикладной социологии заключается в развитии сетевого анализа социальных отношений в бизнес-организациях. В современном обществе бизнес-организации выступают детонаторами многочисленных социальных процессов и являются теми «социальными котлами», где накапливаются потенциалы новых трендов общественного развития и возникают новые реалии. Подтверждает данную тенденцию и статистика публикаций по настоящей теме в базе данных SciVerse Scopus. Первые статьи по тематике «сетевой анализ предпринимательских организаций» («network analysis of entrepreneurial activity») появились еще в 1994 году, но уже немногим позже, через десять лет, количество ежегодных публикаций по тематике сетей в организационных структурах возросло до 9, а с 2007 г. число публикаций практически удвоилось и продолжает увеличиваться.

Если говорить о проблемно-содержательных сторонах исследований, то наибольшее внимание ученых привлекают аспекты развития сетей в с учетом специфики бизнес-организаций, например, в женских и этнических предпринимательских структурах (С.Katongole, John C. Munene, M. Ngoma, S.Dawa, 2015). Сети рассматриваются как основание укрепления доверия между партнерами по бизнесу (Н. Lofsten, 2016), как технологии преодоления неопределенности и конкуренции (V. Fernandez-Pe´rez, F. Javier Llorens Montes, V. Jesus Garcia-Morales, 2014), сети изучаются как основание формирования социального капитала корпораций (М. Nieto, N. González-Álvarez, 2016), исследуется влияние сетей на повышение мотивации и возможностей сотрудников организаций, на развитие инноваций (Т.Turner, W.W. Pennington III, 2015). Очевидно, что в количественном и содержательном отношении в научных исследованиях делается больший акцент на изучение внешней среды организаций, т.е. социальные сети анализируются как способ выживания компаний в кризисных и критических ситуациях, с их помощью осуществляется анализ экзогенных факторов, изучаются возможности достижения конкурентоспособности и др. По - существу в таких исследованиях идет речь о сетевых структурах, способствующих приспособлению организаций к изменениям окружающей среды, т.е. ее адаптации (Т.Парсонс). Так, в современной социологической мысли данные идеи нашли отражение в экологическом подходе к изучению организации. При этом стоит отметить, что реже сетевой подход применяется для исследований внутренней среды организаций, ее культуры, межличностных отношений, ценностей компании и пр.

Преимущественное обращение к анализу внешней среды организации в качестве основного объекта исследования в рамках сетевого подхода несколько противоречиво выглядит в соответствии с замыслами авторов сетевого анализа. В упомянутой ранее работе Грановеттера по этому поводу указано на существующую опасность отрыва микро- и макро- уровней исследований, автором специально подчеркивалось, что в существующих методиках исследования «в большинстве случаев от нас всё же ускользает понимание того, как взаимодействие в малых группах приводит к формированию макроструктуры». [1, с.31]. Поэтому представляется, что обращение к исследованиям самых многообразных форм межличностных взаимодействий в организациях как основанию становления и развития организаций более соответствует идеям

сетевому подходу. На наш взгляд, изучение сетевых структур внутриорганизационного порядка позволяет более полно реализовывать возможности сетевого анализа в социологических исследованиях организаций. В частности, в значительной степени исследовательский потенциал сетевого подхода может быть реализован на основе обращения к исследованию интеграции ценностей сотрудников организации (П.Сорокин: «ценность служит основой и фундаментом любой культуры»).

В своих рассуждениях при организации эмпирических исследований мы опирались на фундаментальные положения концепции Э.Шейна о стратах или уровнях организационной культуры. Основная гипотеза нашего исследования заключалась в предположении о том, что в организациях складывается совокупность сетей отношений, отражающих архетипы, ценности и артефакты организационной культуры, которые взаимосвязаны и выстраиваются в иерархии, обладая различными потенциалами. По нашему мнению, в организациях, более успешно действующих на рынке, интеграция сетей на основе ценностного слоя отношений предположительно окажется наиболее высокой и эти ценностные сети составят стержень всех других взаимодействий, будут определять все другие уровни организационной культуры, отношения и связи.

Моделирование обозначенных сетевых структур организаций, апробация методики и проверка гипотезы осуществлялись в рамках магистерской диссертационной работы Баруздина И.А. в девяти бизнес - организациях Санкт-Петербурга и Ленинградской области [3]. Проведенный теоретический анализ и эмпирическое исследование показало, что в целом гипотеза исследования подтвердилась: в организациях, более успешно реализовавших себя во внешней среде и эффективно действующих на рынке, интеграция внутриорганизационных сетей формируется на основе единства ценностей, тождества или похожести эгосетей сотрудников. По результатам экспертизы диссертационная работа автора была отмечена комиссией ВЦИОМ.

Обсуждения полученных результатов показывают ряд важных моментов, позволяющих очертить некоторые направления развития теории и практики моделирования социальных сетей в корпоративных организациях, исследования их иерархии и потенциалов.

1. Сети внутренней среды организации выстраиваются в определенные иерархии и обладают различными потенциалами как факторы трансформации и коррекции внешней среды.

2. Среди других социальных сетей организации социальные сети ценностей сотрудников организации обладают значимым потенциалом как фактор интеграции и сплочения персонала организации [4]. Таким образом, используя терминологию Т.Парсонса, они выполняют латентную функцию в организации, то есть поддерживают определенный социальный образец в компании.

Обобщая результаты исследований можно говорить, что теоретическое моделирование сетей внутриорганизационных структур позволяет осуществлять перспективные разработки теории сетевого анализа как основания для развития практики социального диагностирования организаций, что развивает наши предположения высказанные ранее [5].

1) Грановеттер М. Сила слабых связей // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10. № 4. 31-50 с.

2) Уци Б. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // *Экономическая социология*. 2007. Т. 8. № 3. 44–60с.

3) Баруздин И.А. *Сетевое моделирование корпоративной культуры на основе концепции Э. Шейна / Дис. магистра социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. 2016*

4) Овсянников В.Г., Пашков М.В. Качество образования: ценностный подход и принципы инновационного обучения. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2009, № 2-1. 141-150 с.).

5) Дерюгин П.П. *Социальная диагностика межличностных отношений в истории западной и отечественной социологии. Санкт-Петербург. Изд. СПбГТУ. 2001. 96 с.*

"ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ": НЕКОТОРЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВКЛЮЧЕНИЯ/ИСКЛЮЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Десенко Д.С. (Харьков, Украина)

О мнимой и подлинной сущности просвещения писали еще в середине прошлого века, и применительно к современной ситуации можно сказать, что эта двойственность не только сохранилась, но и дифференцировалась и усложнилась. В век информационных технологий просветительскую функцию берет на себя множество вещей: просветительские курсы, лекции, выставки, фильмы. Все стремятся п(р)одать информацию, чтобы «просвещенная планета воссияла под знаком триумфального зла» [1, с. 16], при этом проверка достоверности презентуемых знаний тонет в потоке информационного шума. Происходит интенсификация знаковой среды современного человека. Современный индивид всему открыт - но воспринимает все как знаковую поверхность, не пытаясь даже проникнуть в глубину вещей, в значения знаков. Современная культура довольствуется миром симулякров, следов, означающих, и принимает их такими, какими они есть, не пытаясь добраться до означаемых. Все воспринимается как цитата, как условность, за которой нельзя отыскать никаких истоков, начал, происхождения. Отсюда произрастает апелляция со стороны производителей просветительского знания к всевозможным визуальным эффектам, так как современный мир - это мир клипового восприятия, не текста, а изображения. Наглядность позиционируется, как забота о потребителе этой информации, но «функция всякого, институционального или неинституционального, аппарата заботы, который нас окружает и разрастается — общественной информации, рекламы и т. д., - состоит в том, чтобы одновременно награждать и удовлетворять, и соблазнять, тайком совращать» [2]. И тут так же важно задаваться вопросом: а не стоит ли за эти просвещением чьи-то корыстные интересы?

В играх просвещения мифы выступают одновременно и жертвами и продуктами. Развенчивая один миф, созидают иной, что, просуществовав определенное время и выполнив свою функцию (для которой он функционален), тоже будет делегитимирован через определенное время. Производство мифов, как и любое другое производство, тоже нацелено на определенного потребителя и своеобразную прибыль, пусть и не выраженную напрямую в материальных благах, но такую, что можно конвертировать и обратить себе на службу. Новость не в том, что человеческая ценность выражается в возможности и готовности к потреблению, а в том, что в результате конструирования новых и новых мифов происходит разграничение социального пространства, и индивиды, включаясь в одно информационное поле, одновременно исключаются из другого, а поляризация дискурсов между противоположными мифами приводит к обострению отношений между включенными/исключенными. Принимая или категорично отвергая предлагаемый миф-просвещение, слова становятся «вывернуты по линиям высказываний и способов выражения, которые вам навязаны и которых от вас ждут. Под складками вашей психической реальности залегает господствующая реальность» [3].

Иллюстративным примером подобного включения/исключения может быть международная просветительская выставка "Психиатрия - индустрия смерти", что представляет собой классический образец современного массового просвещения. Начиная с тавтологического названия, закрепляется односторонним взглядом на данную отрасль клинической медицины. Несомненно психиатрия сама по себе является инструментом включения/исключения, так как в ее власти право диагностировать и разделять, обратившихся к ней за помощью, на здоровых и больных. О "темной стороне" психиатрии писали уже неоднократно и Делез с Гваттари в своем "Капитализм и шизофрения"[4] и Фуко в "Рождение клиники" [5], но если первые писали о ней с точки зрения эксплуатации капиталистическими машинами желания, а второй – о генезисе клиник и эволюции "взгляда", то данный продукт утверждает диктат нормальности, однозначности и беспротиворечивости: психические болезни подаются как мифы, а психиатры дисквалифицируются призывами обращаться за помощью к "компетентным врачам непсихиатрического толка". Само отрицание болезни уводит в сторону от поиска причинности и общественных противоречий, и это «есть не что иное, как эпистемологическая реорганизация болезни или пределов видимого и невидимого, следующих новому плану» [5]. Безусловно, факты, представленные на выставке, имеют место, но они показаны в качестве универсальной истины, а на деле высвечивают лишь ее часть: психиатрия приносит смерть, но при этом психиатрия, надо полагать, была вызвана новыми масштабами насилия общественных конфликтов, которые не могли не повлиять на человека; психиатрия освещает эту травматичность, пытается указать на ее

механизмы внутри человека и лечить ее (пусть и не всегда эффективными средствами и способами).

Продюценты на этой просветительской выставке выступают в роли экспертов. Не менее навязчивой является использование лексических конструкций, апеллирующих к общечеловеческим страхам: "предательство", "шокирующая правда", "уничтожение основ", "навязывание детям". Такие семантические клише призваны не только привлечь внимание или передать информацию, но вызвать как можно более сильную аффективную реакцию и тем самым закрепить усвоенную информацию. «Зритель не должен иметь никакой потребности в собственной мысли: любая из возможных реакций является предусмотренной самим продуктом, предусмотренной не его содержательным контекстом - этот распадается в той мере, в какой требует мышления, - но системой сигналов» [1, с. 171]. Однонаправленность выставочных материалов (буклетов, стендов, кинофильмов) преподносит в жертву публике сконструированного ответчика - психиатрию, при этом не приводя в замен какую-либо альтернативу кроме: "режима питания", "физических упражнений" и "возможных причин физического характера". Поднимаются вопросы и материальной заинтересованности как психиатров, так и фармацевтических компаний в развитии этой отрасли. Тем не менее не ставится вопрос о том, что психиатрия - это флуктуация в теле капиталистической системы и является ответом на новые вызовы, болезни, травмы которые возникают в современном обществе. Ирония в том, что инструмент включения/исключения, ранее эффективно служивший системе, уже настолько себя делегитимировал, что уже попросту стал ей неудобен, и в результате был десакрализован и выставлен своеобразным "пугалом" или "мальчиком для битья", на котором можно инсинуировать и делегировать ответственность за проблемы самой системы.

1. Хоркхаймер М., Адорно Т.. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты.* / М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Пер.с нем. М. Кузнецова. М., СПб, Медиум. Ювента, 1997. - 312 с.
2. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры.* / Жан Бодрийяр – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
3. Лаззарато Маурицио. *Машина.* [Электронный ресурс]./ Маурицио Лаззарато. Перевод с англ. Александра Скидана под редакцией Алексея Пензина – Режим доступа: <http://eipcp.net/transversal/1106/lazarato/ru/print>
4. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения* / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
5. Фуко М. *Рождение клиники.* / Мишель Фуко. Перевод с французского, научная редакция и предисловие доктора психологических наук А. Ш. Тхостова - М.: Смысл, – 1998. – 310 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК НОВОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Дудина В.И. (Санкт-Петербург)

Все большее распространение цифровых технологий ведет к тому, что практически каждый аспект социальной жизни получает свое отражение в сети Интернет. Одним из аспектов этого процесса является распространение социальных медиа – совокупности информационных технологий, позволяющих людям взаимодействовать в сети интернет и обмениваться текстовым и визуальным содержанием. Одним из широко признанных последствий распространения коммуникации с использованием социальных медиа является интенсификация информационных потоков, уплотнение и расширение социальных сетей. В то же время, социальные медиа содержат большой потенциал для использования в социологических исследованиях и трансформации полевой работы в социологии. С этой точки зрения, социальные медиа могут рассматриваться как источник данных для изучения самых разнообразных аспектов социальной жизни. Благодаря тому, что взаимодействия, происходящие на базе социальных медиа, носят характер записей, процессы социального конструирования становятся более заметными. Если не рассматривать социальные медиа в качестве отдельной виртуальной реальности, но как модель самой социальной реальности, то можно говорить о возможности замены традиционных полевых данных, собираемых опросными методами, данными, получаемыми из социальных медиа, для решения некоторых социологических задач. Отличительной чертой этих данных является их естественность и спонтанность, не требующая создания искусственной экспериментальной ситуации, что имеет

место в ситуации опроса или интервьюирования. В то же время, особенностью, затрудняющей их использование, является отсутствие стандартизации, которая всегда в той или иной степени сопровождает сбор традиционных социологических данных и ограниченная репрезентативность данных из социальных медиа. Эти особенности требуют разработки специальных методов, позволяющих извлекать интересующую исследователей информацию из неструктурированных данных и работать с большими объемами информации. Ограниченная репрезентативность данных социальных медиа требует разработки новых подходов к обоснованию социологической репрезентативности, основанной, в частности, на так называемом постдемографическом подходе, когда в основание выборки кладутся не традиционные демографические маркеры, а более сложные комбинации, включающие такие параметры, как вкусы, предпочтения, выборы, в разных сферах деятельности, привязанные, например, к профилям пользователей в социальных сетях. Пост-демографический пересмотр представлений о выборке и репрезентативности в социальных исследованиях связан как с расширением моделей социального действия и с более опосредованной их связью с демографическими маркерами, так и с ограниченностью достоверной демографической информации в социальных медиа. Новая репрезентативность предполагает представительность, в первую очередь, поведенческих паттернов, а не демографических параметров. Подобный подход ведет к изменению моделей объяснения, когда вместо объяснения действий статичными характеристиками, на первый план выходят объяснения одних действий другими. Такое переосмысление социологических объяснений содержит потенциал для разработки более динамичных моделей социальной реальности, позволяя больше внимания уделять не статичным характеристикам, а динамике социальных процессов. Рассмотрение общества как мобильности, позволяет перейти от точки зрения структуры или системы, к точке зрения сети или потока. При этом, гетерогенность подобных сетей и потоков, возможность собирать данные, представляющие не только мнения и значения, но действия и объекты, ведет, в свою очередь, к переосмыслению концепции социального и к так называемому, пост-гуманитарному повороту в социологии. Рассмотрение социальных медиа, как исследовательского поля ведет к трансформации представлений о социальной группе и социальной иерархии. Группы в социальных медиа могут рассматриваться, как модели реальных групп, если основным критерием группообразования будет не общность статичных характеристик, как в номинальных группах, а общность объектов интереса и разделяемых идей. Переосмысление представлений о социальной иерархии заключается в том, что неравенство может рассматриваться, не как нахождение выше или ниже на социальной лестнице, а как наличие большего или меньшего количества связей с другими людьми и объектами, вхождение в более или менее богатые ресурсы сети. Таким образом, при использовании социальных медиа в качестве поля исследования, отпадает необходимость поиска прежних маркеров социального неравенства в попытке агрегировать единичные характеристики (образование, доход, профессия) в целостности типа «класс» или «социальная позиция».

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Дыжова А.А. (Могилёв, Республика Беларусь)

В статье используются результаты социологических опросов, проведенных в 2014-2015 годах в рамках научно-исследовательской темы: «Правовая культура и правовой нигилизм студенческой молодежи: проблемы и пути их решения». В статье анализируются данные по молодежной выборке, составляющей 450 респондентов в возрасте от 18 до 31 года.

Гендер можно считать основой вхождения молодых людей во взрослую жизнь, очень многие как достижения, так и проблемы подросткового и раннего молодежного возраста связаны именно с гендерными особенностями юношей и девушек. В ходе наших исследований был проведен социологический опрос юношей и девушек, обучающихся в высших учебных заведениях республики. Но начнем с общей характеристики проблемы формирования правовой культуры в молодежной среде.

Немаловажным является тот факт, что процесс становления правового государства непосредственно связан с формированием правовой культуры граждан, особенно молодежи. Уровень правовой культуры молодежи является не только одним из важнейших показателей ее развития, но и одним из критериев обновления общества.

Правовая культура - общий уровень знаний и объективное отношение общества к праву; совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности и регламентирующих правила взаимодействия личности, социальной, этнической, профессиональной группы, общества, государства и оформленных в виде законодательных актов. Формируется под воздействием системы культурного и правового воспитания и обучения [1].

В современном обществе молодые люди очень часто сталкиваются с различными ситуациями, которые они не могут решить самостоятельно, это ограничивает их права и возможности. К таким препятствия относят несовершенство правовой системы, возрастная дискриминация, низкий уровень правового образования и многое другое. Все это в итоге, отрицательно отражается на возможности повышения правовой культуры молодых людей, что в дальнейшем может проявляться в различных формах девиации в молодежной среде. Но это уже отдельная тема для разговора.

С целью определить уровень сформированности правовых знаний среди юношей и девушек, мы решили провести сравнительный анализ ответов анкетного опроса молодых людей о знании их основ права нашего государства. При проведении опроса был задан вопрос о том, хорошо ли по их мнению, они знают законы. Так, 31,8% юношей указали, что хорошо знают законы, 60,5% - не очень хорошо знакомы и лишь 5,4% ответили, что не знакомы с законодательством. На первый взгляд не все так страшно. Теперь посмотрим на ответы девушек. При анализе результатов их ответов, мы увидели значительные отличия. Так уверены в знании закона лишь 4,8%, а это на 27% меньше, чем представителей мужского пола, на низкий уровень знаний указали 69,6% респондентов, и на отсутствие знаний норм права 21,3% девушек, напомним, что среди юношей эта цифра составила 5,4%. В чем же причина такого расхождения в ответах среди юношей и девушек, или это более объективный подход к своим знаниям среди представительниц «слабого пола», или же юноши свои фрагментарные знания права указали как хорошую осведомленность.

Что бы удостоверится, мы решили выяснить, знакомы ли они с содержанием основополагающего Закона Республики Беларусь – Конституции. При анализе ответов было определено следующее, 50,4% юношей указали, что хорошо знакомы с Конституцией Республики Беларусь, эта цифра среди девушек составила 4,3%. Разница существенная. На знание Конституции в общих чертах указали 39,5% юношей и 71,0% девушек. О плохом знании Конституции признались 5,4% и 23,2% молодых людей соответственно.

Так как респонденты по-разному определили уровень знаний основ права, то на следующем этапе наших исследований решили узнать, какие же основные обязанности граждан указанных в Основном Законе Республики Беларусь они знают. И здесь столкнулись с тем, что молодые люди пытались вспомнить хоть что-то из правовых норм, зачастую путая права и обязанности граждан республики. Однако, интересен тот факт, что лишь 16,4% девушек отметили такую обязанность как уважение и соблюдение законов, среди юношей эта цифра составила 44,2%, а 75,8% представительниц «женского пола» вообще не смогли ответить на этот вопрос. С другой стороны юноши также в качестве обязанностей определили воинскую повинность (27,1%), беречь памятники и природу (21,7), уважать права и интересы граждан (10,9%), уплата налогов (8,5) и 32,6 % молодых людей не смогли дать ответ на поставленный вопрос, при этом, как мы уже отмечали ранее, 50,4% юношей указали на хорошее знание Конституции, а 39,5% на знания в общих чертах.

Полученные результаты уже в какой-то степени дают нам представление об уровне правовой культуры молодых людей, и как видим, в целом он не высок, при этом очевиден тот факт, что у девушек знания основных правовых норм ниже, чем у юношей. В чем же причина такого низкого уровня знаний основным норм права среди девушек? Этот вопрос требует более глубокого и детального изучения. Возможно они не придают большой роли права в государстве? Данный вопрос тоже был задан молодым людям в ходе проводимых исследований. Мы решили определить, какова же, по их мнению, роль права в государстве. Были получены следующие ответы: 56,5% девушек указали, что право служит для обеспечения прав и свобод граждан республики. Тогда становится очевидным, что чем лучше мы будем знать основополагающие правовые нормы, в частности Конституцию, тем проще нам будет защитить свои права и законные интересы. В свою очередь 33,8% считают, что право реализует интересы государства, 32,6% юношей придерживаются такого же мнения. При этом девушки настроены более пессимистично,

считая, что правовые нормы не работают, хотя процент таких ответов не высок, но все же в два раза выше чем у юношей.

Исходя из выше изложенного отметим, что в ходе наших исследований были выявлены гендерные различия в формировании правовой культуры в молодежной среде. При этом уровень знания основ права среди девушек ниже чем среди юношей. Конечно же необходимо формировать у молодых людей положительное отношение как праву в целом, так и роли права в обществе. Негативное отношение к праву является одним из серьезных препятствий в формировании правового сознания юношей и девушек. При этом теоретические знания, полученные молодыми людьми необходимо уметь применять на практике, в противном случае полученный багаж правовых знаний окажется бесполезным.

Отметим, что формирование правовой культуры и правосознания постепенно происходит в процессе правовой социализации личности. Важную роль в совершенствовании правовой культуры молодых людей играют юридические дисциплины в образовании, представители юридических профессий. Так же, наряду с изучением правовых дисциплин, необходимо организовывать посещение открытых судебных заседаний, проводить «круглые столы» и встречи с представителями правоохранительных органов. Эти и многие другие мероприятия должны восполнить пробелы в знания о праве юношей и девушек.

1. Академик. Толковый словарь: [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/78618> – Дата доступа : 04.10.2016.

ИСТОРИЯ XX ВЕКА В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Евсикова Е.В. (Санкт-Петербург)

Теоретико-методологические основы изучения коллективной памяти были заложены еще в 1920-х годах французским социологом М. Хальбваксом. Однако, долгое время его концептуальные разработки оставались за пределами сферы интереса социальных исследователей. Тем не менее, глобальные социальные, политические и экономические трансформации второй половины XX века привели к тому, что многие государства встали перед необходимостью радикального переосмысления своего исторического прошлого, поиска новых коллективных идентичностей. В этой связи, с 1960-1980-х годов наблюдается резкое усиление интереса на Западе и немного позднее, в 1990-х годах, в России и странах постсоветского пространства к проблематике коллективной памяти, исследованиям механизмов ее формирования и сохранения. Текущие геополитические события дестабилизирующие политическую обстановку и влекущие за собой необходимость перестройки большинства институтов, также порождают необходимость в апелляции к коллективной исторической памяти.

В данных условиях многие государства обращаются к исторической политике – совокупности действий, направленных на утверждение определенных (выгодных для легитимации существующей государственной власти) интерпретаций исторических событий в качестве доминирующих. Таким образом, коллективная память об историческом прошлом социальной группы, выступающая средством самоидентификации, находится под некоторым влиянием исторической политики. В связи с этим, изучение содержания коллективной памяти молодого поколения – будущего нашей страны о значимых событиях и деятелях прошлого, в целях выявления символов, задействованных исторической политикой для формирования целостной коллективной памяти и национальной идентичности представляется особенно актуальным.

В ходе исследования было отмечено, что историческая политика в России в конце XX - начале XXI века характеризуется менее интенсивным развитием по сравнению со странами Западной Европы. Тем не менее, с 2010-х произошла некоторая активизация российской исторической политики: первые признаки активизации можно обнаружить в области образования – в 2007-2008 годах выходит спорный комплекс учебников и пособий по истории России [1], а позднее, в 2013 году президентом высказывается идея о необходимости разработки единого учебника по истории Отечества, исключая двойственные интерпретации событий прошлого. В качестве других механизмов формирования исторической памяти в Российской Федерации нами были выделены следующие: использование «исторических аргументов» в выступлениях президентов Российской Федерации [2], издание «мемориальных законов», образование государственных исторических фондов, создание исторических НКО, киноиндустрия, а также

проведение масштабных исторических выставок. С нашей точки зрения, школьники 7-11 классов попали под активный период исторической политики в России, поэтому результаты исследования могли бы проиллюстрировать какие именно исторические символы используются государством в целях легитимации существующего политического курса.

Целью данной работы было изучение социологических концепций коллективной памяти, механизмов осуществления исторической политики, а также истории XX века в коллективной памяти старшеклассников (на примере г. Санкт-Петербург). В качестве теоретико-методологической базы данного исследования, нами были использованы: классическая концепция коллективной памяти М. Хальбвакса, концепция «мест памяти» П. Нора, теоретические разработки П. Рикера, модель коллективной памяти Я. Ассмана и А. Ассман, а также научно-исследовательские труды отечественных исследователей: А. Миллера, О. Малиной и М. Мацкевич и др. Объектом эмпирического исследования выступала коллективная память старшеклассников (на примере г. Санкт-Петербург), в то время как предметом – образ истории XX века в коллективной памяти старшеклассников (на примере г. Санкт-Петербург). В качестве метода сбора данных использовалось анкетирование. Объем выборки составил: 475 человек в возрасте от 13 до 18 лет (7-11 классы: 39,4% мужчин и 60,6% женщин).

В ходе исследования, нами были получены следующие результаты:

Проведенный анализ эмпирических данных позволяет нам сделать вывод, что сформулированная нами гипотеза о том, что, с точки зрения старшеклассников, наиболее важным событием для мировой истории, произошедшим в XX веке, является Великая Отечественная война (Вторая мировая война) подтвердилась. Большинство опрошенных школьников 7-11 классов (69,9%) события Второй мировой войны определяются в качестве наиболее значимых для мировой истории. Следующими в рейтинге наиболее важных событий XX века были названы распад СССР (6,3%), первый полет в космос (4,8%), инаугурация В.В. Путина на пост президента Российской Федерации (1,4%). Следует отметить, что разрыв между распределением ответов респондентов просто колоссальный – события Второй мировой войны были названы 69,9% школьников, а следующий в рейтинге вариант ответа «распад СССР» указали только 6,3% старшеклассников. С нашей точки зрения, можно говорить о прочности позиций Второй мировой войны в данном рейтинге, который был единогласно выбран большей частью опрошенных.

В результате исследования также был выявлен перечень выдающихся персоналий XX века. Самыми часто упоминаемыми российскими деятелями стали: И. Сталин (47,1%), Ленин (33,2%), Ю. Гагарин (30,3%), Г. Жуков (13%). Среди зарубежных выдающихся людей были названы: А. Гитлер (18,3%), У. Черчилль (11%), Ф. Рузвельт (5,8%). Интересно, что в качестве ключевых российских и зарубежных личностей XX века были названы военные-политические деятели, возглавлявшие страны участницы во время Второй мировой войны. Однако, намного меньшее внимание уделено деятелям искусства, в нем практически отсутствуют значимые представители культуры и искусства – композиторы, художники, архитекторы, актеры, режиссеры, философы, религиозные деятели, спортсмены, а также первооткрыватели, конструкторы, врачи и т.п., а ученые-исследователи представлены в лице одного А. Сахарова. Также в списке можно отметить крайний дефицит женщин.

В ходе исследования, также была подтверждена вторая гипотеза о том, что старшеклассники знакомы с зарубежной историей хуже, нежели с историей России. Действительно, об этом свидетельствует пул событий, указанных в качестве наиболее важных для мировой истории – почти все они относятся к истории России, а также большой процент пропусков ответов в вопросах, связанных с зарубежной историей. С нашей точки зрения, можно говорить о катастрофических пробелах в знаниях школьников относительно мировой истории – в вопросах относительно зарубежных событий и значимых людей было пропущено около 68% ответов и 48%, соответственно. К тому же, сами респонденты в процессе анкетирования часто указывали на недостатки и пробелы в знаниях по мировой истории. Более того, можно говорить о поверхностности и фрагментарности знаний респондентов (в ответах часто встречаются фактические ошибки), которые могут привести к неоднозначным трактовкам и пониманиям одних и тех же событий, оценкам вклада выдающихся людей. Мы предполагаем, что индивидами, обладающими таким типом знаний проще манипулировать, а значит, они в лучшей степени поддаются исторической политике.

Таким образом, сфера жизни общества, к которой относятся названные большинством респондентов выдающиеся деятели и исторические события может быть определена как военно-политическая. Мы предполагаем, что старшеклассники в лучшей степени знакомы с военной и

политической историей мира, считают достижения в рамках данной области наиболее значимыми, и именно такие события и формируют образ истории XX века в коллективной памяти старшекласников. К сожалению, для большинства респондентов XX столетие оказывается не веком научно-технических открытий, Интернета, достижений в области медицины, кинематографа и т.п., а исключительно веком войны и важных политических решений.

1. Миллер, А.И. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2009. № 3-4 (46). С. 6-23.
2. Малинова, О.Ю. Актуальное прошлое : Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ХАБИТУЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИЙ»

Желнина Е.В. (Тольятти)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-63003.

В статье концептуализируется понятие «хабитуализация инноваций» Использование концепции социального поля П. Бурдьё, структурно-функционального, феноменологического, социокультурного и аксиологического подходов позволяет сделать вывод о существовании инновационного поля, в рамках которого функционирует инновационно открытое население. В статье приведена концептуальная схема инновационного поля, аккумулирующего в себе собственно инновации, определяющие их факторы и агентов. Характеристики данных составляющих в общей совокупности и определяют инновационную открытость / замкнутость населения, что и позволяет говорить о степени хабитуализации инноваций в обществе. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-63003.

The article conceptualized the notion of "habitualization innovation" the Use of the concept of social fields Bourdieu, structural-functional, phenomenological, socio-cultural and axiological approaches allows gelatinised about the existence of innovative fields in which open innovation operates the population. The conceptual scheme of the innovative field accumulating in itself actually the innovations defining them factors and agents is provided in article. Characteristics of these components in the general set also define innovative openness / isolation of the population, as allows to speak about degree of a habitulization of innovations in society. The publication is prepared within the supported RGNF of the scientific project No. 16-13-63003.

Термин инновация, прочно вошедший в научный обиход, чаще всего рассматривается с позиции экономического, технологического или управленческого подходов, поэтому трактуется как нечто новое, призванное повысить рентабельность предприятия, удешевить или усовершенствовать процесс производства, обеспечить грамотное управление инновациями. Бесспорна актуальность упомянутых подходов в современных условиях инновационного развития нашей страны. Однако, на наш взгляд, их использование исключает из виду анализ весьма важного аспекта при изучении, внедрении, управлении и оценке эффективности инноваций, а именно – человека как потребителя и пользователя новшеств.

Не может не радовать, что сегодня появляются работы, рассматривающие проблему человека в контексте инноваций: отношение к новшествам, оценка нововведений, инновационный капитал человека, готовность к инновациям [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Вместе с тем следует отметить, что недостаточно внимания уделено такому явлению как хабитуализация инноваций, отсутствуют попытки теоретического осмысления данного явления. В связи с этим целью нашей статьи является первичная концептуализация понятия «хабитуализация инноваций» с позиций социологических подходов и концепций.

Теоретико-методологической основой для концептуализации заявленного понятия выступает целая совокупность подходов. В первую очередь стоит отметить структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, который позволяет взглянуть на процесс вхождения инновации в повседневную жизнь людей с точки действия агентов, выбранная стратегия поведения по отношению к нововведениям, обусловлена жизненным опытом и приобретенными в ходе социализации предрасположенностями, т.е. габитусом.

Не менее важным представляется нам определение социального пространства П. Бурдьё на, которое, по его мнению, является «абстрактным пространством, конституированным ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)» [7]. Социальное пространство состоит из нескольких полей: поле экономики, поле политики, поле культуры и т.д. Любое поле П. Бурдьё определяет как «относительно замкнутую и автономную

подсистему социальных отношений» [8], в которой агенты, благодаря наличию габитуса, действуют по определенным правилам. Эта идея позволяет нам вычленить так называемое инновационное поле.

Еще один подход, используемый нами для концептуализации заявленного понятия, – это структурный функционализм, который позволит рассмотреть хабиутулизацию инноваций с позиции системы, имеющей определенную структуру и механизмы взаимодействия этих структурных элементов, где каждый элемент выполняет определенную функцию (дисфункцию) [9, 10].

Феноменологический подход в целом и идея социального конструирования реальности, в частности, переносит акцент при изучении проблемы на субъективный уровень. Субъективное упорядочивание людьми объективного социального мира приводит к тому, что социальная реальность интерпретируется индивидами и имеет для них значимость в качестве цельного мира. В центре реальности с позиции феноменологического подхода находится реальность повседневной жизни, которая воспринимается индивидами в качестве непроблематичной, так как привычный ход повседневной жизни не прерывается [11].

Социокультурный подход, используемый нами в исследовании хабиутулизации инноваций, позволяет выявить ее внеинституциональные основания, акцентуализирует внимание на культурные аспекты, детерминирующие особенности принятия инноваций агентами. Именно данный подход дает ответ на важный вопрос: вопрос – почему, несмотря на создание всех необходимых условий для принятия и использования инноваций, агенты бойкотируют или сопротивляются им. Как справедливо отмечает П. А. Сорокин, «изменение практики, быта, в частности, способов и орудий производства, а равным образом и всей правовой и политической организации наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях и убеждениях и без предварительного психического изменения оно не может наступить» [12]. Иными словами, на культурном уровне сформированы определенные убеждения, стереотипы и паттерны поведения, которые и накладывают отпечаток на принятие инноваций.

Важно отметить, что социокультурный подход разрабатывали в своих исследованиях инноваций многие современные отечественные ученые. Важным тезисом для изучения культуры как одного из факторов хабиутулизации инноваций является то, что наблюдается «постоянное совершенствование элементов культуры» [13], которое, на наш взгляд, и задает темпы и направленность изменениям социально-экономической системы. Именно эти «совершенствования» являются культурными инновациями. Анализируя культуру с точки зрения ее отношения к инновациям и процессу хабиутулизации инноваций, мы можем также обнаружить обоюдное взаимовлияние этих явлений.

Использование аксиологического подхода дает нам возможность выявить и изучить ценности, которые накладывают отпечаток (вливают, определяют, детерминируют – не помню, на каком слове остановились) на процесс принятия новшеств. Как известно, Э. Хаген ввел понятие «инновационная личность», а также описал ее характерные особенности: любознательное отношение к миру, поддержка инноваций, творческий дух, стремление к новизне [14]. Ценности являются одним из наиболее важных факторов, детерминирующих процесс встраивания инноваций в повседневность современного общества.

При рассмотрении вопроса принятия инноваций со стороны населения следует раскрыть понятие «хабиутулизация инноваций», под которым понимается процесс встраивания новых практик в повседневную жизнь общества. Хабиутулизация инноваций имеет свою структуру, в которую входят следующие элементы:

1. Отношение к инновациям – эмоционально-когнитивная оценка акторами не только новшеств в целом, но и конкретных нововведений.
2. Понимание инноваций – осмысление акторами значения инноваций в повседневной жизни общества.
3. Степень готовности к инновациям – способность / неспособность акторов к использованию инноваций в повседневной жизни.

Инновационное поле мы определяем как совокупность институциональных структур и отношений между агентами, в пределах которой реализуются отношения по встраиванию новшеств в повседневность агентов.

В границах инновационного поля можно обнаружить действие двух процессов. С одной стороны, поле предлагает агентам заданные правила поведения. С другой стороны – агенты своими повседневными практиками могут преобразовывать поле, создавая новые правила.

Инновационное поле образуется тремя оставляющими: инновации, воздействующие факторы, субъекты инноваций – население.

Агентами инновационного поля может выступать исключительно инновационно открытое население. Под инновационной открытостью населения мы понимаем характеристику населения как агента инновационного поля, которая выражается в готовности и способности агента адекватно оценивать инновации, понимать необходимость нововведения, встраивать новшества в повседневную жизнедеятельность, детерминированные факторами социально-психологического и социокультурного порядка.

За пределами инновационного поля оказывается инновационно замкнутое население. Инновационная замкнутость населения – характеристика населения, находящегося за пределами инновационного поля, которая выражается в готовности и способности агента сознательно и обоснованно отвергать нововведения, стремление придерживаться известных и привычных образцов социальных действий в повседневности.

Формирование инновационной открытости/закрытости населения представляет собой два взаимосвязанных процесса – интериоризация и экстериоризация. Инновация, появляясь в обществе и выступая как нечто внешнее по отношению к агенту инноваций, проходит следующие стадии:

- ознакомления, т.е. получение информации о нововведении;
- оценки новшества с позиции целого спектра критериев;
- апробации, испытания новшества в своей повседневной жизни.

В случае удачного завершения этого процесса происходит интериоризация инноваций – включение во внутренний мир агента. Далее интериоризованная инновация переходит в социальное действие, то есть становится экстериоризованной. В случае неуспеха одного из этапов интериоризации инновации не происходит, и агент возвращается к привычным для него действиям.

Следует особо остановиться на одной важной особенности инновационного поля – уравнивание двух противоположно направленных тенденций, выявленных У. Томасом и Ф. Знанецким: желание нового опыта и желание стабильности [15]. В случае преобладания габитуса стабильности говорить о встраивании новшеств в повседневность не приходится, так как среди населения преобладают консерваторы. В противном случае – при преобладании габитуса, ориентированного на получение нового опыта, – можно говорить об открытости общества, высокой степени социальной мобильности, но в то же время о процессе утраты обществом культурной и (или) национальной идентичности.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что хабиитуализация инноваций представляется нам важной категорией для анализа и изучения проблем внедрения инноваций в повседневную жизнь общества, так как именно ее использование позволяет раскрыть такой имплицитный аспект как ментальные структуры агентов инноваций, тормозящие или, напротив, стимулирующие принятие населением новшеств.

1. Буньковский Д. В. *Инновации в управлении фондом оплаты труда компании (На примере предприятия трубопроводного транспорта)* // *Вопросы управления*. – 2015. – № 3 (15). – С. 149 – 157.
2. Ильиных С. А., Михайлова Е. В. *Инновационная восприимчивость и сопротивление инновациям: социологический взгляд* // *Теория и практика общественного развития*. – 2015. – № 4. – С. 12 – 14.
3. Карпова Ю. А. *Введение в социологию инноватики: учебное пособие*. – СПб.: Питер, 2004. – 192 с.
4. Лапин Н. И. *Люди в инновациях* // *Теория и практика инноватики: учеб. пособие*. – М.: Университетская книга, Логос, 2008.
5. Насибуллин Р. Т. *Вокруг инноваций не только эмоции* // *Социологические исследования*. 2014. – № 9. – С. 58 – 63.
6. *Потенциал развития современного моногорода: комплексный анализ социальной сферы (коллективная монография)* / Под научной ред. И. В. Цветковой. – Тольятти, 2012. – 168 с.
7. Бурдьё П. *Социология социального пространства* / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 74 – 75.
8. Шматко Н. А. *«Габитус» в структуре социологической теории* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 1998. – Том 1. – № 2. – С. 60.
9. Мертон Р. К. *Явные и латентные функции* // *Американская социологическая мысль* / Под ред. В. И. Добренкова. – М., 1996.

10. Парсонс Т. *О социальных системах*. – М.: Академический проект, 2002.
11. Бергер П. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – С. 42 – 46.
12. Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество* / под ред., сост и предисл. А. Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – С. 531.
13. Маршак А. Л. *Культура: социологические смыслы и социальные реалии* / предисл. академика РАН М. К. Горшкова. – М.: НИЦ «Академика», 2013. – С. 81.
14. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. – М., 1996. – С. 302.
15. Томас У., Знанецкий Ф. *Три типа личности // Четыре желания и определение ситуации // Общая социология: Хрестоматия* / Сост. А. Г. Здравомыслов, Н. И. Латин. М.: Высшая школа, 2006. – С. 18.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ **Жирина М.В. (Москва)**

Система образования - один из фундаментальных социальных институтов. Причинно-следственная связь с экономическим, социальным, духовным и социокультурным уровнем развития государства позволяет рассматривать систему образования как базовый инструмент формирования поведенческой модели индивидуумов, как средство конструирования социальной реальности.

Принято считать, что практика использования социальных технологий пришла из социологии управления, как отрасли, сосредоточенной на поиске конкретных способов эффективного и результативного воздействия на общество и его отдельные сферы [3]. Хотя существует немалое количество определений, формулировок данного понятия, как правило, содержательно они друг другу не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга. Отсутствие единого методологического подхода к его трактовке, во-первых, свидетельствует об многоаспектности данного понятия, во-вторых, говорит о необходимости его дальнейшего как философского, так и социологического осмысления.

В контексте изучения системы образования для нас особый интерес представляют социальные технологии в рамках двух содержательных подходов. Основываясь на эпистемологическом подходе, мы предлагаем определять социальные технологии в сфере образования как комплекс практически ориентированного социального знания главной целью которого является формирование новых организационных структур, а также управляемой и контролируемой поведенческой реакции объектов воздействия.

Используя деятельностный подход к трактовке понятия социальные технологии в сфере образования, мы рассматриваем его как совокупность теоретических и практических приёмов, способов, практик воздействия на социальный объект (обучающиеся/студенты) или деятельность этого объекта с целью достижения конкретных результатов в конкретный момент времени. Важной отличительной чертой социальных технологий является их прикладной характер, что открывает широкое поле возможностей для создателей этих технологий. Сегодня требуется принятие социальных технологий как наиболее адекватных инструментов конструирования социальной реальности в целом, а также достижения промежуточных целей в частности. Но зачастую реальный смысл, разработка и конкретное применение этих технологий на практике ускользает не только от акторов, вовлеченных в социально-технологические процессы, но и от их инициаторов. Однако вместе с динамическим развитием современного общества знания, приоритетной роли информации, технологизации человеческой жизни, главной задачей представителей обществоведческих наук должна быть популяризация соответствующего, когерентного мышления и образа действий. Важным моментом становится не просто разработка какой-либо программы для достижения поставленной цели, но создание «пошаговой инструкции», исключающей в будущем необходимость каждый раз «изобретать велосипед» для достижения схожей цели.

Усложняет эту задачу многореальность и непрерывность трансформации процессов и явлений, свойственных социальной сфере существования человека [2]. Поэтому типологизация социальных технологий, а также вопрос о наличии универсальных и уникальных социальных технологий остается пока неразрешенным. Однако возвращаясь к системе российского высшего образования и его трансформации, целесообразным представляется типологизация используемых социальных технологий исходя из задач, стоящих, и которые будут поставлены, перед системой высшего образования.

1. Передача знаний – главная задача системы высшего образования. Наряду со знанием передаются также навыки, умения, опыт, и если обращаться к последним образовательным стандартам, компетенции. Социальные технологии, посредством которых осуществляется эта задача, назовем транслирующими социальными технологиями системы высшего образования. Они должны обеспечивать передачу, как общеобразовательных, так и конкретных, специализированных знаний. Соответственно, в рамках легитимного социального института, коим является система высшего образования в России, технологически можно внедрить, сформировать, трансформировать любое знание, а значит, и достичь практически любой цели.

2. Не менее важной задачей системы образования является формирование ценностных ориентаций обучающихся. В конечном счете, решающую роль при этом играет духовно-нравственный уровень преподавателя, система ценностей, которого, в свою очередь, сформирована в рамках господствующей в обществе аксиологической парадигмы. Социальные технологии, с помощью которых осуществляется выполнение этой задачи в системе российского высшего образования, могут быть названы позиционирующими технологиями. Они должны включать в себя как теоретические, так и практические приёмы, позволяющие в результате воспитать полноценную личность в рамках превалирующих морально-нравственных установок, а также выстроить активную гражданскую позицию, укрепить национальное самосознание.

3. Тесно связанной с предыдущей задачей системы высшего образования в России является задача социализации-адаптации, формирования поведенческих паттернов, адекватных данной социальной реальности. Социальные технологии, позволяющие осуществить эту задачу, назовем адаптационными. Говоря здесь о социализации, мы имеем в виду вторичную социализацию. Это значит, что институт высшего образования, по сути, имеет дело с личностью, у которой уже сложились базовые представления о том, что такое коллектив (группа), как принято взаимодействовать в группе, какие этические нормы установлены в обществе. Однако, этих знаний недостаточно, чтобы процесс перехода от стадии юности к стадии взрослости завершился формированием социально-зрелой личности. «Социальное формирование человека не ограничивается формированием личности — субъекта общественного поведения и коммуникаций. Социальное формирование человека — это вместе с тем образование человека как субъекта познания и деятельности, начиная с игры и учения, кончая трудом, если следовать известной классификации видов человеческой деятельности. Переход от игры к учению, смена различных видов учения, подготовка к труду в обществе и т. д. — это одновременно стадии развития свойств субъекта познания и деятельности, изменения социальных позиций, ролей в обществе и сдвигов в статусе, т. е. становление личности» [1]. Таким образом, высшее образование играет большую роль в этом процессе. Именно потому, что наступление зрелости человека как индивида (физическая зрелость), личности (гражданская), субъекта познания (умственная зрелость) и труда (трудоспособность) во времени не совпадают, адаптационные социальные технологии должны быть направлены на сглаживание этой гетерохронности [1].

4. Самая глобальная из рассматриваемых нами задач системы российского высшего образования – это воспроизводство социальной структуры как экономического, социокультурного, интеллектуального и духовного капитала нации. Это наиболее абстрактная и трудновыполнимая задача, фактически объединяющая вышеперечисленные. Проектирующие технологии позволяют в перспективе создать готовый социальный «продукт» с набором условных поведенческих паттернов, реакций, системой заложенных знаний, возможностей и пр. Трудновыполнимая она потому, что сам по себе процесс воспроизводства занимает длительное время, в то время как социальная конъюнктура может изменяться гораздо быстрее. Таким образом, в виду образуемого лага, «продукт» на выходе может уже не отвечать современным требованиям.

Все типы выделенных нами социальных технологий в сфере образования направлены на изменение объекта, его деятельности, его знаний, и в конце концов, его социальной реальности и всех их объединяет важная особенность – достаточно длительный процесс достижения поставленных целей. Поэтому крайне важным условием является стратегическое планирование, а также возможность корректировки поставленных задач.

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания психологии. // Б.Г. Ананьев/СПб.: Питер, 2001. с. 93.

2. Грызова У.И. Социальные технологии: информационно-коммуникативная типология. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. - № 3. С. 81.

ДОВЕРИЕ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Зверькова С.А. (Санкт-Петербург)

В современных исследованиях в области социологии все чаще отмечают влияние информационных технологий на процессы в обществе, так Мансурова В.Д. в своих исследованиях указывает на то, что «взаимодействие коммуникативных практик и социальной реальности, традиционно рассматриваемое классиками философской и социологической науки в неразрывном единстве с рационалистическими способами построения типа социальности, в интеграции социальных субъектов (правовое государство, гражданское общество), в согласовании со светскими формами культуры, в осмыслении современной социальности предстает в иной диспозиции» [3, 212].

Социологи, говоря о новой конфигурации социума в постиндустриальном, а справедливее говорить в информационном обществе, наделяют доверие важнейшей ролью изменять и совершенствовать процессы коммуникации и кооперации. Доверие в значительной степени формирует групповые идентичности, то есть осознание причастности к определенному коллективу, сообществу. Доверие участвует в формировании новых отношений сотрудничества и солидарности, новых форм гражданских сообществ (общественные движения, религиозные доминанты, политические партии, группы взаимопомощи, клубы интересов и др.). На основе доверия формируется способность к сотрудничеству, партнерству, ассоциированию, ведению диалога. Доверие между индивидами, социальными группами влечет социальную эффективность совместной деятельности, снижение рисков. Доверие – оптимальная конструкция способная купировать риски и неопределенности в социокультурной среде, а в нашем случае – в образовательной среде в период модернизации [1, 47].

Общество стремится обезопасить себя от рисков саморазрушения. И видит такую возможность в создании общности, основанной на солидарности, единстве целей и интересов, то есть в формировании качественного социального и человеческого капитала [1, 101].

Происходит это благодаря тому, что в процессе взаимодействия индивидов в обществе происходит выработка правил и норм, ценностей, разделяемых всеми членами сообщества или социальной группы, в результате вырабатываются нормы и ценности, что является основой взаимного доверия.

Т. Парсонс и Р. Мертон разработали методологию изучения доверия по направлениям социальной системы: воспроизводство «образцов системы», интеграция системы, адаптация к условиям окружающей среды, самоорганизация. Т. Парсонс рассматривал социальное доверие как защиту общественных отношений от негативных процессов в сфере экономики и политики, что делает возможным укрепление существующего социального порядка. Личность и общество рассматривал как взаимодополняющие системы [1, 102].

В концепции социального капитала, экономист-социолог Д. Коулмана утверждал, что социальный капитал создается не отдельными индивидами, а посредством взаимодействия индивидов в обществе. Эту идею развил Ф. Фукуяма, считавший наличие, формирование социального капитала общества результатом доверия между его членами [5, 52]. Он описывает «социальный капитал» как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях [6].

Таким образом, в условиях современного развития средств коммуникации, необходимо отметить, что социальный капитал перевоплощается в информационный капитал, который характеризуется эффективностью воздействия и использования.

С постоянно совершенствующимися технологиями в сфере производства средств коммуникации все в большей степени возникает необходимость исследования и контроля влияния информационно-коммуникационных средств на социальные связи, а вместе с тем и на процессы доверительных отношений в обществе между индивидами. Доверие и сплоченность в обществе являются компонентами национального богатства – неосязаемого социального капитала [1, 101-102]. В национальном богатстве развитых стран доля неосязаемого капитала составляет более 70 % [1, 102].

В России по оценке Всемирного банка неосязаемый капитал на рубеже XX-XI веков составлял лишь 6% [4, 22]. Принято считать, что в случае обладания обществом значительным социальным капиталом, то межличностное доверие и институциональное доверие находятся на уровне выше среднего, а власть, в свою очередь, способствует его сохранению и укреплению [2, 110].

Таким образом, мы видим, что с развитием информационных технологий мир реального взаимодействия и мир виртуального взаимодействия становятся необходимостью в жизни общества, так как взаимодополняют и расширяют друг друга за счет коммуникативных функций и возможности поддержания сети социальных связей каждого индивида.

1. Звонкина О.П. Социальное доверие в сообществе преподавателей - нивелир конфликта инновационного развития ВУЗа // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. - 2015. - №7-5. - С. 45-49
2. Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. - М.: Институт социологии РАН, 2011. - 172 С.
3. Мансурова В.Д. Он-лайн социальность поколения СИ: феноменология "публичной интимности" // Известия Алтайского государственного университета. - 2014. - №2-1(82). - С. 211-214
4. Сасаки М. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. - 2009. - №1. - С. 20-35
5. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. - М.: Издательство АСТ, 2004. - С. 149
6. Social Capital and Civil Society // International Monetary fund URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm#I> (дата обращения: 12.02.2016).

ФОКУС ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ОНЛАЙН ИГР (ММОРПГ) КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Зиновьева Н.А. (Санкт-Петербург)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
"Естественнонаучные методы в исследованиях игрового компьютерного опыта" № 16-06-00368 а*

Исследованию многопользовательских онлайн-игр (MMORPG (англ. massive (massively) multiplayer online role-playing game, массовая многопользовательская онлайн ролевая игра) — разновидность онлайн ролевых игр, позволяющая тысячам людей одновременно играть в постоянно меняющемся виртуальном мире) и игрового опыта в настоящее время уделяется все больше внимания как в отечественной, так и в зарубежной социогуманитарной литературе. Это связано, в том числе, с тем, что в ММОРПГ вовлекаются всё больше игроков по всему миру. И если раньше это были преимущественно подростки, тинэйджеры, то теперь это люди среднего и старшего возраста. Рассмотрим основные направления изучения многопользовательских онлайн-игр и причины изменения ракурса исследований.

С появлением первых многопользовательских онлайн-игр их начали рассматривать в том же контексте, что и обычные (оффлайн) монопользовательские компьютерные игры. То есть проблематизировались уход от реальности и принятие игроком роли, стремление игрока избавиться от разного рода проблем и неприятностей, связанных с повседневной жизнью через уход в мир игры. В фокусе исследования находились преимущественно подростки. На базе MMORPG исследовались причины игровой зависимости, «лудомании» (Ш. Теркл [6], Н.Йи [8], С.К. Ло и др.[5], в России – М.С.Иванов [13], А.И.Ракитов [19], Е.А.Лозгачева [16], С.В.Прокурова [18], Л.И.Козлова и М.Г.Чухрова [14] и пр.); проблематизировались асоциальность, агрессивность игроков, их отклоняющееся поведение по причине увлечения онлайн-играми (К.Андерсен [1], Н.Йи [9], Е.В. Кузнецова [15]), а также причины увлечения MMORPG, связанные с фрустрацией, социальной фобией, депрессией, одиночеством (Т.Х.Вэй [7], О.А.Брагина [11]). В настоящее время такие исследования тоже проводятся.

Однако исследования Интернет-пространства и востребованности различных секторов мировой сети показали, что Интернет прочно входит в повседневную жизнь и изменяет представления о реальности. Активное распространение и использование возможностей Интернета - электронная почта, социальные сети, системы многочисленных форумов, блогов -

является фактором формирования социального пространства нового типа, в котором органично сочетаются онлайн и оффлайн.

Многопользовательские онлайн игры тоже изменились: в них вводятся возможности для экономического участия (покупки бонусов за реальные деньги), социальной активности (создания команды для достижения игровых целей), построения межличностных отношений, основанных на дружбе и любви. MMORPG становятся частью виртуального пространства, симулирующего жизнь. Изменилась и возрастная структура игроков: MMORPG перестали быть «детской забавой», к ним стали подключаться взрослые и социально-адаптированные люди.

Начиная с 2006 года и по настоящее время был проведен ряд исследований с участием российских и иностранных игроков, которые позволяют утверждать, что есть не только деструктивное воздействие многопользовательских онлайн-игр на игроков, но и конструктивное. Фокусом исследования становится социальный аспект игры, актуализирующийся благодаря необходимости создавать игровые объединения для достижения общих игровых целей. В частности, по мнению Пожарова А.И., это подразумевает «ощущение принадлежности к группе; конкуренцию с другими подобными группами; формирование ответственности перед группой (приход в назначенное время на мероприятия, адекватное выполнение заданий и т.д.); обучение коммуникативным навыкам в иерархической или равноправной структуре, умениям подчиняться или отдавать приказы» [17, С. 272]. Согласно исследованиям, для самих игроков удовольствие от социальных эффектов - дружбы и чувства общности – становится не менее важным, чем удовольствие от выполнения игровых действий. Кроме того, исследователи отмечали, что MMORPG способствуют социальной активности игроков, выражающейся в построении дружеских и романтических отношений с партнёрами по игре, участие в MMORPG с членами семьи или друзьями из реальной жизни. (Х. Коул и М. Гриффитс [2], И.Франк и др. [4], О.А.Брагина [12]), активной жизненной позиции, связанной с готовностью преодолевать игровые трудности и работать в команде (З-Дж.Жонг [10], О.А.Степанцева [20]); наблюдается эффект улучшения социальных навыков игроков (М.Гриффитс [3], О. Б. Савинская и В. А. Шоташвили [21]).

Таким образом, исследовательские взгляды на многопользовательские онлайн-игры менялись с течением времени и возникновением как общесоциальных изменений (повсеместное распространение Интернета), так и адаптации игровых миров к потребностям игроков. Новые разработки сосредотачивают внимание на функционировании MMORPG как клубов по интересам, объединяющих игроков не только в виртуальном пространстве, но и за пределами него для дружеских и других социальных коммуникаций.

1. Anderson C. A. *Video games and aggressive thoughts, feelings, and behavior in the laboratory and in life* /C. A. Anderson, K. E. Dill // *Journal of personality and social psychology*. 2000. Vol. 78. Nr 4. P. 772–790.
2. Cole H., Griffiths M.D. *Social interactions in massively multiplayer online role-playing gamers*// *CyberPsychology & Behavior*. 2007. Vol. 10. Nr 4. P. 575–583.
3. Griffiths M. *Computer game playing and social skills : a pilot study*// *Aloma : Revista de Psicologia, Ciències de l'Educació i de l'Esport*. 2010. Nr 27. P. 302.
4. Frank I., Sanbou N., Terashima K. *Some positive effects of online gaming* /Frank I., Sanbou N., Terashima K// *Proceedings of the 2006 ACM SIGCHI international conference on Advances in computer entertainment technology (ACE '06)*. NY: ACM, Article 73. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://doi.acm.org/10.1145/1178823.1178909> (Дата обращения 12.10.2016)
5. Lo S. K., Wang C. C., Fang W. *Physical interpersonal relationships and social anxiety among online game players* // *CyberPsychology & Behavior*. 2005. Vol. 8. №1. P. 15–20.
6. Turkle, Sh. *The second self. Computers and the Human Spirit* / Sh. Turkle. – N. Y., 1984.
7. Wei H. T. *The association between online gaming, social phobia, and depression : an internet survey* / Wei H. T. et al. // *BMC psychiatry*. 2012. Vol. 12. Nr 1. P. 92.
8. Yee N. *Understanding MMORPG addiction*. 2002. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.nickyee.com/hub/addiction/addiction.pdf> (дата обращения 10.09.2016)
9. Yee N. *The demographics, motivations, and derived experiences of users of massively multi-user online graphical environments* /N. Yee // *Presence : teleoperators and virtual environments*. 2006. Vol. 15. Nr 3. P. 309–329.
10. Zhong Z.-J. *The effects of collective MMORPG play on gamers online and offline social capital* / Z.-J. Zhong // *Computers in Human Behavior*. 2011. Vol. 27. № 6. P. 2352 — 2363.

11. Брагина О.А. *Одиночество как значимый фактор формирования зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр // Пензенский психологический вестник. №2. 2015. С. 77-85*
12. Брагина О.А. *Анализ научных представлений об отдельных индивидуально-личностных факторах, определяющих вовлеченность в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры // Вестник Саратовского областного института развития образования № 1 2015 (94-101)*
13. Иванов, М.С. *Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека / М.С. Иванов // Психология зависимости: хрестоматия. Минск: Харвест, 2004. С. 223 – 230*
14. Козлова Л.И. Чухрова М.Г. *Личностные характеристики пользователей сети интернет, склонных к зависимости от многопользовательских ролевых онлайн игр / Л.И. Козлова, М.Г. Чухрова // Мир науки, культуры, образования. Image№3 (34). 2012 ImageC.193-195*
15. Кузнецова Е.В. *некоторые аспекты влияния онлайн и сетевых игр на формирование девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. №10. 2014. С. 85-88*
16. Лозгачева Е.А. *Игровая зависимость: особенности и социальные последствия/Е.А. Лозгачева //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №3 (87). 2008. С. 126-133*
17. Пожаров А.И. *Многопользовательская ролевая онлайн-игра как новый вид культурной коммуникации// Историческая и социально-образовательная мысль. Том: 6. №6-2 (28). 2014. С. 270-273*
18. Прокурова С.В. *Компьютерная и игровая зависимость и профилактическая деятельность по ее преодолению /С.В. Прокурова // Современные проблемы науки и образования. №2-2. 2015. С.566*
19. Ракитов, А.И. *Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. М.: Политиздат, 1991. 287 с.*
20. Степанцева О.А. *Субкультура геймеров в контексте информационного общества: автореф. дис. канд. культурологии. 2007.*
21. Савинская О. Б., Шоташвили, В. А. *Влияние увлеченности онлайн-играми на интенсивность коммуникаций и социальные навыки игроков// Мониторинг общественного мнения. 5 (117). Сентябрь-октябрь 2013. С. 123-135*

СИМУЛЯТИВНО-ИМИТАЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ МОЛОДЕЖИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Зубок Ю.А., Чупров В. И., Дивненко О. В. (Москва)

Социологическая интерпретация реальности и процессов, происходящих в ней, определяется различными подходами к пониманию ее сущности. Их многообразие сводится к определению реальности как действительности социального мира, в которой отражаются, с одной стороны, все объективно существующие явления и процессы, а с другой – субъективные представления людей о них. Действительность существует объективно, однако людьми воспринимается неодинаково и только в той части, в которой они располагают собственными знаниями о ней. Благодаря знанию о ее объектах, возникает более или менее адекватное субъективное представление об окружающей действительности в целом, а сама она обретает статус реальности.

Понимание реальности, как изменяющейся, связано с процессом ее конструирования - «непрерывного производства людьми конкретных значений, символов, которые образуют субъективную реальность» [8, С.174]. В ходе изменений преобразуются структуры, связи между ними, изменяются и формы взаимодействий, наиболее значимые из которых закрепляются в социальных установках к действию (взаимодействию) определенным способом.

Каждое новое поколение, вступая в жизнь, наследует сложную систему экономических, социальных, политических структур, институтов, организаций и присущих им отношений. Интегрируясь в них, молодежь не только усваивает сложившиеся социальные образцы, но и преобразует в соответствии изменяющимися условиями, конструируя новую реальность. При этом изменяются не только структуры общественной жизни, но и способы их построения, а также смыслы и значения, придаваемые им. Меняется объективная действительность как внешняя среда обитания, а под ее влиянием - и сам конструирующий субъект, его отношение к нарождающейся действительности, способы реагирования и взаимодействий в новых условиях. Новая реальность рефлектируется сознанием молодежи по мере ее познания, осмысления и освоения, превращаясь в образы, которые обретают смыслы и регулируют взаимодействия в различных сферах с точки зрения их оптимизации и рационализации.

Оптимизация как упорядочение социальных связей путем введения более эффективной организации собственной жизни на основе доминирующих представлений о разумно обоснованном, целесообразном отражается в мотивационной сфере сознания. Представления о возможных и желательных вариантах взаимодействия оптимизируются в соответствии с реальными возможностями достижения жизненных целей. Критерий оптимизации приобретает ценностную форму. Действия, основанные на различных ценностных критериях и рациональных целях, разумные в контексте ситуативных событий составляют суть рациональности.

Изменения, характерные для современных обществ и порождаемая ими реальность, проявляются в растущем динамизме структурных и социальных изменений, стремительном рождении и таком же быстром отмирании структур, норм, связей, отношений, в расширении пространства свободы молодежи и одновременном снижении предсказуемости жизненных траекторий. Для таких изменений характерно «сокращение настоящего», как «процесса укорачивания протяженности временных интервалов, в которых можно рассчитывать на определенное постоянство жизненных отношений» [9, С.94]. Им на смену приходят множественность, неопределенность и нелинейность. Процесс достижения определенности утратил однозначность и линейность. Переход открывающихся возможностей в действительность при выстраивании жизненных траекторий не отличается жесткой детерминирующей связью между усилиями и желаемым результатом и носит случайный – нелинейный – характер. Случайность – непредсказуема, таким же непредсказуемыми становятся взаимодействия молодого человека в изменяющейся реальности. Ее освоение и интеграция требуют новых способов овладения жизненными смыслами и технологиями.

И смыслы, и технологии формируются через совместный групповой опыт в рамках не столько субъективного, сколько интерсубъективного мира, т.е. мира, общего для большинства молодых людей, актуально данного или потенциально доступного каждому из них [15, С.530]. В таком его восприятии и смыслы реальности, и способы ее рационализации раскрываются в повседневных взаимодействиях молодежи. Знания и представления, подкрепленные коллективным опытом, придают «уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» [1, С.9], а познанная действительность именно такова, каковой представляется. Взаимодействие с ней выстраивается с учетом коллективного опыта, что придает самой реальности определенность, а молодому индивиду – уверенность в адекватности.

В процессе обмена фрагментарный опыт и знания каждого отдельного молодого человека аккумулируются, осмысливаются, расширяются, на их основе формируется субъективный образ реальности, отражающий ее типичные черты и функции, а также представления о наиболее рациональных формах взаимодействия. В условиях ускорения, характерного для современных обществ, время на оценку ситуации, принятие решений и достижение эффективных результатов сокращается. Кропотливое освоение знаний, развитие сложных универсальных компетенций осуществляется в ускоренном режиме, что обуславливает изменение параметров рационализации. Прежде всего, претерпевают изменения понятия эффективности и качества, на основе которых происходит оптимизация.

В современных условиях они преимущественно связаны, с одной стороны, с ценностями самореализации, самоактуализации, независимости и материального достатка, свободы и комфорта эмансипированных молодых индивидов. С другой – с получением быстрого и эффективного результата. Эти ценности обретают форму целеполагания и редуцируют выбор способов освоения реальности. Действия, основанные на этих ценностных критериях, прошедшие легитимацию в процессе интерсубъективного освоения ускоряющейся реальности, закрепляются в габитуальных установках и отрабатываются в социальных практиках молодежи. Как предрасположенность к действию определенным способом, установки реализуются в трудовых и образовательных практиках молодежи, семейных и межличностных отношениях, общественно-политических взаимодействиях, конвертируясь в социальную компетентность.

Исходя общего понимания компетентности как мотивированной способности и готовности личности к эффективному осуществлению какой-либо деятельности, ответственность за ее реализацию и ощущение уверенности в своих умениях достичь желаемого результата [13], под социальной компетентностью применительно к рационализации в условиях изменяющейся социальной реальности мы понимаем способность индивидов и групп к достижению новых форм определенности на основе постоянного отслеживания изменений объективной действительности и

выработки новых форм оптимизации собственной деятельности и социальных взаимодействий в этих условиях.

В рационализации изменяющейся реальности современной молодежью наблюдается различные формы: ускорение, социальные мимикрия, трансгрессия, симуляция, имитация. Симулятивно-имитационные формы развиваются в ответ на недоступность той, или иной части среды, или бессмысленность своего функционирования в ней.

Имитация – подделка подо что-то, предмет, сделанный в подражание настоящему так, что его можно принять за настоящее, за образец; в свою очередь, симулирование - есть притворство, создание ложного представления о наличии чего-либо [3].

Если рационализация, выраженная формулой «быть таковым (имеющим определенное качества)» содержит установку на то, чтобы состояться, а формулой «стремиться быть» - нацелена на развитие и обе они могут быть описаны в категориях «бытия», «становления» как перехода потенциальных возможностей молодого человека в действительность, то имитационно-симулятивная форма выглядит иначе. Ее имитационная составляющая реализуется на основании понимания, какими характеристиками должен обладать результат и создания его конечной модели, внешне напоминающей оригинал, либо процесса его достижения без действительной реализации. Имитация, как форма рационализации, реализуется через кажущуюся реальность и в дихотомии «казаться или быть» символизирует первую. Поэтому социальная имитация признается явлением, выражающимся «в искажении социальной определенности, в основе которого - процессы социального действия, связанные с подменой предметно-смысловой реальности путем конструирования символической социальной реальности, создания видимости» [14].

Заимствование (копирование, имитация) образцов - достаточно часто используемый механизм политической модернизации. В данной сфере исследователи выделяют два типа имитации. Первый тип - имитация алгоритма, когда копируется механизм какого-либо процесса, включая его содержание или функциональную нагрузку (например, процесса взаимодействия трех ветвей власти). Второй тип - имитация результата или формы, другими словами - «симуляция» (например, провозглашение свободных и соревновательных выборов как принцип, то есть *de jure*, при их несвободном и несоревновательном характере *de facto* или создание трех ветвей власти без фактической реализации принципа разделения властей). При этом, как отмечают некоторые политологи, наилучшие результаты, с точки зрения решения задач модернизации, дает имитация алгоритмов [13].

Широкое распространение симулятивно-имитационных практик во взаимодействиях молодежи с различными объектами реальности, стимулирует воспроизводство симулякров [Кравченко, социология]. Так, в сфере образования наблюдается «подмена производства знаний производством симулякра знаний», когда наблюдается «спрос не на знания, а на их формальные символы («диплом)» [11]. Направленностью на реализацию собственных (личных) целей в ходе совместной трудовой деятельности характеризуется стадия симуляции у молодых специалистов, что является причиной конфликтов в трудовых отношениях между «новичками» и зрелыми сотрудниками [6]. В системе общественно-политических отношений, когда молодежь не интересуется политикой, «своеобразным симулякром является создание молодежных политических организаций», деятельность которых подтверждает «имидж демократической страны» [4, С.318]. Средства становятся частью знаковой системы, а обмен - актом манипуляции знаками [2].

Пространством воспроизводства симулятивно-имитационных схем является государственная молодежная политика. В случае формального наличия структур, государственных программ и средств, выделяемых на их функционирование без соотнесения с реальными ожиданиями и потребностями как самой молодежи, так и общества, приводит к росту случайных мер в области ГМП. Как результат, и в среде молодежи и в ГМП создается видимость политики и ее алгоритма. Фальшивки и симулякры в виде формальных мероприятий в рамках «освоения» бюджета без их преобладающего развития в последующих мерах по разрешению социальных проблем молодежи, воспроизводящие гиперреальность, в которой действует обмен символами, внешними атрибутами, формально напоминающими реальный процесс или ожидаемый результат отражает установку «казаться (притворяться), а не быть». Исходя из этого, симуляция точнее всего описывается категорией «ничто», приобретающей в процессе социальных взаимодействий символическую форму. Обмен символами становится наиболее оптимальной формой рационализации в условиях неопределенности и непредсказуемости конечного результата, формируя в среде молодежи новую социальную реальность. В процессе социальных

взаимодействий она объективируется, обретает статус рациональности и осваивается молодежью как новая компетенция.

Симулятивно-имитационные формы являются результатом предметно-рефлексивных отношений прагматического свойства. Их однозначно негативная оценка в развертывании социальных процессов была бы некорректной, поскольку создание новых образцов символической социальной реальности может раскрывать такие возможности эффективного развития человека и общества, которые в иной ситуации не могли бы возникнуть [7]. Анализируемые формы рационального поведения могут позволить человеку либо развиваться и трансформироваться, либо влиять на процессы смещения ценностных установок и появления различных личностных и профессиональных деформаций [5].

Таким образом, в условиях изменяющейся социальной реальности формирование симуляционно-имитационных форм рационализации поведения является необходимым, хотя и противоречивым, условием эффективной жизнедеятельности молодежи и общества в целом. Подлинное социальное значение рассматриваемых моделей необходимо анализировать исходя из цели их применения, условий, побуждающих человека использовать данные формы, характера результатов - лично-значимых, социально-значимых и/или преобразующих действительность.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания/Пер. с англ. - М.: Медиум, 1995.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Перевод О. А. Печенкина. – Тула, 2013.
3. Большой толковый словарь современного русского языка. В 4 томах под редакцией Д.Н. Ушакова. – М., 2000.
4. Грязнова О.С. Российская молодежь в структуре современного социально-политического процесса//Отечественные записки. 2006. №32 (5). С. 316-335.
5. Дивненко О.В. Трансформации руководителей высшего звена в условиях кризиса и неопределенности. Монография. – М.: Национальный институт бизнеса, 2013.
6. Едигарёва Ю.Г. Истоки трудовых конфликтов в постиндустриальном обществе: теория «симулякров» социального бытия Ж. Бодрийяра//Вестник Поволжского института управления, Выпуск № 1 / 2009.
7. Закирова Т.В. Феномен симулякра как проявление социальной имитации//Вестник Оренбургского университета, № 7, 2014.
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риски развития техногенных систем: прогнозирование и управление в условиях новой социальной реальности//Глобальная и национальные стратегии управления рисками катастроф и стихийных бедствий. Сборник научных статей. XX Международная научно-практическая конференция по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. МЧС России. – М., Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2015. – С. 165 – 171.
9. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. - М.: Руссо, 2002.
10. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: Учебник для вузов. М., Изд-во «Экзамен», 2004. С. 568-570.
11. Латов Ю. В. Симулякры знаний и образовательные неравенства в сфере андрагогического образования//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, Выпуск № 2 (120) / 2014.
12. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. - М., "Когито-Центр", 2002.
13. Теория политики/Авт.-сост. Н.А.Баранов, Г.А.Пикалов. В 3-х ч. - СПб: Изд-во БГТУ, 2003.
14. Шалюгина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления. Диссертация на соискание ученой степени д-ра филос. наук. - Ростов-на-Дону, 2011.
15. Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках. В кн.: Американская социологическая мысль. - М., 1994.

ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ОТ ОБЪЕКТНЫХ К ПРОЦЕССНЫМ МЕТАФОРМ

Иванов Д.В. (Санкт-Петербург)

На фоне получивших распространение в последние годы поисков «новой объектности» актуальной становится задача систематизации представлений о социальной реальности, созданных ранее и доминирующих в современной теоретической социологии, а также их развития на основе концепции реальности, релевантной в современных условиях развития технологий виртуальной и

дополненной реальности, распространения сетевых сообществ и интенсивного движения материальных, символических и людских потоков.

Исследование онтологических оснований современной социологии является фундаментальной научной проблемой, которая напрямую определяет результативность и практическую значимость социологии как науки. Решение проблемы создания связной картины из различных образов социальной реальности и разработки концепции социальной реальности, отвечающей современным тенденциям социальных изменений и новейшим тенденциям в социологической теории, внесет вклад в развитие теоретической и методологической базы современной социологии и других социогуманитарных наук. Анализ образов социальной реальности для эмпирических и прикладных социологических исследований возрастает по мере того, как новые структуры, технологии, практики демонстрируют не замкнутость / конечность «миров смыслов», не множественность рядоположенных или соподчиненных реальностей, а пересечение институциональных границ сетевыми и потоковыми структурами, формирующими дополненную реальность и непривычную связность режимов существования. Такие феномены последних лет, как проведение флэш-мобов, организация креативных пространств и в особенности вторжение в публичные пространства игроков в PokemonGo, требуют проведения исследований на основе представлений о реальности, адекватных современным условиям, а не отражающих условия раннеиндустриального массового общества.

Систематизация конкурирующих в современной социологии образов социальной реальности в связную картину режимов существования дополненной реальности представляется актуальной и перспективной задачей на фоне трех тенденций конца XX – начала XXI века.

В этот период в теоретической социологии разработаны и получили распространение концепции социальных изменений, интерпретирующие трансформацию общества как фундаментальную трансформацию или даже упадок и исчезновение социальной реальности - структур и способов взаимодействия, характерных для индустриального общества. Теории постмодернизации, глобализации, виртуализации общества и другие раскрывают разные аспекты и тенденции исчезновения той социальной реальности, развитие которой было определяющим ориентиром социально-политических проектов модернизации общества и затем построения так называемого информационного общества. Новые теории социальных изменений выявляют распространение новых форм социальной жизни – символических, транснациональных, сетевых, потоковых, которые не укладываются в традиционные представления о социальной реальности.

В теоретической социологии в это же время активно шло переосмысление классических теорий социальных систем, структур и взаимодействий, повседневности и жизненного мира с тем, чтобы преодолеть концептуальное противостояние макросоциологической и микросоциологической перспектив, индивидуализма и холизма, структуралистского и агентностного подходов, детерминизма и конструктивизма. В результате появилось большое число интегративных теорий, в которых традиционные бинарные оппозиции «индивид и общество», «индивидуальное и социальное», «действие и структура» сменились релятивистскими и динамическими моделями социального. Интегративная тенденция представлена моделями структуризации (Э. Гидденс), структуралистского конструктивизма (П. Бурдьё), коммуникативного действия (Ю. Хабермас), аутопойетических систем (Н. Луман), акторов-сетей (Б. Латур) и др. Понятие социального кардинально трансформировалось по сравнению с классическими представлениями О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, Т. Парсонса, Дж. Хоманса, А. Шюца, Г. Гарфинкеля. Возникший во второй половине прошлого века концептуальный разрыв между позитивистским образом социальной реальности как объективной, структурной, отражаемой, репрезентируемой и конструктивистскими образами множественных реальностей, характеризующихся интерсубъективностью и зависимостью от акторов и их интенций и интерпретаций, в интегративных образах сложной и многоуровневой социальной реальности не был преодолен. Проблема возникновения в социологии конкурирующих концепций социальной реальности обостряется многими теоретиками до степени теоретико-методологического кризиса.

Попытки выхода из теоретико-методологического кризиса привели к активной разработке «новых онтологий», представленных, например, концепциями сетей, потоков, мобильностей, текучести и т.п. (А. Аппадурай, Дж. Урри, М. Кастельс, Б. Латур, З. Бауман, К. Кнорр-Цетина и др.), а также и «новых эпистемологий», нацеленных на движение от дилеммы «позитивизм или конструктивизм» к перформативному знанию (Дж. Александер, К. Кнорр-Цетина, М. Каллон, Д. Маккензи, Дж. Ло и др.). Предлагаемые новые образы социальной реальности противопоставляются восходящему к социальной феноменологии радикальному конструктивизму

и провозглашающему «конец социального» постмодернизму. Однако все эти конкурирующие виды социальных онтологий характеризуются общностью представления о множественности и иерархии реальностей: конечные / замкнутые миры смыслов при особом статусе повседневности у А. Шюца, упадок социальной реальности при доминировании медийной гиперреальности у Ж. Бодрийяра, пересборка социальной реальности путем задействования несоциальных - вещных и технических, компонентов в «новом материализме» у Б. Латура.

Отмеченные тенденции возникновения и конкуренции в современной теоретической социологии различных образов социальной реальности указывают, во-первых, на то, что проблема онтологического статуса социальной реальности остается столь же фундаментальной и влияющей на научный статус социологии, что и в конце XIX в., то есть во времена Э. Дюркгейма и М. Вебера. Во-вторых, эти тенденции указывают на историчность - связанность образов социальной реальности с технологическим, экономическим, социально-демографическим, политическим и социокультурным контекстом теоретизирования. Появление в теоретической социологии все новых концепций социальной реальности отчетливо коррелирует со становлением индустриального общества и с переходом к обществу постиндустриальному. В условиях постиндустриализации объектные метафоры, лежащие в основе классических образов социальной реальности, выглядят менее релевантными, чем процессные метафоры потоков, мобильностей, текучести, коммуникации, игры и т.п.

«ПЕРЕСБОРКА» СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР В КВАНТОВО-РЕЗОНАНСНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКАХ. К ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕЗОНАНСА В СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Игнатъев В.И. (Новосибирск)

1. Объяснительный потенциал возникших за последние полвека фундаментальных социологических теорий имеет исторические ограничения. Заслуга Т.Парсонса, А.Турена, Д.Белла, У.Бекка, Э.Гидденса, П.Бурдьё, Н.Лумана, З.Баумана, И.Валлерстайна и других выдающихся мыслителей состоит в построении общей социологической модели позднеиндустриального общества. Однако переход общества в стадию постиндустриального, информационного развития предполагает поиск новой парадигмы. Начало такого поиска, но только начало, нашло отражение в работах представителей социологии и философии постмодерности, прежде всего, у Ж.Лиотара, Ж.Бодрийяра, Б.Латура, Ж.Делеза, Ф.Гваттари и др. Но концептуальный прорыв связан, прежде всего, с появлением трудов М.Кастельса и С.Лэша, в которых впервые была предложена перспектива переосмысления роли информации в перестройке самого основания социума [1; 2].

Вызванный ростом техники и нового знания информационный взрыв вторгся во все ткани социального. Интенсивные информационные потоки, порождающие все новые знаково-символические и смысловые миры, вошли в устойчивый резонанс с предметно-вещественным миром, провоцируя ответный заказ на экспоненциальный рост информации. Под воздействием информационного резонанса трансформируются и все элементы социальной системы. Полагаю, что резонанс затронул и базовую «клетку» строения социальной системы - социальное взаимодействие.

2. Я предлагаю взглянуть на процессы информатизации как на резонансные, а целый ряд, в том числе и фундаментальных, социальных изменений интерпретировать как следствия информационного резонанса. Тем самым перейти к использованию в теоретической социологии методологии междисциплинарного синтеза, а затем и трансдисциплинарного, предполагающего построение принципиально новых идеальных (теоретических) объектов. В качестве такого идеального объекта может выступить предлагаемая мною теория «информационного резонанса в социальной системе». А основой трансдисциплинарного синтеза может стать резонансный подход к описанию механизма движения информационных потоков, вызывающего возникновение резонансных эффектов в социальных структурах.

Резонанс есть явление резкого возрастания амплитуды вынужденных колебаний, которые наступают при приближении частоты внешнего воздействия к резонансным частотам. В результате резонансное взаимодействие приводит к отбору и усилению параметров, соответствующих волновым частотам, длинам волн и размерам структур, которые являются близкими для резонансно взаимодействующих объектов. Важнейшим фактором возникновения колебаний в социальных структурах является рост интенсивности информационных потоков.

Резонанс рождается как в самих информационных потоках, так и в социальных структурах, поскольку информация есть посредник в социальных взаимодействиях.

3. Информационно-резонансные процессы резко увеличивают разнородность социума, поскольку создают в социальной системе и ее отдельных элементах напряжение циркулирующих и резонирующих потоков сведений, приводя, тем самым, к разрушению как составных частей (или провоцируя в них мутации), так и системы в целом. Мутации захватывают и «клетку» строения системы, и ее субстрат – носителей индивидуальных и социальных качеств – самого человека. Человек использует все возрастающую информацию о возможностях воздействия на свои тело и сознание, и о технологии их трансформации. Он начинает их перестраивать, углубляя свою автономность в социуме и одновременно превращая себя в «клетку» новой системы – гомогенного социального «организма».

4. Исходя из гипотезы информационного резонанса в социальной системе сформулирую некоторые опорные положения его теории, описывающую механизм его возникновения, роста и последствия [3].

Экспоненциальный рост объемов информации превращает их в стабильные потоки.

Возникает устойчивый «контур» усиления роста информации: а) технологическая структура, заказывающая и потребляющая информацию и б) социальная структура, производящая потребности в информации и мотивации ее производства и потребления.

- Обе эти структуры имеют неограниченный потенциал производства и потребления информации. В «контуре» их взаимодействия растет напряжение интеракций, возникает и усиливается информационный резонанс.

- Рост напряжения между носителями информационных потоков – социальными множествами – приводит к проникновению в структуры их социальных действий избыточного объема знаково-смысловых артефактов. Вначале это вызывает мутацию системы социального взаимодействия, а затем может приводить к ее разрыву или реконструкции. Это происходит подобно «инфицированию» структуры социального действия проникающими в нее избыточными потоками новых сведений. Социальное действие становится перенасыщенным средствами целеполагания (функция выбора цели) и целедостижения (функция выбора средства). Это ведет к резкому росту числа вариантов ожидаемого поведения «другого» и его ответной реакции; к интенсивному конструированию вариантов взаимодействий и действий, что провоцирует нарастание аномии. В итоге происходит «расщепление» системы социального действия; появляются агенты разлома социального пространства – виртуальные страты; возникают предпосылки появления параллельного социального пространства.

К следствиям мутации можно также отнести следующие.

- Происходит распад «жизненных миров» человека на «социальную реальность» и «социальную действительность».

- Напряжение между индивидуальным и социальным переходит в новую фазу конфликта – «поглощение» индивидуальным социальным.

- Открывается «окно» перехода социума в состояние «несистемной» структуры. Это ведет к парадоксам. Социальная система продолжает существовать как целое, но с множеством системообразующих самодостаточных центров – парадокс (1) диктата частей над целым. Как система она может теперь существовать только при агрегировании особого типа исходных компонентов – автономных индивидов и их сообществ. В этом случае имеет место парадокс (2) господства координации над субординацией, самоорганизации над организацией. И становится он возможным только с возникновением глобального информационно-сетевого общества. И эта перестройка затрагивает именно основы социального как особой формы бытия. Как срабатывает механизм информационного резонанса внутри системы социального взаимодействия?

5. Циркулирующие в каналах социальных коммуникаций информационные потоки представляют собой информационные импульсы, проникающие в структуры социальных действий индивидов, накапливаясь в них и воздействуя на личностный багаж сведений. Эти импульсы подобны квантам и их активность подчиняется принципам квантовой реальности [4]. Кванты информации «пристраиваются» к знакам, значениям и смыслам, укорененным в индивидуальном сознании, становясь подобными «теневым частицам» (выявленным и описанным в квантовой физике теновыми фотонами), и вступают с ними либо в резонансные, либо диссонансные взаимодействия [5]. В первом случае индивиды принимают новые знаки, значения и смыслы, во втором – отторгают. Но резонанс возникает только тогда, когда индивиды принимают новые смыслы в приемлемой для себя коннотации. При этом отторгнутые смыслы не удаляются, а

продолжают присутствовать в сознании как некие «теневые частицы», периодически оказывающие влияние на «кванты информации», включенные индивидом в структуры его социальных действий. Эти «теневые частицы» представляют собой закодированные для индивида смыслы и являются ресурсом для расширения вариантов коннотаций и на их основе расширения поля вариантов социальных действий. Теневые (сопутствующие) частицы организованы по логике социального пространства и образуют потенциальные альтернативные социальные миры – миры виртуальной социальной реальности. Для индивида они актуализируются в случае встречи с препятствиями – когда социальная действительность не может быть более объяснена с помощью запаса коннотаций. Новые сведения о неизвестных сторонах действительности входят в диссонанс со смысловым содержанием действий индивидов и в резонанс с теневыми частицами. В этом случае они «выходят из тени» и начинают оказывать воздействие на укоренные в сознании смысловые структуры, замещая их. В случае успешного замещения происходит раскодирование скрытой в них информации. Но потенциал и накопления теневых частиц, и его реализация возможны только в том случае, если стабильно движутся информационные потоки, поскольку «теневые частицы» социальной реальности – это «свободно, скрытно и независимо от регуляторов социальной системы перемещающиеся по каналам коммуникаций символы и смыслы как «кванты информации» [6]. Поэтому они принадлежат всем и никому в отдельности.

6. Поскольку накопление сведений идет в режиме и объеме, превышающем возможности индивида усваивать информацию, постольку избыток символически-смыслового материала трансформирует индивидуальную картину мира и весь набор ее компонентов: знаков, смыслов, значений, оценок и описаний действительности. Происходит замещение одной картины на другую. Но это в случае совпадения частот индивидуального и внешнего потоков информации, которые вступают в резонанс. Более вероятен другой сценарий. Избыток сведений рождает растерянность и дезориентацию, что приводит к диссонансу в форме аномии. Блокадой от аномии становится конструирование из предлагаемых новых образцов действий альтернативных – девиантных - моделей. Так аномия переходит в режим устойчивого типа поведения – девиантного. Индивидуальные образцы начинают абсолютно доминировать над социальными. И способом их существования становится постоянное производство избытка информации и интенсивное коммуницирование. Поддержание общества в состоянии перманентной аномии и распространение культа девиаций как нормы становится расширяющимися практиками все возрастающего числа сообществ.

7. Чем интенсивнее информационные потоки, тем выше степень резонанса взаимодействующих индивидуальных и социальных информационных потоков по одному параметру – скачкам и пикам перегрузок информационных импульсов. Информационные перегрузки (как особый режим движения информационных волн) и есть параметр резонанса, который поддерживает процесс аномии и перехода социальной систему в «не-систему» – совокупность социальных множеств агрегатного типа. В таком состоянии согласованные взаимодействия становятся крайне затрудненными, что и означает кризис социального.

1. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Lash S. *Critique of Information*. London, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publication, 2002. 234 p.
3. Ignatyev V.I. *The Information Resonance in Social System: Monograph*. Novosibirsk: NSTU Publisher, 2016. 287 p.
4. Менский М.Б. *Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах*. Фрязино: Век 2, 2011. 319 с.
5. Дэвид Дойч. *Структура реальности. Наука параллельных вселенных* / Дэвид Дойч; Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 430 с. С.59-62.
6. Игнатъев В.И. *Информационный разрыв социальной системы и «квантовые призраки» социума* / В.И.Игнатъев // *Идеи и идеалы*. 2016. № 2(28), т. 1. С. 25-39.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СЕЛЬСКИХ РЕАЛИЙ

Ильдарханова Ч.И. (Казань)

Сельские реалии, так же, как и другие области жизни, рассматриваются с позиции разных подходов, что объясняется возникновением новых явлений в агросфере, таких как рост масштабов мобильности населения, более высокие требования жителей к среде обитания, нарастание

экологических рисков. Это в чем-то напоминает ситуацию, которую П. А. Сорокин оценивал критически. «За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается» [2; 471]. Эту странную, на первый взгляд, ситуацию можно объяснить тем, что от каждой новой теории ожидалась большая степень системности в осмыслении предмета изучения, т. е. нахождения более адекватного соответствия знаний «картине» усложняющегося мира. И в настоящее время для реализации своих задач исследователи стали чаще обращаться к использованию парадигмы новых мобильностей, которая с помощью работ Дж. Урри, З. Баумана и А. Тоффлера адресуется к социологии жизни, формируя мобильную социологию. Сама мобильность населения предопределяется вызовами, нарастанием ситуаций постоянного пребывания в угрозах риска, которые У. Бек распространяет до самых всеобъемлющих масштабов (общество риска).

В тоже время нужно отметить и еще одну тенденцию: глобальная социология сегодня более ориентирована на методологический индивидуализм, на учет контекста, что означает признание необходимости опоры не только на общие, но и специфические теоретические конструкты, которые соответствуют региону, культуре и традициям [3]. Для изучения сельских реалий как в масштабе России, так и отдельных регионов, подход с позиции контекстуализма особенно актуален, поскольку имеют место достаточно большие различия в менталитете населения, стилях управления, состоянии развитости экономики и социальной сферы.

Анализ сельского пространства ведется сегодня в дисциплинарных рамках разных наук – экономики, экономической географии, психологии, что, с одной стороны, создает возможности междисциплинарных подходов, взаимного обогащения наук исследовательскими ресурсами. С другой стороны, непомерное доминирование в части этих наук анализа реальности с позиции не столько реального, сколько должного, ставит между ними определенные барьеры.

Поскольку село – это место жизни людей и функционирования социоэкономических структур, одной из которых в сельских территориях является аграрно-продовольственный комплекс, то данное пространство позиционируется нами, опираясь на значимость социокультурных причинно-следственных связей, дифференциации групп населения, не одинаково вовлеченных в хозяйственную среду. Между акторами, находящимися в таких укладах, как фермерство, коллективно-долевой сектор или семейное хозяйство, существуют большие различия, как в материальном обеспечении, так и в образе жизни. Обращение к достижениям экономической науки в этом контексте становится необходимым. Однако есть и сложности, которые связаны не только с несопадением терминологии (многие экономисты, например, не признают различий между субъектом и актором), но и ориентацией преимущественно на нормативность, предписанные статусы и социальные роли; мир чувств фактически не признается как значимый фактор поведения, особенно в отношениях экономических. Истоки этого находятся в экономических теориях, особенно в новейшей из них – неоклассической теории, ставящей в центр не только несдерживаемый эгоистический интерес человека (Ф. Фукуяма), но и претендуя на то, что открытая ими методология дает в руки инструмент построения чуть ли не универсальной науки о человеке, позволяющей объяснить многие аспекты человеческого поведения [4]. Однако индивиды далеко не всегда демонстрируют рациональный выбор предельной полезности. Нормативная ориентация должна бы удерживать человека от того, чтобы бросаться на помощь другому в критической ситуации, нередко с опасностью для своей жизни, т.е. речь не идет ни о каком удовлетворении им своего эгоистического материального интереса. Точно также люди демонстрируют отказ от выгодного действия с позиции материальной пользы. Это особенно наглядно видно на примере сельской реальности: несмотря на то, что аграрная реформа конституировала свободу выбора трудовой занятости и некоторые виды (фермерство) демонстрируют хорошие перспективы материальной выгоды, претендентов на данную новацию по удельному весу ко всему населению экономически активных возрастов оказалось совсем немного. Причина видимо заключается не в одних организационных трудностях вхождения в этот сектор, но и предрасположенности индивидов к определенному типу образа жизни, другим ценностям.

Поскольку концепты экономической теории рационального действия для поддержания своей «элегантности» вытесняют целый комплекс проблем за пределы объяснительных моделей, он объективно попадает в поле внимания социологии, которая должна была заняться ценностно-культурным обоснованием рационального/иррационального действия и причинно-следственной зависимости многих процессов от среды.

Изучение конкретных реалий строится также на общенаучных теориях: конфликтологической, ролевой, структурно-функциональном и системном анализе, др.

В рамках работы Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан над научно-исследовательским проектом «Социальные ресурсы стратегического изменения жизненного пространства современного села Республики Татарстан» была сформулирована необходимость комплексного измерения модернизационных процессов в пространстве сельского социума через разработку и осмысление категории ресурсный потенциал модернизации села как на макро-, мезо- и микроуровне анализа применительно к изучению одного из экономически успешных регионов Российской Федерации – Республики Татарстан. Обращаясь к положениям социологии мобильности (Дж. Урри, З. Бауман, А. Тоффлер), показаны предпосылки модернизации за счет расширения социального пространства сельского населения, выхода его социальных связей за пределы мест обитания. Опираясь на представления Г. Зиммеля, Т. Парсонса, А. Ф. Филиппова, артикулирована сущность социального пространства как «причиняющей» силе пространственных отношений, исключая при этом натуралистические категории из сферы социального анализа. Пространственные конфигурации влияют на многие социальные формы сельской жизни, в частности на дружбу, брак, родительство, солидарность и конформизм. На данном этапе на селе существуют объективные ограничения для проявления человеческого капитала в его общепринятом понимании, что препятствует применению существующих аналитических схем на реалии, которых пока на селе нет. Однако с точки зрения социального ресурсного потенциала, размышления о перспективе включения видов капитала, которые пока не задействованы, находятся в глубине человеческой сущности, заслуживают развития. В то же время проявления, не обладающие капитализацией, которые являются скорее духовной составляющей сельского образа жизни, особенно ценных в контексте таких глубинных скреп народной жизни, как доверие и солидарность, могут быть описаны другим понятийно-терминологическим комплексом. Им, по нашему мнению, могло бы стать понятие «социальное качество».

Подход к модернизации сельской реальности не сверху, а снизу корректирует некоторые положения социологической теории мобильности, ограничивающейся активностью акторов, вынужденно реагирующих на природные аномалии и экокатастрофы. Феномен множественности природных сил выходит за данные пределы, становясь не только инертными объектами, фоном, но и составной частью социального порядка в жизненном пространстве села, поскольку они, с одной стороны, задают репертуары схем действия между партнерами, являются инструментами, которыми манипулируют акторы, с другой, сами природные силы определяют в значительной степени поведение последних в ракурсе подручности элементов места обитания.

Оригинальная концепция ресурсного потенциала модернизации села, разработанная учеными Центра [1], основана на сочетании системно-структурного (позволяет рассмотреть объективные/субъективные факторы, структурные и функциональные особенности ресурсного потенциала села на макро-, и институциональном уровне социальной реальности), ресурсного (выявить наличие и раскрыть сущность ресурсов (капиталов), необходимых для процесса модернизации села), и деятельностного (определить ресурсный потенциал модернизации на микроуровне социальных практик и стратегий сельских акторов (фермерских хозяйств, семей, сельских групп) подходов. Представленная модель позволяет комплексно рассмотреть ресурсный потенциал модернизации села в современных российских условиях.

1. Ильдарханова Ч. И. *Модернизация сельского Татарстана: социологическая теория и практика [монография]*. – Казань, Изд-во Академии наук РТ, 2016. - 308 с.
2. Сорокин П. А. *Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений : пер. с англ. / П. Сорокин, Ин-т социологии Рос. акад. наук . – СПб. : Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2000 . – с. 471.*
3. Тутаренко Л. Г. *Национальное и наднациональное в социологии // Социс, 2011, №1. - с. 27.*
4. Becker G. *The economic approach to human behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976. - p. 3-14.*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ЛЮДЯМ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ирсетская Е.А. (Москва)

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02016. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02016

Переход России к рыночной экономике кардинально изменил общество, его экономическое положение, образ и стиль жизни всех социально-демографических групп, особенно пенсионеров. В российском законодательстве выделяются три категории пенсионеров: пенсионеры по старости (возрасту); военные пенсионеры; инвалиды, получающие пенсию [1]. Оговоримся сразу, что в данной статье мы будем рассматривать особенности социальных взаимоотношений первой группы пенсионеров, т.е. людей, достигших определенной возрастной границы, которая определяется как пенсионный возраст.

Современные преобразования в системе власти, политической и экономической сферах неизбежно ведут к существенным переменам в общественном сознании и жизненном мире населения, значительную часть которого составляют пожилые люди. На сегодняшний день, численность пенсионеров составляет около 30% населения, они являются большой социальной группой. Практически все страны мира, кроме слаборазвитых, где до преклонных лет очень сложно дожить, превращаются в «государства стариков». В России пожилых людей год от года становится все больше. В 2014-2016 гг. число пенсионеров растет, ежегодно увеличиваясь в среднем на 400 тысяч человек [2].

Прекратив работу, пожилой человек сталкивается с новым к себе отношением со стороны привычного круга людей, например, детей, друзей, родных и близких, бывших коллег по работе. Выход на пенсию - это важное событие не только для конкретного человека, но и для всего его социального окружения. Поэтому в современном общественном сознании можно выделить несколько подходов к восприятию людей пенсионного возраста.

Многие люди склонны думать, что пожилые - это, прежде всего, обездоленные люди, нуждающиеся в адекватном социальном обеспечении. Государство должно заботиться о своих гражданах и создавать условия для всех желающих трудиться и приносить пользу. В действительности же мы сталкиваемся с ограничениями типа трудоспособный/ нетрудоспособный возраст. Здесь важно отметить, что понятие трудоспособность не обязательно может быть рассмотрено, как возрастное. Можно также попробовать оценить его с точки зрения каждой конкретной личности индивида. Так, одни люди уже в молодости, или от рождения нетрудоспособны. Другие же, напротив, активно и с пользой для общества работают в восемьдесят и девяносто лет. Нередки ситуации, при которых молодые специалисты не соответствуют тому месту, на которое может успешно претендовать семидесятилетний человек. Человеческий интеллект достигает расцвета к 60-70 годам. А в нашей стране уже в 40-45 лет людей начинают выдавливать из активной жизни, чтобы освободили место молодым. Не теряет ли при этом общество, государство. Ученые отмечают, что существует различная политика по отношению к разным возрастам. В одном случае государственные меры укрепляют возрастные границы, создают возрастные группы («молодая семья», «пенсионер», «пожилой»), легитимируя тем самым возрастную идентичность, наделяя ее определенными качествами, в другом — стирают возрастные границы ввиду нейтральной политики по отношению к возрастным группам, где возраст воспринимается лишь как количественная характеристика, а не как качественная [3].

Другое мнение, разделяемое и большинством пожилых людей, состоит в том, что социальная группа пенсионеров представляет значительный человеческий потенциал, который может и должен быть вовлечен в социально активную жизнь общества. Старшие поколения, особенно работающие пенсионеры, до сих пор обеспечивают не только себя и своих неработающих сверстников, но и блага еще пока ничего не заработавшей для общества молодежи [4].

Насчёт третьей позиции говорить в обществе не принято, но всё-таки такая точка зрения существует: пожилые - это социальный балласт общества, тормозящий реформы. «Сидит на шее молодых, паразитирует на государстве, не скрывает агрессивного отношения к окружающей действительности, жалуется на мизерные пенсии и дороговизну, звенит мелочью в сверкающих гипермаркетах и голосует за коммунистов. К тому же «есть мнение», что так стремительно, как того требует быстротекущее время, меняться и думать наши старики не в состоянии - возраст, знаете ли...» [4]. Возрастная дискриминация является серьезной проблемой, угрожающая

нравственному и социальному развитию общества. Более того, шансы на выживание народа выше там, где уважают и почитают старших

В целом можно сказать, что положение пожилых людей во многом зависит от того, в какой семье они проживают, а также от их брачного состояния. Таким образом, семейное положение является основополагающим фактором благополучия в старшем возрасте. Родственники и члены семьи являются для пенсионеров очень важной социальной группой. По данным исследования, 33% респондентов пенсионного возраста отмечают, что часто испытывают чувство надежной поддержки близких; 86% пенсионеров, отвечая на вопрос «Предположим, Вы оказались в затруднительном положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью?» выбирают ответ «члены семьи, родные» [5]. Таким образом, мы видим, что пенсионеры нуждаются в поддержке и внимании со стороны родственников и близких друзей. Позитивным является и тот факт, что большая часть пенсионеров удовлетворены отношениями с близкими.

Подавляющее большинство пенсионеров сегодня говорят о том, что они полностью удовлетворены отношениями с близкими (74%). Скорее удовлетворены 17%, совершенно не удовлетворены 3% [5]. Анализируя различные возрастные группы людей пенсионного возраста, можно сделать вывод о том, что с возрастом, уровень позитивного оценивания взаимоотношений с близкими немного понижается. Так, если в возрастной группе 55-59 лет 79% респондентов удовлетворены общением с родными и близкими, то в группе 70 лет и старше – 74% [5].

Семья становится важнейшей сферой, в которой реализуются многие потребности пожилого человека – материальные, эмоциональные и т.п. Многие исследования пенсионеров показывают [6], что старшее поколение больше отдает, чем получает помощи. Пожилые люди вносят свой вклад в воспитание несовершеннолетних внуков. Они оказывают помощь также среднему поколению своих семей в ведении домашнего хозяйства, помогают деньгами. Наиболее тяжело пожилым людям, не имеющим ближайших родственников, либо имеющих детей, но не поддерживающих с ними отношений.

Сегодня в российском общественном мнении не редко отмечается негативное отношение к пожилым людям, что становится скорее стереотипом в процессе размышления на тему старости. В научной и научно-популярной литературе межпоколенческая ситуация в России обычно оценивается как неудовлетворительная, особенно когда подается в сравнении с более успешными в этом смысле обществами. «Здесь типовыми стали апелляции либо к моделям успешного старения на Западе, являемого нам в медиа-репортажах или образах пожилых туристов, либо к восточной традиции почитания старших, хорошо знакомой нам по народам Кавказа и Средней Азии»[7,107].

Пожилый человек нуждается в семье, прежде всего, в связи с потребностью в общении, взаимопомощи. Это объясняется тем, что пожилой человек уже не имеет прежних сил, прежней энергии. Пенсионерам, живущим в семьях, намного легче. Не только с точки зрения материального достатка, но и с точки зрения возможности выполнять социальную функцию - передавать опыт молодому поколению, помогать в воспитании детей. Также, важное значение для пожилого человека имеет эмоционально-психологическая «подпитка», получаемая от сознания проявляемой по отношению к нему заботы.

1. Права работающих пенсионеров в России // Информационно-аналитический портал РИА-НОВОСТИ. 19.11.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20121001/744272030.html#ixzz4AQgAtGrV>
2. Пенсионеров в России в ближайшие три года будет все больше // РИА-НОВОСТИ. 05.07.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://ria.ru/society/20130705/947941313.html#ixzz3steB3YAB>
3. Бугз С., Хаапала И. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений, пер. с англ. А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения. №2 март-апрель. 2016.
4. Отношение к старости в России // Информационно-аналитический портал [Новый пенсионер] – свободный пенсионер. 09.12.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pensioner.ru/news/detail/ekspertiza/otmoshenie-v-starosti-v-rossii>
5. Всероссийский опрос «Жизнь на пенсии» в рамках проекта «Жизненный мир россия и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010-е годы)». Сентябрь 2015г. Всего опрошено 900 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по возрасту, полу, образованию, семейному положению, месту жительства. Опросы проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также один мегаполис - Москву.

6. Анализ социологического опроса «Социальное самочувствие граждан пожилого возраста» . 2012. Информационно-аналитический портал Министерства социального развития Правительства Саратовской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.social.saratov.gov.ru/upload/iblock/a44/balakovo_uszn_socopros_11102012.pdf
7. Смолькин А.А. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России// Социологический журнал. 2008. №3. С. 107

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК

Искандерова Л.В. (Санкт-Петербург)

В настоящее время в социологии существует множество теорий, концепций и подходов к объяснению самых разных феноменов, явлений и процессов в обществе. Мы рассмотрим основные теоретические социологические подходы к изучению репродуктивного поведения и репродуктивных установок.

Для многих социологических исследований в этой области характерно выделение в качестве компонентов репродуктивной установки идеального, желаемого, ожидаемого числа детей [2, с.61-73; 3, с. 82-87; 4, с. 146-157; 7].

А. Тындик [7] пишет о том, что представление об идеальном числе детей формируется с опорой на социальные нормы, желаемое число детей – как результат взаимодействия знаний и эмоций, а ожидаемое число детей – может быть рассмотрено как установка действия. Считается, что наиболее надежный для предсказания будущей демографической ситуации из этих трех показателей – ожидаемое число детей. В странах с низкой рождаемостью этот показатель обычно немного ниже фактической рождаемости за весь репродуктивный период. Наименее надежным показателем считается идеальное число детей, т.к. он носит наиболее абстрактный характер. Этот показатель может быть дополнен показателем идеального времени рождения первого ребенка. [7]

По мнению Тындик [7], существует зависимость между установками на рождение определенного числа детей и временем первого рождения. В среднем, чем более высокими репродуктивными ориентациями обладает женщина, тем раньше она начинает деторождение. В случае, если планируется рождение одного ребенка, в среднем будет в большей степени проявляться тенденция к откладыванию беременности.

В систему репродуктивных установок могут быть включены представления о нормах детности – представления о том, какое количество детей является (считается) «нормальным». Нормы детности могут быть исследованы как для общества в целом, так и для определенных групп.

Представление определенного образа семьи в средствах массовой информации тоже способствует формированию представления о норме детности и нормальных сроках рождения детей. Петряева Е. В., Рзашева А. Б. и Луговая И. В. в исследовании 2014 года [6] изучали образ семьи в рекламе лекарственных средств и выяснили, что в рекламе чаще всего используют образ однодетной семьи (23%), второй по популярности относительно количества детей является бездетная семья (13%), третьей – двухдетная (7%) и наименее популярна в рекламе семья и трое и более детьми (1%). Довольно распространена трансляция в рекламе неполной материнской семьи (11%), но полная семья с детьми/ребенком значительно популярнее – 34%. В статье Людоговского Ф. 2011 года [5] отмечается, что на рекламных плакатах часто изображают маленьких детей 3-7 лет с родителями, возраст которых 35-40 лет, что способствует формированию нормы откладывания рождения ребенка до тридцатилетнего возраста. Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что современная реклама формирует норму малодетности и откладывания рождения детей.

Если говорить о связи рассмотренных показателей стоит отметить, что представление о нормах детности тесно связано с показателем идеального числа детей. Показатель желаемого числа детей в большой степени отражает социально-психологическую потребность в детях. Ожидаемое число детей можно считать результатом коррекции желаемого числа детей с учетом внешних обстоятельств. [7]

При изучении репродуктивных установок так же используются подходы к трансформации рождаемости, семьи и семейных функций в связи с изменением образа жизни [1, с. 85-97], а также теории социализации, согласно которым идентификация с родительской ролью формируется в

детстве и согласно которым формирование родительского сознания молодежи (подростков) происходит под влиянием глобализации, модернизации и трансформации культурных представлений. Родительство и отношение к детям исторически и культурно обусловлено. Оно зависит, в том числе, от модели поведения родителей, гендерной культуры, социального контекста действий и представлений об успехе. [1].

Для объяснения репродуктивного поведения и репродуктивных установок могут быть использованы демографические теории. Многие из них описаны Р. Фахрисламовой при объяснении феномена бездетности [8, с. 303-313]. А именно, ею были описаны концепция второго демографического перехода Р. Лестега, теория гендерного равенства П. Макдональда, теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта, теория избегания рисков Дж. Хоя, Г. Нейера и Г. Андерсона, теория рационального выбора Г. Беккера, теория предпочтений Э. Хаким и теория U-shaped взаимосвязи между бездетностью и уровнем развития стран Д. Постопа и К. Трента.

Для каждой из этих теорий можно выделить факторы, имеющие с точки зрения данной теории ключевое значение при формировании репродуктивного поведения и репродуктивных установок. Так для концепции второго демографического перехода ключевым фактором является контрацептивная революция. Так же, концепция принимает во внимание влияние сексуальной и гендерной революций. В теории гендерного равенства в качестве основной причины снижения рождаемости рассматривается появление возможности трудоустройства женщин и построения ими карьеры. Согласно теории постматериалистических ценностей репродуктивные установки во многом определяются иерархией ценностей. Также система ценностей рассматривается как оказывающая сильное влияние в теории предпочтений и теории U-shaped взаимосвязи между бездетностью и уровнем развития стран. Согласно теории избегания рисков и теории рационального выбора, ключевым представляется влияние экономических факторов.

Какие факторы в современной ситуации оказывают большее, а какие меньшее влияние на формирование репродуктивного поведения и репродуктивных установок покажут дальнейшие социологические исследования в этой области.

1. Безрукова О. Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования – 2014 – №9. – С. 85-97.
2. Варламова С. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // С. Н. Варламова, А. В. Носкова, Н. Н. Седова / Социологические исследования. – 2006. – №11. – С. 61-73.
3. Зиннурова, Р. И. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // Социологические исследования. – 2005. -- №3. – С. 82-87.
4. Ласточкина, М. А. Моделирование репродуктивного поведения населения региона / Проблемы прогнозирования. – №4. – 2007. – С. 146-157.
5. Людоговский, Ф Образ семьи в рекламе: не люди, а потенциальные покупатели URL: <http://www.pravmir.ru/obraz-semi-v-reklame-ne-lyudi-a-potencialnye-pokupateli/>
6. Петряева, Е. В. Современный образ семьи в рекламе лекарственных средств / Е. В. Петряева, А. Б. Рзаева, И. В. Луговая // Сборник статей конференции XVIII Международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки». – 2014. URL: <http://sibac.info/studconf/econom/xviii/37345>
7. Тындык А. О., Репродуктивные установки населения в современной России // Демоскоп Weekly. – 2013. – №553-554. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit01.php>
8. Фахрисламова Р.Т. Основные теоретические подходы к объяснению феномена бездетности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: Альманах-2015: сборник. – М. ОАО «ВЦИОМ» -- 2015. – С. 303-313.

НОВЫЕ ПАТТЕРНЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННЫХ ГОРОДАХ: ТОРГОВЫЕ ЦЕНТРЫ КАК НОВАЯ ФОРМА АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Ишкинеева Г.Ф. (Казань)

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ. Код проекта: 16-03-00071 а

Сложные геополитические преобразования, процессы глобализации привели к притоку большого количества мигрантов в большие и малые города и территории. Процессы интеракции иммигрантов вне и внутри этнических групп, процессы их адаптации и социализации находят отражение и в облике города. Люди, приезжающие из других стран ежедневно вступают во

взаимодействия с местным населением на работе, в своем районе, в торговых центрах, банках, больницах и т.д. Иммигранты формируют новые публичные пространства или определенным образом видоизменяют существующие.

За неимением других вариантов для социализации и адаптации к новой среде, иммигранты зачастую выбирают торговые центры в качестве основного места проведения своего свободного времени. Это, очевидно, накладывает определенный отпечаток на облик самих торговых центров.

Несмотря на то, что некоторыми муниципалитетами создаются специальные условия и площадки для адаптации иммигрантов (например, сады совместного пользования во Франции [1], в Германии [2], и т.д.) потребность в пространствах адаптации и социализации иммигрантов остается актуальным вопросом. В этой связи интересно изучение роли торговых центров как пространства адаптации иммигрантов. В отличие от садов совместного пользования, которые создаются по инициативе сверху и участие в которых довольно четко регламентировано, формирование торговых центров как пространств адаптации - это естественный процесс, который, несмотря на то, что поддерживается местной администрацией, инициирован снизу.

Вопросы адаптации иммигрантов приобретают особую актуальность и находят отражение в трудах большого количества российских и зарубежных исследователей. Так, американскими и канадскими учеными написано много работ о роли специализированных торговых центров, европейские авторы пишут преимущественно о специально созданных формах инклюзии иммигрантов в местное сообщество. Однако, несмотря на то, что существует большой приток иммигрантов в Россию, работ, посвященных роли торговых центров как инструмента адаптации иммигрантов, доступных на русском языке, не так много. В связи с этим представляется актуальным проведение данного исследования.

В этой работе торговые центры рассматриваются как публичные пространства, изменяющиеся в связи с потребностями социализации и адаптации иммигрантов.

Так, в своей книге *Производство пространства* [3] Анри Лефебр акцентирует внимание на влияние производства, потребления, роли различных представителей, предьявляющих права на пространство, на само физическое пространство. Согласно классике, города, здания, интерьеры - это гибридный продукт, существующий не только благодаря замыслу девелоперов, но и как отражение культурных традиций, социальных практик, действий и взаимодействий индивидов [4]. Тенденции, описанные французским исследователем практически полвека назад являются неотъемлемой характеристикой современных городов. Пространства российских и зарубежных городов сегодня - это результат самых различных интеракций людей с другими людьми и с пространством, который определенным образом формирует облик города.

Сегодня довольно много исследователей пишут о роли торговых центров в адаптации мигрантов, большинство авторов изучает в первую очередь процессы появления и распространения магазинов, ресторанов и других развлекательных заведений иммигрантов (например, китайские торговые центры в Канаде [5], в Америке [6] и др.). Исследователи указывают на процессы сегрегации, имеющие место в указанных торговых центрах, которые вместо того, чтобы выступать пространством адаптации иммигрантов и активной интеракции с местным населением, становятся скорее островками родины в чужой стране, где большинство коммуникаций происходит на родном языке с такими же иммигрантами.

Пожалуй, подобные тенденции можно обнаружить и в российском контексте. Несмотря на то, что наличие подобных торговых центров с ярко выраженной этнической ориентацией не отражает российские реалии, существует большое количество специальных кафе и ресторанах местной кухни, владельцами и основными клиентами которых являются представители одной национальности и/или этнической группы.

Неизбежное этническое многообразие сетей взаимодействия иммигрантов позволяет делать выводы о вероятности социальной интеграции [7]. Несмотря на то что, интеракция иммигрантов исключительно с представителями других этнических групп не предполагается, изучение возможностей межкультурного взаимодействия и установления межкультурных связей представляют интересную картину. Так, профессор Университета Восточной Калифорнии Кристина Авенариус, описывая результаты адаптации иммигрантов из Тайваня, утверждает, несмотря на то, что иммигранты встречают представителей различных этнических групп на работе, среди соседей, на различных школьных событиях и в публичных пространствах, таких как торговые центры, больницы, банки и т.д., зачастую межэтнические контакты ограничиваются лишь отношениями приветствий и характеризуются установлениями слабых связей [8]. Несмотря на то, что респонденты профессора Авенариус выражали заинтересованность в расширении

диапазона коммуникаций, лишь немногим удавалось установить регулярные и устойчивые отношения с местным населением, гарантирующие социальную, эмоциональную и инструментальную поддержку.

На наш взгляд, схожим образом обстоит ситуация с мигрантами из Средней Азии, которые при отсутствии специально созданных условий (например, обучение в университете, предполагающее взаимодействие со своей академической группой) зачастую не могут похвастаться устойчивыми связями с местным населением.

Другой американский исследователь Шиллоц Лунг-Амам, профессор Университета Мариланд, специализирующаяся на азиатских торговых центрах в пригороде Силиконовой долины, утверждает, что азиатские торговые центры это новое явление отличное от всех других, ни восточное, ни западное, это ни Чайна таун, ни традиционный американский торговый центр. Автор утверждает, что это уникальная форма, отражающая растущую экономическую и географическую диверсификацию азиатских иммигрантов, а также их повседневные практики, социальные и культурные идентичности, культурную жизнь и жизнь сообщества, а также характеристики связей с азиатской диаспорой [9].

Таким образом, торговые центры, очевидно, являются публичным пространством, где находят отражение паттерны межкультурного взаимодействия и установления межэтнических связей, с одной стороны, варианты внутри этнического взаимодействия иммигрантов и их культурные практики, с другой. Эти новые публичные пространства выступают лакмусовой бумажкой современных трансформаций городского образа жизни и отражают влияние глобализации на городские процессы.

1. Ф. Иикинеева 'Динамика и современные тенденции развития российских садовых товариществ' // Вестник экономики, права и социологии, 2012
2. Gardens of Intercultural Delight, URL: http://citiesofmigration.ca/good_idea/garden-of-intercultural-delights/, дата обращения 2.09.2016
3. Lefebvre, H. (1991). *The production of space*. New York: Wiley-Blackwell.
4. Lefebvre, H. (1947). *Critique of everyday life*. New York: Verso.
5. 'Ethnoburbs': The New Face of Immigrant Cities, URL: <http://theyee.ca/News/2016/08/05/Ethnoburbs/>, дата обращения 2.09.2016
6. Immigrants in American History: Arrival, Adaptation, and Integration, URL: https://books.google.co.jp/books?id=AP7QCteb0o0C&pg=PA825&lpg=PA825&dq=shopping+mall+for+socialization+of+immigrants&source=bl&ots=WJcl1tmoBR&sig=ag3dz0T92LePD8-y0Ewb_UaVOjM&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj7jqDycXPAhUP6GMKHSpHC7cQ6AEILTAC#v=onepage&q=shopping%20mall%20for%20socialization%20of%20immigrants&f=false, дата обращения 2.09.2016
7. Brown, S.K. 2006 "Structural assimilation revisited: Mexican-origin nativity and cross-ethnic primary ties", *Social Forces*, 85(1)
8. Christine B. A. Immigrant Networks in New Urban Spaces: Gender and Social Integration, URL: <https://www.ecu.edu/cs-cas/anth/upload/avenarius-international-migration-2.pdf>, дата обращения 2.09.2016
9. Suburbia Willow Lung-Amam Mainstreaming the Asian Mall: Regulating Asian American Space in Silicon Valley, URL: http://smartgrowth.umd.edu/assets/acsp_lungamam_10.18.14_paper.pdf, дата обращения 2.09.2016

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Калашникова Л.В. (Николаев, Украина)

В социологии накоплено немало материалов относительно изучения как теоретических, так и прикладных аспектов безопасности, однако научная практика в этой отрасли нуждается в новом теоретико-методологическом осмыслении, обоснованного необходимостью поиска новых концептуальных решений. В пределах традиционного подхода к проблемам национальной безопасности, имеющиеся теоретические наработки характеризуются одномерностью высказываний относительно природы самой безопасности и возможных путей ее обеспечения, тогда как реалии нынешнего времени требуют концептуальных сдвигов в научном осмыслении этого социального феномена в сторону ее социальных составляющих. Институционализация социологического знания в этой отрасли на уровне специальной социологической теории среднего уровня - социологии безопасности во многом определяет характер и сущность проблемной

ситуации и выступает в качестве весомого аргумента, который обуславливает необходимость глубокого научного анализа аспектов формирования социологического знания о безопасности. Поэтому целью данной работы является анализ этапов институционализации социологии безопасности в современной западной социологической мысли.

Предпосылки становления социологии безопасности и социального познания проблем безопасности жизнедеятельности как таковой формировались в работах классиков социологической мысли. Для социологического понимания безопасности интерес представляет учение Г. Спенсера [1] о социальном равновесии как результате приспособления, согласования интересов, компромиссов в действиях людей и социальных институтов. Э. Дюркгейм [2] высказывал идеи о понимании социальной безопасности как социальной согласованности, где общество выступает в качестве основного субъекта безопасности, а решение проблем между индивидуальным и коллективным возможно за счет существования социальной солидарности как основы социальной стабильности и гарантии соблюдения индивидуально-личностных интересов. Принципиальное методологическое значение для социологической интерпретации вопросов безопасности жизнедеятельности имеет анализ социокультурных факторов в социально-историческом анализе социальных ситуаций согласно рассуждений М. Вебера [3]. Отдельного внимания заслуживают работы П. Сорокина, в которых обоснованы теоретико-методологические основы социокультурного подхода, принципы социального гуманизма и социальной справедливости, необходимые для раскрытия феномена культуры безопасности жизнедеятельности [4].

Анализируя процесс становления современной социологической теории безопасности, О. Вейвер [5] осуществил периодизацию развития социологических исследований в сфере этой и выделил три этапа.

Первый период 1940-1960 гг. (Б. Броде, Г. Кан, И. Манн, Т. Шеллинг, А. Уолстеттер, Ф. Хоффман, Г. Роуен и др.) [6; 7; 8; 9; 10] характеризуется возникновением социологии международной безопасности в качестве самостоятельной научной дисциплины. Особенность этого этапа заключается в изменении приоритетов и переходе от рассмотрения преимущественно военных аспектов безопасности к стратегии разработки именно социологических аспектов с целью формирования соответствующей теории. В течение многих десятилетий проблема безопасности ассоциировалась лишь с военными угрозами, а в ее изучении доминировал политический подход. Во времена холодной войны разрабатывалась концепция "дилеммы безопасности", когда стремление одного государства повысить уровень собственной безопасности путем наращивания обороноспособности вынуждало другие государства действовать аналогично, тем же раскручивая спираль нестабильности. Рядом с политическим существовал либеральный подход, который предусматривал наличие механизмов, которые стимулируют гонки в сфере военных вооружений. В основе отмеченных подходов лежит одинаковое понимание субъекту (государству) и предмету (военной сферы) угрозы. Зато сторонники современных теорий безопасности существенно расширяют пределы безопасности, включая экологическую, экономическую, политическую и социальную составляющие, рассматривая в качестве объекта защиты не только государство, но и социальные институты, организации, группы, отдельных людей и даже биосферу. До сих пор в американских исследованиях безопасности преобладает политический подход, в отличие от Европы, где процветает критический анализ проблем безопасности.

Второй этап в развитии социологии безопасности приходится на 1970-1990 гг. и характеризуется как период укрепления самостоятельного теоретического и институционального статуса научной дисциплины, публикации исследований из проблем безопасности в специализированных научных журналах и поддержки научных связей в пределах деятельности научных профильных ассоциаций. Концептуализация теоретико-методологических подходов к исследованию безопасности в обществе позднего модерна продолжается в трудах Э. Гидденса, У. Бека, Н. Лумана, П. Штомпки, которые соотносят безопасность с такими социальными фактами современности как доверие и риск. Э. Гидденс одним из первых в своей теории структуриации сформулировал концепт онтологической безопасности, определяя ее как конфиденциальность или доверие [11, с. 100]. Традиционное общество сталкивалось преимущественно с угрозами естественного характера, тогда как современное - стоит перед вызовами рисков, производных от деятельности самого человека. Риски техногенного происхождения с развитием научно-технического прогресса становятся многочисленными и непредсказуемыми, приобретая характер глобальной угрозы. В обществе модерна во многих сферах безопасность жизни человека повысилась, в то время как появилась проблема необходимости ощущения личностной

безопасности и сохранения жизни. У. Бек вводит в научный обиход понятие "общество риска", понимая под ним модель современного мира, где риск является постоянно действующим социальным фактом. Среда риска эпохи позднего модерна постоянно приумножается ростом знания, технико-технологическими и институциональными сдвигами. Человечество, осознавая существование разного рода рисков и угроз, пытается разрешать проблемы, связанные с тем, что риски должны быть преобразованы на надежность (безопасность) и ограниченность возможностей экспертных систем бороться с угрозами. Доверие в этом смысле является необходимым условием нейтрализации или минимизации определенного комплекса опасностей в пределах так называемого приемлемого риска. Достижение безопасности возможно при условии равновесия доверия и приемлемого риска [13]. В концепции Н. Лумана доверие как механизм снижения неопределенности и риска выступает в качестве необходимого условия развития современных обществ, принимая во внимание их сложность, непрозрачность, неуверенность [26]. Особенность теоретических взглядов автора заключается в выделении отличий в категориальных парах "риск/опасность" и "риск/надежность", построенных асимметрично. Отличие этих понятий он определяет по шкале "настоящее-будущее" относительно размера возможного вреда. Если причины вреда связаны с окружающим миром, то, безусловно, речь идет об опасности, которая является продуктом среды относительно объекта. О риске говорят тогда, когда принятое решение не нанесло вреда. Н. Луман предполагает, что поведения свободного от риска не существует [15]. В теории изменений П. Штомпки, стойкость и неизменность социального порядка обеспечивает ощущение безопасности экзистенции, выраженное в общем доверии. Он обратил внимание на то, что климат доверия и безопасность экзистенции в обществе нарушается в период радикальной реорганизации политических и социальных институтов. П. Штомпка ввел понятие "травмы трансформации" как проявления в сознании людей дисфункциональных последствий от коренных социальных изменений, которые имели драматическое отражение в их жизни. Создание санкционированного общего культурного климата имеет большое значение для функционирования стабильного общества [16]. Этот этап институционализации социологии безопасности характеризуется тем, что постановка проблемы безопасности существенно отличалась от предыдущего этапа развития этой области науки, ведь ее социологическое понимание во второй половине XX ст. раскрывалось в контексте стабильности, стойкости социальных отношений, социального порядка, высокого уровня доверия в обществе и т.д. В течение 1970-1990 гг. в становлении социологии безопасности была осуществлена попытка расширения представления о субъективном измерении безопасности, раскрыты социокультурные аспекты ощущения безопасности/незащищенности в массовом сознании.

Третий этап развития социологии безопасности начинается в 2000-х гг. и рассматривается как период послабления теоретической интеграции, дальнейшего расширения "домена безопасности", в первую очередь, за счет разнообразия определений предметной отрасли, в частности, появление таких самостоятельных проблем как безопасность климата, безопасность окружающей среды и тому подобное. Вполне вероятно, что для этого этапа характерным является оформление самостоятельного статуса социологии безопасности по отношению к другим системам научного знания. Но и не исключается перспектива наращивания синергического эффекта, потенциального взаимодействия и взаимного дополнения, согласованности социологических теории безопасности.

Обобщая, отметим, что контекстный анализ рассмотренных теоретических взглядов позволил определить такие методологически важные наработки для осмысления проблемы безопасности как системные и институциональные принципы понимания социальной реальности, которые актуализируются ради изучения вопросов безопасности. Сегодня западная социологическая мысль после относительного затишья в исследованиях проблем безопасности получила новый толчок - развитие новых концепций с учетом современных реалий осуществляет незаурядное влияние на национальную безопасность мировых систем. Невзирая на то, что перед представителями академических кругов появляется огромное количество фундаментальных вопросов, которые касаются методологических основ и предметной отрасли концепции безопасности, в практической политике влияние ряда ее положений и подходов прослеживается достаточно ощутимо. Существующий интерес полностью правомерен, надеемся, что как в научной среде, так и политических кругах интерес к данной концепции в дальнейшем будет возрастать, поскольку речь идет о новом подходе к пониманию безопасности, необходимость которого обусловлена обострением глобальных проблем, углублением международных конфликтов, ростом потребности современного человека в свободном развитии.

1. Spencer H. *The evolution of society. Selection from Herbert Spencer's principles of sociology* / Ed. and with introd. L. Robert. Chicago, 1967.
2. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение* / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. - М.: Канон, 1995. - 352 с.
3. Вебер М. *Основные социологические понятия* // *Западно-европейская социология XIX-начала XX веков*. - М., 1996. - С. 455-491.
4. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество* / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1992. - 543 с.
5. Wæver O. *Towards a Political Sociology of Security Studies* // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41, № 6. - P. 649-658.
6. Brodie B. Ed., *The Absolute Weapon*. New York: Harcourt & Brace, 1946.
7. Brodie B. *Strategy as a Science* // *World Politics*. 1949. Vol. 4. № 1. - P. 467-488.
8. Kahn H., Mann I. *War Gaming*, RAND Corporation paper P-1167. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1957.
9. Schelling Th.C. *An Essay on Bargaining* // *American Economic Review*. 1956. Vol. 46. № 3. P. 281-306.
10. Wohlstetter A. J., Hoffman R. J., Lutz, Rowen H.S. *Selection and Use of Strategic Air Bases*, RAND Corporation Report R-266. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1954.
11. Giddens A. *Modernity and Self-identity*, Stanford, 1991. - 264 p.
12. Dziel G. *On Anthony Giddens Concept of Ontological Security, the Problem of Human Motivational Grounds and the Paradoxes of Consciousness* [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kinshipstudies.org/MAsociology/CEU.OntologicalSecurityPaper.pdf>].
13. Бек У. *Общество риска на пути к другому модерну*. - М.: Прогресс-традиция, 2000. - 384 с.
14. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*: Пер. с нем. - СПб.: Наука, 2007. - 648 с.
15. Луман Н. *Понятие риска* // *THESIS*, 1994. - Вып. 5. - С. 135-160.
16. Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества* / Пер. с пол. С.М. Червонной. - М.: Логос, 2008. - 664 с.

РЕДУКЦИЯ «СЛОЖНОСТИ СУБЪЕКТА» В «СЛОЖНОМ СОЦИУМЕ»: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ НОВОЙ ТЕХНОГЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Каменский Е.Г. (Курск)

Пытаясь примирить гуманистический подход и синергетическое мышление в анализе сложного социума, С.А. Кравченко говорит о том, что «необходимо движение к нелинейно-гуманистическому мышлению, учитывающему не только парадоксальные разрывы и синтезы в общественном развитии, их синергию и риски, но и ставящего во главу жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма (выделено мной - Е.К.), ориентированных на его экзистенциальные потребности» [2, 182]. На подобную деятельность не способен сегодняшний «субъект-оператор», призванный реализовывать в этом процессе управления социальной и технико-технологической сложностью (в первую очередь – NBICS-конвергенцией) инструментальные функции того или иного масштаба.

Поясним здесь более подробно связь вышеизложенного и проблемы упрощения социальной субъектности в пространствах техносреды с позиций ценностно-нормативной регуляции социальных взаимодействий, тем более, что «социум гетерогенен и это обуславливает гетерогенность глобализации, т. е. социум – совокупность субъектов, не только конвергирующих, но и дивергирующих вплоть до разновекторности. Он не есть «субъект вообще» и не «моносубъект» в частности, но метасистемное поле взаимосвязей, взаимообусловленностей в существовании более чем одного субъекта в виде обществ и представляющих их людей или иных субъектных существ» [3, 267]. Также, как утверждают, и само «...понятие риска является релятивным к ценностям культуры» [1, 36].

Но культурная глобализация и глобализация, например, информационная, не равнозначны. Тогда «каких людей формирует среда WEB 2.0, 3.0 и выше? Насколько иными будут их ценности, жизненные принципы, особенности поведения?» [4].

В отличие от социокультурных матриц, протоколы сетевых киберфизических систем не несут в себе в качестве основы ценностного компонента, или в лучшем случае он вторичен. Следовательно, нормативный компонент предвосхищает ценностный, формируя механистичные паттерны социальных интеракций в таких средах. Однако вся история социокультурной эволюции человечества основана на обратном процессе, ведь нормируется то, что важно – то есть ценности.

В этом случае, при условии построения киберфизических систем и новых техногенных нейромиров по образу реальных, необходимо выстраивать их ценностную матрицу, что, вероятно, невозможно на принципах такого подобия ввиду их техногенной онтологии. Алгоритмизированное происхождение и существование Природы 2.0 и Человека 2.0 именно и строится на заданных протоколах, исключая в реальности нелинейность человеческого бытия, построенного как на началах социальной конвергенции, так и дивергенции.

По сути это проблема построения Морали 2.0, 3.0 и так далее. При учете ведущим нормативного компонента, мы с наибольшей вероятностью увидим крайне рациональную мораль. Ведь и искусственный интеллект – это интеллект без сознания, а значит, видимо, и без морали. Вероятно можно было бы скорректировать данную ситуацию, но анализ как превалирующий общелогический методологический императив современной науки не позволяет, вопреки синтезу, уйти за пределы позитивистского мировоззрения, как глубоко бы не проникала постнеклассическая парадигма в современную методологию – инерция еще слишком велика. «Если обсуждение проблематики социальной ответственности во второй половине прошлого века было тесно связано с личной ответственностью, то в настоящее время сформировано множество консультативных советов и государственных учреждений, появились кодексы этики и регламенты, которые отражают реалии «постакадемической», в терминологии Дж. Займана, науки и её нового этоса» [4, 144]. Не это ли является подтверждением «протокольного» мышления и организации социальной жизни, редуцирующей социальную субъектность как ответственность и самоответственность к кодексам и регламентам, советам и учреждениям.

Унифицированные протоколы коммуникаций киберфизической реальности могут стать (и становятся) семиотическим швом субъектно-актуальных контекстов, имевших раньше для личности относительно автономное, онтологически самостоятельное значение, сообщая формируя определенную социокультурную «палитру». Если рассмотреть этот вопрос хотя бы и через топологическую теорию полей П. Бурдьё, вовлекающих личность в различные семиотические пространства коммуникаций, или, говоря уже феноменологическим языком, области значений, в любом случае сегодня мы наблюдаем формирование сущностно-единого, гибридного топологического поля, формируемого именно содержанием и структурой интерфейсов, учитывающих задачу интеграции действующего индивида в глобальные интеракции антропосоциотехносферы, глобальную область знаков и значений – Природу 2.0, Социум 2.0 и далее. В этом заключается развитие информатизации, «Информационного общества» как социокультурной парадигмы. Сохранение различий в коммуникативных протоколах культур в такой среде является как раз серьезным препятствием на пути их интеграции в единое информационное поле, какие бы надежды не возлагались на эмерджентность сетей. Это актуально для описания онтологии самой сети, но не для субъекта. Такое поле будет в отношении социально-топологической структуры интегративным, феноменологически объединит области значений коммуникации. Далее такая коммуникация как культура смыслов, порождаемых из актуализации как цели построения самого ее процесса, а не из содержания, станет и семиотически однородной по причине социальной унификации этих смыслов, рождаемых самим языком киберфизической реальности. Здесь мы и сможем наблюдать рождение смыслов коммуникации не из содержания, а из процесса (В.А. Аршинов, М. Кастельс).

Если в еще недавнем прошлом, например, различная профессиональная принадлежность субъекта порождала различия и провоцировала поиск и согласование «интерфейсов» коммуникации, в первую очередь в виде именно ценностного смысла, интегрирующего профессиональные субкультуры в общей социокультурной канве, то развитие коммуникационных сетей и единых стандартов управления даже относительно «простыми» техногенными объектами порождает технологическую унификацию сводящихся к функциям оператора профессий во всех отраслях хозяйствования, создавая культуру коммуникации субъектов-пользователей, субъектов-операторов. При этом в экономике такого общества в функциональном наборе оператора в умных средах интегрируются посредством концентрации в оперативной среде его управления большинство обслуживающих инфраструктурные объекты нарождающейся Индустрии 4.0 функций, возлагая их на саму техническую систему. Такой субъект осуществляет алгоритмизированное управление сложной технической системой управления, не вторгаясь непосредственно в эти связи. То есть, хотя и осуществляется «управление управлением», но по заданным протоколам, механистично. В таких средах приоритет инструментальных ценностей определен онтологически.

1. Буданов В.Г. Проблемы коэволюции антропо- и техносферы, квантово-синергетический подход // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2014. №4. С. 34-47.
2. Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. №1 (28). С. 180-184.
3. Скачков А.С. Субъектность человечества – метапроблема социальной философии // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2010. № 2. С. 263-270.
4. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты : Коллективная монография / В.И. Аршинов, И.А. Асеева, В.Г. Буданов, Е.Г. Гребениčkова, О.А. Гримов О.А., Е.Г. Каменский, И.Е. Москалев, С.В. Пирожкова, М.А. Суцин, В.В. Чеклецов / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. 239 с.

РЕДУКЦИЯ «СЛОЖНОСТИ СУБЪЕКТА» В «СЛОЖНОМ СОЦИУМЕ»: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ НОВОЙ ТЕХНО-РЕАЛЬНОСТИ

Каменский Е.Г. (Курск)

Статья подготовлена в рамках реализации финансируемого РНФ проекта №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

Пытаясь примирить гуманистический подход и синергетическое мышление в анализе сложного социума, С.А. Кравченко говорит о том, что «необходимо движение к нелинейно-гуманистическому мышлению, учитывающему не только парадоксальные разрывы и синтезы в общественном развитии, их синергию и риски, но и ставящего во главу жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма (выделено мной - Е.К.), ориентированных на его экзистенциальные потребности» [2, 182]. На подобную деятельность не способен сегодняшний «субъект-оператор», призванный реализовывать в этом процессе управления социальной и технико-технологической сложностью (в первую очередь – NBICS-конвергенцией) инструментальные функции того или иного масштаба.

Поясним здесь более подробно связь вышеизложенного и проблемы упрощения социальной субъектности в пространствах техносреды с позиций ценностно-нормативной регуляции социальных взаимодействий, тем более, что «социум гетерогенен и это обуславливает гетерогенность глобализации, т. е. социум – совокупность субъектов, не только конвергирующих, но и дивергирующих вплоть до разновекторности. Он не есть «субъект вообще» и не «моносубъект» в частности, но метасистемное поле взаимосвязей, взаимообусловленностей в существовании более чем одного субъекта в виде обществ и представляющих их людей или иных субъектных существ» [3, 267]. Также, как утверждают, и само «...понятие риска является релятивным к ценностям культуры» [1, 36].

Но культурная глобализация и глобализация, например, информационная, не равнозначны. Тогда «каких людей формирует среда WEB 2.0, 3.0 и выше? Насколько иными будут их ценности, жизненные принципы, особенности поведения?» [4].

В отличие от социокультурных матриц, протоколы сетевых киберфизических систем не несут в себе в качестве основы ценностного компонента, или в лучшем случае он вторичен. Следовательно, нормативный компонент предвосхищает ценностный, формируя механистичные паттерны социальных интеракций в таких средах. Однако вся история социокультурной эволюции человечества основана на обратном процессе, ведь нормируется то, что важно – то есть ценности. В этом случае, при условии построения киберфизических систем и новых техногенных нейромиров по образу реальных, необходимо выстраивать их ценностную матрицу, что, вероятно, невозможно на принципах такого подобию ввиду их техногенной онтологии. Алгоритмизированное происхождение и существование Природы 2.0 и Человека 2.0 именно и строится на заданных протоколах, исключая в реальности нелинейность человеческого бытия, построенного как на началах социальной конвергенции, так и дивергенции.

По сути это проблема построения Морали 2.0, 3.0 и так далее. При учете ведущим нормативного компонента, мы с наибольшей вероятностью увидим крайне рациональную мораль. Ведь и искусственный интеллект – это интеллект без сознания, а значит, видимо, и без морали. Вероятно можно было бы скорректировать данную ситуацию, но анализ как превалирующий общелогический методологический императив современной науки не позволяет, вопреки синтезу, уйти за пределы позитивистского мировоззрения, как глубоко бы не проникала постнеклассическая парадигма в современную методологию – инерция еще слишком велика.

«Если обсуждение проблематики социальной ответственности во второй половине прошлого века было тесно связано с личной ответственностью, то в настоящее время сформировано множество консультативных советов и государственных учреждений, появились кодексы этики и регламенты, которые отражают реалии «постакадемической», в терминологии Дж. Займана, науки и её нового этоса» [4, 144]. Не это ли является подтверждением «протокольного» мышления и организации социальной жизни, редуцирующей социальную субъектность как ответственность и самоответственность к кодексам и регламентам, советам и учреждениям.

Унифицированные протоколы коммуникаций киберфизической реальности могут стать (и становятся) семиотическим швом субъектно-актуальных контекстов, имевших раньше для личности относительно автономное, онтологически самостоятельное значение, сообщая формируя определенную социокультурную «палитру». Если рассмотреть этот вопрос хотя бы и через топологическую теорию полей П. Бурдье, вовлекающих личность в различные семиотические пространства коммуникаций, или, говоря уже феноменологическим языком, области значений, в любом случае сегодня мы наблюдаем формирование сущностно-единого, гибридного топологического поля, формируемого именно содержанием и структурой интерфейсов, учитывающих задачу интеграции действующего индивида в глобальные интеракции антропосоциотехносферы, глобальную область знаков и значений – Природу 2.0, Социум 2.0 и далее. В этом заключается развитие информатизации, «Информационного общества» как социокультурной парадигмы. Сохранение различий в коммуникативных протоколах культур в такой среде является как раз серьезным препятствием на пути их интеграции в единое информационное поле, какие бы надежды не возлагались на эмерджентность сетей. Это актуально для описания онтологии самой сети, но не для субъекта. Такое поле будет в отношении социально-топологической структуры интегративным, феноменологически объединит области значений коммуникации. Далее такая коммуникация как культура смыслов, порождаемых из актуализации как цели построения самого ее процесса, а не из содержания, станет и семиотически однородной по причине социальной унификации этих смыслов, рождаемых самим языком киберфизической реальности. Здесь мы и сможем наблюдать рождение смыслов коммуникации не из содержания, а из процесса (В.А. Аршинов, М. Кастельс).

Если в еще недавнем прошлом, например, различная профессиональная принадлежность субъекта порождала различия и провоцировала поиск и согласование «интерфейсов» коммуникации, в первую очередь в виде именно ценностного смысла, интегрирующего профессиональные субкультуры в общей социокультурной канве, то развитие коммуникационных сетей и единых стандартов управления даже относительно «простыми» техногенными объектами порождает технологическую унификацию сводящихся к функциям оператора профессий во всех отраслях хозяйствования, создавая культуру коммуникации субъектов-пользователей, субъектов-операторов. При этом в экономике такого общества в функциональном наборе оператора в умных средах интегрируются посредством концентрации в оперативной среде его управления большинство обслуживающих инфраструктурные объекты нарождающейся Индустрии 4.0 функций, возлагая их на саму техническую систему. Такой субъект осуществляет алгоритмизированное управление сложной технической системой управления, не вторгаясь непосредственно в эти связи. То есть, хотя и осуществляется «управление управлением», но по заданным протоколам, механистично. В таких средах приоритет инструментальных ценностей определен онтологически.

1. Буданов В.Г. Проблемы коэволюции антропо– и техносферы, квантово-синергетический подход // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2014. №4. С. 34-47.
2. Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. №1 (28). С. 180-184.
3. Скачков А.С. Субъектность человечества – метапроблема социальной философии // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2010. № 2. С. 263-270.
4. *Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты : Коллективная монография / В.И. Аршинов, И.А. Асеева, В.Г. Буданов, Е.Г. Гребеникова, О.А. Гримов О.А., Е.Г. Каменский, И.Е. Москалев, С.В. Пирожкова, М.А. Суцин, В.В. Чеклецов / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. 239 с.*

ЯВНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ РИСКИ НЕПРЕРЫВНОЙ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

Карпова Д.Н. (Москва)

Актуальность исследования обусловлена увеличивающейся открытостью российского социума, вызванной переходным периодом, в котором находится страна со времен ликвидации «железного занавеса». Российское общество начало копировать некоторые образцы западного образа жизни, декларировавшего принципы свободы, индивидуальные права, включая право на свободу коммуникации. Одним из проявлений этих реалий стала массовая приобщённость наших граждан к непрерывной онлайн-коммуникации. Речь идет о таком интернет опосредованном взаимодействии индивидов, которое предполагает ежедневное, зачастую непрекращающееся использование мобильных устройств с целью осуществления массовой самокоммуникации как доступного способа формирования личного виртуального пространства [2]. Однако последствия увеличивающейся открытости социума имеют амбивалентный характер. Эйфория от свободы коммуникации и виртуальной мобильности одновременно вызывает тревоги и опасения в связи с потенциальными усложняющимися рисками данной открытости. Именно поэтому важным для исследования является не прирост «мобильной» аудитории интернета, а анализ ненамеренных последствий массового непрерывного использования мобильного интернета, главным образом, рисков, производителями и потребителями которых являются сами акторы виртуального пространства [1].

Эмпирической базой данной работы выступают результаты исследования «Виртуальная свобода и безопасность студентов в интернете», проведенного в 2012-2015 гг. научным коллективом кафедры социологии МГИМО МИД России, в том числе с участием автора работы. В анкетном опросе приняли участие 600 студентов бакалавриата и 129 магистрантов из высших учебных заведений России: МГИМО, МГУ им. Ломоносова и РУДН. В 2016 г. была инициирована серия глубинных интервью со студентами разных курсов МГИМО по проблеме онлайн-коммуникации как доминантной формы общения и сопутствующих ей рисков. Валидность данного исследования обоснована высокой степенью вовлеченности студентов в процесс непрерывной онлайн-коммуникации.

В ходе глубинных интервью были выделены отличительные характеристики непрерывной онлайн-коммуникации:

- 1)одновременность совершения множества сетевых интеракций;
- 2)мгновенность взаимодействия (максимальное сокращения времени на коммуникативный контакт, обратную связь и т.д.);
- 3)открытость как доступность к личной информации и связям индивида или организации;
- 4)возможность осуществления коммуникации от другого лица (скрытия/изменения себя/информации о себе);
- 5)отсутствие нормативного регулирования – социального контроля, снятие социальных табу, запретов;
- 6)пространство горизонтальных связей, уравнивание социальных статусов;
- 7)возможность вернуться к сохранённой истории диалога.

Выделенные характеристики, результаты анкетного опроса студентов, а также вторичный анализ данных исследований российских и зарубежных авторов, дают основания для систематизации проявлений рисков непрерывной онлайн-коммуникации. Используя методологические принципы функционального анализа Р. Мертона, предполагаем, что существует два вида рисков: явные и латентные. К явным относятся проявления рисков, которые осознаны акторами непрерывной онлайн-коммуникации и могут быть просчитаны. К латентным – те, которые не могут быть просчитаны и слабо осознаются акторами непрерывной онлайн-коммуникации.

Проявлениями явных рисков непрерывной онлайн-коммуникации были выявлены:

- 1) киберриски, при которых киберпреступникам удаётся манипулировать личными данными, финансовыми средствами жертвы с целью нанесения экономического, репутационного, политического, морального, идеологического, культурного и других видов ущерба.
- 2) контентные риски, связанные с угрозой получения нежелательного или опасного контента в интернете. Под опасным контентом понимается информация, которая может дисфункционально сказаться на психическом или физическом здоровье человека: сцены сексуального характера, насилия, агрессии, религиозно-сектантские сайты, а также ресурсы,

содержащие явные или скрытые призывы к причинению вреда здоровью (анорексия, булимия, суицид) и другие.

3) коммуникационные риски, при возникновении которых обидчик намеренно устанавливает доверительное поле интеракции с потенциальной жертвой с целью нанесения психологической или физической травмы. Примерами таких рисков могут быть следующие девиантные проявления: 1) незаконный контакт и 2) интернет-третирование или кибербуллинг.

К проявлениям латентных рисков относятся:

1) психо-когнитивные риски как особые формы зависимости индивидов от функций мобильных устройств. К ним относятся интернет-аддикция как форма индивидуальной зависимости, при которой человек «поглощается» информационными, игровыми и иными видами компьютерной деятельности, зачастую утрачивая чувство реального времени и уходя в мир виртуальной реальности. Эффект Google как ненамеренное приписывание себе информации в качестве части собственных умственных способностей, найденной при помощи поисковых систем в интернете. Синдром фантомного звонка как навязчивое маниакальное поведение индивидов, сопровождающееся постоянным обращением к персональному техническому устройству с целью удостовериться в наличии/отсутствии пропущенного звонка или сообщения без видимых на то причин.

2) ко второму виду латентных рисков относится проявление, обозначенное в исследовании в духе английского социолога З. Баумана «текучей индивидуальностью». Подобная характеристика латентных рисков олицетворяет ранее неизвестную способность технологических средств постоянно изменять самость пользователей сети в процессе их непрерывной онлайн-коммуникации.

3) третьим видом латентных рисков является «гибкая интимность», под которой подразумевается амбивалентная природа интимных межличностных отношений, которые трансформируются в эпоху массового использования доступного мобильного интернета.

4) четвёртым видом латентных рисков является «анонимная доверительность», то есть такое доверие технологическим системам (облачным сервисам, памяти телефону, открыто публикуемой личной информации в интернете и др.), при котором субъективное ощущение безопасности индивида (онтологическая безопасность) трансформируется в полную открытость этим системам.

5) пятой формой латентных рисков непрерывной онлайн-коммуникации стала «эфемерная дружба», под которой подразумевается непринуждённость образования и разрыва дружественных связей между людьми в электронно-сетевом взаимодействии.

В данной работе мы приходим к выводу, что проявления как явных, так и латентных рисков непрерывной онлайн-коммуникации имеют множественные последствия для различных социально-демографических категорий населения. Потенциальная вероятность стать потребителем рисков непрерывной онлайн-коммуникации высока и для активных пользователей виртуального пространства (дети и молодежь), и для людей, слабо вовлечённых в самокоммуникацию (представители пожилого возраста).

Таким образом, предложенные в ходе исследования методологические основания и выводы в дальнейшем могут способствовать более глубокому и детальному изучению возможных рисков виртуального взаимодействия индивидов и предотвращению патологических проблем от чрезмерного и небезопасного использования мобильных средств связи.

1. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С.А. Кравченко / Москва: Анкил, 2009.

2. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ ПОДХОД И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ИССЛЕДОВАНИИ ЗДОРОВЬЯ

Колпина Л.В., Артеменко О. И. (Белгород)

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-03-00203. «Потенциал местного сообщества в формировании социального здоровья населения старших возрастных групп»
Рук. – Л.В. Колпина

В статье обосновывается значимость исследования механизмов поддержания здоровья с позиции социально-сетевого подхода в условиях перехода современных обществ от медикализма к социальной парадигме здоровья. При этом, заложенные в социальных сетях ресурсы (в широком понимании - эмоциональные, мотивационные, материальные, инструментальные, информационные и пр.) рассматриваются как компенсация недостаточности собственных ресурсов участников сети в поддержании и укреплении здоровья.

The importance of health maintenance mechanisms research from a line item of social and network approach in the conditions of modern societies transition from a medicalism to a health social paradigm is proved in the article. At the same time, the pledged on social networks resources (in broad understanding - emotional, motivational, material, tool, information and so forth) are considered as compensation of insufficiency of own resources of network participants in maintenance and strengthening of health.

Ценность здоровья априорна, а потому поиск ресурсов его сохранения и укрепления является важнейшей задачей науки и практики. Долгое время в решении этой задачи господствовал медикалистский подход к здоровью, в рамках которого здоровье зависело, в первую очередь, от возможностей медицины и доступа к ресурсам здравоохранения. Но когда медикалистский подход начал обнаруживать свою несостоятельность в решении ряда методологических и практических вопросов, касающихся здоровья, начала формироваться социальная парадигма здоровья, одной из специфических черт которой является формирование комплексного подхода к здоровью, где его факторами признаются как характеристики внешней, в том числе, социальной среды, так и личности и ее социальных отношений.

Этому же способствовало определение, принятое ВОЗ, в котором была озвучена трехкомпонентная модель здоровья, включающая в себя не только физический и психологический (психический), но и социальный аспект. Несмотря на то, что физический и психический компоненты здоровья характеризуют состояние человека, тем не менее, социальную составляющую здоровья долгое время принято было оценивать с позиции справедливости организации общественных отношений, а именно: доступа к услугам здравоохранения. Затем, стали появляться работы, определяющие социальное здоровье через социальный статус человека, то есть, уже через характеристику человека, а не социальной среды, хотя в большинстве этих работ такая связь опосредуется экономическим статусом, уровнем материального благосостояния человека, которые опять же характеризуют в большей мере, организацию общественных отношений, чем характеристики здоровья.

В 80-ых годах прошлого века на западе активизировались исследования, связанные с изучением влияния социальных параметров личности на здоровье. И здесь свое применение нашли социально-сетевой подход и теория социального капитала. Следует отметить взаимосвязь этих подходов, поскольку социальные сети являются материальным носителем социального капитала, а возможности, заложенные в сетях отношений, по сути, и есть капитал. При этом важным условием формирования такого капитала являются доверие и соблюдение норм взаимности. И, как показали исследования, все это имеет прямое отношение к здоровью. В частности, в России здоровье тех, кто доверяет другим, оценивается выше приблизительно на 8%, чем у тех, кто не доверяет, в Украине этот показатель составляет 12%, в Белоруссии - 23% [2, с. 217]. Показатели самооценки здоровья выше у тех людей, которые входят в формальные и неформальные сети, имеют возможность опереться на друзей во время болезни, обладают более высоким уровнем доверия. А показатели смертности ниже в тех регионах, где выше ресурсы социального капитала, измеренного с помощью агрегированных показателей социальной сплоченности, гражданского участия, доверия руководству, включенности в социальные сети [3].

Каким же образом социальные отношения влияют на здоровье? Такая возможность, по мнению исследователей, связана с заложенными в них ресурсами (социальным капиталом). Это могут быть: финансовая и материальная поддержка (помощь медикаментами или средствами на них, на организацию качественного лечения), помощь – бытовая, консультационно-информационная, в поисках «нужных связей». Для пожилых людей, в силу снижения их автономности, такая поддержка особенно важна. Так, исследование показало, что у одиноких пожилых людей чаще встречаются проблемы со здоровьем, обусловленные неправильным питанием, которое, в свою очередь, вызвано высокой зависимостью качества их питания от помощи и поддержки, оказываемой им другими людьми [7].

Социальный капитал может иметь индивидуальный или групповой характер [1]. Индивидуальный социальный капитал – это возможности, заложенные в межличностных

отношениях, групповой – обусловленные членством в той или иной социальной общности. Примером индивидуального социального капитала, обуславливающего возможность человека к поддержанию и укреплению здоровья, являются, например, отношения с соседями или родственниками, которые помогают пожилому человеку измерять кровяное давление, выполнять те или иные назначения врача. Примером группового социального капитала могут служить социальные услуги, которые предоставляет община своим членам, или социальные блага, предоставляемые предприятием своим работникам и пр.

Влияние на здоровье человека оказывают также механизмы социальной регуляции. Так, принятый в кругах общения индивида образ жизни оказывает влияние на него самого как путем «психологического заражения», так и через порицание несоответствующего поведения. Например, одним из объяснений более высокой продолжительности жизни женатых мужчин, в сравнении с холостыми, является то, что многие жены контролируют своих супругов, снижая тем самым у них риски поведения, влекущего за собой негативные последствия для здоровья [5; 6]. Другое исследование показало более низкие значения функциональной нетрудоспособности среди людей, демонстрирующих активность в религиозных общинах. В качестве одного из объяснений этому выступает принятое в них здоровьесберегающее поведение [5]. С другой стороны, например, чрезмерное употребление алкоголя или переизбыток может быть нормативным в некоторых контекстах, представляя собой способ установления контактов с другими.

Социальная поддержка может оказывать косвенное воздействие на здоровые привычки посредством усиления психического здоровья за счет снижения воздействия стресса. Так, исследования доказывают, что люди, которые чувствуют поддержку своих друзей и членов семьи, имеют более сильное ощущение смысла бытия, чувствуют себя комфортно как в обычной, так и в стрессовой ситуации. Кроме того, эмоциональное благополучие, сопряженное с позитивными социальными контактами, оказалось связано с такими физическими индикаторами здоровья как нормальное кровяное давление и иммунная реакция [4]. Таким образом, позитивные социальные контакты несут в себе мощный эмоциональный заряд, дающий стимул к жизни, здоровьесбережению, преодолению проблем, в том числе, связанных с ухудшением физического здоровья, что особенно актуально в пожилом возрасте.

Люди, включенные в разнообразные сети общения, имеют больше возможностей для применения своего интеллектуального потенциала, а значит, для его развития. Поэтому пожилые люди с высоким уровнем социальной активности, участвующие в добровольческой деятельности, реже, чем их более «атомизированные» ровесники, испытывают снижение когнитивного функционирования, на 60% у них снижается риск наступления старческой деменции. Пожилые люди, оказывающие поддержку другим, также чаще сообщают о положительных эмоциях, наличии жизненных целей, что коррелирует с более высокими значениями здоровья [4, p.383].

Таким образом, заложенные в социальных сетях ресурсы - в самом широком смысле (эмоциональные, мотивационные, материальные, инструментальные, информационные и пр.), можно рассматривать как компенсаторный механизм недостаточности собственных ресурсов участников сети в поддержании и укреплении здоровья. Доказательством этому является позитивное влияние на здоровье положительных социальных связей и отношений, и, негативное – отрицательных. Во многих случаях трудно определить, что первично, а что вторично: либо больные люди меньше включены в социальные сети в силу снижения возможностей общения, либо здоровые люди здоровы именно потому, что включенность в сети общения и поддержки благотворно влияет на их состояние. Тем не менее, выделенные механизмы с очевидностью доказывают роль социальных сетей в поддержании и укреплении, как физического, так и психического здоровья, в силу чего данное исследовательское направление заслуживает серьезного внимания и поддержки.

1. Колтина Л.В., Вангородская С.А., Реутов Е.В. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект: монография. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БЕЛГУ», 2013. – 284 с.
2. Нилов В.М. Социальный капитал и здоровье: методологические проблемы исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 217-220.
3. Русинова Н.Л., Панова Л.Н., Сафронов В.В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 87 – 100.
4. Charles S., Carstensen L.L. Social and emotional aging //Annual review of psychology. – 2010. – Т. 61. – P. 383.

5. Idler E. L. *Religious involvement and the health of the elderly: Some hypotheses and an initial test* // *Social Forces*. – 1987. – Т. 66. – №. 1. – P. 226-238.
6. Umberson D. *Gender, marital status and the social control of health behavior* // *Social science & medicine*. – 1992. – Т. 34. – №. 8. – С. 907-917;
7. Walker D., Beauchene R. E. *The relationship of loneliness, social isolation, and physical health to dietary adequacy of independently living elderly* // *Journal of the American Dietetic Association*. – 1991. – Т. 91. – №. 3. – С. 300-304.

УРОВНИ СОЦИОГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ЗАПАДНОМ МАРКСИЗМЕ: МИР, СТРАНА, РЕГИОН И ГОРОД

Кононов М.Ю. (Москва)

В изучении взаимодействия географической среды с обществом, в отличие от любой другой среды (материальной в целом, природной или антропогенной), делается акцент не просто на пространственно-территориальных отношениях, либо на отношениях познавательной-практической деятельности в социальных рамках, а, прежде всего, на взаимоотношениях общества, конкретного индивида или группы и места (местности), в разнообразии его (её) географических форм. В определенном смысле и географическая оболочка планеты Земля является уникальным местом жизни и существования человечества и человеческого общества.

Конкретное место рассматривается по отношению к тому или иному географическому фону, базовой составляющей которого оно является. Соответственно, масштаб этого места может меняться от планетарного (если мы рассматриваем глобальные процессы) до крайне локального (вплоть до городского микрорайона). Через призму социогеографии, как социологической дисциплины, изучающей географическую организацию и реализацию жизни общества, а также социальные процессы, связанные с реализацией отношений между обществом и его географической средой, мы должны постараться найти социальную форму (или формы) взаимодействий между общественными группами или целым и местом. Такое место необходимо является географической средой социальной жизни.

Основными и рассмотренными в данной статье уровнями социогеографического анализа традиционно выступают: глобальный (социология глобальных процессов, глобалистика), уровень страны и региона (страноведение и регионалистика), уровень города (социальная урбанистика). Изучение каждого из этих уровней имеет свои особенности, методологические традиции и дисциплинарные границы, о которых подробнее будет сказано ниже.

Уровень страны и региона практически идентичны в пространственном отношении и являются хотя и расплывчатыми, но строго определенными в своем качестве категориями. Различие между ними кроется в методологии рассмотрения. Страна мыслится как некая целостная или уникальная культурно-историческая и социально-экономическая территориальная единица, в то время как регион – специфическая часть географического целого (глобального или локального, например, макрорегион). Схожими характеристиками обладает и край, однако, как дисциплина, краеведение взаимозаменяемо регионоведением, а как общественная практика состоит больше в накоплении научного и популярного знания о конкретном объекте. Оговоримся, на всякий случай: данные дисциплины (глобалистика, регионоведение, страноведение) интересуют нас исключительно в рамках социологического знания.

Исторически социальная урбанистика имеет несколько источников. Это классические социологические парадигмы, в рамках которых проводится «городская» рефлексия и городские исследования. Это исторические школы (школа «Анналов»), а также регионоведческие школы (школа пространственного анализа, теория полюсов роста). Регионалистика, имеющая преимущество экономико-географическое происхождение, по мере углубления теоретической базы исследований подвергается социологизации. Глобалистика помимо характерного для её истоков пласта экономических теорий имеет также источники в исторических и социологических школах (многочисленные социологические теории глобализации). В последнее время все большую актуальность приобретают исследования «глобальных городов» на стыке урбанистики и глобалистики.

Следует и четко разграничить подходы социологии города и социальной урбанистики – дисциплин, тесно переплетенных и имеющих сходное предметное поле. Социология города изучает специфику социальных отношений внутри городского сообщества, присущие городу социальные институты и группы. Социальная урбанистика делает акцент на изучении специфики территориально-пространственных форм общественной жизни города, обращает внимание на

процессы зарождения и упадка городов, учитывая многообразие форм их пространственной структуры в качестве единиц социальности и, таким образом, предлагает комплексный социологический подход в изучении предмета, используя язык вспомогательных наук, разработавших понятийный аппарат для данного поля. Подобная (присущая социальной урбанистике) трактовка географических форм в качестве единиц социальности не была присуща классическому марксизму, который, прежде всего, опирался на изучение базиса социальных отношений, и в зависимости от степени вульгаризации, избегал изучения пространственных форм как надстроечных явлений. Традиция социологизма неявно или косвенно вошла в труды первых марксистских теоретиков с изрядным тяготением к экономизму. Уместно будет здесь и известное замечание, о том, что социологическая теория Маркса и марксизм развивались отдельно, и в этом огромная идеологическая роль марксизма в науке. Базисно-надстроечный характер пространственно-территориальных форм, как и противостоящая и социологизму и редукционизму их трактовка, с одной стороны дань духу постмодернистской культуры, с другой же - закономерный процесс, объясняющийся с точки зрения будущей интеграции наук.

1. Лавров С.Б., Преображенский В.С., Сдасюк Г.В. Современная "радикальная" география Запада: корни, история и позиции // Известия АН СССР. Серия географическая, 1979
2. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). . — М.: «Современные тетради». 2003. — 776 с
- 3 Harvey D. Spaces of neoliberalisation: towards a theory of uneven geographical development / Hettner-Lecture 2004 with David Harvey.—Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005.
- 4.Lefebvre H. The Production of Space — Oxford: Basil Blackwell, 1991
- 5.Tahl Kaminer; Miguel Robles-Durán; Heidi Sohn; M Christine Boyer Urban asymmetries : studies and projects on neoliberal urbanization . — Rotterdam, 2011

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИИ

Корнеева И.И. (Москва)

В конце XX - начале XXI в. в отечественной социологии появилось много трудов, посвященных феномену манипуляции общественным сознанием. Но, как правило, это явление анализируется авторами с точки зрения психологического или политологического подходов. В рамках психологического подхода стоит отметить теории, сформулированные представителями психоаналитической школы и их последователями. Это теории бессознательного (З. Фрейд), коллективного бессознательного и архетипов (К.Г. Юнг), концепция индивидуальной теории личности (А. Адлер). Весомый вклад в теорию и методологию исследования манипуляции сознанием внесла школа бихевиоризма (Э. Газри, Б. Скиннер). В ней обосновывалось явление групповых рефлексов и возможность их использования при манипуляции широкими массами. Большое распространение в изучении манипуляции сознанием получили разработки в русле психологии толпы (Г. Ле Бон, Г.Тард). Известны также работы отечественных психологов, сделавших попытки объяснить механизмы манипуляции (Е.Доценко, С.А.Зелинский, О.П. Березкина и др.)

В политологии манипуляция сознанием изучалась как технология международного информационного противоборства, как процесс и результат воздействия политических элит через СМИ в рамках электорального процесса (С. Фаер) или при реализации так называемых «цветных революций» (С. Кара-Мурза). Также эвристический потенциал несет разработанное итальянским ученым А. Грамши учение о гегемонии.

Однако представляется, что для исследования технологий манипуляции общественным сознанием в России необходимо привлекать и чисто социологические теории. Так, идеи Ж. Бодрийяра, сформулированные в его работах «Символический обмен и смерть» (1976), «В тени молчаливого большинства, или конец социального» (1978), «Симулякр и симуляции» (1981) и ряде других, направлены на объяснение процессов сознательной подмены реальных смыслов искусственными. Введенные им в социологический дискурс понятия «гиперреальность» и «симулякр» достаточно точно отражают особенность современной социальной реальности.

Теории Ж. Бодрийяра считаются в социологической науке критическими, так как постулируют конец социального и наступление постреальности, в которой люди живут в искусственно созданном, навязанном им мире (гиперреальности). И социальные науки, таким образом, обречены, считает Бодрийяр. Но если абстрагироваться от критики идей этого ученого, разве не наблюдаем мы в настоящем разрыв между декларируемыми политическими элитами намерениями и реальностью их действий? Ответ будет положительным, стоит только проанализировать программные документы политических партий, их агитационные заявления, лозунги, используемые во время совершения государственных переворотов и революций и т.д.

Наблюдаемый лаг является незримым следствием использования социальных технологий по управлению общественным сознанием – как во внутривнутриполитической жизни отдельных государств, так и в процессе международных отношений.

Сам Бодрийяр считает невозможным взаимообмен между теорией и действительностью, между мыслями и миром взаимодействий. Он полагает, что истина всегда ускользает от «схватывания ее мыслью». Однако можно сделать вывод о том, что уже само описание им этого вида реальности, наполненной актами манипуляции общественным сознанием, представляет собой теоретический вклад в разработку социологических концепций по профилактике и противодействию манипулятивным социальным технологиям.

Предположение Ж. Бодрийяра о том, что в XX веке западное общество стало обществом потребления, в котором товаром являются не только вещи, но и знаки, и символы, актуально и для современного российского социума. Более того, ученый подчеркивает важность исследования мифологичности общественного сознания, управляемого через вербальные и невербальные инструменты. Совокупность этих инструментов, которые используются субъектами манипуляции в соответствии с разработанной социальной программой, стратегией или социальной картой, и составляют содержание социальных технологий манипуляции общественным сознанием.

Подобное восприятие гиперреальности и программ управления сознанием масс можно видеть и в работах Ю. Хабермаса («От картин мира к жизненному миру», 2011). Немецкий социолог говорит о том, что в современном обществе кроме социальной интеграции наблюдаются механизмы системной (в противоположность социальной) интеграции. При этом последние подчиняют первых и действуют скрыто на жизненный мир, формируя «ложное сознание». Следствием этого, по Хабермасу, является фрагментация обыденного сознания, легко подвергаемая искусственному воздействию.

Подобные мысли отражаются в работах З. Баумана («Текущая современность», 2008). Он, характеризуя современность, также подчеркивает ее «текучий, не плотный вид», в котором фиксируется разрыв в общественном сознании масс и элиты. Ученый апеллирует к факту формирования разных сосуществующих параллельно миров для двух классов – «плотного», «материального» для низших слоев населения, которые живут здесь и сейчас, и «нигдеиного», «экстерриториального», «глобального» для высших слоев, для политической элиты, управляющей на расстоянии с помощью многообразных каналов коммуникации. Бауман делает вывод, что оторванность элиты от «жизненного мира» народа является причиной того, что ожидания масс никогда не найдут воплощения в делах правящей элиты. Этот вывод британского ученого объясняет факт намеренной театрализации и популяризации современных политических процессов в ряде стран, которые служат только цели создания в общественном сознании образа государства «всеобщего благоденствия» и не находят воплощения в реальных политических действиях.

Полезными для интерпретации механизмов действия социальных технологий манипуляции сознанием являются теории информационного общества. В частности, М. Кастельс, ссылаясь на американских исследователей Дж. Доси, К.Фримена и К. Перес, заявляет о новом характере современных трансформаций в социальных отношениях («Информационная эпоха: экономика, общество и культура», 2000). Он говорит о том, что произошла информационно – технологическая революция, в результате которой информация уже создается для воздействия на другую информацию и сама является технологией. Информация пронизывает все аспекты человеческой деятельности, поэтому в информационную эпоху появляется возможность эффективного всестороннего влияния на массы.

Но перечисленные выше теории являются репрезентацией западных реалий. В современной российской социологии также существуют концепции, которые позволяют дать интерпретацию процессу виртуализации и театрализации политической сферы и объяснить особенности социальных технологий манипуляции сознанием российских граждан. В данной

проблематике работает Ж.Т. Тощенко. В его работе «Фантомы российского общества» (2015) разработана методологическая основа выявления фантомов общественного сознания, на основе качественного анализа представлена классификация этого феномена и раскрыты многочисленные типы фантомных процессов. В целом, можно отметить фундаментальность данного труда Ж.Т. Тощенко, раскрывшего важнейшую черту современного российского общества – рост субъективности, фрагментарность, размытость ценностных установок, которые легко поддаются манипулятивным техникам.

Большое теоретико – методологическое наследие для исследования современных социальных технологий манипуляции общественным сознанием оставил В.А. Ядов. Его многочисленные труды были сосредоточены на проблематике идеологии, пропаганды, объяснения и прогнозирования социального поведения личности. Особенно значимыми являются выводы В.А. Ядова по методологии и методике конкретных социологических исследований процессов трансформации сознания россиян («Нужна ли сегодня национальная русская социология?», 2008). Ученый настаивал на том, что привлечение так называемых гранд-теорий (мировых) в социологическом анализе необходимо, но для получения репрезентативных данных нельзя обойтись без отечественных микротеорий. Только они способны объяснить реалии повседневной жизни и национально – культурные особенности предмета научного анализа.

Российская социология в наши дни только стоит на пороге осмысления и выдвижения интегрированных макро – микротеорий, совмещающих в себе достоинства универсальных и одновременно самобытных концепций. Такие теории, находящиеся на стыке социальных, гуманитарных, естественных и технических наук будут обладать мощным эвристическим потенциалом для объяснения процессов активного внедрения в XX – XXI вв. технологий театрализации социальных процессов, управляемых в интересах узких политических и экономических интересов.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ, ФАКТОРОВ И МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Корохов Б.Г. (Москва)

Одним из актуальных и перспективных направлений исследования в области политической социологии является изучение политической социализации.

Исследование политической социализации начинается в середине прошлого столетия, впервые данный термин ввел в научный оборот американский теоретик Г.Хаймен.[1, 23] Процесс политической социализации имеет различные трактовки и определения, но общепризнанным и классическим в социологической литературе считается определение сформулированное американскими учеными Д.Истоном и Дж.Деннисом. «Политическая социализация – процесс, с помощью которого общество передает от поколения к поколению политические ориентации, знания, установки, нормы и ценности».[3, 107]

Политическая социализация является сложным и многофакторный процесс, в своем исследовании мы придерживались комплексного, системного понимания данного процесса. Можно выделить основные характеристики и структурные элементы процесса политической социализации:

- Процесс усвоения, сохранения и трансформации политической культуры, посредством усвоения политических норм и ценностей различными возрастными когортами.
- Вхождение индивида в политическое пространство, приобретение знаний и навыков для ориентации и адаптации в политической среде, выработка моделей политического поведения.
- Формирование идентичности с определенной группой и обществом.
- Формирование политического «Я» - совокупность мнений и установок в отношении политической системы.

Модели политической социализации рассматриваются в социологической и политологической литературе в различных аспектах. Одним из критериев, на основе которого можно выделить различные модели передачи социально-политических норм является уровень

гомогенность политической культуры. В зависимости от уровня стабильности общества и политической системы, процесс усвоения норм и ценностей культуры происходит по-разному. Можно выделить четыре модели (типа) политической социализации:

1. Гармоническая. Объективным условием для функционирования данной модели существование развитого гражданского общества и культуры политического участия.

2. Плюралистическая. Важной характеристикой данной модели выступает высокая степень политического плюрализма в политической системе, существуют различные конкурирующие группы. Данная модель характерна для обществ с развитой демократией и многопартийной системой.

3. Гегемоническая – модель политической социализации, характерна для закрытых политических систем. В рамках данной модели процесс политической социализации предельно детерминирован государственной идеологией. Большинство институтов, которые выполняют функцию политической социализации (школа, учебные заведения, армия) находятся под контролем государства и оказывают однонаправленное воздействие на формирование политических взглядов индивида.

4. Конфликтная. Данная модель политической социализации характерна, по преимуществу, для обществ «незападного типа» с историческими традициями авторитарного правления.

Следует сказать, что вышеуказанная классификация является определенным аналитическим конструктом, идеальными типами, выделенными и сконструированными из реального процесса социального взаимодействия.

На данный момент, в рамках отечественной социологии остается актуальным анализ политической социализации в условиях переходного периода и трансформации, поскольку не выработан единый методологический подход к исследованию процесса политической социализации в условиях различного рода изменений. В условиях переходного периода можно говорить о таком явлении как ресоциализации (процесс обратной социализации) определенных возрастных когорт (в основном представители старшего поколения).

Для комплексного и системного анализа политической социализации необходимо рассмотреть факторы, оказывающие влияние на данный процесс. Можно концептуализировать категорию факторов политической социализации как объективные и субъективные условия протекания процесса политической социализации. Помимо условий, значительную роль играют агенты социализации, определенные события и т.д. «Эти обобщенные социальные факторы действуют на нас и непосредственно. Так, скажем, коснувшаяся человека безработица или война быстро меняют многие его представления о жизни, иногда весьма глубинные. Но чаще всего факторы выступают в виде персонифицированных носителей общественного мнения, которые получили название агентов социализации». [2,135] Воздействие различных факторов и агентов политической социализации формирует механизм политической социализации.

В рамках исследования политической социализации российского общества мы будем рассматривать изменение политической и экономической системы в 1990-е годы, вследствие чего изменилась модель политической социализации.

1. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Шестопал Е.Б. М., 2008.

2. Шестопал Е.Б. Политическая психология. М., 2002.

3. Карпова Н.В. Социология политической культуры. М., 2012.

4. Преснякова Л.А. Теория политической социализации в условиях современной трансформации политических систем // Политические исследования. 2002. №2.

5. Тощенко Ж.Т. Политическая социология. М., 2013.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ: КОНТУРЫ НОВОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Куклин Г.А. (Санкт-Петербург)

В истории социологической науки сложилась сложная структура исследований социологией самой себя или социологом самого себя, поле которых можно обозначить как рефлексивный анализ. В последнее время возник целый ряд попыток концептуализации и систематизации этих исследований, что, с одной стороны, позволило окончательно оформиться ряду дискурсивных традиций рефлексивного анализа, а с другой стороны, показало единство их

проблематик, исследовательских методов, терминологии. Эти традиции условно можно обозначить как «метасоциология», «социологическая рефлексивность» и «критика»[1].

Идея метасоциологии прямо наследует математическим и логическим проектам метатеории, а также лингвистическими моделями метаязыка. В интерпретации Дж. Ритцера[3] идея метасоциологии оказывается тесно связана с полем дискуссии о парадигме в интерпретации Т. Куна, что, в свою очередь, связывает «метасоциологию», с одной стороны, с дискурсом, который принято называть философией науки, а с другой стороны, с интерпретацией категории «парадигма» Р. Мертоном. Оба этих поля тесно связаны с широким контекстом исследований науки и, в частности, социологией науки и техники, к которой принадлежит эмпирический контекст критики рефлексивного анализа Б. Латюра, в которой одно из центральных мест занимает уже модель семантической метатеории А. Греймаса[2]. Кроме того, именно в рамках рецепции модели науки Т. Куна в социологии Р. Фридрихс вводит термин «социология социологии», далее употребляющийся в различных контекстах. Терминологически, следуя значению «мета» как «выходу за пределы», сегодня традиция метасоциологии указывает на междисциплинарные связи социологической науки[4]. Кроме того, здесь возникает проблема метанаучного статуса самой социологии.

Термин «социологическая рефлексивность» является выражением современного единства двух еще недавно независимых исследовательских полей: проблематики рефлексивности как специфического социального феномена и эпистемологических идей рефлексии в социологии[5, 6]. Категория рефлексивности употребляется в социологии в трех основных значениях: как характеристика социальной системы, как индивидуальная способность акторов и как эпистемологический принцип социологического исследования. При этом, социальный мир существует в форме процесса рефлексивного переописания, а социологическое описание непосредственно в нем участвует[7, 8]. Идея рефлексивности как системной характеристики общества связана с исследованиями кибернетики, синергетики, теории систем, а также термодинамики. В этом поле оказываются идеи самореференции и аутопоiesиса Н. Лумана, а также попытки концептуализации социального пространства и времени: идеи нелинейности, текучести, необратимости, эмерджентности, хронотопа и другие[9]. Индивидуальный аспект, прежде всего, связан с исследованиями рефлексивности как элемента социологической теории действия. Здесь эта традиция связана с психологическими исследованиями возникновения и функционирования феномена сознания, с исследованиями феномена рациональности и отсюда экономическими исследованиями, и с исследованиями языка[10]. Последние, благодаря идеям Л. Витгенштейна, Э. Сепира, Р. Остина и других, во многом оказываются центральными для ряда социологических подходов, прежде всего, теории практик, и связывают идею рефлексивности с широким контекстом исследований науки, а также критической теорией общества. В идее апофатической рефлексивности Н. Мозелиса эта традиция связывается с широким контекстом духовных практик и теологическими коннотациями категории рефлексии. Эпистемологический аспект традиции социологической рефлексивности связан с феноменологической философией и феноменологической философией науки через рецепцию Пьером Бурдьё[11] идей Г. Башляра. Активное употребление Бурдьё категории «эпистемологии» может служить поводом отнесения именно к традиции рефлексивности историю употребления этого термина в социологии: структуралистской интерпретации М. Фуко, модели эволюционной эпистемологии К. Поппера, связанной с философией языка модели П. Уинча, идей отечественных авторов В. Плахова, Ю. Качанова, Г. Юдина, и других. Здесь же образуется поле пересечения идей эпистемологии социологии с социальной эпистемологией.

Традиция критики восходит к немецкой классической философии и последующей интерпретации философского проекта модерна франкфуртской школой, и, затем, исследованиями, выстраивающимися вокруг идей Ю. Хабермаса и М. Фуко[12]. Термин «критическая социология» сохраняет связи с марксизмом[13], хотя и постепенно обретает расширенное значение[14]. Критическая теория общества во многом повторяют центральную проблематику дискуссии рефлексивности, но уже в этической и политической плоскостях: поиск нормативных позиций для критики общества сталкивается с исследованиями природы самого субъекта критики[15]. Отсюда критическая теория создает широкое поле дискуссий, включающее различные интеллектуальный контексты: постструктурализм, различные формы конструктивизма, феминистская критика, постмарксизм, а также психоанализ школы М. Лакана, неомарксизм Л. Альтюссера, исследования морали, политическая теория, исследования языка и другие. В рамках дискурс-анализа появляется специфическое направление «критика критики»[16]. Отдельно следует отметить критику

критической теории в концепции политической эпистемологии Б. Латура, что связывает эту традицию с исследованиями науки. Большой вклад в развитие дискуссии критики вносит традиция литературной критики, в частности работы В. Беньямина.

Три традиции имеют сложную историю взаимопроникновения. К примеру, категория метатеории появляется в философии М. Мамардашвили и А. Пятигорского в связи с попыткой решения проблемы концептуализации категории сознания, что связывает метасоциологию с традицией социологической рефлексивности, восходящей к феноменологической школе философии. Эти традиции также пересекаются благодаря идее метаполитики Х. Плесснера, предложенной У. Беком в качестве концепции политики, адекватной рефлексивному модерну. Термин «мета» в составе категории «метафизики» является одним из центральных для традиции критической теории общества[17]. С критической теорией здесь появляется и другие связи: через категорию метанарратива, возникшую в дискуссиях вокруг творчества Ж.-Ф. Лиотара и семиотических исследований, категорию метаэтики Дж. Мура, опосредованно указывающую на проблематику властных импликаций формализованного дискурса, идею физической метафизики М. Мамардашвили, через употребление категории метаязык в литературной критике Р. Барта, употреблением термина «метапсихология» З. Фрейдом и другие. Эпистемологическая значимость субъективного взгляда социолога, так или иначе провозглашенная и А. Гоулднером, и Ч.-Р. Миллсом, и Р. Фридрихсом, соответственно связывает традицию социологической рефлексивности как с левой критикой, так и с контекстом социологии науки. С критической теорией эту традицию в том числе тесно связывают попытки вывести ее историю в ряде работ[18] из идей саморефлексии исторического духа Х. Фрайера, восходящие к гегелевскому проекту модерна, и продолженные в форме «социологической саморефлексии» Г. Шельски. Далее, в идеях Ж. Лакана можно проследить связь критической теории общества с кибернетическими и семиотическими подходами к сознанию, что, в свою очередь сближает эти подходы с идеями Н. Лумана и М. Мамардашвили, что, в свою очередь, отсылает эту дискуссию к категории метатеории. Здесь эти традиции связываются и с дискуссиями по поводу гуманизма в связи с исследованиями субъекта уже в рамках критической теории общества. Кроме того, широкий философский контекст употребления термина рефлексия, начиная с Г. Фихте, позволяет проследить связи этой традиции вплоть до центральных для критической теории общества идей рациональности Ю. Хабермаса, а также широкой критики разума как категории модерна. В целом, традиция критики связывает другие традиции рефлексивного анализа в социологии с широким полем исследований феноменов власти, субъекта, истины, коммуникации, языка, искусства, религии.

Помимо этих трех эксплицитных традиций, выраженных в уже сложившихся концептуальных моделях, в социологическом дискурсе существует ряд имплицитных дискуссий и отдельных исследований, связанных с категориями «социологическая эпистемология», «социологическая методология», «социология социологии», «социальная философия», «философия социологии», «история социологии», «теоретико-методологический анализ» и другими.

Видно, как рефлексивный анализ образует поле пересечения наиболее глубоких, философских и научных исследований социологии. Центром схождения этих интеллектуальных усилий становится вопрос об онтологии, а именно что есть или кто есть в основании социального мира. Этот вопрос ставит под сомнение идею социологизма Дюркгейма. Наиболее ценным и перспективным становится незамкнутость этой дискуссии не только привычными дисциплинарными рамками социологии, но и рамками научной картины мира.

1. Куклин Г. А. Структура рефлексивного анализа в истории социологии. Кlio. 2015. № 10. С. 9-14.
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
3. Ritzer G. *Metatheorizing: Key Issues in Sociological Theory*. California and London, SAGE Publications, Newbury Park, 1992.
4. Villa F. *Sociology and metasociology: a journey of over half a century*// Paul Hanly Furfey's *Quest for a Good Society*/ Eds. Bronislaw Misztal, Francesco Villa and Eric Sean Williams. Washington, The Council for Research in Values and Philosophy, 2005. P. 45-71.
5. Lynch M. *Against Reflexivity as an Academic Virtue and Source of Privileged Knowledge*// *Theory, Culture & Society*. №17(3). 2000. P. 26-54.
6. Tsekeris C., Katrivesis N. *Reflexivity Sociological theory and social action*// *Facta Universitatis. Series: Philosophy, Sociology, Psychology and History*. Vol. 7. No. 1. 2008. P. 1-12.

7. Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический Проект, 2005.
8. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. California: Stanford University Press, 1994.
9. Tsekeris C. *Toward a chaos-friendly reflexivity: dialogical considerations and perspectives*// *Entelequia revista interdisciplinaria*. Núm. 16. 2013. P. 71-89.
10. Йоас Х., Кнебель В. *Социальная теория. 20 вводных лекций*. Спб.: Алетейа, 2013.
11. Bourdieu P. Wacquant L.J.D. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago, Cambridge, Polity Press, 1992.
12. Calhoun C. *Critical Social Theory: Culture, History, and the Challenge of Difference*. Oxford UK, Cambridge USA, Blackwell, 1995.
13. Burawoy M. *The critical turn to public sociology*// *Critical Sociology*. Volume 31. Issue 3. Leiden, Koninklijke Brill NV., 2005. P. 313-326.
14. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
15. Фурс В. Н. *Социальная философия в непопулярном изложении*. Вильнюс: ЕГУ, 2006.
16. Филипс Л., Йоргенсен М. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
17. McCarthy Th. *Ideals and Illusions: On Reconstruction and Deconstruction in Contemporary Critical Theory*. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1993.
18. Юдин Г. Б. *Рефлексивная социология между действительностью и недействительностью*// *Социологический журнал*. 2009. №3. С. 96-117.

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Кулинич А.И. (Санкт-Петербург)

В современном обществе одной из важных и актуальных тем, является развитие и совершенствование социальных технологий, которые требуют разработки новых методов решения современных социальных проблем с привлечением все более многочисленных групп специалистов. Социальные технологии все больше применяются в самых разных сферах общественной жизнедеятельности. Они рационализируют и развивают человеческую деятельность, а также набирают обороты в достижении общественно значимых целей. Под социальными технологиями нами понимается - способ осуществления человеческой деятельности на основе её рационального расчленения на операции и процедуры, с их дальнейшей координацией и выбора наиболее оптимальных средств, методов по достижению общественно значимых целей. Подобные технологии создаются как отражение конкретной социальной проблемы и определяется субъектами, которые жили в определенных исторических условиях, т.е. владеющими знаниями, особым уровнем научно – технического прогресса в тот исторический период. Наиболее важными особенностями становления и развития социальных технологий являются:

- стойкая связь и зависимость употребления технологий от личных и групповых качеств, деловой культуры участвующих;
- стремительность распространения социальных технологий;
- сравнительная простота понимания цели определенной технологии, и её усвоение населением;
- гибкость внедрения операций и процедур в современное общество;
- прочность теоретического и методологического обеспечения, практического опыта и профессионального освещения в массах;
- присутствие всех признаков технологизации: расчленение действий, разграничение операций, разделение социального прогресса на взаимосвязанные между собой этапы, периоды, фазы, поэтапность действий;
- экономичность достижения результата организационного, социального, экономического, социально-психологического и других допустимых результатов.

Преобразование и динамизм в социальной среде, рост социальной интеракции обуславливают необходимость в создании и реализации множества социальных технологий. Стоит отметить, что подобные технологии на стадии проектирования, создания и в начальной стадии внедрения обязательно инновационны и поэтому «действуют» по законам инновационных процессов. В статистическом сборнике, посвященном различным аспектам развития науки в Российской Федерации, можно заметить резкое увеличение с 2005 по 2014 развития исследований и разработок различных организаций в государственном секторе (в котором социальные

технологии применяются преимущественно чаще всего). Только за 2014 год 1139 научно – исследовательских институтов и 55 проектно – конструкторских организаций разработали различные исследования и программы, относящиеся к развитию социальной сферы общества. Это свидетельствует о внимании большинства исследователей, работающих в таких организациях к общественной сфере деятельности, к её неустойчивому развитию и дальнейшему совершенствованию.

За рубежом, но и в последние десятилетия в России довольно широко используется и такой вариант сферного деления социальных технологий на разные виды: оценивается специфика подобных технологий, используемых предпочтительно в таких сферах, как бизнес, государственная организация управления и «третий сектор», т.е. сфера деятельности некоммерческих неправительственных организаций. На наш взгляд, нам необходима дифференциация социальных технологий, осуществляемых в России и за рубежом, что обозначается разными условиями жизни, духовными и культурными традициями, уровнем экономического совершенствования и другими особенностями. Разные виды социальных технологий, невзирая на их общую социальную роль и ценность, могут в некоторой степени применяться и в других сферах жизнедеятельности. Данные технологии достаточно универсальны, так как могут значительно обогатить возможности в решении общественных и социально значимых проблем, где их теоретическая компонента особенно наглядно показана и выражена в информационных технологиях. Это поясняется значимостью информации в современном обществе, которое получило название информационного. Любая социальная технология применяется адресно и следует тем или иным нюансам. Она не может быть воссоздана или внедрена без учета индивидуальных особенностей, как субъектов, так и объектов социальной деятельности. Являясь особенными в социальной теории и социальной практике, подобные технологии представляют собой неповторимую форму социальной самоорганизации, но и также форму познания социумом самого себя. Следовательно, имеющиеся в нашем распоряжении убеждения свидетельствуют о том, что если будет трансформироваться социальная теория, то постепенно будут видоизменяться социальные технологии. Рассуждения и подсчеты, проведенные в данной области, привели нас к выводу о том, что понимание и осознание социальной ситуации, происходящей на сегодняшний момент, обозначило необходимость разработки новых социальных технологий, которые помогут решить актуальные социальные проблемы. При этом учитывая, что использование подобных технологий всегда является результатом изменения жизненной ситуации людей, т.е. всегда является нововведением. Совершенствование социальных технологий будет возможно при помощи разработок каких-то новых социальных программ, создания и привлечения новых методов и способов воздействия на общественную среду, также подобные технологии могут развиваться за счет преобразований, происходящих в экономической, духовной и политической ситуации в нашей стране на заданный период времени.

1. Чернецкая А.А. *Технология социальной работы*. Ростов н/Д: «Феникс», 2006. 400 с.
2. Фурдей С. Г. *Социальные технологии: тенденции развития* // *Инженерный вестник Дона*. 2013. № 4. С. 68-74.
3. *Индикаторы науки: 2016: статистический сборник*. — М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. — 304 с.
4. Нечаева Е.О. *Социальные технологии: История становления и версии понимания* // *Вестник РГГУ*. 2014. № 4 С. 55-64.

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ МОБИЛЬНОСТИ: ОТ П. СОРОКИНА К ДЖ. УРРИ

Купряшкина Е.А., Филипова А. Г. (Владивосток)

Особенности изменений современного общества, связанные с процессами интернационализации, виртуализации, глобализации, повсеместным распространением новых технологий коммуникации, стали причиной необычайной актуальности проблемы мобильности в начале XXI века. Родоначальниками основных подходов к изучению социальной мобильности являются М. Вебер и П. Сорокин. Веберианская традиция многомерной стратификации позволяет определить жизненные шансы представителей различных классов и возможности социальной мобильности [1, с. 236]. П. Сорокин определял социальную мобильность как «переход...из одной социальной группы в другую» [2, с. 373].

Сегодня традиционное понимание мобильности, где первостепенной являлась социальная стратификация, продолжает работать, однако акценты смещаются и мобильность приобретает

самостоятельное значение. Основные изменения в понимании мобильности связаны с трудами английского социолога Джона Урри, который ввел парадигму «социальных мобильностей» и пришёл к выводу, что изучать нужно мобильности, а не общества.

Дж. Урри говорит о «мобильном повороте» в исследованиях культуры и общества, согласно которому они должны сопоставлять «различные виды путешествий, транспортировки и коммуникаций с тем, как во времени и в различных пространствах организуется экономическая и социальная жизнь» [3, с. 72]. Он выделил двенадцать направлений мобильности: передвижение с целью обрести политическое убежище или место жительства; деловые и профессиональные путешествия; медицинские поездки; военную мобильность; пенсионный туризм; «буксирные путешествия» детей, родственников и слуг; миграцию определенной диаспоры по фиксированному маршруту; движение работников сферы обслуживания; познавательно-экскурсионный туризм; посещение друзей и родственников и перемещения, связанные с работой [3, с. 79–80].

Кроме того, Урри создает свою классификацию мобильностей:

- перемещение людей (автомобилем, самолетом, паромом, пешком, на велосипеде);
- перемещение предметов (импорт и экспорт продукции стран);
- воображаемые перемещения благодаря фильмам, книгам, телевидению;
- виртуальные интернет-перемещения;
- перемещения посредством новых способов мобильной связи (Skype, SMS, Imessage, а также уже устаревшие факсы, электронная почта) [3, с. 132].

Для того чтобы понять структуру мобильности общества, необходимо определение категорий, позволяющих выявить отношения между мобильностью и обществом. Для изучения различных характеристик мобильности, мы будем опираться на подход Т. Кресвелла (Т. Cresswell) и В. Кауфманна (V.Kaufmann): во-первых, отличительной особенностью мобильности является движение («что движется?»), во-вторых, каждое движение определяется в зависимости от маршрута, скорости, ритма, пространственного масштаба («где происходит движение?»), в-третьих, мобильность больше, чем просто движение, мобильность – это социально сконструированное движение, обладающее конкретной целью, определенным смыслом и компетенциями [4, с. 14–15].

Ряд авторов подчеркивают связь между социальной и пространственной мобильностями, опосредованную неравным доступом к ресурсам мобильности, сопровождающуюся социальной дискриминацией и несправедливостью (F.Asher, F. Godard).

Зарубежными учеными изучаются особенности географических перемещений, а также исследуется потенциал мобильности для переосмысления движений как части повседневности и жизненного опыта. Мобильность как движение имеет свой ритм, маршрут, скорость и пространственные параметры, а как социальный конструкт характеризуется опытом, компетенциями, значениями. Таким образом, ученые не уходят полностью от «социальной мобильности», а пытаются, переосмыслив, интегрировать ее в новые исследования.

Таким образом, мобильность необходимо рассматривать как движение и как социальный конструкт. Это позволит изучить комплексное влияние мобильностей (физических, символических, виртуальных) на изменения общества. Переосмысление мобильности в социологической науке вызывает появление новых понятий мобильных практик, мобильного окружения, мобильного общества, что позволяет сформировать новый взгляд на решение проблем в разных сферах жизни общества.

1. Вебер М. Основные понятия стратификации /Кравченко А.И. Социология: Хрестоматия для вузов. М.: Акад. проект: Екатеринбург: Деловая книга, - 2002. - С.232- 246.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ.ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, - 1992. - 543 с.
3. Урри Дж. Мобильности. - М.: Праксис, - 2012. - 576 с.
4. Söderström O., Crot L. The Mobile Constitution of Society: Rethinking the Mobility-Society Nexus: MAPS, - 2010. - 22 p.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Лакизов А. (Москва)

Интернет - это большое информационное поле, настолько огромное, что как спрут затягивает в свои сети все больше и больше людей. Интернет «захватил» огромную аудиторию людей. Для достижения аудитории в пятьдесят миллионов человек понадобилось: радио - 38 лет, телевидению - 13 лет, интернету - 4 года. В частности, социальная сеть, Фейсбук заполучила сто миллионов пользователей меньше чем за 9 месяцев. Современное общество отличается стремительным развитием информационных технологий и систем телекоммуникаций. За последние годы в этой области произошёл значительный скачек вверх и Интернет перестал быть просто системой хранения и передачи больших объемов информации. Интернет стал неким слоем нашей повседневной реальности и сферой жизнедеятельности огромного числа людей.

Для большинства Интернет начинается с простого интереса к какой-то определенной теме, удовлетворение которого перерастает в глубокую зависимость. Интернет несет в себе, как пользу, так и вред. Современное поколение настолько привыкло к возможностям социальных сетей, что многие уже не представляют себе жизнь без Интернета. Так что же для нас интернет?

Интернет-это одно из самых значительных достижений двадцатого века. В двадцать первом веке он стал частью современного человека, неотъемлемой составляющей такого сложного алгоритма как наша жизнь.

Интернет-это глобальная информационная среда, это некая космическое пространство с огромным количеством данных, имеющая разную направленность, природу возникновения и предназначенных для различных целей.

Чтобы понять, что такое Интернет, необходимо определить, что же из себя представляет такое понятие как общение. В одном из словарей я прочитал, что «общение-это обмен информацией при помощи языка и жестов» В другом «общение-сложный многоплановый процесс, установления и развития контактов между людьми (межличностное общения) и группами (межгрупповое общение), порождаемость потребностями совместной деятельности и включающей себя как минимум три различных процесса: коммуникацию(обмен информацией),интеграцию(обмен действиями) и социальные перцепции (понимания партнера). Вне общения невозможно человеческое общение.

Что же такое Интернет? Если обратиться к Википедии - свободной интерактивной энциклопедии, то интернет-это всемирная система объединённых компьютерных сетей для хранения и передачи информации. Но здесь необходимо помнить, что существует две стороны этого понятий - технической и гуманитарной. С технической точки зрения интернет - это некая совокупность разбросанных по всему миру хостов, то есть компьютеров, каждый из которых умеет свой уникальный ip-адрес соединенных между собой (маршрутизаторами) имеющие более двух каналов.

С гуманитарной точки зрения, Интернет - это новое измерение культуры, новой способ хранения и распространения знания, информации, новый способ общения. Иными словами, Интернет-это способом общения, но несколько в иной форме, без личного живого контакта с собеседником. Каковы же особенности общения через интернет? Прежде всего: анонимность, т.е., несмотря на то что иногда возможно получить определенные сведения анкетного характера и даже фотографии собеседника, но этого не достаточно для реального и адекватного восприятия личности. Данная особенность интернет общения служит определенной защитой и снижает психологический и социальный риск в процессе общения. Я, безусловно, не говорю об аффективной раскрепощённой, ненормативной и в некоторой степени безответственной, но и такое происходит постоянно. Человек, общаясь в сети становится более свободным от стереотипов общества, он проявляет большую свободу в высказываниях и поступках, опускаясь порой до грубых оскорблений, нецензурных выражений, хамства и сексуальных домогательств. Это связано с тем, что такой человек не будет выслушивать в свой адрес, ему не грозит порицаний общества, презрения окружающих. Анонимность в интернет общении - это минимальный, я бы даже сказал, ничтожный риск разоблачения. Ты неизвестен, следовательно, чист перед обществом. Для окружающих людей такой тип всегда остается милым и интеллигентным человеком не позволяющих себе хамских выходок. Анонимность в Интернете-ключ в рай раскрепощения. К примеру, ты проснулся усталым, ты с похмелья, ты не брит, не расчесан, у тебя пахнет изо рта. Но вот ключ к спасению - ты включаешь компьютер или планшет

и выходишь в интернет-сети, а там... Ты с большой буквы Красавец, чист, умыт, выбрит, опрятно одет, молод и чертовски привлекателен.

Еще одна особенностей виртуального общения - это определенное своеобразие протеканий процессов, межличностного восприятия в условиях практически полного отсутствия невербальной информации. В большинстве случаев, сильное влияние на представление о собеседнике имеют некие механизмы, стереотипизации и идентификации, и установка как ожидание желаемых качеств в партнере. То есть в процессе виртуального общения человек, как правило, додумывает за своего собеседника, зачастую руководствуясь минимальными сведениями наделяет его качествами, которые он хотел бы в нем видеть. Анонимность дает возможность скрыть свое истинное лицо и темперамент, а яркое воображение оппонента на другом конце интернет - связи делает собеседника более привлекательным и интересным во всех отношениях. И складывается такая ситуация, что один стремится к общению ради общения, а другой ради самоутверждения. И в том и в другом случае, присутствует некая обоюдная выгода, вот тебе собеседник, вот тебе идеальный партнер в общении.

Добровольность и желательность контактов - это тоже особенность интернет общения. Преимущество которых заключается в том, что общаясь с «кем хочешь», а также в том, что в любой момент есть возможность прервать этот контакт, без лишних потерь и душевных переживаний. Отсутствие физического общения партнеры лишают себя эмоциональной составляющей данного контакта. Человек сам добровольно вступает в некие группы, сам выбирает с кем общаться. Но каждый пользователь в любой момент может прекратить эту виртуальную связь. Как наскучившую и ненужную, без объяснения причин.

Общение в различных социальных сетях, как и простое интернет общение способствует развитию стремлений и нетипичному, ненормативному поведению.

В большинстве своем пользователи презентуют себя с иной стороны, чем в условиях реальной жизни и социальных норм, пытаются посредством интернет общения реализовать свои мечты и фантазии, которые порой далеко уносят их от реальности. Например, простой скромный трудолюбивый, воспитанный банковский служащий преподносит себя в интернет сетях как аморального, развязанного типа, чья грубость перерастает в откровенное хамство, здесь он силен, гадок и непобедим, у него много денег добытых незаконным путем, женщин, которых он меняет каждый день. Он свободен от условностей общества, его не интересуют «серые людишки». А утром он снова идет на работу в банк, его серая точка сливается в общую массу банковских служащих, мелких шестерёнок большого механизма. Это жизнь скучна и неинтересна для него. И он ждет не дожидается, когда наступит вечер, где он снова включит ноутбук и... Вот она свобода, сила, свобода, виртуальной жизни. По сути это яйцо в яйце, т.е. некая матрешка в одной личности прячется другая. Социальные сети и иные виртуальные связи, дают возможность выпустить пользователю на странице чатов свое второе Я. И оно не всегда положительно.

Причина обращения к интернету, как к инструменту общения может быть: недостаточность общения в реальной жизни, а также возможность реализации многих качеств личности, примерка масок, костюмов и яркость красок, образов, живущих в подсознании, возможность переживания и эмоциональных потрясений. Условности, негласные законы общества, психологический барьер между реальностью и возможностями, между принятыми правилами в системе общества и желаемым - делают виртуальное общение одним из важнейших элементов повседневной деятельности человека, который зачастую занимает его большую часть жизни.

Интернет общение - это не только благо, но и зло. Давая возможность расширять кругозор человека, раскрывать всё более интересные страницы в истории, жизни, науке, вселенной, интернет все больше порабощает наше сознание, делает нас зависимыми и лишает возможности сопротивляться.

Интернет - космос манящий своими яркими созвездиями, обещаниями и порабощающий сознание. Пользователей влечет искусственная реальность. Реальный мир, жизнь вокруг нас настолько удручающе действует на многих людей, что они стремятся для себя иное измерение, некую действительность, которое для разумных существ, живущих в ней нечем не отличается от нормальной, но жизнь в ней протекает по другим законам, удобным и понятным, более комфортным. Да и потом, если что не понравится в том «виртуальном мире», всегда есть шанс вернуться в обычный мир людей. Но этот жадный и ненасытный труд Интернет не хочет никого отпускать. Он затягивает в свои сети всех, желает почувствовать в себе каждого пользователя.

И что у нас есть в результате- пользователи компьютерных сетей проводящих значительную часть времени в виртуальном пространстве, где возникают новые интересы, мотивы, задачи, цели, установки, а также формы психологической и социальной активности, которые напрямую связаны с этим новым пространством.

Что же мы видим - общество в виде некоего астрального объекта, такой трехслойный кусок торта, где между природным миром и миром человеком, возникла некая среда или прослойка - посредник, которая со временем перерастает в самостоятельную реальность, замещая реальность как таковую.

Новейшее информационно - коммуникационное пространство или среда - сети по-разному действует на молодую аудиторию. Среди сетевых ресурсов большую роль играет онлайн-специальные сети, которые помимо выполнения функций в поддержке общения, обменом мнениями и получения информации их пользователями в последнее время чаще становятся средствами информационного управления. Полагая, что в ближайшем будущем, они станут одним из основных информационного влияния, в том числе - в целях манипулирования личностными, социальными группами и обществом в целом. Каким же образом социальные сети влияют на общение и коммуникацию людей? С одной стороны, становится легче общаться, находить друзей и товарищей по интересам, помогает в поиске работы, да и как многие сейчас считают себя в этой жизни. С другой стороны, порождает такие проблемы отрыв пользователя от реальности, от общения с семьей, действительно близким друзьями. Человек всё свое свободное время дома проводит за компьютером, возникает нехватка живого общения. Часто такие люди много времени проводят, общаясь виртуально с незнакомыми людьми, что может негативно отразиться на учебе, работе, личной жизни. В нашем современном обществе молодёжь наиболее подвержена влиянию со стороны средств массовой информации, что приводит к изменению личностных установок, так и влияет на поведение в обществе. Информационные технологии дают возможность различным группам, в том числе и молодёжи, создавать некое пространство автономной субкультуры, которая дает образцы как социально одобряемого, так и социально-порочного поведения. Это всё безусловно влияет на стиль личностной самопрезентации.

Изучая литературу по данной тематике хочу отметить, что многие авторы делают акцент на негативных особенностях социальной сети. Дело в том, что очень часто пользователи в своих аккаунтах выкладывают настолько откровенную информацию о себе, что это в дальнейшем может быть использовано против них.

Человек сам умышленно делает себя уязвимым, чем больше он открывается для посторонних, тем незащищённей становится. Для чего? Зачем?

Еще одна из актуальных проблем- это зависимость от социальных сетей. Человек проводит в онлайн-пространстве больше времени, чем вне его: он навещает странички друзей, выкладывает свои фотографии, комментирует, делится впечатлениями. Так если основные его переживания проходят в виртуальной реальности, то безусловно, возникает желание постоянно заходить в сеть, узнавать последние новости, сопереживать, являться частью большого реально и нереального информационного пространства. И что мы получаем в результате? Общение в социальных сетях не дополняет общение живыми людьми, а полностью его заменяет. Но несмотря на это социальных сетях зарегистрировано более миллиарда пользователей по всему миру и большинство не представляет жизни без них. В то же время плачевные последствия этой привязанности дают о себе знать: разрушается здоровье, психика, разбиваются семьи, вредят карьере, подрывает бюджет, портят своими пристрастиями к интернет-связи детей, просто крадут драгоценное время. Работа, семья, да и сама реальность отходит даже не на второй, а какой-то десятый план, а впереди только он всеобъемлющий интернет-космос, мир без границ, пространство счастья и чужих переживаний, эмоциональный полет. И всё это происходит в мировом масштабе.

Почему? В который раз возникает вопрос. И ответ напрашивается сам- чувство социального одиночества, которое возникает в сознании молодых людей из-за непонимания, незащищенности множества проблем. Они стремятся к расширению своего общения. Компьютеризация общества является важнейшим фактором современного коммуникативного сознания, таким образом происходит замена реального собеседника и виртуального. И как показывает жизнь, высоким темпами растет популярность виртуальность коммуникации, а также социальных сетей. Эти сети удовлетворяют потребность людей, в первую очередь в общении, претендуя на то, чтобы стать полноценными социальными факторами, которые оказывают влияние на социальные процессы. Общаясь в интернет-пространстве, человек не чувствует себя

одиноким, он защищен от откровенных и открытых порицаний, он свободен в выборе друзей, семьи, в общении. Он всезнайка, в его распоряжении огромное информационное пространство, благодаря которому он может быть Гуру, или учеником, повелителем этих сил и участником тайной или очень личной беседы. Он есть и его вроде нет, он рядом и в то же время далеко, в центре событий, и одновременно дома, в теплых тапочках, с кружкой горячего чая, бутербродом. Интернет- друзья не увидят этого, можно даже в трусах и тапочках общаться с девушкой и быть на высоте. Она не видит и думает иначе, у тебя работает интернет пространство и ее воображение. Но стоп. Эта виртуальная реальность, это интернет сообщество грозит перерасти в постоянство. Есть возможность потерять нить с реальность настолько, что она перейдет ранг виртуального пространства, а также «пятое измерение» - любой сферы жизнедеятельности человека станет единственно реальным миром.

Поэтому, в настоящем мире наиболее актуальным вопросом в современной социологии и психологии всестороннее изучение этой новой реальности человека.

- 1) Бондаренко Т.А. «Виртуальная реальность современной социальной ситуации»/ Авторев. дисс.докт.филоф.наук. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2007.20с
- 2) Влияние через социальные сети/ под ред. Н.В.Крыгиной. М.,2010.52с.
- 3) Комлев В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Луганск. Украина. (<http://www.scienceandapologetics.org/text/289.htm>)
- 4) Левин В.П. Адъюнктура зависимости. Переход пустыни. <http://www.levin.air.ru>
- 5) Леилов Р. Язык рисует Интернет. <http://inter.net.ru/>
- 6) Лотманов Ю.М. Нам всё необходимо... Лишнего в мире нет. <http://inter.net.ru/>
- 7) Носов М. Виртуальная психология. М.:Азров.2000.423с.
- 8) Печенкин В. Анализ социальных сетей: выжидание чуда//журнал «компьютера». 2005.№42.С.15-20.
- 9) Жахмартова О.М., Болтага Е.Ю. Психологические аспекты в социальных сетях виртуальной реальности// Известие ПГПУ им. В.Г.Билинского.2011.№24,с.1002-1006

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РАБОТАХ МИШЕЛЯ ДЕ СЕРТО И ДЖЕЙМСА СКОТТА

Лапшина Н.Р. (Волгоград)

Социология повседневности – достаточно молодая отрасль научного знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в различных контекстах: историческом, культурном и т.д. Наиболее значимыми работами в социологии повседневности являются работа Джеймса Скотта «Благими намерениями государства», а также «Изобретение повседневности» Мишеля де Серто. Эти книги находились в рамках практического поворота-серии исследований, где практика становится ключевым термином. Основным спором, развернувшимся во 2ой половине 20в. был спор между сторонниками структуры и сторонниками действия и заключался в понимании того, чем же является общество - редукцией к структуре или к действию. Понятие практики как раз таки решало данное напряжение.

Французский историк и социальный философ Мишель де Серто ключевым понятием в учении выделяет понятие дискурса (где ключевым становится противостояние, маскируемый отказ). Дискурс власти пытается навязать некоторую информацию, а массы создают неудобства для этого, понимая всё происходящее совершенно по-своему. По мнению де Серто, существует множество рассеивающих сил, именно поэтому массы никогда не объединяются, чтобы изменить социальный порядок (каждый раз мы будем иметь дело с множественностью). Интересующей его фигурой здесь выступает – «любой человек».

Важным элементом является также понимание того, что повседневность это браконьерство - множество способов перестраивания деятельности других, отклонение постоянного от заданного. Следует отметить, что у властей, по мнению де Серто, существует проблема с планированием городов: всякое планирование обречено на неудачу, т.к. повседневность существует в силу анонимных преобразований. И основной задачей де Серто считал поиск языка, пригодного для описания повседневности.

Весь наш разговор – разговор о правилах языка, речи, письма. Именно поэтому де Серто считал, что в языке нет возможности для метафизических и обобщающих суждений; молчать означает не обобщать. Сомнительной представляется де Серто способность господствующих дискурсов и систем символического производства управлять повседневным восприятием и

языковой практикой. Говорящий и действующий человек, повторял де Серто идею Людвига Витгенштейна, всегда погружен в мир обыденного языка, и за ним остается возможность творческого присвоения, практического перетолковывания авторитетного дискурса на основании конкретной формы жизни. Феномен речи представляет собой присвоение языка говорящим и использование его в своих интересах.

Своим усмотрением де Серто открыл целую область явлений, представив «слабых», «потребителей» как созидателей и производителей, творческих рекомбинаторов и изобретателей, тонких манипуляторов и притворщиков, успешно, но незаметно, а часто непреднамеренно подрывающих аппараты государства.

Обращаясь к учению Мишеля Фуко, который считал, что в 18 веке переход от зрелищных наказаний и к другому виду наказаний (пожизненному заключению) обусловлен тем, что власть больше не действовала в центрированном виде, а действовала в точках пространства, совершаемых незаметно для индивидов: микрофизика власти или дисциплина. Но если власть концентрировалась, то суть дисциплинирования заключалась в том, что люди сами себя организуют в дальнейшем. Мишель де Серто не обращал внимания на центрирование в учении Фуко, а интересовался действиями индивидов, состоящих из микрожестов и отклонений, утверждая, что эти действия воспринимаются индивидами по-разному. «Невозможно свести общество к преобладающему типу процедур». Индивиды составляют действия, которые множатся и рассеиваются.

Важным моментом в учении де Серто выступали также понятия стратегия и тактика. Способы действия, присущие сильным, де Серто обозначал как стратегии, а присущие слабым – как тактики. Стратегии у де Серто исходят из использования пространства, которое позволяет рассчитывать и планировать свои действия, а тактика не имеет такого пространства для маневра и полагается на момент, случай, исходя из наличия ситуации. Превалирующими становятся здесь случай или момент и время. Таким образом, де Серто считал, что стратегия характеризует действия власти, а тактика характеризует повседневные практики, в отличие от Пьера Бурдьё, который понимал под практиками стратегию, сводя множество различных действий к понятию габитуса. Здесь, в учении, де Серто и возникает различие места и пространства. И это различие важно, т.к. мы отделяем практики от действий власти. Место означает часть пространства, определяет порядок, в котором существует некоторое распределение элементов, а пространство – это регулируемое использование этого места в практике (пространство не является гомогенным). Из различия места и пространства де Серто выводит различие о перемещении – карта и маршрут. Де Серто показывает маршрут движения, время, темпоральность, преобладающие в повседневных отношениях.

Таким образом, де Серто было важно понять, почему действия власти обречены на неудачу и связал её с сутью повседневных практик, которые являлись множественными и рассеивающимися, обуславливаемые преобразованием самих действия массами.

А вот американский антрополог Джеймс Скотт, автор работы «Благими намерениями государства» рассматривал конфликт власти и местных практик в теории повседневности. Его интересовало, что этот конфликт делает с местными практиками. Скотт пытался понять, почему централизованное управление в том или ином виде оказывается неудачным.

Джеймс Скотт задавался вопросом: почему планирование приводит к противоположным результатам? Если бы планы были эффективны, то люди жили бы счастливо, но это совсем не так. На примере, Прусского лесоводничества в 18-19 веках, где было решено убрать разнообразие деревьев и сажать только одни ели (и в итоге поначалу они хорошо прижились, а затем почва истощилась и лес стал слабым), Скотт показал что натуральная среда выстроила некоторую комплексность, что совершенно не учлось при планировании, при универсализации леса. Но считалось, что деревьями управлять легче, чем людьми. Но если деревья не разбегаются, то люди разбегаются и ими управлять еще сложнее.

Скотт показывает, что планирование и управление переносится на социальные практики: перестройка городов, переименование индивидуальных масс, классификации мер и весов.

Рассуждая о повседневности, Скотт задавался вопросом: как действуют люди на этом местном локальном уровне? Что они делают? И как эти действия оказываются в конфликте с действиями, предлагаемыми сверху (властью, центром)? Именно поэтому важным здесь оказывается понятие метиса (metis). Например, у Марселя Детьена «Повседневная жизнь греческих богов» и Жан-Пьера Вернана «Происхождение древнегреческой мысли», которые

занимались исследованием греческого общества, метис означал практическую мудрость, локализованное знание, определяемое действием людей на местном уровне. Скотт приводил пример из колонизирования Америки: индейцы считали, что кукурузу нужно сажать, когда дубовый листочек станет размером с ушко белки, а в современных календарях пишут определенную дату, т.е. метис- это практическое знание, не привязанное, не универсализованное, которое не срабатывает абсолютно везде. Но Детьен и Вернан показывают, как философия в лице Платона избавляется от метиса: эпистема (истина), докса (мнение, мнимость) и техне (практическое искусство) соотносятся с метисом. Платон взял сферу любви и универсализировал её. В рамках древнегреческой философии произошло одно из первых уничтожений метиса.

Джеймс Скотт закончил свою книгу утверждая то, что метис изгоняется, от него избавляются, для того, чтобы контролировать сообщество. Если мы избавимся от метиса, то сможем управлять этим сообществом.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО В ЭПОХУ МЕДИАЛЬНОГО ПОВОРОТА

Латыпова А.Р. (Санкт-Петербург)

Вторая половина XX века ознаменовалась целой серией «смертей» (субъекта (Фуко), автора (Барт) и т. п.) и, в конечном итоге, концом истории, выразившемся, по мысли Фукуямы, в победе либеральной идеологии (нельзя не отметить, что общим местом в современной теории является указание на неактуальность этой позиции). В этом контексте смерть «социального» не выглядит чем-то из ряда вон выходящим, так как оно несовместимо с конформизмом масс и гомогенизированным полем эпохи потребления и индустриальной унификации – «масса есть то, что остается, когда социальное забыто окончательно» [1]. Бруно Латур указывает на необходимость пересмотра понятия социального и даже настаивает на замене его более адекватным концептом «ассоциации» [3]. Однако отечественная традиция не столь радикальна, более того, предлагает оптимистичный взгляд на проблему социального. Так, российские социологи А. О. Бороноев и П. И. Смирнов отстаивают право «социального» на существование в социологическом дискурсе. Разбирая существующие подходы к определению «социального» и «общества», они выделяют деятельностное основание социального на фоне эмоционального, речекommunikационного и правового, работающих не на уровне общества, но на уровне общности, сообщества и государства соответственно [2, с. 10]. В данном контексте фокус хоть и смещается в область локальных проявлений социального, но все же сохраняет прежнюю эпистемологическую структуру. Такой подход можно назвать переходным по сравнению с западными теориями фрагментации и рассеивания социального, которые делают ставку уже на микросоциологический анализ. Так, американский социолог Д. Тэйвз вслед за Латуром отмечает: «Современность не будет больше рассматриваться как монументальный, общий и плавающий символ момента изменения внутри обществ, больше не будет рассматриваться противоречиво по отношению к восприятию опасности дробления и фрагментации, а будет теперь использоваться как нескончаемая серия небольших, но специфических и необратимых изменений, которые вызывают эволюцию и увеличение обществ. Вместо многих фрагментов, крутящихся вокруг одного разрушающегося левиафана, современность составлена из многих небольших непрерывных серий социальных конституций без центрального субъекта» [4, Р. 85].

Однако фрагментированность современности – это лишь следствие, сопряженное с разверткой новой реальности, реальности, формируемой новыми медиа, которая принуждает нас к переосмыслению всего спектра социальных практик. Объясняется это отчасти тем, что «каждый вид медиа есть акциденция. Конкретный вид медиа создает свою реальность, свой способ восприятия, свои практики обхождения с ним, но также – это всегда нужно помнить – имеет свои разрешения/ограничения, ограниченные разрешения, коренящиеся в устройствах тех аппаратов и средств, которыми мы пользуемся» [5, с. 39]. С одной стороны, мы видим стирание границ между отношениями субъект – объект, подлинное – искусственное, индивидуальное – коллективное, авторское – анонимное, с другой – речь идет лишь об устранении оппозиции (т.е. отношения), но не о исчезновении качеств, которые теперь реализуются в сцепках социального. Такие сцепки сродни узлам сетевых коммуникаций, акторами в которых выступают не только люди, но и все значимые элементы.

Поскольку Латур не разделяет мир на объекты и субъекты, наделяя и те и другие равным статусом и возможностью участия в интеракции, а отношение с вещами / вещей для него не менее

социальны, нежели человеческие, то возникает естественная необходимость пересмотра понятия социального, увязшего в новоевропейской бинарной организации реальности, в которой мир людей был концептуально изолирован от окружающего. Сейчас же в полной мере реализуется то, что ряд исследователей (Хартман, Брайант, Лоу, Богост и др.) называют «плоской онтологией», подразумевающей онтологическое равенство всех вещей, включая людей. В этом смысле отношения, которые выстраиваются между разнообразными элементами, будь они одушевлены или неодушевлены, складываются в сети, составленные из фрагментированных, множественных и гетерогенных элементов. Подобного рода отношения социальны. В условиях развития новых технологий, в частности искусственного интеллекта, дополненной реальности, социальных медиа и т.п., такая постановка проблемы обретает новое звучание, поскольку понимать в этом контексте социальное не как серию динамически собираемых, временных и неустойчивых, но продуктивных интеракций среди всего множества (не)одушевленного просто невозможно. Кроме того, тут хочется сделать отступление и вспомнить исследование американских психологов из Новой школы социальных исследований, посвященное сопоставлению художественного и реального опытов. Выяснилось, что на уровне психофизиологии воображаемое переживание не менее значимы, чем реальные [6]. Тем самым социальный опыт, производимый в воображаемых (а также в виртуальных мирах), по крайней мере, претендует на равенство с опытом внеигровых, невиртуальных, внехудожественных реалий.

Интеракция в цифровую эпоху не выстраивается только лишь линейным образом, она не всегда происходит между людьми или социальными группами. Мы имеем дело и с объектами, и с гибридами, и с виртуальными сущностями, обладающими равным онтологическим статусом. Сама парадигма социального-несоциального, одушевленного-неодушевленного меняется с развитием технологий. Так программы (боты), написанные, в частности, для виртуальных вселенных и компьютерных игр, могут считаться полноправными участниками социального взаимодействия. При этом их социальность определяется не их (не)способностью пройти тест Тьюринга, а строится на основе ожиданий. Из исследования немецкого социолога Ф. Мюле видно, что именно неожиданные действия неигровых персонажей (NPC) наводят на мысль об их искусственности и ведут к приостановке коммуникации со стороны пользователя, что в свою очередь не дает разработчикам возможность создать «идеальный» искусственный интеллект. Как бы парадоксально это ни звучало (ведь обычно мы мыслим спонтанность как характеристику живого, немеханизированного общения), именно неожиданные реакции не дают состояться акту коммуникации [7, с. 72]. Не происходит сцепки социального в силу нереализованных ожиданий со стороны пользователя. Сущностное же качество запрограммированности на определенные (в том числе повторяющиеся) действия не разрывает общение, а поддерживает его.

Другой показательный пример социальности неигровых персонажей связан с так называемыми «антисоциальными» ботами в виртуальной вселенной *Second Life*, где запрограммированные персонажи (созданные британскими исследователями из Университетского колледжа Лондона), боты, вторгаются в общение между аватарами, управляемыми пользователями и провоцируют их разнообразными действиями, например, кидаются в них предметами [8]. Привычные взаимодействия между игроками прерываются, машина коммуникации дает сбой и появляется возможность для возникновения новой сцепки социального, динамически собранной, кратковременной, выходящей за структурные рамки повседневной коммуникации, выстраивающейся на устоявшихся паттернах, транслируемых медиа. Не только виртуальные миры, но и компьютерные игры предоставляют широкое поле для экспериментов с гибридной социальностью, где актерами выступают не только игроки, но и персонажи. В этом смысле ролевая классификация, предложенная Р. Бартлом, приобретает новые очертания – границы мира размываются, а роль социофила не сводится к общению лишь с другими игроками [9]. Внеигровые примеры социального взаимодействия, построенного на принципах плоской онтологии мы можем найти и в области искусства, а именно в биоарте, где смешано естественное и искусственное, живое и мертвое, природное и механическое.

1. Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=73140> (дата обращения: 14.12.2015).
2. Бороньев А.О., Смирнов П.И. О понятиях «общество» и «социальное» // *Социологические исследования*. 2003. № 8. С. 3–11.
3. Latour B. *Gabriel Tarde and the End of the Social. The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences*. Routledge, London, P.117–132.

4. Toews D. *The New Tarde. Sociology after the End of the Social. Theory, Culture and Society*. 2003. Vol. 20. № 5. P. 81–98.
5. Савчук В.В. *Медиафилософия. Приступ реальности. 2-ое изд., испр. и доп.* СПб: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.
6. Bury L. *Reading literary fiction improves empathy, study finds*. *The Guardian*. 8 October 2013. URL: <http://www.theguardian.com/books/booksblog/2013/oct/08/literary-fiction-improves-empathy-study> (дата обращения: 14.12.2015).
7. Мюле Ф. «Социальные боты» в *Second Life*. *Социологические размышления о факторе неигровых персонажей (NPC) в виртуальных мирах // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования / Под. ред. Савчука В.В. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 62–73.*
8. Simonite T. *Anti-social bot invades Second Lifers' personal space*. *New scientist*. 2 November 2007. URL: <https://www.newscientist.com/article/dn12870-anti-social-bot-invades-second-lifers-personal-space/> (дата обращения: 14.12.2015).
9. Бармл предлагает следующую классификацию геймеров: карьеристы (*archievers*), исследователи (*explorer*), социофилы (*socializer*) и киллеры (*killers*). Подробнее см. Бармл Р.А. Черви, трефы, бубны, пики: игроки виртуальных миров. URL: <http://df.ru/articles/read.php?id=44593> (дата обращения: 14.12.2015).

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА В ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ДАЛЬНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Лебедева Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

Начиная с конца XX века пространственный поворот (усиление пространственно-географической компоненты) проявляется во многих социально-гуманитарных науках (философии, литературоведении, антропологии, социологии и др.), которые начинают активно оперировать разнообразными метафорами пространства. Современные исследователи даже говорят о появлении новой дисциплины — культурной географии, которая рассматривает пространство как социальный продукт, результат экономического и культурного производства. Основу пространственной парадигмы городской социологии заложили идеи философа, теоретика неомарксизма Анри Лефевра, конструктивистские представления социолога Пьера Бурдьё, а также критическая концепция географа-постмодерниста Эдварда Сойи, позже дополненная Дэвидом Харви. Кратко её суть можно свести к тому, что непосредственное пространство индивидуальной жизнедеятельности конструируется социумом в процессе экономического и культурного функционирования. Учитывая марксистские корни данного направления, за основу любого города берётся его физическая пространственная организация (способ производства города) которая, в свою очередь, создаёт особый тип социальных практик, по-своему утилизирующих и преобразующих физическое «тело» города. При этом изменения в способе производства (преобразование городской территории) способны сформировать новые социальные практики (привести к появлению новых форм городской жизни). Прослеживается и обратная связь – новые социальные практики способны преобразовывать старую городскую территорию. Анри Лефевр называет этот бесконечный процесс написанием пространственного кода — «не просто способ чтения и интерпретации пространства, это скорее способ жизни в этом пространстве и также способ производства его» [5, с. 47—48]. Э. Сойа анализирует особенности производства пространства в эпоху капитализма, который, по его мнению, отличается неравномерным развитием, порождая неизбежный дисбаланс между экономически развитыми и отсталыми районами, обеспечивающими резерв, как рабочей силы, так и рынков сбыта, по сути, разделяя город на продавцов и покупателей [13, р.176]. Д. Харви смещает исследовательский фокус с масштабных изменений пространственного ландшафта на отдельные географические локусы, впервые вводя в городскую социологию понятие «места», иными словами, осуществляет переход с уровня *space* (пространство) на уровень *place* (место). При этом любое место есть результат воздействия определённых социальных и экономических механизмов [10].

Важную роль в пространственной парадигме городской социологии играет концепция городского публичного пространства. Всё многообразие подходов к пониманию публичного пространства можно условно разделить на две группы. В рамках первой группы (Ю. Хабермас, Х. Арндт, А. Лефевр и др.) публичное пространство понимается как пространство особым образом организованной коммуникации, в результате которой происходит совместная выработка точек зрения на некоторые общие вопросы жизни общества, не касающиеся частных интересов отдельных горожан. Вторая группа подходов (Р. Сеннет, Д. Джекобс, Л. Лофланд, Р. Ольденбург и др.) рассматривает публичность как «социальность» — способность к осуществлению

социального взаимодействия, социальной жизни. Под публичными пространствами в данном случае подразумевают пространства, где имеют место «множественные незапланированные взаимодействия», где «незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга» [7], пространства, выступающие в роли «универсального социального смесителя» [6], или же сцены для «представления себя другим в повседневной жизни» [2]. Это могут быть, как «промежуточные пространства» (городские площади, улицы и тротуары, парки и скверы, аллеи и бульвары), так и разнообразные «третьи места» (кофейни, пабы, клубы по интересам и т.п.). Публичное пространство характеризуется возможностью самостоятельно «режиссировать» собственную активность (устанавливать «правила игры»), а также свободным доступом для всех [14, р.33]. Его задача заключается в том, чтобы обеспечивать неформальное, неструктурированное и необязательное общение горожан, выступать в качестве ключевой точки неформальной публичной жизни, а также делать возможной коммуникацию между разнородными индивидами и группами, что создает такой положительный феномен, как космополитизм [11].

Ключевыми темами дальнейшего развития пространственной парадигмы городской социологии в ближайшие годы могут стать следующие.

Во-первых, анализ трансформации публичного пространства в постсоветских городах. Советское публичное пространство значительно отличалось от западных аналогов, как структурно, так и функционально. Согласно идеологии советского планирования, сегрегация как социальное различие была невозможна (этому способствовали унифицированные пространственные паттерны, примерно одинаковая плотность застройки, равномерное распределение сооружений культурно-бытового обслуживания). Сам термин «публичное пространство» не использовался, так как вся территория города считалась публичной (то есть принадлежащей в равной степени всем горожанам) по умолчанию (его заменяло понятие «общественное пространство», акцентирующее важную роль коллективизма в жизни социалистического города). Проведение различных парадов, митингов и демонстраций считалось главной функцией общественного центра и в значительной степени обуславливало его внешний вид (обязательное наличие прямых, протяжённых проспектов, организующих прямой путь движения демонстрантов). Современная социологическая трактовка публичного пространства советских городов достаточно фрагментарна и противоречива. В целом в англоязычной литературе доминирует критическая линия, тесно увязывающая его с существовавшим в те годы политическим режимом. Главная задача публичного пространства, по мнению авторов, заключалась в том, чтобы «служить символическим инструментом трансляции необходимой идентичности» [8, р. 5], «превратить хаос городской жизни в логически организованное пространство человеческой деятельности, отвечающее потребностям доминирующей идеологии» [9, р. 289], «обширный политический контроль и надзор превратили “пространство-для-всех” в “пространство-ни-для-кого”» [12]. Критическую линию продолжает и российская урбанистика, отмечая, что организованное и контролируемое, публичное пространство советского города постепенно утратило способность выполнять свои функции и, фактически, сместилось с центральных городских районов непосредственно в жилые кварталы (превратившись в «неформальное» или «альтернативное» публичное пространство) [3]. В постсоветской трансформации городского публичного пространства можно выделить ряд значительных сдвигов: идеологический, поставивший под сомнение политическое значение публичного пространства как ресурса национальной идентичности и коллективной памяти; экономический, связанный с появлением новых элементов экономической инфраструктуры города (деловые районы, торговые улицы и торгово-развлекательные центры); социальный, включающий в себя процессы поляризации и маргинализации общества, значительных изменений в системе ценностных ориентаций горожан. Харви называет такую трансформацию «пространственным кризисом», когда ландшафт, приспособленный к определённой фазе развития, становится барьером для последующей трансформации города [10].

Во-вторых, значительный интерес представляет исследования «кризиса публичности» и появления коммуникативных разрывов в городском пространстве. Упомянутый выше «пространственный кризис» затронул не только постсоветские города. Современные архитектурные решения часто контролируют публичную сферу, делая ее «не-публичной» – управляемой, гомогенной и предсказуемой. Среди причин «кризиса публичности» рост приватизации и коммодификации публичного пространства, тенденции антиурбанизма и возрастающая боязнь Других, а также повсеместная виртуализация повседневной жизни. В понятийном аппарате городской социологии появляются такие категории как «псевдопубличные

пространства» («не-места»), не способствующие развитию культуры общения и взаимодействия людей, а наоборот, увеличивающие социальную сегрегацию горожан (например, пустынные центральные площади или переполненные автомобилями городские улицы). К категории «не-мест» также относятся разнообразные пространства потребления (торгово-развлекательные центры), создающие иллюзию общности и сходства, но, при этом, избавляющие от потребности во взаимодействии и общении. «Кризису публичности» способствует появление густонаселённых микрорайонов, уплотнение устоявшихся жилых территорий, предпочтение многоэтажной застройки, вследствие чего градостроительство превращается в один из мощных инструментов социально-территориальной сегрегации населения. В результате публичное пространство утрачивает возможности выполнять коммуникативную функцию и превращается в «гигантский экран, на который проецируются частные заботы, место, где публично разглашаются частные тайны и интимная жизнь» [1, с. 48].

Третьим перспективным направлением развития пространственной парадигмы может стать изучение виртуализации городского публичного пространства. Основными факторами включенности индивида в социальное пространство города являются территориальная идентичность (ощущение места) и социальная активность. Однако социальное пространство современного информационного города претерпело значительные изменения и отличается от классического индустриального города, на основе которого выросло большинство известных концепций городской социологии. Нарастающая виртуализация повседневной жизни горожан приводит к тому, что целостность социального пространства нарушается, на смену «пространству мест» приходит «пространство потоков», не имеющее устойчивого территориального ядра. М. Кастельс указывает на то, что в современных городах появляются параллельные пространства, у обитателей которых формируются собственные жизненные миры, что способствует отчуждению горожан от места проживания, а также их разобщенности [4].

В завершение стоит отметить, что дать исчерпывающий перечень возможных направлений развития социологической интерпретации категории «социальное пространство», безусловно, невозможно, в силу исключительной динамичности и альтернативности его развития. Однако вышеперечисленные его аспекты с большой долей вероятности будут составлять предмет научных исследований в ближайшее время.

1. Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман. Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
2. Гофман, И. *Представление себя другим в повседневной жизни* / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КА» НОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000. — 304 с.
3. Желнина, А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство России до и после протестной волны 2011-2012 годов / А. Желнина // *Stasis*. — 2014. — Т.2. — №1. — с. 260-295.
4. Кастельс, М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. — М., 2000. — 606 с.
5. Лефевр, А. *Производство пространства* / А. Лефевр. — М.: Strelka Press, 2015. — 432 с.
6. Ольденбург, Р. *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества* / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкаковой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 456 с.
7. Сеннет, Р. *Падение публичного человека* / Р. Сеннет. — М.: «Логос», 2002. — 424 с.
8. Diener, A.C. *From Socialist to Post-Socialist Cities. Cultural politics of Architecture, Urban Planning and Identity in Eurasia* / A.C. Diener, J. Hagen. — London : Taylor & Francis Ltd, 2014. — 206 p.
9. Engel, B. *Public space in the «blue cities» of Russia* / B. Engel // *The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. K. Stanilov (ed.) — 2007. — Vol. 92 — p. 285–300.
10. Harvey, D. *Justice, Nature & The Geography of Difference* / D. Harvey. N. Y.: Blackwell Publishing, 1996. — 468 p.
11. Lofland, L. H. *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory* / L. H. Lofland. — New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2009. — 305 p.
12. Neugebauer, C.S. *Loss and (re-)construction of public space in post-Soviet cities* / C. S. Neugebauer, L. Rekhviashvili // *International Journal of Sociology and Social Policy*. — 2015. — Vol. 35, Issue 7/8. — Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/IJSSP-04-2015-0042>, Дата доступа 20 сентября 2016 г.

13. Soja, E. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory (Radical Thinkers)* / E. Soja. – N. Y.: Verso, 2011. – 228 p.
14. Zukin, S. *The cultures of cities* / S. Zukin. – Oxford: Blackwell, 1995. – 366 p.

ЧЕЛОВЕК ПОТРЕБЛЯЮЩИЙ

Легостаева Н.И. (Петрозаводск)

Современная эпоха профицита катализировала процессы потребления и актуализировала тему чрезмерного, массового и демонстративного потребления, которые стали характеристиками современного социума. Термины «демонстративный досуг» и «демонстративное потребление» в научный мир ввел Торстейн Веблен в своей работе «Теория праздного класса» (1899 г.) [1]. Он связывал демонстративный досуг с непродуктивной тратой времени, а демонстративное потребление с тратами на товары больших денег, чем они стоят [8]. Предметы роскоши несли в себе функцию демонстрации состоятельности и статуса, которые хотели обнажить нувориши – выходцы из низшего сословия, «новые богачи», быстро разбогатевшие в период промышленных революций в Европе. Спустя 2 века по аналогии с европейскими процессами формирования «демонстративного класса» в период распада Советского Союза появились «новые русские» – предприниматели нового типа, стремящиеся к демонстрации своей силы, состоятельности и власти через предметы роскоши.

Чрезмерное потребление стало предметом изучения для многих западных экономистов и социологов: «товарный фетишизм» Карла Маркса (1867 г.), «потребление напоказ» Альфреда Маршалла (1890 г.), «модное потребление» Поля Нистрёма (1920 г.). Отечественные исследователи обратились к теме демонстративного потребления в последние десятилетия: «престижное потребление» Логунова А.В. (2003 г.), «потребительское образование» Цимерман Ю.А. (2007 г.), «статусное потребление» Вороновой Е.Н. (2005 г.) и др. История демонстративного потребления берет свое начало с древних времен, когда одежда, обувь и украшения были атрибутами привлекательности. Затем предметы роскоши служили своеобразными лакмусовыми маркерами для группы людей, которые в силу своего образования, трудолюбия, семейного состояния могли и хотели открыто заявлять о своей исключительности и обособленности. Интересным представляется тот факт, что постепенное развитие идеи чрезмерного потребления привело к тому, что понятие «предметы роскоши» сменилось термином «предметы расточительства», а идея демонстративного поведения в вопросах потребления и досуга богатого сословия сменилась идеей о том, что данный вид поведения характерен для бедных людей, для которых предметы расточительства становятся щитом, маскирующим их бедственное финансовое положение в обществе.

Современный человек, оказываясь в центре концентрических кругов Питера Бергера, испытывает на себе мощное влияние социального и государственного контроля. Внешний круг представляет собой мощную политико-юридическую государственную систему, следующий круг состоит из морали, обычаев и нравов, другой круг контроля базируется на профессиональной системе, ближайшие к индивиду круги замыкаются на неформальных требованиях со стороны социального и личного окружения. Таким образом, идея Цимерман Ю.А. в работе «Демонстративное потребление в современном обществе: институциональный анализ» о том, что именно государство на сегодняшний день определяет «национально-государственную потребительскую политику» [10], отражает, насколько сильна вертикаль формирования «человека потребляющего» через все социализирующие круги.

В современной России главным инструментом формирования «человека потребляющего» выступает реклама, чья роль за последнее время сильно возросла в процессах социализации личности, формирования социальных и культурных ценностей, стиля жизни и норм поведения. Исследователи отмечают, что интерес к демонстративному потреблению проснулся у маркетологов, социологов и экономистов в связи с развитием брэндинга [6]. Брэнд в маркетинге является комплексом представлений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик у потребителей о продукте или о производителе этого продукта. Главная идея маркетинга заключается в том, чтобы убедить человека купить ненужную ему вещь за деньги, которых у него нет. Для этих целей активно используется реклама, которая служит пастухом для многих потребителей в выстраивании своих жизненных стратегий, активируя ценности комфорта и удовольствия, а также популяризируя процесс удовлетворения витальных потребностей во вкусной еде, комфортном сне, приятном отдыхе, безопасном отправлении естественных

потребностей и т.д. Целевой аудиторией современной рекламы выступает «коллективный потребитель», который чувствует себя «своим» во время сопричастности к процессу массового потребления и старается не отставать от других, с которыми он себя идентифицирует через продукты потребления. Таким образом формируется идентификация индивида через потребление [10]. У «коллективного потребителя» распространен подражательный тип поведения, который внимательно изучался большинством советских и зарубежных исследователей и носил название имитационной способности у низших и особенно у высших обезьян [4, 9]. В научных работах Выготского Л.С. и Эльконина Д.Б. отмечается, что у человека в младенчестве также имеются врожденные имитационные способности, которые с развитием когнитивной сферы становятся произвольными [3, 11]. Для демонстративного поведения характерно произвольное автоматическое подражание, которое выступает симптомом патологии.

Системные изменения современного российского образования в структуре, точнее, его «филиализация», а также мобильность качества в государственных образовательных и профессиональных стандартах привели к нивелированию элитарного и массового образования и депрофессионализации труда. В июле 2016 года ВЦИОМ опубликовал данные опроса об оценках молодых специалистов и работодателей уровня высшего образования в России: недостаток практических навыков у выпускников российских вузов признает большая часть молодых специалистов (56%), и абсолютное большинство работодателей (91%). Нехватку теоретической подготовки ощущает только четверть молодых специалистов (25%). Каждый второй работодатель (53%) убежден в недостатке теоретических знаний выпускников вузов. Идею лишать высшие учебные заведения государственной аккредитации за неэффективную работу поддерживает большинство граждан нашей страны (65%), эта цифра существенно выше и среди работодателей (80%) и среди молодых специалистов (74%) [7].

Эффект Данинга-Крюгера заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения при завышенных представлениях о собственных способностях [12]. Данинг и Крюгер говорили о том, что эти люди склонны переоценивать собственные умения, они неспособны адекватно оценивать высокий уровень умений у других и осознавать всю глубину своей некомпетентности, после обучения у них появляется способность осознать уровень своей прежней некомпетентности, даже если их истинная компетентность после обучения практически не меняется. Такой на сегодняшний день рисуется эскиз профессионального портрета молодого специалиста. Современные процессы деинтеллектуализации образования и труда привели к тому, что человек постепенно превращается в идеального потребителя с некоторыми патологиями в поведении и развитии.

1. Веблен Т. Теория праздного класса. - М.: Прогресс, 1984. - 367 с.
2. Воронова Е. Н. Статусное потребление деловых людей в современном российском обществе: Дис. ... канд. социол. наук. - Саратов, 2005. - 152 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Смысл, 2005. — 1136 с.
4. Ладыгина-Котс Н.Н. Предпосылки человеческого мышления. - М.: «НАУКА», 1965. — 80 с.
5. Логунов А. В. Престижное потребление в системе средств символического обмена и конструирования социальной идентичности в трансформирующемся российском обществе: Дис. ... канд. социол. наук. - Владивосток, 2003. - 191 с.
6. Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Монография. – Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 296 с.
7. Пресс-выпуск №3152. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775>
8. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
9. Сыренский, В.И. Рефлекс цели у приматов / В.И. Сыренский, Т.Г. Кузнецова. – Л.: Наука, 1990. – 118 с.
10. Циммерман Ю. А. Демонстративное потребление в современном обществе: институциональный анализ: Дис. ... канд. социол. наук. - М., 2007. - 213 с.
11. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6—20.
12. Dunning David, Kerri Johnson, Joyce Ehrlinger and Justin Kruger (2003). «Why people fail to recognize their own incompetence». *Current Directions in Psychological Science* 12 (3): 83-87.

РОЛЬ КРАУДСОРСИНГА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Лукина Д.С., Шубина Т. Ф. (Архангельск)

В стремительно развивающемся современном обществе потребности людей зачастую превышают возможности их удовлетворения. Чтобы не отставать и быть в курсе интересов потребителей компаниям приходится искать и воплощать новые ранее неизвестные проекты, идеи, концепции. Основным инструментом в удовлетворении современных потребностей выступают инновации – разработка и внедрение различного рода новшеств, порождающих значимые изменения в социальной практике [1]. Возникновение идей инноваций, их тщательная проработка занимает значительное количество времени. Поэтому для более эффективной и продуктивной работы в данной деятельности организациями разрабатываются индивидуальные инновационные стратегии. Раньше они были лишь закрытыми и ограничивались пределами одной фирмы, в настоящее время все больше появляется, так называемых, открытых инновационных моделей, одним из видов которой является краудсорсинг [2].

Краудсорсинг – это передача некоторых производственных функций неопределённому кругу лиц, решение общественно значимых задач силами добровольцев, часто координирующих при этом свою деятельность с помощью информационных технологий [3]. Суть данного метода заключается в следующем: поставленную задачу посредством сети Интернет предлагают решить людям вне зависимости от их должности, возрастной и статусной принадлежности, которыми чаще всего движет личный интерес к решению проблемы, желание проявить себя. Участники такого процесса оставляют свои идеи и предложения. Жюри (это может быть совет экспертов, представители компании-организатора, сами волонтеры) оценивает полученную информацию и выбирает наиболее популярную идею, которая в итоге реализуется.

Считается, что термин «краудсорсинг» (с английского «толпа как источник») ввел Джефф Хауи в своей статье «Восход Краудсорсинга», опубликованной в 2006 г. в журнале «Wired». На самом же деле этот метод существует с древних пор для обустройства территорий, принятия законов или решения местных проблем, используя позитивное влияние общественного мнения.

Сегодня метод краудсорсинга успешно использовали и продолжают использовать многие компании, такие как «Nike» для разработки дизайна кроссовок, «Pepsi» – новый дизайн банок, «Starbucks» поиска идей для развития кофеен, «Ford» и «P&G» для создания рекламных роликов и проведения научных исследований и т.п.

Помимо этого, ресурсы населения используют для перевода больших текстов с привлечением носителей языка, создания законов или кодексов (проекты новой конституции Исландии, закона о рыболовстве РФ) [4].

В России успешной государственной акцией краудсорсинга стали акции разработки логотипа Олимпийских игр 2014 и выбора символов для новых купюр в 200 и 2000 рублей.

В идеале технология краудсорсинга должна обеспечивать синтеллектуальный краудсорсинг, предоставляя возможность объединения (синергии) интеллектуальных уровней участников, как отмечает С. Карелов и А. Ослон [5].

Краудсорсинг приносит преимущества, к каковым можно отнести: доступ к результатам труда больших групп людей посредством сети Интернет; анализ существующих проблем с разных сторон и точек зрения за счет участия широких слоев населения с разными личностными и профессиональными знаниями; своевременное решение поставленных задач, т.к. проекты имеют фиксированные сроки; скорость и эффективность, т.к. используется массовая вовлеченность людей и дешевая рабочая сила; расширение контактов с потребителями и поклонниками бренда [5]. В условиях становления постиндустриальной экономики краудсорсинг становится позитивной формой нестандартной занятости в отличие от усиливающейся прекаризации труда [6].

Говоря о недостатках краудсорсинга, исследователи указывают на то, что увеличение участников не гарантирует улучшение результатов. Коллективный IQ толпы, если ничего не предпринимать, легко может оказаться ниже IQ большинства ее участников. Могут возникать и контр-идеи, и «идеи-киллеры» [7].

Поскольку популярность метода краудсорсинга повсеместно растёт нами летом 2016 года было проведено пилотажное исследование в г. Архангельске с целью изучения, описания и анализа феномена краудсорсинг, выявления специфики и классификации направлений применения краудсорсинга в компаниях Архангельской области. В анкетировании приняли участие 48 респондентов в возрасте от 18 до 56 лет.

Так как технология краудсорсинг использует Интернет, участникам исследования были заданы вопросы относительно их возможностей и умений в пользовании количеством времени, которое люди проводят в сети. Согласно результатам опроса, 43,8% респондентов пользуется Интернетом более 5 часов каждый день, 54,2% – каждый день по несколько часов и 2,1% – незначительное время (не более 15-30 минут каждый день).

Иерархия факторов, влияющих на использование людьми ИКТ, по мнению респондентов, включает в себя (по сумме положительных ответов: «абсолютно важный» + «важный»): социальное окружение – 58,3 %, личная мотивация – 62,5 %, время (развитие информационного общества) – 66,7 %, профессиональная деятельность – 72,9 %.

Поскольку данная технология чаще всего осуществляется по средству реализации конкретных проектов, нам было интересно выяснить, по какой причине люди принимают в них участие. Лидером среди мотивов является «возможность реализовать себя» (50%), вторую позицию занял ответ «денежный приз» – 45,8%, на третьем месте «самоутверждение» – 33,3%. Треть респондентов ответили, что их не интересует участие в каких-либо конкурсах.

Наше предположение о том, что в г. Архангельске краудсорсинг как коллективный метод поиска идей посредством сети Интернет еще малоизвестен, подтвердилось. Опрос показал, что большая часть (67,5%) не знает о нем и не представляет, что это такое. Однако треть опрошенных (32,5%) не только слышали о данном понятии, но также смогли сформулировать ответ на вопрос «Что Вы понимаете под термином краудсорсинг?». Среди них встречались такие ответы:

- коллективный поиск идей по определенной задаче посредством сети Интернет;
- поиск людей для каких-то целей;
- мобилизация ресурсов людей с помощью информационных технологий с целью решения задач;
- привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей.

Говоря о способе повышения эффективности использования краудсорсинга в решении различных задач, мнения респондентов разделились: 30,6% высказались за проведение массовых рекламно-информационных кампании в общественных местах, по 19,4% за проведение конференций, круглых столов и выпуск методических пособий или рекомендаций, столько же ратует за обучение специалистов по краудсорсингу, по 11,1% опрошенных полагают, что необходима законодательная регламентация краудсорсинга со стороны государства или стандартизация краудсорсинговой деятельности, 8,3% выступают за создание интернет-платформы.

Изучая технологию краудсорсинг, можно глубже понять не только мотивацию людей для участия, но также и всю его структуру, чтобы в дальнейшем ее улучшить, возможно, упростить и найти способы привлечь еще больше людей. На вопрос «В чем суть краудсорсинга?» 30% респондентов полагают, что в творческой самореализации участников, 27% – в возможности для граждан проявить себя и получить работу, 23% считают, что в создании социальной сети и общении, 20% – в безвозмездном заимствовании идей у народа.

На вопрос «Какие, по Вашему мнению, перспективы у краудсорсинга в нашей стране?» большинство участников исследования (33,3%) посетовало, что краудсорсинг не станет заметным явлением в нашей жизни, но им будут иногда пользоваться, 20,8% оптимистично заявило, что за краудсорсингом будущее, так как это новая форма отношений населения с государством, 8,4% пессимистично смотрят на возможности использования краудсорсинга в нашей стране, поскольку условия для его эффективного использования не созданы, 8,3% принявших участие в исследовании считают, что перспектив нет, так как краудсорсинг не совершенен, обладает рядом недостатков, которые делают его неэффективным инструментом, 29,2% выбрав ответ «другое», видимо смутно представляют себе технологию краудсорсинга.

С учетом полученных сведений становится крайне актуальной задача распространения и внедрения технологии краудсорсинга в практику работы российских компаний. В существующих условиях необходимо разработать методическую базу, которая в дальнейшем позволила бы принять технологию краудсорсинг на вооружение, используя ее максимально эффективно с минимальным допущением ошибок.

2. Калашикова, Л.А. Краудсорсинг – новый вид инновационной стратегии деятельности компаний [Электронный ресурс] // Восемнадцатая международная конференция молодых ученых-экономистов «Предпринимательство и реформы в России», Ученый совет и Совет молодых ученых Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. URL: http://www.econ.spbu.ru/science/conferences_and_seminars/22-23_nov_2012/nov2012.pdf (дата обращения: 27.09.2016).
3. Краудфандинг в России [Электронный ресурс]. URL: <http://rusbase.vc/news/kraudfanding-v-rossii> (дата обращения 09.10.2016).
4. С миру по нитке: краудсорсинг на службе бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.companion.ua/articles/content?id=250978> (дата обращения: 05.10.2016).
5. Юлдашева, Л.Ф. Краудсорсинг: российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Журнал «Системное управление», Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск). URL: http://sisupr.mrsu.ru/2013-4/PDF/yuldasheva_l_f_.pdf (дата обращения: 04.10.2016).
6. Долженко, Р. А. Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях постиндустриальной экономики [Электронный ресурс] // Р.А. Долженко, Э.И. Попов / Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2014. № 12. С. 179-185. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-novyh-form-trudovyh-otnosheniy-i-prekarizatsii-truda-v-usloviyah-postindustrialnoy-ekonomiki> (дата обращения: 08.10.2016).
7. Технология краудсорсинга в региональном управлении [Текст]: монография / Под ред. Бабинцева В.П. – Белгород : Константа, 2014. – 236 с.

ЛЮДИ И СИСТЕМЫ: ТЕЗИСЫ К ПРОГРАММЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лысенко О.В., Игнатьева О. В. (Пермь)

В нашем докладе мы хотим предложить и обосновать некий вектор исследований, как нам кажется, весьма актуальный здесь и сейчас. В силу ограниченности времени обоснование будет весьма схематичным. Но иногда схемы ярче всего высвечивают суть идеи и побуждают к дискуссии. На последнее мы и рассчитываем.

Общество, чтобы мы под не понимали под этим термином, есть продукт социального конструирования. Это тот трюизм, от которого мы отталкиваемся. В результате конструирования (то есть после типизации, объективации, хабиутализации и легитимации [2]) нам, как членам общества, достаются в распоряжение некие социальные структуры, которые с одной стороны, значительно облегчают нам жизнь, разгружают нас от бремени рутины, помогают решать типичные проблемы, а с другой – в значительной степени определяют наше поведение и мышление. Причем под социальными структурами мы предлагаем понимать любые упорядоченные и устойчивые структурные образования, например – социальные поля, институты, стили, язык, системы норм и символов, и т.д. Впрочем, последние чаще всего выступают как производные от структур того или иного поля и включены в него как инструменты его производства. Игнорировать наличие систем невозможно, какую бы теоретическую позицию мы бы не занимали. Конструктивизм часто упрекают в субъективизме и психологизме, но быть конструктивистом не означает признавать «иллюзорность» систем и структур. Ибо, следуя теореме У. Томаса, системы перестают быть субъективными, как только люди начинают в них верить и следовать их логике.

Отношение между системами и индивидами по-разному интерпретировались в разных социологических традициях. Для Т. Парсонса и их последователей действия актора предопределены системой и это признается за благо, ведущее к стабильности. Идеальным индивидом при этом признается тот, кто полностью подчинился логике системы. Для представителей критической социологии такие детерминация и подчинение есть проклятие. Стремительно развившиеся в 1960-х гг. направления социальной мысли, такие как теория конфликта, неомарксизм, феминизм и т.п. подвергли социальную детерминацию уничтожительной критике. Причем сам факт детерминации не ставился под сомнение (патриархальность угнетает женщин, государство и капитал контролируют человека, богатые заставляют бедных принимать буржуазный образ жизни и т.д.), но оспаривалась справедливость такой детерминации и ее неизбежный характер. В их трудах за яркими фигурами речи и эмоциональными обвинениями вырисовывается иной идеал – человека, борющегося с системой, освобождающегося от оков и возвращающегося к своей истинной природе.

Вполне очевидно, что оба варианта описания взаимоотношения систем и человека («организмизм» и «теория конфликта» в терминах Н. Смелзера или «традиция Дюркгейма» и «традиция конфликта» у Р. Коллинза) имеют идеологические аналоги. Эти теории возникали в определенной политической обстановке и служили, вольно или невольно, определенным политическим силам. Об этом тоже было сказано немало [1; 4]. Можно только добавить, в духе П. Бурдьё, что причинно-следственные связи тут взаимонаправлены: теории отражают настроения (политические запросы) общества, а затем сами, после трансляции их через образование и СМИ, становятся источником конструирования новых представлений и установок людей. Конструктивизм, наследуя критической социологии, также в своем начальном варианте был преимущественно «левым». Однако конструктивизму не обязательно вставать в этом споре на одну из двух полярных позиций. Признание конструирования социального не обязательно означает признание тотальной несправедливости всех созданных структур. Что характерно, такой сценарий интерпретации возник первоначально не как теоретическая установка, но как практически направленная интеллектуальная деятельность со вполне приземленной целью: дать обществу практические советы, как выживать здесь и сейчас. Речь идет о многочисленной литературе прикладного, а то и откровенно публицистического жанра, получившего условное название «помоги себе сам». С позиции организмизма она недостаточно фундирована и легкомысленна. С позиции критической социологии она «предает» человека, заставляя его смириться с существующим порядком вещей и искать причины неудач в самом себе, вместо того, чтобы бороться с несправедливостью систем [3; 5]. Но, несмотря на брезгливое отношение к себе разных теоретических школ, эта литература продолжает процветать, благодаря многочисленным читателям, ищущим в ней ответы на свои практические вопросы.

Действительно, какой вывод может сделать для себя любой специалист, освоивший в вузе курс социологии в структурно-функционалистском ключе? Если общество есть система, а система есть благо и высшая сила, то самым благоразумным будет ей подчиниться и полностью интериоризировать ее нормы и правила. К счастью или несчастью, такой социальный типаж «человека системы», «бюрократа» встречается все реже. Современные тенденции индивидуализации и биографизации жизни вступают в прямое противоречие с подобной позицией.

Социальный конструктивизм, унаследовав традицию интерпретативной социологии, уделяет отдельному индивиду (агенту, актору) гораздо большее значение, нежели структурализм. Развеивая ореол всемогущей системы, он настраивает своего читателя на сопротивление любым системам. Образ бунтаря-одиночки стал таким же расхожим клише в массовой культуре, как и образ бюрократа. На практике это почти не воплотимо. Во-первых, это удел единиц, а во-вторых, на месте «сломанных» систем немедленно возникают новые, зачастую еще более изощренные и авторитарные.

Тогда, может быть, имеет смысл рассмотреть третий, более полезный путь, подсказанный нам литературой «помоги себе сам». Суть его достаточно проста: признавая значение систем и структур в жизни общества, и, вместе с тем, признавая их интересосубъективный характер, попытаться сосредоточиться на наиболее оптимальных и, главное, практически применимых путях перестройки систем для нужд отдельных социальных групп или даже отдельного индивида. Иначе говоря, третий вариант нацелен на такое изучение социальных систем и структур, которое бы помогло (1) использовать их более эффективно для решения практических задач конкретными людьми; (2) найти пути их мягкого изменения в случае, если они становятся неэффективными; (3) создавать новые системы с учетом интересов конкретных людей, в них вовлеченных. Вместо того, чтобы занимать позиции «винтиков» или «бунтарей», мы предлагаем с одной стороны отстраненный, а с другой деятельный подход к изучению социальных систем для насущных социальных нужд.

1. Александр Д. *Смыслы социальной жизни: культурсоциология* - Москва, издательство «Праксис», 2013 г. - 630 с.
2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. Бикбов А.Т. *Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. - М: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
4. Бурдьё П. *Объективировать объективирующего субъекта/ Бурдьё П. Начала* — М.: Socio-Logos, 1994. С. 141-146.
5. Яцино М. *Культура индивидуализма* – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 280 с.

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

Малмыгин А.С. (Минск, Республика Беларусь)

Социальное событие является масштабным феноменом общественной жизни, который обуславливает существенные преобразования общества, затрагивает жизнедеятельность социальных субъектов, влияя на социальные изменения привычных структур общественной жизни в том числе – образа жизни социальных субъектов. Образ жизни представляет собой совокупность типичных форм жизнедеятельности социальных субъектов в конкретных социальных отношениях и выполняет адаптивную, интегративную и воспроизводственную функции в процессе жизнедеятельности социальных субъектов. Значимая роль образа жизни социальных субъектов определяется тем, что типичные формы жизнедеятельности личности, социальной группы и общности в производственно-экономической, политической, семейной, и досуговой сферах оказывают непрерывное и значимое влияние на развитие экономики, государства, семьи, а также на социальное положение, уровень и качество жизни субъекта.

Изменение образа жизни проявляется в изменениях системе социальных потребностей и интересов социальных субъектов. Именно социальные потребности и интересы во многом предопределяют какого вида образ жизни вырабатывается и воспроизводится социальными субъектами. Перемены в системе потребностей выражаются в появлении новых материальных, духовных, социальных нужд и запросов социальных субъектов в повседневной жизни, а также изменением степени и возможности их удовлетворения. В процессе изменения образа жизни меняются социальные интересы различных социальных субъектов, т.е., происходит смена направленности социальной активности субъектов на другие значимые для жизнедеятельности социальных субъектов личностные и социальные блага. Трансформация устоявшегося образа жизни социальных субъектов сопровождается изменениями в системе жизненных ценностей и ценностных ориентаций личности, социальных групп и общностей в сфере социально-экономических и трудовых отношений, в брачно-семейной сфере жизнедеятельности субъектов, а также сфере досуга и общения.

Поскольку социальное событие приносит существенные изменения в социальную структуру общества, появляются объективные предпосылки для перемены социальными субъектами их привычной социально-профессиональной деятельности. Социальная деятельность является процессом целенаправленной социальной активности, во многом определяющим привычный для различных социальных субъектов образ жизни. Изменение вида, характера и содержания социальной деятельности также является важным признаком трансформации сложившегося способа жизнедеятельности социальных субъектов, который необходимо рассматривать в качестве индикатора в системе показателей социального события.

Особыми структурообразующими компонентами привычного способа жизнедеятельности, важными факторами устойчивости и воспроизводства образа жизни являются присущие субъектам социальные установки и стереотипы поведения, которые выражаются в устойчивом отношении к фактам и событиям повседневной жизни, убеждениях, а также привычном поведении субъектов в сфере труда, быта, семьи, досуга и межличностного общения. Большое влияние социальных установок и стереотипов поведения в повседневной жизнедеятельности позволяет социальным субъектам воспроизводить сложившийся у них образ жизни и привычную социальную деятельность на протяжении продолжительного времени. Тем не менее, социальные установки и привычные модели поведения социальных субъектов в трудовой, бытовой, семейно-брачной сферах являются динамичными образованиями, существенно меняясь именно в периоды значимых для субъектов изменений в общественной и личной жизни и смены привычного образа жизни. Следовательно, перемены социальных установок и поведенческих стереотипов также необходимо учитывать в качестве индикатора трансформации образа жизни социальных субъектов.

Образ жизни личности, социальной группы и социальной общности как субъектов как социальных отношений тесно взаимосвязан с социальным окружением и привычными условиями жизнедеятельности социальных субъектов и включает в себя взаимоотношения с другими социальными субъектами в процессе трудовой деятельности, в семейной жизни и быту, в сфере досуга и потребления. Повседневные социальные контакты и взаимоотношения с коллегами по работе и в трудовом коллективе, друзьями и приятелями, членами семьи, а также другими социальными группами и организациями, с которыми регулярно взаимодействуют субъекты

являются важной составляющей привычного образа жизни социальных субъектов. Важной составляющей привычного образа жизни является осуществление устоявшегося способа социальной жизнедеятельности в привычных условиях и привычных социальных ситуациях и интерьерах социального пространства и течения социального времени. Существенные социальные изменения привычных условий и типичных интерьеров жизнедеятельности, социального пространства, времени и ситуаций, а также взаимоотношений субъектов с ближайшим социальным окружением являются важным индикатором изменения образа жизни, во-первых, в силу факта включения в образ жизни, во-вторых, в силу, объективного влияния на систему потребностей, социальной ориентации, привычного поведения субъекта.

Итак, существенным показателем влияния социального события на общественную жизнь выступает изменение формы и способа индивидуального и коллективного образа жизни социальных субъектов. Образ жизни находит выражение в системе потребностей, социальных интересах, привычной деятельности, социальных установках, стереотипах поведения, жизненных ценностях и ценностных ориентациях различных субъектов в привычных социальных условиях и взаимоотношениях с социальным окружением. Данные структурные элементы образа жизни целесообразно использовать в качестве индикаторов, показывающих особенности и степень влияния социального события на типичный способ жизнедеятельности социальных субъектов. Полагаем, что изменение образа жизни значительного количества различных социальных субъектов, а также значимых в обществе значимых личностей, социальных групп и общностей позволяет утверждать, что в обществе происходит социальное событие.

1. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – 314 с.

2. Бабосов, Е. М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е. М. Бабосов. - Минск: Право и экономика, 2005. -228 с.

МЕТАФОРЫ МОБИЛЬНОСТИ И СЕТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ НЕРАВЕНСТВ

Мартыненко Т.С. (Москва)

Широкое распространение в современной социологии получили метафоры мобильности, пространства, сети. Одной из причин подобного положения дел является познавательный потенциал этих метафор, связанный с попытками выйти «за пределы обществ» и тем самым преодолеть классический взгляд на общество как национальное государство, являющееся относительно автономный и закрытым элементом. Значительную роль в оформлении этих метафор сыграло появление и активное распространение современных информационных технологий.

Информационно-коммуникативная революция, связавшая мир посредством каналов и потоков информации, услуг, товаров, способствовала оформлению новой системы социального неравенства. Признание в 2011 г. ООН Интернета важнейшим ресурсом, а доступа к нему – базовым международным правом еще раз подчеркивает роль информационных технологий в современном мире. Эти технологические изменения, вовлекшие большую часть мира, способствовали также оформлению проблематики глобального социального неравенства в современной социологии.

В попытке преодолеть методологические проблемы, связанные с измерением глобального неравенства, социологи, в частности, обращаются к исследованию глобального общества, отказываются от универсализма в качестве базового принципа, постулируют посттрудовой характер современного общества, используют сложную сетевую морфологию и логику и даже отрицают возможность применения понятия «общество» в современной социологической теории. По мнению ряда выдающихся социологов, социальные неравенства будут одним из приоритетных направлений социологии XXI века [см. 2].

Одним из авторов, разрабатывающих метафору мобильностей и применяющих ее к анализу социального неравенства в современном мире, является Дж. Урри (1946-2016). Работы британского социолога базируются на таких понятиях, как «мобильность», «доступ», «сеть», «пространство» [см. 1]. Социология, по мнению Дж. Урри, долгое время игнорировала социальные аспекты разного рода перемещений и движения в принципе, которыми пронизана социальная жизнь, за исключением вертикальной мобильности. Не совокупность структур, а совокупность

социальных отношений, воспроизводящих системы мобильностей, должны составлять содержание социологической теории. Для этого Дж. Урри использует новые понятия и концепции такие, как «сетевой капитал», «встречность», «промежуток», «поставтомобильный».

Главным инструментом познания социальной реальности, по мнению Дж. Урри, выступают метафоры. «Наше понимание общества и социальной жизни во многом определяется различными метафорами и отражается в них» [4, с. 34]. Со времени своего возникновения социологическая теория использовала метафоры зрения, обмена, организма и других. В настоящее время появляются новые метафоры, главными из которых являются метафоры мобильности и путешествия. «Учет повседневных практик личной мобильности (пусть и опосредуемой технологически) приводит к трансформации соответствующих метафор и социологических понятий» [4, с. 269]. «Социология предполагала “метафизику соприсутствия”, то есть непосредственное присутствие рядом с другими как базис социального существования. Эта метафизика порождает анализ, который фокусировался на паттернах социальных интеракций более или менее прямого соприсутствия» [3, с. 134]. В связи с развитием новых информационных технологий, социология должна отказаться от подобной перспективы. Все трансформации социологической теории производятся Дж. Урри «... ради реорганизации той части социологии, которая занята вопросами социального неравенства и отчуждения, слабых связей и встреч, сетевых отношений, изменяющейся природы мест и комплексных систем, а также глобального изменения климата» [3, с. 73].

Теоретические конструкции Дж. Урри тесно увязываются им с понятиями пространства и времени. «Исторически большая часть литературы по социальному неравенству игнорировала то, каким образом понятие «пространства» изменяет наше понимание экономических, политических и культурных процессов, которые порождают и усиливают социальное неравенство» [3, с. 343].

Социальное пространство в теории Джона Урри подчинено сетевой логике и подразумевает сетевую морфологию: обращение к сложным горизонтальным структурам, совокупностям потоков, каналов и узлов. Британский социолог пользуется определением сети, которое предложил М. Кастельс: «Сеть как совокупность взаимосвязанных узлов, в которой расстояние между социальными позициями короче там, где такие позиции являются узлами конкретной сети, а не лежат за ее пределами» [4, с. 54]. По этой причине теория социального неравенства Дж. Урри носит глобальный характер: мир поделен на тех, кто включен в сеть социальных отношений, отмеченных доминирующим типом мобильной системы, и тех, кто находится за ее пределами.

Выстраивая свою теорию общества и социального изменения, Дж. Урри утверждает, что мобильности являются важнейшим критерием, фактором и формой не только социального изменения обществ в целом, но и социального неравенства. Этапы развития/изменения обществ Дж. Урри выделяет при помощи указания на доминирующую систему мобильности, в основе которой лежит определенный тип перемещения. Подробно рассматривая исторические аспекты развития этих систем, британский социолог выделяет несколько главных видов, которые имели некоторые локальные особенности на конкретных территориях – это система пешего хождения, система общественного транспорта (под ним подразумевается, прежде всего, строение железных дорог) и, наконец, автомобильная система мобильности, доминирующую в настоящее время. Каждый вид транспорта подразумевает подобную систему мобильности.

Не отрицая существование классов как экономических категорий, Дж. Урри утверждает, что основными социальными группами в современном обществе являются сообщества. Это понятие прошло развитие от сообщества в топографическом смысле, то есть основанного на географическом соседстве объединении, через сообщество как набор систематических взаимоотношений социальных групп и институтов к своему современному значению. Основной характеристикой сообщества в современном смысле становится «причастность, человеческая общность, характеризующая тесными личными узами, эмоциональной теплотой отношений между членами сообщества» [3, с. 312]. Не взирая на то, что сегодня эти сообщества часто значительно рассредоточены в пространстве, Дж. Урри утверждает, что от этого взаимоотношения между членами этого сообщества не становятся более поверхностными, хотя имеют тенденцию к краткосрочности.

Дж. Урри рассматривает современное общество, прежде всего, в терминах потребления, а не производства. Потому одним из вариантов формирования сообщества является потребление того или иного товара или группы товаров. «Потоки потребительских товаров на более общем уровне трансформируют само понимание «членства» в организациях зарождающейся глобальной

эры» [4, с. 69]. На первый план выходит культурный опыт, определяемый Дж. Урри как возможность движения, перемещения любого рода в соответствии с содержанием понятий его теории.

Под влиянием процессов сжатия пространства и времени возникают новые виды социальных пространств, а именно – киберпространство, которое тесно увязано с появлением нового вида сообществ. «Киберпространство – это связанная глобальной сетью, поддерживаемая компьютерами, генерируемая ими и управляемая с их помощью многомерная совокупность перекрывающихся друг друга виртуальных “сообществ”» [4, с. 107]. В то же время личность, включенная в глобальное взаимодействие большого числа сообществ по всему миру, «размазывается или делается мобильной как цепочка следов» [3, с. 145].

Таким образом, теория мобильностей Джона Урри представляет собой новый взгляд не только на общество, но и на социальное неравенство в нем. Учитывая специфику функционирования современных информационных технологий, институтов и социальных групп, метафора мобильности выступает инструментом, позволяющим сделать важный для социологии переход от анализа обществ как отдельных государств к построению сложной и многоуровневой системы социальных пространств и отношений в масштабах планеты, а значит перейти к попытке построения адекватной теории глобального социального неравенства.

1. Мартыненко Т.С. Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // *Социология*. 2015. № 1. С. 85-91.
2. Терборн Г. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания // *Социологическое обозрение*. 2001. Том 1. №1. С. 46-49.
3. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
4. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
5. Urry J. *The tourist gaze: leisure and travel in contemporary societies*. London: Sage Publications, 1990.

МЕТАФОРА СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕТЕРОГЕННЫХ СООБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ АСТ

Мачкасова Я.К., Соловьев В. В. (Томск)

Акторно-сетевая теория – подход в социальных исследованиях, который рассматривает объекты как действующие единицы социальных отношений. Происходя первоначально из области исследований науки и технологий (STS), АСТ полагает, что общество постоянно реконфигурируется, и пытается дать инструменты для понимания и объяснения данного процесса, в котором наука и технология играют решающую роль [1]. Метафора сети является ключевой для данного подхода.

Один из основных постулатов АСТ звучит так: любой актер сети, независимо от того, является он персоной (human) или объектом/ группой объектов (non-human), имеет одинаковую значимость для сети, т.е. актантность. Следовательно, стабильная работа сети может быть обеспечена лишь постоянной ровной работой всех акторов сети, а выход из строя одного из акторов данной сети может стать причиной нарушения порядка.

В июле 2016 года мы как авторы статьи получили шанс проверить данное утверждение, а вместе с ним и всю акторно-сетевую теорию на практике, в ходе работы в летней школе «Наука как форма жизни» на базе научно-исследовательского стационара Кайбасово лаборатории BioClimLand, находящегося в пойме р. Оби в Кривошеинском районе Томской области. По сути, был проведен анализ взаимозависимости и взаимовлияния каждого актора гетерогенного сообщества данной научной станции.

Кайбасово является частью сети станций, эксплуатируемых в рамках проекта Trans-Siberian Scientific Way (TSSW) и используемых для исследования геологического мегапрофиля, который, в свою очередь, служит для отслеживания изменений климата Сибири. Работавшие на ней ученые-биологи были заняты сбором данных для дальнейшего анализа и за обработкой собранных данных «на месте», в полевых лабораториях; попутно они исполнили обязанности наших проводников в мир научного знания.

Основным методом полевой работы были включенное наблюдение, фото/видеосъемка и интервью. После окончания изучения гетерогенного сообщества стационара его кейс был проанализирован отдельно, исходя из того, что:

«...общество сконструировано из деятельности людей (humans) и не-людей (non-humans), которые остаются в равной степени активными и были переведены, ассоциированы и связаны друг с другом в различные конфигурации» [1,65].

В результате нами было отмечено несколько любопытных деталей:

- Ученые-исследователи работали по-разному – поодиночке и малыми группами; но полученные ими в результате проведенных опытов и наблюдений данные впоследствии, как правило, синтезируются с данными их коллег. Это обусловлено характером местности, в которой проводятся исследования: пойма является очень изменчивым ландшафтом, и, что бы ни изучал ученый – аллювиальные отложения, почву, растения или микроорганизмы, без данных своих коллег ему не под силу построить полную и точную картину состояния поймы.

Это подтверждают и сами ученые:

«...буду использовать их [коллег] данные, и они мои, если понадобится... Это все взаимосвязано, особенно в пойме, которая разливается каждый год, что не может не влиять [на почву]. Здесь все и с водой, и со всем остальным тесно связано» [2].

- Неразрывная связь человеческих и нечеловеческих акторов, о которой говорится выше, может быть проиллюстрирована на примере ученых-почвоведов и их рабочего инструмента – тахеометра, использовавшегося для прокладывания геологического профиля. Неисправная работа этой техники может привести к получению ложной информации, что может поставить под угрозу все дальнейшее исследование. С другой стороны, благодаря усовершенствованной технике ученый может перевести полученную им информацию в схемы, графики и таблицы, в самый важный ресурс [3]. К тому же, включение конкретно этого актора в связь «актор-сеть» зависит напрямую от других деятелей-посредников. К примеру, если почвовед использует более современный, усовершенствованный тахеометр для прокладывания профиля, то в таком случае актантность растительного покрова сводится к нулю (по сравнению с ситуацией, когда приходится задействовать в работе устаревший, более примитивный прибор).

Подобным образом, вышесказанное можно также проиллюстрировать кейсом с пипеткой, используемой микробиологами для заполнения специального планшета пробами воды. Она может быть одноканальная и восьмиканальная. Вторая позволяет за раз заполнять пробой воды 8 ячеек в планшете со средой, что значительно ускоряет и упрощает работу при условии большого количества ячеек. Данный кейс демонстрирует, что техническое оборудование может быть наделено большей актантностью, нежели ученый, проводящий опыт.

- Специфика местности, где развернут научно-исследовательский стационар (отсутствие грунтовых дорог, высокий уровень воды в реке и близлежащих водоемах) выдвигает на первый план актор природных условий. К примеру, если дожди размывают дорогу до «точки» (места, где ученые сосредотачиваются для сбора данных), то добраться до нее без специальной техники становится весьма непросто, что заметно влияет на эффективность работы; как выразилась одна из наших информантов, «мы долго-долго добираемся до точки, а потом быстренько занимаемся наукой» [2]. Иногда, чтобы совершить сбор данных, техника и специальное оборудование просто необходимы (что очень сильно повышает их актантность по отношению к ученым). Так, порой микробиологам приходилось заходить по пояс в воду для взятия проб: «... вообще, пробы из середины воды должны браться с использованием лодки, но так как у нас их мало, то приходится самой лезть...» [2].

- Один из самых интересных кейсов полевого исследования был зафиксирован нами, когда группе ученых необходимо было добраться до точки для взятия проб и прокладывания профиля; для этого использовался вездеход АРГО. Водитель вездехода по пути нашел участок дороги, накануне размытый дождем, достаточно труднопроходимым и стал беспокоиться за потенциальный ущерб, который мог бы быть нанесен его технике. Ученые же, в свою очередь, настаивали на том, что им необходимо добраться до места взятия проб. Таким образом, все деятели акторной сети вступили во взаимодействие через движение их посредников: актантность размытой дороги достаточно высока относительно такого деятеля сети, как вездеход АРГО; выросла и актантность самого вездехода относительно ученых. Водитель же вездехода выступает посредником как технического актора, так и актора жизнеобеспечения исследователей. Но, в итоге, наиболее актантен в данном кейсе стал актор межличностного общения: когда ученые смогли договориться с водителем и он провез их через размытый участок дороги.

Таким образом, на примере изученного нами гетерогенного сообщества научно-исследовательского стационара Кайбасово была доказана справедливость положений акторно-сетевой теории. Нам удалось проследить взаимозависимость и взаимовлияние акторов сети

данного сообщества и установить наличие посредников, увеличивающих или же, наоборот, уменьшающих их актантность по отношению друг к другу. Следовательно, можно сделать вывод о пригодности АСТ для социологических и антропологических исследований.

1. Callon M. Actor-network theory // *International Encyclopedia of Social & Behavioral Studies*. 2001. P.62-66
2. Полевые материалы авторов от 14-16.07.2016. Кайбасово, Кривошеинский р-н, Россия
3. Брюно Латур, Стивен Вулгар Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию // *Социология власти*. 2012. № 6-7.

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Мельников М.В. (Новосибирск)

Статья выполнена в рамках работы над грантом РГНФ.

Проект: 16-03-00348 а - «Приватизация публичного пространства: социальные истоки, формы и последствия» 2016 – 2018

Актуальность изучения социальных истоков, форм и последствий приватизации публичного пространства обусловлена широким распространением в разных странах ограничений доступа в публичные пространства. Эти ограничения осуществляются посредством огораживаний территории публичных пространств и другими способами, нередко не согласованными с местными властями и жителями, то есть представляющими собой захват публичного пространства. Отдельные стороны и формы приватизации публичного пространства становились объектами социологических исследований, но при этом оставалась слабо изученной общность их содержания и происхождения. Анализ различных форм и способов ограничения свободного доступа и использования публичного пространства направлен на выявление общих признаков, позволяющих рассматривать изменения, происходящие с публичным пространством, как его приватизацию.

The topicality of studies of social sources, forms and subsequences of public space privatization is conditioned by a wide spread of access restriction to privatized public spaces in different countries. Such restrictions are realized by means of territory enclosing and by other ways, which are quite often not agreed with local authorities and population that is to say are public space seizure. Some aspects and forms of public space privatization became objects of sociological studies, however, the generality of their contents and origin remained poorly explored. Analysis of various forms and methods of limiting free access and use of public space is aimed at the identification of common features allowing changes that occur with the public space to be considered as its privatization.

Согласованное изучение пространства и приватизации редко интересует отечественных социологов, хотя исследования в этой области могут быть содержательными и общественно значимыми. Актуальность социологического изучения приватизации публичного пространства обусловлена распространением в разных странах режимов ограничения доступа в публичные пространства, осуществляемых посредством различных огораживаний их территории, нередко не согласованных с местными властями и сообществами, а потому представляющих собой захват публичного пространства. В других случаях переход публичных пространств под контроль частных структур приводит к ограничению прав людей, имеющих доступ в приватизированное публичное пространство, на свободу действий, а иногда и на свободу слова. Две формы приватизации публичного пространства представлены в строительстве торгово-развлекательных центров, вытесняющие городские рынки и площади, и появлении огороженных жилых сообществ. П. Андерхилл, О. Вендина, М. Войс, Л. Грин, В. Грюн, Н. Кляйн, Л. Херцог, П. Шауле приходят к выводу о том, что моллы порождают разрыв со старой конфигурацией публичного пространства, основанного на равенстве и открытости. Серьезный интерес вызывает у социологов изучение огороженных жилых сообществ. Р. Бенджамин, Э. Блейкли, Д. Грюсел, Д. Джекобс, М. Зотова, Д. Киркленд, К. Ландман, Р. Легуа, И. Мак-Кензи, Р. Нельсон, М. Г. Снайдер, Л. Туроу, П. Эммонс видят в их появлении физическое выражение социальной фрагментации и коммодификации публичных пространств. Примером изучения еще одной формы приватизации публичного пространства являются работы И. В. Ивлевой, С. Куртен, К. Хименес. Они посвящены ведению частного уличного бизнеса, отправлению на публице домашних ритуалов, гигиенических

процедур и приготовлению пищи для своей семьи. В отличие от двух первых форм приватизации публичного пространства третья форма осуществляется не верхами, а низами общества, вынужденного искать любые источники дохода. Городские власти и имущественные классы рассматривают деятельность уличных торговцев как угрозу для имиджа города и столицы, который, в их представлении, должен «принадлежать» не всем жителям, а только буржуазии. Дж. Доэрти, Дж. Корхонен, А. Тоси рассматривают репрессивную политику, проводимую городскими властями против бездомных, которые «приватизируют» улицы, площади, парки, превращая их в места своего проживания.

Ответом на действия властей становится рост протестной реакции со стороны лиц и групп, свобода пребывания и действий которых в приватизированных публичных пространствах ограничена или невозможна. Нарастание борьбы за деприватизацию публичных пространств позволяет рассматривать приватизацию публичных пространств как социальную проблему, которая способствует росту отчуждения и недоверия в обществе в целом, а также между представителями различных социальных групп, властными структурами и общественностью. Сложность решения этой проблемы состоит, прежде всего, в том, что не все социальные группы и силы, интересы которых связаны с приватизацией публичных пространств, интерпретируют рассматриваемую ситуацию как проблему, требующую решения. Вторым аргумент в пользу актуальности социологического изучения приватизации публичного пространства основан на допущении существования связи между приватизацией публичного пространства и приватизациями других объектов, находившихся в общественном владении и свободном использовании. В связи с тем, что сохраняет свою актуальность изучение причин и общественных последствий приватизации собственности и ряда функций, выполняемых государством в социальной сфере, актуально изучать общественные последствия приватизации публичного пространства.

Сущность приватизации публичного пространства может рассматриваться как изменение в использовании этого пространства (от общего и открытого к частному и ограниченному), благодаря которому оно становится для пребывания в нем одних лиц и групп более доступным, а для других лиц и групп менее доступным. Доступ в приватизируемое публичное пространство определяется правилами, соответствующими интересам тех лиц и групп, кто осуществляет приватизацию, и тех лиц и групп, в чьих интересах она осуществляется. В соответствие с этими правилами одни действия рассматриваются как ожидаемые и желательные, другие – как не ожидаемые и нежелательные. Основная цель, преследуемая инициаторами приватизации публичного пространства, состоит в том, чтобы сделать пребывание в нем более комфортным, безопасным и спокойным для себя и людей, появление которых в приватизированном публичном пространстве рассматривается его инициаторами как желательное для них и приносящее им выгоду. Достижению этой цели призван служить строгий контроль над всей территорией приватизированного публичного пространства и находящимися в нем людьми. Этот контроль осуществляется специальными охранными структурами, видеокамерами и датчиками, а также людьми, заинтересованными в том, чтобы ограниченный доступ в пространство делал их пребывание в нем более комфортным, безопасным и спокойным для них. Однако достижение этой цели осложняется как возможными разногласиями внутри группы инициаторов приватизации, например, по вопросу о том, какой ее вариант принесет всем им больше пользы, так и возможными конфликтами между инициаторами приватизации и теми лицами и группами, интересы и права которых на свободное использование публичного пространства ограничиваются благодаря его приватизации. Отношение к приватизации публичного пространства лиц и групп, чьи интересы и права на его свободное использование ограничиваются, зависит от того, какую ценность представляли для них доступ и пребывание в конкретном публичном пространстве, когда оно еще не было приватизировано. Если доступ и пребывание в этом пространстве имеют для них высокую ценность, они могут воспринимать ограничения в доступе и пребывании как необоснованные, несправедливые и не легитимные. Основания для такого отношения могут быть связаны с тем, что решение о приватизации публичного пространства принималось узким кругом лиц за закрытыми дверями и рассматривается исключенным большинством или меньшинством как несогласованное с его интересами и правами на свободное пребывание в конкретном публичном пространстве.

Первая главная проблема социологического объяснения социальных истоков, форм и последствий приватизации публичного пространства связана с отсутствием согласованного определения значения этого понятия. Его трактуют весьма неопределенно. Но согласованное

определение не может быть дано, если не выполнен анализ содержания понятий «публичное», «публичное пространство», «приватное», «приватность» и «приватизация» и не изучены подходы, посвященные дихотомии приватного и публичного, в том числе применительно к социальному пространству. Успешность выполнения работы в этих областях поможет изучению и осмыслению истоков, условий, форм, возможностей осуществления и общественных последствий приватизации конкретных публичных пространств. Например, придомовых территорий, береговой зоны, лесной зоны, городских кварталов, осуществляемой в форме их огораживания высокими заборами и установлением жесткого пропускного режима.

Вторая главная проблема состоит в отсутствии в российской социологической, традиции применять понятие «приватизация» по отношению к объектам, не связанным с экономикой. В связи с чем, к российским исследователям, применяющим понятие «приватизация» по отношению к таким объектам, как «публичное пространство», могут быть предъявлены обвинения в неспособности использовать для характеристики этих объектов понятия, традиционно относимые к социологическому лексикону. Еще одна проблема применения понятия «приватизация» по отношению к новым объектам состоит в том, что реальности 1990-х годов в России обусловили наделение этого понятия негативными коннотациями. Преобладание отрицательных оценок общественных последствий приватизации собственности может влиять на применение понятия «приватизация» по отношению к иным, нежели собственность, объектам, так и на отношение к такому применению. Если для описания и определения сути каких-то объектов, которые не связаны с экономикой и изменением формы собственности, применяется слово «приватизация», причина выбора этого понятия может заключаться в желании выбирающего дать отрицательную оценку каких-то действий, связанных с описываемым объектом, и осудить тех, кто этим занимается. Изучение этих вопросов и поиск аргументов в пользу правомочности применения слова «приватизация» по отношению к новым объектам, позволит представить доказательства и в пользу применения этого слова для характеристики сути и общественного значения изменений, проводимых над публичным пространством.

ФЕНОМЕН «ИНФАНТИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

Микляева А.В. (Санкт-Петербург)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-06-50031.

Проблематика инфантилизма как особой характеристики личности, затрудняющей ее социальную адаптацию и лежащей в основе формирования широкого спектра девиаций социального поведения, сегодня находится в фокусе внимания различных социально-ориентированных наук, прежде всего, философии, психологии и педагогики. На основе теоретического анализа и результатов разнообразных эмпирических исследований показано, что в качестве характеристик «инфантильной личности», отличающих ее от противопоставляемой ей «зрелой личности», необходимо отметить, как минимум, пассивную позицию по отношению к собственной жизни и жизни общества в целом и безответственность («зрелая личность», напротив, может быть описана такими характеристиками, как «активная жизненная позиция» и «ответственность»).

Анализ особенностей «инфантильной личности», как правило, осуществляется в контексте проблемы нормативного и девиантного взросления человека [5]. Инфантилизм личности понимается как результат разрыва между биологическим и социокультурным взрослением, связанного с нарушением механизмов социализации и выражающегося в непринятии, или, напротив, отказе от тех или иных форм социальной активности или социальных обязательств в связи с процессами взросления.

Результаты разнообразных исследований показывают, что содержание эталонного образа «зрелой личности» и образа «инфантильной личности» как его противоположности не обусловлено исключительно универсальными закономерностями онтогенетического развития человека, но имеет выраженную культурно-историческую опосредованность [2]. На этом основании можно говорить о том, что личностный инфантилизм не является сугубо продуктом психического онтогенеза человека, но может быть рассмотрен как социальный конструкт, имеющий, помимо прочего, выраженное оценочное значение и выступающий «меркой» для

характеристики достигнутого человеком уровня психологического, социально-психологического и социального развития в соотнесении с актуальными требованиями к нему, предъявляемыми культурно-историческим контекстом его становления.

В этой связи очевидна целесообразность расширения традиционной методологии изучения личностного инфантилизма, которое реализуется преимущественно в парадигме возрастной психологии, посредством привлечения методологических принципов социального конструкционизма, имеющих широкое распространение в современных социологических исследованиях. Эвристичность социально-конструкционистского подхода для решения исследовательских задач, традиционно относящихся к предметному полю психологии, неоднократно подтверждалась в психологических исследованиях, посвященных анализу социальных детерминант тех или иных психологических явлений [например: 1; 3;4].

Применение методологических принципов социального конструкционизма к исследованию феномена «инфантильной личности» позволяет проанализировать его как продукт социального взаимодействия, в котором реализуются культурные представления о нормативном и девиантном взрослении. Благодаря этому появляется возможность исследовать проявления личностного инфантилизма в контексте изучения содержания разнообразных ролей, реализуемых как в межличностных, так и в социальных отношениях. Зарубежными исследователями показано, что в основе формирования и развития инфантилизма лежат социальные стереотипы, сопряженные в обыденном сознании с характеристиками тех или иных социальных групп [7]. Помимо этого, установлено, что в современном индустриальном обществе распространена тенденция искусственной инфантилизации отдельных социальных групп [6; 8]. В качестве одного из основных социальных инструментов инфантилизации рассматриваются СМИ, транслирующие образ типичного представителя той или иной социальной группы как эмоционально незрелого, неопытного, сохраняющего множество детских черт в поведении в определенных сферах жизни.

Таким образом, «инфантильная личность» может рассматриваться как феномен, активно конструируемый социальной общностью. Применение методологии социального конструкционизма к исследованию проблематики личностного инфантилизма позволяет поставить новые исследовательские задачи, ранее не получавшие освещения в научно-психологических исследованиях, в частности: анализ содержания и функций конструкта «инфантильная личность» в условиях современной российской действительности; анализ механизмов ассимиляции человеком роли «инфантильной личности» и ее места и функций в системе его социальных идентификаций; изучение практик инфантилизации представителей тех или иных социальных групп в межличностных и социальных отношениях.

1. Клецина И. С. *Психология гендерных отношений*. СПб.: Алетейя, 2004.
2. Кон И.С. *Ребенок и общество*. М.: Наука, 1988.
3. Микляева А.В. *Психология межвозрастных отношений*. М.: Свист, 2014.
4. Солдатова Г.У. *Психология межэтнической напряженности*. М.: Смысл, 1998.
5. Фельдштейн Д.И. *Психология взросления*. М.: МПСИ, Флинта, 1999.
6. Marson S. M., Powel R. M. *Goffman and the Infantilization of Elderly Persons: A Theory in Development // Journal of Sociology & Social Welfare. December 2014. Volume XXI. Number 4. Pp. 143-158.*
7. Schlegel A., Barry H. *Adolescence: An anthropological inquiry*. New York: Free Press 1991.
8. Skager R. *Extending Childhood into the Teen Years: "Infantilization" and Its Consequences. // Reclaiming Children and Youth. 2009. V.18. Number 2. Pp.18-20.*

ПРИНЦИПЫ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В IT-СООБЩЕСТВЕ)

Михеев Д.А., Морозова В. О., Кузнецова Д. А. (Санкт-Петербург)

«Киберпространство сегодня превратилось в глобальную электронную Агору, где широчайший спектр человеческого недовольства разражается какофонией всевозможных оттенков» [1, 165] - именно так характеризует Мануэль Кастельс современное состояние всемирной сети Интернет. Импульсом для становления этой технологий и роста ее влияния на жизнь человечества дала коммуникационная революция в конце XX века. Необходимость физического соприсутствия индивидов для совершения взаимодействий снизилась, и определяющую роль в современном мире начало играть положение актора в сетевой структуре взаимоотношений в социальных медиа.

Основой этих трансформаций служит формирование нового стандарта сетевых технологий, а именно стандартов Web 2.0. За счёт свойственных ему «технических и коммуникативных особенностей», позволил пользователям не только «пассивно потреблять» информацию, но и выступать в роли создателей контента. Также, благодаря этим особенностям, у целых групп появляется возможность документировать знание, циркулирующее в их сообществе, и создавать новое, креативно перерабатывая объем аккумулированной информации. При этом каждый член сообщества может обратиться к этому ресурсу, чтобы затем выстроить на результатах работы данной «распределенной социальной экспертизы» [2] свои практики и действия.

Кумуляция знаний в виртуальном пространстве являет собой социальный капитал, который, по словам П. Бурдьё [3], представляет собой ресурс, лежащий в основе социальной сети, использование которого позволяет индивидам реализовать свои интересы. Информационный потенциал социального капитала становится движущей силой для вступления в такого рода социальные отношения, обусловленные мотивацией индивидов в получении вознаграждения. Возникающая в данном процессе циркуляция информации основана на обмене ценностями (материальными, символическими и информационными).

Таким образом, акторы, включенные в систему отношений внутри сети, получают и накапливают пользу за счёт участия в группах с целью создания некоего ресурса.

Объектами нашего исследования, на примере которых мы постараемся показать выше упомянутые трансформации в действии, будут два крупнейших веб-сервиса, объединяющих специалистов в IT-сфере GitHub и Stack Overflow для совместной разработки проектов по принципу ad hoc.

GitHub – это самая большая на данный момент платформа для разработки и хостинга IT-проектов. Популярность веб-сервиса объясняется тем, он предоставляет не только широкий пакет инструментов, но и практически неограниченные возможности для общения специалистов в сфере IT: пользователи из различных точек мира могут комментировать код/скрипт проекта, давать советы и получать рекомендации от других специалистов. Концепция социальных отношений, возникающих между пользователями сервиса, наилучшим образом отражается в слогане самого сервиса - “Social coding (пер. “Пишем код все вместе”).

Stack Overflow - “кладовая вопросов и ответов” для программистов. Ресурс призванный помочь программистам в решении типичных задач. По статистике на 2014 год, на сайте зарегистрировано свыше 3,5 млн пользователей со всего мира [4].

Принципы работы данных сервисов, по нашему мнению, как раз отражают те принципы производства знания, которые формируются в новую цифровую эпоху. Среди таких принципов можно выделить следующие:

Производство знания свободно и децентрализовано – не существует какого-либо управляющего административного органа, который регламентирует эту работу. Например, когда рядовые пользователи GitHub сталкивались с проблемой отсутствия информации на известном им языке, они обращались к сообществу ресурса за помощью в локализации сайта [5]. Каждый заинтересованный пользователь имел возможность внести свой вклад в перевод.

Любой продукт, произведенный членами сообщества, подлежит оценке со стороны других членов сообщества. Для этого на таких ресурсах вводятся специальные системы оценивания продуктов по различным показателям:

- количество просмотров материалов
- количество “лайков” / “дизлайков”
- количество копий продуктов (fork)

Это означает, что в конечном итоге оценке подлежат не столько конкретные продукты, сколько сами авторы материалов, получающие оценку своей деятельности по совокупной оценке созданных ими материалов, что приводит к формированию иерархии пользователей, либо получающих формальные ранги, или же обладающих ими только символически.

Например, на сервисе Stack Overflow с момента регистрации на новичков накладываются некоторые ограничения, и с ростом их “опыта” эти ограничения постепенно снимаются (эффект ранжирования). Опыт можно заработать задавая и отвечая на вопросы, а также получая “лайки” за свою активность в сообществе. Однако, чтобы оказаться сообществу полезным необходимо довольно хорошо ориентироваться в материале ресурса, не создавать повторы вопросов, быть быстрым и точным в своих ответах, иначе это может привести к негативным оценкам пользователями - “дислайкам” и, следовательно, потере символического капитала.

3) Материалы, производимые пользователями, не просто доступны для публичной реакции, между ними активно выстраиваются связи, которые на рассматриваемых нами сервисах создаются по принципу “фолксономий” [6]: пользователи сами присваивают материалам «теги», в соответствии со своими представлениями о содержании самого материала. Например, на Stack Overflow пользователи тегами указывают язык, о котором в их вопросе идет речь, что помогает автоматически рассортировать вопросы по языкам. На GitHub также возможно присваивание тегов с названиями платформ на которых работают разработчики или с кратким описанием проблем.

4) Любое децентрализованное и свободное производство знания опирается на свод моральных императивов, которые вырабатывается в данном сообществе. Они накладывают на разных участников процесса производства знания различные права и обязанности, например, по распространению знания среди, или же определяют этическое поведение. Например, на GitHub более продвинутые разработчики активно поощряются к обмену опытом со студентами с помощью специальных программ - Students Development Pack [8]. С другой стороны, те же “гуру” способны вводить санкции (“дизлайки”) за не-этичное поведение по отношению к “младшим” участникам сообщества.

Таким образом, если обратиться к любому из ресурсов, служащих для производства и обмена информацией в сети Интернет (от “Вопросы Mail.ru” до любого кулинарного сайта), то принципы производства знания будут выстроены именно таким образом. Однако, на наш взгляд, в перспективе данное исследование может быть направлено не столько на вскрытие новых принципов, а на изучение процессов интериоризации пользователем данных схем, которые в дальнейшем приводят к воспроизводству ресурсов.

[1] - Кастельс М., Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. Стр. 165

[2] - Hilaricus J., *Towards a sociomaterial approach to knowledge transfer*. Электронный источник, режим доступа: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/wbs/conf/olkc/archive/olkc6/papers/id_188.pdf. Дата обращения - 29.08.2016

[3] - Градосельская Г. В. *Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004.*

[4] - *Статистический анализ пользователей Stackoverflow и GitHub: кого больше?*. Электронный источник, режим доступа: <http://nlpx.net/archives/99>.

Дата обращения:

[5] - *Локализация IT-сайта силами пользователей и возможностями GitHub*. Электронный источник, режим доступа: <https://habrahabr.ru/post/269767/> Дата обращения: 12.09.2016.

[6] - O'Reilly T., *What Is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software*. Электронный источник, режим доступа: <http://facweb.cti.depaul.edu/jnowotarski/se425/What%20Is%20Web%20%20point%20.pdf>. Дата обращения: 15.09.2016.

[7] - <https://education.github.com/pack>

ПРОБЛЕМАТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Муха В.Н. (Краснодар)

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №15-23-01005 а(м)

П. Штомпка, характеризуя современный этап развития социологии, отмечал, что рождается «третья социология», социология социальной экзистенции (социального существования), в фокусе внимания которой находится повседневная жизнь [1]. Повседневная жизнь выступает объектом исследования для целого ряда социально-гуманитарных дисциплин, но само понятие «повседневность» до сих пор однозначно не определено. Социологи употребляют как синонимы повседневности описательные характеристики (обычное ежедневное существование, образ жизни), изучают правила взаимодействия в определенном сообществе. Этнографы акцентируют внимание на быте – традиционных формах личной и общественной жизни, повторяющихся, устойчивых, ритмичных, стереотипизированных формах поведения. Историки повседневности – на повторяющемся, «нормальном» и привычном, конструирующем стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения.

История изучения повседневности берет начало в работах представителей феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца, определивших повседневность как сферу человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности, обладающую рядом характеристик, среди которых уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий [2]. Эмпирическое исследование повседневности связано с этнометодологией. Этнометодологи считают, что повседневной жизни свойственна определенная упорядоченность. Повседневность состоит из практических правил, согласно которым люди живут, и следования которым они ожидают от других. Таким образом, повседневность конституируется определенными предположениями о нормальности происходящих действий.

В дальнейшем проблематика повседневности находит свое отражение в концепциях второй половины века: теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, драматургической социологии И. Гофмана, теории отчуждения А. Лефевра, теории габитуса П. Бурдьё и др. Интерес к повседневности в современной социальной теории и гуманитарном знании возрождается под знаком «практического поворота» – попыток формирования нового теоретического консенсуса на основе понятия «практики». Теперь повседневность рассматривается в качестве рутинных практик и нерелективных действий. Другим направлением социологии повседневности становится теория фреймов, в рамках которой анализируется проблема повседневного контекста, наделенного относительно автономным, независимым от конкретных практик существованием [3, с. 26].

В целом, социология повседневности становится новым направлением исследований. Директор Центра исследований повседневной жизни М. Маффесоли трактует повышенное внимание к повседневности как признак крушения великих объяснительных схем прошлого. Социолог ныне – не более чем участник общественной жизни наравне с другими. Познающий субъект оказывается «поставленным на место» через открытие повседневной реальности [3, с. 27]. При этом новая исследовательская стратегия социологии повседневности направлена на преодоление представлений о повседневной жизни как воплощении ординарности, банальности, рутины, повторяемости, привычности.

По мнению Л. Гудкова в рамках современной социологии повседневности специальному рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений жизни общества: зонирование пространства обитания в быту и на работе; хронометраж времени будничного и выходного дней, периода труда и отпуска, а также формы досуга; ролевые функции в разных контактных группах, тактики языкового поведения и специфика межличностного взаимодействия в специальных учреждениях; порядок социализации разных общественных групп и т.д. [4]. Таким образом, предметом социологического исследования становится не социальная реальность, а отношение к ней, формы ее представления в сознании людей.

В целом, социология повседневности на сегодняшний день представляет собой становящуюся дисциплину: ее теоретические ресурсы четко не определены, не сформировался консенсус в отношении центральных категорий. Концепты социологии повседневности – «практика», «повседневное взаимодействие», «порядок интеракции», «социальная ситуация», «фрейм», – не образуют единого понятийного пространства [5]

Проблематика повседневности актуализирует исследовательский интерес к теории социальных практик, вопросам реализации повседневных социальных практик.

Теория социальных практик – продуктивное направление в современной социологической науке, представленное в частности в работах В. Волкова, О. Хархордина, А. Курылева. В теории практик можно выделить два основных подхода: первый акцентирует внимание на фоновом характере практик; второй указывает на раскрывающую способность практик [6]. Согласно первому подходу, фоновая практика – это деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение. Дж. Серль считает, что фоновые практики – это совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами и т.д. Как уточняет Дж. Серль, для «большого числа случаев буквальный смысл предложения или выражения задает условия [собственной] истинности только при наличии набора фоновых допущений и практик (background assumptions and practices)» [цит. по 6]. Согласно теории практик, аналогичная схема рассуждений справедлива и для других сфер жизни и уровней анализа: практики экономической деятельности, политического участия, решения споров и т.д. Все они придают смысл важным ценностным понятиям, таким как демократия, свобода, справедливость и т.д. Их действительный смысл будет содержаться в конкретных способах деятельности, на фоне которых используются эти понятия. Поэтому в различных культурах и

традициях одни и те же понятия на самом деле будут означать нечто разное. Согласно второму подходу, практики конституируют и воспроизводят идентичности или раскрывают основные способы социального существования, возможные в данной культуре в данный момент истории. Практики – это различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности. Общество – это множество раскрывающих пространств, характеризующихся инструментальным снаряжением, совокупностью навыков, практическими проектами и идентичностями. В каждом таком мире раскрывается или практически интерпретируется как «быть врачом», «быть политиком», «быть семейным человеком», «быть членом местного сообщества» и т.д. На фоне этих общих для каждой культуры практических навыков развиваются идеологии и ценности профессиональных и иных сообществ. В основе различных миров лежат совокупности практических навыков, которые осваиваются путем особых игр или упражнений и тем самым раскрывают осмысленные идентичности [6, с. 23].

В контексте исследования современных трансформационных процессов важно понять влияние и взаимосвязь различных форм социальных практик с социальными изменениями. Так социальные изменения могут быть поняты как «изменения фоновых практик, сопровождающиеся появлением соответствующих идентичностей, формальных институтов и идеологий» [6, с. 23]. В целом, теория социальных практик открывает новые горизонты в комплексном исследовании процесса трансформации социума.

Повседневность является сферой социальной реальности, формой её существования, она связана с хозяйственными, экономическими, политическими, правовыми условиями социального взаимодействия субъектов повседневности и реализуется в повседневных практиках. Изменение структуры социальных связей и отношений, темпы этих изменений в современном обществе влекут за собой преобразование повседневной жизни, поэтому в современном динамично развивающемся мире интерес социологов к теме повседневности и социальным практикам будет только усиливаться.

1. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3-13.
2. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. С. 130.
3. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 317 с.
4. Гудков Л. Российская повседневность // Вестник общественного мнения. 2007. №2 (88). С. 55-73.
5. Полякова И.П. Повседневность: история и теория (социально-философский аспект). Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2009. 171 с.
6. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 18-21.

КОММЕМОРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ 30 ЛЕТ СПУСТЯ. В ПОИСКАХ ИСТОКОВ

Николаенко Г.А. (Санкт-Петербург)

Полноценное и всестороннее изучение социальных аспектов памяти – непосильная задача для любой гуманитарной науки, что ставит исследователей перед необходимостью формирования комплексных междисциплинарных теоретико-методологических инструментариев. Существующие в социологическом арсенале концепции социальной памяти, в том числе «Социальные рамки памяти» (1925) Мориса Хальбвакса (1877-1944) хотя и формируют фундамент для дальнейших социологических исследований, всё же далеки от состояния полноценной теории, способной решать актуальные задачи. В этой связи, мы хотели бы актуализировать небольшую работу выдающегося французского историка, представителя школы Анналов и последователя Мориса Хальбвакса – Пьера Нора (р. 1931) – «Всемирное торжество памяти» (2002).

Коммеморативный поворот, проявившейся практически во всех сферах общественной жизни последних десятилетий, Пьер Нора объясняет через два феномена – «ускорение истории» и «демократизацию памяти». Однако, для начала вернёмся к географии коммеморативного процесса. «Франция едва ли не первой вступила в эту эпоху страстного, придиричивого, почти навязчивого воспоминания. Затем, после падения Берлинской стены и исчезновения Советского Союза, настал момент «обретения памяти» в Восточной Европе. Крах диктатур Латинской Америки, конец апартеида в Южной Африке и создание там Комиссии истины и примирения (Truthand reconciliation commission) стали вехами подлинной глобализации памяти; сведение счетов

с прошлым проходило повсюду в очень различных и в то же время сопоставимых формах» [1]. И действительно, послевоенный, постколониальный мир, значительная часть которого четверть века назад кардинальным образом изменила вектор своего развития, кажется, меняет направление своего взгляда с отдалённой и не очень перспективы, будь то «American dream», «Welfare state» или же более родное нам «светлое будущее» на прошлое, которое может быть более туманным, нежели будущее, а в наших широтах, как известно, даже непредсказуемым. Подобные процессы всеобщей коммеморации порождают новые субпроцессы, такие как, например, криминализация истории, детерминирующая разделение на «преступников» и «жертв», что в свою очередь, позволяет образам прошлого, вне зависимости от их истинности, влиять на геополитическую обстановку в настоящем и управлять векторами движения целых государств из-за горизонта современности.

Почему социологии необходима историческая концепция памяти, ведь онтологические установки этих наук во многом разнятся? Ответ прост и, если можно так выразиться, лежит на поверхности – концепция, а скорее просто рассуждения Нора, носят преимущественно социологический, нежели исторический характер. ««Мемориальная эпоха» - так я предложил назвать это движение памяти, настолько общее, глубокое и мощное, что стоит, вероятно, задаться вопросом о его причинах, даже если мы сумеем назвать лишь самые общие и очевидные. Мировое господство памяти возникает, мне кажется, на стыке двух крупных исторических явлений, характерных для современной эпохи. Первый феномен касается времени, второй - общества». [1]

«Ускорение истории» - первая детерминанта глобальной коммеморации – представляет собой процесс смены стабильности и постоянства состоянием стабильного изменения, что в свою очередь детерминирует всё более ускоряющийся разрыв с прошлым.

В частности, для революционной Франции, в какой-то степени для не менее революционной России, да и для многих других государств, разрыв с прошлым и неизбежный отказ от революционной модели времени (делившей социальный опыт на две категории – опыт, достойный для сохранения и опыт, требующий немедленного замещения на новый, посредством революции), привёл к значительному разрыву связей не только между прошлым и настоящим, но и между настоящим и будущим, сделав его почти непроницаемым. Таким образом, разрыв с прошлым, накладывает на общество обязательство помнить, ведь с утратой естественной среды память уже не в состоянии воспроизводиться самостоятельно. Одной из причин этого стал распад традиционных процессов сохранения памяти – например, устной традиции, присущей крестьянству, погибшему в период индустриализации в СССР и, немногим позднее, в период послевоенной урбанизации во Франции.

В свою очередь, ускорение истории обуславливает ещё два эффекта: «эффект аккумуляции» и проявляющийся как гипертрофия функций памяти, и, как следствие, распространение мемориальных учреждений и инструментов, а также

«эффект автономизации настоящего» - разрыв исторической преемственности, при котором роль настоящего как связующего звена между прошлым и будущим заменяется на взаимоинтеграцию настоящего и памяти.

Второй феномен – «демократизация истории» - следствие постколониализма, «мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире» [1]. При этом, понятие деколонизации при рассмотрении демократизации истории должно рассматриваться шире, то есть как совокупность всемирного, внутреннего и идеологического типов глобального деколонизационного процесса. Причиной демократизации истории является деколонизация трёх типов: всемирная, внутренняя и идеологическая. Первый тип описывает процесс обретения независимости и государственности бывшими колониями, вставшими на путь построения новой, независимой идентичности. Второй тип характерен для западных сообществ, начавших процесс интеграции различных меньшинств. Третий тип характерен для стран, освободившихся от тоталитаризма и ищущих новый путь своего дальнейшего развития.

С позиции деколонизации, память выступает как полная противоположность истории. Так, история, контролируемая историками и правящими элитами, теперь столкнулась с памятью меньшинств, отстаивающих свои права. Таким образом, память воспринимается как «история тех, кто не имел права на историю». В свою очередь, история как научная дисциплина, которая хотя и строилась на основе памяти, всё же стремилась максимально дистанцироваться от неё, создав универсальный, а главное, единый нарратив, теряет свою востребованность и применимость.

Теперь, единый нарратив просто невозможен, и в центре внимания находится память, множественная по своей сути.

Новый смысл обрёл термин «идентичность». «Из индивидуального понятия она стала коллективным, а из субъективного — логическим и объективным. Традиционно идентичность характеризует индивида в его уникальности, благодаря чему даже приобретает административное и полицейское значение. Теперь это слово стало категорией группы, формой определения человека «извне» [1]. Память и идентичность, в эпоху повсеместного освобождения и эмансипации, ставшие практически синонимами, также стали и долгом. Долгом памяти и долгом самоопределения. Теперь индивид просто обязан не только помнить, но и на основании своей памяти строить собственную идентичность, отстаивать свою принадлежность к группам и их ценностным системам в настоящем.

Пьер Нора выделяет два следствия из трансформаций памяти и истории. Во-первых, многократно повышается интенсивность использования прошлого в политическом секторе.

Во-вторых, история теряет монополию на интерпретацию прошлого. Прошлый мир, наделённый коллективной историей и индивидуальной памятью, теперь стал миром коллективной памяти, в котором история хоть и существует, всё же не может бороться со СМИ и СМК.

1. Нора, П. *Всемирное торжество памяти / Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3(40–41)

ИЛЛЮЗИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Плетнев А.В. (Санкт-Петербург)

Все происходящие в общественной жизни события анализируются социологами в связи с социальными условиями. По этой причине теории, объясняющие специфику текущей эпохи, играют роль своеобразной призмы, сквозь которую социологи воспринимают мир. Эта призма определяет наше восприятие и как следствие имеет огромное значение в социологии. Анализ социологической теории позволяет с уверенностью утверждать, что господствующие представления об обществе ошибочны и это обстоятельство искажает наши выводы, когда мы рассматриваем актуальные социальные процессы.

С последнего десятилетия XX века в социологической теории наблюдается всплеск интереса к феномену аномии, хотя в течении предшествующих четырех десятилетий интерес к этому феномену прогрессивно угасал. Появление на рубеже XX-XXI веков новых оригинальных концепций аномии свидетельствует о глубоких изменениях в обществе и содержит ключ к пониманию новой социальной реальности.

Прежде чем говорить о специфике социальной реальности наших дней следует рассмотреть объясняющие её теории. При объяснении общества в наши дни социологи интерпретируют его как «постсовременное», «информационное», «открытое», сформированное процессами глобализации и виртуализации.

Общим источником указанных концепций выступает идея Жана Бодрийера о наступлении принципиально новой эпохи упадка реальности, когда подлинная социальная реальность заменяется симулякрами. Эта же идея лежит в основе всех концепций виртуализации, которые основаны на замене «реального» «виртуальным». Здесь виртуализация понимается как: существования объекта одновременно в реальном и виртуальном мире, замена реального объекта виртуальным аналогом, виртуальность реальных социальных процессов. В любой интерпретации теория основана на противопоставлении категорий «реальное» и «виртуальное».

Эти теории являются крайне модными и представляют собой своеобразный авангард современной социологии. Однако следует внимательнее присмотреться к тому, что представляет собой реальность в бодрийеровском смысле. По сути эта реальность имеет физическую природу. Если, к примеру, мы говорим о нереальности единорога то говорим о том, что его не существует в физическом мире. Категория единорога здесь не отсылает нас не к чему реальному, но это реальное не социологично. С позиции социальных наук следовало бы говорить о реальности в социологическом смысле. Как культурный и социальный феномен единорог реален настолько, насколько реальны последствия его существования. И да, в социальном мире он несомненно существует.

Мы неизбежно приходим к идее, что лежащее в основе всего постмодернизма противопоставление реального и нереального не имеет никакого смысла. Это вредная идея, которая направляет науку в противоположном от истины направлении.

Остается разобраться с тем, что же на самом деле происходит с социальным миром. В экономике мы наблюдаем небывалое распространение символического потребления. Если классическая экономика была построена на получении прибыли за счет удовлетворения реальных потребностей, то сегодня эта схема не работает как раньше. Производительность промышленности слишком велика, рынки перенасыщены, а для людей уже создано все необходимое. Единственным известным способом производить и продавать больше является символическое производство. В такой экономике товар, к примеру автомобиль, покупают не потому, что старый пришел в негодность, а потому, что он более не соответствует моде, бренду и символически не подтверждает статус хозяина.

Развитие экономики такого типа становится возможно благодаря распространению в обществе процесса социальной аномии. Подверженный аномии человек утрачивает подлинные ценности (связанные с реальными потребностями), что позволяет навязать ему ценности статусного потребления. Аномичный индивид утрачивает твердые религиозные, семейные и прочие ценностные ориентиры, находится в состоянии ощущения неопределенности. Массовая культура и реклама навязывают такому человеку ценности статусного потребления, которые задают ему определенные цели и ценностные ориентиры.

Таким образом аномия, которая классической социологией рассматривалась как маргинальный и вредный социальный процесс, сегодня оказывается в центре социальной жизни. В новом капитализме аномия играет роль своеобразного двигателя, который создает у человека чувство неудовлетворенности и неопределенности. Далее массовая культура убеждает человека в том, что символическое потребление является решением его проблем и способно удовлетворить его потребности.

Достаточно вскользь проанализировать то, что внушает нам массовая культура и в особенности реклама чтобы понять, что они создают аномию. Массовая культура навязывает потребление, смешивает ценностные основы культур и религий. Даже в исторических фильмах и сюжетах современные потребительские ценности экстраполируются в прошлое, что создает иллюзию их древности.

Все сказанное позволяет заключить, что мы не живем в какую-либо специфическую эпоху постсовременности. Современность продолжается, хотя и в несколько изменённом виде. Мы не замечаем этого, поскольку наши представления искажены теоретическими иллюзиями. Лик новой современности определяется развитием неокapитализма – типа экономических отношений, при котором массовая культура через развитие на уровне личности аномии заставляет человека чувствовать постоянную неудовлетворенность и стремление к символическому потреблению. В то же время господствующая парадигма упускает суть новой современности, сосредотачивая своё внимание на многочисленных следствиях, а не на причине.

1. Бодрийяр, Ж. *Симулякры и симуляция*. Перевод О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
2. Иванов Д. В. *Виртуализация общества. Версия 2.0*. Петербургское Востоковедение. СПб. 2000. – 224 с.
3. Bell D. *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. — N.Y.: Basic Books, 1973. – 352 p.
4. Kittleson M. *A Cross-national, Longitudinal Test of Institutional Anomie*. Western Michigan University, 2012. – 306 p.
5. Zhao R. Cao L. *Social Change and Anomie: A Cross-National Study // Social Forces, Volume 88, Number 3, March 2010, p. 1209-1229*.

П.БЕРГЕР: К ВОПРОСУ О «ЕВРОСЕКУЛЯРНОСТИ» И «АМЕРИКАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ»

Подлесная М.А., Харчевкина Н. Н. (Москва)

Данный доклад посвящен анализу нескольких глав одной из поздних работ П.Бергера, написанной в соавторстве, в которой предпринята еще одна попытка разбора и оценки современной религиозной ситуации Америки и Европы. Прежде всего, она интересна тем, что в ней известный социолог делает еще один шаг в своем изучении религиозной современности,

привлекая к обоснованию своих идей работы таких ведущих сегодня социологов религии, как Грейс Дэйви, Хосе Казанова, Шмуэль Эйзенштадт и др.

Как известно, П.Бергер, прежде отстаивавший идею о крайне преобладающей роли секуляризма в обществе, впоследствии не только отказывается от нее, публикуя работы с яркими и содержательно противоположными названиями «Секуляризм в отступлении», «Десекуляризация мира», «Фальсифицированная секуляризация» и др., но и констатирует, что «современный мир остается столь же религиозным, а в некоторых отношениях стал еще более религиозным, чем прежде».

В рассматриваемой нами работе «Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations» П.Бергер идет дальше и выносит в ее заглавие вопрос о различиях модернизации, проявления которой он видит в обозначаемой им «евросекулярности» и «американской религиозности». Таким образом, он пытается сказать не только о различиях характера секулярности, который проявляет себя не одинаково даже в странах одного, европейского континента, но и отметить большую религиозность Америки в сравнении с Европой. Социолог дает обоснования этому, отмечая исторические предпосылки и выделяя ряд факторов, способствующих тому – это и различия в моделях Просвещения Европы и Америки, и разница в системах образования, и распространение пятидесятничества в Америке (и его отсутствие в Европе), с которым Бергер связывает особую религиозность американцев. Заметно, что пятидесятничество как еще одна конфессиональная форма особенно занимает Бергера, заставляя думать, что именно она ему близка и именно с ней он связывает отличную от остальных, неугасаемую религиозность Америки.

П.Бергер проводит мысль, что религиозные процессы в современной «секулярной» Европе носят специфический характер так называемой «лоскутной религии». «Новая религиозность», возникающая здесь, создается из различных религиозных традиций, комбинируя разнородные элементы. Таким образом, индивиды создают «свою религию», выходящую за рамки какой-либо устоявшейся религиозной традиции. В работе «Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations» Бергер отмечает, что в последние годы и в Европе, и в США распространяется так называемая «духовность». Например, на вопрос о религии люди отвечают, что они не религиозные, но духовные. Хотя смысл подобных заявлений размыт и точно до конца не определен, тем не менее, чаще всего под этим подразумевается следующее: «Я религиозный, но я не могу отнести себя к какой-либо из существующей церкви или религиозной традиции». Для подтверждения данного вывода Бергер ссылается на ведущего современного социолога религии - Грейс Дэйви, которая описывает данное явление как «веру без принадлежности», т.е. без принадлежности к какому-либо существующему религиозному институту. Это — одно из тех явлений, о распространении которого можно говорить применительно к обоим континентам. Но существует также и феномен, который Дэйви назвала «принадлежностью без веры», наиболее распространенный, как отмечает автор, именно в Европе.

Продолжая разговор об особенностях «новой религиозности», Бергер упоминает и другого известного социолога религии Хосе Казанову, который замечает, что в некоторых регионах публичная роль религии сохраняется даже в странах с высоким уровнем секуляризации. Он приводит в качестве примера Германию, где нет государственной церкви, но все религиозные организации, зарегистрированные как публично-правовые корпорации, имеют определённые привилегии, одной из которых является служба по государственному сбору «церковного налога». Он составляет до 8% подоходного налога индивида. Индивид вправе отказаться от уплаты налога и, таким образом, заявить о себе как о не принадлежащем ни к одной религии, сэкономив при этом немало денег. Неудивительно, что в мире капиталистических отношений многие люди выбрали именно это. Удивительно другое, что большинство населения западной части страны не выбрали подобный вариант. Когда их спрашивали о причинах их согласия на уплату налога, ответы были такими: на случай, если в какой-то момент их жизни им потребуется церковь; для обеспечения нравственного воспитания детей и моральных устоев общества в целом. Специально для обозначения данного феномена Г. Дэйви ввела в научный оборот понятие «заместительной религии», основной смысл которого заключается в том, что «индивид не хочет быть лично включенным в церковь, но хочет, чтобы она существовала для других или общества в целом».

В заключении отметим, что основное направление пересмотра Бергером положений «неоклассической» теории секуляризации можно обозначить как отход от предположения об универсальном значении секуляризации и стоит рассматривать как принципиальную установку на определение специфики протекания социорелигиозного процесса, варьирующего от региона к

региону. Израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт, мысля в том же ключе, для объяснения развития современных социорелигиозных процессов, в частности, проблемы наиболее полного понимания феноменов «американской религиозности» и «евросекулярности», использует понятие альтернативных, или множественных современностей. Как можно заметить, сторонники данного подхода отстаивают две основные позиции: первая заключается в том, что существует не одна, а по крайней мере, несколько вариаций существования современности как таковой; вторая состоит в утверждении, что не все явления современности обязательно носят секулярный характер.

Вместе с тем, сам П.Бергер, как и другие социологи, на которых он ссылается, приходят к выводу о разнице восприятия религии на двух континентах, в Европе и Америке. Ссылаясь на Х. Казанову, отмечается, что в Европе имеется тенденция делать из религии проблему, тем более, если она посягает на публичную жизнь. В Соединенных Штатах, скорее всего, имеет место обратная ситуация: религия здесь не только находит отклик, но и одобряется в качестве источника, по сути своей, позитивных ценностей.

1. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8–20.
2. Berger P. Secularism in retreat [Electronic resource] // The National Interest. 1997. №46. URL: <http://nationalinterest.org/article/secularism-in-retreat-336>
3. Berger P. *The Desecularization of the World*. Washington, D.C.: Ethics and Public Policy Center, 1999. 128 p.
4. Berger P., Davie G., Fokas E. *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations*. Ashgate, 2009. 168p.
5. Gorski Ph., Altinordu A. *After Secularization?* // *Annual Review of Sociology*. Vol. 34, 2008. P. 55-85.
6. Woodhead L., Heelas P., Martin D. *Peter Berger and the Study of Religion*. New York: Routledge, 2001. 216 p.

СИНГУЛЯРНОСТЬ И ЕЕ ОБРАЗЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Поздеева Е.Г. (Санкт-Петербург)

Социальная жизнь современного общества характеризуется возникновением и развитием сингулярности, имеющей различное проявление. Для социологии анализ сингулярности важен с позиций выявления латентных структур и отражения ее в сознании и поведении индивидов.

The social life of modern society is characterized by the emergence and development of singularity, which has a different expression. Analysis singularity is important for sociology from the point of identifying latent structures and its reflection in the behavior and consciousness of individuals.

Развитие социальных наук невозможно представить вне активного обмена понятиями с науками точными и естественными. Современный этап общественных изменений характеризуется столь сложными процессами и явлениями, для описания которых и тем более для установления их сущности, требуются новые подходы и определения, которые лежат на стыке наук. Такие понятия как хаос, бифуркация, девиация прочно вошли в понятийный аппарат социологии. Но социальная жизнь, протекающая, как мы уже знаем, линейно и нелинейно, ставит новые проблемы, обнажая свои точки противоречивости. Так, одним из востребованных в последнее время становится понятие «сингулярность». Оно находит воплощение не только традиционно в технических науках, раскрывая глубже специфику протекания процессов, сложно поддающихся предвидению и управлению. Но мы все больше обращаемся к сингулярности при анализе социальных, социокультурных явлений, при исследовании отношения к социальным проблемам со стороны общества и личности.

Сингулярность (от лат. *singularis* - «единственный, особенный») в философии обозначает единичность существа, события, явления. Технологическая сингулярность подразумевает наличие периода стремительно идущих сконцентрированных технологических преобразований. В математике сингулярность характеризует развитие функции в условиях значений ее аргументов, при которых она обращается в бесконечность или ее поведение не определено. Наиболее распространено обращение к космологической сингулярности для исследований и обсуждения проблем Большого взрыва и будущего Вселенной. Здесь особенно проявляется мистическая сторона проблемы, попытки предвидения и формирования отношения к неопределенному будущему. Нельзя не заметить, что мистическая постановка вопроса всегда была близка русскому

сознанию с его устремленностью в разгадывание необозримого будущего и поиском оптимистических признаков в условиях неподконтрольности протекающих изменений.

Постановка проблемы о сингулярности как об исключительном, о чем-то особенном, не содержащем подобия по отношению к другим, ставит задачу отделения сингулярности от аномалии, а значит выяснения качественно-количественной стороны признаков объекта, который сравнивается с другими и в результате должен прослыть «единичным» - сингулярным. О сущностных единичностях дали свои фундаментальные разработки Г.В. Лейбниц («монады») и Ж. Делез («события»).

Если рассматривать социальную жизнь как поток событий, каждое из которых несет в себе исключительность, то, согласно Д.Ю. Куракину, сингулярность будут маркировать возникающие сбои рутинных практик в течение социальной жизни [1]. Они будут сигнализировать о действии скрытых структур и их границах, Это является важным с точки зрения понимания устойчивости социального порядка, обусловленного сложившимися структурами и отношениями. Сами сингулярности, не подчиняющиеся порядку, означают наличие социальных агрегатов, противостоящих установленным законам, поддерживаемым сложившейся иерархией (Котелевский Д.В.) В использовании понятия «сингулярность» также важно уловить подход, в котором мы признаем конечный источник деятельности не за субъектом и его рациональностью, а за безличным полем.

Что же мы ожидаем от сингулярности? Как пишет М. Диринг, сингулярность прокладывает путь в новую эру физического и умственного совершенства. «Плоды прогресса не выпадут лишь на долю существующим привилегированным классам, а достанутся всем человеческим существам» [2]. Описанный Дирингом мир напоминает желанный рай, многолико отраженный в разные эпохи средствами искусства и научной мысли. По мнению Диринга, три технологии ведут общество к новому состоянию: создание искусственного интеллекта, молекулярная нанотехнология и молекулярная биотехнология. Они носят сквозной характер, выстраивая новое здание соединения материи, жизни и разума. Драйвером этого процесса выступает так называемый «социальный сингл» – набор специально подобранных знаний, наиболее актуальных и действенных для того, чтобы совершать прорывные шаги на пути совершенствования общества. Диалектический скачок наступает тогда, когда критическая масса членов общества получает доступ к критической массе необходимых социальных синглов и преодолевает сингулярный барьер.

Проецируя идеи Диринга на современную ситуацию, нельзя не отметить, что качественно-количественный аспект формирования сингла зависит сегодня от развития института образования. Образовательная среда взаимодействует с обществом в режиме синергии внутреннего и внешнего, активизируя творческую реактивность в решении задач адаптации к запросам окружающей среды [3]. В функционировании образовательного пространства М.Т. Громкова выделяет три основных элемента: воспитательную среду, информационную и развивающую. Она подчеркивает, что модульная организация информационного пространства дает системный преобразующий эффект. Это, в свою очередь, четко коррелирует с новыми тенденциями построения образовательного процесса, основой которого стал модульный принцип, причем в структуре программ предусмотрены динамичные элементы - наличие проектного модуля, развивающего деятельностьную сторону обучения, и модуля мобильности, позволяющего обучающемуся самостоятельно выбирать недостающие знания из широкого пространства предложения образовательных программ.

Проникновение сингулярности в сознание общества отражает понимание результата деятельности системы образования как проекта с открытым финалом. Либеральные установки, служащие опорой демократическим принципам, предполагают большую реализацию прав и свобод человека, признают сингулярность человеческого существования. В обыденной жизни «привыкание» к сингулярности может наблюдаться на уровне потребительского поведения, принятия жизненно важных решений. Так, люди активно включают в борьбу со старением, идя на эксперименты над собой, проводимые с помощью новых медицинских технологий. Стремительно развивающийся рынок лекарственных средств и новые возможности диагностики опережают технологии лечения, что в свою очередь обуславливает значительный перенос ответственности за медицинский результат на плечи пациента и его окружения. Новые возможности трансплантационной медицины меняют понимание человеком своей биологической телесности. Параллельно с этими процессами, меняющими пространство социальных отношений в сторону включения в него сингулярности, мы наблюдаем и чудеса робототехники, которая

поставляет «чувствующих» роботов, устройства, способные выполнять социальные функции в коммуникационном пространстве, помогающие и заменяющие человека.

Современный человек уже привык и к таким жизненным аспектам, как мобильное сопровождение, виртуальные напоминания, к заботе социальных сетей о том, чтобы им был сделан своевременный и выгодный выбор, к целому ряду своих личных кабинетов, в которых он решает свои разные проблемы. То, что индивид не стремится четко понимать и очерчивать свое будущее, не видит своей решающей роли в деле прогресса, не берется анализировать тенденции, подтверждают опросы общественного мнения (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр), в которых горизонтом прогноза жизненных изменений для респондентов выступает лишь ближайшее будущее (не более года), и отчетливо просматривается установка «жить сегодняшним днем».

Таким образом, можно отметить, что сингулярность прочно заняла свое место в современном обществе на всех уровнях – глобальном (динамика изменения глобального пространства, стратегии стран и альянсов), общественном (изменения структур в точках сингулярности, новые образы и смыслы), локальном (мироощущение личности, взаимодействие и поведение). Описание и понимание новых проявлений сингулярности остается в поле пристального внимания социологии.

1. Куракин, Д.Ю. Границы порядка: к культуросоциологической перспективе анализа сингулярностей [Текст] /Куракин Д.Ю.// XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 3. Под редакцией: Е. Г. Ясина. - М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. // <https://publications.hse.ru/chapters/118865755> (Дата обращения 5.10.2016)
2. Диринг, М. Рассвет сингулярности [Электронный ресурс] // <http://transhumanism.org/languages/russian/dawnofsingularity/Deering.htm> (Дата обращения 3.10.2016)
3. Громкова, М.Т. «Синергия духовного и материального в условиях глобализации» [Текст] /Громкова М.Т. // Глобализация: синергетический подход // <http://spkurdyumov.ru/globalization/sinergiya-duhovnogo-i-materialnogo> / (Дата обращения 4.10.2016)

УСТОЙЧИВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА – ПРОСТРАНСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

Попова И.П. (Москва)

Доклад подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта, грант № 16-03-50220.

Доклад обращается к проблеме устойчивости в профессиональной карьере современных работников. Она рассматривается в следующих аспектах: как социальная проблема – в контексте прекаризации занятости, нестабильных трудовых карьер; как одно из направлений исследований карьеры и междисциплинарной теории карьеры; как одно из направлений развития ключевых социальных сфер. Сделаны выводы об актуальности исследований этой проблемы сфере науки и технологий, использовании подходов, рассматривающих карьеру как инструмент создания условий для ее развития.

Устойчивая профессиональная карьера может рассматриваться и как реальная социальная проблема современной насыщенной изменениями жизни, и как новое направление в исследованиях мобильностей. Чтобы представить ее основные характеристики, я выделю аспекты ее исследования, связанные с социальной проблемой, концептуальными подходами и возможностями их применения в определенной сфере (науки и технологий).

Проблема. Изменяющиеся условия занятости – смена работ, их совмещение, нестабильность контрактов и изменения в оценке иерархических продвижений - формируют и новые подходы в отношении к карьере как к целостности. Эта тенденция, которая носит глобальный характер, концептуализировалась в известных метафорах "легкой", или "растекающейся модернити", в условиях которой занятость краткосрочна и эпизодична, а регуляторы индивидуальной профессиональной карьеры теряют свое основание, непрерывно меняются "правила, касающиеся игры в карьерное продвижение" [1, с. 31, 37]; прекаризации, которая в том числе рассматривается как следствие невозможности через нестабильные формы труда (занятости) выстраивать желаемую идентичность и желаемую карьеру, потери контроля над ее построением [15, с. 16, 37]. Масштабы прекаризации занятости, ее причин и следствий, разнообразия затронутых ею групп исследуются в современной России – эта проблема признается одной из наиболее актуальных (см.: [7; 8]). Наши эмпирические исследования также выявляют

поворот к распространенности нестабильных, прерывистых, «гибких» карьер, что в биографических траекториях выглядит как недоиспользование человеческого потенциала, потеря целей профессионального развития и собственной идентичности [3].

Концептуальные подходы к исследованию современных карьер разнообразны и основаны как на подходах отдельных дисциплин (в психологии, социологии, исследованиях организаций и менеджмента, экономике, гендерных исследованиях и т.д.), так и на формировании особого междисциплинарного дискурса карьеры, с различными дисциплинарными исследовательскими направлениями (см.: [9]). Обзор исследовательских направлений в разных дисциплинах дает основания говорить о взаимном использовании разных подходов [4].

Социологические исследования карьеры сосредотачиваются на институциональном контексте карьеры и проекциях взаимодействия структур и действий [11]; включали рамки теории человеческого капитала. Многомерность карьеры определяется различием среды и сфер, где человек продвигается, в то же время детерминанты профессионального продвижения являются определяющими. Принципы исследований профессиональной карьеры в координатах профессиональной структуры были обоснованы в теории социальной мобильности П. Сорокина [6]. Крупномасштабные исследования в рамках представлений о профессиональной структуре исследуют профессиональные карьеры скорее как типы в такой системе координат, выявляя их факторы в долгосрочной перспективе. В социологии труда карьеры рассматриваются во многих аспектах – как трудовая мобильность, с точки зрения трудовых переходов: изменения места работы, профессии, сферы деятельности. Таким образом, в этих подходах профессиональная карьера ограничена временными рамками четко выделяемых периодов занятия определенных позиций в социоэкономической и социопрофессиональной структуре и массовым характером векторов перемещений. Концепции безграничной [10], поливариативной [13] карьеры фокусируются на способности адаптироваться к меняющимся структурам и условиям занятости. В то же время акценты на организационных рамках карьеры дают возможность обращаться к исследованию барьеров, не зависящих от личностного потенциала людей [14].

В последние годы в фокусе внимания исследователей оказалась проблематика устойчивой карьеры, условий и факторов ее формирования в организациях [12]. Сам концепт устойчивости в применении к профессиональной карьере не столь распространен. Близким к нему является понятие стабильности карьеры, например, в психологии при исследовании различных этапов карьеры (см., напр.: [5]). Исследователи за рубежом все чаще применяют термин *sustainable career*, который имеет коннотацию с идеологией устойчивого развития, развиваемой ООН в современных международных документах (см.: [2]). Эта идеология стала широкими рамками для развития концепций устойчивости в отношении труда и работников, в том числе в России. Таким образом исследования карьеры вписываются в определенные идеологические (мировоззренческие) рамки, которые очерчиваются целями ориентированного на долгосрочные и гуманистические цели эффективного развития. В методологическом плане эта идеология дала импульс рассмотрению развития карьер с точки зрения устойчивости. Если же говорить о концептуализации устойчивой карьеры, формулировании ее проблематики и методологии эмпирических исследований, то следует выделить разнообразие тем и подходов к ее элементам, прежде всего базовым (таким как время, социальное пространство, действие и значение), факторам, периодам, организационным условиям, показателям эффективности [12].

Карьеры в сфере науки и технологий. Особое значение приобретает устойчивость в отношении карьер в сферах профессиональной деятельности, требующих специальных знаний, образовательной и квалификационной базы. Это касается прежде всего сферы науки, технологий и инноваций прежде всего в глобальном масштабе. В России эта сфера переживает особенно серьезные условия трансформации, затрудняющие продолжение и формирование профессиональных карьер. В этом драматично изменяющемся контексте, с одной стороны, важны условия поддержания устойчивой и продолжительной карьеры. Неустойчивость и неразвитость профессиональной среды, ее институтов, невысокое признание престижа научного труда негативно влияют на перспективу профессиональных карьер в науке.

Формирование благоприятной профессиональной среды остается главной задачей управления их развитием. Методологические подходы в этих целях тесно связаны с организацией инфраструктуры устойчивой карьеры, в которые включаются регуляторы профессионального контроля: легитимизированные представления об этапах карьеры, ее показателях и процедурах их измерения; разработка и контроль правил экспертизы относительно карьеры и соответственно формирование экспертного сообщества; поддержание норм профессиональной этики внутри

сообщества через способы их влияния на профессиональное продвижение; возможности и нормы «переговорных процессов» с государством и рынком по поводу сфер компетенций, что также может влиять на преобладание тех или иных образцов карьер.

1. Бауман З. *Индивидуализированное общество: Пер. с англ. М.: Логос, 2002.*
2. *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года.* URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>
3. Попова И.П. Поворотные пункты в биографиях и профессиональные карьеры российских специалистов // *Социологические исследования.* 2011. № 4.81-91.
4. Попова И.П. *Профессиональная карьера – традиции и перспективы исследований // Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера: Коллективная монография / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: ИС РАН; РОС, 2014. С. 291-312. – CD ROM.*
5. Солодников В.В., Солодникова И.В. *Профессиональная карьера 40-летних россиян: этап стабилизации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2011.
6. Сорokin П.А. *Социальная мобильность: пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общ. Ред. В.В. Сапова. М.:Academia, 2005. 588 с.*
7. Тощенко Ж.Т. *Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования.* 2015. № 1. С. 106-116.
8. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., ГАСЮКОВА Е.Н. *Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования.* 2015. № 12. С. 99-110.
9. Arthur M.B., Hall D.T., Lawrence B.S. (eds) *Handbook of career theory.* Cambridge University press, 1989.
10. Arthur M.B. *The boundaryless career at 20: where do we stand, and where can we go? // Career Development International.* 2014. Vol. 19, Iss. 6, pp. 627 – 640.
11. Becker H.S., Strauss A.L. *Careers, personality, and adult socialization // The American journal of sociology.* 1956. Vol. LXII, n 3. Pp. 253-256.
12. De Vos A., Van der Heijden B.I. J. (eds.). *Handbook of Research on Sustainable Careers / M. Van der Heijden.* 2015.
13. Hall D.T. *The protean career: A quarter-century journey // Journal of vocational behavior,* 2004. Vol. 65, Iss. 1. Pp. 1-13.
14. Inkson K., Gunz H., Ganesh S., et al. *Boundaryless Careers: Bringing Back Boundaries // Organization studies.* 2012. Vol. 33, Iss. 3. Pp. 323-340.
15. Standing G. *The Precariat : The New Dangerous Class.* Bloomsbury Academic, 2011.

WELLNESS КАК СТИЛЬ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Прудникова В.С. (Санкт-Петербург)

Характерная тенденция современности – ее непостоянство, изменчивый характер. Как отмечает А. Тоффлер, современный мир – «мир быстрых перемен», в котором человек не может «пустить корни» и, как следствие, испытывает чувство неуверенности [2, с. 68]. Социальная среда изменяется быстрее, чем человек способен к ней адаптироваться. В ней непрерывно растет число и интенсивность физических и психических раздражителей, что заставляет современного человека быть более «пластичным» и мобильным, подталкивает его к поиску новых жизненных стратегий, которые способны компенсировать постоянный психологический дискомфорт и чувство неуверенности. Одна из стратегий, быстро набирающая популярность в наши дни, - стиль жизни «wellness».

Wellness – сравнительно новый стиль жизни, в котором на первый план выходят здоровье и прекрасное самочувствие. Как стиль бытия Wellness возник в 50–60-х годах XX века в США, но окончательно получил признание в XXI в., когда вся Европа осознала факт: «Хочешь быть здоровым, тогда инвестируй в свое здоровье!»

Термин «wellness» образован от фразы «be well», что переводится как «хорошее самочувствие», «благополучение». Это понятие было введено в 1959 г. американским доктором Х. Л. Дунном, который первым сформулировал главные принципы здорового образа жизни. Wellness - это «интегрированный метод жизнедеятельности», ориентированный не только на профилактику нарушений здоровья или поддержание status quo, но и на достижение максимального потенциала здоровья индивида [4, с. 52]. Wellness предполагает определенный тип поведения, который позволяет достичь оптимального уровня индивидуального здоровья и благополучия [1, с. 41]. Т. Adams отмечает, что wellness - это «больше, чем физическое здоровье. Это интегративный баланс

между шестью взаимодействующими друг с другом составляющими и в пределах каждой из них: физической (физическое здоровье), социальной, психологической, интеллектуальной, эмоциональной и духовной» [3, р. 208-218].

Новый подход очень быстро завоевал популярность сначала среди специалистов-медиков, а затем стал активно осваиваться рядовыми американцами, постепенно превращаясь в стиль жизни. Основная задача wellness – поддержание здоровья, профилактика заболеваний и предотвращение внешних и внутренних признаков старения. В более широком понимании wellness интерпретируется как философия благополучия в главных сферах жизни человека, в том числе духовной и социальной. Человек, который в своей жизни руководствуется основными принципами wellness, здоров и полон энергии; он удачлив, бодр и излучает оптимизм, что придает ему уверенность и силы. Основным принцип wellness - комплексный подход к физическому состоянию человека. Исходя из этого, wellness-программы охватывают следующие направления: фитнес, здоровое питание, диеты, реабилитационные программы, спа-процедуры, психологическое оздоровление.

В первом приближении wellness - новая модная тенденция. Однако ни в идеологическом, ни в содержательном плане, ничего нового в этом явлении нет. Во все времена люди стремились сохранить здоровье и достичь долголетия. Поэтому совершенно закономерно, что в наше время стараниями маркетологов и стратегов возник новый стиль жизни wellness, на основе которого выросла мощная и интенсивно развивающаяся индустрия. Wellness охватывает широкий спектр секторов мировой экономики от производства продуктов питания до косметологии, стоматологии и туризма. Одна из наиболее динамично развивающихся отраслей этой индустрии - производство витаминов, продуктов для сбалансированного питания, пищевых добавок, средств персонального ухода и препаратов для снижения веса, потому что избыточный вес является одним из основных препятствий на пути к wellness. В руках опытных специалистов маркетинга wellness - это инструмент, повышающий уровень продаж многих услуг и товаров.

П. З. Пилзер подсчитал, что ежегодный оборот отрасли в мире составляет 425 млрд. долларов. Он отметил, что рынок wellness по уровню оборота сравним с сектором hi-tech. Пилзер определяет wellness как «деньги, потраченные на то, чтобы чувствовать себя более здоровым, даже если вы не больны по обычным медицинским параметрам. Чтобы быть сильнее, чтобы лучше видеть, лучше слышать, чтобы бороться с тем, что мы называем симптомами старения» [6, с. 43-51].

Об интенсивном развитии wellness-индустрии свидетельствуют результаты исследований, обнародованные на международном специализированном саммите в области спа-туризма «GlobalSpaSummit» в мае 2011 г. Отчет «Всемирный рынок спа и wellness услуг: синергия и возможности» освещал отношение потребителей к путешествиям за здоровьем, а также мнение представителей отрасли [5]. В данном отчете отмечается, что в 30-ти наиболее развитых странах мира насчитывается около 289 млн человек - активных потребителей спа-услуг. По данным «GlobalSpaSummit» Европа - крупнейший рынок спа-услуг в мире по отношению к доходам, количеству спа-заведений и их работников. В 2011 г. здесь насчитывалось 22 607 спа-заведений, которые получали доходы 18,4 млрд. долл. США и обеспечивали рабочие места для 441 727 человек. Среди потребителей «spa & wellness» услуг большинство туристов составляют лица женского пола. В частности, социологическое исследование Клевера и Мюллера, проведенное в Европе и США, свидетельствует, что среднестатистическими клиентами оздоровительного туризма являются успешные в карьере женщины в возрасте 45 лет. Эти потребители пребывают на пике доходов, имеют высшее образование, как правило, свободны от долгов, имеют больше времени для путешествий и усиленное стремление к активному отдыху, сохранению здоровья и улучшению самочувствия. В тоже время отмечается интерес к «spa & wellness» со стороны аудитории до 30 лет. В 2002 г. доля этой целевой группы составила около 13% посетителей курортов, а в 2011 г. - уже 22%. Подавляющее большинство в этом сегменте традиционно составляют женщины (до 74%).

Таким образом, стиль жизни wellness прекрасно вписывается в идеологию общества потребления: с одной стороны, данный стиль жизни в полном объеме удовлетворяет потребности современного человека в его стремлении достичь психического и социального равновесия посредством сочетания физической и ментальной тренировки, а с другой - порождает спрос на широчайший спектр товаров и услуг wellness-индустрии, стимулируя потребление.

1. *Маляренко Т.Н. Wellness: мало знать, надо применять. Научно-практический журнал «Валеология» №2, 2011. с. 41*
2. *Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань. 1997, С. 68*
3. *Adams T. The conceptualization and measurement of perceived wellness: integrating balance across and within dimensions / T. Adams, J. Bezner, M. Steinhardt // Am. J. Health promotion. 1997. № 11. P. 208–218.*
4. *Dunn H. L. High Level Wellness / H. L. Dunn. Washington DC: Mt. Vernon, 1961. P. 52*
5. *Основные тенденции в развитии «spa & wellness» туризма. (11.10.2015) [Электронный ресурс] URL: http://communa.ru/reklama/osnovnyie_tendentsii_v_razviii_spa_-_wellness-_turizma/ (дата обращения 27.09.2016)*
6. *Pilzer P. Z. The new wellness revolution. Second edition. How to make a fortune in the next trillion dollar industry (2007) [Электронный ресурс] URL: http://prostorost.com/attachments/156_tnwr_preview.pdf (дата обращения 27.09.2016) с.43-51.*

ГЛОБАЛЬНОЕ КУЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОРОДОВ РОССИИ

Рахманов А.Б. (Москва)

Предметом нашего исследования будет кулинарии и гастрономия в условиях становления глобального человечества. Под кулинарией мы понимаем деятельность по производству пищи, под гастрономией – практики потребления пищи. Данный доклад будет содержать в себе попытку разработки концепции глобального кулинарного пространства, а также будет нацелен на выявление места России в нем.

Кулинария и гастрономия, как и все сферы общественной жизни, испытывают влияние глобализации. Она создает глобальное кулинарное пространство, в котором переплетаются и взаимодействуют кулинарные традиции многих народов мира. Важнейшими пунктами глобального кулинарного пространства являются глобальные города – Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио, Пекин, Москва, Берлин и др. В каждом из глобальных городов существует многообразие сетей ресторанов различных национальных кухонь. Плотность этих сетей позволяют судить о влиятельности различных национальных кухонь. На основе эмпирического анализа популярности различных национальных кухонь в ведущих глобальных городах мира следует сделать вывод о существовании иерархии кулинарных держав. На мой взгляд, существующие кулинарные державы необходимо подразделить на пять типов – кулинарные сверхдержавы, великие, средние, малые и сверхмалые кулинарные державы. Кулинарными сверхдержавами являются Италия, Япония и Китай, великими кулинарными державами – США и Франция. Индия, Испания, Таиланд и другие страны попадают в число средних кулинарных держав, Вьетнам, Греция, Турция и другие страны – в число малых кулинарных держав. Россия наряду с Бразилией, Марокко и всеми другими странами оказывается в числе сверхмалых кулинарных держав. Влияние кулинарных традиций нашей страны на глобальную кулинарию, к сожалению, незначительно.

Важной характеристикой положения любой страны в глобальном кулинарном пространстве является ее кулинарный суверенитет, который проявляется в ориентации ее граждан на кулинарные традиции этой страны, о чем можно судить по доле ресторанов национальной кухни в общей массе ресторанов. В зависимости от степени кулинарного суверенитета выделим страны с полным кулинарным суверенитетом, страны с ограниченным кулинарным суверенитетом, кулинарные колонии и полукolonии. Кулинарные ориентации населения различных стран следует определить как кулинарный патриотизм (национализм) и кулинарный космополитизм разных степеней.

Страна обладает полным кулинарным суверенитетом страны в том случае, если ее национальная кухня в ее кулинарном пространстве абсолютно доминирует над кухнями других стран, она по популярности превосходит кухни всех других стран, вместе взятые. В этом случае более 50% ресторанов в ведущих городах страны представляют ее национальную кухню. Жители данной страны решительно ориентированы на потребление блюд своей кухни, и их следует квалифицировать как радикальных кулинарных патриотов (националистов). Полным кулинарным суверенитетом обладают (в порядке убывания) Турция, Китай, Италия, Южная Корея, Испания, Япония, Венгрия, Франция. При этом гражданам Турции, Китая и Италии присущ весьма радикальный кулинарный национализм.

Страна обладает ограниченным кулинарным суверенитетом в том случае, если на ее национальная кухня в ее кулинарном пространстве относительно доминирует над кухнями любой других стран, но при этом кухни всех других стран совокупно по популярности превосходят данную национальную кухню. В этом случае рестораны национальной кухни составляют менее 50%, но более 30% от общего количества ресторанов в ведущих городах страны. Ограниченным кулинарным суверенитетом обладает ряд стран, а именно Аргентина, Австрия, Индонезия, Мексика, Польша, Украина и т.д. Жителей этих стран следует охарактеризовать как умеренных кулинарных националистов.

Страна является кулинарной полуколонией, если ее национальная кухня на ее территории более популярна, чем кухня любой другой страны, но это преобладание является незначительным. В этом случае количество ресторанов национальной кухни данной страны меньше, чем 30%, но больше чем количество ресторанов любой из иностранных кухонь. Кулинарными полуколониями являются США, Россия, Великобритания, Бразилия, Нидерланды и Австралия, причем кулинарными метрополиями по отношению к США выступали Италия, Япония и Китай, по отношению к Великобритании – Италия и Индия, по отношению к Бразилии – Япония и Италия, по отношению к Нидерландам – Италия и Франция, по отношению к Австралии – Италия и Япония. Жителей кулинарных полуколоний следует охарактеризовать как умеренных кулинарных космополитов.

Страна является кулинарной колонией, если ее национальная кухня в ее же кулинарном пространстве по популярности уступает кухне другой страны или даже нескольких стран. Кулинарными колониями являются Бельгия, Индия, Германия и Канада, причем Бельгия является кулинарной колонией Франции, Индия – кулинарной колонией Китая, а Германия – кулинарной колонией Италии. Канада же является кулинарной колонией Италии, Японии и Китая одновременно. Кухни каждой из этих трех стран более популярны в Канаде, чем канадская кухня, которая на своей территории все же опережает американскую кухню. Жителей кулинарных колоний следует охарактеризовать как радикальных кулинарных космополитов.

Сеть ресторанов различных национальных кухонь является воплощением гастрономических стратегий, т.е. целенаправленного пищевкусового поведения жителей любого города. Эмпирический анализ сетей ресторанов различных национальных кухонь в ведущих городах России позволяет сделать ряд выводов об их гастрономических стратегиях. Рассмотрим отдельно случаи Москвы, Санкт-Петербурга, 13 городов-миллионеров и 20 крупных городов (городов с населением от 500 тыс. до 1 млн. жителей). В целом, среди всех иностранных кухонь наиболее популярными в России являются итальянская и японская кухни, значительно опережающие американскую, французскую и китайскую кухню.

Для жителей Москвы характерен умеренный кулинарный космополитизм, причем среди предпочитаемых иностранных кухонь доминирует итальянская. Санкт-Петербург отличает умеренный кулинарный патриотизм (национализм), причем ориентация на русскую кухню довольно значительна – больше, чем у москвичей. При этом, согласно гастрономическим стратегиям петербуржцев, среди чужеземных кухонь японская кухня в северной столице несколько более популярна, чем итальянская.

Города-миллионники демонстрируют разнообразные гастрономические стратегии. Омск, Новосибирск и Нижний Новгород обнаруживают гастрономические ориентации на границе между умеренным и радикальным кулинарным национализмом – русская кухня доминирует над всеми другими кухнями. Уфа, Самара, Казань демонстрируют радикальный кулинарный космополитизм – в этих городах популярность итальянской и японской кухни явно больше, чем русской. Гастрономические стратегии, например, Красноярска, Челябинска и Екатеринбурга характеризует умеренный кулинарный патриотизм.

Крупные города по сравнению с городами-миллионниками демонстрируют меньшую степень кулинарного патриотизма. Для половины крупных российских городов (Владивосток, Ульяновск, Саратов и т.д.) характерен радикальный кулинарный космополитизм – здесь итальянская или японская или китайская кухни более популярны, чем русская.

1. Веселов Ю.В. Повседневные практики питания // Социологические исследования. – М., 2015. – №1. – С. 95-104.

2. Носкова А.В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. – М., 2016. – №3 (14). – С. 49-64.

3. Тринадвизор. Россия // URL: // <http://www.tripadvisor.ru/> (Дата обращения: 10.12.2015)

4. Beardsworth A., Keil T. *Sociology on the Menu. An invitation to the study of food and society.* – London and New York: Routledge, 1997. – 288 p.
5. Ceccarini R. *Pizza and Pizza Chefs in Japan: A Case of Culinary Globalization.* – Leiden, Boston: Koninklijke Brill NV, 2012. – 160 p.
6. Kaplan D. *The Philosophy of Food.* – Berkeley, Los Angeles, London: University Of California Press, 2012. – 320 p.
7. A.T. Kearney *Global Cities Index, 2014* // <https://www.atkearney.com/research-studies/global-cities-index/2014> (Дата обращения: 1.11.2015)
8. Korthals M. *Before Dinner. Philosophy and Ethics of Food.* – Dordrecht: Springer, 2004. – 219 p.
9. Ritzer G. *Explorations in the Sociology of Consumption: Fast Food, Credit Cards and Casinos.* – London: Sage Publications Ltd., 2001. – 272 p.
10. Robertson R. *Globalization. Social Theory and Global Culture.* – London: SAGE Publications, 1992. – 211 p.
11. Waters M. *The Globalization.* – London, New York: Routledge. 1996. – 185

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПЕРИОДИКИ XX ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНСТРУКЦИОНИСТСКОГО ПОДХОДА

Савельева А.А. (Санкт-Петербург)

Женский журнал – особый вид периодики. Целевая аудитория журнала превращает его в потенциальный объект любого гендерного исследования. Действительно, употребление слова «женский» предопределяет появление исследовательского интереса, связанного с выделением женщин в особую социальную группу.

С точки зрения эволюции гендерной структуры российского общества, одним из важнейших исторических этапов является XX век – время кардинального изменения положения и роли женщины в социуме. Начиная с первого опыта активисток феминистского движения, женщины использовали журнал как *публичную арену* для привлечения внимания к наиболее острым социальным проблемам. Эта функция журнала оставалась востребованной на протяжении всего XX века.

Конструкционистский подход – один из популярных инструментов социологии социальных проблем. Он позволяет выявлять и изучать социальные проблемы в комплексе, ранжировать их по «популярности» и значимости. Эту методологию успешно применяют для анализа деятельности средств массовой коммуникации по конструированию социальных проблем отечественные исследователи П.А. Мейлахс, И.Г. Ясавеев и др. [1, С.69]

В отличие от традиционных подходов, рассматривающих социальные проблемы как условия социальной жизни людей, существующие объективно и наблюдаемые благодаря изменениям количественных показателей, конструкционизм определяет социальные проблемы как действия людей по выдвижению утверждений-требований. Социальные проблемы формируются в момент, когда выдвигаемые утверждения-требования (т.е. риторика требовательного характера) приобретают статус общественно значимых, благодаря тому, что обсуждаются на аренах публичного дискурса и действия.

Возможности использования конструкционистского подхода при изучении социальных проблем на страницах российской женской периодики XX века рассмотрим на примерах из журнала «Работница».

Ниже приведен образец карточки, который был использован для сбора и упорядочивания материала.

Год и номер	1937, №4
Страницы	16-17
Автор	М. Юрина
Название	Маленькому гражданину требуется парикмахер
Формат публикации и расположение в журнале	Статья, не входит в определенный раздел журнала
Утверждение-требование	Недопустимо такое положение, когда на Москву, где детское население, от 3 до 15 лет, составляет 1/5 всего населения, существует только одна детская парикмахерская.

	Депутатки и женский советский актив должны поставить вопрос перед городскими советами о необходимости организации детских парикмахерских. Кроме этого необходимо в общих парикмахерских, где есть мужские и дамские залы, организовать и детский зал... (с.17)
Модальность, тип	Дебитивная
Социальная проблема	Проблема нехватки детских парикмахерских (Проблема сферы обслуживания детей)

Под форматом публикации имеется в виду жанр сообщения. Это может быть статья, заметка, письмо, вопрос, правовой документ, лозунг и т.д. Далее следует определить место расположения публикации в журнале (размещение в традиционных рубриках или вне их) и модальность выявленного утверждения-требования.

В ходе исследования был разработан следующий принцип определения модальности. Она может быть выражена посредством использования различных форм наклонений (изъявительного, повелительного и сослагательного, а также независимого инфинитива), модальных слов (кажется, пожалуй), модальных глаголов (хочу, могу, должен, обязан, надо, можно и т. п.). Модальность делится на: дебитивную, императивную, оптативную.

Дебитивная модальность имеет наивысшую силу требования и выражается словами «должен», «необходимо», «мы требуем» (пример в приведенной выше карточке).

Императивная модальность характеризуется использованием глагола в повелительном наклонении («Товарищи работницы! Довольно спать, откройте глаза и посмотрите, как рабочие других фабрик и заводов добиваются лучшей жизни. ... **Записывайтесь в свой профессиональный союз текстильщиков**»).

Оптативная – проявляется словом «пусть» или использованием таких выражений как «мы просим», «настоятельно предлагаем», «хотим». К этому же типу модальности можно отнести гипотетические высказывания. Например, статью с ответами читательниц на вопрос «Если бы я стала премьер-министром, то моим первым законопроектом было бы...».

В первый год существования журнала «Работница» (1914г.) все требования, публикуемые на его страницах, в основном сводились к необходимости вступления работниц в профсоюзы, а также объединения всего рабочего класса в борьбе за условия труда, избирательные права и прочие требования пролетариата. Возобновленная в 1917 году уже как еженедельный журнал Центрального комитета РСДРП(б) «Работница» продолжила декларировать необходимость объединения женщин как в пролетарские организации, так и в созданную социал-демократическую рабочую партию. Заметно расширился спектр выдвигаемых утверждений-требований. «Работница» обращала внимание на проблемы эксплуатации детей, образования детей, вопросы занятости и условий труда на производстве, внешнюю политику, возможность участия женщин в парламенте и пр.

Таким образом, выбор читательской аудитории определил наполнение журнала на очень долгое время: во-первых, декларировались проблемы, связанные с воспроизводством общества и человека (роль матери), во-вторых, проблемы, связанные с желанием обеспечить рост эффективности материального производства (роль работницы). Обращение к данным ролям женщины оставалось актуальными в течении всего рассматриваемого исторического периода. В зависимости от частоты появления и изменения модальности, можно отслеживать смещение акцента от одной роли женщины к другой в тот или иной исторический период.

В то же время журнал активно откликался на изменения политической конъюнктуры. На его страницах обсуждались проблемы борьбы с троцкистами, фашизм и военная мобилизация. И всегда «Работница» оставалась верной себе, продолжая требовать от женщины совмещения профессиональной и семейной ролей. Смещение акцентов на социально-бытовые вопросы происходит в послевоенные годы, а к началу 90-х годов на страницах журнала можно встретить проблемы, касающиеся практически всех сфер жизни общества, – экономические, социальные, трудовые, правовые, морально-нравственные.

Анализ данных, собранных с помощью этой методики, показал, что многие утверждения-требования носят повторяющийся характер. Некоторые утверждения являются вторичными (т.е. цитатами). Это свидетельствует об особенной значимости, остроте обозначенных проблем. Более того, социальные проблемы, конструируемые в женских журналах, часто носят не столько характер сугубо женских, сколько характер общественных, ответственность за решение которых

лежит перед государством и перед обществом в целом. Будучи публичной ареной, журнал конструирует социальные проблемы, что можно рассматривать как одну из его функций. Суть этой функции заключается в формировании у читателей представлений о том, какие из современных общественных явлений наиболее значимы, остры и требуют общественного внимания и вмешательства.

1. Т.М. Симонова. Интегративный подход к исследованию социальных проблем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Том XII. № 1.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОЦИОЛОГИИ РЕГИОНА

Савинов Л.И. (Саранск)

Интерес к новому научному направлению в социологии как с практических, так и с теоретических позиций обоснован. История нашей страны богата разными примерами, свидетельствующими о том, что государство стремилось выравнивать степень различия, имеющуюся в развитии разных регионов. За рубежом также периодически возникали подобные стремления.

Социологи, измеряя социальные достижения, отмечают не только многообразие этапов социальной зрелости регионов, но и соответствующую систему обуславливающих факторов. К природным и социально-экономическим факторам ученые добавляют: степень цивилизованности общества в целом, разнообразие региональных ответов на этапы развития общества, особенности модернизации региона в связи с привлечением к его развитию внешних ресурсов и инновационных технологий, саморазвитие региона.

Человеку свойственно сравнивать условия жизни своей местности с другими территориями. Значимость и интенсивность подобных сравнений существенно возрастают при изменении уровня социально-экономических условий и получении об этом проверенной информации. Приобретение нового придает стимул для определенного развития региона. Новые возможности могут служить основанием для усиления векторного развития которое направлено на сближение региональных различий. Однако в реальности и с течением времени инновационные ресурсы еще раз указывают на то, что абсолютно равномерного хронологического развития регионов никогда не существовало и не может существовать. Помимо регионального разнообразия, есть разнообразие и по времени. Причем изменения по времени зависят от территориальных особенностей, и наоборот, временные отличия определяются территориальными различиями.

Современные социальные науки должны научиться измерять не только дифференциацию региональных изменений, но и результаты оценивания данных изменений жителями конкретных поселений обязательно в контексте определенных условий. Люди интерпретируют повседневную реальность, для жителей региона данная повседневная жизнь наполнена субъективными значениями, характеризующими регион как определенный цельный мир. Интересен и тот факт, когда оценка и значимость региональных событий имеет существенные внешние и внутренние отличия.

Самая общая проблема социологического анализа заключается в понимании общества одновременно в его единстве и разделенности, однако познать отмеченную проблему вне исследования мультикультурной региональной специфики весьма затруднительно [1, 504].

Россия и в отношении к своим территориям (субъектам Федерации) отличается своим подходом. Дело не только в том, что при смене строя, идеологий (царизм, советская власть, перестроечный режим, постперестроечная власть) резким образом менялось не только отношение к регионам, но даже и сама территория страны. Последовательности не было и в отношении жизненно необходимых составляющих, вне которых жизнь-недеятельность людей, проживающих на любом пространстве, становится крайне затруднительной. Правители страны разных времен не имели преемственности по отношению к жизненно важным ресурсам. Постоянной заботы о сохранении и возрастании ресурсов (экономических, территориальных, демографических, военных, интеллектуальных, природных, продовольственных и т.д.) не существовало. И сегодня эта линия продолжается: одним росчерком пера отдали свои земли другим странам (создается впечатление, что нашу страну кто-то лишил «территориального инстинкта»), страна зависима от других государств по продуктам питания, лекарствам, транспортным средствам, сельскохозяйственным машинам и т.д. Практически во все части света уходят природные

богатства (нефть, газ, лес, руды, дары морей), владельцами которых являются не только сегодняшнее поколение, но и будущие. «Утечка мозгов» стала обыденным делом для нашей Родины. О данной линии, характеризующей нашу политику, великий русский писатель Ф. М. Достоевский представил обоснованные социологические выводы в романе «Подросток»: «Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России и здесь же — «одна Россия живет не для себя... а для Европы» [2].

Реальное единство России и сегодня сопряжено с целым рядом противоречий. Значительная часть населения страны по причине бедности и высоких транспортных тарифов и издержек перестает общаться друг с другом. Например, из Дальнего Востока или из Сибири побывать в Поволжье или Калининградской области мероприятие не самое дешевое. Субъекты РФ характеризуются сильными различиями социально-экономического положения. Согласно оценкам Минфина, в 2006 г. было только 6 регионов — «доноров бюджетной системы» (Агинско-Бурятский АО, Ненецкий АО, г. Санкт-Петербург, Тюменская область, г. Москва, Челябинская область), а остальные 80 регионов являлись «бюджетными реципиентами» — получателями финансовой помощи от федерального центра [3, 179].

Особое внимание проблеме социологии региона уделено в издании «Социология», авторами которого являются Павленок П.Д., Савинов Л.И., Журавлев Г.Т.[5].

Надлежащее применение регионального интеллектуального потенциала с целью получения желательного результата — эта та проблема, которая в современной России переросла внутрорегиональные и межрегиональные потребности и ожидания. Однако интеллект эффективно может работать только там, где для этого созданы соответствующие условия. Объективные показатели (дефицит качественной рабочей силы, миграция дипломированной молодежи в другие страны, а внутри России — в Москву, низкая оплата труда врачей, учителей, преподавателей вузов, инженеров) говорят о том, что в российских регионах имеются разные условия для привлечения высококвалифицированных рабочих кадров [3, 177].

Понятно, что абсолютно приравнять все регионы страны по любым показателям можно только к низшему уровню. Невозможно требовать, чтобы происходили изменения исключительно равномерно и равнозначно. Однако, когда подавляющее число регионов страны живет за счет федерального центра, это свидетельствует не только о неудовлетворительной экономической эффективности как страны, так и регионов, но одновременно свидетельствует об отсутствии в нашей системе (государственной, политической, социальной, экономической) стремления к равновесию.

Кроме того, сегодня мы имеем возможность констатировать возрастающую прозрачность и пропускающую способность границ (межрегиональных и межгосударственных). Процесс глобализации, используя разнообразные коммуникационные технологии и экономическую прибыль, все более интенсивно «транспортирует» через границы культурную продукцию, спортивные достижения, ценности и интересы сервиса и туризма, современную субкультуру отдыха и т. д. Сферы девиантного поведения также не остались в стороне от рассматриваемого процесса; экономические преступления, проституция, наркомания, терроризм редко встречаются с «прочными заслонами» на границах. На наш взгляд, глобализация практически востребовала становление и развитие социологии региона. Далеко не всегда степень приспособления к требованиям глобализации будет выступать в качестве совокупного эффекта, характеризующего тот или иной регион, несомненно, прогресс в ряде регионов будет определяться и усилением отклоняющихся норм.

Современная Россия богата депрессивными сельскими и городскими поселениями, которые превратились в «мышеловки» для своих жителей. В данных населенных пунктах широко распространены безработица, низкие доходы, повсеместный спад производства, сокращение численности населения, миграция трудоспособной части населения и отстой населения из «социального дна». Для сельской местности повсеместно усилилась натурализация экономики домохозяйств, выживание с опорой на личное подсобное хозяйство, резким образом сократилась занятость в общественном аграрном секторе. Для России характерна огромная дистанция между условиями развития человека в крупнейших городах, особенно в столице, и в небольших городах и сельских поселениях. Еще в 70-е гг. XX в. А. М. Ковалев отметил взаимосвязь между уровнем развития производства в регионе и формами приспособления человека. Он отметил: «Чем ниже уровень развития производства, тем больше удельный вес старых форм приспособления человека к условиям среды» [4,179].Сегодня, развивая данное положение, можно указать на то, что чем выше ступень развития, тем более проявляется уровень индивидуализации людей.

Роль социологии региона в условиях роста мультикультурного разнообразия в России, когда уже практически нужно решать противоречия между реально существующим неравенством регионов и юридически оформленным равенством, постепенно будет возрастать [1, 508].

- 1 Савинов Л.И. Мультикультуралистическая детерминация социологии региона // Мультикультурная современность : Урал – Россия – Мир: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Гуманитарного университета, 2-3 апреля 2009 года: доклады / Редкол. : Л.А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. – Т.1.- 776 с.
- 2 Достоевский Ф. М. Подросток. Собр. соч. в 12 т. Т.10. С. 277
- 3 Сигова С. В., Гуртов В. А. Бюджетная обеспеченность сферы образования в субъектах Российской Федерации // Регионоведение. 2008. № 2. С 177-179
- 4 Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. — М.: Мысль, 1982. С. 179.
5. Павленок П.Д., Савинов Л.И., Журавлев Г.Т. Социология. М. : «Дашков и Ко», 2016 – 730с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЭПОХУ СВОЕГО РАСПАДА

Сергеев В.С. (Санкт-Петербург)

В 60-70х годах XX века в социологии остро проявилась проблема отсутствия консенсуса относительно подхода к изучению социальной реальности. Прежде функцию поддержания некоей целостности внутри социальной теории выполнял Т. Парсонс и структурный функционализм. Однако в результате изменений, начавшихся в социальном устройстве после Второй мировой войны, теория Т. Парсонса оказалась неспособной выполнять роль общей теории, а в результате студенческих выступлений конца 60х годов стала тем, что начали избегать и критиковать активнее, чем прежде. В своей работе «Наступающий кризис западной социологии» А. Гоулднер объяснил сложившуюся ситуацию, среди всего прочего, очень быстрым развитием государства всеобщего благосостояния после Второй мировой войны и возрастанием роли государства в решении социальных проблем, что не соответствовало функционалистским положениям теории Т. Парсонса [1, С. 196, 392]. Проблема структуры-агентности стала вновь актуальной, поскольку общая теория Т. Парсонса больше не могла корректно объяснять социальные изменения, и данная ниша, таким образом, стала свободной, чем и воспользовались некоторые авторы, ставшие впоследствии ведущими теоретиками за счет того, что именно в этот период предложили свои способы ее решения.

Предложенные в 60-70е годы подходы к пониманию социальной реальности (Луман, Хабермас, Гидденс) в конкурентной борьбе между собой не смогли выявить победителя. Однако, у каждого направления сформировался свой отличительный вектор развития, появились сторонники. К примеру, в Англии за вдохновением социологи обратились к собственной философской школе, в результате чего разработки Р. Бхаскара были переосмыслены на социологический лад для решения проблемы структуры-агентности. Так родилось новое направление в социологии, получившее название критического реализма. Это направление предлагало отличный от классического взгляд на то, как следует подходить к изучению социальной реальности. Если раньше процесс познания ограничивался классическим эмпиризмом и трансцендентальным идеализмом, то предложенный Р. Бхаскаром трансцендентальный реализм стал тем ответом на вопрос «Что делать?», который возник в условиях динамичных изменений и запроса на новый подход к изучению социального мира. Более того, будучи переосмысленным в социологических категориях такими известными социологами как Э. Гидденс и М. Арчер, этот философский подход продемонстрировал значительную гибкость в работе как с макроуровнем, так и с микроуровнем. Пусть решение проблемы, предложенное этим направлением, не объединило академическое сообщество, как некогда это сделал структурный функционализм, но оно продемонстрировало потенциал данного направления мысли. Однако я хотел бы вернуться к обозначенному выше распаду социологической теории и поставить вопрос следующим образом: было ли в силах новых предложенных подходов захватить лидерство в условиях мировой модернизации, произошедшей после Второй мировой войны? Появившиеся теории довольно быстро обрели популярность благодаря своим далеко не безуспешным попыткам отразить изменяющийся на глазах их авторов мир. Но если мы говорим о том, что социологическая теория для возможности ее применения должна позволять исследователю работать с окружающим его

миром через предоставление актуального инструментария, использование которого позволяет корректно отразить изучаемые процессы, то мы говорим о детерминизме социологического знания

Допуская, что социальная реальность оказывает влияние на то, какие средства мы используем для ее познания, а также на то, как мы подходим к ее познанию в социологии, мы должны признать важность и актуальность проблемы структуры-агентности и актуальность работы по развитию положений, предложенных теорией критического реализма.

1. Гоулднер, А. *Наступающий кризис западной социологии*. – СПб: Наука, 2003
2. Archer, M. *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988
3. Archer, M. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995
4. Bhaskar, R. *A Realist Theory of Science*. – New York: Routledge, 2008
5. Giddens, A. *New Rules of Sociological Method*. – Stanford: Stanford University Press, 1993
6. Giddens, A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. – Cambridge: Polity Press, 1984

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОГО ОПЫТА)

Сергеева О.В., Орех Е. А. (Санкт-Петербург)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
"Естественнаучные методы в исследованиях игрового компьютерного опыта" № 16-06-00368 а*

Введение

Социология компьютерных игр представляет собой одно из исследовательских полей в междисциплинарном развитии *game studies*. В теоретических подходах к играм можно выделить работы об играх вообще и отдельно - работы о компьютерных играх, а также очертить поля социально-культурологических, психологических и социологических разработок.

Социально-культурологический подход широко известен благодаря работе И.Хёйзинги «*Homo Ludens*» (1955 г., перевод на русский язык в 1997 г.), а также работе «Игры и люди» французского социолога Р.Кайуа (1958). Комплекс культурологических идей об играх формируется также авторами, исследующими индустрию развлечений.

Непосредственно о компьютерных играх с позиций социально-культурологического подхода пишут Я. Богост, Э.Аарсет, Д. Юл, Г. Киркпатрик, А.И.Липков, А.Вертушинский и др.

Общим для этого подхода является рассмотрение игры как культурной универсалии. Анализируя компьютерные игры, авторы обсуждают их новые, по сравнению с традиционными играми, свойства, и связанные с ними культурные изменения.

Психологический подход к играм имеет более чем пятидесятилетнюю историю и представлен вкладом Д.Б.Эльконина («Психология игры», 1976 г.), С.Миллар («Психология игры», 1968 г.). Компьютерные игры стали объектом исследований, начиная с 80-х гг. XX в. В этом направлении выделяются такие темы, как: познавательные процессы в ходе компьютерных игр, факторы эмоционально-мотивационной привлекательности этого вида игр, развитие аддикции, видеоигры и агрессивное поведение.

Говоря о *социологическом подходе*, можно отметить, что он прокладывает себе путь, сосредотачиваясь на игровом опыте в его связи с социально-структурными явлениями. Например, интеграция в организационные взаимодействия поколения геймеров, или компьютерные игры в практике межпоколенных отношений в семье, или появление социальных групп на основе компьютерных игр (например, развитие своеобразных клубов по интересам на платформе многопользовательских ролевых игр) и т.д.

Наше эмпирическое исследование было нацелено на изучение раннего игрового опыта детей до 10 лет и предполагало выявление агентов игровой компьютерной социализации, описание механизма и условий протекания этого процесса. Можно сказать, что проект продолжал разрабатываемую другими авторами тему компьютерных игр в семейной повседневности.

Методы исследования

Для сбора данных мы использовали сочетание методов наблюдения и опроса. Наблюдение осуществлялось родителями, которые заполняли ежедневно в течение недели стандартизированный дневник, внося туда факты об особенностях игровой компьютерной

практики их ребенка за день. После заполнения дневника мы встречались с родителями и проводили глубинные интервью. Кроме того, мы проинтервьюировали родителей, чьи дети не играют в компьютерные игры. Это делалось, чтобы точнее интерпретировать роль родителей в игровой компьютерной социализации и осветить типичные опасения взрослых. Было получено 21 интервью. Длительность каждого – от 30 до 60 минут

Транскрибированные интервью обрабатывались с помощью электронной библиотечной информационной системы «Humanitarian» (далее ЭБ), разработанной в Университете ИТМО и имеющей функции тематического полнотекстового поиска. В исследовании мы применяли методы частотно-ориентированного поиска, который, по сути, является компьютеризированным контент-анализом.

Частотно-ориентированный поиск предназначен для построения частотно-ранжированных списков терминов (существительных), и тем самым экспликации смысловых особенностей содержания, характеризующих документ или массив документов. Результатом частотно-ориентированных запросов являются, во-первых, списки «топовых» понятий, содержащие информацию об абсолютной (в числах) и относительной частоте (в %, промилле) употребления этих понятий в тексте; во-вторых, ранжированный список слов относительно выбранного исследователем термина также с указанием абсолютной и относительной частоты каждого слова. Промилле, то есть частота понятия по отношению к тысяче слов анализируемого текста, является очень важным показателем, позволяющим сравнивать использование понятий в неравных по объему текстах.

Контент-анализ текстов интервью проводился двумя способами: во-первых, мы анализировали отдельно каждый текст из собранных 21-го, получая частоты по каждому конкретному тексту; во-вторых, мы подвергали анализу всю объединенную совокупность текстов. Такое разделение позволило сравнивать разнообразные семейные кейсы: например, мнение пап с общими усредненными данными, или мнение родителей, чьи дети не играют. Данные дневников наблюдения использовались для уточнения информации из интервью.

Результаты и их обсуждение

Обработка текстов интервью с помощью ЭБ позволила обнаружить лидирование темы времени при обсуждении родителями геймерской практики детей.

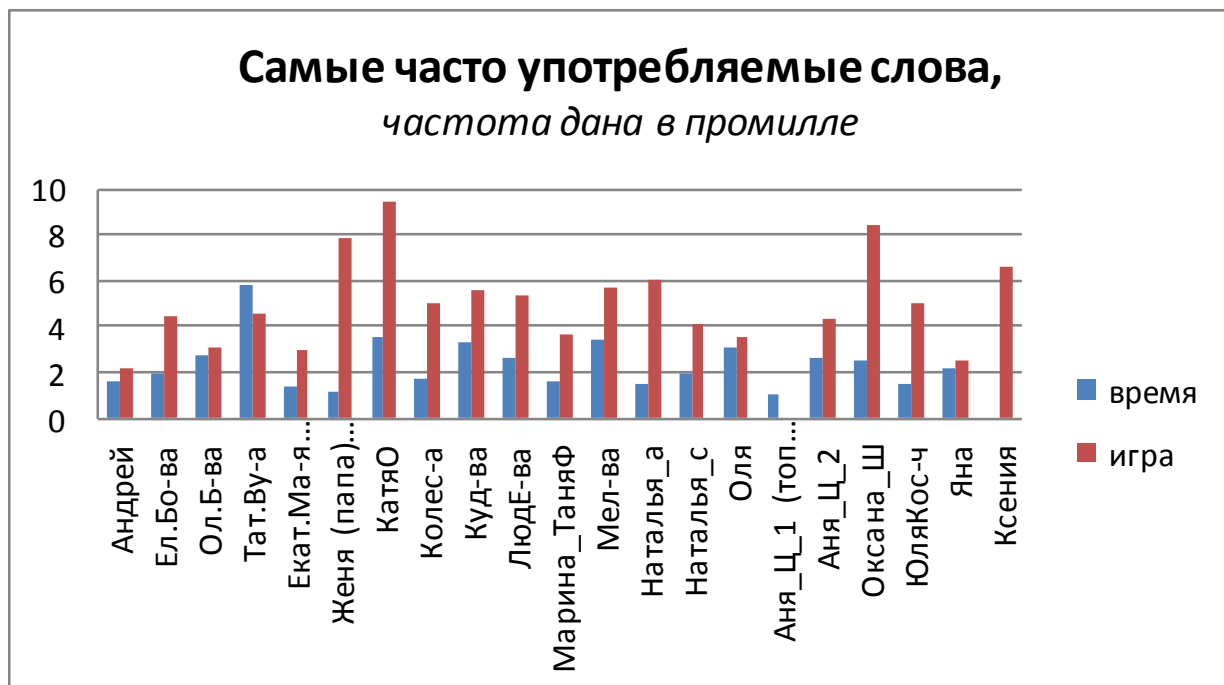

Рис. 1. Частота слова «время» в соотношении со словом «игра» в интервью каждого информанта

Табл. 1. Тематические группы слов в топе-30 по всей объединенной совокупности текстов, частота в промилле

хронологическая лексика	астота	объекты детских занятий	астота	субъекты действия	астота	физические пространства	астота
	,135		,626		,997		,646
время	,273	компьютер	,152	ребенок	,642	дом	,844
день	,438	планшет	,985	дети	,494	садик	,547
лет (о возрасте)	,280	телефон	,624	мама	,048	школа	,547
год	,178	телевизор	,742	папа	,779		
час	,854			друг	,538		
минута	,816			люди	,482		
момент	,751						
жизнь	,492						

Время предстает как инструмент управления детьми. Регламентация взрослыми детского времени через распорядок дня, нормы времени для разных дел – все это условия семейного воспитания. Компьютерные игры также регулируются родителями с помощью выделенных отрезков времени.

Время в качестве топового понятия подталкивает нас задуматься над проблемой темпоральности компьютерной игры. Игра не только захватывает время, которое раньше тратилось на другие занятия, игра обладает своим внутренним временем, в которое вступает ребенок-игрок.

СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ИНТЕРНЕТ

Сибирев В.В., Сибирев В. А. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что коммуникационные процессы в обществе значительно трансформировались под воздействием проникновения Интернета практически в каждую сферу общества. Интернет становится в некотором роде новой реальностью современного мира, уникальной когнитивной социальной средой, в которой происходит формирование новых знаний как фрагментов реальности под влиянием различных социальных и культурных традиций, установления устойчивых связей между коммуникантами.

Одной из особенностей Интернета является предоставление анонимности, отсутствие невербальных средств общения, добровольность и желательность контактов. Виртуальная коммуникация в ее интерактивных формах практически полностью сводится к созданию пользователем своего виртуального образа и его последующей презентации. Ресурсы Сети предоставляют любому пользователю право создать свою виртуальную личность.

Несмотря на то, что иногда возможно получить некоторые сведения социально-демографического характера и даже фотографию собеседника, они недостаточны для реального и адекватного восприятия личности. К тому же достоверность этих сведений сложно проверить, так как в любом случае в Интернете не существует механизмов проверки личности вашего собеседника. Анонимность общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека, предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет.

В то же время в результате физической не представленности партнеров по коммуникации друг другу теряет свое значение целый ряд барьеров общения, обусловленных такими характеристиками партнеров по коммуникации, которые выражены в их внешнем облике: их полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью, а также коммуникативной компетентностью человека, а точнее, невербальной частью коммуникативной компетентности [1].

В Интернет-коммуникации теряют свое значение невербальные средства общения. Цель коммуникации в Интернет – это своего рода презентация, но не реальных личностей, а образов,

созданных этими личностями. В этом случае физическая непредставленность человека в текстовой коммуникации, вообще анонимность дает уникальную возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору.

Многие исследователи (Рейд, Келли) пишут о том, что создание виртуальных личностей носит компенсаторный характер и является следствием недостаточного реального общения. С нашей точки зрения, такая позиция может существовать, но тем не менее нельзя отрицать факта, что в Интернете участвуют в интерактивных формах общения благополучные люди, даже известные люди, которые используют Интернет как площадку для своего продвижения.

Аудитория Интернета растет в геометрической прогрессии. Например, что касается цифр посещения социальных сетей, то ежемесячно ВКонтакте посещают 53,6 млн. человек, на втором месте – Одноклассники (38,8 млн. человек). Аудитория Facebook в апреле 2015 года составила 24,5 млн. чел., близко к ней расположился Мой Мир – 23,7 млн. чел., аудитория Instagram в апреле составила 10,7 млн. чел. Twitter равна 7,4 млн. человек [2]

Из этого можно сделать вывод, что в социальных сетях присутствует огромная аудитория, которая охватывает большое количество участников, совершенно разных по социально-демографическим признакам. Для аудитории до 40 лет использование Интернета становится неотъемлемой частью жизни.

Согласно данным исследования цикла «Социальные сети в России сегодня: цифры, тренды, прогнозы», за первое полугодие 2015 годы количество активных авторов, которые открыто выражают свою позицию публичными сообщениями в социальных медиа составило 35 млн. человек, они создали почти 620 млн. сообщений за месяц. Данные авторы создают публичный контент, делают социальные сети актуальным индикатором общественных настроений [2].

Д. В. Иванов теоретически обосновывает популярность интерактивного общения в Интернет. По его мнению, тенденция виртуализации является основной чертой современного общества и охватывает все сферы общественной жизни и социальные институты. В своей работе «Виртуализация общества» Д. В. Иванов говорит о преобладающем развитии не информационных (что было бы естественно для «информационного общества»), но симуляционных технологий, технологий замещения реальности, к которым и относится Интернет [3, 24].

Интернет не только может стать индикатором общественных процессов, но и «электронным банком данных о социальной жизни в ее разнообразных проявлениях». В данном случае социологическая наука должна изучать данную реальность, так как Интернет является архивом социальной жизни, в которой собирается массив данных, которые доступны с целью проведения анализа автоматизированными методами. Развитие бесплатного и массовый доступ Интернета к информационным, коммуникативным и другим интернет-ресурсам приводит к накоплению большого объема данных о любых действиях интернет-пользователей.

Одним из современных вспомогательных источников аналитической информации является Online Big Data (OBD). Появление новых автоматизированных методов изучения общества открывают перспективы для более масштабных исследований. Усложнение форм организации социальных действий в сети делает востребованными специальные онлайн-методы исследования виртуального пространства. В социологии уже существует ряд подходов к изучению онлайн-сообществ [4, 18]:

- массовые веб-опросы;
- метод визуализации социальных сетей;
- изучение больших текстовых массивов в Интернете на основе контент-анализа.

В методах анализа, прогностической аналитике, интеллектуальном анализе данных термин «большие данные» (BD, big data) употребляется в качестве актуализации работы с качественно большими объемами информации, где постоянно происходит увеличение скорости потока данных в исследовательский процесс. Основной методологической задачей, стоящей перед исследователями, является организация хранения и обработка с помощью специальных программных средств данных, кодировка и систематизация текстов, видео, изображений, анализ неструктурированной информации.

В социологических исследованиях большие данные интересны для наблюдения за поведением людей, например, в Интернете, при пользовании мобильными телефонами, платежными системами и т.д. – все эти действия способны «оставлять следы», формируют массивы информации. Таким образом, Online Big Data является инструментом отслеживания, сбора и анализа «цифровых следов» с их дальнейшим представлением в обобщенном виде,

удобном для качественного и количественного анализа интернет-аудитории []. Например, при проведении данного анализа может учитываться множество параметров: частота посещений, карта кликов, загрузка файлов, число подписчиков на рассылку и т.д.

В зависимости от уровня масштабности показатели можно разбить на три уровня [5, 20].

1. Пользователь. В данном случае рассматривается анализ поведения конкретного пользователя. В данном случае здесь могут выступать такие показатели как количество и список просматриваемых сайтов или страниц, частота выхода в Интернет в целом или посещения конкретного сайт и т.д.

2. Аудитория сайта. Здесь происходит сбор актуальных данных о действиях пользователей на сайтах. Анализ активности пользователей в социальных медиа: число «друзей» и «подписчиков», количество опубликованных фотографий и пометок «нравится».

3. Аудитория интернета. В данном случае происходит фиксация сведений о динамике роста аудитории Сети, количестве компьютеров, подключенных к Интернету. Данные собираются как автоматизированными методами (служба регистрации IP-номеров и доменных имен), так и опросными.

Что касается программного обеспечения под задачи OBD, то здесь можно выделить счетчики – внешние программы, которые устанавливаются на сайт в виде специального кода (например, RamblerTOP100), лог-анализаторы - внутренние локальные программы, устанавливаемые на компьютер владельца интернет-ресурса (например, AWLA или AWStats) и блог-анализаторы - это онлайн-сервисы анализа социальных сетей, которые следят за упоминанием определенных, ранее заданных ключевых слов в блогосфере (например, Brand Analytics или Ходят слухи) [6].

Безусловно, у данного подхода существуют определенные трудности, такие как недоработанность многих технических процедур, слабость концептуальной схемы, малоизученность быстроменяющейся интернет-среды. Но тем не менее перспективы в этой области большие, так как благодаря полученным данным ученые могут производить сегментацию и кластеризацию наблюдаемых явлений, строить прогностические модели социальных процессов.

Данный подход отражает в полной мере изучение трендов, которые произошли в сфере интернет-технологий. Во-первых, мировая сеть дала рождение грандиозным по своим масштабам поисковым порталам. Во-вторых, интернет становится более социальным за счет бума пользовательского контента и появления систем анализа поведения в Сети. В-третьих, утвердились новые технологии распространения контента — через файлообменные сети, популярность которых пугает традиционные медиаконцерны, и те разворачивают масштабные войны с пиратством в интернете. В-четвертых, налицо тенденция к замещению привычных и дорогих программ вроде Microsoft Office бесплатными сетевыми сервисами, и возглавляет эту тенденцию интернет-гигант Google. Наконец, все более значимым становится исход миллионов людей в виртуальные вселенные и одновременно - экспансия виртуальных экономик в реальные миры.

В заключение отметим, что мировая сеть все сильнее наступает на реальность, виртуальность тонкими ручейками просачивается сквозь открытые шлюзы интернета в реальный мир. Привычные программы, которые раньше можно было носить на дискетах, растворяются в сети вместе с компьютерами. Незаметно, но неизбежно все больше людей «исчезают» в сети. Молодежь вместо общения выбирает блогосферу. И люди все глубже погружаются в эту мультимедийную сеть.

1. Reid, Elizabeth M. *Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities* [Электронный ресурс] – Режим доступа: fun91.kivikko.hoas.fi/~donwulf/irc/cult-form.html.

2. *Социальные сети в России, зима 2015-2016 Цифры, тренды, прогнозы* [Электронный ресурс] <http://adindex.ru/publication/analytics/100380/2016/01/14/131310.phtml>

3. Иванов Д.В. *Виртуализация общества*. – СПб., 2002.

4. Девятко И.Ф. *Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности* // *Онлайн исследования в России 2.0*. / Под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М., 2010. С. 17-20.

5. Корытникова Н. В. *Online Big Data как источник аналитической информации в online-исследованиях* // *Социологические исследования*. 2015. № 8. С. 14-24.

6. Павлова Ю., Кольцова О. *К методологии сбора интернет-данных для социологического анализа*. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/12/20/1303709415/Julija%20Pavlova,%20Olesja%20Kolcova,%20metodol.%20dlja%20sociologicheskogo%20analiza.pdf>

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХРОНОТОПА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Скок Н.С. (Мариуполь, Украина)

В современной социологической науке появилась необходимость введения в социологический контекст понятия «хронотоп» для изучения социальных процессов и явлений. Происходящие в обществе изменения «во многом определяются его темпоральными особенностями. В условиях преобразований социальной структуры украинского общества также претерпели изменения характеристики социального времени.

Взаимосвязь времени и пространства в исследованиях социальной реальности в социологических источниках анализировалась с социально-пространственных позиций в повседневной жизни (А.Шюц), пространственно-временных характеристик в процессе конструирования социальной реальности (П.Бергер, Т.Лукман), в контексте социального взаимодействия (Э.Гидденс), социальной структуры (Р.Мертон), глобализационных процессов (М. Кастельс), проблемы интеграции современного обществознания (В.Кемеров) и др. Однако в социологической интерпретации концепция хронотопа четко не была сформулирована.

Каждый этап жизни общества требует своей концептуализации, которая невозможна без трактовки социальных процессов, без учета взаимосвязи временных и пространственных характеристик. Как правило, в работах социологов, имеют место отдельные исследования социального времени и социального пространства. Существует мнение, что социальное пространство, в рамках социологии, «поглощает социальное время, превращая его в некий служебный механизм ..., приводит к разрыву социального хронотопа на пространство и время ...» [2, с. 112]. Современные трансформации представлений о времени и пространстве актуализируют вопрос адекватного хронотопичного освоения социальной реальности.

Теоретико-методологической основой исследования хронотопа являются положения, содержащиеся в трудах М. Бахтина, представителей феноменологической социологии и др., рассматривающие время и пространство в качестве фундаментальных категорий, предающих человеческому опыту смысл. Целью нашей работы является анализ понятия «хронотоп» в социологическом измерении и возможности его применения в исследовании социальной реальности.

Основной категорией исследования является хронотоп, основными составляющими которого выступают социальное время и социальное пространство. Социальное время отличается от других форм проявления времени, поскольку связано с человеческой деятельностью и обладает не только количественными, а и качественными характеристиками, помогающими определять ритмичность социальной реальности. Социальное время – это время жизнедеятельности людей в обществе, наличествующее в определенном социальном пространстве как изменение или движение социальных явлений с помощью других социальных феноменов (П. Сорокин, Р. Мертон), явлений, сочетая продолжительность, последовательность, сосуществования, размеры и результаты деятельности, которые сменяют друг друга и выступают в виде событий, процессов, предметов» [1, с. 169]. Социальное пространство рассматривают как порядок социальных позиций; характеристику любого пространства, поскольку его составляющие имеют социальное происхождение; физическое пространство [3, с. 50-262]. Под социальным пространством будем понимать систему социального взаимодействия (отношений, действий) последовательного и одновременного, объединенного порядком решения определенной проблемы, которая может быть непосредственной или опосредованной (не подчиняется фиксированному физическому пространству) на разных уровнях социальной реальности. В системе социальных отношений в контексте социального пространства единицей является социальный статус. Социальное время скрыто присутствует в схеме социального статуса, но оно особым образом законсервировано, поскольку сведено к простому воспроизводству функций, повторению позиций» [2, с. 109-114].

Учитывая вышеизложенное, исследования социальной реальности и жизнедеятельность человека нуждается в трактовке с точки зрения социального хронотопа. Для нашей работы особый интерес представляет понятие «хронотоп», введенное М.Бахтиным в литературоведение для обозначения характерных способов описания взаимосвязи временных и пространственных отношений в художественных произведениях...» [4, с. 287]. Введение терминов, предложенных М. Бахтиным, в социологический контекст имеет дискуссионный характер. Понятие хронотопа, по

мнению М. Бахтина, отражает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений. Нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени ...» [5, с. 9].

Все существующие в обществе и жизнедеятельности человека процессы, явления события «мы как-то осмысливаем, то есть включаем не только в сферу временно-пространственного существования, но и в смысловую сферу. ... Какие бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом социальный опыт), они должны принять любое временно-пространственное выражение, то есть принять знаковую форму ...» [5, с. 192-193]. Смыслы относятся «идеальной реальности, поэтому их движение нельзя проследить в земной атмосфере или измерить хронометром. Его нужно фиксировать идеальными, а не материальными инструментами. Такими инструментами служат понятия социальное пространство и социальное время» [6], а любое вхождение «в сферу смыслов происходит только через ворота хронотопов» [5, с. 193]. В хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом [5, с. 10]. В социальном хронотопе, как и в хронотопе встречи М. Бахтина, по нашему мнению, временное определение неотделимо от пространственного. Поскольку в хронотопе «неразрывное единство (но без слияния) временных и пространственных определений имеет ... элементарно четкий, формальный, почти математический характер. Но, конечно, характер этот абстрактный» [5, с. 23]. Под хронотопом в социологической интерпретации можно понимать взаимосвязанное пространственно-временное измерение социальной реальности, осуществляемое через движение социальных смыслов (объективных и субъективных) в осмысленном и конкретном целом. «В хронотопе пространство и время соединяются не механически. В хронотопе обязательно чередование субъективного – объективного. Если пространство объективно, то время субъективно... Если же пространство субъективно ..., то время объективно. Такое чередование обеспечивает связь внешнего и внутреннего (собственного) миров» [7].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Показана возможность социологической интерпретации понятия хронотоп. Адекватное понимание современности невозможно без анализа социального времени как времени существования, функционирования и изменения сообществ и социального пространства как системы социального взаимодействия (отношений, действий) последовательной и одновременной как непосредственной, так и опосредованной на разных уровнях социальной реальности. Социальное пространство и социальное время в современной социологической научной мысли преимущественно выступают как понятия, не имеющие непосредственной взаимосвязи и единой концептуальной основы. С помощью понятия «хронотоп» видится возможность их интеграции для измерения пространственно-временных характеристик социальной реальности на макро- и микроуровне. Хронотоп позволит выявить социальный смысл реальности в целом или ее конкретной составляющей, что требует описания.

1. Скок Н.С. Влияние субъективного времени на социальное поведение в контексте проблем доверия: украинская реальность / Н.С. Скок // Труды СПбГУКИ. – 2015. – Т. 208. Ч. 2. – С. 168-175.
2. Кемеров В.Е. Социальный хонотроп как проблема интеграции современного обществознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/7.pdf>
3. Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: «Владимир Даль», 2008. – 285 с.
4. Хасанов И.А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 328 с.
5. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9-193.
6. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие / А. В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
7. Зинченко П. Ценности в структуре сознания / П. Зинченко // Вопросы философии. – 30.08.2011 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 02.03.2012. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6612>.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РЕГУЛЯЦИИ ДЕВИАЦИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Сорокин О.В. (Москва)

В рамках данного доклада автором предпринимается попытка обосновать сущность социальной реальности в современном трансформирующемся обществе как изменяющуюся, рассмотреть роль социальной реальности в процессе регуляции девиаций в молодежной среде.

Актуальность данного исследования обусловлена характером изменений способов регуляции и саморегуляции социального поведения и социальных взаимодействий в молодежной среде в условиях увеличивающейся скорости изменения социальной реальности, растущей неопределенностью и нелинейностью. Эти черты объективной действительности отражаются в сознании молодежи, изменяя основания ее саморегуляции в разных сферах жизнедеятельности. Новые смыслы и значения, которыми наделяются события и поступки приводят к изменению нормативных образцов и, как следствие, к трансформации критериев оценки и самооценки социального поведения молодежи. В этих условиях иначе решается вопрос нормы и отклонения, когда девиация выступает одним из способов саморегуляции изменчивости и одновременно с этим подвергается иным, нежели прежде, способам регулирования.

В молодежной среде преобладание девиаций в социальных практиках, в способах осмысления социальной реальности зачастую оборачивается дезинтеграцией данной социальной группы, ее маргинализацией, отчуждением от сферы труда, образования, власти. Подобные процессы особенно характерны для общества, которое находится в условиях трансформации, сопровождающейся переходом от социально-экономической неопределенности к определенности и наоборот. В этом случае в социальном развитии молодежи начинают преобладать деструктивные формы, а процесс интеграции данной социально-демографической группы приобретает характер случайный, вероятностный и неопределенный.

Проблематика роли социальной реальности в общественных науках занимает важное место и рассматривается с позиций феноменологии. Под реальностью в социально-философском смысле понимается «все существующее вообще, т.е. материальный мир, объективно существующий в действительности (объективная реальность) и мир, создаваемый индивидуальным сознанием (субъективная реальность)» [1; 292]. По мнению Кимелева Ю.А. в социологии долгое время противоборствовали два подхода к пониманию социальной реальности [2; 47]. Первый подход (социология социального действия) предполагает рассмотрение поведения человека как источника конструирования социальной реальности. Второй подход (социология социальной системы) предлагает рассматривать социальную реальность как институциональный порядок, ограничивающий поведение человека. В современной социологии большое внимание уделяется изучению динамической стороны социальной реальности, динамизм обусловлен взаимодействием социального действия и социальных институциональных структур. Данная точка зрения находит свое подтверждение в концептуальных подходах: в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в теории структуриации Э. Гидденса, в творчестве П. Бурдьё, в теории социальных изменений П. Штомпки, в теории мобильности Дж. Урри и др. Современные исследователи обращают внимание на формирование нового типа личности под влиянием новой социальной реальности. Так исследователь Стризое А.Л. выделяет "модульный тип личности", как продукт новой социальной реальности [3; 189]. З. Бауман отмечает, что современная личность в условиях "расплавленного развития общества" сталкивается с серьезным противоречием "между способностью принять на себя ответственность и стремление найти убежище, где не нужно отвечать за собственные действия» [4; 228]. В отечественной социологии теоретической и эмпирической разработкой проблемы жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности занимаются В.И. Чупров, Ю.А. Зубок и Н.А.Романович, А.И. Ковалева, Е.Л. Омельченко, А. Вал. Л. Луков и др.

Таким образом, концептуализация изменяющейся социальной реальности в данном докладе обосновывается через понимание ее как объективной социальной действительности и субъективной социальной реальности. Базовыми элементами объективной социальной реальности выступают: картины мира, общественные идеалы, нормы, ценности, стандарты, способы поведения, социальные роли как формы социально-типического. Базовые элементы субъективной социальной реальности – нормы, ценности, образцы поведения, социальные роли, потребности, интересы как формы социально-личностного. Взаимное влияние элементов двух данных сфер образует социальную реальность, которая детерминирует определенные типы социальных отношений, характерные для определенного культурно-исторического этапа развития общества. Взаимное влияние социально-типического и индивидуально-личностного находит свое воплощение в доминирующем типе личности на определенном историческом отрезке развития общества.

Согласно существующим теоретическим подходам, одной из форм проявления изменяющейся социальной реальности в современном обществе становится нормативная неопределенность. Следствием нормативной неопределенности является отсутствие в обществе

четко заданных эталонов, напротив они подвержены текучести, релятивны и необязательны. Нормативная неопределенность приводит к размыванию ценностно-нормативных критериев одобряемого поведения. Как таковая нормативная неопределенность выступает имманентным свойством изменяющейся социальной реальности, так как совмещает в себе текучесть, непродолжительность, неустойчивость, быструю сменяемость, кратковременность, необязательность. Данные процессы противоречиво отражаются в сознании и поведении молодежи, размывая границы и критерии девиации и одновременно делая ее способом саморегуляции неопределенности [5]. Вероятность отклонений не просто возрастает, а становится формой существования в условиях изменчивости. С одной стороны, наблюдается изменение критериев правильного и неправильного поведения, либерализация и эмансипация в молодежной среде и в обществе, что способствуют легитимации определенных форм поведения, прежде маркируемого как девиантное. С другой – необходимость поиска новых способов рационализации неопределенности расширяет границы применения молодежью девиантных практик.

В условиях трансформации общества изменяется характер регуляции социального, в т.ч. девиантного поведения молодежи. Механизмы регуляции, которые характерны для устойчивого общества, утрачивают свою прежнюю силу. Институциональное регулирование затруднено в силу частичной дисфункции таких социальных институтов как семья, образование, труд. Причина этого кроется во многом в том, что сами институты, как и социальная реальность, находятся в постоянном изменяющемся состоянии, тем самым утрачивают эффективность и силу регуляции. Поэтому в молодежной среде процессы регуляции девиантным поведением все больше связаны с процессом саморегулирования.

Формами саморегулирования девиаций в молодежной среде в условиях трансформации общества выступают: транgressивность, экстремальность, доверие/недоверие, анонимность, ориентацию на риск, самоорганизация. Посредством данных форм регулируются процессы, происходящие в основном в духовной жизни молодежи, а именно: ожидания и требования относительно выполнения социальных ролей; процессы обмена в социальных взаимодействиях, символическая интеракция между взаимодействующими субъектами, правила в повседневных взаимодействиях, конструирование людьми собственных имиджей. Главная функция, которую выполняют данные формы саморегулирования в молодежной среде, заключается в повышении уровня определенности для личности молодого человека в условиях изменяющейся социальной реальности.

1. *Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. - М. : ИНФРА-М, 1998. - 488 с.*
2. *Кимелев Ю.А. Методология социальных наук (Современные дискуссии): аналитический обзор/ Кимелев Ю.А.— М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2011.— 94 с.*
3. *Сиземская И.Н. Меняющаяся социальность. Новые формы модернизации и прогресса / Сиземская И.Н., Власова В.Б., Денисов В.В.— М.: Институт философии РАН, 2010.— 274 с.*
4. *Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. – 240 с.*
5. *Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. - М. : Academia, 2008. - 272 с.*

ИНТЕРНЕТ-РЕАЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР: ОПТИКА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Сульжицкий И.С. (Гродно, Республика Беларусь)

В своей работе «реальность массмедиа» Н. Луман справедливо отмечает: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором мы живём, мы знаем благодаря массмедиа. Данное утверждение справедливо не только в отношении нашего знания об обществе и истории, но и в отношении познания природы. Наши знания о стратосфере подобны тому, что было известно Платону об Атлантиде: мы что-то об этом слышали» [2, с. 8]. Безусловно, та часть функций, которую выполняли телевидение, радио, газеты, и даже Интернет (как информационная сеть) теперь перешла в пространство социальной сети.

Помимо роста числа пользователей социальных сетей, которые вбирают в себя всё больше и больше различных функций, существует и другая сторона актуальности данной проблемы. Прежде всего, об этом говорит заявление Тима Бёрнерса-Ли о создании в будущем GGG или

Глобального Гигантского Графа. В практическом смысле это означает объединение всех существующих социальных сетей по единой технологии. Гигантский глобальный граф это метадвижок для всех существующих и будущих социальных сетей. По мнению Бернерса-Ли, переход на уровень GGG вполне вписывается в эволюцию Всемирной сети как логическая абстракция следующего уровня. На первом уровне эволюции мы абстрагировались от компьютеров в пользу локальной сети, потом абстрагировались в пользу веб-сайтов, то есть отдельных документов (WWW), ну а сейчас можно идти дальше [6].

В рамках данного исследования мы хотим несколько отдалиться от трактовки сети Интернет в терминах постструктуралистской философии, и рассмотреть проблему в рамках, прежде всего, феноменологической социологии А. Шюца.

Центральным понятием социологии Шюца выступает понятие повседневного мира. Как отмечает автор, «наш повседневный мир с самого начала есть интересубъективный мир культуры. Он интересубъективен, ибо мы живем в нем как люди среди других людей, связанные с ними общим влиянием и работой, понимающие других и являющиеся для них объектом понимания» [5, с. 70].

Первое, что можно заметить, соотнеся социальную сеть с проявлениями мира повседневности, это необязательность восприятия мира в рамках естественной установки, т.е. субъект в сети не обременён своей телесностью в той же степени, как и ощущением пространства. С другой стороны, время для него приобретает иной характер, и осознаётся только как время здесь и сейчас. Возможность отбросить без последствий такой наивный взгляд на мир меняет и содержательную сторону наличного знания. Помимо свободы от телесности, пространства и времени, человек способен переписать свою биографическую ситуацию, выстраивая свои действия уже не из реального опыта, но из некоего воображаемого проекта.

При условии, что пространство сети даёт возможность создания искусственных биографических ситуации, как наших, так и Другого, подвергается изменениям и другое понятие социологии Шюца – интересубъективное знание. У Шюца определение интересубъективного знания неразрывно связано с тремя аспектами социализации знания, а именно – «взаимность перспектив или структурную социализацию знания; социальное происхождение знания или его генетическую социализацию; социальное распределение знания» [4, с. 130].

Кратко охарактеризуем каждый из этих аспектов.

Взаимность перспектив. У Шюца это понятие, в свою очередь, разделяется на две важные части – взаимозаменяемость точек зрения и совпадение систем релевантностей. Для того что бы адекватно воспринимать окружающий человека обыденный мир и разделять его с другими людьми, полагал Шюц, субъекту необходимо принимать на веру идею о том, что если он (S1) поменяется местами с S2, то ему удастся увидеть мир таким же, как его видел бы Другой (взаимозаменяемость точек зрения). С другой стороны, человек (S1) полагает, что при определённых обстоятельствах S2 будет воспринимать действительность так же, как эту действительность воспринимает S1, и их интерпретации этих обстоятельств совпадут [4; 5].

Именно идеализация взаимности перспектив позволяет нам адекватно типологизировать объекты, не как уникальные для каждого субъекта, но как общие для множества разных субъектов. [4, с. 131].

Социальное происхождение знаний. Этот тезис говорит нам о том, что большая часть знания, которых мы получаем, не есть продукт нашего личного опыта, но является социальным по своей природе. Сюда Шюц относит и образ жизни, способы взаимодействия с другими людьми, со средой, даже с самим собой. Из положения о том, что знание в основе своей социально, т.е. приходящее во взаимодействии с другими (прежде всего в контексте «мы-группы»), вытекает факт того, что знание социально распределено. Шюц говорит о том, что запасы актуального знания у людей различны, оно «многообразно по степени ясности, отчетливости, точности» [4; 5].

Ограничивающая роль биографической ситуации и наличного субъективного опыта в контексте сети резко снижается. Мы не можем быть уверены в том, что наши представления о Другом окажутся верными, несмотря на доступность персональной информации в сети. Следовательно, нам сложно чётко соотносить себя с какой-либо «мы-группой», т.к. сама природа её формирования становится в большей степени вариативной и ситуативной. Таким образом, «мы-отношения» уступают место «они-отношениям». В конечном итоге именно «они-группа» оказывается для субъекта главным ориентиром для дальнейших типизаций. Социализация проходит всегда в тени тех, с кем мы можем никогда не встретиться. В известном смысле подобная формулировка конкретизируется в понятии «сила слабых связей» [1].

Говоря о социальной распределённости знания в сети, можно отметить, что значительно расширяется потенциальной и актуальной информацией, которую может получить субъект. При этом доля знаний понаслышке вырастает в сравнении с тем знанием, которое мы получаем в момент социализации в «мы-группе», в конечном итоге замещая собой знание как таковое. Уже невозможно точно сказать, кто из нас дилетант, а кто эксперт. Экспертное знание становится не более чем информационным шумом, растворяющимся в огромном потоке коллективного дилетантства.

Размышляя о проблеме типизаций нам, прежде всего, стоит обратиться к переосмысленному Шюцем понятию субъективной смысловой интерпретации. Основным моментом заключается как раз в том, что сам критерий субъективности теряет своё значение, тем самым отдавая приоритет «они-группе». В Интернете субъект вступает в поле коллективного конструирования знания уже в более глобальном масштабе, чем было до появления социальных сетей.

Другой актуальной проблемой, связанной, прежде всего, с изменениями в пространственно-временном восприятии реальности, является, на наш взгляд, проблема смыслополагания. Основным моментом заключается как раз в том, что, находясь в пространстве сети, человек постоянно находится внутри собственной активности, не имея возможности анализировать предыдущий опыт с точки зрения рефлексивной установки. Таким образом, создаётся опасность постоянно потреблять уже готовые, сконструированные смыслы, полагая их за продукт рефлексии собственного опыта.

В заключении мы можем детально описать специфику познавательной активности человека неразрывно с процессами его социализации в глобальной информационной сети, используя методологический аппарат феноменологической социологии. Когнитивные практики человека в сети характеризуются ослаблением влияния таких фундаментальных факторов человеческого восприятия как телесность, биографическая ситуация и фактор пространства-времени. Эти изменения подвергают трансформации запас наличного знания и влияют на процесс типизаций.

Таким образом, основная проблема вхождения обыденного сознания в пространство Интернет-реальности связана с сохранением активности сознания, характерного для восприятия мира повседневной жизни, несмотря на виртуальный характер данной конечной области значений [3]. Находясь в мире фантазий или в мире сновидений, человек в конечном итоге отдаёт себе отчёт в нереальности происходящего при переходе в мир повседневной жизни, то, находясь в рамках сетевого взаимодействия, он продолжает воспринимать его как социальную реальность, как непосредственную часть общего, интересубъективного мира.

1. Грановеттер, М. *Сила слабых связей* / Грановеттер М; пер. З.В. Котельниковой // *Экономическая социология*. Т. 10. № 4. Сентябрь 2009, с. 31–50
2. Луман, Н. *Реальность массмедиа* / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Практика, 2005. – 256 с.
3. Шюц, А. *О множественности реальностей* // *Социологическое обозрение*. 2003. Том 3, № 2. С. 3–34
4. Шюц, А. *Структура повседневного мышления* / Альфред Шюц // *Социологические исследования*. – 1988. – № 2. – С. 129-137.
5. Шюц, А. *Феноменология и социальные науки* // Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М., 2004. - С.194.
6. Berners-Lee, T. *Weaving the Web. The original design and ultimate destiny of the World Wide Web, by its inventor* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.w3.org/People/Berners-Lee/Weaving/Overview.html> – Дата доступа: 12.04.15

СОЦИОДИНАМИКА ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА

Сутягина Д.С. (Москва)

Последнее время социологи часто говорят о формировании нового типа общества — информационного или постиндустриального. Данная эпоха сопоставляется с разного рода изменениями на разных уровнях и связанных со всеми сферами общества. Трансформации коснулись и религиозной составляющей общества.

Интенсивный процесс секуляризации уже в конце XX века сменился на взрыв религиозных чувств. Данное явление многие исследователи называют постсекулярностью.

Однозначного определения этому понятию нет. В основном его связывают с увеличением роли религии в жизни человека, с возрождением религиозности, с повышением степени влияния религиозных установок и созданных на основе них социальных институтов, а также с возвращением религии в политику.

Несмотря на тенденцию изъятия религиозных взглядов из жизни людей, невозможно не заметить, что религиозная основа никуда не исчезает, а видоизменяется и приобретает иную форму. Действительно ли религия возвращается, трансформируется или вовсе берет «реванш» - сложно определить. Именно поэтому вокруг данной тематики возникают большие дискуссии.

Достаточно сложно понять и то, как же религия в современном мире влияет на каждого из нас. Политические основания возрождения религии, тенденции развития «квазирелигий» или «псевдорелигий» усложняют задачу.

Еще одним моментом, которым характеризуется постсекулярное общество является возникновение противоречий между людьми на основе религиозных убеждений. Противоречия приобретают со временем все более и более жестокий характер, порой переходя в открытые действия, связанные с насилием и убийством.

В условиях постоянных трансформаций, затрагивающих все сферы человеческой жизнедеятельности, секулярное общество сменяется постсекулярным. Секуляризация стала тем процессом, который радикальным образом реконструировал взаимоотношения между религией и человеком. Данный процесс является составляющей проекта модерна. Идея данной эпохи тесным образом была связана с идеей рационализации, которая ложится в основу формирования нового общества, в котором разум будет способен стать принципом управления людьми и вещами. Традиции, которые коренились главным образом в религиозных основах, были помехой для создания естественной модели научного познания личности и общества в целом. По мнению секуляристов, необходимо было избавиться от прошлого, а значит от тех нормативов, определявших ранее жизнь каждого человека. В связи с этим церковь была лишена власти, религия была вытеснена на второй план, само государство подверглось процессу десакрализации.

Однако на сегодняшний день религия оказывается в новой ситуации. Можно сказать, что этот социальный институт перестает быть угнетенным, он приобретает вновь ранее ликвидированные функции и возобновляет свое влияние на общество. Особый вклад в формирование идей о постсекулярном обществе внесли такие мыслители как Ю. Хабермас, Д. Узланер и А. Кырлежев.

Немецкий социолог Ю.Хабермас в процессе своих рассуждений приходит к выводу о том, что постсекулярное общество предполагает возрождение религиозных связей, что приводит к формированию общего диалога между секуляристами и верующими. Автор уверен в том, что последствия разногласий между этими двумя группами могут быть ужасающими. Именно поэтому необходимо выработать определенных комплекс действий, целью которого является налаживание взаимоотношений между сторонами. Данная попытка приведет к улучшению мировой обстановки. Он считает данный шаг необходимым, так как то, к чему может привести результат конфликтной ситуации является терроризмом. Саморефлексия каждой из сторон — основа для построения постсекулярного общества, в котором свобода вероисповедания будет поддерживаться как на законном, так и на индивидуальном уровне.

Отечественный исследователь А. Кырлежев, анализируя современное общество, говорит о том, что именно процесс секуляризации предопределил формирование нового постсекулярного общества. Сама эта эпоха наступает тогда, когда заканчивается процесс вытеснения религии на второй план в жизни каждого человека. Сама эпоха постсекуляризма тесно связана с наступлением постмодерна, так как именно постмодерн смог предоставить религии возможность для реванша, ликвидировав «тоталитаризм» светской идеологии. Но постмодерн определяет и среду возрождения религиозности, которая в современном мире основана на абсолютном плюрализме.

Теория российского религиоведа Д. Узланера отличается тем, что в его представлении постсекулярное общество — это формирующаяся реальность, основанная на несовпадении приобретенных в процессе модернизации секулярных устоев Запада с отнюдь не светскими режимами и культурами. Переосмысление религиозных установок и приобретение новых функций религии — главные тенденции формирования нового общества. Также как и Ю. Хабермас, отечественный исследователь определяет террористические акты символами перехода к постсекулярному обществу.

Не смотря на то, что каждый из исследователей раскрывает сущность данного этапа развития человечества с разных сторон, в работе был выявлен ряд общих тенденций. А. Кырлежев, Д. Узланер и Ю. Хабермас уверены а том, что формирование постсекулярного общества связано со множественными многоуровневыми трансформациями. В современном мире возрастает как количество новых религиозных организаций, так и число конфликтов между теми, кто прошел процесс модернизации и теми, чье сознание до сих пор подвергается влиянию традиций, в том числе религиозных установок.

Сравнительный анализ трех теорий был сделан на основе выделенных пяти аспектов:

- 1.Изменения на соц.-структурном уровне;
- 2.Изменение соц.процессов (поведенческий уровень);
- 3.Функциональные социальные изменения;
- 4.Трансформация мотивации;
- 5.Социокультурные изменения.

Результатом сравнительного анализа стало выявление общих тенденций и категорий

[1]Кырлежев А. Постсекулярная эпоха// Континент, 2004, №120; [2]Узланер Д. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным// Континент, 2008, № 136;[3]Узланер Д. Введение в постсекулярную философию//Д.Узланер//Логос.- 2011.-№3(82); [4]Хабермас Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й.Ратцингер.- М.,2006; [5]Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? /Ю.Хабермас//Российская философская газета.-2008.-№4(18) апрель. №5 (19) май.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСТРЕМОЛОГИЯ КАК НАУКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Томалинцев В.Н. (Санкт-Петербург)

На рубеже третьего тысячелетия стало очевидным усиление инновационной, экстремальной составляющей в жизни социума и личности. И этот аспект продолжает приобретать все большую актуальность и значимость. Естествознание всегда широко и с успехом использовало экстремальные значения, законы и принципы. Исследования в этом направлении традиционно осуществляются в области математики, физики, биологии, физиологии, медицины и т. д.[1]. В этих обстоятельствах О. С. Разумовским – одним из ведущих специалистов в области философского осмысления экстремальных проблем – выдвигается идея создания «философской теории экстремальности»[2,с.41]. Позже, выделив экстремологию как самостоятельный раздел своего обширного труда «Оптимология», посвященного вопросам оптимальности и оптимизации, О. С. Разумовский заметил: «Это не значит, что уже сложилась специальная и самостоятельная наука или научная теория экстремальности. Возможно, что это когда-нибудь и произойдет»[3, с. 223].

Между тем, оптимология, как и общая экстремология, уже двигались навстречу другой нарождающейся научной дисциплине – социальной экстремологии, призванной рассмотреть весь спектр экстремальных законов и факторов, воздействующих на развитие человеческой жизнедеятельности, ускоряющийся ход социально-исторического процесса[4-7].

Свою основную задачу социальная экстремология как новая гуманитарная наука видит в адаптации экстремальных принципов и методов к системным областям изучения человека и общества. Ибо теоретический анализ основных онтологических принципов обеспечивает большую строгость всей системы гуманитарных знаний, создает условия для возникновения иных, ясных критериев при рассмотрении общественных явлений, С этих позиций социальная экстремология должна помочь достроить то, что начато общей экстремологией, и тем самым, обеспечить целостный, системный взгляд на мир с учетом экстремальных факторов воздействия природы на человека и человека на природу (включая ноосферный подход). Этим объясняется и тот факт, что в рамках традиционной экстремологии все больше внимания уделяется антропному фактору. В свою очередь, социальной экстремологии необходим бесценный опыт общей экстремологии, определившей экстремальные закономерности и принципы, действующие как на физиологическом, биологическом, так и на физико-химическом уровне.

Таким образом, объектом такого исследовательского подхода выступает человек и его деятельность, а предметом – становится пограничная зона между философией естествознания и социальной философией.

В основе данного подхода и составляющей его методологии лежит исследование феномена изощренности (остроты предельных, крайних и пограничных результатов и состояний), анализ его функционирования в культуре и творчестве, в целостной структуре развития жизнедеятельности человека. Исследования в данном направлении осуществляются с середины 80-х гг. Плодотворность и особая актуальность выдвинутого метода обнаруживается при анализе специфики реализации творческой (творчески экстремальной) и экстремистской активности человека. В этом случае антиподы – творчество (творческая экстремальность) и экстремизм – рассматриваются как частные случаи, производные экстремального развития, как отдельные элементы системы экстремальных факторов саморазвития, скрытых механизмов самоорганизации человека и общества.

Осмысление основных характеристик творчества и экстремизма как экстремумов человеческого духа в данном контексте позволяет уйти от субъективных оценок и расширяет базу объективного анализа мотивации поведения человека.

Основные положения социальной экстремологии формулировались в непростых условиях периода перестройки и последующих реформ в стенах НИИ Комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского университета. В результате новая научная дисциплина получила статус учебной. Она рассчитана на преподавание в высших учебных заведениях любого профиля и должна дополнить цикл тем, содержащихся в программах по социальной философии, социологии, культурологии, психологии, конфликтологии, проблематике научного управления обществом. В первом варианте она включена в учебный план по новой в нашей стране специальности – «организация работы с молодежью», подготовка специалистов по которой началась в 2004 году в Санкт-Петербургском университете и нескольких вузах страны [8].

В настоящее время все чаще проблематика социальной экстремологии становится темой курсовых и дипломных работ студентов, избирается как предмет диссертационных исследований среди аспирантов. Сведения о защите диссертаций по данной тематике поступают из разных городов страны.

Идеи и положения общей и социальной экстремологии находят свое приложение как в хорошо известных, так и во вновь возникающих областях гуманитарного знания. Так, например, в статье «Становление молодежной экстремологии в структуре гуманитарной кризисологии» докторов философских наук В.И.Каширина и О.В.Кашириной, представляющих Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), обосновывается «необходимость спецификации молодежной экстремологии в качестве составной части гуманитарной кризисологии как оппозиции теории и практике современного экстремизма. Предлагается также молодежную экстремологию классифицировать как часть теории информационной безопасности» [9, с. 54]. На этой базе уже создан и работает Ставропольский научно-исследовательский и просветительский центр экстремологии и религиоведения.

Среди вопросов, поставленных в статье, чрезвычайно важна проблема усиления экстремальных факторов развития в условиях сетевых войн и вывод этой проблемы на уровень национальной безопасности.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что на самом деле феномен экстремальности помимо экстремистских проявлений включает в себя весь объем творческих, героических и романтических действий, которые ждут своего исследования. В этом отношении молодежная экстремология, хотя и является важным и самостоятельным элементом системы гуманитарной кризисологии, но все же остается частным случаем социальной и, тем более, общей, естественнонаучной экстремологии. Нельзя не согласиться с создателями Ставропольского центра в том, что молодежная экстремология, как и экстремология в целом, затрагивает идейно-теоретический аспект выработки основ «цивилизационного творчества».

1. Ассеев В. А. Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. Л., 1977.

2. Разумовский О. С. Экстремальные закономерности: категории наибольшего и наименьшего. Новосибирск, 1988.

3. Разумовский О. С. Оптимология. Ч. 1: Общенаучные и философско-методологические основы. Новосибирск, 1999.

4. Томалинцев В. Н. Человек на рубеже тысячелетий: Парадоксы духовного развития: Опыт исследования феномена изощренности в культуре и творчестве. СПб, 1999; доп. Тираж 2001.

5. Томалинцев В. Н. Человек в XXI веке: Поиск на грани творчества и экстремизма. СПб, 2001.

6. Томалинцев В. Н. *Экстремаль России: Прогноз развития*. СПб, 2007.
7. Томалинцев В. Н. *Социальная экстремология. Хрестоматия*. СПб, 2016.
8. Томалинцев В. Н., Козлов А. А. *Введение в социальную экстремологию: Учебное пособие*. СПб, 2005.
9. Каширин В. И., Каширина О. В. *Становление молодежной экстремологии в структуре гуманитарной кризисологии // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3. С. 54-66.*

МЕТАФОРА ВИРТУАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ПОСТМОДЕРНА

Тормошева В. С. (Владимир)

Теоретики постмодернизма рассматривают виртуальную реальность как некий существующий в социальной сфере феномен, новую систему социальных взаимодействий, представляющую собой симуляции общественных процессов. Данный феномен предлагается понимать как «превращённую картину действительности, являющуюся её симуляцией, которая порождается сознанием субъекта в процессе взаимодействия с предметами и явлениями окружающего мира и существует до тех пор, пока длится это взаимодействие» [5, с. 95]. Политические практики постмодерна во многом сформированы под воздействием виртуальности. Метафора виртуальности, в свою очередь, состоит из множества граней: виртуального пространства, виртуальной активности, виртуальной общественности и непосредственно виртуальной политики.

Виртуальное пространство публичной сферы – это то место, где осуществляется символическая политика, т.е. «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определённых способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [7, с. 92]. Социальная реальность интерпретируется в агентствах интегрированных маркетинговых коммуникаций, где разрабатываются политические кампании и создаются политические имиджи, способные конкурировать в борьбе за политическую власть.

Постмодерн открыл возможности для развития и широкого применения визуальных коммуникативных технологий, что, в свою очередь, обеспечило рост значимости символических составляющих политики. Политическая коммуникация постмодерна нацелена «не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [9, с. 62]. Сегодня мы являемся свидетелями коммуникативно-политического альянса имиджмейкеров, СМИ, политиков и мастеров шоу-бизнеса. Политический процесс трансформирован в СМИ в строгом соответствии с правилами драматургии и режиссуры, в результате чего телевизионная публика созерцает политических «звёзд» и оценивает не то, с какой успешностью они представляют и защищают интересы избирателей, а насколько искусно и убедительно ими разыгрываются роли в политическом спектакле. Такая политика содействует снижению духовно-критических потенций людей как возможных субъектов политических действий, «виртуализирует» их социально-политическую активность, расходует её на созерцание политических шоу [9, с. 73].

Деятельность, которая разворачивается в интернете, в виртуальном пространстве и времени называют виртуальной политикой [6, с. 288]. С одной стороны, здесь создаются сообщества с общими интересами (решение специфических вопросов, поддержка политических идей, повышение осведомлённости). С другой стороны, виртуальная природа интернет-политики может служить основой для создания фальшивого, ненастоящего сообщества, где практически полностью отсутствует информация об участниках сообщества или о мотивах, стоящих за созданием блога, форума, чата или интернет-сайта. Анонимность коммуникации позволяет людям выдавать себя за того, кем они не являются или создавать образ политически активных и приверженных актуальным идеям [6, с. 103–104].

В то же время нельзя отрицать тот факт, что интернет создаёт условия для формирования мирового сообщества. Пока оно обладает свободной организационной структурой, но действует благодаря желанию его участников. В нём происходит обмен идеями, ломаются социальные, исторические, культурные и политические барьеры. Политические группы используют потенциал интернета не только как средства проведения политики, но и средства преодоления барьеров СМИ и прямого доступа к аудитории. Есть свидетельства в пользу того, что виртуальные политические и социальные сообщества действительно существуют и имеют некоторое влияние как минимум на своих участников [6, с. 289–290].

Получило распространение понятие «виртуальная общественность», именуемая новым измерением политической деятельности. Приведём наиболее яркие характеристики виртуальной общественности [4, с. 79–82]: отсутствие территориальных и временных ограничений при передаче и получении информации; внушаемость, благодаря визуальной либо аудиовизуальной форме информации, апеллирующей к эмоциям, а не к интеллектуальным усилиям; бóльшая вовлечённость по сравнению с теле/радиоаудиторией, благодаря интерактивности социальных медиа; массовость, благодаря мультиплицирующему эффекту компьютерных технологий; изменчивость и непредсказуемость для широкой общественности действий в условиях веб-анонимности; недостаток личной ответственности при принятии моментальных решений; ненадёжность поведения толп и циркулирующей в их рамках информации; сложность установления авторства при режиссуре/модерации кампаний гражданского общества или запуске (дез)информации; вероятность искусственного ощущения индивидом собственной власти и неверной интерпретации жизненного мира и позиции в обществе; непредсказуемость последствий от неловой ситуации до причинения серьёзного вреда в политическом контексте.

Возрастной показатель участников виртуальных сообществ также является их важной характеристикой. В последние годы отмечено появление «молодёжного бугра» – резкого роста пропорции молодёжи в общей численности населения вообще и в численности взрослого населения в частности. Известно, что молодёжь мобильна, значительно продвинута технологически и традиционно представляет собой наименее консервативный слой населения стран. Она в меньшей степени обременена обязательствами и более требовательна к условиям собственной жизни [1, с. 212]. Кроме того, эта часть населения в наибольшей степени склонна к насилию, агрессии и радикализму, что выступает мощным фактором политической дестабилизации [8, с. 147].

В эпоху постмодерна виртуализация коснулась и социально-политических движений, чьим фундаментом и условием, по словам М. Кастельса, выступает интернет. Эти движения существуют в третьем пространстве, которое является киберпространством и городской площадкой одновременно. Если движения происходят только в интернете, то они вполне могут быть очень интересными, очень активными, но не иметь выхода в общество как институт. Если они имеют место только на определённой общественной территории, то их легко подавить, разогнать и остановить. Факт, что они есть в интернете, зародились в интернете и организованы в интернете, означает, что они происходят и локально, и глобально, связаны между собой и являются постоянными [3].

Вслед за М. Кастельсом назовём особенности социально-политических движений постмодерна [3]: политический характер вследствие ориентации на демократию; протестный характер, в основе которого реакция на социально-политическую несправедливость; долгосрочность целей: изменить мышление людей и вдохновить их на борьбу за свои убеждения; «коммуникативная автономия»: через социальные и компьютерные сети люди могут беспрепятственно общаться, спорить, организовываться, выдвигать лозунги; «сетевой индивидуализм» – независимость по отношению к корпорациям, правительствам, политическим партиям, организациям и руководству, отсутствие лидеров; локальность и глобальность коммуникации, благодаря глобальной солидарности сетей; сочетание виртуальности и реальности: движения зарождаются в виртуальном пространстве интернета, затем перетекают в реальные пространства улиц и площадей.

Дискуссионным вопросом остаётся наличие у движений определённой идеологической платформы. В современном обществе идеология и общность социального положения более не являются механизмами консолидации значительного числа индивидов, которая может привести к исторически значимым переменам [1, с. 209]. Участники массовых социально-политических движений зачастую выступают не от лица конкретной социальной группы, подкреплённой конкретной идеологией, что отличает современные движения от подобных явлений в предыдущих столетиях.

Следует упомянуть, что в поле публичной политики активно используются технологии интернет-дискуссий с участием так называемых веб-бригад – интернет-пользователей, контролируемых заказчиком и занимающихся формированием нужного заказчику общественного мнения в интернете. В этой связи назовём технологии астротурфинга (использование современного программного обеспечения или специально нанятых оплачиваемых пользователей для искусственного управления общественным мнением) и краудсорсинга (передача каких-либо

действий, работ и функций неопределённому внешнему кругу лиц на неоплачиваемой основе посредством любых мобильных устройств) [2, с. 139–140].

Данные технологии могут использоваться властными структурами для сдерживания on-line и off-line гражданской активности. Типология их методов, включает [10, с. 71–91]: троллинг (нагнетание участником сетевого общения («троллем») гнева, конфликта путём скрытого или явного принижения, оскорбления другого участника/участников, зачастую с нарушением правил сайта и этики сетевого взаимодействия); naming and shaming («назвать и опозорить» – публичное уличение известной личности в некомпетентности, незаслуженном занятии поста); сбор разведывательных данных; слежка в интернете.

Итак, политические практики постмодерна формируются под влиянием фактора виртуализации. Это выражается в развитии интернет-политики; массивности политических процессов; разнообразии форм политического участия; становлении безличного коллективного политического актора – виртуального сообщества, формируемого он-лайн активистами и рядовыми пользователями интернет-сервисов – преимущественно представителями молодого поколения; доступности политической информации; актуальности, автономности, интерактивности политической коммуникации; противоречивости (с одной стороны, стремительное развитие сетевых взаимодействий и их результативности; с другой – политическая дестабилизация в виде обострения стереотипов, агрессии, радикализма). Политическое пространство постмодерна – гибрид виртуального и физического в их взаимодействии: зарождение социально-политической активности происходит в виртуальном пространстве интернета и затем частично перетекает в реальные физические пространства, выливаясь в социально-политические движения, которые зачастую носят протестный характер. Его участники – политики, представители власти, он-лайн активисты, виртуальное сообщество в целом.

1. Бобова Л.А. Механизмы социальной консолидации в сетевом обществе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 208–216.
2. Казаринова Д.Б. Новые медиа как политические проекты и элементы мягкой силы в современном политическом процессе // Вестник РУДН, серия Политология. 2013. № 3. С. 137–141.
3. Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства: Интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012. Режим доступа: <http://mf.rian.ru/news/20120622/368091606.html>
4. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. 2013. № 4. С. 75–87.
5. Кликушина Н.Ю. Понятие виртуальной реальности в курсе истории и философии науки // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. С. 86–103.
6. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010. 300 с.
7. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90–105.
8. Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // Полис. 2013. № 4. С. 137–162.
9. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. С. 62–75.
10. Jones M.O. Social Media, Surveillance and Social Control in the Bahrain Uprising // Westminster Papers in Communication and Culture. 2013. Vol. 9. Issue 2. P. 71–91.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ИНТЕНСИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Файзуллин Ф.С. (Уфа)

В статье раскрывается роль, сущность и содержание социального потенциала, его роль и значение в социально-экономическом развитии страны и ее регионов. Реализация социального потенциала может способствовать преодолению кризисных явлений, обеспечить безопасность и конкурентоспособность страны и создать условия для прорыва государства на более высокий уровень общественного прогресса и сохранения ее суверенности в мировом сообществе.

The article reveals the role, nature and content of the social potential, its role and importance in socio-economic development of the country and its regions. Implementation of social capital may help overcome crisis phenomena, to ensure the safety and competitiveness of the country and to create conditions for a breakthrough of the state to a higher level of social progress and of preserving its sovereignty in the world community.

Дальнейшая интенсификации социально-экономического развития страны и ее регионов несомненно зависит от разработки инновационных направлений, определяющих технический прорыв во всех основных сферах общественной жизни [1, с.7]. Одним из факторов решения данного вопроса является повышения эффективности использования социального потенциала в этом процессе. Однако, в современной научной литературе эта проблема остается крайне малоразработанной. Более того, до сих пор обнаруживается отсутствие единого методологического подхода и анализу этого феномена и, соответственно, множество противоречивых интерпретаций сущности и содержания этого понятия.

Сегодня под потенциалом обычно понимают либо возможности, либо способности, либо ресурсы. Однако возможности, способности и ресурсы, даже вместе взятые, не исчерпывают содержания понятия «потенциал». В связи с этим некоторые исследователи продолжают перечислять его составляющие и тем самым еще более запутывают понятийное толкование потенциала. Возможность не выражает в полной мере сущность потенциала в том смысле, что при наличном том или ином конкретном содержании и уровне потенциала под влиянием различных внешних причин могут быть реализованы совершенно разного рода возможности. Кроме того, в той или иной системе реальности умозрительно (абстрактно) или же идентично (по аналогии) может просматриваться перспектива реализации каких-либо возможностей, однако это необязательно означает, что в данной системе имеется соответствующий потенциал. Анализ соотношения понятий «потенциал» и «возможность» показывает, что определение потенциала как совокупности возможностей по меньшей мере логически некорректно. Возможность не выражает сути понятия потенциал. Не все возможности, открывающиеся перед какой-либо системой (обществом, наукой, социальным институтом образования, личностью и т.д.), могут характеризоваться как потенциал.

Определяя потенциал как какую-то систему возможностей, мы расширяем объем этого понятия, а, определяя потенциал как какую-либо систему способностей, наоборот, мы сужаем его объем. В частности, не каждый человек способен реализовать, актуализировать ту энергию, силу, в том числе и творческую, которая в нем заключена и имманентно действенна. Формирование способностей - это не есть в буквальном смысле формирование потенциала. Наличие способностей и наработка тех или иных способностей, безусловно, означает наличие и приобретение потенциала. Однако наличие потенциала или его формирование у какой-то системы необязательно означают наличие и формирование у нее каких-то способностей. Имея потенциал движения как любого изменения, система может оказаться и неспособной реализовать это движение вследствие действия внешних причин. Разным людям присуща различная совокупность, различное сочетание и различная степень развитости тех или иных способностей, основывающихся на генетически заложенном в них потенциале. Но эта совокупность способностей не исчерпывает содержания потенциала, а скорее представляет собой систему способов действия («способность»), которые приемлемы и реализуемы. Определенный срез потенциала личности может вообще никогда не найти своего выхода на уровень способностей и может оставаться не востребованным по разным причинам. Способность - это характеристика системы, позволяющая ей актуализировать некое содержание самодвижения и воздействия на другие системы.

Ресурсное толкование сущности понятия «потенциал» также имеет методологические недостатки. Под ресурсами в литературе принято понимать некую совокупность носителей свойств и характеристик, имеющих значимость для функционирования той или иной системы и обеспечивающих ее существование. Потенциал же может и должен рассматриваться как атрибут какой-либо системы материального или идеального характера. В реальной действительности, где все взаимосвязано и взаимодействует, потенциал выступает как сила, прежде всего, как сила воздействия, как атрибут бытия. В сфере общественных явлений он приобретает специфические формы, виды проявления, и применительно к этой сфере проблема потенциала выступает как более актуальная и требует более активного исследования. Если понимать под потенциалом совокупность, систему ресурсов, то, с одной стороны, это приведет к сужению объема этого понятия, а с другой - к его расширению. Различный характер комбинации ресурсов, разная система взаимосвязей между ними и просто различное содержание ресурсозатратной политики могут обусловить существенное расхождение показателей потенциала той или иной системы, привести к формированию у нее разного потенциала. С другой стороны, не всякий ресурс предстает в виде составляющего

потенциала. Некоторые элементы ресурсов, имеющихся у той или иной системы, могут вообще не сказываться на показателях ее потенциала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что потенциал представляет собой совокупность взаимодействующих сил, заключенных в той или иной материально-духовной системе, вектор действия которых может быть направлен как на саму эту систему, так и вовне. Потенциал – это понятие, которым обозначается, прежде всего, система сил, действие которых актуально или может быть актуализировано при определенных условиях. Результатом их действия являются разноплановые, разнокачественные изменения. При этом в содержании понятия «потенциал» можно выделить два уровня: формальный и реальный [2, с. 10]. Формальный потенциал - это понятие, обозначающее систему сил, наличие к действию которых признается на уровне формального понимания и толкования действительности, но не обнаруживается в реальной, практической сфере бытия (например, «божественная сила», «нечистая сила» и т.п.). Реальный потенциал - это понятие, обозначающее систему сил, существующих и уже действующих или же имеющих возможность существовать и действовать в случае возникновения или создания определенных дополнительных условий. В свою очередь формальные и реальные потенциалы имеют свою структуру.

Исходя из изложенного подхода, содержание понятия «потенциал» можно определить следующим образом: потенциал — это присущая материально-духовным системам (человеку, социальному институту образования, социальным группам, региону, школе, науке и т.д.) совокупность (энергетического рода) параметров, обуславливающих (обеспечивающих) наличие у этих систем определенных возможностей, способностей, ресурсов и т.д. для реализации (осуществления) ими тех или иных усилий, направленных на самосохранение и самодвижение а так же на преобразование условий и характеристик среды. Содержание понятия «потенциал» не сводимо к содержанию таких понятий, как «возможность», «способность», «ресурсы» и т.д.

Проблемы развития, функционирование и реализация социального потенциала носят фундаментальный характер. От их решения зависит преодоление кризисных явлений в стране и ее регионах, обеспечение их безопасности и конкурентоспособности, соответственно создания условий для прорыва нашего государства на более высокий уровень общественного прогресса и сохранения ее суверенности в мировом сообществе. В практическом плане результаты этих исследований могут стать важнейшим инновационным фактором совершенствования социально-экономической политики и управления развитием регионов.

1. Гайнанов Д.А., Таджетдинов И.А., Кириллова С.А. и др. Стратегическое планирование и аудит социально-экономического развития региона. М., Экономика, 2012.

2. Файзуллин Ф.С., Шафиков М.Т., Файзуллин Т.Ф., Тимирова Л.Н. Научно-образовательный потенциал региона. – Уфа: Ак-Идель пресс, 2014.

ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ Федорова И.В. (Санкт-Петербург)

Первые виртуальные сообщества, где можно было свободно общаться в сети с несколькими собеседниками, появились в 80-х годах XX века. Под виртуальным сообществом Рейнгольд, к примеру, понимает социальное образование, появляющееся на основе практики компьютерно-опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимает участие в публичной дискуссии достаточно долгое время и с присущими человеческими чувствами, для формирования личных отношений в виртуальном пространстве [1]. Виртуальные сообщества, по Рейнгольду, обладают всеми чертами, присущими "реальным" сообществам. Так, виртуальное сообщество является новой коммуникационной площадкой, которая развивается и открывает возможности для исследователя изучения процессов, происходящих в виртуальном социальном мире.

В данной работе изучается виртуальная коммуникация, которая все больше внедряется в функционирование студенческих объединений и представляет собой интерес для социологического анализа и определения ее роли в коммуникации студенческих объединений, так как в силу факторов информатизации и технологических разработок студентами используются новые формы взаимодействия.

Таким образом, объектом исследования выступила социальная группа студентов высших учебных заведений Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 25 лет. Предметом исследования стали коммуникативные практики студентов и студенческих объединений.

Целью исследования стало выявление роли виртуальной коммуникации для существования и функционирования студенческих объединений.

Нашей исследовательской гипотезой выступило предположение о том, что создание благоприятного поля для Интернет-коммуникации влияет на степень вовлеченности студента в студенческую среду. Коммуникация в виртуальном пространстве порождает коммуникацию в реальности, тем самым осуществляя аутопоэзис студенческого объединения. Чтобы оставаться в среде социальной группы, необходим постоянный контакт, а Интернет способствует коммуникации даже на расстоянии, единственным условием в современном мире является лишь наличие точки доступа в Интернет.

Различные теории рассматривают коммуникацию под определенным углом и объясняют реальность в соответствии с определенным пониманием коммуникативной реальности. Обратимся к теории Никласа Лумана. Социальная коммуникация по Луману - это синтез трех селекций: информации, сообщения и понимания, причем последнее означает различение первых двух компонент, то есть проявляется в виде установления отношения между сообщением и его интерпретатором. Понимание коммуникации проявляется в коммуникативном успехе, который, в свою очередь означает, что смысл коммуникации перенимается в качестве предпосылки последующей коммуникации [2].

Мы можем предположить, что коммуникация внутри студенческих объединений может поддерживаться за счет виртуальной коммуникации, которая будет порождать новые коммуникации как в Интернет-пространстве, так и в физической реальности. Вопрос в том, как организовать коммуникацию в Интернете таким образом, чтобы система воспроизводила сама себя и способствовала разветвлению коммуникаций. Как пишет Луман, достижение коммуникативного успеха (восприятие селективного содержания как предпосылки к дальнейшей коммуникации) может быть обусловлено использованием в коммуникации специальных символических средств, которые ускоряют и упрощают понимание смысла, а также мотивируют реципиента на ответную коммуникацию. Когда используются эти средства, они увеличивают вероятность успеха коммуникации независимо от ее смыслового содержания. То есть для эффективности коммуникации в студенческом объединении необходимо создавать смыслы, знаки и символы, понятные членам данной социальной группы. Учитывая особенности Интернета и поколения Net, мы можем сказать, что виртуальное пространство обладает способностью создавать смысловые поля и значения. Таким образом, если студенческое объединение в рамках виртуальной коммуникации будет создавать определенные и характерные для него смыслы, то это будет способствовать успешной коммуникации, а, следовательно, осуществлять процесс аутопоэзиса системы.

По результатам социологического исследования, коммуникация среди студентов проходит чаще всего на учебных занятиях, что объясняется статусом студента как обучающегося Университета. Если говорить о площадках взаимодействия, то после контакта с на учебных занятиях, обгоняя различного рода мероприятия, следует Интернет, что подтверждает предположение о том, что Интернет-коммуникация занимает значительно время среди всех видов коммуникации в студенческой среде.

Выделяя группы, с которыми студенты взаимодействуют в сети Интернет, то отмечается постоянное общение между собой в академической группе. Это обуславливается тем, что изучаемая нами аудитория – студенты - как социальная группа образована на основании принадлежности к учебному заведению.

Касательно Интернет-коммуникации со студенческими объединениями среди других групп, то данная коммуникация осуществляется часто и постоянно без колебаний. Исследование показало, что на данной площадке студенческим сообществам и объединениям выделяется достаточное количество времени. («постоянно» - 27%, «часто» - 25 %).

Результаты анализа виртуальной коммуникации в студенческих объединениях показали, что «живое общение» для большинства опрошенных является и самым желаемым, и самым популярным каналом коммуникации в студенческих объединениях, но стоит заметить, что в используемых каналах коммуникации выделяется групповая «беседа» в социальных сетях и имеет разницу лишь в 0,3 доли, что не может не иллюстрировать устоявшееся использование интернет-коммуникации в жизнь современных студенческих объединений. Кроме этого, выделяется

официальная публичная страница/группа студенческого объединения в социальных сетях, вытесняя сайты и форумы. Это говорит о том, что респонденты считают используемые каналы в социальных сетях удобными и желаемыми в достижении эффективности деятельности студенческого объединения. А также то, что в ближайшее время будут использоваться именно данные каналы коммуникации в Интернете.

Наше исследование на основании теории Н.Лумана об обществе, основанном на коммуникации, доказывает, что Интернет – достойная площадка для создания аутопоэтических коммуникаций. С утверждением о создании внутри студенческого объединения понятных только членам объединения тем и смыслов согласны более половины опрошенных. Таким образом, осуществляется самореферентность через определенный создаваемый дискурс и выбор тем. Причем каждый из членов студенческого объединения может задать в Интернете определенную тему, по поводу которой начнется обсуждение. Это еще один признак самоописания коммуникационной системы. Также данные показывают, что осуществляется принцип операциональной замкнутости, то есть поведение определяется не одним человеком или внешними стимулами, а внутренним состоянием системы. Для аутопоэтической системы свойственны правила общения и определенные ритуалы, традиции, что подтвердилось для студенческих объединений и их Интернет-коммуникации, с течением времени в их объединениях выработались определенные правила и традиции Интернет-общения. Кроме этого с помощью Интернет-коммуникации студенческие сообщества имеют возможность сравнить себя с другими студенческими объединениями и представить себя общественности.

Студенты признают, что Интернет – удобный способ координации действий внутри студенческого объединения и утверждают, что им абсолютно комфортно общаться как в Интернете, так и в живую с другими участниками студенческого объединения, что свидетельствует о том, что виртуальная коммуникация является неотъемлемой частью студенческих объединений, существование и функционирование которых во многом определяется Интернет-коммуникацией.

1. Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier* / 1993.

Эл. адрес: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html>

2. Луман Н. *Общество общества. Книга 2: Медиа коммуникации* / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. М.: "Логос". 2011.

ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА В СЕТЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Целищева В.Г. (Санкт-Петербург)

В представляемом докладе предпринимается попытка расширить границы анализа этнокультурной специфики обращением к акторно-сетевой теории. Аналитический потенциал данного подхода поможет прояснить способы использования ресурса специфичности для изменения существующих и создания новых социальных диспозиций, поскольку в нем исследовательское внимание переключается со статичных и дихотомичных («традиционное» - «современное») исследовательских объектов на социальные взаимодействия, создающие «действующие сети» (network), в которые, наряду с группами и солидарностями людей, включены предметы материального мира. На примере социальных практик коренных народов Приамурья, разворачивающихся вокруг рыболовной сети, рассматриваемой не как статичный маркер этнокультурной специфики, а как узел переплетения социальных взаимодействий, попытаемся проследить изменения в сферах традиционного природопользования, экологии, духовной культуры, а также, трансформацию социальных взаимодействий, организующих внутреннее единство этнических групп и инкорпорацию этих групп в широкое социальное пространство.

КРИТИКА ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ МОДЕЛИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ С ПОЗИЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКИ

Шелкин А.Г. (Санкт-Петербург)

Считается — и вполне справедливо, — что научный интерес к «повседневности» обусловлен не только как бы «социальным заказом» со стороны современного общества, все больше живущим «постматериальными» ценностями, а также интересом людей к жизнеустройству таких «подробностей» своего бытия в социуме, до которых раньше либо не

доходили руки и они были привилегией меньшинства, либо как «частности жизни» они были представлены сами себе, устраивались стихийно и на свой лад. Сегодня этот теоретический интерес к «повседневности» выражается и беспрецедентной продвинутой самой науки об этой «повседневности». И всё было бы не так уж и плохо, почти идеально — общество не только вынуждено жить в героическую эпоху жертвоприношений и испытаний переменами, но может и позволить себе роскошь человеческой повседневности, — если бы не одно «но».

Проблема состоит в том — каков характер той социологической парадигмы, в рамках которой собственно осмысливается и теоретически конструируется эта повседневность? Критический анализ концепций «повседневности», как они представлены в современной социологической литературе, вынуждает сделать вывод — большинство современных исследований этого феномена выдержано в духе постмодернистского и феноменологического подхода, представленного моделью А. Шютца - П. Бергера - Т. Лукмана. Но по мере роста масштабного влияния этой модели начинает расти и сомнение в её продуктивности не только для нужд сегодняшней ситуации в социуме, но и в плане её претензии на некую универсальность и полноту.

Центральная категория в концепции А. Шютца - П. Бергера - Т. Лукмана выступает конструкция «жизненного мира», взятая, как известно, у Э. Гуссерля. Между тем, сам немецкий философ в своих поздних и глубоких работах существенно пересматривает понятие «жизненный мир» и не связывает с ним тех объективных достоинств, которые Э. Гуссерль первоначально положил в основу «жизненного мира» в связи со своей феноменологической задачей. Более того, отец-основатель этого термина показал, что «жизненный мир» как мир очевидностей и общепризнанностей мешает человеку сменить «естественную установку» на «универсальную» и «критическую». У П. Бергера - Т. Лукмана, авторов книги «Социальная конструкция реальности» [1], этой «библии» постмодернистских взглядов на «повседневность»/«жизненный мир», каждодневная жизнь трактуется как сфера, с которой индивид не вступает в конфликт и живёт в мире, потому что эта «повседневность» для человека «самоочевидна», «естественна», «стереотипизирована» и полна набора «рутинных практик». Вырваться за пределы такого «жизненного мира» — это задача запредельной трудности. Во всяком случае, концепция Шютца – Бергера - Лукмана эту сторону человеческого бытия не объясняет и не описывает. Оба автора взяли за эталон «повседневности» такой «жизненный мир», к которому субъект, по их определению, не может и не должен относиться критически, самостоятельно, рефлексивно. Повседневность, по мысли авторов, «не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность». Это значит, что повседневные практики рассматриваются просто как факты, которые, не исследуются на предмет их цивилизационной, онтологической, сущностной значимости. На деле получается, что не проводится принципиальное различие между "нормой" и "девиантностью"/"патологией". На деле получается, что все новые практики как бы легитимизируются по праву их простого (по)явления или банальной «фактичности». Релятивистский «принцип равнозначности» всех повседневных практик не позволяет деления их на подлинные и неподлинные.

Вместе с тем в социологической традиции мы знаем и другой (альтернативный) подход к «повседневности». При этой традиции повседневность рассматривается не просто как область «новых» ежедневных практик «эпохи постмодернизма», а берётся в социально-функциональном ключе (какие функции принимает на себя повседневность в системе современного общества и современной истории — Ф. Бродель [2], А. Лефевр [6], М. де Сорто [5] и др.).

Однако наиболее интересной но, к сожалению, просто пропущенной (утраченной из виду) постмодернистской социологией является та точка зрения, которая развивалась в классической социальной теории и в классике социально-культурной мысли вообще (Гегель, Гёте, Маркс, Хайдеггер, Сартр, Лукач, Лифшиц). Для этой традиции характерен не феноменологический, а «сущностный» (эссенциалистский) подход, когда «повседневность» рассматривается и оценивается как форма проявления или искажения исторического, трендового, онтологического «порядка вещей».

Г. Лукач (1885 -1971) был одним из немногих современных мыслителей, который работал с категорией «повседневность» на самом высоком философском, онтологическом уровне. Г. Лукач начинает с очевидного: повседневность для человека является самой «ближайшей» и «непосредственной» реальностью. А между тем есть «другая» жизнь, и онтологически она глубже, подлиннее и императивнее, чем повседневность. Поэтому, «признавая необходимым исходить из непосредственности повседневной жизни, не следует ограничиваться этим в стремлении понять

бытие как подлинное (als echtes Ansich)». С точки зрения Г. Лукача, «повседневные практики в течение долгого времени ставили непреодолимые препятствия на пути к пониманию бытия таким, каким оно является в действительности само по себе... Процесс искажений истинных свойств бытия, происходящий с помощью повседневной жизни и обыденного мышления, еще долго не прекращается» [4]. Диалектика «повседневного» и «неповседневного» решается на путях такого воспроизводства социума, когда подлинные, цивилизационные характеристики коллективной практики не отчуждаются, не гасятся в произвольной фактичности повседневной жизни с её исторической, социальной близорукостью и часто самопотворством децивилизованным практикам.

Мих. Лифшиц (1905 – 1983) тоже, как Лукач, считает, что повседневность не исчерпывает сути человеческой онтологии, человеческого бытия: есть действительная (онтологически подлинная) и есть обыденная жизнь. М. Лифшиц к повседневности относится не с таким философским и эстетическим презрением как Г. Лукач. Он, подобно М. Хайдеггеру, готов видеть в повседневности намёки на фундаментальное, трендовое, историческое. «Историческое бытие входит в быт людей». Под давлением рока событий «внешняя сторона жизни» ломается. Но торжество подлинных перемен маркируется появлением именно новой и более содержательной повседневности: «Бывают моменты перехода, ломающие быт и заставляющие людей жить в абстракции. [Но] чем истиннее новая форма жизни, тем легче она обрастает чувственной оболочкой, бытом» (М. Лифшиц) [3].

Возвращение в научный оборот онтологически емких и востребованных цивилизационной ситуацией моделей повседневности, разработанных социальной и философской классикой более, чем способствовало бы выходу из теоретического тупика, в котором социология «жизненного мира» оказалась на почве феноменологической традиции.

1. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.

2. Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. — М.: Прогресс. — Т. 1, 1986.

3. Лифшиц М. *Что такое классика?* — М.: Искусство XXI век, 2004.

4. Лукач Г. *К онтология общественного бытия. Прологомены*. — М.: «Прогресс», 1991.

5. Сорто М. де. *Изобретение повседневности*. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

6. Н. Lefebvre. *Everyday Life in Mordern World*. — L.: The Penguin Press. 1979

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ РИТМОЛОГИИ)

Шеляпин Н.В. (Санкт-Петербург)

Социологические исследования современного информационного общества в период перехода к интеллектуальным технологиям и искусственного интеллекта невозможно без комплексного изучения такого важнейшего феномена социальной жизни людей, как время. Особое значение в цивилизационных процессах имеет социальное время. Социальное время — это время, в котором человеческая активность создает общество. Характеризуется возможностью ускорения или замедления в зависимости от частоты событий. Люди, создавая социальное время событиями личной жизни, могут относиться к нему как к надындивидуальной внешне заданной и неизменной системе координат. Однако они сами определяют последовательность и границы событий, делят их на этапы, что заставляет обращать внимание на подвижность и неоднородность временных связей. Изучение времени в социологии — это всегда изучение отношений людей ко времени и по поводу времени. Именно в этом проявляется сущность социального времени. Само понятие социального времени, которое отлично от астрономического, предложили социологи П. А. Сорокин и Р. Мертон, связав его с временем выполнения общественных функций. Сорокин П.А. и Мертон Р. отмечали, что в различных науках существуют свои представления о времени, которое не покрываются понятием астрономического и биологического времени. Социальное время обладает качеством. Математическое время не содержит признаков, служащих точками начала и конца. Для календаря же нужна какая-либо отправная точка или фиксированная дата. Значит, согласно Сорокину и Мертону, должно быть какое-то начало, противоречивое или нет, чтобы инициировать каждую систему отсчета времени, которая якобы не прерывается. В любом случае, отправная точка всегда социальна или наделена глубокими социальными последствиями. В этой

парадигме каждое общественное событие считается особенным и социально значимым. Э. Жак охарактеризовал социальное время как время «намерений», в отличие от астрономического времени «последования». Это время намерений и есть «проживаемое время интенций». Т. Хагерстранд описывает социальное время как время, воплощенное в событиях, вещах, условиях. Рассматривая социальное время, П. Штомка выделяет несколько аспектов, в частности, уровень и глубину осознания времени, его форму, ориентацию на прошлое или будущее. (Зарубин А. Г. Социальное время и особенности изменения его свойств в периоды общественно-политических кризисов // Вестник Ростовский гос. экономической академии. — 2000. — № 2 (12). В качестве отдельных видов социального времени правомерно рассматривать специфические представления о течении времени, присутствующие в религиозных доктринах и в политических идеологиях (соответственно- религиозное и идеологическое время) , которые отражают представления как отдельных индивидов так и целых цивилизаций о ходе и смысле истории, а также о различных процессах и явлениях жизни индивидов и всего социума в целом. Например, можно вспомнить течение времени от Сотворения мира до Апокалипсиса (конца времён) в Христианстве или в Исламе. Также, в качестве примера надо отметить постоянное движение общества в сторону глобального прогресса в идеологии либерализма, и , конечно же, исторический оптимизм в марксизме, основанный на постоянной смене формаций, в результате которого осуществляется всеобщий прогресс. В целом, понимание социального времени в марксизме основано на вере в поступательное движение человечества в сторону построения бесклассового общества социальной гармонии в конце всемирной истории. В настоящее время перед научным сообществом стоит острый вопрос о возможности или невозможности создания универсальной модели времени, включающей в себя астрономическое, биологическое и социальное, то есть некой синэргетической модели времени. Потенциальная возможность существования подобной синэргетической конструкции времени могла бы стать основой для разработки технологий управления временными процессами на физическом, биологическом и социальных уровнях.

Исходя из поставленной задачи, особый интерес вызывают взгляды философа и футуролога Е.Д. Лучезарновой(Марченко), основательницы концепции ритмологии, нового социально-философского направления, занимающегося исследованием феномена времени в широком смысле. Ритмология, согласно научному пониманию этого термина, представляет собой социально-философское мировоззрение трансдисциплинарного характера, которое ставит важнейшей исследовательской задачей осмысление и изучение логики ритма в социальной реальности. В более широком смысле, ритмология- это учение о времени и его роли ритмах жизни человека. По мнению Е. Д. Лучезарновой (Марченко), «Из прямого хода времени выводится формула: время есть энергия события. Из обратного хода времени выделяется формула: пространство есть информация события.» (Е.Д. Марченко. Откровенное знакомство часть 2. СПб 2009,с. 26). В любом случае, без инновационных разработок в области изучения феномена социального времени в наши дни вряд ли возможны дальнейшие достижения в области создания новых технологий социального менеджмента, а также в области развития интеллектуальных технологий и продвижения искусственного интеллекта. Изучение социального времени тесно связано с исследованием биологического времени, которое, в свою очередь, имеет особое значение в современной медицине и медицинской профилактике, без которых невозможно создание научно обоснованных механизмов продления человеческой жизни. Говоря об эффективном социальном менеджменте, следует принять во внимание тот факт, что он возможен на практике только в результате изучения специфики понимания социального времени данным сообществом и выработки приемлемых технологий управления указанной социальной общностью. Неслучайно, практически в каждом обществе важнейшим фактором идентичности и стабилизации является вера обывателей не только в своё "светлое будущее", но и вере в своё "светлое прошлое".

Следовательно, вопросы о возможности управления временем с самой постановкой задачи"заставить время работать на себя", сформулированные Лучезарновой (Марченко), особо актуальны с точки зрения направления исследований в области времени в практическое русло. Сейчас как никогда важно не только изучать время с научной точки зрения, но и направлять социальное время, существующие в общественном сознании современных российских граждан, в сторону осознания и принятия так называемого экологического времени, т. е. настоящего времени, которое протекает в данный исторический отрезок и ориентирует человека на постоянную созидательную деятельность с целью благоустройства и преобразования существующей реальности. Также, следует отметить, что экологическое время- это особое социальное время, существующее в

период биологической жизни индивида и его сообщества, характеризуемое уровнем комфортности существования данного индивида и его сообщества.

В ходе такого преобразования обществом должен ощущаться приход будущего уже в настоящем ("сегодня"). При этом время целесообразно понимать в виде суммы отрезков, в течение которых совершаются те или иные рациональные действия. Иными словами, единица времени в социальной плоскости - это условно выделенная продолжительность событий и явлений от начальной до конечной точки отсчёта, характеризующаяся прежде всего качественной характеристикой данных событий и явлений. Поэтому, исходя из всего выше сказанного, современная социологическая наука нуждается в создании новой методологии по изучению социального времени с целью разработки эффективных программ управления социальными процессами и явлениями в практической плоскости.

1. Зарубин А. Г. Социальное время и особенности изменения его свойств в периоды общественно-политических кризисов // Вестник Ростовский гос. экономической академии. — 2000. — № 2 (12).

2. Е.Д. Марченко. Откровенное знакомство часть 2. СПб 2009, с. 26

ДОВЕРИЕ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА

Ширяева В.А. (Волгоград)

Особую популярность в последнее десятилетие приобретает концепция сетевого общества. Появление многочисленных работ, посвященных данной тематике, вызвано, прежде всего, сменой парадигмы внутри самой социологической мысли, изменением вектора исследования от «социологии систем» к более гибкой и подвижной форме объяснения социальной реальности. В отличие от социальных структур, представляющих жесткий «каркас» устоявшихся социальных отношений и иерархии, социальные сети относятся к числу более «мягких тканей», основанных на горизонтальном взаимодействии. Согласно концепции М. Кастельса, широкое распространение информационных процессов в современном мире приводит к радикальным сдвигам в социальной жизни общества. В своих работах «Становление общества сетевых структур» и «Галактика Интернет: размышление об Интернете, бизнесе и обществе» исследователь использует метафору «сеть» для описания состояния современного социума. Центральным понятием теории исследователя становится «сетевая структура», включающая в себя комплекс взаимосвязанных узлов [3, С.470]. Сами «сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации...» [3, С.471] В общем понимании, социальная сеть состоит из совокупности узлов (ими выступают акторы) и связей между ними, которые устанавливаются с целью обмена разнообразными ресурсами. По мнению Э.Кастельса, «сети – это достаточно старая форма материализации человеческой деятельности», но специфика современной эпохи приводит к их широкому распространению и организации на их основе большинства видов деятельности, прежде всего деятельности по созданию, получению, передаче информации [2, С.13]. Данная тенденция связана, прежде всего, с увеличившейся ролью информации, которая выступает основным ресурсом современности, а значит является основой коммуникации и сети, в целом. Современные сети коммуникации характеризуются открытостью, саморазвитием, преобладанием горизонтальных связей, их формирование происходит при условии существования доверия как основы поддержания целостности и стабильности сети. Сущность доверия включает в себе три постулата:

1. Доверие - это ожидание индивида добросовестного и договорного поведения других людей по отношению к нему.

2. Обязательство индивида не нарушать ожидания других в отношении своих действий.

3. Ограничение личных интересов в пользу тех партнеров, кому оказано доверие, т.е. солидарность[4].

Так, доверие выступает основой формирования сетей и выполняет важную функцию для их конструирования. Во-первых, оно побуждает к общительности, стимулирует к со-вместному участию в различных обществах, таким образом возникают связи между акторами, что позволяет устанавливать близкие контакты с другими. Иначе говоря, доверие увеличивает то, что Э. Дюркгейм обозначал как «моральная сплоченность», а современные авторы описывают как «общественный капитал», «спонтанное общественное поведение» или «гражданская вовлеченность». Во-вторых, доверие способствует коммуникации и преодолению синдрома

«плюралистического невежества», или распространенного незнания взглядов и мнений, которых придерживаются другие, что может предостеречь коллектив от импульсивных действий, не имеющих шансов на широкую поддержку. В-третьих, доверие содействует толерантности, согласию с другими, а также возможности существования культурных и политических различий, которые благодаря ему не воспринимаются как угроза. Таким образом, доверие сдерживает проявления межгрупповой враждебности, делает споры цивилизованными. В-четвертых, доверие укрепляет связи между участниками сети и отдельным индивидом, влияет на чувство идентичности и создает сильную коллективную солидарность, склоняя людей к сотрудничеству, взаимопомощи и даже к готовности пожертвовать собой во имя других. В-пятых, благодаря существованию доверия значительно уменьшаются издержки трансакции и возрастают шансы на сотрудничество.

Социологи связывают доверие с условиями неопределенности, которые присущи современному миру. В этом отношении интересна позиция Н. Лумана, согласно которой доверие выступает социальным механизмом, управляющим неопределенностью социальных отношений и призванным снизить риск. Доверие в понимании Н. Лумана выступает особым видом рационализма. Таким образом, доверие означает веру субъекта социальных отношений в добрые, искренние намерения, компетентность и надежность другого субъекта и служит индикатором качества социальных связей. Наличие доверия указывает на устойчивость и надежность социальных отношений, что является важным показателем стабильности и развития сетевых отношений. В понимании значимости доверия для формирования и функционирования эффективного социального пространства полезно обратить внимание на ключевую особенность данного регулятора общественных отношений – способность создавать и накапливать активы: социальный, трансформируемый в гражданское общество; политический, обеспечивающий стабильность в стране, регионах; экономический, повышающий эффективность организаций; духовный, обеспечивающий приращение культурных ценностей.

Таким образом, социологи выделяют три группы функций доверия: личностные (гармонизации, социализации, мотивации, оценочная, социальной безопасности и релаксации), организационные (интеграции, социальной адаптации, социально-психологической устойчивости, групповой мотивации, социальной эффективности), общественные (регулирующая, транслирующая, легитимации социального порядка)[1, С. 43]. Их реализация обеспечивает очевидную значимость доверия в формировании сетей и социального пространства.

1. Дементьев И.А. Доверие как индикатор социального капитала // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. - № 1. – С. 40-45.

2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.

4. Штомпка, П. Доверие-основа общества / П. Штомпка.- Москва: Логос, 2012. – 440с.

СЕКЦИЯ 3. СОЦИОЛОГИЯ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

ИСТИНА И ПРАВДИВОСТЬ В ПОЛИТИКЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМЫ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ХАННЫ АРЕНДТ

Pashkova V.M. (Сидней, Австралия)

This paper reflects on the issues of post-truth politics through the prism of sociology of education and the ideas of social constructionism that received prominence in Western countries in the 1970s. The paper also draws on political philosophy of Hannah Arendt in search for an alternative understanding of the relationship between truth, truthfulness and politics.

Этот доклад является попыткой рассмотреть вопрос деградации истины в политике (явление post-truth politics) через анализ социологии образования и ее преобразования под воздействием идей социального конструктивизма, которые получили особое развитие в западных странах начиная с 1970 гг. Этот доклад также опирается на политическую философию Ханны Арентт в попытке сформулировать альтернативные способы понимания взаимоотношений между истиной, правдивостью и политикой.

Over the past few months there has been a surge in the concept of “post-truth” or “post-fact” politics. For example, this term has been used to describe presidential campaign in the US or the Leave.EU campaign during the Brexit referendum in the UK. Apparently Western societies are currently facing a new era in politics – the one in which the politicians no longer seek to ground their claims to power in factual truths, instead playing into people's emotions and tapping into their fears. The recent focus on post-truth or post-fact politics has brought to the fore some very important questions: how did Western societies arrive at a situation in which the majority of people seem to be sceptical about the existence of truth? does truth matter in the political realm? what does it mean to be truthful in the political realm in a post-traditional society? what should be the relationship between truth and truthfulness?

I suggest to approach these questions from a rather unexpected perspective – that of the sociology of education. Since the 1970s, the sociology of education has been heavily influenced by social constructionism's ideas [1, 2]. Social constructionism is represented by heterogeneous and multi-faceted theories that share in common an assumption that reality is not given and fixed but is created and recreated by humans in the process of their interactions with one another [3]. From this perspective, truth and knowledge also appear to be socially constructed, and social constructionists often argue that what is assumed to be “true” is arbitrarily and depends on which social group has more power and ability to impose on others its interpretation of events [3]. Most social constructionists are therefore sceptical of the possibility of objective truth and objective knowledge of reality. Unlike the realists and empiricists, the social constructionists in the 1970s-1980s did not see their role in describing reality “as it was” but instead, “exposing the apparent givenness of reality for ‘what it really was’ – a mask of to obscure a deeper reality of arbitrariness and interests” [2]. By stripping social phenomena of their givenness, social constructionism thus opens a way for criticising and challenging the existing social institutions and norms as well as theories, bodies of knowledge and methods.

The ideas of social constructionism proved to be very appealing to the scholars in sociology of education in the Western countries from 1970s onwards. Young & Muller [2] identify a few reasons for it, including a rise of mass education, whereby a diverse body of students and teachers entered the world of schooling and academia and brought with them their own heterogeneous life experiences, knowledge of the world and often radical political ideals that came into tension with the traditional curriculum and methods of teaching. Young & Muller [2] emphasise that social constructionism had a liberating impact for the educators at the time. This approach emphasised that knowledge and curriculum are merely social construct and hence helped legitimise the “epistemological right” of educators to change the curriculum themselves and thus rebel against bureaucracies and hierarchies that have been characteristic of Western academia. This rebellion more often than not came with the rebellion against the notions of truth and objectivity in relation to history, facts, events, knowledge, scientific theories, and so on. The use of social constructionism's ideas in the sociology of education has been heavily criticised as a self-defeating approach. It has been argued that by calling for a radical criticism of the established social institutions for the sake of positive change of the world, social constructionism at the same time sacrifices truth and objective standards of knowledge, without which no collective action and improvement of the world seem to be possible [1, 2].

This brings us back to the questions about post-truth politics raised in the beginning. I argue that, among other factors, it was the dramatic change in education and academia under the impact of the ideas of social constructionism that prepared the ground for widespread scepticism towards the idea of truth in Western societies and made possible a paramount disregard for truths of all kind – moral, factual, scientific – in contemporary political discourse in Western countries. It appeared that the majority of political actors on all sides of the political spectrum have eagerly embraced the idea that reality and “truths” about reality are socially constructed and thus can be easily changed, or replaced with other, more convenient, realities and “truths”.

Moreover, we can also observe a change in how people understand truthfulness in the political realm – truthfulness is now increasingly associated with being blatantly straightforward, “honest” about one’s thoughts and dismissive of others if they do not share one’s opinions. Here we can also find some affinity with the adaptation of social constructionism. For example, Young & Muller [2], drawing Bernard Williams and his book *Truth and Truthfulness*, show that by refuting the notion of objective truth, social constructionists still attempt to preserve a notion of truthfulness which, paradoxically, gets pulled away from the idea of truth. Truthfulness in education and in politics then becomes associated not with the commitment to truth but with promoting one’s own opinion and debunking the status quo.

Are there other ways of understanding truth in education as well as politics? How can we productively reflect on the relationships between truth and truthfulness without antagonising them? Young & Muller [2] suggest that we should “re-align” ourselves with realism, “of a naturalistic kind...that relies on the natural sciences for its model of objectivity or a formalist kind.” I argue that such realignment would mean a loss of creative and critical opportunities that come with social constructionism. Therefore, I suggest that a productive way of reflecting further on the issues of truth and truthfulness can be found by engaging with political philosophy of Hannah Arendt (1906-1975).

Firstly, Arendt argues that it is necessary to distinguish between opinions and truths of fact and she insists that political actors should have an absolute respect for factual truths and a commitment to not distorting them [4]. Therefore, it is important to know what is the matter of fact and what is the matter of opinion and not to blur the line between the two. For Arendt, the realm of history is the realm of facts and the past cannot be arbitrarily changed, manipulated or rewritten. This does not mean that, for Arendt, there is only one possible “true” perspective on the past events. Quite the contrary, she wants to preserve the possibility of multiple stories being told about the same phenomenon so that diverse opinions can be formed about it. Yet, she warns us that without the respect of factual truths, freedom of opinions is “a farce” [4]. For only facts, if they are recognised and respected, can provide individuals with a reference point for a common dialogue and action “in concert” and hence with the opportunity to build a common world that they can share.

To understand how Arendt sees the relationship between truth and politics, it is essential to remember that, for her, every individual occupies a unique standpoint in the world defined by her historical situatedness and unique experiences. Therefore, every individual sees the world from a unique angle. Hence there can be no one absolute perspective on the world for humans but the plurality of the perspectives that cannot be measured against one absolute standard – here Arendt’s approach seems to be compatible with that of social constructionism. However, in contrast to social constructionism that comes dangerously close to endorsing a radical relativity of individual perspectives on the world, Arendt finds a way of avoiding it. She argues that an individual can constitute her perspective on the world, her unique opinion or “doxa” – the Greek word for “opinion” that Arendt often uses in her works – only by engaging with others in their quests for understanding the world and constituting their doxai [5]. The more perspectives of others an individual can explore and take into account when constituting her own perspective on the world, the more valid and truthful becomes her own doxa [4, 5].

This brings us back to the notion of truthfulness. Truthfulness is impossible without the commitment to factual truths. However, truthfulness is more than that. Building on Arendt’s insights, we can understand truthfulness as the orientation to the world that is needed for a political actor to be able to constitute a truthful opinion. This truthfulness has three aspects to it. Firstly, a truthful individual is one who is willing to appear to others and constitute the meaning of her opinion through dialogue with them, thereby engaging with as many diverse doxai as possible, including those that are in opposition with her own and originating from different socio-economic classes, cultural and religious backgrounds, geographical areas, and so on. Secondly, a truthful individual is one who does not assume that she knows where others stand in the world and is genuinely committed to finding out how the world appears to them and what meanings they constitute of the world. Finally, a truthful individual is one who speaks about her doxa in a way that does not avoid tensions and disputes, but at the same time does not short-circuit

potential dialogue with any human being. Truthfulness thus understood is essential for grounding a common world and ethics in a post-traditional society or, shall I say, post-truth society.

1. Young, M 2008 *Bringing Knowledge Back in: From Social Constructivism to Social Realism in the Sociology of Education*, Routledge.
2. Young, M & Muller, J 2009 *Knowledge and truth in sociology of education*. In Maton, K, & Moore, R (eds.), *Social Realism, Knowledge and the Sociology of Education: Coalitions of the Mind*. London, GB: Continuum
3. Burr, V 2015, *Social constructionism*, Taylor and Francis, Hove, East Sussex.
4. Arendt, H, 2006 "Truth and Politics." In *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought*, 223–59. New York: Penguin.
5. Arendt, H, 2005 "Socrates." In *The Promise of Politics*, edited by Jerome Kohn, 5–39. New York: Schocken Books.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Абдульязнов А.Р., Абдульязнов А. Р. (Казань)

В современных условиях в связи с ростом аварийности на дорогах, безопасность дорожного движения приобрела особую остроту. Прогнозируемый рост количества транспортных средств и увеличение объемов грузовых и пассажирских перевозок на автомобильном транспорте приводит к повышению интенсивности движения: на дорогах федерального значения к 2015 году на 30-35% по сравнению с 2009 годом, а на дорогах территориального значения – 25-30 % [1, с. 48].

Как правило, вопросы безопасности дорожного движения активно изучаются с точки зрения совершенствования дорожной инфраструктуры, как строительно-техническая проблема, либо с точки зрения повышения транспортной культуры и безопасного поведения на дорогах всех участников дорожного движения (пешеходов, водителей), т.е. как психолого-педагогическая проблема. На наш взгляд, необходимо исследовать систему безопасности дорожного движения с социологических позиций и наиболее эвристическим подходом в данном случае является системный подход.

Необходимо отметить, что задолго до становления теории систем, системные принципы использовались для анализа социальной реальности в социологии. Так О.Конт подчеркивал сходство общества с биологическим организмом, как целостной системы, Г.Спенсер в теории органицизма применял и к биологическим и социальным организмам системные представления, рассматривая и тот и другой как целое, состоящее из частей. Использовал системный подход и П.А.Сорокин, он так описал явление эмерджентности: «...общество, или коллективное единство как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы не взаимодействующих людей, существует. В качестве такой реальности *suī generis* оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но вопреки реализму общество существует не «вне» и «независимо» от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немислимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов» [2, с. 24]. Т.Парсонс также определял общество как социальную систему, состоящую из подсистем, каждая из которых выполняет свою функцию. Свой вариант теории систем обосновал Н.Луман, где в основе системного анализа лежит различие между системой и окружающей средой.

Особенность применения системного подхода к анализу социальных объектов состоит в том, что социальные системы (в отличие от технических) не просто функционируют во времени — они еще принимают решения, осуществляют выбор пути дальнейшего развития [3, с. 6]. В этом смысле система безопасности дорожного движения является социальной. Каждая система имеет структуру, т.е. понятие «система» предполагает одновременное наличие нескольких компонент, частей, подсистем, при чем определяющим свойством системы является эмерджентность — несводимость (степень несводимости) свойств системы к свойствам элементов системы.

Систему безопасности дорожного движения можно представить как социо-техническую систему, состоящую из трех взаимодействующих подструктур (элементов) институциональной, технической и личностной, которые в совокупности взаимодействуют с внешней средой. Особенность данной системы проявляется в ее детерминированном поведении и императивной (нормативно-правовой) взаимосвязи с динамикой как состояний технической составляющей, так и окружения объекта – социальной средой [4, с. 52].

Первый элемент системы представляет собой подструктуру социальных институтов, включающую в себя совокупность учреждений, предопределяющих устойчивые формы социального поведения и действия участников дорожного движения в соответствии с общепринятыми нормами. Данную подструктуру можно рассматривать как взаимодействие социальных институтов, которые отличаются определенной степенью внутренней сплоченности, интегрированностью и целостностью. Они иерархически структурированы и обладают целевой природой (т. е. созданной для реализации определенных целей и оцениваемой через целедостижение). В институциональную составляющую системы безопасности дорожного движения входят: органы власти и управления, государственная инспекция безопасности дорожного движения, дорожно-строительные и автотранспортные предприятия, образовательные учреждения, учреждения здравоохранения, автошколы, средства массовой информации и др. Каждый компонент институциональной составляющей реализует определенные функции и целевые установки в направлении обеспечения безопасности дорожного движения.

Второй элемент представляет собой социальную общность открытого типа, состояние которой определяется влиянием внешней среды и потребностями развития самой системы. В структуру данного элемента входят непосредственно участники дорожного движения (водители, пешеходы, пассажиры, представители госавтоинспекции). Каждая система обладает как объективными, так и субъективными факторами, в качестве субъективного фактора в системе безопасности дорожного движения выступает личностный элемент - люди (водители, пешеходы, пассажиры, сотрудники ГИБДД), чье индивидуальное и коллективное поведение определяют существенные аспекты поведения системы в целом – насколько эффективно будет работать система безопасности дорожного движения. Более того само понимание безопасности дорожного движения как проблемной ситуации во многом зависит от восприятия ее участниками дорожного движения, т.е. в соответствии с их картиной мира (цели, представления, установки, ценностные ориентации), что определяется установками и ценностными ориентациями на безопасное поведение, уровнем развития транспортной культуры и т.д.

Третий элемент - технико-механический - представляет собой совокупность видов транспорта, технологий, автоматизированных систем управления, технических характеристик состояния дорожно-транспортного полотна, технических приспособлений для регулирования дорожного движения, информационных процессов и т. д. Техническая составляющая обладает нелинейными характеристиками, проявляющимися при её внедрении и эксплуатации указанной социальной системой. Все это в совокупности с рисками и угрозами, исходящими от дорожно-транспортных происшествий, определяет жесткое нормативное поведение участников дорожного движения, а также специфический характер их взаимодействий. Техническая подструктура эксплуатируется социальной общностью, в связи с чем ее внутренние взаимосвязи структурированы как по вертикали, так и по горизонтали в соответствии с решаемыми задачами, необходимыми для достижения общей цели – обеспечения безопасности дорожного движения.

Система безопасности дорожного движения обладает свойством эмерджентности, которое делает ее системой. «Система» всегда предполагает взаимодействие составляющих элементов (а не простой набор независимых элементов), и как целое обладает свойствами, отсутствующими у ее составных частей. Возможность поддерживать безопасность на дорогах не является свойством каждого из входящих в структуру системы элементов (институтов или всего множества суммы институтов, личностей, групп) это свойство появляется лишь после того, как эти элементы начинают взаимодействовать в определенном порядке обеспечивая эту безопасность.

Таким образом, системный подход позволяет разработать модель системы безопасности дорожного движения как совокупность элементов - социальных институтов, участников дорожного движения, технико-механических элементов, взаимодействие между которыми организовано таким образом, чтобы способствовать обеспечению безопасности дорожного движения всех его участников.

Для комплексного социологического изучения системы безопасности дорожного движения (структурных элементов системы), с целью выявления ее проблемных зон и оценки ее эффективности, необходима разработка и исследование целого ряда показателей: уровень транспортной культуры и дисциплины водителей и пешеходов, уровень теоретической (процент сдачи экзамена по ПДД с первого раза) и практической (процент сдачи вождения с первого раза) подготовки водителей, уровень аварийности (процент ДТП по вине водителей со стажем до 3-х лет среди выпускников автошкол), транспортные риски – количество погибших на дорогах и улицах в расчете на 100 тысяч жителей, уровень автомобилизации (количество автомобилей на

1000 жителей), социальные риски, уровень детской смертности и травматизма, развитие государственной политики по регулированию наказаний за нарушение правил дорожного движения, пассивная/активная безопасность транспортных средств, использование технических средств безопасности и т.д.

Применение системного подхода в социологическом анализе системы безопасности дорожного движения является наиболее плодотворным при разработке мер и управленческих решений по обеспечению эффективности безопасности дорожного движения и безопасной жизнедеятельности социума в целом.

1. Брехман А.Н. Исследование транспортно-эксплуатационных показателей и пути повышения безопасности движения на дорогах Республики Татарстан (стр. 47- 50). // *Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: настоящее и будущее: Материалы III Международной научно-практической конференции в рамках форума «Безопасность и связь»*. Часть II / Под общей редакцией д-ра техн. Наук, проф. Р.Н. Миниханова. – Казань: ГУ «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей», 2014. – 940 с.
2. Сорокин П. А. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1. с. 247.
3. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Логос, 2001.- 296 с. стр.6
4. Абдульязнов А.Р. Методологические проблемы социологического исследования эффективности системы обеспечения безопасности дорожного движения // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. - 2010, - № 10. - С. 51-58.

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В РОССИИ

Абрамова М.А. (Новосибирск)

Семья как первичный институт социализации выполняет функцию не только трансляции социокультурных моделей поведения, но в первую очередь адаптации личности, формирования ее самосознания. Исследования роли семьи в социокультурных процессах [2, 4, 7, 13] показали, что для ее понимания (в том числе в этносоциальных процессах) важно исследовать не только семью вообще, но и ее определенные типы, выделенные по различным основаниям: этничности, социальному статусу членов семьи, традициям и т.п.

Межэтнические браки актуализированы как объект исследования вследствие усиления интереса к процессу формирования этнической идентичности личности, представляющей в рамках концепции Г. Тэжфела и Дж. Тернера результат социальной категоризации и последующей идентификации с выделенной этнической группой, а также эмоционально-оценочное восприятие ее [16].

Выделение этнически смешанного (или межэтнического) типа брака приводит нас к рассмотрению мультикультурности, не как результата влияния постмодернистских тенденций, обуславливающих множество социокультурных групп в обществе, а как мультикультурности среды, формируемой семьей, обуславливающей специфику социализации и инкультурации индивида. В этой связи важно отметить, что мультикультурность как характеристика процесса взаимодействия этнокультурных групп в межэтническом сообществе (регионе, стране, цивилизации), в результате которого происходит взаимопроникновение элементов этнических культур и образование общего социокультурного ядра (национальной идеи) является постоянным признаком всех исторических этапов развития России, обусловленных ее византийскими истоками, православием, евразийским цивилизационным и геополитическим пониманием [1].

Несмотря на тот факт, что некоторые исследователи представляют «мультикультурализм» как утопию XXI века, как очередной проект, который разделит судьбу всех известных в истории утопических построений [12], анализ результатов трансформации данной идеологии на территории России, специфики ее представления в идее евразийства, а позднее в реализации политики интернационализации, позволяет сделать вывод, что она смогла осуществиться и создать условия для единства в многообразии посредством интеграции народов на новом качественном уровне.

Ретроспективный анализ трансформации моделей реализации идеи мультикультурализма в России получил подкрепление на примере результатов исследования динамики моноэтнических и межэтнических семей, а также их влияния на выбор молодежью аккультурационных стратегий,

социальных дистанций и выстраивания ценностной иерархии, выполненного в рамках проекта РГНФ № 15-03-00194 а [1].

Интерес вызывает тот факт, что в СССР социально-демографическая проблематика была более широко и разностороннее представлена в публикациях, чем в постперестроечный период. Национально-смешанные семьи и браки в 1970-е – 1980-е изучались на территории СССР не просто как массовое явление, но в качестве фактора этнокультурных и этносоциальных процессов, одного из каналов, по которому происходило сближение наций и шло формирование советского народа [5].

По данным Всесоюзных переписей, доля семей, в составе которых были представители разных национальностей, составляла в 1959 г. – 5,2 млн. (10,2 %) [8, с. 36], в 1970 г. – 7,9 млн. 13,5 % [9, с. 58], в 1979 г. – 9,9 млн. (14,9 %) [14, с. 211], в 1989 – 12,8 млн. (17,5 %) [10, с. 14]. Данные показатели свидетельствуют о благоприятной обстановке, создававшейся политикой советского правительства для развития межнациональных семей [6, с. 104].

Результаты анализа влияния советской политики интернационализации и заложенного в ней концепта мультикультурализма [1] позволили выявить, что предположение ряда исследователей об увеличении количества этнически смешанных браков в СССР как следствия применения ассимиляционной стратегии государством и использования т.н., тактики «плавильного котла» («melting pot») не имеет четких доказательств. В то же время выявленная тенденция к сохранению самобытности этнических культур и даже некоторому сокращению в 1970-х гг. тенденции к росту этнически смешанных браков позволяет сделать вывод, что в СССР была реализована в полной мере модель мультикультурного развития, обусловившая усиление гражданской идентичности при сохранении этнической – «единство в многообразии» – «перемешивание» различных этносов и социальных групп, при котором сохраняется их самоидентичность. Данную стратегию метафорично обозначили американские культурологи в 60-е гг. XX в. «салатной миской» («salad bowl») и представили в качестве идеала, к которому должна стремиться американская нация [3, 10]. Историческая ретроспектива развития модели российского мультикультурализма, показала, что данная стратегия была характерна не только для советского периода, но является ведущей в ходе всей истории развития страны. Вступление в диалог различных этнических групп привело в результате к их активному взаимодействию и взаимообогащению национальных и культурных традиций. В этом контексте развитие мультикультурности как свойства личности в условиях глобализации становится уже критерием совершенствования духовного потенциала, определяемого не только степенью ее приобщенности к мировой культуре, но и к национально-культурным традициям.

Необходимо также признать, что в условиях длительного взаимодействия этнокультурные группы в России оказали друг на друга сильное взаимовлияние, которое является причиной для обсуждения существования феномена общероссийской культуры и выявления российской идентичности. Создавшуюся ситуацию нельзя считать кризисом в этнокультурном развитии страны. Скорее это шаг на пути создания мультикультурного государства, в котором каждая из этнокультурных групп является самобытной, но в то же время вовлеченной в общероссийский процесс усиления государственности, а не дробления и ослабления его по принципу разделения территорий по месту исконного проживания этносов. И в этом проявляется социокультурная специфика российской модели мультикультурализма.

1. Абрамова М.А. *Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика и трансляция моноэтническими и межэтническими типами семей.* Новосибирск. Параллель, 2016. – 280 с.
2. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. *Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты.* Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.
3. Арутюнова Л. В. *Мультикультурализм и его модели в современном мире.* Автореф. дисс. ... канд. филос. н, М., 2009. 23 с.
4. Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. *Этносоциология. М.:Аспект Пресс, 1999. 271 с.*
5. Асанова Э.С. *Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей Республики Адыгея (социологический аспект).* Дисс. ... канд. социол.н., Майкоп 2009. 172 с.
6. Бокова Т.Л. *Основные тенденции развития межнациональной семьи в российском обществе // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 103-106.*

7. Гончарова Г.С. Динамика и факторы формирования этнически смешанных семей у народов южной Сибири //Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия Философия. 2014. Т.12. №1: 98 – 107.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Т. 1. – М.: Госстатиздат, 1962. – 389 с.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2. – Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей. – М.: Статистика, 1972. – 576 с.
10. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1990 г. – 45 с.
11. Костюк В.Г., Гончарова Г.С. Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России //Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 105-111
12. Радтке Ф.-О. Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 103–115.
13. Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / Под ред. Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка. Новосибирск: ООО «Манускрипт», 2013. 272 с.
14. Численность и состав населения СССР: по данным всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.: Финансы и статистика, 1984 г. – 366 с.
15. Huntington S. Who we are? The Challenges to America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004. 448 p.
16. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986. Pp. 7-24.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К УЧЕБЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аверин Ю.П. (Москва)

В докладе рассматривается теоретический подход к разработке концептуальной модели эмпирического исследования поведения школьников по отношению к учебе и факторов его формирования в условиях современной России. Исходя из этого подхода раскрыто содержание параметров концептуальной модели исследования данной проблемы, которая положена в основу эмпирического исследования. Представлен анализ результатов всероссийского исследования, показывающих состояние параметров поведения школьников по отношению к учебе и воздействие интереса к ней на формирование этого поведения. Раскрыт механизм такого воздействия и определена значимость интереса как факторов формирования поведения школьников по отношению к учебе в условиях современной России.

1. Кэвлин С. Холл, Гарднер Линдсей. Теории личности. – М.: «КСП+», 1997.
2. Леонтьев А.Н. Мотивы, эмоции, личность// Психология личности. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1982.
3. Майкл Мескон, Майкл Альберт, Франклин Хедоури. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992.
4. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. — 3-е издание/Пер. с англ. - СПб: Питер, 2014.
5. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Изд-во «Мысль», 1972.
6. Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. Л. А. Коростылёвой. — СПб. 2004. Вып. 8.
7. Скиннер Б.Ф. Технология поведения// Американская социологическая мысль. М., Изд-во МГУ, 1994.
8. Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. - 10-е издание – СПб: Питер, 2004.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕАБИЛИТАЦИИ РОДИТЕЛЕЙ, ЛИШЕННЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Акимова А.В., Чельшева Н. А. (Санкт-Петербург)

Существенным признаком состояния общества последних лет стало социальное сиротство, которое распространяется под влиянием ухудшения условий жизни значительной части семей, следствием чего становится изменение отношения к детям, вытеснение их из семей, беспризорность. Это социальное явление, обусловленное наличием в обществе детей, оставшихся

без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими, отбывающими наказание в местах лишения свободы и т.д. Поэтому лишение родительских прав является основной причиной социального сиротства.

Согласно Постановлению Правительства РФ № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», дети-сироты будут помещаться в соответствующие организации только «временно, на период до их устройства на воспитание в семью», а организация должна способствовать их семейному устройству. Одной из приоритетных задач таких центров станет поиск приемной семьи для ребенка или возвращение его в кровную семью.

Восстановление отношений между ребенком и родителями возможно только тогда, когда они стремятся к позитивным изменениям и готовы к выполнению родительских обязанностей. Семей, которые самостоятельно хотят изменить свое положение, единицы. Родители, лишённые родительских прав, имеют низкий образовательный уровень, иждивенческие установки, неуравновешенность, инфантилизм. Они нуждаются в коррекционной и реабилитационной помощи.

Восстановление родительских прав на практике применяется редко, поскольку на сегодняшний день не существует научно разработанных и официально признанных программ реабилитации родителей, стремящихся восстановить свои права. Поэтому для выявления необходимости работы с родителями, лишёнными родительских прав был проведен экспертный опрос специалистов, работающих в сфере социального обслуживания семей и детей и опрос общественного мнения для определения их отношения к работе с такой категорией лиц и ее эффективности. В исследовании приняли участие 8 специалистов, работающие в области профилактики социального сиротства и безнадзорности несовершеннолетних и 200 жителей Санкт – Петербурга и Ленинградской области (25% мужчин и 75% женщин).

Результаты эмпирического исследования показали, что социальная реабилитация родителей, лишённых родительских прав при должном подходе к проблеме может принести результаты. Такая категория лиц является наиболее сложной для работы с ними. Следовательно, каждый случай должен быть рассмотрен индивидуально, а это требует не только затрат по времени, но и ресурсов.

Респонденты считают, что основным условием успешной реабилитации родителей является их желание восстановить свои родительские права, а дальнейшее функционирование семьи должно проходить под постоянным контролем социальных служб. Специалисты отметили важность внедрения программ формирования мотивации восстановления родительских прав в практику работы социальных служб, так как многие родители не имеют достаточной юридической подготовки и поэтому не знают, как необходимо поступить в сложившейся ситуации. В результате они не используют законодательно предоставленную возможность вернуть ребенка в кровную семью.

Итак, в настоящее время наиболее перспективной признается ориентация на временное устройство ребенка, при котором сохраняется возможность восстановления и сохранения кровной семьи. При этом ребенок избегает риска институциональной депривации, сохраняются шансы на восстановление семьи и возможность коммуникации кровных родителей и ребенка. Изменения, происходящие в социальной политике России, показывают, что приоритетной формой устройства ребенка является его возвращение в кровную, биологическую семью.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛИДЕРСТВА В БИЗНЕСЕ

Алькаева Ю.И., Дендобренко Д. А. (Санкт-Петербург)

Социология лидерства - это отрасль социологической науки, изучающая закономерности построения, функционирования, развития и постоянной деятельности лидеров различных уровней во всей сложности и многообразии общественных структур и социальных процессов, их роли и значения в современной жизни, проблемы формирования социальных элит, их участия во властных отношениях, формирования общественного мнения об их деятельности[6]. Последние два десятилетия характеризуются активным завоеванием женщинами лидирующих позиций в бизнесе и в политике. Однако, в силу гендерной специфики женщины и мужчины подходят по разному к вопросу лидерства.

Коэффициент корреляции Пирсона между показателями лидерских способностей и показателями маскулинности/феминности показал: лидерские способности проявляются у юношей с высоким показателем маскулинности, а у девушек с низким показателем феминности[6]. Женщинам для эффективного управления приходится развивать маскулинность, чтобы конкурировать с мужчинами в профессиональной сфере. Исследования подтверждают, что многие девушки поменяли свои жизненные приоритеты: с семьи на карьеру.

Тем не менее, женщины имеют более ограниченный доступ к профессиональному росту по ряду причин:

-заниженная женская самооценка. Проведенные эксперименты по выявлению «образа своих достижений» показали, что у мужчин большая уверенность в себе, уровень притязаний выше, а среди главных слагаемых успеха, они выделяют фактор личностных качеств. При этом женщины в основном приписывают успех случайному стечению обстоятельств или удаче[3].

- женщины не склонны ставить перед собой сложнодостижимые цели, они не так рьяно идут к выполнению своих желаний, а выбор их не отличается стабильностью.

- женщина-лидер в коллективе, и, в особенности в мужском коллективе, играет одну из предложенных формальных ролей, которые мешают ей восприниматься мужчинами, как полноценный лидер[1]:

- 1) «матери» - от нее ждут эмоциональной поддержки, а не деловой активности;
- 2) «соблазнительницы» для начальника, что вызывает негодование у коллег-мужчин;
- 3) «игрушки, талисмана» - милой, но не деловой женщины, приносящей удачу;
- 4) «железной леди», обладающей неженской жестокостью, вследствие чего они бывают больше всего изолированными от группы.

Не смотря на это, все больше женщин занимает руководящие посты в крупных компаниях. Так что же отличает женское и мужское руководство?

Стиль руководства - это привычная манера поведения руководителя по отношению к подчиненным, направленная на воздействие и побуждение подчиненных к достижению поставленной цели. Согласно исследованиям Э.Игли, мужчинам и женщинам, занимающим руководящие посты, не стоит пренебрегать своим гендерным ролям и стараться искусственно навязать себе авторитарный (для женщин) и демократический стиль (для мужчин)[2].

Опыт проведенный в компаниях при интервьюировании с сотрудниками и руководством показал, что мужчины добиваются более эффективного руководства, если ведут себя соответственно своим маскулинным качествам (авторитарное управление). В ином случае, сотрудники не видят в нем авторитет и сильное руководство. Касательно женского руководства срабатывает противоположное правило: рейтинг женщины-руководителя будет снижаться, если ее поведение не соответствует феминному образцу (демократическое управление). Но это же исследование показало, что при ведении демократического стиля руководства, представители обоих полов оцениваются положительно.

Опираясь Дж.Роузнер, можно сказать, что хотя женщина-лидер по итогу «обрастает» маскулинными качествами, ее путь к успеху лежит совсем через другие основополагающие нежелезы у мужчин:

-женщина добивается своего статуса благодаря другому ракурсу рассмотрения положения дел в компании

-она подходит с другой стороны в отношении своего лидерства.

Мужчины больше ориентированы на успех, достижение своей цели. Они воспринимают свою работу как цепочку неких задач, выполнив которые можно прийти к успеху. При этом в процессе выполнения задач, лидер-мужчина будет гораздо чаще пренебрегать своим высоким статусом по отношению к сотрудникам. А сами отношения будут выстраиваться на определенной дистанции: при положительной работе сотрудника- поощрения, при неудовлетворительной- выговор, понижение в должности или увольнение. Женщины руководители стремятся изменять позицию каждого сотрудника в интересах общих групповых целей[8]. Вообще женщины-начальники склонны ставить перед собой более широкие цели, по сравнению с мужчинами. Свою власть женщины осуществляют с помощью таких методов как: личный подход к каждому сотруднику компании, обаяние, контактность, умение располагать к себе людей[2]. Дж. Роузнер назвала такой стиль управления «преобразовательным», характеристиками которого являются:

-поддержание в сотруднике уважения к руководителю

-поддержка сотрудников в неблагоприятных ситуациях в коллективе, связанной с конкуренцией на рынке труда

-поддержка в создании и проведении различных мероприятий, которые не только способствуют установлению и выработке совместных ценностей, а также общей направленности коллективного действия, но и понижают уровень стресса среди сотрудников.

Последней характеристикой данного стиля управления, является способность женщин-лидеров к более нестандартным действиям, решениям, к структурным преобразованиям.

Вообще считается, что женщины более мобильны в критических ситуациях на работе, нежели мужчины. Это подтверждается кризисом на рынке Российского труда в 90-ых годах, связанным с переходом к капитализму, когда женщины составляли подавляющее большинство рабочей силы. В первую очередь, сюда относятся: система образования, здравоохранения, библиотечное дело, розничная торговля и службы быта, общественное питание, услуги почты и сберкасса, текстильная промышленность, сельское хозяйство и др. Так, по данным И. Калабиной (1995), в здравоохранении и социальном обеспечении в России женщины составляли 83 %, в торговле и общественном питании - 82 %, в образовании - 79 % от общего числа занятых. Мужчины же на тот период не смогли быстро переориентироваться, вследствие чего наблюдалась мужская безработица[5]. К 2014 году ситуация изменилась, и процентное соотношение работающих женщин стало ниже: в здравоохранении и социальном обеспечении- 18%, в торговле и общественном питании- 3,7%, в образовании- 15%. Тогда как мужчины начали больше работать в направлении вышеуказанных областей. Интересен и тот факт, что в сравнении с 1995 годом, женщины теперь заняты в большем количестве направлений, к примеру, в экономической деятельности почти одинаковое соотношение мест, занятых мужчинами и женщинами (17 и 15 % соответственно)[8].

А.Е. Чиркова в своих исследованиях утверждает: большинство женщин и мужчин склонны считать, что женщины-руководители имеют некоторые преимущества перед своими коллегами противоположного пола. Ее мнение подтверждается и западноевропейскими учеными собравших данные более чем в 10 европейских странах, гласящих, что мужчины признают факт женского превосходства в решении деловых вопросов. Они более выдержанны, не склонны идти на конфликт, а также меньше зависят от настроения[9].

При этом, согласно теориям Г.Штайнса, женщины-лидеры излишне переоценивают свои управленческие способности. Женщины - руководители более подвержены «звездной болезни», также здесь имеет место быть «реверсивный гендерный стереотип»: женщины-руководители очень ревностно относятся к занимаемой ими должности и не склонны помогать другим претендентам на роль лидера в коллективе, отдавая свое предпочтение мужчинам[2].

Затронув проблему специфики гендерного лидерства в руководстве, можно сделать предположение, что представлять интересы компании и вести ее дела могут успешно оба пола. Однако есть существенные отличия:

-Женщина-начальник более эффективна в поддержании стабильной деятельности компании, тогда как мужчина-руководитель лучше справляется с нововведениями фирмы, требующими «жесткой руки» и высокого уровня контроля над ситуацией;

-Для эффективного руководства женщина должна избирательнее подходить к выбору стиля и ведению своего руководства, находя баланс между демократическим и авторитарным стилями руководства. Мужчина же, выбирая авторитарный стиль, в любом случае будет пользоваться уважением своих коллег и подчиненных.

1) Заславская Т.И «Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект»- 2006. № 4. С. 26-37

2) Ильин, Е.П «Дифференциальная психофизиология» - СПб: 2001;

3) Кабалева А. И. «Гендерные стереотипы и их роль в основных сферах общественной жизни»- 2012 №2(22) URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/657-kabalevskaya22.html> ;

4) Котляров, И.В «Социология лидерства» - 2013 »;

5)Калабина, И.Е «Гендерный переход и качество жизни» 2011г, в журнале «Уровень жизни населения регионов России» №8 с 42-48;

6) Лейченко, О.Ф «Женское лидерство в современном мире» URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-liderstvo-v-sovremennom-mire> ;

7)Мельник П.В., Филоненко Н.Н., Гацько Л.П. «Менеджмент»- Ирпень, URL: <http://lybs.ru/index-10276.htm> ;

8) Федеральная служба государственной статистики , «Труд и занятость в России» 2015г

URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf ;

9) Чирикова, А.Е. «Женщины во главе фирмы»- Изд-во Ин-та социологии, 1998 .

СИНДРОМ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАЛОСТИ: ДИАГНОЗ ИЛИ ВЫЗОВОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ОБЩНОСТЯМ?

Амбарова П.А. (Екатеринбург)

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности»

Понятие синдрома относится к научным терминам, способным легко «мигрировать» в междисциплинарном пространстве. В отличие от родственного понятия синдрома хронической усталости «социальная усталость» отражает очень опасный и трудно излечимый социальный феномен, присущий некоторым социальным общностям в сфере российского образования. Практически все профессии в системе «человек – человек» характеризуются риском возникновения синдрома усталости как социально-психологического состояния [1, 2], но, к сожалению, представители некоторых из них подвержены травмам и девиации еще и вследствие социальной усталости, возникающей как результат долгого пребывания в ситуации социальной неопределенности [3]. Прежде всего, речь идет об учителях, педагогах сферы среднего профессионального образования и высшей школы.

Впервые термин «усталость» в философском и социальном контексте использовал Ж. Бодрийяр. В понятии жизненной усталости от попытался отразить особый синдром современного общества, имеющий массовый характер, – аномалию, вызванную сломом исторических эпох и социокультурной травмой [4]. Во многом отталкиваясь от его понятия усталости как социального явления, мы трактуем синдром социальной усталости как совокупность взаимосвязанных когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик представителей социальной общности, проявляющихся в резком снижении их способности выполнять свои социальные роли и функции. Социологические исследования фиксируют отдельные аспекты и стороны деформированного сознания и поведения образовательных общностей, однако на самом деле необходимо осознание и исследование этого феномена именно как синдрома, т.е. изучение одного симптома социальной усталости через связь с другим и в целом со всей совокупностью признаков социальной усталости.

По аналогии с синдромом хронической усталости социальная усталость образовательных общностей носит затяжной, хронический характер. Ее предпосылки сформировались еще в 1990-е гг., когда учительство и научно-педагогического сообщество оказались в числе депривированных социальных общностей, «примерили» на себе статус «новых бедных», испытали резкое и неоправданное снижение престижа профессии и очень долго и «нервно» выходили из этого положения на протяжении 2000-х гг. Начавшаяся в начале 2000-х гг. реформа российского образования, с одной стороны, была направлена на решение социально-экономических проблем и повышение значимости профессии преподавателя, с другой стороны, усилила ситуацию социальной неопределенности в сфере образования и, вместе с тем, социальную усталость названных образовательных общностей.

Признаками социальной усталости учительства и научно-педагогического сообщества стали: стабильно флуктуирующее чувство беспомощности и пессимизма, безуспешность попыток снять или хотя бы сгладить дисфункциональность их профессиональных ролей, неэквивалентность социально-психологических и социальных инвестиций (духовных усилий, мотивации, надежды, времени и др.) в свой человеческий капитал и профессиональную деятельность результатам такой конвертации. Как в ситуации физической и психологической усталости человек тщетно прилагает огромные усилия для достижения какого-либо результата, так и в ситуации социальной усталости преподаватели необоснованно много тратят собственные человеческие ресурсы в тщетной попытке решить свои материальные и бытовые проблемы, повысить качество профессиональной деятельности, максимально «перекроить» себя под все новые и новые требования со стороны государства и общества.

Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли? Так звучало название известного фильма про танцевальный марафон, итогом которого была ситуация выбора между жизнью и смертью*. Нелинейная динамика образовательных общностей метафорически представляет собой такой же полный драматизма марафон с его неожиданными поворотами, сменой декораций и партнеров и совершенно непредсказуемым и непрогнозируемым концом социального действия. Эта социальная ситуация бросает вызов образовательным общностям, проверяя на социальную «прочность» их профессиональную культуру, социальную структуру, целостное мировоззрение и мировосприятие, ценностное сознание.

Хроническая физическая и психологическая усталость, синдром профессионального выгорания стали постоянными спутниками педагогического сообщества именно на фоне социальной усталости, вызванной не только длительной борьбой с социальной несправедливостью по отношению к этому профессиональному сообществу, но и ухудшающимися социальными условиями его профессиональной деятельности. Усиливающаяся практически во всех образовательных организациях бюрократизация и контроль, резкое увеличение учебной нагрузки, постоянное хаотичное изменение требований, норм, правил профессиональной деятельности и ее оценки, неуверенность в постоянстве трудовой занятости составляют лишь небольшой перечень латентных следствий управления сферой образования, неэффективного в современной его конфигурации в условиях социальной неопределенности.

Высокий темп институциональных изменений в сфере образования, стремительное изменение содержания и формы большого числа образовательных практик (помимо так же стремительно изменяющихся повседневных, бытовых, политических, культурных и иных практик) закономерно приводят к истощению адаптационного потенциала образовательных общностей и их неспособности быстро и качественно восстанавливать свое социально-психологическое, социальное самочувствие, материальное положение, профессиональную культуру.

Можно ли вообще избежать состояния социальной усталости в условиях социальной и экономической неопределенности названным профессиональным общностям? Конечно, нет. Прежде всего, из-за высокого уровня социальной турбулентности, которая потрясает все российское общество и все его социальные группы и общности. Кроме того, динамика и направленность социальных изменений в сфере образования таковы, что входят в серьезное противоречие с базовыми устоями, установками, ценностями педагогического и научно-педагогического сообществ, которые характеризуются специфическим сочетанием консервативности и изменчивости. Такое сочетание определяется функциями института образования, призванного соединить традиционные институты общества (семью, культуру) и динамично развивающиеся институты экономики, рынка труда.

Фактором, который может смягчить, нивелировать последствия социальных деформаций, может стать изменение парадигмы управления сферой образования и образовательными общностями. Профессиональные общности в сфере образования характеризуются высоким уровнем способности к самоорганизации и саморегулированию, а значит, вполне способны самостоятельно определять условия своего функционирования и развития – актуальные и с перспективой на будущее. Смена «жесткого» управления на парадигму «мягкого» управленческого влияния в образовании в сочетании с охранительной установкой по отношению к образовательным общностям позволит сохранить их ресурсность и восстановить запас «социальной прочности».

Примечание

* Речь идет о фильме Сидни Поллака (1969) по одноименному роману Хораса Маккоя (1935).

1. Тюрина Н.А. Социально-психологические основы социальных технологий по предупреждению и преодолению профессиональной усталости // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 10. С. 184–187.
2. Попова Е.Г. Синдром хронической усталости врачей как фактор конфликтности профессиональной деятельности: социологический анализ // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2010. № 1. С. 46–56.
3. Уваров Е.А. Жизненная усталость как ведущая девиация эпохи социальных перемен // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2015. № 1 (25). С. 32–45.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СЕЛЬЧАН КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Антипова А.А. (Саранск)

Исследования, которые затрагивают вопросы демографического и трудового потенциала сельского населения Республики Мордовия свидетельствуют, что на протяжении последних лет численность сельского населения Республики Мордовия неуклонно уменьшается; на 1 января 2014

г. она составляла 319,4 тыс. чел., или 39,3 % всего населения региона. По сравнению с 1990 г. произошло сокращение на 97,2 тыс. чел., или 23,0 %. Характерно, что в опустошении сельских территорий все больший вес приобретает естественная убыль, что усиливает несоответствие между численностью населения и размерами сельских территорий. В настоящее время в сельской местности смертность почти в 2,2 раза превышает рождаемость; рождаемость на 12,0 % ниже, а смертность – в 1,5 раза выше, чем в городе. В 2013 г. в республике коэффициент естественной убыли сельского населения составлял 10,9 на 1 000 чел., городского – 3,0. Растет число населенных пунктов без проживающего населения: на 1 января 2011 г. их насчитывалось 52. Из 1 248 сельских населенных пунктов Мордовии 601 (48,2 %) относится к категории мелких с числом жителей до 100 чел., в том числе 214 (17,2 %) населенных пунктов с численностью до 10 чел. [3, 63].

Ускоренное сокращение сельского населения стало причиной увеличения неиспользуемых земельных ресурсов, что, в свою очередь, привело к несоответствию размещения трудовых ресурсов села и требуемых объемов сельскохозяйственного производства. Усиливающееся из года в год влияние названных выше факторов грозит региону снижением продовольственной безопасности и уровня самообеспечения продуктами питания, что требует особого внимания со стороны государства и местных органов власти к разработке мероприятий по сохранению сельских территорий [3, 63].

Исследование социальных условий в сельской местности, преобладание положительных либо отрицательных факторов в условиях жизнедеятельности в отдельных отраслях и их влияние на поселенческие установки сельских жителей в последние годы довольно часто становилось предметом социологического исследования и в других регионах России.

Так, Центром социально-экономических исследований и региональной политики в 2002 и 2011 гг. были проведены социологические опросы сельского населения и экспертов, на основе которых дана оценка масштабов, структуры, динамики и перспектив правонарушений в социально-трудовой сфере села. Социологические опросы проводились в Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай [4, 89]. Результаты позволили сделать вывод, что в сельской местности в силу повышенной напряженности на рынке труда и большей зависимости работника от работодателя, территориальной удаленности и недоступности формальных правовых институтов, а также более низкого правосознания сельского населения и его большей терпимости к правонарушениям произошло снижение их социальной защищенности. По данным исследования с несоблюдением конституционных гарантий в сфере труда и занятости сталкивается более 70 % сельских жителей [4, 90].

Также рядом авторов был проведен сравнительный анализ демографического потенциала территории Забайкальского края с целью рассмотрения воспроизводственных возможностей, которыми располагает население городской и сельской местности на современном этапе развития и с учетом необходимости этих данных для выработки эффективных мер демографической политики, направленных на улучшение ситуации. Анализ проводился на основе данных 2001 – 2010 гг. Проведенный анализ ставил своей задачей показать, в какой степени на современном этапе сельское население выполняет демографическую функцию в сравнении с городским [1, 96]. Результаты анализа показали, что демографические ресурсы населения региона подпитываются за счет процессов естественного движения населения конца XX в. На фоне некоторого социально-демографического благополучия проявляются внутренние кризисные явления, определяемые показателями естественного прироста и коэффициентами воспроизводства населения. Это позволило сделать вывод, что кризис аграрного сектора отразился на демографическом поведении сельских жителей, а главной реакцией на создающуюся ситуацию стал нарастающий процесс депопуляции населения в регионе в резонансе со значительным миграционным оттоком жителей из сельской местности. Ресурсы сельской местности, за счет которых ранее обеспечивался нужный режим воспроизводства населения и рост численности жителей, истощаются. Все чаще сельское население в этих процессах «переходит» на городскую модель, для которой характерен стагнационный режим пополнения новых поколений, низкая эффективность самых активных молодых репродуктивных потенциалов. Снижение демографического потенциала, особенно в сельской местности, влечет за собой обострение социально-демографических рисков развития региона, что может повлечь возможное возникновение проблем с восполнением численности населения региона и трудовых ресурсов [1, 98].

Подобные выводы подтверждались исследованиями и в других регионах России. Так, социологическое исследование в Республике Татарстан по определению роли социального

капитала семьи в формировании стратификационной структуры сельского социума выявило закономерности, которые явно демонстрируют роль администрации в формировании социального капитала сельской семьи:

- при понижении уровня поддержки сельской администрации происходит снижение желания заниматься сельским хозяйством;

- при повышении уровня поддержки сельской администрации повышается уровень удовлетворенности работой и жизнью на селе в целом, возрастает количество жителей, которые самоидентифицируют свою семью с представителями среднего класса [2, 38].

Таким образом, в отечественной социологической науке было проведено достаточно большое количество исследований в различных регионах России, которые подтверждают, что именно сложившиеся в сельском населенном пункте социальные условия (условия жизни, труда, проведения досуга, получения образования и т.п.) во многом определяют поселенческие установки сельских жителей. В связи с этим можно сделать вывод, что данные социологических исследований, проводимых на уровне регионов, позволят более предметно и конкретно оценивать сложившуюся в сельской местности ситуацию. Исходя из этого следует, что подобные данные имеют не только научную, но и практическую значимость в аспекте их использования для разработки программно-целевых документов в области улучшения социально-экономического положения сельского населения (таких, как Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 – 2017 годы и на период до 2020 года» и др.).

1. Булаев В. М. Воспроизводственный потенциал городского и сельского населения Забайкальского края / В. М. Булаев, К. В. Горина // Социс. – 2013. – С. 95 – 99.

2. Зинатуллина Г. Ф. Социальный капитал семьи в формировании стратификационной структуры села / Г. Ф. Зинатуллина // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России : Реалии и новые вызовы : V Сухаревские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Саранск, 15 – 16 октября 2015 г. / редкол. : С. М. Вдовин и др. – Саранск, 2015. С. 34 – 39.

3. Потапова Л. Н. Малые формы хозяйствования в истории социально-экономического развития сельских территорий Республики Мордовия (1990–2014 гг.) / Л. Н. Потапова, С. В. Потапов // Финно-угорский мир. – 2015. - № 2. – С. 62 – 66.

4. Родионова Л. В. Социально-трудовые права сельского населения : формальные нормы, реальные практики и перспективы / Л. В. Родионова, Ю. А. Перекаренко // Социс. – 2014. – С. 88 – 96.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014-2015- 2016 ГГ. УСТАНОВОК К ЧИСЛУ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДАННЫМИ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ВЫБОРОЧНЫХ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Антонов А.И. (Москва)

На основе социально-психологического измерения репродуктивных установок приводятся результаты исследований по снижению установок на трех и более детей в семье и по усилению установок на однодетность и бездетность. Кратко анализируются различия в отношении к семьям с разным числом детей по массовым опросам в 1976-2000-2015 гг. с помощью индексов предпочитаемого числа детей и вычислений методом семантического дифференциала.

This article provides the theory dimension and research in the broad area of study labeled attitude change and attitude to number of children. Its includes a brief summary of the state of research at the 1976-2015s, examines specific aspects of attitudes toward the size of family and reviews several of the methodological issues.

В последние десятилетия интенсивно проводятся выборочные исследования ориентаций на число детей или мнений о предпочитаемой детности[1]. Полученные данные свидетельствуют, что по мере массового распространения малодетности (с конца 60-х годов) и семей с одним ребенком (таковых сейчас в семьедетной структуре примерно 67%) уменьшается социальная дифференциация рождаемости по образованию, социальному статусу, месту жительства, доходу и т.д.

Особенно заметна эта тенденция по индексам желаемого числа детей (при всех необходимых условиях) и ожидаемого числа (в имеющихся условиях). Так в исследовании Росстата в 30 субъектах РФ *желаемое число* у женщин и мужчин с минимальным доходом было

соответственно 2.42 и 2.51, с самым высоким доходом -2.22 и 2.17; *ожидаемое число* 1.81 и 2.01 - с минимальным доходом, и 1.74 и 1.87 - с высоким доходом[2]. Подобное нивелирование различий в индивидуальных ориентациях на число детей в семье по социальным признакам обнаружено также в исследованиях кафедры социологии семьи и демографии[3]. Вместе с тем, становится всё более заметной взаимная зависимость фактической детности респондентов и предпочитаемого ими среднего числа детей. По данным В.Н.Архангельского лишь четверть однопородных намерена обзавестись вторым ребенком, т.е реализовать декларируемую по желаемому и ожидаемому числу потребность в детях[4]. В одном из исследований кафедры социологии семьи и демографии при опросе 1431 респондентов с разным числом детей в 29 регионах («Россия 2000»), идеальное число у имеющих одного, двух, трех, четырех и более детей составило 2.06 – 2.42 – 2.66 – 3.00, желаемое число 2.16 – 2.55 – 2.96 – 4.07, ожидаемое число 1.49 – 2.04 – 2.96 – 4.37. Эти цифры свидетельствуют о снижении ориентаций при снижении имеющегося числа детей, и соответственно об уменьшении фактического числа детей при уменьшении ориентаций и установок к числу детей.

Интересно, что разрыв между желаемым при всех необходимых условиях числом детей и ожидаемым числом в уже имеющихся условиях больше всего среди однопородных респондентов - 0.67, затем у двухдетных - 0.51 и минимальный- 0.15 у имеющих трех и более детей. Чем меньше этот разрыв, тем меньшее значение придаётся условиям жизни семьи как «помехам» к рождению, тем сильнее готовность к рождению, потребность в детях.

Другими словами, эти цифры показывают, что рождение второго ребенка у однопородных респондентов менее вероятно, чем третьего у двухдетных. А имеющие уже трех и более детей обладают наиболее интенсивной потребностью в детях и стремятся к полной реализации своей потребности независимо от каких-либо условий жизни. В связи с этим обратное влияние дохода на дифференциацию индексов остается, но выражается менее заметно: у благополучных респондентов идеальное, желаемое и ожидаемое число равнялось 2.16 – 2.38 – 1.94, тогда как среди малообеспеченных было соответственно 2.33 – 2.48 - 1.93. Интересно, что сопоставление разрыва между реальным и желаемым доходом семьи обнаруживает четкую обратную связь, но незначительную. В межрегиональном исследовании примерно тысячи сельских семей в 2005 г. (55% -двухдетных семей, 26% однопородных и 19% с тремя и более детьми) у тех 18% респондентов, кто желает иметь доход в 5 раз больше фактического среднее желаемое число детей при всех необходимых для этого условиях было 2.28, а у тех, кто желает доход в 3 раза больше (таковых 25%) -2.56 [5]. Следует отметить, что среднее желаемое число по всей выборке опрошенных равнялось 2.39 и отклонения от него были чуть больше (на 0.17) у желавших трехкратного роста дохода -2.56, и были чуть меньше (на 0.11) у желавших пятикратного роста -2.28. Различия мизерны, а для жаждущих десятикратного и более роста доходов, семья и число детей вообще не рассматриваются в своем уровне притязаний на престижный образ современной жизни.

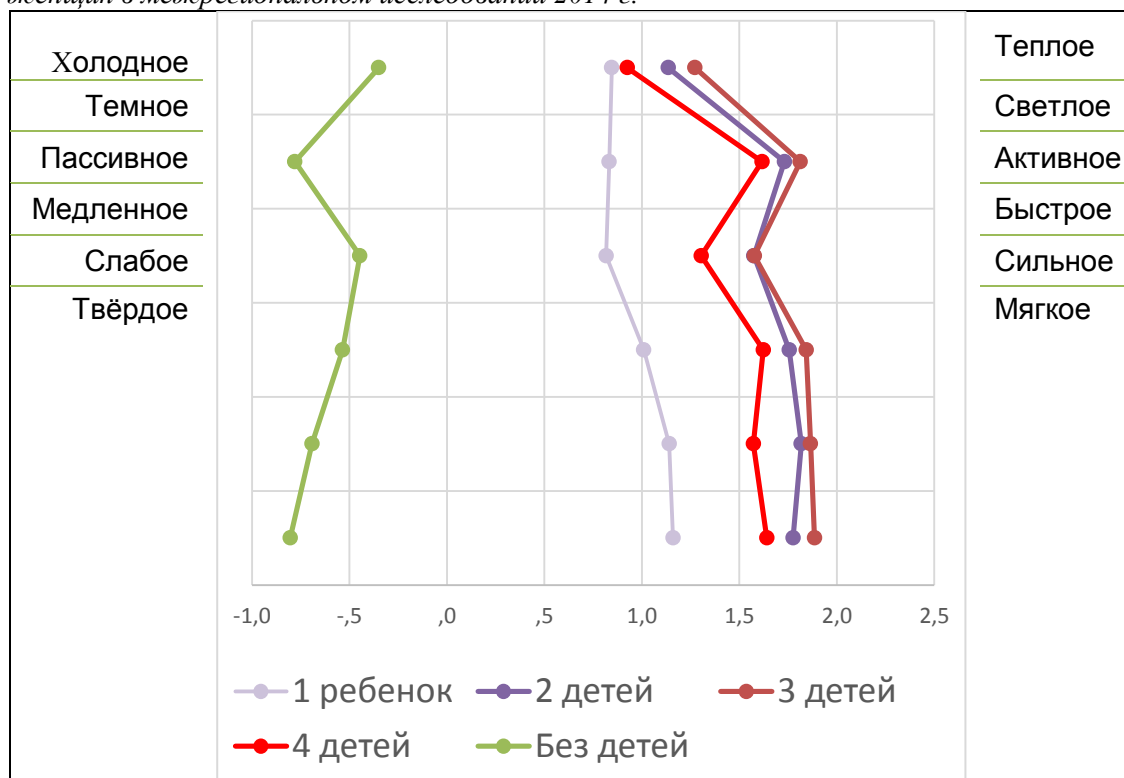
При преобладании в населении семей с одним и двумя детьми оказывается также незначительной дифференциация предпочитаемых чисел в зависимости от образования и вероисповедания. Так в 2006г. у христиан, мусульман, иудеев и атеистов идеальное число составляло 2.48 - 2.61 - 2.65 - 2.35; желаемое при всех необходимых условиях было 2.46 - 2.66- 2.63 - 2.36 и ожидаемое число в существующих условиях соответственно 1.97-2.03-1.74-1.62 [6]. Нынешние репродуктивные намерения ниже прежних: в 1969 г. среднее идеальное число среди россиян было 2.69, а среднее ожидаемое число-2.21, тогда как в 2009 г. желаемое число у женщин составило 2.28, а ожидаемое 1.72 (у мужчин соответственно эти цифры 2.38 и 1.90)[7]. В исследованиях кафедры, проведенных совместно с Институтом социологии РАН и региональными организациями социологов в течение 2005-2015 гг. обнаружено некоторое увеличение рассматриваемых индексов в 2014-2015-2016гг. возможно под влиянием проводимой государством политики «материнского капитала». К примеру, в Уфе и в Московской области по опросу 813 чел. желаемое число было 2.476, а идеальное 2.49. Выборочные опросы 2016 года в Смоленске и Омске по ответам 377 женщин выявили, что идеальное число составило 2.36 и 2.48 – желаемое, при этом по ответам 336 мужчин эти цифры соответственно равнялись 2.41 и 2.55.

В связи с этим следует подчеркнуть, что в 90-е годы под влиянием радикальных политико-экономических преобразований идеальное число варьировало в пределах 2.10 – 2.28, а ожидаемое число от 1.08 до 1.39 [8]. «Лихие девяностые» сказались на уменьшении ориентаций, но заметнее всего - на степени их реализации. Суммарный коэффициент рождаемости в 1999г. упал до 1.17, затем в 2000-2006 г. медленно повышался до 1.22- 1.34 [9]. Переход к политике стимулирования нескольких детей в семье посредством «материнского капитала» и роста

ежемесячных пособий на детей в 2007г. способствовал более полной реализации потребности в двух детях (репродуктивных ориентаций и установок), в связи с чем СКР суммарный коэффициент рождаемости стал повышаться и достиг в 2015 г. величины 1.80. Таким образом, наряду с *увеличением брачности* (за счет вступления в брачно-репродуктивный период многочисленных поколений рожденных в 1982-88гг. под влиянием советской политики 1981 г., стимулировавшей работниц с детьми), именно *изменение тайминга* рождений, т.е. установок на сроки рождений в репродуктивных когортах 20-34 лет, а не увеличение самой потребности семьи в детях, *привело к временному росту* уровня рождаемости в 2007-2016гг. Данный результат возник благодаря совместному действию структурных и поведенческих факторов. Вклад демографической структуры рассматривается демографией, а роль поведения – социологией населения или же социологической демографией при углублённом внимании к диспозиционной регуляции репродуктивного поведения, к анализу репродуктивных ориентаций и установок. В социологии, ищущей надежные средства измерения установок в сравнении с прямыми, лобовыми опросами, техника семантического дифференциала СД, предложенная Ч. Осгудом, оказалась популярной благодаря фиксации именно эмоциональной, аффективной стороны значения. Метод СД измеряет индивидуальное значение понятий и оцениваемых объектов, предложенные на этой основе процедуры СД [10] позволяют приблизиться к измерению самих установок к числу детей независимо от условий жизни семьи. Возможности СД и опыт использования в опросах читательской аудитории прессы изложен Т.М.Дридзе, особенности применения СД в социологии представлены в «Рабочей книге социолога» (первое изд., ред. Г.В.Осипов. М. 1973), практика анализа репродуктивных и фамилистических установок описана в работах А.И.Антонова [11].

Как известно, тестирование по СД представляет собой оценивание респондентом по набору биполярных шкал или пар антонимов различных вербальных объектов. На рис.1 показаны профили объектов, оценивавшихся по семи градациям 3 2 1 0 1 2 3 в межрегиональном исследовании 2014 г. на континууме, где видно, что оценки объектов «1, 2, 3 и 4 детей в семье» тяготеют к правой части шкал, тогда как «семья без детей» - к левой части. Поскольку бездетность в большинстве обществ и культур оценивается негативно, можно считать, что левые половинки антонимов являются как бы «отрицательными», а правые – условно «положительными», хотя сами по себе этим шкалы не выражают позитивной либо негативной валентности.

РИС.1. Семантические профили восприятия семей с различным числом детей по опросу 390 женщин в межрегиональном исследовании 2014 г.

Различие между профилями наглядно и составляет более трех градаций между бездетностью и несколькими детьми, тогда как расстояния на графике между 2-3-4-я детьми незначительны и о разнице между ними лучше судить по цифровым величинам СД. В таблице 1 показана дифференциация между числами детей от 0 до 4, - чем меньше величина СД, тем меньше дистанция между ними, тем ближе они друг к другу. И наоборот, чем больше цифры, тем меньше сходства. В первой строке наименьшая величина СД=6.03 между бездетностью и однодетностью, причем минимальная у однодетных 5.59 и наибольшая у трехдетных 7.64. Значит здесь не просто арифметический ноль, а бездетность как социокультурный феномен, как символ и своего рода эталон негативного отношения. С другой стороны, наибольшее различие 9.27 между бездетностью и трехдетностью наблюдается именно у трехдетных женщин, тогда как существенное, но меньшее у однодетных и бездетных соответственно 7.39 и 8.22.

Табл.1. Величины дифференциалов СД между числами детей в семье в зависимости от фактической детности в опросе 2014 года (390 женщин)

Объект и число опрошенных	0-1	0-2	0-3	0-4	1-2	2-3	3-4	1-3	2-4
В целом 390 женщин	6.03	7.86	8.13	7.57	3.43	2.52	2.35	4.42	3.56
Трехдетные Жен. 11	7.64	8.89	9.27	9.15	1.71	1.05	0.82	2.13	1.62
Двухдетные Жен. 82	6.20	8.26	8.69	8.05	3.08	1.67	1.52	3.71	2.58
Однодетные Жен. 101	5.59	7.03	7.39	7.05	2.73	2.38	2.14	3.72	3.29
Бездетные Жен. 190	6.10	8.05	8.22	7.55	4.03	3.02	2.88	5.21	4.21

По выборке в целом, где преобладает малодетность, наименьшее различие 2.35 между тремя и четырьмя детьми - несущественными по своей значимости для респондентов, тогда как у трехдетных это различие минимально, почти отсутствует=0.82 и наибольшее для бездетных 2.88. Получается, что социально-психологически один ребенок в семье по семантической дистанции дальше отстоит от семей с несколькими детьми и ближе находится к бездетности. Но это измерение 2014 года, а что было раньше в 2000 году и в семидесятые годы?

Табл.2. Величины дифференциалов СД между числами детей в семье в зависимости от фактической детности в опросе 2000 года

Наименование объект	Дети - 1	Дети - 2	Дети - 3	Дети - 0	0-1	0-2	0-3	1-2
В целом 747 чел.	4.27	5.49	5.04	14.39	7.21	7.39	7.49	5.71
Трехдетные 207 чел	4.68	5.44	4.59	8.83	6.94	7.34	8.20	5.52
Двухдетные 444 чел.	4.70	5.38	5.04	8.54	8.67	7.51	7.31	5.88
Однодетные 244 чел.	3.28	5.81	5.56	8.57	8.22	7.27	7.19	5.60
Бездетные 13 чел.	3.28	5.82	4.45	7.16	6.49	5.91	6.25	5.75

Выясняется из табл.2, что по выборке, где намного выше доля респондентов с 3 и более детьми - 28% (в выборке 2014г. таковых было всего 3%) уменьшилось с 8.13 различие между 0-3 до 7.49, и до 8.20 у трехдетных респондентов. Различие между 0-1 оказалось больше =7.21 (было 6.03), причем у однодетных заметно увеличилось до 8.22 (было 5.59). Следует отметить, что сбор информации по анкете проводился в 1999г. после дефолта, когда резко упали оценки респондентами своего уровня жизни и собственного социального статуса [12]. И, тем не менее, дифференциация однодетности и бездетности выражалась контрастнее, чем в 2014г. В табл.2 введено новое измерение – рассчитаны величины СД между позитивным эталоном ДЕТИ и разными числами детей в семье. Здесь чем ниже арифметическое значение СД, тем интенсивнее ориентация на данную детность – вне конкуренции оказалась установка на одного ребенка и в целом по выборке (4.27) и по каждому типу фактической детности (кроме трехдетных).

При подсчете степени различия между эталоном «дети» и 0,1,2,3,4 детей в 1976г.(см.Табл.3) выявилось наименьшее значение СД между Дети-2 по всей выборке (где лишь 22% трехдетных) и во всех группах с разной фактической детностью. Среди двухдетных респондентов самая высокая оценка двухдетности (1.52) и среди трехдетных – семьи с тремя детьми (3.95) - по степени приближения к эталону позитивности. У однодетных явно

ТАБЛ.3. Величины дифференциалов СД между позитивным эталоном ДЕТИ и числами детей в семье (Москва-1976, 257 замужних женщин).

Сопоставляемые Объекты	Всего 257	Бездетные 21	Однодетные 116	Двудетные 60	Трехдетные 60
Дети- 1 ребенок	8.15	3.51	3.34	5.45	6.61
Дети- 2 детей	5.45	1.51	1.85	1.52	2.20
Дети- 3 детей	8.45	5.50	7.20	7.81	3.95
Дети- 4 детей	10.41	7.61	9.33	9.25	7.24
Дети – 0 детей	14.39	10.16	11.74	11.99	12.70
Индексы:					
Желаемое число	2.79	2.40	2.37	2.85	3.57
Идеальное число детей	2.39	2.34	2.22	2.52	2.54
Ожидаемое число детей	2.31	1.90	2.21	2.00	3.16

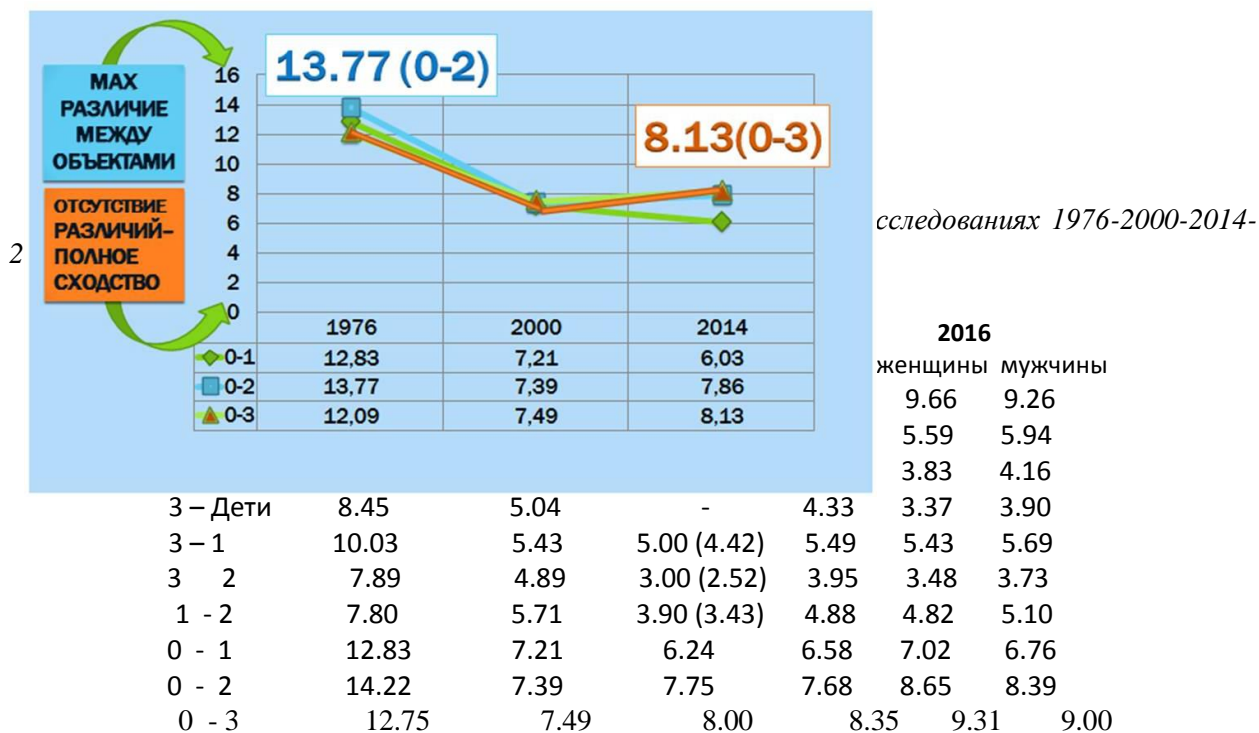
выраженная установка на двудетность, что согласуется с индексами желаемого и ожидаемого числа детей. Иная ситуация у двудетных –при высоких индексах желаемого числа они реально ожидают не более двух детей в семье, что подтверждается величинами СД (установка на троих детей в 5 раз слабее (7.81). По выборке в целом вызывает интерес различие между положительным и отрицательным эталонами- оно равно 14.39 (при максимальном различии 21.5 для 13 применявшихся шкал) [13]. Это значит, что ДЕТИ как позитивный объект получали много одобрительных оценок 3 и 2 по семиточечным градациям. Профиль этого слова тяготел к условно положительному полюсу шкалы антонимов (теплое, активное, ближайшее, собственное, новое, одобряемое и т.д.).

При этом профиль понятия «семья без детей» смещён в отрицательную сторону шкалы антонимов, оценочные баллы были 2 и 3, но с условным так сказать минусом (холодное, пассивное и т.д.). Это явно контрастное, черно-белое так сказать мышление детоцентризма: положительный эталон ДЕТИ находится на позитивном полюсе оценок, а отрицательный эталон бездетности - на противоположном негативном полюсе. Ничего хорошего в «бездетной семье» нет и быть не может, тогда как «дети» безусловно обладают сверхценностью. Интересно, что именно у бездетных самая низкая величина СД между «Дети - 0 детей» -10.16. Они если и не занижают ценность объекта ДЕТИ, то, несомненно, с большим так сказать пониманием относятся к бездетности. У трехдетных респондентов наибольшее арифметическое значение СД -12.70. На континууме жизненных ценностей фамилизма бездетность дальше всех отстоит от позитивного образца ДЕТИ.

Таким образом, различие между позитивным и негативным эталоном весьма большое, и оно уменьшается при снижении фактического числа детей в семье (у двудетных СД -11.99, у однодетных -11.74). Об этом можно сказать иначе – чем сильнее фамилистическая направленность жизненных ценностей, тем больше контраст между эталонами позитивности и негативности, тем выше положительная значимость детей в семье и негативнее отношение к бездетности.

Сопоставляя данные таблиц №№3,2.1 за 40 лет с 1976 по 2014 гг. можно констатировать серьезные изменения массового сознания. Сама процедура оценивания фамилистических объектов по шкалам СД стала изменяться так, что стало меньше полярных или крайних оценок, и больше уклончивых и нейтральных. Вместе с тем налицо трансформация социальных норм, нравов - считавшееся безусловно негативным находит понимание и сочувствие, хотя всё еще и остаётся отрицательным само по себе. При этом сильные изменения произошли в последнюю четверть XX века – с 1976 г. по 2000г. (См. Рис.2 и Табл.4), хотя в 2000 - 2014 и 2015гг. направленность изменений сохранилась, но сами ориентации на семью и детей, судя по арифметическим значениям СД, варьировали незначительно.

РИС.2.Динамика различий установок детности по величинам СД в исследованиях «Москва 1976», «Россия 2000», «Россия 2014»(390 жен. и св.800 чел).

В период между 2000-2015гг. господствующими тенденциями были следующие: репродуктивные установки на среднететность и многодетность слабели, т.е. на семью с несколькими детьми, а на одноклетность и бездетность – усиливались. Подобные тренды изменения семейно-детных ориентаций связаны с сокращением семантической дистанции между положительным и отрицательным эталонами. Величина СД между ними сократилась на 14% - с 70% до 56% (в 1976 г. максимальное различие могло быть 21.0 для 13 применявшихся шкал, в остальных исследованиях 15.0 для 6 шкал). Это значит, что в семантическом пространстве вышеназванные эталоны двинулись навстречу друг другу, постепенно сближаясь. Чем меньше дистанция между ними, тем меньше позитивная валентность «детей» и негативная – «бездетности». Однако в 2016 г. по сравнению с 2015 г. под воздействием декларируемой официальными лицами позиции дистанция несколько увеличилась с 8.40 до 9.46, что сопровождалось усилением установок на двоих и троих детей, и отчасти спадом одобрения бездетности. Если это так, то надо воспользоваться ситуацией и закрепить отношение к детям и детности как позитивным объектам, чтобы они в контексте СД-шкалирования по семи градациям шкалы получали больше позитивных баллов 3 и 2, и меньше умеренных 1 и нейтральных 0 баллов. При этом профиль объекта «0 детей» стал как бы смещаться в сторону отрицательного полюса шкалы. Эти тенденции ценностного контраста детности и бездетности следует специально поддерживать, чтобы избежать наметившейся прежде теоретической перспективы ценностного вакуума, когда позитивный и негативный эталоны теряют свою валентность, открывая дорогу новым критериям добра и зла, порока и нравственности. Во избежание этого, т.е. снижения положительного потенциала семьецентризма и угасания отрицательной валентности

внеfamilialного стиля жизни следует, исходя из теории репродуктивного поведения активизировать политику приоритетности семейно-детных ценностей и повышения репродуктивных ориентаций и установок подрастающих поколений.

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М. ТЕИС. 2006.
2. «Семья и рождаемость в России. 2009 год». Росстат. М. 2010. С. 71.
3. См. Мониторинг демографической ситуации в России и тенденции ее изменения. М. КДУ. 2008; Фамилистические исследования. Том 1. М. КДУ. 2009; Демографические исследования. М. КДУ. 2009; Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении. М. КДУ. 2009; Антонов А.И., Архангельский В.Н., Медков В.М. Демографические процессы в России XXI века. М. Грааль. 2002; Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. М. Ключ-С. 2007; Антонов А.И., Гусева М.А., Цейтлин Г.Я., Лебедь О.Л. Социолого-демографическое исследование репродуктивного поведения семей с онкологическим заболеланием ребенка. /В сб.эконом.ф-та МГУ «Детерминация демографических процессов» М. МАКС Пресс. 2012/. СС.124-146.
4. Архангельский В.Н. Ук.соч. С. 69.
5. Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. М. 2007.
6. Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении. М. КДУ. 2009.
7. Семья и рождаемость в России. 2009 год. Росстат 2010. С. 43.
8. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М. Статистика. 1972. С. 34-36; Мониторинг демографической ситуации в России и тенденции ее изменения. СС. 116- 123.
9. Мониторинг демографической ситуации... С. 123.
10. Осгуд Чарльз, Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. «Семиотика и искусствометрия». М. 1972; Osgood Ch.a.o. The Measurement of Meaning. Urbana. 1957.
11. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М. 2010.
11. Дридзе Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности. «Речевое воздействие». М. 1972; Антонов А.И. Микросоциология семьи. М. 1998; 2005; 2015; «Социология семьи». М. 2005; Антонов А.И. (отв. ред.). Семья и дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. М. 2015.
12. См. подробнее об этом: Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XX века. М. 2000. СС. 103-109.
13. Антонов А.И. Медков В.М. Второй ребенок. М. 1987. В исследовании использовались следующие шкалы: простое – сложное, холодное- теплое, активное- пассивное, ближайшее-отдаленное, чужое-собственное, осуждаемое - одобряемое, старое-новое, твердое-мягкое, предпочитаемое-отвергаемое, легкое-тяжелое, достижимое - неосуществимое, вероятное-невозможное, должное -необязательное.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕМЬИ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОГО КАБИНЕТА ДЕТСКОЙ ПОЛИКЛИНИКИ

Антонова Н.Н. (Волгоград)

Семья – это социальный институт, который обеспечивает социальное и демографическое воспроизводство населения. Способ воспитания детей в семье, трансляции им социальных норм и ценностей, влияет на их дальнейшее поведение, отношение к обществу, к работе, что неизменно сказывается на качестве социального воспроизводства. Семейные конфликты, сопровождающиеся насилием в семье (как психического, как и физического характера), асоциальное поведение родителей – все это шаблоны для ребенка на этапе первичной социализации.

Несмотря на очевидную значимость семьи для подрастающего поколения как трудового потенциала, статистические данные фиксируют рост семей, находящихся в социально-опасном положении. Так, объектом исследования является семья, находящаяся в социально-опасном положении.

Предмет исследования – процесс ресоциализации детей в семьях, находящихся в социально-опасном положении.

Цель – на основе социологического анализа категории «семья, находящаяся в социально-опасном положении» обосновать пути ресоциализации членов семей, находящихся в социально-опасном положении.

Достижение цели предусматривает решение следующих задач:

дать определение используемым в работе терминам, а именно «семья, находящаяся в социально опасном положении», «социализация»;
провести анализ документов;
дать рекомендации по ресоциализации детей в семьях, находящихся в социально опасном положении.

Существует ряд терминов, используемых при описании семей, испытывающих недостаток в любой сфере жизнедеятельности, который является своеобразным стимулом для совершения асоциальных действий. Это такие понятия, как «социально-дезадаптированная семья», «дисфункциональная семья» [1] и т.п. Данные термины подразумевают изучение неблагополучия в семьях и последствия этого для членов общества в целом. Наряду с данными терминами, используется «семья, находящаяся в социально опасном положении». При определении его автор опирается на Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]. В законе данное понятие раскрывается как семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними. Так, при использовании термина «социально-опасное положение» следует иметь в виду, что речь идет о реальной или потенциальной опасности для несовершеннолетнего в его семье или другом социальном окружении.

Под термином «социализация» автор понимает процесс принятия, усвоения и воспроизводства социальных норм и ценностей, образцов поведения, принятых в обществе. Следует отметить, что речь идет о первичной социализации, т.е. в семье, в ближайшем социальном окружении. Ресоциализация означает процесс принятия и усвоения индивидами других норм и ценностей, которые способствуют положительному развитию семьи и общества.

Основным признаком включения семьи под категорию находящейся в социально-опасном положении является нарушение социализации, а именно ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, именно: оставление ребенка дома одного, что равнозначно оставлению ребенка в опасности; длительные уклонения родителей (законных представителей) от сопровождения ребенка в учреждения здравоохранения к специалистам по медицинским показаниям и/или в профилактических целях и т.п. Сопутствующими признаками являются:

- правонарушение, совершенное как взрослыми членами семьи, так и несовершеннолетними;
- длительное отсутствие трудовой (и культурной) занятости;
- употребление алкогольных напитков, наркотических веществ (на фоне отсутствия трудовой занятости).
- антисанитарные условия проживания семьи.

Данные формы социализации отрицательно влияют на внутрисемейные отношения, а вместе с ним – на структуру общества. С целью предупреждения данных негативных тенденций в учреждениях здравоохранения (главным образом, первичного звена) созданы социальные службы. В докладе рассмотрен опыт работы кабинета медико-социальной помощи (далее КСМП) на примере ГУЗ «Детская поликлиника № 3» г. Волгограда. КСМП функционирует в поликлинике с 2008 г. В штат кабинета входят врач, медицинский психолог, специалист по социальной работе, юрист. Работа с семьями включает в себя следующие направления:

- контроль санитарно-бытовых условий проживания несовершеннолетних;
- оказание специалистами в своей области медицинской, социальной, психологической помощи в стенах поликлиники и на дому;
- оказание помощи в получении бесплатного детского питания;
- формирование здорового образа жизни.

Ниже представлены конкретные статистические и социологические данные. По состоянию на 30.06.2016 г. на учете в районном (не городском) банке данных семей (РБД), находящихся в социально-опасном положении, находится 66 семей, в них 136 несовершеннолетних детей. Отметим, районные банки данных находятся в администрациях всех районов города.

Детская поликлиника назначена субъектом профилактической работы в двадцати семьях, в которых 45 несовершеннолетних детей, что составляет почти треть семей от общего числа состоявшихся на учете по району.

Для наглядности соотношение состава семей, полученных в результате интервьюирования членов семей при их постановке на учет в РБД, представлено в виде диаграммы (см. рис. 1).

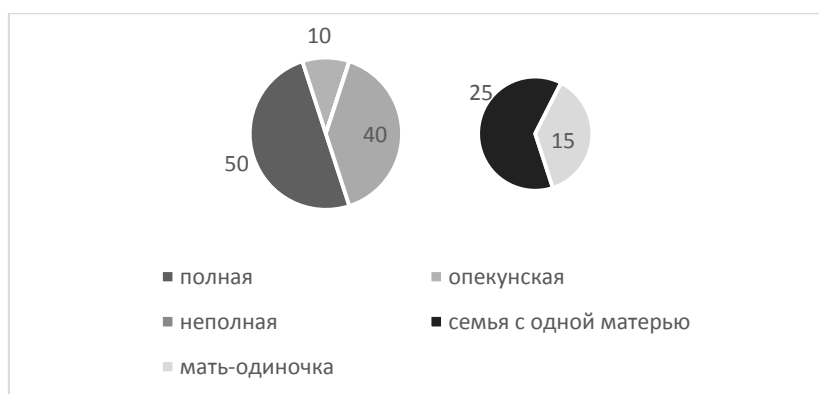

Рис. 1. Состав семей, состоящих на учете в РБД, в которых субъектом профилактики является детская поликлиника (в %)

Анализ такой переменной, как «жилищные условия», оказался статистически незначимым; социальное неблагополучие не зависит от типа жилья (собственной квартиры, съемного жилья или проживания в общежитии). Другая же переменная, а именно «уровень образования», является статистически значимой. Доля тех членов семей, у которых только среднее образование, намного больше, чем имеющих специальное образование. Данные представлены в виде диаграммы (см. рис.2).

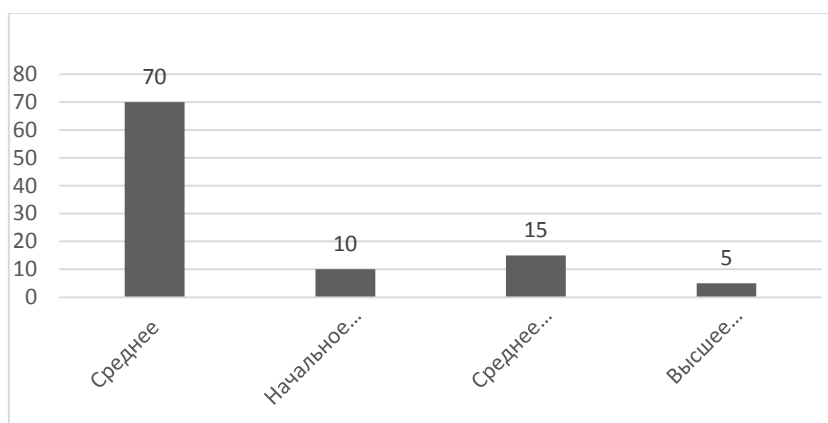

Рис. 2. Уровень образования (в %)

Анализ уровня доходов показал, что средний ежемесячный бюджет в семье не превышает 15 тысяч рублей (у 70% семей). Профессиональный статус соответствует данным исследований, проводимых учеными в этой области. В половине случаев, родители не работают (или имеют временные заработки), в половине – имеют статус рабочих.

В 55% случаев причиной постановки на учет в РБД послужило злоупотребление родителями алкоголем (72%) или ПАВ (28%).

Общее количество детей в обозначенных семьях – 45 человек, из них 37 дошкольного возраста (от рождения до 6 лет включительно). При этом только в пяти семьях есть уголок для занятий с детьми. Иначе говоря, в 75% случаев нет специального места для занятий с детьми. За истекший летний период родители не организовали летнего досуга своим детям. Благодаря помощи специалистов поликлиники три дошкольника получили путевки в городской оздоровительный санаторий, два школьника – в областной детский оздоровительный лагерь.

Говоря о качестве работы поликлиники как субъекте профилактики, следует сказать о динамичном характере изменения списка семей в РБД. В первом полугодии по социальным показаниям госпитализировано 4 детей, из них 2 впоследствии изъяты из семей. В течение первых шести месяцев 2016 г. в связи с улучшением социально-бытовых условий проживания детей снято с учета в РБД 4 семьи; поставлено - 4. Напомним, речь идет о семьях, в которых субъектом профилактики является ГУЗ «Детская поликлиника № 3».

Итак, обзор документов и анализ данных подтверждает положительный опыт работы поликлиники в направлении ресоциализации семей, находящихся в социально-опасном положении. Работа специалистов медико-социального кабинета поликлиники с семьями в русле

оптимизации их функционирования, является только одним из способов формирования у растущего поколения активной жизненной позиции, заботы о здоровье, непринятия девиантных форм поведения, соблюдения правил и норм, принятых в обществе для успешного его развития.

1. Солодников, В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. – СПб.: Директ, 2007. – 384 с.
2. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних". – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12116087/1/#ixzz4MCaJzbWG><http://base.garant.ru/12116087/1/> (Дата доступа – 05.09.2016)

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В СИСТЕМЕ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Антонова Н.Л. (Екатеринбург)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-33-00008)

Медицинское обслуживание в системе сельского здравоохранения - проблема, к которой нечасто обращены взгляды российских социологов. В поле зрения исследователей, как правило, оказывается проблематика противоречий в оказании медицинской помощи городскому населению. Вместе с тем, по данным Федеральной службы государственной статистики каждый четвертый житель России (26%) - это житель села □3□.

Об особом внимании к проблемам сельчан сегодня свидетельствуют решения и постановления, принимаемые Правительством РФ. Так, в феврале 2015 года была принята Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, в которой утверждается, что численность организаций здравоохранения в сельской местности сокращается. «По сравнению с 2000 годом число поликлиник сократилось на 65 процентов, фельдшерско-акушерских пунктов - на 22 процента, станций скорой помощи - на 11 процентов, численность среднего медицинского персонала сократилась на 9 процентов» □2, с. 7□.

В настоящее время идет активное развитие новых форм медицинского обслуживания сельчан. К их числу относятся, прежде всего, функционирование передвижных медицинских комплексов, создание специальных выездных медицинских бригад. Развитие дистанционной специализированной медицинской помощи ставится одной из базовых задач в дальнейшем развитии системы медицинского обслуживания на селе □2, с. 41□.

Наши исследования системы медицинского обслуживания на селе свидетельствуют, что в настоящее время одной из проблемных зон в ее развитии выступает старение кадров. Современная сельская молодежь стремится уехать и закрепиться в городе. Село стареет, вместе с ним стареет и медицинский персонал.

Еще одной проблемой выступает дефицит материальных ресурсов. Ряд медицинских учреждений на селе до сих пор не смогли оправиться от разрушительной силы преобразований начала 90-х гг. Медицинская техника не обновляется, высокотехнологичные виды медицинской помощи остаются недоступными не только для сельского жителя, но и для городского населения. На этот факт указывал А.С. Акопян, утверждая, что происходит «...коммерциализация государственных лечебных учреждений, прежде всего специализированных и высокотехнологичных центров» □1, с. 58□.

Проблемы взаимодействия врача и пациента также становятся зоной противоречий. Современные врачи и пациенты на селе становятся заложниками утвердившихся на протяжении не одного десятилетия представлений о роли врача и его месте в сельском сообществе. И в этом случае возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, врач как представитель интеллигенции заслуживает со стороны селян уважение и признание, а, с другой стороны, в силу снижения социальной дистанции он является соседом/другом/односельчанином, к которому всегда можно обратиться во вне рабочее время, прийти на прием в грязной одежде, и даже в алкогольном опьянении. При высоком статусе врача на селе, он вынужден работать «сверхуточно».

Взаимодействие сельского врача и пациента основывается на патерналистской модели, в основе которой монологический характер связей и отношений, которые характеризуют и регулируют сложившуюся систему. Речь идет о том, что статус врача на селе ориентирует его на

реализацию родительской, наставнической роли, а пациент становится «ребенком», «учеником». Врач устанавливает сроки и ограничивает действия пациента, определяет его нормативное поведение. Пациент принимает все указания врача и следует его рекомендациям.

Такая модель была характерна для советской системы медицинской помощи. Ее реализация привела к тому, что уровень ответственности пациента за состояние своего здоровья стал очень низким. В условиях рынка востребованными становятся контрактная и партнерская модели взаимодействия, в рамках которых пациент и врач становятся субъектами, готовыми принимать совместные решения и следовать им. Эти модели реализуются в условиях городской среды, а также в системе платного медицинского обслуживания, которое пока еще слабо реализуется на селе.

К числу еще одной группы проблем можно отнести социальную поддержку медицинских работников, которые включены в сельское здравоохранение. Мы полагаем, что создание мер стимулирования труда медицинского персонала требует пересмотра, связанного со спецификой функционирования системы медицинской помощи на селе. Определение таких мер заявлено в качестве задачи стратегического развития села, осталось разработать конкретные шаги, которые бы способствовали улучшению социального самочувствия медицинских работников, успешная профессиональная деятельность которых выступает показателем состояния медицинского обслуживания на селе и фактором, влияющим на состояние здоровья населения в целом.

1. Акоюн А.С. Здравоохранение в рыночной России // *Общественные науки и современность*. - 2004. - №6. - С. 56-67.

2. *Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года*. [Электронный ресурс]: Правительство РФ. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf>

3. Численность населения. [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

ВОЗМОЖНОСТИ ФОТОТЕРАПИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ

Антонович И. (Барнаул)

Фототерапией называют лечебно-коррекционное применение фотографии, ее использование для решения психологических проблем, а также развития и гармонизации личности. Широкое распространение цифровой фототехники, легкой и простой в обращении, позволяет сделать фототерапию доступным для широкого круга людей. Фототерапия как процесс творческого самовыражения представляет собой альтернативу девиантному поведению

Есть разные виды работы с детьми. При формировании качеств личности ребенка большую роль играет опыт его коллективной жизни. Организация групповой работы с детьми предъявляет особые требования к выбору методов и подходов [8].

В качестве стратегических выделяют следующие задачи групповой работы:

- развитие самосознания (помощь в развитии понимания себя, своих качеств, понимании своих внутренних конфликтов, потребностей, установок);
- развитие позитивного мышления, толерантности, уверенности в себе (принятие своих качеств, особенностей, отличительных черт, выработка положительного отношения к себе; обучение приемам позитивного осмысления негативных явлений);
- обучение управлению своим эмоциональным состоянием (развитие эмоциональной грамотности, обучение умению наслаждаться эмоциональными состояниями, обучение самопомощи при снятии стрессовых напряжений в сложных социальных ситуациях, обучение эмоциональному самовыражению и разрядке) [9].

Для детей естественнее выражать свои мысли и чувства посредством образов, чем словами, поэтому фотография способна выступать для них важнейшим средством общения с миром и организации внутреннего опыта. Искусство фотографии, как одна из форм художественного творчества, может быть средством обогащения субъективного опыта и давать человеку возможность заново воспроизводить, варьировать и дифференцировать его [5].

Для того чтобы создание и обсуждение снимков имело психотерапевтическую направленность, необходимо взаимодействие между ребенком и специалистом. Специалист не только вовлекает ребенка в процесс фотографирования и стимулирует иные виды его творческой

активности (включая художественные описания, изобразительную деятельность и т. д.), но и побуждает его к описанию своих чувств и поиску смысла созданных им либо готовых фотографических образов. Принципиально важно, изначально создать для ребенка безопасную среду, в которой тот может позволить себе быть спонтанным, свободно выражать свои чувства, мысли и фантазии, «играть» с реальностью и экспериментировать с новыми формами опыта [7].

Фотографию также можно рассматривать как игру. Она действительно позволяет «играть» с реальностью и ее зримыми отображениями – выбирать то, что для художника наиболее интересно и важно, творчески комбинировать разные элементы реальности друг с другом и даже создавать иную, фантастическую реальность.

Кроме того, «фотография как возможность игры «на законных основаниях» предоставляет широкий диапазон в выборе собственной стратегии и нахождения принципиально новых форм поведения и дает ощущение свободы от обычно „положенных“ форм поведения» [2].

Фототерапия фокусируется на исследовании уникальной жизненной истории ребенка, его потребностей и системы отношений. Она ориентирована на выражение различных содержаний внутреннего мира клиента и достижение благодаря этому изменений в структуре его опыта, установках и взглядах на себя и окружающий мир. Таким образом, цель фототерапии – не обучение ребенка, но восстановление и укрепление его здоровья и улучшение качества жизни [5].

Фотография сочетает в себе множество форм творческой деятельности, которые могут использоваться в ходе занятий в различных вариантах и сочетаниях, обеспечивая многостороннее исцеляющее, гармонизирующее и развивающее воздействие на участников.

При работе с детьми и подростками фотография помогает установить с ними контакт, активизировать их вербальную экспрессию и повысить самооценку. Описан опыт применения фотографии в работе с детьми, передаваемыми в приемные семьи (Berman, 1993). При этом ребенок создает фотоальбом, отражающий его прежние связи и опыт. Альбом выполняет функцию «транзитного объекта», смягчая остроту чувств утраты и тревоги. [3].

Крайне эффективным при работе с детьми и подростками может оказаться их фотографирование специалистом и другими детьми (если работа проводится в группе), а также создание ими фотографий разных ситуаций и предметов. Фотографирование ребенка может способствовать повышению его самооценки и удовлетворять его потребность во внимании и заботе [3].

Активная фототерапия, т. е. такая ее форма, когда фотографии создает сам ребенок, отвечает некоторым особенностям детей. Активная фототерапия позволяет детям почувствовать свою самостоятельность и проявить инициативу. Благодаря активной фототерапии ребенок может ощутить себя художником и в лучшую сторону изменить свое представление о себе и своих возможностях [4].

В социальной работе арт-терапия и фототерапия неотделимы друг от друга. И систему терапевтической фотографии мы можем отнести к группе методов фототерапии, дающую возможность получать изменения с помощью самотерапии.

Каждый из пяти техник фототерапии соединен с одним из следующих пяти видов фотографий, и они часто используются в различных комбинациях друг с другом и с другими арт-терапевтическими и художественными техниками [1].

1. Фотографии, найденные или созданные клиентом с помощью фотокамеры, коллекция изображений людей и другие образы, взятые клиентом из журналов, интернета, представленные на открытках и так далее.

2. Фотографии клиента, сделанные другими людьми, где клиент специально позирует, или его снимки, сделанные спонтанно.

3. Автопортреты – любые фотографии самого себя, сделанные клиентом, когда он контролирует процесс создания снимка.

4. Семейные альбомы и другие биографические фотоколлекции – фотографии семьи клиента или семейные снимки по выбору, хранимые в альбомах или более свободно организуемые в нарративы – фотоснимки на стенах или дверцах холодильников, в бумажниках или настольных фоторамках, в компьютере или на семейных сайтах.

5. Техника «фото-проекций», которая исходит из того феноменологического факта, что смысл снимка главным образом формируется зрителем в процессе восприятия. Любая фотография, воспринимаемая человеком, вызывает реакции, которые проецируются из его или ее внутренней карты реальности, определяя то, как люди придают значение тому, что видят. [1].

Виды фотографий:

1. Фотографии, найденные или созданные клиентом.

Помимо фотографий, которые клиенты делают с помощью своих камер или приносят из личного архива «найденных» изображений, данная методика также работает с копированными, коллажированными, сканированными или цифровыми фотографиями [1].

2. Фотопортреты клиента, сделанные другими людьми.

Фотопортреты, снятые другими людьми, позволяют клиентам увидеть себя со стороны. Люди редко задумываются о том, как они бессознательно транслируют визуальную информацию о себе другим, наблюдающим за ними (или рассматривающим их фотографии). Клиентам также можно дать задание отснять свои портреты, например, с помощью друзей или членов семьи, а затем сфотографироваться с каждым из них. Индивидуальные фото можно сравнить с групповыми, а репортажные снимки – с постановочными [1].

3. Автопортреты.

Автопортреты клиентов – фотоснимки, сделанные без вмешательства посторонних – позволяют им изучать себя, когда никто другой не наблюдает за ними, не судит о результатах и не пытается контролировать процесс. Независимо от того, является ли съемка спонтанной (с целью получить мгновенные снимки на сеансе терапии), или фотографии снимают и собирают по заданию терапевта, каждый такой снимок – это персональное (само)исследование определенных граней собственной личности.

4. Семейный альбом и другие биографические фотоколлекции.

Фотоальбом и схожие подборки снимков, фиксирующих «историю семьи» - это совокупность фотографий предыдущих трех типов. Однако, в случае, когда они составляют упорядоченную совокупность снимков, формирующих более масштабную картину (например, альбом), все они получают вторую жизнь: их нарративная система простирается далеко за пределы определенного типа фотографий, задействованных в любой из четырех техник фототерапии. [6].

5. Фото-проекции.

Взгляд человека на любую фотографию порождает мысли и чувства, проецируемые его внутренней картой реальности. Она определяет то, что он видит. Следовательно, «подлинный» смысл фотографии содержится не в самой фотографии, но во взаимодействии между снимком и зрителем, в процессе которого каждый формирует свое собственное, уникальное представление об увиденном.

Данная техника называется «фото-проекции». Например, газетные фото, почтовые открытки, журнальная реклама и другой фотоматериал, подобранный психотерапевтом, может использоваться для реализации данной техники. Она является неотъемлемой частью остальных техник [1].

Каждая техника отчасти формируется остальными или является смежной по отношению к другим. Наиболее эффективным применением данных техник будет их творческое комбинирование друг с другом [6].

Таким образом, на сегодняшний день фототерапия объединяет в себе те формы работы, которые применяются с целью решения психосоциальных проблем и предполагает создание, восприятие и обсуждение ими фотографических образов. Фотографируя друг друга и окружающий мир, мы способны ощутить радость игры и творческого отношения к жизни. Фототерапия в социальной работе с детьми предоставляет специалисту широкий диапазон в выборе собственной стратегии, подборе различных форм работы с фотографией, исходя из особенностей и потребностей участников группы.

1. Вайзер, Дж. *Техники фототерапии: использование интеракций с фотографиями для улучшения жизни людей* / Дж. Вайзер -М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. 108 с.
2. Киселева, М.В. *Арт-терапия в практической психологии и социальной работе: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений* / М.В. Киселева — СПб.: Речь, 2007. - 336 с.
3. Копытин, А.И. *Психотерапевтические технологии [Электронный ресурс]* / А.И. Копытин // 1 сентября. 2008.№7.- Режим доступа: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200800414>
4. Копытин, А.И. *Руководство по детско-подростковой и семейной арт-терапии* / А.И. Копытин, Е.Е. Свитовская. - СПб.: Речь, 2010. - 256 с.
5. Копытин, А.И. *Руководство по фототерапии* / А.И. Копытин, Д. Платтс. – М.: Когито-Центр, 2009. – 183 с.
6. Копытин, А.И. *Техники фототерапии* / А.И. Копытин - СПб.: Речь, 2010. - 128 с.

7. Кульчицкая, М.С. Фототерапия - я и мое изображение [Электронный ресурс] / М.С. Кульчицкая // Психологи.05.092013. - Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/13576/>
8. Пахальян, В.Э. Групповой психологический тренинг: учебное пособие / В.Э. Пахальян - СПб.: Питер, 2006. —224 с.
9. Халиуллина, Л.Р. Фототерапия в работе с девиантными подростками [Электронный источник] / Л.Р. Халиуллина, Ф.Г Мухлисова. // Студенческий научный форум: 6-я Международная студенческая электронная научная конференция. - Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2014/508/3710>

ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

Аржаных Е.В. (Москва)

В последние десятилетия в России много внимания уделяется изучению экстремистских настроений в молодежной среде. Обострившиеся политические, территориальные, национально-этнические, религиозные противоречия привели к росту экстремизма в России, в том числе и среди молодежи. Под молодежным экстремизмом понимается сознательный выбор экстремальных способов индивидуального и группового поведения для достижения целей, представляющих угрозу и наносящих вред окружающим [1]. Но подобное поведение (с чертами расовой, этнической и религиозной неприязни) зачастую возникает уже на ранних стадиях индивидуального развития (в подростковом и даже детском возрасте), и если остается без должного внимания, то может закрепиться или обостриться по мере взросления индивида [2].

Изучение отношения подростков к экстремистскому поведению было одной из задач «Социологического мониторинга занятости московских подростков в контексте профилактики и обеспечения безопасности», проведенного сотрудниками сектора мониторинговых исследований ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» весной 2015 г. В анкетном опросе приняли участие 2973 учащихся 7-х – 11-х классов московских школ.

Согласно полученным оценкам, отношение к экстремистским действиям у московских подростков в целом негативное. В большей степени это относится к такой крайней форме проявления экстремизма, как терроризм. 70% опрошенных с разной степенью уверенности согласились с тем, что «Никакие взгляды, идеи, убеждения не могут служить оправданием для терроризма».

По данным опроса, несмотря на то, что большинство подростков (61%) считают, что «Унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей иных национальностей, вероисповеданий недопустимы», националистические настроения все же присутствуют – 29% респондентов не согласились с данным суждением, причем 22% выбрали вариант «Полностью не согласен». Допускают применение силы к людям других национальностей в случае их ненадлежащего поведения 31% опрошенных, что, безусловно, является достаточно высоким показателем.

По мнению экспертов, среди основных причин склонности подростков и молодых людей к экстремистским действиям можно выделить наличие значительного количества мигрантов и игнорирование ими принятых в российском обществе норм поведения [3]. Т.е. говоря о молодежном экстремизме, эксперты отмечают негативную роль массовых миграционных процессов из других регионов и стран.

Специфика подросткового возраста выражается в отсутствии фиксированной системы ценностей и принципов. Поэтому значимый характер на поведение подростка и его личностную организацию оказывает, как социальное окружение, так и формы присутствия в его опыте рисков, связанных с тем или иным аспектом небезопасного поведения.

Оценить распространенность экстремистских настроений в подростковой среде представляется возможным через изучение форм присутствия в опыте подростков различных экстремистских действий.

С тремя из четырех представленных для оценки проявлений экстремистского поведения большинство подростков не сталкивались. В первую очередь это касается уничтожения и порчи сверстниками участников опроса памятников, храмов и могил. Подавляющее большинство респондентов (81%) указали, что впервые слышат о таком явлении, и лишь 19% видели подобные действия в Интернете или по телевизору. По декларации опрошенных подростков, они достаточно редко наблюдали сами или слышали от друзей и знакомых, как их сверстники призывали к нападению на людей других национальностей / вероисповеданий (13% и 14%) или распространяли идеи фашизма, демонстрировали нацистскую символику (15% и 12%).

Если крайние экстремистские действия фиксируются подростками не часто, то с формой, которая напрямую не связана с проявлением насилия, знакомы значительно больше подростков. Каждый четвертый подросток становился свидетелем того, как его сверстники оскорбляли, унижали людей из-за того, что они другой национальности / вероисповедания. Почти столько же опрошенных (24%) заявили, что слышали об этом от друзей или знакомых.

В основном же знакомство с подобными явлениями осуществлялось посредством телевидения или Интернета.

В экспертном сообществе в качестве основного канала распространения/ пропаганды экстремистских идей выделяют Интернет-сообщества [4]. По мнению экспертов, Интернет играет сегодня решающую роль в распространении экстремистских идей, организации и мобилизации экстремистских организаций. Новые средства и способы коммуникации, упрощение доступа к информационным ресурсам могут оказать заметное влияние на масштабы молодежного и даже подросткового экстремизма.

Согласно результатам исследования, наиболее часто подростки сталкиваются в социальных сетях с информацией, призывающей к агрессии в отношении людей другой национальности (34%) или другой религии (29%). Несколько реже – с распространением идей нацизма (фашизма) (25%) и с информацией, призывающей к акциям протеста против действующей власти (22%).

Отсутствие четкой позиции при оценке экстремистских действий снижает защищенность подростков от влияния идеологии экстремизма. Риск увеличивается в том случае, если трансляторами подобных идей становится кто-то из ближайшего социального окружения подростков, чаще всего друзья-сверстники. В ходе исследования предполагалось выяснить, есть ли у респондентов друзья-сверстники и знакомые-сверстники, в поведении которых присутствуют проявления экстремизма. Учитывая, что экстремистские действия не являются социально одобряемыми, можно полагать, что в ответах на вопросы о друзьях и знакомых подростки были более откровенными, чем, если бы они говорили о себе.

Исходя из этого, респондентам предлагалось оценить, если в их круге общения сверстники, демонстрирующие в какой-либо форме экстремистское поведение. При этом учитывалась величина «социальной дистанции» [5], степень которой во многом определяет отношение подростков к экстремистским действиям.

Достаточно редко подростки, принявшие участие в исследовании, декларировали, что среди их друзей-сверстников есть те, которые вступали в какие-либо конфликты с людьми другой национальности/ вероисповедания: «нападали, провоцировали драку» или «подверглись нападению, были избиты» (по 11%). Еще ниже доля тех, участвовал в акциях протеста против действующей власти (5%). Для сверстников, находящихся на более удаленной «социальной дистанции» (среди знакомых-сверстников), соответствующие показатели несколько увеличиваются.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что принадлежность к радикальным группировкам (скинхеды, радикальные националисты и т.д.), которые выделяются экспертами в качестве наиболее опасных [3], не является распространенным явлением среди московских подростков. Всего 7% респондентов указали, что в их ближайшем окружении есть представители этих молодежных группировок.

Подводя итоги анализа, выделим несколько моментов, отражающих специфику отношения московских подростков к экстремизму.

Подростки, принявшие участие в исследовании, в целом негативно относятся к экстремизму. Это выражается в достаточно категоричной позиции в отношении действий экстремистского характера, и, особенно, террористической деятельности. При этом националистические настроения в подростковой среде все же присутствуют.

Тревожным признаком является отсутствие у значительной части подростков сформированной личностной позиции по отношению к экстремистским действиям, что делает их уязвимыми сточки зрения восприятия идей экстремизма.

Опрошенные подростки достаточно редко отмечали наличие в ближайшем круге общения тех, кто имеет отношение к радикальным группировкам или участвовал в экстремистских действиях. Однако те респонденты, у которых есть такие друзья, как правило, терпимо или даже одобрительно относятся к экстремистскому поведению, что позволяет отнести их к группе риска.

1. Чупров В.И. *Сущность и проявления молодежного экстремизма. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socyouthran.ru/news.php?news=11> (дата обращения 10.09.2016)*
2. Кубякин Е.О. *Р вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи. // Власть. 2010. №9*
3. Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А. *Характеристика экстремизма в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml (дата обращения: 05.10.2015)*
4. *Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова, В.Н. Ракачев, Л. Н. Рыбакова, Т.В. Чекинева, А.П. Резник, С.Ю. Любин, Е.А. Войнова, Н.В. Мелешко, Н.Е. Хагурова. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – 200 с.*
5. *Итоги социологического опроса «Толерантность и причины проявления экстремизма в молодежной среде Ярославской области — 2013» [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.org/text/79/459/8803.php> (дата обращения 15.09.2016)*

РАЗВИТИЕ ОТВЕТСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ

Артамонова О.Е. (Великий Новгород)

Многообразие современного мира диктует необходимость формирования нового типа личности – социально ответственной, обладающей знаниями собственных прав и обязанностей, владеющей навыками защиты своих интересов.

Гражданственность — это не всегда политическая или правовая категория. Несомненно, гражданственность предусматривает использование в полной мере прав человека и наличие чувства защищенности со стороны демократического общества. В то же время, гражданственность подразумевает максимальное включение граждан в общественные проблемы, активные действия в рамках различных социальных институтов и уважительное отношение к правам других.

Для сохранения социальной идентичности российского общества необходимо наполнение идей патриотизма и гражданственности новым содержанием, которое было бы адекватным времени и неуязвимым для критической рефлексии и в силу этого составляло бы надежную основу для интеграции российского общества и роста социального оптимизма [1;168]. Важная роль в решении этих задач принадлежит гражданскому образованию населения России. Оно должно способствовать формированию политической и правовой культуры личности, гуманистических нравственных ориентиров и демократической гражданственности. Основной задачей современной системы образования является не просто подготовка людей, обладающих общими и специальными знаниями, а формирование самостоятельной, творчески и социально активной личности.

По данным социологического опроса, проведенного весной 2016 года, в котором принимали участие 205 новгородских школьников и студентов, каждый третий школьник (31%) и чуть меньше (27%) студентов воспринимают гражданина прежде всего как человека с активной гражданской позицией. И если учесть, что значительная часть студентов и школьников (около 40%) не причисляют себя к таковым, то возникает вопрос: кем они себя ощущают? Не гражданами? Отсюда и появляется типичный образ обывателя, не чувствующего личной ответственности, признающим невозможность что-то менять, влиять на происходящие в обществе процессы. Данные опроса это подтверждают – 46% студентов и почти каждый второй школьник (49%) не чувствует личную ответственность за все, что происходит в нашей стране. При этом учащиеся имеют довольно четкое представление о том, что означает «активная гражданская позиция». В первую очередь для студентов – это регулярное участие в выборах и референдумах, для школьников - помощь пожилым или больным людям, уход за ними. Помощь общественным организациям в качестве волонтера как одну из важнейших характеристик активного гражданина отметили 47% студентов и 45% школьников. Однако, опыт участия в подобных мероприятиях имеет только 6% школьников и 13% студентов. При этом потенциал – готовность участия демонстрирует каждый третий школьник и каждый пятый школьник.

Гражданская активность не возникает сама по себе. Это длительный процесс, который начинается со становления социально-гражданской компетентности, в основе которой — совокупность знаний в области социологии, права, экономики, политологии, позволяющих

личности свободно ориентироваться в жизни гражданского общества, правильно определять способы своего поведения и жизненные планы.

Полученные знания становятся предпосылкой для становления гражданственности - наличие у человека системы социально значимых нравственных ценностных ориентиров, питающих чувства причастности к судьбе Отечества, определяющих готовность принять на себя моральную ответственность за прошлое, настоящее, будущее, установку на активное участие в развитии своей страны, в общественной жизни в формах, отвечающих моральным и правовым нормам. И только осознанная гражданственность может стать предпосылкой для становления гражданской активности - накопление опыта реальных социально значимых дел, участия в гражданских объединениях и акциях, направленных на защиту прав граждан, укрепление правопорядка и т. п.

Подобную схему поэтапного формирования гражданской активности попытались реализовать студенты Новгородского филиала РАНХиГС в социальном проекте «Живой право». Целью проекта заключается в формировании у школьников ясного представления о правах человека в области избирательного и гражданского права с элементами семейного, навыков ответственности, а также применение этих знаний в повседневном взаимодействии. Ориентир на становление у школьников не только социально-гражданской компетентности, но и гражданственности требует такого отбора содержания, гражданского образования, при котором обеспечивалось бы единство когнитивного (знаниевого), аксиологического (ценностного) и деятельно-практического компонентов содержания [5;85].

Проект «Живое право» включает три этапа изучения гражданских прав, которые соответственно воплощены в трех видах занятий: тренинг, мастер-класс, игра-квест. Перед началом занятий и в самом конце учащиеся проходят анонимное анкетирование, которое позволяет оценить, насколько хорошо они усвоили гражданско-правовые нормы. В процессе тренинга студенты рассказывают школьникам об избирательном процессе в РФ, информируют о правах и обязанностях гражданина, проводят интерактивные игры, дебаты. В качестве закрепления материала школьники в конце занятия разгадывают тематический кроссворд.

На мастер-классе учащиеся уже на ситуациях из реальной жизни стараются разобраться и понять возможности применения своих прав. В ходе мастер-класса проводится игра «Правовая эстафета» и блиц-опрос.

И завершающий этап – это игра-квест, которая является закрепляющим элементом предыдущих занятий. Для школьников проводится увлекательная игра по станциям, на каждой из которых их ждут интересные задания, связанные с тематикой проведенных ранее тренинга и мастер-класса. За быстрое и правильное прохождение всех станций и активное участие в занятиях школьники награждаются призами и дипломами.

Результаты проведенных мероприятий в рамках проекта «Живое право», показали в числе важных изменений повышение уровня гражданской компетентности учащихся, в том числе:

- школьники получили исчерпывающую информацию о нормах гражданско-правовой культуры и принципах взаимодействия в обществе. На основе полученных знаний о правах человека школьники стали лучше понимать характер своих гражданских прав, получили представления о том, какими документами эти права закреплены, и как они могут быть защищены.

- достигнута системность представлений о гражданских, семейных, избирательных правах человека;

- возникло осознание права как регулятора общественных отношений;

- сложились дружеские взаимоотношения между школьниками и студентами.

Проект уже реализован в четырех новгородских школах, в планах студентов расширение географии проекта на территории Новгородской области.

Проект «Живое право» активно развивается в сети – помимо группы «В Контакте», в которой зарегистрировалось более 220 участников (это, в основном школьники), студенты запустили собственный сайт «Живое право.рф», одновременно идет работа над созданием компьютерной интеллектуальной онлайн игры, в которой можно будет проверить свои знания по правам, в том числе полученные на наших занятиях.

Постоянная рефлексия собственных действий позволяла студентам оценить эффективность проекта. Полученный опыт взаимодействия и социального партнерства был полезен не только ученикам, но и студентам академии. Реализация социального проекта позволила сформировать умение не только выделять острые социальные проблемы, но и предлагать реальные пути их решения.

1. Артамонова О.Е. Развитие новых форм патриотизма на фоне самоидентификации россиян // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. Выпуск третий. Великий Новгород, 2015, с. 167-174
2. Гражданское образование — педагогический, социальный и культурный феномен: Монография. — СПб.: Изд-во «Союз», 2006. — 167 с.
3. Согомонов А.Ю. Зачем нужно гражданское образование // Современные практики гражданского образования. Осло, 2015. С. 8-16
4. Сунгуров А.Ю.- «Гражданское образование и правовое просвещение: модели регионального развития» электронный ресурс. http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_obrazovanie.pdf
5. Н. И. Элиасберг. Петербургская модель гражданско-правового образования и воспитание гражданина России.// Гражданское образование — педагогический, социальный и культурный феномен: Монография. — СПб.: Изд-во «Союз», 2006. с. 39-50

ЭКСПЕРТ-СОЦИОЛОГ КАК СТЕЙКХОЛДЕР ПРОЦЕССОВ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Артес Г.А. (Санкт-Петербург)

По данным исследований Организации Объединённых Наций уже в 2014 году большая часть мирового населения (54%) – это жители городов [4]. На 2016 год в городах в России проживает более 108 миллионов человек (74% населения) [1]. Жизнь, повседневное существование и качество жизни большинства людей будут определяться городской средой, удобством и открытостью городов как интерактивной среды существования [10].

Города – есть «продукт» своей эпохи. Накопленный опыт и существующие системы городского планирования и управления необходимо пересматривать вслед за трансформирующимися социально-экономическими, политическими и прочими условиями. В России с 90-ых годов происходило перераспределение управленческих полномочий между разными уровнями власти. Федеральный, региональный и муниципальный уровни всё ещё ищут границы своих полномочий и ответственности в решении вопросов городской жизни. С переходом к рыночной экономике появились новые субъекты: владельцы частной собственности, представители бизнеса и предпринимательства, началось активное взаимодействие с глобальной экономикой. Появление новых институтов, акторов и новых правил неизбежно вызывает изменения. Происходит формирование новых групп интересов, которые имеют различные ресурсы влияния на городское планирование и развитие и права на реализацию участия и учёта своих интересов в процессе трансформации городской среды. Применение стейкхолдерского подхода к анализу процессов и практик городского планирования и развития предлагает рассмотреть как стейкхолдеров (stakeholder, держатель интереса, заинтересованная сторона, Фримен) [3, с. 79] множество взаимодействующих групп, социальных акторов, которые существуют в физическом и социальном городском пространстве. В список стейкхолдеров, например, включаются: население, горожане; хозяйствующие субъекты; власти федерального, регионального уровня, органы местного самоуправления; общественные организации, различные активные группы и т.п. [7, с. 20]. При работе с концепцией заинтересованных сторон появляется вопрос о месте экспертов: проектных институтов, архитекторов, планировщиков и других специалистов и носителей специального знания. Раз по определению Э. Фримана стейкхолдер – это «... любая группа или индивид, ... оказывающие влияние» на процесс и решения, то они могут включаться в список стейкхолдеров [9, с. 20].

Носители интересов для относительно организованных совместных действий по представлению и защите своих интересов могут формироваться в «группы давления». Отличие от «стейкхолдеров» в том, что это не просто стороны - носители сходных интересов, но группа, стремящаяся своими коллективными действиями оказывать влияние на других «стейкхолдеров» (например, на региональные или муниципальные власти) и на их действия в рамках развития города [5, с. 8]. Так же для обозначения неравенства по возможностям влияния и участия в городском планировании и развитии, представления своих интересов иногда используют такие определения как «сильные публики» и «слабые публики». «Сильные» и «слабые» группы интересов различаются возможностями доступа к пространственным ресурсам, уровнем влияния на инициирование и принятие решений в городском планировании и развитии. К «сильным» обычно относят бизнес и девелоперов, региональные и муниципальные власти, а к «слабым» -

горожан, представителей локальных сообществ, общественные организации и т.п. Отмечают, однако, что состав не закреплён и зависит от конкретной ситуации (например, к «слабым» могут иногда отнести и представителей бизнеса) [8, с. 9].

Когда речь идёт об акторах, взаимодействующих в процессах трансформации городской среды, те группы интересов, которые принято условно выделять как единые, сами внутри себя могут делиться на подгруппы. И эти подгруппы тоже редко можно считать равными по силе влияния, по включённости в процессы городского планирования. Так можно говорить о большем или меньшем влиянии специалистов и экспертов разных областей. Зачастую отмечается своеобразная «монополия» архитекторов, генпланистов, экономистов, инженеров на участие в разработке и реализации проектов, формирующих городскую среду. В то время как социологов (или других специалистов в областях социальных и гуманитарных наук) редко приглашают к участию в процессах городского планирования и развития.

Если говорить о реалиях Санкт-Петербурга, то отмечается относительно «слабое» положение социологов как группы специалистов. Из серии экспертных интервью с социологами можно сделать следующие выводы. При реализации различных программ и проектов в сфере городского планирования и развития участие социологов, проведение социологических исследований является зачастую является нежелательным для более сильных групп и/или инициаторов проектов. Если социологи и находят себе место в процессах трансформации городской среды, то могут возникать условия и «неудобства», связанные с давлением тех или иных стейкхолдеров. Ещё более сложной ситуация может стать, если работа социологов «не нравится» заказчикам/инициаторам/сильным группам: например, в случаях, когда результаты исследований выявляют негативные последствия реализации планов, необходимость внесения серьёзных изменений в первоначальные версии проектов (особенно, если это каким-либо образом снижает различного вида «выгоды» инициаторов проектов и/или сильных групп). Кроме того, социологи в интервью указывают на такую проблему, как частую невозможность контроля за тем, как используют, представляют и реализуют их рекомендации, основанные на проводимых исследованиях. Более сильные стейкхолдеры, имеющие на сегодняшний день большее влияние в процессах городского планирования и развития, иницирующие и непосредственно реализующие проекты, могут зачастую сами решать, в каком виде и объеме, кому предоставить информацию и выводы исследований, учитывать ли вообще рекомендации социологов, наконец, в какой форме реализовывать получаемые рекомендации. Серия интервью с другими специалистами, которые работали в командах с социологами при реализации каких-либо проектов в сфере городского планирования и развития так же косвенно подтверждает тезис о слабости экспертов-социологов как стейкхолдера в процессах изменений городской среды. Лейтмотивом этих интервью стало указание на новизну, необычность, иногда сложность для архитекторов, инженеров, экономистов опыта работы в команде с социологами; в исследовании, где необходимо было вносить изменения в проект не из-за новых данных в ТЗ от руководителей и заказчиков, где что-то можно и нужно было узнать о социальных аспектах реализуемого проекта, о мнениях горожан и пользователей территории.

Одной из причин такого положения социологов и социологических исследований в сфере городского планирования, изменений городской среды видится их специфическое положение как стейкхолдера, особые функции. Эти роли можно обозначить как «посредник/медиатор» а иногда и «защитник/представитель», которые связываются в большей степени со «слабыми публиками», с теми стейкхолдерами, интересы которых не учитываются, ущемляются. Именно такими стейкхолдерами чаще всего являются горожане – основные конечные пользователи городской среды. Устранённость горожан от непосредственного влияния на процессы городского планирования и развития выражается в нарушении баланса интересов, отсутствии общественного участия, неравноправии стейкхолдеров, нереализованности партисипации. Хотя и встречаются механизмы интеграции в управленческую деятельность, обеспечение коллегиальности решений, чаще в городах решения о развитии принимаются весьма ограниченным кругом лиц представителей администрации [2, с. 66]. В отечественной практике даже минимальное привлечение общественности к вопросам городского планирования и развития используется не эффективно, зачастую не имеет обязательной силы, и мало влияет на итоговые решения. Использование механизмов вовлечения на данный момент эпизодично и считается «экспериментальной» технологией. Скорее, это ритуальные и формальные действия, за счёт которых власти и специалисты городского планирования и развития держат «дистанцию» с населением, не давая доступа населению к принятию решений [6, с. 181-185]. И в подобных

условиях социологи могут выступать трансляторами интересов и запросов разных стейкхолдеров друг другу, могут способствовать взаимодействию групп с различающимися интересами с целью поиска оптимально решения и консенсуса; могут быть защитниками интересов ущемляемых стейкхолдеров, отстаивать необходимость реального включения и влияния «голоса» горожан на процессы трансформации городской среды.

1. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#;
2. Барсуков И.Е. Защита интересов механизм «управления по интересам жителей в контексте обеспечения» устойчивого развития крупного города// *Российское предпринимательство*, 2008 №2
3. Волкова И.О., Куатов Б.Н. Механизмы согласования интересов заинтересованных сторон энергетической компании при выборе стратегии инновационного развития// *Научные ведомости БелГУ*, 2014г, №21 (192). Выпуск 32/1
4. Информационный центр ООН в Москве, Пресс-релиз от 10.07.2014 <http://www.unic.ru/press/po-dannym-onn-uvlichivaetsya-gorodskoe-narodonaselenie-segodnya-bolee-poloviny-naseleniya-mir>
5. Кулябцев Р.Ф. Группы давления в политическом процессе современной России Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. к.п.н., Черкесск, 2006
6. Орлова Э.А. Эффективные социокультурные программы и проекты, М.: ГАСК, 2015.
7. Тажитдинов И. А. Применение стейкхолдерского подхода в стратегическом управлении развитием территорий// *Экономика региона* №2, 2013
8. Тыканова Е.В. Стратегии и Практики оспаривания городского пространства Санкт-Петербурга Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.с.н., Санкт-Петербург, 2013, стр. –9. [режим доступа: http://spbu.ru/disser/%7Bzashiti_disser___id%7D/tykanova.pdf]
9. Шныренков Е.А. Развитие городов на основе реализации интересов социальных групп// *Вестник Института социологии*, №2 (13), 2015
10. Яницкий О.Н. О стратегии градоформирования в XXI века: вопросы истории и теории (тезисы к семинару ИК «Социология городского и регионального развития» РОС)

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НУЖДАЮЩИХСЯ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Атякшева Т. (Саранск)

Пожилые люди – это возрастная группа, которая имеет специфические социальные, психологические, финансовые и иные особенности, свои потребности, интересы, ценностные ориентации, и чтобы успешно работать с пожилыми людьми, нужно знать их социально-экономическое положение, особенности характера, материальные и духовные потребности, состояние здоровья, быть хорошо осведомленным о достижениях науки и практики в этом направлении.

Внимание к проблемам пожилой части населения связано с одним существенным демографическим процессом – старением населения. В настоящее время феномен старения населения является невероятным и неизбежным в современном обществе. Наблюдаемый в данный момент стабильный прирост пожилого населения является ярко выраженной социально-демографической тенденцией, которая вызвана несколькими факторами. Происходящее улучшение качества здравоохранения и взятие под контроль ряда опасных заболеваний, а также повышение уровня и качества жизни привели, безусловно, к увеличению средней ожидаемой продолжительности жизни людей. Увеличению доли пожилого населения способствовало также стабильное снижение рождаемости, уменьшение числа детей, рождённых одной женщиной за весь её репродуктивный период. На смену каждому поколению приходит следующее поколение меньшей численности, это и приводит к снижению доли молодого поколения при том, что доля старшего поколения остаётся прежней.

Социальное положение пожилого человека определяется в первую очередь достижением определенного возраста. В Российской Федерации границей пожилого возраста выступает возраст выхода на пенсию (женщины — с 55 лет, мужчины — с 60 лет). Однако достижение определенного возраста не является главным показателем и характеристикой социального положения пожилых граждан. Современные пожилые люди продолжают и после выхода на пенсию вести активный образ жизни. Поэтому зачастую в настоящее время к пожилым относят только тех, у кого существенно снижена социальная активность.

В последнее время современная наука пришла к пониманию старения как нормального процесса, который носит индивидуальный характер и предполагает сохранение социальных отношений и активности данного возраста. Как отмечает директор Российского геронтологического научно-клинического центра, академик РАМН Владимир Шабалин, обычно людей пугает не сама старость, а немощность. Но если человек не испытывает такого состояния, то и в пожилом возрасте находятся свои плюсы: «Пожилой человек получает свободное время, независимость, возможность заниматься творчеством» [2].

Однако, не смотря на широко отмечаемый в стране феномен активной старости, у определенной доли пожилых людей социальный статус имеет тенденцию к резкому снижению. Это происходит в силу ряда причин:

- «объективно низкий материальный уровень, плохое здоровье большинства пожилых делает их объектами социальных защиты;

- внедрение высоких технологий в быт современного общества делает пожилое население беспомощными перед требованиями нынешней техники культуры, что также требует системной работы со стороны государства по организации непрерывного образования для пожилых граждан;

- разрыв поколений на предыдущем историческом этапе в силу объективных исторических событий (разрушение межпоколенческих связей в период революции, гражданской и Второй мировой войны, сталинских репрессий, массовых комсомольских строек)» [1].

Пожилые люди – это большой резерв традиций. Пожилые люди выполняют важную просветительскую социальную функцию и являются хранителями и проводниками духовных ценностей, традиций, передаваемой от поколения к поколению. Главным фактором укрепления единства поколений, сохранения общественной стабильности является формирование чувства уважения к пожилым гражданам в общественном сознании, которое должно складываться в процессе семейного воспитания и получения образования.

Если экономический вклад пожилых людей в развитие общества сегодня достаточно ограничен, то тот ценный культурный вклад, который они вносят и который невозможно определить в экономических категориях, зачастую является ничуть не меньшим и столь же значимым, и важным для общества, для современных молодых поколений.

Изменение социального статуса человека в старости, как показывает практика, прежде всего, негативно сказывается на его моральном и материальном положении, отрицательно влияет на психическое состояние, снижает его сопротивляемость к заболеваниям и адаптацию к изменениям окружающей среды [3].

Основная задача пожилого человека – это принять свой жизненный путь таким, каким он есть, принять себя в своем новом возрасте, что значит выстроить свое поведение, опираясь на преимущества старости, главным из которых является способность целостного восприятия мира. Эта направленность должна формироваться задолго до наступления пожилого возраста, еще в молодые и зрелые годы.

Феномен старости внутренне противоречив: с одной стороны, каждый человек стремится пройти полный цикл своего жизненного пути, с другой же, видимо, далеко не каждому хочется стареть, пребывать в старости. Состояние старости, представляющее перед взором человека в виде телесной немощи, внушает человеку страх утраты полноты своей жизни, травмируя нередко его психику. Потому проблемы старения и старости, взаимоотношений пожилых людей и общества относятся к разряду вечных.

Таким образом, в современном обществе пожилые люди занимают значимую социальную нишу, вследствие этого возрастает внимание общества к вопросам их социального бытия. Все изменения в социально-демографической структуре общества ведут к тому, что доля пожилых людей будет возрастать и как следствие этого пожилое население становится одной из основных социальных групп, которая определяет функционирование общества. Все более очевидна необходимость включения пожилых людей в социум, а также усиление приоритета их интересов в государственной социальной политике. Первоочередное положение социальной политики в отношении пожилых – это укрепление системы социальных служб, работающих с пожилыми людьми, поскольку сегодня далеко не каждая семья в состоянии нести бремя затрат по уходу за пожилыми членами семьи.

Таким образом, многосложность социальных проблем пожилых людей порождает у них соответствующие потребности в постоянной поддержке, защите. В наибольшей степени

реализовывать данную помощь возможно в рамках системы социального обслуживания, в частности в ходе оказания надомных социальных услуг.

Надомное обслуживание помогает пожилым гражданам находиться в домашней обстановке, сохранять и поддерживать взаимоотношения со своим социальным кругом общения, не требует адаптации к новому образу жизни и месту жительства. Среди пожилых людей есть существенная доля социально-ранимых и уязвимых, а значит задача социальных служб надомного обслуживания поддержание достойного уровня жизни данных пожилых людей.

Надомное обслуживание как направление деятельности в работе с пожилыми людьми играет огромную роль в системе социального обслуживания и является одной из востребованных и приемлемых форм социального обслуживания пожилых клиентов.

1. Батий В. М. Социальная политика и социальный статус пожилого человека в современном обществе – 2005 [Электронный ресурс]: сайт дистанционного обучения ГОУ ВПО УГМА. – Режим доступа: <http://do.teleclinica.ru/>

2. Почему женщины стареют быстрее мужчин [Электронный ресурс] : ежедневная электронная газета. – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2014/05/23/1196844.shtml>

3. Касаркина Е. Н., Атякиева Т. А. Социальная идентификация мордовской пожилой семьи в современном и традиционном обществе / Инструменты и механизмы современного инновационного развития : сборник статей Международной научно - практической конференции (5 сентября 2016 г., г. Волгоград). - Уфа: АЭТЕРНА, 2016. – 270 с.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Ахметова С.А., Ишкинеева Ф. Ф. (Казань)

В статье на эмпирическом материале анализируются первые шаги студентов-первокурсников, связанные с их адаптацией к образовательной среде вуза. Опрос студентов приема 2015 г. в Казанский федеральный университет свидетельствует в целом об их успешной адаптации к новой среде повседневной жизнедеятельности. Однако наблюдаются проблемные зоны, касающиеся, в частности, освоения учебных программ из-за специфической методики преподавания в вузе по сравнению со средней школой, а также образа жизни студентов, особенно приезжих, живущих в общежитии. Вуз для студентов является одновременно и средой возможностей для развития и укрепления здоровья, и средой риска для сохранения здоровья, поскольку интенсивность учебного процесса может вызывать психологическую напряженность и стрессы.

Article on the empirical material is analysed first steps freshmen students, associated with their adaptation to educational University Wednesday. Poll students receive in 2015 Kazan Federal University indicates generally on their successful adaptation to the new Wednesday everyday. However, there are problem areas relating to, inter alia, the development of training programs because of specific teaching methods at the University compared with secondary school, as well as the lifestyle of students, especially newcomers, living in a dorm. University for students is both Wednesday and opportunities for development and health promotion, and health risks to Wednesday because the intensity of the training process can cause psychological tension and stress.

Образовательный процесс в вузе начинается с социальной адаптации студентов нового приема к условиям их повседневной жизнедеятельности. Успешность/неуспешность социальной адаптации во многом определяет состояние здоровья студентов, их физическое и социальное самочувствие. Социальная адаптация понимается как «процесс активного приспособления индивида или группы к определенным материальным условиям, нормам, ценностям социальной среды» [1, с.8], в которой и адаптант и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть взаимодействуют друг с другом. В процессе адаптации у студентов формируются навыки и умения организации умственной деятельности, рациональный коллективный и личный режим труда, досуга и быта, система работы по профессиональному самообразованию и самовоспитанию профессионально значимых качеств личности. Поступившие в вуз вчерашние школьники находятся на пути профессионального самоопределения. Многие осознанно выбирают специальность, по которой собираются получить образование и работать после окончания вуза. Однако встречаются первокурсники, у которых жизненные планы еще не определены, осведомленность о своей будущей профессии недостаточна, что может привести к необдуманному выбору профессии, слабой мотивации к ее освоению. Результатом процесса

адаптации выступает адаптированность, то есть состояние, приобретаемое субъектом данного процесса. Критерием профессиональной адаптированности является достижение индивидом соответствия его умений, навыков, компетенций, личностных качеств требованиям конкретной деятельности.

Для студента, адаптирующегося к новой социальной среде, в принципе возможны две формы социальной адаптации: 1) пассивная, конформная, когда человек просто приспосабливается к новым условиям жизни; 2) активная, инициативная, когда человек воздействует на социальную среду с тем, чтобы ее усовершенствовать. Сущностным аспектом социальной адаптации является принятие индивидом определенной социальной роли. Эффективность социальной адаптации в значительной степени зависит от того, адекватно ли индивид воспринимает себя и свое положение в коллективе, в обществе. Низкая или завышенная самооценка может привести к нарушениям социальной адаптации. Показателями успешной социальной адаптации являются высокий социальный статус индивида в данной среде, а также его психологическая удовлетворенность этой средой в целом и ее наиболее важными для него элементами: удовлетворенность учебой и ее условиями, ее содержанием, организацией. Показателями социальной дезадаптации являются стремление индивида к перемещению в другую социальную среду (отчисление, миграция), а также аномия, отклоняющееся поведение. Успешность или неудача социальной адаптации зависит от характеристик как самого индивида, так и среды. В сложной среде, где широк спектр социальных связей, развита совместная деятельность, высок уровень социальной неоднородности, где изменения происходят интенсивно, процесс социальной адаптации для индивида оказывается чрезвычайно трудным.

Для понимания успешности/неуспешности первых шагов в университете проведен опрос студентов первого курса Казанского федерального университета очной формы обучения (репрезентативная выборка 439 человек) [2]. Среди респондентов 66,3% девушек и 33,7% юношей; 57,6% татар, 28,8% русских, 13,6% представителей других этнических групп; 44,2% учащихся на бюджетной и 55,8% - на контрактной основе. Половину всех респондентов составляют студенты из городов Татарстана – Казани (26%) и других городов республики (25,5%). Выходцев из сельской местности республики – 18%, приезжих из других регионов России – 19,5%, приезжих из других стран – 11%. Опрос показал разнообразие первых впечатлений студентов от их приобщения к классическому университету. Как и следовало ожидать, студенты испытывают гордость, когда говорят знакомым, что учатся в Казанском университете – их 68,5%. Однако 27,0% первокурсников относятся к этому факту нейтрально. Чувство разочарования отметили лишь 2,8% студентов, а 1,4% указали, что они пока не могут дать точного определения своего отношения к вузу. При этом среди девушек на 10% больше доля тех, кто испытывает гордость от пребывания в университете (72,2% девушек и 62,1% юношей), примерно на такую же величину меньше доля безразличных к этому факту девушек (соответственно 24,0% девушек и 33,0% юношей). Уже разочаровавшихся в университете девушек вдвое меньше, чем юношей (соответственно 2,0% и 4,0%).

Помимо гендерных различий в восприятии университета, наблюдаются различия в соответствии с этнической принадлежностью студентов: среди татар 71,6% испытывают гордость за университет и только 1,2% - разочарование; среди русских – 66,0% и 5,0% соответственно. Кроме того, наблюдаются различия в восприятии университета студентами разных форм обучения: студентов, испытывающих гордость за университет, больше среди обучающихся на бюджетной основе – 78,0%, среди «контрактников» их 69,0%. Самая значительная доля студентов, гордящихся Казанским университетом, из сельской местности Татарстана – 90,0%.

На характер социальной адаптации влияет образ жизни первокурсников. Особые трудности испытывают студенты, приезжающие в Казань из других городов и сельских поселений, для которых возникает непростая проблема проживания в общежитии. В принципе для студентов во всем мире это нормальное явление. Большинство первокурсников быстро адаптируются к жизни в студенческом общежитии, особенно если созданы комфортные условия проживания. Однако далеко не все студенты способны следовать правилам и нормам жизни в общежитии, ограничивающим, как им кажется, их свободу. Студенты, приехавшие в столицу из других городов республики и других городов страны, а также из сельской местности, испытывают трудности, связанные, прежде всего, с изменениями в бытовой сфере жизни. Условия и образ жизни студентов, их материальное положение имеют прямое отношение к их социальному и профессиональному становлению. Более половины (56,6%) опрошенных студентов проживают в общежитии, более трети (37%) проживает в собственной квартире или доме, меньше всего

студентов (0,2%) снимают на время обучения отдельную комнату. Успешность социальной адаптации студентов во многом зависит от материального положения родительских семей: чуть более половины студентов (55%) считают, что «живут обеспеченно, но на покупку квартиры, автомобиля нужно копить». Четвертая часть студентов следующим образом характеризуют материальное положение родителей: «В основном денег хватает, но приобретение товаров длительного пользования затруднительно». Каждый десятый студент оценил материальное положение своей семьи как проблемное («все деньги расходуются на продукты и необходимые недорогие вещи» и «денег едва хватает на самые необходимые продукты питания), лишь 4,0% студентов признают родительские семьи состоятельными («можем позволить себе практически все»). Подавляющее большинство студентов (89,4%) не работают. Это естественно: на первом курсе студенты озабочены прежде всего учебной деятельностью. Однако, помимо учебы, почти три четверти первокурсников (73,3%) занимаются различными видами внеучебной деятельности (спорт, искусство, общественная работа и др.). При этом спорт является самым популярным среди всех видов внеучебной деятельности – им занимаются 24,5% студентов.

Абсолютное большинство первокурсников (90,6%) подчеркивают, что в связи с поступлением в университет их образ жизни изменился существенно или частично. Значимым для сохранения познавательной активности студентов является здоровый образ жизни, к проявлениям которого относятся, в частности, режим труда и отдыха, регулярное питание, достаточное время для сна, отсутствие вредных привычек. Опрос показал, что только пятой части студентов удастся питаться регулярно, не менее трех раз в день (20,5%), более половины (59,0%) не устраивает, как они питаются в течение дня. Что касается возможности восстановления физических сил с помощью сна, большинство студентов (70%) считают, что они не высыпаются. По поводу вредных привычек можно констатировать следующее: 80,0% студентов никогда не курили и не курят; чуть более половины студентов (55%) хотя бы один раз в жизни употребляли алкогольные напитки, из которых самыми популярными являются вино и пиво, около 17,0% студентов признают, что в студенческой среде употребляются наркотики. Данные опроса однозначно свидетельствуют о том, что в целом студенты удовлетворены теми условиями жизни в университете, которые связаны с привыканием к новой среде («мне комфортно в академической группе» - 81%, «я привык к новому распорядку дня» - 80%), но менее удовлетворены теми сторонами своей жизни, которые касаются физического самочувствия – сна и питания.

Большинство первокурсников испытывают те или иные трудности в процессе учения, о полном отсутствии проблем заявили лишь 8,6% респондентов. Самые распространенные проблемы студентов – это недостаток свободного времени (26,3%), чувство постоянной усталости (20,5%) и трудности с усвоением учебного материала (19,1%). Специфика процесса профессиональной адаптации определяется, в частности, различием в методах обучения, культивируемых в средней школе и в вузе, что порождает своеобразный дидактический барьер: первокурсникам зачастую не хватает навыков и умений для успешного овладения учебной программой вуза. Недостаточное понимание материалов лекций, излагаемых в иной манере, чем в школе, отсутствие ежедневного контроля за ходом обучения могут отрицательно повлиять на успеваемость и на самочувствие студентов и нередко ведут к разочарованию и потере уверенности в своих силах.

Вуз для студентов является одновременно как средой возможностей: в институциональной среде вуза содержится потенциал для саморазвития, просвещения, поддержания и укрепления физического и социального здоровья, так и средой риска для сохранения здоровья: речь идет о поведенческих практиках, касающихся образа жизни студентов, социально-психологическом напряжении и стрессах, обусловленных интенсивностью учебного процесса. Социальная адаптация студентов-первокурсников к институциональной среде вуза представляет собой сложный, противоречивый процесс преобразования вчерашних школьников в социально активных субъектов, агентов социального действия. Образовательная и воспитательная среда университета может и должна стать благоприятной площадкой для реализации научного, культурного и физического потенциала студенчества.

1. Социологический энциклопедический словарь. - М.: Издательская группа ИНФРА М -НОРМА, 1998. - 480 с.

2. Текущий архив лаборатории социологических исследований Казанского федерального университета.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Ашевская В.А. (Тверь)

Политическая оппозиция представляет собой неотъемлемую часть политической системы демократических стран. Задачей оппозиции является выработка идей, противоположных основной концепции власти, внесение корректировок в политический курс, выражение мнения большинства. Один из исследователей оппозиции Д.П. Зеркин приводит следующее определение оппозиции: политическая оппозиция – это «организованная группа активных индивидов, объединенных осознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти» [1, с. 100].

Функционирование оппозиции можно выделить в таких двух формах как парламентская и внепарламентская. В рамках данной статьи мы рассмотрим парламентскую оппозицию. Именно парламентская оппозиция создаёт основы развития представительной демократии. Её образуют группы депутатов, или фракции, которые входят в состав оппозиционных партий. Если парламентские партии поддерживают доминирующую фракцию, то оппозиционной эти партии являются лишь формально.

В России традиционно к парламентской оппозиции относятся следующие политические партии: Справедливая Россия, КПРФ, ЛДПР. В новом седьмом созыве Государственной Думы по результатам выборов 18 сентября 2016 года «партия власти» Единая Россия взяла 343 мандата, КПРФ – 42, ЛДПР – 39, Справедливая Россия – 23 [2]. В Государственной Думе для каждой фракции важным является участие в работе её внутренних органов – комитетов, комиссий и т.д. «В Регламенте Государственной Думы содержится общая норма, которая в силу своей абстрактности на практике не раз позволяла ущемлять оппозицию в парламенте: комитеты, как правило, формируются с учетом принципа пропорционального представительства фракций» [4, с.18]. В этом году Президент РФ В.В. Путин предложил сохранить распределение комитетов так, как было в шестом созыве. По мнению Президента, это будет способствовать «конструктивным отношениям с другими представленными в парламенте фракциями» [5]. Появилось ещё одно нововведение: вместо 30 комитетов теперь будет 26. Так, по пять комитетов получит ЛДПР и КПРФ, три – Справедливая Россия, тринадцать – Единая Россия. Оставшиеся четыре комитета присоединят к более крупным. Это может привести к тому, что фракциям, возможно, по мнению экспертов, придется принести в жертву часть своих аппаратных амбиций.

Когда в российский парламент пришла Единая Россия как доминирующая фракция, в Регламент Государственной Думы были внесены изменения. Они заключались в том, что в Совет палаты стали входить Председатель Думы и его заместители, а не представители фракций. А так как многие руководящие посты Думы принадлежат фракции Единой России и, соответственно, она имеет преимущество, то мнение оппозиционных партий, по сути, не имеет значения.

В России очень велико влияние Президента. Именно его решение является определяющим в судьбе Правительства. Государственная Дума же не имеет возможности через процедуру выражения недоверия отправить в отставку Правительство или как-то существенно повлиять на него по итогам ежегодных отчетов. Кроме того, назначение членов Правительства и его Председателя проходит без одобрения Государственной Думы. Таким образом, в России имеет место слабый парламентский контроль, а это значит, что слабую роль играет и оппозиция.

В последнее время государство делает определённые послабления для парламентской оппозиции. Так, в 2012 году была значительно облегчена система регистрации партии. Если раньше было необходимо набрать 40 тысяч членов партии, то сейчас для этого достаточно 500 человек (В.В. Путин: «чтобы был понятен политический ландшафт, было понятно, каковы реальные силы за партиями» [5]). Также уже на выборах 2016 года был снижен проходной барьер в парламент с 7% до 5%. Можно обратить внимание и на риторику Президента. После выборов 18 сентября 2016 года В.В. Путин призвал к «системному и уважительному отношению к парламентскому меньшинству» [5]. Юрист С.В. Володина, несмотря на свою общую негативную оценку состояния российского парламентаризма, считает, что «в последние годы в России прослеживается тенденция либерализации законодательства в сфере партийного строительства, что открывает возможности для формирования новых политических партий» [3].

Но одновременно с этим власть вводит и ограничения для оппозиции. Так, выборы 18 сентября 2016 года проходили уже по смешанной избирательной системе, где половина депутатов

избиралась по пропорциональной системе, другая – по мажоритарной. По мнению некоторых лидеров парламентской оппозиции, выборы по новой системе, а в частности по одномандатным округам, дают преимущество партиям, обладающим административным ресурсом и финансовыми возможностями. Кроме того, выборы депутатов Государственной Думы были перенесены с декабря на третье воскресенье сентября. Многие считали, что это снизит явку на выборы (в действительности так и случилось), а значит, многие сторонники оппонентов Единой России не смогут принять участие в голосовании, так как будут находиться на даче или в отпуске. Интересной особенностью представляется и тот факт, что одномандатные округа нарезаны были с той целью, чтобы «разбавить» городские голоса сельскими. «Это, по мнению экспертов, выгодно «Единой России», так как в городах исторически выше доля протестного голосования» [10].

Все эти действия власти говорят о том, что в России продолжается игра в демократию, в то время как на самом деле процветает авторитарный режим. Это связано не только с действиями государства, но и во многом с состоянием политической системы в целом. Мы видим, что сейчас нет конкуренции в парламенте, партии, как и их лидеры не меняются. Граждане не видят положительного эффекта от участия в голосовании. На политической арене не появляются новые и перспективные политические силы, способные объединить вокруг себя людей. В стране произошёл политический застой, который может привести к дальнейшей трансформации системы в сторону её разрушения и перестроения. Российская политическая система нуждается в обновлении.

Об этом говорят и результаты опросов, проведённые Левада-Центром в июне 2016 года. Так, 41% опрошенных респондентов отрицательно относятся к деятельности депутатов Государственной Думы; 46% не имеют представления о том, чем занимаются депутаты [7]. Это говорит о том, что парламентская деятельность не интересует граждан. Можно предположить, что из-за некой театральности и формальности функционирования парламента, в то время как всё уже давно решено и определено. Население уже не доверяет политическим партиям. С.В. Володина утверждает, что «политические партии в России, по сравнению с другими общественно-государственными структурами, находятся на нижней ступени доверия населения, что обусловлено, вероятно, низким уровнем развития многопартийности в стране, пока еще их небольшой активностью в политической жизни страны» [3].

Таким образом, рассмотрев общие черты парламентской оппозиции, мы видим, что она функционирует по старой привычке или традиции. Реальной силы оппозиция в рамках парламента не имеет. Всё решает большинство, которое состоит из представителей Единой России. А партии, представленные в Государственной Думе, в большинстве своём поддерживают все начинания «партии власти» и Президента в частности. Это можно объяснить и отсутствием ресурсов у оппозиции, и страхом удаления с политической сцены, и тем, что некоторые из них являются прокремлёвскими проектами. Есть ли будущее у российской парламентской оппозиции, которая даже называется оппозицией лишь формально? В нынешнем составе – нет. Необходимо полное обновление политической системы, развитие гражданского общества снизу и изменение политической культуры в целом.

1. *Бигази́ева С.С. Парламентская оппозиция как институт политической системы современной России [электронный ресурс] / С.С. Бигази́ева // Известия Саратовского университета. – 2010. - №3. – С. 100-102.*
2. *Бондаренко М. ЦИК обнародовал окончательные итоги выборов в Госдуму [электронный ресурс] / М. Бондаренко // РБК. – 2016. – 23 сентября. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/23/09/2016/57e458999a7947b5f68a8268>. - Дата обращения: 06.10.2016.*
3. *Булин Д. Дочь Володина: В российском парламенте политическая конкуренция нивелирована [электронный ресурс] / Д. Булин // Русская служба Би-би-си. – 2016. – 4 октября. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/news-37550278>. - Дата обращения: 05.10.2016.*
4. *Васильева С.В. Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии [электронный ресурс] / С.В. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. - №3. – С. 14-22.*
5. *Козлов П. Путин предложил сохранить думские комитеты за парламентской оппозицией [электронный ресурс] / П. Козлов // Ведомости. – 2016. – 23 сентября. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/09/23/658322-putin-sohranit-komiteti>. - Дата обращения: 05.10.2016.*

6. Нововведения к выборам в Госдуму 2016 [электронный ресурс] // НО «Российский фонд свободных выборов». – Режим доступа: <http://www.rfsv.ru/news/topics/3109.html>. – Дата обращения: 06.10.2016.
7. Предстоящие выборы и образ нынешней Госдумы [электронный ресурс] // Левада-Центр. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/07/18/predstoyashhie-dumskie-vybory-i-obraz-nyнешnej-gosdumy/>. – Дата обращения: 06.10.2016.
8. Путин подписал закон о переносе федеральных парламентских выборов с декабря на сентябрь [электронный ресурс] // ТАСС. – 2015. – 15 июля. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2120728>. – Дата обращения: 06.10.2016.
9. Стризов А.Л. Через выборы-2016 к «новому прагматизму» [электронный ресурс] / А.Л. Стризов // Экспертно-аналитическая сеть ПолитРус – ЮГ. – 2016. – 29 июня. – Режим доступа: <http://www.politrus.ru/2016/06/29/club-expert-55/>. – Дата обращения: 06.10.2016.
10. 5 особенностей выборов-2016 [электронный ресурс] // Slon Maganize. – 2016. – 5 сентября. – Режим доступа: <https://slon.ru/special/duma2016/72821>. – Дата обращения: 06.10.2016.

УРОВЕНЬ ПАТРИОТИЗМА СОВРЕМЕННОЙ ТУЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Бабанина Е.А. (Тула)

В последнее два десятилетия в России произошли экономические и политические изменения, повлекшие за собой значительную социальную дифференциацию населения и потерю духовных ценностей. Эти изменения снизили воспитательное воздействие российской культуры и образования как важнейших факторов формирования чувства патриотизма. Стала все более заметной постепенная утрата обществом традиционно российского патриотического сознания, что привело к деформации воспитания подрастающего поколения. Поэтому актуальным является изучение специфики феномена патриотизма в среде тульской молодежи, что явилось целью социологического исследования «Уровень патриотизма в молодежной среде г. Тулы», проведенного отделом социологических исследований МБУ «ЦСППМ «Шанс» в I квартале 2016 г.

Массив опрошенных составил 465 человек - молодые люди г. Тулы в возрасте от 14 до 30 лет. В выборочную совокупность были включены пять административных районов г. Тулы: Зареченский (17,7% респондентов), Привокзальный (13,6%), Пролетарский (33,0%), Советский (15,1%) и Центральный (20,5%). В опросе приняли участие примерно равное количество лиц мужского и женского пола (51,7% и 48,3% соответственно). Возрастной контингент респондентов представлен следующими тремя категориями: «от 14 до 19 лет» - 15,6%, «от 20 до 24 лет» - 35,5%, «от 25 до 30 лет» - 48,9%.

Опираясь на полученные данные, можно сделать следующие общие выводы.

1. В ядре жизненных ценностей молодых туляков доминируют терминальные ценности (семья, здоровье, материальное благополучие, друзья и работа.), наиболее важные для жизнедеятельности. Однако, несмотря на то, что за последние полтора десятилетия российской истории, пожалуй, ни одна идеологическая ценность не подвергалась таким переосмыслениям, а, следовательно, испытаниям, как патриотизм, обращает на себя внимание тот факт, что в иерархии инструментальных жизненных ценностей ценность патриотизма занимает лидирующую позицию.

2. У абсолютного большинства (80,4%) опрошенных есть что-то такое, чем они как граждане России могли бы гордиться. Особое место среди предметов гордости молодых туляков занимают история родной страны и победа в Великой Отечественной войне (43,2% и 40,9%), что неудивительно, поскольку история Отечества имеет огромное значение для формирования патриотического сознания, а в фактическом материале, отражающем прошлое нашей страны, содержатся знания, способствующие формированию патриотизма. Меньшую гордость вызывают культурное наследие (27,7%), мощь вооруженных сил (24,7%) и природные богатства страны (17,6%).

3. Более половине (55,3%) респондентов нравится жить в городе Туле. Больше всего в своем городе молодежи импонируют успешное решение вопросов благоустройства города (24,1%), эффективная организация культурного просвещения и большое внимание, уделяемое развитию социальной сферы (по 11,4%). Примечательно, что 0,4% опрошенным нравится Тула, потому что это их малая Родина.

4. У почти четверти (23,2%) молодых людей, выказавших негативное отношение по поводу проживания в своем городе, наибольшее недовольство вызывают низкий уровень выплат (15,9%), высокий уровень цен (11,2%), а также проблемы благоустройства города (9,9%).

5. Более половины (50,8%) анкетированных понимают под патриотизмом, прежде всего, «национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации, народу», что свидетельствует о достаточно высоком уровне этнической (национальной) идентичности молодых туляков. Кроме того, любовь к родному дому, городу, стране, верность национальной культуре, традициям, укладу жизни являются определяющей составляющей патриотизма для 47,5% и указывают на высокий уровень гражданской идентичности в молодежной среде г. Тулы. По таким признакам, как «бескорыстная любовь и служение Родине, готовность к самопожертвованию ради ее блага и спасения», а также «стремление трудиться для процветания Родины, для того, чтобы государство, в котором ты живешь, было самым авторитетным, самым мощным и уважаемым в мире» определяют для себя понятие «патриотизм» по 32,5% и 24,5% обследуемых соответственно. Меньшее количество респондентов характеризуют патриотизм как интернационализм, то есть готовность к сотрудничеству с представителями других наций и народов в интересах своей Родины - России (13,5%). Более того, 6,0% заявили о непримиримости к представителям других наций и народов в своем понимании рассматриваемого понятия, что является свидетельством незначительной степени проявлений межнациональной интолерантности и ксенофобических настроений среди тульской молодежи.

6. Для большинства участников исследования (65,4%) «патриотический долг» значит встать на защиту России в тяжелое для нее время, для 39,4% - быть законопослушным гражданином. Лишь 12,9% анкетированных под патриотическим долгом понимают срочную службу в рядах Вооруженных сил РФ (преимущественно представители мужского пола).

7. По мнению 45,3% анкетированных патриот - это человек, который, прежде всего, любит свою Родину, около трети (31,2%) молодежи считают патриотами людей, готовых встать на защиту Отечества, для 11,9 % обследуемых - человек, который работает во благо родной страны. Следует отметить, что при ответе на данный вопрос респондентам предлагалось вписать свой вариант. Однако, даже собирательный образ понятия «патриот» из ответов молодых туляков («человек с большой буквы, который любит свое Отечество, предан ему, переживает за свою страну и народ, готов на подвиги и жертвы во имя интересов Родины») далек от его идеального определения.

8. Превалирующее большинство молодых туляков (85,3%) полагают, что стране сегодня нужны патриоты. Примечательно, что считают себя патриотами своей страны меньшее количество респондентов (68,3%), причем преимущественно представительницы женского пола.

9. На формирование чувства патриотического долга у 46,7% респондентов наибольшее влияние оказали родители и родственники, у 34,6% - книги и фильмы, у 25,8% - учителя на уроках. Меньше повлияли друзья (13,1%), занятия по начальной военной подготовке (5,2%). Кроме того, незначительное количество респондентов отметили, что чувство патриотического долга сформировано у них под влиянием государства, Правительства, Президента В. В. Путина (1,0%), истории России (0,6%), самостоятельно пришли к этому - 1,4%. Агенты, оказавшие наибольшее влияние на формирование чувства патриотического долга у опрошенных, в первом приближении совпали с агентами, которые должны осуществлять функцию патриотического воспитания молодежи, о необходимости которого заявило превалирующее число респондентов (81,1%).

10. Занимаются (будут заниматься) воспитанием чувства патриотизма у своих детей 73,8% участников исследования.

11. Большинство опрошенных (19,4%) как патриоты своей Родины активно отстаивают свои гражданские права и права окружающих; 15,1% респондентов оказывают посильную помощь пожилым и престарелым людям; 14,2% молодежи участвуют в деятельности общественных организаций; 11,2% обследуемых являются волонтерами. 1,0% процентов молодых людей честно признались, что как патриоты своего Отечества ничего не делают.

12. Более десяти процентов (16,7%) анкетированных уехали бы за рубеж навсегда. 37,1% респондентов поехали бы лишь на некоторое время (учиться, работать). Среди причин, способных побудить молодежь жить в другой стране, лидирующую позицию занимает высокий уровень жизни за рубежом (29,8%). 17,8% хотели бы обеспечить достойную старость себе и светлое будущее для своих детей и внуков.

Относительно низкая патриотическая (и в целом социальная) активность современной российской молодежи свидетельствует о том, что патриотизм - не самая главная ценность в системе ее ценностных ориентаций (что и показали результаты проведенного исследования), но и российское государство сегодня нельзя назвать глубоко заботящимся о нуждах и интересах

молодежи, а всплеск патриотизма в ее среде, как и во всем российском обществе в последние годы объясняется нарастающими тенденциями противостояния России и Запада и грамотно выстроенной политикой пропаганды, прежде всего в СМИ во время проведения Зимних олимпийских игр в Сочи, присоединения Крыма и других событий мирового масштаба, в которых Россия проявила себя как сильное, независимое государство, которое всему миру может показать, на что способен его народ.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ В ОБРАЗОВАНИИ КАК СЛОЖНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Бабич И.Н. (Москва)

Стоящий у истоков социологического образования в России социолог, политический деятель и педагог М.М. Ковалевский преподавал в столичных вузах, в Санкт-Петербургском, европейских и американских университетах. Будучи свидетелем «ускоренного движения в области социологической мысли», которое проявилось с девяностых годов XIX века, он стремился определить главные причины социальных изменений, выявить закономерности социальной эволюции [1]. С поиском общих закономерностей в различных областях науки связаны процессы синтеза знаний. Междисциплинарный синтез естествознания, социогуманитарных и технических знаний характерен для современной науки. Однако еще на пороге двадцатого столетия, разясняя спорные вопросы о происхождении семьи и собственности, критикуя господствующие концепции социологов XIX века, классик российской социологии М.М. Ковалевский «не столько думал об анализе фактов, сколько о синтезе» сделанных в науке выводов [2].

Спустя сто лет российские социологи кооперируются со специалистами социокультурных, психологических, педагогических, исторических, политических, коммуникативных и других исследований в комплексном рассмотрении проблем социального неравенства. Усиливающееся социальное неравенство ухудшает образовательный и профессиональный потенциал российского общества. Профессор Санкт-Петербургского Государственного университета Т.В. Черниговская обсуждает проблему распада образования на элитарное и обычное, что ведет к социальным неприятностям и «абсолютному расслоению общества». Отмечая огромную скорость и мощь развивающихся технологических умений у человека, разницу между знанием и пониманием, ученый нейролингвист затрагивает проблемы воспитания подрастающего поколения [3]. Член совета при президенте Российской Федерации по науке и образованию Т.В. Черниговская ставит вопрос о возможности построения системы образования, которая давала бы ребенку максимум инструментов для открытия способностей. Наряду с крупными научными институтами в поиск таких инструментов включены различные социальные движения.

Социальные движения носят междисциплинарный и межсекторальный характер [4]. Во взаимодействии организаций и научных сообществ, занимающихся одной и той же проблемой, вырабатывается знание для решения социальных и политических задач. Общественные движения и их инициативы служат инструментом адаптации к жизни в условиях социальных трансформаций. Проблемы адаптации также являются насущной междисциплинарной проблемой. В стремительно изменяющемся мире требуется, по словам О.Н. Яницкого, идентификация через «будущее», через идеологию развития культурных ценностей. Культура вместе с наукой формирует мировоззрение человека. Помогая людям получить представление о возможностях и красоте науки, межрегиональная ассоциация «Женщины в науке и образовании» выступает инициатором инновационных практик в области образования. Общественная организация, возглавляемая доктором физико-математических наук, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Г.Ю. Ризниченко, бережно сохраняет традиции российской науки и образования. Основная форма деятельности - организация и проведение междисциплинарных научно-образовательных конференций. Поддерживая стабильные междисциплинарные контакты с ведущими научными центрами страны, общественная организация на протяжении четверти века проводит ежегодные международные конференции серии «Математика. Компьютер. Образование» (<http://www.mce.su/>). Участниками совместных научных проектов являются Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Пущинский центр биологических исследований РАН, Научный совет РАН по биологической физике, Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ г. Дубна), Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН.

Особенностью междисциплинарных конференций является их просветительская направленность. Рассчитанные на широкую аудиторию, лекции ученых охватывают самые разные области знаний. Доступным языком для общества излагаются проблемные доклады, математические построения и сценарии будущего. В рамках конференции «Математика. Компьютер. Образование» проходят мероприятия различного формата: лекции и семинары, диалоги и лаборатории, научные школы и мастер-классы, музейные экскурсии и выставки художников, музыкальные и поэтические вечера.

С проблемами междисциплинарного образования связана и другая серия международных конференций «Нелинейный мир», осуществляемых общественной организацией. В ходе обсуждения вопросов нелинейной науки определилась потребность включения проблем, связанных с культурой и искусством. Конференции «Языки науки – языки искусства» посвящены взаимопониманию различных языков культуры, их взаимодополнительности. Отвечая на современные вызовы синтеза гуманитарных и естественных наук, общественная организация решает методологические, организационные и информационные проблемы перевода знаний одних наук на язык других. Междисциплинарные конференции объединяют работников науки и культуры, высшей и общеобразовательной школы - всех, кто «ценит прелесть живой мысли» [5]. Дискуссии, обмен знаниями и идеями, популяризация научного знания способствуют привлечению к исследовательскому поиску молодого поколения. Формирование устойчивого интереса к знаниям помогает молодежи адаптироваться к сложностям беспокойного будущего.

Конференции – одна из форм деятельности. Общественная организация ведет научно-исследовательскую работу, междисциплинарные социальные эксперименты, издает сборники научных трудов. Важной задачей является повышение квалификации научных и педагогических кадров в области математического моделирования, информационных технологий, теории самоорганизации. Нарботанный в естественных науках и математике теоретический аппарат адаптируется для образования и социальной сферы.

Богатая практика реализованных общественной организацией междисциплинарных проектов, где проблематика синтеза знаний сформулирована в явной форме, содействует накоплению позитивного опыта и открывает новые перспективы. Результатом синтеза становится полифоническое знание, качественно отличающееся от суммы исходных элементов, вступивших в процесс синтеза. Полученное знание, методологические и практические аспекты научного поиска сообщества ученых актуальны для формирования социальной политики и улучшения качества образования и жизни российских граждан.

1. Ковалевский М.М. *Современные социологи. Критический обзор теорий и концепций крупнейших социологов XIX века. Изд. 4. М.: URSS, 2013.*
2. Ковалевский М.М. *Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Пер. с фр. Изд. стереотип. М.: URSS, 2014.*
3. Черниговская Т.В. *Нам срочно нужен мыслитель.* <http://spbu.ru/about/university/media-about-us/science/25538-tatyana-chernigovskaya-nam-srochno-nuzhen-myslitel.html>.
4. Яницкий О.Н. *Социальные движения как предмет гуманитарной эксклюзии // Тезисы доклада на конференции «Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза».* http://www.isras.ru/blog_yan_41.html?
5. *Языки науки — языки искусства / Редактор-составитель З.Е. Журавлева. Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004.*

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бабушкина Е.В. (Барнаул)

Социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями является одной из актуальнейших проблем как современного общества, так и, в частности, социальной работы. На современном этапе развития медико-психо-социальной помощи такой группе населения очень важно знать какие формы и виды помощи существовали в обществе с древнейших времен. Так, социальная работа своими корнями уходит во времена древних славян, которым уже были известны простейшие формы благотворительности. История развития проблемы инвалидности свидетельствует о прохождении сложного пути от физического уничтожения, непризнания, изоляции неполноценных членов общества до необходимости интеграции лиц с ограниченными возможностями и создания безбарьерной среды жизнедеятельности. Другими словами, сегодня

инвалидность становится проблемой не только одного человека или группы людей, а всего общества в целом.

Инвалид - это любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и (или) социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его (или её) физических или умственных возможностей. [«Декларация о правах инвалидов»]

Работа с молодыми инвалидами относится к категории сложнейших вопросов в социальной работе. Проблема социальной адаптации молодых инвалидов – это проблема приспособленности инвалидов к полноценной жизни в обществе здоровых людей, которая приобрела в последнее время особую важность. Это связано с тем, что в новом тысячелетии стали существенно меняться подходы к людям, которые по воле судьбы родились или стали инвалидами.

Вопросы медико-социальной и трудовой реабилитации людей с ограниченными возможностями невозможно решить без участия социальных работников и специалистов в области социальной работы. Поэтому появилась нужда в становлении социальной работы как профессиональной деятельности. Так в 1991 году берет свое начало социальная работа.

В настоящее время в Российской Федерации насчитываются миллионы лиц с ограниченными возможностями, и ожидается дальнейший рост.

Специфика работы с молодыми инвалидами должна заключаться в том, что они значительно труднее адаптируются к негативным социальным изменениям, обладая пониженной способностью к самозащите, в силу чего они оказались самой малообеспеченной частью населения. Положение усугубляется недостаточной разработанностью правовой базы их социальной защиты и поддержки со стороны государства и негосударственных организаций. Встал вопрос об утрате своей эффективности действующих мер государственной политики, направленной на решение проблем инвалидности и молодых людей с ограниченными возможностями, к сожалению.

Существует множество причин проводить исследования в этой области. Так как социально-культурная реабилитация составляет важный элемент реабилитационной деятельности, удовлетворяет блокированную у инвалидов потребность в информации, в получении социальных, культурных услуг, в доступных видах творчества.

Выделим некоторые из них:

1. проблема актуализируется стремительным ростом молодых инвалидов. За последние несколько лет количество молодых людей с ограниченными возможностями в РФ увеличилось на сотни процентов.

2. обострилась проблема инвалидности. Число страдающих различными заболеваниями в России достигло примерно 13 миллионов человек.

3. молодым инвалидам сложнее, чем здоровым людям адаптироваться в жизни. Сложность проявляется в том, что у человека из-за нарушений здоровья возникают барьеры, лишаящие его полноценного существования в обществе, приводящие к ухудшению качества его жизни. Отсутствие надежных социальных контактов может привести к необратимому угасанию интеллектуальных способностей молодых инвалидов, а отсутствие доступной правовой, психологической, социальной и информационной помощи приводит к утрате или неиспользованию ими тех возможностей интеграции в общество, которыми они располагают.

В связи с этим, необходимость выработки стратегии государства по вопросам социальной адаптации молодых инвалидов стала актуальной, механизмы взаимодействия структур государственной власти, работающих с ними, поддержка молодёжных инициатив в области работы с молодёжью с ограниченными возможностями здоровья – все это необходимо для нормального функционирования современного общества.

Все это означает, что инвалидность как социальное явление становится проблемой не одного человека, и даже не части населения, а всего общества в целом.

Сложившаяся ситуация требует от государства осуществления определённых мер, направленных на устранение возникших проблем, на формирование единой модели социальной политики в целом для создания условий достойного существования своих граждан. Проблема, связанная с социальной адаптацией инвалидов, а особенно молодых людей с инвалидностью, требует пристального внимания со стороны государства. Хотя молодые лица с инвалидностью как особый объект социальной работы и социальной политики не выделяются ни в сфере занятости, ни образования, ни в молодёжной политике в целом, ни даже в статистике.

Экономические кризисы современного мира усугубили положение молодых инвалидов. Так как для большинства из них для того, чтобы включиться в активную жизнь общества, приходится преодолевать множество барьеров, как физических, так и психологических, сталкиваясь с той или иной формой дискриминации. «Доступный» транспорт не доступен для них либо из-за его отсутствия, либо из-за дороговизны, поэтому для многих молодых людей, испытывающих трудности при передвижении, часто просто трудно или невозможно выйти из своего дома. Молодые инвалиды сталкиваются с барьерами, стоящими перед возможностью получить образование и работу. Наконец, из-за того, что организации инвалидов мало работают в интересах своих молодых членов, молодые инвалиды не вовлечены в деятельность этих организаций, а если вовлечены, то таких работников-инвалидов очень мало, мало общаются со старшими и более опытными людьми, которые могут послужить для них ролевыми моделями или наставниками. В силу этих факторов молодые инвалиды страдают от изоляции, низкой самооценки и сталкиваются с препятствиями, которые мешают им участвовать в социальной, экономической и других сферах жизни общества.

Встает необходимость выработки и реализации специфических форм, подходов и методов социальной работы с молодыми инвалидами. В организации социальной работы с данной категорией необходимо учитывать всю специфику социального статуса инвалидов не только в целом, но и каждого инвалида в отдельности, их ценности, нужды, потребности, биологические и социальные возможности, определённые региональные и другие особенности жизнедеятельности.

Изменение социального статуса молодого человека с наступлением инвалидности, влечёт за собой прекращение или частичное ограничение трудовой деятельности, трансформацию ценностных ориентиров, самого образа жизни и общения, а также возникновение различных затруднений, как в социально-бытовой, так и в психологической адаптации к новым условиям.

Таким образом, социальная адаптация молодых инвалидов в современном российском обществе имеет своей целью их физическое и, главное, социальное и психологическое благополучие, а с методологической точки зрения представляет собой психосоциальный подход к каждому индивидуально с учетом особенностей личности и конкретной ситуации. Конкретные усилия должны быть направлены не только на помощь людям в борьбе с недугами, но и на изменения в обществе: необходимо бороться с негативными установками, обыденными правилами, «ступенями и узкими дверями» и представить для всех людей равные возможности полноценного участия во всех сферах жизни и видах социальной активности.

1. *Холостова Е.И. Социальная политика и социальная работа: Учебное пособие / Е.И.Холостова. – М.: Дашков и К, 2011. – 208 с.*
2. *Антонович И.В. Практика внедрения инклюзивного образования в Алтайском крае /И.В.Антонович, А.С.Качур // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии /Сб. ст. по материалам XL междунар. науч.-практ. конф. № 5 (40). Новосибирск: СибАК, 2014. – 45 с.*
3. *"Декларация о правах инвалидов" (Принята 09.12.1975 Резолюцией 3447 (XXX) на 2433-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)*
4. *Федеральный закон от 02.08.1995 N 122-ФЗ (ред. от 25.11.2013) "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов"*

ПАТРИМОНИАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Баженов А.М., Мартынова Т. М. (Тула)

При характеристике современной политической жизни России исследователи используют категорию «патримониализм». В социологии М. Вебера патримониализм является формой традиционного политического господства, при которой королевский дом осуществляет произвольную власть посредством бюрократического аппарата. В патримониальных системах администрация и политические силы находятся под прямым личным контролем правителя. Поддержка патримониальной власти обеспечивается не представителями землевладельческой аристократии, а рабами, рекрутами и наемниками.

Многие ученые, приступавшие в 40-50-е годы XX столетия к изучению формальных организаций, опирались на веберовскую модель бюрократии при проведении эмпирических исследований. Если социология организаций рассматривает управленческие структуры во всех сферах общественной жизни, то в политической социологии одним из объектов исследования выступают бюрократические организации, действующие в сфере политики, к числу которых относятся, прежде всего, аппарат государственного управления и политические партии. Изучая

структуру и деятельность таких организаций, политические социологи основное внимание уделяют проблеме власти бюрократии и социальным основам этой власти в различных обществах. Анализ бюрократии в работах М. Вебера неизменно рассматривался как одна из теоретических основ современной политической социологии. Основным источником, в котором представлена теория бюрократии М. Вебера, служит фундаментальный труд немецкого социолога «Хозяйство и общество» [1]. В политической социологии М. Вебера подробно описаны формы управления, предшествовавшие современной рациональной бюрократии. Наибольшее внимание при рассмотрении этих форм немецкий социолог уделил различным вариантам патримониального господства.

Веберовская модель стала особенно популярной в мировой политологии. Она часто используется для объяснения как самой специфики политических режимов в посткоммунистических странах, так и причин их устойчивости [4]. М. Вебер выделил разные типы личной зависимости бюрократии от властителя – от самых жестких, основанных на страхе наказания смертью («султанский тип»), до сравнительно мягких, покоящихся на взаимной экономической выгоде. Все эти разновидности проявляются в политической практике и сегодня. Россия дает достаточное количество примеров для такого рода утверждений, даже на уровне отдельных коллективов.

В. Гельман отмечает: «Патримониализм вслед за М. Вебером рассматривается как способ традиционного господства, основанный на присвоении публичной политической и экономической власти в частных целях, а неопатримониализм – как проявление этой формы господства в современных обществах, противопоставляемой рационально-легальному господству. Поэтому категория неопатримониализма охватывает как политический режим, так и механизм политико-экономического управления государством (governance) и не сводится лишь к одной из этих составляющих» [2].

Отсутствие перемен в условиях включенности России в систему глобальной экономики будет постоянно напоминать о себе растущим отставанием нашей страны в мировой конкуренции. Достаточно образно по этому поводу заметил экономист С. Гуриев: «Ничего нетипичного нет, кроме того, что Россия слишком богатая и образованная страна для того, чтобы иметь недемократический режим. В остальном – это нормальная недемократическая страна, в которой элита всеми силами хочет остаться у власти» [3].

Это вытекает из самой президентско-парламентской модели власти, утвердившейся в России и в других постсоветских государствах. Глава государства единолично назначает и отправляет в отставку правительство страны в целом и отдельных его членов, в том числе премьер-министра. Правительство страны обладает минимальной автономией и выполняет технические (а не политические) функции, реализуя политические решения, принятые главой государства. Такая схема управления соответствует практике неопатримониального господства: правительство выступает лишь как управление делами государства, которое само является «вотчиной» главы государства и возглавляемой им администрации.

В этих условиях правительство выступает уже не как коллективный орган принятия решений, а как функциональный набор чиновников, нанятых главой государства на индивидуальной основе и отвечающих за решение конкретных задач в тех или иных сферах управления. В то же время президент напрямую руководит деятельностью ряда ведомств, прежде всего, «силовых», при этом минуя премьер-министра. Как отмечают исследователи, принятие решений представляет собой сложный и неэффективный процесс согласований между различными ведомствами, а ключевым чиновникам приходится прилагать немало усилий на внутриаппаратную борьбу, что осложняет проведение реформ. Поскольку бюрократия в целом заинтересована в сохранении status quo, то начинания реформаторов тонут в рутине согласований.

Характерным примером неэффективной деятельности институтов в России может служить опыт внедрения «открытого правительства» в период президентства Д. Медведева. Идея создания новой модели открытости и прозрачности государственного управления, предполагающей активное участие граждан в подготовке и принятии решений с использованием современных информационных технологий, активно отстаивалась Д. Медведевым как проявление либерализации. На эту структуру были выделены большие средства, а в самом правительстве появился специальный министр М. Абызов, который стал курировать новое подразделение. Этот институт власти был позаимствован в западных странах. Открытое правительство предполагает как использование Интернета для оказания государственных услуг, так и развитие механизмов обратной связи между правительством и общественностью. К сожалению, на практике проект

«открытого правительства» не оправдал возлагавшихся на него ожиданий и фактически свелся лишь к развитию Интернет-сайтов органов управления и предоставлению возможности гражданам направлять жалобы и предложения в их адрес с помощью современных технических средств. Как правило, сами граждане выступают в роли просителей по отношению к чиновникам, которые по своему усмотрению могут реагировать на эти обращения, либо не отвечать.

Другим примером неэффективности деятельности институтов в России может служить инновационный центр Сколково, который в период президентства Д. Медведева стал предметом его внимания и получил финансирование со стороны государства и бизнеса. Но после ухода Д. Медведева с поста президента уровень финансирования Сколково резко упал, а о его роли как источника развития высоких технологий и экономического роста вскоре забыли.

Итак, модель патримониализма проявляется в политической жизни современной России.

1. Вебер М. *Хозяйство и общество*. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000306/index.shtml> (дата обращения 17.07.2016).
2. Гельман В.Я. «Порочный круг» постсоветского неопатримониализма // *Общественные науки и современность*. 2015. № 6. С. 37.
3. Колесников А. Сергей Гуриев: «Каждый диктатор несчастлив по-своему» // *Новая газета*. 2013. № 146. С. 7.
4. Фисун А. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. Харьков: Константа, 2006.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Базиева Э.М. (Волгоград)

Современное российское общество характеризуется наличием множества социальных проблем, которые не только не решаются, но и обостряются. Всевозможные программы и меры, предпринимаемые правительством страны, не дают ожидаемого результата. Складывающаяся ситуация усугубляет экономический кризис.

Социальные проблемы современного российского общества касаются подавляющего большинства населения. За последние два десятка лет в безумном вихре постоянно меняющейся общественно-политической действительности, все проблемы и пороки России вырвались на свет.[7] Для их решения необходимы серьезные мониторинговые исследования и глубокий научный анализ.

Наиболее острой проблемой для России сегодня является бедность широких слоев населения, которую эксперты ставят на одну из первых позиций по значимости, а в опросах общественного мнения люди указывают ее как самую острую. За минувшее десятилетие рост доходов в стране существенно отставал от роста инфляции. Остается значительным разрыв между беднейшими и наиболее состоятельными гражданами страны. Сейчас 16%, это 22,9 млн человек, населения России проживают за чертой бедности.[2]

Сложившаяся в стране модель бедности – это, прежде всего, результат низкого уровня доходов занятого населения и, как следствие, через их налогообложение – низкого уровня социальных трансфертов. В этой связи феномен российской бедности можно определить, прежде всего, в терминах категорий «рыночной бедности» — бедности, связанной с местом (экономически активного) населения на рынке труда.[9]

В основе официально принятого в России метода измерения бедности лежит концепция абсолютной бедности, когда определяются минимальные потребности (нужды) и круг товаров и услуг, удовлетворяющих эти потребности (состав так называемой минимальной потребительской корзины).[11]

Для борьбы с бедностью, в современной России, необходимо создание условий для самообеспечения, создание рабочих мест, повышение занятости населения, увеличение заработной платы, формирование новой системы поддержки социально незащищенных групп населения, необходимо повышение роли государства и профсоюзов в обеспечении трудовых прав работников.

Сейчас в России насчитывается более 2,5 миллионов граждан, страдающих алкоголизмом, что выводит данную проблему из числа частных, локальных в область государственных проблем.[5] Решением её наряду с медицинскими и социальными работниками занимается государство в целом, гражданское общество и различные общественные институты. Одним из способов преодоления этой чумы является эффективная профилактика и пропаганда здорового

образа жизни. Между тем, злоупотребление спиртными напитками ведет к общей деградации народа и повышению смертности. Нация спивается и причины пьянства разнообразны: трудности, связанные с приспособляемостью к новым условиям жизни; конфликты с окружающими; неудовлетворенность политикой власти, семьей, работой, условиями жизни и т.д.[8]. Социальный ущерб от алкоголизма огромен: распадаются семьи, растет преступность, сокращается продолжительность жизни, падает рождаемость, снижается интеллектуальный уровень общества, падает производство и т.д.

Несмотря на рост рождаемости за последние годы, под влиянием материнского капитала, демографическая ситуация в стране остается проблематичной. Сейчас в России на 1 января 2016 года проживает 146,5 млн человек. Россия – единственная из развитых стран, вымирающая в мирное время. Основные причины рекордной смертности – болезни, в том числе социально обусловленные, убийства и самоубийства, смерти на дорогах, алкогольные отравления [1][6].

В статье 10 ФЗ РФ №323 "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" предусматривается перечень мер обеспечивающий доступность и качество медицинской помощи. Но к 2016 году на реализацию этих мер финансирование только сокращалось. Бюджет отдает на здравоохранение на 16 млрд. руб. меньше, чем раньше, однако Фонд отдает на 31 млрд. руб. больше, чем до этого. В 2015-м тенденция меняется. Бюджетные поступления уменьшаются еще на 17.3 млрд. руб., а Фонд добавляет всего 9.5 млрд. руб.[3] Возникает дефицит средств в следствии которых врачам сокращают заработные платы, годами не меняют оборудование в медицинских учреждениях. Вложения в сферу здравоохранения настолько малы, что средств на повышение качества услуг, улучшение материально-технической базы и обеспечение лекарствами уже не хватит.

Социологические опросы выявляют неудовлетворенность пациентов качеством оказания медицинских услуг. Пациенты жалуются на очереди к врачам, на отсутствие специалистов, долгое ожидание необходимых исследований и госпитализации, на плохую транспортную доступность медицинских учреждений. Помимо этого медицинская помощь удаляется от села, для некоторых сельских жителей - на недосягаемое расстояние. Развитие выездных форм работы крайне ограничено, в то время как по официальным отчетам количество выездных врачебных и медицинских бригад растет.

Определяющее влияние на демографическую ситуацию имеет идентификация населения, т.е. личный и устойчивый выбор людей в пользу того или иного образа себя. При этом идентификация в значительной степени определяется действием систем пропаганды и агитации, прежде всего, СМИ и, особенно, телевидения.

Преодоление демографической катастрофы требует кардинального изменения данных схем в пользу обязательного и гарантированного государственного обеспечения каждой молодой семьи полноценными для воспитания детей жилищными условиями.[10] В настоящее время на федеральном и региональном уровнях имеется чрезвычайно важный и полезный опыт реализации проекта «Молодой семье доступное жилье». Он предусматривает оказание бюджетной поддержки в приобретении жилья молодым семьям, нуждающимся в жилье или улучшении жилищных условий.

Также для борьбы со сложившейся в стране демографической проблемой в России была утверждена концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. В ней определены комплексные меры, следствием которых должно стать улучшение демографической ситуации в стране. Такими мерами являются внедрение комплексных оздоровительных и реабилитационных программ, формирование у различных групп населения мотивации для ведения здорового образа жизни, повышение доступности и качества оказания бесплатной медицинской помощи, пропаганда ценностей семьи, усиление государственной поддержки семей, имеющих детей и т.д.

Одной из причин низкой рождаемости и отрицательного естественного прироста населения являются аборты. На сегодняшний день наша страна занимает одно из первых мест по количеству абортов в процентном отношении к общему числу рожденных детей. 57% всех беременностей заканчивается абортом. В итоге аборты превышают рождаемость в Российской Федерации более чем в 2 раза. Такое огромное количество абортов в нашей стране связано, прежде всего, с экономической и социальной ситуацией в современной России.[4]

Все вышеуказанные проблемы являются наиболее острыми и наиболее опасными для существования и развития российского общества. Решить их можно только комплексно, что зависит не только от доброй воли властных структур, на которую очень сложно рассчитывать, но

и от активной и целенаправленной деятельности общественных объединений и отдельных граждан.

1. И. Белобородов - директор Института демографических исследований. *Депопуляция в России: 15 лет демографической трагедии. Журнал «Демографические исследования», № 6. 2010*
2. Информационный портал «Газета.ru» [Электронный ресурс]. Доступ <https://www.gazeta.ru/business/2015/06/12/6838965.shtml> свободный. (Дата обращения 8.10.2016)
3. Информационно-новостной ресурс - Реформа здравоохранения в России в 2016 году [Электронный ресурс]. Доступ <http://ya2016.com/news/reforma-zdravooxraneniya-2016/> свободный. (Дата обращения 9.10.2016)
4. Информационный портал все о здоровье и красоте «Neboleem.net» [Электронный ресурс]. Доступ <http://www.neboleem.net/stati-o-detjah/6494-statistika-abortov.php> свободный. (Дата обращения 8.10.2016)
5. Официальный сайт Bikersky.ru [Электронный ресурс]. Доступ <http://bikersky.ru/vrednye-privyuchki/statistika-alkogolizma-v-rossii.html> свободный. (Дата обращения 8.10.2016)
6. Патриотический сайт РосФорс [Электронный ресурс]. Доступ <http://www.rosforce.ru/naselenie-rossii/> свободный. (Дата обращения 8.10.2016)
7. Политическая культура современной России. Состояние, проблемы, пути трансформации: - Санкт-Петербург, КДУ, 2009 г.- 168 с.
8. Такала И.Р. *Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России.* СПб.: Изд. София, 2002. 254 с.
9. Тихонова Н. Е. *Феномен городской бедности в современной России.* М.: летний САД, 2003. 408 с.
10. Ткаченко Н. Н. *Демографическая политика России в контексте национальной безопасности// Философия права, № 3, 2009. С. 116—119.*
11. Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) "О прожиточном минимуме в Российской Федерации"

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Балятинская У.А. (Саранск)

Актуальность изучения проблем молодежи обусловлена тем, что именно молодежь представляет собой потенциал для дальнейшего развития общества. Молодежь составляет 30 % населения планеты, и именно она займет со временем ведущие позиции как в экономике и политике, так и в социальной, духовной сферах общества.

Однако молодежь сталкивается с большим числом проблем, вызванных и особенностями молодежи как социальной группы, и теми изменениями (не всегда положительными), которые происходят в современном мире.

Современные ученые считают, что возрастные границы периода молодости условны, их можно определить интервалом от 13—14 лет до 29—30 лет. Однако молодость не столько этап жизненного цикла, сколько определенный социальный статус человека, связанный с основными видами деятельности учащихся, военнослужащих, работающих и т.д. [2, 120].

Положение молодежи в обществе и степень ее участия в созидательной деятельности во многом зависят от действий общества и государства, от социальной помощи и поддержки, от того, насколько эта помощь доступна, действенна и отвечает актуальным потребностям современной молодежи.

Нами были проанализированы нормативно-правовые акты, отчетная документация и актуальная оперативная информация о деятельности субъектов социальной работы с молодежью в Республике Мордовия (далее – РМ). Анализ документов позволил выявить, какие формы социальной работы с молодежью используются в республике и какой результат они позволяют получить.

Социальная работа с молодежью в Республике осуществляется в рамках проводимой молодежной политики и в рамках деятельности системы социальной защиты, работы социальных служб.

В соответствии со ст. 6 Закона РМ «О государственной молодежной политике в РМ» от 12.11.1996 г. № 36-З молодежную политику в РМ осуществляют Глава РМ, Государственное Собрание РМ, Правительство РМ, органы исполнительной власти РМ, а также органы местного самоуправления. Приоритетные направления государственной молодежной политики

определяются в ежегодных посланиях Главы РМ, в которых уделяется значительное внимание мерам по решению проблем молодежи и помощи молодежному движению [3].

Так, например, согласно опросу, проведенному в членских организациях Ассоциации ППО студентов и учащихся РМ, большинство студентов считали недоступным посещение спортивных сооружений Саранска ввиду дорогих абонементов на посещение. Члены комиссии по работе с молодежью Федерации профсоюзов, которые одновременно являются членами Молодежной общественной палаты при Госсобрании РМ, выступили с инициативой о внесении изменений в законопроект «О физической культуре в РМ» в части льготного посещения госучреждений спорта студентами и учащимися учебных заведений республики. Сейчас любой учащийся при предъявлении студенческого или ученического билета имеет возможность льготного посещения спортивных учреждений [4].

Работа отдела социальной практики молодежи построена на сотрудничестве с детско-юношескими и молодежными некоммерческими организациями РМ: МРДЮОД «Истоки», РОО «Детское объединение Мордовии», РОО ООО «Российский Союз Молодежи», ДРОО «Зеленый мир», МРМОД «Созидание», ГМОО «Клуб интеллектуального творчества», РОО «Клуб веселых и находчивых», Патриотическое объединение «Поиск», РОО «Союз педагогических отрядов РМ», СГМОО «Ассоциация «Милосердие», РОО «Союз православной молодежи» и др. [4].

Данным отделом реализуются ряд крупных конкурсов, детско-юношеских и молодежных проектов и программ: Московский Международный Форум «Одаренные дети – будущее России», Республиканский фестиваль «Арт-Профи» для учащихся учреждений начального и среднего профессионального образования, Республиканский чемпионат по интеллектуальному многоборью для учащихся учебных заведений начального и среднего профессионального образования, Республиканский фестиваль «Студенческая весна», Республиканский слет работающей молодежи, Республиканский конкурс лидеров и руководителей детских и молодежных общественных объединений «Лидер 21 века». В целях творческого совершенствования молодежи проводятся: Школа вожатского мастерства, Школа лидеров, Школа социального успеха. В весенне-летний период организуются палаточные лагеря «ПаллаР», «Мы – едины! Мы – команда!», Трудовые лагеря Актива «Истоки», Республиканский трудовой лагерь актива для учащихся учреждений начального профессионального образования.

Сегодня молодежные общественные объединения в Мордовии – это мощное молодежное движение, представители которого ведут работу практически по всему спектру молодежной деятельности: от продвижения одаренной молодежи до поддержки социально-неблагополучных групп населения, от развития молодежной культуры до создания различных форм трудоустройства и трудового воспитания [1].

Молодежные общественные организации различаются по направлениям своей деятельности. В частности, гражданско-патриотическое воспитание подростков является основным направлением деятельности движения «Поиск». Главная цель работы мордовской организации «Российский Союз Молодежи» - объединение граждан и общественных объединений для содействия всестороннему развитию молодого человека, реализации его потенциала в общественной сфере, защиты законных интересов и прав молодежи. Развитие деятельности студенческих отрядов в высших и средне-профессиональных учебных заведениях республики является одним из основных направлений в работе мордовского отделения общероссийского движения «Российские студенческие отряды». Содействие развитию творческого и интеллектуального потенциала молодежи – одна из главных целей Клуба интеллектуального творчества. Формированием, развитием и совершенствованием системы социальной поддержки молодежи занимаются городские организации «Ассоциация «Милосердие» и «Красный Крест». Деятельность движения «Истоки» направлена на развитие детско-юношеской общественной активности и поддержку молодежных инициатив. Интеграция социально-педагогической деятельности и содействие развитию движения студенческих педагогических отрядов – это главная цель в работе «Союза педагогических отрядов Республики Мордовия». Развитие и координация движения православной молодежи в республике для дружбы, взаимной поддержки и посильного служения России является основным направлением деятельности «Союза православной молодежи Мордовии» [1].

Госкомитет РМ по делам молодежи стремится к тому, что бы молодежное движение Мордовии имело реальный политический вес в республике. Не случайно в республике было создано Мордовское республиканское молодежное общественное движение «Созидание», в которое входят почти все значительные молодежные организации республики. Создание движения

«Созидание» дало возможность выразить волю молодежи и ставить проблемы нового поколения на самом высоком уровне [1].

Таким образом, в Республике Мордовия сложилась единая и эффективная государственно-общественная молодежная политика, гармонично соединяющая в себе государственную поддержку молодежи и молодежные инициативы. Реализуется широкий спектр форм социальной работы с молодежью, однако многие проблемы молодежи остаются нерешенными, что позволяет говорить о необходимости дальнейшего развития и совершенствования социальной работы с молодежью.

1. *Отчет о работе Государственного комитета Республики Мордовия по делам молодежи за 2015 г. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mngz.ru/258951-otchet-o-rabote-gosudarstvennogo-komiteta-respubliki-mordoviya-po-delam-molodezhi-za-2015-god.html>*
2. Курбатов В.И. Социальная работа: учеб. пособие / В. И. Курбатов. – М.: Изд-во Дашковых и К. 2007. – 307 с.
3. Закон Республики Мордовия "О государственной молодежной политике в Республике Мордовия" от 12 ноября 1996 г. № 36-3 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/804950368>.
4. *Отчет о деятельности Государственного бюджетного учреждения "Мордовский республиканский молодежный центр" (ГБУ МРМЦ) за 2015 г. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mol-rm.ru/mrmc>.*

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Баранова Г.В. (Орёл)

Формирование гражданского общества характеризуется неоднозначностью форм выражения активности граждан. Иерархически высшей степенью проявления гражданской активности является социально-политическая активность, одним из критериев которой является самоинициативное включение социальных субъектов в процессы управления с целью оказания влияния на общественно-политические процессы [1, 170].

Акцентируя внимание на значимости развития конструктивных форм социально-политической активности, способствующих трансформации общественного развития, становлению демократии, в российском обществе, следует сказать неизбежности деструктивных ее проявлений, о существовании и формировании новых форм протестной активности граждан, имеющих негативные последствия, дестабилизирующих общество, создающих потенциальную угрозу внутренней безопасности государства.

На основе теорий системного [2] и функционального [3] анализа, осуществляется интеграция трех подходов для разработки модели прогнозирования протестных форм выражения социально-политической активности граждан. Особенность каждого из подходов заключается, прежде всего, в способах сбора эмпирической базы: 1) обработка новостных источников сети Интернет, 2) социологических опросов, 3) статистических показателей. Совокупность соответствующих адекватных методов обработки и анализа получаемых данных, позволяет устанавливать количественно-качественное соответствие протестных форм социально-политической активности с социальной напряженностью, вызванной неудовлетворенностью уровнем жизни людей с учетом региональных особенностей современного российского общества.

Первый подход основан на выделении характеристик протестных форм социально-политической активности населения регионов и их показателей на основе анализа текстовой информации открытых новостных источников сети Интернет [4], этапы которого позволяют выделять социальные протесты в регионах России по следующим параметрам:

- по количеству протестных событий, отражающее число акций в исследуемом регионе за определенный период времени;
- по протестной активности населения, отражающей количество участников протестных акций в исследуемом регионе за определенный период времени;
- по формам проявления протестной активности (пикет, демонстрация, шествие, митинг, забастовка, блокировка, голодовка, мятеж, бунт)
- по причинам недовольства населения, которые выделены в следующие блоки: экономический, социальный, правоохранительная система, политический, этноконфессиональный. Каждый блок комплексирован в себе совокупность показателей. Подобная клас-

сификация позволяет наиболее детально анализировать протестные формы социально-политической активности.

Модель включает систему индексов, позволяющих осуществлять детальный анализ протестных форм социально-политической активности.

Для измерения и анализа динамики протестных событий и протестной активности населения в регионах, а так же сравнения регионов по этим индикаторам, вводится индекс протестной событийности, отражающий количество протестных событий в конкретном регионе в исследуемый период времени Δt (формула 1) и индекс протестной активности, позволяющий анализировать активность людей в данном регионе за период Δt (формула 2).

, (1)

где число протестных акций в регионе за исследуемый период; число взрос-лого населения в регионе.

, (2)

где число участников акций протеста в регионе за исследуемый период; число взрослого населения в регионе.

Сравнительный анализ показателей протестной событийности и протестной актив-ности в разных регионах России позволил сделать вывод об отсутствии закономерности корреляции между уровнем протестных событий и протестной активности.

Многолетние авторские исследования показали, что характер акций протеста отра-жает основные причины недовольства населения регионов или отдельных групп социаль-но-экономическим и общественно-политическим положением в стране или в отдельных регионах [5]. С целью выявления причин протестных форм социально-политической ак-тивности и массовости их протестных выражений, в модель введен индекс причинного потенциала протестных событий (формула 3) и причинного потенциала протестной ак-тивности (формула 4).

, (3)

где количество акций протеста определенного характера x_k , в зависимости от причин недовольства nm ; N_g число взрослого населения в регионе.

, (4)

где количество участников акций протеста определенного характера x_k , в зави-симости от причин недовольства nm ; N_g число взрослого населения в регионе.

Расчетные значения показателей, являются важной информацией для регулирова-ния региональной и общегосударственной инфраструктуры.

Значимостью подхода анализа протестных форм социально-политической активнос-ти на основе обработки новостных источников сети Интернет является экономия разного рода ресурсов, прежде всего временных, так как сбор данных и выделение показателей происходит в режиме реального времени, что позволяет обнаружить и принять меры по регулированию роста дестабилизации.

В исследованиях ученых, посвященных общественно-политической активности, ее конфликтным формам выражения[6], в том числе и протестной активности [5,112] отме-чается детерминирующая роль социальной напряженности. Для обоснования и дальнешего прогнозирования развития протестных форм социально-политической активности с вышеуказанным подходом используется анализ протестной активности в соответствии с уровнем социальной напряженности. Особенностью второго подхода является то, что эм-пирическая база создается по результатам массовых социологических опросов. Степень влияния факторов на характер протеста измеряется на основе расчета введенных в модель факторных показателей социальной напряженности, отражающих уровень последней по каждому отдельному фактору, вызывающему рост протестной активности (формула 5).

, (5)

где – показатель степени важности i -го параметра для j -го респондента; – показа-тель уровня неудовлетворенности i -ым параметром j -го респондента; n фактический объ-ем выборки.

Обоснованность подхода, несмотря на трудоемкость, заключается в том, что в от-ветах респондентов не только отражено воздействие внешних детерминант и объективных факторов протестной активности, но во мнении людей скрыто влияние внутренних детерминант и субъективных факторов. Это позволяет увидеть качественно-количественную взаимосвязь между социальным самочувствием людей и выражением их неудовлетворенности в протестных формах. Кроме того, существующий временной лаг между неудовлетворенностью населения и массовыми

акциями протеста, позволяет прогнозировать, а, следовательно, предотвращать деструктивные формы социально-политической активности.

Третий подход к анализу протестного потенциала основан на зависимости развития форм и характера социально-политической активности от развития региональной инфраструктуры. Его особенностью и важным моментом является смещение к статистическим методам сбора и обработки информации, что позволяет использовать огромный достоверный пласт статистических данных, обеспечивая повышение оперативности и достоверности прогноза и снижение затрат необходимых ресурсов.

С целью выявления причин недовольства населения и характера протеста в каждом отдельном регионе устанавливается (и корректируется во времени) регрессионная однофакторная зависимость между изменением значений социально-экономических показателей (p_i) по тому или иному фактору (например, размер заработной платы, уровень преступности и т. п.), факторными показателями социальной напряженности (формула 6) и показателем причинного потенциала протестной активности (формула 7).

, (6)

, (7)

где нормированные значения статистических показателей, i -го показателя.

Вышеуказанная зависимость верифицирована для детерминирующих социально-политическую напряженность факторов, характер которых отражается в основной массе протестных акций. Дальнейшая интерпретация количественных значений факторных показателей происходит по разработанной шкале соответствия уровня (количественной характеристикой, полученной расчетным путем) социальной напряженности ее стадии (качественной характеристикой) и формами проявления [5, 65].

Предлагаемая модель детального анализа протестных форм выражения социально-политической активности на основе интеграции вышеуказанных подходов сбора информации и анализа, позволяет получать своевременную прогнозную информацию деструктивных проявлений социально-политической активности, способную повлиять на выработку решений, существенно повысить их обоснованность и результативность, способствуя сохранению целостности российского государства.

1. Холмская, М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис, 1999. С. 170 – 176.12.

2. Hempel, C. G. The logic of functional analysis // Symposium on sociological theory / L. Gross (Ed.). N.Y., 1959. pp. 271 – 307.

3. Bertalanffy, L. von. General systems theory. Foundations, development, applications, 2 ed., N.Y., 1969.

4. Баранов, А. А., Баранова, Г. В. Структурно – функциональная модель информационной системы анализа протестной активности населения регионов России. // Информационные системы и технологии №1 2013, С.22–29.

5. Социальная напряжённость и формы ее выражения: региональные особенности: монография / Г. В. Баранова – Орел : Академия ФСО России, 2015. – 187 с.

6. Данакин, Н. С. Конфликты и технология их предупреждения / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, В. И. Сперанский. – Белгород : БЦСТ, 1995. – 315 с.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ПРИЧИНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Басимов М.М. (Москва)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

«Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [17].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает последний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [18, 19, 20, 21] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [3, 5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 4] для квантильных разбиений (триады, кварталы, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [6, 7]. При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для квартал (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для квартал (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [22] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [14, 25], демографические планы населения [15, 24], социология профессий [23], здоровье и здравоохранение [16], политическая социология [1] и т.д.

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [6, 7] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [8, 9], этнопсихология [10, 11], психология профессий [12], психология стресса [13] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричны, и для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту «гражданского брака», а также политические предпочтения студенческой молодежи.

Среди нелинейных связей для качественного анализа мы отбираем только те случаи, когда наши коэффициенты силы связи $SV > 0.5$, а линейные корреляции по модулю в 2 и более раза их меньше (близки к нулю).

Рассмотрим четыре зависимости в которых независимым параметром является такой важный для каждого человека субъективный показатель как "Субъективная оценка своего материального положения", т.е. как человеку представляется его материальное благополучие, доволен или нет он им. Зависимые параметры – это параметры политических предпочтений. Характерной особенностью представленных зависимостей – это наличие одной кварталы независимого параметра, для которой сравнительная весомость зависимого параметра значительно превосходит все остальные.

1. Зависимость параметра "Интерес к политике" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X :

$X-1 (Y = -2124)$; $X-2 (Y = -225)$; $X-3 (Y = -247)$; $X-4 (Y = +797)$

Коэффициент силы связи = 0.65 (0.19)

Коэффициент корреляции = 0.17

Субъективная оценка своего материального положения выступает как причина для такого нейтрального к различным политическим силам параметра как "Интерес к политике". Безусловное отсутствие интереса к политике (сравнительная весомость = -2124) наблюдаем у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 квартал). Для квартал более высоких субъективных оценок своего материального положения (2-4 кварталы) картина постепенно выправляется: 2 и 3 кварталы среднего уровня оценивания своего материального положения по интересу к политике приближаются к нулевой сравнительной весомости (-225 и -245). А вот явный интерес к политике является следствием высокого уровня субъективной оценки своего материального положения (+797). Хотя при этом антипатия к политике при низкой оценке материального положения (-2124) значительно более существенная, чем интерес к политике при высокой оценке материального положения (+797).

Таким образом, зависимость практически монотонная возрастающая, но далекая от линейной (коэффициент корреляции = 0.17): с увеличением субъективной оценки своего материального положения происходит рост интереса к политике, но линейная корреляция при

этом не представляет интереса для интерпретации. Кроме того, следует отметить явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.19) значительно меньше силы связи прямой (0.65) зависимости.

2. Зависимость параметра "Отношение к партии Единая Россия" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -167); X-2 (Y= +363); X-3 (Y= -459); X-4 (Y= +1752)

Коэффициент силы связи = 0.78 (0.62)

Коэффициент корреляции = 0.02

Субъективная оценка своего материального положения выступает как причина положительного или отрицательного отношения к партии власти Единая Россия. Безусловное принятие партии Единая Россия (сравнительная весомость = +1752) наблюдаем у молодых респондентов с высокой субъективной оценкой своего материального положения (4 кварта). Для первых трех кварт оценок своего материального положения картина совершенно другая: колебание зависимого параметра вблизи нулевой сравнительной весомости (-167, +363, -459), после чего на 4 кварте наблюдается резкий скачек в положительном отношении к партии власти (+1752).

В отличие от предыдущей зависимости связь практически симметричная: коэффициенты силы связи прямой и обратной зависимости мало отличаются друг от друга (0.78 и 0.62). Но, несмотря на симметричный характер связи она крайне далека от линейной (коэффициент корреляции = 0.02). Причина и следствие для данной пары параметров явно не определяются, что является редкостью для нелинейных зависимостей.

3. Зависимость параметра "Отношение к партии Яблоко" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +1936); X-2 (Y= -170); X-3 (Y= +57); X-4 (Y= -130)

Коэффициент силы связи = 0.55 (0.06)

Коэффициент корреляции = -0.04

Субъективная оценка своего материального положения также выступает как причина положительного или отрицательного отношения к оппозиционной партии «Яблоко», но при этом картина противоположная. Безусловное принятие партии «Яблоко» (сравнительная весомость = +1936) наблюдаем у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта). Для следующих трех кварт оценок своего материального положения наблюдаются лишь незначительные колебания вблизи нулевой сравнительной весомости (-170, +57, -130). Отметим явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.06) значительно меньше силы связи прямой (0.55) зависимости. Значит, положительное отношение к партии «Яблоко», причем очень сильное, формируется только у молодых респондентов, чья субъективная оценка своего материального положения находится на низком уровне, а не наоборот, когда отношение к партии влияет на другой параметр. Линейная корреляция для данной пары параметров интереса не представляет (-0.04).

4. Зависимость параметра "Отношение к Г.А. Зюганову" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +1428); X-2 (Y= -62); X-3 (Y= -526); X-4 (Y= -49)

Коэффициент силы связи = 0.53 (0.27)

Коэффициент корреляции = -0.13

Похожим образом субъективная оценка своего материального положения выступает как причина положительного или отрицательного отношения к другой оппозиционной партии КПРФ, но при этом наблюдается существенное отрицательное отношение (-526) к партии КПРФ для респондентов 3 кварталы независимого параметра, т.е. зависимость можно определить как зависимость с минимумом на 3 кварте и максимальным значением на 1 кварте. Таким образом, наблюдается убывание зависимого параметра с 1 по 3 кварту (с +1428 до -526 по сравнительной весомости), но потом для 4 кварталы с высоким уровнем субъективной оценки своего материального положения происходит переход к более доброжелательному (нейтральному) отношению к партии

КПРФ, после явно отрицательного отношения (-526) для представителей 3 кварты независимого параметра.

Таким образом, безусловное принятие партии КПРФ (сравнительная весомость = +1428) наблюдается, как и в случае партии «Яблоко», у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта), хотя это положительное отношение оценивается в меньшей степени (+1428), чем у партии «Яблоко» (+1936).

Отметим также явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.27) значительно меньше силы связи прямой (0.53) зависимости. Значит, положительное отношение к партии КПРФ, причем очень сильное, формируется только для молодых респондентов, чья субъективная оценка своего материального положения находится на низком уровне, а не наоборот, когда отношение к партии влияет на другой параметр. Линейная корреляция для данной пары параметров интереса не представляет (-0.13).

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. Нелинейная социология – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.
2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
3. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.
4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
7. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods)*. Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
8. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.
9. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.
10. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.
11. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140-155.
12. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.
13. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.
14. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 522-528.
15. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 195-203.
16. Басимов М.М. Здоровье и здравоохранение в демографическом исследовании как объект синергетики // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 сент. 2013 г.). – М., 2013. – С. 119-128.
17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

18. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.*
19. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.*
20. Basimova P.M., Basimov M.M. *Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.*
21. Basimov M.M. *The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.*
22. Basimov M.M. *Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.*
23. Basimov M.M. *Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.*
24. Basimov, Mikhail M. *Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.*
25. Basimov M.M. *Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.*

УРОВЕНЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г.О. ТОЛЬЯТТИ)

Батина О.Э. (Тольятти)

В результате современных процессов глобализации возникает проблема совместного сосуществования различных этнических и социальных групп. Вместе с этим приобретает актуальность проблема толерантности. В данной статье приведен анализ уровня этнической толерантности жителей г.о. Тольятти. Выделены основные факторы, влияющие на уровень толерантности населения. По результатам исследования сделаны выводы о современной ситуации в области межэтнических отношений.

As a result of today`s globalization is a problem co-existence of different ethnic and social groups. Acquires relevance tolerance problem. This article analyzed the level of tolerance of Russian citizens on the example of the inhabitants of Togliatti. We have identified the main factors affecting the level of tolerance of people. We have learned about the prevailing situation today in the sphere of inter-ethnic relations in the country.

В настоящее время каждый человек включен в систему межэтнических отношений и является носителем культуры своего этноса [1]. Важной составляющей эффективного межэтнического взаимодействия является толерантность [2]. Стремление к «свободе» своего этноса производится в основном лишь с помощью отделения и стремления приобрести определенный статус без учета других этносов. В связи с этим требуется создание новых требований и подходов к межсубъектным отношениям этносов.

Для того чтобы более подробно рассмотреть проблему толерантности в межэтнических отношениях нами было проведено исследование уровня толерантности жителей г. о. Тольятти. Гипотезы исследования строились на основе сравнения мнений респондентов по социально-демографическим признакам, основным из которых являлся возраст. В связи с этим выборочная совокупность представлена в пропорции 50/50.

Важное место в исследовании уровня этнической толерантности занимает отношение к культуре и истории других народов. По полученным данным большинство опрошенных (61 %) частично знают о культуре некоторых народов и считают эти знания достаточными. Интересуются другой культурой и хотят узнать об этом больше 32 % респондентов, и всего 7 % отметили, что им интересна только своя культура, культурой других народов они не интересуются. Если сравнивать респондентов по желанию узнать больше о культуре других народов, то молодежь проявляет в этом плане больший интерес (42 %), чем зрелое поколение (22 %). Стоит отметить, что культурой других народов не интересуются 12 % старшего поколения. У молодежи этот процент не велик – 2 %.

Так же выяснилось, что 58 % респондентов считают то, что в их «городе / доме живут представители других национальностей» нормальным явлением. Всего 11 % нравятся данное

явление. Стоит отметить, что 31 % респондентов раздражает, что в их доме/ городе живут представители других национальностей. Что касается возрастных различий, то среди взрослого поколения 2/5 (42 %) респондентов отмечает вариант ответа «зачастую это раздражает». Среди молодежи данный вариант выбрала лишь 1/5 (20 %) часть. Выяснилось что люди с общим, средним и средним профессиональным образованием чаще (47 %) чем респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием (29 %) негативно реагируют на то, что в их доме / городе живут люди другой национальности. Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что уровень образования положительно влияет на толерантность человека. Люди с высшим образованием в большей степени проявляют толерантность по отношению к представителям других национальностей.

Стоит отметить, что при общении с представителями других национальностей чувствуют себя скорее комфортно – 57 % и абсолютно комфортно – 15 %. Варианты ответа «скорее некомфортно» и «абсолютно некомфортно» выбрали 25 % и 3 % респондентов соответственно. Так же выяснилось, что молодежь чувствует себя при общении с представителями других национальностей комфортнее – 80 %, чем взрослое поколение – 64 %. Предполагалось, что мужчины обращают внимание на национальную принадлежность меньше и уровень их толерантности соответственно выше, чем у женщин. Данную гипотезу удалось подтвердить, так как среди мужчин 4/5 (84,2 %) чувствуют себя скорее комфортно или абсолютно комфортно. В то время как среди женщин только 3/5 (64,5 %) чувствуют себя комфортно.

Что касается проблемы нетерпимого отношения к представителям другой национальности или веры в районе проживания респондентов, то 56 % считают, что данная проблема существует. Вариант ответа «да, такая проблема проявляется очень остро» выбрало 5 % опрошенных. Половина респондентов (51 %) считает, что данное явление происходит иногда. Примерно 2/5 (44 %) респондентов отмечают, что данная проблема в г. о. Тольятти отсутствует, среди них 56 % взрослого поколения и 32 % молодежи. Так же важно, что взрослое поколение несогласно с тем, что проблема нетерпимого отношения в их городе проявляется очень остро. Данный вариант выбрала только молодежь – 10 %.

Немало важным для нас было узнать, как респонденты реагируют на проявление нетерпимого отношения к представителям другой национальности. Выяснилось, что отрицательно к данному явлению относится 71 % опрошенных, из них вариант «скорее отрицательно, чем положительно» выбрала половина (52 %), а вариант «крайне отрицательно» – 19 %. Стоит отметить, что 22 % респондентов не придают этому никакого значения, выбирая вариант «мне все равно». Среди них 26 % молодежи и 18 % взрослых. Положительно относятся к проявлению нетерпимого отношения 6 % респондентов: 10 % женщин и 3 % мужчин.

Чтобы тщательнее проанализировать ситуацию в сфере межэтнических отношений, респондентам был предложен следующий вопрос «Как Вы относитесь к диаспорам?». Выяснилось, что большая часть опрошенных (43 %) считает, что диаспоры действуют изолированно, озабочены только проблемами людей своей национальности и готовы защищать «своих» любой ценой. Данный вариант ответа отметила 1/2 (50 %) женщин и менее 2/5 (38 %) мужчин. Что касается возрастных различий, то отрицательно к диаспорам относится 30 % молодежи, в то время как среди взрослого поколения – 18 %. Положительно относятся к диаспорам 1/4 (24 %) часть респондентов. Они отмечают, что диаспоры помогают людям иной национальности приспособиться к жизни в другой стране, налаживают мирное позитивное взаимодействие с местным населением. Однако 33 % респондентов затрудняется ответить на данный вопрос.

Также респондентам был предложен ряд суждений, среди которых были как позитивные, так и негативные. Позитивные суждения среди респондентов распределились следующим образом: «Представители всех наций и религий должны жить в мире и согласии» – 42 %; «То, что Россия многонациональная страна, обогащает ее культуру» – 36 %; «Мне интересна любая другая точка зрения, которая отличается от моей» – 20 %; «Любой межнациональный конфликт можно решить путем взаимных уступок» – 15 %; «Без мигрантов наш город не смог бы решить многие проблемы благоустройства, строительства, торговли, бизнеса и пр.» – 7 %. Что касается негативных суждений, то 41 % отмечает, что есть народы и нации, к которым трудно хорошо относиться; 23 % считают, что Россия должна быть страной для русских; 22 % отметили, что из-за увеличения количества приезжих снижается уровень зарплаты местного населения. С суждением «Большинство преступлений в нашем городе совершают приезжие» согласно 7 % респондентов. Из них 12,2 % молодежи и всего 2 % старшего поколения. Выяснилось, что с суждением «есть

народы и нации, к которым трудно хорошо относиться» согласны 1/2 респондентов старшего поколения. Среди молодежи данное суждение выбирают 3/10. Важно, что среди молодежи есть такие респонденты, которые считают, что их «нация подвержена угнетению и эксплуатации другими нациями» – 4,1 %, причем эти респонденты являются представителями национальности «русские».

Так же стоит отметить, что 56 % женщин выбрали негативные суждения, в то время как среди мужчин 31 %. Так же немало важно, что 26,2 % женщин считают, что «Россия должна быть страной для русских». Что касается возрастных характеристик, то данное суждения отмечало чаще взрослое поколение (26 %), чем молодежь (20 %). Если сравнивать общее число позитивных и негативных суждений, то молодое поколение отмечало положительные суждения чаще (135 %), чем зрелое поколение (104 %), что опровергает предложенную на подготовительном этапе гипотезу о том, что уровень толерантности старшего поколения выше, чем молодого.

Результаты, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что проблема в сфере межнациональных отношений существует и на сегодняшний день является актуальной, что также подтверждается и другими исследованиями [3, 4]. На уровень этнической толерантности оказывает воздействие ряд факторов, в число которых входят пол, возраст и уровень образования. Таким образом, современные процессы глобализации и преобразование российского государства поставили на повестку дня переход к новому толерантному типу социальных и социально-правовых отношений. Для его осуществления необходимо формирование и массовое воспроизводство такого типа личности, который характеризовался бы развитой правовой культурой, одним из важнейших элементов которой является культура толерантности.

1. Желнина, Е. В. Культура как значимый фактор воздействия на инновационную активность современных промышленных предприятий // Концепт. – 2015. – № 05 (май).
2. Желнина, Е. В. Понимание и границы толерантности в современном российском обществе (социологический анализ русского фольклора) // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. Коллективная монография. – Под редакцией Т. Н. Андреюшкиной. – Тольятти, 2013. – С. 254 – 261.
3. Стоян, Ю. В., Желнина Е. В. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое положение индивида в г. о. Тольятти // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. Коллективная монография. – Под редакцией Т. Н. Андреюшкиной. – Тольятти, 2013. – С. 311 – 327.
4. Zhelnina, E. V. Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. -electronic data- Moscow: RSS, 2016. – 378 P. 1 CD ROM; 12 sm - system requirements: Windows XP/Vista/7/10 - Title from disk label. – 2016. – С. 109–115. (0,43 п. л.).

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Бацман О.С. (Полтава, Украина)

The right of people with functional health limitations to integration into society and adaptation to it is one of the requirements of international standards. An important task of the government and other social institutions is to create necessary conditions for children and young people with functional health limitations for overcoming the obstacles that stand in the way of their full life in the society. Efforts should be made to ensure that people in this category become full members of society, share human values, structure them basing on the evaluation of their health and implement their interests according to their specific needs. A person can not always overcome its handicap, but one should make every effort to teach people with disabilities to adapt meaningfully and efficiently in the society that, a priori, is designed to meet the needs of a healthy person.

In our view, training and social experience are the only opportunities for young people in this category to engage in public life, to adapt to their environment, gain confidence, freedom of thought, the greatest possible independence. Access to education makes it possible to study in a higher educational institution, choose learning technology and methods used for adaptation and promotion of individual development of each student with health disabilities and facilitates the processes of adaptation and integration.

The integration of students with disabilities at the university requires mutual adaptation of both parties: students who received secondary education in special schools or at home, to the new learning environment in an integrated environment and higher educational institution to the needs of students with disabilities in special health technologies and learning tools, pedagogical, psychological and social assistance. All of the above determines the relevance of this article.

Today about 10% of the world's population (over 650 million) are disabled. About three million of them live in Ukraine, 10 to 15 million in Russia. According to the UN Development Program (UNDP), 80% of people with disabilities is the share of the developing countries. Despite this, today one can not frequently meet someone in a wheelchair or with a cane in public transport [1]. The reason is the impracticality of the environment to the specific requirements of people in this category. All this makes people with physical disabilities independently seek and find solutions to the problems by means, one of which is computer. Recently, the world has come to realize the role of information technology in social development, so the problem of personal information culture of people with health disabilities has acquired special significance. But there is another problem: how ready is the digital world to accept people with disabilities, what opportunities technical and technological progress gives in the development and self-realization.

Today, only two of a hundred people with health disabilities can get higher education. Most domestic institutions justify their unwillingness to cooperate with students in wheelchairs or persons with hearing disabilities by elementary inadaptability of the programs and inadequacy of learning conditions to the specific needs of the young people with physical limitations. The only university of integrative type in our country where students with functional health limitations study alongside with healthy students is the University "Ukraine", which provides an opportunity to study for all interested persons with health disabilities.

The most effective way to solve these problems is the educational use of computer systems. Today more than 70% of people with health disabilities in Norway, the Netherlands, Finland receive professional training through information (interactive) technology.

Among the most common methods of teaching people with disabilities using information technology are the following: additional training – organization of training sessions, seminars and courses by the unions of disabled people or organizations working in this field; separate training - training in specialized institutions; integrated learning - disabled students study alongside regular students; distance learning - the type of training that is implemented using modern communication technologies and the Internet and provides remote interaction of teacher and student.

Each of the above methods has its advantages and disadvantages. However, basing on the statistical data, the most effective method for people with disabilities is the use of information technology within the additional training.

Enrolling young people with disabilities, universities face a number of organizational, technical, psychological, pedagogical, methodological, social and other problems, including: creation of barrier-free architectural environment for unhindered movement of students with disabilities at the university; creation of a specialized and adapted logistics; preparation of specialized training and methodological support for all categories of students; introduction of special information, educational and psychological technologies to accelerate adaptation and integration of the subjects of educational process; acceleration of adaptation of administration, faculty, support staff and students with health disabilities to education in integrated groups; consideration of the individual needs of students with disabilities and healthy students; organization of psychological support; formation of tolerant attitude toward students with disabilities, understanding their problems; organization of social assistance.

Thus facilitation of adaptation processes, socialization and integration of students with health disabilities in educational and social environment requires development and implementation of various technologies. In our opinion, they are information and Internet technologies, interactive technologies, psychological technologies and barrier-free access to all areas of a higher educational institution. Providing the integrated system of higher education with specific technologies, new methods for this category of students corresponds to the principles of social justice. Young people with disabilities more likely will be employed and integrated into society if they have higher education.

As to the adaptation of disabled students to the educational process in a university, computer technology is indispensable. The hardware and software necessary in this case are voice synthesizers, braille terminals and printers, applications that voice screen and increase its fragments, programs for speech recognition and more.

There are a variety of specialized input devices that people with disabilities can use. These include pedals that replace keys Alt, Shift, Ctrl, light pen, mouse in the form of pens and alternative keyboards. In particular, company Intell Tools produces flat keyboard IntelliKeys. To enter information the user touches the painted icons, letter and numeric keys. In addition, many manufacturers produce switches - electronic devices with a small number of keys that can be programmed to perform certain actions.

In this situation Internet technologies - most expeditious and convenient means of communication - are becoming an important aspect of information relations. We are talking about the construction of a new virtual information space. The last decade is characterized to the library system of Ukraine by introduction and rapid development of Internet technologies.

Email. Due to this oldest means of Internet communications student can get from the teacher or fellow students current tasks and advice, send a teacher or group monitor the made writing assignments, receive and convey the latest information on the number of current tasks or the date of a new session, and so on.

Social Networks. "Odnoklassniki", "Vkontakte" or Facebook do the same work as email, only much faster, because you can ask a companion questions both off-line and on-line, which speeds up the response. In addition, Facebook and "Vkontakte" allow their users to send files in many popular formats, that also provides invaluable assistance to students with special needs.

Applications for communication in real time. ICQ, Mail.ru-agent or Skype - Internet messengers that are very helpful for students with functional health disabilities. Skype, for example, allows video conferencing in real time and helps students albeit virtually, but attend meetings and lectures. All this is very good and adds optimism. However, even here there are some problems. The most important of them, in our opinion, is the steady neglect of providers the rural areas of Ukraine.

Electronic Library. Sources stored on ephemeral media such as paper, film, audio and video tapes, records will be safe from extinction and total oblivion in electronic libraries. Access to these information resources is provided through specialized search engines, Web-interfaces or CD-ROMs, intensive distribution of innovative media, educational experience. Electronic publication of books, encyclopedias, magazines, newspapers or electronic versions of newspapers promote development of innovations; fast and easy access to everything that is in the world. Users can work in electronic libraries, regardless of the physical location of information sources, regardless of the functional limitations of the body at any convenient time of day and in any place convenient for the student [2].

An important aspect is the technology of creating learning places and barrier-free affordability for students with functional health limitations in a high school of integrated type. For this one should create: venues in front for free movement and maneuvering of wheelchairs; specially designed entrance to the building: the presence of ramps, rails, visor above the ramp (in case of adverse weather conditions); in classrooms for students in this category the first rows of desks are without chairs and designed for wheelchair movement; special design of shelves in the reading rooms, allowing self-selection of literature for the students in wheelchairs; a free zone needed to maneuver a wheelchair; the width of the corridor is not less than 140 cm for the passage of wheelchairs. Sufficient width of doorways (at least 80 cm); no thresholds in high school.

Teachers who work in a higher school of integrated type should visit seminars on "Application of information technologies in the educational process," "Tolerant attitudes toward people with disabilities," "Teaching in the integrated study groups", etc.

So, to solve the problems of adapting the subjects of the educational process in integrated groups of a higher educational institution, adaptation technologies should be applied: methods, training, information technology, Internet technology, interactive technology, psychological technologies as well as creation of barrier-free accessibility to all areas of an institution of higher education that will enable all participants to adapt quickly in integrated groups of a higher educational institution.

1. *Особа з вадами здоров'я в сучасному суспільстві: стратегії та основні заходи модернізації взаємин / Наук. ред. д. соц. н., доц. О. М. Дікова-Фаворська. – Монографія. – Житомир : ПП «ДЖІВІЕС», 2010. – 666с.*

2. *Іванова С. М. Роль електронних бібліотек у професійній діяльності вчителя [Електронний ресурс] / Іванова С. М. // Інформаційні технології і засоби навчання: електронне наукове фахове видання / Ін-т інформ. технологій і засобів навчання АПН України, Ун-т менеджменту освіти АПН України; гол. ред. : В. Ю. Биков. – 2015. – № 2 (10). – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/e_journals/ITZN/em10/emg.html. – Заголовок з екрана.*

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Бедрик А.В. (Ростов-на-Дону)

Поликультурные сообщества представляют собой системы с высоким уровнем рисков межэтнического взаимодействия. Сам по себе факт культурной мозаичности сообщества не является фактором распространения этноконфессиональных конфликтов. Однако усиление социальной дистанции между национальными и религиозными сообществами является причиной обострения противоречий между группами на уровне их культурной дифференциации. Особенно эта проблема актуализируется в условиях трансформации этнодемографической структуры сообщества под влиянием иммиграционного процесса. Сохранение стабильности в сфере национальных отношений выступает современным фактором обеспечения безопасности на локальном, региональном и общегосударственном уровнях. Одним из ключевых индикаторов динамики социальной напряженности в сфере межэтнических взаимодействий выступают ориентации старожильческого населения в отношении этнических мигрантов.

Ростовская область относится к числу региона с пестрой этнокультурной мозаикой. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года на территории региона проживают представители более 100 этнических групп, из которых 36 групп имеют численное представительство более чем 1000 человек. Подавляющее большинство населения региона идентифицируют себя русскими: 88,7% от всего населения региона и 90,3% от населения, указавшего в период переписи свою национальность. Совокупно славянские этносы региона (русские, украинцы, белорусы, поляки, болгары) в этнодемографической структуре населения составляют почти 93% от числа указавших свою национальность. Следует отметить стабильность долевого сегмента славянских этносов в структуре населения Дона в межпереписной период: в 2002 году он составлял 92,6%. Хотя в численном отношении произошло сокращение всех славянских народов. Сокращение русских составило 3,6%. По другим славянским этносам сокращение численности в среднем составило 37%. Столь существенные изменения объясняются общерегиональной тенденцией к сокращению населения. Кроме того, данные переписи не отражают результатов миграции населения в регионе в 2014-2015 гг. из Украины в результате получившего развитие вооруженного конфликта. Так миграционный прирост населения Ростовской области за счет переселенцев из Украины в 2014 году составил 4 189 человек, а в 2015 году – 6 238 человек (что является наивысшими показателем миграционного прироста в области за последние 10 лет). Кроме того, в десятку крупнейших этнических групп региона входят: армяне, турки, азербайджанцы, цыгане, татары, корейцы, чеченцы. Крупнейшей диаспорой региона являются армяне, которые относятся к категории исторических диаспор с четко выраженной этнорегиональной идентичностью – донские армяне. Наряду с исторической частью диаспоры в постсоветский период сформировались субдиаспорные группы армян: сухумских, бакинских, «ереванских» [1].

Одной из базовых тенденций трансформации этнодемографической структуры населения является существенное сокращение в последние годы традиционных для региона этнических группы. Так более чем на треть сократились совокупности проживающих в регионе украинцев, белорусов, немцев, евреев, удмуртов, мордвы, коми, поляков, болгар. Заметное сокращение численности в региональной этнической структуре населения затронуло и татар, чеченцев, грузин, греков, чувашей, марийцев, башкир: от 20 до 26%. Наиболее устойчивой является численность проживающих в регионе армян, азербайджанцев, казахов, осетин, табасаранцев, езидов (их общая совокупность возросла от 1 до 11%). Наибольшим приростом за последний десяток лет характеризуются киргизы (рекордный прирост на 253%), турки, узбеки, таджики, ингуши, абхазы, курды [4].

В ходе реализации поискового социологического исследования «Российская повседневность в условиях кризиса (региональный аспект)» сотрудниками Института социологии и регионоведения ЮФУ проводились замеры состояния межнациональных отношений в регионе. В рамках проекта были опрошены 851 человек, репрезентативность проводимых исследовательских процедур обеспечивается за счет разработки и реализации многоступенчатой стратифицированной выборки (тип поселения, территория поселения, пол респондента, возрастная подгруппа, уровень образования, социально-профессиональный статус, социально-экономический статус), апробированной в предыдущих исследованиях ЮРФИС РАН и ИСиР ЮФУ [2].

Как свидетельствуют данные социологического опроса характер межэтнических отношений в Ростовской области можно рассматривать как спокойный. Так на вопрос «Какие события, процессы, происходящие в последнее время в жизни страны, вызывают у Вас наибольшую тревогу?» только 10,8% респондентов ответили наличие межнациональных противоречий в обществе (16-й по популярности вариант ответа из 25 предложенных).

На рискогенность характера межнациональных отношений в Ростовской области указывает то, что половина всех опрошенных респондентов (50,0%) оценивают межнациональные отношения в нашей стране в настоящее время как «внешне спокойные, но внутренне напряженные». В целом, в негативном ключе видят межнациональные контакты 65,8% респондентов, и только 15,2% рассматривают их как доброжелательные или как спокойные. Оценка межнациональных отношений в целом в стране опирается на их обобщенное восприятие, как в регионах проживания респондента, так и за его пределами. Долгое время оценка межнациональных отношений в России как негативных была связана с открытыми этнополитическими столкновениями в республиках Северного Кавказа или этностатусными дискриминациями в других национально-территориальных автономиях [3]. Однако в настоящее время акценты смещаются в сторону миграционной проблематики и происходящих на ее основе этнодемографических трансформаций в регионах-реципиентах миграции. Во многом этим обусловлено то, что и в Ростовской области почти треть респондентов (32,1%) оценивают межнациональные отношения на локальном уровне как внешне спокойные, но внутренне напряженные.

Превалирование добрососедских отношений между различными национальными группами Ростовской области иллюстрирует и тот факт, что абсолютное большинство респондентов региона (82,6%) согласились (51,0%) или скорее согласились (31,6%) с утверждением, что там, где они живут (дома, во дворе, микрорайоне), у них хорошие отношения с приезжими, и только 4,5% выразили в этом вопросе свое несогласие. Фактически в ходе опроса получил очередное эмпирическое подтверждение тот факт, что среди населения, непосредственно контактирующего или живущего по соседству с представителями других национальностей, негативные национальные стереотипы оказываются менее выраженными, чем в среде удаленного взаимодействия. Так свое преимущественное или полное несогласие с тем, что, живя по соседству с приезжими, получается выстроить с ними хорошие отношения выразили только 17,4% респондентов. Основной причиной негативной интерпретации зачастую выступает фоновая социальная напряженность в сфере межэтнических взаимодействий, транслируемая через СМИ и закрепленная в стереотипах общественного сознания.

Таким образом, ситуацию в сфере межнациональных и межконфессиональных взаимодействий на территории Ростовской области по результатам мониторинга общественного мнения можно оценить как стабильно спокойную. Однако анализ ряда приведенных социологических данных свидетельствует о том, что благодаря наличию культурно отличающихся этнических общин происходит накопление негативного потенциала в межнациональных отношениях, который в будущем может быть использован для эскалации межэтнических столкновений. Социальная напряженность, складывающаяся под влиянием экономических и внешнеполитических факторов, может быть в любой момент переориентирована в сферу национальных отношений. В то же время, респонденты не испытывают на сегодняшний день сколь либо заметного ущемления своих прав по признаку национальной или конфессиональной принадлежности. Характер межнациональных взаимодействий в Ростовской области весь постсоветский период был значительно более спокойным, чем в соседних регионах – Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Северного Кавказа.

1. Армяне юга России: опыт социологического исследования: Коллективная монография /Отв.ред. Ю.Г. Волков. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.

2. Бедрик А.В., Сериков А.В. Этноконфессиональные отношения в контексте обеспечения национальной безопасности: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11.

3. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Этнокультурный механизм конструирования конфликтности: опыт кейс-стади в полиэтнических районах Ростовской области: Коллективная монография. – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2012.

4. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник. – Ростов-на-Дону: Ростостат, 2012.

**ПРИЕМНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПОТРЕБНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ
ПОДДЕРЖКЕ**
Безрукова О.Н., Самойлова В. А.(Санкт-Петербург)

Преобладание семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей – один из ожидаемых результатов Государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан до 2020 года» (Распоряжение Правительства РФ №2553-р от 27 декабря 2012 г.). С одной стороны, бесспорно, что наилучшая помощь ребенку, оставшемуся без родителей, – помочь ему обрести новую семью, с другой, это не должно быть самоцелью ради достижения отчетных показателей, что, к сожалению, вполне согласуется с отечественными традициями рапортовать об эффективной работе, не уделяя должного внимания процессу достижения цели. В благополучном (или неблагополучном) исходе семейного устройства ребенка определяющим является именно процесс, включая все этапы создания и функционирования замещающей семьи.

В последние годы наблюдается позитивная динамика семейного устройства как следствие политики деинституализации заботы о детях, оставшихся без попечения родителей, в то же время, уровень вторичных отказов остается высоким. По данным Уполномоченного по правам ребенка, в 2015 году в Санкт-Петербурге количество вторичных отказов выросло в три раза по сравнению с предыдущим годом – до 263 детей, 2015 год стал лидером по этому показателю за последние 7 лет. Отказ семьи по причине отсутствия взаимопонимания между усыновителем и ребёнком предусмотрена ст.153 Семейного кодекса. Однако негативные психологические последствия этой ситуации для ребенка столь серьезны, что случаи отказа необходимо рассматривать как экстраординарные, чрезвычайные, а не как рядовые события. Почему они возникают, с какими трудностями сталкиваются родители и дети в приемной семье, как предотвратить ошибки при принятии решения родителями и органами опеки об устройстве ребенка в семью, какая помощь и в каком объеме требуется приемной семье – эти и другие вопросы рассматриваются в работах таких авторов как Евстратова Е.В., Брецких Е.А., Ослон В.Н, Белогай К. Н., Морозова И. С., Отт Т. О., Шульга Т.И., Семья Г.В. и др.

Исследования функционирования института приемного родительства, проводимые в различных регионах России, позволяют выявлять его общие закономерности, но также отражают местную специфику, понимание которой необходимо для выработки практических рекомендаций по снижению риска вторичных отказов. В 2016 году по запросу АНО «Родительский центр «Подсолнух» авторами проведено исследование, в котором принимали участие приемные родители и специалисты государственных и общественных организаций. Основными методами сбора данных был метод фокус-групп и глубинных интервью. Источником получения эмпирической информации стали также выступления и групповая дискуссия участников круглого стола «Актуальные проблемы замещающей семьи, пути помощи», состоявшегося в июне 2016 г. в приемной Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге С.Ю. Агапитовой.

В качестве концептуальной основы исследования выбран системно-экологический подход, который предполагает обращение к широкому кругу значимых факторов, относящихся к различным уровням экосистемы ребенка, а также анализ процессов взаимодействия подсистем, тех дисфункций, которые отражают противоречия и конфликтные отношения между ними, «ухудшают» экологию жизни ребенка в замещающей семье. В ходе исследования был затронут широкий круг вопросов – психологических, организационных, правовых, социальных. Основные исследовательские вопросы включали изучение проблем и трудностей родителей и детей в приемных семьях, мотивации приемного родительства, причин отказов от детей, потребностей родителей, детей и специалистов в поддержке и др.

В настоящее время приемным родителем может стать любой гражданин Российской Федерации, достигший 18-летнего возраста и отвечающий формальным требованиям о состоянии здоровья, материальной обеспеченности и нравственности поведения. Все граждане, желающие принять ребенка на воспитание в семью, обязаны предоставить в органы опеки и попечительства документ, подтверждающий прохождение ими специальной подготовки. Как показывает опыт, обучение в школе приемных родителей, как бы хорошо оно не было организовано, не гарантирует, что приемная семья станет для ребенка местом его успешной реабилитации, преодоления травматического опыта сиротства, позитивного развития личности ребенка-сироты. А родственники ребенка, берущие над ним опеку или попечительство, и вовсе освобождаются от законодательного обязательства проходить программу подготовки. Специалисты сходятся в

мнении о том, что необходима система сопровождения замещающих семей на всех этапах приемного родительства. На сегодняшний день оно является добровольным, и лишь небольшая часть родителей ищут помощь. В то же время запрос родителей на помощь существует, но не удовлетворяется по разным причинам.

Приемные родители не всегда готовы открыто обсуждать свои проблемы (синдром немотивированного/растерянного/отрицающего родителя). Семье бывает трудно сформулировать (а часто и признать), что у нее есть такая потребность, трудно признать, что они не справляются. Но и те родители, которые ищут помощь, сталкиваются с препятствиями в ее получении ввиду таких причин, как:

- отсутствие поддержки приемной семьи как направления работы на местном уровне. Уделяют Органы опеки и попечительства внимание вопросам поддержки приемной семьи или нет - имеет ситуативный характер;

- недостаток ресурсов у специалистов (временных, помещений, оборудования);

- неподготовленность специалистов к работе с приемными семьями, нехватка профессиональных кадров (это относится к специалистам разных профилей и ведомств – психологам, юристам, специалистам по социальной работе, к тем, кто работает в школах, в социальных службах, в органах опеки и попечительства);

- недостаток/отсутствие информации не только у родителей, но и специалистов. Специалисты ООП не всегда сами знают, куда направить семью за психологической помощью, а также не стремятся распространять эту информацию среди семей. Как результат недоступность профессиональной психологической поддержки;

- отсутствие/слабость/ситуативность межведомственного и межсекторного взаимодействия (связи между государственными учреждениями и НГО, между ООП, центрами социальной помощи семье и детям, школами);

- незаинтересованность на деле органов исполнительной власти в сотрудничестве с негосударственными организациями в использовании их потенциала для создания системы поддержки приемных семей;

- негативные последствия закона №442 для работы с семьей и др.

По мнению специалистов, в настоящее время необходима система, основанная на принципах обязательного сопровождения приемной семьи, установлении договорных отношений с семьей, принятии взаимных обязательств, в том числе обязанности родителей регулярно взаимодействовать со специалистами. Внедрение этих принципов в практику сопровождения приемных семей позволило бы отслеживать динамику развития семьи, своевременно помогать в разрешении семейных конфликтов, адекватно реагировать на формирующиеся потребности детей и родителей. При этом одним из вариантов реализации данных принципов могло бы стать закрепление приемной семьи за конкретным социальным работником.

Важным направлением должна стать просветительская работа с гражданским обществом по избавлению от стереотипов массового сознания в сфере приемного родительства – его героизации и идеализации. Родителям, желающим принять ребенка в свою семью, совершенно необходимо понимать, что динамика детско-родительских отношений в приемных семьях имеет свои особенности и трудности, в приемных семьях возникают специфические проблемы и потребности, и они имеют право и возможность получить доступную и квалифицированную помощь.

Результаты исследования с очевидностью показали, что приемная семья нуждается в мотивирующей и безбарьерной организации системы сопровождения на всех этапах жизненного цикла приемного родительства. Системный подход в решении проблем приемной семьи могла бы обеспечить команда психологов, социальных работников, юристов и самих родителей. Создание и развитие родительских сообществ, клубов приемных родителей как действенных и доступных форм поддержки является также одной из приоритетных форм в системе поддержки приемных семей.

Наконец более совершенной, качественной и неформальной должна стать система оценки родительских навыков и благополучия детей и на всех этапах работы с семьей. Как показали результаты исследования, специалисты органов опеки и попечительства, ориентированные на устройство как можно большего числа сирот в семьи, нередко относятся к оценке формально, «переоценивают» родителей, что приводит к вторичным отказам. Работа с проблемами и потребностями приемной семьи требует высокого профессионализма, культурных компетенций

специалистов, поэтому совершенно необходимо выстраивать отлаженную систему подготовки и повышения квалификации кадров.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ **Белгарокова Н.М. (Москва)**

В статье рассматривается одна из насущных проблем современного общества – это проблема зависимости молодежи от социальных сетей. На основе анализа результатов опроса студентов рассматриваются основные мотивы их обращения к Интернету, их отношение к процессу обучения и специфика интернет-зависимости у молодых людей. Представлены результаты экспертного опроса о качестве подготовки студентов к семинарским занятиям, их заинтересованности в процессе обучения, прогнозов дальнейшего развития системы образования, а также рекомендации по совершенствованию образовательного процесса в высшем учебном заведении.

This article discusses one of the most urgent problems of modern society - it is a problem of young people depending on social networks. Based on the analysis of student survey results are considered the main reasons for their appeal to the Internet, their attitude towards the learning process and the specifics of Internet addiction among young people. The results of the expert survey on the quality of preparation of students for seminars, their interest in learning, forecasts of further development of the education system, as well as recommendations for improvement of the educational process in higher education.

Сегодня очень сложно представить современных молодых людей без социальных сетей. В интернете можно найти всё, начиная от кулинарных рецептов и заканчивая решением интегральных систем. Но проблема заключается в том, что социальные сети и интернет молодежь предпочитает использовать не в самых полезных целях. Пустые переписки, просмотр всевозможных видео и пабликов – вот чем ограничиваются современные молодые люди. Показателем являются самые популярные сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: «МДК» (более 7 млн. подписчиков), «Корпорация зла» (около 6 млн. подписчиков), «Ты не поверишь» (более 5 млн. подписчиков), «Убойный юмор» (4,8 млн. подписчиков). В то время как сообщества о литературе, культуре и спорте едва ли могут похвастаться такой популярностью. Например, публичная страница «Спорт – это жизнь» набирает всего 1,5 млн. подписчиков, а на группу «Литература» подписано всего 300 тысяч человек [1]. Отсюда можно сделать вывод, что современная молодежь использует интернет в качестве развлечения, а не для поиска полезной и важной информации. Причем за компьютером они проводят большую часть своего свободного времени. И если молодому человеку предоставить выбор между «серфингом» в Интернете и чтением книги, то, без сомнения, многие выберут первый вариант. Улучшенные технологии и изобретения отнимают время от учёбы. И вместо того чтобы заниматься, большинство молодых людей посвящает весь свой досуг всевозможным гаджетам. Это же большинство предпочитает музыку, которая представляет собой не что иное, как искорёживание мировых хитов.

С 2008 по 2014 год число молодых людей, проводящих за компьютером около 6 часов в день, выросло почти в 8 раз (с 8,5 % до 72%). Активности, связанные с работой или учёбой, широко распространены в интернете. Так, 45% пользователей читали, скачивали учебники, статьи, книги, 37% смотрели видеоуроки, лекции, обучающие фильмы, 26% обсуждали вопросы, связанные с работой или обучением, в соцсетях, на форумах. В целом пользовались образовательными, обучающими сайтами 21% интернетчиков. На вопрос для каких целей вы используете интернет ответы респондентов распределились следующим образом: общение с друзьями и родственниками (73%), чтение новостей (52%), поиск информации не связанной с работой и образованием (49%), развлечение (47%), работа (34%), покупка товаров и услуг (31%), образование и обучение (24%). Статистика показывает, что в основном интернет используется не для обучения и профессиональной деятельности, а для развлечения, общения и т.п. [2]

Далее, по опросам видно, что 40% респондентов предпочитает очное обучение дистанционному. Потому что очное обучение: более качественное и получает получить больше знаний (18%), при обучении важно личное общение (15%), оно дисциплинирует (4%), привычнее (2%), надежнее и интереснее (1%). 49% считает, что изучение предметов дистанционно отрицательно скажется на качестве получаемого образования. Это может говорить о том, что население, все-таки понимает пользу очного образования и с недоверием относится к дистанционному обучению.

Действительно Интернет помогает нам найти много полезной и действительно нужной информации, но не стоит забывать о других источниках информации и тратить бесценное время, «блуждая по сети». Возможно, следует выстроить такую систему образования, которая сформирует интерес к предметам, позволит студентам пользоваться современной информацией, но в то же время, даст им возможность анализировать, размышлять, рассуждать, а не зачитывать скачанный текст. Иначе мы получим поколение роботов, целиком и полностью зависящих от машины.

Для более детального изучения данной проблемы автором был проведен опрос пяти экспертов среди профессорско-преподавательского состава Финансового университета при Правительстве РФ. Цель опроса состояла в получении объективной оценки у экспертов Финансового университета о качестве подготовки студентов к семинарским занятиям, их заинтересованности в процессе обучения и прогнозы дальнейшего развития системы образования, а также получение рекомендации по совершенствованию образовательного процесса в университете.

В ходе интервьюирования было выяснено, что все эксперты заметили, что отношение студентов к процессу обучения изменилось в отрицательную сторону, особенно это проявляется на старших курсах. Эксперт № 2 отметила, что исчезла глубина погружения, нет стремления к знаниям у студентов, а эксперт № 3 заметила, что чем старше курс, тем больше они чувствуют свободу и не так ответственно относятся к выполнению домашнего задания. Также эксперт № 3 считает, что студенты вообще перестали работать на занятиях, студенты реально перестают вообще учиться, отсутствует интерес. Все эксперты подтвердили, что гаджеты влияют на процесс обучения. Эксперт №1 указал, что они затормаживают работу мышления у студентов, а эксперт №4 считает, что из-за них студенты не мыслят, не производят сознательное осмысление предметов, и, как следствие, не развиваются. Если рассматривать количество студентов активных на занятиях, то все эксперты оценили ее ниже средней, за исключением эксперта №5 (70%). Качество подготовки студентов к семинарским занятиям в среднем оценено на 4 балла, это можно объяснить тем, что существует стимуляция баллами студентов, которые подготавливают хорошие презентации. Среди проблем, существующих в студенческой среде, все эксперты выделяли в основном следующее:

- трудоустройство по специальности, неумение учиться, отсутствие навыков;
- вуз не создает условия для работы;
- высокая конкуренция;
- присутствие чувства вседозволенности у некоторых студентов;
- маленькая мотивация у многих студентов.

Решить эти проблемы эксперты считают можно следующими способами:

- повышение роли учебного труда, обеспечение обязательного трудоустройства (гарантированное распределение бюджетников), введение профориентации в школе;
- проведением вечерних занятий;
- сбалансированностью рабочего труда, согласованностью программ процессов обучения и потребностей потребления рабочего труда;
- внедрение производственного коллектива и системы контроля;
- повышение мотивации у студентов.

В основном эксперты согласны с утверждением, что современное поколение владеет большим количеством информации и знает намного больше, чем их родители, а каждое поколение становится все более интеллектуально развитым. Однако эксперт №5 отметил, что современное поколение не умеет систематизировать полученные знания. Тем не менее, в целом эксперты дают положительный прогноз по студенческой социализации, но только при условии, если решить, определенные проблемы, существующие на сегодняшний день. В системе образования необходимо внедрять профессиональный стандарт, рабочие программы и планы должны быть согласованы между дисциплинами и по курсам. Что же касается самих студентов, то они должны: развивать аналитическое мышление, повышать уровень культуры и мотивацию к учебе.

Проведенный опрос подтвердил наши опасения, что качество образования и сам процесс обучения меняется в отрицательную сторону. Век новых технологий с компьютерами и всевозможными гаджетами, не только дает доступ к получению новых знаний и навыков, а нередко наоборот оказывает отрицательное влияние на подрастающее поколение. Поскольку они разучились, думать, рассуждать, выделять основные мысли, анализировать, подводить итоги. Для них все готово и создано уже другими людьми. Данная тенденция не может не пугать, ведь в

дальнейшем мы можем не только не эволюционировать, а наоборот, регрессировать, что может привести к непредсказуемым последствиям, которые трудно описать даже самому знаменитому фантасту. Потому как человек перестал читать книги, конспектировать лекции, отвечать устно, он просто читает приготовленный кем-то материал даже не всегда основанный на достоверной информации.

Чтобы избежать отрицательных последствий, необходимо как можно быстрее адаптироваться под современный жизненный уклад, с пользой использовать новые технологии, чтобы они были в помощь студентам, а не во вред. Нужно пересматривать существующую систему образования и решать ее проблемы. Но этого также недостаточно, необходимо сделать так, чтобы каждый студент понимал всю важность процесса обучения и многосторонне подходил к изучению учебных дисциплин, мотивировать его заниматься самообразованием и нацеливать не только на материальный результат, но и на духовное развитие, обогащение знаниями.

1. *Опрос интернет обучение- <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12256> (Дата обращения: 26.09.2016)*

2. *Официальный сайт ФОМ <http://fom.ru> (Дата обращения: 26.09.2016)*

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Белкина В.А., Килимова Л.В. (Курск)

В реалиях современного общества особое значение получает такой вид воздействия на массовую аудиторию, как социальная реклама. Ее социокультурное влияние на общество проявляется не только в формировании различных потребностей, но и в распространении социальных ценностей и стереотипов. Современные социокультурные условия, в которых находится российское общество, характеризуются большим объемом разнородной информации, воздействуют на систему ценностей, трансформируя ее. Личность, ежедневно погружаясь в гетерогенную информационную среду, испытывает необходимость переоценки ценностей, поскольку процессы модернизации общества оказывают влияние на все его сферы, в том числе и духовную составляющую каждого из нас [1, 87]. Одним из каналов получения информации выступает социальная реклама, целью которой является – не оставить без внимания ту или иную проблему, изменить отношение людей к этой проблеме и в дальнейшем создать новые социальные ценности. Социальная реклама – один из важнейших коммуникационных каналов управления процессом становления принципиальной иной системы ценностей в массовом сознании [2, 7]. Она обладает широкими возможностями изменения социальных институтов современного общества.

Сегодня много внимания уделяется вопросам места и роли социальной рекламы в формировании морально-нравственных ценностей современной молодежи. В наше время молодежь большую часть своих знаний берет из СМИ, поэтому социальная реклама становится одним из эффективных способов получения информации о действительно важных вопросах жизни – нравственных ценностях. Процесс становления ценностной системы студенческой молодежи происходит в условиях кризиса основных социальных институтов гражданского общества. С проблемой становления и развития ценностных ориентаций напрямую связан процесс социализации, который в информационном обществе происходит иначе, по сравнению с предшествующими эпохами [3, 74]. Информация и ценностная нагрузка активности личности в условиях модернизации современного общества представляет собой ядро жизнедеятельности и залог успешного развития будущих специалистов. Система «практика – информация – ценность» нерасторжима [4, 115]. Потребности и ценности задают направленность активности молодежи, служат интегрирующим началом для придания смысла деятельности. Разные типы отношений между потребностями, интересами и ценностями порождают разные пути и уровни ее социокультурных практик [5, 142].

В последнее время мы видим все более возрастающий интерес общественности к социальной рекламе. Это в свою очередь способствует увеличению количества исследований, анализирующих различные аспекты функционирования данного феномена. Однако, несмотря на безусловную практическую ценность данных работ, исследование социальной рекламы в России зачастую носит узкопрофильный характер. Проблема отношения студентов к социальной рекламе является в большей степени объектом эмпирических социологических исследований, результаты которых представлены в работах М.Ю.Бородиной, П.А. Волошина, А.А. Вугмана, И.М.

Крючковой, П.А. Чукреева, А.В. Тогошиевой и др. Студенческая молодежь исследуется в научных проектах, осуществляемых такими учеными, как И.В. Васенин, В.И. Добрынин, Т.Н. Кухтевич, Н.Л. Смакотина и др.

Исследователями установлена важность и ценность социальной рекламы в формировании ценностных ориентаций молодежи. Однако, для нас предельно важным является вопрос, как сама молодежь реагирует на социальную рекламу, обращает ли на нее внимание? Эффективна ли она, заставляет задуматься? Имеет ли она воздействие на их мнение и поведение? Все эти вопросы явились основанием для проведения социологического исследования с целью оценки эффективности социальной рекламы как фактора социализации студентов, а также выявления их отношения к социальной рекламе в целом.

Социологическое исследование, проведенное в г.Курске в апреле 2016 года, осуществлялась в два этапа: первый – социологический опрос, второй – эксперимент. В исследовании приняли участие студенты очной формы обучения ЮЗГУ объемом 100 человек.

В ходе исследования было выявлено в большей мере положительное (около 40%) и нейтральное (около 50%) отношение современной студенческой молодежи к социальной рекламе. По мнению респондентов, наиболее актуальными проблемами, показанными в социальной рекламе, являются проблемы алкоголизма, курения, наркомании, ВИЧ и других заболеваний, загрязнения окружающей среды. Большинство опрошенных студентов (около 60%) считают социальную рекламу необходимым компонентом общества, способным оказывать влияние на поведение людей. Около половины всех опрошенных сказали, что они обращают внимание на социальную рекламу и задумываются над своим поведением вследствие ее влияния. Также мы выяснили, что социальная реклама заставляет студентов задуматься над теми проблемами, которые в ней освещены, и вызывает по большей мере чувства тревоги, страха, переживания и беспокойства.

Во второй части исследования мы решили выяснить, насколько социальная реклама влияет на отношение студенческой молодежи к социально значимой проблеме. В качестве такой социально значимой проблемы нами была выбрана проблема употребления алкоголя. Мы решили узнать, насколько будут различаться мнения по поводу употребления алкоголя среди двух идентичных студенческих групп. Нами были подобраны две группы численностью 60 человек и выровнены по социально-экономическим признакам. Одна из этих групп стала контрольной, другая – экспериментальной. В экспериментальной группе мы предложили студентам посмотреть социальный ролик о том, как убивает алкоголь, после просмотра, они должны были заполнить анкету с соответствующими вопросами об их отношении к алкоголю, впечатлениях о просмотренном ролике и воздействию этого социального ролика о вреде алкоголя на них. Таким образом мы предположили замерить воздействие социальной рекламы на студентов. В контрольной группе мы предложили студентам заполнить анкету, аналогичную предназначенной для экспериментальной группы, без просмотра ролика с социальной рекламой. Гипотеза эксперимента была следующей: если мы обнаружим различие в ответах на вопросы анкеты между студентами контрольной и экспериментальной групп, следовательно, социальная реклама имеет возможность воздействовать на студенческую молодежь и менять их поведенческую модель в пользу выработанных правильных ценностных ориентиров.

В ходе эксперимента мы выяснили, что социальная реклама оказывает социализирующий эффект на студентов, имеет возможность воздействовать на студенческую молодежь и менять их поведенческую модель в пользу выработанных правильных ценностных ориентиров. Данное заключение подтверждается следующим:

1) после просмотра социального ролика о вреде алкоголя, участники экспериментальной группы, в отличие от участников контрольной группы, высказали мнение о том, что социальная реклама является эффективным средством в борьбе с алкоголизмом;

2) показ ролика с социальной рекламой повлиял на мнение студентов, относительно алкоголя, считающих, что регулярный показ социальных роликов против алкоголя среди молодежи может изменить их поведенческую модель в отношении алкоголя;

3) социальный ролик заставил студентов задуматься о своем поведении, более чем у 50% студентов экспериментальной группы появилось желание изменить свое алкогольное поведение;

4) у около 70% студентов после просмотра социального ролика появилось желание уменьшить или совсем отказаться от употребления алкоголя.

Таким образом, многие проблемы молодежи можно решить, проводя масштабную и грамотную молодежную политику, основанную на акциях социальной рекламы. Она является

важным фактором социализации молодежи, в том числе студенческой. Социальная реклама может быть использована в решении социальных проблем экономического характера, в сфере информатизации и популяризации нравственных устоев общества, в сфере веры и духовно-патриотического воспитания, в сфере экологии и правового образования широких масс населения. Применяя социальную рекламу общество целенаправленно способно влиять на поведение людей, трансформируя его в нужном направлении.

1. Килимова, Л.В. Влияние информационной среды на систему ценностей личности в модернизирующемся обществе [Текст] / Л.В. Килимова // Известия Юго-западного государственного университета, серия: экономика, социология, менеджмент. - ЮЗГУ, 2012. – № 1. – С. 85-90.
2. Кузнецов, П.А. Социальная реклама: Теория и практика: учебное пособие / П.А. Кузнецов. – М. : Юнити-Дана, 2012. – 375с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=118144> . (Дата обращения 03.04. 16.)
3. Вугман, А.А. Общая характеристика восприятия рекламного воздействия [Текст] / А.А. Вугман // Вестник университета. Серия социология и управление персоналом. – 2002. – №2. – С. 73-82.
4. Килимова Л.В. Профессиональная социализация студентов ЮЗГУ в условиях модернизации системы высшего профессионального образования [Текст] / Л.В. Килимова, И.А. Федосова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 114-121.
5. Килимова Л.В. Детерминизм ценностей и социокультурных практик молодежи в инновационном пространстве [Текст] / Л.В. Килимова // Социо-антропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации: Сборник статей международного научного вебинара / Отв. ред. И.А. Асеева. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, ЗАО «Университетская книга», 2015. – С. 137-144.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК СУБЪЕКТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕРКВИ АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ В РОССИИ)

Белова Т.П. (Иваново)

Социологический анализ социальных проблем включает выявление «всех субъектов проблематизации и понимания соответствующих стратегий их поведения» [1, с. 117]. К таковым в России, несомненно, относятся и религиозные организации.

Видение ими социальных проблем и путей их решения излагается в специальных программах. Первый подобный документ подготовила и приняла в 2000 г Русская православная церковь Московского Патриархата [2]. В дальнейшем свои социальные учения сформулировали и утвердили российские мусульмане, иудеи и ряд протестантских организаций.

По данным социологических исследований наибольшую социальную активность проявляют протестанты. Несмотря на то, что согласно результатам общероссийского опроса в рамках проекта «АРЕНА» (Атлас религий и национальностей Российской Федерации), проведенного в 2012 г. в 79-ти субъектах страны (N = 56 900 чел.), таковыми себя определяют менее 0,5 % россиян [3, с. 6], по общему количеству протестантские организации занимают второе место после РПЦ МП и отличаются наиболее высокой степенью вовлеченности во все виды религиозных практик, глубоким проникновением в догматы религии, а также стремлением к консолидации и повседневному взаимодействию, готовностью к самопожертвованию, благотворительности и волонтерской деятельности [4, с. 243, 245]. Следовательно, религиозные объединения протестантов представляют наибольший интерес для социологии социальных проблем.

К крупным протестантским организациям России относится Церковь адвентистов седьмого дня (ЦАСД). Данная конфессия возникла в 30-е г. XIX в. в США. В её вероучении акцент делается на Втором пришествии Христа (adventus – латин. пришествие), а седьмым днем недели признается суббота, которую необходимо почитать.

Первые общины АСД в нашей стране появились почти 150 лет назад в среде жителей немецких колоний в Крыму, на Северном Кавказе, в Среднем и Нижнем Поволжье. Первая адвентистская группа, состоящая исключительно из русских, была создана в 1890 г. в Ставрополе. И в период Российской империи, и в советское время ЦАСД подвергалась гонениям, что осложняло её институционализацию.

В «Основах социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России» неотъемлемой частью церковной жизни признаётся социальное служение, т.е. деятельность по решению социальных проблем. Оно трактуется в трех аспектах: 1) «как благотворительность одних имущих, по отношению к другим – неимущим»; 2) как «кропотливый труд по избавлению человека от власти присущего ему зла и воссозданию в нем Божьего образа и подобия»; 3) «как помощь в реализации каждым человеком его личностного потенциала» [5, с. 195-196].

Социальное служение ЦАСД базируется на двух принципах: достоинстве человека и солидарности. Согласно первому принципу, человек, нуждающийся в социальной заботе, это не «объект жалости», а личность, «субъект своего собственного развития». Ему следует не пассивно ожидать помощи, а благодаря поддержке вновь становиться «активным участником жизни, реализовать заложенный в нем Богом потенциал» [5, с. 196-197]. Второй принцип основывается на взаимоуважении и взаимной ответственности и предполагает, в частности, «способность поставить себя на место униженного человека, посмотреть на мир его глазами», а также «взаимное уважение помогающих и нуждающихся» [5, с. 198]. ЦАСД выступает за сотрудничество в решении социальных проблем государственных, общественных и религиозных организаций, которое должно осуществляться в рамках правового поля и отвечать требованиям свободы совести. [5, с. 201]. Таким образом, для адвентистов характерно комплексное видение социальных проблем и стратегий их разрешения, органично сочетающее их объективистское и субъективистское толкования.

В структуре ЦАСД есть специальные отделы, занимающиеся социальной работой с населением. Сотрудники отделов «Служение семье» ведут при загсах добрачное консультирование, выступают в клубах, ДК, на производстве, в учебных заведениях. Члены ЦАСД, работающие в отделах «Женское служение», организуют помощь беспризорникам и воспитанникам детских домов, собирают для них одежду, продукты питания, игрушки, помогают малообеспеченным людям, заключенным, пациентам больниц.

Деятельность Молодёжного и Подросткового отделов осуществляется молодыми адвентистами. Они приводят в порядок городские улицы и парки, убирают подъезды, шефствуют над детскими садами и домами, помогают одиноким, больным и престарелым, реализуют специальные программы по социальной помощи молодёжи, организуют молодёжные лагеря.

Ключевую роль играют отделы Здоровья, которые сотрудничают с Молодежным и Семейным отделами, создают специальные клубы по профилактике всякого рода зависимостей, проводят выставки здоровья, на которых даются рекомендации по улучшению здоровья, организуют школы здорового питания, клубы здоровья; устраивают молодёжные акции против табака, наркотиков, алкоголизма [5, с. 204-207].

Забота о здоровье, формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) – это важнейшее направление социального служения ЦАСД. В отличие от других социальных концепций российских религиозных организаций в «Основах социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России» есть специальная глава «Здоровье человека и народа» [5, с. 140-148]. Здоровье адвентисты понимают как сложный социальный феномен, в котором можно выделить несколько измерений: ценностное (здоровье высшая ценность), нормативное (необходимо следовать нормам ЗОЖ, изложенным в Библии и санитарной реформе Е. Уайт), информативное (выпуск литературы о здоровье, организация центров, клубов и школ здоровья), деятельностное (практическая реализация адвентистского учения о здоровье) и актуальное (состояние здоровья в настоящий момент) [6, с. 179-180].

В ходе глубинного интервью, проведённого с марта по май 2015 года Ивановской общине ЦАСД (n = 23 чел.), было выявлено, что членство в ЦАСД создаёт определённые социальные проблемы. Так, некоторые информанты трудоспособного возраста утверждали, что испытывали из-за субботы трудности на работе. Почитание субботы, а также пищевые предпочтения (запрет свинины, чая, кофе), отказ от алкоголя иногда являются причинами конфликтов в семье. Но чаще всего информанты указывали на неприятие их конфессиональной идентичности со стороны окружающих.

Указанные трудности адвентисты расценивают как испытания и не собираются уходить из церковной общины, т.к. в ней они находят дружескую поддержку, как в материальном, так и в духовном плане. Все члены Церкви встречаются вне служб, проводят совместный досуг, участвуют в социальных акциях, т.е. не только решают свои собственные социальные проблемы, но и оказывают помощь нуждающимся.

Информанты указывали на то, что членство в адвентистской церкви изменило их отношение к православным верующим, причем в отрицательном ключе, что противоречит официальной позиции ЦАСД, ориентированной на уважительное отношение «к последователям различных религиозных учений, ко всем людям доброй воли, независимо от их мировоззрения» [5, с. 193]. Никто не отметил социальное партнёрство с государственными, общественными и религиозными организациями. Таким образом, нормативная модель ЦАСД как субъекта решения социальных проблем и её реальное воплощение не во всём совпадают.

1. Симонова Т.М. Социологическая модель анализа и решения социальных проблем // *Проблемы теоретической социологии. Вып. 6: Межвуз. сб. / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 108-118.*
2. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: ОВЦС МП, 2001. 128 с.*
3. АРЕНА: *Атлас религий и национальностей Российской Федерации. М.: Среда, 2012. 240 с.*
4. Каргина И.Г. *Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М.: МГИМО-университет, 2014. 278 с.*
5. *Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России. М.: ЕАДАСД, 2003. 224 с.*
6. Белова Т.П. *Социальный опыт Церкви христиан адвентистов седьмого дня в России по формированию и реализации здорового образа жизни // Здоровье как ресурс / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2010. С. 176-181.*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ

Беляева Л.А. (Москва)

Самое общее определение общественных, или социальных отношений основывается на признании социального взаимодействия, существующего в любом обществе, которое определяется типом общества, уровнем его экономического, политического и социокультурного развития. Общественные отношения осуществляются в исторически обусловленных формах. Они воплощаются в социальных практиках отдельных индивидов, групп, организаций и общностей, а также внутри последних в процессе их экономической, политической, культурной и т. п. деятельности. Определенные возможности в социологическом изучении системы общественных отношений открываются, если перейти с уровня высокой абстракции к уровню социальных практик и социального взаимодействия. Здесь конкретизация и анализ социальных отношений может быть произведена в категориях, описываемых в теории социального капитала.

Социальный капитал первоначально рассматривался в экономической литературе как элемент нематериальных ресурсов предприятия, получивших большое влияние в инновационной экономике. Было показано, что наряду с человеческим капиталом этот вид нематериальных ресурсов служит развитию экономики знаний и определяет её уровень и возможности в каждой отдельно взятой стране. Использование нематериальных ресурсов в информационной экономике предполагает существование в обществе определенной социальной и институциональной среды, которая включает в себя высокий уровень и качество человеческого капитала, торжество закона и личную безопасность граждан и бизнеса; высокое качество жизни, другие условия, способствующие развитию индивидуального творчества и новаторства, в том числе предпринимательства.

Проблемы социального капитала стали активно обсуждаться в последние 15 лет экономистами, социологами и политологами. Это понятие востребовано в междисциплинарных исследованиях. Начало в разработке проблемы социального капитала положили П. Бурдье, Р. Патнем, Дж. Коулмен, Ф. Фукуяма и некоторые другие ученые [1]. Между их подходами существуют различия, проанализированные в статье. В чем сходны позиции исследователей, так это в исключении из социального капитала государственных институтов. Но институты общественные, институты гражданского общества – его неотъемлемая часть, более того, накопление социального капитала создает предпосылки для становления и развития гражданского общества. Собственно, преодоление узко экономического взгляда на значимость социального капитала в обществе сделали именно философы и социологи, которые стали рассматривать социальный капитал как основу групповых солидарностей, воплощенных в трех элементах: социальные сети, общие нормы и доверие, которые вместе создают специфическую форму

капитала. Социальный капитал от других форм капитала отличается тем, что он “воплощается” не в объектах и субъектах, а в отношениях субъектов. Поэтому невозможно приобрести или передать другому лицу право собственности на него. В связи с тем, что элементы социального капитала взаимосвязаны и зависят от уровня анализа (micro, mezo, macro), установить первичные факторы социального капитала и определить их влияние достаточно сложно. Тем не менее существуют убедительные межстрановые исследования, показывающие зависимость уровня экономического и социокультурного развития страны от уровня доверия в обществе – доверия между людьми, доверия государственным институтам, доверия общественным организациям.

В последние два десятилетия в отечественных публикациях делаются попытки проанализировать социальный капитал и его влияние на локальные сферы общества. Но почти вне анализа остаются более общие вопросы существования социального капитала – его объема, структуры, региональных особенностей. Отставание в анализе социального капитала в России объяснимо, поскольку длительное время считалось, что экономический рост обеспечивается наличием физических, финансовых, человеческих, культурных ресурсов. Затем стали уделять большее внимание проблеме создания современных институтов развития. Но оказывалось, что эти институты не всегда успешно приживаются в обществе и не оказывают на его развитие ожидаемого действия. Существует нечто, что препятствует успешному развитию. Это нечто в России вновь возрождалось, когда ослабевало административное воздействие и контроль за деятельностью институтов. Есть основания предполагать, что именно социальный капитал, его неразвитость и нефункциональность, его архаичность на многих территориях, препятствуют модернизации российского общества.

В анализе социального капитала и его влияния на развитие общества значима роль компаративистских исследований, которые выполняются международными исследовательскими коллективами, в частности, в рамках Европейского социального исследования (ESS), а также Всемирным банком.

Обратим внимание, прежде всего, на проблемы доверия в обществе. Доверие является ядром социального капитала, его уровень коррелирует с уровнем демократии и экономического развития страны. В странах развитой демократии высокий уровень доверия институтам общества сочетается с довольно высоким интересом к политике, конвенциональным и неконвенциональным политическим участием, демонстрирующим отношение к политической системе в целом, ее отдельным элементам, нормам, ценно-стям, принимаемым решениям. В России эти элементы демократии развиты сегодня слабо, в обществе царят абсентеистические настроения при низкой заинтересованности граждан в политике и слабой политической активности. По данным ESS, по индексу доверия между людьми Россия занимает 16-е место среди 23 европейских стран. Впереди России большинство стран с более высоким уровнем модернизации. Максимальный уровень доверия в Дании – 6,45 по 10-ти балльной шкале.

Доверие государственным институтам и общественным организациям в России одно из самых низких на фоне европейских стран, в стране вообще широко распространено недоверие к государственным организациям. Исключение составляет действующий президент РФ, которому в 2015 г. доверяли и полностью доверяли 72 % опрошенных, 15 % не определились с ответом и только 13 % высказали недоверие. В доверии действующему президенту отражается персонифицированное отношение к главе государства. Высокий уровень доверия президенту фиксируют все ведущие социологические центры, что отражает доминирующую роль В.В. Путина в решении большинства проблем России и его положение лидера в патриотической мобилизации населения.

Другие государственные и общественные институты вызывают доверие у значительно меньшего числа респондентов. При этом отношение к некоторым институтам значительно меняется в последний период. Например, по сравнению с 2010 г. снизилось доверие к церкви – с 62 до 48 % респондентов, выросло доверие к армии с 37 до 61 %. Другие институты сохраняют свои позиции во мнении населения, причем уровень доверия к ним довольно низок (значительно менее 50 % опрошенных). Это политически партии, профсоюзы, прокуратура, СМИ, парламент – Дума и Совет федерации. И это положение принципиально не меняется за последние годы.

Специального внимания заслуживает рассмотрение доверия населения к правоохранительным органам, составляющим важный фактор непосредственного влияния на качество жизни в стране и в регионах, а также неотъемлемый элемент функционирования социального капитала в стране. Наше исследование показало, что в России низкий уровень доверия судебной-правовой системе и еще более низкий уровень доверия полиции. По всем этим

показателям Россия занимает место в последней пятерке из 30-ти стран, участвовавших в исследовании ESS в 2002 – 2012 гг. Причем характерно, что в большинстве стран Европы доверие полиции выше, чем судебной-правовой системе каждой страны. В России наоборот - полиции доверяют только 33 % респондентов, что на 4 % меньше, чем доверие суду и прокуратуре. Самый низкий уровень доверия стражам порядка демонстрирует Украина. По регионам России прослеживается аналогичная тенденция - полиция пользуется значительно меньшим доверием, чем суд и прокуратура. Можно оценить этот уровень как критический.

Заметим, что на этом фоне в последние годы в России стабилизировалась численность населения, готового участвовать в акциях, которые рассчитаны на оказание влияния на органы власти. Это одна из форм неконвенционального участия и она более развита в странах западной демократии, чем в восточно-европейских странах. Но в России потенциал протестного поведения довольно большой, стабилизировавшись в 2010 – 2015 г. на уровне одной трети населения страны. Большую готовность принять участие в таких акциях высказывают мужчины, жители городов-миллионников, в равной степени все профессиональные слои кроме руководителей и пенсионеров и самые бедные группы населения. По федеральным округам большую готовность к протестам показывают жители Южного, Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов. В регионах от 30 до 47 % населения готовы принять участие в акциях протеста и от 6 до 26 % затруднились с ответом на этот вопрос. Можно предполагать, что последние будут действовать «по ситуации» и протестный потенциал может возрасти.

Доверие – основа социального капитала и важный фактор гражданской идентичности. Низкий уровень доверия в обществе порождает «слабую» гражданскую идентичность. В России ее опережает идентификация с другими социальными общностями. По данным ESS, близость с жителями своей страны в России отмечают менее 75 % респондентов, тогда как близость со своим поколением - 95 %, людьми своей национальности – 83 %, людьми такого же достатка – 82 %.

Роль социального капитала в развитии общественных отношений и вообще в модернизации общества нельзя переоценивать, как нельзя им и пренебрегать. При решении задач модернизации можно сделать ставку на проведение институциональных реформ, повышать активность государственных органов. Но в современной России в отсутствии или слабости гражданского общества государственные институты не могут эффективно выполнять свои функции, поскольку они не контролируются обществом и не корректируют свою деятельность в соответствии с общественными потребностями. Сильное государство – не обязательно эффективное государство. Даже на тех территориях и регионах, где слабый, неразвитый социальный капитал, можно его укреплять и выращивать, поддерживая общественные объединения, вступая с ними продуктивный диалог и, напротив, можно уничтожить его даже слабые ростки, создав невыносимые для него условия, прибегая к шантажу, перекрывая финансовые источники существования и другим формам репрессий.

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3; Патнэм Р. *Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии*. М., 1996; Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ.* М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004; Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965; Fukuyama F. *Social Capital and Civil Society. Prepared for delivery at the IMF Conference on Second generation reforms*. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>
2. См.: Беляева Л.А. *Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы // Экономические и социальные перемены*. 2014. № 1. С. 84-97.
3. Стрельникова Л. *Социальный капитал // Общественные науки и современность*. 2003, № 2. С. 33-41; Радаев В. *Понятие капитала, формы капиталов и их конвергенция // Общественные науки и современность*. 2003, № 2. С. 5-16; Сидорина Т.Ю. *Социальный капитал и социальная политика российского предприятия // Исследование социальной политики*. 2007, № 3. С. 319-344; Татарко А.Н. *Социальный капитал как объект психологического исследования*. М.: МАКС Пресс, 2011. Тихонова Н. Е. *Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35.

ТРУДОУСТРОЙСТВО МОЛОДЕЖИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ОБЩЕСТВА

Бирюкова А.В. (Санкт-Петербург)

Занятость молодежи в современном обществе является одной из приоритетных стратегий не только молодежной политики, но и самой молодежи. Молодежь отчетливо осознает важность трудоустройства после окончания вуза, поэтому студенческая молодежь, предпринимает попытки пройти стажировку, устроится на работу, начиная уже со 2-го курса учебы.

При проведении фокус группы со студентами по специальности «управление персоналом» СПбГЭУ (2-ой курс), были заданы вопросы о том, какой они видят своё идеальное место работы. Ниже представлены некоторые отрывки из их рассуждений, полученных в ходе интервью:

«Работа должна быть креативной, чтобы мне было бы интересно работать, узнавать что-то новое, чтобы я была бы ответственной за порученные задания. Работа должна включать элементы коммуникации и, конечно, быть высокооплачиваемой»;

«Работа должна включать общение, было бы интересно работать в каких-нибудь социокультурных проектах, также для меня важен карьерный рост и хорошая оплата. Было бы неплохо, чтобы работа оплачивала детский сад, услуги здравоохранения, обучения»;

«Я бы хотела, чтобы мне было бы интересно работать, чтобы на работе меня мотивировали выполнять задания (премии, бонусы), также очень важен психологический климат в коллективе, без которого сложно работать».

Следующий вопрос был о причинах отказа в трудоустройстве. Среди основных были названы: отсутствие опыта работы, подходящего уровня образования, высокие требования работодателей, знания двух иностранных языков, требования в дополнительных навыках работы, которыми соискатели не обладают.

В ходе интервью, модератор спросил: «Поскольку вы столкнулись с рядом сложностей при трудоустройстве, что вы будете предпринимать дальше, если не удастся найти подходящую работу?»

Респонденты ответили: «работать над собой, проявлять терпение, так как «упорство и труд, все перетрут», развивать свои профессиональные качества дальше, например, такие как стрессоустойчивость, коммуникабельность, выявлять свои сильные стороны и продолжать бороться».

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что молодежь осознает важность трудоустройства. При выборе места работы обращает внимание не только на материальные ценности (высокую зарплату, карьерный рост, премии, бонусы), но и социальную составляющую работы (интересная работа, саморазвитие, психологический климат, хороший коллектив). Также проявляется осведомленность молодежи о состоянии рынка труда, требованиях и компетенциях предъявляемых к персоналу. Начиная с 2008 года по 2014 год, студенческая молодежь была преимущественно занята в третичном секторе экономики (сфере сервиса), работая в качестве продавцов-консультантов в магазинах и торговых центрах, в индустрии гостеприимства (служба портье, ресепшен, охранник), сфере ресторанного обслуживания (бармен, официант) и т.д. Начиная с 2015 года, требования на временную занятость значительно возросли. Так, сегодня, чтобы устроится на работу, ряд крупных торговых компаний (Zara, Mango, KFC и другие) требуют опыт работы. Поскольку молодежь не имеет опыта работы, то компании предлагают пройти стажировку в течение 2-х недель, после которых принимается решение о их дальнейшем трудоустройстве. Если решение принимается не в пользу соискателя, то он может с полученной справкой о стажировке, попытаться устроится в другую компанию.

Основная трудность, возникающая перед молодежью, принять правильное решение перед поступлением в вуз, чтобы специальность и профессия были бы востребованы на рынке труда. Хотя, некоторые ученые, например, Рассадина Т.А., считает, что ни одна профессия сегодня не гарантирует дальнейшее трудоустройство для выпускника учебных заведений, поскольку отношение к труду и профессии становится все более инструментальным, средством получения материальных возможностей, т.к, престиж ассоциируется с заработком, а ориентации на долг, служение людям ушли. Сегодня профессиональная ориентированность молодежи не претерпевает существенных изменений, устойчивые установки сохраняют немногим более трети молодежи, 70,1% выпускников вузов осознает несоответствие склонностей, личных качеств и требований профессии [1,301].

Молодежь живет в условиях рынка, видит соответствующие стандарты жизни и потребления, она стремится им соответствовать, поэтому конкуренция среди молодежи в

дальнейшем будет только обостряться, потому, что она намерена бороться, развивать стрессоустойчивость и добиваться поставленных жизненных целей.

В качестве одной из приоритетных задач правительства, должно стать эффективное трудоустройство молодежи не только в городах-мегаполисах, но и в других городах России, где нужно развивать производство, промышленность, сельское хозяйство, туризм, сервисное обслуживание, в зависимости от особенностей и производственных возможностей региона;

Можно предложить продолжить развитие профессионального консультирования, готовность и нацеленность молодых людей в дальнейшем работать по выбранной специальности и направлению подготовки в рамках полученного образования;

Содействовать развитию предпринимательских способностей молодежи, оказывая им помощь в организации своего бизнеса.

Общие усилия государства, общества и самой молодежи приведут к преодолению трудностей, связанных с трудоустройством и будут способствовать дальнейшему развитию национальной экономики страны.

1. Рассадина Т.А. Профессиональный выбор молодежи как индикатор институциональных проблем в системе школа-вуз-рынок труда // Социально-гуманитарные знания. – № 2, 2014. С. 295-302.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЮРО МЕДИКО- СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ИНВАЛИДАМИ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Бистяйкина Д.А., Соловьева Т. В. (Саранск)

Вопросы медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов постоянно находятся в центре внимания законодателей Российской Федерации. Об этом свидетельствуют регулярно разрабатываемые и утверждаемые нормативные акты и изменения в ранее принятые акты, а также включение проблем совершенствования системы медико-социальной экспертизы, системы реабилитации инвалидов в число первоочередных задач.

Решающее значение для реализации этих позиций социальной политики имел Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

В данном законе содержится новая трактовка понятий инвалидность и инвалид. Согласно закона, «инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к ограничению жизнедеятельности и вызывающими необходимость социальной защиты.

Ограничение жизнедеятельности – полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью» [1].

Так анализ ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24 июля 1998 г. № 125, показал, что конкретизированы условия проведения медико-социальной экспертизы, граждан получивших травму или заболевание вследствие выполнения трудовых обязанностей, взаимоотношения органов государственного страхования и учреждений социального обслуживания населения [2].

С 1 января 2016 г. Федеральный закон от 01 декабря 2014 г. № 419-ФЗ (ред. от 29 декабря 2015 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов», вводит новый термин «абилитация инвалидов» и «реабилитации инвалидов», а также «индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида» [3].

В настоящее время Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29 декабря 2015 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», дает понятие реабилитации и абилитации инвалидов в следующей трактовке: «реабилитация инвалидов – система и процесс полного и частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности.

Абилитация инвалидов – система и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Реабилитация и абилитация инвалидов направлены на устранение или возможно более полную компенсацию

ограничений жизнедеятельности инвалидов в целях социальной адаптации, включая достижение ими материальной независимости и интеграцию в общество» [1].

Реабилитация и абилитация инвалидов включает в себя медицинскую реабилитацию; профессиональную ориентацию, общее и профессиональное образование, профессиональное обучение; социально-средовую, социально-педагогическую реабилитацию, социально-бытовую адаптацию.

Основным документом в системе реабилитации инвалидов, на основе которого инвалид мог получить необходимые ему реабилитационные услуги, являлась индивидуальная программа реабилитации инвалида. С 1 января 2016 года она изменила название на индивидуальную программу реабилитации или абилитации инвалида.

Индивидуальная программа реабилитации или абилитации инвалида – комплекс оптимальных для инвалида реабилитационных мероприятий, включающих в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушений или утраченных функций организма, формирование, восстановление, компенсацию способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности.

Одним из основных видов деятельности бюро медико-социальной экспертизы и специалиста по социальной работе является разработка индивидуальной программы реабилитации инвалида.

Согласно должностного регламента, на должность специалиста по социальной работе назначается лицо, имеющее высшее профессиональное образование и стаж по специальности не менее 2-х лет.

В своей работе специалист по социальной работе руководствуется действующим законодательством Российской Федерации, постановлениями и другими нормативными актами, регламентирующими вопросы медико-социальной экспертизы, Уставом Учреждения, настоящим регламентом.

В должностные обязанности специалиста по социальной работе входят:

- формирование индивидуально программы реабилитации инвалида в плане организации мероприятий по профориентации, социальной и психологической реабилитации;
- осуществление контактов с органами здравоохранения, центром занятости населения, органами социальной защиты и другими заинтересованными организациями;
- дача разъяснения гражданам, проходящим освидетельствование, информации в пределах своей компетенции;
- принятие участие в анализе причин инвалидности по обслуживаемому району (влияние внешних факторов, демографической ситуации, социально-экономического состояния населения, уровень заболеваемости, медицинской помощи и трудовой занятости);
- определение нуждаемости в дифференцированных видах социально-медицинской, юридической, психолого-педагогической, материальной и др. помощи;
- осуществление подготовки материалов, анализирующих деятельность бюро по вопросам реабилитации [4].

Специалиста по социальной работе взаимодействует со всеми структурными подразделениями учреждения в пределах своих должностных обязанностей и полномочий.

Ответственность за правильную организацию работы бюро медико-социальной, за юридическую и научно-методическую обоснованность принимаемых экспертных решений несет руководитель бюро, выполняющий, как правило, одновременно функции одного из врачей-экспертов.

Деятельность бюро медико-социальной экспертизы осуществляется в соответствии, с планом и графиком работы, утвержденном руководителем-главным экспертом учреждения.

Деятельность бюро медико-социальной экспертизы осуществляется на основе Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 11 октября 2012 г. № 310н «Об утверждении Порядка организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы», на основании которого установлена структура государственных учреждений медико-социальной экспертизы, определено количество бюро и их профиль в зависимости от уровня, структуры заболеваемости и инвалидности. А также определены основные задачи федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы:

– установление структуры и степени ограничения жизнедеятельности и определения потребностей освидетельствуемого лица в различных мерах социальной защиты, включая реабилитацию;

– изучение причин, факторов и условий, влияющих на возникновение, развитие и исход инвалидности, анализ распространенности и структуры инвалидности [5].

Из анализа данного приказа следует, что в полном объеме отражены функции и особенности организации деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы.

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29 января 2014 г. № 59н «Об утверждении Административного регламента по предоставлению государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы», который регулирует отношения, возникающие при предоставлении федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы, устанавливает стандарт предоставления государственной услуги, в том числе в электронной форме, сроки и последовательность административных процедур и административных действий, а также порядок взаимодействия федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы с получателями государственной услуги, органами государственной власти и органами местного самоуправления, учреждениями и организациями при предоставлении государственной услуги [6].

Также с 1 января 2016 года в законную силу вступил Приказ Минтруда России от 31 июля 2015 г. № 528н «Об утверждении Порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм», который ввел новую форму индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалида (ИПРА) [7].

Объем реабилитационных мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой реабилитации и абилитации инвалида, не может быть меньше установленного федеральным перечнем реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду. Для успешной реализации реабилитационного процесса необходимо участие многих составных частей общества, включая и активную позицию самого инвалида.

Таким образом, организационно-правовые основы деятельности бюро медико-социальной экспертизы, основываются на социальной политике государства в отношении инвалидов направленной на интеграцию инвалидов в общество. Утверждение в законодательном порядке нового понятия инвалидности в корне изменило как методологию и методику проведения экспертизы, так и организационное построение службы медико-социальной экспертизы.

В настоящее время при проведении медико-социальной экспертизы оцениваются не только ограничения трудоспособности, но и ограничения к самообслуживанию, передвижению, обучению, общению. Решение региональных бюро медико-социальной экспертизы содержит не только заключения о наличии инвалидности, ее причины и тяжести, но и заключение о необходимости в мерах социальной защиты, разработку индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида. Вышесказанное позволяет считать, что организационные аспекты медико-социальной экспертизы и реабилитации существенно влияют на судьбу граждан, имеющих стойкое нарушение здоровья, их материальное и социальное положение.

1 О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ // Консультант-Плюс : (справочно-правовая система). - [М., 2016]. - Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

2 Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // Консультант-Плюс : (справочно-правовая система). - [М., 2016]. - Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

3 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации от 01 декабря 2014 г. № 419-ФЗ // Консультант-Плюс : (справочно-правовая система). - [М., 2016]. - Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

4 Должностной регламент специалиста по социальной работе ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Республике Мордовия».

5 Об утверждении порядка организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы [Электронный ресурс]

: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 11 октября 2012 г. № 310н // Консультант-Плюс : (справочно-правовая система). - [М., 2016]. - Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

6 Об утверждении Административного регламента по предоставлению государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы [Электронный ресурс] : Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 29 января 2014 г. № 59н // Консультант-Плюс : (справочно-правовая система). - [М., 2016]. - Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

7 Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм [Электронный ресурс] : Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 июля 2015 г. № 528н // Консультант-Плюс : (справочно-правовая система). - [М., 2016]. - Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Боброва Д.Н. (Санкт-Петербург)

Автором исследования в результате анализа научной литературы были выявлены основные подходы к рассмотрению современной молодежи в современной российской науке: концепция молодежи как маргинального слоя общества; концепция, рассматривающая молодежь как лидирующую группу; концепция, представители которой рассматривают молодежь с неолиберальных позиций, марксистская концепция.

Для выявления того, как отражаются данные концепции в реальной социально-политической жизни российской молодежи в настоящее время было проведено исследование социальных факторов, детерминирующих поведение молодых избирателей в региональных выборах. Цель исследования – определить степень участия молодых людей в электоральных процессах и причины абсентеизма.

По специально разработанной автором анкете, был проведен опрос молодых людей, проживающих на территории Санкт-Петербурга, обладающих на момент проведения анкетирования активным избирательным правом.

Была использована случайная выборка молодежи Санкт-Петербурга, обладающая активным избирательным правом, на основе базы данных ГУВД по г. Санкт-Петербургу. Из данной базы была отобрана молодежь, постоянно проживающая на территории Санкт-Петербурга, и обладающая на день голосования активным избирательным правом – 681 480 чел. Таким образом, выборочная совокупность составила 384 человека. Далее с помощью генератора случайных чисел 384 респондента были отобраны из генеральной совокупности случайным образом.

Автор провел анализ полученных данных и получил следующие результаты:

При ответе на первый вопрос «Принимали ли Вы участие в выборах?», ответы респондентов распределились следующим образом: в возрастной группе 18-22 года 83,2% никогда не принимали участия в выборах, тогда как в возрастной группе 23-27 таких уже 44,4%, а в возрастной группе 28-30 – 37,2% (табл. 1).

Таким образом, в младшей возрастной группе 16,9% принимали участие в выборах хотя бы один раз, соответственно в средней – 55,6%, и в старшей – 62,8%. Мы видим, что с возрастом количество молодых людей, принимающих участие в выборах существенно не увеличивается.

Данные результаты подтверждаются и распределением ответов на вопрос-суждение «Если бы в следующее воскресенье состоялись выборы?», где 41,1% молодых людей из младшей возрастной группы, 44, 5% из средней 53,5% из старшей «вероятно» или даже «ни в коем случае» не пошли бы на них. При этом участие в голосовании считают обязанностью более 66% респондентов.

Целью нашего исследования было выяснить какая из существующих теоретических концепций получает наибольшую поддержку в ответах молодежи. Т.к. наиболее распространенным в научной литературе является представление о молодежи как маргинальной группе, характеризующейся переходным состоянием от детства к полноценной взрослой жизни, мы задали часть вопросов, которые позволяют выявить электоральную самооценку молодых людей, их собственных представлений о необходимости и возможности включения в

политическую жизнь общества. Одним из таких вопросов стало утверждение «В принципе, я думаю, мне рано вникать в политику» (табл. 2).

И действительно, оказалось, что часть молодежи с ним согласилась, но она составила меньшинство во всех возрастных группах: от 32,6% в группе 18-22, до 18,1% в группе 28-30. При этом фактически большинство всех респондентов – 66,4% не согласны с этим утверждением. Однако, это не означает, что традиционная концепция не имеет под собой никаких оснований. Так если мы обратимся к оценке респондентами утверждения «Молодые избиратели плохо погружены в политическую жизнь страны» мы увидим, что с ней согласилось большинство ответивших респондентов во всех возрастных группах: от 73,7% в группе 18-22 года, до 79% в группе 28-30, только в группе 23-27 – 69,3%.

Ответы на вопрос в рамках неолиберальной концепции «Участие в выборах ничего не изменит в нашей жизни (стране)» распределились следующим образом: молодые люди в возрасте от 23-27 лет в подавляющем большинстве – 78,6% согласились с данным утверждением, молодежь в возрасте 28-30 согласилась в половине случаев – 51,2%. Однако, процент молодых людей, ответивших также из младшей возрастной группы уже значительно ниже и составляет всего 33,7% (табл. 3).

Следующая концепция на которой хотелось бы остановиться является, пожалуй, самой современной и молодой, и достаточно оптимистичной в своем восприятии молодого поколения. Это концепция, рассматривающая молодежь как лидирующую группу. Одним из вопросов стало утверждение «Молодежь обязательно должна участвовать в выборах, потому что это будущее нашей страны». С этим утверждением согласилось подавляющее количество молодых граждан всех групп возрастов от 71,5% 28-30 до 77,9% 18-22. Однако нельзя не отметить процент полностью не согласных с данным суждением среди группы 23-27 – 22,2% и 28-30 – 12,8% (табл. 4). Одним из вопросов в рамках марксистской концепции является суждение «Я вижу интересные предложения в программах некоторых партий и кандидатов, но мое доверие к ним недостаточно, чтобы их выбрать». Где ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 5). В младшей возрастной группе – 63,5% согласны с данным утверждением, соответственно в средней – 67,6%, и в старшей – 73,5%. Мы видим, что с возрастом количество молодых людей, не доверяющих современным партиям и их представителям только увеличивается. Количество респондентов затруднившихся с ответом от – 31,7% в младшей возрастной группе до 8,8% в средней также как и в предыдущем вопросе свидетельствует о некомпетентности молодежи, особенно 18-22 летних в политических вопросах.

Таким образом, в результате проведенного прикладного исследования выяснилось, что молодежь является неактивным электоральным участником выборных процедур, и в том числе то, что: а) традиционная концепция находит свое подтверждение, но она описывает прежде всего младшую возрастную группу молодежи; б) исследование показывает, что молодежь критично относится к современным политическим партиям. Причем с возрастом негативные оценки только возрастают. Косвенно это подтверждает неолиберальную концепцию с точки зрения которой существующий политический спектр плохо представляет интересы молодых избирателей; в) ответы на вопросы, в рамках концепции лидирующей группы показали, что существует реальный потенциал, а также желание молодежи включаться в политику, причем с возрастом оно нарастает; г) обзор вопросов, которые были отнесены к марксистской концепции показывает, что в ней есть рациональное звено. Фактически она фиксирует, что у молодежи как у социальной группы есть свои интересы отличные от других групп.

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЯН

Боданова Ю.М. (Рыбинск)

Религия выступает одним из социальных институтов современного общества, который оказывает значимое влияние на формирование и функционирование социальной жизни верующего человека, его образ мысли, стандарты поведения, ценности и нормы. Уже в первой половине XIX века ученые обратили внимание на существование связи религиозности личности и политических предпочтений. Так, А. де Токвиль [1] пришел к выводу, что религия может содействовать развитию и закреплению установившегося в стране политического режима через трансляцию в общество сходных с ним ценностей и стиля поведения. Исходя из этого, мы можем предположить,

что ценности, культивируемые тем или иным типом религии, могут способствовать принятию населением одних политических институтов и отчуждением других.

Проверка предположения осуществляется в ходе авторского социологического исследования, в рамках которого изучалась связь религиозности и политической ориентации россиян. Всего по случайной стихийной выборке было опрошено 422 человека, проживающих как в городах-миллиониках, так и небольших городах России с населением до 100 тыс. человек и сельских населенных пунктах, с различным уровнем образования и представляющим разные возрастные группы (до 25 лет, 26–55 лет и старше 55 лет). Распределение опрошенных в рамках возрастных когорт было произведено исходя из поколенческого деления, составленного Е.Б. Шестопаля [2, с. 49].

В качестве основных характеристик, определяющих степень религиозности личности, были выделены следующие показатели:

1. Религиозное самоопределение, под которым мы будем понимать потребность личности в вере в «нечто трансцендентное» [3, с. 94];
2. Конфессиональная самоидентификация;
3. Устойчивое религиозное поведение - частота посещения религиозной организации.

На основе перечисленных показателей было выделено 4 типа религиозности личности:

1. Не религиозные. Респонденты, полностью отрицающие возможность существования некоего трансцендентного и считающие себя не религиозными.
2. Религиозные. Респонденты, не отрицающие возможность существования некого трансцендентного, или же напрямую высказывающиеся положительно о своей вере в Бога, однако не причисляющие себя ни к одной религиозной конфессии.
3. Верующие люди. Респонденты, верующие в нечто трансцендентное, или же высказывающиеся положительно о своей вере в Бога, и вместе с тем само отождествляющие себя с одной из существующих религиозных конфессий.
4. Истинно верующие. Группа респондентов, которая сочетает в себе все характеристики предыдущей группы, однако отличающаяся от нее выраженным устойчивым религиозным поведением (посещают религиозную организацию минимум раз в неделю).

В опросе приняли участие представители различных религиозных учений. Мировые религии: христиане (православные (30,8%), католики (1,2%), протестанты (0,9%)), буддисты (13,7%), мусульмане (1,4%). Представители не традиционных религий – 3,1%. Остальные 48,8% опрошенные не отнесли себя ни к одной из представленных религий.

В результате анализа данных выявлено, что наибольшее число респондентов представляют группу «не верующие» - 39,6%. В данной группе преобладают лица не старше 25 лет (41,1 % из числа всех опрошенных данной возрастной когорты), мужчины (44,6% из числа всех опрошенных мужчин). Вторая по численности группа «верующие» - 35,3%, представлена преимущественно лицами старше 55 лет (51,7%) и представителями женского пола (43,9%). Самая малочисленная группа – «истинно верующие» (5,7%). Полученные результаты по последней группе не противоречат исследованиям, проводимым в России по проблеме религиозности православного населения: с конца 90-х годов прошлого столетия и по настоящее время 4-6% россиян [4-6] можно отнести к «настоящим православным» - лицам, которые регулярно посещают храм, причащаются, знают молитвы, религиозные заповеди и догматы. Процентные показатели по группе «истинные верующие» доказывают, что аналогичные показатели численности «настоящих» верующих в России соотносимы со всеми религиозными конфессиями существующими в стране.

Большинство опрошенных независимо от степени их религиозности склонны считать, что в настоящее время демократии в России не существует (более 66%). Подобная ситуация наблюдается и при рассмотрении ответов по группам религиозности: «не религиозные» - 73,1% отрицают существование демократии в России, «религиозные» - 65,9%, «верующие» - 59,7%, «истинно верующие» - 62,5%. Однако, было выявлено, что респонденты с более высоким уровнем религиозности в меньшей степени склонны считать, что демократии в России нет ($\chi^2 = 6,453$, р

1. Токвиль, А. де. *Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки, М. Прогресс. 1992. 554 с.*
2. Шестопаля Е.Б. *Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. 2005. № 4. С. 48-69.*
3. Новикова Л.Г. *Основные характеристики динамики религиозности населения // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 93-98.*

4. Зоркая Н.А. *Православие в постсоветском обществе // Общественные науки и современность*. 2013. № 1. С. 89-106.
5. Чеснокова В.Ф. *Воцерковленность. Феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений*. М., 2003. С. 112-145.
6. Каарийнен К., Фурман Д.Е. *Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии*. 1997. № 6. С. 35-52.

ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОГО СУИЦИДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МОТИВОВ

Бодрова Ю.В. (Новосибирск)

Феномен самоубийства является предметом исследования психиатров, психологов, социологов и философов. Если интерес первых обусловлен наличием физиологических факторов, таких как шизофрения, психозы и т.д., прямым или косвенным следствием которых является суицид, то социологи рассматривают данную тему в её социальном и мировоззренческом аспекте, что включает исследование природы этого явления. Классик западной социологии Эмиль Дюркгейм в своей работе «Самоубийство: социологический этюд» проводил анализ социальных причин этого явления. Статистические данные в его социологическом исследовании зафиксировали широко распространенную склонность людей к суициду [1, С.10]. Спустя почти столетие мало что изменилось.

Согласно Росстату, в России добровольный уход из жизни выбирает больше 26 тысяч человек, что превышает критический уровень в мире. [2, С.41] По мнению отечественных исследователей, возрастная динамика суицидального поведения зависит от трех основных мотивов. Первая группа мотивов связана с острыми конфликтными ситуациями в семейно-бытовой, интимно-личностной, учебной и трудовой сферах. Вторая – добровольный уход из жизни вследствие утраты смысла жизни или «экзистенциального вакуума». И третью группу составляют мотивы одиночества, неизлечимых или мучительных болезней и старческой немощи. [3, С. 25]

Подростковый суицид относят к первой группе. Согласно докладу Всемирной организации здравоохранения, среди причин смерти молодых людей (15-29 лет) в мировом масштабе самоубийства занимают второе место. [4, С.3] Россия уже долгие годы лидирует в трагичном рейтинге по количеству совершенного подросткового суицида. Изучение природы данного явления важно для своевременного создания превентивных мер по борьбе с подростковыми самоубийствами. Необходимо также принимать во внимание интенсивную трансформацию социума и общественных отношений, происходящих на фоне интеграции новых технологий в повседневную жизнь человека. Таким образом, профилактические меры, предпринятые несколько лет назад, могут уже потерять свою эффективность.

Подростковая категория населения является одной из самых незащищенных. Это связано с отсутствием психологической самозащиты у детей, которые находятся в активной фазе социализации. Любое переходное состояние (это касается и взрослых) увеличивает риск совершения суицида.

Причины подросткового суицида требуют особого внимания. Главным мотивом для ухода из жизни становятся проблемы в сфере коммуникаций подростка – это семья, сверстники, учеба. В современном обществе нарастает тенденция к разрушению традиционной семьи в связи с изменением социальной роли женщины. Женщина наравне с мужчиной становится добытчиком для своей семьи, что, по мнению некоторых исследователей, превращает брак в добровольное партнерство с разным экономическим пространством. [5, С. 11] Индивидуализация родителей становится причиной их отчуждения, что может иметь неблагоприятные последствия для ребенка. Если раньше, исследуя семейно-бытовую сферу, видели риск для подростков, прежде всего, в малообеспеченности семьи или отсутствии одного родителя, то в настоящее время проблема детского суицида стала затрагивать и обеспеченные семьи. Вне зависимости от благосостояния, современное общество и погоня за популярностью среди молодежи в сознании ребенка рисует идеальную картину жизни, что может вызывать диссонанс с той реальностью, в которой существует сам ребенок. Диссонанс как причина дисгармонии переходит в категорию дезадаптации ребенка в современном обществе. [6] Также негативно сказывается на социализацию ребенка наличие девиации у одного из родителей, включая алкоголизм и наркоманию.

Следующая по важности среда, в которую попадает ребенок – это его ближайшее окружение в школе и друзья. Здесь стоит отдельно упомянуть о таком феномене как подражание. Подражание есть явление социальное, так как предписывает общее переживание общего чувства.

[7, С. 54] Рассматривать этот феномен как отдельную причину суицида нельзя, несмотря на известные в истории прецеденты (синдром Вертера), но необходимо учитывать подобный риск повторения суицидального поведения в кругу подростков. С одной стороны, самоубийство может рассматриваться подростком как яркий индивидуальный акт, способ самоутверждения и сильный поступок. С другой – потеря друга и единомышленника может повлиять на коллективные чувства подростка, способ решения проблем одного становится возможным выходом из проблем для другого.

Трудности в учебе и страх перед экзаменами также включен в ряд основных мотивов суицида. Ребенок, настроенный на будущее, может переживать серьезный стресс из-за неудачи в учебе. «Синдром отличника» должен браться во внимание школьными психологами и социальными педагогами.

Кроме вышеперечисленных мотивов суицида, следует обратить внимание на девиации среди самих подростков, главными из которых являются алкоголизм и наркомания. По данным государственной статистики количество подростков, больных наркологическими расстройствами, последние годы колеблется в пределах 12,6-12,7 тыс. человек, что составляет 1.8% от численности подросткового населения. [8, С.39] Употребление алкоголя или наркотических препаратов подростками имеет под собой несколько оснований. Интерес является важной причиной, по которой подросток впервые пробует алкоголь или наркотики. Если отношение среди взрослых людей в большинстве своем к данному явлению определено негативно, то для подростков употребление становится иногда возможным методом противостояния с родителями. Это причина напрямую связана с конфликтами в семейно-бытовой сфере. Вопрос о том, как наркотики непосредственно могут повлиять на решение о суициде, остается открытым, но достаточно часто добровольный уход из жизни среди подростков, как и среди взрослых, сопровождается употреблением алкоголя.

Кроме вышеперечисленных общепринятых факторов риска, следует затронуть актуальную тему современности – информационное пространство и социальные сети. Социализация современного ребенка частично проходит в Internet-пространстве, что создает дополнительный риск. С помощью различных интернет-сайтов подросток может получить информацию о методах самоубийства, а также найти себе единомышленников. Современные технологии, возможно, влияют на ребенка отрицательно, но можно ли с этим связать высокое число самоубийств по стране – этот вопрос остается открытым для исследования. Бесспорным остается тот факт, что ребенок меньше взрослого защищен от воздействия агрессивной для него информации. Популяризация самоубийства в СМИ, кино и других видах масс-медиа создает нездоровую атмосферу для несформировавшейся личности.

Известный психиатр РСФСР, Александр Евгеньевич Личко, в книге «Психопатия и акцентуации характера у подростков» приводит следующие данные: лишь 10% самоубийств среди подростков является истинным желанием расстаться с жизнью, оставшиеся 90% - это «крик о помощи». [9, С.37] Данные цифры дают надежду, что преодолеть критический уровень подросткового суицида у нас в стране возможно с помощью комплексного подхода к проблеме. Формирование верных установок в обществе с помощью искусства и СМИ, повышение персональной ответственности, осознание целей в жизни и, самое важное, любовь – всё это может поспособствовать преодолению смертельного кризиса, что даст возможность понизить тот критический уровень, который наблюдается в нашей стране сейчас.

[1] Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

[2] Российский статистический ежегодник, 2015. Статистический сборник/Росстат. М., 2015.

[3] Гилинский Я.И. Самоубийство как социальный феномен// Социологический журнал. Выпуск №2. М., 2011.

[4] Предотвращение самоубийств: глобальный императив. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2014.

[5] Профилактика суицидального поведения детей и подростков в образовательном учреждении: Методическое пособие. Новосибирск: МКОУ ДПО «ГЦОиЗ «Магистр», 2014.

[6] Войцех В.Ф., Гальцев Е.В. Нарушение адаптации и суицидального поведения у молодежи//Социальная и клиническая психиатрия, 2009 №2.

[7] Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

[8] Смертность подростков в Российской Федерации. М., 2010.

[9] Личко А.Е. Психопатия и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ

Божичко П.Ф. (Санкт-Петербург)

Милтон Фридман, характеризуя неолиберализм, пишет, что главным для него является не допускать передачи «государству любой функции, которая могла бы быть выполнена посредством рынка, поскольку добровольное сотрудничество заменяется при этом принуждением и поскольку расширение роли государства угрожает свободе в других областях». Рассмотрим с точки зрения этого принципа социальную политику в отношении пожилых.

«Пожилые люди – женщины и мужчины, как правило, отошедшие от активного участия в трудовой деятельности или достигшие пенсионного возраста, чаще и то и другое».

Социальная группа пожилых людей неоднородна. Несмотря на индивидуальные характеристики, в современных государствах определена граница пожилого возраста, которая определяется возникновением права на получение «пенсии по старости».

В разных странах эта граница различна, хотя традиционно в европейских странах этой границей является возраст в 65 лет. В России граница пенсионного возраста связана с Советским периодом, в который пенсионная система должна была отражать плюсы социалистического государственного устройства, поэтому граница для мужчин – 60 лет, а для женщин – 55.

Отметим так же различие в понятиях «пенсионер» и «пожилой человек». В практике часто их можно употреблять как синонимы, но на самом деле они различны. «Доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения в начале 2009 года составляла 21,2 %, а доля пенсионеров в населении — уже 27,2 %. В результате на 1000 работников в 2008 году приходилось 562 пенсионера».

Количество пожилых людей – граждан Российской Федерации – постепенно увеличивается. Так если в 2005 году количество пожилых людей составляло 20.4% от всего населения России, то в 2015 году – уже 24%. Согласно прогнозам, к 2030 году количество пожилых граждан России будет равно 29% от всего населения страны.

Данная ситуация показывает, что необходимо обратить особое внимание на социальную политику в отношении пожилых.

«Под социальной политикой в отношении пожилых подразумевается система общественных приоритетов и мер, направленная на создание достойных условий жизни и успешной социализации пожилого населения».

После проведения исследования пожилых людей Алтайского края, были получены следующие результаты.

На вопрос, «Какие организации оказывают реальную помощь пожилым людям?», были получены следующие ответы: 47% - Пенсионный фонд, 42.8% - Комитет по социальной защите населения, другие варианты были представлены менее чем в 30% ответов.

Говоря о видах необходимой пожилым людям помощи, 76.1% отвечавших выбрали финансовую помощь в виде денежных дотаций, 63.3% - помощь в виде лекарств, 50.2% - психологическая помощь.

Интересны ответы на то, кто должен оказывать данную помощь. Большая часть респондентов, 43.2% указали, что такую помощь должны оказывать дети, а остальные субъекты идут с большим отрывом: отдел социального обеспечения – 21.5%, местная администрация – 14.3%.

Отметим с одной стороны потребность пожилых людей в денежной помощи, реальную помощь со стороны государственных структур, а с другой – ожидание пожилых граждан, что в первую очередь помогать должны их дети.

Видимо, государство видит сложившуюся ситуацию, а также понимает существующие на данный момент проблемы пожилых людей. Основные усилия государственной политики в отношении пожилых направлены на повышение их материального благосостояния: это и монетизация льгот, и льготы на коммунальные услуги, и многое другое.

Но существует и ряд проблем. «Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» фактически приравнивает людей пожилого возраста к людям с ограниченными возможностями здоровья». Из-за этого большое количество пожилых людей, которые сохранили свой трудовой ресурс и могут быть полезны для общества еще годы, оказались просто не охвачены законодательством.

Так же можно заключить, что социальная политика в отношении пожилых в основном реагирует на сложившуюся ситуацию, не предлагая развития и управления ею. Это показывает, что государство в целом не видит ни специфики данного возраста, ни особых проблем, существующих у пожилых.

Важным элементом социальной политики по отношению к пожилым является пенсионная система.

Сложнейшим вызовом для пенсионной системы является увеличение пожилого населения в стране. Этот фактор вызывает необходимость коренного переустройства всей системы, с чем сталкиваются как страны Запада, так и Россия.

Однако пенсионная система России показывает, что государство хочет с ее помощью решить две задачи:

- 1) Снизить расходы на федеральный бюджет, снизив затратность пенсионной системы
- 2) Продолжить борьбу с бедностью пенсионеров

То есть опять мы видим реагирование на ситуацию: пенсионное обеспечение направлено не на то, чтобы обеспечить пенсионерам достойный уровень жизни, а просто дать им возможность выжить.

Говоря о пенсионной системе, нельзя не затронуть вопрос об изменении пенсионного возраста. Этот вопрос тесно связан с ожидаемой продолжительностью жизни, которая для пенсионного возраста в 2013 году в России была равна 15.7 для мужчин (в возрасте 60 лет) и 25.4 для женщин (в возрасте 55 лет). Для сравнения, во Франции, в которой границы пенсионного возраста близки к России, данные показатели равны 23.1 года (в 1.5 раз больше) для мужчин и 25.4 лет (в 1.1 раз) для женщин. Таким образом, повышение пенсионного возраста связано не с демографическими, а с экономическими причинами (прогнозируемое снижение предложений на рынке труда и увеличение пенсионной нагрузки).

1. Барсуков В.Н. К вопросу о повышении пенсионного возраста в России // *Проблемы развития территории*, 2015, №5 (79), стр. 111-124
2. Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В., На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2014, Том XVII, №3 (74), стр. 151-167
3. Гулина М.А. *Словарь-справочник по социальной работе*. – СПб.: Питер, 2008.
4. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Максимова М.М., *Социально-экономические и институциональные факторы, определяющие социальную политику в отношении лиц пожилого и старческого возраста* // *Вестник алтайского государственного аграрного университета*, 2015, №10 (132), стр. 156-162
5. Мосина О.А. *Социальная политика в отношении пожилого населения: методология проектирования* // *Современные проблемы науки и образования*, №6, 2013, стр. 120-127
6. Мосина О.А., Наточий В.В., *Пожилые и государство: социально-политические основы взаимодействия* // *Современные проблемы науки и образования*, 2014, №3, стр. 345-353
7. *Прогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года с учетом мировых тенденций*. - Финнам. <http://www.finam.ru>
8. Роик В.Д. *Пенсионное страхование в XXI веке* // *Народонаселение*, 2015, №2 (68), стр. 28-38
9. Ставропольский Ю.В. *Социальная политика в Японии через призму проблем старения нации* // *Журнал исследований социальной политики*, 2014, Т. 12, №1, стр. 125-133
10. Фридман М. *Капитализм и свобода*. М., 2006
11. Хмелевская С.А., Ермаков Д.Н., *К вопросу о некоторых итогах реформирования пенсионной системы России* // *Социально-политические науки*, 2015, №1, стр. 38-44

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН ПО ДАННЫМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СМИ **Бондарев В.П., Сидорина А.В. (Москва)**

В последние десятилетия в связи с нарастанием глобального экологического кризиса все большую остроту набирает понимание важности изучения социальных следствий взаимодействия общества с окружающей средой. Формируется довольно разветвленная сеть теоретических

конструкций, получивших название инвайронментальных теорий, которые так или иначе рассматривают эту проблему [2]. При этом, формируются как положительные, так и отрицательные инвайронментальные практики [3]. Одной из важнейших задач при решении проблем, связанных с инвайронментальными теориями и практиками является изучение характерного для конкретного социума экологического сознания. Оно задает вектор понимания проблемной ситуации и определяет совокупность взглядов на инвайронментальные проблемы и способы их решения. Экологическое сознание можно рассматривать как одну из форм общественного сознания, которое отражает систему представлений людей о возможных формах взаимоотношений и связанных с ними взаимосвязях между обществом и окружающей средой. При этом экологическое сознание отражает представления общества о его месте в системе взаимоотношений «общество – окружающая среда».

В целом, экологическое сознание целесообразно оценивать по степени адекватности представлений людей об экологической обстановке реальному экологическому состоянию окружающей среды. Такой подход к пониманию экологического сознания через адекватность отражения во многом характерен для концепций «экологической коммуникации» Н. Лумана [8] и «общества риска» У. Бека [1]. Степень адекватности восприятия обществом состояния окружающей среды зависит от знаний и образования людей, их ценностной и эмоционально-чувственной ориентации. Преобладающий тип экологического сознания будет определяться доминирующей культурой данного общества на конкретном историческом периоде. Именно культура будет определять систему экологического воспитания, образования, ценностные ориентации общества [4].

Важнейшим элементом экологического сознания, как разновидности массового сознания, выступает общественное мнение. Следовательно, один из путей выявления характерных черт экологического сознания – изучение общественного мнения, которое выступает в качестве социального генератора индивидуальных мнений, оценок, суждений, знаний. Источниками формирования общественного мнения могут выступать СМИ, научные знания, опыт, слухи и т.д. В условиях информатизации общества важнейшим каналом формирования и выражения общественного мнения становятся СМИ, обеспечивающие общественному мнению гласность, присоединяя к нему свой авторитет, доводя до сведения социальных институтов. СМИ выступают источником формирования и развития экологического сознания. С другой стороны, СМИ выступают индикатором экологического сознания того или иного общества, выражая общественное мнение по тому или иному значимому информационному поводу. Основная масса теорий появилась в рамках теории массового общества, рассматривавшая СМИ как средство тотального воздействия на мнение общества. Однако в середине XX в. базисные постулаты понимания СМИ в рамках теории массового общества были поставлены под сомнение. Выяснилось, что аудитория СМИ не пассивный объект воздействия, а активный источник модификации общественного мнения, задающий направление его развития.

В связи с вышесказанным, целью исследования было выявить уровень и характер экологического сознания современного российского общества посредством анализа общих СМИ с помощью контент-анализа, который хорошо себя зарекомендовал при работе с большим объемом несистематизированного материала [5, 7].

Была выдвинута гипотеза, что в период стабильной экологической ситуации интерес к экологической проблематике меньше, чем в периоды обострения экологического кризиса будут отмечены повышением интереса. Причем, катастрофы мирового масштаба будут не столь актуальны, сколько локальные экологические происшествия.

Были взяты печатные СМИ как наиболее традиционный их вид, т.к. эти СМИ – один из самых распространенных информационных каналов в РФ. Так, по итогам последнего исследования ФОМ российские печатные СМИ наращивают свою долю в структуре медийного потребления: в январе 2012 года 23% россиян в качестве основного источника получения новостей и информации указали именно газеты, а в апреле 2013 года – уже 26% россиян [6]. Интерес в контексте решаемых задач представляют общие общественно-политические СМИ, освещающие все стороны современной жизни. Источники выбирались на основании масштабности издания (широты охвата аудитории) и влиятельности издания (высокий индекс цитирования). Для исследования были взяты «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Комсомольская правда».

При этом, имеются различия в типе выбранных для исследования изданий. Так, таблоидные издания, ориентированные на массового читателя («Аргументы и Факты», «Комсомольская правда») имеют значительный элемент развлекательности в публикуемых

материалах экологической направленности, которая имеет достаточно несбалансированное долевое соотношение рубрик с преобладаем таких разделов, как «экологические происшествия» (ориентированные на «информационное развлечение» читателя) и «ресурсы» (рассматривающие экологические вопросы с позиций утилитарной выгоды их использования). В то время, как издания, ориентированные на подготовленного читателя («Независимая газета») отличаются равномерным распределением категорий внутри экологической рубрики с отведением должного внимания в равной мере каждой категории.

Исследование показало, что в общем информационном пространстве экологическая тематика занимает от 1,9% до 3,3% в зависимости от типа издания. Наиболее популярными разделами этой тематики являются: «экологические происшествия», «погода, климат», «ресурсы», что обусловлено их наибольшей актуальностью в среде не профессиональных потребителей информации. Метод временных срезов позволил выявить динамику экологической тематики в период повышенного количества экологических катастроф. В период экологической нестабильности наблюдается рост объема экологической тематики: 37% – 58% от фоновых величин, что обеспечивается, как правило, за счет всплеска информационного интереса к тематике, касающейся локальной экологической катастрофы (например, аномальная жара летом 2010 г.).

Таким образом, если судить о ситуации по отечественным СМИ, экологическое сознание современного российского общества отличается амбивалентностью и подвижностью: с одной стороны, существует интерес к экологической тематике и обеспокоенность экологическими проблемами, с другой стороны, этот интерес ориентирован в значительной мере на элемент развлекательности, а выявленная обеспокоенность экологическими проблемами носит исключительно прагматический характер и выражается в акцентировании внимания лишь на тех вопросах, которые непосредственно затрагивают ближайшие интересы конкретного индивида. По мере отдаления сферы влияния экологических проблем их актуальность и дискуссионность снижается.

1. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва: Прогресс-Традиция, 2000
2. Бондарев В.П. *Исторические корни и теоретический базис современной инвайронментальной социологии* / *Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2010. № 2.
3. Бондарев В.П., Петрова А.Л. *Структура современных инвайронментальных практик // Взаимодействие науки и бизнеса. Сб. научных статей по материалам международной научно-практической конференции*. М., 2015.
4. Дерябо С. Д., Ясвин В.А. *Экологическая педагогика и психология*. Ростов-на-Дону, 1996.
5. Дмитриев И. *Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры*. 2005.
6. *Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям* / Под. ред. В.В. Григорьева, М., 2014.
7. Ядов В.А. *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. М.: «Добросвет», 2001.
8. Luhmann N. *Ökologische Kommunikation: kann d. moderne Gesellschaft sich auf ökolog. Gefährdungen einstellen?* – Opladen, 1990

ОСОБЕННОСТИ КОВОРКИНГА КАК НОВОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И РАБОЧЕГО ПРОСТРАНСТВА

Борисенко Е.В. (Волгоград)

В переводе с английского языка понятие co-working означает «совместно работающие» и часто употребляется в российских источниках в русской транскрипции как «коворкинг». Коворкинг представляет собой социальное явление, которое имеет довольно широкий спектр возможностей для интерпретации. Наиболее распространенным является его определение как модели работы, где участники не связаны друг с другом системой должностных обязанностей, не связаны работой над одним проектом, но при этом они используют общее пространство для своей деятельности. Материальность коворкинга представляет собой такую же значимость, как и его социальный элемент. В связи с этим следует отдельным образом отметить инфраструктурные особенности данного пространства. Прежде всего – это транспортная инфраструктура и территория. Транспортная инфраструктура регулирует потоки потенциальных и

непосредственных участников коворкинга и во многом определяет его востребованность. Территориальное расположение коворкинга в совокупности с дорожной инфраструктурой отвечает за доступность пространства для своих клиентов. Существует масса примеров российских коворкингов «первой волны», которые не смогли долго продержаться в этом сегменте рыночных услуг из-за не продуманного вопроса логистики [1, с. 77].

Помещение и его архитектурная планировка, также во многом определяют специфику и атмосферу коворкинг-пространства. Планировка коворкингов крайне разнообразна и может отличаться как четкой структурированностью, так и весьма условным зонированием территории. Как правило, создатели коворкингов эксплуатируют помещения, которые уже вписаны в территорию городской среды, но по каким-либо причинам не используются по непосредственному назначению. К примеру, некоторые коворкинги осваивают территории бывших промышленных предприятий, заброшенных фабрик, школ и т.д. Помещение может подвергаться значительной перепланировке или сохранять свою собственную аутентичность, в любом случае, оно должно быть атмосферным. Особенностью коворкинга является то, что он совмещает в себе плюсы офисной работы и работы фрилансера. Задача организации такого пространства состоит в том, чтобы его участники чувствовали себя в уютной обстановке и имели возможность полноценно работать.

Внутреннее устройство помещений и его наполненность необходимыми материальными объектами является одним из важнейших элементов в функционировании коворкинг-центра. Американский исследователь Клэй Спинуззи, изучая особенности коворкинг-пространств, выделил наличие нескольких общих для них черт, в которых преобладающий акцент отдается материальным объектам: конференц-зал; кухня; комнаты с открытой планировкой; кофе-бар; быстрый wi-fi; принтеры и ксероксы; библиотека; пространства с рабочими столами; телефонные комнаты; офисы, которые могут сдаваться в аренду; предоставление бизнес-услуг юридического, бухгалтерского, финансового и креативного характера; наличие определенной специализации или ниши, в которой работает коворкинг; возможность формирования социальных связей, проведения мероприятий и митапов [2, р. 9]. Пожалуй, среди одного из наиболее важных пространствообразующих элементов коворкинга можно с уверенностью назвать wi-fi. Беспроводная технология передачи данных делает участников коворкинг-пространств мобильнее и автономнее в своей деятельности.

Коворкинг - это пространство в первую очередь предназначенное для работы, поэтому его сложно представить без организации рабочих мест. Их организация, в свою очередь, тесно связана с планировкой самого здания. Рабочие места могут позиционироваться в пространстве как автономные (тогда рабочее пространство может напоминать офис с отгороженными друг от друга зонами) или менее автономными (тогда рабочая зона может напоминать своего рода компьютерный зал). Вместе с тем, в любом коворкинг-пространстве есть так называемое «лобное» место или место, где профессионалы могут время от времени пересекаться и свободно коммуницировать. К таким местам можно отнести общую кухню, кофе-бар и всевозможные зоны отдыха.

Однако, прежде всего, основным элементом пространства являются акторы, участники коворкинга как субъекты социального действия и взаимодействия. Как правило, «коворкеры» представлены тремя типичными группами. В первую группу участников коворкинг-пространств входят фрилансеры. Вторую группу участников составляют индивидуальные предприниматели. Третью – команды, осуществляющие реализацию новых проектов или стартапов (start up). Каждая из представленных в коворкинге групп имеет свои интересы: одни нуждаются в общении и кооперации с единомышленниками, другим не хватает дисциплины для продуктивной деятельности, а некоторым - возможности обзавестись своим собственным офисом [3]. Поэтому та форма организации труда, которую предлагает коворкинг своим посетителям, привлекает к нему многочисленный контингент потенциальных участников. Дело в том, что специализация и функционал коворкинг-центров весьма вариативен. Какие-то коворкинги являются более привлекательными для специалистов в области IT-технологий, а какие-то для специалистов в PR-технологиях [4]. Помимо сдачи в аренду рабочих мест для представителей фриланса, а также малого и среднего предпринимательства, некоторые коворкинги предоставляют своим клиентам возможность проведения и организации различных тематических мероприятий. Таким образом, участниками коворкинга могут стать и те, кто преследует цель решения единовременной задачи.

В процессе работы в коворкинг-пространстве его участники могут проявлять разную степень автономности друг относительно друга. Коворкер может работать исключительно над

своим проектом, не включаясь ни в какие другие социальные взаимодействия. Однако работа в коворкинг-центре предполагает возможность кооперации в процессе решения профессиональных задач. Так, недостаток квалифицированного штата сотрудников для начинающего стартап-проект, легко может быть нивелирован благодаря сотрудничеству с нужными профессионалами, которых можно найти в том же коворкинг-центре. Поскольку на одной территории такие пространства объединяют специалистов различных сфер деятельности, в его рамках работают и принципы так называемого нетворкинга. Этому во многом способствует и планировка помещения, где существуют зоны совместного отдыха и общения. С другой стороны, коворкинг-центры распространённые по всему миру, объединяются в сеть благодаря существованию специальной визы (Coworking Visa). Коворкинг-виза позволяет участнику любого пространства бесплатно пользоваться рабочим местом в другом коворкинге, при условии его участия в этой программе. Сроки доступа в офис могут отличаться в разных местах [5].

Появившись за рубежом, как альтернатива работе в офисе или дома, концепция коворкинга была ориентирована в первую очередь на фрилансеров, которые работают в домашних условиях и осуществляют рабочую коммуникацию через Интернет. Такая форма работы позволяла им восполнить недостаток профессионального общения и социальных контактов. Однако, позже эта практика распространилась и среди других групп (сотрудники организаций, работающие дистанционно; проектные группы; представители некоммерческих организаций и т.д.), поскольку представляет собой довольно удобную площадку для социального взаимодействия. В определенных профессиональных сферах концепция коворкинга стимулирует повышение производительности рабочего процесса, а также профессиональный и личностный рост.

Коворкинг являясь одной из новых форм организации труда и рабочего пространства, которая на данный момент наиболее распространена в странах Европы и в Америке, активно институционализируется по всему миру и нуждается в исследовании и описании средствами социальной теории. Она отражает трансформацию трудовых отношений, распространение форм удаленной занятости и индивидуализацию трудовых стратегий индивидов, на которые в немалой степени повлияли процессы, сопровождающие развитие информационного общества. Как новое явление, возникшее в рамках современного общества, коворкинг отражает мировые тенденции развития и требует внимания со стороны социальных ученых.

1. Аржанова, Я. Коворкинг: перезагрузка / Я. Аржанова // Бизнес журнал. – 2012. - № 10 (199). – С. 76 – 80.
2. Spinuzzi, C. Working Alone Together: Coworking as Emergent Collaborative Activity / C. Spinuzzi // Journal of Business and Technical Communication. – 2012. – № 26 (4). – P. 399–441.
3. Нелидовская, С. Один на всех! Офис на час, день, месяц / гл. ред. О. Королева // Office Magazine. – 2010. - № 4 (39). – С. 19 – 21. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.officemagazine.ru/upload/pdf/ОМ_04_2010.pdf (дата обращения: 23.10.2015). – Загл. с экрана.
4. Велесевич, С., Миронов, В. Коворкинг: мини-офисы для стартапа. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://realty.rbc.ru/articles/08/12/2014/562949993248948.shtml> (дата обращения: 22.08.2015). – Загл. с экрана.
5. Ng, Ch. The Borderless World of the Coworking Visa. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.deskmag.com/en/the-borderless-world-of-the-coworking-visa-810> (date of access: 21.01.2016). – Title from screen.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Бочарова А.С. (Барнаул)

«Наркотики» - слово, употребляемое в повседневной жизни, по-научному же это называется «психоактивным веществом». Психоактивное вещество- любое химическое вещество, способное при однократном приеме изменять психофизическое состояние, а при систематическом приеме вызывать психическую и физическую зависимость [7].

Наркомании – это обобщенная группа заболеваний, которая характеризуется патологическим влечением к различным природным или синтетическим веществам эйфорического, успокаивающего, болеутоляющего, снотворного, одурманивающего или возбуждающего действия [3].

Применение наркотиков человеком в различных целях началось с глубокой древности. Благодаря открытиям, совершенным учеными в области медицины и химии, развитие наркомании как болезни только усугубилось, и наркотики становились все более и более доступными. К сожалению, осознание того, что наркомания является тяжелейшей болезнью, приводящей к необратимым последствиям, возникло лишь относительно недавно.

В литературе выделяют несколько групп людей, входящих в категорию «наркоманы»:

1) экспериментаторы (после первого употребления психоактивного вещества больше не возвращаются к нему);

2) эпизодические потребители (употребляют наркотики только при определенных обстоятельствах, вне которых у данной группы людей не возникает желание употреблять их);

3) систематические потребители (употребляют психоактивные вещества по конкретной схеме и считают, что это не приведет к негативным физическим и психологическим последствиям);

4) постоянные потребители (уже имеют психологическую зависимость, вынуждены принимать наркотики постоянно);

5) больные наркоманией (зависят от наркотиков не только психологически, но и физически) [6].

Существует несколько причины наркомании:

1) биологические (природа наркотического вещества и способ его введения; потребность употреблять наркотики, например, при голоде или болях и т.д.);

2) психологические (желание самоутвердиться; отсутствие позитивно ориентированных социальных интересов; проблемы с психикой, например, стресс, крушение планов и т.д.);

3) социально-педагогические (воспитание; социальная адаптация);

4) социальные (влияние группы, в которой находится человек; отсутствие организации досуга; мода);

5) социально-культурные (доступность наркотиков; влияние субкультур и т.д.) [1].

Согласно исследованиям, наркомания возникает в большинстве случаев в подростковом возрасте, когда молодой человек наиболее уязвим и склонен к совершению необдуманных поступков.

Ювенальная наркопреступность - это совокупность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и лиц в возрасте моложе 18 лет, их совершивших, достигших возраста уголовной ответственности, с качественно-количественными характеристиками, на определенной территории и за конкретный период [5].

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном суде в Российской Федерации растет число несовершеннолетних, осужденных за наркотики. В 2013г. за наркопреступления были приговорены 2,5 тысячи несовершеннолетних, в 2014г. - на 300 больше. Из приговоренных в 2014г. подростков 430 были осуждены за участие в приготовлении или сбыте наркотиков. Согласно судебной статистике, общее число осужденных за наркопреступления в России остается высоким - около 120 тысяч преступников были отправлены в колонии. Почти половина из них - в возрасте от 18 до 30 лет.

В настоящее время специалисты свидетельствуют, что средний возраст приобщения к психоактивным веществам сегодня составляет 11-13 лет. Каждый четвертый подросток пробовал какое-либо наркотическое вещество. Эпизодически употребляют наркотические средства 17% мальчиков и 10% девочек. Эксперты Госнаркоконтроля считают, что происходит омоложение контингента наркоманов [2].

Вовлечение несовершеннолетнего в преступление может осуществляться различными способами, в частности:

-обещанием денег, подарков, развлечений и тд.

-обманом, т.е. когда несовершеннолетний, выполняя просьбу взрослого, не осознает, что совершает преступление

-угрозами причинить материальный вред, опозорить в глазах сверстников и товарищей, исключить из сферы повседневного общения [4].

Факторы, обуславливающие наркотизм среди несовершеннолетних:

1. Любопытство, стремление следовать примеру взрослых лиц в курении, употреблении спиртных напитков, наркотиков.

По данным исследований, 67% подростков впервые употребили наркотики из любопытства, 83% — в поисках новых ощущений.

2. Психолого-физиологическая привлекательность наркотиков. Их коварство заключается в том, что они действительно снимают боль, повышают настроение на кое-то время, но в конечном итоге обеспечивают деградацию личности и физическую гибель в раннем возрасте.

3. Мощным криминогенным фактором является высокодоходный наркобизнес, в сферу которого вовлекается молодежь на стадиях производства, транспортировки и сбыта наркотической продукции (чаще всего сбыт наркотиков происходит в местах массового отдыха подростков).

4. В регионах России отсутствует комплексная система антинаркоманийной пропаганды.

5. Отсутствие полноты и своевременности выявления несовершеннолетних, употребляющих наркотические вещества.

6. Семья и школа не достигли взаимопонимания в вопросах борьбы с наркоманией среди школьников.

Под натиском жестокости и насилия в семье, не получая квалифицированной поддержки в школе, дети уходят в неформальные группы, попадают под влияние взрослых преступников, пьяниц, наркоманов.

7. Нет четкой организации досуга несовершеннолетних. Платные кружки и спортивные секции не доступны для несовершеннолетних группы риска из малообеспеченных, проблемных семей. В поисках средств для посещения дискотек, баров и кафе, приобретения наркотиков подростки совершают кражи, грабежи, вымогательства и другие доходные преступления [5].

Исходя из вышеперечисленных факторов, можно сделать вывод, что в системе профилактики наркопреступности среди несовершеннолетних существуют некоторые недостатки.

Меры предупреждения ювенальной наркопреступности:

1. Правоохранительным органам, органам образования, здравоохранения, учреждениям культуры, спортивным организациям систематизировать проведение для несовершеннолетних циклов лекций, бесед с демонстрацией специальных документальных фильмов о вреде наркотиков и путей избавления от них.

2. Повышение жизненного уровня населения.

3. Установление особо строгого контроля за реализацией лекарств, содержащих наркотики, сильнодействующих препаратов органами здравоохранения в аптеках, лечебных учреждениях, больницах.

4. Качественное улучшение оперативно-разыскной работы правоохранительных органов по перекрытию наркотрафиков, выявлению наркопритонов и взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в употребление наркотиков.

5. Необходим контроль за средствами массовой информации. СМИ играют серьезную роль в формировании взглядов на потребление подростками наркотических средств. Происходит навязывание наркотической идеологии, основу которой составляет пропаганда потребления наркотических средств как неотъемлемого атрибута современной молодежной субкультуры.

6. Искоренение коммерции в спортивно-кружковой работе с несовершеннолетними. Платность кружков поставила в неравные условия детей из высокоимущих и бедных слоев населения, что само по себе ведет к конфликтности и, как следствие, к преступности, с одной стороны, и с другой — к потере потенциально талантливых детей для спорта, искусства [4,5].

Задачей нашего государства и общества в целом является духовно-нравственное и культурное воспитание будущего поколения. Одним из условий успешного решения этой задачи является усовершенствование системы мер по профилактике детской и подростковой наркопреступности и профилактических мер по употреблению наркотиков в целом. Ведь дети - это будущее нашей страны, и от того, какими они вырастут и какие нормы усвоят, зависит наша дальнейшая жизнь.

1. Анафьянова, Т. В. Особенности социально-медицинской работы с лицами и группами девиантного поведения в регионе: учебное пособие / Т. В. Анафьянова. – М.: Академия естествознания, 2011. - 223 с.

2. Богданов, В. Наркомания молодеет // Российская газета: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/07/08/sud-site.html> .- Дата обращения: 20.09.2015

3. Врублевский, А.Г. Наркомании и токсикомании: общие представления // Лекции по наркологии / Под ред. Н.Н. Иванца. – М.: Нолидж, 2000. - с. 223-227.

4. Дябина, Л.В. Психологический механизм вовлечения несовершеннолетних в незаконное потребление наркотических средств // Современное право. - 2009. - № 4. - С. 115-118.

5. Лелеков, В.А. Криминологическая характеристика и предупреждение ювенальной наркопреступности / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева // Проблемы современных экономических, правовых и естественных наук в России: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Воронеж, - 2014. - С. 158-168.
6. Павленок, П.Д. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения: учебное пособие / П.Д. Павленок, М.Я. Руднева. - М.: ИНФРА-М, 2012. - 185 с.
7. Пятницкая, И. Н. Наркомании: Руководство для врачей. — М.: Медицина, 1994. - 544 с.

РОЛЬ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ

Бочарова Т.С., Килимова Л. В. (Курск)

В настоящее время проблемы семей, а именно молодых, стоят в нашей стране достаточно остро, имея в своей тенденции удерживающийся характер. Молодая семья очень часто сталкивается со многими трудностями именно на начальном этапе своего развития. По данным социологов основная часть разводов приходится именно на первые годы брака, именно тогда, когда семья ещё считается молодой. Именно в этот период происходит супружеская адаптация, формируются семейные нормы. Одновременно в этот период обостряются почти все проблемы супружеской жизни[1,29].

Процесс взаимодействия не всегда происходит в желаемом направлении. Между людьми, которые контактируют, могут возникнуть частичные противоречия, а может проявляться и антагонизм позиций. Тогда отношения осложняются до такой степени, что говорят о возникновении межличностного конфликта, под которым принято понимать столкновение противоположных взглядов, интересов и действий отдельных людей и групп.

Важной разновидностью конфликтов являются конфликты, возникающие внутри семьи. Семья - это исторически сложившаяся система между супругами, родителями и детьми, как членами малой группы, которые связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения[2,173].

Конфликты в семье возникают вследствие объективных или субъективных причин. Субъективными причинами семейных конфликтов считают те факторы, которые возникают вследствие личностных особенностей супругов: психологическая или сексуальная несовместимость, различия в целях и стремлениях, разногласия в представлениях, отсутствие гармонии в чувствах и т.д. Под объективными причинами понимаются проблемы, возникающие вследствие естественной динамики семьи; также к объективным причинам относят факторы, действующие на семью извне и независимо от ее особенностей: уровень благосостояния общества, состояние культуры и образования, бытующие в обществе традиции, и обычаи, экология окружающей среды и т.п.[3,272].

Чтобы более подробно рассмотреть, проблему конфликтов в семье в сентябре 2016 было проведено социологическое исследование. Данное исследование носит разведывательный характер. В нем принимало участие 100 респондентов, среди них 67 девушек и 33 юноши. Целью данного социологического исследования является определение роли супружеских конфликтов в молодых семьях. В ходе социологического исследования нам нужно выявить частоту ссор в семейной жизни, факторы, которые влияют на возникновение конфликтов.

Реже всего конфликты возникают в группах, которые состояли в близких отношениях от 7 до 12 месяцев. С уменьшением этого срока частота возникновения конфликтов увеличивается (можно предположить, что это связано с тем, что люди недостаточно узнали друг друга, не смогли оценить уровень развития, наличие вредных привычек и т.д.), с увеличением – частота конфликтов тоже возрастает (можно предположить наличие некоторых факторов, препятствующих началу совместной жизни, которые впоследствии вызывают конфликты: например, отсутствие собственной жилплощади и финансовой возможности для ее аренды; незавершенные другие отношения, приводящие к ревности в будущем и т.д.).

В ходе исследования удалось выявить, что большинство опрошенных (42%) почти всегда решают семейные дела без ссор, у 37% иногда возникают кратковременные размолвки, у 10% часто возникают небольшие ссоры, нередко возникают длительные ссоры также у 5%, а не только ссоры, но и скандалы, бывают у 6%.

При решении конфликтов большинство респондентов отметили, что справляются самостоятельно (62%), многие (29%) привлекают родителей. К советам друзей прибегает 8%

опрошенных, а к помощи специалистов 1%. Это подтверждает общепринятое утверждение, что услуги семейных психологов, психоаналитиков и т.д. слабо распространены.

Если установить взаимосвязь между статусом отношений и частотой возникновения ссор, то можно видеть, что у большинства респондентов конфликты возникают несколько раз в месяц - и в официальном браке (56,5%), и при сожительстве (72,2%). Однако доля семей, у которых конфликты возникают несколько раз в неделю отличается (5,6% при сожительстве и 15,2% в официальном браке), как и доля семей, у которых конфликты возникают несколько раз в год (22,2% и 28,3% соответственно). Проверка по критерию хи-квадрат показала наличие зависимости между видом брака и частотой ссор.

Причины конфликтов могут быть разные. 88% процентов опрошенных отметили как причину конфликтов отсутствие взаимопонимания, 74% - бытовую неустроенность, 40% - разный уровень развития, 27% - нехватку материальных средств, 24% - неверность и ревность, 23% - вредные привычки одного из партнеров.

Интересна связь между причинами конфликтов и проблемами, с которыми столкнулись респонденты в жизни. Так, с финансовыми сложностями сталкивается 65% опрошенных, но только у 27% они становятся причинами конфликтов. С изменами сталкивается 5% опрошенных, с ревностью 39%, а причиной конфликтов они становятся только у 24% опрошенных. В то же время с бытовыми проблемами сталкивается 71% опрошенных, с жилищными 58%, а причиной конфликтов их считает 74% опрошенных. Таким образом, сам факт наличия проблемы – это еще не гарантия возникновения конфликта на ее почве; при должном уровне взаимопонимания проблема может быть решена иным способом.

Анализируя зависимость между причинами конфликтов и финансовым состоянием семьи, можно отметить, что нехватка материальных средств не является причиной конфликта в семьях, которые могут позволить себе все (естественно, т.к. они не испытывают нехватку) и в целом увеличивается по мере ухудшения финансового состояния (хотя у семей, которые могут позволить себе практически все, кроме крупных покупок, эта причина встречается чаще, чем у семей, которые могут позволить себе товары длительного пользования – 28,9% и 21,3% соответственно).

Следует отметить, что большая часть опрошенных имеет свое жилье (59%), вторым по распространенности вариантом является аренда квартиры (39%) или комнаты, с родителями или родственниками проживает лишь 2% опрошенных.

Таким образом, было установлено, что отсутствие понимания и уважения внутри молодой семьи – важная причина конфликтов. Большинство респондентов отметило эту причину как причину возникновения конфликтов в семье; более того, даже наличие других проблем (в частности, финансовых) во многих случаях не приводит к возникновению конфликта.

Недостаточное воспитание супругов, разница в уровнях развития, отсутствие общих интересов также является часто встречающейся причиной конфликтов.

Нередко причиной конфликта выступает финансовый аспект – материальный и жилищные проблемы. Это тесно связано с экономическими проблемами на уровне государства (отсутствие должной поддержки молодых семей, сложности в приобретении собственного жилья, низкий уровень заработной платы молодых специалистов, низкие пособия на детей).

Согласно проведенному исследованию, почти все молодые семейные пары сталкиваются с конфликтными ситуациями.

1. Ачильдиева К.Ф. *Образ семьи в представлениях женщин и мужчин из различных регионов// Тенденции развития современной семьи.* - М.: ИС РАН, 2009. - С.29-42.
2. Голод С.И. *Семья и брак: историко-социологический анализ.* - СПб.: ТОО ТК Петрополис, 2009. - 272 с.
3. Сысенко В.А. *Супружеские конфликты.* - М.: Мысль, 2010, -173 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Бразевич Д.С. (Санкт-Петербург)

Интенсификация миграционных процессов, нередко оборачивающаяся ростом социальной напряженности, заставляет научное сообщество обращать внимание на целый ряд острых вопросов. Какую роль играет этничность в восприятии мигрантов принимающим обществом? Является ли этническая принадлежность мигранта главным фактором, определяющим отношение к нему? На чем основано отторжение мигрантов? Что может вызвать межэтнический конфликт?

Как известно, на протяжении своего жизненного пути человек идентифицирует себя с разными социальными группами. Более того, индивид может быть одновременно частью многих общностей - этнической, национальной, религиозной, территориальной, профессиональной, цивилизационной. Как справедливо заметил С.А.Арутюнов, «известен лишь один надежный критерий для любых этнических общностей - самоосознание через самосознание, проявляющееся в самоназвании. «Мы китайцы» - достаточно ясно» [1, с.77].

Идентичности индивидов неравнозначны, существуют общности, с которыми человек идентифицирует себя в первую очередь. Эта ключевая идентичность и будет определять его поведение в социуме. Принадлежность к общности определяется внутренней убежденностью индивида и подкрепляется стереотипным представлением о культурных ценностях, традициях, отличительных чертах каждой группы. Соблюдение принятых в той или иной группе правил дает человеку основания считать себя ее частью, лишая других членов группы возможности опровергнуть факт его принадлежности к ней.

Находясь в постоянном взаимодействии с другими членами общности, индивид «впитывает» общие социокультурные нормы. Он как бы подстраивается под общность, приобретая «культурную валентность». В случае попадания индивида в другую социальную среду скорость его интеграции в нее прямо зависит от степени близости его культурно-ценностных представлений к представлениям, сложившимся в принимающем обществе.

Итак, каждая социальная общность обладает своим, если можно так выразиться, сводом правил. Совокупность культурно-ценностных и поведенческих установок соответствующей общности можно определить как ее социокультурное ядро [2], охватывающее собой общие представления всех членов общности о том, что их объединяет и что отличает от других. Это ядро может включать в себя стереотипные установки относительно образа жизни, внешнего вида, лингвистических особенностей, культурных ценностей, способов проведения свободного времени и т.д. Идентифицируя себя с городской общностью, индивид осознает, что значит быть ее частью и чем эта общность отличается от иных. Лежащие в основе групповой идентичности установки играют решающую роль при взаимодействии представителей различных социокультурных сред. Как правило, чем больше точек соприкосновения в идентификационном поле, тем проще протекает такое взаимодействие.

Любой социальный организм - от малых групп, где выделяются лидеры и ведомые, до социально-политических общностей с характерными для них институтами власти - имеет иерархическую структуру. Иерархия в социокультурной среде определяется возможностью влиять на ядро своей общности. Исходя из дифференцированного характера социума, можно предположить, что существуют социальные группы, «приближенные» к социокультурному ядру и «удаленные» от него.

Таким образом, социокультурная структура городской общности должна включать в себя ядро и совокупность социальных групп, идентифицирующих себя с этой общностью, но обладающих разным потенциалом влияния на комплекс присущих ей культурно-ценностных норм и установок. Разницу в потенциале влияния на содержание таких норм и установок можно представить в виде своеобразных «орбит» вокруг ядра, охватывающих соответствующие социальные группы.

Если, переезжая на новое место жительства, индивид попадает в иную социальную реальность с иными культурно-ценностными установками, он испытывает так называемый культурный шок [3, с.15]. От того, сумеет ли мигрант преодолеть противоречия между социокультурными нормами принимающего общества и теми, что он усвоил в «родном» социуме, зависит успех его адаптации к новой среде. Как отмечает Р.А.Костин, в процессе адаптации «выявляется способность мигранта решать меняющиеся и повторяющиеся проблемы путем претворения в жизнь принятых им новых жизненных норм и ценностей» [4, с.77].

Существует три основных варианта поведения мигранта в инокультурной городской среде:

- мигрант следует правилам поведения и культурным нормам, характерным для нового места своего пребывания, идентифицируя себя с соответствующим социумом (ассимиляция);
- мигрант идентифицирует себя с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, сохраняя верность социокультурному ядру «материнской» общности (формирование диаспоры);
- чувствуя свою отчужденность и не желая приспособливаться к новой социокультурной среде, мигрант покидает ее (бегство).

На этапе знакомства с новой средой мигранты неизбежно оказываются в ситуации конфликта идентичностей и социокультурных установок, который разрешается либо через ассимиляцию, либо через формирование диаспоры. Индивиды, не сумевшие тем или иным образом приспособиться к новому месту своего пребывания, покидают его. Мигранты, вставшие на путь диаспоры, замораживают свои культурно-ценностные представления, продолжая в культурном отношении оставаться частью той системы, которую покинули.

Таким образом, можно сформулировать несколько тезисов, отражающих социокультурный аспект межэтнических отношений в городской среде в свете соотношения идентичностей мигрантов и членов принимающего общества.

1. Идентичность неразрывно связана с представлениями об отличительных особенностях той или иной общности, выраженных в культурно-ценностных нормах и правилах поведения.

2. Коллективные представления образуют социокультурное ядро общности, которое, с одной стороны, влияет на эту общность, а с другой - само подвержено влиянию со стороны ее членов.

3. Оказавшись в иной социокультурной среде, мигранты либо отождествляют себя с существующим там сообществом, следуя принятым в нем правилам поведения, либо идентифицируют себя с местностью, сохраняя ориентацию на социокультурное ядро «материнского» социума.

В целом, можно заключить, что культурные факторы, находящие отражение в ключевых идентичностях, играют первостепенную роль во взаимоотношениях мигрантов с принимающим обществом и успех интеграции индивида в новую социокультурную среду, как правило, во многом зависит от него самого.

1. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2.
2. Tibi B. *Europa ohne Identitet. Die Krise der multikulturellen Gesellschaft*. – Munchen, 1998.
3. Стефаненко Т.Г. *Адаптация к новой культурной среде // Этнопсихология*. – М., 2003.
4. Костин Р.А. *Миграция: Современные проблемы Российской Федерации*. – СПб., 1997.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЕЙ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА НАСЕЛЕНИЯ Г. БАРНАУЛА

Брачкова Е.А., Доровских А. С. (Барнаул)

Российское общество в настоящее время переживает сложный и неоднозначный период своего существования. Потребление во многом стало определять характеристики и структуру социального пространства, являясь индикатором качества жизни, благополучия и успешности в условиях нашего времени.

Социально-политическая обстановка в стране и в мире, экономическая нестабильность усиливают трансформацию потребительского поведения покупателей[1].

Весной 2016 года нами было проведено исследование с использованием метода анкетирования. Цель исследования заключалась в характеристике потребительского поведения покупателей как формы социального протеста населения г. Барнаула. Выборка составила 120 человек – покупателей продуктовых магазинов г. Барнаула.

Распределение респондентов по полу в нашем исследовании составило примерно равное соотношение: 54% (женщины) и 46% (мужчины). Характеристика респондентов по критерию семейное положение позволяет сделать вывод о том, что более половины опрошенных (63%) – это семейные люди. Можно предположить, что семейные люди обладают определенным типом потребительского поведения, на которое накладываются особые обязательства по отношению к своей семье, в частности, экономное и разумное потребление.

Если характеризовать опрошенных покупателей по роду занятий, то можно сказать, что большинство респондентов работают (67%). Покупателей, не имеющих работу на данный момент по определенным причинам, оказалось 33%. Студенты и учащиеся среди них составили 17%, безработные и домохозяйки – 9% и 7% неработающие пенсионеры и инвалиды.

Главный вопрос, который позволил нам описать отношение покупателей г. Барнаула к введению ответных мер России в отношении некоторых стран звучал следующим образом: «Как Вы относитесь к запрету на ввоз в Россию продуктов из стран Евросоюза, США, Австралии,

Канады и Норвегии?». Варианты ответа предполагали следующие альтернативы: «полностью одобряю», «частично одобряю», «совсем не одобряю» и «затрудняюсь ответить».

Стоит отметить, что подавляющее число респондентов, а именно 68% поддержали введение ответных санкций: 30% покупателей их полностью одобряют и 38% частично.

Доля совсем не одобряющих введение «продуктовых санкций» составила 28% от числа опрошенных. И, соответственно, часть респондентов, затруднившихся с ответом, составила 4%.

Такие результаты могут свидетельствовать о том, что покупатели нашего города в большей степени не опасаются последствий продовольственного эмбарго и, следовательно, готовы довольствоваться отечественной продукцией.

На вопрос «Как Вы полагаете, изменились ли цены на продукты после введения этого запрета?» небольшой процент опрошенных мужчин (7%), и женщин (8%) отметили снижение цен. Доля тех, для кого цены на продукты остались на прежнем уровне, составляет четверть от числа опрошенных среди женщин и 29% среди мужчин.

На вопрос: «Как Вы думаете, введение этого запрета повлияло на качество продуктов, представленных в магазинах?» почти половина опрошенных покупателей (46%) не наблюдают изменения качества продуктов питания после введения продуктового эмбарго. Изменение качества продуктов заметили 32% опрошенных: 12% – качество повысилось, 20% – качество снизилось [2].

Следовательно, по мнению покупателей г. Барнаула изменений в качестве продуктов после введения «продуктовых санкций» по большей части не произошло.

Что касается отказа покупателей от продуктов питания по политическим мотивам, то здесь наблюдается достаточно интересное распределение. На заданный вопрос «Бывает ли, что Вы отказываетесь покупать товары, произведенные в той или иной стране, из-за отношения к этой стране, по политическим мотивам?» были проанализированы ответы покупателей, которые состояли/состоят в браке и тех, кто никогда не состоял в браке.

По поводу непосредственного бойкотирования товаров, то в поведении покупателей нашего города оно всё-таки имеет место. 65% респондентов заявили, что им приходилось в своей жизни бойкотировать товары (56% – совсем редко и 9% – достаточно часто). Никогда не бойкотировали товары 29% покупателей [3].

Чтобы понять, по каким причинам покупатели отказываются от определенных товаров, им был задан вопрос «Что может послужить причиной отказа от покупки определенного товара раз и навсегда лично для Вас?». Низкое качество (20%) и высокая стоимость (27%) имеют место при отказах от товаров. А вот на политический мотив указали 53% опрошенных.

Это означает, что покупатели могут отказаться от товара по причине личной неприязни к стране-производителю (для 37% причина отказа – иностранный производитель, для 16% – отечественный).

Такие результаты не случайны, ведь сложившаяся обостренная международная обстановка, западные санкции обуславливают у покупателей личную неприязнь по отношению к продуктам питания иностранного производства.

Далее проследим предпочтения покупателей, относительно выбора отечественных/импортных продуктов питания. Покупателям задавался следующий вопрос: «Какие продукты питания при одинаковой стоимости Вы, скорее всего, предпочтете купить?». Почти 60% опрошенных отдают предпочтение отечественным продуктам питания и только 11% – импортным. Страна-производитель неважна для 30% покупателей.

Чтобы узнать, как отразились «продуктовые санкции» на покупателях им был задан вопрос: «Вы раньше покупали продукты, которые сейчас запрещено ввозить в Россию?». По ответам респондентов можно сделать вывод, что почти для половины опрошенных покупателей, запрещенные к ввозу импортные продукты составляли незначительную часть покупок. Для 28% опрошенных – продукты составляли значительную часть, а 15% от числа опрошенных покупателей их просто не покупали раньше.

Ответы покупателей на вопрос: «Ваш рацион как-то изменился после запрета на ввоз продуктов из некоторых стран?» позволяют сделать вывод, что для большинства покупателей их рацион не претерпел значительных изменений. Существенные перемены произошли в рационе у 15% опрошенных и частичные изменения – у 26%.

На вопрос «Случалось ли Вам в последнее время не находить в продуктовых магазинах те товары, которые Вы раньше покупали?» были получены следующие результаты: 52% покупателей случилось не находить те продукты, которые они покупали и 41% не случилось [4]

Таким образом, можно сделать вывод, что среди покупателей наряду с предпочтением отечественных продуктов питания и отказов от импортных, распространено другое проявление протеста – критика продуктов иностранного производства.

Был задан вопрос: «От каких продуктов питания вы готовы отказаться ради продолжения нынешнего российского внешнеполитического курса?». На данный вопрос в качестве вариантов ответа были перечислены продукты питания разных стран, причем даже те, которые не попали в санкционный список.

Распределение ответов было следующим: большинство покупателей (23%) готовы отказаться от украинских конфет, американской кока-колы (21%), американской курятины (17%), которые не попали в российский санкционный список. Следовательно, наибольшую личную неприязнь покупатели проявляют по отношению к американским и украинским производителям. А вот отказываться от норвежской сёмги и итальянского пармезана покупатели не совсем готовы: всего 7% могут отказаться от этих продуктов. Не хотят отказываться покупатели и от японских суши и испанских цитрусовых (7%).

Большинство покупателей нашего города одобряют запрет на ввоз в Россию части импортного продовольствия. Следовательно, покупатели готовы обходиться отечественными продуктами питания и именно им отдают предпочтение при покупке. Из результатов нашего исследования также можно сделать вывод о том, что покупатели достаточно часто высказывают критику в адрес импортных продуктов питания и отказываются от их покупки. Но активно принимать участие в организованных акциях протеста, направленных на бойкотирование импортных продуктов готов малый процент покупателей [5].

Современные способы регулирования потребительского поведения в сообществах ориентированы на новую форму отношений между субъектами – сотрудничество, партнерство, а также разработку социологического сопровождения взаимосвязи между производителем и потребителем. Необходимо и формирование обратной связи в сфере потребления через развитие информационно-коммуникативной среды, обеспечивающей покупателей необходимой информацией в требуемом количестве и необходимом содержании.

Большинство покупателей нашего города одобряют запрет на ввоз в Россию части импортного продовольствия. Следовательно, покупатели готовы обходиться отечественными продуктами питания и именно им отдают предпочтение при покупке.

1. Алиева, З.Б. *Импортозависимость – угроза продовольственной безопасности России* / З.Б. Алиева // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2014. – № 14. – С. 66 – 70.
2. Артюхина, В.А. *Качественные и количественные методы в социологических исследованиях протестного поведения населения* / В.А. Артюхина // *Актуальные вопросы социально-экономического развития современного общества в условиях реформ: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября 2011 г.)*: в 3 ч. – Саратов: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», – 2012. – Ч. 1. – С. 23 – 26.
3. Блэкуэлл, Р. *Поведение потребителей*: [пер. с англ.] / Р. Блэкуэлл, П. Миниард, Дж. Энджел. – 10-е изд. – СПб. [и др.]: Питер, 2011. – 943 с.
4. Васильев, Г.А. *Поведение потребителей*: учеб. пособие / Г.А. Васильев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Вуз. учебник: ИНФРА-М, 2010. – 408 с.
5. Газян, Л.Г. *Качество продукции как экономическая целесообразность* / Л.Г. Газян // *Стандарты и качество*. – 2010. – № 5. – С. 70 – 72.
6. Гриценко, Г. *Стратегическое управление продовольственным рынком Алтайского края* / Г. Гриценко // *АПК: экономика, управление*. – 2012. – № 10. – С. 64 – 68.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗМЕРЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Бубнов Ю.М. (Могилёв, Республика Беларусь)

Идентификация коррупционной активности служилого люда представляет собой довольно сложную проблему, решить которую пытаются различными способами. Все материалы о взяточничестве условно можно распределить на три группы, которые опираются на три сорта соответствующих фактов. Материалы первого рода – это так называемые «громкие дела», изобличённых правоохранительными органами высокопоставленных взяточников в сфере власти или публичной политики. О конъюнктурном характере таких материалов свидетельствует хотя бы то наблюдение, что волна подобных разоблачений взбухает «девятым валом» во время какой-либо политической, обычно избирательной, кампании, и опадает до штиля в период политического межсезонья. «Громкие дела», безусловно, способствуют очищению общества от

высокопоставленных взяточников, однако они не могут считаться приемлемым основанием для объективной оценки степени коррупционной активности работников тех или иных государственных структур.

Появившиеся в последнее десятилетия «рейтинги» коррупционности большинства государств мира строятся на плачевном опыте общения менеджеров, как правило, западных фирм с местными продажными бюрократами. Эти «рейтинги» также нельзя считать вполне удовлетворяющими требованиям полноты и объективности. Дело в том, что степень проникновения иностранного капитала в экономику различных стран весьма различается. К тому же опыт взаимодействия иностранных экспертов чаще всего ограничивается столичными конторами, поэтому может так статься, что всего лишь небольшая группа алчных чиновников центрального аппарата, раздающих за взятки лицензии иноземным инвесторам, в состоянии испортить репутацию целой страны. На этом основании мы не слишком высоко оцениваем степень адекватности международных рейтингов реальным коррупционным процессам, происходящим в социальных глубинах белорусского общества.

Другой важной проекцией коррумпированности общества выступают статистические данные. В антикоррупционных статьях используются факты, почерпнутые из статистической отчётности органов внутренней безопасности правоохранительных ведомств. С точки зрения адекватности и объективности, эти данные методологически также небезупречны. Во-первых, упомянутые отделы внутренней безопасности являются элементами правоохранительной системы и подотчётны начальству проверяемых ведомств. Уже поэтому им не могут быть чужды интересы родного мундира. Даже если руководители правоохранительных органов, искренне заинтересованные в выявлении коррупционеров в своих структурах, и не влияют напрямую на результаты статистических отчётов, нельзя исключать действия механизма самоцензуры на уровне управленческих звеньев более низкого уровня и рядовых исполнителей. Во-вторых, если исходить только из статистических данных, характеризующих работу отделов внутренней безопасности, может получиться парадоксальная картина, когда усиленно самоочищающееся от взяточничества ведомство окажется в невыгодном свете по сравнению с органом, не выносящим сор из своей избы. Эти факторы в определённой степени девальвируют статистику как метод рефлексии такого латентного явления, каким является взяточничество.

Статистический ракурс этой проблематики составляет важную часть любого исследования, посвящённого коррупционной проблематике. Однако далеко не самую главную. Статистика считает хорошо, да видит не всё. Особенно то, что чаще всего участники процесса стараются скрыть. Коррупционное взаимодействие взяткодателя с взяткополучателем, во-первых, всегда совершается втайне. Во-вторых, оно, зачастую, им обоим в том или ином виде на пользу. Поэтому третьи лица, а тем более правоохранительные органы, узнают о фактах взяточничества лишь в том случае, если в коррупционном процессе произошёл какой-нибудь сбой, когда одной из сторон не были соблюдены договорённости, а также в том случае, если нарушено правило обоюдной пользы. Другими словами, если чиновник занимается вымогательством взятки в ущерб взяткодателю, что происходит далеко не всегда. Только тогда возникает вероятность того, что одна из сторон коррупционного взаимодействия отважится вывести на «чистую воду» преступника-мздоимца, после чего взятка становится фактом статистики. А это, к сожалению, скорее, исключение, чем правило. Одним словом, статистика видит только малую часть чиновничьей коррупционной активности. Таким образом, статистика знает всё лишь о свершившихся и зарегистрированных фактах. То есть статистика осведомлена о том, что уже свершилось и зафиксировано в той или иной форме отчётности. Не свершившееся или не зафиксированное в отчётных документах явление не попадёт в статистические сводки. В этом заключаются как сила, так и слабость статистического метода. Статистика прекрасно считает всё то, что попало в поле её зрения. Поэтому всё, что поддаётся формализации и фиксации, становится предметом скрупулезного статистического анализа. Однако «ахиллесова пята» статистики как раз и состоит в том, что она не способна адекватно зафиксировать и описать социально латентные факты, а тем более – намерения и моральную готовность людей к совершению коррупционных

действий. Это под силу только социологии, вооружённой методикой анонимного массового опроса.

Поэтому при всём уважении к международным рейтингам и статистической отчётности мы предпочитаем оперировать социологическими фактами, свидетельствующими об уровне коррупции на основании анонимных анкетных опросов репрезентативных групп населения. Социологические данные в наименьшей степени подвержены манипуляции со стороны оппозиционных или властвующих политиков, их труднее всего фальсифицировать и скрыть. При условии статусной и материальной независимости социологических служб их исследования будут обладать самой высокой достоверностью при изучении даже таких скрытых социальных явлений, каким является коррупция в форме взяточничества. Конечно же, остаются ещё вопросы, связанные с уровнем мастерства и степенью проплаченной ангажированности социологического персонала. Но подобные изъяны легко распознаются истинными профессионалами, поэтому при желании быстро устраняются.

Социологический метод имеет, правда, одну особенность, которую необходимо учитывать. Он фиксирует не само социальное явление, а его отражение в общественном мнении. Это похоже на то, как физики изучают микромир, используя пузырьковую или вакуумную камеру. Они видят не саму микрочастицу, а её след. Однако это позволяет учёным давать точные характеристики элементарным частицам, как если бы они их видели воочию. Вот и социологи помещают взяточничество в своеобразную «камеру общественного мнения». Для этого необходимо проводить мониторинг общественного мнения по поводу коррупционной активности представителей различных государственных структур, а также основных социальных институтов. Автор этих строк почти 20 лет проводит социологические опросы населения Могилёвской области на предмет актуальных и потенциальных коррупционных рисков с помощью сотрудников Могилёвского института региональных социально-политических исследований, а также коллег кафедры гуманитарных дисциплин Могилёвского государственного университета продовольствия. Мы не собираемся сейчас останавливаться на детальном анализе данных, полученных в ходе этих многолетних исследований. Это не является предметом данной статьи. На данном этапе нам важно подчеркнуть то, чем социологический подход принципиальным образом отличается от всех других методов измерения взяточничества тем, а именно, фиксирует то, как выглядит в глазах простых жителей проблема взяточничества, показывает социальную проекцию мздоимства.

При анализе социологических данных, характеризующих место той или иной бюрократической структуры или социального института в коррупционном ранге, следует учитывать интенсивность социальных контактов служащих этих служб, ведомств и организаций. Есть ведомства с чрезвычайно интенсивными социальными контактами, например, медицинские учреждения, средние школы или вузы. Понятно, что уже в силу этого фактора социологическая индикация мздоимства в этих учреждениях будет более высокой, чем в таких специфических организациях как, к примеру, служба госконтроля или пожарная служба, с которыми граждане контактируют сравнительно редко. Поэтому будет методически правильным пересчитать упреки в вымогательстве взяток, сделанные гражданами в адрес тех или иных государственных служб, от числа тех респондентов, которые имели дело с работниками этих ведомств. Если это сделать, то окажется, что уровень коррумпированности, например, санитарно-эпидемиологической службы увеличился более чем вдвое, а пожарной службы – почти в 6,5 раз, если мы будем считать не от общего количества опрошенных, а от числа обращавшихся в эти конторы. Ясно, что эти службы должны занять более высокое из непочётных мест в ранге мздоимства. Подобный пересчёт следовало бы произвести по всем государственным ведомствам, службам, организациям и учреждениям. Только в этом случае можно получить более адекватное представление о степени коррумпированности различных государственных служб.

Таким образом, сравнивая статистический и социологический методы измерения взяточничества, мы делаем выбор в пользу последнего. Что касается статистических данных, то они, охватывая от 1 до 5 процентов реальных должностных преступлений, характеризуют, скорее, уровень эффективности правоохранительных органов в их противодействии коррупции. Именно социологический метод мы считаем наиболее эффективным инструментом зондирования административного аппарата и социальных пластов населения на предмет их заражённости бактериями взяточничества. Решая задачу адекватного измерения уровня мздоимства в отдельных структурах государственного механизма, а также моральную готовность к коррупционному взаимодействию в различных демографических и профессиональных группах населения,

социология может стать одним из важнейших элементов национальной антикоррупционной политики белорусского государства.

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Будникова Н.С. (Улан-Удэ)

В теории государства и права гражданское общество определяется как совокупность внегосударственных и внеполитических отношений (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, корпоративных, семейных, религиозных), образующих особую сферу специфических интересов свободных индивидов-собственников и их объединений. [1]

Представление о гражданском обществе возникает в результате дифференциации понятий «государство» и «общество», публичных и частных институтов. Чаще всего исследователи достаточно произвольно разводят эти понятия и рассматривают их как разнонаправленные или даже антагонистические. Подобная трактовка проблемы не вполне корректна с точки зрения теории, так как очевидно, что формирование гражданского общества происходит не только в силу определенных сознательных действий, но и в силу более длительных и вероятностных процессов. Более корректно говорить о таком факторе, как степень автономности гражданского общества. Таким образом, вопрос об автономии гражданского общества – это вопрос о степени формирования границы между гражданским обществом и государством. При этом исторически формирование этой границы в мире происходит в результате различных процессов. В Европе преимущественная роль в определении границы между государством и обществом принадлежала государству. Граница формировалась по вектору: от государства к гражданскому обществу. Государство было само заинтересовано в существовании и активной деятельности неких институтов, которые бы не только отражали мнения и настроение масс, но и сами были способны «помогать» государству в решении ряда социально – значимых проблем. В заокеанских европейских колониях процесс происходил «от обратного»: в США формирование границы между гражданским обществом и государством происходило по инициативе сильного и активного гражданского общества.

Российское общество в силу институциональных традиций (сформированных в период Советского Союза) идет, очевидно, по первому пути в его более радикальном варианте. На время распада Советского Союза гражданского общества в России практически не было. В современном же мире мы видим очевидное проявление вектора инициативы: от государства к гражданскому обществу.

Общепринято говорить, что в России гражданское общество либо слабо сформировано, либо его нет. В таком контексте предполагается, что предпосылки существования гражданского общества есть, но имеется некое государственное противодействие, мешающее его формированию. Хотя на деле положение как раз обратное. Государство демонстрирует заинтересованность в формировании действенного гражданского общества и даже предпринимает усилия, чтоб вырастить это общество искусственным путем. Это вызвано потребностью в повышении эффективности деятельности самого государства и необходимостью соответствовать жестким международным требованиям. Но импульса снизу, от «масс» нет. Поэтому речь должна идти не о степени сформированности гражданского общества, а о степени сформированности границы между государством и гражданским обществом. Определим факторы, которые влияют на формирование этой границы в республике Бурятия. Можно выделить как объективные, так и субъективные группы причин. К объективным, несомненно, относится такой фактор, как экономическая слабость и малая плотность общественных организаций. Кроме гражданского сообщества города Улан-Удэ, остальные очень слабые и разобщенные. В республике Бурятии институт гражданского общества Общественная палата появился лишь в 2013 году.

Институциональную основу гражданского общества Бурятии составляют некоммерческие организации, роль и значение которых в его развитии постепенно возрастает. В соответствии с действующим законодательством, некоммерческие организации (НКО) могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), общин коренных малочисленных народов Российской Федерации, некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами.

По состоянию на 31 августа 2015 года в ведомственном реестре Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия зарегистрированы 1371 НКО. Из них 736 общественных организации, 227 религиозных организаций, 45 национально-культурных объединений, 42 молодежных и детских организации, 27 благотворительных фонда, 15 правозащитных, 135 профсоюзных, 36 казачьих обществ, 135 профсоюзных организации. [2]

Влияет на формирование границы между государством и обществом сила советских традиций, а именно – опыт институциональных организаций. Долгие годы нас приучали к тому, что любая организация – это филиал и резерв государственных органов. Поэтому у гражданского сообщества нет реальных навыков и традиций общественной кооперации, готовности к интеграции. Подобный опыт имеется у церкви. Долгие годы адаптации к агрессивной внешней среде, существование в пространстве договоренностей, компромиссов дали церковным организациям опыт необходимой интеграции в общегосударственные процессы. А общественные организации, даже самые сильные и активные, к сожалению, до сих пор имеют характер клубов по интересам («Байкальские амазонки») или объединений по необходимости (ТСЖ). У нас даже политические партии во многом зависят от финансирования государства. К субъективным можно отнести такой фактор, как отсутствие в обществе установки на то, что существует круг проблем, которые должно решать не государство. Проблема структурного сопряжения между государством и гражданским обществом напрямую зависит от уровня и качества разграничения между ними. Один из основных вариантов сопряжений, который позволяет четко определить границы, – это выборы. Для самих кандидатов в депутаты разного уровня зачастую большей проблемой, чем процент проголосовавших, становится явка равнодушных к процессу избирателей. Наиболее распространенный вариант структурного сопряжения в экономической сфере – это система экономических контрактов. Трудно судить о качестве контрактных отношений в государстве, где наиболее значимой характеристикой работника становится не качество профессиональной деятельности, а степень его лояльности. Еще один пример – система государственных контрактов. Предполагалось, что конкуренция заявок на выполнение заказных работ должна была обеспечить эффективность расходования государственных средств, а получили взаимозависимого прикормленного исполнителя. Сам же государственный заказ стал реальным механизмом обеспечения влияния.

Причины существующего положения можно находить в истории развития экономических, политических отношений различных государств, но, возможно, главная причина существующего положения – это специфика трудовой этики разных стран и народов. Например, в США существует давняя традиция протестантских общин, проповедующих ценности совместной деятельности, приоритет общих интересов, особую трудовую этику, в которой Богатство воспринимается как фактор успешности перед Богом. Протестантские общины Америки стали источниками формирования развитого и активного гражданского общества. [3] У нас подобного опыта не было. Православная церковь является государственной, а в годы гонений на нее находится в пассивной позиции, пытаясь адаптироваться к негативному окружению. Буддизм же в основе своей проповедует пассивное отношение к деятельности в миру, тем самым не позволяя создать вариант жизнеспособной активной трудовой этики. Кроме того, в современную Россию искусственно переносятся заимствованные организационные структуры, что тоже не способствует появлению позитивного опыта сопряжения государства и гражданского сообщества. Гранты, на которые существуют многие общественные организации, несут в себе идеологию западной трудовой этики, а не формируют собственно российские модели взаимодействия. Управляющие Советы, ТСЖ – это тоже западный опыт, плохо приживающийся в российской действительности.

Таким образом, проблема формирования гражданского общества Республики Бурятия лежит в плоскости его автономии от самого государства, в степени формирования границы между гражданским обществом и государством.

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2004.
2. Управление Минюста России по Республике Бурятия. <http://to04.minjust.ru/> (дата обращения: 10.10.2015)
3. Муниципальная власть и гражданское общество: проблемы диалога и перспективы развития: материалы межрегион. научн.-практ. конф. (25 февраля 2010 г.) / отв. ред. В.Б. Прокопьев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 195 с. ISBN 978-5-9793

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Буланова М.А. (Воскресенск)

Современный мир живет и развивается в эпоху глобализации, которая способствует быстрому развитию всего комплекса экономических, политических, информационных, научно-технических, культурных отношений и дает импульс к социальным трансформациям. Глобальные общественные трансформации проявляются, прежде всего, в том, что характер внутрисоциальной коммуникации определяется и задается на мировом уровне. В таких условиях особенно важным является поддержание и сохранение странами своей самобытности, выраженной в социальной памяти.

Россия – страна с богатейшим культурным и историческим наследием, которое сложилось в процессе ее многовекового существования. История развития российского государства имеет свои особенности, среди которых ученые называют глубину, масштабность и антагонизм перемен [3], который выражается в том, что каждая последующая группа реформаторов, формируя и укореняя новые нормы и практики, отрицала значимость социального опыта предшествующего общества и пользу памяти прежних социальных групп. Для современной России результатом таких непоследовательных преобразований является антагонистическое стремление, с одной стороны, «осовремениться» с помощью принятия ценностей запада, а с другой – абсолютизировать и развивать свои собственные традиции и обычаи.

И. И. Глебова отмечает, что, перенимая западный проект развития, российское руководство совершает ошибку, так как не оценивает критически соответствие его содержания национальным особенностям страны [1]. Согласно культурно-универсальной методологии группировки ценностей, предложенной Ш. Шварцем, по блокам ценностей «коллективистского» полюса (консерватизм, иерархия и гармония) Россию можно отнести скорее к странам развивающейся Азии, а по блокам ценностей «индивидуалистического» полюса (равноправие и автономия) – к странам развивающейся Европы. Другими словами, для развития по европейскому пути в России недостаточно развиты ценности автономии и слишком велики ценности консерватизма и иерархии. Данное исследование показывает, что для России приемлем только один путь развития – ее собственный – сохранение и актуализация национальных традиций и норм, которые будут являться основой будущих преобразований. Кроме того, ориентация на проекты развития других стран ведет к неизбежному изменению менталитета русского народа, так как совместно со способами модернизации происходит усвоение их культуры, языка и норм поведения. Согласно лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта [2], язык определяет мышление, поэтому трансформация России с опорой не на собственный опыт ведет к перестройке восприятия мира у населения. Подобные процессы находят свое отражение в формировании «новых» черт в русском национальном характере, типичных западным странам, в особенности Америке: эгоизма, индивидуализма, ориентации не на творческую самореализацию, а на пассивное потребление.

Стремление руководства страны перенять опыт развитых стран ведет к возникновению противоречия старых и новых ценностей в русской ментальности, вследствие чего у другого субъекта социальных преобразований – массовых слоев – возникает стремление защитить свою идентичность. Реакцией большинства на навязывание властями новых идей и представлений является склонность к замкнутости в своем локальном мире. Как пишет В. В. Лыкова, в российском обществе можно наблюдать оформление процессов социальной автономизации, которые выражаются в усилении значимости архаических форм общности (семьи, близких).

Таким образом, становление российского общества сопровождается противостоянием элит и масс в их видении модернизации страны. Антагонизм элитных и массовых слоев русского населения представлен во всей истории развития нации. Только в советское время была предпринята попытка устранить этот социальный дуализм путем формирования элиты из народа и их уравнивания (отмена частной собственности, возможности совершать сделки с недвижимостью и т. д.). Подобные преобразования привели к снижению качества элиты и возникновению раскола внутри этого слоя.

Наиболее точное представление о социальной памяти современной России можно получить, исследуя молодежь, которая является наиболее восприимчивой группой населения. Нынешняя молодежь сформировалась в условиях социально-экономических и политических преобразований, смены идеалов и образа жизни. Новые элиты, пришедшие к власти после распада СССР, используя профессионалов в сферах знания и информации, осуществляли практику

решительного разрыва с прошлым укладом, советскими традициями, которые были укоренены в социальной памяти массовых слоев. Подобные социальные трансформации, согласно Г. Шуману и Ж. Скотту, приводят к возникновению различий между коллективной памятью поколений. Такие изменения американские ученые называют «эффектом когорты» [5], который наблюдается и в российском обществе: произошел межпоколенческий разрыв, который мог послужить основой формирования специфической социальной памяти молодого поколения.

Результаты социологического исследования, проведенного Л. И. Миклиной среди молодежи разного возраста [4], иллюстрируют существующий в российском обществе «эффект когорты», который проявляется различной оценкой поколениями степени значимости исторических событий и уровня знаний важных дат и имен. Так, большинство респондентов знают дату начала Великой Отечественной войны (91,8%) и ее окончания – Дня Победы (92,8%), но день штурма Зимнего дворца не знают треть опрошенных (35,6%). Молодежь не является носителем «живой памяти» о данных событиях, поэтому различный уровень знания о них говорит о разной степени их значимости для поколений. Современное молодое поколение воспитывалось в постсоветском обществе, которое видело Октябрьскую революцию в ином свете, нежели предыдущие поколения, а исключительная значимость войны и Победы передается из поколения в поколение без изменений, отсюда различные цифры в уровне информированности.

Подобный пример говорит о трансформации ценностей молодежи под воздействием социальных изменений. Формирование и развитие современной российской молодежи как поколения пришлось на годы перестройки и череды социально-экономических реформ, поэтому она обладает специфической социальной памятью. Воспоминания, составляющие ее основу, являются частью памяти всего российского общества и представляют собой совокупность коллективных знаний и опыта, которые были накоплены предыдущими поколениями. На протяжении десятилетий в нашей стране происходили глобальные и локальные трансформации, что не могло не отразиться на менталитете русского народа, в результате произошло формирование социальной памяти молодежи как особого типа исторического сознания, не имеющего аналогов среди представителей прошлых поколений. Результатом стало нарушение процесса преемственности поколений и их разрыв, который в общем контексте социокультурного кризиса российского общества выражается в разрушении многовековой системы ценностей.

Современная политика памяти российского государства (проведение года литературы, года кино, дней исторического и культурного наследия) направлена на сохранение и популяризацию традиций страны, что говорит о положительных сдвигах в сторону возрождения социальной памяти России.

1. Глебова, И. И. Ранний постсоветизм в политико-историческом контексте: монография. – М.: РАН ИНИОН, 2006. – 243–244 с.
2. Даниленко, В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.
3. Лыкова, В. В. Трансформация социальной памяти в модернизационных процессах современной России / В. В. Лыкова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – №1 (17) – С. 1-7.
4. Миклина, Л. И. Социальная память современной российской молодежи / Л. И. Миклина // Власть. – 2015. – №1 – С. 138-139.
5. Шуман, Г. Коллективная память поколений / Ж. Скотт, Г. Шуман // Социологические исследования. – 1992. – №2 – С. 48.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

Булатецкая А.Ю. (Пермь)

В условиях перехода современного общества к обществу знания активизируется внимание ученых к вопросам интеллектуализации управленческой деятельности в инновационном развитии корпораций. По мнению М.Кастельса, успеха добиваются те организации, которые способны генерировать знания и эффективно обрабатывать информацию; адаптироваться к изменчивой геометрии глобальной экономики; быть достаточно гибкими, чтобы менять свои средства столь же быстро, как под воздействием быстрых культурных, технологических и институциональных изменений меняются цели; вводить инновации, так как инновация стала ключевым оружием в конкурентной борьбе [1].

Понятие «инновация» и его содержательные компоненты претерпели за последние десятилетия значительные изменения. Если первоначально в XIX веке инновация означала внедрение элементов одной культуры в другую [2, С.10], то сегодня это понятие рассматривается значительно шире, как определенное нововведение, связанное с созданием, признанием или внедрением новых элементов или моделей материальной и нематериальной культур, основанных на использовании передовых достижений науки в области техники, технологии, организации труда или управления. Инновации, как пишет Роберт Б. Такер, - «это выдвижение новых идей и воплощения их в жизнь. Ее креативный аспект, который одновременно является основой данной категории – это формирование новой идеи. В конце концов, если не будет идей, то и не будет и шансов на инновацию» [6, С.19].

Сама инновационная деятельность рассматривается учёными с точки зрения не только процесса, но и результата экономических и социальных изменений. Например, Э.Роджерс и Р.Агарвала-Роджерс отмечают, что нововведение является процессом, поскольку оно развивается во времени и имеет отчетливо выраженные стадии [5, С. 144, 149]. И.Перлаки также утверждает, что «нововведение есть комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой или для лучшего удовлетворения уже известной общественной потребности» [3, С.5].

В условиях становления общества знания центральным звеном инновационного развития становится информация, научные знания, интеллектуальный капитал, выражающиеся через интеллектуальный труд и интеллектуальную активность, причём, инновационное развитие осуществляется в режиме постоянного обновления, обучения и креативного мышления людей. В научных исследованиях приобретает особую значимость разработка проблем инновационного развития образования, определение технологий и механизмов кадрового обеспечения инновационных процессов в различных отраслях экономики, организации непрерывного образования, повышения квалификации и переподготовки кадров, формирования моделей управления подготовкой инновационных специалистов, создания инновационных социальных стратегий интеллектуализации управления, кадрового обеспечения управления инновационной деятельностью системы высшего профессионального образования и др.

Исследование процессов корпоративного управления в условиях инновационной деятельности показывает значительное снижение интеллектуального и инновационного потенциала в нашей стране. За последние десятилетия была утрачена значительная часть интеллектуального капитала, накопленного в XX веке. Сократилось количество предприятий, занимающихся научно-исследовательской и инновационной деятельностью, на 30% уменьшилась численность научных работников. Научно-производственными структурами корпораций выполняется всего 6% НИОКР [4], освоение новой техники зачастую приобретает имитационный характер, на предприятиях и в организациях сокращается количество конструкторских бюро, исследовательских лабораторий, лабораторий НОТ, значительно падают показатели воспроизводства человеческого потенциала.

Сформировавшаяся в России система управления не отвечает современным требованиям и не может эффективно решать поставленные задачи без принятия на вооружение новой парадигмы интеллектуального развития. Это приводит к следующим негативным результатам: снижению творческого потенциала работников, их квалификации, престижа технических и научных специальностей из-за реальной оплаты их труда; невосприимчивости к научно-техническим знаниям, полученным в области управления социально-экономическими процессами; неготовности работников к постоянному профессиональному обучению и повышению своей квалификации; разрушению прямых и обратных связей инновационного процесса; ослаблению мотивационных механизмов в деятельности работников и повышению конфликтологического потенциала в коллективах в условиях перехода предприятий и организаций на инновационный путь развития.

В тоже время, социологические исследования, проведенные на 17 предприятиях, входящих в пермскую Группу «ЛУКОЙЛ», показывают, что подавляющее большинство руководителей и ведущих работников управления (84%) понимают значимость и важность интеллектуального управления инновационным развитием корпорации, более 60% респондентов знакомы с литературой, посвященной исследованию интеллектуального капитала в современном обществе знания, 72% изучали современный опыт управления на ведущих предприятиях страны и мира. Однако только 12% руководителей и ведущих работников готовы приступить к работе по освоению системы управления знаниями и инновационным развитием организации, поскольку у

них отсутствует понимание того, какой должна быть данная система, как ее спроектировать и внедрить.

Исследования показывают, что на предприятиях корпорации существуют значительные внутренние резервы, позволяющие активизировать интеллектуальный потенциал управления. Продолжают оставаться недостаточными инвестиции в человеческий капитал. Этой точки зрения придерживаются 54% респондентов. Значительная часть сотрудников (39%) отмечают отсутствие программ профессионального роста, построения деловой карьеры, 62% - подчеркнули слабую мотивацию изобретательской деятельностью и техническими нововведениями. 68% респондентов заявили о неумении управленческого персонала организовать в подразделениях внедрение и эффективное использование информационных технологий.

В целом, исследования позволили сделать вывод о том, что на российских предприятиях, с одной стороны, применяется так называемый «индустриальный подход» в управлении человеческими ресурсами, процессах обучения и развития работников, научно-исследовательской работой, с другой стороны, постепенно создается ситуация готовности к освоению системы управления интеллектуальным капиталом организации, которая станет средством интеграции разрозненных элементов работы с информацией и знаниями в единую производственно-экономическую систему.

В условиях формирования общества знания к важнейшим механизмам интеллектуализации управления инновационной деятельностью корпорации относятся:

- создание социально-психологических и экономических условий для обеспечения готовности персонала к полноценному сотрудничеству с интернет-технологиями;
- активизация научно-технического потенциала сотрудников по генерации идей, обеспечивающих совершенствование системы управления и функционирования производственных процессов;
- подготовка и включение в штат специалистов в области управления знаниями – «Knowledge Manager»;
- разработка многозвенной системы управления знаниями на федеральном, региональном и корпоративном уровнях;
- преобразование корпораций в инновационно-образовательные центры, обеспечивающие развитие человеческого капитала;
- разработка технологий интеллектуализации инновационной деятельности корпораций;
- эффективное управление изменениями в организационной культуре корпорации.

Таким образом, переход российской экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития в условиях становления общества знания означает необходимость интеллектуализации управления корпоративной деятельностью, формирования экономики лидерства и инноваций, воспроизводства особого типа человеческих ресурсов – специалистов инновационной сферы.

1. *Кастельс М. Информационная экономика: экономика, общество и культура / Под ред. О.И.Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.*
2. *Культурология / Под науч. ред. А.С.Неверова. - 2-е изд., испр. - Мн.: Выш.шк., 2005. С.10.*
3. *Перлаки И. Нововведения в организациях: пер. со словац./научн. ред. Н.И. Лапин. – М., 1981.*
4. *Петров Ю., Жукова М. Трансграничное движение капитала в постсоветской России // Российский экономический журнал. 2006, № 7-8.*
5. *Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникация в организациях: пер. с англ. – М., 1980.*
6. *Такер Б.Р. Инновация как формула роста. Новое будущее ведущих компаний / Б.Р. Такер. – М., 2007.*

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РАЗВИТИИ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

Булатова Т.А. (Томск)

В современных условиях кризиса актуальной является модернизация всех сфер жизни общества: экономической, социальной, культурной, институциональной. Иницируемая «сверху», она ставит целью не только внедрение новых высоких технологий, способных вывести страну на

новый уровень развития, но и построение нового общества, способного раскрыть творческий и инновационный потенциал, обеспечить достойный уровень жизни и благополучия людей. [1; 31].

Модернизация страны не возможна без модернизации регионов, каждый из которых является частью целого и обладает диверсификационными признаками, связанными с обширностью российских территорий, неоднородностью условий для осуществления модернизации. Существующие способы измерения модернизации касаются преимущественно социально-экономической составляющей, технико-технологической, когнитивной (уровень знаний и трансляции знаний) которые используют статистические показатели и индексы, позволяющие получать сравнительные данные по регионам и странам (индексы модернизации, предложенные профессором Чуаньци Хэ ЦИМ АНК, адаптированные для России член-корр РАН Н.И. Лапиным, статистические рейтинги АИРР) [2; 3].

Глобальной целью модернизации является повышение качества жизни людей. Однако в существующих условия протекания модернизационных процессов в России наблюдается асинхронность таких характеристик как качество жизни, модернизированность, комфортность проживания. В связи с этим приходится говорить о многомерности и неоднозначности связей между названными характеристиками.

Социокультурная компонента модернизации, социокультурный капитал общества является опорой и направляющим вектором модернизационных процессов. Социокультурная трансформация общества предопределяет органический переход к эндогенной модернизации, инициированной ее субъектами: средним бизнесом, молодыми научными кадрами, инноваторами – резидентами. Вопрос о субъектах модернизации находится в проблемном поле социологии [4; 5].

В динамике двух волн эмпирических исследований (2011 г-выборка 750 респондентов; 2015 г - 1000, при поддержке РГНФ (проекты: 11-13-70001, 15-03-00366) были проведены опросы населения Томской области на основе Программы и типового инструментария «Социокультурный портрет регионов России» [6]. Согласно проведенным нами исследованиям выявляется дихотомия позиционирования Томской области как крупного Сибирского региона с высокой инновационной составляющей с одной стороны, признанного таковым в имеющихся российских рейтингах, с другой стороны с несбалансированной социокультурной модернизацией.

В регионе остаются проблемы экологии, осознаваемые населением, медицинского обслуживания, доверия как межличностного, так и сетевого, к институтам власти. В пределах последних пяти лет сохраняется флуктуации 5 главных бед (угроза бедности, произвола чиновников, преступности, экологическая угроза, опасность произвола правоохранительных органов). Доверие к суду и прокуратуре возможно свидетельствует о наступающем переходе восприятия в сознании общества этих институтов из ранга карающих в ранг в некоторой степени защищающих. Стоит отметить с одной стороны рост зависимости жизни граждан от общероссийской власти, с другой стороны, локус контроля и ответственности за свою жизнь преобладает внутренний. Дуализм позиций «внешний - внутренний» контроль жизни коррелирует с эффектом отдаленности власти не только территориально, но и в восприятии большей частью общества.

Ценностные ориентиры сохраняют свои позиции в паритете коллективистские-индивидуалистские. Вряд ли следует считать, что все коллективистские ценности препятствуют модернизации и требуется их переориентация на индивидуалистические, как признак желаемой трансформации массового сознания. Тем не менее, четыре современные ценности: порядок, независимость, свобода инициативность вошли в десятку ценностных ориентиров наиболее поддерживаемых населением.

Особый интерес представляет активность граждан как общегражданская, так и инновационная. В первом случае регион повторяет общероссийские тенденции – активность низкая. Виды активности либо не представляют интереса для самореализации, либо присутствует боязнь проявить не одобряемую активность. Не наблюдая результаты собственно гражданской деятельности в масштабе региона, приходится говорить о психологическом феномене «выученной беспомощности», когда ряд повторяемых различных или одинаковых действия людей не меняет свойства объекта. Тезис не касается организованных и инициированных институциональных подвижек. В контексте роста социальной напряженности, низкая протестная активность населения отражает способность «переживания бед» на фоне некоторого задела социального оптимизма.

Что же мешает трансформации массового сознания, реализации накопленного социокультурного капитала в масштабах населения региона (и регионов России), восприятию модернизации как насущной потребности, инклюзии ее большей частью общества? (Вопрос не

исключает необходимости делегирования инновационных прорывных заданий отдельным кластерам и платформам, обладающим необходимым потенциалом и обеспечением).

Возможно, главной проблемой следует обозначить состояние доверия и взаимопонимания в обществе с глубоким социальным размежеванием - состояние социального капитала. Социальный капитал трудно произрастает на коррумпированной почве, с недостаточностью институционально - регулятивных механизмов, противодействующих этому деструктивному явлению. Однако, трудно переоценить значение социального капитала общества в модернизационных процессах, в том числе в решении проблемы трансформации социокультурной составляющей модернизации. Роль социального капитала в названных процессах требует отдельного изучения.

1. *Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки.* М.К.Горшков. С.31 [Электронный ресурс] // URL // http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/11/1214896847/Gorshkov_3.pdf
2. *Рейтинг инновационных регионов // Оценка инновационного развития регионов.* 2015. [Электронный ресурс] // URL// <http://i-regions.org/projects/regionsdevelopment>
3. *Проблемы социокультурной модернизации регионов России /Институт философии РАН, под. ред Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. – М Academia, 2013 – 416 с*
4. *Беляева Л. А. Вестник Омского университета. Серия «Экономика» Выпуск № 3 / 2015 С. 53-58*
5. *Головашина О.В. Проблема субъекта модернизации в России Ineternum Выпуск № 1 (8) / 2013 С 33-45*
6. *Лапин Н.И, Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). – И.: ИФРАН, 2010. – 136 с.*

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖПОКОЛЕННОГО СЕМЕЙНОГО КОНТРАКТА

Бурмыкина О.Н. (Санкт-Петербург)

Межпоколенный контракт представляет собой комплекс норм, ожиданий и обязательств, регулирующих отношения между поколениями и возрастными группами [1]. По своей сути понятие «межпоколенного контракта» является социальной метафорой взаимных обязательств поколений. Этот комплекс разделяемых норм действует на микро и макро уровнях социальной структуры в данном социально-историческом контексте. На микро уровне – уровне семьи и индивидов - традиционный контракт между поколениями включает в себя нормы социализации (семейная социализация); нормы, связанные с доступностью ресурсов для разных поколений (семейная поддержка и помощь); нормы, касающиеся ухода за пожилыми людьми (семейный уход). На макро-уровне – уровне общества – контракт выступает в виде существующей системы социального обеспечения и образования.

В российском контексте контракт поколений как реальная практика существует скорее «на микроуровне – уровне межпоколенных отношений в семье, (где также не имеется общепринятых нормативных оснований, на которых распределяются потоки помощи между поколениями). Контракт поколений «прописывается» и выстраивается в каждой семье по-своему как попытка собственного (внутрисемейного) решения проблемы межпоколенческой помощи и поддержки скорее на моральном, чем на материальном уровне» [2,67-68].

Глобальные демографические тренды (увеличение продолжительности жизни, уменьшение рождаемости, старение) и локальный социальный контекст (общественные трансформации) приводят к изменениям возрастной структуры наций, политики распределения и перераспределения общественных ресурсов и доступа к ним, изменениям семейной, родственной структуры, межпоколенных отношений, соответственно – и к изменению семейного межпоколенного контракта. Особенностью современного этапа развития России является и то, что в активную жизнедеятельность вступает молодежь, социализация которой пришлась на начало нового века. Это молодое поколение отличается поведением, ценностями, взглядами на социальную реальность. Можно полагать, что сосуществование в обществе столь разных поколений приводит и к изменениям традиционного семейного контракта.

Теоретической конструкцией, позволяющей верифицировать основные компоненты контракта поколений на уровне семьи, является «модель солидарности», поскольку включает ее

нормативное измерение - нормы родственного долга, реципрокности и ожиданий относительно собственного будущего, значимости семейных отношений [3,4,5].

Одна из задач исследования, посвященного изучению межпоколенных отношений в семье, - описание норм, ожиданий и обязательств разных поколений членов семьи относительно друг друга. Изучались представления молодых людей о взаимных родственных обязательствах взрослых детей и их родителей.

Нормативные представления относительно родственных обязательств и ответственности, взаимной поддержке и готовности к конкретным действиям между взрослыми детьми и их родителями различаются. Подавляющее большинство молодого поколения (более 90%) считает долгом и обязанностью каждого нормального сына или дочери помогать своим родителям, брать на себя ответственность за заботу о них, независимо ни от каких обстоятельств и жизненных ситуаций. Считается ненормальным и недопустимым, когда пожилой человек живет в доме престарелых, хотя у него есть дети и близкие родственники. Участники опроса выступили сторонниками скорее гендерного равенства, чем «разделения труда» относительно заботы о престарелых родителях, считают несправедливым перекладывать ее только на плечи дочерей. Дочери и сыновья должны нести равную ответственность и за уход, и за материальное обеспечение пожилых родителей. Признавая моральный долг перед старшим поколением семьи, молодое поколение не всегда готово поступиться собственными интересами, в частности материальными и профессиональными. Так, вариативность проявилась в вопросах финансовой помощи родителям. Две трети полагают, что даже при ограниченных возможностях следует помогать деньгами родителям, треть - только при наличии таких возможностей. Молодые люди экономически более активны и лучше адаптированы к условиям рынка, но изменение потока материальной помощи от детей к родителям не наблюдается. Каждый пятый респондент затруднился ответить на вопрос, должны ли взрослые дети быть готовыми изменить привычную жизнь, сменить работу, жить вместе, чтобы заботиться о престарелых родителях. Готовность остальных не столько единодушна, что говорит скорее о нежелании терять профессиональный статус и доходы, менять сложившийся уклад жизни.

Взгляды молодого поколения на отношения родителей и взрослых детей отличаются большей дифференцированностью и не столь однозначны, особенно, что касается морального долга и обязанностей. В большинстве семей студентов помощь родителей взрослым детям принята, но эта помощь не считается обязанностью и долгом старшего поколения, а рассматривается как дело добровольное. Взрослые дети вправе рассчитывать лишь на отдельные услуги, а не на постоянную помощь родителей. Родители должны оказывать скорее моральную поддержку, материальная же помощь может быть предоставлена только при наличии финансовых возможностей. Хотя по многим вопросам студенты придерживаются скорее традиционных взглядов, значительна и доля тех, кто придерживается иных мнений или затрудняется ответить. Так, 55% респондентов считают, что независимо от жизненной ситуации детей родители всегда должны им помогать, а 40% допускают помощь только в тяжелых жизненных случаях. Две трети респондентов полагают, что мамы и папы должны помогать взрослым детям, пока те «не встанут на ноги» в материальном смысле. Треть же считает, что этого делать не стоит: родители должны дать только образование. 57% искренне не понимают тех родителей, которые не помогают своим детям, убеждая их, что они сами должны всего добиться, а 35% - могут понять таких родителей. Более 63% молодых людей допускают, что родители должны помогать, даже если не получают ответную помощь, остальные же либо сомневаются в этом либо подобной ситуации не приемлют: родители вправе ожидать ответную помощь. Одна половина опрошенных поддерживает потенциальную готовность родителей изменить свою жизнь ради взрослых детей, оказавшихся в трудной ситуации, другая - подобную готовность отвергает либо затрудняется ответить. Большая часть студентов (80%) придерживается традиционных взглядов на делегирование ответственности и заботы о младшем поколении членов семьи на старшее, полагая, что дедушки и бабушки должны брать на себя заботу о внуках, если их родители не могут этого сделать в силу разных обстоятельств.

Эмпирические исследования представлений российского населения в целом и в частности – молодежи относительно родственных обязательств, ответственности и поддержки между разными поколениями членов семьи показали их стабильность, высокую степень согласия с общими положениями о моральном долге, обязанности, ответственности, взаимной заботе [6,7]. Однако взгляды молодых людей относительно готовности к действиям противоречивы: молодое поколение не всегда готово изменить привычную жизнь, сменить работу, жить вместе, чтобы

заботиться о престарелых родителях. К аналогичному выводу пришли российские исследователи при сравнении данных трех волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», отмечая тенденцию «перетекания» ответов в промежуточную позицию» [8]. Эта тенденция говорит об амбивалентности представлений - одновременном поддержании «противоположных» чувств и эмоций, которые следуют из-за противоположных ожиданий относительно того, как человек должен действовать.

Таким образом, на фоне сохранения традиционных представлений о межпоколенных отношениях в семье, большую роль начинают играть контекстуальные факторы, т.е. внешние ситуации и конкретные обстоятельства в отношениях разных поколений членов семьи, что свидетельствует о меняющемся характере межпоколенного семейного контракта.

1. Bengtson V. L. *Is the «Contract Across Generations» Changing? Effects of Population Aging on Obligations and Expectations Across Age Group.* In: Bengtson V. L. and W. A. Achenbaum (eds.), *The Changing Contract Across Generation.* N. Y. 1993;
2. Семенова В. *Социальная динамика поколений. Проблема и реальность.* Москва. РОСПСЭН. 2009, с.67-68;
3. Bengtson, V. L., & Mangen, D. J. (1988). *Family intergenerational solidarity revisited.* In D. J. Mangen, V. L. Bengtson, & P. H. Landry (Eds.), *Measurement of intergenerational relations* pp. 222–238. Newbury Park, CA: Sage;
4. Roberts, R. E. L., Richards, L. N., & Bengtson, V. L. (1991). *Intergenerational solidarity in families: Untangling the ties that bind.* In S. K. Pfeifer & M. B. Sussman (Eds.), *Marriage and Family Review*, Vol.16 pp. 11–46 Binghamton, NY: Haworth Press;
5. Vern L. Bengtson (2001) *Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds* *Journal of Marriage and Family* vol. 63 pp. 1–16;
6. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. *Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых. / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 1. Под науч. ред. Т.М.Малевой и О.В.Синявской. М., НИСП, 2007, С. 313-344;*
7. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. *Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет. / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 2. Под науч. ред. С.В.Захарова. Т.М. Малевой и О.В.Синявской. М., НИСП, 2009, с.247-264;*
8. *Народонаселение современной России: риски и возможности. М.: Экономическое обозрение, 2013, с.96-108.*

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)

Бухнер Н.Ю. (Барнаул)

Всякое общество представляет собой социальное пространство. П. А. Сорокин исследуя в своих работах социальную мобильность и социальную стратификацию трактовал социальное пространство как систему координат, в которой каждый индивид занимает определенное положение [1, С. 297]. При этом положение одного индивида он предлагает рассматривать как соотносительное понятие: через положение других субъектов внутри системы, через сравнение. Такое понимание социального пространства позволяет выделить его уровни - структуру, иерархию. Социальную стратификацию П. А. Сорокин формулирует следующим образом: " .. это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность - в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества" [1, С. 302]. Признавая гетерогенность социального пространства П. А. Сорокин выделяет три параметра, позволяющих зафиксировать социальную стратификацию в пространстве реальной жизни - экономический, политический и профессиональный. Следуя тезису, предложенному П. А. Сорокиным мы рассматриваем пространство социальное пространство региона - Алтайского края в разрезе указанных им параметров.

Алтайский край входит в состав Сибирского Федерального округа. Согласно рейтингу, составленному экспертами в 2015 году, Алтайский край занимает 81 место по уровню жизни в России, 68 место по уровню экономического развития и 39 место по экономической динамике [2]. Такое распределение свидетельствует о том, что большая часть населения Алтайского края

находится на грани выживания, что подтверждается данными другого рейтинга, составленному экспертами РИА Рейтинг, в котором было просчитано количество денег, которое остается в распоряжении семьи с двумя работающими на среднестатистическую в регионе зарплату после вычета прожиточного минимума двух взрослых и двух детей. В качестве минимального уровня затрат использовался прожиточный минимум. Так, Алтайский край входит в группу регионов, где "семьи живут на грани выживания, а также с наибольшей разницей в уровне жизни бедных и богатых" [3]. Кроме того, по сравнению с прошлым годом в Алтайском крае заметно сократился среднемесячный остаток на семью. Исходя из результатов рейтинга, «к самым бедным регионам относятся: Смоленская область (9,5 тысячи рублей остатка после минимальных расходов семьи), Республика Дагестан (9,3 тысячи рублей), Ивановская область (8,6 тысячи рублей), Республика Калмыкия (8,4 тысячи рублей), Алтайский край (8,2 тысячи рублей) и Псковская область (8,1 тысячи рублей)» [3].

В ходе проведенного в 2015 социологического исследование населения (600 человек) периферийного сибирского региона (Алтайского края) нами были получены данные о экономическом и профессиональном параметрах социальной стратификации, в том числе в пространственном разрезе (город/село).

Профессиональное расслоение в регионе можно представить следующим образом:

- руководитель - 9,2%;
- специалист - 27,0%;
- рабочий - 24,7%;
- прочие исполнители - 5,5%
- безработный - 33,6%.

Предпринятый анализ полученных данных, касающихся количества безработного населения в крае показывает, что реальные данные - 33,6%, превышают данные официальной статистики, в которых указан уровень безработицы - 7% [4]. Вместе с тем более важным, с нашей точки зрения является представление профессионального расслоения населения в разрезе город/село: 13% горожан и 42,5% сельских жителей отметили статус "безработный". На наш взгляд это в первую очередь указывает на значительную профессиональную дифференциацию городского и сельского пространства.

В качестве признака экономического расслоения населения Алтайского края нами было проанализировано владение/не владение определенными видами собственности:

- квартира/дом - 94,6%;
- машина - 62,2%;
- дача, земельный участок - 50,0%;
- другая собственность - 13,5%.

Показательным является анализ данных в разрезе город/село. Полученное соотношение свидетельствует об отсутствии ярко выраженной дифференциации жителей города и села по владению собственностью, другими словами можно отметить равное пропорциональное разделение.

Таким образом, структурный анализ свидетельствует как о гетерогенности, так и о гомогенности социального пространство Алтайского края, подчеркивая что как профессиональная, как и территориальная принадлежность не являются ведущими факторами, определяющим материальное благополучие населения региона. Вероятно, что понятие "социальная структура" претерпевает существенные изменения, дополняется новыми характеристиками, отражающими множественность и изменчивость социального пространства.

1. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // П. Сорокин Человек, цивилизация, общество / Под ред. А. Ю. Соломонова М., 1992.

2. Семеро с сошкой, семьдесят с ложкой / Профиль // режим доступа <http://m.profile.ru/economics/item/102059-semero-s-soshkoj-semdesyat-s-lozhkoj>

3. Алтайский край занял последнее место в рейтинге регионов по уровню жизни / Атмосфера // http://www.asfera.info/news/society/2015/05/27/altayskiy_kray_zanyal_poslednee_mesto_reytinge_regio_99828.html

4. Официальная безработица в Алтайском крае в четыре раза ниже реальной / Алтапресс.ru // <http://job.altapress.ru/story/161761>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОРМИРОВАНИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Бухтиярова И.Н. (Москва)

Генеалогическая культура определяется совокупностью ценностей - общечеловеческих: отражающих связи с семьей, принадлежность к семье; государственных и общественных: отражающих осознание причастности к стране и роли предков в истории Отечества; патриотических и гражданских: влияющих на духовно-нравственное развитие личности. Изучение основ генеалогической культуры в рамках учебного процесса высшей школы способствуют формированию полноценной личности в условиях современного духовно-нравственного кризиса, сознания молодежи в традициях российских духовно-нравственных семейных ценностей, позволяет понять место и роль, которую каждая персона играет в генеалогической структуре рода, найти единство межпредметных связей гуманитарного блока дисциплин, специальных прикладных исторических дисциплин, необходимых для поиска и изучения информации ценностно-генеалогической направленности.

Изучение истории своей семьи начинается с составления генеалогического дерева и одновременно с ним – поколенной росписи, фиксации данных о каждой персоне своего рода, изучении истории России, краеведения, картографии, и таит много интересных знаний и открытий. Важным этапом такого рода работы является сбор информации для схематического построения родственных связей, который в большинстве случаев представляет собой устный и письменный опрос каждой персоны с использованием интервью и анкетного метода. Чаще всего исследователь сталкивается с проблемой географической удаленности персон боковых ветвей рода. Информационные технологии на данном этапе позволяют проводить дистанционные опросы родственников и знакомых, используя сервисы для Web-опросов (например, Google-формы, WebAnketa.ru, Equestionnaire.ru), дополнительно обрабатывать аудиозаписи полученных интервью: конвертировать в более приемлемый формат, преобразовывать аудиозапись в текстовых данные для последующего анализа.

В важную роль в удаленном поиске персон выполняют социальные сети. Наиболее многочисленный пользовательский контент содержится в самых популярных в России социальных сетях - Вконтакте, Одноклассники, Facebook. Технология поиска может вестись разными методами. Во-первых, поиск конкретной персоны и установление всех ее родственных контактов, нахождение пересечений родственных связей различных персон. По информации, размещаемой людьми с социальной сети, можно узнать дату рождения, семейное положение, место проживания, родственник круг интересующей, получить изображение и возможности написания личного сообщения.

Искать однофамильцев и родственные связи можно также с использованием разнообразных ресурсов глобальной сети – поисковых систем, данным телефонных справочников, открытым базам данных различных организаций. Особое внимание следует обратить на специализированные генеалогические сайты, содержащие свои фамильные базы данных, а также большой объем справочной, исторической, архивной информации, являющейся неотъемлемой частью генеалогического исследования при составлении истории своего рода (справочники, по архивам, базы данных различных ведомств за разные периоды и др.). Среди них можно выделить: сайт Всероссийского генеалогического дерева (<http://www.VGD.ru>), Союз Возрождения Родословных Традиций (<http://www.svrt.ru>), Центр генеалогических исследований (<http://www.rosgenea.ru>) - сайт биографических и генеалогических баз данных по персонам, родившимся до 1917 года. Для поиска предков, живших до революции можно использовать также Адрес-календари губерний, выпускавшиеся ежегодно, а также периодические издания, газеты и журналы региона.

Особо стоит выделить роль глобальных сетей в поиске данных о предках, принимавших участие в Первой мировой и Второй мировой войнах. При поиске родственников, погибших или раненых 1 Мировой войне рационально использовать проект "Первая мировая война, 1914-1918 гг. Алфавитные списки потерь нижних чинов" (<http://1914.svrt.ru/>). Проект ОБД Мемориал (<http://www.obd-memorial.ru>) представляет собой базу данных цифровых копий документов о безвозвратных потерях периода Великой Отечественной войны. В результате поиска открывается документ-источник, в котором указаны год рождения, воинское звание, место жительства, жена или мать, год призыва, военный комиссариат по месту призыва, место гибели или захоронения, дивизия. Еще один сетевой источник данных о военнослужащих – ресурс «Подвиг народа в

Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (podvignaroda.mil.ru), на котором можно найти информацию о подвигах и наградах своих предков, а также просмотреть в оцифрованном виде награжденные документы с описанием подвига, за которые герой был представлен к награде.

На этапе оформления схемы генеалогического родства уместно использовать специализированные генеалогические сети (MyHeritage.com, Geni.com, Родовид и др.). Генеалогическая социальная сеть, это такой информационный облачный ресурс, после регистрации и создания аккаунта в котором появляется возможность создавать генеалогические деревья различных родов, открывать доступ к соредктированию, наполнению их конкретной информацией, совместно строить схему по объединяющей фамилии. Среди плюсов подобных сетей является возможность потенциального вовлечения в строительство родословных схем родственников, в частности, активно использующую Интернет молодёжь. Построенное в специальных программах генеалогические деревья позволяют не только грамотно отобразить все родственные связи одного рода, но и дают возможность провести первичный статистический анализ полученных данных – частотное распределение данных по различным переменным - годам рождения, количеству детей, возрасту рождения детей и смерти, а также сделать качественный анализ представленной информации, что является существенным аргументом в сторону использования генеалогических социальных сетей.

Глобальные сети открывают большой простор для генеалогического исследования и представления результатов своей работы, тем самым ускоряя доступ исследователя к разным видам исторической, картографической информации, архивным источникам, а также различным базам данных человеческих ресурсов за разные исторические периоды. Через призму изучения истории своей семьи происходит трансформация ценностных ориентаций современной студенческой молодежи, раскрываются вопросы, связанные с формированием духовно-нравственной и традиционной семейной культуры молодежи в высшей школе, изучением основ генеалогической культуры, доказывая тезис о взаимосвязи генеалогической и нравственной культуры.

1. Бухтиярова И.Н. Духовно-нравственные аспекты формирования генеалогической культуры молодежи. / *Материалы V международной научно-практической конференции «Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика».* – Прага: *Sociosféra-CZ*, 2016. С.88-92.
2. Бухтиярова И.Н., Прончев Г.Б. Использование облачных технологий при подготовке студентов-социологов. // *Образование и воспитание*, № 2, 2015 г., с. 72-78
3. Бухтиярова И.Н. Генеалогическая культура молодежи как гуманитарный аспект национальной безопасности. / *Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Национальная безопасность России: актуальные аспекты".* - Санкт-Петербург: ГНИИ "Нацразвитие", с. 10-14.
4. Бухтиярова И.Н., Грудина Т.Н. Генеалогические исследования как фактор формирования и развития семейных ценностей // *Социология*, №3, 2016 г.
5. Извеков И.Н. Формирование генеалогической культуры старшеклассников в целостной образовательной среде семьи и школы. Автореф.дисс.п. (13.00.01).
6. Назаров В.Д. О генеалогических мифах и современной историографии. // *Архив русской истории*, 1992. №1. С. 149-155.

РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ ГОРОЖАН (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРЕХ ГОРОДАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Бушкова-Шиклина Э.В. (Киров)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-33-01230 а2 «Исследование современных практик использования и улучшения жилищных условий горожан»)

Понятие «ресурс» в социологии понимается как множественные характеристики личности, прямо влияющие на экономическое положение, статус, сознание, поведение, жизненные шансы этой личности и угрожающие ей риски. В свою очередь, ресурсообеспеченность населения – это совокупность всех ресурсов, которыми может воспользоваться человек/социальная группа для улучшения своих жизненных шансов, повышения уровня и качества своей жизни [1, 49]. Одним из ведущих ресурсов социальных систем разного уровня всегда являлся экономический ресурс,

описанный в классификациях практически всех теоретиков ресурсного подхода в социологии - У. Бека, Г. Беккера, П. Бурдье, Д. Грусски, Т. И. Заславской и др.

Наиболее полно описывает содержание экономического ресурса современных горожан Н. Е. Тихонова: экономический ресурс в традиционном смысле слова, включает такие показатели, как самооценку себя как богатого человека; показатели имущества, которое без особого ущерба для жизни семьи может быть продано и конвертировано в денежную форму (наличие коттеджа, наличие второго жилья); размер находящегося в собственности жилья; характер доходов (доходы от собственного бизнеса или от собственности); наличие сбережений, достаточных для того, чтобы семья могла прожить на них не менее года [2; 3]. Таким образом, видно, что жилищные условия горожан, с одной стороны, основа их экономического благополучия, с другой – ресурс, требующий инвестиций и накопления с возможностью последующей конвертации в финансовые ресурсы.

Для изучения ресурсов улучшения жилищных условий горожан весной 2016 г. проведен формализованный опрос населения трех городов Приволжского федерального округа, различных по населению и уровню развития – Кирова, Нижнего Новгорода и Казани (по 200 человек в каждом городе). Подвыборки сбалансированы по полу (54 % женщин, 46 % мужчин) и возрасту (выделено восемь возрастных групп от 20 до 60 лет с шагом 5 лет, в каждой группе 10-17 % населения). Подавляющая часть единой выборки (43 %) имеет высшее образование и/или ученую степень, 32 % – среднее специальное, остальные имеют среднее образование либо не имеют такового. Большинство опрошенных (67 %) работают по найму на неруководящих должностях, 6 % – являются самонанятыми либо руководителями, остальные – пенсионеры, студенты, иждивенцы. Более половины опрошенных (53 %) находятся в зарегистрированных брачных отношениях, имеют либо ожидают рождение детей (58 %). По всем социально-демографическим характеристикам отсутствуют различия между городами (хи-квадрат Пирсона, $p > 0,05$).

Уровень материального благосостояния почти у половины опрошенных не является высоким и даже уверенным средним (причем статистически значимых различий по городам не выявлено $p > 0,05$) – каждый второй отмечает, что их уровень благосостояния позволяет покупать продукты питания и одежду, но планировать крупные покупки затруднительно; лишь каждый пятый заявляет что денег хватает на крупные покупки (но не без накоплений или кредита), 1,5 % абсолютно уверены в своем финансовом благополучии – могут без труда позволить себе купить хорошую машину или квартиру.

Важными ресурсами улучшения жилищных условий в первую очередь являются доходы населения, накопления, а также движимое и недвижимое имущество, которое может быть конвертировано в более благоустроенное жилье.

Исследование показало, что подавляющее большинство опрошенных (57 %) тратят на улучшение жилищных условий до 15 тыс. руб. в месяц; лишь 9 % затрачивают на ремонт и улучшение жилья более 15 тыс. руб. в месяц; остальные 34 % не тратят на эти цели никаких средств. В то же время, респонденты планируют в случае необходимости выплачивать более крупные суммы, которые на деле расходятся с реальными тратами на жилье. В зависимости от города тенденция в отношении реальных и планируемых платежей на улучшение жилья такова: респонденты г. Кирова не вкладываются в развитие жилья чаще – в 40% случаев, жители г. Н. Новгорода – в 36 %, Казани – в 26 % случаев (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,003$). Аналогично, наименьшее количество ежемесячных средств, планируемых затрачивать респондентами на улучшение жилищных условий наблюдается в г. Киров, наибольшее – в г. Казань (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,012$).

В отношении дополнительной жилой недвижимости различия между городами сохраняются (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,038$): большинство (71%) жителей трех городов не имеют такой недвижимости, и лишь каждый десятый (11%) имеет дополнительную недвижимость и сдает ее в аренду (чаще – жители Казани, реже – гг. Кирова и Н. Новгорода). В целом, можно заключить, что ресурс дополнительного жилья как таковой у жителей указанных городов отсутствует.

В связи с этим, альтернативным ресурсом может становиться возможность потребительского и ипотечного кредитования. Как показали результаты исследования, чуть более половины опрошенных (53 %) не имеют на момент опроса потребительских и ипотечных кредитов, около трети (29 %) – имеют один кредит, каждый шестой (16 %) – несколько кредитов. При этом, чаще несколько кредитов имеют жители г. Казань (в 21 % случаев), реже всего – жители г. Киров и Н. Новгород (12–13% случаев, хи-квадрат Пирсона, $p = 0,003$).

На вопрос «Насколько рационально, по-Вашему, сегодня использовать ипотечный кредит для покупки жилья?» практически каждый пятый респондент ответил, что это нерациональный и неоправданный способ (чаще так считают кировчане, реже – нижегородцы). Подавляющее большинство респондентов (38 %) считают ипотеку рациональным, но очень рискованным вариантом улучшения жилищной ситуации, и лишь каждый пятый (24 %) согласился, что данный способ является и рациональным, и оправданным в существующих условиях.

Данные показали, что респонденты, имеющие на момент опроса несколько кредитов, считают ипотеку рискованным способом улучшения жилищных условий (в 43% случаев); имеющие один кредит вполне уверены в своих финансовых возможностях и считают ипотеку рациональной и оправданной для улучшения жилья (33%); респонденты, не имеющие кредитов, относятся к ипотеке скептически, считая ее крайне рискованной и неоправданной мерой (хи-квадрат Пирсона, $p=0,0$).

Таким образом, исследование показало, что ресурсная обеспеченность для улучшения жилищных условий жителей трех городов ПФО в основном представлена имеющимся у респондентов жильем, в котором они проживают. «Запасы» дополнительного жилья, которые можно «пустить в оборот» для улучшения/увеличения жилищных площадей незначительны. Аналогичная ситуация с имеющимися для этих целей накоплениями. Важным фактором улучшения жилищных условий становится развитая финансовая инфраструктура потребительских и ипотечных кредитов, которыми могут и не боятся воспользоваться около трети горожан. Отмечаются различия указанных особенностей в зависимости от уровня жизни городов. Наиболее оптимистичная ситуация с ресурсной обеспеченностью для улучшения жилищных условий наблюдается в г. Казани, наименее благоприятная – в г. Кирове.

1. Бушкова-Шиклина Э.В. Управление квалификационными ресурсами в контексте устойчивого развития региональных вузов: монография. – Киров: ВятГУ, 2016. 169 с.
2. Тихонова Н. Е. «Новые капиталисты»: кто они? // *Общественные науки и современность*. 2005. №2. С. 29–39.
3. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Быков И.А. (Санкт-Петербург)

Политическая конфликтология в России развивается быстрыми темпами [1; 2; 3]. Особую актуальность тема политических конфликтов приобрела в связи с высокой потребностью в урегулировании этнических конфликтов [4]. Высокая степень интенсивности политических конфликтов может привести к краху любую политическую систему, особенно если конфликты переходят из категории конфликта политических интересов в категорию ценностных конфликтов, носящих иррациональный характер [5]. В нашей работе мы приводим результаты анкетирования молодых политических активистов, принимавших участие в работе форума «Ладога-2016». Эти данные позволяют оценить, какие виды политических конфликтов воспринимаются политически активными представителями молодежи в качестве наиболее опасных.

Всего в анкетировании приняли участие 98 человек, посетивших занятие по политическим конфликтам. Среди участников форума «Ладога-2016» были представители всех регионов Северо-Западного федерального округа. Таким образом, данное анкетирование позволяет диагностировать общее настроение среди политических активистов Северо-Запада России. Разумеется, эти данные нельзя считать репрезентативными, но они в какой-то степени позволяют судить о том, какие именно политические конфликты считаются молодыми политическими активистами наиболее серьезными. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что молодые люди, интересующиеся политикой и принимающие участие в подобного рода форумах, в будущем вольются в ряды политической элиты и будут определять контуры будущей политической системы России.

Первый вопрос касался оценки общей уровни агрессивности и конфликтности в российском обществе. Мы спросили у респондентов, повысился ли этот уровень за последние пять лет? 74 респондента ответили «Скорее да» (76 %), 22 — «Скорее нет» (22 %), 2 респондента затруднились с ответом (2 %). Очевидно, результаты говорят о высокой обеспокоенности по этому поводу.

Когда мы спросили у тех, кто ответил «Скорее да» (N = 74), в чем причина этой ситуации, были названы следующие три основные причины:

- 1) Излишнее нагнетание негативных эмоций в СМИ (33 респондента)
- 2) Сложная экономическая ситуация (23 респондента)
- 3) Внешняя агрессия (17 респондентов)

Респонденты имели возможно вписать свои варианты ответа. Этим правом воспользовались всего 5 респондентов. Эти ответы распределились между тремя основными группами. И только один респондент указал на наличие межнациональных противоречий. Отметим, что составленный нами вопрос не включал вариант с упоминанием этнических конфликтов и большинство респондентов пошло на поводу у анкеты.

Третий вопрос касался наиболее опасных для будущего России видов политических конфликтов. В этом вопросе присутствовал вариант с политическими конфликтами на почве этнической неприязни. Респонденты имели право выбирать несколько вариантов, в результате чего голоса распределились следующим образом:

- 1) Конфликты на базе экономического расслоения — 58 голосов;
- 2) Внешнеполитические конфликты — 51;
- 3) Конфликты связанные с вопросами национальной идентичности — 48;
- 4) Конфликты региональных элит с Центром — 17;
- 5) Конфликты связанные с вертикальной политической мобильностью — 8.

В конце был задан вопрос о том, насколько эффективно, по мнению респондентов, работают органы государственной власти в современной России? Данный вопрос позволяет судить, насколько респонденты тревожатся за исход разрешения текущих и будущих политических конфликтов, поскольку эффективная государственная машина способна разрешать политические конфликты, а неэффективная скорее испытывает большие трудности в этом вопросе. Ответы респондентов распределились следующим образом:

- 1) Очень эффективно — 2 респондента;
- 2) Скорее эффективно — 39 респондентов;
- 3) Скорее неэффективно — 36 респондентов;
- 4) Очень неэффективно — 6 респондентов;
- 5) Затрудняюсь с ответом — 15 респондентов.

Полученные нами данные можно интерпретировать следующим образом. Во-первых, молодые политические активисты обратили внимание на повышение накала политической риторики в СМИ, произошедшее в последние пять лет. При этом, любопытно, что внешнеполитическая угроза ставится ими на третье место, ниже экономических трудностей.

Во-вторых, наиболее интересным результатом исследования выглядит положение о том, что экономические конфликты, по мнению молодых политических активистов, являются наиболее опасными для будущего России. Мы полагаем, что это неверно. Большинство населения России хорошо помнит экономический шок начала 90-х годов и согласно терпеть экономические трудности. Это не отменяет вероятность локальных конфликтов на экономической почве, но говорить о значительной угрозе для всей политической системы, вероятно, в ближайшее время не приходится. Мы также полагаем, что этот результат может быть объяснен тем, что респонденты вступили в сознательную жизнь в начале «нулевых» годов и текущий экономический кризис для них является очень важным обстоятельством.

В-третьих, очевидно, что текущая эффективность работы государственного механизма России оценивается молодыми политическими активистами невысоко. Речь идет об оценке между «тройкой и четверкой».

Наше небольшое исследование фактически стало пилотажем одного из методов диагностики политических конфликтов — необходимой части прогнозирования, профилактики и урегулирования конфликтов в современном обществе.

1. Козырев Г. И. *Политический конфликт: общее и особенное*. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. 327 с.
2. Коваленко Б. В., Пирогов А. И., Рыжов О. А. *Политическая конфликтология*. М.: Ижса, 2002. 400 с.
3. Томин Л. В. *Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ*. СПб.: СПбГУП, 2014. 172 с.

4. Гулиев М. А. *Политическая толерантность в урегулировании этнических конфликтов*. Дис. на соиск. уч. степ. кандидата политических наук. Ростов-на-Дону. 170 с.

5. *Политическая конфликтология* / Под ред. С. А. Ланцова. Спб.: Питер, 2008. 319 с.

ТЕЛО КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИЙ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Вагабова А.И. (Волгоград)

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что тело в современном обществе стало одной из важнейших составляющих человеческой жизни. Каноны физической красоты и здоровья существовали в разные эпохи [2, 32]. Но в современном обществе совершенное тело становится предметом достижения, соревнования и, наконец, открытой демонстрации. Одна из причин этого — новое устройство общества, которое предполагает, что жизнь индивидуума должна протекать на виду у всех. Тело является средством передачи информации о себе окружающим с целью стимулирования их поведения в каком-либо направлении. С помощью своего тела человек представляет себя миру [1, 45]. Для удовлетворения этой потребности постоянно возникают формы самопрезентации (фото-, кино-, видео-услуги). В связи с этим возникает некий эталон, к которому многие стремятся. Так, например, нынешнего подростка окружает огромное количество таких эталонов — модели, актрисы, «светские львицы», поп-звезды и т.д. Многие из подростков пытаются быть похожими на своих кумиров. Поэтому неудивительно, что путь к успеху многие молодые люди видят через хирургический кабинет. Сложности, возникающие вокруг такого отношения к телу в разные периоды, в разных странах, в разных социальных группах обнажают перед нами главные конфликты современного общества и современной культуры.

Влияние пластических операций на общество изучались нами с помощью метода глубинного интервью в январе 2016 года. Всего было опрошено 10 женщин разных возрастов, проживающих в городе Волгоград. Анализ результатов интервью показал, что отношение общества к пластическим операциям весьма неоднозначное. Оно варьируется от веры в успешность и эффективность операции до страха и категорического неприятия самой возможности хоть что-то изменить в своем облике. Так, например, девушка 21 года говорит: «К пластическим операциям я отношусь негативно, не приветствую, чтобы что-то было инородное в моем теле». А некоторые придерживаются другой позиции: «Это плюс к природе. Потому что многое в теле меняется с возрастом и хорошо, что есть пластика, которая может не погодом сделать тело красивее и лучше» (женщина, 31 год).

Следует отметить, что все интервьюируемые сделали себе пластические операции. В связи с этим можно выделить несколько категорий женщин по их отношению к пластическим операциям. В первую группу входят женщины, которые положительно относятся к пластическим операциям: «все зависит от восприятия человека, это очень индивидуально. Разные операции для меня тоже индивидуальны» (девушка 19 лет). Во вторую группу входят те, кто отрицательно относится к пластике. «До операции я всех подбадривала, а сейчас я всех отговариваю... я бы никогда больше не легла под нож, даже если сейчас я недовольна результатом» - мнение девушки 20 лет.

Одной из главных задач нашего исследования было выявление причин, по которым женщины сделали пластику. Можно выделить следующие причины совершения пластических операций. Реконструктивные - это причины, при которых необходимо избавиться от врожденных или приобретенных в результате травмы дефектов внешности. «С 7 лет я решила сделать ринопластику. Каково дышать левой ноздрей я не знала, часто болела голова от этого» (девушка, 22 года). Эстетические причины — это когда женщина или мужчина хотят убрать морщины, стать моложе, красивее и привлекательнее. «Сначала я захотела похудеть. И у меня это получилось. Ну и когда я похудела, было очень много лишней кожи. Тогда я поняла, что нужны подтяжки» (женщина, 62 года). И третья - поддержание имиджа. Когда делают пластические операции, чтобы соответствовать общепринятому общественному эталону идеального тела. Люди, которые делают операции по этой причине, можно разделить на две группы. В первую группу входят те, кто сам решил сделать себе операцию. «Меня особо никто не отговаривал и не говорил «да у тебя классные уши». Это была именно моя идея. Мне они мешали» (девушка, 19 лет). Ко второй группе относятся те, на чье решение об операции повлияли окружающие их люди. «У меня была операция на уши, они у меня слишком сильно торчали, из-за этого в детстве были проблемы. Многие,

мальчики в частности, давали мне различные клички, поэтому я и решилась ее сделать» (девушка, 21 год).

Говоря об отношении женщин к пластическим операциям у мужчин и к операциям по смене пола, респонденты разделились во мнении. Так одни считают, что все зависит от того, что это за операция. Если мужчина что-то сломал или повредил лицо, то пластическая операция считается даже необходимой. Другие девушки высказали мысль о том, что пластическая операция у мужчин является нормальным способом поверить в себя, проявить себя. Примерно также разделилось мнение и по поводу отношения к операциям по смене пола.

Материалы глубинных интервью подтверждают положение о том, что большое распространение пластических операций связано с модой. Ведущие дизайнеры, модельеры, «звезды» создают некий эталон, который затем транслируется и распространяется на все общество. В итоге, пластические операции приобретают характер глубокого психологического процесса, представляющего собой неутолимое стремление людей к достижению вечно ускользающего образца-идеала. «Сегодня общество создает некий стандарт красоты. Это связано, наверное, с тем, что происходит сейчас в мире моды, на подиумах. И сегодня девушкам, ну и парням, нравится подгонять себя под определенные стереотипы красоты» (девушка, 19 лет).

Таким образом, анализ полученных социологических данных показал, что отношение людей к пластическим операциям во многом определяет и причины их совершения. Однако бывают такие ситуации, когда необходимо отойти от своих убеждений и отношений, так как операция по изменению своей внешности может сделать жизнь человека намного легче. В этом смысле, пластические операции имеют неоднозначный характер, который нужно освещать и изучать не только естественным наукам, но и гуманитарным. С одной стороны, пластические операции дают человеку возможность избавиться от небольших изъянов во внешности, которые мешают ему. С другой стороны, идеальное тело – это миф, выдуманный образ. Желание соответствовать эталону убивает стремление к самовыражению и оригинальности. Кроме того, мода постоянно изменяется, тогда человеку приходится меняться вместе с ней, что приводит к новым изменениям себя, что не может не сказаться на физическом и моральном состоянии человека.

1. Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет, 2000. 137с.
2. Бурдые П. *Мужское господство*. СПб.: Алетейя, 2007. 351с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ СТАНДАРТОВ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИИ

Валиахметов Р.М., Баймурзина Г. Р. (Уфа)

Социальное благополучие населения является стратегическим ориентиром социально-экономического развития страны и связано с понятием и сущностью социального государства. Согласно статье 7.1 Конституции РФ, Российская Федерация - «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция, 1993]. Вместе с тем, Россия, провозгласившая себя социальным государством, до сих пор не нашла подходящей модели (и соответственно, механизмов и инструментов) полноценной реализации своих социальных целей и функций.

Модель социального государства определяет систему и иерархию социальных функций (приоритетов развития), механизмов и инструментов их реализации. Универсальными характеристиками социального государства признаются: ответственность государства за достойный уровень благосостояния граждан; наличие правовых основ социальной регуляции и ориентация единой социальной политики на всех членов общества; наличие бюджетных социальных выплат; наличие государственных структур социальной защиты, социального обеспечения и занятости; наличие институтов гражданского общества и т.д. [Социальная политика, 2008, с. 71].

Наряду с качественными характеристиками социального государства существуют и количественные индикаторы выраженности его свойств. К ним относятся различного рода индексы и стандарты. Количественные социальные показатели выполняют функцию не только сравнения и определения нормативов социальной политики, одновременно они являются и ориентирами качественного развития, задающих основные направления и уровни социальных

изменений. Отсутствие стандарта благополучия для граждан страны является сдерживающим фактором достижения важнейших целей и задач социального и регионального развития.

При реализации экономических реформ начала 1990-х гг. в России автоматически прекратилось существовавшее до этого времени директивное планирование. Не были предложены и другие варианты планирования (стратегического, индикативного и т.д.) социально-экономической деятельности, что значительно снизило эффективность государственного регулирования не только экономической, но и социальной сферы. Впервые в нормативно-правовом пространстве Российской Федерации понятие социальных стандартов (но только в виде минимальных стандартов) появилось в Указе Президента РФ в мае 1996 г. Однако, разработанный в соответствии с этим Указом проект Федерального закона о государственных минимальных стандартах, равно как и проект закона «О социальных стандартах в Российской Федерации» не были утверждены на законодательном уровне.

Необходимость разработки социальных стандартов и их закрепления на законодательном уровне в настоящее время инициирована Советом Федерации Федерального Собрания РФ, что нашло отражение в докладе «Об основных направлениях государственной региональной политики в Российской Федерации» (май, 2016) [Аналитический доклад, 2016].

Актуальность проблемы и востребованность разработки социальных стандартов благополучия в настоящее время обусловлена и развитием многоуровневой (национальной, региональной, муниципальной) системы стратегического планирования социально-экономического развития. Ведется активная работа по разработке Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г., других документов национального стратегического планирования, например «Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», пересматриваются или обновляются многие региональные стратегии развития.

Несмотря на то, что количественные показатели социального благополучия являются одними из наиболее разработанных аспектов затронутой проблемы, задачи их систематизации и взаимоувязывания с приоритетами социально-экономического развития остаются пока нерешенными. Исключительно важной и необходимой является целенаправленная работа по актуализации и обновлению (дополнению) показателей и индикаторов, а также критериев и стандартов социального благополучия, отражающих новые социальные процессы и тенденции. К примеру, в условиях новой социально-экономической реальности требуют совершенствования индикаторы уровня и качества образования (знаний, компетенций), ЖКХ, достойной занятости, экологической устойчивости, национальной безопасности и т.д.

Работа по разработке стандартов социального благополучия является комплексной многоаспектной проблемой. Стандарты социального благополучия состоят из сложной совокупности индикаторов (экономических, социальных, демографических, социокультурных и т.д.), каждый из которых может оцениваться только в системе с другими аспектами и проблемами социального развития. Для решения данной задачи необходима коллаборация специалистов различных областей науки: социологии, экономики, демографии, истории, географии, экологии, медицины и др.

Разработка стандартов социального благополучия невозможна без:

- 1) обращения к комплексным и сравнительным исследованиям социального самочувствия, социального благополучия и социального оптимизма как на региональном, так и на национальном и международном уровнях;
- 2) комплексного анализа теорий и практик социального планирования, в том числе индикативного планирования и прогнозного социального проектирования;
- 3) изучения международных стандартов в области основополагающих прав человека; нормативных правовых актов РФ и существующих национальных стандартов, определяющих социальное благополучие.

Актуализация действующих и работа над новыми социальными стандартами, их систематизация и операционализация внесут существенный вклад в разработку целостной модели социального государства; станут методической основой функционирования «экспериментальных площадок» и практической работы над социальным блоком стратегий развития территорий, индикативного планирования социально-экономического развития отдельных регионов и муниципальных образований.

1. Аналитический доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ «Об основных направлениях государственной региональной политики в Российской Федерации». (предварительные материалы). Москва. 2016.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
3. Социальная политика. Теория и практика. / Г.А. Ахинов, С.В. Калашников. – М. ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. с. 71.

ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Васильева Е.А. (Якутск)

Вопрос эффективности государственного управления представляет собой одну из ключевых проблем социально-экономического развития в Российской Федерации. Теоретическая дискуссия по этому вопросу в настоящее время еще не завершена, однако многие авторы сходятся в том, что именно государственная служба как основной субъект государственного управления является источником дисфункций государственного управления, таких как бюрократизм, nepотизм, формализм и неуправляемость [см. например, 2; 3; 6; 7]. В определенном смысле, эффективность государственного управления определяется эффективностью государственной службы, которая трактуется как своевременное и качественное выполнение служащими как функций государства, так и своих должностных обязанностей. Выполняя свои обязанности, служащие должны руководствоваться принципами государственной службы, то есть, как определяет юридический словарь установившимися общепринятыми, широко распространенными правилами хозяйственных действий и свойствами экономических процессов. Наиболее значимыми принципами государственной службы, по нашему мнению, являются приоритет прав и свобод человека и гражданина, а также профессионализм и компетентность служащих.

Первый принцип отражен в таких обязанностях государственных служащих, как:

- соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и обеспечивать их исполнение;
- соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций;
- не разглашать сведения, составляющие государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведения, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей, в том числе сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающие их честь и достоинство.

Таким образом, законодательно установлено, что в своей деятельности государственные гражданские служащие должны руководствоваться интересами граждан и соблюдать законность, то есть, осуществляя свои полномочия, они должны руководствоваться, во-первых, действующим законодательством, во-вторых, принципом справедливости, а в-третьих – общественным благом. В то же время ответственность установлена только за прямое нарушение законодательства, результативность деятельности чиновников, то есть последствия, к которым приводят принятые ими решения, не оценивается. Служащий, который нарушает установленные законом запреты или административные регламенты, будет уволен, служащий, который ничего не делает, избегая личной ответственности, - награжден за выслугу лет. Парадоксальным образом принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина приводит к формализации и бюрократизации государственной службы, размыванию ответственности и снижению мотивации чиновников.

Естественно, это не обозначает, что следует отказаться от этого важнейшего принципа. Напротив, его значимость сейчас возрастает, однако его трактовка в обязанностях служащих нуждается в уточнении. При оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти больше внимания должно уделяться не формальной стороне их деятельности, а содержанию этой деятельности, что предусматривает пересмотр компетенций служащих и критериев их профессионализма.

Вопрос о профессионализме и компетентности чиновников остается крайне важным, болезненным и спорным в социологии государственной службы. Со времен М. Вебера, профессионализм является отличительной чертой рациональной бюрократии, ее сакральной мантрой, «священной коровой». С повышением профессионализма и компетентности были

связаны надежды на совершенствование государственного управления и повышение его эффективности. Обучение чиновников рассматривалось как панацея от всех дисфункций. И одновременно, именно в низкой компетентности обвиняли всех чиновников во все времена и во всех государствах. Более 100 лет постоянного повышения квалификации – и все возрастающее недовольство квалификационным уровнем.

Профессионализм в управлении персоналом – это уровень овладения знаниями и навыками, необходимыми для выполнения должностных обязанностей по конкретной трудовой деятельности. Квалификация – это подготовленность специалиста к соответствующему труду [9, 104]. Социальные характеристики профессионалов включают такие показатели, как высокий уровень доходов, высокий социальный статус и независимость в работе. Успешная профессиональная деятельность является одной из основополагающих ценностей современного общества, одним из факторов счастья, необходимым условием самореализации личности. Таким образом, можно выделить три основных аспекта профессионализма: деятельностный (знания, умения и навыки), психологический (удовлетворенность трудом, самооценка) и личностный (социализация и успешность).

Однако в системе государственной службы профессионализм рассматривается только в первом аспекте. Так, например, Б.Т. Пономаренко и В.В. Лабекин определяют профессионализм госслужащих как «способность находить оптимальные пути и способы реализации поставленных задач и полномочий; обстоятельное знание своего дела; эффективное осуществление задач государственной службы» [4, 125]. Он проявляется в умении применять различные методы, средства и приемы государственного управления, способности передавать свои знания и навыки, умение представлять результаты.

В соответствии с деятельностным подходом, повышение профессионализма осуществляется с помощью обучения (передача теоретических знаний), наставничества (передача практических навыков) или самостоятельного освоения необходимых способов и методов решения трудовых задач (так называемая «наработка опыта»). Применительно к государственной службе, обязанность повышения профессионализма возложена как на органы государственной власти, так и на самих служащих. Сложность заключается в определении тех навыков и компетенций, овладение которыми приводит к повышению профессионализма.

Следует различать компетентность и компетенции. Компетентность государственных служащих заключается в степени проявленности присущего служащему профессионального опыта в рамках должности [8, 229]. Компетенция – это а) описание рабочих задач или ожидаемых результатов деятельности; б) основные характеристики служащего, которые позволяют ему демонстрировать правильное трудовое поведение.

Перечень компетенций конкретной должности государственной службы содержится в должностном регламенте. К ним относятся квалификационные требования, перечень вопросов, по которым служащий уполномочен принимать управленческие решения, а также требования по организации процесса принятия этих решений. Однако компетенции служащего, характеризующие психологический и личностный аспект профессионализма, в служебном регламенте отражения не находят, а результативность их деятельности вообще не рассматривается в качестве значимого критерия эффективности.

Итак, по нашему мнению, для повышения эффективности государственного управления следует пересмотреть перечень компетенций государственных служащих, усилив значимость содержательной оценки принимаемых ими решений. В качестве критерия результативности чиновников можно предложить качество жизни населения, включая социальные показатели курируемой отрасли экономики и удовлетворенность граждан качеством предоставляемых государственных услуг. Эти требования должны быть закреплены законодательно как обязанность государственных служащих.

1. Атаманчук Г.В. Об особенностях профессионализма в управлении // *Право и управление. XXI век*. №2 (23). 2012. С. 58-59
2. Атаманчук Г.В. *Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика*. М.: Изд-во РАГС, 2008.
3. Вырупаева Т.В. О принципах российской государственной службы в контексте применения зарубежного опыта // *Социологические исследования*. 2013. №5. С.
4. *Государственная служба в современной России: Сб. ст. РАН. ИНИОН. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ; Отв. ред. – Е.В.Алферова, В.В. Черепанов. – М.: ИНИОН, 2003.*

5. Магомедов К.О. *Социология государственной службы: учебное пособие*. М.: Изд-во РАГС, 2010.
6. Макарин А.В., Шрейдер В.Ф. *Бюрократия как институт власти*. Омск, 2006. С. 33,
7. Турчинов А.И. *Проблемы становления и качества государственной службы России // Социально-профессиональное развитие государственной службы: XIII Общероссийская научно-практическая конференция преподавателей, молодых ученых, аспирантов и магистрантов с международным участием*. М.: МАКС Пресс, 2014.
8. Турчинов А.И. *Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики*. М., 1998.
9. Цвык В.А. *Профессионализм в системе управления персоналом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. №2. 2014.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Васильченко Д.Д. (Курск)

Для полноценного анализа политической культуры молодежи необходимо рассмотреть само понятие политической культуры. На сегодняшний день термину «политическая культура» и непосредственно его содержанию дано множество трактовок.

Не стоит рассматривать политическую культуру только как совокупность тех или иных установок, ценностей, моделей поведения и ориентаций в отношении объектов политики. Прежде всего, это - специфический образ и способ действия, что отражает суть понятия культуры в целом и политической культуры в частности. Понятие политической культуры характеризует не только распространение ценностей в обществе, но и особенности действия механизмов распространения и укоренения этих ценностей. При этом необходимо учитывать влияние и других элементов политической культуры, таких, как нормы установки и т.д.

В качестве исходного возьмем определение политической культуры, данное российским политологом К.С. Гаджиевым: «составная часть общей культуры, совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов: интегральная характеристика политического образа жизни страны, класса, нации, социальной группы индивидов»[2, 20].

Политическая культура формируется на протяжении всей человеческой жизни. Ученые разработали несколько критериев измерения уровня политической культуры личности на данном временном отрезке. Измерение этих эмпирически проверяемых показателей осуществляется с помощью методов конкретного социологического исследования.

Некоторые современные политологи утверждают, что высоким уровнем политической культуры могут обладать только люди, участвующие в политике, и чем более активным оказывается участие в политических процессах, тем выше уровень политической культуры [3, 17]. Но можно говорить о том, что пик политической активности граждан приходится чаще всего на время голосований или является формой выражения недовольства каких-либо действий политической власти. Именно в эти моменты наиболее четко прослеживается уровень политической культуры граждан. Исходя из этого, критерий сформированности гражданской политической культуры определяется не степенью регулярного участия в политике страны, а готовностью и возможностью принимать в ней участие исключительно по мере необходимости и цивилизованными методами. Основными эмпирически проверяемыми показателями сформированности политической культуры личности являются:

1) политическое познание, проявляющееся в уровне внимания к событиям политики, наличии собственного мнения и обладании информацией, уровне компетентности в сфере политики;

2) отношение к политической системе и политике в целом: оценка деятельности властей, частота обсуждения политических вопросов в обществе, форма политической коммуникации, уровень гордости за политическую, экономическую, духовную систему страны;

3) степень участия в политической жизни общества: уровень политической активности, формы участия в политической жизни, участие в органах местного самоуправления или в государственной политике, степень веры людей в возможность влияния на решения элиты и

выбора методом такого влияния (через неформальную организацию, политическую партию, юридические органы, выборы, суд и др.).

На основании данных критериев в США и во многих странах западной Европы проводились исследования уровня политической культуры. В настоящее время такие исследования становятся все более актуальными и для российской действительности.

Что можно сказать о политической культуре современной студенческой молодежи? С целью выявления политической культуры студентов Курского региона в марте 2016 года был проведен социологический опрос, в котором участвовало 25 студентов Курских ВУЗов. Данное социологическое исследование явилось пилотажным и проводилось на основании метода раздаточного анкетирования. В исследовании приняли участие 69% девушек и 31% юношей, средний возраст которых составил 19 лет.

На первый вопрос: «Следите ли Вы за политическими событиями» только 7% респондентов ответило – «всегда», такой же процент опрошенных (7%) - «часто», 54% респондентов ответили - «иногда», 15% ответили, что следят за политическими событиями «редко». Респондентов, которые вообще не следят за политическими событиями, в группе оказалось 17%. Таким образом, большинство респондентов следит за политическими событиями от случая к случаю: «иногда» или «редко».

На вопрос об источнике информации о политических событиях респонденты ответили следующим образом: для большинства основным источником получения политических сведений является телевидение (93%); пресса и радио – источник информации для 13% опрошиваемых; 7% респондентов отметили такой источник информации, как интернет. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что сегодня молодое поколение крайне редко обращается для получения информации к таким источникам, как пресса и радио. Отметим при этом, что далеко не все печатные СМИ уделяют политике достаточное внимание на своих полосах, большой объем же занимает реклама и материалы развлекательного содержания.

Тем самым, уровень внимания опрошенных студентов к политическим событиям можно охарактеризовать как средний.

Политические события в университете, дома, в кругу друзей обсуждают 85% студентов (среди которых большая часть (52%) отметили, что данной темы касаются «иногда», 29% указали, что тему политики обсуждают «часто», 19% «редко» затрагивают тему политики в кругу близких), оставшиеся 15% не обсуждают политические события вообще. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что большинство опрошенных студентов лишь иногда обсуждают политические проблемы с друзьями, родственниками, знакомыми.

Следующие вопросы касались осведомленности и отношения респондентов к партиям, молодежным движениям. На вопрос: «Поддерживаете ли Вы какие-либо партии или движения?» 24% ответили, что поддерживают, 76% - нет. На вопрос о молодежных организациях в городе Курске 15% из отвечавших сказали, что знают о таких организациях, 85% отметили, что нет. Тем не менее, среди тех, кто знает о существовании молодежных организаций в нашем городе, только 5% смогли назвать хотя бы одну.

Следующий вопрос посвящен выявлению уровня политической активности личности. На вопрос: «Хотели бы Вы принимать участие в политической жизни страны?» ответы распределились следующим образом: «Да» ответили 15% респондентов, вариант ответа «Скорее да, чем нет» выбрали 23% респондентов, 31% - «Скорее нет, чем да» и «Нет» также ответили 31% студентов. Таким образом, 38% хотели бы участвовать в политической жизни страны и 62% не имеют желания принимать участия в ней.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что студенческая молодежь Курского региона обладает средним уровнем внимания к политическим событиям; политические проблемы с друзьями, родственниками, знакомыми респонденты обсуждают нечасто; имеет среднюю политическую активность. Следовательно, уровень сформированности политической культуры Курских студентов можно охарактеризовать как средний.

Таким образом, стоит отметить, что исследования политической культуры молодежи имеют большое значение для построения в России развитого демократического общества. Опыт политического воспитания молодежи, формирования политической культуры, повышения ее электоральной активности в российской практике на данный момент невелик. Отношение молодежи к политике возможно изменить только при условии, что она почувствует себя реальным субъектом и участником всех процессов, которые происходят в стране. Это произойдет тогда, когда молодежная политика станет реально, а не формально приоритетной для России.

1. Баталов Э. *Политическая культура России сквозь призму civic culture*. – 2002. – №3. – С. 7-22.
2. Гаджиев К.С. *Политология: Учебник для высших учебных заведений*. – М.: Логос, 2001. – 488 с.
3. Рукавишников В. О. *Политическая культура постсоветской России // Социально-политический журнал*. – 2007. – №1. – С. 15-27.
4. *Человек и общество. Проблемы социализации индивида / Ученые записки ЛГУ // Л., 1971. – Вып. IX. – С.34-37.*

ОКАЗАНИЕ ВСЕСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ РОДИТЕЛЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ СО СЛОЖНОЙ СТРУКТУРОЙ ДЕФЕКТА

Велиева С.В. (Чебоксары)

На современном этапе интерес к проблемам семьи со стороны специалистов различных областей научного знания существенно возрос, что связано с той ролью, которую семья в целом играет для настоящего и будущего общества и каждого человека. Все изменения социальной, культурной, экономической жизни общества непременно оказывают свое влияние на структуру семьи и семейные отношения. Увеличение числа проблемных семей, социальных сирот, детей с ограниченными возможностями здоровья во время кризисных периодов общественного развития иллюстрирует эту зависимость.

Рождение ребенка со сложной структурой дефекта (сочетание двух и более первичных дефектов: интеллектуальных, сенсорных, двигательных, речевых нарушений, расстройства аутистического спектра и др.) каждым родителем и всей семьей в целом переживается как трудная жизненная ситуация, при которой происходит нарушение адаптации человека к жизни, требуется преобразование моделей и способов деятельности (поведения), выработанных в предыдущие периоды жизни.

Исследования О. К. Агавелян, Н. Л. Анисимовой, В. А. Вишневого, Б. А. Воскресенского, О. Г. Комаровой, Р. Ф. Майрамян, М. М. Семаго, В. В. Ткачевой [5], В. В. Юртайкина показали, что изменения, имеющие место в семьях данной категории, проявляются на социальном, психологическом и соматическом уровнях.

Нарушения на социальном уровне проявляются в тенденции к аутизации семьи. Появление истерических, аффективных и невротических реакций, длительные и тяжелые переживания горя, чувства вины, растерянности, беспомощности, паники, тревоги, страха, приводит к заострению личностных черт родителей, возникновению нарушений на соматическом уровне (астенические и вегетативные расстройства и пр.), в свою очередь, свидетельствующих о нарушениях эмоциональной регуляции, смещении уровней аффективного реагирования и ухудшении здоровья. На психологическом уровне появляется деформация самосознания родителей, искажения в личности и поведении (низкая самооценка, импульсивность, конфликтность, замкнутость, малообщительность, отсутствие организованности, суицидальные тенденции и пр.). Отсутствие осознанного отношения к родительству, непонимание объективного статуса, закономерностей психического развития, противоречивость представлений о целях, задачах воспитания ребенка со сложной структурой дефекта, неадекватные установки и модели воспитания, выработка ошибочного стиля отношений, несогласованность требований к ребенку, – приводят к нарушению контакта с ним [1]. Здесь выступает на первый план воспитательская растерянность, которая проявляется в фиксации на болезни, стремлении выполнять любые требования ребенка, отсутствии коррекции его поведения, непонимание объективного статуса, физиологических и психологических особенностей и возможностей ребенка. В такой ситуации сопровождение членов семей, имеющих детей со сложной структурой дефекта, оказывается наиболее востребовано и актуально. Процесс психологического сопровождения родителей является длительным и требует обязательного комплексного подхода со стороны различных специалистов, полноценного межведомственного взаимодействия [2]. Ведущая роль в этом процессе отводится психологу. Именно он разрабатывает конкретные индивидуальные, групповые, совместные мероприятия, направленные на всестороннюю поддержку родителей в зависимости от имеющихся проблем ребенка и его семьи, выступает координатором взаимодействия семьи и специалистов организаций.

Для оказания всесторонней помощи, духовной поддержки родителям, имеющих детей со сложной структурой дефекта, не охваченных образовательным процессом, и приобщения их к

диалогу с православной культурой, был разработан проект «Со-Прикосновение: духовный диалог», основанный на светско-профессиональном и православном партнерстве. Основные мероприятия проекта включают организацию семейных гостиных «Семье ашши» («Семейный очаг»); проведение циклов индивидуальных и групповых консультаций; организацию непосредственной образовательной деятельности с детьми в присутствии родителей; мастер-классов, досуговых и праздничных мероприятий с детьми, подростками и людьми более старшего возраста со сложной структурой дефекта, их родителями и другими членами семьи.

Проведение с родителями цикла социально-медицинских и психолого-педагогических консультаций по вопросам психофизиологических и социально-психологических особенностей развития детей со сложной структурой дефекта, с соматическими заболеваниями и с тяжелой формой инвалидности; методики обучения социально-бытовой ориентировке и навыкам самообслуживания детей со сложной структурой дефекта и логопедической работе при общем недоразвитии речи детей, имеющих множественные нарушения развития [4], служат повышению психологической грамотности, практическому овладению родителями современными методиками воспитания и развития детей со сложной структурой дефекта. Непосредственная образовательная деятельность с детьми со сложной структурой дефекта организуется совместно с их родителями через тренинги и мастер-классы. Совместно-разделенная деятельность, телесный контакт, совместная практическая деятельность являются психологической базой для формирования средств общения с ребенком. Наиболее эффективными оказываются в этой связи техники арттерапии, мозарт-терапии и трудотерапии, которые имеют не только терапевтическую направленность, но и позволяют обеспечить положительное влияние на личностное, социально-коммуникативное развитие детей, ослабляют негативные психические состояния родителей. Наглядное восприятие технологий работы с детьми, средств активизации речевой позиции взрослого, особенностей применения различных методов поощрения ребенка и т.д., – позволяют родителям усвоить современные техники и методы воспитания и развития детей, организации обучения и досуга детей в домашних условиях, повышают педагогическую компетентность родителя [3]. Каждая встреча в семейной гостиной «Семье ашши» («Семейный очаг») завершается совместной трапезой, что позволяет сплотить участников проекта, повысить доверие друг к другу, найти не просто единомышленника, но и близкого по духу человека, оказывая благоприятное влияние на духовно-нравственное, эмоциональное развитие детей и их родителей. Студенты и преподаватели в специализированных мастерских изготавливают тактильные книги («Как услышать и понять?», «Библия на кончиках пальцев»), включающих развивающие занятия для детей и подростков от 5 до 18 лет с бисенсорным дефектом и «повествующих» истории о событиях, послуживших основой для появления икон («Целительница», «Спорительница хлебов», «Всех скорбящих Радость», «Скоропослушница» и др.). Истории, связанные именно с этими иконами, позволяют получить детям и родителям духовную поддержку, снизить остроту сложившейся трудной жизненной ситуации, приобщиться к диалогу с православной культурой, возрастать и укрепиться в духовной жизни.

Выше перечисленные мероприятия способствуют оптимизации физического и психического развития детей со сложной структурой дефекта, осознанию родителями духовно-нравственных ценностей, открытию и ресурсному осмыслению своего прошлого, настоящего и будущего.

Максимально раннее начало всесторонней помощи семье, воспитывающей ребенка со сложной структурой дефекта, с соматическими заболеваниями и с тяжелой формой инвалидности, является фактором оптимизации образовательных возможностей и социально-психологических перспектив ребенка, шагом к совершенствованию практики защиты его прав и качественному улучшению положения в обществе.

Для определения основных стратегий помощи семье необходимо учитывать специфику выраженных психологических реакций, качественные характеристики индивидуальных, личностных и поведенческих изменений родителей, ту фазу кризиса, на которой в данный момент находится семья. Надо помнить, что без всесторонней комплиментарной (когда действия специалистов светско-профессионального и православного сообществ взаимодополняются и усиливаются), целенаправленной работы с семьей полностью нивелируется положительный эффект процесса коррекционно-реабилитационной деятельности с ребенком.

Итогом всесторонней помощи должны стать такие качества семьи и личности как ответственность за качество своей жизни, самостоятельность, автономность, адаптивность в

отношении с собой, Другими, социумом; способность удовлетворить потребности ребенка в родительской заботе и уходе, его развитии, адаптации и социализации

1. Велиева, С. В. Типы взаимодействия родителей с детьми 5–6 лет / С. В. Велиева, О. Л. Павлова // *Архивариус*, 2016. – 9 выпуск – 76 с. – С. 59–63.
2. Велиева, С. В. Система мероприятий по развитию и коррекции психических состояний и речи у детей 8–9 лет с задержкой психического развития / С. В. Велиева // *Психолого-педагогическое сопровождение образования детей в контексте ФГОС дошкольного и начального общего образования : сборник научных статей / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. Н. Васильева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 202 с. – С. 143–148.*
3. Захарова Г. П. Педагогические условия формирования коммуникативных способностей у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития / Г. П. Захарова, Е. Н. Миронова // *Культурологический подход в специальном образовании : психолого-педагогический аспект : сборник научных статей / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Т.Н. Семенова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 262 с. – С. 118–120.*
4. Семенова, Т. Н. Социализация детей с ограниченными возможностями в процессе социокультурной реабилитации средствами этнопедагогике / Т. Н. Семенова // *Социализация растущего человека в контексте прогрессивных научных идей XXI века: социальное развитие детей дошкольного возраста : сб. науч. тр. I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 1–3 апр. 2015 г. – Чебоксары : ЦНС Интерактив плюс, 2015. – С. 587–589.*
5. Ткачева, В. В. Система психологической помощи семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии / В. В. Ткачева. – Н. Новгород, 2005. – 46 с.

СЕМЬЯ И ДЕТСТВО В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ: ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Верещагина А.В. (Ростов-на-Дону)

Современное российское общество наполнено социальными рисками, во многом, производными от парадоксальности сложившейся социальной реальности, в которой фиксируется незащищенность семьи, материнства и детства. Это выражается в институционализации такого явления, как «неблагополучное детство», по своим последствиям чрезвычайно опасного для функционирования российского общества, настоящее и будущее которого определяется социальным положением и самочувствием детей в настоящем. Теоретический анализ указанных проблем в рамках концепции парадоксальности социальной реальности представляется наиболее перспективным, поскольку позволяет оценить неблагополучие семьи, материнства и детства в России с позиций несоответствия декларируемой и конструируемой на формальном уровне социальной реальности в сфере семейных отношений семейным практикам, реализуемым в поле реальных семейных интеракций.

Современное российское общество наполнено множеством явлений, осмысление которых с точки зрения их парадоксальности дает возможность увидеть пространство противоречий, возникающих в различных сферах общественной жизни и социальных институтах. Можно совершенно отчетливо проследить парадоксальность в развитии политических отношений в России, в функционировании института образования, рынка труда, экономики и в жизни отдельных индивидов, что отчетливо демонстрирует знаменитое исследование Ж.Т. Тощенко [3].

В данной работе внимание концентрируется на семье, которая, осуществляя свою жизнедеятельность в условиях парадоксальной социальной реальности как той реальности, в которой происходит сложно объяснимое с точки зрения здравого смысла, в российском случае зачастую негативное сочетание явлений и процессов, определяющее противоречивый характер развития социальных отношений, институтов, социальных групп и отдельных индивидов. Семья в условиях парадоксальной реальности, в которой идеи демократии сочетаются с явно выраженным авторитарным курсом правящей элиты, а масса разработанных государственных проектов и концепций в области семьи, молодежи, демографического развития, не сочетаются с той реальностью, в отношении которой они были приняты, в которой системный кризис образования подменяется отдельными, отвлекающими внимание от реальных проблем, явлениями и процессами (борьба с неэффективными вузами, лжеучеными и т.д.), а «работающая бедность» становится «нормальным» явлением, институционализированным на уровне всего общества, сама становится парадоксальной. Более того, она как микромир, на уровне которого отражаются все

макро тенденции общественного развития, сама становится средой воспроизводства парадоксальных явлений и процессов.

Таким образом, семья как продукт парадоксального общества является одновременно и механизмом его воспроизводства. Можно различные явления семейной жизни рассмотреть в парадоксальном аспекте, но в данной работе исследовательское внимание концентрируется на самом, как нам представляется, важном – на таком явлении, как детство. Важность данного социального феномена определяется тем, что, изучая мир детства, можно с высокой степенью достоверности прогнозировать развитие «взрослого» мира и будущее общества в целом.

«Все мы родом из детства» - хорошо знакомая и часто произносимая фраза. Ее смысл очень глубок, так как многие из проблем, с которыми человек сталкивается в своей взрослой жизни, как и его жизненные успехи, своими корнями уходят в глубокое прошлое, в детство. Будущее человека, его отношение к миру, к себе, к окружающим во многом определяется тем, каким было его детство – радостным, счастливым, наполненным любовью со стороны родных и близких, или грустным, полным одиночества, тоски и лишений в самом важном и необходимом.

В социологии такое явление, как детство не получило однозначной интерпретации. Если обобщить имеющиеся подходы к его исследованию, то выделяются два базовых подхода. Согласно первому, детство рассматривается с позиций демографического подхода и интерпретируется как определенный возрастной этап социального созревания личности в психофизиологическом и социальном измерении. Во втором случае детство предстает как социокультурное явление, по своей природе глубоко связанное с исторической спецификой развития общества в его временной, пространственной и цивилизационной обусловленности, определяющей тип и характер взаимодействия взрослых и детей. Концептуальным с точки зрения социологической интерпретации выглядит подход к детству Щегловой С.Н., предложившей понимать под ним особый социальный феномен, представляющий социальное образование, выражающее в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей [4]. В целом, исследователи, при всем многообразии сложившихся подходов и интерпретаций в изучении детства, солидаризируются в том, что детство – это феномен, характеризующийся историчностью и отражающий специфику социокультурного развития конкретного общества, в котором складываются развернутые во времени формы деятельности, главными акторами которой выступают взрослые и дети.

Ценность детности, семьи, родительства в истории российской цивилизации всегда была достаточно высока. Остается таковой она и на современном этапе, если отталкиваться от данных социологических опросов. Так, результаты социологического опроса Левада-Центра (2015 год) показали, что для значительной части опрошенных граждан России (42%) дети составляют смысл жизни и основу ее полноценности [2], но означает ли это, что столь же высока и ценность детства в России и является ли оно защищенным? Согласно результатам уже приведенного социологического опроса, около 38% опрошенных россиян убеждены в том, что родители подростка 13-14 лет имеют право наказывать его физически, и, хотя большинство российских граждан (53%) все же полагают, что такого права у родителей подростков нет [2], данная ситуация не может не настораживать.

Несовершенство Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой, как показал проведенный Т.А. Гурко анализ, отсутствует интерпретация понятия «жестокое обращение с детьми», находящее выражение в ряде понятий, среди которых «психологическое злоупотребление», «физическое злоупотребление», «сексуальное злоупотребление», «пренебрежение ребенком», «безнадзорность», в мировой практике получивших достаточно глубокое понятийно-нормативное оформление [1, 41], также свидетельствует в пользу незащищенности детства в нашей стране.

О незащищенности семьи и материнства в России говорят многие негативные проявления российской действительности, среди которых постыдно низкий размер детских пособий; крайне ограниченный доступ к оказанию качественных медицинских услуг для большей части детей при столь же критически низком уровне развития детских медицинских учреждений; недоступность для значительной части российских детей необходимых услуг в области физического и духовного развития по причине их тотальной коммерциализации на фоне снижения материального

благополучия и роста социальной поляризации в российском обществе; неадекватность имеющегося нормативно-правового пространства в сфере семейного законодательства реальной ситуации в области развития семейно-брачного института.

В завершении следует подчеркнуть, что парадоксальность описанной ситуации заключается в том, что при всей очевидной важности благополучия семьи, материнства и детства как основы общественного благополучия, в современной России именно эти явления находятся в состоянии незащищенности. Это находит выражение в распространении и институционализации такого явления, как «неблагополучное детство». В свою очередь, парадоксальность российского общества заключается в том, что решение социальных задач и проблем, независимо от того, в какой социальной сфере они возникли, происходит в формате устранения последствий деструктивных явлений, а не причин, порождающих их, что и выступает источником воспроизводства общества неблагополучного типа.

1. Гурко Т.А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33-52.
2. Дети: права, допустимость родительского и государственного контроля [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.levada.ru/30-05-2015/deti-prava-dopustimost-roditelskogo-i-gosudarstvennogo-kontrolya>
3. Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография/ Ж.Т. Тоценко. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. - 543 с.
4. Щеглова С.Н. Детство как социальный феномен : Концепция социального конструирования детства. Дисс. ... док. соц. наук. М., 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/detstvo-kak-sotsialnyi-fenomen-kontseptsiya-sotsialnogo-konstruirovaniya-detstva>

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ (ПОДРОСТКОВ), НАХОДЯЩИХСЯ НА СЕМЕЙНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Власова А.А. (Санкт-Петербург)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта N15-33-01398, научный руководитель - к.с.н. Яшина М.Н.

Семейное образование (homeschooling, домашнее обучение) - это целенаправленный процесс получения образования в семье, организованный и осуществляемый родителями в соответствии с государственными образовательными стандартами, с периодической аттестацией по результатам обучения. Согласно ст.10 ФЗ РФ «Об образовании», семейное образование представляет собой одну из форм освоения ребенком общеобразовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования [2]. Исследование данного феномена актуально по причине практически полного отсутствия научно-исследовательских работ и статей по теме семейного образования в российской науке.

Качество социализации детей, находящихся на семейном образовании, очень часто ставится под сомнение: например, нередко можно столкнуться со стереотипами о том, что домашние ученики замкнуты, нелюдимы, не способны на нормальное общение с обычными школьными ребятами [3]. Тем не менее, множество зарубежных исследований доказывают совершенно обратное. В 2000 году американский научный журнал «Peabody Journal of Education» опубликовал особое издание, посвященное теме хоумскулинга. В него были включены и результаты исследования по социализации детей, получивших домашнее образование, выявившего, что дети на домашнем обучении отнюдь не абсолютно изолированы, а принимают участие в повседневных делах своего общества. Их родители активно подталкивают своих детей к общению вне семьи. Исследование также показало, что дети получают все навыки поведения, складывают необходимые для них системы отношений и понятий. У них хорошая самооценка и меньшая склонность к проблемному поведению, чем у других детей. Они также могут быть более социально зрелыми и могут иметь более продвинутое навыки лидерства, чем другие дети. Они эффективно функционируют и в дальнейшем, будучи членами взрослого сообщества [7, 119].

Об успешной социализации детей, находящихся на домашнем обучении, говорят и результаты крайне подробного сравнительного исследования Ларри Шайерса, доктора философии по психологическому консультированию, проведенного в 1992 году [9]. Было протестировано 70 детей, находящихся на домашнем обучении, и 70 детей, посещавших традиционные школы; также

за детьми проводилось наблюдение, для регистрации процесса которого использовался контрольный перечень прямого наблюдения форм поведения ребенка (The Direct Observation Form, DOF). Это исследование первым опровергло утверждения о недостаточной социализации детей, имеющих опыт семейного образования: конечные результаты доказали, что ребята достаточно социализированы, притом в некоторых случаях лучше, чем их школьные сверстники.

Согласно исследованию Миллера, проведенному в 2000 году и затрагивающего родителей детей на домашнем обучении, те отметили, что углубленные отношения с детьми позволяют родителям лучше понимать нужды ребенка и влияние на него его окружения. Подобная осведомленность позволяет родителям поддерживать социальные взаимодействия ребенка, также направляя его нравственное развитие. Общее восприятие социализации детей было позитивным [8].

В похожем исследовании 2004 года Мекам проинтервьюировал небольшую группу матерей хоумскулеров. Было отмечено, что хотя семья и была выделена как первичный социализирующий агент, родители намеренно включали «прочие социализирующие агенты» в жизни своих детей. Мекам также заключил, что «матери хоумскулеров полагают, что их дети получили адекватные навыки социализации»[6].

Эти исследования рисуют крайне лестный портрет хоумскулеров. По сравнению с обычными учениками, они совершенно очевидно имеют более качественные отношения как с близкими друзьями, так и с родителями и другими взрослыми. Они счастливы, оптимистичны, удовлетворены жизнью и позитивно относятся к самим себе и домашнему образованию. В подростковом возрасте они выказывают стойкое чувство социальной ответственности, меньше подвержены стрессу и эмоциональной нестабильности, а также имеют меньше проблем с поведением, чем их сверстники. В при продолжении обучения в университетах ребята, имеющие опыт семейного образования, чувствуют себя уверенно и комфортно, добиваясь больших академических успехов [5].

Однако прежде чем делать выводы, необходимо принять во внимание несколько аспектов. Так, практически во всех без исключения вышеуказанных исследованиях принимало участие небольшое количество участников. Многие методы измерения эффективности социализации включают в себя «самоотчеты» как детей, так и родителей. Тем не менее, результаты согласуются как с существующими теориями социализации, так и с предыдущими исследованиями отношений родителей, обучающихся своих детей на дому.

Отечественные исследования этого феномена пока немногочисленны [10]. В связи с этим, от современных российских ученых требуется изучение специфики социализации детей, находящихся на семейном обучении, с опорой на обильные разработки зарубежных коллег, тем самым заполняя белые пятна в этой области российской социологической науки.

2. Национальный институт развития современной идеологии (НИРСИ). URL: <http://www.nirsi.ru/> (дата обращения – 02.09.2016)
3. Ошеров В.М. Homeschooling и его уроки // *Новый мир*. 2001. №7. С. 158-164.
4. Риммер К. Семейно-домашнее образование: родители как учителя и воспитатели своих детей // *Семья и социально-демографические исследования*. 2014. №1. URL: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/5272/> (дата обращения – 05.09.2016)
5. Drenovsky C., Cohen I. *The Impact of Homeschooling on the Adjustment of College Students* // *International Social Science Review*. 2012. Vol. 87, Issue 1/2. P.19
6. Meham, A. N. (2004). *The socialization of home-schooled children in rural Utah* (Unpublished doctoral dissertation). Utah State University, Logan.
7. Medlin R. *Home Schooling and the Question of Socialization* // *Peabody Journal of Education*, 2000. Volume 75, Issue 1-2. P.107-123
8. Miller, B. G. (2000). *Socialization and home educated children: An exploratory study*. *Home School Researcher*, 14(2), 7–14.
9. Shyers, L. (1992). *A comparison of social adjustment between home and traditionally schooled students* (Unpublished doctoral dissertation). University of Florida, Gainesville.
10. Белоусов К.Ю., Яшина М.Н. Развитие семейного образования в России // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016. №1. С. 62- 65.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Власова Н.В. (Ульяновск)

За последнее столетие социология сделала довольно сильный рывок как в развитии методов исследований, так и в их применении. Намечился существенный прогресс в преодолении разрыва между теоретиками-методологами и эмпириками. Количественные и качественные ветви анализа социальной информации развивались параллельно, но в современном мире ни одной из них нельзя отдать приоритет, т.к. и количественный и качественные методы имеют как сильные стороны, так и ограничения [2, с.201].

Вопрос соотношения количественной и качественной методологии затрагивают не только социологи, но и ученые смежных наук. Но, несмотря на то, что каждый из них может признавать право на существование обоих подходов, большинство исследователей продолжают оставаться убежденными приверженцами какой-либо одной из стратегий, что не может не сказаться на качестве проводимых исследований. В фокусе количественных исследований сегодня остаются общественные структуры, как надындивидуальные объективные образования, детерминирующие жизнь людей. Качественную же социологию применяют в основном для изучения субъективного, локального, индивидуального в объекте. Ключевой проблемой этой методологии является валидность.

Для современной социологической науки характерна гуманизация, некоторая переориентация от рационального познания глобальных проблем к познанию и пониманию локальных сообществ, специфики меньшинств и каждодневной социальной практики людей; от макро- к микроанализу социальных явлений. Использование качественных методов является особо значимым, если в центре внимания исследователя находится изучение своеобразия отдельного социального объекта, исследование общей картины события или случая в единстве его составляющих, взаимодействие объективных и субъективных факторов. Качественные исследования позволяют также изучать новые явления или процессы, не имеющие массового распространения, особенно в условиях резких социальных изменений [4, с.74]. Обращение к качественным методам в постсоветский период связано с тем, что новая социальная реальность потребовала ее глубинного нетрадиционного изучения новыми социологическими методами. Качественные методы требуют особого способа сбора, обработки и анализа данных. Данный подход означает, что «результаты получены не путем статистических процедур или другими методами математического подсчета, а путем раскрытия смысла и интерпретации номинальных ответов, выражающих субъективную ценность данного предмета с точки зрения самого субъекта. Цели такого исследования состоят в понимании и интерпретации субъективного аспекта социальных процессов» [1, с. 223]. Качественную стратегию используют, как правило, в тех случаях, если цель исследования предусматривает определенное понимание исследуемого феномена, не требующее количественной интерпретации. По мнению ряда социологов, при определенных обстоятельствах количественная и качественная стратегии могут быть взаимодополняющими в рамках одного исследовательского проекта. С целью обеспечения валидности необходимо предварительно составить программу исследования, включающую формулировку целей и задач, объекта и предмета исследования. Проблема валидности не получила здесь однозначного решения. Вместе с тем, ее состояние полностью отвечает принципу пролиферации, предложенному в ранних работах П. К. Фейрабенда – каждый сможет найти то, что будет отвечать его личной методологической позиции [5].

При анализе основных концептуальных подходов в исследовании электорального поведения населения следует обратить внимание на рассмотрение исследовательских инструментариев политического поведения, которые позволяют создавать операционную схему для анализа причин того или иного исхода голосования с учетом целого набора разнообразных факторов. В исследовании избирательного поведения многие аналитики предпочитают модель «воронки причинности», которая предназначена для изучения послойного накопления факторов, влияющих на исход голосования. Но есть и другие, дополненные концептуальные подходы: «избирательная география», «теория статистической выборки», «партийная идентификация» и иные социологические и политико-психологические методы. Таким образом, выбор метода исследования зависит от тех задач, которые ставит перед собой исследователь. Каждый метод эффективен в конкретной ситуации. Для повышения репрезентативности полученных данных наиболее оптимальным является сочетание количественных и качественных методов.

Проведенный в мае 2016 года социологический опрос (прошено 708 человек, ошибка выборки 5%) показал, что население Ульяновской области в целом «скорее доверяет субъектам власти», за исключением муниципальных и местных властей и выражает мнение, что «результаты выборов напрямую определяют жизнь в стране/регионе». Более половины опрошенных респондентов (56%) однозначно намерены принять участие в выборах в Государственную Думу, но еще не совсем определились по поводу выборов губернатора. Абсолютное большинство опрошенных намерены проголосовать за депутатов партии «Единая Россия». Население Ульяновской области готово участвовать в выборах губернатора даже в том случае, если не доверяют ему. Это можно объяснить желанием населения сохранить текущую ситуацию. Население региона в большинстве своем не считает, что выборы в современной России имеют отношение к реализации принципа представительства, оценивая то, как функционирует современная политическая система. Тем не менее, выборы создают условия для активизации политического участия граждан, поскольку ставят вопрос об участии или не участии в избирательных процедурах. Среди тех, кто «не доверяет институту выборов», все же пойдет на выборы губернатора, но не будет принимать участие в выборах в Государственную Думу. Вероятно, эта часть населения считает, что выборы губернатора так или иначе смогут повлиять на ситуацию в регионе, а выборы в ГД, к сожалению, не решат существующих проблем.

При исследовании политического поведения в социологических исследованиях так же используются качественные методы. Качественные методы наиболее эффективны при исследовании избирательного отчуждения (неявка на выборы), а также при изучении мотивации голосования и мотива выбора кандидатов или партий. Качественные исследования имеют цель выявить стереотипы и общие оценки избирательной ситуации, характерные для различных групп избирателей. Для исследования поставленной проблемы – изучения мотивов голосования за того или иного кандидата на выборах губернатора Ульяновской области был выбран качественный метод — метод фокус-группового исследования. Фокус-группа относится к качественным методам исследования и передает, в первую очередь, субъективную внутреннюю картинку избирателя. Социологические исследования, использующие метод фокус-групп — эффективный инструмент для оценки избирательной ситуации. В рамках заявленной темы был использован качественный метод фокус-группа, которая была проведена в мае 2016 года, в ней приняли участие 12 человек смешанного половозрастного состава: 6 мужчин и 6 женщины в возрасте от 18 до 50 лет. В результате проведения эмпирического социологического исследования методом фокус-группы были выделены следующие смысловые блоки ответов респондентов: актуальные проблемы, особенно волнующие респондентов перед выборами губернатора Ульяновской области; осведомленность населения о предстоящих выборах в сентябре 2016 года; мнение участников фокус-группы о компетентности кандидатов в различных областях; намерения избирателей.

Качественный метод позволил выявить глубинные мотивы голосования за того или иного кандидата. Главными причинами выбора респондентом того или иного кандидата является его (кандидата) управленческий опыт, прошлая политическая деятельность и компетентность кандидата в занимаемой им должности. Участники признались, что большую роль играет узнаваемость кандидата и его семейное положение. Не уступают по значению и внешние качества кандидата. Судя по ответам, опрошенные возлагают большие надежды на действующего губернатора области и уверены, что он сможет решить существующие проблемы. Поэтому практически все присутствующие будут принимать участие в голосовании.

Таким образом, количественный и качественный подходы реализуют разные познавательные стратегии: использование дедуктивной и индуктивной логики, подтверждение конструированных абстракций и восхождение от конкретных фактов к теоретическим построениям, выявление общегрупповых тенденций и анализ индивидуальных вариаций. Чем сложнее изучаемый объект, тем настоятельнее потребность в совмещении обеих стратегий и замыкании логического цикла исследования [3]. В результате проделанной были сделаны следующие выводы:

1. Качественная и количественная методология являются взаимодополняющими и позволяют рассмотреть изучаемое явление с разных сторон.

2. Количественные методы позволяют получить информацию об отношении к тому или иному явлению населения в целом, о его намерениях, степени доверия и готовности к определенному действию (политическому поведению). С другой стороны, количественные методы

не дают информации о причинах и мотивах того или иного действия и вынуждают исследователя трактовать их по-своему, привнося в результаты исследования долю субъективизма.

3. Качественные методы решают проблему интерпретации причин и мотивов поведения. Они не могут дать информации о процентном соотношении ответов респондентов, но позволяют глубже изучить проблему, что невозможно сделать количественными методами.

4. Сочетание количественных и качественных методов исследования одного процесса или явления в социологических исследованиях служат способом всестороннего и глубокого изучения проблемы.

1. Батыгин Г.С. *Лекции по методологии социологических исследований : учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов.* – М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2005. – 368 с.

2. Бутенко И. А. *Организация прикладного социологического исследования.*— М.: Тривола, 1998. — 226 с.

3. Демин А.Н. *О совмещении количественного и качественного подходов.* URL : <http://socioline.ru/pages/dyomin-o-sovmescheniikolichestvennogo-i-kachestvennogo-podhodov> (дата обращения 16.05.2016).

4. Нечитайло, И. С. *Возможности и перспективы применения некоторых ситуативных тестов в эмпирической социологии // Социологические исследования.* – 2015. – № 6. – С. 68-77.

5. *Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник ; отв. ред. О. Н. Дьячкова.* - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 78-79 (318 с.)

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН К ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Власуков В.А., Новикова Л. В. (Санкт-Петербург)

In this article, the authors considered contradictory attitude of contemporary Russians to the liberal values. Drawing on theoretical and empirical research of recent years, the authors note a decrease of the popularity in the social consciousness of a liberal vector of social development and a noticeable tendency toward traditionalism.

В данной работе авторами рассматривается противоречивое отношение современных россиян к ценностям либерализма. С опорой на теоретические и эмпирические научные исследования последних лет авторы отмечают снижение популярности в общественном сознании либерального вектора общественного развития и заметный уклон в сторону традиционализма.

В последние несколько лет появилось множество публикаций, связанных с исследованием переориентации россиян с либеральных на консервативные ценности.

Либеральная (прозападная) модель развития со времен монархической истории нашей страны вызывала в интеллектуальной среде горячие споры и породила огромный диапазон взглядов – от эйфории полного приятия до противопоставления ей самобытного пути развития России, основанного на многовековых традициях. Примирить две крайности, как известно, пытался «либерал-консерватор» Б. Н. Чичерин.

В современной истории «гимном» либерализму стали проходившие в нашей стране в 90-е гг. XX века политические и экономические преобразования, неоднозначно воспринятые российским обществом и, помимо определенных достижений, породившие много деструктивных, болезненных для граждан нашей страны явлений и процессов.

В современной отечественной политологической литературе появились работы, детально анализирующие модификации либерализма в современных условиях, его проникновение в политические программы ведущих социал-демократических и консервативных партий современности. Нам встретилась точка зрения, авторы которой, вопреки статистике, отражающей уменьшение присутствия либералов во властных структурах развитых стран, доказывают на конкретных примерах появление у современного либерализма «второго дыхания» и его огромный потенциал в современном мире [2].

Остановимся на отечественном «измерении либерализма» на основе проведенных социологами исследований, в которых отражены проявления идеологии либерализма или консерватизма (традиционализма) в ценностных ориентациях и моделях поведения россиян. Так, И.Н. Трофимова в своей статье «Взаимоотношения власти и общества в современной России: специфика текущего внешне- и внутривластного контекста», отмечая с опорой на недавно

проведенный Институтом социологии РАН социологический опрос, уменьшение числа сторонников либерального (прозападного) и рост числа сторонников консервативного (антизападнического) курса развития страны, показывает, что наибольшим доверием у россиян пользуются институты, которые воплощают могущество, державность и национальное единство страны. И, одновременно, отмечается относительно низкий уровень доверия институтам, включая представительные, призванным защищать права и свободы отдельных групп граждан. Наблюдается также весьма аморфное отношение к организациям гражданского общества [4]. Подобные предпочтения вполне объяснимы реалиями последних лет, в первую очередь – сменой политического курса в Киеве и санкциями «либеральных» стран в отношении России (75% опрошенных отнеслись к ним негативно).

Однако, что касается практик гражданского участия в современном российском обществе, то они демонстрируют верность многим либеральным ценностям, хотя и по-разному распределены среди разных слоев населения. В большей степени проявления неформального самовыражения, самореализации, инициативы развиты у молодежи и у образованных, мобильных людей, проживающих в городской среде. Старшее поколение и жители глубинки проявляют данные качества в меньшей степени. В целом у населения России имеет место разочарование в демократических институтах и механизмах, что мешает проявлению гражданского активизма. Активизм предполагает «осознанное и целенаправленное участие граждан в общественно-политической жизни с целью защиты, реализации и расширения своих экономических, политических и социальных интересов». В исследовании, проведенном Институтом социологии РАН в 2014 г., выявлено, что гражданский активизм – комплексное явление, которое проявляется в самых разных формах, как традиционных (профсоюзы), так и новых (интернет-сообщества). К сожалению, лишь треть опрошенных отметили опыт своего участия (за последние два года). Однако исследования показали огромное разнообразие форм проявления гражданского активизма в зависимости от возраста, места проживания, сферы интересов и др. факторов [3].

Существуют интересные исследования моделей поведения представителей среднего класса, чьи ценности носят модернизированный, активистский характер, что отличает их от других групп населения.

Своими политическими ценностями и установками на дальнейшее развитие страны средний класс практически не отличается от остальных россиян. Среди его представителей (как и среди остальных россиян) «существует консенсус о неприменимости копирования западной модели развития и необходимости «особого пути» для страны». Однако средний класс более толерантен в отношении собственности

иностраных фирм на российской территории. Также он более чувствителен к демократическим ценностям в сфере властных отношений.

Интересным фактом является то, что за последние 10–15 лет заметно снизилось согласие среди населения с тем, что каждый имеет право отстаивать свое мнение и стало больше согласных с тем, что гражданин не должен иметь права на забастовку при угрозе общественному порядку (с 25% в 2008 г. до 29% в 2014 г.) [1].

По мнению многих аналитиков, прямое копирование западной модели общественного развития не эффективно, но допустимо заимствование некоторых элементов.

В целом идеология либерализма весьма значима в жизни современных обществ, особенно – в плане ее противостояния правоконсервативному фундаментализму современности [2].

1. Мареева С. В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 55-63.

2. Перегудов С.П. Либерализм XXI века - кризис или обновление? // Политические исследования. 2015. №4. С. 64-74.

3. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72-77.

4. Трофимова И.Н. Консолидация власти и общества в России: специфика текущего внешне- и внутривнутриполитического контекста // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 72-80.

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН С ИНВАЛИДНОСТЬЮ **Воеводина Е.В. (Москва)**

Различные аспекты инвалидности сегодня получают широкое обсуждение во всем мировом сообществе. Большинство работ посвящено вопросам трудоустройства, образования, взаимоотношениям инвалидов и типичных сверстников. Однако гендерные аспекты остаются без внимания, и даже в комплексных исследованиях инвалидности Е.Р.Ярской-Смирновой, они рассматриваются поверхностно. На начало 2016 года в России насчитывается 3 169 тыс. людей с инвалидностью [6]. Очевидно, что они являются неоднородной социальной категорией, которая дифференцирована по полу, возрасту, характеру заболевания и т.д. Однако зачастую из-за традиционного медикализованного понимания инвалидности это почти не учитывается при конструировании технологий инклюзии, а социальный образ инвалида является бесполом, гендерно нейтральным [1; 259].

В то же время, эффективная инклюзия людей с инвалидностью невозможна без учета гендерных различий и асимметрии. Последняя наблюдается в социоструктурном плане – по данным исследователей проблем инвалидности мужчины и женщины этой социальной категории находятся в разном положении [4; 205]. Опираясь на феминистскую парадигму (Е.А.Здравомыслова, Дж.Лорбер, С.Фарелл, Л.Доминелли), можно предположить, что неблагоприятное положение женщин с инвалидностью обусловлено не столько прямой дискриминацией (ограничением прав, оскорбительным отношением), сколько социокультурными стереотипами, интерпретирующими женщин с инвалидностью как «неполноценных» [5; 72]. В связи с этим интерес представляет то, как сами женщины-инвалиды ощущают свой гендер, и какую специфику сюда вносит инвалидность.

С этой целью в 2015 году нами было проведено разведывательное исследование с применением двух методов – глубинного (N-7) и формализованного интервью (N-74). Исследование проводилось только среди женщин, имеющих инвалидность с раннего детства, чтобы проанализировать её влияние на гендерную социализацию. Возраст респонденток в обеих выборках составил от 18 до 35 лет, инвалидность у всех имела ярко выраженный характер. В основном это были информантки с нарушением опорно-двигательной системы, все – жительницы г.Москвы и г.Санкт-Петербурга, а также прилегающих к ним городов.

Сперва остановимся на результатах глубинных интервью. Большая часть респонденток отметила, что инвалидность является фактором отчуждения, некой «инаковости». Это выражается типичным мнением – «я не такая, как все». Причем в половине случаев телесные особенности стали причиной коммуникативных барьеров. К примеру, две респондентки отметили, что из-за особой внешности их «гнобили» в школе.

Установки «ответственных» социальных групп – преподавателей, медицинских работников можно соотнести с медико-ориентированной моделью инвалидности, идеологическим основанием которой является то, что человек «болен» и поэтому не способен к активной жизни [2; 37]. Отсюда – ориентация на гиперопеку и сегрегацию. Например, одна из респонденток вспоминает слова школьной учительницы: «Не засматривайся на здоровых мальчиков, ищи себе подобных». Другая информантка, отметила, что преподаватели спецшколы, в которой она училась, создавали «теплечную» «приторную» атмосферу доброжелательности.

В основном ни преподаватели, ни родители в процессе воспитания не затрагивали «гендерные» темы, будь то семья, брак или отношения партнеров. На вопрос интервьюера: «Как Вы думаете, почему в семье не обсуждались эти вопросы?», одна из информанток ответила, что это следствие «непризнания в качестве самостоятельной и полноценной личности», а именно: «Они думали, что инвалид сидит дома, поэтому секс и семья ему не нужны».

Гендерная идентичность женщин с инвалидностью в большинстве своём имеет феминную направленность в качестве доминанты: «Женщина должна быть кроткая, добрая, ответственная, отзывчивая, веселая, понимающая, умиротворенная». Некоторые респондентки специально акцентируют внимание на своей внешности и сексуальности.

Те, кто состоит в отношениях с противоположным полом, будь то брак или романтические встречи, отмечают, что им проще с мужчинами-инвалидами, «легче и комфортнее в виду общности переживаемого опыта». Но не только это определяет склонность к выбору партнера с инвалидностью. Мнение респонденток свидетельствует о наличии социокультурных барьеров между «здоровыми» и «инвалидами» в сфере брачно-семейных отношений. В качестве примера, приведем рассуждения женщины, которая состоит в браке с человеком без инвалидности: «Ну, я

иногда забываю, что у меня инвалидность. Потому что муж говорит: «Не надо с ними общаться». У меня муж категорически против, но я всё равно общаюсь с людьми [у которых есть инвалидность], а он против, потому что здоровый. Здоровый не поймёт инвалида, я так считаю. Если выходить замуж, то наверно лучше за инвалида, а не за здорового».

Кроме того, информантки видят проблемы в профессиональной самореализации – нет возможности работать по интересным для них профессиям, что является серьёзным барьером на пути к успешной карьере. Создание семьи, по их мнению, затруднительно из-за самой инвалидности, а также давления со стороны родственников, призывающих отказаться от материнства для сохранения здоровья. Специфическим способом самореализации становятся спорт и рукоделие.

Результаты формализованного интервью переплетаются с вышеизложенными. В выборке есть трансгендерные и агендерные женщины (в совокупности 3%), андрогинные (38%). Но большинство респонденток относится к феминным – это проявляется как в принятии соответствующих ценностей, так и моделей поведения. По их мнению «женщина должна быть мягкой, уступчивой и заботливой» (71%). Также заметна ориентация на «материнский» феминизм, где роль женщины видится в материнстве, воспитании детей, поддержке «домашнего очага» (85%). Забота о внешности также важна: доля респонденток, разделивших утверждение о том, что «женщина должна заботиться, в первую очередь, о своей внешности» составила 48%.

Большинство опрошенных имеет высшее образование (40%) при том, что главной детерминантой выбора профессии послужил их собственный интерес (67%). На момент опроса работу имели 37%. Но, не смотря на официальное трудоустройство, основным источником средств существования для них являются государственные выплаты – пенсии и пособия (86%), помощь со стороны родственников и близких (49%). Самостоятельно себя обеспечивает лишь 36% интервьюируемых.

Почти половина респонденток (47%) указывает на отсутствие романтических отношений в данный момент, но при этом находится в «активном поиске». Доля «убежденных одиночек», не имеющих отношений и не стремящихся к ним – 15%. Также мы спросили женщин с инвалидностью о том, считают ли они положение мужчин с инвалидностью более выгодным по сравнению со своим. Но только 17% одобрили данное высказывание, а 83% посчитали, что «всем одинаково тяжело».

Таким образом, результаты разведывательного исследования показывают, что гендерная социализация женщин с инвалидностью имеет особенность в виду того, что протекает в рамках двух статусов – «инвалид» и «женщина». Большинство ощущает свои телесные особенности и считает их фактором сегрегации. Вместе с тем, женщины с инвалидностью воспроизводят феминные модели поведения и поддерживают присущие им качества.

1. Воеводина Е.В. Гендерная идентичность женщин с инвалидностью// Социально-гуманитарные знания. 2016. Т. 1. С. 259-266
2. Воеводина Е.В. Социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям высшего учебного заведения: социологический анализ: Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук/Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, 2012. – 190 с.
3. Доминелли Л. Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности// Журнал исследований социальной политики, 2004. Т. 2. - № 1. - С. 29-52
4. Ткаченко В.С. Медико-социальные основы независимой жизни инвалидов: Учебное пособие. -М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. - 384с.
5. Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Женщины и инвалидность: испытания на прочность// Социологические исследования, 2009. - № 5. - С. 70-76
6. Положение инвалидов. Статистические данные Росстата РФ: сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения – 1.09.2016г.)

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В США И ФРГ И ВЫЯВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Войтенко В.П. (Ростов-на-Дону)

Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Ценностная политика в сфере межэтнических отношений возникает в Соединенных Штатах Америки как ответ на вызовы современности: перестает работать модель плавильного тигля, и новые мигранты характеризуются тем, что можно назвать уклонением от американской идентичности набора базисных американских ценностей. Опыт Федеративной Республики Германии свидетельствует о том, что с проблемами ценностной политики немецкое общество столкнулось в контексте реинтеграции страны, воссоединения Германии. Оказалось, что западные немцы и восточные немцы при сохранении культурно-языкового единства оказали влияние раскола в понимании ценностей, которые определяют национальную идентичность и национальную интеграцию.

С конца 90-х годов XX века в официальный политический дискурс было введено понятие «мультикультурализма», признание важности и плодотворности для немецкого общества культурного и религиозного наследия новых этнических групп. Но ценностная политика на федеральном уровне ограничивалась принципом приоритетности конституционализма, содержащим прямой запрет идеологической индоктринальности.

Для ФРГ ценностная политика рассматривается на основе разделения основных и гражданских прав (Статья 116 Конституции ФРГ). Это означает, что проблема, консолидирующая немецкое общество ценностей как бы провисает между автоматизмом наделения социальными правами относительно к ценностному контексту и гражданскими правами, в сфере которых ценности действительно имеют регулятивные и ориентирующие смыслы. В отличие от американского общества наделение гражданскими правами является в ФРГ сложным бюрократическим процессом. Социальная карта снижает заинтересованность представителей этнических групп в том, чтобы вступать в сферу политики гражданских прав, и в большей степени замыкает на структурах самоуправления и самоорганизации. Немецкое государство выступает гарантом социальных благ. Но достаточно индифферентно к идентификационному выбору и приватной сфере жизни, если конечно это не имеет отрицательные последствия для вопросов безопасности и борьбы с радикализмом и экстремизмом [1].

В Соединенных Штатах Америки контуры ценностной политики просматриваются на федеральном уровне по линии межпартийной полемики, в том, что можно назвать противостоянием либералов и консерваторов. В Федеративной Республике Германии пилотные проекты в сфере ценностной политики как политики обсуждения, одобрения и принятия новых ценностных парадигм имеют характер различных программ межкультурного и межэтнического сотрудничества на уровне муниципальных образований. Вместе с тем принятие нового миграционного закона 2005 года, ориентированного на то, чтобы сделать процесс миграции и соответственно формирования новых этнических групп прозрачным, стимулирует обращение к ценностной политике как политике, интегрирующей все аспекты межэтнических отношений.

В США ценностная политика в нынешних условиях перемещается на уровень штатов и имеет влияние на изменения в сфере гражданского права. Это выражается в том, что наиболее неоднородные в этническом отношении американские штаты (Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Флорида) практикуют различные модели «мягкой ассимиляции», учитывают традиционализм, нативизм значительных этнических групп азиатского и иберо-американского происхождения. В рамках этого процесса наблюдается тенденция поиска способов включения этнокультурных ценностей новых этнических групп в базисный код американского общества. Соглашаясь с принципом мультикультурализма в образовательной и социально-бытовой сферах, обнаруживается стремление предотвратить, с одной стороны, эрозию системы базовых американских ценностей, а с другой стороны, придать им более универсальные смыслы, освободить от американоцентризма, сформировать у представителей новых этнических групп представления о том, что их ожидает не перспектива принудительности по отношению к американским ценностям и как следствие дисконформ по поводу своего положения как граждан

второго сорта, а то, что в рамках американского гражданского сообщества этнокультурные ценности могут обрести новое содержание, быть переинтерпретированными в контексте опыта интеграции в американское общество, оказывать стимулирующее воздействие на актуализацию собственного достигшего потенциала (трудолюбие и бережливость азиатов, патриотизм иbero-американцев) [2].

Сфера ценностной политики в США характеризуется как поле дискуссий, на основе которых перспективные политики и активисты новых этнических групп проходят школу американской бюрократии, формируют как опыт представительства, так и приверженность основным принципам американской общественно-политической жизни. Эта оценка подтверждается тем, что в США ценностная политика, несмотря на то, что открыто не декларирована на общенациональном уровне, приобретает свой статус в рамках идейных аргументов при обсуждении инноваций в иммиграционном законодательстве и того, как американское общество относится к вызовам иммиграции, ожиданиям и претензиям новых этнических групп.

В ФРГ ситуация отличается тем, что немецкое общество находится в лидерах европейской интеграции, что новые этнические группы включаются, втягиваются в процесс принятия формулы европейского единства. Такая ситуация в условиях миграционного кризиса привела к тому, что немецкое общество ощутило определенную растерянность перед фактом дефицита ресурсов интеграции не только по поводу насильного наплыва людей, имеющих иную культуру, но и с тем, что ценностный диалог внутри немецкого общества укорачивается, оказывается свернутым, размывается в рамках возможностей представителей новых этнических групп, избрав постоянным местом жительства Германию, ориентироваться на либеральные европейские нормы. Этнокультурные ценности новых этнических групп, таким образом, приобретают характер сохранения внутриэтнических связей, контактов внутри живущих в различных европейских странах общин. В этом смысле есть риск введения в оборот этнокультурных ценностей как способа мобилизации новых этнических групп в политический процесс. Проблема заключается также в том, что на немецкую почву переносятся и воспроизводятся в несколько измененном виде застарелые межэтнические конфликты. Возникает рискогенный контекст, в котором немецкие политики оказываются втянутыми в межэтнические конфликты (курдско-турецкая проблема). Можно констатировать, что в нынешних условиях ценностная политика ФРГ, активно осуществляясь на уровне минипроектов, не имеет определенных очертаний и смыслов на общенациональном уровне. Действующий принцип гуманизма позволяет носителям этнокультурных ценностей считать себя в немецком обществе как группами, имеющими право на реализацию собственной модели публичной жизни. Это касается и вопросов строительства и функционирования мечетей, открытия воскресных школ и культурных центров при активной поддержке исламских государств.

Иными словами, политика по принятию исламского «другого» как германского «другого» получила выражение в растущем влиянии религиозных дискурсов. Немецкое общество в большей степени связано не с обсуждением модели интеграции различных этнокультурных различий, а с возникновением феномена конкурирующей конфессиональной (исламской) идентичности. Эта схема на первый взгляд упрощает реализацию ценностной политики, так как определяется партнер в виде исламской общины, но сложность заключается в том, что, конфессионально становясь фактором интеграции новых этнических групп, создает и перспективу политизации выступления единой исламской платформы в политике.

В российских условиях зарубежный опыт представляет интерес, прежде всего, потому что обращает внимание на аксиологический поворот в сфере регулирования межэтнических отношений. В современных условиях нельзя ограничиваться констатацией положений об общецивилизационном пространстве, духовности и своеобразии. За истекший постсоветский период существенно изменились ценностная картина российского общества и ценностные ориентации россиян. Можно констатировать, что регулирование в сфере межэтнических отношений включено в контекст конфликта ценностей в обществе: сформировались относительно самостоятельные ценностные миры, сузилось влияние публичных ценностей. Зарубежный опыт привлекателен и тем, что определяет возможности обсуждения публичных ценностей в контексте реализуемой национальной политики, в российском обществе важно реализовать формулу разнообразия в единстве. Это существенный момент, так как не следует настаивать на политике активирования, культивирования этнокультурных различий.

В рамках имплементации ценностной политики в США и ФРГ следует обратить внимание на критерии участия в разработке ценностной политики, в ее контексте организационные модели являются уже оформлением реализуемых практик того, что выступает совокупным эффектом инициативы на муниципальном и региональном уровне. Если и говорить об интегрируемости ценностной политики в российских условиях, то, прежде всего, на уровне осуществления пилотных локальных проектов, в которых этнокультурные ценности включаются в оборот как ценности согласия и кооперации, то, что можно квалифицировать в качестве вклада отдельных этнических групп в разнообразие российского общества.

Иными словами, ценностная политика привносит в сферу регулирования межэтнических отношений гражданскую инициативу и вместе с тем повышает ответственность тех, кто ответственен за реализацию межнациональной политики. Следует ориентироваться на формирование матрицы гражданских ценностей. Если российская гражданская (политическая) нация определяется в качестве цели государственной национальной политики, то использование наработанных в США и в меньшей степени ФРГ образцов ценностной политики будет так или иначе способствовать переводу этнокультурных ценностей из категории примордиалистских в режим переконструирования, изобретения, переосмысления, что содержит возможность расширения участия гражданских общественных ассоциаций в представительстве интересов этнических групп, межэтническом диалоге, и значительно снижает риски включения в политическую жизнь этносепаратистских, этнократических структур. Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что ценностная политика в российских условиях в рамках ее модификации может определяться как оптимальный сценарий включения механизмов этнокультурной интеграции [3].

1. *Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. – 316 с.*

2. *Фролова А.С., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Отражение ценностной политики в сфере межэтнических отношений в СМИ в США // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 7-2. С. 167-171.*

3. *Чернобровкин И.П. Две модели интеграции мигрантов в ФРГ: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 63-70.*

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОЦИОЛОГА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ПРОФЕССИИ

Волкова О.А. (Белгород)

Вопрос профессиональной идентичности является актуальным как для социологической науки, так и для социальной практики. В данной статье приведен анализ научных исследований, образовательного и профессионального стандартов, визуальных материалов. Целью исследования являлось определение сформированности образа социолога и внешней профессиональной идентичности, т.е. со стороны тех, кто социологом не является.

В настоящее время активно разрабатываются профессиональные стандарты. На сайте Министерства образования и науки Российской Федерации [10] отсутствует профессиональный стандарт «социолог» (работник индустрии прикладных социологических исследований). В то же время его разработка определена необходимостью обеспечить связь между рынком труда, сферой занятости и системой высшего образования по направлениям подготовки «социология».

Условными заказчиками профессионального стандарта на сегодняшний день являются: во-первых, Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации [6] и Министерство образования и науки Российской Федерации [10] (государственный сектор); во-вторых, работодатели (экономический сектор); в-третьих, граждане – как занятое, так и незанятое население.

Однако здесь есть разночтения и несоответствие ожиданий. М.В. Артамонова, проведя эмпирическое исследование, отмечает, что существует разрыв между мнениями о стандартах представителей образовательного сообщества (преподавателей и методистов вузов, в которых реализуются образовательные программы по направлениям подготовки «социология») и профессионального сообщества (сотрудников компаний и организаций, работающих в сфере социологических исследований) [3].

Ученые отмечают упрощенность в восприятии образа социолога у населения. Социолог – это «человек, раздающий анкеты» [4] (так определяет внешнюю идентификацию П. Бергер), а не мыслитель, не аналитик, не прогнозист [12] – пишет О.Н. Яницкий.

О социологах ходит крайне мало анекдотов [4] – утверждал П. Бергер. По его мнению, этот факт социологов «очень расстраивает, особенно когда они сравнивают себя со своими более удачливыми собратьями – психологами». По мнению П. Бергера, «дефицит шуток о социологах определенно свидетельствует о том, что в сознании широкой публики люди данной профессии занимают более скромное место по сравнению с психологами» [4].

Д. Мальцева пишет, что «шутят» все – и физики, и лирики. Подтверждением этому является существование серий книг «Химики шутят», «Физики шутят», «Учителя шутят». О социологах же и об их работе «шутить не принято» [5] – отмечает исследователь. Некоторые мнения о социологах приводятся Д. Мальцевой. Она пишет, что для большинства людей социолог – это «"человек с анкетами", который пристаёт к честным гражданам на улице или по телефону, врываясь, таким образом, в их личное пространство и вызывая раздражение» [5] (это цитата из одного из интернет-обсуждений, которую приводит Д. Мальцева). Так, у социолога в массовом сознании есть лишь одна функция – опросы общественного мнения.

Д. Мальцева, анализируя анекдоты, в которых отражена внешняя идентификация социолога, например: «Согласно данным социологических опросов, девяносто из ста опрошенных россиян полностью одобряют государственную политику, десять – всегда поддерживают. Остальные 150 миллионов никто никогда не спрашивал» [5]. Существуют сайты, на которых размещены тематические анекдоты, к примеру, на сайте «Анекдоты про социологию и статистику по рейтингу»: «Согласно данным социологического опроса, более 60% опрошенных в гробу видали эти социологические опросы» [1]. Здесь видно, что опросы населения являются фикцией, а нужность профессии ставится под сомнение. Предназначение социологии определяется в шуточной форме: «Опросы населения проводятся для того, чтобы население знало, что оно думает» [2]. Есть анекдоты, в которых затрагивается проблема понимания вопросов, задаваемых исследователями:

«В России провели соцопрос на тему: "Как бы вы решили проблему Курил?". Получились следующие результаты:

1% – Отдайте японцам и пусть живут спокойно;

24% – Нет. Курилы нельзя отдавать»

75% – Курил, курю и буду курить» [2].

В некоторых анекдотах отражены проблемы формирования выборки и достоверности результатов исследований:

«В Москве провели социологический опрос "как вы относитесь к приезжим в столице?":

10% ответили: "понаприезжают, шагу ступить негде!"»

20%: "лишь бы вели себя нормально";

70%: "пускай приезжают в наш красивый столица! Пачиму нэт?" [2].

Наряду с приведенным мнением, есть другие представления о социологе как об отстраненном, беспристрастном наблюдателе, хладнокровно манипулирующим людьми [4] (П. Бергер).

Изучение открыток, предназначенных для поздравления с Днем социолога (отмечается в России 14 ноября; впервые праздновался в 1994 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского университета), показало, что визуальные материалы связаны с изображением (силуэты раскрашены в цвета радуги, что подчеркивает разнообразие, неоднородность), подсчетом и внимательным рассмотрением людей [8]. Образы формировали, скорее всего, те, кто имеет непосредственное отношение к социологии.

Мы попросили студентов нарисовать социолога. Большая часть рисунков не отражает отличий представителя этой профессии от обычного человека с неопределенной профессиональной принадлежностью. Специфичными оказались рисунки тех, кто обучается по программам направления подготовки «социальная работа». На рисунках изображены вопросы, демонстрирующие озабоченность социолога тем, как же полученные в ходе опросов цифры могут отразиться на проблемах общества и конкретных людей.

Видимо, такие рисунки объясняются назначением социальной работы как деятельности по решению социальных проблем (проблем, опасных на уровне общества) и трудных жизненных ситуаций, в которые попадают отдельные люди. Хотя П. Бергер пишет, что проблемы, интересующие социолога, не всегда являются проблемами для всего населения и для конкретных

людей. Обычно люди говорят о социальных проблемах лишь тогда, когда в обществе что-то происходит вне соответствия официальным объяснениям. А уж социологическая проблема вообще представляет собой нечто совершенно отличное от «социальной проблемы» [4], т.е. для общества в целом и для отдельных его членов.

В рисунках, сделанных студентами, обучающимися по программам направления подготовки «социология», изображены люди, демонстрирующие свои диаграммы зрителям. Здесь мы обнаруживаем отражение функции предоставления результатов исследований, которые социологи провели и проанализировали.

Исследователь Е.А. Попов отмечает мозаичность и многозначность образа социолога, который одновременно и математик, подставляющий в свои формулы цифры человеческих сомнений и потребностей; он и философ, влюбленный в социологию; он и психолог, способный найти подход и к простому человеку, и к эксперту по той или иной интересующей его проблеме. Представитель этой профессии постоянно находится на грани обобщения, сомнения, и заблуждения [9] – заключает Е.А. Попов.

Как показал анализ научных исследований, документов (образовательного и профессионального стандартов), визуальных материалов (поздравительных открыток и рисунков), профессиональная идентичность является нечеткой, а образ социолога до конца не сформирован ни в официальных документах, ни в общественном мнении.

1. Анекдоты про социологию и статистику по рейтингу. Режим доступа: <http://www.respectme.ru/anecdote/statistics?sortBy=rating>.
2. Анекдоты про социологов и социологию: виртуальная группа // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/topic-24481484_24649922.
3. Артамонова М.В. В поисках компромиссов? Стандарт профессии Социолог: прикладная социологическая индустрия, и/или академическая аналитика // Круглый стол «Профессиональный стандарт социолога». V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных», 12-13 марта 2015 г. Режим доступа: http://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/conference2015/prof_standartyi.
4. Бергер П. Социология как способ времяпрепровождения. Режим доступа: http://society.polbu.ru/berger_sociology/ch00_vii.html.
5. Мальцева Д. Социологи не шутят. Режим доступа: http://www.sociologos.ru/neformat/sociologi_ne_shutyat.
6. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru>.
7. Плейкаст. Режим доступа: <http://playcast.ru>.
8. Поздравления с Днем социолога (стихи, проза, открытки) // Поздравления всем. Режим доступа: <http://www.pozdravlenija-vsem.ru>.
9. Попов Е.А. Образ исследователя в современной социологии // Известия Алтайского государственного университета. Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2008/2/soci/TheNewsOfASU-2008-2-soci-05.pdf>.
10. Профессиональные стандарты. Министерство образования и науки Российской Федерации. Режим доступа: <http://profstandart.rosmintrud.ru>.
11. Солнечный букет. Замечательные открытки для замечательных людей. Режим доступа: <http://www.sunbouquet.com>.
12. Яницкий О.Н. Российская социология должна быть граждански ориентированной. Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_prof_5.html.

СУИЦИД КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ **Волкова Т.И. (Челябинск)**

Статья посвящена анализу суицида (самоубийства) в современном российском обществе. Основной акцент в работе делается на исследовании причин суицида и поиске решений данной проблемы. Особое внимание уделяется отношению к самоубийству молодежи – студентов медицинского университета и определению антисуицидальных факторов, способствующих решению данной проблемы.

This article analyzes the suicide in modern Russian society. The main focus of the work is done on the study of the causes of suicide and the search for solutions to this problem. Particular attention is paid towards suicidal youth - students of medical university and definition antisuicide factors contributing to the problem.

«Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы его прожить, значит, ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения,

руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями второстепенно» [1, с. 24]. Это знаменитое высказывание французского философа А. Камю известно многим, но если задуматься над ним, то возникает вопрос: почему он возводит проблему суицида на уровень самой главной проблемы? Возможно потому, что ценнее жизни и ее сохранения ничего быть не может, а самоубийство как бы бросает этой жизни вызов и выдвигает на первый план со-всем другие ценности.

Проблема суицида, самоубийства (от лат. *sui caedere* – убивать себя) возникла не сего-дня и свое летоисчисление она начинает в глубокой древности. По данным Всемирной Организации Здравоохранения, в мире от самоубийств погибает больше людей, чем от войн и терроризма. За последние 45 лет уровень самоубийств возрос на 60%, и в настоящее время самоубийство является одной из трех лидирующих причин смерти возрастной категории от 15 до 44 лет. Почти во всех странах мира наблюдается резкий рост числа самоубийств среди молодых людей, что внушает тревогу ученым, врачам и представителям медицинской общественности, что и определяет актуальность данного исследования [2].

За долгую историю человечества отношение к суициду было неоднозначным. Так, в Древнем Риме самоубийство «по благородным мотивам» признавалось похвальным, и было даже введено стоицизмом в ранг добродетели. У Сенеки есть такое высказывание: «Ведь все дело в том, что продлевать – жизнь или смерть. Но если тело не годится для своей службы, то почему бы не вывести на волю измученную душу» [3, с. 101].

Августин Блаженный и Ф. Аквинский, И. Кант резко осуждали это деяние. Так, Кант считал, что мы имеем моральную обязанность жить, потому что наши жизни, на самом деле, не находятся в нашем собственном владении: «Люди – стражи (часовые) на земле и не могут оставлять свои посты. Пока их не освобождает другая благотворная рука. Бог – наш собственник; мы – Его собственность» [4, с. 228].

Бурное развитие капитализма в XIX в., приведшее к смене ценностей, моральных устоев и нравов привели к росту добровольных смертей. Проблема самоубийства становится актуальной как никогда. И здесь заслуживают внимание результаты исследования Э. Дюркгейма, который отверг объяснение в терминах индивидуально-психологических мотивов и впервые выдвинул радикально иные – сугубо социальные причины. По его мнению «социальные условия, влияющие на число самоубийств, являются единственными, в силу которых оно может изменяться» [5, с. 391]. Он установил, что число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид.

Вопрос о самоубийстве – один из самых беспокойных и мучительных в русской эмиграции, т.к. много русских кончали жизнь самоубийством. Н.А. Бердяев считает, что самоубийство есть психологическое явление и, чтобы понять его, нужно понять душевное состояние человека, который решил покончить с собой. Он констатирует, что «самоубийство совершается в особую исключительную минуту жизни, когда чёрные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды... Психология самоубийства есть, прежде всего, психология безнадёжности» [6, с. 7].

Исследуя отношение к самоубийству в различные эпохи, можно сделать вывод о том, что это отношение всегда было детерминировано социальными факторами, будь то – религиозные заповеди, морально-правовые нормы, мировоззренческие принципы, психологические факторы, государственные решения и др. Суицид как проблему социального аспекта можно отнести к универсальным проблемам современного общества, грозящимся перерасти в глобальные [7].

Изучая данную проблему, стало интересно узнать, а как к суициду относятся будущие врачи, студенты медицинского университета? В результате социологического исследования, проведенного автором в 2015 г. на базе Южно-Уральского государственного медицинского университета (выборка – случайная, составила 180 человек) было выявлено отношение студентов 1-6-х курсов лечебного факультета к проблеме суицида.

Большинство опрошенных студентов младших курсов (1-3) – 73,3% одобряют акт суицида, если у человека возникли сложные жизненные обстоятельства. Подавляющее число студентов старших курсов (4-6) – 84,4% выступают против самоубийства. Основными причинами совершения самоубийства являются: проблемы в личной жизни (несчастливая любовь, смерть кого-то из родных или друзей, непонимание окружающими, одиночество, проблемы на работе, финансовые проблемы, тяжелая болезнь, тяжелая депрессия) – так считают 53,3% (из них на долю тяжелой болезни приходится 15,5%); потеря интереса к жизни – 32,2%; до-ведение до самоубийства (целенаправленная травля, клевета, угрозы, унижения, физические издевательства, изнасилования, побои) – 14,4%.

Является ли самоубийство «эффективным способом» решить жизненно важную проблему? Здесь мнения расходятся: 26,7% (66,6% из них – студенты (1-3) курсов, 33,4% – студенты (4-6) курсов) считают, что суицид – выход из сложной ситуации, 73,3% не считают самоубийство, как способ решить проблемы. Наиболее важными антисуицидальными (защитными) факторами личности являются: наличие творческих планов (43,3%), прочные семейные и социальные связи (22,2%), наличие детей или беременность (21,2%), религиозные убеждения (13,3%).

Исследование выявило, что неприятие суицида как способа решения проблем, в т.ч. и связанных с тяжелой болезнью характерно для большинства опрошенных студентов и процент таких увеличивается с каждым последующим курсом. Это радует. Но треть опрошенных «принимают» самоубийство, что серьезно настораживает, т.к., это говорит о том, что этих студентов потенциально можно включить в группу риска. Оказалось, что даже в дореволюционной России учащиеся совершали самоубийства и основными причинами являлись: неразделенная любовь, ревность, депрессия, одиночество [8].

На основании полученных данных сделаны выводы о том, что основными причинами совершения самоубийств молодыми людьми являются проблемы в личной жизни и наиболее склонны к суициду студенты 1-3 курсов. Суицид, таким образом, не может быть средством спасения ни от каких «бед», это – бегство от себя, от решения проблем, это – показатель слабости духа человека. Но суицид – не только проблема отдельного человека, это – проблема всего общества и каждый из нас может внести свой вклад в ее решение – любить своих близких, дорожить ими и не оставлять одних наедине с любой проблемой.

1. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. – М.: Политиздат, 1990.
2. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Репринтное издание подготовил С.А. Ошеров. – М.: Наука, 1993.
3. Статистика самоубийств: данные Всемирной Организации Здравоохранения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.popsy.ru/books/statistic.php>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Кант И. Метафизика нравов // Немецкая классическая философия. В 2-х т. Т. 1. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 12-302.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. / Изд. подг. В.А. Луков. – СПб.: Союз, 1998.
6. Бердяев Н.А. О самоубийстве. Психологический этюд. – М.: Изд-во Московского университета, 1992.
7. Волкова Т.И. Философские основания глобальных проблем современного общества. Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЧелГМА, 2008.
8. Егорова М.В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808-февраль 1917 г.) // Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 2009.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: УЧЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

Воловатова Д.А. (Волгоград)

В современном мире динамизма общественных и экономических отношений государственный сектор является двигателем социального прогресса. Достижение целей, стоящих перед страной и ее территориальными образованиями, возможно только на основе эффективной работы государственных органов и результативности деятельности государственных служащих.

На современном этапе особые требования предъявляются к личности служащего, определяющего качество человеческих ресурсов в органах государственной власти [2, с. 74]. Изменение отношения к человеку в процессе трудовой деятельности и рост инвестиций в человеческих ресурсов как в ключевой фактор конкурентоспособности организации находит свое отражение в концепции в рамках антропоцентристского подхода, которая основывается на категории «человеческий фактор».

Человеческий фактор представляет собой накопленный запас профессиональной и общекультурной компетенции, физического и нравственного здоровья, социальной активности, реализуемой в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей.

Государственная гражданская служба как целостное институциональное образование состоит из множества нормативных полей, регулирующих отдельные стороны публично-правовых отношений: поступление на службу, прохождение службы, исполнение должностного регламента,

повышение квалификации, оценка результатов профессиональной служебной деятельности [1, с. 97].

Один из вопросов анкеты социологического исследования был направлен на выявление источников привлечения персонала в региональные органы исполнительной власти. 40,5% опрошенных дали ответ, что о возможности устроиться в данную организацию узнали от родственников и друзей, 35,1% анкетированных – в организации, 10,8% опрошенных – в СМИ, Интернете, другое - 13,5% служащих (в том числе перевелись из кадрового резерва). Полученные результаты позволяют сделать вывод, что на формирование кадрового состава оказывает влияние человеческий фактор и социальный капитал.

На вопрос о методах оценки работы государственных служащих большинство госслужащих выбрали варианты ответа «аттестация» и «квалификационный экзамен». Следовательно, консерватизм, присущий всей системе государственного управления, находит свое отражение в системе оценки персонала.

Детальное рассмотрение влияния человеческого фактора на деятельность государственных гражданских служащих возможно через изучение мотивов госслужащих, т.к. путь к результативному управлению человеком лежит через понимание его мотивации [2, с.75].

Мотивы опрошенных госслужащих таковы: стабильность и уверенность в настоящем – 51,3% служащих, своевременная стабильная заработная плата – 45,9% сотрудников, возможность реализовать свой потенциал – 45,9% опрошенных госслужащих, работа в бюджетной организации – 35,1% респондентов, возможность выработать стаж, необходимый для назначения пенсии – 35,1% участников, основные и дополнительные государственные гарантии – 27,02% анкетированных, хороший коллектив – 24,9% опрошенных, материальное стимулирование (зарплата, премии, льготы) – 21,6% сотрудников, участвовавших в опросе, перспективы в карьерном росте – 21,6% гражданских служащих, необходимость где-то зарабатывать на жизнь – 8,1% участников опроса, стиль руководства (демократический) – 8,1% респондентов, нематериальное стимулирование (грамоты, благодарности) – 8,1%, возможность работать после выхода на пенсию выбрали 2,7% опрошенных работников, затрудняюсь ответить – 2,7% опрошенных.

Из полученных результатов авторского исследования можно сделать вывод, что материальная мотивация превалирует над нематериальной. Таким образом, стабильность заработка, защищенность гарантиями являются сдерживающим фактором текучести кадров.

На основе результатов проведенного социологического исследования можно сделать вывод, что профессиональная деятельность госслужащих зависит от объективных общественно-политических, экономических условий, с одной стороны, и с другой – от способов реализации внутренних характеристик личности, то есть речь идет о проявлении человеческого фактора, в новых формах и средствах управления.

Программа мероприятий по оптимизации учета человеческого фактора в системе управления персоналом государственной гражданской службы должна содержать в себе следующие основные направления:

1. Создание конкуренции на рабочем месте за счет усиления требований к должности.
2. Разработка и внедрение изменений в систему показателей эффективности деятельности госслужащих.
3. Построение системы мотивации государственных служащих на основе критериев эффективности деятельности служащих.
4. Модернизация сложившейся системы развития персонала государственной гражданской службы.
5. Развитие и поддержание положительного социально-психологического климата.

Данные предложения в перспективе позволят изменить систему управления персоналом на государственной службе, сделать ее гибкой, построенной на учете «человеческого фактора» в деятельности госслужащих, что в дальнейшем приведет не только к повышению качества кадрового состава государственного управления, но и повышению эффективности государственного управления в целом.

1. Антошина, Н. Основные тенденции развития современного кадрового состава на государственной службе // *Власть*. – 2011. – № 2. – С. 97-100.
2. Ядоян, В. О. Теоретические аспекты мотивации государственных гражданских служащих // *Экономика и управление: проблемы и решения*. - 2014. - № 9. - С. 74-77.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОРИЕНТАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Воробьева А.А. (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Козырева Л.Д.

Доктор филос. наук, профессор кафедры Социологии и социальной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

В статье представлены результаты исследовательской работы «Влияние политических новостей на молодежь». Какие новости интересуют молодежь, что молодые люди чувствуют после просмотра новостей, а также из каких источников предпочитают получать новости - это основные вопросы, которые были изучены и проверены в исследовании.

This article presents the results of research work "The influence of political news on the youth." What news for youth, that young people feel after watching the news, as well as the sources from which prefer to receive news - these are the main issues that have been studied and tested in the study.

От политических ориентаций большинства представителей молодого поколения во многом зависит консолидация всего общества, успех демократических преобразований в стране. Однако, политический абсентеизм, набирающий обороты среди нее, оказывает негативное влияние на социально-политическую жизнь, как всей страны, так и отдельного региона, города и района[1].

Основной целью данного исследования стало изучение влияния политических новостей на молодежную аудиторию для разработки практических рекомендаций, направленных на совершенствование воспитательной работы с молодежью, а также на активизацию интереса молодежи к политике. Эмпирическую базу составили результаты:

- массового онлайн-опроса среди граждан Российской Федерации в возрасте от 16 до 30 лет;
- личного экспертного интервью с председателем Молодежного Парламента; депутатом Законодательного Собрания СПб; руководителем регионального отделения «Молодая гвардия» Единой России, а также с руководителем Молодежного Совета Центрального района;
- наблюдения, проведенного среди граждан Российской Федерации в возрасте от 18 до 30 лет.

Интересуется ли молодежь новостями? Эксперты отметили, что молодежь интересуется новостями больше, нежели другие группы населения. Данное положение объясняется несколькими критериями:

- открытое информационное общество. Большинство молодежи сейчас имеют доступ к информации и знаниям: развитие библиотечное дела, электронные книги, Интернет, - все это позволяет не только активно получать, но и создавать информационный продукт;
- развитие технических средств. Одной из первых категорий, принимающих инновационные технологии, является молодежь [2]. Это позволяет молодым людям всегда быть в курсе последних новостей;
- активная урбанизация среди молодежи. Молодежь едет в города, где вливается в прогрессивную среду [3]. Городская среда требует постоянного мониторинга событий, вследствие чего растет интерес молодежи к новостям.

Согласно результатам, полученным в ходе массового опроса, 90% респондентов ответили, что интересуются новостями.

Какому источнику новостей молодежь доверяет? В проведенном исследовании Интернет (новости в поисковиках: Яндекс, Mail.ru, Рамблер, Google) (77%) и социальные сети (67%) стали главными источниками новостей. Это еще раз подтверждает то, что молодежь является одной из наиболее технически оснащенной группой, ведь для выхода в интернет или социальные сети необходимы гаджеты, поддерживающие данные функции. Менее всего, в качестве новостного источника, молодежь привлекают газеты (7%).

Хотелось бы обратить внимание на социальные сети, так как 73% респондентов ответили, что они не просто узнают новости из социальных сетей, но и подписаны на специальные новостные группы. Большая часть молодых людей предпочитает узнавать новости в социальных сетях из официальной группы «РИА новости» (44%) и на официальных страницах государственных органов (39%). Можно сделать вывод, что молодежь предпочитает получать

новости из проверенных авторитетных источников, а не переработанные и видоизмененные другими новостными группами.

Однако доверие социальные сети, в качестве источника новостей, не вызывают. Только 17% опрошенных доверяют социальным сетям, тогда, как Интернету доверяют 44%. Более половины (51%), заявили, что перепроверяют одну и ту же новость в разных источниках, а 37% опрошенных вообще никакому источнику новостей не доверяют, что еще раз подчеркивает политический абсентеизм среди молодых людей.

Интересуется ли молодежь политическими новостями? Согласно данным, полученным в ходе массового опроса 67% респондентов целенаправленно интересуются новостями политики.

Эксперты отметили, что молодежь активно интересуется новостями, однако, молодые люди изучают политические новости поверхностно, не проводя самостоятельного анализа и не делая выводов. Рассуждая на тему, от чего зависит степень интереса молодежи к политическим новостям, эксперты выделили несколько причин: политическая ситуация, уровень образования, программы, направленные на привлечение молодежи в политику.

Какой политикой интересуется молодежь? Согласно данным, полученным в ходе исследования, половина респондентов отметили, что интересуются и внешней и внутренней политикой, 22% интересуются только внешней политикой, и лишь 6% интересна только внутренняя политика.

Интерес молодежи к внешней политике можно объяснить стремительно меняющейся картиной на политической арене: войны, миграция и пр. [4].

Наблюдение так же показало, что при просмотре новостной программы, больший интерес вызывали новости внешней политики. Молодые люди не только делали звук громче, но активно обсуждали, временами даже спорили.

В то же время, 90% респондентов считают, что важно быть информированным о событиях, происходящих стране, в которой живешь, что свидетельствует о патриотизме среди молодежи, но опять-таки поверхностном, на деле молодые люди больше заинтересованы внешней политикой.

По какой причине молодежь интересуется политическими новостями? 45% опрошенных изучают политические новости, чтобы быть в курсе событий, происходящих в стране и мире, что подтверждает слова экспертов о том, что молодежь изучает новости поверхностно, не выясняя причины и следствия.

Как влияют политические новости на молодежь? Согласно результатам массового опроса треть молодых людей (34%) считают, что ничего не могут изменить, это еще раз свидетельствует о протестном политическом поведении молодежи. Это опасно, т.к. в условиях, когда молодые люди не могут реализовать себя в проправительственном курсе, они начинают склоняться к оппозиции, которая зачастую приводит примеры простых людей, получивших известность благодаря их личному участию в революциях. Тем не менее, 69% респондентов хотят что-то изменить в обществе после просмотра политический новостей. Следовательно, молодежь волнуют проблемы в стране и мире, и молодые люди задумываются над решением этих проблем. Можно сделать вывод, что сегодня государство не в полной мере осуществляет свою политику по политической социализации молодёжи и формированию ценностных ориентаций молодого поколения, не использует имеющиеся у неё возможности и ресурсы. Однако сейчас в обществе наблюдается тенденция повышенной политической социализации молодежи. Данная социальная группа интересуется политикой, постепенно снижается средний возраст государственных служащих за счет притока молодежи.

Был выработан ряд рекомендаций на основе проведенного исследования:

1) Быстрее и с большей степенью доверия до молодых людей дойдет информация, размещенная в Интернете. Поэтому очень важно контролировать этот ресурс со стороны государства, чтобы исключить вбросы информации иностранными агентами и не допустить настраивания молодежи против своего государства;

2) следует проводить воспитательные работы с молодежью для того, чтобы молодые люди не считали, что от них ничего не зависит, и не предпринимали попыток изменить эту ситуацию с помощью «революционных» методов;

3) стоит развивать молодежные политические организации и НКО, это не только способствует подготовке квалифицированных кадров для государственных органов страны, но и оказывает значительное влияние на политическую социализацию молодежи;

4) новости должны быть более понятные, с расшифровкой научных терминов и аббревиатур, чтобы молодые люди с любым уровнем образования могли понимать текущую ситуацию в стране и мире.

1. Елисеев С.М. *Политическая социология: учебник и практикум для академического бакалавриата* / С.М. Елисеев. - М.: Издательство Юрайт, 2016. - 412 с.
2. Брайант Д. *Основы воздействия СМИ* / Д. Брайант. - Пер. с англ. - М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. - 432 с.
3. ИНАБ №4 - 2007. *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты*. - М.: Институт социологии РАН, 2007. - 95 с.
4. Юзефовичус, Т.А. *Технология социальной работы с молодежью*. - М.: Академия, 2012. - 224 с.
5. *Общая и прикладная политология: Учебное пособие / под общей редакцией В. И. Жукова, Б. И. Краснова*. - М.: МГСУ, 2007. - 992 с.
6. Казаков А. М. *Кадры для будущего*. - М.: Европа, 2008. - 56 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ЖЕНЩИН В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Воробьева А.А., Чудова С. Г. (Барнаул)

Социальная защита и социальное обслуживание женщин, находящихся в кризисной ситуации в современной России является приоритетным направлением политики государства. Это подтверждает наличие в структуре государственных учреждений социальной сферы организаций, занимающихся предоставлением социальных услуг женщинам, признанных нуждающимися в социальном обслуживании. Признание женщины нуждающейся в социальном обслуживании происходит в соответствии с Федеральным законом "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013 № 442-ФЗ и принятых в дополнение к нему нормативно-правовых актов субъектов РФ. В законе приведен перечень обстоятельств, которые ухудшают или способны ухудшить условия жизнедеятельности гражданина и, в соответствии с которыми он может получать социальные услуги.

Социальная услуга - действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности. [1]

Помимо государственного социального обслуживания, женщинам в кризисных ситуациях помощь зачастую предоставляется со стороны общественных организаций, которые также включены законом в систему социального обслуживания.

В Алтайском крае в настоящее время среди государственных учреждений социального обслуживания женщин в кризисной ситуации значимое место занимает КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» г. Барнаула. В нем женщинам оказывается комплексная помощь как в полустационарной, так и в стационарной формах социального обслуживания.

Помимо организации помощи со стороны государственных учреждений, женщинам предоставляются услуги и в некоммерческих организациях. Возможность получения услуг в учреждениях разного типа имеет большое значение. Это подтверждает экспертный опрос специалистов, проведенный на базе КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» г. Барнаула и Алтайской региональной общественной организации по предотвращению насилия «Право на счастье». Экспертный опрос предполагал сравнительный анализ учреждений по следующим направлениям:

- целевая категория;
- оказываемые услуги;
- используемые инновационные технологии и методы работы;
- трудности в процессе организации помощи.

В результате опроса было выявлено, что целевой категорией социального обслуживания в КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» выступают женщины, находящиеся в кризисном и опасном для физического и духовного, психического и социального здоровья состоянии, в том числе подвергшиеся любым формам насилия. В АРОО «Право на счастье» целевой категорией являются женщины и дети в кризисных ситуациях, в том числе подвергшиеся

насилию. Таким образом, целевые категории обоих учреждений схожи и могут быть признаны нуждающимися в социальном обслуживании.

Что касается услуг, оказываемых в учреждениях, то в кризисном центре они оказываются в форме экстренных срочных услуг (психологическое и юридическое консультирование), а также в рамках индивидуальной программы (ИП) предоставления социальных услуг (социально-медицинские, социально-бытовые, социально-психологические, социально-педагогические, социально-трудовые, социально-правовые). Подобный принцип организации социальных услуг осуществляется и в общественной организации: экстренные срочные услуги и в рамках ИП (социально-психологические, социально-правовые, социально-бытовые). Кроме того, оба учреждения оказывают услуги в стационарной форме социального обслуживания в виде предоставления временного жилого помещения. Существуют определенные различия в сроках проживания и порядке заселения в социальные гостиницы учреждений. Также в учреждениях функционируют кризисные линии телефона доверия.

Оба учреждения в своей работе используют инновационные технологии и методы. В КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» в рамках психологических консультаций специалисты используют технологии арт-терапии, в частности активно используется песочная терапия. Помимо этого, на базе центра организовано проведение групп развития ответственного материнства в специально оборудованных комнатах, с использованием технологий М. Монтессори. В АРОО «Право на счастье» реализуются следующие инновационные технологии и методы работы:

- скайп-консультирование семей Алтайского края,
- группы с родителями, склонными к агрессивному поведению «Управление гневом»,
- работа с мужчинами-агрессорами.

Основные проблемы предоставления помощи женщинам в кризисном центре носят организационный характер (несовершенство оборудования, помещений для консультирования). Проблемы общественной организации связаны с информационной поддержкой и взаимодействием с государственными учреждениями.

Таким образом, сравнительный анализ по результатам опроса экспертов государственного учреждения и общественной организации, занимающихся оказанием социальных услуг, позволяет сделать вывод о том, что женщины в кризисных ситуациях выступают в настоящее время целевой категорией как государственных учреждений, так и некоммерческих организаций. Независимо от типа учреждения, женщина может получать услуги как в срочной форме, так и в рамках индивидуальной программы на протяжении длительного времени. Услуги различаются, в зависимости от целей организации. Кроме того, для учреждений государственного типа установлен определенный порядок учета услуг и строгая система отчетности, в силу чего использование в работе инновационных технологий и методов бывает весьма затруднительно. Некоммерческие организации в этом плане более свободны в выборе форм и методов обслуживания. Однако, организация помощи со стороны государственного учреждения осуществляется на постоянной основе за счет средств государственного бюджета, в то время как, некоммерческие организации, в большинстве своем, работают за счет средств грантовой поддержки и спонсорской помощи, что придает многим услугам временный характер. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в системе социального обслуживания женщин в кризисной ситуации большое значение имеет функционирование государственных и негосударственных учреждений и организаций, которые предлагают спектр различных услуг, одинаково важных для женщины в процессе выхода из кризисной ситуации.

1. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=166044> (дата обращения: 16.02.2015).*

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

Воронина О.А., Волченкова Е. В. (Киров)

В работе определена проблема социальной безопасности молодых семей, обосновывается уязвимость данной группы населения к воздействию факторов риска. Представлены результаты исследования социального самочувствия молодых семей и способов обеспечения социальной безопасности.

This article analyzes the problem of social safety of young families. Article is devoted to justification of vulnerability of this group of the population to influence of risk factors. Results of research are presented social well-being of young families and ways of ensuring social safety.

Социальная значимость семьи несомненна, поскольку преимущественно в ней происходит процесс воспроизводства, рекреации, духовного общения, эмоционального удовлетворения, социализации и воспитания детей. Однако в современных социально-экономических отношениях наблюдается нуклеаризация семьи, сопровождающаяся снижением рождаемости, малодетностью, индивидуализацией семейных ролей. Социальной нормой стали неполные семьи, незарегистрированные браки, семьи, где воспитываются внебрачные дети. Обозначенные процессы в наибольшей степени выражены в молодых семьях, которые становятся важным объектом социологического анализа, так как они находятся в процессе своего становления, развития и выстраивания внутрисемейных отношений. Специфика молодой семьи состоит в том, что она сочетает в себе характеристики, присущие не только институту семьи в целом, но и молодежной группы в частности.

Острота демографического кризиса в России потребовала создания государственных мер по поддержке молодых семей. Отсутствие стабильного заработка, низкая оплата труда, неясные перспективы решения жилищных проблем оказывают отрицательное влияние на репродуктивное поведение молодой семьи, а также сказываются на проблеме оттока молодых специалистов в другие регионы и даже страны.

По экспертным оценкам, в России насчитывается около 50 миллионов семей и каждая пятая семья – молодая. В настоящее время отсутствует однозначное понимание термина «молодая семья». Трактовки данного понятия можно встретить в нормативно-правовых актах и социально-психологических исследованиях. Так, в «Основах государственной молодежной политики до 2025 г.» [1] молодая семья обозначена как семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет.

В связи с выше обозначенными изменениями, в последнее время проблемам социальной безопасности и социального самочувствия молодых семей уделяется значительное внимание со стороны учёных, специалистов, социологов, политиков, государственных и муниципальных служащих, общественных организаций. Социальное самочувствие представляет собой эмоциональный аспект оценки представителей той или иной группы своего общественного положения, уровня удовлетворения социальных, материальных и духовных потребностей. К основным критериям оценки социальной благополучия молодых семей относят следующие.

1. Состояние охраны материнства и детства: обеспечение безопасного материнства и охрана здоровья новорожденных; охрана репродуктивного здоровья несовершеннолетних; рождение только желанных детей.
2. Трудозанятость, квалификация молодых работников.
3. Уровень образования молодых супругов.
4. Уровень и качество жизни.
5. Жилищно-бытовая обеспеченность.
6. Уровень развития системы здравоохранения и доступность медицинских услуг.
7. Доступ к информации и ценностям культуры.
8. Уровень социального обеспечения и обслуживания.
9. Состояние охраны окружающей среды.
10. Личная безопасность и неприкосновенность.
11. Наличие или отсутствие угроз техногенного характера (транспортные аварии, пожары, взрывы с выбросом химических, отравляющих веществ и др.).
12. Наличие или отсутствие угроз природного происхождения (геофизические, геологические, метеорологические, гидрологические явления и др.).
13. Наличие или отсутствие угроз биолого-социального характера (голод, терроризм, общественные беспорядки, наркомания, алкоголизм, насилие и др.).

Уязвимость молодых семей особенно сильно проявляется в условиях нестабильного развития государственной системы с серьезными проблемами в образовании (качество образования, его доступность); в труде (низкая заработная плата, плохие условия труда, низкая конкурентоспособность из-за некачественной профессиональной подготовки, отсутствия

практического опыта, и т. п.); в выборе сферы для самореализации (поселенческий фактор, ошибка при самоопределении) и т. д. Такая ситуация приводит к ослаблению ценности государства для подрастающих поколений, росту социальной напряженности в молодежной среде и аддиктивному поведению.

Социальное благополучие молодых семей тесно связано с процессами, происходящими в обществе: обеспечение номинального уровня социальных условий и предоставляемых социальных благ – материальных, временных, санитарно-эпидемиологических, экологических, психологических и иных, гарантия минимального риска для жизни, физического и психического здоровья людей. Таким образом, под социальной безопасностью понимается система законодательно-нормативных мер и организационных мероприятий, осуществляемых государственными органами и учреждениями совместно с общественными организациями в целях обеспечения жизнедеятельности отдельного индивида, различных социально-демографических групп и всего общества в целом [2, с. 141].

За последние годы в стране для решения проблем молодых семей сделано немало: увеличиваются пособия на детей, растет материнский капитал, увеличилась оплата отпуска по уходу за ребёнком до полутора лет, единовременное пособие при рождении ребёнка, создаются программы по решению жилищных проблем и др. В России накоплен уникальный опыт решения жилищных проблем молодежи.

Для решения задач повышения доступности жилья и увеличения объемов жилищного строительства в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 гг., на 2011 – 2015 гг. средства федерального бюджета направлялись в субъекты Российской Федерации с целью оказания адресной помощи молодым семьям, участвующим в реализации соответствующих региональных и муниципальных программ, направленных на улучшение жилищных условий в случае рождения (усыновления) ребенка.

Реализация подпрограммы способствовала разработке и принятию в субъектах Российской Федерации региональных программ по развитию ипотечного жилищного кредитования. Если на начало 2006 г. 55 субъектов Российской Федерации имели программы развития ипотечного жилищного кредитования (Ленинградская, Волгоградская, Пензенская, Кировская, Ростовская, Свердловская области, Республики Башкортостан, Татарстан, Москва, Санкт-Петербург и др.), то в течение 3 лет (к 2009 г.) еще 25 субъектов Российской Федерации разработали и утвердили новые региональные программы по развитию ипотечного жилищного кредитования. Всего на сегодняшний день такие программы действуют в 80 субъектах Российской Федерации [3].

Эффективность представленных мер, мы можем оценить через измерение социального самочувствия молодых семей как их обобщенную эмоционально-оценочную реакцию на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе.

В качестве инструментария исследования были использованы: 1) методика «Интегральный индекс социального самочувствия» Е. И. Головахи, Н. В. Паниной, А. П. Горбачика; 2) анкета «Определение характеристик социального самочувствия молодой семьи». Под социальным самочувствием мы понимаем интегральную комплексную оценку восприятия человеком собственного благополучия, определяющуюся степенью удовлетворения потребностей в основных сферах жизнедеятельности. Нами были установлены сферы социальной жизнедеятельности молодой семьи, степень оценки благополучия в которых (достаточность или нехватка соответствующих социальных благ) определяет общий уровень социального самочувствия индивида: материальная, трудовая, семейная, культурная, физиологическая и политическая.

Для изучения характеристик социального самочувствия молодых семей нами было проведено исследование, в котором приняли участие 50 молодых семей, состоящих в первом зарегистрированном браке. В каждой семье опрашивались оба супруга. Возраст респондентов варьируется от 18 до 30 лет.

Мы зафиксировали пониженный уровень социального самочувствия у молодых семей, основными индикаторами которого стали следующие.

1. Неудовлетворенность социально-экономических потребностей, таких как хорошее жильё (67%) и подходящая работа (66%). 78% семей беспокоят материальные проблемы, каждая седьмая семья обеспокоена безработицей, каждая третья – социальной незащищенностью. Отсюда вытекает важнейшая проблема стабилизации и укрепления современной молодой семьи – это ее материальное обеспечение на достойном уровне.

2. В социально-медицинской сфере молодых супругов в большей степени не устраивает необходимая медицинская помощь (89%) и уровень личного здоровья (59%). Молодые семьи отмечают большие трудности, связанные с доступностью медицинских услуг для детей (89%).

3. В социально-политической сфере молодые семьи отмечают нехватку стабильности в государстве и обществе (66%), снижение уровня жизни (64%). Далее в ранжированном ряду значимых проблем выделены: высокий уровень преступности (26%); наркомании (18 %); СПИД (11%); межнациональные конфликты (7%); межрелигиозные конфликты (2%).

4. В социально-психологической сфере молодые супруги испытывают неуверенность в своих силах (37%) и не удовлетворены собственной решительностью в достижении целей (46%). Так же 53% опрошенных не удовлетворены уровнем образования, 54% возможностью полноценно проводить отпуск, 43% экологической безопасностью.

Таким образом, на сегодняшний день эффективность социальной поддержки молодых семей является недостаточной, об этом свидетельствует пониженный уровень социального самочувствия, а так же низкая степень удовлетворенности отдельными показателями социального самочувствия, такими как: материальное положение, жильё, образование, работа, доступность медицинских услуг, досуг и стабильность политической ситуации в стране.

1. *Основы государственной молодежной политики до 2025 года (утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р).* – Режим доступа: [<http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/sredne-professionalnoe-obrazovanie/normativnye-dokumenty/osnovy-gosudarstvennoj-molodezhnoj-politiki-rf-do-2025-goda.html>].

2. *Национальная безопасность: политико-правовые вопросы. Научное исследование / Под общ. Ред. М. П. Фомиченко. Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации.* – М., 2008.

3. *Современные социально-политические процессы в регионах России и мира // Волченкова Е.В., Воронина О.А., Морозов Н.М., Трахименюк А.А., Титова М.С. / Книга 2. – Краснодар: АНО «Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012. – 102 с.*

ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Воронкова О.А. (Москва)

В условиях кардинальной трансформации социальных систем, обусловленной очередным витком технологической революции, существенно меняются цели и теоретико-методологическое содержание социологии и политологии. Серьезному пересмотру подлежат задачи политических, экологических, демографических сегментов российской социальной науки. Приоритетным направлением социологии и политологии становится изучение дискурсивных процессов, в рамках которых происходит борьба традиционных и инновационных осмыслений современной действительности. Поиск механизмов становления медиативного поля как сферы примирения социальных противостояний приобретает особую значимость.

In the context of fundamental transformation of social systems resulting from the next round of technological revolution, the objectives, theoretical content and methodological basis of sociology and political science are significantly changing. The tasks of political, environmental, demographic segments of Russian social science are subject to serious revision. The priority in sociology and political science should be given to the study of social discourse processes, within which the struggle of traditional and innovative explorations of contemporary reality arises. The search of mechanisms of formation a mediation field as the sphere of reconciliation of social conflicts assumes particular significance.

Быстрое, точнее сказать, стремительное распространение новых производственных, информационно-мобильных и коммуникативно-сетевых технологий подрывает традиционные основания социальных систем. Структурный каркас социальной системы с четким распределением профессиональных и статусно-ролевых позиций утрачивает свою незыблемую прочность. Само понятие «социальной системы» теряет классически устойчивое парсоновское содержание, как целостной совокупности индивидов и групп, страт и слоев, связанных четко определенными внутренними и внешними связями. Строгие концепты «социальной системы» и «социальной структуры» уступают место более мягким терминам «социальной среды», «социокультурного поля», подчеркивающих динамичность, изменчивость в пространстве и времени, условность границ. Глобальные принципы социального устройства все в большей

степени утверждают себя как гибкие и открытые во всех смыслах: свободные для самореализации, перемещений, торгового и информационного обмена. Понятие устойчивости, стабильности такой среды предполагает не консервацию застывших форм, а рассматривается в категориях баланса, достигаемого в условиях непрерывного обновления механизмов самоорганизации. Открытость социальных сред к взаимодействию с соседними социальными средами становится необходимым условием поддержания факторов устойчивости и генерирования импульсов развития.

Трансформационные процессы охватывают все сферы современной жизни. Переход на автоматизированные высокотехнологичные производства ослабляют потребности в физической рабочей силе. Мировой кризис перепроизводства товаров и услуг диктует необходимость пересмотра ключевых стратегий экономического, и как следствие, политического и социального развития и их теоретико-методологического обоснования. Необходимость наращивания промышленных производств уступает приоритет потребностям в разработке и расширении утилизационных технологий, требует переключения внимания социума на экологические вопросы. В условиях глобального перенаселения обесмысливаются демографические обоснования политических задач искусственного стимулирования рождаемости. Структура профессиональной занятости с четкой регламентацией рабочего дня и иерархическим распределением должностных обязанностей, окладов и поощрений сохраняет свои неизменные формы лишь в сфере государственной службы и охраны порядка. В сфере предпринимательства, науки и культуры жесткие формы трудовых отношений уже уступили место партнерским и коллегиальным типам связей. Существенно меняется содержательное наполнение видов деятельности. Финансово-обменные операции переводятся в цифровой формат. Рутинные производственные функции, перекладываемые на автоматические линии, вытесняются творческими занятиями. В молодежной среде теряют значимость карьерно-статусные и материально-достижительные мотивы самореализации в пользу обретения большей личностной свободы и независимости.

В контексте резкой активизации социальной мобильности на первый план выступают задачи поиска механизмов сохранения социального и политического баланса. Поддержание социальной целостности в условиях необходимости балансирования между вызовами постмодерна становится все более проблематичным, так как характер технологических изменений, слишком стремительный и даже агрессивный, является причиной возникающих сложностей социальной адаптации. Усиление социальной неоднородности, появление новых групп, объединений, нетрадиционных образов жизни приводят к новому витку социальной аномии. Но само понятие социальной аномии теряет классически описанный Дюркгеймом характер. Теперь это не просто запаздывание нормативного самоопределения общества, но часто критическая социальная растерянность перед лицом быстро ослабевающих возможностей нормативных механизмов регулирования как таковых. Последствия такой растерянности отчетливо проявляются как в научно-теоретическом дискурсе, так и политической практике. Социологический дискурс периодически склоняется к концептуальным крайностям – от панических констатаций, что «общества больше нет», до отчаянных попыток реанимации традиционных категорий «социальной структуры» и «девиантного поведения», очевидно теряющих значимость и смысл. Новые понятия, «прекариат», «дауншифтинг» и пр., страдают отсутствием категориальной ясности и терминологической неуклюжестью, особенно в российской социологии, пока предпочитающей заимствовать неологизмы с чужого социокультурного поля.

В политической практике еще более отчетливо проявляется инерция мышления и застой управленческих диспозиций. Неспособность к перенастройке на гибкие механизмы управления в глобально меняющихся условиях приводит российскую политическую элиту, социализированную в рамках традиционных схем, к развороту политического курса на единообразие и единомыслие. Архаизация методов консолидации общества: сужение границ публичной сферы, насаждение ортодоксальных «скреп», усиление запретительных мер поддержания порядка, сопровождается попытками регрессивной реконструкции гуманитарных наук и системы государственного образования.

Главной проблемой политического момента в России является обострение борьбы инновационных трендов с традиционными установками и, как следствие, отсутствие социального согласия не только по базовым вопросам социальной и политической жизни, но и методам его достижения в обществе.

Тем не менее, неумолимая диверсификация способов социальной самореализации сопровождается бурным развитием коммуникативных практик. Коммуникативное действие стало

базисным элементом социальной системы. Качество социального и социально-политического дискурса становится важнейшим фактором развития социальной системы. Сохранение целостности и воспроизводство социальной системы попадает в прямую зависимость от успешного синтеза коммуникативных компонентов: способа производства информации, ее доступности, свободы интерпретации и обмена, и степени влияния всех этих факторов на принятие общезначимых решений. Становится всё более очевидным, что процесс консолидации российского общества должен идти не по пути возрождения единообразия, а в направлении свободного дискурсивного прояснения базовых ценностей и достижения социального согласия [1]. В этом контексте приоритетными теоретико-методологическими задачами социологии и политологии становится изучение дискурсивных процессов [2], в рамках которых происходит борьба старых и новых смыслов, и поиск механизмов примирения социальных противоречий и предотвращения конфликтов.

1. *Согласие в обществе как условие развития России. Москва. 2013. – 293 с.*

2. *Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр. 2004. – 336 с.*

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА НА СОЦИОЛОГИЮ ТРУДА

Воронкова С.В. (Санкт-Петербург)

Как известно, социология труда изучает функционирование и поведение работодателей и работников, а также мотивацию, социальные и экономические стимулы, влияющие на взаимоотношения субъектов правоотношений.

Состояние здоровья работающего населения во всем мире является стратегическим направлением безопасности страны, поэтому физиологии, гигиене и охране труда уделяется пристальное внимание [1]. Данная проблема сохранения здоровья работающих подкрепляется статистическими данными Государственных докладов [2,3], судебной практикой и привлекает внимание общественных структур (например, Порофсоюзы) и органов государственного управления.

Социология труда тесно связана с социологией правовой, системой власти и подчинения. Юридическая сторона правоотношений осуществляется с помощью социального контроля поведения субъектов.

Государственный надзор (контроль) в области безопасности и охраны труда в соответствии с законодательством [4] осуществляется уполномоченными государственными исполнительными органами, такими, как Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей, федеральная служба по труду и занятости (государственные инспекции труда), Ростехнадзор, ведомственные службы. Административная ответственность как работников, так и работодателей регулируется Кодексом об административных правонарушениях (КоАП) [5]

На базе ФБУН «Северо-Западный научный центр гигиены и общественного здоровья» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека при организации и проведении обязательных предварительных (периодических) медицинских осмотров в 2015-2016 годах проводилось социологическое исследование.

Как показывают данные исследования, административные нарушения совершаются как умышленно, так и по неосторожности. Невыполнение мероприятий по охране труда по-прежнему носит экономический характер - затраты на штрафы ниже затрат на мероприятия по охране труда.

Разработанная программа сбора данных предполагала сплошное анкетирование должностных лиц, отвечающих за вопросы охраны труда на предприятиях с целью выявления мотивации к выполнению обязанностей по сохранению здоровья работников.

87 организаций различных форм собственности с количеством работающих от 4-х до 3000 человек приняли участие в исследовании, некоторые результаты которого приведены на рис.

74% респондентов в качестве основного стимулирующего компонента проведения обязательных медицинских осмотров указывают на возросшие административные штрафы и только 18% респондентов заинтересованы и заботятся о здоровье своих работников (рис.1).

Рис. 1 Результаты анкетирования работодателей по определению мотивации проведения обязательных медицинских осмотров

С 01 января внесены изменения в КоАП в части сумм административных штрафов в статье 5.27.1. Сравнительные данные приведены в таблице 1

Таблица 1. Размеры административных штрафов в соответствии со ст. 5.27.1 КоАП

Вид нарушения	Размер штрафа, тыс. руб.	
	4 год	5 год
Нарушение работодателем установленного порядка проведения специальной оценки условий труда на рабочих местах или ее не проведение	201 50	201 60-80
Допуск работника к исполнению им трудовых обязанностей без прохождения в установленном порядке обучения и проверки знаний требований охраны труда, а также обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических (в течение трудовой деятельности) медицинских осмотров, обязательных медицинских осмотров в начале рабочего дня (смены), обязательных психиатрических освидетельствований или при наличии медицинских противопоказаний	30-50	110 -130
Необеспечение работников средствами индивидуальной защиты	30-50	130 -150

По данным Государственной инспекции труда в Санкт-Петербурге проведен анализ основных показателей надзорной деятельности за 2014 и 2015 год [6]. Прежде всего, рассматривались выявленные нарушения в области безопасности и охраны труда (рис.2,3).

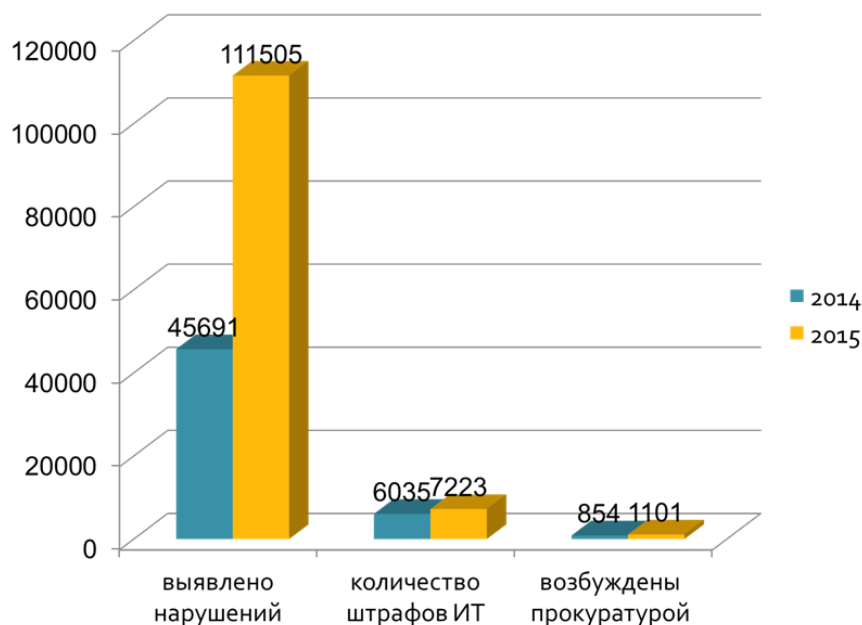

Рис.2 Общее количество выявленных нарушений, шт.

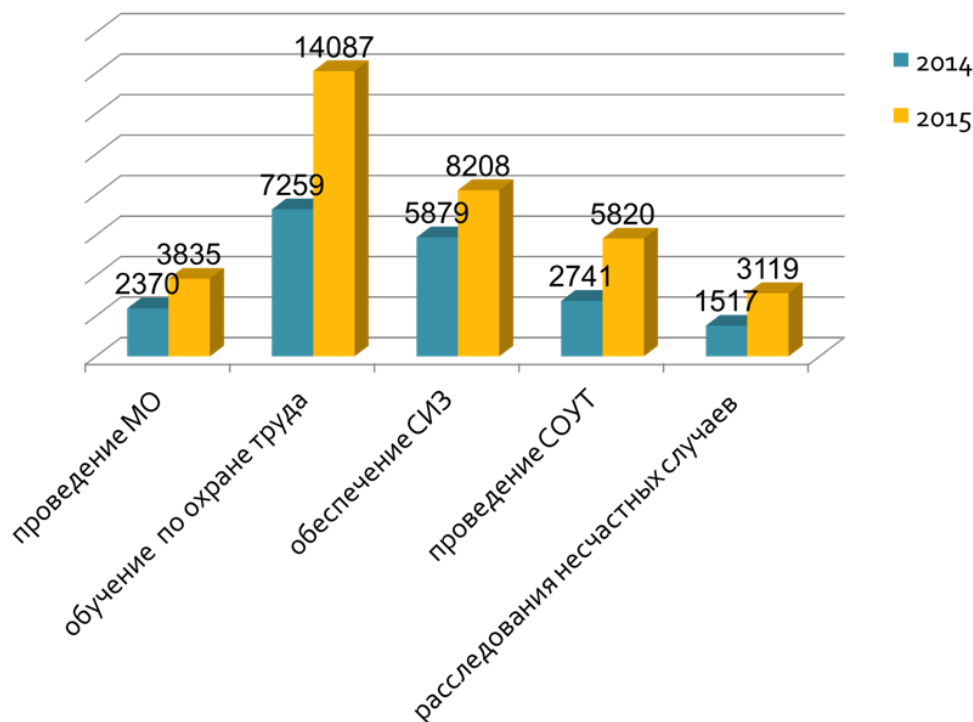

Рис.3 Виды нарушений в области охраны труда

Общее количество выявленных нарушений в 2015 году составило 217,01% от 2014 года в среднем на 1 проверку приходится 14,4 нарушения.

Одновременно по результатам социологических исследований фиксируется возрастание количества добросовестных работодателей, стремящихся обеспечить в полном объеме соблюдение требований трудового законодательства на своем предприятии (организации), что приводит к росту их потребности в оказании консультационной и методической помощи по вопросам соблюдения трудового законодательства в целях его правильного применения [7].

Проведенный анализ деятельности государственных надзорных служб и анкетирование работодателей позволяет сделать следующие выводы:

Вопросы социологии труда и иных непосредственно связанных отношений распространяются на подавляющее большинство населения нашей страны и неизменно включаются в программные и стратегические документы в качестве приоритетных;

Важным элементом системы взаимодействия работника, работодателя и государства является деятельность федеральных органов исполнительной власти по обеспечению соблюдения нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в том числе надзорная деятельность;

Наиболее существенным мотивационным действием для побуждения работодателей к проведению мероприятий по охране труда, является повышение административной ответственности, усиление государственного надзора уполномоченных структур;

Одним из ключевых элементов является экономическая мотивация работодателей по обеспечению мероприятий по безопасности и охране труда;

Модель контрольно-надзорной деятельности требует корректировки и смещения в сторону профилактики и предупреждения нарушений, взаимном сотрудничестве государственных надзорных органов и бизнеса.

1. *Материалы заседания Правительственной комиссии по вопросам охраны здоровья граждан (Материалы подготовили: И.В. Бухтияров, Н.Ф. Измеров, Л.В. Прокопенко, Г.И. Тихонова, Н.А. Костенко.) (стр. 1) // Медицина труда и промышленная экология №7, 2014 –с.1 // Научно-исследовательский институт медицины труда (Москва)*
2. *Доклад Федеральной антимонопольной службы «О проблемах государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности». 2015 год // <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=1892>*
3. *О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2014 году: Государственный доклад.— М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2015.—206 с.*
4. *"Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // "Российская газета", N 256, 31.12.2001*
5. *"Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // "Российская газета", N 256, 31.12.2001*
6. *Отчет Государственной инспекции труда в Санкт-Петербурге за 2015 год*
7. *Распоряжение Правительства РФ от 05.06.2015 N 1028-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности обеспечения соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (2015 - 2020 годы)» // "Собрание законодательства РФ", 15.06.2015, N 24, ст. 3508*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОПРОИЗВОДСТВЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ Воронова Л.Н. (Москва)

Конец XX века ознаменовались кризисом всех сфер жизни общества и государства: изменение государственного устройства, переход к рыночной экономике, трансформация социальной структуры и т.д. Молодыми людьми кардинально была пересмотрена привлекательность различных профессий, в результате чего трансформировалась и шкала престижа профессий. Именно с этого времени мы начинаем наблюдать падения престижа профессий, связанных с творческим, интеллектуальным трудом, так как они перестали быть способом самореализации личности, формой общественного признания, гарантом стабильного социального и экономического положения и т.д.

Наиболее сложная ситуация с воспроизводством молодых кадров сложилась в современной российской науке. Характерный для кризисного сознания российского общества рост антинаучных настроений, сформировавшихся в отечественной культуре за последнее время, способствовал тому, что занятие наукой стало малопrestiжным. Падение социального статуса ученого сами ученые считают серьезным препятствием для привлечения молодежи в науку. По данным Министерства образования и науки РФ профессию ученого считают привлекательной лишь 9 % молодых людей и 3% выпускников вузов идут в науку. О падении престижа научной деятельности в глазах общества, в том числе и самих ученых, свидетельствует и тот факт, что лишь 20,0 % ученых посоветовали бы своим детям пойти по их стопам [3].

Структура научного потенциала включает в себя: информационно-содержательную, материально-техническую, финансовую, кадровую, социально-деятельностную, организационно-

управленческую и духовно-психологическую составляющие. В совокупности, все они влияют на развитие и воспроизводство научного потенциала. Если оценить состояние хотя бы нескольких из них, то можно будет дать объективную оценку состоянию и самого научно-образовательного потенциала современного российского общества.

Духовно-психологическую составляющую характеризует мнение ученых о состоянии российской науки. По результатам исследований большинство ученых пессимистично смотрят на состояние науки в России. По мнению 50,8 % экспертов ведущих российских вузов, вузовская наука в России находится в кризисном состоянии, 24,2 % – в застое, 8,1 % – в упадке, и лишь 16,9 % экспертов оптимистичны в своих оценках, считая, что российская вузовская наука находится на подъеме [2].

На современном этапе отсутствует достаточное финансирование науки, что сказывается как на уровне материально-технической обеспеченности, так и на уровне заработной платы ученых. По данным Московской мэрии наиболее низкооплачиваемой категорией москвичей являлись работники науки [1]. В конечном счете, это не позволяет ей развиваться на должном уровне, и мешает, в том числе, привлечению необходимого количества талантливой молодежи в научно-исследовательскую деятельность, что в совокупности с внутренней и внешней «утечкой мозгов» влечет к кадровому дефициту в науке.

Одной из наиболее остро стоящих проблем современной российской науки является кадровый голод. Обеспеченность необходимыми кадрами научных подразделений технических вузов эксперты оценили как хорошую – 33,3 %, среднюю – 58 %, плохую – 8,7 %. Хотя большинство экспертов и считают, что она находится на среднем уровне, тем не менее, 56,5 % экспертов подчеркивают, что численность научных кадров за прошедшие 10 лет во вузах уменьшилась, 20,3 % – осталась без изменений, 23,2 % – увеличилась [2]. В российской науке по данным статистики в 1990 году было занято 1 млн. 943 тыс. человек, а в 2000 году – всего 890 тыс. человек, что в свою очередь свидетельствует о произошедшем оттоке специалистов из научной и вузовской сфер.

Поскольку в основной своей массе из науки уходит молодежь, то большинство экспертов говорят об усилении тенденции старения научных кадров. Наиболее пессимистичны в оценке возрастного состава своих научных сотрудников эксперты технических вузов: доминирование научных сотрудников пожилого возраста отмечают 63,8 % экспертов, среднего возраста – 31,9 %, а омоложение научных кадров лишь 4,3 % [2], таким образом, наука в технических вузах жиднется на специалистах старшего поколения. И эта ситуация углубляется несмотря на заметный рост числа аспирантов в последние годы.

Безусловно, источником пополнения науки необходимыми кадрами являются студенты вузов. Поэтому, выявив, какая доля выпускников вузов в своих планах на послевузовскую деятельность запланировала заняться наукой, будет развиваться научный потенциал, как региона, так и страны в целом. Проведенные социологические исследования свидетельствуют, что около одной трети студентов Республики Башкортостан планируют заниматься после окончания вуза по избранной специальности, а также научной и преподавательской работой в рамках вузовской специализации. В современном мире, где устанавливается постиндустриальное информационное общество, и ценность научных знаний и инноваций, высоких технологий занимает высокие позиции, именно научно-исследовательская деятельность будет определять уровень развития общества и государства.

Наблюдается существенная разница в желании выпускников вузов заниматься научной и преподавательской деятельностью в зависимости от профиля вуза: в гуманитарных данный показатель выше, чем в технических. Что позволяет утверждать, что в будущем научная активность в гуманитарной области будет выше, чем в технической, а, следовательно, и развиваться она будет намного интенсивнее. Однако нельзя не заметить, что техническая сфера тесно связана с экономическим, промышленным развитием страны, и если научный потенциал технических наук не будет активно расти, а научные исследования не будут соответствовать мировому уровню научно-технической мысли, то это может привести не только к кризису технических наук, но и к экономическому отставанию России от мирового сообщества.

Мнение молодых ученых о перспективах будущей научной деятельности и работы было изучено в ходе социологического исследования в Республике Башкортостан, проведенного в О.П. Шамониной. Большинство респондентов изъявило желание остаться в науке после окончания аспирантуры, при этом они надеются на то, что у них появится перспектива продвижения по работе и повышение авторитета среди коллег и руководства. Те же, кто не останется в науке,

отмечают отсутствие надежды на получение жилья, улучшения социальных условий и повышения заработной платы.

Другим последствием недостаточного финансирования науки в нашей стране является массовый отток талантливых российских ученых и специалистов технической сферы, в том числе большого количества молодежи, за рубеж, что ослабляет экономический и научно-технический потенциал России. Можно говорить, что на данный момент наша высшая школа готовит кадры не для российской науки, а на экспорт, при этом большинство из желающих уехать за рубеж получили высшее образование бесплатно, за счет государства, из чего следует, что Россия безвозмездно поставляет интеллектуальные кадры для других стран.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в результате неграмотной политики государства современная российская наука лишена необходимых условий для нормального воспроизводства научного потенциала, обуславливающие нежелание молодых специалистов идти в науку: это и сокращение финансирования научных исследований, небольшие зарплаты, не позволяющие улучшить ни материальный достаток, ни бытовые условия, а также решить жилищные проблемы молодых специалистов, что, в свою очередь, ведет к падению престижа профессии научного работника и снижению привлекательности научной деятельности в глазах молодежи. Часть же тех, кто все-таки решил посвятить себя науке, покидают страну в поисках лучших условий для своей деятельности. Подобная ситуация не может не волновать, поскольку в современном мире именно научные достижения позволяют стране развиваться и быть конкурентоспособной на мировой арене.

1. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Социально-историческая детерминация ментальности современной российской интеллигенции // Интеллигенция и взаимодействие культур: м-лы междунар. конф. / под ред. И.И. Осинского. В 2-х т. Т.1. – Улан-Удэ – Москва: БГУ, 2007. – С. 49-57

2. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). – М.: Центр социального прогнозирования, 2002. – 552с.

3. Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: Прикладной аспект. – М.: Юрист, 1997.

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону)

Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

Как отметил академик РАН и РАМН Л.А. Бокерия в своем докладе на Юбилейных Сорокинских чтениях, здоровье российской нации в XXI веке зависит не столько от уровня развития медицины и финансирования здравоохранения, сколько от социальных факторов и социальных рисков индивидуального и коллективного поведения в сфере здравоохранения. Противоречие между институциональными нормами, которые регламентируют порядок оказания медицинской помощи, и реальными потребностями и возможностями российского общества приводит к формированию и воспроизводству таких моделей социального поведения, которые, на сегодняшний момент, едва ли можно назвать позитивными, т. е. способствующими положительной динамике здоровья отдельного человека, большинства социальных групп и социума в целом.

Однако люди не способны продуцировать социальные модели поведения, поскольку это удел интеллектуальной элиты – конструировать, изучать и прогнозировать социальные модели, «создавая» научные лакуны неизведанной социальной реальности. Люди же в своей повседневной реальности могут под воздействием контекстуальных (ситуативных) либо внутренних ментальных программ лишь производить практики социального поведения как некую реакцию на внешние стимулы и внутренние раздражители (например, на потребность в устранении боли, биопсихосоциальных дисфункций организма).

Цель статьи состоит в определении исследовательских традиций, связанных с осмыслением социального поведения в сфере здравоохранения.

Под социальным поведением в сфере здравоохранения мы понимаем совокупность индивидуальных (но типических в своем роде) и групповых, сложившихся исторически и

воспроизводимых на уровне ментального программирования, практик, связанных с поддержанием (упрочением, сохранением) здоровья и/или предупреждением (лечением) болезней либо практик «совладания» с болезнями и отклонениями от некоей индивидуальной для каждого человека «нормы». Модели социального поведения приобретают как рефлексивный (преимущественно), так и аффективный характер, могут конструироваться спонтанно под влиянием ситуативных факторов либо быть результатом реализации стратегии поведения, т. е. предварительного мыслительного установления человеком (пациентом) последовательности действий для достижения желаемого состояния и получения достоверной информации о наличном статусе здоровья. Для социологов модели поведения являются методическим ориентиром конкретно-социологических исследований институциональных практик (формальных и неформальных) в сфере здравоохранения, социальных маркеров дифференциации пациентов и «предпациентов», идейной основой для разработки социальных технологий позитивизации отношений между различными агентами института здравоохранения.

В современной науке накоплено немало теорий и эмпирических данных о самосохранительной активности людей, отношении к здоровью и здравоохранению, моделях поведения в ситуации заболевания, барьерах доступности медицинской помощи, специфике национальных систем здравоохранения. Однако в социологии до сих пор отсутствуют специальные концепции, способные объяснить механизмы влияния ментальных программ, в рамках которых происходит интериоризация формальных и неформальных институциональных практик путем их субъективной интерпретации, на социальное поведение акторов в сфере здравоохранения. Еще не стала предметом междисциплинарного дискурса методология исследования осознанных и неосознанных структур ментальных программ в контексте социального поведения в сфере здравоохранения. Широкий спектр эмпирической информации в виде статистики, инициативных всероссийских и региональных социологических опросов дает лишь общее представление о социальных детерминантах повседневного поведения акторов в условиях трансформации здравоохранения. Также не выделялись различные модели (нормативные и модальные) социального поведения, доминирующие в российском здравоохранении в целом и в различных его подсистемах.

Теоретико-методологические традиции изучения социального поведения в сфере здравоохранения можно условно разделить на две группы – субъективистские и объективистские. В субъективистских концепциях педализуется роль поведения человека, которое зависит от индивидуальных характеристик (пол, возраст, образование, профессиональный статус, ресурсный потенциал). В рамках объективистской методологической проекции преимущественно рассматриваются экономические, географические, организационные, культурные и иные барьеры, определяющие степень контекстуальной доступности и качества конкретной системы здравоохранения. Впрочем, гносеологическая близорукость принадлежащих к данным подходам концепций взятых в отдельности указывает на возможный синтез идей объективистской и субъективистской социологических традиций применительно к социальному поведению в сфере здравоохранения.

В российской социологии субъективистский подход наиболее отчетливо изложен в трудах И. Б. Назаровой (теория самосохранительной активности трудящихся), Л. В. Пановой и Н. Л. Русиновой (концепция «осознаваемой» индивидом доступности медицинской помощи), Л. С. Шиловой (концепция самосохранительного поведения пациентов в условиях модернизации российской первичной медицинской помощи). Объективистский подход представлен в работах таких ученых, как И. В. Подпорина (доступность как результат распределения ресурсов на макро- и микроуровнях здравоохранения), А. В. Решетников (анализ проблем и противоречий бюджетно-страховой модели здравоохранения в России), Г. Э. Улумбекова, Ю. Т. Шарабчиев, Т. В. Дудина (рационализация и стандартизация медицинской помощи как фактор ее потребления), А. С. Акопян, Ю. В. Шиленко, Т. В. Юрьева («зоны» доступности медицинской помощи услуг в зависимости от величины спроса и цены) [1–8]. С одной стороны, актор самостоятельно конституирует доступ к профессиональным службам здравоохранения, исходя из своих представлений, ожиданий, ресурсов, опыта, ценностей и установок. С другой стороны, социальный институт здравоохранения оказывает нормирующее влияние на распределение и конфигурацию медицинских услуг как общественного блага.

Таким образом, современное социологическое видение исходит из того, что социальное поведение в сфере здравоохранения предполагает социальное действие (рефлексивное или рутинное), опосредованное нормативно-символическим пространством (культурой здоровья

общества). При этом практики социального поведения в сфере здравоохранения формируются в широком социальном контексте, т. к. корреспондируют с ожиданиями других людей (членов семьи, друзей, коллег, знакомых, медицинского персонала) и с общественным мнением, «упакованным» в культурные архетипы.

1. Назарова И.Б. *Здоровье занятого населения*. М.: МАКС Пресс, 2007.
2. Панова Л.В., Русинова Н.Л. *Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования*. 2005. № 6. С. 127–136.
3. Шилова Л.С. *Самосохранительное поведение пациентов в условиях модернизации российской первичной медицинской помощи : автореф. дис. ... канд. социол. наук*. М., 2012.
4. Подпорина И.В. *Методологические подходы к оценке результатов функционирования системы здравоохранения // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения»*. 2008. Т. 7. № 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/80/30/>.
5. Решетников А.В. *Медико-социологический мониторинг*. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013.
6. Улумбекова Г.Э. *Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года»*. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
7. Шарабчиев Ю.Т., Дудина Т.В. *Доступность и качество медицинской помощи: слагаемые успеха // Медицинские новости*. 2009. № 12. С. 6–12.
8. Акопян А.С., Шиленко Ю.В., Юрьева Т.В. *Индустрия здоровья: экономика и управление*. М.: Дрофа, 2003.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ С НИЗКОЙ ИНТЕНСИВНОСТЬЮ ЭТНОКОНТАКТНОЙ СРЕДЫ

Гаджигасанова Н.С., Леонтьева Т. А. (Ярославль)

Ценностные ориентации человека всегда являлись одним из значимых объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания. Социальные перемены в условиях современного российского общества приводят к постепенному утверждению в общественном сознании новой системы ценностных ориентаций.

В социологической теории, по мнению Т. Парсонса, ценностный консенсус является основой социального порядка, так как служит средством интеграции разрозненных индивидов, препятствует обострению конфликтов между ними.

Ценности представляют собой точку пересечения между индивидуумом и обществом, а ценностный подход в целом направлен на изучение и объяснение межкультурных вариаций. Понятие ценностной ориентации К. Клакхон определил в качестве «...отношения человека к человеку, желательного и нежелательного в межличностных отношениях...» [4, с. 215].

Анализируя ценностные ориентации, М. Мид отмечала: «...каждый член группы, ...является прекрасным примером носителя коллективных ценностей, которые ... служат в данном случае источником информации о той или иной культуре» [Цит. по: 3, с. 37].

Российский исследователь Н.И. Лапин резюмирует, что ценности представляют собой обобщенные представления людей о целях и нормах собственного поведения ... и вместе с тем концентрированно отражают сущность культуры отдельного этноса либо всего человечества [2, с. 3].

В социологическом словаре ценность трактуется в качестве компонента социальной системы, имеющей особое значение в индивидуальном либо общественном сознании [6, с. 558].

Таким образом, принципиальной чертой объектов, наделяемых ценностью, является связанность с существующей системой культуры и социальной структурой общества. Наряду с этим, ценности распределяются по степени их общественной значимости и важности в определенную иерархическую структуру, подразделяясь на ценности более или менее предпочитаемые.

Культурные ценности группового уровня (т.е. культурные ценностные ориентации) определяют способы, какими разные общества решают базовые проблемы регулирования человеческой деятельности. В авторском исследовании была использована методика измерения культурных ценностных ориентаций по Ш. Шварцу, представляющая собой специальный опросник из 57 ценностей.

Анализ характера социальных взаимодействий между отдельной личностью и группой позволил выявить: для жителей Ярославской, Вологодской, Архангельской областей ценность «*принадлежности*» (сред. знач. – 4,96; ранг – 6-й) находится на **втором месте** по важности и при этом значительно выше ценностей как «*интеллектуальной*», так и «*аффективной «автономии»*» (где среднее значение – 4,65 и 4,81 соответственно; ранг – 5 либо 6) (Таблица 1). Такие данные позиционируют: в культурах, основанных на высокой значимости ценности «*принадлежности*», люди рассматриваются как принадлежащие коллективам, т.е. подобные тенденции чаще характеризуют жителей более северных регионов (Вологодской и Архангельской областей). Смысл их жизни по большей части видится в идентификации с группой, стремлении к групповым целям. В соответствии с этим, мы можем заключить, что в представлениях жителей изученных нами трех регионов присутствует ориентация на сохранение существующего порядка, а также сохраняется стремление к избеганию действий, которые могли бы разрушить групповую солидарность.

Таблица 1

Средние показатели и ранговые значения типов ценностей на групповом уровне

(N=762; Ярославская, Архангельская и Вологодская области, 2015-2016 гг.)*

	Средние показатели			Ранговые значения		
	ОБЛАСТИ			ОБЛАСТИ		
	Яр ославская	Арха нгельская	Во логодская	Яр ославская	Арха нгельская	Во логодская
Иерарх ия	4,1	3,36	3,7	1	1	1
Мастер ство	4,9	4,63	4,7	4	2	5
Аффек тивная автономия	4,8	4,71	4,4	2	3	2
Интелл ектуальная автономия	4,9	4,76	4,7	3	4	3
Равноп равие	5,3	5,35	5,2	7	7	7
Гармо ния	5,1	4,84	4,7	6	5	4
Прина длежность	5,1	4,96	4,7	5	6	6

* Ранги от 5 по 7, присвоенные соответствующим шкалам ценностей, рассматриваются как показатель их высокой значимости в выделенной группе респондентов.

Важные ценности в районах с доминирующим русским населением – социальный порядок, уважение традиций, безопасность, долг. Значимость ценности «*автономии*» в ответах жителей регионов довольно низкая (на предпоследнем месте, где ранг равен 2 либо 3), что автор методики рекомендует трактовать в качестве особенного социального факта, т.е. люди могут рассматриваться как независимые и самостоятельные. В этой связи способность развивать и выражать свои собственные предпочтения, чувства, идеи посредством «*интеллектуальной*» (широты взглядов, творчества) либо «*аффективной*» автономии (получения удовольствия, наслаждения), а также видеть смысл в своей собственной уникальности остается крайне не популярной и не востребованной.

Шкала «*равноправие – иерархия*» позволяет фиксировать степень сформированности в обществе социально-ответственного поведения, т.е. выяснить заинтересованность людей в учёте благополучия окружающих. Согласно полученным нами данным, у жителей обозначенных регионов в разрезе всех социально-демографических групп наивысшей значимостью среди ценностей обладает равноправие (7-й ранг, средний балл 5,31). Ценность «*равноправие*» побуждает признавать моральное равенство всех людей. В связи с этим, выявленная

приверженность может быть детерминирована особенностями социализации в российской культуре, подразумевающая доминирования направленности на заботу о благе других через формирование таких ценностей, как равенство, помощь другому.

Альтернативный полюс данной шкалы – «*иерархия*», опирающаяся на иерархическую систему ролевых предписаний, обеспечивающих социально-ответственное поведение, в ответах респондентов пользуется наименьшей популярностью (данная ценность получила самую низкую ранговую позицию – единицу, средний балл 4,38). Невысокий уровень поддержки «*иерархии*» в российских регионах свидетельствует о том, что первичная социализация подрастающего поколения не ориентирует на принятие иерархического порядка. В связи с этим такие ценности, как социальная власть, авторитетность, подчинение и богатство не востребованы в общественной жизни населения изученных регионов.

Шкала «*гармония – мастерство*» отражает отношение людей, как к природному, так и к собственному социальному окружению. По результатам авторского исследования ценность «*гармонии*» преобладает над ценностью «*мастерства*», что свидетельствует о том, что население исследованных регионов с доминирующим русским населением готово к восприятию мира таким, каков он есть, пытаясь понять и оценить окружающую действительность. Зафиксированная тенденция позволяет констатировать, что в региональном контексте продолжают сохранять актуальность и быть востребованными такие ценности, как мир на земле, единство с природой и защита окружающей среды.

Таким образом, авторы зафиксировали, что полученные результаты позволяют уточнить ключевые особенности ценностных ориентаций жителей регионов с низкой интенсивностью этноконтактной среды, а также могут послужить базой для дальнейших исследований в контексте анализа деятельности и разработки цикла мероприятий различными агентами социализации (семьей, образовательными учреждениями, общественными структурами, СМИ), направленных на формирование в представлениях подрастающего поколения консолидирующей системы ценностных ориентаций.

1. Арон Р. *Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. П.С. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992.*
2. Лапин Н.И. *Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3-23.*
3. *Рефлексивные представления некоторых особенностей культуры России, Индии и США / М.М. Басимов, А.Б. Хромов и др. // Рефлексивные процессы и управление. 2005. № 1.*
4. Салахова В.Б. *К проблеме исследования ценностных ориентаций в зарубежной и отечественной литературе // Наука и современность. 2010. № 2-2. С. 213-220.*
5. Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А. Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.*
6. *Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008.*

ИСЛАМ, ЖЕНЩИНА, СЕМЬЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Галиева Г.И. (Казань)

В последние годы оживился научный интерес к религии. В Татарстане как мусульманском регионе одной из основных конфессий является ислам.

Современные вопросы изучения обращения женщин к исламу имеет богатую научную традицию, представленную в ряде зарубежных работ [5], в фокусе которых находятся проблемы социокультурной и символической роли женской мусульманской идентичности и стиля жизни мусульманских женщин. В России проблематика изучения современных женщин в исламе относительно новое направление.

Социология религии изучает ислам как социальный феномен, исследует доступное наблюдению поведение мусульман – каноны отношений между верующими, природу конфликтов между ними, мотивы религиозности, проявления религиозного сознания и т.д. [2].

Социология семьи исследует семью как социальный институт и малую социальную группу. В ней изучаются полоролевые позиции в семье, особенности статусно-ролевых отношений, структура семьи и её социальные и индивидуально-личностные функции, определяются тенденции и закономерности развития семьи.

Социология личности анализирует процесс её социализации, идентификации – полоролевой, профессиональной, социальной и т.п.

Гендерная социология фиксирует внимание на общественном звучании мужских и женских ролей в обществе. В центре изучения её мужчина и женщина и их деятельность в различных социальных сферах, включая сферы религии и семьи.

Таким образом, проблема женщины в современной мусульманской семье является комплексной и нуждается в опоре на такие подходы, как социализационный, теорию семьи, теории социологии религии, гендерный и т.п.

В данном контексте важно установить, насколько целостно или противоречиво сознание мусульман в семейной сфере, в чём оно отличается от обыденного сознания, какие установки содержит в выборе стратегий поведения мусульманок как в семье, так и в обществе в целом.

Известно, что современный ислам трактует положение женщины как равноправное с мужчиной и заявляет, что её права проистекают от рождения. Вместе с тем учёные-религиоведы, философы отмечают противоположную ситуацию, приниженность женщины по сравнению с мужчиной, её «второсортность».

Сами мусульманские женщины не видят противоречия в своём статусе домашней работницы и низкой оценкой этой роли современным обществом. Веруя в Аллаха и разделяя учение пророка Мухаммеда, они воспринимают домашнюю работу, уход за детьми и стариками как своё естественное предназначение, а профессиональную деятельность как дополнение к домашней работе, приносящее материальную выгоду и личностный рост. Современные мусульманки уповают на своё право на часть семейной собственности, понимают своё особое положение как воспитательниц своих детей и исключительное – как их родительниц. Собственную ценность они видят в одном – в вере и соблюдении канонов ислама. Однако наряду с соблюдением традиционных ценностей современные мусульманки придерживаются и светских норм, включая ценности саморазвития, досуга, релаксации, дружеского общения, образования, творчества, профессионального роста и т.п.

Между тем современное общество не рассматривает роль матери как ключевую для женщины. Будучи вовлечённой в общественное производство, современная женщина оценивается общественным мнением по тому положению, которое она достигла в общественном производстве или в политической жизни.

Роль жены, которая имеет личностное значение для мусульманки, для российского общества также не первостепенна. Женщины XXI века не только эмансипированы, но и феминизированы. Они ощущают собственную значимость, и свой статус замужней дамы воспринимают скорее, как приятное дополнение к высокому личностному статусу, чем как самостоятельное явление.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что полезные для общества традиционные идеи ислама, способные удержать женщину в рамках семьи, встречают сопротивление социальной среды, если не явное, то скрытое. Мусульманки, чей образовательный и культурный уровень высок, не могут не ощутить этого противостояния идей. Те женщины, жизнь которых проходит только в семье, вне иных социальных групп, социализируются в канонах ислама и продолжают его традиции без больших внутри- и межличностных конфликтов.

1. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания* / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с.
2. Галиева Г.И. *Современная исламская семья в России (на примере Татарстана)* // *Россия и мусульманский мир*, 2009. - №3. – С.47-57.
3. Галиуллина Г.Р., Ильдарханова Ф.А., Галиева Г.И. *Этнокультурные традиции как основа укрепления семьи (на примере Тетюшского муниципального района Республики Татарстан): монография.* – Казань: Издательство «Отечество», 2011. – 118 с.
4. Федорова Ю.Е. «Женский вопрос» в исламе: дискурс о статусе женщины в современном исламском обществе // *Философская мысль*. 2015. - № 10. - С.102-128.
5. Эдвард В. Сауд. *Ориентализм. Западные концепции Востока* / Пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 637 с.

**ЭМПИРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ
БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)
Галич Л.П. (Минск, Республика Беларусь)**

В свете особенностей постсоветского развития представляется интересным и полезным исследование влияния современных социально-экономических и политических процессов, происходящих в разных странах, на материальное благополучие, уровень и качество жизни, социальное самочувствие людей. Такую информацию можно получить путем социологических измерений. Сравнительные межстрановые исследования социального самочувствия методически строятся так, чтобы иметь возможность при соблюдении требования валидности замерить и сопоставить следующие показатели: 1) экономическое положение страны в восприятии и оценках населения по стандартной пятибалльной шкале; 2) материальное положение семьи; 3) уровень социальной адаптированности – по шкалам удовлетворенности текущей жизнью и различными ее сторонами, а также 4) уровню жизнестойкости; 5) социальный оптимизм – по шкале ожидаемых изменений жизни к лучшему в ближайшей перспективе; 6) наиболее распространенные чувства и страхи. Представим сравнительный анализ оценок по двум индикаторам – удовлетворенности жизнью в целом и удовлетворенности различными сферами жизни (ее повседневными проявлениями) населения Беларуси и России.

Универсальным, широко используемым в социологической практике показателем социального самочувствия, является *оценка удовлетворенности жизнью*. Удовлетворенность жизнью является одним из индикаторов эмотивного компонента социального самочувствия. Он отражает степень сбалансированности требований, предъявляемых индивидом или группой к условиям собственной жизнедеятельности и субъективной оценки возможностей реализации потребностей, интересов и жизненных целей, связанных с главными социальными сферами деятельности человека (труда, познания, семейной, досуговой и др. областей). Измерение жизненной удовлетворенности в качестве индикатора социального самочувствия является важной переменной в ходе изучения индивида в разных сферах его жизнедеятельности. В удовлетворенности проявляется отношение к жизни, которое зависит от субъективных (ценностные ориентации, социальные и физические особенности личности) и объективных факторов (социальные, экономические, политические, культурные процессы и условия). Жизненная удовлетворенность служит своеобразным показателем собственного социального положения (профессионального, экономического, семейного) индивида. В социологических исследованиях, ставивших целью определить природу и специфику удовлетворенности жизнью, она рассматривается как объективное состояние насыщения потребностей и/или эмоциональное восприятие этого состояния. В соответствии с этим осуществлялся поиск факторов, детерминирующих жизненную удовлетворенность. Удовлетворенность жизнью обусловлена преимущественно не реальным состоянием насыщения потребностей и объективными факторами жизнедеятельности, а часто стереотипами, ценностными представлениями, стремлениями к самоутверждению, к социальному признанию, одобрению и престижу.

Представим некоторые результаты совместного российско-белорусского исследования «Социально-политическая ситуация и повседневная жизнь людей в России и Беларуси в контексте становления Союзного государства» согласно договору с БРФФИ № Г13Р-045 от 16 апреля 2013. Оценивая то, как складывается жизнь в целом, 67,0% населения Беларуси и 75,2% населения России высказались, что удовлетворены собственной жизнью. Отрицательные ответы на данный вопрос были распространены среди 32,5% и 24,1% белорусов и россиян, соответственно. Таким образом, опрос позволил выявить, что уровень удовлетворенности жизнью у белорусов по сравнению с россиянами ниже на 5 п.п. Удовлетворенность текущей жизнью как индикатор социальной адаптированности оказалась в 2009 г. примерно одинаковой в России и Беларуси – 58,7 и 58,1 п.п. соответственно (рис. 1,2).

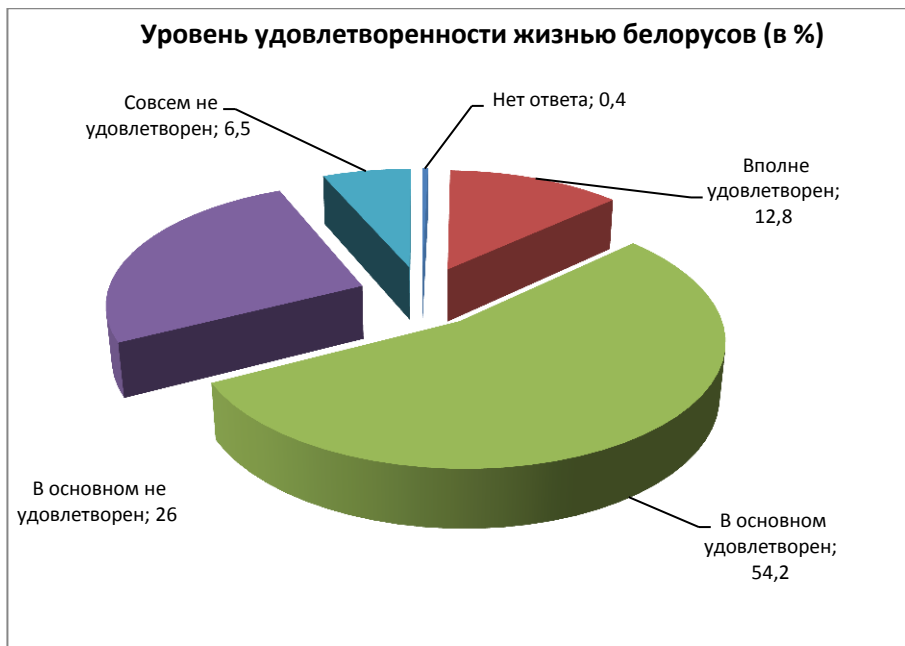

Рисунок 1 – Удовлетворенность жизнью белорусов

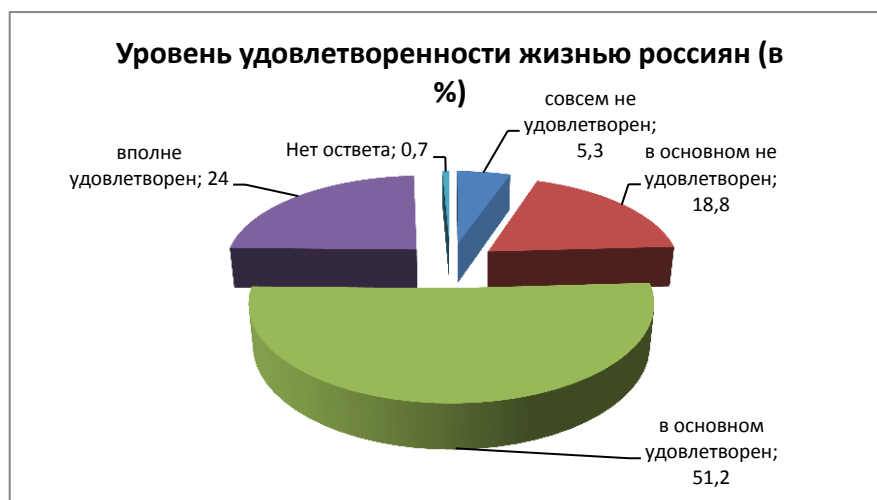

Рисунок 2 – Удовлетворенность жизнью россиян

Исследуя условия, факторы и особенности развития конкурентоспособной личности, российский социолог Л. Митина указала, что индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) является интегративным показателем системы отношений человека к жизни и общего умонастроения. Исходя из данного подхода к жизненной удовлетворенности она вывела ИЖУ через систему таких показателей, как структура отношений человека к жизни (оценка различных составляющих человеческого бытия, то есть социального и психологического комфорта человека в семейной, трудовой, досуговой и др. сферах), а также особенности его общего умонастроения. Определенные социальные условия, предоставляя людям большую или меньшую возможность удовлетворения их потребностей, создают те или иные чувства и настроения, характерные для большинства людей в обществе. Безусловно, правомерно автор полагает, что на жизненную удовлетворенность влияют в различной степени частные удовлетворенности (ЧУ - т.е. удовлетворенности разными сферами жизнедеятельности индивида), однако, позитивные оценки ЧУ не гарантируют аналогичного позитивного оценивания интегральной удовлетворенности. Именно поэтому большое значение в исследованиях жизненной удовлетворенности приобретает рассмотрение явления «общего умонастроения».

Что касается предложенной нами социологической модели социального самочувствия, то согласно ей в структуру общей (интегральной) удовлетворенности жизнью входят такие ее частные проявления, как: удовлетворенность тем, как человек

1) питается,

- 2) одевается,
- 3) отдыхает,
- 4) условиями проживания,
- 5) личной безопасностью и безопасностью своих близких,
- 6) собственными жизненными перспективами.

Опрос показал, что среди белорусов и россиян 77,4% и 88,0% респондентов, соответственно, удовлетворены тем, как они питаются; 69,9% и 79,3% - тем, как одеваются; 66,8% и 70,4% - удовлетворены своим жилищем; 42,6% и 51,4% - удовлетворены тем, как отдыхают; 76,6% и 63,0% - удовлетворены своей безопасностью и безопасностью близких; 58,1% и 57,2% - удовлетворены своими жизненными перспективами.

Таблица 1 – Удовлетворенность россиян и белорусов различными сторонами своей жизни, в % к числу опрошенных

Удовлетворены ли Вы	Россияне	Белорусы
Тем, как питаетесь	88,0	77,4
Тем, как одеваетесь	79,3	69,9
Вашим жилищем	70,4	66,8
Вашим отдыхом	51,4	42,6
Вашей личной безопасностью и безопасностью Ваших близких	63,0	76,6
Вашими жизненными перспективами	57,2	58,1
Тем, как складывается Ваша жизнь в целом	75,2	67,0

Таким образом, мнение белорусов и россиян по данному вопросу разделилось по большинству позициям – питания, одежды, отдыха и безопасности. Если первыми тремя сторонами жизни больше удовлетворены россияне, то уровень удовлетворенности безопасностью выше среди белорусов; выявлено схожее среди населения РБ и РФ отношение к собственным жизненным перспективам. Важный аспект исследуемой проблемы интеграции Беларуси и России в том, что в социальном самочувствии населения наших стран отражаются особенности восприятия социальных процессов. Оценивая то, как складывается жизнь в целом, 67,0% населения в Витебской области Беларуси и 75,2% населения в Орловской области России высказались, что удовлетворены собственной жизнью. В то же время опасения, связанные с безопасностью и будущим своих детей, свойственны для каждого четвертого белоруса и каждого второго россиянина; чувство несправедливости всего, что происходит вокруг распространено среди 18,3% белорусов и 50,6% россиян; страх за будущее своей страны испытывают каждый шестой житель нашей страны и 40,2% России; беззащитность перед произволом чиновников, работников правоохранительных органов и тесно связанных с ними предпринимателей отметили у себя 14,8% белорусов и каждый третий россиянин; уверенности в завтрашнем дне – 12,2% граждан РБ и 19,6% граждан РФ; чувство стыда за нынешнее состояние нашей страны присутствует у 12,3% белорусов и 47,0% россиян.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Галкина Е.П., Кадничанская М. И. (Ульяновск)

Семья является одним из фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении и, говоря о развитии семьи, подразумеваем развитие общества в целом. Состояние семьи является одновременно как следствием, так и причиной целого ряда процессов, происходящих в современном обществе. Она не просто испытывает на себе мощное влияние всех действующих факторов социальной динамики, но во многом и сама эти факторы определяет и воспроизводит [1].

На сегодняшний день положение семьи в Российской Федерации зависит от её состава, количества в ней детей, наличия собственного жилья, материальной обеспеченности, и многих других факторов, влияющих на жизнедеятельность.

В настоящий момент основная деятельность демографической политики государства должна быть направлена на:

- Обеспечение доступной и качественной медицинской помощи;
- Предоставление социальной помощи матерям и детям;
- Проведение технической модернизации детских поликлиник и больниц;
- Обеспечение эффективной поддержки молодых семей;
- Введение дополнительных преференций для многодетных семей;
- Обеспечение наличия свободных мест в детских садах.

Особенностями демографической ситуации в Ульяновской области являются: высокие темпы сокращения населения, за счет естественной убыли, несмотря на рост рождаемости; достаточно высокий уровень материнской смертности; высокая миграция.

По состоянию на январь 2015 года в Ульяновской области проживали 154724 семьи, в которых воспитываются 219787 детей. Наблюдается устойчивая тенденция роста численности многодетных семей: с 7088 (4,5%) в 2013 году до 8133 (5,3%) в 2014 году.

В регионе отмечается высокий уровень младенческой смертности: показатель младенческой смертности в 2015 году составил 6,5 на 1000 родившихся, что ниже на 19,8%, по сравнению с 2014 годом (8,1 на 1000 родившихся живыми), что соответствует показателю по РФ (6,5) и выше показателя по ПФО (6,1) [2].

По итогам мониторинга социально-экономического положения семей Ульяновской области выявлено, что материальное благополучие семей напрямую зависит от количества в них детей. Примерно половина семей с двумя детьми и более 80% семей с тремя и более детьми имеют среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, то есть находятся в трудной жизненной ситуации. Одна треть всех родившихся детей - это дети из малообеспеченных семей.

Принятые правительством Ульяновской области меры по управлению демографическими процессами привели к положительным результатам. Однако рост значений отдельных характеристик демографических процессов Ульяновской области не соответствует уровню среднероссийских.

В целях оказания дополнительной финансовой помощи нуждающимся в поддержке, молодым семьям, в соответствии с Законом Ульяновской области от 05.02.2008 № 24-ЗО «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» семьям при рождении второго ребёнка и (или) последующих детей предусмотрено предоставление государственных сертификатов на именной капитал «Семья». Так же в Ульяновской области реализуется подпрограмма «Обеспечение жильём молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище», утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2010 № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011-2015 годы», основной целью которой является предоставление государственной поддержки в решении жилищной проблемы молодым семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий. Недостаточный уровень материальной обеспеченности оказывает наибольшую дестабилизацию в молодой семье, безработица или неполная занятость молодежи составляет серьезное препятствие для начала стабильной семейной жизни. Репродуктивное поведение, считают важнейшим показателем в молодой семье, отсюда возникают проблемы рождаемости, прежде всего, с материальными и социальными возможностями, а также с традиционными нормативными установкам.

Анализ материалов социологического исследования: «Оценка населением Ульяновской области основных направлений демографической политики, 2014 г.» показал, что респонденты хорошо осведомлены о мерах, предпринимаемых Российским Правительством и Правительства области для стимулирования рождаемости. Наиболее эффективной мерой считается введение базового материнского капитала. А также государственная поддержка молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; сохранение для работающих женщин 40% заработка во время отпуска по беременности, родам и уходу за ребенком до полутора лет; увеличение стоимости родовых сертификатов и развитие дошкольного образования в регионе.

Одной из главных задач в совершенствовании планирования управления демографическими процессами должны стать изучение репродуктивного поведения отдельных возрастных и социально-экономических групп. Необходим более глубокий анализ проблем многодетных и прочих семей. Для этого необходимо проводить дополнительные исследования по

вопросу выявления тех мотиваций, которые подтолкнули к рождению детей многодетные семьи, и попытаться перенести эти мотивы на семьи не являющиеся многодетными. Также с помощью СМИ необходимо повысить общественный престиж многодетной семьи. Необходимо сделать так, чтобы мать и отец с тремя и более детьми вызвали у окружающих не удивление, а уважение, чтобы семья с тремя детьми стала символом высокого социального статуса. Необходимо продумать действия, направленные на развитие и популяризацию идеи многодетности, прежде всего, отражая это в реальной продукции, в газетах, на радио, на телевидении, в интернете.

Социальная политика в отношении многодетных семей будет эффективной при условии вложения инвестиций в человеческий капитал настоящих и будущих поколений. При сегодняшней незначительной доле многодетных семей совокупные затраты на реализацию даже очень серьезных мер поддержки несущественны, но при этом происходит мощное идеологическое воздействие на сознание населения. Семья с тремя детьми должна стать базовым типом семьи, получить режим наибольшего благоприятствования со стороны государства как самая привлекательная в социальном и нравственном смысле форма семьи [3].

Таким образом, общим недостатком проводимой на региональном уровне демографической политики является неправильно установленные ожидаемые показатели, что в дальнейшем может негативно повлиять на реализацию этой политики в целом.

1. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов. / Е.П.Галкина, М.И.Кадничанская // Вестник Омского университета. Серия Экономика. - 2015г. - №3. - С. 193-201.

2. Отчет губернатора Ульяновской области о результатах деятельности Правительства Ульяновской области в 2015 году. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zsuo.ru/deyatelnost/analiticheskie-materialy/9193-otchjot-gubernatora-o-deyatelnosti-pravitelstva-ulyanovskoj-oblasti-za-2015-god.html> (дата обращения: 27.05.2016).

3 Администрация города Ульяновска. [Электронный ресурс] URL: <http://ulmeria.ru/de/node/49370> (дата обращения: 26.05.2016).

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ВЛИЯНИЯ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ САМОРЕАЛИЗАЦИЮ

Галкина М.М. (Москва)

В данной статье на основе данных всероссийского исследования «Сельская жизнь», проведенного в августе 2015 года в рамках гранта Российского научного фонда «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия и реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010 гг.)» проект № 14-18-02016, приводится характеристика материальной составляющей жизненного мира сельской интеллигенции. Проводится анализ влияния уровня материального благосостояния и проблем, возникающих в трудовой сфере, на профессиональную самореализацию представителей анализируемой группы.

In this article, based on nationwide research «Rural life» data, conducted in august 2015, characterized the material component of the life-world of the rural intelligentsia. Analyzes the impact of the level of material well-being and problems in employment for professional self-realization of the representatives of the analyzed group.

На сегодняшний день мы сталкиваемся с ситуацией, когда признание значимости труда происходит зачастую не через оценку роли, которую представители той или иной профессиональной группы играют в жизни общества, а через оценивание уровня их материального благосостояния, престижности сфер профессиональной занятости, которая также напрямую связывается с уровнем оплаты труда и материальным положением. Подобная ситуация характерна и для социально-профессиональной группы сельской интеллигенции. Проблема материального благополучия, трудности, возникающие в трудовой сфере, играют важную роль в жизненном мире сельской интеллигенции, выступая серьезным препятствием на пути их профессиональной самореализации.

На основе данных исследования «Сельская жизнь», проведенного в августе 2015 года в рамках гранта Российского научного фонда «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия и реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010 гг.)» проект № 14-18-02016, по состоянию на 2015 год материальное положение сельской интеллигенции находится на низком уровне. 44,3% приходится экономить, а основные траты приходятся на товары первой необходимости – еду и одежду. 11,4% еле сводят концы с концами, а 0,7% живут в нищете. По уровню благосостояния представители сельской интеллигенции находятся в немного

лучшем положении, чем остальные сельчане. Так, среднемесячный доход на одного члена семьи в рядах сельской интеллигенции составляет 13532,3 рублей, что выше, чем в других профессиональных группах сельчан (11415,2 рублей) и в целом по селу (11756,0 рублей). Среди представителей сельской интеллигенции мы можем наблюдать, что процент тех, кто может позволить себе покупку холодильника, автомобиля практически в два раза больше, чем среди остальных сельчан (40,7% в группе интеллигенции, 21,8% в группе сельчан) однако, крупные расходы (квартира, дом) практически никто себе позволить не может, как в группе интеллигенции, так и среди остальных социально - профессиональных групп (2,9% и 1,1% соответственно) [1].

Основным источником доходов представителей интеллигенции на селе является заработная плата (87,8%). Такие источники доходов, как проценты от сбережений и акций (4,2%), сдача жилья в аренду (3,5%) фактически не распространены среди сельской интеллигенции. В основном представители анализируемой группы живут за счет зарплаты и продуктов питания, которыми обеспечивают себя самостоятельно за счет дачи, огорода, подсобного хозяйства (52,9%) [1].

Примерно треть представителей сельской интеллигенции при этом в принципе не имеют личного хозяйства. Среди тех, у кого имеется личное хозяйство и/или земельный пай, продукция, получаемая за счет собственных участков и с земельного пая, используется большинством только для личного пользования, для удовлетворения собственных нужд (50%). Только 5% продают большую часть получаемой продукции, 1,4% говорят о том, что половину продают, а половину оставляют себе, 16,4% используют получаемую продукцию в основном для семьи и немного для продажи. 7,5% из тех, кто имеет земельный пай используют его для сдачи в аренду сельскохозяйственным предприятиям, фермерам, частным лицам [1].

64,7% сельской интеллигенции отмечают, что не могли бы прожить только за счет личного хозяйства. Ведение собственного хозяйства не расценивается как основной источник доходов в семье, а воспринимается только как источник дополнительной продукции для личного пользования и в ряде случаев для получения дополнительных доходов [1].

В связи тем, что основным источником дохода для большинства, как мы видим, является прежде всего, заработная плата, большое значение в рядах сельской интеллигенции имеет проблема оплаты труда. Низкие заработки вынуждают их искать дополнительные ресурсы жизнеобеспечения. 14,2% отмечают, что занимаются подработкой и совместительством [1]. В свою очередь, отсутствие уверенности в собственной стабильности, необходимость дополнительной занятости, заостряет внимание представителей анализируемой группы на собственной незащищенности, выводит на первое место необходимость обеспечения себя, улучшения своего материального благосостояния, отодвигая потребность в профессиональной самореализации на второй план.

Острую актуальность приобретает также отсутствие работы как таковой в сельской местности и невозможность реализовать себя в работе по профессии. Сельские жители находятся в условиях ограниченного выбора, когда возможность найти работу в соответствии с полученным образованием и квалификацией минимальная. Учитывая тенденцию сокращения государственных учреждений, культуры, образования, здравоохранения, можно предположить, что ситуация в дальнейшем будет только ухудшаться. Так, например, в сельской местности, за 5 лет в срок с 2009-ого г. по 2014-й г. закрылось практически 6 тыс. библиотек. В 2009-м г. численность библиотечных учреждений в селах составляла 36,2 тыс., к 2014-му г. эта цифра сократилась до 30,6 тыс. Число учреждений культурно-досугового типа в сельской местности в этот же период сократилось с 41,8 тыс. до 36,9 тыс. [2].

Таким образом, трудности обеспечения достойного уровня благосостояния, низкий уровень заработной платы, сложности трудоустройства и отсутствие возможностей для развития в профессии порождают обеспокоенность в рядах представителей сельской интеллигенции собственным положением, ориентируют их на поиски дополнительного заработка, позволяющего удовлетворять собственные нужды и обеспечивать семью. Приоритетными становятся проблемы, связанные, прежде всего, с условиями жизни и бытовой сферой. Это создает негативный фон для профессиональной самореализации сельской интеллигенции, акцентируя их внимание на проблемах собственного благополучия, снижая потенциал для развития и становления в профессии и выполнения некоего специфического предназначения в жизни общества.

1. *Всероссийское исследование «Сельская жизнь». Опрос, проведенный в августе 2015 года во всех 9 федеральных округах и 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, охвативший по всероссийской выборке 1000 человек. Представители*

гуманитарной интеллигенции среди опрошенных составили 120 человек. Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия и реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010 гг.)» проект № 14-18-02016

2. Учреждения культуры / Социальное положение и уровень жизни населения России // Федеральная служба государственной статистики. 2015. С. 257. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/soc-pol.pdf (Дата обращения: 03.10.2016).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ИНТЕРЕСЫ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Гара В.В. (Минск, Республика Беларусь)

Особое значение имеет вопрос о соотношении различных потребностей общества между собой, о степени их насущности, об их измерении и соизмерении. В условиях современного общества, круг потребностей существенно расширяется. Можно сказать, что эти потребности, в большей мере, связаны с социальными функциями человека, а не с удовлетворением его физиологических нужд. Они столь же необходимы для современного человека, как и продукты питания.

Потребности, являясь сложным социальным феноменом, фокусируют как объективные, так и субъективные моменты. Вновь возникшие потребности, в условиях достаточно высокого жизненного уровня общества, быстро становятся предметом массового спроса, они как бы проникают в прежде сложившиеся и подвергают их своему воздействию. Это воздействие настолько сильное, что оказывает влияние на структуру стимулов деятельности современного человека. Но всегда необходимо помнить, что существует различие между реальным потреблением и потребностями, и здесь не может быть полного совпадения [1].

Стимулы поведения человека формируются под влиянием выполняемых им социальных функций, а так же под воздействием всего образа жизни, его включенности в общественную жизнь. Степень включенности человека в общественную жизнь во многом зависит от его отношения к действительности. Он способен действовать под влиянием материальных потребностей и самых элементарных нужд, но он же способен и противодействовать их влиянию, руководствуясь более высокими, духовными потребностями, вытекающими из существа данного человека и подкрепленными его волей и характером. [2].

Проявляется сила потребностей тем полнее, чем четче она выражена в интересах, которые выступают в качестве более непосредственной причины социальных действий, и направлены на определенный предмет. Возможно, полное понимание социального действия лишь в том случае, когда выяснены интересы, породившие это действие.

В силу того, что интересы тесно связаны с распределительными отношениями в обществе, будучи направлены либо на изменение, либо на закрепление существующих распределительных отношений, более значимы, с точки зрения обеспечения реальных условий жизни. Они включают в себя момент непринятия тех условий, которые воспринимаются как недостойные, неадекватные и т.д.

Интересы, отражая сложившиеся в обществе отношения неравенства, вызывают постоянное сопоставление одной социальной группы с другой, то есть являются той силой, вокруг которой происходит формирование социальной структуры общества. Соответственно, они лежат в основе деятельности общества, и влияют на всю систему ценностей общества.

Главной характеристикой ценности, является значение и смысл, которые придаются материальным и духовным благам. Значение и смысл придаются тем или иным объектам сообразно интересам социальной группы, то есть интересы выражаются через определенные формы символизации, которые действуют уже в качестве непосредственных побудителей деятельности, в качестве мотивов [3].

Не смотря на то, что интересы правят обществом, лежат в основе человеческих действий, поступков, мыслей, их содержание не сводится к непосредственной выгоде. Саму психологию своекорыстия необходимо понимать с учетом сущности человека, которая в своей действительности является совокупностью всех общественных отношений. Общественные отношения, так или иначе, преломляются в интересах человека, через интересы устанавливается связь между ним и миром социальных отношений [4].

В любом обществе, на основе развертывания его внутренних противоречий, складывается определенная иерархия общественных интересов, которая оказывает существенное влияние на жизнедеятельность общества в целом, соотношение общих и частных интересов. И частные, и

общие интересы представляют собой различные стороны социальной действительности. И те, и другие существуют реально, они вовлекают в сферу своего действия определенные социальные группы, с ними связаны определенные общественные потребности [5].

Ни один общий интерес не действует вне жизненных интересов конкретных индивидов, которые воспринимают этот интерес как собственный. Если связь между общими интересами дела и жизненными интересами прерывается, то это означает, что сам общественный интерес, в конкретном его виде, перестает отвечать общественным потребностям.

Проявляет себя общественный интерес, через совокупность индивидуальных стремлений, но любой индивидуальный интерес, стремится обрести признанную обществом форму. Охватывает, общий интерес, не сразу, не одновременно и не в одинаковой мере всех членов общности, объединение интересов является длительным и сложным процессом. Общественный интерес выступает, по отношению к личным интересам, как определенная линия возможного поведения, которую человек может воспринимать, а может и не воспринимать, может воспринимать полностью или частично. Соответственно, выдвижение каких-либо целей без учета частных интересов является нереалистичным [6].

Таким образом, расширение круга потребностей, связано с выполняемыми современным человеком социальными функциями, которые влияют на формирование стимулов его поведения, и в целом на весь образ жизни, который в свою очередь обусловлен как степенью включенности в общественную жизнь, так и отношением современного человека к действительности. Сила возникающих социальных потребностей возрастает, в случаи выражения их в интересах, являющихся более непосредственной причиной социального действия. Интересы, отражая отношения неравенства в обществе, формируют социальную структуру общества и лежат в основе деятельности общества, но, не смотря на это, нельзя говорить лишь о некоей выгоде. Так как они устанавливают связь между человеком и социальными отношениями. Сформированная в современном обществе иерархия интересов, оказывает влияние на соотношение общих и частных интересов, которые представляют собой различные стороны социальной действительности. Ни один общий интерес не действует вне интересов конкретных индивидов, и проявляется через совокупность индивидуальных стремлений, охватывая при этом не одинаково и ни в одинаковой мере всех членов общности. При этом являясь по отношению к личным интересам некоей линией возможного поведения, что в конечном счете, делает более сложными общественные отношения, которые интегрируют все индивидуальные и коллективные стремления. На их основе создается тенденция общественного развития не зависящая от намерений действующих лиц.

1. Бережной, Н.М. *Человек и его потребности* / Н.М. Бережной – М., 2000. – 84 с.
2. Ромашов, О.В. *Социология труда : учеб. пособие для студентов вузов* / О. В. Ромашов. – Москва : Гардарики, 1999. – 317 с.
3. Алиев, Б.Ж. *Ценности, интересы и мотивация в профессиональной деятельности* / Б.Ж. Алиев // *Российское предпринимательство*. – 2005. – Вып. 11. – С. 65-71.
4. Лобачева, Е.Н. *Экономическая теория* / Е.Н. Лобачева – Изд. 3-е. – перераб. и доп. – М., 2012. – 516 с.
5. Козер, Л.А. *Функции социального конфликта* / Пер. с англ. О.А.Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. – 205 с.
6. Гончарова, А.Н. *Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества: Моногр.* / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2001. – 160 с.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Гафиятуллина К.Р. (Екатеринбург)

С точки зрения социологии религия – социокультурная подсистема общества, ценностно-нормативным стержнем которой является категория «сакральное» (священное), а структурными элементами – религиозное сознание, деятельность, отношения и организации.[1, с.276] В социологическом знании религия трактуется как система ценностей, верований и специфических практик, обуславливающих не только собственно религиозное поведение людей, но и в значительной мере влияющих на светские социальные практики. Причем последний аспект, как свидетельствуют результаты эмпирических исследований, для наших современников, и, прежде всего, молодежи, оказывается наиболее выраженным в сравнении с первым. Иными словами, воспринимаемые молодежью из разных источников религиозные идеи, ценности и формы

специальных культовых действий имеют результатом не воцерковление, активное включение в деятельность религиозных организаций, а проявляются в своего рода косвенном воздействии на систему ценностных ориентаций молодежных подгрупп, выбор жизненных приоритетов и ориентиров, гармонизации отношений с окружающим динамичным, сложным, недостаточно духовным внешним миром.

Еще одним важнейшим понятием в социологии религии является религиозность. Существует несколько подходов в определении данного понятия. Среди оригинальных позиций внимания заслуживает подход С.Д. Лебедева, по мнению которого религиозность современного человека есть результирующая взаимодействия секуляризованной светской культуры, изначально определяющей его жизненный мир, и конфессиональной религиозной культуры, помещаемой им в центр своего жизненного мира и трансформирующей его. Таким образом, С.Лебедев в качестве достаточных критериев религиозности выделяет наличие в сознании человека (группы) следующих трех признаков: 1) терминального характера ценности религиозной веры; 2) положительной самоидентификации субъекта в отношении религии; 3) положительной самоидентификации субъекта в отношении какой-либо конкретной конфессии [3]. Но нужно также обратить внимание на то, что уровень религиозности замерить довольно сложно, поэтому поведенческий подход и оказался для современных социологов более предпочтительным. С точки зрения отечественного классика социологии религии И.Н. Яблокова «религиозность – социальное качество индивида или группы, выражающееся в совокупности их религиозных свойств (признаков)» [1, с.295]. Р.А. Лопаткин религиозность определяет через совокупность следующих компонентов:

- эмоциональный (религиозные чувства и переживания и др.);
- деятельностный или поведенческий (религиозное поведение, культовые практики и т.д.);
- интеллектуальный (религиозные идеи, нормы, мифы, святописания и т.д.). [4, с.336]

Представленные точки зрения, а также позиции Д.М. Угриновича, Ж.Т. Тощенко, Н.П. Алексева свидетельствуют о том, что религиозность определяется через религиозное поведение, культовые практики. Дальнейшее уточнение сущностных характеристик феномена религиозности предполагает выявление специфических черт религиозного сознания, религиозных институтов и религиозных действий.

Именно поведение, на наш взгляд, является отражением религиозности, приверженности к той или иной конфессии. Нами была предпринята попытка определить религиозность и религиозное поведение студенческой молодежи. Методом анкетного опроса в 2016г. был опрошен 731 студент обучающийся в вузе на очной форме обучения в городах Екатеринбург, Сургут, Тюмень. Данные, полученные в результате исследования, свидетельствуют о том, что большинство студентов либо вообще не бывают в храме, мечети, либо посещают его очень редко, причем, если можно так выразиться, совсем не с религиозными целями. Храм, мечеть, молельный дом и др. посещают один раз в два или в три месяца 14,5% от общего числа опрошенных студентов в г. Екатеринбурге; 10,3% - в Тюмени и 12,5% - в Сургуте, 28,6% студентов Екатеринбурга посещают один раз в год и реже (22,8% и 27,6% в Тюмени и Сургуте соответственно), и 28,1% не посещают вообще (38,6% - в Тюмени, 25% - в Сургуте). Анализ полученных данных позволил выявить основные причины, поводы, мероприятия, по которым студенты ходят в храмы, мечети, молельные дома и др. Информация об этом представлена в таблице 1. (Предоставлена по электронной почте) Приведенные данные свидетельствуют о том, что храмы, мечети, молельные дома и др. посещают во время «больших» религиозных праздников в среднем (по городам) 19% опрошенных; еще одной причиной является необходимость совершения религиозных обрядов, связанных с созданием семьи, рождением детей и похоронами (19%). Для современной студенческой молодежи достаточно модным стало венчание в церкви, но относятся к нему не как к религиозному, культовому действию, а скорее как к продолжению свадебных и брачных церемоний. Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что для молодых людей храм, мечеть, молельный дом и др. являются каким-то отдельно существующим миром, отошедшим от мирских проблем, сложностей, миром спокойствия. Именно этим и объясняется такой высокий процент студентов, которые храм воспринимают как место, где можно отвлечься от суеты (в г. Екатеринбурге – 23,7% опрошенных; в Тюмени – 15,2% опрошенных; в Сургуте – 17,1% опрошенных). Интересным является и тот факт, что студенты, которые редко, нерегулярно посещают храм изъявляют готовность и желание помолиться в тяжелой жизненной ситуации или же в преддверии важных религиозных праздников.

Что же касается совершением обрядовых процедур, то это в большей степени свидетельствует всего лишь о возрождении традиции. Примерно та же тенденция имеет место и при анализе частоты посещения различных религиозных мероприятий, организованных религиозными объединениями, всего лишь 5,8% опрошенных студентов г. Екатеринбурга, 6,9% студентов г. Тюмень, гораздо больший процент участия встречается среди молодежи г. Сургут (18,4%). Реже всего молодые люди посещают культовые мероприятия. Не более 30% респондентов в каждом из городов посещают подобные мероприятия от случая к случаю и более 70% не посещают их вообще. Гораздо чаще молодые люди участвуют в благотворительных мероприятиях (45,2% - Екатеринбург, 35,9% - Тюмень, 52% - Сургут). Если говорить об эмоциональной составляющей участия в религиозных мероприятиях, то для половины опрошенных студентов в каждом из городов они приносят умиротворение, более чем для 30% студентов дает гармонию с окружающим миром и самим собой.

Если соотносить данное поведение с типами религиозности по И.Н. Яблокову, то наиболее подходящей характеристикой будет такая: идентифицирующие себя с определенной конфессией, при этом религиозная ориентация подчинена нерелигиозным мотивам. Студенты, заявляющие о своей вере в Бога, не обладают при этом сформированным религиозным сознанием, о конфессиональных идеях и нормах имеют очень смутное представление. Культовые действия совершают редко и нерегулярно, мотивы участия в религиозном культе, как правило, нерелигиозные. Специальных позиций и ролей в религиозной группе эти верующие не имеют. Среди мотивов к социальной деятельности конфессиональные практически отсутствуют.

Религиозной студенческую молодежь можно назвать лишь условно, она практически не посещает храмы, не соблюдает необходимые отряды и таинства, но при этом причисляет себя к верующим. И соответственно уровень религиозности у этой подгруппы молодежи вряд ли будет высоким, но его определение требует проведения специальных исследований.

1. *Введение в общее религиоведение / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 2001.*
2. *Колякина Е.А. Определение сущности понятия «религиозность» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2007. №3. Том 13. С. 51-55.*
3. *Лебедев С.Д. Религиозность: что считать критерием? [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.religare.ru/2_35080.html (дата обращения: 30.01.2016г.)*
4. *Лопаткин Р.А. Религиозность // Социологическая энциклопедия. В 2т. / Гл. ред. В.Н. Иванов. Т.2. М.:2003.*
5. *Тоценко Ж. Т. Социология. Общий курс. – М., 1998.*
6. *Угринович Д. М. Введение в религиоведение: 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1985.*

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЛАКАТОВ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКЦИЙ 2012-2015 ГОДОВ): ВИЗУАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ КАК ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Герасимова М.М. (Санкт-Петербург)

Работа посвящена исследованию плакатов, использованных в политических акциях в России в 2012-2015 гг. Плакат, рассмотренный в качестве визуального высказывания, представляет содержательную базу лингвистического и экстралингвистического потенциала сообщения для создания предположений о прагматике участника политической акции.

Для достижения цели эмпирического исследования представляется важным рассмотреть характерные особенности плаката как единства визуального и вербального сообщений, а в продолжение анализа выявить закономерности в использовании лингвистических и экстралингвистических приёмов в плакате и изучить различия правил языковой деятельности в условиях тематически различающихся политических акций определенного временного промежутка и локации.

Результатом работы является дискурс-аналитическая структура, позволяющая проанализировать характерные особенности стратегии составления коммуникативного сообщения данного типа. Объединяя в себе принципы фрейм-анализа М.Минского и критического дискурс-анализа Т.А. ван Дейка, предложенный метод выявляет закономерности в использовании языковых приёмов в визуальном политическом сообщении, при помощи которых дискурсы, конкурирующие за власть в пространстве массовой политической акции, утверждают свои

значения и транслируют ценностные установки отдельных групп участников. Выводы, полученные в рамках проведенного анализа эмпирического материала, предоставляют информацию о социальном портрете выступающих, о развитии феномена массовых выступлений как политического процесса. Одним из результатов работы является определение возможностей метода дискурс-анализа для социологических исследований на примере изучения плакатов политических акций современной России.

1. Ван Дейк Т.А. / Введение: Дискурс и доминирование / СДА. Т. 1. 2009, с. 7-30.
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. Санкт-Петербург: Питер, 2007.
3. Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 350 с.
4. Корниенко А.В. Дискурсный анализ. Учебное пособие. Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2008.
5. Латур Б. Коперниковский переворот в политической теории. Перевод А.Кузнецова. Социология власти № 6-7, 2012. с. 235-254.
6. Минский М.Л. Фреймы для представления знаний. Москва: Мир, 1979.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНВАЛИДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Герашенко Л.И., Рочева Я. С. (Санкт-Петербург)

В 2014 году отделом мониторинга, соблюдения прав инвалидов, медико-социальной экспертизы и реабилитации ФГБУ «Санкт-Петербургский научно-практический центр медико-социальной экспертизы, протезирования и реабилитации инвалидов им. Г.А. Альбрехта» в Санкт-Петербурге было проведено социологическое исследование, направленное на изучение мнения инвалидов о соответствии условий их жизни принципам и нормам Конвенции о правах инвалидов. В качестве основных критериев, характеризующих социально-экономическое положение данной социальной группы, были выделены: материальная обеспеченность, жилищные условия, трудоустройство. В анкетировании приняли участие 1000 лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Выборочную совокупность попали люди преимущественно трудоспособного возраста. Лица в возрастной категории 18-29 лет составили 22,1% от общего числа опрошенных, 30-55 (мужчины до 60) лет – 28,5%, в пенсионном возрасте (55-60 лет и старше) – 37,6%. Дети до 18 лет среди участников опроса представлены 11,8%. Распределение респондентов по виду основного нарушения организма выглядит следующим образом: инвалиды по слуху – 13,1%, по зрению – 21,1%, с нарушением опорно-двигательного аппарата – 18,1 %, по неврологическим нарушениям, нарушениям психического здоровья – 22,4% и по общему заболеванию – 25,3 %.

29,2% участников опроса проживают в малодетных семьях, более четверти (26,1%) – это одинокие пенсионеры, каждый пятый (20,7%) – с супругом (супругой), а 16,9% – с иными родственниками или опекунами. Доля инвалидов в многодетных семьях невелика. На данный состав семьи указали лишь 7,1% опрошенных.

Одним из основных критериев, описывающих социально-экономическое положение инвалидов, является характеристика их жилищных условий. Согласно полученным результатам, почти две трети опрошенных (62,5%) имеют собственную квартиру или частный дом, каждый пятый (20,6%) – социальное жилье, в коммунальных квартирах проживает практически каждый десятый инвалид (11,0%), по разным причинам не имеют жилья 4,8 % опрошенных, затруднились с ответом 1,2% респондентов.

О потребности в улучшении жилищных условий заявили немногим менее половины (45,6%) анкетированных. Из них в очереди на получение жилья стоят 15,9% инвалидов, планируется покупка лучшего жилья 9,4% участниками опроса. Но 75,2% респондентов из нуждающихся в лучшем жилье указали на то, что не имеют никаких перспектив улучшения своих условий.

В трудовой сфере занято 43,5% опрошенных. К безработным отнесли себя 12,5%, при этом только 4,3% стоят на учете в службе занятости. 39,4% не работают, получают пенсию по возрасту или за выслугу лет. 5,7% ответивших на данный вопрос находятся на иждивении родственников. Необходимо отметить, что далеко не все инвалиды – участники опроса – смогли дать ответ на вопрос о трудовой рекомендации МСЭК. На это указали менее половины (46,1) анкетированных. Из них 65,7% отметили в качестве рекомендации «труд с ограничениями (работа в специальных условиях)», а 5,1% – «труд на дому». Рекомендации 1-2 класс труда получили 4,6%, 3 класс труда

– 1,4%, на нетрудоспособность указали около четверти (23,2%) респондентов, имеющих рекомендации МСЭК.

Из тех инвалидов, кто трудится, 67,8% работают на предприятии (в организации) на постоянной основе. У 14,7% респондентов работа носит временный характер. 12,0% из всех занятых общественным трудом работают на дому, а 5,5% - имеют собственное дело.

Вполне естественно, что среди осуществляющих трудовую деятельность респондентов, значительное большинство составляют лица трудоспособного возраста. Более всего работающих среди лиц, имеющих общее среднее (неполное и полное) образование (соответственно 62% и 45,4%). Инвалиды со средним специальным и высшим образованием работают реже. В каждой из указанных групп респондентов их немногим более трети (соответственно 36% и 38,4%). Среди респондентов с начальным образованием трудится четверть (25,0%) опрошенных.

Работающие участники опроса отметили несоблюдение их прав в сфере труда и занятости. Чаще всего это было связано с реализацией прав на равные условия при приеме на работу и на равные условия в оплате труда. В первом случае на нарушение в той или иной степени (позиции «иногда» и «часто») указали более трети респондентов (соответственно 25,3% и 14,5%); немногим менее во втором случае – 26,6% («иногда») и 10,4% («часто»). Происходят нарушения и в реализации таких прав как: доступ к профессиональному и непрерывному обучению («иногда» – 27,0%; «часто» – 5,0%); к программам профессиональной ориентации, службам трудоустройства (22,0% и 2,5% соответственно); право на безопасные и здоровые условия труда (22,4% и 8,3%). Почти четверть инвалидов отмечают, что они сталкивались с нарушениями при увольнении с работы («иногда» – 17,0%, «часто» – 7,1%).

В ходе исследования анкетированным было предложено оценить свое материальное положение. Чаще всего (39,5%) респонденты отмечали позицию «денег хватает на продукты и одежду. Покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и др.), поездки в дальнее зарубежье, отпуск затруднительны». Немногим менее доля тех (36,1%), кто указал, что им «на продукты денег хватает, но на всем другом приходится экономить». Позицию «С трудом сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты» отметили 8,4% информантов. Более позитивно оценивает свое материальное положение всего 12,1% опрошенных. При этом, каждый десятый (10,3%) указал, что живет в достатке, но не может себе позволить достаточно дорогостоящие вещи, 1,1% инвалидов может позволить себе взять в кредит дорогостоящие вещи (квартиру, дом, дачу) и 0,7% – приобретать достаточно дорогостоящие вещи без кредита. Затруднились с оценкой своего материального положения 3,9% респондентов.

Результаты сопоставления данных ответов с занятостью участников опроса еще раз показали, что наличие работы является весомым показателем при характеристике социально-экономического положения инвалидов. Среди тех, кто трудится, практически две трети респондентов отмечают «средние» позиции в приведенной шкале. Так, на суждения «Денег хватает на продукты и одежду. Покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и др.), поездки в дальнее зарубежье, отпуск затруднительны» и «Живем в достатке, но не можем себе позволить достаточно дорогостоящие вещи (квартиру, дачу, дом), в кредит» отметили соответственно 50,5% и 12,0% работающих инвалидов. Среди неработающих на эти же позиции указали 30,0% и 9,6% респондентов. В более позитивных оценках материального положения существенных различий в ответах у работающих и неработающих инвалидов не отмечалось.

В рамках проведенного исследования его участникам было предложено оценить по пятибалльной шкале соблюдение в Российской Федерации прав инвалидов. Были выделены следующие группы прав: базовые (право на жизнь, личную свободу, свободу слова и т.д.), политические (право выбирать и быть избранным, участвовать в политической жизни страны и местного сообщества), социально-экономические (право на труд, достаточный уровень жизни, социальную защиту), культурные (право на признание и поддержку особой культурной и языковой самобытности инвалидов, включая жестовые языки и культуру глухих, а также этнической культуры), экологические (право на благоприятную окружающую среду).

Оценка реализации социально-экономических прав с суммарным баллом в средних значениях в 3,1 заняла самую низшую позицию. Наивысший суммарный балл (3,9) получили базовые права. Далее, по нисходящей, идут политические и культурные (по 3,6 баллов) и экологические (3,2) права.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОЛГОГРАДА)

Герберг Т.А. (Волгоград)

Среди форм социальной активности молодежи, направленных на реализацию социально значимых интересов, важное место занимает социально-политическая активность, под которой, согласно Д.В. Ольшанскому, понимается «деятельность социальных групп или индивидов, связанная с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [3].

Социально-политическая активность формируется под влиянием специально созданных или естественно сложившихся организаций, учреждений и лиц, функционирование которых направлено на социально-политическую социализацию личности, прежде всего путем образования и воспитания. Если на стадии первичной социализации институты закладывают и формируют политические ценности, традиции и установки человека, например, такие, как любовь к Родине, то на стадии вторичной социализации деятельность институтов, в частности высших образовательных учреждений, сосредоточена на распространении политических знаний, формировании активной гражданской позиции и вовлечении в некоторые виды социально-политической деятельности. На последующих этапах вторичной социализации подключаются такие институты, как политические партии, общественно-политические организации, СМИ и другие объединения, определяющие социально-политическую зрелость и активность молодежи [4].

Трансформация базисных институтов социализации (образования, семьи, СМИ, общественных организаций) привела к снижению их участия в процессе социализации, что способствовало изменению в моделях поведения молодежи в социальной и политической сфере.

В образовательных учреждениях процесс социализации учащейся молодежи регламентирован рядом государственных, ведомственных, областных, муниципальных программ воспитания и социализации обучающихся. Они предусматривают формирование гражданско-патриотической компетентности, однако слабо формируют у молодежи компетентность в политике. Так, воспитательная работа строится на основе следующих государственных программ: государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 -2015 годы» (данная программа является третьей по счету, I: 2001-2005, II: 2006-2010), принятой постановлением Правительства РФ от 05.10.2010 г., Национальной доктрины образования в РФ до 2025 года, Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации, Концепции государственной национальной политики Российской Федерации; Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 №1760-р). На региональном уровне можно назвать программу «Патриотическое воспитание граждан» на 2012 - 2015 годы, утвержденную постановлением Администрации Волгоградской области 28 ноября 2011 г., основной целью которой является развитие и повышение эффективности системы патриотического воспитания граждан Волгоградской области. На муниципальном уровне общеобразовательные учреждения региона принимают участие в реализации программы «Формирование культуры здорового образа жизни молодежи Волгограда» на 2014-2016 годы. Все остальные программы включаются в воспитательную деятельность образовательных учреждений и реализуются по их собственной инициативе. Так, в воспитательную и образовательную деятельность многих волгоградских школ уже не первый год включен институт Уполномоченного по правам ребенка, некоторые учебные заведения создают модели общественно-активной школы, которые позиционируют как центр гражданского сообщества. Однако все эти мероприятия, касающиеся важных сторон политической социализации учащейся молодежи, формирования их политической компетентности, носят бессистемный характер и не координируются государством.

В докладе ВЦОИМ отмечено, что для привлечения молодежи к участию в политической деятельности необходимо прежде всего создавать и укреплять молодежные организации, учитывать в программах партий их интересы, выдвигать молодежь на первые роли в партиях, предоставлять возможность создавать политические объединения в соответствии со своими интересами[1].

Для выявления факторов формирующих социально-политическую активность студенческой молодежи в сентябре 2016 года в городе Волгограде был проведен анкетный опрос

среди студентов 2-4 курсов вузов г. Волгограда (N=120 человек). Проведенный опрос показал, что интерес к событиям в политической сфере декларирует большая часть (95,8%) опрошенных. Из них 65,3% в большей степени интересуются новостями внутренней политики, 35,7% - новостями внешней политики. При этом, региональные политические новости интересуют только 15% респондентов, что свидетельствует о низкой включенности студенческой молодежи в региональные политические процессы.

Также были выделены основные формы участия молодежи в политической деятельности. Подавляющее большинство опрошенных (94%) регулярно просматривают новости в СМИ; 71% смотрят новости, слушают рассказы знакомых; 3,8% дискутируют в блогах и социальных сетях; только 2,8% участвуют в деятельности общественно-политических организаций,

Наиболее ярким индикатором политической активности студенческой молодежи является ее участие в выборах. По результатам анкетирования было выяснено, что 52% студентов не ходят на выборы, большая часть которых объясняет это отдаленностью от места проживания и отсутствием Волгоградской прописки. Кроме того, более половины опрошенных студентов - 71% не проинформированы о механизмах влияния на политику региона через институты гражданского общества.

Таким образом, в городе Волгограде наблюдается низкий уровень политической компетентности и социально-политической активности студенческой молодежи. Это является свидетельством дисфункциональности социальных институтов (общественно-политических организаций, семьи, образовательных учреждений, СМИ) на которых возложена функция политической социализации. Между тем, будущая стабильность и безопасность России, во многом, зависят и от позиции студенческой молодежи. Очевидно, что необходимы педагогические и воспитательные технологии, обеспечивающие политическую социализацию студентов на всех этапах образовательного цикла.

1. *Всероссийский центр изучения общественного мнения. Всероссийское исследование «Молодёжь и политика». - Электрон. текстовые дан. - Режим доступа: <http://wciom.m/index.php?id=236&uid=9047>.*

2. *Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М.: Деловая книга, 2002.*

3. *Сафонова А.С. Политическая компетентность как определяющий фактор политического участия молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013.*

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ И СПОСОБАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Гилязова О.С. (Екатеринбург)

В данной статье рассматриваются формы и способы осуществления местного самоуправления, предлагаемых законодателем, и возможности их реализации для активного и эффективного диалога власти и населения (на примере Асбестовского городского округа Свердловской области).

This article discusses the forms and methods of implementation of the local government, proposed by the legislator, and the possibilities of their realization and their feasibility for the active and effective dialogue between the authorities and the public (on the example of Asbest of Sverdlovsk region).

Система местного самоуправления ведет поиск своих путей развития, а также своего места и значения в социальной инфраструктуре государства. Социально-политические преобразования, которые произошли в России за последние годы, обострили интерес к осмыслению проблем, с которыми сталкивается и власть, и население в попытках найти взаимопонимание и взаимосогласование своих интересов в рамках местного самоуправления.

Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в главе 5 предлагает населению следующие основные непосредственные формы осуществления местного самоуправления:

1. Местный референдум;
2. Муниципальные выборы;
3. Голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;
4. Сход граждан;

5. Территориальное общественное самоуправление;
6. Публичные слушания;
7. Собрание граждан;
8. Конференция граждан (собрание делегатов);
9. Опрос граждан;
10. Обращения граждан в органы местного самоуправления [1].

Рассмотрим реализуемость и эффективность данных возможностей, предоставляемых федеральным законом населению, на основе анализа работы местного самоуправления Асбестовского городского округа (АГО), тем более это один из типичных «моногородов» России, где многие социальные, политические, экономические проблемы стоят острее.

Как показывает практика в АГО населением востребовано только право обращения граждан в органы местного самоуправления, и, иногда, публичные слушания. Но распространено мнение, что на обращение ответом будет «отписка», сам вопрос местного значения решен не будет. В соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» ответ на обращение должен быть дан по существу [2], однако это бывает не всегда.

Публичные же слушания носят только рекомендательный характер, и неоднократно их результат впоследствии не учитывался.

В то же самое время общественный запрос со стороны населения города на участие в местном самоуправлении есть – достаточно посмотреть, для примера, как активно проходят публичные слушания, допустим, по бюджету 17 декабря 2015 года [3].

Не менее активно проходят и сходы граждан. В конце 2014 года, 11 декабря состоялся сход граждан, посвященный ошибкам муниципальных и областных властей в сфере организации капитальных ремонтов общего имущества МКД [4]. Именно после этого город Асбест стал считаться одним из самых беспокойных в регионе, и многие СМИ заявили, что ««Это афера в масштабах государства!» – жители уральского моногорода объявили бойкот платежам за капремонт» [5].

Не менее протестно проходили предложенные властями субъекта РФ изменения в организацию системы местного самоуправления – как в случае перехода на «двуглавую» систему, так и в случае перехода на «суперодноголавую». И в том, и в другом случае большая часть населения посчитало, что мнение жителей не спросили.

Проблема усугубляется тем, что с каждым годом субъект РФ забирает к себе все больше и больше полномочий. Так, в этом 2016 году у муниципалитета, например, были изъяты полномочия в сфере организации рекламного рынка (установки рекламных конструкций). До этого были изъяты полномочия в сфере медицины: больница стала финансироваться и подчиняться напрямую субъекту РФ. Этот процесс идет постоянно. Но зачастую население не в курсе происходящих изменений, и в допущенных ошибках винит муниципальные органы власти. И тем самым и население, и представители органов местного самоуправления теряют контроль над принимаемыми где то в министерствах области решениями. На общественное обсуждение это не выносится, жителям города приходится самим через СМИ добиваться диалога с властью.

В качестве примера достаточно указать на то, как в городе произошло объединение детской больницы и городской больницы № 1. При этом было сокращено отделение детской нетрадиционной медицины, как утверждают сами асбестовцы – «гордость асбестовской медицины». Когда же попытались сократить отделение детской интенсивной терапии (реанимации) – горожане через социальные сети, СМИ потребовали это отделение сохранить. В итоге отделение было сохранено, но сам Асбест в очередной раз подтвердил, что он «не спокойный».

Такой способ коммуникации между населением и всеми уровнями власти (через скандалы в СМИ и Интернете) неприемлем – среди жителей он вызывает определенное озлобление к властям, и сами органы управления показывают неспособность выслушивать и учитывать мнение горожан (и тем самым, в том числе, осуществлять местное самоуправление). Но сами граждане видят действенность и результативность таких действий.

Необходим эффективный и доступный канал коммуникации между человеком, желающим высказаться, и властями муниципального уровня. Им может быть реальный и гарантированный учет результатов публичных слушаний, решения общественной палаты, а также вовлечение молодежи в политику не декларативное, а настоящее. Следует повысить и качество работы с

обращениями граждан – сейчас фактически не отслеживается само смысловое содержание ответа, а только соблюдение сроков.

И этот канал необходим не столько с администрацией (чья основная задача все-таки оказывать муниципальные услуги), а больше с представительным органом (Думой АГО). Именно депутатский корпус должен сам общаться с населением (и не только во время предвыборных кампаний). Заодно это позволит ему более широко использовать право законодательной инициативы.

Вместе с тем необходим и канал коммуникации между Думой АГО и представителями властей субъекта РФ. Сейчас же все поручения идут сверху вниз, и вышестоящие власти активно это используют (тем более сами депутаты по этому поводу не протестуют).

Дополнительно необходимо возложить ответственность непосредственно на центры принятия решений. Если Минтранс субъекта РФ принимает решение втрое сократить количество социально значимых внутригородских автобусных рейсов, то и ответственность за такое решение должен нести не муниципалитет, а то должностное лицо, которое приняло подобное решение.

Подводя итог можно сказать следующее – местное самоуправление действительно существует, но оно из-за попыток встроить его в так называемую «вертикаль власти» потеряло много от приставки «само-». Сейчас необходимо строить обратную вертикаль (снизу вверх), но уже не власти, а эффективной коммуникации – от населения до, как минимум, властей субъекта РФ. Тогда не будет многим казаться, что горожан отталкивают от права самим решать судьбу своего города.

1. *Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // КонсультантПлюс. Режим доступа:*

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/, свободный.

2. *Статья 5. Права гражданина при рассмотрении обращения // Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 03.11.2015) "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" // КонсультантПлюс. Режим доступа:*

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/64ac25179c36f8061dd31ad0369783e528a0fb20/, свободный.

3. *Сайт ютюба // Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=TotTzH2RPho>, свободный.*

4. *Сайт ютюба // Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=EIVHERXuu0I>, свободный.*

5. *Григорьев Аркадий. «Это афера в масштабах государства!» – жители уральского моногорода объявили бойкот платежам за капремонт [Публикация за 15.12.2014] // «Новый Регион – Екатеринбург». Режим доступа: <http://urfo.org/ekb/520878.html>, свободный.*

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ПРАКТИК КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Глушкова С.А. (Ростов-на-Дону)

В связи с тем, что Юг России становится пространством конфликта идентичностей, актуальность осмысления их баланса и факторов толерантности в пределах полиэтничного региона возрастает. В современной отечественной литературе уделяется особое внимание научной проблематике, связанной с изучением этнической идентичности и также реальных практик ее конструирования на Юге России. В силу того, что ранее обзор литературы по данной теме не предпринимался, критический анализ работ, посвященных конструированию этнической идентичности на Юге России, представляет особый научный интерес, в том числе и для научно-исследовательских практик в России.

Из вышесказанного следует, что перед автором стоит цель, которую можно сформулировать следующим образом: получение представления о реальных практиках конструирования этнической идентичности, сложившихся в регионах Юга России.

Данная цель предполагает решение следующих задач: изучение работ исследователей, посвященных вопросу регулирования этнической идентичности на Юге России, анализ возможности имплементации позитивного зарубежного опыта в сфере гармонизации межэтнических отношений на Юге России, выявление возможных практик конструирования этнической идентичности на Юге России среди молодежи.

Согласно определению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность в широком понимании, мыслится не только как самоотождествление, но и как представление о своем народе, языке и культуре, территории и интересах. Следует отметить, что в трактовку данного понятия также включено эмоциональное отношение и готовность действовать во имя этих представлений.

В числе ключевых академических институтов и исследовательских центров, чья заслуга заключается в том, что они задали определенную планку не только этносоциологических, но и этнополитических исследований в России, Институт антропологии и этнологии, Институт социально-политических исследований Российской Академии наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский университет. Их яркими представителями являются Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.И. Козлов, Н.М. Лебедева, С.В. Лурье, М.О. Мнацаканян, З.В. Сикевич, Н.Г. Скворцов, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, В.А. Тишков и другие.

Среди исследований южнороссийских регионоведов, акцентирующих внимание на межэтнических отношениях, можно выделить З.С. Арухова, М.А. Аствацатурову, Ю.В. Васильева, Г.С. Денисову, А.В. Дмитриева, Л.В. Клименко, В.Н. Панина, М.А. Савву.

В силу того, что Юг России иллюстрирует своеобразный «стык» географических, экономических, политических и этноконфессиональных границ, вопрос регулирования межэтнических отношений в данном полиэтничном регионе заслуживает отдельного внимания и обладает особой значимостью для стабильности и безопасности всего общества.

Таким образом, проблема конструирования этнической идентичности, с одной стороны, отличается актуальностью и присутствует в научной дискуссии, но, с другой - характеризуется новизной. В этой связи актуальным представляется осмысление и изучение способов конструирования этнической идентичности на Юге России преимущественно среди молодежи.

Мировую цивилизацию на рубеже второго и третьего тысячелетий можно охарактеризовать возрастанием роли Человека во всех сферах жизни, что находит выражение в накоплении общественного богатства по преимуществу в человеке. Общества, вкладывающие средства в воспитание, обучение, культуру, быт и условия молодежи, в подлинный двигатель прогресса, инвестируют в свое развитие.

Осознание этого мировым сообществом в некоторой мере уже произошло. Международная комиссия по гуманитарным вопросам ООН с учетом новых государств, общественных движений, современных технологий и транснациональных коопераций, к числу наиболее значительных и реальных факторов перемен относит молодежь. В документах ООН утверждается, что по мере того как увеличивается численность молодежи, она становится наиболее мощным фактором в формировании общества.

Молодежь, по причине причастности в ряды наиболее влиятельных социально-политических сил региона, претерпевает процесс осознания своей роли в обществе. Осмысливая роль и значение молодого поколения в современных условиях, следует учитывать, что молодежь фактически считается не только потенциалом грядущих перемен, но и фактором социальной нестабильности. По причине возможных волнений и негативных последствий, воспитание личности должно происходить в условиях этнической толерантности, компетентности, уважения других культур.

Разработки концепций этнокультурного образования и осознание преимущества поликультурализма в принципе относятся к началу 1980-х гг. Сфера образования становится одной из приоритетных в отношении продвижения поликультурализма, в связи с чем оно переориентируется на формирование личности, уважающей многообразие. Теперь образование предполагает обновление учебных планов с учетом культурного разнообразия общества, создание соответствующих условий с целью постижения обучающимися культурного наследия своей и других национальностей. Образование по сути должно отражать взаимовлияние различных культур, рассматривая дальнейшие перспективы развития интегрированных процессов.

Одним из наиболее действенных механизмов гармонизации межэтнических отношений на Юге России, в частности, может служить этнокультурное образование, этнокультурное воспитание. Как полиэтничное общество, как многонациональная страна, Российская Федерация представляет собой общество социального разнообразия, где представители разных этнических сообществ стремятся сохранить и развивать свои культурные особенности, при этом контактируя друг с другом. Именно использование потенциалов полиэтничной среды образования, социокультурного окружения, обмен познавательными, культурными интересами является важным условием реализации этнокультурного воспитания. Помимо всего вышесказанного,

проблема этнокультурного образования для Российской Федерации первостепенна не только в образовательном плане, но и задает вектор дальнейшего развития страны в качестве единого социокультурного пространства.

В разное время к проблеме этнокультурного образования и воспитания обращались такие исследователи, как Б.Т. Лихачев, Т.А. Костюкова, Т.В. Поштарева, Г.Н. Волков, А.С. Каргин. Они рассматривали этнокультурное образование как помощь детям и студентам в овладении культурой своего народа и во взаимодействии с представителями других национальностей.

В научной среде пока не сложился единый теоретико-методологический подход к целям, функциям, содержанию этнокультурного образования (ЭКО) русских школьников в регионах «этнокультурной мозаики», обеспечивающих многоуровневую идентификацию личности. Педагогическая наука при столкновении с противоречиями между универсальной общечеловеческой миссией образования и усилением этнизации на уровне региона, которая находит свое проявление в увеличении дисциплин с учетом национально-регионального компонента, связанных с историей и культурой коренных народов, не готова предоставить подрастающей молодежи равных условий в удовлетворении этнообразовательных интересов. Десоциализация личности, которая возникает при обострении противоречий, вызванных рассогласованием этнических интересов среди молодежи, выражается в нарушении баланса между осознанием своей этнической принадлежности, самодостаточности, национального достоинства и оценкой культурных традиций соседних народов. Таким образом, актуальность предпринятой работы обусловлена необходимостью разработки качественной концепции и модели этнокультурного образования молодежи преимущественно Юга России, опирающейся на потенциал локальных групп русского субэтнуса, которые проживают в регионе с уникальной художественной и педагогической ценностью.

В ноябре 2015 г. в рамках Проекта Распределенного научного центра «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа», проводился социологический опрос, в основу которого были положены вопросы, касающиеся проблемы этнокультурного компонента образования, отмененный в новом федеральном стандарте обучения. По той причине, что Ростовская область является самым моноэтническим регионом Юга России, в местах компактного расселения старожильческих этнических групп должна возникнуть потребность в реализации этнокультурного компонента. Опрос был ориентирован на выявление отношения к языковому обучению, к освоению национальных языков, интерес к предметам этнокультурного содержания, а также на выделение этнической идентичности в собственном «портфеле» идентичностей.

Согласно итогам опроса, более 80 % экспертов, большинство которых является уроженцами региона, или же давно проживают здесь, отметили, что препятствия при преподавании родных языков и этнокультурного компонента в их учебных учреждениях отсутствуют. И как считает большинство экспертов, Министерство образования Ростовской области и администрация школ осведомлены относительно образовательных потребностей родителей и учащихся. Но в вопросе, касающемся информации о наличии в регионе достаточного количества родителей учащихся, кто заинтересован в обучении своих детей родным языкам помимо русского, мнения в равной степени разделились.

В целом, можно отметить, что в Ростовской области наблюдается потребность в этнокультурном образовании на уровне родителей, учителей и учащихся. Как заключают Денисова А.В. и Шурыгина Е.Г., учащиеся и студенты, в отличие от родителей, значительно менее ориентированы на этнокультурное образование. Эксперты объясняют это слабой мотивацией к обучению подобного типа, а также прагматизмом молодежи, которые нацелены на подготовку и сдачу Единого государственного экзамена.

Широкое внедрение этнокультурных образовательных программ должно осуществляться в контексте широкого спектра задач психофизиологического оздоровления и духовно-нравственного развития личности.

Таким образом, в современных условиях глобальных перемен и также в условиях внедрения Федерального государственного образовательного стандарта должна быть обеспечена целостность российского образовательного пространства. Данный факт будет способствовать сохранению полиэтничной среды и одновременно обеспечивать равные права на получение качественного образования представителями различных этносов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности»

1. Арухов З. С. *Поиски идентичности в дагестанском обществе // Религия — этнос — нация в России -Махачкала, 2001.*
2. Аствацатурова М. А., Савельев В. Д. *Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах - Ростов/н/Д, Пятигорск, 2000.*
3. Афанасьева А.Б. *Этнокультурное образование в России: теория, история, концептуальные основы: монография. – СПб.: Издательство «Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области», 2009.*
4. Баранов А.В. *Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI в. (по материалам социологических исследований) // Научная мысль Кавказа – Ростов н/Д: 2014, № 1.*
5. Березина, Т. И. *Русская народная педагогическая культура в практике управления в современной школе. (На материале истории Сибири) / Т. И. Березина. Дис. .д-ра . пед. наук: 13.00.01. Новосибирск, 1998*
6. Бурхинов, Д. М. и др. *Народная педагогика и современная национальная школа / Д. М. Бурхинов. — Улан-Удэ: Белиг, 1993.*
7. Васильев Ю. В. *Этнополитические процессы на Юге России на рубеже XX – XXI: веков от конфликта к стабилизации - Ростов/н/Д, 2004.*
8. Волков Г.Н. *Этнопедагогика. М.: Академия, 1999.*
9. Гессен, С. И. *Педагогические сочинения / С. И. Гессен. Саранск: Красный окт. — 2001.*
10. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. *Южно-российская идентичность: факторы, ресурсы и перспективы конструирования. М.: Альфа-М, 2010.*
11. Дробижеева Л.М. *Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / Под редакцией Л.М. Дробижеевой. - Academia, 2002.*
12. Каптерев, П. Ф. *История педагогики: Курс лекций / П. Ф. Каптерев. — Ижевск: Изд. Удмуртского университета, 1996.*
13. Каргин А.С. *Прагматика фольклористики: сборник статей, докладов, эссе. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008.*
14. Костюкова Т.А. *Региональный компонент содержания образования: традиции и перспективы // Региональный компонент содержания образования в сельской школе. 2000.*
15. Краевский В.В. *Общие основы педагогики: учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008*
16. Лихачев Б.Т. *Национальная идея и содержание гражданского воспитания // Педагогика. 2007. №9.*
17. Матис, В. И. *Проблема национальной школы в поликультурном обществе / В. И. Матис. Барнаул, гос. пед. ун-т. — Изд. испр. и доп. - Барнаул, 1997.*
18. *Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова, Л.Л. Хоперской, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН; Ростов н/Д: ЮФУ, 2013.*
19. Мирошниченко, В. В. *Профессиональная подготовка учителей начальных классов к работе в национальной школе в поликультурном регионе (на материале Республики Хакасия) / В. В. Мирошниченко. Дис. . канд. пед. наук: 13.00.08. Барнаул, 2003.*
20. Мухамеджанова, Н. М. *Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований /Н. М. Мухамеджанова; Федер. агентство по образованию, Оренбург, гос. ун-т. -Оренбург: ОГУ, 2006*
21. Осипов Г. В., Дзуцев Х. В. *Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности // Социологические исследования. 2014. № 11.*
22. Панин В. Н. *Современная динамика геополитических процессов на Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции в 2-х ч -М – Ставрополь, 2001.*
23. Петрова, Т. Н. *Отставание национальной идеи: история этнопедагогики / Т. Н. Петрова. М: Просвещение, 2000.*
24. Поштарева Т.В. *Воспитание с опорой на национальные традиции // Начальная школа плюс до и после. 2008.*
25. Розин М.Д., Суций С.Я. *Юг России: этнодемографические и миграционные процессы (конец XX – начало XXI века). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.*
26. Савва М. В. *О конфликтологическом потенциале межэтнических отношений на юге России // Конфликтология - теория и практика -СПб, 2004.*
27. Сикевич З.В. *Социология и психология национальных отношений. Учебное пособие / З.В. Сикевич. СПб., 1999.*

28. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробизева М.: Институт социологии, 1998.
29. Тимошенко Л.Г. Этнокультурное образование в условиях современного социума // Научно-педагогическое обозрение. 2013. № 1
30. Харитонов М. Г. Этнопедагогическое образование учителей национальной школы /М. Г. Харитонов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Чуваш, гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, НИИ этнопедагогике. -Чебоксары: ЧГПУ, 2004.
31. Чехордуна Е.П., Аммосова В.В., Карпова Н.П. Этнокультурное образование и общественная экспертиза в условиях внедрения ФГОС . – СПб.: Человек и образование, 2013.
32. Шаповалов, В. К. Этнокультурная направленность Российского образования / В. К. Шаповалов. Дис . доктора пед. наук. - Ставрополь, 1997.
33. Этносоциальные процессы: региональное измерение: монография / гл.ред. Р.Д. Хунагов; ред. А.Ю. Шадже, С.А. Лягушева. – Майкоп: Качество, 2015.

ЭВОЛЮЦИЯ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ: 1992-2016 ГОДЫ

Головин Н.А. (Санкт-Петербург)

1992 год стал для российского общества началом многомерной и кризисной трансформации. Поначалу отношение общества к Западу, в том числе США были дружественными и привлекали высоким уровнем жизни населения и демократическими свободами, рассматривались общественным мнением как несомненно успешный исторический пример. Они были взаимными. «...В Соединенных Штатах и особенно в Европе в те годы тоже была мода на все российское и советское, основанная на благодарности М. Горбачеву за Берлин, надеждах на решительного Б. Ельцина и быстрые реформы» [2, 41-42]. Стала популярной песенка «Американ бой, уеду с тобой», под которую отплясывал даже президент РФ. [3, 14]

Спустя четверть века кризисной (1990-е) трансформации, а затем и стабильных «нулевых» лет и начала 2010-х накопленный опыт жизни в кризисном обществе и политические события на международной арене привели к постепенному дистанцированию общественного мнения от Запада как ориентира успешной модернизации. Снизилась привлекательность рыночной экономики и либеральной демократии, которую, по мнению американского политолога Ф. Фукуямы, улучшить нельзя, так как она не имеет «фундаментальных внутренних противоречий». [4, 8-9] Произошло снижение привлекательности американского общественного образца несмотря на то, что это самая технологически инновативная экономика мира с высокими темпами роста и наивысшим доходом на душу населения, идущая по этим показателям в отрыв от Европы.

Дистанцирование от Европы, как и от США, произошло и по политическим причинам: бомбардировки НАТО Югославии в 1999 году без санкции ООН, расширение НАТО на Восток, постоянная и несправедливая критика лидерами стран ЕС и США России по вопросам прав человека.

Все более привлекательной для российского общественного мнения становится модель модернизации стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Китайская модель, демонстрирующая беспрецедентно высокие темпы роста экономики на протяжении нескольких десятилетий, означающая рыночную экономику с сохранением руководящей роли КПК, воспринимается российским обществом как альтернатива распаду СССР, который можно и нужно было реформировать. Пример КНР (а ранее – Сингапура) развеял миф о том, что экономический рост идет лишь в сочетании с либеральной демократией. КНР сочетает экономический рост, руководящую роль Коммунистической партии, отбросившей марксистскую идеологию, и богатых самобытных культурных традиций.

Среди малозаметных ориентиров модернизации для российского общественного мнения следует назвать некоторые политически самостоятельные процветающие страны Европы: Швеция, Швейцария и другие. Их привлекательность снижается малой ролью в мировой политике и экономике.

Среди еще менее привлекательных образцов можно назвать арабские страны, в которых модернизация осуществляется благодаря притоку нефтедолларов, что является рискованной основой благосостояния. Культурная модернизация арабских стран является весьма спорной из-за явной консервации многих черт традиционного общества. Пример чилийской модернизации в

период правления генерала Пиночета (1973-1990) является неприемлемым для российского общественного мнения из-за ее связи с военной хунтой.

Спустя четверть века после начала экономических и политических реформ Россия недалеко ушла вперед в модернизации экономики и общества. В новый период истории, начавшийся в 2014 году ухудшением внешнеэкономических и политических условий, вызывает усиливающуюся поддержку обществом политики «разворота страны на Восток» с его многочисленными примерами беспрецедентно высокого экономического роста и постепенной демократизации.

1. База социологических данных ВЦИОМ. URL: <http://soc.spbu.ru/events/?id=206>.
2. Бочарова О., Ким Н. Россия и Запад: общность или отчуждение? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 41-42.
3. Минченко Е. О том, чем удивила Россия в 2015 году // Россия удивляет. Настроения. Суждения. Ценности. М.: Эксмо, 2016. С. 14.
4. Фужуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. С.8-9.

ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЕ

Голодова К.Е. (Санкт-Петербург)

Современные угрозы международной безопасности носят глобальный характер [1]. Среди этих угроз выделяются следующие: потеря контроля над экологическим равновесием, распространение инфекционных заболеваний, применение оружия массового уничтожения (ОМУ) государствами, имеющими ОМУ или захватившими его преступниками, международный терроризм и др. В нахождении ответов на эти вызовы принимают участие различные многосторонние международные структуры, а ключевая роль отводится ООН — уникальной всемирной организации, вся деятельность которой подчинена основной цели поддержания международного мира и безопасности. Внимание ООН к этим угрозам свидетельствует о том, что противодействие им является составной частью поддержания мира и безопасности. Особое значения в настоящее время придается противодействию терроризму. С 2013 г. число террористических актов в мире стало увеличиваться [2], чем обусловлена необходимость поиска эффективных средств противодействия данной угрозе.

При этом определение понятия «международный терроризм», признанное всеми или большинством членов ООН, до сих пор отсутствует, несмотря на долгие попытки его выработать. Из текстов международных конвенций, разработанных ООН, и других документов организации можно вывести перечень видов действий, которые относятся к террористическим. В то же время некритичное употребление понятия международного терроризма в средствах массовой коммуникации приводит к тому, что термин «международный терроризм» приобретает черты симулякра — ложного понятия, ставшего частью общественного сознания [3, 93-94]. Это, в свою очередь, может привести к тому, что отдельные государства могут вмешиваться во внутренние дела других, оправдывая свои действия борьбой с международным терроризмом.

Что касается структуры ООН в деле по борьбе с терроризмом, то отправной точкой в истории противодействия новой угрозе стал теракт 11 сентября 2001 года, который привёл к созданию Контртеррористического комитета (КТК). В настоящее время в ООН сформирована и действует Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий (ЦГОКМ), состоящая из 38 структур ООН и связанных организаций. Среди них: Контртеррористический центр ООН (КТЦООН), сектор по предупреждению терроризма ЮНОДК, три комитета Совета Безопасности (Контртеррористический комитет, Комитет 1267 по санкциям против ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды» и Комитета 1540 (нераспространение оружия)) [4]. Таким образом, система ООН в деле по борьбе с терроризмом лишена четкой иерархии и не имеет центрального органа. Можно предположить, что подобная структура способствует интеграции контртеррористической деятельности в деятельность различных подразделений ООН, однако отсутствие единого центра может стать причиной недостаточно скоординированных действий.

Одним из руководящих документов ООН в борьбе против терроризма является Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, содержащая перечень мер, которые рекомендованы государствам для борьбы с терроризмом. Они включают меры по 1) устранению условий,

способствующих распространению терроризма; 2) предотвращению терроризма и борьбе с ним; 3) укреплению потенциала государств по предотвращению терроризма и борьбе с ним и укреплению роли системы Организации Объединенных Наций в этой области; 4) обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом [5].

Один раз в два года Генеральная Ассамблея ООН проводит обзор выполнения стратегии и, давая оценку осуществленным мероприятиям, предлагают рекомендации по проведению данных мер в будущем. Таким образом, наряду с документально зафиксированной Концепцией сложился и механизм реагирования на новые тенденции, связанные с терроризмом, однако он не предусматривает оперативных действий.

Основными документами, составляющими международную правовую базу и направленными на предотвращение террористических нападений, являются 19 международных соглашений: 12 конвенций, 6 протоколов и 1 документ, содержащий поправки. Документы сгруппированы по видам террористических актов, содержат многочисленные ссылки на принятые резолюции, всеобъемлющая конвенция по борьбе с международным терроризмом отсутствует, из чего можно сделать вывод, что международной правовой базе по вопросам терроризма недостаёт системности.

Отсутствие системности в основных документах и структурах ООН, занимающихся проблемой терроризма, является следствием неправильного подхода к определению международного терроризма. В данном случае используется объективистский подход, нацеленный на охват максимально возможного количества прецедентов, с намерением включить в термин исчерпывающий набор характеристик. Однако это невозможно, поскольку возникают всё новые террористические прецеденты. Поэтому необходимо применить комплексный подход, сочетающий в себе черты объективистского и метода дискурс-анализа. С этой целью необходим анализ причин возникновения именно того смысла о терроризме, которое преобладает в современном обществе, т.е. необходим учёт особых дискурсивных отношений [6, 211-212]. Применение комплексного подхода к определению термина «международный терроризм» позволит облегчить процесс создания центрального международного документа, посвящённого данной тематике, а также упорядочить структуру соответствующих органов ООН. Таким образом, разработка единого термина «международный терроризм» является ключом к повышению эффективности контртеррористической деятельности ООН.

Глобальный характер проблемы международного терроризма требует решения на том же глобальном уровне. Деятельность ООН по противодействию терроризму может стать таким решением. Однако неопределённый характер термина «международный терроризм», неупорядоченность структуры органов ООН, занимающихся этой проблемой, а также отсутствие единого международного документа, посвящённого проблеме терроризма, может осложнить проведение контртеррористических мероприятий. Таким образом, необходима большая системность в структуре организаций, осуществляющих контртеррористическую деятельность под эгидой ООН, и ключевых документах. В этом отношении важно применение комплексного подхода с использованием метода дискурс-анализа понятия «международный терроризм».

1. Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6082#top-content (дата обращения 09.10.2016).
2. Институт экономики и мира: рейтинг стран мира по уровню терроризма 2015 года. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/11/18/7263> (дата обращения 09.10.2016).
3. Кутейников А., Жушма Ю., Михайличенко Н. Транснациональный терроризм как знак // *Международные процессы*. 2015. № 4 (43). С. 91-99.
4. Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий (ЦГОКМ). URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/structure> (дата обращения 08.10.2016).
5. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединённых Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490> (дата обращения 08.10.2016).
6. Долгий В. И. Сравнительный анализ социологических подходов к изучению терроризма // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 2. С. 209-214.

ФЕМИНИЗМ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Голубева И.Г. (Нижний Новгород)

В ноябре 2008 года в истории российского женского движения второй волны начался новый этап: в Москве состоялся Второй всероссийский женский съезд, в результате которого возникло два течения – феминистское и прогосударственное [1]. Первое сталкивается с неким сопротивлением со стороны общества, так как действует стереотип образа феминистки («неженственная», «одинокая», «несчастливая»).

Полякова П.А. в своем исследовании выяснила у пользователей не-скольких социальных сетей портрет феминистки: женщина в возрасте от 30 до 50 лет, переживающая кризис в отношениях с мужчинами и занимающаяся самыми различными видами деятельности [2, С.203]. Она придерживается позиций «вынужденного феминизма», т. к. считает, что полагаться на мужчин в современном мире опасно и чревато последствиями [2, С.203]. Девушки редко причисляют себя к феминисткам, аргументируя позицию тем, что феминистка – «женщина, которая считает, что у нее больше прав, чем у мужчины».

Неразвитость женского движения, а точнее отсутствие солидарности в обществе обусловлено тем, что Россия имеет более низкий уровень жизни в сравнении с жизнью европейского общества, а это предопределяет во всех общественных отношениях завышенную роль денег. Кризис в обществе вынуждает его членов действовать исходя из соображений: «Что сейчас будет выгодным для меня?»

Вторая волна феминизма в России, возможно, растворилась в апатии всего общества, вопрос о двойных стандартах вновь актуален, данный феномен лишь подкрепляется или ослабляется путем реформ в обществе. Последние законодательные инициативы препятствуют выходу общества из неустойчивого состояния. Дискуссии по поводу запрета аборт (за бюджетные средства или вообще?), бэби-боксов демонстрируют отношение к женщине, у которой меньше условий выбора, чем у мужчины. Для сравнения, в Польше после внесения поправок в парламент в стране прошли массовые акции протеста женщин, вице-премьер Ярослав Говин 5 октября заявил, что полного запрета абортов в стране не будет. В России создаются петиции за сохранение права на аборт, ситуация только набирает обороты. Необходимо понимать проблему не только с точки зрения демографии, но и социально-экономической ситуации в стране, осознать причины абортов, не вваливая вину только на женщин.

Феминизм в современной России не принимается как способ объединения женщин, как площадка для защиты прав и свобод. Возможно, женское движение и развивается, но не организовано и не открыто

1. *Российский феминизм: ждать ли новой волны? / Шнырова О.В. // Неприкосновенный запас, 2012. – № 83 (3/2012). – [Электронный ресурс]. – Доступ через: <http://www.nlobooks.ru/node/2280> (дата обращения 10.09.16).*

2. *Образ современной феминистки: опыт социологического исследования // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам XVIII студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. – М.: «МЦНО». – 2014 – № 11(17) / [Электронный ресурс]. – Доступ через: [http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/11\(17\).pdf](http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/11(17).pdf) (дата обращения 13.09.16).*

3. *Сейм Польши отказался от почти тотального запрета абортов // Ведомости, 06.10.16 – [Электронный ресурс]. – Доступ через: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/10/06/659880-seim-polshi-abortov> (дата обращения 7.10.16).*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ИНТЕРНЕТЕ КАК НОВАЯ ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Гольбрайх В. (Санкт-Петербург)

Благодаря возрастающей роли Интернета, в последние годы мы можем наблюдать новые формы политического участия. Среди них особое место занимает подписание онлайн петиций. Настоящее исследование посвящено анализу экологических общественных инициатив в Интернете как новой практики политического участия.

Теоретический подход

Одно из наиболее принятых определений «политического участия» определяет его как «деятельность, которая ставит целью повлиять на действия властей или влияет на него» [1, 4].

Исследователи различают конвенциональное и неконвенциональное политическое участие в зависимости от практики акторов [2, 25]. В связи с тем, что такие действия как подписание петиций все больше становятся общепринятыми, некоторые авторы полагают, что такие действия можно отнести к конвенциональным формам политического участия [2].

В последние годы все больше исследователей обращаются к вопросу, в какой степени Интернет влияет на «политическое участие» граждан. В этом отношении можно говорить о двух основных подходах [3, 194]. Одни авторы полагают, что политическое участие онлайн ограничивается теми, кто уже вовлечены в подобную активность. Другие исследователи, напротив, считают, что Интернет может мобилизовать политически неактивное население.

В тоже время, некоторым фактором, уменьшающего возможности политического участия в Интернете, является цифровое неравенство [4, 153]. Кроме того Интернет предоставляя новые возможности для политического участия, с другой стороны может снизить ее эффективность. Исследователи, говоря о политическом участии в Интернете, отмечают новый феномен, который они обозначают как «слактивизм». Слактивизм является «симулякр активизма, когда пользователи ограничиваются кликом под петицией, размещенной в социальной сети», полагая само это действие политическим актом, и не принимают никакого другого участия для того, чтобы повлиять на решение проблемы [5, 21].

Одной из наиболее распространенных форм «политического участия» в Интернете становится организация сбора подписей под онлайн петициями. Онлайн петиции, используются, чтобы привлечь внимание к определенным проблемам, обеспечить поддержку выдвинутым требованиям и повлиять на решения властей.

Метод и данные

В настоящее время в России существует несколько крупных площадок онлайн петиций. В ходе исследования предполагалось проанализировать практику использования подобных площадок для обращений в органы власти в связи с теми или иными экологическими проблемами на двух порталах, «Change.org» и «Наше мнение».

Нас интересовало, в какой степени экологическая проблематика присутствует в онлайн петициях. Исходя из проблематики подобных петиций, можно предположить об основных экологических проблемах, волнующих граждан. Анализируя петиции, мы хотели понять в какой мере к ним можно применить понятие «слактивизм», т.е. использовали ли инициаторы петиций или его «подписанты» другие формы политического участия для достижения своих целей.

Результаты

На середину 2015 года петиции, поднимающие экологические проблемы, составили 13% на портале Change. Org и 14% на портале «Наше мнение». К сожалению, портал Change.org не позволяет сравнить долю петиций, поднимающих экологические проблемы с петициями, посвященными другой проблематики. Анализ портала «Наше мнение» показал, что доля экологических петиций была сравнима с долей петиций, поднимающих проблемы, связанные с социальной сферой и выше, чем доля петиций, говорящих о проблемах образования, коррупции, медицины или ЖКХ. Большинство петиций на обоих порталах можно определить как зоозащитные (45% на портале Change.org и 55% на портале «Наше мнение»). Причем абсолютное большинство из них посвящено защите домашних животных. Кроме того, выделяются еще три проблемы, в связи с которыми чаще создавались петиции: опасные предприятия; вырубку зеленых насаждений в городах; вырубку лесов и проблемы, связанные со строительством на территориях заповедников и заказников.

Как показало исследование, чаще, чем в других регионах, петиции создавались в Москве и Санкт-Петербурге. Как представляется, на уровень использования порталов онлайн петиций в связи с экологическими проблемами могут влиять несколько факторов: острота экологических проблем в том, или ином регионе, в какой степени в регионе развито экологическое движение и степень проникновения Интернета. Наше исследование дало основание предполагать, что на использование онлайн петиций во многом влияет не степень остроты экологических проблем в том или ином регионе, а другие факторы, а именно проникновение Интернета в тот или иной регион и гражданская активность в нем. На это может указывать, прежде всего, частота

использования онлайн петиций как в Москве и Санкт-Петербурге, как и в таких городах, как Екатеринбург и Самара.

Если говорить об уровне проблем, в связи с которыми создавались петиции, то наше исследование показало, что большинство из них можно назвать локальными. Нас интересовало, в какой степени авторы петиций требовали изменений в федеральном законодательстве для решения поставленных ими проблем. Таковых петиций было относительно немного: 6% на портале Change.org и 17% на портале «Наше мнение». Исследование показало, что довольно часто адресатами петиций, посвященных сугубо локальным проблемам, являлись федеральные власти. При этом большая часть из них адресовалась одновременно и местным/региональным и федеральным властям. Можно предположить, что направление петиции в адрес федеральных властей, одновременно с направлением петиции в адрес местных или региональных властей является дополнительным способом давления на последние.

Большая часть петиций получала крайне небольшую поддержку. Не более тысячи подписей получили почти половина петиций на портале Change.org и почти 80% на портале «Наше мнение». Анализ показал, что создателям экологических онлайн петиций крайне редко удавалось достичь успеха (4% петиций на портале Change.org и 3% на портале «Наше мнение»). В ходе нашего исследования предполагалось выяснить, насколько инициаторы создания петиций использовали и другие формы политического участия. Наш анализ показал, что только в 50% конфликтов, в связи с которыми были созданы петиции на портале Change.org, и в 60% конфликтов, о которых говорилось в петициях на портале «Наше мнение», использовались другие формы политического участия.

Одной из форм политического участия является распространение информации о различных акциях в связи с тем или иным конфликтом. Благодаря этому отстаивающую свою позицию граждане могут привлечь потенциальных сторонников. В связи с этим было решено выявить, в какой степени информация об онлайн петициях распространялась в одной из крупнейших социальных сетей в Интернете «ВКонтакте». Анализ показал, что крайне небольшое число подписавших онлайн петиции распространяли о ней информацию.

Выводы

Исследование показало, что экологические петиции составляют существенную часть онлайн петиций. В наибольшей степени использовали такую форму политического участия как подписание онлайн петиции зоозащитники. В тоже время, анализ показал небольшую поддержку абсолютного большинства петиций. При этом уровень поддержки той или иной петиции не является существенным фактором, влияющим на решение проблемы. Анализ показал, что лишь в меньшинстве петиций поднимались общенациональные проблемы, требующие изменений федерального законодательства.

Если говорить об использовании онлайн петиций, посвященных экологическим проблемам, то наш анализ показал, что существенными факторами, влияющими на эту форму политического участия, является не только острота экологических проблем, но также проникновение Интернета и гражданская активность.

Исходя из того, что абсолютное меньшинство подписавших петицию, использовали ресурсы Интернета для мобилизации потенциальных сторонников, можно предположить, что для большинства граждан, подписывающих подобные петиции, подобная форма политического участия является слактивизмом. Впрочем подтверждение этого вывода требует дополнительного анализа и использование иных методов исследования.

1. Burns N., Schlozman K., Verba S. *The Private Roots of Public Action. Gender, Equality, and Political Participation*, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2001
2. Lamprianou I. *Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment // Democracy in Transition Political Participation in the European Union / ed. Kyriakos N. Demetriou, Berlin: Springer Science & Business Media, 2012. P. 21-42*
3. Boulianne S. *Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research // Political Communication. 2009. Vol. 26, № 2. P.193-211*
4. Быков И., Халл Т. *Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151-163.*
5. Никиторец-Такигава Г. *О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 13-24.*

ВЫБОР БРАЧНОГО ПАРТНЕРА И ТИП СЕМЬИ

Гончарова Г.С., Абрамова М. А. (Новосибирск)

Предрасположенность к дружелюбному или конфликтному поведению, в том числе и в межэтническом взаимодействии, обусловлена особенностями психологического, культурного взаимодействия в семье. Поведение индивида формируется под влиянием примера его родителей. Как показывают исследования Ю.В. Аругюняна, Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколова [2, 6], модели поведения вчерашних мигрантов начинающих искать психологическую, деловую опору в поддержании или возобновлении внутриэтнических межличностных связей, трансформируются от поколения к поколению. Этим в какой-то мере можно объяснить неоднозначное отношение детей и их родителей, высказывающих свое мнение по поводу выбора супруга (и) другой национальности. Каждая сложившаяся межнациональная семья создает условия для формирования новых таких семей, и в межнациональные браки чаще всего вступают те, кто уже имел опыт родственного общения с людьми другой национальности [3].

В рамках исследований по проекту РГНФ № 15-03-00194 а в республиках Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, была поставлена задача выявления роли типа семьи при выборе брачного партнера. Для учета дифференциации влияния региональных особенностей этнической картины и собственно влияния типа семьи были выбраны республики с различным соотношением русского и титульного (определяющего название республики) населения – Тыва (русские: тувинцы = 1:6), Якутия (русские: саха =2:3) и Хакасия (русские: хакасы=4:1). Возраст опрашиваемых – от 15 до 25 лет.

Результаты ответов на вопрос о предпочитаемой национальности (этничности) будущего супруга(и) показали, что потомки этнически смешанных браков в большей степени тяготеют к нивелированию значимости национальности брачного партнера, независимо от региона и этнической группы. Сопоставление ответов респондентов по республикам продемонстрировало, что менее демократично относятся к выбору брачного партнера молодежь из моноэтнических семей в Туве. Делать вывод в данном случае о существовании этноцентричных установок наверное было бы неверным. Поскольку моноэтническое окружение, а также доминирование в выборке моноэтнических семей тувинцев обуславливает, что среди высказавшихся «за» тувинца(ку) при выборе брачного партнера оказываются именно представители тувинского этноса, являющиеся потомками моноэтнических браков. Более всего настроенными на межэтнический брак из потомков моноэтнических русских семей оказались также представители Республики Тыва.

Влияние родителей на формирование семейно-брачных ценностей у детей по трем выделенным категориям ценностей – национальность потенциального супруга (и), семейная жизнь детей, ценность брака – анализировалось ранее на материалах выборочного обследования, проведенного в 2000 г. сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН в Республике Тыва [4]. Рассматривалась согласованность мнений детей и их родителей по этим ценностям в тувинских, русских и этнически смешанных семьях. В результате было выявлено, что согласованность мнений родителей и детей о национальности супруга (и) очень высока: согласованность матерей с детьми составляет в среднем около 60 %, отцов с детьми – около 70 %. Таким образом, можно сделать вывод, что в Туве сохранены патриархальные основы воспитания, которые проявляются в большем влиянии мнения отцов на выбор детьми брачных партнеров, а также в формировании ценности семьи, как традиционно одобряемой формы существования зрелой личности, у детей в основном из моноэтнических тувинских и частично из этнически смешанных семей. В русских семьях в Тыве родители детей ориентируют на значимость брака как на условие эффективной самореализации и развития (преобладают личностные ценности) [4, с.26].

Наибольшую индифферентность при выборе национальности супруга (и) демонстрирует в Республике Саха (Якутия) молодежь коренных малочисленных народов Севера (КМНС) из межэтнических семей (85%) и те, кто не определился с выбором национальности (88%).

В Республике Хакасия самая большая доля нивелирующая значение национальности при выборе брачного партнера среди хакасов (74% из моноэтнических семей и 93% – из этнически смешанных).

Сопоставление результатов в Хакасии с данными по Республике Тыва позволяет сделать вывод, что при выборе национальности брачного партнера представители титульного этноса ориентированы на реальную ситуацию возможности создания семьи в республике. Если в Туве

доминирующее большинство предполагает, что шансов выйти замуж или жениться гораздо больше при выборе тувинца(ки), то в Хакасии этническое большинство русской группы предполагает, что шансов создания семьи у хакасской молодежи с представителями своей этнической группы меньше, чем с русской или другой, что, возможно и, обуславливает большую толерантность молодежи титульного этноса в отношении создания межэтнических семей.

Особо хотелось бы отметить, что русская молодежь и из моноэтнических, и из этнически смешанных браков в Хакасии по сравнению с русскими из других республик, оказалась менее всего склонна при выборе брачного партнера недооценивать значение национальности (45 и 64% соответственно).

При сравнении с данными опроса русской молодежи в Хакасии в 2000г., проведенного сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, можно сделать вывод, что этноцентричные настроения у русских усилились. Хотя уже тогда было отмечено Г.С. Гончаровой и Л.Я. Савельевым, что младшие поколения в меньшей степени, чем старшие, ориентированы на этнически однородные браки [5, с. 221]. У хакасов в выборе национальности брачного партнера за 12 лет изменения практически не произошли. Если хакасская молодежь из этнически смешанных и этнически однородных семей в 2000 г. считала, что супруги должны быть одной национальности (10 и 27 % соответственно), то в 2012 г. их мнение по этому поводу осталось практически на том же уровне (8 и 2

Причины произошедших изменений в выборе брачного партнера у русской молодежи в Хакасии требуют дополнительного анализа. Можно предположить, что этому способствовали социально-политические изменения, усиление требований к знанию культуры титульного этноса в том числе, обусловленные модернизацией в программе образования учебных заведений разного уровня, вызвавшее недовольство у самой многочисленной этнической группы в Хакасии. Предыдущие исследования по сопоставлению значимости общения на родном языке и различных типов самоидентификации (этнической, российской, сибирской, республиканской, «северной», космополитической) показали, что модернизация образовательных программ и насильственное привлечение к изучению языка другой этнической группы также может спровоцировать рост недовольства [1, с.67]. Возможно, на формирование данных настроений повлияли созданные социокультурные условия, обострившие постановку вопроса иерархизации самоидентификаций: гражданской, республиканской, этнической. В заключении важно отметить, что установки в отношении выбора этнических характеристик окружения (национальности и языка общения) обуславливают выстраивание социальных дистанций в отношении выбора не только брачного партнера, но и друзей, коллег по работе, предпочтений руководящего состава.

1. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Язык как социокультурный феномен // Сибирский философский журнал. 2012. Т. 10. № 4. С. 64-71.*
2. *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология. М.:Аспект Пресс, 1999. 271 с.1*
3. *Бокова Т.Л. Основные тенденции развития межнациональной семьи в российском обществе // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 103-106.*
4. *Гончарова Г.С. Влияние родителей на формирование семейно-брачных ценностей детей (на примере народов Республики Тыва) //Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII международной конференции (Горно-Алтайск, 19 – 23 сентября 2007 г.) – Т. I – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ.2007. С. 21-27.*
5. *Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. – Новосибирск, Нонпарель. 2004. – 288 с.*
6. *Дробижеева Л.М. Этничность в современной России, этнополитика и социальные практики // Этнопанорама. - 2002. - №1. - С. 1-9*
7. *Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижеева. — М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. —268 с.*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Горбункова Д.Н. (Тольятти)

Стремительные изменения во всех сферах жизнедеятельности современного общества повлияли на предъявляемые требования к системе высшего профессионального образования в сфере подготовки будущих специалистов. В связи с этим научно-исследовательская работа студентов приобретает все

большее значение в процессе образования. В статье анализируется отношение студентов к участию в научной работе (на примере Тольяттинского государственного университета). По результатам исследования сделаны выводы о существующих проблемах в области студенческой науки.

Rapid changes in all spheres of modern society has influenced the requirements to the system of higher professional education in the field of training of future specialists. In connection with the research work of these students is becoming increasingly important in the education process. The article examines the attitude of students to participation in research (by the example of Togliatti state University). According to the research results the conclusions about the existing problems in the field of University science.

Современный период развития общества отмечается изменениями во всех сферах жизнедеятельности человека. Стремительный темп социально-экономических преобразований в стране, увеличивающийся объем информации, смена ценностных аспектов в обществе и тенденция расширения управленческих функций в профессиональной деятельности – все это повлияло на изменение требований, предъявляемых обществом к системе высшего профессионального образования в сфере подготовки будущих специалистов.

Современный специалист должен обладать не только фундаментальными и специальными знаниями, но и способностями к творческому решению практических задач, повышению квалификации, к быстрой адаптации в изменяющихся условиях [1, 4]. Формирование всех этих навыков относится к периоду обучения специалистов в ВУЗе, а воспитываются они через активное участие студентов в научно-исследовательской работе. Подготовка студентов к научно-исследовательской деятельности находит свое отражение в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) [2, 3]. Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) – обязательная, органически неотъемлемая часть подготовки специалистов высшего профессионального образования. Это одна из основных задач университета, которая решается на базе единства учебного и научного процессов [5].

Для изучения отношения студентов к участию в научно-исследовательской деятельности был проведен опрос студентов Тольяттинского государственного университета. Респонденты распределялись по ряду критериев: специализация (студенты технических и гуманитарных профессий в равном соотношении), пол, курс обучения.

В результате исследования было установлено, что 46 % респондентов принимают участие в научно-исследовательской деятельности. Студенты гуманитарного профиля обучения чаще склонны к участию в НИРС (50 % от числа студентов-гуманитариев), нежели студенты технических профессий (42 %). Вероятно, это объясняется тем, что для проведения исследований в гуманитарной сфере нужно меньше затрат и оборудования, чем в технической. 54 % респондентов отметили, что не принимают участие в научно-исследовательской работе.

Подобное распределение характерно как для студентов 1-2-х курсов, так и для студентов 3-4-х курсов. Для участников научно-исследовательской деятельности характерны более высокие показатели успеваемости. Среди них 65 % опрошенных имеют высокие показатели успеваемости, а среди тех, кто не участвует в научно-исследовательской работе, – 43 %. Было установлено, что в составе НИРС больше девушек (52 %), чем юношей (48 %).

С помощью номинальной шкалы мы установили, в каких научных мероприятиях студенты принимают участие наиболее часто. Больше половины студентов принимают участие в олимпиадах и конференциях в качестве слушателя (53 % и 52 % соответственно). В качестве участников на конференциях выступает примерно треть опрошенных. В данном научном мероприятии чаще принимают участие студенты гуманитарных профессий (44 % от числа студентов-гуманитариев), чем студенты среди технических профессий (26 %). Следует отметить, что активными участниками научных мероприятий, которые могут предъявить результаты своих исследований является только треть опрошенных. Больше половины респондентов выступают в роли наблюдателей. 16 % опрошенных отметили, что не принимали участие ни в одном научном мероприятии. Следует отметить, что 51 % студентов указали, что недостаточно информированы или не информированы совсем о проведении научных мероприятий.

В процессе анализа полученных данных было установлено, что 40 % респондентов считают, что участие в научно-исследовательской работе подготавливает студентов к будущей профессиональной деятельности. Наименее популярным ответом (5 % респондентов) оказался вариант «повышение самооценки личности». Таким образом, примерно две пятых опрошенных считают, что участие в НИРС действительно имеет практическую пользу либо для дальнейшего обучения, либо в будущей профессии.

На подготовительном этапе исследования мы предполагали, что стимулом участия в исследовательской работе для студентов могут послужить дальнейшие планы в контексте получения образования – поступление в магистратуру. Следует отметить, что 41 % опрошенных собираются продолжить обучение в магистратуре, из которых больше половины занимаются научной работой, принимают активное участие в конференциях и олимпиадах. Таким образом, научно-исследовательская работа действительно может послужить стимулом для поступления в магистратуру.

В ходе исследования мы попытались выяснить, какими навыками научно-исследовательской работы владеют студенты по шкале: «владею хорошо» – «имею некоторые навыки» – «не владею».

41 % респондентов считают, что хорошо владеют техниками подбора и анализа теоретического материала. Следующим навыком – подготовка презентаций на конференциях – хорошо владеют 35 % участников опроса. Сравнивая полученные показатели по двум группам (технические и гуманитарные специальности), мы получили, что гуманитарии больше компетентны в подготовке научных публикаций (20 %), нежели студенты среди технических специальностей (8 %). Проведением же расчетов больше владеют студенты технического профиля обучения (32 %), чем студенты-гуманитарии (6 %). Результаты опроса показывают, что навыки исследовательской работы большей частью сформированы на уровне теории. Практическими навыками проведения исследований владеет менее пятой части участников опроса.

По мнению студентов, научно-исследовательская деятельность оказывает существенное влияние на качество профессиональной подготовки. Больше половины участников опроса считают, что научная работа развивает творческие способности, побуждает к поиску и углублению профессиональных знаний. Интересно, что только 4 % опрошенных считают, что научная работа никак не влияет на качество профессиональной подготовки.

Анализируя мнения студентов относительно удовлетворенности организации НИРС в вузе, можно сделать вывод, что в целом условия для занятия научно-исследовательской работой в Тольяттинском государственном университете удовлетворительные. Больше половины студентов отметили, что представители кафедры уделяют постоянное внимание студенческой научной работе.

Выдвинутые на подготовительном этапе гипотезы в ходе исследования были частично или полностью подтверждены. Так, было установлено, что:

1. Студенты гуманитарного профиля обучения чаще принимают участие в НИРС, нежели студенты технических профессий.
2. Для участников НИРС характерны более высокие показатели успеваемости.
3. Студенты технического профиля обучения больше владеют проведением расчетов, а студенты гуманитарного профиля – подготовкой публикаций.
4. В составе участников НИРС больше девушек, чем юношей.
5. Студенты 3-4-х курсов проявляют больший интерес к участию в научно-исследовательской работе, чем студенты 1-2-х курсов обучения.
6. Поступление в магистратуру может послужить стимулом участия в НИРС.

В заключение следует отметить, что научно-исследовательская работа занимает важное место в профессиональной подготовке каждого студента. Согласно результатам проведенных исследований, большинство студентов отмечают, что научно-исследовательская работа имеет практическую пользу в сфере дальнейшего образования или будущей профессиональной деятельности. Научно-исследовательская работа является важным и действенным фактором учебно-воспитательного процесса: способствует развитию студента, формирует его мотивацию, интерес к выбранной профессии, расширяет границы профессиональной деятельности, повышает его творческий потенциал, формирует профессиональные и общие компетенции и повышает качество образования. Однако следует отметить, что меньше половины студентов принимают участие в НИРС, а студенты, которые могут представить результаты своих исследований, составляют лишь треть опрошенных. Также исследование показало, что навыки научной работы лучше сформированы на уровне теории, а практическими навыками владеют немногие. Таким образом, проблема активизации научно-исследовательского потенциала студентов в настоящее время – одна из важнейших задач профессионального обучения.

- учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 69.
2. Иванова, Т. Н., Желнина, Е. В. Профессиональный стандарт педагога. Социологическое изучение оценки нового профстандарта работниками образовательных учреждений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 1 (5). – С. 5 – 15.
3. Чупрова, Л. В. Организация научно-исследовательской работы студентов в условиях реформирования системы высшего профессионального образования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 5-2. – С. 167-170.
4. Шереги, Ф. Э. Дисфункциональность российского высшего профессионального образования // Альма матер. – 2010. – № 1. – С. 21-28.
5. Яковлева-Чернышева, А. Ю., Дружинина, А. В., Алексеев, В. П. Инновационные подходы к организации научно-исследовательской деятельности университета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 4 (апрель). – С. 16-20. [Электронный ресурс] – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15092.htm> (Дата обращения: 17.09.2016 г.).

УРОВЕНЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТОЛЬЯТТИНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Горбунов Н.М. (Тольятти)

Стереотипы региональной идентичности определяют жизненные стратегии россиян, их представления о личном успехе, социальных возможностях, социальной справедливости. В условиях модернизации социальных институтов и глобализации региональные идентичности являются наиболее динамичными структурами, они тесно связаны с процессами социальной мобильности и миграции [1]. Компонентами региональной идентичности, являются: самоидентификация – соотнесение себя с определенным регионом в определенном пространственном, административно-государственном отношении. Теория социального конструирования реальности позволяет проблемы региональной идентичности на уровне повседневных взаимодействий индивидов. Анализ идентичности в условиях общественных трансформаций был проведен в трудах Э. Эриксона. В зарубежной науке предметом исследований Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума стала роль государства и политических элит в формировании идентичностей. В отечественной науке на основе изучения конкретной социальной практики об этом писали Л. М. Дробижева, В. А. Тишков, И. С. Кон, В. В. Коротеева, В. С. Малахов, Э. А. Паин, В. А. Шнирельман и др. Данные исследования приобрели особую актуальность, начиная с 90-х годов прошлого века.

В концепции социального конструирования реальности, как отмечает Л. М. Дробижева, государственная, гражданская идентичность функционируют благодаря существованию в обществе этих категорий и систем классификаций, которые усваиваются личностью в процессе социализации. Значимость государственной, гражданской идентичности, так же, как и этнической формируется, если в процессах категоризации участвуют элементы знания, которые для личности представляют ценность. В соответствии со знаниями, полученными в школе, общении с родственниками, друзьями, под влиянием СМИ происходит формирование ценностей, выступающих регуляторами конструируемых ими идентичностей.

Регион представляет собой «гомогенное пространство, выделенное самими людьми, имеющим физико-географическую, хозяйственную, этнокультурную и языковую общность, а также общность исторической судьбы» [2]. В связи с этим можно утверждать, что, понятие «региона» имеет довольно широкое содержание, которое формируется в соответствии с исследовательскими задачами. Существует точка зрения, согласно которой выделение региональной идентичности не вполне корректно в общей структуре идентичностей. В то же время другие авторы предпринимают попытки классифицировать и структурировать иерархию идентичностей и выделить в ней место региональной идентичности. В данном случае региональная идентичность рассматривается в качестве одного из уровней территориальной идентичности, при этом нижняя ступенька отдана локальной идентичности. Верхний «этаж» в иерархии территориальных идентичностей занимает национальная идентичность. В другой плоскости находится этническая идентичность, которая также строится иерархично. Результаты исследований показывают, что человек чаще всего идентифицирует себя со своим поселенческим социумом, т. е. в обычной ситуации он отдаёт приоритет локальной идентичности. Соответственно, он выстраивает иерархию территориальных идентичностей «снизу вверх»: от локальной к национально-государственной.

Как отмечает Е. В. Еремина [3] региональная идентичность как объект социологического анализа смысловым разнообразием. Это предполагает комплексное междисциплинарное исследование данного социального феномена. Большое значение имеет влияние физического пространства. Кроме этого, необходимо принимать во внимание особенности символического освоения пространства. Региональная идентичность может быть детерминирована посредством постижения культурного и социального пространства осваиваемого региона. В связи с этим мы можем увидеть процесс формирования представлений о региональной самобытности, редкости, уникальности. Однако для развития социологической науки имеет значение не только изучение специфических черт, но и выделение общего. В современной науке проблемы формирования теоретической модели региональной идентичности не нашли глубокой проработки. Задачи создания комплексного социологического инструментария также не рассматривались достаточно подробно [6].

Проблема региональной идентичности в последние годы приобрела актуальность для Тольятти. Это вызвано ухудшением социально-экономического положения горожан, миграционными процессами, которые приводят к снижению численности населения Тольятти, в особенности молодежи.

Эмпирической базой выступления послужили материалы социологического исследования, проведенного в январе 2016 года в Тольятти. В социологическом исследовании «Выпускник – 2016», проведенном отделом информационно-аналитического обеспечения МКОУ ДПО «Ресурсный центр» г. о. Тольятти приняли участие 1745 правильно заполненных анкет. Среди опрошенных 49 % юношей и 51 % девушек. Основная цель исследования заключалась в изучении стереотипов региональной идентичности выпускников средних школ Тольятти. Среди задач исследования выделялись: 1) выяснение отношения выпускников средних школ Тольятти к своему городу; 2) изучение мнений подростков (отдельно: планирующих остаться в Тольятти и планирующих уехать) об оценке различных аспектов городской среды.

25 % выпускников при ответе на вопрос об отношении к городу Тольятти ответили, что им нравится этот город, и они хотели бы в нем жить в дальнейшем.

41 % респондентов, в целом, положительно относятся к городу, но собираются уехать. 14 % участников опроса затрудняются выразить отношение к городу. 4 % выпускников отрицательно относятся к городу, но собираются жить здесь.

17 % опрошенных город не нравится, и они собираются его покинуть.

Можно утверждать, что около двух третей опрошенных положительно относятся к городу Тольятти. Это свидетельствует о значении стереотипов региональной идентичности в сознании данных подростков. Треть опрошенных отрицательно относится к городу. Для них стереотипы региональной идентичности не представляют ценности.

Важно отметить, что желания учащихся оставаться покинуть Тольятти в большой степени зависят от их успеваемости [4]. Отличники и хорошистов в полтора раза чаще собираются покинуть город, чем учащиеся с низкой успеваемостью. Ученики, у которых преобладают удовлетворительные отметки, чаще собираются остаться.

Исходя из полученных данных, можно отметить, что мнения отличников, хорошистов и троечников очень расходятся. Большой процент опрошенных «отличников» не желают дальше строить свою жизнь в городе, но также есть и противоположное мнение «троечников» они собираются дальше проживать в этом городе. Можно сказать, что те кто учился на отлично хотят продолжить свое обучение в более престижном вузе и т.д..

Сравнение результатов опроса, полученных в 2014 и в 2016 годах, показывает, что количество учеников, которые собираются покинуть город, увеличилось на 5 %. При этом количество подростков, которым город не нравится, увеличилось на 7 %. Это свидетельствует, о снижении значимости региональной идентичности среди молодых жителей Тольятти.

Респондентам было предложено оценить возможности жизненных перспектив в Тольятти по трехбалльной шкале. Оценка «3» означала высокий уровень удовлетворения потребностей, «2 средний», а «1» – низкий. Перспективы создания семьи оцениваются в 2,2 балла.

Перспективы трудоустройства по специальности оценены, а также получение качественного образования подростки, которые хотят остаться в городе оценивают в 2 балла. Подростки, которые хотят уехать из Тольятти оценивают эти условия, соответственно, на 0,7 и на 0,3 балла ниже. Качество жизни, уровень доходов подростки, которые хотят остаться в городе оценивают в 1,8 балла, те, которые хотели бы уехать в 1,3 балл. Возможности создания семьи желающие остаться в Тольятти оценивают выше, чем те, кто хочет уехать. Как ни парадоксально,

но патриоты Тольятти ниже, чем те, кто хочет уехать, оценивают возможности приобретения жилья.

Более существенные различия между подростками, которые хотят остаться в Тольятти, или хотят уехать, прослеживаются по оценке красоты природного ландшафта (различие 0,9 балла), образа города, архитектуры (различие 0,8 балла), а также престижа города (различие 0,5 балла).

Стереотипы региональной идентичности могут рассматриваться как комплексный социальный индикатор [5], который свидетельствует об эффективности социальной политики на определенной территории.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что современная школа является значимым социальным институтом, решающим проблему формирования у детей и подростков региональной идентичности в процессе как учебной, так и внеурочной деятельности. Именно в школьном сообществе у ребенка может и должно быть сформировано ценностное отношение к родному краю.

1. Zhelnina, E. V. *Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. - electronic data - Moscow: RSS, 2016. – 378 P. 1 CD ROM; 12 sm - system requirements: Windows XP/Vista/7/10 - Title from disk label. – 2016. – С. 109–115.*
2. Герасимов, А. С. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2003. – № 3. – С. 57–63.*
3. Еремина, Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа *Регионология. – 2011 – № 3. – С. 48–56.*
4. Цветкова И. В. Ценностные ориентации выпускников школ Тольятти по отношению к городу // *Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 07. – ART 14593. – 0,62 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14593.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77- 49965. – ISSN 2304-120X.*
5. Цветкова, И. В., Желнина, Е. В., Ростова, А. В. Перспективы реформирования моногорода в оценке тольяттинцев // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 4. – С. 179–185.*
6. Черникова В.В. *Формирование региональной идентичности в современной России // Издательство Воронежского государственного университета. – 2012. — №3. — С.81-87.*

ТРУДНЫЕ ДЕТИ И ПОДРОСТКИ КАК УЯЗВИМАЯ ГРУППА НАСЕЛЕНИЯ, ИХ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Горлина А.С. (Санкт-Петербург)

Трудные подростки - это дети, чье поведение не соответствует принятым в обществе нормам и правилам, а также чьи действия, влекут за собой общественно опасные последствия. В современном мире все более остро встают проблемы неблагополучных семей, трудных подростков, детей. Все чаще дети и подростки сталкиваются с проблемами, с которыми не всегда может справиться взрослый, и совершают действия, противодействующие закону. Девиантное поведение - совершение действий, отклоняющихся от норм поведения в обществе. Одна из задач социальной работы - это реабилитация, оказание помощи этим категориям населения, адаптация их к обществу и нормальной жизни.

Что же послужило причиной того, что современные подростки стали все чаще совершать противоправные действия? Нынешние дети и подростки становятся более грубыми и эгоистичными. Зачастую, таким образом они пытаются выделиться среди своих сверстников, сделать так, чтобы их заметили. Они начинают распивать спиртные напитки, курить, принимать наркотики, воровать, влезать в разные драки и т.п. Все это становится препятствием нормальному взаимодействию со своими сверстниками, учителями, семьей и обществом. Нередко, что в семьях и школах уделяется недостаточное внимание ребенку, его не хотят понимать, а возможно вообще игнорируются его проблемы и желания. Ошибки и недостатки в школьном и семейном воспитании являются одной из ведущих причин отклоняющегося поведения подрастающего поколения, так как семья и школа - это главные социальные институты, влияющие на становление и развитие личности. Один из факторов такого поведения детей и подростков - нынешняя социализация. Дети сейчас воспитываются под влиянием различных жестоких кинофильмов, СМИ и интернета, где показываются различные разбои, убийства, жестокость, что

запросто может усвоиться ребенком как нормой. Одна из наиболее острых проблем - это социализация детей-сирот. Эта категория больше других подвержена риску попасть в криминализованную среду. Они более уязвимы, так как они лишены родительской любви и ласки, а воспитатели в детских домах не могут выполнить эту функцию полноценно. Их легче заманить в различные преступные группы, особенно под предлогом неплохого заработка.

Перевоспитание и становление на верный путь подростка - это сложный и долгий процесс, к которому нужно подходить с особой осторожностью и индивидуально, ведь каждый ребенок имеет свои внутренние переживания, свой мир, свои причины девиантного поведения. Часто неосторожное и неверное общение учителя с подростком, может стать причиной отвержения и непринятия советов и воспитательного воздействия на него педагога. В случае если подросток начал противодействовать воспитательным влияниям педагогов - это говорит о трудности воспитания и о значительных ошибках в воспитательном процессе. Нужно стараться формировать стремление к учению, воспитание интереса к знаниям, уважение к семье и окружающим людям, любви к школе. Работа в этом направлении многообразна: постоянная связь обучения с трудом, применение знаний на практике, убеждение в необходимости изучать тот или иной предмет, показ значимости знаний в ведущих профессиях наших дней, встречи с представителями популярных профессий и т.д. Конечно, формирование положительных мотивов нельзя ограничивать лишь удовлетворением познавательных интересов трудных подростков. Необходимо поощрять подростка за его успехи, показать, что результат его деятельности дает положительный результат как обществу, так и ему самому. Один из самых наиболее распространенным и опасным фактором, влияющим на отрицательное воздействие на ребенка являются испорченные семейные взаимоотношения, которые оборачиваются разрывом семьи, и неправильный путь воспитания ребенка родителями. Надо все время анализировать процесс и результаты влияния на ребенка, вовремя устранять причины, порождающие трудновоспитуемость, не давать им соединяться вместе. Как писал известный педагог А.С.Макаренко :«Цели нашей работы должны быть выражены в реальных качествах людей, которые выйдут из наших педагогических рук. Успех нашей работы зависит от бесчисленного количества обстоятельств: педагогической техники снабжения, качества, материала. Дети - наш основной материал, который неизмеримо разнообразен».

Будущее нашей страны и целого мира зависит от нового поколения, и каждый человек в обществе является высшей ценностью. Чтобы в дальнейшем жизнь становилась лучше, нужно воспитывать детей, прививать моральные нормы, общепринятые правила поведения, оказывать достаточное внимание к каждой подрастающей личности. Мы должны относиться к каждому ребенку, учитывая его потребности, переживания, проблемы, ведь мир каждого из них очень хрупок и к нему нужно подходить крайне аккуратно, чтобы не разрушить его, а делать лучше, пытаться реализовать потенциал ребенка. Гуманизм, оптимизм, индивидуальный подход к развитию личности ребенка, максимальное использование воспитательных возможностей социальной среды, различных детских организаций, опережающее развитие положительных качеств в борьбе с отрицательными – все это становится основой воспитания и перевоспитания. В первую очередь, именно в школе и семье должны присутствовать профилактические меры появления новых трудных подростков.

«ЕСТЬ ИЛИ НЕ ЕСТЬ?» ИЛИ АНОРЕКСИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Горовец В.Н., Ярошевич Е.А. (Могилёв, Республика Беларусь)

Среди плотно укоренившихся в современном обществе социальных девиаций можно выделить особо острую проблему – нарушения пищевого поведения. Основными нарушениями пищевого поведения являются нервная анорексия и нервная булимия, выступающие в качестве форм аддиктивного поведения и имеющие ряд общих черт. Однако нервная анорексия имеет свои особенности. Она представляет собой расстройство, характеризующееся преднамеренным снижением веса, вызываемым и поддерживаемым самим индивидом [5]. Это психическое нарушение, в процессе которого у человека возникает непреодолимое желание потери веса. Для больных нервной анорексией характерен панический страх полноты, неадекватное представление о своей внешности, искаженное отношение к еде. Нарушение пищевого поведения в качестве синдрома нервной анорексии встречается при двух типах девиантного поведения: патохарактерологическом и психопатологическом.

Сегодня, в век высоких технологий, огромное количество людей «заражены вирусом» преанорексии как системы ценностей и образа жизни, которые главным образом транслируются через тематические группы в социальных сетях. Это связано с тем, что социальные сети являются не только пространством для передачи идеалов телесной культуры, но и реальностью для коллективной рефлексии, обмена опытом и трансляции личных версий телесной красоты.

Интерес к данной проблематике породил многообразие точек зрения, объясняющих причины рассматриваемого феномена. Психодинамический подход, начиная с работ З. Фрейда, нарушения пищевого поведения, в первую очередь, трактует наличием непреодолимых архаичных комплексов. Для сторонников теорий отношений очевидной причиной возникновения нарушений пищевого поведения являются неконструктивные и конфликтные по своему характеру взаимоотношения с членами семьи. Как отмечают Дж. Нардонэ и его коллеги, в последние годы возникло новое направление, тесно связывающее нарушения пищевого поведения с различными химическими зависимостями, например, с алкоголизмом [4]. Демешкина Л.В. со своими коллегами выделяет такие факторы риска развития нервной анорексии как женский пол, перфекционалистическая личность, сложности в преодолении негативных эмоций и разрешении конфликтов, заниженная самооценка и др. [2].

Сегодня миллионы людей, отождествляя понятия «Красота» и «Худоба», подрывают свое здоровье ради мнимых идеалов красоты. «Популярность» нервной анорексии связана с тем, что сегодня стройность является не столько желаемым, сколько внушаемым идеалом, а телесный капитал выступает в качестве показателя успешности. Красота стала приоритетнее здоровья, и это особенность не только современного общества. Средневековье – еще один период впервые в истории, где наблюдался взгляд на худое и анорексичное тело как на эталон красоты. Однако тогда это было связано только с религией: главенствующим был принцип монашеского аскетизма [1].

Сегодня худое тело рассматривается в качестве эталона по другим причинам. Во-первых, это связано с эмансипацией женщины, с изменением ее традиционной культурной роли [1]. Во-вторых, вместе с женской эмансипацией трансформируется мода, которая, обнажив тело, превратило его в еще большую эстетическую ценность. В-третьих, сегодня стройное тело выступает в качестве социального капитала. В-четвертых, современные люди склонны к различного рода зависимостям, где худой человек выступает в качестве независимого от низовой части своей природы и т.д.

В большинстве случаев «жертвами» данного расстройства являются представительницы именно женского пола, в чем огромную роль играют СМИ и семья. В частности, Сулейманов Р.А. и Артемьева М.С. уверены, что негативное отношение к любым отклонениям от «идеального веса» диктуется именно прессой и телевидением [6]. С анорексией «хорошо знакомы» девушки из семей, обладающих достаточно высоким статусом в обществе, ведь требования к их поведению, учебе, внешнему виду достаточно высоки, с чем не все в состоянии справиться. Е.В.Змановская утверждает, на самом деле, это случается именно с «хорошими девочками», всю жизнь старавшимися соответствовать ожиданиям родителей, но неожиданно ставшими упрямыми в подростковый период [3]. Анорексия близка девушкам фотомоделям, спортсменкам, балеринам и т.д. Ведь худое тело – это не только формальное требование к роду их деятельности, но и личная убежденность в том, что «будь я худее – покажу лучший результат».

В погоне за социальным одобрением, сегодня данному заболеванию подвержен и «сильный пол». Но у мужской анорексии есть свои особенности. Во-первых, у большинства мужчин нервная анорексия развивается в рамках шизофренического процесса [7]. Во-вторых, если у значительной части девушек данное заболевание проявляется в пубертатном возрасте, то у мужчин – в возрасте 40 лет и старше. В-третьих, для мужчин главным мотивом отказа от пищи является снижение своего веса в целях улучшения своего здоровья, для девушек (в большинстве своем) – привлечения внимания противоположного пола и следование модным тенденциям.

Лечение анорексии – достаточно сложный и длительный процесс. Если анорексией болеет молодой человек, то наиболее эффективным является подход семейной терапии. Для людей более старшего возраста большую роль играет индивидуальная и групповая психотерапия. Огромную роль в лечении играет мотивация страдающего анорексией. Однако даже при успешном лечении анорексии возможны рецидивы в дальнейшем.

Таким образом, нервная анорексия – тяжёлое психологическое состояние, выражающееся в стойком нарушении пищеварения и отвращении к еде в принципе. В условиях современного

общества данному заболеванию подвержены не только женщины, но и мужчины, которые осознанно отказываются от пищи, не задумываясь о цене – о собственном здоровье.

1. Бударина, К.А. *Тело: опыт историко-культурной экспозиции/Основы экономики, управления и права.* – 2014 г. – №1. – с.84-89.
2. Демешкина, Л.В. *Нервная анорексия: обзор и клинический случай/В.Демешкина, О.Н. Сердюченко, Д.А. Сердюченко // Гастроэнтерология.* – 2015 г. – №3. – с.59-66.
3. Змановская, Е.В. *Девиянтология: (Психология отклоняющего поведения): Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений.* – М.:Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.
4. Келина, М.Ю. *Социокультурные факторы формирования неудовлетворенности телом и нарушений пищевого поведения.* – Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012 г. – №.640. – с.158-166.
5. Менделевич, В.Д. *Психология девиантного поведения. Учебное пособие.* – СПб.: Речь, 2005. – 445с
6. Сулейманов, Р.А. *Экономические и социальные аспекты нервной анорексии /Р.А.Сулейманов, М.С.Артемьева// Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке».* – 2009 г. – №5. – с.203.
7. Цивилько, М.А. *Об особенностях нервной анорексии у мужчин/М.А.,Цивилько, М.В., Коркина, А.Е., Брюхина//Вестник РУДН.* – 2001. – №1. – с.40-42.

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОЙ И НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА И РАДИКАЛИЗМА

Гребенщиков И.В. (Санкт-Петербург)

Современное информационное пространство, лишённое системы навигации и фильтров, способствует процессу отождествления, скрытия и замещения смыслов целого ряда понятий. В восприятии реципиента информации диффузия разных по сути обозначений формирует симулятивную область знания, не только лишённую правильной коннотации, но и, как следствие, бессильную для конструирования эффективных технологий реакции на явления социальной среды. Особенное значение данная деформация системы знаний приобретает в сфере противодействия социальным вызовам и рискам. Общая тенденция поверхностного восприятия социальной действительности находит свое выражение в интерпретации явлений экстремизма и радикализма.

Анализ научных работ говорит о том, что авторы определяют понятия «радикализм» и «экстремизм» схожим образом, до степени неразличимости. [1]

Понятие радикализм возникло в Англии в 1832 года в среде противников Билля об избирательной реформе, как характеристика сторонников нововведения. Позднее радикальными были признаны доктрины Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. В XIX веке радикализм стал трактоваться шире, как политическое, философское, религиозное, культурное, просветительское движение. Наконец, черты современного понимания термина радикализм в 1930 году обозначил американский ученый Хорас Каллен: «Радикализм — это отличающаяся философия и идея социального преобразования, направленная на систематическое разрушение того, что ненавистно, и замещение его искусством, верой, наукой или обществом, которое логически расценивается как правильное, хорошее, красивое и справедливое». [2]

История происхождения понятия радикализм свидетельствует о том, что радикализм трудно связать с какой-либо определенной политической позицией. Радикализм является скорее качеством любой идейно-политической конструкции. Данное качество находит выражение в игнорировании допущения альтернативных путей разрешения противоречия.

В рамках нормативно-правовой базы понятие радикализм фигурирует в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)». [3] В документе понятие радикализм лишено значений преступления и причислено к одной из проблем в сфере состояния межэтнических отношений в России.

Термин радикализм находится также в тексте документа «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации». [4] Здесь радикализм обозначается как один из факторов, обуславливающих возникновение и распространение терроризма в России либо способствующих ему причинами и условиями.

В третьем случае понятие радикализм отражено в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». [5] Здесь термин радикализм интерпретируется, как «глубокая приверженность идеологии экстремизма, способствующая

совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации». В данном случае понятие радикализм напрямую связано с экстремизмом. Данная трактовка радикализма определяет его как преступление.

Наконец, в документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [6] говорится лишь о «религиозном радикализме», отнесенном к одной из форм экстремизма, наряду с актами терроризма, национализма, сепаратизма. Такое прочтение радикализма снова ставит его в разряд преступных деяний и снова относит его к категории экстремизма.

Обращаясь к рассмотрению понятия «экстремизм», важно отметить, что впервые его использует Аристотель, как характеристику состояний, являвшихся антиподами стабильности, сдержанности и т. д. [7] Свое возрождение понятие экстремизм пережило в середине XIX века, когда термин был использован в теории государства и политической прессе Великобритании. [8] После окончания Второй мировой войны под экстремизмом стали понимать диктаторские политические режимы правого и левого идеологического толка. [9]

Философский, социологический и политологический подходы не находят компромиссного понимания экстремизма и отличаются множественностью его толкования. В некоторых исследованиях экстремизм определяется, как определенный вид противоправной деятельности, направленной на достижение стоящих перед субъектом экстремизма целей с использованием насильственных методов. Другие исследователи понимают под экстремизмом тип девиантного поведения. [10]

В федеральном законе 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" изначально устанавливает тождество между понятиями «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Таким образом, основополагающий закон по данному направлению называет преступлением совершенно конкретные действия, список которых ограничен. [11]

Следующим документом является «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». [12] Здесь обращает на себя внимание дефиниция «идеология экстремизма (экстремистская идеология)», указанная в разделе «основные понятия» – «система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов». Происходит нормативная попытка связать экстремизм в сугубо деятельной форме, как это устанавливает ФЗ N 114, с мировоззренческими и идеологическими ориентациями, априорно не являющимися деятельностью. Другие документы, в которых используется понятие экстремизма – «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и «Уголовный кодекс Российской Федерации» – основывают свои формулировки на дефинициях, приведенных в ФЗ N 114.

Итак, экстремизм относится к средствам, в то время как радикализм сконцентрирован на цели. [13] Политическая сущность радикализма и экстремизма совершенно различна. Радикализм в самой крайней своей форме может выступать лишь как угроза стабильности режима, ведь он по своему существу – мировоззрение, теория, философия, суждение, методология. Экстремизм, как доказывается выше, аморфен, экзонимичен, но выступает угрозой самому существованию государства и онтологически склонен к реализации данной угрозы насильственными методами. Радикализм не является экзонимичным и может использоваться политическими акторами для характеристики самих себя. Наконец, термин «экстремизм», под влиянием злоупотреблений в СМИ и правоохранительной системы все в большей степени является «ярлыком», в то время как радикализм сохраняет шансы остаться академическим термином. Радикализм и экстремизм родственны в желании резкого переустройства актуальной политической системы. Но радикализм задает лишь смыслы и методологию, останавливаясь на суждении, а экстремизм исповедует исключительное действие. Более того – экстремизм не операционализируем, вследствие его динамичности и экзонимичности. Итак, при понимании терминов «радикализм» и «экстремизм» необходимо учитывать их диахронический контекст, что позволяет их разделять в современном смысловом наполнении.

1. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках [Электронный ресурс] // Казанский федеральный университет. - Режим доступа: <http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremitizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> - Загл. с экрана.

2. Kallen. H. *Radicalism / Encyclopaedia of the Social Sciences (15 vol, NY 1930–34), № 13, pp. 51–54.*
3. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. - Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> - Загл. с экрана.
4. «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/ - Загл. с экрана.
5. «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ - Загл. с экрана.
6. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ - Загл. с экрана.
7. Сергун Е. П. *Экстремизм в российском уголовном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тамбов. 2009. 235 с.*
8. Бибодова Б. Б. *Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. — 2013. № 1. — С. 259- 260.*
9. Eatwell R. Goodwin M. J. *The new extremism in the 21-st century — NY: Routledge/ 2010. p. 28.*
10. *Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона / Под ред. А.С. Зайналабидова и В.В. Черноуса. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. с. 12*
11. *О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.*
12. «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. - Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> - Загл. с экрана.
13. Фридман Ю. *Что такое политический радикализм. Ответы на опрос журнала «Полярная звезда» [Электронный ресурс] // «Полярная звезда» - Режим доступа http://www.zvezda.ru/politics/2002/11/14/radicalism_2.htm - Загл. с экрана.*

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СТАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Григорьева И.А., Келасьев В. Н. (Санкт-Петербург)

Старение общества – глобальный процесс современности, поэтому внимание к нему растет со стороны разных наук. Сформировалось, точнее, было сконструировано, представление о «риске старения» или «старении как риске», на котором настаивают демографы и экономисты. Но в 1970-е годы представители этих же наук «били тревогу» из-за быстрого роста населения в развивающихся странах и, вместе с экологами, говорили о риске исчерпания ресурсов Земли. Но конструирование «демографических угроз» происходит вне связи с тем фактом, что «нормативов» соотношения численности возрастных групп не существует и не существовало.

В современной социологии появилась проблематика социально-возрастного структурирования общества, которая становится все более актуальной. На смену бума молодежных и гендерных исследований приходит бум исследований пожилых. Но в связи с новизной и глобальностью ситуации старения обозначились парадоксы интерпретаций, поскольку представления о молодых и пожилых как базовых категориях социального порядка, перегружены стереотипами.

В первую очередь, это столкновение архаических стереотипов и новых сценариев старения в современной России. На социологическом языке – это столкновение проблематизаций. В сознании не только населения, но и специалистов обнаруживается дилемма гуманности в отношении пожилых. Она связана с выяснением того, что является адекватным отношением и помощью пожилым – восстановление здоровья и обновление квалификации для продолжения занятости или разнообразное обслуживание и уход. По сути, это продолжение старой дилеммы, кто такие пожилые: носители мудрости или немощности.

Демографы постоянно пишут об увеличении численности пожилых, но этот процесс не может бесконечно нарастать. Скоро это нарастание закончится, так как все многочисленное поколение послевоенного «бэби-бума» в США, Европе и России постареет. Следующее поколение, родившееся в конце 1950 - нач. 1970-х, существенно малочисленное. В России всплеск старения будет снова только через примерно 30 лет, в процессе старения людей, родившихся в середине 1980-х. А затем снова последует большой спад из-за малочисленности родившихся в 1990-х.

Для нас, да и в целом для общества, важнее, что реальное старение современного населения отодвигается примерно на 15-20 (???) лет по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями. Реальная старость начинается не ранее 75 -80 лет (в среднем). Это огромное гуманитарное завоевание пока оценивается только с позиций увеличения продолжительности жизни, но не возможности длительно сохранять полноценное включение в общество. Конечно, это достигается за счет расширения периода поздней зрелости. Пока только в нескольких европейских странах отменили верхнюю границу пенсионного возраста, предоставив людям самостоятельно решать, продолжать работу или нет. В России, к сожалению, факт появления поздней зрелости пока никак не осознан и, тем более, не оценен ни государством, ни большинством населения, которое жестко отстаивает как можно более ранний пенсионный возраст. Закономерно, что возможностью продуктивно реализовать поздний возраст, пользуются только часть высококвалифицированных специалистов, преимущественно ученые, преподаватели, деятели искусства.

Продление жизни достаточно существенно зависит от собственного образа жизни человека, его настрой на продолжение жизни, долгожительство, что становится очевидным все большему числу людей. Однако препятствует формированию настрой на долгожительство и нового отношение к себе исторические традиции, связанные с разными вариантами саморазрушения, включая военные подвиги и другие геройские поступки, предполагающие ранний уход из жизни. В менталитете современного россиянина сталкиваются как минимум, два типа программ жизнедеятельности: архаическая и современная. Архаическая, доставшаяся от прежних поколений, ориентирует на то, что настоящая жизнь – не более, чем до 40-50 лет, а потом доживание и умирание. Для женщин жизнь теряет смысл, когда дети выросли, а для мужчин – с окончанием профессиональной деятельности, военных подвигов и т.д. А современная программа ориентирует на активное долголетие и на то, что и в позднем возрасте человеку доступно абсолютно все. При этом качество этих увлечений может превышать все, что было доступно в неопытной юности, или отягощенной обязательствами зрелости.

К сожалению, побеждает чаще архаическая программа короткой жизни.

Медицинская наука оказывается также пронизанной стереотипами архаического сознания, опирающегося на то, что нет особой нужды восстанавливать здоровье пожилых, поскольку их ценность для общества невелика, а старение неизбежно и естественно. Поддержка здорового старения оказалась сложной задачей, к которой медицина не готова. Медицина подчеркивает полиморбидность старения, отягощенность болезнями, но при этом игнорирует тот факт, что количество бодрых и успешно продолжающих работать пожилых в разных сферах общества постоянно растет. Необходимо менять проблематизацию, чтобы изучать механизмы адаптации успешных пожилых к старению, а не их болезни.

Архаическая мифология чрезвычайно устойчива и укоренена во всех сферах общественного сознания. Российские СМИ страдают эйдджизмом, часто «из добрых побуждений», преувеличивают нуждаемость «пожилых» в уходе и мало пишут о новых возможностях для пожилых. Сами же пожилые внушаемы, и ждут от СМИ другого, как нам представляется, скорее заверений, что старость наступает не в 55/60 лет, а гораздо позже! СМИ же постоянно воспроизводят архаические программы и закрепляют их в сознании людей, а люди в России привыкли верить печатному слову. Это «слово» имеет отчетливо эйджисткий характер, поскольку журналисты часто преувеличивают немощность пожилых и их потребность в постороннем уходе. Это преувеличение может сопровождаться фактическими ошибками, когда, например, число пожилых преувеличивается.

Профессиональное образование как институт воспроизводит те же архаические стереотипы, связанные с недооценкой образования и сводится к обучению человека специальности. Оно ориентировано на молодежь и очень прагматично. Потребности в образовании пожилых осмысливаются только в русле отставания от этих новых технологий, особенно информационных. Принятие этой установки пагубным образом сказывается на мотивации пожилых, их готовности к освоению чего-либо нового. Это же порождает полное отсутствие преподавателей, подготовленных для обучения пожилых.

Обществу нужны «сигналы сверху» о новых нормах и идентичностях, что работать дольше важно и полезно самим пожилым, что нужно учиться и повышать квалификацию в любом возрасте, научиться заботиться о своем здоровье; заботиться о ком-то, кто рядом, развивать взаимопомощь и соседское сообщество. При этих условиях статус пожилых поменяется, из «балласта» на востребованный социально-экономический «ресурс».

Но переход к новой идентификации и новому месту в структуре общества не будет для пожилых и российского общества быстрым и беспроблемным.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО МОЛОДЕЖИ

Гринкевич О.В. (Минск, Республика Беларусь)

В связи с происходящими трансформационными процессами в странах постсоветского пространства, нарастающими темпами социально-экономических преобразований и складывающейся современной геополитической ситуацией становится актуальным вопрос конкретизации перспектив развития данных государств, в частности, с помощью изучения возможных образов будущего в ожиданиях и представлениях их граждан. Так, потребность постсоветских стран в определении будущего национального развития находит свое выражение в утверждении различных программных документов, направленных на уточнение и прояснение возможных путей, по которым они намерены двигаться. Например, в Российской Федерации одним из таких документов становится «Стратегия-2020», в Республике Беларусь – «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.».

Особый интерес в изучении данной проблематики вызывает исследование образов будущего молодежи как специфической социально-демографической группы, творческого и наиболее активного социального субъекта. Необходимость исследования настоящей социальной группы, в том числе, обуславливается тем, что сегодня она сталкивается с проблемами деклассизации, трудностями выхода на рынок труда и определения жизненных стратегий, невостребованностью её таких личностных качеств, как индивидуализм и независимость, которые культивировались в ней обществом и навязывались средствами массовой информации, ограниченностью реального социального опыта, вытекающим из глубокой включенности молодых людей в использование информационных технологий, и др., что, в конце концов, приводит к вызреванию их массовых пессимистических умонастроений [1; 2]. В связи с этим представления молодого поколения могут послужить основой формирования молодежной политики страны путем выявления в них актуальных его потребностей, в том числе, связанных с разрешением имеющихся у него проблем. Кроме того, благодаря своей целевой (конструктивной) составляющей образы будущего могут выступить в качестве средства диагностирования перспектив развития того или иного общества.

Итак, с целью выявить, каким видит будущее белорусская молодежь и что в нем её волнует больше всего, было проведено разведывательное исследование среди студентов Белорусского государственного университета. Методом доступной выборки с помощью заочного письменного опроса – эссе на тему «Мой образ будущего» – были обследованы студенты 5 курса радиофизического факультета (ноябрь 2015) и 3 курса биологического факультета (март 2016). Результаты анализа собранных материалов показали (173 документа), что в образе будущего выделяются уровни, для каждого из которых оказывается присущ свой набор актуальных тем: индивидуальный, или образы микроуровня, и надындивидуальный, или мезо – страны, и макроуровня – человечества, или цивилизации. Надо отметить, что при этом они вписываются в более общие представления о направленности движения времени – его определенности / неопределенности, прогрессивном / регрессивном изменении или сохранении неизменного состояния и проч.

На микроуровне волнующими темами для студенчества оказываются: трудоустройства, достойной оплаты труда, поиска партнера и создания семьи, саморазвития, самоопределения, отдыха и наличия хобби, достижением определенного социального статуса («я успешный молодой человек, богатый, бизнесмен»), «я хочу быть не просто мамой, а подругой, сестрой...») и др.

Мезоуровень связывается с ожиданием роста стабильности и благосостояния страны, вопросы повышения заработных плат и проч. Рассматривалась тема возможного переезда на постоянное место жительства в другие страны.

Что касается макроуровня, то объем охватываемых им проблематик раскрывается через представления молодежи о скорых достижениях человечества (открытие альтернативных / бесконечных источников энергии; широкое освоение космических пространств, в частности, с распространением земной жизни на другие планеты; медицинские прорывы – победы над болезнями, создание «протезов, которые не отличаются от реальных конечностей»), развитие генной инженерии; подготовка искусственного интеллекта, развитие виртуальной реальности и

др.), о существующих и усугубляющихся экологических проблемах, угрозах войн, кибервойн, терроризма и агрессии, он также касается экономических вопросов – возрастающее потребление, значимости денег, проблем неравенства, добра и зла, демократии и др.

Кроме того, рассматривается тема взаимодействия этих уровней – с точки зрения индивида и общества. С одной стороны, студенты ожидают становление их гармоничных отношений, а с другой – указывают на важность приоритета одной из сторон. Обращается внимание на растущее ослабление социальных связей между людьми и подмену этой ценности взаимодействия, в том числе, с окружающим миром, на «мелкие цели». Следует отметить, что студенты пишут о своем желании оказывать социальную помощь и быть полезными.

Надо указать, в том числе, что образы будущего были наполнены эмоциональной лексикой («интересно», «ужас», «больно» и др.). Существующее чувство тревожности в отношении предстоящего будущего молодые люди объясняли как реакцию на складывающуюся мировую ситуацию.

Таким образом, образ будущего может выступать в качестве средства выявления наиболее волнующих социальных субъектов перспектив развития общества и острых социальных проблем, которые они в нем представляют. Для молодежи данные проблематики раскрываются на опосредующих друг друга уровнях – индивидуальном и надиндивидуальном (страны и человечества в целом).

1. Данилов, А.Н. *Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды* / А.Н. Данилов. – Минск, 1999.

2. Galland, O. *Les jeunes et la société : des visions contrastées de l'avenir* / O. Galland // *Les jeunes face à leur avenir. Une enquête internationale, Fondation pour l'innovation politique. Enquête réalisée par Kairos Future* / A. Stellingner. – Paris, 2008.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Громова Н.С. (Екатеринбург)

Экстремизм в современном обществе является серьезной проблемой, которая угрожает общественной безопасности и нарушает конституционные принципы функционирования государства. При тех методах экстремистской деятельности, которые появились в связи с ускорением НТП, общество становится практически незащищенным перед угрозой. Однако общество не только является объектом воздействия экстремистов, оно само создает питательную среду для развития этого явления. Большая часть современных форм экстремистской пропаганды была бы совершенно бесполезной при условии невозможности провокаций в общественной среде.

В вопросе установления причин существования экстремизма ученые практически единодушны: социальные условия и уровень развития общества способствуют зарождению и бытованию этого явления. Среди основных факторов, возбуждающих экстремистские настроения выделяют: слом сложившихся социальных структур; обнищание массовых групп населения; рост антисоциальных проявлений; нарастание чувства ущемления национального достоинства [6]. При этом, чем ближе социум к уровню гражданского общества, тем меньше шансов у экстремистов подорвать его устои и наоборот, чем ниже уровень развития – тем проще разжечь среди его представителей ненависть, побудить их на агрессию и противоправные действия.

В работе М. Я. Яхьяева выделяется две группы социальных причин, порождающих экстремистскую деятельность: общие объективные социальные факторы и экстраординарные случайные факторы [11]. Можно отметить, что первая группа как критическая социальная ситуация существует всегда и в любом обществе, поскольку невозможно полностью избавиться от социального неравенства, исключить различия в языке, религии и культуре населения страны, обеспечить все социальные потребности граждан. Собственно, именно случайные факторы становятся катализатором и причиной трансформации социальной неудовлетворенности субъекта в его вовлеченность в экстремистскую деятельность.

Долгое время было справедливо утверждение о том, что основную базу для формирования последователей экстремизма «чаще всего образуют люмпены, маргиналы, отдельные слои студенчества и интеллигенции, представители национальных и религиозных меньшинств и др.» [2], что свидетельствовало об их отношении к некоей межкультурной зоне. Ю. Н. Зеленов отмечает, что в эту зону, попадают люди, страдающие от неопределенности своего социального статуса или с еще несформировавшимся статусом, как молодежь [5]. Действительно, потребность во

включении в коллектив для этих субъектов становится основной причиной поиска единомышленников, пусть даже и с экстремистскими взглядами. Общество в данном случае, руководствуясь принципами индивидуализма, изолируется от решения проблемы. Именно эта оторванность от общества целых социумов приводит к формированию «групповых субъектов экстремистской деятельности» [9].

Однако в современном обществе все чаще в группу риска попадают вполне состоявшиеся в жизни люди, которые не ущемлены в правах, скорее наоборот, злоупотребляют ими. Это связано с тем, что сегодняшние условия рыночной экономики и общественная лояльность предоставляют шансы на развитие и экономическое процветание всем без исключения, без учета уровня их культурно-нравственного развития. Экстремизм при этом приобретает характер экстремальности, своего рода эпатажа, а не идеологии. Это в основном одиночные нарушители закона, что способствует появлению индивидуальных субъектов экстремистской деятельности.

Нужно понимать, что экстремистская деятельность начинает проявляться, как правило, не выходя за правовые рамки. Потенциальный экстремист проверяет пределы своей свободы и определяет социальную реакцию на свои действия. При бездействии общества такие проверки заканчиваются «острыми и общественно опасными формами как мятеж, повстанческая деятельность, терроризм» [7]. Но если же общество выразит свое отношение, проявит негативную оценку и попытается осуществить противодействие, то, возможно, индивид осознает ошибочность выбранных форм конфронтации и перенаправит свои усилия в другую, правовую сферу.

На данный момент с изменением привычных коммуникативных принципов у экстремистов появляется значительно больше возможностей вести опосредованное общение с потенциальными последователями и оказывать на них более сильное воздействие через сеть Интернет. Отсутствие возможности верифицировать получаемую информацию, спокойное отношение общества к фактам насилия, которые тиражируются как в информационном, так и развлекательном дискурсах, приводит к росту манипулятивного потенциала распространяемых в сети Интернет текстов, и вводит в научный оборот понятие о новой проблеме – вербальном экстремизме [3]. Будучи вовлеченным в коммуникацию, человек не сразу может понять истинные намерения оппонента и, как отмечает А. С. Палазян, может преодолеть «точку невозврата» случайно, будучи вовлечен в экстремистскую деятельность, пропустив психологический шаг решимости [10], т. е. неосознанно ретранслировать экстремистские материалы или принять участие в запрещенном мероприятии. При условии, что общество не выполняет функцию контроля, исчезает превентивная разъяснительная деятельность и сразу наступает карательная, которую берет на себя государство, тем самым еще больше обостряя социальные противоречия.

«Экстремизм имеет способность увеличивать агрессию» [8], что можно связать с ростом недовольства в геометрической прогрессии. Экстремисты учитывают существующие разногласия в обществе и акцентируют внимание отдельных индивидов именно на той несправедливости, которая может угрожать существующим общественным устоям. При условии, что общество является слабым и внушаемым, оно решает, что кто-то может ликвидировать социальные проблемы извне и соглашается на помощь третьей стороны, не понимая последствий. Причина тому, в основном, кроется в низком уровне правовой и общей культуры большинства граждан.

Абдуллаев М. Х. отмечает, что проявления экстремизма можно классифицировать по трем разрядам: пассивное, активное позитивное и, активное негативное [1]. В первом случае человек, является приверженцем крайних взглядов, но никак их не проявляет, что по сути не угрожает обществу, но и никак не содействует его развитию. Он может высказывать свое отношение, но не с целью привлечения окружающих к действиям, а с целью психологической разрядки. При условии, что недовольных лиц много, но они не сообщают этого открыто, такое общество может быть плодородной почвой для распространения экстремистской идеологии. В третьем случае – лицо или группа лиц осуществляют противозаконную деятельность и считают это единственно возможным путем решения существующих проблем. Такая ситуация свидетельствует о бездействии общества и его желании самоизолироваться от решения сложившейся ситуации. И только во втором случае (активного позитивного участия) – недовольные заявляют о своих позициях в правовом пространстве, они хотят изменить сложившуюся ситуацию, получив власть законным путем и, тем самым, при условии общественной поддержки трансформировать существующие нормы. В таком случае можно говорить о развитом обществе, где экстремистские идеи, скорее всего, не найдут отклика.

Таким образом, стоит отметить, что распространение экстремистской идеологии среди населения является проблемой не только государственного, но и общественного поля

деятельности. Бездействие общества объясняется его не достаточным уровнем ответственности за существующие проблемы, желанием переложить их решение на государство. Государство не имеет право изолироваться от противодействия экстремизму, но оно должно предоставить обществу достаточный объем самостоятельных полномочий, чтобы приблизить формирование гражданского общества и правового государства. Конституция Российской Федерации запрещает установление одной идеологии в качестве государственной или обязательной, но идеологическая функция в правовой деятельности является одной из доминант развития государства. Целью реализации этой функции является «формирование общественного и правового сознания общества» [4], что станет в дальнейшем базой для социального противодействия экстремизму.

1. Абдуллаев М.Х. Понятие «экстремизм» в ряду других терминов, используемых российскими СМИ при освещении проблематики религиозно-политического экстремизма (на примере Республики Дагестан) // *Медиаскоп*. 2016. № 1.
2. Болдонов А.Л., Башинова Т.Д., Тармаханов Е.Д. *Краткий словарь-гlossарий по политологии*. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. 96 с.
3. Громова Н. С. *Свобода слова и вербальный экстремизм в России: лингво-правовой аспект: Монография*. Екатеринбург: Уральский институт коммерции и права, 2015. 200 с.
4. Исаев Р. А., Боренов А. Ю. *Свобода слова в России в условиях противодействия экстремизму // Теория и практика общественного развития*. Издательство: Издательский дом "ХОРС" (Краснодар). № 23. 2015. С. 95 – 97.
5. Зеленов Ю. Н. *Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования: монография / Ю. Н. Зеленов*. М: Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 374 с.
6. Коновалов В.Н. *Словарь по политологии*. М., 2005.
7. Кучмезов Р.А. *О некоторых проблемах противодействия терроризму и экстремизму в России // Вестник научных конференций*. № 5-1 (9). 2016. Издательство: ООО "Консалтинговая компания Юком" (Тамбов). С. 72-75.
8. Машекуашева М.Х. *Психологическое обеспечение деятельности сотрудников спецподразделений в условиях массовых беспорядков: Научный журнал // Пробелы в Российском законодательстве*. 2014. № 3. С.258 – 261.
9. Мишланова С. Л., Куприянычева Е. А. *Моделирование концепта «экстремизм» на материале лексикографических источников // Историческая и социально-образовательная мысль*. № 5. 2012. С. 170 – 175.
10. Палазян А. С. *Феноменологическая трансформация понятий «экстремизм» и «терроризм» и вопрос об адекватном освещении проблематики // Общество и право*. 2015. № 2 (52). С. 9 – 12.
Религиозно-политический экстремизм: сущность. Причины. Формы проявления, пути преодоления. Научная монография / под общ. ред. проф. М.Я. Яхьяева. М.: Парнас, 2011. 296с.

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Грошева И.А., Грошев И. Л. (Тюмень)

В связи с необходимостью разработки стратегии перспективного взаимодействия общества и власти в современной социологической науке, теории социального управления сформировалась потребность теоретического осмысления целей, задач и функций гражданского контроля. Причиной тому является недостаточная эффективность осуществляемого в современной России государственного контроля, вследствие чего наблюдаются: рост масштабов коррупции, увеличение количества фактов принятия неэффективных управленческих решений, ускорение «бегства капитала» из страны и т.д. Указанные проблемы всем хорошо известны. Высшими органами государственной власти предпринимаются значительные усилия по их нивелированию, однако главное внимание в этом процессе сконцентрировано на совершенствовании государственного контроля, потенциал гражданского контроля при этом игнорируется.

Делегирование контролирующих функций обществу формирует две оценочные системы (общественную и государственную), которые либо не согласованы по отдельным дискретным аспектам, либо могут противоречить друг другу и, соответственно, вводить общественное мнение в состояние выбора одной из двух представленных позиций. Напрашивается вполне естественный выход из описываемой проблемы в двух направлениях: функциональная специализация контроля (что сегодня практикуется), либо интеграция обеих форм контроля в единую, взаимосвязанную систему. Последний вариант рационален, но предполагает делегирование части официальных полномочий (решений, принимаемых по результатам контроля) обществу. Власть становится

«прозрачной» и подотчётной гражданскому обществу, однако это противоречит интересам определённой части правящей элиты.

В современной отечественной теории и практике прослеживается традиция, сложившаяся во времена советского периода функционирования системы управления, когда контроль рассматривался как совокупность общественных и государственных институтов, которые гарантируют, что поведение индивидов будет соответствовать установленным нормам. Он носил тотальный характер, включая в себя государственный контроль. В то же время общественный контроль подразумевал участие трудовых коллективов, общественных организаций и отдельных индивидов в инспектировании выполнения плановых заданий [1, с. 43]. Т.е. были установлены чёткие стандарты общественного развития, которые можно было подвергнуть качественному и количественному анализу.

В настоящее время конкретизация дефиниции «гражданский контроль» не только должна наполняться социальным содержанием, но и способствовать гармоничному сочетанию интересов субъекта и объекта управления; адекватно фиксировать ценностные приоритеты; оптимизировать распределение полномочий с акцентом на экономическую и социальную эффективность. Гражданский контроль не следует отождествлять с административным, где главной является функция регламентации, а объектом управления выступают взаимодействия управляемых субъектов, выделяемых по разным основаниям: по территориальному признаку, профессиональному, национальному, ролевому, политическому и др. Государственное управление посредством регламентирования связано с созданием системы норм и контроля над их исполнением [2, с. 116].

Однако на практике затруднения в первоначальной дифференциации понятий «общественный» и «гражданский» обусловлены, по мнению авторов статьи, максимальной идентичностью по некоторым объектам, формам, методам в процессе контроля в результате чего попытки обнаружить различия заканчивались неудачей. В ходе анализа различных источников, в которых в той или иной мере отражена специфика действия общественного контроля, в семантическом пространстве выявляются такие понятия как «гражданское общество», «наблюдение», «деятельность», «проверка», «власть». Причём общественный контроль не ассоциируется с проверкой результатов деятельности политической власти. Чаще всего он связан с оценкой качества жизни населения, несмотря на принятый 21 июля 2014 г. в России Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3]. Постоянные попытки управляющей системы взять на себя инициативу организации общественного контроля привели к тому, что в современном российском обществе появилось несколько субъектов, пытающихся реализовать его на практике: 1) государственный общественный контроль, создаваемый по распоряжению государственных и муниципальных органов управления; 2) утилитарный общественный контроль – контроль за состоянием среды обитания индивидов и качеством жизни; 3) активистский общественный контроль, появляющийся стихийно для решения проблем, возникших в связи с принятием непопулярных управленческих решений (например, реформа образования, образуется в социальных сетях); 4) националистический общественный контроль, как правило, имеет в названии национальную идентификацию (образуется в социальных сетях).

С целью идентификации гражданского контроля употребляются термины «гражданская экспертиза», «права человека», «власть», «наблюдение», «гражданское общество», «проверка», что чаще всего связывается с деятельностью профессионального характера, направленной на защиту прав человека. Среди субъектов гражданского контроля, реализующих те или иные социальные практики, можно выделить: 1) правозащитный контроль – защита прав и свобод человека и гражданина; 2) контроль за избирательным процессом – контролирующая деятельность осуществляется за ходом избирательной кампании; 3) контроль за деятельностью правоохранительных органов; 4) контроль за деятельностью власти (в основном, исполнительной) на муниципальном уровне (реализуется «Пермской гражданской палатой»).

Т.е. общественный контроль в большей степени связан с условиями жизни человека, а гражданский – с условиями деятельности власти и оценкой последствий этой деятельности. Если первое декларируется как необязательное для власти, то второе носит обязательный характер. В ходе управленческого манипулирования, заключающегося в подмене терминологии, сфера необязательности заменяет сферу необходимости с целью устранения нежелательных последствий для власти. Отсюда следует, что для построения социологической концепции гражданского контроля значимы следующие аспекты: 1) контроль за сферой ответственности органов власти и взаимодействие с гражданским обществом; 2) контроль исполнения социальных стандартов,

отклонение от которых характеризует эффективность реализации управленческих решений, что и призван оценивать гражданский контроль; 3) контроль за соблюдением и защитой прав человека.

В заключение следует отметить, что потребность в создании института гражданского контроля довольно высока, но механизм его осуществления не всегда адекватен его сущности. Особенно это проявляется в тех случаях, когда под названием «общественный» или «гражданский» начинают действовать структуры, созданные под контролем власти. Происходит дезинтеграция семантического поля, девальвируется природа общественного путём ассоциации с рутинной бюрократической практикой, что не позволяет сформировать среди населения доверие к власти и организовать эффективный способ противодействия отклонениям в системе управления.

1. Шорина Е.В. *Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР/Отв. ред. Лазарев Б.М.* – М.: Наука, 1981. – 301 с.
2. Костин В.А. *Онтологические законы как свойства социальной деятельности: Монография.* – Екатеринбург: РАНХиГС, Уральский институт, 2012. – 136 с.
3. *Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»* // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/70700452/> (дата обращения: 25.12.2015 г.).

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖНОЙ БИЗНЕС-АКТИВНОСТЬЮ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Грошева Л.И. (Тюмень)

Роль малого молодёжного бизнеса в России в современных условиях приобретает особую значимость ввиду следующих причин: позволяет заполнить незатронутые рыночные ниши и тем самым способен удовлетворить спрос населения на товары и услуги определённых видов; создание малого предприятия требует меньших капиталовложений и меньшего срока окупаемости инвестиций; препятствует усилению монополий и способствует развитию отечественной конкурентной среды; малые фирмы быстрее осуществляют техническое перевооружение, более эффективно и быстро внедряют новые технологии; малые предприятия охотно занимают инновационные ниши при условии наличия разработок на разных этапах внедрения; малые предприятиям легче производить полную автоматизацию труда; малые предприятия позволяют сохранить народные промыслы и этнокультурные виды искусства России; создание подобных предприятий сокращает уровень молодёжной безработицы; у малого бизнеса отмечается более высокий уровень гибкости относительно спроса населения и конъюнктуры рынка [1].

По результатам анализа документов, связанных с оценкой деятельности в сфере управления молодёжной бизнес-активностью, автор статьи пришёл к выводу, что, несмотря на безусловный прогресс в развитии и продвижении основных концепций и программ, до сих пор остались нерешёнными отдельные вопросы.

В Распоряжении Правительства РФ от 29.11.2014 г. в настоящий момент определены основные границы и условия молодёжного предпринимательства [2]. Однако по-прежнему остаётся неучтённым ряд иных сфер реализации бизнес-активности (свободного предпринимательства, теневого бизнеса и пр.), которые в современном обществе достаточно развиты.

В документах, касающихся поддержки молодёжной бизнес-активности, основной акцент сделан на возрасте субъектов и держателей капитала. Однако, молодёжный бизнес – феномен, подразумевающий наличие небольшого опыта, отсутствие достаточного социального капитала, недостаток навыков по организации бизнеса и пр. В случае наличия лишь возрастных ограничений возможна ситуация, когда к помощи будут прибегать одни и те же компании, блокируя доступ действительно нуждающимся молодым людям на ранней стадии развития дела.

Концепции, созданные на базе профессиональных союзов и ассоциаций, хотя и представляют собой более содержательные документы, по факту нуждаются в социальной экспертизе, с целью устранения дублирующих функций организаций управляющих категорий, корректировки стратегических планов в соответствии с финансовыми ресурсами и государственными прогнозами.

На территории Российской Федерации действуют международные субъекты поддержки молодёжного предпринимательства, представленные в двух формах. Во-первых, как самостоятельно действующие субъекты в виде консультативных центров, сетевых сообществ и

международных порталов, либо сетевых информационных центров (www.entrepreneur.com, www.erasmus-entrepreneurs.eu). Их влияние опосредовано сетью Интернет, либо посредством НКО, получающих финансирование из соответствующих фондов. Во-вторых, международные инвестиционные фонды и международные организации сотрудничества, представляющие собой организации, официально действующие в России на законных основаниях. Несмотря на то, что эти организации оказывают посильную помощь в формировании молодёжного бизнеса, возникает ряд противоречий, которые на текущий момент не решены.

Во-первых, учитывая значительное влияние международных фондов и организаций, государству сложно соблюсти паритетное соотношение приоритетных и второстепенных сфер развития предпринимательской активности. Ввиду этого развивается непроизводственный сектор, франчайзинг и дилерские типы бизнеса.

Во-вторых, обучение по зарубежным программам и технологиям в ряде случаев входит в противоречие с ментальностью и спецификой населения Российской Федерации. Поэтому некоторые положения не могут быть реализованы в виде прямого переноса на отечественную практику. К примеру, высокие рискованные ориентиры и концепции успешного человека, признанные в странах запада, в Российской действительности до сих пор не прижились среди молодёжи. В ряде случаев по-прежнему имеет влияние закрепившийся в сознании населения негативный стереотип восприятия предпринимательского дела и бизнеса. Отсутствует в большинстве случаев представление об «этике бизнеса».

В-третьих, существующие с технической точки зрения критерии отбора наставников (возраст, опыт работы, сфера деятельности) логически обоснованы, однако специфика положения молодёжной бизнес-единицы может быть отлична от деятельности наставника по другим, менее значимым, с точки зрения программного продукта, условиям: населённость и площадь места деятельности единицы, структура текущего штата единицы, особенности ресурсной базы и готовность населения воспринять бизнес-продукт.

В-четвёртых, региональное распространение сферы действия программы, её популяризация и восприятие в бизнес-среде. В большей степени деятельность международных фондов ориентирована на мегаполисы и крупные города.

В структуре управления молодёжной бизнес-активностью в России присутствует значительное количество крупных и малых организаций, которые претендуют на выполнение схожих функций и реализацию мероприятий, которые в аналогичном формате уже были реализованы ранее. Таким образом, формируется угроза появления побочных структур, занимающихся нерациональным расходом средств (как государственных субсидий, так и членских взносов) без должного контроля со стороны государства.

В российской социальной практике по-прежнему отсутствует чёткое разделение предпринимательства и бизнеса. Поэтому программы поддержки молодёжного предпринимательства включают в себя развитие не только инновационных, но и традиционных молодёжных компаний. Однако формирование этих двух, не сводимых друг к другу направлений, происходит на основе различных потребностей и базовых ориентиров, что ставит под вопрос эффективность реализации программ в целом.

Обилие и схожесть мероприятий, предлагаемых для поддержки молодёжного бизнеса на государственном уровне, приводит к значительным затруднениям в попытке анализа пригодности и востребованности предложений со стороны потенциального потребителя. Таким образом, перегруженные информацией порталы, могут оказывать не стимулирующее, а демотивирующее воздействие на потенциального молодого бизнесмена. Отсутствие оформленных концепций поддержки превращает их в слабо систематизированный набор мероприятий, который, по причине сложности для понимания, не может быть оценён молодёжью по достоинству.

В целом можно отметить, что за рубежом внимание концентрируется на разнообразии форм, методов и объектов поддержки (например, молодой бизнесмен или молодая семья), нежели на создании разнообразных органов управления. Зарубежные системы управления молодёжной бизнес-активностью в основном ориентированы на региональные особенности бизнеса. Тем не менее, присутствует ряд концептуальных подходов не только к поддержке деятельности, но и к воспитанию бизнес-активного поколения, которые могут быть реализованы на территории России.

1. *Международный форум лидеров бизнеса // Фонд содействия развитию микрофинансовой деятельности. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fundmfi.ru/about/partners/iblf/> (дата обращения: 28.10.2015 г.).*

2. *Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Информационно-правовой портал «Гарант-РУ». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/> (дата обращения: 21.01.2015 г.).*

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ МОНГОЛИИ

Дагбаев Э.Д. (Улан-Удэ)

Одним из важнейших параметров современного общественного развития является состояние общественного сознания молодежи различных стран. Именно то, как видит социальную реальность молодежь, станет через некоторое время определяющим для судеб современного мира.

В отечественном обществознании определение общественного сознания включает в себя вопрос отражения общественного бытия; совокупность коллективных представлений, присущих определенной эпохе. Оно отражает также и само состояние конкретного общества. Общественное сознание нередко противопоставляется индивидуальному сознанию как то общее, что содержится в сознании каждого человека как члена общества. Общественное сознание является составной частью надстройки и выражает его духовную сторону.

Обычно выделяют шесть форм общественного сознания: 1) искусство (художественное сознание), 2) наука (в том числе философия), 3) мораль, 4) правосознание (право), 5) религия, 6) идеология (политическое сознание). Последняя является наивысшей формой общественного сознания. Очевидно, это число не догма, оно зависит от жизни, устройства социальных институтов, организации процесса познания и т. д. В общем, общественное сознание ближе всего в терминологическом плане к понятию общественных настроений. Поэтому они тесно связаны с определенным типом общественными отношениями: экономическими, политическими, нравственными, эстетическими отношениями между членами сообщества. Вести речь в отношении современной молодежи об их идеологии достаточно затруднительно.

По нашему мнению, в общественном сознании молодежи принципиальную значимость приобретают социальные ценности. Эти ценности больше связаны с когнитивной сферой индивида, они определяют его мировоззрение в общем плане, выступают в роли стандарта деятельности, выполняют целеполагающую функцию.

В нашем исследовании мы исходили из понимания ценностей как объективного бытия, присущего обществу в целом, или его крупным составным частям. Отдельный человек, являющийся членом этого общества, усваивает распространенные в обществе ценности, примеряя их к своей индивидуальности, но не вырабатывает их самостоятельно.

Отсюда наше определение ценностей как господствующие в обществе, группе индивидов убеждения относительно того, как они видят и понимают современный мир, как следует себя вести в той или иной ситуации, которые основываются на знаниях индивида об обществе и измеряются по шкале «хорошо-плохо», «приемлемо – неприемлемо». Таким образом, ценности опосредуют политическое поведение и в данном случае предшествуют установкам.

В целом, пилотное социологическое исследование было проведено в прошлом году. Опрошено при помощи компьютерных технологий 400 респондентов по соответствующей генеральной выборке. Исходной позицией рассмотрения основных параметров общественного сознания стали дихотомные понятия «традиционализм» и «современность» как ключевые характеристики общественного сознания молодежи. Что значит традиционализм и современность с точки зрения характеристик общественного сознания? Прежде всего, речь идет о том, насколько, в какой мере придерживается монгольская молодежь национальных традиций. Считают ли они, что в современном обществе наблюдается нравственный кризис? И вообще, считают ли они, что современные ценности – это западные ценности?

При изучении политических ценностей нами были выделены также три измерения или шкалы. Первое – это шкала «этатизм-антиэтатизм». В целом, монгольское общественное сознание является по своим историческим корням государственноцентричной. Имея в виду, что Монголия – бывшая социалистическая страна, опыт досоциалистической жизни специфический, если учитывать долгие столетия китайского (маньчжурского) гнета. Безусловно, значительный сегмент молодежи имеет взгляды, имеющие определенную этатистскую окраску. В то же время традиционная кочевническая культура в основе своей антиэтатистская, кочевники по своей природе не очень-то надеются на государство в своей повседневной жизни.

Вторая шкала – «свобода-равенство». Целый ряд вопросов был направлен на то, чтобы выяснить предпочтение по этой шкале. Наконец, третья шкала «либерализм – консерватизм». Эти шкалы, в общем, призваны в совокупности составить принципиальное соотношение между демократическим и недемократическим взглядом на жизненное устройство, мировоззрение. Консерватизм и равенство являются составной частью авторитаризма, нежели встречается среди сторонников свободы и либерализма. Но опять же это какой-то нетипичный авторитаризм.

Полученные данные (мы не можем привести все данные) подтвердили гипотезу исследования о том, что структура общественного сознания монгольской молодежи носит смешанный характер, то есть сочетает современные и традиционные характеристики. Важные места в ней занимают такие ценности, как «справедливость», «равенство», «законность». В меньшей степени популярны ценности «свободы», «демократии» и «терпимости». Распространены ценности коллективизма.

В то же время, анализируя содержание политических ценностей, мы пришли к выводу, что в их понимании молодежь Монголии более всего сосредоточена на событиях в своей стране. Так, в выделении наиболее значимых событий XX века можно выделить два события, которые, условно говоря, имеют локальный характер, но именно они определили сосредоточение демократии и национализма «в одном флаконе» (демократическая революция и создание независимого Монгольского государства).

Результаты опроса в 2015 году показали абсолютную адекватность общественного сознания как либеральным, так и консервативным ценностям, что выражается, например, в том, что под демократией, прежде всего, понимается уважение к правам человека, приоритет личности над государством (47%), а также равенство (20%), равенство – как равное положение всех перед законом (34%), а справедливость как возможность получать блага в равной степени (36%). Однако здесь мы встречаем довольно примечательное явление, связанное с тем, что абсолютно равная пропорция отдана двум вариантам ответа: «получать в равной степени» и «получать в равной степени в зависимости от способностей», что говорит о борении двух начал – этатизма и антиэтатизма, свободы и равенства, консервативного и либерального (см. табл.1,2).

Табл. 1

Вопрос: Придерживаетесь ли вы традиций и обычаев своего народа?

Всего ответов:401

Варианты ответов	Абс. число	В процентах
иногда	198	49.3766
нет	10	2.4938
часто	193	48.1297

Табл. 2

Вопрос: Согласны ли Вы с утверждением, что ценности современного мира ? это западные ценности? (укажите не более одного варианта ответа)

Всего ответов:381

Варианты ответов	Абс. число	В процентах
да, они распространены, но не доминируют	139	36.4829
да, полностью согласен	120	31.4961
затрудняюсь ответить	71	18.6352
нет, они присущи только западному обществу	51	13.3858

Структура общественных ценностей современной монгольской молодежи, как видим, отличается сложным, многоуровневым характером. При этом на каждом из ее уровней можно выделить наличие противостояние между традиционными и современными ценностями. Следование подчеркнуто почти всеми респондентами в равной доле «часто» и «иногда».

Принципиальным для описания политического сознания молодежи является оценка ими важнейших мировых событий, действий мировых лидеров и исторических персонажей. Оценка влияет на функционирование общества и политической системы.

Табл. 3

Вопрос: Как Вы оцениваете нижеприведенные явления общественной жизни?

Варианты ответов	скорее положительно (Abs)	скорее положительно (%)	скорее отрицательно (Abs)	скорее отрицательно (%)
------------------	---------------------------	-------------------------	---------------------------	-------------------------

коммунизм	145	43.8066	186	56.1934
национализм	203	59.7059	137	40.2941
патриотизм	329	92.6761	26	7.3239
либерализм	131	42.9508	174	57.0492
консерватизм	101	34.2373	194	65.7627
феминизм	80	27.7778	208	72.2222
зеленое движение	235	71.8654	92	28.1346
демократия	288	87.2727	42	12.7273

Обращает на себя внимание высокая степень «уважительного» отношения к таким явлениям, как национализм и патриотизм. Они лидируют в списке приведенных общественных явлений (соответственно 59% и 92%) наряду с зеленым движением (71%) и демократией (87%). Среди значимых событий XX века именно внутринациональные события получили наивысшую оценку, как демократическая революция 1990 г (23%) и революция и создание национального государства в 1921 г. (23%).

Общественное мнение индивидов из числа молодежи свидетельствует о синтезе консервативных (патриотических) и либеральных ценностей. С одной стороны, явно лидирует по «скорее, положительным оценкам» патриотизм (92,6%), «демократия» находится на втором месте (87,2%), а на третьем месте – идеология «зеленых» (71,8%). Примечательно, что далее идут, пусть и с небольшим отрывом «национализм» (59,7%) и «коммунизм» (43,8%), которые опережают либерализм (42,9%). О чем свидетельствуют такие оценки?

Таким образом, в настоящее время общественное сознание монгольской молодежи характеризуется сочетанием или синтезом традиционных и современных ценностей, с одной стороны, стремлением к демократии, заимствованием западных образцов и в то же время стремлением к сохранению традиций и обычаев своего народа. В какую сторону оно качнется в дальнейшем? – это вопрос о политическом влиянии и доминировании, а также российско-монгольских отношений.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЙ – НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЦЕННОСТЬ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА

Данилов А.Н. (Минск, Республика Беларусь)

Сегодня в моде вновь социология будущего. Но возможно ли исследование будущего без серьезного анализа прошлого и настоящего. В мгновения рушатся старые стереотипы, меняются настроения, а вместе с ними и прогнозы «калифов на час». Кто только не писал о либеральном рае, но вот уже неолиберальная модель глобализации доказала свою несостоятельность. Сама неолиберальная идеология, с ее концепцией глобализации привела мир на грань катастрофы. Сегодня в мире нет образца успешного развития, кризис не преодолен, большинство стран работают в условиях системного кризиса. На Западе очевиден кризис института политического лидерства, все больше довлеет бюрократическое засилье на государственном и надгосударственном уровне, отрыв от реальности и при принятии судьбоносных решений зачастую институты власти руководствуются личной выгодой, нет реального прогнозирования, старые идеалы истощаются и теряют привлекательность в глазах новых поколений.

Мир готовится принять новый облик. Хотя до сих пор не найдено объяснений процессам, которые ведут нас к новому мировому порядку. Его конструкции возводятся революционным наскоком, без должного научного обеспечения. В новомодных моделях не просматриваются контуры нового более счастливого мира. Более того, современные предсказатели (У.Бек, Э.Гидденс, Н.Луман и др.), рисуют современный глобальный мир непредсказуемым и неуправляемым, когда случайность признается одной из неотъемлемых характеристик современности, современное общество иначе как «общество риска» нельзя и назвать. К тому же нерешенность проблемы неравенства служит источником неуклонного роста экстремизма, дестабилизации мира, лишает государства возможности самостоятельного развития.

Четверть века, поиска нового пути развития стран постсоветского мира существенно обогатились негативным опытом, но при этом не решились одной проблемы. Ответ на вопрос: «Что делать, чтобы быть самостоятельной, сильной и процветающей страной?» так и остается открытым. Поиск лишь еще раз показал, что не стоит обольщаться и надеяться, что Запад сам

примется за создание себе геополитической альтернативы и будет спокойно наблюдать, как у него на глазах кто-то будет выстраивать иную модель развития, альтернативную его собственной. Тем более что в планы Запада никак не входит намерение предложить постсоветским странам модель перспективного социального прогресса и приобщения к мировым стандартам самостоятельного развития с сохранением их национальных особенностей. В этих условиях должны сказать свое веское слово ученые постсоветских стран, для чего следует более активно использовать национальные особенности своих стран, творчески развивать накопленный опыт государственного строительства.

Нужны личности масштаба Максима Максимовича Ковалевского. И они, безусловно, есть. На фоне сегодняшнего провала национальной системы науки и образования, открытого «обезьянничания» перед Западом, стоит более решительно внедрять в образовательную и научную системы высокие моральные стандарты, которым придерживались и руководствовались по жизни и в работе такие выдающиеся люди как академик М.М. Ковалевский. Пришло время прекратить преклоняться перед западными раскрученными «пустышками», перестать посыпать голову пеплом и более пристально приглядеться к достижениям своих соотечественников. В гуманитарной науке достаточно пророков в собственном Отечестве и пришло время им дать трибуну. Среди таких пророков в первом ряду заслуженно стоит величественная фигура великого сына земли русской М.М. Ковалевского.

Увы, и после холодной войны мир в Европе не наступил. Западу сложно понять, как поверженный, с их точки зрения, в холодной войне противник (прежде всего – Россия) посмела иметь собственное мнение и вновь начинает выстраивать самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Главной причиной здесь видится то, что Европа до сих пор не хочет видеть возрождающуюся созидательную мощь новой России. Более того, за последнюю четверть века стало очевидным, что на множество современных глобальных вызовов без активного участия России дать адекватные ответы не получится. Современная Россия – самостоятельная и вполне самодостаточная цивилизация, которая по праву занимает достойное место в мире и ей по плечу строительство нового миропорядка как альтернативы западной модели развития.

Интересный опыт самостоятельного государственного строительства, как говорится «от жизни», демонстрирует Республика Беларусь. Здесь сохранена высокая доля государственной собственности, командно-административное «ручное» управление отдельными госпредприятиями, консолидация бюджетных ресурсов в экономике, высокая занятость в госсекторе и широкая социальная обеспеченность. Одновременно в стране появились индивидуальные предприниматели, малый и средний бизнес, иностранные инвесторы, элементы государственно-частного партнерства, функционирует Парк высоких технологий и иные элементы рыночной экономики. Мы видим, что и в других странах, особенно в условиях глобального кризиса роль государства в обществе заметно возрастает. Сейчас важно максимально включить в работу потенциал своих конкурентных преимуществ, который позволит обеспечить достойное место на мировом рынке труда. Только сильная и деятельная власть позволила преодолеть ни один политический и экономический кризисы, и обеспечивать развитие страны. Политическая стабильность здесь является одним из важнейших условий постепенной интеграции Беларуси в мировую экономику, привлечение иностранных инвестиций.

Безусловно, история не развивается по идеальным схемам. Обстановка в мире меняется стремительно. Новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных действий. И вполне возможны некоторые отступления от принятой модели, но должны остаться принципы, которые исключают возможность введения «шокового» варианта. Преодоление последствий мирового финансово-экономического кризиса, модернизация экономики и выход на траекторию устойчивого экономического роста требует восстановления макроэкономической стабильности. Для этого следует решить целый ряд сложных экономических проблем, которые характерны для стран с переходной экономикой. Прежде всего, следует ликвидировать макроэкономические дисбалансы: снизить темпы инфляции, стабилизировать обменный курс белорусского рубля, обеспечить бездефицитность бюджетно-финансовой системы и положительное сальдо внешней торговли товарами и услугами, создать максимальные в истории золотовалютные резервы государства. Сегодня уже не только Республика Беларусь, но и другие страны мира начинают выстраивать свои модели развития, которые не вписываются в неолиберальное прокрустово ложе и опираются на собственные возможности и самостоятельную политику.

В заключении следует отметить, что в глобальном мире, особенно важно учитывать национальные интересы, исторический опыт и этнокультурные особенности каждой нации, каждого народа, чтобы они могли вместе успешно развиваться и процветать. Вместе – это не значит развиваться по чьей-то модели, по чужим лекалам руководствоваться в повседневной жизни, исповедовать неприемлемую народом религию, жить в чуждой культурной среде. Наоборот, уважать и считаться и ИНЫМ, стремиться понимать его ценности в процессе диалога культур, не навязывая своей правоты силой. Только тогда права человека и демократия, экономический рост и социальная справедливость, понятие человеческого достоинства и равенства наций и народов могут быть реализованы. Но надо отдавать себе отчет в том, что это не благие намерения, а жестокая необходимость, которую человечество может игнорировать только с большой опасностью для себя. Человечество настойчиво пытается адаптироваться к условиям глобальной нестабильности, понять хрупкость социального мира, ограниченность человеческой жизни и по возможности предупредить развитие самых худших из сценариев.

МИРОВОЙ ОПЫТ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ ЗА РУБЕЖОМ: РЕКОМЕНДАЦИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Дасаева Р.М. (Казань)

В данной статье рассмотрены лучшие практики, преимущественно, развитых стран, таких как США, Великобритания, Франция, Германия, Чехия, Япония и Сингапур. Прежде всего, необходимо обратить внимание на государственное участие в решении проблем монопрофильных городов, которые по различным причинам (слабая экономическая конъюнктура, истощение природных ресурсов, низкая диверсификация экономики и др.) оказывались в ситуации угрозы депрессии.

Универсальной процедурой, проводимой практически всеми странами в отношении монопрофильных территорий, является создание институтов развития моногородов, в рамках которых реализуется комплекс государственных и муниципальных мероприятий в социальной сфере. Следовательно, может быть рассмотрено несколько вариантов [1]:

- Профессиональная переподготовка (переобучение) населения. Для данной цели в моногородах могут создаваться учебные заведения, списки востребованных специальностей, а также мотивационные условия для повышения образовательного и научного потенциала населения.

- Социальная поддержка (помощь) населения. Основными мерами здесь являются организация продолжительных оплачиваемых отпусков, введение различных льгот; создание новых рабочих мест для трудоустройства для высвобождаемых сотрудников; проведение общественных работ для временной занятости и предоставление права преждевременного права ухода на пенсию и др.

- Развитие малого предпринимательства за счет государственного и местного бюджета, а также общественных фондов.

- Переселение населения. Такое явление, как механизм содействия монопоселениям, получило свое широкое распространение в Америке из-за высокой мобильности населения.

- Модернизация инфраструктуры. Во многих странах существуют специальные государственные программы по совершенствованию отдельных отраслей хозяйства и объектов экономики и жилищно-коммунального хозяйства. [2]

Теперь проведем анализ некоторых кейс-стади различных стран и их основных мероприятий по реабилитации и развитию моноориентированных территорий. Для начала изучим американский опыт, в частности, рассмотрим историю шахтерского городка Биг Стон Гэп в восточной горной части Северной Америки США. Данный моногород стал центром экологического туризма. Для российских моногородов, а также монопоселений Республики Татарстан данная практика представляется актуальной, поскольку идея развития экологического и агротуризма прописана в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, а также в стратегиях многих муниципалитетов, куда входят такие моногорода как Зеленодольск и

Елабуга. [3, 4]

В Великобритании важную роль сыграли социально-ориентированные проекты в сфере образования и развития инфраструктуры. Такой подход позволяет успешно планировать свою карьеру без четкой привязки к месту жительства. Опыт данной страны через призму российских

реалий как никогда актуален и для Татарстана. Такой подход интересен с точки зрения применения его для развития самого молодого и бурно развивающегося города Иннополис, чтобы не допустить его превращения из города с монопрофильной экономикой в моногород.

Во Франции была создана специальная организация – земельное ведомство, решавшее вопросы о предоставлении земель новым предприятиям. Данное ведомство также приобретало новые технологии и применяло их на новых рабочих местах, созданных государством.

В Германии же решением проблем разработки стратегического плана развития и комплексного плана модернизации монопоселения занимаются крупные консалтинговые компании, имеющие значительный аналитический и организационный опыт и хорошую репутацию, как среди органов государственного управления, так и среди профессионалов финансовой сферы. Благодаря этому подходу, регионы смогли создать объективные планы, позволяющие решать серьезные экономические вопросы. Данный подход можно выделить в качестве самого положительного и конструктивного из всех вышеперечисленных, поскольку только поддерживая диалог с местным населением и прислушиваясь к их призывам, можно грамотно выстроить модель стратегического планирования развития и модернизации моноориентированного поселения. [5]

Теперь рассмотрим опыт восточных стран и их основные антикризисные мероприятия применительно к моногородам. Первая монопрофильная территория, которая окажется в центре внимания, – японский город Кобе. Это промышленный моногород, основанный на базе металлургических предприятий, деятельность которых в результате модернизации города были вынуждены приостановить. Несмотря на то, что Кобе был полностью разрушен мощным землетрясением в 1995 году, это не помешало государству отстроить его заново и продолжить успешно развивать по настоящее время.

Говоря в целом об особенностях восточных стран, необходимо выделить их стремление к поддержке социальной стабильности в моногородах с помощью бюджетного финансирования нуждающихся регионов и субъектов (в том числе, в Китае, Корее и других странах).

Отдельный интерес представляет опыт развития города-государства Сингапур. Получив право на самоуправление в 1959 году, всего за полувековой этап своего развития смог увеличить показатели валового внутреннего продукта больше чем в 40 раз (согласно данным Департамента статистики Сингапура). Данная практика является ярким примером того, что развитие территории зависит не от финансового благополучия региона и не от наличия ресурсов, а от выбранной стратегии, благодаря которой город смог стать государством. [7, 8, 9, 10]

Два мира, два полюса – западный и восточный. Для каждого из них определен уникальный путь развития своих территорий, исходя из исторических и географических особенностей. Поэтому от западных российские монотерритории отличаются многими особенностями, а именно:

- целенаправленным и плановым формированием;
- специальной системой сервисного и товарного снабжения, с помощью которой стимулировался приток населения в данные субъекты;
- особым статусом градообразующих предприятий, которые организовывали социальную и экономическую жизнедеятельность моногородов и т. д.

Таким образом, анализ международного опыта показал, что не стоит присуждать культовый статус зарубежным паттернам. Необходимо, прежде всего, осуществлять планирование и строить правильный курс региональной политики в сфере комплексного развития монопрофильных территорий, исходя из местных особенностей и назревших проблем, с помощью мер государственной поддержки и социальных инициатив местного населения.

1. Михайлов Р.В. Модели развития монорегионов на основе зарубежного опыта [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. — №3 (35). URL: <http://eee-region.ru/article/3503/> (Дата обращения: 06.09.2016).

2. Москаленко И. О. Общие черты, проблемы и перспективы развития моногородов России // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.) / Под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. — М.: РИОР, 2011. — С. 157-160.

3. Постановление Кабинета Министров №347 от 16.05.2015 «О проекте закона Республики Татарстан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» и долгосрочном прогнозе социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» [Электронный ресурс] // официальный сайт Правительства Республики Татарстан / Электрон.

- дан. – URL: http://prav.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub323373_enc_47629.pdf (дата обращения: 06.09.2016).
4. Постановление Кабинета Министров №347 от 16.05.2015 «О проекте закона Республики Татарстан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» и долгосрочном прогнозе социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» [Электронный ресурс] // официальный сайт Правительства Республики Татарстан / Электрон. дан. – URL: http://prav.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_323373_enc_47629.pdf (дата обращения: 06.09.2016).
 5. Коновалова Т. А. Государственные механизмы повышения эффективности развития монопромышленных городов стратегического значения // Молодой ученый. — 2013. — №3. — С. 229-234.
 6. Семенова О. Проблемой моногородов займется президент [Электронный ресурс] // Риановости. URL: <http://ria.ru/analytics/20091106/192191849.html> (Дата обращения: 13.09.2016).
 7. The Singapore Department of Statistics. Key Annual Indicators. URL: <http://www.singstat.gov.sg/stats/keyind.html#keyind> (Дата обращения: 13.09.2016).
 8. Economic Review Committee Main Report. 2003, 179 p. // Ministry of Trade and Industry (Singapore). URL: http://app.mti.gov.sg/data/pages/507/doc/ERC_MainReport_Part1_v2.pdf (Дата обращения: 13.09.2016).
 9. Huff W. G. Patterns in the Economic Development of Singapore / W. G. Huff // The Journal of Developing Areas. 1987. April. Vol. 21, № 3. P. 305–326. URL: <http://www.jstor.org/stable/4191564?seq=1#pages-can-tab-contents> (Дата обращения: 13.09.2016)
 10. Huff W. G. Economic Growth of Singapore. Trade and Development in the Twentieth Century. URL: <https://books.google.ru/books?id=4fVQtMnnn60C&pg=PA432&lpg=PA432&dq=Huff+W.+G.+Patterns+in+the+Economic+Development+of+Singapore+W.+G.+Huff+//+The+Journal+of+Developing+Areas&source=bl&ots=45XQDpN2rP&sig=36dXQFj5b445rDZzwSDO39Eml&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiKtame1L3LAhXKvRoKHX3JBQUQ6AEIKDAB#v=onepage&q=Huff%20W.%20G.%20Patterns%20in%20the%20Economic%20Development%20of%20Singapore%20%2F%20W.%20G.%20Huff%20%2F%2F%20The%20Journal%20of%20Developing%20Areas&f=false> (Дата обращения: 13.09.2016)

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ РАША В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Девяткин В.В. (Санкт-Петербург)

В общественных науках, в том числе и в социологии, большинство используемых переменных являются латентными, например, "уровень социализации", "качество образования", "уровень патриотизма", "уровень толерантности". Подобные переменные не имеют ничего общего с переменными, которые используются в естественных науках. В социологии латентные переменные проявляются через так называемые индикаторные переменные и для их измерения используются объективные методы.

Тем не менее, все время встает вопрос о релевантности использования того или иного метода. Их основная черта - "Объективность измерения" - означает, что, во-первых, результат измерения не зависит от используемого набора индикаторных переменных, а во-вторых, не зависит от того, кто измеряет. Например, при измерении уровня знаний на основе пятибалльной системы результат измерения не является объективным, потому что оценка "3" у одного преподавателя может противоречить той же оценке другого. При использовании классических тестов результат измерения также не является достаточно объективным. Так, при использовании легких тестовых заданий оценка уровня знаний будет высокой, а при использовании трудных тестовых заданий - низкой. Подобная проблема не могла оставаться не решенной и для получения более объективных результатов исследователи стали обращаться к новым, модернизированным моделям.

Модель Раша была создана, чтобы решить эту проблему. На данный момент она является одной из самых популярных моделей и помогает решить огромное количество самых распространенных задач в современной социологии. Во-первых, она лишена недостатков предыдущих систем и создана для решения как общих задач, таких как анализ тестовых заданий и проведение педагогических подсчетов, так и для решения более специфических задач. Давая исследователю возможность использовать подобное разнообразие различных статистических процедур, а также предоставляя способность анализировать данные качественных шкал с помощью количественных методов, исследователь может получить объективный результат,

который будет абстрагирован как от мнения самого исследователя, так и от мнения испытуемых, и при этом система будет сохранять свою простоту и эффективность.

В следствии этому данная модель находит большое применение в социологии. Измерение латентных переменных является крайне сложной для социологов, в то время как поиск латентных переменных является одной из самых распространенных задач в современной социологии. Так, при изучении сферы образования крайне перспективным направлением является вычисление уровня подготовленности учащихся и студентов. Например, балловая система, используемая на данный момент, обладает серьезным изъяном: она очень сильно зависит от человека, проводящего измерение (преподавателя), посредством того, что низкая оценка, выставленная одним преподавателем, может соответствовать большему уровню знаний, нежели более высокая оценка у другого преподавателя. В это же время нынешняя система тестирования, основывающаяся на количестве правильных ответов, является некорректной, так как результат данного тестирования окажется субъективным и будет зависеть от измерительного инструмента, чего быть не должно.

Модель Раша также можно использовать для изучения процесса социализации. В таком случае индикаторами уже будут сами вопросы социологической анкеты, создание которой зачастую намного сложнее, чем проведение педагогических подсчетов. Одной из попыток использовать модель Раша для создания анкеты предпринял профессор А. А. Маслак в его исследовании вредных привычек у молодежи. Для исследования была также использована специальная программа RUMM способная провести более глубокий анализ метрических свойств каждого задания при помощи алгоритмов обработки эмпирических данных.

На данный момент метрическая модель Раша является одной из самых развитых и совершенных систем для измерения латентных переменных, на которой основывается почти весь мировой опыт в сфере социологии образования и педагогики. Являясь более совершенной версией своего предшественника, СТТ (Classical Test Theory), модель имеет более широкий спектр применения и дает возможность получить объективный результат.

1. Rasch G. *Probabilistic models for some intelligence and attainment tests (Expanded edition, with foreword and afterword by Benjamin D. Wright)*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 199 p.
2. Smith E.V., Smith M.S. *Introduction to Rasch Measurement. Theory, Models and Applications*. – Maple Grove, Minnesota: JAM Press, 2004. – 689p.
3. Wilson M. *Constructing Measures: An item Response Modeling Approach*. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum associates, 2005. – 228p.
4. Wright B.D., Masters G.N. *Rating Scale Analysis*. - Chicago, MESA PRESS, 1982. – 206p.
5. Wright B.D., Stone M.H. *Best Test Design*. - Chicago, MESA PRESS, 1979. – 222p.
6. Данилов А.А., Маслак А.А. *Исследование точности измерения латентной переменной в зависимости от числа градаций индикаторных переменных // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т. 5. № 11. С. 106 – 114.*
7. Аванесов В.С. *Понятие и методы математической теории педагогических измерений (Item Response Theory): статья третья // Педагогические измерения. 2009. № 4. С. 5.*
8. Анисимова Т.С. *Измерение латентных переменных в образовании*. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 148 с.

СТИГМАТИЗАЦИЯ – ДЕВИАЦИЯ – АГРЕССИВНОЕ ОБЩЕСТВО

Дегтярева Ю.А. (Волгоград)

Стигма (греч. stigma – укол, клеймо, пятно) еще со времен Древней Греции являлась некой меткой или клеймом на теле раба или преступника. Стигмой выступает и какой-нибудь физический дефект. Это не опасно, но воспринимается обществом, как признак девиантности. Со стороны окружающих девианты могут подвергаться наказанию, изоляции или унижению. Социология и смежные с ней дисциплины рассматривают эти проблемы в теории символического интеракционизма (Дж.Г. Мид [11], Г. Блумер [4]) и этнометодологии (Г. Гарфинкель [6]), в теории обмена (Дж. Хоманс [15]), в русле криминологии (Ф. Танненбаум [14]). И. Гофман [2] наблюдал за поведением и психологией девиантов, классифицировал стигму. Е. Лемерт [9], развивая взгляды коллег, ввел понятия вторичной девиантности. Все исследователи не исключали факт, что все люди склонны к нарушению социальных норм, но девиантами становятся лишь те, кто смирился с

ярлыком. Причины девиантного поведения могут быть заложены еще в раннем возрасте или приобретены в школе.

Девиантное поведение чаще отмечается в нестабильных и уязвимых социальных группах – подростковой и молодежной (13-30 лет). Статистика отмечает рост молодежного алкоголизма, наркомании, преступности. Так согласно утверждениям наркологов, количество зависимых от алкоголя в стране превысило 5 миллионов человек (3,4% населения), более 3 миллионов населения России страдают от алкогольной зависимости, на каждую 1000 подростков приходится 25 детей, страдающих от алкоголизма. Сегодня в России регулярно употребляют наркотики 5,99 миллионов человек. Из них 20% — школьники, 60% – молодежь в возрасте 16-30 лет. Средний возраст приобщения к наркотикам в России составляет 15-17 лет. Основными местами распространения наркотиков в городах России являются школы и места развлечения молодежи — дискотеки и клубы. По данным МВД России за 2015 год количество противозаконных деяний выросло на 8,6% [13].

В процессе жизни человека социальные роли меняются, усиливая амбивалентный характер отношений между членами общества, проявляясь в конформной или девиантной мотивации. Причина этого – развитие общества, его ценностей и норм. Одним из аспектов девиации становится стигматизация. Стигматизация состоит из процесса и результата. В процесс включаются субъект, объект стигматизации, формы проявления и реакция на стигму. Результат стигматизации выражается в социальной интеракции и самоидентификации человека. Например, полный мальчик любим в семье, а во дворе и в школе на него наклеивают ярлык «пузан», «толстяк», «жиртрест». Конфликт неизбежен: обиды, унижения, ссоры, драки; психика ребенка будет испытывать давление коллектива, постепенно он станет раздражительным, неуверенным, озлобленным, замкнутым, недоверчивым, будут проблемы в общении с ровесниками. Всемирная организация здравоохранения проводит мониторинг поведения школьников, влияющих на их здоровье. В разделе о школах указано, что регулярному насилию подвергаются 21 % девочек и 22 % мальчиков в возрасте 11 лет; 20 % девочек и 19 % мальчиков - 13 лет; 12 % девочек и 13 % мальчиков – 15 лет. Сами регулярно обижают других 20–24 % российских школьников и 10–14 % школьниц [5].

Во время бесед с психологами жертвы травли говорят о том, что в класс шли, как на казнь. Повзрослев, они стыдятся, не хотят вспоминать об этом, даже мысленно возвращаться в прошлое. Пугливость, тревожность, чувствительность и мнительность, индивидуальные черты характера делают стигматизируемого беззащитным, но также привлекают агрессора. Травля в школе (буллинг) происходит потому, что кто-то из детей самоутверждается за счет унижения другого. Однако, сравнивая интервью респондентов, можно отметить, что в школах с профильными классами травли практически нет.

Таким образом, девиация приводит к стигматизации, стигматизация провоцирует вторичную девиацию, создает условия к отклоняющемуся поведению, вырабатываемому у ученика в ответ на буллинг. Ярлык способствует закреплению девианта в этом статусе. Во взрослой жизни их ждут одиночество, социальное неблагополучие, депрессивность, комплекс неполноценности, глубинное убеждение в негативной картине мира, насилие в собственной семье. Подвергшиеся стигме, теряют свою индивидуальность, способность доверять, вступать в близкие отношения. Исследователи утверждают, что взрослые, перенесшие издевательства в детстве, в большинстве своем остаются одинокими на всю жизнь, им тяжелее подниматься по карьерной лестнице. Поэтому они чаще других выбирают надомную или обособленную работу. Больше общаются в социальных сетях, чем в реальном мире [12]. У людей, переживших буллинг в школе, многократно вырастают шансы стать жертвами моббинга на рабочем месте.

Но и для подростков буллеров развлечение несчастьями других становится их хобби на всю жизнь, а это приводит к проблемам во взаимоотношениях. Асоциальные способы поведения могут обернуться тюремной камерой, прозябанию на низко-квалифицированной малооплачиваемой работе. Те же из них, кто достигает высокого социального статуса, становятся диктаторами в семье и на работе. Они не умеют выстраивать теплые отношения с детьми, с любимыми. Это сплетники и интриганы, наживающие смертельных врагов; их недолюбливают и боятся.

Гордон Беккер в книге «Аутсайдеры» (1963) пишет, что девиация обусловлена способностью более влиятельных групп, коллективов навязывать другим некие стандарты поведения. «Социальные группы создают девиацию, – писал он, – поскольку они следуют правилам, нарушение которых считается девиацией; кроме того, они навязывают эти правила

определенным людям, которым «наклеиваются ярлыки» аутсайдеров. С этой точки зрения девиация не качество поступка, который совершает человек, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций против "нарушителя"» [1].

Таким образом последствия стигматизации, их место и время проявления непредсказуемы. Е. Шур [3] назвал процесс «вживания» в образ девианта «ролевым поглощением». Такое поглощение становится конечным этапом процесса девиации, а человек начинает играть новую роль, по законам общества.

Исследование процесса девиации, его причин и последствий привлечет внимание к проблемам людей с клеймом девианта. Ведь это отражается на взаимоотношениях с работодателями, членами семьи и друзьями влияет на особенности интеракции. Ребенок или подросток становятся дурным, потому что так его оценивают окружающие. Решить эту проблему очень непросто. Реален путь минимизации навешивания ярлыков, т.е. «не обзывать», чтобы избежать «драматизации зла», чтобы не «плодить» «алкоголиков», «наркоманов», «бандитов», «хулиганов», «проституток», «двоечников», «отстающих» и т. п. Теория стигматизации обнаруживает ряд вопросов и проблем положения девианта в социуме, которые необходимо решать ради здоровья людей и общества в целом.

1. Becker, H. *The Outsiders* [Текст] / H. Becker. – The Free Press of Glencoe, 1963. – 187с.
2. Goffman, E. *Stigma: notes on the management of spoiled identity* [Текст] / E. Goffman. – New York: Prentice-Hall, 1963 – 53 с.
3. Schur, E. *Labeling Deviant Behavior: Its sociological Implications* [Текст] / E. Schur. – New York: Harper and Row, Publishers, 1971.
4. Блумер, Г. *Общество как символическая интеракция* [Текст] // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 173—179.
5. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/child-and-adolescent-health/health-behaviour-in-school-aged-children-hbsc/growing-up-unequal-gender-and-socioeconomic-differences-in-young-peoples-health-and-well-being-health-behaviour-in-school-aged-children-hbsc-study-international-report-from-the-20132014-survey> (дата обращения: 14.09.2016).
6. Гарфинкель, Г. *Исследования по этнометодологии* [Текст] / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. — СПб.: Питер, 2007. — 336 с.
7. Гаунова, Д.Х. *Стигматизация как предпосылка социальной дезадаптации* [Текст] / Д.Х. Гаунова // *Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива», Нальчик. – 2012. – Том № 2 – С.298-303.*
8. Гаунова, Д.Х. *Стигматизация как социокультурный фактор возникновения конфликтов в социальной сфере* [Текст] / Д.Х. Гаунова // *Актуальные проблемы истории, теории и технологии социальной работы. – Новочеркасск. – 2011. – Вып. 14. – С. 72-75.*
9. Лемерт, Э. *Социальная патология* [Текст] / Э. Лемерт. – 1951.
10. Мамедов, А.К. *Социальная стигматизация: генезис и детерминанты становления* [Электронный ресурс] / А.К. Мамедов, Т.П. Лупай // *Социологический альманах. – 2011. – №2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-stigmatizatsiya-genezis-i-determinanty- stanovleniya>* (дата обращения: 19.02.2015).
11. Мид, Дж. Г. *Философия действий* [Текст] / Дж. Г. Мид. – 1938.
12. Сайт «Tutknow.ru» [Электронный ресурс]. - URL: <http://tutknow.ru/psihologia/5647-osobennosti-i-uchastniki-bullinga-v-shkole.html> (дата обращения: 16.09.2016).
13. *Статистика и аналитика МВД России* [Электронный ресурс]. - URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 17.09.2016).
14. Танненбаум, Ф. *Преступность и общество* [Текст] / Ф. Танненбаум. - 1938 г.
15. Хоманс, Дж. *Социальное поведение: его элементарные формы* [Текст] / Дж. Хоманс. – 1961.

ОПИСАНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ “СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ГРАЖДАН” В ПЕРМСКОМ КРАЕ)

Демакова К.В. (Москва)

В обзоре анализируется описание результативности государственной программы “Социальная поддержка граждан” на 2014 - 2017 годы в Пермском крае. В качестве объекта

анализа, помимо текста государственной программы (утверждена Постановлением правительства Пермского края от 3.10.2013 года № 1351-п), выступают следующие нормативно-правовые документы: Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2026 года (утверждена Постановлением Законодательного собрания Пермского края от 6.12.2012 года № 569), Программа социально-экономического развития Пермского края (2012 - 2016 годы) (принята Законодательным собранием Пермского края 6 декабря 2012 года), порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ (утверждён Указом губернатора Пермского края от 24 июня 2013 г. N 74), отчёты о реализации программы за 2014 и 2015 годы, размещённые на официальном сайте Министерства социального развития Пермского края.

Согласно краевому Порядку разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ, государственная программа - это “документ стратегического планирования, содержащий комплекс мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций органами государственной власти Пермского края достижение приоритетов и целей социально-экономического развития Пермского края, определенных Стратегией социально-экономического развития Пермского края и Программой социально-экономического развития Пермского края”. Однако анализ отчётов о реализации государственной программы “Социальная поддержка граждан Пермского края” показывает, что в качестве результатов программы представлена рутинная деятельность Министерства социального развития Пермского края по обеспечению социальной поддержки различных категорий населения. Представленные результаты, с одной стороны, избыточны (поскольку описывают постоянные рабочие процессы, а не итоги деятельности), с другой стороны, противоречивы по нескольким причинам.

Во-первых, ожидаемые результаты программы слабо связаны с целью и задачами (см. цели и задачи программы в паспорте программы), а также основными проблемами краевой социальной сферы (см. раздел 1.3.6 программы) и обозначенными в разделе 2.6 наиболее социально уязвимыми группами (граждане пожилого возраста и инвалиды; малоимущие семьи и одиноко проживающие граждане, граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации). Например, в качестве ожидаемых результатов программы обозначены следующие (см. раздел “Ожидаемые результаты реализации Программы” в паспорте программы):

1. Снижение на 1,6% численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по отношению ко всему населению.

2. Охват малоимущих семей к концу 2017 г. программами государственной социальной помощи и поддержки до 100% от общего числа обратившихся.

1. Увеличение доли граждан, вышедших (выведенных) из трудной жизненной ситуации после получения мер социальной помощи и поддержки, на 4%.

2. Увеличение доли муниципальных образований, на территории которых обеспечена возможность получения временного приюта гражданами, попавшими в трудную жизненную ситуацию, до 35%.

В качестве цели программы заявлено в целом “повышение качества жизни отдельных категорий граждан, нуждающихся в различных видах социальной помощи и поддержки в соответствии с федеральным и региональным законодательством, с учетом адресности предоставления мер социальной помощи и поддержки, обеспечение доступности социального обслуживания населения”, без уточнения приоритетных социальных групп, на которые будут направлены мероприятия, предусмотренные программой, а также конкретных характеристик качества жизни граждан, которые изменятся в результате осуществления мероприятий программы.

Во-вторых, в задачах программы также мало конкретизированы приоритетные социальные группы (пожилые люди и представители старшего поколения, без указания конкретной возрастной группы и социального статуса, см. раздел паспорта программы “Цели и задачи”):

1. Формирование безопасной социальной среды через снижение уровня бедности.

2. Повышение социальной защищенности населения. Формирование эффективной и доступной системы, обеспечивающей поддержку и содействие социальной адаптации граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию или находящихся в социально опасном положении.

3. Улучшение качества жизни пожилых людей, активизация их участия в жизни общества, сохранение социальной, культурно-образовательной и физической активности представителей старшего поколения.

В описании целевых показателей программы конкретизированы социальные группы: население с доходами ниже прожиточного минимума, малоимущие граждане, граждане, имеющие право и обратившиеся за мерами социальной помощи и поддержки, граждане, нуждающиеся в обеспечении временным жильём (см. раздел паспорта программы «Целевые показатели программы»). Однако, анализ текста программы показал, что они не совпадают с целевыми группами, обозначенными в задачах программы. Представляется, таким образом, что отсутствие конкретной информации о социальных группах, для которых предусмотрены меры государственной программы, отсутствие конкретных характеристик, позволяющих измерить качество жизни социальных групп, на работу с которыми направлен мероприятия программы, усложняет создание качественных критериев оценки её результативности.

Доработки требуют ожидаемые непосредственные результаты подпрограмм, включённых в программу «Социальная поддержка граждан Пермского края» (подпрограмма 1 «Реализация системы мер социальной помощи и поддержки отдельных категорий граждан Пермского края»; подпрограмма 2 «Социальное обслуживание населения Пермского края»; подпрограмма 3 «Обеспечение реализации государственной программы «Социальная поддержка граждан Пермского края»; подпрограмма 4 «Повышение качества жизни пожилых граждан Пермского края»). Во всех обозначенных подпрограммах в качестве непосредственных результатов наиболее часто обозначены следующие: «сто процентное предоставление мер социальной помощи и поддержки граждан, обратившихся и имеющих право на получение данной помощи и поддержки». Такое описание результата может быть использовано для оценки текущей деятельности органов власти в сфере социальной защиты и помощи населению, но для оценки осуществления стратегических мероприятий, направленных на исполнение ключевых функций органа исполнительной власти (в данном случае — министерства социального развития). В оценку непосредственных результатов реализации подпрограмм заложены сложно измеримые и сложно формализуемые критерии, например: «трансляция передового опыта работы», «внедрение эффективных технологий социальной работы с пожилыми людьми», «повышение уровня профессиональной компетентности специалистов посредством проведения не менее 4 мероприятий в год» и др.

Помимо результатов оценки программы, Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Пермского края предполагает внедрение такого критерия как эффективность. В государственной программе «Социальная поддержка граждан Пермского края» эффективность мероприятий программы «проводится на основе оценки степени достижения целей и решения задач Программы путем сопоставления фактически достигнутых в отчетном году значений показателей Программы» (раздел 11.1 программы). Как видим, эффективность программы подменяется результативностью.

Целевые показатели подпрограмм и мероприятий, запланированных для их достижения, более проработаны. Но в целевых показателях нет обоснования их предполагаемых положительных изменений (динамики изменений). Так, в подпрограмме 1 «Реализация системы социальной помощи и поддержки отдельных категорий граждан Пермского края» в качестве значений плановых показателей заложена, среди прочего, доля обеспеченных жильём отдельных категорий граждан от состоящих на жилищном учете, на протяжении всех этапов реализации подпрограммы она остаётся неизменной — 4 процента. В подпрограмме 2 «Социальное обслуживание населения» есть показатель «удельный вес граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых и детей), получивших услуги в негосударственных социальных службах, в общей численности граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых и детей), получивших услуги в учреждениях социального обслуживания всех форм собственности». На протяжении всех этапов реализации программы данный показатель остаётся неизменным — 30 процентов и т.д. Неясно, почему динамика этих критериев остаётся неизменной на протяжении всех этапов реализации программы, тогда как другие критерии показывают некоторый рост (но незначительный, также неясно, достаточно ли его будет для достижения целей и задач программы).

Важно отметить, что цели и задачи программы мало связаны с целями и задачами Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 года и с Программой социально-экономического развития Пермского края на 2012 — 2016 годы. Так, из двадцати одной задачи социального блока Стратегии СЭР Пермского края до 2026 года в программе «Социальное обслуживание граждан в Пермском крае» отражена только одна - формирование безопасной социальной среды. Из шести задач в социальной сфере, обозначенных в Программе СЭР — только одна задача отражена в задачах программы «Социальное обслуживание граждан в Пермском крае»

(формирование эффективной и доступной системы институтов, обеспечивающих поддержку и содействие социальной адаптации граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию или находящихся в социально опасном положении).

В дальнейшем при разработке краевых программ в социальной сфере рекомендуется:

1. Увязывать цели и задачи программ с целями и задачами Стратегии социально-экономического развития Пермского края и с Программой социально-экономического развития Пермского края, чтобы госпрограммы могли служить инструментом для реализации Стратегии и Программы СЭР, были интегрированы в краевой комплекс мер по улучшению состояния социальной сферы, разрабатываемый на среднесрочную перспективу.

2. Связывать ключевые социальные группы, на поддержку которых направлены мероприятия госпрограммы с социальными группами, выявленными в качестве приоритетно нуждающихся в социальной помощи и поддержке (в том числе, в Стратегии и Программе СЭР).

3. Прорабатывать методики оценки результативности и эффективности госпрограмм в социальной сфере (в частности, учитывать и обосновывать динамику показателей результативности; не подменять термин «эффективность» термином «результативность», разработать качественные показатели оценки результативности госпрограммы, убрать из критериев оценки результативности такие сложно измеряемые показатели как «внедрение эффективных технологий социальной работы с пожилыми людьми», «трансляция передового опыта работы» и проч.).

4. В качестве мероприятий программы описать меры, направленные на изменение качества жизни социальных групп, обозначенных в качестве приоритетных для социальной поддержки в осуществляемой госпрограмме, заменить такими мерами рутинную деятельность министерства по исполнению его функций (такую деятельность необходимо осуществлять вне мер госпрограммы, поскольку госпрограмма — специальный инструмент по осуществлению приоритетов госполитики, а не по осуществлению текущих задач госуправления).

1. Закон Пермского края от 20 декабря 2012 г. N 140-ПК «О Программе социально-экономического развития Пермского края на 2012-2016 годы»

2. Постановлением правительства Пермского края от 3.10.2013 года № 1351-п об утверждении государственной программы «Социальная поддержка граждан» в ред. Постановлений Правительства Пермского края от 05.02.2014 N 63-п, от 13.03.2014 N 154-п,

от 29.04.2014 N 304-п, от 25.07.2014 N 680-п, от 30.09.2014 N 1095-п)

3. Постановление Законодательного Собрания Пермского края от 01.12.2011 №3046 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 года».

4. Указ губернатора Пермского края от 24 июня 2013 г. N 74 «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Пермского края».

ТЕОРИЯ МЕДИУМОВ БОРИСА ГРОЙСА

Демина К.С. (Санкт-Петербург)

В середине XX века канадский философ Маршалл Маклюэн разрабатывает теорию «медиумов». Медиум – это средство, при помощи которого передается сообщение. Такими медиумами являются радио, телевидение, фотография, алфавит и даже свет. Знаменитый тезис Маклюэна «medium is the message» означает, что тип и характер средства сообщения, например, алфавитного письма, во многом предопределяет не только его внутреннее содержание, но что важнее, то воздействие, которое оказывает медиум на участвующих во взаимодействии. Несмотря на то, что Маклюэн подробно описывает свыше 20 медиумов, очевидно, что этим список не исчерпывается, поскольку в реальности их гораздо больше. Однако, дело не в их количестве, а в изыскании и философской разработке не частных, а глобальных медиумов, которые предопределяют тенденции развития дискурса больших систем, например, конкретных государств и даже цивилизаций. Заслуга мыслителя Бориса Гройса как раз и состоит в разработке двух таких глобальных медиумов, а именно, языка и денег.

Свой главный труд, посвященный этой проблематике - «Коммунистический постскрипtum», Борис Гройс начинает с интерпретации «дискурсов» языка (в широком смысле слова) и «денег» в качестве медиумов, необходимых для организации общества. В упрощенном виде построения Гройса можно описать следующим образом. Организация экономики и политики

может иметь разные медиумы, при которых обеспечивается внутренняя связность систем. Если медиумом экономики, как известно, являются финансы, то есть деньги и цифры, то в случае политики в этом качестве выступают слова, а точнее «аргументы, программы и резолюции, а также приказы, запреты, инструкции и распоряжения». При капитализме, как в экономике, так и в политике явно господствует медиум денег: невербальные, анонимные рыночные процессы. Экономика выражается в цифрах, а не в словах, что приводит к редукции влияния языка на экономические механизмы и процессы. Гройс иллюстрирует такое воззрение несоразмерно маленьким влиянием критики на экономику при капитализме. «При капитализме язык функционирует лишь как товар, что с самого начала делает его немым. Дискурс критики или протеста считается успешным, если он хорошо продается, - и неудачным, если он продается плохо»[1, 9]. Таким образом, поскольку капитализм и его дискурсивная критика медиально гетерогенны, то критический дискурс не эффективен в капиталистическом обществе. Общество, в котором исчезает подобная медиальная гетерогенность, Борис Гройс называет коммунистическим. В таком типе общества «власть и критика власти прибегают к одному и тому же медиуму (языку)»[1, 10]. Переход общества медиума денег в общество медиума языка, по его мнению, является коммунистической революцией. При коммунизме медиум языка подчиняет себе экономику, что дает право в этом случае рассматривать товар как языковое высказывание, которое можно критиковать в общем, едином языковом пространстве. Из этого следует заключение: «чтобы критиковать общество, нужно сначала сделать его коммунистическим». Однако возможно ли вообще сделать общество коммунистическим? И «Может ли язык – и если может, то при каких условиях – приобрести достаточную силу принуждения, чтобы посредством него могло осуществиться управление обществом?»[1, 12].

В западной философии XX века был лишь объявлен в тех или иных формах «поворот к языку», тогда как советское общество постаралось реализовать его на практике, и, как считает Гройс, успешно это осуществило. Называя Советское государство «государством философов», он переходит к рассмотрению античной концепции идеальной республики, где господствуют философы – к так называемому «платоновскому государству». Ответом на вопрос о возможности политического воздействия посредством языка является «логическое принуждение», которое блестяще демонстрирует Сократ в соответствующих диалогах Платона. Сократ как бы вскрывает с виду ясную, четко структурированную речь софистов, которая на самом деле оказывается полна парадоксов. Он показывает, что их речь только с виду последовательна и когерентна, тогда как по своей внутренней структуре парадоксальна, то есть «бессвязна и темна». «Вы сочиняете свои речи только ради денег» - говорит Сократ софистам.

Обнаружить, раскрыть, апроприировать этот парадокс – вот подлинно философские задачи, выполнение которых наделяет философа властными полномочиями. Советская власть должна быть понята как попытка реализовать мечту всей философии времен Платона, попытка установить власть философов. Любой ответственный руководитель считал себя философом, а свою практическую деятельность рассматривал как вклад в развитие коммунистической теории. С этой точки зрения практическое поражение могло быть столь же ценным и поучительным, как и успех.

Согласно Гройсу, «медиум денег» имеет отрицательную связь с понятием «справедливости». Он дает распространенное в античной Греции определение справедливости, которое используется Аристотелем: «справедливо оплачивать равное равным, а неравное неравным». Имеется огромное количество критических дискурсов, каждый из которых упрекает капитализм за недостаток справедливости. Так, левая критика утверждает, что капитализм обращается с равным как с неравным, а правая критика, напротив, упрекает капитализм в том, что он обращается с неравным как с равным. В этой связи возникает вопрос, может ли язык при капитализме быть использован в качестве инструмента определения равного и неравного. Гройс считает, что нет, поскольку медиум языка не имеет практически никакого влияния при капитализме. Это заставляет переформулировать вопрос, что же тогда при капитализме заменяет язык. Гройс дает однозначный ответ – деньги. Получается, что медиум денег при капитализме гетерогенен медиуму языка и не равен ему. И поэтому, следует говорить, что несправедливые отношения между двумя указанными медиумами имманентно присущи капитализму. Все суждения, выносимые посредством денег, непременно берутся в расчет, тогда как языковые суждения, как правило, в расчет не принимаются. В докапиталистический период власть языка реально существовала как на уровне репрессий, государственного принуждения, так и в качестве медиума оппозиции, то есть власть и оппозиция действовали в гомогенном медиальном

пространстве языка и идеологической легитимации. Современное капиталистическое общество отошло от дискурса власти и одновременно дистанцировалось от дискурса вообще, так что справедливость фактически исчезла из дискурсивного пространства. Капитализм освободил власть от идеологии, и всякого «языкового обоснования». Это не значит, что дискурс утратил все свое влияние при капитализме, он продолжает существовать, но только в качестве товара среди других товаров. Гройс говорит о том, что легитимирующее действие языка при капитализме реализуется только в тех случаях, когда совершается нечто, не вписывающееся в рамки рыночной экономики, например, когда совершается преступление.

Предложенная Гройсом концепция медиумов является актуальной на сегодняшний день. С распадом Советского Союза, возведением капитализма в России, был намечен поворот к медиуму денег. Но дискурс власти, тем не менее, играет решающую роль в современном российском обществе.

1. Гройс Б. *Коммунистический постскриптум*, 2014
2. Гройс Б. *Политика поэтики//Капитал. Искусство. Справедливость*, 2013
3. Пензин А. *Критическая масса//Борис Гройс. Коммунистический постскриптум*, 2006, 4
4. Маклюэн М. *Понимание медиа: Внешние расширения человека*, 2007

ИДЕАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫДУМКА? Дёмина Н.С. (Орёл)

В данной статье рассматривается понимание идеальной семьи в современном российском обществе. Приводятся основные определения понятия семьи, акцентируется внимание на ролевых отношениях в семье. Основные выводы автором сделаны на основании вторичного анализа результатов социологического исследования на тему «Идеальная семья», проведенного ФОМ.

This article examines the understanding of the ideal family in modern Russian society. The basic definition of family that focuses on role relations in the family. The main conclusions made by the author on the basis of secondary analysis of sociological research on the topic "Perfect family", carried out by FOM.

«Семья крепка, если миг счастья повторяется многократно»

В. Гавеля

С давних пор семья считалась ячейкой общества, так как именно в ней закладывается вся основа нашего будущего. На современном этапе развития общества она является важнейшей ценностью государства. Но стоит обратить внимание на то, что в последнее время взаимосвязь общества и семьи медленно угасает. Это крайне отрицательно влияет и на семью, и на общество в целом. Многие люди утратили знание о том, что такое семья. Но мы не должны забывать, что это одно из самых важных этапов, который происходит в жизни каждого человека.

Началом и ядром семьи называют брак. Многие ученые утверждают, что брак – санкционированная обществом социально и личностно целесообразная форма отношений. Исходя из этого, семья – малая социальная группа, которая основана на единой общесемейной деятельности, связанная с узами супружества-родительства-родства.

Существует множество определений семьи, но в социологии чаще всего принято использовать следующие два определения [2]:

Семья – это *особый социальный институт*, который регулирует межличностные отношения между супругами, родителями, детьми и другими родственниками, которые связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

Семья – это *малая социальная группа*, социальная ячейка общества, которая основана на супружеских отношениях и родственных связях (между братьями и сестрами, мужем и женой, детьми и родителями).

Для понимания семьи как социального института большое значение имеет анализ ролевых отношений в семье. Семейная роль – один из видов социальных ролей в обществе. Семейные роли определяются местом и функциями человека в семейном кругу и подразделяются на супружеские (жена, муж), родительские (мать, отец), детские (сестра, брат, дочь, сын), межпоколенные (дедушка, бабушка) и другие.

На сегодняшний день мы можем наблюдать трансформацию социальных ролей, которые выполняют супруги в семьях. Директор по специальным программам ВЦИОМ Елена Михайлова

утверждает, что современные реалии разрушают традиционный тип «идеальная семья», которая возглавляется «мужчиной-кормильцем», который, в свою очередь, несет ответственность за всех членов семьи. На смену ожиданиям, связанным с обеспечением финансовой устойчивости семейной ячейки, приходят другие – предполагающие более высокий уровень психологической вовлеченности мужчины в жизнь семьи, готовность отказываться от любимых привычек. Соответствовать таким запросам – задача не из легких.

Сегодня происходит искажение понятия «семья». В связи с этим, социологи относят проблемы современной идеальной семьи к числу наиболее важных и актуальных. Психологи утверждают, что с каждым годом счастливых семей становится все меньше и меньше. Но в чем же причина? Что же такое идеальная семья? Какой ее представляет нынешнее общество?

Каждый человек, живущий на нашей планете хоть раз, но задался этими вопросами. Каждый из нас желает, чтобы его семья была самой счастливой, самой-самой идеальной. Для того чтобы узнать так как же все-таки представляется идеальная семья в сознании людей, обратимся к результатам опроса, проведенным Фондом общественного мнения (ФОМ) на тему: «Образ идеальной семьи: много ли в России идеальных семей? И какую семью можно считать идеальной?» [4]

Респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «Что первое приходит Вам в голову, когда вы слышите выражение «идеальная семья»» Результаты приведены на рис. 1

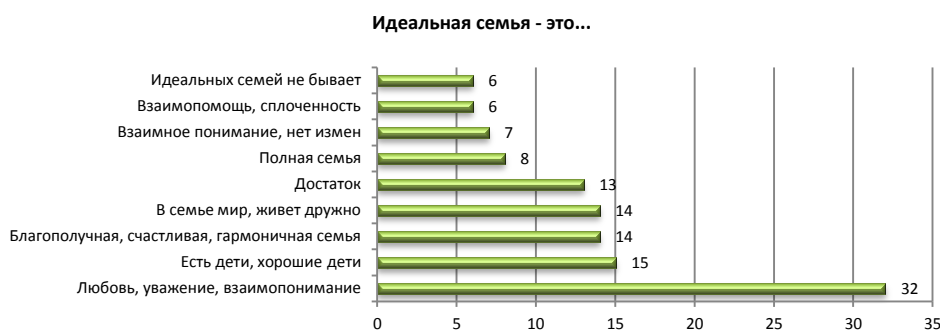

Рис. 1 – Понятие «Идеальная семья» в сознании россиян

Из рисунка 1 можно заключить, что у большинства опрошенных респондентов выражение «идеальная семья» ассоциируется с любовью, уважением и взаимопониманием (32%). Так же, чуть менее 1/5 части опрошенных респондентов отмечают, что данное выражение у них ассоциируется с наличием хороших детей (15%), с благополучной, счастливой и гармоничной семьей (14%), с семьей, где процветает мир и все ее члены живут дружно (14%) и с семьей, которая живет в достатке (13%).

Респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «Как Вы считаете, что лучше: когда муж и жена ровесники или когда кто-то старше? И если старше, то кто: муж или жена? Или это не имеет значения?» Результаты представлены в таблице 1

Таблица 1– Мнение россиян о возрастной разнице между супругами

Варианты ответа	Результаты, в %
Ровесники	13
Муж должен быть старше	47
Жена должна быть старше	2
Не имеет значения, кто старше	31
Затрудняюсь ответить	7

Из данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о том, что почти половина опрошенных респондентов отмечают, что в семье муж должен быть старше жены (47%). Чуть менее 1/3 части опрошенных респондентов считают, что совершенно не имеет значения, кто старше в семье муж или жена (31%).

Следующий вопрос заключался в том, чтобы узнать, какую разницу в возрасте респонденты считают нормальной? Данные приведены на рис.2.

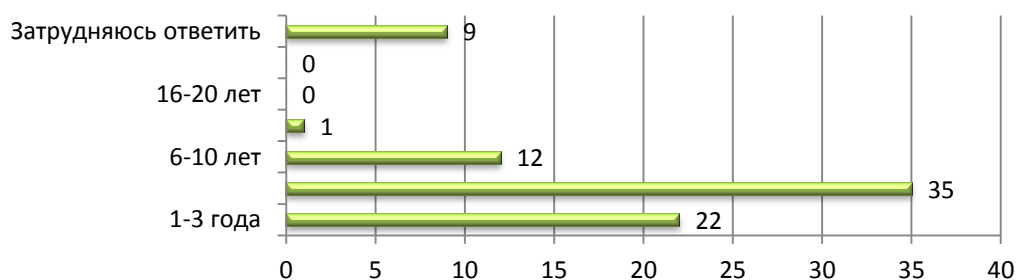

Рис.2 – Приемлемая разница в возрасте между супругами по мнению россиян

Анализируя данный рисунок, можно заключить, что большинство опрошенных респондентов оптимальной разницей в возрасте между мужчиной и женщиной в семье считают 4-5 лет (35%). Более 20% опрошенных отметили, что нормальной разнице в возрасте между супругами считают от 1-3 лет.

И самый актуальный вопрос, волнующий нас по данной теме: «Есть ли в Вашем окружении семья, которую Вы могли бы назвать идеальной?» Или, может быть, Вы считаете идеальной свою семью?». Распределение вариантов ответа на данный вопрос представлено на рис.3.

Рис.3 – Мнение россиян о наличии в их окружении идеальной семьи

Из данных представленных на рисунке 3, можно сделать следующий вывод, что на сегодняшний день, к сожалению у большинства опрошенных респондентов нет такой семьи, которую они могли бы назвать идеальной, об это говорят 40 % опрошенных респондентов. Однако 36% опрошенных отмечают, что такая семья есть и лишь 12 % опрошенных респондентов отметили, что для них идеальной семьей является их семья.

Подводя итог вышесказанному, хочется сделать следующий вывод о том, что семья, которая построена на доверии, любви и уважении, проживающая отдельно от родителей, с двумя детьми и равной степенью участия в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей – такой представляют себе идеальную семью наше современное общество. Россияне, как правило, считают, что при вступлении в брак нужно руководствоваться скорее чувствами, нежели рассудком. В целом 12% россиян могли бы назвать свою семью идеальной, еще у 36% есть такая в их окружении.

А Вы как считаете, идеальная семья это реальность или выдумка для современности?

1. Агинская Т.И. Эволюция представлений о браке в среде студенческой молодежи (на примере вузов г. Екатеринбурга) // Вопросы управления. – Июнь 2011. – № 2 (15) [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2011/02/21/> (дата обращения 02.10.2016)
2. Глоссарий.ru. Семья. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRls;o
3. Крутых А.В. Представления молодежи о семье // Международный журнал экспериментального образования, 2014.-№6-1.-С.39-40
4. Репрезентативный опрос ФОМ 2013 г. на тему: «Образ идеальной семьи: много ли в России идеальных семей? И какую семью можно считать идеальной?» населения от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов – жителей 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Денисова Ю.В. (Санкт-Петербург)

Вхождение в мировое политическое пространство, формирование единого рынка, дают поистине безграничные возможности. Однако эти возможности не могут быть реализованы, если компания не готова к действиям в новых условиях. Инновационной практикой управления является сообщество для сотрудничества (collaborative community). Появление этой практики связано с глобализацией экономики и рынка, и позволяет компаниям совместно реализовывать открывающиеся возможности, которые они не смогли бы реализовать в одиночку. Такие сообщества выступают моделью адаптации компаний к вызовам глобальной экономики. Таким образом, возникает проблема социологической интерпретации сотрудничества.

Необходимость доверия возникает из-за высокой взаимозависимости участников при достижении конечного результата, причем ключевые компетенции участников таковы, что, зачастую, другие члены сообщества не могут их проверить или получить официальное их подтверждение. Более того, здесь не работают такие традиционные социальные механизмы доверия, как личное или профессиональное знакомство, экспертная оценка. Также не всегда используется такой фактор как долгосрочность отношений между участниками сообщества. Безусловно, долгосрочные отношения служат и мотивирующим фактором и основой лояльности, но современные организации, вынужденные гибко реагировать на вызовы внешней среды, не всегда готовы гарантировать долгосрочные контракты. Анализ управленческих практик кризисного периода свидетельствует, что часто базой для доверия в формировании сообществ для сотрудничества становится кризисная ситуация, жесткая необходимость, когда иной вариант решения проблемы невозможен.

В классическом понимании в социологии сообщества выступают как компонент дихотомии общества и общности, в понимании Ф. Тенниса «Gemeinschaft» и «Gesellschaft». В данном случае, основной проблемой выступает вопрос доверия относительно будущего поведения остальных участников данного сообщества. Феномен доверия в сообществе может определяться по-разному:

«Доверие это рациональный механизм снижения риска в отношениях безличных агентов рыночного общества».[1]

«Доверие отражает мир символов, ассоциирующихся с таким поведением, которое отвечает взаимным ожиданиям и вызывает в качестве ответной реакции уверенность в партнере, его надежности, чистоте его помыслов и намерений».[1]

П. Бурдье рассматривает доверие в аспекте политического поля не как социальный, а политический капитал правителя, основанный на доверии ему подчиненных. Бурдье замечает, что политический капитал является формой символического капитала или кредитом, основанном на вере и признании, который получает политический лидер (объективная власть) во время своего правления.[2]

Когда основным принципом деятельности организации является иерархичность- данная социальная организация представляет собой «общность». Когда организация выстроена на принципах рынка- социальная организация колеблется между «обществом» и «общностью». Сообщество же представляет собой нечто инновационное, по отношению и к «общности» и к «обществу». Эти различия проявляются в трех фундаментальных аспектах.

Хекшнер и Адлер [3] дают следующую социальную трактовку изменений, привносимых в управленческие практики формированием сотрудничества:

1. Ценности. Сотрудничество выстраивается на общих социальных ценностях, следовательно, каждый из его участников может с достаточной уверенностью предсказать поведение остальных его членов, поскольку то будет основано на известных и разделяемых ценностях.

2. Организация. Сотрудничество формирует новую форму социальной структуры, основанной на взаимозависимости участников, включающей стили лидерства, распределение работ.

3. Самоидентификация. Сотрудничество как социальная практика не может быть навязано извне, его формирование предполагает интернализацию идей и ценностей всеми членами. Оно не строится на идее единого авторитета, а, скорее, возникает из принятия многообразия форм

интересов и ценностей всех его членов, осознании их взаимозависимости, и выработке, на основании этого, единого кодекса доверия.

С точки зрения социологического исследования феномена сотрудничества в принятии политических решений следует обратить внимание на следующие аспекты. Во-первых, разделяемые интересы. Они вытекают из общности ресурсной базы, или общности целей. Исследование интересов может проводиться с трех основных методологических оснований- субъективного (интересы являются сугубо мыслительной категорией, означающей направленность внимания), дуалистического (интерес- неотделим от своего носителя, не существует без его осознания, и не может без этого стать причиной массовых социальных действий), объективного- интерес как характеристика социально- экономического статуса социальной общности, показывающая, что данной общности в силу этого статуса выгодно, а что- нет, и в какой мере. Во-вторых, ценности сотрудничества. Представляют собой готовность делиться знаниями и информацией, прилагать усилия для достижения успеха всеми членами сообщества. Важным для реализации этой ценности является справедливое соотношение прилагаемых усилий и получаемого вознаграждения. В- третьих, лидерство, ориентированное на сотрудничество. В первую очередь, лидеры организаций должны уделять внимание росту сообщества, его стабильности, сотрудничеству внутри сообщества и продвижению ценностей сотрудничества. В четвертых, системная и инфраструктурная поддержка сотрудничества. В сообществе необходимо создать такие системы, процессы и нормы, которые бы поддерживали непосредственное взаимодействие между отдельными фирмами- членами сообщества, а также взаимодействие внутри сообщества в целом. В- пятых, банк знаний. Все участники процесса принятия политических решений должны иметь доступ к единому банку знаний, общему для данного сообщества, а также иметь возможность вносить в этот банк дополнительную информацию.

Инновационная форма "сообщества для сотрудничества" имеет, по сравнению с традиционной сетевой структурой, минимум 2 преимущества. Во-первых, сообщество, создавая условия для совместного производства продукта, создает тем самым среду для межфирменного доверия. в первую очередь, при обмене инновационными знаниями. Во- вторых, размер сообщества, в купе с многомерными связями между участниками делает возможной мобилизацию ресурсов, и повышает креативность и производительность участников.

Социологический анализ эволюции организационных структур и сообществ для сотрудничества имеет важное значение для осмысления инновационных социально- управленческих практик:

1. Необходимо исследовать, как структуры, базирующиеся на идее сообществ способствуют инновациям и достижению желаемого результата в различных отраслях политики и экономики.
2. Исследование механизмов управления сообществами фирм. Эффективность механизмов прямого регулирования взаимодействия может быть поставлена под сомнение, исходя из тезиса о необходимости паритетного участия..
3. Конкурентоспособность сообществ по сравнению с традиционными структурами и их отношения с антимонопольным, внутриполитическим и другими законодательствами.
4. Сочетание сообществ с традиционными организационными структурами управления.

1. Экономика и социология доверия. Монография. Под ред. Ю.В. Веселова – СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского. – 2004.

2. Giddens A. "The consequences of modernity". – Stanford.: "Stanford University Press", 1990.

3. Heckscher Ch. (Editor), Adler P. (Editor). 2006. The Firm as a Collaborative Community: The Reconstruction of Trust in the Knowledge Economy. Oxford University Press, USA.

4. Miles, R. E., G. Miles, C. C. Snow, K. Blomqvist, and H. Rocha. 2009. The i-form organization. California Management Review 51 (4): 59–74.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ. ПЛАГИАТ

Дендобренко Д.А., Алькаева Ю. И. (Санкт-Петербург)

Термин «академическое мошенничество» (academic frauds), чаще употребляемый в качестве академической нечестности (academic dishonesty), представляет собой любой тип обмана

в образовательной сфере. Выделяют следующие его типы: плагиат, обман, подделка (fabrication), списывание, взяточничество, саботаж, профессорский проступок, олицетворение (impersonation).

Одним из наиболее распространённых типов академического мошенничества является плагиат преднамеренный или случайный, – определяется как представление работы кого-то другого (полностью или частично) как своей собственной и включает в себя устное или письменное представление о другой работе (например: идеи, формулировки, графика, музыка и изобретения), без ссылки на источник. Под источниками подразумеваются: электронные, печатные, письменные и словесные источники [9]. В юриспруденции плагиат влечёт за собой гражданскую и уголовную ответственности.

Выделяют два основных типа плагиата [7]: умышленный и неумышленный, последний в свою очередь подразделяется на подсознательный (логичные умозаключения в результате исследования изданных работ), случайный (самостоятельное определение каких-либо выводов в результате своей деятельности), тиражируемый (ссылка информации не на первоисточник, а на более популярный материал) и завуалированный (умышленное или неумышленное использование авторства без соответствующих на него ссылок).

Плагиат как вид академического мошенничества стоит рассматривать с юридической точки зрения, а именно через призму закона об авторском праве. С этого ракурса плагиат будет являться одним из нарушений авторского права. Под категорию плагиата в законе попадают только «заимствования» в материальной форме (в условиях обучения это может быть также инцидент, когда студент берёт работу у своего сокурсника с целью получить за неё оценку). Несмотря на то, что в общем определении присвоение идеи теоретически и является плагиатом, с точки зрения закона об авторском праве мы видим обратное: идея – это толчок для дальнейших размышлений, а её присвоение и развитие плагиатом являться не будут, – «авторское право не распространяется на идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты.» [4]

Явление плагиата зародилось ещё в античное время и меняло свою окраску с течением времени. Так, например, древние греки не просто не обращали внимание на плагиат, а наоборот – поощряли его исполнителей, так как ценился не носитель мысли, а сама мысль, то есть знание. Негативный подтекст явление плагиата получает лишь в Новое время с появлением коллективного авторства. Теперь сознание людей, насытившееся количеством новых знаний, высоко ставят не только полученную информацию, но в первую очередь «кто и когда сказал». В современном обществе отношение к плагиату двойственное: с одной стороны плагиат является гибелью для качества образования, с другой стороны, плагиат даёт возможность сохранить массу времени и сил.

Плагиат в информационном обществе стал неотъемлемой частью образования как в вузах, так и в школах. Учителя сознательно закрывают на него глаза, так как им приходится поддерживать свой и школьный рейтинги. Критерии, по которым рассчитывается рейтинг учителя, содержат в себе несколько блоков, один из которых выглядят следующим образом [6]:

1. Процент успеваемости;
2. Средний балл оценок по предмету;
3. Наличие учеников- победителей школьных олимпиад, марафонов, конкурсов, соревнований;
4. Наличие учеников- победителей, призёров, участников городских соревнований;
5. Наличие учеников- победителей, призёров, участников областных и всероссийских олимпиад, конкурсов, соревнований;
6. Участие обучающихся в конкурсах творческих, исследовательских работ, выполненных под руководством учителя.

Основываясь на вышеизложенных данных, можно заметить, что вся система разбалловки основана на получении высших оценок и первых мест школьниками. Со слов учеников:

«У нас всю домашку по английскому из решебника списывают. Я обычно специально что-нибудь там изменю, ну, чтобы не так гладко было. А другие прямо так и переписывают. А на тесте учитель всегда из класса уходит или сидит, делает вид, что не видит, как все переговариваются и в переводчик забивают.»

«У нас французенку заставили пробный ЕГЭ провести. А мы ж ничего не знаем...да кому этот французский долбаный нужен? Она ж сама говорила, что мы за десять лет читать не научились...ну, она сама всё сделала и принесла нам списать...» [8]. Получается, что обвиняя в

академическом мошенничестве школьников, совершенно игнорируется факт его поощрения также и среди преподавательского состава.

Проблема плагиата сегодня насущна не только в области ученичества и студенчества. Информационный прогресс двадцать первого века не обошёл стороной и профессоров, докторов, кандидатов наук. Система образования в школах, настроенная на получение высоких отметок, нежели действительных знаний, воспитывает в современных детях привычку списывать и заимствовать чужой интеллектуальный труд без любых упоминаний о первоначальном источнике. Эту привычку они с лёгкостью переносят и на студенческие годы, а после – в научную сферу, начиная подделывать свои диссертации.

Примером является данные о невероятных размерах плагиата, обнаруженных с помощью программы «антиплагиат» в диссертациях более чем трёх с половиной тысяч кандидатов наук России, опубликованные 10 октября 2015 года в еженедельном журнале Лондона о высшем образовании «Times Higher Education». Этот пример показывает цикличность данной проблемы, формирующую некую идеологию Российского образования, которая распространяет дурную славу о современном образовании по всему миру.

Меры предотвращения академического мошенничества с развитием информационного общества активно модернизируются, но и методы обхода данной системы не заставляют себя ждать[3]. Одним из старомодных, но довольно действенных способ борьбы с плагиатом считается Кодекс Чести, который распространён в США и Европейских странах. На российской площадке образования пример западного Кодекса Чести на себя взяла НИУ ВШЭ, с последующим отчислением студента за плагиат в курсовой работе. Но, как выяснилось в беседе со студентами Политологического факультета Высшей школы экономики, после этого громкого случая студенты стали лишь гораздо тщательней подделывать свои работы.

В России сегодня исследованиями академической нечестности активно занимается Андрей Ростовцев, являющийся одним из основателей сетевого пространства «Диссернет» и активно пропагандирующий отказ от списывания и плагиата. В своём интервью Андрей Ростовцев говорит о том, что повсеместный плагиат в России – это скорее "неотъемлемая часть российской государственности", нежели "перманентное явление". «Но в то же время неправильно думать о плагиате в России так же, как в Западной Европе или США. Этот тип мошенничества может быть совершён, когда диссертации, защищённые на одном факультете университета (например, социологии) передаются кандидату наук на другой факультет (допустим, экономический) и последний защищает эту же диссертацию, поменяв при этом пару слов»[8], – объясняет он. «Диссернет», как они говорят сами о себе, – это «вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов»[1].

Плагиат – это «инфекция», которая с каждым днём всё сильнее поражает российское образование, и ноги у этой «инфекции» растут со школьных парт. Школьникам сознательно помогают списывать для повышения собственных рейтингов учителей, после чего новоиспечённые студенты продолжают уже привычную для себя практику. Получив научную степень, теперь уже преподаватели вузов, те самые школьники не перестают использовать плагиат в своих исследовательских и научных работах, подавая пример своим студентам. Искоренять академическое мошенничество нужно, но, возможно, стоит подойти к данной проблеме иначе: не применять санкции к тем, кто уже стал «мошенникам», а воспитывать тех, кто об этом не будет и задумываться.

1. «Диссернет» <http://www.dissernet.org/>;
2. Ефимова Г.З. Академическое мошенничество как социальная проблема: анализ основных проявлений // В мире научных открытий;
3. Ефимова Г.З., Кичерова М.Н., «Информационное общество и проблема академической недобросовестности»;
4. Закон об авторском праве: Статья 6. Объект авторского права. Общие положения;
5. Официальный сайт Калифорнийского технологического института. URL: <http://www.caltech.edu>;
6. Рейтинговая оценка деятельности учителей. URL: http://verhspas.b8edu.ru/metog/Method_vestnik/rejting.htm;
7. Фокин Н.И. Экономический этимологический словарь: опыт словаря основных экономических терминов с кратким этимологическим анализом. - Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1994;

8. Фомина Александра, «К чему приводит списывание: учиться честно, что это?» URL: http://letidor.ru/article/k_chemu_privodit_spisyvanie__36163/;
9. Definition of Plagiarism. URL: <http://teaching.idallen.com/plagiarism.html>;
10. Mass-produced PhDs at heart of academic fraud 'plague' : <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20151010183627195.cc>

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Диденко И.В., Диденко А. А. (Новочеркасск)

Данная работа завершает серию публикаций, анализирующих современное состояние военной организации государства, начатое в 2010 году. Актуальность обращения к анализу данной проблемы обусловлено, тем, что военная организация является важной составляющей современного общества, обеспечивая его стабильность и независимость в условиях изменения геополитической ситуации в мире и усиления противостояния мировых держав. Одно из определений военной организации, помогающее осмыслить ключевые пункты рассматриваемой проблематики, гласит, что военная организация – это совокупность человеческих (военнослужащие), материально-технических ресурсов и органов военного управления, направленных на обеспечение внутренней безопасности и/или вооруженной защиты РФ. По степени значимости в развитии организации, как показали многочисленные исследования, лидируют человеческие ресурсы, чуть меньше органы (структура) управления.

Рассматривая влияние человеческих ресурсов на прогрессивное развитие военной организации государства, эмпирическим путем были обнаружены следующие внутренние противоречия. Первая особенность, обуславливающая качество данных ресурсов связана с феноменом профессионализма военнослужащих. Профессионализм как критерий отбора и маркер отношений в военно-профессиональной деятельности в идеале способствует накоплению высокообразованных, профессионально компетентных военнослужащих, что в свою очередь соответствует развитию действительно (а не номинально) профессиональной военной организации. При этом профессионализм в современных условиях должен определяться не количеством лет выслуги, или объемом «неформальных ресурсов» (связи, личностные взаимоотношения по принципу «Ты - мне, я – тебе»), а постоянным профессиональным саморазвитием, повышением уровня своей квалификации, уверенным применением информационно-телекоммуникационных и других военных технологий. Однако на практике профессионализм, достигаемый, в том числе через постоянное повышение своего мастерства, знаний, квалификации – в списке условий продвижения по службе отсутствует, а стремление к профессиональному развитию подчиненных не поддерживается вышестоящим руководством [1]. Это является первым внутренним противоречием развития военной организации государства, тесно связанным со вторым – большим количеством «неформальных» критериев продвижения по служебной лестнице. Основной характеристикой организации является система безличных связей [2, с.90], делающая ее эффективной в принятии решений и управлении. На фоне этого включение «неформальных» критериев карьерного роста при соблюдении лишь внешних атрибутов «формальных» требований приводит к формированию искаженной мотивации профессиональной деятельности. Интересным является факт восприятия приоритетности действия критериев карьерного роста в диаде «формальные – неформальные». Так, доминирование формальных критериев оценивается большинством респондентов не офицерского состава; существование в равной степени формальных и неформальных критериев военной службы признается респондентами в звании от лейтенанта до капитана с календарной выслугой до 10 лет; увеличение тенденции воспринимать существующие критерии профессионального (карьерного) роста как неформальные наблюдается у респондентов с выслугой более 15 лет, имеющих, как правило, звания старших офицеров.

Третьим внутренним противоречием развития военной организации является восходящий и нисходящий корпоративизм в структуре управления. Первый характеризуется традиционным представлением о кодексе чести, достоинстве служивых людей, внутреннем единстве, без которого невозможно эффективное выполнение военной организации своих функций. Данный тип корпоративизма чаще свойственен военнослужащим, не относящимся к высшим слоям военного руководства. Второй – отражает реалии внутри-организационных взаимодействий, демонстрируя отсутствие внутреннего единства в отстаивании прав и свобод военнослужащих, защите их чести и достоинства [3]. Данный тип «корпоративизма», опирающийся на соблюдение «правил игры»,

порой игнорируя действительно ущемленные интересы рядовых (военнослужащих) чаще демонстрируют высшие профессиональные слои военной организации по отношению к низшим [4].

Решение этих и других противоречий в развитии военной организации государства – не простая, но решаемая задача, позволяющая в условиях появления новых внешнеполитических вызовов сделать ее эффективной, не прибегая к реформированию.

1. Диденко И.В., Диденко А.А. Современный военный профессионализм: социально-психологический аспект // Психопедагогика в правоохранительной деятельности. 2014. №2 (57). С. 3-8.
2. Пригожин А. И. Современная социология организаций. Москва: Интерпракс, 1995. с. 296.
3. Диденко И.В., Диденко А.А. Корпоративизм в военной организации // Социологический журнал. 2015. Том 21. №1. С. 34-43.
4. Диденко А.А. Динамика профессиональной структуры внутренних войск МВД России: дисс. ... канд. соц. н. Ростов-на-Дону, 2013.

КАЧЕСТВО И ДОСТУПНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ОЦЕНКАХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КГБУЗ «АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА»)

Доровских А.С., Брачкова Е. А. (Барнаул)

Правительство России в качестве главной задачи в области здравоохранения определило задачу повышения качества и доступности медицинской помощи для широких слоев населения страны [1].

Изучение удовлетворенности процессом оказания медицинской помощи является одним из способов оценки качества медицинской помощи. Осуществляется с помощью социологических методов среди разных субъектов системы здравоохранения.

Для изучения мнения пациентов о качестве и доступности медицинской помощи в КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая детская больница» весной 2016 года был проведен социологический опрос.

Генеральная совокупность – пациенты. Использована целенаправленная выборка, метод – по принципу удобства [2]. На вопросы анкеты отвечали родители несовершеннолетних пациентов, находящиеся на лечение в КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая детская больница» в составе 160 респондентов.

Изучение социально-демографического состава респондентов: 85 % (136 женщин) к 15 % (24 мужчины). На лечении с детьми в больнице, как правило, находятся женщины, мужчины встречаются реже, именно этим объясняется такой низкий процент мужчин, принявших участие в опросе. 45 %, составили респонденты в возрасте от 30 до 39 лет. Родители пациентов в возрасте от 18 до 29 лет составили 36,8 % от общего числа опрошенных, 18,2%, участвующих в анкетировании, составили участники старше 40 лет.

Первый блок анкеты «Функциональный аспект качества медицинской помощи» предназначен для оценки квалификации врачей и медицинских сестёр/братьев.

В ходе социологического опроса родителям пациентов предстояло оценить знания, опыт медицинских сотрудников, быстроту и правильность выполнения манипуляций, процедур, принятия решений, владение медицинской и компьютерной техникой. Лишь 32,5 % родителей считают медицинский персонал профессионалами своего дела. Чуть более половины респондентов (52,5 %) считают, что врачи и средний медицинский персонал обладают недостаточными знаниями и умениями и 4,8 % участвующих в анкетировании родителей оценили медицинский персонал данного лечебного учреждения, как совершенно не компетентных. 6,8 % респондентов затруднились оценить знания и умения медицинского персонала. По такому распределению ответов можно сделать вывод, что доверие к результатам деятельности медицинских работников является недостаточно высоким в связи с тем, что врачи обладают низким уровнем квалификации.

Поскольку пациенты, находятся на лечении со своими родителями, то для настоящего исследования становится актуальным отношение врачей и среднего медицинского персонала к родственникам больного. Полученные данные позволяют сделать вывод, что большая часть опрошенных не довольна отношением лечащего врача и среднего медицинского персонала, почти половина (48,8 %) оценили их отношение к себе и своим детям как не очень внимательное. Шестая

часть (15%) опрошенных респондентов посчитала отношение безразличным. Вариант ответа «относятся с раздражением и грубостью» выбрали 3,8 % опрошенных родителей. И лишь четверть опрошенных дала положительную оценку отношению медицинского персонала к больным (26,3 %).

В открытом вопросе, который дает возможность внести рекомендации по улучшению качества медицинской помощи в больнице, одним из самых популярных ответов был «изменить отношение медицинского персонала к больным».

Если просуммировать варианты ответов на вопрос: «Вы доверяете профессионализму медицинских работников больницы», то «доверяю в полной мере» и «доверяю в основном», выбрали 83,75%. А это составляет большую часть опрошенных. Но, всё же, шестую часть от общего количества опрошенных (16,25 %) составили те родители, которые не доверяют профессионализму медицинских сотрудников.

Таким образом, успех лечебно-диагностического процесса во многом определяется знаниями, умениями и профессионализмом врачей и медицинских сестер/братьев, а также моделью выстроенных взаимоотношений медицинских работников с пациентом и его семьей.

Второй блок «Технический аспект качества медицинской помощи» предназначен для оценки организации и технической составляющей оказания медицинской помощи КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая детская больница».

Одним из критериев удовлетворенности родителей пациентов являлось материально-техническое оснащение больницы. Положительные оценки материально-технического оснащения преобладают над отрицательными оценками. Если просуммировать варианты ответов «да удовлетворен (а)» и «больше удовлетворен (а), чем не удовлетворен(а)», то получается 62,5 % положительных оценок. Соответственно отрицательных оценок 37,5 %.

Таким образом, в настоящее время уровень качества медицинской помощи, оказываемой населению в данном лечебном учреждении, является высоким на фоне достаточной материально-технической оснащенности [3].

Из общего числа анкетированных родителей полностью удовлетворены лекарственным обеспечением больницы 20,7 %. Скорее удовлетворены, чем не удовлетворены 35 %. Отрицательные оценки отражаются в ответах «скорее не удовлетворен (а), чем удовлетворен» (38,7) % и «совершенно не удовлетворен (а)» (5,6 %).

Исходя из распределения мнений респондентов, можно сказать, что качество медицинской помощи в данном медицинском учреждении не может быть удовлетворительным.

На вопрос «Своевременно ли выполняются назначения врача и проводятся обследования в данном лечебном учреждении?» 76,9 % респондентов отметили, что медицинская помощь осуществляется в нужный момент. 23,1 % родителей, участвующих в анкетировании, отметили, что приходилось ожидать. То есть большинство опрошенных отметило, что проблем, связанных с ожиданием врачей и проведением обследований не возникало.

Благодаря третьему блоку анкеты «Доступность медицинской помощи» появляется возможность выявить, насколько доступна медицинская помощь в КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая детская больница» для населения.

Одним из факторов доступности медицинской помощи выступает её стоимость для населения. Большинство платежей за лечение и обследование, как указало 90 % родителей пациентов, носят официальный характер и поступают в кассу медицинского учреждения. Варианты неформальных платежей тоже присутствуют, но их вклад невелик (10 %).

Пациент имеет право на выбор медицинской организации и врача. Чуть более половины анкетированных родителей отметили, что у них не было возможности выбора.

Среди проблем в сфере оказания медицинской помощи родители пациентов на первое место ставят высокую стоимость лекарственных средств и недостаточное оснащение учреждений здравоохранения.

Отсутствие правовой защиты пациента отметили 27,5 % анкетированных родителей.

Также респонденты указали на ухудшение качества медицинского обслуживания, в том числе несоблюдение медицинским персоналом принципов медицинской этики и деонтологии (21,2%).

При получении медицинской помощи в данном лечебном учреждении респонденты столкнулись с множеством проблем, которые они отметили в рекомендациях по устранению недостатков в открытом вопросе. Рейтинг ответов представлен следующим образом: улучшить бытовые условия пребывания в больнице; изменить отношение медицинского персонала к

больным; изменить отношение среднего медицинского персонала к пациентам; учитывать индивидуальные особенности пациента при лечении; пробовать новые методы диагностики лечения заболеваний; устранить большие очереди; создать условия для быстрых обследований; увеличение числа специалистов узкого профиля; совместное нахождение с ребенком в палате.

Для того чтобы решить проблемы, возникающие в процессе организации и оказания медицинской помощи, 28,1 % респондентов считают, что необходимо обращаться к главному врачу учреждения. 3,8% анкетированных отметили, что в территориальный фонд обязательного медицинского страхования.

Также родители пациентов для решения проблем считают необходимым обращение в органы управления здравоохранением (21,2%), Росздравнадзор (21,2%), судебные органы (3,1 %). Не знают, куда следует обращаться в таком случае 30% респондентов.

Большинство респондентов (75 %) среди всех социальных групп населения доверяют бесплатной государственной медицине. Предпочитают частные клиники, частных практикующих врачей 11,25 % родителей. В равной мере государственным и частным медицинским организациям доверяют 13,75 % анкетированных.

1. Приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 26.05.2008 г. №111 «Об организации контроля объемов и качества медицинской помощи при осуществлении обязательного медицинского страхования».

2. Бульхина, Г.Р. Социологический опрос в организации оценки качества медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования/ Г.Р. 3.Бульхина // Проблемы социальной гигиены, истории медицины, экономики здравоохранения.- 2010.-№1.- С.38-41

4. Тимченко, Н.С. Социальная культура здравоохранения в российском обществе начала 21 века: проблемы и пути решения: монография Н.С.Тимченко.- Барнаул: Изво Алт.ун-та, 2007 г.-175 с.

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Дорошенко М.В. (Москва)

Пенсионная система – это совокупность создаваемых в Российской Федерации правовых, экономических и организационных институтов и норм, имеющих целью предоставление гражданам материального обеспечения в виде пенсии. Пенсионеры – незащищенный слой населения, нуждающийся в государственной поддержке. Согласно Конституции РФ, Россия – социальное государство [1, глава 1, статья 7] и пенсионное обеспечение – прямая обязанность государства.

В структуре финансовой системы на сегодняшний день разделились трехуровневый бюджет и три внебюджетных фонда, задача существования которых – осуществление конституционных прав граждан. Специфика внебюджетных фондов заключается в том, что их расходы и доходы имеют однородное происхождение и назначение.

Пенсионный фонд Российской Федерации – один из трех внебюджетных фондов. Средства бюджета ПФР (Пенсионного фонда Российской Федерации) являются федеральной собственностью, не входят в состав других бюджетов и изъятию не подлежат [2, глава 4, статья 16].

Однако, в связи с складывающейся *демографической* (старение населения и как следствие увеличение пенсионной нагрузки на трудоспособное население) и *экономической* (дефицит государственного бюджета, из которого так же финансируется дефицит ПФР) ситуациями, Правительство приняло решение по реформированию пенсионной системы.

В целом по РФ прожиточный минимум на 2016 г. для пенсионеров составляет – 7 951 руб. Среднегодовой размер страховой пенсии по старости в 2016 г. составит 13 132 руб., что соответствует 149,2% к прожиточному минимуму пенсионера.

Коэффициент замещения – это соотношение средней пенсии и средней заработной платы, показатель эффективности пенсионной системы в стране. В европейских странах он равен примерно 60%, в России – существенно меньше – 39,6%. Это означает, что пенсия в среднем замещает доходы, которые были у населения до выхода на пенсию, лишь на 40%, т.е., их доходы снижаются на 60%. Что свидетельствует о невозможности снижения пенсий, т.к. пенсия как социальный институт призвана для сохранения уровня жизни нетрудоспособного населения. А сегодня, выходя на пенсию, население идет на осознанное снижение качества жизни.

Согласно распределению населения по возрастным группам, каждый четвертый россиянин – это пенсионер (см. Табл. 1). Однако, т.к. рождаемость в России низкая, замещение одной группой населения другой приведет к тому, что по прогнозу Росстата в 2031 г. почти каждый третий россиянин будет являться пенсионером [5].

Таблица 1
Распределение населения по возрастным группам на 2015 г. и прогнозный 2031 г. (на 1 января)

Из общей численности – население в возрасте:	2015 г.		Прогнозный 2031 г.	
	в тыс. чел.	в % от общей численности	в тыс. чел.	в % от общей численности
<i>моложе трудоспособного</i>	25689	17,56	27131,7	18,4
<i>трудоспособном</i>	85415	58,40	79248,5	53,9
<i>старше трудоспособного</i>	35163	24,04	40773,9	27,7

Вывод – к 2031 г. коэффициент пенсионной нагрузки вырастет на 12,6%, а коэффициент потенциальной нагрузки, т.е. замещение «молодняком» лиц трудоспособного возраста за 16 лет не увеличится – останется равным 30%.

Это свидетельствует о сложной демографической ситуации, связанной со старением населения и, следовательно, отсутствием возможности без государственных дотаций существовать ПФР.

Начиная с 1995 года доходов ПФР от страховых взносов не хватает для обеспечения его расходов и для выплаты пенсий, требуются дотации из федерального бюджета. Бюджет ПФР по расходам составит 9,8% ВВП Российской Федерации. Межбюджетные трансферты бюджету ПФР с каждым годом все увеличиваются, и если на запланированный 2017 г. они составят 10,9 млрд. руб., то к 2018 г. – уже 54,5 млрд. руб. Согласно основным направлениям бюджетной политики на 2016 г. и на плановый период, размер трансфертов будет составлять не менее 3 триллионов руб. [3]. На 2015 г. дефицит бюджета ПФР составляет 1,1 трлн. руб.

Таблица 2.
Основные характеристики Пенсионного фонда Российской Федерации на 2015 - 2018 годы, млрд. руб. [3]

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
	Закон 93-ФЗ	Проект	Проект	Проект
доходы	7 146,8	8 074,0	8 588,4	9 149,2
межбюджетные трансферты	3 007,9	3 676,8	3 691,9	3 717,4
<i>из федерального бюджета</i>	3 004,0	3 672,1	3 687,7	3 713,8
<i>из бюджетов субъектов Российской Федерации</i>	3,9	4,7	4,2	3,6
расходы	7 769,8	8 044,5	8 521,9	9 043,9
дефицит	-623,0	29,5	66,5	105,3

Таким образом, пенсионная система становится убыточным проектом для государства, и она нуждается либо в реформации, либо в отмене и переходе на другую систему социального обеспечения.

«Стратегия 2020» предполагает повышение пенсионного возраста, увеличение минимального страхового стажа и другие меры. Упоминание темы пенсионного возраста содержится также в проекте Основных направлений бюджетной политики на 2016 год и плановый период 2017–2018 гг.

Для мужчин и женщин, возраст выхода на пенсию может стать единым к 2030 г., постепенно повышаясь до 63 лет. Сейчас мужчины имеют право выхода на пенсию в 60 лет, а

женщины – в 55. По данным Росстата за 2014 г. средняя продолжительность жизни в России составляет 71 год. Продолжительность жизни мужчин – 65,6 лет, женщин – 77,2 года. [8]

В октябре глава Минфина Антон Силуанов заявил, что увеличивать пенсионный возраст нужно уже с 2018–2019 годов. А глава Минэкономразвития Алексей Улюкаев несколькими днями позже отметил, что «чем позже мы приступим к повышению пенсионного возраста, тем более радикально нам придется это делать».

В рамках проведения реформы предполагается постепенное повышение пенсионного возраста до 63 лет для женщин и мужчин, отказ от выплаты работающим пенсионерам пенсии при общем доходе свыше 2,5 прожиточных минимумов пенсионера, введение взноса с работника на обязательное пенсионное страхование и др. [3].

В то же время правительственная программа «Развитие пенсионной системы на 2017-2025 годы» предполагает повышение уровня удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг ПФР [4], однако по данным социологических исследований, ни одна из планируемых частей реформы *не является легитимной* (одобряемой).

Работающие россияне выступают за стабильность пенсионной системы. Именно повышение пенсионного возраста воспринимается россиянами наиболее скептически. По данным ВЦИОМ за 2015 г. только 11% россиян согласны с повышением возраста. Ни одна из частей реформы не пользуется одобрением более чем 21% населения. Чаще других инициатив россияне поддерживают отмену пенсий для граждан, выезжающих на ПМЖ за рубеж (21%) [8].

Дефицит бюджета скорее бы восполнила легализация рынка, однако тех, кто не платил заставить платить сложнее, нежели заставить тех, кто исправно платил государству платить чуть больше. Как считают в Минфине и Минэкономразвития, процесс повышения пенсионного возраста нужно растянуть на 10-15 лет, а может, и на более длительный срок. В этом случае повышение коснется только тех, кому сейчас чуть больше 40 лет.

В то же время, представитель ПФР – А.К. Соловьев утверждает, что повышение пенсионного возраста не восполнит дефицита пенсионного фонда, дефицит невозможно будет устранить при сохранении существующей демографической ситуации [7].

Таким образом получается, что в финансовой системе Российской Федерации существует недостаток, связанный с дефицитностью федерального бюджета и бюджета ПФР. Вместо реальной реструктуризации национальной экономики, государство принимает решения по ухудшению и без того не легкого положения лиц предпенсионного возраста.

1. Конституция Российской Федерации
2. Федеральный закон от 15.12.2001 N 167-ФЗ (ред. от 14.12.2015) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»
3. Основные направления бюджетной политики на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов
4. Проект Правительственной программы «Развитие пенсионной системы» URL: <http://www.gosprog.ru/gosprog-006/> (дата обращения: 29.04.2016).
5. Колесова Т. М. Дефицит бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации // Молодой ученый. — 2015. — №9. — С. 629-632.
6. Харитонов Ю.Н. Реформирование пенсионной системы РФ // Экономика, социология и право. 2015. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-pensionnoy-sistemy-rf> (дата обращения: 30.04.2016)
7. Пенсионный возраст и проблема дефицита федерального бюджета // Соловьев А.К. / доклад с VI Социологической Грушинской конференции 2016 / URL: <http://fom.ru/starost/presentation/Soloviov.pdf> (дата обращения: 30.04.2016).
8. Работающие россияне – за стабильность пенсионной системы // ВЦИОМ / Пресс-выпуск №2811 / URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115221> (дата обращения: 29.04.2016).

ГОСТЕВОЙ БРАК В РОССИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННОМУ БРАКУ

Дорошенко М.Ю. (Белгород)

Брак является результатом длительных эволюционных изменений половых отношений между мужчиной и женщиной. Длительный исторический период, брачные отношения исполняли функцию регулировщика половых отношений и воспроизводства населения. В российской социологической энциклопедии дано определение брака как «исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению к друг другу» [1].

В процессе эволюции менялся как сам человек, так и отношения между людьми, а значит менялся и брак, появились нетрадиционные формы брака или как их еще называют, альтернативные формы брака. На современном этапе в брачно-семейных отношениях выделяют альтернативный брак. Альтернативные браки - такие браки, вытекающие из нескольких возможностей [4].

В современной России существуют альтернативные формы брака такие как: временный брак, конкубинат, фиктивный брак, фактический брак, бизнес-брак, Childfree, гостевой брак.

Хотелось бы, подробнее рассмотреть гостевой брак как альтернативу традиционному браку.

Гостевой брак - он же «экстерриториальный брак», «визитный брак», «Годвин-брак». Термин гостевого брака пришел к нам из Франции и подразумевает, что оба супруга состоят в зарегистрированном органами ЗАГСа отношениях, но не проживают вместе, не ведут совместное хозяйство, а встречаются в обговоренное время.

Изучая различные формы брака, многие исследователи приходят к выводу, что гостевой брак в XXI веке станет самой распространенной формой брака.

В России гостевой брак не в новинку, в дореволюционный период, многие дворяне выбирали такой вид брака, проживая не совместно, скажем, супруг в Санкт-Петербурге, а жена в Москве, встречаясь, когда посчитают нужным и жили в таком ритме долгое время. Во времена советского союза и первой половины постсоветской эпохи, гостевой брак был вынужденной формой отношений, вследствие внешних фактор. В обществе не было принято жить супругам отдельно, такие отношения порицались людьми. В современной России все большее количество пар официально зарегистрированы в браке, но не проживают вместе. Согласно исследованию 2016 года, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), об идеальном представлении семьи, около 10 процентов респондентов, на вопрос о семейном положении, ответили, что состоят в официальном браке, но не проживают вместе (причины раздельного проживания не указывались) [5].

Гостевой брак имеет «мужское лицо», так как мужчины более эгоистичны и привык заботиться только о себе, женщине же он удобен пока она молодая, но чем старше она становится, тем больше он её не устраивает [2].

Ученые считают, что причинами появления гостевых браков являются:

Эмансипация женщин. Женщины становятся все более независимыми, они могут материально обеспечить как себя, так и своих детей. Потребность в мужчине как в добытчике больше нет. Такие женщины не против серьезных отношений с противоположным полом, но они хотят равноправия и сохранения своей независимости, бытовые отношения их пугают.

Стечение обстоятельств. Вследствие жизненных ситуаций, супругом приходится жить не совместно, иногда это затягивается на длительный период. Например, муж и жена живут в разных странах, по причине работы одного из супругов.

Индивидуализм супругов. Многие люди, особенно творческие, предпочитают уединенную жизнь, они самодостаточны и не могут ужиться с посторонним человеком. Также люди в силу привычек, не могут ужиться, но при этом не хотят разводиться и решают не жить вместе, но оставаться в браке. Многие пожилые люди решаясь вступить в брак, выбирают гостевой вид отношений, так как у людей в силу возраста сложились привычки и твердые убеждения по поводу ведения хозяйства, и они не готовы изменять их.

Большая разводимость. Многие современные люди выросли в не полных семьях, столкнувшись с негативной стороной брака, с разводом, многие из них боятся близости и обязательств по отношению к партнеру, присутствует страх, что супруг/супруга может стать другим, отношения испортятся.

Специалисты отмечают, что положительной стороной гостевого брака, можно считать, то что данный вид отношений, не приводит к бытовым конфликтам, не возникают проблемы из-за несовместимости взглядов на хозяйственную сторону жизни, не происходит борьба за главенство в семье. Также плюсом гостевого брака, считается легкость отношений, личная свобода человека не задевается, супруги вправе использовать свое свободное время как они считают приемлемым. Свидание между партнерами, зачастую, обговорены, каждая из сторон готовится к встрече [3].

Однако, в гостевом браке прослеживаются и отрицательные стороны. Так, психологи утверждают, что в гостевом браке, партнеры испытывают чувство одиночества, так как оказание поддержки, внимание заботы – не могут быть осуществлены партнером в полном объеме, в связи, с редкими встречами.

Процесс воспитания детей в гостевом браке усложняется. При появлении ребенка пары либо переходят к традиционной форме брака, либо расстаются, так как очень сложно воспитывать ребенка одному из партнёров, при этом второй почти не участвует в воспитании, приходя в семью только по выходным.

Еще одной отрицательной характеристикой гостевого брака, является негативное отношение общественности. В обществе еще прослеживаются отголоски советских взглядов на гостевые браки, особенно старшим поколением. Что не может не сказываться на супругах, так под давлением мнений большинства, особенно молодые люди, отказываются от выбранном ими гостевого брака, в пользу традиционного построения отношений.

В заключении хотелось бы сказать, что на современном этапе пары находятся в поиске альтернатив супружеских взаимоотношений, одной из которой является гостевой брак, он находится на перепутье традиционного брака и новой формы брака, которая может привести к созданию новой семьи, а может всё остаться на существующих позициях, но то что институт семьи и брака претерпевает изменения неоспоримо.

- 1) *Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова, М., Норма-Инфра - М, - 1998. - 672 с.*
- 2) *Хачатрян, Л.А. Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений / Л.А. Хачатрян // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология – 2011 – Вып. 1 (5). С. 89-100.*
- 3) *Хачатрян, Л.А. Тенденции изменения современной Российской семьи/ Л.А. Хачатрян // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология – 2014 – Вып. 4 (20). С. 111-120.*
- 4) *Хорошая В. С. Сожительство и семья за пределами брака: факторы и причины // Молодой ученый. - 2016. - №13. - С. 651-655.*
- 5) *Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения [Электронный ресурс] : Режим доступа <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115768> свободный.*

РИСКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Дронова Е.Н. (Барнаул)

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ, суицид в детской и подростковой среде является одной из важнейших проблем современного общества (13%) и делит пятое место с проблемами воспитания детей в дошкольных и школьных организациях (13%). На первом месте сегодня стоит проблема алкоголизма и наркомании (39%), на втором — низкий уровень жизни семей с детьми (23%), детской и подростковой преступности принадлежит третье место (15%), далее идут проблемы, связанные с досугом детей (14%), насилие в отношении детей в семье (12%), «безнадзорные и беспризорные дети» (11%) [2]. Бесспорно, каждая из перечисленных проблем требует изучения причинно-следственных связей, решения в интересах ребенка. В представляемой работе мы уделяем особое внимание реализации права человека на жизнь - поэтому обращаемся к суицидальному поведению несовершеннолетних, причины которого по большей степени латентны, где заверченный суицид уже не дает возможность исправить ситуацию на уровне индивидуальной работы с ребенком, но остается шанс прогноза рисков суицидального поведения и их нивелирования.

Что приводит подростков к суициду, какие факторы риска принятия решения «уйти из жизни по собственному желанию» имеют место быть?

1. По данным того же исследования ВЦИОМ лидируют 3 фактора: употребление алкоголя и наркотиков (35%), зависимость от компьютерных игр (25%), конфликты детей с родителями (21%).

2. Психологи, как и суицидологи, обращают внимание на мотивационные риски - «призыв» или «крик о помощи» (демонстративно-шантажное поведение с целью привлечения внимания, получения помощи, поддержки), «протест» (повреждающие действия совершаются в силу недовольства происходящими событиями в порыве обиды, ярости, гнева), «избегание» (совершение суицидальной попытки из-за безысходности ситуации, беспомощности, безнадежности на разрешение проблемы), «самонаказание» (суицид под влиянием обостренного чувства стыда, вины, ненависти к себе), «отказ» (самовольный уход из жизни по причине потери смысла жить) [1, с. 14-15].

3. По отзывам самим подростков (с суицидальными попытками, а также их сверстников) самовольный уход из жизни связан в первую очередь с проблемами внешней коммуникации («был

отвергнут», «непонимание окружающих», «непринятие в классе», «постоянные унижения» и т.п.) и на втором месте - внутриличностный конфликт («отсутствие здравого смысла», «неосознание своей цели в жизни», «смысла в жизни не видят» и т.п.).

4. Наше исследование показывает, что в группу подростков с суицидальным риском попадают: 1) подростки переживающие утраты близкого человека или семейные проблемы; 2) подростки с демонстративным поведением; 3) подростки с алкогольной зависимостью, употребляющие ПАВ; 4) подростки с незавершенной попыткой суицида; 5) подростки с аутоагрессий.

1. Алимова М.А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. - Барнаул, 2014. - 100 с.

2. Детские самоубийства: кто виноват и что делать // Релиз №3122 от 8 июня 2016 г. // Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://infographics.wciom.ru/> (дата обращения 12.06.2016 г.).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И НКО В ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Дуброва М.А., Первова И.Л., Дуброва М. А. (Санкт-Петербург)

Укрепление третьего сектора является одной из важнейших составляющих развития общественной демократической системы, однако при решении социальных задач имеют место неоднозначные проблемы. Возможности гражданского общества во многом зависят от механизмов взаимодействия с властью. Инновационные способы решения социальных задач в современном мире встречают объективные преграды в виде растущей скорости социальных трансформаций, постоянно меняющейся демографической ситуации, затянувшегося экономического кризиса и т.д. Тем не менее, скорректированная социальная политика, опирающаяся на гражданские инициативы, как показывает мировая практика, может находить выходы из сложных социальных ситуаций. В российской действительности одним из критических вопросов является социальное положение пожилых и их благополучие. В рамках наступающего неолиберализма встает вопрос о возможностях российских НКО создать условия для активного долголетия пожилых граждан и быть структурной опорой для проводимой социальной политики.

Отечественные исследователи выделяют две основные тенденции, отражающие противоречивость российского неолиберализма по отношению к социально ориентированным НКО (далее СО НКО).

С одной стороны, наблюдается повышение внимания к проблеме эффективности взаимодействия с СО НКО со стороны государственных и муниципальных структур при разработке новых технологий поддержки и стимулирования СО гражданских инициатив.

С другой – происходит централизация государственной политики в сфере поддержки СО НКО (Гимазова, 2016). В этих условиях пожилой человек сталкивается с проблемой выбора, где получить социальную услугу:

- в некоммерческом секторе, однако он медленно расширяется и пока не имеет достаточного уровня доверия;
- в бизнес-секторе, где стоимость услуг достаточно высокая;
- в государственном учреждении, где помощь постепенно тоже становится платной, но цены умеренные и доверие формировалось в течение 80 советских лет.

Пока сеть существующих геронтологических НКО не в состоянии удовлетворить социальный запрос, что является, с одной стороны, следствием очевидных проблем формирования некоммерческого сектора России в целом (бюрократические препоны, неразработанная система конкурсного отбора, недоработанность нормативно-правовой базы и т.п.); с другой – несовершенством самих СО НКО, специализирующихся на помощи пожилым людям (дефицит ресурсов при создании стационарных и полустационарных учреждений, неразвитость социальных ресурсов: волонтерского движения, культуры заботы о старшем поколении, недостаточная сплоченность соседей, особенно в городах и др.).

Дальнейшее развитие социальной политики в отношении пожилых в России в условиях неолиберализма может пойти по нескольким путям: либо в соответствии с историческими традициями соотношения власти и общества, либо основываясь на существующих в мире моделях либерализации общества. Возврат к централизации и превалирующей роли государства в социальной защите населения целым рядом авторов рассматриваются как составляющие

неизбежного процесса развития российского общества преимущественно по скандинавской модели (Минаева, 2015; САВЧЕНКО, 2016; Юдин, 2013). Это определяется детерминированностью традиционной основы общества жесткой вертикалью власти на протяжении практически всей истории России. Другие авторы склоняются к необратимости уже проведенных реформ и углублению заимствования неоллиберальной модели, представляя как оптимистический, так и пессимистический сценарии для России (Тимофеева, 2012; Гирнберг, 2004; Горнтмахер, 2000).

По оптимистическому сценарию в российской социальной политике будет продолжаться внедрение элементов либерализации и децентрации по примеру англо-саксонской модели (перенаправление затрат с государственных социальных программ на социальные программы, реализуемые третьим сектором) и восточноазиатской модели (когда большую часть социальной ответственности за своих сотрудников берут на себя крупные корпорации).

Пессимистический сценарий предполагает инертное развитие социальной политики с сохранением анархичности и зачастую непрозрачности расходования государственных средств на социальную защиту населения и поддержку поставщиков услуг (Смирнов, 2006; Тимофеева, 2012).

Вместе с тем, учитывая современную ситуацию экономического кризиса, перманентных и пока расширяющихся европейских санкций, а также постепенную централизацию политики в отношении НКО, предполагается увеличение дефицита ресурсов для общественных организаций, сокращение финансирования пожилого населения, сокращение масштабных проектов, сворачивание локальных мероприятий и уменьшение числа самих некоммерческих общественных организаций, обслуживающих пожилых.

Таким образом, в ближайшей перспективе прогноз для деятельности СО НКО не представляется радужным. Тем не менее, СО НКО необходимо искать пути взаимодействия с властью и становиться неотъемлемой частью структуры общества, способной влиять на социальную политику государства.

1. Гимазова Ю.В., Государственная политика в области поддержки и регулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в современной России// [электронный ресурс]// Электронный журнал "Naika-rastudent.ru" - 2014 - <http://naika-rastudent.ru/10/2070/> (дата обращения 28.03.2016)
2. Гирнберг Р. О социальной политике в современной России / Р. Гирнберг, А. Рубинштейн // Экономические стратегии. - 2004. - №1
3. Горнтмахер Е.Ш. Социальная политика в России: уроки 90-х / Горнтмахер Е.Ш. - М.: Гелиос АРВ, 2000
4. Минаева М.В. Континентальная модель социального государства// [электронный ресурс] - 2015 - URL: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Other/2015/gimu/pages/Articles/19.pdf> (дата обращения: 10.05.2016)
5. Смирнов С.Н. Социальная политика переходного периода. - М.: Спутник +, 2006
6. Тимофеева Г.В. Государственная социальная политика России: опыт рыночных трансформаций и перспективы развития//Вестн. Волгоград. гос.ун-та. Серия 7, Филос. 2012, № (16), с. 80
7. Предположительная численность населения РФ к 2030 году// Офиц. сайт Росстата// [электронный ресурс] - 2010 -URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 10.03.2016)
8. Федеральная служба государственной статистики//URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 10.03.2016)

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

Дугаржапова Д.Б. (Иркутск)

Практически каждый человек, тем или иным образом, подвергался влиянию гендерных стереотипов в процессе социализации. А так же сталкивался с представлениями, утверждающими различную «природу» женщин и мужчин: например, распространены стереотипы о том, что все женщины слабые и эмоциональные, а мужчины властные, доминирующие. Но мало кто задумывается о том, что в нашем современном обществе женщины также полны решительности и независимости как мужчины, а иногда и в противовес им. Ведь во все времена женщины наряду с мужчинами достигали больших успехов, занимая высокие должности, уверенными шагами идя к своей цели, следуя своей определенной стратегии.

Таким образом, под влиянием стереотипов люди подавляют свою собственную индивидуальность, подстраиваясь под принятые в обществе шаблоны поведения.

Согласно определению, гендерные стереотипы - это ряд представлений и ожиданий о поведении мужчин и женщин. Родственным понятием также является гендерная роль – подразумевает определенные нормы, шаблоны поведения, ожидаемые от женщин и мужчин.

Гендерные стереотипы основаны на убеждении в различии между женщинами и мужчинами, на установке качеств, приписываемых полу, над индивидуальными качествами человека. [1,с.64].

Приведем несколько примеров об актуальности этой темы из российской действительности[2]:

1. размер пенсии у женщин в полтора раза меньше, чем у мужчин;
2. Россия находится на 80 месте в мире по участию женщин на уровне принятия решений после самых слабо развитых стран;
3. в Государственной Думе 14% женщин, в Правительстве только 2;
4. подавляющее большинство работающих женщин, а это 96,3%, относятся к категории наемных работниц;
5. удельный вес женщин руководителей предприятий и организаций не превышает 6-9%;
6. также женщины обвиняются в демографическом кризисе и многое другое.

Л.И. Старовойтова определяет понятие занятость как «Общественно профессиональная полезная деятельность, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей и приносящая заработок». Необходимо констатировать, что оплачиваемая работа лишь один из видов работы. Работа - это то, посредством чего создаются предметы потребления и услуги. Люди работают для того, чтобы удовлетворить свои потребности: материальные, жизненно-необходимые, а также множество других [1].

Так же, хотелось бы сказать, что кроме оплачиваемой работы существует домашняя работа, которая направлена на производство потребительских благ и предоставления услуг членам семьи. Но эта работа не оплачивается, а также не воспринимается как «настоящая работа». И конечно предполагается, что ее следует выполнять именно женщинам [2]. Таким образом, занятость мужчин связана с первым видом, а работа женщин – с двумя видами. И именно это обстоятельство порождает гендерное неравенство, ограничивая возможности женщин на рынке труда. И в результате лучшие места достаются мужчинам.

Не все безработные, ищущие работу, прибегают к службам занятости. Мужчины в основном ищут работу самостоятельно, через знакомых или частные агентства. А женщины чаще, чем мужчины прибегают к помощи служб занятости [3]. Поэтому среди зарегистрированных безработных доля женщин всегда была высокой. А из статистики безработицы следует, что среди безработных всегда преобладали мужчины. Вследствие того, что мужчины быстро находят работу и на них есть определенный спрос со стороны общества, происходит так, что в результате процессов, происходящих на рынке труда, работу теряют в основном женщины.

Чем больше женщина собственным примером нарушает стереотипы, с тем большим давлением она сталкивается.. Спротивление может исходить при этом не только со стороны мужчин и женщин, следующим стереотипам в реальной жизни, но и со стороны, казалось бы, таких же женщин, нарушающих традиционные гендерные роли – например, от женщин, занимающих высокие посты и должности.

В настоящее время гендерные стереотипы продолжают играть огромную роль, несмотря на то, что человеческая индивидуальность ценится, казалось бы, все больше, и на то, что существует огромное количество примеров, прямо противоречащих предписанным стереотипами гендерным ролям. Гендерные стереотипы и роли, до сих пор являются эффективным инструментом контроля общества изнутри.

Таким образом, можно сделать вывод, что стереотипы существуют в общественном сознании. Люди приписывают друг другу характеристики, которые, по их мнению, должны быть характерными для лица данного пола, то есть используют общепринятые, шаблонные образы мужчины и женщины, которые формировались в период созревания, социализации, опыта и т. д. Возможно, в древние времена гендерные роли действительно были необходимы для выживания, но с развитием общества в ходе истории они превратились в искусственный инструмент контроля и власти над женщинами.

1. Антонов А.И., Медков В.И. Социология семьи. - М.: Изд-во МГУ., 2005.- 640с.
2. Уралова С.В. Женщины на рынке труда: мифы и реальность. – Иркутск, 2008г
3. Социальная работа. Особенности социологического подхода к исследованию социальной дискриминации женщин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://soc-work.ru/article/263> (дата обращения 12.05.2016)

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ КИТАЯ К БРАКУ

Е Чжаося (Пекин, Китай)

Доклад поддерживается фондом гуманитарных наук Тяньцзинского педагогического университета, 52WWW1412.

Одной из актуальных проблем современных социально-демографических исследований в Китае является изучение отношения китайской молодежи к браку. Первое, у молодых людей преобладающими стали материальные ценности. Молодежь слишком увлечена своим социальным статусом и эта увлеченность становится главным критерием, определяющим поиск подходящего партнера и возможность вступления в брак. Второе, теперь на фоне того, что почти во всех развитых странах возрастает число проблем, связанных с неблагополучием в семейных отношениях, китайская семья становится менее прочной, чем раньше. Большая часть разводов связана с изменой одного из супругов и сексуальными проблемами, несходством характеров супругов. Меньше говорят о материальных трудностях или алкоголизме, как причине развода. В-третьих, в Китае существует уже достаточно большая социальная группа, представители которой в меньшей или большей степени сознательно отказываются от вступления в брак. Интересно, что впрочем, стремление молодых китайцев к созданию семьи все же существует и в городах, приобретая новые формы социальных коммуникаций. Эти факты говорят о нарастании социально-демографических проблем в современном Китае и необходимости разработки специальных социальных программ, которые могли бы изменить отношение китайской молодежи к браку и семейной жизни.

1. National Bureau of Statistics of China – National data
<http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0P0C&sj=2014>
2. Развод в Китае: ошибка молодости или хитрый ход?
<http://magazeta.com/2016/09/divorce/>
3. Четвёртая волна холостяков в Китае.
<http://news.163.com/15/1203/16/B9U348KJ0001124J.html>

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Евдокимова Т.Г. (Москва)

В статье показано, как в сельской местности проявляется социальное расслоение. Рассмотрены следующие показатели и характеристики: децильный коэффициент дифференциации доходов, индекс уверенности потребителей, потребление, жилищные условия, возможности пользования услугами медицинских учреждений.

The article shows how social stratification evident in rural areas. Consider the following performance and characteristics: the decile coefficient of income differentiation, the index of consumer confidence, consumption, housing conditions, the possibility of using the services of medical institutions.

Децильный коэффициент дифференциации доходов сельских жителей составил в 2015 г. 3,2, по данным всероссийского исследования «Сельская жизнь», проведенного при поддержке гранта РНФ № 14-18-02016 в августе 2015 г. [1]. Данный показатель в несколько раз меньше, чем по России в целом (16 в 2014 г.) [2]. Однако, нужно учитывать, что материальное положение сельчан находится на таком низком уровне, что подавляющая часть относится к бедным слоям (56% сельского населения имеют доходы ниже прожиточного минимума, актуального на момент проведения опроса – 10017 руб. во II квартале 2015 г. [3]). Этим обстоятельством обуславливается достаточность степени дифференциации для того, чтобы говорить о социальном расслоении, при рассмотрении которого важной характеристикой является самооценка сельскими жителями материального положения.

Мы разделили сельчан на три группы, опираясь на их оценки касательно возможностей их семейного бюджета: низкодоходная со средним доходом на одного члена семьи 8117,7 руб. (те, кто ответили, что «живут в нищете» и «еле сводят концы с концами» - 18,7%), среднедоходная со средним доходом 10720,4 руб. («хватает на еду и одежду, в остальном приходится экономить» - 54,9%) и высокодоходная («могут себе позволить покупку холодильника, компьютера..., но не более» - 24,4%) со средним доходом 15419,2 руб. Те, кто «могут позволить себе крупные расходы» (1,5%), не включены в третью группу по причине малочисленности и несопоставимости с доходами других групп – 33642,9 руб. Такое деление условно (доходы в 15 тысяч рублей трудно назвать высокими, однако, при том, что они в полтора-два раза выше, чем у других сельских жителей, возможно), но удобно при сравнении условий жизни в различных по материальному положению группах.

Дифференциацию доходов сельского населения можно проследить по нескольким показателям, среди которых мы выделили следующие: жилищные условия, потребление, пользование услугами медицинских учреждений и посещение культурно-досуговых учреждений.

Первый показатель. Жилищные условия. У высокодоходной группы они сравнительно лучше, чем у низко- или среднедоходной группы. В домах первой более распространены такие удобства, как водопровод (в жилье у 83,6% сельчан), горячая вода (58,6%), ванна, душ (61,9%), канализация (62,8%), газ (93,2%), электроплита (22,5%), телефон (59,4%), интернет (69,7%). В низкодоходной группе указанные удобства встречаются значительно реже – на 5,5-44,6% в зависимости от каждого конкретного.

Второй показатель. Потребление. Значительную долю в общей структуре расходов сельского населения на конечное потребление занимает питание – 42%, в городе показатель ниже на 10%. При этом расходы на питание разнятся не очень резко (в селах – 4457 рублей, в городах – 5337,8 рублей), но в целом на потребительские товары горожане тратят больше средств (в селах – 10611,9 рублей, в городах – 16648,4 рубля) [4], что указывает на ограниченные возможности приобретения непродовольственных товаров и услуг сельским населением, но даже при таких ограничениях сельчане дифференцированы по их потреблению.

Дифференциация проявляется в возможностях приобретения вещей и товаров длительного пользования. Рост потребления напрямую связан с доходами. Семьи с более высокими доходами могут позволить себе крупные покупки, например, жилья и личного транспорта. Собственным домом или хотя бы частью дома владеют 71,7% представителей низкодоходной группы, 78,7% - среднедоходной группы, 84,4% - высокодоходной группы, легковым автомобилем – 22,9%, 47,7% и 82,8% соответственно, мотоциклом – 3%, 5,4%, 11,7% соответственно.

Третий показатель. Пользование услугами медицинских учреждений. Чем выше доходы сельских жителей, тем позитивнее их оценки своего здоровья: полностью здоровыми себя считают 7% представителей низкодоходной группы, 16% - среднедоходной группы, 20,9% - высокодоходной группы. При этом, бедные слои не могут позволить себе посещение городских медицинских учреждений с такой же частотой, как их более богатые односельчане, хотя нуждаются в этом больше. Для посещения медицинских учреждений в город выезжают 42,2% сельчан с самыми низкими доходами, 43,2% - со средними доходами и 53,3% - с высокими доходами.

Четвертый показатель. Разница в доходах сказывается на возможностях поездок сельских жителей в город с целью посещения культурно-досуговых учреждений. Сельчане с более низкими доходами реже посещают театры, концерты, кинотеатры, музеи и выставки. Если в низкодоходной группе посетителями названных учреждений и мероприятий являются по большей мере 9,1%, то в среднедоходной группе – от 7,7% до 13,8%, а в высокодоходной – от 9%, до 27,5%. Это может быть связано с отсутствием транспортных средств в наименее обеспеченных семьях или, что нельзя сбрасывать со счетов, с отсутствием интереса к подобным мероприятиям, но и в этом случае зависимость от величины доходов все равно прослеживается довольно отчетливо.

Таким образом, проанализировав различные показатели, приходим к выводу, что современная российская деревня пребывает в состоянии расслоения, когда, даже при катастрофическом положении ее населения, находится место для дифференциации по доходам, жилищным условиям, потреблению и пользованию услугами медицинских и культурно-досуговых учреждений. Данный факт является довольно тревожным, поскольку бедность в такой ситуации является не просто разрастающейся социальной проблемой, но и расслаивающейся, а расслоение бедности говорит в свою очередь о кризисе в современной российской деревне.

1. *Сельская жизнь. Всероссийское исследование, проведено при поддержке гранта РНФ № 14-18—02016. Опрошено 1000 человек во всех 9-ти федеральных округах, в 22-х областях, краях и республиках и в 71-м селе в августе 2015 г. с учётом репрезентативной выборки.*

2. *Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения // Федеральная служба государственной статистики. 2016. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-2.doc (Дата обращения: 16.04.2016).*

3. *Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения // Федеральная служба государственной статистики. 2016. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.doc (Дата обращения: 15.04.2016).*

4. *Уровень и структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий // Федеральная служба государственной статистики. 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/doh07_05.xlsx (Дата обращения: 03.07.2016).*

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ КАК "ЗЕРКАЛО" СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Евлегина А.М. (Санкт-Петербург)

Текущие социальные и политические процессы характеризуются бифуркациями в современном социуме в контексте как внутреннего социального и экономического кризиса, так и внешней санкционной войны, развернутой в отношении России. Анализ феномена гражданского участия в российском обществе и факторов, детерминирующих его на фоне событий, происходящих с 2014 года, является актуальной научной задачей, поскольку позволяют отразить общую тенденцию социально-политических трансформаций.

В 60-х гг. XX века американский исследователь Ш. Арнштейн определил «гражданское участие» (citizen participation) как синоним гражданского управления, или «перераспределение властных полномочий, которое позволяет неимущим гражданам, исключенным ныне из политических и экономических процессов, сознательно приобщиться к ним в будущем» [3].

Классическое толкование не слишком удачное, но основной смысл с нелиберальных позиций передан точно: неимущие граждане, которые не смогли реализовать себя на поприще политики или бизнеса могут «приобщиться» к политическим и экономическим процессам. При этом, об общественно полезной деятельности нет ни слова.

С таким пониманием феномена гражданского участия согласились далеко не все, поэтому его содержание до сих пор вызывает дискуссии среди зарубежных и российских исследователей. Тем не менее, эту дефиницию широко используют в литературе, особенно в трудах, посвященных многоаспектной концепции гражданского общества, где гражданское участие справедливо определяется как одно из наиболее ярких его проявлений.

Но как быть, если в обществах «переходного типа», к которым уже традиционно относится и российское, становление гражданского общества затягивается, а «перераспределение властных полномочий» скорее фигура речи, чем реальная практика?

Принимая во внимание этот проблемный факт, некоторые представители отечественной науки ставят вопрос в иной плоскости, призывая отказаться от «западной идеологии» гражданского общества и сосредоточиться на гражданском участии, предполагающем участие граждан лишь в общественной, а не политической жизни [1]. В результате, мало того, что в доктринальном смысле уравниваются два равновесных концепта: «гражданское общество» и «гражданское участие», общественно-политическая компонента из содержания гражданского участия исключается вовсе. Учитывая, что путем участия в выборах именно она обеспечивает легитимность публичной власти, предоставляя ей широкие полномочия по изменению социальной реальности, в том числе проведению непопулярных реформ, устранение из контекста гражданского участия всего общественно-политического представляется весьма опасной тенденцией.

Последние десятилетия российские ученые, давая оценку социальным процессам, протекающим в обществе, охотно ссылались на экспертное мнение Всемирного альянса за гражданское участие (CIVICUS) и других международных организаций, анализирующих

институты гражданского общества. В наши дни такие ссылки постепенно исчезают из научного дискурса. Причина очевидна. В одном из своих последних отчетов (июнь 2016 г.) эксперты CIVICUS так характеризуют состояние гражданского общества в России: «Организации гражданского общества, в том числе международные, выделенные в качестве «иностранных агентов», были оштрафованы, подвергнуты остракизму, очернительной кампании и были вынуждены закрыться. Некоторые зарубежные НПО запретили. Правозащитники ... подверглись преследованиям, многие были вынуждены эмигрировать. Мирные протестующие были оштрафованы и заключены в тюрьму. Доступ к независимым новостным сайтам был блокирован».

С такой оценкой можно было бы не согласиться, но факты говорят сами за себя: 5 сентября 2016 года стало известно, что Министерством юстиции РФ в реестр «иностранных агентов» включена известная негосударственная исследовательская организация «Левада-центр» за получение грантов на исследования от ряда американских фондов, а также за проведение социологических опросов и предоставление общественности их результатов, что было расценено юристами как политическая деятельность .

Что это, как ни отражение в гражданском участии общественно-политического? Решение Минюста вынесено несмотря на то, что среди заказчиков организации в разное время были не только зарубежные фонды и университеты, но и Федеральное агентство по образованию, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Общественная палата России.

Таким образом, происходит, неоднократно имеющая место в мировой истории, трансформация, при которой один за другим следуют шаги, направленные на демаркацию: «свои» - «чужие».

Правда, наряду с критической оценкой российского гражданского общества, те же эксперты CIVICUS замечают, что «атаки» на гражданское общество наблюдаются во всем мире: «в 2015 году произошли значительные нарушения прав гражданского общества во всех регионах мира» , что объясняется повышенным вниманием государств к обеспечению национальной безопасности и противодействию терроризму. И хотя, как признают в CIVICUS, гражданское пространство сужается, открываются новые возможности для новых согласованных действий по укреплению международной солидарности, защите прав самого гражданского общества, его права на существование и деятельность.

Что имелось в виду под «укреплением международной солидарности», может беспрецедентные атаки на олимпийское и паралимпийское сообщества России? Авторитетные международные институты, включая Всемирное антидопинговое агентство (WADA), Международную ассоциацию легкоатлетических федераций (IAAF), Международный олимпийский комитет (IOC), Международный паралимпийский комитет (IPC), международные суды, почти единогласно «признали», что российские спортсмены заслуживают «наказания» за употребление допинга.

Самый сокрушительный удар был нанесен российским паралимпийцам, которых солидарно лишили права участия в Олимпиаде в Рио-де-Жанейро-2016. Ничего подобного еще не знала история мирового паралимпийского движения. Как известно, его главная идея состоит в том, чтобы через спорт внедрять в общество идею «равных возможностей» без какой-либо дискриминации.

Отстранение паралимпийцев от Олимпиады в Рио стало не только нарушением Конвенции о правах инвалидов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. (резолюция 61/106) [2], очередным вызовом для Российского государства и общества, оно стало отражением серьезных социально-политических трансформаций западного социума, кризиса его идентичности и фундаментальных ценностей.

Интересно, как прокомментирует отстранение российских паралимпийцев от Игр в Рио CIVICUS в своем отчете за 2016 год.

Предварительный вывод можно сделать уже сегодня. Ранее казавшаяся несокрушимой парадигма «демократии и прав человека» дала трещину и «разломы» между воображаемым и реальным будут только усугубляться, вовлекая в него все новые и новые «жертвы» демаркации.

Тем не менее, российскому научному сообществу и государственным институтам все же надлежит отказаться от крайностей: не противопоставлять гражданское общество – участию. Исключая общественно-политическую компоненту из содержания гражданского участия, развешивая ярлыки и отказывая неправительственным организациям в праве на объективное изучение общественного мнения, российское общество рискует утратить способность к гражданской активности вообще.

В 2014-2015 гг. на материале волонтерской деятельности на XI Паралимпийских зимних играх «Сочи-2014» мною было проведено исследование доминирующих мотиваций. Было установлено, что волонтеры Паралимпийских игр в Сочи – это преимущественно молодые, но совершенно разные люди, отличающиеся по социальному положению, профессиональной деятельности. Но объединила их активная жизненная позиция, целеустремленность и желание продолжать заниматься волонтерской деятельностью. Было выявлено три доминирующих фактора, которые влияют на участие респондентов в волонтерской деятельности: социальный фактор (85%), фактор познания (70%) и фактор достижения (60%). Отстранение паралимпийцев от Олимпиады и других соревнований может существенно разбалансировать эту еще недостаточно окрепшую мотивационную матрицу. Нельзя позволить, чтобы эти доминирующие мотивации волонтеров были утрачены, даже невзирая на оголтелый остракизм мирового спортивного истеблишмента или любого другого международного института.

Российское общество более сильное и самодостаточное, чем это принято считать. А «незрелость» гражданского общества вызвана не дефицитом социально активных и ответственных индивидов, а, скорее, неприятием классической «лестницы гражданского участия», где каждому отведена своя ступенька.

1. Кирдина, С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологии / С. Г. Кирдина // Социологические исследования. - 2012. - № 2. - С. 63–73.

2. Сборник нормативных правовых документов в области паралимпийского спорта [Текст] / авт.-сост. А. В. Царик; под общ. ред. П. А. Рожкова; Паралимпийский комитет России. – М.: Советский спорт, 2011. – 1040 с.

3. Arnstein, Sherry R. A Ladder of Citizen Participation, *JAIP*, Vol. 35, №. 4, July 1969, pp. 216-224.

НЕЧЕТКАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСПРОГРАММ

Евсеев Е.А. (Санкт-Петербург)

Для реализации целей социально-экономического развития органы государственного управления вырабатывают и реализуют большое количество программ, в самых различных областях. Ввиду ограниченности бюджета весьма актуальной является проблема оценивания перспективности и эффективности этих программ, обоснования принципов их финансирования.

Характерной особенностью подобных программ является наличие стратегической цели (некоторого желательного состояния социума), для достижения которой разработана программы, эта цель чаще всего качественного типа, сформулирована в лингвистической, слабо формализованной форме. Примеры можно найти на портале госпрограмм, например: создание комфортной среды или повышение качества образования, или новое качество жизни и т.п. Кроме того, следует отметить характерную иерархическую структуру программ: наличие подпрограмм и показателей, многообразие частных показателей различного типа: как количественных, так и качественных, отсутствие конструктивной связи частных показателей с декларируемой глобальной целью программы, значительный период времени реализации программы и взаимосвязь результатов выполнения подпрограмм. Все это затрудняет оценку результатов выполнения программы в целом с точки зрения достижения глобальной цели, вынуждает контролировать достижение частных целей, что не всегда обеспечивает их согласованность в ходе выполнения программы.

Получение обобщенных оценок выполнения программы на основе обширной и разнокачественной информации является весьма сложной задачей и требует разработки специальных методик, позволяющих агрегировать получаемую информацию по возможности без потерь и искажений. При этом наряду с обобщенными количественными оценками выполнения программы, построенными путем агрегирования частных критериев с учетом коэффициентов их относительной важности (рангов), представляют интерес и детальные оценки, характеризующие результаты выполнения отдельных блоков (подпрограмм).

Таким образом, проблема количественной оценки программы является типичной многокритериальной задачей, математическая формализация и решение которой осложняются тем, что частные критерии (показатели) носят разнокачественный характер, при этом часть критериев может быть представлена не в количественной форме, а виде оценок экспертов, выраженных лишь вербально в виде утверждений типа «слабо выражена», «средне выражена», «сильно выражена» и т.д. В этом случае неизбежно проявление субъективной неопределенности,

нечеткой, лингвистической природы, которая не может быть адекватно интерпретирована в традиционном вероятностном смысле. Некоторые критерии могут противоречить друг другу, к тому же критерии явно неравноценны, т.е. вносят разный вклад в интегральную оценку программы. Кроме того, общее число частных критериев обычно большое, при этом, эксперты, могут испытывать затруднения с оценками в излишне детализированных шкалах значений признаков и критериев.

Поэтому для построения интегральной оценки программ представляется перспективным использовать математический аппарат теории нечетких множеств, который, как показал опыт, является эффективным средством решения подобных проблем в практике принятия решений в самых различных областях. Сформулированные проблемы в значительной степени разрешаются путем введения обобщенного показателя эффективности программы как свертки всех частных критериев (показателей) с учетом коэффициентов их относительной важности. При этом для свертки частных критериев в обобщенный их необходимо привести к общей норме, для этого они будут представлены в виде нечетких множеств.

Методика построения обобщенной оценки состоит в следующем. Для каждого частного показателя (критерия) строится функция желательности [1], представляющая собой нечеткую переменную «успешное достижение поставленной цели». Для ее построения необходимо на множестве возможных значений определить (на основе экспертных оценок) функцию принадлежности, значения которой можно интерпретировать как степень достижения поставленной цели. Формализацию показателей, задаваемых на качественном уровне, также выполняют на основе функций желательности. При этом используют лингвистические оценки степени выраженности показателя. Например, степень выраженности показателя «социальная напряженность» может быть оценена по вербальной шкале: «не выражена», «слабо выражена», «заметно выражена» и т.д. В итоге все качественные и количественные показатели представлены в единой безразмерной шкале функций желательности, со значениями на интервале $[0, 1]$.

Далее по методике, аналогичной методу анализа иерархий, строится граф критериев (блоков) программы, отражающий их иерархическую подчиненность. На основе матриц парных сравнений на каждом уровне иерархии вычисляются веса относительной важности (ранги) частных критериев (блоков) программы.

На последнем шаге вычисляется обобщенная оценка выполнения программы как свертка частных критериев на каждом уровне вплоть до самого верха иерархии. Для повышения адекватности следует использовать параллельно несколько вариантов свертки: взвешенную аддитивную, мультипликативную, \min свертку из которых будет в итоге выбран наиболее подходящей вариант.

При использовании взвешенного аддитивного метода свертка частных критериев в единую интегральную оценку проводится поэтапно. На первой стадии с учетом рангов сворачиваются частные критерии внутри блоков, что позволяет получить промежуточные обобщенные оценки блоков программы. Полученные обобщенные оценки блоков, в свою очередь, с учетом их коэффициентов относительной важности (рангов) участвуют в формировании интегральных критериев блоков более высокого уровня иерархии, которые в конечном итоге сворачиваются в глобальный обобщенный показатель оценки выполнения программы в целом.

Аналогичным образом можно вычислить обобщенный показатель стратегической цели: т.е. соответствующего состояния общества. Для решения задач управления, т.е. достижения целевых состояний, необходимо установить взаимосвязь между этими оценками. При наличии достаточного количества статистических данных такая зависимость может быть получена в форме регрессионных зависимостей. При недостатке информации зависимость между показателями программы и стратегической целью может быть оценена на основе экспертных оценок в виде правил нечеткого логического вывода. (например, «Если зарплата учителей достаточно высокая и инвестиции в информатизацию высокие, то уровень образования очень высокий»).

Как только связь между показателями будет формализована, то обобщенный критерий состояния стратегической цели можно представить в виде функциональной зависимости от значений частных критериев программы и, следовательно, от объема и структуры финансирования программы в целом и ее отдельных подпрограмм. На этой основе возможна постановка и решение различных задач социального управления: задачи оптимального финансирования программы, повышения ее эффективности, определение ключевых показателей и подпрограмм, определение приоритетных направлений развития и т.п.

КАЧЕСТВЕННЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ВЫБОРОВ

Евтушенко Г.Н. (Санкт-Петербург)

18 сентября 2016 года в РФ прошли выборы в законодательное собрание Санкт-Петербурга. Результаты восприняли неоднозначно. Прошедшие выборы - особенные. Волеизъявление проходило в единый день голосования и по новой смешанной системе. Поэтому, интересно проследить особенности предвыборных кампаний. Однако изучение выборов - это комплексные исследования с разнородными данными. Качественный сравнительный анализ, разработанный Ч. Рагиным - логический инструмент сравнения. Проведенный на основе КСА контент-анализ печатных материалов выборов 2014 позволил работать с качественно-количественными переменными. После проведения новых выборов, мы можем задавать вопросы, но возникают сложности: неоднородность данных, множественная причинность явлений, необходимость работы с крупными массивами данных. Техника КСАчм способна работать в этих условиях.

On the 18th of September, 2016 there were elections to legislative assembly of Saint-Petersburg. Election results were perceived ambiguously. Those elections are unique. The voting was done in a single day with a mixed system. Because of that, it was exciting to look at features of pre-election campaigns. However, research of elections is a complex task with heterogeneous data. Qualitative comparative analysis, which was created by Ragin, is a logical comparative tool. Content-analysis of print materials of 2014 elections, which was done with QCA, made it possible to work with both quantitative and qualitative variables. After new elections we can ask question, but there are difficulties: heterogeneity of data, multicausality of phenomena, the need to work with big data. QCAs could work in those conditions.

1. Ragin, Charles C. *The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1987. P. 93
2. Shannon K. *The Mathematical Theory of Communication* / K. Shannon, W. Weaver. – Urbana: University of Illinois Press, 1949
3. Грачев М.Н., Трахтенберг А.Д. Микро- и макроуровневые теории политической коммуникации // *Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика*. Под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РАПН; РОСПЭН, 2012. С. 75.
4. Крейг Р. Т. Теория коммуникации как область знания [Текст] / Р.Т. Крейг // *Компаративистика III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований*; под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Скворцова. – СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003.
5. Подорова-Аникина, О.Н. *Коми региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России: монография* / О. Н. Подорова-Аникина, В. П. Милецкий. – Ухта: УГТУ, 2013

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЖИТЕЛЕЙ И СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ: ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА?

Егорова Н.Ю. (Нижний Новгород)

На основании данных демографической статистики и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) выделяется и описывается новая значимая форма существования семьи – совместное проживание пары без регистрации, подчеркивается неоднородность сожительства. Сравниваются социально-демографические и экономические характеристики как в целом сожителей и состоящих в браке, так и отдельных семейных групп (с регистрацией отношений и без нее) с учетом предыдущего брачного статуса и наличия детей. Данные исследования показывают, что сожители моложе, имеют более низкий уровень образования и профессиональный статус в сравнении с состоящими в браке. Разница параметров, определяющих социальный статус (включая доход), особенно существенна при сопоставлении семейных групп, воспитывающих детей.

Based on demographic statistics and data from Russian monitoring of the economic situation and population health provided by HSE (RLMS-HSE), the paper defines a new form of family – couples who live unregistered and emphasizes the heterogeneity of cohabitation. The paper also compares socio-demographic and economic characteristics of cohabitants in general and married partners as well as specific family groups (married and unmarried) taking into account their previous marital status and presence of children. This research shows that cohabitants are younger, have worse education and professional status compared with the married. The difference between parameters which determine the social status (including income) is especially significant when the family groups with children are compared.

Актуальность темы и теоретические положения анализа. Современная семья, в том числе в России, вариативна. Становится все сложнее говорить о доминирующей модели отношений [5]. Нуклеаризация семьи и все большая ее концентрация вокруг брачного ядра заставляет обратить внимание на разнообразие супружеских практик. Помимо привычных для нас брачных, т.е. зарегистрированных отношений, статистически значимой альтернативой становится сожительство. Показатели демографической статистики, а также результаты социологических исследований, начиная со второй половины 90-х гг. фиксируют рост числа супружеских союзов, отношения в которых не зарегистрированы. С момента включения в переписные листы вопроса о наличии регистрации отношений, доля, например, женщин, признавших, что живут в незарегистрированном браке, выросла почти в два раза – с 7% (в 1994г.) до 13% (в 2010г.). Данные выборочных исследований показывают большую степень распространения сожительств в нашей стране. Так, результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ [4] в 1998 фиксируют долю мужчин/женщин, живущих без регистрации на уровне 10%, в 2002 г. – 14%, в 2010 г. – 17%. Таким образом, одним из критериев неоднородности супружеских союзов становится наличие/отсутствие регистрации отношений.

Сожительство очень неоднозначно оценивается в отечественной социологии семьи. Существование и распространение незарегистрированных союзов с позиций кризисной концепции рассматриваются в контексте деградации традиционной моногамной семьи [1]. Указанные изменения (распространение новых практик) – своеобразная негативная адаптивная стратегия семей в условиях социальных реформ [3, 94]. Сторонники трансформационной парадигмы говорят о формировании новых современных отношений, призванных в большей степени отвечать потребностям личности в индустриальном/ постиндустриальном обществе, а характер связи (институциональный или нет) не имеет значения, если понимать супружество как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемого и поддерживаемого принципами и нормами, выработанными в процессе такого взаимодействия» [2, 85].

Сравнение социально-демографических и экономических характеристик может приблизить нас к ответу на вопрос относительно причин распространения новой формы отношений.

Эмпирическая база анализа. В рамках данной статьи мы будем опираться на данные Мониторинга социально-экономического положения и здоровья населения РФ, проводимого с 1994 г. по настоящее время, а именно на: репрезентативные (для описания основных характеристик сожительств) и нерепрезентативные (при сравнении отдельных групп сожителей и состоящих в браке) базы, начиная с 1998 г., когда в вопрос о семейном положении впервые был включен вариант ответа о регистрации брака, и до 2014 г. Для сравнения были сформированы группы ранее неженатых сожителей и состоящих в первом браке респондентов (до 40 лет); постбрачных (имеющих статус разведенных или вдовых) сожителей и состоящих в повторном браке. В ряде случаев учитывались только данные более поздних опросов, что связано с отсутствием интересующих нас вопросов в ранних версиях индивидуальных опросников.

Основные характеристики сожительств. «Сожительство – удел молодых», – не совсем корректная характеристика при описании подобных союзов. Действительно, доля сожителей в молодых возрастах максимальна. Так, среди 20-29-летних в 2014 году она достигает трети от всех супружеских союзов данной возрастной категории, затем постепенно снижается, тем не менее, оставаясь достаточно высокой (на уровне 7-10%) во всех старших возрастных группах.

Анализ данных четко показывает, что за последние десятилетия сожительство заняло прочные позиции в качестве пробного брака. Так, по данным 21-ой волны (2012 г.), доля начавших семейную жизнь с совместного проживания без оформления отношений была минимальна среди тех, кто вступил в брак до 1970-1980-х г.г. (10-15%), в 2010 и позднее она выросла до 78%. Продолжительность пробных отношений, как правило, не превышает 2-3-х лет. Видимо, этого вполне достаточно, чтобы определиться с выбором брачного партнера.

Сожительство далеко не всегда заканчивается браком. Средний стаж совместного проживания пар без регистрации достаточно высок – 8-9 лет. В 2014 г. по продолжительности отношений только 43% сожителей можно отнести к категории так называемого «пробного» брака. В остальных случаях сожительство плавно перетекает в устойчивый вариант отношений, альтернативу зарегистрированной семье, что указывает на разнообразие практик незарегистрированных отношений.

Сравнение социально-демографических и экономических характеристик сожителей и состоящих в браке. Сожители моложе, чем состоящие в браке. Средний возраст в этих группах 42 и 49 лет соответственно. Небольшая разница сохраняется и при анализе отдельных семейных групп, в первую очередь, ранее неженатых. Значительная продолжительность незарегистрированных отношений подразумевает возможное наличие в них детей. Тем не менее, среднее количество детей у сожителей значительно ниже, чем у состоящих в браке с учетом всех лет анализа – 1,2 ребенка против 1,7 соответственно. Сожительство вообще является наименее детской среди различных вариантов супружества, включая повторное. Видимо, в рамках таких союзов партнеры не торопятся реализовывать свои репродуктивные установки из-за неустойчивости /неопределенности отношений, а может, их планы относительно числа детей вообще не столь высоки.

Доход. Данные за весь период наблюдений показывают, что средний доход сожителей в целом ниже, чем состоящих в браке, хотя не всегда эта разница статистически значима, что делает сожительство возможным элементом семейной стратегии разнодоходных групп, но, в первую очередь, это касается бездетных. Средний доход сожителей, имеющих детей, статистически значимо ниже, чем у состоящих в браке родителей. Самая большая разница фиксируется при сравнении ранее неженатых сожителей и состоящих в первом браке. Например, разница в доходах этих групп в 2014 г. колебалась от 1,4 до 5,3 тыс. руб. (доверительный интервал 95%) при средних доходах 17,2 и 20,6 тыс. руб. соответственно.

Уровень образования. При оценке уровня образования вырисовывается похожая картина. В целом, сожители имеют более низкий уровень образования. Если в брачной группе большинство (54%) со средним специальным и высшим образованием, то среди сожителей таких только 42%. Разница становится максимальной при сравнении ранее неженатых семейных групп. Среди сожителей, воспитывающих детей, почти в 2 раза меньше родителей с профессиональным образованием – 35% против 60%. Статистически значимым разрыв остается при сопоставлении всех исследуемых групп сожителей и женатых.

Наличие работы и профессиональный статус. Вместе с более низким уровнем образования сожители обладают и более низким профессиональным статусом во всех исследуемых группах. Среди них в полтора раза меньше (например, 29% против 42% в группах ранее неженатых с детьми) специалистов с высоким уровнем квалификации и в два раза больше (13% против 6%) неквалифицированных рабочих. Что касается наличия работы, то безработные есть и среди сожителей, и среди состоящих в браке. Статистически значимая разница фиксируется при сопоставлении ранее неженатых. В группе родителей почти каждый 3-й сожитель (29%) не имеет работы и только каждый 6-й (17%) из состоящих в браке; в группах бездетных – каждый 4-й (23%) и каждый 7-й (14%) соответственно.

Вывод. Представленные результаты являются только началом анализа различных групп сожителей, но уже они дают возможность сделать некоторые выводы. Судя по результатам проведенного исследования, сожители в целом принадлежат к социальным группам с более низким статусом. И если доходы их в целом сопоставимы, то уровень образования, профессиональный статус все же ниже. Частично это можно объяснить более низким средним возрастом, распространением «пробных браков» в молодежной студенческой среде, когда молодые люди находятся на стадии получения профессионального образования. При сравнении различных групп сожителей и состоящих в браке сходство характеристик остается лишь среди бездетных и, частично, в постбрачных группах и только в случае анализа доходов. Во всех остальных ситуациях сожители чаще оказываются в менее благоприятном положении, самый большой разрыв в социальных параметрах фиксируется между родителями: ранее неженатыми сожителями и состоящими в первом браке. Следовательно, сожительство – чаще адаптивная стратегия, а брак – еще один показатель статуса?

журнал). 2014. Апрель. URL <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (дата обращения: 14.07.2016).

2. Голод С.И. *Моногамная семья: кризис или эволюция?* // Социально-политический журн. 1995. № 9. С.74-87.

3. Карцева Л.В. *Модель семьи в условиях трансформации российского общества* // СОЦИС. 2003. № 7. С. 92-99.

4. *Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)*, проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>). Здесь и далее приведены расчеты автора.

5. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Курамшиев А.В. *Мир внутрисемейного взаимодействия. Жизненные миры современной семьи: монография* / З.Х.Саралиева, В.А.Блонин, Н.Ю.Егорова [и др.]. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. С.20-113.

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПЕРЕСМАТРИВАЯ ТЕОРИИ И ФАКТЫ

Елисеев С.М. (Санкт-Петербург)

На рубеже XX-XXI веков наукой были зафиксированы два любопытных тренда, наличие связи между которыми многие ученые предпочитают не замечать.

Первый тренд касается распространения демократии. Двадцатый век закончился знаменательным результатом - впервые в истории человечества большинство стран мира стали называть себя демократиями. Второй тренд касается развития социального неравенства. Ученые, прежде всего, экономисты и социологи открыли тенденцию увеличения темпов роста социального неравенства на глобальном, региональном и национальном уровнях. Если первый тренд вызвал позитивные оценки среди ученых и политиков, то второй, напротив, вызвал тревоги и опасения, связанные с возможностями роста социальной напряженности и новой дестабилизации не только в национальном, но и глобальном масштабе.

Истоки многих современных дискуссий о демократии и социальном неравенстве берут начала в середине прошлого столетия. После завершения Второй мировой войны США были единственной страной мира, которая за годы войны сумела не только избежать больших потерь, но и увеличить национальный доход в два раза.

Это обстоятельство во многом объясняет бурный рост оптимизма среди американских интеллектуалов, который нашел выражение в целом ряде экономических, социологических и политических теорий, которые оказали значительное воздействие на формирование рамок научных дискуссий ни одно поколение ученых и политиков. При всех различиях в американских теориях данного периода они имеют общую методологическую основу. В них утверждается решающая роль структурных предпосылок и условий революций и перехода к демократии. Структурные концепции видят в поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные социальные группы, и в нарастающем конфликте групповых интересов главную предпосылку революций и перехода к демократии [2, 568–569]. По сути, эти теории в явной или скрытой форме продолжали традиции К. Маркса. И не случайно, что в качестве примера обычно указывается на русские революции 1905 г. и 1917 г., когда якобы чрезмерная экономическая дифференциация населения привела к революции. Хотя на самом деле в начале XX в. уровень материального неравенства в России был умеренным, а социальное неравенство в пореформенное время существенно снизилось вследствие трансформации сословий в классы и получения всеми гражданами одинаковых прав. В то время как во всех западных странах уровень материального неравенства был значительно выше, чем в России. [1, 125].

Как правило, они основывались на критике экономической и политической теорий К. Маркса, включали в себя множество теоретических рассуждений, вследствие отсутствия точных эмпирических данных, смелых, но неподтвержденных гипотез и прогнозов относительно будущего развития капитализма и демократии.

Начнем с теории С. Кузнеця. Согласно его теории, неравенство в доходах спонтанно уменьшается на поздних стадиях развития капитализма вне зависимости от проводимой политики и особенностей страны и затем стабилизируется на приемлемом уровне. Эта теория, предложенная в 1955 году, как нельзя лучше подходила для зачарованного мира эпохи Славного тридцатилетия: нужно просто терпеливо дожидаться, пока рост принесет выгоду всем. Кузнец полагал, что по мере

включения населения в современную экономику естественным образом, без политического вмешательства, будет уменьшаться социальное неравенство.

Этот оптимизм разделял экономист Р. Солоу и социолог С. Липсет опубликовавший в 1959 г. ставшую знаменитой работу, которая во многом определила теоретические рамки и исследовательские традиции на многие десятилетия. [5],

Липсет стал первым среди ученых, теоретически обосновавших связь между уровнем социально-экономического развития той или иной страны и вероятностью ее перехода к демократии: «Чем более богата нация, тем больше вероятность, что она поддержит демократию» [5,75]. Он подчеркивал усиливающуюся роль среднего класса в модернизации общества, делая упор на социальные механизмы его развития. Равенство является центральной категорией как в социально-политическом, так и в экономическом отношении. Липсет был убежден, что демократия обязательно способствует уменьшению социального неравенства. По его мнению, «общество, разделенное на огромную нищую народную массу и небольшую привилегированную элиту, неминуемо придет либо к олигархии (...) либо к тирании» [5,75]. Это утверждение в той или иной форме постоянно воспроизводится уже на протяжении более 50 лет.[4] «Однако тезис о том, что демократия способствует уменьшению социального неравенства не находит фактического подтверждения. Так, тенденция сокращения неравенства доходов, имевшее место во всех развитых странах в период с 1914 по 1945 год, носила временный характер

Начиная с 1970-х годов во всех развитых странах подобные явления либо прекращаются, либо с разной интенсивностью происходит обратный процесс («великое расслоение»), в котором США достигли огромных «успехов» по сравнению с европейскими странами. Если в 1979 году 1% самых богатых домохозяйств США аккумулировал 7,5% общего дохода, то в 1997м — уже 13,6%. По величине децильного коэффициента, рассчитанного по данным Люксембургского исследования доходов (Luxembourg Income Study), в течение 1990х годов США существенно опережали другие развитые страны, особенно скандинавские (США — 5,6; Швеция — 2,6; Финляндия — 2,7; Норвегия — 2,8; Дания — 2,9) [3].

Сегодня ясно одно: на протяжении XX века и в начале XXI столетия социальное расслоение стало общей тенденцией для всех категорий стран. Эту тенденция характерна и для России. Согласно только официальным данным Росстата по состоянию на конец 2015 г. индекс Джини превышал отметку в 0,412., а еще в 2000 г. значение индекса Джини составляло менее 0,395, в 1997 г. - 0,375 в 1995 г. — 0,387, в 1991 г. - 0,260. а в конце 1980-х гг. не поднималось выше 0,28. Другими словами, в России развиваются все те же тенденции, что в развитых странах: бедные беднеют, а богатые богатеют. Интересно отметить следующий факт. Рост социального неравенства в России наблюдается одновременно с переходом к рыночной экономике и утверждением демократических институтов. Можно сделать вывод, что влияние демократии на социальное неравенство имеет более сложный характер, чем это представлялось в социологии 60-70 лет назад. В периоды длительного существования политической стабильности демократия скорее способствует росту социального неравенства, чем его уменьшению

1. Миронов Б. Н. *Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая)*// Социологические исследования 2014. № 11. С. 121-129.

2. Штомпка М. *Социология: Анализ современного общества. М., Логос. 2005*

3. Boix Carles and Susan Stokes. *Endogenous Democratization // World Politics. 2003. Vol 55. № 4. P. 517-549*

4. Jencks C. *Does inequality matter? [Electronic resource] / C. Jencks. — Mode of access :<http://www.amacad.org/publications/winter2002/Jencks.pdf>. (Дата обращения. 24.02.2016*

5. Lipset S. M. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. VOL. 53 P. 69-105*

ПРОЦЕССЫ МАРГИНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ерёменко Д.В. (Волгоград)

Впервые понятие маргинальности ввел американский социолог Р. Парк в отношении мулатов. Ученый обратил внимание, что они в Америке не могут идентифицироваться ни с белыми, ни с неграми. Затем истолкование этого термина стало расширяться и распространяться на все случаи неопределенной идентификации. Со временем это понятие трансформировалось, и на данный момент под маргинальностью понимают состояние общества, при котором

формируются группы индивидов и общности, которые по разным причинам выпадают из привычной социальной среды и не могут примкнуть к имеющимся социальным слоям [1, с. 167].

В июле 2016 года на территории Астраханской области были проведены 15 глубинных интервью. Их участниками стали люди, потерявшие свой статус в обществе и опустившиеся на социальное дно. Проанализировав полученную информацию, мы можем представить следующие результаты. В качестве первого пункта исследования был задан вопрос о бывшем роде деятельности респондента. В ходе чего выяснилось, что каждый из опрошенных в прошлом имел достойную работу и образование.

«У меня было все...хорошая работа, высшее образование, нормальная зарплата...я не жаловался» (мужчина, 49 лет)

«Я всегда был на хорошем счету. Меня с руками и ногами забирали на разную работу. Я где только не работал и зарплата всегда хорошая была. Всегда удивлялся своим способностям. Закончил техникум. Да и в школе нормально учился» (мужчина, 54 года)

Но вопрос о том, что могло бы послужить их спаду на дно, большинство респондентов сами не понимали того, как и когда они переступили эту черту:

«Что послужило? Без понятия. Просто я проснулась, а у меня ничего нет. Я до сих пор думаю, что мне всё это снится. Я счастливая была. Работа. Семья...» (женщина, 40 лет)

«Да кто его знает...все же как бывает? Сегодня у тебя все есть, а завтра ты никто. Уже с этим ничего не поделаешь...»(мужчина, 45 лет)

Но были и те, кто явно осознавал тот момент, когда перешли эту тонкую грань: «Меня выгнали с работы. А что дальше делать? Все...Больше уже никуда меня не брали. «Ковылял» с работы на работу, вот «доковылялся»...Теперь у меня только одна работа - пить»(мужчина,42 года)

«На работе проблемы появились, я выпивать начал. Потом жена ушла с детьми...это и послужило» (мужчина, 54 года)

Нас интересовало, устраивает ли респондентов их положение в обществе. Результат обработки интервью показал, что некоторые из опрошенных были категоричны в отношении данного вопроса, так как не замечали в своем положении ничего проблематичного. «А что с моим положением? Я счастлив...»(мужчина, 59 лет)

На основе данных ответов сложилось мнение, что не каждый из респондентов, так или иначе, недоволен своим местом в обществе. Более того, некоторые считают себя вполне состоявшимися людьми. Отвечая на вопрос о том, устраивает ли опрашиваемого его положение в обществе, звучали различные версии ответов: «Меня все устраивает...я всем доволен» (мужчина, 59 лет); «У меня все хорошо, не понимаю, зачем меня об этом спрашивать. Я не считаю, что я плохо живу. Крыша над головой есть» (женщина, 40 лет); «Меня вообще ничего не устраивает. Как можно жить такой жизнью!?» (мужчина, 49 лет). Результаты анализа ответов показывают, что большинство индивидов устраивает их статус на данный момент времени. Кроме того, далеко не все осознавали всю суть данного вопроса, что вызывало у респондентов вспышки гнева.

В результате дальнейшего опроса было выявлено, что некоторые из опрашиваемых ничего не хотели бы изменить в своей жизни и никогда не задумывались о возможности попытаться это сделать. Но так же были и те, кто очень хотел бы изменить свой статус в обществе, но по каким-то определенным причинам ему это сделать не удавалось: «Я всегда искал лучшей жизни, но мне пока не везет...Изначально я думал, что весь мир у моих ног, когда мало-помалу мне удавалось много зарабатывать. Но в итоге, Вы сами видите, с чем я остался. Семья распалась. Денег нет. Я бы изменил свою жизнь. Я бы изменил свое прошлое» (мужчина, 46 лет). Вопрос о том, что бы хотели изменить в своей жизни, многих ставил в затруднительное положение, так как не совсем понимали, что им хочется изменить. Некоторые из респондентов не только не говорили о том, что им хочется что-то изменить в жизни, но и винили в своем нынешнем социальном статусе семью, детей, потусторонние силы.

«Детей моих изменить надо...это все беды от них. Не хотела я их, из-за них вся моя жизнь как в аду. Деньги все на них. Еду всю на них. А мне что «жрать»?» (женщина, 43 года). «Меня прокляли...я это давно поняла. Я бы сама пить не начала. Меня что-то заставило...Я же раньше не пила, а теперь пью. Вот, брат мой тоже не пил, а теперь пьет. Это точно что-то плохое» (женщина,47 лет).

Исходя из результатов анализа, было выявлено, что воспоминания о том, каким респонденты видели свое будущее, вызывало больший интерес, чем остальные вопросы, так как именно здесь им удавалось забыть о своем настоящем, вспомнить и представить то, о чем мечтали

в прошлом. У большинства опрошенных мечта о богатстве была самой значимой: «Я хотел стать богатым. Ни от кого не зависеть» (мужчина, 42 года); «Много денег... чтобы все себе покупать. Чтобы был богатый муж, который должен меня содержать» (женщина, 43 года).

Так же удалось выяснить, что некоторые из респондентов никогда не задумывались о своем будущем: «А я и не думал о будущем, всегда жил сегодняшним днем. Проснулся, живой. А зачем по-другому?» (мужчина, 50 лет). Мы наблюдаем то, что мужчина даже не видит смысла в том, чтобы думать о своем будущем, считает это бесполезным.

Данный вопрос многих заставлял задуматься о своем положении и возможности что-то попробовать изменить. Это говорит о том, что не каждый из опрашиваемых нами респондентов, готов был принять существующую реальность и оставить все, так как есть данный момент.

На основе ответов респондентов мы пришли к выводу о том, что существуют три типа маргиналов: 1) те, кто хотят изменить свою жизнь и осознают свой низкий социальный статус; 2) те, кто не задумываются о кардинальном переустройстве своей жизни и не считают свое положение плачевным; 3) те, кто все осознает, но не собираются что-то менять в своей жизни, так как их все устраивает. Их маргинализация произошла под влиянием системных, культурных, структурных и индивидуальных причин.

В завершении анализа проведенного исследования можно сказать, что мы живем в стране, где маргинализация общества происходит очень быстрыми темпами, в силу изменения экономического, политического, социального строя страны. Это приводит к такому состоянию общества как аномия, то есть к такому состоянию, при котором в обществе утрачены ценностные ориентиры [2, с. 138]. В ходе исследования мы выяснили, что большинство респондентов имели высшее образование и достойное место работы. Но в ходе изменений в жизни опрашиваемых они лишились этого. Мы выявили, что не каждый из респондентов осознает свое нынешнее положение в обществе и понимает, что на данный момент с ним происходит. Такая модель поведения наблюдается в основном у людей больных алкоголизмом и наркоманией, так как они больше изолированы от общества и считают свою жизнь нормальной, потому что не видят другой. Не стоит упускать и тот факт, что снижению статуса респондентов послужили такие причины как увольнение с работы, болезнь, рождение ребенка, распад семьи.

*Парк, Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек [Текст] / Р.Э Парк // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. - 1998. - № 3. С. 167-176.
Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд [Текст] / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова.—М.: Мысль, 1994.—С. 399*

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

Ефанова Е.В., Кожевникова О. В. (Волгоград)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-33-01026

Молодежная оппозиция – один из типов политической оппозиции, отличающийся тем, что участниками оппозиционных объединений этого типа являются молодые люди, особенности политического сознания и поведения которых оказывают влияние на характеристики этих объединений как субъектов политического процесса [1].

С учетом региональной специфики создания молодежных политических организаций можно выделить международные, общероссийские и местные политические движения. Исследование территориального фактора политической активности молодежи, прежде всего, позволяет оценить работу региональных правительств и муниципальных органов власти в рамках государственной молодежной политики, а также предоставляет возможность частичного прогнозирования возможных рисков общественных волнений с участием молодежи.

1) Международные - МПО, имеющие отделения за рубежом. Так, несмотря на то, что Евразийский союз молодежи официально зарегистрирован как общероссийское молодежное общественное движение, организация публикует данные об отделениях на Украине, в Казахстане, Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане, Молдавии, Грузии, Азербайджане и Турции, что дает нам право причислять её к числу международных. Подразделения молодежной организации — «Авангард красной молодежи» имеют отделения на территории Белоруссии, Латвии, Молдавии, Украины, Азербайджана, Казахстана, а также в Финляндии, Польше и Израиле.

2) Общероссийские (межрегиональные) - МПО, осуществляющие свою деятельность на территории различных субъектов Российской Федерации. К ним относятся как молодежные «крылья» политических партий (МГЕР, «Время молодых», «Новое время»), так и автономные молодежные движения, которые сумели создать достаточно развитую региональную сеть («НАШИ», «Россия молодая», РКСМ). Региональные отделения крупных партийных МПО («Молодая Гвардия Единой России», «Время молодых») ведут активную политическую деятельность с населением, будучи заинтересованными в обеспечении поддержки в выборные периоды. Стоит также подчеркнуть, что именно в регионах довольно часто отмечается феномен социально-политической напряженности между молодежью и органами исполнительной власти. Как явления, образующиеся быстро и стихийно, данные противоречия не позволяют прогнозировать возможные последствия. Молодежь, как показывает опыт, может являться активным участником протестных радикальных движений. А развитие интернет-технологий и новых средств передачи данных добавляет «реактивности» данным процессам.

3) Местные - МПО, ведущие свою деятельность в пределах одного города или региона. Так, например, в 2013 г. в Петербурге создано новое демократическое молодежное движение «Весна», включившее в свой состав активистов самораспустившегося отделения «Молодежного Яблока» и движения «Оборона», а также молодежная организация «Партии 5 декабря». Кроме того, с июля 2013 г. в Петербурге активно действует молодежное отделение партии РПР-ПАРНАС. Создание новых протестных молодежных движений, с одной стороны, является признаком растущего интереса молодежи к политической деятельности, однако низкая численность состава участников говорит о продолжающемся кризисе протестного движения в России и в глазах общественности приравнивает такого рода МПО к «кружкам по интересам» [2].

В свою очередь, к конструктивным / деструктивным факторам, детерминирующим функциональный потенциал молодежных общественно-политических объединений в России можно отнести:

- отношение к власти (организации, работающие в интересах власти: консервативные организации и лояльные «патриоты»);
- политическая «окраска» (оппозиционные молодежные организации: левые/леворадикальные и правые);
- внутривнутриполитические факторы (предвыборный/выборный периоды, аресты лидеров оппозиции);
- внешнеполитические факторы (например, реакция на события на Украине).

1. Москалев, А.Е. Молодежная оппозиция как субъект политической системы современной России / А.Е. Москалев, А.В. Назаров // *PolitBook*. – 2014. - №3. – С. 158-168.

2. Сафонова, А.С. Молодежные политические организации России: подходы к классификации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ipi1.ru/images/PDF/2015/42/molodezhnye-politicheskie-organizatsii-rossii.pdf>

ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КВЕСТОВ)

Ефимова Г.З., Кичерова М. Н., Ефимова Г. З. (Тюмень)

Развитие постиндустриального общества сопровождается возрастающей интенсивностью и напряженностью социальной жизни. Повседневные практики современного человека характеризуются стремительным темпом, информационными перегрузками, снижением физической активности, увеличением негативных переживаний. В российском обществе это усугубляется противоречивостью социально-экономических преобразований, коренным изменением привычного уклада жизни. Следовательно, происходит повышение уровня тревожности членов общества, принадлежащих различным социально-демографическим группам. По мнению ученых, мы наблюдаем проявления социального стресса.

Понятия «стресс» (от англ. stress – давление, напряжение), «социальный стресс» используются в социологии аналогично психологии и физиологии для обозначения особых состояний организма человека, когда под воздействием разнообразных факторов (стрессоров), предъявляющих ему повышенные требования и усложняющих условия его адаптации, он вырабатывает «неспецифическую адаптационную энергию» (Г. Селье), осуществляет перестройку механизмов, обеспечивающих необходимый уровень функционирования.

Социальные стрессовые состояния, ситуации могут вызываться многочисленными факторами, связанными со сложностью политической, экономической, культурной жизни современного общества, быстротой и частотой социокультурных изменений. В условиях постиндустриального общества человек вынужден работать и жить в условиях постоянной многозадачности. Как отмечают психологи, человеческий организм не в состоянии адаптировать физиологические возможности к моментально меняющимся вызовам времени. Исследователи Стэнфордского университета подтвердили гипотезу, что те, кто привык концентрироваться на нескольких задачах сразу, хуже запоминают информацию, испытывают трудности в организации мыслей и не умеют отфильтровывать ненужную информацию [1] и, как следствие, испытывают стресс.

В условиях постоянного напряжения актуализируется необходимость исследовать не только особенности адаптации, но и возможности трансформации напряжения в конструктивное, социально одобряемое русло. Изучение новых, в т.ч. игровых практик квестов, способствующих трансформации социального напряжения, становится актуальным и значимым.

Рассмотрим социальные практики, которые широко распространены в зарубежных странах и стремительно приобретают популярность России. Если раньше были популярны компьютерные игры в стиле квест, то в последнее время из виртуального мира квесты транспонируются в реальный мир. Игровые практики называют «живой квест», «квест в реальности», «квест-рум».

Понятием квест (от английского «quest» - поиск, игра-загадка) обозначают различные виды on-line и off-line игр, которые разворачиваются в виртуальном или реальном пространстве. Это специфическая форма игровой деятельности, которая требует от участников поиска решения поставленных задач. В современных условиях квест становится новой практикой социальной коммуникации, новым видом активного отдыха для продвинутой интеллектуальной молодежи. Квесты используют как форму организации досуга, а также как образовательную технологию: «специальным образом организованный вид исследовательской деятельности, для выполнения которой обучающийся осуществляет поиск информации по указанным адресам (в реальности), включающий и поиск этих адресов или иных объектов, людей или заданий» [2].

Особую популярность приобрели квесты, предполагающие поиск способа «выбраться из комнаты», а также квесты по сюжетам фантастических кинофильмов. Задания квестов часто симулируют противоправные действия - побег из тюрьмы или психиатрической больницы, ограбление банка или события, угрожающие жизни участника игры. Эти игровые практики представляют собой весьма специфический феномен и требуют всестороннего, в т.ч. социологического осмысления.

С древних времён игровые практики, в том числе связанные с жестокостью, борьбой, «бои без правил» служили формой выражения агрессии и снятия напряжения. Такие практики институционально закрепились в виде спортивных единоборств. Помимо существующих спортивных игр, начиная примерно с 2012 года, по всему миру получила широкое распространение новая социальная практика: «комнаты ярости». Потребителями такой услуги являются люди самых различных социальных групп и материального положения, которых объединяет накопившийся на работе и/или дома стресс. Суть услуги заключается в погроме старой мебели и техники. Такую практику «отдыха» психологи и психотерапевты комментируют в негативном ключе. Для неуравновешенных личностей такая игра может быть опасной, так как они возможно захотят повторить опыт, но уже за пределами специально оборудованной комнаты. К тому же, такое поведение лишь подпитывает в человеке агрессию и усугубляет нервное напряжение.

Рассмотрим значение игровых практик «квест в реальности» на трёх уровнях: на микро (личность); мезо (группа); мега (общество).

Влияние на личность проявляется в обогащении социального опыта. Мотивы погружения в квесты нельзя определить однозначно: для одних это способ бегства от реальности, для других – возможность реализовать в игровой деятельности потребности, удовлетворение которых проблематично в реальной жизни.

Значение для группы проявляется в сплочении участников игры (командообразование), реализации социально-психологических механизмов эмпатии, навыков группового принятия решений. Опыт каждого участника соединяется и трансформируется в новые практики. Как следствие, участники квестов приобретают новые компетенции. Происходит совместное проживание ситуаций, требующих быстроты реакции, принятия решений в ограниченное время.

Для эмоциональной сферы – обогащение чувств, расширение спектра переживаний, в том числе радость, восторг от победы, неуверенность, страх, опасения и др.

В условиях групповой работы происходит укрепление уверенности в себе и формирование эмоциональной компетентности у участников игры. Современные социальные нормы не всегда дают возможность открыто выражать чувства, проживать их в полной мере, что заставляет участников социального взаимодействия испытывать напряжение. Квесты позволяют открыто выражать чувства и эмоции.

Для молодёжи, особенно характерно стремление к свободе, лидерству и преодолению институциональных рамок. Часто это может проявляться в девиантных формах. Поэтому именно квесты являются на сегодняшний день приемлемой, социально-одобряемой формой реализации подобных проявлений.

Ещё одно важное значение квестов на мезо-уровне – эффект синергетики, возникающий в ходе коллективного взаимодействия, то есть состояние возникающее в результате многовариантного и неоднозначного поведения многоэлементных структур (структура личности), которые развиваются вследствие открытости, притока энергии извне. Таким образом, совместная групповая работа даёт больший и качественно лучший результат, чем сумма усилий отдельных людей.

На мега-уровне (общество) распространение подобных социальных практик свидетельствует о проявлении институциональных изменений. Практики квест-игр популярны и востребованы во многих странах мира. Распространение реальных квест-игр свидетельствует о формировании новых потребностей общества. Удовлетворение этих потребностей реализуется через новые институциональные практики. Как следствие, это может привести к формированию нового социального института, а также свидетельствует о дисфункциях традиционных элементов социальной структуры, недостатках их влияния на социализацию индивида (которые проявляются в том числе, в нехватке социального опыта). Таким образом, квесты, как форма досуговой деятельности, позволяют участникам приобретать необходимые компетенции и навыки.

1. *Media multitaskers pay mental price, Stanford study shows // <http://news.stanford.edu/news/2009/august24/multitask-research-study-082409.html>*
2. *Жебровская О.О. Живые квесты в образовании (современные образовательные технологии) [Электронный ресурс] <http://text.nou.spb.ru/index.php/webinars/2209-22012013-qq-q-q.html>*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О СТРАНЕ В 2050 ГОДУ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Желнина Е.В. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках НИР темплана Проект № 383: «Работники промышленной и научно-технической сферы в условиях моногорода (на примере социологического анализа Тольятти)»

В статье освещаются результаты комплексного социологического исследования представлений и ожиданий граждан России на 2050 год. Актуальность темы детерминирована противоречием внешних и внутренних факторов инновационного развития. В результате анализа мнений респондентов относительности значимости социальной группы для индивида, была выявлена достаточно явная тенденция к индивидуализации. Результаты исследования и рекомендации могут быть использованы как на уровне государственного, так и на уровне муниципального управления в качестве основы для формирования долгосрочной стратегии последующего развития, для разработки конкретных программ и мероприятий инновационного развития. Работа выполнена в рамках НИР темплана Проект № 383: «Работники промышленной и научно-технической сферы в условиях моногорода (на примере социологического анализа Тольятти)».

Results of complex social research of representations and expectations of citizens of Russia for 2050 are covered in article. Relevance of a subject is determined by a contradiction of external and internal factors of innovative development. In an analysis result of opinions of respondents of relativity of the importance of social group for the individual, rather obvious tendency to individualization was revealed. Results of a research and the recommendation can be used both at the level of state, and at the level of municipal authority as a basis for forming of long-term strategy of the subsequent development, for development of specific programs and actions of innovative development. Work is performed within the Project No. 383: «Workers of the industrial and scientific and technical sphere in the conditions of the monoton (on the example of the sociological analysis of Togliatti)».

Интерес к проблематике формирования стратегического развития России высок. Развитие исследований в этом направлении приводит к убеждению в том, что рассредоточенные отдельные экономические [1], политические [2], социальные [3, 4], финансовые [5] примеры создания стратегии развития не дают целостную и объективную картину. Методологических подходов и методических разработок существует множество, каждый из них предназначен для определённых научных целей, например, для сравнения стратегий развития различных стран. Однако сегодня не достаточно разработан ключевой элемент стратегии – образ будущего состояния государства. Таким образом, в современной практике государственного стратегического управления назрела необходимость проведения комплексного социологического исследования для формирования образа России-2050 как основы государственной инновационной политики.

В теории и практике стратегического управления утверждается, что разработка стратегии развития государства должна начинаться с определения миссии и видения того, к чему оно стремится. Российская Федерация – огромная страна с населением 146 70 033 человек, включающая 89 субъектов федерации, 7 федеральных округов, множество больших и малых населённых пунктов. Каждый из этого числа элементов, включённых в структуру государства, представляет свою собственную картину будущего. Каким бы эффективным и оперативным ни было управление, важно, чтобы все смотрели в одном направлении. К сожалению, сегодня целостного образа России, даже на ближайшую перспективу, не существует. Исследуя опыт других государств, мы можем увидеть, что Казахстан уже сформировал собственную стратегию на основе видения будущих социально-экономических показателей [6], на основе которой и в строгом соответствии с ней разрабатываются среднесрочные и краткосрочные планы по достижению намеченных результатов. Кроме того, сегодня Россия налаживает с различными государствами (Китай, Бразилия, Венесуэла) долгосрочные партнёрские отношения, которые должны строиться на прочном фундаменте, в основе которого стратегия стабильного, устойчивого развития государств-партнёров [7, 8]. Для инновационного стратегического управления большое значение имеет измерение факторов, связанных с оценкой социально-экономических условий для формирования приоритетов будущего развития и эффективного достижения поставленных целей.

Тема формирования социального образа является достаточно распространённой проблематикой прикладных социологических исследований. Важно заметить, что понятия «социологический портрет» и «социальный портрет» встречаются в отечественной социологии ещё с 70-х гг. XX века. Именно тогда считалась популярным и перспективным разработка социологических портретов представителей различных социальных групп («социальный портрет советского рабочего» [9, 10]). В научных изданиях можно достаточно легко найти и проанализировать «образ православного верующего [11] «социологический портрет молодёжи России» [12], «социальный портрет студента [13], социальный портрет государственного служащего [14, 15], или даже социальный портрет целого региона [16]. Проводя анализ указанных исследований, можно прийти к выводу, что практически все имеющиеся социальные портреты представляют собой исключительно описание, в фундаменте которого находятся усреднённые количественные данные, полученные в ходе различных социологических исследований. Подобный количественно-описательный подход не предоставляет исследователю возможностей для более глубокого анализа, построения классификаций, выявления тенденций и закономерностей. В связи с этим, представляется необходимым и первоочередным дать чёткую трактовку понятия «социологический портрет», а также разработать и обосновать подробную методологию его составления. Серьёзную работу над этой проблемой проделал коллектив Института философии Российской академии наук в рамках программы «Социокультурная эволюция России и её регионов» [17].

Следует сказать, что сегодня исследования, посвящённые проблеме формирования социального портрета, образа, осуществляются преимущественно в экономическом и демографическом аспектах. Ощущается недостаток социологического анализа данной проблемы с позиции комплексного исследования, объединившего бы экономический, политический, социальный, демографический, культурный и духовный аспекты. Ведь государство – это не только политический институт, но и, как справедливо отмечает А.А. Мешков, «комплексный социокультурный процесс и социально-психологический феномен» [18].

Среди наиболее важных сфер жизнедеятельности российского общества в 2050 году респонденты выделили экономику (18%) и семью (17%). Естественно, выделять какую-то одну сферу категорически нельзя, поскольку в этом случае получается ущербное развитие, несколько перекошенное: высокий уровень достижений в одних областях и очень низкий – в других. Все

сферы важны для государства. Здесь показан рейтинг их значимости с точки зрения респондентов, участвующих в анкетном опросе.

Одним из первых был задан вопрос о будущей численности населения России в 2050 году. Больше половины респондентов указали, что она будет расти (правда, с различной долей интенсивности – 47 % (расти) и 13 % (значительно расти)). Среди причин, которые будут способствовать росту численности населения страны в 2050 году, респонденты выделили в равной степени повышение рождаемости и усиление миграции (36% и 38% соответственно). Но, немного забегаая вперёд, отметим, что ответы респондентов на последующие вопросы не позволяют в полной мере рассчитывать на повышение рождаемости. Поэтому, исходя из совокупного результата, рассчитывать можно только на миграцию в случае, если государство не сосредоточит свои усилия на демографической политике.

Нам было интересно узнать, как будут обстоять дела с высшим образованием в России 2050 года. Средневзвешенный показатель представленности работников с высшим образованием составит 58%. Это чуть больше половины работников. Показатель достаточно конструктивный, не обнаружена тенденция к латентной необходимости приобретения гражданами диплома о высшем образовании для получения работы.

Респонденты назвали более 100 профессий, которые, по их мнению, будут престижными в 2050 году. Обобщая показатели, можно получить следующий рейтинг наиболее востребованных профессий в 2050 году: 1. Инженер. 2. Врач. 3. Программист. 4. Педагог. 5. Юрист. 6. Экономист. 7. Менеджер. 8. Эколог. 9. Учёный. 10. Строитель.

Согласно ответам респондентов, важным для россиянина в 2050 году будут семья, достаток, работа (указано в порядке убывания значимости) Также участниками анкетирования были высказаны: «мир во всем мире» «соблюдение прав и свобод гражданина».

Проведено комплексное социологическое изучение мнения граждан о будущем России и создана модель будущего образа российского государства, основанная на обобщённом анализе данных анкетирования и интервью. Создание и обоснование методологии проведения комплексного социологического исследования мнения граждан о России в 2050 году. Кроме того, научная новизна проекта состоит в формировании методических рекомендаций для построения системы показателей, включающих индексы, отражающие основные аспекты развития России (экономика, культура, образование, политика и др.), а также общесистемные индексы. Данные индексы направлены на измерение оценок условий для формирования стратегии инновационного развития российского государства, возможностей её реализации на сегодняшний день, а также её актуализации в будущем.

1. Иванова, Т. Н. Структурные и функциональные компоненты социально-экономической системы региона // *Культура и образование: от теории к практике*. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 277 – 281.
2. Самостроенко, Г. М., Мосина, Е. И. Значение политического имиджа и методы продвижения стратегии развития региона // *Современная экономика: проблемы и решения*. – 2010. – № 3(3). – С. 16 – 24.
3. Цветкова, И. В. Образ «своего» в сознании русского населения Тольятти // *Социологические исследования*. – 2010. – № 8. – С. 89 – 93.
4. Башкуева, Е. Ю. Региональные проблемы системы здравоохранения в условиях модернизации (по материалам Республики Бурятия) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2015. – № 1 (32). – С. 100 – 112.
5. Лисовская, И. А., Рыжкова, С. А. Финансовая стратегия компании: необходимость формирования, основные компоненты и принципы построения // *Российское предпринимательство*. – 2008. – № 10. – Вып. 1 (120). – С. 130 – 134.
6. Казахстан – 2050 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://strategy2050.kz/ru> (Дата обращения: 12.07.2015 г.).
7. Грудкина, Т. И., Ловчикова, Е. И., Артемова, Н. В., Чурсин С. С. Организационно-экономические проблемы влияния зарубежных санкций на субъекты рынка, импортозамещения и пути их решения // *Экономика и предпринимательство*. – 2015. – № 6–1 (59–1). – С. 631 – 636.
8. Квасов, И. А., Бутурлакина, Е. Г. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов стран Таможенного Союза // *Вестник Российского Нового Университета*. – Выпуск 2. – М., 2014. – С. 152 – 162.
9. Постников, С. П., Фельдман, М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 8.
10. Мялкин, А. В. Социальный портрет советского рабочего: Основные черты и процесс формирования. – М.: Прогресс, 1981, – 112 с.

11. Дубин, Б. В., Малащенко, А. А. *Образ православного верующего в современной России [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://carnegie.ru/events/?fa=3725> (Дата обращения: 29.11.2015 г.)*.
12. Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. *Молодёжь России: М: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.*
13. Карпенко, М. П., Лапинов, В. Н., Кибалкин, М. В. *Социальный портрет студента негосударственного вуза // СОЦИС. – 1999. – № 8. – С. 102.*
14. Ушаков, Б. Г. *Государственный служащий: социальный портрет: обретение статуса и обретение имиджа. – Екатеринбург: 1996. – С. 59–61.*
15. Жабров, А. А. *Современный российский чиновник (наброски к социологическому портрету) // СОЦИС. – 1996. – № 8. – С. 48–51.*
16. Плотникова, Е. Б. *Социологический портрет Пермского края: региональные социокультурные традиции в условиях политико-административных инноваций: монография/ авт. колл.: Е. Б. Плотникова, Н. В. Борисова, И. А. Германов, Н. А. Несебря, Л. А. Хачатрян, В. Г. Попов. / Под. общ. ред. Е. Б. Плотниковой и Н. В. Борисовой. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – 164 с.*
17. Беляева, Л. А. и др. *Социокультурный портрет региона: типовая программа и методика. Сб. материалов конференции / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М.: ИФ РАН, 2006 – 115 с.*
18. Мешков, А. А. *Концепции формирования нематериальных маркетинговых активов // Вестник Академии предпринимательства при Правительстве Москвы. – 2013. – № 4. – С. 42–44.*
19. Шаповалова, И. С. *Организационно-технологическая модель минимизации рисков, возникающих при внедрении технологий краудсорсинга // Власть. – 2014. – № 7. – С. 14–22.*
20. Хандажапова, Л. М., Лубсанова, Н. Б., Дагбаева, С. Д. Н., Дагданова, С. Ж. *О формировании приоритетов социально-экономического развития приграничных регионов России // Научное обозрение. – 2016. – № 5. – С. 67–71.*
21. Башкуева, Е. Ю., Атанов, Н. И. *Анализ открытости экономики Республики Бурятия к международному сотрудничеству (на материалах статистики и экспертных оценок) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2013.– № 4. – С. 196–207.*
22. Orlova, L. V., Afonin, Y. A., Voronin, V. V. *Talent Management and Knowledge: Theory, Methodology, Models // Review of European Studies. – 2015. – Т. 7. – № 9. – С. 75–82.*
23. Орлова, Л. В., Мусина, З. М. *Методические основы процесса обучения предпринимателей // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – № 6 (116). – С. 64–67.*
24. Бадмаева, Л. В., Башкуева, Е. Ю. *Китайские студенты в Забайкальском крае: барьеры адаптации в принимающей среде // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 11. – С. 52–59.*

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСОВ МОЛОДЕЖИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Живенок Н.В. (Калининград)

О проблеме «воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства» серьезно заговорили с принятием программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», в которой указывалось на заметную утрату «нашим обществом традиционно российского патриотического сознания». С этого времени программа стала «раскручивается» как своего рода общенациональная идея, которая официально оформилась в заявлении В.В. Путина на встрече с представителями «Клуба лидеров» (февраль 2016г.) о том, что «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма». Проблема патриотизма и национального самосознания в развитии любого государства, безусловно, играет важную роль. И вопрос о возрождении России тесно смыкается с вопросом о патриотизме, без которого ни о каком возрождении не приходится и говорить. Но не следует забывать что, актуализация той или иной гражданской проблемы часто превращает ее в предмет торга и публицистических дебатов. В полной мере это относится и к вопросу о патриотизме, который во все времена был предметом ярких политических спекуляций, особенно во времена смутные, переломные. Как правило, обращение к патриотическим чувствам и интенсивная их эксплуатация политическими деятелями наблюдается в период утверждения и «набирания политических очков» в народной среде. Социологический анализ данной темы позволяет раскрыть ее значимость в развитии личности и общества, выявить проблемные позиции внедрения ее в массовом сознании. Материалом конкретного анализа послужили данные мониторинга (2013-2016гг.) студенческой аудитории ряда вузов Калининграда (N=380)

Проведенное исследование выявило следующие тенденции. Подавляющая часть опрошенных позиционируют себя как патриоты: до 83% в 2016г. против 76% в 2014г. Полагаем, что рост патриотических настроений – результат «работы» внешнеполитического фактора, традиционного для исторического сознания россиян в формировании патриотизма. Определяющим в понимании сущности «патриотизма» было и остается - «любовь к Родине» (от 40% до 47% опрошенных), «защита Родины» (39% -45%), «верность отчизне» (34%-38%). Однако, предметом гордости отчизны не всех этапах исследования отмечалось ее историческое прошлое. По степени значимости прослеживаются следующие объекты этой гордости: «победа в великой Отечественной Войне», «освоение космоса», «культурное наследие страны». Но, появился и другой показатель гордости за державу – «военная мощь страны» (15% респондентов в 2016г). Что является прямым отражением успехов России во внешнеполитическом пространстве. Полагаем, что этим же фактором объясняется и значительное сокращение числа респондентов, испытывающих «чувство стыда за нашу страну»: с 16% до 9%. Исследования выявили некие особенности утилитарно-прагматического понимания патриотизма. Так, «труд на благо Родины» как проявление патриотизма отметили 26% студентов, в то же время, более 50% старшекурсников истинный патриотизм видят «в укреплении семьи и воспитании детей». Просматривается ориентированность активной работы не на государство, страну, а на себя, свой быт, свою семью. Слабая корреляция работы на себя с работой на страну, на наш взгляд, определяется неудовлетворенностью деятельности государства в социально-экономической сфере, недоверием к нему. Поэтому, несмотря на рост патриотических настроений и тот факт, что более 70% опрошенных студентов хотят жить и работать в своей стране, около 50% из них выражает активное желание уехать за границу на работу, временное проживание. Эти настроения, по данным соцслужбы администрации области, характерны для молодежи региона в целом. Не случайно, на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, необходимо делать государству для усиления патриотических настроений среди молодежи?», определяющими ответами были: «Повышение уровня жизни населения» и «Внедрение принципов социальной справедливости. То есть проблемы социально-экономические в формировании патриотических настроений, студенты ставят в качестве важнейших целей и ценностей, которые объединяют государство и общество. Низкий уровень жизни не позволяет большинству студентов активно путешествовать по стране, формировать чувство сопричастности с ней и гордости, хотя бы за ее красоты. Отсутствие «физической» связи со страной усиливает «географический» патриотизм: студентов волнуют больше проблемы и перспективы развития области, нежели государства в целом. Они слабо связывают решение проблем региона, например, с проблемами Дальнего Востока или Сибири. А это поле для развития сепаратистских настроений. Из других значительных факторов, содействующих усилению патриотических настроений, респонденты назвали: «Создание и показ большего числа фильмов и программ, посвященных трудовым и военным будням и подвигам наших современников». Это является свидетельством потребности молодежи в новых образах, героях, вписанных в канву лучших исторических и культурных традиций страны, которые и должны сформировать новые ценностные установки общества. Исследование показало, что для воспитания патриотизма «как основы консолидации общества и укрепления государства» недостаточно фактора внешних угроз (который в современных условиях не может иметь долговременного характера), его можно формировать на основе объединения общества вокруг «внутренних» целей и ценностей. В связи с этим, полагаем, что патриотизм не может собой подменять общенациональную идею или идеологические постулаты. Патриотизм-это важнейший инструмент, механизм реализации общенациональных задач, воплощенных в тех или иных идеях. И реальный (а не квази) патриотизм только укрепляется при наличии общенациональных ценностей и путей их реализации, поддержанных обществом. Кроме того, следует помнить, что патриотизм – это форма национализма («здорового»), а последний имеет разные формы проявления: от общегражданского (политического), до этнокультурного. А воспитание патриотизма – это воспитание развитого национального самосознания, которое в условиях особенностей российской федерации может проявляться не только в общегражданском патриотизме, но и этническом. В условиях ухудшения экономической ситуации, слабой экономической и культурной взаимосвязи населения различных регионов страны, культурно-этнический патриотизм может активизировать сепаратистские, реакционные настроения. Это еще раз свидетельствует о том, что проблему патриотизма нельзя активно эксплуатировать как синоним общенациональной идеи.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЛИЯНИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЕМЕЙНУЮ ПОЛИТИКУ

Загарская Ю.С., Литуновская А. С. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день в России активно внедряются элементы такого социально-политического учения как неolibеализм. Внедрение происходит во все сферы государственной деятельности, и, в частности, в социальную политику.

Государственная семейная политика, будучи одной из составляющих социальной политики, также претерпевает изменения. Исследователи перечисляют несколько моментов, относящихся к неolibеральным началам в социальной политике в целом: 1) проведение монетизации льгот; 2) перевод из государственной в квазичастную собственность некоторых учреждений социальной сферы (больницы, школы, музеи). Также здесь можно отметить различные национальные проекты в области социальной сферы, такие, как «Образование», «Здоровье», «Жильё», материнский капитал, непосредственно влияющих на качество жизни семей с детьми.

Отметим также, что неolibерализация в России началась сравнительно недавно, соответственно, пока нельзя делать заключение о положительном/отрицательном эффекте неolibерализма на демографическую ситуацию. Так, В.Р.Шаяхметова приводит ряд факторов, согласно которым в России блокируются результаты социальных реформ, в том числе, относящихся к политике поддержки семьи. В частности, асоциальные результаты реформ; высокая коррумпированность чиновников и их беспомощность при решении социально-экономических проблем. К сегодняшнему дню в России, по словам В.Р.Шаяхметовой, накоплен опыт формирования и внедрения механизмов организации и предоставления помощи социально уязвимым слоям населения на принципах адресности, ведётся подготовка квалифицированных работников в области социальной сферы, подвержена расширению нормативно-правовая база социального обеспечения. Решение имеющихся социально-экономических проблем возможно при внедрении инновационных технологий в социальное управление.

При этом ряд исследователей отмечают, что есть и положительные моменты социально-экономической семейной поддержки. Например, Цыганков В. А., Суханова Е. А. утверждают, что «государственная социально-экономическая политика, направленная на поддержку семьи, в современных условиях имеет много положительных аспектов. Можно выделить такие, как: наличие организационно-управленческих структур и социальных служб, оказывающих помощь и поддержку семье, выделение необходимых материально-финансовых ресурсов из бюджетов федерального, регионального и местного уровней исполнительной власти, а также создание различного рода социально-методических учреждений, оказывающих организационную и информационную помощь государственным и общественным структурам, связанным с реализацией политики, направленной на поддержку семьи в России.

Таким образом, нельзя однозначно трактовать последствия включения неolibерализма в социальную политику, во-первых, по причине малого количества времени, прошедшего с момента внедрения, во-вторых, разными специалистами отмечаются как положительные, так и отрицательные моменты влияния данного учения.

РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕСПУБЛИКИ КРЫМ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

Захарова В.А. (Симферополь)

Крымская земля представляет собой удивительный феномен. Географическое положение, богатая событиями история, разнообразие ландшафтов, флоры и фауны, сосуществование множества этнокультурных традиций определяют исключительность этого региона и его привлекательность для исследователя в области социологического знания, поскольку серьезный рекреационный потенциал данного региона и специфическая ментальная среда его объективации создает условия для изучения закономерностей развития рекреационного пространства Крыма как с точки зрения производителей, так и потребителей рекреационного продукта.

По мнению современных авторов, рекреация представляет собой компенсирующее восстановление израсходованных человеком в процессе трудовой деятельности сил, а также

создание определенного запаса сил для дальнейшей деятельности в интересах сохранения и увеличения физического и интеллектуального потенциала [2, с.191].

Особенностью социологических исследований в сфере рекреации в Республике Крым является необходимость совмещать сбор, обработку и анализ информации о современных рекреационных проблемах, имеющих отношение к области маркетинга, системам дистрибьюции, планирования стратегии и развития рекреационного пространства в целом, с выявлением характера и качества интеграции крымчан в общероссийскую социокультурную реальность, существенно отличающуюся от той, в которой население Крыма просуществовало весь постсоветский период до 2014 года, а также адаптация на территории данного субъекта Федерации основных императивов российского формата концепции устойчивого развития.

Встраивание Республики Крым в систему обеспечения устойчивого развития регионов, в т.ч. в сфере туризма и рекреации, подразумевает усилия по использованию инновационной составляющей данной концепции. В рамках рекреационной сферы это в значительной мере проявляется в сфере использования альтернативных источников энергии, развитии экотуризма и модернизации санаторно-курортного комплекса, формировании исключительного рекреационного режима хозяйствования.

По данным Министерства курортов и туризма Республики Крым, в 2014 году в Крыму отдохнули 3,8 млн. туристов. В 2015 – 4,6 млн. (на 21% больше), причем 88% из числа последних являлись гражданами Российской Федерации [3; 4].

Тенденция возрастания туристического потока в данном направлении имеет как субъективное (новизна направления, ностальгия по классике советского отдыха), так и объективное (эффективность лечения, уникальное сочетание климатологических факторов, территориальная доступность, безопасность) основания. Важнейшей задачей для менеджмента региона является выявление туристских предпочтений и поддержание заинтересованности в оздоровлении организма и освоении уникальных культурных ценностей. Ныне можно выделить ряд обстоятельств и факторов, тормозящих развитие рекреационного пространства и снижающих привлекательность крымского направления для современного туриста.

1. Для развития внутреннего туризма необходимо проведение масштабной работы по формированию объективного имиджа Республики Крым как востребованного безопасного туристского направления.

2. Неудовлетворительное состояние инфраструктуры на территории туристических кластеров Крыма, а также недостаточное количество рекреационных комплексов с круглогодичным режимом работы. По состоянию на 2015 год для круглогодичного функционирования были предназначены 144 санаторно-курортных и 112 гостиничных учреждений, что недостаточно для реализации потенциала курортно-туристской сферы Республики Крым, работы туристско-рекреационных кластеров, постоянной занятости населения. К тому же отмечается высокий уровень износа основных фондов (большинство из них изношены на 70-90%) и медицинского оборудования здравниц. При этом сохранился уникальный опыт и традиции санаторного лечения и оздоровления граждан.

3. Проблема транспортной доступности Республики Крым. Начиная с 2014 года отмечается структурная переориентация пассажиропотока в Республику Крым – с приоритетного ранее железнодорожного транспорта на авиа- и автомобильный транспорт.

4. Сезонность работы туристической отрасли. Сезонные колебания турпотока в Крым отражаются на изменении тенденций генерации рабочих мест в сфере обслуживания, интенсивности загрузки средств перевозки, размещения, ресторанов и аттракций. В высокий сезон возникает перегрузка туристических центров, цены повышаются, бронирование услуг в это время производится заблаговременно. В низкий сезон наоборот.

5. Высокий уровень «тенизации» рынка предоставления услуг размещения туристам.

6. Неравномерность развития туристического потенциала Республики Крым [1].

В условиях сложной геополитической ситуации, обострения глобальных социальных проблем и отсутствия гарантий безопасности граждан России за рубежом чрезвычайную актуальность приобретает дальнейшее развитие внутригосударственных рекреационных кластеров, ориентированных на широкий круг потребителей и разнообразие рекреационных услуг. Республика Крым представляет большой интерес в качестве пространства для осуществления эргономичной, инновационной и эффективной рекреационной политики.

1. Государственная программа развития курортов и туризма в Республике Крым на 2015-2017 годы. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_284395.pdf
2. Колесник Е.Л. Социально-культурная сущность и основные функции рекреации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №1 (17). С 191-192
3. О развитии туристской области Республики Крым в 2015 году. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://mtur.rk.gov.ru/file/prezentatsiya_forum_y_alushte_volov_nerozina_120516.pdf
4. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2014 год. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://mtur.rk.gov.ru/rus/info.php?id=608306>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПАТРИОТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Захарова Е.М. (Санкт-Петербург)

В начале XX века Николай Бердяев в статье «Патриотизм и политика», опубликованной в еженедельном журнале «Народоправство» 25 сентября 1917 года, писал о необходимости для российского общества национального ренессанса, который может быть вызван только особым патриотическим подъемом [2, с.2-4].

Критерием истинного патриотизма у Бердяева выступает инстинкт исторической правдивости, связанный с божественным предназначением России и необъяснимой верой в неё. Любовь к Родине не нуждается в оценках, обоснованиях, она естественна, возникает вне зависимости от достижений России [1, с.486-487]. Бердяев обосновывает самооценку, самодостаточность любви к России как таковой, её необходимость на уровне должного, «любви ни за что» и «любви до» [3].

Однако в современной России, как считает доктор философских наук В.Н.Гуляихин, любовь большинства россиян к своей Родине имеет «инфантильный» характер, т.е. граждане воспринимают ее как мать, которая должна заботиться о них и принимать активное участие в их судьбе вне зависимости от того хорошие они или плохие. Российский гражданин пытается возложить на государство ответственность за самого себя и постоянно спрашивает с него за все свои проблемы, будучи постоянно капризно недовольным их решением. Слишком многие из наших граждан приходят к «детскому» выводу, что поскольку Родина их не любит, то и ей надо платить тем же. Российские граждане, если и борются за свои права, то чаще всего за «инфантильные права ребенка», которому необходима помощь и социальная защита [4].

Таким образом, получается, что за прошедшее столетие сместились акценты патриотизма. Если в начале XX века считались на уровне должного бескорыстная любовь и служение Отчизне, то в начале XXI века граждане ожидают такой бескорыстной любви к себе от Родины, которая обязана о них заботиться. И если эта забота граждан не устраивает, то любить Родину они не считают себя обязанными.

Видимо, этим объясняется невысокий уровень патриотичности современной российской молодежи, отмечаемый рядом исследователей, обеспокоенных утратой любви к Родине у современного поколения, тем, что молодежь становится равнодушной к своей стране [5].

Рассмотрим данные социологических опросов, проводившихся с 2000 по 2013 годы сотрудниками Лаборатории проблем молодежи (под руководством профессора А.А.Козлова) Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований факультета социологии Санкт-Петербургского университета.

Приведем распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы назвать себя патриотом России?», задававшийся молодым респондентам с 2000 по 2013 годы.

Ответили «да»:

- 2000 г. 47%
- 2003 г. 49%
- 2006 г. 62%
- 2008 г. 59%
- 2009 г. 55%
- 2010 г. 45%
- 2013 г. 56%

Ответили «нет»:

2000 г. 43%

2003 г. 15%

2006 г. 16%

2008 г. 16%

2009 г. 22%

2010 г. 22%

2013 г. 22%

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод, что пик антипатриотических настроений пришелся на 2000-й год, когда почти половина опрошенных (43%) отказывалась назвать себя патриотами (то есть половина молодых россиян оказалась не привержена ценностям и символам государства и культуры).

Однако после 2000-го года начинается резкий подъем патриотических настроений, и не считают себя патриотами лишь 15-16% опрошенных (2003-2008 гг.). С 2000 по 2006 год наблюдается постепенное увеличение числа патриотичных молодых людей называют себя патриотами 47%, 49% и 62% молодых людей соответственно в 2000, 2003 и в 2006 годах.

Вероятно, что подъем патриотических настроений в начале 2000-х годов связан с приходом к президентской власти Владимира Путина, который привнес в российскую действительность идеи суверенности и патриотизма, поддержанные большинством населения, в том числе молодежью. Политика В.В.Путина определила у молодежи интерес к прошлому страны, культуре, чувство патриотизма и веру в будущее.

С 2008 года отмечался некоторый спад патриотических настроений: патриотами считали себя 59%, 55% и 45% молодых россиян соответственно в 2008, 2009 и 2010 годах. А число тех, кто не может назвать себя патриотами возросло до 22%.

В 2013 г. процент патриотичных молодых людей снова увеличился до 56. Этот очередной подъем патриотизма может быть связан с политическим кризисом на Украине. Поскольку патриотические настроения, как правило, усиливаются при внешних военных и политических конфликтах в данном случае с Украиной и странами Европы и США.

Исходя из рассмотренных показателей, можно сделать вывод о том, что уровень патриотизма молодежи в значительной степени обусловлен внутренними и внешними социально-политическими процессами, происходящими в стране. И даже неблагоприятные события, такие как война или обострение международных отношений могут приводить к усилению патриотических настроений, чувства национальной и гражданской идентичности и сплоченности народа.

Этот вывод может служить подтверждением приведенного выше тезиса В.Н.Гуляихина о так называемом «инфантильном» характере современного патриотизма когда уровень любви к Родине колеблется в зависимости от социально-политических событий, влияющих на качество жизни граждан. Приходится также говорить об утрате обществом того чувства «бердяевского» естественного инстинктивного патриотизма как бескорыстной любви к Отчизне, «любви ни за что».

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 // Николай Александрович Бердяев; вступ. статья, сост. и примеч. В.В.Сапова. М.: Астрель, 2007.

2. Бердяев Николай. Патриотизм и политика // Народоуправство. №10, 25 сентября 1917 г.

3. Беспалова Татьяна. Бердяев Н.А. о патриотизме, русской национальной воле и служении // Velikoross.ru, 2012. URL: <http://www.velikoross.ru/article/show?id=261>

4. Гуляихин В.Н. Политика и патриотизм в современной России // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 9. С.1-19. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_9121.html

5. Яковленко А.Е. Проблемы воспитания патриотизма у молодежи // Science Time. 2014. №8 (8). С.357-359.

НЕЛИНЕЙНОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В МАКРОРЕГИОНЕ КАК ИННОВАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Зборовский Г.Е. (Екатеринбург)

*Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10046
«Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности»*

Задача статьи состоит в рассмотрении существующей ситуации в российском высшем образовании и выявлении возможностей реализации его нелинейной модели в регионе (макрорегионе) как факторе его развития. Согласно выдвинутой нами гипотезе, имеющая место сегодня в России линейная модель высшего образования не соответствует не только мировым и европейским достижениям в этой сфере, но и не удовлетворяет основные общественные потребности и ожидания значительной части научно-педагогического сообщества, студенчества и населения как страны в целом, так и в особенности ее регионов (макрорегионов).

В последние годы проблема нелинейного развития высшего образования в России привлекает, в силу кризиса высшей школы, растущее внимание научно-педагогического сообщества. Неудовлетворенность происходящими в ней процессами охватывает и значительную часть общества в целом. Снижение финансирования, оптимизация высшего образования, проявляющаяся в слиянии, объединении, сокращении вузов, филиалов и занятых в них работников, господство авторитарной системы управления в этой сфере – все это и многое другое требует глубоких преобразований в ней. В качестве одного из средств и инструментов трансформации высшего образования может быть рассмотрен переход к нелинейной модели его развития.

Такая модель, если она существенно отличается от доминирующей сегодня в отечественной высшей школе, вполне может рассматриваться как инновационная. Инновационные модели высшего образования существуют в мире, как показывают зарубежные и отечественные исследования и практики воплощения этих моделей в реальные процессы, в немалом количестве. Но далеко не все из них отражают нелинейные тенденции в развитии высшего образования.

Мы считаем, что в современных российских условиях подлинно инновационной может быть только нелинейная модель высшего образования. Она должна сменить доминирующую сегодня в стране линейную модель, характеризующуюся: жесткой, авторитарной системой управления, не допускающей свободы и вариативности в деятельности вузов; превращением руководства вузов в самодостаточную структуру, сосредоточившую в одних руках всю полноту административной и академической власти; отсутствием органичных и тесных связей между системой высшего образования и внешней средой, в первую очередь, экономикой; отсутствием академической мобильности студентов и преподавателей как реального массового феномена; ограничениями в демократии и инакомыслии относительно выбора вариантов развития образовательных организаций; оттеснением от активного участия в решении многих, в том числе и наиболее важных проблем жизни вуза, основных образовательных общностей – научно-педагогического сообщества и студенчества; слабым уровнем взаимодействия названных образовательных общностей и менеджеров.

Нелинейная модель высшего образования, в противоположность линейной, определяется: изменениями характера управления вузами и в вузах на основе отказа от его авторитарных принципов; широкой вовлеченностью в систему управления представителей научно-педагогического сообщества и студенчества; переходом к новому типу отношений между вузами и различными экономическими и социальными субъектами, приобретающими статус их социальных партнеров; развитием различных видов академической мобильности преподавателей и студентов, особенно внутренней для страны и регионов (между вузами различных типов); широкими возможностями влияния коллектива образовательных организаций на выбор вариантов их развития; резким возрастанием роли основных образовательных общностей в вузе (научно-педагогического сообщества и студенчества) за счет их непосредственного участия в решении его основных проблем; активным взаимодействием между образовательными общностями, в том числе на основе выбора студентами в процессе их взаимодействия с преподавателями индивидуальных образовательных траекторий.

Переход к нелинейной модели высшего образования, а затем утверждение ее в качестве доминантной, способны реализовать указанные выше направления изменений. Но теоретический поиск и, в особенности, практическая реализация принятой концепции должны иметь глубоко

научный, обоснованный характер, пройти экспериментальную апробацию и фундаментальную экспертизу. Для этого вначале нужен ограниченный пространственно-временной континуум. Нельзя изменять радикально ситуацию в высшем образовании сразу и для всех в такой громадной стране, как Россия.

Здесь недопустимы поспешность, торопливость, требуются постепенность и поэтапность в решении поставленных задач. Этому учит опыт лучших систем высшего образования США и Западной Европы. В них реформы высшей школы осуществлялись, как правило, на протяжении многих лет, причем вначале в порядке эксперимента.

Автор приходит к выводу, что базой для такой апробации нелинейной модели высшего образования может стать макрорегион, в качестве которого рассматривается федеральный округ. Как известно, таких макрорегионов в стране восемь, и они характеризуются наличием значительных региональных (макрорегиональных) неравенств в сфере высшего образования. Пути преодоления вузовских образовательных неравенств должны быть найдены, прежде всего, в экспериментальном порядке в рамках одного из макрорегионов страны. В качестве кейса в нашем исследовании рассматривается ситуация возможного перехода к нелинейной модели высшего образования в Уральском макрорегионе, одном из наиболее подходящих для апробации предлагаемой теоретической концепции.

Насколько возможно реализовать в масштабах макрорегиона (федерального округа) такую модель? Достижение цели зависит от соблюдения ряда условий. Среди них: 1. подлинная заинтересованность стейкхолдеров высшего образования в макрорегионе в осуществлении проекта; 2. готовность центральных органов управления поддержать проведение эксперимента; 3. наличие четкой, детально проработанной программы постепенного и поэтапного перехода к нелинейной модели высшего образования в макрорегионе и составляющих его регионах; 4. научное обеспечение и сопровождение процесса перехода; 5. финансирование этого процесса; 6. согласие всех вузов макрорегиона на участие в нем.

Предлагаемый нами проект затрагивает самые различные стороны отечественной высшей школы: систему университетского управления, взаимодействие этой системы и образовательных общностей как друг с другом, так и с иными стейкхолдерами высшего образования, создание межвузовских сетевых образовательных сообществ, развитие академической мобильности в границах межрегиональных обменов, изменение характера взаимной заинтересованности вузов и субъектов экономической и социальной деятельности, поддержку со стороны государства и макрорегиональных (региональных) властей вузов и филиалов, отвечающих строгим требованиям эффективных образовательных организаций, уход от коммерциализации высшего образования как основного направления его функционирования, тесная связь образовательной, научной и инновационной деятельности, антропоцентристская доминанта высшей школы и др.

Для решения поставленных задач необходимо наличие целого ряда обстоятельств: политической воли властей (как центральной, так макрорегиональной и региональной), необходимых финансов, согласия основных участников процесса реализации проекта и др. В условиях современной экономической и социальной нестабильности достижение этих задач кажется маловероятным. Но времена меняются, а потребности в трансформации высшего образования, перехода к его нелинейной модели остаются.

ДИНАМИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Зеленев И.А. (Москва)

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Особенности социального капитала в регионах России: возможности эмпирического анализа» (№ 14-03-00338а).

В предлагаемом исследовании Россия сравнивается, по уровню толерантности/интолерантности, с другими европейскими странами. Оценивается динамика толерантности у россиян в период 2008–2014 гг. Эмпирическая основа статьи – результаты обработки некоторых данных проекта «European Social Survey».

Антагонизм между группами людей является нормой на протяжении всей истории. С одной стороны, возникающие при этом чувства сильны, длительны и трудноустраняемы. Но, с другой стороны, важно понять предпосылки, определяющие развитие межгрупповых отношений на континууме «враждебность – толерантность». Очевидно, что противоречия, обусловленные расой или национальностью, являются лишь разновидностью таких отношений [2].

В то же время, ксенофобия (негативный полюс континуума, образуемого отношением человека к «инаким») может проявляться как в ненависти и враждебности к какой-то одной группе людей (к примеру, гомофобия или антисемитизм), так и в тотальном неприятии представителей всех аутгрупп [4].

Сформированность установок толерантного поведения раскрывается, прежде всего, в признании индивидуальности, уникальности, инаковости другого [5]. В психологии понятие толерантность используется как антипод агрессивности, злобности. Толерантный человек стремится достичь взаимного согласия без применения насилия, давления. С точки зрения политологии, толерантность – это «...способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, неввраждебно встречать мнение, отличное от своего» [1, С.101].

Для анализа динамики толерантности в России и для сравнения ситуации с другими европейскими странами, обратимся к материалам «The European Social Survey» (ESS). «Европейское Социальное Исследование» – проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы. Социологические опросы проводятся каждые два года в трех десятках европейских стран. Выборка: более 50 тыс. интервью во всех странах в каждую волну, 1,5–3 тыс. интервью в каждой стране. Из базы данных ESS с результатами опросов, проведенных в 2008–2014 гг., нами были взяты для обработки ответы респондентов на следующие вопросы.

1. Скажите, следует ли позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России, переезжать жить в нашу страну?

2. Как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России?

3. Скажите, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями? Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам.

4. Скажите, насколько важным признаком демократии Вы считаете следующее... Чтобы права меньшинств были защищены.

Как показал проведенный факторный анализ ответов на эти вопросы, при факторизации они группируются в один фактор, интерпретируемый (с учетом знаков факторных нагрузок переменных) как «Интолерантность – Толерантность». Чем меньше значение по данному фактору, тем более выражена у респондента «интолерантность» (отрицательный полюс фактора), а чем больше значение по данному фактору – тем выше «толерантность» (положительный полюс фактора).

Далее, все страны из базы данных ESS-2008 – ESS-2014 были ранжированы в порядке возрастания их среднего значения по фактору «Интолерантность – Толерантность» (то есть, чем выше рассчитанный показатель толерантности страны – тем больше ее ранг).

Из 28 стран-участниц волны ESS-2008: полученный для России ранг = 2; интолерантнее россиян – только жители Турции (ранг = 1); по величине соответствующего ранга, сразу после нашей страны – Венгрия (ранг = 3); самыми толерантными оказались шведы (для Швеции ранг = 28).

Из 22 стран-участниц волны ESS-2014 (Турция и некоторые европейские страны, принимавшие участие в ESS-2008 – не участвовали в опросе 2014 года): у России ранг = 1; по величине соответствующего ранга, сразу после нашей страны, как и в 2008 году – Венгрия (ранг = 2); самыми толерантными снова оказались шведы (ранг = 22).

Полученные (по данным 2014 г.) ранги проиллюстрированы представленными ниже процентными распределениями интолерантных/толерантных, для примера, в нескольких странах. (Шкалы нормализованных значений, в данном случае, преобразовывались в четырехбалльные путем разделения респондентов, после ранжирования, на квартили: в первый квартиль попадают 25% респондентов – с минимальными значениями по характеристике, а в четвертый квартиль – 25% с максимальными).

В России (ранг = 1): интолерантных – 66,9% (ESS-2008: 54,9%); скорее интолерантных – 21% (ESS-2008: 25,3%); скорее толерантных – 8,7% (ESS-2008: 12,9%); толерантных – только 3,4% (ESS-2008: 6,9%)! Налицо закономерность: чем выше интолерантность респондента, тем больше таких респондентов в стране.

В Венгрии (ранг = 2) подобная закономерность сохраняется, правда, уже в чуть смягченном варианте: интолерантных – 54,1%; скорее интолерантных – 26,1%; скорее толерантных – 14,7%; толерантных – 5,1%.

Швеция (ранг = 22) наиболее ярко демонстрирует «позитивную» закономерность: чем выше толерантность респондента, тем больше таких респондентов в стране. Здесь: интолерантных – только 2,5%; скорее интолерантных – 7,3%; скорее толерантных – 23,5%; а толерантных – две трети населения (66,7%)!

По итогам обработки данных ESS-2014, подтверждается наличие выявленной ранее тенденции в России. В нашей стране вырисовывается тревожная картина сочетания: крайней интолерантности, низкой субъективной оценки уровня дохода своей семьи, пессимистичности настроений – с восприятием большинства других людей, скорее, как потенциально «чуждых». На этом фоне, незначительную положительную динамику у нас по трем последним характеристикам – при росте интолерантности – можно интерпретировать как некоторую консолидацию большинства, при готовности к дискриминации меньшинства – по признаку инаковости [3].

Заметим, что в социальной психологии, с целью описания интолерантного субъекта, используются, в частности, следующие характеристики. Его установки и ценностные ориентации: поверхностные, недифференцированные, непрочные, малоосознаваемые, противоречивые. Его социокультурные нормы: незрелые нравственные эталоны, нарушение моральных и нравственно-этических норм [5].

Результаты факторного анализа для объединенных массивов данных ESS-2008 – ESS-2014 свидетельствуют, что в России, после незначительного улучшения ситуации на «отрезке» ESS-2008 – ESS-2010, в последующие периоды («отрезки» ESS-2010 – ESS-2012 и ESS-2012 – ESS-2014) имела место отчетливая отрицательная динамика значения по фактору «Интолерантность – Толерантность». Иными словами, с 2010 по 2014 годы интолерантность россиян стабильно росла.

1. Дзялошинский И. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? // *Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: РОО Центр «Панорама», 2002. С. 100–115.*
2. Дуаз В. *Отношения между группами / Социальная психология. Под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 265–287.*
3. Зеленев И.А. *Макропсихологическая ситуация и толерантность/интолерантность в России и других европейских странах // Вопросы психологии. 2015. №6. С. 68–83.*
4. Кроз М.В., Ратинова Н.А. *Социально-психологические и правовые аспекты ксено-фобии. М.: Московское Бюро по правам человека. «Academia», 2007.*
5. Лабунская В.А. *Социально-психологические презентации толерантного – интолерантного межличностного общения. Р.-на-Д.: Ростовский государственный университет, 2002.*

НИЗКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СРЕДИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСТРАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Зенина О.М. (Белгород)

Проблема низкой социальной активности населения является актуальной в современном обществе. Явление низкой социальной активности особенно распространено среди людей пожилого возраста. Тенденция демографического старения населения представляет собой новый социальный феномен, с которым общество столкнулось во второй половине XX в. Рост доли пожилых людей в структуре населения кардинально влияет на экономические, политические, социальные и духовно-нравственные изменения. Старшее поколение России является значимым ресурсом экономического развития страны. Использование потенциала пожилых людей может составить определенную базу для дальнейшего развития общества, так как в экономике появятся дополнительные ресурсы, а у пожилых людей – право реализации своих возможностей.

На фоне демографического старения России возрастает актуальность проблемы социальной активности пожилых людей. Необходимо принимать всевозможные меры по формированию социальной активности пожилых людей в посттрудовой период.

Статус пожилых людей в современном обществе непосредственно связан с предыдущим и зависит от множества факторов: уровня образования; семейного положения; размера дохода; места жительства; места, занимаемого в социально-профессиональной структуре до выхода на пенсию и т.д.

Причинами снижения социальной активности пожилых людей в обществе являются следующие: прекращение трудовой деятельности; сужение круга общения; ухудшение материального положения; отсутствие других источников доходов кроме пенсии; высокие

расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг и медицинского обслуживания; низкая адаптация к новым жизненным условиям; большое количество неорганизованного свободного времени, ухудшение здоровья и ряд других причин.

В нашем обществе существует стереотип старости, когда старость рассматривается как немощность и, соответственно, бесполезность, это явление оказывает значительное влияние на самих пожилых людей, во многом определяя их активность и отношение к своей жизни на пенсии, к своим возможностям и способностям, правам и обязанностям.

Необходимо формировать новый, позитивный имидж старости, определяющий пенсионеров как активную часть населения, в которой сосредоточена значительная доля не востребованного культурного и квалификационного потенциала.

Современная культура нацелена на периоды молодости и зрелости, что проявляется и в пропагандируемом образе жизни, и в ограничениях на многие виды профессиональной деятельности. Мыслители древности (Платон, Аристотель, Конфуций) считали, что принимать важные решения в управлении государством должны были старики, так как они обладают большим жизненным опытом и мудростью. Снижение уровня социальной активности в посттрудоустройственный период приводит к такому негативному явлению как дезадаптация.

Неукоснительным условием социальной активности индивида, является деятельность, порождаемая внутренними побуждениями, интересами, мотивами. Однако, помимо личного участия огромную роль при решении проблем людей пожилого возраста играет политика государства, которая должна строиться, учитывая все особенности работы с данной категорией населения. Чем дольше человек сохраняет активный образ жизни, тем лучше это сказывается на его состоянии. Довольно большое количество людей пожилого возраста занимаются активной волонтерской деятельностью, благотворительностью, благоустройством территории и т.д. Люди, не испытывающие проблем в адаптации, как правило, активно реализуют свой потенциал, развивают различные способности, тем самым повышается уровень удовлетворенности жизнью, что является одним из показателей качества жизни. А уровень развития страны: ее экономическое, социальное, культурное благополучие, оцениваются по качеству жизни граждан, проживающих на ее территории.

Таким образом, необходимо принимать меры для формирования социальной активности пожилых людей в посттрудоустройственный период и решения проблемы их адаптации. В технологии повышения социальной активности пожилых людей может входить: профессиональное переобучение пожилых людей; обучение дополнительной профессии; организация досуговой деятельности и т.д.

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ТРУДА РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВУЗА

Зиннурова Н.Р., Шарафудинова Т. И. (Новосибирск)

В России при выборе образовательного учреждения абитуриенты предпочитают бюджетные государственные учреждения. Это связано с тем, что они менее подвержены резким переменам, а также в обществе считается, что престижнее иметь диплом государственного вуза, нежели коммерческого. Качество образовательных услуг во многом зависит от качества работы преподавателей [1, С. 273]. А качество труда преподавателей определяется степенью их удовлетворённости условиями труда, уровнем оплаты труда, политикой руководства и другими факторами. Повышение качества труда преподавателей положительно отразится как на качестве подготовки выпускаемых специалистов, так и на положении вуза на рынке образовательных услуг. Исходя из этого, улучшение трудовых условий и вовлеченности руководства в проблемы организации трудовой деятельности – главный ресурс повышения уровня удовлетворённости всех других заинтересованных сторон и качества предоставляемых образовательных услуг [2, С. 16]. Поэтому изучение удовлетворённости организацией труда в бюджетном учреждении является актуальным и необходимым фактором эффективности работы преподавателя.

Для реализации поставленной цели - изучить удовлетворенность организацией труда работников бюджетной сферы на примере преподавателей ВУЗа, нами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 55 преподавателей Новосибирского Государственного университета экономики и управления (НГУЭУ).

Сначала респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся оценки организации рабочего места. По мнению 46% преподавателей, на кафедре достаточно рабочих

мест, тем не менее, 46% считают, что количества рабочих мест мало. 62% преподавателей удовлетворены оснащением рабочих мест (18% - полностью удовлетворены и 34% - скорее удовлетворены). В ходе исследования было установлено, что 42% преподавателей испытывают трудности при использовании компьютерной и организационной техники, у 8% - вообще нет возможности её использовать. Меньше половины преподавателей, а именно 46%, пользуются техникой без каких-либо трудностей. Нельзя сказать, что этот показатель положительный, поскольку наличие трудностей и препятствий в использовании техники у 50% преподавателей может отразиться на учебном процессе: отсутствие презентаций во время лекций, научных фильмов и другое.

В нашем исследовании ставилась задача изучить систему стимулирования труда преподавателей. Респондентам предлагалось отметить, какие формы стимулирования имеются в ВУЗе и какие из них применялись лично к ним. Мы выяснили, что, по мнению преподавателей, имеются только те формы стимулирования, которые применялись непосредственно к ним. Это свидетельствует о том, что преподаватели недостаточно осведомлены об имеющейся системе стимулирования труда. В свою очередь это может послужить причиной низкой активности преподавательского состава. Основной формой стимулирования 92% преподавателей были указаны «надбавки и премии», их получили 92% респондентов и столько же осведомлены о возможности их получения. Грамоты и благодарственные письма получили 22%, в свою очередь осведомлены о них – 34%. Тем не менее, по отношению к 6% преподавателей не применялись ни одна из форм стимулирования. Некоторые преподаватели получали скидки на оплату курортно-санаторных услуг, однако в открытом вопросе они пояснили, что подобная форма стимулирования предоставляется редко, да и воспользоваться ей сложно, так как уровень заработной платы низкий, что не позволяет купить путевку даже со скидкой.

Уровень заработной платы согласно ответам 40% респондентов не соответствует их трудовым затратам. Поэтому не удивительно, что средняя оценка удовлетворенности не превышает три балла из пяти.

Данные комбинационной таблицы («Предоставлен по электронной почте»), показывают, что преподаватели Информационно-технического факультета в большинстве считают, что уровень заработной платы полностью соответствует их трудовым затратам (60%), это самый высокий показатель по всем факультетам. При этом, преподаватели Социально-гуманитарного факультета отметили, что заработная плата скорее или полностью не соответствует трудовым затратам – 35% и 30% соответственно. Среди преподавателей Юридического факультета в основном выделено скорее не соответствие заработной платы трудовым затратам – так считают 67% представителей факультета. Следовательно, наша гипотеза нашла свое подтверждение.

Далее, согласно структуре изучения удовлетворенностью организацией труда перед нами стояла задача изучить режим труда и отдыха преподавателей. Полученные данные показали, что 42% респондентов работают по пятидневной рабочей неделе, 18% работают 4 дня в неделю, 24% - менее 4 дней. При этом, 40% преподавателей отметили, что в течение рабочего дня они лишь иногда успевают передохнуть между парами, 42% - отдохнуть успевают и 14% - полностью не успевают. Такие показатели говорят о том, что преподаватели ВУЗа имеют большую учебную нагрузку и недостаточные перерывы для отдыха, что в целом может повлиять на их работоспособность и качество преподавания.

Проведя анализ полученных данных, респондентами не были выделены ряд основных проблем в организации труда:

1. Устаревшая техника в учебных аудиториях и на кафедре – 54%;
2. Несовершенная система стимулирования труда – 44%;
3. Несоответствие заработной платы трудовым затратам – 44%;
4. Требования со стороны руководства к участию во вне учебной деятельности – 26%.

В ходе исследования мы выяснили как руководство вуза относится к жалобам и предложениям преподавателей по организации труда. Как оказалось, 48% преподавателей вовсе не жалуются и не выдвигают никаких требований к руководству по совершенствованию организации труда, несмотря на то, что, по их мнению, руководство всегда старается решить проблему (данный вариант отметили 28%). Такой показатель в некоторой степени является проблемой, так как безразличие и отсутствие инициативы ведёт к тому, что большинство проблем остаются без внимания.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что в целях совершенствования организации труда преподавателей могут быть осуществлены следующие меры: во-первых,

совершенствование техники в университете, для улучшения условий труда; во-вторых, установление доверительных отношений между руководством и преподавателями для совместного решения имеющихся проблем и предотвращения будущих проблем. Кроме того, необходимо сказать о том, что самим преподавателям необходимо проявлять инициативу в решении имеющихся проблем, высказывать недовольства, предлагать свои варианты решений. Именно в сочетании с доверительным отношением руководства это станет хорошим инструментом совершенствования организации труда преподавателей.

В завершении можно сказать, что полученные данные подтвердили значимость изучения удовлетворённости преподавателей организацией труда. В целом, в НГУЭУ преподаватели отмечают хороший уровень организации труда, особенно это касается оснащения рабочих мест, аудиторий. Однако, нами были выделены некоторые недостатки при использовании техники, в системе стимулирования труда, несоответствие заработной платы трудовым затратам преподавателей. Всё это, может стать причиной снижения трудовой активности, что повлияет на качество образовательных услуг.

1. Гришнова О.А. Экономика труда и социально-трудовые отношения / О.А.Гришнова. –К.: Знание, -2009. - 390 с.
2. Елкина О.А. Удовлетворенность профессорско-преподавательского состава УлГУ качеством организации труда / О.А.Елкина, Р.Р.Джанжуа // Вестник УГАТУ. -2014. - №4 - 29 с.
3. Русанова А.А. Удовлетворенность как показатель качества образования в современном ВУЗе (из опыта конкретного социологического исследования) / А.А. Русанова // Современные исследования социальных проблем. -2011.- Том7. №3 - 19 с.

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СЕМЬИ

Злотников А.Г., Лопатова А. П. (Гомель, Республика Беларусь)

На основе анализа открытых вопросов социологического мониторинга выявляется степень удовлетворенности демографической политикой в Республике Беларусь. Освещаются проблемы семьи на личностном уровне, в трудовой сфере, региональных и в целом на государственном уровнях. Констатируется, что большинство таких микросоциологических проблем, как дороговизна товаров для детей, поборы в детских дошкольных учреждениях, практика перекладывания на родителей ремонта и обновления школ, медицинского обслуживания, недостатка мест в детских садах и яслях по месту жительства, отсутствия социальной инфраструктуры в сельской местности и др., требуют решения на макросоциологическом уровне. Анализ открытых вопросов социолого-демографического мониторинга дополнен анализом комментариев сайта tut.by.

On the base of the analysis of open questions of sociological monitoring revealed the degree of satisfaction of the demographic policy in the Republic of Belarus. Problems of family on a personal level, in the labor sphere, regional and national levels in general are shown. It is stated that most of these microsociological problems as the high cost of goods for children, quiet-renting in the kindergartens, the practice of shifting to the parents cost of repair and renovation of schools, health care, the lack of places in kindergartens and nurseries in communities, lack of social infrastructure in rural areas and etc, need to be solved at the macrosociological level. Analysis of open questions of sociological and demographic monitoring is supplemented by an analysis of the tut.by site comments.

В демографических процессах взаимодействует множество факторов. И трудно сказать, какие из них главные для репродуктивного поведения женщины. Влияют факторы, как прямые меры демографического характера, осуществляемые различными социальными институтами, так и конкретные ситуации на различных уровнях. Скажем, повышение пособий на воспитание детей часто съедаются ростом цен или снижением жизненного уровня ранее работавшей женщины по сравнению с получаемыми ее пособиями. На это влияет и тот или иной уровень благосостояния в связи с ростом заработной платы (доходов) супруга или сокращением (оптимизацией) штатов организации. Или появление в семье ребенка существенно повлияло на жизненный ритм женщины, изменений о которых она до рождения ребенка не предполагала. А часто эта оценка связана, скажем, с разводом и т.д. Поэтому оценка степени удовлетворенности респондентами, по сути дела, является комплексной оценкой. И эта оценка сказывается на последующем репродуктивном поведении матери. Опросы, проводимые нами, начиная с 2006 года, в рамках социолого-демографического мониторинга в Беларуси, выявляют, что степень удовлетворенности женщин Беларуси социально-демографической политикой в стране незначительная, хотя и рост

удовлетворенности ее растет. Так, если в 2011 г. процент респондентов, указавших варианты «совсем не удовлетворена» и «в большей степени не удовлетворена» составлял 27,2%, то в 2015 г. этот показатель оказался в 2 раза меньшим и составил 12,3%. Но при этом (даже при росте его с 17,1% в 2011 г. до 19,1% в 2015 г.) степень удовлетворенности можно трактовать как не высокую.

Степень удовлетворенности государственной политикой в сфере социально-демографических отношений на региональном уровне в целом соответствует оценкам в масштабе страны. Но при этом следует отметить, что влияние регионального уровня на демографические процессы в Республике Беларусь намного ниже, чем в России. В Российской Федерации кроме государственного материнского капитала имеются возможности более существенной помощи региональных властей. Это обусловлено различием специфики взаимодействия государственных и региональных органов управления в Беларуси и в России. Более глубокий анализ проблем неудовлетворенности дает содержание ответов открытых вопросов мониторинга, один из которых звучал следующим образом: «Напишите: какие проблемы, связанные с жизнью Ваших детей, требуют первоочередного решения (в масштабе страны в целом, города или села и трудового коллектива, где Вы трудитесь)?». Они выявили богатый спектр проблем микросоциологического и микроэкономического уровней функционирования человеческого и трудового потенциала регионов, решение которых возможно только на макросоциологическом и макроэкономическом уровнях.

Это пособия и материнский капитал, рост цен, инфляция, поедающие индексацию. Причем индексация отстает от роста цен и инфляции. Так одна из респонденток считает, что «растить в нашей стране 2-х и более детей – значит обречь их на ущербное существование». Причем, это отмечает не малообеспеченная мать. Т.е. эти проблемы волнуют не только малообеспеченных, но и достаточно обеспеченных людей: «Слишком много налогов, зарплата и пособия не соответствуют ценам». А малообеспеченных и прежде всего жителей небольших населенных пунктов это затрагивает в особенности. Молодая мать маленького городка считает это важнейшей проблемой, требующей первоочередного решения: «повышение уровня заработной платы, так как цены на товары и услуги – высокие, а чтобы купить для детей все необходимое, денег не хватает».

Пособие, рост цен, занятость, достойная оплата в демографическом плане для респондентов связаны. Респондентка из горпоселка с населением около 3 тыс. чел. пишет «Молодежь (в т.ч. семейная) уезжает, так как нет возможности трудоустройства». Но цены, особенно на детские товары, волнуют многих, указывая на дороговизну детских вещей и обуви прежде всего белорусского производства. И здесь проявляется то, что является экстранальным взаимодействием. «В небольших трудовых коллективах – мизерный фонд материальной помощи работникам. Профсоюзы не имеют возможности оказывать материальную помощь многодетным матерям и малообеспеченным семьям».

Громадное падение (в десятки раз) производства легкой промышленностью Беларуси детского ассортимента опережает даже падение рождаемости: «ни рождаемость, ни сама численность населения Беларуси в таких масштабах, как номенклатура товаров легкой промышленности, не сокращается»; «в результате на торговом рынке товаров детского ассортимента продается более дешевая, разнообразная и броская зарубежная продукция, а отечественная промышленность не развивается». И далее отмечает респондентка из среднего города, идет сокращение штатов на предприятиях, нет работы, особенно для старших возрастов, ибо работодатели ориентируются на специалистов в возрасте до 30 лет (а это возраст самого активного репродуктивного возраста).

Жительница областного центра, говоря о проблемах занятости, как основе материального обеспечения семьи отмечает такую проблему: «Создание новых рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда, возможность реализации своих умений и навыков, своего трудового потенциала. Возможность честно трудиться и не бояться, что тебя сократят или уволят, так как у тебя нет высокопоставленных родственников и т.п., способных похлопотать за тебя». Вообще проблема труда, занятости и трудоустройства занимает львиную долю среди тех проблем, которые волнуют респонденток: трудоустройство, поиск работы (как первое рабочее место для молодежи, так и собственное трудоустройство, чтобы обеспечить и себя и ребенка); небольшое количество вакансий на рынке труда для детей моложе 18 лет (подработка). Особенно проблема занятости важна в городах и городских поселках с небольшим количеством населения, где необходимо, считают респонденты, создание рентабельного производства, на что была нацелена программа развития малых городов Республики Беларусь, но не реализована.

К материальным аспектам, связанным с воспитанием детей, в детских дошкольных учреждениях, а также в школах относится практика доведения плана по оказанию платных услуг школам и детским садам. Это кружки, плавание, факультативы и др. Респондентки пишут, что в детских садах и школах «постоянные поборы (выкачивание денег), дорогое питание», что «необходимо навести порядок с детскими садами и школами. Ремонт (замена окон, постелить линолеум) делать не за счет родителей, а за счет госбюджета». Отмечается и высокая стоимость путевок в оздоровительные учреждения.

В школах Беларуси сложилась устойчивая практика переложить на родителей модернизацию школ. Эта практика в своем большинстве родителями не одобряется, положение большинства которых характеризуется мало- или среднеобеспеченным. Приведем наиболее типичные комментарии по этому поводу на сайте tut.by, которые всплывают каждый сентябрь, т.е. с началом учебного года в школах. «В случае с детскими садами государству нужно продумать максимальную прозрачность финансирования, чтобы были видны все затраты... Что-то подсказывает, что до детских садов вообще деньги с бюджета не доходят. Детские сады – один из столпов социальной безопасности матерей. И если сделать их достойными и бесплатными, это будет лучшей национальной программой по демографическому росту. Население должно прогрессировать. Иначе оно стареет. Малая рождаемость оборачивается огромной социальной нагрузкой пожилых над молодыми. Детские сады должны быть качественными и бесплатными».

«Не много ли поборов? Низкие, несоответствующие отданному труду, заработные платы; высокие, несоответствующие завышенные цены на товары, в том числе повседневного спроса и продукты и прежде всего на детские товары; несоответствующие цены на услуги ЖКХ; "бесплатное" образование; "бесплатная" медицина; различные субботники, включая и многочисленные к Дожинкам; форс мажорные обстоятельства (циклон Хавьер и др.)». «Все знают про поборы в школах и садах, то почему бы их ее легализовать. Установили бы фиксированную сумму в месяц, а родителям с этой суммы налоговый вычет. К чему лицемерие про бесплатное образование, если всем известно, что это не так».

Респонденты недовольны сложившейся практикой «подарков» к различным праздникам (к Новому году, 8-е Марта, дню учителя и т.д.). «Но никто не хочет выносить сор из избы и ссориться: с врачами? – им же нас еще лечить! С учителями? – им же еще учить наших детей! С начальником? – ему еще контракт продлевать!». В результате «клерки носят бумагу, секретарши ксерокопируют и печатают, строители носят краску и штукатурку. И все они являются работниками госпредприятий! Помогая саду или школе, мы воруем у государства, а государство воруем у нас. Вот такой замкнутый круг». «Никак не могу понять – на каком основании надо платить эти поборы, если все уже заплачено налогами?».

Есть и территориальные проблемы, влияющие на перспективы демографического развития. Это проблемы работы детских дошкольных, школьных, внешкольных и медицинских учреждений. В больших городах (это отмечают респонденты Гомеля, Могилева, Витебска, Бреста и Минска) в микрорайонах нового строительства существует проблема отсутствия детских садов, детских поликлиник, которые зачастую вводятся в действие, когда дети вырастают из детсадовского возраста.

В этой связи важной является проблема улучшения инфраструктуры малых городов и особенно сел: «в деревне нет детского сада, школы, поликлиники»; «недостаточно развит социально-культурный досуг детей»; «отсутствие детского сада и всех условий для социального развития ребенка»; «плохое школьное образование»; «в деревне осталось мало жителей, хотят закрыть школу, ребенка придется возить в школу далеко» и т.д. Таковы типичные комментарии.

В больших городах респонденты поставили проблему оборудования и размещения современных и безопасных детских площадок. Так, в Гомеле они размещаются вдоль улиц с интенсивным автомобильным движением (а значит, с постоянными выхлопными газами), т.е. скорее, как считают респонденты, для показухи, показать их наличие.

В этой связи респондентами поднимались и медицинские проблемы, качества медицинского обслуживания. Это наряду с упомянутой нехваткой поликлиник в микрорайонах (районов новостроек), огромные очереди в поликлиниках, невнимательное, безразличное отношение к детям. Об этом писали респонденты не только села, но и городов: «Надо улучшить состояние медицины в городе. Малоквалифицированный медицинский персонал (врачи), невнимательное отношение к пациентам, платные медицинские услуги, дорогие лекарства». Пишут и о распространенности платного медицинского обслуживания. Указывают на недостаток врачей узких специальностей (окулистов, невропатологов, детских хирургов и др.). Это отмечают

жители городов. А в сельской местности проблем еще больше: «в деревне нет врачей, проблематично добираться в городское медицинское учреждение». А если учесть, что в сельской местности закрыты многие ФАПы, то проблема медицинского обслуживания детей, не говоря о взрослых, является важным аспектом, влияющим на демографический рост. В этой связи респондентка из Гомеля приводит свой пример: на консультации в областной больнице врач-нейрохирург на вопрос о заболевании ответил «Возьмите медицинскую энциклопедию и почитайте». Об одной проблеме отмечает респондентка из Гомеля: дочери 17 лет, в детскую больницу не берут (они обслуживают до 16 лет). Во взрослую больницу также не попасть – там обслуживают только с 18 лет. Такие моменты отмечают респонденты из большинства регионов Беларуси.

Также респонденты обеспокоены безопасностью жизни детей, чтобы уберечь их от негативных явлений: наркомании и алкоголизма (прежде всего в Светлогорске, где выявлен самый высокий в Беларуси показатель ВИЧ заболеваний).

Многие респонденты указывали прежде всего на жилищные проблемы, которые, по их мнению, требуют первоочередного решения. Всем молодым семьям хочется благоустроенного жилья. Молодая респондентка, имеющая двоих детей, из Мозыря пишет, что ее главная проблема – жилищная проблема: «Если бы у меня была своя квартира, я бы родила и воспитала третьего и даже 4-го ребенка». Но в сфере жилищного строительства сложилась парадоксальная ситуация: в стране вводится много жилья, к примеру, в Гомеле за последние десять лет введено в действие жилья больше, чем за предыдущие 20 лет, но на увеличении рождаемости это не сказалось. За этой проблемой стоят, вероятно, другие проблемы. Так одна из респонденток сельской местности пишет так о своей жилищной проблеме: «мы прописаны в сельской местности, в городе стать на очередь на постройку жилья нам нельзя. Где нам жить, если в сельской местности жилье не строят? Получается, что мы должны жить вместе с родителями и ютиться в одном доме? У нас есть ребенок, мы хотим еще детей, но без жилья на это не пойдем».

И эти проблемы микросоциологического и микроэкономического уровней для реализации социальной политики в демографической сфере приобретают макросоциологическое и макроэкономическое содержание.

ГЕНДЕРНАЯ КОМПОНЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Злотникова Л.М. (Гомель, Республика Беларусь)

Аннотация. В течение многих столетий общество функционирует на основе жесткой дифференциации производственной деятельности, используя физиологические различия между женщинами и мужчинами. Современное развитие цивилизации требует принципиально новой методологии повышения эффективности использования человеческого потенциала. Одной из причин социальных проблем является противоречие между стереотипным господством абстрактного человека и усилением роли личности. Проявление последней, ее формирование невозможно без учета гендерной компоненты. Социальная политика государства, базируясь на принципах утилитарной экономической теории, нацелена на смягчение последствий гендерного неравенства. По-прежнему остаются мало изучены латентные противоречия гендерной компоненты социального и экономического развития. Это неизбежно приводит к комплексу негативных последствий развития цивилизации.

Summary. Within many centuries society functions on the basis of tough differentiation of productive activity, using physiological distinctions between women and men. Modern development of a civilization requires essentially new methodology of increase in efficiency of use of human potential. One of the reasons of social problems is the contradiction between stereotypic domination of the abstract person and strengthening of a role of the personality. Manifestation of the last, its forming is impossible without gender components. Social policy of the state, being based on the principles of the utilitarian economic theory, it is aimed at mitigation of the consequences of gender inequality. Still remain latent contradictions gender components of social and economic development are a little studied. It inevitably leads to a complex of negative consequences of development of a civilization.

Сложность и многогранность социальных и экономических проблем современного этапа развития цивилизации актуализирует научные исследования гендерной компоненты. Несмотря на то, что «абстрактный человек», «человек как фактор производства» и многие другие определения человека в гуманитарных исследованиях и социальной практике давно исчерпали себя, социальная политика, и гуманитарная наука и социология их широко эксплуатируют. Великий социолог П.

Сорокин обращал внимание на необходимость усиления адресности и точности субъектов исследования. В монографии «Человек. Цивилизация. Общество» один из параграфов назвал «Человеческая личность как продукт социокультурных сил», положив в основу объективный характер различий между людьми, обусловленный физическими различиями по рождению, социальными и экономическими условиями жизнедеятельности» [1, с.159]. По утверждению ученого «... мы являемся теми, кем мы есть благодаря действию социокультурных сил; и мы ведем себя, таким образом, каким нас побуждают действовать эти силы» [1, с. 160].

П. Сорокин непосредственно не использует понятие «гендер», акцентируя внимание на различиях между мужчинами и женщинами, созданными не только природой, но и самим человеком. Из этого можно следует вывод о том, что решение всех социальных и экономических проблем требует внимательного и справедливого разграничения потребностей, определения условий формирования личностного потенциала женщин и мужчин, создания оптимальных условий для реализации социальных функций. Учитывая, что только разумное сочетание различий, а не попытки их нивелирования, служат фундаментальным источником развития цивилизации. На наш взгляд, господствующая в науке и практике универсализация человека отражает стремление гуманитарной науки к широкому использованию методологии естествознания и промышленного производства. Разделение, специализация и дифференциация на определенном этапе носили закономерный характер. Их обоснование классической экономической теорией произошло на начальном этапе становления массового промышленного производства.

Бурное развитие техники и технологий, начавшееся в середине XIXв. привело к тому, что уже в нач. XX в. остро встал вопрос о том, что результаты производственной деятельности напрямую зависят от человеческого поведения, мотивации, отношений между людьми и т.д. Родоначальник научной организации труда Г. Форд в книге «Моя жизнь, мои достижения» писал: «Не может быть утверждения, более нелепого и более вредного для человечества, как то, что все люди равны». [2] Радикальные изменения в технико-технологических условиях производственной деятельности порождают обострение проблем различий между женщинами и мужчинами, использованием их трудового потенциала, но и усиливает требования к процессам индивидуальной адаптации. Приспособление человека к новым условиям жизнедеятельности не имея биологической природы, происходит за счет приобретаемых культурных и социальных механизмов.

В течение столетий человек направляет свои интеллектуальные усилия на поиск эффективных способов измерения экономических достижений. Проявлением пагубности поклонения числам служат слова Г. Форда о деньгах: «Пошатнулся принцип определенного, реального соответствия между ценностью и ее эквивалентом. ...В определенных кругах возобладал даже род тенденции гнать публику к черту. Некоторые обозначали это состояние, как «расцвет деловой жизни... Это была попросту ненужная погоня за деньгами, не имевшая ничего общего с деловой жизнью». [2] Приведенные слова очень четко определяют сущность проблем гендерного потенциала. Распространение примитивного равенства между женщинами и мужчинами, стимулирование денежного накопления, уход от подлинных ценностей и т.д. неизбежно сопровождается усилением социального и экономического неравенства между женщинами и мужчинами. Пагубность последнего проявляется в том, что нормативно-правовые механизмы декларируют равенство. Практическая реализация гипотетически радикально отличается, так как в основе использования человеческого потенциала по-прежнему лежат социальные стереотипы. Ограниченные знания подлинной сущности гендерных различий, отсутствие эффективных форм организации трудовой деятельности служат своеобразным тормозом социальной и экономической отдачи.

Закономерно встает вопрос об основных направлениях научных исследований в сфере повышения эффективного использования гендерного потенциала. Необходимо осознать, что современный этап развития характеризуется возвышением роли индивидуальности и личностного потенциала. А это влечет за собой систему латентных противоречий между требованиями массового промышленного производства и ролью человека, как потребителя и производителя. Сегодня никто не возьмет на себя ответственность сформулировать социальные и экономические последствия универсализации человека. Необходимо признать, что современная стадия эволюции характеризуется разными скоростями изменений в культуре и технико-технологической оснащенности жизни. Смягчение противоречий между социальными явлениями и материальным

миром возможно только на пути поиска новой культуры, новых механизмов познания, развития и использования человеческих качеств

1. Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политизд., 1992. – 543 с.
2. Форд Г. *Моя жизнь. Мои достижения*. URL: http://kob-media.ru/wp-content/uploads/2014/02/Ford_moya_zhizn_moi_dostizheniya.pdf. *Дана доступа*. 15. 09. 2016

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Зобкова Л.Д. (Москва)

Одним из основных условий повышения эффективности производительности и конкурентоспособности для современных организаций является обучение и развитие персонала [1]. На сегодняшний день интерес к проблемам разработки, внедрения и формирования системы корпоративного обучения в рамках дополнительного профессионального образования (ДПО) возрастает [2, с. 398]. Это связано с ускорением процесса устаревания полученных знаний, необходимостью для системы ДПО оперативно реагировать на потребности рынка труда в отношении новых знаний, умений и навыков, требующие от современных специалистов постоянного прироста компетенций путём непрерывного образования. Основным условием повышения конкурентоспособности структуры ДПО является качественно разработанная эффективная система корпоративного обучения персонала для организаций различного типа.

Главной целью корпоративного обучения является решение проблем функционирования организации путем повышения квалификации сотрудников. Реализация обучения разрабатывается исходя из внутренних представлений организации о потребностях и требований к компетенциям персонала. При рассмотрении проблематики корпоративного обучения многие реальные перспективы, которые данный вид образования может решить, остаются незатронутыми и зачастую обсуждаются вопросы частного характера. Менеджер по организации обучения персонала во многих компаниях выполняет роль администратора процесса обучения и не является разработчиком внутренних курсов обучения.

Организация процесса безусловно является основой любого обучения, но ограничивать внутреннее обучение заказами у сторонних компаний (outsourcing) готовых наборов общих курсов для персонала (стандартных модулей), будет сводить к минимуму результативность данной модели обучения. В современных реалиях такое «планирование» корпоративного обучения характерно для большинства российских компаний. При этом отчетность менеджера по организации обучения персонала за проведённое обучение сводится к количеству человек, посетивших курсы (дни обучения), а главной проблемой является снижение затрат на обучение в расчете на одного сотрудника. Это происходит из-за того, что обучение воспринимается как накладные расходы, а не как инвестиция. На развитие персонала руководством выделяется процент от бюджета заработной платы или фиксированное количество денежных средств. Предварительной оценки реальных потребностей в обучении персонала при этом не проводится. Затраты же в прогрессивно развивающихся организациях на корпоративное обучение ставятся на второе место после затрат на оплату труда сотрудников. На повышение уровня профессиональных компетенций работников отводится до 10% рабочего времени [2, с. 399].

Сегодня все чаще исследователи заявляют о необходимости системного подхода к обучению и развитию. Так, Джеральд Коул полагает, что этот подход должен включать логическое согласование начала деятельности обучения с выяснением политики и ресурсов для её поддержания. После чего должна следовать оценка потребности в обучении и уже после анализа полученных данных проводится само обучение, за которым следует оценка результатов этого обучения [3, с. 252-259].

Принимая за основу точку зрения Д. Коула, российский практик Марина Пономарева определяет ряд последовательных шагов развития системы обучения в организации [4]. Первый шаг - это разработка политики обучения, направленная на организационные действия в необходимом объёме и процесс обучения и развития персонала. Вторым шагом является определение перечня обязанностей сотрудников, отвечающих за реализацию политики обучения. Третий шаг – это установление структуры обучающих должностей и процедур, распределение материальных ресурсов для обучения. Четвёртый шаг – контроль и четкое выполнение обязанностей всех сотрудников, отвечающих за реализацию политики обучения, в том числе

специалистов и менеджеров по обучению, – от анализа потребностей в обучении до оценки проведенных обучающих мероприятий.

Отечественный исследователь Сидоренко Е.В. также отмечает, что необходимо сопоставлять цели и планируемые результаты обучения, разделять результат обучения для участников и для организации. Как следствие, возрастает роль замера и глубокого анализа эффективности каждого обучения в качестве планируемого результата для компании [5, с. 33-34].

К аналогичному выводу приходит один из ведущих бизнес-тренеров России Александр Солдатов. В своей книге «Я – Бизнес-тренер. Секреты обучения взрослой аудитории» он указывает, что главным отличием корпоративного университета от классического высшего учебного заведения является наличие стратегии в сфере образования. Одной из стадий развития корпоративного обучения должно стать моделирование системы образовательного процесса в компании и оценка работы как приглашённых, так и внутренних тренеров [6, с. 16-19].

Анализируя позиции вышеперечисленных авторов, становится очевидно: решение проблемы эффективности корпоративного обучения возможно за счет внедрения проектного подхода. Внедрять проектный подход к обучению необходимо уже на стадии определения потребностей и постановки задач для корпоративного обучения и использовать инструментарий проектного менеджмента вплоть до оценки полученных результатов.

Диагностика потребностей компании в обучении сотрудников при проектном подходе основывается на решении стратегических задач развития организации, ориентации на конкретные должностные обязанности сотрудников и учет уровня требований персонала к содержанию и методикам преподавания. Результаты обучения должны сопутствовать карьерному росту сотрудников, а обучающие программы соответствовать стандартам организации и должностным инструкциям. Методику разработки обучающего материала необходимо направить на решение конкретных задач:

- во-первых, повышение профессиональных компетенций сотрудников различных уровней;
- во-вторых, создание эффективной команды профессионалов и внедрение новых технологий в рабочих процесс;
- в-третьих, разрабатывать специализированные программы и методики, направленные на целевую подготовку персонала;
- в-четвёртых, обучение должно быть направленно на осмысление и приумножение коллективного опыта сотрудников;
- в-пятых, создание атмосферы комфортности и полного участия в учебном процессе.

Методика проведения корпоративного обучения должна предусматривать использование как внутренних и внешних обучающих ресурсов, так и смешанного варианта обучения; фокусировать обучающие программы на формирование единых стандартов развития персонала в организации. В основу программ необходимо закладывать уникальные технологии, отражающие индивидуальность компании. Процесс обучение следует проводить в активной форме (практические семинары, тренинги, наставничество). Таким образом, корпоративные образовательные программы будут способствовать выработке практических умений и навыков у персонала.

В заключении отметим, что при последовательно проведенной работе по разработке программ корпоративного обучения организации приобретут собственную образовательную программу с учетом специфики и бизнес-процессов данной компании, а в результате обучения, построенного технологиями проектного менеджмента, получат персонал с системой практических знаний и навыков в актуальных для организации областях.

1. *Нестерова О.В. Обучение персонала как инструмент реализации стратегических целей организации // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7. №2. 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/09EVN215.pdf>*
2. *Слепцов Н.В. Некоторые проблемы и эффективность корпоративного обучения // Смешанное и корпоративное обучение («СКО-2007») // Труды Всероссийского науч.-метод. симпозиума. п. Дивноморское, Ростов-на-Дону, 2007. С. 398-401.*
3. *Коул Дж. Обучение и развитие: системный подход // Управление персоналом в современных организациях. – М.: ООО «Вершина», 2004. Гл. 21. С. 252-259.*
4. *Пономарёва М. Директор по персоналу. HR. Екатеринбург. Корпоративное обучение: от теории к практике [Электронный ресурс] URL: <http://www.executive.ru/education/proeducation/1156185-korporativnoe-obuchenie-ot-teorii-k-praktike>*

5. Сидоренко Е.В. *Технология создания тренинга. От замысла к результату.* – СПб.: Издательство «Речь»; ООО «Сидоренко и Ко», 2008. – 336 с.
6. Солдатов А. Я — бизнес-тренер: *Секреты обучения взрослой аудитории.* – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 264 с.

«ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ» К. МАРКСА И РАСПАД СССР

Зуева Т.Ф. (Санкт-Петербург)

И действительно на практике лозунг «пролетарского империализма» К.Маркса был вывернут Лениным и Троцким в России на буржуазную изнанку: 1) государство образующий русский народ был русофобски повсеместно отстранён Лениным из всех органов советской власти [2, 356 - 362], 2) территория России была административно разделена по принципу т.н. «титულных» национальностей, 3) власть в титульных нац. советских республиках за неимением там своего нац. пролетариата была передана большевиками представителям мелкой нац. буржуазии и бывшим феодалам. Т.о., Вел. Окт. социалист. революция явила из себя не только смену общественного строя, но также и геополитический националистический гос. переворот. Россия из государства исторически исконно русского народа, бравшего под свою защиту и опеку народы других национальностей, превратилась в «руссофобское» государство национальных меньшинств. Произошла политическая изомерия. Нац. окраины РИ в Совет. России превратились по отношению к русским в титульные нац. метрополии, центральная власть оказалась в руках евреев-глобалистов - агентов британской и американской разведок на деньги Ротшильда [3]. Промышленность в нац. республиках возводилась уже руками русского и русскоязычных народов.

Т.о., буржуазные деформации для распада СССР в 1991 году были заложены в России большевиками-троцкистами с самого начала советской власти [4].

Говоря о народовластии как основе возрождения России, нельзя обойти вниманием национальные проблемы. Ведь Россия – многонациональное государство.

Классики марксизма-ленинизма указывали, что главным вопросом построения всякого государства является вопрос о власти [1, 80] и решали его всегда с классовых позиций.

Однако при этом в методологическом плане нужно отдавать себе отчёт в том, что деление общества на эксплуататорские и эксплуатируемые классы носит всего лишь абстрактный, УСЛОВНЫЙ характер. Это означает, что все реальные люди, живущие в обществе, вне зависимости от их нац. принадлежности, возраста, пола и т.п., УСЛОВНО делятся между собой на 2 большие группы только по одному определённом признаку - по отношению к общественным средствам производства и земле. Все остальные отличительные признаки при этом не учитываются.

Это абстрагирование производится аналогично тому, как в механике вводится понятие «материальной точки». При этом, когда реальное физическое тело условно (по договорённости) абстрагируется до понятия «материальной точки», то из всех свойств этого реального физического тела в расчёт принимаются во внимание только его масса и положение его центра тяжести в пространстве, а размеры тела, тип вещества и т.п. не учитываются.

В марксистско-ленинской теории условное, абстрактное деление общества на эксплуататорские и эксплуатируемые классы позволило ввести в общественное сознание понятие «пролетарский интернационализм». На этом изучение классиками нац. проблем в социалистическом государстве в марксистско-ленинской теории и закончилось.

Однако о метафизической ограниченности такого изучения общества подсказывает сам диалектический метод. В диамате существует принцип, что всякое «единичное» относится к другому «единичному» как диалектические противоположности уже хотя бы потому, что единичные – это то, что существует отдельно друг от друга. И по закону единства и борьбы противоположностей между ними могут возникать противоречия. Этот принцип и закон распространяется не только на взаимоотношения между отдельными людьми, но и на взаимоотношения между целыми народами, нациями.

Итого, «пролетарский интернационализм» К.Маркса с его буржуазной методологией (метафизическим релятивизмом) обнаруживает еврейский макиавеллизм и революционный экстремизм: под флагом социалистической революции во всех существующих нац. государствах привести к власти евреев, людей в то время без своего нац. еврейского государства.

Поэтому, преемствуя все достижения марксистско-ленинской теории, мы с исторической неизбежностью выходим за пределы созданных классиками её научных границ в области изучения законов общественного развития.

Итак, если говорить, что гл. вопросом построения всякого государства является вопрос о власти, то гл. нац. вопросом построения всякого многонац. государства является вопрос - «Народ какой национальности возглавляет данное многонациональное государство? Или представители какой национальности доминируют во властных и управленческих гос. структурах?»

Само стремление к власти мотивируется желанием людей лично самим упорядочивать, распределять и охранять собственность.

Понятие собственности (исходя из материалистического решения основного вопроса философии в диамате) не существует само по себе – без своего материального носителя. А материальным носителем понятия собственности являются люди с их естественными биологическими и социальными потребностями, с их национальным, религиозным и классовым менталитетом. Если нет людей, то и нет понятия собственности. Т.е. «собственность» - это, прежде всего, понятие идеологическое. Оно призвано формировать – воспитывать - сознание людей таким образом, чтобы оно соответствовало господствующему типу исторически достигнутых производственных отношений в обществе и характеру традиций (в быту, в семье). Поскольку понятие собственности есть понятие идеологическое, то производное от него понятие «владения собственностью» может быть иногда чисто иллюзорным. Это означает, что людей можно легко обмануть в вопросах собственности (афёра с ваучерами, «пирамиды» МММ и т.п.)

А вот предметом «собственности» всегда являются реальные вещи. Это прежде всего материальные (природные и производственные) ценности, а потом уже и духовно-культурные ценности, с помощью кот. люди, нация могут не только выжить, но и развиваться, благоденствовать, наслаждаться жизнью.

При построении многонац. государства необходимо знать, что каждый народ и нация в процессе своего исторического становления и развития, начиная от родовых племён, создали свою идеологическую систему понятия собственности, выраженную, прежде всего, в системе собственных нац. религиозных воззрениях. И чем больше религия народа, нации в историческом плане сохранила изначальные родоплеменные эгоистические интересы, тем агрессивнее отношение этого народа и нации к др. народам и нациям в отношении признания права этих др. народов и наций на свою долю собственности в многонац. государстве; и тем менее способны представители данной национальности, приверженные своей религии, построить многонац. социально справедливое государство. (ИГИЛ в Сирии)

Т.о., не всякий народ и нация способны построить социально справедливое многонац. государство. Есть народы, нации, которые ввиду этнической обособленности своего национального менталитета принципиально к этому не способны, и даже не стремятся к этому. Если их поставить у власти, то, в конце концов, они развалят и разрушат своё многонац. Отечество, уничтожив массу людей.

Итого, созидательная освободительная миссия в построении многонац. социально справедливого государства принадлежит не всем народам, а лучше сказать, свойственна разным народам в разной степени. Поэтому возврат народов в лоно своих нац. религий в многонац. государстве – это не всегда благо. Как правило, это сопровождается кровавым РЕГРЕССОМ общества.

И действительно на практике лозунг «пролетарского империализма» К.Маркса был вывернут Лениным и Троцким в России на буржуазную изнанку: 1) государство образующий русский народ был русофобски повсеместно отстранён Лениным из всех органов советской власти [2, 356 - 362], 2) территория России была административно разделена по принципу т.н. «титულных» национальностей, 3) власть в титульных нац. советских республиках за неимением там своего нац. пролетариата была передана большевиками представителям мелкой нац. буржуазии и бывшим феодалам. Т.о., Вел. Окт. социалист. революция явила из себя не только смену общественного строя, но также и геополитический националистический гос. переворот. Россия из государства исторически исконно русского народа, бравшего под свою защиту и опеку народы других национальностей, превратилась в «руссофобское» государство национальных меньшинств. Произошла политическая изомерия. Нац. окраины РИ в Совет. России превратились по отношению к русским в титульные нац. метрополии, центральная власть оказалась в руках евреев-глобалистов - агентов британской и американской разведок на деньги Ротшильда [3]. Промышленность в нац. республиках возводилась уже руками русского и русскоязычных народов.

Т.о., буржуазные деформации для распада СССР в 1991 году были заложены в России большевиками-троцкистами с самого начала советской власти [4].

1. Ленин В.И. *О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.*
2. Ленин В.И. *К вопросу о национальностях или «Автономизации». Полн. собр. соч., издание 5-е, т. 45.*
3. Стариков Николай. 1917. *Разгадка «русской» революции.* - СПб.: Питер, 2015. - 416 с.
4. Зуева Т.Ф. *Русский вопрос. Национальный кризис и народовластие: административно-территориальное устройство России.* – Санкт-Петербург: издательство имени А.С. Суворина Союза Писателей России, 1995. – 32 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/agate/lists/docs/?ipp=15&page=1060> с переходом или прямо на http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=07NLR_VU1&search_scope=default_scope&docId=07NLR_LMS010189542&fn=permalink

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (ЗА 2014 – 2015 Г.Г.)

Зыкова А.А. (Екатеринбург)

В современном информационном обществе всё большую роль играют СМИ. Благодаря обширной и географически рассеянной аудитории СМИ имеют большой потенциал влияния, чем зачастую и пользуются PR-менеджеры, в том числе и те, которые работают в правительстве различных стран. Подавая ту или иную информацию, в СМИ PR-менеджеры создают образ, необходимый правительству данного государства.

В работе приводятся результаты исследования, целью которого являлся анализ образа внешней политики России в новостных лентах российских государственных СМИ. Причиной того, что внимание было обращено на внешнюю политику связано с тем, что вопросам внешней политики России в новостном поле уделяется много внимания, как самими СМИ, так и их аудиторией. По данным опроса ФОМ особое внимание респонденты обращают на темы, связанные с российской политикой (38%) и темы, связанные с международными отношениями (36%) [1], что даёт нам право полагать, что вопросы внешней политики России не остаются без внимания, а значит играют определенную роль в формировании образа России в сознании аудитории.

Для составления «портрета» внешней политики России новостными лентами российских государственных средств массовой информации было проведено исследование «Внешняя политика России в освещении государственных средств массовой информации за 2014 – 2015 г.г.», исследование проводилось методом контент-анализа. Сбор и анализ материала были выполнены нами на базе факультета социологии Уральского государственного педагогического университета в 2016 г.

Гипотезой данного исследования являлось утверждение, что за период 2014 – 2015 г.г. Россия во внешней политике позиционировала себя в СМИ как защитник и посредник в решении спорных международных вопросов.

Для проведения контент-анализа нами были разработаны 4 подкатегории, для каждой из которых были выявлены соответствующие индикаторы:

- «Россия – Союзник и Защитник»
- «Россия – Посредник»
- «Россия – Жертва обстоятельств»
- «Россия - Агрессор»

В основу отбора материала для анализа был положен принцип целевого отбора – мы искали те материалы, появление которых в информационном пространстве сопровождало ряд наиболее резонансных событий, случившихся в международной политике за интересующий нас период 2014-2015 г.г. (таблица 1).

Таблица 1. Значимые внешнеполитические события и их временные промежутки

События	Временной промежутков
2014 год	
1 января - Россия председательствует в G8	01.01 – 07.01
7 февраля - Начало Олимпийских игр в Сочи	31.01 – 14.02

1 марта - Совет Федерации удовлетворяет просьбу президента РФ В.В. Путина о разрешении использовать военные силы РФ на территории Украины.	22.02 – 08.03
18 марта – Вхождение п-о Крым в состав РФ	11.03 – 25.03
29 мая – подписан договор о создании ЕАЭС	22.05 – 06.06
17 июля – Катастрофа Boeing 777 в Донецкой области	10.07 – 24.07
5 сентября – Подписание первых Минских соглашений	29.08 – 12.09
2015 год	
11 – 12 февраля – Подписание вторых Минские соглашений	04.02 – 18.02
8 – 10 июля – Саммит БРИКС в г. Уфе, Россия.	01.07 – 15.07
30 сентября – начало военной операции России в Сирии.	23.09 – 07.10
31 октября – Катастрофа А321 над Синайским полуостровом.	24.10 – 07.11
24 ноября – Инцидент с уничтожением российского Су-24 в Сирии	17.11 – 01.12

Результаты исследования показали, что в основном освещение происходит через индикаторы, соответствовавшие образу России как союзника и защитника (рисунок 1).

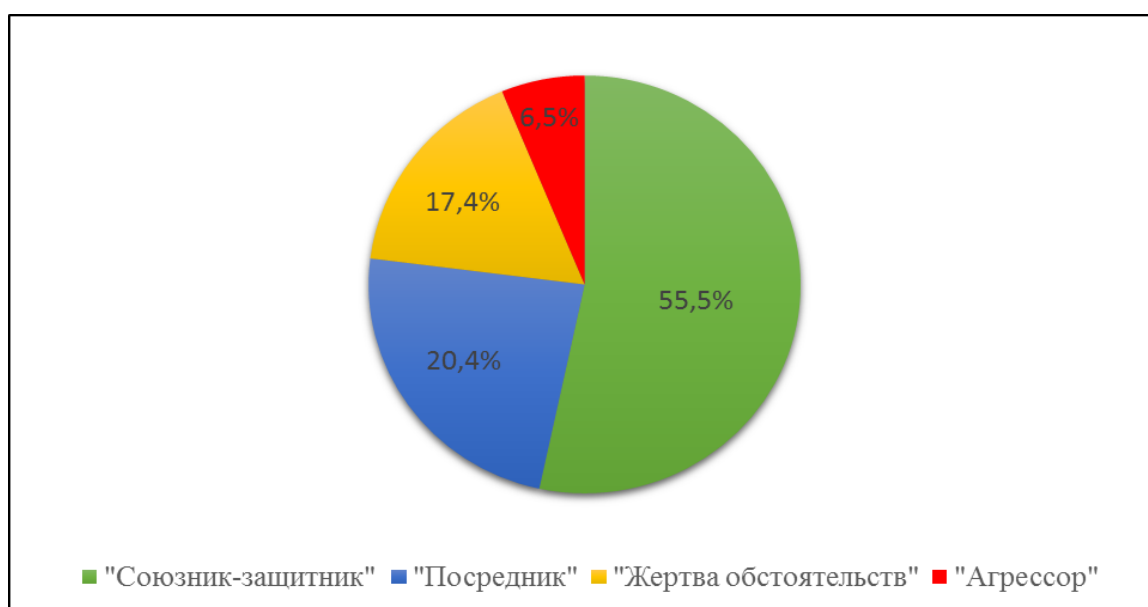

Рис. 1. Количество индикаторов каждой подкатегории в процентном соотношении от общего количества индикаторов

Обозначенная подкатегория была выражена индикаторами «сотрудничество» (31% от общего числа индикаторов в данной подкатегории), «партнерство» (16%), «борьба с терроризмом» (13%), «безопасность» (9%), «право» (7%) и «договор» (7%). Использование подобных семантических единиц в риторике указывает на то, что в СМИ создается образ России как государства открытого к сотрудничеству, ради безопасности и защиты прав людей.

На второе место по распространенности вышла подкатегория «Россия – посредник», которая наиболее часто выражалась через индикаторы «прекращение» (21%), «диалог» (18%), «мир» (14%), «урегулирование» (14%), «согласие» (14%) и «посредник» (13%). Данный образ является дополняющей частью первого, в связи с тем, что указанные индикаторы формируют образ России как посредника желающего мирного урегулирование конфликтов, ищущего пути решения кризиса с помощью диалога, и согласия, а не применения жесткой силы.

На последнее место по распространенности попала подкатегория «Россия - Агрессор», следовательно, можно говорить о том, что российские государственные СМИ не используют риторику агрессии в освещении внешней политики России, если того не требуют обстоятельства, как, например, освещение операции ВКС РФ в Сирии, на период начала которой использование индикаторов подкатегории «Агрессора» возросло (с 1,5% до 10% от общего числа индикаторов за

временной промежуток). Однако, использование риторики агрессии не идет на вред образу России как союзника и защитника, так как на период возрастания риторики «Агрессора» происходил и подъем риторики «Союзника».

Например, в период, когда СФ РФ удовлетворяет просьбу В.В. Путина о разрешении использовать военные силы РФ на территории Украины, происходит скачок индикатора «ввод войск», но одновременно с этим активизируется и появление таких индикаторов как «защита» (с 1,5% до 6,5%) подкатегории «Россия – Союзник и Защитник». Данную картину можно расшифровать следующим образом: если Россия и использует военные силы, то только для защиты.

Возвращаясь к уже упомянутому периоду операции ВКС России в Сирии, необходимо отметить, что с ростом риторики «Агрессора», в частности такого индикатора как «уничтожение» (с 0% до 8%), возросло и упоминание такого индикатора как «борьба с терроризмом» (с 6% до 16%) подкатегории «Россия – Союзник и Защитник». Что позиционирует Россию, как государство, проявляющее агрессию лишь в сторону «мирового зла» в лице терроризма.

Подкатегория «Россия – жертва обстоятельств», по распространенности вышла на 3-е место, из чего можно сделать вывод, что российские государственные СМИ не ставят перед собой целью выставить Россию как жертву. В основном указанная подкатегория получила некоторую распространённость благодаря индикатору «ввод санкций» (34% от общего числа индикаторов данной подкатегории). Это связано с тем, что за период 2014 – 2015 г.г. вопросы, связанные с санкциями, массированно освещались СМИ, но при этом СМИ не просто говорили о санкциях, они не забывали упоминать и о том, что в будущем санкции пойдут на пользу внутренней экономике России, - что уменьшает и нивелирует образ России как «загнанной в угол жертвы».

Проведенный анализ показал, что Россия во внешней политике позиционируется через СМИ как сильное государство, открытое к сотрудничеству и диалогу, готовое быть посредником в решении спорных международных вопросов и применяющее жесткую силу только в случае крайней необходимости.

*1. Опрос ФОМ - «Телевидение: предпочтение зрителей» (23 – 24 мая 2015 года)
//Фонд «Общественное мнение» (дата обращения 17.02.2016г.).*

УПРАВЛЕНИЕ ЗАНЯТОСТЬЮ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДЕ ТЮМЕНИ

Зыкова О.В., Любимова Е. А. (Тюмень)

Проблема трудоустройства молодежи на современном рынке труда является особенно острой, т.к. большое количество выпускников после окончания учебного заведения испытывают трудности в устройстве на работу. Также возрастает резонанс в области выпускаемых квалификаций и свободных рабочих мест: преобладают выпускники направлений: экономика, маркетинг, юриспруденция, а свободные вакансии имеются в области программирования, химии, физики, инженерии. Для улучшения актуальной ситуации на рынке труда необходимо исследовать поставленную проблему, а также проанализировать, полученные в ходе пилотажного исследования, результаты с целью формулировки практических рекомендаций в сфере занятости молодежи.

Данная тема изучалась многими российскими социологами (Д.М. Амиралиева, Е.Н. Козлова, Г. Абдурахманова, А.А. Платонова, Ю.А. Шведов и др). Занятость - это всеобщая социально-экономическая категория, существующая во всех типах обществ и выражающая то общее, что свойственно историческому развитию в отношении общественной формы и общественного устройства труда; занятость – это, одновременно, и специфическая категория, присущая каждому периоду общественного развития и выступающая в определенной социально-экономической форме. Занятость можно рассматривать с точки зрения всего общества, социального слоя, отдельной социальной группы как по стране в целом, так и в региональном аспекте. Занятость показывает, как трудоспособное население (или определенная его часть) обеспечено рабочими местами [4].

Молодежь – это большая общественная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется как возрастными особенностями молодых людей, так и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, а также мировоззрение и духовный мир находятся в состоянии формирования и становления. Молодых людей, впервые приходящих на рынок труда и не имеющих профессии или

достаточного опыта работы, во всем мире принято относить к социально незащищенной группе населения. В то же время, учитывая, что молодежь – это величайший стратегический и инновационный ресурс страны, необходимо признать сферу ее занятости приоритетной частью социально-экономической политики государства. А это значит, что подготовка высококвалифицированных кадров, адаптированных к условиям рыночной экономики и владеющих новейшими технологиями, является важнейшей задачей, от решения которой в немалой степени зависят темпы роста экономики и ее конкурентоспособность на мировом рынке [1].

Ситуация с молодежной занятостью, помимо уже названных проблем, осложняет практическое отсутствие взаимосвязи между рынком труда и рынком образовательных услуг. Одним из просчетов, проводимых в нашей стране реформ, стал отказ большинства работодателей от заботы о сохранении и развитии трудовых ресурсов, от инвестирования деятельности сегодняшних средних специальных профессиональных образовательных учреждений, а также ослабление государственного контроля над этим процессом. В итоге наблюдается не только снижение престижа рабочих профессий у молодежи, но и потеря преемственности поколений. Ухудшает эту ситуацию также проводимая в стране реформа образования, последствия которой экономика и общество в целом ощутят уже через пять лет. Но эта проблема является предметом отдельного исследования [1].

Для проведения данного исследования наиболее подходящим является метод анкетирования, т.к. он поможет собрать достоверную информацию, не создавая недопонимания между интервьюером и респондентом. Специфика анкетирования заключается в том, что опрашиваемый заполняет вопросник в присутствии анкетера или без него, реже анкетер заполняет вопросник со слов опрашиваемого. По форме проведения анкетирование может быть индивидуальным или групповым, когда за относительно короткое время можно опросить значительное число людей [3].

Изучив теоретическую базу данного исследования можно перейти к практической части этой работы. Рассмотрим наиболее значимые результаты проведенного социологического опроса по заранее подготовленной анкете среди 200 человек города Тюмени, из которых 102 мужчины и 98 женщин в возрасте от 20 до 29 лет.

Большинство опрошенной молодежи (64%) считают, что государству необходимо заметно скорректировать свою политику в области трудоустройства выпускников, т.к. принимаемых на сегодняшний день мер недостаточно. По мнению 20% молодежи государство нормально справляется с поставленными задачами в данной области. И лишь 16% молодых людей считают, что государственная политика в сфере трудоустройства вполне себя оправдывает. Молодежи, которая не вникает в данную проблему, среди опрошенных не нашлось.

На вопрос о наиболее важных аспектах успешной карьеры мнение респондентов разделились следующим образом: наиболее популярными вариантами ответов стали высокий доход (72%), моральная удовлетворенность и возможность заниматься любимым делом (67%), достижение высокого уровня профессионального мастерства (59%). Таким образом, наиболее важными аспектами для молодежи в работе являются высокий доход и возможность посвятить себя любимому делу.

Оценивая возможности получения работы и доступности вакансий, было выявлено, что 44% опрошенных считают, что многое зависит от наличия у молодежи связей/ удачи/ упорства, 30% пришли к выводу, что получить работу сегодня достаточно проблематично в связи с сильно завышенными требованиями со стороны предприятий. Достаточно легким получение желаемой работы считают 26% респондентов.

На вопрос об удовлетворенности молодежи программами государства в области трудоустройства, большинство демонстрируют среднюю удовлетворенность (71%), совсем не удовлетворены 20% молодежи, и 9% считают действующие программы достаточными мерами в данной области.

Что касается желаемой заработной платы, то большинство респондентов указали интервал дохода от 31-35 тысяч рублей (56%), на меньшую заработную плату в размере 26-30 тысяч рублей согласны 17% опрошенных, 7% опрошенных претендуют на доход свыше 36 тысяч рублей. Данные показатели дают возможность определить, как соотносятся запросы молодежи с требованиями организаций к личностным и профессиональным навыкам выпускников. Часто проблемой становится то, что молодежь, запрашивая более высокий уровень заработной платы, не может удовлетворить все требования организации к работникам. В вопросе о наиболее важных

факторах при выборе рабочего места, ответы респондентов распределились следующим образом: высокая заработная плата (78 %), сплоченный дружный коллектив (62 %), возможность карьерного роста (75 %).

Образовательный уровень участников опроса представлен так: неполное среднее имеют лишь 1% респондентов, среднее образование - 13% опрошенных, 24% респондентов имеют среднее специальное образование, 19% молодых людей на данный момент не окончили высшее учебное заведение, а высшее образование имеют 43% молодежи.

Таким образом, молодежь г. Тюмени считает, что современная политика государства в области трудоустройства не является оптимальной и требует доработки. Чаще молодежь при поиске работы ориентируется на заработную плату, возможность заниматься любимым делом, сплоченный коллектив, а также возможность карьерного роста. Большая часть опрошенных считают, что вероятно получить работу можно при помощи связей выше, нежели за счет личных навыков.

Для улучшения условий труда молодежи г. Тюмени необходимо, в первую очередь, наладить связь между учебными заведениями и предприятиями, организациями: выявить, наиболее востребованные профессии на рынке труда; регулярно проводить такие мероприятия, как «Ярмарка вакансий», «День открытых дверей»; создать условия для реализации учебными заведениями программ помощи выпускникам в трудоустройстве.

1. *Амиралиева, Д.М. Проблемы управления занятостью молодежи / Д.М. Амиралиева // Вопросы структуризации экономики. – 2012. – № 3. – С. 67-69.*
2. *Козлова, Е.Н. Трудоустройство молодежи как объект социального управления / Е.Н. Козлова // Молодой ученый. – 2010. – № 3. – С. 252-257.*
3. *Метод опроса «анкетирование» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/anketirovanie.html> Дата обращения: 02.10.16.*
4. *Определение понятия «занятость» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://pidruchniki.com/1635031236107/sotsiologiya/upravlenie_zanyatostyu Дата обращения: 02.10.16.*

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ

Иванов О.И. (Санкт-Петербург)

Сегодня социальное пространство России трансформируют три основные общественные силы: федеральные, региональные органы власти, «рынок» в лице его главных представителей-собственников. Но пока ни одна из упомянутых общественных сил в полной мере не справляется с преобразованием социального пространства России в интересах ее поступательного развития и в интересах ее населения. Нередко перемены в социальном пространстве России и его полях производились и производятся в корыстных интересах влиятельных общественных групп и отдельных индивидов. Выбор объектов и определение целей трансформации зависел и зависит от интересов каждой из трех основных общественных сил, участвующих в процессах трансформации (федеральные, региональные органы власти, «рынок» в лице его главных представителей-собственников).

В настоящее время государственное регулирование происходящих в социальных полях процессов либо ограничено, либо вообще отсутствует. Во все большей мере эти процессы регулируются рыночными механизмами, а по существу ими «управляются». И это происходит в жизненно важных для населения России полях: поле жилья, здравоохранения, образования, культуры и других. Именно в этих полях произошли изменения, которые оказывают неблагоприятное воздействие на уровень и качество жизни значительного числа россиян. И именно в этих полях необходимы существенные преобразования. Очевидно и то, что без изменений в других полях (прежде всего в экономическом и политическом) провести преобразования в жизненно важных для населения России полях невозможно.

Процессы регулирования трансформации социального пространства России зачастую идут спонтанно и традиционно, в соответствии с ранее установленными шаблонами, на основе устаревших, отживших или отживающих представлений о необходимых свойствах социального пространства и его полей. Такое регулирование трансформации не всегда приводит к желательным для общества результатам. Поэтому необходимы вмешательства в процессы регулирования трансформации социального пространства России.

Под регулированием трансформации социального пространства и его полей мы имеем в виду преобразование их основных свойств и компонент на основе использования разнообразных регуляторов (норм, правил) и механизмов, а также связей социального пространства и его полей с внешней природной и социальной средой.

В регулировании трансформации могут участвовать разные общественные силы. Мы предлагаем различать агентов и субъектов трансформации социального пространства России. Агенты трансформации - индивидуальные и коллективные деятели, социальные институты, организации, выступающие от имени государства и (или) от действующих органов власти. Субъекты трансформации — это индивидуальные и коллективные деятели, прежде всего представители бизнес сообщества, общественные движения, политические партии, общественные деятели, которые действуют исходя из своих интересов и занимают активную позицию в процессах трансформации социального пространства, его формируют и защищают от неблагоприятных с их точки зрения внешних воздействий. Одна из основ определения целей и показателей преобразовательной деятельности агентов и субъектов трансформации - установление желаемых (необходимых) параметров свойств и компонент полей. Разные агенты и субъекты трансформации видят будущее состояние социального пространства России и его полей по-разному. Необходимо иметь в виду, что основные цели преобразовательной деятельности агентов и субъектов трансформации могут не только различаться, но и вступать в противоречия. Эти противоречия могут разрешаться как легитимными средствами, так и нелегитимными. В последнем случае проводят скрытное или «теневое» управление трансформацией. Полагаем, что, сегодня одной из важнейших научно-практических задач совершенствования управления трансформацией социального пространства России является борьба с его теневым управлением, выявление «теневых менеджеров» трансформацией социального пространства и блокирование их деятельности.

Для преобразования социального пространства России в интересах ее поступательного развития и в интересах ее населения необходимо выработать четкие и разделяемые основными общественными силами представления о его свойствах и компонентах.

С нашей точки зрения, социальное пространство России и его полей должно быть:

1. защищенным : от несанкционированного проникновения в него товаров, услуг, людей, информации, паттернов поведения и мышления и т.п.;
2. находящимся под эффективным и (или) достаточным социальным контролем за функционированием всех компонент социального пространства
3. имеющим достаточную прозрачность структуры мест-позиций полей и удовлетворительное обеспечение ресурсами социально значимых позиций
4. обеспечивающим вертикальную и горизонтальную мобильность для социальных акторов во всех социально значимых полях
5. обеспечивающим более справедливое распределение общественного богатства между разными общественными группами
- 6.устраняющим (или) снижающим возможности использовать «теневые» механизмы и способы достижения целей

Одной из основных предпосылок регулирования трансформации социального пространства является диагностика и оценка состояния социального пространства и его полей. Диагностика и оценка состояния социального поля позволяет поставить вопросы о необходимости перемен в свойствах и компонентах поля.

На наш взгляд, сегодня главной целью федерального государственного управления трансформацией социального пространства России может стать создание комфортных и благоприятных условий жизнедеятельности всех позитивных социальных акторов в социальном пространстве России и его полях и сокращение возможностей для деятельности в нем негативных акторов. Главные цели регионального управления трансформацией социального пространства регионов России могут отличаться от федеральных целей управления. Цели регионального управления определяются особенностями экономического и социального положения региона.

К основным конкретным целевым механизмам регулирования трансформации социального пространства регионов России мы относим :-повышение в необходимых случаях уровня социального контроля за деятельностью субъектов и агентов трансформации;«социальное нормирование» поведения социальных акторов в социальном пространстве ;обеспечение действенности нормативного регулирования, создание системы материальных и духовных

стимулов для активизации деятельности субъектов и агентов трансформации; пропаганда позитивного опыта трансформации социального пространства России и ее регионов.

КЛУБЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Иванова О.В. (Волгоград)

Одним из факторов развития общества является преемственность поколений. В настоящее время в результате трансформации института семьи изменились отношения между поколениями. В сознании молодежи как в скрытой, так и в явной форме пенсионеров относят к бесполезной категории населения. Государство старается вытеснить пожилых людей из сфер доступа к престижным ценностям, власти и участию в общественной жизни. Но не стоит забывать, что старея, люди сохраняют те же потребности и желания, что и в среднем возрасте, и всячески сопротивляются любым намерениям, имеющим целью исключить их из общества [1]. Известно, что многие представители данной социальной группы обладают повышенной социальной активностью: они инициативны, хотят самостоятельно действовать и принимать решения, делиться своим жизненным опытом. Именно для таких людей и практикуется создание клубов пожилых людей, т.е. клубов по интересам.

В ноябре 2015 года было проведено исследование досуговой занятости пожилых людей на базе клуба «Родник» г. Волгограда. Для выявления основной деятельности, досуговых предпочтений пожилых людей, а также причин вхождения в клуб был использован метод глубинного интервью. Было опрошено 8 членов клуба разных возрастов и профессий. Надо отметить, что почти все опрошенные – это неработающие пенсионеры, в основном проживающие одни.

Анализ результатов интервью позволил сделать следующие выводы: половина опрошиваемых людей посещают клуб, потому что испытывают необходимость в общении и совместной деятельности с людьми своего же возраста. Так, основной причиной вступления в клуб у трети опрошенных была боязнь остаться один на один со своими проблемами и страхом одиночества: «Я осталась одна, и мне необходимо было общение. У меня ведь никого нет...один сын, но он уже взрослый – сам по себе...» (женщина, 73 года). Но большинство других участниц вступили в клуб для того, чтобы просто занять своё свободное время, отдохнуть от домашних забот и завязать новых круг общения.

На вопрос: «Чувствуете ли вы себя пожилым человеком?» большинство ответило, что возраст в клубе не ощущается вообще: «Это наш дом, мы в нем молодеем», - говорят его участники. Для пенсионеров болезни и старость неразрывно связаны между собой. Среди опрошенных не нашлось тех, кто бы назвал свое здоровье хорошим или отличным. Участники клуба говорят, что раньше халатно относились к своему здоровью, но после посещения клуба стали принимать меры профилактики и приучать себя к занятиям спорта. «Родник» посещают люди, которых можно по праву считать долгожителями – женщина 92 года и мужчина 93-х лет.

Говоря о межличностных взаимоотношениях в клубе, можно отметить, что, несмотря на большое число членов клуба (около 200 человек), в нем нет места конфликтам, все участники активно взаимодействуют между собой и не ощущают себя изолированными. Некоторые в возрасте 85 лет даже официально зарегистрировались и продолжают посещать клуб. Как рассказывают опрошиваемые, пары не отпускают друг друга ходить по одному в клуб - боятся, что уведут. Посещают клуб и женатые пары.

Рассматривая занятость пожилых людей в клубе, надо отметить, что большую часть времени её члены посвящают культурно-развлекательным мероприятиям и участвуют в оздоровительных соревнованиях. На базе клуба действует более пятнадцати видов кружков, ежегодно устраиваются соревнования между клубами пожилых людей. «Очень хотелось бы, чтобы о нас многие знали» (женщина, 56 лет).

Рассматривая финансовое обеспечение, следует отметить, что проблема материальной помощи является чуть ли не основной проблемой клуба. Многие опрошенные жалуются на то, что нет помещения и средств, где можно было бы заниматься спортом. «Здесь всё связано материально, потому что все требует организации, но сейчас с этим сложно – город обнищал» (руководитель клуба).

Значительное место в исследовании занимает сфера интересов, увлечений и склонностей пожилых людей. Некоторые опрошенные ограничились просто наличием интереса к миру: «Я в своем возрасте ещё всем интересуюсь» (женщина 64-х лет). Но больше всего участники клуба

говорят о каких-либо конкретных увлечениях или занятиях. Для одних, к примеру, это рукоделие, а для других игры в настольный теннис.

Если говорить об удовлетворенности от посещения клуба, то абсолютное большинство опрошенных очень довольны своей занятостью в нём. С каждым годом участники пробуют себя в новых кружках, принимают участие в грантах, общественных собраниях, митингах, выставках и праздниках. Сотрудничают с местными школами и библиотеками.

На вопрос: «Как клуб привлекает людей?» директор клуба (женщина 57 лет) с полной уверенностью говорит, что они привлекают людей своими делами. «На базе данного учреждения работают два журналиста, которые отслеживают работу клуба и представляют её широким массам – в газетах. Также осуществляется связь с местным телеканалом». Многие члены клуба «Родник» узнали о его существовании от родственников, знакомых и самих посетителей клуба. Директор признается, что как в таковом привлечении посетителей клуб не нуждается, только в этом году пришло более 60 человек.

Существенным недостатком является сравнительно небольшое помещение, которое не может вместить в себя всех посетителей: «...но люди все равно с удовольствием приходят к нам и остаются» - говорит руководитель клуба. При вступлении в клуб не существует ограничений: возрастных или физических.

Резюмируя результаты, можно сделать вывод, что клубы пожилых людей являются не только качественно организованным досугом пожилых людей, но и помогают конструировать новый статуса пожилого человека, снимая старые стереотипы старости, бытующие в массах. Пожилые люди представляют собой новую группу граждан, которые на равных правах способны активно заниматься общественной деятельностью и быть вовлеченными в жизнь всего города.

1. Александрова, М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии [Текст] : учеб. пособие / М. Д. Александрова. - СПб, 2004. - 203 с.

ОЦЕНКА НОВОГО ПРОФСТАНДАРТА РАБОТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Иванова Т.Н., Желнина Е. В. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках НИР темплана Проект № 383: «Работники промышленной и научно-технической сферы в условиях моногорода (на примере социологического анализа Тольятти)»

В статье изложены результаты проведенного социологического исследования «Профессиональный стандарт педагога», направленного на выявление отношения к профессиональному стандарту со стороны работников образовательных учреждений согласно целевым группам: руководитель и молодой учитель. Обнаружено, что состояние социокультурного потенциала молодых учителей во многом определяется развитием информационной среды образования. Выявлено, что вхождение ИКТ в образовательный процесс существенно усложнило труд современного. Ситуация также усугубляется низкой оплатой труда начинающих учителей, в связи с чем молодые педагоги часто покидают преподавательскую деятельность, несмотря на любовь к своему делу. Работа выполнена в рамках НИР темплана Проект № 383: «Работники промышленной и научно-технической сферы в условиях моногорода (на примере социологического анализа Тольятти)».

In article results of the conducted social research "The professional standard of the teacher" directed to identification of the relation to the professional standard from employees of educational institutions according to target groups are stated: head and young teacher. It is revealed that the condition of sociocultural potential of young teachers is in many respects determined by development of the information environment of education. It is revealed that entry of ICT into educational process significantly complicated work of modern. The situation is also aggravated with low compensation of the beginning teachers in this connection young teachers often leave teaching activities, despite love to the case. Work is performed within the Project No. 383: «Workers of the industrial and scientific and technical sphere in the conditions of the monotown (on the example of the sociological analysis of Togliatti)».

Социальные преобразования в России влекут за собой трансформацию человеческих отношений, условий и образа жизни людей, влияют на профессиональное становление индивидов. Фундаментальное условие развития общества заключается в формировании, развитии человеческого ресурса, которое должно опираться непосредственно на комплекс социальных наук о человеке, который включает в себя теоретические и практические исследования социологии

образования, социологии личности и многих других направлений. Важность образования для развития государства и общества понимает и руководство страны, активно работая над усовершенствованием институционально-правовых основ функционирования социального института образования и науки [1, 2]. Вместе с тем исследование проблем социологии образования способствует развитию интеллектуального, профессионального и духовного потенциала человека.

Многие школы в условиях реформирования и модернизации российского образования особые надежды возлагают на молодых учителей, поскольку молодежь, как правило, быстро адаптируется к любым изменениям внешней среды, осваивает высокотехнологичные области, а также более мобильна и социально активна. В связи с этим в марте 2016 г. было проведено исследование, цель которого заключалась в изучении уровня профессиональной подготовки молодых учителей – выпускников Тольяттинского государственного университета. Требования к учителям оценивались с позиций профессионального стандарта «Педагог».

Для респондентов деятельность учителя играет большую роль в реализации их педагогического потенциала, а также помогает всесторонне развиваться. У основной массы респондентов интерес к преподаванию появился еще в детстве, когда их любимой игрой была «Школа». Опрошенные указали на то, что профессия учителя – замечательная возможность идти в ногу со временем, быть в курсе всего нового. Только для некоторых учителей выбор профессии оказался случайным.

Далее мы посчитали интересным спросить у респондентов, с какими трудностями им пришлось столкнуться в самом начале профессиональной деятельности. Как выяснилось, для большинства опрошенных сложность состояла в поиске контакта со школьниками, так как возрастная разница была незначительной. Респонденты также отметили, что психологически тяжело было перестроиться в отношениях с другими учителями, поскольку они «буквально вчера были наставниками, а сегодня стали коллегами». Большинство респондентов указали на нехватку времени при подготовке к занятиям и разработке рабочих программ. Что касается адаптации, то только треть респондентов признались в том, что в начале профессиональной деятельности испытали стресс, связанный, как правило, с большим объемом работ, плохой самоорганизацией и проведением первых занятий. Остальные же отметили, что «стресса как такового не было».

На сегодняшний день развитие инновационных технологий и внедрение их в образовательный процесс происходит неумолимыми темпами. В связи с этим мы решили оценить отношение респондентов к различным образовательным инновациям. Почти все респонденты сошлись во мнении, что инновации ни в коей мере не должны противоречить сложившейся социокультурной среде школы, они должны быть обоснованы и реальны, а участники образовательного процесса, непременно, должны уметь применять их в своей деятельности. Также, по мнению респондентов, инновации «способствуют прогрессивному развитию учительской деятельности, учитывая факт перехода к информационному обществу и особенности современных детей: гиперактивность, неусидчивость, любовь к компьютерной графике, анимациям, развлечениям». Респонденты отметили, что с внедрением в систему образования информационных технологий постепенно «теряется традиция отечественной системы образования», а усугубляющаяся компьютеризация «обезличивает» образовательный процесс. Однако использование мультимедийных оборудования в процессе обучения все же «интересно и увлекательно для школьников, многое запоминается, так как работает зрительная память».

Анализ результатов показал, что идеальный учитель, прежде всего, должен быть компетентен в области преподаваемой дисциплины. Среди профессиональных качеств, которыми должен обладать идеальный учитель, респонденты отметили способность и готовность решать актуальные образовательные задачи, профессиональную этику, интеллигентность, гибкость, желание работать с аудиторией и передавать ей свои знания, высокий уровень интеллекта и культуры общения, практикоориентированность, а также современность взглядов. Главными личностными качествами идеального учителя респонденты назвали харизму, толерантность, человечность, порядочность, чувство юмора, обаяние и коммуникабельность. Как видим, в построении образа идеального преподавателя респонденты отдали предпочтение больше профессиональным качествам, нежели личностным.

В ходе нашего исследования были проанализированы важнейшие составляющие профессионального потенциала молодого учителя: педагогический; научный; инновационно-технический; исследовательский; культурный; творческий; психологический.

Исследование педагогического потенциала молодых учителей показало, что большую ценность в работе начинающих педагогов представляет общение с учащимися, а также возможность развиваться, узнавая много интересной информации и совершенствуя коммуникативные навыки. Однако в перспективах своей профессиональной деятельности многие молодые учителя не уверены.

Анализ значения информационно-коммуникационных технологий в жизни и деятельности начинающих учителей помог определить состояние инновационно-технического потенциала молодых учителей.

Говоря о состоянии культурного потенциала молодых учителей, хочется отметить, что среди множества досуговых увлечений современные педагоги отдают предпочтение общению/прогулкам с семьей и друзьями, чтению разнообразной литературы, а также занятию спортом и посещению ТРК. Несмотря на прочное вхождение в нашу жизнь сети Интернет, в свободное время молодые преподаватели уделяют ему сравнительно мало времени.

Творческий потенциал начинающих учителей достаточно велик, в своей профессиональной деятельности они постоянно создают что-то новое, ранее не известное. Однако проблема незаинтересованности многих учащихся в преподаваемых предметах часто мешает педагогам полностью реализовывать свои творческие возможности.

Состояние психологического потенциала молодых педагогов характеризуется достаточно высокой самооценкой и удовлетворенностью своей профессиональной деятельностью. Однако в силу малого опыта авторитетом, как правило, начинающие преподаватели не пользуются, что немного подрывает их уверенность в своих силах.

В целом можно сказать, что состояние социокультурного потенциала молодых учителей во многом определяется развитием информационной среды образования [3]. Сегодня ИКТ стали неотъемлемым атрибутом в образовательном процессе, а информационная компетентность – обязательным компонентом культуры современного учителя. Однако прочное вхождение ИКТ в образовательный процесс существенно усложнило труд современного учителя, что, прежде всего, связано с постоянным заполнением огромного количества документов. Ситуация также усугубляется низкой оплатой труда начинающих учителей, в связи с чем молодые педагоги часто покидают преподавательскую деятельность, несмотря на любовь к своему делу.

1. Приказ № 544н от 18 октября 2013 г. «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://online.lexpro.ru/document/print?docid=20782272> (Дата обращения: 21.05.2016 г.).

2. Рабочая версия макета профессионального стандарта учителя [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/223/29012.php> (Дата обращения: 21.05.2016 г.).

3. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://2020strategy.ru/2020> (Дата обращения: 21.05.2016 г.).

СЕМЬЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ильдарханова Ф.А., Абдулзянов А.Р. (Казань)

В данной статье даны некоторые результаты социологических исследований Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан по проблемам семьи, отношение молодежи к браку, участие семьи в ЕГЭ, образ и ценности в восприятии школьников. Исследования проведены в муниципальных районах и городах республики, среди молодежной и школьной аудитории г. Казани.

The article covers some results of social studies held by Family and demography center of the Academy of sciences of the Republic of Tatarstan. They reveal problems of family, youth's attitude to marriage, family image and family values in pupils perception. Surveys were held in municipal areas and cities of the republic, among youth and students in Kazan.

Сегодня перед обществом стоит серьезная задача – способствовать возрождению семейного образа жизни. В этой связи, комплексный анализ ценностных ориентаций молодежи позволит не только выявить основные тенденции демографического развития, приоритеты в

структуре ценностей современной российской семьи, но и определить возможные пути преодоления кризисных явлений в демографической сфере жизни общества.

На основе разработанной концепции «Институт семьи в контексте демографического развития Республики Татарстан в начале XXI века (этнорегиональный аспект) были реализованы проекты «Семья как ценность нации» - татарские просветители о нравственных ценностях семьи, и» Адаптационный потенциал приемной семьи», «Делинквентное поведение подростков в городской среде», «Этнокультурная трансмиссия семей народов Татарстана», «Демографическое поведение мужчин сельских территорий Республики Татарстан» и др. Особое внимание уделяется проблемам устойчивого развития сельских территорий, демографическому состоянию населения Республики, проводятся социологические исследования по проблемам семьи и брака, которые показывают современное состояние семьи, семейно-брачных отношений в нашей республике. Позитивным является увеличение количества рождаемости, укрепление материального благосостояния семьи. Значительное влияние на данные процессы оказали материнский капитал, реализация социальной ипотеки, а также большое внимание к проблемам семьи руководством Татарстана, улучшение социально-экономического положения республики, открытие новых детских садов, школ, фельдшерско-акушерских пунктов, дворцов культуры, спорта и др.

Кризис и семья: стратегии выживания.

Кризис – некий поворотный пункт в ситуации или процессе, сопровождающийся регрессом, упадком, снижением эффективности привычных систем. Кризис в обществе, в первую очередь, отражается на семье. Как же татарская семья выживает в условиях кризиса?

Исследование показало: положение сложное, но далеко не безнадежное. Кризис действительно болезненно сказался на повседневной жизни населения. Но большинство людей не пало духом.

Если взять совокупный доход как 100%, то чуть меньше половины респондентов тратят более половины своего бюджета на продукты питания, одна треть опрошенных тратят менее половины суммы денег на еду, а 15,3 % - практически все средства.

Ситуацию в нашей стране респонденты охарактеризовали следующим образом: «жить трудно, но пока еще можно» - 60,1 %, «для нашей семьи ситуация благоприятная, трудности удастся преодолеть» - 23,7 %, «жить трудно, терпеть бедственное положение уже невозможно» - 6,2 %.

Среди форм помощи, в которых респонденты нуждаются, большинство указало отсрочку от выплаты кредитов, помощь в трудоустройстве, медицинское консультирование, психологическая помощь, юридическое консультирование, выделение мест в детских учреждениях, уход и присмотр за детьми, бизнес-консультирование, повышение зарплаты, деньги, педагогическое консультирование и т.д.

Большинство семей пострадали от кризиса, но большая часть опрошенных не склонна драматизировать ситуацию – респонденты ищут и находят способы адаптации к происходящим в обществе изменениям, используя активные стратегии действия.

Респонденты предлагают что для решения возникшей ситуации целесообразно стать активнее, делать все для решения возникающих проблем (61,7%), 19,1% опрошенных предполагают, что ничего конкретного предпринимать не стоит, положение скоро само собой изменится, 11,7% - нельзя мириться с тем, что происходит, необходимо протестовать, 7,5%-ситуация безвыходная и ничего нельзя изменить.

Разводы в Татарстане.

Изучение проблем разводов в республике показало, что в основном разводятся семьи, прожившие менее 5 лет. Среди причин разводов респонденты называли непонимание между супругами, неудовлетворенность психологическими отношениями (38,6%). Как не вспомнить слова Н. Бердяева «Вечный трагизм семьи в том, что мужчина и женщина представляют разные миры, и их цели никогда не совпадают» [1].

Причиной разводов является также измена супругов 26,7%, алкоголизм одного из супругов 23,5%, вмешательство родственников в дела семьи 19,3%, материальные сложности 18,5%, жилищные условия 11,3%, физическое насилие 10,9%.

Результаты опроса показали, что около половины опрошенных – это однодетные семьи (48,8%), чуть более четверти – двухдетные семьи (27,2%), каждая пятая семья – не имеет детей (19,4%).

Не случайно Президент РТ Минниханов Р.Н. внес предложение в Государственную думу РФ об увеличении сроков развода, особенно молодых семей.

Распад семьи – это не только проблема социализации детей, психологической травмы, но и нереализованность репродуктивного потенциала супругов. Поэтому полная семья является определяющим ресурсом стабилизации демографической ситуации.

Гражданский брак.

Центр семьи и демографии АН РТ в последние годы изучал такое явление, как «гражданский брак» (сожительство).

Изменения, происходящие в обществе, либерализация брачно-семейных отношений отразились на установках молодежи. Значительная часть респондентов (40%) лояльно относится к гражданскому браку, считая его допустимым, причем юношей среди них больше, чем девушек (соответственно 45% и 39%).

Характерно, что среди молодых людей из неполных семей больше доля лояльно относящихся к гражданскому браку – 48,5%, чем из полных семей – 39%. О недопустимости гражданского брака как формы существования семьи заявили более половины опрошенных (60%), мотивируя это тем, что гражданский брак вызывает чувство несерьезности, нестабильности отношений.

Таким образом, молодежь, в принципе признавая гражданский брак, тем не менее, более или менее длительное совместное проживание с сексуальным партнером не склонна рассматривать как форму брачно-семейных отношений, приемлемую наравне с зарегистрированным браком.

Демографическое сознание молодежи.

Исследования Центра семьи и демографии АН РТ демографического сознания молодежи республики Татарстан показало, что семья занимает одно из первых мест в системе ценностей молодежи (76%), уступая только здоровью (86%). В первую пятерку вошли также любовь (71,4%), материальная обеспеченность (57%), надежные друзья, круг общения (48%).

Социологическое исследование среди школьной молодежи о ценностях семьи показали: на вопрос «Как ты относишься к браку» - 85,5% дали положительный ответ, 53% считают, что выйдя замуж (женувшись) их жизнь изменится в лучшую сторону, а 29,9% не смогли определиться с ответом.

Современные подростки в возрасте от 14 до 18 лет представляют себе создание семьи как огромное счастье, относятся к семье и браку мечтательно и романтично. В понятие «семья» вкладывают понятие безопасности личности, место, где можно надежно укрыться, «где им хорошо». Позитивным моментом хотелось бы отметить желание современных школьников создать большую полную семью с двумя или тремя детьми.

Семья является главной ценностью для подростков. Вместе с тем, молодежь не представляет себе, что такое межличностные отношения между мужем и женой, мужем, женой и детьми, на сколько важное значение имеет материальная составляющая в семье, не задумываясь, где будут жить и как будут жить. Поэтому предложение о введении в школах факультативного курса «Фамилистика» (наука о семье) было воспринято школьной молодежью положительно.

Конечно, в последние годы государством предпринято много социальных мер, поддерживающих семью. И что интересно – исследования, проведенные Центром семьи и демографии АН РТ 10 лет тому назад на вопрос «на кого рассчитываете при создании семьи?», молодежь отвечала – «на государство». В исследованиях, проведенных 5-7 лет тому назад, молодежь отвечала – «на родителей», сегодня молодежь отвечает, что при «создании семьи рассчитывает на себя». Это отрадно. Семья должна быть самодостаточной.

1. Бердяев Н. О назначении человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010.

2. Ильдарханова Ф.А. Институт семьи в контексте демографического развития Республики Татарстан. – Казань: Издательство «Отечество», 2012. – 316 с.

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Исаева О.В. (Санкт-Петербург)

Рассматривать тему политического сознания российского общества в настоящее время весьма интересно, так как, например, в СССР политическое и в целом общественное мнение практически отсутствовало. В этой статье будет раскрыто понятие политического сознания, и показано какое же влияние оказывают средства массовой информации на сознание граждан России.

Политическое сознание — это сознание социокультурной целостности частичным, идеологическим образом, направленное на сохранение и защиту национально-государственного образования с учетом интересов господствующих социальных классов или слоев. Политическое сознание является моментом целостного общекультурного сознания, оно отражает все практические и духовные особенности наличной социальности.¹ То есть политическое сознание отличается от сознания всеобщего и общественного тем, что оно стремится к осмыслению интересов государства, господствующих слоев населения на основе определенных ценностей. Можно сказать, что это в некотором роде отношение человека к общественным институтам, прежде всего к институту власти. Так как же формируется это отношение и каково взаимовлияние и взаимозависимость СМИ и массового политического сознания.

В целом, в формировании политического сознания отдельного индивида выделяют четыре фактора, влияющих на этот процесс:

1) Жизненный опыт человека, включая социально-экономические условия его существования.

2) Межличностные коммуникации.

3) Общественные институты (школа, партии или какие-либо общественные объединения, церковь), которые распространяют опыт различных социальных групп.

4) Средства массовой коммуникации (СМК), которые, по всей видимости, позволяют современному человеку осознать свое место в политическом пространстве.

Стоит отметить, что роль СМК в процессе политической самоидентификации индивида не является решающей или определяющей, так как все четыре фактора вносят различный вклад для разных людей. То есть значение каждого из названных факторов в формировании политического сознания будет существенно различаться в разных обществах. Это можно объяснить не только историей данного общества (страны), его национально-культурными особенностями, но и уровнем экономического, социального, технологического развития общества в данный момент.

Безусловно, характер отношения населения России к институту средств массовой коммуникации в конце 90-х годов заметно видоизменился, и существенно отличался от характера отношений в других странах. Невозможно не заметить, что субъекты информационного пространства, то есть сами производители, трансляторы, потребители информации, находятся в определенных отношениях друг с другом, тем самым воздействуя как сами на других, так и испытывая воздействия на себя. Поэтому в настоящее время для рассмотрения степени этого взаимовлияния, выделяют две основные оценки влияния СМК на политическое сознание, хотя они очень неоднозначны и противоречивы.

С одной стороны, довольно распространено представление о том, что политическое сознание и поведение людей существенно зависит от информационного поля, которое создают средства массовой информации. Здесь можно предположить, что СМИ формируют наше мышление, "воздействуют" на наши мнения и установки, тем самым подталкивая нас к определенным видам поведения. Ярким примером может служить голосование на выборах за определенного кандидата, путем влияния СМИ на создание определенного общественного мнения в обществе.² Многие исследователи считают, что именно средства массовой информации оказывают решающее влияние на мотивацию избирателей, ведь благодаря возможности придавать общественному мнению массовость СМИ обладают способностью управлять и даже манипулировать им, однако целостной концепции этого влияния на общественно-политическое сознание не сложилось. " Более того, отдельные исследователи массовых коммуникаций в своих публикациях начали говорить о грядущей эпохе "медиакратии" – когда все политические явления и дискуссии происходят не в первичном политическом пространстве, а в интересах СМИ, которые уже не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению.³

С другой стороны, некоторые авторы и исследователи и вовсе утверждают, что общественного мнения как мнения всего народа или его части не существует, опираясь на концепцию одного из влиятельных французских социологов XX века П.Бурдьё: "Пресса самым непосредственным образом участвует как в производстве, так и в распространении мнений, то есть она не выражает, а создает общественное мнение, она не отражает представления людей о мире, а формирует сами эти представления, а значит, и их видение мира."⁴

В заключении, исходя из вышесказанного, хотелось бы отметить, что СМИ являются частью нашей современной действительности со всеми её противоречиями, неоднозначностью, конфликтами в той или иной форме, поэтому потоки информации зачастую и состоят из

несовместимых друг с другом материалов и сообщений. Один человек или группа людей не может ни голосовать за всех кандидатов на выборах, ни покупать все товары, которые рекламируют, ни соглашаться с мнением общественности. Но следует заметить, что однообразия общественного мнения на сегодняшний день не существует, оно менее податливо, чем раньше. Влияние средств массовой информации на политическое сознание, на формирование общественного мнения нельзя назвать прямым, во многом оно является все-таки косвенным, вопреки ожидаемому результату.

1) Коновалов В.Н. Политология. Словарь.-М.:РГУ, 2010

2) Козина Е.С. СМИ и выборы: Ресурс и угрозы политического мифотворчества. Москва, 2005

3) Третьяков В.Т. "Как стать знаменитым журналистом", 2013

4) Ивченко М.С. Роль современных российских СМИ в процессе формирования гражданского общества. Москва, 2008

СЕМЬЯ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА

Каверина Е.С. (Волгоград)

В статье рассматриваются основные направления изменений происходящих с семьей как социальным институтом. Основу проблем составляет триада соподчиненности «общество-семья-индивид» трансформирующаяся в конструкцию «индивид-семья-общество».

The article considers the family as a social institution, disclosed the basic problems of the family. The basis of problems is made by a hierarchy triad "society-family-individual" transformed to a design "individual-family-society".

Одной из наиболее обсуждаемых проблем современного общества является проблема будущего современной семьи и семейных отношений. Очевидно, что изменения современной семьи как социального института общества неизбежны. С одной стороны они могут стать следствием возникновения ранее не существующих моделей семейных отношений, а с другой, допустимы коррекционные изменения в семье при сохранении старых моделей. Говорить о возможности возвращения к ранее существовавшим формам семьи и семейных отношений, наверно, более невозможно, так как данные формы, по большей своей части, не будут актуальны в современном обществе. Очень важно, чтобы семья сохранила себя как основной инструмент формирования личности и культуры человека, становления гуманного общества.

В настоящее время, проблемами семьи занимаются многие российские ученые. В понимании современного состояния семьи их взгляды можно подразделить на две дискурсивные парадигмы: «кризиса семьи» и «модернизации семьи» [1]. Сторонниками «кризиса семьи» являются В.А. Борисов, А.И. Антонов, Л.Е. Дарский. Они считают, что современная модернизация семьи является следствием выражения глобального социального кризиса. В свою очередь сторонники «модернизации семьи», в частности Вишневецкий А.Г. придерживаются обратного мнения, говоря о том, что современная модернизация происходит в процессе непосредственного изменения общества, изменения традиционного типа семьи. При всех отрицательных «издержках» (низкая рождаемость, увеличение числа разводов, большая доля неполных семей) данная парадигма в конечном итоге приводит к позитивным изменениям. Сторонники «модернизации семьи» уверены в том, что семья, как и любой другой социальный институт, эволюционирует, находится в постоянном движении. Сторонники данной точки зрения говорят о том, что на обломках старых традиционалистических образцов материнства и отцовства возникают новые альтернативные парадигмы.

Главными факторами, которые позволяют говорить о кризисе семьи, можно считать разрушение социокультурных норм многодетности, снижение значимости семьи как формы социально-ценностного бытия человека и др. Главными аргументами «парадигмы кризиса» семьи является утрата либо замещение общественными институтами основных функций института семьи. Основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья, взяли на себя другие социальные институты (государство, образование, медицина, бизнес, общественные организации). Индивид становится полностью не зависящим от семьи, так как его потребности могут удовлетворяться вне семьи. Профессионально и экономически он становится самостоятельным и может выстраивать свою жизнь независимо от своего семейного статуса.

В настоящее время мы наблюдаем нарушение репродуктивной функции в современной семье, которая проявляется в снижении уровня рождаемости, что в конечном итоге может

привести к демографической катастрофе в современной России.[3] На основании данных Федеральной службы государственной статистики был проведен анализ изменения уровня рождаемости, смертности и естественного прироста за последние два года. В частности, за 2014 год число родившихся с учетом Крымского федерального округа составляет 1942683, число умерших 1912347, естественный прирост при этом составляет 30336. В 2015 году число родившихся составляет 1940579, число умерших 1908541, естественный прирост населения составляет 1908541. Отсюда можно сделать выводы о том, что динамика естественного прироста населения потерпела незначительные изменения и увеличилась на 1702 человека, если рассматривать в контексте на 1000 человек населения, то естественный прирост увеличился с 0,2 до 0,3. Если же рассмотреть динамику прироста населения более детально, а в частности сравнить показатели начиная с 2000-х годов и до настоящего времени, то тут возможно проследить положительную тенденцию. Так, например в 2000-х годах естественный прирост носил отрицательный показатель -6,6.[4]

Низкие показатели рождаемости являются следствием модернизации института семьи в современной России, изменения гендерных отношений, приоритетов женщин в сторону профессионального роста и карьеры, повышения нестабильности брачных отношений, что в конечном итоге приводит к изменению традиционного института семьи.

На основе анализа данных Федеральной службы государственной статистики в 2014 год количество браков составило 693730, с расчетом на 1000 человек – 4,7, в свою очередь количество разводов - 1225985, с расчетом на 1000 человек – 8,4. За 2015 год количество браков составило 611646, в расчете на 1000 человек – 4,2; количества разводов - 1161068, в расчете на 1000 человек – 7,9 [5]. Прослеживается лишь незначительное снижение уровня разводов с 8,4 до 7,9, что нельзя считать положительным показателем.

Таким образом, реальность современной России требует принятия более продуманной программы возрождения современной семьи. В данной ситуации становится очевидным правомерность объявления проблемы семьи как приоритетной социальной проблемой [6]. Очевидна необходимость появления новой семейной идеологии с государственным статусом. Перспектива долгосрочного развития России должна быть, прежде всего, направлена на повышение качества жизни семей.

[1] Вишневский А.Г. Вызовы демографического развития современной России / Судьба семьи – судьба Отечества. – М.: Изд-во РГСУ, 2005. – С.111-118.

[2] Карцева Л.В. Российская семья на рубеже двух веков. – Казань, 2001. – С.19.

[3] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demograp_hy/#/ (дата обращения 01.10.2016).

[4] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demograp_hy/#/ (дата обращения 01.10.2016).

[5] Семья: история и современность. Хрестоматия. – М., 2005. С. 116, 507.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кавецкий С.Т. (Брест, Республика Беларусь)

Трансформация белорусского общества в конце XX – начале XXI веков привела к глубоким изменениям в социальной структуре. В условиях белорусской действительности происходит расслоение населения по уровню доходов, материальному благосостоянию, по целому комплексу показателей формирующих социальное неравенство. Изменяется социальное положение многих групп экономически активного населения. Эта проблема особенно остро стоит для работников с достаточно высоким социально-профессиональным статусом, приобретенным еще до начала изменений 90-х годов. Второй важный момент – это увеличение маргинальных слоев и, соответственно, бедных и нищенствующих

Transformation of Belorussian society at the end of X - beginning of XXI century resulted in substantial changes in social structure the differentiation of population according to incomes, material lth and a number of criteria forming social inequality is taking place under the conditions of Beloru- environment. The social status of many economically active groups of population is changing. The >lem is especially topical for the employees with quite a high socio-professional status, which they jired before the beginning of the changes in 1990s. The second important aspect is the increase of ginal layers and in correspondence with this the poor and the begging.

В научной традиции существует два основных подхода к исследованию социальной структуры, один из которых – классовый (восходящий к творчеству К. Маркса) – основан на объективных показателях принадлежности к социальному классу или слою, второй – статусный – на субъективных оценках престижа индивидов, социальных групп, профессий.

Социально-экономические изменения, проходящие в Беларуси в конце XX – в начале XXI века, влияют на характеристику социальной структуры. Она характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. Идет активное размывание грандиозных групп населения, становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, вхождения в властные структуры, социальной самоидентификации. В условиях трансформирующегося общества наблюдается процесс изменения сложившейся в нем структуры, когда она распадается как бы на несколько относительно независимых друг от друга измерений. То есть социальная структура современного белорусского общества представлена остатками старых форм, элементами новой фазы, а также переходными формами и отношениями.

Изменение социальной структуры находит свое выражение в Беларуси, прежде всего в изменении индивидов в отношении собственности. «Изменение отношений собственности в Республике Беларусь в 1990 – 2004г.г. может быть охарактеризовано как устойчивая тенденция к постоянному уменьшению доли занятых в государственном секторе (с 73,9% в 1990г. до 52,4% в 2004г.). Соответственно произошло увеличение доли занятых на предприятиях, находящихся в частной собственности (с 26,1 % в 1990г. до 46,4 % в 2004г.) Одновременно последовательно сокращается доля лиц, занятых в сельском хозяйстве (с 19,1% в 1990 г. до 10,7% в 2004г.)»[1,с.110-111]. Так уже к середине 90-х годов основным стратифицирующим элементом в обществе становится уровень присвоения собственности. В этот период «две трети населения существуют на грани выживания и за чертой бедности, а основные богатства сосредоточили в своих руках 2-3% наиболее предприимчивых и ловких дельцов»[2,с.188]. Аномические деформации в социально-экономической сфере привели к тому, что в эти годы наиболее прочным финансовым могуществом стали располагать не те лица и группы, которые вкладывали капитал в производство, а те, кто действовал в банковской сфере, производя и воспроизводя банковский капитал.

Второй социально-экономический критерий, характерный для переходного состояния общества составляет причастность к вопросам перераспределения общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности, ее акционирования и перекупки и т.п. Этот слой более широкий по своему составу. В его вошли как «новые белорусы», так и менее обеспеченные и состоятельные. Существуют различные подходы к определению социальных групп и их материального положения. В частности, в Институте социально-политических исследований при Президенте Республики Беларусь (ИСПИ) анализ благосостояния социальных слоев производится на основе самоидентификации жителей республики. На вопрос «кем Вы себя считаете?» респонденты в 1998-2002 г.г. ответили следующим образом: [3,С.7]

	Периоды									
	4 кв. 1998 г.	2 кв. 1999 г.	4 кв. 1999 г.	2 кв. 2000 г.	4 кв. 2000 г.	2 кв.				
	2001 г.	4 кв. 2001 г.	2 кв. 2002 г.	4 кв. 2002 г.						
	В % от опрошенных									
1. Богатые	0,7	0,4	0,6	0,9	0,5	0,5	0,5	0,3	0,4	
2. Со средним достатком			27,3	28,7	31,6	33,5	32,3	37,4	35,7	34,1
3. Бедные			52,0	54,3	51,2	47,4	50,3	47,1	47,5	50,8
4. Находящиеся за чертой бедности			7,8	7,2	12,8	9,6	9,5	12,0	10,6	9,0
5. Затрудняюсь ответить			7,2	7,0	7,1	6,2	6,3	6,0	8,2	7,0
			6,7							

Исследования ИСПИ в первой половине 2004 года показали, что 48,6 % респондентов отнесли себя к группе со средним достатком. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь в IY квартале 2007 года назвал цифру 74,7%. [3,с.7] При этом следует иметь в виду дифференцирование подхода к понятию «средний достаток, средний класс, бедные и нищие». Так, по меркам ООН человек считается бедным, если

зарабатывает в день не более 1 доллара США. Всемирный банк определяет черту бедности как ежедневный заработок в два доллара, – то есть 60 долларов в месяц. В США к среднему классу относят тех, кто за час зарабатывает 18 долларов. По версии Всемирного банка белорус, претендующий на принадлежность к среднему классу в 2005 году, должен был зарабатывать в день более 6 долларов, то есть примерно около 200 долларов в месяц «чистыми», без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей. Согласно той же официальной статистике, средняя зарплата в Беларуси – в середине 2004 года составляла 160 долларов, а в 2007 году – более 250. В условиях кризисного перехода от одной социально-экономической системы к другой в постсоветских обществах происходит деконструкция критериев стратификации. Решающую роль в них приобретают:

- а) владения капиталом, приносящим прибыль,
- б) причастность к перераспределению общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности,
- в) уровень личного дохода и потребления.

Обобщение статистических материалов и данных социологических исследований позволяют сделать вывод, что реальное распределение населения Беларуси по социальным слоям, различающимся своими доходами, выглядело в начале XXI века следующим образом:

1. Богатые люди, составляющие примерно 1,5% от общего количества населения.
2. Состоятельные люди, могущие позволить многие дорогостоящие покупки, 5–6%.
3. Обеспеченные (8–9%) ощущают ограничения при приобретении дорогостоящих вещей типа автомашины или компьютера, посещении ресторанов, осуществлении зарубежных путешествий и т. п.
4. Среднеобеспеченные (14%) характеризуются тем, что у них начинают появляться свободные деньги и в соответствии с приоритетами семьи возрастает вариантность денежных затрат, то есть приходится делать выбор: либо бытовая техника, либо дорогая одежда, либо хорошее питание, но очень редко и то, и другое, и третье одновременно.
5. Малообеспеченные (17%) не могут купить бытовую и иную дорогостоящую технику или позволить себе приобрести деликатесы, ощущают серьезные ограничения при покупке одежды, посещении театров, концертов, кинотеатров и т. п.
6. Бедные (примерно 46%) только изредка могут себе позволить покупать мясо, фрукты, одежду, не в состоянии оплачивать учебу детей в коммерческих вузах, посещение театров, кафе и т. п.
7. Нищие (7%) находятся на грани выживания, не в состоянии покупать мясо, сладкое, новую одежду для детей, а тем более для себя, часто живут за счет подаяния, нередко становятся частыми посетителями и потребителями помоек [2, с.162–163.].

Проведенные в феврале 2016 года в г. Бресте под руководством автора конкретно-социологические исследования под руководством автора (выборка 300 респондентов, пол, возраст, социальный статус, образование), показали, что в зависимости от самоидентификации, социального статуса, семейного положения, а главное, от доходов респонденты относят себя к следующим социальным группам:

Кем Вы себя считаете?

1. Богатым 1,4%
2. Состоятельным 4%
3. Среднеобеспеченным 28,4%
4. Малообеспеченным 35,1%
5. Бедным 28%,4
6. Живу ниже черты бедности 2,7%.,

Критерии дохода брестчан следующие: а) богатые – более 3 тысяч долларов в месяц на душу, б) состоятельные – от 3 тысяч до 400 долларов в месяц, в) среднеобеспеченные – от 400 до 300 долларов в месяц «чистыми без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей», г) малообеспеченные и бедные 3000-100 долларов) без выплат на человека, д) ниже черты бедности 60 долларов и менее.,

Если рассматривать аномические составляющие в Республике Беларусь, то они в разной степени охватывают все стороны общественной жизни. В экономике после распада СССР разрушились хозяйственные связи, дефолт российского рубля в 1998 году пагубно повлиял на экономику союзной страны, цены на нефть и газ постепенно движутся к мировым, планетарный финансовый кризис 2008 года и, наконец, валютный катаклизм в Беларуси 2011 года, снизивший

планку средней зарплаты с 500 долларов в январе до 200 в октябре, продолжающийся кризис 2014-2016 годов Все эти потрясения влияли и влияют на смешанную экономику Беларуси, где преобладающим является государственно-капиталистическая форма собственности.

Понятие социального статуса характеризует место личности в социальной структуре общества, и может выражаться в различных качествах и количественных показателях – авторитет, престиж, привилегии, уровень доходов, зарплата, премия, награда, звание, слава и т. п.

Академик Е.М. Бабосов выделяет следующий субординационный ряд:

1) на вершине стратификационной пирамиды находится высший слой – новая элита, в состав которой входят богатые предприниматели (владельцы банков, частных крупных фирм и др.), высшие должностные лица в ранге министра и выше. Это фактически новая буржуазия и высшая государственная бюрократия;

2) высший средний слой – средние и мелкие предприниматели, директорский корпус, популярные художники, артисты, телекомментаторы, крупные ученые, владельцы частных больниц, стоматологических кабинетов и др.;

3) средний слой – профессура, врачи и юристы, имеющие частную практику, руководители отделов (служб) крупных, эффективно работающих предприятий, старшие офицеры и др.;

4) низший средний слой – учителя, линейные (рядовые) инженеры, работники учреждений культуры, младшие офицеры, квалифицированные работники и т. п.;

5) низший слой – малоквалифицированные рабочие, крестьяне, служащие, сержантский состав вооруженных сил и правоохранительных органов и др.;

6) паразитические слои – мафиозные группы, рэкетеры, грабители, вымогатели, участники бандитских формирований, колдуны, гадалки, проститутки и т. п.;

7) маргинальные слои – опустившиеся на социальное дно из различных социальных групп нищие, бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы, беспризорные подростки и т. п.[2,с.162–163].

Анализ стратификационно-статусного состояния общества показывает, что среди множества статусов предприниматели занимают верхние строчки субординационного ряда. Предпринимательский сектор стал интенсивно развиваться в начале 1990-х годов. Это способствовало насыщению внутреннего рынка изделиями и услугами, увеличению экспортного потенциала страны, повышению занятости населения. «Большинство предприятий предпринимательского сектора – малые. К началу 2005 года в республике функционировало 31 тысяча малых предприятий, в том числе 28,7 тыс. частных.

Доля малых предприятий в валовом внутреннем продукте страны составляет 8,8%. Малыми предприятиями производится 7,3% промышленной продукции, на них приходится 9,8% розничного товарооборота, 22.1% выручки от реализации товаров (работ, услуг). В общем числе предприятий торговли и общественного питания малые предприятия составляли к концу 2005 года 42,9%. Доля малых предприятий составляет: в промышленности 22%, в строительстве 11,8%, на транспорте -5.3%. Общая численность работающих на частных малых предприятиях в 2004 году составила 308 тысяч человек»[5,с.261]. Становление предпринимательства в стране проходило в непростых условиях. К особенностям постсоветского менталитета значительной части белорусских граждан относится недоверие к частной собственности, стремление к социальной справедливости через призму не эффекта достигнутого результата, а уравнилельных тенденций. С другой стороны катаклизмы и преобразования переходного периода привели к тому, что предпринимательство стало развиваться, различными путями шел процесс накопления стартового капитала.

В Беларуси по данным конкретно – социологических исследований, проведенным под руководством автора, «экономическим туризмом» занималось в 1997 году 72.5% респондентов, в 2005 году -45,2%, а в 2016 году - 56,5% из числа выезжавших за границу. «Для Беларуси наиболее популярными, «экономически выгодными», были поездки челноков в Польшу, Россию, Турцию, Германию, Украину и другие страны.

В период 90х годов белорусские «челноки» ввозили в страну товара около 1 млрд. долларов в год. Тем не менее, основную социальную и экономическую задачу – дать работу безработным, одеть и накормить средний и низший классы общества, ликвидировать пустые прилавки магазинов и длинные очереди за дефицитом – «челноки» с успехом выполнили. В 1990 годы XX века «челноки» сделали то, чего не смогла совершить вся советская промышленность за 70 лет, – насытили рынок товарами.

В то же время по данным национального социологического опроса (1997г., выборка 1030 респондентов, руководитель доцент Кавецкий С.Т.) интервьюируемые, отвечая на вопрос анкеты: «Приходилось ли Вам при пересечении границы вольно или невольно нарушать таможенные правила Республики Беларусь, Польши, Германии, Украины, стран Балтии и др.?», ответили: «нарушали» 52,5%, дали отрицательный ответ – 47,5%. Больше всего нарушителей из Гродненской и Брестской областей. Социологическое исследование, проведенное в феврале 2005 и 2016 году в г. Бресте, дают возможность рассмотреть причины и следствия поездок за границу. Если в 1997 году в течение 3-х последних лет за границей было 62,5% опрошенных брестчан, то в 2005 году – 34,4%, 2016г. – 44,2%. Для тех, кто бывал, вопрос конкретизировался: «Если бывали, то с какой целью?» 1) по работе – (1997 – 7,5%, 2005г. – 19,4%, 2016г.-13,1), 2) туризм (1997 – 17,5%, 2005 – 34,4%, 2016 – 30,4%) 3) бизнес во всех проявлениях (1997 – 72,5%, 2005 – 45,2%, 2016г.-56,5%), 4) с другими целями (1997 – 7,5%, 2005 – 2%). Еще один дополнительный вопрос предлагался для тех, кто бывал за границей: «Если Вы бывали, приходилось ли Вам вольно или невольно нарушать таможенные правила?» - нарушали в 1997 г.– 75%, 2005г. – 57%, 2016г- 41,4%.

На данном социологическом срезе можно видеть, с одной стороны, такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно, с другой стороны, можно вести речь о неустойчивости, расплывчатости и противоречивости нормативных предписаний, и не только таможенных. Это пример классической аномии – неприятие закона.

В условиях белорусской действительности происходит расслоение населения по уровню доходов, материальному благосостоянию, по целому комплексу показателей, формирующих социальное неравенство. Изменяется социальное положение многих групп экономически активного населения. Эта проблема особенно остра для работников с достаточно высоким социально-профессиональным статусом, приобретенным еще до начала изменений 90-х годов. Второй важный аспект – это увеличение маргинальных слоев, и, соответственно, бедных и нищенствующих.

Итак, в условиях кризисного перехода от одной социально-экономической системы к другой в белорусском обществе произошла деконструкция критериев стратификации. Решающую роль в них приобрели:

- а) владения капиталом, приносящим прибыль,
- б) причастность к перераспределению общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности;
- в) уровень личного дохода и потребления.

1. Бабосов, Е.М. Прикладная социология / Е.М. Бабосов. – Минск, «ТетраСистемс», 2000.

2. Бабосов, Е.М. Общая социология / Е.М. Бабосов. - Минск, «ТетраСистемс», 2002.

3. Динамика общественного мнения и социально-политической ситуации в Беларуси. (По материалам социологического мониторинга) / Сборник научных трудов под ред. М. Н. Хурса. - Минск: ИСПИ. 2003.

4. Аномия: истоки и современность./ С.Т. Кавецкий; - Брест.: Изд.-во БрГУ имени А.С.Пушкина, 2010.

5. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г.Никитенко. – Минск: Белорус наука, 2006.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Кадушкина А.А. (Волгоград)

Основными мегатрендами новой конфигурации геополитического порядка являются комплексные негативные последствия системы мировой интеграции.

Во-первых, неуклонное сужение геополитической карты современного мира. Многие эксперты прогнозируют дальнейшее расширение «мирового варварства», что позволяет предположить все большее ограничение сферы активной геополитики. Ее действие взрывает старые, классические схемы геополитики. Эта геополитическая тенденция парадоксальным образом идет вразрез с общей тенденцией глобализации современного мира. Глобализация оказалась чреватой такими неуправляемыми процессами мировых трансформаций, которые скорее способствуют обнищанию и вытеснению стран третьего мира на обочину мировой периферии, чем процветанию мировой цивилизации. И в сфере политики, где вопросы мирового контроля

находятся под пристальным вниманием мировых центров силы, это сразу же проявилось предельно ясно.

Современная геополитика полностью утратила интерес к мировой периферии, где бушуют гражданские войны и эпидемии. Нетрудно прогнозировать, что варваризация такой значительной части мира способна в недалеком будущем создать серьезные проблемы (что мы можем наблюдать и на сегодняшний день).

Во-вторых, выход за пределы прежней географической локализации противостояний Запад-Восток и Север-Юг. Запад раскололся на две несимметричные зоны: страну-систему ЕС и мировой глобальный полюс – сверхдержаву США. Дружба – соперничество между этими несимметричными центрами силы пока не выходят за рамки «брака по расчету», хотя многие геополитики констатируют возможность нарастания напряжения в их отношениях, что в полной мере продемонстрировала ситуация вокруг Ирака.

На Востоке стремительно вырывается вперед новый, пока региональный, центр силы – «Новый Восток» - страны во главе с Китаем и Японией. Напротив, «Евразийский Восток» - страны во главе СНГ во главе с Россией (кроме Кремля и Украин) – все больше уходит на периферию. Рост богатств «Нового севера» - стран «большой семерки» или «золотого миллиарда», где процветают транснациональные корпорации, бьется бешеный пульс мировых финансовых рынков, сопровождается еще более стремительным обнищанием «Мирового Юга», который скатывается к племенной архаике кровавых гражданских войн.

В-третьих, стремительный рост стран конфуцианско-буддийской и исламской цивилизаций на фоне ситуаций в западном мире. Претензии США на роль мирового лидера, достаточно успешно укрепляемые с помощью новых информационных и военных технологий, не должны заслонять весьма скептические прогнозы экономистов, которые обращают внимание на то, что за последние полвека США в мировом ВВП упала почти в 1,5 раза. На этом фоне успехи Китая и других «Тихоокеанских драконов» кажутся особенно впечатляющими и убедительными. Рост национального самосознания, прежде всего в странах арабского Востока, существенно повысил роль «исламского фактора».

В-четвертых, переход к новым, постклассическим технологиям контроля над пространством, в основе которых лежат информационные технологии. После 11 сентября 2001 года США положили в основу программы американского военного строительства до 2010 года концепцию информационной войны. Эксперты считают, что об ориентации США на ведение «сетевой войны» с помощью информационного оружия косвенно позволяет судить и опубликованная в сентябре 2000 года «Стратегия национальной безопасности США», провозгласившая на уровне государственной доктрины переход к стратегии превентивной войны в рамках глобального интервенционализма. Речь идет о стратегии упреждающих действий, включающих в себя нанесения превентивных ударов. Эти информационные фантомы стали частью эффективных геополитических технологий в борьбе за контроль над пространством.

Таким образом, глобализация принесла с собой новый, нетрадиционный для геополитики класс угроз, связанный с неуправляемыми миграционными потоками, глобальным наркотрафиком, сетевым виртуальным андерграундом неформальных международных организаций, многие из которых являются откровенно террористическими.

В глобальном мире сегодня сталкиваются не только интеллекты, финансы, организационные принципы, технические возможности, технологические решения, но и прежде всего мировоззрения, кодексы поведения прежней цивилизации и новой культуры.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Казakov С.В. (Санкт-Петербург)

Социально-экономические изменения 1990–2010-х гг. и реалии непрерывного реформирования системы образования и науки в стране не могли не наложить определённый отпечаток на отношение молодёжи, поступающей и обучающейся в отечественных высших учебных заведениях, к проблеме дальнейшей профессиональной ориентации, в частности к перспективе возможного выбора индивидуальной карьеры в сфере научной деятельности. На протяжении последних более чем 20 лет данный феномен составляет одну из основных предметных сфер, объект внимания со стороны социологии образования и науки, в том числе в

рамках эмпирических исследований, периодически фиксирующих как текущие тенденции, так и продуцируемые ими проблемы.

Какова же специфика отношения, уровень доверия нынешних студентов, в данном случае, петербургских вузов конкретно к науке как сфере своего возможного трудоустройства? Приведём результаты тематичного опроса студентов вузов Санкт-Петербурга, проведённого в 2012 году сотрудниками СПбФ ИИЕТ РАН им. С.И. Вавилова, в последующей обработке которых автору довелось принимать непосредственное участие [См.: 1].

Времена, когда учёба в вузе рассматривалась изрядным количеством студентов как средство интеллектуального (само)развития и, так сказать, расширения кругозора, похоже, миновали. Широкое распространение теперь получил более прагматичный, «деловой» подход к высшему образованию - явление, уже ставшее «приметой времени». Показательно, что, отвечая на вопрос анкеты «Какую основную функцию должен, по Вашему мнению, выполнять вуз в настоящее время?», почти 60% опрошенных студентов выбрали вариант «Подготовка высококлассных специалистов-практиков», демонстрируя тем самым понимание ценности подготовки, в первую очередь, высококвалифицированных работников, востребованных на современном рынке труда с его новыми, более жёсткими «правилами игры».

В то же время нельзя сказать, что нынешней учащейся молодёжи не свойственно «ценностное» отношение к науке, к её существующему положению в стране. Две трети опрошенных при ответе на вопрос «Волнует ли Вас судьба отечественной науки?» выбрали вариант «Да, проблемы отечественной науки для меня не безразличны» (при 23,4% считающих, что «проблемы отечественной науки являются не самыми актуальными сегодня»). Это свидетельствует, как минимум, о понимании большинством студентов важности, системной ценности науки как сферы жизнедеятельности и источника развития современного общества, а также в той или иной степени о «сопричастности» к проблемам отечественной научной отрасли. Нельзя не отметить также, что при оценке респондентами динамики отношения студентов к науке лишь чуть больше трети их проявили скептицизм, выбрав вариант «Престиж науки падает» (35,7%), а 44% всё же были более сдержанны («Престиж, в принципе, не изменяется») и почти 6% даже заявили о росте престижа науки.

Ответы на «индикаторный» вопрос «Как Вы относились к возможности стать ученым при поступлении в вуз?» зафиксировали наличие чуть более трети опрошенных студентов (36,4%), изначально не рассматривавших для себя вариант именно научной карьеры. Одновременно с этим необходимо отметить и такую закономерность: «пронаучный энтузиазм», характерный в большей степени для неопитов-абитуриентов, имеет тенденцию несколько «угасать» по мере «вхождения в учебный процесс». До начала процесса обучения в вузе в общей сложности 52,6% респондентов опроса были в той или иной степени лояльно настроены к науке как сфере своего возможного профессионального приложения. Но вот при ответе на более конкретный, «актуализирующий» вероятность персональной научной карьеры вопрос «Как Вы лично относитесь к возможности пойти в науку?» выбор студентов был уже существенно менее, скажем так, «оптимистичным» - лишь каждый пятый (19,3%) настроен на работу в сфере науки. (Некоторую надежду здесь вселяет большая доля ещё не определившихся с выбором – 43% таковых).

При всей «избирательности» личного подхода к проблеме трудоустройства в сфере научной деятельности всё же более половины студентов (57,1%) вполне одобряют таковой карьерный выбор в среде своего окружения («Как Вы относитесь к решению своих друзей и знакомых работать в научной сфере?»), что опять-таки напоминает о довольно распространённом в принципе лояльном отношении студентов к науке как к институту, обладающему определённым потенциалом для профессиональной самореализации избравших данную стезю. (В пользу этого же тезиса косвенно свидетельствует и практически отсутствие негативных оценок при одновременном «нейтралитете» оставшейся трети выборки).

Как выявило исследование, «научно-ориентированных оптимистов» среди студентов-участников опроса даже в существующих непростых (противоречивых) для российской науки условиях – практически треть (варианты «Да» (26,1%) и «Скорее, да» (6,5%) при ответе на вопрос «Видите ли Вы в нынешних условиях перспективы профессионального роста (карьеры) в науке?»).

Пока существует высокая неопределённость в процессе непрерывных институциональных реформ в науке и сам её статус недостаточно высок в обществе (работа в науке напоминает, скорее, «подвижничество», нежели социально престижный вид деятельности, за редким исключением) весьма распространёнными в среде студенческой молодёжи остаются и вполне прогнозируемые – как своеобразная «альтернативная стратегия» - миграционные настроения и

стереотипы, что также отразилось в результатах рассматриваемого опроса 2012 года. Более чем 75%-ная (!) уверенность респондентов в том, что стремление выпускников вуза, в котором они учатся, выехать на работу за рубеж будет только нарастать (при статистическом минимуме предполагающих обратное), говорит о многом.

Удастся ли преодолеть такую, прямо скажем, не очень благоприятную для российской науки ситуацию? Судя по результатам опроса, притоку свежих кадров в сферу научной деятельности будет способствовать, в первую очередь (что уже предсказуемо), повышение зарплатной «капиталоёмкости» науки до уровня высокодоходных отраслей - 27,3% и 45,6% ответов «Да» и «Скорее, да, чем нет» на вопрос «Стали ли бы Вы работать в науке, если бы уровень материального вознаграждения был бы сопоставим с доходом в коммерческой, финансовой и других аналогичных сферах деятельности?».

Хотя «материальная» мотивация остаётся для студентов главным «лимитирующий фактором» индивидуальной научной карьеры, результаты исследования СПбФ ИИЕТ РАН свидетельствуют вместе с тем о наличии всё ещё достаточно распространённого в молодёжной среде (со всей её спецификой) доверия к науке как к социальному институту, обеспечивающему – при сочетании ряда условий – вполне социально престижное трудоустройство. Действительно, «делать выводы о том, что студенты «весьма неохотно идут в науку», сегодня, наверно, опрометчиво. Возможно, за таким выводом скрывается невозможность (отсутствие ставок), а то и нежелание, принимать молодых исследователей на работу. Опрос зафиксировал, что студенты осведомлены об институциональных особенностях российской науки: старении кадров, слабом присутствии бизнеса, небольших стартовых зарплатах научного сотрудника / преподавателя вуза. Вместе с тем важно подчеркнуть, что для большинства респондентов повышение начальной зарплаты до 30 тысяч (значительно меньше, чем ставки постдока за рубежом) сделает академическую карьеру более привлекательной» [2, 96-97].

Это принципиальный момент, на который давно стоило бы обратить практическое внимание нынешним «организаторам науки», ратующим за «эффективный менеджмент» и мотивацию работников в «подведомственной» отрасли. Ведь вполне резонно, что для большинства студентов (потенциальных «молодых научных кадров») необходимый уровень заработной платы («оценки труда») учёного представляется в цифровом выражении, как минимум, не ниже среднегогородского – как с экономической, так и с «морально-психологической» точки зрения. Видимое для всего общества (включая молодёжь) понимание «лицами, принимающими решения» в управлении отечественной наукой подобных непреложных истин и шаги по принятию таких соответствующих решений позволит смотреть в будущее с более обоснованной надеждой на улучшение ситуации (каковая в принципе присутствует и у представителей петербургского студенчества, как показал проведённый опрос, основные результаты которого представлены здесь).

1) Казаков С.В. Перспективы научной карьеры в оценках студенческой молодёжи (на материале социологического опроса в Санкт-Петербурге) // Социология науки и технологий. 2016. Том 7. №2. С.144-157.

2) Ащеулова Н.А., Душина С.А. Мобильная наука в глобальном мире / ред. В.М. Ломовицкая. - СПб. Нестор-История, 2014.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОББИЗМА КАК НЕФОРМАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ВЛАСТИ

Каневский П.С. (Москва)

Процесс взаимодействия групп интересов и органов политической власти, также называемый лоббизмом, относительно недавно стал предметом серьезных научных изысканий в мировом научном сообществе. Несмотря на то, что теория групп интересов существует более века, изучение механизма давления данных групп на органы власти долгое время находилось на обочине социально-политической мысли. Это было связано с двумя основными методологическими проблемами.

Первая проблема связана с тем, что, вплоть до конца 1980-х гг. – начала 1990-х гг., теория групп интересов, в том виде в котором она развилась в классических трудах Д. Трумена, Р. Даля, Т. Лоуи, М. Олсона, была направлена скорее на исследование того, каким образом группы интересов способствуют мобилизации граждан, чем реальных механизмов власти и влияния, которые составляют суть взаимодействия групп интересов с органами политической власти. В

определенном смысле демократические (в идейном смысле этого слова) аспекты теории групп интересов перекрывали уровень реального политического процесса.

Вторая проблема, напрямую связанная с первой, заключается в том, что на лоббизм долгое время смотрели как на набор формальных правил и процедур, которые можно изучить и измерить количественными методами. Однако более новые фундаментальные работы таких авторов как Ф. Баумгартнер и Б. Лич [1], показали, что лоббизм невозможно исследовать, не рассматривая его неформальные стороны. Традиционные количественные методы изучения групповых интересов и способов их влияния упускают из виду не прямые способы влияния на формирование повестки дня и процесс принятия политических решений. Вне поля зрения ученых остаются, например, неформальные связи, которые складываются между субъектами и объектами лоббирования, которые приводят к установлению между ними долгосрочных доверительных отношений и ведут к формированию стабильных патрон-клиентских связей, которые не поддаются простому количественному анализу. Таким образом, даже в тех странах, где лоббизм является формальным институтом и регламентируется законодательством (например, в США и Канаде), у него в любом случае есть неформальная сторона, которая не поддается ни простому измерению, ни нормативному регулированию. Ситуация еще более усложняется в системах, где лоббизм является неформальным институтом не только де-факто, но и де-юре.

Как показывают многочисленные исследования, государства, в которых существуют четкие правила регулирования того, что принято называть лоббистской деятельностью и дается определение лоббизма на официальном политико-правовом уровне, составляют в мире абсолютное меньшинство. Более того, наличие таких правил вовсе не означает, что данные страны поставили под юридический контроль процесс принятия решений, так как не существует такой системы, в которой не было бы неформальных связей групп интересов с центрами власти. Попытка же скопировать институт лоббизма, например, по американскому образцу, вовсе не означает его превращения в формальный институт.

Развитие лоббизма, независимо от того, является он формальным или неформальным институтом, стало результатом процессов демократизации и распространения в обществе рыночных отношений. Это значительно упростило создание групп интересов и упростило их доступ к центрам власти. Классическим примером эволюции от неформальных практик к законодательному регулированию является институт лоббизма в США. Еще более сложный пример представляет многоуровневый и малопонятный стороннему наблюдателю лоббизм в Евросоюзе, где произошла интеграция различных национальных способов взаимодействия групп интересов и органов власти в единую систему согласования решений с центром в Брюсселе.

Российский же пример демонстрирует, что неформальные лоббистские отношения развивались в стране в течении десятилетий и имеют богатую историю становления. Зачастую, основные механизмы взаимосвязи групповых интересов с органами власти унаследованы из позднесоветской эпохи, когда начинали формироваться тесные контакты между представителями различных торгово-промышленных отраслей с представителями партии и исполнительных органов. Из отдельных разрозненных сетей в 1970-е гг. это привело к сложной системе согласования интересов между финансово-промышленными группами и властью. Именно через призму данных взаимосвязей принято рассматривать т.н. «железные треугольники лоббизма», которые подразумевают установление контактов между законодателями, профильными чиновниками и представителями крупных корпораций и промышленных объединений. Поддержанию такой практики способствует и известный американцам, но в реальности существующий в России механизм «вращающихся дверей», который обозначает процесс перехода руководителей или крупных акционеров частных, государственных или смешанных корпораций в органы государственной власти и наоборот. Вопрос заключается лишь в том, насколько подобные формы взаимодействия прозрачны и каким образом они влияют на систему представительства интересов. Таким образом, неформальный институт лоббизма возник не в результате особенностей политической культуры или особого набора ценностей, а был вызван динамикой поведенческих моделей, которые породили те правила игры, которые во многом существуют по сей день.

Лоббизм является гораздо более сложным явлением, чем просто набор предсказуемых и законодательно регулируемых механизмов взаимодействия между группами интересов и государствам. Перспективы дальней и во многом неизбежной институционализации лоббизма заключаются не в унифицированных законах, обязывающих лоббистов выходить из тени, а в создании такой нормативной базы, которая способствовала бы большей прозрачности в

деятельности органов государственной власти и снижению риска коррупционных отношений. Эти вопросы крайне актуальны для России, где дискуссия о лоббизме уже много лет находится в тупике. Важно понимать, что негативные замещающие тенденции в российской политике, которые коренятся в сложных поведенческих моделях, невозможно ограничить лишь запретительными и принудительными мерами, так как это будет приводить к формированию новых замещающих практик. Проблемой для неформального института лоббизма в России является и то, что, в отличие от Великобритании или Японии, в российском политическом пространстве отсутствуют четкие этические кодексы, что не способствует самоконтролю со стороны чиновников. Лоббизм никогда не сможет быть полностью формальным институтом в России, однако очевидно, что система взаимоотношений между заинтересованными группами и государством должна претерпеть изменения. Для этого нужно активизировать дискуссию в экспертно-академическом сообществе, среди профессиональных политиков и представителей бизнеса. Необходимо более отчетливо демонстрировать очевидные минусы и издержки сложившихся моделей поведения, направленных на сохранение коррупционных практик. В конечном счете, лоббистские отношения являются данностью политического процесса, однако от их качества будет зависеть и качество политической системы, и ее способность справляться с поступающими от общества требованиями.

№1. Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic instincts: The importance of groups in politics and political science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.

БРАК КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Карцева Л.В. (Казань)

В социологической науке есть белое пятно – отсутствует такое направление как социология брака. Между тем брак представляет собой совершенно самостоятельный социальный институт, который возник гораздо раньше, чем институт семьи. Истоки социологии брака восходят к философскому осмыслению роли рода в организации всей социальной жизни человечества. Семья как социальная структура стала возможна благодаря браку как институту, соединившему мужчину и женщину как два противоположных начала в единое целое. Именно на основе брака стихийно функционирующая родовая структура начала атомизироваться, из неё начали выделяться пары, которые со временем обростали потомством. Так формировались семьи.

В этом смысле методологически неверно ставить категорию «семья» впереди категории «брак». Отношения между мужчиной и женщиной в интимной сфере являются брачно-семейными, а не наоборот, поскольку именно посредством брачных отношений передавались не только опыт существования сексуальных партнёров, но и опыт сохранения и возобновления жизни поколений. В браке организуются те или иные формы и виды межличностных отношений между людьми. Он и Она – сначала брачная диада, и только потом – группа из трёх и более членов.

Исторически брак существовал в двух формах - полигамии и моногамии. Последняя возникла в эпоху становления рыночных отношений в обществе и имела сугубо утилитарную цель - юридически и социально закрепить подлинную кровную связь между мужчиной и его детьми, поскольку связь матери и ребёнка устанавливается естественным путём.

Однако развитие рынка идёт причудливым путём. В XXI веке потребности рынка сдвинулись из сферы материальной в сферу индивидуально-личностную, приватную. Источники заработка в виде новых форм удовлетворения сугубо интимных потребностей человека начали множиться. Среди таковых оказались публичные дома, гей-клубы, клубы для женщин с лесбийской ориентацией, торговля интимными предметами для сексуальных забав, одеждой для транссексуалов и бисексуалов, кино, видео, телевидение с эротической направленностью, издание соответствующей печатной продукции. Самой же доходной оказалась такая статья, как передача новорожденных или дошкольного возраста детей от здоровых гетеросексуальных женщин или семейных пар к неспособным родить ребёнка однополым парам – мужским или женским. В Европе этот бизнес разрешён официально, в России запрещён. Но исходная позиция – неопределённость российского законодательства по суррогатному материнству работает на пользу субъектам, имеющим свой интерес к эксплуатации женского тела как донорского, вынашивающего чужого ребёнка во имя материального обогащения.

Всё перечисленное стало началом новой эры - эры эротизации культуры и быта россиян. В новую фазу она вступила с ценностным переходом некоторой части представителей

общественности – научной и управленческой - от единственной формы осмысления брачных отношений в обществе – как гетеросексуальных к их трактовке как отношений свободных от социальной нормы, однополых. Складывается некий слой российской интеллигенции, смотрящей в сторону Запада, одобряемый и подпитываемый им материально, готовый отодвинуть интересы воспроизводства российского общества на второй план ради интересов новой экономической элиты, обогащающейся на почве эротических и сексуальных интересов и наклонностей определённой части общества.

Так всё-таки, что же такое гетеро- и гомосексуальные пары, браки? Только ли социально обусловленные союзы в одном случае и физиологически предопределённые в другом? От ответа на него зависит самое главное – определение социальной сущности брака, его юридического статуса, а значит и правомерности перевода неестественного (однополого) сексуального союза в статус брачного, законом разрешённого.

Защитники традиционной, возникшей эволюционным путём семьи как структуры, основанной на гетеросексуальном браке, видят брак как институт, предохраняющий супругов и их потомство от потрясений социального, юридического, экономического и психологического плана. Сторонники брака, предложенного интересантами рыночными, извлекающими многомиллионные прибыли из нетрадиционной сексуальной ориентации крайне незначительной части населения, навязывают собственные представления о так называемой свободе, демократии в межличностных отношениях, которая на самом деле является перекодированием интимно-личностного, физиологического в своей основе, в социальное и даже политическое. В результате подменяются понятия брака как явления социального и интимного союза двух (или больше) мужчин или двух (и более?) женщин понятием по сути медицинским. Далее вопрос переходит в плоскость политическую, и тогда в российской истории искатели инноваций от социологии находят факты подавления политических прав гомосексуалов и лесбиянок, выдвигают политические требования (свободу однополым союзам!) в сферу науки – политической, социологической и т.д., формируя тем самым нужное им общественное мнение [1].

То, что брак явление социальное, рожденное самим обществом, сомнению не подлежит. В основе своей это экономический и юридический, общественно признанный союз мужчины и женщины как субъектов права, обладающих как общей собственностью, так и правом наделения ею и собственным именем родившихся в браке детей. Попытки обозначить отношения между гомосексуалистами и лесбиянками, исключительно эротические в основе своей и представляющие собой свободные отношения со-жительства, как брачные не являются корректными.

Брак выполняет целый ряд социальных функций: правовую (социального статуса), экономическую, сексуальную, морально-психологическую. Брак удовлетворяет не только половую потребность индивида, но и потребности нравственные, духовные, эмоциональные - во взаимной верности, взаимоподдержке, любви, понимании. В браке супруги находят материальную и экономическую поддержку, социальную заботу. Брак реализует потребность в собственном воспроизводстве и наследовании семейных традиций. Наконец, брак приносит удовлетворение правовым статусом семьи. Индивид исполняет в браке далеко не только самостоятельно избранные роли – гостя-гостыя, любовника-любовницы, отца или сына, дочери или матери, подруги или друга. В браке возникают определённые обязательства, вытекающие из социальных ролей, и это права и обязанности мужа и жены, отца или матери, снохи и зятя, в будущем - свекрови и тещи, бабушки и дедушки. Это вполне официальные роли, исполняемые гласно, открыто, под общественным надзором и при социальном одобрении.

Важное методологическое значение имеет то обстоятельство, что социология брака должна исследовать брачную структуру как единое и неделимое социальное целое, как систему тесно связанных между собой социальных феноменов, среди которых – супружество, кровнородственные отношения, с одной стороны, и свойство (некровнородственные отношения, порождённые брачными узами), с другой. Каждая из этих составных частей равнозначна по отношению к другой.

Социология брака должна изучать не гендерные отношения, которые имеют лишь косвенное отношение к браку как к социальной структуре, а социальные ценности, затрагивающие институт брака. Исследование специфики исполнения брачной парой своих социальных функций является первоочередной задачей для постановки диагноза, в каком состоянии находится российский институт брака, насколько совпадают в нём интересы отдельной личности, с одной стороны, союза двух брачных партнёров, с другой, и общества, с третьей. Очевидно, что названные предметы исследования не составляют предметной области гендерной социологии, а

тем более не имеют отношения к реальной политической системе. Ценностные выборы мужчины и женщины, касающиеся их намерений прожить одну жизнь на двоих, родить ребёнка и вырастить его, являются объектом исследования сначала социологии брака, а затем и социологии семьи.

Брак нуждается в изучении с двух сторон – как формальной, так и неформальной структуры. Брак формален, поскольку зиждется на юридически закреплённых правах, статусах и обязанностях супругов. Неформальные признаки брака как социальной структуры состоят в наличии особого типа организованности её как системы, который существует внутри организованной формальной системы, но на личностных основаниях.

Любопытно, что Энтони Гидденс ещё в конце прошлого, XX века «группу людей, непосредственно связанных родством, взрослые члены которой берут на себя ответственность за детей и заботу о них», называл семьёй.[2] На наш взгляд, речь шла скорее не о семье, а именно о браке, который фиксирует вертикальные связи между родственниками, оказавшимися в единой системе отношений. В названной дефиниции не указывалось, кто является основателем семейной группы. Фигуры мужчины и женщины в ней не назывались, а по сути именно они и составляют ядро брачной структуры, расширяющейся до семьи. Система супружества дополнялась системами родства и родительства, определяющими суть брачно-семейных отношений.

Иными словами, на протяжении длительного времени представители западного общества сужали понятия и брака (до отсутствия упоминания о ролевых позициях мужчины и женщины), и семьи (до включения в неё только взрослых и детей). Здесь и поныне проходит линия раздела между традиционным, которые защищает российская социология семьи, и инновационным представлениями о брачно-семейных отношениях.

1. На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сбор.

Статей/ ред.-сост. В. Кондаков. – СПб., 2014.

2. Giddens A. Sociology. Third edition. – Polity Press, UK, 1997. p. 140.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Касаркина Е.Н. (Саранск)

В связи с эскалацией и распространением процессов модернизации современного общества, умение адаптироваться к изменяющейся реальности стало весьма актуальным для старшего поколения. Пожилой возраст является самостоятельным и достаточно продолжительным периодом жизни со своими социальными и психологическими особенностями, однако, ввиду изменений состояния здоровья, социального статуса и образа жизни, возникают затруднения в социально-бытовой сфере и социальной адаптации к новым условиям. Это невольно отражается на жизненной позиции пожилых людей, стиле общения, ценностных ориентациях и аффективно-эмоциональной сфере. Чем старше становится человек, тем больше в силу объективных причин сужаются его социальные связи, материальные возможности и снижается социальная активность, следовательно человеку затруднительно адаптироваться в обществе. В 2014 г. по данным, опубликованным Федеральной службой государственной статистики, доля пожилых людей в России составляла 23,5% населения [1], это почти каждый четвёртый россиянин, при этом каждый второй пожилой человек нуждаются в постоянной медико-социальной помощи [2]. К 2025 году ожидается, что каждый пятый гражданин страны будет в возрасте 60 лет и старше [3].

Проблемы адаптации пожилых людей в современном обществе, приводит к объективной необходимости помощи и содействия данной категории населения. Однако, пожилые люди зачастую являются пассивными реципиентами социальной помощи, на уровне компенсаций, льгот, выплат, зачастую не позволяющих им успешно адаптироваться в обществе. Активная стратегия социальной защиты, выражающаяся в актуализации жизненных сил пожилого человека, развития независимости, приобретения навыков и умений по самозащите не эффективны. Между тем требуется не просто включение пожилых людей в общество, как полноправных членов, путем денежных компенсаций, но и учет факторов, влияющих на их самореализацию и самоактуализацию.

Средством адаптации пожилого человека в современном обществе является физическая культура которая выступает не только формой занятости пожилых людей, возможностью социальной активности, но и весьма полезной, оздоравливающей их жизнь деятельностью, главным условием сохранения физического и психического здоровья, функциональных возможностей, а в

конечном счете социальной адаптивности пожилых людей. При регулярных занятиях физическими упражнениями возрастные изменения в организме протекают гораздо медленнее, и человек в течение длительного времени может сохранять хорошее здоровье и высокую работоспособность. Двигательная активность имеет огромное значение в борьбе за улучшение здоровья, повышение работоспособности и продление жизни человека. Именно физическая активность является основой здорового образа жизни. Не случайно ФЗ РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» 4.12.2007 г. № 329-ФЗ (с изм. и доп. на 3.11.2015 года) в ст. 2 фиксирует, что физическая культура - часть культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития.

Следует также отметить, что реализация основных принципов физической активности пожилых людей является, в большей степени, их личной инициативой, что в значительной степени сужает возможность активного образа жизни и адаптации. Неслучайно в распоряжении Правительства РФ от 7.08.2009 г. № 1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» подчеркнуто: «продолжается дальнейшее ухудшение здоровья граждан РФ....важной причиной этого является то, что существует невозможность реализации большей частью населения права на занятия физической культурой и спортом, особенно среди малообеспеченных категорий граждан (инвалиды, пожилые люди и др.)» [4]. В докладе рабочей группы Совета при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорта «О развитии массового спорта и физического воспитания населения» (март 2014 г.) отмечено, что среди различных возрастных групп населения систематически занимаются физической культурой и спортом лишь 6,1 млн. чел. в возрасте от 30 до 59 лет, или 9,7% от общей численности данной возрастной группы, а в возрасте 60 лет и старше – всего 0,6 млн. чел., или 2,2 % от общей численности данной возрастной группы [5].

Результаты социологического анкетного опроса пожилых людей - пользователей социальных услуг ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г. о. Саранск» (2016 г.) позволили сделать ряд выводов.

1. В силу возрастных изменений состояния здоровья, социального статуса и образа жизни, у пожилых людей возникает перемена жизненного уклада и затруднения в социальной адаптации, что влияет на способность рационально оценивать сложившуюся ситуацию, вырабатывать и осваивать соответствующие ей модели поведения. Социальную адаптацию пожилого человека в современном обществе затрудняют материальная несостоятельность (49,6 % респондентов), наличие хронических заболеваний (60,48 % респондентов), инвалидность (46,7 % респондентов), нуждаемость в наблюдении и уходе (34,5 % респондентов).

2. Физическая активность стимулирует адаптационные способности пожилых людей. Систематические физкультурные занятия оказывают позитивное влияние на социальное самочувствие пожилых людей, повышают двигательную активность, уровень эмоционального состояния, улучшают настроение, снижают степень тревожности. Пожилые люди которые практикуют занятия физической культурой отметили, что физическая активность: 1) выступает эффективным средством немедикаментозного восстановления организма (76,4 % респондентов); 2) повышает двигательную активность и физическую работоспособность (58,1 % респондентов); 3) формирует процессы самообновления, восстановления, приспособления к новым условиям жизни (34,9 % респондентов); 4) усиливает защитно-приспособительные реакции организма (33,2 % респондентов); 5) замедляют возрастные изменения в организме (11,5 % респондентов); 6) позволяет наполнить досуг, решить проблему свободного времени (10,6 % респондентов). В пожилом возрасте человек может быть физически активным и жить полноценной жизнью.

3. Физическая активность пожилых людей является их личной инициативой и связана, в большинстве случаев, с выполнением домашних дел (66,4 % респондентов), прогулками на свежем воздухе (58,1 % респондентов), работой на даче, огороде (41,5 % респондентов). Лишь 31,3 % респондентов занимаются физическими упражнениями не связанными с домашними делами. Среди основных причин, мешающих повысить физическую активность и заниматься физической культурой: 1) трудности связанные с оплатой социально-оздоровительных объектов (99 %); 2) наличие заболеваний, влияющих на общее самочувствие (60,4 %); 3) информационная не осведомленность о деятельности социально-оздоровительных объектов (60,4 %).

4. Неизбежность инволюционных процессов в организме человека обостряют интерес пожилого населения к индивидуальным практикам поддержания здоровья и физической культуре. Данные проведенного исследования свидетельствуют об уверенности респондентов в необходимости поддержания здоровья в пожилом возрасте (72,6 % респондентов). Объективная оценка состояния здоровья служит основой для мотивации пожилого человека к сбережению ресурсов здоровья и выполнению конкретных профилактических мероприятий, занятий физической активностью.

5. Во многом проблемы старения, связанные с адаптацией и снижением трудоспособности в пожилом возрасте, связаны не только с фактическим падением уровня жизненных сил, потерей здоровья, но и с угасанием жизнедеятельности на субъективном уровне. Снижение востребованности физического, психического, социального и творческого потенциала пожилого человека становится не следствием, а причиной появления ограничений реальной жизнедеятельности. Вместе с тем, изменение психологической установки пожилых в отношении своего здоровья, социальной активности, своего физического и психического потенциала, повышение самооценки пожилых вместе с формированием здорового образа жизни способно в значительной мере повысить уровень благосостояния, физического и психического здоровья старшего поколения.

6. Физическая культура является актуальным средством социальной работы с пожилым человеком. Для практической социальной работы с пожилыми людьми актуальными являются вопросы здоровьесберегающего образа жизни, при этом особая роль отводится оздоровительной физической культуре. Использование средств физической культуры в социальной работе с пожилыми людьми, существенно влияет на формирование здорового образа жизни лиц пожилого возраста и положительно сказывается на социальной адаптации пожилого человека.

В заключении следует отметить, что занятия физическими упражнениями способствует развитию адаптационных способностей пожилого человека посредством: усиления деятельности сердечно-сосудистой и дыхательной систем; улучшения свойств нервных процессов - силы процессов возбуждения и торможения, их подвижности, уравновешенности; совершенствования двигательных качеств мышц: быстроты, силы, ловкости, выносливости; развития двигательной активности и координации движений; нормализации обмена веществ в организме; профилактики гиподинамии; избавления от лишнего веса; совершенствования регуляции общих функций организма; улучшения функционального состояния всего организма, положительного влияния на самочувствие, настроение, работоспособность. Физическая культура как средство социальной адаптации пожилого человека:

- сохраняет трудоспособность и положительную мотивацию на активный образ жизни повышает резервные возможности организма, улучшает психо-эмоциональное и общее состояние здоровья;

- формирует человека быть творческим, активным, индивидуальным, мотивированным к самосовершенствованию;

- способствует снижению частоты возникновения и обострений хронических заболеваний;

- выступает основой здорового образа жизни и профилактикой пассивного и/или ассоциального образа жизни;

- стимулируют, увеличивают в организме выработку жизненно важных гормонов, которые необходимы для организма.

Таким образом, решение вышеназванных вопросов приобретает специфический характер в современной теории и социальной практики, так как существует множество причин, мешающих быть пожилым людям физически активными, а также аргументов свидетельствующих о пользе физической активности в пожилом возрасте.

1. *Распределение населения по возрастным группам в 2014 : [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. [М., 2016]. □ Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography*

2. *Землянский Д. А. Оздоровительная физическая культура с лицами пожилого возраста в условиях стационарных учреждений социального обслуживания населения : автореф. дис. ...канд. педагог. наук /Д. А. Землянский; ФГОУ ВПО «Волгоградская государственная академия физической культуры». – Волгоград: ВГАФК, 2011. – С. 3.*

3. *Никольская Т. В. Организация занятий физическими упражнениями с лицами пожилого и старческого возраста в единых социальных условиях геронтологического центра / Т. В. Никольская, Н. А. Воробьева // Проблемы безопасности российского общества. – 2013. – № 1. – С. 50.*
4. *Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года □Электронный ресурс□ : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 7.08.2009 г. № 1101-р // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. □ [М., 2016]. □ Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/902169994>*
5. *Кабачкова А. В. Возможности оздоровительной физической культуры для женщин пожилого возраста (55-68 лет) / А. В. Кабачкова, А. М. Михайлова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 391. – С. 195.*

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ КЛАСТЕРНО-СЕТЕВОЙ МОДЕЛЬЮ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСЛУГ

Катаева В.И. (Москва)

Современная сфера социально-культурных услуг находится в процессе нелинейного самостимулирующего роста. Осваивает рыночный механизм посредством создания мягких горизонтальных структур (корпоративных и негосударственных некоммерческих) параллельно с сохранением жестких вертикальных структур (государственных и муниципальных), характерных для бюрократического типа управления социальной сферой советского периода. Поскольку он более эффективен в качестве механизма аккумуляции всех видов ресурсов по сравнению с планово-централизованным хозяйством. Он позволит изменить мотивацию хозяйствующих субъектов в сфере социальных услуг, как государственных, так и негосударственных некоммерческих организаций; стимулировать поиск ресурсов, как внутри этой сферы, так и в ее внешней среде.

Главной чертой современной сферы социально-культурных услуг является возможность и способность выбора многовариантного будущего.

В современных нестабильных условиях развития внутренней и внешней среды сферы социально-культурных услуг научные подходы взаимодополняют друг друга. Выбор конкретного методологического принципа исследования зависит от состояния открытости/закрытости, линейности/нелинейности, детерминированности, индетерминированности определенного участка, элемента или механизма сферы социально-культурных услуг в определенный период ее функционирования и развития.

Рассматривая перспективы развития сферы социально-культурных услуг в целом, необходимо учитывать атрибутивное свойство этой систем – самоорганизацию. Развитие любой системы (здесь – сферы социально-культурных услуг) происходит в условиях социальной энтропии, неизбежной в любой ячейке общества. Для сферы социально-культурных услуг современной России характерны три основные тенденции: внутренние структурные изменения, коммерциализация и децентрализация.

В современной системе управления организациями предоставление государственных и муниципальных услуг, а также дополнительных платных услуг осуществляется на основе разделения функций заказчика и подрядчика. Необходимо встроить отрасли сферы социально-культурных услуг в рынок посредством применения финансовых, законодательных, экономических, маркетинговых, технологических и др. механизмов управления.

Для качественного скачка в развитии сферы социально-культурных услуг, необходимо внедрение новых управленческих технологий, знание и ориентация в производственных технологиях, повышение эффективности сотрудников, занятых производством социально-культурных услуг.

Специфика управления кластерно-сетевой моделью заключается в акценте на интеграцию организаций сферы социально-культурных услуг независимо от организационно-правовых форм и форм собственности. Управление кластерно-сетевой моделью может быть обеспечено:

- вертикальным выстраиванием единой социальной политики в соответствии с законодательным разграничением полномочий органов управления: 1) муниципального образования, 2) субъекта Федерации;

- горизонтальной интеграцией организаций сферы социально-культурных услуг различной формы собственности;

- применением проектного управления на основе разработки целевых программ и проектов;
- созданием финансового обеспечения функционирования кластерно-сетевой модели посредством объединения средств, выделяемых на государственные/ муниципальные программы/ проекты из бюджетов всех уровней и внебюджетных источников.

Представляется возможным опора на нормативно-правовую базу в сфере кластерной политики и документы, обеспечивающие поддержку частно-государственного и частно-муниципального партнерства, и экстраполяция этой базы на сферу социально-культурных услуг.

Управление кластерно-сетевой моделью обеспечивает выполнение следующих функций:

- законодательное регулирование производства и потребления услуг сферы высшего образования;
- разграничение компетенций органов власти государственного и муниципального управления в развитии социально-культурных услуг московским семьям;
- разработку и реализацию политики в области взаимодействия государственных, муниципальных бюджетных учреждений нового типа, государственных и муниципальных автономных учреждений, негосударственных бизнес-структур;
- субсидирование потребителей социально-культурных услуг (гранты, стипендии, кредиты, ваучеры и другие льготы);
- субсидирование частных производителей социально-культурных услуг;
- покупку социально-культурных услуг (государственные/ муниципальные заказы);
- налоговое регулирование (установление налоговых льгот для подрядчиков и их кредиторов).

На основе принципа кластерно- сетевого объединения организаций участники данного объединения могут выполнять следующие работы:

- научные, методические, технологические разработки,
- обучающие, образовательные мероприятия,
- производство услуг, продукции,
- сервисное обслуживание, продвижение услуги, товара.

Синергетические эффекты функционирования многокомпонентного социально-территориального кластера позволят обеспечить системные изменения по основным направлениям развития образования, здравоохранения, физкультуры и спорта, социальной защиты населения, культуры и молодежной политики, а также будут эффективно содействовать становлению институтов гражданского общества.

Управление кластерно-сетевой моделью позволит повысить качество государственного регулирования конкуренции, что укладывается в логику стратегических документов государственного и муниципального управления.

Григорьев С.И. Основы неклассической социологии / на англ. яз. М.: Магистр-Пресс, 2006 (соавт. А.И. Субетто).

Катаева В.И. Сфера социально-культурных услуг: субъекты, объекты, инфраструктура // Управление социальными процессами в условиях модернизации России: теория и практика. Материалы IX Афанасьевских чтений. М., 2011. С 219-225.

Луман Н. Почему необходима системная теория? // Проблемы теоретической социологии. СПб: Петрополис, 1994. С. 43-54.

Мокеев М.М. Содержание понятия муниципальная услуга // VI Международная научно-практическая конференция "Спецпроект: анализ научных исследований" (30-31 мая 2011г.). http://www.confcontact.com/20110531/yur_makeev.htm

Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2000.

Рохмистров С.Н. Постсоветская трансформация России: инновационные аспекты научного анализа // Методология и методика анализа социальных процессов. Сб. научных статей. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2008. С. 23.

КОНВЕРГЕНЦИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Качкин А.В., Сухопаров Е. Н. (Ульяновск)

Существует достаточно давняя идея П.Бурдьё о формах капитала, о том, что капиталы могут взаимно обмениваться между собой, обладают свойством трансверсальности, конвертируются друг в друга. При этом каждая из форм капитала обладает относительной

независимостью, автономностью и собственной институциональной оболочкой. Почему и зачем происходит взаимопроникновение капиталов? Как конкретно это происходит? Какие глубинные процессы скрываются за метафорой конвертации бизнеса и власти. Какие мотивы основных акторов? Какова институциональная природа этих процессов в современной России?

Всем очевидно, что бизнес «стремится во власть», что осуществляет оплату услуг чиновников, политиков и политических партий, что бизнесмены трансформируются в политиков. Но при этом об этом никогда не говорится в открытую, процесс проникновения бизнеса во власть оказывается латентным, незримым и преимущественно неформальным. Очень неочевидно и то, какие институциональные последствия имеет этот процесс. Меняются ли и если, да, то как меняются институты? Сам процесс имеет междисциплинарную природу, располагается на стыке политологии, экономической теории и социологии.

Видится, что основная причина достаточно масштабного проникновения бизнеса во власть состоит в том, что в России до конца не сформировались важнейшие, основополагающие институты. С точки зрения бизнеса, таким институтом является право собственности. С точки зрения власти, неполноценным институтом является институт политической преемственности. Это определяет очень короткие горизонты властных отношений, в лучшем случае в пределах одной legislatures. И порождает определенные внеполитические практики.

Особенность ситуации в том, что бизнес и власть создают своеобразные институциональные паллиативы, позволяющие минимизировать риски несформированности основополагающих институтов (права собственности и стабильности политической ситуации), устоявшиеся стратегии поведения – политическое инвестирование со стороны бизнеса и капитализацию властных ресурсов и полномочий со стороны власти.

Таким образом, можно говорить о двух замещающих практиках, которые мы рассматриваем в качестве уже сформированных институтов: «политическое инвестирование» и «капитализация властных ресурсов». Следует сразу выделить ряд особенностей функционирования этих институтов.

Первое. Они закрепляют условия, при которых фундаментальные институты современности (права собственности и политическая стабильность) в России продолжают оставаться недоформированными, слабыми.

В политическом смысле всей полнотой власти над правами собственности обладает государство. Оно устанавливает и изменяет правила игры, контролирует их выполнение и налагает санкции за нарушение. В результате достигается порядок, но при условии, что реализуемая государством стратегия развития удовлетворяет социальным потребностям большинства («good policy»). Особенность России в том, что правящие политические группы, как правило, реализуют противоположную модель, так называемую «bad policy» с явными признаками «плохого» государства, не обеспечивающего защиту прав собственников. В этой модели в условиях слабой защиты прав собственности экономическое развитие становится все-таки возможным благодаря адаптации рыночных агентов в неблагоприятной окружающей среде посредством неформальных способов обхода формальных государственных правил, не соответствующих их интересам. Здесь и возникает стратегия политического инвестирования, представляющего собой набор неформальных практик, позволяющих бизнесу вкладывать собственные финансовые или личностные ресурсы в политическую сферу, что позволяет превращать политическую деятельность в разновидность предпринимательской деятельности и обеспечивает стратегическую защиту прав собственности. Данная институциональная модель может рассматриваться в качестве разновидности кронизма.

Второе. Эти институты выступают особыми механизмами конвергенции, взаимопроникновения бизнеса и власти. Политическое инвестирование, являясь достаточно рациональным бизнес-проектом, активно трансформирует политическое поле, во многом меняет его культуру. То же самое верно и для капитализации властных отношений – хождение власти в бизнес власть искажает предпринимательский этос, задает иные, трансформированные проявления игры. Понятие взаимодействия бизнеса и власти в рамках институционального анализа рассматривается в контексте трансформации основных акторов – власти и бизнеса. Модель трансформации может быть описана следующей триадой:

- Власть как актор, бизнес как объект воздействия. В этом случае их отношения определяются переменной «мешает\помогает». При этом сохраняется институциональная принадлежность и власти и бизнеса (например, см. А.А. Аузана, А.А. Яковлева). Важно

подчеркнуть, что не подразумевается пассивного поведения бизнеса, но в любом случае при таком подходе актором выступает только лишь государство.

- Экономические агенты как актор, власть как объект. Подобное понимание задает априорную парадигму рассмотрения действий бизнеса как адаптационных практик, ярким проявлением такого подхода является рассмотрение институционального аспекта развития предпринимательства, на способы адаптации бизнеса к «плохим» институтам, в том числе искаженным коррупцией В.В. Радаевым. В этом случае необходимо различать стратегию ситуативной «покупки» бизнесом управленческих услуг и стратегию долгосрочного инвестирования в политику. Здесь так же сохраняется институциональная принадлежность и соответствующая идентичность участников взаимодействия.

- Институциональная трансформация участников взаимодействия и создание паллиативных институтов, важнейшим из которых становится политическое инвестирование. При этом подразумевается постоянный переход акторов из одной категории в другую (например, Я.Ш. Паппэ и Н. Зубаревич). Выделим две основных формы трансформации. Реактивная - для бизнеса это попытка противостоять давлению конкурентов нерыночным путем, выторговать для себя особые условия; для власти – минимизировать последствия неопределенности и нестабильности политических статусов, стремление капитализировать достигнутый уровень, подготовить запасной аэродром. Инвестиционная – для всех участников взаимодействия стремление расширить ресурсную базу. И проблема здесь заключается как раз в том, чтобы понять, насколько в процессе взаимодействия трансформируются исходные институты с точки зрения целеполагания, мотивации участников.

Третье. Конкретные способы реализации экономическими агентами политического инвестирования во многом задаются спецификой российских социумов. С этой точки зрения в качестве базы спецификации субъектов РФ можно использовать модель «трех России» Н.Зубаревич. В частности, для «первой России» характерны общероссийские масштабы политического инвестирования (это проявляется в избирательных кампаниях федерального уровня, инструментах лоббирования). Для «второй России» более характерны такие проявления, как рекрутирование представителей бизнеса в областные правительства, способы получения преференций для бизнеса и т.д. В «третьей России» на первое место выходят практики недобросовестной конкуренции, способов получения привилегированного доступа к бюджетным ресурсам.

Четвертое. Следует различать силовой вариант защиты прав собственности (силовое предпринимательство, коррупция) и «мягкий» вариант (политическое инвестирование). Основанием различия является их результативность и эффективность: силовые методы представляют собой институт сдерживающий развитие бизнеса, а политическое инвестирование – институт развития.

1. *Административные барьеры в экономике / под общ. ред. А.А. Аузана, П.В. Крючковой. М., 2002;*

2. *Яковлев А.А. Агенты модернизации. М.: ГУ ВШЭ, 2006.*

3. *Радаев В.В. Российские предприниматели: кто они? // Вестник статистики. 1993. № 9. С. 3-14.*

4. *Паппэ Я.Ш. Отношения федеральной экономической элиты и власти в России в 2000-2004 годах: торможение в центре и новые стратегии на местах // Региональная элита в современной России. М., 2005. С. 77-93.*

5. *Зубаревич Н. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад. М.: Поматур, 2005.*

РОССИЙСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ДВИЖЕНИЕ ПО СПИРАЛИ ВВЕРХ ИЛИ ВНИЗ?

Кашина М.А. (Санкт-Петербург)

Диалектический закон отрицания отрицания предполагает, что развитие идет по спирали, и каждое следующее состояние системы отрицает предыдущее, но в то же время содержит в себе его самые значительные (существенные) черты в снятом виде. Применив этот методологический принцип к анализу российской демографической политики XX-XXI вв., можно получить весьма интересные результаты.

За точку отсчета следует принять начало в стране демографического перехода, т.е. смену аграрного общества индустриальным. Для России это конец XIX-нач.XX вв. В условиях

ускоренной индустриализации и урбанизации, проводимой Советской властью, модель малодетной и среднететной семьи сформировалась в РСФСР уже во второй половине XX в., а в 1980-е годы государству пришлось предпринимать первые шаги по повышению рождаемости.

Тезисом в спирали советской демографической политики можно считать формирование контракта «работающей матери», предполагающим сочетание материнства и оплачиваемой занятости. Антитезисом стало появление в ходе экономических реформ 1990-х гг. гендерных контрактов, материнство не предполагающих, или, во всяком случае, не акцентирующих репродуктивную функцию женщин. Например, контракт деловой женщины или женщины на содержании [подробнее см. 1].

В настоящее время происходит синтез этих двух политик. Если советскую политику из-за повышенного внимания к женщинам иногда называют государственным феминизмом, то после начала экономических реформ государство сняло с себя практически все обязательства по отношению к женщинам и семьям с детьми.

Что можно считать позитивным на этой стадии «отрицания» роли государства в демографических процессах, и что следует сохранить, чтобы движение по спирали шло вверх, а не вниз? Прежде всего – свободу женской самореализации и самостоятельного выбора жизненного пути. Отказавшись в 1990-е от помощи семьям с детьми государство сохранило права женщин на труд, образование и карьеру, а значит, на собственные источники доходов. В условиях кризиса спрос на женскую рабочую силу, как более дисциплинированную и менее подверженную девиации, даже вырос. В результате женщины не ушли с рынка труда, а возможности их самореализации и карьеры (правда, порой вынужденной, как, например, для женщин, которые занялись предпринимательством, чтобы прокормить себя и детей) даже выросли с учетом отказа от рождения большого числа детей или переносом даты рождения первого ребенка на более поздние сроки.

В 2006г. в Послании Президента Федеральному собранию России был провозглашен курс на поддержку женщин-матерей и семей с детьми, началось проведение государством активной пронаталистской политики. Произошло «отрицание отрицания». В целом это стало возвращением к советскому опыту работы с семьей в новых исторических условиях. Новыми, помимо экономической системы, стали как система ценностей населения, так и гендерная система с новыми гендерными ролями и контрактами. Демографический переход в целом для России уже завершен, а значит, в стране сложились традиции малодетности.

Будут ли работать в этих новых условиях привычные советские и ново-старые апеллирующие к традиционным семейным ценностям механизмы стимулирования рождаемости? По всей видимости, не всегда. [Анализ эффективности подобной политики см. 2, 3]. Кроме того, любые меры демографической политики наряду с позитивными результатами порождают массу латентных следствий, к которым государство не всегда оказывается готово.

Обсудим с точки зрения возможных латентных последствий новые инициативы государства, в частности, предложение дополнительно поощрять женщин, родивших 2-х и более детей в возрасте до 30 лет, Его высказал министр труда России – Максим Топилин на Восточном экономическом форуме во Владивостоке, состоявшемся в начале сентября 2016 года [4].

Прежде всего необходимо понимать, что рождение двух детей в возрасте до 30 лет предполагает изменение календаря рождений, т.е. активная репродуктивная фаза должна начинаться у женщин в возрасте 24-25 лет, а лучше 20-21 год. Для этого нужно преодолеть уже сложившуюся тенденцию повышению возраста первородящих матерей или, как это еще называют, отложенного родительства. По данным Росстата, рождаемость в младшей возрастной группе 20-24 года упала с 1958г. по 2014г. почти в 2 раза (с 157,9 на 1000 женщин до 89,8) и несмотря на меры демографической политики не растет, в отличие от возрастных групп 25-29 лет и 30-34 года [5, С.91].

Во-вторых, следует сократить время между рождением первого и второго ребенка, что создаст дополнительные нагрузки на матерей, а также увеличит срок их нахождения в непрерывном отпуске по уходу за ребенком, т.е. перерыв в трудовой деятельности.

Не оценивая сейчас вероятность достижения желаемых результатов, взвесим положительные и отрицательные последствия такой смены календаря рождений. Это особенно важно, потому что, если о положительных последствиях министр упомянул, то отрицательные дипломатично замолчал.

Позитивных моментов два: возможность для женщины родить третьего-четвертого ребенка после тридцати, и сохранение здоровья матери и ребенка. Оба тезиса весьма уязвимы. Известно,

что количество детей в семье определяется не столько возрастом матери, сколько репродуктивными установками родителей и условиями жизни семьи, в частности жилищными. Тем самым меры поддержки рождения детей у молодых мам не приведут автоматически к рождению большего числа детей. Они просто сдвинут календарь рождений. Этот эффект уже проявился в ходе использования мер «материнского капитала», вторые дети просто были рождены раньше, чем планировалось. В Санкт-Петербурге, например, несмотря на значительные выплаты семьям с детьми из регионального бюджета, суммарный К рожд. заметно отстает от общероссийского. В 2014 году он составил только 1,522 на 1 женщину репродуктивного возраста, в то время как в целом по России он равнялся 1,75 [6].

Что касается здоровья, то здесь также есть более важные факторы, чем возраст рожаящих женщин. Речь идет о качестве системы родовспоможения и общем состоянии здоровья беременных и рожениц. Если в целом здоровье населения ухудшается, а это так, потому что смертность практически не падает, а инвалидизация растет, то это затрагивает все возрастные группы, в том числе молодые. Пока каждое следующее поколение рождается в России менее здоровым, чем предыдущее.

Обратимся к негативным последствиям политики поддержки ранних рождений. Поскольку эти последствия официально не обсуждаются, то можно считать их латентными. Таких следствий, как минимум, пять.

1. Усиление бедности молодых семей;
2. Ухудшение качества трудовых ресурсов из-за прекращения женщинами своего обучения и карьеры в молодом возрасте;
3. Рост нагрузки на отрасли социальной сферы - медицину, образование, социальное обслуживание;
4. Ухудшение качества воспитания детей, поскольку молодые родители не будут столь же ответственно подходить к развитию человеческого капитала своих детей как более зрелые;
5. Рост национальной напряженности в силу изменения этнического состава населения, в первую очередь, в мегаполисах. В России есть этносы с традициями многодетности, например, народы Кавказа, да и трудовые мигранты из стран Средней Азии часто приезжают в России семьями и рожают новых детей уже здесь.

Эти последствия имеют разный масштаб и разный уровень негативности, но то, что они будут, для исследователей очевидно. Большинство из этих тенденций уже проявляется, и политика поощрения рождений детей у молодых женщин их только усугубит.

Тем самым можно сказать, что на стадии «снятия» государство заимствует из советского опыта не лучшее, связанное с развитием личности и самодостаточности женщин, а худшее – стремление к быстрому результату здесь и сейчас, неважно какой ценой, а также потребительское отношение к гражданам, которые «должны» государству, и женщины, в частности. Обращение к традиционным (религиозным) ценностям в семейной политике свидетельствует, что из фазы «отрицания государства» также заимствуется не лучшее - расширение личной свободы и возможностей женщин и мужчин, а худшее - сокращение социальных обязательств государства, потому что они перекладываются на семью. Имеется в виду, что те новые нагрузки, которые лягут на плечи семей, решившихся на многодетность в силу своих убеждений, не будут в полной мере компенсированы развитием инфраструктуры социального воспроизводства.

Исходя из всего вышеизложенного, можно констатировать, что спираль демографического развития России в ближайшем будущем с большой вероятностью будет раскручиваться вниз, и государство не получит ожидаемых эффектов от своей демографической политики. Дело в том, что абсолютный рост числа родившихся, абсолютный рост числа семей с тремя и более детьми и другие «валовые» показатели не отражают качества новых поколений, и их рост – это еще не свидетельство благополучия в демографическом развитии России.

1. Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С.4-15.
2. Василенко Л.А., Кашина М.А. Будущее гендерной политики в глобализирующемся обществе: российский кейс // Управленческое консультирование, 2015, № 9. С. 113-120.
3. Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33-52.

4. Минтруд задумался о поощрении рождающих до 30 лет женщин. «Лента.ру» Электронная газета. 06.09.2016. Доступ: <http://lenta.ru/news/2016/09/06/mindtrud>. Дата обращения 03.10.2016.
5. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. /Росстат. – М., 2015.
6. Динамика суммарного коэффициента рождаемости. Данные Росстата. Электронный ресурс. Доступ. <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography>. Дата обращения 03.10.2016.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РПЦ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РАБОТЕ С ДЕВИАНТНЫМИ ПОДРОСТКАМИ

Кветень Е.О. (Санкт-Петербург)

В современном обществе нашей страны одна из главных социальных проблем это девиантное поведение подростков, это и злоупотребление алкоголем, курение, употребление наркотиков и различных психотропных веществ, так же это и подростковая преступность. Наблюдается в последнее время постоянное снижение возраста подростков, которые совершают правонарушения ,употребляют алкоголь и наркотики, появляются другие виды девиантного поведения. В среде подростков наблюдается возрастание степени агрессивности, жестокости, отсутствие чувства сострадания, снижение ценности человеческой жизни. Всё это несёт за собой губительные процессы нашей с вами нации. Поэтому проблемы девиантного поведения несовершеннолетних можно рассматривать как риск будущего развития страны. Рассмотрим меры взаимодействия по работе с девиантами подростками в государственных учреждениях. Эксперты правоохранительных органов считают, что профилактика девиантного поведения это применение государственных мер в виде наказаний, информирование о законодательстве. Эксперты образовательных учреждений думают иначе, что профилактика девиантного поведения у несовершеннолетних – это «воспитание правильного поведения». По мнению специалистов общественных и молодежных организаций, профилактика девиантного поведения – это «комплекс мер, направленных на пропаганду здорового образа жизни как альтернатива девиантному поведению несовершеннолетних»; «патриотическая работа, культурно-нравственное, спортивное воспитание».¹

Религиозные организации, в частности православные, понимают под профилактикой девиантного поведения «возрождение праволавной духовности, любви к Богу»; «предупреждение людей от совершения грехов»; «изменение атмосферы, изменение взглядов людей; создание условий для творческого самовыражения подростков».

В последнее время РПЦ развивает систему реабилитации «трудных» подростков. Можно рассмотреть пример центра социальной адаптации святителя Василия Великого.

Бывает, что взрослеющий человек совершает проступки , которые нельзя оставить без уголовного наказания. Если это преступление небольшой тяжести и совершено впервые, суд обычно сохраняет несовершеннолетнему свободу, но обязывает его жить иначе. В этом случае человек сталкивается с выбором – полностью изменить свою жизнь или продолжать делать глупости и подлости, ведущие в тюрьму.

Некоторые функции этого центра почти не отличаются от государственных учреждений, но есть и свои специальные технологии, которые не увидишь в государственных учреждениях. Например в реабилитационной программе есть и беседы со священником, так же практически все работники Центра это воцерковленные люди, с помощью веры очень многое преподносится подросткам, обязательно все воспитанники посещают церковные службы и ездят в поездки по монастырям. Примечательно то, что Центр не ставит перед собой цель, чтобы все воспитанники стали православными, но после центра почти все ребята становятся верующими. Так же в Санкт-Петербурге существует уникальный социальный проект – специальное предприятие «Новое поколение», куда молодые люди чаще всего попадают по направлению из милиции или Комиссии по делам несовершеннолетних. Подростки получают здесь среднее образование, различные специальности, медицинскую и психологическую помощь. Так же они еще имеют возможность общения со священником. «Новое поколение» – это самый крупный проект по работе с трудными подростками не только в России, но и во всей Европе. Это действенный позитивный опыт оздоровления общества, профилактика повторных правонарушений (рецидивов здесь менее 1%); а для оступившихся или просто попавших в трудную жизненную ситуацию подростков это реальная возможность начать новую полноценную жизнь. Духовно и нравственно девочки и мальчики

совершенствуются благодаря общению с православным священником и участию в таинствах Церкви.

Сегодня в России размеры распространения девиантного поведения несовершеннолетних достигли очень высоких размеров, что государственные и общественные структуры не справляются. Тем самым РПЦ предлагает свою помощь государству по взаимодействию с этой категорией. Например православная благотворительная организация «Братство св.Анастасии Узорешительницы» более 10 лет осуществляет помощь несовершеннолетним, которые отбывают наказание в Колпинской воспитательной колонии УФСИН России по Санкт-Петербургу . Духовное руководство проекта осуществляет протоиерей Александр Степанов. Вся работа в колонии проводится волонтерами и на безвозмездной основе на средства от пожертвований. Ребята добровольно ходят на исповедь, Литургию. Было выявлено, что после этого рецидива практически нет, практически все благополучно устраивают свою жизнь. Это говорит нам о высокой эффективной РПЦ в работе с подростками девиантного поведения.

1) Макаренко Наталья Юрьевна/ Взаимодействие религиозных институтов с общественными и государственными учреждениями в профилактике отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних: Социологический анализ

2)Актуальные проблемы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Учебное пособие / под ред. А.С. Бланкова, И.А. Бурмистрова. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1999. – 177 с. 2

3)Кузнецова, Л.П. Основные технологии социальной работы: Учебное пособие. – Владивосток: Издво ДВГТУ, 2002. – 92 с.

ИНТЕРНЕТ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АКЦИИ "ЯНЕБОЮСЬСКАЗАТЬ" И ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛНОГО ЗАПРЕТА АБОРТОВ В ПОЛЬШЕ)

Кейдия А.В. (Санкт-Петербург)

Интернет как феномен конца XX начала XXI меняет повседневную жизнь в различных ее аспектах. На данный момент в контексте Интернета довольно сложно провести четкую границу между персональным и публичным, глобальным и локальным. Интернет предоставляет новые каналы для коммуникации и взаимодействия и позволяет выполнять все большее количество дел в режиме онлайн [2].

По мнению Энтони Гидденса, мнения о влиянии Интернета на социальные структуры делятся на два крупные категории. Приверженцы первой категории считают, что феномен Интернета включает в себе разрушительное начало, размывает границы и видоизменяет такие социальные институты как родственные отношения, семья, работа. Однако другая точка зрения утверждает, что Интернет «подталкивает» к увеличению социальных интеракций как между представителями отдельных институтов в его рамках, так и сокращает количество лишних операций для интеракции пользователей как частных лиц; феномен «анонимности» в сети такими исследователями оценивается положительно [2].

На данный момент, многими исследователями Интернет рассматривается как социальный институт. Чтобы категоризировать Интернет в качестве института, он должен обладать такими качественными характеристиками как наличие некой системы общественного, возможности организовать совместную жизнь и сотрудничество людей. В трактовке института Г. Спенсером, социальный институт - это любые устойчивые формы деятельности, в которых адаптируется и научается к взаимодействию с другими людьми несоциальный по своей природе человек. Можно утверждать, что Интернет включает в себя все данные характеристики.

Исходя из опоры на повседневное взаимодействие огромного количества акторов в рамках глобальной сети, можно утверждать, что центральным принципом Интернета как института будет являться провозглашение свободы отдельно взятого человека от распространяющейся тоталитарной идеологии, проявляющейся в различных бытовых аспектах. Интернет-институт будет выступать в роли инфраструктуры, артикулирующей политическое сознание и даже организующей протест.

Под выстраиванием Интернета как организационной инфраструктуры политического будет лежать процесс компьютерной коммуникации. Теоретик информационного общества, Мануэль Кастельс, подтверждает организационную характеристику Интернета: «В группе регулярных

пользователей компьютерная коммуникация, по-видимому, благоприятствует неограниченной коммуникации, а во внутренних сетях

компаний стимулирует участие работников нижних уровней» [5].

На данный момент Интернет как организационная инфраструктура показал свою успешность в привлечении все большего числа активно настроенных граждан, усилении коммуникации между активными гражданами, увеличении количества альтернативных источников информации. Все эти факторы, так или иначе, пытаются воспитать в каждом пользователе глобальной сети новую политическую культуру участия, выработки новых и использовании традиционных, но в современном информационном контексте, рычагов влияния на власть. Рассматривая данный вопрос в контексте Российской Федерации, можно утверждать, что администрацией создаются площадки для онлайн-коммуникации «от пользователя до истеблишмента». Также получил распространение такой вид коммуникации как онлайн-петиция.

Данные тенденции относятся также и ко всем видам социально-политических движений. Некоторые активисты утверждают, что цифровая поддержка гражданской активности должна способствовать деятельности в оффлайне [3]. К недавним событиям, которые доказывают это утверждение, относятся, например, движение «Захвати Уолл-стрит», действия участников которого координировались через Интернет, в рамках движения предпринималось несколько попыток хакерских атак. Также движение нашло свое «оффлайн» отражение в виде вполне реальных митингов и манифестаций, проходивших на Уолл-стрит в течение нескольких недель.

Феминистическим движения и движения, связанные с защитой гендерной самоидентификации, также нашли свое отражение в использовании Интернет-института как организационной инфраструктуры. Здравомыслова Е. и Темкина А. утверждают, что «теория общественных движений различает организации и собственно движения. К движению в широком смысле относятся не только организации, но и социальные сети, локальные сообщества» [4]. К локальным сообществам можно отнести сконструированные в различных социальных сетях (Facebook, Вконтакте) Интернет-группы феминистической направленности, которые в свою очередь производят аналитический материал, на основании которого членами этих комьюнити ведется онлайн и оффлайн деятельность.

Хотелось бы более подробно рассмотреть в данном ключе движение «янебоюьсказать», которое получило массовое распространение в рамках русскоговорящего Интернета летом 2016 года. Интернет-институт при электронной мобилизации граждан используют довольно новый инструмент для обхода традиционных каналов артикуляции информации, которую выполняют какую-то часть функций присущих Интернету, как медиация [1]. Сама природа Интернета так или иначе подталкивает людей к обсуждению социальных и политических проблем вне официальных рамок традиционных институтов мобилизации.

Аналогичная ситуация сложилась при зарождении движения «янебоюьсказать». Начатый украинским общественным деятелем Анастасией Мельниченко флешмоб в первую очередь получил широкую огласку в социальной сети Facebook, где пользователи публиковали свои истории, связанные с насилием, и ставили хэштэг «#янебоюьсказать». Далее флешмоб перешел в социальную сеть «Вконтакте». По прошествии небольшого времени, несколько крупных СМИ отреагировали на данную акцию, что еще в большей степени нашло распространение уже за пределами Интернет-СМИ и Интернета. Движение вызвало огромный общественный резонанс на всем постсоветском пространстве; официальной реакции истеблишмента не последовало, но по мнению участников акции, им в какой-то степени удалось разрядить социальную обстановку касательно этого вопроса, внести вопрос о насилии и личной безопасности в повестку публичного.

Организационным ядром недавних митингов на территории Польши, против полной отмены для гражданки Польши права на аборт, также выступил Интернет. Но роль его была несколько шире, чем в случае с акцией-движением «янебоюьсказать». Безусловно, польские интернет-сообщества, в которых собирались несогласные с законодательной инициативой консервативных религиозных кругов пользователями, производимый этими сообществами оригинальный контент выступали в роли начального этапа зарождения движения. Стоит заметить, что данное движение нашло огромный отклик в различных странах мира. Женщины других стран присоединялись к польскому «черному» флешмобу, выкладывали свои фото и биографические истории в социальные сети.

Помимо интернет-мобилизации движение нашло выход в оффлайн-организации митингов и акций протеста. 3 октября по всей Польше прошли крупные митинги, в ряде СМИ митинги 3

октября получили название «черного понедельника». Данная законодательная инициатива после массовых выступлений была отклонена.

Общество на данный момент находится на стадии постижения всех возможных функций, которые может предоставить им Интернет как организационная инфраструктура. Даже незначительное вовлечение в социальное или политическое движение жизнь с помощью одного из Интернет-каналов (репосты в социальных сетях, лайки под постами, создание групп и публичных страниц), способствует увеличению участия, разнообразию представленных акторов. Огромное разнообразие способов использования Интернета как организационной структуры поможет и далее развиваться институтам гражданского общества, выносить на публичное обсуждение ранее умалчиваемые вопросы, решать реальные социальные и политические проблемы.

[1] Бесемер Х. Медиация: Посредничество в конфликтах / Пер. с нем. Н.В. Маловой. – Калуга: Духовное познание, 2004. – 176 с.

[2] Гидденс Э. Социология. 2-е изд., полн. перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – с. 386-388.

[3] Гудошникова О.Е. Технологии «Новых медиа» как платформа гражданской активности // Современные проблемы науки и образования. 2015.

[4] Здравомыслова Е.А. Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: «Учебники Европейского университета» Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 657 с.

[5] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 341 с.

ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ В ПРЕОДОЛЕНИИ НАРКОКОНФЛИКТОВ

Келасьев О.В. (Санкт-Петербург)

В современной России существует большое количество семей, затронутых наркозависимостью. В то же время недостаточно изучен характер воздействия наркомании на взаимоотношения и взаимодействие в современной семье. В 1990-е годы пронеслась волна наркоэпидемии, затронувшая многие семьи и в Санкт-Петербурге, которые были не готовы к этой эпидемии, не знали как ей противостоять, не обладали необходимой компетентностью, культурой. Проблема актуальна и сейчас. Многие семьи так и живут с наркозависимыми, страдая, некоторые распадаются, а некоторые сумели справиться с болезнью близкого человека.

Среди множества влияющих на взаимоотношения в современной российской семье факторов, наркозависимость одного из членов семьи, как только она вскрывается, сразу становится доминантой всего комплекса взаимоотношений в семье. И зачастую среднестатистическая семья к этому не готова, как и прежде, не располагает соответствующим ресурсами, уровнем компетентности и культуры.

Наркомания является фактором конфликтов и разводов в семье, она меняет личность человека, вызывает материальные трудности, негативно сказывается на воспитательной функции семьи, является причиной бытовых конфликтов и т.д. Однако некоторые созависимые члены семей мирятся с проблемой и продолжают жить в условиях скрытого конфликта, другие же – обращаются за помощью, инициируют лечение и находят в себе силы и возможности вывести семью из глубокого кризиса. Тем самым они демонстрируют высокий уровень семейной культуры и ответственности, проявляют выраженное соучастие в судьбе ближних. А другие после первых же неудач бросают своих ближних. Потенциал семьи во многом и проявляется в готовности к такого рода рискам, связанным с потенциальной наркотизацией своего члена.

С помощью метода глубинного интервью были изучены свыше двадцати семей с наркозависимыми членами. На основе проведённого исследования семьи были сгруппированы в следующие типы:

- семья стигматизирующая (осуждение наркозависимого члена, который рассматривается как «отброс», вплоть до прекращения общения и изгнания наркозависимого члена из семьи);
- семья, не стигматизирующая, но и не готовая к работе по преодолению негативных последствий наркотизации своего члена, не располагающая необходимыми социальными, материальными, культурными капиталами и ресурсами;
- семья, делегирующая свои функции по преодолению негативных последствий наркотизации внешним (медицинским, социальным) службам. Например, мать и супруга одного

наркозависимого насильно повели его на лечение, другого повели в церковь, третью муж посадил на «домашний арест» и вызвал нарколога и т.д.;

- семья «растерянная», не знающая, что делать в обнаружившейся ситуации употребления близким человеком наркотиков. Например, мать наркозависимой не понимает, какую стратегию поведения выбрать, чтобы помочь дочери; супруга наркозависимого находится в состоянии растерянности, так как супруг самовольно не хочет прекращать прием наркотиков; сестра наркозависимого, живущая с ним, не видит возможностей для обеспечения лечения и находится в состоянии депрессии и растерянности;

- семья созависимая (идушая на поводу у наркомана). Например, когда родители наркозависимого не боролись с его болезнью, а просто закрыли глаза и покрывали долги; мать оплачивала все долги наркозависимого сына. Созависимые члены семьи не всегда готовы оказать должную помощь и поддержку, заботясь лишь о восстановлении прежних отношений, но забывая при этом, что это невозможно без соответствующей медицинской и социальной терапии;

- семья протекторная (защищающая), ориентированная на профилактику и на сложную и кропотливую работу по преодолению последствий наркомании. Например, сын готов помогать своей наркозависимой матери, верит в свои силы, имеет достаточные ресурсы. Или семья не отвернулась от наркозависимого сына, помогла с лечением и психологической реабилитацией; супруга поддерживает мужа, несмотря на то, что у него ВИЧ (а у неё нет), она чётко ориентирована на преодоление всех негативных препятствий, хорошо информирована о проблеме.

Во всех типах семей, кроме протекторных, на поведение членов семьи существенное влияние оказывает всё то, что они слышали о наркомании из СМИ или рассказов знакомых. Это всё только способствует стигматизации. Наркозависимый член семьи может ещё не совершать каких-либо существенных нарушений, а он уже обвиняется в грехах, присущим всем наркоманам, что является серьёзным препятствием протекторным стратегиям и практикам. Обличение наркозависимого и последующее его изгнание из семьи может стать самоцелью

Тем не менее, само наличие протекторной семьи говорит о том, что семья в принципе имеет определённый потенциал в предотвращении приобщения ее члена к наркотикам, а также способна и помочь наркозависимому члену. Однако для этого члены семьи должны подняться на более высокий уровень социальной компетентности, набраться терпения.

Среди причин, которые стимулируют развитие наркоконфликтов, особое место занимает структура семьи, её культура и социально-психологический климат: семья должна формировать здоровую личность, которая будет иметь возможности для самореализации, удовлетворения потребностей, организации культурного досуга. Культура семьи будет выражаться в доверительной и открытой системе отношений, при которой семья станет не причиной или поводом для развития наркомании, негативно влияющей на стабильность семьи, а пространством для самореализации личности, раскрытия её возможностей и тем самым средством профилактики наркомании.

Однако, для роста численности протекторных семей необходима систематическая работа по повышению уровня социальной компетентности современной российской семьи. Пока же таких семей меньшинство, а большинство семей не способны понять, как относиться к наркозависимому родственнику – как к больному или как к преступнику? Порождает эту неясность во многом неопределённость и противоречивость самой современной российской наркополитики, которая, проникая в жизнь современной семьи, не ориентирует их на протекторные стратегии.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРАКТИК ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ

Килимова Л.В. (Курск)

Формирование и развитие гражданского общества зависит от качественного состава социальной базы, при определении которой одни ученые делают упор на роль индивида как гражданина [1]. Другие – на соответствующий гражданскому обществу тип личности с определенными ее чертами. Например, способность индивида конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей [2]; способность индивидов реально отстаивать свою свободу [3]. Однако, большинство полагает, что гражданское общество возникает в том случае, когда люди начинают понимать свои права и свободы, понимать границы своей несвободы [4, 49], выступают с инициативой при решении возникающих проблем. Особая

роль в конституировании социальной базы гражданского общества отводится людям, участвующим в его социальных практиках, имеющим определенную систему ценностей, навыки построения взаимоотношений с другими субъектами социальных практик, ориентированных на поддержание функционирования институтов гражданского общества.

При изучении социальной инициативы был осуществлен сравнительный анализ активности жителей Курского региона с активностью населения России в целом и других областей ЦФО в зависимости от видов потенциалов граждан, социальных и политических практик на основе данных всероссийского социологического исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 83 субъектах РФ среди населения старше 18 лет [5] и собственного социологического исследования, проведенного в Курской области (N=632) методом опроса [6].

Независимо от вида субъекта гражданского общества к его практикам и потенциалам граждан можно отнести: а) общественно-политическую активность; б) денежные пожертвования; в) добровольческую деятельность; г) ответственность за происходящее; д) влияние на происходящее; е) виртуальные практики; ж) религиозные практики.

Общественно-политическая активность россиян не велика. Более половины респондентов (56%) ответили, что им не приходилось проявлять ни один вид общественно-политической активности. В ЦФО общественно-политическая активность в наибольшей степени была зафиксирована в Ивановской, Калужской и Костромской областях. Их жители чаще принимали участие в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города (села, поселка) (52%, 41% и 46%, соответственно) и в собраниях жильцов дома или подъезда (45%, 40% и 35%, соответственно). Жители Курской области не проявили себя ни с крайне активной, ни с крайне пассивной сторон в общественно-политических практиках, занимая, по всей видимости, среднее положение. Однако, согласно данным исследования в Курской области, наибольшая часть респондентов проявляют социальную активность в данных практиках (51% и 47%, соответственно). Россияне, проявляющие инициативу в деятельности некоммерческой организации, демонстрируют гораздо более высокие показатели вовлеченности в общественно-политические практики по сравнению с теми, кто в деятельности таких организаций не участвовал. Это касается всех без исключения форм общественной активности.

Денежные пожертвования россиян в ЦФО чаще остальных много раз делали жители Москвы (17%). Чуть менее половины жителей Калужской и Курской области (48% и 44%, соответственно) несколько раз проявляли подобную инициативу. Отметим, это наиболее высокий уровень активности среди жителей ЦФО в данной частоте практик. [5] Собственное исследование подтверждает вовлеченность курян в данный вид практик. Денежные пожертвования в различные благотворительные организации и фонды вносили 49% респондентов, причем 33% участвовали в данной форме благотворительности неоднократно [6].

Вовлеченность россиян в добровольческую деятельность, как одну из социальных практик гражданского общества, оказалась низкой. Всего четверть россиян (25%) занимались добровольной безвозмездной деятельностью. Добровольной безвозмездной деятельностью на благо других людей (не членов семьи и не близких родственников) в ЦФО чаще, чем в среднем, занимались несколько раз – жители Москвы (26%), Костромской (22%) и Курской (29%) областей. Существует положительная зависимость вовлеченности в добровольческую деятельность от виртуальных практик россиян. Так, чем активнее респондент пользуется Интернетом, тем чаще он занимается добровольческой деятельностью.

Одним из факторов регулирования активности населения является сформированная мотивация, на основе которой гражданами принимается значительная часть осуществляемых решений. В ходе собственного исследования было выявлено, что основной побудительной причиной участия в общественной жизни для курян на протяжении нескольких лет является возможность принести пользу людям (43%), возможность общения с интересными людьми при выполнении тех или иных общественных видов деятельности (31%).

Необходимым условием развития гражданского общества в любой стране является ответственность населения за происходящее в обществе. В той или иной мере чувствуют ответственность за то, что происходит в доме, дворе, где проживают, 86% россиян. За происходящее в их городе (селе, поселке) – 52% россиян; за происходящее в стране – лишь 38% россиян. Жители ЦФО (26%) и СЗФО (20%) реже остальных чувствуют ответственность за происходящее в доме, во дворе в полной мере. Жители Курской области в наибольшей степени указывают на чувство ответственности за происходящее в городе, (селе, поселке) – 71% [7].

Желание участвовать в практиках гражданского общества во многом зависит от возможности повлиять на происходящее. В той или иной мере повлиять на то, что происходит в их доме, во дворе, могут 80% опрошенных россиян. Реже, чем в среднем, в полной мере могут повлиять на происходящее в их доме, дворе жители ЦФО (19%), СЗФО (15%) и ДФО (22%). Собственное исследование показало, что жители Курской области в большей степени чувствуют свою возможность повлиять на происходящее в их доме, дворе (в полной мере: жители г.Курска – 9,7%, жители области – 18%; в значительной мере: жители г.Курска – 21,5%, жители области – 35%).

Информированность является значимым критерием в развитии гражданского общества, связанным с реализацией значимых для человека интересов и потребностей. Для поиска эффективных путей повышения информированности граждан было предложено указать основные источники информации, из которых чаще всего респонденты получают знания о своих правах и свободах. Среди наиболее востребованных источников информации куряне назвали центральное телевидение (61,9%) и Интернет (43,5%), в меньшей степени – местное телевидение (28,1%) и общение с друзьями и родственниками (27,6%) [8].

В ЦФО чаще, чем в среднем, практически каждый день в течение последних трех месяцев пользовались Интернетом жители Москвы (49%), Московской (44%) и Ярославской (39%) областей. Реже, чем в среднем, – жители Владимирской (22%), Воронежской (25%), Курской (22%). У жителей ЦФО преобладают три вида виртуальных практик, таких как общение в социальных сетях типа Одноклассники, ВКонтакте, Фейсбук и др.; поиск информации для учебы или работы; чтение новостей, газет, журналов онлайн.

Религиозные организации, существующие в стране, являются институтами гражданского общества. Следовательно, требуется проанализировать вовлеченность россиян в религиозные практики. Наибольшая доля верующих – в СКФО (93%) и ЦФО (85%), наименьшая – в ДФО (58%). Отметим участие верующих россиян в такой социальной практике, как добровольное пожертвование. В нее вовлечено подавляющее большинство верующих. Практически во всех регионах округа чаще, чем в среднем, по возможности выполняют предписания, изредка участвуют в богослужениях, в том числе и в Курской области. Среди субъектов религиозных практик треть тех, кто участвовал в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города, а так же участвовал в собраниях жильцов дома или подъезда. Это подтверждает активную гражданскую позицию верующих людей.

Таким образом, главным тезисом гражданского общества является восприятие личностью себя ведущей силой общественного жизнеустройства. В гражданском обществе каждый гражданин постоянно должен ощущать свою значимость в общественной жизни. Региональной власти следует широко освещать в СМИ социальную инициативу, на основе чего формировался бы позитивный образ активного гражданина.

1. Патрушев С.В. *Результатом становления и критерием гражданского общества является гражданин / С.В. Патрушев // Горбачевские чтения. Вып. 5: Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007: память и ответственность / Международный фонд социальноэкономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). М.: Горбачев-Фонд, 2007.*

2. Дилигенский Г.Г. *Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? / Г.Г. Дилигенский // Pro et contra. Carnegie Endowment for International Peace. М.: Contra (Гражданское общество), 1997. Т. 2. № 4.*

3. Дарендорф Р. *Мораль, институты и гражданское общество / Р. Дарендорф // Путь. 1993. № 3. Международный философский журнал. 1993. № 3. С. 179-191.*

4. Шубин А.В. *Гражданское общество возникает, когда люди начинают понимать границы своей несвободы / А.В. Шубин // Горбачевские чтения. Вып. 5: Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007: память и ответственность / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). М.: Горбачев-Фонд, 2007.*

5. Мерсиянова, И. В. *Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение / И. В. Мерсиянова, И. Е. Корнеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2013.*

6. Килимова Л.В. *Современные реалии гражданского общества в Курском регионе. Аналитический отчет социологического исследования / Л.В. Килимова, О.О. Нишинианидзе, О.А. Ветрова / Под ред. Л.В. Килимовой. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2015.*

7. Килимова Л.В. *Гражданское общество в региональном измерении: монография / Л.В. Килимова, О.О. Нишинианидзе, О.А. Ветрова, М.Д. Черкашин. – Курск: го-Зап. гос. ун-т, 2016.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО НАУКОГРАДА Кирилина Т.Ю., Бузмакова Т. И., Лапшинова К. В. (Королёв)

Современное российское общество, предполагающее совершенствование социально-экономической политики, направленной на обеспечение экономического развития и стимулирование устойчивого роста в различных сферах деятельности, требует нового, более глубокого исследования осуществляемых процессов и явлений на различных уровнях, начиная от субъектов хозяйствования и отраслей (субъектно-отраслевой разрез), муниципальных образований и регионов страны (территориальный разрез) и заканчивая в целом Российской Федерацией.

С целью изучения социальных проблем, наиболее актуальных для жителей наукограда, а также динамики развития социальной сферы города, в 2015-2016 годах было проведено социологическое исследование, проходившее в форме опроса (анкетирования). Генеральная совокупность – совершеннолетние жители города Королева в возрасте от 18 лет. Общая численность жителей г. Королев составляет 220 947 человек. Выборочная совокупность 1000 человек, что вполне соответствует требованиям репрезентативности для обеспечения дробности группировок анализа.

При оценке динамики развития социальной сферы за год (с апреля 2015 г. по апрель 2016 г.) большая часть респондентов не заметила каких-либо существенных изменений в различных сферах, и только в строительстве и торговле были отмечены улучшения.

Почти две трети опрошенных (61,3%) полагают, что в сфере здравоохранения ничего не изменилось, более четверти жителей (26,9%) заметили некоторое улучшение. Однако каждый десятый респондент считает, что стало даже хуже.

Примерно такое же положение дел в образовательной сфере: 56,1% – отметили, что «ничего не изменилось»; около 34,2% – «стало несколько лучше» и «стало существенно лучше». Но, каждый десятый респондент считает, что «стало хуже».

Схожая картина в жилищной сфере: 59% не заметили каких-либо изменений; около 29,5% горожан полагают, что стало лучше, и каждый десятый респондент считает, что стало хуже.

И научную сферу респонденты оценивают аналогично: 55,6% – «ничего не изменилось»; 31,7% – «стало лучше», и каждый десятый – «стало хуже».

В сферах торговли и строительства несколько другая картина. Около половины жителей (46,1%) отметили, что работа торговли организована «лучше» и «существенно лучше»; не заметили позитивных сдвигов 41,9%, однако опять же, каждый десятый респондент считает, что «стало хуже».

В сфере строительства по оценке респондентов схожие результаты: около половины участников опроса (46%) заметили улучшение; более трети респондентов (37,7%) – не заметили, и более 15% считают, что «стало хуже».

Около половины опрошенных считают, что в культурной сфере изменений не произошло; более 40% заметили улучшение; опять же, каждый десятый горожанин отметил ухудшение дел.

Почти две трети респондентов (62,7%) считают, что в социальной сфере нет изменений; четверть опрошенных отметили улучшение и каждый десятый – ухудшение дел.

Более 60% жителей города считают, что в промышленной сфере ничего не изменилось; четверть опрошенных отметили улучшение, но около 15% считают, что положение ухудшилось.

Помимо оценки динамики развития социальной сферы, жители Королёва обозначили ряд существенных проблем, требующих разрешения.

Более половины респондентов не довольны высокой платой за жилье (52,2%).

Около 40% жителей обеспокоены ростом цен на предметы первой необходимости; изношенностью теплосетей, трубопроводов, линий связи, дорог; притоком мигрантов; распространением алкоголизма и наркомании.

Четверть опрошенных отметили недоступность здравоохранения; ветхое состояние жилищного фонда.

Каждый пятый указал на произвол чиновников и игнорирование ими интересов простых людей; безработицу; неблагоприятную экологическую ситуацию; отсутствие условий и недоступность досуга и отдыха; бедность населения.

Помимо предложенных вариантов ответов в анкете на этот вопрос, жители могли предлагать свои варианты ответов. Так, горожане отметили такие проблемы как «плохие дороги, пробки», «некачественная бесплатная медицина» и «город плотно застраивается без создания соответствующей инфраструктуры и в ущерб экологии».

Таким образом, основные проблемы в городе Королев можно представить следующим образом (в порядке убывания):

1. Высокая плата за жилье – 52,2%.
2. Рост цен на предметы первой необходимости – 43,7%.
3. Изношенность теплосетей, трубопроводов, линий связи, дорог – 42,1%.
4. Приток мигрантов – 39,5%.
5. Алкоголизм и наркомания – 37,7%.
6. Недоступность здравоохранения – 28,7%.
7. Ветхое состояние жилищного фонда – 27,2%.
8. Игнорирование интересов простых людей и произвол чиновников – 21,6%.
9. Безработица – 20,5%.
10. Неблагоприятная экологическая ситуация – 19,9%.
11. Отсутствие условий и недоступность досуга и отдыха – 18,2%.
12. Бедность населения – 18,1%.
13. Преступность – 10,9%.

Безусловный лидер рейтинга наиболее важных, по мнению жителей Королева, вопросов, которые должны решить власти города в первую очередь – повышение эффективности бесплатного медицинского обслуживания в муниципальных больницах, поликлиниках (69,8%); регулирование цен на товары первой необходимости (40,3%), повышение эффективности бытового и коммунального обслуживания населения (33,1%); расширение сети детских садов и яслей (31,6%); улучшение работы городского транспорта (22,2%). Кроме того, почти две трети опрошенных отмечают в числе наиболее задач, стоящих перед руководством города: ремонт дорог и решение проблемы пробок (61,1%).

Помимо выявленных в ходе исследования проблем, необходимо Администрации наукограда, всем его службам, организациям и жителям принять активное участие в поступательном и динамичном развитии города. Составляющими такого развития являются:

1. Благополучие населения, которое включает такие элементы как защищенность прав человека, безопасность личности, уровень жизни, условия жизни и качество жизненного пространства [1, 2, 3]. Уровень жизни предполагает материальную обеспеченность жителей; условия жизни определяются качеством социальной среды (доступ к образованию, культурным объектам, медицинским услугам, труду и отдыху, наборам коммунальных услуг; состоянием транспортной инфраструктуры, уровнем развития торговли и сети бытовых услуг и т.п.) [4]; в понятие «качество жизненного (или физического) пространства» входят качество жилья, эстетический облик города, его озеленение, качество городской окружающей среды (воздух, питьевая вода, продукты питания, акустические и другие физические «загрязнители»), степень защищенности жителей и объектов материальной культуры от стихийных бедствий.

2. Экономико-ресурсный комплекс. Приоритетный ориентир развития этого комплекса состоит в непрерывном повышении экономической эффективности функционирования предприятий всех форм собственности, производящих товары и услуги, снижении удельного потребления сырья, материалов и энергии. Такое развитие должно гармонично сочетаться с технологическими нововведениями, модернизацией, расширением ассортимента товаров и услуг, импортозамещением.

3. Оздоровление окружающей среды, не столько за счет ограничения производства или потребления и лучшей очистки выбросов, сколько вследствие применения новых природо- и энергосберегающих технологий. В основе стратегии природоохранной деятельности должна быть положена стратегия выгоды предотвращения загрязнения, а не борьбы с ним. Речь идет о снижении доли природо-, энергоемких и загрязняющих производств и увеличении доли ресурсосберегающих и безотходных технологий в общем объеме производства [5].

1. Кирилина Т. Ю., Антоненко В. И., Бузмакова Т. И., Лапишинова К. В. Эволюция развития социальной политики, основанной на социальной сплоченности. Русский космизм: история и современность // Сборник трудов по материалам конф. 22 апр.2015 г. / Под общ. научн.ред. Смирнова В.А. – М.: Изд-во «Научный консультант», 2015. С. 155-183.
2. Kirilina T. Yu., Buzmakova T.I., Antonenko V. I., Lapshinova K. V., Smirnov V. A. THE PROBLEM OF ASSESSING THE MORAL STANDARTS BY DIFFERENT SOCIAL GRUPS. European Journal of Science and Theology. 2016 / Vol. 12, No. 2. ISSN: 1841-0464 С. 75-87
3. Мумладзе Р. Г., Ахмедова З. А., Новичков А. В., Смирнов В. А., Ларионов А. Э. Основы права. Учебник для студентов неюридических направлений подготовки / Под общей редакцией Р.Г. Мумладзе. Москва, 2016
4. Флоря В. М., Антоненко В. И., Чернышова А. Г. Социальная трансформация социальных изменений. Русский космизм: история и современность // Сборник трудов по материалам конф. 22 апр.2015 г. / Под общ. научн.ред. Смирнова В.А. – М.: Изд-во «Научный консультант», 2015. С. 97-107.
5. Флоря В. М. Проблемы и перспективы гуманитарно-экологического образования в России. В сборнике: Инновационные технологии в современном образовании / Сборник трудов по материалам III Международной научно-практической интернет-конференции. 2016. С. 693-695.

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ НЕДОВОЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2015 ГОДУ

Кириллов А.В. (Москва, Российская Федерация)

Масштабные мониторинги уровня безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации регулярно проводятся по заказу Министерства внутренних дел. В 2015 году эту задачу выполнял Российский государственный социальный университет. В ходе работы был проведен количественный опрос населения в каждом субъекте Российской Федерации (85 регионов). Использовалась территориальная трехступенчатая стратифицированная выборка домохозяйств.

В данном исследовании индекс недовольства региональными властями (НРВ) строился на основе ответов респондентов на два вопроса, тестирующих репутацию регионального руководства: в одном случае респондента спрашивают о мнении окружающих, в другом - о его собственном. В таблице 1 приведены как распределения ответов на эти вопросы по России в целом, так и значения коэффициентов, применяемых к соответствующим ответам при расчете индекса. Индекс вычислялся следующим образом: производились расчеты для каждого вопроса по отдельности, а затем бралось среднее арифметическое полученных значений

Таблица 1. – Расчета индекса недовольства региональными властями

	Ответы (%)	Коэффициенты
Скажите, пожалуйста, какие отзывы, суждения о работе руководства Вашей области (края, республики, города) Вы слышали от окружающих Вас людей за последние полгода-год: положительные или отрицательные?		
Только положительные	6	0
Чаще положительные, чем отрицательные	23	0,25
Положительные и отрицательные примерно поровну	34	0,5
Чаще отрицательные, чем положительные	19	0,75
Только отрицательные	4	1
Не слышал(-а) ни положительных, ни отрицательных отзывов	11	0,5
Затрудняюсь ответить	3	0,5
А Вас лично действия руководства вашей области (края, республики, города) в последние полгода-год чаще устраивают или не устраивают?		
Устраивают	59	0
Не устраивают	36	1

Затрудняюсь ответить	5	0,5
----------------------	---	-----

Применительно к вопросу об отзывах окружающих о работе региональных властей искомым показателем, характеризующим долю «негатива» в услышанных респондентами высказываниях, составил для России в целом **49** баллов. Показатель, характеризующий долю «негатива» уже в собственных суждениях участников опроса (по ответам на второй вопрос) составил **38** баллов. По результатам анализа данных индекс НРВ по России, в целом, составил 43 балла [Диапазон вариации от «0» – «абсолютное недовольство», до «100» – «абсолютное одобрение»].

Участники опроса чаще слышали положительные отзывы (29%), чем отрицательные (23%), треть респондентов (34%) слышали положительные и отрицательные примерно поровну, 11% не слышали ни положительных, ни отрицательных отзывов, остальные (3%) затруднились ответить. Дифференциация положительных и отрицательных оценок в суждениях населения о работе руководства региона в федеральных округах, которые слышали респонденты, представлена на рисунке 1.

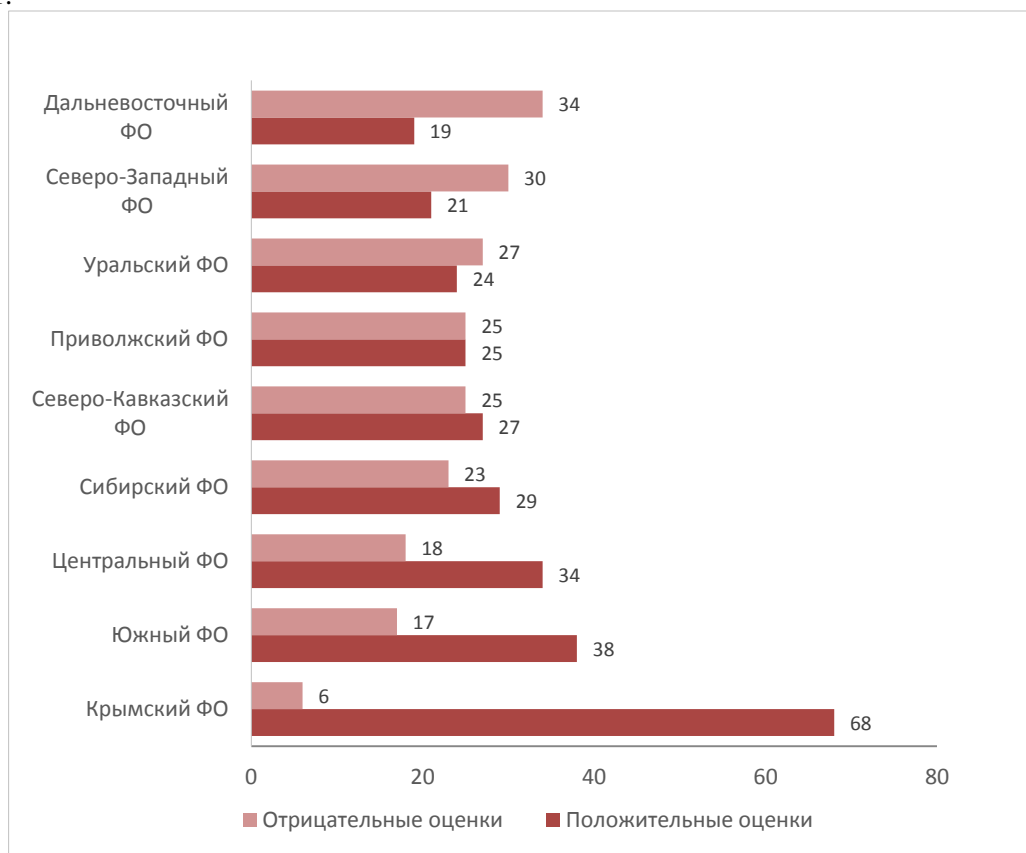

Рисунок 1 – Оценки окружающих о работе руководства области (края, республики), которые слышали респонденты за последние полгода-год / Позиции «Только отрицательные» + «Чаще отрицательные, чем положительные» и «Только положительные» + «Чаще положительные, чем отрицательные» (в % от числа опрошенных в федеральных округах)

Рейтинг округов, где действия руководства региона не устраивают граждан, сопоставим по основным позициям с рейтингом регионов по количеству отрицательных оценок в суждениях о работе руководства, которые слышали респонденты (рис. 2). Заметное движение продемонстрировал лишь Уральский ФО, который опустился в рейтинге неблагополучных округов с 3-го на 6 место. Вместе с тем, что касается личных оценок действий руководства региона, доля тех, кого эти действия устраивают, оказалась значительно выше (59%), чем доля тех, кто слышал такие высказывания от окружающих (29%), и практически совпала с долей довольных положением дел в своих регионах (57%).

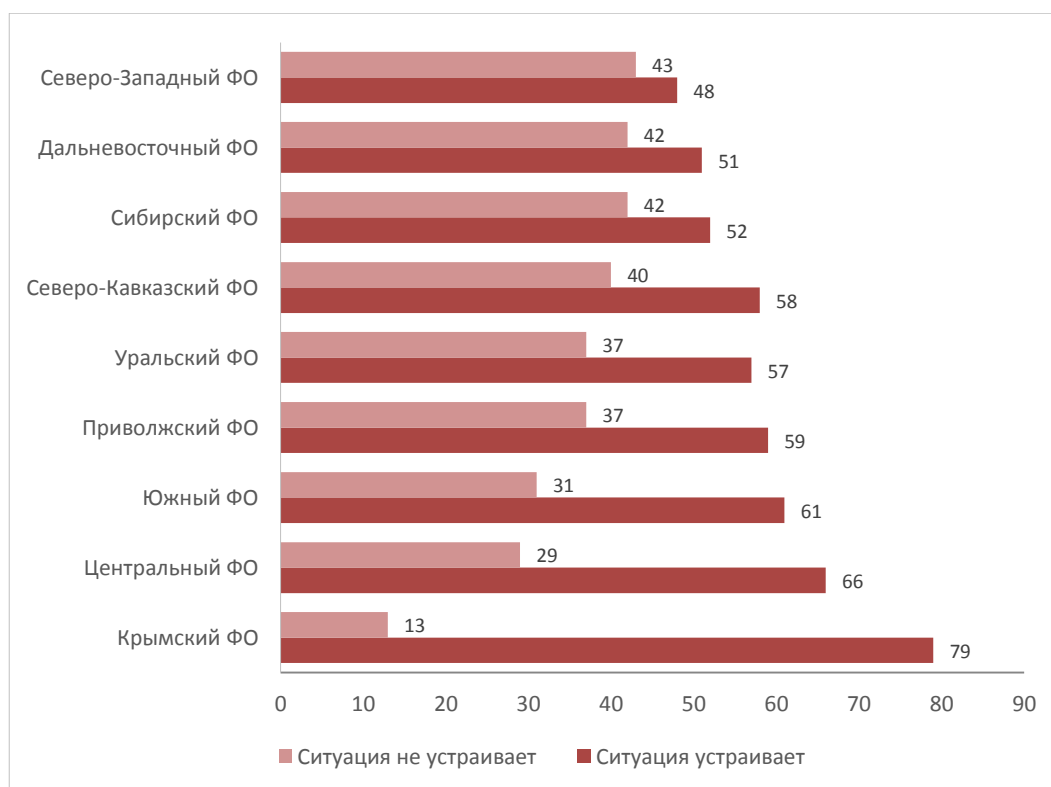

Рисунок 2 - Распределение ответов на вопрос: «А Вас лично действия руководства вашей области (края, республики) в последние полгода-год чаще устраивают или не устраивают?» / Позиции «Безусловно не устраивают» + «Скорее не устраивают» и «Безусловно устраивают» + «Скорее устраивают» (в % от числа опрошенных в федеральных округах)

В таблице 2 представлены регионы РФ с наиболее высокой долей отрицательных оценок в суждениях о работе руководства региона, которые слышали респонденты («критический фон») и регионы с наибольшей долей граждан, которые сами выказывают недовольство его работой («негативные оценки»).

Таблица 2 - Регионы с высоким показателем «критического фона» и высоким показателем «недовольства руководством региона» (данные в баллах)

«Критический фон» (среднее значение показателя по России -49)		«Негативные оценки» среднее значение показателя по России (по России – 38)	
Сахалинская область	65	Еврейская автономная область	69
Тверская область	62	Сахалинская область	69
Архангельская область	61	Вологодская область	67
Вологодская область	60	Архангельская область	67
Забайкальский край	59	Забайкальский край	63
Новгородская область	59	Саратовская область	62
Еврейская автономная область	59	Новосибирская область	58
Хабаровский край	56	Амурская область	57
Орловская область	56	Тверская область	56

Амурская область	55	Республика Карелия	54
------------------	----	--------------------	----

В состав десятки неблагополучных по обоим составляющим «индекса недовольства региональными властями» вошли 6 регионов: Сахалинская, Архангельская, Вологодская и Тверская области, Еврейская автономная область и Забайкальский край.

Исследование зафиксировало превышение общероссийского уровня индекса НРВ в 49 регионах. Наивысших значений индекс НРВ (среднее арифметическое приведенных показателей) достигает в следующих регионах:

- Сахалинская область - 67 баллов;
- Архангельская область - 64 балла;
- Вологодская область - 64 балла;
- Еврейская автономная область - 64 балла.

Самые низкие значения этого индекса, помимо Чечни (16 баллов), - в Чувашии (24 балла), Севастополе, Республиках Тыва и Крым (по 25 баллов). Кроме них индекс НРВ ниже общероссийского еще в 27 регионах. В Санкт-Петербурге, Владимирской, Ростовской и Смоленской областях значение индекса недовольства региональными властями соответствуют среднему значению по России.

Представляется, что результаты данного социологического исследования, могут стать весьма актуальной основой для принятия управленческих решений по совершенствованию региональными властями Российской Федерации своей работы.

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Кирилюк О.М. (Санкт-Петербург)

Адаптация в сфере образования - сложный процесс приспособления к новым условиям учебной деятельности и общения. Период адаптации дает возможность осуществить проверку социально-педагогической подготовленности студентов к обучению, а также спрогнозировать их дальнейшее продвижение и развитие. Не случайно проблема адаптации студентов к условиям обучения в высшей школе представляет собой одну из важных общетеоретических проблем, исследуемых в настоящее время на психофизиологическом, индивидуально-психологическом, социально-психологическом уровнях, и до настоящего времени является традиционным предметом дискуссий [2].

От того, как долго по времени и по различным затратам происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи студентов, процесс их профессионального становления.

В сфере образования возник и получил развитие свой спектр форм «социализационной деятельности» [3]. По целям и объектам освоения элементов культуры социальная адаптация - первая историческая форма социализации - разделяется на три направления, или уровня: обучение, воспитание и собственно образование.

С. П. Иваненков отмечает, что со временем динамично выстраиваемое образование становится важнейшим фактором, обеспечивающим успешную социализацию, понимаемую как процесс становления социальной сущности человека, включения его в систему общественных отношений в качестве субъекта общественной жизни [3].

В начальный период обучения в вузе, при переходе из общеобразовательной школы в профессиональную, студенты постоянно сталкиваются с новыми условиями деятельности и общения. Изменяющиеся условия жизни и обучения требуют не столько «приспособления» к ним, сколько развития личности, обогащения человеческой индивидуальности в соответствии с условиями обучения в образовательном учреждении. Перед студентами встает проблема переосмысления и переоценки своей позиции, выбора адекватной линии поведения и самосовершенствования в соответствии с меняющимися условиями. Таким образом, процесс социальной адаптации в образовательном пространстве не может быть отделен от развития личности самого студента, ее становления.

Ю.А. Александровский, ориентируясь на системный подход, предпринял попытку представить социальную адаптацию как взаимодействие следующих подсистем: поиск, восприятие и переработка информации - имеет ведущее значение и является основой познавательной деятельности; эмоциональное регулирование - создает личностное отношение к

получаемой информации и является наиболее интегрированной формой активности; социально-психологические контакты - основываются на приобретенных знаниях и определяют положение индивидуума, его личностные позиции; бодрствование и сон - обеспечивают различные уровни активности и создают наиболее благоприятные условия для адаптации; эндокринно-гуморальная регуляция - включает различные биохимические механизмы [1].

Специфика процесса адаптации в вузах определяется различием в методах обучения и в его организации в средней и высшей школах, что порождает своеобразный отрицательный эффект, называемый в педагогике дидактическим барьером между преподавателем и студентом. Новая дидактическая обстановка во многом обесценивает приобретенные в школе способы усвоения материала. Первокурсникам недостает различных навыков и умений, которые необходимы в вузе для успешного овладения программой. Попытки компенсировать это усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит немало времени, прежде чем студент приспособится к требованиям обучения в вузе. Многим это дается слишком большой ценой. Отсюда зачастую возникают существенные различия в деятельности, особенно в ее результатах, при обучении одного и того же человека в школе и в вузе. Отсюда и низкая успеваемость на 1-м курсе, и большой «отсев» по результатам сессий. Кроме того, слабая преемственность между средней и высшей школой, своеобразие методики и организации учебного процесса в вузе, большой объем информации, отсутствие навыков самостоятельной работы вызывают большое эмоциональное напряжение, что приводит к разочарованию в выборе будущей профессии. Поскольку все эти трудности вызываются «дидактическим барьером», можно предположить, что одной из причин низких темпов адаптации студентов является несогласованность в педагогическом взаимодействии между преподавателем и студентом при организации способов учения. Трудности адаптации - это не что иное, как трудности совмещения усилий преподавателя и студента при организации способов учения.

Таким образом, процесс адаптации во многом зависит от социально-психологической обстановки, от того, насколько интересно, комфортно, безопасно чувствуют себя студенты на занятиях, в ситуациях взаимодействия с преподавателями и однокурсниками. Это диктует необходимость отбора и использования в учебной и во внеучебной деятельности специальных упражнений, помогающих студентам освоить новую социальную позицию.

Отсюда важное направление работы по социальной адаптации студентов - создание и проявление личностной стратегии поведения (самоизменения), а не просто передача (тиражирование) «готового» навыка. Это возможно с помощью лично-ориентированной направленности всего образовательного процесса, который предполагает создание педагогических и социально-психологических условий, позволяющих студенту успешно функционировать и развиваться в новой социальной среде.

Сущность лично-ориентированного подхода к адаптации студентов в образовательном пространстве заключается в том, что студент рассматривается не как объект, а как активный субъект адаптационного процесса. Основные усилия педагогического коллектива образовательного учреждения должны быть направлены не на формирование заранее заданного идеала в соответствии с требованиями специальности, а на поддержку студента на пути преодоления трудностей в процессе его личностного роста.

Студентам и преподавателям целесообразно ориентироваться на такие навыки взаимодействия с окружающими и друг с другом, которые характерны для партнерского поведения и которые исключают отношение к другому как к объекту манипулирования.

Применение лично-ориентированного обучения значительно позволит активизировать образовательную и воспитательную функции педагогического контроля. Практика показывает, что факт наличия сетевого плана, графика оперативного учета организует и направляет учебную деятельность студентов, побуждает их к более активному отношению к занятиям, формирует стремление учиться в полную силу. Показателями такого отношения являются: большое количество студентов, желающих выполнять задания нетрадиционными способами, в дальнейшем совершенствоваться в языке, участвовать в деловых играх; значительное сокращение числа пропусков занятий без уважительных причин. Наличие модульной технологии педагогического контроля создало нужный мотивационный стимул и активизировало учебно-познавательную деятельность студентов.

Теперь выделим системные блоки, реализация которых помогает обеспечить социальную адаптацию в образовательном пространстве.

1. Формирование положительной мотивации адаптации: увлеченность будущей профессией; желание самореализоваться в будущей профессиональной деятельности; преобладание познавательной мотивации.

2. Информационное обеспечение: студенты имеют право и должны получать достаточно достоверной информации по всем волнующим их вопросам, необходимо также учить их добывать информацию и анализировать ее. Студентам необходимо дать знания о сущности адаптации, ее видах, условиях протекания; особенностях адаптации в условиях модернизации образования; личности, самоопределении и самореализации; сущности учебной деятельности и способов ее усвоения; приемах самодиагностики самовоспитания, саморегуляции поведения; творчестве как личностной характеристике профессионала.

3. Развитие активной жизненной позиции: помощь студентам в определении характера возникших затруднений в общении, учебной и общественной деятельности и развитие умений бесконфликтно снимать их. Отношения между преподавателями и студентами должны строиться так, чтобы развивать ответственность студентов, навыки свободного выбора.

4. Принятие себя, формирование навыков активного взаимодействия: все без исключения студенты нуждаются в психологической поддержке - специальной работе по принятию себя: своего физического «Я», своего характера, индивидуальных особенностей своего мышления, своих эмоций, то есть должна вестись специальная работа, направленная на принятие своей индивидуальности, на формирование положительного отношения к себе и к другим.

Предполагается, что эти четыре системных блока обеспечивают успешную адаптацию студента в образовательном пространстве. Отсюда вытекают следующие направления организации процесса адаптации: во-первых, выявление особенностей личности студентов с целью своевременной профилактики и эффективного решения проблем, возникающих у них в процессе адаптации в образовательном процессе; во-вторых, создание системы педагогического воздействия на студентов, обеспечивающей информационную поддержку, активизацию личностного потенциала и активной жизненной позиции студентов; в-третьих, ориентация всего образовательного процесса на взаимоотношения сотрудничества, партнерства, исключающие манипулирование, как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов.

Новые социальные функции и образовательные задачи высшей школы должны воплотиться в новом отношении педагогов и студентов к целям совместной деятельности. Долгое время без внимания оставались проблемы выработки индивидуальной стратегии овладения знаниями, что неудивительно, так как в условиях традиционной системы обучения студент остается в позиции «получателя», хотя приоритетным началом должна быть активная позиция студента на всех этапах обучения, при которой студент должен постоянно выбирать способы и пути достижения той или иной образовательной цели. Однако в условиях традиционной педагогической системы, где наличие объективной оппозиции в отношениях между преподавателями и студентами, доминирование личности педагога и подавление индивидуальности студента, стремление добиться большей академической активности каждого в отдельности и достигнуть усреднения общего уровня подготовленности группы в целом, не останавливаясь при этом на вероятности психологического травмирования студента и ущемления его чувства собственного достоинства, практически очень трудно добиться оптимального педагогического взаимодействия, что особенно важно на начальном этапе обучения.

1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М.: Наука, 1997. - 272с.

2. Еришова Н.Г. Методические аспекты психолого-педагогического сопровождения студентов. - Москва, 2000.

3. Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. - Оренбург, 1999. - 291с.

4. Митина Л. Адаптация в образовании. - М.: Педагогика, 1992. - 432с.

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кисленко И.Ю. (Москва)

Идея публичной социологии была сформулирована еще Ч.Р. Миллсом [10]. Однако, впервые данный термин был использован лишь в 1988 году Г. Гэнсом [4]. За короткий промежуток

времени данная отрасль социологии сумела завоевать своих сторонников как внутри научного сообщества, так и за его пределами.

В самом общем смысле публичная социология ставит своей целью приобщение широких кругов аудитории к результатам исследований в рамках академического знания [3]. Вопросы «знание для кого?» и «знание для чего?» являются фундаментальными для данной области социологии и были сформулированы М. Буравым, который по праву считается одним из основателей данного направления [2]. Попробуем ответить на эти вопросы через призму современных реалий российского общества.

Публичный социолог должен «глаголом жечь сердца людей», переносить сложные терминологические изыски на простой и доступный язык обывателя. В связи с этим представляется интересной работа Б. Латура «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» в которой французский ученый демонстрирует, так называемую «модель перевода» - перенос достижений науки из мира изобретения, где царит сложная терминология и неочевидность результата, в мир обывателя с четко определенными положительными результатами, которые представляют интерес для простого человека.

Латур делает это на примере Л. Пастера и микробиологии [7]. Но что если экстраполировать, представленные результаты Б. Латура на социальный мир? Что если социолог перенесет результат своих работ в мир обывателя?

Социологи, изучая общество как таковое и все процессы внутри него, неизбежно вынуждены контактировать с миром обывателя, переводя профессиональные термины на обывательский язык. Одним из проявлений такого рода перевода становятся социологические опросы. Реальность такова, что социологи, занимающиеся такой деятельностью, представляют широкой общественности результаты эмпирических социологических исследований. Репрезентация результатов теоретических исследований не входит в обязанности исследовательских центров таких как ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр и другие. Ни для кого не секрет, что этапу полевых исследований предшествует кропотливая теоретическая работа, которая важна и необходима, но не видна взгляду обывателя.

Тут и кроется основная задача публичного социолога: он должен уметь показывать не только очевидные результаты науки, но и подогревать интерес к более скрытым процессам, происходящим в ней. Эмпирические исследования есть важная составляющая труда социологов, но социология не ограничивается лишь ими [8].

Действуя, таким односторонним образом, социология, по выражению У. Бека, рискует превратиться «в музейный экспонат» и чтобы такого не произошло «социологии нужен не только публичный голос – ее следовало бы заново изобрести для двадцать первого века» [1].

Переосмысливая высказывание немецкого социолога, следует отметить, что своеобразным рупором социологического знания могут стать современные образовательные платформы. Уже сейчас портал «Пост-наука» выкладывает видеоролики, где специалисты в разных областях знания доступным языком объясняют сложные и запутанные процессы, происходящие в обществе. Национальная платформа «Открытое образование», с известной долей допущения (так как там по большей части представлены образовательные курсы), также является примером такого рода социологии. Портал «TheQuestion» периодически приглашает ведущих российских исследователей в области социологии для объяснения тех или иных процессов, интересующих обывателя.

Более того, существуют проекты НИУ ВШЭ и МВШСЭН «Лекторий Высшей школы экономики» и «Открытая среда» суть которых заключается в проведении публичных лекций в различных местах г. Москвы. Рассмотренные различные форматы представления социологического знания подтверждают тезис М. Буравого о «множестве публичных социологий», т.е. о многообразных формах ее проявления.

Современной публичной социологии нужно «повернуться лицом к обществу» научиться балансировать между эмпирией и теорией, дабы постоянно подогревать интерес публики к социологическим исследованиям [5]. Проблема публичных социологов в том, что социология распалась на множество специализаций [6]. Поэтому публичный социолог может преуспеть «тогда, когда является универсалом и еще лучше, если он обладает знаниями из других наук» [9].

Такого рода социологи поднимают престиж и авторитет профессии, а также выполняют необходимую функцию – представляют необходимый, практичный и понятный результат простому человеку.

1. Бек У. Как не превратиться в музейный экспонат // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии* / [Текст]. – М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С.113–122.
2. Буравой М. Выковыивание глобальной социологии снизу // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии* / [Текст]. – М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.
3. Буравой М. За публичную социологию / [Электронный ресурс]. – URL: <http://publicsphere.narod.ru/Burawoy.pdf>. (Дата обращения 26.02.2016)
4. Буравой М. Приживется ли публичная социология в России? / [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prizhivetsya-li-publichnaya-sotsiologiya-v-rossii>. (Дата обращения 27.02.2016)
5. Буравой М. Публичная социология versus рынок // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии* / [Текст]. – М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.
6. Гидденс Э. Призыв к оружию. // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии* / [Текст]. – М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С.137–140.
7. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf>. (Дата обращения 1.03.2016)
8. *Общественная роль социологии* / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/82221373>. (Дата обращения 2.03.2016)
9. Этциони А. Заметки для публичных социологов // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии* / [Текст]. – М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С. 130–136
10. Gans H. *Sociology in America: The Discipline and the Public.* / [Электронный ресурс]. – URL: http://herbertgans.org/wp-content/uploads/2013/11/14-Sociology-in-America_small.pdf. (Дата обращения 3.03.2016)

ПЕНСИОНЕРЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ

Китайцева О.В. (Москва)

Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 14-18-02016

В последние годы в России отмечается рост доли пенсионеров в структуре населения. Если обратиться к данным государственной статистики, то на сегодняшний день численность пенсионеров составляет почти 27% населения. Пенсионеры становятся достаточно большой социальной группой, что позволяет ей влиять на общий фон удовлетворенности жизнью всего общества. В тоже время социальная и экономическая среда существования пожилых людей отличается от других возрастных групп. Старшее поколение россиян столкнулось со многими социальными проблемами, которые снизили качество их жизни. Нынешнее поколение пожилых россиян было глубоко травмировано потерями в 90-ые годы своего статуса, потерями своих сбережений, своих заработков. В период социально-экономических трансформаций они вступили уже в достаточно зрелом возрасте, когда им было сложнее, чем молодым, встраиваться в новые экономические и социальные реалии. Поэтому они пострадали в большей мере, чем более молодые возрастные группы россиян.

В сегодняшней ситуации российские пенсионеры – это одна из наиболее уязвимых групп российского общества. По всем позициям люди старшего возраста традиционно оказываются внизу любой шкалы социального измерения. Доходы пенсионеров все больше и больше отличаются от трудовых доходов не пенсионеров. По данным государственной статистики если в 2000 г. средний размер назначенных месячных пенсий составлял 31,2% от средней начисленной заработной платы, то в 2005 г. — уже только 27,6%. В среднем за 2014 год показатель отношения пенсии к зарплате составил 33,1% против 33,3% в 2013 году. Вместе с тем в реальном выражении (с поправкой на инфляцию) средний размер пенсий в России растет. Так за сентябрь 2015 года, средний размер назначенной ежемесячной пенсии в России увеличился в номинальном выражении на 11,1% по сравнению с сентябрем 2014 года и составил 12 тыс. 106 рублей [3]. Однако, несмотря на то, что пенсии с 2000 г. росли достаточно быстрыми темпами, учитывая очень низкую базу, с которой они начали расти в нулевые годы, этот рост не смог компенсировать значительные потери 1990-х годов. Уровень пенсий очень низкий, для того, чтобы поддерживать приемлемый уровень жизни, соответственно уровень жизни пенсионеров, в наименьшей степени ориентирован на зажиточные и высоко обеспеченные слои населения.

В следствии выше сказанного, для пенсионеров характерен высокий уровень недоверия к государству, к государственным институтам. Пожилое население не понимает, как устроено государство, как устроена пенсионная система, как она работает, поэтому рассмотрение различных вариантов изменения пенсионной системы вызывает у пенсионеров недоверие. Люди

отказываются участвовать в программах государственного софинансирования будущих пенсий. Во-первых, потому что у них нет на это денег, а во-вторых, потому что они полагают, что это все обесценится. И опыт трех лет эксперимента по дополнительным пенсионным отчислениям это подтверждает [1].

Очень высокие инфляционные ожидания заставляют людей делать выбор в пользу того, что есть здесь и сейчас, не рассчитывая на возможные варианты в будущем. Люди стараются продолжить работу после достижения пенсионного возраста, и делают это практически все, кто может работать, кто может найти себе работу.

К перечисленным обстоятельствам прибавляются проблемы социального обслуживания и в большей степени медицинского обслуживания, которые особенно важно для людей старшего возраста. Медицина стала платной, а бесплатная медицинская помощь малодоступна. Хотя проблемы здравоохранения сегодня очень беспокоят и другие возрастные категории, но пенсионеры более других возрастных когорт нуждаются в услугах этого сектора экономики. Для людей пожилого возраста это основной вопрос их жизни, что конечно добавляет дополнительный психологический негатив и является существенным фактором в формировании социальной удовлетворенности.

Таким образом, с учетом того, что в последние десятилетия происходит увеличение доли пожилых людей в составе РФ, а социальные и макроэкономические условия их существования носят негативный характер, актуализируется необходимость рассмотрения удовлетворенности жизнью этой социальной группы россиян.

Если говорить в целом, в какой мере российских пенсионеров устраивает или не устраивает жизнь, которую они ведут, то сегодня, как и в начале 1990 – х гг.. положительные оценки удовлетворенности жизнью превышают отрицательные. Однако значение индекса удовлетворенности жизнью пенсионеров до начала периода реформирования российской экономики было существенно выше. Так по данным Всесоюзного исследования проблем образа жизни в 1990-91 гг.. индекс удовлетворенности жизнью пенсионеров составлял 78 пунктов, сегодня этот индекс только 56 пунктов [4]. В тоже время, сравнение актуального значения индекса удовлетворенности жизнью для пенсионеров и россиян в целом выявляет различие только порядка 5 пунктов. Это с учетом, социальной характеристики, которая была дана российским пенсионерам выше.

Почему же в настоящее время пенсионеры в своих оценках удовлетворенности жизнью не сильно отличаются от всех остальных россиян? Видимо, в этом случае удовлетворенность жизнью пенсионеров детерминирована социальным настроением гораздо сильнее, чем экономическими факторами и материальным благополучием. Таким образом, несмотря на то, что положение пенсионеров по показателям материального благополучия серьезно отличается от россиян вообще, это не сильно сказывается на их удовлетворенности жизнью. Подобный эффект может быть продемонстрирован на примере падения индекса общественных настроений и удовлетворенности жизнью россиян в течении последнего квартала 2015 г. В этот период в России не было зафиксировано никаких экономических или социальных изменений, однако в связи с серией террористических ударов, которыми подверглись россияне, как на территории нашей страны, так и за ее пределами социальное настроение ухудшилось, как следствие снизилась удовлетворенность жизнью [2].

Пенсионеры четко осознают, что жить на маленькую пенсию трудно и здоровье уже не то. В тоже время, их социальное настроение не характеризуется как негативное, потому, что есть такие позитивные стороны жизни на пенсии как: возможность уделить время себе, своему здоровью (24%), уделить больше внимания семье, близким (22%), снизить количество стрессов и ответственности (23%) или заняться любимым делом (11%) [4].

Рассматривая поселенческий аспект, можно сказать, что в целом во всех регионах страны в среднем 49% пенсионеров отмечают, что жизнь стала хуже после выхода на пенсию. Основными причинами ухудшения жизни после выхода на пенсию, респонденты называют маленькую пенсию 58%, ухудшение здоровья 28%, а вот скуку, называют только 9% опрошенных пенсионеров [4].

В целом, если говорить о том, какие характеристики пенсионеров теснее всего связаны с оценкой удовлетворенности жизнью, то на основании сделанных расчетов, можно сказать, что семейный бюджет и семейное положение респондента сильнее всего детерминируют удовлетворенность жизнью пенсионеров.

Пенсионеры, которые живут в браке или с партнером гораздо чаще удовлетворены своей жизнью, чем пожилые люди, не имеющие супруга или партнера (42% против 29%). Вместе с тем,

можно заметить, что все же наблюдается ухудшение социального самочувствия, и снижение удовлетворенности жизнью у пенсионеров по причине снижения уровня материальной обеспеченности. Среди пенсионеров, которые живут в достатке, могут себе позволить покупку холодильника, музыкального центра... - число удовлетворенных своей жизнью порядка 50%. Среди тех, кому семейного бюджета хватает в основном на еду и одежду, в остальном приходится экономить удовлетворены своей жизнью – 40%, а вот среди тех, кто еле сводит концы с концами, живут от зарплаты до зарплаты (бедно) или живут в нищете – 18% [4]. Однако, анализ объективного материального положения пенсионеров затруднен. Его можно проводить лишь по размерам пенсий и пособий и по самооценке людьми своего материального положения без учета других источников дохода. Может быть поэтому, связь семейного бюджета и семейного положения с удовлетворенностью жизни пенсионеров не очень сильная, если судить по значению коэффициента V Крамера (0,2 и 0,17 соответственно), что показывает, что для пенсионеров ощущение удовлетворенности жизнью не ассоциируется преимущественно с материальным фактором, хотя от него зависит, но не очень сильно. Чувствовать себя счастливым или несчастным могут как богатые, так и бедные пенсионеры.

1. Красильникова М. Материальное положение и социальные проблемы российских пенсионеров // Радио свобода. Радиопрограмма 29.05.11. (Беседовала Бодэ В.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24195752.html>
2. Индексы социального самочувствия // Данные ВЦИОМ. Ноябрь 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/
3. Реальный размер средней пенсии в сентябре снизился на 4% // Аналитический портал «Интерфакс», раздел Экономика. 30 окт.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/476530>
4. Всероссийский опрос «Жизнь на пенсии» в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010-е годы)». Сентябрь 2015г. Всего опрошено 900 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по возрасту, полу, образованию, семейному положению, месту жительства. Опросы проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также один мегаполис - Москву.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕДРАБОТНИКОВ И ПАЦИЕНТОВ: ПРЕДМЕТНЫЕ ЗОНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ

Клейменов М.О. (Екатеринбург)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-33-00008)

За последние несколько лет в отечественной науке накопилось немало научных трудов, касающихся социологического анализа системы медицинского обслуживания в сельских поселениях. Публикации можно сгруппировать следующим образом: 1) анализ здоровья россиян, механизмы здоровьесбережения; 2) изучение современных информационных технологии в медицине; 3) выявление противоречий социального взаимодействия основных акторов (врачей и пациентов) системы медицинского обслуживания.

Одной из интересных, на наш взгляд проблем, выделенных И.Ю. Юровой [11] является проблема здоровьесбережения среди сельских жителей. Существует конфликт архаичного уклада жизни, привыкших к модели советского здравоохранения, с моделью здравоохранения в современных рыночных реалиях. В ходе исследования автор выявил, что 26% сельчан отказались от планового лечения; 78% заявили о несоответствии условий труда и собственного соматического здоровья; 69% не принимают профилактических мер, игнорируют санитарные требования. В целом, сельчане с профессиональными заболеваниями раскрывают низкую «субъектность» при соприкосновении с системой медицинского обслуживания.

Также тема неравенства здоровья различных социальных слоев затронута в работах Н.Л. Русиновой и В.В. Сафронова [8, с. 36], социальный капитал, представляющий объединение сетей взаимодействия, доверия и взаимной поддержки индивидов, сглаживает статусные неравенства в области здоровья представителей различных социальных слоев населения, особенно в странах с высокоразвитой экономикой.

Исследователь И.Б. Назарова [6, с. 144] установила, что за последние пятнадцать лет россияне стали позитивнее оценивать состояние здоровья, однако треть населения находится в стрессовой или предстрессовой ситуации. За это время медицинская помощь не стала доступнее (в части её оплаты и практики обращения в медицинские учреждения).

Интернет играет главную роль в быстром распространении информации, новостей, тех или иных сведений. Авторами Е. В. Павленко и Л. Е. Петровой [7, с. 108] выявлено нежелание практикующих врачей использовать ресурсы и Интернет-технологии для повышения качества и доступности медицинской помощи. К тому же российские врачи, все еще работающие в русле идеологии патернализма, не примельют пациента, социализации которого проходит в условиях доступа к информационным ресурсам (Интернет), и медперсонал считает онлайн-консультирование отступлением от гуманизма (в медицине наблюдается преобладание технократизма, усиление роли техники, машин диагностики).

Уральский социолог Н.Л. Антонова [1, с. 273] на основе классификации Р. Витча предложила типологию практик взаимодействия медицинских работников и пациентов, которые реализуются в монологической модели (практики механизации и патернализма) и диалогической модели (практики коллегиальности и контрактных отношений). На основе исследований 2004-2006 гг. Н.Л. Антонова показала, что пациенты отказываются от формализации отношений с врачом в пользу врача как исполнителя роли товарища (равного партнера), надеясь, что данная роль поможет получить доступ к различным медицинским услугам.

Исследователь А.А. Богатырев [2] отмечает влияние приобретенной беспомощности пациента на характер взаимодействия с врачом. Автор пишет, что патернализм усугубляет состояние явной (осознаваемой) беспомощности у пациента. Возникают следующие паттерны поведения пациентов: избегание ответственности; снижение потребности в скором выздоровлении; ориентация на мнение и поведение окружающих, подверженность колебаниям настроения в межличностных контактах; здоровье, данные пациентам, считают недостижимой абстрактной ценностью; сенситивный характер ощущения болезни.

Д.В. Михальченко [5] считает, что рынок медицинских услуг крайне неразработанная тема в отечественной социологии медицины, основные проблемы, порождаемые рынком, - это проблемы дегуманизации и деэтизации. Из оплативших услуги только 8% платили за услуги врача в том случае, что нельзя другим образом; 30% платили в любом случае (даже неформально). Автор выделяет управляющих клиниками и исполнителей услуг (врачей), которые образуют поставителя медицинских услуг. Д.В. Михальченко дает обоснование неформальной оплаты медицинских услуг: медицинскому работнику будут платить на руки до тех пор, пока пациенты не перестанут считать врачей поставителями. Исследователь поднимает важный вопрос рисков в системе медицинского обслуживания и предлагает их классификацию. Первая классификация рассматривает риски по отношению к потреблению услуг: 1) риски перенасыщения; 2) риски недостатка услуг. Вторая классификация делит риски на объективные (напр., бедность) и субъективные (напр., личные реакции на заболевание).

Н.В. Фомина и И.А. Ревина [9, с. 82] сосредоточили собственные исследования на теме обыденных представлений пациентов о взаимодействии с врачом-терапевтом в процессе лечения болезни и влияние этих представлений на эффективность лечения. Врач представлен образом «автомата» и «машины» - равнодушного человека, который просто выполняет профессиональные функции, не вкладывая эмоции по отношению к страдающему больному. Авторы полагают, что данные негативные образы мешают эффективному взаимодействию врача и пациента, которое может оказать негативное влияние на конечный результат (выздоровление)

В.Т. Ягупова и ее коллеги [12] обращаются к одной из основных проблем рыночной экономики - культуре потребления. Культура потребления медицинской помощи рыночного общества отличается от нынешней культуры потребления медицинских услуг. Исследователи показали, что врачам удобнее работать с пациентами в патерналистской модели взаимодействия при низкой культуре предоставления медицинских услуг в российской стоматологии и их потребления.

О. Н. Дмитриева [4] показывает, что рыночные отношения между двумя основными акторами системы здравоохранения, врачами и пациентами, приводят к определенным конфликтам, задевающим те или иные стороны медицинского обслуживания. Предметом конфликта может быть 1) цена услуги; 2) территориальная доступность; 3) межличностные отношения пациента и врача.

А. Е. Чирикова [11] выявила, что в наше время врачи находятся в пространстве конкуренции. Большинство врачей признают, что шансы достойно работать в медицине имеются, если подчинятся коллективным ценностям в противовес ценностям индивидуализма. Исключение составляет врач, добившийся высокого авторитета. Как показывают материалы интервью, это не просто провозглашенные, но во многом действующие нормы. Высокий уровень квалификации врача определяет его особый статус.

И.Б. Ганьшин [3, с. 60] отмечает отход от патернализма в сторону контрактных отношений, когда пациенты имеют определенные медицинские знания. И.Б. Ганьшин провел исследование по одной анкете для пластических хирургов (n=183) и их пациентов (n=197). Автор пришел к выводу, что 61% опрошенных врачей приветствуют пациентов со знаниями о лечении, 95% врачей считают, что пациенты – это люди, абсолютно согласные на любые требования лечащего врача.

В заключение хотелось бы отметить, что наши собственные исследования, проведенные в 2011-2016 гг., в Курганской и Свердловской областях свидетельствуют о следующих проблемных зонах в системе взаимодействия медицинских работников с пациентами на селе. Во-первых, мы выявили потерю былого авторитета врача среди пациентов – они становятся более активными. Во-вторых, происходит смешение патерналистской и коллегиальной моделей взаимодействия, с превалированием со стороны врачей патернализма. В-третьих, определено серьезное противоречие между пережитками советского патернализма и современной системой медицинского обслуживания, рассчитывающего на получение прибыли от продажи услуг. Среди медицинских работников сельских поселений проскальзывает мнение о реабилитации некоторых черт советского здравоохранения: отказ от государственного обязательного страхования в пользу бюджетной медицины, возвращение функций контроля над пациентами за врачами; иерархическое различие заработных плат среди трех групп социальной общности медицинских работников – врачей, фельдшеров, медсестер.

В целом, вопрос взаимодействия врачей и пациентов в современном российском обществе является одной из важных социологических проблем, изучение которой требует глубинного осмысления и интерпретации.

1. Антонова Н. Л., *Модели взаимодействия врачей и пациентов в системе медицинского обслуживания [Текст] / Н. Л. Антонова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – №2 (15). – С.272-274*
2. Богатырев А. А., *Социальное взаимодействие врача и пациента с приобретенной беспомощностью [Текст] : диссертация кандидата социологических наук : 14.02.05 / А. А. Богатырев [Место защиты: Волгоградский гос. мед. ун-т]. Волгоград, 2015. – С.147*
3. Ганьшин И. Б., *Мнение врачей пластической хирургии и их пациентов о взаимоотношениях в системе «врач-пациент» [Текст] / И. Б. Ганьшин // Вестник Росздравнадзора. 2013. №2. С.59-61*
4. Дмитриева О. Н., *Социально-экономические предпосылки конфликта и консенсуса во взаимоотношениях врача и пациента [Текст] / О. Н. Дмитриева // Вестник Поволжского института управления. – 2007. – №13. – С.128-133*
5. Михальченко Д. В., *Стоматологическая услуга как социальное взаимодействие врача и пациента [Текст] : автореф. дис. ... д-ра мед. н. [Место защиты: Волгоград. гос. мед. ун-т Минздравсоцразвития РФ]. Волгоград, 2012. – С.48*
6. Назарова И. Б., *Здоровье и качество жизни жителей России [Текст] / И. Б. Назарова // Социологические исследования. – 2014. – № 9. – С. 139-145.*
7. Павленко Е. В., Петрова Л. Е., *О готовности врачей к использованию новейших информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении [Текст] / Е. В. Павленко, Л.Е. Петрова // Социологические исследования. – 2016. – № 4. – С. 103-110*
8. Русинова Н.Л., Сафронов В.В., *Здоровье в странах Европы: статусные неравенства и влияние социального капитала [Текст] / Н.Л. Русинова, В.В. Сафронов // Социологический журнал. – 2015. – №4. – С.34-60. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3065*
9. Фомина Н.В., Ревина И.А., *Возможности проективных методов в анализе социальных представлений пациентов о взаимодействии с врачом [Текст] / Н.В. Фомина, И.А. Ревина // Научные труды института непрерывного профессионального образования. – 2014. – №4. – С.75-83*
10. Чирикова А. Е., *Этика взаимодействия врачей друг с другом: социологический анализ неформальных практик [Текст] / А. Е. Чирикова // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 113-120.*
11. Юрова И. Ю., *Здоровьесбережение сельского населения: медико-социологический анализ (на материалах Саратовской области) [Текст] : диссертация кандидата социологических наук : 14.02.05 / И. Ю. Юрова. [Место защиты: Саратовский гос. мед. ун-т им. В.И. Разумовского Минздрава РФ]. Волгоград, 2016. – С.185*

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Клочкова А.В. (Москва)

Все больше в средствах массовой информации звучит мнение, что реформы в области образования принесли больше вреда, чем пользы. Первое и главное в критике педагогического сообщества – это неприятие системы ЕГЭ. ЕГЭ задумывался как метод борьбы с коррупцией, а сыграл с прямо противоположным эффектом: привнес коррупцию в среднее образование. ЕГЭ подавил все устные гуманитарные предметы, где учатся размышлять, рассуждать, критически оценивать. В первую очередь, речь идет о литературе и истории, предметах, где должна формироваться культурная идентичность каждого ученика. Необходимыми условиями формирования идентичности является восприятие и усвоение ценностей и норм своей социокультурной общности, что предопределяет необходимость знакомства и изучения культурного и исторического наследия на уроках литературы и истории [1].

Колоссальный вред нанесен образованию и нравственному воспитанию молодежи изданием в сокращенном виде программных литературных произведений, исключающему из содержания духовно-нравственную составляющую, что привело к тому, что школьники перестали читать оригинальные произведения, сосредотачиваясь, в лучшем случае, лишь на сюжетной линии произведения. В организациях, осуществляющих образовательную деятельность, являющихся институтами социализации, следует акцентировать внимание на процессе воспитания обучающихся, возрождении традиционных ценностей, развитии культуры взаимодействия.

По результатам исследования, проведенного лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова в декабре 2015 года, две трети опрошенных учителей характеризуют образовательный уровень выпускников целом как достаточный для дальнейшего успешного обучения. Однако, лишь каждый шестой из числа педагогов отмечает, что за последние 5 лет уровень подготовки повысился [2]. Это не свидетельствует об эффективности реформ в области школьного образования.

По мнению каждого третьего из числа опрошенных родителей, подготовка к поступлению в высшие учебные заведения проводится не в полном объеме, а каждый четвертый полагает, что подготовка фактически отсутствует вовсе. Даже при позитивной оценке уровня школьного образования, родители в большинстве своем считают, что к поступлению в вуз школьников практически не готовят. Это направление работы в школах, по мнению большинства родителей, либо не развито вообще, либо по каким-то причинам учителя уделяют ему недостаточно внимания. Уровень подготовки детей к поступлению в вуз не устраивает в целом две трети опрошенных родителей. Одним из труднопреодолимых препятствий к успешной сдаче выпускных и вступительных экзаменов является, по мнению трети родителей, неудовлетворительное качество образовательных программ.

Серьезные проблемы у выпускников вызывает написание работ, предполагающих четкое аргументированное изложение собственных идей, логическое выстраивание письменной речи, а также аналитический и критический разбор текста. Данный факт можно объяснить подготовкой учащихся к выполнению тестовых заданий, не требующих навыков систематизации и анализа информации, логического структурирования большого объема данных, развития речи, риторических способностей. Как следствие этого у многих старшеклассников появляются затруднения при решении нестандартных задач. Другого результата от переориентации образовательного процесса на подготовку к решению типовых заданий по системе ЕГЭ ожидать было бы сложно.

Расходы на образование являются ведущим показателем социального развития государства, так как именно от него, в конечном итоге зависит не только увеличение человеческого капитала, но и уровень экономического развития и в целом процветание страны. Уровень национальных расходов на образование составляет 4.1% от ВВП, и в мировом рейтинге мы занимаем лишь 98 место. Следует отметить, что Соединенные Штаты Америки с аналогичным показателем в 5,4% от ВВП находятся на 52 месте [3]. Показательно сравнение с послевоенным историческим периодом. Когда страна лежала в руинах, на образование государство смогло

выделить 12,3% от общей доли расходов бюджета, в то же время на сегодняшний момент данный показатель составляет 3,6% [4]. Но дело даже не в том, что идет сокращение бюджетных расходов на социальные нужды. Вопрос в том, как и на что тратятся эти деньги, то есть речь идет об эффективности бюджета. Например, какую часть финансирования госзаказов в науке и образовании съедает коррупция.

Программы школьного обучения, разработанные и успешно реализованные в Советском Союзе, в целом представляли одну из лучших систем образования в мире, которую нужно было не уничтожать, а бережно приводить в соответствие с запросами времени, сохраняя высокую планку уровня образования выпускника.

Что можно сделать в создавшихся условиях, когда качество школьной подготовки в связи с переходом на новые образовательные стандарты и введением ЕГЭ снижается? Отменять ЕГЭ уже поздно, но можно его скорректировать. В первую очередь, он не должен быть и выпускным, и вступительным. Если мы хотим обучать целеустремленных, мотивированных на получение определенной профессии молодых людей, то логично определить степень их заинтересованности через вступительное испытание соответствующего профиля. Это приведет к тому, что меньше будет неопределившихся абитуриентов, сдающих документы сразу в несколько вузов разной профессиональной направленности.

Необходимо сократить тестовую часть в ЕГЭ, способствующую формированию отрывочных фрагментарных знаний, не связанных в целостную систему.

Особое внимание следует обратить на возвращение сочинения в качестве обязательного выпускного экзамена для всех, а не только для желающих. Важно акцентировать внимание на изучении русской классической литературы, которая закладывает основы нравственности и духовности в сознание детей и подростков. Для этого следует возобновить обучение написанию сочинений с первого класса, что обеспечит, с одной стороны, развитие навыков изложения своих мыслей, с другой – неизбежность прочтения произведений классиков. Такой шаг сможет скорректировать уже устойчивую тенденцию на культурное опустошение молодежи.

Также, на наш взгляд, следует в данном контексте отменить ГИА, дать возможность школьникам сдавать классические устные экзамены, чтобы не утратить те навыки, которые необходимы будут при обучении в вузе.

1. Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 91–95.
2. Исследование «Образовательная стратегия по привлечению талантливых и мотивированных абитуриентов на юридический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова» (2015г.). Методом стандартизированного интервью было опрошено 24 педагога старших классов четырёх московских общеобразовательных учреждений, проанкетировано 82 родителя потенциальных студентов и 789 школьников 10-11 классов.
3. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование. Гуманитарная энциклопедия//Центр гуманитарных технологий 2006-20016. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>.
4. Государственный бюджет СССР <http://istmat.info/node/18453>.

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ковалев А. (Москва)

Одним из важнейших условий существования и развития личности является обеспечение ее безопасности, то есть создание совокупности таких социально-экономических, политических, правовых и иных условий жизнедеятельности, в которых личность чувствовала бы себя полностью социально защищенной. Состояние безопасности личности - важнейший критерий демократичности и цивилизованности современного общества. Речь идет о приемлемом для личности социуме, где созданы нормально-действующие механизмы социальной защиты личности, ее интересов, прав и свобод. Это относится и к российскому обществу, находящемуся в стадии социальной трансформации и реформирования.

Однако реальность насилия и обострения разного рода опасностей и угроз разрушает надежды людей на благополучную, безопасную и достойную жизнь. Совершенные в последнее время теракты в отношении граждан России свидетельствуют о том, что проблема обеспечения

безопасности личности является одной из ключевых политических проблем и должна лечь в основу политики устойчивого развития России. Соответственно, политическая наука не может находиться в стороне от этой проблемы, поскольку мероприятия, связанные с обеспечением безопасности, осуществляются политическими институтами, прежде всего государством.

За последние годы в России приняты законы и другие нормативно-правовые акты, существенно изменившие реализацию правоохранительных функций государства и условия надзора за их исполнением. Прежде всего, это касается оперативно-розыскной деятельности, впервые законодательно закреплённой в качестве самостоятельного документа.

Законодательные акты установили, что оперативно-розыскную деятельность могут проводить органы государственной безопасности такие, как Служба внешней разведки, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба охраны, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков и другие.

В связи с принятием Федеральных законов «О прокуратуре Российской Федерации» и «Об оперативно-розыскной деятельности» перед органами прокуратуры поставлена задача осуществления постоянного и непрерывного прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью.

Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность остаются спорными и в современной науке. Основные из них:

- определение объектов прокурорского надзора в оперативно-розыскной деятельности;
- концептуальные расхождения в законах и проблемы прокурорского надзора;
- направления совершенствования правового регулирования надзора прокурора за осуществлением оперативно-розыскных действий.

Безопасность достигается проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства. Для создания и поддержания необходимого уровня защищённости объектов безопасности в Российской Федерации разрабатывается система правовых норм, регулирующих отношения в сфере безопасности, определяются основные направления деятельности органов государственной власти и управления в данной области, формируются или преобразуются органы обеспечения безопасности и механизм контроля и надзора за их деятельностью. Для непосредственного выполнения функций по обеспечению безопасности личности, общества и государства в системе исполнительной власти в соответствии с законом образуются государственные органы обеспечения безопасности.

Исследование этих и других вопросов требует от ученых решения данных проблем, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение.

Потенциал прокуратуры в настоящем переходном периоде широк и многообразен. Органы прокуратуры, действуя в пределах своей компетенции только присущими им методами и средствами (не подменяя другие государственные органы), занимают важное место в государственном механизме защиты прав и свобод человека и гражданина на всех уровнях и в масштабе всей Российской Федерации. Средства прокурорского реагирования, используемые в этих целях в рамках "общего" надзора, - это только часть правовых возможностей прокуратуры в их воздействии на сферу обеспечения Конституционных прав и свобод граждан. Другую часть правовых возможностей прокуратуры в этом направлении составляют средства прокурорского реагирования, применяемые при осуществлении надзора за: исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключённых под стражу; законностью судебных постановлений по уголовным и гражданским делам, а также такое средство, как осуществление уголовного преследования.

Объектом познания при изучении состояния прокурорского надзора за исполнением законов органами государственной безопасности и правопорядка является закономерности процесса надзорной деятельности в указанной сфере содержание и состояние систем правового регулирования, организации и методик его осуществления.

При анализе и оценке состояния прокурорского надзора в указанной области следует выделить два аспекта:

во-первых, исследование правового регулирования деятельности органов государственной безопасности и корреспондирующего ей прокурорского надзора – это, прежде всего, определение необходимости и достаточности правовой базы, регулирующей отношения в исследуемой сфере;

во-вторых, исследование организационных моментов прокурорского надзора за исполнением законов органами государственной безопасности - это определение оптимального механизма функционирования органов прокуратуры при осуществлении этой деятельности.

Научно разработанное конструирование системы прокурорского надзора за исполнением законов органами государственной безопасности связано, прежде всего, с изучением и оценкой состояния действующей в настоящее время такой системы и соотносением полученных результатов с реальными потребностями надзорной деятельности, содержание которых обусловлено необходимостью реализации цели построения правового государства.

Эффективность прокурорского надзора за исполнением законов органами государственной безопасности определяется не только и не столько организационной стороной, сколько наличием надлежащей правовой базы, регламентирующей деятельность прокуратуры и объекта надзора, адекватно отражающей как состояние политической, экономической, социальной и криминогенной обстановки в стране, так и конкретные потребности субъекта и объекта надзорной деятельности.

Проблема исследования вопросов прокурорского надзора за исполнением законов органами государственной безопасности является достаточно сложной и многообразной. Она тесно переплетается с развитием научных исследований в области теории прокурорского надзора, государственной безопасности, уголовно-процессуального права, контрразведки, оперативно-розыскной деятельности, организации и управления, криминалистики, криминологии.

Таким образом, создание социального капитала для формирования потенциала работников прокуратуры является приоритетным направлением развития социального института права.

1. Нормативные правовые акты:

А) Нормативно-правовые акты РФ

- 1) Конституция РФ;
- 2) ФЗ № 2202-1 от 17 января 1992 года в редакции от 22.12.2014 г. «О прокуратуре Российской Федерации»;
- 3) ФЗ №390-ФЗ от 28 декабря 2010 «О безопасности»;
- 4) ФЗ №82-ФЗ от 19 марта 1995 года «Об общественных объединениях»;
- 5) ФЗ №40-ФЗ от 3 апреля 1995 года «О Федеральной службе безопасности»;
- 6) ФЗ №125-ФЗ от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях»;
- 7) Доктрина информационной безопасности РФ от 9 сентября 2000 года №ПР-1895

2. ЛИТЕРАТУРА:

А) Учебники и учебные пособия:

- 1) Смоленский М. Б. Прокурорский надзор: учебник под ред. М. Б. Смоленского и И. А. Жильцова. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко»; Академцентр, 2011. — 240 с.;
- 2) Амирбеков К. И. // Государственная власть и местное самоуправление. — 2014. — № 2 С.34–38.;
- 3) Иващенко М. А. Место и роль прокуратуры в системе органов государственной власти [Текст] / М. А. Иващенко // Молодой ученый. — 2014. — №8. — С. 675-677.;
- 4) Конституционное право: учебник для бакалавров / отв. ред. В. И. Фадеев. — Москва: Проспект, 2014. — 584с.;
- 5) Общая теория права и государства/ Под ред. В.В. Лазарева. — М.: Юрист, 1994. — С.31;
- 6) Хропанюк В.Н. Теория государства и права. — М.: ИПП «Отечество», 1993. — С.247.

Б) Монографии:

- 1) Прокуратура в механизме противодействия коррупции. — М.: ВУ, 2012. — 148 с.

3. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ:

- 1) <http://www.dissercat.com/content/mesto-prokuratury-rossiiskoi-federatsii-v-sisteme-razdeleniya-vlastei-teoretiko-pravovoe-iss#ixzz30HPyYfy>;
- 2) www.kstrf.ru.

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ НЕМЕДИЦИНСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. ЧЕРЕПОВЦЕ)

Ковалева Г.А. (Череповец)

В современной социальной жизни как российского, так и мирового общества все большую опасность приобретает проблема распространения и немедицинского употребления наркотических веществ. Ряд отечественных исследователей и ученых – Я.И. Гишинский, И.С. Кон, В.Н. Кудрявцев полагают, что это связано с тем, что на рубеже XX-XXI российское общество, переживающее смену норм и ценностей, само подталкивало молодежь к девиантному поведению, в том числе и к употреблению наркотических веществ. Н.Е. Покровский охарактеризовал данное состояние общества как состояние аномии, отметив, что снижение уровня жизни и потеря условий, необходимых для развития личности также способствуют социальной девиации [1]. Я.И. Гишинский описывает немедицинское потребление наркотических средств в целом как «потребление самовольное, без назначения врача или в дозах, превышающие назначенные, или продолжающееся после отмены назначения, или же прием иных средств, нежели были рекомендованы врачом» [4, С.36]. Тема потребления наркотических веществ сегодня крайне актуальна, поскольку по данным Государственного антинаркотического комитета за 2014 год, число лиц с разной степенью периодичности потребляющих наркотики, за последние годы составляет около 6% населения страны, то есть 8 – 8,5 млн. человек, из которых 1,5 миллиона из которых относятся к активным наркопотребителям [2]. Внимание широкой общественности проблема немедицинского употребления наркотических веществ привлекла осенью 2014 года, когда по ряду регионов страны прокатилась волна массовых отравлений новыми синтетическими наркотическими средствами, приведшая к резкому росту смертности среди наркопотребителей.

В отечественной науке с социологической точки зрения изучение проблемы немедицинского употребления наркотиков сегодня ведется в рамках социологии девиантного поведения. В данном ключе особенно важны работы сотрудников Казанского юридического института Ю.Ю. Комлева и Н.Х. Саифуллина, доктора философских наук А.А. Габияни[3], доктора юридических наук Я.И. Гишинского[4], сотрудника Института социологии Российской академии наук М.Е. Поздняковой[5]

Изучение проблемы немедицинского употребления наркотиков происходит в результате множества региональных эмпирических обследований. В качестве эмпирической базы нашей работы были использованы данные массового опроса, проведенного среди жителей г. Череповца в феврале 2015 года. Метод – интервьюирование по месту жительства, объем выборочной совокупности равен 600 человек. Выборочная совокупность квотирована по половозрастным признакам. По данным Управления ФСКН России по Вологодской области, по всему Северо-западному региону сохраняется и увеличивается спрос на синтетические вещества, обладающие сильным психостимулирующим действием [6].

Результаты нашего исследования ярко показали негативное отношение населения к проблеме наркотиков и довольно пессимистичные настроения в отношении её динамики. На момент проведения мониторинга почти 80% от общего числа опрошенных отнеслись отрицательно к идее легализации «легких» наркотиков. При этом треть респондентов были уверены, что ситуация с употреблением наркотиков в будущем будет только ухудшаться, а еще четверть – что останется без изменений. Более половины горожан полагали, что правоохранительные органы недостаточно хорошо справляются с разрешением проблемы распространения наркотиков, и только пятая часть согласилась с тем, что данная работа достаточно успешна. Почти 10% опрошенных горожан сами употребляют медицинские препараты, содержащие психотропные вещества (антидепрессанты, стимуляторы), причем женщины это делают в два раза чаще, чем мужчины. Согласно полученным данным, половина всех опрошенных респондентов считает проблему очень острой и актуальной, как в отношении курительных смесей (53% от общего числа опрошенных), так и наркотиков (48% от общего числа опрошенных). Многие жители города продолжают считать курительные смеси гораздо менее опасными. Треть опрошенных (36%) считают, что курительные смеси достать скорее легко, чем трудно, и ещё около трети – что легко (28%). Судя по ответам респондентов, гораздо легче в городе купить курительные смеси. Наркотики же считаются более труднодоступным «товаром», однако, всё равно не настолько, чтобы эта труднодоступность препятствовала их распространению. Примечательно, что в сознании горожан наркотики и курительные смеси на

сегодняшний день имеют различные причины употребления – первые как способ ухода от проблем и (или) под воздействием окружения, а вторые – как следствие моды, а значит и высокого социального статуса в окружающей социальной среде. В отношении же наркотиков, напротив, у общества сложилось чёткое негативное отношение и имеются определённые знания о последствиях их употребления, и потому сложно говорить о «моде» или «хорошем способе расслабиться». Между тем, и те и другие психоактивные вещества в равной степени употребляют «за компанию». Это открывает механизм распространения психоактивных веществ – через знакомых и путём воздействия на «ведомых» людей. Половина опрошенных утверждает, что у них нет знакомых и близких людей, употребляющих курительные смеси, и каждые 6 из 10 респондентов (61%) могут сказать то же самое в отношении употребляющих наркотики. При этом каждый пятый респондент не может с уверенностью утверждать, есть ли среди его окружения люди, употребляющие психоактивные вещества. Также, согласно полученной информации, ситуация с курительными смесями в Череповце гораздо более острая, чем с наркотиками.

С учетом рассмотренных причин употребления психоактивных веществ, таких как влияние компании и мода на использование наркотиков, информация, полученная от респондентов на вопрос «Как Вы думаете, в каком возрасте люди чаще употребляют следующие виды психоактивных веществ?» может быть проинтерпретирована следующим образом. Основными потребителями курительных смесей и наркотиков является молодёжь, люди до 30 лет. Курительные смеси, прежде всего, употребляют в возрасте 17-19 лет, как отметил каждый четвертый опрошенный, и в возрасте 14-16, согласно ответам трети респондентов. Следующая возрастная группа, использующая курительные смеси – это молодые люди 20-24 лет, однако, по мнению горожан, их меньше. Наркотики же, по мнению горожан, ориентированы на несколько другую возрастную аудиторию – треть респондентов уверены, что их как раз употребляют люди 20-24 лет, другая часть – в возрасте от 17 до 19. При этом нужно учесть, что объёмы употребления курительных смесей начинают снижаться с двадцатилетнего возраста, тогда как наркотиков – с двадцатипятилетнего. Таким образом, курительные смеси и наркотики ориентированы на разного «потребителя». Курительные смеси популярны среди подростков и достигают пика распространенности среди студентов средних образовательных учреждений, тогда как наркотики ориентированы на более взрослую «публику», поскольку обладают более высокой стоимостью, а также не имеют большой популярности среди начинающих потребителей, имеющих доступ к дешевым и якобы «более безопасным» синтетическим веществам.

Интерес вызывают ответы респондентов по поводу их информированности о мерах борьбы с распространением психоактивных веществ. Большинство респондентов, то есть 2/3 от числа опрошенных, дали утвердительный ответ по поводу своей осведомлённости по этому поводу. Однако респонденты затруднились с оценкой эффективности мер по борьбе с распространением психоактивными веществами.

По мнению горожан наркотики в Череповце употребляют в гораздо меньших объемах, чем курительные смеси, однако, в конечном счете, проблема распространения психоактивных веществ остаётся крайне актуальной. Ответы респондентов на вопрос «По Вашему мнению, как за последний год, в городе Череповце, изменилось количество людей, употребляющих наркотики / курительные смеси?» позволяют утверждать, что, по мнению горожан, число употребляющих курительные смеси возросло, поскольку данную позицию отметила половина опрошенных (46%). В целом напрашивается вывод, что жители города опасаются распространения психоактивных веществ и считают, что количество людей употребляющих их возросло, по сравнению с предыдущими годами.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Прежде всего, горожане считают проблему немедицинского употребления наркотических веществ очень острой и актуальной для Череповца. При этом в настоящий момент продолжается изменение предложения наркорынка, поскольку самым популярным товаром становятся синтетические психоактивные вещества, прежде всего курительные смеси. Не смотря на то, что этот тип наркотиков часто обладает неизученными свойствами и характеристиками, иногда приводящими к летальному исходу, у значительной части горожан еще сохраняется ложное представление о меньшей вредности курительных смесей по сравнению с традиционными наркотиками.

Курительные смеси постепенно вытесняют прежде популярные в городе наркотические вещества, вроде героина и марихуаны, поскольку являются гораздо более дешевыми, не требуют особых условий применения и легкодоступны для приобретения. Основными потребителями наркотиков, по мнению горожан, в Череповце являются подростки и молодые люди, обычно

возраст наркопотребителей колеблется в промежутке от 14 до 30 лет. Здесь, прежде всего, сказываются такие причины, как бегство от реальной жизни в связи с неудовлетворенностью ею, стремление расслабиться, а так же давление социального окружения индивида, поскольку сегодня в Череповце, как и по стране, наблюдается стойкая тенденция к восприятию употребления некоторых типов психоактивных веществ как атрибута определенной моды, тренда. Подростки же и молодежь как раз наиболее восприимчивы к принятию подобных образцов поведения.

Практика же употребления наркотических веществ в Череповце чрезвычайно распространена, и население весьма пессимистично оценивает темп её роста. Соответственно, сказывается недостаток конкретной информации о работе органов, борющихся с данным социальным злом, поскольку горожане не в состоянии четко оценить эффективность подобной борьбы.

Таким образом, по мнению населения г. Череповца Проблема немедицинского употребления наркотиков остается крайне актуальной и требующей пристального внимания со стороны как государственных структур, так и муниципальных органов власти.

1. Анисимова, С.Г. Наркотизм молодежи северных территорий: особенности и профилактика / С.Г. Анисимова // Социологические исследования – Москва, 2011. - Вып. 7. – С. 113-118
2. Всемирный доклад ООН о наркотиках за 2014 год - [Электронный ресурс] – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа : http://www.unodc.org/documents/wdr2014/V1403602_russian.pdf
3. Габияни, А.А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы / А.А. Габияни - Москва: Мысль, 1990. - 220 с.
4. Гилинский, Я.И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологические осмысления. / Я.И. Гилинский – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 384 с.
5. Позднякова, М.Е. Наркотики «новой волны» как фактор изменения наркоситуации в России / М.Е. Позднякова. // Социологические исследования – Москва, 2013 – Вып. 2. – С. 123-139
6. Об итогах деятельности Череповецкого МРО Управления ФСУН России по Вологодской области за 2014 год, в т.ч. по пресечению распространения новых видов наркотиков и психотропных веществ на территории города // Официальный интернет-портал Управления Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Вологодской области - [Электронный ресурс] - Электрон. текстовые дан. - Режим доступа : <http://fskn35.ru>

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА

Ковалёва М.С. (Краснодар)

Настоящая статья отражает некоторые результаты второго этапа работы над грантом Российского Научного Фонда № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика».

В рейтинг значимости основных социальных проблем современной России входят такие проблемы, как: рост цен на товары и услуги, безработица, наркомания и алкоголизм, коррупция и многие другие. Но одними из самых опасных проблем являются: межнациональные и межконфессиональные отношения, терроризм и экстремизм.

Пожалуй, в любой новостной сводке можно увидеть сообщения об очередном теракте, акции протеста, митинге. Появляются всё новые и новые «горячие точки». Это ведёт к жертвам, как среди военных, так и среди мирного населения, увеличиваются потоки мигрантов, беженцев [1].

Проблема молодёжного экстремизма и межэтнической конфликтности высоко актуальна в современных условиях, особенно в свете политических событий последних лет в Северной Африке и на Ближнем Востоке, России (инциденты на Болотной площади, Манежной площади, Бирюлёво, экстремистских инцидентов в республиках Поволжья и Северного Кавказа), на Украине. На фоне обострения внешнеполитических угроз для России существенна вероятность роста внутренней социальной и политической напряжённости. Одним из факторов риска является высокая степень этнокультурного и конфессионального разнообразия российского общества. Многонациональный состав населения России диктует необходимость качественной

национальной политики, направленной на урегулирование межэтнических и межконфессиональных отношений [2].

Краснодарский край, в силу своего полиэтничного и поликонфессионального состава, может рассматриваться в качестве своего рода модели российского социума. В крае проживают представители разных национальностей: русские, армяне, грузины, адыгейцы, азербайджанцы, греки, цыгане, курды, черкесы, езиды, таджики, абхазы, чеченцы, кабардинцы, карачаевцы, украинцы и многие другие.

Исследовательской группой Кубанского государственного университета проведён опрос 2467 респондентов (аналогичный период прошлого года (далее – АППГ) – 2658 человек), в возрасте от 14 до 30 лет. В опросе приняли участие респонденты различных национальностей.

Итак, на вопрос как Вы относитесь к религии, ответы респондентов распределились следующим образом: принадлежишь к какой-либо религии – 860 человек, или 34,9 % (АППГ – 37,2 %); веришь в Бога, но ни к какой религии ни принадлежишь – 551 человек, или 22,3 % (АППГ – 18 %); веришь не столько в Бога, сколько в «высшие силы» и т.п. – 149 человек, или 6 % (АППГ – 9,9 %); ты убеждённый атеист – 298 человек, или 12,1 % (АППГ – 7 %); пока не решил для себя, хотя и задумывался об этом – 132 человека, или 5,4 % (АППГ – 7,3 %); пока не думал об этом – 401 человек, или 16,3 % (АППГ – 17,8 %); другое – 76 человек, или 3,1 % (АППГ – 2,1 %); не ответили – 0 человек, или 0 % (АППГ – 0,7 %).

Несмотря на то, что большее количество респондентов – 34,9 % относит себя к какой-либо религии – это не говорит о высоком уровне их религиозности. Скорее всего – это идентификация себя, как представителя этнорелигиозной общности. Религиозность значительной части молодёжи носит декларативный характер, что будет показано далее.

Ответы респондентов на вопрос, часто ли Вы посещаете Храм (Церковь, Мечеть) распределились следующим образом: каждую неделю – 101 человек, или 4,1 % (АППГ – 5,5 %); 2-3 раза в месяц – 84 человека, или 3,4 % (АППГ – 7 %); раз в месяц – 135 человек, или 5,5 % (АППГ – 8 %); несколько раз в год – 394 человека, или 16 % (АППГ – 19,9 %); только по большим религиозным праздникам – 303 человека, или 12,3 % (АППГ – 14,6 %); очень редко – 915 человек, или 37,1 % (АППГ – 30,2 %); другое – 222 человека, или 9 % (АППГ – 6,7 %); не ответили – 313 человек, или 12,7 % (АППГ – 8,2 %). Регулярно посещают Храм (Церковь, Мечеть), то есть соблюдают определённые религиозные нормы и правила всего лишь 13 % опрошенных (АППГ – 20,5 %).

Большая часть молодёжи Краснодарского края не готова принимать религиозные ценности в качестве основных и следовать им. Данный факт наблюдается по итогам исследования и 2015 и 2016 годов.

Далее в рамках исследования молодёжь Краснодарского края сегментировалась по принадлежности к вероисповеданию. Таким образом, ответы распределились следующим образом: православное христианство – 1768 человек, или 71,7 % (АППГ – 73,1 %); иудаизм – 11 человек, или 0,4 % (АППГ – 2,4 %); католическое христианство – 25 человек, или 1 % (АППГ – 1,6 %); ислам – 115 человек, или 4,7 % (АППГ – 3,1 %); буддизм – 9 человек, или 0,4 % (АППГ – 1,6 %); другие течения христианства – 55 человек, или 2,2 % (АППГ – 2,9 %); другое – 165 человек, или 6,7 % (АППГ – 7 %); не ответили – 319 человек, или 12,9 % (АППГ – 8,3 %). Большая часть респондентов принадлежат к православному христианству. Фактически в той или иной степени в регионе представлены все официальные религии: христианство (православное и католическое), ислам, буддизм и иудаизм.

Отдельной группой вопросов выявлялись возможные проявления межэтнической и межконфессиональной неприязни в молодёжной среде.

Ответы на вопрос «Вызывают ли у Вас сильную неприязнь», показали, что у 9,1 % респондентов (АППГ – 7,4 %) сильную неприязнь вызывают представители каких-либо религий. Чаще всего респонденты указывали на неприятие радикальных исламистских идей.

Также 7,8 % респондентов (АППГ – 6,2 %) указали на свою неприязнь к представителям каких-либо наций, национальностей. В качестве раздражающего фактора может быть либо личный неудачный опыт общения с представителями других национальностей, либо установка сформированная средствами массовой информации. В свободных ответах преобладают армяне и дагестанцы. Это показывает, что в сравнении с АППГ картина не изменилась [2]. Стоит также понимать, что в абсолютном большинстве случаев речь идёт о бытовых конфликтах и столкновениях, принимающих межнациональную окраску. К сожалению, сами молодые люди часто воспринимают такие конфликты именно как национальные. В 2016 году практически

половина респондентов – 49,3 % (АППГ – 49 %) указывают на наличие межэтнических конфликтов в молодежной среде. При этом 38,6 % опрошенных (АППГ – 30,4 %) готовы принять участие в конфликте с представителями других наций и религий.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что с учётом сложного этнического состава Краснодарского края, наличия большого числа трудовых и иных мигрантов и переселенцев из других регионов РФ и сопредельных государств, можно говорить о наличии межнациональной напряжённости. Наблюдается достаточно высокий конфликтный потенциал молодежи в крае. Однако это ещё не означает, что он непременно будет реализован на практике. Для этого необходимы веские причины и факторы. Одним из таких факторов, упоминаемых большинством респондентов, является «агрессия и насилие со стороны представителя другой национальности» – на это указали 60,2 % респондентов (АППГ – 73,6 %).

Так как проблема межнациональных отношений является достаточно актуальной, наши исследования всегда ориентированы на охват максимально разных целевых аудиторий: школьники, студенты, эксперты.

Полученные результаты социологического исследования предназначены для широкого обсуждения и внедрения в практику воспитательно-профилактической работы.

1. Шаповалов Н. Межнациональные конфликты в РФ [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2462631/> (дата обращения: 28.03.2016 г.).

2. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2015. 232 с.

ВОСПРИЯТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Ковтун Е.А. (Санкт-Петербург)

Для российского государства проблема борьбы с коррупцией актуальна на протяжении всей его истории. Феномен коррупции, называемый в разные периоды также мздоимством, казнокрадством, лихоимством, проявляется в системе управления государством в России. В связи с этим, проблема борьбы с ним является актуальной и сегодня. Анализ предпринимаемых мер в сфере противодействия коррупции показывает, что разработка эффективной и действенной антикоррупционной политики требует учета её восприятия, оценки в сознании граждан, так как когнитивный и аффективный аспекты (восприятие проводимых мер и их оценка) в значительной мере влияют на конативный (готовность к участию).

При использовании поведенческого (бихевиорального) подхода в качестве субъектов антикоррупционной политики определяются отдельные индивиды, а также группы людей. В связи с этим эффективность антикоррупционной политики зависит от поведения и политической воли данных субъектов в их совокупности. К примеру, результативность антикоррупционной политики в Российской Федерации будет зависеть как от политической воли главы государства и глав субъектов, так и от моделей поведения и активности граждан.

Рассмотрение феномена коррупции в социально-политическом ключе ведет к перераспределению ответственности за негативные процессы в государстве и передачи части её обществу. Данный подход при рассмотрении антикоррупционной политики вызывает особый интерес в контексте того, что коррупция возникает именно в социально-политической среде.

Восприятие коррупции в современном российском обществе имеет специфические черты: прежде всего, это узкое понимание коррупции как явления, отождествление её только с взяточничеством; также коррупция воспринимается как неизбежное, а значит, неискоренимое зло; кроме того происходит исключение из проблемного поля себя, когда рассуждающий о коррупции говорит о коррупционных явлениях, как о чем-либо абстрактном, не затрагивающем лично его.

При обращении к результатам социологических исследований мы получаем следующую картину относительно восприятия антикоррупционной политики россиянами:

- 44% опрошенных считают, что меры антикоррупционной политики не принесут должного результата ввиду неискоренимости коррупции в нашем государстве;
- при этом, 56% отвечают на вопрос о возможности искоренения коррупции как «социального зла» положительно [3].

Подобная двойственность вызвана, вероятно, с одной стороны – пониманием того, что коррупция является способом социального взаимодействия в условиях несовершенной

политической, экономической, правовой системы. Например, по данным фонда ИНДЕМ 47,3% респондентов выразили готовность дать взятку для более эффективного решения своих бытовых вопросов [5, с.284]. С другой стороны – ожидание гражданами возможности искоренения коррупции (при этом, ведущая роль в данном процессе, как правило, отводится государству, граждане слабо осознают свои возможности участия в антикоррупционной политике).

Интересно проследить динамику изменения восприятия антикоррупционной политики в зависимости от возраста респондентов. Так, по результатам ВЦИОМ 2005-2015 гг. при оценке распространенности коррупции почти треть опрошенных, считающих уровень коррупции в России «очень высоким» находятся в возрастной группе от 18 до 34 лет, в возрастных группах 35-44 и 45-50 лет этот процент меняется незначительно (31-34%), а среди людей старше 60 лет достигает 39% [1]. Таким образом, чем старше респонденты, тем более критичны их оценки. Это можно связать с тем, что в различные формы коррупционных отношений наиболее часто вовлекается социально и экономически активная часть населения, а молодежи не приходилось ещё сталкиваться с большим объемом коррупции. В то же время молодежь и люди среднего возраста наиболее терпимы к коррупции как к способу разрешения проблем, и, соответственно, считают её повсеместно распространенной.

Кроме того, мировоззренческий кризис является одной из причин столь широких масштабов распространения коррупции. В современном российском обществе наблюдается тенденция к упрощению правил поведения, культивированию потребительского отношения, в связи с чем социальная позиция по тому или иному вопросу определяется в большей степени не нравственными критериями, а материальной выгодой. Ю. Н. Мазаев отмечает, что 40% молодых людей одобрительно относятся к стремлению достижения высокого материального положения любой ценой, даже при нарушении закона, и более 60% отмечают, что на настоящий момент нет нечестных методов в его достижении, разделяя лишь трудные и легкие пути [2].

Молодежь оказывается в зоне риска в связи с терпимостью такого рода девиаций и общей социальной неустроенностью жизни. Кроме того, если люди старшего поколения предпочитают действовать в соответствии с институциональными нормами, то для молодежи характерна большая степень автономности, стремление к стихийности, протесту, недоверие к органам государственной власти, что и провоцирует на обращение к неформальным и противоправным практикам.

Таким образом, как мы видим, при оценке проводимых антикоррупционных мер с точки зрения восприятия их различными возрастными группами, выявляется определенная «группа риска» с толерантными по отношению к коррупционным проявлениям мировоззренческими установками. Межпоколенческий анализ восприятия коррупции позволяет сделать прогноз, что эффективность дальнейшей антикоррупционной политики может быть снижена ввиду отсутствия нетерпимости к коррупции, непонимания её опасности, а также гражданской и политической пассивности молодежи.

В силу социально-психологических причин коррупции не стоит ожидать быстрых результатов в сфере противодействия коррупции в обществе и государстве, для значительного снижения масштабов распространения коррупционных явлений потребуются систематические и долгосрочные меры для изменений в нравственно-правовой психологии российского общества и преодоления терпимого и даже позитивного отношения к стремлению обогащения любым путем. Необходимо вытеснить из сознания россиян коррупционные установки, сформировать, воспитать у молодых поколений новое, антикоррупционное мировоззрение и стандарты поведения.

1. *Коррупция в России: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-10-26-korrupcia.pdf (дата обращения: 02.10.2016).*
2. *Социальные отношения коррупции (по материалам социологических исследований) // Общественный вердикт. URL: <http://publicverdict.ru/topics/police/sociol.html> (дата обращения: 20.02.2016).*
3. *Представления о масштабах коррупции и личный опыт // Левада-Центр URL: <http://www.levada.ru/2016/04/06/predstavleniya-o-masshtabah-korruptsii-i-lichnyj-opyt/> (дата обращения: 02.10.2016).*
4. *Шедий М.В. Формирование антикоррупционного правосознания как основного элемента антикоррупционного образования гражданского общества // Вестник университета. - 2014. - №3. - С. 286-291.*
5. *Сатаров Г.А. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа. - М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. - 752 с.*

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Когай Е.А. (Курск)

Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

Социологические исследования, проводимые в российских регионах с начала 2005 года на основе методики «Социокультурный портрет региона», а также всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», осуществляемый с 1990 года ЦИСИ ИФРАН, свидетельствуют о постепенном разворачивании в стране модернизационных процессов. При этом следует признать, что эти процессы идут «спонтанно и фрагментарно, с помощью точечного управления в ручном режиме, при отсутствии долгосрочной стратегии оптимального сопряжения федеральной вертикали и регионально-муниципальной горизонтали» [1, 10]. Следует также указать на крайнюю неравномерность разворачивания модернизационных процессов в российских регионах. Применение методик получения индексов модернизации, разработанных Центром исследований модернизации Академии наук Китая, к реалиям субъектов Российской Федерации, проявили существование шести типов модернизованности регионов, каждый из которых характеризуется measurable уровнем продвижения по шкале первичной (индустриальная) и вторичной (информационная) модернизации. Выяснилось, что к 2012 году около 60 регионов страны не преодолели планки завершения первичной модернизации, существенными оказались и дистанции между состояниями модернизованности федеральных округов.

Центром внимания курских исследователей стало выявление состояния и трендов модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья, уточнение и описание потенциала модернизации по трем ключевым векторам – реформаторскому, социально-инновационному и адаптационному потенциалам. Задача состояла в проявлении социокультурных возможностей и препятствий модернизационных преобразований Центрального Черноземья, поиске оснований для преодоления неравномерности региональной модернизации и продвижения в направлении интегрированной модернизации.

Исследование показало, что вплоть до 2015 г. все субъекты макрорегиона оставались на стадии первичной модернизации (ПМ), их положение фиксировалось на уровне первых нижних трех типов состояний модернизованности. При этом можно выявить две формы проявления динамики первичной модернизации регионов: Воронежская, Белгородская и Курская области демонстрируют небольшой рост, хотя и без явного развития, тогда как Орловская, Липецкая и Тамбовская области с начала столетия сохраняют свои позиции, т.е. переживают длительную стагнацию состояний модернизованности в начальных фазах ПМ. Для этой группы регионов существенен риск длительной задержки в рамках первичной модернизации, связанный с недостатком финансовых ресурсов, низкой эффективностью развития экономического сектора, снижением численности трудовых ресурсов, низким уровнем жизни населения, непрозрачностью управления и др.

Реформаторский потенциал, включающий в себя установки и деятельностные проявления региональных элит, в Центральном Черноземье является невысоким. На это указывают полевые социологические исследования и экспертные оценки, проведенные в данных регионах. Обращает на себя внимание, прежде всего, косность большей части управленческой элиты [2, 72] и доминирование имитативных управленческих практик [3]. Одним из следствий этого, как показало полевое исследование, проведенное в мае-июне 2016 г. в Курской области среди жителей региона (N=500), является «недоверие» граждан социальным институтам – СМИ (43,8%), губернатору (40,9%), региональным отделениям партий (38,8%), органам местного (муниципального) управления (37,6%) и региональному парламенту (36,2%).

Социально-инновационный потенциал, включающий в себя потенциал предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников, руководителей и представителей НКО, проявляет в обозначенных субъектах РФ амбивалентный характер. Официальные порталы администраций регионов вдохновенно рапортуют о повышении инвестиционного потенциала регионов, повсеместной поддержке предпринимательства, активизации деятельности социально ориентированных НКО. А проведенные социологические исследования проявляют далеко неоднозначную картину в данной сфере. Так, предпринимательская среда макрорегиона в

условиях новых вызовов сталкивается с серьёзными препятствиями, политика поддержки малого и среднего предпринимательства не отвечает современным реалиям. Экспертный опрос руководителей малого бизнеса в Курской области (N=30) указал на существование высокой налоговой нагрузки на предприятия, недоступность долгосрочных кредитных ресурсов. Предприниматели очень осторожно оценивают перспективы развития своих организаций. Лишь каждый пятый руководитель оценил свое предприятие как инновационное. В рамках оценки деятельности НКО в макрорегионе укажем на несколько тенденций: на невысокую общественно-политическую активность самих жителей Центрального Черноземья, инертность и разобщенность, а также недостаточную их осведомленность о деятельности НКО; на стабильное и успешное функционирование НКО, имеющих относительно длительный период развития. Помимо того, важно отметить активизацию деятельности социально ориентированных НКО, которые оказались в зоне государственной поддержки [4].

Адаптационный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья понимается как способность и готовность населения к принятию модернизационных изменений. Его измерение позволяет раскрыть особенности социально-экономического положения и социокультурных установок жителей, проявить их адаптивные возможности к модернизационным процессам. Показателями при этом выступают статистические данные, а также субъективные оценки происходящих социокультурных процессов. Социологический опрос 2016 года жителей Курской области выразительно проявил социально-экономический и социально-психологический контекст осуществления модернизации в регионе. Обозначим некоторые моменты. Это, прежде всего, воспроизводство и некоторое усиление проблем социального неравенства, свидетельствующего об отсутствии позитивных сдвигов в экономическом благополучии населения: 14,4% – «богатые» и «зажиточные» (для сравнения: 11% – данные по стране в целом Всероссийского мониторинга 2015 г.); 31,6% – «бедные» и «нищие» (29% – Россия, 2015); 54% – обеспеченные и менее обеспеченные, у которых денег в основном хватает (55% – Россия, 2015). Во-вторых, осознание опасностей и угроз. На опасность незащищенности от бедности в регионе указали 60,8% опрошенных, эта опасность стоит на первом месте во всех опросах, проведенных в регионе по методике «Социокультурный портрет региона» (ранее – в 2007, 2009 и 2012 гг.). На втором месте указана опасность произвола чиновников (52,6%), на третьем – опасность преступности (46,4%), на четвертом – экологическая угроза (42,4%), на пятом – произвола правоохранительных органов (39,8%). Оценка последней угрозы практически совпадает еще с одной угрозой – одиночества и заброшенности (39,6%). Последняя акцентирует внимание на усилении атомизации регионального сообщества, на явном снижении социального капитала, выстраиваемого на доверительных отношениях. В третьих, довольно высокий уровень протестных настроений жителей региона – 44,4% (в среднем по России на 2015 г. – 30%). Правда, нельзя не отметить, что данная протестность носит латентный характер, не выливаясь в реальные марши и акции.

Ведя речь о модернизационных процессах, нельзя не указать на отношение регионального сообщества к сложившемуся на сегодняшний день чрезмерному неравенству доходов между социальными стратами. На вопрос «Достаточно ли эффективны действия государства для сокращения неравенства доходов?» лишь 4% жителей региона ответили положительно, а свыше 76% – отрицательно (данные практически совпали с всероссийскими). При оценке возможных изменений налогообложения со стороны государства консервативно-уравнительную позицию («сохранить одинаковый налог») проявили 19% опрошенных (22% – Россия 2015), сторонниками умеренно-дозированной дифференциации (небольшое повышение, начиная со среднедоходных групп, и небольшое повышение для среднедоходных групп и значительное для высокодоходных) стали 63,6% (51,8% – Россия 2015); наконец, позицию радикального дифференциатора (равномерное повышение, начиная со среднедоходных групп) проявил практически каждый десятый житель региона – 10,8% (8,5% – Россия 2015). Мы видим, что подавляющее большинство (почти 64%) опрошенных выступают за налоговые перемены – за введение умеренной прогрессивной дифференциации налогов.

На уровне ценностных ориентаций жители Курской области, как и всего макрорайона Центрального Черноземья в целом, проявляют готовность к включению в виды деятельности, ориентированные на модернизационные процессы. Однако в реальном в социальном поведении населения эти установки и практики зачастую не находят подтверждения. Тем самым следует вести речь о наличии объективных и субъективных барьеров в реализации модернизации.

1. Липин Н.И. Проблемное поле российской модернизации и воспитание субъектов ее регулирования // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». – Самара: Самарский университет, 2016. – С. 9–16.
2. Глухова А.В. Модернизационный проект: перспективная стратегия или упущенная возможность? (на примере Воронежского case study) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 68-73.
3. Бабинцев В.П., Титова В.А. Имитации в системе муниципального управления // Вестник Белгородского государственного университета. – 2015. – № 8. – С. 49-53.
4. Дремова Л.А., Козай Е.А. Доклад о состоянии гражданского общества в Курской области. – Курск: Общественная палата Курской области, 2015. – 100 с. (Режим электронного доступа: <http://or46.ru/7/>).

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСМИССИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ

Когтева Е.В. (Королёв)

Трудоустроенность была и остаётся основой социально-нравственных ценностей молодежи, гражданской ответственности и политической активности, патриотизма, сплоченности нации, важным условием социальной стабильности, национальной безопасности. Этот социальный феномен в последнее время приобретает статус приоритетного в политике государства и находится в прямой зависимости от нравственной ориентации молодежи [1].

К сожалению, многие отечественные и зарубежные социологи говорят о депрофессионализации современной молодёжи, считая её критической и рискогенной. Кроме того, отмечается парадокс в восприятии ценностей «труд» и «работа». При ранжировании нравственных ценностей, молодые люди высоко оценивают хорошую работу и связанное с ней материальное благополучие, а вот труд воспринимается ими как что-то нежелательное, незначительное в жизни, повинность, которой хотелось бы избежать.

Передача нравственных ценностей от поколения к поколению без изменений, в принципе, бывает также нежелательна, как и полное её отсутствие, так как изменения, происходящие в обществе и затрагивающие, в большей степени молодое поколение, требуют от него быстрой адаптации к изменяющейся социальной среде для успешной социализации.

Стоит отметить тот факт, что трансмиссия ценностей не всегда одинаково эффективна и успешна, иначе говоря, избирательна. Успех трансмиссии зависит, прежде всего, от того верит ли транслирующий в то, что транслирует и готов ли реципиент к восприятию и интериоризации транслируемого. Быстрее всего происходит рецепция тех ценностей, которые являются витальными для семьи и её членов. [2]

Немаловажную роль играет также совпадение восприятия ценностей разными поколениями, а также коэффициент корреляции между ценностями одного поколения и представлениями об этих ценностях другого. Последние социологические исследования показывают, что этот коэффициент выше у младшего поколения, что может говорить о том, родители хуже представляют себе систему ценностных ориентиров их детей.

Сегодня, межпоколенная трансляция ценности труда чрезмерно затруднена, что объясняется разными причинами, но в первую очередь низкой корреляцией восприятия данной ценностной категории у представителей разных поколений. Если старшее поколение было готово работать ради общего блага, общих высоких целей, благополучия всей страны, то молодёжь не только не готова к этому, но и считает такой подход к работе несерьёзным. Такие ценности старших поколений как трудовой героизм, служение делу и стране, усердие, самодисциплина, таковыми не являются у большей части молодёжи. Если в выборе места работы, представители старшего поколения ценят надёжность и стабильность, то молодые обращают внимание на броскость, новизну, доходность. В современном глобальном мире, молодые люди считают важным качеством жизни – мобильность, поэтому, в отличие от старшего поколения, они не боятся менять место работы, профессию.

В структуре ценностных ориентаций молодёжи трудовая активность ранжируется как одна из доминирующих, второй после семьи, однако ассоциируется прежде всего с материальным благополучием, а не с трудом как таковым. В условиях становления постиндустриального

общества, с его главенством личного, мы имеем дело с поведением, основывающемся на потребительских, материальных запросах.[3] Современные молодые люди очень часто основным аргументом в выборе профессии считают её престиж и самовыражение в ней, а не реальную возможность трудоустройства, которая ими игнорируется. Многие молодые люди, задумывающиеся о будущей профессии, представляют себе конечный результат, чаще всего положительный, уверены в том, что достигнут большого успеха в карьере, но не представляют себе путей достижения этой цели. И всё-таки семья, как главный агент социализации, является одним из основных факторов, способных повлиять на решение молодого человека посвятить себя той или иной профессии. Причины, побуждающие молодых людей продолжить семейную профессиональную традицию могут быть разными. Часто продолжение семейной традиции можно считать синонимом простоты: имя уже сделано, место уже найдено, контакты налажены, адресные книги уже заполнены, но часто, бывает и так, что родители передают вкус и любовь к профессии. Когда ребёнок растёт в среде врачей, например, он слышит разговоры, видит удовлетворение родителей и скорее всего он не сможет, либо не захочет нарушать традицию. Но это ни в коем случае не будет принуждением со стороны родителей, если они правильно и ненавязчиво своим отношением к профессии сумеют заразить, увлечь ребёнка так, что для него это будет естественный выбор [6].

В мае 2012-го служба исследований "Superjob" попросила более 7 тысяч представителей 35 наиболее популярных профессий ответить на вопрос: "Хотите, ли вы чтобы ваш ребенок работал в той же сфере, что и вы?" Оказалось, не хотели бы видеть детей в своей профессии большинство охранников, секретарей, кладовщиков, продавцов и водителей. Лучшего занятия желали бы своим детям и довольно большое число врачей, медсестер, юристов, экономистов и учителей. Больше всего оказались склонны к созданию династий архитекторы, программисты, дизайнеры и проектировщики. Согласно исследованию Insee, проведённому в 2016 году, 58 % мальчиков в возрасте 15 лет, чей отец, занят в интеллектуальной или научной сфере хотят пройти тот же путь, в то время как только 36 % детей отцов занятых в сельском хозяйстве или ремесленников хотят продолжить их дело, меньше всего таковых оказалось в рабочей среде, всего 4 % .

В последнее время в России стали уделять внимание такому явлению, забытому в период перестройки нашего общества, как семейные, трудовые династии, в которых опыт, навыки, ценности передаются из поколения в поколение, и которые являются особым показателем стабильности общества. Связанные родственными узами, работники стараются не уронить честь фамилии, а их основными ценностными характеристиками являются трудолюбие, ответственность, старательность и добросовестность. В процессе семейной трансляции происходит не только передача определённых навыков, умений, знаний в области определённой профессии, но и интеграция в среду, осуществляемая через соблюдение некоторых обычаев, ритуалов и норм, и тысячу маленьких нюансов, которым не учатся в учебных заведениях.

Последние исследования отечественных и зарубежных социологов показывают, что нынешнее поколение молодых людей, так называемое поколение Z больше похоже на своих бабушек и дедушек, чем на их родителей. Их больше, чем родителей заботят вопросы экологии, они с увлечением занимаются волонтерской деятельностью, а одной из наиболее привлекательных карьерных областей выступает социальное предпринимательство [2].

Учитывая тот факт, что среди базовых ценностей сегодняшних подростков выделяют взаимопомощь и сочувствие, целесообразно развивать такой вид профессиональной социализации как наставничество, которому уделяется большое внимание в Европе, например во Франции. Конечно, не во всякой профессиональной среде возможно его применение, но на производственных предприятиях, особенно крупных, эта практика либо существовала всегда, либо возобновляется в последнее время.

Основными целями наставничества служат не только передача определённых профессиональных навыков, но и трансмиссия норм корпоративной культуры, формирование позитивного отношения к труду вообще и повышение значимости выполняемой работы, обеспечение преемственности. С другой стороны, наставничество помогает представителю старшего поколения, выступающему в роли наставника, избежать «выгорания», повысит его моральный статус, стимулирует его интерес к инновациям, предлагаемым молодым сотрудником [5].

Как правило, наставниками становятся самые опытные сотрудники, не только знающие ответы, но и умеющие их донести. Наставник должен понимать свою воспитательную функцию по передаче нравственных установок и ценностей, как принятых на предприятии, так и базовых,

общечеловеческих. Процесс передачи профессиональных навыков и формирования внутреннего духовно-нравственного мировоззрения должен быть параллельным. Естественно, наставник, транслирующий ценностные установки, должен сам обладать соответствующими взглядами, убеждениями и установками, а подопечный должен иметь внутреннюю потребность и готовность принять их.

Только тогда профессиональная социализация будет эффективной, когда молодой специалист в своей деятельности будет руководствоваться такими ценностными ориентирами как достоинство, вера в свои силы, благополучие умственное и духовное, и ответственность.

1. Герцен С.М. Межпоколенческая трансмиссия культуры и проблемы социализации молодежи в современной России // Аспирантский вестник Поволжья. – 2008. – №1-2. – С. 142-144. – 0,18 п. л. 2.
2. Козтева Е.В. Поколение Z: статистический портрет поколения гаджетов // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе: Сборник трудов по материалам III Международной научно-практической конференции 21 апреля 2016 г. – [б.м.] Издательские решения, 2016 г. – с.373-379.
3. Кирилина Т.Ю. Проблема формирования ценностей в условиях кризиса культуры В сборнике: Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества российских и зарубежных вузов III Ежегодная международная научно-практическая конференция. Технологический университет. 2015. С. 199-204.
4. Кирилина Т.Ю. Ценности как структурный элемент культуры и морали Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 3-1 (109). С. 38-44.
5. FREDY-PLANCHOT AGNÈS, « Reconnaître le tutorat en entreprise », Revue française de gestion 6/2007 (n° 175) , p. 23-32
6. Sophie Divay et Florence Legendre, « Introduction du Dossier « La transmission du métier » », SociologieS [En ligne], URL : <http://sociologies.revues.org/4540>

ВРЕМЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРОБЛЕМА ЕГО НЕДОСТАТКА У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кожуховская А.А. (Челябинск)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой недостатка времени у современных молодых людей – студентов медицинского университета на важные виды деятельности. Автор выделяет особую форму времени – социальное время и основной акцент делает на возможности его расширения. Основные выводы опираются на результаты проведенного конкретного социологического исследования.

The article deals with issues related to the problem of lack of time in today's young people - students of the Medical University on important activities. The author singles out a specific form of time - social time and focuses on its expansion. The main conclusions are based on the re-sults of concrete sociological research.

Что такое время? Правильней было бы начать отвечать на этот вопрос известным изречением Августина Блаженного: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [1, с. 217]. Цитата хороша тем, что очень честно отражает и наше современное положение в деле изучения времени и его влияние на человека. В науке время рассматривается как «атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире» [2, с. 296]. То есть время, прежде всего, объективно и существует независимо от человека и его сознания.

Но при этом для человека время не существует вне его сознания (эго), то есть он может воспринимать только психологическое (субъективное) время, точно так же, как время Вселенной (объективное) не может существовать вне гравитационных полей. В частности, И. Кант предположил, что такой вещи как «объективное время», в принципе, не существует. Время в его понимании – всего лишь «категория нашего сознания, необходимая нам для упорядочения опыта» [3, с. 415] и мы «приписываем» его миру как часть своего «аппарата восприятия». Также время не является чем-то готовым, предстающим в завершенных формах перед гипотетическим человеческим разумом.

Возможно, что линейное время («стрела времени»: прошлое – настоящее – будущее) – это иллюзия. Оно придумано людьми для их же удобства. А может быть, время целиком, включая все, что когда-либо происходило и все, что произойдет когда-нибудь в будущем, существует как

единое неделимое целое, здесь и сейчас. Бельгийский ученый И. Пригожин считает, что «Время – это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования» [4, с. 225]. Только сов-местная деятельность людей, создающая мир культуры и самого человека может оказывать влияние на время – расширять или сужать его границы. Другими словами, время выступает не только как объективная и субъективная категория, но и как социальный феномен. Социальное время – время, определяемое ритмом эпохи, развитием и изменением общества и оказывающее непосредственное влияние на отдельного человека [5]. Активная жизнь одних людей, стремящихся многое сделать, все успеть сегодня, не откладывая дела на завтра и после-завтра как бы «заражает» других жить и работать интенсивнее. Можно сказать, что чем больше люди создают материальных и духовных благ в процессе совместной деятельности, тем дольше они живут, и значит – расширяют временные границы.

Времени не хватает разным людям, но, прежде всего, молодым специалистам и студентам, которые не успевают сделать даже самые важные и необходимые дела [6]. Насколько эффективно студенты используют свое время, на какие виды деятельности они его расходуют, почему им его не хватает и как решить данную проблему?

Для ответа на поставленные вопросы в 2015 г. на базе Южно-Уральского Государственного Медицинского Университета (ЮУГМУ) г. Челябинска было проведено конкретное эмпирическое социологическое исследование. С помощью метода анкетирования было опрошено 268 студентов 2-3 курсов (196 девушек и 72 юноши). В результате было выявлено, что 95,4% опрошенных студентов испытывают нехватку времени: 46,2% – постоянно, 49,2% – периодически. При этом 70,0% студентов считают, что умеют эффективно организовать свой день и лишь 30,0 % признаются в том, что не умеют планировать и организовывать свою деятельность.

В структуре факторов, вызывающих недостаток времени у студентов на важные виды деятельности, доминирующей причиной является повышенная учебная нагрузка – так считают 67,2% респондентов; 49,2% опрошенных связывают недостаток времени с его повышенной тратой на общение в интернете и компьютерные игры, а 32,8% – с неумением рационально распределять между первоочередными и второстепенными целями и планами. Другими факторами, влияющими на недостаток времени оказались: повышенные затраты времени на досуг (хобби) – 17,9%, необходимость выполнения большого количества бытовых дел – 31,3%, неблагоприятные жилищные условия – 22,4%, работа – 16,5%. При этом юноши в 2,7 раза чаще связывают недостаток времени с чрезмерным досугом, а девушки – в 3,7 раза чаще с нерациональным его использованием.

Для большинства опрошенных студентов характерна нехватка времени практически на все виды деятельности. Так, 58,2% студентов испытывают недостаток времени для подготовки к занятиям, выполнению домашних заданий. Около половины опрошенных студентов отмечают, что времени не хватает на ведение домашнего хозяйства, организацию быта. Половина студентов (50,7%) уделяют недостаточно времени для организации правильного питания (полноценное приготовление, потребление пищи). Значительная часть опрошенных (62,7%) испытывает недостаток времени в общении с друзьями и родственниками. Среди них большая часть (74,6%) испытывают неудовлетворенность и тревожность по поводу нехватки времени на те виды деятельности, которые считают для себя приоритетными. Для почти половины респондентов (47,8%) отмечают, что нет времени на досуг (хобби). Для спортивной деятельности (зарядка, посещение тренажерных залов, спортивных секций и пр.) не хватает времени у половины студентов – (49,3%). Научно-исследовательской работе уделяют достаточное количество времени лишь 9,0% опрошенных студентов, для 90% студентов на эту деятельность не хватает времени. Общественной деятельностью (молодежная политика, волонтерство, профсоюзные организации, студенческие отряды) занимаются только 7,5% студентов. Времени для ухода за внешностью, поддержанием опрятного (модного) внешнего вида достаточно для 20,9% студентов. Лишь 10,6% студентов отмечают, что им хватает времени на посещение мероприятий, связанных с культурой и искусством (выставки, театры, музеи и пр.)

Результаты исследования показали, что большая часть (более 50%) студентов 2-3 курсов ЮУГМУ испытывают хронический недостаток времени практически на все основные виды деятельности: подготовку к занятиям, нормальное питание, общение с друзьями и близкими, спорт, досуг, культурно-массовые мероприятия, сон и др. В наиболее полной степени подытоживает приведенные выше результаты социологического исследования тот факт, что у

70,2% опрошенных студентов возникает чувство, что «жизнь проходит», а они ничего не успевают сделать.

1. Августин А. *Исповедь* / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. Общ. ред. и ст. А.А. Столярова. – М.: Канон + ОИ Реабилитация, 2003. – 464 с.
2. Большая советская энциклопедия: В 30-ти т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 5. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. – 640 с.
3. Кант И. *Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. Лосского. Прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.
4. Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант. К решению парадокса времени*: Пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 240 с.
5. Волкова Т.И. *Мир и человек в аспекте синергетики: монография* / Т.И. Волкова. – Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного медицинского университета, 2014. – 209 с.
6. Волкова Т.И. *Социальная организация предприятия: социологический анализ* // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2005. – 155 с.

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ В РФ

Козырев А.А., Шангареева З. С. (Альметьевск)

Исследование процесса институционализации пенсионной системы является важнейшим вызовом социологической науки в современной России.

Процесс формирования новой пенсионной системы в РФ предполагает закрепление норм и правил, способствующих социальному институту – ПФ РФ удовлетворять общественные потребности в достойной старости.

Постоянное реформирование пенсионной системы не способствует завершению институционализации социального института пенсионирования и его устойчивому функционированию. Граждане не успевают понять «правила игры» и довериться эффективности пенсионной системы. Материальное положение российских пенсионеров не соответствует представлениям о достойной старости, а сама система пенсионного обеспечения в России, на данный момент, находится в стадии глубокого кризиса. Поиск путей решения проблемы продолжается.

Международная организация труда (МОТ) закрепила базовые конвенции и рекомендации об основных целях, на которые должны быть направлены системы пенсионного обеспечения стран. Рекомендации МОТ получили развитие и подтверждение в Европейской социальной хартии, которая ратифицирована РФ, хотя не полностью. [Конвенция МОТ № 102 от 1964 г.]. В частности, например, в статье № 23 – «Право лиц пожилого возраста на социальную защиту» указано: «В целях обеспечения эффективного осуществления права лиц пожилого возраста на социальную защиту Стороны обязуются принимать или поощрять, непосредственно или в сотрудничестве с государственными или частными организациями, надлежащие меры, направленные, в частности на то, чтобы:

1. Предоставить лицам пожилого возраста возможность оставаться полноценными членами общества так долго, насколько это возможно, путем обеспечения:

а) достаточных средств, позволяющих им вести достойную жизнь и играть активную роль в государственной, общественной и культурной жизни;

б) информации об имеющихся услугах и льготах для лиц пожилого возраста и о возможностях для последних пользоваться этими услугами;

2. Предоставить лицам пожилого возраста возможность свободно выбирать свой образ жизни и вести независимое существование в привычной для них обстановке до тех пор, пока они желают и могут делать это, путем:

а) предоставления им жилья, соответствующего их потребностям и состоянию здоровья, или оказания помощи в переоборудовании их жилья;

б) предоставления медицинского обслуживания и ухода в соответствии с их состоянием;

3. Гарантировать поддержку лицам пожилого возраста, проживающим в учреждениях для лиц пожилого возраста, при соблюдении неприкосновенности их частной жизни, а также их участие в принятии решений, касающихся условий жизни в таких учреждениях» [«Европейская социальная хартия (пересмотренная)» (принята в городе Страсбурге 03.05.1996г.)// Статья №23. Право лиц пожилого возраста на социальную защиту – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=>

LAW&n=120807&fld=134&dst=101138,0&rnd=0.861568407565797#0 (дата обращения: 07.09.2016 г.)].

Указанная статья требует создать пенсионную систему, которая будет обеспечивать пожилых людей достаточными средствами не просто для исполнения минимального набора потребностей, но и реализации образа жизни, сложившегося в период прошлой трудовой деятельности.

В современном мире практикуется институционализация трех моделей пенсионных систем:

1. Распределительная пенсионная система. Она основывается на принципе «солидарности» поколений. Для данной модели характерны пенсионные выплаты за счёт нынешних налоговых отчислений работников в бюджет и распределения этих средств по специальным фондам. Отчисления производятся работодателями. Фонды аккумулируют собранные средства и распределяют их в виде выплат нынешним пенсионерам, а работникам (Россия) на индивидуальные лицевые счета, как полноправным участникам пенсионной схемы, могут зачисляться баллы, Накопленные баллы, после выхода гражданина на пенсию, конвертируются в денежные выплаты с использованием специальных коэффициентов. В данной модели гарантом будущих пенсий выступает государство.

Рассмотренная пенсионная система всё реже встречается в чистом виде. Это связано текущей демографической ситуацией, старением населения в развитых и развивающихся странах. Количество работающих людей, с зарплат которых отчисляются пенсионные взносы, неуклонно снижается, по сравнению с выходящими на пенсию гражданами. Поэтому данная система, в современных условиях, будет не устойчивой и бесперспективной для России.

2. Накопительная пенсионная система. Данная модель пенсионирования предполагает, что работающие граждане сами несут ответственность за формирование своей будущей пенсии. Для каждого гражданина создаётся индивидуальный, персонифицированный пенсионный счёт, ежемесячно пополняющийся взносами с заработной платы. Затем накопленные средства инвестируются негосударственными пенсионными фондами, выбранными гражданином.

Главным отличием накопительной пенсионной системы является невмешательство государства в формирование выплачиваемых пенсий. Оно осуществляет контроль над всеми сторонами системы: работниками и управляющими компаниями, а также гарантирует минимальные пенсионные выплаты, в случае отсутствия пенсионных взносов.

3. Смешанная пенсионная система. В распределительно-накопительной системе пенсия образуется из двух видов поступлений добровольных и обязательных отчислений работодателей и работников. Указанные отчисления идут на выплаты нынешним пенсионерам и зачисляются на персонифицированные счета, где собираются в течение всей трудовой деятельности.

В России пенсия состоит из трёх элементов: базовая пенсия, страховая пенсия и накопительная пенсия. В июле 2016 года Министерство финансов РФ и ЦБ РФ подготовили предложения о формировании добровольных пенсионных накоплений граждан. Министр финансов РФ Антон Силуанов заявил о том, что Правительство РФ рассмотрит эти предложения осенью. Он является сторонником развития системы негосударственного пенсионного страхования [Минфин подготовил предложения о добровольных пенсионных накоплениях граждан – URL: <https://ria.ru/society/20160701/1455610120.html> (дата обращения: 08.09.2016 г.)].

Добровольное пенсионное обеспечение имеет свои особенности.

Классификация добровольных пенсионных схем:

1. Пенсионные схемы с установленными размерами взносов (Defined contribution plans — DC plans).
2. Пенсионные схемы с установленными выплатами (Defined benefit plans — DB plans).
3. Смешанные пенсионные схемы, с фиксированными взносами и выплатами [Актuarная классификация пенсионных схем граждан – URL: <http://www.pension-prf.ru/index.php?src=267> (дата обращения: 01.09.2015 г.)].

В схеме с установленными взносами гражданин определяет размер и периодичность своих отчислений в фонд. В результате от накоплений будет установлен размер негосударственной пенсии. При завершении периода пенсионных взносов или наступлении прав на пенсию, участник пенсионной схемы имеет право выбора, как он будет получать свою пенсию – срочно или

пожизненно. Специалисты НПФ определяют размер пенсионных выплат из накопившихся средств на индивидуальном счёте и дохода от инвестиций данных средств.

Напротив, в схеме с установленными выплатами, участник может выбрать какую пенсию из НПФ, он хотел бы получать раз в год, раз в квартал или ежемесячно, при наступлении прав на пенсию. На основании данных условий формируется договор. Далее, специалисты НПФ определяют размеры взносов участника для накопления необходимой суммы на личном счёте.

В схеме с установленными взносами, пенсионные накопления растут от взносов и инвестиционной деятельности НПФ. В схеме с установленными выплатами, размер будущей пенсии устанавливается заранее. Будущий пенсионер, при данной схеме, знает какую пенсию он будет получать. Работодатель и работник делают взносы в НПФ, которые изменяются на уровень дохода от инвестиций НПФ ежегодно. При данной пенсионной схеме взносы ежегодно пересматриваются актуарием исходя из многоуровневой системы оценивания. Будущие пенсионные выплаты фактически зависят от продолжительности жизни участника пенсионной схемы.

Пенсионные схемы с установленными выплатами могут выглядеть более привлекательно, однако, в современном турбулентном мире очень сложно предугадать развитие рынков, которое будет определять финансовое благосостояние участника схемы, так как изменения на инвестиционном рынке будут определять размер взносов плательщика. Напротив, в схемах с установленными взносами, финальная сумма активов участника целиком зависит от дохода на инвестиционном рынке за долгое время. В итоге, взносы по схеме с установленными выплатами постоянно увеличиваются, а по схеме с установленными взносами они фиксируются, исходя из финансовых возможностей участника самостоятельно.

В 2018 году в России может быть запущена новая добровольная, накопительная система, сейчас на уровне Правительства РФ обсуждаются её детали. Планируется, что участники новой системы будут формироваться на добровольной основе, а средства на персонифицированных пенсионных счетах будут являться их собственностью. Допускается возможность, при острой необходимости, использование этих средств. Участник пенсионной схемы сам будет устанавливать график пенсионных выплат (в течение всей жизни или определенного срока). Вопреки заявленной добровольности участия в системе, включать в неё будут всех работающих граждан автоматически. Установится переходный период (около 2-х лет) для определения суммы отчислений от зарплаты на персонифицированный пенсионный счёт. За «молчунов», данная пенсионная схема самостоятельно примет решение.

Предлагаемая пенсионная схема будет основываться на добровольных взносах самого участника схемы, а не работодателя. Следовательно, на данные взносы будет действовать налоговый вычет. Согласно, налоговому кодексу РФ, а именно статье №219, налогоплательщик вправе претендовать на налоговый вычет на сумму пенсионных взносов, внесенных по договору негосударственного пенсионного обеспечения, заключенным между налогоплательщиком и НПФ [Налоговый Кодекс РФ (в ред. От 03.07.2016), Статья №219 Социальные налоговые вычеты – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/946cbfc58c05e1392615a251973beb32dc79f94e/ (дата обращения: 08.10.2016 г.)]. Однако, социальные налоговые вычеты предусмотренные подпунктами 2-5 данной статьи ограничены в размере 120 тысяч рублей. В данную сумму включены все расходы налогоплательщика (медицинские услуги, обучение, страхование жизни, добровольные взносы в НПФ и т.д.), исключения составляют лишь расходы на обучение детей и дорогостоящее лечение. В современных экономических реалиях указанная максимальная сумма налогового вычета, не представляется существенной, повышение данной суммы могло бы стать мощным стимулом для участия граждан в будущей добровольно-накопительной пенсионной схеме.

1. Конвенция МОТ № 102 от 1964 г.

2. Европейская социальная хартия (пересмотренная)» (принята в городе Страсбурге 03.05.1996г.)// Статья №23. Право лиц пожилого возраста на социальную защиту – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=120807&fld=134&dst=101138,0&rnd=0.861568407565797#0>

3. Актуарная классификация пенсионных схем граждан – URL: <http://www.pension-npf.ru/index.php?src=267>

4. Налоговый Кодекс РФ (в ред. От 03.07.2016), Статья №219 Социальные налоговые вычеты – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/946cbfc58c05e1392615a251973beb32dc79f94e/

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Колдушко А.А. (Пермь)

В 2013-2015 гг. в рамках исследования практик регулирования этики государственной службы автором были проведены 6 глубинных неструктурированных интервью с лицами, замещающими государственные должности Пермского края и государственными служащими категории «руководители»: министрами, заместителями министров, начальниками департаментов и управлений.

В результате исследования выяснилось, что главной чертой, отличающей государственную службу, информанты называли строгую иерархичность структур государственной власти края, системы соподчинения и субординации.

Степень принятия этой нормы респондентами различна: наблюдается обратно пропорциональная закономерность (чем выше «уровень» руководителя, тем ниже степень ее принятия). Так, например, руководители департаментов, управлений, отделов принимают ее беспрекословно: «На мой взгляд, нельзя действовать через голову начальника, т.е. определенная эта подчиненность должна сохраняться. Вообще, госслужба очень отличается от работы там – в коммерческих структурах, в иных структурах, нас самом деле, перекраивает голову определенным образом – иерархия, соподчиненность, регламентированность каждого шага» [6]. Одна из руководительниц департаментов описала действие этой нормы в практическом ключе: «Если, например, мой сотрудник без согласования со мной какого-то вопроса выходит на руководителя, например, на курирующего заместителя руководителя или руководителя администрации губернатора, этот формат недопустим. С ним руководитель общаться, скорее всего, не будет. Если он с ним общаться будет, то мне будет высказана претензия» [4]. Подобную ситуацию описывает и респондент №5: «Госслужбу отличает статус занимаемой должности, т.е. обращение по статусу: главный специалист не может напрямую выйти на министра, то есть ты можешь общаться только с тем, кто на равных с тобой по должности либо со своим непосредственным руководителем, ты не можешь перешагнуть через него и заявиться чуть выше» [5].

Вместе с тем, руководители высокого ранга либо просто признают наличие иерархии, не акцентируя на этом внимания: «Это же иерархия, все равно. Другое дело, что ... вот опять же, от руководителя зависит, как он воспринимает. Если он всем своим видом показывает, я начальник, ты дурак, ну дак..., чё общаться-то?» [1]; «Если говорить о руководителях высшего ранга, ну, конечно, субординация. Она, конечно, не военная, но близка к ней. Есть определенные правила и здесь честь мы, конечно, не отдаем, но все равно, какие-то вещи мы должны делать...» [3], либо настаивают на принципе коллегиальности. Так, респондент №3 сообщает: «... все-таки правительство – коллегиальный орган и по логике вещей, хотя это нарушается повсеместно, голос каждого члена правительства – равный голос, и председатель правительства – первый среди равных, то есть не может председатель правительства заставить меня голосовать на заседании правительства по тому или иному вопросу из-за того, что он так захотел» [2].

Респонденты проводят четкие направления иерархии: взаимодействия с вышестоящим руководством, с равными себе, с подчиненными. Как отметил респондент №2, «объектом взаимодействия являются первое – подчиненные, второе – одного поля ягода с тобой, члены правительства и другие ветви власти, например, Законодательное собрание, там своя особенность у них есть, а третье – это внешняя среда» [2].

Рассмотрим, как складываются формальные и неформальные нормы взаимодействия с вышестоящим начальством.

Респондент №1 ссылается на свой приобретенный опыт: на вопрос о том, мог бы он так вот запросто заявиться к вышестоящему начальству, ответил: «Нет. Я сам не допущу такого, потому что я уже достаточно опытен и понимаю, что можно, а чего нельзя» [1]. Респондент №3 также ссылается на приобретенный опыт: «Я когда приступил к работе, не являясь государственным служащим до этого, меня завалила волна совещаний, на которых я должен быть. Я несколько дней просто проводил там, на каких-то совещаниях, причем абсолютно разного уровня подготовленности и необходимости... И когда я пожаловался коллегам, ну, это... через несколько месяцев поймешь, на какие совещания надо ходить, на какие нет» [3]. Как видим, усвоение иерархических практик носит в большей степени неформальный характер.

Однако наиболее запутанным и неясным с точки зрения формализации нормы стал вопрос о необходимости приветствия губернатора и председателя Правительства вставанием. Респондент №6 отметила: «В регламенте прописано – приветствуют стоя. Есть регламент проведения аппаратного у губернатора, Правительства, приветствуют стоя председательствующего» [6]. В действительности, в регламенте Правительства Пермского края, утвержденном постановлением Правительства Пермского края от 03.06.2013 № 595-п [7], такой нормы нет, нет ее и в предыдущем регламенте, действовавшем до 10.06.2013 г.[8]. Респонденты №1, 2, 3 отнесли эту норму к неформальной, причем респондент №1 рассказал и историю появления этой неформальной нормы: «... я помню, что однажды [...] на каком-то из совещаний он [Председатель Правительства Пермского края – А.К.] сказал, а чё вы сидите-то, губернатор заходит, мы сидим. и как-то это было неформально доведено. И с тех пор, как губернатор входит, это вошло в привычку, но это касается только губернатора» [1]. Респондент №3 также сослался на то, что приветствие губернатора вставанием является скорее традицией, чем формальной нормой: «У нас традиция, да. Она, причем, давнишняя. Когда официальное мероприятие с участием губернатора, правительственного уровня, мы все встаем. Более того, насколько я понял нашего нынешнего губернатора, он с этим сталкивается впервые. Он этого не видел нигде. То есть я понимаю, что этого даже на уровне федеральном не было» [3]. Респондент №2 также отметил, что стоя приветствуют только губернатора и только на аппаратном совещании: «Обычно встают, когда аппаратное. Что касается заходов председателя правительства, то оно не сопровождается вставанием» [2].

Горизонтальные взаимодействия не вызывают каких-то особых проблем, а вот «С подчиненными можно по-другому немножко разговаривать» [5]. В отношении подчиненных у респондентов-руководителей разного уровня наблюдаются отличия. Так, руководители высокого ранга, могут позволить себе покровительственный тон в отношении молодых подчиненных, девушек особенно, могут обратиться и на «ты»: «Ну например, если девушка в два раза меня младше, ну сначала «Вы», «Вы», проходит там с месяцок, я тихонечко – раз! И на «ты» перехожу» [1]. Руководители рангом пониже заявляют свою позицию более принципиально: «Если я с человеком общаюсь по имени-отчеству, значит при всех это будет имя-отчество. Если с человеком я могу разговаривать на "ты", то и при всех это будет так» [5].

Итак, подводя итоги, отметим, что иерархические практики на государственной службе носят как формальный, так и неформальный характер и распределяются в трех плоскостях: взаимоотношения с вышестоящим руководством, с равными себе и подчиненными. К формальным практикам относится соблюдение субординации при взаимодействии по рабочим вопросам, недопустимым является решение служебных вопросов «через голову» непосредственного руководителя. Неформальные практики более разнообразны: здесь задействованы и личные взаимодействия, и рабочие вопросы, и определенные традиции. В отношении подчиненных позиция респондентов декларируется как уважительная, но на практике демонстрируется позиция доминирования.

1. *Интервью №1. Архив автора.*

2. *Интервью №2. Архив автора.*

3. *Интервью №3. Архив автора.*

4. *Интервью №4. Архив автора.*

5. *Интервью №5. Архив автора.*

6. *Интервью №6. Архив автора.*

7. *О Регламенте Правительства Пермского края: Постановление Правительства Пермского края от 03.06.2013 N 595-п (ред. от 29.06.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

8. *Об утверждении Регламента Правительства Пермского края: Постановление Правительства Пермского края от 05.10.2007 N 222-п (ред. от 03.04.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Комарова А.Н. (Курск)

Актуальность изучения феномена здоровья всегда была в центре внимания науки в различных отраслях. Активное развитие социологии в настоящее время привело к тому, что здоровье рассматривается и с точки зрения социологического подхода. Само понятие социального здоровья на данный момент неоднозначно и для его понимания необходимо определить здоровье в целом.

Первые упоминания о здоровье встречаются еще в работах античных мыслителей, таких как Гиппократ, Демокрит, Левкипп, Алкмеон, Кротонский и других. В то время здоровье рассматривалось с точки зрения философского течения и особенностей социума, в котором жил тот или иной мыслитель.[1]

Аккумулируя все знания о здоровье, полученные многовековыми исследованиями, можно вывести много определений и подходов, но более универсальным мы считаем определение здоровья, данное ООН: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов». [4]

Согласно классификации Калью П. И. социальное здоровье относится к ценностно-социальной модели. Рассматривается не только здоровье одного индивида, но и здоровье общества в целом, так называемое общественное здоровье, которое является показателем успешного функционирования общества как «организма».[5]

Концепция Сергеева Т. Б. определяет социальное здоровье с позиций узкого и широкого подхода, выделяя также функциональный подход.[9]

С точки зрения Зозули И. В. социальное здоровье строится на социальном благополучии, активности, безопасности. Также социальное здоровье обусловлено не столько образом жизни, сколько социальным поведением.

Согласно позиции Готило Л. В. и Городовой Т. В. выделяется 5 подходов к изучению социального здоровья:

1. Девиантологический подход;
2. Подход, в котором понятие «социальное здоровье» приближено к понятию «социальное благополучие»;
3. Подход, в котором социальное здоровье рассматривается как «комфортное состояние человека в рамках той или иной социальной группы»;
4. Подход, в основе которого основным критерием социального здоровья является социальная адаптация;
5. Личностно-центрированный подход.[3]

Следовательно, проанализировав несколько подходов к определению социального здоровья, можно сделать вывод, что на сегодняшний день это понятие сформулировано неоднозначно и имеет достаточно широкие понятийные границы. Оно не позволяет дать четкого определения этого феномена, однако дает возможность утверждать о том, что социальное здоровье представляет собой нравственно-этические отношения индивида с социумом и отношение к себе и окружающему миру, а также наличие определенной ценностной иерархии ориентированной на общество и людей.

Для формирования нормативной установки решающими являются системы ценностных ориентаций, непосредственно создающих то интеллектуальное и морально-психологическое основание личности, на котором будет сформировано ее социальное поведение. [6]

Несмотря на отсутствие четкого определения социального здоровья, это понятие прочно вошло в понятийный аппарат социологов и является одной из актуальнейших проблем современных исследований, так как для полноценной общественной активности человеку мало иметь физическое и психическое благополучие. Именно поэтому социальное здоровье может рассматриваться как социальная ценность, основанная на социальной активности индивида и способствующая его общественной адаптации.

Наиболее часто проблема социального здоровья рассматривается в контексте:

- человек – общество;
- развитие общества;
- развитие социально-демографических показателей;
- социальный детерминизм болезней;
- социальные болезни;
- социальная самореализация и адаптация. [8]

Основными характеристиками социального здоровья считаются:

- адекватное восприятие действительности;
- интерес к окружению;
- гармония внутри и вокруг себя;
- адекватная регуляция поведения, соответствующая принципу «здесь и сейчас»;
- способность к высокому уровню приспособляемости к условиям окружающей среды и общества;

- деятельностное отношение к миру;
- социальная активность;
- социально-психологический комфорт жизни человека;
- и другие. [2]

Овчарова Р.В. выделила следующие критерии социального здоровья:

- адаптация в референтных обществах;
- овладение ведущими видами деятельности;
- уравнивание процессов социализации и индивидуализации;
- наличие самоконтроля и саморегуляции поведения в зависимости от обстоятельств;
- общая средовая адаптация;
- интеграция в общество.[3]

Говоря о социальном здоровье и его роли в общественной жизни человека, нельзя не затронуть вопрос и его формирования. На формирование социального здоровья активно влияют различные причины социокультурного характера, актуальные для данного общества в данный период времени на данной территории. У российской молодежи, этими причинами являются:

- низкий уровень заработной платы;
- высокий уровень безработицы;
- относительная труднодоступность различных государственных и социальных услуг;
- экологическая обстановка страны;
- нездоровый образ жизни;
- социальная адаптация;
- и другие. [10]

Социальная адаптация – это основная и важнейшая из представленных предпосылок формирования социального здоровья человека. В результате успешной адаптации человек может полноценно выполнять свои социальные функции, в том числе в профессиональной сфере. Социальная адаптация в данной сфере осуществляется на основе норм поведения и взаимоотношений, определенной системы ценностей, соответствующих назначению и смыслу профессии. [7]

Роль социальной адаптации в формировании социального здоровья отмечала Кузнецова И.В., характеризуя последнее как «определённый уровень развития, сформированности и совершенства форм, способов взаимодействия индивида с внешней средой (приспособление, уравнивание, регуляция); определённый уровень психического и личностного развития.

Приступа Е.Н. с педагогических позиций определяет «социальное здоровье личности» как «состояние человека, при котором его биопсихические возможности способствуют установлению равновесия с социальной средой путём адаптации и конструктивной активизации в ней, следуя нравственным социальным нормам» [3].

Влияние остальных перечисленных факторов деструктивно сказываются на формировании социального здоровья, способствуя снижению ценностного отношения к внешнему и внутреннему миру человека, а также снижению осознанно регулируемых и способствующих формированию, укреплению и сохранению здоровья потребностей и возможностей человека.

Таким образом, проблема здоровья, в том числе и социального, поднималась еще в античные времена, но научно оформилась она, сравнительно недавно в рамках не только гуманитарных наук, таких как психология и социология, но и в рамках современной медицины. Стоит подчеркнуть, что состояние современного общества и его основные проблемы непосредственно влияют на формирование здоровья и в большей степени на формирование социальной адаптации, а следовательно на социальное здоровье человека и общества в целом.

1. Cockerham W. *Health Lifestyles in Russia // Social Science and Medicine*, 2000. Vol. 51. Pp. 312-325
2. Биколов Р.А. *Проблемы профессиональной социализации современного студенчества*. – М.: Академия, 2004. – 205 с.
3. Гатилов В.Л., Городова Т.В. *Социальное здоровье студенческой молодежи: подходы к определению // Современные проблемы науки и образования*. 2015. No 1-1. С.
4. *Здоровье студенческой молодежи: достижения науки и практики на современном этапе / под ред. В. А. Соколова*. –Мн. : БПТУ, 2002. –182 с. –С. 5.
5. Калью П.И. *Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация*. –М., 1988.

6. Килимова Л.В. Ценности как конструктивная основа социокультурных практик личности в условиях модернизации социума // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2012. № 5-2 (44). С. 256-261.
7. Килимова Л.В., Федосова И.А. Профессиональная социализация студентов ЮЗГУ в условиях модернизации системы высшего профессионального образования // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2014. № 4. С. 114-121.
8. Колпина Л.В. Социальное здоровье: проблемы и перспективы изучения // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2006. № 4. С. 279-281.
9. Сергеева Т.Б. Социальное здоровье: философский аспект. -Ставрополь, 2003.
10. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. – М.: Форум, 2010. – 384 с

ИМИДЖ ГОРОДА КУРСКА ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Коновалова Е.И., Килимова Л.В. (Курск)

Понятие «имиджа» имеет давнюю историю происхождения, однако у него до сих пор нет однозначного определения.

В современной интерпретации понятие «имидж» начинает зарождаться в 60-е годы XX в. Первым в научный оборот ввел это понятие К. Боулдинг. Под имиджем он понимал определенный поведенческий стереотип, влияющий на поступки отдельной личности, группы лиц или нации [1, 50]. В России имидж стал предметом общественного внимания и научного анализа в середине 80-х гг. XX века.

Дискуссионным остается вопрос о том, с помощью каких понятий может быть описан «имидж». Вот неполный перечень категорий, которые ученые выделяют в качестве таковой: образ, мнение, представление, знак, стереотип, способ влияния и т.п. [2, 110]

Многие ученые проявляют интерес к рассмотрению имиджа, образа и бренда территорий. Так, существенная заслуга в описании применения методик связей с общественностью, маркетинга, рекламы для формирования имиджа территорий принадлежит западным специалистам Г. Берсон, Ф. Котлер, Дж. Траут, К. Асплунт, Д. Хайдер и др. Среди российских ученых можно выделить работы И. Семененко [3], А.А. Чараевой [4], Д. Гравера и А. Савицкой [5] – структурной модели имиджа государства/региона. Другие исследователи уделяют внимание изучению проблемы восприятия нашей страны как бренда, его смыслового содержания в понимании студенческой молодежи [6].

Шепель В.М. различает понятия внутреннего и внешнего имиджа города. Внутренний имидж – это то, как воспринимают город его собственные жители, как они проецируют его в окружающий мир. Внутренний имидж должен укреплять моральный настрой жителей, их преданность городу, но ни в коем случае не приводить к неблагоприятному отношению к приезжим. Измерение имиджа проводится, прежде всего, через измерение известности города, так как она является индикатором имиджа. [7, 85]

Социологическое исследование на тему «Имидж города Курска глазами студенческой молодежи» было проведено в декабре 2015 года на базе ЮЗГУ среди его студентов. Его целью являлось выявление основных характеристик внутреннего имиджа города.

Нами была поставлена задача, выяснить, какие установки существуют у респондентов по отношению к г.Курску. С этой целью мы задали студентам вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к г.Курску?». Ответы респондентов распределились следующим образом: большинство ответов получил вариант «в целом я доволен (довольна), но есть то, что меня не устраивает» так ответили 52% опрошенных студентов. Далее варианты ответов респондентов распределились следующим образом: «не испытываю особых чувств по этому поводу» (19%); «я рад(а), что живу здесь» (15%); «хочу поменять место жительства, уехав из г.Курска» (11%).

Можно заметить следующую тенденцию: не смотря на место рождения, большая часть респондентов довольна г.Курском, но процент ответивших уменьшается по мере отдаления от Курска. Коренные жители больше чувствуют свою принадлежность к городу, чем те, кто переехал жить в г.Курск. Этот процент выше у тех, кто родился в каком-либо другом месте по сравнению с теми кто родился в Курской области. Большее количество респондентов, желающее поменять место жительства – люди, родившиеся в другом месте. Среди тех, кто рад проживанию в г.Курске,

количество респондентов, так считающих, уменьшается, начиная от коренных жителей г.Курска по сравнению с теми, кто родился в Курской области и другом месте, соответственно.

Следующей задачей мы поставили выяснить, какие слабые стороны имеются у г.Курска. Студентам предлагалось отметить не более 3-х вариантов, из предложенных. Большинство выборов оказалось у варианта «неудовлетворительное состояние дорог» (64%) и «в г. Курске низкий уровень культуры» (48%). На 3-м месте по числу выборов оказалось «недостаточное благоустройство города» (33%). Так же жители отмечают недостаток мест для отдыха (28%)

Далее мы предложили студентам оценить г.Курск по предложенным характеристикам по 10-ти бальной шкале. Вычислив средние значения, по каждой из характеристик, мы получили следующие данные: Благоприятность климата жители Курска оценили в 6,4 балла. «Город с развитой инфраструктурой» - 6,18 балла. Высказывание о том, что «Курск – город развлекательный», респонденты в среднем оценили в 6,09 баллов. «Курск – город творческий» получил среднюю оценку 5,82 баллов. Благоустройство города респонденты оценили в 5,24 балла. «Курск – город финансового благополучия» оценили в 4,25 балла. «Курск – чистый город» - 4,09 балла.

По полученным оценкам мы видим, что респонденты оценивают г.Курск, как город среднего уровня (средний балл 5,44).

Туристическая привлекательность является одной из составляющих имиджа города. Нами был предложен вопрос, в котором опрошенным требовалось выбрать, чем, по их мнению, привлекателен г.Курск. Наибольшее количество выборов получил вариант «привлекателен местами исторического значения» (52%), далее по популярности следует вариант - популярен «храмовыми комплексами» – 48 % , памятниками архитектуры – 30%. Однако, 15% респондентов выразили мнение о том, что г. Курск ничем туристически не привлекателен.

В ходе нашего исследования нам интересно было узнать, какое мнение у студентов сложилось о самих жителях г.Курска. Респондентам предлагалось выбрать 5 основных качеств из 16 предложенных как отрицательных, так и положительных. При характеристике жителей г.Курска на первый план выходит негативный аспект, а так называемые позитивные качества не занимают лидирующих позиций. Негативные: грубость – 48%, лень – 41% , вспыльчивость – 41%, злобность – 32%. Позитивные: веселость – 39 %.

Таким образом, вопрос об отношении населения области к своему региону, насколько идентифицирует себя с ним представляет большой интерес и требует дальнейшего исследования. Социальная и культурная идентификация представляет собой существенный ресурс местного развития. Чем больше людей увязывают свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с совместным проживанием в данном месте, тем большими они обладают ресурсами для претворения в жизнь программ развития. Большинство респондентов в целом довольны городом, однако, у г.Курска существуют слабые стороны, основные – неудовлетворительное состояние дорог, недостаточное благоустройство города.

Основной характеристикой города респонденты назвали: «Курск – это приграничный регион». Данное исследование позволило выявить наиболее привлекательные для студентов достопримечательности нашего города. Все они, в основном, находятся в Центральном округе г.Курска, который опрошенные студенты назвали наиболее привлекательным.

В нашем исследовании мы рассматривали непосредственный личный опыт проживания на данной территории, так называемый внутренний имидж. Молодое поколение – потенциальный носитель облика будущего общества. Соответственно, городу нужен привлекательный имидж, чтобы заинтересовать молодежь. Для этого нужно выстраивать грамотную имиджевую политику. Правильно выстроенный имидж города в современных условиях поможет добиться разносторонних целей, способствующих эффективному развитию города. От этого зависит социально-экономическое благополучие жителей, проживающих на данной территории, их лояльность к власти, а так же целостность и бесконфликтность организации всех сфер жизни на данной территории.

1. Шепель, В.М. Авторский взгляд на имиджелогия. Введение в имиджелогия [Текст] / В.М. Шепель// Известия Академии Имиджелогии. – Т. 1. – М.: РИЦ АИМ, 2005. – С.50-74

2. Горбушина, О.П. Имидж страны: социально-психологические особенности формирования внутреннего и внешнего имиджа страны [Текст] / О. П. Горбушина// Геополитическая имиджелогия: тексты. – М.: Академия имиджелогии, 2009. – С. 109-112

3. Семененко, И. Культура, общество и образ России / И. Семененко // *Неприкосновенный запас*. – 2007. – № 1. – С. 51–53.
4. Чараева, А.А. Исследование структуры территориального брендинга / А.А. Чараева // *Системное управление*. – 2011. – №1. – Режим доступа Режим доступа: <http://sisupr.mrsu.ru/2011-1/PDF/Charaeva.pdf> (дата обращения: 21.06.2015)
5. Гравер, А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования / А.А. Гравер // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2012. – № 3 (19). – С. 29-45.
6. Килимова, Л. В. Смысловое содержание бренда «Россия» в понимании студенческой молодежи / Л. В. Килимова, О. В. Апалькова // *Известия Юго-Западного государственного университета*. – 2013. – № 2 (47). – С. 62–66.
7. Шепель, В.М. «Имиджология» [Текст] / В.М. Шепель. – М.: Ростов-на-Дону, 2005 – 185 с.

ВЫЗОВЫ СЕМЕЙНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ НЕУКЛОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Коренькова М.М. (Нижний Новгород)

В период духовно-идеологического кризиса актуализируется социальное становление личности в семье. Однако социально-экономические проблемы оказывают трансформирующее влияние на традиционный семейный уклад и ценности. Семьи все чаще прибегают к услугам платных помощников, детских центров в воспитании и развитии детей младшего возраста, что приводит к аутсорсингу семейных функций. Дети более старшего возраста предоставлены самим себе или ищут замену отсутствующего контакта с родителями в группах сверстников. С целью профилактики размывания семейного уклада и социальной девиации подрастающего поколения перед социологами стоит задача научить родителей пользоваться экспертными знаниями, так как отсутствие таковых ведет к затруднению достижения поставленных целей воспитания и, соответственно, неустойчивым результатам воспитания детей.

Under the conditions of moral and ideological crisis social development of the personality in the family has become more acute. However social and economic challenges change greatly traditional patterns and values of family life. Families more often than ever use the services of paid helpers and children's development centres, which leads to outsourcing of family functions. Children of older age are left at their own disposal or compensate the lack of family closeness through developing close contacts in peer groups. In order to prevent dilution of family values and patterns sociologist are challenged with the goal of finding ways of encouraging parents to use expert knowledge of parenting to overcome failures and mistakes of childrearing.

Социально-экономические проблемы в сочетании с духовно-идеологическим кризисом, новые паттерны общественных отношений, утратившие свою идеологизацию и характеризующиеся ростом социальной пассивности и отчуждения ставят перед социологией вызовы определения эффективных путей социального становления личности.

Модернизация российского менталитета имеет своими особенностями потерю национально-культурной идентичности, утрату обществом социальных ориентиров, нарушение механизмов передачи социокультурного опыта от поколения к поколению.

Одним из институтов, продолжающих иметь значимое влияние на личность, является семья. Социализация — это процесс приобщения к принятым в обществе и его подсистемах ценностям и нормам. В ситуации размытого представления этих категорий в масштабах общества, семейная социализация актуализировалась, как никогда раньше. Семейная социализация может развиваться в двух направлениях формирования зрелой личности: 1) подготовка личности к будущим семейным ролям; 2) влияние семейных норм, ценностей и приоритетов на формирование социально компетентной, зрелой личности.

Социализирующее воздействие семьи на личность может быть сильным и мало выраженным. Сплоченность семьи, которая предполагает высокую степень эмоциональной связи между членами семьи, сформированность семейного самосознания, «фамилизма», когнитивный аспект которой есть образ «мы», ведет к эффективному нормативному воздействию семьи на личность. Если члены семьи автономны и дистанцированы друг от друга, семья дезорганизована, нормы и модели поведения в ней размыты, то в такой семье искажается процесс усвоения социальных ролей, семейных традиций, а также создается предпосылка для внесемейных влияний.

Семейная социализация в современном обществе происходит на фоне серьезных изменений семейного ландшафта. Изменения традиционных ролей мужчины и женщины, мамы и

папы произошли за последнее время в большинстве социально и экономически развитых обществах. Классически ассоциативный тип семьи, где отец работает, а мать заботится о детях и доме на практике не является основным. Исследования таких предметов, как отношения между родителями и детьми в семьях однополых родителей [1] или различие в ожиданиях к своим детям между мамами с естественной беременностью и мамами с экстракорпоральным оплодотворением [2] доказывают, что социокультурный контекст родительства в мире и в России, в частности, сильно изменился. Также большое количество детей воспитываются в неполных семьях. Вызовы со стороны карьеры, все большая занятость на работе ведут к тому, что родители не могут уделять достаточное время детям. Еще одним штрихом к современному портрету родительства является тенденция к аутсорсингу традиционных семейных функций, благодаря чему развился рынок семейных услуг по уходу за детьми и их развитию. Развитие такого рынка позволяет решить актуальную на сегодняшний день для родительства задачу: высвобождение родителей как можно раньше и как можно в большем объеме от ухода за детьми. Необходимо понимать семейную социализацию в текущий момент с учетом выше перечисленных особенностей и вызовов современного родительства.

Занятость родителей, а также детей вне дома ведет к дефициту общения между детьми и родителями. Эмоциональный контакт между ними снижается или полностью отсутствует. Но ребенок не может существовать и нормально развиваться, не имея личных близких отношений с определенным кругом людей, в идеале – с родителями. Это толкает детей на поиск замены утраченного контакта с родителями на контакт в группах сверстников. Нормативное воздействие в семье заменяется нормами, принятыми группой, авторитет которой в глазах ребенка становится выше родительского. Как результат такой подмены общения мы имеем незрелую личность, склонную к несдержанному, иногда агрессивному поведению, с низкой степенью личной ответственности и неувоенными моральными ценностями.

С другой стороны, наблюдается дисфункциональность детско-родительских отношений. Дисфункциональной является семья, в которой нарушено выполнение семейных функций и ролей и закрепился негармоничный стиль семейного воспитания [3, с. 64], а также семья с негармоничным стилем воспитания (авторитарность, эмоциональное отвержение, завышенные требования, инфантилизация ребенка, противоречивое воспитание). В современной исследовательской литературе все настойчивее звучит мысль о том, что родители могут навредить ребенку не только, если они «плохие» родители, но и если они «неосведомленные» родители [4].

Все более выраженные в последнее время социальные неравенства, ведущие к социальному успеху или поражению, вынуждают родителей искать новые способы организации заботы о детях. Идеология «раннего развития» [5, 25], транслируемая российскими СМИ и соцсетями, предписывает родителям оснащение жилого пространства ребенка развивающими играми, посещение развивающих групп и центров, занятия с детьми такими видами творчества, как музыка, лепка, рисование. Для этих целей требуется определенный и стабильный доход, наличие времени, а также социальная и культурная компетентность, чтобы выбрать наиболее подходящий товар или провайдера услуг раннего развития. Силы и внимание родителей отвлекаются от непосредственного взаимодействия с ребенком и направляются на анализ рынка вышеперечисленных услуг и на поддержание стабильного дохода на их оплату. Согласно опросам в сети Интернет, более половины молодых, социально активных городских мам посещают с ребёнком развивающие центры, ещё 20% хотят или ищут подходящий центр для своего ребёнка. По мнению психологов [6] родители, которые водят детей в подобные заведения, в сущности, передают полномочия на развитие своего ребенка другим людям, по причине собственного бессилия или нежелания делать это самостоятельно. На семейных форумах можно выделить следующую основную мысль: «пока дети играют, мама может заняться собой». Однако ребёнок, вместо того, чтобы решать задачу развития, решает задачу адаптации в коллективе без мамы. Родителям также следует учитывать, что любые занятия в развивающем центре — это дополнительные нагрузки. Кроме того, развитие ребенка в семье предполагает важный этап формирования первичной привязанности к окружающим его взрослым, играющим в его жизни важную роль. Раннее помещение детей в различные социальные группы ведет к тому, что ребенок может начать ощущать себя частью группы, где часто меняются взрослые, с которыми формируются разные степени привязанности. Данное явление аутсорсинга семейных функций, достигшее широкого масштаба, является еще одним аргументом в необходимости укрепления роли социальных агентов, производящих и распространяющих экспертное родительское знание.

На фоне современных социально-культурных перемен общество испытывает потребность в эффективных методах социальной адаптации личности, среди которых методы семейной адаптации имеют большое значение. С целью профилактики размывания семейного уклада и социальной девиации подрастающего поколения перед социологами стоит задача научить родителей пользоваться профессиональными знаниями, так как отсутствие таковых ведет к затруднению достижения поставленных целей воспитания и, соответственно, неустойчивым результатам воспитания детей.

1. Johnson S., O'Connor E. *The Gay Baby Boom: The Psychology of Gay Parenthood*. New-York: NYU Press, 2002. 280 p
2. Соловьева Е.В. О материнском отношении к детям раннего возраста, зачатым посредством экстракорпорального оплодотворения //Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru» 2014. Том 6. № 4. С. 147–156.
3. Рудзинская Т.Ф. Социально-психологические аспекты феномена родительства //Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 12. № 4. С. 62-65.
4. Lee E, Bristow J., Faircloth C., Macvarish J. (eds.) *Parenting culture studies*. L.: Palgrave Macmillan, 2014.
5. Walker C *Learning to Labour in Post-Soviet Russia. Vocational Youth in Transition*. London; New York: Routledge, 2011, p 20
6. Еженедельник "Аргументы и Факты" № 9 26/02/2014

СТЕРЕОТИПЫ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТОЛЬЯТТИ)

Коркина К.А. (Тольятти)

На протяжении долгих лет в мировом сообществе культивировался «светлый образ Америки». Страны свободы, безопасности и с «правом на поиск счастья» [1]. Продвижение «красивой американской жизни» особенно происходило в СССР. Начиная с 60-х годов 20 века через «железный занавес» происходило культурное вторжение идеи «Американской мечты». Уже к 70–90-м годам происходило перенимание американского стиля, музыки и идеологии. Данная идея настолько оказалась удачной, что за 180 лет, в период с 1820 по 1999 г., из разных стран мира на территорию современных Соединенных Штатов прибыло более 65 миллионов иммигрантов [2]. Все это стало фактором успешной саморекламы и влияния на массы через культуру. Однако с развитие глобализации урбанизации и американской политической деятельности в обществе изменялась и «Американская мечта».

Для того чтобы выявить отношение, существующие стереотипы и каналы их формирования, нами был проведен опрос жителей г. Тольятти. Гипотезы исследования были построены на основе сравнения мнений жителей по двум возрастным группам «18–25лет» и «35–60лет», поэтому выборочная совокупность представлена в пропорции 50/50.

Для начала, нам было важно выяснить, уровень знания английского языка. Уровень знания языка оказался невысоким «Читаю, перевожу со словарем» 28% (первая группа – 15% и 13% – во второй возрастной группе) и «Не владею» 20% (второй возрастной группы 18%). Поверхностное представление имеют 18%, «Могут объяснить и читать» 15%. Хорошо говорящих, пишущих и читающих набралось не так много, всего 10% (7% – из первой группы и 3% – из второй), примерно такая же картина обстоит и респондентами, выбравшими вариант ответа «понимаю устную речь, читаю» всего 9% (6% первая группа, 3% вторая группа). На основе полученных данных можно прийти к выводу, что уровень знания английского языка выше у представителей молодого поколения. Однако стоит отметить, что большое количество респондентов не обладают высокими знаниями.

Далее нам необходимо узнать, что жители города понимают под выражением «американский образ жизни». Большинство респондентов понимают, как «Образ жизни граждан США» – 66% (по 33% в обеих группах). Следующими по популярности оказались варианты: «Массовый образ жизни, навязанный СМИ» и «Меркантильный образ жизни, деньги возведены в культ» по 32% (17% молодое поколение и 15% - старшее поколение). Вариант «Исключительный образ жизни с особенным характером и судьбой» выбрали 23% (12% – вторая группа и 11% – вторая группа). Наименьшее число респондентов выбрали варианты «Передовой» - 16 % и «Образ жизни изобилия, свободы и равенства» – 14%. На основе полученных данных можно сказать о том, что американский образ жизни трактуют скорее негативно. Преобладание негативных оценок

со стороны молодого населения опровергает гипотезу о положительном отношении данной возрастной группы.

При анализе стереотипов нам было важно узнать уровень доверия информации в СМИ. Большинство 54% не доверяют, 29% – затрудняются ответить на данный вопрос. Выразили доверие только 17%.

Далее мы хотели выявить основные источники формирования стереотипов. Большинство респондентов (72%) выбрали «Кино» и «СМИ» (63%). Чуть меньшее влияние у художественной литературы и рекламы по 28%. Опыт общения с американцами – 18% и научная литература – 13%. Наименьшее количество выбрали «поездку в Америку» – 3%. Так же 3% из первой группы выделили собственные варианты: «интернет» – 2%, «знакомые, переехавшие в США» – 1%. Проанализировав полученные данные можно сказать о том, что популярными источниками информации являются кино и СМИ (подтверждает гипотезу о каналах распространения информации).

В следующем блоке вопросов мы хотели выяснить, положительные и отрицательные стороны американского образа жизни. Наиболее привлекательные черты: «Хорошие дороги и другие условия для жизни» (43%), «Высокий уровень жизни» (41%), «Правовая защищенность» (32%), «Качественное медицинское обслуживание» (30%) и «Широкие возможности для развития способностей и талантов» (24%). Менее привлекательными варианты ответов: «Распространение передовых технологий» (20%) «Равенство возможностей людей в достижении успеха» (19%), «Качественное образование» (12%), «Все существует и работает в соответствии с правилами» (11%). Наименьшее число респондентов (4%) выбрало вариант «религиозного плюрализма» (1 из первой группы и 3 из второй). К отрицательным чертам респонденты отнесли: «Легализация однополых браков» 25% (7% – молодого населения и 18% - старшего), «Жизнь в кредит» и «Нездоровая пища» по 20%, «Высокий уровень расслоения общества» (19%) и «Дискриминация «цветного» населения» (17%). Следующими пунктами респонденты выделили: «Высокий уровень преступности» (15%) и «Высокий уровень злоупотребления различными наркотическими веществами» 12% (из них 11% – молодого населения и 1% из старшего). Негативно относятся к «платной медицине» и «преобладанию массовой культуры» только 7% (по 5% из первой группы и 2% из второй). Тройку наименее отрицательных черт составляют: «Феминизм» (5%), «Высокая плата за обучения» (4%) и «Недоброжелательное отношение к иммигрантам» (3%). Основываясь на полученных данных можно сказать, что людей привлекает, прежде всего, комфорт, но отталкивает «жизнь в кредит» и однополые браки.

С помощью следующего вопроса, мы хотели выделить основные черты «типичного американца». Пятерку популярных черт составляют: «Интеллектуальность» и «Самоуверенность» по 38%, «Стремление к независимости» (36%), «Патриотизм» (33%), «Меркантильность» (29%). Менее популярные варианты: «Социальная активность» (21%), «Уважение к законам» и «Индивидуализму» по 20%, «Лень» (15%), «Жадность» 13%, по 12% на варианты: «Приверженность семейным ценностям», «Лицемерие» и «Справедливость», 9% «набожность, религиозность». Наименьшее число выбрали: 3% «Дисциплинированность», 2% «Чистоплотность» и по 1% «Правдивость», «примитивный юмор» и «Жизнерадостность». Таким образом, среди респондентов сформировался противоречивый образ интеллектуального, самоуверенного американца который патриот своей страны, стремящийся к независимости. таким образом, гипотеза о противоречивости представлениях подтвердилась.

Следующий блок вопросов был направлен на выявление оценки США в различных жизненных сферах. Отрицательные оценки получили такие сферы, как: Мировая финансовая система – 55% (29% в первой группе и 26% во второй); Политическая стабильность в мире – 76% (36% – молодое население и 40% старшее); Распространение западной демократии недовольство выражают 53%; Мировая культура – 40% (21% – первая группа и 19% вторая). Положительное влияние США, по мнению респондентов, связано с такими сферами: Создание информационных технологий 84 (по 42% в обеих группах); Создание передовой техники 73% (35% молодое население, 38% старшего возраста); Развитие науки 72% (по 36% каждая группа). На основе данных можно сказать, что положительное влияние США, по мнению респондентов как правило, связано с созданием и развитием технологической и научной деятельности. Геополитическую и культурно-экономическую деятельность респонденты оценивают негативно. Гипотеза о неоднозначности оценки сторон американской деятельности в различных областях подтвердилась.

С помощью следующего вопроса, были выявлены основные каналы влияния: «Индустрия быстрого питания» 54% (по 27% в каждой группе), «Использование иностранных слов в русской

речи» 44%, по 43% «Изучение английского языка» и «Образов мирового кино», 37% говорят о действии «Моды на шоу-бизнес». Наименьше влияние происходит через «Глобализацию массовой культуры» 13%, «Рекламу товаров» 13%, «Развитие субкультуры» 10%, «Распространение бытовой техники» 9%. На основе полученных данных можно сказать, что гипотеза о рекламе, как основного канала влияния, не подтвердилась.

Для анализа стереотипов важно знать был ли у респондентов опыт поездки непосредственно в США. Посещали США только 4% респондентов (старшее поколение 3%) желание переехать возникло у 3%. Остальные 96% респондентов никогда не были в США. «Хотели бы посетить США» 66% , «Не хотели» 23% (12% из первой и 11% из второй). Исходя из полученных ответов, можно сказать, что желание посетить США высокое.

Следующий вопрос направлен на выявление инструментов распространения американского образа жизни. Большинство (82%) отметили СМИ, следующим относят влияние моды (41%), отдают роль информационным технологиям (37%) и политике (35%). Наименьшее влияние оказывают: «экономика» и «культурная продукция» по 23%.

Далее мы хотели узнать оценку отношений наших стран и оказали ли они влияние на представления об американцах. Почти половина респондентов отмечают как «плохие» 49%, «В чем-то хорошие, в чем-то плохие» 37%, затрудняются ответить 13% и считают хорошими только 1% (из старшей группы). За последние годы больше половины (56 %) говорят о том, что мнения об американцах осталось прежним (по 33%), изменилось отношение в лучшую сторону только у 1% (из первой группы), у 24% отношение изменилось к худшему (по 12% в каждой группе), затрудняются ответить 9%. Можно сказать о том, что мнение практически одинаково в обеих группах

В заключении, нам было необходимо выяснить, считают ли респонденты критику данного образа жизни справедливой. Соглашаются с критикой 44% соглашаются с критикой (21% – первая группа и 23% – вторая), «не согласны» 24%, а «затрудняются ответить» 32%.

На основе данных, полученных в ходе исследований, можно выделить ряд закономерностей. В обществе преобладают скорее негативные оценки в отношении образа жизни. Прежде всего, это связано с американской деятельностью в мире. Так же существует преобладание отрицательных стереотипов в отношении «типичного американца», подобную особенность выделяли и другие исследователи [3, 4]. Однако желание посетить и отчасти подражать США существует среди представителей обоих поколений. В заключении, важно отметить, что основное распространение и формирование стереотипов происходят через средства массовой культуры[5]. Тем самым, можно сказать, что оценка Америка, «великой державы» с высокой степенью влияния, неоднозначна, так как она содержит в себе большое количество противоречий относительно многих аспектов.

1. Шпенглер О. *Закат европы* [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml / (Дата обращения: 12.09.2016)

2. Неймер Ю.Л. *Иммиграция в США, русская и иная* // Мир России. Социология. Этнология. – №1. – 2003. – С.121–137.

3. Бодрийяр Ж. *Америка*. СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 26.

4. Руткевич Е. Д. *Типология социального характера Д.Рисмена* / Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 118–121.

5. Чеснокова Леся Владимировна *Стереотипы в межкультурной коммуникации* // Концепт. – 2015. – №4 – С. 91-95.

ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ОБ ИНСТИТУТЕ ПРИЁМНОЙ СЕМЬИ

Корнева Л.И. (Санкт-Петербург)

История становления устройства детей, оставшихся без родителей, в замещающую семью на возмездной основе берёт своё начало со времён правления Екатерины II. Крупнейшим благотворительным учреждением, главной задачей которого стало спасение и воспитание детей-сирот, являлся Воспитательный Дом Ивана Ивановича Бецкого. Однако существовало немало трудностей, препятствующих плодотворной работе Дома: высокая смертность младенцев, чрезвычайная скученность, недостаток в питании и отсутствие должного медицинского ухода. Эти условия стали причиной подписания Екатериной II Указа, по которому ребёнка за умеренную плату передавали в замещающую семью на время вскармливания, после чего его снова

возвращали в Воспитательный дом [3]. В середине XIX века система патронирования была усовершенствована. Николай I повелел всех младенцев, приносимых в Воспитательный Дом, сразу отсылать в деревни и не возвращать обратно. Кроме этого, за этими детьми осуществлялся надзор, их навещал инспектор, воспитателям выплачивалось вознаграждение, девочкам при выходе замуж выдавалась небольшая сумма денег. За время существования советской власти сложившийся институт устройства детей в семьи несколько раз искоренялся и возрождался снова. На каждом этапе возрождения институт приёмной семьи всё более точно сформировывался как самостоятельная система.

Впервые положения о приёмной семье в её современном понимании были закреплены в Семейном Кодексе РФ в 1995 году [1]. Согласно данному правовому акту, приёмной семьёй признается опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приёмной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре [4]. К числу главных особенностей приёмной семьи можно отнести договорной характер отношений, который подразумевает наличие определённого ряда требований к кандидатам, конкретные права и обязанности сторон, а также, вознаграждения приёмным родителям, денежные средства на воспитание каждого ребёнка и меры социальной поддержки. На современном этапе социальная поддержка приёмной семьи представляет собой два основных направления деятельности: подготовка будущих приёмных родителей и осуществление социального сопровождения приёмной семьи. Специальная подготовка потенциальных родителей помогает овладеть необходимыми знаниями, повысить эффективность взаимной адаптации, сформировать стойкое чувство уверенности в своих силах [2]. Социальное сопровождение на всех этапах жизнедеятельности приёмной семьи осуществляется не только в целях контроля и коррекции семейных отношений, но и для возможности родителей справляться с социально-психологическими трудностями не в одиночку, а вместе со специалистами социальных организаций.

Действительно, работа с приёмными семьями в условиях современной России развивается с каждым днём: изучаются проблемы детско-родительских отношений, корректируются системы социальной работы, расширяется и углубляется система подготовки детей и родителей, разрабатываются и внедряются методы социального сопровождения приёмных семей. Однако на данный момент можно говорить о том, что обществу свойственно восприятие приёмной семьи как «из ряда вон выходящего». В первую очередь это обусловлено недостаточной информированностью населения о данной форме устройства детей. Кроме этого, СМИ чаще всего преподносят новости по этой теме как «жареные» и представляют приёмные семьи как аномалии, а приёмных родителей, как непризнанных героев. Результаты проведённого исследования показали, что население оценивает свою информированность об институте приёмной семьи на низком уровне, а большинство респондентов не смогли ответить, куда они могут обратиться за информацией по вопросам планирования и создания приёмной семьи. В тоже время в качестве главного информационного источника было выделено телевидение.

Таким образом, можно говорить о том, что в обществе отсутствует понимание того, что приёмные семьи – это нормальное социальное явление, происходящее среди нас. Повышение уровня информированности общества об институте приёмной семьи и освещение вопроса с правильного ракурса позволит ускорить развитие данной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, разгрузить детские дома, повысить заинтересованность и активность граждан в данном направлении и вывести систему воспитания в приёмной семье на новый уровень, свойственный высокоразвитому обществу.

1. Байкова Н.М. Институт приёмной семьи: опыт комплексного исследования. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2008. - 93 с.
2. Бессчетнова О.В. Приёмная семья как реализация конституционного права детей-сирот на семейное воспитание // Вестник Челябинского государственного университета. - 2008. - № 14. - с. 172-179.
3. Довгалевская А.И. Вопросы семейного воспитания приёмных детей. - М., 1957. - с.34
4. Семейный Кодекс РФ от 29.12.1995 №223 - ФЗ.

ПОСТРЕАБИЛИТАЦИОННАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ ИНВАЛИДАМИ: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНКЛЮЗИИ

Королева К.Ю., Мазикина С.Г., Лютая О.Н. (Белгород)

Дети и подростки с ограниченными возможностями являются наименее защищенной, социально уязвимой частью общества. Они подвержены риску оказаться в социальной изоляции. Несмотря на приоритетность и актуальность социальной поддержки детей-инвалидов, трудности, связанные с их реабилитацией, существуют. Реабилитация детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья предполагает комплекс мероприятий, направленных на устранение или компенсацию ограничений их жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, восстановление социального статуса, улучшение внутрисемейных отношений, гуманизацию связей семьи с обществом и государством.

В целях совершенствования комплексного решения медико-социальных задач, развития реабилитационной помощи детям с ограниченными возможностями и интеграции их в общество, заключено соглашение о сотрудничестве между двумя центрами – МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» и ОГБУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» с. Веселая Лопань.

С 2006 года в отделении социокультурной реабилитации инвалидов МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» используется эффективная форма работы с клиентами – постреабилитационная работа с детьми-инвалидами, прошедшими курс лечения в ОГБУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» с. Веселая Лопань. Специалисты отделения социокультурной реабилитации инвалидов в ходе осуществления личного приема граждан, консультирования по телефону проводят разъяснительную работу о необходимости медико-социальной реабилитации в ОГБУ «РЦПОВ» с. Веселая Лопань. Каждый месяц формирование групп осуществляется по квоте, в которой указывается количество детей, направляемых для лечения с сопровождением и без него. С детьми, прошедшими курс лечения в реабилитационном центре, в дальнейшем, на базе МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» проводится постреабилитационная работа.

В настоящее время на учете в МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» состоят 864 детей с ограниченными возможностями здоровья, зарегистрированными в г. Белгороде, из них в соответствии с индивидуальной программой реабилитации, выданной ФКУ «ГБ МСЭ по Белгородской области», рекомендованы мероприятия медицинской реабилитации (восстановительная терапия) 215 детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата. За 9 месяцев текущего года прошли курс лечения 82 человека, из них – 23 ребенка без сопровождения. Дальнейшая постреабилитационная работа проводилась в МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» с 43 детьми.

В реализации постреабилитационной работы с детьми – инвалидами можно выделить следующие направления, осуществляемые в соответствии с индивидуальной программой реабилитации: социально-бытовая реабилитация (обучение пользованию техническими средствами реабилитации, навыкам самообслуживания); социально-медицинская реабилитация (массаж, посещение бассейна); социально-психологическая реабилитация (в спектр услуг входят психодиагностика, которая определяет содержательную сторону и направленность психологической реабилитации, коррекционно-развивающие занятия (индивидуальные и групповые), психологическое консультирование родителей по вопросам воспитания детей с ограниченными возможностями, обучение навыкам эффективного взаимодействия с ребенком); социокультурная реабилитация (организация досуговых мероприятий, кружковая работа и т.д.). Все услуги для детей-инвалидов в МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» оказываются бесплатно. Продолжительность курса социальных услуг зависит от индивидуальных особенностей ребенка.

В рамках социально-медицинской реабилитации сформированы группы здоровья, где дети, в количестве 20 человек, раз в неделю посещают бассейны города - СОК «Луч» и МБОД «Белгородский Дворец детского творчества». Услуги массажа в течение двух недель оказываются на дому детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Проводится консультирование родителей психологом по вопросам воспитания детей с ограниченными возможностями и обучения навыкам эффективного взаимодействия с ними, изучаются анамнестические сведения. Дети и их родители проходят диагностику, по результатам которой составляются индивидуальные

рекомендации, направленные на преодоление имеющихся трудностей и определяется необходимость дальнейшей коррекционной работы как на стимуляцию эмоциональной и познавательной сфер, так и на развитие и формирование коммуникативных умений. При проведении занятий используются элементы сказкотерапии, куклотерапии, арт-терапии, релаксационных упражнений.

Важным направлением комплексной реабилитации является социокультурная реабилитация, составная часть которой - организация культурно-познавательного досуга. Специалисты по социальной работе приглашают детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата на ежемесячные заседания клубов по интересам «В гостях у сказки», «Алые паруса», «Улыбка», в кинотеатры, музеи города, Белгородский государственный театр кукол. Для тех, кому сложно посещать мероприятия, проводимые в Центре, организуются всевозможные акции и праздники на дому. Так существует традиция по проведению ежегодных акций ко Дню защиты детей с поздравлением и вручением подарков детям с ограниченными возможностями в передвижении, «Самый лучший папа» и «Мамины руки», целью которых было поздравление одиноких отцов и матерей, воспитывающих детей-инвалидов, «Дарите радость на Пасху» совместно со священнослужителем, а благотворительный аукцион творческих работ детей с ограниченными возможностями «Поделись теплом своей души» открывает новые таланты.

Родителям оказывается консультативная помощь по вопросам обучения пользованию техническими средствами реабилитации, формирования навыков самообслуживания у детей. Проводится мониторинг потребностей, изучение и утверждение начальной (максимальной) цены на поставку стульев для ванной комнаты, велотренажеров и других технических средств реабилитации для детей-инвалидов.

Проведение комплексных реабилитационных мероприятий благодаря тесному сотрудничеству между двумя учреждениями позволяет значительно повысить эффективность проводимых медико-социальных реабилитационных мероприятий, усилить вовлеченность и повысить грамотность родителей в осуществлении реабилитационных мероприятий. Реализуемые программы постреабилитационной работы готовят как самого ребенка с ограниченными возможностями к продуктивной социальной жизни, так и способствует преодолению социальной изоляции семей, воспитывающих этих детей, расширяя их круг общения и внося разнообразие в повседневные практики.

КУРЯЩАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Косова Д.А., Брушкова Л. А. (Москва)

На сегодняшний день на фоне низкой продолжительности жизни, высоких показателей заболеваемости в результате пристрастия к вредным привычкам, нарастающих показателей смертности россиян формирование и распространение здорового образа жизни являются важными составляющими социально-экономической политики российского государства. В этих условиях выработка и развитие активной жизненной позиции россиян вообще и молодежи в частности по отношению к своему здоровью становится особенно актуальной.

Здоровый образ жизни «объединяет все, что оказывает содействие выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях и выражает ориентированность личности в направлении формирования, сохранения и укрепления как индивидуального, так и общественного здоровья» [3]. Компонентами здорового образа жизни при этом выступают рациональная двигательная активность, закаливание, рациональное питание, психогигиена, отсутствие вредных привычек [4].

По результатам ежегодного опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения [5], в рамках которого выясняется отношение российского населения к здоровью, правильному питанию, занятиям физкультурой и спортом, были выявлены четыре компонента, которые, по мнению россиян, способствуют поддержанию здоровья: отсутствие вредных привычек, правильное питание, посещение врача в случае болезни, физическая активность (см. таблицу №1).

Осуществление мер по противодействию потреблению табака, оказанию помощи бросающим курить, распространению информации о негативных последствиях курения отражено, как один из главных пунктов, в Указе Президента России от 7 мая 2012 года №598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» [1].

Объектом нашего исследования являлась российская молодежь, возрастом которой определен промежуток от 14 до 30 лет, в соответствии с Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2]. Причинами выбора именно данного объекта исследования стали несколько существенных обстоятельств. Во-первых, молодежь является социально-демографической группой наиболее восприимчивой к различным внешним факторам воздействия как позитивного, так и негативного свойства, что предполагает возможность как быстрого привыкания к курению, так и быстрого избавления от данной привычки, что может повлиять на масштабы табакокурения в стране.

Таблица 3. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ, проводимый в 2006 г. и с 2008 по 2015 гг. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5% - wciom.ru

Если Вы заботитесь о своем здоровье, то в чем это проявляется? (закрытый вопрос, любое число ответов), в % от всех респондентов							
	006 г.	008 г.	009 г.	012 г.	013 г.	014 г.	015 г.
Не пью и не курю	1	2	0	3	9	5	5
Правильно питаюсь	6	6	6	3	6	1	8
В случае болезни сразу обращаюсь к врачам, выполняю все их требования	8	1	8	2	5	5	7
Занимаюсь физкультурой, спортом	2	4	5	5	8	8	4
Регулярно проверяю свое здоровье, прохожу диспансеризацию	1	2	2	6	0	8	2
Не могу назвать себя здоровым, но на болезни, недомогания не обращаю большого внимания	4	0	3	0	3	8	2
Смотрю передачи о здоровье по телевидению, читаю медицинские книги и журналы	6	7	8	5	6	7	6
Я здоров, заботиться о здоровье не приходится				1			0

Во-вторых, именно молодежь призвана обеспечивать рост экономики и улучшение качества жизни общества, для чего ей, в первую очередь, необходимо поддерживать высокий уровень своего физического и психоэмоционального здоровья.

В силу вышеназванных обстоятельств так важно проанализировать, как со временем, под влиянием внешних и внутренних факторов, изменяются число постоянных курильщиков молодого возраста, количество молодых людей, когда-либо пробовавших курить, среднее количество сигарет или папирос, выкуриваемые молодежью за день, выявить взаимозависимость курения и потребления алкоголя, средний возраст приобщения российской молодежи к курению.

Согласно эмпирическим данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом - Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН [6], на сегодняшний день курит 25,3% российской молодежи. Причем среди них 70,9% - это мужчины, а 29,1% - женщины (см. рисунок №1).

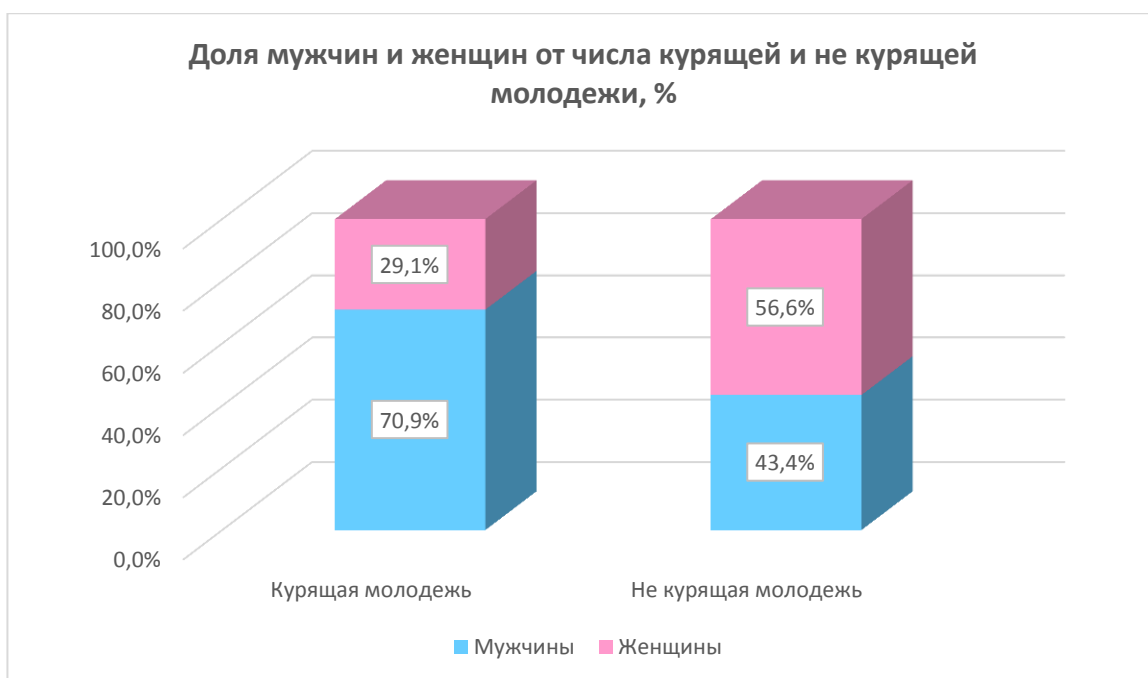

Рисунок 1. Доля мужчин и женщин от числа курящей и не курящей молодежи, %

Анализируя временной промежуток с 2005 по 2015 гг. необходимо отметить, что доля курящих юношей существенно снизилась - с 51,6% до 35,6%, а доля курящих девушек снизилась менее значительно - с 18,7% до 14,8% (см. рисунок №2). Хотя доля курящих юношей снизилась в 0,69 раза, а девушек - в 0,79 раза, среднестатистический курильщик молодого возраста в России имеет мужское лицо, как, впрочем, и в других странах мира.

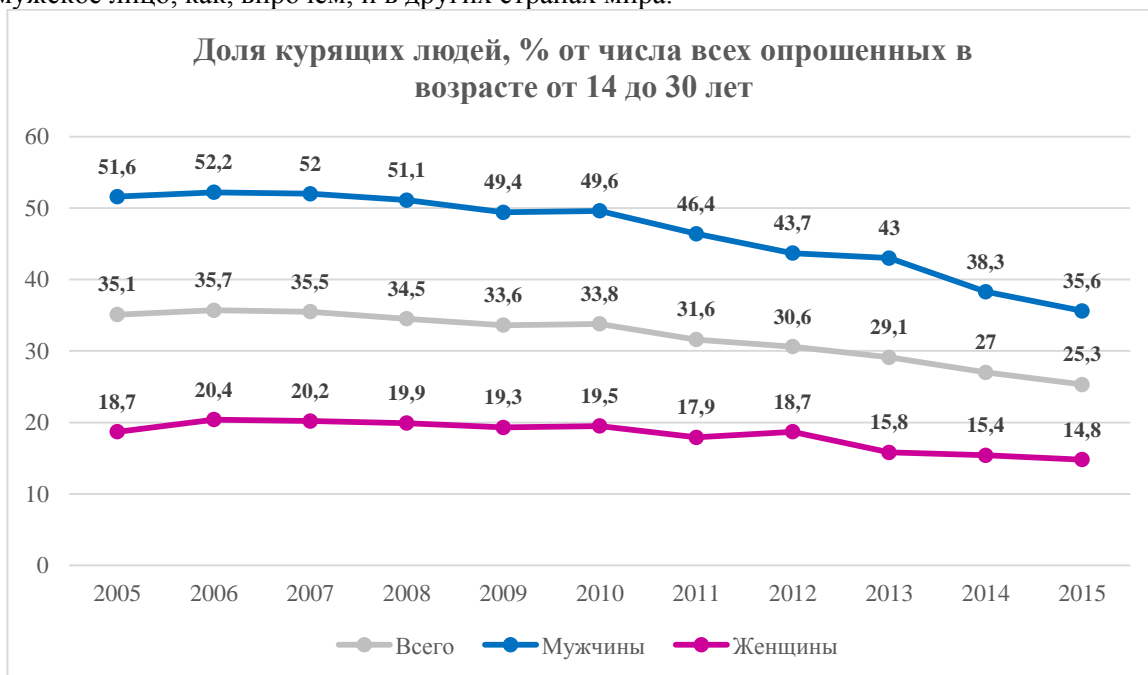

Рисунок 2. Доля опрошенных от 14 до 30 лет, которые когда-либо курили на протяжении своей жизни, %

Достаточно неблагоприятным показателем является доля молодежи, которая уже имела опыт табакокурения на протяжении своей, еще не продолжительной, жизни: примерно каждый второй юноша и каждая четвертая девушка хоть раз в жизни пробовала курить (см. рисунок №4). В то же время доля молодежи, которая когда-либо пробовала курить, уменьшилась с 2005 года в 0,75 раз, что внушает некоторый оптимизм.

Рисунок 3. Доля опрошенных от 14 до 30 лет, которые когда-либо курили на протяжении своей жизни, %

Приобщаться к табакокурению российская молодежь начинает достаточно рано: средний возраст начала табакокурения на 2015 г. составляет 15,92 года (см. рисунок №4). Проведенный анализ свидетельствует о некотором увеличении среднего возраста начинающих курить, что является определенно позитивным трендом. Так, с 2005 года средний возраст начинающих курить табачные изделия повысился на 0,18 лет.

Рисунок 4. Средний возраст начала приобщения молодежи к курению в возрасте от 14 до 30 лет, лет

Несмотря на то, что количество курильщиков среди молодежи уменьшается, с каждым годом растет интенсивность курения, т.е. среднее количество выкуриваемых сигарет - с 13,96 штук в день в 2005 г. до 14,73 в 2015 г. у мужчин и с 8,99 до 10,66 - у женщин (см. рисунок №5).

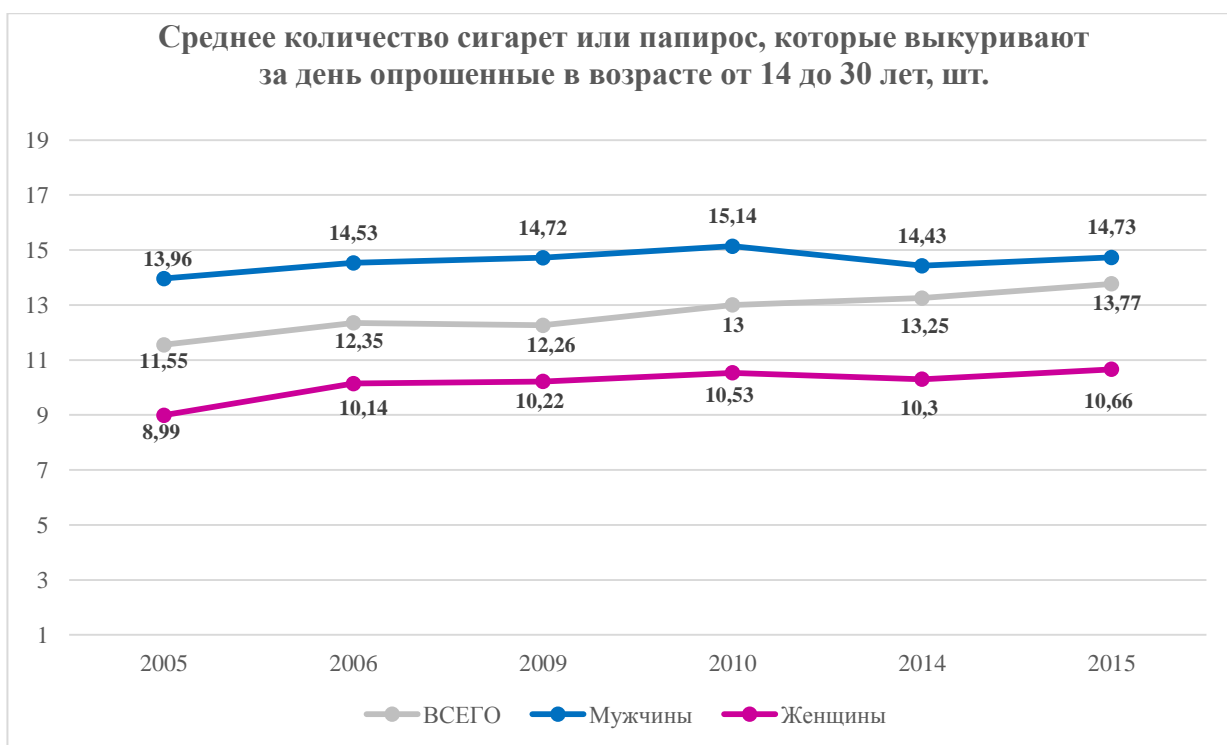

Рисунок 5. Среднее количество сигарет или папирос, которые выкуривают за день опрошенные в возрасте от 14 до 30 лет, шт.

Как показывают исследования, пристрастие к курению табака увеличивает риск потребления молодежью различных алкогольных напитков. Так, среди тех, кто курит, употребляют алкоголь 77,69%, среди тех, кто не курит – 38,84% (см. рисунок №6). Это можно объяснить тем, что курящему человеку, у которого уже выработалась никотиновая аддикция, гораздо легче приобщиться к алкоголю, чем тому, у кого этой зависимости нет.

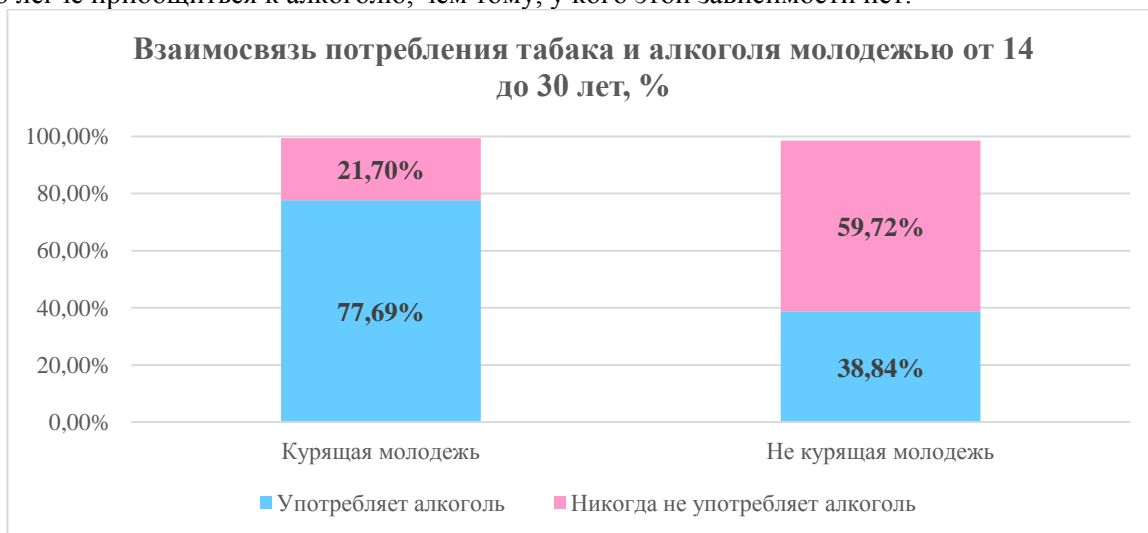

Рисунок 4. Взаимосвязь потребления табака и алкоголя молодежью от 14 до 30 лет, %

Таким образом, несмотря на некоторые положительные подвижки в области табачной зависимости российской молодежи, к которым можно отнести снижение доли курящих юношей и девушек, повышение возраста приобщения к табакокурению, в целом ситуация выглядит весьма тревожной, что требует выработки целой системы мер государственной политики, направленных на более радикальное изменение ситуации в этой сфере.

1. Указ Президента России от 7 мая 2012 года №598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»
2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2012 года №1688-р

3. Казин Е. М. Основы индивидуального здоровья человека: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Э. М. Казин, Н. Г. Блинова, Н. А. Литвинова. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – 192 с.

4. Березин И. П. Школа здоровья / И. П. Березин, Ю. В. Дергачев. - М.: Моск. рабочий, 1989. – 221 с.

5. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ, проводимый в 2006 г. и с 2008 по 2015 гг. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5% - wciom.ru

6. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом - Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>)»

МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Косолапова А.И. (Саранск)

В данной статье рассмотрена сущность системы детско-родительских отношений. Особое внимание уделяется типам семейного воспитания и функциям детско-родительских отношений. Проанализированы основные методики диагностики взаимоотношений родителей и детей, применяемых в социальной работе и их возможности при решении проблем семьи.

This article concerned with the essence of parenting style. Special attention is given to the types of family education and family parenting functions. We analyzed the main methods of diagnostics of relations between parents and children employed in social work and their ability in solving family problems.

Говоря о детско-родительских отношениях, следует иметь в виду, что это управляемая система взаимоотношений родителей с детьми, и ведущая роль в этой системе принадлежит родителям. Поэтому именно им необходимо знать, какие формы взаимоотношений с собственными детьми способствуют гармоничному развитию детской психики и личностных качеств, а какие, наоборот, препятствуют формированию у них нормального поведения и в большинстве своем ведут к трудновоспитуемости и деформации личности.

В современном обществе достаточно актуальной является проблема исследования детско-родительских отношений. Современная социально-психологическая ситуация, сложившаяся в российском обществе, характеризуется своеобразным кризисом семьи, что проявляется в росте неполных и неблагополучных семей, структурной неустойчивости семьи, ценностно-нормативной девиантности, малодетности, росте числа разводов, с одной стороны, и утратой теплых, доверительных отношений родителей и детей, с другой стороны.

Одна из особенностей детско-родительских отношений заключается в ярко выраженной эмоциональной форме отношений между родителями и детьми, в их любви друг к другу. Но одной любви для полноценного воспитания человека недостаточно; более того, бездумная родительская любовь зачастую приводит к формированию таких качеств личности, которые можно условно обозначить понятием «синдром избалованного ребенка» [2, 14].

В настоящее время выделяют ряд специфических функций детско-родительских отношений:

– абилитационно-реабилитационная: восстановление психофизического и социального статуса нетипичного ребенка, включение его в социальную среду, приобщение к нормальной жизни и труду в пределах его возможностей;

– корригирующая (исправление, ослабление или сглаживание недостатков психофизического развития детей с ограниченными возможностями);

– компенсирующая (замещение, перестройка нарушенных или недосформированных функций организма, его приспособление к негативным условиям жизнедеятельности и попытка заменить пораженные, вышедшие из строя или непродуктивно работающие структуры относительно сохранными: компенсаторными механизмами). [7,15]

Важнейшей характеристикой детско-родительских отношений является его тип, т. е. типичная для старших система приемов и характер взаимодействия с младшими. В настоящее

время существует несколько типологий детско-родительских отношений, в частности, выделяют следующие типы детско-родительских отношений:

1) диктат – доминирующая позиция одного из родителей, выражающаяся в жестких требованиях, правилах, приказах, насилии, угрозах и иных мерах воздействия на других членов семьи;

2) опека – чрезмерное внимание ребенку, освобождающее его от трудностей, избавление от «лишних» требований, забот и волнений; она сдерживает его развитие, формирует иждивенца, не приспособленного к трудностям в жизни, самостоятельным действиям, поступкам;

3) мирное сосуществование – позиция, как правило, образованных родителей, придерживающихся принципа: дети должны расти самостоятельными, независимыми, раскованными, свободными; в таких семьях родители живут своей жизнью, а дети — своей;

4) сотрудничество – взаимодействие родителей и детей на личностном уровне; при этом имеет место баланс любви, уважения и требовательности к ребенку (впрочем, и к другим членам семьи) [3, 129].

Изучая межличностные отношения в системе детско-родительских отношений, практический социальный работник обращает внимание на особенности семейного воспитания: родительские установки и реакции; отношение родителей к ребенку и жизни в семье; нарушения воспитательного процесса в семье; причины отклонений в семейном воспитании; типы воспитания; уровень родительской компетентности и т. п.

Данные аспекты взаимоотношения родителей и детей исследуются с помощью специальных методик, в числе которых методика PARI – семейная жизнь глазами матери; методика Рене Жиля «Взгляд на семью глазами ребенка», исследующая межличностные отношения ребенка и его восприятие внутрисемейных отношений; тест «Родительско-детские отношения» (американские психологи Е. С. Шефер, Р. К. Белл; адаптирован Т. Н. Нещерет); тест-опросник анализа семейного воспитания и профилактики нарушений воспитания, разработанный Э. Г. Эйдемиллером и В. В. Юстицкисом и предназначенный для изучения нарушений в жизни семьи и причин отклонений в семейном воспитании; опросник для исследования эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия (Е. И. Захарова); методика А. Г. Лидерса и И. В. Анисимовой «Диагностика эмоциональных отношений в семье», разработанная для двух возрастных групп: для дошкольников и младших школьников и для подростков [4, 105]. У современных специалистов достаточно популярен графический тест «Рисунок семьи», который широко используется в многочисленных исследованиях межличностных отношений и практических разработках благодаря простоте процедуры проведения и точности показателей, получаемых в результате работы.

Остановимся подробнее на содержании наиболее часто используемых в практике социальной работы методик исследования детско-родительских отношений. Так, методика «Родительское сочинение» представляет собой свободное сочинение на заданную тему («Мой ребенок», «Я как родитель» и т.д.). Данная методика позволяет выявить особенности образа ребенка глазами родителя, особенности принятия ребенка родителем. С помощью методики «Родительское сочинение» возможно исследование многих аспектов отношения родителя к ребенку, восприятия и переживания родителем характера взаимодействия с ребенком [5, 316].

Данная методика позволяет получить описание родительского видения проблем и трудностей в развитии ребенка, выявить зоны конфликтности и общности в детско-родительском взаимодействии, определить особенности типа семейного воспитания, а также собрать анамнестическую информацию, отражающую историю развития ребенка. Кроме того, «Родительское сочинение», как и любая проективная методика, позволяет выявить личностные особенности самого родителя.

Методика PARI (parental attitude research instrument) предназначена для изучения отношения родителей (прежде всего матерей) к разным сторонам семейной жизни (семейной роли). Авторы – американские психологи Е. С. Шефер и Р. К. Белл. Эта методика широко использовалась в Польше и Чехословакии, в нашей стране адаптирована Т. В. Нещерет [6, 167]. В методике выделены 23 аспекта-признака, касающиеся разных сторон отношения родителей к ребенку и жизни в семье. Из них 8 признаков описывают отношение к семейной роли и 15 касаются детско-родительских отношений. Эти 15 признаков делятся на следующие 3 группы: 1 – оптимальный эмоциональный контакт, 2 – излишняя эмоциональная дистанция с ребенком, 3 – излишняя концентрация на ребенке.

Таким образом, помощь семье в нормализации детско-родительских отношений могут оказывать специалисты различного профиля. Современный социальный работник в своей работе с семьей также использует множество методик, направленных на диагностику проблем детско-родительских отношений, что позволяет глубже исследовать проблемы семьи, а соответственно, выбирать формы и методы социальной работы, предметно направленные на конкретную проблему.

1. Гульянц Э. К. *Детско-родительские отношения как фактор развития личности ребенка* / Э. Гульянц, Г. Широкова // *Индивидуальные и стилевые характеристики личности : Сборник научных статей.* – Ростов н/Д, 2013. – 275 с.
2. Бене Е. *Детский тест «Диагностика эмоциональных отношений в семье»* / Е. Бене // *Семейная психология и семейная терапия.* – 2009. – № 2. – С. 14 - 41.
3. Азаров Ю. Л. *Семейная педагогика* / Ю. Л. Азаров. – М. : Академия, 2009. – 427 с.
4. Леви Д. А. *Семейная психотерапия* / Д. А. Леви, Т. А. Куликова. – СПб. : Питер, 2013. – 419 с.
5. Сыромятников И. В. *Психодиагностика* / И. В. Сыромятникова. – М. : Академический Проект, 2013. – 640 с.
6. Алешина Ю. Е. *Индивидуальное и семейное психологическое консультирование* / Ю. Е. Алешина. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 318 с.
7. Бене Е. *Детский тест «Диагностика эмоциональных отношений в семье»* / Е. Бене // *Семейная психология и семейная терапия.* – 2009. – № 2. – С. 14 - 41.

ПРОТЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Костенко В.В. (Орёл)

В современном российском обществе, переживающем период становления демократических институтов и гражданского общества все больше возрастает роль активной деятельности молодежи. Молодежь – это некий социальный аккумулятор, что особенно важно в период коренной трансформации политической и социально-экономической жизни страны [1]. Как сказал о молодежи Президент России В.В. Путин на заседании Совета при Президенте по международным отношениям 03. 07. 2014 года: «От них, от их взглядов, мы с вами это прекрасно понимаем, в значительной степени зависит судьба нашей страны, будущее России» [2].

Большое значение при этом имеют ценностные ориентации современной российской молодежи, которые в последние двадцать лет претерпели существенные изменения по сравнению с ценностями предыдущих поколений. Особенно это касается патриотизма, гражданственности, любви к Родине, значимости труда. В ходе коренных преобразований в политической и экономической жизни страны была упразднена идеология особой общественной значимости патриотического и трудового воспитания. Из средств массовой информации (далее СМИ) исчез образ гражданина-патриота, честного труженика, передовика производства. Отсутствие четких правовых представлений и морально-нравственных ориентиров о том, какого типа личности востребованы в современном российском обществе, приводят к беспорядочному развитию ценностной ориентации молодежи, которая развивается под противоречивым воздействием, с одной стороны, традиций народной культуры, а с другой изменчивых социальных условий, неустойчивости, риска [3].

Исходя из того, что ценностные ориентации – это результат процесса социализации молодежи, в ходе которого нормы жизни общества преобразуются в ценности личности [4], а в последующем они составляют мотивационную основу самореализации личности в обществе, важно понять, что для молодых людей сегодня является жизненными ценностями.

Для современной молодежи ценностные ориентации основаны на двух основных направлениях [5]. Первое направление – направление нравственных установок, семьи, друзей, религии. И второе направление, которое особенно широко распространяется в последние два десятилетия – это приоритет материального над духовным, яркий индивидуализм, четкая ориентация на экономические ценности, скорейшее обогащение любой ценой. Надежные друзья, товарищи все чаще остаются в детстве и юношестве, а отношение к близким все более приобретает устойчиво корыстный, коммерческий характер. Превыше ценностей семьи и брака молодежь ставит независимость и достижение высокого статуса. Семья же планируется в отдаленной перспективе, после создания успешной карьеры. Среди молодежи себялюбивый,

индивидуалистический настрой («сам за себя») выше взаимопонимания, взаимоподдержки и взаимопомощи. Высокую коммуникативность молодые люди проявляют зачастую только с нужными, значимыми людьми, представляющими определенный желаемый статус.

Однако, именно молодежь отличается способностью к активным действиям, что имеет важное значение для дальнейшей демократизации и становления гражданского общества. Проявление гражданской активности молодежи принимает различные формы: молодежь проводит экологические субботники, принимает участие в благотворительных мероприятиях, помогает детям, инвалидам и пожилым людям, участвует в организациях гражданского контроля. Вместе с этим молодежь активно выражает недовольство в виде протестных акций, таких как: митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, забастовки и т. п. Характер проблем, вызывающих подобную активную реакцию молодежи бывает различным: политические и экономические вопросы, недовольство действиями или бездействиями властей различных уровней, вопросы образования, здравоохранения, экологии и многие другие.

Таким образом, на формировании протестной деятельности молодежи оказывают влияние внешние и внутренние детерминанты[6]. Одной из внутренних детерминант при этом является передача из поколения в поколение методов, способов, приемов и установок, а также ценностных ориентаций. В соответствии с ними происходит социальная идентификация молодежи, образуются различные молодежные группы и молодежные общественные организации (далее МОО).

При этом, на отношении к происходящим в стране сложным социаль-но-политическим и экономическим процессам активно влияет настрой молодежи на индивидуализм и успех любой ценой. И хотя большинство молодежи аполитично и дистанцируется от политики, существуют такие аспекты политической жизни, на которые молодые люди не могут не обращать внимание. Это и вполне обоснованное недовольство молодежи различными проблемами в обществе, вопросами образования, судебной системы, экологии, неспособностью и нежеланием властей привлекать молодежь к управлению как на муниципальном, так и на федеральном уровне. Свойственный молодежи максимализм, желание быстрых и безболезненных перемен, отсутствие четких гражданских и патриотических чувств у части молодежи приводит к проведению различных протестных действий, которые часто являются несанкционированными и приводят к силовому противостоянию с органами государственной власти и правоохранительными органами, имеют негативные последствия.

Как показали недавние события, происходившие в мире, известные под общим названием «цветные революции», именно молодежь являлась основной движущей силой данных явлений, сопровождавшихся различными противоправными действиями, массовыми беспорядками, а зачастую и вооруженным противостоянием с многочисленными человеческими жертвами и разрушениями. Особенно ярко это проявилось в событиях, происходящих в настоящий момент на территории Украины, где массовые выступления националистов (среди которых было большое количество молодежи), поддержанные различными молодежными экстремистскими группировками и группировками футбольных фанатов, привели к прямому государственному перевороту, полной дестабилизации политической и экономической ситуации и гражданской войне с постоянно растущим количеством убитых и раненных, разрушением городов и массовой эмиграцией.

Все это говорит о том, что молодежь одна из самых значимых групп общества в государстве, и потому необходимо уделять все больше внимания воспитанию молодежи, формированию современных ценностных ориентаций, четкой гражданской позиции и политической культуры.

Дальнейшее проникновение в общественное и индивидуальное сознание свойственных для общества потребления ценностей прагматизма, индивидуализма и успеха любой ценой, вступают в противоречие с исторически традиционными для России моральными ценностями.

Важная роль, при решении вышеуказанных задач, принадлежит органам государственной власти и управления. Духовно-нравственный, патриотический, энергетический потенциал молодежи необходимо эффективно использовать в процессах создания современной социальной реальности. Это предполагает, что молодежь уже сегодня может играть более значительную роль в процессах управления государством как на муниципальном, так и на федеральном уровне, а также в проектировании будущего страны. Ее возможности можно более эффективно использовать для ведения конструктивной практической деятельности во всех сферах социальной жизни. Важно постоянно проявлять интерес к деятельности МОО, осуществляя непрерывный мониторинг, моделирование вектор ее развития. Главной задачей является привлечение к

постоянному диалогу как можно большего числа МОО, которые занимаются именно конструктивной деятельностью, воспитывают в сво-их активистах патриотизм, мораль, современные ценностные ориентации, гражданскую позицию и политическую культуру. Именно этим МОО долж-ны быть предоставлены все возможности для использования их навыков, умения и потенциала для развития созидательной гражданской активности. Новые приоритеты в системе ценностей, интересов и социальных норм, воспитанные у молодежи должны найти в дальнейшем отражение в их сознании, а затем и в поведении, и, в конечном счете, в активной деятельности.

Как отмечает в своем труде «Парадоксальный человек» Ж.Т. Тощенко, «мораль крепнет в борьбе с разрушающими ее силами, в постоянной поле-мике с оголтелой «целесообразностью», с отвержением бескомпромиссности, и попытками установления рационального однообразия» [7].

Органам государственной власти и управления важно детально анализировать деятельность МОО, развивая конструктивные и одновременно выявляя деструктивные ее формы для принятия своевременных и правильных управленческих решений, основанных на человекоориентированной политике. В этой связи следует отказаться от подражания практике воспитания, обучения и социализации молодежи в западных странах. Необходима Стратегия подготовки духовно-ориентированных профессионалов, обладающих методологиями и методами для решения проблем и задач в контексте триады «программное прошлое настоящее будущее» на среднесрочную и долгосрочную перспективу с учетом особенностей шестого технологического уклада, который вызовет существенные перемены в жизни мирового сообщества[8]. Главная цель - развитие гражданской активности молодых людей, способствующей внутренней безопасности государства.

1. *Перишуткин, С. Молодежная политика и национальная «Стратегия-2020» // Гос-служба. 2009. № 1.*
2. *<http://nasha-molodezh.ru/blogs/putin/putin-o-prioritetah-gosudarstvennoy-molodyozhnoy-politiki.html>*
3. *Волосков, И. В. Особенности социализации учащейся молодежи // Социологические исследования. - 2009. -№ 6. - С. 107 - 109*
4. *Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года.*
5. *Семенов, В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. - 2007. - № 4. - С. 37 - 43.*
6. *Узилевский, Г. Я. Внешние и внутренние детерминанты формирования молодежной политики в России. Молодежь и местное самоуправление». – Орел: ОРАГС, 2008. – С. 5-16.*
7. *Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек – Юнити-Дан, 2008, с. 327.*
8. *Узилевский, Г. Я. Молодежь как вид родового человека и формирование личностно-ориентированного гражданского общества. – Орел: ОРАГС, 2010 – С. 6.*

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ ПАРФЮМЕРНЫХ ИЗДЕЛИЙ: СТИГМАТИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ

Кочнева М.С. (Нижний Новгород)

Реклама – неотъемлемый компонент массовой культуры и информационного пространства, который выступает важным фактором в процессе социализации и оказывает влияние на общественные ценности и стиль жизни. Ряд авторов, рассматривающих социально-психологические аспекты рекламного воздействия, говорят о присутствии стигматизирующих механизмов как о важной составляющей влияния на сознание и поведение потребителя: человеком, на которого навешан социальный ярлык, управлять намного проще, ведь свои действия он совершает в соответствии с моделью поведения, которую ему предписывает рекламное сообщение [1, 2].

Женщины наиболее подвержены стигматизации в рекламе, поскольку даже в случае соответствия норме они, как правило, подвергаются постоянному оцениванию и стереотипизации в силу принадлежности к угнетаемой социальной группе. При этом наиболее уязвимы девушки позднего юношеского возраста (от 18 до 24 лет), в связи с тем, что подростки сильно восприимчивы к внешнему влиянию и поэтому привлекательны для рекламодателей.

Основная цель нашего исследования заключалась в том, чтобы оценить степень присутствия стигматизирующих механизмов в коммерческой рекламе, нацеленных на данную группу. Для этого нами было сформулировано понятие «стигматизирующий образ» в рекламном сообщении, который осуществляет укрепление существующих стереотипов и навешивает

негативно окрашенный ярлык на модель поведения, отличающуюся от демонстрируемой в рекламе как «нормальная» и единственно приемлемая.

Методология

Для реализации целей исследования была проведена экспертная оценка женского образа в печатной рекламе средств парфюмерии, размещенной в бесплатных электронных версиях ежемесячных журналов для девушек-подростков (Elle Girl, OOPS!, Yes!, Glamour). На основе данной оценки была разработана типология стигматизирующих женских образов.

Всего в исследовании было проанализировано 98 рекламных сообщений, содержащих женский образ – фотографию или графическое изображение женщины. Сами издания были выбраны по критерию популярности среди целевой аудитории – девушек возраста 18 – 24 лет [3, 4].

Результаты исследования

Оценка женского образа

Сегодня женщина с самого юного возраста оказывается в рамках, определяющих «приемлемые» и «неприемлемые» для нее внешние характеристики, и реклама выступает одним из источников их трансляции. По мнению опрошенных экспертов, больше половины всех исследуемых рекламных сообщений транслируют стереотипизированный и нереалистичный образ женщины: ей присущи юность, худое телосложение, пухлые губы, большие глаза, сильно раскрепощенная (или сильно зажатая) поза, улыбчивость.

Понятия «красота», «привлекательность» и «сексуальность» приписывают женщине «знак качества» и неразрывно связаны с гендерной сексуализацией и объективацией, а потому выступают критериями для стигматизации. Согласно опросу экспертов, более 80% совокупности рекламных сообщений содержат женский образ, стигматизирующий целевую аудиторию по критерию привлекательности, что проявляется в том, что женщина в рекламе характеризуется как «красивая», «привлекательная для мужчин», «сексуальная», «порочная» или, напротив, «невинная», что означает трансляцию идеи женщины как объекта и стигматизирует формирующуюся сексуальность девушек-подростков.

Анализ женского образа по категориям бренда рекламируемой продукции

Поскольку в зависимости от категории бренда меняется целевой сегмент, формулировка рекламного сообщения и цели, которые оно преследует, мы предположили, что от бренда также зависит то, насколько манипулятивной и стигматизирующей будет реклама. В ходе исследования были выявлены следующие тенденции:

- В рекламе средств парфюмерии “mass market” представлен универсальный и социально одобряемый образ женщины, главные желания которой – «восхищать», «привлечь своей красотой» и «всю себя посвящать семье».
- Реклама средств парфюмерии группы брендов “middle class”, как правило, транслирует сексуализированный образ женщины, которая «отличается от остальных», «выделяется из толпы» и обладает нетипичной внешностью.
- Продукция уровня “masstige” продвигается в рекламе с использованием образа эффектной, уверенной в себе женщины, которая «покоряет мужские сердца», «загадочна и незабываема»; ее внешность «элегантная и утонченная» и при этом явно сексуализируется.
- В рекламе селективных парфюмерных изделий транслируется образ женщины, для которой важна причастность к бренду и статусность, при этом налицо объективация и принижение женщины по сравнению с авторитетом рекламируемого средства парфюмерии.

С повышением «люксовости» продукта и ростом его цены степень, с которой образ в рекламном сообщении способствует стигматизации целевой аудитории, становится меньше (присутствие стигматизирующих рекламных сообщений снижается от 82% до 44%). Кроме того, для каждой группы брендов справедливо, что в наибольшей степени стигматизации целевой аудитории способствуют характеристики внешности и привлекательности женского образа в рекламном сообщении.

Типология женского образа

В ходе кластерного анализа исследуемой выборки рекламных сообщений нами была разработана типология женского образа в рекламе парфюмерных изделий, ориентированной на девушек-подростков. Каждому типу было присвоено свое имя.

- «Подчиненная сексуальность»: женщине приписывается сексуальная опытность, что иллюстрируется раскрепощенной позой и одеждой, демонстрирующей грудь и бедра. При этом налицо гендерная субординация, что проявляется в нахождении в «нижних» позициях.

- «Обнаженная естественность»: женский образ сексуализирован, транслируется «уход от реальности», что проявляется в искусственной позе, нахождении в «нижних» позициях, улыбке, запрокидывании головы. Реклама делает акцент на том, что девушка выглядит максимально «естественно», что формирует ложные стереотипы о женской телесности и ведет к снижению самооценки у целевой аудитории.
- «Счастливое обслуживание»: женщина в рекламе демонстрирует услужливость, приветливость и отсутствие агрессии, ее тело стремится занять как можно меньше места в пространстве. Таким образом, женщина выполняет социально ожидаемое эмоциональное обслуживание.
- «Слияние с продуктом»: идентичность женщины в рекламе неотделима от продвигаемого продукта. Это иллюстрируется зажатой позой, фокусе на «женском прикосновении»; зачастую тело девушки изображается как часть продвигаемого продукта.
- «Уверенная зрелость»: в рекламе показана успешная и уверенная в себе женщина, которая демонстрирует дружелюбие и отсутствие агрессии, ее поза открытая и расслабленная. При этом признаки старения тщательно отретушированы, что формирует ложные представления у целевой аудитории об особенностях старения женского тела и способствует укреплению эйджизма.

Сегодня решение проблемы навешивания негативных «ярлыков» посредством коммерческой рекламы практически невозможно, поскольку стигматизация полностью зависит от доступа к социальной, экономической и политической власти. В случае стигматизации женщин проблема еще сложнее, ведь гендерные стереотипы и социальные конструкты неотделимы от общественного сознания и лежат в основе патриархального уклада, согласно которому общество функционирует.

Тем не менее, стоит говорить о важности минимизации действий стигматизирующих рекламных механизмов и устранения деструктивных последствий данного воздействия. Возможным решением данной проблемы нам видится повышение самосознания женщин посредством регулярного информирования об особенностях функционирования женского организма в целях формирования адекватной самооценки и здоровой сексуальности. Особой важностью обладает наличие безопасной информационной среды, в которой отсутствуют стигматизирующие женщину образы, - например, специальные средства массовой информации. При этом не стоит забывать, что под особой угрозой находятся юные девочки и девушки, с детства подверженные негативному воздействию рекламных сообщений, содержащих сексуализированные и объективированные женские образы, что необходимо учитывать родителям и работникам институтов образования.

1. Fiske, S.T. *Social cognition and social perception* // *Annu. Rev. Psychol.* – 1993. – №44. – p. 155-94.

2. Pollay, R.W. *Quality of Life in the Padded Sell: Common Criticisms of Advertising's Cultural Character and International Public Policies* // *Current Issues and Research in Advertising.* – 1986. – №9. – p. 173-250.

3. По примеру большого брата. Медиапредпочтения подростковой целевой аудитории. // Журнал «Индустрия рекламы» – 2006 – № 18.

4. Молодежь как аудитория СМИ. Подготовила Юлия Володина. // Журнал «Курьер печати» - 11.10.2006.

ПЕРВИЧНАЯ ПРОФИЛАКТИКА КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Крайнова О.С., Аллахвердова О. В., Божичко П. Ф. (Санкт-Петербург)

Конфликт – вид социального взаимодействия, характеризующийся осознанным расхождением интересов, ценностей сторон, а также обмен действиями, направленными друг против друга для разрешения конфликтной ситуации.

Профилактикой является планомерная деятельность, направленная на предотвращение нежелательных событий и достижение желаемого результата. В отношении конфликтов в молодёжной среде профилактикой можно назвать планомерную деятельность специалистов, работающих с молодёжью (в частности, социального работника) по предотвращению конфликтов в молодёжной среде. Профилактика подразделяется на первичную, вторичную и третичную (последняя выделяется не всеми исследователями). Первичной профилактикой является

предотвращение возможности возникновения конфликта, вторичной профилактикой является изменение типа поведения молодого человека в конфликте.

Из определения конфликта следует, что конфликт является стрессом, вызванным страхом реального ущемления или невозможностью удовлетворения интересов. Интересом называют отражение актуальной потребности в конкретный момент времени. Следовательно, конфликт может возникать из-за реальной, воображаемой или латентной угрозы депривации интересов.

В этом случае одним из методов профилактических воздействий является выяснение ценностных ориентаций молодёжи.

Используя метод выявления ценностных ориентаций М. Рокича, мы опросили молодых людей от 16 до 25 лет, различающихся по полу, уровню образования, месту жительства и выяснили, что для современной молодёжи наибольшую важность из терминальных ценностей представляют абстрактные ценности и ценности профессиональной самореализации (особенно значимо оказалась ценность «развитие»). Из инструментальных ценностей молодые люди выбирают ценности дела, индивидуалистические ценности и ценности самоутверждения.

Помимо выбора ценностей, значимых для самих молодых людей, мы попросили их проанализировать, какие ценности могли бы быть значимыми, если бы человек был совершенным. В разделе терминальных ценностей были также выбраны абстрактные ценности и ценности самореализации (жизненная мудрость и продуктивная жизнь). Среди инструментальных ценностей преобладали этические ценности (ответственность), альтруистические ценности (терпимость) и ценности принятия других.

Кроме того, молодые люди дали оценку выбора ценностей «большинством людей». Стоит отметить, что данные оценки значительно различались в зависимости от пола респондента. В ответах юношей отметилась тенденция к идеализации общества – ответы о ценностях совершенного во всех отношениях человека и ценностях большинства людей зачастую отличались лишь незначительно. Среди девушек наметилась тенденция к идеализации собственного образа: личные ценности и ценности, значимые «если бы Вы стали тем, кем мечтаете стать» также мало отличались.

По мнению молодых людей, среди терминальных ценностей большинство людей выбрало бы конкретные ценности (общественное признание) и ценности профессиональной самореализации. Среди инструментальных ценностей были выделены ценности общения (жизнерадостность), индивидуалистические ценности (независимость) и ценности самоутверждения.

Данная методика помогла выявить не только ценности молодёжи, но и возможные точки возникновения конфликта. На наш взгляд их несколько: внутриличностный конфликт может возникнуть из-за чувства «отверженности» и «несоответствия» у тех молодых людей, которые, соотнеся ценности «большинства» с ценностями человека, «совершенного во всех отношениях», имели ценности, абсолютно несоответствующие ни ценностям большинства, ни ценностям «совершенного человека». Кроме того, возможно возникновение межличностных конфликтов из-за несоответствия ценностных ориентаций, либо из-за депривации ценностей: некоторые респонденты, указывая процент реализации той или иной ценности в их жизни отмечали, что часть ценностей, имеющих высокий ранг, реализована не полностью или очень слабо. Однако значительное различие в оценках реализации ценностей в жизни не дает возможности говорить о серьезной корреляции между рангом ценности и процентом реализации её в жизни человека.

Таким образом, одним из методов первичной профилактики конфликтов в молодёжной среде может являться опрос, выявляющий возможные точки возникновения конфликтных столкновений. Это даст возможность предотвратить конфликт путем частичного или полного удовлетворения потребностей молодых людей. Социальный работник, работающий с молодыми людьми, должен обращать внимание на ценности молодого человека и на основе этих ценностей, а также на основе степени удовлетворения этих ценностей в жизни молодого человека, разрабатывать программу работы с ним.

Кроме того, первичная профилактика включает в себя минимизацию возможностей возникновения конфликтной ситуации. Для достижения данной цели возможно применение дипломатии второго уровня или превентивной дипломатии. Дипломатией второго уровня называют неправительственную, неформальную и неофициальную форму разрешения конфликтов. Задачами данного направления является ослабление или деэскалация конфликта через подавление гнева, ослабление напряжения и страха, развитие коммуникации, а также через лучшее понимание точек зрения каждой стороны. Возможными методами проведения дипломатии

второго уровня является: аналитические усилия, направленные на разрешение проблем, обмен программами всех видов (для предотвращения международных, этнических конфликтов). Это могут быть программы культурного обмена, спортивные программы, программы по обмену молодёжи, повышение коммуникативных навыков молодых людей.

Таким образом, первичная профилактика конфликтов в молодёжной среде включает в себя выяснение возможных точек возникновения конфликта и превентивную дипломатию как усилия, направленные на минимизацию возможности возникновения конфликта.

1. Аллавердова О.В. «Социальная компетентность в разрешении конфликтов»/ Социальная компетентность и технологии её формирования в современном обществе, Санкт-Петербург, 2010
2. МакДональд Д.У. «Дипломатия второго уровня», «Конфликты. Теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследователей». Алматы, 2002, №3

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Кривовичева Е.Д. (Саранск)

Молодежь определяет будущее общества, поэтому вопрос о ценностных ориентациях молодежи, в частности - об их отношении к институту семьи, особенно актуален. Современная российская реальность порождает много вопросов относительно настоящего и будущего страны, и, конечно же, в эпицентре данной проблематики находится молодежь со своим видением мира, ценностными ориентациями, поведенческими установками и жизненными приоритетами.

Нами были проанализированы результаты разных социологических исследований свидетельствующих о том, насколько современная молодежь убеждена и готова к созидательной и творческой деятельности в семье, выполнению супружеского и родительского долга, ответственности за воспитание детей, ведению домашнего хозяйства.

Например, в Уральском федеральном университете им. Б. Н. Ельцина было проведено качественное исследование установок студентов на семью и родительство. Было проанализировано 147 биографических эссе, написанных студентами 1-4 курсов. Результаты выявили у респондентов высокую ценность семьи: при описании желаемых отношений в своей будущей семье студенты делали акцент на стабильности и бесспорной моногамности союза. Часто за образец брачных отношений и позитивного опыта принимались брачные союзы дедушек и бабушек [1].

В ходе иного исследования, проведенного в Белгородской области в 2014 году, было установлено, что приоритетными семейными ценностями для молодых людей Белгородчины. в возрасте до 29 лет, являются: любовь и верность (58,37%); взаимное уважение и дружба (33,94%); забота о детях (21,27%); почитание родителей (18,10%); согласие (17,65%) [2].

Результаты социологического опроса студенческой молодежи в г. Саранске (2006 г.) показали, что большая часть респондентов (практически все) имеют положительные репродуктивные установки, предполагают в будущем вступить в законный брак, создать семью. Однако добрачное ухаживание, сексуальность и ценностные ориентации молодежи имеют самостоятельную ценность и не всегда направлены на создание семьи и вступление в брак [3].

Многие исследования свидетельствуют о том, что опыт родительской семьи влияет на ценность семьи для молодежи, существует тесная взаимосвязь между унаследованным социальным опытом построения внутрисемейных отношений в родительской семье и представлениями о своей собственной семье [4]. Так, в исследовании описанной А. П. Багировой [1] отмечено, если респондент сетовал на то, что родители в детстве мало внимания уделяли развитию его способностей в спорте или искусстве, то, характеризуя свою будущую семью, он описывал это либо как «хочу иметь возможность уделять как можно больше времени своим детям», либо «запишу их в разные секции». Любопытно, что если при осознании пережитого опыта человек оценивал его как положительный, то он транспонировал его на свою будущую семью как необходимый. В частности, при анализе описаний выявилась группа респондентов, характеризующаяся ярко выраженной благодарностью родительской семье (при этом были использованы яркие эпитеты для описания чувств и отношений, возвышенный тон: «семья - это святое», «я безумно их люблю», «моя семья идеальна», «семья - это главное»). Семья для таких студентов стала основной сферой социализации и достижений, формирования личности. При ответе на вопрос о своей будущей семье такие респонденты повторяли слова, сказанные о

родительской семье, причем зачастую в тех же выражениях: «я хотел бы быть таким же отцом, как мой». Вместе с тем другая группа опрошенных выделялась наличием проблемной родительской семьи, нетривиальным ее описанием и, соответственно, выводами. При этом описание непростой жизненной ситуации в данном случае имело два возможных исхода - либо благодарность, несмотря на пережитое, либо противопоставление себя родителям, вплоть до откровенной ненависти. Поэтому описание желаемой семьи строилось либо на полном противопоставлении родительской, либо вообще на отказе от попыток иметь семью [1, с. 16].

Исследователь Н. И. Шевандрин выделяет следующие факторы, способствующие формированию неконструктивных семейных ценностей у молодого поколения: аморальное поведение родителей (алкоголизм, девиантное поведение); неполный состав семьи; недостаточный уровень знаний и навыков родителей по воспитанию детей; негативность отношений между родителями; конфликтность отношений в семье; вмешательство со стороны родственников в дела семьи и воспитание детей [5, 55].

Современные исследования свидетельствуют и о том, что в сознании молодых людей не сформированы установки на многодетность. Отмечается, что 80 % молодежи хотели бы иметь не более двух детей. Среднее ожидаемое число детей при этом равно 2,1. Кроме того, акцентируется внимание на том, что чем моложе возрастная когорта, тем более депрессивны ее репродуктивные установки. У молодежи, не проживающей в областном центре, такие установки еще ниже - среднее желаемое число детей в семье составляет 1,84 [6].

Данные социологического опроса молодежи Калмыкии свидетельствует о сохранении традиционного отношения молодежи к браку. Характеризуя отношение молодежи к институту брака и его регистрации, авторы опроса отмечают о важности этнической идентичности и традиционализме в ценностной системе молодых людей. Для большинства молодежи сохраняет свое значение официальная регистрация брака. Ценность семьи остается высокой для подавляющего большинства молодежи Калмыкии и состоит, прежде всего, в рождении детей (85,7 и 91 % ответов среди калмыцких и русских студентов соответственно; занимает первое место по значимости); в удовлетворении потребности в общении, внимании, заботе со стороны супруги(а) (67,3 и 73,1 % ответов, соответственно; второе место); в избавлении от одиночества (20,4 и 22,4 % ответов соответственно; для калмыков и четвертое для русских); в обеспечении материального благополучия (16,6 и 28,4 % ответов соответственно; четвертое место для калмыков и третье для русских) [7, с. 17].

В заключении следует отметить, что изучение семейных ценностей и ориентаций молодежи выступает необходимым основанием для понимания специфики происходящих перемен в современной реальности и возможности прогнозирования показателей демографического поведения и развития общества в недалекой перспективе. Проведенный анализ показал, что несмотря на формирование новых взглядов на семью в обществе еще достаточно силен тысячелетний опыт семейных традиций. Представления молодежи о браке и семье подытоживают опыт прошлого и создают прообраз будущего семьи. Тем не менее, современные российские исследователи все чаще констатируют слабую ориентацию подрастающего поколения на создание семьи, многодетность и недостаточную подготовку молодых людей к семейному образу жизни

1 Багирова А. П. Развитие семейно-репродуктивных установок студенческой молодежи как направление демографической политики России / А. П. Багирова, О. М. Шубат, А. И. Ворошилова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 36. – С. 13–18.

2 Заливанский Б. В. Формирование семейных ценностей у молодежи в регионе / Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова // Знание. – 2016. – № 1-4 (30). – С. 174–178.

3 Касаркина Е. Н. Брачно-семейные установки и добрачные ценности финно-угорской молодежи современного города / Е. Н. Касаркина // Социология города. Научно-теоретический журнал. – 2014. – № 2. – С. 102–115.

4 Новикова Е. Н. Гендерная специфика добрачного поведения студенческой молодежи (на примере РМ) : автореф. дис. ...канд. социол. наук / Е. Н. Новикова; Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. –Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 22 с.

5 Шевандрин Н. И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности : учебное пособие / Н. И. Шевандрин. – М. : Мысль, 1999. – 209 с.

6 Кузьмин А. И. Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи / А. И. Кузьмин [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=246#_Toc126567703.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: В ОЖИДАНИИ НОВОГО ВЗЛЕТА ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Крокинская О.К. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Предметом рассмотрения в данном докладе является запрос современности на Новое Просвещение – вид общественной активности, направленной на создание и практики работы с корпусом знаний, ныне слабо представленным в конструктах и концептах массового сознания. Это должно быть знание, расположенное «между» фундаментальным научным и инструментальным повседневным знанием. Оно должно быть обращено к человеку и вносить в повседневное мышление социологическую основу. Социологическое просвещение должно войти составной частью в ныне слабо артикулированную нишу публичной социологии.

Около 10 лет назад вспыхнула и довольно быстро погасла на нашем научном небе звезда публичной социологии, – активной, ценностно обоснованной, влияющей на состояние общества всем своим потенциалом: достоверным научным знанием и авторитетом ученых. И взлет интереса к ней в те годы, и его угасание вполне объяснимы, они еще раз подтверждают известный тезис о том, что социология и демократия – «близнецы-братья», то есть сосуществуют в общественной жизни при взаимном поддержании, обеспечивая субъектный статус общества за счет рефлексии описания и самоописания социума. В условиях деградации институтов демократии социология в лучшем случае разбредается по отраслевым квартирам, углубляется в частную проблематику (что само по себе ценно), но утрачивает генерализующие направления и, за исключением редчайших случаев, перестает рефлексировать социальное целое. Общество рискует остаться без социальной теории, объясняющей ему его самого, и ее пустующее место будет либо зиять растлевающим и дезорганизующим мышление провалом, либо будет занято той или иной идеологией.

В довольно высокой степени это происходит уже сегодня. Вот почему следует противостоять уже сложившейся понятийной неопределенности, как спонтанной, так и целенаправленно создаваемой, приводить в порядок когнитивный ресурс общества и готовить его к изменениям. Как и в предыдущие исторические эпохи подобным «выправлением понятий» призвано заниматься Просвещение.

Социологическое просвещение – одна из ипостасей публичной социологии, которая выжила в условиях упадка демократии. Оно сумело освоить пространство интернета, оформилось там в виде образовательных ресурсов, более или менее осуществляется в публицистике, прочно обосновалось в социальных сетях. Есть и замечательные имена просветителей, они представляют разные области знания, среди них немало женщин. Число их читателей велико, и продолжает увеличиваться.

Одна из групп нашего общества, направить которую в русло просвещения мы можем в большей степени, чем другие, – это студенты-социологи и студенты других социо-гуманитарных специальностей, наши будущие коллеги. Однако стоит ли по отношению к ним говорить о просвещении, раз они уже получают социологическое образование? Как ни странно – да, стоит. Просвещение – это, прежде всего, объяснительное знание. Знание, объясняющее действительность. А его не хватает не только обыденному сознанию массы (публики), но и профессиональному сознанию специалистов.

Открывающиеся нам знания и представления молодых людей порой ставят нас в тупик. Для обозначения феномена напрашивается старинное слово «невежество», которое прежде применяли к людям совсем не обученным, темным, отсталым. Сегодня мы говорим это о людях XXI века, уже имеющих аттестаты об окончании школы, отучившихся в университете 4-6 лет, живущих в окружении гигантского информационного поля и получающих любые знания с доставкой чуть ли не прямо в мозг. Но невежество, невоспитанность, безответственность, лень, ложь, готовность воспользоваться чужим (плгиат, копипаст), пойти на низкопробные имитации текстов, лишь бы не делать учебную работу самостоятельно, имеют такие масштабы, что встает необходимость осмыслить их социально. Тогда этические категории и поведенческие установки, которые мы склонны относить к индивиду, предстанут, возможно, как культурные константы,

свойственные времени и месту, имеющие социальные детерминанты и подчиненные определенному институциональному тренду.

Из известных концептов на обозначение указанных явлений претендуют: наивное сознание как разновидность дологического (мифологического, пралогического) мышления [1] и социальный инфантилизм, а т.е. квазидетские незрелость, несамостоятельность, безответственность во взрослом статусе. Кроме того, большинство изложенных фактов можно обозначить термином интеллектуальный инфантилизм, понимая под этим некритическую рецепцию массовой информации, безусловное доверие к «вирусным мемам» и антинаучным, все объясняющим, суевериям («заряженная вода», теория лени как двигателя прогресса, теория заговора и надгосударственного правления каких-то могущественных сил), отрицание эволюции, при этом чуть ли не самим Ч.Дарвином, вера в высший разум, не оформленная ни в какое религиозное учение (тоже как своеобразная «экономия мышления», исключающая умственный и духовный труд, моральный выбор) и т.д. Все это □ как следствие неразвитой персональной идентичности, подавленной критичности мышления, сниженной поисковой активности, репродуктивного, нетворческого отношения к познанию и отсутствия внимания к развитию личности и индивидуальности в массовой школе. Корни явления – искусственное сдерживание социального развития общества, утрата перспективы, господство долговременных практик «выученной беспомощности» □ приучения к терпению, депрессии и пассивности «болевыми приемами» политических, идеологических и педагогических репрессий [2, 3, 4].

Приходится признать, что знание и понимание могут существовать отдельно друг от друга, лежать на разных полочках сознания, а то и прямо противоречить друг другу – при полном непонимании даже самого этого противоречия, т.е. в отсутствие рефлексии и даже простой потребности задавать вопросы на этот счет. Именно с такими разрывами между знанием и пониманием имеет дело Просвещение. И впрямь желать появления нового Фрэнсиса Бэкона, чтобы наше мышление исправлять.

Имя Фрэнсиса Бэкона возникает здесь неслучайно. Действительно, в том, что касается мышления, разве приведенные выше факты современного сознания не порождаются нашими «призраками» рода, рынка, толпы и бесконечного политического театра? Уверена, что необходимо ставить вопрос о Просвещении чуть ли не буквально в категориях XVII-XVIII веков, когда оно оппонировало Темному Средневековью.

От классики Просвещения нам сегодня понадобятся: новая научная картина мира, противостоящая современному мракобесию, получившему буквально новую жизнь в сверхновых информационных технологиях, гуманистический, антропоцентрический, субъектный поворот познавательной и социальной парадигмы, рационализм, политические свободы и свобода совести, критическое отношение к традициям, самостоятельное мышление. Все это абсолютно актуально, особенно по отношению к молодежи и особенно если учесть, что допущенная в школу социология неслучайно центрируется на структурном принуждении и сверхсоциализированной личности Т.Парсонса.

Но не забудем, что современное Просвещение □ это Просвещение в эпоху постмодерна, а инфантилизм, с которым оно будет взаимодействовать □ инфантилизм в эпоху Интернета. Не забудем влияние префигуративной культуры, где взрослые учатся также и у своих детей, вообще исторически уникальный характер современного детства [5] и другие трансформации социума, позволяющие возникать явлениям «умной толпы» □ настоящего, не фантастического коллективного разума [6, 7, 8].

Иными словами, это должно быть Новое Просвещение. Оно вынуждено будет одновременно противостоять как попыткам углубления архаизации, так и уже состоявшемуся, давшему свои мощные плоды, культурному постмодерну. Он принес немало чудесного в нашу картину мира, но сделал ее в результате и прекрасно детской, и уродливо инфантильной. Вот где расцвели сто тысяч цветов, сошлись все герои всех любимых книг и фильмов, пронзились единой стрелой все времена, все сказочно ожило и обрело живую душу. Но здесь же оказались отринуты все абсолюты, утрачены границы между добром и злом. Разум, рациональность, поиск, наука потеряли свои высокие позиции, перестали быть основой самодвижения общества, реальность перемешалась с вымыслом, хвост виляет собакой, информационные фантомы управляют поведением огромных масс людей и, теряя умопостигаемые очертания реальности, мы рискуем погрузиться в когнитивно-патологический туман, потому что утрачена и целенаправленно поддерживается некритичность мышления или даже отсутствие мышления вовсе.

Новое Просвещение должно инкорпорировать в себе результаты расцвета постмодерна, в первую очередь, его высочайшую способность к свободному конструированию и полиморфному синтезу, и снова научить нас мыслить. А Просветители, как и 300 лет назад, должны стать переводчиками с языка высокой культуры на язык культуры массовой и повседневной. Фактически речь идет о создании особого, ныне почти не существующего, слоя или корпуса знаний, расположенного «между» фундаментальным научным и инструментальным повседневным знанием, которое обращено к человеку и вносит в повседневное мышление социологическую основу. Речь – о социологизации мышления современного человека, о социологическом Просвещении, призванном в нашем распыленном мире стать основой собирания социального целого «снизу» □ в режиме коллективной рефлексии и самотрансформации общества. Никакие учебники сегодня такого знания не дают. Ad hoc: выдающиеся западные социологи современности – Энтони Гидденс, Зигмунт Бауман, Нейл Смелзер давно это поняли и написали и свои учебники, и свои популярные книжки.

1. Леви-Брюль Л. *Первобытное мышление*. – М.: Изд-во МГУ, 1980. С.130-140. О когнитивных свойствах мифологического мышления см. также А.Ф.Лосев, К.Леви-Стросс, Р.Барт, М.Элиаде, Ю.М.Лотман, Б.Успенский другие; Крокинская О.К. О когнитивных свойствах массового сознания *Международная научно-практич. социол. конф. «Продолжая Грушина»*. 11-12 ноября 2010 г., Москва : ВЦИОМ. http://wciom.ru/fileadmin/nauka/konfGr_2010/Krokinskaya.pdf
2. Ильин Е.П. *Выученная беспомощность: психологические исследования феномена*. Фрагмент из: Ильин Е.П. *Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень*. □ М.: Пупер, 2011. □ <http://psyfactor.org/lib/helplessness.htm>
3. Дмитриев М., Белановский С. *Политическое сознание: Как мы теперь думаем* // «Ведомости», 24.10.2012, №202 (3216). □ http://www.vedomosti.ru/opinion/news/5329681/kak_my_teper_dumaem?full#cut
4. Захаров А. *Откуда берется выученная беспомощность* // «Ведомости» от 31.10.2013, №202 (3464). □ www.vedomosti.ru/newsline/news/18195971/vyuchennaya-bespotoschnost
5. Куренной В. *Трансформация детства* // Портал ПостНаука □ <http://postnauka.ru/video/9856>
6. Рейнгольд Г. *Умная толпа: новая социальная революция*. □ М.: ФАИР-ПРЕС, 2006.
7. Шуровьеески Дж. *Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство*. □ М., ООО «И.Д.Вильямс», 2007.
8. Ослон А. *Апология умной толпы* // Сайт Фонда «Общественное мнение» □ http://www.ng.ru/scenario/2012-02-28/9_apologia.html

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ ИСЛАМИСТСКИХ СТРУКТУР НА ЮГЕ РОССИИ

Круглова А.Ю. (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Возникновение и распространение терроризма связано с наличием социальных, политических, экономических, идеологических, межэтнических, межрелигиозных и других внутренних и внешних противоречий, порождающих многочисленные конфликты. К таким факторам можно отнести активизацию борьбы за политическую власть, обострение межнациональных противоречий, высокий уровень преступности, наличие целого ряда нерешенных социально-экономических проблем и т.д [1].

В современной литературе чаще всего факторы, способствующие формированию и развитию терроризма, подразделяют на внутренние и внешние, а также их выделяют по сферам общественной жизни, т.е. политические, социальные, экономические и т.д.

К внутренним факторам относят утрату значительной части населения жизненных ориентиров, низкий уровень жизни, рост масштабов незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ.

Среди факторов, влияющих на формирование террористических практик, в первую очередь необходимо отметить социально-экономические кризисы, следствием которых является падение уровня жизни основной части населения. По мнению В.В. Лунева, главным фактором террористической деятельности являлись и продолжают выступать социальные и экономические причины, которые выражаются в представлениях некоторых слоев населения о великой социальной несправедливости своего положения. [2].

Некоторые авторы к социальным факторам развития терроризма относят социальный порядок, который основывается на принципе насилия. Он включает в себя механизмы реализации и легитимации власти, а также ценностно-нормативную составляющую – «культуру насилия» [3].

К социально-экономическим факторам терроризма относится поляризация населения по уровню доходов, которая является одним из главных дестабилизирующих факторов, усиливающих рост напряженности в обществе. Люди, живущие за чертой бедности, в нищете, как правило, не имеют возможности для реализации своего личностного потенциала. В результате чего, данная категория населения способствует возникновению и распространению наркомании, самоубийств, преступности, терроризму. Появление социального неравенства влечет у людей чувства несправедливости, неудовлетворенности, недовольства, они начинают искать пути выхода из сложившейся ситуации, в том числе и используя насилие.

К числу других социальных факторов относится безработица, в том числе, среди молодежи, способствующая возникновению различных криминальных групп, сообществ, побуждающая их членов к террористической деятельности. Безработица в комплексе с другими факторами объединяет в группы, а наличие свободного времени приводит к участию в делах группы и становится основной формой деятельности. Бездеятельность может побудить человека к активной террористической деятельности, к выдвижению личных требований и претензий обществу.

На образование существенного числа экстремистских организаций и различных сект фанатов, которые имеют вооруженные формирования и рассматривают террористическую деятельность в качестве одного из главных методов борьбы с оппонентами, оказывают влияние национальные, религиозные противоречия, социальное неравенство, а также недостаточно эффективное правовое регулирование общественной деятельности [4].

Политическая власть как социальный фактор терроризма также оказывает влияние на его формирование. На усиление давления оппозиционными силами, в том числе применяя террористические акции, влияют кризис и проявления бессилия со стороны власти. Другую сторону политической власти и режима на рост терроризма отражает теория «общества вседозволенности», согласно ей, либерализм, свободы, демократия, поблажки содействуют благоприятному существованию террористических сообществ в демократических западных странах.

К терророгенным факторам также можно отнести внутриобщественную разобщенность, недоверие и враждебность по политическому, этническому, религиозному и иным значимым социальным признакам. Проявлением данного фактора является сохранение или рост кастовости, клановости на семейно-родственной, этнической и бюрократической почве, ксенофобии, особенно на национальной, религиозной основе [5].

Рассматривая социально-психологические факторы терроризма, необходимо сказать о мотивах террористической деятельности. Среди них можно выделить такие, как самоутверждение, самоидентификация, героизм и др. Так, Г. Ньюман говорит о трех основных мотивах терроризма [6]:

- 1) культурологический мотив – террористы придерживаются логике, согласно которой периодически нужно «будоражить» общество и делать это лучше используя «кровь»,
- 2) рациональный мотив – террор выступает эффективным инструментом в политической деятельности,
- 3) идеологический мотив – здесь террор навязывается обществу как орудие регуляции социальных процессов.

К психологическим факторам террористической деятельности также можно отнести низкую адаптацию отдельного индивида к существующей социальной системе, его неспособность решить ту или иную проблему законным путем, ощущение безысходности в сложной жизненной ситуации, желание защитить свои интересы любым методом.

Следует отметить, что необходимым условием существования терроризма является идеология. Как отмечает Ю.М. Антонян, сегодняшний терроризм не существует без идеологии, а также ее носителя, представителя – толпы [4].

Ряд исследователей (О.М. Нечипоренко, С.Л. Титков) к факторам, способствующим возникновению и распространению терроризма относят религиозные, национальные, личностные, политические притязания какой-то группы людей, личности или государства, которые могут принимать форму активного протеста в виде террористических актов. [5].

Как полагает В.Н. Гурба, терроризм и сам может выступать в качестве фактора, воспроизводящего насилие, социетальную трансформацию в обществе. Приводя к гибели людей, порче материальных ценностей, производственной и бытовой инфраструктуре, терроризм тем самым демонстрирует преимущество силового способа поведения перед другими методами – правовыми, культурными, социальными – урегулирования существующих в обществе конфликтов [2].

Так, к политическим факторам можно отнести: политическую борьбу партий, движений, объединений за распределение властных ресурсов, неэффективность проводимых политических реформ, высокий уровень коррупции.

Этнические факторы включают обострение межнациональных, межэтнических, этнополитических конфликтов, напряженные межэтнические отношения, неравный доступ этнических групп к различным ресурсам, в том числе к административным, деятельность радикальных, националистических организаций, клановость, значительное влияние кровно-родственных связей.

В числе правовых факторов – несовершенство законодательства, низкая правовая грамотность среди населения, правовой нигилизм, отсутствие единого, общепринятого и законодательно закрепленного понятия «терроризм», «теракт», «террористическая организация», отсутствие жесткой уголовно-правовой ответственности за совершение террористических акций.

Идеологические факторы включают в себя: отсутствие общенациональной идеологии, насаждение чуждой идеологии, распространение радикальных идеологий.

С.Е. Метелев к внешним факторам относит [3]:

- увеличение количества проявлений терроризма как в ближнем, так и в дальнем зарубежье;

- наличие социально-политической, а также экономической нестабильности в странах бывшего Советского Союза, Европы, Азии;

- вооруженные конфликты в отдельных государствах и взаимные территориальные претензии;

- на террористическую обстановку оказывают влияние иностранные спецслужбы, а также зарубежные (международные) террористические организации;

- ненадлежащий контроль за въездом в Российскую Федерацию и выездом за ее пределы и сохраняющаяся «прозрачность» российских границ;

- «черный рынок» оружия, существующий в ряде соседних стран.

Таким образом, обозначенные факторы стали причиной возникновения терроризма и на Северном Кавказе, все субъекты которого потенциально содержат в себе опасность террористической агрессии вследствие целого ряда неразрешенных региональных проблем и, прежде всего, межнациональных и религиозных противоречий.

1. Основы социологии терроризма. Коллективная монография. – М., 2008. 239 с.

2. Гурба В.Н. Терроризм: источники социальной поддержки. Ростов н/Дону, 2010. С. 45-50.

3. Терроризм и современные методы антитеррористической деятельности / под ред. С.Е. Метелева. – Омск, 2010. 445 с.

4. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. Методическое пособие для пропагандистов. Под общей ред. Л.Н. Панковой, Ю.В. Таранухи. – М., 2010. 324 с.

5. Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологические исследования. – М., 2012. 231 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Крутова Ю.А. (Волгоград)

Из всех агентов социализации семья является главным, его влияние человек испытывает с момента рождения и на протяжении многих лет, накапливая опыт, ценности и традиции, передавая их следующим поколениям.

Лидерами по охране здоровья детей являются родители. Их образ жизни и отношение к собственному здоровью определяет поведение других членов семьи. Особенно дети копируют модели поведения родителей.

Вредные привычки родителей, отсутствие внимания к собственному здоровью, попустительское отношение к неправильному питанию детей, не соблюдение режима сна и отдыха может играть отрицательную роль для детей: детерминировать отклонения в состоянии здоровья, влиять на неблагоприятное развитие личности, провоцировать отклоняющееся поведение и приобщение к неформальным группам с негативными последствиями.

В нашей стране в условиях развивающейся рыночной экономики, когда многие медицинские, оздоровительные и спортивные услуги доступны не всем, первичная профилактика приобретает особо значимую роль. Разумное выполнение элементов здорового образа жизни в условиях семьи часто может быть единственным и решающим способом сохранения и укрепления здоровья, не требующим значительных материальных вложений. Это возможно осуществить при осознании родителями собственной роли и активной позиции в сохранении здоровья членов семьи и особенно детей. Что в свою очередь и способствует формированию позитивных семейных установок.

Семейные установки как социологическое понятие на данный момент недостаточно разработано и требует уточнения. В нашей работе под семейными установками мы будем понимать систему действий родителей по отношению к ребёнку, а также их модели поведения по отношению к себе в вопросах формирования здорового образа жизни.

Выделим следующие виды семейных установок:

1. Активная (сверхактивная) – повышенное внимание, превосходство здоровья над другими ценностями, переусердствование родителей в определении правильных действий по отношению к здоровью;

2. Сбалансированная – разумное выполнение элементов здорового образа жизни, соблюдение основ рационального питания, режима сна, двигательной активности и пр.

3. Пассивная – характеризуется отсутствием интереса к собственному здоровью, ответственными за здоровье и самочувствие считают внешние факторы, такие как условия жизни, наследственность, а не собственные усилия.

Также можно выделить еще 3 типа семейных установок:

4. Отчуждённая – подразумевает глубокое безразличие к личности ребёнка, к состоянию его здоровья. Родители не замечают ребёнка, не заинтересованы его развитием, обучением. Избегают общения с ним, держат его на расстоянии. Обычно это складывается в неблагополучных семьях, где один или оба родителя имеют зависимость от алкоголя, психически активных веществ и пр.;

5. Разрушаемая – характеризует сознательное или неосознанное разрушение здоровья ребёнка. Например, родители предлагают ребёнку алкоголь, сигареты, сами ведут нездоровый образ жизни;

6. Хаотичная (смешанная) – отсутствие единой установки, нет определенного, чёткого, конкретного подхода к формированию ЗОЖ. Возникает на почве разногласия родителей в выборе единой установки. Когда один родитель ведёт здоровый образ жизни, а другой - нет.

Изучение установок на здоровый образ жизни в семье является необходимым условием для разработки программ по здоровому образу жизни, с помощью полученных результатов будет возможно наиболее четко определить проблемную область и пути дальнейшей работы по профилактике. В связи с этим нами было проведено исследование.

Методом сбора информации в данном исследовании являлось анкетирование. Авторская анкета включает 43 вопроса. Большинство вопросов являются закрытыми и предполагают выбор предпочитаемого варианта из предложенных ответов, также есть и открытые. В некоторых вопросах существует возможность выбора нескольких вариантов ответа. Каждый из них соответствует определенному показателю и относится к одному из обозначенных параметров. Исследование проводилось в детских садах №28, 320, 337, 351 г. Волгограда. Генеральная выборка исследования – родители, имеющие детей дошкольного возраста. Выборочную совокупность составили родители в возрасте от 27 до 45 лет в количестве 92 человека, имеющие среднее профессиональное, неполное высшее и высшее образование. Возраст респондентов составляет от 27 до 45 лет. Из них 88 женщин и 4 мужчин. В результате исследования определились, какие типы семейных установок являются приоритетными для современных российских семей.

Анализируя данные нашего исследования, можно сделать вывод, что 11,96% имеют сверхактивную установку, которое характеризуется повышенным вниманием, превосходством здоровья над другими ценностями; 14,13% сбалансированную установку, что подразумевает

должное выполнение элементов здорового образа жизни, соблюдение основ рационального питания, режима сна, двигательной активности и пр; 21,74% присуща пассивная установка, которая характеризуется отсутствием интереса к собственному здоровью, ответственными за здоровье и самочувствие считают внешние факторы, такие как условия жизни, наследственность, а не собственные усилия. Разрушаемую установку имеют 22,83%, что подразумевает сознательное или неосознанное разрушение здоровья ребёнка. Например, родители предлагают ребёнку алкоголь, сигареты, сами ведут нездоровый образ жизни; и хаотичную (смешанную) имеют 29,35% отсутствие единой установки, нет определенного, чёткого, конкретного подхода к формированию ЗОЖ.

Также исследования мы выявили две модели поведения родителей по отношению к здоровому образу жизни.

Первая модель, характерна для 39,69% респондентам, где родители в целом ведут здоровый образ жизни и прививают положительный опыт своему ребёнку, что проявляется в соблюдении режима питания, пеших прогулках, правильных действиях при возникновении заболевания, занятии спортом и другое.

Вторая модель, присуща 59,39% родителям, которые не ведут здоровый образ жизни, но прививают его детям. Родители имеют вредные привычки, редко занимаются физическими нагрузками, не соблюдают правильный режим питания, сна и отдыха. Но в то же время стараются сформировать позитивные установки на ЗОЖ у детей, хотя сами ими не придерживаются.

Таким образом, большая часть респондентов стараются прививать ЗОЖ своим детям, но сами его не соблюдают. Здоровье детей зависит от родителей, какой они ведут образ жизни, такому примеру будут следовать и их дети. Поэтому необходимо осознать родителями собственную роль и принять активную позицию в сохранении здоровья своих детей. Для родителей, использующих вторую модель необходимо проводить дополнительные мероприятия по информированию и развитию мотивации введения основ ЗОЖ.

Полученные данные свидетельствуют о том, что современные российские семьи не стремятся вести здоровый образ жизни. Современная жизнь требует от человека больших вложений своего труда, времени и, главное, здоровья ради достижения собственных целей. Положение также усугубляется плохой экологией, сидячими условиями труда, некачественными продуктами и плохим режимом питания, вредным излучением от разнообразной техники и многими другими факторами, которые способны влиять на наше психическое и физическое самочувствие.

Несмотря на то, что современная медицина достигла существенных успехов в лечении самых разнообразных заболеваний, она часто оказывается бессильной в случаях, когда организм человека уже не способен бороться с недугом даже с помощью лекарств и медицинских мероприятий. Для того чтобы избежать таких случаев, нужно знать и выполнять специальные профилактические приемы и правила, которые представляют собой основу здорового образа жизни человека. Если родители научат детей с самого раннего возраста ценить, сохранять и укреплять своё здоровье, если они будут личным примером, демонстрировать свой здоровый образ жизни, то только в этом случае можно надеяться, что будущие поколения будут более здоровыми и развитыми не только личностно, интеллектуально, духовно, но и физически. Совместная деятельность родителей и детей по формированию, укреплению, сохранению здоровья и ведению здорового образа жизни может решить проблему здоровья нации.

1. Маркова А. И., Ляхович А. В., Гутман М. Р. Образ жизни родителей как детерминанта здоровья детей // *Гигиена и санитария*. 2012. №2 С.55-61.
2. ИВАНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА Формирование начальных представлений о здоровом образе жизни у детей младшего дошкольного возраста // *Поволжский педагогический вестник*. 2014. №4 (5) С.85-93.
3. Карасева Т. В., Руженская Е. В. Особенности мотивации ведения здорового образа жизни // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2013. №5 С.23-24.
4. Решетников А.В. *Социология медицины (введение в научную дисциплину): Руководство*. - М.: Медицина, 2002. С. 430-436.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Кузнецов И.Е. (Санкт-Петербург)

Социальные проблемы в современной России во многом обусловлены рентным характером её экономики. Рента на добычу, переработку и продажу природных ресурсов, дополняется административной рентой, налагаемой фактически правящей в современных условиях бюрократией на перераспределение ресурсов, товаров и услуг, начиная от подрядов на ремонт местных сетей и дорог и заканчивая госзакупками для федеральных ведомств и распределением статей федерального бюджета. Рента, взимаемая врачами и полицейскими при принятии решения в отношении конкретного гражданина в конкретной ситуации, составляет т.н. низовую (фоновую) коррупцию.

Г. Сатаров и М. Левин считают, что за тучные нефтяные годы в России в сложился процесс, когда рост экономической и политической ренты генерирует воспроизводство новой ренты. [1]

В условиях экономического кризиса сужение рентооблагаемой базы и рост конкуренции за доступ к ренте способствует частому использованию политического ресурса в целях перераспределения профитов в пользу окол властных элит. Таким образом, происходит формирование неформальных рентных институтов. Далее, конкурентная борьба за доступ к ренте мотивирует рентоориентирование индивидов, мечтающих о работе в госсекторе, и легитимирует данные институты, снижая привлекательность реального сектора экономики.

Такие рентные институты в некоторых случаях заменяют собой институты коррупции. Например, при финансировании государственных проектов прежнюю систему откатов часто заменяет создание в рамках института административной ренты субъектов предпринимательства, принимающих на себя функции заказчика (генподрядчика) и получающих ренту через осуществление легальных проектных, консультационных, юридических и т.п. услуг.

С другой стороны, увеличение количества агентов подразумевает постоянное увеличение силовых, надзорных и контрольных игроков. В свою очередь, это ведет к разрастанию административного аппарата, легитимация которого способствует дальнейшей стратификации общества. Нынешняя система классов чинов гражданской, воинской, прокурорской и правовой службы соответствует имперской Табели о рангах конца XIX-го века.

Невозможность большей части общества участвовать в рентооблажении способствует его атомизации. Кроме того, материально обеспеченная его часть нуждается в механизмах самореализации через определенные социальные статусы.[2] Очевидно, что в общественном признании статусы данных личностей могут конкурировать с рентоориентированными только в референтных группах.

Рентная экономика подразумевает постоянное использование всей мощи государственных институтов насилия в целях поддержания status quo и неразвитость общественных институтов, вакуум которых власть наполняет путем конструирования и воспроизводства символических (мифологических) социальных реальностей (например, российской исключительности и героизации прошлого), отвлекающих население от насущных проблем. Такая адаптация репрессивного государства через понижение запросов личности, ведёт к её психологической слабости и социальной апатии. Некоторые исследователи считают такой процесс воспроизводством Homo Sovieticus. [3]

Кроме того, стагнация российской экономики способствует падению производства и потребления, сокращениям персонала, следовательно, к безработице, снижению доходов и бедности.

Снижение ВВП (в долларовом эквиваленте) сокращает финансирование таких важных статей как медицина, образование и пенсии. Медицина и образование финансируются практически по остаточному принципу, т.к. рента с нефтегазовых доходов в основном формирует силовую часть федерального бюджета. Правительство третий год замораживает частные пенсионные накопления, фактически принудительно заимствуя у граждан. [4]

1. М. Левин, Г. Сатаров. Рентоориентированная Россия// Вопросы экономики №1, 2014 г.

2. R. Inglehart. Culture Shift in Advanced Industrial Society.// Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 1990.

3. Л. Гудков. Кризис реальности// Ведомости № 4009 от 05.02.2016.

4. В. Иноземцев. Каковы итоги 16-летнего правления Владимира Путина.// РБК daily № 003 от 13.01.2016.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Кузнецова П.Ю. (Пермь)

В соответствии со ст. 7 Конституции РФ, «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [2]. Функционирование социального государства осуществляется посредством реализации социальных функций как со стороны органов государственной и муниципальной власти и подведомственных им организаций, так и частных хозяйствующих субъектов. Социальные функции реализуются посредством предоставления социальных услуг, удовлетворяющих общественно-значимые потребности социальных групп общества. При этом под удовлетворением потребностей понимается соотношение ожидания и реального результата при получении услуги [3, 59].

Элементами системы социальных услуг являются государственные и муниципальные услуги, предоставляемые органами государственной и муниципальной власти в пределах их полномочий, установленных нормативно-правовыми актами. Государственные и муниципальные социальные услуги предоставляются в рамках государственной социальной политики, имеют адресную направленность, высокую социальную значимость, их предоставление финансируется за счет бюджета соответствующего уровня.

В условиях административной реформы в РФ государственные и муниципальные услуги стали важнейшей сферой реформирования, целями которого являлось повышение качества их предоставления, обеспечение доступности услуг и, как результат, повышение уровня удовлетворенности граждан – потребителей услуг. Именно обеспечение доступности услуг рассматривалось как фактор повышения качества их предоставления.

Под доступностью услуг следует понимать возможность беспрепятственного получения гражданами той или иной услуги, что закреплено в Конституции РФ. Статьи 8 и 74 Конституции РФ определяют, что в Российской Федерации гарантируется свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, а также, что установление каких-либо препятствий для их перемещения не допускается [2].

Наличие услуги является необходимым, но не достаточным свойством при их потреблении. Если перед заинтересованным в услуге лицом возникают барьеры (ценовые, временные или связанные с удаленностью органа, предоставляющего услугу), либо эти барьеры носят другой дискриминационный характер, то фактически услуга становится доступной только определенному кругу лиц. В связи с этим выделяются: доступные услуги (приемлемы для всех граждан); малодоступные услуги (приемлемы для определенной категории лиц).

Таким образом, доступность государственных и муниципальных услуг является комплексным понятием, элементами которого выступают:

1. Физическая доступность - физическая возможность для разных категорий граждан, в том числе, лиц с ограниченными возможностями здоровья и других маломобильных групп населения, получить услугу, которая определяется наличием лифтов, пандусов и пр.;
2. Временная доступность - определяется удобством для потребителя режимы работы органа, оказывающего услугу;
3. Территориальная доступность - транспортная и пешеходная доступность до места размещения органа власти, предоставляющего услугу;
4. Информационная доступность - достаточность и удобство получения информации об услуге, способах и условиях ее получения, степень информированности потребителя о характере услуги и возможности ее получения.

Проведенный нами анализ обеспечения всех видов доступности государственных и муниципальных услуг на примере ряда муниципальных образований Пермского края позволил выявить ряд существенных проблем.

В-первых, в г. Перми не обеспечена физическая доступность органов власти, предоставляющих государственные и муниципальные услуги для лиц с ограниченными возможностями здоровья и других маломобильных групп населения. По результатам анкетного опроса инвалидов в г. Перми выявлено, что 94% считают, что органы власти оборудованы лишь ограниченным набором приспособлений (например, только пандусами), 29% опрошенных

полагают, что в городе Перми для инвалидов не доступно получение государственных и муниципальных услуг [1, 19-26].

Анализ временной доступности государственных и муниципальных услуг проводится нами на основе исследования нормативного обеспечения предоставлении услуг и их фактической реализации. Так, анализ административных регламентов предоставления государственных услуг Министерства социального развития Пермского края позволил выявить, что более 30% из них не содержит положения о времени ожидания заявителя в очереди при обращении в орган государственной власти (орган местного самоуправления) для получения государственных (муниципальных) услуг не более 15 минут, несмотря на то, что включение данной нормы предусмотрено Указом Президента РФ №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [4]. При оценке уровня соответствия заявленному в административных регламентах времени предоставления услуг и фактических показателей, мы выяснили, что лишь в 23% обращений услуги гражданам оказаны своевременно. Социологический опрос населения ряда поселений Пермского муниципального района показал, что более 60% опрошенных недовольны графиком работы органа власти, предоставляющего одну из муниципальных услуг, так как специалисты в администрациях сельских поселений осуществляют прием граждан только 2 раза в неделю.

Анализ территориальной доступности получения государственных и муниципальных услуг показал существенные проблемы в ее обеспечении. Так социологический опрос населения в Юго-Камском и Сылвенском сельских поселениях Пермского муниципального района показал, что только 55% опрошенных удовлетворены территориальной доступностью органа власти, предоставляющего муниципальные услуги.

Исследование информационной доступности государственных и муниципальных услуг проводилось нами на основе анализа ряда критериев: наличие общей информации об услуге в сети Интернет (на портале государственных услуг, официальном сайте органа государственного или муниципального управления, предоставляющего услугу); наличие утвержденного административного регламента предоставления услуги; полнота информации об административных процедурах в ходе предоставления муниципальной услуги; наличие в органе, предоставляющем услугу, образцов заполнения документов; информирование заявителя об исчерпывающем перечне оснований для отказа в предоставлении государственной или муниципальной услуги в органе, предоставляющем услугу; наличие в органе, предоставляющем услугу, информационных стендов / инфоматов, содержащих сведения о порядке предоставления услуги (блок-схемы, нормы, перечень документов, основания для отказа в приеме документов, основания для отказа в предоставлении услуги); наличие в органе, предоставляющем услугу, информации о месторасположении, графике работы, номерах телефонов, адресов Интернет-сайтов и электронной почты, по которым заявители могут получить необходимые документы для получения услуги. Исследование уровня информационной доступности ряда муниципальных услуг, проведенное нами в пяти сельских поселениях Пермского муниципального района показало, что информационное обеспечение предоставления услуг реализовано в полном объеме: разработаны, утверждены и размещены в сети Интернет административные регламенты предоставления муниципальных услуг, осуществляется информирование граждан по месту предоставления услуг. Социологический опрос населения сельских поселений об уровне удовлетворенности информационной доступностью услуг показал, что более 80% граждан удовлетворены полнотой и качеством информации.

Таким образом, исследование показало, что уровень обеспечения всех видов доступности государственных и муниципальных услуг в муниципальных образованиях Пермского края не является достаточным. С целью решения выявленных проблем необходимо: во-первых, в нормативно-правовых актах, в том числе, в государственных и муниципальных программах по обеспечению доступной среды для инвалидов, осуществлять ранжирование критериев доступности услуг с учетом потребностей лиц с ограниченными возможностями здоровья и других маломобильных групп населения. Актуальность данной рекомендации подтверждается результатами социологических опросов инвалидов. Так, в г. Перми доля инвалидов, отрицательно оценивающих уровень физической, территориальной и временной доступности государственных и муниципальных услуг, предоставляемых органами власти и МФЦ составила 81,6%. Во-вторых, необходимо активизировать создание мобильных МФЦ в муниципальных районах, поскольку при существенном территориальном отдалении сельских поселений от административного центра района, где размещены органы власти, предоставляющие услуги, проблема территориальной

доступности государственных и муниципальных услуг остается нерешенной. В-третьих, необходимо приведение административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг в соответствие с законодательством и постоянный мониторинг соблюдения административных процедур и стандартов при непосредственном предоставлении государственных и муниципальных услуг.

1. Карпова С.Д. Влияние среды на получение инвалидами социальных услуг// С.Д. Карпова. Проблемы градостроительства. – 2014. - №17.
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (ред. от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/#p73 (дата обращения: 25.09.2016).
3. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент: анализ, планирование, внедрение, контроль. СПб.: Питер, 2006.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=129336> (дата обращения: 25.09.2016).

СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ГЕНДЕРНЫЙ ПРОЕКТ: КАК ГЕНДЕРНЫЕ МУЖСКИЕ РОЛИ МЕНЯЛИ СВОЁ СОДЕРЖАНИЕ

Кузнецова С.И. (Екатеринбург)

Опираясь в большей степени на конструктивистский подход, мы рассматриваем ролевой набор мужчины во взаимосвязи гендерного порядка и гендерного проекта на примере советской и постсоветской моделей поведения мужчины. «Гендерный порядок» подразумевает под собой исторически сконструированную схему властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующие ему определения фемининности и маскулинности [5]. Продуктом гендерного порядка можно считать «гендерный проект», где гендер выступает не как фиксированная идентичность, а как «система символических отношений» [1]. Властные отношения являются конструирующим принципом в формировании гендерного проекта в обществе. Гендерный проект не универсален, он принимает разные формы, отражающие властные отношения, культуру, определяющую идеалы маскулинности.

Как проявились изменения гендерного порядка в гендерном проекте мужчины? Мы проводим аналогию мужских гендерных ролей современного мужчины с советским мужчиной, поскольку это исторически близкие конструкты и одновременно существенно отличающиеся гендерные проекты. Так, советский гендерный проект в значительной степени определялся государственной политикой и влиял на выбор семейных стратегий поведения. Рассмотрим более подробно исполнение мужских гендерных ролей в семье в контексте гендерного советского и постсоветского порядков на двух уровнях – властно-экономическом и повседневном.

Этакратичный порядок советского уклада жизни предлагал определенный путь для всех членов общества: «профессиональный рост, школа — вуз или техникум — работа, гарантированный прожиточный минимум, бесплатное медицинское обслуживание, а вариантов построения жизненного пути — меньше» [3, с.193]. Неработающие граждане осуждались, семейное поведение подводилось под стандарт (например, осуждалась бездетность). С изменением власти появились новые ориентиры и возможности в построении жизненного пути.

Современные условия жизни ставят новые правила игры для обоих полов, где модель поведения изменяется под влиянием внешних факторов при вариативности моделей поведения. Помощь семьям со стороны государства предполагала изменения в выплатах пособий по уходу за детьми, введение идеологического ресурса (например, «Год семьи в России»). Повседневность показывает картину совмещения гендерных ролей, поскольку государственная политика поддержки молодых семей и т.д. не совпадает с проблемами, которые возникают в семье: сохранять традиционный уклад становится материально невыгодно. В итоге образуется разрыв между планами и реальным положением семьи.

Демографическая политика в идеале видит достаточно традиционную многодетную семью, что отмечает Эксперт 2 в ходе интервью: «Если государство поддерживает многодетность, то в многодетной семье женщине очень трудно соревноваться с мужчиной в карьере, в доходах. Прямой задачи возродить ту модель семьи, где только муж работает, жена ведет хозяйство,

занимается детьми, демографическая политика не ставит. Но если государство поддерживает многодетные семьи, то в них такое распределение ролей складывается само собой». В подтверждение консервативности политических акторов стоит согласиться с О. Здравомысловой, что современное чтение гендерного порядка опирается на традиционные нормы «для контроля над обществом и формирования образа самой власти, которая пытается утвердить эти нормы как базовые для рос-сийской идентичности» [2, с.219].

В противоречие с государственной политикой входит трансляция мужского и женского образов в СМИ и других источниках. При ориентации на достаточно традиционную картину семьи, пропагандируется образ женщины независимой от мужчины. Это переходит в новый стереотип, когда женщина не может себе позволить соответствовать традиционным ожиданиям от её роли. В совокупности с ожиданиями и навязанными образами появляется напряженность в ролевом исполнении и мужчины. «Общество давит на мужчин стереотипами об успехе и карьере, женщины начинают осваивать «мужские» профессии и должности, тем самым повышая давление» [Эксперт 4].

Комментарии Эксперта 2 совпали с выделением факторов, в наибольшей степени влияющих на мужские роли в обществе: «Есть субъективные факторы – усиленная пропаганда, что женщина должна быть самостоятельной, что женщина не должна ориентироваться на то, что муж будет кормильцем семьи. Соответственно, вытекает вывод, что женщина и может, и с точки зрения многих, должна самостоятельно принимать решения без оглядки на мнение мужчины». Такие тенденции сильно меняют положение мужчины в семье и способны развивать межролевые конфликты обоих супругов.

Другой фактор – регулирование гендерного поведения через трудовые отношения. Эксперт 2 выделил наиболее значимые изменения между советским и постсоветским мужчиной, включающие «возможность зарабатывать много». «Сейчас мужчины получили возможность выходить в люди. В советское время дифференциация доходов была меньше. Мужчины получили возможность много зарабатывать, хотя, разумеется, не много мужчин, у которых эта возможность реальна и осуществляется».

В том числе экспертами отмечены негативные изменения: «мужчина потерял безоговорочную преданность жены, он постоянно находится в ситуации «доказывания» своих прав» [Эксперт 2]. Такая «презумпция виновности» прослеживается в частности в ситуациях развода: дети остаются в большинстве случаев с матерью, выплата алиментов становится «мужским делом», социальная поддержка направлена больше на женщину. Возможность распространения этой ситуации стала результатом семейной политики СССР.

Если перейти на повседневный уровень, то можно обнаружить следы влияния той же советской политики. Для советского мужчины приоритетом сохранялась публичная сфера, что поддерживала идеология. Подтверждениями тому служат советские плакаты, на которых мужчина представлен, прежде всего, как пример добросовестного гражданина, имеющий главную цель – строительство коммунистического общества. Бытовая часть семейной жизни касалась его меньше, сохраняя традиционное гендерное представление о домашней сфере, как женской. Символическое наполнение домашней работы поддерживает гендерные особенности: женщины рассматривают эту сферу, как способ проявления заботы, выражение любви. Мужчина демонстрирует свою заботу о семье выполнением функции материального обеспечения. «До сих пор основные элементы советского гендерного порядка воспроизводятся в посткоммунистической России, несмотря на распад государства, которое гарантировало их» [7].

Совокупность ожиданий относительно роли мужчины в семье, как хозяина, смешивает советские и современные представления об устройстве семьи. Исследования распределения домашних обязанностей в семье на протяжении десятилетий показывает одну и ту же картину: большая часть домашней работы приходится на женщин [4].

Наше исследование показало высокую степень согласованности ожиданий от распределения домашних обязанностей. Существуют совпадающие векторы в ожиданиях мужчин и женщин, один из которых предполагает самостоятельность мужчины в домашних делах (примерно 80%), другой – закрепление за женой функцию обслуживания мужа (11%). Однако выполнение феминно окрашенных обязанностей по-прежнему остается за женщиной.

Такая сфера, как сексуальность, также находится под влиянием властных и политических структур. В СССР идеологически и политически выстраивалась желаемая форма гендерных контактов, предполагающая исключительно гетеронормативное поведение. В большей степени властный контроль породил двойные стандарты: «освобождение жизни и людей от эротики» [5,

с.34], существовало наравне с сексуальностью. Среди регулирующих актов советской власти, вводимые и упраздненные в отдельные временные промежутки, можно отметить следующие: постановления на запрет аборт, уголовная ответственность за гомосексуализм, раздельное обучение мальчиков и девочек, жесткая цензура.

В настоящее время политика не имеет такого жесткого декларирования моделей интимных отношений. Однако, возвращаясь к «консервативному повороту», в современной России мы можем наблюдать ужесточающие гендерные меры, которые тем самым создают новый (а на деле повторяют отдельные советские практики) гендерный проект. Мы получаем социальный вызов в виде общественных движений, как феминистических, так и мужских.

Факторы, определяющие гендерные роли мужчин, многообразны и не сводимы к единой картине с четкими границами их влияния, пересечения и взаимодействия. Мы рассмотрели наиболее существенные в контексте перехода от советского к постсоветскому гендерному проекту. Их проявление в ролях раскрывает связи структур различного уровня (макро и микро) и создает более объяснимую картину ролевого набора мужчины в семье в ключе конструктивистской теории.

[1] Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования, 2006, № 14.

[2] Здравомыслова О. «Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение, 2016, т. 15, № 3, с. 213–222

[3] Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) : Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тоценко. — ЦСП и М, 2016. — 367 с.

[4] Клецин А.А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы интерпретации [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/557/818/1219/Kletsin.pdf> (дата обращения 08.05.2016)

[5] Коннел Р.У. Структура гендерных отношений [Электронный ресурс] URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2278#sthash.1svf9mxR.dpuf> (дата обращения 10.04.2016)

[6] Лебина, Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель / Наталия Лебина. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 208 стр.

[7] Ashwin S., Lytkina T. Men in crisis in Russia: the role of domestic marginalization. *Gender and Society*, 18 (2). 2004. - pp. 189-206.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ СЕМЕЙ, ВЗЯВШИХ ДЕТЕЙ ПОД ОПЕКУ, В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Кузьменкова А.А. (Санкт-Петербург)

Основные качества, привычки и характер закладываются в детстве человека, формируются в семейной среде. Семья – важный социальный институт, который является опорой для человека в течении всей жизни. Дети – это основа будущего для государства. По данным официальной статистики Российской Федерации в 2014 году численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей возрастом до 18 лет составляло 343334 человек[2]. Это цифра свидетельствует о том, что деятельность по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей особенно актуальна.

Выделяют такие модели жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, как усыновление, опека и попечительство. Усыновление – это такая мера защиты ребенка, при которой устанавливаются родственные связи между ребенком, с одной стороны, и человеком или супружеской парой, не являющимися его родными отцом и матерью, с другой стороны. Усыновление – это процесс, при котором ребенок находит для себя семью, а не какую-либо ее замену [1, с. 36]. Опека – устанавливается над детьми до 14 лет в целях их содержания, образования и воспитания, а также для защиты их прав и интересов. В отличие от усыновления, ребенок сохраняет свои фамилию, имя, отчество, а кровные родители не освобождаются от обязанностей по участию в содержании своего ребенка. Опекун имеет практически все права родителя в вопросах воспитания, обучения, содержания ребенка и ответственности за ребенка. На содержание подопечного ребенка ежемесячно выплачиваются средства в размере, установленном законодательством субъекта Федерации. Органы опеки обязаны осуществлять регулярный контроль над условиями содержания, воспитания и образования ребенка. Доступность опеки объясняет ее распространенность и появление достаточно большого числа опекунских семей. Опекунская семья является обязательно объектом контроля (надзора) со стороны государства в лице его органов, уполномоченных на охрану прав детей[1, с. 38]. Приемные семьи – возмездная

форма опеки, которая функционирует как специализированное учреждение для детей, оставшихся без попечения родителей, иначе это можно назвать «семья по договору». Наряду с приемными семьями, где ребенок находится круглосуточно, существуют семьи, обеспечивающие прием детей на ограниченный срок [1, с. 60]. Согласно статье 22 Федерального закона №442 «Об основах социального обслуживания» социальное сопровождение – это содействие в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам. Сопровождение, согласно закону, оказывается при необходимости гражданам, в том числе родителям, опекунам, попечителям, иным законным представителям несовершеннолетних детей[3].

На базе Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы было проведено исследование, цель которого состояла в изучении особенностей социального сопровождения приемных семей в специализированном учреждении на примере Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Дом милосердия»». В ходе исследования было проведено интервью с заведующим отделением социального сопровождения семей, взявших детей под опеку и попечительство и анкетирование приемных родителей и опекунов, которые посещают Центр. Во-первых, было выявлено, что деятельность в отделения входят следующие услуги: квалифицированные социально-бытовые, социально-правовые, социально-медицинские, социально-психологические и социально-педагогические услуги. В интервью было выявлено, что основными трудностями родителей являются: организация дополнительного образования для детей, организация каникул и затруднения в психолого-педагогическом отношении. Также было проведено анкетирование родителей, пользующихся услугами отделения. Анкетирование проходило в рамках творческого мастер-класса по изготовлению старославянской куклы. Было опрошено 6 родителей (полное количество участников мастер-класса). На мастер-классе родители и дети шили куклы, в ходе совместной деятельности находили общий язык, общались, вместе занимались интересным делом. После мастер-класса также было чаепитие, на котором замещающие родители совместно со специалистами Центра смогли обсудить различные аспекты воспитания детей и договориться о посещении новых мероприятий.

В ходе анкетирования было выявлено, что половина опрошенных семей, взявших детей под опеку и попечительство имеют кровных детей.

1. *Комплексная программа по профилактике социального сиротства, реабилитации и коррекции социальных сирот и детей, пострадавших от семейного насилия/ под ред. Платоновой. 2-е изд. Испр. И доп. – Спб.: Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, 2009. 474 с.*
2. «Федеральная служба государственной статистики: семья, материнство и детство». [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/, свободный. Дата обращения: 10.02.2016.
3. «Федеральный закон об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/, свободный. Дата обращения : 11.02.2016.

ПАРАДОКСЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ

Кулешова А.В. (Москва)

Ситуация в социологической науке напрямую сопряжена с ситуацией в сфере научных публикаций, последнюю пытаются изменить разными способами – от государственного и коммерческого регулирования до создания общественных советов по этике. Вместе с тем не принимаются во внимание объективный фон повседневной работы учёных и дилеммы, с которыми сталкиваются авторы, что приводит к искажениям и несправедливым организационным решениям. Представляется важным учитывать шесть значимых аспектов, формирующих внутренний и внешний контекст современного производства научных статей: 1. необходимость подчиняться закону, который Р. Мертон сформулировал как «publish or perish» (публикуйся или гибни); 2. в науке действуют т.н. «академические банды», научная среда функционирует, опираясь на неписанные нормы; 3. в отечественном научном сообществе война идёт не столько за идеи, сколько за ресурсы; 4. положение вузовских работников с переходом на краткосрочные контракты, постоянной изменчивостью и гибкостью социально-трудовых отношений делает их близкими прекариату, характерными чертами которого является эмоциональная нестабильность, тревожность,

неуверенность в будущем; 5. не существует институциональной рамки, обеспечивающей добросовестную работу учёных; 6. социологами уделяется минимальное внимание профессиональным этическим стандартам и этике научных публикаций.

The situation in social science is directly interfaced with the situation in the field of scientific publications. A lot of efforts are made to change the situation in the field of scientific publications in many ways – from the public and commercial regulation to public council on ethics foundation. However, the objective background of everyday work of scientists and dilemmas faced by the authors are not taken into account. It is important to consider six important aspects that form the internal and external context of contemporary production of scientific articles: 1) the law, which Robert Merton formulated as a “publish or perish”; 2) so-called “academic gangs” that lead scientific environment to operate on the basis of unwritten rules; 3) the main competition in the Russian scientific community is not for ideas, but for resources; 4) with the transition to short-term contracts, constant variability and flexibility of labour relations, the position of university employees is close to precariat, which is characterized by emotional instability, anxiety, lack of confidence in the future; 5) there is no institutional framework for the diligent work of scientists; 6) sociologists pay minimal attention to the professional ethical standards and ethics of scientific publications.

Нельзя ожидать, что производство и воспроизводство (высоких) стандартов научной публикации может идти автоматически, поскольку без периодической перенастройки не работает никакая социальная технология. Периодическая перенастройка и даже смена технологии нужна, потому что некогда эффективные регулирующие стимулы не только теряют свою эффективность, но начинают давать негативный эффект. К примеру, внедряя количественные показатели научной продуктивности, получаем репликацию по сути одного и того же текста; при виртуозной репликации не удается зафиксировать даже автоплагиат. Это означает, что даже при неизменности стандарта хорошей научной публикации регулирующие стимулы по его достижению следует периодически менять [1].

Мы бы хотели подробнее поговорить об отдельных «сензитивных» фрагментах той повседневности, в которой работают современные учёные.

«Publish or perish»

Переход на количественные оценки показателей научной деятельности был неоднозначно принят и в России, и в мире. Критики апеллируют к тому, что наука должна оцениваться по качеству выполненной работы, а не по номинальным показателям, симулировать которые, как правило, не составляет большого труда (особенно для «знающих» людей). О путях обхода систем учёта количественных показателей и цитирований ещё в 2002 г. писал А. Юревич в статье «Публикуйся или гибли» [2], он отмечал социальные ограничения, вынуждающие авторов идти на спекуляции и строить потемкинские деревни. За прошедшие 14 лет менеджерские практики глобально вошли в нашу жизнь, в частности, перенесены в сферу управления наукой. Это привело к тому, что люди, обладающие властью распределения ресурсов (грантов, надбавок и пр.), оказались не способны оценивать содержательный компонент работы, ориентируясь на формальные показатели. Вряд ли, они стремились к этому и раньше.

Лагерь, агитирующий за наукометрию, заявляет о необходимости построения транспарентного научного пространства, уловимости и чёткости показателей научной деятельности. Эти аргументы выглядят убедительно, если не принимать во внимание факты общей загруженности учёных, жесткую материальную зависимость именно от количества публикаций, возможности разного рода «сговоров», порождение многочисленных симулякров, появление специалистов и технологий по обману наукометрических показателей, того и тех, с кем/чем в конечном счёте пытаются разобраться международные и отечественные базы данных, Перечни и т.п. Со всей уверенностью можно говорить о коррупции в сфере мониторинга, оценки и продвижения научных публикаций, отдавая себе отчёт в том, что «коррупция проявляется не индивидуально, а в социальных отношениях. Следовательно, чтение нотаций о морали или о высоких этических нормах — бесполезное средство для решения этой проблемы. Вопрос о коррупции должен быть поставлен следующим образом: «Какие социальные отношения подпитывают коррупцию?» Мы не должны задаваться вопросом: «Какие индивиды более коррумпированы?» [3].

«Академические банды»

Как отмечает Томас Дж. Шефф, в научной среде работают «неписанные договоренности, существующие в бандообразных группировках профессуры, которые функционируют с целью удовлетворения потребностей последней». Большинство ученых так или иначе принадлежит к

одной из групп, под названием «научная школа» или специальность. «Подобно тому, как уличные банды зарабатывают на жизнь при помощи воровства, ученые получают доходы от карьеры, которая в значительной степени зависит от того, являются ли они преданными членами банд и кланов. Разумеется, успех в научной карьере невозможен без упорной работы, однако демонстрация своей принадлежности к банде и клану может естественным образом дополнить или даже заменить в этом отношении талант и ум. Явная и многократная демонстрация верности этим группам может быть чрезвычайно полезна при получении гранта и подаче статьи на публикацию. Зависимость между членством в банде и карьерой вполне очевидна для большинства ученых. Случаи, когда карьерный рост является результатом только оригинальности или значимости научной работы – редкие исключения. Успешность ученого никак не зависит от его таланта или эта зависимость носит обратный характер» [4].

Поговорим об этом подробнее, применительно к российской действительности. Опираясь на многолетний опыт работы в академических журналах по социологии, сделаны следующие наблюдения. Во-первых, довольно широко распространена практика «козырного соавторства», обеспечивающая высокие публикационные показатели. «На хвост» признанным авторам садятся как аспиранты, так и «грантоеды». В ряде случаев редакция отправляет запрос авторам с просьбой уточнить вклад каждого из соавторов в написание статьи, но получает ожидаемый ответ, который метафорически можно описать «рука руку моет». Во-вторых, мы наблюдаем устойчивые практики воспроизведения мафиозных ритуалов, в которых четко выделяется роль «крестных отцов». Они вскармливают целые институты и ассоциации, а альянсы с политиками и бизнес-сообществом позволяют им не бояться проверок и защищать в своих советах диссертации сомнительного качества. Примечательно, что некоторые «крестные отцы» вполне способны на определенных этапах своей биографии вносить действительный вклад в науку, но будучи наделенными недюжинными организаторскими талантами и прагматическим чутьем, коими большинство ученых, увы, не обладает, постепенно переходят на хлебную стезю административной деятельности, включающей среди прочего грантовое лоббирование, распоряжение имуществом, выстраивание собственных институций и альянсов, снятие разных видов ренты. Положение молодых учёных можно обозначить как плачевное, если они не примкнут к «клану» или «крестному отцу», их работы – даже если они будут достойного качества – в лучшем случае окажутся в зоне индифферентности, в худшем – идеи будут заимствоваться и цитироваться без ссылки на автора.

Нам представляется, что частичным, хотя и довольно слабым «антидотом» здесь могут стать именно редакторы, за годы работы сформировавшие костяк экспертов, которым могут доверять. Уравновешенная тройка - автор, рецензент и редактор - способна разрабатывать, внедрять и гарантировать высокие стандарты публикации в научных журналах [1].

Война за ресурсы

Если в зарубежных научных школах война идет преимущественно за идеи, то в России она разворачивается прежде всего за ресурсы, за финансирование (иногда довольно скромное). Материальная зависимость учёных и их вынужденная борьба за гранты закономерно приводят к всевозможным фальсификациям и подменам. Исследователи оказались разделены обстоятельствами на резвых и шустрых, умеющих писать заявки и при необходимости обходить систему, и тех, кто постепенно выпадает из обоймы, оказавшись на грани нищеты, не находя в себе ресурсов и азарта принять участие в гонке без правил.

По наблюдениям последних пяти лет, рост публикационной активности зачастую связан не с появлением новых идей, полученными результатами исследований. Колоссальное количество текстов пишется ради двух строчек в ссылке на грант. Авторам уже не так принципиально, в какой рубрике будет опубликована статья, какого она качества. Складывается впечатление, что речь идёт не о научном сообществе, а о сообществе грантополучателей. За низкое качество текстов перед коллегами-учёными было бы стыдно, но перед коллегами-грантополучателями гордость берет, ведь эти деньги в жёсткой конкурентной борьбе вырваны у государства/фондов.

Прекариат от науки

Британский исследователь Г. Стендинг выделяет в современном западном обществе пять групп на основании трудовой принадлежности их членов: 1) Элита, в которую входит весьма ограниченное число сверхбогатых людей; 2) Салариат (от англ. salary – зарплата) – высший средний слой, имеющий стабильную полную занятость и зарплату, в него входят руководящие работники корпораций, государственных учреждений, государственной службы; 3) Профessionалы – работники, имеющие стабильное положение благодаря своим знаниям и умениям, занятые на

основе контракта; 4) Сердцевина – «старый» рабочий класс; 5) Прекариат – социально неустроенные люди, не имеющие полной гарантированной занятости [5]. В состав прекариата, с известными оговорками, также нередко включают фрилансеров, поскольку их работа также ненормирована и неустойчива. Положение учёных в царской и советской России было близко к элитарному и имело ряд серьёзных преференций. Сегодняшние российские учёные в массе своей переведены на временные контракты, их зарплаты одни из самых низких на рынке труда, социальные гарантии по отношению к ним сведены к минимуму. Говоря о научном прекариате, кроме того, что бросается в глаза депрессивность и депривированность этой группы, важно понимать и тот момент, что прекариат /фрилансеры/временщики - это люди, способные работать на сиюминутные цели и решать краткосрочные задачи, но они вряд ли будут эффективно трудиться на наукоёмких и долгосрочных проектах. Нам представляется, что низкое качество российских научных текстов во многом сопряжено с тем, что они пишутся людьми, оказавшимися в уязвимой и неустойчивой ситуации, решающими насущные вопросы получения грантов, не планирующими на годы вперед ни свою научную карьеру, ни научный рост и авторитет.

Отсутствие институциональных рамок

В помощь научным редакциям и редакторам могли бы быть профессиональные ассоциации учёных. Казалось бы, сотрудничество в сфере экспертизы текстов между редакциями и членами ассоциаций совершенно логично, такая практика широко развита за рубежом. Но в России подобный ход слабо воплотим по двум причинам. С одной стороны, большинство ассоциаций создаются под конкретных людей и определенные задачи, а потому носят временный или даже виртуальный характер. С другой – качественный отбор в ассоциации не ведётся, членство там получают люди с любым научным статусом и репутацией. Таким образом, российская специфика такова, что именно неформально рекрутированные редакциями эксперты оказываются гарантами научной чистоплотности и качества текста.

Этические стандарты

Непопулярность темы этики касается не только научного сообщества, но и общества в целом. Как отмечает в статье «Наукометрия как разновидность безумия» В. В. Миронов, «...в ситуации, когда публикации становятся чуть ли не единственным критерием эффективности научной деятельности ученого и тем более преподавателя, наукометрия превращается в мощное средство манипулирования. Ученых начинают ранжировать, и не просто с целью стимулирования, например, их публикационной активности, а, прежде всего, с целью понижения в должностях и увольнения» [6]. Приходится признать не только то, что в сфере науки много недобросовестного и неэтичного поведения, но и то, что неэтичными людей во многом делают неэтичные институты, которые делают неэтичное целесообразным, а борьбу с ним почти безрезультатной. Один из путей изменения этой ситуации – введение и соблюдение этических стандартов в отрасли и в сфере научных публикаций. Обучение этим стандартам необходимо начинать в институте и продолжаться в аспирантуре.

1. *Оберемко О.А. Автор – рецензент – редактор: интервенты в профессиональное сообщество// Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф./ отв. ред. О. В. Кириллова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 202-206.*

2. *Юревич А.В. Публикуйся или гни//Социологический журнал. 2002. №1. С. 75-95.*

3. *Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М., 2016.*

4. *Scheff T.J. Academic gangs // Crime, law, and social change. 1995. Vol. 23. P. 156-168. Русскоязычная версия опубликована в "Русском Журнале". URL: <http://www.russ.ru/edu/99-04-02/scheff.htm>*

5. *Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2014.*

6. *Миронов В. Наукометрия как разновидность безумия. URL: <http://socratonline.ru/page/naukometrija-kak-raznovidnost-bezumija>*

РАБОТНИКИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ, МЕДИЦИНЫ, КУЛЬТУРЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРОЯВЛЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Кученкова А.В., Колосова Е. А. (Москва)

Рассматриваются особенности институционального доверия трёх профессиональных групп: работников сферы образования, медицины, культуры. Несмотря на сходства установок по отношению к социально-политическим институтам (общий невысокий уровень доверия большинству из них),

сохраняется существенная дифференциация внутри рассматриваемых групп, связанная как с профессиональной принадлежностью, так и базовыми социально-демографическими характеристиками.

Сегодня работники социальной сферы, представляющие гуманитарную интеллигенцию, — важная социальная сила, которая способна отвечать на вызовы настоящего и будущего и обеспечивать движение страны к информационному обществу, обществу знаний [6]. Специфику интеллигенции как группы часто определяют через активную гражданскую позицию, критический настрой по отношению к власти, подразумевающий взвешенную оценку деятельности соответствующих институтов и осознанный выбор в пользу (не)доверия им. В этой связи актуализируется вопрос об особенностях институционального доверия работников социальной сферы как представителей гуманитарной интеллигенции, для которых декларируемое доверие различным институтам является важной частью социальных установок и жизненного мира.

В качестве эмпирической базы для анализа используются результаты анкетного опроса «Жизненный мир интеллигенции», проведенного в апреле 2016 г. (в рамках исследования по проекту РНФ №14-18-02016 [1]). В опросе приняли участие три группы представителей интеллигенции: занятые в сфере образования (12,5%), здравоохранения (64,8%) и культуры (22,7%). Выборка квотная по численности этих профессиональных групп и федеральным округам. Общий объем составил 1350 чел. Опрос проводился в 14 субъектах РФ, представляющих все федеральные округа, методом полуструктурированного персонального интервью.

Одним из индикаторов отношения к социально-политическим институтам является уровень декларируемого доверия. По степени его убывания со стороны рассматриваемых работников социальной сферы ключевые социально-политические институты располагаются следующим образом: 1) Президент (50% гуманитарной интеллигенции доверяют полностью); 2) армия, церковь (35-37%); 3) Правительство (21%); 4) полиция, профсоюзы, местные органы власти, ТВ, Государственная Дума, республиканские, краевые органы власти, суд, пресса (9-15%); 5) политические партии (3,6%). Такая же последовательность в оценке институтов сохраняется и для всех россиян на протяжении последних лет [2].

Если рассматривать каждую профессиональную группу интеллигенции по отдельности, то общая тенденция в проявлении полного доверия различным институтам одинакова. Вместе с тем, медработники демонстрируют чуть более высокое доверие политическим институтам и органам власти, а представители сферы культуры – наименьшее. И такая тенденция сохраняется в отношении разных уровней власти: полностью доверяют Президенту 52,1% медиков, 49,2% педагогов, 45,8% работников культуры, Правительству – 22,5%, 20,6%, 19,1% соответственно, Государственной Думе – 13,5%, 11,5%, 7,4%; республиканским, областным, краевым органам власти – 12,5%, 7,5%, 7%; местным органам власти – 14,6%, 11,1%, 10%.

Что касается доверия другим социальным институтам, то представители рассматриваемых профессиональных групп в целом солидарны в высказываемых мнениях. По уровню декларируемого доверия за Президентом следуют армия и церковь. Отметим, что работники культуры проявляют чуть более высокое доверие к армии (40% полностью доверяющих) в сравнении с двумя другими категориями опрошенных (36-37%). Церкви в полной мере высказывают доверие 37,5% медиков, 34,8% работников сферы культуры, 29,4% педагогов. Доверие армии и церкви коррелирует между собой и с доверием Президенту (коэффициент Спирмена 0,3-0,4). Достаточно высокая доля полностью им доверяющих объясняется важной символической ролью этих институтов [2, 5], в связи с чем доверие к ним отражает скорее оценку их значимости для общества, нежели результатов реального функционирования.

Как известно, уровень декларируемого политического доверия взаимосвязан с определенными ключевыми социально-демографическими характеристиками [3]. Рассмотрим влияние возраста на политическое доверие в каждой из трех профессиональных групп. Независимо от сферы занятости менее всего доверяет Президенту и Правительству молодежь до 30 лет. Ниже среднего степень доверия проявляют работники культуры всех остальных возрастных категорий, а также медики в возрасте 36-40 и старше 50. Выше среднего – педагоги от 31 года и старше. И самый высокий уровень доверия демонстрируют медики в возрасте 31-35 и 41-50. Тем самым, можно заключить, что если в молодости (до 30 лет) профессиональная принадлежность не сказывается на политическом доверии, то в старшем и зрелом возрасте она оказывает существенное влияние, благодаря накопленному профессиональному опыту и более сформированному политическому мировоззрению, которого практически нет у молодежи [4].

Определим характер взаимосвязи материальной обеспеченности и доверия ключевым политическим институтам для представителей рассматриваемых групп. Для медиков зависимость между уровнем политического доверия и дохода линейная, достаточно тесная (коэффициент Спирмена = 0,87), положительная (чем выше доход, тем выше уровень доверия). Работники культуры крайне поляризованы по степени декларируемого доверия в зависимости от достатка: так, респонденты с самым низким уровнем дохода демонстрируют высокий уровень политического доверия, а все остальные категории (с более высоким доходом) – напротив, крайне низкий. Представители сферы образования достаточно однородны по демонстрируемому доверию вне зависимости от самооценки материального положения (наблюдается очень слабая положительная связь).

Существенным фактором для политического доверия является также место проживания. В случае с рассматриваемыми группами работников социальной сферы можно зафиксировать следующую тенденцию: более высокий уровень доверия проявляют проживающие в мегаполисах, менее высокий – в областных, краевых центрах.

Проведенное исследование показало, что, несмотря на сходства установок работников социальной сферы по отношению к социально-политическим институтам, сохраняется существенная дифференциация внутри этой группы, связанная как с профессиональной принадлежностью, так и базовыми социально-демографическими характеристиками, требующая более детального изучения.

Сходства в установках могут объясняться, во-первых, воспроизводством общероссийской модели институционального доверия (уважение к авторитарному лидеру в условиях низкого доверия другим институтам), во-вторых, принадлежностью к государственному сектору экономики и зависимым положением. Что касается различий, одним из возможных объяснений может выступать разница в уровне зарплат в этих сферах и степени государственной поддержки.

Общий невысокий уровень доверия работников социальной сферы большинству институтов свидетельствует об отсутствии уверенности в стабильном, предсказуемом, эффективном их функционировании, справедливом, основанном на соблюдении прав граждан отношении в процессе взаимодействия с этими институтами. Что в свою очередь не способствует распространению отношений социального партнёрства и солидарности.

1. *Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта №14-18-02016 «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010-е годы)».*
2. *Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. №2 (112). С. 8-47.*
3. *Козырева П. М., Смирнов А. И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 79-99.*
4. *Колосова Е.А. Политические практики современной российской молодежи // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСП и М, 2016. С.214-236.*
5. *Мареева С.В. Институциональное доверие и эффективность институтов в сложных жизненных ситуациях: мнение россиян // Terra ecomoticus. 2015. Т. 13. № 3. С. 124-135.*
6. *Рассадина Т.А. Проблемы современной российской гуманитарной интеллигенции // Симбирский научный Вестник. 1(№7). 2012. С. 204-209.*

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Кучинская Ю. (Петрозаводск)

Изменения в экономической, политической, демографической и других сферах жизни российского общества в 90-ые гг. изменили социальную сферу жизни общества. Быстрыми темпами обострились дифференциация населения, безработица и миграционные процессы. В связи с этим актуализировалась потребность в оказании социальной помощи, поддержки, обслуживания, реабилитации, как отдельного человека, так и различных групп. Для этого стали создаваться специализированные государственные и муниципальные учреждения, для обеспечения эффективной деятельности которых появилась необходимость в специальных кадрах социальной работы с наличием профессионального образования, соответствующего требованиям и характеру выполняемой работы, а также быть склонными по своим личным качествам к

оказанию социальных услуг [1. 107]. Так появились новые профессии «специалист по социальной работе», «социальный работник» и «социальный педагог». Можно говорить о том, что сегодня происходит формирование многоступенчатой, многоуровневой системы подготовки и переподготовки специалистов по социальной работе и социальных работников в средних и высших образовательных учреждениях [4. С. 77]. В целом же, в настоящее время в сфере социального обслуживания населения одним из решающих факторов, определяющих эффективную и качественную деятельность органов управления социальной сферой и учреждений социальной защиты граждан, можно назвать целенаправленную кадровую работу.

По состоянию на 2016 год, в Республике Карелия функционирует 18 учреждений социальной защиты и 10 учреждений социального обслуживания [5]. Кроме этого, в каждом из районов Республики также существуют муниципальные учреждения, оказывающие помощь лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Кадровый состав в каждом из учреждений разный, однако, в каждом из них присутствует должность специалиста по социальной работе.

Согласно данным интерактивного портала Министерства социальной защиты, труда и занятости Республики Карелия [2], должность специалиста по социальной работе занимает 20-ое место из 25 наиболее востребованных должностей специалистов, заявленных в службу занятости населения Республики Карелия за январь-март 2016 г. Безусловно, данный факт можно считать хорошим мотивом при выборе будущей профессии у школьников, так и при поиске работы у выпускников ВУЗов. К тому же, не случайно, что ежегодно единственному высшему учебному заведению Республики Карелия - Петрозаводскому государственному университету, осуществляющему подготовку кадров для социального обслуживания населения, предоставляется в среднем около 20-ти бюджетных мест на направление подготовки «социальная работа». Так, в 2016 году на 1 курс поступило 16 абитуриентов, а также 10 выпускников-бакалавров решили продолжить обучение в магистратуре. Это говорит о том, что Республика Карелия нуждается в специалистах данной сферы.

Отметим, что, с одной стороны, система высшего профессионального образования выпускает достаточное количество квалифицированных специалистов, а востребованность в кадрах социальной работы с каждым годом не уменьшается. С другой стороны, наблюдается далеко не самая высокая статистика трудоустройства по специальности у выпускников ВУЗа по самым разным причинам, в том числе из-за низкой заработной платы, не самого позитивного имиджа социальной работы в общественном сознании и многих других.

Говоря о первой причине - низкой заработной плате, приведем снова статистические данные службы занятости населения Республики Карелия. Общее количество вакансий специалиста по социальной работе, заявленных в службу занятости за январь - март 2016 г., ровняется 65, а средний размер заработной платы в Республике составляет 9316 рублей. Сопоставляя эти цифры с данными всей таблицы, состоящей из 25 профессий, мы можем сказать, что это одна из самых низкооплачиваемых востребованных профессий (ниже размер заработной платы из всего перечня лишь у младшего воспитателя). Максимальная заработная плата, которую предлагают специалисту по социальной работе, составляет 18 843 руб., а минимальная - 6204 руб., что также является одним из самых низких показателей. Отметим также, что в большинстве учреждений социального обслуживания Республики Карелия присутствует психолог, оказывающий психологическую помощь и поддержку. Данная профессия также является одной из самых востребованных на данный момент, занимая 24 место в рейтинге. К сожалению, как и у специалиста по социальной работе, вакансия психолога не является высокооплачиваемой: средний размер заработной платы на данный момент составляет 11 268 руб.

В целом, социальная работа - это сложная, эмоционально нагруженная деятельность, предъявляющая к личности специалиста особые требования: умение рефлексировать и оптимально регулировать свою деятельность при столкновении с трудностями [3. 1]. Не все выпускники готовы сразу по окончании образовательного учреждения связать свою профессиональную деятельность в данной сфере. Возможно, совокупность данных причин определила то, что, как правило, кадровый состав учреждений социального обслуживания редко пополняется молодыми кадрами с профильным образованием. Из всего этого можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев персонал социальных учреждений в настоящее время состоит из специалистов, не имеющих специального образования.

С другой стороны, исследователи отмечают, что профессия «социальная работа» относится к тем редким видам профессиональной деятельности, где зачастую не профессиональные знания и навыки, а личностные качества специалиста во многом определяют успешность и эффективность

работы. Имидж профессии социального работника зависит не только от знаний специалистами основ и тонкостей профессии, но и от воспитанности их как личности, проявления духовно-нравственных качеств в работе с людьми. Нравственная культура и качества личности социального работника во многом определяют успешность его взаимодействия с клиентом и являются необходимым условием его профессионализма. Воспитание будущих специалистов по социальной работе в вузе включает целенаправленное формирование нравственной культуры и создание необходимых условий для развития личности (гуманитарная подготовка, духовная атмосфера в вузе и на базах практики студентов, гуманизация организации учебного процесса и жизнедеятельности студентов) [6. 6].

Тем не менее, согласно государственным требованиям к персоналу учреждений социального обслуживания, все они, включая директора, его заместителя, заведующего, специалиста по социальной работе, должны иметь профильное образование и знать теорию, методiku и практику социальной работы [7. 3-5].

Таким образом, с одной стороны, вакансии для таких учреждений существуют, являются одними из самых востребованных, в учебных заведениях осуществляется подготовка специалистов (на примере Республики Карелия - это, в первую очередь, специалист по социальной работе и психолог). Но, с другой стороны, выпускники не хотят работать по специальности в силу различных причин, что в итоге приводит к тому, что должности, требующие знаний социальной работы, занимают лица, не имеющие профильного образования. Тем самым это делает кадровую проблему сферы социального обслуживания населения актуальной в настоящее время.

1) Чернышева С.А. Особенности кадрового обеспечения сферы социального обслуживания населения краснодарского края // Журнал «Общество и право» - 2012. - Выпуск №3 (40).

2) Рейтинг профессий [Электронный ресурс]. – Электрон.дан. – URL: <http://mintrud.karelia.ru/content/рейтинг%20профессий>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения 24.09.2016).

3) С.А.Давиденко, И.В.Медко, Г.А.Петрова. Состояние, проблемы и перспективы подготовки специалистов по социальной работе // Вестник Нижневартковского университета - 2012. - Выпуск №2.

4) П.В.Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. Теория, практика и качество подготовки специалистов по социальной работе // Отечественный журнал социальной работы. - 2009. - Выпуск № 1.

5) Перечень государственных и автономных учреждений Республики Карелия, подведомственных органам исполнительной власти Республики Карелия [Электронный ресурс]. – Электрон.дан. – URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Institutions/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения 26.09.2016).

6) Г.А.Петрова, Г.Г.Кругликова. Инновационные подходы к организации профессиональной подготовки специалистов по социальной работе // Вестник Нижневартковского университета - 2012. - Выпуск №2.

7) "ГОСТ Р 52883-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Требования к персоналу учреждений социального обслуживания" (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2007 N 561-ст).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ

Лазаричева С.Г. (Москва)

Проблематика финансирования высшего образования была и остается одним из наиболее острых вопросов, обсуждаемых как в правительственных кругах, так и в ходе общественных дискуссии. В условиях кризисного состояния современной российской экономики плановые расходы на образование в бюджете на 2016 год сокращены на 8% по сравнению с предыдущим годом и составили 579,8 млрд. рублей [1].

В тоже время развитие и повышение качества всех ступеней образования рассматривается государством в качестве одной из первоочередных задач, что неоднократно подчеркивалось в выступлениях Президента РФ и закреплено в рамках государственной программы «Развитие образования» [2], принятой Правительством РФ на 2013-2020 гг.

Таким образом, в условиях современной российской действительности институтам высшего образования необходимо выполнять закрепленные требования по повышению качества и эффективности при наличии ограниченных ресурсов, что ставит их в кризисное положение.

В этой связи актуальным представляется концепция предпринимательского университета Бертона Кларка, американского социолога и исследователя образования.

В контексте теоретико-методологических разработок Б.Кларка [3] предпринимательский следует понимать как эквивалент проактивного, действующего. Университеты такого формата не являются пассивными реципиентами финансовых вливаний, а самостоятельно действуют для получения дополнительных ресурсов и финансовых возможностей. При этом образовательный институт не становится типичным рыночным игроком, деятельность которого направлена исключительно на получение денег и увеличение накопленного капитала, а сохраняет и наращивает свою научную, академическую составляющую.

Предпринимательские университеты характеризует наличие диверсифицированной базы финансирования, что обеспечивает вузам относительную самостоятельность и независимость от единственного канала поступления средств. Источником материальных ресурсов выступает не только и не столько государство. Помимо правительственного финансирования, дополнительными источниками средств являются частные организации (бизнес-структуры, благотворительные фонды и профессиональные ассоциации), а также собственные доходы университетов: пожертвования выпускников, прибыль по исследовательским контрактам и патентам, от предоставления дополнительных образовательных услуг, сдачи в аренду и т.д.

Итак, анализируя трансформации университетов в различных культурных контекстах и социально-экономических условиях, Кларк приходит к выводу о том, что модель предпринимательского университета может служить адекватным ответом на вызовы, стоящие на пути развития высшего образования. В то же время, конкретные трансформации в системах высшего образования требуют учета национальной специфики.

К сожалению, в настоящее время ни один из существующих в России университетов не может быть назван предпринимательским, несмотря на безусловное расширение государственно-частного сотрудничества в сфере образования за последние годы.

Уникальным примером сотрудничества государства и бизнеса в сфере высшего образования на российской почве может служить проект университета Иннополис (Республика Татарстан). Иннополис позиционируется как инновационный образовательный проект, задачей которого является подготовка высокоспециализированных специалистов с учетом лучших мировых практик. В долгосрочной перспективе данный проект рассматривается как ядро интеллектуального центра – высокотехнологичного одноименного «города будущего».

Университет Иннополис в июле 2014 года получил лицензию на осуществление образовательной деятельности по программам высшего образования. Данное образовательное учреждение является специализированным и осуществляет подготовку студентов по следующим направлениям: IT-технологии, информационные системы и робототехника.

Отличительной особенностью проекта Иннополис является комбинированное финансирование: вся инфраструктура университета создавалась в рамках федерального проекта на бюджетные средства (4,7 млрд.рублей), а обеспечение его деятельности предполагается исключительно за счет привлечения частных инвестиций и средств заинтересованных спонсоров (так, согласно публичным отчетам университета, за 2013 и 2014 год удалось привлечь 840,6 млн.рублей) [4].

Частный характер финансирования операционной деятельности университета определяет структуру управленческого аппарата: помимо традиционной должности ректора предусмотрена должность директора – ключевого менеджера, ответственного за координацию административной деятельности. При этом высшим органом управления является Наблюдательный совет, определяющий общий вектор развития университета и структуру финансовых расходов, что, в частности, делает Иннополис схожим с предпринимательскими университетами, описанными Бертоном Кларком.

Проанализировав относительно небольшой опыт Иннополиса как потенциального университета предпринимательского типа, есть основания заключить, что основная проблема, стоящая перед вузами такого формата в условиях российской действительности, – слабое развитие проактивной культуры устойчивого государственно-частного партнерства в системе высшего образования.

В то же время, российский частный сектор в условиях ухудшения экономической ситуации не рассматривает сотрудничество с образовательными институтами в долгосрочной перспективе: большая часть партнерских проектов в данной сфере носит временный характер.

Кроме того, в российском обществе в силу особенностей исторического развития, поддержка сферы высшего образования рассматривается как обязанность государства и расширение сектора частного образования за последние годы существенно не изменило ситуацию. Некоммерческие вузы были и остаются зависимыми от государства (как финансово, так и юридически) и не обладают самостоятельностью, необходимой для проактивного развития. В этом ракурсе развитие университета Иннополис, отпущенного государством в «свободное плавание», представляет особый интерес для исследователей.

Таким образом, создание предпринимательских университетов и расширение государственно-частного партнерства могут служить действенными механизмами повышения качества высшего образования и снижения негативного эффекта от сокращения бюджетного финансирования данной сферы.

Однако полноценное развитие системы предпринимательских университетов в России представляется возможным в лишь отдаленной перспективе. Переориентация системы высшего образования требует стабилизации социально-экономической ситуации в целом, а также создания нормативно-правовой базы, расширяющей возможности вузов и усиливающих их самостоятельность параллельно с повышением статуса университетов и высшего образования.

1. Федеральный закон от 14.12.2015 №359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» http://www.minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/11-15/

2. Государственная программа «Развитие образования» на 2013-2020 гг. <http://www.usperm.ru/02/razvobr.pdf>

3. Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: Организационные направления трансформации. М. 2011

4. Официальный сайт университета Иннополис <http://university.innopolis.ru>

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИДЕРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Лапина С.В., Домасевич И.В. (Минск, Республика Беларусь)

Современное общество, предъявляя к студенческой молодежи новые требования, способствует формированию студента нового типа, обладающего инновационным мышлением и способностью к информационному взаимодействию в условиях трансформирующегося общества. Сегодня, в условиях информационного общества, требуются лидеры нового формата, а именно лидеры общественного мнения.

Предложенное в 1944 г. американским социологом П. Лазерфельдом понятие «лидер мнений» [1, с. 42] как некий посредник между средствами массовой информации и населением не утратило своей актуальности и сегодня, эта подкатегория лидеров играет важную роль в разных сферах деятельности человека, в том числе и в социально-политической жизни. Как это отмечено в [2], «именно лидеры мнений могут быть основной группой влияния при модернизации ... экономики с опорой на потребительский сектор, и потому знание их социально-психологического профиля становится неременным условием эффективности всякой программы продвижения в современных условиях». Руководители разного уровня являются более успешными управленцами, если они не только опираются на существующих в социуме общественных лидеров, но и сами приобрели в этом социуме имидж лидера общественного мнения.

Формирование в студенческой среде лидеров общественного мнения как социальных субъектов, обладающих высоким интеллектуальным потенциалом, информационной культурой, навыками эффективных коммуникаций и техники организации взаимодействия, способных оказывать постоянное и эффективное влияние на своих ближайших последователей на основе авторитета и признания через специально организованную интерактивную деятельность является важным элементом учебно-воспитательного процесса в вузах, осуществляющих подготовку управленческих кадров. Приобретенный в вузе опыт оказания содействия в критическом восприятии полученной информации с последующим формированием зрелого (обогащенного) общественного мнения по вопросам, представляющим общественный интерес, является залогом успешной деятельности на руководящих должностях.

Молодежные лидеры мнений призваны стать интеллектуалами-посредниками на уровне межличностной и групповой коммуникации не только среди своих сверстников-студентов, но и среди иных категорий молодежи страны, которые часто не способны, в силу «информационной перегрузки» и индивидуальных особенностей, критически воспринять и в дальнейшем использовать полученную информацию.

Социальная технология формирования молодежного лидера общественного мнения выступает как целенаправленный организованный процесс воздействия факторов на микро- и макроуровнях и различных социальных структур на молодежного лидера из числа студентов высших учебных заведений и ориентирована на формирование конкретных личностных и профессиональных качеств.

Учебно-воспитательная среда вуза представляет собой динамичный, развивающийся континуум, активно влияющий на потребителей – студентов, – и вносит специфический вклад в профессионально-личностное развитие студента как будущего специалиста [3]. Формирование лидеров общественного мнения в вузовской среде происходит путем участия студентов в учебной, в том числе научной деятельности (формирование компетенций в ходе изучения учебных дисциплин, использование инновационных технологий в организации учебного процесса и т.д.), внеучебной деятельности (участие в органах студенческого самоуправления, программно-целевых мероприятиях вуза, проектах, общественных мероприятиях и т.д.), виртуальных (сетевых) сообществах и с помощью современных кадровых технологий. Не исключается также факт внутреннего саморазвития личности. Молодежные лидеры мнений могут стать ведущими субъектами коммуникативных процессов, способными своим авторитетом и личностными особенностями оказывать влияние на своих сверстников путем ведения дискуссий и тем самым формируя обогащенное, критически взвешенное общественное мнение.

Для студентов приобретение знаний и подготовка себя к будущей профессиональной деятельности является основным видом деятельности. Учебная деятельность студенческой молодежи в последнее время связана с реализацией компетентностной модели, ориентированной на формирование высококвалифицированных специалистов нового поколения, обладающих инновационным поведением. Основными характеристиками инновационного поведения студентов вуза можно назвать такие, как гибкость и нестандартность мышления, открытость новому, целенаправленность, ориентированность на поиск новых решений и идей и направленность на достижение успеха.

Кроме того, в учебной деятельности большую роль играют инновационные технологии, используемые в учебном процессе. Так, в Академии управления при Президенте Республики Беларусь уже несколько лет преподается учебная дисциплина «Деловой этикет и профессиональная коммуникация». Количество учебных часов, тематика и формат учебных занятий позволяет уделить достаточно времени формированию у студентов коммуникативных навыков, навыков публичного выступления, ораторского мастерства, навыков ведения дискуссий и принятия управленческих решений. Занятия проводятся в форме деловых игр, ток-шоу, тренингов, кейс-стади, тематических дискуссий с использованием мультимедийных средств и др. Студенты проявляют заинтересованность при изучении данной дисциплины и отмечают ее важность для себя как будущих управленцев.

Как было сказано выше, формирование будущих компетентных специалистов, лидеров мнений происходит не только в процессе их основной деятельности – учебной, но и через систему воспитательных мер, организуемых в вузе. На наш взгляд, именно внеучебная, общественная деятельность в высшем учебном заведении в большей степени создает оптимальные условия для формирования лидерских качеств молодого человека.

Характеризуя внеучебную деятельность студентов Академии управления, необходимо отметить тот факт, что она имеет свою специфику, связанную с подготовкой будущих управленцев, и ориентирует, прежде всего, студентов на развитие лидерских качеств, навыков эффективного взаимодействия, подготовку к будущей профессиональной деятельности в органах государственной власти и управления.

Кроме достаточно разветвленной системы студенческого самоуправления, молодежных общественных организаций, в Академии управления на протяжении 11 лет совместно с Минским городским исполнительным комитетом реализуется проект «Минская смена: Лидер года». Главная цель проекта – вовлечение студенческой молодежи в систему общественных отношений, обеспечение активного участия молодых людей в развитии общественного и экономического потенциалов Республики Беларусь, развитие своего инновационного и управленческого

потенциала, развитие навыков эффективного взаимодействия и практики работы в команде. В «Минской смене» акцент сделан на выполнении студентами-лидерами функций дублеров и консультировании последних руководителями комитетов, управлений, служб Мингорисполкома и администраций районов г. Минска по основным направлениям в процессе работы проект-команд над социальными проектами.

С учетом нынешней реальности, характеризуемой как информационное общество, кроме учебной и внеучебной деятельности целесообразно добавить еще один вид деятельности, связанный с участием студентов в глобальном виртуальном (сетевом) обществе, который рассматривается нами как еще один канал социализации и развития лидерских качеств. Анализируя степень влияния глобального виртуального (сетевого) пространства на студенческую молодежь, помимо его негативного влияния, о котором говорят в большинстве случаев, остановимся на его положительной стороне. Все же глобальное пространство – это неотъемлемый элемент культуры XXI века, часть духовной жизни социума и личности, и студенческая молодежь сегодня активно становится и потребителем и актором (например, блоггеры) в различных сетевых сообществах, тем самым именно последние могут рассматриваться в качестве лидеров общественного мнения.

Современное информационное пространство следует рассматривать как действенное средство осуществления социальной, воспитательной и идеологической работы. Актуальным становится разработка действенных средств и механизмов для ведения общественных дискуссий в условиях медиатизации социально-экономической и политической жизни страны. Роль лидера мнений здесь приобретает важный аспект. Ведь персонализация существенно влияет на ход дискуссий в данном сегменте, позволяя формировать необходимые базовые установки и модели поведения. Необходимо учитывать одну из особенностей молодежи, а именно, открытость и способность к диалогу.

Лидеры мнений призваны найти свою нишу в социальных сетях и грамотно ее использовать для взаимодействия с различными категориями молодежи, выработке «индекса внимания» к значимым событиям, происходящим в стране и мире путем организации и ведения дискуссий, использованием технических новинок, игровых форм взаимодействия, а также интернет-технологий через такие сетевые сообщества, как VKontakte, Twitter, Facebook, Instagram и т.д., а также через ведение форумов и блогов.

Таким образом, современная социальная реальность, характерная для белорусского общества, развивающегося в условиях глобальных общественных трансформаций, обнаруживает еще не использованные возможности в сфере решения проблем, связанные с критическим и взвешенным подходом к отбору и использованию качественной информации, которая играет важную роль в социализации студенческой молодежи, рассматриваемой в качестве одного из основных ресурсов инновационного развития государства. Особая роль здесь принадлежит учреждениям высшего профессионального образования, которые формируют данный человеческий инновационный ресурс, способный к инновационному мышлению и обладающий лидерскими качествами, не только через организованный образовательный процесс, но также через систему воспитательных мер, социально-проектную деятельность и кадровые технологии.

1. Lazarsfeld, P. F. *The people's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign* / P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet – New York: Columbia University Press, 1944. – 151 p.

2. Душкина, М. Р. Лидеры мнений: социально-психологические аспекты работы в PR [Электронный ресурс] / М. Р. Душкина // Сайт BestReferat.ru. – 06.07.2011. – Режим доступа: <http://www.bestreferat.ru/referat-219494.html>. – Дата доступа: 30.06.2015.

3. Лапина, С. В. Мир повседневности современного белорусского студента / С. В. Лапина, А. М. Жук // Соц.-нед. работа. – 2007. – № 6. – С. 13–16.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Лапина Н.Р. (Волгоград)

В настоящее время для нашей страны насущной проблемой становится патриотическое воспитание молодежи. Так как молодежь – это будущее страны, то гражданская ответственность и патриотизм молодежи – одно из важнейших условий экономического, социального и политического развития России, ее продвижения по пути демократии и строительства

гражданского общества. Основной целью государства является формирование у молодежи высокого патриотического сознания, верности Отчеству, готовности к выполнению гражданского долга.

Именно поэтому актуальность темы исследования обусловлена возникновением проблемы возрождения патриотизма в нашей стране, обострившейся после распада Советского Союза. Непрерывное проведение реформ на рубеже веков и в настоящее время, локальные войны и конфликты, экономическая нестабильность в стране привели к тому, что с первых десятилетий XXI в. в России начался процесс изменения традиционных представлений о патриотических ценностях.

Проблема возрождения патриотизма в молодежной среде имеет первостепенное значение в наше время. В ряде научных публикаций предложены различные трактовки данной проблемы. В их основе лежит общий тезис о том, что уровень значимости патриотических ценностей в среде современной российской молодежи неуклонно падает. Многие авторы приходят к выводу о том, что перед Россией стоит задача выработки новой идеологической системы, которая в наибольшей степени будет способствовать воспитанию российских патриотов XXI в.

Изучение данной проблематики осуществлялось нами на основе социологического исследования, проведенного с применением метода анкетирования в апреле 2016 г. среди студентов Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» (сплошной опрос, N=346). А также повторного исследования в сентябре-октябре 2016 года.

Если в первом случае анкета исследования включала в себя три основных блока вопросов: общие представления о патриотизме и проблемы его возрождения в молодежной среде, личное отношение к данному вопросу респондента и роль сферы культуры в нравственно-патриотическом воспитании молодежи, то в новую анкету был добавлен дополнительный блок вопросов, связанных с отношением молодых людей к военно-политической ситуации, сложившейся на Украине и мире в целом.

Анализ полученной информации позволил сделать вывод о том, что формирование представлений о патриотизме происходит уже в детском возрасте и закладывается в семье через такие понятия, как любовь к Родине – 54,1%, а также гордость за историческое прошлое своей страны – 43,5%. Несмотря на то, что при ответе на вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом?» только 39,8% ответили положительно, то при повторном исследовании выяснилось, что патриотами себя уже считают - 72,3%, при этом молодые люди, в отличие от девушек, чаще всего высказывали мысль о том, что американизация современного российского общества препятствует укреплению патриотических настроений в молодежной среде. Отметим, что трудности, сложившиеся в военно-политической сфере на Украине, заставили пересмотреть многих людей своё отношение к вопросам, связанным с патриотизмом, гражданственностью и нравственностью. По сравнению с исследованием, проведенным весной 2016 года, когда происходило латентное развитие конфликтной ситуации на Украине, исследование, проведенное осенью, показало, что конфликт, достигший своего апогея, способствовал усилению патриотических настроений в изучаемой группе респондентов.

Так неужели в наши дни обязательно нужны вооруженные столкновения, гибель невинных людей, чтобы люди сплотились перед нависшей угрозой и наконец-таки поняли, что значит быть патриотом своей страны? Таково мнение молодежи на сегодняшний день – 43,2%. При этом, распределение ответов на вопрос «Пошли бы Вы добровольцем на фронт, если бы без предупреждения объявили войну?» дал довольно таки противоречивые результаты: в отличие от молодых людей (23,4%), 53,7% девушек считают, что вполне смогли бы отдать свой долг Родине. А на вопрос: «Считаете ли Вы, что за границей патриотические настроения преобладают в большей степени, чем в России?» только 23,4% ответили отрицательно.

Данные опроса свидетельствуют о противоречиях и трудностях процесса духовно-патриотического воспитания молодежи. По мнению самих молодых людей, причинами снижения значимости патриотических ценностей в последние годы послужили: 41,2% - упадок нравственности в обществе, 34,3% - незнание исторического прошлого своей Родины. На сегодняшний день источниками информации по патриотической проблематике чаще всего являются фильмы, посвященные данной теме, – 53,7%, а также телевидение и интернет – 46,2%, при этом девушки в отличие от молодых людей в своих ответах отдели особое место документальной литературе – 53%. Наиболее важное значение в воспитании патриотизма

респонденты ответили сфере культуры – 58,8%, а также сфере образования и политики – 11,8 %. Полученные данные показали, что основную задачу сферы культуры молодые люди видят в воспитательной деятельности – 53,2%. И поэтому большинство респондентов отметило, что российским учреждениям образования и культуры стоит позаимствовать опыт патриотического воспитания молодежи, накопленный за рубежом – 58,8%.

Говоря о политической активности молодежи, можно сказать о том, что прослеживается тенденция резкого ее снижения. В то же время экстремистские проявления в молодежной среде, в особенности, откровенно фашистского и националистического характера, становятся реальной угрозой. За последнее время в молодежной среде очень часто стали проявляться негативизм, отрицательное отношение к взрослым, жестокость в крайних проявлениях. Резко возросла и «помолодела» преступность. За последнее десятилетие мы практически потеряли целое поколение, представители которого в потенциале могли бы стать истинными патриотами и достойными гражданами нашей страны. Так, распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы проявлением истинного патриотизма – реактивный патриотизм?» большинство респондентов посчитало, что это является особой стороной, присущей патриотизму – 54,7%. Отметим, что реактивный патриотизм с его поиском врагов рассматривается исследователями как неестественная форма патриотизма, являющаяся социальной патологией.

Еще одним немаловажным аспектом в рассмотрении проблемы патриотизма является вопрос, связанный с миграционными установками молодежи. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы жить в другой стране?» показал следующие результаты: 58,3% респондентов заявили о том, что хотели бы уехать за границу, при этом отметили ряд причин, влияющих на их решение. Одной из таких причин стала потребность в обеспечении благополучия своей семьи: такой вариант ответа выбрали 26,4% участников опроса.

Подводя общий итог, отметим, что проведенный анализ результатов нашего исследования позволил выявить некоторые направления решения поставленной проблемы. Так, молодые люди, говоря о мерах по предотвращению резкого упадка уровня и значимости патриотических ценностей, предлагали усилить не только пропаганду патриотической литературы и кинематографа – 21,2%, но и активизировать деятельность, связанную с организацией выставок патриотической направленности – 33,4%, встреч с ветеранами Великой Отечественной и локальных войн – 17,2%, мероприятий, проводимых при содействии патриотических организаций и центров – 13,2%. Реализация этих мероприятий является одним из вариантов совершенствования системы патриотического воспитания, функционирование которой должно быть согласовано с изменениями, которые происходят в современном обществе, где меняются акценты и формируется новая модель поведения молодежи. Если раньше чувство патриотизма считалось неотъемлемой частью жизни каждого человека, то теперь значение патриотических ценностей в молодежной среде значительно снизилось. В связи с этим возникает необходимость согласованных действий патриотических организаций и учреждений культуры и образования, направленных на возрождение значимости идей патриотизма в среде современной российской молодежи.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ларикова С.С. (Волжский)

«Интернет» является всеобъемлющей информационной системой современного мира. Такое широкое распространение интернет-технологий привело к трансформации социокультурной реальности: появлению новых ценностей, потребностей, норм и правил поведения.

Изменение социального поведения индивида с точки зрения воздействия на него Интернета в современной научной литературе рассматривается с нескольких позиций: изучение специфики компьютерного общения, характера влияния Интернет-коммуникаций на сознание пользователя и, наконец, специфичной поведенческой феноменологии. [5].

В рамках последнего аспекта особое внимание заслуживает феномен Интернет-зависимости или Интернет-аддикции. В переводе с английского языка слово «addiction» означает «зависимость, склонность к чему-либо, пагубная привычка» [5].

Термин «Internet-addiction» расшифровывается как «феномен психологической зависимости от сети Интернет, проявляющийся в своеобразном уходе от реальности, при котором процесс навигации по сети затягивает субъекта настолько, что он оказывается не в состоянии полноценно функционировать в реальном мире» [2].

Начало изучению Интернет-аддикции положили в 1994 году американские учёные: клинический психолог Кимберли Яш и психиатр Эйван Голдберг. В 1996 году Э. Голдберг официально ввел в научный оборот термин «Internet-addiction» для описания непреодолимого желания использовать Интернет, которое влечёт за собой пагубные последствия для бытовой, учебной, социальной и психологической сфер деятельности [4].

В основном, исследования интернет-зависимости имеют психологическую направленность и описывают взаимосвязь этого феномена с возрастом, полом, профессией, то есть социально-демографическим портретом пользователя Интернета. И редко затрагивают именно социальный контекст.

А.В.Березкин в своей статье рассматривает феномен Интернет-зависимости в контексте теории аномии Эмиля Дюркгейма и Роберта Мертона, как специальной социологической теории для анализа условий и причин возникновения и функционирования отклоняющегося поведения в рамках современного общества [2].

В данной статье Интернет-зависимость рассматривается как одна из форм девиантного поведения, суть которого состоит в уходе от реальности путём искусственного изменения своего состояния посредством постоянной фиксации внимания на деятельности в Интернете. [2].

Использование Интернета, безусловно, дает нам массу преимуществ, среди которых быстрый обмен и доступ к информации, возможность общения с человеком, находящимся в любой точке мира, возможность самообразования, проведение досуга, поиска работы и даже ведения своего бизнеса. Вопрос только в том, как научиться разумно, пользоваться всеми этими благами.

Но причин отказа от реальной жизни и выбора виртуальной гораздо больше. Например, в виртуальной реальности не имеют значения такие способы определения социального статуса, как внешний вид, возраст, пол. Тем самым это позволяет осуществить нереализованные потребности индивида в личностной и профессиональной само-реализации.

Интернет-зависимые не контролируют время, проведённое за компьютером. В связи, с чем и возникают многие социальные проблемы в реальной жизни:

- о Сокращаются общественные отношения людей. Утрачивается социальная адаптация.

- о Снижается социальная и политическая активность. В связи с тем, что человеку неинтересна жизнь «вне сети». Такие люди становятся управляемыми, лишёнными собственного мнения. Их мировоззрение ограничено только той информацией, которая получена в интернете, а она может быть односторонней.

- о Ухудшение семейных отношений в связи с пристрастием одного из супругов, родителей, детей к Интернету.

- о Интернет-зависимость может привести и к экономическим проблемам (он-лайн казино, интернет-мошенничество)

Интернет-зависимость - это отклонение, которому подвержен практически каждый человек на планете. Особенно дети, большинство которых имеют неограниченный доступ к интернету. А ведь в детстве формируются все самые важные социальные институты, такие как семья и дружба, развивается общественная социализация. Чрезмерное пользование Интернетом может привести к замедлению развития этих социально значимых функций. Следует отметить, что существует категория риска, которая особенно сильно подвержена не только интернет-зависимости, но и другим девиациям. К ним относятся те люди, у которых нет взаимопонимания с близкими, существуют проблемы в семье, сложности в общении с людьми и др. Именно эта категория людей стремится уйти с помощью Интернета хочет «спрятаться» от реальности [3].

Таким образом, для изучения феномена интернет-зависимости необходим комплексный подход: не только с точки зрения науки психологии, но и с точки зрения социологии. Интернет-зависимость может рассматриваться, как одна из форм девиантного поведения. Социальные последствия для интернет-зависимых выражаются в том, что такие люди не способны решать повседневные проблемы реальной жизни, поддерживать отношения с друзьями и близкими.

1. *Англо-русский словарь gufo.me [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://gufo.me/enrudic_a*

2. *Березкин А.В. Социологическая интерпретация феномена интернет-зависимости в контексте теории аномии Эмиля Дюркгейма и Роберта Мертона -Вестник Кемеровского государственного университета, № 3, 2011*

3. Гайнцев Егор Григорьевич *Социальные последствия интернет-зависимости- Историческая и социально-образовательная мысль*, № 6-1, 2015
4. Малыгин В.Л. *Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика и профилактика*— М.: Арсенал образования, 2010.-136 с.
5. Павлова Е.Д. *Сознание в информационном пространстве*. - М: Academia, 2007. - 688 с.

ПРОБЛЕМА ЧТЕНИЯ В ОСОБЕННОСТЯХ ВЫБОРА КНИГ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКИХ ЖИТЕЛЕЙ)

Ларина А.С., Горчакова С. А. (Курск)

В современной России, как и в других странах, наблюдается ситуация - интерес к чтению заметно понизился. Масштабы этой социальной проблемы настолько значительны, что дают основания говорить о системном кризисе читательской (и писательской) культуры. Как подчёркивают разработчики «Национальной программы поддержки и развития чтения» (о ней ниже), страна подошла к критическому пределу пренебрежения чтением.

Эмпирическая база исследования

Эмпирические данные были получены нами в мае 2016 г. в ходе исследования «Чтение нового поколения: взгляд курян». Исследование проведено на базе социологической научно-исследовательской лаборатории Курского государственного университета по заказу Курской областной научной библиотеки (КОНБ) им. Н.Н. Асеева при непосредственном участии автора статьи. Объектом исследования стали непосредственные и потенциальные читатели КОНБ.

Сбор первичной информации был осуществлен методом анкетного опроса с последующей обработкой посредством IBM SPSS Statistics 21.0. Общее количество респондентов составило 600 человек. Для формирования выборочной совокупности данного исследования использовалась одноступенчатая стихийная выборка. Помимо того, мы выделили внутри выборочной совокупности три возрастные группы людей: молодежь в возрасте 18-29 лет; средний возраст 30-44 года; старший возраст 45-60 лет. Это позволило нам осуществлять сравнения результатов исследования между этими возрастными группами, а также с некоторыми результатами ранее проведенных полевых исследований. Обратимся к анализу полученных результатов анкетного опроса.

Отношение жителей Курской области к книгам и чтению

Книга. Одни рассматривают ее как повод поговорить, т. е. она становится предметом обсуждения; другие – как источник знаний; третьи же считают ее инструментом развития цивилизации, а также средством саморазвития; для многих она становится другом и советчиком. Но разумно будет рассматривать ее в совокупности всех этих мнений и понятий. Чтение – один из важнейших видов речевой деятельности, оно тесно связано как с произношением, так и с пониманием речи, что зависит от качества прочтенных книг. Также чтение – это способность воспринимать, понимать информацию, записанную (передаваемую) тем или иным способом, воспроизводить техническими устройствами.

В связи с этим первым, что нас заинтересовало, был вопрос о том, как же относятся жители Курской области к книгам и к чтению, в общем. Вначале мы задали им вопрос: «Как Вы относитесь к чтению?»

Распределение ответов показало, что большинство опрошенных (66,5%) выразили однозначно позитивное отношение к чтению, 15% охарактеризовали его скорее положительно, чем отрицательно. При этом 12,8% дали отрицательный ответ на вопрос. Мы полагаем, что негативная оценка чтения со стороны респондентов связана, с одной стороны, их занятостью, а с другой стороны, со слабой заинтересованностью в чтении. Далее нашим вопросом стал «Какое место занимает чтение в сфере ваших интересов?». Примерно треть опрошенных (37,3%) заметили, что «чтение входит в пятёрку любимых занятий». Еще 23,8 % поместили чтение «в десятку любимых занятий». Однако при этом каждый четвертый отметил (21,5%) что чтение у них «выходит за рамки любимых занятий» и лишь (17,3%) респондентов «чтение не входит в сферу моих интересов» На наш взгляд, это довольно тревожный симптом: практически половина респондентов вынесла чтение за пределы круга своих интересов.

Затем нам необходимо было узнать «Как много времени вы уделяете чтению?». Мы обнаружили, что треть опрошенных (36,2%) любят читать, но не имеют для этого достаточно времени. Четверть респондентов (21,3%) заметили, что читают крайне редко, пятая часть (19,8%) ответили, что читают эпизодически (время от времени). И лишь 19% информантов указали на то,

что они регулярно выделяют время для чтения. Мы полагаем, что ускорение темпа жизни, широкое распространение телевидения и Интернета влечет за собой снижение читательской активности и, как следствие, читательской культуры в целом.

Тем не менее, для нас было важно получить ответы на ключевой вопрос нашего исследования «Какую роль играет чтение в Вашей жизни?». Мы выявили, что самым популярным вариантом ответа (34,5%) стала оценка чтения как способа развития личности. Примерно четверть опрошенных (23,2%) связали чтение с получением информации, в качестве хобби указали на чтение 16,5%. Помимо того, чтение оказалось востребованным для работы (8,5%), учебы (7,2%), нахождения общего языка с детьми (3,7%), для выстраивания отношений с коллегами (3,5%), наконец, для того, чтобы «прикоснуться к мировой культуре» (2,2%). Как видим, жители региона дают многофункциональную оценку феномену чтения, акцентируя внимание на таких его возможностях, как способ личностного развития и информационный ресурс.

Также при проведении исследования студенты указали на знакомство с современной российской литературой (были названы фамилии таких писателей, как – А. Борис, Д. Донцова, В.О Пелевин, А.Н Рыбаков, Л.Е Улицкая, М. И. Веллер, М. Фрай, В.С. Токарева, З. Прилепин) и это составило не более 28% от опрошенных. А также респонденты выделили всеми известных классиков – (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский..., М.А. Булгаков, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, В.В. Маяковский, М.И. Цветаева., А.П. Чехов, В.В. Набоков) которые составляют 72%. Можно с уверенностью сказать о том, что жители г. Курска знают современных хуже чем, классиков русской литературы. Так как именно с классической литературой мы знакомы с детства. Этими книгами мы зачитывались в юности, в институте. Размышления о долге, чести, родине и зле а современная литература не несет в себе глубокий смысл. Задача данной литературы отвлечь человека от реальности, погрузить в другой мир отличающийся далеко от нашего.

Вместе с тем, следует отметить, что в последние годы в России фиксируется снижение интереса к чтению, что оценивается как кризис. Это явление вызывает беспокойство у широкой общественности, т.к. уровнем развития книжной культуры в большой мере определяется духовный потенциал нашего общества.

И здесь важно понять, в какой именно сфере чтения сегодня фиксируется кризис. Известно, что с позиции американских, европейских идеологов книжной культуры, чтение рассматривается как умение постигать информацию различного рода через текст, и это практически равноценно грамотности. В Великобритании литературу не делят на хорошую и плохую, в этой стране идет разделение литературы на популярную и непопулярную. Соответственно лучшими книгами оказываются те, которые любит большинство. И поднятие престижа чтения при таком подходе выступает прагматической задачей тренировки его навыка безотносительно к художественной ценности произведения. Данный подход для курских читателей, полагаем, не совсем применим. Ведь для курских читателей (а также российских читателей вообще), и новые поколения при этом не являются исключением, наибольшую значимость имеет смысловая и художественная ценность читаемого ими произведения.

1. Чубарьян О.С. *Человек и книга: социальные проблемы чтения.* – М.: Наука, 1978. – 368 с.
2. Овсянникова Т.Ю. *Исследование отношения современной молодежи к чтению [Электронный ресурс].* – Режим доступа:

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТСМЕНОВ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (НА ОСНОВАНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НИЖЕГОРОДСКИХ СПОРТСМЕНОВ)

Ларшина Н.В. (Нижний Новгород)

В рамках изложения данных тезисов под термином «спортсмен» будет подразумеваться категория людей, для которых занятия спортом являются основным видом трудовой деятельности, т.е. профессией [1].

Одной из социологических парадигм является институциональный подход, предполагающий возможность проведения анализа социальных проблем на трёх уровнях: макро-, мезо-, микроуровне [2]. Государственная законодательная инициатива относится к макроуровню. На основании принятия Федерального закона Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 13-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" спортсменам было

предоставлено право на пенсию и, в целом, быть защищёнными всем комплексом трудового права [3]. Отраднo, что государство оказывает поддержку отечественным спортсменам, которые полностью посвящают себя выступлениям на международной спортивной арене под флагом России, тем самым прославляя своими победами престиж страны.

Специально для изучения вопроса ресоциализации профессиональных спортсменов на микроуровне автором было проведено социологическое исследование методом полуструктуризованного интервью. Респондентами опроса являлись спортсмены г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Среди опрашиваемых (38 человек) были действующие и бывшие спортсмены: участники и призёры Олимпийских игр, мастера спорта международного класса, заслуженные мастера спорта, кандидаты в мастера спорта и 1 человек без вышеперечисленных званий, но участвовавший в соревнованиях областного масштаба. Практически все спортсмены (кроме 2-х человек) описали своё состояние момента ухода из спорта одним словом – «вдруг». Для них эмоциональное состояние, выраженное словом «вдруг» означало, что всё в их жизни закончилось в один миг. И это эмоциональное потрясение – осознание, образно говоря, «конца света»: конца своей карьеры и жизни – погружало их в состояние шока, растерянности. Слово «вдруг» звучало из уст спортсменов как зловещее заклинание, от которого нет спасения. Завершение своей карьеры в спорте экс-спортсмены выражали следующим ассоциативным рядом (из текстов интервью): “харакири”, “жизнь у разбитого корыта”, “никчёмность”, “ты плавал в ванне, а тебя выкинули в море”, “мы, как наркоманы, уже не можем жить без спорта”, “не знали забот”, “дело жизни”, “снилось”, “был лидером в стране, в мире и вдруг идти улицу подметать? Я со стыда умру!” Исходя из описанной проблемной ситуации, следовал вопрос: «Нужна ли помощь спортсмену при завершении его профессиональной карьеры, помощь в адаптации после ухода из спорта?» Данный вопрос специально задавался в открытой и косвенной форме, чтобы мнение респондентов не ограничивалось личным опытом, знаниями или не знаниями о программах социальной поддержки людей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Поначалу вопрос воспринимался «в штыки»: первая реакция была с негативным возмущением, даже с проявлением явного эмоционального негодования: «Бомжам нужно помогать, алкоголикам», «Когда человек служил в армии или человек 10 лет отсидел в тюрьме, то таким людям нужна помощь, нужна адаптация», «Но стыдно для спортсмена в первую очередь, если он ещё здоровый мужик, имеет образование», «Самому нужно захотеть», «Да какая помощь! Деньги надо ему». Но постепенно спортсмены меняли свой гнев на милость и начинали смягчаться в своих оценках, говоря: «Почему бы и нет», «Его нужно просто направить, дать глоток свежего воздуха, чтобы он воспрял», «Помощь нужна от тренера. Это нужно тренеру взять за правило», «Помогать им надо не потом, когда он закончил выступление, а когда он занимается, выступает», «Наверное, друзья, знакомые могут руку помощи подать». Далее спортсмены рассказывали о личном опыте прохождения «рубикона» в своей профессиональной карьере, т.е. они поэтапно вспоминали те события и эмоции, которые им приходилось испытывать, оставляя мир спорта. Некоторые описывали свой уход из спорта метафорично как «падение горы с плеч», т.е. окончание постоянных, изнурительных тренировок, переездов и т.п. Но для большинства уход из спорта вызывал сожаление, ностальгию. Несмотря на всю глубину эмоциональных переживаний, перед человеком объективно возникал насущно-жизненный вопрос: куда идти дальше? чем заниматься после спорта? Сами спортсмены, задаваясь вопросом выбора своего дальнейшего жизненного пути, размышляя о вариантах своей будущей профессии, ни напрямую, ни косвенно не упоминали о каких-либо социальных службах, способных оказать им помощь или дать совет. В их ответах не фигурировали возможные варианты обращения – даже гипотетически – в какие-либо социальные службы за консультацией: ни в профориентационные центры, ни в центры занятости, ни в иные социальные службы. Суммарно ответы спортсменов на вопрос: «Нужна ли помощь спортсмену при завершении его профессиональной карьеры, помощь в адаптации после ухода из спорта?» сгруппировались, условно говоря, в четыре мнения на букву «Н»: «Не нужно», «Не знаю», «Не думал об этом», «Ну, может быть». По сути, спортсмены высказали своё нейтральное отношение к оказанию какой-либо помощи, а присущий поначалу негатив в их ответах по отношению к какой-либо форме социальной поддержки нивелировался сам собой в процессе интервью. Мнения спортсменов, условно сгруппированные в четыре позиции, являются фоном их отношения к социальным службам, сложившегося не из-за фактов их совместной деятельности, а, наоборот, из-за полного отсутствия информации у спортсменов об их существовании, об их профиле деятельности. Мир профессионального спорта и социальной работы находятся, образно говоря, в параллельных

плоскостях относительно друг друга: ни один из этих миров ничего не знает о существовании друг друга. Прорыв информационного вакуума между миром профессионального спорта и деятельностью социальных служб мог бы привести к позитивным шагам на пути оказания комплексной поддержки спортсменов, как завершающих, так и завершивших свою профессиональную карьеру.

Роль социологии в данном вопросе может заключаться в наведении мостов между спортсменами и социальными службами посредством проведения социологических исследований с целью дальнейших методологических разработок социальных программ по ресоциализации профессиональных спортсменов. Конечно, любые государственные социальные программы, направленные на поддержку, постспортивную адаптацию, ресоциализацию спортсменов будут эффективными, если при их разработке будут учитываться запросы, мнения главного субъекта социального института спорта – самих спортсменов.

Задачи науки заключаются не в непосредственном решении проблем, а в постановке проблем, актуальных вопросов. Изучая тему ресоциализации профессиональных спортсменов на базе научных публикаций (с учётом кандидатских и докторских диссертаций), мнений самих спортсменов (на основании лично проведённых интервью), автор обнаружил относительно параллельное существование сфер профессионального спорта, социальной работы и социологии в вопросах решения заявленной социальной проблемы.

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 7 апреля 2014 г. N 186н «Об утверждении профессионального стандарта «спортсмен» (Зарегистрировано в Минюсте России 22 мая 2014 г. N 32397) [online] / [Обращение к документу: 21 июля 2014]. Доступ через .

2. Заславская, Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремиться вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской / Т.И. Заславская. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 3 – 15. – ISBN 5-93725-004-4.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. N 13-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" // Российская газета. – 2008. – 5 марта.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ

Лаукарт-Горбачева О.В. (Казань)

In Post-Soviet Russian society there is a change of educational model. The classical understanding of a social purpose of education determined by G. Hegel as "process of development by the person of the patrimonial human image which is historically set in culture" [1, P. 15] is leveled. The culture-centered model of education aimed at forming of comprehensively developed personality is replaced with economocentric educational model. The economocentric understanding of educational activities and its products proceeds from pragmatism, tightly utilitarian understanding of education as some set of knowledge, abilities, skills, competences providing professional qualification of the person.

Economism or domination in social life of economic targets, economic criteria, economic activity causes distribution of commercialization, marketization, a consumerization, informatization and an innovation of the educational sphere. An indicator of the changes happening in Post-Soviet Russian education is the narrowing "education" concept. The concept "education services" becomes popular in mass media, scientific discourses and daily communication. Education process everything is more interpreted as a process of provision of education services which main subjects are the general directorate determining strategic directions of functioning and distributing resources including financial (in the Russian conditions it is a government), producers, sellers of education services and their consumers.

Processes of a consumerization in the educational sphere promote expansion of the rights of consumers and strengthen their impact on producers and sellers of education services. One of the efficient mechanisms of consumer influence is the assessment of degree of satisfaction with quality of education, to be exact with quality of education services.

Education services quality evaluation can be determined on the basis of studying of direct judgments of consumers (school students, students, parents of pupils), and also on the basis of the analysis of the mediated contents (daily conversations with parents of pupils, students, school students,

performances at parents' meetings, the complaints of pupils and their parents fixed in special documents, etc.). The research of the mediated contents allows to identify the deep personal ideas, expectations, purposes, stereotypes of consumers concerning potential or really received education services.

As a research object we chose such mediated content as a student discourse. Popular in social and humanitarian sciences the concept of "discourse" has various interpretations. The discourse in the most general meaning is interpreted as a special method of communication and understanding of the surrounding world or its certain aspect [2, P. 18]. In concepts of M. Foucault evolved in the majority of modern discourse analytical approaches, discourse is determined as a group of statements limited by the rules existing in specific societies [3, P. 117]. Having generalized the interpretations of a discourse used in modern sociological and social theories, T. Van Dijk marked out its following values. In a broad sense discourse is understood as a complex communicative event. Discourse should be narrowly understood as a text or conversation; discourse as specific text or conversation; discourse as type of verbal products; discourse as genre; the discourse as a social formation designating sociocultural features of societies; discourse as mechanism of ideological socialization [4].

In an author's research the discourse is interpreted as the urgent, reflecting in micro social level sociocultural phenomena and processes, a written or oral product of communicative action, coherent on semantic value.

Students' works (essays) have acted as the communication space reflecting a student discourse. Within a discipline "Modern social and political problems" we offered to students to write an essay on the theme: Urgent problem of the modern Russian society. This task was performed by students on the practical classes without preliminary informing that has allowed us to increase objectivity of the obtained data. In total we analyzed 174 student essays.

The main objectives of this research included identification of degree of relevance for students the problems of education and their content in Post-Soviet society therefore performance of this work included two stages: 1) we offered the students within 10 minutes to describe the most urgent social problem of modern Russian society; 2) after a small teacher's comment we gave the students the task to analyze the reasons of problems of Russian education, which are urgent for them. We also recommend them to analyze the possible and undertaken by the Russian government measures of the problem solving and to try to estimate the prospects of development of education sphere in Russia.

In students' works various problem solving aspects of the development and functioning of Post-Soviet society were affected: crime of minors; legal nihilism; youth values; bureaucracy; pension system; smoking; educational functions of the family; suicide of youth; international policy; game addiction; prostitution; terrorism; consequences of financial crisis; nationalism; Russia and WTO; inequality; fascism; inflation, etc. In total 51 urgent problems were reflected in the essays. The most urgent for the students were such social problems as corruption (15,1%), education reforming (11,6%), demographic crisis of the Russian society (10,5%), alcoholism (7%), unemployment (6,4%), health care problems (5,2%), poverty (4,7%).

The substantial analysis of materials of the essays allowed us to allocate the following generalized conclusions:

- the vast majority of students' works (88%) is devoted to the macro changes happening in the Post-Soviet education;

- the insignificant number of the essays is devoted to local educational problems, in particular, to the degree of adequacy of assessment of pupils' knowledge at the Unified State Exam (USE), to compliance of two-level system of higher education to job market requirements, difficulties of employment of university graduates, etc.;

- our assumption of domination of a perspective of higher education in the analyzed content wasn't confirmed. Quantitative indicators of the problems discussed by students were the following: school education – 48%; higher education – 27%; the Russian education system in general – 25%;

- the informants described in their works the personal practitioners (influence of number of points at the USE on a possibility to enter the desirable university; quality of teaching in graduation classes; the difficulties connected with the low level of a scholarship or its absence; need to earn additionally that reduces the level of assimilation of knowledge; expected difficulties of employment on the profession; negative attitude of employers to bachelor's degrees, etc.), in general, many judgments and estimates of students reflect the topics and contents broadcast in mass media;

- we have recorded the fact of students' preference for Internet-based sources as means of obtaining information that was predictable and natural. The tendencies of development of information technologies [5] designated by M. Castells, and the statistics of the expansion of the Internet audience in

Russia [6, P. 43] demonstrate preference of the Internet as information source among youth, in particular among the student's youth;

- the analysis of content of the essays showed prevalence of negative assessment of the changes happening in the Post-Soviet education system;

- in this research we revealed the most urgent aspects that reduce the degree of consumer (students) satisfaction with higher education services. Among them are the simplification of training process in the senior classes of general education school and its aiming first of all at training in skills of accomplishment of test tasks, knowledge of the mechanism of work and logic of creation of test tasks; lack of guarantees of entering a university for the budget places in case of good results at the USE; difficulties of employment of university graduates; unpopularity at employers of diplomas of bachelors; inefficient use of modern information technologies in the education process.

The student's discourse reflected in written works (essays) can be characterized mainly as critical. The students' works have been devoted not just to concrete plots, education practices but more to the reasons and factors causing problems of functioning and development of system of modern Russian education and a consequence of her reforming.

The received results of studying students' discourses promote elaboration of the further research strategy focused on the identification of latent functions of the Russian educational institute which main "founder", "manager" and "customer" is the government realizing the narrow corporate interests by means of reforms.

1. Hegel G.W.F. *Phenomenology of spirit*. – St.P.: Science, 1999. – p. 441.
2. Jorgensen M.W., Phillips L. *Discourse analysis as theory and method / Trans. from eng. – 2nd ed. corr. – Kharkov: publishing house "Humanist centre", 2008. – p. 352.*
3. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. – London: Routledge, 1972.
4. Van Dijk T. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. – London: Sage, 1998. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>, free.
5. Castells M. *The Information age: Economy, society and culture*. – URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch, free.
6. *Russian market of the periodicals. State, tendency, prospects of development: Report / general edition V.V. Grigorieva*. – M.: Federal agency on press and Mass Communication, 2009. – p. 100.

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И СОЦИУМ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Лебедева Е.В. (Тула)

включает в себя множество взаимодействующих с государством общественных объединений. Гражданам свойственно объединяться для защиты общих интересов и бороться за их удовлетворение. В данном смысле политические партии (от латинского *partis* – часть) действуют со времен Древней Греции и Рима, являясь субъектами политической борьбы. [1, С. 70]

Партии прошли долгий путь эволюционирования, постепенно становясь продуктом социального, экономического и политического развития конкретного государства. Изучение института политических партий имеет долгую историю. Первое упоминание о них в научной литературе можно найти еще в произведениях античного философа IV в. до н.э. Аристотеля, который определял партии скорее, как группировки, которые враждуют между собой в период государственного переворота. [2, С. 389]

Одним из первых предложил трактовку понятия политической партии английский философ и политический деятель XVIII в. Э. Берк. Он писал: «Партия представляет собой организацию людей, объединенных с целью продвижения совместными усилиями национального интереса, руководствуясь некоторым специфическим принципом, относительно которого все они пришли к согласию». [3, С. 18]

Французский политический деятель Алексис де Токвиль считал, что политические партии – ключевой институт гражданского общества. Он подчеркивал, что, хотя различные политические ассоциации по определению стараются навязать свои собственные взгляды, взаимосвязь между ними на практике способствовала возникновению институционализации политических партий. [4, С. 367]

Роль партий в политической системе уникальна, что обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, политические партии – продукт не государства, а общества и, следовательно, добровольно создаются по инициативе какой-либо его части. Во-вторых, партии

являются общественными объединениями и действуют на основе самоуправления, они призваны отражать исторические особенности формирования политической системы государства.

Институционализации российских политических партий придается огромное значение, так как они являются социально-представительным институтом и способны легитимировать российские реформы.

Политические партии – демократический институт, реализующий такие принципы, как представительство интересов, идеологический плюрализм и возможность выбора должностных лиц. Избирательная система и партии на данный момент являются единственным методом получения политической власти.

Посредством выражения и представительства индивидуальных и групповых интересов, они являются важным элементом гражданского общества. Трудно представить себе политическую систему без взаимодействия политических партий и их группировок. Они являются результатом социокультурной и экономической эволюции социума.

Эволюционируя, политические партии поменяли технологии и механизмы своей деятельности. Социально-политическое взаимодействие с гражданами, общественными группами, слоями, классами становится слабее. Меняются механизмы воздействия на власть. Основная масса граждан все больше получает информацию о политике не через партии, а ориентируясь на средства массовой информации.

Современный этап развития политических партий характеризуется существенными функциональными изменениями их места и роли в политической системе современной России. Политические партии все меньше выполняют функцию посредника между обществом и государством, легитимации политической власти и представления социальных интересов.

В России на современном этапе развития до сих пор не сложилась эффективная система социальных отношений, имеющая три «этажа» реально функционирующего общественного организма: гражданское общество – политические партии – государственная власть, и где главным элементом является общество, которое «производит» политические партии и государственную власть.

Российский социолог Б.В. Дубин отмечает тенденцию массового недоверия российских граждан к социальным и политическим институтам. Так как в современных условиях развития общества «доверие» соприкасается с «ответственностью», то данная тенденция может говорить о самоустранении от ответственности. [5, С. 291] Избиратели голосуют на выборах депутатов в Государственную думу РФ или не приходят на выборы, но не готовы связывать свое решение с тем результатом, который впоследствии выражается в деятельности Государственной думы РФ, то есть предпочитают дистанцироваться и заранее не доверять всем принятым политическим решениям. [6, С. 15]

Опираясь на результаты исследования Левада-Центра «Патерналистские настроения россиян», на сегодняшний день у российских граждан растет требование к централизации власти, возрастает спрос на политику «закручивания гаек» и жесткому отношению к любым «вольностям» в экономической и политической жизни государства. [7]

Восприятие института политических партий гражданами России не только отличается от демократической концепции, а противостоит ей логически, если так можно выразиться, «воюет» с ней за каждую «высоту». И одна из «баталий» – это противостояние персонифицированного и деперсонифицированного образа института политических партий. [8, С. 92]

У российского населения сформировалось убеждение о том, что на практике общее благо недостижимо и бессмысленно тратить силы на его обеспечение, а активные граждане, следуя рыночной рациональности, практически всегда стремятся к достижению личного или семейного блага, но не общего – данный факт и объясняет отсутствие интереса социума как к институту политических партий, так и к политике, в целом. [9, С. 96]

Кроме того, российские граждане в некоторой степени разочаровались в политических партиях и их представителях (лидерах, депутатах и активных членах) – они воспринимаются ими как коррупционеры, которые препятствуют политическим реформам и обновлению политической системы общества. Политическая номенклатура рассматривается населением России как препятствие для прогресса. [10, С. 434]

Сформированная в российском обществе модель восприятия политических партий не формирует у населения страны желания активно участвовать в политической жизни. Она отводит российскому избирателю роль «пассивного наблюдателя». Наблюдается такое явление как «социальное бессилие», в результате которого вся ответственность за происходящие события в

государстве возлагается гражданами на исполнительные органы власти, которые наделяются ими статусом неподконтрольных и «всемогущих» политических субъектов. Практическое отсутствие давления российских граждан на органы государственной власти, способствует фактической безответственности и бесконтрольности института политических партий. [11, С. 50]

Таким образом, политические партии – продукт социального, экономического и политического развития конкретного государства, один из институтов гражданского общества. Однако эволюционируя, они меняли технологии и механизмы своей деятельности. Социально-политическое взаимодействие с гражданами, общественными группами, слоями, классами стало слабее. Посредством понижения рейтинга партий наряду с другими институтами, партии начинают терять свою роль. Они стали все меньше выполняют функцию посредника между обществом и государством, легитимации политической власти и представления социальных интересов.

1. Козлихин И.Ю. Политические партии как институт демократического общества// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2007. № 19. С. 70.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. С. 376–644.
3. Берк Э. Правление, политика, общество// Сборник. Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. М.: «КАНОН-пресс-Ц». 2001. – 480 с.
4. Токвиль А. Демократия в Америке. Т. 1. – М.: Прогресс, 1992. – 636 с.
5. Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М.: РОСПЭН. 2011. – 391 с.
6. Моисеева И.В. Образ законодательной власти в сознании граждан современной России: постановка проблемы// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013, № 3 (23). С. 14 – 20.
7. Патерналистские настроения россиян// Левада-Центр. Пресс выпуск от 18.01.2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2011011803.html>. (дата обращения: 20.07.2016).
8. Дорожкин Ю.Н., Даминдарова Ф.В. Партии в современной России: реальные политические акторы или имитация? // Власть. 2014. № 11. С. 92 – 97.
9. Римский В.Л. Гражданский запрос и политический ответ: общество, партии и власть после Болотной// Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. – М.: КМК. 2012. – 164 с.
10. Орлова М. А. К вопросу о роли политических партий в современном демократическом обществе // Молодой ученый. 2013. №4. С. 434 – 436.
11. Кремезь А.С. Особенности социальной ответственности российских политических партий // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 2. С. 50 – 55.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Левин А.И., Левина Л. В. (Курск)

В последние десятилетия XX века и в начале XXI века в России происходят значительные социальные изменения. В значительной степени они коснулись и одного из базисных институтов общества – семьи. Процесс изменения института семьи привлек внимание науки, политики, прессы и общества в целом. Происходящее оценивается в различных терминах. Одни определяют столь значимые процессы как «кризис» и даже как «крах семьи», другие как «модернизацию».

Достаточно долгое время российская семья определялась исследователями как традиционная. Характерными чертами для нее были патриархальность, многопоколенность, стремление к расширенному воспроизводству. Такая семья достаточно устойчива в браке. Однако уже в конце XX века в России уверенно заговорили о трансформации института российской семьи. Основным показателем этого послужил процесс нуклеаризации семьи, характеризующийся нарастающей с 70-х годов XX в. малодетностью, увеличением количества разводов и неформальных браков. Это остро воспринималось обществом на фоне, сохранявшем достаточный уровень патриархальности. Исследование, проведенное в 1990-1991 годах, с участием Т.А. Гурко, показало, что в России нормой считалось обязательность наличия детей, ориентация на комплементарную роль мужа, недопустимость развода, необходимость финансовой взаимопомощи между родителями и детьми [4]. Одновременно начали нарастать процессы размывания «традиционных» ценностей, нарастала либеральность и эгалитарность семей. Также

одним из признаков кризиса стал все более ярко выраженный процесс разделения родительства и супружества, о чем впервые говорит в начале 90-х годов прошлого века А.Г. Харчев [10].

Можно утверждать, что основным фактором изменения института семьи в описываемый период стал переход экономики страны к рыночным условиям и становлению сервисного общества. «Новая экономика» выдвигает иные требования к социально-трудовым ресурсам, в частности, относительно включения женщин в трудовую деятельность и мобильности семьи. В Российской Федерации в последние годы сложилась устойчивая тенденция привлечения женщин к профессиональному труду. Отметим, что основными последствиями стали увеличение нагрузки на женщин (так называемая «double-load»), общее снижение рождаемости, отсрочка по возрасту с появлением первого ребенка, уменьшение численности домохозяйств.

Указанные последствия укладываются в общую тенденцию нуклеаризации современной семьи постиндустриального типа. Одновременно происходит и процесс так называемой «субнуклеаризации», то есть превращение многих семей в неполные – «мать + несовершеннолетний ребенок» или «муж + жена». Если в 1989 году таких семей насчитывалось порядка 14%, то в настоящее время их число более чем удвоилось. В 2012 году число неполных семей выросло до 30%. В стране насчитывалось 5,6 миллионов матерей одиночек и 634,5 тысячи отцов-одиночек [2]. С этого момента число неполных семей начало снижаться и к 2005 году их массовая доля достигла 21,1% [11].

Рост числа неполных и «субнуклеарных» семей вызывает острую реакцию как со стороны политических и общественных деятелей, так и отечественных ученых. В российской социологии можно выделить несколько подходов к оценке процессов трансформации отечественной семьи. Так, А.И. Антонов и В.М. Медков оценивали происходящие процессы как крах семьи, вызванный переходом страны к рыночной экономике и считали, что возврат к «нормальному» семейному образу жизни уже невозможным [1]. А.Г. Вишневецкий придерживался прагматичной точки зрения, показывая имеющиеся различия между демографическими установками семьи и государства [3].

Многие исследователи связывают состояние кризиса семьи с «общим снижением ценностного статуса морали, нравственности, размытостью ориентиров в понимании добра и зла вообще» [9]. С этой точки зрения, многие семьи в России «заражены» девиацией, а те, кто остался нравственными, потеряли ценностные ориентиры. Нам видится, что подобные воззрения отражали состояние не столько характерное для отечественной семьи в переходный период, сколько для смены идеологической парадигмы в отечественной науке.

В последние годы были выработаны и иные подходы к трактовке происходящих в российском обществе событий. Можно утверждать, что в российской семье нарастают процессы утраты институциональных признаков, и это выступает естественным процессом, сопровождающим изменение общества по постиндустриальному принципу. Такой точки зрения придерживается в частности Л.В. Карцева [6].

Авторы статьи частично разделяют данное воззрение. В своих ранних работах мы признавали социально-экономическую обусловленность и необратимость происходящих в российской семье процессов [7]. Изменения российской семьи обусловлены как изменениями требований со стороны экономики к исследуемой «ячейке общества», так и модернизацией отношения социума к ней. Оно влечет за собой изменение брачно-семейных ценностей, детородных установок, отношений партнерства и родительства, и, в целом, всей модели семьи и образа ее жизни.

В работе С.А. Ляушевой отмечается, что изменения ценностей «традиционной российской семьи» идет по нескольким основным направлениям: разрыв связей между поколениями по линии родства, возрастание личностной свободы членов семьи, переход к открытой модели браков. В качестве социальных последствий этого называются снижение числа официально зарегистрированных браков, рост относительного и абсолютного числа разводов. Важнейшим достижением для российской семьи в то же время становится социальный суверенитет и равенство ее членов [8].

Модернизация семьи, в свою очередь, вызывает изменения общественных ценностей, идеологии (включая государственную) и семейной политики. При этом необходимо признать, что указанные изменения носят необратимый и во многом адекватный сложившейся ситуации характер.

Важное значение для трансформации российской семьи имеют и социально-экономические и политические причины. В последние годы в результате целенаправленных государственных действий удалось оптимизировать демографическую ситуацию. На это повлияли общее

увеличение числа деторождений (не смотря на относительное снижение числа женщин фертильных возрастов), комплекс мер по сохранению здоровья населения, снижение детской и материнской смертности. Одновременно происходит увеличение числа браков, снижение разводимости, а число матерей-одиночек уменьшилось. Суммарный коэффициент рождаемости по данным на декабрь 2015 года составил 1,750 детей на 1 женщину [5]. Значение этого коэффициента меньше требуемого для простого воспроизводства населения, но, тем не менее, стало самым большим для Российской Федерации в XXI веке.

Нам представляется, что в среднесрочной перспективе в Российской Федерации процессы нуклеаризации семьи будут превалировать. Этому способствует трудовая мобильность населения, характерная для постиндустриальной и информационной экономик. Постепенно, но неуклонно растет обеспеченность семей жилищной площадью, что также увеличивает независимость семейных ячеек друг от друга. Не стоит забывать и о растущей экономической независимости женщин, их стремлении продолжать карьеру вместо того, чтобы заниматься домашним хозяйством. Налицо перераспределение семейных ролей и ценностей.

1. Антонов А.И. *Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов*. М.: Издат. Дом Nota Bene, 1998.
2. Астахов: число неполных семей в РФ за последние годы возросло до 30% [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ria.ru/society/20120426/635705515.html#ixzz31zj23MD1> Дата доступа: 24.09.2017.
3. Вишневский А.Г. *Воспроизводство населения и общество: История, современность и взгляд в будущее*. М.: Финансы и статистика, 1982.
4. Гурко Т.А. *Трансформация института современной семьи*. // *Социологические исследования*. – 1995. – с. 95.
5. Доклад Министерства труда и социальной защиты РФ от 15 декабря 2015 г. "Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации в 2014 году" [Электронный ресурс] // Режим доступа: ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71183090/#ixzz4LBp856gW> Дата доступа: 24.09.2016.
6. Карцева Л.В. *Семья в условиях трансформации российского общества: теоретическая модель и эмпирическая реальность: Дисс... докт. социол. наук*. Казань, 2002.
7. Левин А.И., Левина Л.В. *Современная семья и ее эволюция в условиях перехода к постиндустриальному обществу*. - Курск, 2001.
8. Ляшова С.А. *Влияние модернизации общества на институт семьи* [Электронный документ] // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. – №2, 2010. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-modernizatsii-obschestva-na-institut-semi> (Дата доступа 09.01.2015).
9. Тилинина Т.В. *Причины кризиса ценностных ориентаций в современных российских семьях* // *Теория и практика общественного развития*. - № 6. – 2012. - С. 49-52.
10. Харчев А.Г. *Социология воспитания: М.: Политиздат. 1990. С. 125.*
11. Чурилова А.В. *Состав и благосостояние неполных семей в России* // *Социологические исследования*. - №3. – 2015. С. 78-81.

ПРОБЛЕМА ОБЕЗЛЮЖИВАНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Левченко Н.В. (Москва)

В работе анализируются особенности процесса обезлюдения небольших районов и их объединения с более сильными приграничными регионами. Данные получены в результате проведенного исследования в четырех приграничных регионах РФ (Смоленская, Курская, Псковская, Архангельская области) методом глубинных интервью с директорами и учителями районных школ, школ и техникумов искусств, учителями дополнительного образования, с представителями районной администрации. Проведен анализ официальных документов и публикаций в СМИ по данной теме. Выявлены проблемы, с которыми на современном этапе сталкиваются учебные заведения в исследуемых регионах. Рассматриваются перспективы выпускников общеобразовательных школ. Делается попытка оценить результаты учебного процесса в приграничных районах. Представлены особенности ситуации, связанной с образованием на селе.

The paper analyzes the characteristics of the process of depopulation of small areas and their association with stronger border regions. Data obtained as a result of the study in four border regions of the Russian Federation (Smolensk, Kursk, Pskov, Arkhangelsk region) by in-depth interviews with the directors and teachers of district schools, schools and colleges of arts, teachers of additional education, with representatives of the district administration. The analysis of official documents and publications in the media on the subject. The problems, which at present facing education in the studied regions. The prospects of school leavers. An attempt is made to assess the results of the educational process in the border areas. The features of the situation related to education in rural areas.

Как показало наше исследование, в приграничных районах сохранилось многое: и дома культуры и общеобразовательные учебные заведения, где учатся в среднем около 400 человек, но только за исключением полностью ликвидированных деревень. И стоит отметить, что в некоторых районных центрах численность учеников начальных классов превосходит численность учащихся среднего и старшего. Этот факт иллюстрирует, что не все молодые люди стремятся покинуть периферию, т. е. процесс миграции населения в крупные города из небольших районов хоть и стал широко распространённым явлением, но все же не массовым..

Если говорить о качестве населения, то, по мнению опрошенных респондентов, уровень образованности и культуры жителей приграничных районов достаточно высок: «Очень много хороших детей, у нас 12 медалистов, но всё по природе передаётся»; «Мало семей, которые не занимаются воспитанием своих детей».

Совсем иная ситуация складывается на селе. Здесь уже наблюдается четкая миграция населения, сокращается количество общеобразовательных учреждений ввиду уменьшения количества населения, как результат – сокращение числа учащихся.

Однако представители городских районных советов, учителя и директора школ стараются сохранить школы и там: «Мы любым способом стараемся сохранить школы, даже если там 8 – 9 человек. Это всё-таки ещё один культурный центр: дети ходят в библиотеку, в ту же самую, поселковую, и в дом культуры».

Сокращение образовательных организаций происходит не только в селах, но и в городах малоресурсных районов, что приводит к объединению нескольких школ в одну: «В городе закрылась школа-интернат, и детей с разными проблемами отправили к нам [в общеобразовательную школу], но у нас есть специальные для них программы, и к нам ещё перевели детей из лингвистической гимназии, и некоторые уроки мы им преподаём».

В исследуемых нами районах остро стоит вопрос о доставке детей из удаленных населенных пунктов в школы. В большинстве случаев директора школ справляются с этим. Но в вымирающих районах эта проблема приобретает неразрешимый характер, несмотря на все старания глав районной администрации: «У нас есть деревня, которая находится в шести километрах от автобусной остановки, но ребёнок всё равно ходит в школу, его водят родители».

Однако не везде обстановка столь удручающая, во многих районных центрах создаются специальные и относительно хорошие условия для обучения школьников. Не все выпускники стремятся покинуть свой район, они продолжают свое обучение где-нибудь по-соседству: «В 15-ти км от нас есть средняя школа, и дети после 9-го класса поступают туда или в ссуз, или в сельскохозяйственный техникум». В некоторых областях выпускники возвращаются после обучения: «Процентов 70 – 80 учащихся сельскохозяйственной академии возвращаются обратно, поскольку у нас постоянно есть работа для инженеров, механизаторов, требуются ветеринары».

Существуют регионы, где есть сельские надбавки: «в районе в сельских школах - 25% надбавка» и обеспечение, жильем молодых специалистов в сфере медицины, образования и культуры. Здесь, как правило, квартиры выделяются из областного бюджета и по губернаторской программе. Есть и такие сюжеты: «Я поеду в свой родной Холмогорский район, работать в школе. Во-первых, я очень благодарна учителям, которые меня учили, во-вторых, я с родины Ломоносова, и я горжусь своим районом, в-третьих, я приехала в Архангельск 3 года назад и не могу все равно привыкнуть к суете. А там тихо и спокойно, там можно найти уединение».

Но, как правило, в основном молодежь не стремится вернуться обратно, главная причина – отсутствие рабочих мест и достойной зарплаты. Места их дислокации – областные центры, Москва и Санкт-Петербург. Но стоит подчеркнуть, что за границу современная молодежь не стремится.

В итоге, если для центральных регионов это, хоть и удручающая картина, но не критичная, то для приграничных регионов – эта ситуация может считаться катастрофической. Необходимо не

только не ликвидировать или оптимизировать малоресурсные районы, а наоборот, всячески их укреплять, чтобы приграничные территории страны не оказались полностью обезлюженными.

Как показало наше исследование, местные власти оказывают возможную или, скорее, доступную для них помощь, однако каких-либо специальных образовательных программ, разработанных на региональном или федеральном уровне специально для приграничных районов, не обнаруживается.

ВЛИЯНИЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В ОТНОШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Леденцов Д.О. (Санкт-Петербург)

Мы рассмотрели изменения в социальной политике с 2005 года по настоящее время. Основные три понятия, рассмотренные в данной работе это: «неолиберализм», социальная политика» и «экономически активное население».

«Неолиберализм — (лат. *liberalis* — свободный) — социально-политическое учение и общественное движение, получившее развитие в середине — конце XX в. и наследующее либерализму. Неолибералы исходят из требования максимальной свободы деятельности индивида в сферах политики, экономики, частной жизни и т. д.»[1]

«Под социальной политикой в прикладном смысле (контексте) понимают совокупность (систему) конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение населения. В зависимости от того, от кого исходят эти меры, кто их главный инициатор (субъект), различают соответствующие виды социальной политики – государственная (федеральная), региональная, муниципальная, корпоративная и т.д.»[2]

Определение понятия экономически активного населения было разработано и представлено в 1953 г. Международной организацией труда. Данное определение означает, что это часть населения страны, возраст которой включает в себя от 15 до 72 лет. Экономически активное население представлено:

- занятым населением (лица, занятые экономической деятельностью);
- безработным населением.

К занятому населению относятся:

- лица, которые занимаются предпринимательской деятельностью;
- лица, работающие на подсобных промыслах, реализующие свою продукцию по договорам;
- лица, которые выполняют работу и получают вознаграждение, т. е. имеют оплачиваемую работу;
- лица, которые избираются или назначаются на оплачиваемые должности;
- лица, которые проходят службу в различных органах;
- лица, обучающиеся на очном курсе в общеобразовательных учреждениях различного уровня образовательных программ, в том числе по направлению служб занятости;
- лица, временно отсутствующие на рабочем месте по тем или иным уважительным причинам;
- граждане, которые являются учредителями или участниками организаций

Прожиточный минимум является одним из основных экономических показателей социальной политики. С 2013 года начал действовать новый порядок вычисления потребительской корзины, на основе которой рассчитывается прожиточный минимум в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. N 227-ФЗ "О потребительской корзине в целом по Российской Федерации". Согласно утвержденному документу был сделан переход от нормативного к нормативно-статистическому методу, при котором продукты питания определяются в натуральных показателях, а непродовольственные товары и услуги – в процентах от стоимости продуктов питания. При этом стоимость непродовольственных товаров, которые входят в потребительскую корзину, определяется как половина от стоимости продуктов питания. Еще четверть от общей стоимости корзины приходится на потребляемые услуги. Ранее в натуральных показателях вычислялась стоимость непродовольственных товаров. Например, сколько предметов одежды человек должен использовать за год. Новый порядок расчета, как поясняется в постановлении, позволяет учесть реальные изменения стоимости непродовольственных товаров и услуг в потребительской корзине. За период с 2005 года по 2015

прожиточный минимум вырос в многократном размере. В 2005 году он составлял для трудоспособного населения 3255 рублей, а в 2015 10455 рублей.

Самыми актуальными вопросами для данной категории всегда были страхования, а так же право принимать участие в жизни страны посредством гражданского общества. В современном мире в большинстве экономически развитых стран сформированы системы социального страхования. Возникновение этих систем неслучайно, так как социальное страхование можно признать именно той формой, через которую осуществляется защита застрахованных лиц от материальной необеспеченности при наступлении социальных рисков в условиях рыночного типа хозяйствования. В широкой трактовке социальное страхование представляет собой систему социальной защиты от всех видов социальных рисков. [3]

Пенсионная система является одной из самых важных частей социального страхования. В период с 2005 года по 2015 года были сделаны 3 крупных изменения в пенсионной системе Российской Федерации связанных с данной категорией граждан. 2007 год: началась программа по предоставлению материнского капитала. Владельцы сертификатов на него получили возможность переводить весь или часть капитала на формирование пенсионных накоплений трудовой пенсии. 2008 год: запущена программа по государственному софинансированию накопительной части трудовой пенсии. Участники программы, осуществившие взнос на свой пенсионный счет в размере не менее 2 тыс. руб., получали от государства за счет Фонда национального благосостояния на этот же счет такую же сумму.

После усовершенствования в 2015 г. пенсионная система России организуется на страховых принципах, строится с учетом уровня прожиточного минимума граждан-пенсионеров, ориентирована на стимулирование накоплений пенсионных прав гражданами и направлена на прозрачность расчетов и доступность информации по пенсионному обеспечению будущих пенсионеров. Кроме того в пенсионной системе установлены страховые взносы, а не выплаты. За последние 20 лет в России проведена не одна реформа пенсионного законодательства, при этом проблемы пенсионного обеспечения не решены. Отношение средней пенсии к средней заработной плате остается одним из самых низких среди стран, где пенсионная система охватывает все граждан. Главная тенденция пенсионной системы в России- чем больше период и объем страховых отчислений за работающих граждан проходит, тем больше размер обязательств Пенсионного фонда РФ перед будущими пенсионерами. Уменьшение работников молодого поколения, означает что фонд в дальнейшем не сможет располагать необходимыми денежными источниками для исполнения возросших обязательств перед предыдущим, более многочисленным поколением.

В соответствии с изменениями, которые были внесены в последние годы в пенсионное законодательство, граждане, состоящие на учете в ПФР должны определиться с дальнейшей судьбой своих пенсионных накоплений и с размером взносов, которые перечисляет работодатель на накопительную часть их будущей пенсии (продолжать с 2016 г. перечислять на нее 6 % или все отчисления направить на формирование страховой части трудовой пенсии). [4]

Одним из признаков неолиберализации государственной политики является создание сильного гражданского общества. Частью этого общества являются некоммерческие организации и социальные предприниматели, которые должны снять часть нагрузки по предоставлению социальных услуг гражданам с государства.

По данным выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций на основе формы № 1-СОНКО на 2014 год в России 132087 социально ориентированных некоммерческих организаций. Однако, не смотря на количество НКО в России, в их деятельности остаются 2 основные проблемы: финансовые проблемы и несовершенство законодательства.

Блок проблем, связанных с финансированием НКО:

1. Недостаточное финансирование НКО и проблемы с его получением.
2. Вынужденность НКО из-за недостаточного финансирования заниматься предпринимательской деятельностью негативно сказывается на основной уставной некоммерческой деятельности НКО.
3. Государство недостаточно поддерживает НКО: невозможно воспользоваться закрепленным в нормативно-правовых актах правом НКО на получение в аренду помещений на льготных условиях.
4. В бюджетах не заложены средства на реализацию предусмотренных нормативно-правовыми актами в отношении НКО и их клиентов льгот.

5. Слабая техническая оснащенность НКО.

Блок законодательные проблемы:

1. Неопределенность понятия «политическая деятельность», из-за которого многие организации попадают в категорию «иностранных агентов»

2. Отсутствие точного понятия социально ориентированное НКО и социально значимые услуги в законодательстве

В заключении можно сказать, что на такую категорию населения как экономически активные граждане неолИБерализм повлиял не существенно. Главной задачей государства при выборе данной политики является создание условий для разгосударствления социальной сферы. Однако мы видим, что при попытке возложения полномочий на экономически активное население, государство само ставит барьеры для развития данного направления.

1. *Большая актуальная политическая энциклопедия/ Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. — М.: Эксмо, 2009, стр. 201*

2. *Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2000, стр. 249*

3. *Семенов И. В. «Социальное страхование: сущность, виды» Социально-политические науки 2014*

4. *Одинокова Т.Д. «Актуальные проблемы реализации пенсионной реформы в России» Известия Иркутской государственной экономической академии 2015г №3*

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА

Леонов А.К., Романова А. А. (Благовещенск)

Страхи, угрозы, тревоги, характерные для тех или иных исторических эпох и поколений общества, отражают как текущую социально политическую жизнь страны, так и более глубокие факторы, лежащие в недрах национального самосознания, менталитета россиян [4]. Современные исследования социальных страхов и тревог населения показывают, что страхи переходят во всеобщее социальное явление. Такой переход свидетельствует о том, что современное общество, в том числе и российское, становится обществом тотального риска. Социологический подход в большей степени связывает социальные страхи с макродетерминированными событиями и макрофакторами, исследуя – как факторы внешней среды интернализируются на индивидуальном и коллективном уровнях. Необходимо синтезировать социально-психологический и социологический подходы, разработав систему показателей, в которой бы органично связывались внутренняя и внешняя детерминация социальных страхов [2].

Общественные страхи, выступающие разновидностью эмоций, в широком смысле можно определить как способ адаптации к социальной ситуации или социальной среде, обладающей для индивида или группы той или иной степенью неопределенности. Проявляются общественные страхи в многообразных состояниях – тревожности, тревогах, фобиях, паниках, слухах, опасениях. При этом актуализируются самые различные виды общественных страхов – экологические, природные, технологические, экономические, политические, социально-психологические, иррациональные и другие [1].

Рассмотрим основные результаты проведенного социологического исследования социальных страхов благовещенцев в июле 2016 года. Предметная сторона проблемы заключается в том, что социальные страхи провоцируют рост социальной напряженности, недоверие к органам государственной власти, становятся фактором актуализации эмиграционной установки, приводят к иррационализации общественного мнения. Гносеологическая сторона заключается в том, что отсутствие актуальной социологической информации о социальных страхах затрудняет эффективную информационную политику органов государственной власти. Объектом исследования являются жители г. Благовещенска от 18 лет и старше. Предметом исследования являются социальные страхи благовещенцев. Цель исследования: выявление социальных страхов жителей города Благовещенска. Всего опрошено методом анкетирования 200 респондентов, реализована квотная выборка с контролем половозрастных квот.

Общая иерархия страхов. Согласно полученным результатам первостепенными являются страхи, связанные с потерей близких родственников по различным причинам (79%). Это вполне закономерно, так как человек проходит социализацию первоначально в семье. Люди, которые окружают человека с рождения, представляют для него особую ценность. Они дают ему знания об

окружающем мире, показывают как нужно вести себя в обществе, объясняют нормы морали. Знания и опыт взаимоотношений в семье дает отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Также эмоциональная привязанность к близким делает людей в каком-то смысле зависимыми, то есть они нуждаются в любви, одобрении, поддержке родных и друзей, что в свою очередь дает чувство защищенности. Также в качестве первостепенных страхов респонденты выделили крупные финансовые потери (47%). В качестве крупных финансовых потерь в основном выступают расходы на лекарства и платное медицинское обслуживание, платный ремонт бытовой техники и электроники, что в свою очередь является причиной беспокойств и дискомфорта, так как цены постоянно повышаются.

Экономические страхи. Рост безработицы пугает 84% респондентов. Наименее подвержены страху потерять работу люди старше 60 лет (65%). Это вполне закономерно, так как большинство из них уже вышли на заслуженный отдых и у них есть небольшой, но постоянный доход в качестве пенсии. Также следует отметить что люди, у которых есть дети младше 18 лет, наиболее подвержены опасениям (90%). Это напрямую связано со страхом невозможности удовлетворить хотя бы базовые потребности своих детей. Люди, имеющие кредитные обязательства, также в большей степени подвержены страху потерять работу (89%), поскольку если не будет постоянного теста работы, то возможность погасить кредит в срок резко падает, что в свою очередь грозит высокими процентами в случае просрочки. Благовещенцы которые могут отнести себя к категории граждан, которые могут позволить себе такие покупки как квартиру, дачу и многое другое наименее подвержены страху потерять работу (33%). Большинство опрошенных беспокоит тенденция колебания цен (85%). Это связано также с ростом уровня безработицы. Люди чувствуют беспокойство, потому что страх потерять работу напрямую связан со страхом невозможности обеспечить себя и свою семью. 61% опрошенных имеют беспокойства относительно курса парения рубля. Данная проблема, по мнению респондентов, влечет за собой негативные последствия, то есть если рубль дешевеет, то соответственно растут цены на импортные товары, растет цена на нефть, что влечет за собой рост цен на горюче-смазочные материалы. Больше половины респондентов отметили, что падение курса рубля отразилось на материальных возможностях, то есть снизилась покупательская способность. Отмечается недовольство и беспокойство в связи с поднятием цен на бензин.

Страхи внешних угроз. 60% опрошенных пугает вероятность проведения террористических актов. Благовещенцам был задан вопрос о том, что они думают о притоке иммигрантов из Средней Азии и Китая. 63% опрошенных относятся к ним безразлично. 30% опрошенных относятся к иммигрантам отрицательно, так как считают, что они занимают рабочие места и среди них могут быть террористы. Большинство (61%) благовещенцев безразлично относятся к иностранцам, потому как ежедневно сталкиваются с ними в силу трансграничности региона. Четверть опрошенных утверждала, что им бы хотелось познакомиться и пообщаться с иностранцем, в виду того, что человек по определению несет иную культуру.

Техногенные страхи. Согласно полученным результатам из крупных предприятий и объектов Амурской области наибольшие опасения вызывает запущенный в эксплуатацию в этом году космодром «Восточный» (50%). В связи с тем что строительство космодрома достаточно активно освещалось СМИ, большинство респондентов интересуются его работой и особенно последствиями. Большинство (77%) респондентов беспокоят возможные последствия работы космодрома «Восточный». Это связано в первую очередь с тем, что данные последствия могут нанести урон экологии, что отразится на здоровье и жизнедеятельности населения региона. Следует отметить, что люди которые имеют высшее образование или неполное высшее наименее подвержены волнениям относительно последствий работы космодрома (57%).

Биологические страхи. Больше половины (55%) опрошенных отметили обеспокоенность тем, что у них не будет возможности купить необходимые лекарства. Почти половина (49%) респондентов обеспокоена невозможностью купить себе жилье. 46% опрошенных отметили, что обеспокоены отсутствием возможности купить себе хорошей еды. Только 34% опрошенных заявили, что их ничто не беспокоит. Наиболее обеспокоены невозможностью удовлетворить свои потребности женщины (68%, 54%, 56% и 22% соответственно).

Социально-психологические и моральные страхи. Согласно полученным результатам, респонденты в равной степени боятся отсутствия близких людей и быть выставленным в дурном свете (по 36%).

Таким образом, в сознании благовещенцев присутствуют биологические, социальные, моральные и дезинтеграционные страхи; внешние угрозы становятся в один ряд с внутренними

угрозам в массовом сознании горожан; благовещенцы подвержены множеству различных опасений и страхов, которые в свою очередь имеют иерархическую структуру: на первом месте – страхи, касающиеся их личного благосостояния, жизненной стабильности; иерархия страхов зависит от социально-демографических факторов.

1. Амбарова П.А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов / П.А. Амбарова // *Социум и власть*. – 2012. – № 6. – С. 24-27.
2. Зуева О.С. Социальный страх как объект социологического исследования / О.С. Зуева // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. – 2012. – № 3 (32). – С. 142-145.
3. Кутовая С.В. Наводнение на юге дальнего востока россии: социальное самочувствие пострадавших / С.В. Кутовая // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 8-3. – С. 572-575.
4. *Россия на новом переломе: страхи и тревоги* / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М. : Альфа-М, 2009. – 160 с.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Лесина Л.А. (Екатеринбург)

Муниципальная молодежная политика и отдельные ее аспекты неоднократно становились объектом исследования современных отечественных ученых. Менее изученными на сегодня остаются вопросы относительно методов и форм участия молодежи в общественно-политических процессах, в частности, действенного привлечения молодежных организаций и движений в решение проблем молодежи, их сотрудничества с политическими партиями и союзами.

В 2016 году было проведено исследование молодых жителей г.Екатеринбурга на основе количественной стратегии (объем выборки – 1837 человек), особый акцент был сделан на изучении приоритетных для молодежи форм участия в общественно-политической жизни местного сообщества, мотивации аполитичности, роли общественных организаций в решении актуальных личных проблем молодых людей.

Молодежь как объект исследования чрезвычайно интересна, поскольку является воплощением будущего любого общества, резервом развития. Хотя и обладает весьма противоречивым политическим сознанием: с одной стороны, молодые люди свободны от традиционных ценностей, менее стереотипны в мышлении и поведении, но, с другой стороны, готовы к любым начинаниям, в том числе и протестным.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что политика по-прежнему не является приоритетной сферой интересов молодежи [1, С. 118]. Половина опрошенных молодых людей никогда не принимала участия в общественно-политической жизни местного сообщества, 41% опрошенных отметили отсутствие у себя каких-либо идеологических установок, у четверти молодых людей размытое, нечеткое представление о том, что такое идеология вообще. Среди наиболее приемлемых для молодежи форм участия были отмечены следующие: 16% молодых людей состоят в разных общественных организациях и объединениях, 17% - периодически участвуют в деятельности различных волонтерских организаций.

Следует отметить, что на первый план в оценках аполитичности молодежи выходит не безразличное или негативное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а неуверенность, что личное участие может иметь значение, хоть что-то изменить («мы не можем повлиять на принятие значимых политических решений», «все решается без нас»). Треть опрошенных заявила, что от их участия в выборах ничего не зависит. Подобная неуверенность, безусловно, отражает определенную политическую отчужденность молодежи от местной власти. И одновременно является своеобразной формой оценки непрофессионализма политиков, неприятия последствий их профессиональной деятельности, низким престижем в глазах молодежи. В основе мотивации аполитичности находится, на наш взгляд, оценка способности политиков защитить (не защитить) жизненные интересы молодежи, стремление помочь ей в решении наиболее актуальных личных проблем.

Достаточно высокий уровень недоверия молодежь высказывает к региональным и местным органам власти. Больше 60% опрошенных не доверяют мэру и таким политическим институтам, как Правительство и Законодательное собрание Свердловской области. Результаты их политической деятельности наиболее «приближены» к молодежи, поэтому более остро воспринимается неэффективность реальных действий властей в деле решения важнейших

социально-экономических проблем жителей муниципального образования. Четверть опрошенных молодых людей в качестве приоритетной для них социальной проблемы отметила безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи, 41% молодых людей полагают, что их права органы муниципальной власти недостаточно защищают.

Дистанцируясь в определенной степени от общественно-политической жизни и занимая позицию стороннего наблюдателя, молодежь, между тем, стабильно проявляет информационный интерес к жизни местного сообщества. Каждый второй ответивший на вопросы анкеты изредка обсуждает политические события с друзьями, родственниками, лишь 23% отметили слабую осведомленность о политической жизни. При этом больше половины молодежи муниципального образования отмечает ограниченность, нехватку информации о реализуемых молодежных программах, проектах и мероприятиях на местном уровне.

Отношение молодых людей к муниципальной молодежной политике отражает эффективность ее реализации в местном сообществе. Важно учитывать при проектировании и развертывании молодежной политики интересы, потребности молодого поколения и в то же время государства. На сегодняшний день современная молодежь испытывает на себе воздействие большого круга проблем, решение которых во многом зависит от грамотно разработанной молодежной политики. При этом молодежь активна, являясь не просто пассивным объектом, но субъектом муниципальной молодежной политики. Что волнует молодых людей прежде всего?

Как уже неоднократно отмечалось в исследованиях социологов, современная молодежь прагматична, сконцентрирована на решении индивидуальных проблем [2, С. 63]. Больше половины ответивших опасаются не найти работу после окончания профессиональных образовательных учреждений, 37% не могут найти хорошую работу, 34% испытывают серьезные сложности с жильем («не знаем, как решить вопрос с собственным жильем», «приходится постоянно снимать квартиру»). Под «хорошей работой» понимается, прежде всего, работа с высокой зарплатой, возможностью сделать профессиональную или административную карьеру («добиться успеха»).

Практичность молодежи проявляется и в акцентировании внимания на таких функциях общественных организаций, как отстаивание интересов молодежи («должны заниматься конкретными делами, далекими от идеологии», «не должны быть политизированными»).

Стратегической целью молодежной политики является создание условий для социализации и участия молодежи в социально-экономическом развитии местного сообщества, обеспечение поддержки и максимального использования потенциала социально активных, талантливых молодых граждан. Почти половина (47%) опрошенных отметили, что оценивают положительно муниципальную молодежную политику, 35% - требует доработки и корректировки; 18% - не смогли ответить.

Создание условий для самореализации молодых граждан предполагает выявление и реализацию интеллектуального и творческого потенциала молодежи. Проводимая в этом направлении государственная молодежная политика ориентируется на поддержку и развитие талантливой молодежи. Важным направлением развития муниципальной молодежной политики является организация и проведение конкурсов различных молодежных проектов. Большая часть молодых людей готова принять участие в подобных мероприятиях.

Данное направление муниципальной молодежной политики позволяет реализовать механизм поддержки талантливой молодежи на уровне муниципального образования, 64% молодых людей отмечают важность поддержки городскими властями развития молодежи. Фестивали и выставки чаще всего были названы в качестве проводимых мероприятий в муниципальном образовании, посвященных развитию талантливой молодежи.

Большая значимость молодежи в общественно-политической жизни не до конца осознается представителями местной политической элиты, в связи с чем имеет место недостаток внимания к проблемам и интересам изучаемой социально-демографической группы, потребительское или пренебрежительное отношение к молодежному движению, финансирование мероприятий муниципальной молодежной политики по остаточному принципу.

Процесс перехода российской экономики к постиндустриальному рыночному хозяйству идет противоречиво и еще далек от завершения. Управление молодежной политикой сталкивается с массой препятствий на всех уровнях социальной организации российского общества, в итоге концептуальные установки, даже самые передовые, остаются намерениями, а на практике осуществление мер в области молодежной политики оказывается малоэффективным. В этом

смысле найти адекватные способы управления молодежной политикой - актуальная задача для современного российского общества.

1. Лесина Л.А. *Профессиональное обучение в контексте нелинейного времени* / Л.А. Лесина // *Креативный менеджмент: Научно-практический журнал*. Выпуск № 3. - 2016. –С. 116-120.

2. Лесина Л.А. *Человеческий капитал молодежи как особый ресурс развития экономики и общества* / Л.А. Лесина // *Креативный менеджмент: Научно-практический журнал*. Выпуск № 2. -2015. –С. 60-63.

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ ПОЖИЛЫХ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лецко И.А., Бендрикова А. Ю. (Барнаул)

Всемирная организация здравоохранения определяет пожилых, престарелых и одиноко живущих людей как социальную группу высокого риска, имеющую большую вероятность ухудшения здоровья или экономического и социального состояния по различным причинам. В связи с этим возрастает роль посттрудовой социализации, непосредственно связанной с возникновением внутриличностных конфликтов человека. Серьезные последствия данного явления имеют прямое отношение к межличностным конфликтам и ситуациям общения, влияют на поведение индивида, его здоровье, самочувствие и устремления. Болезненное и долгое привыкание к новым условиям жизни, смена социального статуса, переживания, пассивность, неумение найти новые занятия и контакты, и другие причины могут послужить возникновению данной социальной проблемы общества, которая является актуальной для Алтайского края и страны в целом. Внутриличностный конфликт у пожилого представляет собой внутреннее противоречие, воспринимаемое и эмоционально переживаемое как значимая для него психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая внутреннюю работу сознания, направленную на его преодоление. В данном контексте особую актуальность приобретает стимулирование социальной активности людей пожилого возраста путем вовлечения их в различные мероприятия с целью профилактики и разрешения внутриличностных конфликтов, посредством восстановления согласованности внутреннего мира личности, установления единства сознания, снижения остроты противоречий жизненных отношений, а также достижения нового жизненного качества. Предупреждению внутриличностных конфликтов способствует развитие волевых качеств личности, которые помогают в выборе деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления.

В связи со сказанным, предметом научного интереса экономистов, социологов, психологов в современный период является изучение социального положения и проблем людей пожилого возраста. Подобные исследования играют роль информационной основы для разработки мероприятий по социальной защите этой категории населения.

В течение долгого времени к изучению проблемы внутренних конфликтов обращались многие ученые. Одним из первых исследователей феномена внутриличностных конфликтов в научной психологии стал основатель глубинной психологии Зигмунд Фрейд. Д.Скинер, Н.Миллер, Дж.Доллард описывали представление внутриличностного конфликта в виде реакции на внешнее стечение обстоятельств, опираясь на ситуационный подход.

Среди современных отечественных исследований выделяются работы, которые дают представление о проблеме внутриличностного конфликта, намечают отдельные подходы к разработке единой методологии внутриличностных конфликтов, способов их преодоления. В этих работах внутриличностный конфликт рассматривается как борьба разнонаправленных личностных тенденций, сопровождаемая эмоциональным напряжением или переживанием (Ю.Е.Алешина, А.Я.Анцупов, Л.Ф.Бурлачук, Н.В.Веселова и другие). Некоторые исследователи особо подчеркивают роль социальных факторов в развитии внутренних противоречий (К.А.Абульханова-Славская, А.Адлер, Б.Г.Ананьев и другие. В 2013 году И.В. Романовой была предпринята попытка рассмотрения проблем, связанных с психологическими аспектами одиноких женщин посттрудового периода жизнедеятельности. В 2014 году Жучкова С. М. рассмотрела проблемы удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте.

В подтверждение актуальности выбранной темы в 2016 году нами было проведено эмпирическое социологическое исследование. Целью исследования стала оценка вероятности возникновения внутриличностных конфликтов у людей пожилого возраста, состоящих на учете в

Центре и проявляющих разную степень социальной активности в посттрудовой период. Эмпирической базой исследования стал КГБУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения города Барнаула». Объектом исследования стали люди пожилого возраста, принимающие участие в мероприятиях Комплексного центра социального обслуживания г. Барнаула в количестве 20 человек: 10 человек, посещающие разнообразные мероприятия Центра; 10 – пользующиеся услугами Центра, но не посещающие мероприятия. Большинство респондентов женского пола (88%), из них состоящие в браке (79%), среди опрошенных мужчин (12%) состоят в браке (80%). Возраст опрошенных варьируется от 56 до 72 лет. Опрошенные респонденты различаются по уровню образования: среднее профессиональное имеют 41%; высшее профессиональное – 42%; среднее – 17%. В качестве метода исследования была выбрана методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймона, которая состоит из высказываний о человеке и его образе жизни: переживаниях, мыслях, привычках, стиле поведения [7, с.80].

Данная методика позволяет подробно изучить эмоциональное состояние человека, а также измерить уровень адаптивности к условиям жизни. Способность к адаптации может быть одной из причин внутриличностного конфликта пожилого человека, который влечёт за собой глубокую депрессию и другие последствия, связанные с жизнедеятельностью личности. Результаты исследований сущности проблемы возникновения внутриличностного конфликта пожилого человека, источников конфликта, путей разрешения и предупреждения данного явления могут составить определенную базу для оптимизации и совершенствования деятельности социальной работы с данной категорией населения в учреждениях социального обслуживания Алтайского края и Российской Федерации.

По данным, полученным в ходе исследования, проведённого в Комплексном центре социального обслуживания г. Барнаула, можно сделать вывод о том, что люди пожилого возраста, которые не работают и посещают культурно - массовые мероприятия, творческие объединения, занятия по компьютерной грамотности, организованные Центром, легче переносят сложный период в жизни. У этих людей выше следующие показатели: адаптивность(83,18), принятие себя (29, 67) и других(15,93), эмоциональный комфорт (18,07) и внутренний контроль (34,4). Это позволяет им заниматься любимыми делами с хорошим настроением, контролировать себя и свои эмоции, помогать своим детям и внукам. Таким образом, вероятность появления внутриличностного конфликта у них не высокая.

Люди пожилого возраста, не посещающие мероприятия и занятия, организованные Центром, чаще испытывают страх и депрессию. У них завышены такие показатели как, дезадаптивность (110,93), неприятие себя (20,73) и других (22,33), эмоциональный дискомфорт (16,93), внешний контроль (31,67). Таким образом, у этих людей вероятность затяжного внутриличностного конфликта, который может нанести серьёзные последствия в жизни человека, заметно возрастает.

Выводы проведенного исследований в основном носят ознакомительный и рекомендательный характер и в основном касаются выбора приоритетных методов и технологий работы с пожилыми людьми. Комплексный центр социального обслуживания населения в данном случае рассматривается как агент социализации пожилых, который лишь помогает им на определенном жизненном этапе адаптироваться к новым условиям и обстоятельствам социума. Совокупность разнообразных форм работы, таких как: проведение мероприятий психопрофилактической работы с будущими пенсионерами, тренинги для коррекции самооценки пожилых людей; тренинги и мероприятия для формулировки смыслообразующих ценностей и увеличения уверенности в себе; написание мемуаров, как метод формирования стабильного внутреннего мира и характера; метод арт-терапии, являющейся одним из способов позитивного восприятия окружающего мира - будут способствовать саморазвитию и самосовершенствованию личности в направлении профилактики и разрешения внутриличностных конфликтов.

Исследования внутриличностных конфликтов у людей пожилого возраста остаются актуальными на сегодняшний день в связи с возрастным снижением активности адаптивных процессов, стрессоустойчивости, а также уровня внутреннего сопротивления к различным внешним раздражителям, что является жизненно важным условием успешной социальной адаптации.

2. Скотт, Д. Г. Конфликты и пути их преодоления [Текст] / Д. Г. Скотт. – Москва : Дело, 2001. – 187 с.
3. Сорокина, Е. Г. Конфликтология в социальной работе [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. Г. Сорокина. – 2-е изд., стер. – Москва : Академия, 2010. – 208 с.
4. Хорни, К. Ваши внутренние конфликты [Текст] / К. Хорен. – Санкт-Петербург : Лань, 2007. – 310 с.

КЛУБЫ ЭЛИТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОБЗОР

Лешукова П. (Санкт-Петербург)

В конце XX – начале XXI века Россия претерпела ряд серьезных изменений, затронувших политический режим, сферу экономики, социальные институты. Некоторые ранее действующие институты отмирают, другие трансформируются, но также есть и третья группа – зарождающиеся институты. Так, позднее, в публикациях начинают появляться упоминания нового явления – «клубов элит», в значении неформальных организаций объединяющих представителей политической, экономической, административной и культурной элиты. Клубы элит являются неотъемлемой частью современного общества и отражают процессы, идущие в нем. В исследованиях западных клубов отмечается, что они являются одним из элементов институционализации элиты, выполняют важные функции консолидации элиты, самоидентификации, проведения демаркационной линии и разделения на «инсайдеров» и «аутсайдеров», членство в клубе является подтверждением высокого социального статуса, способствует координации усилий.

История существования клубов в России не является непрерывной. В советский период их деятельность была приостановлена. Обратимся к рассмотрению близкого нам периода. С 1986 стали появляться «своеобразные «инкубаторы» для будущих политических лидеров – разного рода общественно-политические кружки и дискуссионные клубы. В это время начинают возникать различные организации, именующие себя клубами, но фактически являвшимися скорее открытыми площадками для выступлений, зарождающимися политическими организациями. Отметим, что уже тогда у некоторых клубов вводится барьер на вход в виде обязательных рекомендаций от действующих членов. Дальнейшее развитие клубов характеризуется с одной стороны диверсификацией и ростом количества клубов, а с другой стороны тенденцией к закрытости клубов и фиксированным членством. «К началу 90-х годов в стране уже складывался определенный слой предпринимателей, людей ярких, активных, ощущавших необходимость общения» [3]. В это время происходит зарождение клубов непосредственно в нашем понимании – в значении неформальных ассоциаций, объединяющих представителей экономической, политической, административной и/или культурной элиты. Как отмечается, «клубы – необходимый элемент сегодняшней жизни, определенная среда, в первую очередь для общения» [1, 31]. Несколько видоизменившись, они трансформировались в «площадки» для общения, своеобразные «интеллектуальные биржи», где можно приобрести информацию или знакомство, а также представить себя или свои услуги [5]. В последнее время, на общем фоне усиления властной вертикали снижается потребность в клубах, объединяющих представителей одной отрасли, часть консолидирующих функций начинает брать на себя государство одновременно с усилением своего присутствия в экономике.

Клубная деятельность получила свое распространение и на Кавказ, который обладает индивидуальным путем развития и своими особенностями. Несмотря на то, что изначально существовали значительные историко-культурные различия, а также действовали местные институты, выполнявшие аналогичные функции клубов, последние нашли свое место и там. Как отметил Руководитель исследовательских программ Центра современной кавказской политики «Кавказ» Владислав Никонов: «сложнейшие исторические, национально-религиозные традиционные отношения на Северном Кавказе, глубокие корни народной дипломатии позволяют нам и здесь не изобретать велосипед, если мы хотим понимать ситуацию, находить действительно работающие решения – необходимо внедрять практики контактных дискуссионных и диалоговых площадок, как на территории республик Северного Кавказа, так и здесь, в Москве» [4]. Так, на Кавказе были основаны дискуссионные экспертные клубы: в Дагестан – экспертный клуб «Седой Каспий», в Чечне – экспертный клуб «Грозный», в Ингушетии – экспертный клуб «Джейрах», в Республике Северная Осетия — Алания – экспертный клуб «Казбек», в Кабардино-Балкарии –

экспертный клуб «Эльбрус», в Карачаево-Черкесии – экспертный клуб «Архыз», в Ставропольском крае – экспертный клуб «Машук» и Ставропольский экспертный клуб.

В других регионах России в настоящее время большее распространение получили политико-предпринимательские и светские клубы. К политико-предпринимательским клубам относятся, прежде всего, сетевые клубы Ротари, представленные во многих городах России. В них входят в большинстве своем представители экономической элиты и несколько представителей других сегментов элиты, на заседания клубов приглашают различных видных деятелей, например консулов, представителей культурной элиты и других. В качестве иллюстрации можно также привести «Балтийский деловой клуб», «Санкт-Петербургский бизнес клуб» и другие. Светские клубы представляют в настоящее время значительную составляющую клубов элит. Семейный клуб «Монолит», Московский и Санкт-Петербургский «Английские клубы», «Международный женский клуб» и другие являются наглядными примерами светских клубов элит в России. Они отличаются активной благотворительной деятельностью и/или ориентацией на совместное досуговое времяпрепровождение.

Предположительно, можно выделить несколько различий между клубами элит в республиках Северного Кавказа и в других регионах России, за рубежом. Основопологающим выступает различие преобладающих типов клубов: на Кавказе – это скорее экспертные органы, в других регионах – политико-предпринимательские и светские. Кроме этого, на Кавказе инициатива создания клубов спускается по властной вертикали с федерального уровня, а не является внутренней интенцией представителей местной элиты. В свою очередь, это ведет к тому, что деятельность клубов на Кавказе тесно связана с властными структурами. Так, в Махачкале в здании Министерства печати Дагестана прошло заседание экспертного клуба «Седой Каспий». Заседания светских и политико-предпринимательских клубов преимущественно проводятся в ресторанах и носят характер светской беседы.

Клубы, как неформальные площадки для ведения переговоров, обладающие инклюзивным и эксклюзивным характером, возможностью доверительного взаимодействия, не работают в такой форме на Кавказе. Можно высказать предположение, с чем это связано. Х. Кербо и Д. Маккинстри подчеркивают, что в рамках современных условий существования японская элита значительно меньше нуждается в подобных клубах, в отличие от США и Европы. «Долгое время история Японии была связана с эксклюзивными кланами, статусные различия были четко разграничены законодательно, в Японии не было традиции эксклюзивных социальных клубов» [6, 129-130]. Функции, которые клубы выполняли на Западе, в Японии обеспечивались другими исторически сложившимися структурами. Аналогично можно предположить, на Кавказе нет потребности в клубах. Институциональная система сообществ Северного Кавказа характеризуется перераспределительными отношениями в экономике; доминированием этнических, конфессиональных и территориальных групп над индивидами; патрон-клиентарными отношениями власти; господством интегрирующих религиозных и этнических ценностей [2, 283-284]. В каждой республике Северного Кавказа есть этническая и конфессиональная специфика неформальных институтов [2, 283-284].

1. Березовский В.Н., Коротов Н.И., Червяков В.В. Россия: партии, ассоциации, союзы и клубы: справочник. Т. I. Ч. I. М.: Издательство «РАУ-ПРЕСС», 1991. С. 31.

2. Магомедрасулова Р.Б. Неформальные институты на Северном Кавказе: субъекты и ресурсы влияния на политическое пространство // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 283-284.

3. Московский Английский клуб: уважение к традициям и их развитие // Официальный сайт Московского Английского клуба [<http://www.anglclub.ru/about/history.php>]. Дата доступа 17.05.2014.

4. Московский кавказский клуб сгладит противоречия между людьми различных культур и традиций. [<https://www.youtube.com/watch?v=CBXfiT8Zxpw>]. Дата доступа 01.03.2016.

5. Система московских клубов. Элита, лоббисты, «мозговые центры». [М.:] Центр политической информации, 2006.

6. Kerbo R.H., McKinstry A.J. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. P. 129-130.

ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Лещенко Л.А. (Волгоград)

В ходе социально-экономических реформ, инициированных в нашей стране в 90-х годах прошлого века, начался процесс трансформации общественного сознания и изменения ценностных ориентаций населения. При этом с одной стороны, индивиды получили больше возможностей для доступа к различным ресурсам независимо от социального статуса и положения, а с другой, в погоне за материальным благополучием россияне меньше стали уделять внимания своему здоровью. Так, по мнению Всероссийской организации здравоохранения, «здоровье» следует рассматривать как состояние живого организма, в котором отсутствуют физиологические дефекты, наблюдается полное физическое, душевное и социальное благополучие [1]. При этом уровень удовлетворительного состояния здоровья зависит как минимум от трех показателей: наследственность, окружающая среда и образ жизни, ведущий человеком.

Начиная со второй половины XX века в рамках социологии и экономики «здоровье», как особое состояние живого организма начинает рассматриваться как компонент человеческого капитала. Впервые термин человеческий капитал был использован Т.Шульцем, под которым он понимал способность людей к труду, их эффективную созидательную деятельность в обществе, поддержание здоровья [1]. С научной точки зрения Г.Беккера к человеческому капиталу стоит относить нормы, ценности, знания, умения, опыт человека, а также его здоровье [2]. На сегодняшний день в рамках современного научного знания, сформировалось два научно заменяемых подхода направленных на изучение особенностей человеческого капитала. Так, в рамках первого подхода (Брукинг.Э, Стюарт Т, Бендиков М.А, Козырев А.Н) человеческий капитал рассматривается как элемент интеллектуальной деятельности. Противоположенная точка зрения представлена в работах Гойло В.А, Критекий М.М, Курганский С.А. по мнению, которых рассмотрение человеческого капитала через призму интеллектуальной деятельности приводит к сужению границ его понимания. На наш взгляд, второй научно-теоретический подход наиболее полно отражает сущностное понимание человеческого капитала, под которым, с одной стороны, следует понимать совокупность социальных, культурных, физиологических и др. элементов, а с другой стороны является выражением индивидуального потенциала, включающий в себя формы материальной и нематериальной собственности. Рассматривая особенности человеческого капитала, то в первую очередь он начинает накапливаться с самого рождения индивида посредством развития индивидуальных способностей и талантов, получения образования, повышения трудовой квалификации и т.д. Исходя из данной интерпретации, следует, что человеческий капитал как особая форма человеческой деятельности обладает свойствами накопления и сбережения; трансляции знаний последующему поколению; обеспечивает своему обладателю получение более высокого дохода в будущем.

Основываясь на вышесказанное, нами была проанализирована структура человеческого капитала посредством включения в его состав трудового, интеллектуального, социального капитала и капитала здоровья. Исходя из проведенного анализа, следует, что трудовой капитал как форма материальной собственности представляет собой сложную социально-экономическую категорию, которая реализуется в процессе трудовых отношений и приносит своему носителю материальное вознаграждение [3]. Интеллектуальный капитал, представляет собой неотъемлемую для любого экономического субъекта возможность качественно изменить окружающую среду путем создания новых продуктов интеллектуальной деятельности и совершенствование имеющихся. К основополагающим признакам интеллектуального капитала можно отнести: накопление; наличие будущих экономических выгод; базируется, прежде всего, на интеллектуальных свойствах индивида [4].

Исходя из логической структуры, представленной выше социальный капитал и капитал здоровья, следует рассматривать через призму нематериальной собственности. Изучение социального капитала, как теоретического направления началось сравнительно недавно (начало XX в.). Впервые данный термин был использован в работе Л. Ханифан и определялся как «... обстоятельства, влияющие на повседневную жизнь людей» [5]. С появлением работ П. Бурдые начинается разработка концепций и методологических подходов к определению и изучению социального капитала. Сам П. Бурдые рассматривает социальный капитал как «...совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания...» [6]. Дж.Коулман в своей теории рационального действия, анализирует роль социального капитала как

процесс формирования человеческого капитала. По его мнению, социальный капитал формируется в межличностных отношениях и выступает продуктивным ресурсом для одного или более актора.

Подчерним, что социальное положение индивида, его роль в обществе во многом зависит от его личных вложений в развитие социального, интеллектуального и трудового капитала, но, несмотря на это капитал здоровья следует рассматривать, как стартовый, который дает основу для развития индивидуальных способностей. В современных условиях исследователи все чаще связывают экономическое развитие общества и уровень жизни населения с сохранением и поддержанием его здоровья. На основании проведенного теоретико-методологического анализа под капиталом здоровья мы будем понимать, совокупность физиологического и психологического здоровья, определяющего способность к трудовой деятельности. Среди современных исследователей (Ильинский И.В, Ховит П, Гоклани М, Радаев В.В, Палов Б.С и др.) феномен здоровья начинает изучаться не как физиологическое функционирование живых существ, а как компонент человеческого капитала. Так, по мнению Ильинского И.В капитал здоровья является основополагающим для индивида, и представляет собой инвестиции человека, осуществляемые с целью формирования, поддержания и совершенствования своего здоровья и работоспособности [7]. П. Ховит, анализируя феномен здоровья через понятия, человеческий капитал и экономическое развитие приходит к выводу, что уровень здоровья населения оказывает влияние на экономическое развитие общества и способствует: 1) продуктивной эффективности (здоровый работник более продуктивен); 2) ожидаемой продолжительности жизни (стабильный уровень навыков на эффективного работника); 3) обучаемости (образование в течение жизни, начиная с детского возраста); 4) креативности (хорошее здоровье делает человека способным к творчеству); 5) адаптивности (чем выше уровень здоровья детей и матерей, тем лучше молодые люди могут справляться со стрессом, адаптироваться к неблагоприятным факторам); 6) неодинаковости (сильная отрицательная корреляция между показателями здоровья популяции и неодинаковостью дохода; факторы, повышающие уровень здоровья, уменьшают разницу в доходах населения) [8].

Определённый интерес представляет точка зрения М. Гоклани, по мнению, которого, во-первых, рост человеческого капитала возможен благодаря изучению здоровья населения, во-вторых «... здоровые люди более продуктивны и могут уделять больше внимания образованию и интеллектуальному развитию...» [9]. По нашему мнению, вторая формулировка выраженная автором не совсем корректна, поскольку она несет в себе установку, ограничивающую социальную и экономическую деятельность людей с физиологическими дефектами (инвалиды, люди пожилого возраста). Как показывает современная практика, что социальная политика некоторых стран направлена на активное включение и поддержание данной категории граждан в интеллектуальную и трудовую среду.

Взяв за основу теоретическую разработку Радаева В., в рамках которой им описывается сущность капитала и его формы, позволила нам проанализировать и выделить черты капитала здоровья:

- ограниченность;
- накапливаемость (в отличие от социального, трудового и интеллектуального капитала формирование капитала здоровья начинается с момента рождения индивида посредством генной предрасположенности);
- способность превращаться в денежную форму (физиологическая и психологическая предрасположенность и ее поддержание способствует активному включению индивида в сферу рыночных отношений и получения в дальнейшем материальных благ);
- трансляция, передача генетической предрасположенности последующим поколениям [10].

Таким образом, человеческий капитал следует рассматривать как движущую силу экономического, социального, культурного потенциала общества, которая может быть во многом достигнута благодаря врожденным и приобретенным качествам индивида, где под врожденными качествами следует в первую очередь понимать уровень здоровья, который дает индивиду основу для достижения поставленных целей в будущем.

2. Курганский, С.А. Структура человеческого капитала и его оценка на макроуровне [Текст] / С.А. Курганский // Известия Иркутской государственной экономической академии, 2011.- №6.- С. 15-22.
3. Юдичев, А.А. Трудовой капитал и его воспроизводство [Текст] / А.А. Юдичев // Транспортное дело в России, 2009.- №12.- С. 45-47.
4. Садова-Бехенская, М.В. Свойства интеллектуального капитала [Текст] / М.В. Садова-Бехенская // Вестник Челябинского государственного университета, 2014.- № 25 (354).- С. 52-53.
5. Бурдые, П. Формы капитала [Текст] / П.Бурдые // Экономическая социология, 2002.- Том 3.- №5.- С. 60-73.
6. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий [Текст] / Дж. Коулман // Общественные науки и современность, 2001.- №3.- С. 121-139.
7. Ильинский, И.В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном воспроизводстве [Текст] / И.В. Ильинский.- СПб.: Изд-во. СПбУЭФ, 1996.- 28 с.
8. Артюхов, И.П., Горбач, Н.А., Лисняк, М.А. Человеческий капитал и здоровье: постановка проблемы [Текст] / И.П. Артюхов, Н.А. Горбач, М.А. Лисняк // Сибирское медицинское обозрение, 2008.- Том 49.- №1.- С. 3-9.
9. Гоклани, Индур. М. Глобализация человеческого капитала [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2006/01/18/goklany.html>. - 2016.- 20 июля.- Заглавие с экрана.
10. Радаев, В.В. Понятие капитал, формы капиталов и их конвертация [Текст] / В.В. Радаев // Экономическая социология, 2002.- Том3.- №4.- С. 20-32.

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лещинская С.Н. (Сочи)

В одиночестве человек — слабое существо,
в единении с другими — сильное.
Глубокий, проникающий в сердце взгляд друга,
слово его совета, его утешения раздвигают
и поднимают низко насевшие над ним тучи.
Гердер И.

Интенсивные изменения в политической, экономической, культурной сферах жизнедеятельности общества активно влияют на структуру межличностных отношений и самосознание человека. Современная ситуация в российском обществе накладывает отпечаток на ценностный мир личности, на его поведенческие аспекты, в том числе личности современной молодежи и студенчества как ее авангарда. Молодежь оказалась одним из наиболее восприимчивых социальных слоев. В центре большинства исследований по одиночеству находится человек – его прошлое, его восприятие настоящего, необходимо учитывать важность социальных условий, ценностей и норм культуры, порождающих и усиливающих одиночество многих людей. Одиночество усиливается за счет неразвитости культурных ценностей и влияния социальных институтов. В той степени, в которой социальные институты поддерживают индивидуализм и успех через конкуренцию, они благоприятствуют одиночеству, создавая нереальные ожидания отношений.

Сегодня в обществе увеличивается число молодежи, испытывающие чувство одиночества, что нередко приводит к личностным отклонениям с такими социально опасными последствиями, как депрессия, алкоголизм, наркомания, игромания, интернет зависимость и попытки суицида. По данным официальной статистики, в современном мире 1 млн. чел. каждый год кончает жизнь самоубийством. Выявлено, что за последние 10 лет количество попыток самоубийства среди молодежи увеличилось почти в 3 раза. Основными причинами здесь являются безответная любовь, конфликты в семье и учебном процессе, безотчетный страх перед будущим и тотальное одиночество. Именно в этом контексте Э. Дюркгейм использовал понятие «аномическое самоубийство» - вид самоубийства, в основе которого лежит социальная дезорганизация личности: разрыв социальных связей, чувство одиночества, подавленности. К социальному одиночеству можно отнести формы частичной социальной изоляции, такие как лишение членства в группе, неприятие группой. В случае переживания социального одиночества человек чувствует себя исключенным из той или иной группы, покинутым, посторонним, лишним.[1]

Сегодня наша жизнь устроена так, что уже с первых дней своей жизни ребенок вынужден находится под неусыпным вниманием взрослых. Жесткий контроль, который дети испытывают со

стороны родителей, воспитателей, а потом и учителей в школе и, одновременно с этим, невнимание взрослых к индивидуальным чертам характера ребенка, к его творческим способностям, по мнению многих специалистов, часто приводит к развитию чувства одиночества, чувства отчуждения и непонимания по отношению к окружающим людям. И, казалось бы, что с появлением социальных сетей интернета, проблема одиночества может быть успешно решена. Ведь теперь, даже испытывая трудности в общении с близкими, любой ребенок (чаще всего подросток) может легко сменить обстановку и переключиться на общение с теми, кто имеет схожие интересы и предпочтения в жизни. Только вот беда: чаще всего наша молодежь не имеет вообще никаких интересов. Именно поэтому, неудивительной становится ситуация, когда молодые люди не знают что им нужно от жизни. Не знают и не умеют реализовать себя в том или ином деле. А чаще всего, в принципе не имеют желаний (мотивации) к подобной реализации себя, как личностей.

При всей многогранности изучаемой проблемы в современном обществе, мы можем выделить подходы к социальному одиночеству молодежи, которые подразделяются на социальные и психологические. Так, рассматривая социально-психологический подход (А. Боумен, Д. Рисмен) который возлагает ответственность за возникновение одиночества на общество, в котором происходят процессы, ведущие к одиночеству. Так, Боумен выделил несколько факторов, способствующих усилению одиночества в современном обществе: ослабление связей в первичной группе; увеличение семейной и социальной мобильности. [2]

Следует отметить, что такой феномен как социальное одиночество процветает в раздробленных обществах, переживающих периоды перестройки, с неопределенностью социальных границ. К социальному одиночеству также ведут изменения, которые способствуют распаду традиционных групп, развалу иерархии социальных позиций, а также отсутствию четкого распределения ролей в группах.

Можно выделить несколько предпосылок одиночества молодежи в российском обществе, к которым относятся такие, как проблемы в области семьи, замена традиционной морали ответственности на компромиссную практическую мораль, обезличенность отношений в больших городах, проблема личного пространства. Можно выделить непосредственные причины возникновения одиночества в России – это экономический, политический и духовный кризис, наступивший в 1990-е годы после распада СССР; общее ускорение темпа жизни; акцентированность на личном успехе, соревновательности, конкурентности. Возможные методы преодоления социального одиночества существуют в современном обществе. Однако для решения проблемы социального одиночества у старших поколений мало предлагаемых в рамках общества экономически выгодных средств. Успешность преодоления социального одиночества во многом зависит также от настроения личности, ее ориентации на преодоление болезненного состояния, ее заинтересованности в результате и активности позиции.

1. Доступно: Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления // <http://moyuniver.net/socialnoe-odinochestvo-sushhnost-tipy-prichiny-metody-preodoleniya/>

2. Гольман Т.И. Социальное одиночество студенческой молодежи в транзитивном обществе: управленческий аспект: дис...канд.социол.наук. Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, 2008. [http://file:///C:/Users/KafSGIFT-02/Downloads/01003450496%20\(1\).pdf](http://file:///C:/Users/KafSGIFT-02/Downloads/01003450496%20(1).pdf)

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖЬЮ СВОЕГО БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Липатова М.Е. (Москва)

Конец XX века связан с рядом изменений, которые затронули все сферы жизнедеятельности человека. Процессы, происходившие на постсоветском пространстве в экономике, политике, социальной сфере во многом способствовали формированию нестабильной экономической ситуации, структурной трансформации и резкому усилению конкуренции в сфере труда, деформации доходов населения, значительному росту стоимости жизни, образовательного неравенства и т.д. Претерпевает изменение ценностная структура населения, иерархия ценностей, которая участвует в формировании жизненных целей, позволяет расставлять приоритеты и выстраивать жизненные планы. Но наряду с негативными факторами следует отметить и проявление новых, позитивных, тенденций. Появляются новые профессии, отвечающие

потребностям современной экономики и расширившимся потребностям населения, повышается мобильность граждан, реализуется принцип непрерывного образования, повышения своей квалификации и расширения своего профессионального опыта, раздвигаются культурные границы и др. Однако, каждый сегодня осознаёт, что в ходе своей профессиональной жизни сегодня возможно неоднократное изменение профессиональной траектории, смена профессии.

Как отмечает Кравченко С.А., изменения в современном обществе ведут к возникновению новых социокультурных реалий, включающих в себя неопределённость и риски [3, 5]. Понятие неопределённости так или иначе присутствовало в познавательной и практической деятельности человека на протяжении всего развития общества, однако сегодня категория неопределённости и риска становится составной частью жизни социума и практически всегда сопровождает его жизнедеятельность. Необходимость выбора из нескольких альтернатив при принятии решения предполагает вступление в поле неопределённости, когда невозможно предсказать, спрогнозировать исход, результат данного решения.

Проблема выбора особо остро стоит для современной российской молодёжи, которая является важнейшим стратегическим ресурсом общества. Именно для неё видение перспективы и ощущение достижимости желаемого будущего является важным для выстраивания жизненной стратегии, которая, по сути, представляет собой идеальную модель этого будущего. Так Ельникова Г.А. и Алиев Ш.И., определяя жизненные стратегии, как идеальную модель, систему целей и задач человека, конструируемые во всех сферах жизнедеятельности, подчёркивают важную роль ценностной компоненты, отражающей основные смыслы жизни индивида, и основанные на них выбор способов достижения поставленных целей и решения обозначенных задач [1, 131].

Согласно полученным в ходе эмпирического исследования [2] данным 70,6% молодых людей строят планы на ближайшее и отдалённое будущее. Практически все опрошенные выразили уверенность в реализации поставленных целей (91,5%). Однако только 25% согласились, что в России им будет сопутствовать успех, тогда как 46,5% не уверены в своих силах (оценивают свои шансы на реализацию жизненных планов как не очень хорошие). Среди основных причин препятствующих реализации жизненных целей респонденты указали собственную лень (31,6%), нехватку знаний (12,3%), денег (12,1%), состояние здоровья (11,2%). В качестве негативных факторов так же были указаны социально-экономическая и политическая обстановка в стране (12,2%) и коррупционная составляющая в жизни общества (10,7%). Кризисы в экономике, техногенные и природные катастрофы, принимаемые в ряде случаев противоречивые или бессистемные решения на разных уровнях власти и другие факторы могут существенно затруднять конструирование жизненных стратегий, выработку оптимального решения относительно будущего.

Поэтому, несмотря на то, что в реализации жизненных планов молодёжь в первую очередь рассчитывает на собственные силы и знания (39,4%), однако велика доля и тех, кто в современных условиях не согласен отказаться от поддержки родных и близких (19,8%). Некоторые респонденты выразили готовность положиться исключительно на случай, везение (13,3%) или довериться друзьям (11,6%). При этом важен не патерналистский подход к решению возникающих в ходе реализации жизненных планов проблем, а поддержка, одобрение, своевременный совет. Поэтому большинство респондентов (64,1%) ответили, что рассчитывают не некоторую помощь родителей и родственников, полностью уверены в своих силах 18,7% и 13,5% ожидают существенной поддержки в реализации своей жизненной стратегии.

Молодёжь, как уже не раз отмечали различные исследователи, является одной из самых динамично развивающихся, активных и деятельных социальных групп, активно реагирующей на появление новых возможностей, но и зачастую первая сталкивающаяся с новым трудностями в реализации своего потенциала. Динамично происходящие изменения в нашем обществе заостряют вопрос об особенностях постановки цели, мотивации, выработки стратегии и принятии решения в новых условиях. Все упомянутые элементы предполагают наличие некоторой рискологической составляющей. Зачастую современный человек сталкивается с ситуацией, когда необходимо осуществить выбор из нескольких возможных альтернатив. При этом не всегда в реальной жизни люди осуществляют осознанные расчёты этих альтернатив. Зачастую устремления, ценности и цели молодых людей не совпадают с общепризнанными, особенно в современной России. Однако готовность строить планы на будущее и умение формулировать жизненные стратегии индивидом способствует более точному представлению своего будущего и даёт представление о том, какое развитие общества является наиболее предпочтительным.

1. Ельникова Г.А., Алиев Ш.И. *Жизненные стратегии молодёжи: теоретический и методологический анализ.* — Белгород: Кооперативное образование, 2008. С. 131.
2. *Исследование «Жизненные стратегии молодёжи в современной России».* 2014 – 2015 гг. (N=764).
3. Кравченко С.А. *Риски в нелинейном глоболокальном социуме.* М.: «Анkil», 2009. С. 5.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РАБОТАЮЩИХ БЕДНЫХ В Г. ВОРОНЕЖ

Литинская Е.Ю., Матюшина Ю. Б. (Воронеж)

Успехи российской экономики в начале 2000-х годов были весьма впечатляющими и в свою очередь не смогли не отразиться на уровне жизни населения всей страны. Однако случившийся экономический кризис внес свои коррективы в развитии экономики и всего российского общества. И тем не менее, по оценкам экспертов, спад ВВП в 2015г. составил 3,7%, в то время, как в том же 2009г. ВВП страны сократилось на 7,9%. По официальным статистическим данным, число лиц, проживающих ниже официальной черты бедности, увеличилось с 14,4 млн. чел по состоянию на четвертый квартал 2015г. до 22,7 млн. чел. в первом квартале 2016г. Резкое падение уровня жизни и качества жизни прежде всего отразилось на жизни простых граждан. Еще большее кризис ударил по немногочисленному среднему классу, закредитованному валютными займами [1;2].

Последствия экономического кризиса находят своё отражение не только в состоянии национальной экономики, но и в умах обывателей, сказываясь на социальном самочувствии, которое представляет собой сложный и динамичный показатель социального мироощущения. Среди показателей социального самочувствия российскими социологами обычно выделяются такие компоненты, как: оценка своего материального положения, степень удовлетворенности жизни, оценка внешних условий, представления о будущем материальном положении и др.[3,с.61].

В целях изучения социальной адаптации населения Воронежской области авторами в мае-июне 2016г. было проведено социологическое исследование. Методом квотного отбора было опрошено 1000 респондентов с разных уголков Воронежской области. В результате статистической обработки были отобраны исключительно работающие респонденты, проживающие в г. Воронеж, имеющие невысокие материальные возможности, причем среди опрошенных только 77,4% были трудоустроены официально. Таким образом, в анализ попали бедные, подходящие не только под жесткие рамки абсолютного подхода, мы ограничились планку бедности состоянием, когда покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения. Среди опрошенных самыми экономически уязвимыми оказались работники бюджетной сферы, сферы торговли и обслуживания, половина имеет высшее и незаконченное высшее образование. По оценкам респондентов, 65,4% живет на 1-2 прожиточный минимума из расчёта на одного члена семьи в месяц, 18,8% менее, чем на один прожиточный минимум, 15,8% указали уровень дохода более, чем 2 прожиточных минимума. Среди респондентов 32,3% всегда испытывали материальные трудности, так называемые хронические бедные, у 30,1% материальные трудности начались относительно недавно, 23,3% попали в данную категорию несколько лет назад.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Насколько в целом, Вы удовлетворены своей жизнью?», рассчитан общий индекс удовлетворенности и индекс для мужчин и женщин, изменяющийся в пределах от 1 до -1. В целом же, индекс составил -0,004, что говорит о неудовлетворенности своей жизнью, причем женщины (-0,07) чуть больше мужчин (0,1) не удовлетворены жизнью в настоящий момент. Среди различных сторон жизнедеятельности крайнюю озабоченности вызывают у работающих бедных повышение цен (0,88), дороговизна жизни (0,8), повышение цен на ЖКХ (0,81), инфляция (0,78), то есть все те аспекты, которые непосредственно отражаются на уровне жизни и повседневном потреблении. Кроме озабоченности экономическими аспектами жизни озабоченность вызывают проблемы безопасности: личной безопасности (0,64), терроризма (0,73) и преступности (0,62) и экологической обстановки (0,58). На второй план отошли задержки заработной платы (0,44), общее падение нравов (0,47), мировой экономической кризис (0,39) и международная напряженность (0,5).

По оценкам респондентов, лишь 3,8% смогли полностью приспособиться к сложившимся социально-экономическим условиям, у 38,3% жизненные трудности возникают изредка, 43,6% не приспособились в полной мере, но готовы потерпеть и 14,3% не приспособились вообще. Среди

причин столь низкой адаптации респондентами были отмечены «отсутствие нужных связей» - 44,6%, «невысокие финансовые возможности» - 63,2%, треть респондентов отметила возраст. В качестве факторов жизненного успеха респонденты «отметили наличие нужных связей» -42,9%, высокие профессиональные навыки и умения – 48,1%, трудолюбие – 45,9%, а также благоприятные условия в стране – 26,3% и 28,6% - уверенность в себе, 27,1% посчитало необходимым условием успеха наличие стартового капитала.

Более половины опрошенных респондентов (67,7%) оценили свое материальное положение как среднее, треть как плохое, 3% как очень плохое и лишь 1,5% как хорошее, причем с крайне положительной оценкой не оказалось ни одного респондента. У 33,8% материальное положение осталось на прежнем уровне за последний год, у 32,3% немного ухудшилось, пятая часть респондентов заявила о сильном ухудшении своего материального положения и лишь у 13,6% материальное положение улучшилось в целом. Данная оценка своего материального положения сильно пересекается с оценкой жизненных возможностей. В целом же, 65,9% респондентов отметили уменьшение и отсутствие таковых.

Подобное ухудшение материального положение сказалось на потреблении товаров и услуг. На продуктах питания стало экономить 48,1%, 50,4% на приобретении одежды и обуви, 33,8% на приобретении товаров длительного пользования, причем 24,1% вообще отказался от их приобретения. Экономия также не обошла образование и отдых. Треть респондентов указала, что отдых за границей и до этого был не по карману, еще треть от этого отдыха отказалась. Отдых в России и ближнем зарубежье также был вычеркнут 35% из списка своих расходов, а 12,5% стали на нем экономить.

В таких непростых жизненных условиях 36,1% работающих бедных испытывает чувство несправедливости, 21,8% страха перед будущим, 21,8% говорит, что жить так больше нельзя, терпение на исходе. И тем не менее, несмотря на подобные чувства, 33,1% все же сохраняет чувство веры в светлое будущее и оптимизма -22,1%.

Также респондентам был задан вопрос о том, чьи интересы защищает наше государство, ответы распределились следующим образом: 48,1% - богатых, 40,6% - власть имущих, 21,1% - военных, 25,6% - бюрократии. Примечательно, что лишь 0,8% ответило, что наше государство защищает интересы средних слоев, 6,8% всех граждан, 0,8% бедных.

Как бы ни ощущали респонденты себя в настоящее время, тем не менее треть считает, что материальное положение останется на прежнем уровне, 15,8% надеется на незначительное улучшение, а 12% ожидает незначительного ухудшения.

Поскольку объектом нашего исследования стали работающие бедные, то нельзя не отметить общий низкий уровень удовлетворенности работой (0,2). Большинство респондентов оценивает положение дел на своей работе как удовлетворительное – 49,6%, 26,3% респондентов оценило как хорошее и 19,5% как тяжелое, остальные придержались крайних точек зрения. Среди факторов, снижающих уровень удовлетворенности, можно отметить ряд негативных явлений: у 24,8% случались задержки заработной платы до полумесяца, 23,3% отметили ухудшение условий труда, 16,5% увольнения по сокращению штата, 35,3% сокращение премий, бонусов, 24,1% уменьшения заработной платы. Пятая часть респондентов пыталась найти новую работу в сложившихся условиях, но у больше, чем половины эти поиски не завершились успехом.

Таким образом, на уровень социального самочувствия влияет общий уровень адаптации данной группы к сложившимся социально-экономическим условиям. Удовлетворенность различными сторонами жизни данной социальной группы непосредственно сказывается на формировании негативного социального самочувствия.

1. Штайнер Э. Экономический кризис в России - это кризис и в умах [Электронный ресурс] //Инопресса: информационный портал.2016.URL http://inopressa.ru/article/07Apr2016/diepresse/rus_2.html/ (Дата обращения 8.10.2016).
2. Неравенство и бедность. [Электронный ресурс] //Росстат: Федеральная служба государственной статистики.URL http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Дата обращения 8.10.2016)
3. Асланова О.А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии / О.А. Асланова// Теория и практика общественного развития.-2012.-№2.-С.59-63.

ПОСЛЕДСТВИЯ СКРЫТОГО СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ДЛЯ РЕБЕНКА Литуновская А.С. (Санкт-Петербург)

Семья и государство, их функционирование неразрывно связано на протяжении всей истории человечества. Нарушения в семье порождает появление дисгармоничных личностей, а с точки зрения государства – пассивных граждан.

При существующем делении семей на три категории: благополучные семьи, семьи категории риска и неблагополучные семьи, вероятность неблагоприятного развития ребенка присутствует в каждой из них.

Так, Цинченко Г. М. дает свою характеристику благополучной семье: «во-первых, это семья, которая выполняет все функции. Во-вторых, такая семья должна состоять из родителей и детей (не менее трех). В-третьих, все члены благополучной семьи связаны между собой невидимыми эмоциональными и межличностными связями, которые формируют семейное «Я» человека» [1]. При этом в семье может наблюдаться скрытое неблагополучие, то есть внешнее соблюдение членами семьи своих обязанностей, кажущееся социальное благополучие не соответствует тому, что происходит внутри семьи. В таком случае семья переходит в категорию группы риска.

Как правило, к категории семей группы риска относят семьи, которых еще нельзя в полной мере назвать неблагополучными, но к этому у них уже есть предпосылки. Если рассматривать внешне благополучную семью с этих позиций, то можно выделить несколько факторов скрытого неблагополучия семьи. К ним можно отнести такие крайние проявления в воспитании детей как: излишне директивное воспитание или удовлетворение малейших желаний и потакание во всем; эмоциональное отвержение ребенка или повышенные требования к моральной ответственности, при которой на ребенка возлагается ответственность за семью и близких, не соответствующая его возрасту; а также частые конфликты и скандалы, необязательно тематически связанные с ребенком [2]. К факторам скрытого неблагополучия можно отнести также такое явление как «распавшаяся семья», в которой «родители «живут вместе ради ребенка», удовлетворяя все свои интимные потребности на стороне» [3].

Кроме того во внешне благополучной семье в скрытом виде могут присутствовать и такие явления, которые чаще всего характерны для так называемых неблагополучных семей. То есть: насилие в семье, алкоголизм, наркомания, правонарушения, психические отклонения и другие заболевания членов семьи.

Часто дети стесняются признаться в том, что в их семье есть какие-то проблемы, иногда они считают, что принятые в их семье нормы поведения являются общими для всех и в других семьях все обстоит так же. А порой и сами взрослые запрещают ребенку «выносить сор из избы» - рассказывать то, что происходит внутри семьи, ради сохранения имиджа «хорошей», «нормальной» семьи. Постоянное напряжение, стресс, которые испытывает ребенок вызывают нарушения в эмоциональном развитии, могут приводить к болезням души и тела. Самым частым последствием внутреннего неблагополучия семьи для ребенка является его социальная дезадаптация.

Итак, внешне благополучные семьи могут быть психологически неблагополучными, то есть иметь неблагоприятный для развития ребенка психологический климат. Такие семьи не состоят на учете в социальных службах, не относятся к неблагополучным. Однако последствия того, что ребенок растет и психологически формируется в такой семье, могут иметь для него такой же негативный характер, как и в случаях, когда семья была признана нуждающейся в помощи и находилась под наблюдением специалистов социальной работы.

1. Цинченко Г. М. Возрождение здоровой благополучной семьи как основное направление в решении социальных проблем в области народонаселения // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*, Т. 7, № 1, 2012, стр. 96-111
2. Истратова О. Н. Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, № 10, 2013, стр. 242-249
3. Недожогина Н.В. Проблемы неблагополучных семей как одна из причин кризиса современного общества // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, №9, 2009, стр. 35-38

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАК ФАКТОР ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Лихачева О.Н. (Минск, Республика Беларусь)

Современный этап развития общества характеризуется интенсивной сменой ценностных приоритетов, быстро сменяющимся информационным потоком, появлением новой коммуникационной среды и т.д. В новых обстоятельствах человек вынужден быстро меняться, то есть участвовать в процессе социальной мобильности. Рассматривая основные факторы данного процесса, необходимо обратиться к изучению такого феномена как социальные сети индивидуумов, культуры доверия, норм и ценностей, которые возникают внутри этих сетей. «Социальная сеть состоит из связей, основными факторами которых являются объективные отношения и социальные институты, связывающие индивидуумов вместе, при этом не важно, сформировалось ли у них чувство принадлежности и сплоченности к определенной группе» [1, с. 65]. Для оценки степени прочности социальных связей в белорусском обществе важное значение имеет доверие. «Доверие – динамичное, социально-психологическое явление, изменяющееся в определенном диапазоне. Оно является значительным социальным ресурсом общества, способствующим формированию благоприятных условий для человеческой жизнедеятельности, а также фактором успешного социального взаимодействия как в межличностных отношениях, так между социальными субъектами гражданского общества» [2, с. 75]. При оценке уровня доверия белорусов друг к другу было выявлено, что сильные связи преобладают, как и следовало ожидать, на межличностном уровне. Чем ближе окружение, тем выше уровень доверия к ним. Полученные данные позволяют выявить 3 группы социальных сетей:

1. Межличностные сети (семья, личные знакомые, соседи).
2. Деловые сети (коллеги по работе, руководство, люди более высокого материального и социального статуса).
3. Конкурентные сети (люди, другой религии; люди, других политических взглядов; люди, другой национальности; люди, с которыми впервые встретились; партнеры по бизнесу).

Для определения силы социальной связи был высчитан индекс доверия. Значение индекса измеряется в баллах в интервале [0; 1], где «0» — означает полное доверие, а «1» — означает отсутствие доверия к определенной социальной группе. Полученные результаты представлены на диаграмме (рисунок 1).

Самый высокий индекс доверия обнаруживается с членами семьи (0,92), личными знакомыми (0,7), соседями (0,65). Этот факт объясняется стремлением индивида быть во «внутреннем» кругу людей, т.е. родственников и близких. По Ф. Фукуяма у современного человека возникает большой радиус доверия. «Радиус доверия – категория, определяющая круг лиц (или социальных групп), входящих в единую систему доверительных отношений. Современное модернизированное общество, в отличие от традиционного, состоит из большого числа тесно взаимодействующих между собой социальных групп и представляет ряд концентрических и накладывающихся друг на друга радиусов доверия» [3, с. 55]. Доверительные отношения ослабевают по мере отдаления социальных контактов, появления формализма в отношениях, а именно, в деловых кругах: коллегам по работе – 0,56, руководству – 0,46, людям более высокого материального и социального статуса – 0,46. На третьем месте по уровню доверительности расположились, так называемые, конкурентные сети, т.е. тот круг людей, который обладает противоположными или иными ценностями и жизненными принципами, а также к совершенно незнакомым людям (0,43). Как утверждал Ф. Фукуяма, «образование социальных групп вполне объяснимо в терминах добровольного договора между индивидами, рассчитавшими, что сотрудничество отвечает долгосрочным эгоистическим интересам каждого из них. С такой точки зрения сотрудничество может обойтись и без доверия: разумный эгоизм в сочетании с необходимыми правовыми механизмами вроде контрактной системы может компенсировать его отсутствие и позволить незнакомым людям создать организацию, работающую на достижение общей цели. Имея в основе общность эгоистических интересов, группы способны возникать когда и где угодно, а поэтому процесс их формирования не связан с культурой» [3, с. 53].

Таким образом, можно заключить, что сильные социальные связи с друзьями и родственниками достаточно характерны среди белорусского населения, они включают в себе особые определенные роли для индивида. Слабые социальные связи проявляются среди деловых и конкурентных сетей, что говорит о формальных контактах между индивидами. «В обществах с

низким уровнем доверия люди испытывают трудности организации совместной деятельности группы, члены которой не связаны родственными связями, а потому не могут выйти за пределы семейного бизнеса» [4, с. 60]. Существует также понятие «вынужденное доверие». «Сферой функционирования вынужденного доверия выступает, например, этническое предпринимательство, где доверие является фундаментом сложных механизмов неформальных кредитов, услуг и контроля. Основным элементом, который способствует воспроизводству доверия, является уверенность в том, что сообщество способно привлечь нарушителя к ответственности. При этом не моральный императив, а система поощрений и санкций вынуждает членов группы придерживаться определенных норм» [5, с. 609].

По итогам исследования выявлено, что на современном этапе белорусы сложнее адаптируются к рыночным отношениям, в том числе и из-за особенностей менталитета. Конкурентоспособность (социальное продвижение) ассоциируется с успехом как в профессиональном плане, так и в личной жизни. Однако этот успех, по мнению большинства белорусов, достигается, в первую очередь, за счет социальных связей, а именно, родственников, влиятельных людей, друзей. В тоже время, мобильность, гибкость и умение приспособиться к обстоятельствам, как показало исследование, помогают не только приобрести достойный статус в обществе, но и в итоге приводит к общей удовлетворенности своей жизнью.

1. Резанова, Е. В. Социальный капитал молодежи как интеграционный потенциал общества [Электронный ресурс] : Корпоративные стратегические коммуникации : сб. науч. ст. / БГУ, Институт журналистики ; редкол.: С. В. Дубовик [и др.] – Минск, 2016. – Режим доступа https://issuu.com/annakuzmenkova/docs/_ecb302b26c536f. – Дата доступа: 18.08.2016.
2. Бобкова, Е. М. Доверие как фактор целостности общества / Е. М. Бобкова // Социс. – 2014. - № 10. – С. 70-75.
3. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; под общ. ред М. Колопотина: пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирюченко, М. Колопотина. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730с.
4. Табала, Н. В. Социальный капитал: концептуально-теоретический анализ / Н. В. Табала // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2010. – № 2 – С. 59-61.
5. Беспарточный, Б. Д. Концептуальные основы понятия «социальный капитал» [Электронный ресурс] / Б.Д. Беспарточный // Современные проблемы науки и образования (Пенза) – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/18919198.pdf>. – Дата доступа: 18.08.2016.

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Лихачёва С.Н. (Могилёв, Республика Беларусь)

Трансформационные процессы практически всех сторон общественной жизни достаточно болезненно отразились на состоянии белорусской семьи. Демографы фиксируют невысокую рождаемость, социологи отмечают рост асоциальных семей, падение нравственных устоев семейного воспитания и др. Прямое воздействие на демографическое поведение индивидов с целью увеличения рождаемости, сдерживания нежелательной миграции, призывы вести здоровый образ жизни не приносит существенных результатов, что связано в первую очередь с изменением системы ценностных ориентаций. Исследования показывают, что в модернистской семье «каждый из супругов ждет от брака того, что «не заложено» в его природе как социальном институте – эротике (вплоть до «романтической» любви) и счастья, то есть личностной самореализации, а рождение ребенка рассматривается как исполнение хотя и важной, но не первоочередной нужды» [1, 49]. Поэтому значение демографической политики возрастает в контексте укрепления семейных ценностей и постепенного формирования у подрастающих поколений потребности в трех-четырех детях. Необходимо отметить, что в последние годы в стране наблюдается снижение убыли населения, что можно связать в том числе и с проводимыми мероприятиями семейной политики.

Социологами репродуктивное поведение представляется как многоаспектное и сложное явление, определяемое совокупным действием разного рода причин: экономических, социальных, политических, психологических. Указанные причины являются факторами и мотивами, которые, с одной стороны, образуют потребность в детях, а с другой препятствуют её реализации. Демографическая ситуация и репродуктивное поведение населения Республики Беларусь не могут не вызывать тревоги. Наблюдается преобладание установок на малодетность и сокращение числа

закрываемых брачных союзов. В последние два десятилетия сложился такой тип репродуктивного поведения, который на долгие годы предопределил суженную структуру воспроизводства населения.

Различные аспекты демографического поведения как основы воспроизводства населения изучались Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в 2015 году. Традиционно в социологии рассматривается репродуктивное поведение через призму идеального, желаемого и реального числа детей. В ходе опроса было предложено респондентам определить, какое количество детей в современной белорусской семье является оптимальным, в том числе и для минимизации проблемы невысокой рождаемости. Так, считают, что в белорусской семье должно быть трое детей – 23,5%, более трех – 3,7%. Большинство опрошенных респондентов (61,0%) придерживается точки зрения о необходимости наличия двух детей. Возможность иметь в семье не более одного ребенка отметили 8,6% респондентов.

Ответы жителей Могилевской области относительно идеального числа детей в семье позволяют проанализировать социальные представления о нормах детности, характерных для современных белорусов. Общий демографический настрой в современном белорусском обществе имеет направленность на минимизацию детности. Основная часть опрошенных придерживается курса на одно-двухдетную семью. Ценность и престиж большой семьи, как это было принято у прежних поколений, в обществе практически отсутствует.

В сельской местности несколько чаще высказывается точка зрения относительно желательности трехдетной семьи (6,3%), в городах таких в 2 раза меньше. Горожане преимущественно являются сторонниками двухдетной семьи: в крупных городах 65,3%, райцентрах 62%, в селах 45%. Некоторый оптимизм вселяют ответы по поводу однодетной семьи, ее сторонниками в крупных городах являются 10,2%, в райцентрах 6,3%, в селах 6,3%. Таким образом, можно предположить, что убыль населения не будет идти стремительными темпами. В целом жители сельской местности лояльнее относятся к семьям с тремя детьми, и ценность такой семьи в селе несколько выше, чем в городе.

Идеальное представление о количестве детей в современной семье переключается с их желаемым числом в собственной семье. Респонденты придерживаются преимущественно двухдетной семьи и только каждый четвертый хотел бы иметь троих и более детей (хотят одного ребенка 8,9%, двоих – 58,9%, троих – 23,6%, более трех – 3,5%). Желание иметь определенное количество детей в семье находится в определенной зависимости от типа населенного пункта. Можно отметить несколько большую ориентированность жителей сельской местности в отношении рождения троих и более детей. Однако такая тенденция может быть связана с тем, что дети в сельской местности чаще, чем в городе, воспринимаются как помощники в подсобном хозяйстве, а также тем, что иногда именно детское пособие, в условиях отсутствия рабочего места на селе, может являться основным финансовым обеспечением семьи. Оптимальное количество детей в данном случае есть представление супругов о числе детей в целом, без учета личностного подхода, то есть это суждение о социальной норме детности. В обществе сформировалась достаточно стойкая позиция о том, что современная семья должна состоять из родителей и двоих детей.

В ходе исследования интересным было выявить, кто чаще всего проявляет инициативу по рождению детей. Как показал опрос, в большинстве случаев (72,5%) такое важное решение супруги принимают совместно. Среди участников опроса, 13,0% отметили, что именно представительницам слабого пола принадлежит такая инициатива. Среди мужчин на такие предложения решаются только десять процентов мужчин (9,3%). Затруднились ответить на вопрос 5,2%.

В исследовании была рассмотрена также ситуация, когда в семье откладывается рождение первого или следующего ребенка, таковых оказалось около трети среди участников исследования. Основными причинами были названы следующие: отсутствие материального достатка – 42%, желание пожить без забот – 14,7%, необходимость закончить учебу – 10,2%, пока существуют проблемы со здоровьем у супруги – 7,8%, оба супруга пока не хотят иметь детей – 6,8%, нестабильность брака – 6,2%, опасение родить нездорового ребенка – 2,8%, супруг не желает иметь детей – 2,2%, супруга не желает иметь детей – 1,1%, проблемы с детородной функцией у супруга – 1,1%. Таким образом среди множества причин лидирующее место занимает фактор материального положения семьи. Как правило, экономическая нестабильность преследует молодые семьи, именно в которых имеется потенциал к рождению нескольких детей.

Решение демографических вопросов зависит от двух основных факторов: первый – увеличение рождаемости и второй – снижение смертности населения. Миграция пока существенного влияния не оказывает. Уровень рождаемости в нашей стране приблизительно такой же, как и во многих европейских странах, но уровень смертности, превышает показатели развитых стран мира. Таким образом наряду с мобилизацией усилий по повышению рождаемости, необходимо предпринимать меры по поддержанию здоровья населения, улучшению качества жизни.

1. Голод, С. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социс. — 2008. — №1. — С.40-50.

ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Логунова М.Р. (Тула)

В системе рыночной экономики современного общества достаточно уязвимыми остаются представители молодежи. Они сталкиваются с трудностями не только в процессе реализации своей трудовой деятельности, но иногда даже не доходят до него, не имея возможности трудоустроиться из-за определенного ряда причин. В данной статье будут рассмотрены предполагаемые причины, связанные с проблемами трудовой адаптации молодежи, факторы их возникновения.

In the system of market economy of modern society quite vulnerable are young people. They face difficulties not only in the implementation of their work activities, but sometimes even do not reach it, not being able to find a job due to a certain number of reasons. This article will examine the alleged reasons connected with problems of labor adaptation of youth, and the factors of their occurrence.

В условиях современной рыночной экономики молодые специалисты, как выпускники, так и учащиеся высших учебных заведений, сталкиваются с рядом трудностей, обусловленных процессами, протекающими в обществе. Стоит сразу отметить, что в большей мере «уязвимость» молодежи связана с тем, что данная социальная группа является наиболее подверженной влиянию царящих в обществе тенденций и с трудом может им противостоять. Помимо этого, молодые люди сталкиваются с определенным роде недоверием со стороны организации работодателя, что обусловлено целым рядом факторов, которые и стоит рассмотреть более подробно.

В первую очередь, хотелось бы указать на такую важную характеристику как мобильность. И в данном случае ее следует рассматривать не с положительной стороны, когда индивид проходит те или иные стадии социализации и трудовой адаптации, которые в будущем ему помогут. Речь идет об иной мобильности. Большинство молодых специалистов, даже те, кто начинают работать по специальности еще являясь студентами высших учебных заведений, далеко не всегда готовы и хотят оставаться в качестве работника одного и того же предприятия (даже если есть высокая вероятность карьерного роста). Молодежь стремится найти некое «место под солнцем», прибегая к достаточно частой смене организаций-работодателей. И вполне ожидаемо, что предприятию не нужен сотрудник, которому в скором времени придется в срочном порядке искать замену.

Нередко данная тенденция обуславливается желанием найти более выгодный вариант, причем выбор организации-работодателя в большинстве случаев зависит от размера предлагаемой заработной платы. Безусловно, нельзя винить молодых людей в том, что они стремятся к улучшению своего материального положения, а если дело касается и карьеры, то стремление к повышению социального статуса даже похвально. Но работодателей заставляет относиться к молодым специалистам с недоверием и даже некоего рода предвзятостью вовсе не стремление к благосостоянию.

У молодежи зачастую прослеживается несоответствие желаний и возможностей. Многие молодые специалисты переоценивают свои возможности, а картина возможного карьерного роста предстает перед ними весьма утопической. Как указывает в своей статье Алексей Юрьевич Мельник [1], одним из основных недостатков молодых специалистов является «необоснованная амбициозность и самооценка».

В качестве еще одного «большого места» выступает следующая черта молодых людей: они привыкают действовать по заученным, клишированным схемам, не видя альтернативных путей решения задач. Необходимо отметить, что в этом не только вина молодежи, можно сказать, даже

не столько. Следует сказать, что уровень профессиональной подготовки молодых специалистов также связан с трудностями самореализации и трудовой адаптации молодежи в современных условиях рыночной экономики. Еще со школьной скамьи людей приучают к «зубрежке». Молодое поколение привыкает к заучиванию теории, именно заучиванию, а не пониманию. Многие полученные знания быстро улечиваются, стоит только студенту сдать экзамен. Но даже в случаях, когда происходит осмысление пройденного материала, нередко молодой сотрудник не знает, как применить полученные знания на практике (о чем также говорят многие работодатели), просто не может справиться с решением реальных практических задач, с которыми сталкивается в жизни. В большинстве случаев это связано с невозможностью нахождения альтернатив. Молодой работник заикливается на одной, заученной схеме действия «как меня научили», из-за чего не видит наиболее оптимального решения поставленной задачи.

Говоря о некотором неумении молодых людей принимать решения в процессе трудовой деятельности, стоит отметить, что во многих высших учебных заведениях в настоящее время делается большой упор на практико-ориентированных занятиях и увеличении объема самостоятельной работы студентов. Иными словами, речь идет о профессиональной подготовке, на которую обращает внимание значительное количество исследователей, в том числе и Кристина Сергеевна Мухина [2]. С одной стороны, это имеет положительную оценку, потому что в процессе обучения молодые люди «вливаются» в среду, в которой, возможно, в будущем им предстоит работать. Они получают необходимые навыки, которые, безусловно, им помогут в будущем, учатся действовать в конкретных ситуациях, задаваемых учебным процессом и планом. С другой же стороны, делая акцент на практических занятиях, система образования все меньше внимания уделяет теоретическим знаниям, полагаясь на ответственность учащихся и поручая самостоятельно разобрать достаточно объемное количество материала. Но ведь есть моменты, которые практически невозможно осознать в полной мере без помощи преподавателя, умеющего грамотно преподнести ту или иную информацию. Да и не стоит забывать, что большинство молодых людей в данной ситуации скорее обратятся к Интернету, нежели решатся потратить свое время и силы на поиски нужной информации в печатных источниках, в тех же книгах, которые можно найти в библиотеках. А во всемирной паутине, к сожалению, не так редко встречается далеко не достоверная информация, а иногда и искаженная, что может повлиять на усвоение пройденного материала. Да и вообще, можно сказать, что многие учащиеся будут стараться в данной ситуации получить не знания, а именно информацию. И тут уж говорить о фундаментальности теоретических знаний, полученных студентами самостоятельно, и вовсе нельзя. Плюс ко всему, нельзя опускать тот факт, что не все учащиеся окажутся в этом вопросе «ответственными».

И напоследок хотелось бы сказать, что до сих пор остается очень острым вопрос об опыте работы. Число работодателей, готовых взять только что вышедших из стен университета молодых специалистов на работу без опыта, очень мало. Зачастую не только желаемое и действительное молодежи не совпадают, так же можно сказать и о работодателях. Они указывают, что ищут перспективных и инициативных работников в возрасте 25-30 лет, но при этом у них уже должен быть внушительный опыт работы, что в принципе невозможно.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы молодежи, связанные с трудовой адаптацией, зависят от многих факторов, некоторые из которых были обозначены и рассмотрены выше.

1. Мельник А.Ю. Координация рынка образовательных услуг как повышение эффективности молодежного рынка труда. Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. №3, 2011. С. 195 - 196.

2. Мухина К.С. Профессиональная адаптация молодежи на рынке труда в условиях социально-экономического кризиса. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №6-7. 2016. С. 201-205.

МЕНТАЛЬНАЯ МАТРИЦА НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Лубский Р.А. (Ростов-на-Дону)

Научное моделирование политического поведения позволяет выявить его особенности в российском обществе в условиях регенерации государствоцентричной матрицы его развития и консервативной волны, охватившей массовые настроения россиян на рубеже XX– XXI вв.

Доминантой этой волны «стало, – как отмечают исследователи, – возвращение от западных увлечений периода становления демократии к "исконно российским" представлениям, нравственным устоям и образу жизни» [1, с. 460–463].

В рамках междисциплинарного подхода [4, с. 3–11] политическое поведение, или реакция актора на политическую ситуацию, может рассматриваться как следствие интерпретации им этой ситуации и приписывания ей значений и смыслов в определенном социокультурном контексте. Интерпретация политической ситуации и соответствующее политическое поведение, осуществляются на основе ментальной программы, в которой можно выделить когнитивные, аксиологические и конативные структуры, носящие как рефлексивный, так и нерефлексивный характер. Рефлексивные структуры ментальных программ являются неустойчивыми, поскольку они осознаются людьми, и поэтому становятся восприимчивыми к внешним и внутренним воздействиям, приобретая диверсификационный характер. Нерефлексивные структуры ментальных программ, наоборот, носят устойчивый характер, поскольку они не осознаются людьми в качестве основания их политического поведения.

Нерефлексивные структуры ментальной программы как ее константы представляют собой ментальные матрицы политического поведения в обществе. Эти матрицы как типичные формы политического «поведения в социокультурном поле» выражают, как считают исследователи, «традиционные (архаические) структуры социальных представлений, вплетенных в повседневность» [3, с. 35].

Модель политического поведения представляет собой когнитивный аналог конкретных политических действий, обусловленных нерефлексивными и рефлексивными структурами ментальной программы. При этом нерефлексивные структуры ментальной программы определяют нормативную модель политического поведения, зависящего от общепринятых культурных ценностей и норм, а рефлексивные структуры – модальные модели политического поведения, статистически наиболее распространенные в обществе.

Нормативная модель политического поведения, носящая неосознанный характер, является продуктом эволюции российской государственности как государственно-организованного общества [5], в котором человек поглощен государством, и у него нет иного выбора, кроме как принадлежать государству и выполнять предписанные ему социальные, в том числе политические роли [2, с. 108–109]. В основе ценностей и установок ментальной матрицы нормативной модели политического поведения лежит этатистско-патерналистский образ государства как творца всех общественных отношений, которое должно опекать общество и человека [6, с. 27–37; 7, с. 90–103].

В ментальной матрице нормативной модели политического поведения высшей ценностью является государство, и поэтому в основе этого поведения лежит предрасположенность перемещать решение всех жизненных проблем, в том числе и частных, в государственно-политическую сферу [2, с. 108–109]. В такой ментальной матрице доминирует также предрасположенность «жить в сильном государстве», берущим на себя патерналистские функции защиты интересов человека и его социальной мобилизации [7, с. 90–103]. Поэтому характерной чертой нормативной модели политического поведения является постоянное стремление перекладывать людьми ответственность за свою судьбу и свои действия на государство, к которому они проявляют не просто лояльность, а испытывают особое чувство принадлежности.

В российском обществе люди испытывают перед государством коллективный пиетет, если его деятельность соответствует их социальным ожиданиям и ментальным предпочтениям. Если этого не происходит, то коллективное сообщество впадает во фрустрацию, становясь «безмолвствующим большинством» или охлократизм, а люди превращаются в «бунтарей».

В ментальной матрице политического поведения доминирует такая установка, как «страсть к порядку», который ассоциируется с наличием определенных социальных предписаний и необходимостью их строгого выполнения. Эти предписания наделяются, как правило, административным смыслом: тот или иной способ действий должен быть разрешен «сверху» инструкциями и законами. Поэтому «страсть к порядку» в ментальной матрице, сопряженная с этатизмом, порождает в ней предрасположенность всегда поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка».

В ментальной матрице нормативной модели политического поведения особое место занимает такая ценность, сопряженная с патернализмом, как социальная справедливость. При этом утверждение социальной справедливости в российском обществе, с одной стороны, возлагается на «государя», долг которого заботиться о своих подданных. С другой стороны, в качестве способа утверждения социальной справедливости рассматривается свобода, ассоциируемая в ментальной

матрице не с возможностью ответственного политического выбора, а с общей коллективной волей.

Таким образом, доминантами ментальной матрицы нормативной модели политического поведения являются этатизм и патернализм, соответственно задающие на нереплексивном уровне принципы взаимодействия государства и человека, государства и общества в России.

1. Гориков М.К. *Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)*. В 2-х т. Т. 2. М.: Новый хронограф. 2016. С. 460–463.
2. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. *Политическая антропология*. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 108–109.
3. Козловский В.В. *Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология*. СПб.: Алетейя, 1997. С.35.
4. Лубский А.В. *Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования*. 2015. № 10. С. 3–11.
5. Лубский Р.А. *Российская государственность как социальная реальность*. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014.
6. Лубский А.В., Лубский Р.А. *Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // Научная мысль Кавказа*. 2012. № 4. С. 27–37.
7. Лубский А.В., Лубский Р.А. *Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России*. 2013. № 3. С. 90–103.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ

Луговая А.В. (Москва)

Гендер (социальный пол) – в отличие от биологического пола человека, представляет собой социальную и культурную конструкцию. Гендерные различия, различия между мужчинами и женщинами, формируются под влиянием общества и зависят от различных условий, таких как, разделение труда, распределение социальных функций, нормы поведения, стереотипы и т.д.

На сегодняшний день в зарубежной и отечественной науке сложилось несколько теоретических подходов к изучению гендера и старости. Наиболее популярной является теория жизненного цикла, которая подчеркивает связь между гендерными различиями и жизненными стадиями [Hatch Laurie R., 2000]. Согласно данной теории, разные роли и статусы человека, которые меняются с возрастом, могут по-разному влиять на мужчин и женщин. В разных обществах эти роли и статусы могут отличаться в зависимости от принятых социальных и культурных норм. Но помимо этого есть схожие черты, например, отождествление основной роли женщины с заботой о семье, рождением детей, в то время как функция мужчины сводится к обеспечению материального достатка. Таким образом, женщина в старости оказывается в невыигрышном положении по сравнению с мужчиной, так как с выходом на пенсию ее обязанности по уходу за другими членами семьи, домашняя работа никуда не исчезают.

Кроме того, существует вторая концепция, так называемая гипотеза «двойного риска», согласно которой две позиции – «быть женщиной» и «быть старой» - суммируются, и возникает негативный эффект, который ставит пожилых женщин в невыгодное положение [Chappell Neena, Betty Havens, 1980]. Наконец, есть третья концепция, утверждающая «возрастное выравнивание» [Markides Kyriakos, Sandra Black, 1995]. Данный подход сводится к тому, что в старости гендерное неравенство стирается под воздействием возрастных процессов, которым подвержены все, независимо от пола. Именно этот подход положен в основу анализа гендерных особенностей жизни на пенсии [«Жизнь на пенсии» - 2015].

В рамках исследования «Жизнь на пенсии – 2015» было опрошено 900 человек. Их них 603 женщины (67%) и 297 мужчин (33%). Средний возраст женщин попадает в интервал 65-69 лет. Среди мужчин преобладает возраст от 70 и старше. Чуть меньше половины пенсионеров находятся в браке (46% женщин, 49% мужчин). Среди пенсионеров практически равный процент вдовцов/вдов (37%/38%). Среди женщин-пенсионеров выше процент тех, кто проживает с детьми – 20,9% по сравнению с 14,7% мужчин. В целом все пенсионеры удовлетворены общением со своими близкими и родными (73,4% мужчины и 74% женщины). Основное место проживания пенсионеров – крупный город (71% мужчин и 58% женщин). Стоит отметить, что процент женщин, проживающих в селе (деревне, хуторе) составляет 22%, что намного превышает процент мужчин (12%).

Согласно данным исследования «Жизнь на пенсии - 2015», средний доход мужчин-пенсионеров, который преимущественно складывается из пенсионных средств, выше, чем у женщин: 13074 рублей – доход мужчин, 10689 – доход женщин.

Величина пенсионных накоплений во многом зависит от трудового стажа. Стаж работы мужчин выше, чем женщин. Большинство мужчин (55%) имеют стаж работы свыше 40 лет. В то время, как большинство женщин (46%) обладают трудовым стажем от 31 до 40 лет. Это объясняется, во-первых, разницей в пенсионном возрасте. Логично предположить, что такое различие также возникает вследствие причин, продиктованных гендерным неравенством в распределении социальных ролей: некоторые женщины после замужества, а также после рождения ребенка не возобновляют трудовую деятельность или делают перерывы в работе. Уменьшение трудового стажа ведет к уменьшению пенсионных накоплений.

Помимо трудового стажа, размер пенсии также зависит от величины заработной платы. Данные федеральной статистики подтверждают существующее на сегодняшний день гендерное неравенство в оплате труда, которое также отражается и на размере пенсионных накоплений. Средняя заработная плата мужчины специалиста высшего уровня квалификации, в возрастной категории 60-64 года на 2013 г. составляла 33789 рублей. Женщина - специалист высшего уровня квалификации в той же возрастной категории получала заработную плату в размере 29425 рублей (Росстат, 1).

Полученные данные говорят о том, что основным проявлением гендерного неравенства остается материальное положение мужчин и женщин. Размер пенсионных накоплений лишь подтверждает данный факт.

Среди пенсионеров – большинство неработающих (80%). Среди неработающих пенсионеров-мужчин – 85%, среди женщин-пенсионеров - 76%. По сравнению с мужчинами процент работающих на постоянной основе женщин-пенсионеров выше и составляет 20%, что в два раза превышает процент работающих мужчин (10%). Основной мотив продолжения трудовой деятельности на пенсии для пенсионеров – недостаточный размер пенсии. Вторым по значимости мотивом для женщин выступает «стремление помогать материально детям, внукам», в свою очередь, у мужчин-пенсионеров, этот фактор стоит на предпоследнем месте. На втором, по важности, месте у мужчин находится «интерес к работе». Полученные данные свидетельствуют о том, что женщины, даже находясь на пенсии, стремятся продолжать трудовую деятельность в целях заботы о семье и детях.

В рамках исследования были изучены гендерные различия в удовлетворенности жизнью на пенсии. Результаты исследования говорят о том, что пенсионеры, как мужчины, так и женщины, в целом удовлетворены своей жизнью. Процент тех, кто полностью удовлетворен у мужчин и женщин одинаков и составляет 39%. Процент тех, кто совершенно не удовлетворен составляет всего 4%. На ухудшение жизни, связанное с выходом на пенсию, указывают 51% мужчин и 49% женщин. Главная причина ухудшения – это «маленькая пенсия, материальные трудности» - ее выбрали 58% пенсионеров. На втором месте – ухудшение здоровья – 28%. На третьем месте такой показатель, как «скука, недостаток общения» - 9 %. Мы видим, что в оценке факторов, влияющих на ухудшение жизни пенсионеров, не возникает разницы в мужских и женских оценках. В целом пенсионеры обоего пола демонстрируют единодушие в данном вопросе. Таким образом, гендерные различия никак не влияют на удовлетворенность пенсионеров своей жизнью, по мнению автора, это объясняется тем, что ухудшение качества жизни и, соответственно, снижение удовлетворенности у пенсионеров, как мужчин, так и женщин, вызваны одними причинами – уменьшением материального благосостояния и ухудшением здоровья. Стоит, безусловно, отметить психоэмоциональный фактор, связанный с окончанием трудовой деятельности, оторванностью от рабочего коллектива, трудностями адаптации к новому социальному статусу и т.д.

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод о том, что пенсионеры – это та часть населения, которую отличает высокий уровень политической активности. Основной формой активности выступает участие в выборах. При этом стоит отметить, что женщины-пенсионеры чаще участвуют в местных выборах, а мужчины более активны на выборах в Государственную Думу. Среди мужчин в целом процент тех, кто не участвовал ни в каких формах выше в два раза (36,2%) по сравнению с женщинами (16%). Также несколько выше процент женщин, участвовавших в организации избирательных кампаний, по сравнению с мужчинами (3,7% и 1,8% соответственно). Среди женщин чаще встречаются участвующие в демонстрациях,

митингах и забастовках. В целом можно говорить о более высокой политической активности женщин-пенсионеров по сравнению с мужчинами.

Среди пенсионеров преобладают левые (социалистические, коммунистические) взгляды – мужчины (42,7%) и женщины (29%). На втором по популярности месте – «патриотические, национальные взгляды» взгляды (мужчины – 28,1%, женщины – 29,2%). Большинство женщин (31,1%) затруднились определить свою политическую позицию, среди мужчин неопределившихся 21,7%. Это говорит о том, что женщины в меньшей степени идентифицируют себя с определенными политическими силами.

Отдельный интерес вызывает религиозность пенсионеров. Большинство пенсионеров считает себя верующими, среди них преобладают женщины (51%). Среди пенсионеров-мужчин верующими себя считают 43% опрошенных. Среди тех, кто не считает себя верующим, процент мужчин составляет 22%, что в два раза выше, чем процент женщин (10%). Данные опроса свидетельствуют о том, что большинство посетителей церковных служб – это женщины. Среди мужчин процент тех, кто не посещает церковные службы составляет абсолютное большинство – 54%, количество женщин - 38%.

Гендерный анализ жизни пенсионеров позволил выделить несколько особенностей жизни на пенсии мужчин и женщин. Основные гендерные различия возникают в оценке материального обеспечения, доходах и мотивах продолжения трудовой деятельности. Неравная оплата труда, разные сроки окончания трудового стажа ведут к неравным размерам пенсионных накоплений. В таких условиях, более социально-ориентированным женщинам приходится вести более активный образ жизни, работать и искать дополнительные источники дохода, чтобы, будучи на пенсии, не утратить свой статус «заботливой жены, любящей мамы и бабушки». При изучении других аспектов жизни на пенсии, удалось установить, что мнения мужчин и женщины-пенсионеров во многом похожи. В данном случае срабатывает эффект «возрастного выравнивания», согласно которому под воздействием возрастных изменений стираются гендерные различия.

1. *Старшее поколение* // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/, (Дата обращения, 22.04.2016)
2. *Данные научно-исследовательского проекта «Жизнь на пенсии» - 2015 (в рамках гранта РНФ №14-18-02016 “Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в государственных и общественных преобразованиях”)*.
3. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России.* // *Материалы первой летней школы по женским и гендерным исследованиям* / Ред. О.А. Воронина, З.А. Хоткина, Л.Г. Лунякова. М.: МЦГИ, 1997.
4. *Воронина О.А. Введение в гендерные исследования (Тезисное изложение лекции)* // *Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96»*. М., 1997. С. 31.
5. *Исупова О.Г. Гендер и старость: теоретические подходы* / О.Г. Исупова // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php>, (Дата обращения, 22.04.2016)
6. *Hatch Laurie R. «Beyond Gender Differences: Adaptation to Aging in Life Course Perspective»* Amityville, NY: Baywood Publishing, 2000.
7. *Chappell Neena, Betty Havens «Old and female: Testing the double jeopardy hypothesis», The Sociological Quarterly* 21(Spring 1980): 157–171.
8. *Markides Kyriakos, Sandra Black «Race, ethnicity and aging: The impact of inequality», in Robert Binstock and Linda George (eds.), Handbook of Aging and the Social Sciences, 4th ed. New York: Academic Press, 1995.*
9. *Всероссийская перепись населения 2010* / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm , (Дата обращения, 22.04.2016)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Лукьянчикова Д.С., Нишнианидзе О. О. (Курск)

Здоровье нации является одной из приоритетных задач государства. От него зависит уровень экономического, социального и духовного развития страны и существенным образом определяется характер демографических процессов.

Демографический ресурс определяется как количественными характеристиками, так и качественными. Анализируя статистические данные за последние два десятилетия интенсивность

снижения потенциала здоровья детей существенно выше средних тенденций: уровень здоровья детей ниже уровня здоровья родителей, а состояние внуков, т.е. "детей наших детей", еще хуже. В этих условиях очень важно направить внимание на сохранение потенциала здоровья молодого поколения, использовать резервы организма человека, заложенные природой. В современных условиях это становится особенно сложно, учитывая те социально-психологические нагрузки, которые переживает ребенок и особенно серьезный удар приходится на период обучения.

Понятие здоровья как социальной ценности основывается на социальных связях, месте и роли человека в решении социальных задач, степени реализации им общественных интересов, что обеспечивает достаточный уровень социальной адаптивности. Здоровье состоит из трех уровней: биологического, психического и социального. В данной статье речь пойдет о последнем.

Социальное здоровье - состояние организма, определяющее способность человека контактировать с социумом, а так же совокупность потенциальных и реальных возможностей человека в осуществлении своих действий без ухудшения физического и духовного состояния, без потерь в адаптации к жизненной среде. Несомненно, главной задачей каждого человека является сохранение и поддержание этого здоровья, так как он, по природе своей, существо биопсихосоциальное. Социум оказывает непосредственное влияние на здоровье личности, но это влияние может носить как позитивный, так и негативный характер. Существует множество факторов, влияющих на состояние социального здоровья, которые могут изменить отношение личности к себе, к другим людям, к деятельности и общению. Социальное здоровье складывается из трех составляющих:

- внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма);
- оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить);
- восприятие собственного положения в новых условиях.

Основной вклад в благополучное состояние социального здоровья вносит сам человек. Избранные им для самоуправления идеальные ценности (как позитивные, так и негативные) в дальнейшем определяют вероятное поведение человека, причем как позитивное, так и негативное. Естественно, когда человек на практике применяет идеальные для себя ценности, имеющие негативный характер, признается обществом социально нездоровым. Такое «нездоровье» может долго не проявлять себя, поскольку свои неблагоприятные поступки человек склонен скрывать от окружающих. Из-за этого, в последствии, у него может появиться необходимость вести двойную жизнь, что, в свою очередь, может стать причиной стрессов, нервных расстройств, душевных переживаний, что пагубно скажется на социальном здоровье.

Социальное здоровье человека отражается, прежде всего, в нравственно-духовных аспектах его жизни, таких как: осознание определенности и уверенности в благополучном будущем, осознание свободы воли и свободы выбора, способность к прогнозированию различных событий, способность видеть себя глазами окружающих, способность к самовыражению, и, самое главное, способность к социальной адаптации.

Нельзя не учитывать важности общества в сохранении благоприятного состояния социального здоровья индивида. Особенно в период обучения, начиная от среднеобразовательных учреждений заканчивая высшей школой.

Рассмотрим показатели социального здоровья на примере учащихся школы №33 города Курска, где осуществлялась реализация оздоровительной программы включающая в себя воздействия по всем компонентам составляющим социальное здоровье. Для оценки результатов был использован тест «Индекс отношения к здоровью» состоит из четырех субтестов, соответствующих четырем компонентам интенсивности субъективного отношения. Эмоциональная шкала. Высокие баллы по данной шкале говорят о том, что испытуемый способен наслаждаться своим здоровьем, способен получать эстетическое удовольствие от здорового организма, Иными словами, он заботится о здоровье не только потому, что это «необходимо», не под давлением обстоятельств, а ради удовольствия. (25% респондентов). Низкие баллы говорят о том, что отношение к здоровью у данного человека носит рассудочный характер, мало затрагивает его эмоциональную сферу, забота о здоровье для него – просто необходимость, (25% респондентов).

Познавательная шкала. Высокие баллы по данной шкале говорят о том, что испытуемый проявляет большой интерес к проблеме здоровья, сам активно ищет соответствующую информацию в книгах, журналах, газетах, любит общаться с другими людьми на данную тему и

т.д. (25% респондентов). Низкие баллы говорят о том, что отношение к здоровью у него мало затрагивает познавательную сферу: (30% респондентов).

Практическая шкала. Высокие баллы по данной шкале говорят о том, что человек активно заботится о своем здоровье в практической сфере: склонен посещать различные спортивные секции, делать специальные упражнения, (32% респондентов). Низкие баллы говорят о том, что он готов лишь в какой-то мере включаться в практическую деятельность по заботе о своем здоровье, которую организуют другие люди, в крайнем случае он может что-то предпринять, если этого потребует ситуация (17% респондентов). Поступочная шкала. Высокие баллы по данной шкале говорят о том, что испытуемый активно стремится изменять свое окружение: старается повлиять на отношение к здоровью у окружающих его людей (33% респондентов). Низкие баллы говорят о том, что отношение к здоровью остается у него «личным делом», он не стремится как-то изменить свое окружение (20% респондентов). Таким образом, у 20% отношение к здоровью сформировано плохо, школьники находятся в «зоне риска»: у 29% существует высокосформированное, «хорошее» отношение к здоровью и здоровому образу жизни. Во всех шкалах достаточно высокий процент средних баллов (от 45%-51%), что говорит о достаточно хорошей стабильной ситуации в отношении к здоровому образу жизни. В ходе нашего исследования мы сравнивали показатели исследований в других школах, по данной методике эти проценты были значительно ниже. Мы предполагаем, что программа, которая реализуется в школе №33 по здоровому образу жизни, в той или иной степени уже стала оказывать желательное воздействие на сознание учащихся, но фактически уровень их социального здоровья имеет более низкий показатель.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальное здоровье – состояние индивида, при котором он может функционировать с сообществом. Человека можно назвать социально здоровым, когда он осознает себя целостной личностью, способной сосуществовать с другими людьми, а так же имеющую цели и планы на будущее.

1. Казин Э. М., Литвинова Н. А. и др. *Основы индивидуального здоровья человека: Введение в общую и прикладную валеологию* : учеб. пособие для студ. вузов. – М. : Владос, 2000.
2. Миндалев В.В. *Социальное здоровье [Электронный ресурс]*.
3. М. А. Мединская. *Социальное здоровье человека*.
4. Булыгина Л. В. *Социальное здоровье городских подростков. Автореф. дис. ... к.соц.н. — Ставрополь, 2009. — 22 с.*
5. Ковалева А. И. *Социализация личности: норма и отклонения. [Электронный ресурс]*

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ ОБЩНОСТИ К ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

Лушников М.А. (Екатеринбург)

Одной из актуальных проблем российского общества является вопрос о становлении и развитии ювенальной юстиции в России, обеспечивающей защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних и способствовать социальной защите ребенка, а не его отчуждению от общества. Этой проблеме посвящено немало исследований. Примером этому служит всероссийское социологическое исследование, проведенное под руководством Тарусина М.А. в 2016 году, на тему «Отношение россиян к ювенальной юстиции и задачи сохранения семьи в России в XXI веке» [1].

Существуют различные точки зрения на введение в России общегосударственной системы ювенальной юстиции. Некоторые родители убеждены, что ювенальная юстиция – это вмешательство государства в дела семьи, что недопустимо, поскольку подрывает многовековые социокультурные устои, разрушает традиционную семью. Они считают, что защитой прав детей должны заниматься именно они, а не государство. Принятие системы ювенальной юстиции принесет скорее негативные последствия. Другие считают, что такой подход к пониманию ювенальной юстиции не совсем оправдан, поскольку, наоборот, за последние годы нормы семьи ослабли, школы и учреждения стали выполнять дисфункции в воспитании, существующая в России система органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних не даёт желаемых результатов.

В апреле 2016 года в г. Урай Ханты-Мансийского автономного округа нами было проведено разведывательное исследование, которое позволило определить отношение родительской общности к ювенальной юстиции в России.

Для нашего исследования мы использовали метод стандартизированного интервью. Нами было опрошено всего 30 респондентов в возрасте 20 - 50 лет, имеющих несовершеннолетних детей.

Результаты исследования показали, что для большей части респондентов наиболее острой проблемой в области защиты прав детей является низкий уровень жизни семей и жестокое обращение с детьми. По данным официальной статистики за 2016 год среднемесячная заработная плата населения в целом по РФ составляет 34000 рублей [2]. Что касается ХМАО-Югры, среднемесячная заработная плата в этом регионе на 2015 год составляет 44520 рублей [3]. То есть, уровень средней заработной платы по округу достаточно высокий, а по России в целом показатель на $\frac{1}{4}$ ниже. Тогда мы можем сделать вывод, что острой проблемы по низкому уровню жизни населения в России нет, проблема надуманная - т.е. просто по привычке респонденты так полагают.

Для того, чтобы определить отношение родительской общности к системе ювенальной юстиции, необходимо было определить их информированность по поводу этого явления. Большинство респондентов знают о ювенальной юстиции (66,7% от опрошенных).

Уровень информированности опрошенных о ювенальной юстиции можно охарактеризовать как высокий: $\frac{2}{3}$ родителей отметили, что знают о ней. При этом, третья часть респондентов положительно относится к ее включению в систему права, поскольку считают, что пора внимательнее относиться к несовершеннолетним.

Особого внимания заслуживает вопрос о влиянии ювенальной юстиции на функционирование и развитие института семьи. Каждый пятый опрошенный полагает, что реализация ювенальной юстиции в России станет фактором разрушения семьи. Аргументируя свою позицию родители указали на следующие аспекты: эта система не дает возможности нести ответственность родителям за их детей; система будет провоцировать вседозволенность детей, избежание наказаний от родителей; система расширит полномочия органов опеки, а действия конкретных специалистов могут нанести вред семьям.

Еще один важный момент, который необходим был нам для изучения отношения родительской общности к ювенальной юстиции, - наличие опыта включения в систему ювенальной юстиции. Подавляющее число респондентов не сталкивалось с системой ювенальной юстиции. Это возможно обусловлено тем, что в России, по сравнению с Западом, эта система только начинает внедряться.

В целом, большинство опрошенных считают, что, проблемными семьями, в которых ребенок подвергается реальной опасности – например, семьей алкоголиков, наркоманов, должны заниматься муниципальные органы исполнительной власти (Отделы опеки и попечительства).

Проведенное разведывательное исследование позволило наметить направление и перспективы дальнейшего исследования, в котором предстоит, в частности, глубже изучить информированность респондентов о ювенальной системе, ознакомить с основными принципами ювенальной юстиции, и на основе этого, провести повторное изучение мнения родительской общности по вопросу внедрения ювенальной юстиции в России.

1. Эмпирические исследования гражданского общества //Сборник материалов общественных слушаний. URL: <https://docviewer.yandex.ru?url=https%3A%2F%2Finst.hse.ru%2Fdata%2F2010%2F03%2F09%2F1231327166%2FSbornik-2009.pdf&name=Sbornik-2009.pdf&lang=ru&c=57f8067c5d68> (дата обращения 07.10.2016).
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения 08.10.2016).
3. statdata.ru - сайт о странах, городах, статистике населения. URL: http://www.statdata.ru/zpl_rfreg (дата обращения 08.10.2016).

МЕДИАЦИЯ КАК МЕТОД УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ **Лысенко И.С. (Санкт-Петербург)**

Экономический кризис в России, начавшийся в 2014 году, оказал негативное влияние не только на макроэкономические показатели, но и на результаты деятельности малых и средних предприятий, а также стал причиной повышения конфликтности российского общества.

Одним из количественных показателей, в которых может быть выражена вышеуказанная тенденция, является увеличившееся количество исков в арбитражном судопроизводстве, в том числе иски по банкротствам, невыполненным обязательствам и т.д. За большинством поданных исков находятся межличностные конфликты и взаимные претензии о невыполнении тех или иных обязательств между субъектами экономической деятельности.

Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных арбитражных судов за 2015 год, предоставленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, общее количество исковых заявлений, принятых к делопроизводству составило 1 573 473, в 2014 году – 1 450 766 [1], несмотря на то что рост в данный период уже составил около 9% многие эксперты прогнозируют увеличение роста данного показателя в 2016 – 2017 гг. в силу продолжительного негативного тренда. Например, количество споров о признании несостоятельности выросло более чем на 15% за вышеуказанный период (31 351 в 2014 г.; 36 072 в 2015 г.).

Одним из наиболее эффективных способов разрешения конфликтов является медиация, которая представляет собой переговоры с участием нейтрального посредника. Принятие Федерального закона "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ узаконило данный способ и работу профессиональных посредников. Однако, согласно Справке о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ "об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" за 2015 год, посредник привлекался сторонами при рассмотрении 44 дел, что составляет около 0,003% от общего количества споров, рассматриваемых в арбитражном суде.

Практическая эффективность применения медиации выражается в следующем:

1. процедура медиации основывается на принципах конфиденциальности всего процесса, и в том числе факта обращения к медиации, добровольности в участии сторон, нейтральности и беспристрастности посредника, равноправии всех сторон при участии в процедуре;
2. затраты на медиацию гораздо ниже в сравнении с расходами на судебное разбирательство, что включает в себя не только государственные пошлины, но и затраты на адвокатов, юристов, экспертизы и т.д.;
3. временные рамки медиации существенно короче судебного разбирательства;
4. существенно более высокий процент исполнения договоренностей, достигнутый переговорами, в сравнении с решениями суда;
5. безопасность деловой репутации всех участников, которая обеспечивается в том числе конфиденциальностью процесса;
6. круг возможных вопросов и проблем, которые можно разрешить путем медиации гораздо шире по сравнению с судом, а также следует отметить большую глубину их изучения и принятие более детальных решений;
7. участие в медиации является для сторон опосредованным обучением эффективным коммуникативным и медиативным технологиям, что является фактором снижения конфликтогенности общества;
8. медиативное соглашение может быть утверждено судом в качестве постановления суда.

Таким образом, в ходе анализа сложившейся ситуации, наиболее частым способом выхода из конфликта в экономической деятельности, которая непосредственно связана с такими более широким понятиями как социальная напряжённость, конфликтогенность и социальный конфликт, выбирается судебное разбирательство. Медиативными технологии, в свою очередь, не только осуществляют задачи разрешения спора и вывода его из суда, но и является технологией профилактики социальных конфликтов.

1. <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3423>

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ВРАЧЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ВРАЧЕЙ-ТРАВМАТОЛОГОВ ПО ОКАЗАНИЮ ЭКСТРЕННОЙ ПОМОЩИ)

Лядова А.В., Лядова М. В. (Москва)

Согласно статьи 32 принятого в 2011 году Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под экстренной медицинской помощью подразумевается медицинская помощь, оказываемая при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента. Оказание экстренной медицинской помощи, как показывает практика, осуществляется на базе профильных приемных отделений стационаров, т.е. в специализированных лечебных учреждениях. Согласно существующему порядку организации этого вида медицинской помощи, прием осуществляется круглосуточно, куда больные поступают «самотеком» или транспортируются (в большинстве случаев) бригадой скорой медицинской помощи. Как правило, пациенты, поступающие по экстренным показаниям, находятся в критическом состоянии, которое требует проведения немедленных лечебных мероприятий в связи с возникновением угрозы их состоянию. Быстрое реагирование, оценка состояния, лечение этих больных не могут быть выполнены на основе выбора «делать» или «не делать». Экстренная медицинская помощь осуществляется в стационаре 24 часа в сутки, семь дней в неделю и должна быть доступна в любое время. Поэтому медицинские работники, задействованные в оказании помощи таким больным, находятся в состоянии повышенных физических, и, самое главное, психических нагрузок. Неравномерность потоков поступления больных, что зачастую приводит к перегруженности отделения, проблемы кадрового обеспечения, увеличение числа «тяжелых» пациентов, что связано со слабой сформированностью среди населения здоровьесберегающей идеологии и самосохранительного поведения, и, как следствие, рост числа хронических заболеваний, которые в случае экстренных состояний дают о себе знать в виде сопутствующих осложнений, правовая незащищенность медицинских работников по сравнению с пациентами, что приводит к росту т.н. «пациентского» экстремизма, слабость организации системы оказания экстренной медицинской помощи и т.п. – все эти факторы оказывают крайне негативное влияние на психофизическое состояние медицинских работников, способствуя развитию состояния профессиональной деформации.

В исследованиях, посвященных проблеме стрессоустойчивости в условиях профессиональной среды, данное состояние с подачи американского психиатра Н.Фреуденберга обозначается как "burnout" синдром или синдром «выгорания». В 1970-х годах Н.Фреуденбергер ввел этот термин для обозначения особого психологического состояния людей т.н. «помогающих профессий» вследствие длительного воздействия на них стрессовых ситуаций, вызванных особенностями их профессиональной деятельности [1].

Современная историография этого вопроса представляет значительное число как зарубежных, так и отечественных исследований. Как показывает их изучение, расширились как подходы, так и направления при рассмотрении данной проблематики. Так, первоначально под синдромом выгорания понималось, прежде всего, как состояние психической опустошенности, ощущение собственной бесполезности [2]. Уже на основе проведенных в 1970-х годах исследований стало очевидным, что природа «выгорания» многоаспектна и включает такие компоненты, как эмоциональное и/или физическое истощение, снижение рабочей продуктивности, деперсонализацию [3]. По мнению одного из ведущих специалистов в этой области К.Маслич, кроме указанных, важно учитывать негативное отношение к работе и утрату понимания и сочувствия (дегуманизацию) [4]. К.Кондо предложил рассматривать «выгорание» на работе как дезадаптированность к рабочему месту из-за чрезвычайной нагрузки и неадекватных межличностных отношений [5]. Согласно определению ВОЗ, «синдром выгорания» - это физическое, эмоциональное или мотивационное истощение, характеризующееся нарушением продуктивности в работе, усталостью, бессонницей, повышенной подверженностью соматическим заболеваниям, употреблению алкоголя иди других психоактивных веществ с целью получения временного облегчения, что имеет тенденцию к развитию физиологической зависимости и суицидального поведения [6].

Хотя сегодня синдром профессионального выгорания используется для характеристики отклонений в психическом здоровье из-за негативного воздействия рабочей среды у представителей разных профессиональных направлений, тем не менее, профессии, относящиеся к

системе «человек-человек», представляют в этой связи особую группу риска, так как рабочая жизнь их репрезентантов протекает в прямом контакте с людьми, что значительно повышает степень угрозы развития у этих работников синдрома «профессионального выгорания». В настоящее время достаточно подробно рассматриваемая проблематика изучена среди сотрудников социальных служб, педагогов, воспитателей, полицейских. Значительное число работ посвящено и синдрому выгорания среди медицинских работников. Однако, несмотря на имеющиеся публикации, освещающие данную проблему в среде старшего и младшего медицинского персонала различного профиля, до сих пор мало изученной в этом аспекте остается категория медицинских работников по оказанию экстренной помощи. Поэтому цель данного исследования – установить взаимосвязь формирования синдрома профессионально деформации с особенностями профессиональной деятельности в среде медицинских работников по оказанию экстренной травматологической помощи (на примере врачей-травматологов).

Для достижения поставленной цели было проведено пилотажное социологическое исследование среди врачей-травматологов по оказанию экстренной круглосуточной травматологической помощи одной из ведущих клиник мегаполиса. В качестве методов были выбраны анкетирование и глубинное интервью.

По результатам проведенного пилотажного исследования установлено, что рабочая среда врачей-травматологов по оказанию экстренной круглосуточной травматологической помощи негативно влияет на психическое здоровье работников, вызывая синдром «профессионального выгорания». Так, при изучении поля конфликтности выявлено, что пациенты вызывают негативную реакцию у большинства опрошенных вне зависимости от конфликтности, а именно: а) в 40% случаев - когда имеется большой «поток» пациентов; б) в 20% случаев - во время суточного дежурства. Причем 10% респондентов ответили, что данное явление у них отмечается в последнее время постоянно, вне зависимости от нагрузок. Лишь треть респондентов указало, что не испытывает негативного отношения к пациентам вообще. Практически все опрошенные связывают возникновение стрессового состояния с увеличением объема выполняемой работы, на фоне неудовлетворенности уровнем заработной платы. Также вызывает беспокойство, и как следствие, эмоциональное напряжение, осознание своей незащищенности в правовом аспекте. По результатам глубинного интервью выявлено формирование чувства эмоционального истощения из-за трудностей в достижении желаемых результатов в своей работе, что зачастую вызвано степенью тяжести состояния пациентов (неадекватность, наличие хронических заболеваний, затрудняющих лечение), увеличением количества больных при уменьшении количества обслуживаемых их работников приемного отделения.

В зависимости от личностных качеств и установок, люди выбирают различные способы компенсации и нивелирования воздействия возникающего на фоне стресса состояния. Опрошенные врачи чаще всего прибегают к таким способам снятия стресса, как занятия фитнесом, употребление алкоголя, общение с родными и близкими.

Таким образом, проведенное социологическое исследование показало, что профессиональная деятельность в условиях экстренности способствуют формированию синдрома профессиональной деформации, и, как следствие, негативно влияет на эффективность и качество работы. В связи с тем, что медицина является той профессией, где экстренность представляет одну из форм профессиональной деятельности, медицинские работники по оказанию экстренной медицинской помощи могут быть отнесены к группе повышенного риска. Поэтому в целях улучшения качества оказания медицинской помощи, сохранения здоровья медицинского персонала необходимы как своевременное предупреждение развития симптомов профессиональной деформации через проведение социологических исследований, так и применение соответствующих мер по их коррекции.

1. *Freudenberger H.J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. 1994. Vol.30. P.159-165.*
2. *Балахонов А.В., Белов В.Г., Пятибрат Е.Д., Пятибрат А.О. Эмоциональное выгорание у медицинских работников как предпосылка астенизации и психосоматической патологии // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 11. 2009. Вып.3, С.57-71.*
3. *Perlman B., Hartman E.A. "Burnout": summary and future and research // Journal of Human relations. 1982. Vol.14. N 5. P.153-161.*
4. *Maslach C., Jackson S.E. Burnout Inventory (MBI): Manual. Palo Alto: Consulting Psychologists press, 1986, 112p.*
5. *Kondo K. Burnout syndrome // Asian medical. 2001. N 34. P.34-42.*

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

Мавликасов А.Х. (Санкт-Петербург)

С конца 80-х – начала 90-х годов XX века одним из важнейших элементов демократического развития нашего государства становится институт альтернативных выборов в законодательные и исполнительные органы власти, обеспечивающий добровольное участие граждан в политической жизни. В строгом смысле слова речь идёт о политическом выборе, то есть о действии, которое, имея индивидуальный характер, результируется в массовое поведение, определяющее судьбы страны. А учитывая масштабы и военно-стратегическую значимость России – то нередко и судьбы мира [1]. Это делает важным исследование электорального поведения российских граждан.

Однако на сегодняшний день в отечественной социологии пока не сложилось общепринятого определения электорального поведения.

В энциклопедическом социологическом словаре под редакцией Г. В. Осипова даётся следующее определение: «Поведение электората – это изменение в численности и удельном весе голосов, отданных партиям и кандидатам на выборах (референдумах), по сравнению с предшествующими выборами или референдумами, а также изменение в численности и удельном весе (по отношению к зарегистрировавшимся избирателям) абсентеистов и опустивших... недействительные бюллетени. В этом смысле говорят о поведении корпуса избирателей и отдельных его групп (на избирательном участке, в избирательном округе, городе, любой территориальной единице).

Изучение собственно поведения избирателей предполагает исследование процесса формирования итогового выбора, факторов, влияющих на сохранение одними избирателями своих ориентаций и отказа от них других, а также обстоятельств, определяющих конечный выбор избирателей, не имеющих устойчивых политических ориентаций» [2].

Таким образом, согласно определению, электоральное поведение имеет следующие характеристики:

- 1) изменение числа голосов, отданных партиям и кандидатам на выборах, по сравнению с предшествующими выборами;
- 2) изменение в удельном весе абсентеистов;
- 3) процесс формирования выбора, факторов, влияющих на сохранение одними избирателями своих мотивов и отказа от них других.

Узость определения, на наш взгляд, заключается в следующем:

1) акцентирование на изменения по сравнению с предшествующими выборами. Но данная процедура может проводиться впервые, поэтому сравнение с предшествующими выборами невозможно;

2) содержание в определении выражения «партиям и кандидатам». История выборов показала, что наряду с партийными, были и беспартийные кандидаты. При рассмотрении электорального поведения, правильным было бы употребление выражения «партиям и (или) кандидатам»;

3) неполный учёт способов голосования, которое может быть тайным или открытым. Например, одним из способов открытого голосования является голосование поднятием рук, что дополняет, отмеченный автором единственный способ – голосование с использованием бюллетеней.

Широкое значение понятию «электоральное поведение» даёт В. Л. Римский: «система взаимосвязанных реакций, действий или бездействий граждан, осуществляемых с целью приспособления к условиям проведения политических выборов» [3]. Электоральное поведение в этом смысле имеет отношение не только к избирателям, но и к тем, кто организует процесс выборов, принимает то или иное участие в них, а также является заказчиком применения тех или иных технологий [3].

Согласно исследователю С. М. Савченко, электоральное поведение - «одно из наиболее значимых в современном демократическом обществе форм политического поведения граждан,

выступая в качестве совокупности представлений, убеждений, установок, действий или бездействий граждан в рамках избирательных кампаний, оказывающей значительное воздействие на политическую систему государства» [4]. Узость определения состоит в указывании автором лишь на то, что электоральное поведение оказывает значительное воздействие на политическую систему государства. Однако электоральное поведение может характеризоваться стабильной поддержкой действующей власти и поэтому оказывать незначительное влияние на политическую систему.

С точки зрения Ф. Н. Ильясова, электоральное поведение - «участие (неучастие) субъекта в выборах в органы представительной власти, а так же голосование за определённого кандидата или партию» [5].

Исследователь И. В. Малашенко [6] под электоральным поведением понимает важнейший вид конвенционального политического участия граждан, совокупность действий граждан, связанных с формированием органов политической власти, показатель вовлечённости в политическую жизнь.

Данные определения понятны и в целом отражают сущность поведения избирателей, но с нашей точки зрения, являются разделёнными не несколько частей, отсутствует целостность.

Наиболее близкой к нашей позиции является определение электорального поведения в интерпретации исследователя И. В. Охременко: «форма проявления политического поведения граждан по поводу делегирования своих полномочий» [7]. Однако делегирование полномочий может осуществляться разными путями, например назначением руководителями политических партий тех или иных членов этих партий на определённые государственные должности для представления интересов партии.

В целом, на наш взгляд, электоральное поведение можно определить как форму проявления политического поведения граждан по поводу делегирования своих полномочий посредством выборов.

Поведение электората проявляется в различных по уровню и масштабам явлениях общественной жизни:

- в национальном масштабе – выборы органов государственной власти и управления;
- на региональном уровне – выборы региональных и местных органов власти;
- локальные – выборы руководящих органов в рамках политических и общественных организаций (движений) [8].

По данным ВЦИОМ, с начала введения выборов по настоящее время выборы в органы власти различного уровня являются самой массовой формой политического участия российских граждан [9]. Выборы — это наиболее яркий показатель того, как общество воздействует на государство. Электоральное поведение – с одной стороны простое, с другой стороны очень сложное явление, которое можно понять, лишь учитывая всё многообразие факторов и ситуаций культуры, экономики, идеологии и многое другое. Важное значение имеют условия, в которых формировалось и складывается поведение избирателей, длительность проведения массовых политических выборов, историческая специфика страны. Именно поэтому политическая социология, в особенности отечественная политическая социология должна более детально фокусироваться на электоральной составляющей политической жизни.

1. Поляков Л. В. Электоральное поведение россиян // *Политические исследования*. - 2011. - № 6. - С. 175.
2. *Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г. В. Осипова – М.: ИСПИ РАН, 1995. – 939 с. – С. 543.*
3. Римский В. Л. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан // *Решение есть всегда*. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2001. – URL: <http://www.politauka.org/library/russia/rimsky.php> (дата обращения: 14.02.2013).
4. Савченко С. М. Электоральное поведение граждан в контексте модернизации современного российского общества / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Ростов н/Д, 2012. – 31 с. – С. 16.
5. Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. - М.: ИМА-пресс, 2000. - 200 с. - С. 25.
6. Малашенко И. В. Изучение электорального поведения населения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий // *Вестник Брянского государственного университета*. - 2014. - № 2. - С. 89.
7. Охременко И. В. Электоральное поведение: теория вопроса: Учебное пособие: В 2 ч. Ч.1. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2002. – 52 с. – С. 19.
8. Терещенко А. Г. Липсет о социальных основах политического поведения избирателя // *Социально-политический журнал*. - 1996. - № 4. - С. 196.

9. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ 12-13 марта 2011 года. Опрошено 1600 человек в 138 населённых пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %. - URL: <http://www.pollings.ru/2011/04/ppolit/> (дата обращения: 26.09.2014).

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ

Мазайлова Т.А., Дурманова Т.Ю. (Барнаул)

Одно из социальных проблем современного общества является доступность качественной медицинской помощи инкурабельным больным, больным, страдающим тяжелыми хроническими заболеваниями. Паллиативная помощь как специальное направление медицины, ориентированное на таких больных, в настоящий момент не является развитым и доступным для многих представителей этой категории больных и их близких.

Анализ промежуточных итогов по реализации государственной программы «Развитие здравоохранения Российской Федерации до 2020 года», где одной из подпрограмм является «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям». Позволили экспертом Росздравнадзора сделать следующие выводы. По данным Единого реестра лицензий Росздравнадзора, по состоянию на 16.06.2015 в Российской Федерации лицензию на оказание паллиативной медицинской помощи имеют 926 медицинских организаций (0,8% от всех организаций, имеющих лицензию на медицинскую деятельность), из них 724 медицинских организации государственной формы собственности и 202 медицинские организации частной формы собственности. Наибольшее количество медицинских организаций, имеющих лицензии на оказание паллиативной медицинской помощи, расположены в Приволжском (34,9%) и Центральном (22,6%) федеральных округах. Наименьшее их количество в Сибирском (5,2%) и Северо-Кавказском (1,5%) федеральных округах. Медицинские учреждения Крымского федерального округа лицензий на оказание паллиативной медицинской помощи не имеют [4]

Эта подпрограмма преследует несколько целей и задач, но важно, что реализация самой программы имеет ряд сложностей не только технического и организационного характера, а также имеет важный социально-культурный аспект.

Традиции ухода за больными в России имеют древнюю историю, уходящие глубоко в истоки православия на Руси, традиции человеколюбия и заботы семьи о родственниках. Если ухаживать за больными и умирающими людьми было принято с древности, то сама паллиативная медицина, как один из видов медицинской помощи стала развиваться лишь во второй половине XX века. Особый научный вклад в развитие этой проблемы внес Ф. Бэкон. В своей работе «О достоинстве и приумножении наук», рассуждая о целях медицины, он концентрирует внимание на вопросе отношения к неизлечимым больным, утверждая, что врач должен максимально облегчить страдания больного, сделать болезнь легкой и спокойной и эвтаназия является определенным способом достижения этой цели [2]. Далее Carl Friedrich Heinrich Marx, профессор клиники университета Goettingen, опубликовал очерк о медицинской эвтаназии. То, что доктор Marx в XIX веке именовал медицинской эвтаназией, в современном мире называется паллиативной медициной. Он описывал эвтаназию как науку, которая дает оценку тяжести состояния пациента, облегчает боль и позволяет реорганизовать приближающееся событие в тихое и безмятежное. В XIX веке идея Ф. Бэкона о важности и обязательности помощи умирающим превратилась в этическую норму. Однако до сих пор активно ведутся дискуссии, что есть эвтаназия для общества. Проблемные вопросы смерти, в том числе вопрос эвтаназии, все чаще интересуют философов, медицинских и социальных работников, юристов, психологов, средства массовой информации, все население. Юридические, социальные, медицинские, этические и другие вопросы эвтаназии находят решение в мировом и медицинском сообществе еще многие годы. В современное же время действительным аналогом эвтаназии является паллиативная помощь, реализующая право человека на достойную смерть, без сокращения жизни, и использующая медико-деонтологические, психологические и социальные ресурсы [3].

Инновационная философия паллиативной помощи умирающим больным конструировалась в течение нескольких столетий. Суть философии состоит в том, что неизлечимый или умирающий больной, не выступает как биологический объект, которому больше нечего предложить, которому необходимо лишь обезболивание, и продление жизни не имеет смысла. Это личность, слышащая, чувствующая и понимающая до самой последней минуты.

В этой связи возникает вопрос, который заключается в следующем: насколько врачи обладают необходимыми компетенциями, насколько современные образовательные программы позволяют формировать необходимые умения и навыки у специалистов, а также в какой мере общественные события, социальные настроения, историко-культурные традиции способны повлиять на развитие данного вида помощи в России? Все эти факторы взаимосвязаны между собой, все они в итоге оказывают влияние на складывающееся взаимодействие врач – больной, в процессе получения паллиативной помощи. Т. Парсонс стал первым социологом, систематизировавшим знания о болезни как социальном явлении. В 50-х гг. Т. Парсонс в рамках своей системной теории формулирует концепцию роли больного (sick role) и пытается объяснить ситуацию болезни через набор определенных ролей, норм и ожиданий [5]. Эта концепция предлагает функционалистское объяснение тому, как болезнь из биологического феномена превращается в феномен социальный. Следствием такого понимания болезни является то, что индивид, сталкиваясь с болезнью, принимает на себя определенную роль — «роль больного». Данная концепция основывается на том, что болезнь является, по сути, социальным феноменом. Т. Парсонс описывал болезнь как социальный статус, приписываемый индивиду. «Роль больного» складывается как социальные ожидания и нормы, т. е. как общественная реакция на возникший статус больного. Другими словами, доказательством существования «роли больного» Т. Парсонс считал «существование ряда институциональных ожиданий и соответствующих мнений и санкций» [5, с.254]. Роль больного отличается следующим: освобождением от обычных социальных обязанностей; больной человек не считается виновным в том, что он болен; ожидается, что больной будет стремиться к получению компетентной профессиональной помощи, поскольку болезнь представляет собой социально нежелательное явление; ожидается, что человек в роли больного будет подчиняться режиму, предписанному компетентным врачом. Врачи являются главными лицами в легитимации роли больного, поскольку в западном обществе они обладают профессиональной монополией [5]. В этой связи состояние инкурабельности, тяжелого, длительного, хронического заболевания, выходит за рамки роли больного и роли врача. В связи с этим Т. Парсонс в дальнейшем адаптировал данную концепцию с учетом особенностей хронического заболевания. Врач, по мнению, Т. Парсонса, имеет особую власть над заболеванием и телом больного. В современных условиях, доступности медицинской информации через масс-медиа и Интернет, доступность лекарств, продающихся без рецепта ставит под вопрос власть врача над пациентом. Чем больше пациент знает о своей болезни, тем больше врач и больной уравниваются во власти, и тем менее значимой становится доминирующая роль врача в системе роли больного. Опять же в ситуации, когда больной испытывает болевой синдром, когда необходимо для получения обезболивающих соблюсти стогую процедуру выдачи препаратов, роль врача становится практически абсолютной.

Можно предположить, что исследование проблем паллиативной помощи с позиции социологии представляет два направления:

- эмпирическое исследование аспектов развития паллиативной помощи;
- теоретико-методологический анализ этого явления жизни общества.

И то и другое направление исследований тесно взаимосвязаны между собой и не могут быть изолированы друг от друга. Именно это позволит качественно реагировать на происходящие изменения в данной сфере общества и выбирать наиболее оптимальную стратегию развития этого вида помощи населению.

1. Больного роль. Социологический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/> - Загл. с экрана. (Дата обращения 28.03.2015)
2. Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. — М.: Мысль, 1971. — Т. 1. — 590 с.
3. Никитина, Л. П., Пашкова, Э. С. Паллиативная помощь в работе специалиста семейной медицины // Российский семейный врач. – 2003. – №2. – С. 10-11
4. Прыкин А.В., Шаронов А.Н. Об оказании паллиативной медицинской помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс] URL:<http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/images/2016/2/16/1455610397.10324-1-8740.pd> (дата обращения 7.10.2016)
5. Parsons, T. The sick role and the role of physician reconsidered / T. Parsons // *Milbank Memorial Fund Quaterly*. - 1975, № 53. - p. 257 - 278.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Майорова-Щеглова С.Н. (Москва)

В статье обосновывается необходимость организации специальной социальной технологии – социологического сопровождения реализации прав детей. Необходимость и значимость изменений в управлении защиты детства напрямую связаны с социальными рисками взросления детей и трансформациями института семьи и родительства и невозможны без квалифицированной подготовки специалистов. Последнюю задачу будет выполнять междисциплинарный курс для магистратуры «Социологическое сопровождение реализации прав детей», разрабатываемый автором в рамках Грантового конкурса Стипендиальной программы В.Потанина 2015 г.

article explains the necessity of providing special social technology - sociological support of the realization of children's rights. The necessity and importance of the changes in the management of child protection are directly related to social risks of growing children and transformation of the institution of family and parenthood and impossible without skilled training. The last aim will be carried out in interdisciplinary Master's courser "Sociological support of the realization of children's rights", developed by the author as part of the Grant Competition Potanin Scholarship Program 2015

Реализация Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы требует серьезной полевой работы по исследованию процессов реализации прав ребенка от микроуровня до регионального, социетального уровней. Эта деятельность должна базироваться на глубоком профессиональном знании социальных изменений, прежде всего в самом объекте научного познания - детстве. Мы предлагаем обозначить этот процесс как социологическое сопровождение. В отличие от социологических исследований в мониторинговом режиме, призванных ответить на вопросы: «Что происходит и какие изменения происходят по сравнению с первоначальным состоянием или намеченными стандартами?», сопровождение оперирует позицией оценки: «Как были достигнуты результаты? Почему произошли ошибки? Как можно избежать отклонений от проектируемого идеала?».

Социальные риски взросления детей, связанные с происходящими в обществе реформами и трансформациями самого института семьи и родительства [2, 4], обуславливают необходимость и значимость определения стратегий изменений в управлении защиты детства. Экспертиза предоставления социальных услуг для семей с детьми – по сути особый вид маркетинговой деятельности – и поэтому он должен быть освоен в рамках социологического образования.

Наш опыт показывает, что современные специалисты, в том числе социологи, не вполне готовы к такого рода профессиональной деятельности. Установление индикаторов реализации прав ребенка и формирование некоторых сравнительных нормативов являются актуальной задачей современной науки на пересечении полей социологии детства, юридических наук и социальной работы. Вот почему нам представляется необходимым создание специализированного междисциплинарного курса для магистрантов «Социологическое сопровождение реализации прав ребенка», при этом главной компетенцией, получаемой в ходе обучения и практики, становится формирование профессиональных умений исследователя, включая роли аналитика и активиста – исследователя детства.

Право ребенка быть услышанным является ключевым принципом реализации всех прав детей. Однако, как показывает анализ именно направление включения самих детей в качестве участников Национальной стратегии действий в интересах детей остается самым слабым. [3] Наименее обоснованы индикаторы оценки и мониторинга участия детей в принятии решений, показатели эффективности и результативности и ожидаемых результатов развития этого процесса. Создание средств объективного сопровождения оценки благополучия этой возрастной группы, по нашему мнению, должно базироваться на следующих подходах: оперативно трансформировать показатели в связи с изменениями социокультурной ситуации взросления; добиваться прямого доступа к детям, использовать метод участвующей социологии [1]; учитывать гендерные, возрастные, национальные особенности выражения российскими детьми своего мнения; дополнять мнение детей мнением взрослых, а не наоборот; применять для каждого возраста адекватные методы, использовать неопросные, непрямые методы для детей до подросткового возраста. Так будет реализовано право участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Основными направлениями изучения мнения детей могут стать:

- Интегральный показатель оценки собственного положения (Чувствуешь ли ты себя счастливым? Тебе сейчас в школе, дома, в летнем лагере и т.п. весело, хорошо?);

- Удовлетворенность деятельностью учреждений, специалистов, волонтеров по социально-психологической, образовательной, медицинской поддержке детей (Нравится ли учиться тебе в школе? Помогает ли тебе психолог? Внимательны ли к тебе врачи?);
- Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы (Узнают ли твое мнение ...? Кто-то спрашивает тебя, какие кружки ты хочешь посещать?);
- Элементы рискованного поведения изучаем неопросными методами только начиная с возраста подростков.

Тематические границы исследования родителей и специалистов включают: действия существующих стандартов обеспечения и защиты прав и интересов детей; уровень и качество услуг по медицинскому, образовательному, социальному обслуживанию; насыщенность и безопасность инфраструктуры детства, риски для жизни и здоровья ребёнка; уровень насилия над детьми вне их сферы деятельности; возможности стимулирования потребности детей в развитии, самообразовании, здоровом образе жизни.

Магистранты осваивают тезаурус из базовых и межпредметных понятий, отражающий существенные связи и отношения между элементами современного детства, и апробируют навыки использования полученной ими сами информации в прикладных целях своей профессии (составления проектов законодательных решений, рекомендаций для родителей, инфографики для общества в целях распространения идей социальной ответственности и солидарности – в зависимости от того, по какой специальности они будут обучаться – юриспруденция, журналистика, социальная работа, психология, социальная работа или социология). Эта учебная дисциплина должна характеризоваться максимальной адаптивностью к требованиям социальной реальности – экономическим и социальным особенностям региона, вытекающим из них локальным запросам, к актуальным событиям в области защиты детства.

1 - Митрофанова С.Ю. Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 2 (36). С. 132-135.

2 - Носкова А.В. Семейная политика в Европе: эволюция моделей, дискурсов, практик. Социологические исследования. 2014. № 5 (361). С. 56-67.

3 - Рубцов В.В., Шведовская А.А., Дубовик А.С., Семья Г.В. Об основных результатах мониторинга первого этапа реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы - Психологическая наука и образование - 2016. Том. 21, № 1. Портал психологических изданий PsyJournals.ru Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyedu/2016/n1/rubtsov_shvedovskaya.shtml

4 - Солодников В.В. Семья и семейные группы: к уточнению понятий и перспектив исследования. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 1. С. 43-56.

К ВОПРОСУ ОБ УВЕЛИЧЕНИИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Макарова С.П. (Череповец)

Активное развитие общества, ускорение прогресса и внедрение новых методов, приемов, средств и технологий в различные сферы жизни приводит к необходимости постоянно «держат руку на пульсе» если не во всех инновациях (что сейчас практически нереально), то хотя бы в области трудовой специализации. Требования профессионального соответствия быстро изменяющейся реальности являются причиной насущной необходимости регулярного обновления и уточнения профессиональных знаний, умений и навыков, расширения и развития компетенций. Как результат, концепция образования через всю жизнь уже прочно вошла в наше сознание. В данном случае имеет место сочетание двух основных составляющих: понимание самими специалистами необходимости периодического обучения для поддержания желаемого уровня профессионализма, а также требования нормативных документов, регламентирующих условия, частоту и общие требования к повышению квалификации [1, 2].

Заинтересовавшись реальным состоянием дел в этой области, мы провели разведывательное исследование на базе ФГОУ СПО «Череповецкое училище искусств и художественных ремесел им. В.В. Верещагина». В качестве респондентов были задействованы преподаватели детских музыкальных и художественных школ (N=88).

Итак, руководствуясь нормативными документами, а также подчиняясь требованиям времени, преподаватели образовательных учреждений различных уровней и специализаций

вынуждены самостоятельно или при содействии учреждений, в которых они работают, подбирать для себя курсы повышения квалификации. Отметим, что одновременно педагогам приходится решать несколько значимых для них вопросов:

- финансовая компонента (стоимость курсов),
- временные затраты (как часто нужно будет посещать курсы и насколько они продолжительны по времени),
- вопрос удаленности и транспортных передвижений.

И еще один немаловажный момент, который, увы, чаще всего возникает одним из последних: вопрос о полезности курсов. Однако, по сути данный вопрос является наиболее принципиальным и значимым. Поэтому остановимся на этом немного подробнее.

Ранее уже была высказана мысль о понимании современными специалистами, в том числе и педагогами необходимости в повышении квалификации. Но так ли это на самом деле? Насколько часто работники любой сферы сами осознают потребность в уточнении, расширении, совершенствовании и т.д. своих знаний? Не секрет, что часто, погружаясь в выполнение своих профессиональных задач и решая текущие вопросы, у нас снижается способность видеть перспективу, не остается времени и сил, чтобы знакомиться с инновационными проектами и современными подходами. Как результат, сами педагоги не всегда способны адекватно оценить необходимость развития и расширения имеющихся у них компетенций.

Кроме того, чрезвычайно важно, чтобы организуемые занятия имели своей основной целью не только теоретическое расширение знаний преподавателей, но – прежде всего – снабжение их практическими умениями. Понятные и удобные в использовании технологии, которые педагог сможет применять в своей профессиональной деятельности, позволяющие повысить эффективность обучения – это то, что сформирует понимание: «курсы – это не только надо, это – полезно».

Следовательно, при планировании курсов важно учитывать и ориентироваться в определенной степени на те пожелания и ключевые моменты, которые отмечают сами педагоги. Остановимся на том, что является наиболее значимым для педагогов-музыкантов.

В результате социологического исследования были установлены следующие суммарные приоритеты желательных образовательных услуг, характерные для всех категорий респондентов :

- 1) Педагогические технологии
- 2) Психологические знания
- 3) Информационные технологии
- 4) Подготовка к участию в конкурсах
- 5) Способы поиска информации о конкурсах
- 6) Знания в области PR-деятельности

Отдельные респонденты предлагали свои варианты «других» знаний и умений, в которых они заинтересованы. Если говорить по сути, то предложения в большей степени касались не содержательного наполнения курсов, а форм организации их занятий: «выездные курсы», «открытые уроки», «посещение уроков других преподавателей».

Помимо общих направлений знаний и умений, в получении которых заинтересованы респонденты, важно было определить наиболее значимые условия организации и проведения повышения квалификации.

Список условий организации повышения квалификации, предложенный преподавателям, можно разбить на 2 смысловые группы: «польза» и «удобство». Рассмотрим, какие компоненты из каждой группы наиболее важны для респондентов.

Группа 1 – «ПОЛЬЗА»:

- 1) Практическая значимость занятий
- 2) Гарантии качества
- 3) Предоставление полного пакета документов, подтверждающих повышение квалификации
- 4) Возможность подбора необходимых занятий

Группа 2 – «УДОБСТВО»:

- 1) Близость места обучения
- 2) Гибкий график (индивидуальный план)
- 3) Возможность обучаться дистанционно

В перечне наиболее значимых условий ключевые позиции (место 1-3) суммарно у всех категорий респондентов занимают факторы из группы «польза». Это может говорить о том, что

для преподавателей важнее знать, что в результате посещения курсов они получают что-то действительно для них полезное и это примиряет их необходимостью пойти на некоторые лишения (временные, материальные затраты и т.п.).

На основании результатов исследования предлагается:

1) Организаторам курсов при подготовке информационных буклетов о повышении квалификации необходимо учитывать мнение респондентов о значимости для них условий организации и проведения курсов. Следовательно, в тексте необходимо указывать конкретные достоинства, которыми располагают курсы с ориентацией на рассмотренные выше группы характеристик «польза» и «удобство».

2) Принимающей стороне быть уверенным в своей возможности соблюдать предлагаемые условия. При невозможности обеспечить какие-либо характеристики их необходимо удалить из перечня с тем, чтобы в дальнейшем продумать способы для их выполнения. Особенное внимание важно уделить обеспечению наиболее значимых для преподавателей условий «Возможность подбора необходимых занятий», «Гарантии качества», «Практическая значимость занятий».

3) Уточнить у преподавателей то содержательное наполнение, которое они вкладывают в самые субъективные, вариативные по трактовкам условия – «гарантия качества» и «практическая значимость». Эти факторы являются приоритетными для наиболее заинтересованных в повышении квалификации респондентов. Сочетание высокой важности условий с высокой вероятностью различных взглядов на них может стать потенциальным источником конфликтных ситуаций, что необходимо предотвратить еще на этапе организации.

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. – дата обращения 24.08.2016.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. N 362 (с изм. От 02.06.2016 № 494) "Об утверждении государственных требований к профессиональной переподготовке, повышению квалификации и стажировке государственных гражданских служащих Российской Федерации". – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=199354>. – дата обращения 24.08.2016.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Максимова С.Г. (Барнаул)

В современных условиях модернизации всех сфер общественной жизни и мобилизации усилий, направленных на преодоление социально-экономических и политических вызовов и угроз, исходящих от мирового сообщества, как никогда актуальными становятся вопросы о консолидации граждан, их конструктивного взаимодействия с органами государственной власти и институтами общественного самоуправления для наиболее эффективного выражения и отстаивания национально-государственных интересов России, обеспечения национальной и социальной безопасности. Особую роль в этих процессах занимает конструирование гражданской идентичности населения как осознания причастности к основанному на социокультурной целостности сообществу граждан, ответственности за судьбу страны и переживаемых в связи с этим чувств, имеющих личностный смысл [1, 2].

В отличие от государственной (российской идентичности), формирование которой происходит быстрее и проще за счет возможности использования политической элитой институциональных механизмов (СМИ, образование и пр.) [3], становление гражданского сознания в России находится на начальном этапе, так как требует кардинальной смены ценностных ориентиров, переориентации с патерналистской модели взаимоотношений между гражданами и властью на модель «активного гражданства», требующей от всех членов общества проявления таких качеств, как ответственность, независимость, гибкость, способность мобилизовать ресурсы гражданского общества для решения не только индивидуальных, но и общественных проблем.

Подобно другим видам коллективных и социальных идентичностей, гражданская идентичность представляет сложный, многомерный феномен, проявляющийся на когнитивном, эмоционально-оценочном и поведенческом уровнях. Главным механизмом ее осуществления, имеющим социально-психологическую природу, является социальная идентификация, позволяющая индивидам, на основе разделяемых гражданских ценностей и нравственных

принципов, осознавать свою принадлежность и привязанность к Родине, формировать представления, оценки и поведенческие стратегии, на основе которых происходит различение «своей» и «чужой» наций, конструируются их символические границы [4]. Необходимым формальным условием при этом выступает наличие гражданства как устойчивой правовой взаимосвязи между индивидом и государством, выражающейся в существовании взаимных прав, обязанностей и ответственности.

В рамках социологического исследования в шести субъектах Российской Федерации (Алтайский край, Забайкальский край, Республика Алтай, Кемеровская область, Оренбургская область, Омская область) проведен экспертный опрос руководителей национально-культурных объединений (N=90), социологический опрос населения с целью выяснения оценок формирования гражданской идентичности и особенностей межэтнических отношений в шести субъектах Российской Федерации (N=2400).

В процессе проведения исследования были рассмотрены оценки жителями шести регионов России разных параметров гражданственности, получены характеристики гражданской идентичности населения каждого из регионов, их дифференциация в разных социально-демографических группах.

Абсолютное большинство жителей во всех шести обследованных субъектах когда-либо испытывали гордость за свою страну: от 85,1% опрошенных в Оренбургской области до 93,7% в Алтайском крае. Только около 5% респондентов указали на отсутствие таких чувств. Переживание гордости за свою страну значимо связано с национальной принадлежностью респондента.

В оценках причин возникновения гордости за Россию мнения населения разделились на четыре доминирующих позиции, причем первая из них является значительно преобладающей. Лидирует в данном случае Победа в Великой Отечественной войне, на второй позиции – авторитет России в мире, а на третьей позиции – великие российские поэты, композиторы и писатели, которыми гордятся опрошенные, четвертую позицию разделили гордость Президентом страны Владимиром Путиным и успешный полет Юрия Гагарина в космос.

Несмотря на то, что в целом все население часто переживает чувство гордости за свою страну, более склонны это делать жители села. Безусловная причина гордости за страну – Победа русского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов, но тем не менее, причины гордости за страну разнятся для разных поколений. Так, молодежь чаще оценивает гордость страной через успехи современных деятелей спорта, культуры и искусства, а также гордится достижениями классиков российской литературы, науки и искусства, а старшее поколение чаще ориентируется на исторические достижения страны.

Далее мы выяснили, что значительная часть населения в разных случаях испытывали чувство стыда за страну, при этом переживание чувства стыда максимально выражено у жителей Алтайского края, а минимально в Оренбургской области. Больше всего жителей России, которые никогда не испытывали чувства стыда за свою страну – в Кемеровской и Оренбургской области.

Проверка статистических гипотез выявила зависимость проявления чувства стыда за собственную страну у респондентов, принадлежащих к разным этническим группам: опрошенные русской национальности достоверно чаще переживают чувство стыда за свою страну.

В большинстве случаев стыд провоцируют негативные социально-экономические условия жизни, проблемы социального характера. На последних позициях по числу выборов взаимоотношения с бывшими союзными республиками.

Отметим, что выбор причин, вызывающих стыд за Россию, не зависит от социально-демографических характеристик, в данном случае определяющее значение имеет наличие проблем социально-экономического характера в стране. Поводов для стыда в целом больше в Забайкальском крае и Республике Алтай. В Алтайском крае жители чаще стыдятся своей страны из-за неудач спортсменов страны. В Забайкальском крае чаще других регионов выбирают такие причины стыда, как случаи нарушения прав человека. В Кемеровской области чаще отмечали внешнюю политику государства. Жители Омской области - низкий уровень жизни. Жители Республики Алтай - взаимоотношения с бывшими союзными республиками.

Данные множественных выборов населения в отношении составляющих понятие «гражданин страны», свидетельствуют о том, что в составе понятия «гражданин» преобладают два компонента – патриотизм, любовь к стране. В Алтайском крае по сравнению с другими пятью субъектами в составе понятия «гражданин» выражен признак «чувствовать стабильность и уверенность», в Кемеровской области – отсутствие желания уехать в другую страну, в Омской

области – постоянное проживание на территории России, чувство стабильности и уверенности, в Республике Алтай – самореализация и причастность к делам государства.

При рассмотрении оценок респондентами состояния межнациональных отношений в Российском обществе выяснено, что большая часть респондентов в шести регионах полагает, что в настоящий момент в стране есть гражданское единство (56,3%), максимально выражено восприятие гражданского единства в Алтайском крае и минимально в Омской области.

Наиболее распространенным мнением во всех шести регионах является мысль о том, что народное единство в стране существует вследствие способности народа объединяться в трудные минуты.

В целом отметим, что жители Алтайского края и Республики Алтай находят больше оснований для положительной оценки гражданского единства, в жители Кемеровской, Омской и Оренбургской области – меньше прочих. Жители Забайкальского края реже прочих отмечали такой фактор единения нации как присоединение Крыма и Севастополя, Кемеровской области – отсутствие войн и любовь народа к стране. Выбор причин наличия единства в стране значимо связано с местом жительства. Жители как города, так и села одинаково часто признают роль в формировании народного единства таких факторов, как «присоединение Крыма и Севастополя», «совместное участие в массовых мероприятиях» и «объединение нации в трудные времена».

Для горожан же более значим такой фактор становления единства нации как любовь к стране, горожане также чаще считают, что единство в менталитете и культуре российского народа, а также факт того, что в трудные минуты Россия объединяется, в России все нации мирно уживаются между собой. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, жители городов больше ориентируются на наличие внутренних, а сельчане – внешних факторов единства нации.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» № 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

1. Паин Э. Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью //Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М. 2003. С.5–21.

2. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Омельченко Д.А., Атясова Н.Ю., Ноянзина О.Е. Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: особенности современного состояния, факторы и актуальные проблемы формирования //Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. – №. 3 (87). С.175-179.

3. Здравомыслов А.Г., Андреев А. Л. Российская идентичность и национальное самосознание // Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. «Летний сад», Москва. 2004. С. 102–113.

4. Дробижеева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости //Россия реформирующаяся: ежегодник/отв. ред. МК Горшков. 2008. №. 7. С. 214–228.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ

Малахов Н.Е. (Уфа)

В связи с масштабными социальными изменениями в нашей стране, в очередной раз случившимися на рубеже веков, значительную актуальность приобрёл вопрос исторической оценки нынешнего состояния российского общества. Такой оценке, например, был посвящён материал в августовском номере "Комсомольской правды"[1], провоцирующая на спорные мнения оппонентов.

Переломные моменты в истории страны на стыке веков уже приняли традиционный и даже фатальный характер. Достаточно вспомнить смену монархических династий после смутного времени и польской интервенции в начале 17 века, Северную войну и петровские реформы в начале 18 века, также участие России в Наполеоновских войнах, после в 1-й МВ и рождение Советской республики. Далее, как по нотам, согласно крылатому, хотя и противоречивому афоризму известного деятеля В. С. Черномырдина: "Никогда такого не было и вот опять..." Т.е. решительный поворот к рыночным экономическим отношениям, что напоминает реставрации

элементов дореволюционных социальных отношений в постреволюционном развитии уже капиталистической Западной Европы (восстановление монархий Стюартов и Бурбонов) на новом витке исторического развития.

Из вышесказанного неизбежно следует возможность формулирования циклической модели социально-исторического развития и напрашивается стремление к поиску и описанию более детальных характеристик универсальных стадий в периодах исторической эволюции в различных странах с выявлением неких типовых подобиий, обладающих универсальным прогностическим потенциалом. Такая модель может содержать следующие стадии.

1. Бунт оппозиции против верховной власти (всплеск пассионарности масс). Так в России боярское своеволие при правлении Ивана Грозного, стрелецкие бунты против Петра 1-го, дворяне Декабристы против самодержавия, рабочие против буржуазной и царской власти. На Западе: дворянская и сословно-парламентская революционная оппозиция королевской власти в Нидерландах, Англии, Франции и Америке, также Баварская и Венгерская республики в 1918г.

2. Межклановая и фракционная конкуренция (качели власти). Например, борьба боярских союзов и сторонников молодого царя Петра и приверженцев царевны Софьи, движения левеллеров и диггеров в Англии, жирондистов и якобинцев (также режим Директории) во Франции, левая и правая оппозиции в Советской России, конфронтация коммунистов и фашистов в Италии и Германии, КПК и Гоминдана в Китае и т. д. и т. п.

3. Концентрация власти, диктатура, утверждение тоталитарных и авторитарных режимов: опричнина Ивана Грозного, прокуратура Петра, жандармерия Николая 1-го, ГУЛАГи и подавления диссидентов в СССР, а также протекторат Кромвеля, консульство и империя Бонапарта, нацистская власть в Германии, Культурная революция в Китае и т. п.

4. Реставрация элементов прежних общественных отношений: например, смутные времена после пресечения династии Рюриковичей, эпоха дамских гос. переворотов 18 века, НЭП и рыночные реформы (с их лихими 90-ми) в нашей стране и в бывших регионах с административной экономикой. А также упомянутые реставрации монархий в Англии и Франции (с целым каскадом последующих революций). Когда нации не могли чётко определиться к какому социальному строю стремиться.

5. Расширение социальной базы демократизации (развитие социального партнёрства во имя) национального хозяйственного прогресса): наиболее чётко прослеживалось в своё время в так называемых обществах западных буржуазных демократий, в которых профсоюзы, забастовки, и антитрестовские законодательства привели к относительно социально-классовому примирению. В России же мы пока не смогли осилить подобный переход, в нашем случае требующий жёстких анти чиновничьих мер. Но в предних российских обществах с трудом, но просматриваются подобные примеры. Так например, избрание монарха новой династии Дома Романовых межсословным собором, попытки создания и работы Уложенной комиссии широкой общественности при Екатерине 2-й, отмена крепостного права императором Александром 2-м

6. Стабилизация с последующим сползанием к очередной пассионарности в массах (возможный прогноз ближайшего сценария для мульти культурного западного мира под напором радикальных исламских масс).

Попутно хотелось бы заметить ещё пару социальных закономерностей, претендующих на фундаментальность. Дрейф эпицентра пассионарности социальных революций с Запада на Восток, а теперь и на Юг. Т.е. от стран так называемой цивилизации прогрессивного типа к регионам традиционных обществ циклического типа, а затем к обществам с пережитками и рецидивами родоплеменного строя. От стран Западной Европы к России, Турции, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. А ныне на арабский Восток и исламский мир, где лоскутное общество племён, тейпов, кланов и т. п.

Также в наше время марксистское понятие базиса трудно связывать исключительно с экономикой. До Маркса оно могло соответствовать общественному сознанию (религии), и административно-политическим институтам. А с наступлением эпохи НТР базис переместился как по эстафете к технологическому кластеру. В 21-м веке он уже приобретает демографический характер. А далее на очереди ещё и экологический основательный уровень для социальных прогнозов в лице так определяемой РБХД (ресурсной базы хозяйственной деятельности) [2]. Последняя в совокупности с общественными демографическими потребностями может составлять способ природопользования, по аналогии со способом производства, базовым понятием в марксистской модели.

1. Черных Е. "Россия на распутье. Нас ждёт 1917 год или 1937-й?" (Интервью А. И. Фурсова). Г. "Комсомольская правда" №26560-т, с.4-5, kp.ru .
2. Малахов Н. Е. "К совершенствованию формационной картины мира: от экономического к экологическому детерминизму" // *Философия и научная картина мира*. Выпуск 1, Уфа, 2012, с.154.

СОЦИОЛОГИЯ КАК «ЗЕРКАЛО» ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ VS КОНСТРУКТА «АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ»

Маликова Н.Р. (Москва)

Каковы сегодня возможности учета общественного мнения при принятии политических решений, презентации в публичном пространстве позиций гражданского общества в решении социально-политических проблем? Поддерживается ли властью авторитет социологии в формировании общественного мнения? Есть ли реальные шансы на то, что в России приживется «публичная социология» (Майкл Буравой, СПб, 2007) , как «зеркало» настроений и обращенная к широкой общественности россиян? Должна ли политическая социология, поддерживая социальный порядок, быть пропагандистом в безоговорочной апологетике власти? Или, социология, имеет право на правдивое отражения общественного мнения, для внесения полезных корректив в практику государственного и социального управления? Казалось бы, сегодня, как никогда востребована сопряженность политического анализа в тесной связи с социологическими исследованиями, социологической интерпретацией общественно значимых проблем. Вновь, вслед за Аленом Туреном, осознается необходимость преодоления разрыва политической науки и социологии, когда: «Политическая наука, следуя рекомендациям Ханны Арендт, освобождается от социологии. Последняя, будучи лишена интеллектуального определения, погружается в незначительные описательные работы или в бессмыслицу корпоративизма». [Турен, 1998: 17].

Представляется, что, социология, отвечая чаяниям общественного мнения, на основе научно обоснованного анализа данных репрезентативных опросов, может осуществлять призыв к новым преобразованиям. Сами же реформы, преобразования, это дело политической и социальной практики, способной обеспечивать баланс социально-политических интересов во всех сферах социального взаимодействия. В поиске репрезентативной и валидной социологической информации интерпретации отклика россиян на актуальные социальные проблемы мы чаще всего обращаемся к результатам исследований сотрудников и последователей Юрия Левады. Сегодня стремительно возрастает воздействие общественного мнения, социальной активности европейцев. На этом фоне, вызывает озабоченность, что, по данным Левада - Центра, снижается доверие россиян к опросам общественного мнения, к возможностям учета их результатов, востребованности в реальной политике. Оттого видимо, вдвое выросло число тех, кто не интересуется опросами общественного мнения (40%), так как полагают, что- «публикуются только те результаты опросов, которые показывают деятельность властей в выгодном свете». Снижается роль СМИ в интенсивности репрезентации формирования многоуровневой идентичности россия, манипулятивно воздействие на массовое сознание в «политических» «ток-шоу» на ТВ. Постоянно происходит замещение объективного экспертного знания, предоставлением возможности для персонального PR «квази-политологов», осуществивших «рейдерский захват» информационного пространства. По данным опроса 25-28.03, 2016 (N=1600) россияне в первую очередь обеспокоены жизненно важными вопросами социальной политики (41%); экономической ситуации (21%), коррупции, чиновников, произвола олигархов, власти (12%); ЖКХ (11%). В условиях латентной нестабильности экономической жизни, россияне мало ориентированы на социально-политическую активность, высок уровень ксенофобии, растет скепсис в отношении перспектив международных отношений (США, ЕС), невелик потенциал общественного доверия к различным институтам власти (за исключением Президента РФ), российским партиям, НПО и МНПО. Обращаясь к реалиям российского публичного политического пространства, все более очевидно иллюзорность представлений о том, что парламентаризм, современные политические партии уже являются весомыми компонентами зрелого гражданского общества и выразителями общественного мнения, социальных интересов россиян. Так, предложение «Левада - центра» оценить по 5-ти балльной шкале влияние разных социально-политических институтов показало, что на высшей позиции (4,5) находится президент РФ. В общественном мнении Россия представляется президентской, а не парламентской республикой. Представительная власть, верхняя палата Государственной Думы/Парламента (3,49) на 8-ом месте; нижняя палата (3,38) еще ниже, на 11-ом месте. Институты, призванные оформлять

политическую волю разных частей общества, по мнению граждан, несравненно слабее главных органов власти. Социальные показатели фиксируют отчуждение общества от социально-политических структур, непубличность общественного мнения, рост социально-политической апатии. Локальные социологические исследования в российских регионах, с осторожностью, но фиксируют блокирование каналов формирования демократических и либеральных установок, ценностных ориентаций среди молодежи крупных городов и мегаполисов, консерватизм социально-гуманитарного образования, закрытость и ангажированность каналов социально-политической мобильности. В условиях еще непреодоленного кризиса россияне неуклонно утрачивают потенциал экономического и социально-политического протеста, ориентиры социальной солидарности и социально-политической целеустремленности. Общество вновь становится молчаливым, оставшись «один на один», с проблемами повседневного жизнеобеспечения, увы, «человек действующий» не возвращается в политику.

Почему же в публичной российской политике ослаблен интерес к общественному мнению россиян? Отчего в определенном сегменте «академической науки» не вполне удовлетворительно исследуются проблемы массового политического сознания, доминирует стремление к упрощению информации, замещение объективного анализа политизированными оценочными суждениями? Ведь профессиональные сообщества социологов давно осознали контрпродуктивность поиска адекватных ответов на многие актуальные социально-политические вопросы и проблемы в русле идеологического доктринерства.

Как бы реагировали М. М. Ковалевский и представители первой генерации российских социологов на внесение Министерством Юстиции РФ высокопрофессионального, авторитетного научно-исследовательского Аналитического «Левада – Центра» в реестр «агентов влияния»? Вне всякого сомнения, они выразили бы поддержку и солидарность коллегам. Об этом свидетельствует их гражданская позиция, содержание трудов и публичных социально-политических выступлений в начале прошлого века. Затем, социология, как известно, стала репрессированной, вплоть до 60-х годов, с тех пор социологические опросы неоднократно определялись как «зеркало общественного мнения». Так, что же на «зеркало» пенять? А, судьи кто? Кого они определяют следующими «агентами влияния»? В докладе РИСИ/Российского института стратегических исследований «Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и ВУЗов, получающих финансирование из зарубежных источников» (февраль 2014 г.), помимо Левада-Центра, перечислены, в качестве манипуляторов общественно-политическим мнением: Российская ассоциация политической науки, Центр политических исследований России, Российская ассоциация международных исследований, Институт социологии РАН. Напрашивается аналогия с печальной традицией политической дискредитации, доносительства, фразеологии времен наступления «пысенковщины» на цвет отечественной биологической науки.

В поддержку Левада - Центра выступили зарубежные ученые, те, кто представляют переднюю линию мировой социологии, ESOMAR/Европейское общество исследований общественного мнения, Всемирная ассоциация исследователей общественного мнения, ВЦИОМ, ФОМ. Полагаю, что и члены РОС, РСО, участники Международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке» последуют традиции профессиональной научной солидарности социологов, заложенной М. М. Ковалевским.

Гудков Л. Д. Имморализм постсоветского общества и европейские ценности /Ведомости 21.05.2014; Наши «мы»: Самые влиятельные институты. Протестный потенциал. Экспресс информация «Левада – Центра» .04.05.2016.

Маликова Н. Р. Конструируемые фреймы коллективной идентичности исторической памяти. Сб. Материалы XIII Международного симпозиума «Диалог мировоззрений: Историческая память в условиях общественных изменений». Нижний Новгород, 2015

Турен А.. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

Malikova N. Social design of cultural, regional, national identities and overcoming ethnic, religious differences/ Cultural discourses of regionalization/Ed/ by O.Kozlova&R/Bartoloiejski/ Szczecin.2015

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТЦОВСТВА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Малышев А.Г. (Санкт-Петербург)

В период с апреля по декабрь 2015 года было проведено социологическое исследование, целью которого было выявление форм распространения практик ответственного отцовства.

Направления деятельности в области поддержки ответственного отцовства в различных регионах и даже в пределах Санкт-Петербурга достаточно разнообразны. Можно выделить три основных направления деятельности участников исследования в сфере поддержки ответственного отцовства:

проведение папа-групп;

организация мероприятий, связанных с привлечением внимания общества к активному участию отцов в воспитании ребенка: праздники, форумы, массовые мероприятия (например, праздник «День отца»);

социальная работа с особыми группами отцов, нуждающимися в специальной поддержке (одинокие отцы, несовершеннолетние отцы).

Наиболее распространенным видом деятельности по поддержке распространения ответственного отцовства являются папа-группы. Только одна организация из числа организаций, принимавших участие в исследовании, их не проводила.

Организация мероприятий, популяризирующих ответственное отцовство – второй по распространенности вид деятельности. Как правило, речь идет о массовом мероприятии для семей/отцов. Во многих случаях информанты отмечают необходимость связанности мероприятий и постоянно ведущейся работы с мужчинами на уровне местного сообщества и региона (мероприятия рассматриваются информантами либо как продолжение постоянной работы, либо повод для её начала).

Еще одно направление поддержки ответственного отцовства – активная социальная работа с отдельными группами отцов, нуждающимися в специальной поддержке (одинокие отцы, несовершеннолетние отцы, отцы, допускающие насилие в семье).

Папа-группы – самый распространенный вид деятельности в области поддержки ответственного отцовства. На основании анализа собранных полевых материалов можно говорить о том, что группы для отцов, в организации которых принимали активное участие информанты, крайне разнообразны и неоднородны по форме и даже содержательному наполнению. Группы для отцов, которые проводят организации, занимающиеся поддержкой ответственного отцовства, различаются по следующим параметрам:

целевая группа (участники папа-групп);

методы привлечения участников;

модератор;

количество занятий;

цели и ценности организаторов папа-групп;

тематика встреч (занятий).

Перспективы развития папа-групп чаще всего их организаторам представляются имеющими отношение к количественному росту инициативы – распространение работы папа-групп на большую территорию, например. Упоминания о качественных изменениях работы групп встречаются реже. К ним можно отнести дальнейшее совершенствование методики работы групп, разработку специальных папа-групп для отцов детей разного возраста, введение новых видов активности в работу групп.

На сегодняшний день деятельность по поддержке ответственного отцовства (прежде всего папа-групп) на Северо-Западе России представляет собой достаточно многогранный комплекс, который активно развивается. Развитие часто имеет экстенсивный характер. Изменение качественных, содержательных характеристик деятельности ведет к ещё большему увеличению разнообразия практик в данной сфере.

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ КУРСКИХ СТУДЕНТОВ В ВОЛОНТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Малышко Я.О., Струкова К. С. (Курск)

Волонтерская деятельность – это самый распространенный вид добровольческого труда, который из года в год набирает популярность не только у взрослого населения, но и пользуется вниманием со стороны молодежи. Сфера деятельности волонтеров довольно широка: донорство, реставрация памятников и зданий, помощь больным детям, помощь животным, помощь в проведении различных спортивных мероприятий, форумов, выставок, конференция, помощь ветеранам, защита окружающей среды, пропаганда здорового образа жизни, – и это только часть деятельности, которой занимаются волонтеры.

Следует обратить внимание на следующий факт. Если в США и Европе волонтерство уже является нормой социальной жизни, то в России это явление только начинает зарождаться и набирать обороты. Появление новых благотворительных фондов, волонтерских организаций и волонтерских движений, о которых часто всплывает информация в СМИ, безусловно, является сегодня поводом для гордости за нашу страну.

В конце 1990-х годов в России происходило активное развитие добровольческого сектора при помощи формирования общественных организаций и некоммерческих объединений, которые активно развиваются и в наши дни.

Что не может не радовать, так это то, что продолжается становление нормативно-правовой базы добровольчества. Дополнение Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» позволяет определить понятие, содержание и формы добровольческого труда. В 2013 году был предложен новый проект Федерального закона «О добровольчестве», который призван стать механизмом формирования правовой основы функционирования добровольчества в России [1].

Сотрудничество с международными добровольческими организациями и изучение опыта Западных стран по развитию волонтерской деятельности позволяют внедрять инновационные практики волонтерства в деятельность российского некоммерческого сектора.

Особое внимание стоит уделить привлечению к молодежному добровольчеству как форме вовлечения молодежи в социальную практику, развитие ее созидательной активности, возможности реализации своего собственного потенциала, будущего профессионального роста. Для подрастающего молодого поколения волонтерская деятельность является важным способом получения новых знаний, развития навыков общественной деятельности, формирования нравственных ценностей и активной гражданской позиции. К тому же основной стратегией развития молодежной политики в Российской Федерации является развитие и поддержка молодежных инициатив, которые направлены на организацию волонтерской деятельности молодежи, привлечение молодежи к добровольческому труду в регионах России и за рубежом в сферах массового молодежного спорта, туризма и досуга молодежи [3].

Добровольческие общественные организации в настоящее время реализуют свои инициативы в различных областях социальной сферы.

В последние годы государство начало сотрудничать с представителями волонтерских движений. Появляются многочисленные добровольческие сообщества, организации и, конечно же, разрабатываются и реализуются различные проекты. Основным толчком развития добровольческого труда в России можно считать проведение масштабных спортивных мероприятий на территории Российской Федерации. Первое – проведение летней Универсиада – 2013 в Казани, на которой было собрано около 20 тыс. добровольцев.

Второй и самый масштабный из проектов – подготовка и проведение зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в городе Сочи в 2014 году, где наши волонтеры приняли активное участие в роли гидов, проводников и переводчиков для гостей на территории нашей страны. На соревнованиях было задействовано около 25 тыс. волонтеров. Огромное количество позитивных, улыбчивых, прекрасно говорящих по-английски, помогающих разобраться в любой проблеме людей. Волонтеры, конечно, не роботы, помогать во всем они не могли, но излучали такие свет и добро, что сердиться на них не было никакой возможности. Ведь именно по волонтерской ежедневной работе судят о степени подготовки Олимпийских и Паралимпийских играх и о России в целом.

По мнению многих специалистов, волонтеры в Сочи не просто не уступали тем, кто работал на предыдущих Олимпийских играх, но подавляющее большинство из них –

превосходили. Эти замечательные люди не просто помогали проводить «Жаркие. Зимние. Наши» Олимпийские игры, но и в какой-то мере стали символом этого великого события для России. Заявок на участие в качестве волонтера на Олимпийских играх было очень много.

Понятие «волонтер игр» в скором будущем планируется закрепить в законодательстве для регулирования вопросов страхования, помощи в организации питания, обучения, отдыха и проезда волонтеров. С 2010 года стартовала практика по выдаче первых «Личных книжек волонтеров». «Личная книжка волонтера» является аналогом портфолио или трудовой книжки, в которой содержится информация обо всей деятельности волонтера. В настоящее время планируется учитывать такую книжку при поступлении в профессиональное учебное заведение или при приеме на работу.

Одним из приоритетных направлений, отмеченных в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 18 декабря 2006 года № 1760-р, является проект «Доброволец России», который адресован молодежи в возрасте от 14 до 25 лет. Этот проект направлен на системное вовлечение молодежи в различные социальные проекты, в том числе в сферах массового молодежного спорта, туризма и досуга молодежи и развитие навыков самостоятельной жизнедеятельности через организацию добровольческой (волонтерской) деятельности. Основной целью проекта «Доброволец России» является формирование механизмов вовлечения молодых людей в многообразную общественную деятельность, направленную на улучшение качества жизни россиян. Форум «Доброволец» проводится ежегодно.

Различные волонтерские акции и движения на территории России становятся уже приятной обыденностью. Курская область также старается не отставать от новых актуальных тенденций российского общества

В Курской области – сильные традиции добровольческого труда. Это один из немногих регионов в России, где живо движение педагогических отрядов, молодежных общественных организаций. Любой молодой человек, у которого есть желание помогать людям, может стать волонтером. Сегодня особенно быстрыми темпами добровольчество в Курской области развивается в двух направлениях: студенческие трудовые отряды и молодежные общественные организации.

В настоящее время на 1 января 2015 года в реестр добровольческих организаций Курской области входят 385 волонтерских отрядов. В регионе около 8 тыс. волонтеров имеют индивидуальные регистрационные номера. Для координации деятельности волонтеров около 7 тыс. людей получили индивидуальные волонтерские книжки, куда записываются все добрые, волонтерские дела, в которых они приняли участие [2].

Молодежь России – ценный экономический ресурс государства и общества, который определяет будущее России. Авангардом молодежи объективно является студенчество в силу интеллектуальной и социальной селекции, обусловленной существующей системой профессионального образования. Для формирования социально-ориентированного общества, становления гражданско-правовой активности молодежи необходимо вовлечение данной категории в социально-полезную и активную деятельность. Наиболее благоприятной средой для этого является учебное заведение. Российский социум претерпевает глобальные изменения, которые активно воздействуют на систему общественного образования, в том числе высшего, требуют от нее мобильности и адекватного ответа на задачи переживаемого периода. Динамика развития общества побуждает человека к всестороннему развитию, а широта и гибкость профессиональной подготовки становятся факторами, так называемого, общественного прогресса. В период этого прогресса важным социальным институтом является высшее учебное заведение. Обучение в вузе – это важный период в жизни молодых людей, в котором происходит профессиональное становление индивида и завершается личностное самоопределение.

Исходя из этого, учреждения высшего профессионального образования призваны осуществлять не только подготовку специалистов, но и формирование и развитие у студентов, вне зависимости от получаемой профессии, гражданских качеств. Соответственно одним из средств развития гражданских качеств студентов вузов можно назвать волонтерское движение, формирующее гуманистические идеалы, чувство социальной ответственности.

У современной молодежи региона фиксируется нарастание интереса к добровольческой деятельности. Так, в Курской области практически каждое учреждение среднего и высшего профессионального образования имеет по несколько организаций волонтерской направленности.

Для выявления отношения Курских студентов к волонтерской деятельности в декабре 2015 года был проведен социологический опрос. Эмпирическую базу исследования составили результаты пилотажного опроса 50 студентов, обучающихся в Курском государственном университете. Выборочная совокупность опроса населения формировалась как стихийная, одноступенчатая на этапе отбора респондентов выборка. Общее количество респондентов составило 100 человек. Полученные данные были обработаны с помощью компьютерной статистической программы IBM SPSS 18.0

В результате проведенного анкетирования было выявлено, что подавляющее большинство респондентов имеют представление о волонтерской деятельности (90% опрошенных). Только 4% респондентов находятся в неведении о волонтерской деятельности и 6% затрудняются ответить на вопрос.

Анализируя результаты исследования, можно сказать, что 84% опрошенных считают, что добровольно-общественная деятельность – это положительное явление, 7% относятся нейтрально к данному виду деятельности и только 2% видят отрицательный контекст в общественно-полезной деятельности. Что не может не радовать: большинство респондентов (60%) не только положительно относятся к волонтерской деятельности, но и принимали участие сами в качестве волонтера. Правда, 40% не имеют личного опыта в этой сфере деятельности.

С суждением «Волонтерство – это хорошо, но не для меня» полностью согласилось и затруднилось ответить лишь 12% опрошенных. При этом 16% отметили вариант «Скорее согласны» с суждением и ровно столько же – «Совсем не согласны». Самый популярный вариант ответа, который был выбран 44% респондентами – «Скорее не согласен с суждением».

Если говорить о желании студентов заниматься волонтерской деятельностью, то можно сказать, что чуть больше половины опрошенных студентов (56%) хотели бы в дальнейшем заниматься волонтерской деятельностью, а 44% этого желания не имеют.

У тех студентов, которые хотели бы заниматься волонтерством, наибольший интерес вызывают такие отрасли добровольчества, как помощь детям и участие в волонтерской деятельности Олимпиады. Эти варианты ответов является самыми популярными из выбранных. Их выбрали 34 и 24 опрошенных соответственно. Наименее всего студентов привлекает волонтерская деятельность в сфере окружающей среды. Этот вариант был отмечен только 4 раза.

Причины нежелания участвовать в волонтерской деятельности у студентов разные. У 34% опрошенных для этого свободного времени, 12% не находят в этом виде деятельности ничего интересного для себя, а 8% считают, что любая работа должна быть оплачиваемая, следовательно труд волонтеров явно им не подходит.

Осведомленность о деятельности волонтерских организаций на территории Курской области очень слабая, – так считают больше половины опрошенных студентов – 52%. Примерно одинаковое количество хорошо знакомо (26%) или наоборот совсем не знакомо (22%) с деятельностью волонтерских организаций в городе. Если говорить об информированности студентов о деятельности волонтерских организаций в регионе, то людей, которые мало что слышали о деятельности организаций (80%) в 4 раза больше, чем проинформированных (20%).

В последнем вопросе анкеты нужно было выбрать не более трех вариантов ответов. Следовало указать вид самой популярной волонтерской деятельности. Большинство респондентов считают, что донорство является наиболее актуальной деятельностью (54% человек). Чуть меньше (32% респондента) считают, что поиск пропавших людей является также популярной волонтерской деятельностью. Меньше всего, с точки зрения студентов, популярностью пользуется пропаганда здорового образа жизни (6% человек), защита окружающей среды (5% человек) и лишь 3% человек выбрали вариант «помощь в ликвидации катастроф».

Практическая значимость проведенного социологического исследования состоит в том, что оно позволило выявить наличие среди курских студентов потенциального слоя, испытывающего желание заниматься волонтерским трудом, причем их интерес связан не только с участием в спортивных мероприятиях, но и со стремлением оказывать помощь детям. Опрос показал, что курские студенты, участвующие в исследовании, в целом воспринимают волонтерство положительно, но плохо информированы о деятельности добровольческих организаций на территории Курской области. Необходимо развивать систематическую работу с молодежью в этом направлении, прежде всего информационную.

(волонтерстве)» [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант» (дата обращения – 10.12.2015).

2. В КГУ прошел областной слет молодежных добровольческих отрядов // Общественно-политический еженедельник Курск [Электронный ресурс] – 2015. – 15 декабря. URL: <http://gazetakursk.ru/novosti-kurskoj-oblasti/13429-v-kgu-proshel-oblastnoj-slet-molodezhnykh-dobrovolcheskikh-otryadov.html> (дата обращения – 17.12.2015).

3. Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р «О стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант» (дата обращения – 10.12.2015).

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ НЕГАТИВНОЙ ДЕВИАЦИИ

Мальцева А.А. (Тюмень)

В настоящее время происходят масштабные социально-экономические и политические изменения в обществе, в связи с чем особенно трудно приходится молодым людям с их еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей.

Сегодня уровень правонарушений среди несовершеннолетних остается довольно высокий и вызывает серьезную обеспокоенность педагогов, социальных педагогов, органы обеспечения правопорядка:

- за 2015 г. на 3,2 % увеличилась преступность среди несовершеннолетних по сравнению с 2014 г. [1];

- преступные действия подростков становятся все более жестокими и изощренными, все чаще фиксируется их связь с алкоголизмом [2, с. 838];

- проявляется тенденция к совершению групповых преступлений, снижается возрастной порог преступности [2, с. 840].

Из года в год причинами преступности среди несовершеннолетних становятся одни и те же социальные условия. Но далеко не последнее место в ряде причин свершения преступления подростком занимают его жизненные ориентиры и ценности, сформировавшиеся под влиянием тех или иных социальных условий и окружения.

Уже давно научно доказано, что на готовность подростка или юноши к восприятию социальных ценностей и положительных воздействий на него окружающей среды большое влияние оказывает широта и разносторонность склонностей и интересов [3]. Лица с устойчивыми интересами к творчеству, общественной деятельности, как правило, обладают сильным иммунитетом к отрицательным влияниям и поступкам.

Оптимальной формой организации досуга является любительское объединение, которое предоставляет максимальную свободу самовыражения и в то же время выступает в качестве педагогически управляемой системы.

В процессе занятий в объединениях дополнительного образования у трудного подростка постепенно появляется адекватная самооценка, он отходит от асоциальных компаний, их влияния, у него появляется интерес к учебной деятельности, стремление самореализоваться в социально приемлемой деятельности. [3, с. 70].

В рамках исследования, проведенного в апреле-мае 2016 г., нами было опрошено 398 человек от 14 до 24 лет, в число которых вошли учащиеся общеобразовательных, вечерних школ, техникумов, колледжей, а также высших учебных заведений г. Тюмени и крупных городов юга Тюменской области.

В результате проведенного исследования были выявлены доли молодых людей, совершавших правонарушение, а также установлена взаимосвязь факта совершения правонарушения с фактом посещения УДО.

Значительное часть респондентов никогда не совершали правонарушения. 20 % респондентов отметили факт совершения небольших административных правонарушений, таких, как переход дороги в неположенном месте, нарушение правил дорожного движения, превышение скорости и пр. Общественный порядок (драка, вандализм, распитие алкогольных напитков и т.д.) нарушали 19 % респондентов. К числу людей, совершавших правонарушения средней тяжести (кража, воровство, разбой) отнесли себя 12 % респондентов.

Сравнивая ответы респондентов по факту занятий в учреждениях дополнительного образования и факту совершения противоправных действий, мы отметили, что значительное большинство молодых людей обеих категорий, никогда не совершали правонарушения.

Среди респондентов, посещавших УДО ранее (преимущественно совершеннолетнее население) отмечается наибольшая доля респондентов, совершавших небольшие административные правонарушения. Респонденты, никогда не занимающиеся в УДО, чаще прочих отмечают факт нарушения ими общественного порядка (драки, вандализм) и совершения правонарушений средней тяжести (кража, воровство, разбой).

Среди причин посещения УДО молодыми людьми, совершавших противоправные деяния, чаще, чем у законопослушных встречается «Меня туда «привели», потом втянулся» (39 % среди нарушавших общественный порядок и 31 % среди совершавших правонарушения средней тяжести). Учитывая тот факт, что данная причина отмечается у 37 % респондентов, поставленных на учет, можно предположить, что именно это в дальнейшем способствовало проявлению интереса у несовершеннолетних правонарушителей к деятельности УДО.

При сопоставлении ценностных ориентаций молодых людей с фактом совершения ими противоправных действий, было выявлено, что среди ценностей-целей молодых людей, не совершающих никогда правонарушения, либо совершавшие мелкие административные проступки, преобладают активная деятельная жизнь, здоровье, наличие хороших и верных друзей, развитие.

Для первой категории также характерна уверенность в себе, а вторая группа отличается выделением ценности свободы. Среди инструментальных ценностей эти категории выделили ответственность и рационализм. Причем группа лиц, не совершавших никогда правонарушения, также выделила ценность самоконтроля, а группа, совершавшая административные правонарушения – эффективность в делах.

Молодые люди, нарушавшие общественный порядок, характеризуются такими ценностями-целями как здоровье, материальная обеспеченность жизни и свобода. Для их достижения для них наиболее характерны: эффективность в делах и смелость в отстаивании своего мнения. Стоит отметить, что последнее встречается среди наиболее значимых качеств в перечне лишь этой группы, что может говорить о важности для ее представителей самореализации, потребность в которой не была удовлетворена социально-одобряемыми способами.

Респонденты, совершавшие правонарушения средней тяжести (кражи, воровство, разбой) поставленные на учет в детскую комнату милиции сравнительно недавно, характеризуются выделением таких ценностей-целей, как свобода, уверенность в себе, удовольствия, наличие хороших и верных друзей и материальное благополучие. Среди инструментальных ценностей у них преобладают независимость, эффективность в делах и твердая воля. Исходя из ценностей, можно сказать, что для этой группы характерно стремление к проявлению себя, демонстрации своей независимости и свободолобия. «Смотрите, что я могу» - вот кредо этой группы. Данную группу подростков сложно держать «в ежовых рукавицах», однако это необходимо для их же блага.

При сравнении несовершеннолетних правонарушителей, задействованных и незадействованных в деятельности УДО, было отмечено, что несовершеннолетние правонарушители, ныне задействованные в деятельности УДО (большинству из них было предложено вовлечение в деятельность УДО после постановки на учет в КДН, ПДН, ГОВ как дополнительная форма контроля, способ реализации личностных потребностей) характеризуются отличными от других респондентов ценностями.

При анализе данных было выявлено, что:

- 1) нарушавшие общественный порядок характеризуются такими ценностями-целями как: развитие, свобода, наличие хороших и верных друзей, продуктивная жизнь и крепкая семья;
- 2) для совершавших правонарушения средней тяжести важны: интересная работа, познание и развитие, продуктивная жизнь и наличие хороших и верных друзей, а также здоровье, крепкая семья и уверенность в себе.

Среди несовершеннолетних правонарушителей, никогда не посещавших УДО (не поставлены на учет, либо отказавшиеся от посещения УДО) выделяются следующие тенденции:

- 1) нарушители общественного порядка (драки, употребление алкоголя, вандализм) характеризуются такими ценностями-целями как: свобода и уверенность в себе, здоровье, материальное благополучие.

2) для респондентов, совершавших правонарушения средней тяжести, важны: свобода, удовольствие и активная деятельная жизнь.

Как видно из приведенных данных, правонарушители, задействованные в деятельности УДО, характеризуются стремлением к развитию, для них важны люди, окружающие их (друзья, семья), им необходимо реализовать себя как личность (продуктивная жизнь).

Правонарушители, не вовлеченные в деятельность УДО, характеризуются, в первую очередь, выделением свободы как базовой ценности. Для них важно удовлетворение своих личных потребностей (удовольствие или материальное благополучие). Среди доминирующих ценностей этой группы не представлены ценности, связанные с другими людьми (семья, друзья), что говорит об ориентации подростков этой группы исключительно на себя, на удовлетворение потребностей «здесь и сейчас», стремлению к свободе, независимости и отсутствию всякого контроля.

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность учреждений дополнительного образования помогает в формировании гуманистических ценностей молодых людей, способствует формированию у подростков системы ценностей, направленных на развитие и самосовершенствование, достижение намеченных целей социально-одобряемым способом; помогает сформировать у трудных подростков правильное представление о семье, друзьях, окружающей реальности; способствует успешному установлению контактов и развитию коммуникабельных способностей.

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 20.04.2016).
2. Жаровских, А. Понятие преступности несовершеннолетних / А. Жаровских // Молодой ученый. - 2014. - №4. - С. 838-840.
3. Яковлев В.А., Киселева Т.В. Влияние учреждений дополнительного образования на формирование и проявление подростковой агрессивности // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. - 2011. - № 1. - С. 70-75.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Маргулян Я.А. (Санкт-Петербург)

Важнейшим направлением деятельности государства, общественных объединений и организаций является осуществление долгосрочной стратегии развития человеческого капитала в России, включающей комплексное решение задач формирования нового качества жизни граждан страны, опережающее развитие науки, образования, здравоохранения, культуры по сравнению с другими элементами, обеспечивающими позитивную динамику экономического роста, создание комфортной среды обитания и нормальной экологии, социальную защиту наименее обеспеченных слоев населения, оказание им помощи и поддержки в условиях перехода страны к рыночным отношениям.

Такое развитие невозможно без использования социальных механизмов и технологий, способных своевременно устранять или локализовывать социальные риски, опасности и угрозы, применять соответствующие методы совершенствования интеллектуального потенциала общества, позволяя придать системе обеспечения социальной безопасности необходимый уровень эффективности с точки зрения сохранения гомеостаза общества.

Человеческий капитал представляет собой комплекс производительных способностей человека, включающий здоровье, интеллект, уровень образованности и способность к труду и желание трудовой деятельности (мотивация) [2]. Как совокупность интеллектуальных ресурсов, которые используются индивидом или организацией для получения дохода, сюда включаются [3, С.81]: компетенции персонала — особые сферы специального знания, особые способности, способности к обработке информации, сопереживание (эмпатия), способность создавать сети личных контактов и быть их активным участником; установки — поведенческие особенности, включая социальный интеллект, чувство безотлагательности, выносливость, стойкость; интеллектуальная гибкость — способность к инновациям, к имитации и адаптации.

В широком плане человеческий капитал можно рассматривать как важный фактор экономического и социального развития общества, обеспеченного интеллектом, здоровьем, знаниями, трудовой деятельностью и качеством жизни граждан страны. В качестве характеристики данного вида капитала часто используется уровень креативности и инновационности выполнения работ сотрудниками.

Развитие человеческого капитала осуществляется в процессе реализации социальной политики, выступающей как деятельность по управлению социальным развитием общества, совершенствованию его социальной сферы, улучшению функционирования соответствующих социальных институтов, среди которых наиболее значимую роль играют семья, собственность, система образования, наука, здравоохранение, культура, средства массовой информации, общественные объединения.

Механизм развития человеческого капитала включает множество различных компонентов. Он невозможен без экономического подъема страны, стабилизации политической системы общества, улучшения функционирования социальной сферы и социальных отношений в обществе, укрепления качества жизни населения, ликвидации межнациональных конфликтов и войн на территории государства, совершенствования правовых основ государства, защиты прав и свобод граждан, формирования национальной идеологии, направленной на сплочение российского общества на основе идей государственности, патриотизма, гуманизма, значимости культурных и национальных ценностей, исторических традиций, норм и правил, уважения человеческой личности, ее жизни, чести и достоинства.

Одним из наиболее приоритетных направлений социальной политики по обеспечению воспроизводства человеческого капитала выступает государственная политика в сфере образования и науки. Г.Беккер в своём фундаментальном труде «Человеческий капитал» сформулировал модель формирования человеческого капитала, в соответствии с которой работник с низким уровнем квалификации может увеличить свой капитал путем повышения уровня своих знаний и квалификации, и необразованность – это удерживающий фактор для роста экономики [1].

Государственная политика в сфере образования и науки включает в себя следующие направления: повышение уровня финансирования образования и науки в соответствии с мировыми стандартами; развитие системы непрерывного образования; проведение инновационной образовательной политики, направленной на сетевое взаимодействие всех субъектов единой образовательной среды; обеспечение равенства доступа к образованию различным социальным слоям населения; создание механизмов формирования целевых заказов государства, общества, бизнес-структур на подготовку и переподготовку профессиональных кадров различных профилей, уровней и специализации образования; преобразование ведущих вузов страны в учебно-научно-инновационные комплексы; усиление практической направленности процесса обучения, привлечение к образовательному процессу ведущих специалистов государственных предприятий, организаций и бизнес-структур; качественное изменение повышения квалификации и переподготовки кадров системы образования; создание единого информационного пространства для объективного представления студентам и выпускникам всех возможностей трудоустройства в данном регионе; внедрение эффективных инновационных образовательных технологий, обеспечивающих качество образовательного процесса; разработка и внедрение системы экономической мотивации труда работников образования и науки; осуществление перспективного экономического и программного анализа возможности многопрофильной подготовки кадров, готовых работать в новых условиях деятельности системы образования; формирование у государства приоритетного отношения к науке, обеспечение достойной оплаты труда преподавателей и ученых; компенсирование сокращения государственных ассигнований на науку путем налоговых льгот на инновационные инвестиции в сферу НИОКР.

Развитие человеческого капитала непосредственно зависит от реализации демографической политики государства, которая заключается в формировании в долгосрочной перспективе желательного режима воспроизводства населения. К числу основных направлений демографической политики относятся рождаемость и смертность населения. Предпринимаемые за последние годы меры по укреплению семьи и повышению рождаемости в стране не принесли желаемых результатов. Поэтому необходимы комплексные меры социально-экономического характера, позволяющие улучшить состояние дел в одном из наиболее фундаментальных социальных институтов общества. Сюда относятся: оказание финансовой помощи и поддержки семей, испытывающих жизненные трудности; обеспечение семей детскими дошкольными и школьными учреждениями; материальное поощрение и стимулирование деторождения; укрепление репродуктивного здоровья населения; предотвращение смертности, в первую очередь, в младенческих возрастах, среди подростков и лиц трудоспособного возраста; увеличение размеров пособий на детей для наиболее социально слабо защищенных категорий населения; оказание помощи в решении жилищной проблемы, особенно молодой семье; конкретно-адресная

социальная помощь нетрудоспособной или попавшей в неблагоприятную жизненную среду части населения.

Что касается увеличения продолжительности жизни, то в этой области основными направлениями являются: увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения за счет улучшения качества жизни, снижения преждевременной, особенно предотвратимой смертности; совершенствование пенсионного обеспечения пожилых людей и инвалидов; увеличение продолжительности здоровой (активной) жизни, путем сокращения заболеваемости, травматизма и инвалидности; профилактика заболеваний, расширение возможностей ведения здорового образа жизни, занятий спортом, туризмом и др.; улучшение качества жизни хронически больных и инвалидов, путем предоставления им условий для реализации имеющегося (остаточного) потенциала здоровья.

Социальная политика в области здравоохранения направлена на удовлетворение потребности населения в услугах сферы здравоохранения, отнесенной к предмету ведения муниципального образования, на уровне не ниже государственных минимальных социальных стандартов, выполнение которых законодательно гарантируется государством. В условиях кризисного развития российского общества и его экономики, сокращения бюджетного финансирования здравоохранения существенно возрастают правильно выбранные приоритеты развития данной сферы. Такими приоритетными направлениями выступают: обеспечение качественной медицинской помощью городского и сельского населения, в том числе и высокотехнологическими средствами; импортозамещение лекарственными препаратами и оборудованием органов здравоохранения; сохранение принципов общедоступности удовлетворения медицинских и фармакологических потребностей населения; соблюдение гарантий предоставления объемов медицинских услуг и качестве лечения в соответствии со складывающимся спросом населения на лечебно-профилактические, оздоровительные, медико-диагностические и другие виды услуг в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования; создание условий для профилактической охраны здоровья граждан с соответствующим перераспределением финансовых средств из стационарного в амбулаторно-поликлинический сектор.

Социальная защита населения является важным направлением укрепления человеческого капитала и обеспечения социальной безопасности общества. Она направлена на обеспечение материальной основы существования граждан в случае возникновения у них ситуации постоянной (временной), полной или ограниченной невозможности иметь трудовой доход. Сложность социально-экономического положения страны диктует необходимость определения иерархии программ, выделение важнейших приоритетов и главных объектов социальной защиты, поскольку ограниченность ресурсов, выделяемых в социальную сферу не позволяет в равной мере успешно развивать все необходимые программы.

Эффективность организации системы социальной защиты населения в значительной степени зависит от уровня экономического и социального развития региона, степени остроты и настоятельности решения в нём социальных проблем, поскольку именно тенденция активной регионализации, т.е. переноса центра тяжести в решении практических задач социальной защиты населения в регионы, становится доминирующей в социальной политике государства.

Таким образом, человеческий капитал как совокупность интеллектуальных ресурсов общества выступает важным фактором экономического и социального развития государства. Его воспроизводство обеспечивается в процессе реализации социальной политики и включает образовательное, медицинское, демографическое развитие и социальную защиту населения.

1. Довбенко, М.В. *Современные экономические теории в трудах нобелиантов* / М.В.

Довбенко, Ю.И. Осик. – Академия естествознания, 2011.

2. Жулина, Е.Г. *Экономика труда: учебное пособие* / Е.Г. Жулина. – М.: Эксмо, 2010. – 208 с.

3. Руус Й., Пайк С., Фернстрём Л. *Интеллектуальный капитал: практика управления* / пер. с англ., под ред. В. К. Дерманова.: Высшая школа менеджмента СПбГУ 2-е изд. СПб.; Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат. дом. С.-Петербург. ун-та, 2008.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Маркасова О.С. (Могилёв, Республика Беларусь)

В условиях существующей действительности довольно остро стоит проблема сохранения человеческого и, соответственно, повышение репродуктивного потенциала. Именно человеческий потенциал страны определяет дальнейшее ее развитие, экономическую стабильность, и в целом существование государства.

Наиболее явно на демографический потенциал страны, который является основой человеческого потенциала, влияет изменение такой характеристики как численность населения. Сокращение численности населения в нашей стране обусловлено, главным образом, снижением рождаемости. К снижению рождаемости привели различные причины социально-экономического характера, однако главную роль сегодня играет установка на «планирование семьи», которое предполагает использование контрацепции как таковой, контрацептивных средств с abortивным действием [1] и непосредственно abortы.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию на примере данных Республики Беларусь. За 2013 год в Беларуси было проведено немного более 31 тысячи abortов, 481 тысяча женщин имела внутриматочные спирали, гормональные контрацептивы использовали 452 тысячи женщин [2, С. 186]. Таким образом, почти половина женщин (41%) репродуктивного возраста не участвуют в воспроизводстве населения, и данная тенденция наблюдается уже не один год [2, С.67].

Поэтому для изменения ситуации в лучшую сторону необходимо учитывать следующие факторы повышения репродуктивного потенциала современной семьи.

Помощь беременным женщинам. Положительную роль здесь играют: повсеместное преabortное консультирование, открытие центров помощи беременным женщинам, оказавшимся в трудной ситуации. В 2014 году в республике начато было проведение масштабных профилактических акций «В защиту жизни». По результатам проведения мероприятий акции и преabortного консультирования 20-23% женщин приняли решение сохранять беременность [3].

Ориентация на сохранение жизни со стороны врачей. Должно быть понимание, что abort – это убийство, в первую очередь у врачей, которые имеют дело с беременными женщинами. Ведь именно врач призван сохранять жизнь человека и лечить, а не помогать одному человеку, избавляться от другого. Ведь именно врачам, как никому другому известно, что на самом деле скрывает за собой понятие «abort», что происходит с ребенком во время abortа и кто этот «abortивный материал». Но врачи относятся зачастую к abortам, как к работе, привыкают, стараются абстрагироваться от ситуации. Только недавно была предоставлена возможность врачам отказываться совершать данную процедуру.

Возможно, некоторые медицинские работники и объясняют, что значит abort, к каким последствиям он ведет, но ведь некоторые наоборот – рекомендуют прервать беременность в случае даже минимального риска для здоровья женщины, если вообще есть этот риск.

В Дублине в сентябре 2012 года прошел Международный симпозиум, в котором приняло участие около 140 профессионалов в области медицины, включая экспертов в области акушерства и гинекологии, психического здоровья и молекулярной биологии. В ходе симпозиума участники были ознакомлены с данными новых исследований по проблемам материнского здоровья. Особое внимание уделялось темам беременностей высокого риска, онкологическим заболеваниям при беременности, аномалиям развития плода, проблемам психического здоровья и материнской смертности [4]. На симпозиуме была представлена и подписана Дублинская Декларация об охране материнского здоровья, в которой сказано: «Как опытные практики и исследователи в области акушерства и гинекологии, мы утверждаем, что прямой abort – преднамеренное лишение нерожденного ребенка жизни – не является, с медицинской точки зрения, необходимым для спасения жизни женщины. Мы заявляем, что существует основополагающее различие между abortом и необходимым лечением, осуществляемым ради спасения жизни матери, даже если такое лечение приводит к гибели ее нерожденного ребенка. Мы подтверждаем, что запрет abortов никоим образом не влияет на доступность беременной женщине наилучшей медицинской помощи» [5].

В Беларуси же среди медицинских показаний, кроме всех прочих, имеются и такие: глухота (глухонемота), ампутация руки или ноги (кисти или стопы), физиологическая незрелость организма (возраст до 18 лет), а также угасание функции репродуктивной системы женщины (возраст 45 лет и старше) [6]. То есть к медицинским показаниям для abortа причислены и те, при

которых женщина может родить абсолютно здорового малыша, не причинив даже вред своему здоровью, не говоря уже о выборе между жизнью или смертью. Но ведь любая мать готова даже и жизнью своей рисковать при какой-либо опасности, грозящей ее уже рожденному ребенку, а почему-то малыша в утробе готова дать на растерзание врачам, которые устрашают «фактами».

Духовно-нравственное воспитание. Конечно, существует материальная поддержка многодетных семей и конечно это нужно, но материальная составляющая относительна и не всегда эффективна.

Наряду с материальными стимулами населения в репродуктивном возрасте, должно быть и духовно-нравственное воспитание молодежи и детей, причем начиная с раннего детства. Так, например, все дети смотрят мультфильмы, а они также по-разному могут влиять на дальнейшее развитие репродуктивных установок. Российскими исследователями проводился анализ содержания иностранных мультфильмов, на предмет образа женщины, ее поведения, внешности, отношения к мужчинам, к детям. Авторами был сделан вывод о том, что «героини большинства американских мультфильмов сконструированы таким образом, что систематический просмотр детьми лент с их участием ведет к угасанию функции продолжения рода. Достигается это так: образ женщины лишается романтики путем наделения его взрослым реализмом, физиологичностью и жестокостью, попутно высмеиваются традиционные для российского общества женские качества: целомудрие, застенчивость, бескорыстие, скромность, материнство как таковое» [7]. То есть необходимо тщательнейшим образом отбирать мультфильмы, которые будут смотреть дети.

Что касается молодежи, то необходимо ввести среди прочих курс «О начале человеческой жизни и сущности аборт и abortивной контрацепции» для учащихся и студентов, средних и высших учебных заведений.

Однако основополагающим мероприятием для увеличения рождаемости, является возврат к традиционным ценностям, сформированным в православии. Где главным мотивом для рождения детей остается «сколько Бог даст», а не «планирование своей семьи» с помощью посторонних организаций, преследующих свои цели.

Законодательная защита государством человеческой жизни с момента зачатия. На сегодняшний день в республике, сократили перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности на позднем сроке (12-22 недели) до двух: наличие решения суда о лишении родительских прав; беременность, наступившая в результате изнасилования [8]. Но до 12 недель можно делать аборт по любой причине, а кроме того на любом сроке можно делать аборт по медицинским показаниям. Среди медицинских показаний для аборта имеются и только возрастные: до 18 лет и после 45 лет. Хотя при статистических расчетах репродуктивным возрастом принято считать возраст с 15 до 49 лет. То есть, с одной стороны, мы говорим о необходимости борьбы с демографическим кризисом, а с другой – на уровне государства предлагается женщине сделать аборт только из-за возраста, и это будет считаться медицинским показанием. А ведь еще не так давно во второй половине 19 века социальная норма для возраста вступления в брак, и как следствие для беременности, начиналась с 16 лет [9].

Государство должно признать начало жизни человека с момента зачатия и, соответственно, необходимость защищать малыша, находящегося в утробе матери, как и любого другого члена общества.

На наш взгляд, для решения вопроса воспроизводства населения Республики Беларусь, и, соответственно, выхода из демографического кризиса, необходим полный запрет абортов и контрацепции abortивного действия. Наряду с запретом законодательно нужно донести до сознания людей, что аборт – это убийство. Нужно понять каждому: все, что нужно, чтобы «оплодотворенная клетка» (по сути, это уже и есть человек, только очень-очень маленький) «стала ребенком», также как и для того, чтобы только родившийся ребенок стал взрослым человеком – это время и питание.

1. Abortивное действие средств контрацепции. Потиха В. В., Фокин А. А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://azbyka.ru/zdorovie/abortivnoe-dejstvie-sredstv-kontracsercii>, (дата доступа 17.07.2015).

2. Статистический ежегодник 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_528/ (дата доступа 01.04.15).

3. 15 мая в Беларуси отмечается Международный День семьи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/ru/news?id=1061> (дата доступа 21.07.15).

4. Дублинская Декларация об охране материнского здоровья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.familypolicy.ru/read/1471> (дата доступа 15.07.15).
5. Дублинская Декларация об охране материнского здоровья (Сентябрь, 2012). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dublindex.declaration.com/> (дата доступа 15.07.15).
6. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 07.02.2007 № 15 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 60» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2007-70/2007-70\(099-119\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2007-70/2007-70(099-119).pdf) (дата доступа 18.07.15).
7. О вреде иностранных мультимедиа. А.Леонов, С. Игнатов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ok.ru/video/46273923584> (дата доступа 18.07.15).
8. В Беларуси отменили большинство социальных показаний для абортов на позднем сроке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/v-belarusi-otmenili-bolshinstvo-sotsialnyh-pokazanij-dlja-abortov-na-pozdnem-sroke-65241-2013> (дата доступа 22.07.15).
9. Брачность в России: история и современность. Захаров С. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/11/02/demoscope261/>, (дата доступа 26.03.15).

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ: ГОСУСЛУГА ГЛАЗАМИ БЕЗРАБОТНЫХ ЖЕНЩИН **Масленцева Н.Ю. (Екатеринбург)**

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики на февраль 2015 года численность экономически активного населения составила 75,8 млн. человек. Среди них безработными согласно критериям МОТ (не имеют работы или доходного занятия, ищут работу и готовы приступить к ней) являются 4,4 млн. человек. Уровень безработицы в феврале 2015г. составил 5,8%. Среди безработных доля женщин составила 44,6 %. Согласно статистике с декабря 2014 года количество женщин увеличилось с 4,8 до 5,4 [1]. Женщины являются наиболее уязвимыми слоями населения в вопросах трудовой занятости. Основные проблемы трудоустройства женщин чаще всего рассматриваются с позиции возраста, образования и семейного положения. К исследованию адаптации, ее способов и специфики женского совладания с трудностями поиска работы, начиная с конца 1990-х – 2000-е обращались А.В.Абрамова, Е.И.Береговая, Е.С. Голосова, А.Н. Дёмин, О.С. Кошевой, Т.Л. Миронова, И.П. Попова, Г.Б. Романовский, О.В. Самарина, А.А. Симакова, Е.Н. Соловьева, Е.С. Тарханова, А.Л. Францева, П.А. Чукреев и др.

Между формальным курсом на демократизацию российского общества и фактической дискриминацией женщин в сфере труда и занятости сложилось глубокое противоречие. В основе дискриминационных действий насилие над личностью женщины влечёт за собой перемены в ролевых функциях женщин. Гендерная сегрегация в сфере труда способствует низкому профессиональному статусу женщин, ограничению самореализации, феминизации бедности, ухудшению социального самочувствия и благополучия [2].

В условиях резкой дифференциации российского общества, появления проблем, связанных с безработицей, высоким уровнем бедности, женщины ищут возможности для самореализации, самообеспечения. Трудности в адаптации женского социума заключаются в том, что женщины преимущественно имеют профессии не пользующиеся спросом на рынке, и менее предрасположены к рыночной деятельности и конкуренции, более болезненно отказываются от прежней системы ценностей и приобщаются к новой, пассивно воспринимают существующий на данном этапе порядок вещей. Большинству женщин не хватает уверенности в себе, навыков самопредставления, коммуникативных компетенций, помогающих активному поиску работы и успешному трудоустройству.

Социальная адаптация на рынке труда — это государственная услуга службы занятости, результатом предоставления которой является получение гражданином навыков самостоятельного поиска подходящей работы, составления резюме, проведения деловой беседы с работодателем, самопрезентации [3].

Услуга социальной адаптации предоставляется безработной женщине в нескольких случаях: женщина ранее не работала, т.е. впервые ищет работу; женщина желает возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва; состоит на учете в органах службы занятости срок более 6 месяцев; не в состоянии выполнять работу по прежней

профессии (специальности); находится в трудной жизненной ситуации; испытывает трудности в поиске работы.

В соответствии с федеральным государственным стандартом оказание услуги строится по следующему алгоритму [4]. Специалист службы занятости собирает и анализирует информацию о безработной женщине, затем клиентку информируют о порядке предоставления государственной услуги, формах и графике ее предоставления, а также направлениях социальной адаптации. Обязательным является проведение тестирования по методикам с учетом выбора безработной формы его проведения. Методики выбираются специалистами Центра занятости из существующих и созданных специально для этих целей. Материалы тестирования обрабатываются, проводится анализ результатов тестирования и формируется план проведения занятий по социальной адаптации. В процессе консультирования специалистом выявляются причины трудностей в поиске подходящей вакансии и совместно разрабатывается план работы [5]. В задачи социальной адаптации входят: обучение методам, способам, технологиям поиска работы, технологиям составления индивидуального плана самостоятельного поиска работы с указанием конкретных шагов по поиску работы, их целей и результатов, предлагаются рекомендации по самостоятельному поиску работы.

В задачи консультанта по адаптации входит обучение навыку составления резюме с дальнейшей самостоятельной подготовкой клиенткой своего собственного, проверкой и отправкой потенциальным работодателям. В комплекс социально-адаптационных услуг помимо всего прочего входит обучение женщин навыкам проведения переговоров с работодателем по вопросам трудоустройства с помощью различных средств связи: телефонной, видеосвязи с использованием сети Интернет, личного обращения.

Регламент услуги включает и проведение тренингов собеседования с работодателем с последующим обсуждением его результатов, рекомендаций конструктивного делового общения, делового имиджа, самопрезентации. Женщинам даются рекомендации по совершенствованию навыков самопрезентации. Услуга может быть оказана как индивидуально, так и в группе, что предполагает организацию на базе центров занятости клубной формы работы. Главными задачами клубов являются обеспечение безработных информацией о рынке труда, обучение навыкам поиска работы и оказание помощи в практическом применении полученных навыков в целях минимизации сроков поиска подходящей работы. В основу созданных клубов была положена канадская модель, получившая в настоящее время широкое распространение во многих европейских странах. Региональные службы занятости проводят адаптацию программ в соответствии с местными условиями.

Поддержка безработных, обучающихся в клубах, проводится, главным образом, с помощью приемов и методов социально-психологического тренинга, направленных на снятие тревоги и напряженности, осознание своих потенциальных возможностей, овладение умениями и навыками, необходимыми для обеспечения трудоустройства.

В апреле 2016 г. проводилось интервью клиенток одного из Центров занятости г. Екатеринбурга. Поскольку оказание услуги по социальной адаптации входит в обязательный перечень услуг, оказываемых Центром занятости населения безработным гражданам, в том числе и женщинам, интерес представляла востребованность и оценка оказываемой социальной услуги. В исследовании участвовали женщины, пришедшие на прием к специалистам Центра занятости, которым было предложено ответить на вопросы в соответствии с формализованным опросным листом. Общее количество опрошенных - 50, возраст – от 22 до 58 лет. Более половины обратившихся молодые женщины, занимающиеся активным поиском работы и осознавшие необходимость государственной профессиональной социальной поддержки. Меньше всего (шестеро), в числе обратившихся за помощью, женщин предпенсионного и пенсионного возраста, поскольку вероятно этот возраст рассматривается как самой женщиной, так и большинством работодателей как неперспективный с точки зрения поиска работы и предполагает менее активные (в отличие от молодых) стратегии, включающие в том числе и выход на пенсию. «Возрастные» женщины чаще стремятся сохранить уже имеющуюся работу или, пользуясь личными связями искать ее, минуя государственную службу занятости. Одни используют появившееся свободное от трудовой занятости время для того, чтобы подлечиться, другие – чтобы, сделать в квартире ремонт, третьи начинают больше уделять внимания детям и семье. Некоторые женщины окончательно погружаются с головой в семейные заботы или натуральное хозяйство и не спешат возвращаются к трудовой деятельности.

Подавляющее большинство опрошенных женщин (45 из 50) испытывают трудности в самостоятельном поиске работы и считают свои знания и навыки недостаточными для поиска работы, половина признались в неумении составлять резюме и пользе практических рекомендаций, что подтверждает необходимость и актуальность услуги по социальной адаптации.

При оказании услуги важно учитывать такую характеристику как удовлетворенность клиентом оказанной услугой. Согласно результатам исследования, 42 из 50 воспользовавшиеся услугой по социальной адаптации клиентки, оказались удовлетворены ее оказанием, за исключением тех, кто снизил оценку услуги за счет ее неудобства по времени, сложности восприятия получаемой информации. Весь процесс оказания услуги от начала сбора информации до практических советов по самопрезентации, имиджу и стилю, написанию и оценке резюме клиентки Центра оценили положительно, о чем можно судить также по подготовленным по оказанию работы резюме, которые каждая третья отправила потенциальным работодателям. Спустя два месяца, треть женщин, участвовавших в исследовании трудоустроилась, что также показывает значимость обучения адаптации поиска работы, как услуги для безработных женщин. Все женщины по окончании тренингов отметили повышение уверенности в собственных силах, ценность приобретенной информации и готовность максимальной активизации усилий в процессе трудоустройства. Мониторинг удовлетворенности оказанной услугой должен проводиться постоянно и корректировать работу специалистов Центра для поддержания услуги на качественном уровне. Люди, попадая в одну и ту же ситуацию, выстраивают по разному свое поведение, по своему адаптируются к сложившейся ситуации. Задача профессиональных консультантов направить женщину к состоянию адаптированности конструктивным способом и поддержать в обретении уверенности в себе и своих профессиональных знаниях и навыках.

1. *Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>*
2. *Францева А.Л. Социальная адаптация женщин на рынке труда в условиях трансформирующегося российского общества (на материалах республики Бурятия): Автореф. дис. ... канд.соц.наук / ВСГТУ. Улан-Удэ, 2004. 29 с.*
3. *Административный регламент предоставления государственной услуги по социальной адаптации безработных граждан на рынке труда утвержден приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 7 июня 2007 года № 400.*
4. *Федеральный государственный стандарт государственной услуги по социальной адаптации безработных граждан на рынке труда. Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 9 января 2013 года № 3н.*
5. *Демин А.Н., Попова И.П. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации. 2000. С. 35-46 // Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/499/012/1220/006.DIOMIN.pdf>*

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СРАВНЕНИИ С СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ОКРУГОМ И РОССИЕЙ

Матвеева М.Е. (Санкт-Петербург)

Образование - единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции, определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. [1].

Все мы осознаем, что судьба государства находится в прямой зависимости от состояния образования. Если государство стремится к развитию, то образование должно стать одним из важных приоритетов в обществе. Качество образования сказывается на умственных возможностях подрастающего поколения, а также на общем будущем страны.

Сегодняшняя система образования переживает нелёгкие времена. Кризис традиционной российской системы образования, внедрение в учебный процесс европейских тенденций. Иной раз инновации не адаптированы под российский менталитет. Низкая практическая направленность образования, недостаточный уровень финансирования, слабая преемственность между уровнями образования, слабое законодательство в сфере образования – все эти проблемы присутствуют фактически на каждом уровне системы, и их решение – это ключевая задача России.

В ходе статистического анализа данных в сфере образования Ленинградской области в сравнении с Северо-Западным округом и Россией были использованы следующие показатели:

- Число дошкольных образовательных организаций и численность воспитанников в них;
- Охват детей дошкольными образовательными организациями
- Число общеобразовательных организаций (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций);
- Численность обучающихся общеобразовательных организаций (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций);
- Удельный вес обучающихся государственных и муниципальных общеобразовательных организаций (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций), занимающихся во вторую и третью смены;
- Выпуск обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными организациями (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций);
- Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, служащих
- Число студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих;
- Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена;
- Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена;
- Число образовательных организаций высшего образования;
- Численность студентов обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры. [2].

Для проведения анализа были использованы основные показатели образования за последние 10 лет: с 2005 по 2014 г.

В ходе статистического анализа были сделаны следующие выводы:

Одним из первых выводов, является то, что происходит уменьшение числа дошкольных учреждений. При сохраняющейся тенденции к сокращению детских садов в России/Регионе/Округе, с 2007 года начинает наблюдаться дефицит мест в дошкольных образовательных организациях.

Сокращение детских дошкольных учреждений можно обосновать тем, что в 90-е годы в России происходило множество кризисных явлений, определяющиеся условиями и трудностями, например такими как: падение реальных доходов, нарастание масштабов бедности, рост неравенства, высокий уровень безработицы, сокращение объема социальных гарантий и бесплатных услуг в здравоохранении и образовании. Была низкая рождаемость, поэтому строительство детских садов было не востребованным.

Но сейчас, когда государство активно пытается стимулировать и поддерживать рождаемость по средствам различных пособий, выплат, льгот, численность детей растет, но мест в детских садах с каждым годом не хватает.

С общеобразовательными учреждениями происходит следующая ситуация:

Число школ с каждым годом уменьшается как в России, так в регионе и округе. Закрытие школ обосновано: численность школьников уменьшается.

Но мы должны понимать, в будущем, мы можем столкнуться с такой проблемой как нехватка школ.

Последний вывод, касается профессионального образования. Число учреждений Высшего профессионального образования и Начального профессионального образования уменьшаются в пользу Среднего профессионального. Это подтверждается числом учреждений и численностью студентов в данных учреждениях.

Обращаем ваше внимание, что на сегодняшний день всё меньше школьников остаётся до 11 класса. В 2014 в 2 раза меньше, чем в 2005. Только 30% всех учеников идут в 11 класс. Остальные уходят. Можно предположить, что это происходит потому, что многие не хотят сдавать ЕГЭ, они считают, что после техникума проще сдать вступительные экзамены и поступить в ВУЗ.

В заключении, хотелось бы сказать, что ситуация в сфере образования примерно одинакова на всех уровнях: В России, в Северо-Западном федеральном округе и Ленинградской области.

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон РФ от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. - Режим доступа :<http://www.gks.ru>, свободный. (дата обращения: 10.09.2016).

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Махиянова А.В. (Казань)

В статье представлены результаты прикладного социологического исследования, проведенного в Республике Татарстан с использованием квотной выборки. По итогам исследования проводится сравнительный анализ ответов респондентов в зависимости от их гендерной принадлежности в отношении материального положения своей семьи и российских семей в целом. Дается оценка таких потребительских возможностей как покупка крупных покупок для дома, оформление кредитов и откладывание сбережений. Представлен прогноз мужчин и женщин относительно развития экономических условий и политических процессов в нашей стране.

The article presents the results of application of sociological research conducted in the Republic of Tatarstan using quota sampling. The study presents a comparative analysis of responses depending on their gender identity in relation to their material situation of the family and Russian families as a whole. The estimation of consumption possibilities as buying large purchases for the home, design credits and shelving savings. Presented outlook of men and women with respect to the development of economic conditions and political processes in our country.

В данной статье представлены результаты социологического исследования, которое было проведено в Республики Татарстан. Объем выборочной совокупности составил 1400 респондентов. В опросе приняли участие жители старше 18 лет. Использовалась квотная выборка, основные пропорции которой соответствуют социально-демографическим показателям населения [1]. Из общего объема опрошенных были отобраны две целевые группы: мужчины и женщины.

Согласно полученным данным каждый второй респондент вне зависимости от гендерной принадлежности утверждает, что материальное положение его семьи за последний год осталось без изменений (50,6 % у мужчин и 49,2 % у женщин). Об улучшении заявили 39,2 % к 41,5 % опрошенных женщин, тогда как об ухудшении – 10,2 к 9,4 % соответственно.

Прогноз относительно изменений в материальном положении семьи на будущий год показывает, что женщины чаще демонстрируют веру в его улучшение (40,7 к 38 % у мужчин). Среди них также меньше тех, кто говорит об ухудшении (11,8 к 10 % у мужчин). Зафиксировано примерно схожее число сторонников того, что оно останется без изменений (49 к 49,8 % соответственно).

Относительно материального положения россиян, анализируемые группы проявили единодушие. В обеих лидировало мнение, что оно останется без изменений (57,5 у мужчин и 57,1 % у женщин). При этом по общему массиву в два раза меньше оптимистов (23,9 к 25,8 %), тогда как соотношение пессимистов составило 18,4 к 17,2 % опрошенных соответственно.

Анализ ответов по поводу того, как изменится материальное положение россиян в ближайшие 5 лет, показал, что как мужчины, так и женщины убеждены, что оно останется на прежнем уровне (43,1 к 42,3 %). У женщин в данном вопросе уровень оптимизма был незначительно выше (36,1 к 34 %) Пессимистическую точку зрения чаще демонстрировали мужчины, чем женщины (22 к 18 % соответственно).

Если говорить о крупных покупках для дома (мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор), то стоит отметить, что доля тех, кто полагает, что сейчас хорошее время для их совершения, среди мужчин превышает долю женщин (37,5 к 34 %). Среди мужчин ниже процент тех, кто считает данное время исключительно плохим (10,4 к 8 %). При этом каждый второй респондент вне зависимости от пола считает его в чем-то хорошим, но в то же время в чем-то плохим (51,6 к 56 % у женщин).

Схожая картина получилась в оценке возможности брать кредиты. Женщины чаще проявляют убежденность, что данное время является плохим (39,2 к 37 % у мужчин), и реже называют его хорошим (20,2 к 16,1 %). Соотношение тех, кто назвал время для кредитования и не хорошим и не плохим, составило 42 к 44,9 % соответственно.

Оценка возможности делать сбережения не зависела от гендерной принадлежности респондента. Лидировало мнение, согласно которому данное время признавалось и не хорошим и не плохим (39,5 % у мужчин и 39 % у женщин). Каждый третий назвал его хорошим, а каждый четвертый плохим (35 к 35 % и 25,5 к 26 % соответственно).

Достаточно интересная картина получилась в вопросе, который призван был выявить соотношение роли собственных усилий и внешних обстоятельств в обеспечении социально-экономического положения респондента на сегодняшний день. Согласно полученным данным каждый второй респондент вне зависимости от гендерной принадлежности приравнивает воздействие внешних обстоятельств и собственных сил (51,8 и 51,6 % у женщин). Каждая третья респондентка убеждена, что ее материальное положение по преимуществу зависит от внешних обстоятельств, тогда как среди мужчин так думает только каждый четвертый опрошенный (30,4 к 26,2 %). Возлагают ответственность на себя 21,9 % мужчин и 18 % женщин.

При оценке экономической ситуации в республике приоритет внешним обстоятельствам поддержала четверть мужчин и женщин (24,3 и 24,9 %). Соотношение тех, кто поставил ее в зависимость от жителей и местного руководства, составило 27,2 к 29,1 % соответственно. Выбрали промежуточный вариант также примерно равное число респондентов (48,3 и 46 % соответственно).

Картина оценки социально-экономического положения России в целом выглядит следующим образом. Каждый второй житель вне зависимости от гендерной принадлежности оценил экономическое положение России как среднее (50,7 у мужчин и 55,5 % у женщин), каждый четвертый – как хорошее (28,6 к 28,2 %), каждый десятый – как плохое (12,5 к 8,4 % соответственно). Очень хорошим данное положение считают 7 % мужчин и 7,5 % женщин.

При ответе на вопрос: «Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России?» лидировали такие варианты, как спокойная» (44,7 у мужчин и 43,3 % у женщин) и «напряженная» (38,1 и 38,9 %). Каждый десятый респондент считает ее благополучной (12,5 к 13,9 % соответственно), тогда критической ее называют 1,6 и 3,9 % участников опроса.

Схожее единодушие присутствовало в оценке дел России. Более две трети населения считают, что ее развитие идет в правильном направлении (81 у мужчин к 82,9 % у женщин). О неправильности направления говорят 18,5 и 15,3 % опрошенных соответственно.

Относительно прогнозов экономического и политического развития страны картина выглядит следующим образом. В экономике, как мужчины, так и женщины ожидают некоторого улучшения (47,8 к 49,9 %). Треть опрошенных убеждены, что произойдет ухудшение (36,4 и 35,8 %), одна десятая часть, что значительное улучшение (10 и 12,1 %). При этом только 5,6 % мужчин и 2,2 % женщин прогнозируют значительное ухудшение экономической ситуации.

В оценке изменений относительно политической жизни соотношение ответов несколько иное. Большинство, как мужчин, так и женщин демонстрируют уверенность в некотором улучшении политической жизни (53,5 к 53,6 %). Некоторое ухудшение ожидает каждый четвертый опрошенный (28,6 к 26,5 % соответственно). При этом среди мужчин меньше сторонников того, что в политике в ближайшее время произойдет существенное улучшение (15 к 18,3 %). Значительное ухудшение прогнозируют 2,5 и 1,6 % респондентов соответственно.

Таким образом, как у мужчин, так и у женщин, доминирует мнение об отсутствии изменений в материальном положении их семьи за последний год, хотя женщины проявили большую веру в его улучшение в ближайшее время. При этом вне зависимости от гендерной принадлежности респондентов для них было свойственно более высоко оценивать свое материальное положение по сравнению с материальным положением россиян в целом.

Итоги исследования выявили тенденцию, согласно которой у мужчин отмечен более высокий уровень потребительской способности. Они выше оценивают свою возможность совершать крупные покупки и более кредитоспособны. При этом, как мужчины, так и женщины в своем большинстве оценивают время для откладывания сбережений нейтрально, отмечая наличие положительных и отрицательных аспектов.

Среди женщин больше тех, кто отдает роль внешним обстоятельства в определении своего материального положения. В оценке экономики России у респондентов обеих гендерных групп лидируют средние значения. Схожее мнение присутствует в оценке дальнейшего развития экономической ситуации и политических процессов, в котором доминирует настрой на их улучшение.

СЕМЬЯ-БАЗОВАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВА

Медова Х.В. (Назрань)

Как известно, крепкая, здоровая семья это одна из основ любого государства, залог его стабильности и перспектив развития. Действительно, семья, являясь ячейкой общества изначально формирует внутри себя мировоззрение, ценностные ориентиры и коммуникативные навыки молодого поколения, детей. Этим самым каждая семья в отдельности участвует в воспитании и создании будущего общества, будущего города, региона, страны. Здоровье семьи, крепость брака, счастье детей – это как лакмусовая бумажка, показатель жизни в государстве, материал для анализа ситуации в настоящем и повод задуматься о будущем. Скрупулезное изучение всех аспектов жизни семьи, ее трудностей и реалий – одна из главных задач социологии. Тем самым, социология помогает ретроспективно посмотреть на изменение картины любого процесса, происходящего в обществе, объективно оценить реальное положение дел и спрогнозировать последствия в будущем.

Исторически так сложилось, что народы России, вне зависимости от их вероисповедания, всегда придерживались традиционных представлений о семье, детях, браке и крепости брака. Именно брак на протяжении многих столетий был связующим, объединяющим большие патриархальные семьи фактором. Значимость брака подчеркивается многочисленными письменными источниками Древней Руси и времен средневековья («Домострой»), в которых уделяется первостепенное значение семье. Со временем под влиянием обстоятельств и вызовов большая патриархальная семья распалась на малую нуклеарную семью. Изменилось отношение и значение брака, появились новые виды брачных союзов. В современный обиход прочно вошло такое понятие как «развод».

В Российской Империи до революции 1917 года понятие развода существовало как крайняя мера. Развод воспринимался и расценивался как нечто экстраординарное. В первые годы советской власти с демократизацией законодательства развод был узаконен. При этом церковный брак был отменен. Постепенно понятие «развод» трансформировалось и к сегодняшнему дню оно уже неотъемлемый спутник понятия «брак».

С сожалением можно констатировать – на сегодняшний день Российская Федерация входит в «десятку» стран с самым высоким уровнем разводов. По данным Росстата: на 2013 год – зарегистрировано браков – 218.070; зарегистрировано разводов – 157.065. А уже по данным за 2014 год картина немного другая – зарегистрировано браков – 207.825; зарегистрировано разводов – 172.310.

Как видно из опубликованных данных, имеется тенденция к снижению браков и увеличению числа разводов по стране. Сразу необходимо отметить что данные представлены в целом по стране, и процентные соотношения могут резко отличаться в зависимости от региона. Так лидерами (а точнее сказать анти-лидерами) этого рейтинга специалисты отмечают – Ленинградскую, Магаданскую и Кировскую области. Регионы с наименьшими же показателями разводов на каждую тысячу регистраций браков традиционно – республики Северного Кавказа – Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Дагестан.

Но давайте вернемся от сухих статистических данных к реальной жизни. Что же на самом деле происходит в обществе? Почему браки регистрируясь так легко в последствии распадаются (о чем говорят цифры)? Какие трудности испытывают новосозданные семьи? Ответить на эти вопросы и направлены многочисленные статистические исследования последних лет.

Как отмечают исследователи, занимающиеся проблемами семьи, самыми сложными являются первый год, в некоторых случаях первых два года совместного проживания. Основной причиной конфликтов и последующих разводов является конечно быт. Быт в широком понимании этого слова – под этим можно рассматривать и отсутствие своей жилплощади у молодой семьи, и трудности связанные с рождением и уходом за ребенком, естественно финансовые трудности. Над анализом этих проблем работают не только ученые социологи, но и психологи, экономисты, юристы, правоведы, специалисты из исполнительных органов власти и правительства. Некоторым ответом и путем решения проблем не так давно стали государственные программы ипотеки, материнского капитала.

Но что еще кроме бытовых трудностей и возможных неудобств вынуждает людей сделать тот шаг от любви до ненависти? Над этим вопросом очень давно работают психологи, изучающие семейные отношения, поведения в браке. По их словам – быт, бытовые трудности лишь спусковой

крючок, зачастую предлог для начала процесса разлада, ссор и развода. В большинстве своем все это связано с нетерпимостью людей друг к другу. Но как так? Возникает законный вопрос – ведь это вчерашние двое влюбленных людей, связавшие свою жизнь брачным союзом? Ответ кроется в психологи современной молодежи. Некоторые социологи и психологи прямо заявляют об эгоизме. Действительно, в ходе множества опросов, удалось выяснить и составить перечень самых распространенных причин разлада: практическая неготовность к семейной жизни, раздражение своим супругом/супругой, его/ее поведением (отношением), отсутствие общих интересов или ценностей, отказ или уход одного из супругов от помощи по дому, воспитанию и уходом за ребенком/детьми.

Интересно рассмотреть изменение отношения мужчины к своей супруге с изменением ее статуса в обществе. Подобную проблему очень подробно описал психолог Н.И. Козлов. В современном мире женщины зачастую занимают руководящие, ответственные посты, выполняют работу, которую раньше считали мужской. Многие женщины зарабатывают больше своих мужей, это также больно бьет по уязвленному самолюбию супругов и не все могут с этим справиться.

Отдельной пунктом в списке причин развода является фактор супружеской неверности. Данная причина часто фигурирует в ответах респондентов как решающая для развода или как минимум для расставания. Причем одинаково негативно и нетерпимо в своих ответах к ней относятся как мужчины, так и женщины. Выяснить реальный процент распавшихся браков по этой причине конечно же невозможно, но свою, пусть и не решающую долю, этот фактор в общую картину все-таки вносит.

К сожалению, так же стоит сказать и про еще одну крайне негативную причину расторжения браков и распада семьи – это употребление алкоголя или прием наркотиков одним из супругов. Подобные случаи конечно же были всегда, но массовый характер они приобрели в последние 10-15 лет. Иллюстрацией этого крайне опасного явления может служить статистика МВД. Количество дел связанных с домашним насилием, побоями, причинением легкого вреда возросло в разы. В последние годы добавилось работы и у инспекторов по делам несовершеннолетних. Однозначно можно сказать, что виновник такой массы бед является зачастую алкоголь. Этой проблеме тоже в последнее время уделяется пристальное внимание со стороны государства и социальных служб, но переломить ситуацию в целом по стране, конечно же, не просто.

В заключении нужно сказать о том, что как показали исследования самым «неспокойным» возрастом вступления в брак можно считать возраст от 21 до 29 лет. Юношеский максимализм и жажда жизни и жажда нового с одной стороны и как правило материальная неустроенность с другой приводят к диссонансу и внутреннему конфликту между «хочу» и «могу». По этому поводу есть тоже любопытный спор ученых и аналитиков. Одна из сторон спора говорит здесь о негативном влиянии психологии общества потребления. Проще говоря – молодежь сбита с толку рекламой пропагандирующей и призывающей ее покупать навязываемые ею же атрибуты. Такая точка зрения присуща, конечно, больше ученым придерживающихся антиглобалистских взглядов, но рациональное зерно в этой теории несомненно есть.

В итоге нужно отметить, что все-таки несмотря на все вызовы времени, несмотря на непростые экономические и социальные реалии, брак, для большинства людей, сохранил свою притягательность и на сегодняшний день является для них «тихой гаванью». Изучая статистику количества заключенных браков и количества разводов нельзя не сказать и о еще одном, наверное, самым главным и пагубным последствием развода – дети без родителя. Это действительно страшно. Именно поэтому только обдуманность ответственность за свои действия, ответственное отношение к себе и окружающим может быть залогом для счастливой семьи, счастливого общества.

1. Домострой. СПб.: Наука, 1994. (Серия "Литературные памятники".) Издание подготовили В.В.Колесов, В.В.Рождественская.
2. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem2_raz.htm

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СПЕЦИФИКА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург)

Помимо участия в решении глобальных социальных проблем, любое государство должно решать и внутренние социальные проблемы, которые различаются у каждого социума. Основные социальные проблемы России, по оценке ряда специалистов, следующие: бедность основной массы населения и социальное неравенство; алкоголизация и распространение наркоманий различных типов; безработица; проблема увеличения численности населения; проблема коррумпированности властей и чиновников. Конечно, этот список социальных проблем, существующих в российском обществе, далеко не полон [1]. Их наличие свидетельствует о нестабильном характере социальной структуры общества, как на уровне внутри - и межгрупповых социальных процессов, так и на уровне идентификации индивидом своего места в общественной иерархии. Наиболее важной проблемой, которую многие социологи называют сегодня в качестве главной тенденции развития российского общества, является углубление социальной дифференциации. Следует особо отметить и наличие крайней формы данной тенденции - высокого уровня социальной поляризации – сосредоточении основной массы населения на двух противоположных полюсах – богатства и бедности. По утверждению социологов, «фактор разительного имущественного неравенства остается одной из острейших проблем российского общества. Это тем более важно, что на повестке дня стоит либерализация рынка жилья, транспортных услуг, образования и медицинского обслуживания» [2]. Степень межгруппового имущественного неравенства хорошо иллюстрируется таким статистическим показателем, как децильный коэффициент неравенства доходов (ДКНД). Он равен отношению средней величины располагаемых доходов 10% наиболее обеспеченной части населения и доходов 10% наименее обеспеченной его части. Данный показатель представляет собой предмет особого внимания для всех социологов и экономистов. Чем больше величина ДКНД, тем больше высота у сложившейся в обществе социальной пирамиды и, соответственно, тем больше степень социального расслоения. По некоторым оценкам ДКНД в России достигает сегодня величины более 24. Для сравнения: в ряде скандинавских стран (Дании, Финляндии и Швеции) этот коэффициент соответствует величине – 3 – 4, в Германии, Франции и Австрии он составляет 5 - 7. По оценкам экономистов такое соотношение считается оптимальным. Как только ДКНД достигает 10-кратной величины, общество входит в полосу острых социальных проблем. Введен даже специальный термин «порог социальных потрясений». Во времена СССР ДКНД колебался в интервале 3,5–4,5. В царской России, по некоторым приближенным оценкам, это соотношение доходило до 25–30, что, возможно, и стало одной из причин социального взрыва [3]. Что касается самоидентификации населения, то до сих пор особой популярностью пользуется понятие «среднего класса (слоя)». Так, согласно данным специалистов «Левада-Центр» в сентябре 2011 года, на вопрос: «К какому из следующих социальных слоев вы бы отнесли себя и свою семью?» ответы распределились так: со средним слоем идентифицировали себя 86 % опрошенных, из них 37 % отнесли себя к нижней части среднего слоя, 46 % - к средней части, 3 % - к верхней его части; 15 % увидели себя в низшем слое и менее 1% - в высшем [4]. Безусловно, одним из возможных путей решения проблемы резкого имущественного неравенства является формирование среднего класса. Конечно, приведенные выше цифры – скорее отражение некоего мифа о среднем классе в общественном сознании населения, навязанного властью и СМИ. По оценкам специалистов, чтобы рыночная система развивалась и функционировала устойчиво, необходимо, чтобы ее активными участниками, так или иначе задействованными в предпринимательской деятельности и в частном бизнесе, было не менее 40% взрослого трудоспособного населения. Это и есть средний класс. Такого процента достаточно, чтобы перераспределять средства между успешным средним классом и социально слабыми группами населения [5]. Тем не менее, в целом вопрос о существовании в российском обществе среднего класса и критериях его идентификации до сих пор относится к разряду дискуссионных. К тому же в научной литературе уже появились концепции, которые идут на смену теории среднего класса (когнитариат, креативный класс и т.д.). Другой путь связан с развитием новой модели социальной политики, носящей многосубъектный характер. Не только государство, но также бизнес-организации и гражданское общество должны стать подлинными субъектами социальной политики, адекватной современным вызовам и рискам, требованиям социально-инновационной экономики. Такая модель в состоянии послужить действенным

инструментом в решении социальных проблем современного российского общества, в том числе и проблемы углубления социальной дифференциации.

1. [Электронный ресурс] // URL: <http://fb.ru/article/52320/osnovnyie-sotsialnyie-problemyi> (дата обращения: 03.10.2016).
2. А.Г. Дугин. *Обществоведение. Послесловие. Основные социальные проблемы современного общества России и пути их решения.* [Электронный ресурс] // URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/040910180620.xhtml> (дата обращения: 03.10.2016).
3. См.: *Измерение степени неравенства в доходах.* [Электронный ресурс] // URL: <http://leksi.net/2-100663.html> (дата обращения: 03.10.2016).
4. *Россияне о своих доходах.* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/24-10-2011/rossiyane-o-svoikh-dokhodakh> (дата обращения: 03.10.2016).
5. См.: А.Г. Дугин. *Указ.соч.*

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК МЭЙНСТРИМ СОВРЕМЕННОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ НАУКИ

Меньшикова Г.А. (Санкт-Петербург)

XXI век призван стать периодом качественных изменений в системе государственного устройства. В РФ принято сводить перемены к административной реформе, что существенно сужает область инноваций, равно как и сокращает их масштабность и значимость. Думается, что эти инновации носят качественный характер и меняет систему взаимодействия государства и населения. их поток можно разбить на следующие течения: внедрение регулятивного управления (Regulative Governance) (1), развитие оценивания как обязательного навыка, входящего в набор гражданской компетентности современной личности (2), завершение административных реформ (или системы Public Administration) (3).

Принципы регулятивного управления не просто закрепляют доминирование «субъект-субъектных» практик взаимодействия в обществе, но и усиливают их за счет повсеместного внедрения технологий оценивания. Регулирование как особый тип управленческой коммуникации приходит на смену координации. Так, если прежде взаимодействие акторов в системе субъект-субъектных отношений описывались термином «координация», что предполагало случайный и мало управляемый тип взаимодействия, то регулирование - это современные правила игры для граждан, предприятий и других акторов социального управления, включая правительство, во имя порядка и развития системы. Внедрение принципов эффективного регулирования предполагает анализ темпов роста экономики современного общества, инвестиций, инноваций, возможностей рынка, поддержке силы законов и обеспечения условий лучшей жизни гражданам. Плохая регулятивная среда снижает эффективность бизнеса, а также уменьшает уровень доверия населения к правительству, служит благотворной почвой для коррупции в правительствах.

Регулятивному управлению посвящено множество работ зарубежных ученых как общетеоретической, так и прикладной направленности. Особую ценность представляют доклады ОЭСР, в которых описаны результаты сравнительных исследований внедрения регулятивных технологий в государственное управление, стран входящих в организацию. Российские ученые также включились в тематику.

Инструментальной основой внедрения регулятивных технологий является развитие оценивания, т.е. формирование теории, разработка методик ее применения к социальным процессам разного уровня и вида, а также включение их в необходимый минимум гражданских компетенций, обязательных для освоения населением. Как развитие грамотности когда-то стало выражением первой культурной революции – она создала основу сохранения знаний и умений как достояния цивилизаций, так навыки оценивания, внедряемые как всеобщее образовательное требование, можно расценивать как проявление второй культурной революции, итогом которой должен стать переход к новым принципам социального устройства.

Развитие оценочных технологий и углубление административных реформ являются взаимосвязанными, а точнее взаимно обуславливающими процессами. Не случайно их рассматривают как «сиамских близнецов», подчеркивая этой метафорой их взаимную зависимость. Как показал опыт проведения административных реформ в XX веке, их осуществление станет реальностью тогда, когда будет опираться на новый тип гражданской и экономической культуры населения.

Для конкретизации сути оценивания как технологии социального управления назовем его основные направления/этапы. Один из лидеров науки оценивания - Wollmann Hellmut выделял их

четыре. Переход от одного этапа к другому означает не замену направлений оценивания другими, а расширение их спектра, причем как по предмету (программы, политики, управленческие решения разного уровня, включая законодательные акты и др.), так и по методам (экономические, социологические).

Считается, что как научный метод анализа общественных процессов, оценивание возникло в 60-ые годы, когда в Конгрессе США встал вопрос об эффективности средств, выделенных на космические программы. При формулировке ответа оказалось, что его дать невозможно: нужно разработать методологию оценивания программ, т.е. определить цели, задачи, критерии оценки и методы проведения процедур. Выявились объективные трудности: необходимость учета лага времени (т.е. того факта, что часть затрат окупится, но не в ближайшем будущем), сложности в соизмерении значимости социальных проблем между собой (например, создание рабочих мест, улучшение здравоохранения или образования и т.д.). Крайне трудно оказалось нивелировать роль субъективного фактора принятия решений и реализации программ - сильный лидер всегда усиливает их значимость, актуализируя их роль через СМИ и привлекая административный ресурс.

Второй этап реализовал на практике задачу сравнения программ разного уровня и направленности, включая государственные и региональные. Стало оцениваться все: эффективность вложения средств ради создания рабочих мест, программы по развитию образования, здравоохранения и др. Основными методами были экономические, типа «затраты-выпуск», «издержки-выгоды» и «издержки-эффективность».

Начиная с 80-х годов (третий этап) актуализировалось, при сохранении оценивания программ, политическое направление. Если сначала сравнивались итоги реализации поставленных странами задач в рамках административной реформы, то затем центр тяжести сместился к оцениванию эффективности конкретных управленческих действий (актов, законодательных документов, реформ и т. д.). Основными технологиями оценивания стали сравнительные (межстрановые) исследования, а в методы стали шире включать качественные исследования: опрос экспертов, оценивание удовлетворенности населения, представителей бизнеса или заинтересованных групп, кейс-стади.

Как воплощение социологической теории, в конце XX века – четвертый этап - возникает новый предмет оценивания – управленческое решение, которое на макро уровне трансформируется в процесс принятия политического решения (ПППР) или Public Policy decision making. Термин «принятие решений» как научное понятие появился в 30-х гг. XX в. и стал использоваться для характеристики процессов менеджмента в организациях. Автором этого подхода можно считать Ч. Бернарда (Bernard Charles), который впервые рассмотрел принятие решения как стадию управления. Будучи крупным руководителем-практиком, он выявил значимость принятия решений в управлении предприятием, показав при этом формальные и неформальные стороны процесса, а также объективные и субъективные факторы, лежащие в их основе. Подлинный ренессанс теория пережила в 60-ые годы, благодаря трудам Г.Саймона, Д.Марча, Д. Истона, Г.Алмонда, К.Дойча и других ученых, которые обогатили ее достижениями своих наук или особых научных подходов.

Преимущество подхода «принятие решения» заключается в возможности конкретизировать процесс управления. В науке появился четкий предмет изучения – решение, что позволяет сравнивать результаты и процедуры управленческой деятельности.

Принятие политических решений, как их особой разновидности, представляет собой совокупность действий различных субъектов по сознательной постановке и достижению целей в сфере государственной политики.

Политические решения являются стержнем государственного управления. Они, дополняемые действиями, направленными на их реализацию, - основной фактор, характеризующий взаимоотношения политической системы с внешней средой. Это - тот результат ее деятельности, по которому оценивается эффективность функционирования политических институтов общества, подтверждаются либо отвергаются претензии политических элит на осуществление власти.

Можно привести сотни примеров, когда неоправданные решения меняли историю государств, судьбы миллионов людей, уничтожали огромные материальные ценности. Это - и войны, и насильственные переселения народов, и необдуманные политические акции (социальные программы)... Актуальность темы стала очевидностью XXI века, когда сложились возможности анализа механизмов принятия политических решений: наука накопила арсенал методов

исследования, пресса сделала их публичными, а принципы «открытого управления» предполагают обозначать фигуры, ответственные за их принятие.

Как полноценный научный дискурс ПППР предполагает следующие ракурсы: анализ стадий принятия решений (1), структура основных (государственное устройство) и альтернативных акторов (2), системы институтов, предопределяющих технологии взаимодействия акторов (3), сравнительный анализ используемых технологий (4).

Находясь на пересечении регулятивного управления и оценивания, дискурс ПППР означает социальный контроль за их отбором (процессом формирования социальных проблем), за ходом их реализации в законодательные акты. Оно предполагает организацию постоянного мониторинга за эффективностью решений. Воплощая принципы Public Administration, оно означает персональное закрепление политических решений за конкретными личностями, равно как и широкое поле возможностей участия альтернативных акторов в выработке предложений, их публичном обсуждении.

ФАКТОРЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Меренков А.В. (Екатеринбург)

Экономический кризис, начавшийся в 2014 году, существенно ухудшил экономическое положение значительной массы населения. Он мог обострить социально-политическую ситуацию в стране, вызвав протестные действия, подобные тем, которые были в конце 2012 года. Однако крупных забастовок, демонстраций, митингов, вызванных недовольством проводимой политикой федеральной и местной властью, за два года не было. Как показали итоги сентябрьских выборов 2016 года депутатов в Государственную думу Р.Ф., большинство населения поддерживает «партию власти», каковой считается «Единая Россия». Ожидания некоторых политических сил, крайне негативно относящихся к ней, не оправдались.

Традиционно в кризисное время социологические исследования направлены на выявление того, что может побудить людей к протестным действиям. Мы в нашем исследовании, проведенном в начале 2016 года, выясняли то положительное, что позволяет человеку испытывать радость в сложное для страны время, сдерживая возникновение и утверждение установок на акции, связанные с требованием существенно улучшить жизнь народа в ближайшее время. Были опрошены методом анкетирования молодые представители крупного промышленного центра Урала г. Екатеринбурга в возрасте 18-35 лет: учащиеся профессиональных образовательных организаций, рабочие, специалисты. Всего 760 человек по квотной выборке.

Исследование выявило ряд факторов, формирующих положительные переживания у молодежи в условиях адаптации к сложной в экономическом и политическом плане ситуации в стране и мире. Оценивая изменения в их жизни за последние полгода, 41% опрошенных указали на некоторые положительные тенденции; 23% на негативные, а у 28% она осталась прежней. Остальные затруднились с ответом. Ощущение улучшения жизни характерно для лиц от 18 до 22 лет, что вызвано, скорее всего, общим позитивным настроем на свое будущее, возможностью удовлетворять текущие материальные потребности с помощью родителей. Отмечают ухудшение ситуации молодые люди в возрасте 25-30 лет. Это вызвано в первую очередь трудностями в трудоустройстве, снижением зарплаток, неопределенностью будущего. В число недовольных также входят те, кто, взяв на себя обязательства по кредиту или ипотеке, испытывают сложности с погашением взносов.

Среди факторов, вызывающих тревогу у большинства молодых людей, ведущими являются удорожание жизни в целом, что выражается в росте цен на продукты – отметили 29%, ухудшение материального положения семьи – 17%, увеличение стоимости коммунальных услуг – 11%, цен на товары длительного пользования – 14%.

В то же время, несмотря на негативную социально-экономическую ситуацию в стране, вызванную резким снижением темпов развития производства, санкциями ряда западных стран, что привело к ухудшению материального положения значительной массы населения, респонденты выделили те факторы, которые создают у них положительные переживания.

Таблица 1

Факторы, вызывающие положительные переживания.

(в% к числу опрошенных)

Факторы	Гордость	Радость	Уверенность в будущем		
Достижения спортсменов		47	10	7	
Достижения ученых, специалистов		42	8	15	
Независимая политика России		32	7	34	
Укрепление обороноспособности страны			23	6	48
Достижения организации, где работаю			19	12	14
Свои достижения на работе	18	31	23		
Встречи с друзьями	4	75	6		

Данные показывают, что две группы факторов влияют на возникновение и сохранение положительных переживаний у разных категорий молодежи: личные и общественные. При этом те, которые связаны с положением в стране, являются основными для людей в возрасте 25-30 лет, в личностные для тех, кому от 18 до 22 лет.

Гордость является той внутренней силой, которая побуждает человека ощущать свою принадлежность в определенной социальной группе. Достижения ее представителей, а также собственные успехи, воспринимаемые как вклад в общее с ней дело, вызывает это очень сильное чувство. При этом особенностью возникновения гордости является то, что она связывается с конкретными индивидами, показавшими высокие результаты в каких-либо занятиях. Этим объясняется то, что респонденты вспомнили конкретных спортсменов, ученых, конструкторов, имеющих высокие достижения в работе. Они демонстрируют тот пример, которому хочется подражать молодым людям с амбициями.

У них меньше знаний о том, кем и как обеспечивается повышение обороноспособности страны, поскольку не раскрываются имена разработчиков нового оружия, по ряду показателей превосходящего зарубежные аналоги. Также редко дается в СМИ информация о тех офицерах, солдатах, которые в настоящее время оказывают помощь Сирии в борьбе с ИГИЛ, охраняют наши границы. В связи с этим, развитие гордости за независимую политику страны, ее вооруженные силы следует обеспечивать чаще приводимыми в печати данными о тех людях, чей ум, знания, способности позволяют России противодействовать попыткам подчинить нашу внешнюю политику интересам других стран.

Собственных достижений у молодых рабочих, специалистов пока еще мало, поэтому они чаще испытывают не чувство гордости, а радость за свои самые малые успехи. Радость является чувством, которое возникает в результате достижения определенных целей, вызывая ощущение завершенности той деятельности, которая потребовала значительных сил личности. Она также возникает при получении удовольствия от взаимодействия с определенными природными объектами, людьми, с которыми приятно общаться. Для молодых людей таковыми чаще всего являются друзьями по совместной учебе, работе, отдыху. Поэтому ведущим фактором в возникновении этого чувства оказалось общение индивида с теми, кого он давно знает, кому доверяет, кто может оказать помощь в сложной жизненной ситуации. Общественно значимые события не формируют ту силу радости, которая появляется при очередной встрече с близкими по духу людьми. Взаимодействие с ними в определенной степени снижает негативные чувства, возникающие из-за некоторого ухудшения материального положения, трудностей, возникающих на работе и т.п.

Уверенность в завтрашнем дне является особым переживанием, связанным как с общим оптимистическим настроением, который присущ молодежи в целом, так и восприятием социально-экономических и социально-политических факторов, вселяющих веру в преодолении имеющихся трудностей, надежду на скорый выход страны из кризиса. Исследование показало, что в становлении и сохранении этого чувства ведущая роль принадлежит восприятию того, что вызывает ощущение безопасности. Если человек знает, что есть силы, которые его защитят, то он более уверенно смотрит в завтрашний день. Поэтому так высока оценка респондентами усилий государства, направленные на повышение обороноспособности в нынешней сложной внешнеполитической ситуации. Молодые люди руководствуются принципом, сформулированным еще их дедами и прадедами: «Жила бы страна родная, и нету других забот».

Они, конечно, существуют и связаны с теми ситуациями, которые возникают у подавляющего большинства людей, своим трудом обеспечивающих удовлетворение базовых материальных потребностей. Кризис ухудшил экономическое положение граждан, однако

сохранил у молодежи уверенность в завтрашнем дне, переживание радости за близких людей, гордости за достижения соотечественников в разных сферах науки, искусства, спорта.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2016 ГОДА

Милецкий В.П., Пименов Н. П. (Санкт-Петербург)

18 сентября в России прошли выборы во всех субъектах страны. Главной особенностью этого года стало возвращение смешанной системы голосования. Точно так же избирались депутаты в законодательное собрание Санкт-Петербурга. Единый день голосования запомнится самой низкой явкой избирателей не только в двух столицах, но и по всей стране. «Единая Россия» получила конституционное большинство как в Государственной Думе (343 мандата), так и в Законодательном Собрании Петербурга (36 мандатов). Произошло ослабление позиций всех партий из системной оппозиции. Больше всех потеряла «Справедливая Россия», которая, получив голоса 6,21 % избирателей, по сравнению с 2011 г. потеряла 7%. Несистемная оппозиция в Законодательном Собрании Петербурга представлена только «Яблоком» и партией «Роста». Прошедшие выборы по праву можно считать неформальным референдумом о доверии политическому курсу В.В.Путина и самому Президенту. Вместе с тем мандат доверия получило также и Правительство России во главе с председателем «Единой России» премьер-министром Д.А.Медведевым.

Причинами таких результатов стали не столько низкая активность избирателей, сколько грамотно выстроенная «партией власти» предвыборная кампания, в рамках которой Д.А.Медведев не скрывал проблемы («денег нет»), называл вещи своими именами и советовал гражданам «держаться». Свою роль, конечно, сыграло также своеобразное использование политических коммуникаций и технологий участниками предвыборной гонки, о чем говорится ниже.

Во-первых, претерпела существенные изменения по сравнению с предвыборной кампанией 2011 года практика использования политических коммуникаций и технологий. Сказанное в равной мере относится деятельности и партии власти, и оппозиции (системной и несистемной). На телевидении существенно уменьшилось количество предвыборной рекламы. Хотя в выборах принимало участие 14 партий, а не семь, как пятью годами ранее, затраты партий на демонстрацию в эфире промо-роликов оказались почти одинаковыми: за три недели агитации они составили 201 млн руб., а за аналогичный период пять лет назад — 206 млн руб. Тогда лидером по затратам была ЛДПР (77 млн. рублей), а в настоящее время - «Единая Россия» (35,5 млн. рублей)[1].

Телевизионные дебаты также вызвали низкий интерес со стороны избирателей. Их смотрел лишь каждый пятый россиянин, но при этом больше половины граждан их не видели и даже не собирались наблюдать за ними в дальнейшем. Интереснее всего зрителям было наблюдать за парламентскими партиями, особенно «Единой Россией» - 28% респондентов выбрало эти дебаты. Для сравнения лучший результат среди партий, не представленных в Государственной Думе, у «Яблока» - 5%, интерес к которому был ниже в 5 раз [2]. С одной стороны, это объясняется форматом программы, ибо кандидату давалось 4 минуты на выступление и 30 секунд на приветствие и заключение. С другой стороны, даже при таком формате почти никто из кандидатов не поднимал острые темы, включая коррупционные скандалы последних месяцев. Единственным запоминающимся для зрителей был момент, когда представитель ПАРНАС заговорил про импичмент главе государства.

Во-вторых, оффлайновые политические коммуникации стали приобретать черты онлайн-овых. Речь идет о троллинге, неконструктивном диалоге и неординарных поступках в процессе политической коммуникации. Примером снова могут служить дебаты. Формат не подразумевал диалога между участниками, однако даже когда он возникал, то выглядел как перебранка подростков, нежели дискуссия специалистов. Популярным в Интернете стал момент, когда представитель ПАРНАС-а В. Мальцев сказал оппоненту И. Коротченко из партии «Родина»: «Не кричи мне в ухо» и, достав детскую дудку, начал в нее свистеть [3].

В-третьих, не очень активными были политические коммуникации с участием партий в социальных сетях. Проектный центр «Инфометр» проанализировал аккаунты всех политических партий в социальной сети «ВКонтакте». Все они оказались малочисленными для всероссийского уровня. Так, наибольшей популярностью пользовался паблик ЛДПР, в котором оказалось 72 тысячи подписчиков. У «Гражданской платформы» число фейковых страниц достигало 35% от

общего числа подписчиков. Более того, есть также несовершеннолетние участники в этих публицах, которые не являются целевой аудиторией политтехнологов.

Объясняются неактивные политические коммуникации в социальных сетях со стороны партий тем, что последние считают ее низкоэффективным инструментом из-за слабой конверсии затраченных ресурсов в голоса избирателей, а также негативной обратной связи. К тому же есть несколько нюансов, связанных с политической агитацией в режиме онлайн. Прежде всего, есть проблемы с модерацией. Так, «ВКонтакте» не разрешает продвижение через платные каналы, что ограничивает количество инструментов, используемых во время деятельности партий. Свою роль сыграл и особый формат взаимодействия с аудиторией. Он должен быть ненавязчивым, напрямую не должен относиться к конкретной партии. Можно также отметить вирусные ролики, которые сделала партия «Яблоко», разместившая ролик «Новый яблочный девайс», в котором она сыграла на известности западной компании и на факте презентации нового мобильного телефона Айфон 7. Этот видеоматериал сочетал в себе призыв прийти на выборы, рассказ про цели партии и вирусный потенциал за счет формы. В нем обычная шариковая ручка становится предметом, способным изменить будущее. Интернет-аудитория быстро оценила этот ролик и он всего за две недели набрал 3 миллиона просмотров. Наконец, сказался также большой временной промежуток времени, необходимый для достижения результата. Работа в социальных сетях должна вестись задолго до старта предвыборной кампании и в нее должны быть вовлечены политтехнологи в области SMM [4]. Причем потенциал социальных сетей недооценивали как провластные партии, так и оппозиционные. Примечательным в этом отношении являются слова лидера незарегистрированной «Партии прогресса» А. Навального: «Я написал в десять раз больше постов про выборы, чем Явлинский и Касьянов» [5].

Наконец, наметилось снижение эффективности «черного PR-а» в политических коммуникациях, несмотря на активное его применение. Это наглядно продемонстрировали специалисты института глобализации и социальных движений в опубликованном докладе «Выборы 2016. Чёрный пиар: от больших ожиданий к крупным провалам». Проанализировав многочисленные случаи, эксперты пришли к выводу, что избиратель стал менее восприимчив к случайной и непроверенной информации. Более того, грязные политтехнологии неизменно терпели крах в этой избирательной кампании. Примерами являются кампании против «Справедливой России», когда в разных городах распространялась газета «Сожрем Россию» с многомиллионным тиражом. Однако партия использовала эту информационную атаку в свою пользу. То же самое произошло и с объединенной оппозицией в Оренбургской области [6]. Кроме газет популярны были и разоблачения в блогах. Так в LiveJournal был опубликован материал о том, как получил своё воинское звание полковник И.Коротченко, известный военный эксперт, баллотирующийся от партии "Родина" в Тушинском округе Москвы. Конечно, самым распространенной технологией осталось использование листовки как наиболее массового и дешевого в производстве средства агитации. В Свердловской области раздавали материалы, обличающие кандидата от КПРФ Е.Боровика. В ней призывалось голосовать за него и «не верить слухам», поскольку его судимость по статье 228 («Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств») УК РФ погашена. В Петербурге кандидатка от ПАРНАС-а Н. Грязневич заметила раздачу статьи, в которой указано, что у неё есть аккаунт на сайте эскорт-услуг [7].

Таким образом, анализ политических коммуникаций и технологий, используемых политическими партиями в 2016 году, показал, что произошло падение интереса к телевидению как коммуникативному каналу передачи сообщения, оффлайновая коммуникация стала приобретать черты онлайн-овой, слабую работу в социальных сетях и падение эффективности «черного PR».

1. Н. Корченкова. К вопросу о роли личности в истории // Коммерсантъ. - URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/3088496>
2. Интерес к теледебатам // ФОМ. - URL: <http://fom.ru/Politika/12836>
3. «Не ори мне в ухо!» Что происходит на дебатах перед выборами в Госдуму — в одном коубе // Meduza. - URL: <https://meduza.io/shapito/2016/09/06/что-происходит-na-debatah-pered-vyborami-v-gosdumu-v-odnom-koube>
4. А. Сайгин, А. Желенков, С. Стукалов. Мертвые души. Почему партии не работают в социальных сетях // Проектный центр «Информетр». - URL: <http://partyhard.tilda.ws/dead>
5. Е. Мухаметишина, О. Чуракова. Рекордная пассивность // Ведомости. - URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/09/19/657671-pobedu>

- edinorossam?utm_source=Движение+%22Голос%22&utm_campaign=9602017d59-GLS_WEEKLY&utm_medium=email&utm_term=0_32e13f3510-9602017d59-37211205*
6. Б. Кагарлицкий, В. Колташов, А. Очкина. Выборы 2016. Чёрный пиар: от больших ожиданий к крупным провалам // Институт глобализации и социальных движений. – URL: http://igso.ru/pr_report/
7. А. Гимадеева. «Обличающие» листовки и блогерские расследования: чёрный пиар на выборах-2016 // Life. – URL: https://life.ru/t/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/899303/oblichaiushchiie_listovki_i_bloghierskiie_rassliedovaniia_chiorni_piir_na_vyborakh-2016

ТРУДНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Митюкова Е.А. (Балашиха)

Важность взаимодействия семьи и дошкольного учреждения - главная особенность семейного воспитания при развитии детей. Нужно сказать, что на это взаимодействие влияет прежде всего то, чего родители и педагогический коллектив ожидают друг от друга. В данный момент чаще всего работа с родителями ведется только по одному из направлений педагогической пропаганды, при этом семья является лишь объектом воздействия. В конечном счете обратная связь с семьей не устанавливается, а возможности семейного воспитания не используются в полной мере. По мнению многих родителей, воспитывать их детей должны в детском саду. Есть родители, которые пренебрегают советами педагогов, считают, что их задача состоит в том, чтобы ребенок был сыт, одет, а единственное его занятие дома - прогулка. Поскольку организация индивидуальной работы с родителями вызывает наибольшие затруднения, важно установить с ними доверительный контакт.

Для исследования данной темы автором был проведен собственный анкетный опрос, в котором приняли участие 79 респондентов, 17 (21,5%) из которых – педагоги и 62 (78,5%) – родители воспитанников одного из детских садов города Москвы.

Были изучены взгляды воспитателей и родителей на то, что, по их мнению, представляет собой детский сад для ребенка. Большинство воспитателей (87,5%) считают, что детский сад для ребенка – это прежде всего разнообразные занятия, направленные на всестороннее развитие детей, остальные 12,6% считают, что это обучение детей самостоятельности, дисциплине, а также общение детей со сверстниками. Две трети родителей (69,4%) также уверены, что детский сад – это разнообразные занятия, 22,6% считают, что это прежде всего обучение детей самостоятельности и дисциплине, 6,5% - общение детей со сверстниками, а у 1,6% респондентов детский сад ассоциируется с частыми болезнями детей.

Были также проанализированы ответы родителей и воспитателей о том, что они ожидают от взаимодействия друг с другом. Очевидно, воспитатели хотели бы, чтобы родители проявляли большую ответственность, обязательность, активность в отношении решения проблем детского сада (43%), а также оказывали помощь организационного характера (23%). Если говорить о помощи, которую хотели бы получить родители от воспитателей, то здесь они ожидают, прежде всего, организацию бесед по проблемам развития и обучения ребенка, включая его подготовку к школе, проще говоря, помощь, связанную с развитием ребенка (40%). Только чуть более трети родителей (37%) ответили, что помощи от педагогов достаточно. Следует отметить также, что около четверти родителей (23%) вообще не ждут никакой помощи от воспитателей детского сада. По полученным данным опроса родителей и воспитателей можно судить о том, что их ожидания относительно взаимодействия не совсем совпадают. В итоге основные поводы обращения воспитателей к родителям — поведение ребенка и организационные вопросы. Однако основная сфера, в которой родители хотели бы получить помощь от воспитателей, - это сфера, связанная с общими вопросами развития, обучения и воспитания ребенка. Это приводит к недостаточной удовлетворенности родителей взаимодействием с дошкольным учреждением в целом.

В настоящее время особой популярностью как у педагогов, так и у родителей пользуются нетрадиционные формы общения с родителями. Они построены по типу развлекательных программ, игр и направлены на установление неформальных контактов с родителями, привлечение их внимания к детскому саду. Родители лучше узнают своего ребенка, поскольку видят его в другой, новой для себя обстановке, сближаются с педагогами [1]. Педагогическому коллективу детского сада очень трудно бывает активизировать родителей. Это обусловлено скорее всего тем, что педагоги часто не используют или используют недостаточно положительный опыт

семейного воспитания, не всегда осуществляют своевременную подготовку родителей к родительским собраниям, консультациям, беседам и т.п.

По мнению кандидата педагогических наук Маркарян И.А. активность родителей повышается, если педагоги: 1) своевременно ставят в известность родителей о мероприятии (просьба рассказать о своем опыте, о проблемах, возникающих в воспитании детей); 2) обеспечивают повседневные контакты между педагогами и родителями; 3) осуществляют индивидуальный подход воспитателей к самим родителям, учёт особенностей личности родителей и затруднений семейного воспитания [2].

В данном исследовании было выдвинуто предположение о том, что активность участия родителей в учебном процессе возрастет, если при личной беседе акцентировать внимание родителей на успехах их детей. Большинство опрошенных в обеих группах (76,9%) согласны с тем, что при беседе с родителями следует прежде всего акцентировать внимание на успехах их детей, остальные 23,1% не считают это обязательным.

Подводя итог, можно сказать, что основные трудности взаимодействия педагогов и родителей состоят в различном отношении к роли детского сада в жизни ребенка, а также в недостаточном участии родителей в учебном процессе ребенка и ДООУ в целом. Активность родителей в свою очередь может быть повышена, если педагоги при личной беседе будут акцентировать внимание первых на успехах их детей.

1. Зверева О.Л., Кротова Т.В. *Общение педагога с родителями в ДООУ: Методический аспект.* – М.: ТЦ Сфера, 2009

2. Маркарян И.А. *Взаимодействие детского сада и семьи – приоритетное направление в деятельности дошкольной образовательной организации.* // *Наукovedenie*, 2014, № 6 (25). [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/69PVN614.pdf> [02.10.2016]

ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ СТУДЕНТОК СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ И ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Михайлец Д.И. (Барнаул)

Проблема готовности к материнству весьма актуальна для современного общества. Современные молодые люди крайне мало ориентированы на выполнение материнских и отцовских ролей. Функции матери не занимают центрального места в самосознании современной женщины. Статистика относительно снижения количества зарегистрированных аборт в России не полностью обладает положительной окраской [1]. Актуальны проблемы отказов от новорожденных и увеличения детской безнадзорности и беспризорности.

В статье рассматривается готовность к материнству как специфическое личностное образование, в основе которого лежат: положительные установки в отношении деторождения; приверженность здоровому образу жизни и осведомленность об особенностях развития ребенка. В рамках темы было проведено исследование. Цель исследования: выявление особенностей готовности к материнству студенток средних специальных и высших учебных заведений. В исследовании принимали участие 70 респондентов. Студенток ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» и КГБОУ «Алтайский государственный колледж».

В ходе исследования выяснилось, что приверженность к ЗОЖ у студенток ВУЗа действительно выше. Они ответственнее относятся к занятиям физической культурой и правильному питанию.

Студенток СУЗа в большей степени характеризуют такие вредные привычки, как курение (20%) и даже употребление наркотических средств. 6% респондентов пробовали наркотики, чтобы поддержать компанию. А также студентки университета в 1,5 раза чаще посещают врачей в целях осмотра.

Что касается установок в отношении деторождения, уровень готовности студенток СУЗа через призму этого аспекта выше. Ситуация сложилась следующим образом: готовность прервать беременность у студенток ВУЗа выше. 26% респондентов – студенток университета готовы на такой шаг, в качестве веской причины они считают выявление внутриутробных патологий младенца, а так же экономические трудности. Таким образом, уровень образования влияет на возможность аборта. 6 % студенток колледжа ответили, что готовы прервать беременность при наличии пороков развития у плода.

Компетентность молодых девушек, получающих высшее образование, превышает компетентности студенток из среднего специального учебного заведения. Причем среди них есть доля (32%), которая полагает, что знания в области элементарных особенностей развития ребенка не важны. Возможность открытого ответа позволила выяснить, что эти девушки основываются на инстинктивных составляющих. Также среди студенток СУЗа есть такие, кто приемлет физическую меру наказания детей.

В целом можно сказать, что нам удалось достигнуть цель исследования.

Современная женщина в силу экономических, социальных, психологических и других причин может выбирать: иметь детей или нет. Обществу же недостаёт того, что принято называть материнским началом.

Боязнь родить ребёнка, взгляд на ребёнка как на обузу, отказ от детей, пренебрежение их нуждами – это негативные социальные явления, которые оборачиваются как против самой женщины, так и против семьи и общества в целом.

1) Виктория Сакевич. Уровень аборт в России по-прежнему выше, чем в других развитых странах. Демоскоп Weekly, 2016, № 687

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

Михайлов В.А., Михайлов С.В. (Тверь)

Государственная идеология в истории России всегда занимала одно из ведущих мест в механизме функционирования российского общества. В ходе исторического развития содержание и форма государственной идеологии претерпевали существенные изменения, но отсутствие вразумительной и относительно жизнеспособной государственной идеологии означало в России только одно – наступление времен очередной смуты.

В соответствии с тремя основными формами (этапами) общественно-политической жизни (Царская Россия, Советский Союз, постсоветская Россия) можно выделить три ситуации в идеологической области. В Российской империи господствовал не вполне официальный лозунг «Православие. Самодержавие. Народность», в осуществлении которого на первом месте шло самодержавие, на втором – православие, на третьем – специфически понимаемая народность. Можно отметить, что то или иное ударение на первом, втором или третьем элементе дают нам почти всю возможную палитру нелиберальных идеологий в истории дореволюционной России.

Начиная с 1990-х гг. Россия живет без государственной идеологии. Государственная власть все время говорит о необходимости скорейшего формирования «общенациональной объединяющей идеи» для многонациональной и многоконфессиональной России, однако пока этого сделать не удается. Отсюда особенности общественного мнения в постсоветской России: постоянные колебания (нет когнитивного ядра), шарахания (постоянная погоня за временными увлечениями) и т.д. Ценности больших и малых социальных групп (и особенно – личные потребности и интересы) все время оказываются важнее общегосударственных интересов. Возникает вопрос: соответствует ли данное положение духу и букве Конституции РФ, где (статья 13) говорится: в Российской Федерации признается идеологическое многообразие; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной? Ответ может быть следующим.

Идеология – это теоретически оформленная обыденность, или – обыденный опыт, претендующий на теоретическую значимость. Например, в структуре общественного мнения политические идеологии, замахивающиеся на рациональное и системное описание политической реальности, представлены в качестве одного из многочисленных элементов его когнитивного уровня, а политическая наука, которая также характеризуется данными чертами, в своем чистом виде практически не может попасть в когнитивное поле общественного мнения.

Объясняется это, прежде всего, тем, что политическая идеология неразрывно связана с чувственно-эмоциональным и поведенческим компонентами общественного мнения, т.е. имеет вполне специфический механизм отражения социальной реальности. Идеология есть такой процесс отражения действительности, который неизменно проходит через выражение интересов определенных социальных групп, что, с одной стороны, всегда порождает искажение действительности, а с другой – благодаря этому искажению – способствует преобразованию социума.

Предмет отражения в идеологическом способе описания социальной действительности носит крайне субъективированный характер в силу того, что он берется не столько как то, «что есть», сколько как то, что «должно быть». Таким образом, «опредмечивание» объекта отражения происходит через посредство того или иного идеала («проекта»). В идеологиях рациональное и системное описание социальной реальности обязательно сочетается с партийностью, в результате чего отражение совершается как «превращение» (через «извращение») действительности. В «изме» истина не ищется, а привносится, поэтому функция отражения здесь подчинена функции мобилизации. Идеология есть форма преломления действительности, где превращенное сознание предстает как необходимое условие преобразующего действия. В силу того, что всякая идеология главной своей целью ставит не объективное объяснение окружающего мира, а его субъективное преобразование в соответствии с неким проектом, то идеологическое «отражение» действительности это как бы отражение «наоборот».

В ходе своего появления, широкого распространения и социально-политического укрепления (сужения пространства социальной самоидентификации до одного признака – этнической, классовой, конфессиональной и проч. принадлежности) появляется нескончаемое поле идеологического противостояния среди различных «измов». Вот здесь и появляется государство, которое, с одной стороны – в соответствии с аристотелевской трактовкой его сущности (*res publica*) – должно соблюдать упомянутую статью 13, а с другой – в соответствии с марксистской постановкой вопроса (государство как орудие экономически господствующего класса) – все время подменять эту (единственно «государственную», по Аристотелю) «идеологию» какой-либо политической идеологией. А когда та или иная политическая идеология становится уже не просто первенствующей в государстве, но и единственной, тогда «марксистская» частичка сущности государства почти полностью вытесняет «аристотелевскую» и какая-то партийная программа становится государственной политикой.

Таким образом, если вспоминать того же К. Маннгейма, государственная идеология выступает как идеология и утопия одновременно. Показателен в этом отношении пример соотношения патриотизма с национализмом и шовинизмом. Патриотизм – любовь к Родине – носит личностный характер, толерантен и возвышается над любыми «измами»; трактует нацию политически, а не этнически; призывает изменяться внутренне, за счет собственных ресурсов; склонен к покаянию, а если и обвиняет, то, прежде всего, себя; практически никогда не становится официальной государственной идеологией, хотя всячески и поддерживается демократически устроенным государством. Национализм – ненависть к «врагам нации» – носит антиличностный характер; заменяет собою все иные «измы»; требует возвышения до ранга государственной политики; призывает изменяться внешне, за счет ресурсов других национальных групп; формирует мифоподобное смысловое поле; творит закрытые идейно-политические системы. Шовинизм – проповедь национальной исключительности – противопоставляет интересы одной нации интересам других наций; склонен к распространению национального чванства; при возведении национализма в ранг государственной политики выступает как проявление экстремизма (превращение «национального» из социального феномена в а- и даже антисоциальное начало).

Таким образом, ввиду того, что борьба внутригосударственных «измов» носит постоянный и бескомпромиссный характер, то общегосударственная идеология принципиально отлична от них всех уже тем, что противостоит не просто какому-то одному, но всем им вместе взятым. Практическое осуществление этого может происходить только с помощью закона. «Государственная идеология» – типичное противоречие в понятии: здесь зафиксировано стремление объединить необъединимое: государство (по Аристотелю) есть *res publica* (объединение разного), а идеология («мы» и «они») это стремление к разъединению вплоть до противоположности. Удержать вместе (в пределах государства) стремящиеся к противоположности можно только формально (у государства это – законодательство). Получается, что по большому счету, право и есть единственная государственная идеология.

В этом смысле государственная идеология, обладая некоторыми чертами идеологии вообще, носит не над-, а полуидеологический характер, и будучи идеологией государства, призвана в первую очередь, как это ни парадоксально звучит, не допустить сращивания государства ни с одним из «измов». С точки зрения двойственной природы государства, а, значит, и государственной идеологии, данное устремление непреложно (с точки зрения принципа, идеала), но не достижимо (на практике): с одной стороны, если идеология начинает претендовать на выражение интересов всего населения, она размывает свое содержание и перестает быть

идеологией в точном значении этого термина; с другой – если какая-то идеология становится единственной и объявляется государственной, то тем самым государство утрачивает свою вторую (аристотелевскую) ипостась и неизбежно перестает быть правовым; с третьей – в силу социальной стратификации государство никогда не работает только и исключительно по Аристотелю или по Марксу.

ВОЗДЕЙСТВИЕ БЮРОКРАТИИ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Михашин О.Н. (Санкт-Петербург)

Бюрократия является неотъемлемой частью процесса государственного управления в Российской Федерации, а также в организации социального обслуживания населения нашей страны. Исследования данного феномена в процессе институционализации социального обслуживания относятся к приоритетным направлениям современной социологии в рамках неоконституциональной теории.

Систему социального обслуживания, можно рассматривать как систему взаимодействующих социальных институтов на различных уровнях государственного управления. В соответствии с федеральным законом № 442 «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», к системе предоставления социальных услуг стоит относить органы исполнительной власти, учреждения системы органов социального обслуживания населения, негосударственные организации, занимающиеся предоставлением социальных услуг. Под социальным обслуживанием стоит понимать процесс предоставления социальных услуг, который направлен на поддержание жизнедеятельности и улучшение условий жизнедеятельности граждан.

Основной характеристикой системы предоставления социальных услуг, является ее направленность на удовлетворение потребностей граждан РФ в возможности получения и равного доступа к социальным услугам. Федеральное законодательство служит в данном случае связующим звеном в процессе организации социального обслуживания, регулируя и определяя цели, приоритеты, механизмы и услуги для организации социального обслуживания в стране. Взаимодействие социальных институтов на макро-, мезо-, и микро- уровнях представляется как органы федеральной исполнительной власти, органы региональной исполнительной власти, и учреждения социального обслуживания (поставщики социальных услуг).

К структурам бюрократии в системе социального обслуживания относятся все те учреждения, которые ведают вопросами регулирования социальных отношений. Указанные органы имеют соответствующие организации на всех уровнях власти. Учреждения на местном уровне, которые выдают, требуют справки и иные формы документов, занимаются вопросами организационной деятельности, на наш взгляд имеют наиболее плотную степень бюрократической нагрузки в изучаемом процессе. В данном случае поставщики социальных услуг выступают в роли конкретного исполнителя, которые обязаны полностью проводить процедуру предоставления социальных услуг. Ведут статистическую отчетность о количестве предоставленных услуг (для государственных поставщиков). Также они могут вносить предложения в уполномоченные органы исполнительной власти предложения по изменению, дополнению в механизмы реализации законов о социальном обслуживании на региональном уровне. Таким образом, учреждения, организующие социальное обслуживание населения напрямую реализуют функции социальных институтов по удовлетворению конкретных потребностей населения, а также участвуют в развитии этой системы.

Однако, в случае изучения влияния бюрократии на процесс предоставления социальных услуг, необходимо обращаться не только к агентам указанного процесса, а к конкретным механизмам его исполнения, то есть законодательным основам и процедурам предоставления социальных услуг.

В классическом понимании бюрократии, стоит обращаться к трудам Макса Вебера, который рассматривал рациональную бюрократическую систему, организованную по принципу «существования определенных служб, а стало быть, компетенции, строго определенных законами и правилами таким образом, что их функции четко разграничены, как и власть принимать решения в целях выполнения соответствующих задач».

Исходя из трактовки о том, что сам процесс бюрократизации является специализированным, можно предположить о наличии компетенций в прорабатываемых вопросах, рациональность процесса предоставления социальных услуг, который имеет высокую степень

проработанности и работоспособности в современных российских реалиях. Указанная проблема интересна с точки зрения организации процесса и возможности объективной оценки качества процесса.

В рамках неинституциональной теории предполагается, что социальные институты в сфере социального обслуживания поддаются анализу с помощью терминов и методов экономической науки. На наш взгляд, социальные институты в данном случае могут рассматриваться как «социальные сервисы», то есть как новые формы в рамках бюрократизации предоставления социальных услуг. Причиной такой экономической направленности служит процесс на микро институциональном уровне: происходит передача части полномочий государства в руки частных компаний (негосударственных поставщиков социальных услуг) в сфере социальных обязательств. При этом возможность контроля исполнения этих обязательств является бюрократия, которая выражается в форме заключения контрактов на предоставление социальных услуг.

В заключении стоит отметить, что указанные тезисы не полностью раскрывают процесс влияния бюрократии на процесс организации социального обслуживания.

Для полной картины необходим сравнительный анализ текущего законодательства на федеральном и региональном уровнях а также проведение исследования о развитии социальных сервисов в системе социального обслуживания населения в Российской Федерации.

1. ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации»;
2. Арон, Р. *Этапы развития социологической мысли* / Р. Арон. – М.: Прогресс, 1993. – С. 578.;
3. *Неоинституциональная экономика. Учебн. пособие для студ. эконом. спец.* – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 104 с.

СВЯЗЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ С УРОВНЕМ ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Михеева В.В., Чупров В. И. (Москва)

Россия и Украина имеют сходную специфику, которая заключается в цивилизационно-культурной сложности, большом количестве культурно-исторических элементов, религиозных, а также этнолингвистических. При этом социокультурная среда обладает наибольшим потенциалом неопределенности, что только добавляет сложности в непростые процессы, проходящие в трансформирующемся обществе. Таким образом, изучение социокультурных особенностей является актуальной проблемой для наших стран. А рассмотрение вопроса о связи социокультурных факторов с уровнем доверия в украинском обществе способно создать плацдарм для понимания событий, происходящих в Украине.

Социокультурный подхода в социологии предусматривает понимание культуры как активной творческой силы, воссоздающей и преобразующей социум. С точки зрения А.С. Ахиезера общественное воспроизводство происходит в соответствии с культурной программой, реализую которую человек воспроизводит культуру и воспроизводит себя как субъекта культуры. В отличие от биологических процессов человеческая история рефлексивна. Рост рефлексии означает «усиление способности человека делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности, содержанием своей культуры, своих действий» [1, С.51]. Однако в этом процессе культура вступает в противоречие с социальными отношениями.

Культура и социальные отношения, по мнению ученого — два аспекта воспроизводственной человеческой деятельности. Культура является способом реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций индивидов и рассматривается «как сфера творчества, фантазии». Социальные отношения, представляя собой одновременно систему коммуникаций, разделения и интеграции форм деятельности, обмена ресурсами, энергией, информацией, «отражают объективные условия, рамки, границы, структуру в целом». Воссоздаваемые человеческой деятельностью, они носят эмоциональный и одновременно абстрактный характер, т. е. осознанный через абстрактные формы, через мысль, обычаи, право и т. д. В силу своей воплощенности в массовый воспроизводственный процесс, они «всегда остаются функциональными» [1, С.54]. В обществе постоянно возникают противоречия между способами воспроизводства культуры, содержащимися в культурных программах, и объективными условиями, отраженными в социальных отношениях. Поэтому «источником социокультурных

противоречий становятся культурные программы, которые смещают воспроизводственную деятельность, таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения» [1, С.56].

Если в культурных программах содержатся основы для сохранения через деятельность людей исторически сложившихся социальных отношений, то сохраняется, и социальная основа существования культуры. В противном случае разрушается массовая социальная база культуры, гибнут социальные институты, которые ее сохраняют. В результате господствующая культура отходит на задний план, уступая место каким-то иным культурным формам.

В процессе осуществления программы национально-культурного возрождения страны после развала Союза обострились многие противоречия, имеющие исторические корни. Непримиримы формы приобрел общественный дискурс о языке, появились новые основания самоидентификации украинских граждан, возникли противоречивые взгляды на историю, в т.ч. и отношений с Россией, усилилось противостояние по актуальным жизненным проблемам между западными и восточными регионами Украины.

Эти и многие другие противоречия во многом связаны с отсутствием традиции государственности в украинском обществе. Как пишет академик Национальной академии наук Украины Петр Толочко, - «история реальная, а не воображаемая не свидетельствует о непрерывности отечественного государственного развития не только с невообразимо древних времен, но и с исторически обозримых. После разрушения Киеворусского государства монголо-татарами в 40-е гг. XIII в. собственная государственность у нас появилась только в результате национально-освободительной войны 1648—1654 гг. На правах автономии украинский Гетманат просуществовал в составе Российской империи до начала XVIII в., а затем был ликвидирован российскими властями. В последующем украинская государственность являлась составной частью общероссийской или союзной на востоке, юге и в центре страны и австро-венгерской, польской, румынской и чехословацкой — на западе» [2].

Различные части нынешней Украины веками жили в разных государственных образованиях. В современных границах она сформировалась только после присоединения западноукраинских земель перед и после Великой Отечественной войны, а также передачи в 1954 г. в ее административную юрисдикцию Крымской области.

«В условиях столь не продолжительного существования собственной государственности, делает вывод ученый, не произошла консолидация населения в единую политическую нацию. Для выработки стабильных традиций государственности, требуются исторически более протяженные сроки, да и то при условии, что необходимость этого осознается не только политической и творческой элитой общества, но также и самим обществом» [2].

Размышляя об исторических особенностях становления национального самосознания украинцев, президент Украины (1994-2004 гг.) Л.Д Кучма в своей книге «Украина – не Россия» пишет: «Украинская культура бывшего государства Даниила (Даниила Галицкого – короля Галицко-Волинского княжества – примечание наше) существовала в одном «котле» с полудюжиной других культур: немецкой (австрийской), польской, еврейской, словацкой, венгерской. ...Восточные украинцы знали только русское влияние и лишь отчасти польское Западный украинец гораздо ближе по своим понятиям и привычкам к чеху, поляку, в чем-то даже к австрийцу, чем к русскому или восточному украинцу» [3]. Исторически обусловленные этнокультурные и религиозные различия представителей украинской нации, населяющих западные и восточные регионы Украины, стали факторами многих противоречий в отношениях между ними.

К таким противоречиям мы можем отнести отношение к понятиям Русь и Украина, исторически обусловленное расслоение украинского общества, в том числе и по отношению к языку - одному из главных оснований национальной идентичности, Брестскую унию 1596 г., которая, по мнению академика П. Толочко, - «разделила единый православный украинский народ на два, и негативные последствия которой мы ощущаем до сих пор. ...»[2]. К этому добавляются противоречия в ценностных представлениях с представителями римо-католической религии, доминирующей в западных регионах. Поэтому речь идет не просто о региональной направленности симпатий украинцев, но о социокультурных различиях их самоощущения.

В 2012 году в Украине Институтом социологии Национальной академии наук Украины под руководством академика В.М. Вороны [4] было проведено социологическое исследование, которое (в том числе) позволяет проследить связь социокультурных факторов с уровнем доверия в украинском обществе.

Базовым социокультурным фактором является родной язык, поскольку в нем отражается влияние среды социализации. Практически одинаковые значения интегрального показателя уровня доверия (К) среди носителей родного украинского и русского языка (К= соответственно 2,57 и 2,54) свидетельствуют об общих исторически сложившихся социокультурных корнях, лежащих в основе социализации представителей украинского и русского этносов. Хотя носители украинского (родного) языка несколько больше доверяют соотечественникам (44% против 40,9% среди носителей русского языка), но меньше Президенту (13,8% против 19%) и Правительству (8,8% против 11,4%), т.е. политическим институтам, различия в процентном выражении не столь значительны.

Однако разрыв в оценках доверия увеличивается, когда возникает вопрос: «Считаете ли Вы необходимым придать русскому языку статус официального в Украине?». Значение интегрального показателя среди респондентов, признающих возможность государственного билингвизма в Украине выше (К=2,61), по сравнению с теми, кто отрицает двуязычие (К=2,39). Особенно заметно проявляется различие в оценках уровня доверия политическим институтам: Президенту В. Януковичу, который обещал признать русский язык государственным, доверяют 23,3% сторонников двуязычия и 8% противников, Верховной Раде – соответственно 10,1% и 3,4%, Правительству – 12,4% и 5%. То есть политизация данного фактора отражается на соотношении доверия/недоверия в противоборствующих группах.

Влияние процесса политизации проявилось и в анализе связи уровня доверия с самоидентификацией респондентов с Украиной и со своим этносом. В первом случае акцентируется политическое основание самоидентификации, а во втором - социокультурное. Значение интегрального показателя доверия среди респондентов, идентифицирующих себя с Украиной, выше (К=2,50), чем среди тех, кто, в первую очередь считает себя представителем своего этноса (К=2,41). То есть политическое основание самоидентификации в большей степени влияет на доверие в украинском обществе, чем социокультурное.

Влияние политизации становится еще более выраженным в другой постановке вопроса о самоидентификации – «В какой степени Вы гордитесь или не гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?». Среди тех, кто испытывает чувство национальной гордости значение интегрального показателя доверия существенно выше (К=2,67), чем среди не испытывающих это чувство (К=2,27), и по сравнению с теми, кто идентифицирует себя с Украиной (К=2,50). Политизация гражданской самоидентификации следующим образом отразилась в доверии: соотечественникам – 53,9% среди испытывающих чувство гордости, против 33,1% - среди тех, кто не гордится своей гражданской принадлежностью; Президенту – соответственно 23% против 13,1%; Верховной Раде – 10,1% против 4,9%; Правительству – 15,8% против 9,1%; милиции – 10,8% против 4,9%. Более высокий разрыв в значениях доверия в этих группах по сравнению с соотношением этих значений в связи с самоидентификацией респондентов с Украиной и со своим этносом подтверждает вывод о политизации социокультурных факторов в трансформирующемся украинском обществе.

Рассмотренные выше, исторически обусловленные социокультурные различия в западных и восточных регионах страны также отразились на уровне доверия. В западных регионах выше, чем в восточных, доверие соотечественникам (56% против 48,8%) и правоохранительным органам (милиции – 10,8% против 6,3%). А в восточных регионах выше, чем в западных уровень доверия политическим институтам (Президенту – 20,9% против 7,8%), Верховной Раде – 9,3% против 1,2%, Правительству – 14,1% против 2,4%). В целом же, уровень доверия в восточных регионах значительно выше, чем в Западных, о чем свидетельствуют значения интегральных показателей (К=2,49 - в восточных регионах и 2,24 - в западных). Следовательно, региональные социокультурные различия в условиях политизированности современного украинского общества оказывают заметное влияние на уровень доверия.

1. Ахизер А.С. *Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему.* Новосибирск. – Сибирский хронограф. 1997.
2. Толочко П. *Из Украины делают Великую Галичину.* <http://parafraz.net/ptolochko-iz-ukrainy-delayu-qvelyku-galychyniuq.html>
3. Кучма Л.Д. *Украина – не Россия. Возвращение в историю.* М., Время, 2004. С. 24-25.
4. Мониторинг «Украинское общество 2012 (мнения, оценки и условия жизни населения Украины)» проводился Институтом социологии НАН Украины в 26 областях. Выборка составила 1800 человек.

СНИЖЕНИЕ ЗНАЧИМОСТИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ, КАК РЕЗУЛЬТАТ СОКРАЩЕНИЕ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ

Мозокина Е.С. (Санкт-Петербург)

В современном российском обществе все заметнее обозначается кризис института семьи, суть которого состоит в усугублении противоречия между семейными и вне семейными ценностями [1]. В большинстве случаев каждый из супругов имеет собственные взгляды на личное развитие и профессиональный рост. Каждый стремится достигнуть личных целей и часто возникает столкновение интересов, а так же разногласия по бытовым вопросам и обязанностям.

Такую тенденцию можно наблюдать в связи с ростом возможностей и реализации личностного потенциала. В том числе и отсутствие умения обсуждать насущные проблемы, с целью разрешения их и сохранения брака. Каждый из супругов не хочет уступать, считая, что его ценности и амбиции важнее, чем у другого.

Среди молодых людей наблюдается стремление повысить уровень образования, осуществить профессиональный рост, независимо организовывать досуг и распоряжаться свободным временем, достичь материальной самостоятельности, что в лучшем случае приводит к откладыванию момента вступления в брак [1]. Улучшение материального положения, стремление перейти из одного социального слоя общества в другой стали доминирующей тенденцией брака у молодежи. Но только молодёжь не учитывает тот факт, что процесс реализации своего личностного потенциала, без наличия гармоничной микросреды усложняет ход развития. Слаженность семейной жизни способствует более успешному развитию и раскрытию своих возможностей, в том числе и профессионального роста. В то же время необходимо учитывать, что семейное благополучие зависит от подготовленности будущих супругов в бытовом плане. Когда каждый понимает для себя: какая семья должна быть, какие обязанности будут у каждого из супругов.

Отсутствие осведомленности о предстоящих обязанностях, сложностях может свидетельствовать тот факт, что в школах гораздо меньше говорят и обсуждают брак, а так же подготовку к нему. Кроме каких-либо умений для быта, необходимо быть настроенным на семью, осознавать какие трудности могут возникнуть и как с ними быть. Можно предположить: если ввести в школу небольшие уроки по организации семьи и быта, то в дальнейшем большее количество молодёжи будет готово к браку и ведению совместного хозяйства. Ведь совсем недавно ещё были такие уроки как домоводство, где девочек обучали азам кулинарии, кройки и шитья. В свою очередь мальчиков обучали починки небольшой техники и использование инструментов в быту.

В том числе, хочется отметить, что на данный момент в СМИ и просторах интернета присутствует противоречивые настроения. Где высмеиваются семейные ценности, централизуя внимание на самодостаточности и личностном росте. Что так же влияет на молодое поколение. Подростки, не желая, быть изгоями поддерживают данные мысли и в дальнейшем идут во взрослую жизнь с такой позицией.

Необходимо с ранних лет зарождавать мысли у детей, что семья это важная зона самореализации, где мужчина и женщина становятся самодостаточными и зрелыми людьми. Не только профессиональный рост и материальные блага помогут достичь желаемых целей, но и семья, которая всегда будет рядом. Поэтому, на данный момент, можно считать, что молодое поколение не готово к браку и к семье, следует более внимательно прорабатывать имидж семейных ценностей и внедрять их в молодёжную культуру.

1.Лагойда Н.Г. «Проблема подготовки современной молодёжи к браку и пути её решения» Журнал: Вестник бурятского университета 5/2013 стр.82-87.

СОЦИОЛОГИЯ О ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мокшин В.К., Шипелик О.В. (Архангельск)

Предметом исследования является личность как субъект социальных отношений. Критикуя рассмотрение личности в качестве индивида, в статье используется методология сведения индивидуального к социальному. Авторы приходят к выводу: системообразующие признаки личности определяются социально-типическим в практической деятельности человека.

The subject of study is the individual as a subject of social relations. Criticizing the consideration of the person as an individual, the article details the methodology used by the individual to the social. The authors conclude: backbone signs personality structure defined by socio-typical in the practical activity of man.

Социология личности предпринимала попытки провести анализ воздействия социальных отношений на ее развитие на протяжении всей истории XIX-XX вв. С конца 80 – начала 90-х гг. XX в. по настоящее время в связи с изменением марксистско-ленинской идеологии в современной России поменялось и общее направление исследования личности. В структуре личности, по мнению одних авторов, имеют место социальные и биологические элементы, по мнению других – только социальные. Первое направление считает, что: личность есть носитель свойств социальных, биологических, психологических. Эти исследователи считают своим достоинством рассмотрение «живой личности человека». На самом деле они сводят личность к живой анатомии и физиологии человеческого организма.

Представители второго направления полагают, что личность имеет биологическую (природную) основу, но по своим определяющим признакам она социальна. Они полагают, что необходимо выделить основное свойство личности, а именно «социальное качество».

Третья группа исследователей считает, что личность есть совокупность всех общественных отношений и в этом смысле она представляет собой: индивидуальное бытие общественных отношений. Они, опираясь на тезис Маркса о том, что сущность человека есть совокупность всех общественных отношений, считают, что личность есть только социальное образование. Для нас это наиболее приемлемая точка зрения.

В 90-е гг. XX в. появляется целая серия работ, посвященная многочисленным измерениям человека [1]. Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов [2] определяют грани человека: космическую, биологическую, социальную, культурную, психологическую, этическую, экзистенциальную. Данные подходы позволяют информативно и концептуально обобщить данные различных наук о человеке.

Другой автор предлагает использовать социокультурный подход [3]. Он выступает против тезиса о человеке как совокупности всех общественных отношений. Однако данные рассуждения являются логически непоследовательными. Во-первых, выступая против тезиса о человеке как совокупности всех общественных отношений, он в то же время анализирует личность и культуру в системе цивилизационных механизмов (а это и есть система общественных отношений). Во-вторых, он объясняет сохранение биологической природы человека природными закономерностями. Он пишет, что если биосфера Земли будет деградировать, то возникает угроза и социальному бытию людей. Однако причинно-следственные отношения носят обратный характер. Организация общества в ответе за состояние биосферы. Общество массового потребления – реальная угроза человечеству, а не состояние биосферы. Становление личности он определяет как персонализацию человека.

По мнению С.А. Лебедева и Ф.В. Лазарева[4] марксистское понимание сущности человека, личности как совокупности общественных отношений является редукционизмом. Эти авторы выделяют общую структуру природы человека (космо-био-социо-культурно, экзистенциально, духовное) и уровневую природу человека. Считают, что духовный уровень (религиозные, этические, эстетические и др.) не выводим из социального уровня. Однако данное утверждение противоречит социокультурному подходу. Если принять точку зрения авторов, то оказываются необъяснимыми специфика ценностей, идеалов, образцов поведения, традиций, норм в различных социумах. Продолжая полемизировать с Марксом (якобы, с Марксом), авторы не согласны, что все сферы культурного бытия выводимы из экономического уклада, из материальной жизни людей. Но Маркс и Энгельс этого никогда не утверждали. Кроме того, экономический уклад не тождественен материальной жизни.

Подобная точка зрения означает шаг назад в исследовании личности. Обратившись к отечественной истории социальной мысли, увидим, что еще представитель субъективной социологии П.Л. Лавров подчеркивал главенство связи личности и социума. Он пишет, что «личность всем своим развитием обязана обществу, которое ее выработало, и что в то же время лишь она своею деятельностью может развивать общество» [5, с. 372].

Другой субъективный социолог – Н.К. Михайловский утверждал, что личное начало в человеке является главным фактором социального прогресса. При этом он автоматически отрицал «главную роль внесубъективной объективной детерминации человеческой истории» [6, с. XVI]. Общество стремится разделить личность. Поэтому возникает конфликт в системе «личность-

общество». Личность «должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность и разнородность своего я» [7, с. 265].

Н.К. Михайловский, хотя и использовал субъективный метод в анализе общества и личности, все же признавал объективное влияние разделения труда на личность. Критикуя теорию Э. Дюркгейма, он отмечает, что французский социолог не увидел негативных последствий воздействия разделения труда на личность. По Н.К. Михайловскому разделение труда в простой кооперации придает личности разнородность (но не однородность, как утверждал Э. Дюркгейм). Она ведет к взаимопониманию и солидарности. Образцом простой кооперации является сельская община. Именно она подчиняет интересы общества интересам человека. Когда произошло разделение умственного и физического труда, то люди утратили гармоничность. В сложной кооперации личность утрачивает свою индивидуальность, поскольку человек выполняет только одну ограниченную функцию. По Н.К. Михайловскому, чем в меньшей степени развит труд между людьми, тем более прогрессивно общество. Сложная кооперация (капиталистическая организация труда) враждебна человеку. Разделение труда может привести человека к деградации. Необходимо предпринять возврат к простому сотрудничеству. Именно здесь человек ставит себя в центр мира. «Михайловский представляет исторический процесс в виде дифференциации социальной среды, следствием которой является появление индивидуальности (личности)» [8, с. 169]. Даже немарксистская социология Н.К. Михайловского признает определяющее действие общества на личность, в отличие от С.А. Лебедева, Ф.В. Лазарева.

Человек, личность начинается с деятельности, с практического отношения к природе. Всякая природно-преобразовательная деятельность и есть историческое развитие человека (личности). Природа личности и ее сущность совпадают. Что же касается морфологических признаков личности (анатомия, физиология, нервная система), то взятые сами по себе вне личности, включенной в систему общественных отношений, они не представляют собой ничего специфически человеческого. Общественные отношения оказываются тем пространством, где различия между людьми существуют и проявляются. И поскольку этот человек, личность, как социальный тип, существует в том, или ином классовом обществе, то неизбежно социальные роли, функции личности одного типа будут противостоять (или отличаться) общественным функциям личности другого типа. При таком подходе обнаруживается, что личности, несмотря на то, что все они люди, все же различные личности. Различие и выражает тот факт, что люди социально определены, но определены по-разному. Социальная определенность порождает различных личностей. Общественные отношения, и прежде всего отношения в экономической сфере, создают ту или иную определенность личности.

1. Козелецкий Ю. *Человек многомерный (психологическое эссе)*. Киев. Лыбидь, 1991.;
2. Келасъев В.Н. *Интегративная концепция человека*. СПб. 1992.;
3. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. *Многомерный мир современного человека*. М., 1998.
4. Келле В.Ж. *Личность и культура в системе цивилизационных механизмов. // Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование человека. / Отв. ред. академик И.Т. Фролов, член-корр. РАН Б.Г. Юдин. М.: Наука, 2001.*
5. Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. *Многомерный человек: онтология и методика исследования*. – М.: МГУ, 2010.
6. Лавров П.Л. *Избранные труды. Автор вступит статьи и комментарии Р.А. Асланов*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2010.
7. Козловский В.В. *Социологическое наследие Николая Михайловского // Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в двух томах. Том 1. / Ответственный ред. В.В. Козловский. - СПб., «Алетейя», 1998.*
8. Михайловский Н.К. *Герои и толпа. Избранные труды по социологии в двух томах. Том второй. Ответственный ред. В.В. Козловский. – СПб.: «Алетейя», 1998.*
9. *Социологическая мысль России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX века – начала XX века. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Б.А. Чагина. – Ленинград: Наука, 1978.*

МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЛОНТЕРСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Мосиенко О.С., Овсенкова Ю.Г. (Ростов-на-Дону)

Мотивы людей, вступающих в ряды волонтеров, различны. Одни руководствуются собственными интересами, другие хотят быть членами команды, третьи желают завести новые знакомства, познать мир, получить опыт, который обязательно пригодится в дальнейшей жизни.

Но чаще всего волонтерами движет стремление чувствовать себя нужным человечеству, возможность помогать ближним. Во Всемирной Декларации Добровольчества, принятой в январе 2001 года, подчеркивается, что добровольчество - способ сохранения и укрепления человеческих ценностей, реализации прав и обязанностей граждан, личностного роста, через осознание человеческого потенциала [1].

Российские ученые и педагоги С.В. Тетерский и О.В. Решетников выявили иерархию мотивов, которыми движимы люди, начинающие заниматься добровольчеством:

- безотносительные ценности (для христианского мира - любовь, труд, долг, этика человеческих взаимоотношений);
- общечеловеческие ценности;
- самореализация;
- общественное признание, чувство социальной значимости;
- самовыражение и самоопределение;
- профессиональное ориентирование;
- приобретение полезных социальных и практических навыков;
- возможность общения, дружеского взаимодействия с единомышленниками;
- приобретение опыта ответственного лидерства и социального взаимодействия;
- способность выразить гражданскую позицию;
- выполнение общественного и / или религиозного долга;
- организация свободного времени [2, с. 19-25].

Если сгруппировать вышеназванные мотивы, то можно выделить два основных: альтруистический (мотив эмпатии и морального долга) и материально-символический (стремление к признанию, любви, известности, власти, безопасности, свободе и т. д.).

Однако сложно определить, каким именно мотивом руководствуется тот или иной человек. Принятие решения об оказании той или иной помощи другому члену общества всегда представляет собой результат сразу нескольких мотиваций и причин. Основная задача волонтерской организации или ее активистов – это привлечь внимание добровольца именно в рамках своей направленности или, наоборот, задействовать его сразу в нескольких направлениях.

Процесс выявления мотивов, которыми руководствовались те или иные люди, является весьма сложным и индивидуальным. Для их выявления мы взяли интервью у пятерых добровольцев, которые активно участвовали в волонтерской деятельности, направленной на помощь беженцам Украины [3, с. 224-230]. Мы выбрали разных по полу людей: 2 мужчины и 3 женщины. Возраст интервьюированных: от 18 до 45 лет. Все они жители города Ростов-на-Дону. Участники интервью работают в разных сферах: госслужащий, работник сферы услуг, индивидуальный предприниматель, журналист и домохозяйка. Им всем были заданы одинаковые вопросы:

1. По какой причине Вы вступили в ряды волонтеров?
2. Вы впервые участвовали в волонтерской деятельности?
3. Ваше решение было спонтанным или обдуманным?
4. С какими трудностями Вы столкнулись?
5. Как вы оцениваете работу СМИ по информированию граждан и привлечению внимания к данной проблеме?
6. Стали бы Вы волонтером ещё раз?

Центральным пунктом исследования стал вопрос: «По какой причине Вы вступили в ряды волонтеров?». Двое участников интервью ответили, что основная причина – это сочувствие ближним. Ещё двое ответили, что они не могут оставаться в стороне, когда у них есть возможность помочь. И ещё один ответ – желание помочь ближним. Все эти ответы показывают, что людьми движет общечеловеческая ценность – помощь ближним и сочувствие. Любопытно, что несколько интервьюированных указали, что они надеются, «что в экстренной ситуации нам тоже помогут». Исходя из полученных ответов, респонденты руководствуются следующими мотивами:

1. Безотносительные мотивы. В ответах наших респондентов присутствовали такие мотивы, как долг и этика человеческих взаимоотношений.
2. Общечеловеческие ценности, а именно – сочувствие, желание помочь ближнему.
3. Способность выразить гражданскую позицию.

По результатам интервью, мы сделали вывод, что все респонденты руководствуются альтруистическими мотивами, так как они не рассчитывают получить материальную отдачу, не

стремятся к известности, а также волонтерская деятельность не является их профессиональной деятельностью.

Следующим важным вопросом стал: «Вы впервые участвовали в волонтерской деятельности?». Очень ценно, что четверо из пяти опрошенных, ответили «нет, уже участвовал/а ранее в волонтерской деятельности». По данным нашего интервью, его участники уже участвовали в акциях помощи детям и животным, участвовали в сборе гуманитарной помощи жителям Крымска (в 2012 году там произошло наводнение).

Следующий вопрос: «Ваше решение было спонтанным или обдуманым?». Он направлен на выяснение того, как быстро добровольцы принимают решение об участии в той или иной волонтерской деятельности. Трое из пяти ответили, что решение было продуманным. Волонтеры очень ответственно отнеслись к этому вопросу, изучили план действий, что именно необходимо беженцам на данный момент, какие есть организации, куда именно нужно поехать. Двое из пяти ответили, что решение было спонтанным. Вот один из ответов: «Моё решение было спонтанным. Я просто решил помочь потому, что могу это сделать».

Еще один вопрос, который необходим для нашего исследования: «С какими трудностями Вы столкнулись?». На этот вопрос всего два участника ответили, что трудностей, как таковых, не возникло. При этом еще трое выделили целый ряд проблем, а именно:

1. Сложность с логистикой и доставкой гуманитарной помощи в приграничные регионы.
2. Многие организации не указывали места сборов, сложно было найти, к кому обратиться за достоверной информацией.
3. Отсутствие конкретных списков того, что необходимо было везти беженцам.
4. Слабая работа СМИ.
5. Сложности со сбором денежных средств. У респондентов не было доверия к тем организациям, которые занимались исключительно сбором денежных средств.

Мы задали еще вопрос: «Как вы оцениваете работу СМИ по информированию граждан и привлечению внимания к данной проблеме?». Только двое ответили, что в СМИ было достаточно данных, чтобы принять решение участвовать в волонтерской деятельности. При проведении интервью сложилось впечатление, что большинство интервьюированных не довольны работой СМИ в кризисных ситуациях.

И последний вопрос, который мы задали волонтерам: «Стали бы Вы волонтером ещё раз?». Здесь все опрошенные ответили, что стали бы волонтером ещё раз. Однако один из участников сообщил, что станет волонтером только в экстренных ситуациях, пояснив это недостатком свободного времени. И еще один волонтер ответил: «Вполне возможно, если я буду понимать необходимость в помощи».

Подводя итоги проделанной работы, можно точно сказать, что люди готовы и хотят быть волонтерами. Их мотивы альтруистичны, они руководствуются желанием помочь ближним, они сочувствуют гражданам Украины, попавшим в непростую ситуацию. Большинство людей, вступающих в ряды волонтеров, не рассчитывают получить материальную отдачу и не стремятся к известности, они просто готовы и способны помогать. Однако проблемы, с которыми столкнулись волонтеры, зачастую, могут «отбить» желание участвовать в подобных мероприятиях.

1. *Всемирная декларация добровольцев (принята на 11-м Конгрессе Международной Ассоциации Добровольцев, Париж, 14 сентября 1990 года). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newparlament.ru/docs/view/2132> (дата обращения 20.09.2016)*

2. *Киреева Л.В. Феномен современного добровольчества. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология 2011. Вып. 2 (21). С. 19–25.*

3. *Мосиенко О.С., Овсенкова Ю.Г. Волонтерская деятельность Ростовской области в период украинского кризиса // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе: сборник научных статей. Вып. 8. Материалы IX Международной научной конференции кафедры конфликтологии и национальной безопасности ЮФУ «Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе» (Ростов-на-Дону, 18-19 декабря 2015 г.) / под ред. д.ф.н., проф. В.Н. Коновалова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. – 440 с. С. 224-230.*

ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНСАЛТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Москальчук Е.И. (Санкт-Петербург)

Под международной консалтинговой деятельностью неправительственных организаций (НПО) мы подразумеваем процесс предоставления консультаций международным межправительственным организациям и государственным структурам. Юридически этот процесс предполагает наличие у НПО официального статуса при международной межправительственной организации (например, консультативный статус ЭКОСОС ООН или статус участника Совета Европы), но, фактически любая организация, которая осуществляет деятельность на международной арене, так или иначе связана с международными межправительственными организациями или двусторонними отношениями между государствами, может заниматься международной консалтинговой деятельностью.

Мы остановим свое внимание на проблеме легитимности рассматриваемой нами деятельности НПО. В этом вопросе существует ряд противоречий, которые мы постараемся выявить. Прежде всего, отметим, что международная деятельность НПО часто рассматривается как деятельность способствующая легитимации международного порядка. При этом восприятие легитимности на международной арене происходит сквозь видение влиятельных акторов. С помощью своего влияния они будут легитимировать свою деятельность, ссылаясь на всевозможные правила и нормы. В то же время их противники будут апеллировать к тому, что их деятельность нелегитимна. В соответствии с этим утверждением, выявим ряд источников легитимации международной консалтинговой деятельности НПО и рассмотрим их противоречия.

Во-первых, с точки зрения морально-этических норм, деятельность НПО приобретает особую значимость, так как они ссылаются на то, что они заботятся о незащищенных группах населения. Так, они ссылаются на Конвенцию о правах человека, Конвенцию о правах детей, что способствует легитимации и признанию их деятельности. Все документы, на которые опираются НПО признаны международным сообществом, но для многих обществ возникает вопрос их трактовки. Например, применение ювенальной юстиции во многих национальных обществах вызывает недовольство и сопротивление. Во-вторых, большинство НПО которые занимаются международной деятельностью — это крупные организации, которые насчитывают огромное количество сторонников. Например, Amnesty International пользуется широкой общественной поддержкой благодаря своей политике в сети Интернет. Они реализуют массовую рассылку, таким образом формируют общественное мнение. Чем большее количество волонтеров и просто людей, которые поддерживают деятельность НПО, приобретает организация, тем легитимнее становится ее деятельность в глазах общественности. С ростом организации растет ее влияние. В современной литературе все чаще встречаются идеи о том, что среди НПО, которые осуществляют международную консалтинговую деятельность появляются "монополисты", т.е. те организации, в руках которых сосредоточено большинство ресурсов, в том числе и финансовых. В то время как меньшие по размеру НПО ограничены в своих возможностях. В-третьих, фактором легитимации деятельности НПО также является экспертная деятельность представителей организации. Так, доверие к экспертам всегда бывает выше, чем к тем, кто не обладает знаниями по той или иной проблеме. Но, при этом, возникает вопрос о том, насколько мнение эксперта независимо от внешнего влияния.

В четвертых, важным компонентом легитимности деятельности НПО на международной арене является финансовая независимость организаций. Например, обязательным условием для получения консультативного статуса ЭКОСОС ООН является финансовая независимость от государств или коммерческих структур. Médecins Sans Frontières имеет строго гуманитарные цели, и Human Rights Watch не принимает государственного финансирования. Но, в то же время, поддержка со стороны влиятельных государственных акторов (международных межправительственных организаций или государств) повышает уровень легитимности деятельности НПО. Так, организация, получившая официальный статус приобретает большую легитимность в глазах общественности. В пятых, если рассматривать НПО как часть глобального гражданского общества, то, можно сделать вывод о том, что они являются «голосом народа». Но представлять интересы всего общества невозможно, и интересы групп, которые представляют те или иные НПО, могут сильно отличаться друг от друга или даже носить конфронтационный характер.

Мы рассмотрели ряд источников легитимации международной консалтинговой деятельности НПО, при этом, указав на те противоречия, которые существуют. Рассмотренные нами вопросы тесно связаны с другими аспектами деятельности НПО, например, с неравномерным распределением ресурсов между ними, формированием крупных сетей НПО (увеличением и централизацией структуры), бюрократизацией их деятельности, так как необходимость легитимации становится следствием всех процессов, которые происходят в современной международной системе.

1. Хабермас Ю. *Постнациональная констелляция и будущее демократии* (Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1998. S. 91—163.) / Перевод Б. М. Скуратова. // *Логос*, 2003, № 4—5 (39). С. 105-152;
2. Collingwood V. *Non-governmental organisations, power and legitimacy in international society* // *Review of International Studies*. – 2006. – Т. 32. – №. 03. – С. 439-454.
3. Hudson A. *Making the connection: Legitimacy claims, legitimacy chains and northern NGOs' international advocacy* // *New roles and relevance, development NGOs and the challenge of change*. – 2000. – С. 89-98.
4. Lister S. *NGO legitimacy technical issue or social construct?* // *Critique of anthropology*. – 2003. – Т. 23. – №. 2. – С. 175-192.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Мосягина Я.О. (Санкт-Петербург)

Растущий интерес ученых и общественности к проблематике качества жизни свидетельствует, что наше общество озабочено уже не столько проблемами выживания, сколько вопросами устойчивого социального развития России, которая возвращает свою значимую роль в мировом сообществе. Проблема создания достойных условий жизни не только для будущих, но и для ныне живущих поколений – одна из приоритетных задач современного российского общества.

Преградой в выполнении данной задачи является в первую очередь социально-экономическое неравенство. За годы рыночных реформ данная проблема не только не была решена, но и приобрела еще более резкие очертания, которые выражаются в падении уровня жизни населения как в России в целом, так и во многих ее регионах, в том числе, в Республике Мордовия.

При построении рейтинга регионов по критерию «качество жизни населения» учитывались следующие показатели: уровень доходов и жилищные условия, безопасность, демографическая ситуация, уровень образования и качество медицинских услуг, экологическая ситуация, социальная инфраструктура, транспортная инфраструктура, развитие малого бизнеса.

Проанализируем динамику некоторых показателей, чтобы дать общую оценку качества жизни населения в Республике Мордовия.

Определяющим показателем в оценке качества жизни населения является средняя продолжительность жизни. Основные демографические показатели – рождаемость, смертность, естественный прирост (убыль) – зависят от уровня развития общества, от качества жизни.

По данным Федеральной службы государственной статистики по РМ население Республики Мордовия за 2014 год уменьшилось на 3,3 тыс. человек и к началу 2015 г. составило 808,5 тыс. человек. Снижение численности населения произошло за счет естественной убыли (3268 человек), но миграционный поток в 2014 году стал положительным (220 тыс. человек) [4].

Определяющим показателем в оценке качества жизни является здоровье как базовая ценность, от которой зависят все остальные характеристики. Состояние здоровья – один из самых важных индикаторов благополучия общества в целом. К сожалению, сегодня проблема здоровья перемещается из старших возрастных групп в молодые, что явно противоречит естественным процессам, когда человек теряет здоровье постепенно, с возрастом. Основными причинами смерти населения являются болезни системы кровообращения (46,2 % от общего числа умерших), на втором месте – онкологические заболевания (12,1 %). Следует отметить, что смертность мужчин в рабочих возрастах в 4,6 раза выше, чем смертность женщин. Характерной особенностью республики является более высокая смертность трудоспособного населения, проживающего в сельской местности. За 2014 г. общий коэффициент смертности на селе был в 1,5 раза выше, чем в городе. По сравнению с 2013 г. смертность в этих возрастах в сельской местности уменьшилась на 7,0 %, а в городской местности – на 14,3 %.

Материальной основой оценки качества жизни являются доходы населения (ресурсы в денежном и натуральном выражении) [1].

В денежных доходах населения Республики Мордовия с 2010 по 2015 гг. наблюдался ежегодный рост (в среднем на 17,0 % в год). В результате в 2015 г. номинальные денежные доходы увеличились относительно 2010 г. почти в 3 раза. Однако этот рост был неравномерным. Так, например, в 2011 г. в сравнении с предыдущим годом прирост денежных доходов населения составил 35,4 %, а в 2014 г. по отношению к 2015 г. доходы выросли лишь на 4,9 %. Следует отметить, что одной из причин данной тенденции стал мировой финансовый кризис.

Адекватно измерить уровень благосостояния населения позволяет показатель среднедушевых денежных доходов, которые в 2015 г. сложились в сумме 17521,7 рублей.

В 2015 г. относительно 2010 г. среднедушевые денежные доходы выросли более чем в 3 раза. Но, если за период 2010–2015 гг. доходы на душу населения росли в среднем на 22 % в год, то последние два года отмечены ростом примерно на 7 %. Следует отметить и то, что реальные среднедушевые доходы за указанный период выросли совокупно на 66,9%.

Несмотря на то, что в период с 2010 по 2015 гг. номинальные денежные доходы населения республики выросли практически в 3 раза, реальные располагаемые доходы за этот же период увеличились на 75,2 %. Основными источниками доходов у населения по-прежнему являются оплата труда, пенсии и социальная помощь. Эти статьи доходов и определяют уровень жизни населения Республики Мордовия [1].

Для анализа качества жизни населения используется также показатель безработицы. По данным за 2015 год Республика Мордовия находится на 19 месте по уровню безработицы, который составил 4,20 %, тогда как средний уровень по стране составил 5,7 %.

Однако вернемся к другим показателям, характеризующим качество жизни населения республики. Кратко рассмотрим показатели обеспеченности населения жильем, безопасности проживания и экологической безопасности [2].

Несмотря на то, что за анализируемый период количество построенных квадратных метров в разные годы то снижалось, то увеличивалось, показатель жилищного фонда с каждым годом растет. Однако стоит заметить, что одновременно растет и стоимость жилья, а также - очередь на получение субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, что негативно сказывается на своевременном и качественном обеспечении населения собственным жильем.

Экологическую безопасность целесообразно рассматривать через показатель загрязнения воздуха и окружающей среды. В 2015 году в атмосферу выброшено максимальное количество загрязняющих веществ – 50 тысяч тонн. Это отрицательно сказывается на качестве жизни населения, а именно - на состоянии здоровья граждан.

Важно отметить, что показатель «качество жизни» является комплексным и включает в себя массу индикаторов, характеристик и оценок. Для того чтобы описать уровень и качество жизни населения Республики Мордовия, был проведен анализ современной демографической ситуации в регионе, основных показателей дифференциации доходов населения, динамики прожиточного минимума в республике, уровня безработицы, показателей преступности и состояния жилищного фонда, а также одного из показателей экологической безопасности. Вполне понятно, что, являясь одной из административно-территориальных единиц Российской Федерации, Республика Мордовия во многом зависит от тенденций изменения уровня качества жизни населения, сложившихся в стране в целом. Однако уровень и качество жизни населения по совокупности показателей в целом является достаточно низким. Об этом свидетельствуют негативные тенденции в области демографической ситуации, связанные с высокой смертностью населения, его здоровьем. Нельзя не отметить также высокую дифференциацию доходов населения [3].

Значение «социальных» отраслей явно недооценивается, их проблемы относят к проблемам второго-третьего порядка. Но на этапе реализации совершенно правильных постулатов методологии и бюджетной политики начинаются серьезные проблемы.

На сегодняшний момент в России сложилась непростая экономическая ситуация, так как произошло падение цен на нефть, ослабление национальной валюты, введение санкций, направленных против РФ. Возникшие трудности, несмотря на их негативное влияние на экономическую и социальную сферы жизни общества, стимулируют поиск новых источников дохода федерального бюджета и способствуют развитию национальной промышленности, агропромышленного комплекса и иных сфер. Это поможет постепенно решить проблему повышения качества жизни россиян.

1. Анализ динамики доходов населения (на примере республики финно-угорского типа Мордовия) / Москалева Е.Г., Ведякова И.В. // Экономика и социум. 2015. № 1-3 (14). С. 1299-1304.
2. Анализ социальной справедливости и комфортности проживания населения финно-угорских территорий (на примере Республики Мордовия и других регионов ПФО) / Москалева Е.Г., Кавкайкина О.И. // Экономика и социум. 2014. № 1-2 (10). С. 369-372.
3. Гудз Д. Ю. Уровень жизни, бедность и социально-экономическая дифференциация населения / Д. Ю. Гудз // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 2. – С. 79–84.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mrd.gks.ru/default.aspx>. Дата обращения - 06.10.16.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Мурашкин Д.Р. (Волгоград)

Общественное мнение есть состояние и отражение массового сознания. Роль общественного мнения в государстве может варьироваться в широком диапазоне - от крайне малой до определяющей. Одной из популярных современных тенденций в научном сообществе, является рассмотрение общественного мнения как потенциала, обладающего возможностью оказания влияния на процесс принятия политических решений. Данная тенденция не обошла стороной и Россию. В нашей стране, отношения власти и общества становятся поводом для активных дискуссий. В первой части Конституции Российской Федерации сказано: «Российская Федерация - Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Так ли это на самом деле? Действительно ли при демократическом режиме в России органы государственной власти опираются на мнение граждан в решении глобальных и повседневных проблем? Можно ли назвать режим демократическим, если законодательные органы не опираются на мнение граждан? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть различные политические режимы и взаимодействие в них власти с общественным мнением.

Каждый политический режим необходимо рассматривать исходя из критериев использования идеологии, типа партийной системы, степени политического участия и характера взаимодействия власти и общественного мнения.

Один из режимов – тоталитаризм. Понятие «тоталитаризм» было впервые использовано в 20-е гг. XX в. итальянскими исследователями Дж. Амандолой и П. Габетти для характеристики диктатуры Б. Муссолини. Позднее эта категория была рассмотрена в работах Ф. Хайека «Путь к рабству» (1944), Х. Арндт «Происхождение тоталитаризма» (1951), К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956)».

При тоталитарном режиме государственная власть централизована и принадлежит аппарату правящей партии, властной организации, военной хунте. Главой государства и правительства становится неподотчетный лидер. Возможность управления государством, посредством общественного мнения упраздняется. Для тоталитаризма характерна однопартийная система. Деятельность оппозиционных партий и движений строго запрещена. Особенность тоталитарного режима — отмена или приостановка на неопределенный срок действия конституции. При этом указы главы государства, распоряжения структур исполнительной власти или армейские директивы приобретают силу закона. Демократические права и свободы граждан существенно ограничиваются, интересы личности оказываются подчиненными «высшим» интересам нации, общественное мнение подавляется и не учитывается.

Авторитарные режимы, выражая интересы соответствующих социальных слоев и групп, определенного политического класса, обычно содействуют развитию рыночных отношений в экономике и обществе при общем директивном контроле над ними. Данным режимам характерен формальный (или направляемый) политический плюрализм, который выражается в том, что власти прибегают к избирательному запрещению или временной приостановке деятельности некоторых партий и общественных объединений.

Общественное мнение выражают только некоторые слои населения, элита. Остальные граждане не имеют инструментов влияния на принимаемые решения, политику и так далее.

Особую разновидность авторитаризма представляют политические режимы в некоторых государствах Арабского Востока, где и сегодня сохраняется традиционная форма правления — абсолютная или дуалистическая монархия. Для таких монархий характерно отсутствие или декоративный характер представительных органов, сосредоточение всей полноты государственной власти в руках монарха, занимающего трон в установленном порядке престолонаследия. Монарх обладает монопольным правом издания законов, по-своему усмотрению назначает и освобождает от должности чиновников, распоряжается средствами государственной казны. При этом население страны практически не оказывает влияния на законотворчество и не участвует в контроле над управлением.

«Не допуская сильной оппозиционной политической деятельности, авторитарные режимы сохраняют известную автономию личности и общества во внешнеполитических сферах.

Демократия - разновидность режима, власти, которая избирается большинством народа (прямо или через представителей) в интересах его основных социальных групп и конкурирующих политических сил, реализуется при его определенном участии и косвенном контроле. Сущность демократии состоит в том, что она представляет собой такую форму правления при посредстве народа, когда власть, осуществляется профессиональными политиками.

Демократические режимы наиболее распространены в экономически развитых странах с устойчивыми традициями демократии, либерализма и плюрализма, активистской политической культурой. Характерные черты демократических режимов: признание народа в качестве источника власти: выборность основных органов власти и должностных лиц, их подотчетность и избирателям; провозглашение основных демократических прав и свобод; равенство всех граждан перед законом; легальное существование плюрализма во всех сферах общества (экономической, социальной, политической, информационной и др.), наличие развитой дву- или многопартийности; построение государственного устройства по принципу «разделения властей»; создание необходимых условий для развития класса, выступающего социальной основой демократического режима, недопущение резких «разрывов» в уровнях доходов различных социальных и этнических групп, создания механизмов их реального доступа к материальным, духовным и иным благам и ценностям общества.

При демократическом режиме, взаимоотношения государственных институтов с гражданским обществом основываются на понимании того факта, что судьба «народных избранников» в конечном счете зависит от воли избирателей, и, для того чтобы получить или сохранить уже имеющиеся властные полномочия, необходимо заручиться поддержкой большинства населения, продемонстрировав преимущества не только своей программы, но и личных качеств по сравнению с оппонентами.

Мерилом действенности демократического режима является обеспечение прав и свобод человека и гражданина, возможности участия людей в политике, уровень жизни населения, степень прогресса и процветания общества.

Российскому государству присущи критерии демократическому политическому строю, однако взаимодействие общества с властью можно осуществлять по средствам следующих инструментов (референдум, выборы, петиции и др.) и органов (Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов РФ, общественные палаты (советы) муниципальных образований) многие из которых находятся либо в рудиментарном состоянии, либо используются выборочно, в пользу определенных сегментов политической элиты. Исходя из этого, режим нашей страны можно назвать демократическим с натяжкой, так как граждане не в состоянии повлиять на решения властных органов, что характерно скорее для авторитарного, а не демократического строя. В государстве, выстроенным на подобном противоречии, неизбежны социальные конфликты, социальная напряженность в обществе. Проблема взаимодействия власти и общественного мнения должна изучаться социологами, политологами и управленцами, для поиска оптимального решения сложившейся негативной ситуации.

1. Андрющенко Е.Г. *Общественное мнение и гласность в системе управления обществом.* - М., 1988
2. Арон А. *Демократия и тоталитаризм / пер. с фр.* — М., 1993. — С. 93-101
3. Гавра Д.П. *Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт.* СПб., 2005
4. Ирхин Ю.В. *«Политология».* – М.: Издательство «Экзамен», 2007.— С. 295.

5. Ирхин Ю.В. «Политология». – М.: Издательство «Экзамен», 2007.— С. 299.
6. Исаев Б.А., Баранов Н.А. «Политические отношения и политический процесс в современной России, Издательство «Питер», 2008.— С.46.
7. Киселев С.Г.. Политология. – М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008. – С. 145
8. Социология: Учебник / Под ред. В.Н. Лавриненко. - М., 2004.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Мурашова А.А. (Санкт-Петербург)

Выборы являются наиболее рациональным и справедливым механизмом распределения влияния общественных «масс» на политику государства. Процедура избрания представителей политической «элиты» является выражением таких основополагающих принципов демократического политического режима, как право придерживаться любых политических взглядов и свобода их выражения, а также право выбирать и быть избранным. От участия каждого представителя современного общества и, в особенности, молодого поколения зависит то, в каком направлении будет развиваться дальнейшая политика всего государства. «Мы учимся участвовать, участвуя» [1, С.105]. Так, следуя данной логике рассуждения, если общество расположено к политической активности, то всё, что остаётся делать государству – это создавать условия для возможности её проявления. А главным и, пожалуй, лучшим подобным условием являются выборы.

К сожалению, в современном обществе интерес к избирательному процессу крайне невелик. Согласно статистике, в 2014 году в Санкт-Петербурге на совмещенные выборы депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований и выборы губернатора города явка составила лишь 39,13% [2]. И не смотря на все использованные меры по привлечению электората – объединение различных уровней выборов, организации досрочного дня голосования, возвращение должности градоначальника в качестве избираемой – избирательная заинтересованность петербуржцев возросла лишь на 10% относительно выборов депутатов внутригородских муниципальных образований в 2010 году.

Пример последней избирательной кампании 2016 года не только не порадовал оптимистичной тенденцией повышения интереса горожан к избирательному процессу, но даже не отличился стабильностью – петербуржцы поставили антирекорд по явке избирателей на совмещенные выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга шестого созыва и депутатов муниципальных советов некоторых внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга. Лишь 32,47 % избирателей приняли участие в едином дне голосования [3]. Это на 6,18 % ниже, чем пятью годами ранее.

Подобный уровень интереса граждан к участию в избирательном процессе, в результате, приводит к понижению уровня законности власти, так как выборы – это, прежде всего, способ легитимации правящей «элиты» общества. Поэтому повышение электоральной активности населения остаётся одной из главных задач действующего Правительства РФ. И отдельным пунктом этой большой проблемы является привлечение молодого поколения к участию в выборах.

Молодёжь – это важнейший ресурс любого государства, ведь от неё зависит будущее страны и всей нации. Но сложно представить более аполитичную социальную группу, чем современное молодое поколение. Именно поэтому, чтобы разобраться в том, как повысить интерес современной молодёжи к избирательному процессу, необходимо, для начала, выявить факторы, которые оказывают непосредственное влияние на электоральную активность молодых людей.

Молодёжь ни в коем случае не должна быть потеряна как избирательная группа.

В противном случае, очевидно, что процедура выборов потеряет свою значимость и легитимность, ибо неприрученное к голосованию «поколение Y» с меньшей долей вероятности в будущем станет участвовать в избирательном процессе. На их пример будут ориентироваться и последующие поколения. А если выборы являются основой демократического политического режима, то, таким образом, исчезнет и сама возможность демократии, не говоря уже о её фактическом становлении, развитии и стабилизации в обществе.

Современное молодое поколение – одна из наиболее сложных социальных групп для изучения и типизации. Её отличает аморфность, отсутствие чётких границ определения, а также сложность ценностных различий. Молодых людей можно разделить по возрасту, так как, за

период с 20-ти до 30-ти лет в жизни человека, пожалуй, происходит большее количество формирующих и изменяющих социальный статус и характер личности событий, чем за любое последующее десятилетие. Гендерные и профессиональные различия также оказывают своё влияние на отношение к тем или иным политическим, экономическим и социальным процессам. Не стоит забывать и об огромной разнице между молодыми людьми, проживающими в больших мегаполисах, и сельской молодёжью. Также, могут оказывать воздействие на отношение молодёжи к избирательному процессу экономические и политические факторы, такие как: недоверие к действующей власти, неудовлетворённость экономической ситуацией в стране, принципиальная незаинтересованность в политике и тому подобное. Отдельно стоит выделить такую социальную группу как студенты. Данная категория молодёжи, пожалуй, является наиболее доступной как объект социологического изучения. Она также обладает внутренней дифференциацией, но её границы определены фактором обучения молодых людей в учреждениях, предоставляющих высшее и специальное образование.

По причине того, что целью работы стало выявление общих факторов, влияющих на участие современной молодёжи в выборах, автором был выбран подход к изучению молодых людей как единой социальной общности.

Среди теоретико-методологических подходов к определению и изучению молодёжи особое внимание хотелось бы уделить социокультурному подходу. Согласно ему, важно учитывать «опыт поколения», то есть то «историко-культурное пространство», в рамках которого происходило взросление той или иной группы населения [4]. Именно этот общий для примерно одинаковой возрастной группы социальный опыт объединяет и формирует социально-значимую группу индивидов. Пережитое откладывает свой отпечаток на субъективное восприятие мира каждого человека, что становится связующим фактором для одного поколения [5, С. 481-495]. Таким образом, становится возможным определение основных отличительных характеристик, которые присущи представителям различных поколений, в том числе и современному молодому поколению.

Основываясь на характерных особенностях современной молодёжи, выявленных теорией поколений, которая была разработана в 90-х годах прошлого века американскими учёными Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом [6], а также на результатах глубинного интервью на тему «Выявление наиболее эффективных способов привлечения молодёжи Санкт-Петербурга к участию в выборах», проведённого в рамках производственной практики, автор данной работы выделил основные факторы, оказывающие влияние на вовлечённость молодых людей в избирательный процесс:

1) Форма и способ донесения информации. Любая информация, касающаяся избирательного процесса должна быть понятна и легкодоступна для молодого поколения. Также, желательно по возможности персонализировать информационные сообщения, иначе они затеряются в сильнейшем ежедневном информационном потоке;

2) Интернет. В наше время всемирная сеть – это главный источник информации для современного молодого человека. Грамотно разработанные сайты и приложения для смартфонов могут существенно повысить вовлечённость в избирательный процесс;

3) Доверие к поступающей информации. Любое сообщение может оказать влияние на представителя «поколения Y» (поколения современной молодёжи) только в том случае, если он ей доверяет. Для повышения степени доверия необходимо более «личное» знакомство с информантом, которое может быть обеспечено в различном формате: встречи, семинары, интернет-блоги, конференции и т.д.;

4) Видимый результат. Современная молодёжь должна видеть итог своей деятельности. Таким результатом вполне может стать факт того, что мнение молодёжи было принято во внимание, а на основе сделанного молодым поколением выбора действующее правительство принимает согласованные с их интересами решения;

5) Уникальный жизненный опыт. В большинстве случаев, новые ощущения и впечатления ценятся представителями «поколения миллениума» больше каких-либо материальных достижений.

В перспективах исследования автор видит детальное изучение всех факторов, влияющих на отношение современного молодого поколения к избирательному процессу, обусловленных принадлежностью молодого человека к тому или иному уровню внутренней дифференциации молодёжи. Особое внимание будет уделено студенчеству, которое также отличается внутрigrупповой стратификацией. Политические предпочтения и электоральная активность

молодого человека может зависеть от ВУЗа, в котором он обучается, направления подготовки, от того, совмещает ли студент своё обучение с работой, а также является ли он иногородним. На основе выявленных факторов будут предложены конкретные методы по привлечению молодых людей к участию в электоральном процессе.

Таким образом, изложенные в данном исследовании факторы, от которых зависит интерес молодёжи к выборам, и в перспективе основанные на них методы по привлечению молодых людей к участию в голосовании могут стать основой рекомендаций для реализации молодёжной политики государства как администрациям различного уровня и избирательным комиссиям, так и политическим партиям и отдельным кандидатам. Совместная согласованная работа всех этих структур с избирателями могут создать условия для дальнейшего становления института выборов как новой общественной ценности в российском обществе.

- 1) Pateman C. "Participation and Democratic Theory" // Cambridge University Press. 1975. URL: <http://bookre.org/reader?file=1462510&pg=0>. Дата обращения: 16.05.2016.
- 2) Официальный сайт Санкт-Петербургской избирательной комиссии // URL: <http://www.st-petersburg избирком.ru/>. Дата обращения: 16.05.2016.
- 3) ИА REGNUM «Выборы в Петербурге: явка ниже трети, у партии власти — 40%» // URL: <https://regnum.ru/news/polit/2181885.html>. Дата обращения: 5.10.2016.
- 4) Mannheim K. "Essays on the Sociology of Knowledge" // N.Y. 1952
- 5) Pilcher J. "Mannheim's sociology of generations: an undervalued legacy" // British Journal of Sociology. 1994.
- 6) Howe N., Strauss W. "Millennials Rising: The Next Great Generation" // N.Y. 2000.

К ВОПРОСУ О ЖИЛИЩНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ МЕГАПОЛИСА (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Муфтахова А.Н. (Санкт-Петербург)

Город Санкт-Петербург воплотил и сохранил в себе все социо-культурные традиции российской истории. Начав свою жизнь в начале XVIII века территориальным разделением по профессиональному принципу, отразившимся в названиях улиц, дворов, слобод, сторон, город определил неравенство в жилищном обеспечении как принцип городского планирования «от центра к пригороду», то есть чем ближе к историческим местам, тем дороже и престижней были дома, дворцы, усадьбы.

В то же время, окраины (Выборгская сторона, южный берег Обводного канала) были представлены работными (рабочими) домами и доходными местами для мещан низких сословий. Интересен пример - комплекс Российско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник», включавший в себя не только производственные помещения, но и доходные дома для инженеров, общежития для работников, больницы, бани, прачечные и котельные.

Данный опыт комплексной застройки рабочего квартала был использован впоследствии при проектировании домов для пролетариата и трудовой интеллигенции в конце 20-х г. XX в. Строительство домов было направлено на удовлетворение потребностей как творческой или научной интеллигенции, так и рабочих. Для пролетариата предназначалось жилье с отсутствием ванн и душевых, но с банями и прачечными в шаговой доступности, для служащих и творческих работников взамен кухонь в домах предусматривались кафе и столовые на первых этажах жилых строений.

Индустриализация 30-х г. создала возможности для улучшения жилищных условий граждан. Строительство велось с учетом новых возникших социальных слоев, разделение проходило как на руководящие, так и на научные, творческие кадры, не забыт был и рабочий класс. В дома были возвращены кухни и ванны, квартиры обзавелись подсобными помещениями. Марксистский подход рассматривал жилье как средство производства, для научных тружеников были предусмотрены библиотечные комнаты, для высших руководителей приемные и кабинеты, для командного состава армии комнаты для адъютантов и помощников по хозяйству.

Уравнивание в обеспечении жилищных нужд связано с принятием 04.11.1955 г. Постановления № 1871 ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», с которого началась эра «хрущевок». Урезаны были как украшения, так и квадратные метры жилой площади, кухни сведены до минимума, балконы ликвидированы, лифты

не предусмотрены, санузлы объединены. Стоит признать, что подобная экономия позволила перевести жилищное строительство в массовый сектор.

В 60-70-е гг. массовое строительство продолжалось, действовали правила СНиПов, утвержденные в 1963 г., реализовывалось Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» от 28.05.1969 г. «Брежневки», сохраняя массовость, предусматривали: создание разнообразных по размерам квартир с удобной планировкой, рассчитанной на заселение отдельными семьями различного численного состава; увеличение площади подсобных помещений, возможность установки в квартирах встроенных шкафов.

С ликвидацией советского строя вопрос равенства в обеспечении жильем отошел на задний план, и по убеждению младореформаторов должен был быть решен «рукой рынка». Государство самоустранилось от проблем планирования и контроля строительства. Жилье в данный период возводилось преимущественно по индивидуальным проектам. Отметим и положительную сторону рыночных преобразований: в ходе приватизации население получило в собственность жилье, в котором на тот момент проживало. Созданный класс собственников в большинстве своем не получил дальнейшего развития, и не захотел идти ни по пути «жилье как средство производства», ни по пути «жилье как средство потребления».

Возрождение массовости в жилищном строительстве происходит в начале 2000-х гг. и связано с принятием законов, регулирующих данную сферу, разработанными проектами территориального планирования, такими как генплан г. Санкт-Петербурга [3].

Характерной чертой современного жилищного строительства является его типология. В соответствии с Единой классификацией проектов многоквартирных жилых новостроек по качеству [4] к классам массового жилья относятся эконом- и комфорт-класс, к классам жилья повышенной комфортности бизнес- и элитный класс.

Несмотря на наличие Единой классификации многоквартирных жилых новостроек, застройщики жилья преуспели в микшировании проектов, добавляя к экономичному жилью развитый сектор мест общего пользования, к комфорт-домам индивидуальные решения, и тем самым пытаются увеличить конечную стоимость строительства, чем вызывают еще большее неравенство в вопросах недвижимого имущества.

Таким образом, устоявшееся разделение жилья на классы объективно существует, и впервые на уровне государства о нем было озвучено в так называемых «майских» указах В.В. Путина. В Указе Президента РФ N 600 от 7.05.2012 г. «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [1] в п.1 одной из задач Правительства РФ постановлено об обеспечении увеличения объема ввода в эксплуатацию жилья экономического класса. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 323 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» [2] разъяснило, для чего необходимо строительство жилья экономического класса. Предполагается, что государством будут реализованы меры по развитию двух сегментов рынка арендного (наемного) жилья: найма жилых помещений в жилищном фонде коммерческого использования; найма жилых помещений в жилищном фонде социального использования.

Критическое обсуждение данной законодательной новации проходило в рамках общественного публичного обсуждения на конференции «Массовое жилищное строительство: новые вызовы рынка», проходившей в рамках Санкт-Петербургского Всероссийского жилищного конгресса (28-30 сентября 2016). Как было верно подмечено Л.Д. Козыревой, многие публичные слушания заканчиваются провалом представленных градостроительных проектов [5]. В числе явных проблем были указаны:

1) участникам рынка жилищного строительства до конца не представляется ясным, кто будет конечным заказчиком: застройщик, инвестор или государство;

2) система поддержки не отвечает заявленной программе, и застройщик не готов нести убытки, связанные с налоговым бременем;

3) неясна роль регулятора, как со стороны государства, так и со стороны саморегулируемых организаций.

С условием озвученных проблем, можно сделать вывод о том, что государственная программа поддержки жилищного строительства не улучшит положения нуждающихся в жилье, а усугубит ситуацию, поскольку квартиросъемщик попадет в еще большую зависимость к

арендодателю, чем, если бы данные отношения были сформированы через инструменты ипотеки или других видов банковского кредитования.

Также скажем, что зачастую все новое является хорошо забытым старым. Предлагаемый государством механизм однажды уже был выдвинут П.Ж. Прудомом, и за данный проект он был нещадно раскритикован теоретиками. Там же, где подобные проекты воплощались на практике, они обращались в городские «девиации»: сегрегации («дома Д.Грамп» с их расовыми проблемами), городские кварталы отчуждения (район Северного Вокзала в Париже) и т.д.

Впрочем, для науки интересным будет пронаблюдать за процессом реализации данного социально-ориентированного проекта в российских реалиях, что потребует проведения полномасштабного социологического исследования.

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» // Собрание законодательства РФ. - 07.05.2012. - N 19. - Ст. 2337.
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 323 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 05.05.2014. - N 18 (часть III). - Ст. 2169.
3. Закон Санкт-Петербурга от 22.12.2005 N 728-99 (ред. от 13.07.2015) «О Генеральном плане Санкт-Петербурга» (принят ЗС СПб 21.12.2005) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. - N 25. - 21.09.2015.
4. Единая классификация проектов многоквартирных жилых новостроек по качеству (ЕК МЖН). - М.: Российская Гильдия риэлторов, 2012. - 9 с.
5. Козырева Л.Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. 2015. № 3 (75). С. 116-122.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Мыльникова А.В. (Барнаул)

В настоящее время рост асоциального поведения несовершеннолетних, мобилизует все инновационные способы решения данной проблемы, идет поиск новых форм профилактики, подходов, стратегий противодействия преступности среди несовершеннолетних. Вследствие сложившейся ситуации актуализировались возможности активного обмена опытом специалистов разных стран, в частности специалистов системы превенции и выработки совместных решений в области профилактики правонарушений несовершеннолетних. Одним из таких инновационных способов является медиация, которая развивается в рамках восстановительного подхода.

Правовые основы для внедрения медиации закреплены Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы и Концепцией развития служб медиации, которыми предусматривается формирование дружественного к ребенку правосудия, создание эффективной системы профилактики правонарушений.

Рассматривая феномен медиации в историческом аспекте, важно отметить, что развитие данного термина детерминировано различными теоретико-методологическими подходами в рамках которых, восстановительная медиация совершенствовалась, в своих временных рамках, отвечая на массовый запрос того или иного общества. Все вышеизложенное позволяет нам обратиться к концептуальным подходам уголовного развития на различных этапах онтогенеза, которые иллюстрируют трансформацию подходов отправления правосудия.

В научной литературе, в частности Л.М. Карнозовой [1], рассматривается 4 ключевых теоретико-методологических подхода:

1. Карательный подход

Содержание карательного подхода отражается в публичном характере деятельности судебной системы. Происходит перерастание обвинительного процесса в розыскной, от спора сторон к государственной репрессии. Прежде всего, преступление трактуется как неподчинение государственной власти, и в последствии несет наказание, самое суровое - смертная казнь. В период становления карательного метода воздействия инквизиционный порядок уголовного процесса является нормой, в рамках данного подхода личность признается виновной, участие в процессе сторон недопустимо, происходит игнорирование потребности жертвы и преступника. В итоге при таком подходе наблюдается неэффективность карательного способа в отношении

преступников, пренебрежение нуждами жертв, отчуждение общества от решения собственных конфликтов, приводящее к его социальной и моральной дистрофии.

2. Гуманистический подход

Проблемы, накопившиеся в уголовной системе, продемонстрировали необходимость изменения видения предмета, которая выражается в смене парадигм, в частности в искоренении принципов карательного метода воздействия в уголовной системе. Прежде всего, изменяется цель, в гуманистическом подходе она заключается не в том, чтобы «заставить страдать жертву», а в предупреждении преступлений. Изменяются виды наказаний, проводится мысль недопустимости пыток и смертной казни, на смену приходят более мягкие гуманные наказания - тюрьма и каторга, которые позволяют реализовать принцип рационального наказания. В гуманистическом подходе заложен принцип законности, в котором нашли свою реализацию ценности свободы, естественного права и разума, отстаивается необходимость обеспечения уважения к основным правам человека. Идеи гуманистического подхода выражают непримиримую моральную реакцию на жестокость и бессмыслицу средневекового уголовного суда.

3. Позитивистский (естественно-научный) подход

В рамках данного подхода реагирование на преступление должно носить медицинский, а не юридический характер. Каждый тип преступников классифицируется по 5 категориям, каждая из которых требует специального исправительного воздействия: прирожденный, привычный, психически ненормальный, случайный, преступник до старости. Борьба с преступностью нужно, не только наказывая преступников, но и предупреждая преступность, улучшая социальные условия жизни. Группа мер весьма обширна и предполагает во многом реформу социальной жизни. Применение научной диагностики позволяет изучить биосоциально личность преступника, которая могла бы приспособить его к социальной жизни. Поворот к человеку в рамках позитивистского подхода открыл дорогу будущим медико-психиатрическим, психологическим и реабилитационным практикам, взаимодействующим с уголовным процессом.

4. Восстановительный подход

Основное отличие данного подхода заключается в идее предоставить возможность исправить ситуацию, восстановить отношения в социальной системе, обеспечить конструктивное взаимодействие всех участников конфликтной ситуации. Разработка восстановительного подхода к ситуациям правонарушений и конфликтов с участием несовершеннолетних началась с 1998 года. Концепция восстановительного подхода интересна тем, что в ее рамках удалось создать процедуру и методику для реализации трех принципов качественной профилактики преступности и правонарушений [2]:

Принцип 1. Реагирование на правонарушение должно способствовать пониманию и осознанию нарушителем последствий собственных действий для других людей, т.е. должно развивать такую основу поведенческого самоконтроля, как умение сопереживать боли другого человека и принимать на себя ответственность за исправление случившегося.

Принцип 2. Важно вовлекать в восстановительные программы ближайшее окружение, которые участвуют в анализе причин произошедшего, предлагают ресурсы для изменения ситуации и поведения. Профилактический эффект здесь оказывает эмоциональная динамика, связанная с проживанием родителями и родственниками своей вины перед жертвой и донесением ими до своего ребенка-правонарушителя, сколь стыдно и больно им участвовать в происходящем.

Принцип 3. Реагирование на криминальную ситуацию должно способствовать формированию нравственного ориентира в отношениях между людьми. В программах восстановительного правосудия предполагается, что обнаружить, каким злом является преступление можно через внимание к его разрушительным, травмирующим и болезненным последствиям для жертвы. И необходимый противовес причиненным последствиям, прежде всего, создают действия, направленные на исцеление пострадавшего, в помощь ему, а не действия, направленные против наказания преступника. Важным в восстановительном подходе является и обращение к нуждам пострадавшей стороны, что часто упускается при традиционном реагировании на конфликты и правонарушения.

Исследователи отмечают, что процесс освоения и развития восстановительных практик в России набирает темпы, расширяются границы территорий их реализации, «восстановительные практики... помогают реализовать важные для общества ценности – исцеление жертвы и заглаживание вреда с участием ближайшего социального окружения» [3, С. 23].

Таким образом, парадигмальные трансформации позволяют сформировать идейные основы инновационных парадигм, которые способны решать новые проблемы изменчивого мирового сообщества, в частности развитие восстановительной медиации.

1. Карнозова, Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография /Л.М. Карнозова. – М.: Проспект, 2014.- 264 с.
2. Организация и проведение программ восстановительного правосудия : Методическое пособие ; под редакцией Л.М. Карнозовой, Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006. – 224 с.
3. Дронова, Е.Н. Информационная поддержка восстановительных практик в Алтайском крае / Е.Н. Дронова, А.В. Мыльникова // Психология, социология и педагогика. – 2014. - № 6(33). – С. 23.

ФАКТОРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Нагач Т.А., Белгарокова Н. М. (Москва)

В условиях неустойчивой экономической и внешнеполитической ситуации перед человеком встает необходимость оценивать все возможные риски и угрозы. Согласно данным ВЦИОМа, подавляющее большинство россиян выбирают безопасность, а не риск, а традиционная ценность для наших сограждан – это личная безопасность и спокойствие за своих близких. [1] Особого внимания заслуживает безопасность детей, так как в силу физической и умственной незрелости они не в состоянии самостоятельно оценивать риски и обеспечивать собственную безопасность. Под безопасностью детей понимается «система условий, обеспечивающих охрану жизни и здоровья детей, где бы они ни находились – дома, в школе, при перевозке их на всех видах транспорта, игре на улице (во дворе), хождении по дорогам, катании на коньках и горках, в походах и т.д.». [2] Здесь стоит отметить положительную динамику за последние 4 года: по данным Росстата, смертность детей в возрасте до 5 лет с 2012 по 2015 год сократилась с 10,6 до 8,0. [3] На наш взгляд, этому, в первую очередь, поспособствовало повышение качества медицинского обслуживания и расширение спектра организаций, занимающихся дошкольным образованием.

Далее, рассмотрим два нормативно-правовых акта, упоминающих безопасность детей. Первый – «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы», утвержденная 1 июня 2012 года и направленная на решение проблем в сфере защиты детства, в том числе, путем развития различных форм безопасного дошкольного образования, как в государственном, так и в негосударственном секторах. В указанной стратегии отдельно рассматривается информационная безопасность детей, привлекающая все большее внимание с развитием Интернета. [4] Контроль за тем, чтобы информация, к которой имеет доступ ребенок, не травмировала его психику, первоначально ложится на родителей.

В целом же, за безопасность детей в определенные периоды времени отвечают воспитатели и учителя: в соответствии с ФЗ №273 «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) именно они должны обеспечивать «безопасность обучающихся во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность». [5] Так, согласно данным программы по Модернизации региональных систем дошкольного образования, численность детей в Московской области, посещающих МГДО, на 2015 год составила 303536 (охват дошкольным образованием равен 82%), соответственно, за безопасность более 300 тысяч детей в возрасте 3-7 лет отвечают педагоги дошкольного образования – воспитатели. [6]

Изучив сайты дошкольных образовательных учреждений, можно сделать вывод о том, что мероприятия по обеспечению безопасности детей ведутся по следующим направлениям: 1) антитеррористическая безопасность, 2) пожарная безопасность, 3) санитарно-гигиеническая безопасность. Дополнительно некоторые учреждения выделяют социальную безопасность и охрану жизни и здоровья детей. Также администрации делают акцент на том, что безопасное пребывание дошкольника в детском саду обеспечивается путем соблюдения противопожарных, санитарных и технических норм и правил и учета возрастных особенностей ребенка.

Анализ данных Рейтинга муниципальных детских садов России за 2015 год, составленного «Институтом изучения детства, семьи и воспитания» РАО показал, что образовательные учреждения оценивались по двум блокам, в первый из которых («Условия, созданные для ребенка

в детском саду») входит показатель безопасности. При составлении рейтинга учитывались индикаторы пожарной безопасности и безопасности жизни и здоровья.

По результатам Итогового Рейтинга муниципальных детских садов России за 2015 год, 6984 детских сада (97,2%) получили оценку «удовлетворительно», при том, что из 7182 обследуемых детских садов ни один не получил оценку отлично, т.е. не набрал суммарно более 75% по различным блокам оценки.

Следует отметить, что среди парциальных программ самой популярной у дошкольных образовательных организаций стала программа, посвященная обеспечению безопасности дошкольников – программа Н.Н. Авдеева, О.Л. Князева, Р.Б. Стеркина «Основы безопасности детей дошкольного возраста». 1535 ДОО (21,4%) используют ее при составлении ООП. Авторы подробно описывают меры, которые необходимо применять для обеспечения безопасности дошкольника в различных сферах: 1) взаимодействие с другими людьми, 2) поведение на природе, 3) обращение с предметами дома, 4) здоровье, 5) эмоциональное благополучие, 6) основные правила дорожного движения. [7]

Обзор новостных сводок относительно нарушений безопасности детей в дошкольных образовательных учреждениях, помог нам сделать некоторые выводы: 1) основные упоминания по теме касаются отравлений детей, 2) поиски похищенного из детского сада ребенка в основном заканчиваются благополучно, 3) возгорания на территории учреждения несут опасность для большого количества детей, однако процесс эвакуации достаточно хорошо отработан, что позволяет обеспечить безопасность воспитанников.

Приведем несколько случаев, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических норм, в результате которых массово пострадали дети. В марте в Пензе родители 11 детей пожаловались на отравление в детском саду. [8] В Новочебоксарске в июне 2016 года отравилось 13 воспитанников детского сада. [9] В июле в городе Большой Камень жертвами массового отравления стали 32 ребенка. [10] В Иркутске с 29 сентября по 5 октября зарегистрировали 68 случаев острых кишечных инфекций, большинство заболевших дети дошкольного возраста и школьники начальных классов. [11] В начале октября приостановили работу детского сада в Екатеринбурге в связи с отравлением 6 детей. [12] И это далеко не единичные случаи, к сожалению, существует множество примеров других нарушений такого рода по всей стране. В таких ситуациях возникает конфликт между родителями ребенка и организацией, оказывающей образовательные услуги, и решается он в следующем порядке. При поступлении жалоб осуществляется проверка детского сада. В случае фиксации нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства возбуждаются административные или уголовные дела, выясняется, по чьей вине произошло нарушение.

Таким образом, на нарушение физической безопасности детей родители реагируют своевременно, поскольку последствия ее нарушения обнаруживаются в скором времени. Однако, по нашему мнению, следует уделить внимание изучению психологической и социальной безопасности пребывания ребенка в детском саду, так как в детском возрасте происходит основная часть социализации человека, но последствия ее несоблюдения могут возникнуть значительно позже.

1. ВЦИОМ: больше всего россияне думают о безопасности и достатке | РИА Новости [Электронный источник] URL: <https://ria.ru/society/20140926/1025745653.html> (дата обращения: 01.10.2016).
2. Безрукова В. С. Основы духовной культуры: Энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. С. 87.
3. Главная: Федеральная служба государственной статистики [Электронный источник] URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 09.10.2016).
4. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы" [Электронный источник] URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 01.10.2016).
5. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (действующая редакция, 2016) / КонсультантПлюс [Электронный источник] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.09.2016).
6. Модернизация региональных систем дошкольного образования (МРСДО) в 2013-2014 году [Электронный источник] URL: <http://do.edu.ru/> (дата обращения: 28.09.2016).
7. Интерпретация результатов рейтингования дошкольных образовательных учреждений 2015 года [Электронный источник] URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/Results_detsad_2016.pdf (дата обращения: 02.10.2016).

8. В детском саду отравились 11 детей в Пензе 10 марта 2015 года [Электронный источник] URL: <http://progorod58.ru/news/34015> (дата обращения: 08.10.2016).
9. Десятки детей отравились едой в детском саду Чувашии - Телеканал «Звезда» [Электронный источник] URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201606211200-xf8v.htm (дата обращения: 08.10.2016).
10. Вести.Ru: Массовое отравление в детском саду в Приморье: двое - в тяжелом состоянии [Электронный источник] URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2775210> (дата обращения: 08.10.2016).
11. Причиной массовых отравлений в Иркутске могла быть вода из-под крана – Известия [Электронный источник] URL: <http://izvestia.ru/news/636886> (дата обращения: 08.10.2016).
12. Детский сад в Екатеринбурге закрыли после отравления шестерых малышей | РИА ФедералПресс [Электронный источник] URL: <http://fedpress.ru/news/66/society/1682872> (дата обращения: 08.10.2016).

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Назаретян Д.Г. (Волгоград)

В социально-политических исследованиях задача выявления модели развития российского общества в условиях глобализации и информатизации мира является доминирующей в социальном и политическом пространстве России. Международная практика применения теории модернизации выявила тенденции к редукции ее нормативности для стран с различными социокультурными особенностями. Заимствование теории модернизации для адаптации общества и власти к требованиям успешной демократической консолидации, разработанной Г. Алмондом, С. Вербой, Р. Инглхартом, Х. Линцем, С. Липсетом и др. ставит перед отечественной наукой задачу выяснения и обоснования сильных и слабых сторон российского общества для обеспечения курса модернизации и выбора объективных и субъективных средств решения этой проблемы. Для проведения успешной модернизации нужен социальный контракт власти и общества, а не опора лишь на деловой слой и политическую элиту. Социальный контракт необходим потому, что модернизация неизбежно будет порождать конфликты. Она затронет интересы устаревших институтов и социальных связей, неизбежно будут выигравшие и проигравшие, что отразится на снижении уровня жизни населения страны. Модернизация вызовет потерю хорошо оплачиваемой работы малоквалифицированными и неконкурентоспособными слоями населения, закрытие неэффективных производств, медицинских и образовательных учреждений. Расширение рамок участия граждан в диалоге власти и общества не может упираться в технику единоличных решений, способных развернуть модернизацию в противоположную сторону. В этой связи возникает научно-практическая задача в отечественной науке, суть которой заключается в разработке научных оценок прошлого, настоящего и будущего России. Причем сложность исследуемых социально-политических изменений в нашей стране, их уникальность требует нового понятийного аппарата, системы методов, с помощью которых можно было бы объяснить сущность и содержание происходящих социальных изменений с позиций комплексной методологии. Поэтому наиболее актуальным для социальных наук сегодня является анализ методологии, используемой в исследованиях российского социально-политического процесса. Кроме того, актуальным является и выяснение социально-политической и социокультурной специфики России для создания концептуальных основ органической модернизации российского общества. Как и сто лет назад в России вновь становится актуальной проблема личности как исходного и ключевого субъекта социальной жизни и модернизации общества. Учет уровня поддержки курса модернизации различными социально-политическими силами, и формирование модернизационного общественного мнения является определяющим условием выработки теории модернизации применительно к социокультурным особенностям России. Нет теоретических обоснований движения России по пути модернизации в условиях постиндустриальной цивилизации, и концептуально обоснованного поведения России в глобализации и информатизации мира. Реальность изменений происходит быстрее, чем ее успевает осмыслить социально-политическая теоретическая мысль. Отечественная мысль пока не способна адекватно отразить сложные и динамические процессы в современной России. Российский опыт показывает, что для участия человека в политической деятельности необходимо первичное удовлетворение его потребностей в основных продуктах питания, товарах и услугах, жилищно-бытовых условиях,

достижение определенного уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки, общей и политической культуры. Однако у многих российских граждан еще не сформирована идея гражданского участия – только 3 % признают свою ответственность за происходящее в стране. Подавляющее большинство опрошенных (80 %) считают, что в системе управления обществом от их личности ничего не зависит, и они не могут повлиять на положение дел в стране [1]. Эффективным средством наращивания сторонников модернизации могут быть идеи соблюдения прав человека и гражданина, равенства всех перед законом, установления порядка и противодействия авторитаризации власти. Власть должна осознать эту тенденцию и попытаться создать условия для искоренения коррупции, разработать социальную программу, учитывающую потребности и интересы настоящих и будущих поколений россиян. И в этом согласны все модернисты, традиционалисты, а также представители всех возрастных групп. Усиление роли олигархических групп как субъектов политического процесса вызывает беспокойство у граждан, которые рассматривают их как партнеров власти, а не служителей интересам общества. Эти опасения имеет под собой почву, поскольку узурпация власти со стороны той или иной экономической группы является реальной проблемой. В силу этого обстоятельства возрастает политическая ответственность высшего руководства регионов за обеспечение выработки стратегического курса реформы судебно- правовой системы и удовлетворения общественных интересов через политику регуляции запросов и потребностей социальных групп. Разумеется, препятствием модернизации являются группы, которые создали механизмы неформальных отношений особые патронклиентские отношения, посредством которых власть и экономические группы удовлетворяли свои интересы, отличные от интересов общества. [2] Во многом этому способствовала региональная власть, которая обменивала себе поддержку этих групп на удовлетворение их интересов. Для обеспечения модернизационного прорыва требуется переход от человекозатратного к человекоберегающему и развивающему характеру изменения общества, к управлению, опирающемуся не только на принуждение и жесткие нормы правил, «начальственный присмотр», но в первую очередь, на культуру. Вне опоры на нее нет ни личности, ни нации, ни государства, ни общества. Отсутствие духовной культуры в обществе приводит все разговоры о безопасности и порядке, гуманизме и патриотизме, свободе и демократии, справедливости и равенстве к пустому звуку из рожка. Душой культуры является мировоззрение как система идей о сущности окружающего мира, смысле происходящего, положении и назначении человека и человечества в нем. Политическая культура людей, обеспечивая выход народного духа из состояния смятения и неверия, способна вдохнуть новую энергию в общество как это было в период «хрущевской оттепели» и горбачевской перестройки 1985 г., утверждая в людях веру в возможность социальной справедливости. Для этого необходимы активные действия всех институтов гражданского общества по преодолению у людей ощущения своего бесправия и творимого беспредела, которое влечет за собой эскапизм, бегство в сферу частных отношений и конформизм. Составными элементами этого мировоззрения должны быть социальная активность, трудолюбие, ответственность и профессионализм, готовность граждан договориться между собой и с властью. Власть при осуществлении курса модернизации должна быть оснащена всеми формами гражданского и правового контроля. Без таких предпосылок проблематично изменить корпоративный характер политического режима как механизма управления процессом модернизации. Это мировоззрение могло вдохнуть новую энергию в общество для его обновления и модернизации. Поэтому в обществе актуализируется потребность в новом мировоззрении, составными элементами которого должны быть социальная активность, трудолюбие, ответственность и профессионализм, готовность граждан договориться между собой и с властью. Ценности гуманизма, справедливости и равенства в мировоззрении особенно важны, когда в социальной реальности современной России утверждаются различные формы массовой дезориентации людей, а человек не воспринимает себя активным носителем своих интересов в политической жизни, ощущает себя «вещью», зависимой от внешней силы, определяющей смысл его жизни [3]. Утверждение жизнеутверждающего мировоззрения может быть источником изменения человеческого бытия к лучшему. В основе нового мировоззрения лежат принципы гуманизма, справедливости и равенства. В социальной реальности современной России утверждаются различные формы псевдорéalности, массовой дезориентации людей, когда человек не воспринимает себя активным носителем своих интересов в политической жизни, а чувствует себя «вещью», зависимой от внешней силы, определяющей смысл его жизни [4]. Для достижения такого согласия в обществе модернизация не должна противоречить традиционным предпочтениям социума, учитывать духовно-нравственное обновление общественного сознания

через равные возможности для приобщения широких слоев населения к культурным ценностям. Культура модернизации должна помочь формированию новых ценностных ориентиров общества, адекватных характеру и глубине предпринимаемых стратегических преобразований, способствуя повышению жизнеспособности населения, готовности людей к жизни и работе в новых условиях. Для приобщения к идеям модернизации необходимо поддержать просветительские и информационно-публицистические программы на телевидении, радио, в печати, направленные на распространение установок во всемерной пропаганде образа «героя модернизации»: человека патриотичного, свободного, смелого, предприимчивого, с чувством предпринимательской чести, личного достоинства, уважения себя и других. Для этого нужна программа мер по обновлению и оздоровлению сферы культуры, сохранение национальной культурной самобытности. Социальные изменения в российском обществе требуют опережающей модернизации идеологических, нравственных, социокультурных стереотипов и установок, довлеющих над сознанием человека в обществе, за что во все времена отвечала культура. Культура модернизации должна помочь формированию новых ценностных ориентиров общества, адекватных характеру и глубине предпринимаемых стратегических преобразований, способствуя повышению жизнеспособности населения, готовности людей к жизни и работе в новых условиях. Вне опоры на нее нет ни личности, ни нации, ни государства, ни общества. Отсутствие духовной культуры в обществе приводит все разговоры о безопасности и порядке, гуманизме и патриотизме, свободе и демократии, справедливости и равенстве к пустому звуку из рожка. Для приобщения к идеям модернизации необходимо поддержать просветительские и информационно-публицистические программы на телевидении, радио, в печати, направленные на распространение установок во всемерной пропаганде образа «героя модернизации»: человека патриотичного, свободного, смелого, предприимчивого, с чувством предпринимательской чести, личного достоинства, уважения себя и других.

1. *Готово ли Российское общество к модернизации. Аналитический доклад подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации // Общество и экономика-2010. № 6. С. 99-156.*
2. *Алексейчиков Б.И. Обоснование модернизации в российском обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество- 2011. № 3. С. 099-102.*
3. *Кузнецов В.И. Формирование исторического сознания как задача модернизации в современном российском обществе // Гуманитарные научные исследования-2014. № 11 (39). С. 37-43.*
4. *Беленкова О.А. Идеология управления в российском обществе в эпоху модернизации // Философия в современном мире: диалог мировоззрений- 2012. С. 189-190.*

СОЦИОЛОГИЯ В УПРАВЛЕНИИ: КОНФЛИКТ ЭКСПЕРТОВ В ВОПРОСАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Назарова Д.В. (Минск, Республика Беларусь)

С начала зарождения социологии как «науке об обществе...» и ее институционализации с изначальным девизом «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять» прошло более века. По-разному сложилась ее судьба в разных странах: от закрытия, гонения, игнорирования, до фрагментарного, точечного внедрения, широкого, чаще конъюнктурного использования в маркетинговых и политических целях. Вместе с тем, социологическое образование дает не только знание о технологиях исследования общественного мнения и PR, но и целостную, системную картину взаимосвязи социальных институтов и различных элементов в обществе, понимание причинно-следственных связей и закономерностей поведения людей. Как отмечает Шавель С. А., сведение социологии к описательной науке, к «археологии знаний» (М. Фуко), не отвечает на вопрос направленности исследований: «ради чего?». Для социологии в первую очередь характерна амелиористская направленность: «Все общественные явления, структуры, действия она рассматривает под одним углом зрения: насколько в существующих условиях они адекватны для сохранения и воспроизводства соответствующих социальных систем, институтов, сфер и общества в целом. Выявление отклонений, деформаций и диспропорций проводится с целью поиска путей исправления и улучшения». Социология направлена на «своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия» [1, с. 21-22]. Развитие социологии – это не только показатель демократичности государственных институтов власти (насколько общественное мнение, потребности и ожидания людей учитываются при принятии конкретных государственных решений), но и встраивание социологического знания

в основу управленческой деятельности. В то время как профессиональные социологи углубляются в теоретические вопросы и нюансы, не менее интеллектуальноемкая деятельность требуется как раз в сфере прикладного приложения социологического знания.

Социологическое образование регулярно поставляет высокопрофессиональные кадры на рынок труда, но парадоксальность ситуации заключается в том, что социология отделена в своей основе от практики государственного управления. Во-первых, это проявляется в отсутствии среди политиков и чиновников разного уровня базового (высшего) социологического образования. Хотя именно пополнение кадрового состава госслужащих профессиональными социологами видится наиболее эффективным приложением человеческих ресурсов. Во-вторых, не так часто наши государственные деятели обращаются при принятии управленческих решений к социологическим исследованиям и социологическим экспертизам.

В первую очередь такие экспертизы совершенно необходимы в области социальной политики: при модернизации пенсионной системы, системы социальной защиты населения, образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и др. Многие основополагающие постулаты социальной политики лежат в области ценностей, идеологии, представлении о социальной справедливости. И реализация планов, государственных программ по развитию, реформированию, модернизации зависит от менталитета и поведения людей. Неверный вектор развития, ошибки в механизмах и способах реализации нововведений могут вызвать не только негативный политический или социальный резонанс, но через неприятие их населением принести также существенные экономические потери, в том числе и временные. Интерес и востребованность научного социогуманитарного знания наиболее остро проявляется в предкризисные периоды, когда необходимо действительно выработать эффективное решение «без права на ошибку»; при реформировании, т.е. при существенном изменении, сломе/замене старой системы привычных организационно-управленческих практик; когда есть необходимость обосновать уже некое выбранное решение и различного рода экспертизы являются веским аргументом в глазах профессионального сообщества и населения. Так же довольно логичным видится обращение к социологическим исследованиям постфактум – для определения успешности осуществляемых государственных или локальных инноваций, определения степени признания либо отторжения их населением.

Полипарадигмальность социологии многими используется и трактуется как некое отсутствие истины, принципиальной невозможности объективного социального знания. Для профессиональных социологов (как и для многих специалистов социогуманитарного профиля) вполне естественным является разновекторность методологических подходов, отсутствие стандартов в выборе и оценке исходных данных для анализа и то, что признается априорным. Все это приводит к противоречивости, часто даже противоположности в выводах и рекомендациях от различных экспертов. При этом профессиональный вес (должность, опыт, степень, звание) экспертов может быть равнозначным. Такая плюралистическая ситуация, когда допускается множественность и относительность истины, привычна для специалистов «науки ради науки», но насколько она допустима при объективной социологической экспертизе для принятия управленческих решений на государственном уровне?

Вопрос даже не стоит в независимости экспертизы, а в ее объективности, в уровне и охвате рисков и упущенных возможностей. Если в экспертизе заинтересован широкий круг специалистов и практиков с различным виденьем перспектив, то существует вероятность возникновения конфликта между соперничающими группами экспертов. Заказчики исследования, финансируя данные виды работ, часто выбирают тех экспертов, субъективная оценка которых будет гармонировать с представлениями финансирующей стороны. П. Бергер и Т. Лукман, затрагивая вопрос о роли экспертов в конструировании и легитимации социальной реальности, еще предполагали, что «пока теории продолжают обладать непосредственной прагматической применимостью, все это соперничество может разрешаться средствами практической проверки» [2, с. 195]. По сути это сводится к проведению различного рода экспериментов (показательным здесь является опыт Германии). Однако в наших реалиях к ним обращаются, к сожалению, крайне редко. Принимается какое-либо управленческое решение – повышение пенсионного возраста, изменение условий исчисления трудового стажа, безусловная приватизация в сфере ЖКХ, изменение в налогах и обязательных сборах и др. – окончательно через изменение законодательства, без права на реализацию предыдущего или иного сценария. Из-за неточности в просчете рисков, без глубокого учета принятия или отторжения инноваций населением, ради недолгосрочной выгоды перекраивается система социальной политики. Что в свою очередь

приводит к необходимости постоянного реформирования и постоянной модернизации и опять к изменению законодательства.

1. Шавель С.А. *Общественная миссия социологии* – Минск: Беларус. навука, 2010. – 404 с.
2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Неваева Д.А. (Барнаул)

«Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" Код проекта: 1475 " «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации»

В XXI веке важным элементом политики, отношений общества и власти становится гражданская активность. Главной ее особенностью является направленность на решение конкретных проблем различных уровней: локального, городского, федерального. При этом одно из важных условий гражданской активности – заинтересованность участников, субъектов гражданской активности [1]. От этого фактора зависит эффективное развитие социально-экономического, политического, культурного и других направлений конкретного региона, государства [2, 3].

В 2014-2016 гг. сотрудниками факультета социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» под руководством С.Г. Максимовой был проведен социологический опрос населения методом анкетирования¹. В опросе приняли участие население 9 регионов России (Алтайский край, Амурская область, Забайкальский край, Кемеровская область, Омская область, Оренбургская область, Республика Алтай, Республика Карелия, Читинская область) в возрасте 15-75 лет (всего 4437 человек). Среди основных целей исследования было изучение отношения к стране, интересах граждан. По результатам опроса более 97% ассоциируют себя с гражданином России, при этом в значительной степени – 77,6% от числа опрошенных, в небольшой степени – 18,2%. Практически такое же соотношение по позиции ощущения близости с категорией «жители своего края, области, Республики» (72,1% и 22,3% соответственно), «жители своего города, села» (75,9% и 18,8%). При этом на утверждение «Я считаю себя россиянином» скорее согласен и абсолютно согласен ответили 93,1% населения, при этом «горды быть россиянином» 86,2%, а «счастливы быть россиянином» - 81,8%. Гордость, когда слышат гимн России, испытывают 86,1% от числа опрошенных, а когда видят, как поднимается флаг России – 85%. Чувство гордости за страну испытывали 89,3%, при этом основные причины гордости – победа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. (66%), авторитет России в мире (37,7%), великие российские поэты, писатели, композиторы (32%), президент России Владимир Путин (28,6%), первый успешный полет в космос Юрия Гагарина в 1961 г. (21%), историческое прошлое России (20,7%), достижения российской науки и техники (20,2%).

Более половины от числа опрошенных приходилось испытывать чувство стыда за Россию (58,5%). Причины этого: низкий уровень жизни, низкие зарплаты, безработица, нищета (66,8%), коррупция, бюрократия (43,6%), упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом (30,2%), бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков (20,6%), расхищение и продажа национальных богатств, государственной собственности (17%). Нужно отметить, что многие россияне отмечают, что порой объемы и сложность задач и ресурсы органов местного самоуправления несопоставимы [4]. Проблемы социально-экономического плана беспокоят граждан, а также неблагоприятная экологическая обстановка и проблемы в транспортной сфере, социальные пороки современного общества. По результатам ряда исследований, доля ситуативной протестной активности увеличивается (как в форме отдельных мероприятий прямого действия, так и в форме объединений) [5]. Предпочтение граждан для решения возникшей проблемы порой склоняется в сторону протестного движения, а не органов местного самоуправления. Можем предположить, что это детерминировано восприятием населения представителей власти не как союзников (власти любого уровня). Согласно данным опроса Института социологии РАН за последние 10 лет, количество россиян, которые постоянно

интересуются общественно-политической жизни страны, сократилось до в 1,5 раза; количество россиян, которые потеряли интерес к данному вопросу, увеличилось в 1,5 раза [6]. Данные проблемы являются общероссийскими. Отметим, что слабая гражданская активность населения – результат их сознательного выбора, т.к. люди не видят материальных выгод и исключают общественно-политическую активность из жизни. Мотивация к активной гражданской позиции зависит, прежде всего, от ожидаемых результатов. Быть гражданином государства, по мнению 56,1% опрошенного населения – это быть патриотом, любить Россию. При этом 53,2% считают, что это значит соблюдать Конституцию и законы, 34,4% - иметь права, предоставляемые законами этой страны, пользоваться ими. Всего лишь 14,1% считают, что быть гражданином – это чувствовать свою причастность к большим и малым делам государства.

Взаимодействие органов власти и населения по факту в достаточном объеме не всегда, во-первых, осуществляется, во-вторых, является эффективной. Одной из важных причин этого является низкая гражданская активность населения, а также недостаточная ответная готовность их участвовать в решении вопросов местного уровня, в формировании, например, органов местного самоуправления [7]. Такое участие носит несистемный характер. Граждане придерживаются узких целей (решить отдельную острую социальную, экономическую и т.д. проблему). Соответственно, созидательное целостное участие отсутствует. Особенно актуальна гражданская инициатива при решении долгосрочных вопросов, предполагающих планирование и стратегическое развитие. Другая важная сторона данного вопроса – электоральная активность. Как правило, чем ниже уровень выборов, тем меньше явка населения. Заинтересованность в управленческих, административных делах также слаба. Осведомленность граждан о нормативно-правовых актах своего города, района, края, очень низка. По результатам других исследований, граждане России обладают в достаточной степени знаниями по основным вопросам жизни своего муниципального района, к примеру, но не понимают, как работает Институт правотворческой инициативы.

Таким образом, можно назвать несколько факторов, которые снижают гражданскую активность. Во-первых, недоверие к органам власти, восприятие их как бюрократического института, не решающего проблемы граждан. Во-вторых, нежелание граждан взять на себя ответственность («гражданский инфантилизм»). В-третьих, современные тенденции и модернизации общества, которые нацелены на индивидуализм и получение материальной, карьерной выгоды. В-четвертых, несовершенство правовых механизмов. Все эти причины в совокупности дают эффект наблюдения гражданами за теми процессами, которые в современном обществе происходят. Отметим еще раз, что быть гражданином для россиян пока, прежде всего, носит эмоциональную окраску, без конкретных действий. Возможно, что более глубокая система мотивации гражданской активности находится в пределах конкретного человека. Важно создавать формы интеграционного взаимодействия граждан для решения вопросов (как минимум, местного значения), развивать системы поддержки форм гражданского участия. Кроме того, необходимо проведение целенаправленных исследований по системе мотивации активности граждан во благо развития своего региона, страны.

1. Волкова Н.В., Гусева Л.А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 5.
2. Гражданская активность молодежи // *Молодежь в обществе. Социология молодежи: электронная энциклопедия под ред. Вал. А. Лукова*. URL: <http://www.soc-tol.ru/encyclopaedia/youth/35-grazhdanskaya-aktivnost-molodezhi.html>
3. Миронов Н.М. Гражданская активность населения на местах как показатель развития социально-политических процессов в сфере местного самоуправления // *Практика муниципального управления*. – 2011. – №6. – С. 18-29.
4. Неркаряян А.С. Гражданская активность населения России как фактор уровня развития гражданского общества. 2014. – С. 199-202. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38142/1/ick_2014_37.pdf
5. Максимов М.Б., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е. Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. – № 11 (133). – 2015. – С. 167-171.
6. Патрушев С.В. Гражданская активность как фактор модернизации. – 275 С.
7. Яковлев М.В. Гражданская активность в регионах как фактор демократических преобразований современной России (на примере Республики Башкортостан) // *Вестник Башкирского университета*. – 2012. – Том 17. – № 4. – С. 1857-1858.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Немировский В.Г. (Санкт-Петербург)

Проблема социальной справедливости в обществе актуализируется в периоды активных социальных изменений, в том числе – в условиях финансово-экономических кризисов. Речь идёт, прежде всего, о дистрибутивной составляющей социальной справедливости, которая наиболее остро воспринимается населением. Дистрибутивная составляющая справедливости характеризует воздаяние за социальную деятельность в соответствии с личным вкладом акторов (индивидов или общественных групп) и регулируется различными нормами [1, 8]. Поэтому не случайно в современной России, как справедливо утверждает Ж.Т. Тощенко, «резко усилилось ощущение нарушений социальной справедливости. ... Ощущение несправедливости формируется именно в той среде, с которой человек непосредственно соприкасается, и о которой он может судить по таким вполне наглядным и конкретным показателям, как оплата труда, разрыв в уровне жизни и т.п.» [2, 34].

Общие представления наших соотечественников о социальной справедливости сравнительно недавно были изучены специалистами ВЦИОМ [3]. Репрезентативный опрос, проведённый сотрудниками Сибирского федерального университета зимой 2016 года в 28 населённых пунктах Красноярского края методом полуструктурированного интервью (n=1000), показал весьма похожую картину; при этом преобладают представления о дистрибутивной справедливости, обусловленные двумя социальными нормами.

В частности, по мнению большинства опрошенных, социальная справедливость заключается «в том, чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями» – 30% (норма распределения по усилиям) и чтобы «каждый мог достичь того, на что способен» (норма распределения по способностям) – 27%. Вопрос же о социальной справедливости в отношении различных социальных слоёв и групп российского общества остаётся малоизученным. Между тем, социальная и политическая стабильность во многом определяется представлениями населения о справедливости положения или иных социальных групп и слоёв в системе дистрибутивных отношений в обществе.

Мнения респондентов о том, справедливо ли устроено российское общество, разделились практически поровну: 50% опрошенных считают, что наше общество устроено справедливо (14% - «в полной мере справедливо», 36% - в «некоторой степени справедливо»), 45% - несправедливо (32% - «скорее, несправедливо», 13% - «абсолютно несправедливо»). Примечательно, что каждый двадцатый затруднился ответить на вопрос. При этом в оценке социальной справедливости в обществе, как показали наши исследования, большинство респондентов опирается на оценку соотношения вклада индивида (или другого социального субъекта) в общественные дела и того, что он «получает» от социума в любой форме (от финансовых средств до социального статуса, престижа и т.п.). Иными словами, положения субъекта в системе распределительных (или дистрибутивных) отношений в обществе.

Поэтому одним из важных аспектов характеристики людьми состояния социальной справедливости в обществе выступает оценка ими своего положения в сложившейся системе дистрибутивных отношений. На вопрос «Соответствует ли то, что Вы лично получаете от общества, тому, что Вы ему даете?» большинство опрошенных ответили, что они получают примерно столько же, сколько дают сами (44%). Несколько менее трети респондентов считают, что получают меньше, чем дают (30%). 8% признались, что получают от общества больше, чем дают сами. Наконец, почти каждый пятый (18%) затруднился ответить. Как видим, у некоторых жителей региона проявляется определённое недовольство дистрибутивными функциями социальной системы.

Респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, сколько получают различных благ от российского общества, а сколько сами отдают ему своего труда и таланта представители следующих социально-профессиональных групп?» От 60% до 40% ответивших полагают, что получают примерно столько, сколько сами дают обществу представители следующих социальных групп: среднего бизнеса, малого бизнеса, сотрудники спецслужб, казаки (не военнослужащие), лица свободных профессий (писатели, художники, дизайнеры, артисты, специалисты в сфере ИТ, рекламы, PR и т.п.), военнослужащие, наемные работники (в широком понимании: все, кто работает по найму), студенты, правоохранители, гос. муниципальные служащие, представители

крупного бизнеса, гос. гражданские служащие, безработные, судьи. В данном ракурсе можно сказать, что респонденты рассматривают их положение как в целом справедливое.

Были выделены и другие группы, в отношении которых, по мнению опрошенных, существует перманентная несправедливость в распределении социальных благ. Она проявляется двояко: определённые социальные и социально-профессиональные группы получают от общества больше, чем ему отдают, а другие группы – меньше. В частности, большинство респондентов полагают, что получают больше, чем дают обществу: депутаты – 64% опрошенных, политики – 61%, высшие государственные чиновники – 54%, представители крупного бизнеса – 36%, судьи – 31%, государственные гражданские служащие – 25%, правоохранители – 19%, представители среднего бизнеса – 19%, заключённые – 17%, государственные муниципальные служащие – 7%.

Получают меньше, чем дают обществу: пенсионеры – 47%, трудовые мигранты – 41%, наёмные работники (в широком понимании: все, кто работает по найму) – 36%, студенты – 33%, инвалиды – 30%, лица свободных профессий (писатели, художники, дизайнеры, артисты, специалисты в сфере ИТ, рекламы, PR и т.п.) – 17%, казаки (не военнослужащие) – 13%, сотрудники спецслужб – 10%, военнослужащие – 6%.

Таким образом, можно говорить о существовании в массовом сознании респондентов своеобразного «рейтинга справедливости» положения тех или иных социальных групп в системе дистрибутивных отношений современного российского социума. В соответствии с подобными представлениями происходит перераспределение различных благ в пользу, прежде всего, таких групп, как депутаты, политики, высшие государственные чиновники, представители крупного бизнеса, судьи, государственные гражданские служащие. Согласно представлениям респондентов, наиболее подвержены эксклюзии в данной системе пенсионеры, трудовые мигранты, наёмные работники, студенты, инвалиды.

Напрашивается гипотеза, что вектор социального недовольства может быть направлен в сторону представителей именно тех социальных групп и слоёв, в пользу которых, по мнению респондентов, осуществляется перераспределение общественных благ. Не исключено, что подобные представления имеют региональную специфику, поэтому данный вопрос требует дальнейших исследований.

1. Гулевич О.А. *Социальная психология справедливости: Бизнес, политика, юриспруденция.* – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 254 с.
2. Тоценко Ж.Т. *Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социологические исследования.* 2015. № 3.
3. *Как жители России понимают социальную справедливость в 2013 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий.* – 19.07.2013. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/07/19/6111>

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ СТУДЕНТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Нечай Е.А. (Екатеринбург)

Ситуацию в мире, сложившуюся на данный момент времени, объективно трудно назвать стабильной. В последние годы резко увеличилась интенсивность событий на мировой политической арене, возросла ценность и возможности информации и технологий, произошли изменения в социокультурном и экономическом пространстве страны. В социальной реальности сегодняшнего дня молодому человеку все труднее разграничить свои цели и возможности, сформировать представления о будущих жизненных планах, в частности, относительно профессиональной деятельности. Быстрые и частные социальные изменения принуждают молодежь искать новые способы включения в социальную среду, не всегда выбирая конструктивные способы адаптации. Стремительный информационный поток, нередко негативный или содержащий в себе скрытый подтекст [1], усугубляет положение. Для того, чтобы процесс формирования жизненных планов не отставал от личностного развития, требуется применить новый подход к решению данных противоречий.

Следует заметить, что проблема выбора молодыми людьми профессиональной деятельности весьма значима для общества. От качества и своевременности формирования профессиональных стремлений молодежи зависит стабильность общества и государства в будущем. В данном контексте студенчество выступает наиболее динамичной и перспективной

социальной стратой общества, при этом время формирования профессиональных планов студентов ограничено временем обучения в школе и высшем учебном заведении.

Говоря об актуальности проблемы, подчеркнем, что существующие противоречия в обществе оказывают влияние на самосознание молодежи. Как примеры значимых событий, можно привести: кризис на Украине, переменчивые взаимоотношения между Соединёнными Штатами Америки и Российской Федерацией, усиление экономического давления на страну, возрастание националистских настроений в мире. Чтобы достигнуть прогресса в понимании социальной реальности сегодняшнего дня следует разобраться в богатом наследии знаний и идей прошлых лет, ведь как показывает жизненная практика, для того чтобы двигаться вперед, необходим опыт, приобретенный ранее.

В условиях трансформации общества растет интерес исследователей к трудам дореволюционной российской науки. Именно в кризисные моменты в обществе возникает повышенный спрос на социологические знания, особенно на те концепции, которые способствуют пониманию сущности и направленности общественного развития.[5] Особый вклад в разработку этой проблематики внесли П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский, Н.А. Кареев и М.М. Ковалевский и др. Среди концепций влияния социальных изменений на общество, в мировой социологической мысли можно обозначить следующих мыслителей: Э. Гидденс, С. Хантингтон, Н. Смелзер и др. Важно обратить внимание на осознание и понимание не только обществом, но и отдельным человеком ситуации, которая происходит в мире, в связи с чем интерес представляет концепция социологического воображения Ч. Р. Миллса.

Существует большое количество исследований, мнений и очерков социологов в ракурсе актуальности теоретического наследия прошлого в настоящий момент времени. Н. Е. Покровский [4] делает упор на место социологии в современном образовании. Проводя параллели с изменчивой природой общественного развития, автор указывает на существующие проблемы в развитии социологии как науки и подчеркивает, не только факт противоречивых неустойчивых настроений в обществе, но и неуверенность в завтрашнем дне у представителей науки. Н. В. Романовский [6], в свою очередь, глубже затрагивает проблему потребности в социологических идеях прошлого на данном этапе развития общества. Он выделяет факторы влияния на социологию в контексте социальных изменений, при этом основная его цель – выявить закономерно возникающие проблемы в науке. Взаимосвязь социологии и социальной среды анализируют А. Ершов и А. Кулапин [2], раскрывая ее через особенности экономической сферы жизни общества. Основная идея заключается в том, что рынок вытесняет договорные отношения. Сущность договора, как формы общественных отношений, предполагает интерактивность, соответственно возрастает значение позиций и диспозиций участников договорных взаимоотношений. Поскольку договорные отношения, по мнению авторов, являются основой современного общества, необходимо сделать акцент на публичной социологии для того чтобы создать прочный научный фундамент современных общественных взаимоотношений. Г. Мирошниченко [8] продолжает идею необходимости усовершенствования социологии, исходя из ситуации в современном мире, при этом указывает на необходимость поиска путей преодоления проблем, которые возникают перед наукой вследствие быстрых социальных изменений. Интересно, что Мирошниченко использует в статье понятие «кризис представлений», подтверждая идею негативного влияния социальной реальности на сознание общества. Тем не менее, в исследовании делается упор на поиск стабильности и качественного преобразования научной отрасли.

Социологи подтверждают факт существующих проблем, анализируют актуальность классических теорий в настоящий момент, но главным образом упор делается на необходимости перемен в социологии. В свою очередь, общество и его элементы становятся зависимыми переменными [3] от научной сферы деятельности. Социология, как фактор стабилизации негативных последствий социальных изменений, выходит на первый план. Наш подход предполагает попытку изменить тип связи между переменными и подчеркнуть необходимость произвести коренные перемены в сознании самого общества и индивида. Опираясь на концепцию Ч. Р. Миллса [7] о социологическом воображении, существует возможность взглянуть на проблему по-новому.

Что представляет собой данный термин? В воззрениях мыслителя, социологическое воображение – это особое качество ума, которое должно помочь людям «пользоваться информацией и развивать мышление, чтобы достичь ясного понимания того, что происходит как в мире, так и с ними самими». Миллс раскрывает и суть того, как человек сможет достичь такого

рода понимания. Главным образом, социологическое воображение присуще тем людям, которые воспринимают факты личной биографии через взаимосвязь с развитием общества. Возвращаясь к проблеме выбора студентами профессиональной деятельности, молодые люди должны научиться воспринимать окружающий мир не только здесь и сейчас, но и в более обширном контексте его существования. Значимость представляет исторически сложившаяся цепь событий, от начала до конца, история университета, города, нашей страны, история одной семьи, и линия жизни самого человека, которая соприкасается своей биографической важностью с иными масштабными происходящими вокруг событиями. Играет роль не авторитет других представителей социума, но логически выстроенные закономерности их жизненного пути в социальной реальности. Миллс считает, что только «тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей».

Индивидуальную судьбу творит история, которая складывается из миллионов личных биографий и только посредством данного метода человек может понять, «что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества». Формированию качественных профессиональных планов поспособствует не только «расширение кругозора и сознания», но и систематизация жизненного опыта. Студент должен абстрагироваться от эмоциональных всплесков и «информационного шума». Требуется определить, какими умениями, навыками, талантами молодой человек обладает в настоящий момент времени. В какой области деятельности они были полезны обществу, где такие умения и навыки полезны в настоящий момент времени, в каких областях знания их можно применить.

Индивид должен в высшей мере осознавать свою принадлежность к обществу, при этом, уметь видеть закономерности ситуации «сейчас» в зависимости от исторического развития цивилизации. Молодой человек должен быть полезен для социума, значимо осознание сильной связи одного человека и общества, и взаимная выгода такой связи. Работая на общее благо, личность извлекает пользу и для себя, при условии понимания данного процесса. В концепцию модернизации российского образования (2010 г.) заложены профессиональные и культурные компетенции, требования к личности человека, «выходящего» из системы образования: государство рассчитывает получить от молодежи предприимчивую, рационально мыслящую, прагматически настроенную, методичную личность [9].

Ч. Миллс считал, что значение социологического воображения состоит также в возможности различать «личные трудности» и «общественные проблемы». Понимание факта того, что личные трудности поддаются направленному воздействию, так как не выходят за рамки компетенции индивида, в отличие от общественных проблем, поможет молодому человеку повысить уровень ответственности за свое личное будущее «взять верх» над противоречиями настоящего. Понимание сути и природы причин разнообразных проблем и трудностей, позволит выяснить способы их решения. Миллс предлагает каждому быть «самому себе методологом». Смысл фразы никак не затрагивает точные науки, на нашем конкретном примере, студент должен попытаться найти свой собственный путь к самореализации, попытаться выяснить грань своих возможностей.

Социологическое воображение, бесспорно, можно и нужно развивать. Усилив понимание своего места в обществе, человек сможет смотреть на вещи более объективно, что в свою очередь приведет к прогрессу и в усилении общественных связей. Миллс призывает пользоваться логикой и разумом, именно этого не хватает обществу в современном мире. Можно утверждать, что это одно из необходимых направлений решения существующих ныне противоречий. Любая попытка молодого человека и каждого члена социума провести самостоятельный анализ сложившейся ситуации приведет к росту новых творческих идей для будущего общественного прогресса.

1. Гидденс Э. *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*/ М.: Весь мир, 2004.
2. Ершов А. Н., Кулапин А. П. *Социология в современном мире*. // Вестник Казанского технологического университета 2012. № 2
3. Парсонс Т. *Система современных обществ*. / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998.
4. Покровский Н. Е. *Социология, социологическая культура и их место в современном российском обществе*. // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2
5. Ровнова С. А. *Проблемы социальной динамики в трудах отечественных социологов второй половины XIX - начала XX вв. дис. ...канд. соц. Наук, Сар. гос. университет, г. Саратов, 2002.*

6. Романовский Н. В. Современная социология: детерминанты перемен. // Социологические исследования. 2009. № 12
7. Миллс Ч. Социологическое воображение. / Пер. с англ. Оберемко О.А. под ред. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.
8. Мирошниченко Г. Л. Парадигмальный сдвиг в современном обществе как теоретический вызов социологии. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10.
9. Абрамова С. Б., Маликова Н. Н. Городская молодежь: ценности, цель, выбор // Социальное пространство современного города / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. — Екатеринбург : Изд во Урал. ун-та, 2015. С. 156-192.

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК СУДЬИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Николенко А. (Москва)

Деятельность судьи подразумевает под собой не только знание теоретических основ законодательства и способность применения их на практике, соответствие судебной этике, но и обладание рядом нравственных и моральных качеств. А. Ф. Кони писал: "Можно также настойчиво желать, чтобы в выполнении формы и образов, которыми сопровождается отправление правосудия, вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судилище, но и школа"[1].

Деятельность суда затрагивает интересы многих людей в сфере решения их социальных и межличностных конфликтов, поэтому проблемы нравственности всегда сопровождают работников юридической профессии. Так, «особенности профессии юриста обуславливают необходимость существования юридической этики», а специфика деятельности судьи – Кодекс судейской этики [2].

Конституция РФ в ст. 10 закрепляет принцип разделения властей [3]. Одной из трех ветвей государственной власти является судебная власть, под которой понимается самостоятельный вид государственной власти, осуществляемый судебными органами посредством установленных законом видов судопроизводства. В свою очередь судебные полномочия в судах РФ осуществляют судьи.

Судья - это лицо, наделенное в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» полномочиями осуществлять правосудие и исполняющее свои обязанности на профессиональной основе [3], [4]. Существенное значение имеет и другое понятие - статус судей, т.е. их правовое положение.

Права и обязанности, составляющие правовое положение исключительны по своему характеру. Судьи получают их в силу занимаемого должностного положения, помимо общих гражданских прав и обязанностей. В повседневной жизни таких прав у обычных граждан нет, что и накладывает определенный моральный и нравственный груз ответственности на лиц, назначаемых на эти государственные должности. Единые требования к судьям, установленные Конституцией РФ и федеральным законодательством являются важным условием единства судебной системы России [3], [4], [5]. Хотя судьи различных ветвей судебной системы РФ и имеют различную компетенцию и полномочия, статус судей - единый для всех судей вне зависимости от того, в каком суде они работают.

Статус судей складывается из нескольких элементов:

1. Требования к кандидату на пост судьи и к лицу, назначенному судьей.
2. Порядок наделения судей полномочиями; порядок приостановления полномочий судей и освобождения их от должности.
3. Правила о невмешательстве в судебную деятельность.
4. Меры обеспечения неприкосновенности судей.
5. Меры материального и социального обеспечения судей [6].

Основные требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи закреплены в Законе РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 "О статусе судей в РФ" (в ред. от 03.07.2016 г.). В Российской Федерации судьей может быть гражданин:

- 1) имеющий высшее юридическое образование по специальности "Юриспруденция" или высшее образование по направлению подготовки "Юриспруденция" квалификации (степени) "магистр" при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки "Юриспруденция";
- 2) не имеющий или не имевший судимости либо уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям;

3) не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства;

4) не признанный судом недееспособным или ограниченно дееспособным;

5) не состоящий на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств;

6) не имеющий иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи [5].

Необходимо отметить, что п.2 ст. 3 вышеназванного закона гласит: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности»[5]. На мой взгляд, данное понятие только косвенно указывает на необходимый нравственный облик судьи, ведь частная жизнь лица, занимающего эту государственную должность, влияет на «достоинство судьи» во всех общечеловеческих и профессиональных понятиях.

Профессиональная этика – это, прежде всего, «специфический нравственный кодекс людей определенной профессии» [7]. Профессия судьи носит государственный характер, поэтому их деятельность должна соответствовать моральным нормам, они должны иметь такое качество как чувство долга, ответственности, справедливости, ведь их профессиональная деятельность до мельчайших деталей урегулирована законом. Независимость и подчинение только закону предполагает строжайшее его соблюдение.

Вопрос о пределах действия правил профессиональной этики достаточно дискуссионный, тем не менее, в Кодексе судейской этики определено: он "устанавливает правила поведения судьи в профессиональной и внеслужебной деятельности" [2]. Более того, требования Кодекса обязательны также для судей, находящихся в отставке, но сохраняющих звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу.

ст. 3 Кодекса судейской этики гласит: «судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации судьи и поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия» [2]. По мнению А.И. Бабикова «Эта сторона понимания этики судьи недалеко ушла от общих представлений об этике человека вообще, существующего в многообразии общественных связей, включая общественные отношения, вытекающие из его профессиональной деятельности. Такая этика отвечает на один простой вопрос: что следует и чего не следует делать человеку?» [8]. Т.е. на первый план выходят личностные ориентиры, заложенные с малых лет при воспитании человека, и, впоследствии становления личности, раскрытые с течением времени.

Нравственное чувство является тем необходимым внутренним качеством, которое может помочь судье преодолеть раздражение, отказаться от предубеждений, взглянуть на ситуацию с различных точек зрения, что напрямую связано с исполнением его должностных обязанностей.

Для судей, равно как и прокуроров, следователей и лиц, производящих дознание, должны быть характерны: гуманный и глубоко человеческий индивидуальный подход к людям, забота о человеке и уважительное к нему отношение, сочувствие и доброжелательность, стремление видеть в каждом деле не безликий судебный «случай», а живого человека, с его сложными переживаниями, стоящего за этим делом [9].

Автором в сентябре 2016 года был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 35 юристов из 9 регионов Российской Федерации. Основными качествами, которыми должен обладать судья, по мнению экспертов, являются: объективность, человечность, уравновешенность, внимательность, стрессоустойчивость. «Судья должен спокойно и внимательно изучить материалы дела, на основе форм действующего законодательства, вынести объективное, законное, судебное решение», - ответил один из экспертов. «Судья должен беспристрастным, чтобы в судебном процессе руководствоваться не личными, ситуационными эмоциями, а оценивать обстоятельства дела и принимать решения, на основании материального и процессуального права», - ответ еще одного эксперта.

Делая выводы, можно сказать, что большинство юристов (85% опрошенных) считают, что судья должен обладать достаточными профессиональными навыками при ведении судебного процесса и принятии обоснованных судебных актов, а также быть стрессоустойчивым, беспристрастным и внимательным.

Рассматривая нравственный облик судьи в РФ можно отметить, что для поддержания престижа власти, законности и государства в целом предприняты грамотные и действенные меры. К ним можно отнести: «жесткую» конституционную норму - обеспечивающую фундаментальную правовую основу, проработку федерального законодательства - четко регулирующего основные понятия, права и обязанности, критерии работы и требования к кандидатам на должности, кодекс чести юриста и кодекс судейской этики – содержащие в себе свод правил «обязательных для исполнения». В Российской Федерации судьи, соблюдая предписания и имея правильные морально нравственные ориентиры не дают усомниться народу в силе государства и задаться вопросом «А судьи кто?» из известной комедии Грибоедова А.С. «Горе от ума».

1. Кони А. Ф. *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. С. 56*
2. *Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012). Информационно-правовая система «КонсультантПлюс», <http://www.consultant.ru/>;*
3. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). Информационно-правовая система «КонсультантПлюс», <http://www.consultant.ru/>;*
4. *Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) "О судебной системе Российской Федерации". Информационно-правовая система «КонсультантПлюс», <http://www.consultant.ru/>;*
5. *Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 03.07.2016) "О статусе судей в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016). Информационно-правовая система «КонсультантПлюс», <http://www.consultant.ru/>;*
6. Ермошин Г. Т. «Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации», *Журнал российского права, Выпуск № 8 (200) / 2013. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/>;*
7. Афанасьева О.В., Пицелко А.В. *Этика и психология профессиональной деятельности юриста. М., 2012;*
8. Бибииков А.И. «Критерии нравственности в материальном праве и их проявление в профессиональной деятельности судьи: история и современность». *Судейская этика. Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Электронный журнал Isfic.Info 2006-2016;*
9. Алексеев В. Б., Ароцкер Л. Е. и др. «Настольная книга судьи» (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции). Изд-во «Юридическая литература», М., 1972 г.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ

Новикова Е.М. (Москва)

Центром прикладных психолого-педагогических исследований МГППУ в марте-июле 2016 года были реализованы два исследовательских проекта - «Профессиональная идентичность педагога общеобразовательной организации» (первое исследование) и «Исследование механизмов функционирования института наставничества молодых педагогов в системе общего образования» (второе исследование), посвященных изучению положения педагогов в школе (в том числе и молодых педагогов). Первое исследование носило всероссийский характер, было опрошено 1024 педагога из общеобразовательных организаций в 9 федеральных округах РФ, за исключением Крыма (опрос проводился Левада-центром, молодые педагоги составили 10% выборочной совокупности). Второе исследование осуществлялось МГППУ и дружественными вузами из регионов. Во втором исследовании объем выборочной совокупности составил 491 педагог, в том числе молодых педагогов (стаж работы до 5 лет, возраст до 30 лет) – 150 человек. Также было проведено 25 интервью с представителями администрации школ: 10 интервью в московских школах, 15 – в 5 регионах.

В исследованиях поднимались вопросы, связанные с уровнем подготовки молодых педагогов, их образовательными дефицитами и потребностями, а также связанные с различными трудностями, с которыми они сталкиваются в школе. Согласно полученным данным первого исследования, лишь 35% молодых педагогов считают, что "в педагогическом вузе получили профессиональные знания в полной мере". Те, кто "получил некоторые профессиональные знания в вузе, но большую часть освоил в ходе практической деятельности в школе" составили 48% молодых педагогов, т.е. на момент выпуска из вуза они испытывали дефицит в знаниях и умениях.

Причем большинство тех, кто не получил в полной мере знаний в ВУЗе, в первую очередь говорили о нехватке практических навыков (69%). Более трети педагогов указывали на нехватку

психологических знаний (38%) и еще четверть – на дефицит исследовательских компетенций (24%). На пробел в теоретических знаниях указали еще 22% респондентов. Эти данные подтверждаются и результатами второго исследования. Так, согласно анализу проведенных интервью с руководителями школ, большинство руководителей считают хорошей педагогическую подготовку выпускников, однако это касается полученных теоретических знаний молодых педагогов. Руководители сетовали на отсутствие необходимых методических и практических знаний молодых педагогов. Упоминалась нехватка различных специальных знаний и умений, например, умение работать с документами, умение работать с родителями, знания конфликтологии, владение профессиональной лексикой, этические знания и так далее.

При этом наиболее подготовленными выпускники вузов являются по предметной области. Так, 66% молодых педагогов указали, что по данному направлению вузы дают вполне достаточно знаний, еще 24% молодых педагогов считают такие знания скорее достаточными. Следует отметить, что оценки молодых педагогов носят декларативный характер, реальная ситуация может выглядеть несколько иначе. Так, среди опытных педагогов значительно меньше тех, кто считает, что уровень профессиональных знаний, получаемых молодыми педагогами в процессе обучения, по разным направлениям подготовки достаточный. Тем не менее, предметная подготовка также является наиболее полной, по мнению опытных педагогов (75% опытных педагогов считают ее достаточной).

Далее по достаточности знаний идет методическая подготовка: среди молодых педагогов 37% считают ее вполне достаточной, а еще 38% – скорее достаточной. При этом следует заметить, что удовлетворенность полученными знаниями по данному направлению среди опытных педагогов существенно ниже: лишь 16% опытных педагогов считают вполне достаточными методическую подготовку в вузах и 33% – скорее достаточной. Еще хуже дела обстоят с психологической и практической подготовкой выпускников. Как молодые, так и опытные педагоги оценили эти направления знаний несколько ниже методического направления (соответственно на 10-13% и на 8-11% ниже). Интересным является то, что сами молодые педагоги оценивают свои знания и возможности значительно выше практически по всем направлениям подготовки. Это вероятно связано с тем, что их оценки являются более субъективными в силу того, что они оценивают самих себя, когда опытные педагоги оценивают ситуацию в целом.

Тем не менее, в настоящее время у педагогов есть различные возможности получать дополнительные знания и умения. В соответствии с законодательством об образовании прохождение курсов повышения квалификации или профессиональной переподготовки является и правом, и обязанностью педагогических работников. Необходимость обучения педагогов по тем или иным программам дополнительного профессионального образования возникает по разным причинам: в силу требований ФГОС, в связи с несоответствием имеющейся квалификации профилю работы в должности, перед прохождением аттестации.

За последний год (данные первого исследования) молодые педагоги главным образом участвовали в тематических семинарах (68%), мастер-классах (56%), онлайн курсах, вебинарах (56%), курсах повышения квалификации (53%), тематических лекциях (53%). Следует заметить, что такие новые формы получения знания как онлайн курсы и вебинары по частоте использования сравнялись с традиционными формами ФПК. В стажировках же принимали участие лишь 14%, это может говорить как о непопулярности такого вида получения знаний, так и низком предложении такой формы образовательных услуг.

Среди основных направлений образовательных потребностей молодых педагогов можно выделить следующие навыки и умения, связанные с: 1) организацией работы на уроке (управление вниманием учащихся, контроль их поведения) (50%), 2) организацией проектно-исследовательской деятельности учащихся (43%), 3) методами выявления и формирования учебно-познавательной мотивации (33%) и 4) методами работы с родителями: оказание помощи в семейном воспитании и привлечение родителей к участию в жизни класса и школы (31%). Лишь 6% молодых педагогов сказали, что не хотели бы приобрести дополнительные навыки и умения. Следует заметить, что для молодых педагогов (м.п.), в отличие от более опытных (о.п.), в большей степени востребованы «организация работы на уроке: управление вниманием учащихся, контроль их поведения» (50% м.п. против 30% о.п.) и «организация проектно-исследовательской деятельности учащихся» (43% м.п. против 29% о.п.).

В ходе исследования были выявлены и некоторые различия в представлениях начинающих и опытных педагогов о предпочтительных формах профессионального развития молодого учителя.

Самая предпочтительная форма профессионального развития, по мнению молодых специалистов – самообразование (58% м.п. против 42% о.п.). Тогда как наиболее часто указываемая опытными педагогами форма является «индивидуальная помощь со стороны наставника» (48% о.п. против 23% м.п.). Молодые педагоги ориентированы в большей степени на «консультации с опытными коллегами» (51% м.п.), что может указывать на желание не ограничивать профессиональное общение одним педагогом-наставником, а иметь возможность обращаться за советом к учителям, которые являются наиболее компетентными в той или иной области.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПОНИМАНИИ Э. САТЕРЛЕНДА: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Новикова С.Е. (Москва)

Социальные факторы, во всех своих проявлениях, опосредуют преступное поведение: несоответствие устоявшегося, общепринятого стандарта потребления и предоставляемых обществом возможностей потребления в рамках допустимого общественностью или законом (в зависимости от исторических рамок) является главной криминальной детерминантой.

На современном этапе развития общества[6], преступное поведение подвержено влиянию социальных изменений: под воздействием трансформации всех общественных отношений наблюдается обострение противоречий социально-экономического, политического и духовно-нравственного характера, которые детерминируют эскалацию криминальных поведений. Проявляется диверсификационная тенденция совершений новых преступлений, в частности, в проявлении экономической преступности.

Общепризнанное, единое определение экономической преступности отсутствует. В соответствии с Рекомендациями Комитета министров юстиции от 1981 года[8], содержание экономической преступности включает в себя, «специфические» и «не специфические» правонарушения: картельные правонарушения, мошеннические действия и злоупотребление экономической ситуацией со стороны мультинациональных компаний, компьютерные преступления, создание фиктивных фирм, мошенничество с балансовыми отчетами компании и бухгалтерские правонарушения и др.

К экономической преступности, в рамках нашего анализа, относится система преступлений, совершаемых в сфере экономики и связанных с ней сферах жизнедеятельности общества[5]: преступления в сфере экономической деятельности и преступления против собственности[7]. Понятиеобразующей основой экономической преступности является исследование Эдварда Сатерленда (1883-1950) беловоротничковой преступности.

«Беловоротничковая» преступность представляет собой вид преступности, определение которой осуществляется по признаку принадлежности преступника к числу лиц, выступающих в роли представителей государства, бизнеса, должностных лиц и чиновников[1]. К типичным преступлениям белых воротничков относится мошенничество, взяточничество, операции с ценными бумагами, нарушение авторских прав и др.[2] Преступления, совершаемые деловыми людьми, имеют более широкий характер поражения, так как носят безличный характер[3].

Для эффективного использования в профилактике и предупреждении преступности результатов, полученных американским социологом, необходимо расширение определения системы субъектов экономических преступлений: последние имеют свое проявление в действиях не только руководителей, а также не только от имени и ради целей какой-либо организации.

Экономические преступления представляют собой недавно возникшее социальное явление, опосредуемое состоянием современной социетальной системы. Так, трансформации, происходившие в г.Чикаго в начале XX века: урбанизация, секуляризация, маргинализация, дифференциация, социальное расслоение, рост социальной напряженности, - обусловили повышение уровня преступности и появление новых видов криминального поведения, - что, в свою очередь, повлияло на проведение соответствующих социологических исследований, в частности Э. Сатерленда. Последние обстоятельства можно раскрыть на следующем историческом примере.

В 1920 году в связи с принятием восемнадцатой поправки к Конституции США и вступлением в силу закона Вольстеда началось время Сухого закона (prohibition), согласно которому производство, транспортировка и продажа алкоголя на всей территории страны являлось нелегальным[4].

Предполагалось, что введение закона будет способствовать улучшению здоровью, моральной гигиены населения, уменьшению уровня преступности и коррупции в обществе, а также американизации иммигрантов. Ряд причин не позволил осуществить ожидания, в частности, получил более широкое распространение появившийся новый вид криминального поведения - организованная преступность.

Таким образом Э. Сатерленд позволяет нам заключить, что закон не опережает в развитии нравы общества (в США не получили «сухого» общества). Для того чтобы попытаться удержать преступность на социально приемлемом уровне необходим целый комплекс мер экономического, социального, правового и воспитательного порядка.

1. Sutherland E. H. *White Collar Crime*. New York: Dryden Press, 1949.
2. Sutherland E.H. *Is «White Collar Crime» Crime?* // *American Sociological Review*, 1945.
3. Sutherland E.H., Cressy D.R., Luckenbill D. F. *Principles of Criminology*. 11th edition England, 1992.
4. Конституционный строй США. Лафитский В. 2-е изд.- М.: Статус.- Гл. Конституция США и конституции штатов.
5. Криминология: учеб. Пособие / Г.И. Богуш [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
6. Парсонс Т. *Система современных обществ* / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>.
8. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/9019946>.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК ЗДОРОВЬЯ

Новоселова Е.Н. (Москва)

Проблема сохранения и укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения России в условиях сокращения общей численности ее трудоспособного населения крайне актуальна.

Здоровье, являясь основополагающей ценностью, как общечеловеческой, так и индивидуальной, представляет собой сложный и многомерный феномен, являющийся предметом изучения многих наук. Как показывают современные исследования, ценность здоровья существенным образом зависит от социально-демографических факторов, таких как пол, возраст, брачный статус, социально-экономическое положение, уровень образования [1], при этом, здоровье находится в определенном соотношении с другими ценностями личности, такими как семья, материальный достаток, карьерные достижения и т.д.

В нашем исследовании мы попытались выяснить собственные оценки и представления женщин о своем здоровье, зафиксировать факты и обстоятельства, которые на эти оценки влияют, а также отследить некоторые повседневные поведенческие практики здоровья, ведь именно женщина, продолжательница человеческого рода, и от ее психофизического состояния и направленности линий самосохранительного поведения зависит нравственное и физическое здоровье будущих поколений. В основу работы положено исследование, проведенное в 10 регионах России кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Институтом социологии РАН, и Научно-исследовательским центром ФАП и ЦНС.

Респонденты объявили здоровье самой главной жизненной ценностью, так считает почти половина из них (47,7%). Большинство опрошенных оценили свое здоровье как удовлетворительное (53,8%), чуть больше трети определили его как хорошее (35,4%) и 1,5% назвали его плохим, оставшиеся респонденты затруднились ответить на данный вопрос. То, что только треть нами опрошенных оценили свое здоровье как хорошее крайне невысокий показатель в контексте высокой значимости здоровья.

Напомним, что в нашем исследовании респондентами выступали женщины, а по данным многих социологических исследований они всегда несколько ниже оценивают состояние своего здоровья. Лишний раз подтверждают это и данные ФОМ, согласно которым лишь 31% женщин оценивают свое здоровье как хорошее, в то время как среди мужчин этот показатель – 47%, при этом плохим свое здоровье считают 10% мужчин и 16% женщин. В реальности же

продолжительность предстоящей жизни у российских мужчин значительно ниже чем у женщин: продолжительность жизни российских женщин в 2015 г. достигла своего исторического максимума - 76,5 года, тогда как продолжительность жизни мужчин составила - 65,1 года, получается, что «женщины болеют чаще, мужчины умирают раньше».

Данный феномен получил название «гендерный парадокс здоровья», он является общемировой тенденцией, характерной для всех цивилизованных стран и объясняется действием целого ряда биологических и социальных факторов. По расчетам специалистов биологический фактор обуславливает разницу в продолжительности жизни мужчины и женщины 1,9-2,1 года [2], все остальное – социокультурные факторы: большая ответственность женщины за воспитание детей, более негативная направленность самосохранительного поведения мужчин, представители сильного пола физически более выносливы, но менее защищены перед стрессом, и т.д., проще говоря - женский организм – стайер, мужской – спринтер [3].

Стоит отметить, что мужская полоролевая идентификация в большей степени связана с установками на социальные достижения и успех, которая, одновременно, создает страх неудачи, несостоятельности и часто не позволяет обратиться за помощью даже в случаях, когда это необходимо, Женская же полоролевая модель менее регламентирована и при этом более тесно связана с ответственностью за здоровье семьи и более высокой культурой самосохранительного поведения, «ответственность женщины за здоровье детей определяет существенную социальную значимость ее адекватных ценностных ориентаций направленных на культуру самосохранительного поведения и выживания рода» [4]. Оценивая свое здоровье более критично, чем представители сильного пола, женщины относятся к нему ответственнее и больше о нем заботятся – 77% женщин и 65% мужчин следят за своим здоровьем [5]. Возможно, это связано еще и с тем, что для женщины понятие «здоровье» тесно связано понятием «красота». Стремясь обрести красивую фигуру и кожу женщины стараются вести правильный образ жизни, они ограничивают потребление нездоровой пищи, меньше курят (в России курят - 60,2% мужчин и 21,7% женщин) [6] и пьют алкогольных напитков (среди женщин доля трезвенников на 2010 год составила - 34,9%, а среди мужчин - 21,8%) [7] и т.д., при этом, женщины гораздо чаще чем мужчины не удовлетворены результатом своих усилий в области сохранения здоровья, представители же сильного пола считают, что предпринимают достаточно для того, чтобы быть здоровыми. Таким образом, мужчины, которые биологически слабее женщин (данное утверждение подтверждается первичным и вторичным соотношением полов, смертностью в перинатальном периоде и т.д.) еще усиливают влияние этого фактора невниманием к своему здоровью и негативными линиями самосохранительного поведения.

Опыт многих западных стран говорит нам о том, что усилия в области изменения образа жизни населения значительно помогают в укреплении здоровья населения и с лихвой окупаются. Поддерживаемое и укрепляемое самим человеком здоровье, поможет ему выполнить поставленные цели и задачи, успешно реализовать планы, позволит прожить долгую и полную радостей жизнь. Формирование у населения установки на здоровый образ жизни, как на определяющий фактор здоровья, это результат взаимодействия медработников, психологов, работников науки и культуры, социологов, работников сферы образования. Осуществляя лечебные и профилактические программы по формированию ЗОЖ необходимо учитывать множество факторов, влияющих на здоровье и здесь не стоит забывать о гендерном подходе, учитывать, что пол создает разные степени риска и защиты для физических и психологических заболеваний, становится причиной различного поведения больных и только признав это мы сможем разработать и внедрить комплексные конструктивные программы по сохранению и укреплению здоровья населения нашей страны.

1. Богачева Т. Ю. *Здоровье в системе жизненных ценностей современного специалиста // Диссертация ... кандидата психологических наук. М.2010.*
2. См., об этом: Шилова Л.С. *Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. №2.*
3. См., об этом: Римашевская, Н.М. *Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4. 2010.*
4. Гордеева С.С. *Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект. Вестник Пермского университета. 2010. №2.*
5. *Отношение к здоровью. Заботятся ли люди о своем здоровье? И часто ли проходят диспансеризацию? // <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>*

6. Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии, 2008 г. // Цит. по: Русинова Н.Л., Озерова О.В., Сафронов В.В. Курение в России: социальные различия и тенденции в 1990-е и 2000-е гг. // Социологические исследования. 2013. №3.
7. Роцина Я.М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69365570>

СОЦИОТЕХНИЧЕСКОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Обухова Ю.О. (Санкт-Петербург)

Среди тех важнейших задач, которые выполняет социология как наука об обществе, можно назвать две вещи. Первое – это исследование общественного мнения, которое дает понимание того, куда клониться вектор социальной жизни, какие взгляды и идеи находят наибольший отклик в общественном сознании. Второе – это попытка спрогнозировать возможные социальные последствия той ситуации, которая складывается в обществе в тот или иной момент времени, в той или иной сфере.

Одно из современных направлений исследований в социологии, которое, так или иначе, связано с этими задачами – изучение социотехнического воображаемого. Ш. Ясановф в своей уже ставшей знаменитой книге «Фантастический ландшафт современности: Социотехническое воображаемое и производство власти» вводит понятие социотехнического воображаемого – некий конструкт общественного сознания, который тесно связан с технологиями, наукой, и тем, как они отображаются в сознании людей. Это могут быть и мечты, и надежды, и страхи; принятие или непринятие новых технологий и технологических практик. В предисловии авторы книги отмечают тот факт, что любая технология или ставшая общеизвестной научная идея, так или иначе, подвергались общественному обсуждению, в ходе которого вырабатывалось некое представление (или же набор представлений) о том, насколько данные технологии и идеи желательны или нежелательны для людей. Любая новая технология, проходя через обсуждение трансформировалась в конструкт общественного сознания, наделяясь чертами и свойствами, которые ей приписывали люди в своем воображении [1].

Между реальной и воображаемой (отображаемой сознанием) реальностью всегда есть некоторая разница, наблюдаемые факты природы отражаются в зеркале коллективных желаний, производя достаточно авторитарное представление того, как работает мир (или как он должен работать), пишут авторы в предисловии к книге. Именно поэтому так важно знать, что конструирует в своем воображении, а затем выражает в общественном мнении социум. Безусловно, концепция социального воображаемого отнюдь не умаляет влияния на развитие технологий и институциональных социальных акторов, таких как бизнес или политические властные структуры и т.д. Более того, то, как социотехническое воображаемое, производимое людьми в общественном сознании взаимодействует с властными институтами в процессе принятия или отторжения новых технологий, является одним из аспектов анализа в рамках данной концепции. Но и в этом случае, прибегая к идее социотехнического воображаемого, мы ставим во главу угла тот факт, что реакция общественности способна так или иначе менять наше технологическое будущее.

Анализируя же современное российское общество, следует признать, что сегодня в нем формируется скорее неблагоприятное отношение к технологиям и науке. Согласно исследованиям, ежегодно проводимым коллективом отделом исследований результативности научно-технической деятельности Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ в 2015 году доля россиян ответивших, что от науки и техники «безусловно, больше пользы» составила 18%, тогда как в 2003 году — 32%. В 2014 году эта доля составила 20%, в 2011 году — 32%. Более того, доля людей, которые хотя бы в целом оценивают науку как полезную (сюда включен и вариант ответа «скорее, больше пользы, чем вреда») составила 67%, что представляется достаточно низким процентом для технологически развитого общества (при том, что 21 % полагает, что от науки больше вреда) [2]. Можно выдвинуть гипотезу, что подобное недоверие к науке и технологиям способно со временем стать социальной проблемой.

В частности, очень интересным представляется анализ социотехнического воображаемого в отношении современной официальной медицины. Не секрет, что в этой области достаточно много институциональных проблем (очереди, сложности с получением помощи узких специалистов, высокая стоимость частной медицины и т.д.). Однако нас интересует, в первую очередь, отношение людей не к данным проблемам, а к медицине как науке. Именно в этой

области сегодня можно обнаружить то, что мы назовем возвратом к доинституциональным и донаучным технологиям и практикам. Так, все большее распространение в России приобретают идеи, согласно которым медицина – это лженаука, построенная на обмане и корыстном извлечении прибыли. Прекрасной иллюстрацией подобного подхода является исследование Лаборатории интернет-исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, в котором принимали участие П. Мейлахс, О.Кольцова, С. Кольцов, Ю.Рыков. Эта команда разработала специальный инструмент для анализа социальных сетей и в течение 10 месяцев в 2013 году исследовала одну из наиболее многочисленных (13000 участников) групп, посвященных СПИД-диссидентству, при этом находящуюся в верхних строках поиска по запросам «ВИЧ» и «СПИД»). Было проанализировано 4300 постов и комментариев. СПИД-диссидентство – это движение, члены которого утверждают, что ВИЧ и СПИД не существуют и являются всего лишь заговором врачей и фармацевтических корпораций, и активно агитируют не сдавать анализы на ВИЧ-инфекцию и отказываться от лечения [3].

Авторы исследования отмечают, что тематика сообщества вращается вокруг конспирологических теорий врачебных заговоров, «научных» обоснований тезисов ВИЧ-диссидентов, и советов в отношении того, как взаимодействовать с медицинскими учреждениями (и как избежать этого взаимодействия). П. Мейлахс, в частности, анализирует и причины того, почему сообщество так популярно и коммуникация в нем весьма активна, среди которых указывает и «упрощенность» официальной информации о СПИДе, которая подчас вступает в противоречие с индивидуальным опытом больных, и отсутствие психологической поддержки со стороны центров по лечению ВИЧ-инфекции, и ряд иных причин социального характера. Однако можно предположить, что определенное значение имеет и общее недоверие к официальной медицине.

Но в социальных сетях во множестве присутствуют паблики и с другими темами обсуждения, где мы видим негативное отношение к медицинской науке, к врачам и т.д. – это лечение медицинскими препаратами, родовспоможение, прививки. Все это требует тщательного контент-анализа, однако в качестве инструмента формирования гипотез количественного исследования мы можем использовать и качественные методы, например, метод кейс-стори. В качестве кейсов мы используем реальные посты и их обсуждения (комментарии) в наиболее многочисленных группах в социальных сетях, а также популярные блоги.

Всего было проанализировано 10 сообществ, посвященных как отказу от прививок и домашним родам, так и просто здоровому образу жизни (всего около 60 постов и набрано 7 кейсов). Качестве типичных примеров можно привести несколько из них. Так, в сообществе <http://bez-privivok.livejournal.com/> «Жизнь без прививок» описывается ситуация – мужа автора поста укусила собака, привита ли она от бешенства неизвестно. Автор задает вопрос – нужно ли ставить вакцину от бешенства, так как она «поискала по Интернету и нашла статью, в которой говорится, что пользы от этой прививки никакой, а риск очень высок на самом деле заболеть бешенством, но не от укуса, а от самой прививки». В комментариях предлагается отказаться от прививки, так как «бешеных домашних собак в Москве не бывает», «от домашней собаки в городе вряд ли можно поймать бешенство. а прививка - поганая. У собак от нее рубцы на мозге остаются. Среди собаководовладельцев тоже есть антипрививочники». В пользу прививки всего лишь два комментария из 12 [4].

Другой кейс получен при анализе сообщества «Экологичное сознание», которое позиционирует свои цели как всестороннее информационное развитие и безлекарственное исцеление. Отец 2-хлетнего ребенка рассказывает опыт обращения в скорую (при температуре 39 градусов у ребенка, которую не удалось сбить клизмами со свекольным соком и английской солью). По возвращении ребенка из больницы отец делает вывод, что «мы, конечно, сделали шаг назад, но теперь будем только вперед рвать. ясно, что нужно больше знаний, иначе любая нестандартная ситуация выбивает из колеи» и спрашивает совета «а есть ли опыт взаимодействия с ребенком, когда он во время голодания требует есть? у нас, например, очень настойчивый такой парнишка растет».

В той же ветке обсуждения мать спрашивает про другого ребенка: «Мамочки и папочки, помогите советом, ребенку 2 года и 2 мес. Болеет уже несколько дней. бывала температура по ночам но сама к утру спадала, а сегодня ночью перед сном жаловаться стала на боль в ухе, закапали борной кислотой(мне всегда помогало) ночью поднялась температура 38,5, плакала всю ночь и грудь только сосала, на утро пошел гной из уха (или я не знаю что это но такое жидкое и

красновато-зеленоватое)... Как это вылечить?». Идея обратиться к врачу не высказывается ни матерью, ни комментаторами [5].

Можно предположить, что социотехническое воображаемое в современной России все в большей степени формируется сторонниками альтернативной медицины («традиционных», «народных» методов лечения) и «естественных» практик. Социотехническое воображаемое, которое в других областях науки и технологий может формировать как позитивный, так и негативный образ той или иной технологии, но в целом, обычно нацелено на то, что технологии должны сделать жизнь общества лучше, в области медицины все более стремиться к донаучным практикам и технологиям.

При этом, широкое распространение подобных практик способно привести к ухудшению здоровья и благополучия населения: привести к повышению смертности детей и матерей в домашних родах и повышению количества родовых травм, в том числе, приводящих к инвалидности, к росту смертности в следствии самолечения или отказа от медицинских вмешательств (особенно, в случае с тяжелыми инфекционными заболеваниями и раком), наконец, к эпидемиям заболеваний, которые могут угрожать жизни людей вследствие отказа как от прививок, так и от медицинских обследований, которые способны выявить заболевание на ранних стадиях. Например, в 2015 году гражданка Т. обратилась в Верховный суд РФ с требованием о признании недействующими Санитарно-эпидемиологические правила СП 3.1.2.3114-13 "Профилактика туберкулеза" в пунктах, которые предусматривает, что (п. 5.2) проба Манту проводится 2 раза в год детям, не вакцинированным против туберкулеза по медицинским противопоказаниям, а также не привитым против туберкулеза по причине отказа родителей от иммунизации ребенка, а также, что до получения ребенком прививки против туберкулеза дети, туберкулинодиагностика которым не проводилась, допускаются в детскую организацию при наличии заключения врача-фтизиатра об отсутствии заболевания (п. 5.7, второй абзац).

Суд не нашел оснований для удовлетворения заявленных требований. При этом в обосновании заявления было указано, что «санитарно-эпидемиологическое благополучие населения является одним из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду» (Решение Верховного Суда РФ от 17.02.2015 N АКПИ14-1454) [6]. Необходимо в ходе дальнейших исследований составить представление о степени распространенности подобных идей, о причинах, которые побуждают людей к обращению к таким технологиям и практикам, о каналах распространения данных убеждений.

1. *Jasanoff S. Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power / Jasanoff S., Sang-Hyung Kim. - Chicago, London: University of Chicago Press, 2015*

2. *Нефедова А.И. Общественное мнение о развитии науки и технологий [Электронный ресурс] / А.И. Нефедова, К.С. Фурсов // Наука, технология, инновации. 24.08.2016: Экспресс-информация. – URL=https://issek.hse.ru/data/2016/08/24/1118368121/NTI_N_14_24082016.pdf. – (Дата обращения 23.09.2016).*

3. *Meylakhs P An AIDS-Denialist Online Community on a Russian Social Networking Service: Patterns of Interactions With Newcomers and Rhetorical Strategies of Persuasion [Electronic resource] / P. Meylakhs, Y. Rykov, O. Koltsova, S. Koltsov // Journal of medical Internet research. – 2014. – Vol. 16, Num. 11. - URL=.*

4. *Жизнь без прививок. Зона свободная от вакцинаторов // URL: «<http://bez-privivok.livejournal.com/>» 13.07.2016. (Прививка от бешенства / Жизнь без прививок. Зона свободная от вакцинаторов // URL: «<http://bez-privivok.livejournal.com/2007/03/15/>» Дата обращения: 13.08.2016.*

5. *Экологичное сознание [Электронный ресурс] / ВСЕстороннее инфо-е развитие. Эволюция Сознания и Экология Духа. Безлекарственное исцеление. // URL=.* (Дата обращения 12.09.2016).

6. *Решение Верховного Суда РФ от 17.02.2015 N АКПИ14-1454 [Электронный ресурс] / Законы, кодексы и нормативные акты Российской Федерации // URL: «<http://legalacts.ru/doc/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17022015-n/>». Дата обращения: 14.07.2016.*

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Огарков А.А. (Волгоград)

Стратегическая будущность и социально-экономическая безопасность региональных систем зависит от формирования качественной, комплексной, стратегически выверенной и нацеленной модели управления. Представляется, что новый вектор движения России диктует необходимость региональной реструктуризации и формирование системы эффективного управления на всех сферных уровнях региональной жизнедеятельности с особой остротой. От решения этих задач будет зависеть вступление управляемой российской общности в сложный и противоречивый мир рыночных отношений.

В период становления и развития в России новых общественных отношений закономерно выдвигается в качестве приоритетной проблема включения молодого поколения в осуществляемые экономические, политические, социальные преобразования. От масштабности, глубины и сроков осуществления этих процессов зависит в целом успех тех жизненно важных процессов, кото-рые обеспечивают стабильность и защищенность российского общества. Недостаточное внимание к вступающему в жизнь молодому поколению превращает его в мощный фактор дестабилизации общества, т.к. будущее страны объективно находится в зоне ответственности подрастающего поколения. Очень хотелось бы, что эта ответственность носила социально значимый и социально ориентированный характер.

Молодое поколение есть некий гарант будущего индивидуального выживания, социально-экономической стабильности, а также общий стратегический ресурс развития общества. В современных условиях резко возрастает социальная нагрузка на молодежь, чья трудовая деятельность станет источником средств для социальной защиты и обеспечения всех слоев российского общества. Кроме того, осмысливая роль и значение молодежи в настоящих условиях, следует давать себе отчет в том, что молодежь может явить собой не только потенциал позитивных перемен, но и возможный фактор социальной нестабильности при соответствующих условиях.

Используя терминологию А.И. Пригожина [1], в драме трех потенциалов молодежь обязана выполнять роль синергиков, т.к. альтернативная роль энтро-пиков для нашего общества неприемлема. И даже роль синкретиков вторична, хотя молодежь должна быть готова реализовать эту роль по мере ухода более старшей возрастной группы.

Именно поэтому государственная молодежная политика должна быть ориентирована на воспитание социальной ответственности в умах и сердцах тех, кто в скором времени сформирует кадровый состав органов государственного и муниципального управления всех российских регионов. И именно по-этому, сегодня необходимо на государственном уровне создавать условия для вовлечения молодых людей в общественные процессы и в решение проблем гражданского общества.

В настоящее время государственная молодежная политика имеет четкую зону влияния как «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене» [2].

В том же документе отмечено, что в 2014 году в Российской Федерации проживало 33,22 миллиона граждан в возрасте от 14 до 30 лет. Это колоссальная социальная группа, колоссальная ответственность при колоссальных объемах работы. Молодые люди должны получить такое воспитание и такие вари-анты личностного, духовно-нравственного развития, чтобы у страны было будущее. Молодежь должна быть воспитана так, чтобы кадровая компонента систем региональной безопасности несла в себе системодополняющий характер. Старшее поколение ответственно за подготовку того поколения, которое в ближайшее время станет ответственным за будущее нашей страны.

С управленческой точки зрения гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи должно быть дополнено современными управленческими реалиями,

которые требуют перенесения на уровень регионального менеджмента принципов организации и методов управления, испытанных и оправдавших себя в деловом мире, что превращает администрацию региона в организацию (инновационного типа) по оказанию различных социально-экономических услуг: концентрация на достигнутых результатах и разработка мер для достижения целей региона; осознание управленцами, что все граждане являются их клиентами, умение понимать их нужды и ставить их интересы на первое место, а не на последнее; умение работать лучше, быстрее и дешевле, чем в прошлом, работать так же или даже лучше, чем самые лучшие частные компании.

Очевидно, что сотрудники исполнительной власти регионального уровня не единственные субъекты региональной безопасности, но именно через их деятельность ожидаемо реализуются востребованные в современных условиях высокая мобильность, гибкая и эффективная адаптация и реагирование на изменения, происходящие как на федеральном, так и внутрирегиональном уровнях, социальная ориентация при осуществлении всего спектра управленческих процедур [3].

Качество состава кадров управления защищается личностно-деловыми качествами управленческих работников. В новых условиях повышаются требования к качеству работы руководителей, специалистов и служащих, а также их ответственность за порученное дело. С уверенностью можно констатировать, что класс менеджеров в настоящее время является ведущим классом общества, от которого зависят в конечном итоге все реформы в нашей стране. Поэтому так много внимания должно быть уделено управленческим кадрам, качеству управленческих решений и эффективности управленческой деятельности.

Но, все же, считаю необходимым акцентировать внимание на воспитании гражданственности и патриотизме молодежи, т.е. «стремиться преодолевать стереотипы и многолетнюю инертность, сохранять и изучать историко-культурное наследие во всей его полноте и многообразии, гордиться героической историей своего края» [6, с. 152]. Любая профессиональная сфера должна быть надежна закрыта патриотами своей страны. Патриотическое воспитание и профессиональное самоопределение молодежи находятся в тесной и неразрывной связи. Молодые люди – это будущее России, её перспективная социальная и духовно-нравственная энергия. Воспитание молодежи – это ответственная подготовка новых граждан страны, от нравственных качеств которых зависит сохранение наших традиций, нашего наследия. Если то, что ты сделал, будет бережно сохранено и с благодарностью использовано – это значит, что ты жил и работал не зря.

1. Пригожин А.И. *Дезорганизация: Причины, виды, преодоление.* – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 402 с.
2. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.government.ru/> (дата обращения: 02.10.2016 г.)
3. Соломанидина Т.О., Соломанидин В.Г. *Кадровая безопасность компании.* – М.: Издательство «Альфа-Пресс», 2011. – 688 с.
4. Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 27.10.2015 г.)
5. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 01.09.2016 г.)
6. Огаркова Е.В. К вопросу о новых источниках изучения художественной жизни Сталинграда в 1940-е годы // *Известия Волгоградского государственного технического университета.* – 2013. – №2(105). – С. 149-152.
7. Огарков А.А. *Управленческая безопасность региональной социально-экономической системы* // *Регионология.* – 2015. – №4. – С. 17-26.
8. Огарков А.А., Огаркова Е.В. *Государственная политика памяти в образовательном пространстве современного вуза* // *Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания.* – 2015. – №2(155). – С. 152-155.

МОЛОДЕЖНАЯ БЕЗРАБОТИЦА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ореховская Н.А. (Москва)

Молодежную безработицу необходимо рассматривать не только как причину экономической нестабильности, но и как глобальную социальную проблему. Оценивая ее экономические последствия в виде количества высвобожденных работников и сумм выплаченных пособий, невозможно пренебрегать социальными проявлениями, которые носят кумулятивный характер и которые крайне сложно оценить. Однако степень негативного воздействия молодежной безработицы на положение в стране зависит от конкретных параметров социальной ситуации.

Несмотря на ежегодное уменьшение безработицы в нашей стране, проблема занятости молодежи не теряет остроты: более 2,5 млн. молодых людей не имеют работы, трудоустраиваются лишь 50% выпускников вузов. Ситуация, когда за годами образования следует период безработицы, свидетельствует, с одной стороны, «невостребованность» и недостаточную эффективность полученного образования и, с другой – потерю квалификации работником.

Социологи буквально бьют тревогу, говоря о том, что увеличение безработицы на 1% приводит к росту преступности на 8%. Удручающее положение с наркоманией: 76% употребляющих наркотики – молодежь [2].

Если в 2008 г. средний возраст безработных мужчин и женщин составлял 34,7 года, то в августе 2016 г. он увеличился до 35,2 года. [1]. В октябре 2010 г. доля молодых безработных в возрасте до 25 лет составила 15,5% от общего числа, а в августе 2016 г. в общей численности безработных таких стало уже 27,4%[5].

Чаще всего предлагается следующая классификация наиболее значимых отрицательных социальных последствий безработицы: обострение криминогенной ситуации, усиление социальной напряженности, рост количества физических и душевных заболеваний, увеличение социальной дифференциации, снижение трудовой активности [4].

Безработица среди молодого населения ведет к углублению бедности и обнищанию бюджетов молодых семей. Эти факторы влекут за собой увеличение разводов, аборт, снижение рождаемости, увеличение числа беспризорных и брошенных детей. Социальная незащищенность, нестабильное положение на рынке труда, заниженная оценка труда способствует падению национального патриотизма, приводит к оттоку молодых специалистов за рубеж, стимулирует интерес к поиску альтернативных форм заработка в сфере теневого бизнеса, подрывает интерес к образованию.

Необходимо также отметить, что безработная молодежь, в силу специфики неустоявшейся психики, высоких амбиций, юношеского максимализма может стать благодатной средой для подготовки социального взрыва, разжигания протестных настроений в самых крайних проявлениях – митингов, демонстраций, шествий. Такое поведение является следствием накопившейся в обществе социальной напряженности и социальной тревожности.

Молодые безработные выступают также объектом повышенного внимания для различных экстремистских и националистических организаций.

Высокий уровень безработицы среди молодежи приводит к ее изоляции и отчуждению от общества. Необходимо понимать, что для страны это реальная угроза появления так называемого «потерянного поколения» - людей без практических навыков, опыта работы и даже желания трудиться, что грозит серьезным нарушением воспроизводства рабочей силы, замедлением роста национальной экономики.

Учитывая все выше перечисленное и принимая во внимание непростую ситуацию, которая сложилась на российском рынке труда молодежи, государство и общество не должны самоустраняться от решения данной проблемы, пуская ее на самотек. На наш взгляд, следует всемерно развивать молодежные биржи труда и центры по трудоустройству молодежи, в рамках которых должны проводиться ярмарки вакансий с участием предприятий регионов. Кроме того, требуется постоянно оказывать содействие молодежным инициативам в сфере предпринимательства, связанным с созданием новых рабочих мест. Но для этого необходима серьезная государственная поддержка, в частности, в виде льготного налогового режима[3]. В подготовке и финансировании программ содействия занятости молодежи должны принимать активное участие не только высшие эшелоны государственной власти, но и региональные власти, органы местного самоуправления. Необходима коррекция в образовательной деятельности современных высших учебных заведений. Выпускник должен иметь четкую профессиональную

направленность, формированию которой будет способствовать курс, раскрывающий вопросы планирования профессиональной карьеры. Считаем целесообразным создание на базе вузов центров занятости или кадровых служб по работе с выпускниками, обеспечивающих устойчивые взаимосвязи с действующими предприятиями-работодателями.

Еще одной эффективной мерой может стать рациональное использование гибких форм занятости, в том числе и частичной занятости молодых работников. На наш взгляд, многовариантность занятости дает возможность совмещать работу по специальности с работой в неформальном секторе экономики. В свою очередь, работа по специальности, которая требует определенной профессиональной подготовки, знаний и опыта, позволяет сохранить квалификацию работников, а работа в рамках неформального сектора, зачастую не требующая особой квалификации, является для работника источником дополнительного дохода, позволяющего снизить риск попадания в категорию бедных.

1. Марева С.В. Динамика взглядов россиян на роль государства в экономической и социальной сфере//*Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)*. - М.: Весь мир, 211. – С.267.
2. Ореховская Н.А. испытание безработицей.//*Этносоциум и межнациональная культура*. 2013. №11 (65). С.100-104.
3. Orehovskaya N.A. Problems of Youth Unemployment in Russia// В сборнике: *Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia Papers of Russian Sociologists for the 12 th Conference of the European Sociological Association. Russian Society of Sociologists; Institute of Sociology of the Czech Academy of Sciences (IS CAS); European Sociological Association; Editor-in-Chief V.Mansurov*. 2015. С. 311-315.
4. Станковская, И.К. Экономическая теория: учебник [Текст] / И.К. Станковская, И.А. Стрелец. - 3-е изд., испр. - М.: Эксмо, 2008. - 448 с.
5. Росстат. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/osn-08-2016.pdf (дата обращения 03.10.2016)

СИСТЕМНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Орлова О.Ю., Черезов Д. Н. (Санкт-Петербург)

В России, которая согласно статье 7 Конституции является социальным государством, высшая социальная цель политики заключается в создании условий, «обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [4, С. 32]. Одним из существенных критериев оценки степени социальности современной политики является соблюдение социальных прав и свобод человека. Права человека являются неотчуждаемыми, универсальными, взаимосвязанными и взаимозависимыми. Международные сообщества основываются на равном и справедливом подходе к правам человека. Ребенок – это субъект права, который наделен теми же правами, что и все люди, и его права являются неотъемлемой частью всеобщих прав человека. Однако в силу своего юного возраста дети нуждаются в особой защите их прав, а в определенных случаях им нужны и дополнительные права.

Защита прав ребенка в настоящее время является приоритетным направлением социальной политики в Российской Федерации. Последняя неуклонно приобретает системный характер, выражающийся в том, что она всё больше представляет собой целостную совокупность социальных субъектов и институтов государственной, муниципальной и корпоративно-политической власти, функциональная деятельность которых в рамках полного политико-управленческого цикла направлена на упорядочение и регулирование процессов развития всех компонентов социальной сферы общества в целях обеспечения неуклонного повышения качества и уровня жизни всех групп населения [3, С. 37].

Особенностью социальной политики в современной России является то, что в ее разработку и реализацию вовлечены не только государственные, но также муниципальные и гражданско-политические и правовые институты, на которые возложена обязанность обеспечивать защиту прав детей. При этом государство выступает координирующим органом, в то время как муниципальные и гражданско-политические и правовые институты выступают непосредственными проводниками политики по вопросам защиты детей и детства. Именно они в совокупности с государственными учреждениями выступают институциональными компонентами системы социальной политики в России, в которую также входят социальные субъекты власти, разнообразные политико-управленческие процессы и др.

Особую и очень ответственную роль в реализации социальной политики играет многочисленная социально-профессиональная группа вольнонаемных сотрудников федеральных, региональных и муниципальных органов социального обеспечения и защиты, социального страхования и социальной работы. Они не имеют статуса гражданских госслужащих, но относятся к группе так называемых чиновников, которые несут на себе львиную долю всей ежедневной и рутинной работы по исполнению социальной политики на конкретных участках работы с реальными людьми – получателями социальных благ и услуг [4, С. 28].

Необходимо отметить, что в Российской Федерации реализация политики социальной защиты детей, детства и семьи возложена на учрежденный в 2009 году институт Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, имеющий представительства в каждом субъекте федерации. Основными принципами семейной политики являются: принцип суверенности (независимости семьи от государства), принцип общественного договора, принцип свободы выбора семьей любого образа жизни, принцип единства целей федеральной и региональной политики и принцип социального участия [1, С.127]. Особого внимания заслуживает принцип единства целей федеральной и региональной политики, согласно которому цели семейной политики едины для всей страны и не зависят от конкретных особенностей семьи и семейного поведения на той или иной территории страны. При этом эффективным механизмом обеспечения такого единства целей и учета особенностей субъектов государства является разработка региональных программ семейной политики. Например, в Санкт-Петербурге в соответствии с Постановлением Правительства «О Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012-2022 годы» от 10 июля 2012 года № 695 предусмотрено «совершенствование регионального законодательства в области семейной политики, повышающего роль семьи как субъекта ответственности за рождение и воспитание детей, а также ответственность государства и общества за предоставление социальных гарантий поддержки семьи» [6]. Данная Концепция содержит не только рекомендации по совершенствованию семейной политики, но также и анализ существующей ситуации, основные проблемные направления и примерные пути их решения. Разработка подобных Концепций позволяет субъектам Российской Федерации акцентировать внимание на самых острых вопросах, требующих скорейшего решения.

Интересно отметить и тот факт, что п. 4.2. упомянутого Постановления среди принципов семейной политики выделяется обязательная научная обоснованность семейной политики, определение приоритетных направлений семейной политики на основании всестороннего мониторинга и анализа состояния семьи, научных исследований в сфере семьи и семейных отношений. Необходимым условием реализации семейного направления социальной политики является его законодотворческое обеспечение, включая строгое следование нормам действующих нормативных правовых актов (Конституции, Кодексов, Федеральных законов, региональных и муниципальных правовых актов) [4, С. 30]. Что же касается реализации положений по вопросам защиты прав ребенка, то здесь необходимо приведение норм российского права в соответствие с международными уста-новлениями, среди которых основным нормативно-правовым актом, регулирующим пра-ва детей, является Конвенция о правах ребенка (1989 г.), ратифицированная Россией в 1993 году.

Естественно, что защита прав ребенка не может быть обеспечена только с помощью даже системной социальной политики. Немаловажную, а в современном обществе, главную роль в воспитании и защите прав детей играет семья. Однако, несмотря на все-стороннюю деятельность аппаратов Уполномоченных по правам ребенка субъектов Рос-сийской Федерации тревожной остается ситуация, связанная с распадами семей. Данные Федеральной службы государственной статистики за 2015 год показывают, что на 1 161 068 браков пришлось 611 646 разводов [5]. По сведениям Управления записи актов гражданского состояния Ленинградской области, доля разводов от общего количества за-регистрированных браков в 2015 году составила 72,9 % [3, С. 6]. В связи с этим наблюда-ется увеличение общего количества обращений граждан (по Ленинградской области) по поводу отношений, регулируемым семейным правом (алиментные обязательства, оформ-ление опеки, усыновление, определение порядка общения, право ребенка на общение с родителями, лишение и восстановление родительских прав, определение места житель-ства ребенка, конфликты внутри семьи) с 83 за 1-е полугодие 2015 года до 93 за 1-е полу-годие 2016 года. Национальная стратегия действий в интересах детей призывает все ин-ституты гражданского общества, широкие слои общественности пропагандировать ценности семьи, приоритет ответственного родительства и защищенного детства.

Конечно, показатели статистики заставляют задуматься об эффективности института Уполномоченного по правам ребенка и о значительном снижении активности органов местного самоуправления в разрешении тех проблем граждан с детьми, разрешение которых входит в их полномочия. Однако данные показатели обращений можно рассмотреть и с позитивной стороны, как отражение увеличения доверия граждан к созданному государством институту и роста информированности населения о результатах его деятельности. Такие показатели практики говорят о том, что только создания специального института Уполномоченных по правам ребенка недостаточно для защиты прав детей. Существенным подспорьем здесь должен стать системный характер семейного направления социальной политики, а также всех составляющих ее содержание элементов, следование общим принципам семейной политики, согласованность в работе всех институтов как на федеральном, так на региональном и местном уровнях, а также широкое вовлечение в этот процесс общественных организаций, работающих в сфере укрепления института семьи и брака.

1. Антонов А.И. *Микросоциология семьи*. М.: Инфра-М, 2011. 364 с.
2. *Информация о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Ленинградской области по реализации прав детей в основных сферах их жизнедеятельности за первое полугодие 2016 года* URL: leningrads.rfdeti.ru
3. Капицин В. М. *Социальная политика и право* // *Российский журнал социальной работы*. 1998. № 8.
4. Милецкий В.П., Казаринова Н.В. *Системное содержание современной социальной политики*. СПб.: Издательство СПбГГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 120 с.
5. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
6. *Постановление Правительства от 10 июля 2012 года № 695 «О Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012-2022 годы»*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Осадчая Г.И. (Москва)

Анализ интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе, проведенный нами, показал, что для формирования ресурсной базы, структур организационного обеспечения Союза, уточнения финансовых инструментов процессов евразийской интеграции в первый год его становления сделано немало. Однако оценки достигнутого в процессе экономической интеграции официальными лицами, экспертным сообществом и населением не однозначны и зачастую противоречат друг другу.

Опираясь на данные международных и российских социологических исследований, анализ статистики, публикаций СМИ рассмотрим результаты деятельности ЕАЭС по основным направлениям интеграции, предусмотренным Договором:

- формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов;
- повышение благосостояния людей с позиции простых людей, составляющих потенциал социальной поддержки интеграционных процессов.

Формирование единого рынка трудовых ресурсов

«Стремление к формированию единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза» - одна из приоритетных целей евразийской интеграции, поскольку обеспечение свободы движения рабочей силы – важнейшее условие успеха интеграционных процессов, что неоднократно подчеркивалось одним из архитекторов Евросоюза Лауреатом Нобелевской премии по экономике (1999 год) Робертом Александром Манделлой.

По оценке экспертов, именно в решении этой задачи достигнут наибольший прогресс. После вступления в силу Договора о создании Евразийского экономического союза в ЕАЭС было обеспечено выполнение гарантий свободы перемещения, предусмотренных Договором. Для граждан открыта возможность выбирать, в какой из стран ЕАЭС им работать. Государства - члены ЕАЭС не устанавливают и не применяют в отношении граждан стран Союза ограничения, введенные национальным законодательством для защиты внутреннего рынка труда. При этом при устройстве трудящихся на работу в стране - участнице Союза признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленных законодательством государства процедур признания документов об образовании

(кроме педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической деятельности). Безусловным преимуществом ЕАЭС стал безвизовый въезд и отсутствие таможенного контроля, отсутствие квот на работу, наличие необходимого набора мер по медицинскому и социальному обеспечению, возможность получения образования в любой стране Союза, что способствует цивилизованному построению современного созидательного общества в Евразийском Союзе.

Если говорить об итогах 2015 и первой половины 2016 года, то следует отметить, что миграционная ситуация в государствах-членах ЕАЭС не изменилась. Миграционный отток по-прежнему был присущ Армении, Казахстану, Кыргызстану. А миграционный прирост отмечен только в России и Беларуси. Правда в Беларуси он не связан с мигрантами из государств-членов ЕАЭС. Таким образом, вектор миграционных потоков, связанных как с переездом на постоянное место жительства, так и трудовой миграции, сохранил свою направленность, из государств-членов ЕАЭС в Россию, а общее число иностранцев, находящихся в России по состоянию на январь 2016 года составило 2 276188 человек и выросло по сравнению с январем 2014 годом на 16%.

Новые гарантии свободы перемещения в большей мере сказались на характере трудовой миграции. Так, в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности по состоянию на декабрь 2015 года въехало на 166 600 человек больше, а общее число вновь въехавших трудовых мигрантов по данным Евразийской экономической комиссии составило 835 600 человек. Численность граждан-государств членов ЕАЭС, въехавших в республику Беларусь для осуществления трудовой деятельности составило 3325 человек (2015 г. - 2621), в республику Казахстан – 14 349 (статистики по 2014 году нет). Анализ свидетельствует, что сокращение числа выходцев из стран-доноров рабочей силы затронуло все постсоветские государства, кроме Армении и Кыргызстана, присоединившихся в 2015 году к ЕАЭС и почти не затронуло Казахстан (-0,8%). Статистика денежных переводов из России в Казахстан (+24%), Кыргызстан (+15%) и практическое сохранение значения в Армению (-1,1%) подтверждают эти данные. Это позволяет нам утверждать, что:

- в условиях текущего экономического спада членство в ЕАЭС оказалось оптимальной стратегией для стран-доноров рабочей силы государств-членов ЕАЭС;
- на российском рынке труда происходит замещение трудовых мигрантов из стран не вошедших в ЕАЭС трудовыми мигрантами из государств – членов ЕАЭС.

Хотя и в решении этой интеграционной задачи остается много нерешенных проблем. К ним следует отнести незавершенность разработанности нормативно-правового регулирования. Еще ведется разработка нормативно-правовой базы в сфере пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов, сближения законодательств государств-членов в сфере трудовой миграции. Требуется внимания реализация достигнутых договоренностей по единым условиям налогообложения доходов физических лиц – граждан государств-членов с первых дней работы по найму. Необходима реализация на практике прав детей трудящихся на посещение дошкольных учреждений и получение образования. На повестке дня стоят вопросы защиты законных прав мигрантов. Остаются нерешенными проблемы легализации трудовой деятельности мигрантов. Так, по оценкам замглавы Госслужбы по миграции Кыргызстана Асанбаева А., в России незаконно находятся около 100 тысяч его соотечественников. Эти граждане приехали в Россию до вступления Кыргызстана в ЕАЭС. По мнению экспертов, миграционная политика в ЕАЭС хаотична и раздроблена. О проблемах трудовых мигрантов - нелегалов, въехавших в РФ до вступления Армении в ЕАЭС также заявляли эксперты АР. Не проработаны вопросы общей системы образования, профессиональной подготовки кадров, знания языка страны, в которой работает мигрант, что очень важно для эффективного использования ресурса трудовой миграции.

Сохраняется неприятие части населения принимающих обществ трудовой миграции. По данным нашего исследования в России (стране с наибольшим количеством трудовых мигрантов) от 32,0% до 52% респондентов её не поддерживают или скорее не поддерживают внутри Евразийского союза. Чем дальше культурная дистанция, тем менее желательны мигранты. Респонденты полагают, что привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности, создает угрозу безопасности регионов и миграция является причиной роста преступности в стране, межнациональной и социальной напряженности.

Таблица 1

**Поддерживаете ли Вы трудовую миграцию в рамках ЕАЭС
(в % от опрошенных)**

	Да	Скорее, да	Скорее, нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Из Белоруссии в Россию?	27	33	16	16	7
	60		32		
Из Армении в Россию?	19	30	21	22	8
	49		43		
Из Казахстана в Россию?	18	30	22	22	8
	48		44		
Из Киргизии в Россию?	15	29	23	25	8
	44		48		
Из Таджикистана в Россию?	14	25	23	29	10
	39		52		

Здесь и далее используются данные опросов, проведенных в рамках реализации ГЗ ИСПИ РАН по теме «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (Руководитель проекта Осадчая Г.И. Регистрационный номер: 115071470024) в 2014 - 2016 гг. Выборка репрезентирует городское и сельское население Российской Федерации в возрасте от 18 лет. Было опрошено (структурированное интервью) 1500 человек, мужчин/женщин, постоянно проживающих в России в 9 федеральных округах, 41 субъектов РФ, 105 населенных пунктов. Ошибка выборки ~+/-2,6%.

Подтверждением этого являются результаты опроса мигрантов из стран-членов ЕАЭС в Москве летом 2016 года [Опрос проведен в июне 2015 г. и июле 2016 г. года в рамках реализации проекта «Мигранты из стран-членов ЕАЭС на московском рынке труда» (Руководители проекта Осадчая Г.И. и Юдина Т.Н.) Опрошено (полуформализованное интервью) по 100 мигрантов из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, отобранных с помощью случайной выборки – методом снежного кома - по одному признаку – мигранты из государств-членов ЕАЭС, прибывшие в Москву после 2000 года.]. Среди приезжих из Кыргызстана выше доля тех, кто не удовлетворен своей занятостью в Москве, условиями проживания, не имеет медицинской страховки, они чаще, нежели другие мигранты из стран ЕАЭС отмечают недружественное или враждебное отношение к себе москвичей и властей, испытывают дискомфорт во время проживания в московском мегаполисе. К причинам можно отнести более плохое знание русского языка (по оценке самих трудовых мигрантов в Кыргызстана) по сравнению с армянами, белорусами, казахами, меньшую подготовленность к жизни в большом городе.

Отметим, что ответы на вопросы о трудовой миграции имеют больший негативизм (на 10-17 п.п.) среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга, принимающих подавляющее большинство мигрантов. Они чаще, нежели другие россияне оценивают межэтнические отношения, сложившиеся в районе их постоянного проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза как напряженные или враждебные.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы можете охарактеризовать межэтнические отношения, сложившиеся в районе Вашего постоянного проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза?» (в % от опрошенных)

	Все	Москва	Санкт-Петербург
Дружеские + Мирные	61%	46%	44%

Напряженные + враждебные	29%	47%	45%
Затрудняюсь ответить	10%	7%	11%

Создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения

Договор о создании Евразийского союза в качестве базового интеграционного положения предусматривает развитие торгово-экономических отношений внутри стран ЕАЭС и ЕАЭС с третьими странами. По данным аналитического обзора Департамента статистики ЕЭК объем взаимной торговли товарами за январь – декабрь 2015 года снизился. Он составил 45,4 млрд. долл. США, или 74,2% к уровню января – декабря 2014 года. Вместе с этим отмечается улучшение товарной структуры. Выросли поставки машин, оборудования и транспортных средств (16,4% объема взаимной торговли), из которых 60% приходится на Российскую Федерацию и 37,1% – на Республику Беларусь.

Снизился также и суммарный объем внешней торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) с третьими странами. За январь – декабрь 2015 года он составил 579,5 млрд. долл. США, по сравнению с январем – декабрем 2014 года объем внешнеторгового оборота сократился на 33,6%.

Эксперты оценивают факт меньшего снижения взаимной торговли (на 25,8%), по сравнению с внешней торговлей государств Союза с третьими странами (на 33,6%), как результат правильного выбора восточного вектора во внешнеэкономической политике и стратегии России, имеющей в Союзе самый большой удельный вес, сформированности механизмов евразийской интеграции, создания общих рынков, смягчивших степень влияния кризиса.

В 2015 году ЕАЭС приступил к созданию общего рынка услуг. Он действует уже по 40 позициям, а в 2016 году к ним добавится еще порядка 20 позиций в перечне услуг, которые будут либерализованы. Формируется общий рынок лекарств и медицинских изделий. Идет работа по созданию общего рынка электроэнергии.

Как показывает анализ объем валового внутреннего продукта государств – членов ЕАЭС в январе – декабре 2015 года снизился по сравнению с аналогичным периодом 2014 года в постоянных ценах на 3,0%. [Фактически рекордное падение за последние 20 лет претерпели экономики](#) России и Беларуси. Здесь объем ВВП по данным ЕЭК снизился на 3,7% и 3,8% соответственно.

На 12,4% в декабре 2015 года по сравнению с декабрем 2014 года выросли потребительские цены на товары и услуги в целом по ЕАЭС. За месяц (по сравнению с ноябрем 2015 года) прирост цен и тарифов в целом по ЕАЭС составил 0,9%. Опережающие темпы роста цен на продовольственные товары зафиксированы в России, на непродовольственные товары – в Армении, Казахстане и Кыргызстане, на платные услуги – в Беларуси.

В 2015 году во всех государствах – членах ЕАЭС наблюдался рост номинальной заработной платы. В январе – декабре 2015 года по сравнению с соответствующим периодом 2014 года среднемесячная номинальная заработная плата выросла в Армении на 7,7%, Беларуси – на 10,0%, Казахстане – на 4,1%, Кыргызстане (в январе – ноябре 2015 года) – на 9,0%, России – на 4,6%. Реальная заработная плата (с учетом роста потребительских цен на товары и услуги) в соответствующем периоде увеличилась в Армении на 3,9%, Кыргызстане (в январе – ноябре 2015 года) – на 2,1% и снизилась – в Беларуси на 3,1%, Казахстане – на 2,4%, России – на 9,5%.

Среднемесячная номинальная заработная плата в пересчете на доллары США [*Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков государств – членов ЕАЭС за период: по Беларуси – по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России – по средним курсам национальных валют к доллару США.*] в январе – декабре 2015 года составила в Армении 386 долларов, Беларуси – 413 долларов, Казахстане – 565 долларов, Кыргызстане (в январе – ноябре 2015 года) – 203 доллара, России – 559 долларов.

Социальная база евразийской интеграции

Как показывает мониторинг интеграционных предпочтений населения стран постсоветского пространства, реализуемый Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития, более половины населения в каждой из стран Союза в целом поддерживает его создание («Положительно»: Армения - 56%, Беларусь - 60%, Казахстан - 80% Кыргызстан - 86% Россия - 78%). Отметим, что по данным нашего исследования уровень одобрения создания на постсоветском пространстве Евразийского экономического Союза составил 60% россиян при 27% не одобряющих и 28% затруднившихся ответить на этот вопрос. В странах — членах ЕАЭС население придерживается более оптимистичных взглядов о перспективах интеграционных процессов на постсоветском пространстве по сравнению с представлениями граждан других стран, участвующих в мониторинге.

Однако исследователи, осуществляющие мониторинг, отмечают неопределенное и многовекторное «интеграционное позиционирование России, при сохраняющемся небольшом превышении предпочтений СНГ и стран «остального мира» (особенно — Китая), высокий уровень «автономистских настроений». По их оценке, «автономистские настроения» существенно выросли за последний год в Беларуси. К проблемным моментам следует отнести дифференциацию интеграционных настроений по возрастным характеристикам. В молодежной среде, по сравнению со старшими возрастными когортами, меньше доля тех, кто поддерживает евразийский интеграционный проект. Среди них почти 40% тех, кто относится к нему безразлично или отрицательно. Заметная доля российской и белорусской молодежи ориентированы на Европейский союз. Недооценка значения евразийской интеграции молодежью на следующем этапе его становления может повлечь негативные экономические и политические последствия.

Население стран-членов ЕАЭС плохо осведомлено о том, как идут интеграционные процессы в Евразийском экономическом Союзе. Имеет место недопонимание специфики его функционирования и существования Евразийской интеграции в целом. Примером недопонимания сути интеграционных процессов являются завышенные ожидания от интеграции, иждивенческие настроения. Далеко не всегда СМИ занимают социально-ответственную позицию.

Нам представляется тревожным факт снижения уровня ожиданий от интеграции населения РФ. По данным нашего исследования за прошедшие два года существенно снизилось количество россиян, ожидающих позитивных изменений в своей жизни от создания Евразийского экономического Союза. Если в 2014 году был положительный баланс оценок + 27 п., то в 2016 он стал отрицательным – 11 п. Ухудшение социальных ожиданий населения может привести к сокращению социальной базы евразийского интеграционного объединения.

Таблица 3

Как Вы считаете, приведет ли создание Евразийского экономического Союза к позитивным изменениям в Вашей жизни? (в % от опрошенных)

	Всего			
	Октябрь 2014 г.		Февраль 2016 г.	
Да; Скорее да, чем нет	55	+ 27	36	- 11
Скорее нет, чем да; Нет	28		47	
Затрудняюсь ответить	21		16	

Главными причинами, снизившими эффективность процессов евразийской интеграции стали геополитическая ситуация и экономическая конъюнктура, характеризующиеся геополитической нестабильностью, глобальной финансово-экономической турбулентностью, низкими ценами на нефть; высокой волатильностью валютного курса рубля и антироссийские санкции.

Но существует и много субъективных факторов. К сожалению, до сих пор страны ЕАЭС зачастую ведут себя по отношению к друг другу, скорее, как конкуренты, чем как партнеры. Противоречия между странами часто возникают из-за того, что участники Евразийского союза пытаются извлечь больше выгоды для себя. Зачастую между протоколом о намерениях и самими

намерениями очень большое расстояние. И это свидетельствует о том, что те, кто принимают решения, не всегда их принимают грамотно.

В значительной мере усложнен в ЕАЭС процесс принятия решений из-за абсолютного равенства всех сторон при принятии решений, ослабления роли в управлении ЕАЭС России. Отрицательно на интеграционных процессах сказалась чрезмерная бюрократизация работы ЕЭК – как наднационального органа. Поскольку ЕЭК не переданы полномочия самостоятельного принятия решений по подавляющему большинству функций и решения принимаются по согласованию и по инициативе национальных правительств. В результате имеет место дублирование работы Коллегии и Совета ЕЭК, а также усложнение процесса согласования принимаемых решений.

Среди национальной интеллигенции, по-прежнему, в той или иной степени распространены сепаратистские настроения, мешающие интеграции. Часть из них интерпретирует интеграцию как возрождение имперских мотивов России, а ЕАЭС рассматривается как инструмент восстановления российского империализма в условиях рынка. Мешает интеграции боязнь элиты потерять деньги, власть.

Практически не ведется работа по созданию, наряду с единым экономическим, единого социально-культурного пространства, нет единой медийной политики ЕАЭС, не обеспечен мониторинг социальных показателей интеграции для адекватной оценки социальной эффективности интеграционных процессов, характеризующих достигнутый уровень, динамики происходящих изменений.

Очень часто в среде специалистов говорят об отсутствии ценностей евразийской интеграции, понятных и притягательных для всех людей, которые составят основу строительства союза, его экономической, социальной и культурной политики. Нам представляется, что такие ценностные установки есть. Они названы россиянами в ходе нашего исследования. Это: повышение благосостояния населения каждой из стран-членов ЕАЭС; обеспечение прав человека в ЕАЭС и коллективной безопасности Евразийского союза. Именно они обеспечивают общественную поддержку региональной интеграции.

Таблица 4

Как Вы полагаете, какие ценностные установки должны лежать в основе интеграционных процессов ЕАЭС?(в % от опрошенных, множественный вопрос)

	Всего
Повышение благосостояния населения каждой из стран-членов ЕАЭС	45
Обеспечение прав человека в ЕАЭС	33
Обеспечение коллективной безопасности Евразийского союза	32

Время, прошедшее со дня подписания Договора о ЕАЭС показало, что создание Евразийского союза формирует новую геополитическую реальность, соответствует логике региональной интеграции и отвечает историческим и культурным особенностям развития региона. Пока еще сделаны первые шаги и многое нужно сделать на пути согласования целей и общих интересов, учитывающих культурно-исторические особенности стран, их опыт и возможности, опирающиеся на цивилизационный опыт постсоветских стран освоения пространств, для создания технологий социального общежития, обеспечения жизнедеятельности этих стран в суровых природных и геополитических условиях.

1. Буторина О., Захаров А. О научной основе Евразийского экономического союза //Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2. (27). С.52-68.

2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ (Дата обращения 03.03.2015).

3. Интеграционный барометр ЕАБР. 2015. Санкт-Петербург, 2015.

4. Мониторинг «Экономика и финансы ЕАЭС» Выпуск № 3 декабрь 2016- январь 2016 г. М.: ЕЭК, 2016
5. Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции» Выпуск № 1. Евразийская интеграция: теоретико-методологические и практические аспекты. Под ред. Г.В. Осипова и Г.И. Осадчей. М.: ИСПИ РАН, 2015.
6. Социально-экономическая статистика ЕЭК.
http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/default.aspx(Дата обращения 14 октября 2016 г.)
7. Экспресс - информация ЕЭК. 2016 г. URL:
http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx
(Дата обращения 14 октября 2016 г.)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МАЛОГО БИЗНЕСА

Осипова М.Р. (Новочеркасск)

В настоящий момент наблюдаются результаты глобальных социально-экономических трансформаций 90-х годов. Важно отметить, что на данном этапе развития современного российского общества также происходят постоянные изменения социально-экономической ситуации. В данной связи актуальным является анализ положения и условий функционирования одного из наиболее уязвимых структур экономики – малого бизнеса. Малое предпринимательство является важнейшим фактором ускорения рыночных преобразований, реформирования экономической системы страны, а также обеспечивает социально-экономическое развитие современного общества в целом. Развитие предприятий малого бизнеса способствует постепенному созданию большого процента мелких собственников, чей достойный уровень жизни является основой социально-экономических реформ российского государства, основой политической стабильности и демократического развития общества. Предприятия малого бизнеса тем самым, помимо источника средств существования, также являются способом повышения эффективности человеческих ресурсов[1, 48]. Опыт показывает, что в условиях рыночной экономики человеческий фактор является определяющим в достижении поставленных целей предприятия. Эффективное использование персонала, системы мотивации сотрудников, налаживание системы быстрой адаптации к предприятию и к конъюнктуре рынка, создание социально-комфортных условий для самореализации личности становится определяющими моментами в обеспечении эффективной деятельности любого предприятия. Важнейшим условием успеха внедрения инновационных технологий в процесс работы организации является наличие достаточного количества молодых сотрудников с творческим потенциалом. Способность видеть альтернативные и креативные пути решения задач, быстро и качественно выполнять работу, использовать инновационные технологии. Повышение конкурентоспособности отечественных предприятий ставит принципиально новые задачи в области развития и использования персонала. Изменяются требования, предъявляемые к самому работнику, его квалификации, способностям быстро адаптироваться в современных условиях.

Трудовые ценности играют значимую роль в профессионально-трудовой социализации и адаптации личности, определяя ее трудовые стратегии и потенциал. Важность исследования трудовых ценностей обусловлена необходимостью разработки методов по оптимизации сроков и повышения качественного уровня трудовых процессов, в первую очередь, в молодежной среде, поскольку ее представители являются основным ресурсом воспроизводства кадров на рынке труда[2,3].

Наиболее устоявшимися, согласно многим исследованиям, являются три позиции ценностей – семья, работа, друзья. Такая инновационная составляющая российского общества как частный бизнес, который возник в стране совсем недавно, также не лишен традиционалистских установок, характерных для предпринимателей эпохи реформ XIX века. К таковым главным образом можно отнести установку на первоначальное накопление капитала, что требует целенаправленной мобилизации всех ресурсов и не позволяет быстрой переориентации на общественно значимые ценности. Отсюда установка на взаимодействие с властными структурами вплоть до полного слияния с ними и низкая ценность взаимодействия с широкими слоями населения и заботы о собственных служащих и работников[3,15-16].

Целью настоящего исследования является изучение ценностных ориентаций и мотивации работников предприятия малого бизнеса на примере предприятия строительного направления ООО «ЖИЛСТРОЙПРОЕКТ».

Объект исследования – сотрудники предприятия малого бизнеса ООО «ЖИЛСТРОЙПРОЕКТ».

Предмет исследования - мотивация, ценностные ориентации и психологический микроклимата сотрудников ООО «ЖИЛСТРОЙПРОЕКТ».

Общий объем выборки составил 37 человек среди которых 38% женщин, 62% мужчин. Средний возраст респондентов составил 18 – 46 лет.

В рамках исследования были использованы следующие методики: авторская анкета, состоящая из вопросов, касающихся возраста, образования, квалификации, приобретения и владение профессиональными навыками и компетенциями; опросник А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи»; методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций С.С. Бубнова.

Образование опрошенных – в большинстве своем высшее профессиональное, только 3 человека из 37 имеют среднее профессиональное, однако 5 человек – неоконченное высшее (совмещение работы с заочным обучением и совмещение работы с обучением в магистратуре).

Таким образом, можно говорить о том, что руководство данного предприятия основополагающим фактором при приеме на работу считает наличие высшего образования, однако видит перспективу в трудоустройстве молодежи, находящееся в процессе получения высшего образования.

По специальности работают 91% процент респондентов, что может свидетельствовать о том, что специалисты, работающие в ООО «Жилстройпроект» имеют достаточный уровень практической и теоретической подготовки, пройденной в ВУЗе, а также понимают не только технический аспект работы предприятия, а также экономический, психологический и социальный.

Сотрудники предприятия малого бизнеса остро ощущают проблемы конкуренции предприятия, и зачастую им приходится постоянно получать и использовать новейшую информацию, оборудование, обретать новые навыки в работе. Для успешного выполнения своих обязанностей и продвижения по карьерной лестницы в данной сфере необходимо постоянное повышение квалификации, посещение различных курсов и тренингов. В авторской анкете задан вопрос: «Посещаете ли Вы курсы повышения квалификации, изучения иностранных языков, работы в компьютерной программе AutoCAD и т.д. для успешной работы на предприятии?». Ответы распределились следующим образом: 25 человек – да, 12 – нет.

С помощью опросника А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) среди всех опрошенных было выделены три группы: те, у кого по результатам диагностики была выявлена мотивация на неудачу (боязнь неудачи), следующая группа состоит из студентов, мотивированных на успех (надежда на успех), в последнюю группу попали те, у кого мотивационный полюс не был выражен.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что количество сотрудников, ориентированных на неудачу и мотивированных на успех примерно одинаковое – 17 и 18 человек соответственно. Невыраженность мотивационного полюса наблюдается у 2% опрошенных. Мотивация боязни неудачи относится к негативной сфере. При данном типе мотивации человек стремится, прежде всего, избежать срыва, неудачи, порицания, наказания. Ожидание негативных последствий становится в данном случае определяющим. Еще ничего не сделав, человек уже боится возможного провала и думает о путях его предотвращения, а не о способах достижения успеха)[4].

С помощью использования методики диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубнова исследована степень выраженности каждой из полиструктурных ценностных ориентаций личности молодого инженера-проектировщика, а именно: приятное времяпрепровождение, отдых; высокое материальное благосостояние; поиск и наслаждение прекрасным; помощь и милосердие к другим людям; любовь; познание нового в мире, природе, человеке; высокий социальный статус и управление людьми; признание и уважение людей и влияние на окружающих; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; общение; здоровье.

В современном обществе происходят качественные изменения в формах коммуникации, получения информации и ее объема, трансформируются представления о красоте, любви, жизненном престиже, изменяется отношение к труду и отдыху в целом на фоне воспитания человека-потребителя. Высокая степень выраженности ценности отдыха и приятного времяпрепровождения была выявлена у 64% респондентов, при этом у мужчин данная ценность была выражена ярче, чем у женщин (78% и 64% соответственно).

Высокую степень выраженности ценности высокого материально благосостояния продемонстрировали 76% опрошенных, 19% — среднюю степень выраженности и всего 5% — низкую.

Среди опрошенных 32% респондентов отметили общение как наиболее важную ценность; среди мужчин процент опрошенных, проявивших высокую выраженность ценности общения составлял 17%, среди женщин в два раза больше — 38%. Высокую степень выраженности ценности поиска и наслаждения прекрасным проявило 39%. Высокая значимость ценности «любовь» проявилась у 86% опрошенных.

Физическое и психическое здоровье в современном обществе становится стратегическим ресурсом как на общественном, так и личностном уровнях. Пропаганда здорового образа жизни, культура красивого тела преподносятся в СМИ как залог успешной карьеры и достижения высокого благополучия. Отражением данных тенденций стали результаты тестирования, показавшие, что 73% респондентов оценивают здоровье как высокую ценность.

В процессе работе на предприятии малого бизнеса велика роль необходимости реализовать себя, свои способности и продвигаться по карьерной лестнице. Особый интерес представляла степень выраженности таких полиструктурных ценностей, как «признание и уважение людей и влияние на окружающих» и «высокий социальный статус и управление людьми». Как показали результаты исследования, признание и уважение людей и влияние на окружающих высоко выражено у 58% опрошенных, высокий социальный статус и управление людьми — 61% опрошенных. Данная информация может говорить о том, что в коллективе происходит успешное распределение обязанностей, каждому сотруднику предоставляется возможность реализовать себя, проявить свои способности.

В настоящий момент государство поддерживает социальную активность граждан, особенно молодежи. В этой связи на федеральном, региональном и муниципальном уровне проводятся различные конкурсы социальных проектов среди молодежи, тренинги, фестивали, квесты. Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе высоко выражена у 46% опрошенных.

Таким образом, проведенное исследование показало, что молодые инженеры — проектировщики, работающие в предприятии малого бизнеса, характеризуются склонностью к повышению собственного материального благосостояния. Молодые специалисты области инженерного проектирования проявляют высокую степень выраженности таких ценностей, как высокое материальное состояние, любовь, высокий социальный статус и управление людьми, признание и уважение людей и влияние на окружающих, отдых и приятное времяпровождение, здоровье. Выраженность мотивации к успеху в исследованной выборке имеет признаки нормального распределения, характерного и для более старших возрастов.

1. Козырева П.М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития// Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз 1 (37) 2015 С.43 – 58

2. Чистякова Л.А. Трудовые ценности молодежи с опытом первичного трудоустройства в сфере услуг (на примере промоутеров г. Санкт-Петербурга): дис. канд.с.наук. Санкт-Петербургский гос эконом университет, Санкт-Петербург, 2014

3. Халий И. А. и др. Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] [Электронный ресурс] – Электрон. текст. дан. (объем 2,2 Мб). – М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. илл. 1 CD-ROM

4. Степанова Т. В. Исследование мотивации успеха и мотивации боязни неудачи в структуре учебной мотивации студентов ВУЗа // Вестник Кузбасского государственного технического университета // 2004 г. С 144-145

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛЕ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Павенков В.Г., Бородина Л. Б., Аксенова В. А. (Санкт-Петербург)

Будущее России, ее роль в геополитических и экономических процессах зависят от успешности социализации российских школьников, в том числе политической. Одной из важнейших задач современной школы является патриотическое воспитание подрастающего поколения. Воспитание патриотизма в современной школе определяется как целенаправленная

деятельность, призванная формировать у детей ценностные ориентации, качества, нормы, поведения гражданина и патриота России (ФГОС). Как форма политической социализации патриотическое воспитание в школе может реализовываться в школе через участие школьников в проектно-исследовательской деятельности. Главные задачи этой деятельности следующие:

- пробуждать интерес к прошлому и настоящему своей семьи, города и страны;
- развивать восприятие произведений литературы, живописи, музыки, посвященных истории своего Отечества;
- знакомить с ходом военных действий во время Великой Отечественной войны, с городами - героями, участниками войны, ветеранами;
- показывать мужество и героизм людей в ходе Великой Отечественной войны, их самоотверженный труд и выдающиеся человеческие качества в мирное время.

Как один из эффективных механизмов политической социализации школьников проектный метод организует пространство взаимодействия, привлекая родителей, друзей к участию в проектах, праздничных мероприятиях, в создании наглядно-дидактического материала. В нашем докладе мы расскажем о нескольких успешных примерах использования проектного метода в школьной практике патриотического воспитания.

1) Проект учащихся начальных классов «Моя малая Родина». Дисциплина «Окружающий мир». Девиз проекта: «Чтобы любить свой родной город Санкт-Петербург и гордиться им, его надо хорошо знать!» Детям младшего школьного возраста трудно представить город в целом, поэтому знакомство с ним мы начали с того места, где находится наша школа, с Литейного проспекта. Ребята во время экскурсий познакомились с достопримечательностями, расположенными около школы. Опираясь на опыт визуальной социологии, в частности методологии визуального рассказа (нарратива) как способа самостоятельно сформировать и представить мнение респондента-младшего школьника, мы предлагаем ребятам подготовить фоторассказ о любимых местах в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, о достопримечательностях, которые ребята часто посещают вместе с родителями, гуляя по городу и его пригородам. Совместно в классе разрабатывается план проекта, определяются сроки его выполнения, а также, как будет выполняться и представляться работа: индивидуально, в паре или в группе друзей. Результатом работы являлись презентации, которые помогли ребятам подготовить старшие друзья и родители.

2) Проект учащихся начальных классов «Моя семья». Любовь ребенка к Родине начинается с отношения к самым близким людям – отцу, матери, дедушке, бабушке, с любви к своему дому. Проект решал следующие задачи:

- воспитывать чувство самоуважения через добрые поступки, чувство уважения к старшим, любви к своей семье и друзьям;
- воспитывать любовь к малой родине через развитие интереса к истории семьи и ее традициям;
- формировать представление о природном и социальном окружении человека, умение вести себя в ней в соответствии с общепринятыми нормами.

В качестве метода исследования также был избран фоторассказ. Работая над проектом, ребята собрали фотографии всех членов семьи, совместные дела и праздники, проводимые в семье. На презентации проекта дети представили газеты, фоторассказы, альбомы о своих семьях.

3) Проект «Моя семья в летописи Великой Отечественной войны» Проект был направлен на работу по воспитанию у школьников чувства гордости за свой народ, уважения к его свершениям и достойным страницам истории и предполагал знакомство учащихся с историей своей семьи в тесном взаимодействии с родителями и педагогами, сбор информации о ближайших родственниках – участниках войны и тружениках тыла. Проект был реализован в два этапа: I этап включал сбор информации о родственнике (родственниках), биография которого (которых) связана с героическим прошлым Великой Отечественной войны и представление результатов своих исследовательских работ на рассмотрение жюри; II этап - представление лучших работ на школьных конференциях, оформление альбомов и стенда, награждение участников проекта. Работы были представлены в форме слайдов, содержащих сведения о родственнике - участнике Великой Отечественной войны (фото, краткие биографические сведения, краткий рассказ о военных событиях), презентаций, сочинений, эссе, интервью по теме проекта, стихотворений, которые были представлены в программе мероприятий школы, посвященной празднованию 70 - летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне (Уроки Мужества, литературно - музыкальная композиция "Нам дороги эти позабыть нельзя!", встречи с ветеранами ВОВ,

жителями блокадного Ленинграда, бывшими узниками нацистских концлагерей). Были созданы альбомы «Бессмертный полк школы» и «Книга памяти школы». На заключительной конференции участники проекта были награждены грамотами, дипломами и памятными призами. Лучшие работы вошли в сборник материалов проекта (СПб, из-во "Словесник", 2015). Особая награда была учреждена для класса – самого активного участника проекта, а также для самого активного классного руководителя.

Таким образом, проектная деятельность позволила сочетать патриотическое воспитание, развитие чувств любви и ответственности за свой город и свою страну, и развитие у школьников аналитических и исследовательских навыков. Очень важно, чтобы формирование патриотизма затрагивало не только сферу чувств, природную любовь человека к своей родине, но и развивало когнитивные способности ребенка и подростка, делало патриотизм осознанным выбором, тесно связанным с анализом, мониторингом развития своего региона и страны в целом, что позволяет сформировать гражданскую позицию, необходимую для жизни в демократическом обществе.

1. Высоцкий В., О. Жиренко О. Конспекты бесед по патриотическому воспитанию учащихся. - М.: Знание, 2008
2. Гаврилюк В., Маленков В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи//Социологические исследования. 2012. № 4. С. 44-50.
3. Голунов С.В. Патриотическое воспитание в России: за и против // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 258-273.
4. Государственная программа "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы". Постановление Правительства РФ от 05.10.2010 г. № 795 (ред. 07.10.2013 г.).
5. Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. - М.: «Просвещение», 2009
6. Ешев М. Патриотизм в советской и постсоветской России//Власть. 2014. № 5. С. 85-88.
7. Жиренко О., Латина Е. Я – гражданин России! - М.: ВАКО, 2008
8. Пашиков И. Патриотическое воспитание. - Волгоград: Учитель 2006
9. Рубцова М.В., Кексин А.И. «Идея государства» и «Идея народа» как философские категории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-2 (42). С. 167-169.
10. Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). С. 44-53.
11. Davidov E. Measurement Equivalence of Nationalism and Constructive Patriotism in the ISSP: 34 Countries in a Comparative Perspective Political Analysis//Political Analysis. 2009. Vol. 17(1). P. 64-82.
12. Finkel S.E. Civic Education and the Mobilization of Political Participation in Developing Democracies//The Journal of Politics. 2002. Vol. 64(4). P. 994-1020.
13. Janmaat J.G., Piattoeva N. Citizenship Education in Ukraine and Russia: Reconciling Nation-Building and Active Citizenship//Comparative Education. 2007.Vol. 43(4). P. 527-552.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И В ТУРКУ (ФИНЛЯНДИЯ)

Паламарчук К.О. (Санкт-Петербург)

В социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации миграционные процессы играют высокое значение. Для успешного функционирования и развития государства необходимо укреплять и развивать экономику страны. Для укрепления экономического сектора требуется увеличение количества трудоспособных граждан. Росту численности населения в Российской Федерации в большей степени способствует миграционный прирост населения, чем естественный. В течение двух последних десятилетий миграционный прирост компенсирует более половины естественной убыли населения.

«Только миграция, другого пути нет. Это прекрасно понимают и демографы, и социологи. Рождаемость сокращается во всех цивилизованных странах. Это неизбежный процесс.» – говорит руководитель федеральной службы государственной статистики В. Соколин [1].

П. Столкер также акцентирует на этом внимание, говоря, что «в оценке причин миграции следует учитывать и сложившуюся в настоящее время демографическую ситуацию: неуклонное старение населения развитых стран поддерживает устойчивый спрос на иностранную рабочую силу, причем в разных секторах экономики» [2].

По статистике, отраженной в Программе «Миграция. Комплексные меры по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 27 ноября 2012 года № 1229, только в Санкт-Петербурге на место тысячи человек, выходящих из трудоспособного возраста, приходит лишь пятьсот молодых людей. При этом на одну тысячу трудоспособного населения ложится нагрузка в виде 601 человека (193 в возрасте до трудоспособного и 408 старше трудоспособного возраста).

К тому же период развития экономики (после кризиса 2009 года) потребовал вливания большего количества трудовых кадров. Росло количество рабочих мест [3].

Низкий демографический прирост, снижение трудоспособного населения, - данные причины явились предпосылками для увеличения количества иностранных работников в общем числе трудового населения Санкт-Петербурга.

Основной массой приезжающих являются граждане государств-участников Содружества Независимых государств. Молодые иностранцы, прибывающие из стран СНГ, значительно уступают своим предшественникам по уровню образования, культурному развитию, знанию русского языка и профессиональной подготовке.

На процесс адаптации и интеграции мигрантов влияет множество факторов, таких как: дифференциация мигрантов по уровню образования, цели приезда, принадлежность к определенному этносу, культура родины, нормы и ценности, принятые на родине.

Учитывая многочисленные различия между мигрантами, необходимо наличие многоуровневой системы адаптации.

Следует отметить, что зачастую трудовые мигранты-мужчины приезжают на территорию Санкт-Петербурга вместе с семьями.

Как показывает устоявшаяся практика, трудовой мигрант адаптируется и интегрируется в общество посредством участия в трудовых отношениях. Для осуществления легальной трудовой деятельности мигранту необходимо приобрести патент на работу, получение которого предусматривает сдачу тестов на знание русского языка, законодательства и истории Российской Федерации. В то же время женщины-мигранты, находящиеся дома с детьми, практически не взаимодействуют с социумом. На сегодняшний день отсутствует точная статистика по количеству подобных женщин-мигрантов на территории Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербурге проводится работа по адаптации женщин-мигрантов, имеющих детей, посредством их обращения в центры помощи семье и детям, расположенные на территории районов города. Таким образом, возможно проводить определенную социальную адаптацию данной категории женщин с помощью центров. Кроме того, адаптационная работа проводится в различных некоммерческих организациях, таких как: Санкт-Петербургское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», «Дети Петербурга» и т.д.

В Финляндии, в том числе, задействованы иные механизмы. Женщины-мигранты, имеющие детей, могут обратиться за помощью в социальные центры или в диаспоры. Однако помимо этого, разработан механизм, позволяющий адаптировать женщин для дальнейшей жизни в Финляндии.

В городе Турку действует некоммерческая организация *Daisyladies*, деятельность которой направлена на адаптацию женщин-мигрантов в финском социуме. Девизом организации *Daisyladies* является фраза «I don't want to just sit at home», что переводится как: «Я не хочу просто сидеть дома»[5]. Благодаря различным мероприятиям, таким как: изучение финского языка и культуры, посещение национальных праздников, рукоделие, подготовка и проведение благотворительных ярмарок, практика взаимодействия с финскими государственными учреждениями, - женщины-мигранты знакомятся с финской культурой, с укладом жизни, быстрее адаптируются в обществе и выходят на рынок труда. Максимальное время нахождения в центре – 6 месяцев. За время посещения центра женщины-мигранты получают заработную плату, так как в этот центр можно попасть по специальному направлению, выданному на бирже труда.

Действующая система зарекомендовала себя как положительная. Автором статьи было осуществлено включенное наблюдение. В течение четырех месяцев автор посещал занятия, организованные в центре и наблюдал за процессом адаптации женщин-мигрантов.

Учитывая результаты, полученные финскими коллегами, существующую в Финляндии практику возможно реализовывать в Санкт-Петербурге, а также в других городах Российской Федерации. Таким образом, автор предлагает разработать аналогичный адаптационный курс для

женщин-мигрантов, пребывающих на территории Санкт-Петербурга, для прохождения которого женщинам будет необходимо обратиться на биржу труда и зарегистрироваться для поиска работы.

1. Соколин В. Интервью руководителя Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/migracionnaya-statistika-v-otkrytom-obshchestve>(дата обращения 02.02.2014)
2. Столкер П. Работники без границ: влияние глобализации на международную миграцию. – URL:<http://www.strana-oz.ru/>(дата обращения 25.09.2016)
3. О программе «Миграция. Комплексные меры по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Санкт-Петербурге на 2012-2015-е годы»: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 27 ноября 2011 № 1229. – URL:<http://rspb.ru/media/acts/2013/12/11/migrac1.pdf>
4. Сайт центра Daisyladies: <http://www.daisyladies.org> (дата обращения 05.10.2016)
5. Maiju Toiviainen «EN HALUA VAIN ISTUA KOTONA»: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/115458/Toiviainen_Maiju.pdf?sequence=1 (дата обращения 08.10.2016)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Палибина А.С. (Саранск)

Процессы, происходящие сегодня в современном российском обществе, не могли не повлиять и на социальный институт семьи. В социологической науке существует ряд концептуальных подходов при анализе развития современного института семьи. При всем разнообразии мнений по этому вопросу, их можно свести к двум диаметрально противоположным точкам зрения.

Первая позиция предполагает трансформацию традиционной семьи под влиянием социокультурного и экономического развития общества, которое неизбежно происходит в любой исторической эпохе. В этом случае процесс трансформации семьи оценивается как положительная прогрессивная эволюция. Позитивизм данной модели заключается в том, что негативные воздействия семьи на индивида, вызванные именно ее традиционной формой, со временем подвергнется кардинальным изменениям. Здесь подразумевается кризисное состояние, но в его положительной оценке [5, 177].

Определяющим фактором трансформационных процессов в социальном институте семьи является, в первую очередь, включение женщины в общественный труд. Переход от одного типа экономического производства к другому (в нашем случае, от семейного к семейно-бытовому) полярным образом изменили мужские и женские роли в семье. Процесс женской эмансипации, по мнению некоторых ученых (Е. М. Черняк), в большой степени определили многие трансформационные процессы в семейном укладе [4, 55].

Вторая точка зрения представляет собой утверждение о кризисном состоянии современного института семьи, который выражается в утрате семьей стабильности и традиционных функций. Сторонники этого направления называют все изменения, происходящие в институте семьи, деградацией, которая таит в себе опасность для всей цивилизации человечества.

Ряд ученых (А. И. Антонов, В. М. Медков, А. Б. Синельников) говорят об институциональном кризисе семьи, выражающийся, в первую очередь, в конфликтах между социальным институтом семьи и остальными социальными институтами общества [2, 549]. Кроме общепризнанных кризисных явлений, охвативших нашу страну (рост числа разводов, аборт, семейного алкоголизма и наркомании, семейного насилия, социальное сиротство), сегодня можно говорить и о масштабном кризисе семейных ценностей, которые на протяжении нескольких столетий являлись связующим звеном брачного союза, обеспечивая нормальное воспроизводство населения, авторитет семьи в общественной жизни. Ценностный кризис семьи проявляется в первую очередь в ослаблении ценностей родственных связей (материнства, отцовства); потребности в детях; распространения и укрепления в современном обществе нормативов однодетной семьи; отчуждения детей и родителей; сужения семейно-родственных связей в целом.

П. А. Сорокин еще в начале прошлого века доказывал необратимость исторической тенденции распада семьи как целостного микросоциального организма. Признаки ослабления семейных связей он усматривал в следующих фактах: 1) растущий процентный рост разводов; 2) уменьшение самого числа браков; 3) рост «внебрачных» союзов мужчин и женщин; 4) рост

проституции; 5) падение рождаемости детей; 6) освобождение женщины из-под опеки мужа и изменение взаимоотношений между ними; 7) уничтожение религиозной основы брака; 8) слабая охрана супружеской верности и самого брака государством. Определяющим фактором он считал бездетность: «В моду входят бездетные браки, иметь детей считается теперь неудобным и непрактичным по целому ряду соображений: говорят в этих случаях и о трудности жизни, и о материальных и экономических заботах, и о том, что дети – роскошь, стоящая весьма дорого, и о трудности их содержания, воспитания, обучения и пр.» [1, 131]. Именно бездетность, по его мнению, позволяет семье распасться.

Таким образом, эти две противоположные точки зрения характеризуют все те направления и школы, которые сложились в социологической науке.

Мы придерживаемся третьей позиции, согласно которой: семья – это сложное социальное явление, которое в силу объективных причин подвергается определенной трансформации. Но, с другой стороны, эти изменения не могут происходить под влиянием только социокультурных и социально-экономических факторов и иметь положительные стороны. То есть социальный институт семьи находится хоть и в кризисном состоянии, но является достаточно устойчивым социальным образованием, чтобы менее болезненно реагировать и адаптироваться на все изменения, происходящие в российском обществе. Специфические семейные функции требуют сохранения преемственности поколений, единства межличностных отношений, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивость семьи как важнейшего социального института общества. Основным законом стабильного развития любого общества является постоянная преемственность поколений, которая возможна только в семье. При нормальном развитии общества одни поколения передают последующим поколениям накопленные материальные и духовные блага. Каждое последующее поколение, по сути, должно обладать более полным материальным и духовным потенциалом, чем предыдущее поколение. Только в этом случае можно говорить о стабильном развитии общества.

На каждом историческом этапе обществу соответствовал свой тип семьи. Как в прошлом, так и в наше время, нет, и не может быть полностью идентичных друг другу семей. На их неоднородность оказывают влияние многочисленные факторы: индивидуальность членов семьи (нет в мире двух одинаковых людей), различия в обычаях, традициях и обрядах, состоянии культуры. Этим же объясняется, что каждая семья имеет свой набор ценностных ориентаций, отличия в степени их значимости. Однако есть и общие ценностные ориентации, и для семьи как социального института их роль первостепенна. Круг общих ценностей определяют место семьи в истории человеческой цивилизации. Начиная с истоков, приспосабливаясь к изменяющимся условиям, семья реализовывала те ценности, ради которых она, собственно, и существует. К таковым можно отнести:

1) сложный спектр взаимоотношений между мужчиной и женщиной, высшей ценностью которого является любовь;

2) рождение детей – ценность, в ходе достижения которой проявляются не только биологический инстинкт, но и духовные, социальные качества;

3) различные ценностные ориентации, благодаря которым в многоплановой сфере общения члены семьи имеют возможность окунуться в мир человечности. Этому способствуют роли жены, мужа, отца, матери, хозяина, хозяйки, сына, дочери, брата, сестры, бабушки, дедушки и т. д.

Данные этих трех групп прослеживаются во всей истории семьи. Они служат основой социального института семьи. Сложно представить, как бы развивалась семья как социальный институт, не опираясь она на эти ценностные ориентации. Других институтов, которые могли бы заменить ее в полном объеме, человечество еще не придумало. Естественно, что семья могла осуществлять эти общие и вечные ценности преимущественно сама, но происходит это не всегда. Иногда часть из них реализовывалась в семье, а остальные – вне ее. Но нельзя утверждать, что они существуют совсем без участия семьи. Родовые семейные ценности имеют абсолютный характер: для семьи они являются истинными и вечными и могут быть утрачены только в случае ее исчезновения. Их потеря грозит разрушением ее структуры, семейных целей, усугубляет чувство бессмысленности жизни. Однако данные ценности никогда не занимали первые места среди других ценностных систем. Отношение к ним в разные времена было неодинаковым. Но индивиды, семья и общество всегда возвращались к своим корням. Е. И. Холостова утверждает, что семья как социальный институт находится своего рода в зависимости от родовых ценностей. Без присутствия этих ценностей в семье, она просто напросто не сможет существовать как

социальный институт общества. Образно говоря, семья находится в неволе родовых ценностей – без них она умрет как социальный институт общества [3, 20-21].

Таким образом, процессы изменения структуры семьи, ее основных функций, ценностных ориентаций включены сегодня в общий процесс социальных перемен в человеческом сообществе.

1 Сорокин П. А. Кризис современной семьи (социологический очерк) / П. А. Сорокин // Социология : хрестоматия / под общ. ред. А. И. Сухарева. - Саранск, 2000. – С. 128-145.

2 Социология семьи : учебник / под ред. проф. А. И. Антонова – М. : ИНФРА-М, 2005. – 640 с.

3 Холостова Е. И. Социальная работа с семьей / Е. И. Холостова. – М. : «Дашков и К», 2009. – 212 с.

4 Черняк Е. М. Социальная сущность семьи // Эволюция семьи / Е. И. Холостова, Е. М. Черняк, О. Г. Прохорова. – СПб. : КАРО, 2011. – 224 с.

5 Ярская-Смирнова, Е. Р. Одежда для Адама и Евы : очерки гендерных исследований / Е. Р. Ярская-Смирнова. – М., 2001. – 254 с.

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ СТУДЕНТАМИ РЕГИОНА

Пашкова В.А. (Курск)

Очень весомым и ответственным делом является выбор будущей профессии. Молодому человеку надлежит знать, что его дальнейшая жизнь, прежде всего, будет зависеть от того, сможет ли он верно выбрать профессию, по которой он будет работать с интересом и, что немаловажно, будет ли эта работа приносить ему желаемый статус в обществе или большой доход.

Изучение факторов мотивации связано, прежде всего, с анализом первоисточников побудительных сил для его деятельности и поведения, с поиском ответов на вопросы, что толкает личность к данной профессиональной деятельности, каковы его мотивы, для чего он ее реализовывает.

Мотивационная сфера индивида представляет собой не линейную, а сложную многоуровневую структуру с централизованной сознательно-волевой системой управления поведением, с иерархическим соподчинением побуждений [1]. Примечательное свойство этой сферы – иерархизированность. Составляющие мотивационной сферы находятся в установленной последовательности от наименее востребованных к наиболее совершенным, зрелым формам. То, какие именно факторы являются главенствующими, предопределяет общий характер направленности социального ядра личности.

Мотив – это феномен осознания, сознательное индивидом побуждение к какой-либо деятельности. Вместе с тем мотив многозначно определяет содержание, особенности и структуру всей деятельности человека. Так как потребность может быть удовлетворена различными способами в форме различных видов деятельности [2]. Мотив и мотивация являются побудителями к активности и деятельности субъекта, связанными со стремлением удовлетворить определенные потребности.

Интерес к специфике самой профессии, то есть внутренняя причина ее выбора, является не самым значимым фактором к мотивации, что приводит к негативным последствиям в производственной сфере, например, снижению продуктивности специалистов. Тот, для кого работа будет в радость, работать будет более продуктивно, постоянно самосовершенствоваться. И как неразрывно связанное с его успешной работой, последует продвижение по службе и уважительное отношение со стороны коллег.

Условия труда тоже играют свою роль в выборе той или иной профессии. Впрочем, переменяв место работы, иногда можно существенно изменить и условия труда, – некоторые профессии это позволяют. Например, биолог в полевой партии (палатки, тайга, постоянные командировки) и биолог на должности инженера-геолога на нефтедобывающем предприятии (город, офис, никаких командировок) – выпускники одного и того же естественно-географического факультета.

Социологами замечено, что «студенты-гуманитарии со своей учебой связывают в основном мотивы получения образования, знаний, расширения кругозора, саморазвития. Студенты технических специальностей считают важным по преимуществу получение специальности и перспективы развития в ней» [3].

Мы решили проверить данные факты на примере Курского региона. Было проведено пилотажное исследование в ноябре 2015 года, в котором приняло участие 50 респондентов. На

вопросы отвечали студенты Курского государственного университета, обучающиеся по направлениям социологии, экономики, педагогики, биологии и инженерным специальностям. По результатам нашего исследования мы обнаружили, что более половины опрошенных (58%) убеждены в правильности выбора своей профессии, она и нравится хотя бы в период обучения. Однако 12% респондентов ответили, что им не нравится выбранная специальность, а 30% – что они затрудняются ответить однозначно.

Это говорит о том, что большая часть студентов выбирала профессию, исходя из своих интересов и способностей, поэтому она им нравится в период обучения. Если рассматривать удовлетворенность выбором профессии педагогов и инженеров, то можно увидеть, что они выбирали свой профиль исходя из интересов. Студенты, обучающиеся по этим специальностям, чаще других отмечали, что им нравится выбранная профессия.

Но мы уже знаем, что успешность обучения, как и продуктивность в профессиональной сфере, зависит от желания обучаться или работать по выбранной профессии. Основываясь на этом, респондентам был задан вопрос об оценке успешности их обучения специальности. Из результатов данного вопроса выясняется, что 62% респондентов оценивают успешность своего обучения на «хорошо». Это говорит о том, что большинству из них, действительно, нравится осваивать профессию, и делают это они достаточно успешно. Следующими по количеству являются респонденты, которые оценили результаты своего обучения на «удовлетворительно» (22%). Такой результат нам говорит о безразличном отношении респондентов к учебе по данной профессии. Это чревато тем, что дипломированные специалисты не будут должным образом справляться со своей профессией, если у них не получается получать знания по выбранной профессиональной деятельности.

Исходя из результатов проведенного исследования, заметим, что 44 студента из 50 отметили важным сделать свою жизнь интересной, насыщенной и увлекательной благодаря выбранной профессии. Это уже говорит о том, что они выбрали свою профессию, ожидая от нее много нового и интересного в будущем своей жизни и профессиональной деятельности. Остальные 12% респондентов разделились во мнениях пополам. Одни 6% считают, что это не так уж и важно для специальности, а другие затруднились ответить на этот вопрос. Такой фактор мотивации может быть вызван не только интересами самих студентов, но и динамикой современной жизни молодежи.

И самый важный вопрос, который больше всего нас интересует. Мы знаем, что лучший фактор для мотивации – это соответствие способностям. Нашим респондентам был задан вопрос, насколько важна уверенность в том, что избранная профессия соответствует собственным способностям. По результатам данных ответов, мы узнали, что 84% студентов считают это важным мотивирующим фактором для выбора профессии. Это говорит о том, что почти все опрошенные люди руководствовались этим мотивом при выборе своей профессии.

Лидирующую позицию в списке главных мотиваторов занимает возможность удовлетворения личных материальных потребностей будущих специалистов. Этот критерий дал большой толчок для мотивации выбора определенной профессии 96% обучающимся. Такой результат может быть связан с современным материальным положением молодежи. Они стремятся к своему полному обеспечению даже без желания работать в той профессиональной сфере, которую они для себя уже избрали.

Далее следует второй по значимости для студентов мотив – стремление сделать жизнь насыщенной, увлекательной и разнообразной. В планах исполнения такого мотива 88% студентов руководствовались им, выбирая свою будущую профессию. Это говорит о том, что респонденты исходили из собственных интересов и увлечений, когда выбирали профессию. На работе они будут продуктивными работниками, а так же не будут быстро утомляться на ней.

Третьим в списке главных факторов, которые мы выявили в своем исследовании, стал интерес к содержанию и специфике избираемой профессии. Из респондентов 86% обратили внимание именно на этот мотив, когда делали выбор своего профессионального будущего. Такой мотив говорит о повышенном усвоении особенностей профессии и, возможно, высокой продуктивной деятельности в профессиональной сфере в будущем.

Таким образом, мы выяснили наиболее значимые мотивы для современных курских студентов при выборе профессии. Хотя сложно сказать, насколько они устойчивы в период профессиональной деятельности, но для стимулирования мотивов выбора профессии и успешного обучения по выбранной специальности они достаточно важны. Как мы выяснили, внешняя мотивация у курских студентов несколько выше, так как фактор социально-экономического

характера сильно ее стимулирует. Таким фактором является стремление к большому материальному достатку. Но так же сильно развита внутренняя мотивация, а именно интересы, склонности и содержание выбранной профессии.

1. Асеев В.Т. *Мотивация поведения и формирование личности*. – М.: Мысль, 1976. – С. 42-43
2. Зеличенко А. И., Шмелев А. Г. *К вопросу о классификации мотивационных факторов трудовой деятельности и профессионального выбора // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. –1987. – № 4. – С. 4-10*
3. Божович, Л.И. *Изучение мотивации поведения детей и подростков*. – М.: Просвещение, 1972. – С. 132

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КУРСКИХ СТУДЕНТОВ

Пашкова В.А. (Курск)

Тема профессиональной самореализации женщины достаточно актуальна в связи с произошедшими в российском обществе изменениями, которые заметно влияют на представления студенческой молодежи о реализации женщины в карьере. Эти изменения связаны с переходом России на рыночные отношения и радикальной трансформацией всех сфер нашей жизнедеятельности. Существующий ранее в истории гендерный порядок, при котором страна активно проводила политику эмансипации женщин и поддержки материнства, сменился открытыми рыночными отношениями, вследствие чего обострились новые социальные проблемы. В том числе и гендерные. По большей части они коснулись женщин, которые потеряли свои позиции в области трудоустройства и оплаты труда, снизилась социальная защищенность матерей, а так же женщин перестали замечать в общественной и политической жизни. Все вышеописанные трансформации жизнедеятельности повлияли и на кризис маскулинности, который выражался в ограниченности, часто и в невозможности исполнения традиционных мужских ролей в различных сферах, включая семейную [1].

Самореализация – это процесс, заключающийся в осознании собственных возможностей, начал, потенциала, таланта и в их возможной реализации в каком-нибудь выбранном виде жизнедеятельности. Также самореализацией называется абсолютное воплощение в жизнь своих задатков путем индивидуального потенциала. Затруднения в самореализации возникают, если: человек не нашел себя; неясна цель; не хватает умения, плохо представляются пути своей самореализации; нет соответствия между потребностями и возможностями; наличествует комплекс неполноценности; предпринимается попытка выполнения не своих планов [2]. В соответствии с концепцией личностного потенциала Д.А. Леонтьева [3], мы считаем, что личностный потенциал во многом может обуславливать самореализацию личности и ее успешную адаптацию в профессии и карьере. Психическое развитие и самореализация связаны с успешностью саморегуляции деятельности в условиях реального взаимодействия с миром путем жизнестойкости, смысложизненных ориентаций, мотивации на успех или избегание неудач и временных перспектив (Ф. Зимбардо).

Проблема нашего исследования заключается в противоречии между представлением студенческой молодежи о профессиональной самореализации женщины и тем, чем она действительно является в обществе. Самым большим врагом самореализации женщины служат стереотипы, навязанные обществом. Поэтому в ходу личностной самореализации огромным значением обладает активная позиция самой личности, ее склонность к определенной деятельности, общая стратегия поведения. Немаловажное значение для развития в нашей статье мы можем придать раскрытию врожденных способностей и возможностей. Индивид мотивируется не многими, а одним, главным мотивом – самоактуализацией [4]. Таким образом, человек постоянно стремится реализовать свои врожденные потенции всеми доступными способами.

В связи с этим мы видим необходимым выявить представления студенческой молодежи о профессиональной самореализации женщины. Если молодое поколение нашей страны уже сейчас живет с устаревшими стереотипами, это может перетечь в большую проблему для реализации женщин в бизнесе, политике и профессиональной деятельности в целом.

В нашем исследовании выборочная совокупность включает 37,5% представителей мужского пола и 62,5% - женского. Средний возраст респондентов составил 21 год. Проблема профессиональной самореализации у женщин в современное время очень актуальна. Поэтому мы

решили первым делом узнать мнение студенческой молодежи о том, какие цели она видит приоритетными для представительниц женского пола. По результатам ответов, студенческая молодежь выявила главную жизненную цель женщин современности – это работа и семья одновременно. Такой вариант ответа выбрали 35% респондентов, чуть меньше – 27,5% выбрали только работу и карьеру, а 26,3% – семью. Это говорит о современном видении молодежью современных женщин, которые в первую очередь стремятся к карьере, и лишь потом к семье. Мы решили узнать о разнице шансов для профессионального роста мужчины и женщины. 47,5% ответили, что эти шансы равны, и чуть меньше, а именно 45% респондентов посчитали, что шансы все таки не равны.

Данное исследование позволило выяснить ценностные ориентации женщин в современных реалиях, мнение студенческой молодежи о проблемах профессиональной самореализации, определить возможности профессиональной реализации женщин. Также, мы выяснили, какие цели студенческая молодежь видит основной функцией женщины в современном обществе.

В ходе нашего исследования, мы выяснили у студенческой молодежи их взгляды на проблемы самореализации женщины в профессиональном плане, проанализировали отношение к профессиональной реализации именно женщины в современном обществе, определили возможности профессиональной самореализации мужчин и женщин и сравнили их. А так же опровергли одно из наших предположений. Студенческая молодежь считает, что возможностей для самореализации в профессии у женщин столько же, сколько у мужчин, и взбираться по карьерной лестнице женщинам ничуть не тяжелее. Вторая наша гипотеза была о том, что студенческая молодежь видит главной целью женщин их реализацию в семье, а не в профессии. И она подтвердилась. Однако в современных реалиях цели женщин имеют уклон все-таки в профессиональную деятельность. Вследствие чего мы можем утверждать, что студенческая молодежь имеет неоднозначное мнение к профессиональной самореализации женщин.

1. Тарасова о.а. *гендерные стереотипы современной студенческой молодежи (региональный аспект): диссертация кандидата социологических наук // Екатеринбург, 2014. С. 7.*

2. Корчажникова е.в. *барьеры самореализации // транспортное дело россии, 2013. № 3. С. 11-13.*

3. Леонтьев д. А. *Личностный потенциал: структура и диагностика // м.: смысл, 2011. С. 33.*

4. Зуева с. П. *Самореализация человека в профессиональной деятельности // концепт, 2013. №2. С. 34-39.*

РОССИЙСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Певная М.В., Амбарова П.А. (Екатеринбург)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № № 16-03-00016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

The article presents the methodological basis of the Russian volunteering management sociological research. The authors determine the vectors of researching reflection aimed at the evaluation of volunteering as a control object. The article contains the analysis of the structure of Russian volunteering social management in Russian region and identifies how some administrative problems of this sphere might be analysed.

В докладе раскрываются методологические основы социологического исследования управления российским волонтерством. Авторы задают векторы исследовательской рефлексии, направленной на оценку волонтерства как объекта управления. Статья содержит анализ структуры социального управления российским волонтерством и выявляет направления анализа складывающихся в этой структуре управленческих проблем, локализованных в рамках отдельного российского региона.

В России происходят активные изменения, связанные с динамикой социальной активности населения и желанием государства в лице чиновников контролировать эти процессы. В отличие от гражданской, политической и протестной активности, волонтерское участие населения начинает восприниматься властью достаточно неоднозначно. С одной стороны, ресурс волонтеров как добровольных помощников оказывается очень востребованным в разных сферах жизни общества, само движение развивается и поддерживается во всем мире. С другой стороны, как сильная

высоко ресурсная общность, обладающая потенциалом самоорганизации, волонтеры представляют определенную опасность для структур власти.

Так как общность волонтеров в стране достаточно представительна, в качестве проблемной ситуации актуализируется потребность в управлении российским добровольчеством, которое по своим внутренним характеристикам является неоднозначным и противоречивым. Система волонтерства включает совокупность самых разных социальных объединений, групп и подобщиностей волонтеров. Она проявляет себя, реализуя определенную социальную функцию, сталкивается с вмешательством государственной системы, нацеленной на упорядочение волонтеров либо осуществление контроля над ними. Усиливается внешнее влияние на волонтерство, направленное на расширение его границ, увеличение числа добровольцев. В то же время проявляются внутренние стремления отдельных организаций, групп и волонтеров к сохранению автономности.

Проблема выступает как противоречие между активно развивающимся в мире социальным феноменом волонтерства, отражающим глобальные тенденции в сопряжении с его национальными особенностями, и несовершенством формирующихся в российском обществе механизмов управления волонтерами и их деятельностью, которые определяют условия для ее реализации и результативности.

Как показывают исследования российских социологов, идет стихийное развитие отношений внутри волонтерского сообщества. В институциональном взаимодействии государственного, третьего и бизнес- секторов, где волонтеры начинают выполнять некоторые социальные функции, а отдельные волонтерские группы играть определенные социальные роли, система отношений находится в своем становлении, а нормативная и организационная структура не всегда отвечает потребностям самих волонтеров.

Таким образом, объектом научной рефлексии выступает сам феномен волонтерства, который можно рассматривать как общность волонтеров, включающую в себя разные сообщества и группы, реализующую общую по своим сущностным признакам деятельность и попадающую в поле управления. При этом в своем системном измерении он проявляется в частных формах и видах в экономическом, в правовом и политическом контекстах, отражая в конкретном исследовании трансформацию поля социологии управления [1]. Становление волонтерства как института в определенных территориальных или географических рамках способствует объективному построению новых организационных структур, формирующих, регламентирующих и контролирующих новые правила игры среди его членов. С позиции социологического неоинституционализма многие правила, процедуры и организации являются культурно-специфическими практиками [2; 80]. Данный подход позволяет искать объяснение специфике институциональных форм, процедур и символов определенных волонтерских организаций и тому, как добровольческие практики распространяются в управленческом поле на международном, национальном и региональном уровнях.

Предметом исследования выступают создаваемые акторами структуры внутриобщностного и внешнего взаимодействия, которые превращают их ценностные представления в важнейший фактор поведенческой мотивации, уменьшают неопределенность, организуют повседневную жизнь, в которую вписывается волонтерская деятельность. Развитие самого волонтерства, а также управления волонтерами и их деятельностью происходит за счет диффузии институциональных образцов через сети акторов, которые могут быть персонализированы в границах как объекта, так и субъектов управления.

В ограниченном территориальном пространстве проявляется искусственно создаваемая структура социального управления, основными функциями которой является координация и программирование деятельности волонтеров. В силу обозначенного выше проблемного противоречия управление волонтерством включается в систему государственного регулирования взаимодействия разных социальных общностей. В данной структуре представлено множество субъектов управления, в качестве которых выступают органы государственной законодательной и исполнительной власти, институт местного самоуправления, государственные подведомственные учреждения сферы культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты, некоммерческие и коммерческие организации и их сотрудники. Объектом управления являются волонтерские организации, общность волонтеров и ее отдельные подобщиности. Его характеризует определенная совокупность формальных и неформальных связей и отношений как внутри общности, так и складывающиеся практики взаимодействия с субъектами управления, оказывающими на волонтеров управленческое воздействие. В российских реалиях управление

волонтерами реализуется как прямо – на макроуровне (федеральное, региональное и локальное управление) и на мезоуровне отдельных организационных структур, так и опосредованно, – на макроуровне, где осуществляется государственное регулирование деятельности третьего сектора и волонтеров федерального, регионального и местного значения. Отдельные аспекты управления (самоуправления) волонтерами очевидны также и на микроуровне – в процессе неформальной самоорганизации россиян. Структура социального управления волонтерством включает четыре условно выделенных уровня управленческой регуляции: глобальный, национальный, организационный и межличностный. Эти уровни характеризуют сетевые связи, формальные и неформальные нормы взаимодействия основных акторов, административно-организационную иерархию.

Системообразующее значение на всех уровнях имеет сложная, гибридная общность волонтеров, включающая разные волонтерские подобщности (группы и сообщества). Согласно выделенным уровням, в проблемное поле научно-исследовательской программы попадает волонтерство как система.

На первом этапе исследования возможно исследовать глобальный и национальный уровни управленческого регулирования в ней посредством анализа институционального развития феномена в разных социокультурных и политических условиях, выявлять общие закономерности и национальные особенности волонтеров разных стран, характеристики их деятельности, специфику формирования управленческих практик и взаимодействия в их рамках.

На втором этапе в национальных границах следует выявить универсальные свойства, универсальные отношения и универсальные механизмы управления российским волонтерством на основе анализа эмпирических исследований российских социологов, опросов общественного мнения, исследований сообществ в социальных сетях. Востребован анализ ресурсов общности волонтеров, включающей в себя самостоятельные подобщности формального волонтерства (организованного в третьем секторе) и неформального волонтерства (самоорганизации и помогающего поведения).

На третьем этапе на основе результатов региональных исследований с ключевыми акторами поля волонтерства в территориальных границах отдельного российского региона социальное управление волонтерством может анализироваться на организационном и межличностном уровнях. Это позволяет выявить проблемы управленческой регуляции, дать характеристики состояния структуры социального управления волонтерством в регионе.

1. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы // Социологические исследования. 2016. № 7.

2. Семенов А. Изучение публичной сферы в перспективе социологического институционализма // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / под ред. Е. Р. Ярской –Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2013.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Первова И.Л., Келасьев В.Н., Ткаченко С.Л. (Санкт-Петербург)

Термин «неолиберализм» в социальных, политических и экономических науках часто используется в сходных или частично противоречащих друг другу значениях. В современном научном мире его относят к макроэкономической доктрине, ключевыми элементами которой являются валоризация частного предпринимательства, недоверие к государству, наряду с «фетишизмом свободного рынка», пропагандой устранения тарифов, дерегуляцией валют, развертыванием моделей предприятий, которые позволили бы самому государству функционировать в форме бизнеса.

На доктринальном уровне неолиберализм используется для гармонизации инструментов и институтов государств с переходной экономикой.

Практика показывает, что современный неолиберализм оторван от реальных процессов в мировой политике и экономике. Критика неолиберализма составляет одно из основных направлений современной дискуссии о новой политико-экономической стратегии государств и региональных блоков, сочетающей элементы неолиберализма и интервенционизма со стороны органов государственной власти. И если кризис неолиберализма очевиден и может быть продемонстрирован на примере государств в различных уголках планеты, то лишь немного стран сегодня способно поставить задачу «выйти за рамки неолиберализма» и приступить к реализации

мер социально-экономической политики в рамках новой парадигмы. Этот подход преувеличивал значение экономических переменных и уделял мало внимания социальным, а также культурным аспектам развития.

Происходящие в XXI веке социально-политические и экономические изменения требуют рассмотрения вопросов социального обслуживания населения на новом, не изученном пока уровне. Глобализация, развитие гражданского общества меняют понятия «социальность», «бедность», «государство всеобщего благосостояния» и пр.

Национальные политики разных стран и формы осуществляемой ими социальной политики связаны в единое целое, но понимание форм их внутреннего и внешнего взаимодействия пока далеко от ясности. Идет нескончаемая полемика о том, игнорируют ли неолиберальные режимы бедность и оставляют ее «на растерзание» рынку или же дают дорогу социальным движениям и позволяют им реально влиять на социальную политику. Неолиберализм многими понимается с классовой точки зрения как политика, обогатившая, имевших капитал и приведшая к возросшему неравенству, снижению безопасности, потерям в социальном обеспечении и обслуживании населения, и общему снижению качества жизни бедных и рабочего класса. Приверженцев этого направления существенно меньше, чем его оппонентов, однако, не все так однозначно. Например, расходы на социальные нужды в некоторых странах, принявших макроэкономическую доктрину, таких, в частности, как Индия и Южная Африка, к первой декаде XXI века существенно увеличились. Говоря об этих двух странах и влиянии неолиберализма на их социальную политику, необходимо учитывать наличия в этих странах больших масс сельского населения (в отличие от России), которые не являются и в ближайшее время не станут «работниками на зарплате» и которые обычно категоризируются как «неформальный сектор», составляя, тем не менее, большинство населения. Если социальные демократии и социальные системы поддержки населения в мире XX века строились, как раз, на статусе «работника» (включая социальные программы для пожилых, немощных, детей, лиц с особыми нуждами, иждивенцев), то «неформальная» категория населения Индии и ЮАР представляет собой совершенно особую социальную группу и требует иных, чем в Западном мире мер по социальному обеспечению и обслуживанию. Понятие социальной помощи в мире, вообще, в последние 10-15 лет значительно изменилось в связи с появлением вполне работоспособных групп населения (в частности, молодых людей), которые не могут найти работу и нуждаются в социальной поддержке.

Российская государственность уже столкнулась с наступлением неолиберализма в политической, экономической и социальной политике, но и здесь оценки его влияния неоднозначны, хотя голосов «против» существенно больше. Вместе с тем, российская система социального обслуживания приняла элементы маркетологизации в форме платных услуг и расширения участия частных организаций в обслуживании ряда категорий граждан.

В ФЗ-442 предусмотрено соответствующее возрастание роли частного сектора, расширение за счет этого видов оказываемых социальных услуг. Несмотря на падение жизненного уровня российского населения, обозначилась социальная группа, способная оплачивать предоставляемые услуги (комфортные дома для пожилых и престарелых, частные детские сады и школы, центры для аддиктов и т.п.). Государство при этом в ряде случаев частично оплачивает социальные услуги, оказываемые потребителям (участники ВОВ, военных действий; блокадники, жертвы техногенных и природных катастроф).

Тем не менее, переход к управленческому бизнесу в данной сфере противоречит основным ценностям социальной работы, ее приверженности социальной справедливости и социальной трансформации в сторону всеобщего благополучия.

Поэтому первоочередной задачей является необходимость выработать максимально объективные критерии возможностей сфер применения и эффективности частного сектора, вплоть до влияния его на глобальную политико-экономическую систему.

В неолиберально-управленческой парадигме социальная работа рассматривается как одна из форм бизнеса. Представители социальной работы, включая государственные структуры, могут взимать плату за услуги. В рамках этой парадигмы допускается снижение уровня профессиональной подготовки с размыванием различий между теми, кто имеет и не имеет специальное образование, а осуществляет лишь вспомогательную деятельность. Акцент делается на оценке эффективности, индивидуальных возможностях и реализации управленческих методов. Это может восприниматься как связь с радикально-гуманистической парадигмой, последователи

которой считают, что индивиды находятся в мире неравенства и конфликтов, и в качестве ключевых методов интервенций предлагают повышение сознательности и личного контроля.

В конечном счете, неолиберально-управленческая парадигма видит человека как ответственного за построение и поддержание собственного благополучия. Скрытые тенденции поддерживающего подхода могут выражаться в поощрении специалистов по социальной работе в поддержании статус-кво установленной рыночной системы. Это часто называют социальной работой бизнес типа и связывают с применением макдональдизации, когда задачи разбиваются на более мелкие дискретные задания таким образом, чтобы конкретные ресурсы, требующиеся для их выполнения, могли быть точно рассчитаны, а исполнители следовали четким управленческим указаниям и инструкциям. Однако в переход к управленческому бизнесу в социальной работе приводит к деформации базовых ценностей социальной работы с ее приверженностью социальной справедливости и социального благополучия.

Недостаточность неолиберальной модели для стран БРИКС заключается в том, что она делает акцент на работе с потребителем, не учитывая роли социальной среды, источников социальных проблем, необходимости структурных перераспределений власти и ресурсов. Необходимо расширение функций института социальной политики и социальной работы в современном, полном рисков, динамично меняющемся мире. Очевидна потребность в технологиях согласования интересов индивидов и социальных групп, разблокирования препятствий в достижении социального благополучия населения, стимулировании увеличения численности социально активных групп – улучшением функционирования всех звеньев саморегулирования и самоорганизации общества. Эти расширенные функции создают потребность в подготовке нового типа социологов-практиков, способных активно включаться в социальную политику, работу с представителями власти различного уровня и самими пользователями социальных услуг, готовых конструктивно влиять на деятельность СМИ, способствовать формированию гражданского общества

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ НЕПОЛНОЙ СЕМЬИ

Пермякова Т.В. (Екатеринбург)

Одним из направлений трансформации семьи в современных условиях является рост числа неполных семей. Неполной (монородительской) называется семья с одним родителем. По результатам переписи населения 2010 г. из 17,3 млн. семейных ячеек с детьми моложе 18 лет 5 млн. семей – это матери с детьми, 0,65 млн. – отцы с детьми [3]. Таким образом, неполные семьи с детьми до 18 лет составляет почти 33%.

В научной литературе отсутствует единая общепринятая типология неполных семей. Как правило, они типологизируются по такому основанию, как состав семьи. В зависимости от этого, выделяют материнскую неполную семью, состоящую из матери и ребенка (детей) и отцовскую неполную семью, состоящую, соответственно, из отца и ребенка (детей). Но более важным, на наш взгляд, основанием типологии как для научных, так и для практических целей является источник формирования неполной семьи, позволяющий более глубоко рассмотреть процесс возникновения неполных семей.

Источники формирования неполной семьи могут иметь брачную и внебрачную природу. К брачным источникам формирования неполных семей относятся вдовство и развод. К внебрачным – случайное и сознательное родительство.

Вдовство – безбрачное состояние одного из супругов после смерти другого – как источник формирования неполной семьи существовал всегда. Вдовство сегодня – это чаще удел женщин. Специалисты обращают внимание на увеличение числа вдовых неполных семей, обусловленное ростом смертности мужчин в молодом возрасте [2, с. 214].

Наиболее массовым источником возникновения неполной семьи в современном обществе является развод. С середины XX века в России наблюдается неизменно высокое абсолютное и относительное число разводов. Так, по данным Росстата, число разводов с 1960 г. по 2014 г. выросло в 3 раза [4]. Неполные семьи, образовавшиеся из этого источника, составляют более половины всех неполных семей [2, с. 215].

Вторая группа неполных семей имеет изначально внебрачную природу, свидетельством чего является внебрачная рождаемость. С 70-х гг. XX в. внебрачная рождаемость в нашей стране выросла в два раза и составляет сегодня 22,6% [4]. Темпы роста внебрачной рождаемости свидетельствуют о либерализации общественного мнения по отношению к женщине, имеющей

внебрачного ребенка. По свидетельству С.И. Голода, в 90-е годы осуждали незамужних матерей только 8% респондентов [1, с. 197]. Сегодня, думается, их еще меньше.

Внебрачные неполные семьи могут быть представлены в двух материнских формах, критерием которых выступают мотивация и обстоятельства рождения ребенка. Под случайным материнством предлагаем понимать семейную структуру, состоящую из матери и ребенка, где рождение ребенка явилось событием незапланированным, случайным. Наибольшее распространение случайная материнская семья получила среди подростков 15 - 19 лет [1, с. 195]. Основными причинами чаще всего называют безграмотность в области сексуальных контактов, изменение моральных норм в области взаимоотношений полов, распространение добрачных связей, неподготовленность молодежи к браку, легкомысленность. «Случайные» матери обычно очень молоды и неопытны, среди них преобладают учащиеся и работницы, занятые неквалифицированным трудом [1, с. 197]. Единственным их ресурсом оказывается родительская семья, члены которой берут на себя значительную часть забот по уходу и воспитанию ребенка.

Наряду со случайным материнством, существовавшим всегда, в последнее время получает все более широкое распространение материнство сознательное.

Сознательное материнство – семейная структура, состоящая из матери и ребенка (детей), где рождение ребенка явилось сознательным, планируемым событием в условиях отсутствия любой формы брака. Как правило, говоря о сознательном материнстве, принимаются во внимание женщины старшего репродуктивного возраста (после 35 лет). К этому возрасту женщины уже реализовали свои потребности в профессиональной и социальной сферах, а рождение ребенка – это, вероятнее всего, результат потребности в семье и детях. У таких матерей есть необходимые ресурсы для воспитания ребенка: финансовые, жилищные и пр. Но необходимость ухода за ребенком в отсутствие помощи со стороны не позволяют женщине в полном объеме проявить себя в профессиональной сфере, что может спровоцировать «карьерный застой» или даже «карьерный спуск».

У «зрелых женщин» после тридцати лет выявлено два основных типа сознательной мотивации. Во-первых, избегание одиночества из-за невозможности найти партнера для совместной жизни. Учитывая половой дисбаланс на брачном рынке, более высокий уровень образования женщин, особенно молодых, их профессиональные притязания и достижения, вполне понятны высокие требования к потенциальным брачным партнерам, которым последние не всегда отвечают. Во-вторых, избегание супружества. По мере роста экономической самостоятельности женщин становится очевидным, что не все они стремятся замуж, как считалось раньше [2, с. 215].

Внебрачные материнские модели семьи – явление довольно распространенное, но определенный интерес представляют и отцовские модели семьи. Возможно ли существование таких семейных форм? Сегодня вполне можно говорить о такой форме неполной семьи как сознательное отцовство, при условии, что мужчина испытывает потребность в ребенке и обладает необходимыми ресурсами. Современные репродуктивные технологии позволяют обойтись без непосредственных сексуальных контактов, а участие суррогатной матери для вынашивания и рождения ребенка позволяет удовлетворить потребность в родительстве. Что касается случайного отцовства, по нашему мнению, оно вряд ли может стать основой формирования неполной семьи.

Выше были обозначены биологические формы неполных семей, основанные на кровном родстве, но сегодня получает распространение приемная неполная семья. Безусловно, одинокому, не состоящему в браке человеку, достаточно сложно получить право опеки или провести процедуру усыновления (предпочтение все же отдается семейным парам), но подобная практика является реальной, как в России, так и за рубежом. Таким образом, к источникам формирования неполных семей добавляется усыновление, что порождает еще две формы – материнскую приемную семью и отцовскую приемную семью. Таким образом, типология неполных семей по источнику формирования предполагает наличие, по крайней мере, девяти семейных форм: вдовая (материнская или отцовская), разведенная (материнская или отцовская), случайная материнская, сознательная материнская, сознательная отцовская, приемная материнская, приемная отцовская.

Предложенная типология позволяет выстроить более адекватную политику социальной помощи неполной семье, дифференцируя ее в зависимости от особенностей и потребностей того или иного типа неполной семьи.

1. Голод С. И. *Семья и брак: историко-социологический анализ* / С. И. Голод. Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
2. Гурко Т. А. *Брак и родительство в России* / Т.А. Гурко. Москва: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.

3. Калабеков И. Г. *Российские реформы в цифрах и фактах, 2008 – 2016* / И. Г. Калабеков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://refru.ru>
4. *Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сборник*. Москва: Росстат, 2015 [Электронный ресурс] // *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации*. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Петельчук Е. (Санкт-Петербург)

Последние десятилетия использование ресурса корпоративной социальной ответственности на местном уровне доказывает свою эффективность. В условиях постоянной ограниченности ресурсов государства, взаимодействие с бизнесом несет в себе большой потенциал для улучшения качества жизни населения. Социально ориентированные компании становятся партнерами государства в решении задач социальной политики. Это партнерство содействует модернизации социальной сферы а так же способствует повышению качества работы социальных учреждений и социально ориентированных некоммерческих организаций.

Однако знание о корпоративной социальной ответственности как сама концепция КСО постоянно развивается, что не может не повлиять и на характер взаимоотношений бизнеса и государства. В свою очередь, развитие межсекторального взаимодействия дает новые возможности для решения социальных проблем, как в глобальном смысле, так и на местном уровне.

Рассмотрим систему корпоративной социальной ответственности, характерную для российского общества в конце 90х и первом десятилетии 2000 годов.

В этот временной промежуток действующую концепцию КСО логичнее определить, как корпоративную филантропию. Во взаимодействии с местным сообществом компании выступали в первую очередь как недостающий материальный ресурс. Так, Компания «Лукойл» разработала и утвердила в 2001 году «Социальный кодекс»[1], где систематизировала и определила основные направления своей благотворительной и социальной деятельности. В кодексе намечены два подхода: социальные инвестиции и традиционная благотворительная помощь. В 2003 году компания «Кока-Кола» стала одним из основных спонсоров восстановления Большого парадного двора Зимнего дворца. Для многих компаний, ориентированных на поддержку социальной сферы в это время характерен именно формат материальной помощи, работа с конкретным случаем.

В начале 2000х годов в Российских компаниях, начинается качественно новый этап в развитии социального движения, теперь ведущую роль в системе КСО начинает играть человеческий фактор. В это время становится распространено понятие «корпоративное волонтерство». Сотрудники компаний стали добровольно и бесплатно помогать местному сообществу в разрешении различных социальных проблем. Руководство компаний начинают поддерживать социальные инициативы сотрудников, организуя и содействуя реализации добровольческих проектов. [2]

Последний этап, начавшийся около десятилетия назад, характеризуется серьезным скачком в развитии межсекторального взаимодействия. Социальную ориентированность многих современных компаний можно охарактеризовать международным термином «corporate community involvement»[3] («корпоративная вовлеченность в дела местного сообщества»), который подразумевает реализацию бизнесом такой деятельности, которая учитывает не только местные законы, но и потребности и, что немаловажно, традиции. Появляется новая и достаточно эффективная форма работы- создаются рабочие группы, включающие в себя представителей компании, органов власти и местного сообщества. Вместе они принимают согласованные решения по реализации социальных инвестиций компании. Таким образом, корпоративная социальная ответственность переходит на совершенно другой уровень. Это взаимодействие дает возможность решать социальные проблемы максимально эффективно.

Реализуемые в России социально-ответственным бизнесом общественно-значимые проекты убедительно доказывают, что корпоративная социальная ответственность вносит существенный вклад в улучшение качества жизни россиян. Важно, что теоретическое осмысление основ КСО менеджерами компаний дает возможности развития и компании и местного сообщества.

1. Социальный кодекс ОАО «Лукойл». <http://www.lukoil.ru/> - Официальный сайт ОАО «Лукойл»
2. Корпоративное волонтерство Бизнес и общество. Комплексное исследование практик корпоративного волонтерства / МОО «Ассоциация Менеджеров», 2013
3. Осваиваем КСО: просто о сложном / Ростислав Куринько – К.: Издательство «Журнал «Радуга», 2011

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ

Петрова И.В. (Санкт-Петербург)

Несмотря на значимость всей совокупности общественных институтов в процессе социализации молодого поколения принципиальное значение имеет именно образование, так как в данном социальном институте внимание сконцентрировано на личности, на социальном развитии гражданина и профессиональном – будущего специалиста.

Проблема заключается в том – как соотнести темпы социализации учащейся молодежи с уровнем развития общества. Социальные трансформации современности с позиции социологии связывают, прежде всего, с утратой типологической идентичности общества (Т.И. Заславская) [4], а представитель неоинституционализма (Д. Норт) [7] кроме мировоззренческой детерминанты выделяет еще и экономическую. Можно предположить, что изменения, происходящие в обществе, задают определенные характеристики идеальных типов личности и, как результата социализации – социального типа личности, обуславливая тем самым государственно-общественный заказ институтам социализации и, конечно, институту образования. Таким образом, социализирующая роль вузов предполагает определенную ориентацию студентов на будущее социальное положение.

Исследователи занимаются мониторингом нововведений, рассматривают основные вопросы и проблемы развития образования, проводят на институциональном уровне функциональный анализ образования. Но кроме проблем макроуровня (системы ВО РФ), ученые обнаруживают и систематизируют проблематику социального процесса на мезо- (вуза) и микро- (личностном) уровнях. Вопросы последнего, безусловно, прежде всего, связаны с возрастными особенностями данной социальной группы (взросление, самопознание, саморазвитие, самоопределение), и, соответственно, с потребностями (поиск смысла жизни, стремление к новым идеям и преобразованиям). Можно предположить, что векторы этих устремлений могут быть, как созидательными, так и разрушительными (так как обусловлены возрастными особенностями рассматриваемого контингента – недостаточностью жизненного опыта).

Следует отметить, что исследователи проблем студенчества именно личностные проблемы выводят на передний план. Это эскапизм (уход от решения актуальных проблем социального функционирования), гетерономия (зависимость от других, связанная с низкой самооценкой), фрустрированность, личностная аномия (ценностная дезинтеграция сознания, потеря или диффузия идентичности), отчуждение от норм и правил социальной интеграции. Жизненные цели центрируются на построении личной профессиональной карьеры и обладании престижной должностью; в исследованиях современных ученых, сформулированы выводы о том, что молодежь не критично относится к своему противоправному поведению; отличается невысоким уровнем правосознания; в системе ценностей доминируют личные интересы (причем тоже специфические, например, уход от традиционных отношений в браке и подобное). Данные проявления общественной и правовой индеферентности сознания, по мнению некоторых исследователей, являются следствием неэффективной социализации [2, 6]. В социологической теории нет единого варианта ответа на проблемы построения эффективных отношений общества, институтов общества и личности, нет тенденций к развитию единой парадигмы, но современные социологи В. Я. Нечаев, В.И. Добренев [3], Г. С. Зборовский [5], П. Штомпка [9], З. Бауман [1] и др. уделяют внимание актуализации проблем поиска новых подходов (в том числе и посредством критики институционального подхода, и выделения недостатков структурно-функционального подхода, и определения угроз «индивидуалистического типа» социализации вообще или противоречивого действия агентов социализации в частности).

Авторское видение заключается в том, что социализация студентов в образовании возможна с учетом системной конфигурации связанных и взаимодополняющих элементов социального процесса (государство-институт образования-студент); или условий (макро-, мезо-, микро- уровней) [8]. 1) Государство обеспечивает нормативную функциональность (в том числе и с учетом траектории развития национальной экономики) в регулировании процесса социализации студентов. 2) Общественные институты, и, прежде всего, институт образования, организации и

объединения, реализуют функции инновации и трансляции, способствуя культивации гражданской, культурной, профессиональной идентичности. 3) На уровне личности – функция личностного роста в формировании личностей интегративного типа с мобильно-конверсионным интеллектом.

Особая роль в данной платформе отведена политическому институту – государству, так как именно оно призвано обеспечивать реализацию функции согласования устремлений индивида и общества. При этом результативность, эффективность социального процесса определяется соотношением этих целей-ответственностей (человека, общества и государства). При соблюдении принципа социального партнерства, представляющего собой горизонтальное взаимодействие государственных организаций, социума и личности как гражданина, может быть достигнуто согласование разных целей, совместное решение проблем.

Организация на микро- и мезо-уровнях в процессе обучения деятельности студентов, адекватной макро-уровню, даст возможность образовательной организации обеспечить своим учащимся социализацию. Формируя способности ориентирования студентов в процессе такого обучения в реальностях общественной, политической, научной, культурной, профессиональной, других областей позволит им видеть перспективы своего жизненного пути и, соответственно, планировать и осознанно осуществлять развитие своего потенциала.

1. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. С. А. Комарова, под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Гранин Ю. *Роль образования в формировании российской нации* // *Высшее образование в России*. 2006. № 10. С. 151.
3. Добреньков В.И., Нечаев В.Я. *Общество и образование*. М.: ИНФРА-М, 2003. 381 с.
4. Заславская Т. И. *Современное российское общество: социальный механизм трансформации*. М.: Дело, 2004. 400 с.
5. Зборовский Г.Е. *Образование: научные подходы к исследованию* // *Социологические исследования* 2000. № 6. С. 28-30
6. Ивлев Ю. *Вуз как модель гражданского общества* // *Высшее образование в России*. 2007. № 2. С. 123-126.
7. Норт Д. К. *Институциональные изменения: рамки анализа* // *Вопр. экономики*. 1997. № 3. С. 6-17.
8. Петрова И. В. *Социальная роль студенчества: перспективные тенденции* // *Высшее образование сегодня*. 2014. № 10. С. 25-28.
9. Штомпка П. *Социология социальных изменений* / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 223 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН КАК ПОДХОД К ИДЕНТИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Петрова М.Н. (Волгоград)

Одним из важных элементов административно-правового статуса граждан является их конституционное право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Обращения граждан выполняют такие функции как воздействие на принятие решений органами государственной власти, внося свой вклад в выработку государственной политики в различных областях жизни, а также обратной связи, отражающей реакцию на решения, принимаемые государственной властью. Таким образом, официальные обращения граждан закономерно могут рассматриваться как источник информации об актуальных социальных проблемах и социальном самочувствии, которую необходимо знать и учитывать в управленческой деятельности.

Вместе с тем, анализ существующей в органах власти практики учета и систематизации обращений граждан показывает, что она основывается преимущественно на статистических методах обработки, не затрагивая социальную структуру, как самих заявителей, так и социальные аспекты тематики обращений. По нашему мнению, использование элементов социологического анализа при исследовании обращений граждан открывает возможности для глубокого осмысления этого массива информации и принятия более качественных управленческих решений на этой основе.

Во-первых, для выявления приоритетности проблем, имеющих важное социальное значение, может быть использован анализ структуры обращений по их темам. Так, обращения, поступившие в Аппарат Губернатора Волгоградской области в 1 полугодии 2016 года,

распределяются следующим образом: вопросы коммунального хозяйства – 3414; вопросы социального обеспечения – 2449; вопросы обеспечения жильем – 1680; вопросы здравоохранения – 3051; вопросы транспорта и дорожного хозяйства – 1272; другие вопросы (7 тем) – 6397 [1]. Очевидно, что социальные приоритеты для жителей региона здесь определены однозначно и могут быть интерпретированы для решения задач государственного управления.

Другим примером «тематического» анализа социальных приоритетов могут служить данные Управления федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) по Волгоградской области. Из 1865 обращений в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в 1 полугодии 2016 г. наибольшее число обращений (533) составили вопросы неудовлетворительных условий проживания, далее идут - санитарное состояние территории – 206, качество и безопасность пищевых продуктов – 112 обращений.

Если говорить о сфере нарушения прав потребителей, то и здесь в общем количество обращений выделяются явные «фавориты»: из 2444 заявлений на нарушения правил розничной торговли пришлось 715, на нарушения при оказании услуг в сфере ЖКХ – 598, а также деятельности на финансовом рынке – 590 [3]. Мы снова обнаруживаем очевидный социальный запрос на урегулирование отношений между гражданами и организациями, на принятие соответствующих решений в конкретных сферах жизни людей.

Во-вторых, социологический анализ обращений граждан дает возможность оценить доверие граждан к органам власти различных уровней. Для этого необходимо сопоставление данных по количеству обращений по схожей тематике в органы исполнительной власти на федеральном, региональном и местном уровнях. Сегодня достаточно четко наблюдается тенденция, когда граждане, не разбираясь в тонкостях распределения полномочий и ответственности между уровнями власти, апеллируют к тому, в кого больше верят. Поэтому часто возникают ситуации, когда обращения по вопросам, касающимся компетенции органов исполнительной власти регионального или муниципального уровней, направляют в федеральные органы власти (например, непосредственно в Аппарат Президента), надеясь, что на федеральном уровне точно решат проблему. Однако, федеральные органы исполнительной власти вынуждены перенаправлять в подведомственные им органы регионального и местного уровня, что занимает определенное время, которое затягивает решение по вопросам обращения гражданина. Таким образом, при условии обеспечения при сопоставлении обращений, адресованных различным уровням власти, может быть получен достаточно репрезентативный ответ на вопрос о степени доверия граждан к местной, региональной, федеральной власти, институту Президента, правоохранительным органам и т.д.

В-третьих, интересным полем для социологического анализа и последующей интерпретации может стать классификация содержания обращений по их целям: жалоба, предложения, инициатива, благодарность. Такое исследование обращений позволит сформировать представление о социальном самочувствии общества, оценить уровень гражданской позиции граждан и их инициативности.

Конечно, при проведении социологических исследований в этой области необходимо учитывать компетенции органов власти, которые будут отчасти «задавать формат» обращений. Например, сформированное в обществе представление о Роспотребнадзоре как «защитнике», будет приводить к преобладанию жалоб в общем массиве обращений. Не случайно, в Волгоградском управлении Роспотребнадзора в 1 полугодии 2016 года 42,8% обращений граждан привели к проверкам и административных расследований подтверждено. По фактам нарушений, выявленных в ходе рассмотрения обращений, возбуждено 521 административное дело, подано 6 исков в суд [3].

Но вряд ли такая ситуация будет приемлема для региональной или местной администрации. Например, проведенный нами анализ показал, что из числа обращений в Аппарат Губернатора Волгоградской области жалобы составили – 63%, предложения – 21%, инициативные предложения – 8 %, благодарность – 8%. Такие результаты весьма показательны для оценки социального самочувствия и гражданской активности населения региона.

Тем не менее, при условии учета названных особенностей, предложенная классификация акцентирует внимание на особой значимости обращений граждан, содержащих инициативные предложения по улучшению тех или иных сфер социальной жизни и тем самым способствующих устранению существующих проблем и обеспечивающих позитивное развитие.

Необходимо отметить тот факт, что использование обращения граждан как массива информации для социологического анализа сегодня ограничено нормативными требованиями к перечню сведений о заявителе: фамилия, имя, отчество и адрес проживания. По нашему мнению, без особых потерь для защиты личных данных, этот перечень может быть расширен такими характеристиками как возраст, социальное положение, сфера занятости. Это позволит получить достоверные и актуальные представления о социальных проблемах в различных слоях общества, обеспечить адресность предлагаемых способов их решения.

Таким образом, введение в предметное поле социологических исследований такого существенного массива информации как официальные обращения граждан в органы власти открывает новые возможности для идентификации социальных проблем, оценки социального самочувствия, потребностей и ожиданий общества. Здесь может быть получена репрезентативная и достоверная информация о вопросах и проблемах, которые актуальны на сегодняшний день и на которые стоит ориентироваться органам власти при подготовке и принятии управленческих решений.

1. *Официальный портал Губернатора и Администрации Волгоградской области. Обзоры обращений [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.volganet.ru/pravitelstvo/rabota/obzor/>*
2. *Сайт Управления федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Волгоградской области. Анализ работы по рассмотрению жалоб и обращений граждан за 1 полугодие 2015 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://34.rosпотреbnadzor.ru/content/180/4050/>*
3. *Сайт Управления федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Волгоградской области. Анализ работы по рассмотрению жалоб и обращений граждан за 1 полугодие 2016 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://34.rosпотреbnadzor.ru/content/180/7412/>*

ОБ УРОВНЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР БОЛЬНИЦЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Петрова Н.Г., Миннуллин Т.И. (санкт-петербург)

По результатам социологического опроса 2/3 (66,2%) опрошенных медицинских сестер выбрали свою профессию, так как хотели помогать людям; 18,1% - так как данная профессия была интересной; для каждого десятого (10,2%) данный выбор был случайным. Большинство (71,9%) респондентов не жалело о своем выборе. В то же время почти четверть высказывала такие сожаления (22,7% - изредка, 3,9% - постоянно). Не хотели менять профессию большинство (88,2%) опрошенных. Почти каждый десятый респондент хотел бы сменить место работы. 68,8% медсестер считали работу трудной в физическом, а 75,0% – в психологическом плане. Социологические опросы сотрудников позволяют формировать целенаправленную кадровую политику.

According to the results of a sociological survey 2/3 (66.2%) of the surveyed nurses chose their profession because they wanted to give help for people; for 18.1% the nurse profession was interesting; for every tenth (10.2%) of them it was a random choice. The majority (71.9%) of respondents did not regret his choice. At the same time, almost a quarter of nurses expressed regret (22.7% - sometimes, 3.9% - permanently). The most (88.2%) of respondents did not want to change the profession. Almost every tenth respondent would like to change jobs. 68.8% of nurses regarded their work as physically hard, and 75.0% - as psychologically hard. Opinion polls allow employees to form a targeted personnel policy.

Одной из актуальных проблем функционирования системы здравоохранения страны на современном этапе является проблема кадрового дефицита, особенно среднего медицинского персонала. Несмотря на ряд предпринимаемых усилий (изменение системы подготовки, увеличение оплаты труда и пр.), кадровый дефицит сохраняется, что, безусловно, не может не сказываться на качестве медицинской помощи. Среди различных направлений кадрового менеджмента важное значение имеет изучение мотивов персонала к выбору той или иной профессии (места работы), а также их смены.

Учитывая это, нами был проведен опрос 120 медицинских сестер одной из крупных больниц восстановительного лечения Санкт Петербурга. Была составлена специальная анкета, включавшая 22 вопроса (как закрытого, так и открытого типа). Анкетирование проводилось анонимно. Полученные данные были сгруппированы, зашифрованы, обработаны с

использованием пакета прикладных программ «Statistica 6». Оценка достоверности полученных показателей и их разности проводилась соответственно путем расчеты величины ошибки и критерия Стьюдента.

В возрастной структуре опрошенных почти треть (31,5%) составили лица 50-59 (31,5%) и 10,2% - 60 лет и старше. То есть, почти половина респондентов была в предпенсионном и пенсионном возрасте, что отражает общую тенденцию к «постарению» кадров среднего медицинского персонала. По стажу работы респонденты распределились следующим образом: у 6,7% из них стаж не превышал пяти лет; у 10,9% - составил от 5 до 10 лет; у 17,5% - 11-20 лет; у 64,9% превысил 20 лет. Значительный стаж (и, следовательно, опыт работы) подавляющего большинства опрошенных позволяет предположить наличие их полной осведомленности по кругу изучавшихся вопросов.

Уровень «отдачи» любого специалиста зависит от многих факторов, одним из которых является приверженность профессии, наличие профессионального интереса. Причем, в идеальном варианте этот интерес должен присутствовать уже на этапе выбора профессионального пути. Учитывая важность этого фактора, мы задали респондентам вопрос о причинах выбора профессии. Полученные ответы, на наш взгляд, были достаточно оптимистичными. 2/3 (66,2%) опрошенных выбрали профессию, так как хотели помогать людям. Для 18,1% опрошенных профессия медицинской сестры была интересной. В то же время для каждого десятого (10,2%) данный выбор был случайным (в 5,5% случаев имелись другие варианты ответов). Распределение ответов на данный вопрос отличалось среди респондентов разного возраста. И, в частности, важно подчеркнуть то обстоятельство, что элемент случайности отсутствовал среди лиц старшей возрастной группы.

Как достаточно положительный можно отметить тот факт, что большинство (71,9%) респондентов не жалело о своем выборе. В то же время почти четверть высказывала такие сожаления (22,7% - изредка, 3,9% - постоянно). 1,6% опрошенных не смогли высказать определенную позицию по данному вопросу. Убежденность в правильности выбора была наибольшей среди лиц 60 лет и старше, 84,6% из которых никогда не жалели о выборе, а минимальной – среди респондентов 30-39 и 40-49 лет (соответствующие показатели составили 66,7% и 67,7%) – наиболее потенциально работоспособной возрастной группы. Последнее обстоятельство не может не настораживать, поскольку эти сотрудники, с одной стороны, сожалеющие о выборе, а с другой, еще достаточно мобильные в профессиональном плане являются «группой риска» возможного ухода из профессии.

На вопрос о том, хотели бы респонденты сменить свою профессию, подавляющее большинство (88,2%) ответило отрицательно. Положительный ответ дали 4,7% опрошенных: 11,8% лиц моложе 30 лет; 8,8% - 40-49 лет; 7,7% - 60 лет и старше. 7,1% не смогли дать однозначный ответ (11,8% респондентов моложе 30 лет; 4,2% - 30-39 лет; 14,7% - 40-49 лет; 2,6% - 50-59 лет). На вопрос о наличии желания сменить профессию во всех случаях ответили отрицательно старшие сестры. Несколько ниже был показатель среди постовых (88,4%) медсестер и работающих во вспомогательных подразделениях (87,9%), и минимален (75,0%) он среди процедурных сестер. Место работы хотели бы сменить 9,5% опрошенных. Большинство же (77,6%) респондентов не хотели таких изменений. 12,9% пришлось на долю тех, кто не смог дать однозначный ответ. Наибольшая «приверженность» месту работы характерна для работников старшей возрастной группы. Мотивация изменения характера или места работы определяется не только изначальными предпосылками ее выбора и самим характером работы, но и условиями профессиональной деятельности, под которыми понимается большая совокупность факторов, включая наличие производственных вредностей, уровень физической и психологической нагрузки, социально-психологический климат в коллективе и прочее.

Оценивая уровень физической нагрузки, более 2/3 (68,8%) опрошенных считали ее высокой; 31,2% - умеренной. Среди респондентов с разным стажем работы минимальной (65,1%) была доля считающих нагрузку высокой при стаже более 20 лет.

Еще большая (75,0%) часть опрошенных считала высоким уровень психологической нагрузки. Психологическая нагрузка особенно тяжело переносилась лицами старшей возрастной группы (среди которых анализируемый показатель составил 84,6%). Кроме того, почти все (94,4%) респонденты отмечали наличие воздействия вредных для здоровья профессиональных физических и химических факторов (5,6% не были уверены в их наличии). При этом более трети (34,9%) опрошенных считали влияние этих факторов сильно выраженным.

На наличие трудностей в работе указали более половины (54,7%) респондентов, причем этот показатель увеличивается с увеличением их возраста. В числе трудностей были указаны: большая физическая нагрузка (и в силу большого количества пациентов, и из-за нехватки специального оборудования, облегчающего уход за ними, и из-за неукомплектованности штатов, особенно младшего медицинского персонала), нехватка площадей (которая особенно волновала сотрудников вспомогательных подразделений), эмоциональная нагрузка, низкая оплата труда, отсутствие достаточной методической помощи, необходимость заполнения большого количества документации, а также случаи недопонимания со стороны руководства.

На вопрос о том, хотели бы респонденты что-либо изменить в своей работе, ответили 81,2% опрошенных. Среди ответивших каждый пятый (19,2%) не хотел бы ничего менять. Более трети (34,6%) считали, что необходимо увеличить уровень зарплаты. 46,2% опрошенных высказали другие предложения, в числе которых: уменьшение нагрузки (особенно для персонала, работающего в «дежурные дни» больницы), улучшение условий работы (увеличение площадей кабинетов, выделение специальных помещений в подразделениях для проведения занятий лечебной физкультурой, специальных помещений для отдыха персонала), материально-технической оснащенности (включая как специальную аппаратуру для лечения пациентов, так и средства малой механизации для персонала, а также компьютерную технику), большая «открытость» руководства для предложений разных категорий сотрудников, создание единой компьютерной базы данных по больнице. Важно подчеркнуть четкость и определенность высказанных опрошенными предложений, касающихся усовершенствования их работы, что свидетельствует и об их заинтересованности в ее результатах, и о наличии понимания своих задач и возможных перспектив.

Таким образом, социологический опрос медицинских сестер показал, что среди части из них существуют неудовлетворенность и своим выбором профессии и местом (условиями) работы, и это представляет реальную угрозу для ухудшения ситуации с кадровым обеспечением отрасли средним медицинским персоналом. Поэтому вопросы кадрового менеджмента, создания стройной системы мотивации сотрудников являются одной из важнейших задач и кадровой службы, и руководства в целом. Одним из его направлений должен быть мониторинг мнения сотрудников и принятие конкретных управленческих решений по его результатам.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Петровская Ю.А. (Петрозаводск)

Цель доклада – показать роль государственных и общественных институтов в обеспечении социального благополучия с точки зрения комплексного подхода, интегрирующего основные положения объективистской и субъективистской социологических концепций благополучия. В докладе представлен анализ теоретических подходов к исследованию субъектов обеспечения социального благополучия, выявлены противоречия, лежащие в основе исследовательской проблемы, выражающейся в нехватке и противоречивости социологических знаний о влиянии социальных изменений на субъективное благополучие индивида и соотношении социального и индивидуального благополучия. Обоснована значимость роли государственных и общественных организаций как субъектов социального благополучия. Исследования проводятся в рамках Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета.

The aim of the report is to show the role of state and public institutions in ensuring of welfare from the point of view of comprehensive approach, integrating the main provisions of the objectivist and subjectivist sociological concepts of well-being. The author presents the analysis of theoretical approaches to the study of social welfare subjects, revealed contradictions that underlie the research problem, expressed in the lack and inconsistency of sociological knowledge about the impact of social change on subjective well-being of the individual and the correlation of social and individual well-being and substantiates the importance of the role of state and public organizations as subjects of social welfare. Research is conducted in the framework of strategic development Program of Petrozavodsk state University.

В последние десятилетия активизировался научный и практический интерес к проблеме социального благополучия и анализу деятельности субъектов, участвующих в его обеспечении и поддержании. В современных условиях социальное благополучие нельзя прямо и исключительно связывать только с уровнем и качеством жизни или степенью совершенства государственной

системы управления. Нельзя не учитывать такие факторы, как ценности и потребности индивида, уровень социальной активности, общественный и индивидуальный социальный капитал, культура и традиции общества.

Основываясь на Конституции РФ [2], одним из основных субъектов социального благополучия является государство в лице органов государственного управления и системы организаций и учреждений в различных сферах общественной жизни, имеющих различную ведомственную принадлежность, а также общественные организации и другие формы гражданского участия. Перенос на изучаемое проблемное поле основные положения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, можно говорить о том, что взаимодействие субъектов социального благополучия эффективно лишь тогда, когда цели субъектов взаимодействия совпадают, когда присутствует взаимное понимание и готовность взаимодействовать.

Многие некоммерческие организации, лишившись зарубежного финансирования в связи с изменением законодательной базы, стали делать акцент на получение государственного финансирования. В настоящее время происходит размывание границ третьего сектора, появление в его составе новых, нетрадиционных субъектов. В частности, бюджетные учреждения разного уровня и созданные при них НКО сейчас активно занимаются фандрайзингом. Неформальные объединения все чаще осуществляют попытки решения различных социальных проблем. В России все большую популярность приобретает социально ориентированный бизнес, чьи возможности в решении социальных проблем зачастую шире, чем у традиционных НКО. Не теряют своей актуальности политические группы, движения, партии. [6]

В январе 2014 года распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти. Среди основополагающих принципов, обозначенных в положениях Концепции, были задачи оптимизации взаимодействия государства и социально ориентированных некоммерческих организаций. [3] В качестве основных направлений государственной поддержки социально ориентированных НКО Республики Карелия можно назвать поддержку их деятельности, ориентированной на укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактику экстремизма и ксенофобии, поддержку коренных народов, на решение задач духовно-нравственного и патриотического воспитания, поисковой деятельности, развития культуры и образования, поддержку людей с ограниченными возможностями и их семей, детей и молодёжи, находящихся в трудной жизненной ситуации, постинтернатного сопровождения детей-сирот, обеспечение безопасности жизнедеятельности населения. [7] Подобные проекты и мероприятия позволяют представителям органов региональной власти, местного самоуправления, социально ориентированных НКО и бизнеса обсуждать вопросы реализации принципов трипартизма в сфере социальной политики, акцентировать внимание на важности гражданских инициатив, информировать о деятельности общественных организаций в сфере обеспечения социального благополучия различных категорий граждан.

На примере Республики Карелия очевидно, что многие НКО оправданно претендуют на профессиональное и компетентное осуществление деятельности в своей сфере. Но этот статус зачастую пока существует только в сознании самих представителей НКО и отдельных, осведомленных субъектов. В то время, как НКО делают то, что невозможно описать в экономической плоскости. В отношении НКО целесообразнее было бы оценивать то, какое воздействие оказывает их деятельность на благополучие общества и отдельного индивида в конкретных социальных условиях, поставив во главу угла долгосрочное влияние их деятельности как участников общественной жизни.

Таким образом, не умаляя роли государственных институтов, социально ориентированные НКО являются одним из значимых субъектов обеспечения социального благополучия общества и отдельных индивидов. Согласно выводам ученых, для того, чтобы ощущать субъективное благополучие, человеку недостаточно испытывать только положительные чувства и эмоции. Ему необходимо также ощущение полноты жизни; осмысленная деятельность, в которую он вовлечен эмоционально и которая позволяет ему ощущать собственную автономность и компетентность; запас внутренних ресурсов, помогающих справляться с жизненными трудностями, ощущение сопричастности к другим, определенный объем социального капитала, наличие поддерживающих отношений и чувства связи с другими. Участие человека в общественных объединениях способствует развитию этих факторов, а третий сектор представляет собой субъект, обращающийся к понятию индивидуального благополучия, направляющий свои усилия на

повышение благополучия, в отличие от государственных субъектов, использующих в большинстве своем экономические критерии оценки результатов своей деятельности.

Действуя в рамках концепции социального благополучия, стремясь к взаимодействию во имя достижения общих целей, все заинтересованные субъекты смогут принимать оптимальные решения с целью их отражения в государственной социальной политике.

1. Бочарова Е.Е., Тарасова Л.Е. Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях / Е.Е. Бочарова, Л.Е. Тарасова // *Современные исследования социальных проблем*. – №8(16), 2012. – Электронный научный журнал. – [Электронный ресурс]. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/bocharova.pdf> (дата обращения: 24.03.2014).
2. Конституция Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/>.
3. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 г. № 93-р. // *Открытое правительство*. – [Электронный ресурс]. URL: <http://open.gov.ru/upload/iblock/37a/37a15dc7026ed84ae9a886bed7eab8a1.pdf> (дата обращения 10.04.2016).
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – №3. – С.121-139.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1, Том 2 / Перевод П. Клюкина. – М.: Изд-во «Манн», 2012-2013. – 1200 с.
6. Пагава И. Российские НКО на пути к устойчивости / И. Пагава, Л. Тихонович, П. Филиппова, М. Черток. – Москва: САФ Россия, 2013. – 26 с.
7. Черненко Е. И. государственной поддержке социально ориентированных НКО в муниципальных образованиях Республики Карелия / Е. И. Черненко // *Самоуправление*. – 2016, №5 (май). – С. 38-41.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
9. Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and Reconstitution of Social Order* / F. Fukuyama. – New York: Free Press, 1999. – 350p.
10. Habermas J. *The Theory of Communicative Action* / J. Habermas. – Vol. I. – Boston: Beacon Press, 1984.
11. Putnam R. *Bowling Alone: America's Declining Social Capital* / R. Putnam // *The Journal of Democracy*, 1995. – Vol. 6. № 1. – P. 65-78.
12. Putnam R.D. *The decline of civil society: How come? So what?* / R.D. Putnam // *The John L. Manion Lecture, Canadian Centre for Management Development, Ottawa, Ontario, 22 February 1996*. – P.4-5.
13. What is well-being? – [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.nationalaccountsofwellbeing.org/learn/what-is-well-being.html> (дата обращения 10.04.2016).

ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД ОБЩЕСТВА

Петрушенко Т.К. (Санкт-Петербург)

В ходе разворачивающегося процесса глобализации и формирования информационного общества образование приобретает характер базисного феномена, когда новая парадигма общественного производства выстраивается вокруг знаний и информации – традиционные функции образования значительно расширяются и дополняются такими характеристиками как фактор селекции и стратификации, необходимость инновационных социальных процессов как условие социального долголетия и самоактуализации личности.

Для динамичного развития страны и повышения конкурентоспособности национальной экономики необходима реализация мер, направленных на инвестиции в человеческий капитал и создание условий для самореализации личности. В настоящее время такой социальный заказ общества дан системе образования. Его целью является формирование личности, способной к творческому поиску механизмов устойчивого развития, преодолению кризисных ситуаций для себя и для общества.

Специалисту в современных условиях неизбежного выбора и преодоления неопределенности следует стремиться к внедрению новшеств, оценивать степень риска и управлять им, совершая нетривиальные действия для достижения эффективных результатов. Взаимосвязь ситуаций и действий, их вероятностный характер обуславливают освоение и создание новых форм трудовой деятельности, развитие различных механизмов жизнестроительства. Эти качества являются особенно востребованными в период нестабильности, неустойчивости хода

общественных процессов, иначе говоря, в кризисные моменты его развития. Способность образовательных учебных заведений следить за ситуацией на рынке диктует необходимость в их восприимчивости к происходящим изменениям. Вероятностный, а возможно и кризисный характер общественного развития обуславливает характер непрерывного процесса развития личности (взаимосвязь ситуаций и действий). Появляется новая потребность, тесно связанная с понятием «риск».

Образование в целом должно обеспечивать адекватную реакцию личности «в разного рода жизненных ситуациях, в том числе в ситуации неопределенности». [1]. Факторы образовательного процесса определяют потребность в поиске творческих решений, в том числе и выхода из кризисных ситуаций как основном качестве специалиста, т.е. в риске, как факторе развития всего учебного процесса. Риск как предпосылка и результат не только собственно трудовой деятельности, но и познавательных процессов, предстает в виде выбора альтернатив самой личности в процессе планирования своего будущего как пути преодоления неопределенности и кризиса. Последствия учебной деятельности вообще невозможно заранее измерить, в характерных для всех сфер современной деятельности условиях неопределенности она предстает как пространство эффективного риска. Философия построения учебного процесса в профессиональном образовании сейчас такова, что образовательное пространство личности предстает как ее рискоориентированная деятельность. Понимание сущности обучения, его целях, структуре, содержании, методах и формах организации образовательного процесса происходит в творческом процессе столкновения разных идей и осмысления доступной информации, поэтому риск становится системообразующим фактором обучения. Если система образования позволяет личности создавать адекватные перспективы на рынке труда, прогнозировать векторы его развития, то она выступает институтом будущего.

Перемены в образовании оказывают влияние на реально существующую систему ценностей в обществе. «Образование – это своеобразная личностно ориентированная биография конкретного общества, а не общества вообще. Его конкретная нагрузка вытекает из специфичности трактовки в данном культурном сообществе таких понятий, как свобода, творчество, из возможностей развертывания их конкретного содержания». [2]. В процессе обучения личность должна осознавать необходимость постоянного накопления знаний, сделать его своим образом жизни. Таким образом, образовательный процесс, с одной стороны, коррелирует с ценностным содержанием, с другой – детерминирован решением задач, с которыми придется справиться специалисту в будущем. Однако основным понятием, отвечающим за активность личности в условиях неопределенности, является «риск». Риск, как возможность возникновения потерь, следует из специфики природы человеческой деятельности, заключающейся в недостижении целей.

Для студенческой молодежи это естественно может выразиться в прерывании учебы, невозможности закончить обучение и получить диплом по специальности, что вполне вероятно в условиях кризиса, охватившего наше общество. 29 % учащихся лично на себе ощутили влияние кризиса. Это выражается в том, что у 28,8% из них возникли реальные материальные затруднения, у 15,3% стало пропадать ощущение перспективы, 15% - экономят на еде, 13,3% - стало сложно найти работу или подработку. Поскольку у 41,7% учащихся в жизненных планах на первом месте стоит завершение учебы, а у трети (29,5%) – продолжение обучения в магистратуре и аспирантуре, то 22,7% из них готовы потерпеть и сосредоточиться на самом главном – завершении учебы. И это при том, что 46,3% учатся на «хорошо и отлично», а 15,5% - только «на отлично».

Ключевым фактором управления риском является деятельностный подход. Полученные в процессе обучения направления формирования и развития способности выносить суждения и предпринимать различные действия ведут к выработке самостоятельного решения возникающих проблем. Необходимо деятельное усвоение содержания образования, а также прогнозирование возможностей его применения в различных ситуациях, включая кризисные.

58% студенческой молодежи считает, что только личные усилия изменят кризисную ситуацию к лучшему. Причем, их возможные действия преодоления кризиса колеблются в самом широком диапазоне. 22% будут активнее искать возможности заработка, 17,1% будут идти путем социального протеста, 12,5% - перейдут в режим жесткой экономии, 12,1% - готовы заняться теневым бизнесом, даже если это будет связано с нарушением закона, 9,1% не будут обременять себя семьей, 8,4% - попробуют заняться мелким бизнесом, 6,7% попросят помощи у родителей и родственников.

Таким образом, стремление к выходу из кризисной ситуации может порождать различную реакцию среди учащейся молодежи, и результатом иметь разные ответные действия. Посмотрим, с чем это связано. Можно предположить, что учащиеся с более высокой успеваемостью будут искать легальные и легитимные выходы, связанные с кризисной ситуацией. И в самом деле, зависимость успеваемости от желания заняться деятельностью, связанной с нарушением закона такова, что половина (50,5%) тех, кто учится на хорошо и отлично будут избегать такой перспективы. Среди студенческой молодежи с более низкой успеваемостью («3» и «4») подобных ответов в 2 раза меньше – 26,4%. Считают возможным для себя заняться противозаконной деятельностью 25% из числа учащихся с невысокой успеваемостью, отличников в этой группе все же 10%.

Видения выхода из кризисной ситуации у учащихся с высокой успеваемостью склоняются больше в сторону позитивных решений вроде активного поиска работы – половина отличников (51,5%), и треть троечников (36,4%), меньшей зависимости от родителей и родственников – 6,8% отличников и 16,4% троечников. Оставить учебу собираются только 2,9% учащихся с высокой успеваемостью. Для сравнения: у троечников этот процент в 4 раза больше – 12,7%.

Вообще из тех учащихся, кто собирается во что бы то ни стало завершить учебу, здравомыслящих людей примерно в 2 раза больше. Так, оценивая причины современного кризиса в России, половина из них (50%) называют общую отсталость страны, треть (31,2%) – указывает на отсутствие внятной стратегии экономического и социального развития страны, 44,2% - на милитаризацию экономики, коррупцию (39,7%), тотальную бюрократизацию управления страной (35,8%), неспособность российских властей вести грамотную экономическую и социальную политику (38,3%). Тогда как из тех учащихся, кто собирается бросить учебу, таких ответов примерно в 2 раза меньше – соответственно 20% этих учащихся называют общую отсталость страны, 20% - милитаризацию экономики, 20% - неспособность российских властей вести грамотную экономическую и социальную политику.

С другой стороны, ответы учащихся с высокой успеваемостью свидетельствуют о том, что у них достаточно высокая степень агрессивности. Другую национальность людей как причину своего агрессивного проявления считают больше трети (35%) отличников и 24,4% учащихся с хорошей успеваемостью. Такую же агрессию эти учащиеся проявляют к культурным различиям среди людей - 36,7% и 47,7% соответственно и к чуждым политическим позициям – 35% и 27,4% соответственно. В тоже время именно отличники и учащиеся с хорошей успеваемостью нетерпимее остальных выражают свое отрицательное отношение к тем, кто считает свою религию единственно верной и выступает против других конфессий – 74,3% и 68,7% соответственно. У остальных учащихся – количество подобных ответов наблюдается в 59% случаев.

Вообще агрессивность не должна стоять в одном ряду с активностью личности, уверенностью в себе. Хотя, безусловно, стремление к успеху, желание добиться собственной самореализации, умение рисковать в неопределенных ситуациях несет в себе активное начало. Все же система образования должна учить разделять эти кажущиеся похожими понятия. Высокий интеллект должен обладать гибкостью и умением общаться, адаптивные способности чрезвычайно важны, чтобы быть адекватным социуму и чтобы оставаться устойчивым. Адаптивность личности к современным социальным условиям базируется на ее мобильности и коммуникативности, а вовсе не на агрессивности. Чтобы избирательно изменять приоритеты и формы социальной активности, следует быть готовым к проявлению социальной адаптации, позволяющей личности встраиваться в разные социокультурные контексты, не теряя своей индивидуальности. Выявление адаптивного потенциала является чрезвычайно важным для личности. Здесь нет и не может быть агрессивности. Сама идея исходит из многообразия и универсальности содержания, как социальной среды, так и взаимодействующей с ней личности.

Коммуникативность, способность к выбору не являются конечным итогом социализации личности. Хотя по мере обретения такого опыта у нее формируется внутренняя готовность к включению в различные современные проекты: осознанное выполнение гражданских обязанностей, участие в общественном контроле, поиск оптимальных вариантов поведения в кризисных ситуациях и т. п.

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. – М.: Изд-во Московского университета, 1979.

2. Долженко О.В. Очерки по философии образования. – М., 1995.

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Петрушина А.К. (Москва)

Современный исторический период отличается форсированным технологическим прогрессом, в котором ключевую роль играет наука. Благодаря научным исследованиям происходит модернизация технологий и появление инновационных идей, которые коренным образом могут поменять социальную систему в целом. Одним из важнейших факторов эффективного функционирования науки является организация профессиональных контактов в академической среде и формирование научной элиты.

В настоящее время все развитые страны стремятся к наращиванию научно-технического потенциала, без которого невозможно усиление мощи государства на мировом уровне. В XXI веке, в рамках современной культуры, научное миропонимание становится доминирующим. Такое мировоззрение базируется на осознании возможности научного прогресса, на понимании того, что развитие человечества связано с достижениями науки. Следовательно, степень развития науки выступает критерием цивилизованности общества.

Помимо того, что роль науки укрепляется в обществе, она укрепляется и в политических процессах. Таким образом, научное сообщество теперь может воздействовать не только на общественное мнение, но и участвовать в формировании внешней и внутренней политики своего государства. Происходит это за счет того, что научная элита стала политическим советником властей, стала неотъемлемой частью политической элиты. Будучи экспертом, высший слой научного сообщества влияет на высших должностных лиц, их окружение, СМИ и на гражданское общество. Но, помимо этого, научная элита все чаще напрямую входит во взаимодействие с политической элитой при помощи прямого участия ученых в политике.

О том, что в управление обществом необходимо использовать труды ученых говорил еще выдающийся французский философ XVIII века Сен Симон. Он считал, что деятельность ученых, прислушивание к их идеям и разработкам приведет к прогрессу, налаживанию общественной жизни.

Следовательно, в настоящее время складывается новая элита для управления обществом, в которой люди науки играют далеко не последнюю роль. Взаимодействие научной и политической элиты становится более налаженным, происходит обмен информацией, результатами интеллектуальной деятельности. А лидирующими учреждениями информационного общества могут стать научно-исследовательские центры, университеты, интеллектуальные институты.

В последнее время в России происходит множество преобразований в научной сфере. Примером является реформы образования и реформы Российской Академии наук. Но, несмотря на это, развитие научной сферы в нашей стране не является передовым. Существует несколько тормозящих факторов, но основным является низкое финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

В развитии науки и научного сообщества огромную роль играет научная элита, это такая группа ученых, которая вносит наибольший вклад в развитие науки, чьи профессиональные результаты имеют большую значимость, признаны научным сообществом. Важным аспектом в теории научной элиты является вопрос о механизме ее формирования и воспроизводства.

Элита формируется путем выделения наиболее выдающихся ученых. В настоящее время существуют следующие критерии научной элиты:

- избрание конкретного ученого действительным членом, членом-корреспондентом, почетным членом академий, научных учреждений и обществ;
- присуждение премий и медалей за научную деятельность;
- включение биографических справок о них в специальные биографические справочники и энциклопедии;
- участие ученых в работе редакционных коллегий, изданий с высоким научным цензом;
- высокий индекс цитирования публикаций ученого членами мирового научного сообщества. [4]

Кроме того, можно выделить еще факторы формирования научной элиты. Их можно разделить на внутренние и внешние.

К внешним факторам относят миграционную мобильность ученых. Трудовая миграция ученых является достоверным средством налаживания крепких и долговечных международных контактов, включения российских ученых в мировое научное сообщество, выход на рынок

интеллектуального труда, привлечение в Россию иностранных ученых, что является важным условием развития науки.

К внутренним факторам можно отнести следующие каналы мобильности – институт образования и институт семьи.

Выбор учебного заведения играет огромную роль в дальнейшей научной деятельности индивида. Во время обучения происходит передача научного и культурного наследия от поколения к поколению, развитие личностных качеств и умений. Проанализировав биографию действительных членов Российской Академии наук, были выдвинуты положения, подтверждающие вышесказанное. Всего действительных членов РАН на момент проведения исследования насчитывалось 479 человек. Анализ был произведен на основании случайной выборки, в которую вошли 150 академиков РАН.

Результаты показали, что подавляющее большинство окончило вузы Москвы и Санкт-Петербурга, несмотря на место рождения. Из чего можно было сделать вывод, что научные достижения ученых напрямую зависят от качества и уровня полученного образования и от тех возможностей, которые перед ними открывают наиболее престижные вузы, такие как: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский физико-технический институт, Московский государственный Институт Международных Отношений при МИД РФ, 1-й Московский медицинский институт имени И. М. Сеченова, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Однако, и в других городах России есть не менее престижные вузы: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Новосибирский государственный университет. Соответственно, получение фундаментального образования является важной ступеней к вхождению круга научной элиты.

Приблизительно средний возраст избрания действительным членом РАН 61 год. А средний возраст действительных членов РАН по заданной выборке – 76 лет. Таким образом, можно сказать о том, что современная российская научная элита является довольно немолодой.

Семья также является фактором формирования как научного сообщества, так и научной элиты. Ведь именно близкие родственники формируют представление о мире. И именно они оказывают в последующем главную поддержку и помощь в выборе дальнейшего профессионального пути.

Важным аспектом при определении формирования научной элиты является равенство возможностей, но не равенство результатов и интеллектуальных способностей каждого.

Основной частью в процессе научного познания является коммуникация в профессиональной сфере. В научную коммуникативную систему входят различные виды межличностного общения и институционализированные организации, которые представляют опосредованное общение. Именно коммуникация в науке поддерживает жизнеспособность научного сообщества и ее элиты, она влияет на продуктивность его профессионального развития.

Коммуникативные связи в науке трансформируются на протяжении всего становления и развития научной мысли. Историческое рассмотрение структуры научного сообщества позволило выявить этапы данного процесса. Началом научной коммуникации можно считать межличностное общение, книгопечатание и обмен письмами, которые сложились в профессиональные объединения ученых, а далее институционализировались в научные сообщества и Академии наук в разных странах мира. Следующим периодом развития стало появление научных периодических изданий и распространение статей. В конце XX века развитие электронных средств коммуникации видоизменило взаимодействие в академической среде.

Анализ формирования современного научного сообщества и научной элиты требует дальнейшей более детальной разработки, так как институт науки постоянно претерпевает изменения, соответственно, научное сообщество тоже модернизируется, соответственно меняются его признаки, цели деятельности и задачи.

1. Кохановский В.П. и др. *Философия науки в вопросах и ответах: Учебное пособие для аспирантов* — Ростов-на-Дону: Феникс, 2006
2. Кун Т. *«Структура научных революций»*. — М.: Прогресс, 1975
3. Лейста О.Э. *«История политических и правовых учений»*. Изд-во «Зерцало», 1999г.
4. Лешкевич Т. *Философия науки: традиции и новации*. М.: «Издательство ПРИОР», 2001.

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Петухова И.С. (Петрозаводск)

Меняющиеся условия общества подталкивают исследователей все чаще обращаться к изучению влияния общественных изменений на социальное благополучие детей. Положение детского населения в Российской Федерации в целом, а также Республики Карелия в частности, характеризуется снижением влияния государственных структур на формирование личности ребенка, утратой роли общественных институтов, ухудшением благосостояния значительного количества семей, неравными стартовыми возможностями детей, ростом насилия, социального сиротства, безнадзорности и беспризорности среди детей и подростков.

Улучшение положения детей, семей с детьми является приоритетным направлением в государственной социальной политике государства на всех уровнях. Реализация государственной политики по улучшению положения детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации обусловлена стоящими перед обществом задачами, определяемыми Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Национальной стратегией действия в интересах детей на 2012 – 2017 годы. Меры государственной поддержки, оказываемые на федеральном уровне, дополняются региональными программами по поддержке детей, которые разрабатываются и регулируются органами республики и включают региональные меры поддержки семей с детьми, различные виды помощи семье.

При оценке благополучия ребенка ключевую роль играет удовлетворение его потребностей. Именно поэтому в качестве показателей детского благополучия на федеральном и региональном уровне применяются экономико-статистические показатели: уровень семейного дохода, заработная плата родителей, занятость членов семьи, питание, охват медицинскими, образовательными, социальными услугами, показатели и пр. Проблема заключается в том, что эти данные не в полной мере способны отразить показатели субъективного и социально-объективного порядка. Важнейшими характеристиками социального благополучия ребенка должны стать те, которые отражают особенности его развития, самоощущения в семье и социуме. Основная проблема при оценке детского благополучия заключается в том, что эти данные трудно поддаются измерению и сравнению. Важно подчеркнуть, что по содержанию социальное благополучие детей многообразно, зависит от окружающей ребенка среды и непосредственно связано с удовлетворением их жизни. В социологии измерение социального благополучия принято связывать с методиками изучения социального самочувствия [1].

Первым шагом при разработке методик измерения детского благополучия является определение индикаторов этого благополучия, которые определяются следующими факторами: материальное благополучие, здоровье и безопасная среда, семейное благополучие, образовательные возможности, взаимоотношение со сверстниками, субъективное благополучие, поведенческие факторы риска, защита и поддержка социально-уязвимых групп детей, участие ребенка в жизни общества.

В Республике Карелия, как и в России в целом, с момента перехода на рыночные отношения происходили процессы, связанные с ухудшением положения социально-уязвимых слоев населения, в том числе детского, что обусловило потребность в дополнительных мерах поддержки. Вместе с тем, различные сферы материальной и духовной жизни оказались не способны адекватно ответить на обостряющиеся проблемы детства. Параметры и тенденции демографического развития, а также показатели, характеризующие различные проблемы детского населения, не отвечают стратегическим интересам республики. Численность населения республики ежегодно сокращается и на начало 2016 года составило 629,9 тыс. человек, что показывает сокращение на 3% по сравнению с 2010 годом.

За последнее десятилетие в Республике Карелия принят ряд важнейших нормативных правовых актов, направленных на предупреждение наиболее серьезных угроз осуществления прав детей, улучшение положения семей с детьми, в том числе и на охрану их здоровья.

Общая численность детского населения в Республике Карелия с каждым годом уменьшается. По состоянию на начало 2015 года количество детей до 15 лет в республике составило 104 932 человек. По данным социальных паспортов органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в Республике Карелия проживает 77 996 семей с детьми.

Результаты исследований, проводившихся в Карелии в 2009-2015 годах показывают, что основными направлениями исследования детского благополучия должны стать: изучение повседневной жизни ребенка; изучение увлечений ребенка; изучение оценки безопасности мест повседневной жизни; изучение учета мнения ребенка при принятии решений; изучение оценки первичного окружения [2].

Анализ здоровья детей и подростков республики показывает тенденцию к улучшению состояния здоровья подрастающего поколения в течение последних пяти лет. Так, постепенно увеличивается доля детей, имеющих первую группу здоровья: 21,8% в 2014 году среди детей дошкольного возраста и 14,9% среди учащихся образовательных школ. Уменьшается доля детей, имеющих хронические заболевания.

В 2015 году по сравнению с 2011 годом отмечается уменьшение числа общеобразовательных учреждений (школы-сады, общеобразовательные школы-интернаты, специальные коррекционные учреждения, учреждения для детей-сирот). В то же время сохраняется тенденция увеличения объектов дошкольных организаций, учреждений начального и среднего профессионального образования, внешкольных и других типов детских учреждений.

Уровень жизни семей, имеющих детей, определяется, прежде всего, социально-экономическими условиями, позволяющими работнику получать достойную заработную плату, способную обеспечить содержание и воспитание детей. Согласно данным Росстата среднедушевой доход населения республики увеличивается – в 2014 году он составляет 22 939 руб. уровень прожиточного минимума в 2014 году составил в целом по Республике Карелия 9319 рублей на человека. В 2014 году доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась по сравнению с предыдущим периодом, составив 14,4%.

Разносторонний и междисциплинарный характер понятия социального благополучия детей, занимающего особую нишу в системе социальной защиты детства, подчеркивает необходимость всестороннего и междисциплинарного анализа с точки зрения теоретико-методологического обоснования и с точки зрения практических подходов к его измерению как на федеральном, так и на региональном уровнях.

1. Балашова Г.К. Опыт применения методики изучения субъективного благополучия в социологическом исследовании // Социология. 2012. № 35. С. 57-89.
2. Григорьева Г.Ф. Индикаторы детского благополучия – вызов для существующей системы защиты детей в Республике Карелия. С. 45.

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Пикус О. (Санкт-Петербург)

В рамках социального взаимодействия, как процесса воздействия индивидов и групп друг на друга, влекущий за собой обмен социальными действиями, немецкий социолог, Г. Зиммель выделял конфликт как одну из основных ее форм.

Этимологическое происхождение слова «конфликт» восходит к латинскому *conflictus* – столкновение и включает в себя ряд синонимичных значений, таких как борьба, противоборство, соперничество, спор и другие.

Научный интерес этого феномена прослеживается в десятках различных дисциплин, но особое место занимает в философско-социологической традиции исследования, в рамках которого выделяют конфликтную и равновесную модели общества .

Равновесная теория определяет конфликт, в широком его значении, как патологию или аномалию в социальной системе и наделяет разрушительным, дисфункциональным потенциалом. В противовес этой концепции, конфликтная модель рассматривает феномен конфликта как атрибут социальных изменений и акцентирует внимание на позитивных функциях последнего. Более глубокий анализ сущностных характеристик конфликта, как социального явления, предполагает исследование его базовых дефиниций.

В отечественной науке конфликт определяется через противоречие. Например, Е.М. Бабосов интерпретирует конфликт как предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами, различными социальными общностями, направленный на достижение социальных, экономических, политических и других целей и интересов, устранение или нейтрализацию соперника и препятствующий реализации интересов последнего .

А.Я. Анцупов социальный конфликт распознает как «острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу» .

Е.И. Степанов рассматривает социальный конфликт через социальное противоречие лишь на стадии его реального разрешения вовлеченными в него субъектами .

Такое отождествление конфликта с противоречием указывает на наличествующую совокупность связей в обществе, которые по своей природе противоположны друг другу и которые устанавливаются либо по доброй воле, либо за счет насилия или принуждения.

Сущность противоречия состоит во взаимоисключении и взаимополагании противоположностей в едином целом, а конфликт есть только один из способ их объединения. Значимым моментом в данной ситуации является осознанность и субъективное восприятие участниками социальных противоречий, породивших конфликт. Таким образом, конфликт представляет собой осознано выбранный негативный способ взаимодействия, с целью установления некоторого единства между существующими противоположностями.

В западной культуре, в силу укоренившихся рыночных отношений, конфликт ассоциируется с терминами «конкуренция» и «борьба». В исследованиях американского социолога, Р. Парка, конкуренция и конфликт едины в своей сопернической природе, а их отличие заключается в способе взаимодействия, так, конфликт есть контактный способ, а конкуренция – бесконтактный. Подобную аналогию отмечали и представители общей теории конфликта И. Боулдинг и Л. Крисберг. По их мнению, конфликт есть конкурентная ситуация, в которой стороны осознают несовместимость своих позиций и каждая стремится занять позицию несовместимую с желанием оппонента.

В целом идентификация конфликта с конкуренцией реализуется посредством борьбы, и интерпретируется авторами, как частные формы этой борьбы, произрастающей из антагонизма. Как отмечал Ю. Делевский, антагонизм есть стремление некоторой силы осуществлять действия противоположные стремлениям другой силы . Схожий акцент наблюдается у одного из классиков конфликтологической парадигмы, Л. Козера, который рассматривал конфликт, как «борьбу за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы, борьбу, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника» .

Подобное противоборство подчеркивает активный характер стремлений конфликтующих сторон и предполагает обязательное осознание субъектами объективных основ их несовместимости или будущих потенциальных позиций, а также аккумуляцию эмоционального потенциала.

Через призму борьбы, но под иным ракурсом определяет социальные конфликты немецкий социолог, Р. Дарендорф. Для автора, они есть основа общественных взаимоотношений, где конфликт - это «любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные (латентные) или субъективные (явные) противоположности» . Таким образом, конфликт есть действие, реализуемое индивидами на основе противоположных и несовместимых целей и ценностей. Это противостояние предполагает агрессивное поведение акторов, направленное друг против друга и не исключает наличия неосознаваемых противоречий.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать наличие большого числа определений социального конфликта, отражающих его различные грани, свойства и характеристики.

С одной стороны, конфликт есть способ достижения чего-то значимого, а с другой - это специфическая форма взаимодействия субъектов. Конфликт, как процесс, отличается утвердительно-отрицательным характером взаимоотношений. Связанно это со стремлением субъекта удовлетворить свои потребности, реализовать интересы и утвердить позицию посредством отрицания интересов и потребностей другого. И как совокупность действий, он способен оказывать на систему и ее элементы не только разрушительный эффект, но и созидательный.

Таким образом, конфликтное взаимодействие в социальном измерении представляет собой особую форму социальных взаимоотношений между индивидами и группами, при которой превалируют действия негативного характера, обусловленные объективными факторами и субъективным восприятием акторов, с целью реализации и защиты собственных интересов и потребностей.

Стоит отметить, что любой конфликт имеет свою специфическую форму существования и многообразие проявлений в различных сферах общества. В условиях социального взаимодействия особое место занимают конфликты в политической среде: «конфликты в политике есть проявление внутренних противоречий политической сферы, которые конечно имеют политическую природу, но также природу социальную, и становятся политическими в силу того, что этот конфликт затрагивает интересы классов». Основанием для политического конфликта является не только столкновение классовых интересов, но и трансформация власти или ее компонентов.

В политологии сущность рассматриваемого феномена раскрывается через противоборство субъектов политики. Так, «политический конфликт – это столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределением, а также с изменением их политического статуса в обществе». Либо это «вид политического процесса, характеризующийся резким противоборством, столкновением политических сил, обусловленным противоположностью их политических интересов, ценностей и взглядов».

Согласно этому подходу, основание политического конфликта коренится в столкновении субъектов политики относительно их взаимного стремления реализовать свои властные интересы путем вытеснения соперника. Первостепенным здесь выступает противоборство, обусловленное некоторыми политическими интересами и целями, но в действительности сам интерес является сознательным элементом любого действия, в том числе и конфликтного. Следовательно, для политического конфликта скорее характерно взаимодействие субъектов в системе власти, выраженное в диаде «властный-подвластный», где первые заинтересованы в сохранении и укреплении своего положения, а вторые, - в его преобразовании, нежели это противоборство по поводу самой власти.

Конфликтологический взгляд на сущность политического конфликта представлен в исследованиях Л.В. Давыдова. В его понимании это «способ негативного взаимодействия субъектов нацеленных на борьбу за изменение и сохранение сложившихся форм и способов принудительного подчинения». По мнению автора, политический конфликт представляет собой специфическую форму взаимоотношений, в которой один из акторов реально или формально исключается из него, а целью подобного взаимодействия является реализация господства и подчинения, предполагающего использование давления и насильственных действий субъектами.

Поскольку отличительной особенностью современной действительности является взаимозависимость и интегрированность разноплановых процессов, в том числе и конфликтных, в работе будет с акцентировано внимание на конфликтном взаимодействии социально-политического характера. Следовательно, социально-политический конфликт есть особая форма взаимоотношений, выраженная в противоборстве между социальными и политическими общностями, и обусловленная их интересами, структурным положением, а также субъективным восприятием с целью изменения или сохранения устоявшейся системы властных отношений.

Итак, сущность социально-политического конфликта заключается в:

1. противоборстве социальных групп, детерминированных их интересами и структурными позициями в оформившейся системе отношений;
2. принудительно-насильственной борьбе за власть и в её перераспределении;
3. том, что произрастает из социальной напряженности и латентной враждебности;
4. неравномерном распределении ресурсов и сил;
5. взаимодействии, обусловленном совокупностью объективных и субъективных представлений субъектов о себе самих и своих оппонентах (ценности, цели, интересы, мотивы);
6. процессе делегирования полномочий, где уполномоченное лицо является законным представителем группы и обладает определенной властью и правом действовать определенным образом.

АНТИПАТТЕРНЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЗНАНИЯ ОБ ЭКОЛОГИИ

Платонов К.А. (Санкт-Петербург)

При всей актуальности объективных экологических проблем в России и мире в контексте развития информационного общества не менее актуален вопрос о трансформации знания об экологии. Структура обывательского и экспертного знания порождает систему представлений, которая оказывает влияние на механизмы принятия решений на различных уровнях. Социальное

управление экологическими рисками – сложный процесс, который должен реализовываться с опорой на общественное мнение и интересы. При этом на него оказывает влияние знание, которое конструируется всеми участниками общественных отношений.

Мнение большинства людей о соответствии знания действительности формируется по большей части не за счёт научного познания, а за счёт доверия, развитие которого обусловлено множеством причин. Прежде всего, речь идёт о доверии экспертным и символическим системам, формирующимся в рамках «институционализированных сред риска». Эта модель описана Э.Гидденсом в работе «Последствиях современности». [2] В контексте экологического знания в качестве символических систем выступают всевозможные показатели загрязнения окружающей среды: статистика, интегральные индексы, «коэффициенты опасности» (ПДК, LD), «рейтинги благополучия» и т.д. В качестве элементов экспертных систем здесь же наибольшее влияние имеют государственные и частные, независимые службы по экологическому надзору и мониторингу, отдельные специалисты-экологи, некоторые экологические журналисты, экологи из академической среды.

Несмотря на разнообразие абстрактных систем, влияющих на формирование знания об экологии, оно остаётся неполным, крайне дисгармоничным и противоречивым, поскольку тематика защиты окружающей среды часто становится поводом столкновения интересов. К тому же, эта проблематика обладает столь существенной когнитивной сложностью, что продуцирует множественные искажения при «переводе» экспертного знания на язык «обывателя». Содержание этих искажений зачастую не только не получает должных разъяснений в СМИ, но иногда даже эксплуатируется в сфере экологической политики.

Когнитивные искажения провоцируют развитие мифологизации и негативной стереотипизации знания об экологии, повторяясь в одном и том же ключе, они постепенно становятся антипаттернами. Теория антипаттернов сформировалась изначально в информатике, программировании и системном администрировании, но впоследствии перекочевала в менеджмент и управление проектами, что делает возможным её применение в социально-гуманитарном знании. [4] Антипаттерном называется непродуктивная форма действия, которая повторяется и воспроизводится в определённой деятельности. К действиям мы относим в частности и перформативные высказывания, имеющие силу действий. [3: 19] Руководство антипаттернами может прослеживаться во многих сферах, влияющих на конструирование знания об экологии: от слухов и манифестаций общественных движений до официальных отчётов и высказываний лидеров мнений. Среди наиболее ярких примеров важно отметить три наиболее важных.

Analysis paralysis (Аналитический паралич). Антипаттерн прослеживается в практиках отчётности некоторых экспертных организаций: по результатам деятельности создаётся предельно формализованная документация, недоступная для понимания непрофессионала. Замещающий паттерн достаточно очевиден: создавать (в качестве альтернативы) иллюстрированные отчёты с инфографикой и разъяснением сложной терминологии.

Golden Hammer (Золотой молоток). Использование одного решения для решения всех проблем. Классическим «золотым молотком» в сфере управления экологическими рисками является озеленение, которое интерпретируется как эффективная мера по улучшению состояния воздуха: его очистке и обогащению кислородом. На абсурдность данного мифа обратила внимание ещё Джейн Джекобс. [1: 109] Замещающий паттерн: интерпретировать экологически ориентированные мероприятия в соответствии с оказываемым эффектом.

Mushroom management (Грибной менеджмент). Очень опасный подход, при котором экспертная организация по тем или иным причинам обязана или стремится отчитываться так, как этого требует заказчик. Предполагает удержание работников в неведении относительно реальной ситуации, «запирание» информации внутри организации. Часто используется во избежание неких санкций от заказчика или утечки «плохой» информации. Замещающий паттерн: способствовать развитию открытых баз данных и источников в свободном доступе, поддерживать медийную активность экспертов-представителей.

Антипаттерны в структуре экологического знания провоцируют недоверие, которое приводит к социальной напряжённости. Противодействие антипаттернам – один из ключей к универсализации знания об экологии. Среди наиболее эффективных мер – развитие экологического образования, гражданской экологической культуры, популяризация эко-технологий, вынесение экологических проблем на общественное обсуждение, выделение

партиципаторных бюджетов на экологические инновации, а также развитие публичных практик освещения экологических программ промышленных предприятий.

1. Джекобс Д. *Смерть и жизнь больших американских городов* / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
2. Гидденс Э. *Последствия современности* / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, вступительная статья Т.А. Дмитриева. М.: Издательская группа «Праксис». 2011. 352 с.
3. Остин Дж. *Избранное. Перевод с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П.* - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
4. Brown W.J., Malveau R.C., McCormick III H.W., Mowbray T.J. *AntiPatterns. Refactoring Software, Architectures, and Projects in Crisis.* John Wiley & Sons, Inc., 1998. 157 p.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ, КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Плешакова А.В. (Волгоград)

Интерес к семье в современном обществе вызван многими причинами, в том числе и тем, что превалирующее большинство общественных проблем зарождается именно в ней. Внимание к институту семьи проявляет не только социология, но и другие социальные дисциплины, такие как психология, социальная психология, социальная антропология и социальная медицина.

В социологической науке семья рассматривается как социальный институт, в котором сплелись воедино разнообразные формы общественных отношений и процессов и которому присущи многочисленные социальные функции. Сложно найти иной социальный институт, который удовлетворял бы такое большое количество разнообразных человеческих и общественных потребностей как семья. Она является социальной средой, в которой разворачиваются основные процессы человеческой жизни и которая настолько связана с жизнью каждого индивида, что накладывает отпечаток на все его дальнейшее развитие.

Институт семьи за последние десятилетия претерпел большие изменения и сегодня можно выделить ряд особенностей, который по-разному оцениваются учеными.

Первая особенность заключается в том, что в большинстве своем семьи сейчас состоят из двух поколений: родителей и их детей. Такие семьи называются нуклеарными. Семей, которые объединяют три-четыре поколения, сейчас очень мало. Вместе с тем, на фоне доминирования нуклеарного типа семьи у нас нередко встречаются и «территориально расширенные» семьи. Как правило, если у молодых супругов еще нет своей жилплощади и не достигнута полная финансовая самостоятельность, то они проживают в одной квартире со своими родителями и в значительной мере полагаются на их помощь.

Второй особенностью является то, что основу современной семьи составляет равноправный, добровольный, свободный от принуждения, вмешательства или давления третьих лиц союз женщины и мужчины. Такую характеристику семьи еще называют эгалитарностью. Современная семья - это союз, который основан на любви, эмоциональном принятии и на взаимной поддержке. Это вовсе не означает, что так не было раньше, но сейчас это стало главным критерием. Современную девушку вряд ли удастся выдать замуж или сосватать без ее воли и желания [7].

Третья особенность семейной системы заключается в ее открытости - сегодня легко вступить в брак и также легко развестись. Правовые, этические, религиозные и социально-психологические барьеры как для создания, так и для расторжения брака сведены к минимуму.

Четвертая особенность современной семьи – это ее симметричность. В такой семье работают и муж, и жена. «Симметричная» семья характеризуется высокой степенью гибкости семейных ролей, что, в свою очередь, дает высокую адаптацию в быстро изменяющихся условиях общества. Жесткое разделение ролей по половому признаку уходит в прошлое. Теперь оба супруга выполняют и лидерские функции, и функции ведомых в зависимости от определенной ситуации и компетенции в том или ином вопросе.

Пятой особенностью является принципиально новая, гуманистическая позиция - это отношение к ребенку как к личности, заслуживающей уважения и права на самостоятельный свободный выбор. Сегодня особое значение в отношениях между родителями и детьми занимают эмоциональная и духовная близость, эмпатия.

В современных условиях семейно-брачные отношения становятся все более чувствительными к изменениям в экономике, политике и в социальной сфере общества. Отсюда те тенденции, которым подвержена семья, и проблемы, ими вызываемые. Среди проблем, которые наиболее распространены в семьях можно выделить следующие.

Более позднее формирование социальной готовности к созданию семьи. Причинами этого выступает увеличение продолжительности обучения (в связи с ростом объема необходимых знаний) и желание сперва сделать успешную карьеру для экономического обеспечения создаваемой семьи.

Увеличение числа разводов. В последние годы Россия по уровню разводов занимает первое место в мире: на 1000 человек населения приходится 8,4 браков и 4,7 разводов. Причем, более 70% разводов производятся в первые пять лет жизни семьи [3]. По мере роста числа разводов возможность того, что они будут компенсированы повторным браком, становится всё меньшей. Только 10% - 15% разведенных женщин с детьми повторно выходят замуж. Вследствие этого возрастает количество неполных семей.

Уменьшение числа детей в семье и общее снижение рождаемости. В настоящее время в России около 90 % семей имеют 1–2 детей, причем 58% семей имеют только одного ребенка. Согласно статистике, для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы половина семей имела по трое детей, а остальные по двое [5]. Однако общество заинтересовано в том, чтобы численность населения возрастала, а не только воспроизводилась. Следовательно, трехдетных семей должно быть больше половины.

Общее снижение рождаемости в России приобретает, в последние десятилетия, масштабы социального бедствия. Так, за последние 15 лет число детей в возрасте до 19 лет сократилось с 38240 тысяч в 2001 году до 31221 тысяч в 2015 году [5].

Проявление социального сиротства. Увеличивается количество детей, брошенных родителями или отобранных у них по закону. Растет число детей, которые убегают из своих семей по причине жестокого обращения с ними или отсутствия взаимопонимания. Все больше появляется малолетних бродяг, попрошаек, увеличивается подростковая и детская преступность. Как показывает статистика, за восемь месяцев 2015 года несовершеннолетними или при их соучастии совершено 39774 преступления, что на 5,6% больше по сравнению с аналогичным периодом 2014 года [6].

Рост семейно-бытовых «криминальных» ситуаций, преступлений. Научные исследования свидетельствуют о том, что семейное насилие в той или иной форме в настоящее время имеет тенденцию к распространению и проявляется сейчас уже в каждой четвертой семье [4, с. 108]. Стоит отметить, что данная проблема очень часто является результатом алкоголизма или наркомании.

Возрастание числа лиц, которые предпочитают альтернативу браку. Среди таких альтернатив выступает: а) одиночество; б) «гражданские» браки; в) материнские семьи - как осознанное решение женщины. Женщина, самостоятельно воспитывающая ребенка - сейчас вполне обычное явление. И даже нескольких детей некоторые современные женщины способны вырастить в одиночку [2, с. 11-18].

Вышеназванные изменения одни ученые считают свидетельством глубокого кризиса института семьи и этот процесс необратим. Другие полагают, что семья скорее находится в процессе трансформации, чем в упадке. За последние годы, действительно, наметились положительные тенденции в области развития института семьи. Растет ценность и рейтинг семьи и прослеживается явный, безусловно, положительный сдвиг в пользу выбора семьи, как оптимальной формы партнерского союза с целью обеспечения необходимых условий для личностного роста и саморазвития [1]. Но насколько глубока и долгосрочна данная тенденция пока не понятно, что свидетельствует о необходимости дальнейших научных исследований.

1. Гурко Т.А. *Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. №4.*
2. Дементьева И.Ф. *Родительство – актуальная проблема современной российской семьи // Социальная педагогика в России. 2016. № 3.*
3. *Демографический ежегодник России.-М.:ФСГС, 2015.*
4. Красненков В.Л., Руднев А.О. *Семейное насилие в отношении женщин // Тверской медицинский журнал. No 6. 2014.*
5. *Российский статистический ежегодник. 2014 -М.:Росстат, 2015.*
6. *Сетевое издание "РИА НОВОСТИ" [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://ria.ru/society/20151014/1301721353.html> . Дата доступа: 28.09.16.*

МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ

Плющ А.Н. (Киев, Украина)

Между субъектом и «объективным» миром имеется посредник – дискурс субъекта, усвоенный в ходе социализации. Под дискурсом понимается отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках. Дискурс может быть ментальным инструментом различной сложности, позволяющим (ре)конструировать социальную реальность и осуществлять управление жизнедеятельностью субъекта в этом мире.

Восприятие информации может быть рассмотрено как процесс, протекающий в трех измерениях (физическое, социальное, ментальное) внутреннего мира потребителя информации: прочтение изолированного текста, являющееся частью социального взаимодействия субъектов (потребителя и автора информации), приводящее к изменению дискурса потребителя. В социальных коммуникациях человек воспроизводит собственный дискурс, на основе его реконструирует дискурс другого субъекта, и как результат конструирует обновленный дискурс. Информация рассматривается как артикулированный фрагмент дискурса автора, и в рамках предложенного тринитарного подхода (мир, субъект, дискурс) она разворачивается в трех измерениях, как последовательность физических знаков, имеющая субъективный смысл в рамках поставленных целей автора.

Соответственно, для каждого измерения информации существует собственный механизм восприятия. В физическом измерении – это распознавание, когда читатель, используя тот же «язык», что и автор, распознает знаки, уже знакомые ему. В социальном измерении, в связи с тем, что различные субъекты могут вносить свои интерпретации информации, механизм восприятия информации – понимание другого субъекта (понимание смысла информации, заложенного другим субъектом). Понимание смысла информации предполагает, что ее получатель достаточно социализирован, чтобы иметь представление о возможности множественных трактовок знаковых текстов. В ментальном измерении основной механизм восприятия информации – это антиципация, поскольку потребитель информации должен реконструировать возможные цели автора информации, которые проявляются не столько в знаках текста, сколько в способах их использования.

Под психологическими механизмами понимаются психические действия, осуществление которых приводит к необходимым результатам. Механизмы могут быть рассмотрены как общие принципы реализации психических действий, как элементарные психологические «сервомеханизмы» (психические действия), служащие материалом для создания более сложных механизмов, как составленной субъектом сложноорганизованной структуры психических действий.

Предложенные базовые механизмы восприятия, в свою очередь, можно анализировать сквозь призму предложенного способа анализа. Распознавание знаков на основе имеющегося дискурса рассматривается как триединый процесс распознавания их частей, контекста, целого. Оно включает в себя последовательность операций: распознавание частей знака, понимание их связей в различных контекстах, наделение знака значением (антиципация предназначения знака как целостности).

Понимание смыслов представляет собой процесс смыслообразования, который включает в себя а) актуализацию сети понятий текстовых единиц анализа, б) выявление семантических связей (локальной связности) в тексте путем конструирования контекстов, в) реконструкцию целостного семантического пространства, позволяющего осуществить понимание смыслов текста [1]. Смыслообразование включает в себя – распознавание смысловых единиц текста, дифференциацию текста на части, которая приводит к пониманию смысла этих единиц и частей текста, антиципацию смыслов текста.

Рассматривая восприятие информации как «текст в тексте» – интерпретация знакового текста в социальном тексте (взаимодействия субъектов) – приходим к тому, что прочтение текста, понимание его смыслов позволяет прогнозировать цели автора. Понимание смысла текста подразумевает распознавание позиции автора текста в социальном пространстве. Конструирование социальных контекстов коммуникации приводит к пониманию множества

возможных позиций интерпретатора, а, значит, и к пониманию множественности возможных трактовок смысла текста. Понимание выбора автором текста позиции в социальном пространстве позволяет предполагать цели автора, исходя из социального опыта потребителя информации.

Организация психологических механизмов восприятия информации воспроизводит универсальную модель развития психологического знания: синкрет – дифференциация – синтез (интеграция на основе повышенной сложности) [2]. В ходе восприятия информации потребитель выделяет структурные элементы текста, реконструирует смыслы текста на основе возможных множественных трактовок элементов, предполагает цели автора, анализируя способы конструирования знакового текста.

Социальный текст (взаимодействие субъектов), в свою очередь, можно рассматривать как часть дискурсивного текста, как отображение жизнедеятельности субъекта в его внутреннем мире. Антиципация потребителем целей применения информации для совершенствования собственного дискурса подразумевает распознавание собственного дискурса, который используется для понимания дискурса другого субъекта. Как следствие – антиципация ценности совместного дискурса, ценности получаемой информации, которая обуславливает процесс восприятия информации. Получается ситуация как в народной сказке: «пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что». Хотя в отдельных случаях ценность получаемой информации может быть задана заранее, но в ходе восприятия приходится доопределять ценность фрагментов дискурса автора информации. Это позволяет потребителю в случае необходимости произвести их конвертацию в существующую организацию собственного дискурса. В такой трактовке восприятие информации предстает как процесс самоорганизации потребителя, позволяющий совершенствовать его дискурс. В ходе восприятия дискурс получателя информации не остается неизменным, что может запускать циклические процессы восприятия, снова и снова реконструируя дискурс автора информации.

Восприятие информации рассмотрено как часть коммуникации с ее автором, в ходе которой осуществляется реконструкция дискурса потребителя, подчиненная предвосхищению потребителем ценности реконструируемого дискурса. Механизмы восприятия информации, психические действия потребителя информации, разворачиваются в трех измерениях его внутреннего мира. Субъект распознает знаки, которые составляют материальную ткань текста. В ходе коммуникации с автором информации происходит понимание заложенных им смыслов, путем реконструкции контекстов текста. В ментальном измерении восприятие информации обусловлено качеством рефлексивных процессов, позволяющих предвидеть цели ее применения, которые могут изменяться в ходе самого процесса восприятия. Результирующим аспектом восприятия информации становится совершенствование дискурса потребителя. Это дает ему возможность строить все более сложноорганизованную модель мира, позволяющую понимать других субъектов и организовывать с ними совместную жизнедеятельность.

1. *Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. М.: Эдиториал УРСС, 2005.*

2. *Гусельцева М.С. Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 3-16.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Подгорный А.С., Килимова Л. В. (Курск)

Необходимость исследования формирования потребностей связана с проблемой отличия в современном обществе истинной от ложной потребности. Существует ряд факторов, формирующих ложные потребности и интегрирующих их в сознание людей и общество в целом. От потребностей следует отличать интересы людей. Однако интерес человека направлен не на непосредственный предмет потребности, а на общественные условия, делающие доступным этот предмет [1]. Ответ на вопрос, какие потребности истинные, а какие ложные, принадлежит самим индивидам, в том случае, когда они свободны, чтобы дать собственный ответ.

Если рассматривать современное общество, опираясь на работы Э. Фромма [2], можно наблюдать полную человеческую несвободу. Наблюдается полная потеря индивидуальности, как в человеческом поведении, так и в мышлении. Члены современного общества становятся неотличимыми от своего окружения, разделяют те же ценности, преследуют те же карьерные цели, приобретают те же товары и услуги, мыслят и чувствуют как почти каждый в их культуре.

Различные факторы, такие как реклама, маркетинг, глобализация культуры, ведут людей по единому течению, в том направлении, угодном системе для поддержания экономики.

Следовательно, именно такое общество сейчас и называется современным обществом потребления. В нем принято идти по наименьшему сопротивлению. Определение социального статуса, в основном, напрямую зависит от материальных благ, происходит замена ценностей. Опираясь на работу Абрамова А.П. [3], были конкретизированы основные характеристики истинных и ложных потребностей.

Истинные: родовые потребности; рациональные потребности; потребность как состояние ощущаемой базовой неудовлетворенности, связанной с условиями существования. Обусловлена человеческой природой и, следовательно, не создается обществом или маркетингом; потребность, которую мы ощущаем безотносительно тому, в какой ситуации находятся другие люди; потребность в знании и понимании чего-либо.

Ложные: мнимое удовлетворение потребности в социальном статусе. Что уже не доставляет удовольствия, но без этого невозможно обойтись, т.к. это «нечто» попадает в область «нормального». Мы ощущаем их тогда, когда удовлетворение потребностей возвышает нас, заставляет нас чувствовать себя выше других. Такие потребности нельзя насытить. Чем выше общий их уровень, тем больше стремление этот уровень превзойти. Люди, чей уровень жизни в абсолютном измерении повысился, часто склонны считать, что их положение ухудшилось, если те, кого они всегда считали объектом сравнения, стали жить лучше, чем они. Невозможно объективно определить уровень, соответствующий удовлетворенности.

Необходимость в маркетинге появилась, когда вместе с нужными товарами, удовлетворяющими реальные потребности, появилась необходимость в формировании потребностей ложных. Для совершения людьми покупок, разумные доводы отменили. Реклама апеллирует к эмоциям и инстинктам, унифицирует потребительские приоритеты, и в то же время подчеркивает дифференциацию населения. Потребление перестало быть рациональным. Реклама стимулирует удовлетворение ложных потребностей. Посредством рекламы и маркетинга, таким образом, формируется «идеальный потребитель».

Сегодня социокультурная динамика смещается от институционализированных, вертикально интегрированных структур к сетевым формам социальности, более соответствующих западным ценностям, моделям поведения [5, 258]. Сейчас речь идёт о глобальном формировании идеального потребителя, полностью лишённого рационального сознания и научных знаний о мире.

В период с мая по июнь 2016 г. нами было проведено социологическое исследование (N=320) с целью определить влияние рекламы на формирование ложных потребностей и потребительский выбор. Данное исследование было проведено методом эксперимента. В качестве ложной потребности нами была выбрана потребность в выборе оператора мобильной связи и интернета. Мы решили выяснить, насколько будут различаться мнения в выборе оператора среди студентов до проведения рекламной акции и после. В ходе эксперимента специально приглашенный специалист – маркетолог рассказывал обо всех преимуществах тарифов с постоплатной системой расчета, и о преимуществах его компании.

В результате исследования было выявлено изменение настроения большей части респондентов, относившейся к рекламируемым услугам негативно, в положительную сторону после проведения эксперимента. Следовательно, большинство людей в современном обществе любую информацию, получаемую, по их мнению, из достоверных источников, а именно из СМИ, от рекламных компаний и т.д., считают за истину и всецело доверяют, строя свои дальнейшие планы на основе этих знаний. Высокий процент респондентов, не знавших или не заинтересованных в рекламируемых услугах, после проведения эксперимента начали испытывать в них потребность. Значит, потребность как таковая вовсе не первична, любую потребность можно сформировать тем или иным образом.

Формирование культуры современного общества потребления необходимо рассматривать через социокультурный подход. Сама личность при социокультурном подходе рассматривается как связанная с обществом как системой отношений и культурой как совокупностью ценностей и норм. И когда ценности заменяются потребительскими, а ложные потребности доминируют, то и сама культура перестраивается. Культура оказывает огромное влияние на социализацию личности, а имея потребительство за основу, она будет стимулировать общество потребления, которое, в свою очередь, с той же целью эту культуру продолжит создавать.

Изменениям подверглась даже такая часть культуры общества, как субкультура, отличающейся своим поведением от преобладающего большинства. Изначально, смысл

субкультур заключалась в формировании групп людей со схожими идеями, принципами и стилем жизни, отличными от общепринятой, доминирующей культуры. Что определяет членов какой-либо субкультуры в современном обществе? Одежда, музыка, определенные места досуга и развлечений и т.д. Идея превратилась в потребительство для отнесения себя к статусу члена определенной субкультуры, что современной экономической системе и выгодно.

В современном обществе появился еще один вид потребности – «инфопотребление». По мнению А. В. Николаева [6], знания, интегрируемые производством в разных формах, являются объединяющим началом всех трактовок, формирующим человеческий фактор. Знания, воплощенные в невещественных объектах, приобретают социально-экономическую форму капитала. Затраты на формирование знаний являются реальными производительными инвестициями. Производительное использование образованного человека обеспечивает получение более высокого дохода в будущем.

По нашему мнению, данный тезис иллюстрирует утилитарно-прагматический, потребительский подход к образованию, в том числе высшему. Это адекватно отражает весь контекст социокультурной среды современного общества, характеризуемого как «общество потребления», основные черты которого обусловлены практикой социальной реализации идеологии постмодерна. М. С. Николаев утверждает, что предметы культуры потребления характеризуются не своим непосредственным назначением, а знаковой функцией [6]. Благодаря ей обладатель той или иной вещи может заявлять о своей принадлежности к определенному социальному слою. Гомогенизация социально-культурных практик под знаком потребительства, в основе которого лежат единые стандарты поведения, рождает все большее количество людей, чьи реальные возможности, опыт и социальное окружение находятся в состоянии антинормии с желаемым положением и с их притязаниями. Приведенная позиция указывает на формирование типа личности – «неквалифицированный потребитель», где присвоение статуса специалиста с высшим образованием выступает символической формой достижения определенных этапов мобильности через симуляцию статуса посредством имитационных практик в системе ВО. Тем самым, в обществе сформировалась проблема разнонаправленности целей конкретных индивидов, получающих образование, и ожиданий общества от результатов их обучения [7, 511].

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С.247

2. Фромм Эрих. Иметь или быть □ Электронный ресурс □ / Эрих Фромм // Либрусек. - Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/356525/read#t1> (дата обращения: 17.08.2016)

3. Абрамов А.П. «Новый «экономический человек»: диалектика традиционных и современных форм экономической мотивации» [Текст] / А.П. Абрамов // *Russian journal of sociology*, 2016, vol.(4), Is.2, pp.38-43.

4. Килимова Л.В. Ценности как конструктивная основа социокультурных практик личности в условиях модернизации социума [Текст] / Л.В. Килимова // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.* – 2012. – № 5-2 (44). – С. 256-261.

5. Николаев М.С. Воспроизводство потребительских социально-культурных практик [Текст] / М.С. Николаев // *Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика.* 2010. Т. 10, вып. 4. С. 23–24.

6. Килимова Л.В. Модернизация системы высшего профессионального образования как социально-экономическое требование развития российской экономики [Текст] / Л.В. Килимова, И.А. Федосова // *Приоритеты системной модернизации России и ее регионов: сб. статей научно-практической конференции / отв. ред. Харченко Е.В.* – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. - С. 483-487.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СМИ

Подорова-Аникина О.Н. (Ухта)

В работе раскрываются некоторые немаловажные условия социальной динамики политических коммуникаций в современной России, рассматривается ключевая тенденция смены роли СМИ в этих процессах.

Все сферы жизнедеятельности общества затянута в современный период глобализации в процесс масштабной интеграции. В современной России огромное внимание исследователи обращают именно процессам демократизации в условиях обновления политических коммуникаций. Особенности политической коммуникации в современном геополитическом

пространстве, ее изменения в начале двадцать первого века представляют собой одну из перспективных междисциплинарных тем для теоретического изучения и прикладного анализа [1].

Бесспорно то, что современные информационно-коммуникационные технологии успешно и молниеносно выводят процесс обмена информацией за государственные и континентальные границы. В этих условиях пространство континентов легко преодолевается. Глобализация часто осуществляется посредством существенного упрощения содержания коммуникационного сообщения и средств его передачи получателю с преимущественным использованием по преимуществу одинаковых для различных культур «естественных» информационных кодов. Существенным для оценки проявлением этой тенденции является прием визуализации коммуникационного сообщения. Всеобъемлющий смысл сообщения несут теперь видимые образы, сопровождающие их тексты сводятся к уровню необязательного или субъективного комментария пользователя. Наглядным примером служит появление в выпусках новостей всевозможных видов «репортажей без слов», «народных новостей», которыми часто называют видео репортажи пользователей/зрителей. Отдельно стоит сказать о функционирующих в пространстве сети Интернет форумах, СМИ и пр.

Нередко следствием визуализации в пространстве СМИ является постепенное вытеснение важной и не визуализируемой информации. Порою масштабное снижение содержательной нагрузки на сообщение СМИ позволяет говорить о превращении телевидения, к примеру, в средство массовой дезинформации в тех участвующих случаях, когда тележурналисты не прибегают к принципу строго следования объективности.

С появлением современных коммуникационных технологий возможности выразить политическое содержание, транслировать информацию за пределы пространства непосредственного общения существенно расширились [2]. Что касается содержания и его невербальной трансляции, то изменения, обусловленные внедрением новейших технологий, сами по себе не так существенны. Коренные изменения коснулись процесса передачи информации.

В условиях глобализации в медиапространстве складывается особый язык. И усиление выразительности средств информационного воздействия нельзя признать достойной компенсацией его обеднения в содержательном плане. Это касается и контента сети Интернет.

Коммуникационные технологии в современном мире разнообразны. На телевидение, как примере одной из коммуникационных областей, подвергшейся радикальной визуализации, наметилась отчётливая тенденция к монополизации. Эта динамика медиапространства вступает в некотором роде в сильное противоречие с информационным плюрализмом, существовавшим в условиях относительной изолированности самобытных политических традиций. Впрочем, нередко тенденциям, действующим в сфере телевизионных СМИ, противостоят динамические изменения, характеризующие медиапространство сети Интернет.

Потеря релевантной информации в непрекращающемся информационном потоке может оказаться в перспективе, если еще не оказалась, самым эффективным способом отвлечения общественного внимания от действительно важных государственных проблем. Безудержный рост количества информации, циркулирующей в СМИ, в современных условиях не равносителен большей информированности населения. Сама информация приобретает не свойственные ей, противоречащие её собственной сущности функции, становясь сложно отделимой от дезинформации.

Важно отметить, что внедрение современных коммуникационных технологий и, в особенности, визуализация политической информации порождают у граждан чувство присутствия и ощущение участия в текущих событиях. Нет нужды доказывать, что это вполне иллюзорно, поскольку речь идет лишь об участии в содержательном. Но в плане переживания оно реально, что открывают широкие возможности для манипуляции.

Все эти процессы ведут к ожидаемому изменению традиционных механизмов политической коммуникации и замене их различными формами включения в одностороннюю коммуникацию, асимметрия которой не вызывает сомнения. Средства массовых коммуникаций позволяют политическим лидерам апеллировать к массам «напрямую», минуя ещё недавно столь многочисленных лидеров общественного мнения, выполнявших важнейшие политические функции. В свете естественных трудностей межкультурного общения наиболее опасной видится возможность превращения дезинформации в глобальный феномен, поскольку сила дезинформированных масс несет определенный риск государственным интересам и безопасности.

1. Подорова-Аникина О. Н. Анализ политических коммуникаций в современной России: интегративный подход // Наука и образование в жизни современного общества : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 ноября 2013 г. : в 18 частях, ч. 2 ; М-во обр. и науки РФ. – Тамбов : Изд-во ТРО "Бизнес-Наука-Общество", 2013. – С. 113-114.
2. Подорова-Аникина О. Н. Коми региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России / Коми региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России: монография / О. Н. Подорова-Аникина, В. П. Милецкий. – Ухта: УГТУ, 2013.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ

Подпорова Н. (Белгород)

Важным фактором гендерной социализации детей и подростков является семья. Являясь первой социальной группой, в которую включается ребенок после появления на свет, семья формирует эмоциональный компонент его образа жизни, который, в свою очередь, накладывает отпечаток на систему отношений ребенка к себе и окружающему миру. Нарушение традиционной структуры семьи – отсутствие одного из родителей (значительно чаще отца) – может приводить к серьезным социально-психологическим последствиям.

В связи с этим, специального рассмотрения заслуживает вопрос о гендерной социализации в неполной семье. Резонно предположить, что отсутствие в ближайшем окружении ребенка одного из родителей, одного из образцов гендерного поведения, будет важным фактором развития его гендерной идентичности.

Подростковый возраст – это важнейший период становления идентичности и усвоения гендерных ролей. Закономерно, что именно в этом возрасте неполнота семьи сказывается на развитии ребенка ощутимее всего. Обедненность и неадекватность представлений о себе, негативное самоощущение подростков из неполных семей, заниженная самооценка наблюдается у большинства подростков из неполных семей.

Целенаправленность процесса гендерной социализации подростков из неполных семей в общеобразовательной школе позволит скорректировать формирование гендерной идентичности подростка, обозначить гендерные нормы, расширить гендерный ролевой репертуар подростков.

Гендерная социализация подростков в общеобразовательном учреждении нами понимается как процесс социального становления и развития личности школьника под влиянием факторов и условий окружающей его социокультурной среды школы с включением его в специально организованные и реализуемые воспитательные мероприятия, с целью усвоения им общественных смыслов и ценностей, норм и стереотипов гендерного поведения, обусловленного гендерным своеобразием, формированием основ гендерного самосознания, результатом которой выступает гендерная культура личности.

К основным направлениям гендерной социализации подростков из неполных семей в общеобразовательной школе, на наш взгляд, можно отнести работу с внешним обликом, межличностное общение, повышение информированности (о нормах поведения, о ролевых функциях и ожиданиях, об отношениях между мужчиной и женщиной и др.), работу с переживаниями (повышение самооценки, снятие тревожности, устранение чувства отверженности родителем, не проживающим совместно и пр.).

Обозначенные элементы выступают качественными характеристиками процесса гендерной социализации подростков из неполных семей в условиях общеобразовательной школы и послужили основой для разработки программы «Гендерная социализация подростков из неполных семей в общеобразовательном учреждении».

Учитывая, что в 12-17 лет подросткам свойственно активное межличностное и межполовое общение, целенаправленный процесс гендерной социализации подростков из неполных семей должен быть, в первую очередь, направлен на:

- формирование основ здорового образа жизни;
- формирование представлений о жизненном предназначении мужчины и женщины, присущих им положительных качествах и чертах характера;
- раскрытие физиологических, психологических и этических особенностей юношей, девушек;
- выработку способности управлять своими эмоциями, влечением;

- развитие культуры межличностного и межполового общения;
- овладение понятийно-категориальным аппаратом в вопросах гендерного общения;
- ориентацию учащихся на духовно-нравственные ценности семьи (духовное единение членов семьи, сохранение семейных традиций, др.);
- подготовку к будущей семейной жизни (супружеству, родительству, выполнению хозяйственно-бытовых функций).

Целью гендерной социализации подростков из неполных семей в общеобразовательном учреждении является стимулирующее воздействие на формирование у них выраженного гендерного проявления.

Задачи:

1. Создание и развитие в школе благоприятной социокультурной среды, направленной на успешную гендерную социализацию: обеспечение осознанного повседневного гендерного проявления в учебное и внеучебное время всеми учениками, как представителями мужского (женского) пола, мужественности (женственности) в отношениях с представителями противоположного пола, в действиях и поступках.

2. Целенаправленное воздействие субъектов образовательного процесса на осознание полоролевого статуса школьников в процессе обучения и определения перспектив жизненного самоопределения, а также побуждение к соответствующим проявлениям, как в учебное, так и во внеучебное время.

Отметим, что увидеть и оценить результаты гендерной социализации подростков из неполных семей возможно через их гендерные проявления. Личность подростка с выраженным гендерным проявлением – молодой человек (девушка) 12-17 лет, который(-ая) выражает себя как носителя мужских (женских) качеств (ответственность, забота, поддержка, трудолюбие, дипломатичность, смелость, сдержанность и др.), осуществляет свою жизнедеятельность на основе культуры взаимоотношений полов (эмпатии, взаимоуважения, этики, принятых норм), поддерживает традиционные семейные ценности (любовь, брак, семья).

Таким образом, эффективность стимулирования гендерной социализации подростков из неполных семей в общеобразовательной школе может быть обеспечена, если:

- гендерное воспитание выступает составной частью всего воспитательно-образовательного процесса, носит системный характер и ориентировано на формирование гендерных ценностей и смыслов школьников;

- стимулирующее воздействие на гендерную социализацию подростков из неполных семей носит индивидуально-дифференцированный характер, учитывает своеобразие и социализированность каждого и осуществляется на протяжении всего периода обучения в школе;

- обеспечивается осознанное повседневное полоролевое проявление в учебное и внеучебное время всеми школьниками и преподавателями, как представителями мужского (женского) пола, мужественности (женственности) в отношениях с представителями противоположного пола, в действиях и поступках; – созданы социально-педагогические условия, необходимые для стимулирования гендерной социализации подростков из неполных семей в условиях школы.

Основными направлениями работы по гендерной социализации в общеобразовательной школе могут стать:

- включение гендерного компонента в содержание учебных курсов как гуманитарного, так и естественно-математического циклов;

- проведение факультативов и специальных курсов по выбору гендерной проблематики («Психологические особенности мужчин и женщин», «Мужчины и женщины в истории и современном мире», «Гендерное знание как путь к гармонии во взаимоотношениях полов», «Брак и семья в современном мире», «Права человека: гендерный аспект»);

- организация исследовательской работы учащихся по изучению гендерных проблем;

- культурно-массовая работа (проведение циклов или отдельных мероприятий, направленных на воспитание ценностного отношения к представителям обоих полов, преодоление гендерных стереотипов и дискриминации по половому признаку);

- информационно-пропагандистская работа (оформление стендов, посвященных гендерным проблемам, выпуск стенгазет, проведение тематических выставок литературы, конкурсов рисунков, плакатов, стенгазет, коллажей);

□ деятельность клубов, кружков и объединений по интересам гендерного направления («Я – настоящая женщина», «Хозяюшка», «Я – настоящий мужчина», «Я – глава семьи», «Мастер на все руки», «Искусство понимать друг друга», «Счастливая семья»).

□ использование в общеобразовательных учреждениях разнообразных видов совместной деятельности учащихся, учителей и родителей; развитие общественных инициатив в форме клубов, работы советов, родительских конференций, бесед за «круглым столом», вечеров вопросов и ответов, творческих мастерских;

□ эффективной формой гендерной социализации в школе может являться создание школ (клубов) «Гармония», «Семейное счастье», «Моя будущая семья» и др;

□ введение в учреждениях образования факультативов и элективных курсов по формированию семейных ценностей, например: факультативные курсы «Культура семейных отношений», «Этика и психология семейной жизни»; курсы лекций «Психология семейных отношений»; спецкурс «Основы гендерных знаний»; правовой практикум на тему: «Проблемы моральной деградации личности (алкоголизм, наркомания, агрессивность, потеря нравственных ориентиров)» и другие.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Подьяблонская Е.С., Савченко И. А. (Москва)

В настоящий момент Москва – это один из популярных и конкурентоспособных городов страны. Он является привлекательным во многих аспектах. Главным является то, что в Москве предоставляется доступ к емкому рынку. Кроме того, к ключевому преимуществу можно отнести высокую концентрацию человеческого капитала: интеллектуального и политического ресурсов. Отличительной особенностью является также скопление высококвалифицированных профессионалов и разнообразие квалифицированной рабочей силы. Москва является центром крупнейшей агломерации - Московской. Здесь сосредоточены транспортный узел Европейской части страны, крупнейший авиационный узел.

Однако, не смотря на такие «яркие» плюсы, в Москве, к сожалению, есть и огромные минусы. Стоимость коммерческой либо жилой недвижимости, а также образования, медицины и т.д. остается на уровне мировых мегаполисов, но качество их остается на низком уровне. Происходит несоответствие стоимости жизни и уровня развития городской инфраструктуры. Как следствие - падение привлекательности для наиболее социальных и профессиональных групп. [1]

наиболее важными проблемами, требующим незамедлительного принятия мер, являются проблемы, преимущественно связанные с экономической сферой: пособия пенсионерам, малообеспеченным и многодетным семьям, а также высокая стоимость жилья. Категория многодетных семей остается по настоящее время наименее обеспеченной, с низким среднемесячным доходом на одного члена семьи. Это ведет к увеличению затрат на первичные нужды, такие как покупка одежды, питание и так далее. Пособия на детей в такой ситуации не играют значительной роли, хотя и дают некоторую прибавку к бюджету семьи. Проведенный нами анализ явно показал как различаются показатели заработной платы, стоимость потребительской корзины и прочие показатели в Москве относительно России в целом.

В сложившейся экономической ситуации, связанной с постоянным ростом цен, удовлетворять потребности семьи, пусть даже самые необходимые (новая одежда, обувь, школьные принадлежности) многодетной семье становится все сложнее. Зачастую бюджет таких семей не предусматривает расходы на образование, на спорт, культурное и духовное образование детей даже в период летних каникул.

Поэтому, важно уделять особое внимание именно этой категории населения, так как государству необходимо обеспечить достойное развитие личности, чтобы создать крепкую основу для будущего страны.

Следующая проблема – жилищная. Она всегда остро стояла в нашей стране, а в настоящее время приобрела особую важность. Многие знают, что существует Федеральная целевая программа «Жилище», чьей целью является улучшение жилищных условий для всех граждан России. Изначально она была разработана как проект, позволяющий дать крупные субсидии семьям, которые крайне нуждаются в материальной поддержке – например, семьям инвалидов, а также гражданам, проживающим в неподобающих условиях. Затем программа разрослась, и вместе с ней расширился и круг ее участников. Одной из самых крупных форм поддержки

является бесплатная земля от государства. Однако для получения этого участка необходимо, во-первых, иметь третьего ребенка, во-вторых, иметь определенный пакет документов, который позволит семье стать участником программы, в-третьих, нужно стать в очередь на получение земли, а это может занять длительное время. В-четвертых, земельный участок предоставляется вне зависимости от места регистрации и проживания членов семьи. По мимо этого, существуют еще много нюансов, связанных с получением и распоряжением этим участком. [3]

Кроме того, немаловажным фактором является тот момент, что процесс получения льгот становится очень бюрократичным. Несмотря на огромный шаг вперед, с введением электронного документооборота и разработки системы государственных услуг онлайн, не учитывается тот факт, что у старшего поколения отсутствуют навыки работы с техникой (компьютерами и т.п.). А если брать во внимание тот момент, что в Москве, как и по России в целом, есть категория одиноких пенсионеров, то это еще и усугубляется тем, что отсутствует элементарная поддержка в процессе оформления документов. А если осуществление электронного оформления невозможно, то на плечи людям ложится бремя хождения «от окна к окну», для получения необходимых справок для оформления льготы.

Проблема, связанная с низкой информированностью населения – еще один пробел в социальной политике государства. Многие программы содействия просто не доходят до населения, и в следствие признаются неэффективными, а, значит, прекращают свое действие. В этом случае оценка важности и значимости программы оценивается неадекватно.

В Министерстве финансов все неустанно твердят о необходимости повышения пенсионного возраста граждан. Специалисты прогнозируют уменьшение коэффициента замещения зарплаты пенсией в 2050 году до 25% (на сегодня этот показатель равен 40%). Доля трудоспособного населения в 2050 году составит 57%, в 2010 году этот показатель был равен 70%. Кроме того, благодаря демографическому кризису 90-х годов и увеличению продолжительности жизни в стране, существует прогноз, что к 2035 году соотношение пенсионеров и работающих граждан составит 1:1. [2] Бывший Министр финансов Алексей Кудрин выступает активным сторонником увеличения пенсионного возраста и обосновывает это социальной стабильностью и сохранением существующего роста уровня пенсий для нынешних пенсионеров.[2]

Однако возникает много вопросов, связанных с такой реформой. Во-первых, низкая продолжительность жизни российских мужчин не позволяет многим из них дожить до пенсии при нынешнем показателе в 60 лет, при дальнейшем увеличении доля не дождавшихся пенсионного обеспечения будет расти.

Во-вторых, вышеуказанная причина может привести к росту зарплат «в конвертах», по причине отсутствия стимула для пенсионных отчислений для многих работников, а значит развивать теневую экономику в стране.

И, в-третьих, людей старшего возраста неохотно принимают на работу: смогут ли найти себе работу и обеспечить себя средствами к существованию люди, возраст которых будет заведомо восприниматься работодателем как «пенсионный»?

Таким образом, мы выявили явные проблемы в социальной сфере, касающиеся социальной поддержки населения.

1. Савченко И.А. Модель социальной политики современной России // Инновационная наука. 2016. №3. Часть 4. С. 192-195.

2. Министерство финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/>

3. Программа «Материнский (семейный) капитал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://materinskiy-kapital.molodaja-semja.ru/>

ИТОГИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2016 ГОДА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Подъячев К.В. (Москва)

Итоги парламентских выборов – тема очень популярная среди прикладных социологов, политологов и разного рода комментаторов; для академической науки эта тематика выглядит тривиальной. Тем не менее, не стоит опускать тот факт, что выборы в Государственную Думу – это необычайно масштабный социологический опрос, по объёмам выборки значительно превосходящий всё, на что могли бы рассчитывать социологи, действуя самостоятельно. Кроме

того, трансформация политической системы всегда является отражением социальных трансформаций, и тенденции развития её, которые можно обнаружить при анализе избирательного процесса, указывают и на общие социальные тренды. Также представляется полезным сопоставить итоги выборной кампании – 2016 с теми данными, которые мы получили в ходе исследований социально-политических и социокультурных процессов в регионах России в 2013 – 2015 гг. [1; 2]. Некоторые итоги проведённого анализа мы и представляем в настоящем докладе.

Итак, первый вывод из прошедших выборов – это бессмысленность протестных выступлений 2011 – 12 годов и всей последующей информационной кампании. Как известно, тогда протестующие вынудили Президента РФ Д. Медведева дать обещание масштабных реформ избирательной системы, и хотя вскоре на пост Президента вернулся В. Путин, эти обещания были в основном выполнены и соответствующие преобразования проведены. Но все либеральные реформы и принятые меры по обеспечению прозрачности выборов, как организационного, так и кадрового характера, если и дали результат, то лишь в смысле повышения уровня их легитимности. Собственно политический итог их был обратен ожиданиям: «Единая Россия» (ЕР) получила на 105 (!) мандатов больше, чем в 2011 году. Также вполне сохранили свои позиции КПРФ и ЛДПР: их результаты по федеральному округу мало отличались от результатов 2011 г., а если они и потеряли в одномандатных округах, то по иным причинам.

А малым партиям не удалось ничего: все в совокупности они получили около 13% голосов, меньше, чем ЛДПР. Двум партиям – Яблоку и Партии роста удалось провести свои кампании весьма ярко, привлечь к участию в них активную молодёжь, притом власти ничем им не препятствовали – но это всё равно не помогло. Причём, если вспомнить, что в марте 2011 года на президентских выборах кандидат «креативного класса» М. Прохоров набрал более 11% голосов, можно видеть, что даже свой базовый электорат непарламентские партии нелиберальной направленности растеряли почти на 2/3. Таким образом, можно констатировать крах либерально-западнического проекта в России. Также можно утверждать, что начавшийся в 2011 году процесс, многими ошибочно принятый за «пробуждение гражданского общества», пришёл к естественному затуханию, как и любое протестное движение каузального характера [4, 158].

Следует обратить внимание и ещё на одно обстоятельство, как-то не отмеченное в поствыборных дискуссиях в СМИ: полное обнуление собственно демократической повестки. Ведь даже партии, претендовавшие на выражение интересов «креативного класса», не решились говорить о таких вещах, как европейские ценности, толерантность, права меньшинств (в том числе ЛГБТ), свобода самовыражения, «демократизация демократии» (Э. Гидденс) и прочих идеомах современного секулярного либерализма.

Но надо отметить и то, что имперская, коммунистическая и националистическая повестки также на этих выборах не сработали. Партии, использовавшие жёсткую антизападную риторику, критиковавшие В. Путина за нерешительность в Донбассе, Сирии и т.п., в сумме набрали больше голосов, чем партии либерального толка, но также потерпели неудачу.

В целом это подтверждает тенденцию, отмеченную нами ещё в ходе проведённых в 2013 – 2015 годах исследований в регионах: избиратель голосует не за партию, а за человека, и конкретные дела безусловно превалируют над идеологическими лозунгами. Наибольший электоральный успех могут иметь либо известные личности, медийные персонажи, либо локальные акторы, уже на протяжении длительного времени работавшие в данной местности и показавшие себя способными успешно решать те или иные конкретные проблемы.

Вообще роль локальных акторов - людей, которые своей деятельностью изменяют социальную реальность в рамках определённой территории – была на этих выборах если и не решающей, то весьма значительной. Можно сказать, что локальный актор, ранее выявляемый лишь в ходе специальных исследований [1, 245] на этих выборах впервые по-настоящему показал себя. И успех ЕР связан с тем, что большинство локальных акторов действовало на её стороне.

Другие же партии смогли добиться какого-либо успеха лишь там, где они также привлекли в свои ряды локальных акторов. Можно предположить, что в тех округах, где победу одержали представители оппозиции, и результат соответствующих партий был выше, чем в среднем по стране. Например, в Ивановской области местное отделение КПРФ активно, деятельно, сотрудничает с локальными акторами и успешно помогает решать конкретные проблемы территорий. И в результате КПРФ получила там больше голосов, чем в среднем по стране. Хороший результат Яблока в Республике Карелия (почти 8%) также подтверждает наше наблюдение о значении локальных акторов: т.к. там несколько авторитетных среди населения деятелей входят в состав партии.

Также вполне можно констатировать, что многопартийность в России не удалась в том смысле, что получить партии западного образца за прошедшее с 1993 г. время не вышло. Вовлечение в ряды ЕР активистов ОНФ дало обширное представительство в Госдуме профессиональных сообществ, заменивших в современных условиях характерные для феодальных обществ страты (сословия); а депутаты-одномандатники восстановили представительство территориальное. Таким образом, Государственная Дума ФС РФ в нынешнем составе будет институтом не партийного, а сословно-территориального представительства. Партии как трансляторы интересов социальных групп у нас не прижились, поскольку таковых интересов не существует. Агрегация интересов происходит не по классам, а по профессиональным и территориальным сообществам, и складывающаяся на наших глазах система вполне адекватна объективно существующей ситуации.

Ещё одно важное наблюдение, теперь получившее достоверное эмпирическое подтверждение – парадоксальное сочетание достаточно высокого уровня недовольства социально-экономической ситуацией со столь сильной поддержкой «партии власти». На наш взгляд, это объясняется тем, что граждане, особенно на уровне локальностей, видят, что власти более-менее справляются с теми задачами, которые они в состоянии решить [3]. Нерешённые же проблемы, как правило, вызваны экзогенными факторами, которые не исчезнут от смены лиц на высоких постах, и люди это понимают. Понимают они и утопизм призывов к «тотальной смене элиты», поскольку никакой полноценной контрэлиты (по Парето), в России не существует. Управленческие кадры есть лишь те, которые есть, и жить нужно с ними, поскольку альтернатива – лишь анархия и хаос по украинскому или даже ливийскому сценарию. Это говорит о гораздо более высоком уровне сознательности и политической культуры жителей регионов, чем принято думать.

1. *Актуализированные ценности современного российского общества / отв. ред. И. А. Халий. – М.: ИС РАН, 2015. – 273 с. / URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4061.*
2. *Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия отв. ред. И. А. Халий. – М.: ИС РАН, 2015. – 183 с. / URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4049.*
3. *Подъячев К.В. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России // Власть. 2014. № 10. С. 129 - 134*
4. *Подъячев К.В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии (сетевой научный журнал). 2012. № 5. С. 145 – 163.*

ПРЕКАРИАТ: НОВАЯ ФОРМА НЕРАВЕНСТВА

Попова А.А. (Москва)

В статье рассматривается проблема социального неравенства на примере формирования нового социального класса – прекариата. Автор раскрывает содержание и структуру понятия «прекариат». Фокусируется внимание на проблеме трудоустройства студентов инженерных университетов и формировании тех компетенций, которые помогут им избежать попадания в класс прекариата.

The article deals with the problem of social inequality on the example of the formation of a new social class - prekariat. The author reveals the contents and structure of the concept of "prekariat". Focusing attention on the problem of employment of university students of engineering and building the competencies that will help them avoid falling into prekariat class.

Социальное неравенство традиционно определяется как существование неравных возможностей для различных лиц в пределах группы или общества и является одной из серьезных социальных проблем современного российского общества. Так 13-19 июля 2015 года в Йокогаме прошел Всемирный конгресс социологов (в нем приняло участие более 6000 человек), в фокусе конгресса – вопрос о социальном неравенстве. Как правило, это относится к гендерной, возрастной или национальной дифференциации, но в данной статье акцентируется социальное неравенство в трудовой сфере на примере рассмотрения такого нового явления в российском обществе как прекариат.

Термин прекариат был введен социологами Пьером Бурдьё и Робертом Кастелем. Бурдьё описывает прекариат как новый режим доминирования, возникающий в результате реструктуризации экономики. Постоянная фрагментация рынка труда создает состояние социальной незащищенности и нестабильности. Появление прекариата, по мнению авторов

термина, обусловлено еще и ситуацией вытеснения стандартной рабочей занятости в пользу проектной работы, базирующейся на краткосрочных контрактах и мобильности рабочей силы в поле увеличивающейся конкуренции. Сама же конкуренция связана с процессами глобализации экономики и притоком дешевой рабочей силы на рынок труда (рост военных конфликтов и связанный с ними приток беженцев только актуализирует эту проблему).

Вплотную идеей прекариата занялся Гай Стэндинг в своей книге «Прекариат: новый опасный класс». Он характеризует новый класс как «состоящий из людей, которые лишены некоторых гарантий, связанных с работой» [1], «новую социоэкономическую группу». В интервью для портала «Отдел кадров» сам Стэндинг говорит, что «прекариат стал частью новой глобальной классовой структуры. Он состоит из миллионов, которые живут в довольно нестабильной ситуации, когда рынок сильно лихорадит и работа то есть, то нет. Отсюда потеря профессиональной идентичности – приходится выполнять работу ниже уровня квалификации, которой обладает специалист...и не имеет никаких социальных гарантий» [2]. Стэндинг как и многие современные исследователи прекариата отмечают, что в данный класс попадают не только низкоквалифицированные рабочие, но и образованные молодые люди, которые пятидневной рабочей неделе предпочитают работу вне офиса, так называемый фриланс (работа вне штата компании). По мнению Стэндинга, прекариат возникает из идеи 1970-х годов о конкурентоспособности, которой способствуют личностный рост и развитие. Это дало толчок для начала формирования нового класса. Отличительными чертами формирующегося класса были и есть – неустойчивый социальный статус и невозможность программировать будущее. Специфичные черты прекариата: нестабильная занятость, низкий уровень зарплаты, слабая социальная защищенность, ограничение возможностей воспроизводства профессиональных навыков, отсутствие прав представительства в политической сфере, заменяемость, работа по контракту. Характерные особенности: нет гарантий занятости, нет пенсий и пособий по безработице, нет медицинской страховки, сужение или отсутствие гражданских, политических и экономических прав.

Прекариат – категория в процессе становления. В самой категории нет четкой иерархии из-за того, что людей, составляющих прекариат условно можно разделить на 2 группы. Первая группа – это те, кто являются заложниками обстоятельств и вынужденно составляют часть прекариата. А первой группе относятся мигранты, пенсионеры, работники низкой квалификации. Вторую группу составляют люди, которые самостоятельно сделали выбор в пользу работы «вне системы». Во вторую группу входят средний класс (креативный класс по Флориде), бэкпэкеры (туристы, совершающие самостоятельные путешествия и нередко подрабатывающие по ходу своего путешествия), фрилансеры (работающие по контракту, осуществляющие сельскую работу), а также люди, продающие свою продукцию через социальные сети (Инстаграмм, сообщества мастеров). Так вице-премьер РФ Ольга Голодец на научной конференции «Модернизация экономики и общества» зафиксировала, что «38 миллионов трудоспособных россиян непонятно где заняты, чем заняты, как заняты»[3]. Так она обозначила фрилансеров и работников теневого трудового сектора. Такого рода явление получило название «неустойчивой занятости» и по разным оценкам около 30% россиян находятся в таком состоянии. По данным Ростата среди россиян наблюдается тенденция роста неформальной занятости. Так за период с января 2013года по сентябрь 2014 года процент фрилансеров вырос с 18,3% до 20,8%. К концу 2014 года в неформальном секторе труда было занято 15,2 миллиона человек, а это 19,2% от численности занятого населения. Нестабильное положение прекариата на рынке труда порождает ощущение социального и трудового неравенства. Российские исследователи отмечают, что к прекариату все чаще и чаще относится молодежь, получившая высшее образование, но не получившая стабильную работу. Ю.В. Голиусова и Н.В. Иващенко акцентируют внимание на так называемое «избыточное образование». Они объясняют этот феномен тем, что выпускник вуза «выходит на рынок труда с завышенными амбициями...» [4]. Действительно, молодой человек, покидая стены родного университета, нацелен на профессиональную реализацию и карьерный рост, но, сталкиваясь с реальным рынком труда, не может трудоустроиться и уходит в проектную работу. Компетенции, которые заложены в образовательные программы не всегда реализуются студентом в профессиональной деятельности или являются избыточными. На выходе мы получаем диссонанс между профессиональными компетенциями, которые ждет работодатель и реально освоенными студентом. Такое положение ведет к формированию внутри прекариата тоже своего рода социального неравенства и расслоения на представителей среднего класса, получивших образование и мигрантов, не имеющих высокой квалификации.

Молодежь, попадая в условия существования прекариата, часто соглашается на низкооплачиваемую работу. Известен пример компании «Макдональдс», которая борется с термином «McJob» (работа в «Макдональдс»). Сам термин широко растиражирован на Западе и даже входит в некоторые словари. По факту, что на Западе, что и в России работа в данной компании воплощает все черты, присущие для профессиональной деятельности прекариата – низкооплачиваемая работа, низкоквалифицированный сектор услуг, короткий срок работы, невысокие перспективы роста. Можно сказать, что термин «McJob» является квинтэссенцией возможных вариантов трудоустройства молодежи в рамках прекариата.

Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), опубликованному в 2015 году, неравенство доходов в части развитых стран достигает рекордного уровня. В докладе особо отмечается, что рост социального неравенства идет вместе с ростом проективного (контрактного) труда без социальных гарантий в большей мере среди молодежи. В условиях социального неравенства и становления прекариата как нового класса получение образования не гарантирует стабильной высокооплачиваемой работы. В этой связи следует отметить, что формирование компетенций в ВУЗе должно быть созвучно рынку труда, на который выходит выпускник. Кроме профессиональной составляющей пристальное внимание и детальную разработку заслуживают личностные и обще культурные компетенции, позволяющие будущему работнику проявлять гибкость мышления, креативность, способность к развитию и нахождению решений вне плоскости своей профессиональной деятельности. Все это многообразие обеспечивает гуманитарный блок в процессе обучения студента. Образование должно давать ответы на вызовы постиндустриального общества, основными требованиями которого можно назвать готовность к самообразованию и самосовершенствованию, профессиональная мобильность, компетентность инженеров и конкурентоспособность на современном рынке труда. В образовательной сфере неотъемлемой частью становится гуманитарная составляющая, прививающая социально значимые качества – высокий интеллект и гибкость мышления, профессиональную культуру, стремление к постоянному профессиональному росту в конкурентной среде и ответственность за последствия собственной деятельности.

В завершении хочется отметить, что современные тенденции говорят о том, что получение высшего образования не является на сегодняшний день гарантией успешной и стабильной работы. Появление и увеличение нового класса прекариата (в данном вопросе акцентировалось внимание на молодежи с высшим образованием, попадающей осознанно или неосознанно в данный класс) сигнализирует о проблеме не только на рынке труда, но и в сфере подготовки выпускника вуза.

[1] Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. *The Precariat: The New Dangerous Class*. Издательство: Ад Маргинем/ Пер. Н. Усова, 2014 – 328с. С. 25

[2]Интервью Стэндинга. Портал «Отдел кадров». Электронный ресурс: <http://otdelkadrov.by/number/2015/9/09201514/>.

[3]Интервью для телеканала «Вести» Электронный ресурс: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1071317>

[4]Голиусова Ю.В., Иващенко Н.В. Избыточное образование в России: социально-экономические последствия // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 18. С. 25-31.

ГЕРОИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Посухова О.Ю. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

В современном российском обществе проявляется тенденция размытия профессиональной идентичности в контексте ее социального признания, следование профессиональному коду поведения, реализации общественного долга. В большей степени это связано не с рыночными объективными факторами, а с субъективными установками - понимание профессии как высокодоходного занятия. Очевидно, что актуализируется кризис профессиональной идентичности. Кризис идентичности обусловлен также и тем обстоятельством, что профессиональная сфера и профессиональные отношения в настоящее время развиваются в условиях прекариатизации, в результате чего идентификация с определённой профессией

испытывает трудности. Поэтому ни одна из моделей профессиональной идентичности не может считаться социально референтной.

В условиях прекариатизации, краткосрочных профессиональных траекторий и готовности к перемене профессиональной деятельности, профессиональная идентичность становится амбивалентной, не совпадает с жизненными стратегиями личности. Если в 90-гг XX в. на стабильную профессиональную идентичность ориентировались массовые бюджетные слои (учителя, врачи и военные) и для них профессиональным маркером выступали такие ценности как профессиональный стаж, верность профессии, то в стратегиях молодого поколения профессиональная идентичность нередко становится маркером зарабатывания денег. Отчасти это можно было бы объяснить тем, что в российском обществе сосуществуют ориентации на традиционную и рыночную профессиональную идентичность. Однако в условиях прекариатизации рыночная идентичность может обрести доминирующую направленность, что может способствовать дестабилизации российского общества на макроуровне.

В сложившейся ситуации интерес представляет обращение к героизму как необходимому компоненту формирования профессиональной идентичности. Это не случайно поскольку наибольшую преданность профессии, выполнение профессионального долга демонстрируют группы с условно называемым «героическим сознанием» занятые в профессиональных нишах связанных с обеспечением не только безопасности, правопорядка, но и функционированием стратегически важных элементов инфраструктуры обеспечивающих нашу жизнедеятельность (врачи, учителя).

Предвидя возражение в том, что героизация связана со спецификой деятельности, высокой степенью риска реализации профессиональных обязанностей, можно говорить, что героизация свойственна не только представителям таких профессий как врачи, военные, защитники правопорядка, но и представителям относительно массовых профессий. Действительно в современных условиях формируется так называемая рыночная мотивация, но ее содержание не может сводиться только к зарабатыванию денег, она включает и своеобразный рыночный дух, приверженность инициативе, поиску новых решений, самоограничению ради развития собственного дела, следование определенным корпоративным нормам и ценностям. Как свидетельствует опыт, наиболее успешными рыночниками являются люди, которые реализуя достиженческие мотивации жертвуют собственным здоровьем, интересами. На этом фоне, героизм можно понимать как норму повседневности, как фактор способствующий преодолению социальных барьеров, как ориентации личности утвердить себя в профессии, стать конкурентоспособным не в пике прекариатизации, а в результате стабильной профессиональной карьеры несмотря на конъюнктурные кризисные обстоятельства. Если судить по динамике профессиональных предпочтений, то профессии менеджера, финансиста и банкира постепенно перестают быть лидерами [1]. И объяснение этому видится не только в ненадежности профессиональной траектории при избытке претендентов на профессиональные вакансии, но и в том, что на первое место выходит человеческий капитал, включающий не только знания и навыки, но и мотивацию. Таким образом, героизм оказывается востребованным в той степени в какой профессиональная идентичность может стать для индивида социальным маркером его статуса. Дело не в том, чтобы воспроизводить сценарий героических и негероических профессий, и не в том, чтобы усиливать спрос на профессиональные ниши традиционно считающимися героическими. Реальные изменения наблюдаются в субъективных установках, в ценностном выборе. Героизм содержит ориентацию на обязательность, на реализации профессионального долга на верность профессии. Дефицит этих качеств обуславливает профессиональную нестабильность. Индивид ориентированной на то, чтобы зарабатывать любым способом является носителем определенной поведенческой стратегии не заинтересованный на интеграцию в профессиональный коллектив и оценивается как аутсайдер, как исполнитель которого можно легко заменить.

В условиях кризиса, ухудшения социально-экономической конъюнктуры важным становится профессиональная стабильность, которая зависит от восприятия профессии, от того каким образом индивид заражен профессиональным духом. В конечном счете выигрывают коллективы, которые используют фактор сплоченности и в этом смысле обладают более высоким адаптивным потенциалом, чем неоднородные в профессиональных ориентациях группы. Ярким примером этому является профессиональная идентичность у представителей правоохранительных органов. 10 июля 2016 г. боевиками в лесу близ села Сергокала были убиты двое мужчин – двоюродные братья Магомед и Абдурашид Нурбагандовых, которые с детьми отдыхали в лесу. Обнаружив у

Магомеда удостоверение сотрудника МВД, один из преступников потребовал от него сказать на камеру, чтобы его друзья ушли из правоохранительных органов. Нурбагандов М.: «Работайте, братья...». Рамазан Абдулатипов заявил о ходатайстве перед президентом РФ присвоить М. Нурбагандову звание Героя России. «Магомед Нурбагандов даже перед лицом смерти не поступился своими принципами», — написал Абдулатипов на своей странице в *instagram*. «Магомед Нурбагандов проявил себя как герой, как офицер, навсегда оставшийся верным присяге и долгу перед Родиной. ... Его поступок - поступок настоящего мужчины, дагестанца, который погиб, защищая честь Родины и мундира, навеки став примером мужества и патриотизма», - добавил глава Дагестана [2]. Благодаря интенсивному информационному воздействию посредством СМИ этими событиями был сформирован благоприятный информационный фон для позитивной идентификации представителей правоохранительных структур со своей профессией, которые по материалам серии интервью, испытали чувство гордости за своего коллегу и принадлежности к этой профессии: «я горжусь, что я полицейский и именно сейчас испытываю чувство сплоченности со своими коллегами».

Героизм как составная часть идентичности востребован на социальной макроуровне, поскольку как показывает опыт, значимые социальные преобразования связанные с возрождением российской школы, науки, здравоохранения, определяются не только объемом финансирования, перспективами повышения доходов, но и возрождением традиции добросовестного отношения к делу, героизма профессии. Речь идет не о героизме одиночек, а о том что для профессиональной мотивации личности профессия представляется делом жизни, делом чести, способом самореализации. Поэтому так важно, чтобы профессиональная идентичность включала героизм как элемент возвышенной профессиональной мотивации как элемент ограничения ради профессии, стремлению нарастить репутационный капитал профессии. Сделать избранную профессиональную идентичность социально референтной. В такой ситуации профессиональная идентичность становится способом мобилизации общества, способствует социальной интеграции, преодолению социального отчуждения. Свидетельством этому можно считать высокий авторитет профессий содержащих массовый позитивный эффект, оправдывающий позитивные ожидания. В российском обществе существует определенный критический настрой к представителям общественных профессий (полиция, учителя, врачи), но никто не подвергает сомнению общественную полезность, и тот уровень героизма который проявляют люди выполняющие свой профессиональный долг.

1. <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/ja-v-juristy-by-poshel-pust-menja-nauchat.html>

2. <http://poluostrov-news.com/magomed-nurbagandov-kazn-rasstrel-polnoe-video/>

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ, ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ

Провоторова Ю.Н. (Петрозаводск)

В современном обществе с каждым годом сохраняется тенденция к увеличению количества некоммерческих организаций, в том числе и социально ориентированных. Наряду с этим увеличивается и роль таких организаций как в жизни конкретных людей, так и в жизни общества. Государством закреплён обширный перечень видов деятельности для некоммерческих организаций и вместе с тем, законодательно установлены меры государственной поддержки таких объединений.

Некоммерческий сектор призван защитить и реализовать интересы граждан, действуя независимо от государства и коммерческих структур. Его существование обусловлено двумя важнейшими обстоятельствами. Во-первых, два первых сектора не удовлетворяют в полной мере совокупный общественный спрос. Во-вторых, мотивы гражданского поведения определяются не только политическими и экономическими интересами. В любом обществе достаточно развиты социальная ответственность и филантропические мотивы. Со своими неудовлетворенными запросами граждане могут обратиться в некоммерческие организации, которые пытаются или обеспечить более весомое и влиятельное представительство различных социальных групп, реализуя, тем самым, механизмы прямой демократии и вынуждая другие сектора, и особенно государственные, эффективнее и результативнее действовать в интересах общества.

Некоммерческие организации в последнее время занимают все более заметное положение в обществе. В последние годы наблюдается тенденция к повышению активности социально ориентированных некоммерческих организаций в различных сферах жизни общества, но, несмотря на то, что число таких объединений и растет, в некоторых направлениях деятельности оно все равно недостаточно для удовлетворения потребностей населения.

В современном российском обществе для многих людей существует некая неясность в определении понятия «некоммерческая организация», однако большинство населения и исследователей придерживаются определения, указанного в законе Российской Федерации «О некоммерческих организациях». Согласно данному закону, под некоммерческой организацией понимается организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками[1].

Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных федеральным законом «О некоммерческих организациях» формах и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации[1].

В последнее время наблюдается тенденция к тому, чтобы рассматривать некоммерческие организации не только в их экономическом смысле, но и изучать их социальную направленность. Так, некоторые исследователи рассматривают некоммерческие организации, в том числе и социально ориентированные, как субъект непосредственно социальной работы.

С 1 января 2015 года вступил в силу закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который открывает огромные возможности для социального предпринимательства[2]. Предыдущим законом, принятым в 1995 году, определялось, что государственные услуги по социальному обслуживанию должны предоставляться государственными и муниципальными органами. С 2015 года государство лишь устанавливает социальные стандарты, и финансирует предоставление таких услуг. Сами заказы на социальное обслуживание распределяются на конкурсной основе, их поставщиками могут быть коммерческие и некоммерческие организации и индивидуальные предприниматели. Тем самым, закон предоставляет возможность некоммерческим организациям, в частности социально ориентированным общественным организациям, стать полноправными субъектами системы социального обслуживания и в целом социальной работы[5:с.438].

Некоммерческая организация обладает некими преимуществами по сравнению с другими субъектами социальной работы. В первую очередь это преимущества, связанные с порядком создания-ликвидации некоммерческой организации, системой взносов и льгот. Кроме того, многие авторы подчеркивают преимущества некоммерческих организаций в оказании социальных услуг (близость к проблемной группе, гибкость, технологичность и организованность, использование разнообразных инструментов, оперативность, быстрое реагирование на проблему, персонификация и адресность помощи, инновационность и т. д.) [4].

Существует несколько теоретических трактовок взаимодействия государства и некоммерческих организаций в обществе. Все их можно условно объединить в три подхода.

К первому относятся трактовки, фокусирующиеся на экономике предоставления социальных услуг, в том числе на анализе рыночных ниш, занимаемых некоммерческими организациями, на сравнениях уровней издержек предоставления социальных услуг частными, государственными и некоммерческими структурами. Иными словами, речь идет об экономической обоснованности существования и деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций[3].

Представители второго направления исследуют социально-политические факторы взаимодействия государства и некоммерческих организаций. Одним из самых ярких представителей данного направления можно считать Роберта Патнэма с его теорией социального капитала. Наличие социального капитала, по мнению Р.Патнэма и его последователей, способствует повышению эффективности государственных программ общественного развития, что обуславливает заинтересованность государства в сотрудничестве с некоммерческих организаций.

В рамках третьего направления в рассмотрение социально-экономических и социально-политических факторов исследователями привносится историческая перспектива, проводятся межстрановые сопоставления. Г. Эспинг-Андерссен обращает внимание на зависимость роли некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг от исторически сложившегося в конкретной стране типа государства, выделяя либеральную, социал-демократическую и

консервативную модель государственного устройства. Л. Саламон и Г. Анхайер полагают, что путь исторического развития и модернизации государства и некоммерческого сектора действует как существенный фактор, объясняющий взаимоотношения последних по поводу предоставления социальных услуг[3].

Согласно зарубежным и отечественным исследованиям, государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций оказывается в основном в двух формах: прямой и косвенной. В Российской Федерации инструментами прямой государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций чаще всего выступают гранты, субсидии, льготные кредиты, социальные заказы. Основным механизмом косвенной государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций является предоставление налоговых льгот для организаций[3].

В настоящий момент, социально ориентированные некоммерческие находятся в процессе своего становления как полноценного субъекта социальной помощи. Законодательно закреплен тот факт, что некоммерческие организации могут выступать в качестве поставщиков социальных услуг, однако не все социально ориентированные некоммерческие организации, как и потребители социальных услуг знают об этом.

1. Федеральный закон « О некоммерческих организациях». - [Электронный ресурс]/Компания Консультант-плюс. - Электрон. ст. – М., 2016. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 25.02.2016).

2. Федеральный закон « Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». - [Электронный ресурс]/Компания Консультант-плюс. - Электрон. ст. – М., 2016. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 25.02.2016).

3. Беневольский, В.Б., Шмулевич, В.О. Государственная поддержка социально ориентированных НПО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. №3. – С.150-170.

4. Воробьева А.А. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях нового законодательства: возможности и проблемы // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.nauka.ru/2016/03/14366> (дата обращения: 19.09.2016).

5. Воробьева А.А. Некоммерческие организации как субъект социальной работы: проблемы и перспективы// NovaInfo.Ru. — 2014. — №28. — С. 437-439.

6. Гимазова Ю.В. Государственная политика в области поддержки и регулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в современной России//Электронный журнал Nauka-Rastudent.ru. 2014. Октябрь [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-rastudent.ru/10/2070/> (Дата обращения: 19.09.2016).

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Проказина Н.В. (Орёл)

Появление новых социальных реалий в современном российском обществе (как, впрочем, и в мировом) качественно меняет и роль социологии в современном обществе, и ее статус. Новые социальные угрозы и риски непосредственно связаны с социальным поведением людей, преследующих индивидуальные интересы и цели. В результате проблема человека и его деятельности в современных условиях выдвигается на передний план [1, с.16]. Таким образом, возникает вопрос о включенности социологического знания в управленческий дискурс.

Повышение роли социологии в современном мире связано с тем, что социологический подход основан на возможности социологии осуществлять построение прогнозных сценариев. Здесь важно опираться на постулаты, сформулированные А. Г. Здравомысловым. В центре внимания этой концепции находится идеи о том, что теория, претендующая на прогноз, должна исходить не столько из желаемого будущего, сколько из действительного настоящего, с одной стороны, а с другой – прогноз должен опираться на анализ реальных альтернатив социальной политики в ее взаимодействии с другими направлениями [2, с. 40-54].

М. К. Горшков констатирует: «Социология является тем ресурсом изменений в общественной жизни и общественных институтов, который сосредоточивает на себе способы рационального осмысления социальных проблем. А это означает, что социология есть не что иное,

как форма самопознания общества» [3]. Характеризуя востребованность социологии властными структурами, М. К. Горшков констатирует, что вопреки социальной аксиоме апелляция власти к социологии должна быть обязательной в тех случаях, когда речь идет о принятии законов общего действия, затрагивающих интересы общества в целом (или, по крайней мере, общественного большинства), сегодня сформировались и действуют особые механизмы принятия стратегических социальных решений [4, с. 39].

Т.М. Дридзе в схеме «Коммуникативное пространство – время управления социально значимыми процессами» описывает миссию социолога – не дать людям разрушить мир и организовать процесс коммуникации в совместном управлении жизнью, в социальном управлении [5, с.5]. Представления Т. М. Дридзе позволяют говорить о значимости и важности социологии в процессе управления социально значимыми процессами.

Д. Г. Подвойский отмечает, что миссия социолога, вторгающегося в публичную сферу, не в практических действиях как таковых, а, скорее, в адекватной научной экспертизе их многочисленных вариаций, шансов, перспектив и последствий [6, с.15]. В работах Д. Г. Подвойского актуализируется экспертная функция.

Поддерживаем позицию Ж. Т. Тощенко и Н. В. Романовского, что «общество и государство сужают свою базу, обедняют себя при принятии любых решений, если не заказывают, не используют данные социологических исследований, а социологи не учат и не просвещают тех, кто претендует на руководство людьми, на управление социальными процессами» [7, с. 28-29].

О. Н. Яницкий уточняет, что главная задача социологии – рефлексия, критическое осмысление происходящего и «возвращение» этого осмысления обществу.

Таким образом, роль социологии в управленческой деятельности государственных гражданских служащих состоит в том, что она позволяет анализировать различные аспекты социальной реальности, социальные действия творцов этой реальности и последствия этих действий в человеческом измерении [8, с. 551]. Социологический подход обеспечивает возможность каждое экономически и политически значимое решение «переводить на язык его социальной и экологической цены» [9, с. 6].

Следует особенно подчеркнуть, что вопрос о том, способна ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения, является дискуссионным. Но центральная линия обсуждения укладывается в представления о том, что социологи, так или иначе, участвуют в выработке знания, влияющего на социальные изменения.

Подчеркнем, что само по себе социологическое знание пассивно, востребовано не в полной мере. Его использование – дело не столько социологов, сколько общества в лице соответствующих организаций.

Возникает вопрос об активной роли социологии и социологов, как, какими средствами они могут наращивать свое влияние в конкретных ситуациях [10, с. 22]. Уместным становится и вопрос о том, какова роль социологии в профессиональной управленческой деятельности государственных гражданских служащих.

В работах К. О. Магомедова содержится утверждение о том, что в современных условиях востребованным является особый тип личности государственного служащего как профессионального работника-управленца, осознающего и воспринимающего современные задачи управления и соотносящего их с задачами общественного развития [11]. Таким образом, актуализируется социологическая составляющая профессионального образования государственных гражданских служащих [12].

Следовательно, актуализируется востребованность социологического подхода в деятельности государственных гражданских служащих с целью расширения представлений об особенностях жизнедеятельности общества. Адекватность и комплексность принимаемых решений во многом определяются тем, насколько широко, полно используется социологическое знание в процессе управления и механизмах регулирования социальной жизни общества. В результате, социологический анализ, социологическая экспертиза обуславливают научное обоснование и формирование представлений о возможных социальных результатах принимаемых решений.

Одной из важных задач для государственных гражданских служащих является выявление и тщательное изучение социальных проблем. Не менее важным и приоритетным направлением выступает и понимание причин, их вызывающих.

Таким образом, существенная роль социологии в профессиональной управленческой деятельности государственных гражданских служащих связана с выявлением социальных проблем и содействием их разрешению.

1. Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Наука, Вече, 2010. С. 16.
2. Здравомыслов А. Г. Ожидание будущего и его прогноз (социологические аспекты) // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М., 2007. С. 40 – 54.
3. Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Всероссийский социологический конгресс. М., ИС РАН, РОС, 2008.
4. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М., 2011. С. 39.
5. Труды Тамары Моисеевны Дридзе: реферативная библиография. М., 2005. С. 5.
6. Подвойский Д. Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат // Социс. 2009. № 5. С. 15.
7. Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессиональная публичная социология // Социс. 2009. № 4. С. 28 – 29.
8. Осипов Г. В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М., 2007. С. 551.
9. Яницкий О. Н. Кризис и социология // Социс. 2009. № 5. С. 6.
10. Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессиональная публичная социология // Социс. 2009. № 4. С. 22.
11. Магомедов К. О. Социологический мониторинг как метод анализа проблем государственной службы // Социология в системе научного управления обществом. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. Москва, 2012.
12. Проказина Н. В. Особенности социологической культуры государственных гражданских служащих // Образование и общество. – 2012. – № 2. – С. 75.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПО ЗРЕНИЮ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Прончев Г.Б., Гончарова И. В. (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 15-03-00435-а) и РФФИ (проект 16-01-00306-а).

С момента основания Всероссийского Общества слепых в 1925 году и на протяжении всего советского периода в нашей стране проводилась серьезная работа в плане поддержки людей с ограниченными возможностями по зрению в социальной, политической, правовой и экономических сферах [1].

После развала СССР, к сожалению, традиции поддержки инвалидов по зрению были нарушены. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенные, например, Т.А. Добровольской, Н.А. Шабалиной (1993 год) [2], П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой (2008 год) [3].

Для восстановления утраченных традиций со стороны научного сообщества в настоящее время предпринимаются серьезные усилия.

А.Ю. Домбровская предложила ряд мероприятий в сфере информационной политики в отношении инвалидов [4]:

- увеличение объема публикаций и репортажей об инвалидах и для инвалидов в средствах массовой информации;
- развитие в материалах средств массовой информации об инвалидах биографического жанра;
- включение в содержание материалов средств массовой информации для инвалидов сведений о возможностях решения той или иной проблемы, жизненного ограничения;
- осуществление средствами массовой информации своеобразного контроля над системой социальной поддержки инвалидов;
- расширение практики информирования средствами массовой информации опыта негосударственной социальной помощи инвалидам;

- расширение практики обратной связи средств массовой информации с инвалидами в виде функционирования специальных программ и рубрик для инвалидов с участием специалистов в области права, психологии и социальной защиты;

- предоставление людям с ограниченными возможностями здоровья возможности участия в создании публикаций и репортажей для инвалидов;

- позиционирование средствами массовой информации социальной группы инвалидов как полноценных и активных членов общества.

Нарастающая популярность социальных сетей в Интернете приводит к очевидному вопросу: насколько возможно восстановление утраченных традиций поддержки слабовидящих через предложенные для СМИ решения А.Ю. Домбровской в виртуальном социальном пространстве?

Развитие тифлокоммуникационных компьютерных технологий позволяет людям с ограниченными возможностями использовать Интернет в социально-бытовой сфере, для коммуникации, поиска работы, в вопросах образования и самообразования. [5, 6].

Существующее нормативно-правовое обеспечение доступности виртуальных социальных сред для инвалидов по зрению позволяет, в теории, данной социальной группе активно участвовать в работе Интернет сообществ [7].

Целью данной работы было проанализировать реальное состояние дел в этом направлении.

По числу зарегистрированных пользователей и распространенности на территории Российской Федерации была выбрана социальная сеть Вконтакте (386 420 800 зарегистрированных пользователей) [8].

Исследования проводились в сентябре 2016 года. При запросе в поисковой строке по слову «слабовидящие» найдено 71 Интернет-сообщество, «инвалиды по зрению» - 20 сообществ, «слепые» - 1762 сообщества, из которых 98 соответствуют проблематике людей с ограниченными возможностями по зрению, «тифлоцентр» - 2, «незрячие» - 116, «люди с ограниченными возможностями по зрению» - нет результатов. С учетом того, что Вконтакте зарегистрировано 316628 (09.2016) сообществ, доля найденных сообществ составляет - 0,13%.

Абсолютное и относительное количество подписчиков исследуемых Интернет-сообществ составляет: «Инвалиды по зрению» (1232 / 0,0003%), «Слабовидящие» (5547 / 0,0014%), «Слепые» (13537 / 0,0035%), «Тифлоцентр» (552 / 0,0001%), «Незрячие» (6406 / 0,002%).

Полученные данные свидетельствуют о том, что доля всех участников сообществ слабовидящих составляет менее одного процента. При этом необходимо уточнить, что среди подписчиков есть как люди с ограниченными возможностями по зрению, так и здоровые.

Абсолютное и относительное содержание контента составляет: «Общественные организации» (62 / 20,3%), «Государственные службы» (52 / 16,9%), «Коммерческие структуры» (53 / 17,2%), «Пользовательский контент» (140 / 45, 6%).

Общественные и государственные организации представлены публичными библиотеками, фондами поддержки незрячих и слабовидящих, школами-интернатами и другими образовательными структурами. Наиболее значимые «Молодежное движение инвалидов по зрению» - 655 участников (2,4%), «Библиотека для слепых и слабовидящих, СПб» - 1767 участников (6,5%), Тифлоцентр «Камерата» - 545 участников (2%). Всероссийское общество слепых в различных городах включает 20 сообществ (6,5%) с общим числом подписчиков - 741 (2,7%).

Коммерческие структуры размещают на страницах своих сообществ информацию о компьютерном оборудовании и программном обеспечении для слабовидящих. Например, сообщество «RIW-приложение для незрячих и слабовидящих» - 273 участника (1%), «Oriense-устройство для незрячих и слабовидящих» - 263 участника (0,96%), «Смартфоны для незрячих» - 25 участников (0,09%). Выделяются сообщества незрячих массажистов - «Ассоциация незрячих массажистов» (25 участников (0,09%)), «Коллегия незрячих массажистов» (35 участников (0,13%)), «Мануальная терапия СПб незрячий массажист (217 участников(0,8%)), «Незрячие массажисты» (69 участников (0,25%)).

Пользовательский контент, созданный самими пользователями социальной сети, наиболее значимый по объему и тематике представленных сообществ: новости, досуг, образование, культурно-просветительская деятельность, здравоохранение, трудоустройство, спорт, благотворительность.

Среди подписчиков наиболее популярные группы: «Экскурсии с незрячим гидом – Осязаемый Петербург» - 1225 участников (4,5%), «Проблемы незрячих пользователей сайта vk» -

781 участник (2,9%), «Слепые и слабовидящие! Обмен информацией» - 174 участника (0,6%), «Группа для слепых и слабовидящих. Я все могу» - 370 участников (1,36%), «Незрячие люди» - 600 участников (2,2%), «Спорт незрячих» - 64 участника (0,2%), «Танго для незрячих» - 98 участников (0,35%).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, что несмотря на небольшое количество участников, процесс восстановления утраченных традиций поддержки людей с ограниченными возможностями по зрению в современной России начался. Имеется серьезная нормативно-правовая база. Социальные сети (например, Вконтакте) могут являться инструментом, способствующим социальной адаптации и интеграции инвалидов по зрению в гражданское общество.

1. *Всероссийское общество слепых / Интернет-ресурс <http://www.vos.org.ru>. Режим доступа 15.09.2016.*
2. *Добровольская Т.А., Шабалина Н.Б. Социально – психологические особенности взаимоотношений инвалидов и здоровых // Социологические исследования, 1993, № 1, С. 62 – 66.*
3. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социологические исследования, 2010, № 9, С. 50 – 57.*
4. *Домбровская А.Ю. Роль средств массовой информации в процессе социальной адаптации инвалидов в современной России / Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, Орел, 2006, 169 С.*
5. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В. Об обучении инвалидов по зрению работе с современными информационно-коммуникационными технологиями // Право и образование, 2016, № 5, С. 58 – 64.*
6. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б. Виртуальные социальные среды для людей с нарушением зрения // Политика и общество, 2015, № 5, С. 586 – 590. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.5.15324*
7. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Кричевер Е.И. Нормативно-правовое обеспечение доступности виртуальных социальных сред для инвалидов по зрению // Современное право, 2016, № 4, С. 62 – 67.*
8. *Социальная сеть Вконтакте / Интернет –ресурс <https://vk.com>. Режим доступа 15.09.2016.*

ДИСКРИМИНАЦИЯ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Прохода В.А. (Москва)

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Особенности социального капитала в регионах России: возможности эмпирического анализа», №14-03-00338а).

Эмпирической базой для настоящего материала послужили результаты седьмой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2014 г. «ESS» - проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран. В России в 2014 г. было опрошено 2445 человек.

Ранее нами отмечалось, что в России наблюдается противоречивая ситуация, связанная с дискриминацией. С одной стороны Россия оказывается в числе европейских государств, характеризующихся сравнительно небольшими масштабами дискриминации. С другой, россияне чаще жителей других европейских государств констатируют отсутствие защищенности прав меньшинств в стране [3]. Отметим, что отсутствие защищенности прав меньшинств само по себе не означает дискриминации, однако может являться одним из способствующих факторов. На таком фоне представляет интерес рассмотрение масштабов и форм дискриминации в российских федеральных округах (макрорегионах).

Для выявления масштабов дискриминации респондентам задавался следующий вопрос: «Считаете ли Вы, что принадлежите к такой группе людей, которая испытывает в (название страны) дискриминацию, то есть предвзятое отношение, нарушение равных с другими прав?». Вопрос предусматривал три варианта ответа: «да», «нет», «затрудняюсь ответить». В целом по России о своей принадлежности к дискриминируемой группе заявляет каждый двадцатый (5,2%) опрошенный, что несколько меньше чем в 2012 году (6,6% респондентов). Полученные данные позволяют констатировать, что российские федеральные округа весьма дифференцированы по масштабу распространения дискриминации. Максимальных масштабов дискриминация достигает в Северо-Кавказском ФО – 11,2% респондентов. Далее с существенным отрывом расположились:

Сибирский ФО – 7,3% респондентов; Центральный ФО – 6,3%; Южный ФО – 5,2%; Уральский ФО – 4,3%; Приволжский ФО – 4,1% опрошенных. Реже остальных заявляют о дискриминации жители Северо-Западного ФО – 0,8% респондентов. Отметим, что в Дальневосточном ФО о принадлежности к группе, испытывающей дискриминацию не заявил ни один респондент. При этом 3,9% опрошенных затруднились с ответом. Объяснение подобного результата требует проведения дополнительного исследования.

Анализируя масштабы дискриминации в российских федеральных округах, важно учитывать возможность смещений в ответах опрошенных, являющихся следствием так называемой «спирали молчания». Респонденты с меньшей вероятностью высказывают собственное мнение по затрагиваемой проблеме, если чувствуют, что находятся в меньшинстве, поскольку боятся возмездия или изоляции [2, 14]. Проценты могут быть несколько занижены и потому, что мигранты (прежде всего, нелегальные), зачастую выступающие объектом дискриминации, имели минимальные шансы попасть в выборку.

Выявить региональную специфику позволяют данные о признаках, выступающих в качестве основы для дискриминации. Респондентам, отметившим свою, принадлежность к группе, испытывающей дискриминацию, задавался вопрос: «По какому признаку эта группа дискриминируется». Ответы респондентов представлены в таблице. Чтобы не перегружать таблицу, приводятся данные только по наиболее часто упоминаемым признакам, выступающим в качестве основы для дискриминации. В их число не попали гражданство и сексуальная ориентация. В целом по России в качестве основы дискриминации респонденты наиболее часто указывали национальность (1,8%), возраст (1,1%), конфессиональную принадлежность (0,8%). Эти же признаки упоминались россиянами чаще всего при опросе в 2012 году, что свидетельствует об устойчивости полученных результатов.

Таблица

Признаки, выступающие в качестве основы дискриминации
(% от числа опрошенных в каждом ФО/ России в целом)

Федеральный округ	Основа дискриминации						
	Раса	Язык	Националь- ность	Религия	Пол	Физич. Недостатки	Возраст
Северо-Западный	0,4	0	0,4	0	0	0	0,4
Центральный	0,6	0,6	1	0,7	0,8	0,3	1,8
Приволжский	0,2	0,4	1,3	0,4	0	0,2	0,6
Южный	0,4	0,4	1,6	1,6	1,2	1,6	0,8
Северо-Кавказский	0	3,5	9,8	4,2	0	0	0
Уральский	0	0	1,8	0	0,6	0	0
Сибирский	0,7	1	2,7	1	0,3	0,7	2,3
Дальневосточный	0	0	0	0	0	0	0
РОССИЯ	0,4	0,6	1,8	0,8	0,4	0,4	1,1

Проведенный иерархический кластерный анализ позволил разделить российские ФО на три кластера. Первый кластер включает в себя Северо-Кавказский ФО, сильно выделяющийся на общероссийском фоне. В округе фиксируются максимальные среди российских макрорегионов показатели дискриминации по этнической принадлежности - 9,8% респондентов. Это более чем в пять раз больше, чем процент по России в целом. Отметим, что по данным Росстата округ является единственным, где этнические русские составляют меньшинство населения по сравнению с представителями других этносов вместе взятыми [1]. Проследить связь дискриминации с этнической принадлежностью опрошенных в округе не представляется возможным из-за относительно небольшой численности представителей отдельных этносов. Сравнительно меньшие масштабы распространения в округе получили виды дискриминации, опосредованно связанные с национальностью опрошенных, – дискриминация по религиозной принадлежности (4,2% респондентов) и языку общения (3,5% респондентов). В сравнении с другими российскими макрорегионами эти показатели в Северо-Кавказском ФО достигают максимальных значений и существенно превышают проценты по России в целом.

Во второй кластер попали Центральный ФО, Южный ФО и Сибирский ФО. Их характеризуют максимальные показатели дискриминации по возрасту и наличию физических недостатков, сравнительно высокие показатели дискриминации по религиозной принадлежности,

национальности, языку общения, расе. Возрастная дискриминация в этих федеральных округах, как и в стране в целом в большей степени касается представителей старших возрастов. Так средний возраст респондентов, отмечающих дискриминацию по возрасту в Центральный ФО – 54,9 года, в Южном ФО – 49,5 года, в Сибирском ФО – 67,4 года. Для сравнения среди опрошенных, констатирующих отсутствие возрастной дискриминации, соответственно по упомянутым округам, средний возраст составил – 46,6 года, 46,2 года и 45,7 года. В Южном ФО в сравнении с другими макрорегионами оказалась больше доля респондентов, относящих себя к группам, дискриминируемым по полу (1,2% опрошенных) и наличию физических недостатков (1,6% респондентов).

Третий кластер объединил относительно благополучные в плане дискриминации макрорегионы (Северо-Западный ФО, Приволжский ФО, Уральский ФО и Дальневосточный ФО). Внутри группы «благополучных» федеральных округов несколько выделяется Уральский ФО, где в качестве основы дискриминации 1,8% респондентов указывают национальную принадлежность, а 0,6% опрошенных – пол, при этом остальные критерии вообще не упоминаются.

В заключение отметим, что в публикации рассматриваются лишь некоторые аспекты затрагиваемой проблемы, ее глубокое всестороннее изучение требует проведения масштабных сравнительных социологических исследований на уровне российских макрорегионов.

1. *О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 04.10.2016).*
2. *Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./ Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. - М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. - 352 с.*
3. *Прохода В.А. Дискриминация в европейских странах: масштабы, признаки, модели // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики/ Под общей редакцией Ж.Т. Тоценко. М.: РГГУ, 2016. С. 434 – 440.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Пугач В.Ф. (Москва)

В работе рассмотрены такие характеристики социокультурной динамики преподавательского состава вузов России, как должностная, гендерная и возрастная структуры, их динамика в постсоветский период.

Численность штатных преподавателей в государственных вузах России в 2014 г. составила 272 тыс. чел., т.е. примерно такая же, как в первые годы XXI века. Между этими датами наблюдался значительный рост с максимальными значениями, свыше 340 тыс., в конце первого десятилетия [1, С. 137].

Должностная структура основного штатного персонала претерпела значительные изменения. Доценты в постсоветское время традиционно занимают максимальную долю в должностной структуре. Их доля выросла с примерно трети в начале 90-х годов до почти 48% в 2014. Однако самые значительные изменения коснулись профессоров, преподавателей и ассистентов. Максимальная кратность изменения – рост в 2,1 раза – отмечена у доли профессоров, которая выросла с 6 до 13%. В то же время вдвое уменьшилась доля преподавателей и ассистентов – с 23,4 до 11,7%. В результате таких разнонаправленных тенденций в представительстве профессоров, преподавателей и ассистентов в 2014 г. впервые профессоров в российских вузах оказалось больше, чем преподавателей и ассистентов [1, С. 138].

Изменения в должностной структуре вузовских преподавателей выглядят еще более значимыми, если сравнить современные данные с советским периодом. В 1989 г. доля профессоров была менее 3%, а преподавателей и ассистентов – 34,5%, т.е. кратность между ними была более 10 раз [2, С. 7]

Гендерный состав преподавателей российских вузов также претерпел значительные изменения. На фоне медленного роста доли женщин среди преподавательского состава вузов как общемировой тенденции феминизация в России происходит более быстрыми темпами.

В течение постсоветского периода (1995 – 2013) наблюдалась явная тенденция к росту доли женщин среди штатного преподавательского состава государственных вузов России. В этот период произошел переход от ситуации «женщин меньше, чем мужчин» - 44 и 56 процентов соответственно в 1995 г. к обратной – 57 и 43 процента в 2013. Гендерному паритету соответствовала ситуация 2001 г. Следует отметить, что признаков стабилизации гендерного состава не наблюдается. [3, С. 84].

Сравнительный анализ российской высшей школы с международными данными показывает, что скорость феминизации преподавательских кадров России выше, чем в мире в целом, в развитых, развивающихся странах, а также странах переходного периода, в результате чего увеличивается разрыв между Россией и всеми перечисленными группами стран по гендерному составу преподавательских кадров [4].

Процесс феминизации преподавательского состава дифференцирован по должностям, причем наблюдается следующая зависимость: чем выше должность, тем интенсивнее происходит этот процесс. Максимальный рост доли женщин наблюдается среди ректоров - за период с 1999 по 2013 гг. эта доля выросла в 2.6 раза.

Распределение гендерных групп по должностным уровням по всем позициям изменилось в сторону паритета, причем в наибольшей степени это достигнуто на уровне доцентов.

На рубеже XX – XX I веков основными возрастными группами среди вузовских преподавателей были лица в возрасте от 40 до 60 лет, на которые приходилось более половины преподавателей. В целом возрастная структура преподавателей близка к нормальному распределению с максимальными значениями в центре возрастного интервала.

Для сравнения приведем данные советского периода. В 1988 г. основными группами в возрастной структуре были преподаватели от 30 до 50 лет, которые составляли две трети всех преподавателей [2, С. 8].

Особенностью динамики в XX I веке явилось постепенное снижение доли 40 и 50-летних, в результате чего с 2008 г. доля 30-летних превысила долю 40-летних. Необходимо отметить, что, несмотря на рост доли 30-летних, соответствующего, с учетом временного лага, роста доли лиц в возрасте 40-49 лет не происходит.

Основными группами стали 30-летние и 50-летние, причем на 30-летних приходится максимальная доля. Самой динамичной возрастной группой оказались лица старше 65 лет, за полтора десятилетия их доля выросла в 2.6 раза. Следовательно, изменение возрастной структуры преподавателей вузов в России заключалось в снижении доли лиц в возрасте от 40 до 60 лет, и росте более молодых и старших групп. Это привело к поляризации возрастной структуры преподавателей и истончению ее среднего слоя, а распределение преподавателей трансформировалось от нормального к более равномерному [1, С. 138].

Следовательно, в социокультурной динамике преподавательского состава вузов России произошли значительные изменения, касающиеся должностной, гендерной и возрастной структуры.

Наибольшие изменения коснулись профессоров, преподавателей и ассистентов. Среди преподавателей выросла доля профессоров, в 2014г. почти каждый 8-й преподавателей – профессор, в то же время уменьшилась доля преподавателей и ассистентов. В результате численность профессоров превысила численность преподавателей и ассистентов.

Процесс феминизации преподавательского состава, причем на всех должностных позициях, привел к тому, что Россия занимает одно из первых мест в мире по доле женщин в вузах.

Изменения в составе преподавателей по возрасту заключались, прежде всего, в поляризации, в росте доли самых молодых и старших возрастных групп, а также истончению среднего слоя возрастной структуры.

1. *Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник.* – Москва: ВШЭ, 2014.

2. *Статистические материалы о системе повышения квалификации научно-педагогических кадров вузов, их численности и составе.* Госкомитет СССР по народному образованию, Москва, 1989.

3. *Женщины и мужчины России. Стат. сб./Росстат.* – М., 2014.

4. *Статистические данные по высшему образованию Института статистики ЮНЕСКО*, <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=178&lang=en>

ДОСТУПНАЯ СРЕДА ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

Пугачев М.Д. (Барнаул)

Сегодня в России согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ проживают 12 751 тыс. человек с инвалидностью. Однако в обществе все еще складывается обманчивое впечатление, что инвалидов в России нет. Во многом данная ситуация обусловлена отсутствием доступной среды.

Термин «доступная среда» является более узким по отношению к «универсальному дизайну». Понятие «универсального дизайна» было впервые введено в употребление американским архитектором на коляске Роном Мейсом в 1985 г. Под его руководством были сформулированы 7 принципов универсального дизайна: (1) равенство в использовании людьми с разными физическими возможностями; (2) дизайн должен соответствовать множеству разнообразных индивидуальных предпочтений и способностей; (3) доступность любому пользователю независимо от опыта, знаний, языковых навыков и уровня концентрации в данный момент; (4) информация должна легко восприниматься независимо от условий окружающей среды и особенностей восприятия пользователя; (5) сведение к минимуму опасности или негативных последствий случайных или непреднамеренных ошибочных действий; (6) потребитель должен максимально эффективно и комфортно пользоваться окружающей средой; (7) габариты и конфигурация пространства должны быть удобны для подхода, доступа, манипуляций и использования любым человеком независимо от его роста, фигуры или степени подвижности [1, с. 83].

В 2011 г. началась реализация Федеральной целевой программы «Доступная среда». Целью программы является «создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни». Программа включает в себя несколько этапов: (1) 2011 □ 2012 годы; (2) 2013 □ 2015 годы; (3) 2016 □ 2018 годы; (4) 2019 □ 2020 годы. В 2016 г. для реализации целей ФЦП «Доступная среда» выделено 47 миллиардов рублей [2].

В большинстве западных стран инвалиды интегрированы в общество. «Для того, чтобы человек с ограниченными физическими возможностями не чувствовал себя ущемленным, мог самостоятельно выходить из дома, делать покупки, гулять и дышать свежим воздухом, даже заниматься спортом в меру доступного, все продумано до мелочей. Всюду пандусы, будь то жилой дом, супермаркет или любое другое учреждение. У тротуаров на перекрестке скошен бордюр, чтобы можно было съехать на коляске... Вы не найдете многоквартирного дома без лифта, а также не найдете с таким лифтом, в который не поместится коляска. Если же лифта все же нет в силу малоэтажности, то помимо лестницы предусмотрен пандус для коляски.

В тех общественных местах, где двери открываются вручную, рядом непременно есть еще одна с кнопкой как у дверного звонка на соседней стене, но на расстоянии вытянутой руки, доступном для сидящего человека. Подкатил инвалид на своем транспортном средстве, нажал, и именно эта дверь откроется автоматически» [3].

В России люди с физическими нарушениями чаще всего сидят дома и только единицы решают сломать стереотипы и жить полноценной жизнью. Прошло уже 5 лет как реализуется программа «Доступная среда», но до полноценной жизни инвалидам в России еще очень далеко.

При строительстве новых зданий стараются учитывать нужды инвалидов, ставят лифт и пандус согласно требованиям ГОСТа. У этих зданий широкие двери, в которые может заехать инвалидная коляска. Но большинство учреждений здравоохранения, образования, культуры, социальной сферы до сих пор находятся в старых, советского образца, зданиях. Эти здания нуждаются в реконструкции и переоборудовании, что требует больших средств, которых часто не хватает.

Общественный транспорт нуждается в подъемниках. Железнодорожный транспорт уже имеет некоторые успехи в реализации доступной среды для инвалидов. В частности, появились вагоны, в которых есть одно оборудованное купе. Это купе предназначено для инвалидов, с подъемом коляски в вагон помогает специальный подъемник, проем расширен. Однако проблема состоит в том, что в этот вагон еще нужно попасть. В большинстве вагонов дверные проемы очень узкие и без помощи постороннего человека колясочник не сможет продвинуться.

Старые дома и лестницы тоже являются большой проблемой для инвалидов. Чтобы дойти до магазина или аптеки нужно уметь преодолеть высокие пороги и бордюры, разбитый асфальт,

забраться по пандусу с наклоном 45 градусов и выше, если он вообще есть. Чаще всего предприниматели и чиновники не стараются сделать пандус согласно нормативам, важнее, чтобы на бумаге он был, а как он сделан, совсем не важно. Какие только пандусы не делают в России: узкие, с высоким наклоном, без перил. Учреждение становится доступным на бумаге, а по факту нет.

Еще одной проблемой для свободного перемещения по улице является подземные переходы. Интересен опыт западных стран в этой области. В Великобритании в переходы инвалид-колясочник может самостоятельно спуститься и подняться. В России подземные переходы и метро недоступны для людей с ограниченными возможностями.

Ситуация с автомобилями и парковками для инвалидов также требует внимания. Во Франции люди с проблемами опорно-двигательного аппарата получают от государства автомобиль и парковочное место. Даже если все парковки заняты, ни один француз не займет парковочное место инвалида из-за огромного штрафа. В России же за парковочными местами никто не следит и штраф, закрепленный на законодательном уровне настолько мал, что он ни для кого не угроза.

Отношение к инвалидам разное в РФ и за рубежом. В России инвалид – это человек с ограниченными способностями, в большинстве стран Западной Европы, Северной Америки и др. – человек с повышенными потребностями. В Испании понятия «инвалид» не существует, это очень значимый показатель. В России общество всерьез считает, что инвалиды не должны показываться в общественных местах, должны сидеть дома. Тогда зачем решать проблему, которой не существует в общественном сознании. Как человеку без инвалидности сделать нормальный пандус или достаточно широкие двери, если он ни разу не видел тех, для кого он это делает и не в состоянии оценить степень доступности для человека на инвалидной коляске.

Данную острую социальную проблему, которую во многих странах уже вполне успешно решают на протяжении многих лет, в России так же реально решить. Очень важно приглашались на тестирование каждого элемента «Доступной среды» людей с разными видами инвалидности, учитывать их пожелания и рекомендации. Это позволит сделать «доступную среду» в РФ действительно доступной.

1. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 – 2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/3/0>
2. Догадина О.В., Сиротина Т.В. Универсальный дизайн: история и современность // Теория и практика социальной работы: история и современность : сбор. науч. трудов. – Барнаул, 2014. – С. 83.
3. «КАК ОТНОСЯТСЯ К ИНВАЛИДАМ ЗА РУБЕЖОМ»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/4455035/post279072497>

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ НКО В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Пузарова Ю.А. (Нижний Новгород)

До недавних пор конкуренция в области оказания социальных услуг была развита крайне слабо. Некоммерческие организации способны конкурировать с государственными учреждениями чаще всего в крупных городах. На сельских территориях конкуренция в области предоставления социальных услуг практически отсутствует в связи с тем, что там крайне мало альтернативных поставщиков социальных услуг. Необходимо отметить, что наиболее успешно конкуренция развивается в тех сферах, где существует платежеспособный спрос населения. В тех отраслях социальной сферы, где получатели услуг неплатежеспособны, конкуренция между поставщиками услуг находится на низком уровне. Данная ситуация требует привлечения новых организаций на рынок социальных услуг.

В настоящее время происходит разгосударствление социальной сферы и передача функций по предоставлению социальных услуг некоммерческим организациям. В соответствии с новым ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» негосударственные некоммерческие организации входят в систему социального обслуживания населения[1]. Предыдущим законом определялось, что социальные услуги должны предоставляться государственными и муниципальными органами. Однако с 2015 года оказание социальных услуг

может осуществляться социально ориентированными некоммерческими организациями. Данный процесс позволяет повысить доступность социальных услуг, увеличить ассортимент услуг, повысить качество социального обслуживания населения. Функционирование негосударственных организаций повысит возможность реализации конституционного права граждан на пользование социальными услугами также свободно, как, например, медицинскими, образовательными, независимо от места проживания – в городе или на селе[2].

Реформа социальной сферы направлена на развитие конкурентной среды между НКО и государственными учреждениями. Однако поднимается вопрос готовности НКО к расширению деятельности на рынке социальных услуг. Участники процесса разгосударствления социальной сферы сталкиваются с различными проблемами, которые препятствуют выходу НКО Нижнего Новгорода на рынок социальных услуг.

С октября 2015 по май 2016 года было проведено авторское социологическое исследование на тему «Проблемы и риски НКО в социальном обслуживании населения на примере Нижнего Новгорода». В ходе исследования было проведено полуструктурированное интервью 14 специалистов нижегородских некоммерческих организаций.

Гайд интервью содержал три блока: оценка собственной роли в социальном обслуживании населения; отличие деятельности некоммерческих организаций от деятельности государственных учреждений; отношение представителей некоммерческих организаций к процессу разгосударствления; основные риски и барьеры некоммерческих организаций при выходе на рынок социальных услуг.

Можно начать с того, большинство представителей некоммерческих организаций отмечают большой потенциал НКО в социальном обслуживании населения. Респонденты утверждают, что НКО имеют более гибкий персонализированный подход к клиенту. Для государственных учреждений характерен более формальный подход к клиенту. Кроме того, клиенты некоммерческих организаций не должны подходить под государственный перечень. Данный подход определяется возможностью адаптировать услугу в зависимости от предпочтений клиента и изменения его жизненных обстоятельств. Некоммерческие организации обладают свободой в выборе услуг и определении объема этих услуг. «Расскажу такой пример: человек приехал с Украины. У него нет ни статуса беженца, ни документов по инвалидности, оформленных для нашей страны. У него есть только нелегитимные документы. ...государственное учреждение, либо не может взять клиента, либо может взять только на платной основе. НКО может подойти к этому индивидуально. У НКО это проектные деньги и нам без разницы, какой потребитель к нам придет»(Ж,41). Кроме того, услуги некоммерческих организаций не имеют жесткого регламента. Государственные учреждения имеют типовой набор услуг. Некоммерческие организации обладают свободой в выборе услуг и определении объема этих услуг. «..приходит ребенок и 30 минут капризничает. Ребенок включается в работу только через 30 минут. В этом случае мы имеем возможность со следующим клиентом поговорить и сдвинуть занятие. Понятно, что и в хороших государственных учреждениях так делают, но они все равно зажаты в эти рамки»(Ж,50).

Анализ собранных интервью показал, что некоммерческие организации закрывают тот пласт услуг, которые государство не оказывает или не справляется с ним. «Есть редкие детские заболевания, с которыми рождаются. Например, это может быть муковисцидоз. Создаются НКО, которые решают такие проблемы и восполняют этот пробел» (Ж,39). Основной проблемой, которая мешает реализовывать свою деятельность некоммерческим организациям, является недостаточность финансовых средств. Представители некоммерческих организаций отмечают трудности с финансовым обеспечением своей деятельности. Недостаточные финансовые ресурсы сказывается на возможности оказывать качественные социальные услуги. «Нет финансовой стабильности, поэтому если у нас есть деньги, то мы поставляем услугу, а если нет денег, то нам приходится туго»(Ж,51).

Большинство экспертов положительно относятся к процессу разгосударствления социальной сферы. Респонденты считают, что привлечение некоммерческих организаций к предоставлению социальных услуг позволит им получить финансовую стабильность и устойчивость организации. «Поставка социальных услуг для нас – это независимость от субсидий, грантовых средств и пожертвований. Это очень важная реформа, так как некоммерческие организации получают перспективы для долгосрочного развития»(Ж,51).

Однако осведомленность НКО о процессе разгосударствления достаточно низкая. Некоммерческие организации обладают невысокой активностью по продвижению себя в качестве

поставщиков социальных услуг. Многие некоммерческие организации занимают выжидательную позицию. «Если честно, то мы не очень готовы. Мы не пытались попасть в реестр поставщиков социальных услуг, потому что мы хотели бы посмотреть на более опытных коллег». «Если рассматривать НКО как поставщиков социальных услуг на бюджетные деньги, то тут все еще сложнее, потому что не все НКО готовы это делать. К этому сейчас готова, может быть, 1/10 доля всех НКО» (Ж,39).

Социально ориентированные некоммерческие организации сталкиваются с различными проблемами при выходе на рынок социальных услуг. Одной из главных преград на пути к успешному предоставлению услуг в рыночных реалиях является законодательное обеспечение процесса. Существуют некоммерческие организации, оказывающие редкие услуги, которые законодательно не закреплены и для которых не предусмотрено федеральное и муниципальное финансирование. «Мы оказываем услуги по сопровождаемому проживанию, но в перечне услуг такого вида услуги нет. Мы не знаем, как перейти от той услуги, которая у нас есть, к той, которая требуется»(Ж,52). Кроме того, некоммерческие организации могут оказывать стационарные услуги, полустационарные услуги или услуги на дому. Однако, заявляясь на определенный пакет услуг, организация не может выполнять их избирательно. Таким образом, государство готово работать с НКО в качестве поставщиков услуг, если последние предоставляют весь комплекс услуг на одну тему, как и государственные учреждения. «Я считаю, что НКО никогда не будет работать так, как работают государственные муниципальные учреждения социальной сферы. Мы должны видеть в НКО альтернативного поставщика социальных услуг и давать им возможность не так комплексно предоставлять социальную помощь и не закрывать им дорогу, если они не могут предоставить весь комплекс» (Ж,52).

Представители некоммерческих организаций не имеют уверенности в том, что они смогут работать в новых условиях. Эта неуверенность объясняется рядом причин. Представителей некоммерческих организаций волнует вопрос возмещения стоимости оказанных услуг. «НКО не торопятся включаться в реестр, потому что не знают, сумеют ли по тем тарифам, которые рассчитываются на оказание услуг, обеспечить качество этих услуг»(Ж,52). «Я слышала, что оценка стоимости услуг НКО очень маленькая. Поэтому наше участие зависит от того, каково будет возмещение стоимости социальных услуг»(Ж,46).

Еще один значимый аспект заключается в том, что оказание социальных услуг требует от некоммерческих организаций более высокого уровня развития. Привлечению некоммерческих организаций к социальному обслуживанию мешает инфраструктурная обеспеченность. «Есть инфраструктурные недостатки, нехватка специалистов. Когда у нас было обсуждение расширения клиентской базы НКО, многие представители НКО говорят: «Дай Бог нам обработать запросы своей клиентской базы». Нам мешает недостаточная инфраструктурная обеспеченность»(Ж,35).

Следующий аспект заключается в недостаточной идентификации деятельности некоммерческих организаций с социальными услугами, так как многие организации привыкли заниматься проектной работой. «До этого НКО занимались только проектной деятельностью, которая ограничена по времени. Реализация проекта – это все-таки не оказание услуг. Это организация деятельности на определенный период» (Ж,35). «Наша организация – одна из самых старейших организаций, но только сейчас мы перестали работать интуитивно, по наитию, а стали отрабатывать свои методики работы. То есть опыт, который нами был наработан, стал переходить на новый качественный уровень. Мы сами стали понимать, что наша деятельность – это социальные услуги, а не просто какое-то времяпрепровождение» (Ж,50).

Следующим опасением некоммерческих организаций при выходе на рынок социальных услуг является усиление бюрократических процедур, потери творческой свободы и гибкости. «Соблюдение отчетностей, все эти бумаги – это ужасно. Все государственные структуры погрязли в этой отчетности, каких-то безумных показателях. Мы являемся творческими людьми, которые ушли из системы. Многие из нас не могут работать в этих строгих рамках»(Ж, 49).

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что на данном этапе социально ориентированным некоммерческим организациям необходима информационная поддержка со стороны ресурсных центров. Отсутствие системы обучения и поддержки, недостаточная информированность, низкий уровень взаимодействия с региональными органами власти является барьером для некоммерческих организаций при выходе на рынок социальных услуг. Ресурсным центрам необходимо информировать социально ориентированные некоммерческие организации о требованиях, которые предъявляются к поставщикам социальных услуг, о действиях, необходимых для успешного выхода некоммерческих организаций на рынок социальных услуг.

Кроме того, необходимо развитие социально ориентированных некоммерческих организаций, в частности, повышение профессионального уровня социально ориентированных некоммерческих организаций. Необходимо проведение обучающих программ, мероприятий, которые позволят профессионализировать сектор. Важно отметить, что требуется создавать условия для упрощенного доступа некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере.

1. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ № 442-ФЗ. - Консультант Плюс:[Электрон. ресурс]: справочно-правовая система. - Режим доступа:// www.consultant.ru .-свобод.- Загл. с экрана.*

2. *Воловая, Е.В. Развитие конкуренции на рынке социальных услуг / Е.В. Воловая, О.В. Асмус // Вестник Чувашского университета. – 2012. - №2. - С.421-422.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Путилина М.Ю. (Москва)

Определение патриотизма является неполным и разнится от источника к источнику. Его наполнение варьируется от понимания патриотизма как любви к своей Родине до понимания патриотизма как ценностной ориентации, инструмента социализации и адаптации личности к изменяющейся социальной реальности. Концептуальные противоречия создают трудности в разработке государственных программ патриотического воспитания, а также в самом понимании ключевых ценностных ориентаций, существующих в молодежной среде.

Существуют несколько типов молодежных групп по степени сформированности патриотических ценностных ориентаций [6]. Первый тип - «патриоты» - характеризуются полностью сформированным ценностно-ориентационным патриотическим комплексом; второй тип – «квазипатриоты» - характеризуются наличием ситуационной патриотической идентичности и ориентации, возникающими в результате потребности соответствовать социальным ожиданиям; третий тип - «антипатриоты» - отвергают патриотический ценностно-ориентационный комплекс.

Многие авторы подчеркивают включенность одобрения существующего политического режима в структуру патриотических ценностей [1,5]. Однако демократический строй в его идеальном представлении предполагает существование оппозиционного движения. При этом оппозиционеры могут считать себя патриотами и по-своему заботиться о благе общества. В связи с вышесказанным, представляется целесообразным включить в структуру патриотических ориентаций стремление к поддержанию социальной справедливости и борьбу с несправедливым политическим режимом приемлемыми обществом способами. Такая категория патриотов имеет название «протестные патриоты».

Существует понятие так называемого «экономического патриотизма» [4]. Оно приобретает актуальность в связи с новой геополитической обстановкой. Санкции, введенные другими странами против России, могли способствовать появлению установок на приобретение отечественных продуктов. Патриоты такого типа будут склонны к выбору российских товаров и поддержке отечественного производителя.

В современной молодежной среде существует тенденция к слиянию понятий патриотизма и национализма. Длительные периоды идеологического противостояния другим странам привели к представлению о том, что за границей Российской Федерации находятся только вражеские силы. Осуществляется подмена понятия патриотизма национализмом и ксенофобией. «Экстремальные» формы поведения молодежи, в число которых входит и национализм, зачастую связаны с ущемлением их прав на всех уровнях. Под влиянием внешних и внутренних факторов формируется так называемый «националистический патриотизм», сочетающий в себе основные черты как чисто патриотических, так и глубоко ксенофобных настроений.

Социальная реальность в условиях современного общества уже не является такой, какой она была ранее. Явление, проиллюстрированное Ж.Бодрийяром с помощью рыночного обмена, применимо и к другим сферам деятельности человека [3]. Обращаясь к теме данной работы, можно с уверенностью утверждать, что явление «квазипатриотизма» тесно связано с утратой рациональных оснований действия. Люди позиционируют себя как патриотов не потому, что их деятельность тем или иным образом детерминирована патриотическими установками, но потому, что образ патриота на данный момент является привлекательным в глазах общественности.

Моральные принципы и ценностные ориентации в обществе также претерпевают изменения. Старое определение морали повествует об универсальности её принципов для всех членов общества, а новая реальность говорит скорее об индивидуальном пути выбора тех или иных ориентаций в жизни каждого человека. Набор патриотических ценностей современного россиянина не соответствует тому же набору ценностей советского человека или человека 90-х годов, а представления о патриотизме не только не имеют устойчивой центральной тенденции, но и претерпевают непрерывное изменение. При этом указанные изменения не обязательно означают, что современный человек становится более безнравственным: они ведут скорее к адаптационной гибкости.

Еще одним свойством современной социальной реальности является её подверженность глобализационным процессам. Традиционные ценности, присущие нашей культуре, смешиваются с западными ценностными ориентациями. Новое поколение, рожденное в 90-х и начале 2000-х, испытывает на себе двойственное влияние меняющихся морально-этических конструктов. Меняется и структура понимания патриотизма: если раньше патриот имел четко определенную локальность, а его патриотизм был напрямую связан с гражданственностью, то теперь на первый план выходят скорее единство русской нации. Эти изменения позволяют высказать предположение о том, что люди, пребывающие за пределами территории РФ и не являющиеся её гражданами с юридической точки зрения, могут быть не меньшими патриотами, чем фактические граждане.

Значительная роль глобализационных процессов в современном мире также подчеркивается переходом от определенных локальных традиций и ценностей культуры к общемировым представлениям. Эти процессы вызваны ростом и расширением влияния СМИ в обществе, общедоступностью информации и возникновением глобального мирового виртуального сообщества в интернете. Интернет не только способствует развитию космополитизма, но и зачастую дает искаженную информацию об основах патриотических ценностей. Широкое освещение в Интернете и других СМИ происходящих в мире событий влияет на установки и представления людей. Каждый приобщившийся к происходящему в той или иной точке мира чувствует себя непосредственным участником событий и по-своему переживает полученную информацию [7].

Еще одной тенденцией является стремление индивидов к индивидуализации. Первоначальная её идея – высвобождение индивидов из-под гнёта социального надзора, принуждения и контроля – привела к отказу от устойчивых ценностных систем и переходу к ситуационному следованию тем или иным идеалам [2]. Современные теории постмодерна утверждают, что человек утрачивает чувство единства с теми или иными социальными образованиями и оказывается наедине с необходимостью выбора того или иного типа идентичности для формирования стратегии поведения в «текучей» социальной реальности в терминах З.Баумана [9]. В условиях, когда никакие ценностные образцы и паттерны поведения не могут быть универсальными, человек зачастую строит свою деятельность на множественных, а иногда и противоречивых идентичностях, меняя их по мере изменения происходящего в жизни общества. «Квазипатриотизм» является одним из проявлений ситуационной реакции общества на происходящие события.

Противоречие наблюдаемого поведения и внутренних установок описывает Ж.Т.Тощенко[8]. Ключевой проблемой программ патриотического воспитания является несовпадение интересов структур государственного управления и общества. Кроме того, основные каналы трансляции патриотических ценностей – семья, СМИ и государственная политика – демонстрируют методическую и идейную разобщенность. Если государственные программы призваны обеспечить интересы государства, то СМИ и семья делают акцент на эмоционально-чувственном аспекте патриотизма, подчеркивая роль духовности и честного труда. Таким образом, различные социальные институты формируют в общественном сознании «кентаврические» представления о патриотизме, часто совмещающие несовместимое и вынуждающие каждого молодого россиянина самому делать выбор между несколькими предлагаемыми альтернативами.

Успешное патриотическое воспитание должно включать формирование знаний и умений, а также соответствующего мировоззрения и мироотношения, однако практика показывает частое несоответствие деятельностного и ценностного аспектов патриотизма. Ценностный уровень редко затрагивается в рамках программ патриотического воспитания, оставаясь прерогативой семьи. Скорей всего, это связано с недостаточной изученностью ценностных представлений молодежи, а также отсутствием сотрудничества между научным сообществом и государством. Содержание

программ патриотического воспитания молодежи должно не только отвечать меняющимся реалиям современного мира, но и согласовываться с ценностными представлениями молодежи.

1. Адаева Н. В. К пониманию сущности патриотизма и патриотического воспитания учащейся молодежи // *Человек и образование*. 2012. № 1. С. 133.
2. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб.: Питер, 2008.
3. Бодрийяр, Ж. *Симулякры и симуляция* / – Перевод О. А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
4. Вербицкая Н.О., Оринина Л.В. Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход. // *Фундаментальные исследования*, №14, 2014г.
5. Кашапова А.И. Патриотизм как социальная ценность: актуализация в современных условиях. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 2.
6. Курганская М.Я. Патриотические ценностные ориентации российской студенческой молодежи. // *Автореферат на соискание степени кандидата социологических наук*, М: 2012г.
7. Савруцкая Е.П. Коммуникационный аспект инновационных трансформаций в конструировании социальной реальности. // *Культурологический журнал*, 2012/3 (9).
8. Тоценко Ж.Т. Кентавр-проблема как воплощение парадоксального развития российского общества. // *Вестник РГГУ. Серия Социология*. вып.2.
9. Тронева М.А. Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса постмодернистского общества и культуры. // *Теория и практика общественного развития*, 2015, №13.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДОМОХОЗЯЕК: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОЛГОГРАДА)

Рагимова Э.А. (Москва)

Ценности и представления, касающиеся роли женщины и мужчины в обществе, и связанные с ними гендерные стереотипы и социальные установки регулируются на глубинном ментальном уровне общественного сознания. Углубляясь в процесс исторического развития, можно отметить, что женский образ издавна ассоциировался с ролью неработающей женщины, которая поддерживает уют в доме и воспитывает детей. Девушка считалась идеалом, если она обладала такими добродетелями, как покорность, миролюбивость, заботливость, очарование и красота, независимо от того, проживала она в известной своими пуританскими нравами Северной Америке XIX в. или в современной России. Однако, на протяжении десятков лет ситуация менялась, что привело к получению женщиной расширенных прав, изменению модели поведения и, как следствие, утрате основных качеств, которые маркировали ее образ как «жены и матери». [1] Данное явление характерно и для России, считающейся страной, поддерживающей традиции. Хотя, нельзя не отметить, что все же россиянки менее подвержены полному освоению мужской роли, многие предпочитают сочетать роль работающей женщины с обязанностями по дому. Кроме того, стереотипный образ «хранительницы домашнего очага», очерченный в «Домострое», преобладает в сознании граждан обоего пола, поэтому наряду с двумя вышеупомянутыми моделями поведения, важную роль продолжает играть социальный слой домохозяек, чей паттерн претерпевает изменения вплоть до настоящего времени. Именно поэтому, на наш взгляд, крайне важно понять, какие ценностные ориентации лежат в основе образа жизни и действий современных домохозяек, и что они могут привести в формирование облика будущих поколений.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес изучению социальной группы женщин-домохозяек, поскольку она выделилась как самостоятельная относительно недавно. Ученые выявили интересные особенности, в том числе значимость для женщин высшего образования как одного из факторов успешной самореализации в профессиональной сфере и карьерного роста, обучение в вузе фактически становится для них пропуском в другую, более насыщенную и яркую жизнь, иную социальную среду, где отношения между мужчиной и женщиной, мужем и женой, друзьями имеют качественно иной характер, а возможность иметь многогранную и счастливую жизнь резко возрастает

Целью исследования было выявление основных ценностных установок замужних девушек и женщин домохозяек г. Волгограда в возрасте от 16 лет. Было опрошено 15 домохозяек различного возраста посредством проведения глубинных интервью. Анализ результатов позволил сделать вывод о том, что абсолютное большинство опрошенных домохозяек рассматривают

выстраивание семейных отношений с точки зрения традиционного взгляда, то есть позиции, которая является приоритетной в обществе. Кроме того, роль женщины в семье определяется как роль хранительницы очага, создающей тепло, уют в доме: «Женщина – это основное. По идее, мы все вносим вклад в общий семейный котел, но женщина – это скрепляющая сила, она формирует все внутрисемейные отношения, она должна быть кормилицей, обеспечивать быт, воспитывать детей», мнение женщины, 48 лет.

В соответствии с результатами исследования, современные домохозяйки удовлетворены своим положением в семье и не хотят его менять: «Да, я удовлетворена своей ролью и своим положением. Больше решает муж, он будет прислушиваться к моему мнению, но последнее решение будет за ним», женщина, 38 лет. Необходимо отметить, что практически у всех женщин есть высшее образование, и они удовлетворены уровнем своего образовательного порога, однако есть и те, кто его не получил и теперь жалеет об упущенной возможности, поскольку на данный момент перспектив повышения квалификации нет. По мнению современных домохозяек, необходимо уделять время самообразованию, чем абсолютное большинство опрошенных занимается в свободное время: «Я считаю, что так и должно быть, женщина, современная особенно, должна быть хорошо образована», женщина, 47 лет; «постоянно, каждый день я читаю книги, занимаюсь иностранным языком, хожу на различные семинары, выставки, участвую в них», домохозяйка, 48 лет. Более того, каждая из респонденток увлекается каким-либо видом творчества, имеет свое хобби, причем некоторые из них признаются, что могли бы заниматься этим всю свою жизнь: «Рисую, вышиваю, занимаюсь прикладным искусством, мне нравится дизайн – ландшафтный, например, так как у меня есть дача, дизайн квартиры – я тоже этим занимаюсь в свободное время, опять все для дома и семьи», домохозяйка, 40 лет.

Задачей второй части исследования было проведение 3-х фокус-групп с участницами интервью. Дискуссия продолжалась 1 час под руководством модератора. В ходе беседы участницам предлагалось ответить на ряд вопросов об их ценностях и мировоззрении, обсудить тему стереотипов о домохозяйках, составить списки позитивных и негативных сторон роли домохозяйки, просмотреть и обсудить видео-ролики, связанные с данной темой.

В первой части дискуссии участницам предстояло обсудить вопросы о роли домохозяек в целом. Выяснилось, что понятие «домохозяйка» трактуется представительницами этой социальной группы как «главный член семьи», «хранительница очага»: «Под моим вниманием находятся все члены семьи. Домохозяйка создает уют, благоприятную атмосферу в семье. Я такая домохозяйка, я тружусь 24 часа в сутки», - утверждает домохозяйка, 40 лет. Основные обязанности домохозяек, по мнению респондентов, сводятся к заботе о здоровье детей, образованием, ведению быта, заботе о здоровье и благополучии мужа, объединению всей семьи. Кроме того, участницам было предложено описать идеальный образ домохозяйки, идеал, к которому они стремятся. По итогам групповой работы, были выделены 2 группы характеристик – духовные качества и характеристики личности. Респонденты утверждают, что практически полностью соответствуют составленному образу. Также из ответов респондентов видно, что их главной проблемой является нехватка времени – на себя или на семью. Исходя из ответов участниц, можно с уверенностью сказать, что они проводят с семьей большую часть времени, указывая, что совместные ужины – это для них традиция, другие совместные мероприятия также являются праздником. Кроме того, муж и дети для респондентов – это не преграда для саморазвития, они находят время для чтения, совершенствования себя в прикладном искусстве, занятий спортом. Таким образом, можно утверждать, что опрошенные участницы довольны своей ролью домохозяйки.

Вторая часть дискуссии была посвящена обсуждению стереотипов о домохозяйках в современном обществе и просмотру видео о них. Следует отметить, что участницы осведомлены о наличии в социуме мифа об их социальной группе, однако они ему не подвержены: «Общество воспринимает домохозяек неоднозначно. Но лично для меня это не играет никакой роли, потому что я независима от общественного мнения», - говорит домохозяйка, 39 лет. Более того, респонденты считают, что этот миф абсолютно не оправдан, и они своим примером это доказывают.

Видеоблогинг для респондентов не представляет собой интереса, им могут заниматься только те домохозяйки, у которых много свободного времени. Они были названы «псевдомохозяйками», к которым наши участницы себя не относят. Одним из основных видов деятельности во второй части беседы был следующий – составление списка плюсов и минусов роли домохозяйки. По итогам обсуждения выяснилось, что положительных аспектов (4) респонденты выделили больше, чем отрицательных (3). В заключение беседы домохозяйкам был

задан вопрос о том, как они сами могут повлиять на разрушение сложившегося стереотипа об их социальной группе. По мнению участниц, только их личный пример счастливой семьи и освещение данного феномена в СМИ начнут менять отношение граждан к домохозяйкам.

Обобщив все вышеизложенное, необходимо отметить, что современные домохозяйки – это новое социальное явление в обществе, поскольку их роль выходит за рамки привычного стереотипного понимания деятельности данного рода. В их задачи входит не только ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, но и саморазвитие, самосовершенствование, увлечение каким-либо хобби.

1. Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах//Общественные науки и современность. 1999. №3. с. 179-191

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СЕМЕЙНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Рахматуллина З.Б., Рамазанова А. Р. (Уфа)

Социология семьи в узком смысле как часть общей социологии и как теория «среднего уровня» рассматривает особую сферу жизнедеятельности и культуры согласованно действующей группы людей, а именно семьи. Семья является главным носителем культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение, и необходимым условием социализации личности. Именно в семье человек обучается социальным ролям, учится первым навыкам поведения. А. Г. Харчев определяет «семью» как основанное на браке и кровном родстве объединение людей, связанное общностью быта и взаимной ответственностью [4].

Семью следует рассматривать не просто как брачную группу, но как социальный институт, то есть систему связей, взаимодействий и отношений индивидов, выполняющих функции воспроизводства человеческого рода и регулирующих все связи, взаимодействия и отношения на основе определенных ценностей и норм, подверженных обширному социальному контролю через систему позитивных и негативных санкций. Известно, что обычаи, устои, правила и традиции семейной жизни отличаются своеобразием и специфичны для каждого общества. Вследствие этого, в каждом обществе формируются своеобразные гендерные стереотипы, а также модели идеального поведения настоящего мужчины и настоящей женщины внутри семьи. Один из самых распространенных гендерных стереотипов: мужчина — глава семьи, кормилец и добытчик, женщина — мать, жена, хранительница очага, воспитатель детей. Т. Парсонс и Р. Бейлз назвали их роли инструментальной и экспрессивной соответственно (муж — добытчик, жена создает хорошую психологическую атмосферу в семье) [2]. Американский антрополог Нэнси Рис так «рисует» портреты мужчины и женщины: «Мужчины рациональны, женщины эмоциональны. Мужчины думают головой, женщины – сердцем»; «Мужчины - существа безрассудные, безответственные, и только женщина способна держать их в рамках»; «Мужчины по природе своей сексуально распушены, и, чтобы удержать их при себе, женщинам надо очень и очень стараться»; «Мужчины - это сила, женщины - это слабость». Это примеры распространенных гендерных стереотипов [3].

Изучение семейно-брачных отношений сквозь призму гендерных различий и сходств — одно из направлений гендерной социологии, которое имеет очень важное практическое и теоретическое значение. Семья неотделима от гендерных конструкций, т.к. представляет собой сферу непосредственного взаимодействия обоих полов.

Анализ научной литературы по гендерным проблемам позволяет прийти к следующим заключениям: 1) проявления гендерных стереотипов в представлениях об идеальном муже и жене присутствуют уже в детском возрасте; 2) присутствует некоторый негативный эффект влияния трудовой занятости жены на психологическое благополучие и самочувствие ее мужа; 3) традиционные супружеские отношения (муж-лидер, жена-последователь) являются наиболее социально желательными. Однако при исследовании конкретных семейных пар было выявлено, что в современных семьях чаще встречаются эгалитарный, лидерский стиль (оба лидеры), либо лидером является жена; 4) удовлетворенность семейно-брачными отношениями, в целом, выше у мужчин, в то время как у женщин выше ориентированность на семью. Кроме того, удовлетворенность браком выше у мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, чем у мужчин, состоящих в официальном браке;

Гендерные стереотипы, являются одним из важнейших механизмов сохранения устойчивости традиционной системы сожительства, а в частности подсистемы традиционных

гендерных взаимоотношений. Именно с помощью гендерных стереотипов обеспечивается соблюдение и сохранение тех основных «законов» традиционной гендерно-ролевой идеологии, которые в течение исторического опыта народа сформировались на основе выгодных и практических, с точки зрения безопасности и развития, функций женщин и мужчин [1].

Использование гендерного подхода при изучении социологии семьи позволяет раскрыть новые аспекты ее жизнедеятельности, новые характеристики взаимоотношений между ее членами. Интерес представляет изучение и сопоставление мнения мужчин и женщин об их роли в семье и общественной жизни (политика, занятость и т.д.). При этом, например М.Ю. Арутюнян, выделяет три типа «профилей влияния»:

- гендерно-согласованный, тяготеющий к традиционному, при котором и мужчины и женщины стремятся скорее снизить, чем повысить влияние женщин в профессиональной сфере, их вполне устраивает «внутрисемейный матриархат»: женщины не хотят «делиться» влиянием в семье с мужчинами, а мужчины на него не претендуют (Венгрия);

- гендерно-согласованный, тяготеющий к эгалитарному, при котором и мужчины, и женщины стремятся повысить влияние женщин в профессии и политике примерно до 50% и снизить влияние женщины в семье (ФРГ);

- гендерно-рассогласованный, при котором женщины претендуют на значительную долю «общественного пирога», чем мужчины склонны были бы им уступить, и более резко стряхивают со своих плеч бремя семейной власти и ответственности, чем этого ожидают от них мужчины (Польша, Россия)[1].

Гендерные стереотипы обладают чрезвычайной жизнестойкостью, они активно воспроизводятся благодаря институтам социализации (семья, сверстники, школа, СМИ), и все попытки что-либо изменить оказываются «обескураживающе неэффективными».

Стереотипы выполняют функцию основных «законов» поведения внутри традиционной системы семейного сожительства. Стереотипы, в частности гендерные, выполняют функцию сохранения и соблюдения тех основных «законов» традиционной гендерно-ролевой идеологии, которые в течение исторического опыта народа сформировались на основе выгодных и практических, с точки зрения безопасности и развития, функций женщин и мужчин. Поэтому поведение, соответствующее стереотипам и осуществляемое на основе диспозиционной установки, человеком не обсуждается, а принимается без критики, оценивается как само собой разумеющееся, нормальное явление. Вместе с тем механизм отражения общих семейных взаимоотношений дает возможность моделирования в рамках старой установки взаимоотношений внешних и внутренних факторов для осуществления целенаправленного поведения в измененной внешней среде.

Гендерные роли матери и отца по отношению к детям отличаются по следующим параметрам: разделению видов ответственности за детей, стилям родительского поведения, демонстрации гендерно-типичных черт своего пола, различию или сходству поведения по отношению к сыну и дочери и желанию усилить половую сегрегацию или конвергенцию по отношению к детям. Они влияют на гендерные взаимоотношения между родителями и детьми и между супругами.

Половые различия поведения в семейном конфликте проявляются во влиянии гендерных стереотипов на восприятие участника конфликта — представителя другого пола, в существовании конфликтогенных личностных черт у мужчин и женщин, в предпочитаемых способах разрешения конфликта, в использовании разных речевых паттернов на переговорах, которые могут вести к взаимному непониманию обоих полов.

В заключение отметим, что гендерные стереотипы приемлемы как для мужчин, так и для женщин, причем существующие гендерные стереотипы являются непосредственными детерминантами семейных взаимоотношений и во многом регулируют их.

1. Кабалева А.И. Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии // Психологические исследования. 2012. № 2(22). С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 6.10.2016). 0421200116/0016.

2. Арутюнян М.Ю. Гендерные отношения в семье // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай - 96». М., 1997.

3. Парсонс Т. Система современных обществ // Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Научн. ред. перевода М.С. Ковалева. - М.: Аспект-Пресс, 1997.

4. Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. - 1994. - №5. - С. 49-50.

5. Харчев А.Г. Быт, семья, досуг: Социол. и нравственные проблемы. - М., 1960.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Ребро Д.Д. (Волгоград)

Управление традиционно воспринимается как инструмент для достижения целей организации (коммерческой, некоммерческой или государственной), а также для получения прибыли. Однако в современном мире управление носит многоаспектный характер, затрагивая отношения и интересы людей внутри организации, а также влияет на ее внешнюю среду. Что касается функционирования органов государственной власти, то их деятельность направлена на удовлетворение потребностей людей. Именно поэтому понимание управления как навязывание воли устаревает, актуализируются вопросы социального управления в менеджменте и внедрения социальных технологий в деятельность органов государственной власти.

Социальное управление – предмет изучения многих наук: социологии, социальной психологии, политологии, теории управления, менеджмента. В теории менеджмента социальное управление рассматривается как процесс планирования, организации, мотивации и контроля, существующий для того, чтобы сформулировать и достичь целей организации [3]. Однако это определение не является исчерпывающим, так как описывает социальное управление, не охватывая его социальных функций. А именно: сохранение целостности общества, его совершенствования, регулирование общественных отношений. Социальное управление можно определить как управление социальной составляющей всех видов организаций [2], а также как управление людьми. Государственное и муниципальное управление изначально является социальным, в связи с чем, необходимо усилить понимание данной сущности в деятельности политических субъектов.

Социологическая трактовка понятия «социальное управление» отличается от управленческой. Она включает в себя: управление людьми и признание социальных групп в качестве основного объекта воздействия; целенаправленное воздействие на коллективы и организацию их деятельности, воздействие на условия жизни людей и их ценностные ориентации; разработку и выбор методов на основе познания и использования закономерностей социальных отношений [5].

Сущность социологического подхода к социальному управлению состоит в выделении трех его компонентов: ядро механизмов управления, социальная самоорганизация и организационный порядок. Ядро механизмов – это управляющее воздействие, включающее постановку и достижение целей. Второй составляющей является самоорганизация, то есть естественные процессы внутреннего регулирования: выявление лидеров, формирование неформальных групп и социальных норм. Эти два компонента образуют третий – организационный порядок. Это система долговременных стабильных целей, связей и норм, регулирующих отношения, возникающие между организациями, а также между подразделениями и людьми как членами организаций по поводу осуществления их функций [5].

Проанализировав различные подходы, можно сделать вывод о том, что социальное управление: нацелено на результат; включает в себя управление коллективом, организацию и координацию его работы; влияет на ценностные ориентации отдельных людей и социальных групп; формирует организационный порядок, способствует сохранению и развитию общества в целом. В связи с появлением нового подхода к управлению и актуализацией социальной сущности государственного и муниципального управления, появляются новые методы его осуществления.

Методы социального управления предполагают алгоритмизацию, что обеспечивает внедрение социальных технологий. Социальные технологии рассматриваются в качестве элемента социального управления. При этом следует понимать технологизацию управления как высшую стадию его развития [1]. Социальная технология управления понимается как совокупность методов управления объектом (коллективом, социальной группой, обществом), используемые в алгоритмическом порядке для выполнения целей управления. По сфере применения социальные технологии управления можно разделить на те, которые используются в государственных и коммерческих образованиях. Активное развитие рассматриваемые технологии получили во втором случае, так как органы государственной власти бюрократизированы, не так отзывчивы к инновациям. Во многих коммерческих структурах социальные технологии уже применяются, их опыт можно использовать в государственном управлении. Необходимость использования социальных технологий в государственной сфере определяется причинами: изменение отношений между субъектом и объектом, усилением влияния объекта на процесс управления; появление

новых плоскостей для осуществления деятельности органов государственной власти; осознание роли человеческого капитала и повышение внимания к человеческому ресурсу в целом; становление нового типа общества. Государственное управление обладает спецификой, которую необходимо учитывать: направленность деятельности на пользу населения, масштаб организации, разные источники финансирования и так далее. Главным условием применения социальных технологий коммерческих предприятий для совершенствования управленческого процесса в органах государственной власти является готовность самих субъектов изменять под новые технологии систему государственного управления.

Управленцы выделяют технологии поиска стратегии управления, персонального менеджмента, социального моделирования и прогнозирования. По характеру решаемых задач технологии бывают универсальными (которые можно адаптировать практически к любым сферам деятельности) и частными, применение которых ограничено узкой областью применения. Примером универсальной технологии служит социальное прогнозирование – формирование научно обоснованного предположения о возможных состояниях рассматриваемого объекта в будущем и сроках их достижения. В коммерческих структурах социальные технологии направлены на обслуживание одного клиента, а в государственном и муниципальном управлении эти технологии используются для прогноза развития деятельности социальных служб и всей социальной сферы государства в целом. Целесообразно также выделить технологии социального прогнозирования отдельных стран, регионов, территорий [4].

Прогнозирование как социальная технология необходимо для выработки обоснованных управленческих решений в социально-экономической сфере, для оценки перспектив ее развития. Субъектами прогнозирования регионального социально-экономического развития являются органы государственного и муниципального управления всех уровней, предприятия. Объектами прогнозирования являются явления, события и процессы, на которые направлена деятельность субъектов. В прогнозировании социально-экономического развития регионов используются различные показатели: экономические (структура и объем ВВП, объем и структура капиталовложений, индексы цен и так далее); демографические (структура и численность населения); социальные (уровень жизни населения и доходы, занятость и безработица, степень социальной защищенности) [6].

В современных условиях можно использовать множество универсальных технологий: для поиска решения социальных проблем и поддержания стабильности социальных систем; технологии преобразования и развития социальных систем и другие.

Таким образом, можно говорить о том, что сущность управления изменилась, оно стало в большей степени ориентированным на человека, чем в предыдущие периоды развития общества. Этим объясняется появление социальных технологий, которые решают проблемы различного масштаба. Необходимо, чтобы управленческий процесс в органах власти был адаптирован к среде. Для того чтобы осуществить необходимые изменения эффективно, возможно использование созданных в коммерческих организациях технологий, адаптируя их и саму систему к изменениям. Универсальные социальные технологии могут найти свое применение в различных сферах деятельности органов государственного управления (образование, экономика, безопасность, юстиция, и другие).

1. Баталова А.Н. Социальные технологии управления адаптацией персонала в организациях инновационного типа // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1 (15). С. 161-165.
2. Богдан, Н. Н. Управление социальным развитием организации: учеб. пособие / Н. Н. Богдан, Т.В. Климова; СибАГС. – Новосибирск: изд-во СибАГС 2007. - 204 с.
3. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: «Дело ЛТД», 1994. – С. 38.
4. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я. А. Маргуляна. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. — 436 с.; ил.
5. Фененко Ю.В. Основы социологии управления: учебное пособие / Ю.В. Фененко. - М.: ПКЦ Альтекс, 2005. - 236 с.
6. Холостова Е. И. Технологии социальной работы: учебник / Е. И. Холостова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 400 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Резанова Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

Социологическое обеспечение кадровых процессов в органах государственного управления позволяет повысить эффективность реализации кадровых технологий, оказывает помощь руководителю в принятии управленческих решений и достижении целей кадровой политики.

Sociological providing of personnel processes can improve the effectiveness of the implementation of the personnel technologies, assists the director in making managerial decisions and achieving the objectives of personnel policy in the public administration.

В современных условиях возрастает потребность в социологическом обеспечении кадрового потенциала органов государственного управления, выработке организационно-нормативных механизмов управления кадровыми процессами на основе достоверных социологических данных. Социологическое обеспечение управления кадровыми процессами в сфере государственной службы – система логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, позволяющих получить достоверные данные о текущих и прогнозируемых состояниях, характере поведения кадрового состава, используемых при реализации кадровых технологий отбора, развития и оценки.

Социологическое обеспечение выполняет функцию постоянного насыщения субъектов управления информацией, необходимой при принятии и реализации управленческого решения [1]. В процессе выработки системы социологического обеспечения наиболее важной задачей является определение порядка получения и использования социологической информации в рамках конкурса, испытания, аттестации, квалификационного экзамена, в работе с резервом и обучении кадрового состава органов государственного управления. В данном контексте социологическое исследование является важным источником необходимой информации о профессиональном уровне государственного служащего, о развитии базовых и управленческих компетенций, и выполняет консультационную, прогностическую и контрольно-аналитическую функцию.

Подготовка социологического исследования — процесс, насыщенный разными видами работ, научными процедурами и операциями. Необходимо обеспечить надежную теоретическую базу исследования, продумать его общую логику, разработать инструментарию сбора информации, сформировать исследовательскую группу [6]. В процессе получения социологической информации следует учитывать системный характер кадровых процессов в сфере государственного управления. Для изучения кадровых процессов представляется актуальным использование метода опроса.

Опрос — это метод сбора первичной информации в социологическом исследовании, предусматривающий устное или письменное обращение к исследуемой совокупности людей с вопросами, содержание которых представляет проблему исследования на эмпирическом уровне [5]. На качество полученной опросным методом информации влияют факторы, связанные, с одной стороны, с личностью опрашиваемого, с другой – с деятельностью исследователя. На результаты опроса негативно влияет присутствие при опросе посторонних лиц, неудачно выбранное время и место опроса, несоблюдение принципов анонимности, плохая организация самой процедуры опроса. Метод опроса можно использовать, изучая, например, мотивы текучести кадров, эффективность определенной формы организации труда, характер социально-психологического климата, удовлетворенность трудом, адаптивность молодых работников, вопросы образования и квалификации и др. [1].

Основными видами опроса, которые могут быть использованы в кадровых процессах являются анкетный опрос и социологическое интервью. Особенность анкетного опроса в том, что респондент самостоятельно работает с анкетой: понимает вопрос, обдумывает его и отвечает на него в соответствии со своими знаниями, убеждениями, ценностными ориентациями и др. Преимуществом анкетного опроса является то, что респондент свободен в выборе варианта ответа на вопрос, в выражении своего мнения, влияние исследователя на ход и результат опроса сведено к минимуму. Особенностью социологического интервью является следующее: личный контакт интервьюера и респондента, возможность получения достаточно полной информации о мнениях, оценках, мотивах респондентов; возможность получить дополнительные сведения, важные для оценки объекта исследования, и наблюдать реакцию респондента на вопрос. Однако проведение интервью связано с некоторыми трудностями: требуются значительно большие временные и

материальные затраты, а также подготовленные интервьюеры, владеющие необходимыми приемами; интервьюеры оказываются источником сильного внушающего воздействия [5].

В процессе реализации такой кадровой технологии как работа с резервом, на этапе проведения конкурса можно использовать социологическое интервью, что позволит выявить не только актуальные, но и потенциальные качества и способности, которые предстоит развить в процессе нахождения в кадровом резерве. В частности, можно оценить уровень развития профессиональных и личностных качеств претендентов: уверенность в себе, убедительность в общении, целеустремленность, рассудительность, склонность к компромиссам, эмоциональная стабильность, стремление к власти и руководству и др.

На этапе развития кадрового резерва, а также в рамках технологии обучения государственных служащих, можно использовать анкетирование с целью получения персонифицированной информации, отражающей индивидуальное отношение персонала к личностным и организационным потребностям в повышении квалификации или переподготовки. Это позволит получить репрезентативную информацию, достоверно описывающую причины возникновения имеющейся образовательной потребности, позволит дать наиболее вероятный прогноз дальнейшего развития и сформулировать оптимальные и эффективные пути ее решения. Такая информация играет важную роль в решении вопросов стратегического планирования в управлении персоналом организации или учреждения, обеспечивает обратную связь между субъектами (властными, административными структурами, руководителями предприятий, организаций) и объектами (населением, отдельными социальными группами, работниками) управления, выработку научно обоснованных управленческих решений [1].

Для изучения кадровых процессов в органах государственного управления можно использовать другой социологический метод – анализ документов, представляющий собой совокупность методических приемов и процедур, применяемых для извлечения из документальных источников социологической информации при изучении социальных процессов и явлений для решения определенных исследовательских задач. Метод анализа документов практически так же универсален, как и опросные методы. В практике исследования применяют два основных метода анализа документов: традиционный (качественный) и формализованный (контент-анализ). Традиционный метод анализа документов — это метод качественного анализа документов, который сводится к их чтению, пониманию и интерпретации содержания, и основан на общих логических операциях, таких, как анализ, синтез, сравнение, определение, оценивание. Формализованный метод – это перевод качественной информации в количественные показатели с последующей ее статистической обработкой [6].

Метод опроса, анализ документов и другие социологические методы используются в рамках мониторинга кадрового состава органов государственного управления и оценки эффективности их деятельности. Как метод социологического исследования, мониторинг получил развитие в практике социального управления при изучении процессов с быстрым накоплением количественных и качественных изменений в параметрах исследуемого объекта.

Мониторинг кадровых процессов - это наблюдение, фиксирование и оценка явлений, которые возникают как результат интегрированной совокупности предшествующих событий, концентрированное проявление многообразия взаимодействий и кадровых отношений в наблюдаемой системе [1].

Информационной основой мониторинга является официальная статистическая отчетность о численности руководителей, их образовательном уровне, возрастной структуре, а также их распределение по уровням управления, отраслям, сферам деятельности, административным областям. Используются также статистические данные о численности работников, прошедших повышение квалификации, переподготовку, стажировку, в том числе за рубежом [4].

Оцениваемые параметры в рамках мониторинга: укомплектованность кадрами государственного органа, организации (движение кадров, наличие вакансий); качественная характеристика персонала; методы подбора кадров; резерв руководящих кадров и организация работы с ним; аттестация управленческих кадров; профессиональное развитие кадров [3].

Цель мониторинга – оценка состояния кадрового обеспечения и складывающихся тенденций в работе с кадрами в государственных органах и организациях, своевременное выявление кадровых проблем, эффективное использование кадрового потенциала. Отслеживание изменений количественного и качественного состава кадрового потенциала позволит создавать и поддерживать необходимые условия эффективного функционирования органов государственного управления и иных государственных организаций [2].

На современном этапе развития государственной службы в Республике Беларусь назрела необходимость применения системного подхода к оценке кадрового потенциала государственной службы при помощи социологических методов, учету количественных и качественных параметров, закономерностей и тенденций развития за определённый период времени. Социологическое обеспечение кадровых технологий позволит существенно повысить качество реализации государственной кадровой политики.

1. Давиденко, А.А. Социологическое обеспечение кадровыми процессами: социологический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oaji.net/articles/2014/245-1394264838.pdf>. – Дата доступа: 25.05.2016
2. Деркач, А.А. Акмеология кадровой работы / А.А. Деркач. – Москва: РАГС, 2009. – 308 с.
3. Докучиц, Д.С. Применение современных методов в организации кадровой работы исполкомов базового уровня: пособие. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – 2012. – 82 с.
4. Канеева, Ю.Р. Система мониторинга кадрового потенциала государственной и муниципальной службы в регионе как инновационный механизм повышения эффективности деятельности служащих / Ю.Р. Канеева // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 3. – С. 34-40.
5. Смехнова, Г.П. Основы прикладной социологии. – М.: Вузовский учебник, 2012. – 252 с.
6. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / Ядов В.А. - М.: ИКЦ Академкнига, Добросвет, 2003. - 570 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В СОЦИОЛОГИИ

Рогова А.М. (Санкт-Петербург)

В теоретической социологии вопрос трансформации семьи изучался в разных аспектах. В самом общем смысле трансформация представляет собой переход социальных систем, общностей институтов и организаций из одного состояния в другое. В отличие от всех остальных социальных процессов, процесс трансформации обязательно затрагивает ценности как важные составляющие любой социальной системы.

Семья как ячейка общества, как объект изучения социологии семьи выступает в качестве социального института и в качестве малой социальной группы. С позиций социального института социологию интересует прежде всего выполнение семьей своих функций, целей, ценностей, содержание семейных норм и ролей, взаимодействие с другими социальными подсистемами, то есть «социальная обусловленность явлений, происходящих в сфере семьи и брака на институциональном уровне» [1].

Семья как малая социальная группа изучается на уровне индивидуальной брачно-супружеской жизни людей, то есть взаимодействия между индивидами с позиций семейных ролей внутри семьи. Брачное, репродуктивное, сексуальное поведение, добрачное поведение, родительское и супружеское поведение, семейный уклад и повседневная жизнь семьи, ее влияние на личность, распределение домашних дел, власти, финансовые вопросы, организация досуга, самочувствие в современных условиях – аспекты изучения семьи как малой социальной группы.

В теоретической социологии сложились две точки зрения, объясняющих трансформацию семьи: концепция кризиса и концепция модернизации семьи. Несмотря на содержательные различия, социологи указывают, что семья совершает постепенный переход от патриархальной к нуклеарной и к современной семье, характерной для постиндустриального общества.

Процесс трансформации затронул и российскую семью. Трансформация происходит под влиянием глобальных факторов и процессов, характерных для постиндустриального общества (глобализация, урбанизация и др) и спецификой условий, характерных для России (системных кризис, ухудшение положения большинства российских семей в условиях рыночных реформ, сокращением форм государственной поддержки семьи в 90-е годы).

Постепенный переход семьи от патриархальной к нуклеарной и современной семье начался с середины 19 века и охватывал страны по мере их индустриального развития. Научно-технический прогресс, индустриализация, урбанизация, развитие медицины привели к тому, что семья постепенно перестала быть производственно-хозяйственной ячейкой. Законодательство многих стран поддерживало новую практику семейных отношений. [4]

При переходе от патриархальной к нуклеарной семье, женщина была вовлечена в общественное производство и уравнена в правах с мужчиной. Появилась возможность выбора брачного партнера за пределами своего социального круга. Объявлялось добровольное вступление в брак, возможность развода, возможность регулировать деторождений. Практика семейных отношений активно поддерживалась политикой государства. Государство активно включается в процесс воспитания детей. Постепенно семья перестает быть хозяйственно-производственной ячейкой, происходит постепенная дистанцированность поколений в семье. Предполагалось, что мужчина и женщина будут нести одинаковую нагрузку по обеспечению быта семьи и в вопросах воспитания детей. На практике же советская семья была с «ярко выраженной женской доминантой», то есть женщина несла двойную нагрузку, сочетая выполнение профессиональных обязанностей и домашний быт. Лишь небольшая часть домашних работ выполнялась предприятиями бытового обслуживания в СССР.

В период становления и развития постиндустриального общества уделяется внимание развитию личности, качеству образования и воспитания, раскрепощаются чувства супругов. Становится более свободным сексуальное поведение молодежи, увеличиваются требования к брачному партнеру и возраст вступления в брак. Отношения между супругами по выражению Гидденса, «тяготеют к тому, чтобы быть чистыми»[2].

Описывая механизмы и процесс трансформации семьи в России, исследователи отмечают наложение противоречивых тенденций, что рождает многообразие форм и видов семейных отношений. В России встречаются разные виды семьи: патриархальная (расширенная), нуклеарная, неполная, на основе незарегистрированного брака, однополые браки, моносемьи и другие. В ценностных ориентациях молодежи прослеживается конгломерат семейных ценностей, то есть ценностей характерных для разных видов семьи: патриархальной, нуклеарной и современной (постиндустриальной) семьи. Так, например, выборочные социологические исследования показывают, что молодежь поддерживает заключение брачного контракта (ценность постиндустриальной семьи) и венчание в церкви (ценность, характерная для патриархальной семьи). Кроме того, некоторые практики семейных отношений не проявляются в действии в силу низкой культуры семейных отношений, социально-экономических проблем и особенностей российского менталитета. Так, по данным исследований, брачный контракт, норма характерная для постиндустриальной семьи, есть только у 7% пар. Это вызвано низкой правовой культурой (низким уровнем знаний о правовых основах семейной жизни), низким уровнем жизни (отсутствием собственности у семьи) и правовым нигилизмом.[3]

Несмотря на изменения, семья была и остается важной составляющей жизни людей. По данным выборочных социологических исследований, большинство людей ассоциируют свой образ жизни с семьей, семья в структуре ценностей занимает одно из первых мест. Семейные ценности в процессе трансформации семьи не девальвируются, а наполняются новым содержанием. Таким примером может служить изменение норм многодетности в патриархальной семье на норму малодетности (ориентация на 1-2 детей) в современной семье.[3]

Трансформация семьи затрагивает не только изменение ее функций как социального института. Изменяются и социальные взаимодействия в семье как в малой социальной группе: добрачное, брачное, супружеское родительское поведение.

В условиях рыночных реформ изучаются самочувствие российских семей, жизненных стратегий, изменение ценностных ориентаций. Исследователи отмечают ухудшение социально-экономического положения, снижение воспитательного потенциала семьи, ухудшение морально-психологического климата в семьях, рост девиантного поведения, в том числе и насилие в семьях. Несмотря на многие негативные явления, семья выступает буфером между личностью и обществом, помогая адаптироваться в условиях кризиса. Таким образом, трансформация российской семьи имеет свои особенности и носит противоречивый характер. Многие вопросы остаются пока не изученными.

Трансформация семьи в России осталась незавершенной, поскольку практика семейных отношений включает в себя нормы различных типов семьи, нет четкой ориентации на тот или иной вид семьи. Как указывал Т. Парсонс, трансформация считается завершенной, когда социальная система переходит в новое качественное состояние.[5].

В социологических исследованиях больше уделялось внимание трансформации семьи как социального института, нежели как малой социальной группы. Отдельного рассмотрения требуют следующие аспекты процесса трансформации: 1) региональные, национальные особенности трансформации семьи в России, как сочетаются инновационная и традиционная практика

семейных отношений 2) трансформация добрачного поведения молодежи, особенности вступления в брак, 3) культура семейных отношений в семьях россиян, включая в себя супружеские, детско-родительские и родственные отношения.

1. Антонов, А.И. Социология семьи/А.И.Антонов. - М.: МГУ, 2005. – 247с.
2. Гидденс, Э. Социология: Реферат/ Э.Гидденс - Челябинск.: гос ун-т 1991. – 105с.
3. Давыдов С.А., Рогова А.М. Формирование семейных ценностей молодого поколения в период трансформации хозяйственной системы. Монография. – Изд-во СПбГУСЭ, 2009. – с. 125
4. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18-20 века)/ Р.Зидер. - М.: Мысль, 1997 – 368с.
5. Парсонс, Т. О социальных системах/ Парсонс Т. - М.:МГУ, 2003.- 660с.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТАТУС НАРОДОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ: ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

Родионова Е.В. (Санкт-Петербург)

Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

Крупный экономически развитый мегаполис представляется весьма привлекательным, кажется, что в большом городе легко построить карьеру и достичь головокружительных финансовых успехов. По этой причине в крупных городах России присутствует неиссякаемый поток мигрантов из различных уголков, как нашей страны, так и стран ближнего зарубежья. Столкновение различных этнических групп в борьбе за экономические ресурсы может привести к возрастанию социальной напряжённости и возникновению межэтнических конфликтов, что в дальнейшем может привести к дестабилизации общества в целом. Постоянное изучение межэтнических конфликтов и этнического статуса различных народов как фактора возникновения этих конфликтов, позволяет диагностировать конфликт в его латентной фазе и предпринять профилактические меры для его разрешения.

Проблема этнического статуса различных народов всегда представляла интерес для исследователей, причём к категории этнический статус подходили с разных теоретико-методологических позиций. Прежде всего, необходимо отметить исследования посвящённые положению различных народов в иноэтничной среде, исследования этнического статуса титульного народа в сравнении с другими этническими группами, положение малых народов в полиэтничных регионах [Родионова, Савин, 2016; Сикевич, 1996; Савин, 2016].

Межэтническая толерантность и согласие до сих пор являются ключевой традицией населения страны. Тем не менее, в постсоветский период управление межэтническим разнообразием приобрело особое значение, так как некоторые объединяющие неэтнические наднациональные идентификаторы (идентификация – советский народ) утратили свою силу. Но в то же время З. В. Сикевич отмечает, что «этнический фактор в начале XXI века продолжает влиять на социальное развитие в глобальном масштабе, включая западное общество «постмодерна». [Сикевич, 2011, С. 46]. Во многих полиэтничных государствах попытка свести на нет роль этнического фактора оказалась безуспешной.

З. В. Сикевич следующим образом описывает ситуацию этносоциального неравенства в российском социуме: «Сложная система этнических статусов, обусловленная этнической принадлежностью, а также местом, расширяет социальную дистанцию между представителями разных народов, провоцирует усиление этнической конфликтности. Так, совершенно очевидно, что статус русского в Москве или в Казани, не говоря уже о Грозном или Махачкале, различны, несмотря на принадлежность к титульному народу и национальному большинству всего государства» [Сикевич, 2011, С. 50].

В данной статье представлены результаты исследования, целью которого было выявить межэтнические представления в крупном городе современной России (на материалах Санкт-Петербурга)

Объектом исследования выступали жители Санкт-Петербурга, граждане Российской Федерации

Предмет исследования: – массовые представления по вопросу этнического статуса и этнической стратификации.

Исследование было реализовано в период с 15-20 декабря 2015 года методом телефонного опроса на базе Ресурсного Центра Интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Объём выборки составил 723 респондента (N=723).

В рамках исследования были опрошены 723 человек, 56% опрошенных это женщины и 44% мужчины соответственно. Одной из основных задач исследования была апробация шкалы измерения социальной дистанции Э. Богардуса. Респондентам был предложен список следующих этнических групп:

1. Русские
2. Белорусы
3. Украинцы
4. Выходцы из республик Северного Кавказа (РФ)
5. Выходцы с Кавказа и республик Закавказья
6. Выходцы из республик Средней Азии
7. Цыгане
8. Евреи
9. Китайцы
10. Американцы

Респондентам предложили ответить на следующие вопросы для выявления социальных установок относительно разных этнических групп:

Готовы ли Вы принять представителей этих этнических групп как:

1. Близких родственников посредством брака
2. Как личных друзей
3. Как соседей проживающих на моей улице
4. Как граждан моей страны
5. Только как туристов в моей стране
6. Предпочли бы не видеть их в моей стране

Полученные результаты позволили нам выявить как группу народов-братьев, так и группу народов-коллег, отношение, к которым можно охарактеризовать как деловое (присутствует готовность к сотрудничеству, но нет стремления допустить в ближний круг) и отдельно была выявлена этническая группа – изгой.

В группу братских народов можно включить: русских, белорусов, украинцев и евреев. Причём данные показывают, что респонденты наиболее близкими считают для себя белорусов: 81,5% - готов принять русских как близких посредством брака, а для белорусов этот параметр составил 70,7%. Для украинцев и евреев этот показатель составил 59,9% и 51% соответственно. Если анализировать данные по каждому вопросу, то мы увидим, что, не смотря на то, что украинцев готовы принять в качестве близких родственников почти 60% опрошенных, но по другим параметрам данная этническая группа уступает евреям. Так 62,4% опрошенных готовы принять евреев как личных друзей, тогда как для украинцев этот показатель составляет 58,5%.

В группу народов-коллег, к которым отношение скорее нейтральное, чем отрицательное или положительное, входят выходцы из республик Северного Кавказа, выходцы из стран Закавказья, китайцы, выходцы из республик Средней Азии, американцы. Отнести все эти этнические группы к народам коллегам можно в силу того, что доля респондентов, готовых к сотрудничеству с ними, достаточно велика, а доля респондентов, не желающих вообще видеть их в стране очень низка и колеблется в диапазоне от 8 до 13%.

Единственной этнической группой по отношению, к которой респонденты высказали больше отрицательных утверждений стали цыгане. Доля респондентов, готовых принять цыган в качестве близких родственников посредством брака составила лишь 12,5% (для сравнения выходцев из республик Средней Азии готовы принять посредством брака 23,5% опрошенных), тогда как предпочли бы не видеть их в своей стране 30% опрошенных. Если сравнить данные по последнему утверждению, то мы увидим, что этот показатель почти в три раза ниже для других этнических групп, и более чем в десять-пятнадцать раз выше, чем в группе народов-братьев.

1. Курченко И. Ксенофобия: испытание чужим // <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0215/gazeta09.php>
2. Общественное мнение — 2014. М.: Левада-Центр, 2015. - 234 с.

3. Панина Н. В. Социологический мониторинг. Украинское общество 1994-2005: год перелома. Киев. 2005. – 150 С.
4. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. Москва. - 2012
5. Родионова Е.В., Савин С.Д. Этносоциальные проблемы в зеркале российской социологии // Вестник СПбГУ, Сер. 12. Социология. – 2016. - № 1. – С. 108-123.
6. Савва С.М. Этнический статус: Анализ социально-политического феномена. Москва. 1999.
7. Савин С. Д. Воздействие этнонациональных версий исторического прошлого на массовое сознание современного российского общества // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО — 2016): Труды XIII Всерос. науч. конф. / Санкт-Петербург, 21–22 января 2016 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2016. С. 294–296.
8. Сергеев В. Социальная дистанция и социальные установки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. - 2008. - №12., - С. 57-61.
9. Сикевич З.В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. - №2. – С. 47-58.
10. Сикевич З. В. Русские: «образ» народа. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 152 с.
11. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. Москва: Academia, 2002, - 480 с.
12. Тишков В. А. Этнология и политика. Москва, 2001. – 450 С.

КОНЦЕПЦИЯ КЛАССОВ Н. ПУЛАНЗАСА В КОНТЕКСТЕ НЕОМАРКСИЗМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Росенко С.И., Кумпен А. А. (Санкт-Петербург)

Происходившее во второй половине XX столетия формирование новой технико-технологической базы постиндустриального общества, вызвало существенные сдвиги социального состава классов, социальных групп и слоев. В этой связи в современной социологии существует ряд подходов к идентификации классовых общностей. Одно из центральных мест занимает неомарксистские концепции, рассматривающие общественный процесс как воспроизводство социальных отношений, включающих отношения между классами. Среди них следует отметить теорию греко-французского философа и социолога Н.Пуланзаса, определяющую классы как социальные группы, детерминированные по их месту в производственном процессе и характеризующиеся определенным объективным положением в системе общественного разделения труда. Н. Пуланзас отстаивал положение о том, что экономика играет доминирующую роль при определении классовых границ, но политическая и идеологическая идентификация также играет очень важную роль. Классы существуют только в контексте классовой практики и их можно анализировать только в рамках взаимной оппозиции [1, С.18].

Анализируя классовую структуру формирующегося постиндустриального общества, Н.Пуланзас выделяет рабочий класс, буржуазию и новый средний класс. Особое внимание он уделяет исследованию социального статуса современного рабочего класса как социальной группы, состоящей исключительно из работников материального производства, занятых производительным трудом и создающих прибавочную стоимость. При этом разграничительная линия между рабочим классом и новым средним классом определяется в рамках осуществления производительного и непроизводительного труда. Основным фактором дифференциации рабочего класса является осуществление им производительного труда, трактуемый как труд, направленный на воспроизводство материальных ценностей. Соответственно наемные работники сферы услуг, не производящие товары, а только способствующие их обращению, в состав рабочего класса не входят и образуют новый средний класс [2, С.114-115].

В целом теория Н.Пуланзаса внесла существенный вклад в развитие теории классов и позволила в значительной мере определить основные направления их развития в современном социуме. Вместе с тем представленная концепция требует определенных коррективов по следующим аспектам. Прежде всего в настоящее время производительный труд не является исключительной прерогативой работников, занятых материальным трудом. В современных условиях многие операции, выполняемые в сфере нематериального производства являются непосредственным продолжением производственных процессов. Также следует отметить, что технологическая революция привела к качественному изменению содержания профессиональных функций рабочего класса, в силу чего данную общность уже неправомерно идентифицировать исключительно как лиц, занятых физическим трудом. В этой связи необходимо использовать

комплексный многокритериальный подход при определении границ современных классовых общностей.

1. Poulantzas N. *Classes in Contemporary Capitalism*. – London: New Left Book, 1975.
2. Poulantzas N. *The New Petty Bourgeoisie / Class and Class Structure*. – London: Lawrence and Wishart, 1978.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ростова А.В. (Тольятти)

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда № 16-13-63003.

Важной составляющей инновационного развития региона и страны в целом выступает человек как потребитель и пользователь новшеств. Сегодня стали все чаще появляться работы, посвященные проблеме отношения к новшествам, оценки нововведений, инновационного капитала человека, готовности к инновациям [1, 3-5,7-8]. Вместе с тем следует отметить, что недостаточно внимания уделено такому явлению как формирование инновационной открытости населения, оценке факторов, детерминирующих открытость новшествам со стороны населения. Целью нашей статьи является систематизация основных факторов, обуславливающих инновационную открытость населения.

Под инновационной открытостью населения мы понимаем характеристику населения, которая выражается в готовности и способности адекватно оценивать инновации, понимать необходимость нововведения, встраивать новшества в повседневную жизнедеятельность, детерминированные факторами социально-психологического и социокультурного порядка. Инновационная замкнутость населения – характеристика населения, которая выражается в готовности и способности сознательно и обоснованно отвергать нововведения, стремление придерживаться известных и привычных образцов социальных действий в повседневности.

Инновация, появляясь в обществе и выступая как нечто внешнее по отношению к агенту инноваций, проходит следующие стадии:

- стадия ознакомления, т.е. получение информации о нововведении;
- стадия оценки новшества с позиции целого спектра критериев (доступность, легкость в применении, актуальность и т.д.);
- стадия апробации, то есть испытание новшества в своей повседневной жизни.

На процесс формирования инновационной открытости/закрытости оказывает влияние целая совокупность условий, детерминирующих процесс принятия инноваций в повседневную жизнь, к которым можно отнести макро-, мезо- и микрофакторы.

К макрофакторам, обуславливающие инновационную открытость/замкнутость, относятся политические, экономические, научно-технические, социокультурные и правовые детерминанты.

Если политические факторы связаны с формированием стабильного политического курса, наличием единых принципов инновационной политики страны, уровнем демократизации общества, то экономические – с социально-экономической стабильностью жизни населения, с достойным уровнем жизни, стимулированием инновационной и предпринимательской деятельности. Научно-технические факторы включают в себя развитие науки и техники, уровень финансового и кадрового обеспечения научных исследований, число создаваемых передовых производственных технологий. Социокультурные факторы подразумевают, что инновации и инновационная деятельность «должна соответствовать социокультурному пространству, т.е. быть санкционирована культурой и ментальностью людей» [3].

Правовые детерминанты. Как справедливо отмечает Медянцева Е.В., Аленина Е.Э., инновации, перестав выступать только как часть экономической деятельности, затронули все сферы жизнедеятельности общества, включая науку, образование, культуры. Это в свою очередь требует разработки нормативно-правовой базы на национальном уровне [6, с. 146]. На сегодняшний день правовое обеспечение инновационной деятельности происходит в рамках отдельных программ, что сужает возможности регионов в разработке собственной нормативно-правовой базы.

Мезофакторы включают уровень развития региона, инновационную инфраструктуру, региональные программы инновационного развития, стимулирование предпринимательства. Так, например, в Самарском регионе создана комплексная система инфраструктурных организаций –

институтов инновационного развития: Инновационный фонд Самарской области, Региональный центр инноваций, Региональный венчурный фонд Самарской области, Центр инновационного развития и кластерных инициатив, нанотехнологический центр, технопарк «Жигулевская долина», особая экономическая зона «Гольяты». В области продолжается развитие кластерной политики. В регионе приняты программы развития кластера медицинских и фармацевтических технологий, автомобильного и аэрокосмического кластеров. Также идет развитие нефтедобывающего, химического, агроиндустриального, транспортно-логистического и туристическо-рекреационного кластеров.

Однако, особое внимание следует обратить на макрофакторы формирования инновационной открытости населения, которые включают в себя особенности населения как потребителя новшеств:

1. отношение к инновациям - реализуется как эмоционально-когнитивная оценка субъектами не только новшеств в целом, но и конкретных нововведений. Эмоциональная оценка новшеств в целом может быть выяснена через описания собственного состояния в условиях перманентности перемен, а также через отношение к конкретным инновациям, внедряемым в российском обществе, и степени согласия с новшеством.

2. осведомленность об инновациях и пути получения информации, т.е. понимание смысла категории «инновация», осведомленность об основных инновационных проектах страны/региона и понимание их сути, каналы поступления информации об инновациях.

3. стратегии освоения инноваций, под которыми понимается установка на определенные формы поведения в ситуации появления нововведений в социуме, организации или повседневной жизни.

4. опривычивание инноваций, т.е. становятся ли новшества частью жизни населения и как быстро это происходит.

5. степень востребованности инноваций – осознание необходимости изменения какой-либо сферы или формы деятельности.

6. Социально-демографические и социально-экономические характеристики населения.

Таким образом, инновационная открытость/замкнутость населения формируется под воздействием ряда факторов, изучение которых является важной составляющей при анализе проблем сопротивления/открытости инновациям со стороны населения.

1. Буньковский Д. В. *Инновации в управлении фондом оплаты труда компании (На примере предприятия трубопроводного транспорта) // Вопросы управления. – 2015. – № 3 (15). – С. 149 – 157.*
2. *Зотов В.В., Ленишина О.В. Инновационная деятельность и социокультурные основы модернизации российского общества // http://www.civisbook.ru/files/File/Zotov_Lenshina.pdf (дата просмотра 28.09.2106).*
3. *Ильных С. А., Михайлова Е. В. Инновационная восприимчивость и сопротивление инновациям: социологический взгляд // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4. – С. 12 – 14.*
4. *Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2004. – 192 с.*
5. *Латин Н. И. Люди в инновациях // Теория и практика инноватики: учеб. пособие. – М: Университетская книга, Логос, 2008.*
6. *Медянцева Е.В., Алена Е.Э. Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. № 2. Т.2.*
7. *Насибуллин Р. Т. Вокруг инноваций не только эмоции // Социологические исследования. 2014. – № 9. – С. 58 – 63.*
8. *Овсянникова А.В., Соколова И.В. Роль регионального маркетинга в повышении инвестиционной привлекательности региона // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т 7. №5(30). С. 72.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОРНИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: К СИНТЕЗУ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Рубцова М.В., Хемалатха Нараяномурти, Павенков О. (Санкт-Петербург)

В данной работе мы покажем плодотворность синтеза социологии политики и социологии языка для анализа глобального распространения английского языка как целенаправленного

политического действия, имеющего своих акторов и основанного на противоречивой, но плодотворной комбинации политических идеологий, приведшей к успеху.

Утопия единого глобального языка имеет длительное историческое развитие и отражена еще в мифологии Вавилонской башни. В конце XX была предпринята очередная попытка создания глобального языка путем перехода на английский язык как единственный мировой *lingua franca* для принятия политических и управленческих решений. Противоречивость этой попытки выглядела очевидно на фоне принципиального монолингвизма англо-саксонского мира. Американская концепция «плавильного котла», которая казалось бы уже была забыта к этому моменту и отвергнута за свою односторонность, вновь оказалась актуальной. Общий смысл этой концепции заключается в том, что не существует никаких причин, чтобы английский язык не был бы освоен и стал единственным языком на подконтрольной ему территории. Если можно признать успешность этой концепции для становления американской нации и американского государства, объединяющего группы мигрантов со всего мира, то в глобальном измерении она оказала плохую услугу, создав предпосылки для постоянного превосходства носителей английского языка («native speakers») и дискриминации не-носителей английского языка («non-native speakers»).

Несмотря на то, что считается, что распространение английского языка является стихийным процессом, с позиций социологии политики можно выделить акторов, которые были инициаторами и драйверами этого процесса, а также комбинацию политических идеологий, которая привела концепцию Глобального английского (Global English) к определенному успеху. Известный лингвист, основатель системно-функциональной лингвистики Майкл Халлидей видел первоисточник распространения английского языка в деятельности международных компаний, которым нужны были рынки дешевой рабочей силы и сбыта товаров на базе общих ценностей общества потребления. Таким образом английский стал служить этому неолиберальному запросу, постепенно охватывая все новые сферы - от маркетинга и рекламы до сферы публичной политики и принятия решений.

Однако распространение английского языка было бы невозможным, если бы не армия подготовленных учителей английского языка. Пройдя краткие месячные курсы и получив сертификат CELTA любой носитель английского языка мог немедленно получить работу в любой стране мира, при этом оказываясь высокооплачиваемым, востребованным и весьма уважаемым специалистом, который сразу получал превосходство перед преподавателями не-носителями английского языка («non-native speakers»), даже если они до этого посвятили жизнь его изучению и преподаванию. Как гласит афоризм учителей TESOL: ранее мы отправляли солдат за границу, а сейчас отправляем учителей английского языка.

Это сравнение вообще-то неслучайно, так как новоиспеченные учителя еще характеризовались приверженностью одной идеологической традиции. Достаточно удивительно будет узнать, что этой традицией оказалась по существу западная версия марксизма, на основе которой бывшие соратники по Британской коммунистической партии создали новую педагогическую школу преподавания английского языка, ставящую акцент на освоение определенных жанров высших классов (*genre-based pedagogy*) с целью избегания дискриминации по классовому признаку. Мы не будем останавливаться на лингво-педагогических особенностях этой школы, которая хорошо узнаваема через знакомство с уже распространёнными в России зарубежными учебниками английского языка, наполненными жанровыми сценками и диалогами для детей (взрослых, подготовки к IELTS, и т.д.), делению заданий на языковые навыки и уровни, а также яркой приверженностью к тестовой системе. Мы обратимся к ее марксистской политической концепции.

Дело в том, что неолиберальное продвижение создавало рабочие места с обязательными требованиями английского языка. Это порождало определенный протест, так как рабочая сила не была готова к этим требованиям. На помощь сразу приходили многочисленные преподаватели, которые утверждали, что главная их миссия – это борьба с дискриминацией. Глобальная экономика требует английского языка, поэтому все системы образования должны предоставлять доступ к английскому языку, высшее образование и желательно среднее должно быть на английском языке, корпоративное обучение должно быть на английском языке. Надо говорить, писать и думать на английском языке, и только великолепное знание английского языка спасет от дискриминации.

Таким образом была разыграна драма «плохих и добрых полицейских», при которых «плохие» транснациональные корпорации и затем служащие им неолиберальные органы государственного управления предъявляют жесткие требования к владению английским языком, а

«добрые» учителя, редакторы (proof-editors) и прочие носители языка (native speakers) помогают этому требованию соответствовать за весьма немалое вознаграждение. Была создана весьма «серая» схема распространения языка, так как помощники часто «помогали» скрыто и, следовательно, налогов не платили.

Несмотря на то, что эта система развивается достаточно успешно в течение последних 40 лет (об ее лингвистическом империализме заговорили уже в 1980-е годы), она почти не встречала на своем пути серьезного сопротивления, видимо потому, что с политической точки зрения, была разыграна достаточно интересная комбинация совместной работы неоллиберализма и западного марксизма при формальной взаимной критике друг друга: одни создают дискриминацию, другие ее плодотворно ликвидируют, по ходу перестраивая системы образования, внутрифирменного менеджмента и государственного управления во всем мире. За это время распространение английского языка было признано «естественным» социальным процессом, хотя, как мы видим, если мы попытаемся понять, кому это выгодно, не так трудно найти инициаторов.

Однако так как система постоянно расширялась некоторые попытки рефлексии все-таки осуществлялись. Одна из первых попыток принадлежит Б. Карчу, который собственно был одним из первых и выдающихся учеников основателей марксистской концепции. Как это часто бывает, он первый и увидел скрытые недостатки системы (хотя были еще и оппоненты среди филологов русского языка, например знаменитый польский филолог А. Вежицкая). Марксистские традиции в целом плохо пригодны для выявления национально-культурных особенностей, которые разве что фигурировали в рамках подготовки национально-освободительного движения.

Б. Карчу обратил на это внимание и потребовал создания национальных версий английского языка: то есть говорить мы будем на английском, но на нашем национальном английском, отражающем нашу культуру и менталитет, а совсем не на британском или американском. Эта концепция получила название Мировые Английские (World Englishes во множественном числе, так как их теперь много). Несмотря на многочисленные попытки она скорее носит академический характер, так как ей так и не удалось уменьшить власть носителей языка, успешно использующих свою концепцию избегания дискриминации: ведь только чистый «near natives» английский язык позволит избежать дискриминации, тогда как национальный английский язык – это язык с ошибками, сразу низводящий статус его обладателя в положение низшего социального класса. Все же хотят соприкоснуться с жизнью элиты и на обещании этого выстроена genre-based марксистская педагогика. Можно это явление зафиксировать как почти средневековый мимезис социальных классов красноречиво описанный Ле Гофф в «Цивилизации средневекового Запада».

Несмотря на очевидность высказанных положений можно с удивлением отметить, что данная тема раскрыта в литературе достаточно фрагментарно. Социология политики давно обеспокоена глобальным распространением английского языка, но либо обвиняет во всем «империалистические корпорации» (мы видим, что они одни бы не справились), либо вообще рассматривает этот процесс как спонтанный. В то же время социолингвистика, которая почти аннексирована лингвистами у социологов, не способна на анализ собственных идеологических корней и испытывает явный недостаток социально-политического знания, видимо забыв, что языковая политика – это разновидность политики, а не разновидность языка. Таким образом обе дисциплины становятся источниками новых мифов о «спонтанности» языковых процессов. Тогда как распространение глобального английского языка - это обычная политическая и управленческая технология и должно изучаться в политическом управлении как успешный опыт массового манипулирования сознанием в глобальном измерении.

Halliday M.A.K. and Christian M.I.M. Matthiessen, 2014. Halliday's Introduction to Functional Grammar London, Routledge

Halliday, M.A.K. 1971. Language in a social perspective. Educational Review, 23:3, 165-188, DOI: 10.1080/0013191710230302

Halliday, M.A.K. 1978. Language as Social Semiotic. London. Edward Arnold.

Halliday, M.A.K. 2003. Written language, standard language, global language. World Englishes, 22(4): 405-418.

Halliday, M.A.K. and Hasan, R. 1985. Language, context, and text: aspects of language in a social-semiotic perspective. Oxford University Press

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Руденкин Д.В. (Екатеринбург)

Материал подготовлен в рамках работы по гранту Российского фонда фундаментальных наук (проект № 16-29-09512 «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению»)

Идея о том, что виртуальные социальные сети могут выступать в качестве одной из площадок для зарождения, нагнетания и тиражирования протестных политических настроений в обществе, не нова для социологической науки. Еще после протестных митингов зимы 2011-2012 гг. отечественные социологи отмечали, что многие из участников тех акций обсуждали свои претензии к властям и распространяли информацию о готовящихся мероприятиях именно в Интернете, с помощью блогов и виртуальных социальных сетей (подробные выводы представлены, в частности, в работах Ю.М. Баскаковой [5], Р.Э. Бараш [3], М.В. Мамонова [9] и иных исследователей). Интерес социологов к изучению соответствующей темы явно укрепился после того, как в публичном пространстве распространились версии об использовании виртуальных социальных сетей (прежде всего «Facebook») как инструмента искусственной дестабилизации общественно-политической обстановки в Египте, Ливии, Сирии, Украине и других некогда политически стабильных государствах. Вместе с тем, обманчивый в своей простоте тезис о взаимосвязи между распространением в обществе виртуальных социальных сетей и динамикой политического протеста не может быть полноценно раскрыт без уточнения теоретико-методологических традиций, которые могли бы быть положены в основу соответствующих исследований. Стремясь хотя бы частично разобраться в этих традициях, мы намерены обратиться в данной работе к ревизии основных научных подходов, сложившихся в профильном предметном поле европейской, американской и российской социологии.

Европейская наука подошла к соответствующим тематикам в русле изучения традиционных для себя направлений и сосредоточилась на вопросе о том, как появление виртуальных социальных сетей может скорректировать уже известные представления о социальной реальности. Наработки А. Барда и Я. Зодерквиста [4] сводятся к тому, что широкомасштабное внедрение сетевых связей в социальную реальность приводит к трансформации традиционных систем господства, так как дает возможность включения в политический процесс тем акторам, которые ранее были ее лишены. Исследования М. Капельса [7] сводятся к рассмотрению виртуальных социальных сетей как инструмента работы и импульса развития для разнообразных социальных движений, ранее не участвовавших активно в социально-политических процессах, но теперь получающих возможность играть в них все более заметную роль. Акторно-сетевая теория Б. Латура [8] строится на допущении о фактическом слиянии традиционных социальных связей с виртуальными социальными сетями. В целом европейское направление анализа в настоящий момент опирается на классический инструментальный социально-гуманитарной науки и фокусируется главным образом на вопросе о новациях, способных появиться в традиционных социальных связях при опоре на неизвестный ранее инструмент – виртуальные социальные сети. Итогом изысканий европейской науки в этом направлении стали как новые теоретические разработки, адекватно связанные с классической социальной теорией, так и построение новых концептуальных моделей социального поведения индивидов, которые, однако, пока были лишь частично проверены в ходе эмпирического анализа.

Американским аналитикам оказался наиболее свойственен интерес к характерным чертам, которые отличают коммуникацию в виртуальных социальных сетях от иных типов социального взаимодействия. В работах американских ученых часто прослеживается имплицитная гипотеза, согласно которой виртуальная социальная сеть создает особый тип взаимодействия индивидов, не являющийся прямым продолжением традиционных связей и представляющий собой именно уникальную по своим характеристикам социальную реальность. Например, Л. Спроулл и С. Кайзлер [2] сфокусировали свое внимание на экспериментальном сравнении коммуникации индивидов в виртуальных социальных сетях и за их пределами. М. Зук [1], опираясь на междисциплинарный социолого-географический подход, выявляет особенности конструирования и презентации пространства коммуникации на базе виртуальных социальных сетей. Г. Рейнгольд [10] писал о переходе к информационно-коммуникативным технологиям, обозначая фундаментальные изменения в коммуникационном процессе: новые технологии позволят людям

общаться по-новому и делать что-то новое вместе. Фактически американская наука, изначально имея скорее прагматические методологические установки и не опираясь систематически на классические социологические теории, сосредоточилась в основном лишь на частном вопросе об особенностях коммуникации индивидов в виртуальных социальных сетях.

В российской науке соответствующие тематики начали рассматриваться позднее и на данный момент находятся в разработке относительно небольшого числа исследовательских коллективов. Тем не менее, несмотря на пока относительно небольшой охват темы виртуальных социальных сетей российскими учеными, отечественная наука имеет ряд примечательных разработок в соответствующей области. Так, ряд исследований (А.С. Дужникова [6], И.Е. Штейнберг [13]) были посвящены анализу морфологии и внутренней динамики коммуникации в виртуальных социальных сетях российского общества. Ряд исследований (С.Г. Ушкин [12], К.В. Родин [11]) проводились и в области разработки математического аппарата, позволяющего автоматически выявлять и прогнозировать то или иное поведение индивидов в виртуальных социальных сетях. Учитывая все это, безусловной наработкой отечественной социально-гуманитарной науки стали сбор и обобщение многообразной информации о степени и динамике распространения таких сетей в российском обществе и практик их использования в ходе подготовки конкретных акций политического протеста, а также разработка ряда перспективных аналитических методик. Одновременно с этим проявились относительная редкость концептуальных обобщений эмпирических данных (которые зачастую собираются для сугубо описательных сообщений и гораздо реже становятся фундаментом теоретических выводов), а также некоторая эклектичность интереса к соответствующим вопросам.

В целом даже результаты поверхностного литературного обзора показывают, что современная социологическая наука находится в состоянии интенсивной дискуссии относительно сущности виртуальных социальных сетей и их способности влиять на динамику политического протеста. Видно, что интуитивно многие социологи признают: коммуникация в виртуальных социальных сетях обладает неким особым характером и создает благоприятные условия для нагнетания и распространения протестных политических настроений. Тем не менее, целостного и устоявшегося понимания природы такой специфической коммуникации проследить не удастся. И основываясь на результатах проведенной ревизии подходов, мы бы хотели бы привлечь внимание коллег к пока неразрешенным методологическим неясностям, существование которых, на наш взгляд, и затрудняет адекватный анализ того, как именно виртуальные социальные сети могут использоваться для нагнетания протестных политических настроений.

Во-первых, пока не сложилось относительно устойчивого понимания сущности виртуальных социальных сетей как некой особой социальной реальности. Проблема во многом возникает потому, что исходный термин «социальная сеть», применяющийся для описания соответствующей предметной области, был введен в научный оборот науки еще в 1950-е гг., когда в мире не было коммуникации, опосредованной Интернетом и мобильными телефонами. Не ясно до конца, уместно ли экстраполировать выявившиеся ранее закономерности сетевой коммуникации на виртуальные формы общения.

Во-вторых, нет точного представления о характере влияния коммуникации в виртуальных социальных сетях на протестные настроения пользователей: являются ли такие сети лишь техническим инструментом общения людей, уже имеющих протестный настрой, или же тиражируемый в них контент способен манипулятивно конструировать соответствующие взгляды у изначально равнодушных или нейтральных по своим убеждениям пользователей.

В-третьих, не сложилось однозначного понимания механизма влияния коммуникации в виртуальных социальных сетях на протестное поведение людей: являются ли такие сети сами по себе пространством вербализации и консервации политического протеста или же коммуникация в них способна побуждать пользователей к совершению протестных действий, осуществляемых в том числе и за пределами самих сетей?

В целом, на наш взгляд, основная проблема понимания современной виртуальных социальных сетей связана с тем, что до конца не ясны степень и сущность их взаимосвязи с традиционными разновидностями социальности - например, с теми же социальными сетями, возникающими на базе непосредственной коммуникации индивидов за пределами сети Интернет. Оговорим лишь, что в данной работе мы бы хотели воздержаться от окончательных выводов и в большей степени стремимся обозначить проблемное поле своей дальнейшей работы и пригласить коллег к дискуссии.

1. Dodge M., Zook M. *Internet measurement // International encyclopedia of human geography / Ed. by R. Kitchin, N. Thrift. – Oxford: Elsevier, 2009. – P. 569–579.*
2. Sproull L., Kiesler S. *Connections : new ways of working in the networked organization. 7-th print. MIT Press, 2001.*
3. Бараи П.Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // *Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3. С. 100-109.*
4. Бард А., Зодеркист Я. *Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Санкт-Петербург: Издательство Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге. 2004. 252 с.*
5. Баскакова Ю.М. Общественное недовольство и его проявления в ходе избирательного цикла 2011-2012 гг. // *От плебисцита – к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011-2012 гг. / Под ред. В.В. Федорова. М.: «Праксис». 2013. 496 с.*
6. Дужникова А.С. Социальные сети: современные тенденции использования // *Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99) С. 238-251.*
7. Кастельс М. *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория. 2004. 328 с.*
8. Латур Б. Сети, общества, сферы: Размышления одного из создателей актно-сетевой теории // *Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М. 2013. С. 70-75.*
9. Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // *мониторинг общественного мнения. 2012. № 1(107). С. 5-22.*
10. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М. : ГРАНД: Фаир пресс, 2006. 416 с.
11. Родин К.С. Опыт прогнозирования результатов выборов на основе анализа социальных сетей [электронный ресурс] // Тезисы доклада на IV Всероссийской социологической конференции "Продолжая Грушина" (27-28 марта 2014 г., Москва). URL: <http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s1/Rodin.pdf> (дата обращения: 18.09.2016)
12. Ушкин С.Г. Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // *Мониторинг общественного мнения. 2014. № 6 (124). С. 112-118.*
13. Штейнберг И.Е. "Живые" и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходств и различий // *Социологический журнал. 2009. № 4. С. 85-103.*

ФАРМАЦЕВТИКАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Руппель А.Ф. (Санкт-Петербург)

С конца 20 века все чаще стал поднимается вопрос о медиализации общества. Это связано в основном с тем, что, начиная с того времени, активно начала меняться демографическая ситуация, изменились структуры и причины заболеваний, а также причины смертности в разных странах, рост средней продолжительности жизни [1, с. 256]. Одновременно с признанием в научных кругах роли современной медицины в данных процессах поднимаются вопросы о ее негативных и положительных последствиях.

Так, медиализация представляет собой процесс распространения влияния медицины на все сферы общественной жизни. Этот процесс характеризуется проникновением в массовое сознание медицинского стиля мышления, медицинских концепций и представлений о причинах, формах протекания и лечении болезней, возрастанием зависимости от медицины повседневной жизни и деятельности людей, закреплением медицинских "ярлыков" за некоторыми человеческими свойствами или типами поведения (инвалид, наркоман, алкоголик и т.д.) [2, с. 256]. Так, постепенно здоровье становится не только культурной, но и экономической ценностью, воспринимается как товар, а тело – как что-то, что можно улучшить [3, с. 726].

Фармацевтикализация же является социальным процессом, который развивается совместно с медиализацией. Появление такого феномена связано с тем, что с 1990-х годов, увеличилась роль фармацевтических компаний, поставщиков новых биомедицинских технологий, которые формируют новые медицинские состояния для продвижения и продажи своих продуктов [1, с. 261]. И если процесс медиализации подразумевает, например, внесение определенных видов девиантного поведения в рамки медицины и способам их решения, то фармацевтикализация направлена на выстраивание новых отношений в рамках медицины «потребитель – продавец». Такие исследователи как П. Конрад, В. Лейтер, Л. Пайер, в своих работах утверждают, что появление новых фармпрепаратов порождает к появлению все новых медицинских проблем и патологических состояний [4, с. 158].

Таким образом, можно представить фармацевтизацию как комплексный социально-технический процесс, включающий развитие, управление фармацевтическими препаратами, основанными на социальных, научных и других факторах, включающий различные социально-экономические процессы и разнообразных акторов: медицинские представители (в частности доктора), пациенты или потребители, и регуляторы. С. Вилльямс, П. Мартин, Дж. Гейб одними из первых вывели аспекты фармацевтизации общества, которые наиболее полно отражают данный процесс [5].

Во-первых, сегодня наблюдается переосмысление и переопределение проблем со здоровьем, имеющих фармацевтическое решение. Фармкомпании, как полагает Мойнихан, активно вовлечены в спонсорство определения болезни и продвижение их врачам и потребителям. Они осуществляют также процесс, в результате которого социальное конструирование болезни перемещается в корпоративное «строительство» болезни. Это все включает следующее: преобразование обычных личных проблем в медицинские; представление незначительных симптомов как серьезных; рассмотрение рисков как болезни; создание видимости распространенности болезни для расширения потенциального рынка [6]. Главным средством расширения фармацевтического рынка является прямая реклама на потребителя. Так, такие компании, как «Merck KGaA» и «Pfizer», продавая в начале 21 века лекарства против импотенции, облысения, остеопороза, депрессии, создали новые болезни и сформировали другое восприятие их среди общества.

Данный вид рекламы жестко контролируется во многих европейских странах, так как производители лекарственных препаратов настроены на прямые и независимые отношения с пациентами, превращая их в самостоятельных потребителей. Таким образом, многие фармкомпании выстраивают свою рекламную компанию, маскируя ее под «маску» образования или исследований.

Во-вторых, наблюдается изменения в регулировании и управлении медицинской сфере. Так, одновременно происходит два процесса: с увеличением возможности препарата попасть на рынок возрастает зависимость фарминдустрии от контролирующих институтов. С каждым годом увеличивается количество препаратов от различных заболеваний и фармкомпаний, но для их выхода на рынок необходимо пройти проверку. Для осуществления проверки препарата и представления интересов больных существуют различные компании, ассоциации (например, Food and Drug Administration в США и Росздравнадзор в России и т.п.). Данные организации не только контролируют доступ, качество фармацевтических препаратов, но и помогают ускорить процесс одобрения новых препаратов, основываясь на потребностях и отзывах потребителей. То есть с одной стороны, подобные организации ограничивают деятельность компании, а с другой – помогают продвигать их продукты среди определенной аудитории.

В-третьих, увеличивается роль медиа в конструировании проблем со здоровьем и способах их решения с помощью фармации. СМИ являются одним из главных посредников между фармкомпаниями и потребителями. Распространена реклама на телевидении, по мнению П. Конрада, ведет осознанию больных того, что они могут самостоятельно, без обращения в медицинское учреждение, поставить себе диагноз и лечиться. Также развитие сети Интернет способствовало тому, что людям становится более доступна информация о лечении той или иной болезни, о лекарственных препаратах, появляются такие сервисы, как Онлайн-доктор или онлайн-аптека. Таким образом, фармацевтические препараты рассматриваются как средства решения повседневных проблем.

Четвертым аспектом фармацевтизации общества является создание новых социальных идентичностей и определенных групп потребителей и пациентов. С развитием фармрынка и увлечения препаратов, опускающихся без рецепта, он стал рассматриваться как эксперт, имеющий заболевание, взаимодействующий с экспертами в области медицины и здравоохранения. Он обладает большим количеством информации, может оценивать риски и выгоды, делая осознанный выбор. Такой потребитель, обладающий свободой выбора, и является двигателем фармацевтизации.

Пятая характеристика фармацевтизации проявляется в тенденции употребления лекарств не для медицинских целей, что создает рынок иного характера. В настоящее время тело и здоровье влияет на социальное позиционирование человека в обществе. Поэтому, чтобы соответствовать нормам или тенденциям, люди могут употреблять лекарственные препараты не только, чтобы лечиться, но и для поддержания своего организма в необходимой форме, его

улучшения или изменения. Так, многие употребляют гормоны роста или препараты для увеличения внимания, памяти и развития умственных способностей.

И, шестым аспектом фармацевтикации, является инновации в сфере лекарств, что свидетельствует о том, что данная область развивается. В этом процессе взаимодействуют все заинтересованные лица: ученые, производство, потребители, государство, пациенты, общество и различные контролируемые организации и объединения. Многие исследователи выделяют тенденцию, связанную с персонализированной медициной с профилактикой болезней и лечением индивидуальных заболеваний. Это в свою очередь уменьшает неблагоприятные последствия приема лекарственных препаратов. Также исследования в области медицины и фармации стали более сложными и комплексными с усложнением различных технических средств, контролем и прогнозированием. Однако, это не избавляет фармацевтические компании от страха от переполнения рынка, быстрого увеличения различных тестирований и контроля со стороны сторонних организаций.

Таким образом, можно заключить, что фармацевтизация является сложным социальным процессом, предусматривающий внедрение фармацевтической области во все сферы жизни индивида. Данный процесс предусматривает не только лечение болезни, но и поддержание организма в необходимом состоянии, его изменение с помощью лекарственных препаратов. Фармацевтический режим влияет на то, что пациент, обладая большей свободой выбора и информацией, становится потребителем, самостоятельно принимая решения о способах лечения. Именно вышеперечисленные аспекты, по моему мнению, требуют в будущем более глубокого социологического анализа для гармоничного взаимодействия общества в сфере медицины.

1. Михель Д.В. Медиализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. №4 (60). Выпуск 2. 2011. С. 256-263.

2. Социологический словарь. М.: Экономика. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. 2004.

3. Abraham J. Evolving sociological analyses of pharmaceuticalisation: a response to Williams, Martin and Gabe // *Sociology of Health & Illness*. Vol. 33. No. 5 2011. pp. 726–728.

4. Conrad, P. and Leiter, V. // *Medicalization, markets and consumers*, *Journal of Health and Social Behavior*. № 45.2004. p. 158–76.

5. Simon J. Williams, Paul Martin² and Jonathan Gabe. *The pharmaceuticalisation of society? A framework for analysis* // *Sociology of Health & Illness*. Vol. 33. No. 5. 2011. pp. 710–725

6. Moynihan, R. *Disease-mongering: how doctors, drug companies, and insurers are making you feel sick*. *British Medical Journal*. P. 292.

ЗАВИСИМОСТЬ МОЛОДЕЖИ ОТ ON-LINE – ИГР КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Русанова М.В. (Ангарск)

В компьютерные игры играет все большее количество людей, однако, игра в стратегии или аркады в одиночку у себя дома уже не является привлекательной. Появление интернета дало большой толчок для развития on-line-игр, которые становятся популярными во всем мире. Число игроков, которые проводят за online-игрой по несколько часов в день, с каждым годом увеличивается. Игроки, засиживаются за играми до поздней ночи – это не только молодежь, но и серьезные, вполне состоявшиеся люди.

On-line - игры сейчас доступны всем, поскольку практически в каждой семье имеется интернет, посредством которого человек может выйти в online-игру и сразиться со своими соперниками, даже если они живут в разных городах. Люди, разделяясь на две команды, играют друг против друга, получая удовольствие и на время уходя от своих проблем.

Как и любые компьютерные игры, on-line-игры имеют свои преимущества. On-line - игры способствуют интеллектуальному развитию человека, ведь для того, чтобы принять решение за героя, за которого вы играете, необходимо тщательно обдумать тот или иной ход и проанализировать, его результаты. Отличительной чертой таких игр является общение с людьми: вам приходится сражаться с персонажем, которым управляет реальный человек, а не компьютерная программа. Помимо этого, играя в on-line-игры, человек имеет возможность создавать свой мир и устанавливать в нем свои правила.

Но с другой стороны, виртуальный мир может настолько сильно захватить человека, что он у него пропадает интерес контактировать с близкими и друзьями, приходит боязнь вербального общения. Компьютерные игры сильно воздействуют на психику человека, зачастую игрок не может найти замену любимой игре в реальном мире.

По мнению некоторых психологов, наиболее опасными для психики человека являются «ролевые» компьютерные игры, где человек входит в мир игры и уже отождествляет себя с компьютерным героем, теряет свою индивидуальность и интерес к жизни. Все это в конечном итоге приводит к деградации личности, разрушению социальной и семейной жизни, развиваются признаки деменции, повышается уровень тревожности, возбудимость нервной системы [1].

По данным, предоставленными коммуникационным порталом российского Интернета «Игры Mail.ru», среднесуточное число посетителей на май 2010 год составило 1 600 886 человек, июнь 2011 год – 2 178 298 человек, февраль 2012 год – 3 136 424 человек, март 2013 год – 3 199 356 человек. Психологи говорят, что в России каждый 6 человек, обращающийся за помощью - это обеспокоенный родитель, чей ребенок часами играет в сети интернет. Согласитесь, данные не утешительные. [3]

Психологи утверждают, что у человек, который начинает испытывать зависимость, проявляются такие симптомы, как:

- навязчивое стремление проверять обновления игры;
- постоянное увеличение времени, проводимого за компьютером;
- постоянное увеличение денежных расходов на платные игры и дополнения к ним;
- значительно улучшается настроение от игр и резко портится при их недоступности;
- проявление агрессии по отношению к отвлекающим факторам;
- пренебрежение всеми важными делами в пользу игр;
- неспособность как-либо планировать свое время;
- отказ от общения с реальными друзьями, замена их виртуальными спутниками;
- пренебрежение собственным здоровьем, гигиеной и другими личными факторами в пользу все тех же увлечений.

Страны Азии, которые давно столкнулись с зависимостью молодежи от on-laine – игр, пытаются контролировать ситуацию на государственном уровне. Например, в Южной Корее после смерти подростка, который провел в компьютерном клубе за игрой более 86 часов, эта проблема стала решаться на государственном уровне. Суд Республики Корея признал легитимным запрет на онлайн-игры в ночное время среди подростков. Так же правительство страны взяло на себя роль разработчика программы реабилитации для молодых людей. Для осуществления этой программы игровая промышленность оказала государству финансовую помощь в размере 1 миллиарда иен.

Власти Китая одними из первых назвали эту зависимость клиническим расстройством и тут же приняли все необходимые меры. По всей стране создано более 250 специальных учебных лагерей для зависимых подростков, в которых детям создают армейские условия.

В России на государственном уровне никак не ведут борьбу с зависимостью от on-laine - игр, которая с каждым днем становится все серьезней и серьезней. У нас это не признается самостоятельным диагнозом и не принимаются решения по борьбе с зависимыми людьми, нет официальной статистики, для реальной оценки глобальности этой проблемы. В России наоборот, население сподвигают на участие в on-laine - играх. По телевизору часто проигрывают рекламные ролики популярных компьютерных игр, показывая всю прелесть виртуального мира. В интернете на многих сайтах так же прокручивается рекламная агитация игр. Русскоязычная аудитория стран России и СНГ все активнее интересуется on-laine - играми: к концу 2012 г. объем этого рынка достиг рекордной отметки в 40843 млн.руб. Таким образом, игровая индустрия обогнала кинопрокат в странах СНГ, в которых кассовые сборы по итогам 2012 г. составили 39353 млн руб [2].

Для решения данной проблемы мы предлагаем взять на вооружение опыт Китайской Народной Республики и создать специализированный лагерь с военным уклоном для детей, имеющих зависимость от on-laine и компьютерных игр. Цель данного лагеря - снижение увлечения молодежи компьютерными и online-играми, а так же реабилитация подростков. Задачи – дисциплинировать подростка, оказать психологическую помощь во всестороннем развитии молодым людям, пребывающим в лагере. Необходима работа психологов с родителями и выработка у подростка ответственности, упорства, самоконтроля.

От внедрения проекта ожидаются следующие результаты:

- научить подростка распоряжаться своим свободным временем для своего блага и для блага других;
- развивать ответственность перед самим собой и другими людьми;
- наладить контакт с родителями и с окружением;
- развивать физическую культуру тела;
- повышать интерес к творчеству;
- помочь подростку поверить в самого себя и в свои собственные силы.

Как мы видим из вышеизложенного, on-laine-игры не несут ничего хорошего. Известны массы случаев самоубийств, вражды между родственниками, близкими друзьями, и других трагедий из-за пагубного погружения в виртуальный мир. Игровая индустрия зарабатывает миллиарды долларов на производстве и выпуске этого опасного «наркотика». Глобальность проблемы только начала осознаваться в мире, и очень мало стран вовремя взялись за решение этой социальной болезни. И нашей стране нужно задуматься, пока не разразилась катастрофа.

1. Алексеев, Н.Н. Психологические аспекты поведения человека в киберпространстве // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000. №3. С. 91-107.

2. Игровая индустрия обогнала кинопрокат в России и СНГ [Электронный ресурс] URL: <http://rosopros.ru/news.php?news=2475>

3. Статистика посещаемости online-игр от коммуникационного портала российского Интернета «Игры Mail.ru» [Электронный ресурс] URL: <https://top.mail.ru/visits?id=1838491&days=30>

4. ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ. Профилактика и реабилитация жертв игровой зависимости [Электронный ресурс] URL: <http://ru.calameo.com/books/003978347d6609a95b5f3>

БЭБИ-БОКС В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Рыбакова Л.Н. (Москва)

Бэби-боксами называют капсулы, встроенные в стену учреждения, позволяющие оставить там младенца без угрозы для его здоровья. Своеобразный «почтовый ящик». Как правило, бэби-боксы (ББ) устраиваются в стене медицинского учреждения таким образом, что сигнал о появлении в нём младенца сразу оповещает ответственных сотрудников, которые все свои силы сразу направляют на ребенка и не интересуются «отправителем». ББ расположены в укромном месте, вдали от чужих глаз, чтобы сохранить поступок «отправителя» в тайне. Однако на территории есть соответствующее видеонаблюдение – для возможного использования при повторном обращении «отправителя».

История бэби-боксов (ББ) в мире насчитывает более десятка лет. Она противоречива, и некоторые страны на международных площадках отстаивают свое мнение о запрете ББ. Другие страны (Германия, Чехия, Польша), наоборот, поддерживают практику передачи нежеланного младенца на государственное попечение. В нашей стране функционирование ББ связано с жаркими дискуссиями на федеральном уровне. Проблема заключается в том, что ББ позволяют избежать преступности некоторых родителей (как правило, матерей) против младенцев, но снимают ответственность с родителей и перекладывают ее на государство. Важно, что последнее не афиширует этой «услуги».

Практика показывает, что ББ используют женщины, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации и не сумевшие с ней справиться. По сути дела, в ББ начинается путь ребенка, родившегося в результате нежелательной беременности, и заканчивается путь неудавшегося материнства. Вопрос о том, почему нежелательная беременность завершилась родами вне государственного родильного учреждения здравоохранения (с оформлением официального отказа от ребенка), требует кропотливого исследования на всех звеньях цепочки: характер сексуального поведения – контрацепция - решение о прерывании или сохранении беременности – отношения с ближайшим окружением и поиск ресурсов поддержки – умение предвидеть трудности и искать опору – изучение альтернатив ББ - способность строить свою жизнь. Такая цепочка шагов начинает разворачиваться с ядра – личностных особенностей индивидуального поведения и постепенно расширяет «захват» в социальной среде, заканчиваясь обращением к государственным институтам (опека, усыновление, льготы и т.д.).

ББ нужны государству, чтобы предотвратить преступность и сохранить родившихся младенцев. Стоимость и содержание ББ вполне по силам муниципальному роддому или общественной организации регионального уровня. Здравоохранение готово к принятию сирот в дома малютки (до 3 лет). Затем сфера образования через институты усыновления, опеки, шефства, попечения в приемных семьях берет их под охрану. Большинство детских домов расформировано или преобразовано в «семейные дома», где группа детей, нуждающихся в государственной опеке, живут как бы единой большой семьей с одним или двумя взрослыми. Устройство сирот (детей без родителей) и так называемых «социальных сирот» (при родителях, лишенных родительских прав) – сфера действия системы социального обслуживания семей с детьми, в которой предусмотрены социальные приюты и социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, нуждающихся в государственной поддержке.

Органы социальной защиты населения в последние десятилетия расширяют сферу своего действия и обретают качественно новое лицо. Их адресатом становятся не только пенсионеры и получатели разнообразных льгот и выплат, но также люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию. К сожалению, на муниципальном уровне медленно идет создание кризисных центров и «социальных гостиниц» для жертв домашнего насилия или «одиноких мам». ББ можно поставить в этот ряд – они предлагают выход для жертв трудной жизненной ситуации. ББ можно считать «работой над ошибками», совершенными социальной системой (см. выше о цепочке шагов) или адекватным ее дополнением: не предостерегли «маленькую маму» от опасности, не предоставили своевременной и адекватной информации и помощи.

Вероятно, кому-то может пригодиться – запоздалая? - информация, размещенная рядом с ББ о социальных услугах населению, о полезных телефонах. Врачи и психологи указывают на особое психическое состояние молодой матери. Очевидна и психологическая, и социальная уязвимость женщины, разыскавшей ББ. Это не только несовершеннолетние, ББ используют матери с несколькими детьми, одинокие женщины, мигрантки. Иногда в ББ оказываются дети в шелковых «конвертах». Бывают случаи, когда родственники возвращаются за ребенком, но не имеют на него прав и должны доказывать родство в суде (ДНК-экспертиза, данные с видеокамер, свидетельские показания).

Дискуссия о ББ на федеральном уровне выявила отсутствие заметного их влияния на статистику убийств младенцев – может быть, потому что это явление статистически не уловимое. ББ не решает всех проблем рождаемости и ответственного родительства, но высвечивает, на наш взгляд, степень нравственной зрелости общества, в котором обсуждаются возможности запрета на аборт и главным действенным средством воздействия в социальной сфере считается законодательный запрет – без анализа мнений населения и изучения существующих поведенческих практик.

Приведу случай, свидетельствующий о неоднозначности аргументов, связывающих ББ с поощрением безнравственности и безответственного поведения молодежи. В г. Люберцы Московской области несколько лет существует ББ при родильном доме. Информации в местной прессе о нем недостаточно, хотя он влияет (по местной статистике) на уровень инфантицидов. Однако здесь же нашлась 17-летняя жительница, которая за 150 тысяч рублей продала своего новорожденного младенца. Вынашивать беременность или «дарить» граждан государству через ББ – для этого, видимо, требуются иные аргументы в пропаганде безнравственности, о которой говорит Е. Мизулина, получившая поддержку правительства для запрета ББ. Один из ее аргументов против ББ – затруднительность «контроля за бэби-боксами» и риск торговли детьми [2].

В контексте социального контроля ББ имеет разные аспекты. Выше показано, что существование ББ проявляет неэффективную работу с молодыми женщинами в сфере социального обслуживания населения: оказание дифференцированных услуг, патронажный контроль за неблагополучными семьями, девиантными подростками, информирование о доступной психологической поддержке и иных видах помощи, создание специализированных учреждений (кризисный центр, социальная гостиница и т.п.). О. Исупова в уникальном исследовании матерей-«отказниц» [1,9] констатировала противоречивую практику «давления» на родственников отказных детей. Работники Домов младенца старались уговорить матерей вернуть своих детей, а врачи в больницах, лучше зная материнскую ситуацию, считали, что во многих случаях детям будет лучше под опекой государства. (с.9) Думается, для сокращения количества абортот и отказов от новорожденных в роддомах необходимо усилить сотрудничество женской консультации с социальными службами. Поскольку существует законодательство о неразглашении врачебной

тайны и на этом основании передача сведений о больном нелегитимна, процесс передачи информации о проблеме разумно организовать в ином направлении – социальное обслуживание должно шире рекламировать свои услуги и разъяснять в среде несовершеннолетних и приезжих возможности преодоления трудной жизненной ситуации с государственной помощью. Включение информации о ББ в контекст социальной помощи задает вектор в принятии государственного решения. Альтернативой ББ является рождение ребенка в медицинском учреждении и оформление формального отказа от своих родительских прав на него. В таком случае судьба ребенка может сложиться более благополучно с самого начала – ему подыщут усыновителей. Однако практика показывает, что значительная часть «отказниц» сбегает, не оформив необходимых документов, потому что так психологически легче.

Выше шла речь о ББ как одном из исходов нежелательной беременности. С этим связаны проблемы сексуального просвещения и методов контрацепции, о которых большинство молодых женщин узнает методом проб и советов, к сожалению, втайне от собственной матери. Данные статистики показывают нежелательно высокое количество абортс среди молодых женщин и подростков, высокий уровень заболеваемости болезнями, передающимися половым путем, ВИЧ-инфекцией, а также нередкие гинекологические нарушения среди «неблагополучных» подростков. Это обусловлено теми социальными проблемами, которые стали банальностью при описании нравственного климата общества: ослабление воспитательного потенциала школы и СМИ, снижение авторитета взрослых и семьи в подготовке молодежи к предстоящей жизни, сокращение адаптационного ресурса среды, нормативный хаос и т.п.

В контексте данной конференции важно отметить следующее. Дискуссия вокруг бэби-боксов затеяна политиками, поддержана правительством и руководством РПЦ. Здравый смысл населения не противится идее такого государственного усыновления и воплощен в практике их организации в Московской, Владимирской, Калининградской областях, в Краснодарском и Камчатском краях. Социологических исследований явления нет, отсутствует и заказ на научную экспертизу при принятии государственных решений. В социальной политике превалируют запреты вместо обсуждения причин явления и альтернатив.

1.Исупова О. Материнский отказ от новорожденного: как и почему. СПб, 2003

2.Правительство РФ поддержало законопроект о запрете бэби-боксов -
Электронный сайт Е.Мизулиной elenamizulina.ru /Дата обращения 29.09.2016

КОНЦЕПТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рябцовский Г.В., Болховитина Т. С. (Брянск)

Статья посвящена проблемам реализации государственной национальной политики в Российской Федерации. Цель исследования заключалась в определении закономерностей, устанавливающих обозначение в пространстве текста объектов, предметов и сущностей национальной политики. Первоочередная задача исследования включала выявление количественного состава терминов, определений и категорий в выступлениях и речах политических лидеров, а также определение коннотативных значений терминов для констатации частоты употребления их употребления в политическом дискурсе. На основе исследования авторами сделаны выводы о том, что современный политический дискурс представлен терминами с обозначением объекта действия или события. Однако, конечным итогом всякой коммуникации должно явиться выявление коммуникативных неудач, которые препятствуют стремлению мобилизовать ресурсы на реализацию задач государственной национальной политики.

Article is devoted to sales problems of the state national policy in the Russian Federation. The research purpose consisted in determination of the regularities establishing designation in space of the text of objects, objects and entities of national policy. The priority of a research included identification quantitative structure of terms, determinations and categories in performances and speeches of political leaders, and also determination connotative value of terms for ascertaining of frequency of the use of their use in a political discourse. On the basis of a research authors drew conclusions that the modern political discourse is provided by terms with designation of a subject to action or an event. However, the final result of any communication shall identification of communicative failures which interfere with the aspiration to mobilize resources for implementation of tasks of the state national policy will be.

В разные периоды истории России государственная власть формировала различные модели государственной национальной политики. После распада СССР для России эта задача заключалась в

конструировании существенно новой национальной идентичности как при неопределённости культурно-символических границ конструируемого сообщества, так и в условиях значимых идеологических расколов, затруднивших конструирование моделей коллективной идентификации и не способных стимулировать солидаризацию российского общества, сохранение этнической идентичности и единства многонационального народа. Видеть насколько эффективно гражданская российскость будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью[1,9-12]. Эти и другие факторы обусловили очевидную противоречивость конструирования контекстной модели государственной национальной политики в политическом дискурсе. Для современного политического дискурса, являющегося особым типом институционального дискурса, компаративный анализ ключевых концептов «народ», «народы», «гражданская нация», «многонациональный народ», «граждане России», «россияне», «русские», различные комбинации «этничности», «национальная политика» и др. приобретает сложность и неоднозначность понятийного ряда, с помощью которого даётся представление о общественной дискуссии по поводу принадлежности к российской нации, формируются жанровые особенности государственной национальной политики, присутствующие в публичном дискурсе и актуализируются смысловые конфликты этих категорий.

Кроме этого, само российское общество, уникально своим этническим разнообразием, оно накопило богатый опытом мирного сосуществования и сотрудничества народов и этносов, отличающихся по своей культуре, языку, расе, традициям, истории, религии, на века сохраняя этот цивилизационный багаж. Помимо прочего в логику содержания политического дискурса положено стремление руководства страны кардинально повлиять на политическое видение опасной черты к самоопределению через нагнетание межнациональной неприязни. На это указывают и другие конкретные объективные причины: высокая степень социально - экономической дифференциации «национальных субъектов»[2]; региональная локализация национально-территориальных субъектов; высокая безработица; слабая инфраструктура, а также просчёты в действиях государства: сохранение проявлений дискриминации по отношению к гражданам различной национальной принадлежности в правоприменительной практике; недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер; недостаточный уровень межведомственной и межуровневой координации в сфере реализации государственной национальной политики; слабая система регулирования миграционных процессов, трудовой миграции и вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов. А с ростом объёмов внешней миграции и вызванных этими процессами обострение межэтнических отношений всё больше становятся предметом спекуляции политических сил.

В этом контексте вызывает интерес проведения научного анализа программ и политических позиций, ведущих российских парламентских партий по отношению к государственной национальной политике, чтобы выделить ключевые факторы из политической риторики. Через контент-анализ партийно-политических документов и выступлений лидеров парламентских партий можно выявить все стороны политического дискурса по проблемам национальной политики в Российской Федерации.

Для анализа выбраны четыре политические партии, представленные в Государственной Думе Федерального Собрания России VII созыва, а также статья В.Путина «Россия: национальный вопрос». В целях объективности исследования и приведения выборочной совокупности результатов контент-анализа статьи В.Путина к выборочной совокупности данных контента парламентских политических партий на официальных сайтах, была использована методика направленного количественного выявления единиц анализа, которыми могут быть обобщённые тематические слова или словосочетания, агрегированные в компьютерно-лингвистическом[3]. Применяя встроенные в программу процедуры на основе соотношения положительных и отрицательных оценок, суждений, аргументов, относительно избранной позиции находим коэффициент Яниса[4], предназначенный для вычисления превышения числа положительных оценок над числом отрицательных или наоборот. В частности, были определены две смысловые категории государственной национальной политики, к каждой из которых могло относиться несколько конкретных понятий: межнациональное согласие (нация; история; культура; дружба народов; цивилизация и т.д.); межнациональные противоречия (гражданская нация; национализм, этнофобия; этноконфликты, миграция и т.д.).

Политическая партия Единая Россия(ЕР):

В предвыборной программе партии национальной политике посвящён лишь один абзац[5]. Гражданские ценности ЕР видятся опорной точкой политических воззрений партии на исследуемую область, при этом, делаются оговорки на необходимость поиска компромисса между гражданскими

и национальными ценностями. Анализ контента программы и сайта партии показал, что в обозначенных хронологических рамках, по обозначенной тематике было опубликовано 28 материалов[6]. Большинство, примерно 26 материалов являются набором комментариев лидеров партии, руководителей различных организаций, региональных отделений к статье В.Путина «Россия: национальный вопрос»[7]. Показателен и другой фактор, что полноценная встречаемость такого термина как государственная национальная политика составляет 989 материалов в ссылках на новости и 0% в предвыборной программе на выборах депутатов Государственной Думы VI, VII созывов.

Политическая партия Либерально-Демократическая Партия России(ЛДПР):

Традиционно ЛДПР отличается от других парламентских партий достаточно жёсткой националистической риторикой, лавируя на гранях экстремизма и великодержавия с явной апелляцией к русскому большинству. Особенно отчётливо эта тенденция проявляется во время предвыборных кампаний и во время выступлений её лидера В.Жириновского. Так лозунгом партии на выборах в Государственную Думу 2011 года и программы В.Жириновского на выборах президента Российской Федерации 2012 года стало словосочетание Мы за русских![8].

Существует стойкое желание в выступлениях В.Жириновского драматизировать положение дел во всех сферах жизнедеятельности русских. Ни разу не встретились в анализируемых документах такие понятия как - единство и государственная национальная политика. По сути, национальный аспект сводится к выбору в качестве целевой аудитории русского большинства, которое по данным выборов также является большинством электоральным для партии ЛДПР. Из этого можно заключить, что дискурс ЛДПР и её лидера В.Жириновского по проблемам государственной национальной политики характеризуется следующими особенностями не тематикой межкультурного и межэтнического взаимодействия, а проблемами угнетения этнических русских. Тексты выступлений построены таким образом, чтобы скрыть самые резкие высказывания националистической окраски необходимыми пояснениями, призванными формально снять подозрения в разжигании шовинизма, межнациональной розни, ксенофобии и экстремизма, поэтому все попытки призвать к ответу лидера партии результатов не дают.

Политическая партия Коммунистическая партия Российской Федерации(КПРФ):

Изучение программных документов КПРФ выявило, что тематика государственной национальной политики затрагивается в 2 450 материалах, что является самым высоким показателем среди парламентских партий, и лишь незначительная часть материалов имеет косвенный характер[9]. Немаловажное значение имеет привязка государственной национальной политики к проблемам в области экономики, внешнеполитического курса и социальной политики. В целом все материалы по проблемам государственной национальной политики актуализируют проблемы межнационального согласия. В предвыборных документах партии на думских выборах 2011 года[10] присутствует новый пункт о культурном подъёме, в котором имеется параграф, посвящённый вопросам государственной национальной политике. Базовыми в государственной национальной политике КПРФ является русский вопрос, как вопрос сохранения тысячелетней русской советской цивилизации и физического выживания русского народа. Логически из него вытекающий принцип дружбы народов подразумевает качественное изменение системы социального управления России, выход ее из глобальной ростовщической системы ссудного кредитования, возвращение к приоритету в расстановке кадров, особенно в высших эшелонах власти, по принципу не этнического происхождения, а уровня образования и опыта управленческой деятельности. Что касается предвыборной программы Г.Зюганова[11], то, несмотря на, ознаменовавшее её начало девиз – Русский старт, национальная проблематика в самом тексте сводится к нейтральным тезисам. Из этого следует, что политический дискурс КПРФ представлен широкой гаммой позитивной риторики и системного представления о государственной национальной политике.

Политическая партия Справедливая Россия(СР):

В программе партии Справедливая Россия[12] государственная национальная политика выделена в отдельный пункт программы. Особо подчёркивается важность данной сферы межнациональных отношений. Среди основных тезисов следует выделить тезисы о защите русского языка, интеграции этнических групп в единую гражданскую нацию. Большое место уделяется миграции и её негативным последствиям на этнокультурный баланс. В предвыборной программе С.Миронова[13] на президентских выборах 2012 года о национальной политике говорится лишь в одном предложении с требованием принять базовый федеральный закон об основах национальной государственной политики. В целом основные предложения партии сводятся к запуску процесса

интегрирования народов России в единую гражданскую нацию, однако раскрытие этого понятия, механизмы такой интеграции и не приводятся[14].

Статья В.Путина Россия: национальный вопрос:

Системные проблемы общества всё активно выражающиеся, в последние годы, в форме межнациональной напряжённости были актуализированы В.Путиным в знаменитой статье – «Россия: национальный вопрос», опубликованной в Независимой газете[15]. Включение в анализ данной статьи является ключевым аспектом для исследования проблемы формирования долгосрочной государственной национальной политики. Так, например, если проводить более простые способы измерения, то удельный вес той или иной категории можно вычислить с помощью формулы: $\frac{Чф}{Чоб}$ (число единиц анализа, фиксирующих данную категорию / общее число единиц анализа), а коэффициент Яниса будет равен – 37%, что указывает на довольно сложную оценку ситуации, в том числе за пределами простого количественного исследования числа вхождений актуальных терминов, имеющих высокие положительные оценки (220 ед.). С другой стороны, коэффициент Яниса как критерий оценки содержания текста статьи, констатирует превентивные действия по усилению внимания с одновременным уменьшением внимания к позитивным интересам других участников. Даже с учётом современных реалий в становлении и развитии государственной национальной политики, инструментальное обращение к индексу межнациональных противоречий не утратило актуальности. Таблица 1. Встречаемость концептов смысловой основы национальной политики в дискурсивном пространстве парламентских политических партий.

ЕР	ЛДПР	КПРФ	СР	Статья В.Путина Россия: национальный вопрос
русский(2075); ; нация(614); гражданская нация(142); народы России(2921); межнационал ьяная рознь(76); дружба народов(178); цивилизация(190); ксенофобия(64); советский(2055);	русский(172); народ(102, в основном с эпитетами русский, наш, братский); народы России(21); межнациональн ая рознь(13); дружба народов(20); советский(25); цивилизация(0); ксенофобия(5); гражданская нация(1); национальная политика(3, во всех случаях, в резко негативном ключе); война(16); смерть(13); кровь(9);	государственная национальная политика(2450); русский, русский народ(4020); дружба народов(16100); народы России(15800); советский(4260); цивилизация(655); ксенофобия(53); межнациональна я рознь(154);	национальная политика(5); русский(13); нация(8); гражданская нация(0); народы России(0); межнациональная рознь(1); дружба народов(0); цивилизация(0); ксенофобия(1); советский (5);	народы(5); цивилизация(1); дружба народов(0, но по ревалентности на сайте Президента -1182 раза); русский(11); нация(4); гражданская нация(0); гражданский мир(1); единство(5); частота встречаемости терминов, отнесённых к смысловым категориям: межнациональные противоречия(29); межнациональное согласие(212);

Таким образом, компаративный анализ российского политического дискурса, показал следующее:

1. На принятие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года не от одной парламентской партии не последовало официальной реакции. Единственные источники критики представлены в научных статьях на сайте КПРФ, что подтверждает предположение о переносе всей полноты ответственности на Президента В.Путина и разделять груз ответственности парламентарии не хотят.

2. Национальный вопрос представлен в программных документах российских партий в разных пропорциях, но ни одна из партий не предлагает конкретных программ в данной сфере.

3. Заявления лидеров партий по проблематике межнациональных отношений носят осторожный и сдержанный характер, кроме В.Жириновского.

4. Тематика государственной национальной политики актуализируется партиями лишь в период предвыборных кампаний или в резонансных случаях.

Выводы:

1) политический дискурс КПРФ и Единой России по национальной политике доминирует над политическим дискурсом ЛДПР и СР;

2) в партиях КПРФ и ЕР примерно одинаковое соотношение частотности базовых терминов;

3) большой провал в дискурсе ЕР по вопросу дружбы народов;

4) КПРФ является оппозиционной партией с продуманной программой государственной национальной политики;

5) СР полностью проигрывает как КПРФ и ЛДПР, так и ЕР в вопросах государственной национальной политики, как результат свои позиции она выстраивает с учётом интересов либо КПРФ, либо ЕР;

6) ЛДПР можно приписать к русской национальной партии, которая в политическом дискурсе придерживается крайне негативного отношения к самобытности народов России;

7) в программных текстах партий ЛДПР, КПРФ, СР, представляющих системную оппозицию в Государственной Думе, уделяется большое внимание особой роли и статусу русского народа.

Подводя итог, можно сказать, что предложенная методика сравнения словарных дефиниций содержания государственной национальной политики в политическом дискурсе имеет универсальный характер. Вместе с тем, методика требует доработки математического аппарата интеграции семантического и компьютерно-лингвистического методов.

1. Тишков, В.А. 20 лет российской этнополитики // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году: Ежегодный доклад Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* – М.: ИЭА РАН, 2010. С. 9–12.

2. Как отметил В.Путин на заседании Совета Безопасности от 22 сентября 2016 года «...общие доходы пяти самых богатых и самых бедных регионов отличаются в 43 раза. А если взять самый богатый и самый бедный, даже говорить не буду, там вообще в сотни раз...». См. подробнее: Президент России считает необходимым уточнить приоритеты и задачи региональной политики в стране / *Официальный сайт партии Единая Россия. Новостная лента от 22 сентября 2016* / [сайт]: URL: <http://er.ru/news/146514/>, (дата последнего обращения 01.10.2016).

3. ВРП Костромской области в 2011 году составляло - 90442,6 млн. рублей, что меньше г. Москвы – (10021556,80 млн. рублей) в 90 раз или Республики Татарстан (1275531,50 млн. рублей) в 9 раз. См. подробнее: Регионы России основные социально-экономические 2012 год [Текст] / *Статистический сборник. Информационно-издательский центр «Статистика России», М.: 2013.*

4. Для анализа контента использовался компьютерно-лингвистический комплекс: WordStat 6.1.1. QDA Miner v4.0 Mixed Method Qualitative Analysis Software. [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: <http://provalisresearch.com/>. (дата последнего обращения 01.02.2014).

5. См.: Ruloff R., Frei D. Content Analysis. A survey of techniques with special reference to the analysis of the CSCE Documents // *Kleine Studien zur politischen Wissenschaft. Zurich. 1978. № 147-148. P. 4.*

6. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» на выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (Программное обращение Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» к гражданам России) [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: <http://www.er.ru/party/program/>, (дата последнего обращения 01.02.2014).

7. Официальный сайт партии Единая Россия. Новостная лента: Национальная политика. [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http://www.er.ru/core/tags/news/национальная_политика, (дата последнего обращения 01.02.2014).

8. Путин В. Россия: национальный вопрос / *Независимая газета от 23.01.2012. Раздел -Политика* [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата последнего обращения 01.02.2014).

9. Предвыборная программа ЛДПР. Мы за русских! (111 позиций ЛДПР) [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http://www.ldpr.ru/#party/The_election, (дата последнего обращения 01.02.2014).

10. Текстовый материал для проведения анализа контента и изучения референциальных контекстных связей имеет систематизированный характер привязок к программным документам с ориентацией на региональный электорат и

имеет местно-целевой характер, предназначенный в большинстве своем содержанием на аудиторию пенсионного возраста.

11. Предвыборная программа КППФ. Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину! [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: <http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html>. (дата последнего обращения 01.02.2014).

12. Предвыборная программа Зюганова 2012: Обязательства перед гражданами России кандидата в Президенты от КППФ и народно-патриотических сил Г.А. Зюганова. [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/72139> (дата последнего обращения 01.02.2014).

13. Справедливая Россия. Предвыборная программа 2011 [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http://www.spravedlivo.ru/upload/file/programm2011/Programma_2011_bs.pdf. (дата последнего обращения 01.02.2014).

14. Предвыборная программа кандидата на пост президента России Сергея Миронова [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: <http://president2012.mironov.ru/2012/pre-election> (дата последнего обращения 01.02.2014).

15. Раздел выступления: Сердюк М.: «В каждом регионе страны есть свой Бирюлёво» - 23 октября 2013г.; Раздел новости: 1) Миронов С. «События в Пугачёве свидетельствуют о том, что у нас нет продуманной национальной политики» - 16 июля 2013г.; 2) Бурков А.: «Национальная политика – это полномочия государства, а не мэров» - 01 марта 2013; Раздел статьи: Москалькова Т.: «У России есть внятная национальная политика, стоящая на защите граждан» - 03 июня 2009. Таким образом обобщив контент по проблемам национальной политики весьма противоречив.

16. Указ. соч. Путин В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] / Независимая газета от 23.01.2012. Раздел -Политика [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата последнего обращения 01.02.2014).

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА

Рязанова М.Ю., Рязанова Т. А. (Новосибирск)

В статье рассматривается один из видов социальной идентичности, в частности территориальная, на примере студенческой молодежи города Новосибирска. Среди основных компонентов территориальной идентичности по результатам эмпирического исследования выделен и относительно детально рассмотрен локальный компонент.

This article discusses one of the kind of social identity, in particular territorial identity for case study of young people in the Novosibirsk city. The local component is considered among main components of the territorial identity, it is selected and relatively reviewed in detail as result of empirical study.

На данный момент российское общество представляет собой идентификационное пространство, выделяющее множество вариантов идентификационных стратегий и различные способы их реализации, что требует социологических исследований, учитывающих влияние как внешних социокультурных детерминант, так и внутренних индивидуально-личностных факторов.

Поиск идентификационных стратегий актуален прежде всего для студенческой молодежи, отличающейся от других социальных групп отсутствием сформированности социальной идентичности, неустойчивостью, изменчивостью, реактивностью по отношению к социокультурной среде, но при этом имеющей целый набор ресурсов, определенно способствующих более высокой социальной активности: образованность, молодой возраст, социальная активность, проживание в мегаполисе, в частности городе Новосибирске.

Студенты, демонстрируют собой большую социально-демографическую группу структуры населения нашей страны и города Новосибирска в частности. Новосибирск по праву считается образовательным центром, он располагает обширной сетью образовательных учреждений. В городе 35 высших учебных заведений, в том числе филиалы иногородних вузов, в которых учатся около 141 тысяч студентов, аспирантов и докторантов [1]. Исходя из этого, нужно обратить внимание на социальную идентичность и прежде всего территориальную идентичность студенческой молодежи, которая является культурным и интеллектуальным потенциалом региона, что позволит определить векторы развития и потенциал региона в целом.

В составе понятия социальная идентичность существуют различные виды идентичности, одним из них является территориальная идентичность. По мнению Е.В. Морозова, Е.В. Улько, территориальная идентичность – это переживаемое и/или осознаваемое чувство территориальной

принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность [2]. Она связана с установками воспринимать, интерпретировать и оценивать определенным образом социальные ситуации и события и выделяют различные уровни территориальных идентичностей. Первый уровень, государственная (гражданская) идентичность – осознание принадлежности к обществу граждан того или иного государства, имеющие для индивида значимый смысл. Второй уровень, региональная идентичность – социально-психологическое чувство принадлежности к региональному сообществу, при этом границы региона как понятия ментального совпадают с границами сообщества [3]. Следующий уровень, локальная идентичность – идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, поселка) и т.д.

Блок вопросов, которые мы рассматривали в ходе анализа особенностей территориальной идентичности студенческой молодежи города Новосибирска, был связан прежде всего с отношением студентов к городу/региону и то, как они оценивают свое проживание здесь.

Нами была использована методика вычисления коэффициентов интенсивности близости и было проведено измерение степени интенсивности слоевой близости студенческой молодежи Новосибирской области со следующими общностями (жители Новосибирска, Москвы, Сибири, России т.д.). При этом расчет коэффициентов осуществлялся не только для всей совокупности респондентов, но и с учетом места жительства респондентов до приезда в Новосибирск [4].

Одним из выводов является, то что студенческая молодежь, которая приехали из другого города (села) нашего региона (Новосибирская область) и региона России или СНГ отмечает наибольшую близость к жителям Новосибирска. Почти на равне отметили свою близость с жителями Новосибирской области респонденты, которые родились в городе Новосибирск и те, кто приехал из другого региона России и СНГ. Респонденты, приехав из другого города (села) нашего региона указали близость с жителями Новосибирской области с коэффициентом равным 2,94. Наибольший коэффициент интенсивности близости с жителями Сибири равный 2,25 был отмечен респондентами, которые приехали из другого региона России или СНГ.

Так же по результатам исследования выявлено, что преобладает такой вид территориальной идентичности как локальная, являющаяся компонентом социальной идентичности. Несмотря на то, что респонденты, в сумме имеют коэффициент интенсивности близости с «жителями Новосибирска» равный 6,48, можно говорить о том, что этот вид идентичности преобладает в городе Новосибирске среди студенческой молодежи. Коэффициент интенсивности близости с «жителями Новосибирской области» равен 5,51. Что касается сибирской идентичности (коэффициент интенсивности близости с «жителями Сибири» равен 4,92), то можно сказать, что она чуть менее развита, чем локальная и региональная, но она сильнее, чем общероссийская идентичность в городе Новосибирске. Круг интересов респондентов ограничен исключительно своими интересами, своей территорией. Говоря об общероссийской территориальной идентичности, мы приходим к выводу, что она у студенческой молодежи не до конца сформирована.

Коэффициент близости, с результатом 1,5 выраженный как «есть близость», по отношению к жителям Новосибирска отметили студенты, родившиеся в этом городе. Данный результат понятен именно в своем населенном пункте у большинства населения складывается комплекс производственных и личных взаимоотношений. Многие, прожив здесь фактически всю жизнь, имеют много родственников и друзей. Понятно, что уровень близости к населению Москвы, России и всей Земли во много раз ниже, чем к представителям своего региона и места проживания. Впрочем, обращает на себя внимание скептическое отношение жителей региона к москвичам. Большинство респондентов, которые приехали из другого города (села) нашего региона (Новосибирской области) выделили категорию «есть близость» жителей родного края, в то время как в городе коэффициент значительно ниже. Как важную характерную черту следует отметить наличие в целом положительной идентичности: большинство граждан отметили «есть близость» жителей не только Новосибирской области, но жителей Сибири. Вполне объясним более высокий уровень отчуждения, присущий студентам которые родились здесь. Вследствие чего вышеприведенные тенденции указывают в пользу благоприятных предпосылок для позитивной локальной идентичности и активной адаптации студенческой молодежи среди современных социальных трансформаций.

2. Морозова Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы / Е.В. Морозова, Е.В. Улько // ПОЛИТЭКС. – 2008. – №4. – С. – 142-150.
3. Еремина Е.В. Особенности формирования региональной идентичности в России / Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / Секция 23. Социология региона / ИС РАН, ИПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012. – С. 1455-1456.
4. Г.С. Корепанов Региональная идентичность: социокультурный и социальноэкономический подходы / Г. С. Корепанов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2009. — N 3 (65). — С. 276-284.

ЭТНИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Савин С.Д. (Санкт-Петербург)

подготовлен в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование»

Россия на протяжении всей своей истории являлась полиэтничным государством, стабильность которого зависела, прежде всего, от политики в области этноконфессиональных отношений. Несмотря на то, что колонизация соседних территорий русскими происходила относительно мирно, в основном через заключение соглашений центральной власти с местными территориальными образованиями, с сохранением их статуса, тем не менее, проблема этнического конфликта не пропадала, скорее, замораживалась на длительный период в виде статус-кво [1, 15]. Но с модернизацией общества национальный вопрос все более обострялся, вскрывались внутренние противоречия в вопросах управления, государственной собственности, образования, культуры и др. Как следствие рост этнонациональных движений на окраинах, со все более усиливающимися сепаратистскими тенденциями по мере общественного развития. При этом следует помнить, что социальные изменения порождают новые социальные неравенства, и, соответственно, усиливают противоборство реформаторских и консервативных сил. Этнические конфликты политизируются, а сам политический процесс вследствие этого радикализируется, становится ориентированным на конфронтацию.

В основе этнических конфликтов, так или иначе, всегда лежит субъективно понимаемая сторонами проблема социального неравенства. Под этническим неравенством мы понимаем социальную дифференциацию этнических групп, связанную как с естественными социально-экономическими процессами и спецификой их трудовой деятельности, этническим разделением труда, так и процессы дискриминации, создание искусственных барьеров социальной мобильности. Социальное неравенство как правило отражает ассиметричный характер межэтнических отношений, но важно как сами этнические группы оценивают свой социальный статус, насколько стремятся к его изменению. При этом социальное выравнивание в одних случаях может привести к гармонизации межэтнических отношений в случае интеграции социальных структур и ценностей этнических групп и, напротив, к конкуренции и этническим конфликтам в случае их дезинтеграции. Угроза политической стабильности наступает на стадии политизации этнических конфликтов, когда социальные проблемы неравенства и социальной несправедливости перерастают в политические требования. Чаще всего противоречия этнического неравенства проявляются по трем линиям противостояния:

1. Между так называемыми титульными этносами и другими этническими группами, проживающими на данной территории. Титульные этносы выражают позицию, что это земля принадлежит им исконно, по праву исторического наследия, а значит, они обладают большими правами на управление территорией. При этом численно они могут быть даже в меньшинстве по отношению к остальному населению территории, среди которого также есть общности, проживающие там уже в течение ряда поколений и воспринимающими это место как свою родину [2, 62]. Однако государственно-правовой статус узурпируется титульным этносом, что и ведет к дискриминации. Это одно из самых распространенных этнических противоречий в СССР, а также в России и новых государствах постсоветского пространства. Распад Советского Союза и этнополитический кризис в России 1990-х гг. во многом связан с этим фактором. В республиках и автономных образованиях самой Российской Федерации этнический состав органов власти, ключевые муниципальные должности по-прежнему представлен в основном титульными

этнотами. Лояльность местных властей федеральному центру в обмен на ограничение ими прав иноэтничного населения – порочная практика мнимой политической стабильности. На деле такая стабильность резко переходит в свою противоположность в период политических кризисов. Это парадокс этнической политики, выражающийся в феномене этнического неравенства наоборот, когда государство сознательно дает привилегии отдельным этническим элитам в ущерб принципам межэтнической социальной справедливости.

2. Между этническим большинством и этническими меньшинствами, включая проблему так называемых малых народов. Это противоречие вызвано политикой ассимиляции со стороны большинства и обратной реакцией со стороны меньшинств за сохранение своей культуры и обычаев. Между тем этническое неравенство в данном случае может иметь и социально-экономические основания, связанные с борьбой за ресурсы и социальный статус. Один из основных принципов современной демократии предполагает реализацию воли большинства при сохранении прав меньшинств. Система льгот, квотирования, правовых гарантий для меньшинств во многом сглаживает это противоречие и позволяет эффективно реализовать политическое управление. Примером в данном случае может выступить политика России в области защиты прав коренных малых народов севера. Принятие в России специальных законов и государственных программ по защите коренных малых народов севера сыграло важную роль в сохранении, как самих народов, так и среды их проживания. Как отмечают российские специалисты-этнографы, ни один малый народ севера не только не исчез за последнее время, но напротив, отмечается социально-демографическая стабильность этих этносов. Система льгот и права на землю, предоставленные законом, с одной стороны ставят эти этносы (ок. 250 тыс. чел.) в более привилегированное положение по сравнению с другими проживающими в условиях крайнего севера, но с другой стороны создает благоприятные условия не только для их сохранения, но и развития [3, 77]. Однако и в этом случае можно заметить недостатки и противоречия, поскольку отсутствие подобной политики в отношении коренного русского населения Севера привело к социально-демографическому кризису огромных территорий, фактическому обезлюдиванию традиционных русских поселений [4]. Возникает потребность проведения особой политики поддержки не только в отношении отдельных этнических групп, что порождает этническое неравенство, конфликты и вытеснение других групп, но в отношении территориальных сообществ, которые призваны развивать механизмы самоорганизации, формировать эффективные институты самоуправления этих территорий. И это касается не только северных регионов, но и других малозаселенных областей России.

3. Между постоянным или коренным населением и мигрантами. Мигранты будь у них более низкий или наоборот более высокий социальный статус выступают конкурентами местного населения в тех или иных социально-профессиональных областях деятельности, порождают новые социальные неравенства в регионе. Группы мигрантов это как правило этнические группы, что позволяет им в большей степени задействовать механизм коллективной адаптации на новом месте жительства. Таким образом, социальное неравенство начинает принимать этнический характер, форму этнического неравенства. В России остро стоят вопросы этнофобии на бытовом уровне в результате миграции, заметно меняющей этнический состав городов и крупных поселений. Некоторые исследователи даже выделяют на этой основе изменения в социальной структуре, говоря о феномене нового «низшего класса в России, который составляют представители нерусских этнокультурных общностей мигрантов [5, 69-70], или новое этническое неравенство на анклавных рынках труда, чреватое серьезными конфликтами [6]. Вспышки конфликтов из-за преступлений или неправомерных действий совершенных мигрантами или в отношении самих мигрантов имеют большой общественный резонанс. В частности события в Кондопоге (сентябрь 2006 г.), на Манежной площади (декабрь 2010 г.), в Бирюлеве (октябрь 2013) привели к массовым беспорядкам и вмешательству федеральных органов власти и правопорядка. В настоящее время происходит некоторое снижение уровня ксенофобии в российском обществе на фоне как уменьшения потоков миграции, так и в результате внешнеполитических угроз, заставляющих общество сплотиться и забыть на время о внутренних противоречиях. Тем не менее, проблемы этнического неравенства и адаптации, интеграции мигрантов в принимающее общество не исчезли, сохраняют свое дестабилизирующее значение в условиях социально-экономического кризиса.

* Исследование подготовлено в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными

конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

1. Миронов Б.Н. *Российская империя: от традиции к модерну* : в 3 т. / Б. Н. Миронов. — Т. 1. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. - 896 с.
2. Тишков В.А. *Этнология и политика. Научная публицистика*. – М.: Наука. 2001. – 240 с.
3. Соколова З.П., Степанов В.В. *Коренные малочисленные народы севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение*. 1997. №5. С. 75-95.
4. Шабаетов Ю.П., Садохин А.П., Кузнецова А.Ю. *Российская идентичность Русского Севера: история и проблемная современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология*. С. 127-140.
5. Абдулкаримов Г. *Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России: Этносоциология модернизации современной России*. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 336 с.
6. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. *Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования*. 2005. № 8. С. 90-100.

ОСНОВНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ

Савинов Л.И. (Саранск)

Понятие защита раскрывается не только в таких понятиях кого защищать и каким образом это делать, но не менее важным является и такое понятие как «от кого защищать». Получается, что мы приходим к такому вопросу, что в человеческой социокультуре имеются вызовы в отношении семьи и данные вызовы имеют потенциал и стремление принести семье вред. Что это за вызовы, как их измерить, чтобы представить адекватную защиту. Если общество обладает сформированным желанием защищать семьи, то на какие конкретные действия общество способно пойти реализуя свое желание. В своем стремлении защищать семью, общество действуя в этом направлении должно знать цели.

Социальная защита семьи является древнейшим механизмом, выработанным обществом. Человек изначально воплощен в наличие отношений с другими людьми, он является существом и биологическим и социальным одновременно. Это означает что человеку изначально свойственна взаимосвязь антропоцентричности с эгоцентричностью. В жизнедеятельности первых социальных групп существовавших в первобытно-общинном обществе были заложены семена из которых в течении многих веков, пробиваясь через слои социокультуры оставленные сотнями поколений появились первые ростки из которых в наше время сформировалась система социальной защиты семьи. Наши далекие предки на практике неоднократно видели, что при объединении действий можно достичь существенно большего результата, чем при индивидуальном действии.

Указывая на первое объединение людей в качестве истоков будущего формирования социальной защиты, мы не должны забывать самого человека.

Истоки социальной защиты семьи в группе наряду с процессом помощи и поддержки от группы одновременно содержали и другой социально значимый процесс – процесс индивидуализации (почему именно данная семья, женщина, ребенок нуждаются в помощи). Это еще одно из пояснений особенности природы человека, она с одной стороны индивидуальна, а другая ее сторона – групповая и общественная. Взаимосвязь индивидуального и общественного в человеке способствует пониманию эволюционной тенденции становления и понимания социальной защиты семьи.

Индивид для удовлетворения своих влечений и потребностей должен был принадлежать к определенной социальной группе. Нашим предкам было важно ощущать личную защищенность, а также защищенность родителей, женщин, детей.

К постоянному источнику способствующему становлению системы социальной защиты семьи необходимо отнести рождение детей. Дети олицетворяет собой и индивидуальную и общественную потребность. Любому живому сообществу присуща потребность в своем воспроизводстве.

Изначально даже в первых малых группах людей было известно то, что женщине родившей ребенка необходима была помощь и защита со стороны других членов данной группы. В группе по поддержке женщин с детьми формировались привычки, которые со временем переросли в групповую солидарность.

Смысл социальной защиты семьи несомненно также определяется ее потребностью для человеческого бытия.

Влияние групп на семью и на становление системы ее социальной защиты глубоко исторично и социально. Ян Щепаньский считает, что источники человеческого поведения необходимо искать не во врожденной психофизической структуре, а в структуре тех групп, которые оказывают сильнейшее формирующее влияние на человека [1, 64].

Первоначальные задатки социальной защиты семьи, сформированные затем в привычки, правила и нормы проходили сложные испытания в группе на фоне сочетания отчужденности и солидарности. Особая роль в данном процессе необходимо отвести эмоциям. В процессе сострадания по отношению к слабым (детям, женщинам с детьми, голодным, больным и раненым) у индивида в группе возникали ситуации которые помогали обнаружить свое сущностно социально-биологическое родство с другими людьми.

В действиях, направленных на сплоченность группы, правила и нормы стали играть направляющую роль.

Процесс становления и углубления абстрактных правил групповой сплоченности создавал новые, весьма своеобразные возможности для развития индивидуального сознания [2, 55].

«Социальный вес» защиты семьи и ее ценностей стал весьма заметен в период распространения общин. Для семьи характерны проявления эмоционально-родственной близости, разные виды взаимопомощи на основе гендерной и возрастной особенностей человека, проявление чувств симпатии и сострадания. Возращение данных свойств семьи в условиях общины проходило на плодотворной почве. «Общинная культура», «Дух общины», «Власть мира» способствовали накоплению социальной энергии. Община явно напоминала о единстве человеческого рода.

Субъектом социальной защиты семьи в общинах была сама семья и община в целом. Первые формы и механизмы помощи семьям и ее членам были негосударственными.

В социологической науке принято рассматривать отношения между семьей и государством в качестве институциональных.

Между государством и семьей, на наш взгляд, сформировались в социокультуре следующие тенденции, при выделении которых, мы также опирались на справочный и практический материал [3; 4; 5; 6; 7]: между государством и семьей всегда существовали и существуют автономные виды поведения; в исторические периоды, когда существование государства ставилось под сомнение, давление на семью резко возрастало; с развитием государства функции семьи и ее социальный капитал попадали в зависимость от государства; с течением времени возрастало издание законодательно-правовых актов связанных с семьей и ее ценностями; с течением времени государство предпринимало самые разные попытки для прямого или опосредственного влияния на разные сферы жизнедеятельности семьи; семья в качестве более древнего социального института постоянно старались не утратить свою самостоятельность, несмотря на усиление давления со стороны государства; современное государство противостоит семье в деле решения проблемы иждивенцев (детей, инвалидов, пожилых родителей) в целях уменьшения зависимости индивидов от семьи; в современной социокультуре идет процесс приватизации семьи государством (пенсии, пособия подорвали семью как экономическую единицу и как межпоколенное страхование, законы о независимости детей оспаривают родительские права, семья все более стала зависеть от государственной помощи (образование, работа, жилье, место жительства, пенсии, льготы и т.д.); обязательное государственное образование и государственная социализация детей привела к снижению воспитательного потенциала семьи, к малолетности и к подрыву семейного контроля; единство семьи сегодня далеко не в первую очередь зависит от ее членов, т.к. государство предлагает условия, которые способствуют разрушению целостности института семьи.

Материнство и отцовство все в больше количестве стран становятся в ранг с профессией. Это явление в социокультуре новое, и оно не имеет однозначной оценки [8, 111]. Реальность родительства сегодня такова, что без государственной системы социального обеспечения невозможно представить жизнедеятельность семьи; фактом является также и то, что государственная система социальной защиты не решила глубоких социальных проблем семьи и родительства.

В качестве подтверждения причин развала семьецентристского строя жизни приведем слова известного ученого Аллана Карлсона. «Огромная ошибка либералов лежит в исходной точке, в истоке самой концепции: первоэлементом общества не является, и не может быть, и

никогда не будет индивид. Социальный порядок и истинная свобода зависят от признания роли семьи как фундаментальной единицы, или клетки общества... Великое либеральное заблуждение заключалось в отделении индивида от естественной защиты семьи, что делало каждого человека легкой добычей для государства-агрессора, стяжательской корпорации и превозносящей себя нации» [9,15].

Система социальной защиты семьи – это человеческий продукт, он создается человеком в процессе непрерывного производства. Начиная от первых поступков связанных с самозащитой семьи и завершая на сегодняшний день защитой семьи Конституцией государства и Декларацией ООН, вся человеческая социокультура свидетельствует о том, что социальная защита семьи является антропологической необходимостью.

Декретом нельзя учредить как систему социальной защиты семьи, так и ее востребованность и ее эффективность; здесь проявляется слабость государства и наоборот явно видимым становится социальный капитал семьи, группы, общины.

Может ли современная российская семья чувствовать себя защищенной и доверять государству в условиях несправедливого, необъяснимо дифференцированного распределения общенародного богатства. Аникеева О. А. отмечает, что появилась «Тревожная тенденция проявилась в исследованиях, в которых россияне выразили растущие сомнения в способности современного российского государства защищать своих граждан в том, что благополучие может быть достигнуто своими силами. Угнетающе действуют быстро нарастающее социальное неравенство, многочисленные перемены в правилах ведения бизнеса, постоянно растущие цены и высокий уровень инфляции, высокий уровень риска во всех сферах жизнедеятельности, отсутствие стимулов для развития активности» [10, 133]. Защита семьи должна стремиться самоотжественности обществу, но не государству, в то же время она должна творчески эволюционировать.

1 Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.

2 Савинов Л.И. Социокультурная детерминация процессов становления и изменения социальной сплоченности / Социальная сплоченность как историческая и практическая проблема России в современных условиях: монография / под. ред. П.Д. Павленка, Т.М. Мозговой. М.: Инфра-М, 2016. 233 с.

3 Опыт и проблемы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства в современных условиях / под общ. ред. В.И. Жукова; авт. кол.: Г.И. Осадчая [и др.]. М.: Изд-во РГСУ, 2009. 400 с.

4 Поддубная Т. Н. Справочник социального педагога : защита детства в Российской Федерации / Т.Н. Поддубная, А.О. Поддубный; науч. ред. Р.М. Чумичева. Ростов н/Д : Феникс, 2005. 473 с.

5 Российская энциклопедия социальной работы / под ред. Е.И. Холостовой. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2016. 1032 с.

6 Соловьева Т.В. Социальная защита детства: учебное пособие / Т.В. Соловьева. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 154 с.

7 Холостова Е.И. Социальная работа с семьей: учебное пособие. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2006. 212 с.

8 Савинов Л.И. Родительство – основная социокультурная технология сопровождения детей / Л.И. Савинов // Известия академии педагогических и социальных наук. М.:– 2008. №12. ч.1. С.108–114.

9 Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М.: Издательский Дом «Грааль» 2003. 288 с.

10 Аникеева О.А. Профессиональное и непрофессиональное социальное образование в формировании социальной сплоченности общества / Социальная сплоченность как историческая и практическая проблема России в современных условиях: монография / под. ред. П.Д. Павленка, Т.М. Мозговой. М.: ИНФРА – М, 2016. 233 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Савченко И.А. (Егорьевск)

Несмотря на безусловную значимость государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности в России, на сегодняшний день нельзя сказать о том, что она является полностью сформированной и сбалансированной, располагает всей необходимой для эффективного функционирования информационного общества научно-теоретической и методологической базой. Информационная сфера находится в стадии формирования и постоянно

корректируется, исходя из объективных предпосылок изменяющейся внешней среды. Кроме того, становление информационной государственной политики происходит в условиях серьезного конфликта интересов, который возникает как на уровне внешнеполитическом, так и на уровне различных сил и факторов внутри национального сообщества. [3, с. 55]

В Российской Федерации принято подходить к информационной безопасности как к защите интересов страны в сфере информации, когда целью является достижение баланса интересов государства, социума и граждан.

Государство формирует стратегические и оперативные задачи как на внешнеполитическом, так и на национальном уровне, исходя при этом из национальных интересов страны в сфере информации.

На сегодняшний день роль информационной сферы в общественной жизни существенно возрастает, что продиктовано следующими факторами:

- социально активная часть граждан демонстрирует постоянное увеличение потребности информационных связей как в России, так и за ее пределами;

- информационная инфраструктура стремительно развивается (в том числе телекоммуникационные технологии, средства связи) при параллельном увеличении информатизации всех сфер человеческой жизнедеятельности, включая государственную власть и управление, что ставит в прямую зависимость вопрос эффективной деятельности как социума, так и государства;

- наблюдается все более высокая зависимость сознания людей от СМИ и массовых коммуникаций на всех уровнях человеческого сознания (личного, группового и массового). [5, с. 38]

Это дает возможность сделать вывод о национальных приоритетах и интересах нашей страны касательно области информационной деятельности и защиты информации.

Практическая реализация государственной политики РФ в области обеспечения информационной безопасности находится под влиянием множества объективных факторов. В частности, серьезное воздействие на данный процесс накладывает существующий кризис, затрагивающий высокотехнологические отрасли промышленности и иные реальные секторы экономики страны. Для того чтобы добиться полнофункциональной и своевременной реализации государственной политики РФ в сфере информационной защиты национальных интересов, необходимо обеспечить всестороннее взаимодействие общества и государства в прикладных аспектах при проведении конкретных мероприятий. Это становится возможным в том случае, если общество обеспечит понимание и поддержку ключевых положений государственной политики, будет разделять основные принципы.

Анализируя современное положение с информационной безопасностью в нашей стране, можно сделать вывод, что на данном этапе своего развития ее следует признать недостаточной и не вполне соответствующей государственной политике и общественному запросу. [4, с. 11]

Основной причиной несбалансированности и несовершенства сферы информационной безопасности в Российской Федерации можно считать нормативную базу, которая является недостаточной и во многом противоречивой. К примеру, множество нареканий вызывает вопрос осуществления установленных Конституцией информационных прав личности и гражданина, законодательные ограничения для которых не являются целостными и последовательными. Наиболее остро стоит тема баланса между национальными и государственными интересами (в частности, вопросы оборонного значения) и защитой прав и свобод граждан на своевременное и полное получение достоверной информации.

Не меньше нареканий вызывает и законодательное оформление взаимоотношений в сфере массовой информации, которое делает возможным ограничение доступа к достоверной информации широких масс населения, несет возможность искажения сведений, манипулирования и как результат способствует дестабилизации нормального общественно-политического взаимодействия. [4, с. 13]

В Конституции РФ закреплены достаточно широкие права личности на защиту персональной информации касательно частной жизни, личной и семейной тайн, переписки и прочее. Однако для того, чтобы эти права защищались в повседневной жизни, необходимо соответствующее законодательное подкрепление, равно как организационные и технические инструменты, позволяющие выполнить весь комплекс необходимых мероприятий. [6] Однако в настоящее время подобным требованиям не могут соответствовать даже органы государственной власти федерального, регионального и местного уровня, которые теоретически должны

соответствовать мировым стандартам в области защиты персональных данных, которые они получают в силу своих полномочий от граждан. [1]

Существуют проблемы государственной политики при реализации задачи создания целостного российского информационного пространства. Это связано и с недостаточно четкой и системной организацией массовой информации, и с межрегиональным взаимодействием, и с международным обменом в сфере информации. Данные недочеты способствуют вытеснению российских СМИ и информационных агентств с национального рынка информации и в конечном счете деформирует и дестабилизирует каналы международного обмена информацией. Кроме того, информационные агентства испытывают сложности с выводом своей продукции на международный рынок, чему также способствуют вышеназванные факторы, и теряют с трудом завоеванные в конкурентной борьбе позиции.

Следует также отметить ухудшающуюся ситуацию с выполнением органов власти задач охраны государственной тайны. Дело в том, что российские информационные технологии значительно отстают от существующих современных запросов, которые предъявляются с точки зрения их функциональности, надежности, удобства пользования. Поэтому информационные системы различных органов власти РФ вынужденно создаются на базе импортных программных решений и привлечения зарубежных специалистов-разработчиков. [2]

Это закономерно увеличивает опасность возникновения несанкционированного доступа к той информации, которая проходит через данную информационную систему. Мало того, что в случае информационных систем государственных органов это потенциально влечет за собой искажение и утечку разнообразных конфиденциальных сведений, но и снижает возможности развития конкурентоспособности российских производителей компьютеров, программного обеспечения, средств связи. Соответственно, возрастает зависимость нашей страны от иностранного производителя, что стратегически нельзя оценивать как положительное явление.

Таким образом, системная реализация информационной безопасности на государственном уровне в РФ – это элемент национальной безопасности и отражение реализации государственной политики. Основой обеспечения государственной политики РФ в сфере защиты информационной безопасности является четкое разграничение зон ответственности и соответствующих полномочий между различными уровнями, ветвями и органами государственной власти согласно действующей иерархической структуре.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Бойко С.С. Основные направления государственной политики в сфере правового регулирования информационных отношений [Электронный ресурс] // Sci-article : [сайт]. - [Б.м.], 2015. - URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1410265276> (дата обращения 21.09.2016)
3. Кучерявый М.М. Основные направления государственной политики РФ в области обеспечения международной информационной безопасности // Власть. - 2013. - № 12. - С. 54-59.
4. Мартиросян Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мартиросян Тигран Амбарцумович ; [ГУ «ВНИИ МВД РФ»]. - Москва, 2015. - 31 с.
5. Пономаренко Б.Ф. Обеспечение информационной безопасности РФ в ходе реализации стратегических национальных задач // Век качества. - 2013. - № 4. - С. 38-40.
6. Прокофьев Д.Н., Савченко И.А. Защита информации в организации // Теория и практика современной науки. 2016. №5 (11). С. 812-814.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ АССОЦИАЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ТРАДИЦИОННОЙ И НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ С ГОСУДАРСТВОМ В РОССИИ

Сало Е.П. (Москва)

В России действует большое число профессиональных ассоциаций в области альтернативной и народной медицины. В законе об общественных организациях четко сформулировано, что они могут самостоятельно решать. Однако на практике это не получается. В основном вся деятельность в сфере медицины регламентируется Минздравом. Сейчас это

неоправданно, так как медицинская сфера находится в кризисе из-за плохой материальной обеспеченности бюджетной медицины, снижения качества медицинского образования и отсутствия стимулов для работы. У Минздрава нет средств, чтобы руководить таким огромным аппаратом медицины, реально вникать в какие-то тонкости. В принципе Минздрав должен сотрудничать и работать вместе с профессиональными ассоциациями. Однако пока Минздрав предпочитает игнорировать деятельность профессиональных ассоциаций и считает, что они не справятся с решением поставленных задач.

Постановка исследовательской задачи

С 1 января 2012 г. вступил в силу новый Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», статья 50 которого должна регулировать деятельность практиков народной медицины. Только членство в профессиональных медицинских ассоциациях дает право практикам народной медицины легально осуществлять свою деятельность на территории Российской Федерации.

Исследование было направлено на проведение анализа процесса взаимодействия профессиональных медицинских ассоциаций с государством в России на современном этапе.

Основной целью исследования было изучение деятельности профессиональных медицинских ассоциаций и саморегулируемых организаций в России с учетом опыта западных стран.

Исследование было проведено в рамках качественной методологии; был использован такой метод, как анализ документов.

Деятельность профессиональных ассоциаций в западных странах

В странах рыночной экономики различные роды занятости и профессии осуществляют свою деятельность посредством участия в профессиональных ассоциациях. Благодаря такому членству профессионалы смогли защитить себя от рыночной конкуренции, специализированное знание передавалось ученикам и поддерживалось на должном уровне за счет контроля ассоциации [1, 2003. С. 85–86.]. Формирование профессиональных ассоциаций проходило на основе концепции социального закрытия Ф. Паркина, т.е. ограничения профессиональной группой доступа к редким ресурсам [2, 1974].

М. Сакс отмечал, что «регулирующее соглашение» между государством и профессиями имело преимущество для обеих сторон. Оптимальной стратегией для большинства родов занятости являлось стремление к самостоятельному регулированию профессиональной деятельности, которое обеспечивало группе большую автономию и защищенный рынок. Саморегулирование приводило к увеличению коллективных и индивидуальных статусных вознаграждений, а также к более высоким доходам и власти [3, 1995]. С другой стороны, государство было заинтересовано в компетентности групп, практикующих в сфере медицины и социального обеспечения. Кроме того, государственное регулирование профессиональной деятельности требовало высоких финансовых и временных затрат. Если профессиональная группа была готова самостоятельно регулировать деятельность членов своей группы, а те были готовы покрывать финансовые расходы, государство могло переключаться на достижение других целей. Таким образом, если профессиональная группа была в состоянии убедить государство в том, что она достойна подобной схемы управления, то обычно государство выдавало ей лицензию на саморегулирование.

В настоящее время во многих странах схема саморегулирования медицинской деятельности проходит испытание на прочность: потребители медицинских услуг становятся более образованными, их беспокоит эффективность их финансовых вложений и качество получаемой медицинской помощи. Так, в Великобритании уже с 2000 г. существуют добровольные саморегулируемые организации, в которых состоят до 18 тыс. целителей. Членство в этих организациях предполагает соответствие целителя определенным квалификационным требованиям, соблюдение им принятого кодекса поведения, а также установленную процедуру рассмотрения жалоб клиентов [4, 2007].

Законопроект о введении эффективной и безопасной системы легитимации деятельности практиков народной медицины

С января 2012 г. после вступления в силу статьи 50 нового Федерального закона депутаты Комитета Государственной Думы по охране здоровья граждан пытаются навести порядок в сфере народной медицины. В комитете ведется интенсивная работа по правовому регулированию практик народной медицины. Депутаты к июлю 2015 г. подготовили поправки к закону «Об основах охраны здоровья граждан РФ», которые должны были рассматриваться в Государственной думе на осенней сессии.

Председатель Комитета Государственной думы по охране здоровья граждан С. Калашников уточнил, что «поправки было решено разработать по рекомендации ВОЗ, которая советует максимально использовать народную медицину в дополнение к официальной медицине». В документе была изложена система обязательной сертификации для всех видов народной медицины [5, 2015]. По мнению автора законопроекта – председателя Комитета Государственной думы по охране здоровья С. Калашникова выдавать лицензии, контролировать работу практиков народной медицины и нести ответственность за деятельность отечественных специалистов смогут саморегулируемые организации соответствующего вида: «Саморегулируемая организация, созданная по профессиональному признаку, должна будет определять, кто шарлатан, а кто лекарь, выдавать ли им разрешения на занятие данным видом деятельности или нет...» [Там же].

Регламентирована будет и работа самих саморегулируемых организаций: опытные специалисты проэкзаменуют каждого вступающего в организацию и будут нести ответственность за сертифицированного практика народной медицины. Если он нанесет вред пациенту, то такого «практика» должны будут исключить из профессиональной ассоциации и лишит разрешения.

Насколько актуальна эта инициатива и эффективны ли инструменты, которые разработали депутаты, прокомментировала кандидат юридических наук, доцент кафедры медицинского права Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Ю. Павлова:

«Эта законодательная инициатива своевременна и очень актуальна, так как отношения в сфере народной медицины сегодня осуществляются вне правового поля. Народная медицина – это ни что иное как один из видов медицинской деятельности...» [6, 2015].

В настоящее время нет единых требований для осуществления практик народной медицины, каждый субъект РФ определяет свой порядок, что может привести к печальным последствиям для здоровья граждан. Требования к специалистам, применяющим методы народной медицины, и к организациям, в которых оказываются данные услуги, должны быть определены только Федеральным законодательством.

К сожалению, поправки к закону «Об основах охраны здоровья граждан РФ» не были представлены в Государственную думу для рассмотрения на осенней сессии. Было принято решение, что Госдума в ближайшее время не будет рассматривать законопроект о сертификации всех видов народной медицины.

По нашему мнению, следует доработать Законопроект о сертификации всех практик народной медицины и принять его в ближайшее время как необходимую и очень актуальную меру.

1. Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок Великобритании // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003.
2. Parkin F. Strategies of Social Closure in Class Formation // Sociological Analysis of the Class Structure / Ed. by F. Parkin. London: Tavostock Publications, 1974.
3. Saks M. Professions and the Public Interest: Medical Power, Altruism and Alternative Medicine. L.: Routledge, 1995.
4. Олсон Дж., Джонс К. Управление медперсоналом в Великобритании: от саморегулирования до партнерского управления // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007.
5. Народных целителей обяжут получать сертификаты // МедНовости. 2015. 4 июл.
6. Дума хочет сделать нетрадиционную медицину честной и безопасной: Парламент собирается лицензировать работу народных целителей // Общество и государство (электронный журнал). 2015. 2 окт. URL: https://health.mail.ru/news/zachem_nuzhno litsenzirovat_rossiyskih_narodnyh/ (дата обращения: 16.05.2016).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ И В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Самыгин С.И. (Ростов-на-Дону)

Проблема национальной безопасности России является одной из самых актуальных и активно изучаемых в социально-гуманитарных науках, но преимущества социологического подхода в ее изучении определяются возможностями формирования интегрированного методологического и предметного пространства для комплексного и системного анализа. С точки зрения авторской позиции, национальная безопасность России может быть обеспечена только при условии формирования цивилизационной идентичности, на основе которой объединенное и консолидированное российское общество сможет успешно решить социально значимые задачи, остро стоящие перед Россией, как на международной арене, так и внутри государства.

Среди многочисленных направлений актуальных исследований современной отечественной социологии в последнее время приобретает чрезвычайную актуальность то, которое связано с самыми различными аспектами национальной безопасности России: духовным, демографическим, экологическим, информационным, интеллектуальным, экономическим, военным и т.д. Вместе с тем, очевидно, что на первый план вышла проблема именно национальной безопасности как совокупность вышеперечисленных аспектов безопасности, угрожающих стабильности российского общества и в целом российской государственности. Социологический подход к ее изучению обладает наиболее высоким когнитивным потенциалом, так как позволяет синтезировать в рамках единого методологического и предметного пространства всю палитру процессов и проблем, связанных с национальной безопасностью.

Если мы обратимся к развернувшемуся в системе социально-гуманитарного знания дискурсу национальной безопасности, то обнаружим, что решение проблемы национальной безопасности России связывается не столько с решением внутренних проблем, сколько внешних, геополитических. Это находит выражение в актуализации и артикуляции концепта «русский мир», его активной политизации и презентации как глобального геокультурного проекта, необходимость которого назревала давно, но именно в ситуации обострения международных отношений (в частности, с Западом) активизировался поиск цивилизационного образа России, и таким образом стал «русский мир» [3]. С точки зрения национальной безопасности России как полиэтничного государства, на территории которого уже более двадцати лет не находят эффективного решения проблемы, связанные с межэтническими отношениями, формирование цивилизационной идентичности следует рассматривать как наиболее перспективную стратегию, так как только такая мегаидентичность, позволяющая выйти за пределы этнической и национальной идентичности, сможет объединить российских граждан разных национальностей для решения социально значимых задач [1].

Формирование единой цивилизационной идентичности позволит остановить процесс духовной деградации российского общества, у которого после распада СССР не осталось самого главного – культурного пространства, с которым идентифицирует себя каждый представитель российского государства, независимо от этнической принадлежности. Таким пространством, если отталкиваться от цивилизационной концепции «русского мира», может снова стать русская культура. При этом, речь идет о единении вокруг «русского мира» не только проживающих в границах России народов и сообществ, но и тех народов, которые проживают за пределами России, но некогда относились к ней, входили в ее состав. С геополитических позиций с конвенцией «русского мира» связывается восстановление международного статуса России и ее геокультурной субъектности, которую она утратила после распада СССР. Таким образом, формирование цивилизационной идентичности россиян позволит решить две крупные и самым непосредственным образом связанные между собой задачи – обеспечение цивилизационной и национальной безопасности России.

Однако обеспечение национальной безопасности России не ограничивается решением внешнеполитических задач, тем более, что внутренняя обстановка в нашей стране сложилась очень критическая с точки зрения развития экономики, политических процессов, социальных отношений и т.д. Нам представляется, что концентрация на проблемах внешнеполитического и международного характера в контексте обеспечения национальной безопасности России не позволит решить эту проблему. Сегодня СМИ активно формируют общественное мнение путем переноса внимания с внутренних проблем на внешние, которые, в свете демонизации Запада и

всей международной обстановки, определяют внутренние проблемы в разряд второстепенных. Образ «врага» в лице Запада, активно конструируемый СМИ, снова становится основой единения россиян, которые только в противопоставлении себя «чужим» начинают испытывать чувство общности, солидарности, и это, безусловно, не та идентификационная схема, которая позволит выйти на уровень обеспечения национальной безопасности как безопасности нации, способной к прогрессивному развитию на основе собственного ресурсного потенциала как самодостаточной во всех отношениях нации.

Для того, чтобы российское общество развивалось в безопасном русле необходимо восстановить потенциал доверия как ресурса общественного развития и основания диалога между обществом и властью. Российское общество на современном этапе испытывает острый дефицит доверия на всех уровнях: институциональном, межгрупповом, межличностном [2], а без доверия общество не может функционировать в режиме безопасности, так как оно выступает фундаментом общественного развития, эволюции социума и его прогресса.

Извечной проблемой России является проблема дистанцирования власти от общества, низкий имидж власти в глазах населения, что неудивительно в условиях отсутствия адекватного восприятия и соответствующей реакции со стороны властных структур границ безопасности жизнедеятельности граждан, реального понимания критичности и социальной опасности тяжелого и длительного состояния материального и духовного неблагополучия населения России.

Отсюда и низкая эффективность реализации политики национальной безопасности России, как и в целом процесса реформирования российского общества. Причина кроется также в игнорировании социокультурного контекста при принятии политических решений в области обеспечения национальной безопасности. Речь идет о том, что в результате игнорирования этого важного социокультурного фактора разрушается «духовный код» российского народа, основанный на социально-психологических, этнокультурных и в целом ментальных особенностях российской нации. Хорошо известно, что следствием этого разрушительного механизма является гибель нации.

Аксиологический фактор является ключевым во всех преобразованиях, кризисах, социальных катастрофах и недооценивать его нельзя, в том числе при построении парадигмы национальной безопасности, так как ценности выступают ключевым основанием ментальности и духа народа, воплощением его идеалов и образов, смыслов и жизненных целей, а также стратегий их реализации. Только ориентированная на ценностные предпочтения и приоритеты общества политика национальной безопасности способна принести эффективный результат. В противном случае она обречена на провал по причине своего несоответствия интересам и целям народа. Основная проблема на современном этапе развития российского общества заключается в том, что в условиях социокультурного и ценностного раскола формирование единой ценностноориентированной политики практически невозможно и государству приходится вырабатывать собственные приоритеты, не всегда совпадающие с тенденциями политической, экономической и духовной реальности.

1. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Имгрунт С.И. *Цивилизационная безопасность современного мира в условиях актуализации цивилизационной идентичности: социальная утопия или перспективная реальность?* // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 6-7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online-science.ru/m/products/social_science/gid3688/pg0/
2. Волков Ю., Кривоусков В. *Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества*. Научное издание. Ер.: Тигран Мец, 2013. – 247 с.
3. Скворцов Н.Г., Верещагина А.В., Самыгин С.И. *«Русский мир» в социологическом дискурсе о цивилизационной безопасности и национальной идентичности в России* // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 6-7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online-science.ru/m/products/social_science/gid3702/pg0/

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Седова-Бахенская М.В. (Санкт-Петербург)

Интеллектуальный капитал в последние десятилетия играет большую роль не только в создании ценностей, измеримых в денежных или материальных эквивалентах, но и нематериальных ценностей: в частности, в сфере образования.

Не вызывает сомнения возрастающее значение факторов, отражающих использование полученных человеком знаний и использование его творческих способностей в процессе производства как часть интеллектуального капитала [1, с. 173].

Управление интеллектуальным капиталом представляет собой размещение и использование ресурсов интеллектуального капитала, а также управление ими и их трансформацией (в другие ресурсы интеллектуального капитала или в традиционные экономические ресурсы) с целью максимизации текущей ценности организации в глазах заинтересованных сторон. [2, с. 34].

Для эффективного управления ресурсным портфелем необходимо провести оценку каждого компонента в отдельности, соотнести со стратегией организации, выявить, насколько ресурсный портфель соответствует целям некоммерческой образовательной организации, диагностировать слабые места и составить план дальнейших действий по приведению его в соответствие с заданными целями.

На практике существуют различные методы оценки величины интеллектуального капитала и его роли в деятельности предприятий, фирм. Интеллектуальному капиталу присуще своеобразие: он не вписывается в традиционные модели финансового анализа и имеет двойственную форму собственности [3]. Как человеческий капитал - он является собственностью его владельца, как структурный - он принадлежит собственности, компании.

Для социологического исследования большой интерес представляют собой нефинансовые методы, это методы оценки нематериальных активов и методы подсчета очков.

Существует следующая типология методов оценки интеллектуального капитала:

1. Методы прямой оценки интеллектуального капитала (DICM) и Методы балльных оценок (SC): «Технологический брокер» (Брукинг), «Создание совокупной ценности» (Андерсон и МакЛин), «Оценка интеллектуальных активов» (Салливан) и др [3].

2. Методы рыночной капитализации (MCM): «Коэффициент Тобина» (Стюарт), «Отношение рыночной к балансовой ценности» (Стюарт, Люты) и др.

3. Методы определения доходности активов (ROA): «Экономическая добавленная ценность» (Стюарт), «Учет человеческих ресурсов» (Йоханссон), «Доход от интеллектуального капитала (Лев) и др [4].

4. Точные измерительные системы (MS): «Навигатор Скандия» (Эдвинссон, Малоун) [5], «Монитор нематериальных активов (Свейби), «Навигатор интеллектуального капитала и индекс интеллектуального капитала» (Руус) [2] и др.

На практике существуют различные методы оценки величины интеллектуального капитала и его роли в деятельности предприятий, фирм. Интеллектуальному капиталу присуще своеобразие: он не вписывается в традиционные модели финансового анализа и имеет двойственную форму собственности. Как человеческий капитал - он является собственностью его владельца, как структурный - он принадлежит собственности, компании.

Для оценки рекомендуется использовать комбинированные методы сбалансированных показателей, разработанные Р. Капланом и Д. Нортеном [6], и «Навигатор «Скандия», разработанный Л. Эдвинсоном [5], адаптированные к специфике некоммерческой образовательной организации.

Показатели эффективности всех составляющих сбалансированной системы показателей интеллектуального капитала

Финансы	Доля в рынке, динамика валовой прибыли
Клиенты и внешнее окружение	Лояльность, прирост клиентов
Внутренние процессы (бизнес-процессы)	Качество, наличие методик обучения, информационных технологий, эффективность маркетинговых компаний
Обучение и рост (обучение и инновации)	Текущее состояние кадров, удовлетворенность сотрудников, квалификация сотрудников

Финансовая проекция

Прирост прибыли Финансовый показатель из бухгалтерских документов

Клиентская проекция

Прирост учащихся В процентном соотношении по сравнению с предыдущим периодом

Прирост «повторных» учащихся В процентном соотношении по сравнению с предыдущим периодом количество повторно обратившихся клиентов (в том числе перешедших на следующий курс при обучении за несколько лет)

Процессная проекция
 Прирост количества услуг (реализуемых программ) В процентном соотношении по сравнению с предыдущим периодом
 Прирост количества используемых технологических методик В процентном соотношении по сравнению с предыдущим периодом
 Проекция нововведений и развития
 Доля удовлетворенных учащихся В процентном соотношении от всех учащихся
 Проекция человеческого капитала
 Текучесть кадров В процентном соотношении по сравнению с предыдущим периодом
 Индекс квалификации Компании оценивают своих специалистов с помощью 5—7-балльной шкалы, а эффективность их деятельности — на основе критериев. Многие компании, особенно крупные международные корпорации, делают ежегодные оценки работы их руководителей и вспомогательного персонала. Такие оценки можно использовать как основу индекса квалификации. Простой индекс квалификации рассчитывается как:

$$\text{Количество лет в профессии} \times \text{Стаж} \times \text{Уровень образования} = \text{Индекс квалификации}$$

Оценив текущее состояние интеллектуального капитала некоммерческой образовательной организации, менеджмент ставит цели по управлению интеллектуальным капиталом на ближайший период (полгода или год). Цели должны быть измеримы через показатели, используемые в оценке. Управление интеллектуальным капиталом представляет сложную социальную технологию [7].

1. Борисов А.Ф., *Интеллектуальная собственность как социальный институт, Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. Т. 2. № 2. С. 173-183.*
2. Русс Й.; Пайк С., Фернстрем Л. *Интеллектуальный капитал: практика управления / Пер. с англ. под ред. В.К. Дерманова; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат. дом. С.-Петербург.ун-та, 2008.*
3. Лукичева Л.И., *«Управление интеллектуальным капиталом», -М.:Омега-Л, 2008.*
4. Стюарт Т. А. *Интеллектуальный капитал. новый источник богатства организаций /Томас А. Стюарт; пер. с англ. В. А. Ноздриной. - Москва : Поколение, 2007. - 366 Страссман П.А. *Информация в век электроники. Пробл. управления Пер. с англ. с сокр / [Вступ. ст. Б.З. Мильнера]. - М. : Экономика, 1987. – 237**
5. Эдвиссон Лейф. *Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях. – М.: ИНФРА – М., 2005. – 248 с.*
6. Каплан Р., Нортон Д. *Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. Москва: Олимп-Бизнес., 2006. – 320 стр.*
7. Борисов А.Ф., *Управление интеллектуальным капиталом как социальная технология, Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 222-229.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Селиверстова Н.И. (Оренбург)

Управленческая культура рассматривается как фактор конкурентоспособности и эффективности управления организацией, в нашем контексте – управления органами государственной власти, а в широком понимании – страной.

Управленческая культура в значительной степени определяет профессиональное поведение, «инструментальные» техники профессионального общения, взаимодействия, реализации функционала, навыки использования ресурсов и принятия решений.

Чаще всего, управленческая культура рассматривается как совокупность ценностей, норм, точек зрения и идей руководителя, выражающиеся в стиле управления, методах мотивации сотрудников, организации труда, а также в совокупности норм и правил исполнителей.

Знания и концепции в управленческой культуре чиновников опираются на знания теории управления, правовых наук, но преимущественно, теории бюрократии. Последняя наиболее полно разработана М. Вебером и основана на ведении государственных дел компетентными и беспристрастными исполнителями, в полном соответствии с законодательством и процедурой,

упорядоченность делопроизводства, свобода от субъективных влияний. Идеологически выгодность данной концепции отражена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Концепция управленческой культуры чиновника, согласно теории бюрократии

То есть сама концепция управленческой культуры чиновника (рассматриваем как синоним государственного служащего, ввиду специфики его функционала) в данном контексте соответствует во многом обозначенным требованиям к данной профессиональной группе со стороны граждан. Концепции теории управления с большим трудом воспринимаются государственными служащими, например концепции управления персоналом, концепция фандрейзинга, бенмаркинга и другие, ввиду их большей ориентации на коммерческое управление и больших возможностей децентрализации.

Немаловажное значение в формировании знаний, концепций имеет образовательный процесс, в отношении профессиональной группы чиновников. К сожалению, образовательная подготовка по направлению «Государственное и муниципальное управление» не является практически утвержденным запросом со стороны работодателей (сотрудников государственного аппарата). Более того, в Общероссийском классификаторе занятий ОК 010-2014 (МСКЗ-08) категория государственных служащих определена как «Специалисты органов государственной власти» с указанием основных видов деятельности, которые не совпадают со стандартом ФГОС ВО по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление».

Основу управленческой культуры, в том числе культуры чиновников, составляют ценности, определяющие взаимодействия, отношения внутри данной культуры. Под ценностью мы склонны понимать любое явление, предмет или способ действий, которые содействуют удовлетворению потребностей или реализации интересов той или иной социальной группы.

В настоящее время кризис наблюдается именно в отношении ценностных ориентаций, чему также способствуют и обозначенные проблемы вузовской подготовки. Ценности российского общества активно воздействуют на ценности государственной и муниципальной службы. Практика показала, что главная ценность государственной службы для исследуемой профессиональной группы – получение государственных гарантий государственного служащего, несмотря на декларируемые в Конституции ценности прав и свобод человека, которые признает и гарантирует государство.

Авторитарный характер управления – есть также традиционалистская установка современных политиков и управленцев (причем всех уровней – от федерального до локального), что у многих других субъектов социального действия формирует установку на конформизм, соглашательство, а то и подчинение. На практике это приводит к сокращению самостоятельности и инициативности на нижестоящих уровнях системы государственного и муниципального управления.

В монографии под ред. И. А. Халлий Института социологии РАН отмечено, что для граждан предлагается и пропагандируется как основная ценность – личная финансовая состоятельность, превратившаяся в «тотальную монетизацию» сознания [1]. Сегодня даже образование, судя по высказыванию министра образования и науки, ориентировано на формирование «квалифицированного потребителя». Причем это происходит при содействии высших должностных лиц государства. Вторая установка, формулируемая и реализуемая государством – на решение гражданами собственных проблем без участия в делах общественных.

Таким образом, общество восприняло установку на формирование общества потребления, на собственное обеспечение финансовыми ресурсами как на категорию, определяющую успешность индивида. Но чиновники – часть российского общества, причем в большей степени зависящая от госаппарата, нежели большинство граждан. Поэтому они и реализуют обозначенные ценности в процессе своего функционирования.

Важным фактором управленческой культуры любого типа, в том числе и профессиональной, остается ситуация в стране, модернизационные изменения любой природы, приводящие к корректировке условий жизнедеятельности. Они могут вызвать кризисы в профессиональной идентичности, ее потерю, асоциальное поведение вследствие смены парадигмы существования. В любом случае болезненность таких ситуаций, как правило характерна для целых социальных и социально-профессиональных групп, в том числе и государственных служащих. А. Ю. Согомонов, рассматривая трансформацию современных интеллектуальных профессий,

констатирует размывание профессиональной этики как институциональной основы корпоративной организации этих сообществ.[2, 38]

Нестабильность в обществе отражается на государстве и как следствие – на государственных служащих, теряющих прежнюю систему координат. Потеря ряда возможностей, изменение законодательства, политические решения и экономические санкции приводят к трансформации профессиональной идентичности. Этим полагаем и объясним негатив в восприятии социально-профессиональной группы чиновничества.

Таким образом, налицо существенные изменения в управленческой культуре государственных служащих, призванных обеспечивать работу государственного аппарата. Состояние их профессиональной культуры является следствием и определяет эффективность социально-экономического развития государства.

1. *Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] [Электронный ресурс] / отв. ред. И. А. Халий. – Электрон. текст. дан. (объем 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. илл. 1 CD-ROM.*
2. *Щербакова, М. П. Профессиональная идентичность профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений МВД России: дис....канд. соц. наук...22.00.04 / М. П. Щербакова. – Нижний Новгород, 2015. – 145 с.*

МЕХАНИЗМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ САМОСОЗНАНИЯ ЭТНОСА

Семёнова В.В. (Краснодар)

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №15-13-23011а(р)

Современные социокультурные процессы создают условия для набирающих силу интеграционных процессов между различными нациями, каждая из которых стремится к сохранению культурного наследия и укреплению своего национального единства. Это, в свою очередь, приводит к усилению национального самосознания, которое обеспечивает эффективность как внутринациональных, так и межнациональных связей, а также влияет на развитие нации и её взаимодействие с окружающей её средой. Из этого вытекает необходимость изучения механизма самоорганизации этноса – процесса появления, развития, функционирования и факторов его развития.

Представляя самосознание как сложную, динамически развивающуюся систему, необходимо отметить, что в зависимости от того, в каком состоянии оно пребывает, будет складываться его влияние на саму нацию. Так, если национальное самосознание переживает период упадка, снижения его ценностной составляющей, становится неустойчивым, то продуктивность его функционирования с положительным эффектом снижается, что в обычной жизни можно наблюдать на примере внутринациональной разрозненности, отсутствия осознания себя частью своей национальной группы, низкого уровня этноидентичности и упадка единого национального духа. При продолжительной стагнации этой ситуации могут сложиться условия, которые приведут к саморазрушению структуры нации. Но это положение может исправить такое свойство национального самосознания как самоорганизация, благодаря которому оно может перейти в качественно новое состояние и выйти из состояния затяжного кризиса.

Поскольку самосознание каждого конкретного представителя нации детерминирует развитие общего национального самосознания, то необходимым условием его изучения является рассмотрение его как части от целого, как единицы системы, что позволит взглянуть на данный процесс сточки зрения структуры и механизма протекания данного процесса.

Механизм самоорганизации этноса следует рассматривать как направленную иерархичную структурированную систему, сложный уровень внутреннего упорядочивания которой ведет к полному отсечению абстрактных рассуждений о её элементах и взаимосвязях. Национальное самосознание является почвой для развития и существования нации, а его уровни инструментом регулирования представляют собой инструменты регулирования данного процесса. В национальном самосознании можно выделить три общих уровня – когнитивный, эмоционально – ценностный и регулятивный [1, с 10]. Когнитивный уровень вбирает в себя такие глубинные дихотомии как «Я – Другие», «Мы – Они», «Свои – Чужие» [2, с. 21]. На этом уровне иррациональными способами закладываются основы восприятия себя как единичного представителя данной нации глазами других и себя самого, разграничение по степени близости с другими индивидами, формирование образных представлений о своей нации, её восприятие и

маркированная атрибутика – то есть то, что позволяет индивиду отличать «свое» от «чужого». На эмоционально – ценностном уровне сформированы эмоции, чувства, оценки и ценности, характерные для носителя той или иной национальной идентичности. Регулятивный уровень призван обрамлять данную структуру некими формальными нормами порядка и правил, таких как интересы, идеи и идеология. Все три уровня не существуют по отдельности, они тесно связаны между собой, базируются друг на друге и находятся в постоянном взаимодействии. Для того, чтобы на данных уровнях элементы гармонично и целостно вписывались в структуру и не нарушали её интеграционной целостности, существуют различного рода вертикальные и горизонтальные связи, обладающие свойством проникновения в каждый уровень к его примордиальным, то есть основообразующим, генетически заданным элементам. Все процессы, которые происходят на данных уровнях при уплотнении горизонтальных и вертикальных связей обладают свойством когерентности, что является одним из главных свойств механизма самоорганизации самосознания этноса. Когерентность предполагает наличие таких колебаний элементов – отклонений и неустойчивости, которые собираясь в разных областях системы, начинают действовать волнообразно в одной направленности, что в свою очередь в условиях нестабильности системы самосознания приводит к качественно новому витку его развития.

Такая многосвязная структура самоорганизации национального самосознания позволяет ей эффективно функционировать с постоянно меняющейся окружающей средой. Такая адаптация ко внешней среде самосознания как самоорганизующейся системы называется саморегуляцией и направлена во внутрь системы – к её элементам, которые требуют нового порядка и изменения, при которых рациональное регулирование берёт верх над бессознательными образцами восприятия и посредством приспособления приводят к интегральному единству [1, с. 15]. Самоорганизация самосознания сохраняется на протяжении всего периода эволюции самосознания, представленного периодическим процессом перехода от хаоса к порядку.

Таким образом, механизм самоорганизации национального самосознания это сложное динамическое явление, зависящее не только от внутренних обуславливающих систему элементов, но и от внешних факторов окружения средой.

1. Ладыгина О.В. Самоорганизация национального самосознания: теория и практика: дис. Д-ра филос.наук. Ин-т философии им. А.М. Богоутдинова АН Республики Таджикистан. Душанбе, 2011.

2. Ондар Л.М. Взаимосвязь структурных компонентов национального самосознания личности: на примере тувинских подростков: дис. канд. психол. наук. Красноярский гос.пед. университет. Красноярск. 2006.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Семерикова М.Г. (Минск, Республика Беларусь)

В последние годы вопросам отбора, подбора, подготовки государственных служащих уделяется значительное внимание как со стороны ученых-исследователей, так и со стороны практиков. Президент Республики Беларусь неоднократно обращал внимание на необходимость совершенствования работы с кадрами, особое внимание уделяя эффективности отбора и подбора кадров, а также повышению мотивации труда государственных служащих. Основная задача в управлении кадровыми ресурсами – ориентация их на достижение целей организации и развитие всех ее членов.

В целом, существующая практика реализации государственной кадровой политики, а также нормативная правовая база Республики Беларусь свидетельствуют о наличии целого спектра кадровых технологий, позволяющих привлекать на государственную службу высококвалифицированных специалистов.

Вместе с тем, анализ результатов изучения вопросов реализации государственной кадровой политики руководящими работниками государственных органов, должности которых включены в кадровый реестр главы государства, результатов социологических опросов среди руководителей и специалистов различных государственных организаций, свидетельствуют о необходимости проработки вопросов мотивации профессиональной деятельности государственных служащих. Поскольку только комплексное использование кадровых технологий является одним из основных условий повышения эффективности формирования кадрового потенциала организаций.

Следует отметить, что с каждым годом содержание труда государственных служащих усложняется и наполняется новым содержанием, требуя от специалистов высокого уровня подготовки, квалификации и готовности к изменениям. Соответственно система мотивации также усложняется. В этой связи мы говорим о необходимости разработки новых подходов в системе формирования мотивации государственных служащих.

Российский ученый А. Турчинов отмечает тот факт, что важно различать мотивы и стимулы. «Стимулы – внешние причины, побуждения. Их можно проследить, спланировать, отметить, чтобы стимул вызвал мотив, нужно, чтобы он был осознан и принят личностью. Если стимул требует от человека действий, которые неосуществимы, то происходит его неприятие и мотив не актуализируется.

Мотив порождается определенной потребностью и выражает готовность к действию, побуждает к активности. Постоянное мотивирование служебно-профессиональной деятельности государственных служащих на основе баланса интересов служащих и потребностей организации должно сопровождаться исследованием мотивов и потребностей современных государственных служащих» [1].

Все это обуславливает необходимость проведения самостоятельного исследования системы мотивации современных государственных служащих Республики Беларусь, позволяющего в целом составить «социальный портрет» данной категории работников.

Так, Центр исследований государственной кадровой политики Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь в рамках темы НИР «Совершенствование системы оценки деятельности государственных служащих в условиях модернизации государственного управления» в марте 2015 года провел пилотажное социологическое исследование методом группового анкетного опроса. В исследовании приняли участие слушатели факультета повышения квалификации и факультета подготовки и переподготовки Института государственной службы Академии управления. Общий объем выборки составил 187 человек. Результаты исследования являются предварительными и выступают в качестве постановочной проблемы для дальнейшего исследования.

Респондентам был предложен ряд вопросов, связанный с оценкой степени удовлетворенности государственными служащими выполняемой работы, их целей, мотивов, стимулов и профессиональных ориентаций.

На вопрос, связанный с изучением степени удовлетворенности от выполняемой работы, были получены следующие результаты: лишь каждый десятый респондент (10,9%) в полной мере удовлетворен работой на государственной службе, столько же респондентов (10,4%) заняли негативную позицию при ответе на данный вопрос. Однако 54,1% скорее удовлетворены, чем не удовлетворены выполняемой работой.

Более детальный анализ показал, что в наибольшей степени государственные служащие удовлетворены отношениями с коллегами (суммарно 94,6%), возможностями повышения квалификации (88,6%), отношениями с руководством (84,2%), результатами своего труда (80,2%).

Следует отметить, что в ходе исследования обнаружилось некоторое противоречие в декларируемых ценностях и ориентациях государственных служащих. Так, среди показателей полной неудовлетворенности работой на государственной службе в первую очередь вошли следующие: перспектива обеспечения жилья (1), размер заработной платы (2), содержание труда (3), перспектива продвижения по службе (4), престижность работы (5).

Эти же критерии выступают в качестве определяющих причин возможного ухода с государственной службы: слишком много рутинной работы (50,3%), низкая заработная плата (45,3%), высокая ответственность (33,1%), синдром профессионального выгорания (29,8%), ненормированный рабочий день (24,9%). Вместе с тем, абсолютное большинство респондентов (60,4%), отметили, что основной целью их работы является зарабатывание себе на жизнь. Только 49,2% опрошенных высказали более социально ориентированный настрой в цели – работа на благо развития города, общества, страны.

Полученные данные позволяют нам предположить, что для современных государственных служащих в большей степени характерна ориентация на удовлетворение личных целей, нежели целей или интересов организации, что естественным образом может сказываться на эффективности их профессиональной деятельности. Этот вывод подтверждается также и теми стимулами, которые государственные служащие определяют для себя в качестве главных. Так, среди таковых на первом месте заработная плата (48,7%), премии (40,3%), уровень оплаты

трудовых отпусков (30,5%), размер пенсии после ухода с государственной службы (29,0%), возможность карьерного роста (23,5%).

Таким образом, полученные результаты пилотажного исследования свидетельствуют о том, что вопрос развития мотивации работников государственных структур является актуальным. Ориентация на профессиональное развитие, получение дополнительного образования и стабильность позволяет говорить о том, что при грамотном управлении формированием системы мотивации государственных служащих возможно выстроить эффективную кадровую работу и реализацию государственной кадровой политики.

1. Управление персоналом: учебник. изд. 2-е, доп. и перераб. / под общ. ред. А. Турчинова. – М. : Изд-во РАГС, 2008. – 608 с.

ПРЕКАРИЗАЦИЯ РЫНКА ТРУДА КАК ОСТРАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Семяшина И.А. (Тула)

В ходе развития всех сфер жизни общества современные развитые и развивающиеся страны приобретают новые черты и компоненты. На сегодняшний день мировые стратификационные системы сталкиваются с большим количеством проблем различных масштабов и характера. Одна из наиболее острых - порождение и развитие нового социально-экономического класса – прекариата.

Прекариат – это уязвимая и нестабильная часть современного информационного общества с присущими ей такими чертами, как отсутствие профессиональной идентификации и самоидентификации на основе трудовой деятельности, незащищенность труда и незащищенность обще-ственного дохода. Описательное понятие «прекариат» впервые употребили французские социологи в 1980-е годы, говоря о временных или сезонных рабочих [5]. В связи с тем, что данный класс неоднороден, можно выделить большое количество элементов его составляющих: часть трудоспособного населения, занятого постоянно на временной работе; люди, работающие неполный рабочий день или на сезонных и случайных приработках; безработные; люди «креативных» профессий (специалисты по информационным технологиям, программисты – фрилансеры); мигранты; стажеры и часть студенчества.

Говоря о причинах появления и развития прекариата можно сказать следующее. В эпоху глобализации были воплощены в жизнь новые политические планы, за которыми последовали институциональные изменения, повлекшие за собой увеличение численности прекариата. Приверженность открытой рыночной экономике, построенной на индивидуализме и конкуренции неизбежно привела к глобальной производственной системе сетевых предприятий гибкой практике трудовых отношений.

«Товаризация» (commodification) - вот главный аспект процесса глобализации. Во всех сферах жизни общества товаризация «пускает» свои корни: все становится товаром, который можно продать и купить. Один из аспектов глобализации, который существенно повлиял на рост прекариата, — то, что сами компании стали чем-то вроде товара, который продается и покупается путем слияния и поглощения. Это говорит о том, что заинтересованность нынешних владельцев в своей компании уже не так велика, как раньше. В любой момент могут появиться новые владельцы, а вместе с ними сменится менеджмент и упразднятся все негласные договоренности о том, как следует выполнять работу, какую зарплату считать достойной и что делать с теми, кто нуждается в помощи [5].

Переход к гибким трудовым отношениям, как важный фактор рыночной экономики, стал еще одной непосредственной причиной роста мирового прекариата. В современном мире сильна тенденция к росту временной занятости: происходит создание специальных агенств по поиску временных сотрудников. В России многие безработные решили «влиться» в масштабные ряды временных занятых, но здесь они встретились с глубоким кризисом – количество вакансий временной занятости стремительно сокращается. По оценке экспертов, коэффициент напряженности на национальном рынке труда в начале года серьезно вырос и составил 6 единиц, или 6 безработных россиян на 1 вакансию. Эксперты отмечают стремительный рост скрытой безработицы, к которой они относят и всех временно занятых граждан - таковых сегодня, по некоторым данным, насчитывается уже свыше 25 млн человек, или 30 % экономически активного населения РФ [6].

В России прекариат возник в конце XX – начале XXI в. Для этого нового класса как в России, так и во всем мире, характерно неустойчивое социальное положение, ведущее к «деинтеллектуализации труда», деформации трудового процесса. Физическое и моральное истощение – вот будущее нового класса, связанное с интенсификацией труда и растущим спросом на время [7]. Прекаризованный человек не развивается профессионально, при этом его стиль жизни постоянно подчинен работе. Досуг, находящийся в опасности из-за нехватки времени, отходит на второй план, и люди находят расслабление в игре, то есть в пассивных занятиях с точки зрения интеллекта. Люди все меньше участвуют в политической жизни страны, что приводит к «истончению» демократии. Стоит особо подчеркнуть, что массовое лишение рабочих мест затронет не только рабочих, но и все слои населения и даже часть среднего класса, который нередко подаётся как образец стабильности и ориентир для подражания [8].

Если рассматривать прекариатизацию российского рынка труда, учитывая исторические и структурно-производственные черты, то необходимо отметить, что в отличие от зарубежных стран, в России распространение данного класса – не новое явление (неустойчивое трудовое и материальное положение – черта российского общества, присущая большинству занятого населения) [3]. Особенности сложившейся системы трудовых отношений, влияющих на распространение и масштабы прекариатизации в России, являются нестабильность занятости, ее сокращаемость через замедление найма, а не через активацию увольнений; высокая трудовая миграция, связанная с нехваткой рабочих мест; низкий уровень заработной платы; слабая социальная защищенность, являющаяся нормой российского рынка труда, характерной для большинства трудящихся; вторичная занятость, сопровождающая занятость на основном месте работы; отсутствие прав представительства; легкая заменяемость работников [2].

Характерной чертой вторичной занятости в России является ее краткосрочный и текучий характер. По результатам Института сравнительных исследований трудовых отношений в России 20% трудоспособного населения относятся к категории вторичной занятости (временной интервал, к которому осуществляется привязка – год). В течение месяца имели подработку 7-10% населения, а в течение недели – 3,5-5% [9].

Говоря о трудовой миграции, стоит отметить тот факт, что она происходит не только внутри страны. Сопоставляя данные на начало июня 2015 года с майской статистикой ФМС можно отметить увеличение числа приезжих из пяти государств Центральной Азии. В общей сложности на начало июня на территории России находились 4348782 граждан центрально-азиатских республик (на начало мая – 4247690 человек) [4].

В России прекариальные черты затрагивают даже деятельность преподавателей вузов. На сегодняшний день можно отметить увеличение нагрузки и снижение зарплат, помимо всего этого стоит отметить, что кроме преподавания необходимо еще заниматься поиском грантов, вести научную работу и публиковаться. Данная профессиональная группа еще не стала «чистым» прекариатом потому, что в большинстве случаев еще не произошла утрата профессиональной принадлежности [1].

В заключение необходимо отметить, что человечество на сегодняшний момент столкнулось с принципиально новым образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Он уже стал устойчивым социально-классовым образованием, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию превращения в потенци в опасное образование – будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба как России, так и мира в целом.

1. Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014. 1 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/2014/04/29_x_6013393.shtml
2. Гасюкова Е.Н. Особенности прекаризации российского рынка труда // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2014. № 12. С. 42-54.
3. Гасюкова Е.Н. Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 6. С. 28-46.
4. Статистика ФМС России показывает динамику роста трудовой миграции из Центральной Азии // Форум переселенческих организаций. 2015. 10 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://migrant.ru/statistika-fms-rossii-pokazyvaet-dinamiku-rosta-trudovoj-migracii-iz-centralnoj-azii/>

5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ.: Н.Усова. М.: Ад Маргинем, 2014. 328 с.
6. Суровцев Т. Нано-россияне: временная занятость в России выросла до 30% // *Finam.info*. 2016. 30 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://finam.info/blog/43111407231/Nano-rossiyane:-vremennaya-zanyatost-v-Rossii-vyirosla-do-30-pro>
7. Тощенко Ж. Т. Новое явление в социальной структуре общества - прекариат // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2015. Т. 1, № 3 (3). С. 6-22.
8. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // *Социс*. 2015. № 6. С. 3-13.
9. Штроо А.В. Вторичная занятость в российской экономике // *Вестник ТГУ*/ 2008. № 3 (59). С. 41-45.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА ПОСТУРБАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сенченко И.Н., Мостовая И. В. (Ростов-на-Дону)

*Исследование выполнено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
«Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ»
(проект № 15-02-00444/15)*

Процессы урбанизации, проходя свою зрелую фазу и выявляя собственные ограничения и противоречия, порождают новые тенденции в процессах миграции и расселения. Попытки социологического анализа этой реальности имеют важное значение.

Агромиграция в последние десятилетия в нашей стране развивалась как "ручейковый" модный тренд, вроде дауншифтинга. В нем прослеживались желания людей снизить избыточное социально-коммуникативное давление городской среды, выйти за пределы тотального влияния техносферы, прочувствовать "подлинные" (традиционные) гендерные статусы, ощутить связь с природой и аутентичность "родового" бытия. Уезжали в сельскую глушь семьями, группками, поддерживали друг с другом связь, делились опытом и радостью освоения в новом качестве, давали советы [2].

Экономика процесса строилась в большинстве случаев либо на городской (квартирно-арендной) ренте, либо на более-менее успешных попытках натурализовать домашнее хозяйство. Проблемы возникали в основном в сфере организационной и социально-культурной: от неизбежных проявлений городского инфантилизма в производстве быта до попыток обеспечить ритуалами событийную жизнь общины и сформировать образовательный процесс для собственных детей.

Между тем развитие поселенческой структуры в современном мире и в России в том числе все еще находится в матрице урбанизации. В последние десятилетия (по крайней мере, это подтверждают данные двух прошедших переписей населения) городские и сельские жители в нашей стране по численности соотносятся почти 3:1, и 73 % горожан все более концентрируются в трех регионах: Центральном, Приволжском и Южном, сосредоточиваясь в дюжине крупнейших городов, социумы которых объединяют треть жителей России. При этом два города из двенадцати – Москва с населением более 12,2 млн. человек и Санкт-Петербург с почти 5,2 млн. жителей лидируют с фундаментальным отрывом, поскольку две столицы с их совокупными 17,4 млн. без учета огромных агломераций существенно перевешивают десять городов-миллионников (Новосибирск, Екатеринбург, Н. Новгород, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград) с 11,2 млн. совокупного населения, у которых и агломерации значительно менее крупные [3, с.47].

Для страны с такой большой и непропорционально растянутой относительно расположения столицы территорией структура расселения сама по себе является проблемным фактором. Ведь "точки" наиболее интенсивной урбанизации это и инфраструктурные узлы, этапы логистических маршрутов, пояс быстрой связи и потенциал коммуникации, культурного (включая процессы технологического) обмена. Учитывая, что 27% российского населения проживает в Центральном, 20,7% – в Приволжском и 9,7% – в Южных федеральных округах [3, с.29], что редкая цепочка крупных городов прижимается к южным границам в Зауралье и Сибири, истончаясь к Дальнему востоку с его 4,3% процентами населения по федеральному округу, можно представить образ улитки, тело которой свернулось в европейской части и "смотрит" на запад, а длинный сужающийся шлейф протянулся к востоку. Там больше невовлеченных в промышленный

оборот земель, благодатные природные зоны, леса, тайга – но вместе с ними требовательный климат, пунктирная рыхлость инфраструктуры жизни, транспортные проблемы и снабжения.

Продолжающаяся урбанизация в России и во всем мире в прямом смысле ярко манифестирует себя на снимках из космоса, где на ночной поверхности планеты сияет сеть освещенных населенных пунктов. Тут отчетливо становятся видны плотность расселения, энергообеспеченность, даже образ жизни (деловая и культурная активность, а темное время суток) – и вместе с ними часто даже границы государств.

Но городская жизнь – навязчивая и принудительная для человека, именно в силу своей социальной плотности. Индивидуальные решения о смене места жительства и миграции в сельскую местность мотивируются именно непереносимостью этого давления [1]. Нездоровая экология промышленных центров; постоянная борьба "за место" в ежедневных ситуациях: в общественном транспорте, в автомобильных пробках, на парковке, в лифте, на рабочем месте, в офисе; гонка статусных амбиций и финансовых возможностей – и всеобщие ожидания, что человек будет постоянно стремиться им соответствовать (и он берет в кредит новую квартиру, машину, покупает шубу или сумочку, едет на курорт и т.п.). В результате он себе не принадлежит, не реализует свои собственные цели, а постоянно доказывает свою "вписанность" в этот городской круг, чувствуя на каком-то этапе, что не он живет жизнью, а она его "жуёт", и это довольно распространенный стрессовый сценарий потенциального беглеца от благ цивилизации к человекоразмерному деревенскому бытию.

То есть с точки зрения индивидуального самосознания постурбанизм часто связан со стремлением вернуться к естеству, неторопливому и подконтрольному течению жизни, когда можно прямо влиять на результат и потреблять плоды своих усилий, вновь чувствовать природные запахи и прикасаться к живым фактурам, быть в контакте с друзьями и любимыми, проводить много времени с семьей, иметь домашних животных на свободном содержании и развиваться "в своем темпе", дыша полной грудью. Соседское сообщество оказывается в зоне разумной территориальной удаленности, а собственная земля и дом актуализируют архетип хозяина, главы, ответственного за семью и значимого человека. Способность справляться с текущими проблемами сильно повышает самооценку, уверенность в себе и собственных возможностях, стимулирует личностный рост и развитие в деловой сфере.

Изменения в идентичности постурбаниста объективно связаны с институциональной структурой новой среды, в которой актуализированы индивидуальные, а не ролевые черты, проявления фактической, а не номинальной, сплоченности, поведение в контексте первичных групп и совершенно иной, чем в городе, тип социального контроля. Чем малочисленнее поселение, тем заметнее эти перемены, и они требуют серьезной адаптации.

Не меньшей по значимости объективной проблемой выступает общая ресурсная недостаточность распространенной постурбанистической матрицы в России. Образованный и требовательный к качеству среды городской житель готов принадеживаться к изменению качества жизни, но сельская среда в большинстве случаев ограничивает возможности профессиональной, социальной, культурной самореализации. Натуральное хозяйство не решает проблем продуктового самообеспечения, неразвитость и низкая емкость локальных рынков занятости создает экономические дефициты в семьях мигрантов, собственные культурные потребности и подрастающие дети порождают особую требовательность к информационной и социокультурной среде, а институциональные сервисы ее покрытия недостаточно развиты и в ряде случаев отсутствуют.

Эти и другие проблемы апеллируют к государственной позиции и требуют выработки политики в отношении постурбанистических процессов. Если не стимулирование, то поддержка обратной миграции горожан в сельские поселения, на наш взгляд, должны и могут быть поддержаны с помощью разнообразных инструментов и ресурсов государственного территориального администрирования. Такой подход заложит основы новых организационных практик по относительной (пока очень незначительной) разгрузке транспортной городской сети, созданию удаленных рабочих мест, снижению социальной напряженности в больших городских сообществах, повышению качества и изменению характера связи города и села на основе использования человеческого потенциала переселенцев, повышению культурного потенциала периферии городских агломераций, если будет развиваться в нужном направлении система трудовой занятости.

"Предчувствие" трендов постурбанизма в современных крупных мегаполисах России, как и во всем мире, формирует новые предложения массовому потребительскому рынку. Целое

направление нового урбанизма как градостроительной концепции "целoveкoразмерной" среды с экологичным размещением жилья, грамотным ландшафтным проектированием, обилием пешеходных зон, антикриминальной защищенностью создает внутри и на периферии городов "урбодеревеньки" с высокой транспортной доступностью, социальной инфраструктурой, жилищной комфортабельностью, часто односторонне мембранные: вход чужим затруднен, выход в открытую городскую среду для инсайдеров – по желанию. Такое предложение замещает миграцию, но в экономическом отношении оно не конкурентно, поскольку с позиций индивидуального бюджета гораздо более затратно как в моменте, так и в текущем режиме (все сервисы и блага идут по городскому тарифу).

Планирование и предвидение развития поселенческих тенденций позволяет создать некий административный и институциональный задел для будущего полноценного обеспечения постурбанистических волн, которые в современном российском обществе могут сформироваться раньше и принудительнее, чем в эволюционной модели, в силу специфики экономических процессов ближайших лет.

1. Дончевский Г.Н., Клименко Л.В., Ермишина А.В. (2016) *Ценностные основания институционализации постурбанистических образований в России: гипотеза и результаты эмпирических исследований // Journal of Institutional Studies. 2016. Т. 8. № 1. С. 72-84. <http://elibrary.ru/download/66257913.pdf>*
2. Звягинцев В.И. и Неуважаева М.А. (2015) *Переселенцы из города в сельскую местность: феномен обратной миграции в современной России // Мир России, № 1, с.101-135.*
3. *Население России 2013 (2015) [Текст]: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. http://demoscope.ru/weekly/znigi/ns_r13/acrobat/nr13.pdf*

СУБЪЕКТНОСТЬ ИНДИВИДА В ОТНОШЕНИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Сердюков Б.В. (Санкт-Петербург)

При анализе социальных процессов, протекающих в России, и конструировании возможных моделей их нормализации целесообразно обратиться к наследию теоритической социологии. Для этого допустимо использование концепции социальной солидарности, предложенной Э. Дюркгеймом, так как она, на наш взгляд, не потеряла и сегодня своей эвристической ценности.

Российскому обществу за время новейшей его истории пришлось пережить мощнейшую волну трансформационных течений, следствием которых неизбежно явилось усиление аномического состояния в процессах социальной интеграции индивидов, пусть незначительно, но оказать умиряющее и сдерживающее влияние на человека.

Развитая и сбалансированная социальная солидарность, воспроизводимая внутри социальных групп, а также между ними и государством, способна дать необходимую основу для преодоления сложившегося расхождения между структурой общественных отношений, декларируемой органами государственной власти и фактической структурой, воспроизводимой на уровне социального взаимодействия.

Используемый нами далее, для объяснения процессов формирования социальной солидарности, механизм разработан выдающимся российским учёным О.А. Кармадоновым и предложен им в концепции потоковой консолидации. Особый интерес в этом ключе нам представляет такая социетальная форма социальной солидарности как гражданская. Её значение в процессе стабилизации социальной системы в своих работах обосновал выдающийся российский социолог А.Б.Гофман.

В данной статье мы дадим некоторое описание гражданской солидарности, для чего сперва попытаемся предложить её определение. На наш взгляд гражданская солидарность - это консолидационный феномен, обладающий дуалистической природой и воспроизводящийся в социетальном пространстве как на вертикальном, так и на горизонтальном (групповом) уровнях.

Гражданская солидарность во многом схожа с групповой, однако вместо отдельно взятой группы, она охватывает общество в рамках одной государственной системы. В ней люди консолидируются друг с другом по отношению к своему обществу, выраженному в различных составляющих государственной системы. Сюда можно отнести нормативно-правовые акты, политические и гражданские институты, подчинение органам государственной власти и т.д.

Таким образом люди консолидируются с обществом напрямую (принимая и исполняя его законы, активно участвуя в гражданских институтах или покоряясь их требованиям), либо опосредованно через конъюнктивные практики с другими людьми, исполняемые для приобретения субъектности коллектива по отношению к гражданским институтам, что позволяет обеспечить целостность группы и повысить её жизненные шансы перед лицом идентифицированных угроз.

Гражданская солидарность наиболее очевидно проявляется в области общественной безопасности в своём событийном аспекте, так как шансы возникновения консолидационных процессов «резко возрастают в ситуации реальных или потенциальных неблагоприятных обстоятельств».

Такой подход был частично апробирована нами в рамках социологического исследования, проводимого в Санкт-Петербурге для выявления мнения жителей об уровне личной и общественной безопасности в жилых кварталах для его учета при тестировании элементов автоматизированной системы внутриквартальной безопасности в жилых кварталах Санкт-Петербурга. Данное исследование проводилось специалистами ООО «Агентство «Сфера» на условиях субподряда с СПб ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр» по государственному контракту с Комитетом информатизации и связи. Выборочная совокупность составила 640 человек, а половозрастная структура выборки соответствовала общим социальным характеристикам исследуемой территории (МО «Пороховые», г. Санкт-Петербург).

В анкете поквартирного опроса были добавлены вопросы, направленные на оценку поведенческих установок жителей в различных ситуациях. В контексте данной работы наибольший интерес представляет распределение ответов респондентов, представленные на Рисунке 1, об их поведении в тех случаях, когда они обнаружат, узнают или будут свидетелем какого-либо правонарушения, в многоквартирном доме или на территории жилого квартала. В ходе опроса им предлагалось оценить, как они готовы поступить в таких ситуациях, в том числе при взаимодействии с правоохранительными органами.

По результатам анализа ответов выделилось три основные группы в зависимости от роли, в которой респонденты готовы выступать в опросах обеспечения безопасности. Для удобства, дальнейший анализ будет проводиться в рамках представленных ниже групп.

В первую группу вошли наиболее тяжкие правонарушения: убийство, умышленное причинение вреда здоровью и физическое насилие. На первый взгляд ответы респондентов по данным видам правонарушений демонстрируют высокую степень солидарного поведения, так как в среднем по данной группе 92% респондентов высказали желание обратиться в компетентные органы, в случае если они обнаружат или станут свидетелями таких правонарушений.

Однако доля граждан не готовых вступить во взаимодействие с правоохранительными органами по предмету обращения в составила в среднем по данной группе 60% респондентов. Это существенный факт так как мы имеем ввиду тяжкие правонарушения.

Вторая группа включила в себя такие правонарушения как кражи, грабежи или разбой. Различные правонарушения в этой группе связывает общая для них угроза частной собственности. Общее число респондентов, заявивших о готовности к более полному взаимодействию с правоохранительными органами составляет в среднем по группе 45%, что несомненно выше по отношению к предыдущей группе. Доля респондентов, высказавших желание участвовать в следственном процессе при обнаружении этих правонарушений также выросла многократно. В свою очередь втрое уменьшилось число респондентов готовых участвовать в судебном процессе при обнаружении правонарушений такого рода.

Число жителей, высказавших желание ограничиться сообщением о данном правонарушении составляет в среднем по группе 46%. Число жителей, не готовых реагировать на обнаруженное правонарушение незначительно и составляет в среднем не более 2,5% от общего числа респондентов.

В третьей группе разместились такие правонарушения как мошенничество и шантаж. Доля респондентов, готовых предпринять хоть какие-то действия в случае обнаружения этих правонарушений, составила 64,4% по отношению к правонарушениям в области мошенничества и 65,7% в по отношению к шантажу. Общая доля респондентов, затруднившихся с ответом и тех, кто ничего не будет принимать в случае если он обнаружит или станет свидетелем мошенничества или шантажа составляет 36,5% и 34,2% соответственно. Среди опрошенных общее число жителей, готовых участвовать в розыском или судебном процессе составило 10,5% от общего числа респондентов в случае мошенничества и 10,7% в случае шантажа.

Отдельного внимания требует восприятие респондентами таких правонарушений как хулиганство и вандализм, объединённых, впрочем, в одну категорию. Этот вид правонарушения наиболее точно характеризует отношение респондентов к вопросу общественной безопасности. В распределении ответов по данному виду правонарушения мы обнаруживаем наиболее низкую степень готовности участников опроса принимать активное участие во взаимодействии с компетентными органами. Только 9,5% респондентов указало на готовность участвовать в следственном и судебном процессах.

Полученные в ходе поквартирного опроса данные можно интерпретировать следующим образом:

1. Респонденты продемонстрировали в своих поведенческих установках высокую ориентированность на правоохранительные органы, что демонстрирует существующий среди них значительный потенциал к консолидационным действиям гражданского характера;

2. В зависимости от типа правонарушений значительно изменяется и склонность индивида к проявлению гражданской солидарности. Так установки на гражданское поведение оказываются наиболее интернализированными в тех случаях, когда индивидом обнаруживается угроза личной или имущественной безопасности.

3. Гражданская солидарность как консолидационный феномен может воспроизводиться и измеряться на как коллективном уровне (в качестве консолидации индивидов для приобретения субъектности), так и на индивидуальном уровне.

Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 3-12.

Гофман, А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Евременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. - С.97-167.

Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования 2012 № 11 С. 17–25

Кармадонов, О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция / О. А. Кармадонов // СОЦИС: социологические исследования - 2015. - № 2. - С. 3-12

Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек: феномен общественного сознания и социальной практики //Вестник РГГУ. Ежемесячный научный журнал. 2007, №2-3. С. 156-167.

Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. — 2012. — Т. 11. — № 1. — С. 19-39.

ПАТРИОТИЗМ В МЕНТАЛИТЕТЕ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сериков А.В. (Ростов-на-Дону)

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе»

В условиях глобализации, которая сопровождается гуманитарной интервенцией, особое внимание стали уделять ментальному измерению России как цивилизации. Одним из таких измерений является ментальная матрица как когнитивная модель организации статичных элементов общественного сознания, основу которой составляют представления догматического характера. В связи с этим исследователи отмечают, что «догмат как первичная система априорного знания об основах мироздания и смысле человеческого существования устанавливает базовую структуру ментальной матрицы, определяет ее содержание» [1]. Одним из основ менталитета населения любой страны является патриотизм. Патриотическое сознание граждан является важнейшей ценностью, условием стабильного развития общества, основой его духовно-нравственного единства и разнообразностью социального поведения.

Социальное поведение, как подчеркивают исследователи, – это реакция социального актора («человека действующего») или социальной группы на социальную ситуацию и на внешние социальные изменения в виде совокупности социальных действий, направленных на поддержание социального существования или адаптацию к социальной среде.[2] В науке существуют два альтернативных подхода к объяснению социального поведения человека: личностный и ситуационный. В научном дискурсе утвердилось также представление о том, что социальное поведение осуществляется на основе как внутренних, так и внешних регулятивов. В

связи с этим в изучении социального поведения доминируют диспозиционный и культурный подходы.

В настоящее время в изучении социального поведения наметилась тенденция, связанная с преодолением познавательной односторонности личностного и ситуационного, диспозиционного и культурного подходов. В русле этой тенденции социальное поведение человека не рассматривается как следствие давления социальной ситуации или индивидуальных черт его характера, его социальных ценностей, установок или культурной предрасположенности. Социальное поведение человека рассматривается как результат интерпретации актором социальной ситуации, приписывания ей в социальном контексте определенных значений и смыслов.

Социальное поведение может быть индивидуальным или коллективным. Коллективное поведение принимает форму приспособления друг к другу индивидуальных действий: каждый индивид, интерпретируя действия других, подстраивает под них свое действие, т.е. вписывается в общую модель коллективного поведения. Социальное поведение проявляется в действиях в различных сферах жизни общества и бывает, соответственно, экономическим, социальным, политическим, правовым, духовным.

В современной науке модели социального поведения иногда рассматриваются как короткие поведенческие сценарии, или образцы социальных действий. При этом исследователи подчеркивают, что модели социального поведения – это упрощенные представления реальности, к которым не предъявляются требования отражения реальности во всей полноте. В этом плане модель социального поведения – это когнитивный аналог практик социального поведения индивидуального или коллективного характера, обусловленного ментальной программой. При этом неосознанные структуры ментальной программы определяют нормативную модель коллективного поведения, зависящего от общепринятых культурных ценностей и норм, а осознанные структуры – выбор модальных моделей индивидуального поведения, статистически наиболее распространенных в обществе.

Повышенный интерес к гражданственности и патриотизму как базовым структурами менталитета в российском обществе был обусловлен, с одной стороны, модернизационными практиками, развернувшимися на рубеже веков, с другой – поиском пути национального развития в условиях глобализации, актуализировавшим проблематику, связанную с цивилизационной спецификой России.[3] Эта специфика состоит в том, что доминантной формой интеграции в ней выступает государственность как государственно-организованная форма российского общества, задающая в его гетерогенном социокультурном пространстве единый нормативно-ценностный порядок, или символический универсум.[4]

Доминирование в этом пространстве государствоцентристских ценностей способствовало формированию в российском обществе национально-государственной идентичности и такой ментальной матрицы социального поведения, в структуре которой, наряду с этатизмом, патернализмом и державностью, особое значение стал приобретать патриотизм, который в дискурсивных практиках наполняется определенной смысловой нагрузкой, обусловленной национальной культурно-исторической спецификой. В результате «патриотизм» в дискурсе – это концепт, который как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее.

к концу существования Советского Союза в этой системе тоже были накоплены кризисные явления, они были связаны как с трудностями в исполнении социальных обязательств государством перед народом, так и общей утратой социалистической идеологией своей привлекательности в свете новых идей о демократии, свободе, рынке, западных стандартах потребления. Однако то, что произошло в постперестроечный период в отношении идей патриотизма и патриотического воспитания, иначе как парадигматическим поворотом не назовешь. Резко снизился как уровень патриотичности самих граждан, так и изменилось само отношение государства, государственных деятелей к необходимости воспитания патриотизма в обществе. Само слово «патриотизм» стало часто употребляться в уничижительных смыслах – «лапотно-квасной патриотизм», «посконный патриотизм» и т.д. Очевидные достижения советского общества и государства целым поколением политиков 1990-х гг. стали пересматриваться, принижаться или их стали вообще отрицать.

На социальном уровне процессы девальвации понятия патриотизма, его основополагающих смыслов были связаны с потерей социального престижа теми группами и социальными статусами, которые либо символически связаны с жертвенностью и служением

Родине, подвигами и достижениями, либо ответственны за трансляцию этих смыслов широким слоям общества. В первом случае можно говорить о таких процессах, как снижение престижа солдата, воина, защитника Отечества; снижение престижа и уважения к рабочему и крестьянскому труду; снижение социального престижа ученого и инженера. То есть речь идет о широкомасштабных процессах как реального вымывания из социальной структуры целых пластов, связанных с идеей служения Родине в период рыночных реформ, так и о процессах их символического и ценностного уничтожения, когда для молодежи более привлекательной становится профессия банкира и продавца, нежели профессия инженера или хлебороба.

На уровне политической системы все эти процессы сопровождались официальным отказом от какой-либо идеологии, тотальной деидеологизацией общества, возведенной в ранг основополагающей политической стратегии. Ослабление социальных референтов патриотических идей сопровождалось кризисом основного института трансляции патриотических идей – из средней и высшей школы была устранена воспитательная компонента, учитель и преподаватель не только перестал быть транслятором патриотического воспитания, но и сам по большей части перестал испытывать патриотические чувства. Даже при наличии таких установок, вынужденный выживать в условиях рынка, воспринимаемый окружающими как неуспешный человек, учитель едва ли мог быть успешным транслятором патриотического воспитания.[]

Патриотизму молодого поколения сегодня явно не достаёт гражданственности, и поэтому в обществе ощущается дефицит низовой субъектности. Надо преодолеть и императив советской эпохи – «раньше думай о Родине, а потом о себе», и не следует лукавить. Иначе низы будут выдавать интересы Родины за свои собственные, а верхи – будут цинично выдавать собственные интересы за интересы народа. Надо научиться жить в России не только по закону, но по совести, тем более что нравственные ожидания в обществе оставляют желать лучшего. Надо научиться в жизни сочетать гражданственность и патриотизм, интересы личности и интересы общества. Создавать для этого необходимые интеллектуальные и организационные условия – в этом одна из главных задач гражданско-патриотического образования в России.

1. Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Ментальная матрица политической элиты в контексте теории информационного поля // Информационные войны. 2011. №1 (17) С. 52.

2. Лубский Р.А. Государственность и модели социального поведения в современной России // Научная мысль Кавказа, 2014. № 1. С. 32–40.

3. Лубский А.В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // Философия права. 2016. № 2.

4. История России в вопросах и ответах. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.

5. Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое сознание молодежи Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 58-76.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРИАНГУЛЯЦИЯ В ВОПРОСЕ ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сидоров Д.С., Бандалиева А. М. (Санкт-Петербург)

Связь техногенных и социокультурных фактов изучена в достаточной степени. Особенно важным, на наш взгляд, является вклад Г. Форда[7], Д., Т. Веблена[3], Ф. Содди[6], А. Турена[5], Д. Белла[1] и др. Если крайне обобщить и редуцировать воззрения столь разных и самобытных учёных, то следует отметить, что все они рассматривали технологии не только сквозь призму внутренней каузальности, но и как процесс и продукт социального, политического, экономического, духовного и прочих порядков.

Несмотря на то, что тема связи технологий и социокультурных фактов изучена достаточно полно, связь технологии и повседневности, как представляется, изучена не так хорошо. В данном ключе, например, работают представители ANT[например, 8] и других направлений исследований науки и технологии, однако фокус исследовательского интереса данных школ направлен, прежде всего, либо на доказательство существования у вещей (и технологий) свойства агентности (как в ANT), либо на доказательство того, что сами вещи и смыслы, вписанные в вещь, во многом сконструированы благодаря социальным интеракциям.

Однако для анализа связи между энергопотреблением и социокультурными особенностями социальных групп не подойдут рассмотренные выше методологии. На наш взгляд, для данного исследования логично использовать аналитическую оптику социальной топологии П. Бурдьё [2]. Так, нами будет рассмотрено энергопотребление двух общежитий Волгоградского

Государственного Технического университета и его связь с социальными группами, которые населяют данные общежития. Нами будет выявлена связь некоторой группы гомогенных габитусов с энергопотреблением, а также специфика маркирования социальных пространств и типические для этих групп социальные практики использования энергии. Актуальность темы исследования обусловлена тем обстоятельством, что в настоящее время наблюдается широкий интерес к оптимизации энергопотребления со стороны учёных-физиков, экономистов, статистиков и др. Однако в работах данных учёных учитывается только технологический аспект энергопотребления и полностью (реже частично) игнорируется социокультурный. Таким образом, целью нашего исследования является анализ связи между энергопотреблением и социокультурным фактором.

Волгоградский Государственный Технический университет имеет 5 общежитий. Нами будет рассмотрено два из них находящиеся по адресу ул.Рокоссовского 50 и проспект Ленина, 50 (79325 и 49849 кВт*ч соответственно). По выражению начальника студгородка ВолгГТУ: «расселение в общежития происходят таким образом, чтобы обеспечить наиболее комфортное проживание студентов из разных стран. Стараемся расселять студентов из стран с похожей культурой вместе». Это означает, что в общежитиях стремятся поддерживать однородную языковую, культурную и социальную среды. Так, пользуясь терминологией П. Бурдьё, общежития сформированы по принципу примерно гомогенных габитусов. Данные общежития представляют собой девятиэтажные здания с идентичной структурой размещения и идентичными электроприборами. Таким образом, не понятно, почему одно из них обладает абсолютным максимумом, а другое – абсолютным минимумом. Технический анализ или энергоаудит общежитий, таким образом, объясняет данное обстоятельство: «в течение последних многих лет объёмы выполняемых работ резко уменьшились. Поэтому имеющиеся производственные и энергетические мощности оказались очень завышенными, что привело к нерациональному их использованию и к низким удельным показателям энергоэффективности из-за высокого энергопотребления на собственные нужды. Кроме того, практически всё оборудование выпущено не менее тридцати лет назад и не отвечает современному техническому уровню, в частности, по энергопотреблению», а также заключительная часть отчёта и рекомендации: «в связи с вышеизложенным и отсутствием четкого плана программы предприятия, реальным выходом энергетического обследования может быть создание программы мероприятий для повышения эффективности систем энергоресурсообеспечения предприятия (энергоресурсосбережения) без учёта расширения или изменения номенклатурной структуры поселения». Если кратко проанализировать данное заключение, то следует признать, что причин подобного энергопотребления две:

- 1) Устаревшее техническое оборудование
- 2) Здания потребляют высокое количество энергии на собственные нужды

Первая причина относится скорее к области логистического анализа, в то время как вторая – полностью социологична. Что значит собственные нужды? Кто именно потребляет столь много и нерационально? Энергоаудит не объясняет подобных явлений. Более того, технический анализ не объяснил и то, почему два общежития с полностью идентичной структурой и наполнением технических средств потребляют столь разное количество энергии. Далее приведена таблица потребления электроэнергии по всем общежитиям ВолгГТУ (таблица 1.)

Но топологический анализ социального пространства объясняет это следующим образом. Абсолютные значения потребления электроэнергии могут быть объяснены различием габитусов, образующих различные хабитаты в двух данных общежитиях. Общежитие на Рокоссовского 50 заселено студентами из арабских стран, а также стран Африки, Вьетнама и Китая, в то время, как общежитие на Ленина 50 ориентировано на российских студентов, приехавших из других городов. По меткому выражению комманданта из общежития на ул. Рокоссовского 50: «они приезжают, например, из Африки, там ведь не всегда есть вода, свет...ну, вы понимаете, а здесь все условия. Поэтому они будто используют всё это прозапас. Один раз захожу в комнату ночью, мне что-то нужно было, а они спят с включённым светом. Я спрашиваю, дескать, почему? Сломался выключатель? А мне один из Анголы отвечает, что нет, просто им так приятнее». Вероятно, это справедливо и для остальных представителей, так называемых, развивающихся стран. В то время, как в общежитии на ул.Советской 35 подобных феноменов обнаружено не было. Вероятно, габитусы, сформированные в условиях тотального дефицита, потребляют с избытком, как только представляется возможность. В работе «Потребление и стили жизни» П. Бурдьё так описывает данный феномен: «выбор жизненных стилей предопределен в одних случаях стремлением усилить

социальную позицию путем демонстративного потребления в духе концепции Т. Веблена, в других – стремлением закрепить свой статус ориентацией на «высокую культуру». Следовательно, потребление и становится формой знаковых различий социальных классов, а стилизация жизни усиливает эти различия и легитимизирует их, а также выступает формой воздействия на группы с другими жизненными стилями, навязывания им своего видения человека и мира». Другими словами, свет является своеобразной формой закрепления социального статуса и своеобразной его символизацией.

Что касается маркирования пространства, то в двух этих общежитиях, несмотря на гомогенную структуру материальных объектов, оно полностью различаются. В общежитии на ул. Советской нет, так называемых, общих коммуникативных зон, в то время, как в общежитии на ул. Рокоссовского такой зоной являются не только общие кухни, но и холл на первом этаже. Студенты приходя в общежитие или уходя из него, обязательно останавливаются около кофейного автомата и разговаривают. Несмотря на то, что это кратковременные контакты, в силу высокой населённости общежития, там всегда бывают люди. В целом, данное пространство жёстко маркировано по национальному признаку: слева от аппарата, обычно, собираются арабы, справа – африканцы. Студенты из азиатских стран предпочитают избегать больших компаний. Таким образом, мы можем говорить о том, что отношения в социальном пространстве общежития есть отношения кооперации и конкуренции. Так, студенты из Африки достаточно холодно относятся к арабским студентам и наоборот. Коммендант данного общежития так комментирует это: «африканцы завидуют арабам. У арабов всегда много девочек и они побогаче, обычно. Но зато африканцы дружелюбные и их больше. Вот тут недавно драка большая была, многих отчислили..». Так, пространство в общежитии жёстко маркировано по национальному признаку.

Кроме того, со студентами двух названных общежитий был проведён пилотажный анкетный опрос (N=100), в ходе которого были выявлены некоторые корреляции. Так была выявлена значимая корреляция между следующими признаками: уровень владения языком и использование электроприборов ($r=0,87$). Студенты поясняют, что русский язык и русская культурная среда крайне сложна для жизни и изучения, поэтому им всё больше приходится использовать различные технические устройства для понимания учёбы, повседневной жизни и т.п. Обратная корреляция ($r=-1$) была выявлена между признаками социального окружения и наличия гаджетов. Так, чем больше знакомых и друзей успел завести студент, тем менее гаджетов он использует. Это обстоятельство можно объяснить тем, что значимые социальные интеракции обеспечивают достаточно-комфортную среду проживания и без использования гаджетов. В свою очередь корреляция между уровнем достатка и количеством гаджетов практически отсутствует ($r=0,15$). Значимая корреляция наблюдается между признаками семейного положения и количеством электроприборов, причём, у мужчин обратная ($r=-0,8$), а у женщин – прямая ($r=0,6$).

Таким образом, подводя некоторый итог, следует отметить, что энергопотребление во многом зависит от характера габитуса населяющих объект агентов и конкретного практического смысла жизни агентов. Технологический анализ (энергоаудит) не всегда может продуктивно описывать объекты, населённые людьми. Многие другие аспекты энергопотребления и его связь с социальными характеристиками агентов, например, такими как пол, возраст, социальное положение и т.п. – предмет будущих исследований, однако эвристичным представляется именно такой подход к энергопотреблению.

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — Москва: Прогресс, 1986. — с. 330—342
2. П. Бурдьё Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Ин- ститут экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с
3. Т. Веблен «Теория праздного класса»: Прогресс; Москва; 1984, 188с.
4. Дж. Гудвин. Исследование в психологии: методы и планирование. — СПб.: Питер, 2004. — С. 232-233
5. Ален Турен Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.
6. F. Soddi Matter and Energy (1912), Science and Life (1920)
7. Henry Ford and the Jews: the Mass Production of Hate by Neil Baldwin. Public Affairs. New York. 2001
8. Latour B. Where are the missing masses? Sociology of a few mundane artifacts // Wiebe Bijker and John Law (eds.). Shaping Technology / Building Society. Studies in Sociotechnical Change. Cambridge/Mass.: MIT Press. 1992. P. 225--259. Перевод

ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ЗАНЯТОСТИ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА И ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВЫХ СТРАТЕГИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сизова И.Л. (Нижний Новгород)

Исследование основано на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (RLMS). Трудовая деятельность лиц пенсионного возраста изучались на основании результатов, представленных в репрезентативной выборке 24 волны (2015 г.) мониторинга.

По результатам отбора лиц пенсионного возраста в выборке оказалось 3671 человек, из них 994 мужчины и 2677 женщины. Больше всего мужчин в возрасте 60-70 лет (62% от всей подгруппы), 28% мужчин находятся в возрасте от 70 до 80 лет, и только 10% - в возрасте свыше 80 лет. Возрастные подгруппы женщин являются более равными: 25% женщин находятся в возрасте 55-60 лет, 38% в возрасте от 60 до 70 лет, 27% - в возрасте от 70 до 80 лет, и 11% женщин имеют возраст старше 80 лет. Таким образом, женщины, раньше вступая в пенсионный возраст, составляют четвертую часть общей группы пенсионеров, тогда как основная масса мужчин-пенсионеров скапливается в возрасте 60-70 лет. Если сопоставить подгруппы равных возрастов лиц пенсионного возраста обоих полов, то первая возрастная подгруппа (60-70 лет) у мужчин на 12% больше, чем у женщин, зато в следующем возрасте (70-80 лет) уже значительно преобладают женщины (на 10%). Эта тенденция сохраняется и дальше (в возрасте 81+), правда, уже не в такой значительной разнице (только на 4% больше женщин).

Изменения гендерных групп в пенсионный период воздействует как на рынок труда, так и на трудовые стратегии самих пенсионеров: место социально-обусловленных стратегий более раннего возраста занимают рациональные практики, главным образом направленные на выживание.

Вначале представим группы работающих пенсионеров: среди них только 18% мужчин и 21% женщин (оценка по долям женских и мужских групп пенсионеров). Это соотношение зависит от разницы пенсионного возраста в стране: в реальности, в трудовой жизни после 60 лет оказывается больше пенсионеров-мужчин. Причинами незанятости подавляющего числа пенсионеров оказывают, прежде всего, самостоятельное решение в связи с достижением пенсионного возраста, а также состояние здоровья. Гендерная разница в данном случае заключается в том, мужчины чаще женщин уходят с работы по состоянию здоровья, а женщины – из-за сокращения, по семейным обстоятельствам, а также по собственному желанию. В основном те, кто уволился, уже не ищут другую работу. 37% уверены, что работу найти невозможно, причем мужчины больше уверены в своих силах, что смогут найти работу в более короткий срок, чем женщины. Из 3% пожилых людей, которые все же пытаются найти работу, развивают разные стратегии: мужчины чаще женщин идут официальным путем (например, обращаются в ГСЗН, непосредственно на предприятия или к родственникам), а женщины действуют через социальные сети – апеллируют к друзьям, знакомым; или пользуются рекламными объявлениями, в том числе чаще мужчин в интернете.

У большинства работающих пенсионеров очень незначительный накопленный постпенсионный трудовой стаж (большинство мужчин и женщин переработало после наступления пенсионного возраста только 1 год). Тенденция такова, что более молодые пенсионеры стали охотнее покидать работу, чем их более возрастные коллеги. Если оценивать занятость на типах предприятий, то большинство мужчин пенсионного возраста работают в современных организациях, они пришли туда работать после 1998 года. Женщины гораздо чаще мужчин продолжают работать на тех предприятиях, которые были созданы в советское время или в первые постсоветские годы (до 1999 г.). Возможно, сами предприятия, на которых заняты пенсионеры, различаются: более современные предприятия предпочитают использовать мужской труд, тогда как те, которые продолжают работать с советских времен, ориентированы на женские виды труда. Это косвенно подтверждают отрасли, в которых заняты в настоящее время пенсионеры. Так, мужчины чаще заняты в тяжелой промышленности, военно-промышленном или энергетическом секторах, строительстве, сельском хозяйстве и на транспорте. Немало мужчин также

сосредоточены в образовании, торговле и сфере предоставления услуг. Женщины намного чаще мужчин остаются в образовании, науке, культуре и здравоохранении. Больше женщин также в торговле и в сфере услуг населению.

Профессионально работающие мужчины распадаются на две независимые категории: высококвалифицированную (преобладают руководители образовательных учреждений, чиновники) и малоквалифицированную (сторожа, дворники, консьержи, привратники, сотрудники защитных служб, водители). В средней квалификационной группе больше всего занятых мужчин на должностях механиков, слесарей, техников. Видимо, рынок труда предлагает занятость прежде всего этим категориям специалистов. Это подтверждается и спецификой занятости женщин, которые, с одной стороны, также как и мужчины, заметны на малоквалифицированных должностях, таких как уборщица и сторожа, продавцы, но, с другой стороны, в высокой степени представлены учителями среднего образования. Второй наиболее распространенной должностью высокой квалификации у женщин пенсионного возраста выступает работа бухгалтером. Средняя квалификационная группа у женщин – это, прежде всего, медсестры и ассистенты в здравоохранении.

У всех пенсионеров присутствует очень серьезная степень неуверенности в том, что они смогут в случае отказа от текущего места работы найти новую работу. Около 70% мужчин и женщин считают, что они не смогут в этом случае найти новую работу. Но мужчины явно более уверены в том, что такого в их жизни не произойдет. Больше о потере работы обеспокоены женщины. Хотя считается, что современная женщина более мобильна на рынке труда, чем мужчина, данные RLMS свидетельствуют об обратном: пожилые женщины в России демонстрируют крайне осмотрительные и консервативные стратегии в труде: они стремятся держаться за то место работы, которое есть, и продвигаться по карьерной лестнице в знакомой им обстановке. Пожилые мужчины выстраивают трудовую деятельность более современными методами, больше осуществляют переходов с предприятия на предприятие, но успехов достигают реже, чем женщины в их возрасте.

71% и мужчин, и женщин «полностью» или «скорее» удовлетворены своей текущей занятостью. Однако обе подгруппы сильно различаются в степени удовлетворенности оплатой труда. Мужчины чаще удовлетворены заработками, чем женщины. И гораздо больше женщин, чем мужчин, которые не удовлетворены ими вообще. В целом, пожилые различают саму работу и оплату труда. С высокой степенью удовлетворенности трудовой деятельностью и условиями труда, резко контрастирует низкая удовлетворенность зарплатой. Сами зарплаты в основном у тех и у других сосредоточены в самой низкой доходной группе: от минимальной до 15000 рублей/в месяц. Однако действительно, уровень оплаты труда женщин несколько ниже, чем у мужчин, но одновременно они хуже оценивают свою квалификацию, чем мужчины.

Мужчины чаще женщин посвящают себя основной работе. Пожилые женщины, наоборот, значительно чаще мужчин имеют дополнительную работу, которая, однако, размещена в теневой сфере рынка труда. Если женщина имеет такую дополнительную работу, то, скорее, она трудится регулярно и получает за это постоянный дополнительный заработок. Дополнительная работа распространена среди мужчин с низкой или незначительной квалификацией (сантехники, спортивные инструкторы и т.д.), у женщин, наоборот, высока включенность как лиц творческих профессий (образования, науки, культуры и искусства) и высокой квалификации (врачи, бухгалтеры), так и низкой квалификации (уборщицы, помощницы на кухне и т.д.).

Частичная занятость или почасовая работа не распространена и в среде лиц пенсионного возраста. Большинство опрошенных пенсионеров трудится полный рабочий день и часто даже имеют сверхурочные часы. Особенно переработки свойственны пожилым мужчинам.

Оценка совокупных доходов лиц пожилого возраста и анализ их восприятия уровня своего благосостояния позволяет заключить, что материальное положение большинства пенсионеров не меняется в лучшую сторону, даже при наличии работы. В лучшем случае оно остается без изменений, однако у третьей части оно ухудшается. Женщины более оптимистичны и амбициознее нацелены на будущее, чем мужчины их возраста и положения.

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сикевич З.В. (Санкт-Петербург)

В современном обществе значимость этнического фактора не только не снижается, но даже, как это и не парадоксально, возрастает. Хотя именно культурные границы, как в области материальной, так и духовной культуры на наших глазах «размываются» и для их сохранения требуются немалые усилия интеллектуальных элит.

Происходит это потому, что этнический фактор сегодня, имея глубинную, не до конца осознаваемую, социальную и психологическую мотивацию, перестает «быть культурой», он все более идеологизируется, превращаясь в орудие ценностного и политического антиглобализма.

Иными словами, понятная, удобная и благородная идея объединения как бы провоцирует разъединение, и наряду с продолжающимся процессом евростроительства мы являемся свидетелями разъединения, сепаратизма.

Конечно, можно подобные центробежные этнические процессы в соответствии с теорией «нормального» устойчивого развития сводить исключительно к проблемам регионалистики или экономической конкуренции, однако даже не специалисту очевидно, что вряд ли как-то особенно нарушаются экономические или региональные права франкоговорящих канадцев, фламандцев или шотландцев, которые являются полноправной частью гражданской нации, причем и в правовом отношении, и в государственной практике.

Тем не менее этнический фактор в начале XXI веков продолжает влиять на социальное развитие в глобальном масштабе, включая западное общество «постмодерна».

Из этого общего положения следует ряд частных выводов:

- этнополитическая мобилизация прямо не обусловлена типом общественного устройства (ср., к примеру, Испанию /каталонцы/ и Грузию /абхазы и осетины/). Ситуация реформирования и социальных изменений просто обостряет «накал» этнических процессов, но не является первичным мотивом их возникновения.

- стремление к сецессии как один из результатов процесса «нациеобразования» (параллельно с формированием национального самосознания) напрямую не зависит от экономического благосостояния данного общества. Очевидно, что качество жизни среднего каталонца на порядок лучше экономического положения среднего абхаза, тем не менее, и тот, и другой, выступают за государственное «оформление» своей этничности.

- направленность этнической мобилизации слабо соотносится с вероисповеданием (конфессиональной принадлежностью) членов этнической группы. Склонность к сепаратизму характерна и для христиан - католиков (каталонцы, шотландцы и др.), православных (абхазы, осетины и др.), и для мусульман (чеченцы, косовары и др.).

- В полиэтничных государственных образованиях (более одного «титульного» народа) по сравнению с моноэтническими сообществами выше вероятность центробежных процессов в силу латентной этнической конфликтогенности.

- Категория «культура» и категория «этничность» не являются взаимозаменяемыми, т.к. этническая идентичность формируется не только за счет культурного своеобразия, но и специфики менталитета членов группы, особенностей исторического развития, экономики и политических институтов.

Частными проявлениями этнического фактора являются факторы макро-уровня, мезо-уровня и микро-уровня. Основными факторами макро-уровня являются государство и общество. Рассмотрим это положение на примере России.

Россия никогда не была моноэтническим государством, исторически отторгая эту модель, наиболее распространенную в современном мире. Формирование русской нации (именно нации, а не этноса) происходило за счет длительного «смешения» чуждых друг другу по расово-этническому происхождению, но соседствующих территориально этнических групп (восточных славян, финно-угров, тюрков, скандинавов и др.). Даже в имперский период в основе национальной политики (доступ к государственной карьере, привилегии, с одной стороны, и ограничения, дискриминация, - с другой) лежала не этническая, а конфессиональная принадлежность. Иными словами, «выгодно» было быть православным, а не русским.

Титульный народ – русские во все исторические периоды существенно превышал по своей численности другие этнические группы, представляя собой, таким образом, национальное большинство не только в правовом, но и в количественном отношении. Именно это (смешанное

расселение и численный «перевес» русских) позволяет говорить о метрополии и колониях применительно к периоду Российской империи лишь с большой долей условности. «Русские» земли (территории с подавляющим большинством этнических русских) плавно и незаметно переходили в татарские, украинские или казахские «земли». Этот тип расселения в годы советской власти, но особенно в ходе распада СССР, сыграл с русскими злую шутку: границы РСФСР были определены достаточно условно, и эти же приблизительные границы унаследовала современная Российская Федерация.

Русификация «окраин», начиная с 18 века, после провозглашения Петром I России империей, имела одновременно и отрицательные и положительные последствия. К отрицательным – можно отнести частичную ассимиляцию близкородственных (украинцы, белорусы) и малочисленных (коренные этнические группы Крайнего Севера и Сибири) народов России, к положительным – опосредованную русской культурой европеизацию, в частности, кавказских и тюркских народов.

Сегодня сам феномен «культурного влияния», всегда в определенной мере насильственного, оценивается по-разному, однако остается неоспоримым фактом то, что русский язык и русская культура в целом во все времена служили, и до сих пор еще служат, мощным объединяющим началом для всех народов, оказавшихся в разные периоды в составе Российского государства.

Национальная политика СССР носила внутренне противоречивый характер, что, в конечном счете, привело к распаду Союзного государства, причем роль этнического фактора в этом процессе явно недооценивается. Основное противоречие состояло в попытке совместить две заведомо несовместимые тенденции. С одной стороны, задачу формирования единой надэтнической нации – советского народа как согражданства и, с другой стороны, закладывание принципа этнизации в государственный конструкт. Очевидно, что обе идеологические установки работали друг против друга.

Федеративное устройство современной России носит асимметричный характер, сочетая в себе территориальный и национальный тип политической субъектности. Сама по себе эта асимметрия уже конфликтогенна, к тому же следует иметь в виду, что отдельные республики, несмотря на все усилия властей унифицировать их права относительно центра, обладают различным объемом властных полномочий, что приводит к скрытой этнической конкуренции за привилегии. Все это создает сложную систему реальных этнополитических неравенств, которая проявляется в межэтническом взаимодействии народов России, хотя и не отражена в Конституции России.

Численное преобладание коренных национальных меньшинств над некоренными меньшинствами, присущее РФ, не имеет аналогов в Европе. Так, во Франции, например, коренным меньшинством являются исключительно корсиканцы, которые, кстати, даже не признаются отдельным народом по Французской конституции, но подавляющую численность меньшинств составляют выходцы из бывших французских колоний. На территории России, в силу ее размеров, оказалось более 100 народов, имеющих этническую территорию происхождения в пределах России. Естественно, этот факт не может не влиять на их статус и этническое самосознание. Кроме этого, на территории своих национальных образований коренные народы являются «большинством» в правовом отношении, хотя в пределах всего государства представляют собой меньшинства. Все это не может не влиять на реальную этносоциальную стратификацию.

Институционализация этничности в период советской власти была инициирована национально-территориальным устройством Советского государства и формированием этнонациональных элит, впоследствии принявших деятельное участие в развале Советского Союза. Этничность в форме «кровной» принадлежности к той или иной этнической группе начинает играть несвойственную ей регулятивную функцию, а этническая группа превращается по своей сути в референтную группу для всех ее членов. Неявная институционализация этничности сегодня наблюдается в большинстве национальных субъектов, что не может не расшатывать позитивную направленность межэтнических отношений, провоцируя конфликты на этнической почве.

Этносоциальная стратификация, присущая российскому обществу, не свойственна обществу постмодерна. Существовая исключительно в символическом пространстве, она, тем не менее, напрямую влияет на межэтническое взаимодействие. Сложная система этнических статусов, обусловленная этнической принадлежностью (членством в титульной или не-титульной группе, принадлежностью к национальному большинству или меньшинству), а также местом проживания

(в «своем» национальном субъекте или на «чужой» территории) расширяет социальную дистанцию между представителями разных народов, провоцирует усиление этнической конфликтности.

Российское общество характеризуется сложная этносоциальная структура, обусловленная наличием, во-первых, коренных, имеющих политическую субъектность, этнических групп и некоренных народов, лишенных таковой (в частности, российские немцы, греки, корейцы и т.п.); во-вторых, крупных, средних и малых по численности народов, равных в правовом отношении, но неравных в реальной жизни; в-третьих, выходцев из смешанных браков, нередко превращающихся в культурных «маргиналов». Очевидно, что внутренняя противоречивость этой структуры может быть преодолена за счет доминирования общероссийской идентичности («я – россиянин»), однако этот, безусловно, оптимальный выход остается все еще отдаленной перспективой как раз в силу институционализации этничности, о которой говорилось выше.

Российское общество отличает феномен «культурного запаздывания», когда политические и экономические изменения существенно опережают ценностную и психологическую готовность людей к радикальным переменам в их жизни. Применительно к предмету обсуждения важно то, что степень этого «запаздывания» различна для каждого из народов, входящих в этносоциальное пространство России.

Таковы вкратце основные особенности функционирования этнического фактора в современном обществе на уровне общих и специфических тенденций. Конечно, ценностная глобализация, которая только бы и позволила, если не снять, но заметно снизить негативный фон межэтнического взаимодействия, является оптимальным выходом из ситуации взаимных претензий и недоверия, как между народами, так и отдельными их представителями, однако ясно, что универсализация ценностей и норм возможна лишь в отдаленной перспективе общественного развития, не говоря уже о том, что она лишь по касательной обуславливает мотивацию этнических конфликтов.

Попытки насильно втиснуть этнокультурное и этнопсихологическое своеобразие в прокрустово ложе всеобщего уподобления могут привести только к конфликту, проявлением экстремизма и радикализма.

1. Берри ДжВ. Кросс-культурная психология. Харьков, 2007. С. 23-27
2. Мацумото Д. Психология и культура. М., 2002. С. 25-26
3. Сикевич ЗВ. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 1-14.
4. Сикевич ЗВ. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012. С. 78-79
5. Сикевич ЗВ. Этнические парадоксы глобального общества. Praha, 2014. С. 124-125
6. См. Социологический словарь изд-ва «Penguin».
7. Тишков ВА. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001. С. 33-40
8. Триандис ГК. Культура и социальное поведение. М., 2007. С.23-26
9. Berghe PL. Van der. The Ethnic Phenomenon. N.Y. 1989
10. Bell D. Ethnicity and Social Change// Ethnicity. Theory and Experience. N.Y., 1989. P.142
11. Geertz C. Interpretation of Cultures. N.Y., 1993. P.255

РОЖДАЕМОСТЬ В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В 1990-2015 ГОДАХ

Синица А.Л. (Москва)

Одним из наиболее важных негативных итогов социально-экономической трансформации 1990-х годов является снижение рождаемости. Данная проблема является одной из ключевых для развития всей страны, но в условиях Арктики она особенно актуальна, так как без определенного числа жителей эту территорию сложно развивать.

Объектом изучения является рождаемость населения Европейской части российской Арктики (Мурманской, Архангельской областей, Республик Карелия, Коми, Ненецкого АО) и в стране в целом в 1990-2015 годах.

Темпы снижения числа рождений в России были максимальными в 1991-1993 годах. В этот период годовое число рождений сократилось с 1989 тыс. до 1397 тыс. (на 30,7%). В 1999 г. был

зафиксирован абсолютный минимум числа рождений (1215 тыс. рождений), а снижение составило 38,9%. После начала процесса экономической стабилизации и вступления в репродуктивные возраста многочисленных поколений, рожденных в 1980-е годы, абсолютное число рождений начало увеличиваться. Этому способствовала и активная государственная демографическая политика, которая стала проводиться, начиная с 2007 г. В 2015 г. родилось 1941 тыс. детей, что составляет 97,6% от уровня 1990 г.

В арктических регионах ситуация несколько отличалась. В них минимум числа рождений тоже был достигнут в 1999 г., но уже в период до 1993 г. снижение числа рождений было больше среднего по России во всех регионах, кроме Республики Коми. В 1990-1999 годах снижение составило 43-44%, что больше среднего по России уровня. Увеличение числа рождений за 1999-2015 годы было гораздо меньше, что связано с миграционным оттоком населения. В Ненецком АО оно составило 48,1%, но даже это значение ниже среднероссийского (59,8%). В остальных регионах число рождений увеличилось только на 21-28%.

Число рождений в арктических регионах за 1990-2015 годы значительно сократилось: в Ненецком АО на 16,4%, в прочих – на 27-32%. Это означает, что в данных регионах имеющих мер социально-экономической политики, стимулирующих воспроизводство населения, недостаточно.

Важным фактором, влияющим на число рождений, является число случаев прерывания беременности. Число аборт в России во времена СССР было большим: в 1990 г. на одно рождение приходилось чуть более двух абортов. За время реформ число абортов в РФ на 100 рождений сократилось с 216,1 в 1992 г. до 48,1 в 2014 г., что благоприятно повлияло на рождаемость в стране, но существующая норма детности остается низкой.

Число абортов по отношению к числу рождений снижалось и в регионах Арктики. В начале 1990-х годов в арктических регионах число случаев прерывания беременности по отношению к числу абортов было ниже среднего по стране, но с середины 1990-х годов в большинстве регионов (кроме Мурманской области) данный показатель стал выше среднего. Наиболее высокие значения показателя были в Архангельской области и Республике Карелия.

Динамика изменения общего коэффициента рождаемости (ОКР) по стране в целом повторяет динамику изменения числа рождений. Максимальное значение (13,4‰) наблюдалось в 1990 г., а минимальное (8,3‰) – в 1999 г. В 2015 г. значение ОКР было чуть ниже уровня 1990 г. – 13,3‰.

ОКР в арктических регионах Европейской части был примерно таким же, как и в стране в целом, однако, в отличие от динамики числа рождений ОКР в этих регионах к 2015 г. достиг уровня 1990 г., что связано со снижением численности населения. В Мурманской области его значение было наиболее низким, а в республике Коми и Ненецком АО – наиболее высоким.

В 1990 г. сумма возрастных коэффициентов рождаемости для РФ и арктических регионов была самой высокой, что свидетельствует о том, что в этот год рождаемость была на самом высоком уровне. До 1999 г. рождаемость снижалась во всех возрастах. В 2000-х годах рождаемость стала расти в возрастах 25-29 лет и 30-34 г., тогда как в возрастах 15-19 лет и 20-24 г. она продолжила снижаться, то есть рождаемость стала стареть. Это связано с реализацией отложенных рождений, мерами демографической политики, которые направлены на стимулирование рождения детей второй и более высоких очередностей рождения и повышением значимости карьеры и аналогичных ценностей.

Наиболее низкие значения возрастных коэффициентов рождаемости за весь период наблюдались в Мурманской области, в которой они были ниже даже средних по России. В остальных регионах они были немного выше среднего уровня. Самые высокие значения за весь период наблюдались в Ненецком АО.

На уровне РФ замещение поколений обеспечивалось только женщинами в возрасте 70 лет и старше, поскольку рождаемость в более молодых возрастах обеспечивала лишь суженное воспроизводство населения. Среди арктических регионов можно выделить три группы. К первой относится Мурманская область, в которой рождаемость ни в одной возрастной группе не превысила даже 1,9 ребенка на одну женщину. Ко второй группе относятся Республика Карелия и Архангельская область, в которых уровень рождаемости был несколько выше среднего по России уровня и превышал 2,0 ребенка на одну женщину для поколений старше 70 лет, а в Архангельской области и для женщин в возрасте 55-59 лет. К третьей группе относятся Республика Коми и Ненецкий АО, в которых число детей превышало 2,0 вплоть до поколений, которым на момент проведения переписи 2010 г. было соответственно 50-54 г. и 40-44 г.

В 1990 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составлял 1,892, что гораздо ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1), но все же достаточно высокий. В 1999 г. он составлял всего 1,157. Начавшееся затем повышение рождаемости, связанное с улучшением экономической ситуации, реализацией отложенных рождений и проведением активной демографической политики, позволило повысить СКР в 2014 г. до 1,750, а в 2015 г. до 1,777, что превосходит уровень 1991 г.

Динамика изменения СКР по арктическим регионам в целом была такой же, как в стране. При этом рождаемость выше 2,0 детей на одну женщину была в Республике Коми в 2014-2015 годах и в Ненецком АО в 1993, 2003 и 2008-2015 годах. При этом рождаемость в Мурманской области и Республике Карелия была ниже среднего по стране. Однако в целом уровень рождаемости в арктических регионах не обеспечивал даже простого воспроизводства.

Для увеличения рождаемости необходимо повышение уровня жизни населения и изменение нормы детности. Первого можно достигнуть путем увеличения заработной платы, повышения размеров пособия на детей, чтобы они занимали более существенное место в бюджете семьи, и улучшения инфраструктуры. Среди мер этого направления можно выделить создание дополнительных рабочих мест, повышение размера выплат на детей до 1,5-2% от ВВП и введением более гибкого графика работы социальных организаций. Второго можно добиться путем создания в обществе атмосферы, благожелательной к семьям с детьми, а также пропагандистскими мерами. В частности, для женщин с детьми дошкольного возраста необходим гибкий рабочий график, который учитывает особенности их положения, и признание в общественном сознании ухода за детьми важным трудом, выполняя который люди не «сидят дома», а делают важное для общества дело.

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ 15-06-09027 09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения».

ПЕРВИЧНАЯ ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Синицына Е.И., Кардаш О. И. (Волгоград)

Проблема суицидального поведения молодежи сильно сказывается на дальнейшем развитии общества, поэтому требует непосредственного поиска путей решения, создания стратегий профилактики и реабилитации. Всемирная организация здравоохранения прогнозирует, что к 2020 году количество самоубийств в мире вырастет до 1,5 млн. в год [1]. Особенно высок уровень суицида среди молодежи (в России уровень самоубийств в молодежной среде составляет 53 случая на 100 тыс. населения): он входит в первую тройку причин смерти среди людей в возрасте от 18 до 24 лет, тогда как в общей статистике смертности занимает 15-е место [4]. Причём реальное число суицидальных попыток превышает официальные цифры.

Интенсивность жизни современного человека, его личностные особенности, способности изменяться и адаптироваться к социальной среде предполагают наличие или отсутствие суицидального поведения. Проблема суицидального поведения традиционно привлекает к себе внимание общества и исследователей. Предпринимаются попытки понять детерминацию суицидального поведения путем анализа различных факторов в отдельности, а также путем корреляций между ними [3].

Актуальность разработки технологии по социальной профилактике вызвана тем, что в последние десятилетия повсеместно наблюдается тенденция роста суицидов среди молодежи [3]. Особенности физиологических и психологических процессов, свойственных этому возрасту обуславливают необходимость применения особого подхода.

Факт того что, легче предупредить формирование суицидального поведения, чем бороться с последствиями его развития - как нельзя точно отражает необходимость разработки мер его первичного предупреждения.

В рамках данной проблемы было проведено исследование, целью которого являлась диагностика суицидального риска, а так же выявление сформированности суицидальных намерений для дальнейшей профилактики серьезных попыток самоубийства. В качестве метода выступало анкетирование, в частности был использован «Опросник суицидального риска». В исследовании приняло участие 108 человек от 18 до 24 лет, обучающихся в ВУЗах г. Волгограда. Опрос носил анонимный характер, из социально-демографических признаков учитывался возраст

респондентов и уровень образования. Анкетирование проводилось посредством электронной рассылки.

В результате исследования уровня суицидального риска среди молодежи от 18 до 24 лет было установлено, что высокий суицидальный риск наблюдается у 43% респондентов. Для них характерно превалирование сразу нескольких диагностических концептов (от 3 до 4), что в свою очередь и является причиной повышения риска формирования суицидального поведения. Для 45% опрошенных характерен средний уровень суицидального риска, характерно доминирование не более чем двух диагностических концептов. В связи с этим можно сказать о большой вероятности проявления суицидального поведения в будущем как ответа на психотравмирующую ситуацию. Для 12% участников исследования суицидальный риск минимален и выражен максимум 1 диагностический концепт. Данные показатели не несут в себе угрозы и свидетельствуют об отсутствии риска формирования суицидального поведения. Касательно группы участников исследования, у которых суицидальный риск имеет средний и высокий уровень можно выделить ряд концептов, которые встретились наиболее часто и оказывают в данном случае доминирующее воздействие на формирования суицидального поведения: аффективность, социальный пессимизм и временная перспектива. Первый упомянутый фактор свидетельствует о готовности реагировать на психотравмирующую ситуацию непосредственно эмоционально. Второй говорит о восприятии мира как враждебного, не соответствующего представлениям о нормальных или удовлетворительных отношениях человека с окружающими. А воздействие третьего заключается в сильной погруженности в настоящую ситуацию.

На основе проведенного исследования был предложен проект первичной профилактики суицидального поведения среди студенческой молодежи в возрасте от 18 до 24 лет. Проект представляет собой комплексную работу, основной упор в которой ставится на информационный аспект данной проблемы, а так же на формирование навыков конструктивного реагирования на трудную жизненную ситуацию. В первую очередь учитывается воздействие выявленных факторов в наибольшей степени оказывающих воздействие на повышение суицидального риска.

Отличительной чертой данного проекта является принятие во внимание социального аспекта данной проблемы. В частности это привлечение в активную проектную деятельность специалиста по социальной работе, к основным функциям которого в данном случае относится информационно-просветительская работа, подбор необходимой теоретической информации, координация деятельности всего проекта и отдельных специалистов. Стоит так же отметить наличие мероприятий социального характера, таких как проведение лекций, создание брошюр и сайта охватывающих, в общем, достаточно большое количество молодых людей.

[1] Прокопенко Ю. Системные риски здоровью. – Екатеринбург: Издательские решения, 2015 г.

[2] Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: / Э. Дюркгейм // М.: Директ-Медиа, 2010 г.

[3] Черепанова М.И. Социальные условия и факторы суицидального поведения молодежи. Известия алтайского государственного университета. - 2010 г. - №2-2.

[4] Всемирная организация здравоохранения. Предотвращение самоубийств: глобальный императив. 2014 г.

КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ (ОЦЕНКА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ УСЛУГ)

Сиротина Т.В., Хакимова М. П. (Барнаул)

Современная российская социальная политика ориентирована на повышение качества и уровня жизни граждан. Повышение уровня жизни населения связано с повышением качества и доступности социальных услуг. Оценка качества предоставления социальных услуг включает в себя как объективные, так и субъективные характеристики.

Проблема контроля качества услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания людям с ментальными нарушениями, обусловлена во многом тем, что люди с ментальными нарушениями являются одной из самых незащищенных и уязвимых категорий населения.

Под «ментальной инвалидностью» мы вслед за РООИ «Перспектива» понимаем обобщающий термин по отношению к интеллектуальным и психическим нарушениям, хотя они и имеют различную природу и причины возникновения. Российское законодательство также не

разделяет людей, имеющих интеллектуальные и психические расстройства. По нашему мнению, термин «ментальная инвалидность» является менее стигматизирующим [5, с. 10].

Оценка клиентами, другими словами, потребительская оценка, качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате необходима для того, чтобы обеспечивать обратную связь, а также охарактеризовать степень удовлетворения потребностей граждан, проживающих в интернате.

В данной статье мы определяем потребительскую оценку качества социального обслуживания как индивидуальную оценку благ, выводимую потребителем в процессе потребительского выбора с учетом условий социального обслуживания, обеспечивающих удовлетворение потребностей потребителя [4]. Психоневрологический интернат – это стационарное учреждение, которое осуществляет оказание социальных услуг людям, страдающим психическими расстройствами и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе [3].

Потребительскую оценку качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате, соответственно, мы определяем как индивидуальную оценку клиентом интерната степени удовлетворения его потребностей посредством некоторого набора получаемых благ с учетом условий социального обслуживания, обеспечивающих удовлетворение потребностей проживающих.

Постепенное реформирование системы социальной защиты в РФ, принятие Конвенции о Принципах защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, ратификация Конвенции о правах инвалидов привели к изменению отношения к людям с интеллектуальными и психическими особенностями [4, с. 72]. Утверждение Приказа № 391а от 30.08.2013 «О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания» сделало возможным проведение независимой оценки качества социального обслуживания [6].

На основании Приказа № 391а утвержден порядок проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере социального обслуживания Алтайского края (реализуемого с 2014 г.), в котором одним из критериев оценки качества работы организаций является удовлетворенность клиентами качеством обслуживания в учреждении. Оценка производится на основании ответов на вопросы опросных листов в зависимости от категории анкетизируемых. Разработан опросный лист специально для граждан, проживающих в психоневрологическом интернате. Таким образом, потребительская оценка качества в психоневрологическом интернате становится одним из важных этапов независимой оценки качества учреждений социального обслуживания. Однако процедура проведения потребительской оценки качества ещё находится на стадии реформирования, о чем свидетельствуют изменения опросных листов для клиентов, проживающих в психоневрологическом интернате, за 2014 и 2015 годы.

Потребительская, иными словами, субъективная оценка качества очень важна для единой оценки качества обслуживания в психоневрологическом интернате, так как обеспечивает обратную связь, необходимую для любой устойчивой и способной к развитию системы. Мнение людей, проживающих в интернатах, очень важно для корректирования или изменения предоставления социальных услуг.

В феврале 2015 г. нами было проведено эмпирическое исследование «Оценка клиентами качества социального обслуживания в Пещёрском психоневрологическом интернате Алтайского края» в КГБСУСО «Пещёрский психоневрологический интернат». В опросе приняли участие потребители (граждане, проживающие в психоневрологическом интернате). Целью исследования стала апробация инструментария, определение процедуры исследования, выяснение мнений проживающих о качестве социального обслуживания.

Основными результатами опроса потребителей стали следующие.

Размер выборочной совокупности – 30 человек. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности целевой группы «потребители» представлены следующим образом: по полу: 50 % женщин; 50 % мужчин.

Для исследования потребительской оценки качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате методами измерения показателей качества стали органолептические и социологические. Классификацией показателей и критериев качества услуг является согласно ИСО 9004.2 дифференциация количественных и качественных характеристик. Для исследования потребительской оценки учитывались качественные характеристики, такие как, компетентность и уровень мастерства исполнителя услуги; доступность персонала; доверие к

персоналу; эффективность контактов исполнителя и потребителя; вежливость, чуткость, комфортность условий обслуживания; эстетика интерьера [2, с. 110]. С точки зрения потребителя основными показателями качества услуг являются: надежность, своевременность, материальность, психологические свойства (эмпатия), полнота, безопасность, уверенность, сопереживание, коммуникативность, понимание, окружающая среда, доступность, гарантия, что также являлось основанием для исследования потребительской оценки качества.

Предполагалось, что при опросе будут возникать различные трудности, связанные с пониманием, прочтением вопросов, так как проживающие в интернате имеют различные психические отклонения. Предполагалось, что некоторые проживающие не смогут самостоятельно заполнить бланк вопросов интервью. Поэтому для получения качественных результатов опрос проводился в отдельном кабинете при непосредственном общении независимого интервьюера с респондентом, при этом интервьюер самостоятельно записывал все результаты опроса. Респонденты по одному заходили в кабинет (без участия сотрудников), чтобы каждый опрашиваемый оставался при своём мнении.

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что в целом потребительская оценка качества социального обслуживания в Пещёрском психоневрологическом интернате является удовлетворительной.

Респондентов в основном устраивают взаимоотношения с персоналом и с другими проживающими, соседями по комнате. Во избежание конфликтов между друг другом клиенты проживают в комнатах по типу характера. Большинство респондентов устраивает оказание социально-бытовых, социально-медицинских, социально-правовых услуг полностью либо частично. Некоторые респонденты не участвуют в проводимых в интернате праздниках, походах, экскурсиях, кружках либо это им не нравится. Возможно, по состоянию здоровья кто-то не может участвовать в проводимых мероприятиях. 40 % респондентов ответили, что в меню нужно кое-что изменить. В интернате меню составляется с учётом состояния здоровья проживающих, пища готовится на пару, что не всем нравится.

Проживающие поддерживают отношения с родственниками, но только те, у кого они есть и если родственники сами желают общаться. У большинства же респондентов разорваны отношения с родственниками и они это остро переживают, некоторым хотелось бы увидеться с родными. Также респонденты желают выходить за пределы интерната, но выход осуществляется только в сопровождении персонала.

Работа по улучшению качества инструментария ещё не окончена, необходимо продолжать работать в поисках наилучшего способа потребительской оценки качества социального обслуживания в интернате.

1. Гаврилова, М.П. Основные формы сопровождаемого (поддерживаемого) проживания в России / М.П. Гаврилова, Т.В. Сиротина // Теория и практика социальной работы: история и современность. - Барнаул, 2014. - С. 71-75.

2. Калинина, Ю.А. Социальное обслуживание как явление общественной жизни / Ю.А. Калинина // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. - Вып. 6. - Барнаул, 2014. - С. 107-113.

3. Положение о психоневрологическом интернате Министерства социального обеспечения РСФСР (от 27 декабря 1978 г. N 145), Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127304/?frame=3

4. Потребительская оценка / [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://economic_mathematics.academic.ru/3457

5. Права граждан с ментальными особенностями в вопросах и ответах. Юридическое пособие. - Москва, 2012. - 100 с.

6. Приказ Минтруда России от 30.08.2013 N 391а "О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания" [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153313/

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Сиушкина Н. (Петрозаводск)

По данным Карелиястат численность населения на начало 2016 года в Республике Карелия составляет 629,875 тыс. человек [8]. Из общей численности 160,5 тыс. - население старше трудоспособного возраста, что составляет 26% [8].

По классификации Э. Роскета за порог старости принят возраст 60 лет [7, с.10]. Согласно данным Карелиястат численность данной категории составляет 134,942 [8], что в процентном соотношении получается 21%. Исходя из этих данных, по классификации польского демографа Э. Роскета [6, с.10], Карелию можно отнести к «демографически старой» республике с очень высоким уровнем старости. Таким образом, Карелия входит в число регионов России с тенденцией демографического старения.

Демографическое старение населения порождает определенные проблемы в различных сферах общества: экономики, политики, сфере материального производства и сферы услуг, сфере медицинского и социального обслуживания [5, с.62-64].

Пожилой человек, состояние которого отягчено заболеваниями, инвалидностью, может рассчитывать лишь на государственную помощь и поддержку. Это определило актуальность создания и развития в стране специальных учреждений – домов-интернатов, предназначенных для жизни в них пожилых и нетрудоспособных людей [9, с.3].

Одной из основных проблем в сфере социального обслуживания населения в Карелии, согласно Распоряжению Правительства Республики Карелия от 23 мая 2014 года «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Республики Карелия на 2013-2018 годы» является наличие очередности в государственные стационарные учреждения социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов [1]. Действующая система государственных стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста не позволяет в полном объеме удовлетворить потребность населения в обеспечении стационарными местами. В связи с сокращением количества мест в государственных стационарных учреждениях социального обслуживания Республики Карелия в 2012 году в 2013 году очередь на зачисление в них увеличилась со 190 человек в 2012 году до 343 человек в 2013 году (из них 31 человек состоит в очереди более 1 года) [1]. В настоящее время данная тенденция сохраняется.

Согласно исследованию Фонда Общественного Мнения за 2014 год, пожилые люди, нуждающиеся в уходе, есть в семьях 26% россиян. Среди тех, кому 60 лет и больше, 15% заявили, что им самим нужен уход [4].

В пожилом возрасте семья становится одной из важнейших сфер, в которой человек имеет возможность реализовать свои основные потребности. Такое представление о семьях пожилых людей является скорее идеальным, чем реальным. Все чаще средства массовой информации сообщают о случаях ущемления прав пожилых людей со стороны членов их семей. Например, таких как физическое насилие, оставление в опасности, запугивание, ограничение в питании, предметах первой необходимости, лекарственных средствах и других. Как правило, подобные статьи публикуются только тогда, когда событие получило общественный резонанс. В большинстве же случаев информация о нарушении прав не покидает пределов семьи, чему способствует: с одной стороны – желание родственников скрыть преступление, с другой – нежелание пожилого человека причинить родственникам дополнительных проблем, страх перед ними или перспективой остаться в одиночестве. Всё это, в совокупности с отсутствием какого-либо учета фактов нарушения прав пожилых людей в семье, затрудняет проведение исследований в данной области и не позволяет сформировать полного представления о масштабах проблемы [6, с.231].

Овдовение не всегда обрекает пожилого человека на одиночество, значительная часть пожилых россиян живет совместно с детьми и внуками. Часть пожилых людей, живя совместно с детьми и внуками, сталкивается с непониманием, отчужденностью со стороны молодого и среднего поколения, которое видит в пожилом человеке, прежде всего, хозяйственный резерв. Социальные роли пожилых в семье принижены, и экономическая зависимость зачастую ставит «бабушек», живущих в семье, в положение домашней прислуги, независимо от уровня образования, культурного потенциала, жизненного опыта и самооценки. Хозяйственная функция по выполнению домашней работы часто становится доминирующей для старшего поколения семьи, но сильно обременительной, что сказывается в дальнейшем на эмоциональной составляющей семейного климата, психологической атмосфере, не оставляющими места для духовных контактов [2, с.111]. Все эти процессы могут послужить неким поводом, толчком к проживанию либо автономно от родственников, либо чаще всего, родственники в силу определенных причин определяют пожилых граждан в стационарные учреждения. Данное явление носит название социального сиротства, когда пожилые люди оказываются брошенными на произвол судьбы своими выросшими детьми.

Данное явление необходимо предотвращать, так как оно влечет за собой определенные последствия для пожилого человека: ослабленное здоровье и сниженная сопротивляемость и жизнеспособность, подверженность социальным страхам, принимающим форму катастрофического сознания, сокращение и уплощение социальных связей [3, с.170], а также последствия для государства: повышение численности «социальных сирот» - пожилых граждан ведет к дополнительному введению койко-мест в стационарных учреждениях и последующей затрате материальных, кадровых, финансовых ресурсов.

К сожалению, профилактике социального сиротства пожилых людей на данный момент в социальной сфере уделяется мало внимания, в том числе и в социальной сфере Республики Карелия. В сфере социального обслуживания Республики Карелии не существует социального учреждения, которое играло бы роль «буфера» между стационарным учреждением социального обслуживания, пожилым человеком и семьей, которое могло бы организовать профилактические мероприятия с целью предотвращения социального сиротства пожилых людей. Нам видится, что данную проблему возможно разрешить, если построить и применить в практике социальной работы модель системы профилактики социального сиротства граждан пожилого возраста в сфере социального обслуживания Карелии.

1. Распоряжение Правительства Республики Карелия от 30 апреля 2013 года №229р-П «Об утверждении Плана мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Республики Карелия на 2013-2018 годы» (с изменениями на 23 мая 2014 года)» "Кодекс" - информационно-правовая система [Электронный ресурс] / ЗАО «Кодекс». - Электрон. дан. – [СПб.]. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/919508545>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения 07.10.2016)
2. Бухалова Н.А. Семья – основа бытия пожилого человека и гарант активной старости / Н.А. Бухалова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2012. - №2. – С.110-113.
3. Осипова И.И. Теоретические подходы к изучению феномена «социальное сиротство» / И.И. Осипова // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2008. - № 4(11): в 2-х ч. Ч.II. - С. 168-173.
4. Пожилые люди: социальная защита и уход // Фонд Общественное Мнение [Электрон. дан.] – URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11524>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения 04.10.2016)
5. Пономарева Н.Н. Процесс демографического старения: сущность, особенности и последствия в странах мира / Н.Н. Пономарева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. - №6(16). – С.58-65.
6. Сагалаева Е.С. Ущемление прав пожилых людей в семье / Е.С. Сагалаева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. - №4. – С.231-233.
7. Сапожникова Т. И. Демографическое старение: прогнозы, причины, последствия / Т.И. Сапожникова // Научный журнал КубГАУ. - январь 2007. - №25(1). – С. 1-14.
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [Электрон. дан.]. – Петрозаводск, 2011. – URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/9d83f6804dca9bb1bb2bfb0d534aab2272271_%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения 04.10.2016)
9. Цыплакова Л. Б., Архипова О. В. Психологические проблемы пожилых резидентов в условиях стационарного проживания и пути их решения / Л.Б. Цыплакова, О.В. Архипова // Методическое пособие для психологов, социальных работников, медицинского персонала «Угроза суицида в позднем возрасте. Диагностика. Суицидальная интервенция резидентов в стационарных условиях». – 2011. – С. 2-13.

ВЛИЯНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТОЛИЧНОЙ МОЛОДЁЖИ

Скрипка Ю.С. (Москва)

На сегодняшний день телевизионная реклама является ключевым источником распространения информации о товарах. Эффективность телевизионной рекламы обусловлена тем, что она воздействует сразу на три канала восприятия: визуальный, слуховой и подсознательный. В силу своих возрастных особенностей среди всех социальных групп молодёжь в наибольшей степени подвержена влиянию со стороны рекламы и средств массовой информации.

Однако распространение рекламной информации по ряду причин может не приводить к воздействию на активность потребительского поведения.

Изучая влияние рекламы на активность потребительского поведения российской молодёжи можно столкнуться с проблемной ситуацией, которая заключается в противоречии, сложившимся между потребителями, которые хотят получать достоверную информацию о товарах, с одной стороны; и производителями товаров, которые стремятся продавать товары, в том числе и некачественные, используя рекламу, содержащую неточную и недостоверную информацию, используя порой, элементы манипулирования, с другой.

Телевизионная реклама обладает своими преимуществами и недостатками. Конечно, нельзя утверждать, что она не влияет на потребительское поведение вовсе. Как показывают проводимые исследования, люди могут отдавать предпочтение определённым товарам, не осознавая, что совершают этот выбор под влиянием рекламы. Однако при прямой постановке вопроса о том, руководствуются ли покупатели рекламной информацией при выборе товаров – они, в большинстве своём, отвечают отрицательно.

Осенью 2015 года мною было проведено социологическое исследование о влиянии телевизионной рекламы на потребительское поведение столичной молодёжи. В опросе приняли участие 83 респондента – студенты столичных вузов в возрасте 18-25 лет.

Результаты опроса показали, что не все респонденты в принципе смотрят телевизор, во-вторых значительная часть переключает канал во время рекламной паузы, а те, кто не переключает канал, могут попросту не обращать внимания на рекламные ролики. Только 14% опрошенных ответили, что они всегда смотрят рекламные блоки. Однако даже просмотр рекламы не гарантирует того, что потребитель запомнит информацию, поверит ей и захочет приобрести рекламируемый товар.

Анализ ответов показал, что звуки и музыка, сюжет, юмор и бренд обращают на себя наибольшее внимание телезрителей. А значит, именно эти составляющие рекламы способны в наибольшей степени привлечь аудиторию и оставить рекламный ролик в памяти. Однако возникает вопрос, привлеченное внимание имеет позитивный или негативный настрой?

Согласно результатам, в среднем, респонденты оценили достоверность рекламной информации в 2,48 балла по пятибалльной шкале. Степень доверия к телевизионной рекламе ещё ниже – 2,25 балла из 5. Следовательно, можно говорить о низкой оценке достоверности и низкой степени доверия к телевизионной рекламе.

Поднимая тему гендерного восприятия рекламы (т. е. того, как воспринимаются определённые гендерные стереотипы в рекламе, как воспринимаются сцены с поцелуями/объятиями и так далее, другими словами, как влияет гендер и гендерные отношения, показанные в рекламе на её восприятие) хотелось бы начать с того, что гендерные стереотипы в рекламе существуют. Респондентам был задан вопрос, о том, кого им привычнее видеть в рекламе определённых категорий товаров. Например, привычнее видеть мужчин в рекламах автомобилей, техники и мебели, в то время как женщин – в рекламе бытовой химии, детских товаров, продуктов питания и продуктовых магазинов, ювелирных украшений. На мой взгляд, данные стереотипы созданы благодаря существующим в обществе установкам, так как в настоящий момент можно привести немало примеров, в которых данные стереотипы не сохраняются: женщины рядом с автомобилями, отцы кормят малышей детским питанием, девушки рекламируют телефоны в магазинах сотовой связи, а мужчины приходят на помощь с уборкой.

Сцены поцелуев и объятий, которые также относятся к гендерным отношениям, в целом, оказывают положительный эффект. Более половины респондентов положительно относятся к поцелуям в рекламных роликах, и только 19% - отрицательно, привлекает внимание тот факт, что 30% респондентов затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что конечно же, реклама влияет на потребительское поведение и в определённой степени формирует его. Конечно можно воспринимать рекламу исключительно как пустую трату времени и денег, однако хотелось бы отметить тот факт, что реклама способна сориентировать в мире, полном товаров и услуг, где потребление занимает ключевое место.

Проведённое исследование является пробным, пилотажным. Оно позволило апробировать анкету. Однако отдельно необходимо изучить, какие конкретно эмоции вызывают перечисленные составляющие: оказывают они благоприятное впечатление и располагают к просмотру рекламного ролика или, напротив, отталкивают и вызывают раздражение. Также для более глубокого анализа исследуемой темы рекомендуется провести фокус-группы, на которых будут показаны рекламные ролики, содержащие взаимодействие полов, а после – будет проведена дискуссия, обсуждение

того, как мужчины и женщины характеризуют, описывают увиденный материал и насколько отличается их восприятие.

Хотелось бы выразить благодарность научному руководителю, кандидату экономических наук, доценту кафедры "Прикладная социология" Финансового университета при Правительстве Российской Федерации - Юшковой Светлане Александровне, которая вдохновила на изучение данной темы и помогла в написании программы и проведении исследования.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ **Смирнова А.Н. (Санкт-Петербург)**

Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект №15–03–00383

Феномен социального благополучия выступает как следствие деятельности разнообразных политик: социальной, культурной, экономической, экологической и др. Оценку динамики социального благополучия необходимо начинать с мониторинга основных социальных и экономических процессов. Особое место здесь уделяется диагностике благосостояния и его отражения в общественном мнении (в массовом сознании) по основным параметрам, таким как: здоровье, образование, занятость и качество трудовой жизни, досуг, доходы и уровень жизни, окружающая среда и жилищные условия, социальное окружение и личная безопасность [3].

На переживание благополучия влияют различные стороны бытия человека, в нем слиты многие особенности отношения человека к себе и окружающему миру. Восприятие человеком уровня социального благополучия относится к чувству собственного достоинства и самоопределения, его участию и чувству принадлежности, возможностям развития личностного потенциала, восприятия справедливого распределения благ и ресурсов, толерантности и уважение к культурным различиям [3]. Это касается обеспечения людей правом голоса на собственное будущее, выбора собственной жизненной стратегии, отражает ощущение принадлежности к группе или к обществу в целом, тем самым, подтверждая их чувство собственного достоинства и идентичность.

Говоря об индивидуальном социальном благополучии, необходимо отметить, что оно отражает удовлетворенность личности своим социальным статусом и актуальным состоянием общества, к которому она принадлежит. Это также удовлетворенность межличностными связями и статусом в микросоциальном окружении, чувство общности и т.п. [2].

Одним из условий достижения социального благополучия общества выступает повышение социальной активности молодежи, которая способна обеспечивать трансмиссию общественных отношений и выступает как носитель социальных инноваций. Молодежь ответственна за сохранение и развитие страны, за преемственность истории и культуры, жизнь старших и воспроизводство последующих поколений. Она играет особую роль в обществе, не замещаемую и не реализуемую никакой другой социально-демографической группой. Из существенной значимости роли молодежи следует важность ее социальной активности, т.к. только осуществляя самостоятельную, сознательную деятельность, обусловленную собственными потребностями, можно достичь высокого профессионального и культурного уровня, решать стоящие перед обществом задачи и обеспечить дальнейшее сохранение и эффективное развитие общества.

Задача воспитания социальной активности как значимого интегрированного качества личности ставится и обсуждается в качестве приоритетной различными государственными и общественными институтами. Одним из ключевых приоритетов реализации молодежной политики в настоящее время является принцип участия, согласно которому молодежь является не только объектом воспитания и образования, но и сознательным участником социальных преобразований. Т.е. молодежь должна выступать не только объектом молодежной политики, но и ее активным субъектом. Субъектность молодежи характеризуется социальной активностью, саморегуляцией, самоуправлением, определенным статусом, достигаемым в ходе деятельности. Формирование субъектности молодежной политики связано с необходимостью создания условия для различных активных видов деятельности молодежи и разработке специальных технологий проявления субъектности [1]. На стадии формирования молодежной политики необходимо всесторонне изучать ситуацию, исследовать глубину и остроту социальных проблем, наладить мониторинг жизни молодежи и восприятие ей собственного благополучия. Выявление отношения молодежи к проводимым программам молодежной политики также представляется важным этапом разработки эффективной молодежной политики.

С целью выявления отношения молодежи к проводимой политике в сфере молодежных проблем и оценки собственного благополучия было проведено исследование, в котором приняли участие 230 студентов Вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 24 лет.

Большинство респондентов (79%) ответили, что социальное благополучие для них – это удовлетворенность своим социальным статусом, хорошее физическое самочувствие и ощущение здоровья. На вопрос в чем сейчас больше всего нуждается молодежь нашей страны, ответы распределились следующим образом: в жилье – 24,7%, в рабочих местах – 23,9%, в бесплатном образовании – 20%. 67% респондентов считают ситуацию в стране кризисной во всех областях. В частности, 66% респондентов отметили кризис в доверии населения, 58% – в социальной сфере, ровно половина респондентов считают кризисной ситуацию в области прав граждан.

Согласно результатам опроса, современная молодежь не принимает активного участия в молодежной политике, не выступая со своими идеями и не реализовывая свои цели в политической жизни. Многие из них (66%) не слышали об организациях, занимающихся проблемами молодежи. Только чуть более 11% принимали участие в молодежных программах, называя причину нехватки времени (36%) и отсутствие интереса (19%). На вопрос считают ли они эти мероприятия полезными, большинство респондентов ответили, что лишь отчасти (67,7%), а 21,5% вовсе посчитали мероприятия бесполезными. Принимали участие в социальных мероприятиях в качестве волонтера лишь 10,4%, а 6,2% вообще не знают, кто такой волонтер. Возможно, молодежная политика могла бы достичь больших результатов, но для этого необходимо активное участие в ней молодежи.

Необходимо формирование внутренней потребности у молодежи в социальной активности, которая включается в дискурс повышения конкурентоспособности подрастающего поколения и рассматривается как фактор повышения социального благополучия общества. Развитие этих возможностей требует дальнейших исследований.

1. Иваненков С.П., Кострикин А.В. Проблемы исследования социальной активности молодежи // Теоретический журнал CREDO NEW [Электронный ресурс] URL: <http://credonew.ru/content/view/834/61/> (дата обращения: 12.09.2016)

2. Рат Т., Хартер Дж. Пять элементов благополучия. Инструменты повышения качества жизни – М.: Альпина Паблишер, 2011.

3. Social Well-Being Policy Report by Christchurch City Council, Christchurch, New Zealand 2008 [Электронный ресурс] URL: <http://www.ccc.govt.nz/Publications/SocialWellBeingPolicy/Rationale.asp> (дата обращения: 05.12.2015)

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Смирнова Т.С. (Москва)

Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ устанавливает права и обязанности педагогического работника. В общий перечень обязанностей включается: «развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира, формировать у обучающихся культуру здорового и безопасного образа жизни» □1□.

По мнению ректора Уральского федерального университета В. Кокшарова: «перед современным образованием в связи с внедрением Интернет-технологий стоит ряд сильных вызовов. Университет в современном мире стремительно теряет монополию на знание. Сегодня любую информацию можно получить в цифровом формате. Единственная возможность у современного университета выполнять свою основную функцию – это стать навигатором в сложном и обширном информационном пространстве» □2□.

Когда мы говорим о влиянии информационно-коммуникационных технологий на педагогическую деятельность высшего образовательного учреждения, нельзя забывать, что они уже давно воспринимаются подрастающим поколением нормой в повседневной учебной деятельности. «Обучение, воспитание и развитие нового поколения осуществляется в условиях информационно насыщенной среды» □3 с.4□.

В ходе преподавания социологии и других гуманитарных дисциплин мною было отмечено, что студенты охотно реагируют на электронные учебники и пособия, в отличие от учебного материала в печатном виде. В этой связи можно отметить, что современный студент, свободно

использует поисковые системы интернета, социальные сети, посещает не только познавательные и образовательные сайты, но и развлекательные. В то же время, при использовании информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе высшей школы мало уделяется внимания проблеме интеграция образовательного и воспитательного процессов.

В соответствии с требованиями компетентностного подхода преподаватель несёт ответственность не только за профессиональную подготовку будущего инженера, основанную на современной научной картине мира, но и за формирование социокультурных компетенций, в частности, развитие личности в соответствии с духовно-нравственными ценностями. В ходе освоения такой темы в курсе «Социология», как «Девиантное поведение», использование мультимедийного оборудования в поточных аудиториях, например, показ фильмов о наркоманах можно было наблюдать негативную реакцию студентов на изменения личности в результате приёма наркотических средств. В то же время, наблюдения за реакцией студентов позволили сделать вывод, что лишь около 10% от потока (поток включает (50-70) студентов) с интересом смотрят за развитием событий, остальная часть студентов остаётся безразличной. А при обсуждении просмотренного сюжета были высказаны мысли студентами, что применение мультимедийного оборудования помогает усваивать новые темы, но при этом «такой негатив» не стоит показывать студентам.

Поэтому возникает проблема: как можно заинтересовать студентов темой здорового образа жизни и как пропагандировать такой образ жизни? Для выявления отношения студентов к данной проблеме было проведено социологическое исследование, в частности проведён опрос среди студентов 2 курса Московского авиационного института (национального исследовательского университета). Анкета состояла из 6 вопросов. Всего было опрошено 60 студентов, из которых 40 чел., или 67%, составили юноши, 20 чел., или 33 % – девушки. Было выявлено, что подавляющее большинство студентов, а именно, 52 человека, что составляет 87%, считает, что применение информационных технологий повышает качество обучения; 4 студента, что составляет 6,5%, полагают, что применение информационных технологий никак не сказывается на качестве образования, 4 студента, что составляет 6,5%, считают, что применение информационных технологий ухудшает качество обучения.

На второй вопрос «Оцените по пятибалльной шкале, в какой степени Вы согласны с высказыванием: «Проведение мероприятий, разъясняющих и напоминающих о последствиях вредных привычек (курение, алкоголь и т.д.), такие как научно-популярные фильмы, презентации, обсуждение в социальных сетях, необходимы в учебном процессе». Результаты подтвердили наблюдение, что меньшая часть студентов заинтересована в проведение мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни. Результаты исследования оказались следующими: согласны с этим высказыванием полностью или частично - 16 студентов, что составляет 26% от общего количества опрошиваемых; не согласны совершенно или частично - 23 студента, что составляет 39%; затрудняются ответить - 19 студентов, что составляет 32%. Несогласных студентов с этим высказыванием незначительно больше. Наиболее эффективными формами проведения разъясняющих мероприятий, по мнению опрошиваемых, является научно-популярные фильмы. Этот вариант выбрали 41 студент, что составляет 68% от общего количества опрошиваемых. И только 9 студентов, что составляет 16% от общего количества опрошиваемых выбрали лекции, а 7 студентов, что составляет 13%, выбрали презентацию студентов; 3 студента (3%) предложили свои варианты – встреча с людьми пострадавшими от вредных привычек, беседа, презентация преподавателя.

При оценке роли преподавателя в пропаганде культуры здорового образа жизни было выявлено: 15 студентов, что составляет 25% от общего числа опрошенных ответили – низкая; 9 студентов, что составляет 15% от общего числа опрошенных ответили – частично низкая; 20 студентов, что составляет 34% от общего числа опрошенных затрудняются ответить; 8 студентов, что составляет 13% от общего числа опрошенных ответили – частично высокая; 8 студентов, что составляет 13% от общего числа опрошенных ответили – высокая. Видно, что большинство студентов, а именно 40% не согласны с приоритетной ролью преподавателя по вопросу пропаганды культуры здорового уровня жизни.

В дальнейшем при обсуждение этой проблемы было выявлено, что решающее значение на данном этапе жизненного пути имеет не обсуждение проблемы, а возможность посещать на бесплатной основе бассейн, тренажёрный зал, оздоровительные секции, а также материальное стимулирование для студентов, которые ведут здоровый образ жизни в виде надбавок к стипендии или снижение оплаты для обучающихся на платной основе.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль информационных технологий значительна в образовательном процессе, но в использовании пропаганды здорового образа жизни в студенческой среде эта роль оценивается студентами не так высоко.

1. *Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации"* [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – (Дата обращения: 25.09.2016).
2. *XVI международной научно-практической конференции «Из эпохи Гуттенберга в эпоху Интернета: каким быть образованию в XXI веке»* Режим доступа: <https://www.kantiana.ru>. – (Дата обращения: 25.09.2016).
3. *Вылегжанина Е.А., Мальцева Н.Н. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе // Актуальные задачи педагогики: материалы VI междунар. науч. конф. (г. Чита, январь 2015 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2015. — С. 4-6.*

СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Смолева Е.О. (Вологда)

Актуальность исследования отчуждения в России и ее регионах обусловлена тем, что «наше общество сегодня является «уникальной экспериментальной лабораторией» для изучения социальных изменений» [2, с. 7]. Исследования современного состояния проблемы отчуждения в России чаще всего носят философский или исторический характер. Социологические исследования различных сторон отчуждения связаны с выявлением распространенности в обществе таких явления, как утрата социумом господствующей системы ценностей, одиночество, эксклюзия. По мнению социологов, предикторами отчуждения для России являются тип работы, уровень дохода и пол. В категорию «более отчужденных» попадают женщины, люди с низким уровнем дохода, а также рабочие, занятые ручным трудом. Существует также вклад, но очень слабый, возраста и уровня образования [6].

Отчуждение в экономической сфере проявляется в неравенстве активов, доходов и возможностей трудоустройства. Отчуждение из экономической жизни ограничивает доступ людей к финансовому рынку, рынку труда и жилья, а также к товарам и услугам.

По данным Росстата, в России численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2015 году составила 13,3% от общей численности населения. В структуре денежных доходов населения по источникам поступления основную и все увеличивающуюся долю занимает оплата труда (в 2015 году – 66%). Более 60% россиян находится за предельно критическими нормами потребления. В территориально изолированных регионах и селах, в особенности удаленных от городских центров, наблюдаются самые высокие уровни бедности, что указывает на структурную форму экономического отторжения, обусловленную территориальным местоположением.

Результаты социологических наблюдений также выявляют большую проблемность низкого уровня доходов. Так, по данным ИСЭРТ РАН, в 2015 г. оценивают свое материальное положение как плохое и очень плохое более четверти (27%) населения Вологодской области; 45% респондентов относят себя к категориям «бедных» и «нищих».

В «группу риска бедности» в России входят дети в возрасте до 16 лет (индекс бедности 1,46), женщины (1,15) и мужчины (1,11) в возрасте 16-30 лет. По результатам социологических опросов ИСЭРТ РАН, и мужчины, и женщины отмечают наличие дискриминационных практик в оплате труда, когда за одну и ту же работу получают вознаграждение разного уровня.

Согласно отчету Росстата, безработица в России на начало 2016 года составила 5,8% или 4,4 млн. человек. При потере продолжительность поиска работы у женщин длительнее (8,6 месяцев), чем у мужчин (7,9 месяцев); кроме того, значительнее доля женщин-безработных со средним и высшим профессиональным образованием [4].

Однако участие в экономической жизни не всегда ведет напрямую к экономическому вовлечению. Примером может быть неадекватно оплачиваемый неформальный труд или прибыльная, но нелегальная работа. По расчетам В. Гимпельсон и А. Зудиной, в 2009 г. в неформальном секторе было сконцентрировано почти 30% всех российских работников [1].

Отчуждение от труда проявляется в снижении ресурсов влияния. В России работники практически не могут принимать решения по организации своего повседневного труда [7]. Считают, что не имеют никакого влияния на решения данных вопросов 17% респондентов. Еще меньше возможностей ощущают россияне в отношении влияния на принятие решений о

деятельности организации в целом: половина россиян считают, что у них нет никакого влияния или оно незначительно (соответственно 28% и 21%). Среди руководителей снижение ресурсов влияния отмечает сейчас каждый седьмой [5, с. 48-51].

Вторая важная характеристика производственной деятельности – это вписанность ее в «правовое поле» и вытекающая из этого степень социальной защищенности. Значительная часть россиян находится сейчас вне правового поля российского трудового, пенсионного и социального законодательства [5].

Отчуждение от гражданской и социальной жизни понимается как отказ в участии в различных аспектах политической, гражданской и культурной деятельности. В России только 6% участвуют в работе общественных организаций, подписывают петиции, обращения; 4% принимали участие в разрешенных демонстрациях [7]. Исследования ИСЭРТ РАН показали, что жители Вологодской области больше склонны доверять и проводить время с членами своей социальной сети: семьей, друзьями и близкими друзьями. Это одинаково применимо к разным группам, выделенным по признаку возраста, пола или места проживания. У людей с более слабыми социальными сетями меньше тех, к кому они могут обратиться за помощью, они чувствуют себя более изолированными и характеризуются более низкими уровнями доверия. Группы, больше подверженные социальному отчуждению, включают в себя мигрантов, пожилых людей, сельских жителей и людей с минимальным образованием. Пожилые люди чаще всего обладают самыми слабыми сетями. Люди без социальных сетей характеризуются более низкими уровнями социального капитала и более высокими уровнями материальных лишений.

К причинам низкой активности местных сообществ относятся: особенности менталитета; ограниченность возможностей муниципальных властей в решении значительного круга проблем; деполитизация страны; систематическое отсутствие внимания к местному самоуправлению со стороны СМИ; недостаточная информированность населения о полномочиях местной власти, системе разграничения полномочий и ответственности между уровнями власти [3].

Существует множество связей между различными областями социального отчуждения. Отчуждение в одной сфере также повышает угрозу отчуждения в других областях. Например, ограниченные возможности трудоустройства могут затруднить участие в социальных сетях.

Отчуждение обуславливает следующие риски: снижение конкурентоспособности территорий; переадресация политической ответственности в сторону центральной власти; ослабление стимулов к низовой самоорганизации, веры в способность воздействовать на власть гражданскими инициативами; негативно сказывается на состоянии рыночных отношений, формировании правового государства, становлении среднего класса.

1. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? : Препринт WP3/2011/06. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.
2. Зиновьева, Д.М. Психология отчуждения. – Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО «ВАГС», 2005.
3. Миронов Н. Местные сообщества и местная власть: доверие или отчуждение? // Федерализм, 2009. - №3 (55). – С.83-92.
4. Римашевская Н.М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений. Интернет-конференция «Динамика гендерных стереотипов в современной России». ИСЭПН РАН, Москва, 2006.
5. Средний класс в современной России: 10 лет спустя: Аналитический доклад / М.: Институт социологии РАН, 2014.
6. Lytkina E. Anomie And Alienation In The Post-Communist Area: A Reapplication Of The Middleton Scale In Russia And Kazakhstan /М.: Высшая школа экономики, 2015.
7. The ESS - Европейское Социальное Исследование (волна 6, 2012 год): электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

ПРЕСТИЖНОСТЬ ПРОФЕССИИ ИНЖЕНЕРА СРЕДИ УЧАЩИХСЯ 9-11 КЛАССОВ

Соколова М.К. (Москва)

Школа- тот институт, который на протяжении 11 лет, занимается обучением ребенка, развитием способностей, а также формированием ценностно-смысловых установок, относительно своего места в жизни. Потребность в самоопределении, возникает, как правило, у учащихся средней школы в 9 классе и в старшей школе 11 классе.

Для исследования проблемы престижности профессии инженера среди учащихся старшей и средней школы были опрошены 50 учеников одной из школ города Москвы. Из них 28% -

юноши, 70% девушки, 30% опрошенных обучаются в 10 классе, 52% в 11 классе и 18% учащиеся 9 классов. Средний возраст респондентов составил 15-17 лет.

Опрос показал, что в понимании респондентов «престижность профессии» ассоциируется с высокой заработной платой (40%) и ее востребованностью на рынке труда (18%).

Для большинства опрошенных профессия инженера является престижной (82%), и лишь 14% считают ее непрестижной.

Необходимо было выявить причину высокой престижности профессии инженера. 22% опрошенных отметили, что профессия инженера хорошо оплачиваема, 20% указали, что она востребована на рынке труда и требуется практически во всех сферах деятельности, также 20% отметили, что не каждый может выполнить данную работу, 15% указали высокую степень ответственности и 5% отметили, что эта профессия престижна, так как родители работают в данной сфере.

Также были выявлены факторы, на которые обращают особое внимание при выборе профессии. 37% сказали, что в первую очередь профессия должна соответствовать личным особенностям и способностям человека. 25% отметили, наиболее важным фактором является наличие достойного уровня оплаты труда и 16% возможность профессионального роста.

На портале «Мое образование» среди 300 престижных профессий для абитуриентов было выбрано 10 профессий из разных отраслей, среди которых была профессия инженера [2].

Заданными критериями стали: престижность профессии, привлекательность и возможность высоких заработков. В результате получились такие данные: престижность и привлекательность профессии инженера- высокая (7 баллов из 10), возможность высоких заработков- средняя (5 баллов из 10). Также респондентам было предложено из 10 профессий выбрать одну. 18% выбрали профессию учителя, 15%- врача, 13% выбрали профессию адвоката или юриста, по 10% у таких профессий, как звукорежиссер, дипломат, психолог и программист, 8% у профессии журналист и 5% набрала профессия инженер. При этом профессии родителей распределились таким образом. 27% отцов работают по специальности инженера, что занимает 1 место, и 12% матерей также работают по специальности инженер, что занимает 4 место при указании профессии родителей. Таким образом получается, что не смотря на то, что родители работают в инженерной специальности, а респонденты прислушаются к мнению родителей и друзей, учащиеся не видят себя в роли инженера, отдавая предпочтения другим профессиям.

Был изучен вопрос о том, кто или что помогает школьникам в выборе профессии. Четверть опрошенных (26%) получают информацию из СМИ, 24% опрошенных полагаются на советы родителей, 12% на друзей и знакомых, а также на профориентационные мероприятия вне школы.

Из этого можно сделать вывод, что понятие престижность профессии у школьников формирует средство массовой информации, т.е. интернет, телевидение и пресса. По словам эксперта комитета ГД по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству А.С. Ольховского, далеко не все выпускники технических вузов становятся инженерами, многие работают не по специальности. Необходимость в инженерах обуславливает развитие экономики в стране. На сегодняшний день большая часть национального дохода формируется от добычи и продажи углеводородов. Сырьевая модель экономики не способствует прорывным инженерным технологиям [1].

Таким образом, с одной стороны профессия инженер считается престижной, высокооплачиваемой и привлекательной, но с другой стороны когда респонденту необходимо сделать выбор профессии, он отдает предпочтение другим. Встает вопрос о конкурентоспособности профессии инженера на рынке труда, так как престижность зависит от заказа государства и экономики страны. Именно поэтому для того, чтобы профессия стала престижной, необходимо улучшать условия труда, имидж профессии, а также воспитывать подрастающее поколение, акцентируя внимание, на том, что высокооплачиваемость зависит не только от профессии, но и от самого человека, от его качеств и от способности преподнести себя.

1. Информационный портал «Академия дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс] URL:http://spbapo.ru/kak_poviset_prestige (Доступ свободный). (Дата обращения 02.10.2016).

2. Информационный портал «Мое образование» [Электронный ресурс] URL:http://moeobrazovanie.ru/reiting_professii_top_300 (Доступ свободный). (Дата обращения 02.10.2016).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СЕКТОР В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ФУНКЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Солдатов А.В., Голованова О.В., Батрак Е.В. (Санкт-Петербург)

В настоящий момент человеческая цивилизация переживает кризисный момент и обозначенное И. Валлерстайном становление нового порядка, пока еще едва ли представимого в терминологии классической социологии. Однако некоторые тенденции уже достаточно проявились для осторожной терминологической констатации и изучения. Одной из таких тенденций, на наш взгляд, является бум самоорганизации на всех уровнях социальной структуры. Когнитивным коррелятом этого процесса выступает то, что можно назвать онтологизацией знания. Неопределенность современной социальной ситуации обусловлена тем, что любой элемент социальной структуры — от индивида до блока государств — может «организовать» некую инновацию, задействовав для этого материал (ресурсы) из окружения. Спектр источников ресурсов в информационном обществе потенциально бесконечен, будучи актуально ограниченным для агентов лишь их возможностями получения информации и коммуникации. Такой единый процесс исследования-вовлечения в свете устанавливаемых социальными субъектами целей мы называем «знанием как конструкцией».

Эпоха «знания как отражения», на наш взгляд, завершилась к началу эпохи конструктивизма. Её наследие - это развитая методология и укоренившаяся на повседневном уровне мировоззренческая установка, когда каждый рядовой носитель культуры знает то, что еще в XIX веке мог знать только гений, оценивающий исторический смысл европейской культуры. «Знание же как конструкция» требует от субъектов инноваций специальных познавательных инструментов для интервенции в среду с целью получения нужной информации, создания необходимых коммуникационных каналов, формирования и трансляции своего образа адресным аудиториям, управления восприятием этого имидж-образа потенциальными партнерами и клиентами, управления процессами потока социальной информации внутри организованного паттерна (традиционной или «виртуальной» организации, или другой социальной группы). Практически любое действие в рамках современной деятельности - политической, коммерческой, научной, образовательной, или даже семейно-бытовой - может быть успешным только при условии соответствия действия постоянно меняющимся условиям. Подобная сцепленность действия и знания и необходимость его постоянной экспансии в среду составляет сущность процесса онтологизации знания. Только те субъекты действия смогут выживать, которые втянуты в социально-экономические интеракции и опосредуют потоки информации как саморефлективные и самореферентные системы. Необходимость социологических методов сбора информации и PR-технологий вытекает из самой информационной природы современной социальной реальности. Участь же самих социологов как профессионального сообщества остается неопределенной.

Целеполагающая функция сегодня принадлежит самим социальным агентам и создаваемым ими группам. Оптимальная перспектива для сообщества социологов может быть обеспечена реализацией ими обучающей (сохранение и трансляция теоретического и эмпирического инструментария социальных наук) и аналитико-диагностической функций. Ирония истории заключается в том, что в современном универсуме социальной инженерии и на его рынке труда вакансии не предусмотрены именно для социологов. Особенно скромное место занимают социологи в нашей стране, они вытеснены на периферию менеджмента государственной бюрократией и экономистами. Спроса на услуги социологов почти нет. Исключение составляют лишь сферы социальной работы и политехнологий. Всё остальное деятельностное пространство остается без экспертно-аналитического опосредования профессиональных социологов. А ведь именно социолог изучает общество как эксперт, конструирует как инженер, украшает как поэт. Поэтому главная задача отечественного сообщества социологов создать спрос на свои услуги, доказав эффективность своих аналитико-диагностических услуг в сфере жизни современных организаций.

Это предполагает прежде всего изменение стиля деятельности академического и образовательного сектора отечественной социологии в сторону практической ориентации подготовки своих специалистов, могущих занять достойные позиции в менеджменте, управлении персоналом, PR-технологиях, маркетинговых стратегиях. Для уровня выпускающей кафедры в технических вузах по направлению «социология» такие изменения не только желательны, но и необходимы. Как правило, функционирование этих кафедр чрезвычайно чувствительно к

случайным колебаниям социального поля, демографическим, политическим, экономическим факторам.

Противостоять этим факторам достаточно сложно, но можно уменьшить степень их угрозы, благодаря целенаправленному созданию благоприятных условий, направленных на одновременное формирование у учащихся практического опыта осуществления социологических исследований, диагностики собственного учебного заведения и участия тем самым в процессах самоорганизации вуза. Именно это является, как указано выше, проявлением онтологизации знания. Кафедра социологии превращается в реальный сетевой структурный элемент университета. А в сетевых структурах каждый элемент порождает все остальные, тем самым и создаются взаимоусиливающие социальные синергии, социальная группа превращается в социальный организм, целесообразную живую структуру, по аналогии с живым организмом. Это и есть идеал менеджмента от социологии. Развивая аналогию с живым организмом, вспомним о таком природном изобретении как гормоны социальности. Они выделяются тогда, когда благополучие особи напрямую зависит от её сотрудничества с другими, гормоны создают эмоциональную силу притяжения, формируя общность, совместность, эффекты групповой силы. Так и в живой организации, социологическая служба как некий виртуальный отдел, актуализируется наличием проблем и разрывов во внутренних или внешних коммуникационных сетях и способствует достраиванию требуемых новых звеньев. Тем самым повышаются рейтинги кафедры и вуза в различных значимых аудиторях.

Некоторый опыт подобной инновационной деятельности имеется у выпускающей кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ). С 2013 года кафедра стала реализовывать антикризисную программу, в том числе и задействуя студентов кафедры. Так весной 2015 году в рамках научного студенческого кружка СНО «Социолог» студенты под руководством заведующего кафедрой профессора А.В. Солдатова и научного руководителя кружка доцента О.В. Головановой и в сотрудничестве с различными службами университета (учебный отдел, Приемная комиссия, Отдел воспитательной работы, деканат кораблестроения и океанотехники) стали разрабатывать Программу анализа студенческого контингента университета на основе социологических методов и формирования соответствующей базы данных. В фокусе исследовательского внимания основные тенденции студенческой активности и возможности управления её распределением, от притока абитуриентов, до организации трудовой активности студентов и выпускников университета, проблемы управления в судостроительной промышленности и повышения эффективности функционирования СПбГМТУ. В рамках данного проекта было проведено 2 социологических опроса «Образ современного студента» (апрель — май 2015, n=588) и «Мотивация студентов при выборе вуза» (октябрь 2015, n=409). В течение двух лет осуществлялся мониторинг трудоустройства выпускников факультета кораблестроения и океанотехники 2014 и 2015 гг. В 2016 г. три выпускные аттестационные работы бакалавров, участников кружка, были посвящены исследованию проблематики, примыкающей к задачам проекта: стратегии профориентационной деятельности в вузе, перспективы целевой формы обучения в условиях освоения вузом кластерной модели экономики, факторы успешности трудоустройства и карьерного роста выпускников СПбГМТУ. Полученные результаты были обнародованы в газете «За кадры Верфям», представлены в докладах и сборниках материалов научных конференций [1, 2, 3, 4], отчеты с рекомендациями по исследованиям представлены руководству университета. Важным результатом двухлетней работы стало формирование нового элемента социальной информации, опосредующей межведомственные взаимодействия внутри университета: сегодня все знают, что в вузе есть социологи, и они могут предложить свои аналитические-диагностические услуги. Планирование деятельности самой кафедры осуществляется на фоне признания безусловного приоритета научно-практической ориентации учебного процесса и внеучебной деятельности, а также ценностного приоритета корпоративной взаимоеффективности.

За время своего существования (в следующем году кафедра отметит свой 25-летний юбилей) кафедре не раз пришлось менять стратегию и тактику своего развития, более или менее успешно синхронизировать свою деятельность с тектоническими изменениями социального мира. Для выживания кафедры сегодняшняя необходимость самореферирования и его ближайший адресат - собственный университет и сфера отечественной судостроительной промышленности - , похоже, не имеет альтернативы. Благоприятным условием реализации кафедрой требуемых изменений является личностный фактор: непрерывность руководства кафедрой, присутствие на кафедре преподавателей, рассматривающих её существование и благополучие как дело своей

жизни. И это не патетика, это простая банальность рациональной культуры, верифицированная её историей. Любое творчество, природное или социальное, включая и научную деятельность, это не только организация и самоорганизация (форма; предмет менеджмента), но и опыт (материя, результат длительного накопления различий конкретными субъектами деятельности; предмет истории), и энергетический выброс (энергея, в терминах Аристотеля; предмет психологии и социологии творчества). Лишь совместностью действия этих причин можно объяснить появление критических точек в мировой и отечественной традиции. Точек, которые надолго определяют будущие траектории, точек, в которых удачно (под счастливой звездой!?) соединяются идеи и социальные институты. Так было сто лет назад, когда Максим Максимович Ковалевский наперекор обстоятельствам и благодаря своему харизматическому таланту открыл первую в России кафедру социологии в Психоневрологическом Институте, в особом научно-образовательном учреждении, в котором образовательный процесс непосредственно встроен в исследовательскую практику и на последующую практикующе-исследовательскую деятельность ориентирован. Так было почти четверть века назад, когда стараниями нескольких человек была учреждена с небольшим разрывом с университетом одна из первых в перестроечную эпоху выпускающих кафедр по социологии в профильном техническом вузе Санкт-Петербурга. С тех пор отечественным социологам не только пришлось родиться из философов, но и распрощаться со многими телеологическими иллюзиями относительно своего социального статуса и своей культурной миссии. И, тем не менее, кафедра не лишена земли обетованной, ей есть где растить свой урожай - это традиции и практика отечественного кораблестроения.

1. Семенков В.Е. О научной активности преподавателей кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского Государственного Морского Технического Университета // *Морские интеллектуальные технологии*. 2014. №2 (24) т. 2. С. 118 - 123.

2. Солдатов А.В., Голованова О.В. Социологический портрет современного студента и проблемы его воспитания // *Мониторинг и профилактика зависимого, отклоняющегося и противоправного поведения в ходе образовательного процесса*. СПб.: СПбГМТУ, 2016. С. 45 — 49.

3. Солдатов А.В., Шевченко М.М., Медведев В.И. Естественнонаучная и гуманитарная среда вуза как фундаментальная основа формирования специалиста будущего // *Морской вестник*. 2015. №4 (56). С. 120 -123.

4. Солдатов А.В., Шевченко М.М. О некоторых проблемах эффективного управления в российском кораблестроении: опыт, противоречия, перспективы // *Морской Вестник*. 2013. №1(10). С. 124 — 126.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В США В 2016 ГОДУ

Солдатов А.А., Солдатов А.В. (Санкт-Петербург)

Статья посвящена особенностям кампании по выборам американского президента в 2016г. Многие серьезные аналитики утверждают, что американская избирательная система дала серьезный сбой, поскольку победившие на праймериз кандидаты от ведущих партий имеют очень сильный антирейтинг. Насколько сохраняющейся партийный формат политической системы США отвечает новым реалиям? В чем причина успеха «необычных» для традиционной американской политики кандидатов? По каким признакам происходит раскол в электоральных предпочтениях? В статье предпринята попытка дать ответы на эти вопросы.

The article is devoted to the particular campaign for presidential elections in the USA in 2016. Many serious analysts confirm that American election campaign threw its weight behind because the candidates from the leading parties having won at the primaries have a very powerful antirating.

How much does the safe keeping party format of the American political system correspond to new realities? What is the reason of candidates success unusual for traditional American policy? According to what signs does the split in elective preferences take place?

In this article the attempt is undertaken to answer these guesshons.

Нынешняя американская избирательная кампания имеет ряд особенностей, которые существенным образом отличают ее от предыдущих.

1.В избирательной гонке активное участие принимают «неформатные политики». Это в первую очередь относится к «демократическому социалисту» Б.Сандерсу, который на праймериз незначительно уступил основному фавориту демократов Х.Клинтон. В данной связи следует сказать, что сам эпитет «социалист» практически никогда ранее не употреблялся по отношению к

ведущим американским политикам и во многих случаях он несет в себе отрицательный смысл. Однако Сандерс сумел привлечь в свой лагерь значительную долю молодых избирателей заявлениями о преимуществах бесплатного образования и миролюбивыми внешнеполитическими месседжами. Это в какой-то степени свидетельствует о начале «размыва» устойчивых дихотомий традиционного американского политического поля по принципу правый-левый; либерал-консерватор. То-же самое можно сказать относительно главного фаворита избирательной гонки среди республиканцев Д.Трампа, победа которого на праймериз в буквальном смысле повергла в шок партийную элиту. Республиканский кандидат вносит в электоральное состязание элементы шоу, не являясь при этом профессиональным политиком. Основной предвыборный посыл Трампа-американизм, вместо глобализма- нашел всеобщий отклик в среде «ортодоксальных республиканцев».

2.Нынешняя предвыборная кампания в США проходит в условиях наличия как никогда прежде мощного «российского фактора». Это напрямую связано с сильными разногласиями наших стран по целому ряду международных проблем, таких как Сирия, Украина, ЕвроПРО. Пожалуй впервые, российская тема стала фактором внутривнутриполитической борьбы и по данному вопросу не наблюдается межэлитного консенсуса даже внутри основных партий. В роли «ястребов» выступает традиционный политический истеблишмент как у демократов, так и республиканцев, а данные идеи аккумулирует предвыборный штаб Х. Клинтон. В свою очередь «гибкая» стратегия Д. Трампа допускает значительные отклонения от правоконсервативного видения американского гегемонизма, республиканский кандидат допускает сотрудничество с Россией по отдельным вопросам в случае своего избрания.

3.Сегодняшний предвыборный процесс обнаруживает факт высокого антирейтинга основных претендентов. Это связано и с немалыми разочарованиями американцев предыдущим шестнадцатилетним политическим циклом, когда США были втянуты сразу в несколько военных конфликтов, но нигде не смогли полностью добиться поставленных целей. На это накладываются и множество внутренних проблем: нестабильность на рынке ипотечного кредитования, поток нелегальной миграции, межрасовые конфликты и волнения. Для определенного круга американской элиты и экспертного сообщества становится все более очевидным, что нынешняя американская политическая система уже не всегда может дать адекватный ответ на возникающие внешние и внутренние кризисы. Однако, приход политиков нового поколения затруднен наличием жестко сложившейся двухпартийной системы со своими вековыми традициями и установками. В то же время сама политическая культура американского общества претерпевает значительные изменения. Так, например молодому поколению граждан США непонятны страхи ветеранов «холодной войны» и это отчетливо проявилось на президентских выборах ноября 2008 года, в противостоянии воинственного Дж.Маккейна и в то время миролюбивого Б. Обамы.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖЕНЩИНЫ-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Соловей А.П. (Минск, Республика Беларусь)

Женщины, которые заняты в сфере науки, являются специфической социально-профессиональной группой, что определяет ее социально-профессиональный статус. С одной стороны, свойства и признаки этой группы отражают тенденции развития женщин в целом, а с другой – профессионального сообщества, занимающегося интеллектуальной деятельностью (научно-исследовательской). Социально-демографическая группа женщин-исследователей выделяется на основе общих: возрастных признаков, социального положения, характера профессиональной деятельности (научно-исследовательской), особенностей социально-профессиональных практик, обусловленных гендерной ролью женщины в обществе, направленностью на выполнение общественно-значимых научно-исследовательских функций.

Рассматривая женщину-исследователя как объект социологического изучения, следует учитывать ее двойственную позицию в производстве социальных практик, так как жизненные стратегии включают в себя интересы и женщины, и ученого. Жизненные стратегии женщины-исследователя строятся с учетом особенностей ее практик и индивидуального опыта, детерминированных ее статусными позициями в обществе. Женщина-исследователь – это представитель, прежде всего, женской социальной группы, диспозиция и самопрезентация которой обуславливаются гендерной ролью.

Социальное самочувствие научных сотрудников (в частности женщин) влияет на эффективность их научно-исследовательской деятельности, эффективность научных учреждений и эффективность науки в целом. Социальное самочувствие как фактор, детерминирующий эффективность научно-исследовательской деятельности, влияет на самореализацию и творческий потенциал женщины, является одним из показателей адаптации и интеграции женщины в научном коллективе и индикатором уровня ее социальной защищенности.

Стоит отметить, что социальное самочувствие и социальный статус являются составляющими и важнейшими характеристиками, которые определяют эмоциональное состояние женщины. При этом, социальная позиция, которая выступает формой проявления статуса, определяет содержание социальной активности женщин, их вклад в решение общественных проблем, успешность в различных сферах деятельности. Реализуется социальная позиция в тенденции укрепить или изменить свой статус и проявляется через различные формы и аспекты социальной активности женщин, их социальные установки, цели, преобладающие ценностные ориентации. Социальное самочувствие выступает как результат интегральной оценки всей совокупности информации, которую получает женщина в определенный промежуток времени относительно степени соответствия ее потенциала, возможностей и статуса в данный момент уровню ее притязаний, ценностных ориентаций, ожиданий и планов.

Одной из важнейших особенностей формирования социального самочувствия женщины-исследователя является биологическое (природное) предназначение женщины. Способность женщины к деторождению предопределяет ее роль матери. На социальное самочувствие женщины влияет такой фактор, как необходимость временного перерыва академической карьеры в связи с рождением и воспитанием детей. За время знания, которыми обладает женщина-ученый, в определенной степени устаревают. В связи с этим рождение и воспитание детей ведет к сужению перспектив академической карьеры, потери заработка и необходимости дополнительных затрат времени по восстановлению профессиональной компетентности. Величина такого рода издержек колеблется в зависимости от скорости старения знания в различных областях и по-разному отражается на социальном самочувствии и профессиональной ориентации женщин-ученых.

В современном обществе влияние гендерных стереотипов являются одним из препятствий успешности женщины в научной деятельности, что находит отражение и на социальном самочувствии. Все другие факторы, которые влияют на профессиональную и карьерную деятельность женщины в науке, прямо или косвенно связаны с представлениями, как самой женщины, так и общества, о традиционной женской роли, женской природе и женственности. Гендерные стереотипы могут служить не только внешним фактором, затрудняющим построение женщинами карьеры и профессиональный рост в науке. Они могут выступать в качестве внутреннего демотивирующего представления о том, что наука не является женским делом. Соответственно сами женщины-исследователи, представляя явные или предполагаемые трудности в науке (стереотипы, стеклянный потолок, независимо от его реального существования или наличия его лишь в массовом сознании женщин-исследователей) могут сознательно выбирать отказ от построения научной карьеры и активного участия в научной деятельности. Женщины могут не проявлять личную инициативу, придерживаться пассивной модели организационного поведения, предписанной должностными и служебными инструкциями, что будет сказываться на их социальном самочувствии и выборе профессиональной стратегии.

Специфика профессиональной деятельности женщины связана с необходимостью сочетания профессиональной и семейно-бытовых ролей, что находит отражение в выборе различных стратегий профессионализации. Соотнося профессиональные притязания с гендерной ролью, для женщины-исследователя могут формироваться следующие стратегии профессионализации:

1. Отказ от профессионализации в пользу гендерной роли (отказ от карьерного продвижения и стремления защитить диссертацию)
2. Подчинение профессиональных стремлений гендерной роли;
3. Ориентация на совмещение профессиональной и гендерной роли [1, с.205].

В каждой из представленных стратегий возникают свои трудности. Для женщины, чьи профессиональные интересы находятся в научной деятельности, выбор одной из стратегий влечет за собой определенные трудности. Выполнение репродуктивной функции женщиной, которая требует достаточно большого промежутка времени, за который частично утрачивается квалификация и снижается уровень конкурентоспособности на рынке труда, а также установки самих женщины при выборе места работы влияют на ее научную деятельность. Стоит отметить,

что понимание самоопределения женщин внутри профессионального сообщества, изучение включенности в профессиональную научную деятельность как результата жизненного и профессионального выбора, выявление женских установок, на то, чтобы остаться (либо не остаться) в науке является необходимым для оценки социального самочувствия женщины.

Выбор одной из стратегий профессионализации, а также уровень личных притязаний, оказывают влияние на формирование социального самочувствия и детерминируют научную продуктивность женщины.

Таким образом, к особенностям формирования социального самочувствия женщин-исследователей следует отнести характеристики самой женщины, обусловленные ее природой, ценностными ориентациями и мотивационными установками, необходимость сочетания профессиональной и семейно-бытовых ролей, бытующие в обществе и в сознании самой женщины гендерные стереотипы. При этом, гендерные стереотипы могут выступать в качестве внутреннего демотивирующего представления о том, что, наука не является женским делом, соответственно сами женщины-ученые, представляя явные или предполагаемые трудности в науке могут сознательно выбирать отказ от построения научной карьеры и активного участия в научной деятельности.

1. Киселева, Е. В. *Планирование и развитие карьеры: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Е. В. Киселева. – Вологда: Легия, 2010. – 332 с*

ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Соловьев А.К. (Москва)

Учитывая, что «возрастные расходы» (пенсионного обеспечения, здравоохранение, образование и др.) составляют четверть бюджетных расходов, а главное место в бюджетных расходах, обусловленных возрастом, занимают пенсионеры, то передовая линия предотвращения угрозы бюджетного кризиса на предстоящий плановый период сосредоточена на пенсионной системе. Таким образом, показатель пенсионного возраста по существу становится одним из бюджетоформирующих параметров в процессе стратегического планирования и прогнозирования.

Демографические факторы (продолжительность жизни, гендерная структура, динамика рождаемости) могут выступать только как ограничители для реализации экономических отношений участников пенсионной системы [1].

В таком контексте пенсионный возраст становится интегральным параметром страховой пенсионной системы, поскольку зависит как от параметрических характеристик самой государственной пенсионной программы, которая определяет условия и ограничения для формирования пенсионных прав каждой категории застрахованных лиц, так и от институциональных факторов развития пенсионного обеспечения в стране. Следует уточнить, что в традиционных страховых пенсионных системах пара-метрическими характеристиками являются продолжительность трудового стажа, учитываемого в пенсионных правах, и размер заработка, подлежащего обязательному пенсионному страхованию [2].

Пенсионный возраст следует рассматривать как пороговую границу, которая делит страховой пенсионный цикл на период формирования пенсионных прав (в правовой терминологии – трудовой стаж) и на период реализации государственных пенсионных обязательств (с момента назначения страховой пенсии).

Повышение пенсионного возраста коснется, в основном, получателей пенсий по старости, причем занятых в нормальных условиях труда. Возможности повышения пенсионного возраста для занятых в неблагоприятных природно-климатических или технологических условиях необходимо рассматривать с учетом влияния указанных факторов их на здоровье и трудоспособность.

Численность получателей страховой пенсии снизится в 2020 г. на 2,9 млн.чел., в 2030 г. – на 6,2 млн.чел., в 2045 г. – на 11,8 млн.чел. по сравнению с базовым вариантом. Причем сокращаться будет численность пенсионеров по старости, тогда как по инвалидности – расти вследствие возрастающего уровня инвалидизации в пожилых возрастах.

На протяжении всего переходного периода средний размер страховой пенсии (в том числе пенсии по старости) будет выше, чем в базовом варианте в т.ч. по окончании прогнозного периода, к 2040-м годам, соответственно на 39% и 44%.

Возрастная перестройка пенсионной системы неизбежно повлияет на расходы федерального и региональных бюджетов или соответствующих внебюджетных фондов.

В частности, в связи с сокращением высвобождающихся рабочих мест по причине невыходом на пенсию застрахованных лиц, которых коснется повышение пенсионного возраста, вырастет молодежная безработица и возникнут дополнительные расходы на выплату пособий по безработице; на уплату страховых взносов на обязательное медицинское страхование и обязательное социальное страхование; а также дополнительные расходы на выплату ЕДВ лицам, которые будут выходить на пенсию по инвалидности в возрасте между 55/60 годами (женщины / мужчины) и новым пенсионным возрастом и др. [3].

В качестве альтернативы во избежание перечисленных необходимо:

- создать специальные рабочие места для людей пожилого возраста;
- создать специальные рабочие места для молодежи. Однако по макроэкономическим прогнозам в долгосрочной перспективе ожидается не увеличение, а сокращение рабочих мест, что не позволяет реализовать ни одну из схем повышения возраста;
- повысить тарифы страховых взносов на медицину и социальное страхование.

Принятие решений о повышении пенсионного возраста должно осуществляться с учетом необходимости радикальной трансформации всех факторов, определяющих развитие пенсионной системы, а не только в связи с ростом ожидаемой продолжительности жизни.

Актуарный анализ параметрических и институциональных факторов формирования пенсионных прав застрахованных лиц в страховой пенсионной системе показывает, что проблему повышения пенсионного возраста неправомерно рассматривать исключительно с позиции линейной зависимости от увеличения продолжительности жизни с момента рождения. Более того, даже важнейший параметр формирования пенсионных прав – период выплаты страховой пенсий – также не дает прямых оснований для повышения пенсионного возраста.

Расчеты объективно показывают, что одна из главных целей повышения возраста – сокращение расходов федерального бюджета достигается только на краткосрочном периоде с последующим адекватным ростом расходов на увеличившийся объем пенсионных прав.

Решение же стратегической задачи – долгосрочной сбалансированности и устойчивости пенсионной системы может быть достигнуто только при осуществлении комплекса мероприятий как в самой пенсионной системе (параметрической настройке ее нестраховых сегментов), так и внешних – макроэкономических факторов функционирования пенсионной системы [4].

При этом главное направление «предотвращения демографической угрозы старения» для роста нагрузки на федеральный бюджет заключается не в сокращении численности пенсионеров и секвестировании их пенсионных прав различными методами, а в создании объективных условий на рынке труда для реализации трудовых прав граждан на занятость и, соответственно, на зарабатывание собственных пенсионных прав в солидарной страховой пенсионной системе.

1. *Стратегия - 2020. Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад. Кн. 1. гл.6. «Реформа пенсионной системы». М.: Дело. 2013. с.197-228.*
2. *Доклад Всемирного банка «Перевернутая пирамида: системы пенсионного обеспечения перед лицом демографических проблем в странах Европы и центральной Азии». ВБ -2011.*
3. *Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса. – Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52-79.*
4. *Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность (учебное пособие). - М.: «Проспект», 2015, 300 с.*

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ СТУДЕНТОВ МАЛОГО ГОРОДА К МОЛОДЕЖНЫМ СУБКУЛЬТУРАМ

Соловьева С.Н. (Анапа)

Сегодня для всех очевидно, перспективы развития Российского общества определяют позиция и потенциал молодёжи. Появление во второй половине XX - начале XXI века новых молодёжных движений вызвало потребность в осмыслении этого феномена как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях социологами и философами, психологами и педагогами, культурологами и юристами. Отметим, что изучение данного вопроса в регионе, где проживают более 100 национальностей, приобретает особую актуальность, так как с одной стороны,

происходит формирование российской национальной идентичности, а с другой – осознание молодёжью специфики Кубани, уникальности её культурного наследия.

Объектом проведённого исследования является молодёжная субкультура как социокультурный феномен, целью – изучение процессов трансформации молодёжной субкультуры на примере г.-к. Анапа Краснодарского края в период 2012-2016 гг.

При теоретическом анализе рассматриваемого вопроса автор опиралась на исследования как российских, так и зарубежных учёных. На подготовительном этапе работы проведено простое наблюдение – обзор форумов Интернет-сайтов, с целью выявления участников субкультур, их интересов и функций. Эмпирическую базу составили материалы, полученные автором в ходе социологического опроса проведённого осенью 2015 г. на базе Анапского сельскохозяйственного техникума и исследования М.А. Моргайлик на базе филиала Российского государственного социального университета в г. Анапа в 2012 г. [1].

Следует отметить, что гипотеза исследования о том, что «в условиях трансформации российского общества молодёжная субкультура не только становится реальностью социума, но и несмотря на противоречивый характер взаимодействия традиционной и субкультур, демонстрирует стремление к диалогичной форме их сосуществования, нашла своё подтверждение» [2].

Первая рабочая гипотеза социологического опроса: «студенческая молодежь г.-к. Анапа в целом безразлично относится к молодёжной субкультуре» полностью подтвердилась. Большинство респондентов ответило, что относятся к ней безразлично – 57,5 % в 2012 г. и 70 % в 2015 г. Вторая гипотеза: «основная причина присоединения молодёжи к неформальной среде – любопытство», не подтвердилась, так как основной причиной присоединения молодёжи к неформальной среде стало желание выделиться из общей массы.

Исследование выявило наличие таких молодёжных объединений функционирующих в г.-к. Анапа как «геймеры», «тамблер», «анимешники», «рокеры», «футбольные фанаты», «байкеры», «граффитчики», «хипстеры», «ванильки» и др., однако их численность не является значительной. Так же выяснилось и влияние возрастного фактора на численность молодых людей в составе субкультуры, так в возрастных группах от 14 до 17 лет доля активных представителей значительно выше, чем в старших от 18 до 25 лет.

В результате проведенного автором анкетирования и интервью для изучения мнения учащейся молодёжи о наиболее популярных молодёжных объединениях г.-к. Анапа Краснодарского края выявлено:

а) около 65 % подростков в школе хотели бы или являются участниками в молодёжных объединениях готы, эмо, металлистов, графферов, но к 17-18-летнему возрасту, т.е. 2-3-му курсу техникума или 1 куру университета интерес к этим объединениям проходит. Так в интервью многие из опрошенных высказывали мысль о том, что «в нашем классе почти все состояли в какой-нибудь группе. Чаще сего – это готы и эмо... Сегодня встречаясь с бывшими одноклассниками, я вижу, что теперь их привлекает или учеба или работа». Таким образом, было выявлено, что объединение в группы – это средство выхода внутренней активности студента, попытка своей самоидентификации и самоутверждения, свойственных в большей степени подросткам.

б) к некриминальным молодёжным группам – анимешники, эмо, байкерам студенты относятся толерантно, но отрицательно относятся к маскулинным молодёжным группировкам – скинхедам и гопникам. Так в интервью, студенты рассказывают о том, что «участвуя в рок-фестивале «Кубана», проходивший летом 2014 г. мы встречали очень позитивных, веселых, адекватных рокеров, хиппи, байкеров, и не только молодых, и ничего плохого не заметили, а наоборот – это были люди желающие поделиться своей радостью, позитивом с другими. В то время как на фестивале встречалась и явно девиантная молодёжь, не принадлежащая к какой-либо субкультурной группе».

в) с интересом студенты относятся к экстремалам, что видимо объясняется близостью со зданием техникума Анапского скейт-парка построенного городской администрацией в 2006 г., где регулярно проходят тренировки и соревнования экстремалов проводимые городским комитетом по делам молодёжи. Таким образом, молодёжные субкультурные объединения г.-к. Анапа сосредоточены в основном вокруг досуговых увлечений молодёжи, они также создают специфические механизмы солидаризации, которые объединяют членов группы или интересующихся ими. Основной фактор, привлекающий молодёжь субкультуры – стремление найти единомышленников и возможность проявить себя.

г) студенты как в прошлом 2012 г. (37,5%), так и в 2015 г. (35%) считают, что участие молодежи в субкультуре негативно воздействует на внутрисемейные отношения. В интервью, многие говорят: «Участие молодежи в объединениях – это результат ссор с родителями», «Родители не хотят понять подростка», «Подросток считает, что родителям он безразличен» и др.

Кубань – это край, бережно сохраняющий свои обычаи и традиции. Однако и здесь наблюдается отказ части молодежи от традиционных культурных ценностей, обусловленный, с одной стороны, невостребованностью на рынке и низкой оплатой труда представителей многих профессий, с другой – кризисом традиционных социализирующих институтов, образования как главного института, участвующего в формировании личности на этапе ранней молодости, так и информационным натиском средств массовой коммуникации. Эти процессы приводят к тому, что для многих молодых людей на определенном жизненном этапе субкультурное пространство остаётся единственно возможной формой культурного самовыражения.

Сегодня обилие молодёжных неформальных объединений является не только проявлением многообразия общества, но и свободным доступом к сети Интернет и возможностью общаться с человеком находящимся на другом конце планеты. Потребность современной молодежи в самовыражении так велика, что субкультурные сообщества развиваются даже вопреки запретам. Таким образом, как справедливо отмечает большинство социологов: «каково общество – такова и молодежь», а следовательно, и молодёжная субкультура.

1. Моргайлик М.А. Молодежная субкультура: вызов обществу или желание быть не похожим? /М.А. Моргайлик // Человек. Общество. Культура. Анапа: Изд-во филиала РГСУ в г. Анапе, 2013. С.145-149.

2. Лихачёва С.Н. Субкультуры молодежи как феномен социокультурной ситуации в регионе /С.Н. Лихачёва // Седьмые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции 2012 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб., 2012. С 619-625.

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА РЕАЛИЗАЦИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ

Сорокин Н.С. (Санкт-Петербург)

Сравнение различных подходов к определению социального партнерства в трудовой сфере позволяет констатировать, что под ним понимается современный этап развития социально-трудовых отношений, характеризующийся различными механизмами взаимного согласования интересов работников, работодателей и государства [1, с. 113; 2, с. 7; 3, с. 121]. Реализация социального партнерства не может быть обеспечена только волей работодателя и/или активностью профсоюза без различных механизмов государственного влияния. Государство может как способствовать реализации социального партнерства, так и затруднять ее, создавая дополнительные социальные проблемы.

Прежде всего, государство является одним из субъектов социального партнерства, входящим в трехстороннюю комиссию, на которой происходит заключение трехсторонних соглашений разного уровня и обсуждение различных предложений по принятию законодательных инициатив и внесению изменений в законодательство. В России в данную комиссию входят общероссийское объединение работодателей, представленное Российским Союзом промышленников и предпринимателей; Федерация независимых профсоюзов России (далее—ФНПР) и органы государственной власти. ФНПР и ее региональные отделения (например, в Петербурге — Ленинградская федерация профсоюзов) является традиционным или государственным профсоюзом: он существует еще с советских времен, содержится на государственные средства, контролируется государством и имеет весьма обширную собственность, данную государством. Поэтому трудно не согласиться с тем, что данный профсоюз обычно занимает конформистскую позицию с любой властью и не настаивает на том, что противоречит интересам государства, но поддерживается народом [4, с. 152—160]. Существуют и альтернативные профсоюзы, соответствующие западному пониманию полноценных профсоюзов, которые содержатся на взносы своих членов и не зависят от государства. В то же время, они не принимают официального участия в трехсторонней комиссии, к ним государство прислушивается только на свое усмотрение.

Государственное регулирование воплощается в трудовом законодательстве, регламентирующем основные аспекты взаимоотношений работников и работодателей. Трудовое

законодательство в нашей стране включает в себя Конституцию РФ, Трудовой кодекс РФ, а также основанные на них законы, например, закон о социальном партнерстве. Трудовое законодательство может дополняться и изменяться в результате, как политического консенсуса, так и политического конфликта. Существуют различные контрольно-надзорные органы, призванные обеспечить реализацию трудового законодательства. Наконец, каждый работник и работодатель имеет возможность обратиться в суд.

Огромное влияние государство оказывает на бюджетную сферу занятости. Базовую величину зарплаты различных категорий бюджетных работников определяет именно оно после формального обсуждения данных вопросов с отраслевыми профсоюзами. Зарплата большинства бюджетных работников оставляет желать лучшего. Мы согласимся с утверждением известного исследователя социальной структуры российского общества Тихоновой Н.Е. о том, что «самым крупным эксплуататором, даже несмотря на рост зарплат бюджетников в последнее десятилетие, выступает сегодня в России российское государство» [5, с. 364]. В то же время, бюджетная сфера занятости может привлекать соискателей работы официальным трудоустройством с первого дня, «белой» зарплатой с четкими коэффициентами ее расчета, соблюдением основных социальных гарантий, таких как оплата больничного, различного вида отпусков, соблюдением гарантий работающим матерей, инвалидов и т.п. В бюджетных учреждениях функции работодателя выполняет директор учреждения, который назначается уполномоченными органами государственной власти, например, администрацией района, комитетом и др. Данные органы не могут вмешиваться во внутренние трудовые отношения в учреждении, но нередко выдвигают требования, которые, так или иначе, сказываются на реализации социального партнерства. В настоящее время они увеличивают объем бумажно-документальной работы учреждениям, добавляют им дополнительные функции. При этом бюджетные средства на расширение штата в учреждении не выделяются, а величина реальной зарплаты остается практически неизменной.

В частном секторе занятости государство также оказывает влияние на трудовые отношения, в особенности на поведение собственника предприятия. С одной стороны, вмешательство государства может способствовать защите прав работников, разрешению трудовых конфликтов, принуждению работодателя к соблюдению законодательных норм. С другой стороны, весьма справедливо отмечается рядом исследователей то обстоятельство, что мелкий и даже средний бизнес зачастую сталкивается с рядом барьеров, искусственно созданных различными административными органами власти. При этом владельцы крупного бизнеса, наоборот, тесно сотрудничают с представителями органов власти, а иногда и совпадают с ними в одном лице. Часть предприятий мелкого бизнеса даже не проходит регистрацию, лицензирование и сертификацию. Предприятия, прошедшие данные этапы, вынуждены в дальнейшем практически бороться за свое существование, что не может не сказываться на положении наемных работников. Выделяются наиболее популярные приемы, которые вынуждены применять работодатели в мелком бизнесе – наличие неоформленных наемных работников и выдача неофициальной части зарплаты «в конверте». Крупным и иногда средним бизнесом зачастую используется такой прием как сотрудничество с коррумпированными правоохранительными органами и местными органами государственной власти. В некоторых случаях бизнесмены используют данный прием для запугивания слишком активных профсоюзных лидеров, не разделяющих позицию руководства предприятия [6, с. 237–238; 7, с. 330–336].

По нашему мнению, активные действия самих граждан позволят в определенной мере преодолеть существующие проблемы и направить влияние государства на реализацию социального партнерства. Согласно Конституции РФ, наше государство является демократическим, следовательно, первичным субъектом политической власти является сам народ [8]. Он реализует свою власть, как непосредственно через выборы, референдумы, обращения в органы государственной власти и местного самоуправления, так и через своих представителей в виде институтов и организаций гражданского общества — общественных организаций, движений и т.п., в качестве которых могут выступать и альтернативные профсоюзы. Массовые коллективные обращения работников или малых предпринимателей в разные инстанции органов государственной власти с большой вероятностью будут способствовать постепенной реализации своих интересов. Альтернативные профсоюзы способны укрепить свое влияние на государство только за счет высокой численности граждан, каждый из которых готов бороться за свои трудовые интересы и поддерживать в этом деле других людей.

1. Милецкий В.П., Казаринова Н.В. Системное содержание современной социальной политики. — СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». — 2010. — 120 с.
2. Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика. — М.: Экзамен. — 2001. — 448 с.
3. Петров А.В. Социология профсоюзного движения. — СПб: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та. — 2008. — 143 с.
4. Каневский П.С. Профсоюзы как элемент политической системы современной России // Вестник Московского университета. — 2011. — №2. — С. 152–168.
5. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. — М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН. — 2014. — 408 с.
6. Каневский П.С. Гражданское общество и группы интересов: в поисках модели социального партнерства // Мат-лы научно-практ. конференции Восьмые Ковалевские чтения, / под общей ред. Бороноева А.О. — СПб: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. — 2013. — С. 237–238.
7. Ступина Д.Д. Неформальная занятость как результат существования административных и бюрократических барьеров в деятельности малых и средних предприятий России // Современное общество и труд: сб. научных статей, / ред. колл. Карапетян Р.В., Русалинова А.А., Таранова О.А. — СПб: Изд. центр экономич. ф-та СПбГУ. — 2014. — С. 330–336.
8. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с поправками от 30.12.2008, 5.02, 21.07 2014). URL: <http://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 19.09.2016)

МАССОВОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Сорокина Н.Д., Николаева М. Е., Ярмака С. К. (Москва)

Образование в современную эпоху становится всё более массовым. В этой связи возникает вопрос вызовов и угроз такой массовизации. Одним из них является снижение качества обучения, что в большой мере связано с тем, что год за годом падает уровень подготовки абитуриентов. Это создает серьезное препятствие на пути реализации компетентностного подхода, который в настоящее время реализуется в высшем образовании. Как отмечается одним исследователем, «зачастую студенты не понимают и не осознают целей своего обучения, им не известно понятие компетенции, и они не могут найти общую связь в знаниях и навыках, которым их обучают» [1, с. 50].

Социологи начали говорить о категории так называемых необучаемых студентов. Так, в одной из статей утверждается, что в вузы стали приходить студенты, которые в большей мере ориентированы на формальные знаки-оценки, чем на содержание образования. В эту категорию попадают как те, кто не способен к обучению в силу отсутствия способностей и базовой подготовки, так и те, кто не желает этого делать по разным причинам. Делается вывод о том, что для большинства российских университетов обучение является чуть ли не единственным способом зарабатывания денег, а большую часть этих денег им приносят «необучаемые» [1].

Таким образом, возникает институциональная ловушка, в которую попадают вузы: с одной стороны, они должны обеспечивать соответствующее стандартам качество обучения, а с другой – вузам становится невыгодным это делать, поскольку от многих студентов пришлось бы попросту избавиться. А как сами студенты чувствуют себя в этой ситуации? Особенно, когда «сильным» студентам приходится учиться в одной группе со «слабыми»? Этот вопрос широко обсуждается применительно к начальной и средней школе, но, что касается высшего образования, таких исследований практически нет.

Мы решили провести мини-опрос среди студентов Московского авиационного института с целью подтверждения гипотезы о том, что большое число «слабых» студентов в группе снижает качество обучения, не способствует их мотивации на достижения в учебе. В свою очередь, и «сильные» студенты в условиях отсутствия конкуренции стремятся не выделяться.

В рамках чтения таких дисциплин как, «Социология», «Теория организации», «Управление персоналом», были опрошены студенты 1-4-х курсов по направлению «Менеджмент» дневной и вечерней формы обучения, всего 60 человек.

На вопрос: «В какой группе Вам предпочтительнее учиться?» большинство респондентов (42 чел.) ответили – «в смешанной группе, состоящей из сильных и слабых студентов»; в то же время для 10 студентов «безразлично в какой группе учиться»; и всего лишь 8 человек предпочли бы учиться в группе, «состоящей в основном из сильных студентов».

На вопрос: «Как, по вашему мнению, сказывается на качестве обучения большое количество слабых студентов?» большинство студентов (27 чел.) ответили – «не способствует

качественному обучению как сильных, так и слабых студентов»; 16 студентов полагают, что «повышает желание слабых студентов учиться лучше»; 12 чел. – считают, что «никак не сказывается». Были даны и собственные варианты ответов, среди них: «расслабляет сильных студентов, так как им не нужно стараться, чтобы выделиться»; «снижает желание сильных студентов стараться учиться лучше».

При этом «вполне удовлетворены качеством обучения» подавляющее большинство опрошенных студентов (37 чел.); 16 студентов – «удовлетворены не в полной мере»; «не удовлетворены» – 7 человек.

Большинство студентов (38 чел.) относят себя к «среднякам»; 20 студентов относят себя «к сильным студентам» и 2 человека – «к слабым». Такое распределение ответов студентов совпадает и с нашими наблюдениями. Причем, корреляционный анализ ответов показал, что «сильные» студенты чаще выбирали вариант ответа ««большое количество слабых студентов в группе не способствует качественному обучению как сильных, так и слабых студентов»; это относится и к среднякам.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя подавляющее большинство студентов вполне удовлетворены качеством обучения, тем не менее проблема взаимосвязи большого количества «слабых» студентов в группе и снижение качества образования ими вполне осознается и артикулируется. Поэтому не столь уж категоричным представляется вывод о том, что «в российских школах и вузах зачастую не акцентируется внимание на развитии личностного потенциала каждого учащегося/студентов, не учитываются мотивы, потребности и интересы каждой отдельной личности, не делается упор на индивидуальные особенности отдельного учащегося/студента, что делает невозможным выстраивание перспектив личностного роста обучающегося и что, как следствие, является главной причиной неуспеваемости. Современное российское образование является массовым, или же усредненным. Иными словами, педагог, учитывая тот факт, что класс/группа состоит из учащихся/студентов с неодинаковым развитием и степенью подготовленности, с разной успеваемостью и разными запросами к образованию и интересами, вынужден вести обучение применительно к среднему уровню – к средней успеваемости и подготовленности. Можно сказать, что педагог строит обучение, ориентируясь на некоего «мифического среднего ученика». В результате, в школах/вузах России ученик/студент, который не успевает за средним темпом класса/группы, или которому не интересен тот или иной предмет/дисциплина, считается «слабым», и это приводит к тому, что он полностью теряет интерес ко всему процессу обучения и оказывается отстающим. А «сильные» учащиеся/студенты, также ориентируясь на среднее обучение, искусственно сдерживаются в своем развитии и также теряют интерес к учебе, которая не требует сильного напряжения.» [3].

В то же время, необходимо отметить, что хотя и имеет место ориентация преподавателя вуза на «среднего» студента, тем не менее именно большое количество «слабых» студентов, не имеющих мотивации стремиться учиться лучше, ориентированных прежде всего на получение свидетельства об окончании вуза, причем откровенно в этом признающихся, не позволяет преподавателю выстраивать стратегию обучения таким образом, чтобы она была вполне удовлетворительной как для «сильных» студентов, так и для «средняков».

Чем грозит такое положение дел в высшем образовании? В условиях массовизации и платности обучения повышение качества образования откладывается на всё более дальнюю перспективу, а высшее образование, как социальный институт, и дальше будет деградировать. В какой-то мере решить эту проблему могла бы индивидуализация обучения как это имеет место, например, в ряде развитых стран, предполагающая свободный выбор предметов для изучения, вариативность обучения.

1. Кузьминский А.Е. Влияние процесса формирования профессиональных компетенций в высшем образовании на социальное неравенство В сборнике: Социальные движения, коллективные действия в условиях социального неравенства. Сборник материалов Круглого стола. МГГЭУ. Москва, 2016. С. 46-52.
2. Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования, 2015, № 9. С. 86-93.
3. Газашвили Е.С., Шапранова Л.Г. Индивидуальный подход в обучении или индивидуализация процесса образования? [Электронный ресурс] URL: www.scienceforum.ru/2013/270/3236 (дата обращения: 06.10.16)

СТРАТЕГИИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сосновская Н.А. (Минск, Республика Беларусь)

В материалах приводятся результаты исследования, проведенного при поддержке ГКНТ-БРФФИ Республики Беларусь проект № Г15.ЛИТ-029 «Специфика молодежи как субъекта социокультурного пространства в условиях глобализации и информатизации современного общества».

При изучении семейных ориентаций молодежи, она чаще всего рассматривается как однородная группа. Хотя в некоторых проектах учитываются половозрастные признаки, способствующие выявлению важных характеристик, в основной массе работ молодежь предстает гомогенной частью общества. Приверженность различным ценностным ориентациям, конструирующим и направляющим поведенческие стратегии одно из фундаментальных оснований дифференциации молодежи.

В исследовании, проведенном в рамках проекта «Специфика молодежи как субъекта социокультурного пространства в условиях глобализации и информатизации современного общества» в основе выделения семейных стратегий современной белорусской молодежи лежат базовые и инструментальные ценности, как наиболее общие механизмы регуляции поведенческой активности. В результате процедур факторного и последующего кластерного (метод k-means) анализов были выделены группы респондентов, различающихся между собой комбинацией базовых и инструментальных ценностей и, соответственно, являющиеся носителями разных жизненных стратегий поведения.

В первую, самую многочисленную группу, охватившую 54,9% распределения, вошли респонденты, ориентированные на карьеру, профессиональный успех сочетающийся с расширением властных полномочий и с повышением социального статуса. Они получили условное название «профессионально-ориентированные». Группа сбалансирована по половозрастному и образовательному признакам. Больше половины (61,9%) не имеют семьи. Состоят в браке – 32,8%, в гражданском браке 2,4% и столько же – разведены. Средняя продолжительность семейной жизни – 4,2 года. Детей имеют 29% опрошенных. Вошедшие в данную группу респонденты чаще считают себя хорошо материально обеспеченными, или же имеют средний уровень достатка.

Респонденты второй группы ориентированы на реализацию в семейной сфере. При сравнении с первой группой их отличительной особенностью является отсутствие стремления к власти. Своим основным ресурсом они считают личностные качества, свою профессиональную компетентность и в минимальной степени склонны полагаться на внешнюю поддержку и связи. Переверс значимости семейных ориентаций позволил дать группе условное название «семьянины» (14,7%). Она равновесна по половому признаку с небольшим преобладанием женщин. Чаще в данную группу попадает молодежь до 24 лет со средним или средне-специальным образованием, проживающая в сельских населенных пунктах. Соотношение состоящих и не состоящих в браке подобно группе «профессионально-ориентированных»: 53,6% - не имеет семьи, 34,8% - имеет, 7,2% в гражданском браке, 4,3% - разведены. Состоят в браке в среднем 3,7 лет. По показателю моды респонденты данной группы имеют минимальный стаж семейной жизни – 1 год. По количеству детей соответствуют «профессионально-ориентированным» (29%).

Для респондентов третьей группы важным ориентиром является комфорт, как душевный, так и физический. Данная группа получила название «ориентированные на духовное благополучие» (20%). Чаще это женщины. По возрастному составу преобладают респонденты 25-31 года. Высок процент респондентов с высшим образованием, проживающих в городах. Характеризуется самым большим представительством респондентов, имеющих семью – 48,9% (нет семьи у 39,1%). Еще 6,5% состоят в гражданском браке, и 5,4% разведены. Средняя продолжительность семейной жизни – 4,1 год. Несмотря на то, что многие респонденты имеют незначительный стаж семейной жизни – 1 год, другая часть группы состоит в браке 5 и более лет. Почти половина респондентов (49,5%) имеет детей. Уровень достатка чаще считают средним.

Последнюю группу составили респонденты, выразившие негативное отношение ко всем предложенным ценностям. Условно она названа «нигилисты» (10,3%). Значительную часть группы составляют мужчины. Много молодежи до 24 лет. Более половины с общим средним образованием, многие проживают в сельской местности. Редкие представители данной группы имеют семью (12,8%), у подавляющего большинства семья отсутствует (83%). В разводе – 4,3%. Наиболее часто упоминаемый стаж семейной жизни – 5 лет. Только 10,4% имеет детей. При

самооценке своего материального положения преобладает восприятие его уровня как ниже среднего или даже на уровне бедности.

Полученные данные показали, что ориентация на разные ценностные основания сказывается и на осознании мотивов вступления в брак. Несмотря на сохранение общей мотивационной структуры в группах наблюдается различная степень выраженности мотивов. Так, первостепенной причиной брака молодежь считает взаимные чувства, но наиболее ярко этот мотив выражен среди респондентов – «семьянинов». Также эта группа среди мотивов выделяет ожидание ребенка. «Профессионально-ориентированные» респонденты в большей мере, чем остальные группы ценят возможность получить независимость от родителей. «Нигилистов» отличает желание узаконить интимную жизнь и получить независимость от родителей. Группу «Ориентированных на духовное благополучие» характеризует более сильное желание иметь детей. Представители данной группы в большей мере сохраняют приверженность традиционным семейным отношениям. Они чаще учитывают желание родителей, наделяют «семейного» человека более высоким статусом, рассматривают семью с позиции ее материальных и финансовых возможностей.

Выраженные различия характеризуют стратегии респондентов относительно роли семьи в жизни человека. В большей мере восприятие семьи как препятствия для мужчин свойственно для «Нигилистов». Таким образом, самое высокое значение семья имеет в жизни «Семьянинов» и «Ориентированных на духовное благополучие». Представители обеих групп ориентированы на традиционную семью. Но для «Семьянинов» это скорее ориентация на традиционную форму семьи, а для «Ориентированных на духовное благополучие» важнее содержание внутрисемейных отношений. Для данной группы важно гармоничное сочетание профессиональной и семейной сфер. Причем семейным ценностям, в данном тандеме придается очень высокое значение. Но, с другой стороны, острее воспринимаются различные проявления неблагополучия, и респонденты не согласны мириться с ним.

Позиция «Профессионально-ориентированных» обуславливается их установкой на карьеру, сквозь призму которой семья и большое число детей в ней может рассматриваться как препятствие. В группе «Нигилистов» снижена ценность семьи и брака, особенно ценность традиционной семьи.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО СЕЛА

Сошнев А.Н., Сошнева Е. Б. (Санкт-Петербург)

Российское село имеет свою многовековую историю, на протяжении которой менялись его функции, роль и место в социальном воспроизводстве общества. На каждом этапе социально-исторического развития общества возникали особенные социальные проблемы сельской жизни. Последние нельзя рассматривать только в контексте сельского социума. Аграрное производство и промышленность, город и село – динамически связанные подсистемы социальной структуры общества. Его функционирование и развитие определяется социальными законами [1], т.е. устойчивыми, объективными отношениями, сложившимися в процессе человеческой деятельности в конкретных обстоятельствах.

Для выявления современных социальных проблем российского села именно наличие объективных социальных законов необходимо принять в качестве методологического основания. Нарушения социальных законов всегда проявляются в социальных проблемах соответствующего уровня остроты.

Общеизвестно, что Российская Федерация имеет громадный сельскохозяйственный потенциал. 11 января 2013 г. площадь земельного фонда страны составляла 1709,8 млн. га, из них 386,1 млн. га – земли сельскохозяйственного назначения, в их числе – 196,2 млн. га – сельскохозяйственные угодья, из которых 115 млн. га составляет пашня [2].

Сельскохозяйственные земли – главный производственный ресурс агропромышленного комплекса – сами по себе не выполняют роль социального якоря, закрепляющего сельское население. Ключевой социальной проблемой села сегодня, на наш взгляд, является определение реального места села в социальном воспроизводстве российского общества. Устойчивый стереотип восприятия сельского как второсортного, вторичного, являющегося ресурсом для развития общества, фактически господствует до настоящего времени.

На 1 января 2014 г. численность сельского населения составляла 37,1 млн. человек, из них в сельском хозяйстве занято 6 млн. человек [3, 409], удельный вес сельского населения снизился в

общей численности россиян. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в стране было зарегистрировано 153 124 сельских поселения, в 19 416 – постоянных жителей не было, в 22 972 – менее 6 жителей, в 46 725 – от 6 до 100 жителей. Свыше 2 000 жителей имеют всего 3 070 населенных пунктов [4]. По мнению специалистов, в ближайшее время большинство молодых и средних сел могут исчезнуть [5, 22]. Негативные последствия исчезновения сельских поселений – прежде всего в утрате обрабатываемых земель. Обнаруживается парадоксальная ситуация: избыток земли как производственного ресурса, сокращение сельского населения, сокращение занятого в сельском хозяйстве населения и сельская безработица.

Природа сельской безработицы в Российской Федерации изучена слабо. По данным Министерства сельского хозяйства РФ, коэффициент локализации российской безработицы в сельской местности вырос за последние 12 лет в 1,6 раза и составляет 1,43 млн. чел. Общая безработица на селе более чем в 2 раза превышает зарегистрированную безработицу.

Специфика сельской занятости в том, что она не гарантирует избавления от бедности. В 2012 г. в экономике было занято 59,1% малоимущего и 56,3% крайне бедного населения. На сельские территории в 2012 году приходилось 40,4% всех малоимущих. Разница в уровнях бедности в городе и на селе в 2012 году увеличилась до 1,9 раз. Уровень бедности в сельских поселениях в 1,7 раза превышает допустимую, по международным оценкам, 10-ти процентную планку [6, 115-116].

По всем параметрам сельская инфраструктура сокращается, что при сокращении сельского населения выглядит достаточно обоснованно. Однако угроза закрытия школы, больницы, невозможности выехать в период осенне-весенней распутицы – становятся факторами, стимулирующими сельское население, и особенно молодежь, к переезду в город.

Современное состояние сельского социума можно охарактеризовать следующими тенденциями:

- дальнейшее сокращение численности сельского населения и, прежде всего, за счет миграционных процессов;
- сокращение занятых сельскохозяйственным производством;
- сокращение численности сельских поселений с постоянными жителями.

Объективная оценка выявленных тенденций и выработка механизмов, обеспечивающих регулятивное воздействие для их корректирования, и составляет содержание современных социальных проблем российского села.

В отношении первой тенденции: регулирование миграционных потоков из села в город в Российской Империи и советский период обеспечивался правовыми институтами. В демократическом обществе это недопустимо. Регулирование должно быть обеспечено посредством выравнивания уровня и качества жизни в городе и на селе. Речь идет, прежде всего, о государственной поддержке села не как экономического субъекта, а как сферы жизни людей.

Вторая тенденция может вызвать озабоченность в двух случаях: а) если она является следствием миграционных процессов; б) если она вызвана сокращением сельскохозяйственного производства.

Со стороны экономики к сельскохозяйственному производству следует применить механизмы, обеспечивающие паритет цен, должны быть механизмы государственного протекционизма для производителей, как на внутреннем, так и на мировом рынках.

Отечественное сельское хозяйство требует технологического и технического переоснащения, нужны отечественные машины и оборудование, семенной материал, породы скота, кроссы птицы. Основой сельскохозяйственного производства должна стать производственная кооперация.

Сокращение численности сельских поселений в ближайший период времени остановить вряд ли возможно. На наш взгляд, малочисленные сельские поселения могли бы быть преобразованы в фермерские хозяйства при условии наличия транспортной инфраструктуры. К сожалению, отсутствие обустроенной дорожной сети стало фактором обезлюдения села.

Целесообразно в ходе предстоящей сельскохозяйственной переписи и на её материалах произвести оценку жизнеспособности сельских поселений и принять меры по их поддержке.

Правительство Российской Федерации 2 февраля 2015 г. приняло Постановление № 151-Р, которым утверждена «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – «Стратегия») [8]. Первой целью государственной политики в области обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственных территорий определено «создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения

сельскими территориями их общенациональных функций и решения задач территориального развития».

Разработки «Стратегии» не дают определения общенациональным функциям сельских территорий. Сама структура сельских территорий – понятие неявное.

Сельские поселения являются элементами территорий. Надо ли их сохранять, или – модифицировать? Опыт модификации села в нашей стране накоплен громадный. К сожалению, отнюдь не позитивный. Образ жизни будущего поселения, сохранение и воспроизводство которого обеспечивает сельскохозяйственное производство, зависит от способа организации самого производства. И здесь перспектива за крупным кооперативным производством. В качестве модели могут быть предложены французский, финский или израильский типы кооперативов. Село – не только территориально-производственная структура, это – пространство повседневной жизни людей, оно должно обеспечивать возможности для высокого уровня развития своих жителей.

1. Сошнев А.Н. Структура социальных законов //Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6:Философия. Социология. Психология. Право. – 2000, вып. 3 (№22). С. 58-67.
2. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения. – М.: ФГБНУ, «Росинформагротех», 2013. – 48 с.
3. Хагуров А. Историческая специфика российского села. Материалы Международной научной конференции – Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения «Социальные проблемы российского села и аграрных отношений» - СПб., Пушкин, 2015. – 438 с.
4. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 1 – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010 (дата обращения: 20.02.2015).
5. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Стратегический подход к консолидации ресурсов модернизации жизненного пространства села. Материалы Международной научной конференции – Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения «Социальные проблемы российского села и аграрных отношений» – СПб., Пушкин, 2015. – 438 с.
6. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию – Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2014. – 266 с.
7. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. – Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2.02.2015, № 151-Р. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933 (дата обращения: 24.02.2015).

ГАДЖЕТ-ЗАВИСИМОСТИ: ЕСТЬ ЛИ ГЕНДЕРНАЯ РАЗНИЦА?

Спирина Д.В., Ковалева Г. А. (Череповец)

В современном мире почти невозможно отказаться от техники. С их помощью человек трудится, коммуницирует с окружающими, отдыхает – вся его жизнедеятельность так или иначе связана с ними. Огромной популярностью в последние десятилетия обрели разнообразные гаджеты. В той или иной степени развивается зависимость по отношению к гаджетам. Существует несколько подходов, рассматривающих причины появления и развития зависимостей у индивидов. Так, например, многие ученые, такие как Ц. Короленко и Н. Дмитриева, считают, что процессу появления и развития зависимого поведения могут способствовать биологические, психологические и социальные влияния[1]. Согласно В. Шабалиной, совокупность факторов в каждой конкретной ситуации определяет степень риска формирования предрасположенности к зависимому поведению[4]. Одним из основных и наиболее общих объективных факторов повсеместного использования гаджетов является развитие самого общества, усложнение его структуры и внутренних связей. Одна из основных причин распространения гаджетов – это технологический прогресс. Развитие технологий позволяет создавать новые устройства и улучшать старые, направленные на облегчение жизни человека. На развитие гаджет-зависимости так же влияет такая черта современного общества, как автономизация, индивидуализация образа жизни, приоритет личных интересов человека над общественными ценностями.

Еще один фактор распространения гаджетов – ускорение темпов жизни. Сегодня от человека требуются незамедлительная переработка информации и быстрое восприятие ее, что осуществляется при напряженном внимании, сосредоточенности. Усложняются быт, отношения между людьми, и чтобы все успеть, человек должен быть быстрее и гаджеты помогают компенсировать отсутствие времени. Развитие системы коммуникаций – еще один важный фактор

нашей потребности в гаджетах. Человек всегда должен находиться на связи, иметь возможность к коммуникации. Из-за тесной связи реального и виртуального мира большинство людей испытывают необходимость в постоянном выходе в Сеть. Главными признаками, характеризующими все гаджеты, являются мобильность и многофункциональность. Существуют и субъективные факторы, влияющие на развитие гаджет-зависимого поведения. У каждого индивида обычно выявляется отдельный набор субъективных факторов, но мы можем вывести наиболее общие из них. Одним из них является психологические особенности индивида. Сюда можно включить гендерные особенности, характер, темперамент, предрасположенность к зависимому поведению. К субъективным факторам можно отнести так же позиционирование индивидом себя посредством гаджетов. Нередко гаджеты становятся способом демонстрации материального благосостояния индивидов.

Важный фактор развития гаджет-зависимости – это одиночество. Пытаясь компенсировать свое одиночество, индивид заполняет свое личное пространство как можно большим количеством вещей, в особенности гаджетов, т.к. именно они выступают той самой заменой реального общения. Еще одним субъективным фактором можно выделить потребность в принадлежности определенной социальной группе, субкультуре. Оглядка на моду, желание подчеркнуть свою принадлежность к какой-либо субкультуре, социальному классу посредством обладания и использования каких-то определенных гаджетов приводит к развитию гаджет-зависимости. Можно утверждать, что гаджет зависимость, являясь социальным явлением, может привести к различным социальным последствиям. К таким социальным последствиям гаджет-зависимости можно отнести потерю социального статуса, вследствие чего появляются проблемы с окружением. Таким образом, во взаимодействии аддиктивной личности с предметным миром происходит специфическая переориентация: “одушевляются” предметные отношения с агентами зависимости и “опредмечиваются” межличностные отношения [2]. Так же гаджет зависимость может вызвать проблемы с работой или учебой, нарушения трудовой дисциплины. Часто гаджет-зависимые люди испытывают затруднения в выполнении своих профессиональных обязанностей, у них отмечается безразличие либо негативное отношение к выполняемой работе, так как она отвлекает от использования гаджета. Помимо проблем в профессиональной сфере, гаджет-зависимость может привести к проблемам в семье, нарушениям семейных взаимоотношений. Поведение зависимой личности, пишет В. Менделевич в своем труде «Психология девиантного поведения», характеризуется стремлением к уходу от реальности из-за страха перед обыденной, наполненной обязательствами и регламентациями “скучной” жизнью [3]. У гаджет-зависимых людей отмечается плохая переносимость одиночества и готовность на значительные усилия, чтобы его избежать; с помощью гаджетов у них появляется альтернатива реальному межличностному общению.

Нами были проведены экспертные интервью и уличный опрос. В ходе уличного опроса нами были получены данные о взаимосвязи гендерного аспекта и гаджет-поведении жителей г. Череповца. Опрос проводился вблизи точек продаж гаджетов, на улицах города были опрошены 72 чел. обоего пола в возрасте от 16 до 50 лет.

На вопрос: «Есть ли у Вас какие-либо гаджеты?» абсолютно все респонденты ответили утвердительно. Самыми распространенными являются смартфоны и мобильные телефоны (44 человека - 61% всех респондентов и 41 человек – 57%). На втором месте по популярности находится ноутбук (так же 57%). Рассматривая этот вопрос с позиций гендера, можно сказать, что серьезного разрыва между мужчинами и женщинами нет, однако, наблюдается, что мужчины в принципе имеют немного больше гаджетов, чем женщины. Помимо гендерных особенностей, на выбор гаджета влияют и другие особенности, такие, как, например, возраст. По результатам анализа ответа на вопрос о том, какими гаджетами владеют респонденты, можно сделать вывод о том, что наиболее популярны гаджеты с повышенной функциональностью и сферой применения. Абсолютное большинство как мужчин, так и женщин в первую очередь рассматривают гаджет в качестве средства связи с близкими людьми (88% от всех респондентов). Следующими по приоритету целями являются такие, как получение информации посредством гаджетов (71%) и осуществление рабочих контактов (69% всех респондентов). Гаджеты являются незаменимым каналом межличностных коммуникаций, но у такого опосредованного общения существуют свои последствия, о которых нельзя забывать. В отличие от личной беседы, общение посредством гаджетов ограничено как временем, так и объемом сообщений. Такие обстоятельства приводят к упрощению языка, появлению сленга.

Серьезных различий по гендерному признаку в целях использования гаджетов не наблюдается кроме контактов по работе. Гаджет, как средство рабочей коммуникации, рассматривают больше мужчины (81% от всех респондентов), чем женщины (58% от всех респондентов). Таким образом, можно предположить, что женщины менее склонны использовать гаджеты в работе. Однако, утверждая это, нельзя сводить данную информацию к тому, что и контактов, связанных с работой, у женщин меньше, т.к. нельзя забывать о стационарных телефоне и компьютере, которые могут использоваться в процессе работы. Больше половины мужчин (56%) заявили, что используют гаджет с целью развлечения, тогда как женщины обращаются к развлекательной функции гаджетов заметно меньше (39%).

Половина респондентов видит в мобильном телефоне исключительно средство связи; другой же половине важны другие возможности мобильного телефона/смартфона, которыми он располагает. Рассматривая этот же вопрос с позиций гендера, можно увидеть небольшие, но существующие различия в ответах мужчин и женщин. Так, в целом 53% мужчин согласны с утверждением о том, что мобильный телефон нужен только для звонков и смс, тогда как женщин, считающих так же, немного меньше – 44%. Таким образом, каждый гаджет они чаще предпочитают использовать по назначению, а именно телефон – для звонков, фотоаппараты – для фотографий, игровые приставки и т.п. – для развлечения. Важно подчеркнуть, что четкой грани здесь нет, есть лишь небольшое преобладание во мнениях.

Гаджеты регулярно используются в повседневной жизни, большинство респондентов могут пользоваться гаджетом на протяжении нескольких часов изо дня в день. Одним из симптомов развивающейся гаджет-зависимости является увеличение времени, проводимого с гаджетом. Большинство респондентов не замечают за собой увеличения времени, проводимого с гаджетами. Знаковым показателем гаджет-зависимости являются негативные эмоции, такие как грусть, нервозность, потерянности в случае, когда нет возможности использовать гаджет. Мы задали вопрос о том, чувствуют ли респонденты себя потеряно, если обнаруживают, что забыли гаджет, которым регулярно пользуются. Половина респондентов (49%) согласилась с тем, что будут чувствовать себя некомфортно, по гендерному признаку расхождений не было выявлено. И, не смотря на то, что большинство (31%) отметили, что они скорее не согласны с утверждением, заявленном в вопросе, в следующем вопросе, согласны ли респонденты с утверждением «Если я забуду гаджет дома, я вернусь за ним» большинство ответило, что вернутся за ним (54%), мало того, 28% респондентов, т.е. они точно бы вернулись за гаджетом. В дополнение к описанному выше приведем результаты открытого вопроса «Если Вы потеряете гаджет, которым регулярно пользуетесь, что Вы будете чувствовать?». Проанализировав результаты, можно сказать, что большинство опрошенных (77%) фиксируют отрицательные эмоции. Анализируя полученные данные, можно отметить, что преобладают такие варианты ответа, как «грусть», «обида», «печаль», «нервозность», «напряжение», присутствуют такие ответы, как «ужас», «гнев».

Ключевым в нашем исследовании был вопрос, в котором мы спрашивали респондентов, считают ли они, что на сегодняшний день многие люди страдают гаджет-зависимостью. Большинство как мужчин, так и женщин, считают, что в современном обществе много гаджет-зависимых людей и, соответственно, это является проблемой. Полностью согласились с этим утверждением 40% всех респондентов, еще 31% ответили «Скорее согласен». Однако, как показали результаты, о гаджет-зависимости как о проблеме, которая требует медицинского вмешательства, речи пока не идет.

Рассматривая гаджет-поведение с позиций гендера, безусловно, нельзя отрицать его влияние на поведение человека. Однако, как и другие субъективные факторы, пол индивида не детерминирует развитие гаджет-зависимости. Безусловно, можно выделить феминные и маскулинные черты, проявляющиеся в гаджет-поведении, но как было сказано ранее, они не являются привязанными к полу и четко разграниченными между собой. В большинстве случаев, гаджет-зависимость является социально-приемлемой зависимостью, поведением, которое одновременно формируется, исходя из существующей социальной реальности, и изменяет ее.

1. Короленко Ц. П. Дмитриева Н. В., *Социодинамическая психиатрия*, - 2000. - 305с.
2. Леонова Л.Г., Бочкарева Н.Л. *Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте*. НГУ: Новосибирск, 1998. URL: <http://www.education.ssti.ru/document1/Poved.doc>
3. Менделевич В.Д. *Психология зависимой личности*, Казань, - 2002. - 240 с.
4. Шабалина В. В. *Зависимое поведение школьников*. СПб., - 2001. - 245 с.

ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: СЛУЧАИ ВУЗОВ РОССИЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК

Стариков В.С. (Санкт-Петербург)

В рамках доклада будут представлены предварительные результаты комплексного проекта при поддержке Российского научного фонда «Сравнительный анализ каузальных механизмов, предупреждение и регулирование этносоциальных конфликтов в академической среде: случаи России и Украины, США и Канады» (15-18-00101) Проект предполагает проведение фундаментального научного исследования, включающего в себя теоретический и эмпирический сравнительный анализ структуры повседневных практик, определения каузальных механизмов этносоциальных конфликтов в студенческой среде, аккумуляции недовольства, формирования протестных настроений в вузах и академических организациях четырех стран. В своем выступлении мы представим теоретическую рамку, методологические основания, а также результаты, полученные при изучении организаций высшего образования в двух столицах национальных республик: Сыктывкаре (Коми) и Казани (Татарстан).

Российская система образования характеризуется высоким разнообразием типов вузов (федеральные, научно-исследовательские, региональные, и др.), которое накладывается на этническое и языковое разнообразие, связанное с федеративным устройством России. В вузах национальных республик этнический состав студентов отражает этнический состав самих республик, в федеральных и крупных региональных вузах этническое, национальное и языковое разнообразие определяется значительным числом внутренних и внешних образовательных мигрантов. Отсюда проблема регулирования межэтнических отношений, конфликтного и протестного потенциала и межнациональной напряженности среди российских студентов представляется одной из наиболее актуальных.

Основная задача первого этапа исследования состоит в определении того, является ли этнический конфликт социальным фактом, иными словами: можем ли мы вообще утверждать, что в структуре «студент - преподаватель – администрация» существует (потенциально) конфликтное измерение на основе этнической компоненты. В этом отношении национальные республики представляются нам пространством, где существование подобного феномена будет наиболее видимым. Мы концентрируемся на двух регионах, которые имеют основание для сравнения (национально-государственный статус), но различаются по ряду важных параметров (географическое положение, демографический состав, уровень регионального влияния вузов, национальный состав студентов и пр.).

Теоретические основания анализа конфликтов в академической среде группируются вокруг двух основных положений.

1) На микроуровне конфликты могут быть рассмотрены как элементы процессов повседневного общения в академической среде. Сами конфликты и укоренены в культуре общения, а также во временных, пространственных и социальных ресурсах взаимодействия. Процессы общения, таким образом, зависят от социально-структурных и социально-культурных макроусловий, но должны рассматриваться как особого рода реальность со специфической динамикой, требующая особого теоретического и методологического инструментария [1].

2) Макросоциальные условия возникновения (не-возникновения) конфликтов должны быть помещены в сравнительную и историческую перспективу и могут быть поняты как специфические общественные отношения, в которых находятся участники и заинтересованные стороны конфликта [2]. Наиболее перспективной для понимания «структурных напряженностей», которые лежат в основании каузальных механизмов конфликтов представляется марксова традиция анализа социально-исторических процессов – материалистическое понимание истории [3]. Исходя из этой традиции, мы предполагаем, что этнические конфликты актуализируют классовые основания в социально-экономическом расслоении в академической среде. При этом ключевые критерии для сравнительного анализа - это характер социального расслоения в академической среде и исторически сложившаяся этническая "окраска" классовых феноменов. В таком случае, этнические конфликты могут проявляться как этнически окрашенные бытовые конфликты и как протестные действия по отстаиванию собственных интересов.

По результатам исследования можно сформулировать ряд предварительных выводов. Во-первых, во всех случаях открытых конфликтов не было обнаружено, однако можно говорить о некоторых предпосылках для их возникновения.

Во-вторых, о структурной напряженности в отношениях иноэтничных студентов-мигрантов с русскоязычными студентами, стоящей за избеганием повседневного общения, свидетельствуют несколько наблюдений. Во-первых, студенты воспроизводят устойчивые стереотипы о принципиальных различиях в «национальных характерах». Во-вторых, информанты фиксируют разделение между собой и русскоязычными студентами в повседневных взаимодействиях. В-третьих, в ходе интервью русскоязычных студентов в общежитии было зафиксировано нежелание жить с иностранными студентами.

По результатам интервью, фокус-групп и наблюдения в общежитиях можно фиксировать следующую тенденцию. Не-возникновение конфликтов обеспечивается ограничением повседневных взаимодействий: «приватизацией» и четким разделением пространства и вещей в студенческих общежитиях, минимизацией контактов с русскоязычными студентами и замыканием в собственной среде. При этом дополнительными факторами, способствующими изоляции, являются: а) пространственные и материальные ресурсы; б) возраст студентов, определяющий культуру общения; в) социальные ресурсы: наличие групп и сообществ. Необходимо отметить, что эти факторы действуют совместно: так, можно предположить, при необходимости сосуществовать на одном пространстве, плохое знание второго языка было бы фактором, провоцирующим конфликтные взаимодействия, либо уровень языка был бы выше.

1. Резаев А.В. Процесс общения в рамках экзистенциально-феноменологической парадигмы: смена исследовательской оптики // Вопросы философии. 2015. № 9
2. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Рецензия на: Sasaki M., Goldstone J., Zimmermann E., Sanderson S.S. (ed.) *Concise Encyclopedia On Comparative Sociology*. Leiden, Boston: Brill, 2014, 681p. // Социологические исследования № 12, 2015)
3. Rezaev A., Zhikharevich D., Lisitsyn P. *The Marxian Materialist Interpretation of History and Comparative Sociology* // *Comparative Sociology*, 2015, Vol. 14, No. 4

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА: ФОРМЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ УСТРАНЕНИЯ

Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь)

Насилие в семье является одним из наиболее ярких феноменов семейного неблагополучия. В последние несколько десятилетий насилие в семье осознается как серьезная и масштабная проблема, которая порождает множество социальных и индивидуальных проблем. Насилие в семье – распространенное явление во всем мире и признано «эпидемией» в большинстве стран. Не случайно, оно активно изучается представителями самых различных наук, в том числе и социологами.

Проблема насилия – многогранное социальное явление. Оно означает дискриминацию личности и семьи, ущемление или ограничение их прав и свобод. Насилие в семье определяется как повторяющиеся случаи жестокого обращения или пренебрежения, проявляемого одним членом семьи в отношении другого, что влечет за собой физический или эмоциональный вред здоровью. Другими словами, домашнее насилие – это система поведения, целью которого является достижение власти и контроля со стороны одного члена семьи по отношению к другому. Унижая человека, ущемляя его права и свободу, агрессор получает возможность ощутить свою власть над ним, контролировать его жизнь.

Идеал семейной жизни – это любовь, теплота отношений и взаимное уважение. Исторический опыт показывает, что именно семья всегда была «ковчегом спасения» в полном опасном мире. Именно семья дает человеку душевный комфорт и понимание, поддержку и заботу, ощущение собственной нужности и любви. Однако в реальности в семьях наблюдаются многообразные формы агрессии. Выделяют три типа семейной жестокости:

- со стороны родителей по отношению к детям;
- со стороны одного супруга по отношению к другому;
- со стороны детей и внуков по отношению к престарелым родственникам.

Последствиями насилия в семье могут быть смерть, телесные повреждения, психические расстройства, иногда необратимые, самоубийства, потеря чувства самоуважения у жертвы, разводы. Выделение насилия в семье в самостоятельную социальную проблему – это только первый и важный шаг, направленный на её разрешение. Общепринято считать, что насилие в семьях ограничивается патологическими семьями, семьями алкоголиков, бедными семьями. Однако практика показывает, что насилие далеко не всегда связано с пьянством и бедностью.

Весьма распространенной в семейных отношениях является психологическая форма насилия: грубость (в 48% семей), унижение друг друга (14%), а также физическое насилие – рукоприкладство (6%). Грубость во взаимоотношениях большинством мужчин и женщин воспринимается как норма семейного общения. Количество семей, где муж жестко обращается с женой в 3,5 раз больше, чем семей, где жена жестоко обращается с мужем. Среди тех, кто подвергается лично физическому насилию со стороны супруга, доминируют женщины (29% женщин и 3% мужчин) [2].

В современной Беларуси проявление жестокости не редко встречается в бытовой жизни. Причём жертвами таких преступлений чаще становятся женщины. По данным статистики, в Беларуси около 77% женщин от 18 до 60 лет сталкивались с насилием, то есть каждая третья женщина в стране страдает от физического насилия. Жертвой домашнего насилия может стать любая женщина любого возраста, любой формацией, с любым опытом, для этого нужны только поводы. Женщины, которые становятся жертвами насилия, никак не защищены. Никакие действенные меры против насилия в Беларуси практически не принимаются. Законодательная норма только на время защищает пострадавших, но не решает саму проблему семейного насилия. Ежегодно в органы внутренних дел поступает не меньше двадцати тысяч обращений о семейных конфликтах. Агрессоров в лучшем случае могут посадить на пятнадцать суток. Далее они все равно возвращаются в семью. Или же наказание за избиение – административный штраф, да и тот ляжет скорее всего на плечи самой жертвы. Как отмечают исследователи, жертвы семейно-бытовых конфликтов образуют наиболее многочисленную группу среди погибших и пострадавших от любых преступлений. Каждое четвертое убийство в стране совершается в результате семейных конфликтов.

По данным социологического исследования, 16,9% пострадавших от домашнего насилия не обращаются за помощью, так как стыдятся и боятся потерять репутацию; 15,9% женщин надеются, что это не повторится; 13,8% – не хотят навредить партнеру или мужу; 8,5% – боятся подвергнуться большему насилию [2]. И это далеко не исчерпывающий перечень причин, по которым жертвы насилия молчат и терпят, терпят и молчат. Причем речь идет не только об обращении к правоохранителям, зачастую домашний террор – тайна за семью печатями даже для близких родственников и друзей.

По данным специалистов организации «Гендерные перспективы» на горячую линию для пострадавших от домашнего насилия чаще всего обращаются женщины (94%) в возрасте от 27 до 40 лет. Агрессию они терпят годами. Рожают детей, верят обещаниям мужа исправиться, но снова и снова сталкиваются с жестокостью. По словам специалистов, самый распространенный вопрос, который задают жертвы домашнего насилия: как сделать так, чтобы муж прекратил бить? Женщины по пятнадцать и более лет терпят насилие, иногда даже после развода, и обращаются за помощью, когда чувствуют, что могут уже не выжить. Женщины, которые годами сталкиваются с домашним насилием, подвержены такому психологическому заболеванию как созависимость, то есть жертва может быть патологически привязана к агрессору [1]. Долгое терпение женщины объясняется и экономическими факторами. Зачастую женщина не может уйти из семьи, так как не зарабатывает достаточно для того, чтобы купить или снять новое жилье, поставить на ноги детей. Мало того, обращение за помощью в милицию с заявлением по поводу домашнего насилия сказывается на детях – считается, что они находятся в «социально опасном положении». Семью начинают контролировать. Если ситуация не улучшается, мать продолжает жить с агрессором, есть вероятность, что детей могут забрать. В Беларуси не редки случаи, когда женщины даже после жестокого избиения отказываются писать заявление на агрессора.

В нашем обществе очень часто приходится слышать, как люди оправдывают насилие. Существует множество предубеждений в отношении домашнего насилия. Бытует огромное количество мифов, связанных с этой темой, в том числе о том, что среди более образованных и культурных слоев, живущих в более благоприятных экономических условиях, домашние ссоры, рукоприкладства и потасовки случаются крайне редко. Считается, что женщины сами напрашиваются на то, чтобы их избивали, своим отношением или поведением они заслуживают побоев, и если они не уходят, значит, побои доставляют им удовольствие. При этом большинство исследователей отмечают, что на самом деле эти утверждения не соответствуют реальности. Проблема насилия в отношении женщин – социальная [3].

Подписав Пекинскую декларацию, Республика Беларусь взяла на себя ответственность за выявление и решение проблем насилия в отношении женщин. Растущее осознание широты, масштабов и сложности проблемы насилия в обществе активизировало поиск мер, направленных

на сокращение и предупреждение этого явления. Однако для предотвращения преступлений в семье главным предупреждающим направлением работы должна стать как общесоциальная, так и индивидуальная профилактика, охватывающая в первую очередь подрастающее поколение. Важно, чтобы система школьного образования была неотъемлемым компонентом комплексных программ по предупреждению семейного насилия. В перечень мер, направленных на профилактику семейного насилия, должны входить: формирование семейно-культурных навыков в семейных отношениях, разъяснение взаимных прав и обязанностей членов семей, обучение «мирным» способам разрешения конфликтов и информирование о допустимых законом путях и методах самообороны.

В целом, в современной Беларуси почти каждая семья сталкивается с конфликтами, которые способны вызвать семейное неблагополучие. Дальнейшее усилия нашего государства и общества по предотвращению насилия должны быть направлены на реформирование законодательства в соответствии с международными нормами, повышение уровня правовой культуры населения, создание системы кризисных центров долговременной помощи (в стране насчитывается 105 кризисных комнат временного содержания), консультационных пунктов экстренной помощи, организацию телефонных «горячих линий» с квалифицированным персоналом, систем информирования женщин о соответствующих видах помощи и т.д.

На современном этапе развития белорусского общества самое главное в борьбе с насилием в отношении женщин в белорусском государстве – это решение коренных социально-экономических задач, повышение уровня жизни и духовной культуры людей, снижение напряженности в обществе, обеспечение социальной, в том числе правовой защищенности человека без дискриминации по признаку пола, создание обстановки неприятия любых форм насилия.

1. Альховка И. *Стереотипы в отношении домашнего насилия пошатнулись, но еще сильны* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.genderperspectives.by/pryamaya-rech/264-irina-alkhovka-stereotipy-v-otnoshenii-domashnego-nasiliya-poshatnulis-no-eshche-silny> – Дата доступа: 12.08.2016 г.
2. Бодрова В. В. *Насилие в семье // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 5 (49). С.44-47.*
3. Мертус Д. *Права женщин – права человека. М., 1996.*
4. Лысова А. В. *Физическое насилие над женами в российских семьях // Социс. 2008. № 9. С. 125*
4. Родина И. В. *Социальная проблематизация насилия в семье в современной России // Отечеств. журн. соц. работы. М., 2008. № 12. С. 26.*
5. Первякова И. К. *Женщины – жертвы преступления // Социс. 2000. № 9. С. 41.*

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ РЕЛИГИИ, СЕМЬИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Столяров Д.В. (Минск, Республика Беларусь)

Гендерная дискриминация являлась и является одной из наиболее проблемных сфер исследований в ходе научных дискуссий социогуманитарного знания. Её можно рассматривать как некое явление, влияющее на развитие и деятельность социальных институтов.

Подчеркивание различий между полами заставляет предполагать, что пол должен представлять собой важную детерминанту поведения человека. При этом важно не забывать, что анатомически и физиологически мужчины и женщины имеют куда больше сходства, чем различий. Следовательно, в основном они вполне могут заменить друг друга в определенной социальной роли. [6, с. 144].

Институт религии в разных культурах по-разному относился к женщине и мужчине, но верховные божества женского пола встречаются значительно реже, чем мужского. Для мировых религий вообще верховные божества женского пола не свойственны. Если не брать в расчет мировые религии, одним из таких исключений, пожалуй, является японская национальная религия – синтоизм, где верховное божество – богиня солнца Аматэрасу.

Анализируя основные религии, можно опять же выявить своеобразную обоюдную дискриминацию в отношении к мужчинам и женщинам. Если взять за основу такие мировые религии как ислам и христианство, то заключается она в том, что женщина отягощалась чрезмерным бременем вины, а мужчина – непосильным бременем чистоты. Примерно такие же понятия доминируют и в ряде национальных религиозных верований. Можно говорить о том, что

во многих религиях женщина всегда позиционировалась как существо более склонное к тёмной стороне.

Именно к женскому полу были обращены проклятия ворожбы и чародейства в обличительных церковных поучениях. Печать решительного осуждения церковью знахарства и чародейства несут особые статьи в исповедальниках и покаянных сборниках, касающиеся чародейных способов «приворожения» супруга. [5, с. 58].

В Средние века в католической церкви это проявилось наиболее ярко. В наши дни активно проявляется в исламе. Но здесь встаёт вопрос: «Кто чувствует себя хуже: недооценённый или переоценённый?» Так, на мужчину с момента рождения автоматически взваливается колоссальная миссия соответствия некоему высшему идеалу в земной жизни. Именно в таких ситуациях велик риск надлома и неудачи. Но стереотипы давят, и общественное мнение требует исполнения роли, которую не всем дано исполнить. Это оказывает психологическое давление: когда от тебя ждут победы, ждут выполнения важной миссии, но ты-то понимаешь, что не можешь это осуществить и соответствовать этому. Если женщина страдала от необоснованных претензий, то мужчина страдал от необоснованных притязаний, что в равной степени психологически надрывало и тех и других.

Такой взгляд на природу женщины, в рамках мускулинистских культур, закономерно вытекал из того универсального факта, что для философа женщина всегда была «другим», всегда рассматривалась в позиции объекта. Сама женщина, тысячелетиями впитывая в себя традиционную культуру, также смотрела на себя глазами мужчины [2, с. 85].

Схожая ситуация была и в институте семьи. На протяжении длительного периода патриархата во многих культурах мужчина был заложником собственного всемогущества. Стереотипы были безжалостны и, вопреки логике и каким-либо индивидуальным подходам к личности, требовали от всякого мужчины зарабатывать больше, брать ответственность за все решения, несмотря на то, что в определённых из них он мог быть некомпетентен. Чем более мускулинистская культура, тем жёстче общественное мнение требует от мужчины соблюдения таких принципов, не вникая в его желания и психологические особенности.

Симона де Бовуар, в своём труде «Второй пол», рассматривала данную проблему, правда, с позиции более ориентированной на женщин. Тем не менее, эта работа, учитывая временной период активности исследовательницы, претендует на гендерную нейтральность, что во многом и определяет её заслуги. Так, объясняя механизмы возникновения гендерной дискриминации, она отмечает: «Мужчину сковывает его превосходство; деньги зарабатывает он один, и женщина требует их от него; профессиональной деятельностью занимается он один, и женщина требует, чтобы он добился успеха; способность к развитию воплощается в нём одном, и женщина стремится украсть её у него, присваивая его планы на будущее, его успехи. Женская тирания является проявлением её зависимости. Женщине известно, что процветание зависит от другого человека. И если она так яростно стремится подчинить этого человека своей воле, так это потому, что на неё смотрят как на его собственность. Именно правила, придуманные мужчинами, поставили женщину в такое положение, которое в настоящее время стало причиной мучений и женщин и мужчин.» [7, с. 347].

Что же касается института образования, то здесь всё весьма парадоксально. С одной стороны, женщин не хотели пускать в эту сферу. Например, выдающийся социолог Густав Ле Бон, утверждал, что разное строение мужского и женского мозга позволяет объяснить различия между мужчиной и женщиной [4, с. 43].

Ярко выраженный консервативно-мускулинистский подход в те времена заявлял о себе жёстко и непререкаемо. В 1879 г. Ле Бон писал: «У большинства разумных сообществ, встречается очень много женщин, чей мозг по размерам ближе к мозгу гориллы, чем к самому развитому мозгу мужчины... Все психологи, исследующие способности женщины, признают, что она представляет собой более низкую эволюционную форму и что она ближе к ребёнку и дикарю, чем к взрослому цивилизованному мужчине» [4, с. 104-105].

Когда дело доходило до того, чтобы женщина могла попасть на важную ступень в области образования или науки, к ней почему-то предъявлялись откровенно завышенные требования по сравнению с мужчинами. Руководствуясь логикой, данное противоречие весьма сложно объяснить, ведь когда ты изначально ставишь объект на низкую ступень развития, то существует два пути, а именно, либо вообще не пускать его в соответствующую сферу деятельности, мотивируя это сугубо его изначально неспособностью, либо проводить конкурс на равной основе

с целью выявить лучших. А вот завышенные требования к объекту, изначально наделяемому низкими характеристиками, сразу кажутся необъяснимыми.

Можно привести исторический пример такого подхода, когда на Западе сложилось так, что колледжи разделили поступающих по половому признаку, оставив значительную квоту для мужчин. Некоторые из учебных заведений практиковали одни и те же экзамены для мужчин и женщин, вводя при этом для последних более высокий проходной балл. В 60-х годах, к примеру, колледжи Нью-Йорка требовали от мужчин среднюю оценку 85, а от женщин – 90, чтобы последние не заполнили систему образования [3, с. 79].

Мужчинам такой ход даёт крайне мало в плане утверждения авторитета. Конечно, и женщинам такая политика ставит определённые препоны, но эта же политика существенно подрывает авторитет мужчины ввиду своей абсурдности, описанной выше. Она выдаёт его страх, его неуверенность, его агонию. Но отчего же это случается? Уж не от того ли, что опять же мужчина подсознательно вынужден пытаться соответствовать заранее заданному уровню, но чувствуя, что может не выдержать конкуренции, не вписаться в рамки стереотипа, в его поведении начинают преобладать характерные признаки регрессии.

1. Брандт Г. А. *Философская антропология феминизма. Природа женщины* / Г. А. Брандт. – СПб.: Алетейя, 2006. – 160 с.
2. Гапова, Е.И. Усманова, А.Р. *Антология гендерных исследований* / Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. – Мн.: ПроPILEI, 2000. – 384 с.
3. Киммел, М. *Гендерное общество* / Пер. с англ. О. А. Оберемко, И.Н.Тартаковской. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 464 с.
4. Пушкарёва, Н. Л. *Женщины Древней Руси* / Н. Л. Пушкарёва. – Москва: Мысль, 1989. – 286 с.
5. Рябов, О.В. *Русская философия женственности (XI – XX века)* / О.В. Рябов. – Юнона, 1999. – 354 с.
6. Симона де Бовуар *Второй пол* / Симона де Бовуар. – АО Издательская группа «Прогресс», 1997 – 515 с.

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Столярская Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

Самореализация молодежи является важным и активно развивающимся направлением исследований. Одной из важных проблем данного направления является проблема внутренних противоречий самореализации молодежи.

Мы видим два возможных источника противоречий молодежной самореализации. Первый – социальные трансформации общества, порождающие столкновения традиционных и современных тенденций внутри процессов социализации и самореализации [1; 2]. Вторым источником противоречий – положение молодежи в обществе. Оно содержит противоречие - между становлением молодежи как субъекта общественного производства и общественной жизни [3, 50]. Но самореализация молодых людей происходит в рамках данных сторон общественного производства: какую бы сферу самореализации мы не рассматривали, она обязательно является частью общественного производства или общественной жизни. Основываясь на этом заключении, мы можем сделать вывод: самореализация молодежи является противоречивой по своей природе.

Каковы же основные противоречия самореализации молодежи?

Мы определяем самореализацию как воплощение усвоенного человеком социального опыта в конкретных формах и продуктах деятельности, влекущее за собой возникновение личности как социального субъекта. Тем самым, полагаем возможными три типа основных противоречий самореализации личности: А) между воплощением усвоенного социального опыта и наличными формами социальной деятельности, в которой он должен быть воплощен; В) между воплощением усвоенного социального опыта и особенностями личности как социального субъекта, воплощающего данный опыт; С) между наличными формами социальной деятельности и особенностями личности как социального субъекта, вовлеченной в данную деятельность. Насколько данное положение соотносится с данными эмпирических исследований?

Социологи подтверждают противоречивый характер молодежной самореализации. Так, Ю.М. Пасовец описывает следующие противоречия: 1) между коммерциализацией всех областей жизнедеятельности и низким материальным достатком молодежи; 2) между высоким уровнем социально нормативного и низким уровнем производственно необходимого образования; 3) между

ростом профессионального и интеллектуального потенциала молодежи и безработицей; 4) между индивидуальными возможностями и их социальной невостребованностью [4, 9]. Помимо этого, данный автор также указывает на особенность самореализации молодежи, которая может быть рассмотрена как противоречие: 5) низкий уровень социальной реализованности молодых людей и, одновременно, высокий уровень их субъективной удовлетворенности своей реализацией [4, 8].

Р.А. Зобов и В.Н. Келасев постулируют существование противоречивой самореализации. Источником дисгармонии, согласно их мнению, выступает (6) противоречие требований социальной среды сущностным возможностям личности [5, 106].

Глубоко противоречивый характер самореализации молодежи в условиях общества потребления описывает В.И. Ильин. Он отмечает, что в связи с коньюмеризацией общества самореализация молодежи также все больше связывается с процессом потребления товаров и услуг. Данный автор указывает на следующие противоречия, характеризующие самореализацию молодежи: 7) противоречие между автоматизацией труда и увеличением объема и интенсивности работы человека; 8) между увеличением возможностей приложения собственных сил и уменьшением простора для творчества; 9) между наличием сильной установки на потребление и отсутствием материальных возможностей для ее реализации; 10) между низкими материальным уровнем и относительно высокой удовлетворенностью своими возможностями потребления [6].

Противоречие (11) между ранним созреванием подростков и увеличением периода обучения и приобретения профессии выделяет В.Н. Ярская [7, 10]. Возрастные границы молодости «размываются», возникает «затянутость» ожидания молодыми людьми взрослых ролей и статусов. Возникающая в результате депривация девушек и юношей в различных сферах общества, в первую очередь, в экономической, может приводить к нарушениям процесса социализации молодежи.

Связано с предыдущим противоречие (12) между опережающим характером формирования установок, ориентаций, жизненных планов у молодых людей, и запаздывающим формированием их реальных возможностей по воплощению этих установок и планов в жизнь. [8; 7, 11].

Если мы рассмотрим все выделенные исследователями частные противоречия, характеризующие самореализацию молодежи, то сможем увидеть, что в них конкретизированы описанные нами выше основные противоречия. Так, противоречия №№ 1 – 4, № 6 и № 11 мы отнесли к типу С основных противоречий (между наличными формами социальной деятельности и особенностями личности как социального субъекта, вовлеченной в данную деятельность). Противоречия № 5, № 8 и № 12 мы отнесли к типу В основных противоречий (между воплощением усвоенного социального опыта и особенностями личности как социального субъекта, воплощающего данный опыт). Противоречие № 7 было отнесено нами к типу А основных противоречий (между воплощением усвоенного социального опыта и наличными формами социальной деятельности, в которой он должен быть воплощен).

Противоречия №№ 9 и 10 мы не смогли отнести ни к одному из выделенных основных типов противоречий: как нам представляется, данные противоречия являются внутренними противоречиями, характеризующими личность как социального субъекта, возникающего в процессе самореализации. Это не опровергает высказанное нами ранее положение о противоречивой природе самореализации молодежи, но расширяет круг присущих данному явлению возможных противоречий.

Следует обратить внимание еще на один обнаруженный факт. Из описанных нами 12 частных противоречий самореализации, 11 связаны с ее субъектом – самореализующейся личностью, причем 2 из 11 являются внутренними противоречиями личности как социального субъекта, возникающего в процессе самореализации. Это позволяет нам предположить, что именно самореализующаяся личность является «ядром» противоречий самореализации молодежи.

Какие теоретико-методологические и практические выводы следуют из данного предположения? – Во-первых, самореализующаяся личность является не только «ядром» противоречий, но и «центром» развития самореализации как социального явления. Мы основываем наше положение на том, что противоречия являются источником социальных изменений, направленных на развитие того объекта, к которому они относятся [9, 452-453].

Во-вторых, личность как социальный субъект, возникающий в ходе самореализации, должна быть основным объектом внимания исследователей самореализации молодежи. Исследовательская или исследовательско-коррекционная работа в данной области должна начинаться и заканчиваться анализом положения и свойств самореализующейся личности,

поскольку изменения субъекта самореализации обязательно скажутся на остальных сторонах данной деятельности.

1. Данилов, А.Н., Нечипоренко, О.В. *Процессы социальной трансформации постсоветских обществ: опыт России, Беларуси, Казахстана*// *Социология*, 2008, № 1. – С. 85 – 98.
2. Солодников И.В. *Самореализация личности в зрелом возрасте*/ Автореф. ... докт. соц. наук, 22.00.01, М., Российский государственный гуманитарный ун-т, 2007. – 56 с.
3. *Социология молодежи: Учебник* /Под ред. В.Т. Лисовского. – СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – 460 с.
4. Пасовец Ю.М. *Самореализация молодежи как предмет социокультурного анализа*/ Автореф. ... канд. соц. наук, 22.00.06, Курск, Курский госуд. университет, 2006. – 22 с.
5. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. *Человековедение: самореализация человека: Учебник/Под общ. ред. проф. В. Н. Келасьева.* – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 461 с.
6. Ильин, В.И. *Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления*/ В.И. Ильин. – СПб.: Интерсоцис, 2007. – 388 с.
7. Ярская, В.Н. *Социология молодежи в контексте социальной работы* / В.Н. Ярская, Л.С. Яковлев, А.Ю. Слепухин, Д.В. Петров, К.Ю. Добрин, Е.Н. Барябина. – Саратов: СТГУ, 2004. – 293 с.
8. Гориков, М. К., Шереги, Ф.Э. *Молодежь России: социологический анализ* / М.К. Гориков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
9. *Словарь философских терминов*/ Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА – М, 2005. – 731 с.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Стрельникова Т.В. (Санкт-Петербург)

"Нет бедных стран - есть страны плохо управляемые"
Питер Друкер

Интерес к проблеме организационного самоуправления вызван теоретическими и практическими потребностями. Это в первую очередь, неэффективное применение методов самоуправления на предприятиях, а во вторую научное отставание в объяснении и изучении социальных механизмов функционирования и развития современных организационных форм самоуправления. Тихонов А.В. в работе "От социологии менеджмента к социологии управления выделил факторы, способствующие изменениям: с одной стороны "в научном плане - имеем дело с кризисом управленческой мысли, по-прежнему пытающейся найти резервы модернизации системы управления в стране на основе индустриальной парадигмы, не соответствующей современному движению страны к постиндустриальным ценностям и новым культурным образцам социальной организации". [1] С другой стороны, играет роль фактор субъектности - "появление искусственной надстройки над естественным процессом взаимодействия людей по поводу решения совместных проблем знаменует собой в структурном отношении появление качественно нового социального индивида, способного к проектированию социальных отношений, рациональному вмешательству в естественный ход событий, "выведению" (в смысле селекции) новых социальных форм". [1] В связи с этим, примеры неэффективного применения систем организационного самоуправления, в том числе новых различных социальных форм породили поиски причин неэффективности и поиск путей их развития. Российские и зарубежные ученые и практики занимались проблемами эффективности систем самоуправления и внедрением их на предприятиях. Среди них Д. Питер, А.И. Пригожин, Я. Щепанский, А.В. Тихонов, Р. Акофф, Ф. Каст, Н. Моисеев, А.Ф. Борисов, В. Корниенко, Д. Янкелович, Д. Симменс, В.Мерс, А.М. Карякин, Д.Уэлч. Развитие концепции самоуправления имеет под собой основания исторически и объективно сложившиеся. Мировой опыт показывает, что основной проблемой при внедрении данной системы является неготовность людей работать в ней. В настоящей действительности существует многообразие социальных форм самоуправления в организации, разнообразие которых зависит от того, какова степень самоуправляемости в данных формах. Россия - "страна с непредсказуемым деловым климатом, несовершенной правовой системой и

непрозрачной системой принятия решений в правительственных кругах", поэтому система и опыт внедрения организационного самоуправления имеет свои особенности. [2] В России истоки развития производственного самоуправления можно начинать считать со времен средневековья, которое существовало в разных видах: ремесленные гильдии, университетские сообщества, русские артели. [3] после 1917 года - начинают развиваться различные формы: фабрично-заводские комитеты, - производственное совещание, рабочее собрание, профессиональное самоуправление (профсоюзы), бригады - "характер взаимодействия обусловлен как особенностями технологического процесса, так и административно-правовыми предписаниями. Это зафиксировано в инструкциях, приказах, и других нормативных актах". [4] Современной формой самоуправления считается - самоуправляемая рабочая команда, которая "представляет собой формальный постоянный элемент структуры организации, принимает решения и исполняет их, и имеет различную степень самоуправляемости". [5] От современной формы самоуправления в организации - рабочей команды отличается меньшей степенью свободы и ответственности. Проблемам и поиску построения стратегий эффективности посвящены социологические исследования: в проведенных исследованиях в 1988г. на одном из судостроительных заводов г. Владивостока "выявлена низкая активность членов коллектива в принятии управленческих решений. На вопрос: «Где Вы обсуждаете проблемы коллектива?», 72% опрошенных ответили, что предпочитают это делать в кругу товарищей по работе, 52 — на собрании, 30% — в кругу друзей. А на вопрос: «В каких формах Вы участвовали в обсуждении проблем коллектива?», 80% ответили, что это выразилось в присутствии на собрании, и лишь 20% — в выступлениях на собрании. 77% опрошенных причину своей пассивности на собраниях объяснили тем, что думают, «от выступления ничего не изменит-ся». Иные мотивы: считают себя не столь подготовленными — 16%, стесняются — 10, боятся преследования за критику — 5%. Выявлено несоответствие между фактическим участием и возможностью (желанием) участвовать в управлении. Так, 74% опрошенных считают управление делом самого трудового коллектива, а в действительности, как мы выяснили, 80% рабочих лишь пассивно присутствуют на собрании. Не активен трудовой коллектив и при подготовке собраний. Вопросы на собрании рассматриваются главным образом по инициативе администрации (76%), реже — по инициативе коллектива (26%) и общественных организаций (12%)". [6]

- В ходе проведенного Стрельниковой Т.В. социологического исследования в компании «Любимый Край» (г. Санкт-Петербург) в 2012г. были выявлены следующие социальные и управленческие стереотипы: политика «невмешательства» («моя хата с краю — ничего не знаю», «это проблема не моя — это проблема другого», «оставили кучу служебных записок - проблему не решили); не конструктивный выбор стратегии разрешения конфликтов — поиск виновного, а не поиск пути решения проблемы; "советская" система управления; страх совершить ошибку; неуверенность в себе; не вера в перемены; ожидание, что ответственность возьмет кто-то другой; страх открыто «высказываться» и критиковать руководство; стереотипы качества труда (что хорошо и что плохо относительно того как организован труд?). [7]

Так или иначе в центре внимания категория инициативности сотрудников и мер по ее повышению, доверие и недоверие. Западный опыт систем самоуправления представлен следующими примерами:

- "Кружки качества" - Американские специалисты - Дж. Джуран и Э. Деминг, которые начинали свою деятельность в США.

- Система ИСОП - участие в прибыли, компании - Procter & Gambel, Lockheed, Polaroid.

- Мондрагонская кооперативная корпорация. Отличительными особенностями Мондрагонской кооперативной корпорации являются: крупный масштаб; наличие опорных структур; научно-исследовательские и опытно-конструкторские центры; кооперативы социального обслуживания; система образовательных кооперативов. [8]

- "социологические исследования и опросы в США выявили все возрастающее стремление рабочих к участию в делах фирмы, их готовность взять на себя долю ответственности, пропорциональную доле участия в собственности. В конце 70-х годов 66% опрошенных предпочитали работать в фирмах, принадлежащих трудящимся. Эти данные подтверждают также результаты социологического исследования, проведенного Национальным центром по проблемам собственности работников. Большинство опрошенных (84%) заявили, что владение акциями компании заставляет их проявлять больше интереса к ее финансовому положению. Соответственно 65% работников изъявили желание оставаться в компании, в которой они владеют акциями. [9]

Основные проблемы, которые возникали при практическом применении системы:

- проблемы мотивации; как стимулировать всех работников на достижение максимального качества и непрерывное совершенствование; неудачи из-за отсутствие интереса или недостаточного сотрудничества; разногласия по вопросу премий и взаимной подозрительности профсоюзных лидеров; культура - язык, традиции и обычаи, возрастные разногласия.

Можно выделить следующие общие тенденции развития организационного самоуправления:

увеличение значимости самоуправления в атмосфере сотрудничества. Самоуправление возможно только при условии, когда созданы благоприятные условия, ощущается поддержка со стороны руководства; востребованность исследовать механизмы развития навыков и умений строить самоуправляемые команды; вовлечение сотрудников к участию в собственности или прибыли; формирование атмосферы доверия в организации.

1. Тихонов А.В. *От социологии менеджмента к социологии управления*. С. 40-45. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/06/10/1267348316/Tihonov.pdf> (дата обращения 16.09.2016г.)
2. Руденко Г. *Ведение бизнеса в России: западный взгляд*. Научно-практический журнал. *Эффективное антикризисное управление*. 2013 №1 (76) С. 28
3. Андреева О.Б., Рулева В.В. *Производственное самоуправление как социально-экономический феномен* // *Вестник Костромского государственного технологического университета*. 2013. №1 (3). С.118 URL: [e-library.ru / item.asp?id=21137618](http://e-library.ru/item.asp?id=21137618) (дата обращения: 15.06.2016 г.)
4. *Психология*. Под. ред. Крылова. - М.: "Проспект", 1999. - 584. С.14
5. Борисов А.Ф., Стрельникова Т.В. *Концепция организационного самоуправления в современном социогуманитарном дискурсе* // *Журнал научных статей "Здоровье и образование в 21 веке"*. 2016. № 3. С. 154-159 URL: http://clinical-journal.co.uk/gallery/print_2016-18-3_p.154-159.pdf (дата обращения 03.09.2016)
6. Маханова Л.И. *Самоуправление в трудовом коллективе* // *Правоведение*. - 1989. - № 6 - С. 21-26 URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=177974> (дата обращения 10.09.2016)
7. Стрельникова Т.В. *Комплексный подход к проблемам формирования рабочих команд* // *Проблемы современной экономики*. 2015. №3 (55). - С. 205-207. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-k-problemat-formirovaniya-rabochih-komand> (дата обращения 03.09.2016).
8. Емельянов С.П., Хамзин И.М. *Зарубежный опыт саморазвивающейся кооперативной организации и его применение в России* // *Управление социально-экономическими системами: электронный журнал*. Изд.: Кисловодский институт экономики и права. 2014. № 5 (65). URL: <http://e-library.ru/item.asp?id=21586755>. (дата обращения: 15.06.2016 г.)
9. Борисов А.Ф. *Интеллектуальная собственность как социальный институт* // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. №2, Т. 2. - С. 173-183.

ПРОБЛЕМА ВАНДАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Стрельцын М.И. (Санкт-Петербург)

This article considers the relevance of the vandalism problem in modern Russian society. Author has identified the most pronounced forms of modern vandalism in Russia. By studying domestic and foreign scientific literature of legal and sociological nature, as well as information presented in the media, the author has developed a classification of vandalism and its motives. On the basis of this study, the author has proposed directions for combating vandalism in modern Russia.

В данной статье освещена актуальность проблемы вандализма в современном российском обществе. Были выделены наиболее ярко выраженные формы современного вандализма в России. Изучив отечественную и зарубежную научную литературу правового и социологического характера, а также информацию, представленную в СМИ, автор разработал классификацию вандализма и его мотивов. На основе проведенного исследования автором были предложены направления по противодействию вандализму в современной России.

В настоящее время проявления вандализма все чаще стали вставать на повестку дня в российском обществе. Новые скандальные факты освещаются в СМИ: погромы общественных мест [4], порча памятников и исторических достопримечательностей [6], различные надписи на стенах зданий, содержащие нецензурную лексику, а также символика, которая может оскорбить

культуру, историю, религию нашей страны, будь то фашистская свастика или знаки религиозных сект [5]. Тема вандализма стала предметом многих научных работ, в частности, Алиева Х. К. [2]. Все это доказывает, что проблема становится все более и более актуальной в современном российском обществе. Однако почему же так происходит? Что случилось с российским обществом и, в особенности, с молодым поколением? Ведь по статистике именно молодежи принадлежит свыше 70% актов вандализма, хулиганства и антиобщественных действий [2].

Цель данного исследования: обозначить мотивы, по которым люди все чаще прибегают к вандализму как выражению эмоций и своей жизненной позиции, а также разработать направления по противодействию вандализму в современной России.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач:**

- На основе обобщения опыта отечественных и зарубежных научных исследований раскрыть сущность понятия «вандализм»;
- Обозначить наиболее распространённые формы вандализма в современной России;
- Составить классификацию вандализма исходя из мотивов его совершения;
- Разработать направления по противодействию вандализму в современной России.

Слово «вандализм» вошло в литературный обиход как обозначение разрушения или порчи произведений искусства и памятников архитектуры и произошло от названия древнегерманских племен вандалов, разграбивших в 455 г. Рим и уничтоживших многие памятники античной культуры [2].

В настоящее время законодательством Российской Федерации понятие «вандализм» определяется ст. 214 УК РФ как осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах [1].

Таким образом, вандализм – это целенаправленные действия, результатом которых является порча общественного имущества.

Рассматривая отечественные и зарубежные научные публикации, в частности, статью Шипуновой Т. В. [3], а также информацию по данной тематике, представленную в СМИ, автор выявил следующие наиболее ярко выраженные формы современного вандализма в России:

1. Граффити, в той части, которая имеет аморальное, антиобщественное и аналогичное содержание;
2. Теггинг - вид граффити, представляющий собой быстрое нанесение подписи автора на какие-либо поверхности, зачастую в общественных местах;
3. Бомбинг - вид деятельности райтеров [Райтер (от англ. writer - писатель) - человек, занимающийся спрей-артом, граффити.], заключающийся в рисовании особого вида граффити – бомб;
4. Погромы общественных мест;
5. Осквернение могил и кладбищ;
6. Порча памятников культуры.

Анализ показал, что в современном российском обществе существует множество различных форматов вандализма, при этом принято считать, что вандализм объясняется немотивированным и иррациональным поведением. Однако, по мнению автора, можно выявить следующие мотивы вандализма, большинство из которых рациональны (см. таблица 1).

Таблица 1 – Классификация вандализма по мотивам его совершения

Тип вандализма	Мотив
Вандализм как способ приобретения	Получение материальной выгоды
Тактический вандализм	Достижение иных (нематериальных) целей
Идеологический вандализм	Преследование идеологических или политических целей
Вандализм как мщение	Ответ на обиду или оскорбление
Вандализм как игра	«Повышение» социального статуса в глазах окружающих
Агрессивный вандализм	Зависть, неприязнь к другим людям

Источник: авторская разработка

Данная классификация свидетельствует о наличии конкретного осмысленного мотива, заключающегося в получении материальных и нематериальных выгод, а также - достижении иных

поставленных целей, который заставляет россиян совершать противоправные действия, классифицируемые как вандализм.

Очевидно, что действия вандалов являются противоправными деяниями, которые направлены против общества, - они нарушают общественный порядок и спокойствие граждан. Поэтому необходимо разработать и предложить направления по противодействию вандализму в современной России:

- Необходимо внести изменения в ст. 214 УК РФ о расширении границ применения термина «вандализм» и ужесточения предусматриваемых наказаний;
- Сотрудникам прокуратуры необходимо разработать систему дифференциации вандализма от других смежных составов преступлений;
- Следует проводить комплекс мероприятий, направленных на борьбу с пьянством, наркоманией и невоспитанностью молодёжи, ибо именно молодёжь, как было указано выше, под действием подобных факторов совершает 70% преступлений;
- Необходимо обеспечить информационную защиту от агитации и пропаганды деструктивных форм поведения с целью недопущения упадка моральных ценностей россиян;
- Проводить тематические занятия по противодействию вандализму в учебно-воспитательных учреждениях;
- Проводить массовые акции: «Вандализм – чума XXI века» с целью привлечения внимания россиян к данной проблеме;
- Организовать проведение систематического мониторинга деятельности органов внутренних дел по борьбе с вандализмом и разработать систему их эффективной координации с другими субъектами правоотношений.

Благодаря подобным мероприятиям, россияне будут чувствовать себя и находиться в атмосфере свободы и социальной защищенности, основанной на уважении к другим людям и общественному имуществу, что в конечном итоге будет способствовать формированию благоприятного морально-психологического климата в современной России.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016). Статья 214. Вандализм. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/16c58fefeaddf59b31e94654ddfc a3bdcdcf26657/#dst103267 - Дата обращения 01.10.16
2. Алиев Х. К. Вандализм: уголовно-правовые и криминологические проблемы (по материалам Северо-Кавказского федерального округа): дисс. канд. юр. наук, Всерос. гос. университет юстиции, Москва, 2015. URL: <https://rpa-tu.ru/Media/Default/dokumenty/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%90%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%A5.%D0%9A.%20%D0%94%D0%B0%D1%82%D0%B0%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%2006.10.2015%20%D0%B3.-1.pdf> - Дата обращения 01.10.16
3. Шипунова Т. В. Гражданская безопасность и насилие: российские практики // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 121-128
4. Информационное агентство Комиинформ. Читальные беседы в Воркуте после нападения вандалов принимают книголюбов. URL: <https://komiinform.ru/news/139734/> - Дата обращения 01.10.16
5. Информационное агентство REGNUM. В Калининграде возбуждено дело о нанесении свастики на бюст Эрнста Тельмана. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2187251.html> - Дата обращения 01.10.16
6. Управление МВД России по Новгородской области. Сотрудниками боровичской полиции в отношении двух молодых людей возбуждено уголовное дело по статье «Вандализм». URL: <https://53.mvd.rf/news/item/8635528/> - Дата обращения 01.10.16

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА»: ИЗВЕСТНОЕ И ЗАБЫТОЕ

Строгеецкая Е.В. (Санкт-Петербург)

Впервые термин «культура» в отношении к организационным сообществам был использован в научной литературе в 20-30-е годы прошлого века [3, с. 433].

По одной из версий толчок для понимания трудовых и организационных взаимоотношений через культуру дал А. К. Гастев – социолог, специализировавшийся в области научной организации труда (НОТ). На его становление как ученого огромное влияние оказало обучение в

Высшей школе социальных наук в Париже в 1904 г. Взгляды социологов того времени сформировали позицию Гастева относительно приоритетного влияния на работу предприятия человека и культуры труда, в отличие, например, от Г. Форда, настаивающего на совершенствовании техники производства как гаранта результативности промышленных организаций. Среди прочего советский исследователь НОТ утверждал, что «взаимоотношения людей на производстве требуют определенной «культурной условности»» [1, С. 279].

Другая версия приписывает первенство в использовании концепта «культура» применительно к организациям американскому социологу и психологу Э. Мэйо [6].

Хотя влияние исследовательских стимулов начала 30-х гг. XX столетия на развитие культурального подхода в изучении организационных сообществ казалось вполне очевидным, широкого распространения он тогда не получил. Считается, что сам термин «организационная культура» был введен в научный оборот только в 1981 г. У. Оучи. Вместе с тем, за три десятилетия до этого формировались социологические предпосылки будущей теории оргкультуры. Характерным для них было то, что в научных концепциях рассматривались либо отдельные элементы культуры, либо смежные понятия и явления, которым давались схожие определения, что в известном смысле затрудняло (подчас и сегодня затрудняет) объективацию феномена оргкультуры.

Говоря о социологических предпосылках теории организационной культуры, необходимо начать с западных исследований. Большой вклад в изучение социокультурной природы организации внесли ученые Тавистокского института человеческих отношений. Еще в 1951 г. издательство Тависток-пресс опубликовали книгу Э. Жака «Изменение культуры фабрики». В ней автор не просто использовал, но определил термин «культура предприятия», как вошедший в привычку, ставший традицией образ мышления и способ действия, который в большей или меньшей степени разделяют все работники предприятия и который должен быть усвоен и хотя бы частично принят новичками, чтобы новые члены коллектива стали «своими» [7, Р. 251].

Отправным стимулом для большинства американских исследований 50-х гг. было нарастающее противоречие между постулатами М. Вебера о доминанте протестантской этики в регулировании социального действия и реальностью крупных промышленных компаний США и Британии. В 50-е гг. среди практиков-управленцев и теоретиков-социологов окончательно была сформирована гипотеза о субстанциональной сущности организаций, которая среди прочих факторов детерминирует рациональность их работников. Ее называли по-разному – от морали организации до силы, формирующей «марципановый слой» руководителей. Наименования нового феномена маркировали традиции социологической мысли, составившие фундамент для будущих исследований организационной культуры.

Серьезное влияние на становление теорий оргкультуры оказали разработки школы социальных систем. Среди них первое место занимают труды американского управленца Ч. Барнарда. Наибольшее значение имели его идеи, касающиеся «морали организации». Изучая процессы принятия управленческих решений, Барнард связывал их с выполнением моральных кодексов, но не с признанными моральными принципами, такими как христианская этика, а с особыми моральными проблемами организационного поведения [5, с. 199-215].

Введенный Ч. Барнардом термин «организационная мораль» получил еще большее распространение и более глубокую разработку благодаря другому представителю школы социальных систем – американцу Г. Саймону. Его главным вкладом в развитие предпосылок изучения организационной культуры было введение в научный оборот определения организационной морали как совокупности разделяемых большинством членов организации организационных целей, ценностей, норм [9]. Легко заметить, что эта дефиниция тождественна многим последующим определениям культуры организации. Более того, американский социолог и экономист признавал факт наличия в организации разделяемых целей, ценностей и норм в качестве одного из главных признаков ее развития.

Среди социологов, оказавших косвенное влияние на понимание роли организационной культуры, следует отметить еще одного последователя школы социальных систем – Ф. Селзника. Исследуя функции «институционального лидерства», он фактически указал на то, что одним из прямых назначений менеджмента является создание и сохранение конвенционально значимого культурного пространства внутри организации. Ядром такого пространства по Селзнику должны были выступать разделяемые персоналом убеждения, соответствующие политике организации [8].

Период 50-80 гг. XX столетия обогатил теоретико-прикладные обобщения школы социальных систем результатами целого ряда эмпирических исследований индустриальной

социологии (в литературе можно столкнуться с отнесением этих исследований к неакадемической традиции в социологии организации [4], направленных на выявление связи между производительностью организации и наличием или отсутствием, а также качественной характеристикой тех или иных социокультурных элементов производственных отношений.

Среди них прежде всего следует отметить книгу «Организационный Человек» (1956) американского социолога и журналиста У. Уайта. Она представляла итоги его интервью с менеджерами ведущих американских корпораций, таких как General Electric и Ford. На основании бесед с управленцами Уайт делает вывод о существовании своего рода психологической принадлежности успешного сотрудника того времени к своей компании, сформированной в процессе полного принятия им организационных ценностей и в стремлении соответствовать ожиданиям предприятия. Источником успешности «организационного человека» часто становится именно приверженность социокультурной доктрине корпорации, а не квалификация, инициатива или творческий подход [4]. Книга Уайта стала стимулом для многих последующих теоретических обобщений.

Другой важной попыткой осознать механизмы, условия и взаимосвязь технологических и социокультурных изменений в ходе развития предприятия можно считать еще одну известную разработку Тавистокского института человеческих отношений. Потребность в тавистокском эксперименте появилась в результате необходимости изменить технические и организационные методы производства на угольных шахтах Битании. Ученые отмечали, что для полноценного перехода к новым методам труда необходима трансформация культуры трудового сообщества – «требуется радикальное изменение практик и ценностей» [2, С. 109-112].

Обзор социологических предпосылок становления концепта «организационная культура» хотелось бы завершить исследованиями конца 60 – начала 80-х гг. прошлого века. Они сфокусировали свое внимание на отдельных культурных составляющих организации, тем самым, давая старт гносеологическому этапу структурного моделирования изучаемого явления.

1. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. – М.: Экономика, 1972.
2. Лапин Н. И. Эмпирическая социология в западной Европе. М.: Изд-й дом ГУ ВШЭ, 2004.
3. Липатов С. А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики // Организационная психология / Сост. и общ. редакция Л.В. Винокурова, И.И. Скрипюка. СПб.: Питер, 2001.
4. Стрельцов А. Человек перед лицом Организации [Текст] // Управление персоналом. - 2013. - № 8 (306) // <http://www.top-personal.ru/issue.html?3317> (дата обращения 04.09.2016)
5. Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Пер. с англ. под ред. В.А.Спивака. - СПб: Питер, 2001.
6. Шумейко М. В. Типология корпоративной культуры // Общество: политика, экономика, право. 2008. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-korporativnoy-kultury> (дата обращения: 29.08.2016)
7. Jaques E. The changing culture of a factory. - New York: Dryden Press, 1952.
8. Selznick P. Leadership in administration: A sociological interpretation. Berkeley, California: University of California Press, 2009. 10th printing.
9. Simon H.A. On the Concept of Organizational Goal // Administrative Science Quarterly. 1964, June.

ПОТЕНЦИАЛ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Струкова М.Э. (Курск)

Тема потенциала выпускников вузов в инновационном развитии региона является весьма актуальной на сегодняшний день. Она касается всех сфер общественной деятельности – как экономической, так и внеэкономической.

Переход российской экономики на инновационный путь развития невозможен без формирования конкурентоспособной национальной инновационной системы и её кадровой составляющей. Для их создания необходимо разработать комплексную систему мер регулирования инновационной сферы, повысить спрос не только на инновации со стороны большей части отраслей экономики, но и эффективность фундаментальной и прикладной науки. Ключевая роль в этом принадлежит образованию и науке. Именно от них зависит

интеллектуальная, технологическая сила и качество трудового потенциала региона и России в целом.

Актуальность рассматриваемой нами проблемы заключается в том, что инновации являются ключевым источником, имеющим возможность превратить знания в благосостояние. Инновации являются основной характеристикой, формирующей экономическое развитие, основанное на знании. Результаты исследований ведущих экономистов и социологов показывают, что инновации на сегодняшний день являются основным источником экономического роста страны и ее регионов. Именно от уровня инновационного развития зависит конкурентоспособность предприятий, регионов и национальных экономик. Подсчеты экспертов ОЭСР показывают, что экономический рост развитых стран в последние два десятилетия более чем наполовину обусловлен инновациями [4]. Новая экономика требует новых подходов, в связи с чем можно утверждать, что движущей силой является не просто информация и знания как таковые, а инновационные знания.

В современных условиях возникают трудности в трудоустройстве выпускников по полученной профессии, да и реакция студентов на происходящую трансформацию экономики неоднозначна. Востребованность выпускника по окончании вуза, а также его конкурентоспособность являются неотъемлемыми показателями уровня образования и, конечно, престижа учебного заведения. Чем сильнее проявляются в профессионально значимых качествах и характеристиках выпускника особенности потребленной образовательной услуги, чем точнее эти особенности соответствуют требованиям со стороны работодателей, тем больший отклик получает вуз от целевого сегмента рынка труда, который связан с трудоустройством выпускников вузов.

Вузы заинтересованы в том, чтобы их образовательные программы как можно полнее соответствовали требованиям рынка труда. Во-первых, рынок труда определяет требования к спросу на тех или иных специалистов, к уточнению знаний и умений, которыми должны обладать претенденты на определенные вакансии. Во-вторых, перспектива трудоустройства является важным мотивом, обуславливающим выбор образования и вуза абитуриентом. Возможно, в этом двустороннем сотрудничестве заинтересованных сторон и лежит путь к успешному регулированию занятости выпускников вуза, снижению безработицы среди молодежи. Однако успешная работа учебного заведения во многом зависит и от внешних факторов: от конкуренции на рынке образовательных услуг, от государственного финансирования, от изменяющихся запросов, требований вузов и предпочтений работодателей и, конечно, от состояния экономики в стране.

Цель нашей работы состоит в анализе человеческих ресурсов развития Курской области, а также условий для их повышения. В процессе исследовательской работы использовались общенаучные методы: анализ и синтез, сравнение, обобщение и др. Сбор социологической информации осуществлялся методом раздаточного анкетирования.

При обработке результатов исследования применялся статистический пакет SPSS 17.0. По своему виду проведенное социологическое исследование является разведывательным. Для формирования выборочной совокупности данного исследования использовалась одноступенчатая целевая выборка.

В рамках проведенного нами социологического исследования, направленного на изучение потенциала выпускников и студентов вузов в инновационном развитии региона в возрасте от 18 до 24 лет (N=100), были получены следующие результаты: большая часть опрошенных (47 респондентов) под инновационной деятельностью понимают новые технологии на уже существующих предприятиях, 46 опрошенных инновационную деятельность связывают с развитой инфраструктурой в регионе, 44 опрошенных считают, что уровень инновационного развития региона определяют инвестиции. Результаты проведенного нами исследования также свидетельствуют о том, что студенты Курских вузов отводят значительную роль высшему образованию в формировании инновационного потенциала региона. Большинство респондентов считают, что вуз решает проблему подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров (35%), четверть же респондентов придерживаются мнения о том, что вуз выступает в качестве производителя интеллектуальной деятельности в городе и регионе. Большинство респондентов считают, что вуз решает проблему подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров (35%), четверть же респондентов придерживаются мнения о том, что вуз выступает в качестве производителя интеллектуальной деятельности в городе и регионе.

Более половины опрошенных оценивают уровень инновационного развития региона на 3 балла из 5-ти возможных. Это говорит о недостаточно отлаженном уровне инновационного развития в регионе. Большая часть опрошенных (42%) видит значительную роль студенческой молодежи в инновационном развитии региона, а именно они считают, что студенты, способные к творческому труду и имеющие творческое и нестандартное мышление, могут давать принципиально новые решения трудно разрешаемым задачам, находить выход из сложных, нестандартных ситуаций, совершать открытия. Не значительно уступает популярность ответов, что студенты – это именно та аудитория, которая наиболее восприимчива к инновациям в силу специфики своего возраста (39%).

Это свидетельствует о высокой оценке инновационного потенциала студентов города Курска.

Ввиду того, что студенты считают себя максимально причастными к инновационному развитию региона, мы решили выяснить, что же по их мнению является основной составляющей трудового потенциала выпускника вуза? Респонденты отдали одинаковое количество голосов (37%) за усвоение профессиональных навыков и способность в любой период времени оптимально и гибко решать возникающие проблемы. Чуть меньше (20%) выразили свое мнение о том, что умение предложить себя на рынке труда является не менее важной составляющей.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод о том, что конкурентоспособный специалист-выпускник – это специалист, способный достигать поставленные цели в разных ситуациях, а именно 40 % опрошенных так считают. 28 респондентов выразили свое мнение о том, что конкурентоспособный специалист, это специалист, обладающий уверенностью в себе, ответственностью и ориентацией на успех.

Из всего вышесказанного следует сделать вывод, что инновационный сектор экономического развития Курской области следует совершенствовать, а так же, повышать уровень информированности молодежи об инновационной деятельности, существующей на территории региона.

1. Анисимов Ю.П., Шапошникова С.В. Роль вузов в инновационном развитии региона: // *ИнвестРегион*. 2008. №1: [электронный ресурс]- URL: <http://www.v-its.ru/investregion/2008/01/pdf/2008-01-03.pdf> (дата обращения: 23.06.2016)
2. Горенков Е.М. Инновационный потенциал устойчивого развития выпускника вуза: // *Высшее образование сегодня*. 2010. №7: [электронный ресурс]- URL: <http://rucont.ru/efd/259136> (дата обращения: 23.06.2016).
3. Резник Г.А., Пономаренко Ю.С., Курдова М.А. Функции вуза: новые возможности развития: // *Мир науки*. 2014. №4: [электронный ресурс]- URL: <http://mir-nauki.com/PDF/30PMN414.pdf> (дата обращения 23.06.2016).
4. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Курской области (Курскстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kurskstat.gks.ru> (дата обращения – 24.09.2016 г.)

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАДОМНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Субботкина А. (Саранск)

Люди пожилого возраста, испытывают особую потребность в социальном обслуживании, так как они подвержены одновременному действию целого ряда неблагоприятных факторов, влияющих на их физическое, психическое, социальное, экономическое благополучие и здоровье. Развитие помощи на дому более экономически выгодно как для государства, так как снижает потребность в стационарах и более приемлемое для пожилого человека, остающегося в привычной сфере жизнедеятельности.

В рамках дипломной работы, выполненной на кафедре социальной работы ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», нами было проведено социологическое исследование на тему: «Оценка эффективности надомного социального обслуживания пожилых людей». В социологическом опросе принимали участие граждане пожилого возраста, состоящие на учете в ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г. о. Саранск» Ленинского района. По состоянию на 01.01.2015 г. в отделении социально-бытового обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов, ГБУ РМ

«КЦСО по г. о. Саранск» Ленинского района состояло на учете 315 человек из них пожилых 82 человека из них 17 мужчин и 65 женщин.

Оценку эффективности надомного социального обслуживания пожилых людей в ГБУ РМ «КЦСО по г. о. Саранск» Ленинского района мы производили по формуле: $\text{Эф} = \text{Р} / (\text{Ц} + \text{З} + \text{У})$, где (Р - результаты, Ц - цели, З - затраты, У - условия надомного социального обслуживания).

Результаты социологического опроса позволили выделить нам достоинства надомного социального обслуживания ГБУ РМ «КЦСО по г. о. Саранск» Ленинского района:

доступность социальных услуг на дому. В настоящее время в отделении отмечается наличие свободных мест для потенциальных клиентов социального обслуживания на дому (всего отделение на 01.01.2015 г. обслуживало 315 человек, рассчитано на 360 человек). Учреждения и его структурные подразделения размещены в специально предназначенном здании, месте доступном для всех категорий обслуживаемых граждан. Социологический опрос показал, что проблемы при зачислении на социальное обслуживание в Центр не возникали ни у одного из опрошенных пожилых людей. Также никто из респондентов не отметил случаев отказа в предоставлении социальных услуг на дому;

хорошая информированность клиентов о социальных услугах на дому. Свою осведомленность о работе Центра и порядке, видах, формах, стоимости предоставления надомных социальных услуг в отделении, респонденты оценили как хорошо информированные - 89,1 % и слабо информированные лишь 9,9 %;

адресность социальных услуг на дому. Социальные услуги в форм социального обслуживания на дому предоставляются отделением получателям социальных услуг в соответствии с индивидуальными программами и на основании договора заключенного с Центром;

своевременность и контроль предоставления социальных услуг на дому. С каждым пожилым человеком оговаривается индивидуальный график посещения социальными работником на дому и им довольны большинство 62,7 % респондентов. Следует отметить, что за своевременностью социального обслуживания на дому следит заведующая, посредством личных бесед с пожилыми людьми. Так 89,1 % респондентов отметили, что заведующая проводила с ними беседы по тем или иным проблемам в социальном обслуживании на дому;

сохранение пребывания пожилого человека в привычной благоприятной среде - месте их проживания. Одна из целей деятельности отделения - максимально возможное продление пребывания граждан в привычной среде обитания. Результаты социологического опроса показали, что больше половины из опрошенных пожилых людей являются одиночками (56,1 %) и все из них хотели бы как можно дольше оставаться жить дома;

кадровая укомплектованность штата. В штате отделения состоят 3 заведующих, 43 социальных работника, на каждого из которых приходится в среднем 7-8 граждан, состоящих на обслуживании отделения, при норме выработки на одного социального работника 164,2 часа в месяц. Потребности в дополнительных сотрудниках нет;

удовлетворенность социальными услугами получателей социальных услуг, состоящих на учете отделения. Отсутствие обоснованных жалоб, заявлений, претензий клиентов на работу отделения, сотрудников.

Результаты социологического опроса позволили также выделить нам недостатки надомного социального обслуживания ГБУ РМ «КЦСО по г. о. Саранск» Ленинского района:

социальные работники не имеют специальной подготовки по профессии, а следовательно им затруднительно оказывать весь спектр социальных услуг на дому. Без знаний, которые дает специальность «Социальная работа» затруднительно предоставлять комплекс надомных услуг пожилым людям, например: проводить мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни; проводить занятия по адаптивной физической культуре; консультировать по социально-медицинским, социально-правовым вопросам; осуществлять социально-психологическое консультирование и оказывать квалифицированную психологическую помощь;

отсутствие комплексности в предоставлении социальных услуг на дому. Как правило в отделении надомного обслуживания приоритет отдается предоставлению социально-бытовых услуг. Так анализ оценочных суждений граждан пожилого возраста - клиентов надомного отделения показал, что основными услугами, которые они получают являются: социально-бытовые услуги: уборка жилых помещений (89,1 %); покупка и доставка продуктов питания, промышленных товаров (56,1 %); оплата жилищно-коммунальных услуг и услуг связи (56,1 %); помощь в приготовлении пищи (46,2 %); доставка и оформление корреспонденции (42,9 %);

социально-медицинские и санитарно-гигиенические услуги: доставка лекарственных средств и изделий медицинского назначения (53,8 %); измерение температуры тела, артериального давления, пульса, накладывание горчичников, компрессов, закапывание капель, наблюдение за своевременным приемом лекарств для медицинского применения, назначенных врачом (42,9 % %); социально-психологические услуги: проведение социальным работником бесед, выслушивание, подбадривание и поддержка (53,8 %); социально-правовые услуги: помощь в получении установленных федеральным и республиканским законодательством мер социальной поддержки (100 %). Не пользуются социально-медицинскими и социально-психологическими услугами - 46,2 % респондентов, а также услугами в целях повышения коммуникативного потенциала не пользуются 100 % респондентов. Однако результаты опроса показали, что, получая данные услуги на дому, многие потребности пожилых людей в помощи и поддержки остаются не решенными[1,268].

Результатом является то, что надомное социальное обслуживание не является гарантом улучшения условий жизнедеятельности получателей социальных услуг, не способствует развитию таких показателей эффективности как: положительное отношение пожилого человека к обществу, к окружающим и к себе (интерес к жизни, приобретение новых знаний); наличие положительной оценки своей личности; преобладание положительного эмоционального состояния); благоприятное статусное положение в обществе. Надомное социальное обслуживание соотносится с понятиями заботы, ухода, внимания, общения, но не гарантирует поддержание полноценной жизни и не дает уверенности пожилому человеку в завтрашнем дне.

1 Касаркина Е. Н., Субботкина А. Ю. Оценка эффективности надомного социального обслуживания пожилых людей: результаты социологического опроса / Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения) // Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Уфа, 10-11 декабря 2015 г.). – Уфа: АЭТЕРНА, 2015.- С. 268-271

ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Таширева М.А. (Санкт-Петербург)

Целью исследования является анализ последствий трансформации политической идентичности россиян на постсоветском пространстве. В задачи исследования входят: определение понятий политической идентичности, социальной идентичности, советской политической идентичности, транзитной идентичности, негативной идентичности, феномена абсентеизма; сравнение советской и современной политической идентичности; выявление характера изменения политической идентичности на постсоветском пространстве; обзор научных проектов по теме идентичности на постсоветском пространстве; определение места политической идентификации в сознании современных россиян. Ключевые слова: идентичность, политическая идентичность, социальная идентичность, советская политическая идентичность, негативная идентичность, абсентеизм.

Фундаментальные основы теории идентичности были заложены психологом Э. Эриксоном, который называл идентичность «всеобщей и универсальной категорией» [1]. Именно он, выдвинув ряд теоретических положений об идентичности, дал толчок использованию данного понятия не только вне рамок социальной психологии, но и в других науках. Политическая идентификация в общем смысле подразумевает под собой процесс становления представлений индивида о себе и о своем месте в мире [2]. Немаловажную роль в структуре политической идентификации играет саморефлексия об отношениях с собственной и статусной референтной группами в рамках социума, именно поэтому формирование политической идентичности тесно связано с социальной идентичностью. Социальную идентичность составляет совокупность представлений индивида о своем месте в социуме, представления о нормах и ценностях, которые утверждаются при соотнесении себя с общественно-значимыми культурными ориентирами, социальными институтами и моделями поведения в публичной сфере [3]. В случае деградации социальной идентичности появляется кризис любого социального образования. Это может быть семья, профессиональная сфера, политическая партия и даже государство. Ослабление социальных связей ведет к размыванию социальной идентификации и других форм идентичности. Результатом может стать размывание гражданской составляющей идентичности, которая в свою очередь, определяет мотивацию развития национального сообщества, и основы политического

самоопределения индивида. Политическая ориентация индивида и его выбор закрепляются средствами символической политики, которая вырабатывает имиджи, ритуалы, знаки, разделяемые членами группы. Именно они создают символическую опору политической идентичности. Исходя из этого, можно утверждать, что в Советском Союзе обе категории, (политическая и социальная идентичность) носили устойчивый характер среди большинства граждан. Коммунистическое общество воспроизводило достаточное количество символов и знаков, которые впоследствии, активно закреплялись политическими и социальными институтами, не говоря уже о сознании людей. Проблем с идеологической, партийной или персонифицированной идентификацией у населения не было, альтернатив, соответственно, тоже. Существовала так называемая советская политическая идентичность. Именно поэтому, после развала СССР общество столкнулось с очень сложной задачей: определение своего места в мире, а вместе с тем, и определение своей политической идентичности. Политическая идентичность в постсоветский период характеризуется, как транзитная [4]. Прежде всего, в этом понятии заложено состояние кризиса советской политической идентичности, и более того, необходимость выбора новой, альтернативной концепции общества и государства, а также ценностных установок, на которых должна строиться новая идентификационная конструкция. В этот период также активно распространяется феномен негативной идентификации. Она объясняется стремлением человека к достижению идентичности через отрицание, т.е. «тотальную идентификацию с тем, кем он меньше всего желает стать» [5]. Негативная идентичность помогает людям защитить себя от навязываемых идеалов и найти свою политическую нишу. Стоит упомянуть и о совершенно новом для постсоветского пространства понятии – абсентеизме, характеризующимся полным отсутствием интереса к политической жизни и сознательным отказом от участия в любом политическом действии.

Все эти феномены одновременно новые и чуждые для советского человека, породили ряд социальных изменений в обществе и отразились на становлении новой политической культуры государства. Осознание данной проблематики почти сразу нашло отголоски в научных изысканиях российских и зарубежных исследователей. В России исследования политической идентичности начались позже западных — в 1990-х годах. Наиболее значимыми являются проекты, выполненные сотрудниками Института социологии РАН [6]. Под руководством В.А. Ядова в это время реализовывался проект «Изменения в идентификации личности» [7]. Параллельно, были проведены интенсивные исследования небольших целевых групп – рабочих, инженеров, студентов. Главный вывод исследований состоял в том, что характер идентификации в посткоммунистическом пространстве был изменен вместе с разрушением идеологического строя и экономических основ общества [8]. Настоящий «бум» интереса российских исследователей к проблемам политической идентичности начался в 2001 году. Анализ потока научных публикаций российских исследователей с 2004 г., в названии которых встречается слово «идентичность» (говорят уже не только о партийной, идеологической, персонифицированной, этнической, национальной, конфессиональной, профессиональной, статусной, но и о цивилизационной и геополитической идентичности и т. д.), позволяет говорить об излишне расширительном толковании этого явления [9].

Последствия трансформации политической идентичности после развала Советского Союза мы ощущаем и в современной России. Абсентеизм, негативная идентичность, и ряд других проблем, связанных с политическим участием и интересом граждан к политике, это то, что мы имеем со времен развала СССР, это те проблемы, которые мы так и не решили. Факторов, препятствующих формированию устойчивой политической идентичности у населения, множество. Начиная от уровня социализации, заканчивая политическим курсом страны. Но, не смотря на это, политическая идентификация сегодня, это длительный процесс, который, к сожалению, проходит в сознании далеко не у каждого.

1. Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис / Пер с англ. - М., 1996. С. 33.*
2. Попова О.В. *Политическая идентификация в условиях трансформации общества // СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002, С. 7.*
3. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. *Идентичность в системе координат мирового развития. Вызовы глобальных политических изменений // М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 40–59.*
4. Тимофеев И.Н. *Российская политическая идентичность сквозь призму истории // Вестник МГИМО Университета. Выпуск № 3 / 2010. С. 52.*
5. Эриксон Э.Х. *Идентичность: юность и кризис. С. 185.*

6. Попова О.В. Политическая идентичность в условиях трансформации общества. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 41.
7. Попова О.В. Исследование проблем политической идентичности в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 2. С. 206.
8. Попова О.В. Политическая идентичность в условиях трансформации общества. С. 42.
9. Попова О.В. Исследование проблем политической идентичности в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 2. С. 206.

ФОРМЫ ДУХОВНОГО НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Тевлюкова О.Ю. (Новосибирск)

Статья посвящена проблеме насилия в духовной сфере современного общества. Цель данной статьи – обратить внимание на некоторые социальные институты, регулирующие поведение личности в обществе, которые при определенных условиях могут трансформироваться в систему подавления гражданских прав и свобод. Автор характеризует особенности морально-психологической, идеологической, социо-культурной и информационной форм духовного насилия в современном обществе, называет инструменты деструктивного воздействия на индивидуальное и массовое сознание.

The article considers the problem of violence in the cultural sphere of modern society. The goal of this article – is to pay attention to some social institutions that regulate the behavior of the individual in society, which can be transformed into a system of civil rights and freedoms suppression, under certain conditions. The author describes the features of moral-psychological, ideological, socio-cultural and informational forms of cultural violence in modern society, lists the instruments of the destructive impact on the individual and mass consciousness.

Социальные качества личности, способствующие успешной социализации и интеграции индивида в обществе, должны воспитываться социальными институтами – культурой, образованием, наукой, искусством, т. е. подсистемами духовной сферы общества. Чтобы эффективно функционировать и развиваться, социальная система нуждается в активном типе личности, разделяющем системные ценности и средства их достижения, но зачастую воспроизводит либо пассивных индивидов, либо активных личностей с различными типами отклонений. И это проблема не только традиционных, но и современных обществ. Как показывает социальная практика, ликвидация одних форм принуждения и насилия приводит не к созданию общества нового типа, а к появлению новых форм насилия, «скрытых» в социальной, политической, экономической и культурной сферах общества.

Демократия, провозглашенная в большинстве развитых стран мира, не может предоставить реального равенства возможностей, культурного, политического и экономического равноправия. Элиты, обладающие политической и/или экономической властью, заинтересованы в сохранении и упрочении своего положения, что возможно лишь при сохранении неравенства. В этнически неоднородных современных обществах отсутствуют равные возможности для духовного и культурного развития, сохранения самобытности национальных меньшинств, в той или иной степени сохраняется отчуждение личности от процесса принятия политических решений, выработки целей развития общества. Деструктивное состояние политической, экономической, социокультурной и социально-бытовой сфер общества, препятствующее реализации социальных потребностей на индивидуальном, групповом и социетальном уровнях, мы определяем как систему социального насилия [4].

Существенное ограничение возможностей для самовыражения личности, духовная несвобода и зависимость от официальной идеологии, массовизация культуры формируют несвободный тип личности. Это создает предпосылки для манипулирования сознанием широких слоев населения в интересах элит, способствует распространению в обществе форм духовного насилия. Сущность духовного насилия наиболее ясно выражена в определении И. А. Ильина: «Заставлением следует называть такое наложение воли на внутренний или внешний состав человека, которое обращается не к духовному видению и любовному приятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность» [2, с. 17].

Кратко остановимся на некоторых формах духовного насилия, имеющих место в современном обществе. В. В. Денисов отмечает среди институтов, способных оказать деструктивное воздействие на индивидуальное и массовое сознание, средства массовой информации, массовую культуру, идеологические мифы [1, с. 19]. Их воздействие можно определить понятием «морально-психологическое насилие» – внедрение в сознание личности

представлений, не соответствующих интересам индивида. Под личными интересами мы понимаем полное раскрытие способностей личности, ее самореализацию. Результатом воздействия массовой культуры, официальной идеологии и СМИ становится конструирование несвободной личности, неспособной мыслить самостоятельно, полностью зависимой от мнения окружающих, готовой выполнять любые распоряжения вышестоящих лиц и государственных органов. Психологическое воздействие следует отнести к скрытой форме духовного насилия. Оно, как правило, не осознается индивидом, поскольку является планомерным, повседневным процессом и воспринимается как нечто обыденное, само собой разумеющееся.

Угрожающим общественной безопасности направлением деятельности современных средств массовой информации является демонстрация насилия, граничащая с его пропагандой. Насыщенность прессы, телевидения, литературы и развлекательного кино темами насилия, как показывают исследования [3, с. 35-40], приводит к психологическому сдвигу в сознании людей.

Следующей формой духовного насилия является «идеологическое насилие» – способ подачи информации, сочетающий ложь и правду, который оказывает влияние на формирование взглядов той или иной социальной группы, используется как инструмент манипулирования сознанием людей. Агентами идеологической пропаганды в современном обществе могут выступать институты воспитания и образования, СМИ и прочие средства массовой коммуникации. Пропаганда политической идеологии или социальных идей предполагает использование любых форм коммуникаций, созданных для воздействия на умы, эмоции и действия какой-либо группы с определенной целью.

Одной из характерных особенностей традиционных обществ было «социо-культурное насилие» – духовное подавление, основанное на поло-возрастных, культурных, национально-этнических, религиозных различиях и сопровождающееся экономической, социальной, политической дискриминацией. Неравноправное положение, ограничение возможностей для духовного развития и самовыражения, реализации интересов и потребностей отдельных социальных групп и слоев наблюдается и в современных странах. Как правило, социо-культурное насилие проявляется в межличностных отношениях, но поддерживается государством. Эта поддержка заключается в отсутствии правового механизма обеспечения равноправия, декларативном характере законов, защищающих дискриминируемые группы, замалчивании существующих проблем.

В современном обществе вместе с появлением новых средств массовой коммуникации – сотовой связи и интернета, – возрастают масштабы «информационного насилия», которое предполагает искажение или утаивание информации, распространение ложной информации, незаконное приобретение информации (государственный, научный и промышленный шпионаж; проникновение в частную жизнь граждан со стороны государственных организаций – слежка, прослушивание телефонных переговоров). Информация циркулирует в коммуникационном пространстве, в качестве которого выступают не только СМИ, но и социальные сети. В последнее время достаточно часто публикация в социальных сетях воспринимается как официальное сообщение, что стирает границы между частным мнением и публичным выступлением. При этом экспертное мнение – субъективная оценка происходящих событий, может использоваться как инструмент информационного насилия, оказывая воздействие на индивидуальное и массовое сознание.

Итак, структура общества содержит средства ограничения духовной свободы личности, которые потенциально могут стать инструментами духовного насилия. Духовное насилие представляет собой различные формы преимущественно скрытого давления на сознание и психику личности, образ мышления и духовную свободу индивидов, манипулирование общественным мнением и преследование инакомыслия. В современном обществе духовное насилие представлено в нескольких формах: морально-психологической, идеологической, социо-культурной, информационной. Деструктивное воздействие на личность и массовое сознание со стороны социальных институтов может реализовываться посредством законов (как юридических, так и моральных), унитарной культуры, официальной идеологии, религии, ангажированных средств массовой информации. Противостоять этому давлению сложно, поскольку оно носит преимущественно скрытый характер.

1. Денисов В. В. *Социология насилия. Критика современных буржуазных концепций.* – М.: Политиздат, 1975. – 214 с.
2. Ильин И. А. *Путь к очевидности.* – М.: Республика, 1993. – 432 с.

3. Тарасов К. А. От насилия в кино к насилию «как в кино»? // Социс: Социологические исследования. – 1996. – № 2. – С. 35-41.
4. Тевлюкова О.Ю. Категория насилия в социологии: опыт теоретико-методологического анализа // Наука и мир. – 2015. – № 7 (23). – С. 181-183.

ВЫПУСКНИК ВУЗА НА РЫНКЕ ТРУДА: САМООЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВ

Терентьев К.Ю. (Петрозаводск)

Система профессионального образования занимает специфическое положение между структурой субъективных ориентаций молодежи и структурой объективных общественных потребностей в кадрах по профессиям. С одной стороны, система образования готовит работников разной квалификации и специализаций в таких пропорциях, которые в определенной мере должны опережать сегодняшние нужды производства, учитывая запросы будущего – тех десятилетий, в течение которых должны полноценно трудиться подготовленные ею кадры. С другой – удовлетворяет запросы молодежи, стремящейся в значительной своей части к получению высококвалифицированных профессий, занятий в сферах услуг и информационных благ, нежели материального производства [1, с. 15-16]. Как оценивают свои профессиональные перспективы сегодняшние выпускники регионального вуза, насколько готовы к работе и насколько полученное образование воспринимается ими как подспорье для поиска своего места на рынке труда?

В июне-сентябре 2015 г. в Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ) региональным центром содействия трудоустройству выпускников и лабораторией социологических исследований ПетрГУ был проведен опрос «Трудоустройство молодых специалистов: возможности сотрудничества». В качестве цели исследования было определено выявление профессиональных планов выпускников вуза текущего года, стратегий поиска своего места на рынке труда. Объект исследования – студенты ПетрГУ, завершившие обучение в год проведения опроса, успешно прошедшие выпускные испытания. В ходе исследования было опрошено 1573 студента выпускных курсов. Выборка формировалась методом основного массива (более 90 % ГС). Среди опрошенных равная доля «бакалавров» и «специалистов» (по 47 %), оставшиеся 6 % - «магистры». Соотношение юношей и девушек в выборке один к двум.

Выпускники высоко оценивают качество полученного образования: средний балл удовлетворенности (по десятибалльной шкале) составил 7,7: почти две трети (59 %) оценивают свою удовлетворенность по крайней мере на восемь баллов, только каждый десятый дал оценку не более пяти. Большинство (63 %) отметили, что если бы в момент поступления они знали о факультете (институте) так же хорошо, как сейчас, то вновь бы поступили на избранное несколько лет назад направление подготовки. Лишь 4 % отметили, что, сохранив привязанность к выбранной специальности, предпочли бы другой вуз. Интересно, что даже среди выпускников с низким уровнем удовлетворенности полученным образованием (не более шести баллов) только четверть раскаиваются в совершенном образовательном выборе – они лучше поступили бы в другой вуз, 40 % хотели бы сменить направление подготовки, оставшись в ПетрГУ. Среди тех, кто оценил свою удовлетворенность на 9–10 баллов, 83 % повторили бы свой выбор.

К концу обучения в вузе почти половина (44 %) студентов уже работают, каждый пятый – постоянно, еще 44 % пока даже не ищут работу. При этом у более чем половины работающих (58 %) работа по крайней мере частично связана с получаемой в вузе специальностью. При всем при том, лишь у половины выпускников (51 %) в ближайших планах искать работу по специальности (еще каждый пятый говорит о планах найти любую работу). Хотя желательной работу по специальности называют 67 % опрошенных, для четверти этот фактор не имеет особого значения, и лишь 5 % не хотели бы, чтобы их будущая работа была связана с приобретенной профессией. Большинство (58 %) полагают, что полностью готовы приступить к работе, каждый третий (32 %), будучи готовым психологически, пока еще ощущает нехватку знаний и практических навыков. На готовность к работе оказывают значительное влияние удовлетворенность полученным образованием и наличие работы – три четверти опрошенных с удовлетворенностью 9–10 баллов или имеющих постоянную работу готовы «завтра» приступить к профессиональному труду.

Среди наиболее значимых характеристик желаемой работы выпускники называют интерес к работе (71 %) и высокую оплату труда (70 %), возможность развиваться и повышать свою квалификацию (60 %), стабильность (55 %). Интересно, что лишь каждый десятый делает акцент на возможности быстро сделать карьеру (9 %), а также обращает внимание на безопасность для

здоровья (12 %). Девушки чаще называют творческий характер работы (41 % против 27 % у юношей) и хороший психологический климат в коллективе – 35 % к 24 % (последняя характеристика значима и для 34 % «безработных» студентов), для юношей (равно как и для студентов, имеющих постоянную работу – 39 %) важнее оказывается возможность принимать самостоятельные решения (34 % к 24 %); «отличники» и «хорошисты» чаще ориентированы на возможность развиваться и повышать квалификацию (63 % и 62 % против тех, кто учился с оценками «удовлетворительно»).

Если говорить о «географических» установках, то лишь четверть заинтересована в работе в районах Карелии, для 57 % желательна работа в Петрозаводске, 26 % заинтересованы в работе в «столицах» - Москве и Санкт-Петербурге (по всем трем «географическим «локализациям» оценка давалась отдельно). Очевидно влияние фактора места рождения – приехавшие учиться в ПетрГУ из районов республики чаще готовы вернуться работать домой – треть среди них говорят о желательности работы именно в районах Карелии, среди петрозаводчан таких только каждый четвертый, а среди приехавших из-за пределов республики - менее 10 %. Надо сказать, что каждый третий (36 %), оценивая состояние рынка труда в Карелии, полагает, что полученная ими специальность востребована и работников не хватает: особенно часто об этом говорят медики (84 %), выпускники математического (48 %) и физико-технического (44 %) факультетов. Выпускники экономического и юридического факультетов, наоборот, полагают, что специалистов в их профессиональной сфере избыток (69 % и 73 % соответственно).

Две трети выпускников полагают, что ведущее требование работодателя к молодому специалисту, претендующему на вакансию – это наличие практических навыков работы по профессии (67 %) и желание работать (63 %). Более половины студентов отмечают необходимость высокой обучаемости (54 %) и фактического опыта работы (56 %). (Наши опросы показывают, что, отвечая на подобный вопрос, сами работодатели говорят, что наиболее значимой чертой молодого специалиста считают соответствие образования должности, активность молодого специалиста, и только потом - наличие опыта работы). Каждый третий (37 %) говорит о компьютерной грамотности, только каждый четвертый (24 %) – о необходимости владеть иностранным языком.

Имея подобные представления о работодателе и рынке труда, почти половина опрошенных будут искать работу самостоятельно (46 %), столько же (44 %) будут подключать личные связи. В службу занятости планирует обратиться каждый пятый (18 %). В современную эпоху высокой информатизации 54 % предполагают, что существенную помощь в поиске работы им окажет интернет. Более 80 % выпускников готовы приступить к работе уже в случае, когда зарплата будет на уровне 20–30 тысяч рублей (а 45% готовы работать на зарплату не более 20 тысяч рублей).

1. Чердниченко Г. А. Запросы рынка труда и образовательные стратегии молодежи / Г. А. Чердниченко – М., 2015. – 64 с. (Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования / ФИРО; Выпуск. 8)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Тимченко С.А. (Барнаул)

Патриотизм является мощным интегрирующим, связующим звеном духовной жизни общества. На крутых же поворотах истории российского общества он приобретает и политический характер. Если в конце прошлого столетия патриотизм был дискредитирован как идеология и предан поруганию, то в современной России, пусть и со многими трудностями, традиции русского патриотизма начинают возрождаться. Намечается тенденция к усилению внимания исследователей этой проблемы к формам и методам патриотического воспитания, проходят конференции и форумы на разных уровнях, принимаются различные программы по патриотическому воспитанию молодого поколения.

Однако не очевидно, что эта тенденция сопровождается ростом политической активности молодежи как по качественным, так и по количественным показателям. Долгое время среди молодых людей формировался устойчивый нигилизм по отношению к политике и своему участию в ней. Не более одной трети 17-19-летних интересуется текущими новостями внутренней и международной политики. Но значит ли это, что они не в курсе происходящего и не сформировали собственного отношения по поводу места России в современном мире? Вопросы,

заданные первокурсникам педиатрического факультета Алтайского государственного медицинского университета, касались их ценностных ориентаций, социальных настроений и, в целом, отношения к родной стране.

Большинство студентов считает себя патриотами, хотя индекс патриотизма (строится ВЦИОМ на основе вопроса «Скажите, Вы ощущаете себя патриотом России или нет?») вычитанием отрицательных ответов из положительных ответов) несколько ниже, чем по стране – 60 пунктов против 62-х. В количественном выражении уровень патриотизма достаточно высок: 74% опрошенных считают себя патриотами (27,5% - «безусловно, ощущаю», 46,5% - «скорее ощущаю»).

При этом эмоциональный фон в отношении страны куда более позитивен, чем во всероссийском опросе, что легко объясняется особенностями возраста респондентов – они испытывают по отношению к нашей стране надежду (56,3%), уважение (72,5%), любовь (45%), доверие (23,8%). В то же время недоверие (11,3%), разочарование (8,8%), скепсис (3,8%) встречаются редко. Чувство долга перед Отчизной у наших студентов очень сильно: 73,8% поддержали бы решение своих близких пойти на войну в случае необходимости (в т.ч. 36,3% посоветовали бы им отправиться прямо на линию фронта).

Для будущих врачей бесспорно, что наша Родина была и остается одной из великих мировых держав. Они высоко оценивают позиции России на мировой арене: доля тех, кто считает, что влияние нашей страны велико, составляет 82,5%. Респонденты отмечают приоритет глобальных целей для России: вернуть себе статус супердержавы (32,5%), стать одной из 10-15 наиболее преуспевающих стран (51,3%). Роль лидера на постсоветском пространстве удовлетворяет немногих (11,3%), и лишь 2,5% считают ненужным осуществление ни одной из этих целей. Более трети опрошенных (38,8%) считают, что наша страна уже сегодня принадлежит к числу великих держав. О достижении данного статуса в ближайшем будущем говорят 22,5% студентов, сомневаются же в том, что это возможно, несколько больше – 26,3%. Причем «членство в клубе» ведущих стран, по мнению студентов, может быть обеспечено прежде всего за счет высокого уровня благосостояния граждан (51,3%) и развитой экономики (46,3%). А вот такие факторы, как мощные вооруженные силы (13,8%), развитие науки (26,3%), высокий уровень культуры (15%) не кажутся им столь действенными. Видимо, тем самым молодое поколение настаивает на большем внимании власти к проблеме своего материального положения. Нерешенность внутренних экономических проблем в молодых умах ставит вопрос о целесообразности внешнеполитической активности государства.

По мнению респондентов, политика властей должна быть ориентирована, в первую очередь, на укрепление суверенитета – считают 65%. Приоритет укрепления международных связей отмечают только 21,3%. Внутри страны приоритетами для большинства опрошенных являются стабильность (53,8%) и порядок (46,3%). Потребность в укреплении роли государства высказывают 56%, и заметно меньше (35,5%) говорят о необходимости либерализации всех сфер жизни. Запрос на перемены в стране фиксируется у 31,3% опрошенных.

Можно констатировать, что представители молодого поколения в большей степени склонны довольствоваться стабильностью, опасаются быстрых перемен и считают державный суверенитет гарантией выживания нашей страны на мировой арене. Как и большинство наших сограждан, они – коллективисты. В жизни они руководствуются интересами общества в целом (71,3%), нежели личными стремлениями (10%). И это «превосходство общественного» сочетается в опрошенных с тягой к авантюризму и стремлением к неизведанному (67,5%), нежели с безопасностью и ориентацией на традиции (23,8%). Но это именно та естественная возрастная особенность, которую «время лечит».

Ценностные ориентации и социальные представления современных студентов представляются весьма позитивными и, что важно, «полезными» для государства. Государству же, в свою очередь, надлежит приложить весь доступный ему инструментарий, чтобы будущие врачи (ни одному из опрошенных нет и 20-ти) в процессе обучения, взросления и профессионального становления не растеряли патриотизм, коллективизм и веру в свое высокое предназначение.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Тищенко А.А. (Санкт-Петербург)

Концепция молодежной политики в Российской Федерации говорит, что молодежь — это группа населения в возрасте от 14 до 30 лет. При этом в численном и структурном составе молодежи как социальной группы большая часть принадлежит учащейся молодежи. Ее представители имеют разные образовательные статусы (учащийся в школе, в вузе, абитуриент и т. п.). Наличие определенного социально-образовательного статуса связано с нормами поведения, образом жизни, которые определяются основным видом деятельности, т. е. учебной. Эта деятельность и связанные с ней образовательные отношения во многом определяют характер социализации молодежи.

В молодежном возрасте осуществить свое право на образование можно в образовательных учреждениях, реализующих общеобразовательные (основные и дополнительные) и профессиональные (основные и дополнительные) образовательные программы на основе государственных образовательных стандартов.

Как и любая категория населения студенты имеют свои социальные проблемы. Студентов практически в одинаковой степени волнуют рост преступности и экологическая ситуация, рост цен и ситуация в «горячих точках» страны, несколько меньше, но в значительной степени — девальвация духовных ценностей, кризис культуры и нравственности.

С каждым годом сокращается количество бюджетных мест в вузах, что приводит к тому, что не все молодые люди стремятся учиться в вузе. Это в будущем может привести к снижению доли высококвалифицированных специалистов, которые действительно профессионалы в своем деле.

В небольших городах закрываются вузы. И далеко не все готовы уезжать из своего города в другой только ради образования. Им проще сразу устроиться на работу. И это понятно, при наличии вакантных мест, куда берут без образования, не всякий будет «терять» время и деньги на учебу.

Студентов волнует получение престижной и высокооплачиваемой работы, наличие привлекательных жизненных перспектив. Получение высшего профессионального образования не гарантирует трудоустройство сразу. Многие студенты озабочены проблемой поиска денег не столько для обеспечения проживания, сколько для того, чтобы иметь материальную независимость от родителей. Сюда же относятся невысокий размер стипендии. Возникает вопрос, зачем я буду стараться и учиться, если я могу подрабатывать, но получая больше. Студент начинает пропускать занятия, что сказывается на его успеваемости и качестве обучения.

Ориентация на достижение успеха в жизни, так или иначе, связана с конкретными жизненными целями студентов. В качестве таких ориентаций для основной массы студентов выступает стремление реализовать свои способности. Значительная группа студенческой молодежи основной целью жизни считает успешную карьеру, достижение определенного материального уровня. Для части студентов характерно желание стать специалистами высокой квалификации и жить в свое удовольствие. Только очень немногие из студентов стремятся стать людьми высокой культуры, что вызывает беспокойство за судьбу российской интеллигенции.

Учебная деятельность предполагает знакомство с новыми людьми. И не всегда новые знакомые являются «положительными» людьми со всех сторон. Очень часто во время учебы молодые люди стремятся попробовать что-то новое, узнав это от знакомых. Одно из самых страшных — это, конечно, наркотические вещества. В настоящее время возраст наркозависимых снижается, и это уже не только учащиеся вузов, но и школ. Наркозависимость влечет за собой другие проблемы, в том числе малолетнюю преступность. Таким образом, иногда знакомства в учебных заведениях ведут к девиантному поведению. Одним из самых эффективных решений данной проблемы является профилактика наркозависимости и сдача нарко-теста учащимися.

Отдельно хотелось бы выделить положение и проблемы молодых ученых. В настоящее время в сфере образования и науки Российской Федерации существует система воспроизводства научных кадров. Можно выделить несколько этапов научной деятельности: довузовский (исследовательские работы в школе), вузовский (научно-исследовательская деятельность студентов) и послевузовский (защита диссертационных исследований).

При этом замечен парадоксальный факт: рост численности аспирантов происходит при серьезном сокращении численности исследователей в стране. Имеет место массовый отток из науки молодых квалифицированных специалистов. В отечественной науке сегодня доля молодых ученых снижается, что окажет весьма негативное влияние на эффективность науки.

Статистика говорит, что наиболее продуктивным возрастом является 25—40-лет. Именно в этом возрасте получены значительные результаты.

Существует много причин, почему молодежь не хочет заниматься научной деятельностью. Это: низкая заработная плата, непрестижность научной деятельности, отсутствие необходимой материальной базы для исследований, плохие социальные условия, желание уехать для работы за границу, трудности внедрения результатов исследований и т. п. Для поддержания науки государство старается замотивировать молодежь различными стипендиями, грантами, конкурсами и т.д.

Подводя итоги обзора молодежных проблем, отметим, что в современной ситуации углубления кризиса общества быстро увеличивается обездоленность значительной части семей, групп населения, усиливается социальная напряженность.

Переход к рыночным отношениям привел к появлению значительных групп обездоленных, к резкому падению жизненного уровня молодежи.

В условиях социально-экономического кризиса, охватившего современную Россию, резко нарушена стабильность социальных позиций молодежи, быстро снижается ее социальный статус, таланты и способности молодых далеко не всегда находят применения. Все это обострило проблему поиска путей коренного материального и духовно-нравственного оздоровления молодежи с целью удовлетворения потребностей, защиты прав и интересов личности молодых людей.

1. Концепция государственной молодёжной политики в Российской Федерации
2. Т. А. Юзефовичус. *Технология социальной работы с молодежью*
3. Л. Т. Тюля. *Социальная работа с молодежью*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА РАЗВИТИЯ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Токарева Ю.М. (Волгоград)

Во второй половине XX века основную опасность для здоровья населения и проблему для здравоохранения стали представлять неинфекционные заболевания, в первую очередь болезни сердечно-сосудистой системы, которые в настоящее время являются ведущей причиной заболеваемости, инвалидизации и смертности взрослого населения. В большинстве экономически развитых стран заболевания сердечно-сосудистой системы занимают первое место среди причин заболеваемости, инвалидизации и смертности. В Европе ежегодно умирают от сердечнососудистых заболеваний приблизительно 3 млн. человек. В России эти заболевания являются основной причиной смертности и заболеваемости населения. Как известно, некоторые заболевания населения имеют особое социальное значение, что связано не столько с их широким распространением, сколько с той ролью, которую эти заболевания играют в смертности и инвалидизации населения, в экономическом ущербе для экономики страны из-за временной утраты трудоспособности, инвалидности и преждевременной смерти. Это обстоятельство определило, в частности, внимание к проблеме сердечно-сосудистых заболеваний со стороны медицины, но в гораздо меньшей степени оно осмысливается в рамках медико-социальной работы. В частности, необходим анализ социально обусловленных факторов формирования сердечно-сосудистых заболеваний, что и определило объект данного исследования. Целью исследования явилось выявление группы социальных факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний. Для реализации цели проведено социологическое исследование. Предметная область ограничивалась влиянием таких факторов как пол, образ и уровень жизни на формирование сердечно-сосудистой патологии.

Исследование реализовывалось в рамках решения следующих задач: выявить социальные факторы, вызывающие развитие сердечно-сосудистых заболеваний; установить связь между уровнем образования и возникновением сердечно-сосудистой патологии; установить связь между образом жизни и появлением сердечно-сосудистых заболеваний; установить связь между полом и возникновением заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Генеральная совокупность: мужчины и женщины в возрасте от 20 до 60 лет, имеющие заболевания сердечно-сосудистой системы. Выборочная совокупность: мужчины и женщины, страдающие заболеваниями сердечно-сосудистой системы, находящиеся на лечении в ГУЗ «Волгоградский областной клинический кардиологический центр». Методы: опрос (анкетирование), инструментарий - анкета.

Объем выборки 63 мужчины и 47 женщин, которые являлись пациентами ГУЗ «Волгоградский областной клинический кардиологический центр». Из всех респондентов 15% были в возрасте 20-30 лет, 20% в возрасте 30-40 лет, 28,3% в возрасте 40-50 лет, 36,7% в возрасте 50-60 лет.

У большинства респондентов (61,6%) была выявлена вредная привычка - курение. Большая часть опрошенных (63,3%) курит около пяти лет, 15% курит более пяти лет. Курение можно рассматривать как фактор риска развития заболеваний сердечно-сосудистой системы. Кроме того, распространенность этих заболеваний напрямую зависит от количества потребленного никотина.

Поскольку важным фактором в возникновении и развитии сердечно-сосудистых заболеваний является злоупотребление алкоголем, необходимо было выяснить количество потребляемых спиртных напитков. Так, 67% ответили, что употребляют алкоголь не более двух раз в месяц, 15% не употребляют вообще. Что касается длительности употребления, то 45% опрошенных употребляют алкоголь более пяти лет, 28,3% более десяти лет. Потребление большого количества алкоголя так же можно рассматривать как один из социальных факторов развития сердечно-сосудистой патологии. 68,3% респондентов испытывают нервно-психические перегрузки на работе, в быту их испытывают 60%.

Что касается особенностей потребления пищи, то 58,3% придерживаются правильного питания, однако, у большинства респондентов (45%) значительную часть рациона занимает пища богатая жирами, у 18% она занимает от 10 до 30% рациона и у 25% менее 10% рациона. 56,6% ответили, что у них 3-4 приема пищи в день, у 21, 6% менее трех приемов пищи в день и, у такого же числа, более четырех приемов пищи в день. Неправильное питание, а именно, потребление в пищу большого количества животных жиров и соли, ненормированное количество приемов пищи являются социальными факторами риска развития заболеваний сердечно-сосудистой системы. Еще одним значимым фактором в возникновении сердечно-сосудистой патологии является низкая физическая активность. Большую часть рабочего времени (75%) проводят сидя 55% респондентов. Занимаются физической культурой и делают зарядку по утрам 21, 7%, остальные 78,3% не делают этого вообще, 48% респондентов имеют избыточный вес. Образ жизни и физическая активность напрямую влияют на развитие патологии сердечно-сосудистой системы. Строго следят за своим здоровьем и обращаются к врачу каждый раз, когда замечают ухудшение своего состояния 46,6%, остальные 53,3% стараются прибегать к помощи специалиста только в крайних случаях. Среди респондентов достаточным количеством информации о своем заболевании владеют 33,3%, 43,3% владеют небольшой частью информации, а 23,3% не владеют ею вообще.

Более половины опрошенных (55%) не обращались ранее за медицинской помощью со своим заболеванием. 46,6% респондентов совмещают народные средства лечения и назначения врача, 36,6% используют препараты только по назначению врача, а 16,7% используют, в основном, только народные средства лечения.

Среди респондентов 1,66% имели начальный уровень образования, 6,66% - среднее образование, 30% - среднее специальное, 38,33% - высшее и 23, 33% - незаконченное высшее образование.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать ряд выводов относительно социальных факторов риска развития заболеваний сердечно – сосудистой системы, а так же сформулировать конкретную группу факторов, влияющих на возникновение и развитие данных заболеваний.

К таким факторам относятся: образ жизни, а именно: вредные привычки (курение, злоупотребление алкоголем), стрессы, неправильное питание, низкая физическая активность; уровень образования и медицинской грамотности; пол.

Удалось установить взаимосвязь между образом жизни и развитием сердечно-сосудистой патологии. Так, у людей имеющих вредные привычки, возрастает риск развития заболеваний сердечно-сосудистой системы. Кроме того, неправильное питание и низкая физическая активность так же напрямую связаны с развитием данных заболеваний. Следует отметить, что по данным Всемирной организации здравоохранения главным фактором возникновения и развития сердечно-сосудистой патологии является неправильное питание и образ жизни. Однако по данным исследования можно сказать, что для нашего региона на первом месте стоит такой социальный фактор, как курение, поскольку данная вредная привычка выявлена более чем у половины респондентов.

Пол можно так же считать одним из факторов развития сердечно-сосудистых заболеваний. По статистическим данным биологическая предрасположенность к таким заболеваниям у мужчин

выше, чем у женщин. Однако, поскольку в проведенном исследовании разница между числом опрошенных женщин и мужчин небольшая, можно предположить, что принадлежность к женскому полу является социальным фактором риска развития заболеваний сердечно-сосудистой системы, если рассматривать пол как гендер, несущий определенные социальные роли и обязанности к выполнению определенных социальных функций.

На развитие сердечно-сосудистых заболеваний влияет и такой фактор, как уровень образования. Поскольку уровень образования напрямую связан с медицинской грамотностью. Чем ниже уровень образования, тем ниже медицинская грамотность и, соответственно, выше риск развития патологии сердечно-сосудистой системы.

1. Гаврилова И.С. Медико-социальное обоснование экономической эффективности внедрения усовершенствованной модели медико-социальной работы с населением (региональный компонент) // В книге: Социальная сфера экономики: исследования, проблемы и перспективы развития Под научной редакцией С. Ю. Соболевой. Волгоград, 2015. С. 228-257.
2. Токарева Ю.М., Чижова В.М. Применение факторного анализа для оценки качества медицинской помощи // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2009. № 3. С. 96.
3. Чижова В.М., Гаврилова И.С. Отношение пациентов с артериальной гипертензией к приему лекарств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2-1 (44). С. 85-86.

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ПОВОЛЖЬЯ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Толубаева Л.Т. (Пенза)

В статье анализируется влияние на ценностные ориентации гендерного аспекта в процессе консолидации жителей Поволжья. Были использованы результаты проведенного социологического опроса населения региона. Среди исследуемых проблем особое внимание уделялось демократическим предпочтениям населения региона, связи ценностной системы с жизненными предпочтениями жителей Поволжья.

The article analyzes the impact on the value orientation of a gender perspective in the process of consolidation of the inhabitants of the Volga region. The results were used in the sociological survey of the population of the region. Among the issues under investigation focused on the democratic preferences of the population of the region, due to the value system of life preferences inhabitants of the Volga region.

Современная Россия сталкивается с процессами глобализации, противостоять негативным последствиям которого возможно лишь при условии консолидации различных социальных групп, слоев населения, общества в целом. Среди этих проблем выделяется проблема изменения гендерной культуры, гендерных стереотипов, активно влияющих в последние десятилетия на различные стороны социальной жизни. Исследование ценностных ориентаций полов с социокультурных позиций дает возможность обосновать то, что в социальной жизни поведение мужчин и женщин является не простым отражением или продолжением их природных, биологических свойств, а продуктом культурно-исторического развития общественного человека. Это позволяет изучать социальные факторы, обуславливающие общее и особенное в жизнедеятельности мужчин и женщин, специфические условия, влияющие на их ценностные восприятия [1, 2].

Анализ гендерного влияния на процессы консолидации приобретает особую значимость в связи с динамичным проникновением женщин во все сферы общественной жизни, в частности в такие, как властные структуры, управление экономикой, появлением новой социальной группы «деловых женщин» и т. д. В 2015-2016 гг. научным коллективом в рамках гранта РГНФ было проведено исследование консолидации различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья (Пензенская, Саратовская, Ульяновская области, Республика Татарстан) на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России (выборка квотная по полу и возрасту, n = 1780). Среди исследуемых проблем изучалась проблема влияния гендерных аспектов на ценностные ориентации в процессе консолидации жителей Поволжья.

Установить связь ценностной системы с жизненными установками прежде всего дает анализ того, что вкладывают жители Поволжья в понимание хорошей жизни, быть счастливыми. На первое место респонденты поставили ценность «иметь хорошую семью» (56,8%), из них 21% - мужчины, 35,8% женщины. Данные исследования подтвердили, что семья имеет большое значение, особенно для женщин. Важными выступают и такие показатели, как наличие хорошей, интересной работы (52%), жить обеспечено, в достатке (49%), пользоваться уважением людей (36,3%), чувствовать себя свободным человеком (25%). Характерно, что для достижения этих целей в жизни как мужчины, так и женщины важным считают инициативность, предприимчивость, способность выразить себя (16%, 16% соответственно), профессионализм (20%, 19% соответственно), ответственность (11%, 15% соответственно).

Одной из проблем, исследуемых авторами, является изучение влияния гендерных аспектов на ценностные ориентации в соотношении демократии и социальной справедливости [3]. С момента своего возникновения демократия связана с государством, а значит и с осуществлением со стороны государства политики принуждения, которое проявляется в лучшем случае властью большинства над меньшинством, но нередко в условиях демократии можно наблюдать власть хорошо организованного меньшинства над разобщенным большинством. Однако для современного человечества демократическая форма государственного устройства признается наиболее приемлемой, так как характеризуется распределением власти и контролем за ее исполнением между государством и обществом, участием народа в политической жизни страны, наличием политической свободы человека, осуществлением его прав и возможностью влиять на государственное управление.

Проведенное исследование позволило проследить отношение опрошенных жителей Поволжья к роли государства в их жизни. Анализ результатов исследования показал, что всего 5% респондентов предпочли бы жить в обществе, где каждый заботится о себе сам, а государство помогало бы только незащищенным группам (инвалидам, матерям-одиночкам, пенсионерам и т.д.), при этом мужчин, предпочитающих такое устройство общества несколько больше, чем женщин (6%, 4% соответственно). Наиболее привлекательно для респондентов общество, в котором государство обеспечивало бы примерно равные возможности людям для осуществления жизненных планов, а уже используют они эти возможности или нет - зависит от них самих. В целом, от общего числа опрошенных респондентов с такими предпочтениями оказались 43%. С учетом гендерных предпочтений, считающих такой тип обустройства государства наиболее привлекательным, число респондентов также высок (41% - мужчин и 44% - женщин). Однако такая ценность как равные возможности для осуществления жизненных планов для женщин оказывается несколько выше, чем для мужчин. Для одной трети респондентов привлекательными оказались ценности общества, в котором достаток распределяется в соответствии с количеством и качеством затраченного труда (33%), с учетом гендерных аспектов предпочтение этим ценностям несколько выше у мужчин (34%), чем у женщин (32%). Исследование так же обозначило, что остается достаточно высокой привлекательность такого общества, где все люди жили бы примерно одинаково, материальные и духовные блага распределялись бы между всеми членами общества поровну. Так считают 16% респондентов, при этом ответы мужчин и женщин совпали. Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о весьма зримых изменениях в ценностных ориентациях россиян, связанных с устройством государства за прошедшие годы после распада СССР. Все более привлекательными как для мужчин, так и для женщин становятся не уравнилельные позиции для всех граждан, а такие отношения, которые соответствуют правилам демократического соперничества, обуславливающие процесс консолидации общества, привносящие большое разнообразие в политическую и социальную жизни. Важным составляющим для разных гендеров является достижение общего согласия и партнерства общественных групп, идей правового государства, с нормами ограничения государственной власти, наличия личной свободы человека, что по мнению 30% респондентов является основой стабильности в стране и важным условием для наилучшего достижения успеха в жизни.

Проведенное исследование подтверждает, что все респонденты придают большое значение наличию в обществе законов и их исполнению. Вместе с тем, половина респондентов (48,7%) хотя и считают, что законы, конечно, надо соблюдать даже если они устарели, однако условия их соблюдения связывают с тем, чтобы сами представители органов власти также соблюдали эти законы. Мнение мужчин и женщин практически полностью совпадают с такой позицией, при этом 25% женщин и 26% мужчин убеждены в том, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям. Для

23% респондентов как мужчин, так и женщин главным является то, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет - главное, чтобы это было справедливо. В целом ответы респондентов можно расценивать как согласие с необходимостью действия в обществе комплекса законов, направленных на поддержание правового порядка в условиях гражданского общества и оказывающих положительное влияние на консолидацию различных социальных групп и социальных слоев населения.

Одним из показателей влияния гендерного аспекта на ценностные ориентации в процессе консолидации жителей Поволжья является понимание значимости принадлежности к единому российскому сообществу - россиянам. Так на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» более трети опрошенных (30,9%) чувствуют себя скорее россиянами, а 42,6% респондентов чувствуют себя как представителями своей национальности так и россиянами одновременно. Иными словами для большинства опрошенных важным является ощущение принадлежности не только к своей национальной группе, но и к единому сообществу – россияне. Вместе с тем для 15% респондентов важным является ощущать себя скорее человеком своей национальности. Обращает внимание то, что потребность ощущать себя человеком своей национальности выше у мужчин, чем у женщин (15,3%, 10,8% соответственно). В то же время ощущать себя в равной степени человеком и своей национальности, и россиянином одновременно меньше среди опрошенных мужчин, чем среди женщин (37,9%, 46,3% соответственно). Проведенное исследование также выявило, что среди опрошенных есть респонденты, для которых не важно ощущать свою принадлежность как к своей национальности, так и чувствовать себя россиянином (4,5%), а также затруднившихся ответить на данный вопрос (5,9%). В сумме это не такой уж малый процент опрошенных, для которых отсутствует ценность принадлежности либо к своей национальности, либо ощущать себя россиянином, или вообще затруднившихся ответить на этот вопрос. Подобная ситуация подтверждает факт влияния глобализационных процессов, нередко размывающих традиционные ценности, которые не обошло стороной и некоторую часть россиян.

В связи с этим представляет интерес ответы респондентов на вопрос: «Что лично для Вас означает быть гражданином России». Наибольшее предпочтение респондентами было отдано таким ответам, как «иметь гражданские права и нести гражданские обязанности» (22,2%), «быть патриотом, любить свою Россию» (21,0%). Важным для опрошенных так же быть гражданином России – проживать в России (17,0%), исполнять законы России (13,9%), защищать свое государство и нести ответственность за судьбу страны (9,1%, 7,4% соответственно). Анализ ответов респондентов с позиций гендерной принадлежности показывает, что как для мужчин, так и для женщин важным для восприятия себя гражданином России нужно быть патриотом, любить свою Россию (26,2%, 26,9% соответственно), защищать свое государство (14%, 8% соответственно). Меньше по сравнению с общими показателями как среди мужчин так и женщин тех, кто считает, что для гражданства в России необходимо иметь гражданские права и нести гражданские обязанности (7,6%, 12,8% соответственно)..

Таким образом исследование ценностных ориентаций с позиций гендерных характеристик показал, что в жизненных установках мужчин и женщин имеют место как общие позиции, так и отличающие их. Учет этих фактов позволяет более эффективно влиять на процессы консолидации различных социальных групп, слоев населения в многонациональных регионах России.

1. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном) /Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. – М., 2015

2. Гориков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН, - 2013

3. Толубаева Л.Т. Влияние социального самочувствия на консолидацию населения (на примере полиэтнических регионов Поволжья) - Сборник XVII международной теоретико-методологической конференции «Социология жизни: теоретические основания и социальные практики», «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), М., 2016

ПОЗИТИВИЗМ И КОНСТРУКТИВИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ: ПРИМЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург)

В современных социально-политических исследованиях доминирующей является позитивистская парадигма с ее установками на эмпирический материал и его обработкой

количественными методами с применением операционализируемых гипотетико-дедуктивных моделей. Этот подход доказал свою эффективность в систематизации данных, установлении между ними связей и детерминаций. Однако в литературе (Д. Асемоглу, Д.Макклоски, Д.Норт, Ю.Хабермас, Р.Хедлунд, Й.Шапиро) неоднократно ставился и ставится вопрос об ограниченности такого подхода в объяснении динамики социально-политических (и экономических) процессов.

Позитивистская ориентация изгоняет интенциональность из результатов своего анализа, превращая политическую игру воль в каузальные зависимости. Между тем, принципиальная особенность анализа политической реальности, как равнодействующей воль, состоит именно в учете и раскрытии реализации мотивации политических акторов. Стремления, надежды, эмоции, идеологии, предубеждения проявляются не только в поведении избирателей, но и в принятии решений лидерами, пропагандистских и других политических технологиях, создающих новые институты.

В этом плане динамика институционализации предстает осуществляемой в несколько стадий:

(1) Стадия выработки нового осмысления – характеризуется минимальной степенью организации, коммуникация участников носит случайный, лично-доверительный характер.

(2) Стадия выработки когерентного понимания (коалиция) – характеризуется большей устойчивостью связей и отношений, которые начинают выделять себя как группу единомышленников. Подобная избирательность «уплотняет» коммуникацию, хотя само общение носит слабо регламентированный характер, преимущественно *on line*.

(3) Стадия общей установки – общение приобретает систематический характер встреч *off line*, обмена материалами. Выдвигаются лидеры мнений.

(4) Стадия сплоченной группы (ассоциации). Появляется программное заявление, начинаются вербовка и селекция сторонников, интерпретация информации. На этой стадии важны успех и социальное признание. Нередко создаются специальные центры, школы, курсы подготовки. Группа позиционирует себя либо как элитарная, либо как «мятежная», отвергающая ортодоксальные установки. По некоторым оценкам для «прорыва» старой традиции необходима группа около 20 человек, а для создания новой традиции, движения – от 500 до 1000 человек.

(5) Стадия формализации. Фиксируется формальная организационная структура. Группа становится юридическим лицом, проходит регистрацию, обеспечивает финансирование, трудоустройство функционеров, стимулирование деятельности профессионалов, формируется писанный кодекс поведения (устав, положения, должностные инструкции). Рутинизация деятельности зачастую приводит к формированию в ее недрах нового смыслового сдвига, развитие которого может привести к дальнейшей дивергенции системы, формированию фракции, отделения нового движения.

Аналогично проходит развитие в науке, искусстве, религии, бизнесе. Совсем не обязательно, чтобы каждая из них проходила все указанные стадии институционализации. Далеко не каждой идее удастся развиться даже в стадию сплоченной группы, не говоря уже о наиболее развитой стадии формального социального института. Смысловой (идейный, неформальный) и социально-организационный (формальный) аспекты институционализации не противостоят друг другу. Их динамическая взаимосвязь предстает «историей» формирования и развития соответствующих институтов – от объединения людей, связанных общностью целей и осмысления к зрелым и разветвленным социальным институтам, в которых эти цели и осмысление закрепляются как социально значимые и нормативные. При этом принципиальную роль играет интенсивность и упорядоченность коммуникации.

Хорошим материалом, иллюстрирующим развиваемый подход, является политический протест. Он интересен именно тем, что в нем задевается нерв институционализации: протест зачастую трактуется как нарушение норм (от мелкого хулиганства до преступления), подлежащее социально-правовому контролю. Примеры у всех перед глазами и на слуху. Между тем, трудное, на первый взгляд, отличие хулиганства от протеста подобно отличию социальной девиации (патологии) от творчества: и то, и другое нарушают традиционные представления. Недаром современники зачастую отождествляют их, трактуя творчество как хулиганство, или проявление психической болезни. Да и образ жизни девиантов зачастую дает тому поводы. И только со временем становится ясно, что социум имел дело с творчеством, открывающим новые горизонты в науке, искусстве, религии, политике тоже. Специфика таких откровений в том, что они оказываются конструктивными для развития социума, давая ему новые возможности развития, в отличие от социальных патологий, деструктивных, разрушительных для общества.

Однако сам этот конструктивный характер открывается не столько самими инициаторами, сколько интерпретациями их действий в публичных коммуникациях. Привлечение внимания к ним, обсуждения делают их символами перемен. Предметами (и инструментами) символической политики они становятся при двух условиях:

(А): Они становятся предметом публичных обсуждений, дискуссий, интерпретаций в публичном коммуникативном пространстве. Вне публичного пространства они могут быть предметом спецопераций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики.

(В): Эти обсуждения связаны с решением проблем сегодняшнего дня. В этих спорах и интерпретациях упомянутые феномены социальной реальности связываются с современным контекстом (проблемами, целями).

Условие (В) втягивает в символическую политику не только прошлое (исторические факты), но и образы будущего, которые тоже становятся средством символической политики. Наука, включая точные науки, количественные методы, будучи втянутыми в дискуссии о насущных проблемах развития социума тоже выступают как часть (средства и технологии) символической политики. Такое втягивание пересекается с манипуляцией, но к ней не сводится. Более того, сама разоблаченная манипуляция становится предметом символической политики.

Так, протеста порождает некое событие, которое дает новостной повод, привлекая внимание общественности, вовлекая в публичное обсуждение журналистов, специалистов, политиков. Возникают и мобилизуются группы поддержки, сторонников, единомышленников, противников: публичный капитал вырастает в символический, делая его в перспективе – политическим. Спектр таких действий чрезвычайно широк: от акционизма группы «Война», П.Павленского – до самосожжения Я.Палаха. Главным фактором, превращающим стрит-арт или самоубийство в политический протест, является резонанс в пространстве публичной коммуникации, чему, кстати, в немалой степени способствуют действия самой власти. Преследуя художников, блогеров, журналистов, власть сама превращает их в политические фигуры, а то и символы – мучеников политической идеи.

Главный вывод проведенного рассмотрения – перспективность перехода политологических объяснений к конструктивным, алгоритмическим процессам. Конструктивная установка дает синтез нарративов эмпирической фактологии и теории в систему знания, открытую для понимания динамики политического и шире – исторического процесса.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011;

Тульчинский Г.Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза. // Философские науки. 2013, № 1, с. 24-38.

Тульчинский Г.Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту. // Политические институты в современном мире. СПб: Аллегро, 2010, с.358-360.

Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ВШЭ, 2011;

Шапиро Й. Бегство гуманитарных наук от реальности. М.: ВШЭ, 2011;

Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y.: Crown Business, 2012.

Alker H.R., jr. Political methodology, old and new // A new handbook of political science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford univ. press, 1996. P. 787-799;

Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publ. Co, 1971.

Galtung J. Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1977, p.41-71.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Туманова О.И. (Тверь)

В условиях нестабильности развития мирового политического пространства, сопровождающегося регулярным возникновением очагов интенсивной напряженности, формирование эффективной системы защиты национальных интересов становится первоочередной задачей современного государства. Стратегия национальной безопасности

России, утвержденная Указом Президента от 31 декабря 2015 г. №683 (далее – Стратегия) на сегодняшний день является основополагающим документом, который определяет четкие условия необходимые для обеспечения целостности, безопасности и стабильного развития российского государства. Помимо определения национальных интересов и закрепления стратегических национальных приоритетов Стратегия подробно обозначает возможные угрозы национальной безопасности, а также намечает необходимые направления для противостояния этим угрозам.

В числе национальных интересов на долгосрочную перспективу Стратегия определяет в частности укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества[1]. Таким образом, закрепляя данные цели в качестве приоритетных, Стратегия задает направления для развития всех подсистем и институтов государства. Для работы по обеспечению всех направлений национальной безопасности свои усилия должны скоординировать не только органы государственной власти различных уровней, но и все институты гражданского общества.

В числе стратегических национальных приоритетов Стратегия определяет оборону страны, государственную и общественную безопасность, повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, науку, технологии и образование, здравоохранение, культуру, экологию живых систем и рациональное природопользование, стратегическую стабильность и равноправное стратегическое партнерство[1].

В соответствии с документом стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются «защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[1].

Для обеспечения данного национального приоритета авторы Стратегии, помимо необходимых мероприятий в сфере внешней разведки, антитеррористической политики и контроля этнополитической ситуации предлагают ряд мероприятий, среди которых в частности выделяются:

- повышение защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур;
- совершенствование системы выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им;
- повышение социальной ответственности органов обеспечения государственной и общественной безопасности[1].

Таким образом, государственная и общественная безопасность представляет собой один из наиболее масштабных и затратных с точки зрения ресурсов, национальный приоритет, который, нуждается в защите не только от внешних угроз, но и от угроз внутренних. Особый акцент при этом необходимо сделать на защите информационного и политического пространства, которые являются наиболее уязвимыми с точки зрения деструктивного влияния (в частности внешнего).

Кроме этого, по мнению разработчиков документа, серьезной угрозой для государственной и общественной безопасности является коррупция, которая является «препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов» [1]. Борьба с коррупцией, организованная в качестве полноценной системы, с необходимой законодательной базой, с формированием определенного общественного неприятия данного явления представляет собой сложный и длительный процесс, который требует консолидации усилий органов государственной власти и гражданского общества. Однако определение коррупции как отдельной угрозы национальной безопасности (наряду с терроризмом и экстремизмом) уже свидетельствует о ясном понимании серьезности данной проблемы для государственного развития.

Таким образом, государственную и общественную безопасность наряду с обороной следует выделять из числа остальных национальных приоритетов, поскольку без их обеспечения реализация остальных приоритетов существенно затрудняется. Это в частности является следствием того, что приоритеты представляют собой взаимосвязанную систему и в принципе не один из них нельзя рассматривать в отрывке от остальных.

Подробный анализ каждого из национальных приоритетов, позволяет сделать вывод о том, что успешная реализация по каждому направлению способствует не только обеспечению безопасности государства, но и в значительной мере продвигает развитие страны в сфере внутренней и внешней политики, экономики, науки, культуры.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683
URL: http://base.garant.ru/71296054/#block_1000

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ИНЖИНИРИНГА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОВНЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Турьянский А.А. (Белгород)

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» (проект № 15-03-00378).

Термин «коммуникация» (от лат. – communicatio – делать общим, сообщать, беседовать, связывать) появился в научной литературе в начале XX века [1, С. 124]. Однако, бытует мнение о том, что первая модель коммуникации была предложена Аристотелем, выделившим такие компоненты процесса коммуникации, как оратор, речь и аудитория.

По мнению П. Лазарсфельда и Р. Мертона, с точки зрения социологии, коммуникация – это процесс социального взаимодействия и обмена сообщениями, информацией между двумя и более людьми [2].

Четко действующие коммуникации в органах местного самоуправления помогают решению многих организационных проблем, в частности, координации деятельности отдельных структурных единиц в организации относительно общей цели, обеспечению устойчивых отношений с внешней средой, предоставлению подразделениям организации необходимой рабочей информации и целевых указаний [4, С. 207].

В этой связи целесообразным становится использование на местном уровне власти наиболее актуальной коммуникативной технологии, именуемой коммуникативным инжинирингом.

Коммуникативный инжиниринг представляет собой достаточно новую технологию в области коммуникативных наук, использующую различные способы построения коммуникативных сетей для решения социальных, политических, дипломатических, экономических и иных задач. Сам процесс коммуникативного инжиниринга можно представить в виде трех этапов:

- активация нужных состояний в индивидуальном сознании (действие вертикальных коммуникаций);
- переход к активации в рамках массового сознания (действие горизонтальных коммуникаций);
- создание нужного типа «валентностей» (информационно-политических, информационно-социальных, информационно-экономических).

На первом этапе новые смыслы не столько вносятся впервые, сколько активируются, ввиду того, что они уже должны присутствовать у целевой аудитории.

На втором этапе имеет место кристаллизация в рамках множества индивидуальных сознаний нового качества массового сознания, которое возникает за счет одномоментного получения массовой аудиторией однообразных пакетов информации.

На третьем этапе происходит создание структур, которые из когнитивного пространства подталкивают индивидуальное и массовое сознание к заполнению заданных валентностей уже в рамках физического пространства. При этом данные типы «валентностей» могут быть направленными как на стимуляцию появления искомого объекта, так и на невозможность его появления в зависимости от стоящих перед коммуникатором задач [3, С. 11].

Удерживаемое информационное пространство строится таким образом, чтобы дать облегченный вариант для проявления программируемого им поведения. Коммуникативный инжиниринг удерживает ту картину действительности, которая наиболее соответствует потребностям коммуникатора. В результате образуется разноуровневое удержание действительности с помощью информационных «валентностей»: цивилизационного уровня,

государственного уровня, политических программ, социальных программ, экономических программ.

Информационные «валентности» позволяют осуществлять «притяжение» или «отторжение» тех типов объектов, на которые они ориентированы. Подведение разнообразных ресурсов (информационных, символических и других) будет вызывать к жизни нужные типы изменений, ведущих к заполнению пустующих «валентностей» [3, С. 12].

Основной задачей коммуникативного инжиниринга становится выстраивание таких коммуникативных цепочек, которые увеличивают результативность данного вида сообщения для данного вида аудитории. Интенсифицируя контексты объекта, косвенным образом меняется и сам объект, поскольку для аудитории между контекстом и объектом есть определенная эквивалентность.

Коммуникативные потоки, становясь все более сложными, помогают решать множество новых типов задач. Коммуникативный инжиниринг, выстраивая свои коммуникативные цепочки, должен запускать по ним нужные виды смыслов. Коммуникативный инжиниринг выстраивает как смыслы, так и более оптимальные способы донесения этих смыслов в точки принятия решений. Это могут быть точки как индивидуального сознания (например, глава исполнительно-распорядительного или представительного органа муниципального образования), так и массового сознания (например, население муниципального образования). Содержательно коммуникативный инжиниринг создает такие смыслы, которые блокируют один тип решения и активируют другой.

Таким образом, коммуникативный инжиниринг для потребителя сужает пространство, ведущее к одному решению, и расширяют такое же пространство, ведущее к другому решению.

Коммуникативные потоки опираются на имеющиеся информационные потоки или под них создаются новые. Можно выделить ряд параметров, в рамках которых могут конструироваться информационные потоки в сфере имиджа глав исполнительно-распорядительного и представительного органов муниципального образования:

- открытость / закрытость организаций и институтов власти;
- публичная / непубличная сфера;
- организационный / процессный (трансмиссионный) аспект информации.

Коммуникативные стратегии позволяют удерживать нужный вариант картины мира в условиях как нейтральной, так и агрессивной коммуникативной среды. Резко возрастает управляемость всех процессов, возрастает вероятность достижения нужного результата. Коммуникативный инжиниринг на уровне целого общества реализуется в целом ряде социотехник. Выстраиваемые коммуникативные конструкции помогают усилить власть и ослабить ее противников, что часто делается путем присоединения к более сильным символам, чья оценка четко зафиксирована в данном обществе.

Таким образом, важно заметить, что, несмотря на слабую изученность, коммуникативный инжиниринг обладает значительным потенциалом, который целесообразно использовать на местном уровне власти, в том числе и при формировании имиджа глав исполнительно-распорядительного и представительного органов муниципального образования.

1. Зверинцев А. Б. *Коммуникационный менеджмент: Рабочая книга менеджера PR: 2-е изд., испр.* СПб., 1997. С. 124.

2. Лазарсфельд П., Мертон Р. *Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: Пер. с англ. // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. М., 2000.*

3. Поцепцов Г.Г. *Коммуникативный инжиниринг: теория и практика. К., 2008. С. 11-12.*

4. Федотова Л.Н. *Социология массовой коммуникации. СПб., 2003. С. 207.*

ИПОТЕКА В ТРАЕКТОРИЯХ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ: БИОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Тыканова Е.В., Хохлова А. М. (Санкт-Петербург)

В данном докладе, подготовленном при поддержке РГНФ (проект № 15-03-00421 «Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ»), мы рассмотрим риски и возможности, которые возникают у жителей Петербурга в процессе оформления, получения и погашения ипотеки. Ипотека – это кредит, залогом которого выступает приобретаемое жилье. Банк выдает кредит в рублях или валюте, величина которого

рассчитывается на основании финансовой истории заемщика. Кредит предполагает покрытие процентов и лишь затем – тела кредита. При первоначальном крупном взносе может быть уменьшено время выплаты кредита или же величина ежемесячных выплат. Обычно покупатель недвижимости переплачивает стоимость квартиры в несколько раз. Важно подчеркнуть, что при невозможности дальнейших выплат заемщик теряет и выплаченные им деньги, и квартиру. В связи с этим обращение к ипотеке сопряжено с множественными рисками.

В экономической социологии действия и выборы, связанные с денежными операциями, принято анализировать сквозь призму теорий рационального выбора, лишь изредка упоминая иные факторы, которые влияют на совершение действий с финансами. Мы же стремимся обратить внимание не только на рациональные мотивы, которыми руководствуются держатели ипотеки, но и на иные обстоятельства, сопровождающие ипотечников в ходе выплат по кредиту. Таким обстоятельством будет выступать, в частности, влияние ипотеки на разные сферы жизни: повседневные ритмы жизни горожан, взаимоотношения с родственниками, друзьями и более широким социальным окружением, профессиональные траектории держателей кредита.

В докладе мы сфокусируемся на том, как держатели ипотеки нарративизируют риски, связанные с кредитованием, и оценивают возможности регулярной выплаты кредитов, а также как они воспринимают ситуации неопределенности, порождаемые кредитной зависимостью, и отношения доверия, в которые включаются по мере выплат. В частности, нас интересует, как выстраиваются границы между рациональным и неформальным/эмоциональным/доверительным в случаях обращения к ипотеке.

В ходе обсуждения ситуаций возникновения рисков и проблематизации доверия держателей ипотеки с их социальным окружением мы опираемся на современные социологические теории доверия, а также на теории рисков.

Эмпирическими материалами исследования выступают полуформализованные интервью с держателями ипотек, а также полуформализованные биографические интервью с членами петербургских семей, в которых актуализировались сюжеты восходящей жилищной мобильности и, в частности, обращения к ипотеке (РГНФ, проект N 15-03-00421).

Анализ полученных нарративов демонстрирует, что при ипотечном кредитовании нередко возникает ситуация вынужденной формализации семейных отношений, например, связанная с необходимостью оформления официального брака для получения сниженных ставок для молодоженов или подписания брачных контрактов для минимизации имущественных рисков. Другим примером может служить документальное оформление отношений собственности между родственниками. Это нарушение привычных доверительных отношений, основанных на неписаных нормах помощи и взаимообмена, вызывает у информантов смущение и дискомфорт.

Примечательно, дискомфорт может породить и обратная ситуация, когда близкие людидемонстрируют беспрекословное доверие информантам (например, одалживают деньги без расписки) в тех случаях, когда, по мнению последних, более формализованные отношения реципрокности/возмещения, основанные на принципах экономической рациональности, могли бы оказаться вполне уместными.

Проблематизация границ между доверием и рациональной формализацией договорных отношений для совладания с рисками возможна в более анонимных ситуативных взаимодействиях, хотя, разумеется, гораздо реже. Например, в одном из зафиксированных в ходе исследования случаев неопытные покупатели квартиры внесли залог продавцу, никак не оформив выплату документально, однако им повезло, и вера в порядочность фактических незнакомцев оказалась оправданной.

Выплаты по ипотечным кредитам провоцируют риски, связанные с долгосрочным стратегическим планированием, в частности, калькулированием будущих источников дохода и оценкой стабильности профессиональной карьеры. Держатели ипотеки взвешивают свои способности и полученный опыт, а также прогнозируют ситуацию на рынке труда, которая, за некоторыми исключениями, видится не слишком оптимистично. Данное обстоятельство может привести к сокращению повседневных трат, стремлению обеспечить себе «комфортный платеж» в неопределенном будущем.

Все держатели ипотеки позитивно оценивают современную ситуацию восходящей жилищной мобильности в сравнении с советским типом жилищной политики. В качестве положительных черт нынешней ситуации они называют возможность выбора жилья и личную ответственность покупателей, а также обращаются к мотиву «справедливости» при описании тех, кто своими усилиями «заработал» улучшение жилищных условий.

Между тем, многие информанты, подчеркивая личную ответственность за решения о выплатах по ипотеке, открыто выражают недоверие государственным институтам и в случае кризиса планируют рассчитывать исключительно на себя и ближайшее социальное окружение, не питая никаких иллюзий по поводу возможной поддержки государства. При этом они все же склонны описывать современную государственную поддержку в России как недостаточную и указывают на принципиальную необходимость заботы о социально незащищенных слоях населения, а также выработки механизмов обеспечения социальных гарантий в нестабильных капиталистических отношениях.

Калькуляции и оценке (в терминах приемлемости – неприемлемости, рациональности – нерациональности, но также в нормативно и эмоционально нагруженных категориях) подвергаются не только собственные ипотечные риски информантов, но и чужие. При этом риски, сопоставимые с собственными, как правило легитимируются, в то время как риски, не подпадающие под воображаемый горизонт собственного планирования, описываются как безрассудные и, примечательным образом, этически не приемлемые. Особенно ярко это проявляется в нарративах о валютных ипотечниках. При этом, описывая собственные риски, информанты часто делают акцент на широких экономических и политических контекстах, порождающих неопределенность, тогда как вину за неудачное, слишком рискованное, решение о валютной ипотеке они возлагают именно на держателей кредитов. Оценка собственных возможностей происходит, таким образом, в сравнении «нас» с «не нами».

Итак, мы можем заключить, что держатели ипотек часто обращаются к социальному капиталу как ресурсу совладания с рисками. Сила слабых связей, возможно, ситуативно используется при поиске квартир или сборе информации о различных опциях кредитования и их рисках, но на этапе покупки и дальнейших выплат информанты опираются на «плотное» доверие в отношениях с родственниками и ближним кругом. Доступный держателям ипотеки социальный капитал часто воспринимается ими как своеобразный дар, что сопряжено с отсутствием фиксированных объемов и сроков возмещения при получении финансовой и иной помощи. Однако эта неопределенность «отдачи» не всегда предстает само собой разумеющейся. Данное обстоятельство ведет к тому, что на микроуровне взаимодействия ипотечники проблематизируют границу между формальным и доверительным в отношениях с представителями ближнего круга: излишне доверительные отношения вокруг имущественных рисков при недостаточной или отсутствующей формализации оцениваются как злоупотребление; и наоборот, формализация отношений в родственном окружении видится как обесценивающая «плотное» доверие. Примечательно, что чем выше уровень анализа, тем меньше информанты рассуждают в терминах доверия и тем больше используют риторику личной ответственности и рациональности при оценке рисков. У информантов существуют представления о приемлемых и неприемлемых рисках, причем риск, находящийся за гранью субъективно допустимого, оценивается не только в рациональных, но и морально-этических категориях.

МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Урсу И.С., Мохоров Г. А., Шакарян Я. Э. (Санкт-Петербург)

Взаимосвязь и взаимообусловленность морали и права с обществом достаточно очевидны и не вызывают возражений и сомнений. Все предшествующие и современные общества обуславливали процесс становления и развития моральных систем, слагаемых из сознания и морального поведения. Как сознание, так и поведение внутренне структурированы. В структуру сознания входят понятия и представления о добре и зле, совести, долга, чести и др. К моральным поступкам личности относятся исповедуемые ею нравственные позиции, эмоции, чувства и т.п. В свою очередь общество испытывает на себе воздействие морали. Анализ процессов развития общества и морали показывают, что там, где начинается человеческий род, кончается безраздельное господство инстинктов. Даже самый примитивный социальный организм не поддается никакому пониманию и объяснению с позиции естествознания. Подобная несовместимость обуславливает трудности постановки вопроса происхождения общества и личности. Эту трудность вынужден был учитывать Чарльз Дарвин. Несмотря на свою эволюционную бескомпромиссность, Дарвин вынужден был признать, что той роковой чертой, которая отделяет первобытную родовую общину от предчеловеческого стада, является нравственность.

С момента своего зарождения и по настоящее время, морали было присуще внутреннее противоречие между должным (т. е. то, что должно быть) и сущим (т.е. то, что реально есть). Как форме общественного сознания в морали выделяются два уровня – теоретический и эмпирический. На первом уровне она выражается в предписаниях, нормах поведения, носящих императивный (обязательный) характер. На втором же уровне отдельные индивиды, социальные группы и социальные общности приспособляют моральные принципы к своей повседневной практике посредством поиска путей и средств смягчения и обхождения моральных запретов. Отсюда эмпирический уровень – это уровень нравственности индивида, социальных групп и социальных общностей. На этом уровне концентрируются принципы и нормы практической и повседневной жизни людей, в которых моральные законы «не убий», «не укради» и т. д. облекаются в более «мягкие» формы поведения. Из сказанного следует, что мораль носит общечеловеческий характер, а нравственность – индивидуально-групповой, корпоративный. В повседневной жизни наблюдается непрерывный процесс перевода общих моральных норм на индивидуальный уровень, преобразования частных проблем в заботы общего социального организма, превращения идей общественного благосостояния в индивидуальные и узкогрупповые дела.

Противоречие между теоретическим и эмпирическим уровнями морали, между общественной моралью и индивидуально-групповой нравственностью является основным механизмом развития и трансформации морали в целом.

В ходе развития общества конституировались различные способы морально-правовой социализации и воспитания подрастающих поколений. Наибольшее распространение получили подражание принятым формальным и неформальным правилам, страх индивида перед наказанием и опора на высшие моральные нормы (и совесть). Поскольку основой развития правосознания выступают моральные принципы, постольку процессы социализации и воспитания должны быть соединены в единый процесс образования человека. Эта необходимость следует из того факта, что социализация связана в первую очередь с принятыми в обществе социальными ролями (внешняя сторона человека), тогда как воспитание нацелено на трансляцию и усвоение нравственных качеств (внутренняя сторона человека). Это позволит сократить страх и отчуждение людей от закона.

Приведённые теоретические положения были использованы нами при социологическом анализе структуры и содержания ценностных ориентаций учащейся молодёжи. В рамках данной темы параллельно исследовались правовые предпочтения студентов ряда ВУЗов Санкт-Петербурга. В течение пяти учебных лет (2011/12 –2015/2016) проводился опрос по единой методике. В целом было опрошено 601 человек. Анкета содержала 29 вопросов. Сбор эмпирических данных носил кумулятивный характер. Итоговые результаты представлены в приводимых ниже таблице и четырех гистограммах (рис. 1– 4). В гистограммах приводятся только данные, занявшие первые десять мест в общей структуре.

Рис. 1. Доля респондентов ответивших, что подобные поступки и формы поведения никогда и ничем не могут быть оправданы. "Предоставлен по электронной почте"

Рис. 2. Доля респондентов ответивших, что при оценке допустимости/ недопустимости подобных поступков и форм поведения следует исходить из конкретных ситуаций и обстоятельств. "Предоставлен по электронной почте"

Рис. 3. Доля респондентов ответивших, что при оценке подобных поступков и форм поведения следует относиться снисходительно. "Предоставлен по электронной почте"

Рис. 4. Доля респондентов ответивших, что подобные поступки и формы поведения допустимы без каких-либо ограничений. "Предоставлен по электронной почте"

Результаты, как настоящего и предыдущих сравнительных исследований свидетельствуют об усилении процесса индивидуализации российского общества. Причин тому предостаточно, среди которых явно выделяются повышение социальной значимости не самостоятельности личности, рост потребительства, меркантилизма и т. д. Особое место в индивидуализации общественной жизни имеет цель жизни молодёжи. Чаще всего она связывается с личным успехом, под которым понимается богатство, капитал, собственность, деньги, дающие материальные блага, власть над другими людьми, престиж в сообществе и т. д. и т.п. Именно личный успех оправдывает культивирование любых средств. Такова нравственность личности рыночного общества, в котором любой человек выступает как «товар» и, соответственно, может (и должен) продаваться по законам конкуренции.

Социологические данные показывают, что только 37,0% респондентов отстаивают тезис о том, что «закон нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах». Остальные три группы в той или иной степени стоят на позициях либерализма и вполне допускают модель поведения, при которой человек может нарушать закон и быть правым. В зависимости от соотношения социализации и воспитания выделяются следующие 4 группы людей: 1) «Культурные, нравственные люди и знающие нормы и правила социальной жизни, 2) Лица с высокими нравственными принципами, но не знающие социальной жизни, 3) Те, кто знает жизнь, но лишённые моральных принципов, 4) те, кто лишён, как нравственных принципов, так и не знающих социальной жизни. До тех пор, пока разрыв между социализацией и воспитанием не будет устранён, в обществе будут иметь место негативные социальные явления и изменения.

1. Зигмунт Бауман. *Индивидуализированное общество*. Москва, Логос. 2002.
2. Жан Бодрийяр. *Общество потребления*. Москва. Культурная революция. 2006.
3. Руковишников В.О., Халман Л., Эстер П. *Мораль в сравнительном измерении// Социологические исследования*. №6. 1998.

ЗНАЧЕНИЕ СКАЗКОТЕРАПИИ КАК ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, СТРАДАЮЩИМИ ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Ускова К.С., Токина В. А. (Волгоград)

Статья посвящена изучению возможностей применения Сказкотерапии как технологии социальной терапии, которая способствует раскрытию творческого потенциала детей. В статье обоснован вывод о необходимости использования комплексной программы с опорой на Сказкотерапию и метод совместного сочинения сказок. Изучение Сказкотерапии в контексте помощи детям с онкологическими заболеваниями позволит разработать методические рекомендации по созданию условий, способствующих установлению эмоционального комфорта детей и реализации их творческого потенциала.

Введение: Отечественные психологи и педагоги (Н.А. Ветлугина, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Т.С. Комарова и др.) отмечают, что формирование творчески активной личности, способной креативно и эффективно справляться с жизненными трудностями, закладывается в детстве, и является условием дальнейшего развития личности и творческой деятельности. С этих позиций актуализируется необходимость поиска эффективных средств развития творческого потенциала детей[3]. У пациентов Детского онкогематологического центра существует потребность в разнообразии форм досуга, отвечающего потребностям их развития. Способствовать изменению ситуации может внедрение новых идей и подходов в деятельность учреждений, осуществляющих работу с детьми, страдающими онкологическими заболеваниями.

Цель исследования: выявить значение технологии Сказкотерапии для развития личностных качеств и потенциала художественного творчества детей в онкогематологическом центре.

Материалы и методы: Исследование проводилось на базе детского онкогематологического центра (ДОГЦ) в составе ГБУЗ «ВОКОД №1». Для выявления динамики общего развития детей и эффективности применения Сказкотерапии применялись такие методы исследования, как анкетирование детей с помощью авторского опросника и использовалась методика Р. Жилия.

Результаты: Основным направлением в работе с детьми в онкогематологическом центре стала программа «Путешествие в страну сказок». Занятия в рамках данной программы строились с ориентировкой на сказки, содержащие элементы игровой терапии[2]. Материал предлагается в занимательной форме по принципу постепенного усложнения. После рассказывания Сказки происходит ее рисование. Работа рассчитана на контакт с родителями детей, посещающих занятия[1].

Определение развития коммуникативных качеств происходило с помощью методики Рене Жилия. В результате первичного обследования наблюдалась тенденция к слабой включенности во взаимодействие со сверстниками, к изоляции от сверстников (шкала № 13 «Отгороженность»), заниженный показатель по шкале № 9 «Общительность», который при наличии завышенных показателей по шкале № 11 «Конфликтность, агрессивность» может говорить о том, что сфера взаимодействия «ребенок – ребенок» являлась конфликтной, а повторное обследование в рамках этой методики показало, что появилась тенденция к нормализации показателей по данным шкалам. Помимо этого, была отмечена положительная динамика по снижению эмоциональной напряженности, нормализации показателей по шкале конфликтности, агрессивности.

Для выявления эффективности применения Сказкотерапии на базе Детского онкогематологического центра города Волгограда было проведено повторное анкетирование. Результаты фиксировались и сравнивались с первоначальными данными. Полученные данные свидетельствуют о том, что детям понравилось заниматься сочинением сказок, и они в дальнейшем хотят продолжить заниматься данной деятельностью. Сказкотерапия является средством разнообразия досуга детей в Онкогематологическом Центре. Сказкотерапия представляет собой перспективное направление в организации социальной работы с детьми с онкологическими заболеваниями в условиях стационара.

Обсуждение: В ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что реализация Сказкотерапии как технологии социальной работы способствует раскрытию творческого потенциала детей с онкологическими заболеваниями. Посредством анкетирования мы выявили, что после применения у детей формируются такие качества, как внимательность, самостоятельность, умение входить в контакт со сверстниками, прослеживается развитие коммуникативных способностей. Данная технология содействует социализации ребенка, так как составлена с учетом возрастных и психофизических особенностей, уровня знаний и умений, а также предусматривает индивидуальные особенности заболевания каждого ребенка.

Выводы: Применение Сказкотерапии с детьми с онкологическими заболеваниями поможет эффективно действовать в направлении раскрытия потенциальных возможностей ребенка. Именно для этого была разработана программа, целью которой является создание условий для формирования предпосылок положительной социализации и интеграции, проявления скрытых компенсаторных возможностей детей с онкологическими заболеваниями. После применения сказкотерапии и повторного анкетирования мы разработали методические рекомендации для специалиста по включению мероприятий по реализации творческого потенциала детей для их успешной социализации. Анализ выявленной и проанализированной нами проблемы позволяет утверждать, что содержание процесса социализации требует новых подходов к формированию условий, включающих целенаправленную оптимизацию социально-культурной деятельности детей в онкогематологическом центре. Проведенное исследование показало, что социализация ребенка будет эффективной и успешной при включении сказкотерапии в реальный процесс деятельности онкогематологического центра.

В ходе осмысления полученных результатов наметился ряд проблем, требующих дальнейшего рассмотрения. Наиболее актуальным представляется разработка учебно-методической базы для повышения изучения и обобщение опыта социальной работы с детьми с онкологическими заболеваниями. Результаты, полученные в ходе исследования, можно использовать в практической деятельности специалистов в онкогематологическом центре.

1. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. *Практикум по сказкотерапии*. - СПб.: Речь, 2012. – 320с.
2. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. *Мастер сказок. 50 сюжетов в помощь размышления о жизни, людях и себе для взрослых и детей старше 7 лет*. - СПб.: Речь, 2012. - 220 с.
3. Летучева С.К. *Развитие творческого потенциала детей (на примере работы художественного отдела МБОУ ДОД ДТДМ г. Ростова-на-Дону) // Современная педагогика. -2015.-№1. - URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/01/2976>*.

СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ МОНОГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Усмадова З.Э. (Казань)

В Стратегии государственной молодежной политики Республики Татарстан до 2030 года, утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 04.02.2016 г. № 63, избран ориентир воспитания в молодежной среде позитивного отношения к семье и браку, формирование образа благополучной молодой семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для населения Республики Татарстан и России системы ценностей.[1]

Семья в жизни молодых людей в целом и работающей молодежи в частности играет очень важную роль. Работающая молодежь является частью молодежи, и их отношение к семье схоже с отношением и поведением молодежи в целом. Однако работающая молодежь имеет больше шансов стать социальной группой, которая способствует увеличению таких демографических

показателей как брак и рождаемость, подавляющее большинство молодых родителей относится к работающей молодежи.[2,с.13] При этом следует учитывать, что работающая молодежь моногородов обладает рядом специфических социальных характеристик, что требует отдельного изучения.

В этой связи определение места семьи в системе ценностей работающей молодежи моногородов Республики Татарстан, исследование поведенческих стратегий данной категории молодежи в семейной сфере является важной научной проблемой.

В апреле-июне 2016 г. автором было проведено социологическое исследование, посвященное изучению жизненных стратегий работающей молодежи моногородов Республики Татарстан. В опросе приняли участие 920 рабочих, специалистов, руководителей предприятий и организаций в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих в городах Набережные Челны, Елабуга, Менделеевск, Чистополь, Зеленодольск и Нижнекамск. Доли мужчин и женщин в выборочной совокупности составили 54,5% и 45,5% соответственно. Вопрос о семейном положении респондентов позволил выявить следующие результаты: в официально зарегистрированном браке состоят 36,9% мужчин и 46,1% женщин, проживают совместно с партнером без регистрации отношений 6,6% мужчин и 5,5% женщин, находятся в разводе 1,2% мужчин и 4,8% женщин. Полученные цифры позволяют сделать вывод о том, что работающая молодежь в большей мере предпочитает узаконенные отношения. Следует отметить, что холостыми оказались 55,3% мужчин и не замужем – 43,7% женщин. Этой части опрошенных был задан уточняющий вопрос, относительно планов создания собственной семьи. По результатам опроса, половина опрошенных (50%) собираются создать семью в ближайшее время, 38,3% респондентов не собираются спешить с таким серьезным делом, как создание семьи. Среди опрошенной работающей молодежи 11,5% считают, что брак и планирование – понятия не совместимые. Незначительная доля опрошенных (0,2%) выбрали вариант «другое». Также анализ результатов исследования показал, что на момент опроса родителями являлись 34,3% респондентов. Из них 16,5% опрошенных имеют одного ребенка, 9,0% воспитывают двух детей, наличие трех и более детей отметили незначительное число респондентов. В целом, результаты опроса свидетельствуют о низких показателях репродуктивных установок работающей молодежи моногородов Республики Татарстан.

Анализ ответов респондентов позволил определить место семьи в системе ценностей работающей молодежи. Как показало исследование, семья занимает первое место в системе наиболее значимых жизненных ценностей работающей молодежи моногородов Республики Татарстан. По мнению 30,9% опрошенных семья является основной жизненной ценностью. Также наиболее значимыми жизненными ценностями работающая молодежь в моногородах республики назвали здоровье (28,4%), материальное благополучие (19,3%), интересная работа (13,7%). Незначительные показатели характеризуют такие варианты ответов, как личная свобода (3,8%), порядок и законность (2,9%), общественное признание (0,8%).

Одним из аспектов исследования стало выявление отношения работающей молодежи к институту семьи и браку. Полученные результаты свидетельствуют, что подавляющее большинство участвовавших в опросе (88,9%) считают важным вступать в официальный брак. Только 6,3% респондентов (суммарно) не разделяют эту позицию, из них на вопрос о необходимости брака 3,7% респондентов ответили «нет, скорее всего», а 2,6% – «нет, определенно». Таким образом, в отношении стратегии построения брачных отношений работающая молодежь моногородов Республики Татарстан в целом продемонстрировала традиционные установки.

Также результаты исследования позволили выявить, в чем работающая молодежь моногородов видит основания для создания семьи. Ценность семьи как социального института во многом ассоциируется в молодежном сознании с ее функциями, что подтверждает распределение ответов на вопрос о значимости семьи. Каждый третий респондент (31,0%) значимость семьи воспринимает, как возможность продолжения рода. Наиболее важна указанная семейная ниша для старшей возрастной когорты 25-30 летних (31,8%), которые подчеркнули эту роль супружеских отношений. В полученных результатах проявился и гендерный аспект: оценка мужчинами семьи, как возможности продолжения рода, в 1,9 раз выше, чем у женщин.

Почти тридцать процентов опрошенных (28,5%) рассматривают институт семьи, как возможность проявления любви к супруге (супругу). Значимость этой функции, отмечается во всех возрастных когортах (40,7% 18-20-летних, 30,1% 21-24-летних, 27,4% 25-30-летних).

Ассоциация семейной жизни с удовлетворением важнейших эмоционально-психологических потребностей наиболее ярко выражена при анализе ответов респондентов по

гендерному признаку.[3,с.76] Это, во-первых, проявляется в утверждении респондентов о том, что «семья – это «убежище» от стрессовых влияний внешнего мира» – 6,6% мужчин и 14,4% женщин. 6,8% мужчин и 5,8% женщин предполагают, что именно в семье человек может попытаться начать самостоятельную жизнь, 3,6% мужчин и 6,0% женщин считают семью местом для самореализации и самовыражения, у 0,6% мужчин и 1,4% женщин понятие «семья» ассоциируется с поддержкой родных, заботой, домашним уютом и счастьем в детях. И мужчины, и женщины считают семью самым главным смыслом в жизни (1,6% и 1,7%). Эти эмпирические данные отражают гуманистическую составляющую этого социального института в молодежном сознании, не разрушенную в складывающихся новых рыночных отношениях, что вселяет надежду, что семья выживет и сохранится, как важная ячейка общества.

Наиболее благоприятный возраст для создания семьи, согласно ответам респондентов, составляет от 23 до 25 лет (43,6%) и от 26 до 30 лет (43,9%). Выявлено расхождение представлений о возрастном цензе относительно создания семьи по гендерному признаку: от 19 до 22 лет – 4,4% мужчин и 7,4% женщин, от 23 до 25 лет указали 34,0% мужчин и 55,1% женщин, от 26 до 30 лет – 52,0% мужчин и 34,4% женщин. Сознательно отложить создание семьи на период после 30 лет планируют 9,6% мужчин и 2,9% женщин. Полученные результаты исследования косвенно характеризуют стремление работающей молодежи моногородов Республики Татарстан получить профессиональное образование, приобрести профессиональный опыт и только потом создавать семью.

Исходя из результатов проведенного исследования можно утверждать, что семья остается для работающей молодежи моногородов Республики Татарстан значимой жизненной ценностью, хотя в ближайшей перспективе они не торопятся ею обзаводиться и демонстрируют низкие репродуктивные установки, откладывая рождение детей на более поздний срок. В большинстве своем респонденты нацелены на официальный брак и демонстрируют в своих ответах традиционные установки в семейно-брачных отношениях. Полученные результаты свидетельствуют о серьезном, взвешенном отношении работающей молодежи моногородов к созданию семьи и рождению детей в современных экономических условиях.

1. Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики Республики Татарстан до 2030 года: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 04.02.2016 г. № 63.
2. Косицына, С.В. Рабочая молодежь в контексте городского социокультурного пространства / С.В. Косицына // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №3-2. – С.9-15.
3. Скютнева, С.В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи / С.В. Скютнева // Социс. – 2003. – №11 – С.73-78.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ

Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург)

В докладе рассматриваются теоретические и практические аспекты гендерных исследований в социологии политики. Приведены результаты гендерного исследования, проведенного в 2015 году студентами третьего курса под руководством автора в рамках спецкурса «Гендер и политика». В условиях длительного электорального периода, который начался в России, следует отметить особую актуальность политологических гендерных исследований или гендерной политологии.

The report examines the theoretical and practical aspects of gender studies in sociology of policy. The results of gender research undertaken in 2015, the third year students under the guidance of the author in the framework of the course "Gender and politics". In conditions of a long electoral period, which began in Russia, one should note the special relevance of political science for gender studies or gender politics.

Гендерная проблематика в социологии политики остаётся весьма слабо разработанной. Политическим наукам предписано максимальное соблюдение мнимой гендерно-нейтральной позиции. Благодаря этому существует норма мужского доминирования и гегемонии в политических институтах и эта норма не является предметом научного анализа.

Гендерные исследования в политических науках (политологические гендерные исследования или гендерная политология) ставят вопрос о структурирующем значении гендера для политических процессов, институтов и общественного гендерного режима. Е.Крайски подчеркнула, что гендер есть совокупность, в значительной степени, политически генерируемых

социальных отношений. Гендер понимается в его относительном, а власть - в господствующем значении [1, с. 222-226].

Б.Заур также обосновывает «гендер» в качестве аналитической категории политических наук. С интеграцией категории «гендер» в политологические исследования связана социально-теоретическая фундаментальность политологических работ. Как принцип социальной стратификации гендер означает опыт социального расслоения и индикатор структурного социального и политического положения и неравенства. Например, «различие в доступе к политической власти, иерархиям в мужских и женских полях деятельности, табуизированных для мужчин или женщин пространствах, контрастирующих представлениях о мужественности и женственности» [2, с. 226-242]. Следовательно, гендер действует как «социальный указатель места».

Гендер является также субъективно усвоенной категорией действия. Женщины как будто усвоили свой подчинённый статус и воспроизводят его посредством своего образа действия. К. Тюрмер-Рор применяет здесь понятие «соучастия в преступлении» [3]. Таким же образом реализуется маскулинность и подводится к субъективной, усвоенной величине, которая включена в маскулинные структуры.

Политическая система конструирует гендер в собственных институтах своими политиками, решениями и инструментами. Политические институты, процессы и культуры есть андроцентристские политические структуры и одновременно результаты, а также постоянные производители политической двуполости. В то же время они определяют официальные исключения женщин или маргинальные включения женщин. Ситуация с женщинами в политике, к примеру, сформирована (структурирующей) совместной игрой мужских политических институтов с одной стороны, (культуры, дискурсы, институты, правила процесса), и диспозициями субъектов, с другой стороны.

В политической культуре существует гендерное измерение политического пространства. Политическая культура западных демократий следует примеру гендерно-иерархизированной символики. Она базируется на «интеллектуальной привычке культуры, которая выдаёт себя в качестве мужской», которая непременно маскирует мужское превосходство гендерным нейтралитетом. Андроцентристская гегемония объясняется мужчинами зоной политики и репродуцирует представления о «женской сущности» как аполитичной: женщины будут допущены в официально-политическое пространство только как «Другие».

Уровень политического субъекта есть мотивации политических установок, представлений и мотиваций поведения. Здесь играют символически закодированные гендерные роли, культурные институты, а также и усвоенные поведенческие диспозиции одной роли. В этой величине гендер обозначает как индивидуальное и коллективное сознание, так и субъективную политическую идентичность женщин и мужчин.

На факультете социологии СПбГУ в рамках спецкурса «Гендер и политика» под руководством автора студенты третьего курса ежегодно проводят пилотажное гендерное исследование по теме: «Имидж современного российского политика». Итоги анкетного опроса ста респондентов (50 женщин и 50 мужчин), проведённого в осеннем семестре 2015/2016 учебного года позволили сделать следующие выводы.

В авторском резюме студент А. Чучалов подчеркнул: «В своем же исследовании я хочу описать образ современного идеального политического деятеля с точки зрения широкой аудитории, тех, кто наблюдает за политикой с помощью ТВ/радио/Интернет новостей. Следующая задача исследования: выявить тенденции относительно полученного образа и его гендерной принадлежности. Если это будет возможно, персонифицировать результаты с современными деятелями политической элиты».

Следует признать, что сегодня, по мнению большинства опрошенных респондентов, политика – дело исключительно мужское. И дело здесь не только в уверенном выборе пола идеального политика. Не стоит забывать и о гендере человека. Именно маскулинные качества требуются от политика сегодня: милитаризация, ум и ответственность. Поэтому, с уверенностью можно сказать, что сфера политики и по сей день остается андроцентричной. И примеры известных политиков Ангелы Меркель или Маргарет Тэтчер («Железной леди») являются не исключением, а подтверждением данной гипотезы. Они «ломают» рамки политики, но не в направлении пола политика (нет, шансы женщин от этого не выше), а в предписывании гендера становиться «мужеподобными» дамами. В конце хотелось бы заметить, подчёркивает А.Чучалов, что уровень доверия населения (более 85%) Президенту РФ В.В. Путину научно вполне объясним.

Люди получают именно то, что и хотят видеть: военизированную личность с крепким и решительным характером; с черным поясом по дзюдо; с юридическим образованием и работой в спецслужбах высшего ранга. Даже развод с супругой большинство населения «списывает» на вовлеченность в работу.

Таким образом, опираясь на материалы исследования, проведенного студентами в Санкт-Петербурге, можно утверждать, что идеальный кандидат на пост Президента Российской Федерации или депутата Государственной Думы – русский, православный, внешне привлекательный, состоящий в браке мужчина в возрасте от 30 до 49 лет. Он имеет высшее образование, положительно относится к службе в армии, увлекается спортом. Честный, справедливый, ответственный, целеустремленный. Помимо политики занимается бизнесом, юридической практикой или работает в сфере финансов. Наличие детей и сексуальная ориентация значения не имеют, но эти факты можно связать с тем, что большинство опрошенных – молодёжь, чьи взгляды более либеральны, чем у людей среднего и пожилого возраста.

Очевидно, что как элемент социальных отношений гендер присутствует в культурных символах, нормативных понятиях, выражающихся в политических, научных, религиозных доктринах, в делении по признаку пола в политических и социальных институтах, а также в субъективных восприятиях личности.

1. Крайски Е. Маргинализация гендерного диагноза политики: тезисы об использовании гендера как аналитической категории политических наук. // Гендерные исследования в контексте социологического образования. Сборник научных статей под ред. В.Ушаковой, У.Мюллер, Б.Зауэр. Санкт-Петербург, 2005.
2. Зауэр Б. Гендер как аналитическая категория политических наук: теоретические и методические размышления. // Гендерные исследования в контексте социологического образования. Сборник научных статей под ред. В.Ушаковой, У.Мюллер, Б.Зауэр. Санкт-Петербург, 2005.
3. Thuermer-Rohr C. (Hrsg.) *Mitaeterschaft und Entdeckungslust*. Berlin/West: Orlanda Frauenverlag, 1989.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ БЕЗРАБОТНЫХ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Файзуллин И.Ф. (Уфа)

В статье безработные рассматриваются как специфическая социальная группа, сформировавшаяся в результате трансформации общественных отношений. Выделяются четыре основных вида безработицы: фрикционная, структурная, циклическая и скрытая её формы. Определяются основные тенденции развития и функционирования социальной группы безработных и их региональные особенности. Выявляются объективные и субъективные факторы безработицы.

In article are considered unemployed as a specific social group, formed as a result of the transformation of social relations. There are four main types of unemployment: frictional, structural, cyclical and hidden its form. Identifies the main trends in the development and functioning of the social groups of unemployed and their regional characteristics. Identify the objective and subjective factors of unemployment.

Трансформация общественных отношений в стране привела к формированию новых социальных групп, исследование которых стало чрезвычайно актуальной, поскольку от них во многом зависит дальнейший прогресс общества и совершенствования и социальной политики. К таким социальным группам относится безработная часть населения. Как известно, рынок труда занимает особое место на рынке ресурсов, и рыночные отношения всегда сопровождаются безработицей. Здесь рабочая сила, рассматриваемая как товар, должна постоянно обновляться и воспроизводиться на новом, более высоком уровне, что связано с конкуренцией на рынке труда. Рыночный спрос и НТП диктуют необходимость внедрения новых технологий, предприятия вынуждены в сжатые сроки проводить реконструкцию, оснащать производство современным высокопроизводительным оборудованием, что порождает безработицу. В этом случае полная занятость, т.е. использование всех пригодных трудовых ресурсов, препятствует модернизации производства, эффективному использованию ресурсов общества, прогрессивным структурным сдвигам и переливу капитала.

Причины безработицы лежат не только в рыночных общественно-экономических отношениях, но и в развитии общественного производства, которое в далекой перспективе может привести к тому, что труд из жизненной необходимости большинства людей превратиться в

привилегию. В связи с прогрессом производства происходит сокращение участников материального производства, и увеличение - в духовном производстве. Конкуренция в духовном производстве в свою очередь приведет к вытеснению ряда экономических субъектов общественного производства, не отвечающих требованиям общества заданного этапа развития.

В далекой перспективе под воздействием факторов НТП будет происходить увеличение числа различных категорий безработных, рост уровня безработицы в целом. В связи с этим общество уже сейчас должно задумываться о том, чем и где занять людей, чтобы отвлечь их от преступности, пьянства, наркомании. Вместе с тем, несмотря на нерешенность многих болезненных структурных проблем безработицы, отмечена тенденция к сокращению расходов государства на политику занятости. Она включает профессиональную переподготовку, субсидирование дополнительных рабочих мест в государственном секторе, поддержку занятости среди групп, находящихся в особо невыгодном положении на рынке труда. Одновременно в арсенале средств государственного регулирования все большую роль начинают играть так называемые: программы активизации. Их цель - интенсифицировать поиск безработными новых рабочих мест. Это означает, с одной стороны, давление на безработного с помощью экономических рычагов, с другой - экономическое поощрение тех, кто быстро находит новую работу. На это направлена реформа системы страхования по безработице, в частности усиление страхового принципа, в результате которого отсекаются лица с коротким сроком выплат, а также те, кто неоднократно терял работу.

Состояние рынка труда в дальнейшем будет определяться рядом факторов. Основные из них - замедление темпов роста трудоспособного населения, увеличение в структуре экономически активного населения доли старших возрастных групп, сохранение тенденции к опережающим темпам роста занятости в сфере услуг, а также преимущественный рост спроса на высококвалифицированную рабочую силу при сохранении большого числа мест с низкими профессионально-квалификационными характеристиками. При этом старение населения является следствием не только волнообразной динамики рождаемости, но и значительного увеличения средней продолжительности жизни вследствие улучшения ее качества, вызванного техническим прогрессом.

Вероятно, не произойдет каких-либо изменений в источниках создания дополнительных рабочих мест, подавляющая их часть появится в сфере услуг. При этом наибольший прирост занятости произойдет в управленческих услугах, здравоохранении, инжиниринге. На первое место по темпам роста занятости выйдут компьютерные услуги, что связано с развитием производительных сил и информатизации общества.

Научно-технический прогресс и изменения отраслевой структуры экономики наряду с переменами в стиле жизни предопределяют предполагаемый характер спроса на отдельные профессиональные группы. Основной тенденцией ближайших лет будет рост профессий, требующих высокого уровня образования, и высокие темпы создания рабочих мест для малоквалифицированной рабочей силы.

Прогнозируемая структура спроса на отдельные профессии определяет особенности требований к образовательному уровню будущих работников. Преимущественное развитие сферы услуг в течение ближайшего десятилетия приведет к тому, что для большинства новых рабочих мест не будет обязательным высокий уровень образования, что обусловит будущие проблемы рынка труда.

Макрорынок труда складывается из множества национальных, региональных рынков труда, которые определяют его специфику. В свою очередь региональные рынки испытывают воздействие основных тенденций международного рынка труда. Так, стабильная общественная обстановка и позитивные тенденции в экономике, сложившиеся в Республике Башкортостан за последние годы положительно сказываются на сфере занятости населения. В настоящее время в Республике Башкортостан получили дальнейшее развитие наметившиеся положительные изменения на рынке труда, чему способствовала реализация органами службы занятости целого комплекса мероприятий [1, с.21]. Рост численности работающих отмечался в нефтепереработке, машиностроении и металлообработке, мукомольно-крупяной и комбикормовой, полиграфической промышленности, на магистральном трубопроводном, железнодорожном транспорте, в связи, оптовой торговле и общественном питании, в жилищно-коммунальном хозяйстве, на предприятиях непродовольственных видов бытового обслуживания населения, операций с недвижимым имуществом, общей коммерческой деятельности, в организациях здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения, образования, культуры и искусства, науки и

наручного обслуживания, финансов, кредита. Сократилась численность работников в электроэнергетике, металлургии, в химической и нефтехимической, лесной и деревообрабатывающей, легкой, пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, сельском хозяйстве, строительстве.

До 1998 г. быстрыми темпами возрастал уровень как общей, так и официально зарегистрированной безработицы. На этом этапе спрос на рабочую силу со стороны реформируемых предприятий был очень низок. В этот период росло число и работающих в режиме неполного рабочего времени и находившихся в вынужденных отпусках. Неполная занятость наибольшее свое проявление нашла в таких отраслях как промышленность, транспорт, строительство, общественное питание и т.д.

Следует отметить, что последние годы разрыв между общей и регистрируемой безработицей все больше сокращается. Наибольшие размеры неполной занятости отмечаются на предприятиях черной металлургии, химической, лесозаготовительной, легкой, пищевой промышленности, промышленности строительных материалов и в строительстве.

В связи с подъемом экономики в Республике Башкортостан началось увеличение объема производства, активизация деятельности предприятий и учреждений начал возрастать спрос на кадры. Это обусловило сокращение в республике как общей, так и официально зарегистрированной безработицы.

Анализируя формирование и воспроизводство безработицы, следует выделить ее объективные и субъективные факторы. При этом под объективными факторами понимаются такие условия, которые независимы от людей и определяют направления, различные условия их деятельности. Они не зависят от воли и желания субъекта. К ним относятся развитие производительных сил, трансформация общественных отношений, конкуренция среди производителей и носителей рабочей силы, и т.д. К субъективным факторам относятся психофизиологические особенности личности (предприимчивость, творческая активность, способность к риску), социальные ее характеристики (пол, возраст, социальная принадлежность, квалификация и т.д.). Объективные факторы всегда выступают как определяющие.

В начальный период трансформации общественных отношений в России при потере рабочих мест доминировали объективные факторы воспроизводства безработицы, вследствие масштабной стагнации, резкого, масштабного сокращения штата многими предприятиями и организациями. В настоящее время объем национального производства имеет тенденцию к увеличению, количество вакансий по различным специальностям растет. В этих условиях в процессе формирования и воспроизводства безработицы значительно возрастает значение субъективного фактора.

Россия встала на путь формирования рыночных отношений, время всеобщей занятости прошло. Явления макроэкономической нестабильности - безработица, инфляция и т.д. - являются обязательными элементами рынка, периода трансформации отношений собственности и демократизации. Длительное время отечественная наука изучала безработицу на примере других стран. Между тем западные страны, открыто признававшие безработицу, научились смягчать ее социальные последствия. Это доказывают многочисленные исследования и практика работы социальных институтов, которые выработали соответствующие формы и методы регулирования как самой занятости вообще, так и видов проявления безработицы среди различных категорий граждан с учетом условий и возможностей каждой страны, особенностей исторического развития, типологии людей. Необходимо констатировать, что используемые ими методы оказывают существенное влияние на снижение социального иждивенчества граждан, повышение ответственности как за приобретаемую профессию, так и за объем и глубину знаний специалистов, на повышение производительности труда и в целом на повышение эффективности общественного производства, на качество выпускаемой продукции, на ряд других сфер общественной жизни. Положительный опыт зарубежных стран следует изучить и использовать его в социальной политике Российской Федерации.

СОХРАНЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БАЛАНСА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Файзуллин Т.Ф. (Уфа)

Статья посвящена проблемам влияния экологического кризиса на жизнедеятельность различных регионов страны и этнических общностей, проживающих на этих территориях. Особенности нарушения экологического баланса в регионе раскрываются на основе репрезентативных эмпирических социологических исследований. Утверждается необходимость разработки экологической политики как на уровне страны в целом и на уровне регионов, которые должны быть реализованы.

The article is devoted to the impact of the environmental crisis on the livelihoods of different regions and ethnic communities living in these areas. Features of the disturbance of the ecological balance in the region are disclosed on the basis of representative empirical sociological research. It is necessary to develop environmental policies at both the country and at the regional levels, which must be realized.

В современном обществе все больше возрастает экологическая опасность, т.е. вероятность нарушения экологического равновесия окружающей среды, вследствие которого могут произойти необратимые изменения условий жизни, подрывающие основы существования человека и общества. В связи с этим становятся чрезвычайно актуальными проблемы сохранения экологического баланса. При этом стратегические задачи сохранения экологического баланса должны решаться не только на глобальном, но и на региональном уровнях это определяется рядом обстоятельств. Так, многочисленные исследования свидетельствуют о том, что в регионах, где нарушен экологический баланс, происходят серьезные изменения здоровья населения. Возникают генетические нарушения, приводящие к наследственным болезням и угрожающие не только ныне живущим, но и будущим поколениям.

Недостаточно продуманное размещение производительных сил, концентрация вредных производств в определенных регионах приводит к нарушению экологического баланса. В результате это ведет постепенно к осознанию кризисной ситуации для здоровья населения. Так, в Республике Башкортостан около 50% населения отмечают, что сегодня в их жизни здоровье доставляет им наибольшее беспокойство. При этом данные социологических исследований свидетельствуют о том, что 7% опрошенных в городах, где концентрированы нефтехимические производства (Уфа, Стерлитамак, Салават, Благовещенск, Сибай) озабочены экологическими проблемами. Это значительно выше средних показателей озабоченности населения по социально-экономическим вопросам по России.

Как известно, в промышленности Республики Башкортостан и сегодня высок уровень концентрации опасных производств как химические, нефтехимические, нефтеперерабатывающие предприятия и предприятия трубопроводного транспорта. Наличие большого числа таких предприятий создает чрезвычайные ситуации, которые могут привести к экологическим катастрофам. Население обеспокоено силой и масштабом угроз, которые таят в себе чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера. В Башкортостане угроза техногенных катастроф волнует больше, чем природные катаклизмы, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, так как аварии на опасных производственных объектах могут привести не только к травме (гибели) обслуживающих этот объект людей, но и к тяжелым последствиям за пределами нахождения опасного объекта, в том числе и в окружающей среде.

И в настоящее время по данным социологических исследований наибольшее беспокойство и тревогу при оценке экологического состояния города Уфы вызывает у 86% опрошенных качество питьевой воды. Диоксиново-фенольное отравление питьевой водой в свое время до сих пор вызывает определенные сомнения в качестве питьевой воды, несмотря на то, что проводятся широкомасштабные исследования по химическим загрязняющим веществам, супертоксикантам в рамках различных экологических программ. У 85% опрошенных беспокойство и тревогу вызывает загрязнение окружающей среды промышленными предприятиями, 69% – качество воздуха, 49% – состояние улиц и дворов, радиационная обстановка – 21%, уровень шума – 14%. У всех слоев населения происходит процесс осознания зависимости своего здоровья, благополучия от состояния окружающей среды и систем жизнеобеспечения.

Причиной неблагоприятной экологической ситуации в республике население считает неглубокое осознание экологических проблем – 32% респондентов, общие тенденции развития экономики – 16%, современный уровень развития науки и техники в стране – 14%, современное состояние деятельности экологических институтов – 12%, политика правительства – 10%,

неэффективность законов, регулирующих экологическую ситуацию в республике – 9% [1, с.51].

Здоровье народов слишком серьезная вещь, чтобы заботу о нем можно было доверить одному только Министерству здравоохранения и социального развития. Лишь многообразие форм охраны здоровья может реально способствовать повышению его уровня. Поэтому среди широких кругов народа начинается движение за демократизацию системы охраны здоровья населения. Первые ростки этого – появление различных фондов, союзов, ассоциаций, национальных медицинских палат, которые ставят своей целью оказание различных видов помощи, в том числе и медицинской, социальной, психологической и прочей. Эти общественные организации ведут борьбу за чистоту окружающей среды населения регионов, добиваются защиты прав людей на потребление экологически чистых продуктов, соблюдения социальной справедливости во всех сферах нашей жизни. Системы, деятельность которых направлена на укрепление физического, психологического здоровья и социального благополучия нации, можно подразделить на государственную, профсоюзную, кооперативную и общественную. Каждый из них должен внести свою лепту в дело сохранения экологического баланса и укрепления здоровья населения.

Следует также отметить, что в условиях нарастания кризисных тенденций в социально-экономических отношениях необходимо формирование экологического сознания у различных групп населения, и особенно у молодежи, с целью формирования ответственности при решении экологических задач.

В сложившейся ситуации становится крайне необходимой разработка стратегических вопросов экологической политики. Ее основной целью должно быть обеспечение эффективного развития общества на основе рационального природопользования с учетом экологической емкости экосистем и их способности к саморегуляции. Достижение этой цели должно обеспечить экологическую безопасность страны, улучшение качества жизни и здоровья людей, устойчивое развитие общества в интересах нынешних и будущих поколений.

Экологическая безопасность предполагает разумное, без разрушения экологического баланса, использование естественно-природных ресурсов, охрану окружающей среды и защиту здоровья населения от отрицательного влияния экологических факторов, минимизацию рисков связанных с индустриализацией и использованием опасных технологий. Работа по созданию системы сохранения экологического баланса должна осуществляться не только на глобальном, но и на региональном и локальном уровнях. В связи с этим нам представляется необходимым предусмотреть специальный раздел по экологической безопасности в стратегии развития региона.

В обеспечении экологической безопасности каждый уровень социально-экономической и административной системы имеет свои возможности. Что же касается регионального уровня, то она должна начинаться с оценки современного состояния экологического баланса в регионе и определения приоритетных проблем, требующих своих решений. Эти работы должны осуществляться на базе научных исследований не только в области экологии и природопользования, но и состояния здоровья различных слоев населения. В результате этих исследований должна разрабатываться стратегия сохранения экологического баланса региона. Эта стратегия должна предусмотреть краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные меры решения проблем сохранения окружающей среды и обеспечения экологического баланса. В свою очередь реализация этой стратегии требует составления целевой программы с конкретизацией сроков, основных мер с определением ответственных организаций и руководителей.

Файзуллин Ф.С. Социальная справедливость и пути ее реализации в национальной политике. – Уфа: Гилем, 2011. – 132 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Фатхуллин Ю.А. (Санкт-Петербург)

Миграционные процессы, происходящие на нашей планете, постепенно стали обретать со второй половины двадцатого века глобальные масштабы, распространившись на все континенты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из важнейших факторов социального развития во всех регионах мира. Ее существенное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. Процессы миграции неизбежно ведут к постепенным культурно-этническим изменениям среди населения внутри отдельных

государств и размыванию традиционных границ. По сути, миграция стала неотъемлемым условием существования современного общества. И в последние годы проблемы миграции, а также адаптации и интеграции приезжих, привлекают особое внимание, как научного сообщества, так и правительственных структур.

Миграция населения порождает множество проблем, связанных с регистрацией, жильем, трудоустройством, адаптацией в новой, во многом непривычной для мигрантов социокультурной среде, требующей от них установления новых этнокультурных и социальных связей.

После распада СССР миграционные процессы на всем постсоветском пространстве стали органической частью всемирного движения населения. Постсоветские миграции вливаются в мировые потоки и сами подвергаются их влиянию.

В связи с естественной убылью населения России миграция, по меньшей мере, до середины века станет почти единственным источником пополнения трудовых ресурсов страны. Миграция, влияя на общую численность населения и на его социально-экономическую структуру, превращается в постоянную составляющую политического, социально-экономического и культурного развития общества, в одну из причин изменения самого типа общества.

Социокультурную адаптацию можно определить как процесс и результат активного приспособления этнических групп к условиям другой социокультурной среды. Источником актуализации социокультурной адаптации в иноэтнической среде является объективно складывающееся противоречие между интернализированным этнокультурным фреймом, привычными потребностями, интересами мигрантов, устоявшейся моделью их социальной активности (групповая этническая идентичность мигрантов) и новыми общественными условиями их жизнедеятельности, изменившимися статусными характеристиками (идентичность принимающего сообщества)

Основные проблемы социокультурной адаптации трудовых мигрантов можно ранжировать следующим образом:

- 1) проблемы в правовом и экономическом поле;
- 2) проблемы в культурно-коммуникативном пространстве;
- 3) проблемы физиологической адаптации.

В настоящее время национально-культурные объединения постепенно начинают выступать важнейшим инструментом, помогающим трудовым мигрантам решать указанные проблемы.

К приоритетным направлениям деятельности национально-культурных объединений относятся:

1. Экономическая поддержка.
2. Обеспечение безопасности и правовая поддержка.
3. Образовательная деятельность.
4. Культурная деятельность.
5. Информационная деятельность.

В связи с этим, данные национально-культурные объединения обладают большими возможностями для того, чтобы совместно с органами власти выступать своеобразными социальными регуляторами в целях успешной адаптации мигрантов в местное сообщество.

Итак, можно сделать следующий вывод: одним из важнейших каналов адаптации мигрантов в местное сообщество являются национально-культурные объединения групп мигрантов, создание которых призвано служить гармонизации межнациональных отношений, а также сохранению языка, обычаев и традиций своего народа, а также культурных связей мигрантов со своей исторической родиной. Однако круг задач национально-культурных объединений не ограничивается только культурно-языковой деятельностью, он намного шире. Одним из приоритетных направлений их деятельности является правовая, экономическая и социальная защита своих членов, что способствует более успешной адаптации мигрантов в местное сообщество. В процессе своей деятельности национально-культурные общественные объединения осуществляют взаимодействия с представителями своей этнической группы, другими национальными объединениями, институтами власти, что зачастую способствует профилактике межнациональных конфликтов. Органы государственной власти и национально-культурных объединений должны иметь общую цель – укрепление государственности, что подразумевает необходимость плодотворной совместной работы.

Деятельность этнических общественных объединений в системе национальной безопасности страны будет положительной, если данные организации будут участвовать в реализации программ федерального, регионального и муниципального уровня, а также решении

значимых задач в области межнациональных отношений, профилактике и разрешении межэтнических конфликтов. Например, участие в межгосударственном и межрегиональном сотрудничестве, а также в переговорном процессе являются эффективными мероприятиями по предотвращению и урегулированию напряженности в межэтнических отношениях.

Деятельность национально-культурных объединений должна охватывать как можно большее количество проживающих в городе представителей тех или иных национальностей. В свою очередь, представителям власти необходимо стимулировать национально-культурные объединения в целях предотвращения угроз национальной безопасности. Например, можно инициировать проведение межнациональных фестивалей и праздников. Таким образом, органы государственной власти, объединяя диаспоры, регулирует их отношения с другими общественными организациями и объединениями, способствуя тем самым гражданскому миру и согласию. Определяя роль этнокультурных центров, необходимо отметить, что они имеют огромный потенциал для предотвращения социальных конфликтов и гармонизацию межэтнических отношений.

Использование положительного опыта национально-культурных объединений позволит успешнее реализовывать национальную политику каждого субъекта РФ и качественно проводить работу в области социокультурной адаптации трудовых мигрантов.

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) // URL: <http://kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения: 01.12.2015)
2. Гриценко В.В. Некоторые социально-психологические особенности мигрантов из стран нового зарубежья / В.В. Гриценко // Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М., 1997. С. 346-363
3. Розанова М. Проблемы интеграционной политики в современном мегаполисе (На примере Санкт – Петербурга) / М. Розанова. – М.: Деан, 2010. – 272 с.
4. Юдина Т.Н. Модели миграционных процессов в условиях глобализации / Т.Н. Юдина // Социальная политика и социология. 2003. - № 4 (20). — С. 157-168
5. Юдина Т.Н. Социология миграции. Учебное пособие для ВУЗов / Т.Н. Юдина. - М.: Академический Проект, 2006 – 272с
6. Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу / М. А. Южанин // Социологические исследования. - 2007. - N 5. - С. . 70-77.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ СЕПАРАТИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Февральская М.А. (Оренбург)

Современная Западная Европа столкнулась с целым рядом проблем, которые требуют быстрого решения, так как они могут крайне негативно сказаться на ее будущем. Одной из данных проблем являются идеи сепаратизма, увеличивающие свою популярность во многих регионах развитых европейских стран. В Великобритании это Шотландия, которая, несмотря на результаты референдума, не потеряла надежды обрести независимость, в Испании – Каталония, в Германии – Бавария. Рассмотрим основные причины развития сепаратизма в европейских странах, которые являются схожими, несмотря на национальные различия каждого государства.

1) Экономическая ситуация. Регионы, охваченные идеями сепаратизма, являются наиболее экономически благополучными в своих странах. Вследствие этого они являются «донорами» для более бедных регионов, отчисляя значительные налоги в бюджет для их поддержки. Это приводит к недовольству местного населения, которое справедливо считает, что независимость позволит им избавиться от ненужных расходов. Так, каталонцы отмечают, что они ежегодно теряют 10% ВВП из-за помощи другим испанским регионам. Бельгийская Фландрия отличается более низким уровнем безработицы и более высоким уровнем производительности труда, чем Валлония. Поэтому фламандцы выступают за политику правого толка, опирающуюся на частную инициативу и ответственность, а валлоны разделяют левые взгляды – поддерживая необходимость распределения доходов и государственной поддержки.

Шотландцы также недовольны своим экономическим положением, так как из-за союза с Великобританией страна теряет доходы от добычи нефти. Помимо этого, Шотландии приходится платить за ядерное оружие Великобритании и за ее участие в различных военных операциях за рубежом. Поэтому шотландские сепаратисты считают наличие ядерного оружия не достоинством, а бременем, мешающим построению справедливого и социально ответственного общества.

2) Кризис мультикультурализма. Страны Западной Европы в течение долгого времени проводила политику мультикультурализма, направленную на поддержание условий для культурного и этнического разнообразия. После II мировой войны национальный состав европейских стран заметно изменился, в развитые страны прибыло большое количество дешевой рабочей силы из бывших колоний и других государств. До определенного времени данная политика функционировала нормально, но на сегодняшний день она серьезно угрожает безопасности многим странам. Многочисленные конфликты на Ближнем Востоке стали причиной прибытия в Старый Свет сотен тысяч беженцев, к приему которых большинство стран не было готово. В результате невозможности контроля миграционных потоков в Европу помимо мирных беженцев попали боевики и члены террористических группировок. Европейские страны были потрясены целым рядом террористических актов, показавших их уязвимость. Помимо терроризма существует и другая угроза – потеря национальной идентичности. Демографические показатели рождаемости среди семей мигрантов намного выше, чем у коренных европейцев, что при сохранении существующей тенденции может привести к тому, что в Европе большинство жителей будут выходцами из стран Северной Африки и Ближнего Востока [5].

Данные проблемы стали причиной роста популярности национализма и сепаратизма. Идеи необходимости сохранения Европы для европейцев уже высказывают не только рядовые граждане, но и видные государственные деятели и политики европейских стран. Так лидер французской партии «Национальный Фронт» Марин ле Пен заявила, что многочисленные беспорядки во Франции «продемонстрировали полный провал иммиграционной политики и выраженный отказ большого числа обладателей двойного гражданства от ассимиляции». Волны национализма создают благоприятную почву для сепаратистов, которые также хотят создать независимые национальные государства. Так, каталонцы и баски не считают себя испанцами, постоянно подчеркивая об этом на всевозможных демонстрациях и забастовках [3].

3) Выход Великобритании из Евросоюза. Позиции Европейского Союза давно потеряли свою прочность, он уже не выглядит оплотом надежности и безопасности. На сегодняшний день попасть в него стремятся лишь страны, имеющие значительные экономические проблемы, видя в единой Европе способ для их решения. При этом все чаще в наиболее развитых странах появляются идеи выхода из Евросоюза [1].

Успех Брексита стал тяжелым ударом для Европейского Союза, так как не только ознаменовал выход Великобритании из ЕС, но и создал прецедент для других государств возможности выхода конституционным путем с помощью референдума. Это дает надежду сепаратистам повторить пример Великобритании. Если раньше выступления сепаратистов сопровождалось беспорядками и военными столкновениями, то на сегодняшний день они стремятся решить проблему мирным путем с помощью волеизъявления граждан. Так, в 2014 г. прошел референдум в Шотландии, где сепаратисты проиграли с небольшим отставанием (55% высказались за единую Великобританию, 45% за отделение Шотландии). 1 октября 2016 г. проведение референдума о независимости одобрил Каталонский парламент, который пройдет в сентябре 2017 г. [2].

Понимание причин развития сепаратизма в Европе необходимо для поиска путей решения проблемных ситуаций. Например, власти Великобритании считают, что главная цель сепаратистов – повышение статуса нации, поэтому стараются ослабить их позиции с помощью предоставления большей автономии. Испанское правительство считает, что движущей силой сепаратизма являются амбиции региональных политиков, поэтому старается игнорировать требования сепаратистов и референдум, надеясь на естественное прекращение конфликта.

Однако обе данные стратегии могут привести к провалу. Рост националистической идеологии это не причина, а средство преодоления кризиса легитимности, который возник вследствие изменения роли государства в жизни населения. Условия длительного мира изменили основную функцию государства – от обеспечения безопасности к экономическому процветанию. Это послужило причиной переоценки эффективности государственных институтов с точки зрения их способности гарантировать гражданам максимум благосостояния. Регионы, стремящиеся к получению автономии, выступают не против национальной идеи, а против модели государственного устройства, в которой содержатся структурные ограничения для их эффективного развития.

Сегодня способность центральных правительств европейских государств держать ситуацию с сепаратизмом под контролем выглядит сомнительной. Так как ни повышение самостоятельности, ни увеличение издержек отделения (за счет жесткой позиции центра по

вопросам валюты, госдолга, собственности и др.) не влияют на глубинные причины развития сепаратизма. Его ослабления можно добиться лишь с помощью таких долгосрочных тенденций как: 1) повышение общего благосостояния населения, снизившего бы остроту проблемы распределения ресурсов; 2) усиление популярности общегосударственных партий, снижение репутации сепаратистов и националистов, что изменит баланс доверия к центральному и региональному правительству 3) обострение внешней военной угрозы, которое снова поставит на первое место необходимость территориальной целостности для большей военной мощи [6].

Если европейские государства не справятся с развитием тенденций сепаратизма, то последствия могут стать очень серьезными. К числу основных из них необходимо отнести следующие:

1) Смена основных политических сил в европейских странах. Нерешенность многих проблем существенно подрывает авторитет государственной власти европейских государств, одновременно повышая его у националистической оппозиции. Например, последние региональные выборы во Франции, прошедшие в декабре 2015 г., позволили Национальному Фронту увеличить число своих депутатов в региональных советах страны со 118 до 358 человек, а лидер партии Марин ле Пен имеет реальные шансы на победу в президентских выборах в 2017 г. Серьезный удар получила и правящая партия канцлера Германии – Христианско-демократический союз, проигравшая в двух землях: Баден-Вюртемберге и Рейнланд-Пфальце. Рейтинг Ангелы Меркель также находится на крайне низком уровне. Если в ведущих европейских странах в ближайшие годы произойдет смена политического курса, то это может стать концом для политики единой Европы [4].

2) Появление на политической карте мира новых государств может привести к возникновению серьезных военных конфликтов. Несмотря на то, что большинство современных сепаратистов стремятся добиться своей цели законным путем, это не дает гарантию избежать военных столкновений. Если конфликт на почве сепаратизма между косовскими албанцами и Югославией вылился в ожесточенные военные действия, то в развитых странах Европы могут стать причиной еще большего военного конфликта с многочисленными жертвами.

Однако большинство последствий успеха сепаратистов в Европе невозможно даже спрогнозировать, но в увеличении общей нестабильности можно не сомневаться. Поэтому европейским государствам настало время задуматься о решении существующих проблем, так как если не предпринимать решительных действий, то в дальнейшем уже может быть поздно что-либо исправить.

1. «Брексит» и игры в сепаратизм. [Электронный ресурс] URL: <http://www.grani.lv>
2. Каталонский парламент одобрил референдум о независимости. [Электронный ресурс] URL: <http://24news.com.ua>
3. Марин Ле Пен призвала французов остановить поток мигрантов. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru>
4. Партия Меркель проиграла из-за мигрантов [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru>
5. Пинаев, П.В. Мультикультурализм в странах Западной Европы: причины неудачи / П. В. Пинаев, Ю. Ю. Яцкевич // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 2 (22). – 2015. С. 74-80.
6. Троицкая, О.В. Прагматизм или утопия? [Электронный ресурс] URL: <http://globalaffairs.ru>

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ПАТРИОТИЧЕСКОЕ САМООЩУЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Фёдорова Т.Н. (Санкт-Петербург)

Состояние кризиса, в который вступило нынешнее общество на глобальном и локальном уровнях, следует рассматривать как триединство разновидностей: идеологического, политического, экономического.

Молодежь обостренно реагирует на происходящее в стране и в мире, все более поляризуется по признаку патриотизма-антипатриотизма, патриотизма-псевдопатриотизма (мнимого патриотизма), ставшими полюсами острейшей идейно-политической борьбы. Если обратиться к анализу патриотического самочувствия молодежи, очевидно, что патриотическая картина мира для молодого поколения в настоящее время фрагментарна, основана преимущественно на ценностях советской эпохи, на военных, космических и трудовых подвигах отцов и дедов. А чем гордиться молодежи сейчас? Судя по нашим многолетним исследованиям,

студенческая молодежь все чаще планирует уехать за границу, что связано с низкими зарплатами, проблемами с жильем, сложностями с трудоустройством по специальности, непрестижностью научной работы и отсутствием эффективных государственных мер по улучшению ситуации. Кроме того, на подрастающее поколение обрушилась целая лавина пошлости, лжи, цинизма, пропаганды перверсий, алкоголизма, наркомании в условиях резкого снижения качества образования и уровня жизни в целом.

Как происходящие противоречивые процессы отражаются в сознании молодежи? Рассмотрим данные, полученные нами в 2015 г. в ходе исследования под названием «Молодежь в условиях кризиса: в поисках оптимальных решений». В опросе приняли участие студенты нескольких регионов страны, в том числе студенты ряда вузов Санкт-Петербурга, общее число опрошенных (N) составило 688 человек.

Наступивший кризис молодежь осознает скорее как политический (54,4%) и экономический (36,6%). Социальным назвали его 9% респондентов. Молодежь, как водится, настроена оптимистично, и в 75,6% случаев полагает, что кризис либо «скоро пойдет на спад» (57,9%), либо «очень скоро наступят стабилизация или подъем» (17,7%). По мнению четверти респондентов - 24,4%, - кризис будет продолжаться «довольно долго».

Патриотами современной России назвали себя 70,6% от числа участников опроса (соответственно, отрицательный ответ дали 29,4% студентов). На вопрос о том, к какому виду гражданства они предпочитают себя причислить, 54,8% молодых людей дали ответ «Я – гражданин России»; 20,1% - «Я – гражданин своей малой Родины, где родился и вырос»; 25,1% - «Я – гражданин мира». Традиционно, большая часть опрошенной молодежи назвала себя интернационалистами – 74,1%. Только четвертая часть

Уровень патриотического самоощущения молодежи в современных условиях может быть обратно пропорционален уровню доверия руководству страны. Но тенденция к этому лишь только намечается. Согласно простым распределениям, полностью доверяет руководству страны каждый третий респондент - 33,4%; доверяют «только отчасти» 56,4% и «полностью не доверяют» 9,2% молодых людей. Проследим, как это доверие/недоверие соотносится с их патриотической настроенностью.

59,7% от числа молодых людей, причисливших себя к патриотам, «не доверяют» (4,9%) и «только отчасти» доверяют руководству страны (54,8%).

83,9% от числа молодых людей, не считающих себя патриотами, «не доверяют» (20,7%) и доверяют руководству страны «только отчасти» (63,2%). Показательно превышение показателей недоверия и «частичного доверия» руководству страны в группе молодежи, не отнесшей себя к «патриотам», над соответствующими показателями в группе «патриотов».

По части оптимизма группа «патриотов» ненамного опередила группу молодых людей, не причисливших себя к таковым. Ответ «скоро кризис пойдет на спад» дали примерно равное число респондентов из обеих групп (59,5% и 56,2%). Ответ «скоро начнется стабилизация или подъем» дали 19,2% «патриотов» и 12,4% «оппонентов».

Число молодых людей, полагающих, что «социальная и политическая обстановка, скорее, останется как сейчас» в обеих группах оказалось равным (29,6% и 29,3%). Однако «патриоты» с большей вероятностью «ожидают улучшения»: 50,3% против 35,2% и с меньшей вероятностью – ухудшения: 20,1% против 34,7%.

Интересно, что лично на себе воздействие социально-экономического кризиса «патриоты» и их оппоненты ощутили примерно в равной степени: 28,9% и 31,1%, соответственно. Ответ «не ощутили» дали 14,3% «патриотов» и 17,3% молодых людей, которые себя к этой группе не отнесли.

Среди патриотично настроенных респондентов число «космополитов» («Я – гражданин мира») составляет 15,7%; в группе тех, кто не причислил себя к «патриотам», число «космополитов» ожидаемо велико: 47,9%.

Патриотический настрой молодых людей не зависит от их материального положения; зачастую не подкрепляется оптимистическим взглядом в будущее и не всегда служит гарантией доверия курсу руководства страны. Совершенно не влияет на патриотическое самоощущение молодежи их националистические или интернационалистические взгляды. Так, в группе «интернационалистов» число «патриотов» составило 70,5%; в группе «националистов» - 73,3%.

Наше исследование может служить подтверждением тому, что в стране есть «правильная» молодежь, на которую сможет опереться будущая возрожденная Россия, - молодежь с адекватным

подходом к понятию «патриотизм», как бы ни пытались это понятие исказить либеральные псевдопатриоты

СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ

Филипова А.Г. (Владивосток)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МД-3569.2015.6)

Российская социология детства является молодой отраслевой социологией. Ее формирование происходит в 1980-90-е гг., а институциональное оформление продолжается до сих пор. Одной из проблем развития является подготовка специалистов – социологов детства. Курс по социологии детства читается в ограниченном количестве российских вузов, часто попадает под сокращение. Сопутствующими сложностями организации подготовки являются слабое учебно-методическое оснащение, недоступность многих зарубежных работ, оторванность теории от практики и др. Социология детства играет важную роль в формировании профессиональных компетенций не только социологов, но также социальных работников, социальных педагогов, психологов и других специалистов, работающих с детьми.

The Russian sociology of childhood is the young brunch of sociology. Its forming has happened in the 1980-90th, and institutional registration continues still. One of problems of development is training of specialists – sociologists of the childhood. The course “sociology of childhood” is given in the limited number of the Russian higher education institutions, it often gets laid off. The accompanying difficulties are weak educational and methodical equipment, unavailability of many foreign works, isolation of the theory from practice, etc. The sociology of childhood plays an important role in forming of professional competences not only sociologists, but also social workers, social teachers, psychologists and other specialists working with children.

Российская социология детства проходит трудный путь институционального развития. Оформление категориального аппарата, методологических оснований началось в 1980-90-е годы и продолжается до сих пор. Важными направлениями развития данной отраслевой социологии являются разработка методов социологических исследований детей, установление междисциплинарных связей социологии детства, обогащение социологических теорий детства, популяризация социологических знаний о детстве, а также подготовка специалистов – социологов детства.

На последнем целевом факторе хотелось бы остановиться. Необходимо заметить, что социология детства как учебная дисциплина играет важную роль в формировании профессиональных компетенций не только будущих социологов, но также социальных педагогов, специалистов по социальной работе, психологов и прочих, ориентированных на работу с детьми. Как справедливо заметила С.Н. Щеглова (Майорова-Щеглова) еще в 2003 году, круг «потребителей» научных знаний о детях в современном обществе постоянно расширяется [1, с. 109].

С.Н. Майорова-Щеглова впервые в отечественной практике разработала и внедрила в образовательный процесс курс по социологии детства. В 1995 году его начали изучать студенты факультета социальной работы и информационных систем Московской гуманитарно-социальной академии. Во второй половине 2000-х годов курс по социологии детства появляется в ряде других высших учебных заведений нашей страны. В 2008-2012 гг. в Институте психологии и социальной работы его преподает А.А. Бесчасная, примерно в это же время он появляется в Санкт-Петербургском государственном университете по инициативе О.Н. Безруковой. В СПбГУ социология детства в настоящее время трансформировалась в курсы по выбору «Социальные проблемы родительства и детства» и «Родительство и детство: опыт социальной компетентности».

Изучение информации, размещенной на сайте исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов, поиск в разных поисковых системах интернета по ключевым словам позволил обнаружить 4 российских вуза, в которых сейчас преподается социология детства – это НИУ «Высшая школа экономики», Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Самарский государственный университет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Анализ этих четырех кейсов осуществлялся посредством обращения к трем методам сбора данных - методу традиционного анализа учебно-методических комплексов дисциплины, интервьюированию преподавателей, опросу студентов. Конечно, четыре кейса – это мало для

представления целостной картины подготовки социологов детства, однако этого достаточно для того, чтобы высветить наиболее острые проблемы и перспективы развития этого направления социологического образования.

Вероятно, одной из ключевых проблем преподавания социологии детства является отсутствие разнообразных учебников и учебно-методических пособий. Настольной книгой преподавателей в данной области является изданное еще в 2000 году учебное пособие «Как изучать детство: Социологические методы исследования детей и современного детства». Отчасти преподавателей курса спасают научные статьи в области социологического изучения детей. Однако здесь возникает новая проблема. Как отмечает информант-преподаватель курса: «в основном имеющаяся литература затрагивает вопросы психологии, педагогики и пр., но крайне редко именно социологический аспект...Выискиваю по крупицам, все время скатываюсь к возрастной психологии и педагогике, социальной работе».

Изучение списков основной литературы, рекомендованной авторами курса по социологии детства к изучению, позволило сгруппировать работы по их отраслевой принадлежности. В результате были выделены 8 групп работ: социальная педагогика и социальная работа; психология; демография; этнография и история детства; социология семьи; социология образования; социология детства; нормативно-правовые акты. Всего один разработчик курса по социологии детства смог указать свою работу в списке учебно-методической литературы. Практически не представлены в списках источники на иностранных языках, хотя социология детства - активно развивающаяся отрасль социологического знания за рубежом.

Параллельно с интервьюированием преподавателей проводился опрос студентов, изучивших или приступивших к изучению социологии детства. Оценки полезности курса распределились следующим образом: 57,1% - «Курс интересный и важный для моей дальнейшей профессиональной деятельности», 42,9 % - «Курс интересный, но ненужный для моей дальнейшей профессиональной деятельности».

Студентам было предложено также выделить наиболее важные темы, изученные в рамках курса. Распределение первых пяти позиций ответов выглядит следующим образом: социализация (8 выборов); положение детей (7 выборов); права ребенка (6); дети и девиантное поведение (5); дети и информационное общество (5).

Вопрос относительно социологов детства, внесших наиболее весомый вклад в развитие данной отрасли социологического знания, дополняет материалы по анализу тем занятий и список литературы рассматриваемых УМКД. Среди отечественных социологов детства названы всего две фамилии – И.С. Кон и С.Н. Щеглова (Майорова-Щеглова). Более вариативен список зарубежных исследователей: М. Мид, Ф. Арьес, Э. Эриксон, Л. Демоз, Н. Постман, К. Калверт, У. Корсаро. Хотя, безусловно, к социологам детства можно отнести лишь последнего.

В рамках проведенных интервью с преподавателями курса по социологии детства были выделены рекомендации по его дальнейшему продвижению: издание учебно-методической литературы, организация совместных исследований студентов и школьников, создание банка данных программ социологических исследований детей, исследовательских методик.

К этим рекомендациям можно добавить расширение баз исследовательских практик студентов-социологов за счет школ, учреждений дополнительного образования детей, социальных служб для семей с детьми и пр.; формирование рабочих исследовательских групп с детской тематикой; пополнение сайта ИК «Социология детства» учебно-методическими материалами, подготовленными преподавателями курса «Социология детства»; формирование ридеров по курсу с включением зарубежных авторов, организация перевода основных зарубежных работ в области социологии детства.

1. Щеглова С.Н. «Социология детства» как элективный курс. Опыт преподавания // Социологические исследования, - 2003, №6. - С.109-113.

2. Щеглова С.Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. Москва: Юнпресс, - 2000. - 72 с.

ОПАСНОСТЬ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ПУБЛИЧНЫХ АРЕН

Филиппова Т.И., Кононова О. В. (Санкт-Петербург)

Конструкционисты называют социальной проблемой те вопросы социальной реальности, которые акторы формулируют на публичных аренах, чтобы придать ситуации статус неблагоприятной. Так, Стивен Хилгартнер Чарльз Л. Боск определяют социальную проблему как:

«Предполагаемое условие или предполагаемая ситуация, на которое или которую действующие лица (по крайней мере, некоторые) “наклеивают ярлык” проблемы на аренах публичного дискурса и действия, определяя их как вредные и формулируя это определение тем или иным образом». [1, 169]

С точки зрения исследователей, уровень внимания, уделяемого проблеме, зависит не от объективных условий, а от коллективного определения, которое им даётся. Социальные проблемы конкурируют между собой за внимание и выход на публичную арену. Борьба также происходит и между различными формулировками проблем. Таким образом, на различных публичных аренах сосуществуют формулировки социальных проблем, причём одна проблема может присутствовать на разных аренах.

Существует множество публичных арен: СМИ, научные журналы, законодательные органы, общественные организации и так далее. Между различными аренами существуют взаимосвязи, которые, по мнению Хилгартнера и Боска, играют решающее значение усилении или ослаблении внимания к проблемам. Посредством совокупности связей социальная проблема, растущая в рамках одной арены, может распространяться на другие и тем самым распространять своё влияние.

Представляется интересным рассмотрение с такой позиции проблемы негативного влияния компьютерных игр на детей в условиях российской действительности. Для нас представляет интерес вопрос, существует ли взаимосвязь между ареной научных публикаций и законодательной ареной в России касательно этого вопроса.

1 сентября 2012 года вступил в силу в силу федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, который регулирует защиту детей от информации, в том числе, в компьютерных играх.

Нами был проведён анализ научных публикаций по теме компьютерных игр за 2005-2015. Для этого мы использовали программу «Humanitarian», разработанную ИТМО. Относительный частотный запрос программы предназначен для построения частотно-ранжированных списков слов – «терминограмм» относительно выбранного пользователем "опорного" термина. Полученный список генерируется в виде таблицы, в которой возле каждого термина указывается количество его употреблений в выбранной "корзине ресурсов" как в абсолютной величине, так и в относительной, в промилле. Промилле – единица изменения, показывающая количество употреблений термина 1000 слов. Термин, относительно которого осуществлен запрос, выделен в итоговой частотно-ранжированной таблице цветом.

Запрос позволяет установить термины, которые чаще всего встречаются в абзацах, где содержится выбранный пользователем опорный термин, и тем самым выявить макроконтекст его употребления в отдельном документе или в совокупности документов (например, в статьях конкретного автора) или в полнотекстовой базе данных в целом.

Нами было проведено два относительных частотных запроса. Первый относительно опорного термина «закон». Второй относительно опорного термина «легализация». Оба запроса произведены с глубиной выборки частотного ранжирования = 30. Запросы были сделаны по массиву научных публикаций, опубликованных в Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>) в категории компьютерные игры. Всего 604 файла за 2005-2015 годы были подготовлено для анализа. Сформировано 3 корзины документов: за 2005-2007 гг., за 2008-2012 гг., за 2013-2015 гг.

Таблица 1. Терминограмма, построенная на массиве научных публикаций, относительно опорного термина «law»: фрагмент.

2005-2007			2008-2012			2013-2015		
№	Word	quantity	№	Word	quantity	№	Word	quantity

1	закон	32	1	игра	87	1	игра	267
2	процесс	20	2	закон	72	2	мир	87
3	party	15	3	мир	28	3	закон	84
4	активность	11	4	игрок	21	4	игрок	57
5	образование	8	5	человек	16	5	человек	51
6	система	7	6	подросток	16	6	реальность	48
7	знание	6	7	компьютер	12	7	дети	34
8	время	6	8	активность	11	8	объект	33
9	результат	6	9	группа	11	9	проступок	31
10	изображение	6	10	возможности	11	10	продукт	28
11	новости	5	11	развитие	11	11	развитие	28
12	мир	5	12	интернет	10	12	время	27
13	человек	5	13	пользователь	10	13	школьник	26
14	университет	5	14	индивид	10	14	действие	25
15	Россия	5	15	дети	10	15	ограничение	25

Запрос позволил установить термины, которые чаще всего встречаются в абзацах, где содержится термин «закон», и тем самым выявить макроконтекст его употребления в совокупности выбранного массива документов.

Корзина документов за 2005-2007 гг. демонстрирует связь термина «закон» в пределах абзаца с понятиями процесс, активность, система (1-я группа факторов) и с понятиями образование, знания (2-я группа факторов). Субъекты игровых отношений, игрок, человек и др., в частотно-ранжированный список не попадают. Следовательно, макроконтекст употребления термина «закон» не связан в данный период с понятием субъекта игровых отношений, в том числе с «детьми». Более того, в пределах «видимости» нет даже понятия игра.

Корзины документов за 2008-2012 гг. и 2013-2015 гг. дают совпадающую картину, которая отличается от предыдущей. Однозначно установлена связь термина «закон» с понятиями игра, игрок, человек, подросток, школьник, дети (2-я группа факторов). 1-я группа факторов представлена слабо.

Термин «легализация» имеет более низкую частоту (Таблица 2). Корзина документов за 2005-2007 гг. показывает отсутствие ассоциации этого термина с компьютерными играми. Понятия, встречающиеся в пределах абзаца, принадлежат к 1-й группе факторов и отражают интересы и проблемы стейкхолдеров этой группы. Корзины документов за 2008-2012 гг. и 2013-2015 гг. показывают наличие связи с компьютерными играми и отдельными субъекта игровых отношений. Также видно, что если в период до 2007 года внимание компьютерным играм уделялось в связи с познавательной деятельностью, то в будущем вопрос ставит в центр человека, его возможности и опасности для него.

Таблица 2. Терминограмма, построенная на массиве научных публикаций, относительно опорного термина «legislation»: фрагмент.

2005-2007				2008-2012				2013-2015			
№	Word	quantity	Частота (%)	№	Word	quantity	Частота (%)	№	Word	quantity	Частота (%)
1	legislation	11	12.911	1	game	11	11.458	1	game	101	14.006
2	institution	6	7.042	2	legislation	11	11.458	2	addiction	42	5.824
3	enterprise	5	5.869	3	withdrawal	7	7.292	3	man	38	5.270
4	investment	4	4.695	4	decision	6	6.250	4	offense	31	4.299
5	target	4	4.695	5	time	5	5.208	5	time	29	4.022
6	condition	4	4.695	6	side	4	4.167	6	literary work	28	3.883
7	control	4	4.695	7	law	4	4.167	7	world	26	3.606
8	process	4	4.695	8	subject	4	4.167	8	legislation	24	3.328
9	way	4	4.695	9	object	4	4.167	9	people	22	3.051
10	investor	3	3.521	10	country	3	3.125	10	computer	19	2.635

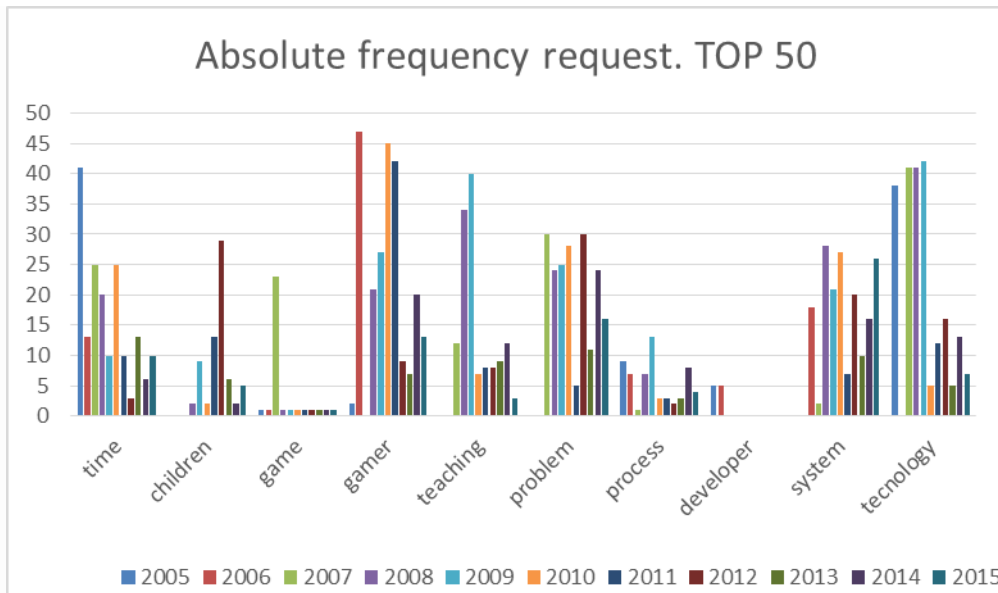
Следует заметить, что абсолютный частотный запрос, сделанный на всем массиве документов, глубиной 100 и 200 терминов не выявил наличия терминов «закон» and «легализация». Это значит, что на протяжении 10 лет к теме законодательства авторы публикаций обращались редко.

Абсолютный частотный Запрос по годам выявил интересную динамику изменения употребления интересующих нас слов из 1-й пятерки частотно-ранжированных списков по годам (Таблица 3, графики 7, 8) и по терминам (график 6). Значения в ячейках матрицы отражают рейтинг использования термина (место) по годам. Например, термин «игра» имел самую высокую частоту встречаемости (1-е место) в рассматриваемом массиве публикаций во все, за исключением 2007, годы.

Таблица 3. Место термина в частотно-ранжированных списках по годам.

№	word	Absolute frequency request					Top 50					
		2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	time	41	13	25	20	10	25	10	3	13	6	10
2	children	0	0	0	2	9	2	13	29	6	2	5
3	game	1	1	23	1	1	1	1	1	1	1	1
4	gamer	2	47	0	21	27	45	42	9	7	20	13
5	teaching	0	0	12	34	40	7	8	8	9	12	3
6	problem	0	0	30	24	25	28	5	30	11	24	16
7	process	9	7	1	7	13	3	3	2	3	8	4
8	developer	5	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0
9	system	0	18	2	28	21	27	7	20	10	16	26
10	tecnology	38	0	41	41	42	5	12	16	5	13	7

График 6

Уменьшим количество терминов и для большей наглядности отображения.

График 7

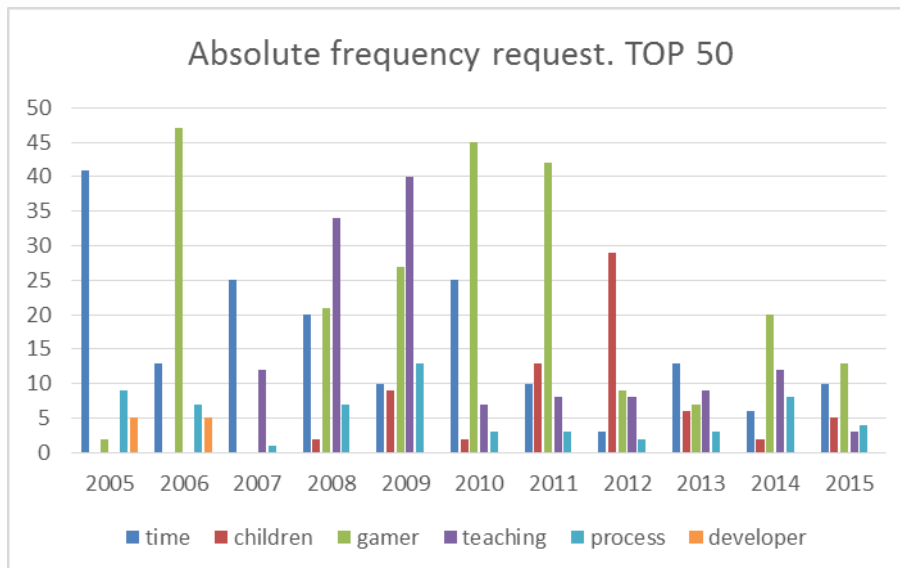
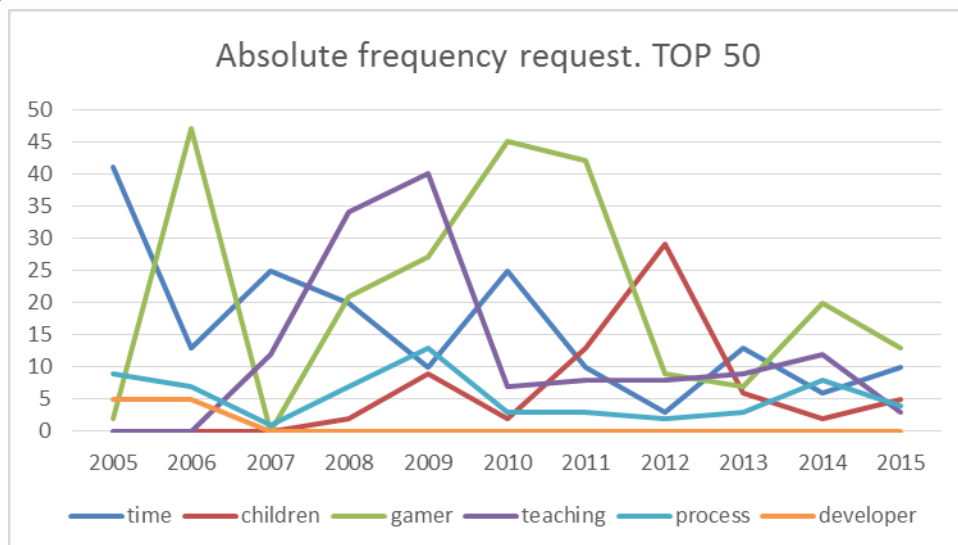

График 8

На графиках можно увидеть, что пик использования термина «дети» в связи с компьютерными играми приходится на 2012 год, когда был принят закон о защите детей от неблагоприятной информации. Этот же факт можно увидеть по Таблице 1, где термин «подросток» появляется также в период 2008-2012 год и продолжает использоваться по 2015 год. Это говорит о наличии связи между двумя аренами. Более подробная характеристика этой закономерности и описание путей формулирования проблемы может быть интересным для дальнейших исследований.

1. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.145–184.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Фортунова М.Г. (Санкт-Петербург)

Современные противоречия в сфере национальных конфликтов являются частью социальной реальности и их недооценка чревата серьезными последствиями. Основной целью политики урегулирования противоречий и конфликтов на национальной почве является устранение негативных факторов и рисков путем создания благоприятных условий проживания на территории Российской Федерации для представителей разных национальностей.

Многочисленные исследования показывают, в урегулировании национальных конфликтов большая роль отводится не только экономическим и социальным мерам, но и средствам информационного воздействия, в частности средствам массовой информации (СМИ). Поэтому так актуальны исследования роли СМИ на всех этапах развития национальных конфликтов: подготовке, развитии и урегулировании. Средства массовой информации давно уже являются не только средством двухсторонней коммуникации в обществе, но и играют существенную роль в общественно-политической жизни государства, стали мощным инструментом формирования общественного мнения и частью самоуправления любого общества. Многие исследователи наделяют СМИ полномочиями «четвертой власти» (наряду с законодательной, исполнительной и судебной). СМИ являются пространством, в котором и с помощью которого реализуется любой общественно-политический процесс.

Об урегулировании национальных конфликтов в современном обществе написано достаточно много. Этой проблеме посвящены труды А.Г.Здравомыслова, Л.М.Дробужековой, В.А.Авксентьева, В.А. Тишкова, Ю.В.Бромляя, К.В.Калининой, А.А.Мацнева, В.А.Михайлова, Э.А.Паина и др. Проблеме роли СМИ в реализации национальной политики и урегулировании национальных конфликтов посвящены работы В.А.Тишкова, Р.Г.Абдулатипова, А.Ф.Дашдамирова, И.М. Дзялошинского, В.К.Мальковой, Р.П.Овсепяна.

В большинстве своем деятельность СМИ имеет целью обеспечивать диалог между различными группами населения (в том числе и межэтническими), тем самым призывая к лояльности и толерантности представителей других наций, гармонизации межнациональных отношений. С другой стороны, СМИ имеют возможность разжечь в обществе национальный конфликт путем укрепления в массовом сознании негативных национальных стереотипов. Принятая еще в 1978 году Декларация ЮНЕСКО о вкладе СМИ в укрепление мира и международного взаимопонимания обязывает к следующему: «Средства информации, распространяя сведения об идеалах, стремлениях, культуре и потребностях всех народов, способствуют ликвидации невежества и непонимания между ними, обеспечению уважения прав и достоинств всех наций, всех народов и всех лиц независимо от расы, пола, языка, религии или национальности»

В период трансформационных процессов после распада СССР особенно актуальным встал вопрос фундаментального пересмотра теории и практики национальных отношений в стране. Именно в это время особенно возросло национальное самосознание, стремление народов России сохранить язык и традиции. Но параллельно с этим этничность политизируется и в большей мере используется СМИ или политиками в качестве инструмента для достижения определенных целей отдельных групп. Особенно это широко используется в многонациональных регионах.

Эффект от воздействия СМИ неоднозначен. События, связанные национальными противоречиями, неоднократно демонстрировали роль СМИ в укреплении или ослаблении общественной национальной ситуации. Если говорить о миротворческой роли СМИ, то важную

роль здесь играют специальные популярные периодические издания, освещающие этническую жизнь и этнические проблемы разных народов. На телевидении же (самом доступном и влиятельном СМИ) материалам, формирующим национальную толерантность и межэтнический образовательный уровень, отводится незначительная роль. Исключение составляют только блок образовательных и культурно-просветительских передач. До сих пор не существует единого телеканала, призванного знакомить телезрителей с культурой, национальными обычаями, культурой народов, проживающих в нашей стране и на постсоветском пространстве. Что касается современных печатных изданий, то многие из них являются коммерческими, т.е. объектами капиталоемкого бизнеса, имеющими главную цель - извлечение прибыли. При этом упрощаются социальные функции таких СМИ. Именно. Но даже несмотря на определенную ангажированность многих средств массовой информации и снижение доверия со стороны населения, их влияние на общественное сознание не вызывает сомнения. Это подтверждается наличием соответствующих тематических подборок и рубрик в электронных средствах массовой информации, чья скорость воздействия на потребителей информации несравненно выше.

Журналистика требует определенного уровня этики, направленной на выполнение гуманной миссии в обществе, особенно при освещении межнациональных отношений. Недопустимо неправомерное обобщение каких-то временных явлений, что может стать устойчивым отрицательным стереотипом, разрушающим тем самым возможность формирования терпимости и взаимопонимания, нагнетающим чувство ненависти и недоверия. Каждое невзвешенное, неосторожное слово здесь может быть воспринято как оскорбление национального достоинства, может стать провокацией в прямом смысле этого слова. Основная задача современной этнической журналистики - способствовать ускорению процессов обсуждения существующих в межнациональных отношениях проблем; предоставлять населению информацию о возможных вариантах поиска конструктивных решений для ослабления напряженности межнациональных отношений и др. При работе с этнической информацией любой журналист, в первую очередь, должен исходить из морали, нравственных установок и этических норм.

Ключевая роль в формировании национальной политики принадлежит государству и политической элите. Современная Россия идет по пути федерализации и укрепления вертикали власти, что влияет и на усиление роли государства в развитии СМИ, особенно региональных. Основной задачей государственной информационной политики стало формирование и обеспечение демократических принципов деятельности национальной системы СМИ. Для развития гражданского общества в России особенно необходим объективный взгляд СМИ на ход общественных событий. На эти вопросы указывает Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666. Одной из задач этой концепции является задача по информационному обеспечению реализации государственной национальной политики Российской Федерации.

Именно национальная политика на государственном уровне способствует повышению внимания к вопросам межнационального взаимодействия и созданию условий изучения данного вопроса органами власти на всех уровнях. Если региональная власть проводит многостороннюю национальную политику, то и СМИ будут использовать в своих материалах. В этой связи, уделяется больше внимание подаче информации в СМИ. Ключевым моментом является изучение факторов политико-правового регулирования деятельности СМИ на региональном уровне. Местные СМИ выступают более лояльно и толерантно, чем столичные. В региональных политических условиях национальная публицистика разнообразна, разнопланова, что объясняется внедрением различных моделей тесного взаимодействия региональных властей с местными СМИ через совместные проекты.

Государственное регулирование деятельности СМИ необходимо еще и для наличия равных прав при выходе в информационное пространство. Не все субъекты имеют одинаковые возможности выхода на рынок средств массовой информации. Государство имеет возможность уравнивать эти права.

Таким образом, можно констатировать, что СМИ могут:

- обеспечивать население достоверной информацией о процессе поиска конструктивных решений для ослабления напряженности межнациональных отношений и др.;
- инициировать конструктивный диалог между группами населения с целью решения национальных проблем;
- выступать центром формирования общественного мнения, способствовать развитию толерантности и гармонизации национальных отношений.

С другой стороны, выступления СМИ могут и затруднять процесс урегулирования проблемы, усугублять межнациональное противостояние, противодействовать уменьшению степени напряженности. Они обладают способностью:

- укреплять в массовом сознании негативные групповые и индивидуальные национальные стереотипы;
- нагнетать чувства страха и ненависти, ведущие к разумному обсуждению возникающих противоречий и т.д.;
- провоцировать дискриминацию, религиозный экстремизм, этнические фобии, этническую миграцию, способствовать разжиганию конфликта.

Такая противоречивость влияния СМИ порождает необходимость тщательного анализа свободы слова, выявления реальной роли СМИ в реализации государственной национальной политики и урегулировании противоречий на национальной почве.

1. Пересветов В. Журналистика. Секреты успеха /СПб.: Тровант, 2009. - С. 29.
2. Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне (Принята Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на ее двадцатой сессии 28 ноября 1978 года) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml
3. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] //Система ГАРАНТ- Режим доступа <http://base.garant.ru/70284810/#friends#ixzz44gnt3cht>

АНАЛИЗ ДИСКУРСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ 20-30-Х ГГ. XX В

Фролова А.С. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306

Под «идентификация» в научной мысли принято понимать совокупность практик и механизмов взаимодействия индивидов и социума. Другими словами, идентичность обеспечивает овладение и усвоение норм и правил социального взаимодействия, а способствует интериоризации и репродукции ценностей и ролевых установок. Социологическое понимание сущности идентичности оформилось в рамках символического интеракционизма Дж. Г. Мида [1] и теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [2]. Данный подход определяет профессиональную идентичность, как социальный конструкт, дифференцирующий пространство трудовой деятельности.

Включенный в социальное взаимодействие и трудовую деятельность человек усваивает и воспроизводит профессиональную идентичность. При этом на как социальные процессы определяют процесс формирования идентичности, так и, в свою очередь, сами идентичности влияют на характер и сущность осуществляемой профессиональной деятельности, а также, ценностную и нормативную матрицу, ассоциирующуюся с той или иной профессией.

Идентичность тесно связана с ее языковым воплощением. Индивиды создают и проецируют собственную идентичность используя семиотические ресурсы дискурсивных самообъяснений, конструирования проектов собственного воображаемого Я. Сформированные в результате Я-образы являются неотъемлемой частью социального существования.

При этом сами Я-образы, как и сама возможность кристаллизации понятия «Я» (идентичности) немислимы вне нарративно-дискурсивных практик, которые составляют ткань повседневных интеракций и способствуют наделению смыслом своих и чужих действий и поступков [3].

Конкретно-исторические общества формируют специфический дискурс идентичности, в том числе профессиональной. Здесь срабатывает также принцип аутопойесиса, так как дискурс детерминирует восприятие и мышление индивидов, «программируя» шаблоны мышления и конструируют идентификационную матрицу. Индивиды, ставшие носителями специфической профессиональной идентичности ретранслируют ее и репродуцируют дискурс, связанный с ней, в межличностном, профессиональном общении, а также непосредственно и опосредовано через средства массовой коммуникации. Таким образом, получается самовоспроизводящаяся и развивающаяся система формирования профессиональной идентичности.

В связи с этим представляется актуальным исследование практики конструирования профессиональной идентичности, для формирования системного понимания возможностей целенаправленного и синергетического влияния на идентичность. В этом плане наиболее эффективными институтами являются средства массовой информации и журналистика [4]. При этом под журналистикой имеется в виду систематическая и профессиональная работа по конструированию фреймов восприятия и мышления посредством публикации, трансляции, организации интеракции в форме публицистических материалов (так как публицистический жанр предоставляет широкий инструментарий для формирования мнения), создающих повестку дня и расставляющих акценты во внимании аудитории. Медиа создают пространство массовой коммуникации, в котором интегрируется общественное сознание, и репрезентация идеальных образов идентичности (к примеру, образцово «положительного» врача, строителя, коммуниста) практически без рефлексии внедряется в сознание индивида, встраивается и/или трансформирует его ценностную и идентификационную матрицы. При этом СМИ порождают пространство гипертекста, дискурсивное измерение социума. Нарратив является единственно возможной формой массовой коммуникации.

Итак, единственно возможными средствами конструирования идентичности являются языковые. Дискурс-анализ предполагает нахождение системы слов-маркеров, обладающих явными оценочными коннотациями – положительными и отрицательными. Также выявляют профессионально окрашенную терминологию (к примеру, выражение «мастер своего дела», под которым подразумевают носителя вполне определенного набора качеств и профессиональных навыков) [Майофис, Кукулин 2015].

Одним из ключевых аспектов, на которые следует обращать внимание в ходе дискурс-анализа текста, является наличие в нем семантических макро-утверждений, макро-правил. К таковым относят, к примеру, селекцию, абстракцию и операционализацию, которые призваны облегчить информацию для восприятия. В этих целях печатные СМИ используют заголовки и лид. Макро-утверждения выстраивают иерархию и тематическую структуру текста.

Основной пласт смыслов находится в пространстве подразумеваемого. Значительная часть информации выражена не полностью, в расчете на то, что аудитория воспримет ее из контекста и интерпретирует на основе уже имеющихся шаблонов, с опорой на культурную матрицу общества. Дискурс предполагает то, что в сообщении есть интрига. Как раз-таки некоторая недосказанность текста создает эту интригу, необходимость поиска и смыслообразования. Проходя «самостоятельный» (но на самом деле заранее детерминированный) путь интерпретации индивид интериоризирует полученное знание, воспринимает его как собственное.

В данном исследовании мы будем рассматривать именно дискурс, сформировавшийся в прессе 20-30-х гг. XX века в Советском Союзе. Полученные результаты будут рассматриваться в совокупности с результатами подобных исследований других временных отрезков истории Советского Союза и России.

В целом характеризуя дискурс прессы изучаемого периода, следует сказать, что он пропитан духом борьбы, революционности, единения пролетариата всех стран. Это находит отражения и в заголовках и в повестке дня, основных акцентах в материалах: «Английские горняки держаться стойко»[5]; «Голодовка Ваги и товарищей»[6] - о забастовке в Вене;

В середине XX годов в советской прессе очень много внимания уделяется процессам происходящим среди пролетариата западных стран, в частности Англии, публикации на данную тематику становятся центральными в номере: «Первоначальные требования горняком остаются в силе. Буржуазная пресса подняла кампанию с целью посорить Куку и Смита» [7].

Довольно часто на страницах прессы можно встретить статьи, выявляющие негативные тенденции в профессиональной деятельности отдельных людей или коллективов.

В заметке «В поисках рабкоров» [8] рассказывается об отлынивании от исполнения должностных обязанностей избранных трудовыми коллективами рабкоров. При этом констатация факта о неявке рабкоров на собрания сопровождается нравоучительными высказываниями о их роли и обязанностях: «Рабкоровы - не для звания избирались коллективами служащих, а для того, чтобы на страницах местной газеты освещалась жизнь того или иного коллектива, о их нуждах и недостатках и т.п.».

В статье «Елизовский кооператив» [9] вскрываются нарушения выявленные в ходе ревизии кооператива Рабоче-Крестьянской Инспекцией. «По данным ревизии, Елизовский Кооператив страдал болезнями общими для всей Камчатской кооперации, как то: раздачей в долг товаров, чрезмерными расходами на содержание излишнего платного штата, использованием

кооперативного имущества для личных интересов правления и их родственников». В характеристике ситуации с кооперативом используется метафора болезни, что однозначно настраивает читателя к данному явлению как к аномальному, нездоровому, требующего незамедлительного исправления.

В 30-е гг. набирает обороты дискурс соревновательности, газетные страницы пестрят сообщениями о выполнении и перевыполнении планов: «Сталинградские водники досрочно закончили ремонт 22 пароходов. Соревнование портовых грузчиков»; «Кузбас полностью выполняет план»; «Соревнование теребильщиков льна» [10]. Труд представляется долгом, личным обязательством: «Братья ответили на эту телеграмму новым обязательством – выкосить за сезон по 180 гектаров» [11]

Дискурс борьбы также остается на повестке дня: «Пролетарская солидарность крепит фронт бастующих горняков Чехо-Словакии» [12]. При этом ключевыми элементами дискурса выступают солидарность, единство, сплочение в борьбе.

Именно в 30-е годы оформляется основная направленность дискурса, хотя в полной мере о профессиональной идентичности еще говорить нельзя. Она только начинает выкристаллизовываться в дискурсивном пространстве советской прессы, на страницах которой есть материалы посвященные различным профессиям, связанным с ними обязанностям, трудностям. Однако главным мотивом остается идентичность пролетарская, по принципу отношения к труду как таковому.

1. Мид Дж. Г. *Избранное: Сб. переводов. РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии (Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко). М., 2009. 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).*

2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум".1995.*

3. Агафонова Е.В. *Социальное конструирование идентичности и формирование нарративной модели поведения. - Альманах Дискурс-Пи. Вып.5. Тропы метода. [Режим доступа: <http://discourse-pt.ur.ru/avtor5/agafoнова.php>]*

4. Ваньке А. В., Кулаев М. А. *Рабочие в дискурсе российских телеканалов и печатной прессы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 126-132*

5. *Английские горняки держаться стойко // Комсомольская правда. 13 июня 1926. № 134 (317).*

6. *Голодовка Ваги и товарищей // Комсомольская правда. 13 июня 1926. № 134 (317).*

7. *Первоначальные требования горняком остаются в силе // Комсомольская правда. 13 июня 1926. № 134 (317).*

8. *В поисках рабкоров // Полярная звезда. 28 сентября 1924. №64(206).*

9. *Елизовский кооператив // Полярная звезда. 28 сентября 1924. №64(206).*

10. *Сталинградские водники досрочно закончили ремонт 22 пароходов // Труд. 1932. №80 (3426); Кузбас полностью выполняет план // Труд. 1932. №80 (3426); Соревнование теребильщиков льна // Правда. 1937. №211 (7177).*

11. *Стахановская работа косцов – братьев Горбачевых // Правда. 1937. №211 (7177).*

12. *Пролетарская солидарность крепит фронт бастующих горняков Чехо-Словакии // Труд. 1932. №78 (3424).*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Фролова А.С., Попова О. А. (Ростов-на-Дону)

Современный мир характеризуется интенсификацией миграционных процессов. При этом зачастую мигрантами становятся малообразованные, низкоквалифицированные рабочие, как правило, не владеющие на должном уровне языком, не усвоившие культурную и ценностную матрицу принимающего общества. В этих условиях актуализируется проблема социокультурной адаптации мигрантов в принимающем обществе. Данная проблема особенно остро стоит в странах с преимущественно низкоквалифицированным миграционным притоком. При этом социальное напряжение нарастает в связи со столкновением принципиально отличных культурных и идентификационных матриц мигрантов и принимающего населения.

Проблема цифровой идентичности и использования современных медиатехнологий в процессе социокультурной адаптации мигрантов остается малоизученной как в зарубежной, так и в отечественной научной мысли. Однако некоторые теоретико-методологические и практические

наработки в данной сфере есть. Так, Veltri N.F. и Elgarah W. [1] исследуют проблему культурно-обусловленного медиапотребления. Исследователи обосновывают корреляцию национальных и культурных характеристик пользователей и применения социальных медиа. Социокультурные особенности медиа-поведения изучают Rosen D., Stefanone M. A. и Lackaff D. [2]. Непосредственно проблеме влияния новых медиа на процесс социокультурной адаптации посвящены исследования Ребекки Савьер [3]. Stephen M. Croucher [4] в своей работе 2011 года также рассматривает вопросы влияния социальных сетей и в целом новых медиа на культурную адаптацию. Автор обосновывает то, что в ходе культурной адаптации социальные сети оказывают влияние на внутригрупповую коммуникацию мигрантов. Взаимосвязь социальных и цифровых процессов рассматривается в работе 2012 г. «Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice» Ника Коулдри [5]. Среди российских исследователей можно выделить Глухова А.П. и Окушову Г.А. [6], раскрывших в своей работе сущность понятия цифровая идентичность и особенность ее воспроизводства мигрантами в социальных сетях.

Решение проблемы социокультурной адаптации мигрантов возможно только при учете современных реалий информационного общества. Концептуальное изучение процессов цифрового воспроизводства идентичностей мигрантами может внести значительный вклад в развитие представлений о сущности и трансформации идентичностей в информационном обществе, что является малоизученной проблемой как в отечественной, так и в зарубежной научной мысли.

Мигранты в России зачастую оказываются в положении маргинализованных групп, подверженных эксклюзии, что способствует росту напряженности и взаимного неприятия приезжих и принимающего общества. Подобной эксклюзии способствует культурно-языковой барьер и ментальная оторванность от этнической родины. При этом преодоление психологической депривации и частичный выход из ситуации социальной маргинализации происходит за счет «виртуализация родины» [6] и в целом виртуализации общения с диаспорой с помощью использования социальных платформ.

Мигранты активно включены в информационно-коммуникационные процессы: ведут собственные страницы в соцсетях, состоят в интернет-сообществах, группах. Именно в медиапространстве протекает подавляющее большинство современных массовых и межличностных коммуникаций. Мигранты конструируют собственную цифровую этноконфессиональную идентичность, вступая в коммуникацию посредством новых медиа. Часто подобная идентичность становится деструктивной в связи с ее неадекватностью (несоответствием) требованиям принимающего общества. Ретранслируясь и воспроизводясь в медиапространстве подобная идентичность, вступающая в конфронтацию с культурной и ценностной матрицей страны, дезинтегрирует социокультурное пространство и порождает конфликтогенную обстановку.

М. Кастельс пишет о трансформации идентичностей в реалиях информационного общества: «С одной стороны, многие думают, что в обществе глобальных сетей исчезает особая идентичность. В действительности же происходит наоборот. Все больше и больше людей полагаются в своей жизни на свою идентичность и очень часто на национальную идентичность общества, в котором живут, – религиозные, национальные и этнические особенности. Неправда, что большинство людей считают себя гражданами мира. Большинство людей придают особое значение своей национальной принадлежности» [7, С. 51].

Современные медиа, интернет дают практически безграничные возможности для репрезентации и ретрансляции собственной идентичности. В связи с этим, на наш взгляд, научно-практическую актуальность приобретает изучение этнических интернет-сообществ как социальных микро-институтов, выполняющих конкретные социальные функции, и способных как способствовать дальнейшему росту напряженности в межэтнических отношениях, так и стать площадкой социокультурной адаптации мигрантов в принимающем обществе.

Более глубокое понимание сущности цифровой идентичности мигрантов в современном информационном обществе способствует выработке эффективных адаптационных стратегий, механизмов консолидации социокультурного пространства и формирования интегративной идентичности адекватной принимающему обществу. Адаптация мигрантов посредством новых медиа может способствовать более интерактивному, точечному, индивидуальному подходу к социализации и адаптации мигрантов, обеспечит культуру медиапотребления и медиакоммуникации мигрантов, а значит, будет способствовать снижению межэтнической и этноконфессиональной напряженности.

1. Veltri, N.F., & Elgarah, W. (2009, March). *The role of national cultural differences in user adoption of social networking*. Paper presented at the Southern Association for Information Systems Conference, Charleston, SC.
2. Rosen, D., Stefanone, M. A., & Lackaff, D. (2010). *Online and offline social networks: Investigating culturally-specific behavior and satisfaction*. In *Proceedings of the 43rd Hawai'i International Conference on System Sciences*. New runswick: Institute of Electrical and Electronics Engineers, Inc. (IEEE).
3. Sawyer R. *The Impact of New Social Media on Intercultural Adaptation*. Senior Honors Projects. Paper 242.
4. Croucher S.M. (2011) *Social Networking and Cultural Adaptation: A Theoretical Model*. *Journal of International and Intercultural Communication*. Volume 4. Issue 4.
5. Couldry N. (2012). «*Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*». Malden, MA: Polity Press.
6. Глухов А.П., Окушова Г.А. *Мигранты как маргинальный тип цифровых кочевников: воспроизводство этнонациональной идентичности мигрантов из Центральной Азии в социальных сетях // Connect universum*. 2015. [Электронный ресурс: <http://connect-universum.tsu.ru/blog/882.html#cut>]
7. Кастельс М., Алексеева А. (2013). *Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства: Из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012 // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал.-информ. исслед. Отв. ред. Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. – М.*

ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЛЮДЬМИ ПОДВЕРГШИМИСЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АТАКЕ

Фролова Е.А. (Санкт-Петербург)

Наступил XXI век, который с точки зрения массовой социологии можно назвать эрой терроризма. В переводе с латинского слово «terror» — это страх, ужас. Основная цель террористов состоит в вызове состоянии ужаса не только у своих заложников (жертв насилия, но также у всех остальных людей.

Террор — это политика устрашения, подавления политических противников насильственными методами. С точки зрения социальной работы, террористы стремятся стимулировать ситуацию хаоса в политических и экономических сферах общества, спровоцировать состояние страха в массовом сознании. Действия террористов направлены на то, чтобы создать панику в обществе, дезориентировать и дезорганизовать работу государственных органов.

В связи с последними громкими актами террора, я могу заключить, что терроризм стал социальной эпидемией. Психология людей, осуществляющих террористические акты, для научной социологии проблема однозначно новая. Эмпирические исследования личности террористов не проводились из-за трудности подобной работы. Эмпирические исследования с людьми, подвергшимися терроризму, весьма затруднительны, так как эти люди подверглись глубокому психологическому потрясению, и для начала им потребуется социальный работник и психолог.

Психологические последствия терроризма взятые по отдельности разнообразны. Некоторые из них носят долговременный характер, другие сразу проявляются после теракта или в ближайшее время (от нескольких часов до 3 дней). По характеру направленности их можно разделить на последствия, в результате которых будут изменения в личностной, эмоционального и морального состояния человека, и на последствия социального характера, ведущие к изменению в обществе в целом.

К отсроченным психологическим последствиям терроризма относится посттравматическое стрессовое расстройство, приступы паники, нарушение сна, беспричинная агрессия и тд. Необходимо отметить, что ПТСР возникает не только у конкретных участников психотравмирующих событий, но и у сторонних (отдаленных) наблюдателей, которые с помощью СМИ становятся косвенными участниками произошедшего. Поскольку СМИ непредвзято отражают процессы террористического акта, люди вынужденно погружаются в них, что может привести к нежелательным последствиям. В обществе активизируется реакция “Домино” в виде паники. Благодаря наличию СМИ эта реакция не встречает ни географических, ни физических преград на пути распространения. Еще одним серьезным и опасным для общества психологическим последствием террористического акта является процесс распространение насилия среди населения. Наблюдение сцен насилия, таких как террористические акты, способно

приводить к изменению установок индивида по отношению к агрессии и проявлениям насилия непосредственно в реальной жизни.

Минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма – это комплекс организационно-технических, социально-психологических и медицинских мероприятий, направленных на:

- а) предотвращение угрозы населению;
- б) оказание медицинской помощи пострадавшим;
- в) социальную реабилитацию лиц, пострадавших в результате террористического акта;
- д) защиту окружающей среды;
- ж) сохранение объектов жизнедеятельности, имущества;
- з) восстановление обычного режима работы всех лиц и предприятий после вынужденных временных ограничений во время контртеррористических операций.

С возрастанием угрозы для жизни (например, обстрел здания) у заложника развиваются четыре вида психогенных реакций.

Первый вид представлен тревожностью, паническим страхом, оцепенелостью, вялостью, дрожью, нарушением отдыха и сна, чувством безысходности, апатией, молчаливостью, неподвижностью, когда человек лежит на полу в «позе зародыша». После проведения операции и освобождения у этих заложников появляется некоторая скованность и заторможенность, пассивность, безынициативность, некоторая эмоциональная притупленность и невыразительность.

Второй вид - это особая форма изменения сознания, которое наиболее близко к состоянию оглушения. Специалисты отмечают нарушение восприятия времени – «время то летит, то тянется очень медленно». На первый план выступает психическая беспомощность. Заложники не могут правильно оценить текущую ситуацию и степень угрозы для своей жизни и жизни близких, с трудом фиксируют внимание на происходящих событиях.

Третий вид проявляется скованностью и заторможенностью, пассивностью, отрешенностью от реальной ситуации. Освобожденные очень внимательно прислушиваются к угрожающим шумам (выстрелам, разрывам и пр.). Их поведение практически ничем не отличается от поведения окружающих. Сразу же после освобождения эти люди полагают, что период нахождения их в заложниках не прошел для них бесследно и нанесен вред их здоровью.

Четвертый вид заключается в переживании панического страха, отчаяния и безысходности. Иногда начинают громко стенать, призывать на помощь Всевышнего. Эти люди беспрекословно выполняют все требования преступников. После освобождения у таких заложников (обычно женщины) начинаются истерические припадки, слезы, жалования на свою судьбу.

Можно выделить общие признаки, характерные для всех освобожденных заложников.

Психологическое отражение подобной травмы включает в себя три относительно самостоятельные фазы. Первая – «фаза психологического шока» – состоит из двух основных компонентов: снижение активности, нарушение ориентировки в окружающей среде, дезорганизацию действий; отрицание происшедшего. Как правило эта фаза кратковременна. Вторая – «воздействие» – психо-эмоциональная реакция на событие и последствия. Это могут быть тревога, паника, страх, гнев, т.е. эмоции, отличающиеся крайней выразительностью. Постепенно эти эмоции перетикают в реакцию самокритики или сомнения в себе. Она заключается на примере фразы: «что было бы, если бы...» и сопровождается болезненным осознанием необратимости происшедшего, признанием собственного бессилия и часто чувством вины. Характерный пример – чувство вины за выживание, которое иногда доходит до глубокой депрессии. Но это случается только в самых тяжелых случаях, при сильнейшем стрессе. После этой фазы наступает третья фаза – либо процесс выздоровления в виде адекватной реакции на вновь возникшие обстоятельства – фаза «нормального реагирования», либо заикленность на травме с дальнейшим развитием постстрессового расстройства.

Таким образом, необходимость вмешательства социального работника является главной задачей. Люди, подвергшиеся терроризму нуждаются в комбинированном подходе к лечению личностных расстройств, а действия социального работника не заканчиваться на классических технологиях работы. Кураторство и помощь в адаптации клиента должны быть неотъемлемой частью всего процесса социальной работы.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ СПЕЦИФИКУ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Харченко В.Д. (Краснодар)

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-13-23011 а(р)

Происходящие сейчас в России процессы возрождения этничности, обострения интереса русского народа к своим этническим корням, этнической идентичности и национальным идеям актуализируют в науке необходимость научной рефлексии проблемы этнического самосознания и связанных с ним явлений.

Как известно, Россия имеет сложный национально-этнический состав. Как полагал В.А. Тишков, «несмотря на этноконфессиональные различия, часто выступающие факторами конфликтности и нетерпимости в России, этническое и религиозное многообразие, многоконфессиональность российского народа составляет его богатство, его силу и более того, оно есть условие стабильности развития страны»[1, с.18]. Сущностью самосознания той ли иной общности является убеждение этой общности в своей групповой особенности, которое выражается в языке, нравах, исторической судьбе, религии, форме государственного устройства и так далее. Это способствует формированию даптивного поведения, собственного психического склада и ценностных ориентиров, чувства неразрывной связи своего «Я» с жизнью и судьбой своего народа. Современное российское общество – это общество, в котором осуществлены принципы политической свободы. Сравнивая историческое прошлое и современную ретроспективу, исследователи приходят к выводу, что исчезла жесткая регламентация жизни членов общества со стороны государства. Данные факты существенно повлияли на самосознание русских.

В научных кругах по поводу определения термина «этническое самосознание» ведутся дискуссии. Это связано в первую очередь с трансформацией самого этнического самосознания русских (по крайней мере тех составляющих, которые в нем единогласно выделяются) в последние десятилетия новейшей истории России. Именно благодаря данным трансформациям русское самосознание приобрело свою, отличную от других стран специфику. Основной причиной отличия русского самосознания можно считать внутреннее неприятие навязываемой извне системы западных ценностей. Рост самобытности национального самосознания, национальной культурной идентичности у представителей различных национальностей, проживающих в России так же имеет объективные и субъективные причины – позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, нацизма.

На содержание национальной русской самоидентификации влияют различные естественные и культурные факторы.

Во-первых, Россия издавна по своему географическому положению находилась между Западом и Востоком. Наша страна соединяла Восток и Запад, испытывая влияние и того и другого.

Во-вторых, Россия обладает обширной территорией. У таких больших стран, как Россия, проблемы расширения жизненного пространства никогда не было, была лишь проблема его сохранения. В отличие, к примеру, от испанской колонизации Америки, ни один народ Сибири и Дальнего Востока не был объявлен «дикарями» и уничтожен. Русские всегда были миролюбивы. Отсюда же вытекает широко известное гостеприимство, хлебосольство и добродушие русских людей, толерантность по отношению к другим народам, потому что нам нечему завидовать. К тому же русские формировались не в национально-замкнутом пространстве, а в открытой равнине, двумя фундаментальными качествами: чувством мощного единения друг с другом и возникшим из многовекового опыта жизни[2].

В-третьих, русская культура носит объединяющий характер. Это говорит о том, что Россию невозможно однофакторно идентифицировать. В этой связи важно выявить наличие общенациональной объединяющей идеи, коей полноправно может выступить русское самосознание (или же идентификация себя с русскими). Авторы отмечают, что «согласно российскому мышлению страна, которая когда-то была завоёвана Россией, становится ее частью» [3, с. 236], не теряя собственного культурного лица.

В-четвёртых, так как русская цивилизация имеет свои, отличные от других цивилизаций истоки и особенности (речь идёт о богатом историческом прошлом нашей страны, о сильной национальной идее, подробно описанным в работе В.Ю. Соловьева и А.А. Васильева[4] Авторы уверенно заявляют, что русская идея в общем виде – это путь движения страны, способ её существования в настоящем и будущем, это и её далёкая цель развития), то главным фактором,

оказывающим на нее наибольшее влияние, является менталитет создающих её народов. Менталитет народа – это исторически возникший склад ума, мироощущение, миропонимание и социальная психология его типичного представителя.

Самоидентификация России происходит по двум основным направлениям: первое состоит в осознании сущности национального самосознания, системы ценностей русской культуры, путей их воплощения. Второе же включает в себя соотнесение русского культурного кода с западным или восточным, решение вопроса о близости национальной культуры Западу или Востоку[5, с. 201].

Как отдельный, обособленный, пятый фактор можно выделить православный характер религиозной идеологии как принцип сохранения своей православной веры от попыток внедрения в России католичества или протестантизма как основной угрозы национальному самосознанию. Общественная суть православия основана на понятиях социальной справедливости, добра, главенства духа над плотью и воплощена в церковных жизнеописаниях православных святых. Все это породило такую русскую черту, как национальная и религиозная терпимость. Ведь на территории России много веков мирно проживает почти полторы сотни разных народов, и никогда не было расовой вражды, религиозных войн, запретов на межнациональные браки[2].

В-шестых, добавим, что русские, живя в своей этнической среде или среди других народов, русские так же как и другие национальности, идентифицируют себя чаще всего по языку.

Следует так же обратить отдельное внимание, что изучение проблем этнического самосознания в России последовательно осуществляется на основе двух различных исследовательских подходов. Первоначально деятельность исследователей оформилась в ярко выраженный этноцентризм, стремление сравнивать любые элементы других этнических культур и самосознания с собственными, воспринимающимися в качестве эталонных. Постепенно эта позиция уступила место позиции культурного релятивизма, опирающегося на осознание того, что культура и самосознание любого этноса могут быть поняты лишь в собственном контексте.

В заключении добавим, что возрождение русской национальной культуры и формирование русского национального самосознания дело не одного дня, но для этого нужны такие условия, при которых народ в России сможет полноценно развиваться. Сегодня требуется консолидация различных субъектов русского национального самосознания вокруг национальной идеи. Смысл национальной идеи состоит в побуждении воли народа к национальному единству на основе национального самосознания во имя достижения целей, национальных потребностей и интересов[6, с. 240].

1. Тишков, В.А. *Единство в многообразии*. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2015. С. 153.

2. Особенности национального самосознания русский // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки. М.: «МЦНО». 2016, № 1 (30) / URL: <http://nauchforum.ru/node/9164> (Дата обращения: 24.09.16).

3. Койвисто М. *Русская идея*. М.: Изд-во «Москва», 2002. 243 с.

4. Соловьев В.Ю., Васильев А.А. Особенности национального самосознания и русская национальная идея // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 2012, № 27. С. 994-998.

5. Россия и Украина: сравнительный анализ самоидентификации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46). С. 200-202.

6. Антонов Е.А. Русское национальное самосознание в условиях глобализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 14. С. 238-242.

ТРУДОУСТРОЙСТВО БЕЗДОМНЫХ ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Хвоин Н.Н. (Санкт-Петербург)

Многие исследователи, рассматривая вопросы социальной адаптации бездомных граждан, считают, что одной из форм способствующей оптимальной ресоциализации бездомных граждан является трудоустройство. Вместе с тем проблема трудоустройства указанной категории граждан является актуальной, поскольку работа в данном направлении, в зависимости от региона России, осуществляется на крайне низком уровне, либо не осуществляется вовсе.

Помощь в решении вопросов трудоустройства [1] лиц без определенного места жительства возложена на учреждения социальной помощи (центры социальной адаптации, дома ночного пребывания, социальные гостиницы). И от того, насколько налажено взаимодействие учреждений

социальной помощи с центрами занятости населения, работодателями, различными общественными организациями зависит степень возврата бездомных в общество как полноправных граждан.

Общая численность лиц без определенного места жительства и занятий в стране в отечественной литературе определяется различными величинами: от 450-500 тысяч человек, до 3,3 млн. человек, от 4 до 5 млн. человек, это от 0,3% до 2,8% населения страны [2]. Если же учесть, что бездомные – это люди трудоспособного возраста, то получается примерно 5-7% потерь рынка труда (от экономически активного населения). По состоянию на 08.10.2016 в информационной системе Федеральной службы по труду и занятости «Работа в России» предложено 1072325 рабочих мест, в том числе с предоставлением жилья – 141762 рабочих места [3].

Таким образом, создав условия для трудоустройства бездомных граждан, их переобучения удастся снизить социальную нагрузку на бюджет в виде расходов на содержание бездомных в специальных домах интернатах, больницах, учреждениях социальной помощи, выплат пенсий по инвалидности, и самое главное превратить иждивенца в законопослушного налогоплательщика.

Организация трудоустройства бездомных граждан в Санкт-Петербурге

Вопросы содействия в трудоустройстве бездомных граждан решаются Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга, Городским пунктом учета бездомных граждан, домами (отделениями) ночного пребывания и отделениями социальной помощи, во взаимодействии с Комитетом по труду и занятости населения Санкт-Петербурга (далее – КТЗН) и Агентствами занятости населения районов Санкт-Петербурга, являющимися структурными подразделениями СПб ГАУ «Центр занятости населения

Санкт-Петербурга», подведомственного КТЗН.

В Городском пункте учета по договору с КТЗН установлено программное обеспечение, позволяющее осуществлять доступ бездомных граждан к общегородскому банку вакантных рабочих мест. Любой бездомный гражданин, обратившийся в Городской пункт учета, получает возможность ознакомиться с вакансиями и получить адреса работодателей для возможного трудоустройства. В 2015 году, в том числе с учетом доступа к банку вакантных рабочих мест, прошли собеседование с потенциальными работодателями 133 бездомных гражданина, 31 чел. трудоустроен. Также одной из эффективных форм работы по содействию в трудоустройстве является организация специализированных ярмарок вакансий рабочих мест для бездомных граждан (далее – ярмарки). В 2015 году КТЗН организовано 2 ярмарки [4].

Президент благотворительного фонда «Предание» В. Берхин считает, что в Москве или Санкт-Петербурге подняться с улицы проще - там действуют многочисленные программы реабилитации, в основном религиозные по происхождению, работают реабцентры, бесплатное кормление, лечение и раздача одежды, пункты обогрева зимой, есть ночлежки и общежития [5]. «Ночлежка» одна из наиболее опытных и профессиональных благотворительных организаций в Санкт-Петербурге, помогающая бездомным людям. «Ночлежка» реализует следующие проекты: реабилитационный приют, ночной автобус, пункты обогрева, консультационные пункты, дом на полдороги, делимся опытом. В 2015 году получили помощь в устройстве на работу, в том числе с проживанием - 157 чел. [6].

Краткий анализ формы 4 собес (сводная)

Рассматривая данные формы федерального статистического наблюдения 4-собес (сводная) «Сведения об учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий» за период 2011-2015 гг., представленные в таблице [7], можно выделить следующее: в 2015 году численность граждан, работающих вне учреждения составила 481 чел. (прирост к 2011 году составил – 43%) трудоустроено на штатные должности в учреждениях социальной помощи – 7 чел. Выросло и количество предприятий использовавших труд лиц, обслуженных учреждениями социальной помощи с 27 предприятий в 2011 году до 79 в 2015 году (прирост составил 193%), что позволило трудоустроить большее число бездомных: с 113 чел. в 2011 году до 191 чел. в 2015 году (прирост составил 69%).

Сведения о численности трудоустроенных бездомных гражданах в Санкт-Петербурге в 2011-2015 гг. [7]

№ п/п	Наименование	Годы				
		2011	2012	2013	2014	2015
1	Численность лиц без определенного места жительства и занятий, работающих вне учреждения (чел.)	337	375	471	467	481
2	Предприятия (организации), использовавшие труд лиц, обслуженных учреждениями социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий (предприятия/чел.)	27/113	25/113	19/111	27/72	79/191
3	Численность лиц без определенного места жительства и занятий, работающих на штатных должностях в учреждениях социальной помощи (чел.)	0	0	2	9	7

Можно выделить следующие причины, затрудняющие работу по трудоустройству бездомных граждан:

1. Действующие нормативные правовые акты не позволяют бездомному и (или) гражданину, не имеющему регистрации по месту жительства (пребывания) быть зарегистрированным центрах занятости населения в качестве безработного и получить пособие, пройти переобучение по специальностям, востребованным на рынке труда.

2. Работодатель отказывает в приеме на работу, по причине отсутствия регистрации, что является нарушением ТК РФ.

3. Отсутствуют специализированные учреждения, которые могли бы предоставить на период трудоустройства или переобучения временное жилье (койко-место).

Таким образом, решение вопроса лежит в правовой плоскости. Ситуацию можно изменить путем внесения изменений в действующее законодательство, разработке программ предусматривающих создание специализированного жилого фонда (по типу доходных домов), предоставление налоговых льгот предприятиям (организациям) создающим рабочие места для бездомных граждан, осуществлении контрольно-надзорной функции в отношении недобросовестных работодателей.

1. О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге. Закон Санкт-Петербурга от 26.12.2014 № 717-135 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». – Послед. обновление 07.10.2016.

2. Варсопки А., Ринн Е. Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной сети «За преодоление социальной исключенности» // Вып. 1 Сборник, СПб., 2008.

3. Портал «Работа в России» федеральной государственной информационной системы Федеральной службы по труду и занятости [Электронный ресурс]. - URL: https://trudvsem.ru/vacancy/search?_titleType=VACANCY_NAME&_publishDateType=ALL&_page=0 (дата обращения 08.10.2016)

4. Выступление ведущего специалиста Управления социального обслуживания населения Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга Мацкевича С.Ю. на радио России – Санкт-Петербург, январь 2016.

5. Насколько реально бездомному выкарабкаться — найти работу, жилье и так далее? The Question [Электронный ресурс]. - URL: <https://thequestion.ru/questions/1415/naskolko-realno-bezdomnomu-vykarabkatsya-naiti-rabotu-zhile-i-tak-dalee> (дата обращения 09.10.2016)

6. Отчет за 2015 год. Официальный сайт благотворительной организации «Ночлежка» [Электронный ресурс]. - URL: <https://homeless.ru/projects/> (дата обращения 09.10.2016)

7. Формы федерального статистического наблюдения 4-собес (сводная) «Сведения об учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий» 2011-2015 годы Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хмелёва А.А. (Санкт-Петербург)

В современном мире довольно остро стоят проблемы, связанные с окружающей средой. Это касается не только ее массового загрязнения, но и других аспектов нерационального использования ресурсов. Стремительное развитие производственной сферы негативно влияет на состояние биологической оболочки нашей планеты, именно поэтому необходимо должное внимание уделять вопросам, связанным с такой наукой как экология. Мировое сообщество, обеспокоенное нынешним положением дел, серьезно занимается разработкой программ, направленных на изменение ситуации во всех сферах, влияющих на экологическую обстановку. Наиболее масштабный план – Концепция устойчивого развития, принятая в

Поскольку невозможно искоренить причины пагубного влияния человеческой деятельности на природу только на законодательном уровне, в последние годы всё большее внимание уделяется экологической культуре населения. Невозможно изучение экологии только на уровне научного сообщества, каждый человек обязан знать элементарные проблемы и представлять себе, как правильно лично ему следует строить свою жизнь, чтобы в максимальной степени способствовать гармоничному развитию общества.

Каждое общество, имеющее свой уклад и свои неповторимые особенности в плане природной среды и территории, должно искать свой подход к изучению проблем в экологическом аспекте. Так, например, российский ученый Н.А. Бердяев в своих трудах уделяет много внимания влиянию природных особенностей России на формирование менталитета, «характера русского народа». Связывая воедино социальный вопрос и вопрос экологический, он показывает, каким образом эта связь влияет на общую картину характеристик социума. Социолог Питирим Сорокин ориентируется на отношение окружающей среды и политической системы. То есть, на его взгляд, то, что существует вокруг общества, создает и регулирует его структурную составляющую.

Вебер в своих трудах говорит о существовании «идеального типа», ориентированного в своем образе мышления, прежде всего, на ценностные установки. Осознанность и осмысленность действий является основой идеей Вебера. Придание смысла своим действиям помогает человеку в соотношении себя с миром. Смысл, придаваемый объекту, ставится в связь с восприятием человека и его внутренней системой восприятия.[5] В соответствии с положениями данной теории экологическое знание определяется как ценность, на которую должна ориентироваться когнитивная деятельность. То есть, как знание в аспекте экологии, так и ее основные установки, должны восприниматься именно как объект целеполагания и иметь смысловую привязку к их объективным значениям. [8] Иными словами, в процессе формирования ценностных ориентаций личности, должное место необходимо отвести вопросам экологии.

Данная теория в своем развитии соединяется с теорией «ноосферной ориентации», согласно которой развивается идеологически-духовное мышление, способ которого в некоторой мере будет соответствовать способу взаимодействия общества и природы, определяя характер социальной деятельности. [3] Ноосферное мышление предполагает формирование «ноосферного интеллекта», проецирующего свои действия идеально и реализующего их практически.

Продолжая развивать идеи устойчивого развития, сохранения и бережного отношения к окружающей среде, учеными была выработана особая концепция, направленная на выделение отдельного типа личности, наделенного всеми необходимыми экологическими знаниями, имеющего особое восприятие экологии и природной среды как ценности. Термин «экочеловек» был введен российским социологом Юрием Пахомовым. Согласно его определению, экочеловек – это такой тип личности, который обладает особым мировоззрением, осознает необходимость изменения взаимоотношений человека и природы и своими действиями стремится минимизировать любое негативное воздействие на природную среду. [7]

Необходимость формирования экологической культуры полностью обоснована, и сама идея такой необходимости не имеет противников. Государство своими силами поддерживает политику, направленную на этот аспект. Госдума, Совет Федерации, общественная палата задействованы в принятии мер и разработке соответствующих программ по улучшению уровня экологической культуры у населения. Кроме того, этим активно занимаются общественные движения. Формирование экологической культуры является одним из приоритетных направлений молодежной политики.

Государство через органы власти реализует распространения законодательной информации среди населения и осуществляет просветительскую деятельность в области экологии.

В данном процессе задействованы как органы государственной власти, так и органы местного самоуправления.

Формирование экологического типа личности происходит на основании трех принципов: во-первых, это принцип взаимосвязи основных аспектов социализации, а именно, обучения, образования и воспитательной деятельности; во-вторых, принцип синтеза рационального и интуитивного мышления; в-третьих, принцип целостности образовательного процесса

Экологическое воспитание является частью воспитания нравственности человека. Это понятие, которое включает в себя основные ценностные ориентиры, направленные на взаимодействие с природной средой. Необходимость формирования у личности экологических знаний и компетенций обусловлена существующим сегодня положением дел относительно экологического состояния планеты.

С течением времени и с увеличением значимости экологии в вопросах мирового общественного развития внимание к экологическому образованию только возрастает. В 1992 году на конференции ООН определили основные задачи экологического образования в рамках «Устойчивого развития»: [9]

- Просвещение по всем вопросам, касающимся экологии.
- Включение концепций по защите окружающей среды в образовательные программы.
- Включение органов управления в исследовательскую деятельность.
- Разработка программ для выпускников.
- Поощрение учебных заведений в любой деятельности по охране окружающей среды.
- Работа со СМИ и др.

Таким образом, вопрос экологического образования относится к числу глобальных вопросов и рассматривается на уровне мировых сообществ.

Что касается нынешнего положения дел, то следует отметить, что существующей системы получения экологического образования недостаточно. Школьные предметы, такие как ОБЖ и экология, не в должной мере способствуют формированию экологического сознания и усваиванию учащимися экологической парадигмы. Одной из немаловажных проблем так же является строгое разграничение учебных дисциплин на гуманитарные, технические, естественные и т.д.. В то же время экология включает в себя как естественно-научные знания, так и знания экономики, общества и техники. Такое положение дел осложняет наиболее полное понимание данной науки. В образовательном процессе изучение экологии не должно ограничиваться передачей знаний в системе «учитель-ученик», необходимо комплексное, полноценное видение данной науки, которое в последствие способствует формированию ноосферного сознания, к которому в дальнейшем должно стремиться человеческое общество.

Невозможно переоценить значение экологии как науки в современном мире. Поскольку ситуация, существующая как в нашей стране, так на планете в целом с годами ухудшается, необходимо прямо сейчас принимать меры, способствующие ее стабилизации и изменению в лучшую сторону. Каждый человек должен быть задействован в данном процессе. Невозможно изменить отношение людей к потреблению ресурсов и принципов их взаимодействия с природой только через запреты или наказания. Существует необходимость регулирования данного процесса на ценностном уровне. Окружающая среда в перспективе будет подвергаться большим рискам нерационального, потребительского отношения, если общество не будет воспринимать ее как ценность.

1. *dissercat* — электронная библиотека диссертаций. Экочеловек как субъект социоприродного развития URL: <http://www.dissercat.com/content/ekoche lovek-kak-subekt-sotsioprirodnogo-razvitiya#ixzz465tydUSo>
2. Бганба, В.Р. Социальная экология. М.: Высш. шк., 2004.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
4. Журнал Санкт-Петербургский университет/ Социальная экология. URL: <http://journal.spbu.ru/?p=10478>
5. Иванова Т.В. Экологические ценности в общественном сознании // Вопросы психологии. М.: Ас-Эко, 1999.
6. Кочергин А.Н., Марков Ю.Г., Васильев Н.Г. Экологическое знание и сознание. Лада, Наука: Новосибирск: 1987.
7. Пахомов Ю.Н. Экочеловек как субъект социоприродного развития: автореф. дис. д-р социол.наук СПб., 2003
8. Салов, Е. И. Экологическая культура – основание целостного подхода к теории и практике экологического менеджмента (информационно-управленческий и

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Холманова А.И. (Тула)

Изменения, происходящие в социально-политической, социокультурной и экономической жизни современного российского общества, пронизывают все сферы жизнедеятельности людей и не могут не затрагивать процессы формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи в процессе ее социальной адаптации.

Особую значимость представляет проблема социальной адаптации студенческой молодежи как наиболее образованного, мобильного и восприимчивого к общественным переменам. Студенческая молодежь – это часть российского общества, с которой в наибольшей степени, связано будущее развитие и социальные преобразования в России на ближайшие годы.

Социальная адаптация молодежи носит неконтролируемый характер. Молодые люди выбирают стратегию адаптации, самостоятельно осознавая и оценивая происходящие изменения и из множества альтернатив делая выбор, что может сопровождаться трансформацией ценностного сознания молодого человека. Молодой человек формирует собственные ценностные ориентации, которые могут претерпевать изменения под воздействием социокультурной среды, в которой живет индивид. Ценностное сознание молодежи выступает в качестве фактора, отражающего специфику их социальной адаптации, как процесса, и само влияет на характер общественных преобразований.

Молодежь отличается рядом достоинств: способность к более быстрой и менее болезненной адаптации к меняющимся условиям по сравнению со старшими поколениями, более высокий уровень и качество знаний, динамичность, гибкость, стремление к инновационному поведению, самосовершенствованию и развитию; а так же недостатков: отсутствие практического опыта, завышенные требования, неустойчивостью поведения, отличается низким статусом в обществе, что мешает ей в полной мере реализовывать свой высокий адаптационный потенциал [2, с. 135].

Трансформация российского общества усугубляет многочисленные молодежные проблемы [2, с. 55-58]. В ходе социальной адаптации студенческая молодежь встречается с множеством специфических проблем: получение качественного образования и специальности, которая востребована на рынке труда, безработица, экономическая нестабильность, создание семьи, формирование гражданской зрелости. Для студенческой молодежи проблема трудоустройства и профессиональной самореализации является одной из самых значимых. В настоящее время заметен явный разрыв между потребностями рынка труда и потоком специалистов невостребованных профессий. К важным проблемам, воздействующим на положение студенческой молодежи, относят ослабление традиционных институтов социализации, превращение СМИ и массовой культуры в ведущий фактор социализации. Комплекс этих проблем заставляет концептуально проработать и измерить на эмпирическом уровне все многообразие стратегий социальной адаптации студенческой молодежи в условиях современного российского общества.

Трансформация ценностных ориентаций молодежи сопровождается изменениями ее жизненных ориентиров, выбором и реализацией стратегий социальной адаптации, которые отличаются многообразием на когнитивном и поведенческом уровне. Формирование стратегий адаптации происходит под воздействием комплекса различных факторов.

Препятствием социальной адаптации студентов в современном российском обществе выступают нестабильность в стране, непоследовательность реформаторского курса правительства, а также слабость социальных гарантий. В современных условиях изменились требования, которые общество предъявляет к молодому человеку. Резко возрос спрос на самостоятельную, творческую личность, готовую к генерированию новых идей, принятию нетрадиционных решений, способную освоить опыт старших поколений, но и обогатить его собственными свершениями, обладающую правами и ответственностью за себя и общество в целом.

Социологические исследования показывают, что базовые ценности студенческой молодежи в целом совпадают с ценностями современной молодежи [1]. Важными ценностями для студенческой молодежи сегодня становятся личный успех и комфорт, наблюдается усиление значимости личностных ценностей над общественными, отмечается значительный рост ценностей материального достатка. Подобные тенденции обусловлены социально-экономическими и социокультурными трансформациями, происходящими в России.

ТулГУ проводит мониторинг социальной адаптации студентов, который направлен на демонстрацию особенностей и закономерностей социальной адаптации [4]. Необходимо обратить внимание на отношение студентов к реформам. Большинство опрошенных затруднились ответить на вопрос о необходимости реформ, происходящих в России (56,9 %). 27,4 % респондентов считают реформы нужными и полезными. Наблюдается понижение интереса молодых людей к политической жизни. Менее половины опрошенных (48 %) отмечают, что интересуются политической жизнью. При анализе ценностных ориентаций студенческой молодежи выявилась следующая закономерность: на первое место опрошиваемые ставят семью (58,3 %), на второе – любовь (20 %), а на последнем месте у студентов предприимчивость, политика и законопослушность (0,3%). Возрастает прагматизм студентов, так как увеличилась доля совмещающих работу и учебу (с 24,1 до 55 %). Преобладает доля респондентов, работающих не по специальности (55,2 %).

Оценка влияния ценностных ориентаций на адаптационные процессы в студенческой среде позволяет полнее и конкретнее представить приоритетные направления социально-экономического и социокультурного развития нового поколения молодых россиян.

В комплексной методологии изучения ценностных ориентаций студенческой молодежи целесообразно использовать следующие подходы: трансформационный подход позволяет подойти к оценке успешности адаптации студенческой молодежи с точки зрения ее интересов как социальной группы; социально-психологический подход предполагает изучение социальной адаптации студенческой молодежи, как механизм изменения ценностного сознания, построение иерархии ценностей как его важнейшего компонента; в рамках культурологического подхода иерархия ценностей служит конструктом, предопределяющим социокультурные основания адаптации студенческой молодежи; с точки зрения бихевиористического подхода, ценность выступает в качестве приоритетной составляющей поведения молодежи; в рамках структурного функционализма, поведение индивида, формирующиеся по средствам иерархии ценностей, рассматривается в качестве инструмента формирования типа социальной адаптации личности; системный подход предусматривает, что ценность, как категория обеспечивает эффективность механизма «обратной связи», позволяющего осуществить оценку перемен, происходящих в современном обществе.

Необходимо изучать ценностные ориентации студенческой молодежи, оказывающих существенное влияние на адаптацию к социальным переменам и в то же время являющимися ее индикатором. Отражение в сознании иерархии ценностных ориентаций позволит выявлять сложности и успехи в социальной адаптации.

При исследовании адаптации как процесса требуется рассматривать ценностные ориентации в качестве фактора, отражающего особенности социальных трансформаций современного российского общества.

Построение типологии адаптации и ее социологическое обоснование является одной из важнейших исследовательских задач, так как, способствует выявлению особенностей социальной адаптации молодежи, позволяет исследовать характер российских перемен. Следовательно, выделение типов адаптации задача не только научная, но и практическая, чтобы интеграция молодежи в общество осуществлялась более успешно.

1. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад / Ин-т социологии РАН. М. : [б. и.]. 2011. 304 с.*
2. *Щербакова В.П. Социальная адаптация молодежи в условиях преобразований современного российского общества / Тула : Изд-во ТулГУ, 2015. 369 с.*
3. *Социальная адаптация студентов Тульского государственного университета: аналитический отчет. Тула: Лаборатория социально-политических исследований и прогнозирования, 2015.*

МАЛЫЙ БИЗНЕС КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Хорошилова А.В. (Курск)

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

Развитие малого предпринимательства в регионе способствует оздоровлению экономики не только региона, но и страны в целом. Ведь именно в этом секторе бизнеса формируется и функционирует значительный объем ресурсов, он оказывает влияние на темпы экономического роста страны, структуру валового внутреннего продукта, занятость населения.

Как самостоятельный и незаменимый элемент рыночной экономики малое предпринимательство способствует структурной перестройке экономики, укреплению экономической базы регионов, увеличивает общие объемы производства и розничного товарооборота, создает благоприятную среду для развития конкуренции, обеспечивает занятость значительной части населения, стимулирует внедрение достижений научно-технического прогресса [1]. По справедливому мнению О.Н. Бочаровой, несмотря на проводимый государством комплекс мероприятий по поддержке российского предпринимательства, их недостаточно, чтобы вывести малый и средний бизнес на тот уровень, который представлен в экономически развитых странах. Поэтому в перспективе необходимо увеличение финансовых ресурсов государственной поддержки, понижение ставки налогооблагаемой базы, привлечение инвесторов, повышение мотивации для создания собственного бизнеса [2].

С целью проанализировать текущее состояние малого бизнеса региона, а так же выявить его модернизационные возможности и проблемы развития, в июле 2016 года нами была проведена экспертная оценка роли малого и среднего бизнеса в модернизации региона. В экспертной оценке приняли участие 30 руководителей малых и средних предприятий Курского региона.

В проведенном нами экспертном опросе приняли участие, в большей мере, руководители предприятий, занимающихся оптовой и розничной торговлей (40%) и сферой услуг (23,3%). В сфере строительства задействованы только 13,3%. В наименьшей степени опрошенные руководители заняты в обрабатывающей (6,7%), пищевой промышленности (6,7%) и сельхозпроизводстве (3,3%). Стоит заметить, что 13,3% респондентов, выбравших вариант «Другое», заняты в активно развивающихся сегодня отраслях: гостиничном туризме, IT-отрасли и консалтинговой деятельности.

Как показали полученные нами данные, 66,7% респондентов стали предпринимателями в результате собственного осознанного решения, 20% пришли к предпринимательству в связи с невозможностью устроиться на работу, 10% приобрели уже готовый бизнес и только 3,3% готовый бизнес достался по наследству. Отметим, что в результате приватизации предпринимателем не стал ни один респондент. Мы можем сделать вывод, что в большинстве случаев решение быть предпринимателем является самостоятельным и осознанным выбором. При этом большинство руководителей, принявших участие в опросе, занимаются бизнесом более 4 лет (73,3%).

56,7% респондентов поделились, что в настоящее время их предприятия переживают некоторый спад своей активности, у 36,7% руководителей предприятия работают ровно и стабильно, и только у 6,6% организация переживает подъем в своей деятельности. Это говорит о том, что сегодня существуют проблемы, препятствующие развитию большей части субъектов малого и среднего бизнеса.

Что касается перспектив развития предприятий, 40% руководителей считают их удовлетворительным, 36,6% хорошими, и только 6,6% отличными. 16,7% предпринимателям трудно сказать, какие перспективы у их предприятия. Стоит отметить, что вариант «Не вижу перспектив развития» не выбрал ни один предприниматель.

Мы спросили руководителей предприятий, с чем они связывают перспективы развития своей организации. Ответы разделились в соответствии с оценкой предпринимателями своих перспектив. Те, кто оценивали их как «хорошие» и «отличные», связывают это ростом спроса на предлагаемые ими товары и услуги, например, на IT-продукцию, а так же с уменьшением числа иностранных конкурентов. Напротив, те предприниматели, которые видят свои перспективы удовлетворительными, объясняют это кризисом в стране, подорожанием закупок, высокой конкуренцией, а так же тем фактом, что у жителей региона «нет денег».

Мы задали руководителям малых и средних предприятий вопрос о том, каков основной источник начального финансирования их бизнеса. Большинство предпринимателей начинали свое дело на собственные средства (43,3%), немного реже на средства семьи (23,3%). Крат-косрочными и долгосрочными кредитами респонденты пользовались редко (13,3% и 10% со-ответственно). Иногда начальным источником являлась заработная плата в другой организа-ции (6,7%) или займы у знакомых (3,3). Мы можем сделать вывод, что по большей части предприниматели рассчитывают на собственные силы средства, нежели на помощь государ-ства. Кредит для начала ведения деятельности использовали только 30% респондентов. При этом поддержку от государства при старте бизнеса получали только 10% респондентов, остальные 90% ответили, что данной поддержки он не имели.

Малый и средний бизнес сегодня страдают от высокой налоговой нагрузки. Мы попро-сили руководителей предприятий оценить справедливость налоговой нагрузки и взносов в фонд социального страхования. По результатам оценки по 10-бальной шкале лишь 6,7% ре-спондентов ответили, что все налоги справедливы. Согласно оценке подавляющего боль-шинства респондентов (93,3%), средняя оценка справедливости налогов составила 4,7, а взносов в фонд социального страхования – 4. Как мы видим, обе оценки справедливости налоговой нагрузки находятся на уровне ниже среднего. По нашему мнению, развитие мало-го бизнеса будет проходить намного эффективнее в комфортных условиях жизнедеятельно-сти, созданных государством, без постоянного увеличения налоговой нагрузки.

При этом, отвечая на вопрос о том, какие конкретные методы поддержки от государ-ства получали предприниматели, 70% ответили, что никакой поддержки они не получали. 13,3% были оказаны правовые и консультационные услуги, 6,7% предоставили муниципаль-ное помещение. Остальные методами поддержки – такие, как налоговое консультирование, микрофинансирование, налоговые льготы и субсидии на начало бизнеса –получили по 3,3% респондентов. Стоит отметить, что субсидии по модернизации и на инновации не получал ни один респондент.

Что касается разработки инноваций, только 20% руководителей ответили, что их ком-пания является инновационной. При этом из этих 20% поддержку как инновационное пред-приятие не получала ни она компания (ответ «нет» на вопрос «Получали ли Вы поддержку как инновационное предприятие?») выбрали 100% респондентов). Что касается инноваций, разрабатываемых на инновационно-ориентированных предприятиях, 50% составляют про-дуктовые инновации. По 33,3% респондентов отметили разработку процессных, организаци-онных и маркетинговых инноваций.

Вместе с тем заметим, что подавляющее большинство респондентов отметили, что за последние два года на их предприятиях произошли изменения, чаще всего позитивные. По большей мере эти изменения относятся к улучшениям условий труда (60%), расширению рынков сбыта и повышению профессионального уровня персонала (по 56,7%), повышению прибыли (46,7%), изменению дизайна товаров и услуг (43,3%). Руководители предприятий также отмечают увеличение объемов продаж (30%) и реализацию современных методов управления (30%). Только 10% предпринимателей отметили, что на их предприятии не про-изошло никаких изменений.

Оценивая внутренние причины, мешающие предпринимателям заниматься новыми ви-дами деятельности, 10% респондентов ответили, что им ничего не мешает. По результатам оценки подавляющего большинства респондентов можно сказать, что в наибольшей степени им препятствуют сложности с поиском потенциальных инвесторов инновационного проекта (3,5), отсутствие технических возможностей для проведения научно-исследовательских ра-бот (2,8), недостаток собственных денежных средств (2,4) и недостаток информации о по-тенциальных покупателях инноваций (2,4).

Что касается внешних факторов, препятствующих занятием новыми видами деятель-ности, также 10% респондентов ответили, что им ничего не мешает. По оценке остальных 90% респондентов мы можем сделать вывод, что в наибольше степени руководителей малых предприятий волнует риск не окупить инвестиции (3,6), недостаточная финансо-вая под-держка (3,2), недостаточно льготные условия получения кредита (3,1), а также несовершенство федеральных и региональных нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность МСП (2,4 и 2,3 соответственно).

Результаты опроса комитета потребительского рынка, развития малого предпринима-тельства и лицензирования Курской области также показали, что по мнению предпринима-телей в Курской области необходимо создавать дополнительные объекты инфраструктуры поддержки субъектов МСП, и в наибольшей степени предприниматели нуждаются в произ-водственных и

технологических парках (52%). Респонденты также отметили, что в регионе необходимо создавать офисы лицензирования (27%), центры трансфера технологий (12%) и инновационные центры (9%) [3].

Мы видим, что субъекты МСП нуждаются в широком спектре ресурсов, прежде всего, финансовых, необходимых для благополучного развития предприятий. Согласно опросу ко-митета потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области, 49% предпринимателей оценивают уровень доступности финансово-кредитных ресурсов как средний, 43% считают его низким и только 8% предпринимателей считают уровень доступности высоким. Уровень же информационно-консультационных и обучающих услуг для предпринимателей 47% респондентов считают средним и 42% высоким, только 11% назвали его низким. Несмотря на предусмотренные всеми федеральными программами меры, механизм оказания финансовой поддержки малому бизнесу следует сделать более доступным. Но в Центральном Черноземье продолжают существовать и другие проблемы, тормозящие развитие малого предпринимательства.

Таким образом, субъекты малого бизнеса способны принимать участие в модернизации региона и могут сыграть в ней очень важную роль, но продолжает существовать ряд проблем, препятствующих развитию самого малого предпринимательства. Среди этих проблем отметим недостаток собственных средств предпринимателей, высокую налоговую нагрузку, недостаточный уровень стимулирования и поддержки малого бизнеса со стороны государства. Помимо того, важно создание для предпринимательства таких условий, при которых обращение к инновациям и модернизационным изменениям стало более выгодным, чем использование традиционных ресурсов.

1. Казыбайкызы А., Смагулова Ж. Б., Берикболова У., Муханова А. Е. Роль малого и среднего бизнеса в современной экономике // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 3-3. С. 424-427.
2. Бочарова О.Н. Перспективные направления развития малого и среднего бизнеса в новых условиях // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. №6 С.11-15.
3. Оценка доступности мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на территории Курской области. Курск, 2016 г.

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПЕНСИОНЕРОВ РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Цветкова Г.А. (Москва)

За последнюю четверть века численность пенсионеров в России постоянно увеличивалась, и в то же время они были и остаются самыми уязвимыми. На это влияет и их территориальное размещение. Именно поэтому, учитывая 3-ех уровневую территориальную структуру России (федеральные округа, субъекты Российской Федерации и местный уровень), рассмотрим в каждом из них динамику численности пенсионеров. Пространственная характеристика пенсионеров на уровне федеральных округов указывает на высокую их дифференциацию. Если в 1990 г. разница между самым малочисленным и самым многочисленным федеральным округом по количеству в них пенсионеров достигала 2,1 раза, то в 2005 г. – 1,8 раза, в 2010, 2015 и 2016 гг. – в 1,6 раза, т.е. территории старения постепенно выравниваются. Это подтверждают и другие цифры: если в 1990 г. численность пенсионеров выше показателей общероссийского уровня была в трех округах, в 2000 г. – в двух, в 2005 и 2010 гг. – в четырех, то в 2015 и 2016 гг. – в пяти округах [1].

И как результат за исследуемый период единственный молодой округ 1990 г. (Дальневосточный) с количеством пенсионеров до 12% перешел на другой уровень. Изменена и иерархия федеральных округов: если изначально ее возглавлял Дальневосточный округ (10,9%), то в текущем году – Северо-Кавказский (17%), а замыкали соответственно: в 1990 г. – Центральный (22,9%), сегодня – Крымский (27,3%).

В настоящее время округа условно делятся только на два блока: 1) двукратный рубеж старения (количества пенсионеров до 24%) - четыре округа (Северо-Кавказский, Сибирский, Дальневосточный, Уральский); 2) трехкратный рубеж старения (количество пенсионеров свыше 24%) – пять округов в (Приволжский, Южный, Северо-Западный, Центральный и Крымский). Следовательно, округа, расположенные на территории европейской части России более стареющие, чем округа, включающие территории Кавказа, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Кардинально изменилось размещение пенсионеров и на региональном уровне. В 1990 г. на первом уровне кратности старения (количества пенсионеров до 12%) находилось 10 субъектов России. Большинство из них были размещены на Дальнем Востоке: Чукотский автономный округ (2,7%); Магаданская область (5,2%); Камчатский край (6,0%); Республика Саха (7,0%). В Сибири – Республика Тыва (8,5%). На Урале – Тюменская область (8,9%). На Юге и в кавказском регионе – Республика Ингушетия (11,5%), Республика Калмыкия (11,7%). На северо-западе страны – Республика Коми (10,7%) и Мурманская область (9,4%). В настоящее время к ним относятся только три субъекта России: Сибирский округ - Республика Тыва (10,9%); Северо-Кавказский округ – Республика Ингушетия (11,3%) и Чеченская Республика (9,6%). Следовательно, за последние 25 лет более чем в три раза сократилось количество «молодых» субъектов. Меньшей долей пенсионеров выделяются лишь национальные республики.

В 1990 г. на двукратном уровне старения было более 73% субъектов России, в настоящее время - свыше 40% субъектов, т.е. в 1,8 раза увеличилось число субъектов переступивших двукратный рубеж старения.

За исследуемый период постарели и федеральные города. Изменился их рейтинг: если в начале 90-х гг. был более молодым Санкт-Петербург, то в настоящее время – Москва (соответственно с 20,9% до 26,4% и с 21,6% до 25,8%). В целом города переступили порог двукратного старения [2]. И это несмотря на то, что миграционный прирост в Москве один из самых высоких в стране. В текущем году самый «старый» из них – Севастополь (27,2%).

Не менее важной особенностью пространственного «старения» является и многократное отличие численности пенсионеров на локальном уровне: в городах и селах. Увеличение численности пенсионеров: в городе - в 1,4 раза, в селе - в 1,1 раза. Если в 1990 г. отличие населенных пунктов составляло 2,2 раза, то в 2016 г. – 2,8 раза, т.е. дисбаланс увеличился на 0,6 раза. Ибо все шире проявляется тенденция массового вымирания сёл и деревень. За четверть века количество сельских населенных пунктов уменьшилось на 7422. Да и исторически пропорциональных норм в пользу жителей села, выступающих в качестве носителей традиционного типа воспроизводства населения, в настоящее время не прослеживается.

Что касается гендерного среза на локальном уровне то, женщины по всем группам пожилого возраста и по населенным пунктам разного типа значительно превышали и превышают соответствующие показатели у мужчин. Наглядно проявляется и другая тенденция: чем старше пенсионеры, тем практически в 2 раза выше перевес количества женщин над мужчинами, как в городах, так и в селах. Из них самые возрастные – села Псковской области, в которых средний возраст женщин достиг 49,56 лет и села в Кировской области, в которых даже средний возраст мужчин составляет 40,91 года. Самые молодые села по среднему возрасту жителей находятся в Чеченской Республике (26,86 лет). В сельской местности центральных районов наиболее высока доля людей пожилого возраста по сравнению с территориями Сибири и Дальнего Востока. Более выражено гендерное смещение в сторону женщин в возрасте до 60 лет в сельских населенных пунктах, в более пожилом возрасте – в городах.

Таким образом, размещение пенсионеров на федеральном, региональном и локальном уровнях в значительной степени дифференцировано. Данный процесс усугубляется, имея широкий пространственный охват. Разница в уровне старения по регионам достигает более трех раз. Самый «старый» субъект России – Псковская область (29%), «молодой» – Чеченская республика (9,6%). Лишь отдельные республики относятся к «молодым» субъектам. Этот статус сохранен только национальными республиками. На трансформацию возрастной структуры регионов оказывают влияние ряд факторов: социально-экономическая ситуация, региональная и муниципальная политики, национальные особенности, традиции и быт, а также соотношение городского и сельского населения.

1. данные Росстат, численность населения по субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения 30.07.2016). Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. 2013 М., 2013. С.213.
2. Россия в цифрах 2016. Краткий статистический сборник. М., 2016. С.41. Российский статистический ежегодник. М., 2015. С.174.

ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОДДЕРЖАНИИ И СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ КРЕСТЬЯН

Цветкова Г.А. (Москва)

Выбор изучения роли и значимости общинного самоуправления в сохранении и укреплении здоровья крестьян определён рядом факторов. Во-первых, продолжительностью действия: сельский сход признавался высшим органом власти в деревне до 1927 г. Во-вторых, охватом значительной части населения: в 1926 г. насчитывалось 350 тыс. сельских обществ, в которых состояло 90% крестьян России.

В исследуемой практике крестьянского самоуправления использовались различные формы и методы. Сельская община строго следила за состоянием духовного здоровья. Исходя из этого, она формировала собственное социальное пространство, которое было замкнутым, поэтому позволяло крестьянам сохранять свою культуру, духовность и обычаи.

Общинное самоуправление выполняло функции организации и координации, благодаря чему среди крестьян поддерживалась и развивалась коллективность, преимущественное значение в которой занимали социальные приоритеты. Именно поэтому общественные интересы и связанные с ними правила и нормы поведения, отношения к членам сообщества были на одном из первых мест в иерархии ценностей крестьян. Примером служат следующие факты: мир направлял здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где рабочие члены семьи были больны. В деревнях Тульской и других губерний обработка поля и уборка хлеба одинокого больного осуществлялась всем миром.

Взаимоотношения сотрудничества были у крестьян и с церковью как одной из субъектов медицины. А.И. Васильчиков их описывает так, «духовенство благоразумно предпочитало жить со своими прихожанами мирно и по возможности не ссориться с крестьянами» [1].

Определённые миром, жёсткие нормы и правила поведения, способствующие сохранению и поддержанию здоровья, распространялись на различные категории населения: пол, возраст, положение, физическое состояние и др. Женщине, вынашивающей ребёнка, полагалось контролировать свои эмоции, пребывать в хорошем расположении духа. Она не имела права обидеть человека или животное, посмеяться над убогим. Ей нельзя было выходить на улицу после захода солнца, провожать покойника до кладбища, целовать его, прощаясь, присутствовать на поминках, смотреть на пожар, переступить через веревку или коромысло и пр. В то же время, если начинался мор скота, беременных женщин впрягали в соху, чтобы провести вокруг деревни магический круг – борозду, якобы препятствующую проникновению коровьей смерти. Состояние беременности считалось опасным как для самой женщины и окружающих её людей, так и для всего миропорядка в целом. Аргументировалось это тем, что в этот момент она имеет две души и живёт как бы на границе двух миров, разделяющей жизнь и смерть [2].

Негативно отражалось на здоровье, как ребёнка, так и роженицы и другие обязательные общественные нормы. Так, «роды обычно проходили в бане, иногда на повети, в подклети, в чулане, хлеву, т. е. вне жилого помещения, что, конечно же, не обеспечивалось элементарными требованиями гигиены. Заботясь о том, чтобы ребёнок был любим отцом, его принимали от роженицы на мужскую рубаху. Чтобы новорожденного любили все деревенские жители, его обтирали полотенцем, к которому прикасались руки многих людей» [3]. Таким образом, из-за отсутствия правил гигиены существовала реальная угроза смерти ребёнка и матери.

Необходимо отметить, что при всей строгости соблюдения местных общественных норм, касающихся деторождения, архаическое сознание допускало возможность непорочного зачатия: от ветра, который «надул в женщину ребёнка», от выпитой наговоренной воды, от съеденной горошины. Опасными для зачатия считались воскресенье, среда и пятница. Именно данными предрассудками объяснялись различные пороки у младенцев, к примеру, глухота ребёнка.

Наряду с этим, следует обратить внимание на то, что при всей замкнутости община в своей практике использовала опыт предшествующих поколений и исторических форм местного самоуправления. По преодолению заразных болезней общиной применялись меры аналогичные мерам вечеревого самоуправления. Суть их сводилась ко всяким ограничениям, в частности, исключались взаимоотношения людей с больными. Хотя последних не оставляли без внимания: их кормили и за ними ухаживали. Деревни, в которых вспыхивала заразная болезнь, организовывали заставы, в лесах устраивали засеки, закрывали ворота. Следовательно, также как и в городах в

основном строго выполнялись профилактические работы по устранению болезней, хотя в большинстве случаев это было лишь в период эпидемий.

Подводя итог, анализу особенностей форм и методов деятельности крестьянского самоуправления можно сделать следующие выводы: во-первых, охрана, поддержание здоровья и лечение были заботой в основном самих крестьян. Во-вторых, основными субъектами в медицине на уровне деревень являлись мирские лекари, использующие опыт и практику через подражание своим предкам. В-третьих, во главе угла в сфере регулирования социально-экономических и духовных процессов лежали мистические религиозные представления, в должной мере не обеспечивающие благополучие общинников, включая состояние их здоровья.

Вероятнее всего, упущения общины можно объяснить и тем, что крестьянское самоуправление имело несколько уровней обязанностей и зависимостей: взаимоотношения с государством, помещиками и крестьянами. На наш взгляд, именно зависимость общин от внешних субъектов управления была одним из основных факторов предопределяющим низкую эффективность общинного самоуправления в области здравоохранения. Хотя нельзя не учитывать и низкий уровень общественного сознания крестьян, часто имеющий противоречивый характер.

1. Миронова Б.Н. *Социальная история России. Т. 2. С-Петербург, 2000. С. 312.*
2. Шангина И.И. *Русский народ. Будни и праздники. Энциклопедия. СПб, 2003. С. 184–185.*
3. *Там же. С. 186 – 189.*
4. *Русские дети. Санкт-Петербург. «Искусство – СПб», 2006. С.218, 267.*

КОНСЕНСУС ЭЛИТ КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Цыплакова Е.П. (Санкт-Петербург)

Важной составной частью современной политической теории являются вопросы места и роли элит в современной политике, особенно в периоды кризиса или социальных трансформации. Многие современные социологи убеждены в том, что, решающая роль в процессе демократизации все же принадлежит элите. При всей важности мнения масс для консолидации режима важно разделяют ли элиты демократические убеждения и ценности. В этом смысле стоит согласиться с мнением Дж. Хигли, о том, что политические режимы создаются и поддерживаются элитами. Согласно его теории, формирование и сохранение объединенных консенсусом элит – главное условие демократии: «Либеральные демократии способны существовать только там, где ... элиты договорились соблюдать и оберегать права на критику, оппозицию и [политическое] участие наряду с гражданскими свободами, необходимыми для осуществления этих прав» [1, 181]. Следовательно, можно сделать предположение, что утверждение либерально-демократических режимов маловероятно в тех обществах, в которых элиты не могут договориться о соблюдении общих правил политической игры. В тоже время следует отметить, соблюдение общих правил политической игры еще не говорит о либерально-демократическом характере политического режима. Как показывает опыт постсоветских трансформаций, формирование и сохранение объединенных консенсусом элит является важнейшим условием стабильности не только старых, но и новых политических режимов. В этом контексте кажется справедливым утверждение Л. Даймонда о том, что «принципиальным препятствием к распространению демократии в мире являются не народы остающихся авторитарными государств. Проблему составляют правящие элиты, захватившие структуры государственной власти и забаррикадировавшиеся внутри них» [2, 20].

В свою очередь эффективность деятельности элиты во многом зависит от типа внутриэлитных отношений, от структуры интересов и ценностей, которые она разделяет, от ее способности к консолидации. Типы внутриэлитных отношений во многом определяются объективными факторами, связанными с экономическими, политическими и международными интересами отдельных фракций элиты. В условиях, когда властвующую элиту образуют группы, придерживающиеся противоположных интересов и ценностей, элите сложнее выполнять свои функции. По мнению Дж. Хигли, с точки зрения структурной интеграции и ценностного консенсуса, элиты могут быть разьединенными, объединенными и согласованными. Лица и

группировки, формирующие разбеденные элиты, изолированы друг от друга, у них нет принципиального согласия по поводу норм и принципов политического поведения. Они разбедены на различные фракции, различные лагеря, которые пытаются бороться друг с другом с использованием любых методов. Это элита, в которой политика является формой войны, формой, при которой победитель получает все. Это наиболее распространенная форма существования элит в исторической перспективе по всему миру. В условиях разбедения элит политические институты во многом носят декоративный характер, во многом скрывающий от публики острые конфликты и противоречия внутри господствующего класса. Группы элит, образующие объединенную элиту, характеризует наличие принципиального согласия относительно норм и принципов политического поведения. Объединенная элита никогда не считает политику игрой с нулевой суммой. Объединенные элиты бывают идеологически объединенными. Эта ситуация очень хорошо известна в странах постсоветского пространства. Идеологически объединенная элита имеет очень тесную интеграцию и отличается высокой степенью централизованности. Все представители элиты, по крайней мере, публично, говорят одно и то же по основным вопросам.

Согласованные элиты отличаются не только наличием определенного консенсуса и устойчивого баланса сил между собой, но и существованием определенных механизмов саморегуляции, включающие в себя формальные и неформальные правила [2,7]. Формальные правила проистекают из легально установленных способов организации и осуществления власти. Неформальные правила проистекают из способа структурирования власти, который обеспечивает всем или почти всем членам элиты участие в процессе принятия решений; таким образом, в их коллективных интересах необходимо не допустить действий, способных подорвать существующий порядок, и сохранить управление политической ситуацией [3, 58].

Объединение элит имеет вариативный характер. Хигли выделяет два различных типа объединенных элит. Первый – это системы структурно интегрированные, компактные и строго централизованные. Они представляют собой одну-единственную партию и сосредоточены вокруг группы высших руководителей и определенной идеологии, религиозной доктрины или этнического мировоззрения. Это идеологически объединенная элита, какой, например, была советская номенклатура до 1980-х гг. или китайская до середины 1990-х гг.

Второй – консенсуально объединенная элита – когда члены и группировки пришли к негласному консенсусу по поводу норм и правил политического поведения. Они считают, что политика – это процесс договорный. Переговоры позволяют членам элит или элитным группировкам достичь целей и защитить свои главные интересы. Именно такие консенсуально объединенные элиты стали создателями и оплотом сегодняшних демократий.

Консенсуально объединенная элита хороша тем, что элитные группировки считают существующий политический порядок полезным, так как никто не подвергается риску больших потерь в политической конкурентной борьбе. Это делает взаимодействие элит «самоукрепленным» – они сами поддерживают порядок и наказывают нарушающих его. Со временем нормы, разделяемые такими элитами, встраиваются в политические институты и политическую культуру – все начинают понимать, что разрешено и не разрешено в политике.. В условиях, когда властвующую элиту образуют группы, придерживающиеся близких интересов и ценностей, процесс ее консолидации происходит более быстрыми темпами, что в свою очередь приводит и к консолидации всего общества. «Консенсуально объединенная» элита характеризуется высоким уровнем ценностного консенсуса между ее фракциями, а также более тесным взаимодействием между ними. Этому типу элит соответствуют стабильные представительские режимы. Таким образом, в современной политике находят подтверждение как классические, так и современные теории элит, согласно которым сохранение консенсуса элит является главным условием сохранения социальной стабильности и управляемости социально-политическими процессами.

1. Higley J., Burton M. *Local Elites in Russia's Transition // Elites and Democratic Development in Russia / Steen A. and Gelman V. (Eds). – London, 2006.*
2. Diamond L. *Universal Democracy? // Policy Review. – 2003. – № 119. – P. 3-25.*
3. Хигли Дж. *Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. 2010. № 1. С.50-72*

ЦЕННОСТИ МОЛОДЁЖИ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ИЛИ ГОТОВНОСТЬ К ИННОВАЦИЯМ?

Чаплинская А.А. (Санкт-Петербург)

Понятия «традиционные ценности» и «готовность к инновациям», являясь неким конструктом, моделью общей направленности ценностей, представляют собой в первом случае разделение индивидом устоявшихся, ставших эталоном, ценностей, тогда как во втором случае – предрасположенность к новым, современным, не разделяемым большинством индивидов, ценностным ориентациям.

Традиционные ценности дают прочный, проверенный поколениями, фундамент мировоззрения, усиливая консолидацию интересов представителей разных поколений в рамках одной, общей для рассматриваемого общества, превалирующей культуры. Однако стоит отметить также важную роль современных ценностных ориентаций, которые встраиваются в общество, часто приводя к конфликту с традиционными установками. Современные ценности представляют собой, прежде всего, готовность к инновациям, то есть способность идти на риск, так как именно риск всегда лежит в основе всего нового и неизученного. Готовность к инновациям является залогом развития, движения вперёд, двигателем изменений и основой прогресса. Изучение изменения общества невозможно без изучения ценностей, которые разделяются теми или иными социальными группами населения страны.

Исследование, посвящённое изучению ценностей российской студенческой молодёжи, проводилось в марте-мае 2015 года в Санкт-Петербурге. Выборка составила 20 студентов высших заведений, с каждым из которых было проведено полуструктурированное, фокусированное интервью-мнение. Для определения вектора ценностных ориентаций ответы респондентов соотносились с выстроенными на теоретическом материале идеальными моделями традиционных и современных аспектов семьи и профессиональной деятельности. На основе изучения ценностных предпочтений по отношению к семье и к профессиональной деятельности были получены следующие результаты. Российская молодёжь более традиционна в отношении семьи, однако профессиональная сфера более подвержена изменению, что отражают превалирующие современные ценностные установки в этой области.

Для семьи очень важными в понимании российской молодёжи предстают такие ценности, как свобода регистрации, наличие двух и более детей, партнёрские отношения с элементами родительским между родителем и ребёнком, определённые роли мужчины и женщины, которые предполагают постановку семьи в приоритет в мировоззрении женщины. Многие из названных молодёжью ценностей представляют собой близкие к традиционным ориентациям ценности.

В профессиональной сфере молодёжь выделяет такие установки, как возможность самореализации в работе, широкой сферы деятельности, самостоятельный ненавязанный выбор профессии, а также гибкий график и личные взаимоотношения с начальством. Практически все названные ценности можно определить как современные, лежащие в основу готовности к риску и инновациям. Высокую подверженность к инновационности ценностей в сфере труда можно объяснить переходом нашей страны в конце прошлого столетия к рыночной экономике. Столь глубинные изменения не могли оставить в стороне ценности и установки россиян незатронутыми.

Ценности молодёжи являются основой целого ряда тенденций явлений современного мира. Среди них старение населения, низкая рождаемость, стирание социальных ролей, определяемых по половому признаку, в обществе и тп. Социальные последствия того или иного вектора направленности ценностей, разделяемых молодёжью, должны быть изучены для проведения грамотной социальной политики для благополучия как в рамках одного государства, так и в рамках мирового общества.

1. Антонов А.И., Лебедь О.Л., Соколов А.А. Удовлетворенность жизнью, семья и брак в России и Европе// *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 3(97). С. 61-69.
2. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // *Социологические исследования*. 2004. № 7. С. 46-51.
3. Дементьева И.Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье// *Вестник РУДН*. 2005. № 6-7. С. 150-160.
4. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. 2013. №2 (26)

5. Лебедева Н.М. Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 2. С. 68–88.

6. Лисовский В.Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование). // Тугариновские чтения. Серия «Мыслители», Выпуск 1./ Материалы научной сессии Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.40-44. [Электронный ресурс] - URL: (<http://anthropology.ru>) (дата обращения 4.12.2015)

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Чернышова А.Г. (Королёв)

Государственная политика затрагивает не только наиболее принципиальные направления становления сообщества, но и определенные задачи, которые стоят перед отдельными сферами общественной жизни.

Среди множества направлений государственной политики есть направление, которое наиболее близко относится ко всему комплексу интересов и потребностей человека. Это – социальная политика. Словосочетание «социальная политика» в наше время прочно вошло в повседневную речь, а не только в терминологию профессиональных ученых, политических деятелей и государственных чиновников.

Объектами социальной политики являются: социальные классы и группы, отдельные семьи, нации и народности, положение личности в обществе и все, что касается обеспечения благосостояния населения: усовершенствование условий труда и быта, проблемы занятости, удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, осуществление принципа социальной справедливости, социальная защита и гарантии народонаселения, улучшение национальных взаимоотношений и т.п.

Субъекты социальной политики – реально действующие самостоятельные социальные группы и представляющие их органы, институты, структуры и организации.

Главной целью социальной политики выступает обеспечение высокого уровня и качества жизни людей, в основе которого лежит стимулирование трудовой и хозяйственной деятельности населения, предоставление каждому работоспособному человеку возможностей, которые позволили бы своим трудом и предприимчивостью обеспечить благополучие свое и своей семьи [4; 17]. При этом государство должно полностью сохранить свои социальные гарантии перед многодетными семьями, инвалидами, пенсионерами, нетрудоспособными гражданами.

Социальное обеспечение в зарубежной и отечественной практике социальной поддержки во многом отражало исторический путь государств, которые хотели найти механизмы, стабилизирующие общественные отношения и позволяющие избежать социальных катастроф. Основаниями формирования базовых социальных моделей для западной и отечественной цивилизации явились: социальное законодательство, регулирование и распределение ресурсов, благосостояние и качество жизни членов сообщества.

В связи с этим, сформированные модели социальной политики представлялись как система взаимосвязанных принципов и направлений деятельности, которые регулировали социальное развитие общества, распределение и перераспределение материальных благ и ресурсов.

Для построения моделей социальной политики продуктивными являются идеи: происхождения и сущности социальных институтов и социального порядка, сформулированные в работах М. Вебера, Э. Дюргейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина; социального государства Т. Маршалла; необходимости вмешательства государства средствами социальной политики в разрешение конфликтов Т. Парсонса; правового государства Д. Локка, Вольтера; подконтрольности государства гражданскому обществу Р. Найера; Государственного регулирования рыночной экономики Д. Кейнса; об особенностях восточных стран и, прежде всего, России, в которой в отличие от западно-европейских стран, где при ослаблении государства на поверхность выходит гражданское общество, при ослаблении государства – рушится все, А. Грамши [1].

В зависимости от критерия, различают несколько типологий моделей социальной политики государства. По типу субъекта социальной ответственности выделяют:

- либеральную модель;
- корпоративную модель;
- общественную модель;

- патерналистскую модель.

Либеральная модель подразумевает принцип личной ответственности каждого члена сообщества за благополучие свое и своей семьи. Участие государства в реализации социальной политики сведено к минимуму, основными субъектами социальной политики являются семья, граждане и различные коммерческие организации – социально-страховые фонды и ассоциации третьего сектора. Социальные программы финансируются за счет частных сбережений и страхования, а не из бюджета государства. При применении данной модели реализуется принцип равенства и возмездности, который подразумевает, например, прямую зависимость между размерами страховых взносов и объемом и стоимостью социальных услуг, предоставляемых в системе социального страхования, а никак не принцип солидарности, при котором происходит перераспределение доходов от одного лица в пользу другого.

Корпоративная модель основывается на принципе достижений, где трудовая деятельность определяет впоследствии социальное обеспечение. При выборе корпоративной модели ответственность за благосостояние своих работников берет на себя предприятие, организация или корпорация, на котором они работают. Чтобы сотрудник был заинтересован в данной работе и добросовестно выполнял ее, предприятие предлагает ему различные виды социальных гарантий в форме полной или частичной оплаты услуг здравоохранения, образования (повышения квалификации, переподготовки), пенсионного обеспечения, отдыха сотрудников и членов их семей по льготным ценам, приобретения жилья. В данной модели все несет долю ответственности за социальное благосостояние в обществе: и государство, и негосударственные организации, и сами граждане.

Патерналистская модель подразумевает принцип ответственности государства. В данной модели централизованно и тотально государство берет на себя ответственность за благосостояние граждан и использует любые административные рычаги для достижения социальных целей. Предприятия, общественные организации, фонды и другие возможные субъекты социальной политики работают или от имени государства, или под его контролем. Финансирование осуществляется за счет средств государственного бюджета и средств бюджетов государственных предприятий. Действует принцип равенства в потреблении материальных и социальных благ и услуг населением, а также их доступность, что гарантирует достижение социального выравнивания в высокой степени.

По типу участия государства в реализации социальной политики различают следующие модели:

- благотворительную модель;
- административную модель;
- стимулирующую модель.

Благотворительной модели свойственно то, что государство создает определенную опору для рынка за счет средств, специально собранных в виде государственной системы социального содействия, и, следовательно, выравнивает отдельные, наиболее негативные социальные последствия деятельности рынка. Государство осуществляет благотворительную помощь за счет средств частных пожертвований и за счет средств федерального бюджета на содержание государственных социальных учреждений и в благотворительные фонды.

Административная модель характеризуется тем, что государство активно и прямо вмешивается в рыночные отношения. Данное вмешательство носит характер администрирования. Для реализации такой модели необходимо наличие развитых систем перераспределения доходов, которые полностью контролируются государством, а также рычагов вмешательства в процессы ценообразования, регулирования тарифной сетки, обеспечения занятости.

Стимулирующая модель подразумевает косвенное, а не прямое участие государства. Внешние «правила игры» (кредитно-финансовые, правовые, налоговые) по отношению к рынку и иным общественным субъектам государство определяет обществу в решении социальных вопросов. Создаются такие системы налогообложения и общественной поддержки, при которых становится выгодным вложения и инвестирование для всех субъектов хозяйственной деятельности как в различные социальные программы и проекты, общественные фонды, так и в целом в социальную сферу.

«Бисмарковская» модель (по имени его родоначальника, канцлера Отто Фон Бисмарка(1815-1898)) определяет твёрдую связь между уровнем социальной защиты и успешностью (длительностью) профессиональной деятельности. В течение всего периода пока сотрудник работает, он вносит в кассы определенные суммы (страховые взносы). Размер

страховых отчислений устанавливается работодателем при заключении с наемными работниками коллективных договоров. Управление страховыми фондами происходит на паритетных началах. Правления страховых фондов несут полную ответственность за сохранение денежных средств и осуществляют социальные выплаты. Малоимущие семьи и нуждающиеся граждане получают социальную помощь по муниципальной линии. При данной модели социальная защита населения независима от государственного бюджета.

«Бевериджская» модель (по имени его родоначальника Бевериджа (Beveridge) Уильяма Генри (1879 - 1963), английского буржуазного экономиста, государственного деятеля). Принцип использования данной модели заключается в том, что любой гражданин страны, имеет право на минимальную защиту со стороны государства в случаях заболевания, старости или по иной причине сокращения своих ресурсов, вне зависимости от того принадлежит он к активному населению или нет. В тех странах, в которых реализуется данная модель, работают системы страхования по нетрудоспособности (болезни), к которым прикрепление осуществляется автоматически. Пенсионные системы независимо от приложенных в прошлом усилий всем пожилым и престарелым предусматривают минимальные размеры доходов по отчислениям от заработной платы (так называемые «социальные пенсии» в отличие от «профессиональных»). Финансирование таких систем социальной защиты происходит из государственного бюджета за счет налогов. В этом случае преобладает принцип национальной солидарности, который строится на теории распределительной справедливости. Средства социальной защиты формируются за счет государственного бюджета и налогов. В тех странах, в которых применяется данная модель (Великобритания, Швеция) резкой дифференциации народонаселения по уровню жизни нет.

Данные модели имеют различные варианты. Широко распространенные из них: социал-демократическая, консервативная, католическая и либеральная.

Социал-демократическая модель социальной политики (скандинавская или нордическая).

Главной особенностью данной модели является универсализация социальной защиты населения. Государство обеспечивает общедоступность и высокое качество предоставляемых социальных услуг (медицинское обслуживание, образование и т.д.).

Центральным принципом консервативной модели (континентальной, европейской, институциональной) является упор на рыночные отношения и принцип страхования под контролем государства. Из-за преданности системе социального страхования, которая создается и финансируется «социальными партнерами» (в ЕС так называют работодателей и нанимаемых), данная модель базируется на принципе достижений и результативности, когда труд определяет социальное обеспечение в будущем.

Принципы католической модели социальной политики указаны в ряде «папских писем», которые изданы Ватиканом в XX столетии. Вспомогательность – ее основной принцип. Он означает, что проблемы, которые возникают должна решить ближайшая инстанция. Когда индивид помочь себе не в состоянии, он обращается за помощью к семье, родным и близким. Следующее его обращение будет в местную общину, включая церковь, гражданские организации, соседей и т.д. В том случае, если ему не смогут помочь, то человеку следует воспользоваться услугами страхования. Государство является последней инстанцией. Семья в католической модели играет основную роль.

Либеральная социальная политика характеризуется высоким уровнем социальной защиты. При данной модели существуют и действуют различные виды социальной помощи для малообеспеченного населения (например, в США и в Великобритании).

К отличительным чертам либеральной модели следует отнести правовую защищенность работников и достаточно высокий уровень минимальной заработной платы, который, как правило, выше прожиточного минимума.

Можно выделить еще одну модель социальной политики, которая формируется в настоящее время, – общеевропейскую. Основой ее выступает принцип сочетания экономической эффективности и социальной солидарности. Главный акцент новой модели – сбалансированное формирование социальной политики Европы и соблюдение интересов всех стран-членов ЕС. Самым главным принципом всех существующих моделей является принцип опоры на свои силы и самообеспечение.

После распада СССР, перемены, которые произошли в экономике, появились и в социальной сфере. Система государственного бесплатного социального обеспечения изжила себя, а для того, чтобы создать новую систему, необходимы условия, которые пока не созданы.

Создание в современной России новой эффективной модели социальной политики возможно лишь при тщательном изучении опыта других стран, особенно передовых. Но также следует учесть тот факт, что какая бы идеальная модель не была бы создана в условиях другого государства, применить ее для России в неизменном виде нельзя.

В настоящее время вопрос, какая именно модель социальной политики будет наиболее приемлема для нашей страны и ее динамичного развития, остается открытым. Но очевидно одно, что коренные изменения в функциях государства, организаций, предприятий и личности, активация значения государства в социальной сфере и регулировании социальных процессов, – крайне необходимо.

1. Балабанова Л.В., Сардак О.В. *Управление персоналом. Учебник*. К.: Центр учебной литературы, 2011. – 468с.
2. Кирилина Т.Ю. *Методика диагностики социальной сплоченности на региональном уровне*// Социальная политика и социология. 2013. № 4-2 (97). С. 43-51.
3. Кирилина Т.Ю. *Нравственные аспекты модернизации современного российского общества* //Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. 2011. № 2. С. 175-179.
4. Кирилина Т.Ю. *Предпосылки формирования социальной политики, основанной на социальной сплоченности* // Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 142-146.
5. Кирилина Т.Ю. *Социальное управление нравственными процессами в современном российском обществе. Материалы Афанасьевских чтений*. 2014. № 1. С. 39-43.
6. Кирилина Т.Ю., Бузмакова Т.И., Лапишинова К.В., Антоненко В.И. *Эволюция развития социальной политики, основанной на социальной сплоченности (статья). Русский космизм: история и современность* // Сборник трудов научной конференции 22 апреля 2015 года / Под общ. Научн. Ред. Смирнова В.А. – М., Изд-во « Научный консультант», 2015 г. С. 112-131.
7. Лутохина Э.А. *Макроэкономика: Социально ориентированный подход: Учебное пособие/Э.А.Лутохина и др. Под ред. Э.А.Лутохиной.*- Мн.: ИВЦ Минфина, 2005 г. - 400 с.
8. Маргулян Я. А. *Социальная политика: учебник.* — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. — 236 с.: ил.
9. Осадчая Г.И. *Модели социальной политики евразийского экономического союза*//Наука. Культура. Общество. М.: ИСПИ РАН, 2016г. – 80 с.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПЕРЕНАСЫЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Чернышова Е.В. (Новосибирск)

В данной статье рассматривается проблема информационной перегрузки с особым взглядом на общество в целом. Литература отражает, что, хотя проблема информационной перегрузки существовала в течение многих лет, в последние годы эта проблема получила еще более широкое признание и новый опыт.

This paper reviews the problem of information overload, with particular reference to society. The literature reveals that although the problem of information overload has existed for many years, in recent years the problem has become more widely recognized and new experienced.

Ко второй половине XX века с началом перехода развитых стран мира к информационному обществу стали проявляться негативные стороны этого процесса. Информация выступает здесь самой быстрорастущей технологией на планете[4]. Мобильные телефоны, ноутбуки, электронная почта, смартфоны, социальные сети и облачные вычисления, безусловно, во всем этом много преимуществ, но кроме всего прочего, они имеют побочный эффект: информационную перегрузку. Это явление стало повсеместной проблемой для современного общества и ни для кого не секрет, что сегодня средства массовой коммуникации, которые обеспечивают информационное пространство, играют ключевую роль в глобализации повседневного общения и формировании духовной жизни общества в целом. Следовательно, технический прогресс и использование информационных технологий будет продолжаться и дальше, но с еще большей скоростью.

В наше время существует очень много источников информации, которые целенаправленно воздействуют на интеллектуальную перегрузку. Через канал СМИ, люди, пытаются сообщить за любые деньги максимум информации, но за минимум времени. Перегруз информацией основывается на том, что количество принимающей нужной информации превосходит объективные возможности ее восприятия человеком. Полезной называется та информация, которая нужна для процесса взаимодействия личности или социальной организации.

Информационная перегрузка в литературе порой описывается как состояние, при котором люди принимают "любую информацию", которая не является полезной в данный момент" [2]. Наряду с этой проблемой, учеными выделяется еще одна проблема - информационного голода, что связано с нехваткой информации, а главной причиной недостатка информации, как это ни странно, является ее избыток, который и вызывает информационную перегрузку[5]. Следовательно, происходит рост противоречий между обществом как производителем информации и человеком как ее потребителем и пользователем, обладающим ограниченными биолого-физиологическими и социальными возможностями по ее восприятию и освоению. Уже доказано, что информационная перегрузка препятствует нормальной деятельности человека, и исходя из этого можно выделить несколько путей решения:

1. Человек не воспринимает часть информации, не сумев ее услышать;
2. Он воспринимает и обрабатывает всю информацию точно, но позднее срока;
3. Воспринимает информацию в искаженном свете или просто отказывается от ее восприятия.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что проблемы, которые связаны с информационными перегрузками, требует поиска способов их решения в первую очередь от самого общества. Продолжающаяся революция в сфере информационных технологий имеет многочисленные экономические и социальные воздействия на современное общество и требует серьезного исследования в области социальных наук в целях управления рисками. Также, необходимо научить социум использовать нужную информацию и производить отбор информации с выделением наиболее главного с отказом от детальной информации.

1. Гидденс Э. *Последствия современности*/Э.Гидденс.-М.:Издательство «Издательская группа «Праксис»2011.
2. Лисичкин В. А., Шелепин Л.А. *Третья мировая информационная война*/В.А.Лисичкин,Шелепин,2007.
3. Бурдые, П. *Социология социального пространства* / П. Бурдые. -М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
4. Пименова, Д. В. *Информационное неравенство в современном российском обществе: социально-территориальный аспект ; автореф. дис. . канд. социол. н. / Д. В. Пименова. Пенза, 2007. - 24 с.*
5. Юзвишин И. И. *Основы информатиологии* / И. И. Юзвишин. Учебник. 3-е изд. *испр. и допол.* – М.: Издательство «Высшая школа», 2001. – 600 с.
6. Shubik M. *Information, Rationality and Free Choice. - Toward the Year 2000- Work in Progress /Daedalus, Summer 1976.*

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ:РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Черцова А.А. (Барнаул)

В настоящее время данные официальной статистики показывают, что инвалидизация российского общества сохраняется на высоком уровне: так, в течение последних 5-ти лет доля инвалидов стабильно составляет 90 человек на 1000 человек населения. Растет инвалидизация детей: с 2012 по 2016 гг. доля детей-инвалидов возросла на 11% – с 560 тыс. человек до 620 тыс. человек [1]. Одновременно в России лица с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья остаются одними из наименее защищенных социальных категорий, уровень их интеграции и социальной адаптации остается низким. Во многом это обусловлено отсутствием в современном обществе действенных социальных механизмов включения лиц с ОВЗ в социальную среду, в том числе их профессионализации, социальной адаптации, социализации, социальной и социально-профессиональной мобильности. До настоящего времени фактически отсутствует признанная методика оценки качества инклюзивной среды, что значительно осложняет процесс внедрения инклюзии в современное общество.

Инклюзивное образование лиц с инвалидностью и ОВЗ является одним из социальных механизмов интеграции данной социальной группы в социум. Эффективность развития инклюзивного образования, в свою очередь, обусловлена различными факторами. Ведущим фактором выступает готовность общества к реализации инклюзивной политики, то есть наличие объективных возможностей и субъективных предпосылок для ее реализации. Адекватность использования объективных условий и субъективных факторов формируемой инклюзивной

политике государства позволяет сделать данную политику успешной, что проявляется, в первую очередь, в успешности инклюзивного образования [2].

Актуальной тенденцией развития современного образования становится переход к системе непрерывного предельно доступного образования для каждого в доступных образовательных учреждениях.

Студенчество, как самостоятельная социальная группа, всегда являлось объектом особого внимания. Современная ситуация в развитии профессионального образования характеризуется повышением внимания к организации обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья по программам бакалавриата и магистратуры. Наиболее распространенным, по мнению большинства специалистов, занимающихся этой проблемой, является инклюзивный подход к обучению студентов с ОВЗ. Этот подход предполагает включение студентов с ограниченными возможностями здоровья в образовательный процесс вуза в общем потоке с обычными студентами.

Молодые люди составляют отдельную категорию обучающихся, их обучение имеет свою выраженную специфику. Очевидно, что большая часть образовательных учреждений не подготовлена к встрече с абитуриентами инвалидами, обусловлено это отсутствием обустроенной среды, специальных программ, рассчитанных на данную категорию людей. Доступность образования не исключает, напротив, предполагает формирование специальной среды для образования инвалидов (персональный ассистент, лифты, транспортеры во всех учреждениях, приобретение клавиатур для лиц с патологией зрения или с ограничениями физического здоровья и др.) [3]. Только в некоторых высших учебных заведениях образованы центры по обучению студентов-инвалидов. Но, тем не менее, многие вузы России активно включились в работу по созданию образовательного процесса студентов-инвалидов, и это подвергается контролю и разнообразным оценкам. Единственное, что часто отсутствует в таком анализе – мнение студентов.

Нами было проведено социологическое исследование, целью которого было изучить позицию студенческой молодежи с ОВЗ к созданию доступной, безбарьерной среды в вузе. Методом анкетирования было опрошено 22 человека с особыми образовательными потребностями, которые обучаются в одном вузе.

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты: опрошенные студенты с ограниченными возможностями здоровья очной формы обучения имеют возможность посещать все учебные занятия из них 64% ответов «да в полной мере», а 36 % «скорее да».

Большинство опрошенных студентов АлтГТУ с ОВЗ (73%) не испытывают сложностей в процессе обучения, 27% респондентов отметили, что таковые сложности имеются.

По мнению 8 опрошенных человек (36%) учебные дисциплины «скорее адаптированы» для студентов с ОВЗ, 14 человек (63 %) считают, что «скорее нет» и «не адаптированы».

Большинство респондентов (82%) данного исследования никогда не сталкивались со случаями негативного отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья в университете. Оставшиеся 18% студентов вуза отметили, что сталкивались. Это говорит о том, что в вузе не достаточно высокий уровень культуры, прослеживается отсутствие толерантного отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья.

16 опрошенных студентов с ОВЗ (73%) ответили, что не испытывают никаких трудностей в повседневной студенческой жизни, 6 опрошенных (27%) указали на психологические барьеры при общении с преподавателями, а 4 (18%) при общении со сверстниками. Часть студентов с ОВЗ отметили незнание нормативно-правовых документов (18%). Наличие барьеров среды указали также 18%.

36% опрошенных участников исследования не известны ресурсы для поддержки обучения в вузе лиц с ОВЗ. Больше половины опрошенных соответственно (63%) знают о существовании данных ресурсов. Большинству студентов с ОВЗ (73%), принимавших участие в данном исследовании, знакомо понятие «универсальная образовательная среда». Не знакомо данное понятие – 27% опрошенных респондентов.

4 человека, т.е. 18% опрошенных полагают, что в университете необходимо создавать общую доступную среду для всех учащихся, «скорее да» указали еще 7 человек (32%). 11 человек, т.е. 50% опрошенных студентов указали на то, что «скорее не нужно» создавать общую доступную среду, так как условия должны быть специальные. Возможно, расположение таких ответов связано с тем, что в вузе не созданы все условия для лиц с ОВЗ и поэтому студенты считают, что лучше получать образование в специальных условиях, которые благоприятнее

способствуют студенческому процессу обучения. С другой стороны данное расположение ответов необходимо учитывать с психологической составляющей респондента.

Инфраструктуру университета и материально-техническую обеспеченность учебного процесса в вузе студенты оценивали по пяти бальной шкале, где 1 самый низкий показатель, а 5 – высокий. Результаты распределились следующим образом: на «3» оценили 32% опрошенных, 50% указали ответ «4» и оставшиеся 18 % оценили данный показатель на «5». Данное расположение оценок связано с тем, что, структура инвалидности в вузе показывает отсутствие тяжелых заболеваний, при которых необходимо специальное оборудование для учебного процесса и поэтому большинство студентов оценивают хорошо инфраструктуру вуза и материально-техническую обеспеченность. На самом деле материально-техническая обеспеченность и инфраструктура всего вуза находится на низком уровне, только в некоторых корпусах созданы определенные условия.

Таким образом, можно сделать вывод, что обучение студентов с особыми образовательными потребностями в условиях вуза не лишено проблемных аспектов. Стремление к инклюзии не всегда совпадает с социальными условиями среды. Как показало проведенное исследование студенты испытывают определенные трудности как в процессе обучения, так и при общении со сверстниками. Студенты сомневаются в возможности создания общей доступной среды для всех учащихся, так как необходимо проделать большую работу, чтобы условия были приемлемы для всех.

На основании проведенного социологического исследования были разработаны практические рекомендации, которые будут способствовать устойчивому развитию инклюзивного образования среди студенческой молодежи вуза. Это работа по адаптивному учебным дисциплинам, внесение дополнений в методические документы, проведение мероприятий по правилам корректного языка и этикета в отношении инвалидов и др.

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Электрон. дан. – [Барнаул], 2016. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> . – Загл. с экрана.;
2. Инклюзивное образование: результаты, опыт и перспективы [Текст] : сборник материалов III Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. АLEXИНОЙ. – Москва : МГППУ, 2015. – 528 с.;
3. Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и ЛОВЗ в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащённости образовательного процесса [Текст] : утв. Минобрнауки России от 08.04.2014 N АК- 44/05вн. Гарант;

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Числовский А. (Москва)

Россия - одна из крупнейших стран мира, имеющая богатые исторические и культурные традиции. Ее экономический, научно-технический и военный потенциал, уникальное географическое положение на Евразийском континенте позволяют Российской Федерации играть важную роль в современном мире. Объективно сохраняется общность интересов России и других государств по многим проблемам безопасности, включая противодействие распространению оружия, борьбу с терроризмом и наркобизнесом, решение экологических проблем и обеспечение ядерной безопасности. Вместе с тем ряд государств активизирует усилия, направленные на ослабление России в целом и ее влияния на международную политику.

Национальные интересы России - это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Эти интересы носят долгосрочный характер и определяют стратегические цели и текущие задачи внутренней и внешней политики российской Федерации.

К бременю военно-политических внешних и внутренних угроз безопасности России прибавляются новые вызовы и угрозы, имеющие глобальный характер, - международный терроризм, наркоторговля, организованная преступность, демографические проблемы, а также нелегальная миграция и многое другое...

К основным внешним угрозам государства можно отнести:

1. Поддержка международными террористическими организациями и некоторыми исламскими государствами сепаратизма на Северном Кавказе.
2. Наркоторговля из Центральной Азии и давление исламского экстремизма на этот регион;
3. Приближение баз НАТО к границам России, демографическое давление Китая на Дальнем Востоке и территориальные претензии Японии на часть Курильской гряды островов).
4. Вмешательство других стран во внутренние дела РФ;
5. Попытки ущемлять интересы РФ в решении проблем международной безопасности;
6. Наличие очагов вооруженных конфликтов вблизи государственной границы РФ;
7. Нарастания группировок войск ведущих к нарушению баланса сил вблизи государственных Границ РФ и границ ее союзников;
8. Ввод иностранных войск в нарушение Устава ООН на территории сопредельных с РФ государств;
9. Создание, оснащения и подготовка на территории других государств вооруженных формирований в целях их переброски для действий на территории РФ;
10. Нападения на военные объекты РФ расположенные на территориях иностранных государств;
11. Действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности в мире;
12. Враждебные информационно-технические и информационно- психологические действия;
13. Дискриминация, подавления прав, свобод и законных интересов граждан РФ в иностранных государствах.

Кроме внешних есть и внутренние угрозы. Основные внутренние политические угрозы Российской Федерации:

1. Попытка насильственного свержения конституционного строя;
2. Противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране;
3. Планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры;
4. Создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований;
5. Незаконное распространение (оборот) на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;
6. Организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

В России продолжает снижаться численность населения – с 146,3 миллионов человек в 2001 году до 142,2 миллионов человек в 2007 году. То есть прогнозируется отрицательный прирост населения, который составляет 0,5-0,9%.

Смертность население выросла в 1992-1994 с 12,2 до 15,7 человек на 1000 жителей и только в 1997-1999 годах стала падать. В 1990-2002 годах рождаемость упала с 16 до 9 новорожденных на 1000 жителей. Падение рождаемости является следствием как “неуверенность в завтрашнем дне”, так и вхождение страны в стадию позднеиндустриального(современного, молодежного) общества, для которого характерна низкая рождаемость. Только с 2000-2001 года рост рождаемости и смертности стабилизировался. Серьезными проблемами России являются алкоголизм и наркомания, которыми охвачено 2-3 миллиона человек что является катастрофическими цифрами в Российской Федерации.

После распада СССР административные границы превратились в государственные. В 1990-х годах границы РФ оставались легко проницаемыми (свободными) для внешних потоков иммигрантов и импортно-экспортных потоков из бывших республик СССР. Это привело к очень серьезным демографическим проблемам. Наибольшая волна миграции произошла в 1994 году уже со стран СНГ когда в Российскую Федерацию мигрировало 1,1 миллион человек. В 2004-2006

годах миграция росла – с 119.157 до 186.380 человек, но с учетом нелегальной иммиграции это число многократно превышает показатели легальных иммигрантов

Миграционные процессы в России ведут к росту межнациональной напряженности как в связи со сложностями, возникающими при взаимодействии разных культур, так и по причине накопления социальных проблем. Тревожной тенденцией стал рост праворадикальных настроений фашистского и шовинистического толка (идеология, суть которой заключается в проповеди национального превосходства с целью обоснования права на дискриминацию и угнетение других народов)

Насилие со стороны молодежных националистических группировок (скинхедов) проявлялось в Санкт-Петербурге, Воронеже и других городах России. Скинхеды встречают сопротивление со стороны леворадикальных групп.

Самой ужасной и проблематичной проблемой в России является коррупция.

Коррупция – представляет собой значительную проблему в современной России затрагивающую все аспекты жизни, включая государственное управление, правоохранительные органы, здравоохранение и образование. Феномен коррупции исторически является частью модели государственного управления в России.

В условиях происходящего с 1990-х годов демонтажа индустриальной системы советского типа и социального государства образуются новые социальные ниши, которые заполняются маргинальными слоями, потерявшими прежние социальные ниши. Темпы этой социальной «перестройки» замедлились в первые годы XXI века, но она не была

В условиях происходящего с 1990-х годов демонтажа индустриальной системы советского типа и социального государства образуются новые социальные ниши, которые заполняются маргинальными слоями, потерявшими прежние социальные ниши. Темпы этой социальной «перестройки» замедлились в первые годы XXI века, но она не была закончена. Эта ситуация незавершенного, «замороженного» перехода чревата обострением социальных конфликтов. В условиях территориальной неравномерности экономического развития на постсоветском пространстве происходило накопление межнациональных напряжений. Наиболее болезненным является конфликт на Северном Кавказе, для преодоления социально-экономических и политических последствий которого потребуются долгое время и значительные усилия федеральных и региональных властей. Сохраняется угроза терроризма, регулярно происходят небольшие вооруженные столкновения на Северном Кавказе, реже — террористические акты в этом регионе и в Москве.

Несмотря на геополитическое отступление на многих стратегических направлениях и утрату ряда позиций на мировой арене в последние два десятилетия, Россия объективно сохраняет параметры великой державы, обладая обширной территорией, богатыми природными ресурсами, населением с высоким интеллектуальным потенциалом, историческими традициями державности, а также значительным военным, в первую очередь ядерным, потенциалом.

Императивы сохранения статуса великой державы, однако, предъявляют системе национальной безопасности Российской Федерации повышенные требования. Огромный пространственный размах, не имеющая аналогов по протяженности граница, неравномерная плотность населения, очаговый характер экономических зон, контрасты между ними в использовании людских ресурсов и энергии (большое число рабочих на предприятиях малой энергоёмкости европейской части и большая энергоёмкость предприятий Сибири и Дальнего Востока с относительно небольшой долей трудоспособного населения), уязвимость транспортных коммуникаций, АЭС и производств, связанных с повышенными экологическими рисками, – все это усложняет и сами военно-стратегические задачи России, и их осуществление.

Занимая север Евразийского континента, наша страна сопричастна любым военно-политическим процессам, происходящим и в Европе, и в Азии. Россия расположена на важнейших транснациональных воздушных, морских и наземных магистралях, от характера функционирования которых зависит как развитие геополитической обстановки в мире и регионах, так и ход возможных боевых действий на различных театрах военных действий (ТВД). Вооруженные столкновения вблизи границ России, в сопредельных регионах непосредственно делают ее территорию уязвимой в военном отношении.

Система национальной безопасности Российской Федерации подвергается особому испытанию и в связи с глобальным геополитическим противоборством. Мир становится все более непредсказуемым, нестабильным, угрожающим. От романтических идей нового политического мышления, от надежд на равную и одинаковую безопасность не осталось и следа. В «Стратегии

национальной безопасности» США со всей определенностью сказано: «Наша стратегия национальной безопасности формируется, исходя из американских интересов и ценностей. США несут глобальную ответственность за защиту демократии в планетарном масштабе, имеют жизненно важные интересы во всех регионах мира». Нет ни слова об «общечеловеческих интересах» или равной безопасности для всех стран и в новой стратегической концепции НАТО. Североатлантический блок ориентируется не на оборону, а на превентивные действия, в том числе за пределами зоны своей ответственности. Группа членов альянса во главе с США (их наиболее активно поддерживают Великобритания и Голландия) стремится к ускоренной трансформации НАТО во всемирную организацию путем подключения новых стран, далеко отстоящих от евроатлантической зоны. Активным лоббистом идеи преобразования Альянса в глобальную военно-полицейскую структуру выступает генеральный секретарь НАТО Я. де Хооп Схеффер, неоднократно высказывавшийся в пользу необходимости для НАТО заняться проблемами безопасности на Среднем Востоке, в Ираке, Иране, Северной Корее, Китае.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальная структура политической стабильности России зависит от множества различных факторов, включая внешние и внутренние политические угрозы, сформированные не только за счет отношения общества к государству, государственной внутренней и внешней политики, но и за счет видения России со стороны как Сверх Державы.

1. *Интернет-источник:* http://voenservice.ru/boevaya_podgotovka/takticheskaya_podgotovka/osnovnyie-ugrozyi-voennoy-bezopasnosti-rf/ обращение 2.10.2016
2. *Интернет-источник:* <http://www.dslib.net/> обращение 6.10.2016
3. *Интернет-источник:* <http://www.diagram.com.ua/> обращение 6.10.2016
4. *Интернет-источник:* <http://www.studfiles.ru/> обращение 6.10.2016

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧАЕМОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Чумак Н.А. (Волгоград)

Образование относится к числу важнейших социальных институтов. Определяющим условием возникновения и функционирования социальных институтов является социальная потребность, некая нужда людей, социальной группы. Социальный институт может прекратить свое существование, если отпадет потребность, которую он ранее удовлетворял. Но существуют институты, которые вызваны к жизни непреходящими потребностями, в числе которых потребность в образовании [4].

Реформирование системы образования в соответствии с требованиями Болонской системы в нашей стране было начато в 1999 году и не закончено до сих пор. Вначале реформы затрагивали только уровень среднего общего образования, сейчас начинается постепенное реформирование и высшей школы.

Проводимые реформы высшего образования касаются, в основном, структуры образования (например, введение новой третьей ступени высшего образования – аспирантуры), содержания (например, постоянные правки рабочих программ высшего образования) и частично формы (сейчас, например, приоритет отдается очному первому высшему образованию). Аспект качества «исходного материала» – абитуриентов рассматривается в меньшей степени. Однако если рассматривать институт – как производство квалифицированного персонала, то можно легко провести параллель с любым другим производством, где от качества исходного сырья во многом зависит и качество получаемого в итоге продукта. Справедливости ради необходимо отметить, что Болонская система дает заметные и довольно положительные результаты, несмотря на все ее отрицательные стороны, о которых не устают спорить ученые и практики. Перед вчерашними школьниками, удачно сдавшими Единый государственный экзамен, открыты двери практически в любой ВУЗ страны, а от традиционных устных экзаменов они освобождены. Количество ВУЗов, в которые можно одновременно подать документы при этом неограниченно. Что в итоге приводит к абсурдной ситуации – большинство абитуриентов идут учиться туда, куда просто проходят по баллам. О какой-либо внутренней мотивации к учебе в данной ситуации говорить не приходится.

Пилотный опрос 137 студентов-первокурсников, поступивших обучаться на специальность 38.03.03 «Управление персоналом», проведенный в сентябре 2016 года на базе Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, показал, что в

некоторых школах профориентационная работа до сих пор либо не проводится совсем, либо проводится, но недостаточно эффективно. Так, на вопрос о соответствии собственных способностей и личностных особенностей содержанию выбранной специальности большинство студентов (57% респондентов) не смогло ответить утвердительно. А ведь профориентационная работа как раз таки и предполагает составление индивидуального графического профиля личностных особенностей и списка профессий, соответствующих интересам и способностям учащегося. В ситуации нестабильной и кризисной ситуации, существующей в нашей стране, высокого уровня безработицы, такая работа становится особенно актуальной.

Возвращаясь к вопросу о способностях, на наш взгляд, кажется весьма актуальным в условиях унифицированного подхода к выявлению знаний и способностей школьников и абитуриентов (с помощью ЕГЭ) дополнительное входное тестирование, выявляющее способности к обучению и индивидуальные особенности каждого абитуриента/студента. Обучаемость отражает общие способности человека, которые «выражают познавательную активность субъекта и его возможности к усвоению новых знаний, действий, сходных форм деятельности» [3]. Обучаемость – это весьма важная черта, которая необходима для овладения любой специальностью. Существующая на данный момент система подготовки специалистов (бакалавров и магистров) практически исключает возможность индивидуального подхода. У обучающегося нет возможности перестраивать учебную программу в соответствии с особенностями каждого обучаемого. Следовательно, возникает проблема отбора лиц, которых имеет смысл обучать той или иной специальности. У лиц с высокой обучаемостью быстро формируются навыки и умения, быстро осуществляется внутренняя перестройка при изменении условий деятельности [2]. Такое тестирование можно использовать как на вступительных испытаниях, так и на первом этапе обучения, при распределении студентов по группам. Это позволит избежать возникновения феномена «работы на семинарах одних и тех же студентов».

Существует большая группа тестов общих умственных способностей, специально разрабатываемых для быстрой предварительной оценки способностей к обучению. Первым тестом этого направления был «Самоприменяемый тест Отиса» [1]. Тест имел в большинстве случаев хороший коэффициент валидности. Наиболее известной адаптацией теста Отиса явился тест Вандерлика. Как отмечает А. Анастаси, надежность теста, несмотря на его краткость, вполне удовлетворительна [1]. КОТ или Краткий отборочный тест является адаптацией теста Вандерлика. Структура адаптированного теста соответствует структуре общих способностей. Исходной предпосылкой при анализе структуры теста было определение обучаемости. Тест имеет единственный интегральный показатель (ПТ) – число правильно решенных задач. Тест имеет единую форму предъявления: на первой странице – инструкция и примеры, на второй и третьей – тексты заданий. Обработка теста производится следующим образом: лист с ключами прикладывается сначала ко второй странице и подсчитывается число совпавших ответов, затем к третьей. Фиксируется общая сумма совпавших ответов. ПТ имеет медианные нормы, которые разбивают выборку на две части и оценка результатов идет по принципу «попал-не попал». В зависимости от ПТ, испытуемый может быть распределен в ту или иную учебную группу [2].

В сентябре 2016 года на базе Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы был проведено исследование с использованием инструментария Краткого отборочного теста, с целью выявления способностей к обучению (у студентов первого курса) и возможной последующей корректировки состава групп, и зависимости успеваемости студенческих групп от уровня способностей к обучению отдельных студентов более старших курсов. Всего в исследовании приняло участие 137 студентов, из которых 35 – студенты первого курса, 31 – студенты второго курса и 35 – студенты третьего курса. Для определения нормы были использованы медианные нормы теста у студентов МГУ – 26 – 29 правильных ответа. В исследуемых группах первокурсников средний ПТ составил 31 балл. Это дает возможность говорить о довольно высоком качестве «исходного материала» и высоком уровне способностей к обучению. При этом состав групп может быть подвергнут корректировке в соответствии с показателями отдельных студентов. Результаты тестирования студентов более старших курсов показали четкую зависимость групповой успеваемости от показателей отдельных студентов и объяснили феномен «работы на практических занятиях одних и тех же студентов».

1. Анастаси А. Психологическое тестирование в 2-х томах [Текст] / А. Анастаси. – М., 1982
2. Бузин В. Н. Краткий отборочный тест [Текст] / В. Н. Бузин. – М.: «СМЫСЛ», 1992. – 10 с.

3. Зейгарник Б. В. Патопсихология [Текст] / Б. В. Зейгарник. – М., 1976
4. Мкртчян Е. Р. Социология [Текст]: учебное пособие / Е. Р. Мкртчян. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2004. – 384 с.

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПОМОЩИ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ

Чунихина Л.Д. (Санкт-Петербург)

В современном мире в сфере образования информационные технологии используются очень широко. Использование анимации для визуального восприятия материала, мультимедийных средств для увеличения степени наглядности потенциально могут повысить эффективность обучения. Многие из обучающих программ написаны преимущественно для настольных компьютеров, включая ноутбуки и нетбуки. В настоящее время существуют такие вычислительные средства, как планшеты и смартфоны, которые отличаются такими преимуществами, как портативность, лёгкость, мобильность, миниатюрность, сохраняя при этом высокую вычислительную мощность, возможность выхода в сеть Интернет. Очевидно, что на таких мобильных устройствах могут быть также реализованы обучающие приложения. К примеру, на сегодняшний день доступны такие приложения, как программа для изучения правил дорожного движения, английского языка, русского языка и другие. Тем не менее, потенциал современных мобильных устройств в России в сфере образования реализован далеко не полностью.

В связи с появлением в последнее время различных школьных элективных курсов, содержащих сложную для усвоения информацию, возрастает потребность в использовании современных технических средств обучения. Таким средством может служить обучающее приложение для мобильных устройств. Подобные приложения по сравнению с бумажными носителями и другими традиционными средствами представляют гораздо более широкие возможности: могут содержать перекрестные ссылки на различные источники дополнительной информации, определения; мультимедийные средства. Также, обладая интерактивностью, с помощью подобного приложения может осуществляться обратная связь – контроль уровня усвоения.

Подобные приложения можно использовать и в процессе обучения в общеобразовательных учреждениях различного уровня. Обучающее приложение можно использовать как для поддержки образовательного процесса традиционного построения, так и для дистанционного обучения.

Проводя анкетирование в ГБОУ школе № 200 с углубленным изучением финского языка Красносельского района города Санкт-Петербурга среди учащихся 7 классов, было выявлено: у 100 % опрошенных имеется смартфон, поддерживающий Android – приложения. Эти данные подтверждают, что учащиеся технически готовы к использованию мобильных устройств в учебном процессе, иначе говоря, исключается вероятность неисполнения кем-то работы в связи с отсутствием устройства.

80 % опрошенных используют в своих смартфонах обучающие приложения по изучению иностранных языков. Это показывает, что учащиеся используют мобильные устройства не только в качестве средства связи и развлечений, но и в образовательных целях. Остальные 20 % из опрошенных полагают, что использование вспомогательных приложений в обучении будут способствовать лучшему усвоению материала.

Таким образом, проведенное анкетирование демонстрирует готовность учащихся к использованию обучающих приложений в образовательном процессе.

На данный момент учебные мобильные приложения являются неотъемлемой частью образовательного процесса любого курса на Западе. Использование обучающих мобильных приложений дает возможность обучающимся в учебное и не учебное время применять дополнительные материалы, выполнять различного уровня задания, получать оценку за выполненную работу, вести учебную дискуссию и др.

Итак, мобильное обучение, являясь одним из новых направлений развития мобильных технологий, содействует модернизации системы образования. Учитывая, что мобильные устройства используются учащимися в основном вне определенной системы, то возрастает необходимость создания системы методов мобильного обучения, благодаря которым будет осуществляться принцип индивидуализации обучения как в аудитории, так и дома.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

Чурина Р.С. (Санкт-Петербург)

В последние годы резко увеличивается количество и разрастается география террористических актов. По данным МВД России в нашей стране в 2011 году было зарегистрировано 622 преступления террористического характера, в 2012 году – 637 (+2,4%), в 2013 год – 661 (+3,8%), в 2014 год – 1127 (+70,5%) и наконец, в 2015 году – 1531 (+35,8%)[1]. Количество террористических актов в мире, по данным австралийского Института экономики и мира (The Institute for Economics and Peace, Sydney, Australia), за последние два года увеличилось на 80%.

Цели, преследуемые международными террористическими организациями, разделяются на две группы. Это социально-психологические цели, связанные с воздействием на общество путем вселения тревоги, страха, лишения чувства безопасности и неуверенности в будущем и др. И международно-политические цели, направленные на воздействие на государства, их внутреннюю и внешнюю политику, на весь ход международных отношений в целом. Для рассмотрения особенностей противодействия международному терроризму необходимо более подробно остановиться на международно-политических целях.

Воздействие международных террористов главным образом направлено против современных государств, их внутренней и внешней политики с целью оказания влияния на весь ход международных событий в целом. Это осуществляется путем принуждения публичных политиков, органов государственной власти или международных организаций к совершению нужных террористам действий или воздержанию от их совершения. Также среди целей террористов значительное место занимает разрушение либо дестабилизация ключевых политических, конституционных, экономических или социальных институтов и структур современных государств или международных организаций. Так, взрыв во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке 26 февраля 1993 года был нацелен на то, чтобы добиться прекращения американской помощи Израилю и дипломатических отношений с ним, включая прекращение вмешательства во внутренние дела стран Ближнего Востока. Как известно, именно внешняя политика США, отношения с Израилем, присутствие американских войск в Саудовской Аравии и другое послужило причинами террористического акта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.

Причиной захвата заложников 20 ноября 2015 года в отеле Radisson в г. Бамако (Мали), в результате которого погибли граждане России, Бельгии, Израиля, США, Мали, КНР, Сенегала послужила одобренная резолюцией Совета безопасности ООН № 2085 от 20 декабря 2012 года международная военная операция, начатая в январе 2013 года Францией против повстанцев-туарегов, захвативших часть территории Мали и провозгласивших независимое государство Азава.

Использование международного терроризма в политических целях представляется в настоящее время альтернативным инструментом внешней политики. Вместе с тем, весьма трудно доказать причастность властей определенных государств к поддержке или пособничеству террористической деятельности, позволяющим террористам избежать уголовной ответственности за свои преступления. На практике не редко встречаются ситуации, при которых государства оказывают поддержку таким негосударственным объединениям, путем предоставления убежища на своей территории, оказания финансовой поддержки, предоставление ресурсов для обучения террористов либо не предпринимают никаких действий, направленных на борьбу с терроризмом на своей территории. Например, режим талибов позволял Аль-Каиде использовать территорию Афганистана в террористических целях, а так же содействовал в укрытии Усамы Бен Ладена [2].

Международное законодательство, обеспечивающее правовую основу борьбы с терроризмом, включает в себя широкий круг документов, насчитывающий порядка 40 (18 универсальных и 22 региональных документов) правовых актов. ООН играет лидирующую роль в противодействии международному терроризму. Итогом деятельности ООН в борьбе с международным терроризмом стало шестнадцать документов (13 конвенций и 3 протокола), обеспечивающих правовую основу данной борьбы.

Принципиально важной является Резолюция Совета Безопасности ООН №1624, принятая 14 сентября 2005 года. Она устанавливает требования ко всем государствам за-крепить на законодательном уровне юридическую ответственность за подстрекательство к совершению

террористического акта, призывает государства к продолжению международного сотрудничества и увеличению совместных усилий по данному вопросу[3].

В области противодействия международному терроризму Европейский выделяет четыре меры: предотвращать(не допускать вербовку в террористические организации, пресекать пропаганду терроризма), защищать(обеспечивать безопасность границ, транс-порта, посредством сбора и обмена данными о пассажирах обеспечения безопасности в местах массового скопления людей), преследовать(анализировать сети деятельности терроризма, укреплять оперативные основы взаимодействия, осуществлять экстерриториальное преследование террористов и взаимодействие между полицейскими органами по этим вопросам, обмениваться информацией о потенциально связанных с терроризмом лицах и организациях) и реагировать(иметь возможность справляться с террористическими актами и их последствиями, принимать коллективные меры, оказывать помощь жертвам террористических актов и их семьям, защищать и помогать участникам контртеррористических операций, оказывать содействие другим странам мира по ликвидации последствий террористических актов)[4].

В рамках СНГ, в 2000 году был создан Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых Государств. Целью создания данного органа стало согласование деятельности компетентных органов стран – участниц СНГ в борьбе с терроризмом. В рамках СНГ разработан Договор государств – участников Содружества Независимых Государств «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма» от 5 октября 2007 года. В нём отмечается необходимость сотрудничества в пресечении финансирования терроризма и приведение национального законодательства стран, подписавших договор, в соответствие с нормами международного права о борьбе с финансированием терроризма, а также при необходимости принятие новых нормативно – правовых актов, обеспечивающих исполнение данного договора[5].

Различные международные региональные институты сотрудничают в целях противодействия международному терроризму. Например, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ, Организация американских государств (ОАГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС).

Масштабы воздействия терроризма на принятие решений органами власти современных держав переходят все границы, и вселяет все большую тревогу. Существующая нормативная база и правоприменительная практика явно не успевают за растущей угрозой. Для адекватного ответа на эскалацию международного терроризма и выработки, действенных мер по противодействию этой глобальной угрозе не обойтись без научного анализа его природы, причин, содержания и целей, а также нормативно-правового обеспечения борьбы с этим опасным явлением.

1. <https://mvd.ru/folder/101762>

2. René Värk. *Terrorism, State responsibility and the use of armed force.* // ENDC Proceedings. – 2011. №14. P.74–111. 82-83).

3. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1624, 2005 г. [Электронный ресурс] // Official Documents System of the United Nations. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/>

4. *The counter-terrorism strategy of the European Union (14469/4/05)*// URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2014469%202005%20REV%204>

5. *Договор государств – участников Содружества Независимых Государств «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма».* // БД «Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств».

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шалькевич Н.И. (Иркутск)

Семья является важнейшей сферой жизнедеятельности человека. Поэтому неудивительно, что зарубежные и российские социологи уделяли особое внимание проблемам семьи и распределения семейных ролей, в том числе. Проблемы распределения семейных ролей, участия супругов в выполнении домашней работы рассматриваются Е.С. Балабановой, Т.М. Дадаевой, С.В. Климовой, Ж.В. Кравченко и другими авторами [1; 5]. Гендерные отношения в современной российской семье анализируются в работах И.Д. Горшковой, О.М. Здравомысловой, М.М. Мальшевой, Н.М. Римшевской, А.А. Темкиной, И.И. Шурыгиной, Е.Р. Ярской-Смирновой. Трансформация семейных ролей является одной из главнейших сторон современной перестройки

внутрисемейных взаимоотношений. Неконкретность норм, которые регулируют сегодня брачно-семейные отношения, обрекает современную семью на ряд проблем.

Проблема выбора ролевого образца – одна из таких проблем. Существует несколько моделей распределения семейных ролей: патриархальная, матриархальная и эгалитарная. В связи с увеличением трудоустроенных женщин в современном мире, где заключаются как экономические, так и в большей степени социально-психологические факторы, среди семей распространён эгалитарный тип брачно-семейных отношений [2]. Этот тип предполагает сглаживание дифференциации труда между мужчиной и женщиной в семейной и общественной жизни и высокую степень взаимозаменяемости семейных ролей.

Однако, несмотря на склонность современных семей к эгалитарному типу, на практике многие семьи по-прежнему придерживаются традиционных гендерных ролей в семье. Это свидетельствует о наличии конфликта между теми представлениями и установками, которые индивиды усвоили с детства, и которые носят традиционный, патриархальный характер, и новым опытом, новыми представлениями эгалитарной направленности, которые уже существуют, но ещё не целиком охватили нашу повседневность [4]. Активное участие женщин в экономике способствует формированию их материальной и социальной независимости, вследствие этого развиваются новые стандарты межполовых отношений. Замужество уже не является основным средством успешной реализации для женщины, что обычно характерно для патриархальной модели распределения семейных ролей.

Что же касается распределения домашних обязательств, то здесь эта область деятельности по-прежнему сохраняет статус консервативных гендерных отношений. Так в 47% опрошенных семей в исследовании Т.М. Дадаевой гендерное разделение домашних обязанностей имеет традиционный (патриархальный) характер [3]. Хотя именно в бытовых гендерных взаимодействиях в семье происходят изменения традиционных гендерных привычек, создаются новые формы семейных ролей в сторону их эгалитаризации. То есть в семье последовательно меняется распределение нагрузок, увеличивается число домашних дел, которые ведутся обоими супругами. Мужчины и женщины сегодня стали чаще совместно выполнять ту работу, которая раньше традиционно считалась женской или мужской. К слову, 36% опрошенных в исследовании Т.М. Дадаевой отметили, что домашние дела чаще приходится выполнять обоим супругам [3].

В России распространена ситуация, когда в семьях, где мужчина - глава семьи, выполняющий функции кормильца, а решения по планированию семейного бюджета принимает женщина (супруга). Но прослеживается такая тенденция, в которой обязанность заботиться о бытовых нуждах семьи и принимать решения чаще передаётся женщине, и она при этом может не признаваться главой домохозяйства [6].

Итак, в настоящее время семья в России переживает сложные трансформационные процессы. Формирование в развитых странах в 21 веке новых, эгалитарных межполовых взаимоотношений обусловило появление качественно отличных от ранее существовавших ситуаций во всей брачно-семейной системе. Сейчас в российской семье в распределении семейных ролей смешиваются черты эгалитарной и традиционной семьи. В России оба супруга имеют равные права и обязанности по материальному обеспечению семьи, ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, но всё же супруг остаётся основным кормильцем и защитником семьи от внешних обстоятельств.

1. Балабанова Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти. // Социологические исследования. — 2005. — № 6.
2. Барсукова С.В., Чуланов В.А. Трансформация гендерных семейных ролей в оценках современной студенческой молодежи // Вестник ЮРГТУ (НПИ). - 2014. - №4. URL: http://vestnik-npi.info/upload/information_system_15/1/6/4/item_1640/information_items_property_4627.pdf (дата обращения: 03.10.2016).
3. Дадаева Т.М. Кто выносит мусор, или парадоксы гендерного разделения труда. // Социологические исследования. — 2005. — № 6.
4. Захарова О.В. Гендерные стереотипы в современном российском обществе: монография / О. В. Захарова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.
5. Климова С.В. Домашний труд в городской семье. // Социологические исследования. - 2012. - № 11.
6. Кругликова Г. Г., Хлевнова А. В. Гендерная роль женщины в семье // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». - 2009. - №3 URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/93_st.pdf (дата обращения: 05.10.2016).

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Шаповалова А. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306

В быстро меняющихся современных условиях и трансформации российского общества основным вопросом выступает повышение уровня жизнеспособности государства и общества. Создание условий для решения фундаментальных условий для решения проблем в стране, которые связаны с осуществлением демократических трансформаций, построением правового государства и развитием гражданского общества несмотря на углубление системного кризиса.

Основным направлением преобразований в современных российских условиях является проведение реформы системы управления на всех уровнях власти на федеральном, региональном и местном. Становление и развитие системы местного самоуправления способствует формированию муниципального управления как специфической сферы управленческой деятельности, как новую профессиональную квалификацию. Как отмечает Т.П. Фокина, «муниципальное управление имеет дело с непростыми задачами. Ему необходимо связать воедино разные сферы жизни, места в едином решении, а кроме того, выявить, высказать уникальность места, его метафизику... Иначе говоря, муниципальное управление глубже, чем любое другое, погружено в ценности, в так называемый провинциальный менталитет. От стабильности и эффективности деятельности муниципальных органов власти зависит устойчивость общественных отношений» [4].

«Муниципальное управление призвано регулировать социально-экономические процессы в муниципальных образованиях и реализуется посредством создания института муниципальной службы. Эффективность муниципального управления определяется профессионализмом и деловыми качествами муниципальных служащих, являющихся важнейшим фактором власти по осуществлению демократических преобразований в российском обществе. Гражданину, претендующему на муниципальную должность, необходимо иметь определенный уровень профессионального образования и стаж работы для решения профессиональных задач. От квалификации муниципальных служащих зависит эффективность принимаемых управленческих решений, а в конечном счете и результаты социально-экономического развития муниципальных образований, регионов, страны в целом» [3].

В современных условиях муниципальным образованиям необходим управленческий кадровый состав нового стиля мышления, который обладает не только теоретическими знаниями, но и соответствующими компетенциями необходимыми для стратегического развития территории, использование управленческих технологий и т.д. Это все ведет к созданию системы управления профессиональным образованием, повышению квалификации и переподготовки муниципальных кадров. Ж. Т. Тощенко говорил, что «на федеральном и региональном уровнях власти отсутствует полное понимание и осознание идеи местного самоуправления. Большинство руководителей не видят его нового качества (сфер деятельности, прав и ответственности) и рассматривают данную проблему с точки зрения своих личных интересов, симпатий и антипатий ... в реальности местное самоуправление таковым не является, ибо этим термином условно обозначается реально существующая власть на местах, которая старается решать местные проблемы всеми возможными и доступными для нее средствами» [2].

Забнева Э.И., «обобщив накопленный опыт и учитывая специфику российской действительности, выделила следующие признаки муниципальных служащих как профессиональной группы. Во-первых, это деятельность, требующая специальных знаний, осваиваемых путем стандартизированного и длительного обучения. Во-вторых, наличие принятых в профессиональном сообществе образцов и стандартов деятельности, утвержденных обществом. В-третьих, следование определенному профессиональному поведению, что, с одной стороны, связывает носителей профессии с «профессиональной корпорацией», а с другой – обеспечивает доверие клиентов. В-четвертых, формирование профессионального этического кода, обеспечивающего профессиональную идентификацию. В-пятых, существование относительной свободы действий, профессиональная автономия» [1].

В период формирования муниципальных органов власти отсутствовала профессиональная база, которая бы способствовала их профессиональной деятельности. Профессиональные нормы и ценности, навыки и умения находились на стадии развития, что в последствии привело к низкому

профессиональному уровню и различной критики со стороны населения. Также остается много вопросов к обеспечению профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность муниципальных служащих сочетает в себе сложные идентификационные процессы, такие как: самоидентичность личности как муниципального служащего, социально-профессиональная идентичность, т.е. соотношение себя с профессиональной группой, а также статус муниципального служащего в общественном мнении. В настоящее время наблюдается сложность с профессиональной идентичностью муниципальных служащих.

Как отмечает Забнева Э.И., «сложности наблюдаются и в идентификации с профессиональной группой и внутри нее. Во-первых, нарушение связи между институтом образования и институтом профессии, приводит к дисфункции процесса групповой идентификации. Во-вторых, осознание и осмысление себя в единстве с профессиональной группой осуществляется на основе принятия идентификационных характеристик конкретной профессиональной группы, основными из которых являются: профессиональные компетенции, ценности и нормы поведения, составляющие профессиональную культуру. Трудно говорить о профессиональной компетентности, если прием на должности и последующее карьерное продвижение осуществляется не по профессиональным качествам и успехам, а по знакомству, выгоде, удобству».

В общественном мнении процесс идентификации муниципального служащего находится в незавершенной стадии. Смешивание функций государственного и муниципального управления приводит к дезориентации профессиональной идентичности как самих муниципальных служащих, так и общество.

Таким образом, изучая процесс формирования профессиональной идентичности муниципальных служащих, можно говорить, что они формируют особую профессиональную общность и процесс становления еще не завершен. В период формирования профессиональной идентичности муниципальные служащие наталкиваются на ряд объективных условий, которые тормозят процесс их формирования как профессиональной группы. Уровень квалификации муниципальных служащих, социальный контроль за их деятельностью может стать основой формирования высокопрофессиональных муниципальных служащих.

1. Забнева Э.И. Проблемы профессионализации муниципальных служащих в условиях транзитивного общества // Социум и власть № 4 (54) 2015.
2. Тоценко Ж. Т. Социология. М. 2001. С. 291- 293
3. Хайруллина Н. Г., Устинова О. В. Управление муниципальными служащими. Тюмень. 2005
4. Школа муниципального служащего // Методические материалы. Обнинск. 2008. С. 79

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Шарова Е.Н. (Мурманск)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований ("Профессионально-образовательные стратегии студенчества Мурманской области в условиях трансформации системы высшего образования"), проект № 16-13-51003.

В настоящее время многими исследователями отмечается беспрецедентное повышение роли образования (преимущественно высшего) в развитии современного общества, основанного на экономике знаний и инноваций [1]. Переход от индустриального общества к постиндустриальному (информационному) сопряжен с радикальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности социума, особенно в экономике в целом и в сфере труда в частности. Наблюдаются такие процессы, как дестандартизация и флексибилизация занятости, широкое распространение получают гибкие и нетипичные для индустриальной социально-экономической ситуации формы занятости (например, фриланс) [6].

Утрата стабильности и определенности в системе занятости, рост конкуренции на рынке труда, сокращение рабочих мест и трудового времени как следствие научно-технического прогресса обуславливают появление новых требований к работнику. Под влиянием становления информационного общества формируется концепция непрерывного образования, в соответствии с

которой индивид должен быть готов учиться на протяжении всей своей жизни («life-long learning»), проявляя высокую профессиональную мобильность и гибкость [7].

Некоторые исследователи заговорили о превращении высшего образования в социальную норму, в универсальную ценность, а также о нарастании функциональной дифференциации высшего образования по линии «общее - специальное» [5, С.13]. Здесь имеется в виду, что нормативным для современного рынка труда считается иметь высшее образование как таковое, безотносительно узкопрофессиональных знаний, полученных в ходе освоения конкретной специальности. Требование наличия высшего образования распространилось даже на тот сектор рынка труда, который традиционно называют вторичным, объединяющий в себя низкоквалифицированные профессии и рабочие места, не предполагающие специальной подготовки.

Данные изменения в сфере труда и образования имеет свои подводные течения, которые уже сейчас начинают выходить на поверхность. Требования гибкости и флексибельности современного рынка труда, с одной стороны, способствует повышению адаптивности индивида в стремительно изменяющихся условиях, с другой стороны, могут приводить к размыванию профессиональной идентичности, вследствие невозможности надолго закрепить себя в социально-профессиональной структуре. Непрерывность обучения может идти по экстенсивному пути, проявляясь в таких феноменах, как «коллекционирование дипломов» и «креденциализм».

Потребность общества в образовании достаточно высока, о чем свидетельствуют параметры массового и индивидуального сознания, воплощаясь в конкретных профессионально-образовательных стратегиях различных социальных групп (особенно, это касается молодёжи). Отмечается практически всеобщая ориентация молодых людей на получение высшего образования и в то же время, практически тотальная профессиональная дезориентация целого поколения, вступающего в жизнь. Формируется мощный социальный запрос на образовательные услуги, не связанный с получением профессиональных знаний и умений. Происходит своего рода подмена профессиональной ориентации образовательной, а последняя содержательно сворачивается, подменяясь формальной гонкой за «корочками».

Отмеченные общие – глобальные – процессы специфическим образом преломляются в национальных и региональных масштабах. Российское общество в настоящее время оказывается активно вовлечённым в мировые процессы, находясь в отношениях взаимного влияния с другими странами. Инновационность объявляется основой модернизации экономики России, ориентированной на переход к современной, более эффективной и рациональной модели экономического роста [3]. В основе данного трансформационного процесса лежит отказ от преимущественно сырьевой ориентации страны на международном рынке и усиление интеллектуальной составляющей в процессе производства товаров и услуг.

Решение данного вопроса становится невозможным без соответствующей трансформации системы образования в целом и высшего образования в частности. Последнее в большей степени становится ответственным за подготовку высококвалифицированных профессионалов, способных вывести экономику страны на новый уровень. Интеграция России в европейское пространство и переход на многоуровневую организацию высшего образования обозначены в качестве приоритетных направлений образовательной политики.

После подписания в 2003 году Болонской декларации, российская система высшего образования испытала на себе ряд значительных изменений, которые по-разному воспринимаются участниками образовательного процесса (прежде всего администрацией вузов, преподавателями, учащимися и их родителями, работодателями).

Бакалавриат как первый уровень высшего образования представляет собой массовый вариант профессиональной подготовки, имеющий преимущественно практическую направленность. Магистратура призвана отбирать «лучших» для более углубленной, научно-ориентированной программы обучения. Таким образом, институционально оформляется процесс дифференциации высшего образования и его разделения по критерию «общее - специальное».

Проведение данной образовательной политики «сверху» встречает сопротивление различных агентов «снизу». Ригидность системы образования, ее невосприимчивость к трансформационным процессам обусловлены во многом структурными факторами: начиная от технологического отставания в экономической сфере, обуславливающего отсутствие связи с рынком труда и ориентация на потребительский спрос получателей образовательных услуг, и заканчивая слабостями финансирования высшей школы, ресурсной базы, технической оснащённости образовательного процесса. Структурные деформации не могут не отражаться на

субъективно-личностном уровне, проявляясь в неспособности и неготовности участников образовательного процесса воспринять необходимые изменения и воплотить их в реальной практике.

В региональном масштабе происходит дальнейшая спецификация и углубление обозначенных противоречий. Мурманская область является одним из наиболее уязвимых в этом отношении регионов, в котором отмечается ежегодная демографическая убыль, особенно среди молодежи [2]. Наряду с общим сокращением численности молодых людей в регионе происходит «вымывание» интеллектуального потенциала населения Мурманской области [8, С.37-38].

Конъюнктура рынка труда в регионе – доминирующий спрос на простую рабочую силу («синих воротничков» различной квалификации) - свидетельствует об индустриальном характере социально-экономического развития. Становление сервисной экономики, основанной на сфере услуг, в регионе в основном происходит экстенсивным путем за счет массового низкотехнологичного труда. В данных условиях трудоустройство по специальности высококвалифицированных работников (выпускников вузов) становится затруднительным, вынуждая их снижать требования к содержанию труда и руководствоваться лишь материальными трудовыми мотивами.

Институциональный разрыв связей рынка труда и рынка образовательных услуг порождает различные ценностно-смысловые деформации в профессионально-образовательных ориентациях молодежи, особенно студенчества [4, С.84]. Оно является своеобразным «локомотивом» социокультурной и социально-экономической трансформации, источником пополнения высококвалифицированных кадров, будущих профессионалов, способных производить новое и внедрять это новое в реальную практику. От того, какие смыслы вкладывают в свое обучение и профессиональное становление потенциальные молодые профессионалы, какие цели они преследуют, вовлекаясь в процесс получения высшего образования, зависит не только их личное будущее самоопределение, но и сценарий развития общества в целом.

1. Арапов М.В. Бум высшего образования в России: масштабы, причины и следствия / М.В. Арапов // *Общественные науки и современность*. - 2004. - №6. - С.30-40
2. Дмитриева, Е. Из Мурманской области за 23 года уехало почти полмиллиона человек [Электронный ресурс] / Е. Дмитриева // Информационное агентство «ФедералПресс». 13.07.2013. Режим доступа: http://fedpress.ru/news/society/news_society/1373654011-iz-murmanskoi-oblasti-za-23-goda-uekhalo-pochti-polmilliona-chelovek (дата обращения: 27.09.2014)
3. Инновационная Россия 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года) [Электронный ресурс] / Минэкономразвития России. М., 2010. Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016 (дата обращения: 10.09.2016)
4. Кочетов, А.Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия / А.Н. Кочетов // *Социс*. – 2011. - №5. – С. 82-90.
5. Социальная дифференциация высшего образования / Отв.ред. С.В.Шишкин. – М.: НИСП, 2005. – 384 с.
6. Стребков Д.О. Фрилансеры в информационной экономике: мотивация и организация труда / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук // *Социальная реальность*. - 2008. - №1. - С. 23-39;
7. Телегина Г.В. Образование в течение жизни: институализация в европейском контексте и ее оценка // *Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах* / Отв. ред. Г.А. Ключарев. - М.: ИС РАН, 2008. - С. 16-37.
8. Шарова Е.Н. Жизненные стратегии молодежи в условиях Кольского Севера (по материалам социологического исследования): Монография / Е.Н.Шарова, Е.В.Недосека, Т.В.Ануфриева / Мурманск: ООО «БАРЕНЦ-ПРЕСС», 2015. – 157 с.
9. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда / А.В. Шевчук // *Общественные науки и современность*. – 2007. - №3. – С.44-54

СПИРАЛЬ МОЛЧАНИЯ: ЖЕНЩИНА И ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ

Шаронова А.А. (Москва)

Насилие, то есть агрессивное использование физического превосходства над другими личностями, в данном сообщении будет толковаться как сложное многомерное явление. Будем учитывать, что факторы, влияющие на систематическое его воспроизводство и распространение, активизируются в нескольких неоднородных сферах или распределены по нескольким уровням (слоям). Так, на индивидуальном уровне особую роль обретает личностный профиль действующих

лиц, тогда как в сфере взаимодействия (близкого партнерства) возникает риск применения насилия ввиду непосредственности контакта в ситуации присутствия агрессора и жертвы. С другой стороны, социальное окружение в целом или конкретное локальное сообщество способно провоцировать насильственные действия ввиду применения определенных ценностей и поведенческих стандартов, преобладающих в конкретной культурной нише.

Эти суперпозиции неоднородных уровней агентов и факторов влияния, в рамках которых, как правило, взаимодействуют комплексные поведенческие детерминанты способны создавать особые среды (окружения), блокирующие одни поведенческие паттерны и стимулирующие другие. Например, достаточно свободный доступ к оружию в сочетании с частым употреблением алкоголя или систематическими практиками наблюдения семейных инцидентов в детстве может привести к экспоненциальному росту проявлений насилия в определенный момент и в конкретном регионе.

Проблема домашнего насилия стала предметом обсуждения на институциональном уровне в России лишь в 1990-е годы. Бытовое или домашнее насилие имеет гендерные признаки, где жертвой чаще всего становятся женщины. Домашнее насилие может принимать формы физического, психологического, сексуального или экономического воздействия на личность, попирающего ее достоинство и чреватое серьезным ущербом здоровью.

Статистика по этой проблеме в России на сегодняшний день практически отсутствует. Чаще всего приводятся следующие данные, опубликованные Департаментом охраны общественного порядка МВД России: две трети умышленных убийств совершается на семейно-бытовой почве, в семьях совершается до 40% всех тяжких преступлений [1].

По официальным данным МВД РФ: 36 тыс. россиянок ежедневно терпят побои мужей, 12 тыс. гибнут в результате домашнего насилия ежегодно (одна женщина каждые 40 минут), 60%-70% жертв не обращаются за помощью, 97% дел, связанных с домашним насилием не доходит до суда [2]. Комитет по правам человека в заключительных материалах по седьмому периодическому докладу Российской Федерации в апреле 2015 года выразил обеспокоенность «20-процентным ростом числа сообщений о случаях домашнего насилия в отношении женщин и детей за период с 2010 года и медленным прогрессом в принятии федерального законопроекта о предотвращении домашнего насилия. Он также с озабоченностью отмечает отсутствие проявления сотрудниками правоохранительных органов должной оперативности при регистрации и расследовании случаев домашнего насилия и недостаточным количеством служб по оказанию помощи жертвам, включая психологические и образовательные центры и приюты» [3].

Большинство государств, имеют специальные законы, регулирующие проблемы бытового насилия. Так, во Франции и Болгарии даже приняты законы, направленные на борьбу с психологическим насилием. Россия же не имеет специального закона, предотвращающего домашнее насилие в каких-либо его видах. На территории РФ действуют лишь два международных документа - Всеобщая декларация прав человека и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которые носят формальный характер.

Нормативные акты Уголовного кодекса РФ предусматривают ответственность за умышленные преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности граждан, но направлены прежде всего на ликвидацию последствий преступления, но не его предотвращения. Обычно против преступных действий при домашнем насилии наиболее часто применяются следующие статьи - ст.ст.111,112,115 (умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести), 116 (побои), 117 (истязание), 119 (угроза убийством) УК РФ. Несмотря на наличие значительного количества статей в Уголовном кодексе, устанавливающих ответственность за побои и причинения вреда здоровью, проблемы домашнего насилия они не решают, так как они относятся к частному, а не публичному обвинению. Только сама жертва может подать заявление в суд. Женщина же часто просто боится жаловаться, на нее так же ложится бремя доказательства вины насильника, и все это может в результате привести лишь к штрафным санкциям. Следует отметить, что по нормам российской системы правосудия, насилие в семье считается менее опасным, чем насилие, совершенное в общественном месте по отношению к незнакомому человеку.

В этом проявляется очевидная неэффективность российского законодательства. Правоохранительные органы не всегда реагируют на подобные случаи должным образом. Росстатом в 60 регионах РФ было опрошено 10 тыс. женщин. Согласно полученным данным: 40% женщин в России подвергались вербальному насилию, а каждая пятая — физическому, при этом лишь 12% женщин после этого обращались за помощью в полицию, в медучреждение или к

юристу [4]. Во многом данный феномен объясняется существующими стереотипами распределения семейных ролей в той или иной культурной среде. Обычно, у нас семейные разборки считаются частным делом, а не вызовом обществу и государству. Тем самым снижается осознание общественной опасности преступных деяний данного типа со стороны массового сознания. В сочетании с несовершенством действующих норм это создает своеобразную атмосферу неоправданной толерантности к данной проблеме, что мешает вывести ее на уровень общественной повестки дня.

В 2015 году Всемирный экономический форум представил новый отчет по Индексу гендерного равенства (The Global Gender Gap Index), который измеряет степень гендерного равноправия в экономической, политической, образовательной сферах и в области здоровья. Россия в этом рейтинге заняла 75 место из 145 представленных в отчете стран [5].

Следует отметить, что в настоящее время практически отсутствуют систематические исследования проблемы насилия в отношении российских женщин. Некоторое время назад в обществе имели место дискуссии, парламентские слушания, круглые столы по теме давно назревших перемен в этой сфере. По итогам данных обсуждений были сформулированы следующие рекомендации. Во-первых, «внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, касающихся исключения преступлений, совершенных в семье, из категории дел частного обвинения, и перевода их в категорию дел публичного обвинения». Во-вторых, внесение дополнений в статьи 115 и 116 УК РФ, ужесточающие ответственность за противоправные деяния по отношению к родственникам или бывшим родственникам. В-третьих, решение вопроса о полноценной защите пострадавших от домашнего насилия в рамках гражданской и уголовной судебной системы. В-четвертых, необходимость статистического учета данных органами МВД о характере отношений между преступником и пострадавшей, включая учет пострадавших по полу [6].

Неумолимое развертывание «спирали молчания» вокруг насущных социальных проблем, требующих неотложного вмешательства, создает целый ряд рисков, грозящих перерасти в системный кризис. Представленная многоуровневая «экологическая модель» анализа проблемных ситуаций, связанных с применением насилия по отношению к женщинам дает новые шансы на выработку адекватной стратегии реагирования общественности на новые (и вполне традиционные) угрозы [7].

1. *Цит.по: Резолюция круглого стола на тему: "Влияние насилия в семье на здоровье женщин и детей" от 20 сентября 2012 г. Комитет Государственной Думы по охране здоровья. URL.:*

<http://www.komitet2-2.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124049049057050.html> (дата обращения 1.10.2016 г.).

2. *Домашнее насилие в России . По информации на портале «РИА Новости». URL.:*

<https://ria.ru/infografika/20130129/920211298.html> (дата обращения 1.10.2016 г.).

3. *Заключительные замечания по седьмому периодическому докладу Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. Комитет по правам человека ООН. URL.:*

<http://www.ohchr.org/RU/Countries/ENACARRegion/Pages/RUIndex.aspx>(дата обращения 1.10.2016 г.).

4. *Правоохранители редко пресекают домашнее насилие в РФ, считают в СПЧ. По информации на портале «РИА Новости». URL.:*

<http://ria.ru/society/20140708/1015147636.html#ixzz3zjCEoxZ0>(дата обращения 1.10.2016 г.).

5. *Global Database on Violence against Women. URL.:*

<http://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/europe/russian-federation> (дата обращения 1.10.2016 г.).

6. *Резолюция круглого стола на тему: "Влияние насилия в семье на здоровье женщин и детей" от 20 сентября 2012 г. Комитет Государственной Думы по охране здоровья. URL.:*

<http://www.komitet2-2.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124049049057050.html>.

7. *Heise L, Ellsberg M, Gattemoeller M. Ending violence Against Women. Populations Reports 1999; 27(4):1-43.*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Шевцов А.В. (Санкт-Петербург)

На этот раз докладчик решил обратиться к «вечно зеленой» теме методического инструментария прикладной социологии в области электоральных исследований. Оговорим сразу особенность подхода: если «практикующих социологов» волнует, в первую очередь, адекватность и представительность результатов, то теоретика интересует обоснования выбора тех или иных объяснительных схем. Возьмем два наиболее ярких примера: фокусированное полуструктурированное групповое интервью (фокус-группа) и опрос на выходе (exit poll).

Первая технология была разработана в рамках маркетинговой, почему вопросы использования её в социологических исследованиях решаются в пределах отношения социолога к теории «избирательного рынка». Еще в 1940-х гг. Р. Мертон, М. Фиске и П. Кендалл выделили четыре взаимосвязанных критериев эффективности интервью: 1) полнота (интервью должно давать возможность респондентам наиболее полно освещать различные стороны стимульной ситуации и свои реакции на нее); 2) специфичность (в интервью должны быть получены точные сообщения об аспектах стимульной ситуации, которые вызвали определенные реакции интервьюируемых); 3) глубина (интервью должно помочь интервьюируемым описать эмоциональный, когнитивный и ценностный смысл ситуации и степень своей включенности в нее); 4) личностный контекст (интервью должно выявлять характерные черты и предшествующий опыт интервьюируемых, которые наполняют ситуацию конкретным смыслом) [1].

Экзит-полл был разработан в связи с потребностью новостных агентств. В 1964 году на первичных выборах в Калифорнии опрос на выходе был применен руководившим электоральными опросами сети NBC Б. Льюисом по причине отказа сотрудников десятка избирательных участков предоставить результаты подсчета бюллетеней социологам. В 1967 году на выборах губернатора штата Кентукки его использовал У. Митофски по заказу телерадиосети CBS с целью первыми сообщить аудитории имя победителя. Причем сегодня можно выделить две процедуры. В «облегченном варианте» она сближается с альтернативным параллельным подсчетом голосов (вышедшие после голосования избиратели голосуют второй раз, но уже анкетой, стилизованной под избирательный бюллетень). С другой стороны, сам У. Митофски в 2004 году предложил выходящим из дверей участков респондентам полноценную анкету, состоящую из 26 вопросов [2]. Очевидно, что в первом случае речь идет о социальной статистике, а во втором — о разновидности анкетирования, выделяющегося только местом и временем проведения.

Аналогичные проблемы возникают и с позиционированием фокус-группы, в первую очередь в связи со всё еще непривычным для отечественной социологии сугубо качественным характером исследования. По мнению саратовских исследователей, «в отличие от электоральных социологических исследований фокус-группа не дает количественных оценок состояния общественного мнения или динамики электоральных предпочтений, так как небольшие по составу группы не отвечают научным критериям репрезентативности выборки» [3].

В то же время они отмечают, что фокус-группы оказывают неоценимую помощь в получении качественных сведений о настроениях, сложившихся в обществе, понимании тенденций и причин формирования таких настроений, а также о проверке спонтанной реакции участников обсуждения на конкретную информацию.

О. В. Парфенова идет дальше, утверждая, что «в некотором смысле фокус-группа — это более мощный инструмент, чем социологический опрос. Она позволяет понять глубинные причины и основания тех или иных мнений людей, поскольку имеет такое преимущество, как интерактивный характер» [4]. Сотрудники Института социального маркетинга вообще называют фокусированное интервью «незаменимым инструментом» в электоральных исследованиях [5].

В чем же преимущества метода перед традиционными опросами? 1) Получение широкого спектра относительно репрезентативных реакций, мнений и установок представителей целевых групп; 2) осознание в процессе группового обсуждения до того плохо осознаваемых установок [6]. По мнению кемеровских исследователей, успешно метод применяется в следующих областях: 1) имидж политиков; 2) отношение избирателей к политическим партиям и движениям; 3) причины социальной напряженности в обществе; 4) социальное прогнозирование; 5) методологическое обеспечение социологических исследований (проверка гипотез, пилотаж инструментария) [7].

Опросу на выходе специалисты также придают большое значение, расходясь только в приоритетах задач и функций. Так, А. В. Зимин на первое место выставляет борьбу с фальсификациями с помощью контроля над избирательными комиссиями со стороны общественности. Далее следует подтверждение правильности предвыборных прогнозов. На третьей позиции располагается возможность практически мгновенной передачи сведений о результатах заинтересованным СМИ. И только в конце, на четвертом месте, помещена возможность изучения социально-демографических характеристик электората [8].

Сотрудники Центра эмпирических исследований философского факультета СПбГУ выделяют следующие преимущества: 1) выявление активного электората; 2) минимизация числа ответов, не соответствующих реальному голосованию; 3) выявление факторов реального электорального поведения [9].

Руководитель управления социально-политических исследований ВЦИОМ сформулировал свою версию очевидных преимуществ метода. 1. Отказ от малоэффективных массовых обследований позволяет сэкономить средства и время, что, в свою очередь, позволяет моментально скорректировать тактику избирательной кампании. 2. Работа с компетентным респондентом, непосредственно вовлеченным в избирательный процесс. 3. Избиратель еще не успел забыть сущность и детали предмета интервью. 4. Обеспечивается полная сопоставимость данных с данными, полученными при работе с другими аудиториями (целевыми, слабо вовлеченными, потенциальными). 5. Обеспечивается «чистота» полученного результата, еще не искаженного референтным окружением респондента [10].

Недостатки и ограничения избранных методов в области электоральных социологических исследований достаточно очевидны. Относительно фокус-группы спорным является сам вопрос о существовании некоего «избирательного рынка», на котором участники предвыборной гонки являются товарами, или, хотя бы, продавцами услуг.

«Журналистскую» составляющую экзит-пола хорошо охарактеризовал английский социолог Н. Мун: «это очень дорогой способ узнать результаты выборов на несколько часов раньше, чем они станут известны всем» [11]. С. В. Львов указывает на следующие методические ограничения метода. 1. Особая чувствительность респондента к внешним воздействиям, способная проявляться в разных формах (социально одобряемые ответы, осторожность в суждениях и оценках, утривание под влиянием переполняющих эмоций). 2. Локализация, мешающая при нехватке интервьюеров провести необходимое для анализа минимальное количество наблюдений. 3. Объем инструментария – аналогичные с обычным уличным опросом. 4. Стихийность выборки, связанная с редкостью события и небольшим количеством потребителей при отсутствии достаточного временного ресурса у заказчика или инициатора исследования [12].

Таким образом, фокус-группа и опрос на выходе достаточно активно применяются в социологических исследованиях, причем заимствованные методы как предоставляют большие возможности и создают серьезные проблемы для развития электоральной социологии.

[1] См.: Мертон Р. Фокусированное интервью: Пер. с англ. / Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.; Под ред. Белановского С. А. М., 1991. – С. 15.

[2] См.: Докторов, Б. З. Прямые продолжатели дела отцов-основателей: Уоррен Митофски и Джозеф Ваксберг // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 109-120.

[3]. Электоральная социология: учеб. пособие / С. Б. Суоров, И. О. Кузнецова, Е. С. Григорьев и др.; под ред. С. Б. Суорова. Саратов, 2009. – С. 86–87.

[4] Парфенова О. В. Методы диагностики и изучения электорального поведения // Среднее проф. образование. – 2006. – Вып. № 2. – С. 41.

[5] Инсомар: Институт социального маркетинга: Сайт. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.insomar.ru/methody/fokus-gruppy/> (Дата обращения: 11.05.2016).

[6] Электоральная социология: учеб. пособие / С. Б. Суоров, И. О. Кузнецова, Е. С. Григорьев и др.; под ред. С. Б. Суорова. Саратов, 2009. – С. 96–97.

[7]. Электоральные социологические исследования / [Д. Г. Ротман, А. А. Тарнавский, И. В. Левицкая и др.]. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 70.

[8] См.: Зимин, А. В. Социология выборов: Учеб. пособие / Тамб. гос. ун-т. Тамбов, 2005. – С. 61.

[9] См.: Артемов, Г. П. Электорат политических объединений России: опыт проведения Exit-Poll в Санкт-Петербурге / Артемов Г. П., Авдиенко Д. А., Попова О. В., Чазов А. В. // Полит. исслед. 2000. № 2. – С. 55-56, 67.

[10] Львов, С. В. Опросы на выходе: перспективы метода // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). – С. 45.

[11] Цит по: Баскакова, Ю. М. Экзит-полл и его задачи // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). – С. 37.

[12] Львов, С. В. Опросы на выходе: перспективы метода // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). – С. 45-46.

СВОДНЫЕ СЕМЬИ: ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Шевченко И.О. (Москва)

Выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 14-18-02016.

Рассматриваются отношения отцов, матерей и детей в сводной семье, социально-психологические условия появления такой семьи, влияние других взрослых родственников и проблемы, в ней возникающие.

The article discusses the relationship between fathers, mothers and children in the step-family, socio-psychological conditions, the influence of other adult relatives and the typical problems of such a family.

Использованы результаты исследований, проведенных под рук. И.О. Шевченко: «Авторитет отца в семье», 2010-2011 гг., глубинное интервью, 20 респондентов, 10 мужчин и 10 женщин (семейные пары) разного возраста; «Отчим в семейных отношениях», 2010-2012 гг. (две волны), методом глубинного интервью опрашивались отчимы и их жены, в том числе бывшие (то есть ныне разведенные) супруги, 20 семей; «Отец в моей жизни», 2009-2016 гг., опрос в форме эссе, 693 респондента.

Сводной называют семью, основанную на повторном браке мужчины и женщины, где есть дети от предыдущего брака. Современная российская статистика не предполагает учета повторных браков, примерную цифру сводных семей можно получить экспертным образом. Количество разводов в России составляет 70% от заключаемых браков, в 60% таких семей есть дети. Количество повторных браков - примерно 30% от общего числа регистрируемых браков [1,3,4]. По данным социологического исследования, около 10-14% детей живут в сводных семьях [2]. По данным нашего исследования, получается примерно та же цифра. Когда говорят о сводных семьях, имеются в виду, прежде всего, семьи с отчимом. Связано это с тем, что ребенок после развода в России чаще всего остается с матерью [5]. Некоторое количество сводных семей образуется в результате вдовства, но количественных данных относительно таких семей нет.

Важнейшим социально-психологическим условием создания сводной семьи является настоящее, а не декларированное принятие ребенка жены мужчиной. Женщины говорили, что отношение мужчины к её детям определило их совместное будущее или его отсутствие. Это подтверждают мужчины.

Второе условие – позитивная позиция женщины. Если мать доверяет мужчине, позволяет ему «вмешиваться» в воспитание ребенка, то отношения между отчимом и ребенком складываются более близкие. Должны ли отношения быть «симметричными», что лучше – когда оба супруга имеют за плечами схожий опыт или когда один из супругов вступает в первый брак? Мнение психологов: когда супруги прошли примерно одни и те же этапы отношений, и у каждого есть дети от предыдущих браков (или у обоих их нет) – этот вариант предпочтительнее. Но наши респонденты считают, что определяющим является желание совместной жизни, стремление наладить взаимодействие и понимание, терпение, умение ждать.

Возраст детей на момент знакомства с отчимом является существенным условием формирования отношений. Чем старше ребенок, тем сложнее их взаимодействие. Но если отчим не любит детей или не хочет идти на контакт с ребенком, не желая себя обременять себя лишними заботами, отношения не складываются и с малышом: такое поведение порождает отторжение со стороны детей. Если же дети не чувствуют отчужденности мужчины, они готовы идти на сближение; это стимулирует и отчимов.

Маленькие дети часто воспринимают «заменителя отца» как родного человека, с ними легче наладить контакт, они быстро забывают, что имеют дело с «чужим дядей». Дети старшего возраста, при условии правильного поведения взрослого, принимают ситуацию как должную, признавая право матери на личную жизнь, но будут воспринимать отчима как старшего, возможно, авторитетного взрослого, но - не отца.

Влияет ли наличие собственных детей у мужчины на его поведение по отношению к ребенку жены в новой семье? Как минимум, это означает присутствие некоторого опыта взаимодействия с детьми. Можно сгруппировать мужчин: 1-я группа – те, у кого есть собственный ребенок, воспринимающие ребенка жены как «чужого»; даже при желании мужчины наладить

отношения, пасынок (падчерица) остаются для него таковыми. Видимо, это те мужчины, про кого психологи говорят, что они способны по-настоящему любить родного по крови, своеобразные «собственники». 2-я группа мужчин - способны принять и любить и своего родного ребенка, и ребенка жены. Иногда такие отцы, если их лишили возможности видеть своего ребенка, воспринимают пасынка (падчерицу) как «замену» родного. Представители первой группы на такую «замену» не способны. 3-я группа лишена отцовских чувств начисто.

Особенности отношений, связанные с гендерной принадлежностью ребенка, практически не проявились. Большинство мужчин указывало на то, что есть некоторые тонкости (примерно тоже самое говорят любящие отцы), но более важными оказывались психологические особенности ребенка: контактен-замкнут, общителен-закрыт и т.п. Многие говорили, что присутствие ребенка сблизило взрослых, поскольку «жизнь семьи крутилась вокруг него». Для большинства ребенок – это проверка чувств и прочности отношений взрослых.

Наличие отчима в повторных семьях необязательно негативно сказывается на ребенке. Порой в первобрачных семьях ребенок испытывает большой стресс от общения с постоянно конфликтующими родителями или пьющим и агрессивным отцом. Супруги не разводятся «в интересах ребенка», не понимая, что тем самым разрушают его психику, трансформируя представления о благополучной семье. Получается, что лучше хороший отчим, чем плохой отец. При определенных обстоятельствах отчим вполне способен заменить ребенку родного отца. Отчимы, которых младшее поколение воспринимают как отцов, участвуют в воспитании детей жены. Это очень значимый фактор, влияющий на степень близости ребенка и взрослого. Женщины указывали, что растить ребенка с мужем легче в материальном плане: отчимы не жалели денег на неродных детей. Юридическое усыновление-удочерение не связано с возникновением отцовско-сыновних (отцовско-дочерних) связей: в большинстве семей официальное оформление усыновления отсутствовало. Зачастую не заключался и официальный брак. Многие пары задумывались о государственной регистрации только перед рождением общего ребенка, а до этого события порой проходило немало лет.

Выявилась закономерность: если в семье сложились хорошие отношения, в ней обычно появляется ещё и общий ребенок, даже если старшие дети (как мужа, так и жены) уже взрослые. Как складываются отношения пасынков (падчериц) и общих детей супругов в повторной семье? Прослеживается следующее: сложились теплые или хотя бы дружеско-нейтральные отношения с отчимом – и братья-сестры ощущают себя родными. Остался отчим чужим человеком для приемного сына или дочери – и братско-сестринских отношений тоже практически нет.

Наличие отца играет роль только в случае активного участия родного отца в жизни ребенка. В этом случае отчиму уготована роль старшего авторитетного друга. Оказывают влияние позиция родственников бывшего мужа и матери. Ребенка, особенно маленького, можно «настроить» – как в «плюс», так и в «минус».

Существованию сводных семей мешает отсутствие социальных норм, регулирующих повторные браки. Каждая семья устанавливает нормы сама, а представления мужа и жены о «правильных» отношениях часто отличаются. В повторном браке пара вынуждена преодолевать бытующий в обществе стереотип, что по-настоящему можно любить только родного ребенка. Это не всегда так, но опровергать обывательский предрассудок зачастую приходится. Другие семейные проблемы не являются специфическими: взаимодействие и понимание мужа и жены в семейной жизни, в процессе воспитания детей, отношения детей, в том числе, ревность к родителям и друг другу - это всё мы видим и в первобрачных семьях.

1. Браки и разводы // Демография.ру. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=164 (дата обращения: 06.09.2016);
2. Гурко Т.А. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 78-85.
3. Демографическая ситуация в России на 1 декабря 2010 г. // Демография.ру. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=1855 (дата обращения: 06.09.2016);
4. Статистика браков и разводов в России за 2000-2009 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.svadba-online.ru/zags/statistika_brakov_i_razvodov_v_rossii_po_2009_god_news.html (дата обращения: 06.09.2016).

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА В СОЦИОЛОГИИ ПРАВА **Шекера Е.А. (Санкт-Петербург)**

Функционирование современного мира уже неотделимо от инкорпорации во все сферы жизни общества правового плюрализма, в отличие от классического понимания правового плюрализма, связанного с периодом колонизации и постколонизации, глобализация резко расширила и изменила подходы к пониманию данного термина: повсеместная миграция людей, ресурсов, информации, функционирование транснациональных политических, экономических, правовых, социальных (в том числе неправительственных) организаций, экологически направленных организаций и т.д. - все это создало новые нормативно-правовые поля, в которых люди находятся в ситуации множественного выбора: какую правовую систему выбрать для защиты своих интересов в конкретный момент времени, что позволяет активно эксплуатировать ситуацию правового плюрализма.

Термин «правовой плюрализм» был введен в социологию права в сер. XXв. западными учеными в связи с необходимостью характеризовать правовые системы государств (бывших колоний европейских держав) в постколониальный период, где наряду с централизованной государственной системой права сосуществовали негосударственные системы права. Наиболее классическими определениями термина «правовой плюрализм» считаются интерпретации, данные Дж. Гриффитсом (J. Griffiths) и С.Э. Мерри (S. E.Merry). Согласно С.Э. Мерри «правовой плюрализм» - это «ситуация, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном и том же социальном поле». Дж. Гриффитс делает акцент на поведенческом аспекте, определяя правовой плюрализм как «такое положение вещей в любом социальном поле, при котором поведению соответствует более чем одному правопорядку». В социологии права понятие правового плюрализма тесно связано с понятием «полуавтономного социального поля», предложенного С.Ф. Мур (S.F. Moore), согласно которому социальное пространство «может создавать свои внутренние законы, обычаи и символы, но в то же время... подчиняется законам, решениям и иным факторам окружающего его внешнего мира. Полуавтономное социальное поле обладает способностью к правотворчеству и средствами для претворения в жизнь созданных им правовых норм; в то же время оно действует в более широком социальном пространстве, которое может влиять и проникать в него либо по желанию лиц, принадлежащих к социальному полю, либо по своей собственной инициативе».[1; 77]

В настоящее время многие исследователи используют термин «правовой плюрализм» для характеристики взаимодействия между конкурирующими и противоречащими официальными правовыми системами или между официальной правовой системой и одной или более неофициальной нормативной системой. Согласно Бодуэну Дюпре (Baudouin Dupret): в то время как государство позиционирует себя в качестве единственного законодателя, правовой плюрализм выдвигает на первый план множество частично автономных и саморегулируемых социальных областей также производящих правовые нормы. [3] В связи с отсутствием согласия между учеными социологии права по поводу определения термина «закон» для социальных научных целей (поскольку «закон» как юридический термин, а именно, нормативно-правовой акт, который принимается представительным (законодательным) органом государственной власти в особом порядке, для социологии права не приложим к социальной действительности), Джон Гриффитс в 2005 году призвал вообще отказаться от термина «правовой плюрализм», заменив его более широким термином «нормативный плюрализм». Как отмечает Брайан Таманага (Brian Tamanaha), тот факт, что мы склонны рассматривать право как монополию государства свидетельствует об успехе проекта государственного строительства, который начался в период позднего средневековья. [5] Глобализация привела к тому, что необходимо пересмотреть классическое определение термина «правовой плюрализм», с акцентом на глобальность изменений, таким образом, мы получаем новый феномен, который можно охарактеризовать как «глобальный правовой плюрализм».

Для современных условий Б.Таманага предлагает следующим образом классифицировать виды нормативно правовых систем: [5]

1. официальные/ позитивные правовые системы;
2. традиционные / культурные нормативно-правовые системы;

3. религиозные / культурные нормативно-правовые системы;
4. экономические / капиталистические нормативные системы;
5. функциональные нормативно-правовые системы;
6. общинные / культурные нормативно-правовые системы.

1. Официальные/позитивные правовые системы. Институционализированные правовые нормы и законы, созданные официальными законодательными органами государства, включают в себя широкий спектр законов, от правил дорожного движения до прав человека. Современный период охарактеризован яркими примерами противоречия официальных правовых систем в отношении друг к другу, например, создание в 1959 году Европейского суда по правам человека породило надгосударственное правовое поле, направленное на отстаивание прав, в том случае, если человек не согласен с решением, принятым в государстве проведения судебной тяжбы. Также, например, в Российской Федерации в основном законе государства – Конституции РФ ст. 15 прописано, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [2]

2. Традиционные / культурные нормативно-правовые системы тесно связаны с периодом колонизации (и постколониальным периодом), в результате чего появились понятия «право коренных народов» или «традиционное/обычное право», они отличали местную правовую систему от навязанной колонистами «пересаженной» системы права. Включают общие социальные нормы и обычаи, исполнение которых регулируется на основе общего согласия членов сообщества, правотворчество чаще всего исходит от лидеров сообществ. В современном мире эта тема тесно связана с глобальным движением людей, посредством которого люди переносят с собой новые поведенческие коды, не свойственные культурной этике общества-реципиента, чаще всего мигранты проживают компактно, и эти ячейки мигрантов децентрализуют государственную монополию на власть.

3. Религиозные/культурные нормативно-правовые системы. Религиозные правовые системы в некоторых обществах неотделимы от обычных правовых систем, и обе могут быть рассмотрены как аспекты культуры, поэтому они разделяют термин «культурные». Религиозные правовые системы чаще всего опираются на священные тексты, а также на указы официальных/неофициальных религиозных учреждений или религиозных лидеров.

Религиозные правовые нормы по отношению к официальным правовым нормам могут быть рассмотрены в двух направлениях:

1. путем признания официальной правовой системой (официальные правовые системы признают и включают в себя обычное право и религиозные нормы, например, многие постколониальные государственные правовые системы обеспечивают соблюдение норм обычного права, связанных с семьей: брак, развод, порядок наследование и др.);

2. на своих собственных условиях (официальные правовые системы признают «легальный» статус религиозных правовых систем, которые не зависят от официального правопорядка, например, католичество).

4. Экономические / капиталистические нормативные системы. Эти системы тесно связаны с капиталистическим производством и рыночными сделками внутри социальных полей. Эти правовые нормы колеблются от неформальных норм, регулирующих отношения в деловых кругах (в том числе нормы, которые препятствуют обращению к официальным правовым институтам в спорных ситуациях), до норм, регулирующих инструментальные отношения, стандартные договорные нормы и практики, частное правотворчество в виде кодексов поведения, общие транснациональные коммерческие нормы, вплоть до общего разделения представлений о капитализме.

5. Функциональные нормативно-правовые системы. Эти системы складываются в связи со стремлением к той или иной функции, цели или деятельности, которая выходит за рамки чисто коммерческих занятий. Университеты, школьные системы, больницы, музеи, спортивные лиги, и интернет (как сеть) являются примерами функционально ориентированных нормативных систем, некоторые функционируют на местном, национальном и транснациональном уровнях, они обладают некоторой степенью автономии и самоуправления, направлены на достижение цели, ради которой они созданы, все имеют внутренние механизмы упорядочения, и все взаимодействуют с официальными правовыми системами на различных этапах.

6. Общинные/культурные нормативно-правовые системы. Данные правовые системы сложнее всего определить, в общих чертах, это воображаемая идентификация группой общего

образа жизни, как правило, привязанная к общему языку и истории, и содержащаяся в каких-то географических границах, но может быть, что это «сообщества взаимодействия», которые существуют исключительно в Интернете, состоящие из людей со всего мира. Эти процессы плотно связаны с глобализацией, с одной стороны, формируя более широкие мировые сети сообществ, имеющих космополитический характер, с другой стороны, страх потери самобытности порождает процессы локализации, с притязаниями на право получения поддержки со стороны официальной государственной правовой системы.

В связи с вышеизложенным получается, что термин «полуавтономное социальное поле», предложенный С.Ф. Мур, можно применить к отдельным государствам в рамках глобального нормативно-правового взаимодействия, где каждый индивид, будучи включенным в несколько подгрупп, подвергается воздействию нескольких правовых систем, нередко противоречащих друг другу, но он должен обладать правом выбора, какой системой правовых установлений руководствоваться в той или иной жизненной ситуации. Кайус Эрvasti (Kaijus Ervasti) отмечает, что социология права необходима для понимания внутреннего мира законов, поскольку необходимо создавать именно «работающие» законы в конкретных социальных полях, а для этого необходимы эмпирические данные. [4]

1. Бобровников В.О. Шариятские суды и правовой плюрализм в советском Дагестане // Этнографическое обозрение №3 – 2001, М – «НАУКА» РАН. С. 160 (с.77-91)
2. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru>
3. Dupret B. Legal Pluralism, Plurality of Laws, and Legal Practices: Theories, Critiques, and Praxiological Re-specification // European Journal of Legal Studies, Volume Issue URL: <http://www.ejls.eu/1/14UK.htm>
4. Ervasti K. Sociology of Law as a Multidisciplinary Field of Research URL: <http://www.scandinavianlaw.se/pdf/53-6.pdf>
5. Tamanaha B. Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to global, Sydney Law Review 30 (2008), 375–411. URL: https://sydney.edu.au/law/slr/slr30_3/Tamanaha.pdf

МЕСТО И РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФУТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ "АКСИОДЕМИЯ" А. ГИЛОЯНА)

Шеляпин Н.В. (Санкт-Петербург)

Место и роль социальной футурологии в современной социологической науке (на примере социально-футурологической концепции "Аксиодемия" А. Гилюяна). Важнейшей функцией социологии является прогнозирование. Социологический прогноз (от греч. πρόβωσις — предсказание) – это научно обоснованное предвидение дальнейшего развития и последующего состояния объектов общественной жизни, социальных общностей, процессов, явлений и социальных закономерностей и др. Тезис об важности прогностической деятельности в социологии сформулировал ещё отец-основатель социологии О. Конт. Именно Конт обосновал необходимость научного подхода к изучению общества и возможность познания законов его развития. Также Конт поставил вопрос о проведении эмпирических исследований в данной науке, с целью разработки эффективных методик социального управления. По его мнению, в достижении социальной гармонии большую роль может сыграть социологическая наука, которая в будущем сможет найти эффективный механизм взаимодействия между всеми частями общества. В связи с выше сказанным, важным положением учения Конта стало требование строгой эмпирической проверки социальных фактов. При этом, как считает социолог, следует руководствоваться тремя основными принципами социологии - эмпиризмом, позитивизмом и физикализмом. [1] "Эмпиризм, - писал Конт, - означает, что единственным источником истинной науки о мире является опыт. Позитивизм - что предметом его являются только факты... Физикализм - ...что самыми совершенными понятиями являются те, которые создала физика, и что к ним можно и нужно сводить все научное значение". [2] Впоследствии в результате развития знаний в сфере изучения общества, стало понятно, что социальную жизнь невозможно исследовать при помощи методов, схожих с методами естественных наук. Многие социологи стали говорить о необходимости понимания феномена человеческого поведения для осознания функционирования социальных систем в целом, а для этого было целесообразно разрабатывать новые методы исследования. Исходя из поставленной цели, М. Вебер свою социологию называл

«понимающей», поскольку она была призвана раскрыть смысл поведения людей, «понять» и «причинно объяснить» их социальные действия, тем самым выполняя прогностическую функцию. [3] Идеи Вебера, методологические принципы, связанные с «пониманием» социального действия, построением «идеальных типов», сравнительной характеристикой разных систем, оказали большое воздействие на развитие теоретической мысли и стимулировали появление новых направлений в мировой социологии XX и XXI веков, в том числе и в области социального прогнозирования. В настоящее время правомерно выделить следующие основные методы социального прогнозирования, которые применяются современными социологами: 1. социологические опросы с опорой на статистические методы; 2. экспертные оценки на основе анализа социальных процессов и явлений; 3. методы моделирования в социологии (исследование объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений); 4. "интуитивные конструкты" (то есть создание специалистом образов социальной действительности на основании осмысления предыдущего опыта и текущих процессов, без применения технических средств). Российский социолог И. В. Бестужев-Лада отмечал, что прогнозирование в социологии — одно из направлений прогнозирования в науке, охватывающее всю область социологических исследований, т.е. прогнозы собственно социальных отношений (в отличие от экономических, национальных, культурных, правовых, этических, политических и др.). Наиболее важные направления прогнозирования в социологии по линии социальных последствий НТП — ожидаемые и желательные изменения в области социальной структуры и социальных потребностей, социальной организации и социального управления, социального времени (структуры времени общества) и социального пространства (жизненной среды общества, расселения людей), а по линии образа жизни — социальных аспектов труда и быта, образования и культуры, общественной жизни и антиобщественных явлений. При этом, Бестужев-Лада признавал, что из-за относительно низкой математизации социологии здесь гораздо хуже возможности математического моделирования. Относительная неполнота информационных массивов в социологической науке крайне затрудняет построение динамических рядов исходных показателей по времени основания прогноза и их экстраполяцию на период упреждения. [4] В связи с выше сказанным, в социологической науке возникает потребность в прогнозировании, основанного на интуиции и конструировании социальной реальности. Интуиция (от позднелат. *intuitio*, от лат. *intueor* — пристальное, внимательное всматривание, созерцание) — это философская категория, представляющая собой способность к прямому усмотрению истины, постижению ее без всякого рассуждения и доказательства. [5] Интерес к категории "интуиция" в социальной философии и социологии в XX веке был вызван трудами немецкого философа Э. Гуссерля. Эйдетическая интуиция или категориальное созерцание, созерцание сущности — это, по Гуссерлю, понятие феноменологии, означающее непосредственное усмотрение, созерцание сущности. У Гуссерля интуиция носит рациональный характер, так как базируется на возможности познания объектов реальности. [6] В 1932 году последователь Гуссерля австрийский социолог А. Шюц опубликовал свой первый труд «Смысловая структура повседневного мира». Работа была высоко оценена самим основоположником феноменологии Э. Гуссерлем. В работе была предпринята попытка философского обоснования социальных наук на основе гуссерлевской описательной феноменологии. Тем самым Шюц стремился выполнить поставленную Гуссерлем задачу восстановления связи абстрактных научных категорий с «жизненным миром», понимаемым как мир непосредственной человеческой жизнедеятельности, мир культуры. Шюц в своих трудах постарался подвести философскую основу под методологическую перспективу и основные категории М. Вебера, тем самым выводя социологические методы исследования и прогнозирования на новый уровень. В свою очередь, идеи Шюца получили дальнейшее развитие в книге социологов П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Целью социального конструирования реальности является выявление путей, с помощью которых индивиды и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности. Эта теория рассматривает пути создания людьми социальных феноменов, которые институционализируются и превращаются в традиции. Социально конструируемая реальность — динамический процесс создания людьми социальной действительности под влиянием её интерпретации и знаний о ней, который во многом по своей природе является разновидностью социального прогнозирования. [7] Развития применения интуиции и интуитивизма в социальных науках также способствовали труды французского философа А. Бергсона, обладателя Нобелевской премии по литературе в 1927 году. [8] Идеи Бергсона о возможности использования интуиции с

целью исследования жизни общества и прогнозирования возможных последующих социальных явлений стали особенно популярны после того, как Н.Винер в своей книге «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» признал факт влияния идей Бергсона по проблематике интуиции и прогнозирования на формирование знаменитой теории кибернетики и теории искусственного интеллекта. [9] Таким образом, развития интуиции и социального конструирования в общественных науках на процесс социального прогнозирования во 2-й половине XX века дали толчок для формирования особого направления исследования и прогнозирования социальной жизни- социальной футурологии.

Термин "футурология" впервые предложил социолог Осип Флехтхайм в 1943 году. С этого времени футурология стала постепенно приобретать научное признание и доверие многих людей. В настоящее время в разных странах мира формируются принципиально новые и актуальные футурологические концепции.

Исходя строго из научного подхода, футурологию не всегда можно признать наукой в чистом виде, хотя бы потому что любая футурологическая концепция не может быть верифицирована в наши дни. Так что же изучает футурология? Конечно, не только абстрактное будущее время. Многие оригинальные футурологические идеи можно назвать социальной футурологией. Эти доктрины призваны защитить интересы общества и человека. Современная футурология отходит от чистого субъективизма и волюнтаризма и опирается на серьезный анализ социальных процессов, используя достижения многих наук, таких как социология, политология, психология, экономика и др. при этом социология опирается и на серьезный базис социальной философии.

В связи с вышесказанным хочется отметить футурологическую концепцию «Аксиодемия» (от греч. "ἀξία" - ценность, "ἄϊμος" - народ), которая была сформулирована современным российским мыслителем А. В. Гилюном. Аксиодемия является ярко выраженным направлением социальной футурологии, которое, как и полагается серьезной футурологической доктрине, вытекает из философских рассуждений, афоризмов и художественной литературы и в котором значительное внимание уделяется политической, экономической, демографической проблематике. Конструируя будущее, аксиодемия имеет в арсенале три метода. Первый – наблюдение за окружающим миром, как с точки зрения социальных наук, так и с точки зрения понимания здравого смысла. Второй метод – это всесторонний анализ наблюдаемых явлений: анализ научный, анализ философский и анализ художественный. И, наконец, третий метод, который отличает футурологию от любой науки, – это озарение, т.е. творческий акт, который трансформирует данные наблюдения и анализы в оригинальный авторский текст. Следовательно футурология, а в данном случае аксиодемия, даёт людям не только научно-философские доводы и рассуждения, а надежду и веру в собственное будущее.

В настоящее время «Аксиодемия» формируется как медиа-проект и экспертная площадка, на которой выступают ведущие политические деятели, философы, политологи, социологи, ученые как России, так и других стран. Среди обсуждаемых вопросов, в том числе, – развитие нанотехнологий и квантовой физики, проблемы искусственного интеллекта, религиозное сознание, технократия и пр. [10]

[1] (Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Перевод с французского И. А. Шапиро. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 256 с.).

[2] "... (Родоначалники позитивизма. СПб., 1910. С. 214) [2]

[3] М. Вебер «О некоторых категориях понимающей социологии». (Избранные произведения. М., 1990, с.495-499

[4] (Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1984)

[5] (Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.)

[6] Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: ДИК, 1999. § 2, 12, 34, с. 156.

[7] (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с.).

[8] (Бергсон, А. Творческая эволюция. — М., 2006).

[9] (Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. — 2-е издание. — М.: Наука, 1983.)

[10] http://axiodemia.com/news/axiodemiya/chem_my_obyazany_futurologii.html

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Шибков Ю. (Москва)

Негативное отношение населения к милиции было зафиксировано уже первыми исследованиями Левада-Центра (тогда — ВЦИОМа) в конце 1980-х годов и остается практически неизменным до нынешнего дня (для справки: Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр) – российская негосударственная исследовательская организация. Центр регулярно проводит собственные и заказные социологические и маркетинговые исследования, являясь одной из крупнейших российских организаций в своей области.). Население России не доверяет всем правоохранным органам, но деятельность полиции оценивается при этом особенно низко: полиции не доверяют больше половины россиян. Общий страх перед произволом сотрудников полиции, как представителей, лишь незначительно уступает страхам перед террористом, перед нападением хулигана и преступника. 81% россиян, опрошенных в ноябре 2006 г. (N=1500 человек), не чувствуют себя защищенными от подобного произвола, причем 31% — «совершенно не защищены» от него. Те же 81% считают произвол правоохранных органов «серьезной проблемой для современной России». Стоит подчеркнуть, что оба эти показателя устойчивы на протяжении последних лет.

Всероссийский опрос населения, о его отношении к правоохранным органам, проведенный еще в 2006 году по заказу правозащитного Фонда «Общественный вердикт», был направлен на исследование места и роли правоохранных органов в жизни современных россиян, оценок деятельности этих органов населением. Опрос проводился в рамках проекта Фонда «Общественный вердикт» (справка: фонд создан в феврале 2004 года и действует как неполитическая некоммерческая организация, оказывающая правовую помощь по защите прав человека гражданам, пострадавшим от неправомерных действий российских правоохранных органов. Среди учредителей фонда — известные российские правозащитные и благотворительные организации — Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»; Московская Хельсинкская группа; МОО «Открытая Россия»; Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева); Фонд «Регионы России».

Согласно последним социологическим опросам, не доверяют полиции все так же более 55% граждан. Сложившуюся ситуацию правительство пытается изменить различными способами, такими как: переименование правоохранных органов, введение новой системы их деятельности и ее оценки и т.д. Однако, не смотря на все проводимые реформы правоохранный системы, заметно, что до сегодняшнего времени положение с соблюдением законности в ходе раскрытия преступлений стоит не на высоком уровне. Говоря о раскрытии преступлений, стоит придерживаться позиции тех ученых и политиков, которые считают, что совершенное преступление можно лишь только тогда считать раскрытым, когда в установленном законом порядке будет доказана виновность лица, которое обвиняется в его совершении, а обвинительный приговор суда вступил в силу. Таким образом, раскрытие преступлений – это не только главная задача оперативно - розыскной деятельности, но и задача уголовно-процессуальной деятельности.

Однако на практике заметно, что сотрудники правоохранных органов, решая поставленные перед ними цели и задачи, не редко создают лишь видимость деятельности, направленной на раскрытие совершенных преступлений. При этом они не желают делать выводов о том, что уголовное судопроизводство имеет целевую установку не только на защиту законных прав и интересов лиц, пострадавших от преступления, а так же, защиту их личности от необоснованного и незаконного осуждения, обвинения и ограничения прав и свобод.

Кризис доверия населения сами сотрудники полиции иногда объясняют тем, что негативные публикации СМИ подрывают статус полиции, а нигилистическим правосознанием граждан создается не полная картина о их деятельности. Эти факторы, конечно имеют большое значение, однако не столь существенное как казалось.

Актуальность данной проблемы также заключается в потребности знания общественного мнения по вопросам, непосредственно связанным с деятельностью правоохранных органов. Интерес к общественной точке зрения по этому поводу постепенно возрастает и находит отражение в различных социологических опросах и исследованиях. Необходимы условия тесного взаимодействия правоохранных органов и общества. Использование информации, отражающей общественное мнение, позволяет обеспечить качественную работу сотрудников

правопорядка, направленную на контроль, за соблюдением прав и свобод граждан Российской Федерации. Что в свою очередь будет благотворно влиять на развитие обстановки необходимой для роста во всех сферах общественной жизни страны.

Процесс формирования целостного представления о правоохранительных органах происходит поэтапно. На него оказывают влияние множество факторов, среди которых особое место занимают возраст, социальное положение, образование и т. п.

Первый опыт общения с правоохранительными органами большая часть зачастую получает в подростковом возрасте, т.к. с достижением четырнадцатилетнего возраста и как следствие, последующим получением удостоверения личности, гражданин становится ответственным за свои поступки. У подростков возникает потребность в изучении своих прав и свобод. Постепенно они начинают знакомиться с правом, действующим законодательством, не осознанно проявляют интерес к политологии. 30% молодых людей, опрошенных в ноябре 2006 года (по выборочной совокупности), по их словам, вступали за последние 12 месяцев в те или иные контакты с представителями правоохранительных органов — имелись в виду контакты по инициативе милиционеров (полиции). Чаще всего это происходило в общественных местах — стадион, дискотека (5%), в отделении милиции (полиции)(5%), но особенно часто — на улице (19%). Юноши сталкивались с полицией заметно чаще девушек (38 и 21% соответственно), в особенности — на улице (26 и 12% соответственно); опрошенные с высшим образованием — чаще, нежели с неполным средним (37% против 25%). Чаще отмечают подобные контакты молодые люди из менее обеспеченных семей (денег в семье «хватает только на одежду»), молодые жители столицы и крупных городов (см. табл. 1).

Табл. 1 Вступали ли Вы за последние 12 месяцев в контакты с сотрудниками милиции?
(в % по столбцу)

	Пол		Потребительский статус			Тип поселения				
	Муж.	Жен.	Хватает только на одежду	Хватает на одежду и продукты	Можем приобр. ТДП	Москва	Свыше 500 тыс.	100-500 тыс.	До 100 тыс.	Село
Да	38	21	38	26	30	40	40	22	26	27
Нет	62	79	62	74	70	60	60	78	74	73

Но не всегда в распоряжении подростка имеются достоверные источники получения информации, и зачастую он осуществляет поиск информации посредством использования сети Интернет. Не имея опыта обработки подобной информации и возможности сопоставить информацию с достоверным источником, он формирует ошибочное представление о не-которых положениях законодательства. В связи с этим у него формируется некорректное понимание структуры и понятия некоторых законов и под воздействием различных факторов, за неимением обобщенных достоверных знаний о последствиях совершаемого правонарушения он может пойти на совершение преступления. Он будет нести ответственность, которая предусматривается действующим законодательством. Как известно: «незнание закона гражданином, не освобождает его от ответственности».

Вследствие чего, происходит непосредственное взаимодействие правонарушителя с представителями правопорядка, которое выражается в применении по отношению к правонарушителю профилактических мероприятий, предусмотренных законом.

Реакция самих нарушителей в таких случаях, неоднозначна: часть из них осознает совершенные ошибки и занимается поиском достоверных источников получения знаний о действующем законодательстве, а другая часть таит необоснованную обиду на представителей правоохранительных органов.

Под воздействием негативного опыта и с целью оправдания своих неправомерных поступков, подростки зачастую занимаются распространением ложных сведений о деятельности сотрудников правоохранительных органов, преувеличивая свои поступки или вовсе искажая события. Такое искажение информации формирует негативное отношение к деятельности ПО среди молодежи.

В Таблице с опросником для курсантов, откуда они черпают информацию о деятельности правоохранительных органов. (обычно преобладает вариант ответа – «СМИ» или интернет).

Очевидно, что интерес к работе сотрудников правопорядка у населения формируется, главным образом, через средства массовой информации — при прослушивании радиопередач, чтении газет и журналов, просмотре телепрограмм, к тому же телевидение проявляет пристальное внимание к деятельности ПО.

Кроме того, можно проследить определенную избирательность в тематических предпочтениях. Наибольший интерес вызывает информация о профессиональной работе сотрудников полиции: раскрытие преступлений, криминальная хроника, материалы по поводу обеспечения общественного порядка и безопасности граждан, коррупции в полиции, особенностей взаимоотношений сотрудников полиции и населения.

Очень часто СМИ используют этот интерес в корыстных целях. Наиболее проблематичным является тот факт, что средства массовой информации, с целью повышения своего рейтинга, освещают факты, которые влияют на формирование негативного представления о деятельности правоохранительных органов, а порой даже, целенаправленно искажают информацию.

Наибольшей популярностью среди различных слоев населения пользуются телепередачи, которые носят развлекательный характер. Такие программы удовлетворяют потребности телевизионной аудитории в большей степени на эмоциональном уровне. Перед просмотром очередного сериала или развлекательного шоу, посвященного деятельности сотрудников правопорядка, граждане, в большинстве своем, хотят отдохнуть, отвлечься от бытовых проблем или получить эмоциональную встряску. При выборе той или иной телепередачи, они руководствуются наличием острого сюжета с интригующей развязкой. Зачастую, такие телепрограммы способствуют снижению позитивного отношения граждан к правоохранительным органам.

Тем не менее, есть люди, которые считают, что сотрудники правопорядка работают лучше, чем это изображается в средствах массовой информации. Часть из них пришла к такому выводу исходя из личного положительного опыта взаимодействия с правоохранительными органами.

Среди отрицательных качеств, опрошенные граждане, на первое место ставят взяточничество, вымогательство, нечестность и жестокость.

Не случаен тот факт, что среди отрицательных качеств на первое место граждане выносят взяточничество, т.к. именно данный феномен пронизывает большую часть структуры взаимодействия правонарушителя и представителя закона.

На формирование целостного представления о деятельности правоохранительных органов в большей степени оказывают влияние следующие факторы:

- 1) непосредственные контакты с сотрудниками правоохранительных органов в определенных жизненных ситуациях
- 2) информация, предоставленная СМИ
- 3) стереотипы, складывавшиеся в обществе на протяжении определенного количества времени
- 4) неверно предоставленная информация о положениях действующего законодательства
- 5) громкие, скандальные ни чем не законченные дела

По мнению социологов, ученых: Осознание неэффективности полиции, с одной стороны, и неизбежности обращения к ней, с другой, наиболее усиливает негативное отношение россиян к полиции и ее сотрудникам.

Обобщая результаты проводимого мною исследования, и подводя итог данной статье, хотелось бы выделить несколько предложений, которые, на мой взгляд, позволили бы улучшить эффективность деятельности правоохранительных органов и как следствие улучшить уровень доверия граждан к ним.

Во-первых, работу по улучшению уровня деятельности правоохранительных органов целесообразно начинать с совершенствования законодательства, направленного на защиту прав и свобод граждан, а также повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, исполняющих служебные обязанности.

Во-вторых, необходимо принятие решительных мер по борьбе с коррупцией, равнодушием и недостаточной оперативностью в работе сотрудников правоохранительной сферы. Неотвратимостью наказания при совершении любых противоправных действий любой категорией граждан.

В-третьих, существует необходимость в ужесточении отбора претендентов на должность сотрудников правоохранительных органов. Так же следует стимулировать сотрудников перспективой возможного карьерного роста, с соответствующим денежным вознаграждением, все это послужит стимулом для качественного исполнения ими своего служебного долга.

В-четвертых, необходимо обеспечить качественным материально-техническим оснащением, которое оказывает влияние на оперативность и результативность деятельности правоохранительных органов.

В-пятых, необходимо сотрудничество со средствами массовой информации с целью формирования позитивного образа сотрудников правопорядка.

Реализация данных предложений может помочь в решении проблемы отношения современного общества к деятельности правоохранительных органов.

Итог данной статьи: не смотря на то, что на общественное мнение оказывается большое влияние со стороны СМИ, Интернет, тем самым создавая отрицательные стереотипы о правоохранительных органах, граждане по прежнему обращаются за помощью к сотрудникам правопорядка. Это, в свою очередь, является хорошим показателем доверия к ним.

Однако данная проблема, затронутая в моей статье, еще на протяжении долгих лет будет не разрешима. Так как правоохранительные органы и само общество в лице СМИ и деятелей культуры, уже на протяжении многих лет регулярно занижали престиж и уважение перед гражданами. Теперь только планомерная, кропотливая работа популяризации полиции и других правоохранительных органов во всех средствах информации дадут положительный результат в глазах общества.

ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Шильникова Л.А. (Санкт-Петербург)

Социология долго оставалась эссенциалистской в вопросах гендера, несмотря на свою задачу видеть социальное в естественном. Гендерные исследования родились под влиянием феминизма с критики полоролевого подхода Парсонса.[7]

Далее происходило осмысление категории «женщина» и зарождался феминизм третьей волны. Американский философ Джудит Батлер одна из первых обратила внимание на гетерогенность женщин: «Феминизм, объединив всех женщин «под зонтиком» универсализма и единства категории «женщина», упустил возможность формирования множественных и более разнообразных идентичностей». [3]

В последние годы становится значимым интерсекциональный анализ, как исследование сложных механизмов распределения власти, в свою очередь определяющихся контекстом. Гендерные исследовательницы Е.Здравомыслова и А.Темкина отмечают, что «для политического проекта российского феминизма в настоящее время особенно важным являются различия в сексуальной ориентации, политизирующиеся в современном дискурсе».[1]

Я вижу необходимость разобраться с презентацией гомосексуальности в России, поскольку она достаточно противоречива. Так закон о мужеложестве в Советском союзе не предполагал наказания по статье для женщин, как будто негетеросексуальных женщин не было в СССР, что, конечно, не так. [6] [2]

Фуко показывает, юридические системы власти сами производят субъектов, которых им предстоит впоследствии представлять. Последовательница Фуко, Джудит Батлер, пишет: «Свободен ли оказавшийся на виду «субъект» от процесса субъекции и находится ли он в безопасности? Или же возможно субъекция, которая делает возможным субъекта гея или лесбиянок, каким-то образом продолжает подавлять и подавляет еще более вероломно, если уж выдвинуты эти притязания на то, чтобы быть на виду». [4] Цель данной работы - анализ возможности и необходимости репрезентации гомосексуальности в российском контексте на примере практик знакомства негетеросексуальных женщин в Санкт-Петербурге.

Из угнетаемой группы негетеросексуальных людей в России по свидетельству моего социологического опроса только 2,5% ЛГБ-людей никогда не испытывали дискриминацию на основании своей сексуальной ориентации. [21]. Политическая теория либерализма предполагает, если группа угнетаема, то она должна быть идентифицирована для возможности защищать права этой группы. Однако, либерализм сам рождает угнетенных, отмечая, что есть другие, но все равны. Квир-теория критикует изначальное создание угнетенного субъекта. «Не сначала появляются иные, а потом они становятся неравными, а иные тогда и появляются, когда уже есть неравенство» говорит квир-исследовательница Ольга Плахотник в выступлении на квир-фесте.[15]. Однако, Джудит Батлер пишет, что «это не значит, что не нужно выступать по политическим вопросам в качестве лесбиянки». [4].

Вслед за Батлер я допускаю необходимость презентации негетеросексуальных женщин как угнетенной группы. Часто ЛГБТ-люди не обращаются в полицию по факту насилия, а даже если и оставляют заявления, их случай не рассматривается как насилие на почве ненависти к социальной группе или не рассматриваются вообще. [15]. Однако, как известно ненависть к человеку на основании его принадлежности к какой-либо социальной группе законодательно пресекается в нашей стране (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Речи ненависти к социальной группе доказывают, что преступление было совершено на почве ненависти (ст. 282 УК РФ), но в ситуации замалчивания гомосексуальности ЛГБТ не признается социальной группой прокуратурой и не попадает под эту статью. Сотрудники ЦНСИ - Елена Здравомыслова и Александр Кондаков провели социогуманитарное исследование на эту тему, и пришли к выводу о возможности считать ЛГБТ в России социальной группой. [22]. Кандидат исторических наук, Дмитрий Дубровский, также утверждал в своем внесудебном социогуманитарном анализе, что ЛГБТ являются членами социальной группы, подвергающейся социальному исключению.[8]

Если, исходя из вышесказанного, решим, что необходимо идентифицировать социальную группу ЛГБТ, мы в любом случае должны учитывать, что доминирующий дискурс имеет власть над гомосексуальным субъектом. Соответственно возможна различная репрезентация этой группы.

Статья историка Ирины Ролдугиной, где она развеивает миф о России как стране с гомофобными традициями, начинается со слов о том, что российские государственные СМИ сыграли ключевую роль в сознательном нагнетании атмосферы ненависти к ЛГБТ за последние несколько лет.[12] Нетрудно проследить определенные закономерности между гомофобными настроениями граждан России и репрезентацией ЛГБТ-людей в российских СМИ. Результаты опроса общественного мнения, проведенного Левада-центр, говорят о том, что отношение к ЛГБТ в России преимущественно негативное. [17] В то же время центральное телевидение представляет гомосексуальную ориентацию исключительно в негативных коннотациях. [18] И.С. Кон, отмечает, что гомофобия зависит от того, кто и как формирует общественное мнение по этому вопросу и у государства далеко не последняя роль. [19]

Таким образом, презентация ЛГБТ-людей в российском контексте существует, однако самопрезентация оказывается весьма затруднительной и нежелательной со стороны самих негетеросексуальных людей. Причина, на мой взгляд, кроется в интернализированной гомофобии. И.С. Кон пишет о том, что люди стараются вписаться в модель сексуальности, принятую в конкретном обществе. [10] Зачастую это удается весьма проблематично, особенно в подростковом возрасте, что иллюстрирует проект «дети 404». [22]

Исследовательница Каролина Черныш находит выход из этой ситуации в обращении к категории квир. В своей статье об интернализированной гомофобии, она пишет, что квир-идентичность как свобода быть собой без необходимости совершать выбор из данных обществом категорий и моделей, позволяет каждому человеку расширять поле его потенциальных идентичностей.[9]

Итак, я прихожу к выводу, что для соблюдения прав ЛГБТ-граждан необходима их квир - самопрезентация, которая не будет вписываться в уже существующие стереотипы об ЛГБТ. Возможно ли это в России сегодня?

Предлагаю проанализировать этот вопрос на результатах моего пилотажного исследования на тему практик знакомства негетеросексуальных женщин в Санкт-Петербурге, которое представляет собой глубинное интервью с 7 негетеросексуальными женщинами Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 34 лет.

Австрийский социолог Рейвин Коннелл активно разрабатывает структурно-конструктивистский подход в гендерной теории, подчеркивая, что исследование гендера – это

исследование практик.[11] Отталкиваясь от работ Бурдье и Гидденса, она вводит термин «гендерный режим» - структурные модели гендерно маркированных практик в конкретных социальных институтах. Так она определяет улицу как институт и рассматривает его гендерный режим: присущие улице паттерны взаимодействия связаны с внешней структурой гендерных отношений. Коннелл обращает внимание на то, что «геи редко демонстрируют свои отношения на улице – за исключением строго определенных мест, потому что для них это может быть очень опасно».

Следуя за Коннелл, я также выделила институты для анализа практик негетеросексуальных женщин: улица, институт образования, институт трудовых отношений и пространство интернета. Гендерные режимы данных институтов оказались пронизаны структурой гетеронормативности и не востребованы для самопрезентации негетеросексуальных женщин. Большинство негетеросексуальных женщин знакомятся в специализированных местах: интернет, реже ночные клубы и еще реже ЛГБТ-организации.

Таким образом, мы наблюдаем практически абсолютное вытеснение гомосексуальных практик из публичного пространства, что является очень опасным. Именно этой геттоизацией геи воспользовался стрелок в Орландо, совершивший в 2016 году страшный теракт в гей-клубе.[16] Я делаю вывод, что крайне необходимо начинать решать проблему институализированной гомофобии в России посредством квир-самопрезентации.

В заключении, предлагаю следующую рекомендацию к действию: необходимо направить максимальное количество усилий на работу с ЛГБТ-людьми с целью искоренения интернализированной гомофобии, что в долгосрочной перспективе поспособствует квир - самопрезентации ЛГБТ-людей и снижению институализированной гомофобии в России.

1. 12 лекций по гендерной социологии : учебные пособие / Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015

2. ALISA ZHABENKO: *Reproductive Choices of Lesbian Headed Families in Russia: From the Last-Soviet Period to Contemporary Times/ new issue 3-4/2014 – kinship & reproduction*

3. Butler J. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. New York; London: Routledge, 1990

4. Butler J. *Imitation and Gender Insubordination// Inside/ Out. Lesbian Theories, Gay Theories/D.Fuss (ed.).N.Y.,L.:Routledge,1991.Ch.I.*

5. *Epistemology of the Closet* Eve Kosofsky Sedgwick (c1990)

6. Francesca Stella. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia. Post/Socialism and Gender Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 189 p.

7. Parsons T. *The kinship System of the Contemporary United States// American Anthropologist*.1943. Vol. 45. Lssue. P.22-38

8. Дмитрий Дубровский « Преступления ненависти по отношению к ЛГБТ в России: теория и реальность» — СПб., — 2013. — 60 с.

9. Каролина Черныш. *Гомофобия, самоотношение и квидентичность/ Возможен ли «квир» по-русски? ЛГБТК исследования. Междисциплинарный сборник / Сост. и ред. В. Созаев. – Санкт-Петербург, 2010. – 256 с.*

10. Кон И. С. *Любовь небесного цвета. – СПб: Продолжение Жизни, 2001. - 384 с.*

11. Коннел Р. *Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / авториз. Пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. Ред. Перевода И. Тартаковская; подготовка русской версии примечаний и библиографии О. Ечевской. М.: Новое литературное обозрение, 2015 [1987]*

12. Ролдугина Ира. *Российская гомофобия: история производства/ Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. №7: Выберите пол (Август 2016)*

13. Фуко М. *Воля к Истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. С.Табачниковой. М.: Магистериум; Касталь, 1996*

Интернет ресурсы

14. <https://makeout.by/2015/12/11/radikalnye-pedagogiki-kak-feminizm-i-kvir-teoriya-menyayut-obrazovanie.html>

15. <http://www.svoboda.org/a/27702827.html>

16. <https://lenta.ru/news/2016/06/12/oorlando/>

17. <http://www.levada.ru/2015/05/05/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii/>

18.https://russia.tv/video/show/brand_id/3957/episode_id/1201233/video_id/1178362/

19.<http://www.pseudology.org/Kon/Zametki/GomofobiyaXenofobiya.htm>

20. <https://docs.google.com/forms/d/1zRDjJMjFVTeIf2KmMzBiDiT2gVDH0g4d2lqjpt4VXk/viewanalytics>

21. <http://www.deti-404.com/ru>

22. http://comingoutspb.com/upload/Zdravomyslova,%20Kondakov_SocGruppa.pdf

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА

Широкалова Г.С. (Нижний Новгород)

Нарушение принципов социальной справедливости в РФ нашло отражение в увеличении форм протестных акций. В последнее время к ним прибавился «виртуальный» протест на сайтах Avaaz.org, Change.org, Демократор.ру, Народная инициатива. Список победивших петиций, представленных на сайтах, дает уверенность, что хотя бы некоторые проблемы решаемы. Молодежь превалирует среди авторов и сторонников петиций. Она имеет небольшой жизненный опыт, но более остро воспринимают социальные проблемы, с которыми сталкиваются в процессе своей социализации. Такое участие может рассматриваться как форма воспитания гражданственности. С другой стороны, они транслируют мнение окружающих их людей, свидетельствующее о нарастающем отчуждении от власти.

Violation of the principles of social justice in Russia is reflected in the increasing forms of protest actions. Recently, it added a "virtual" protest on the websites Avaaz.org, Change.org, Demokrator, People's initiative. List of winners of petitions submitted on the sites, ensures that at least some of the problems can be solved. The youth prevails among the sponsors and supporters of the petition. She little experience, but more sensitive to social problems faced in the process of socialization. Therefore, such participation can be seen as a form of civic education. On the other hand, they broadcast the opinion of the people around them, indicating increasing alienation from Government.

Помощь людям даже через социальные сети дает ощущение сопричастности, повышает самоуважение, дает возможность высказать свое мнение о внутренней политике. Приоритетность таких форм поддержки прав граждан, попавших в сложную ситуацию, основывается на нескольких причинах: относительная анонимность подписантов, физическая безопасность при ожесточенных спорах с оппонентами, экономия времени, сил, финансов при участии в акциях, возможность выбрать любую их форму (подпись, присутствие на мероприятиях, материальная поддержка), доступ к информации, не озвучиваемой государственными СМИ, более подробное изучение волнующей проблемы, координация совместных усилий для решения, общение с единомышленниками.

Но имеет ли в России какой-то вес документ, который легко подписать? Вызывают ли подписи реакцию властей или остаются «скороваркой» для выпуска пара через комментарии к петициям?

Русскоязычный Change.org «заточен» на российские проблемы. Например, московское отделение межрегионального профсоюза работников салонов красоты создало петицию в связи с тем, что компания, работающая по франшизе известного и престижного международного бренда, закрыла салон, не уведомив сотрудников об этом в установленном законом порядке, не выплатив в полном объеме заработную плату и компенсации. 20271 голос помогли добиться выполнения закона. В благодарственном письме тем, кто поддержал петицию, авторы пишут: «Спасибо большое всем тем, кто оказал поддержку сотрудникам нашего салона красоты. ... Сотрудники салона не ожидали, что их история станет такой известной, это говорит о том, что тема сокращений, выплат задолженностей по заработной плате, соблюдение норм закона тема-наболевшая и актуальная в период кризиса и касается не только одного человека, или коллектива, а всех и каждого, независимо в какой сфере деятельности они работают. Петиция помогла нам привлечь всеобщее внимание к проблеме, поделиться своим опытом, ну конечно же достигнуть адекватной на данный момент договоренности с работодателем. Еще раз спасибо всем большое, вместе - мы всегда сила и дорога к победе намного проще, так что петиция действительно нам помогла!» [1].

Важность проблем и возможность побед, привели к тому, что СМИ стали отслеживать информацию, особенно по своим регионам, и актуализировать ее после того, как она набирает сотни подписей. В Волгоградской области в поселке Октябрьский задержки с выплатой зарплаты учителям и работникам культуры начались из-за ареста счетов администрации района. «Деньги, которые в том числе должны были пойти на оплату нашего труда, ушли на газификацию. Газ – это

хорошее дело, но мы не хотим, чтобы он оплачивался из нашего и так не самого богатого кармана. По словам чиновников от образования, как только срок невыплаты превысит 15 дней, мы можем обратиться в суд. Но что делать тем, у кого уже сейчас в кошельке осталось 300 рублей? Что делать тем, кому на днях платить кредиты?».

Показательны комментарии, которые даются по поводу петиций. В частности, О. Калинина пишет: «Отношение власти к учителям - это показатель отношения власти к образованию своего народа. Власть выгодна варваризация народа, мракобесие, неуважение к личности. Но в то же время ей хочется иметь высокие рейтинги наших ВУЗов и колледжей в международном реестре. Парадокс слова и дела! Поддерживаю все требования учителей». После сбора 91 303 подписей, публикации в местном выпуске АиФ зарплаты были выплачены [2].

Благодаря чему состоялись победы? В первом случае международная организация хотела сохранить свой имидж. Во втором сумма была не столь уж велика, но ситуация резонансная. Иное дело, когда решение принимается на высоком уровне, возможно, с далеко идущими планами. В начале 2016 г. А. Куликовой была выставлена петиция о годовой задержке заработной платы сотрудникам ОАО "Гипротрансмост и отсутствии реакции на обращения по этому поводу в Приемную Президента, в суды, другие инстанции. После того как она собрала 500 подписей, на сайте появляется следующая информация: «21.06.2016 работники, пришли в здание и обнаружили, что пропуска заблокированы, двери опечатаны, и собственно пройти им теперь некуда. Забрать личные вещи их не допустили, сказав, что теперь это возможно сделать только по записи в присутствии каких-то непонятных людей... в ссылке на видео видно на сколько ХАМСКИ И НАГЛЫМ ОБРАЗОМ роются в личных вещах и выкладывают личные вещи сотрудников, не собираясь их отдавать. Сразу хочу отметить, что сотрудников заранее никто не предупредил, а просто поставили перед фактом» [3]. После этой записи сайт не обновлялся.

Наибольший отклик находят петиции, в которых поднимается вопрос о здоровье детей, реже взрослых. Приведем пример одной из побед. Удалось сохранить поликлинику для бездомных людей в Москве. Это единственное место, где первичная и неотложная медицинская помощь доступна всем, вне зависимости от наличия паспорта, медицинского полиса, регистрации по месту жительства и наличия жилья, гражданства. За 10 лет работы туда обратилось более 40000 человек. Она должна была закрыться 30.11.2015г. Петицию подписали 120332 человек [4].

Приведу несколько оценок такой формы протеста моими студентами. В.К.: «Петиция является прекрасной иллюстрацией вопроса, связанного с проблемами социального расслоения. С помощью петиций люди из среднего или низшего класса могут воздействовать на людей высшего класса, которые обладают властным статусом, большим доходом и огромным количеством связей».

П.А.: «Хорошо, что сейчас в условиях постиндустриального общества, с развитием компьютерных технологий люди имеют возможность обратиться за помощью ко всей России, оказывая активное сопротивление».

«Джин выпущен из бутылки». Дальнейшая его судьба зависит от многих факторов.

1. Выплатите положенные по закону заработные платы и компенсации работникам // <https://www.change.org/u/profsouzrabotnikov>. (Дата обращения 04.03.2016)

2. Под Волгоградом учителя требуют выплатить им долги по зарплате // http://www.vlg.aif.ru/obrazovanie/school/pod_volgogradom_uchitelya_trebuyut_vyplatit_im_dolgi_po_zarplate?utm_source=change_org&utm_medium=petition. (Дата обращения 21.03.2016)

3. Куликова А.: ОАО "ГИПРОТРАНСМОСТ" закройте перед сотрудниками годовой долг по зарплате!!!! // [https://www.change.org/p/мэр-москвы-собянин-сергей-семёнович-оао-гипротрансмост-закройте-перед-сотрудниками-годовой-долг-по-зарплате?](https://www.change.org/p/мэр-москвы-собянин-сергей-семёнович-оао-гипротрансмост-закройте-перед-сотрудниками-годовой-долг-по-зарплате?recruiter=534977030&utm_source=share_petition&utm_medium=vk&utm_campaign=vk_share_responsive) (Дата обращения 07.10.2016)

recruiter=534977030&utm_source=share_petition&utm_medium=vk&utm_campaign=vk_share_responsive. (Дата обращения 04.03.2015)

4. Волков А. Сохраним поликлинику для бездомных людей! // <https://www.change.org/u/38678444>. (Дата обращения 04.08.2016)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ У РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ

Шишкина Е.В., Лаврова З. И. (Санкт-Петербург)

Практический смысл статьи заключен во всестороннем обзоре отношений разных возрастных групп к тому, как новые экономические условия отразились на их социальной сфере жизни, какие подсферы

пострадали более других, и на что, по мнению респондентов, правительству России следует обратить особое внимание.

The practical meaning of this article is enclosed in a multi-faceted review of attitudes of different age groups to the way the new economic conditions has affected their social sphere of life, which subsphere affected more than others, and to what, according to the respondents, the Russian government should pay increased attention.

Изменившиеся экономические условия в России: существенные изменения цены на нефть, курсов валют, а также поддержка банковской системы, существенно снизили возможности государства в области дотирования за счет бюджета в производственной и социальной сферах. Это отразилось на большом количестве работников государственных учреждений: последовали увольнения или предоставления бессрочного отпуска, переходы на неполную рабочую неделю, что вызвало социальное и психологическое напряжение у населения [1].

Безусловно, новые экономические условия затронули не только государственные компании, но и частные, и особенно серьезно – малый бизнес. Нарастание напряжения и нестабильности в социально-трудовой сфере приводит к существенным последствиям. Можно выделить в качестве показателей социального напряжения:

- снижение лояльности к государству, рост недоверия к политическим решениям;
- сокращение бюджетного финансирования таких важных областей, как образование, культура, социальное обеспечение, здравоохранение;
- стремление населения к накоплению денежных средств, страх осуществления крупных покупок, таких как собственное жилье или автомобиль в кредит / по ипотеке;
- перенос затратных мероприятий в семье (свадьба, рождение ребенка) на неопределенное время.

Учитывая актуальность данной темы, было проведено исследование, в котором участвовало 118 человек. Данное исследование затрагивает разные возрастные группы и позволяет проанализировать, каким образом изменившиеся экономические условия отразились на социальной сфере жизни респондентов, а также предложить возможные рекомендации по оптимизации ситуации. Всем опрошенным предлагалась ответить на вопросы в распечатанном виде или в виде онлайн-теста, подготовленного с помощью платформы Google, в конце была возможность прокомментировать свои ответы (было специальное поле в обеих версиях теста).

Респонденты были разделены на следующие возрастные группы:

- Молодежь, в основном учащиеся высших учебных заведений, практиканты в организациях (17-24 года, 38 человек);
- Люди среднего возраста (25-34 года, 38 человек);
- Люди старшего возраста (35-54 года, 29 человек);
- Люди предпенсионного и пенсионного возраста (55-72 года, 13 человек).

В первой группе отмечено примерно одинаковое гендерное соотношение, преобладающая часть холосты / не замужем и не имеет детей. Эта группа высоко оценила влияние новых экономических условий на их социальную сферу жизни. Половина опрошенных из этой группы считает, что государству необходимо уделять больше внимания образовательной сфере (увеличить дотацию на образование, предоставлять больше бюджетных мест и увеличить квоты на данные места в ВУЗах, предоставлять возможность скидок, частичного возмещения стоимости образования тем, кто совмещает работу и учебу, или же, тем, кто создал семьи и совмещает ее с учебой). 36% опрошенных из данной возрастной группы считают, что государство делает достаточно.

Больше половины респондентов группы (52,6%) ответило, что их доверие к политическим решениям государства в социальной сфере в изменившихся экономических условиях снизилось. Большинство респондентов считают, что испытывают необходимость в социальной поддержке государства (не получают какие-либо выплаты в срок, или же их документы долго обрабатываются, не устраивает размер выплат). Из тех, кто ответили, что им необходима социальная помощь государства, более 80% процентов уверены, что такое положение вещей происходит не из-за изменившихся экономических условий, а на регулярной основе.

Что касается рейтинга показателей, на который государству было бы необходимо обратить внимание, по мнению данной группы, то на первом месте находится здравоохранение (4,9), далее следует жилищная сфера и благоустройство места жительства (4,3), образование (3,7) социальное

страхование (3,6), социальная поддержка нуждающимся (включая тех, кто находится вне льготных категорий, но ему необходима помощь - 2,8) и культурные мероприятия (1,5).

Как было сказано в комментариях, государство уделяет слишком много внимания каким-либо бесплатным культурным мероприятиям, вместо того, чтобы организовать увеличение стипендий студентам, жилищному вопросу и возможности снижения стоимости жилья для молодежи.

По мнению опрошенных второй возрастной группы 52,6% считает, что государству следует уделить больше внимания сфере образования. Большинство уже закончило учебные заведения и беспокоятся относительно будущей учебы своих детей (реальных или потенциальных), будущего поколения. Почти 40% опрошенных считают, что государство уделяет крайне мало внимания данной сфере, в противовес мнению первой группы, в которой равное количество людей полагало, что государство делает достаточно.

Вторая группа существенно отличается от первой тем, что считает, что в ситуации с социальными выплатами на данный момент виноваты изменившиеся экономические условия (55,3% испытывают проблемы с получением социальной помощи). Во многом это может быть обусловлено тем, что люди из данной возрастной группы уже сталкивались с необходимостью социальной помощи или же получали ее в каком-либо виде. Также, данная возрастная группа в большинстве своем уверена в том, что необходимо осуществлять модернизацию системы образования, сделать его более доступным (многие не одобряют то, что материнский капитал нельзя использовать как денежные средства, данный вид социальной помощи должен быть равным за каждого ребенка и увеличен в объеме).

В третьей возрастной группе изменилось соотношение людей, состоящих и не состоящих в браке (51,7% холостых), у 72,4% имеются дети. Общее влияние новых экономических условий они оценили примерно так же, как и первая группа (среднее значение - 5,21).

Только 10 % опрошенных считают, что государство делает достаточно, чтобы обеспечить их (их детей) достойным образованием, остальные 70% считают, что этой сфере уделяется недостаточно внимания (приходится платить достаточно большие деньги за обучение своих детей, если они не поступили в ВУЗ на бюджетной основе, не все компании предоставляют возможность переобучения для своих сотрудников и тем, кто долго не может найти работу (например, после сокращения), государство не предоставляет социальную помощь по переобучению или трудоустройству в достаточном объеме).

Всего 62,1% третьей группы посчитали, что уровень их доверия снизился. Также, 65,5% респондентов ответили, что они не испытывают трудностей в получении социальной помощи, и это также самые высокие показатели среди остальных групп. Относительно тех, кто испытывает трудности, мнения о влиянии новых экономических условий в данном вопросе разделились поровну.

Четвертая группа самая немногочисленная, большинство состоит в браке, 15,4% опрошенных овдовело, все имеют детей и несколько из них отметили в комментариях, что имеют внуков.

Только 7,7% опрошенных остались довольны тем, что государство делает для обеспечения образования. Это группа, наименее подверженная влиянию новых экономических условий, средний балл – 3,8.

Еще меньше опрошенных (7,7%) считают, что государство делает достаточно в сфере образования (их детей и внуков). Эта группа в противовес всем остальным (61,5%) считают, что их доверие государству не было подорвано. 76,9% испытывают трудности в получении необходимой социальной поддержки со стороны государства (индексация пенсий). Относительно влияния кризиса на ухудшение данной ситуации респонденты высказались поровну «за» и «против». Средний балл пункта о социальной поддержке увеличился относительно всех остальных опрошенных групп, но, как ни странно, здравоохранение не находится на первом месте, а его место занимает жилищный вопрос и вопрос благоустройства места жительства, опять же, для детей и внуков.

Подводя итоги данному исследованию, можно сделать вывод, что новые экономические условия в той или иной степени затронули каждую возрастную группу. При этом, по мнению респондентов, затронув социальную сферу, изменившиеся экономические условия в нашей стране не являются первопричиной имеющихся в ней проблем.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Шляпников В.В. (Санкт-Петербург)

В статье рассматривается трансформация глобального управления в контексте образования новых негосударственных акторов мировой политики. Анализируются основные концепции глобального управления.

The article considers the transformation of global governance in the context of the formation of new non-state actors in world politics. Analyzed the basic concept of global governance.

Под глобальным управлением понимаются не только официальные институты и организации, которыми создаются и поддерживаются правила и нормы, управляющие мировым порядком – государственные институты, межправительственное сотрудничество и т.д., - но также и все те организации и группы влияния – от многонациональных корпораций, транснациональных социальных движений до множества неправительственных организаций, - которые преследуют цели и задачи, достижение и решение которых зависит от транснациональных правящих и властных институтов [2, с. 59].

В современной науке нет единства в определении основных субъектов мировой политики. События последних лет свидетельствуют, что наряду с типичными субъектами международных отношений - национальными государствами - на мировой арене появляется все больше разнообразных негосударственных акторов.

В мировой политике действующими негосударственными субъектами вполне можно считать международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, религиозные организации, террористические организации, криминальные структуры, непризнанные государства.

Международные неправительственные организации

В отличие от межгосударственных организаций международные неправительственные организации - это структуры, которые объединяют негосударственные институты и граждан ряда стран. Международные организации различаются по структуре, направленности, задачам и масштабам деятельности. Хотя принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств обязательной юридической силы, им все чаще удается добиваться выполнения поставленных задач не только в профессиональной, но и в политической областях.

Транснациональные корпорации

Сегодня ТНК активно участвуют во всех глобальных процессах, происходящих в мире. Огромные ресурсы позволяют им существенно воздействовать в своих интересах на политическую сферу как в странах базирования, так и в мире в целом. Международный характер деятельности ТНК постоянно сталкивает их с внешнеполитической проблематикой. При этом руководители ведущих корпораций предпочитают самостоятельно, без поддержки внешнеполитических органов страны базирования, решать основные вопросы деятельности своих компаний в принимающих государствах путем проведения встреч и переговоров с руководителями соответствующих стран.

Религиозные организации, структуры, движения

Религиозные организации являются все более активно действующими субъектами мировой политики. Здесь складывается противоречивая картина. Многие из таких организаций и институтов являются фактором стабилизации и безопасности. Нельзя не упомянуть в этой связи католическую церковь, являющуюся наднациональной международной структурой. Вместе с тем, сегодня в мировой политике растущую роль играют религиозные экстремистские силы, прежде всего радикальные исламские движения.

Террористические организации и сети

Террористические организации и сети – это еще один субъект мировой политики. Терроризм – явление далеко не новое, но сегодня он приобретает новое качество. Самое широкое распространение получил тезис о том, что терроризм стал главной угрозой современной цивилизации и международной безопасности.

Криминальные структуры и сети

Следующий субъект – криминальные структуры и сети, связанные друг с другом в глобальном масштабе. К наиболее опасным из них относятся наркобизнес, контрабанда оружия, нелегальная миграция, отмывание денег, полученных преступным путем и иные проявления организованной преступности.

Непризнанные государства

Само существование этих образований дестабилизирует обстановку в соответствующих регионах. Кроме того, эти квази-государственные образования являются серыми зонами, в которых свободно чувствует себя организованная преступность, разного рода террористические движения.

Можно констатировать, что роль негосударственных субъектов в мировой политике постоянно возрастает, в том числе в качестве факторов национальной и международной безопасности. Эта роль неоднозначна. Одни группы негосударственных субъектов своей деятельностью содействуют стабильности и безопасности на региональных и глобальном уровнях, тогда как другие – дестабилизируют обстановку и создают угрозы личности и обществу.

Трансформации глобального управления посвящено немало исследований. В частности, как отмечают в своем докладе эксперты Национального совета по разведке США, в течение следующих 15-20 лет «на фоне уменьшения роли традиционных политических институтов будет происходить усиление влияния все большего числа... негосударственных и субнациональных субъектов. Необходимость все большего числа акторов обуславливается необходимостью коллективного принятия решений, касающихся преодоления крупных транснациональных проблем и их последствий» [1, с. 28]. Нация-государство не исчезает, но странами все чаще управляют «гибридные» коалиции государственных и негосударственных субъектов.

К настоящему времени сформировалось несколько основных концепций по возможной организации глобального управления. Все они предполагают либо создание новых институтов, призванных наиболее адекватно соответствовать новым глобальным процессам, либо эволюцию и трансформацию функций уже существующих международных организаций. В качестве примера можно привести следующую типологию этих концепций:

- «Мировое правительство». Наиболее старая футурологическая идея, различным аспектам которой посвящено немало работ. Фактически, концепция «мирового правительства» представляет собой увеличенную модель национального государства, руководство которого решает текущие внутривнутриполитические вопросы уже не на национальном, а на глобальном уровне;

- Трансформация существующей системы ООН. Здесь есть два основных пути. Один - постепенное повышение уровня легитимности Совета Безопасности ООН и уровня его эффективности. Другой вариант - более радикальный. В нем выделяют две составных части: превращение существующего Совета Безопасности ООН в своего рода квази-правительство, а Генеральной Ассамблеи ООН - в квази-парламент. Нужно отметить, что такая форма глобального управления находит больше сторонников, чем идея «мирового правительства» в чистом виде. Однако и ее отличает узко-элитарный подход, который сводит все глобальное сообщество к жестким рамкам государства;

- Политическое глобальное управление. Согласно этой концепции ведущие политические акторы в мире будут «подталкивать» глобализацию в нужное русло и решать возникающие глобальные проблемы узким кругом «игроков». Ими могут быть, при различных раскладах, либо доминирующая в мире супердержава, либо конгломерат великих держав;

- Корпоративное глобальное управление. В этом случае к коллективным усилиям государств по решению глобальных проблем и планированию глобального развития присоединятся и наиболее значимые частные акторы (крупнейшие транснациональные корпорации, международные неправительственные организации и др.);

- Глобальное сотрудничество. В его рамках решения глобальных проблем будут приниматься не путем навязанных отдельными акторами подходов, но путем конструктивного и воплощаемого в жизнь диалога всех заинтересованных сил. Такая форма также предполагает формирование более инклюзивной системы глобального регулирования, свою сопричастность которой смогли бы ощущать как можно больше государств и иных акторов.

Очевидно, что глобальное управление (или, по крайней мере, отдельные его элементы) может сложиться как стихийно, путем взаимодействия прежде всего экономических и финансовых структур, так и осознанно, путем планомерного его формирования, осуществляемого на основе консенсуса всех (или наиболее крупных) глобальных акторов.

Главным вопросом в этой связи является характер отношений между существующими суверенными государствами и новыми глобальными институтами. Важной проблемой является демократичность глобального управления. Возникают опасения, что структуры такого рода, если они будут созданы, не будут подотчетны никакому публичному контролю. Важнейшей функцией политического глобального управления должна стать транснациональная социальная защита.

Ближайшее будущее покажет, насколько реализуемой станет идея глобального управления, и приведет ли она к серьезным конфликтам между формируемыми глобальными управленческими структурами и существующими государствами.

1) Выходец Р.С., Шляпников В.В. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры (обзор доклада Национального совета по разведке США) // Геополитика и безопасность. Аналитический и научно-практический журнал. – СПб., 2013. № 2 (22). – С. 25-33.

2) Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Шовкомуд Д.С. (Иркутск)

Институт семьи существует с тех самых пор, как появилось человечество. За этот довольно продолжительный срок изменилось многое: отношения внутри семьи, семейные ценности, обычаи, традиции; места, занимаемые членами семьи в семейной иерархии. Не меняется только любовь- основополагающая часть идеальной семьи. Под словом «идеальная» будем подразумевать пропорциональное поведение, равновесие в отношениях, искренние чувства, взаимовыручка и взаимопомощь всех членов семьи, ведь идеального как такого не бывает.

По данным Росстат в первом полугодии 2016 года число зарегистрированных браков снизилось на 12%, а число разводов увеличилось на 2% по сравнению с тем же периодом 2015 года [1]. Эта статистика предусматривает исключительно расторжение брака, а ведь еще большинство семей распадаются, живут отдельно и не расторгают брак официально. Какие же основные причины расторжения браков?

Как бы то ни было мы имеем дело с современностью. Люди утрачивают свои моральные ценности и устои. Что же касается ценностей и устоев не отдельного человека, а ячейки общества-семьи? По данным Росстата на 100 зарегистрированных браков приходится 57 разводов. На развод людей толкает измена, считают 24% опрошенных, и бедность (21%). Неумение идти на компромиссы, уступать друг другу, непонимание, эгоизм и ссоры назвали причиной 19% (3-е место). Алкоголизм и наркомания - на 4-м месте (16%). В наше время развод является не редкостью, а обыденностью. Все чаще можно встретить людей, имеющих за плечами 4, 5 браков. Собственно говоря, а зачем женились то? Ранее расторгнуть свой семейный союз было очень трудным делом, иногда невозможным.

Рассмотрим причины заключения брака. Их не много. Наверное, они более или менее не меняются с годами. Это либо беременность, либо наставления родственников, либо фиктивные намерения, либо (такая редкость в наше время, хотя и не только в наше) брак по любви. При вступлении в брак по ряду первых трех причин, можно сделать некоторые выводы о продолжительности и качестве этого брака. Проанализировав все вышенаписанное, мы можем выявить формулу идеального брака. Это заключение брака «по- современному», то есть имение возможности выбора своего избранника, совместное проживание с ним; а расторжение брака только «по-старинному», то есть почти невозможным способом за редким исключением.

Что не говори, а самым главным продуктом семьи является ребенок. Его первичными агентами социализаций на протяжении всей жизни будут его близкие родители. Именно они обязаны заложить зерна качеств настоящего человека, способного на любовь. Мы говорим о любви к делу, к жизни, к людям. Проблема современных семей в том, что они утратили веру в любовь. Люди перестают понимать, что возможно счастье без материального мира.

Рассматривая проблемы современной семьи, также возникает вопрос об эмансипации женщин. До сих пор мужья мира гадают: а сделал ли этот переворот женщин воистину счастливыми? В каком-то случае да, в каком-то нет. [2]. Некоторые женщины от природы привыкли добиваться всего сами, идти индивидуальной дорогой, в одиночку через все препятствия, а в некоторых женщинах до сих пор остался гореть тот семейный огонек счастья,

надежды и веры, на который шли и идут мужчины, заблудившись в жизненных невзгодах. Последние готовы идти за мужчиной сквозь огонь и воду, на край света; подчиняться ему, помогать, принимать в любом состоянии и делать все возможное для общего блага. Именно такие женщины-добывательницы имеют преимущество среди всего женского пола. Женщина-хранительница очага начинает потихоньку исчезать с наших глаз.

Согласно статистики Росстата уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста (0-6) лет составляет почти 65 %. И данная тенденция наблюдается на протяжении 10 лет. Данные говорят о том, что женщины не могут позволить себе в полной мере следить за детьми, так как заработок мужа или вообще его отсутствие не позволяет ей заниматься социализацией потомства. Да, правительство РФ предусматривает данную проблему и предпринимает меры. Но с повышением заработной платы повышаются и цены на продукты, и налоги, и коммунальные услуги. С возникновением ряда проблем, связанных с выходом женщины на работу, увеличивается тенденция миграции из города в село. Можно признать данное явление весьма здоровым. Адаптация к сельской местности носит исключительно положительный характер. Оздоровляет и провоцирует семью вернуться к прошлым истокам ведения быта с внедрением технологий будущего.

Проблема семьи, как и все проблемы нашего человечества- человечны. Бытовые обстоятельства, политические процессы, неконтролируемые природные явления лишь наполовину являются проблемами как таковыми. По-настоящему идеальная семья пройдет через все это и даже больше. И не только пройдет, но и создаст что-то более удивительное и непредсказуемое.

- 1) Рочева А.Л. Миграция как эмансипация? Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. 2012. - №8. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-kak-emansipatsiya-gendernoe-izmerenie-migratsii-v-rossiyu>
- 2) Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.10.2016)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КАМИНГ-АУТА

Шорыгин Е.А. (Нижний Новгород)

Понятие каминг-аут появилось в российском информационном поле совсем недавно, что было связано, прежде всего, с принятием в 2013 на федеральном уровне закона «О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». За последний год оно стало все активнее проникать в лексикон россиян, поскольку все чаще публичные фигуры стали «выходить из шкафа», причем как за рубежом, так и в России. Новая волна обсуждения явления была спровоцирована внесенным осенью 2015 года в Госдуму законопроект о введении административной ответственности за «публичное выражение нетрадиционных сексуальных отношений». Несмотря на отклонение законопроекта Госдумой 19 февраля 2016 года, средства массовой информации в значительной степени поспособствовали популяризации понятия.

Процесс раскрытия собственной сексуальной ориентации перед ближайшим социальным окружением как объект исследования находится на пересечении разных областей научного знания – психологии, социологии, медицины. В этой этом контексте мы можем говорить о междисциплинарном характере объекта и в данной статье опишем основные подходы к изучению каминг-аута.

Само понятие «каминг-аут» было введено немецким журналистом и адвокатом Карлом Генрихом Ульрихсом после своего собственного публичного каминг-аута, ставшее первым в истории. Каминг-аут он понимал, как один из видов эмансипации, способом освобождения и борьбы за права геев, полагая, что закрытость ЛГБТ не способствует влиянию на общественное мнение и призывал гомосексуалов быть заметнее [1]. Известные сексологи Иван Блох [2] и Магнус Хиршфельд [3] также рассуждали о возможности увеличения числа каминг-аутов с целью влияния на дискриминационные законодательные акты и общественное мнение.

Социолог Эдуард Сагарин под псевдонимом Дональд Вебстер Кори в работе «Гомосексуал в Америке» [4] описывает свою потребность совершить каминг-аут следующим образом: «Общество вынудило меня постоянно носить маску... Где бы я ни был, я притворяюсь везде и перед представителями всех слоёв общества» [5, р. 11]. Однако само понятие «каминг-аут» в работе не используется.

С тех пор слово «каминг-аут» использовалось в основном только в жаргоне ЛГБТ-сообщества до конца 1950-х, когда известная психолог Эвелин Хукер опубликовала ряд своих социально-психологических исследований гей-сообщества. Автор утверждает, что «зачастую, дебют (или, как называют его гомосексуалы, каминг-аут) человека, уверенного в своей гомосексуальности, но борющегося с этим ощущением, случается тогда, когда он впервые публично идентифицирует себя как гомосексуал в присутствии других гомосексуалов, появившись в одном из тематических баров» [6, р. 91.].

Более релевантной для нас работой будет труд гендерной исследовательницы, квир-теоретика Ив Кософски Седжвик «Эпистемология чулана». Предлагаемые до этого концепции каминг-аута были, по большей мере, психологического толка и не придавали значения социологическому осмыслению. Именно эта работа С. Кософски послужила вводу в научный оборот метафоры «выхода из чулана» (coming out of the closet), предполагающей включенность индивида в социальный контекст, связанный с возможным пересечением границ частного и публичного. Рассматривая образы осознания идентичности и политических действий, автор постулирует, что «понятия «чулана» (closet) (засекреченности) и «раскрытия» (coming out), включаемые нынче в любой контекст, связанный с возможным пересечением практически любых политически окрашенных границ репрезентации, явились наиболее значимыми и притягательными из этих образов» [7, с. 78]. Исследователь отмечает, что «гомосексуальный чулан не является признаком только гомосексуальной культуры. Но для многих геев и лесбиянок он по-прежнему является основополагающим фактором социальной среды; лишь немногие гомосексуальные люди, будь это их природная смелость и прямота или поддержка ближнего окружения, обходятся без навязчивого присутствия чуланного менталитета» [Там же, с. 76.].

В западной социологии феномен каминг-аута анализировался и в нарративном контексте – изучались повествования о раскрытии. Американский социолог Кен Пламмер ввел в научный оборот нарративный конструкт «модернистская сказка» (modernist tale) [8], ставший отправным пунктом публичных дискурсивных практик о маргинальном положении гомосексуалов в гетеронормативной системе. Эта нарративы представляли собой трагические истории каминг-аута перед другими, выстроенные по линейному принципу – осознание, опыт внутреннего переживания, преодоление чувства стыда и последующее раскрытие гомосексуальности. Подобные нарративы отражали конструктивистский характер гомосексуальности, показывая воспроизведение определенных ролевых моделей на конкретном этапе становления идентичности.

В конструкционистском ключе рассуждает и исследовательница Мэри Макинтош, утверждая, что «индивид, совершающий каминг-аут, буквально говоря, “изобретает себя”, начиная играть определенную социальную роль в обществе» [9, р. 184]. В то же время, конструируя свой дисплей идентичности и моральные императивы, гомосексуал лишь частично оказывается за пределами «чулана», не стремясь деконструировать социально-нормативные рамки, интернализированные им в ситуации взаимодействия «со своими».

В фокусе внимания зарубежной литературы большое внимание уделяется проблеме закрытости ЛГБТ-сообщества и общему социальному фону, описываемого через категории гетеронормативность, гетеронормативный порядок, гетеронормативная матрица [10]. Отдельно заостряется внимание на ролевых конфликтах гомосексуалов, вынужденных вести двойную жизнь и постоянно использовать различные стратегии самоконтроля [11]. В этой связи каминг-аут описывается как акт освобождения и преодоления гомонегативизма [12].

Социальные аспекты каминг-аута изучаются американскими исследователями и в рамках социологии повседневности. Так, социолог С. Сейдман анализирует трансформации пространства проявления открытости гомосексуальными мужчинами и женщинами и также говорит о репрессивном характере «чулана», но при этом, отмечает, что вследствие произошедших в последние десятилетия изменений в области прав ЛГБТ и создания благоприятных условий для социальной инклюзии, большинство представителей ЛГБТ-сообщества уже находятся «вне чулана» и поэтому сам акт выхода является излишним [13].

Следующим этапом теоретизирования гомосексуального раскрытия является разработка концепции квил-идентичности. «Квил, как и гендер, скорее сближает, чем разделяет анализ мужчин и женщин; как и гендер, квил позволяет усомниться в кажущихся фиксированных идентичностях; подобно гендеру, квил сохраняет область гей-лесбийских исследований, одновременно создавая новый способ размышления о сексуальных формациях и, в частности, о процессах дифференциации» [14, с. 54]. «Квил не подразумевает никаких конкретных, специфических черт. Это идентичность, лишённая сущности, которая по определению расходится

с всем нормальным, легитимным, господствующим. Это распространяется не только на гендер или сексуальность. Любая идентичность потенциально может изобретаться или переформулироваться её собственником. "Квирность" выводит наружу и драматизирует непоследовательности и несогласованности между считающимися стабильными отношениями между хромосомным полом, гендером и сексуальным желанием. При этом в центре внимания, естественно, оказываются те люди, у которых эта несогласованность особенно сильна. Это не только геи и лесбиянки, но и гермафродиты, транссексуалы и трансвеститы» [15, с. 103].

В рамках квир-подхода исследовательница Брайан Лофтус в статье «Говорящее молчание: стратегии и структуры квир-автобиографии» отмечает, что «квир-идентичность субъекта, с одной стороны, воспроизводится посредством языка с целью сигнализации сексуальных различий; но с другой — отказывается от прямого речевого акта, оставляя за другими возможность интерпретации выражаемого индивидом сексуально-нормативного Я» [16, с. 129]. Подобный поворот расширяет область исследований гомосексуального раскрытия, не сводящегося к вербальному самораскрытию, но предполагает интерпретацию скрытых моментов перформативно проявляющейся «аутентичной самости».

Вербальный аспект каминг-аута исследуется в работе Jimmie Manning [17]. Автор предлагает типологию каминг-аутов в процессе общения (таблица 1). Каждый тип каминг-аута предполагает не только особые контексты артикуляции, но и различные подходы к его осуществлению, включающие в себя стабильность, рефлексивность и тактичность.

Таблица 1
Типология каминг-аута в процессе разговоров

Тип	Описание	Пример
Запланированный	ЛГБТ-человек принимает решение о "выходе"	-Мама, у меня к тебе есть один разговор и я хочу пригласить тебя на ужин, чтобы поделиться с тобой этим
Внезапный	ЛГБТ-человек видит подходящую возможность для "открытия" и совершает его	- Только что видел в новостях, что происходит в России с геями и лесбиянками. Это отвратительно видеть, что с людьми обращаются так плохо! -Ты знаешь, я рад слышать от тебя это. Мне кажется это подходящий момент для того, чтобы поделиться с тобой тем, о чем я не мог сказать до этого.
Вопрошающий	Когда ЛГБТ-человеку предлагают рассказать о его сексуальной ориентации	-Ты знаешь, брат - нет ничего, что ты не можешь рассказать мне. -Я знаю. -Я хочу, чтобы мы были близки, и это означает, что должны делиться всем о нашей жизни, в том числе и о том, кого мы любим.
Принудительный	Человек требует,	-Ты продолжаешь

	чтобы ЛГБТ-индивид совершил каминг-аут	говорить мне, что не хочешь знакомиться со мной, но я знаю с чем это связано. Откройся передо мной или я всем расскажу и осрамлю тебя перед всей школой!
Романтический	Каминг-аут совершается в контексте романтических или сексуальных отношений	-Я слишком много выпил сегодня, мой друг. -Я тоже. Может быть, поэтому у меня есть мужество, наконец, сказать тебе о своих чувствах к тебе, что я испытывал все эти годы.
Информирующий/активистский	ЛГБТ-человек открывается с целью осведомления и поощрения других для этого	- Спасибо всем за приглашение выступить сегодня в вашей группе. Перед тем как начать я считаю важным сообщить, что моя точка зрения во многом связана с моей сексуальной идентичностью.

Проблема гомосексуального раскрытия в российской социологии малоизучены, что связано, по большей степени, с распространенным в академической среде гомонегативизмом и восприятием ЛГБТ-проблематики как маргинальной и пропагандистской. В российской научной среде попытки эмпирического изучения проблематики гомосексуальной идентичности ограничены узким кругом работ таких исследователей, как Д. Воронцов, А. Жабенко, Д. Исаев, А. Кондаков, И. Куприянова, О. Парфенова и других. В найденный нами отечественных исследованиях описываются основные стратегии каминг-аута геев и лесбиянок, зависящие от конкретных социальных контекстов.

Исследование сценариев раскрытия лесбийской идентичности социолога О. Порфеновой подтвердило известное положение о вариативности тактик раскрытия и воспроизводства идентичности в разных жизненных ситуациях [18]. При этом само понятие каминг-аут понимается автором как «тактическое действие, которое необходимо постоянно обдумывать и взвешивать в условиях гегемонии нормативной гетеросексуальности» [19]

В исследовании, посвященном сценариям раскрытия лесбийской идентичности, социолог Оксана Парфенова, опираясь на концепции М. Фуко и М. де Серто, рассматривает каминг-аут в качестве «тактического действия, которое необходимо постоянно обдумывать и взвешивать в условиях гегемонии нормативной гетеросексуальности».

Исследование проблем каминг-аута в лесбийских семьях с детьми А. Жабенко также продемонстрировало контекстуальный характер проявления лесбийской идентичности с преобладанием «открытости» в кругу «своих» (семья, друзья, друзья) и «закрытости» в рамках институциональных изменений в социуме [20].

Тему «выхода из чулана» также изучал С.В. Мозжегоров. В своих работах он использует нарративный подход к изучению каминг-аута, типологизируя основные стратегии и нарративы описания процесса «выхода», полученные в ходе глубинных интервью с 31 геем и лесбиянками. Рассматривая основные стратегии каминг-аута и используя концепцию социальных полей П. Бурдьё, автор приходит к выводу, что «каждое поле интеракции (личностная сфера, институциональная среда, публичная сфера) предполагает свои регламентации и правила выстраивания взаимодействия геев и лесбиянок с другими людьми. Осуществляемые стратегии каминг-аута, так или иначе, выстраивают определенные границы гомосексуальной открытости индивидов. Со временем эти границы приобретают подвижный характер и видоизменяются. В частности, этому процессу способствует «выход» геев и лесбиянок за рамки приватной и

институциональной среды и их вовлечение в публичные практики акционизма, в контексте которых гомосексуальное раскрытие приобретает всеобщий или тотальный характер» [21, с. 186 – 187].

Таким образом мы можем наблюдать возрастающий интерес ученых из разных областей к процессу каминг-аута. Однако в российском научном поле данный феномен еще получил широкого осмысления из-за доминирующей гомонегативистского и гетеронормативного дискурса. Тем не менее сегодня все больше людей совершают каминг-аут и, зачастую, это кардинально меняет систему отношений индивида на всех уровнях общества. В этой связи процесс открытия индивидом своей сексуальной ориентации/гендерной идентичности требует комплексного и системного междисциплинарного изучения.

1. Karl Heinrich Ulrichs, *Forschungen über das Rätsel der mannmännlichen Liebe*. Leipzig, 1898.
2. Блох, И. *Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре*. – СПб., 1910.
3. Magnus Hirschfeld. *Die Homosexualität des Mannes und des Weibes*. Berlin: de Gruyter, 2001. 332 P.
4. Donald Webster Cory. *The Homosexual in America: A Subjective Approach*. New York: Greenberg, 1951.
5. *The homosexual in America: a subjective approach*. Front Cover. Donald Webster Cory. Arno Press, 1975. Social Science. 326 p.
6. Hooker, Evelyn. *Sexual Inversion: The Multiple Roots of Homosexuality*. Judd Marmor, ed. New York: Basic Books, 1965, 358 p.
7. Кософски, С. *Эпистемология чулана*. М.: Идея-пресс, 2002. – 272 с.
8. Plummer K. *Telling sexual stories: Power, change, and social worlds*. New York: Routledge, 1995. 224 p.
9. McIntosh M. *The homosexual role // Social problems*. 1968. No. 16. P. 184.
10. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N. Y. – London: Routledge, 1990; Ryan P. *Coming Out, Staying / The Personal Narratives of some Irish Gay Men // The Irish Journal of Sociology*. 2003. 12 (2). Pp. 68–85.
11. Seidman S., Meeks C., Traschen F. *Beyond the Closet? The Changing Social Meaning of Homosexuality in the United States // Sexualities*. 1999. 2 (1). Pp. 9–34.
12. Hudson, W. and Ricketts, W. "A Strategy for the Measure of Homophobia," *Journal of Homosexuality*, 5, 1980, pp. 357–372.
13. Seidman S. *Beyond the Closet: The Transformations of Gay and Lesbian Life*. New York: Routledge, 2004.
14. Аусландер, Л. *Женские + феминистские + мужские + лесбийские-гей + квир исследования = гендерные исследования? // Гендерные исследования, № 5. Харьков, 2000, с. 51 – 55.*
15. Кон, И.С. *Лику и маски однополрой любви. Лунный свет на заре*. – М.: АСТ, 2003, 574 с.
- Цит. по: Мозжегов, С. В. *Нарративы о гомосексуальном раскрытии в западном и российском социокультурном контексте / С. В. Мозжегов // Социологический журнал. - 2014. - № 1. – С.124 - 140.*
16. Jimmie Manning. *Coming Out Conversations and Gay/Bisexual Men's Sexual Health: A Constitutive Model Study, Health Care Disparities and the LGBT Population*. 2014. pp. 27 - 54.
17. Persson A., Richards W. *Men and Women Living Heterosexually with HIV: The Straightpoz Study. Volume 1. Monograph 2/2006*. Sydney: National Centre in HIV Social Research. The University of New South Wales. 2006.
18. Парфенова, О. «Тактик под маской стратега», или выход из «чулана» по- русски // *Гендерные исследования*. – 2010. - № 20–21. – С. 127 – 133.
19. Жабенко, А. *Каминг-аут в лесбийской семье с детьми // Возможен ли квир по-русски? / Сб. статей под ред. В. Созаева. СПб.: Выход, – 2010. – С. 107 – 115.*
20. Мозжегоров, С.В. *Стратегии гомосексуального раскрытия в личностных нарративах российских геев и лесбиянок / С.В. Мозжегоров // Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2013. – №3. – С. 172 – 187.

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Штабина А.В. (Новосибирск)

Процесс политической социализации является аспектом общей социализации. Следует учитывать, что он предстает, с одной стороны, как интеграция индивида в политическое сообщество через освоение опыта предыдущих поколений. С другой стороны, - как включение

политических норм и ценностей во внутренний мир человека, выработку на этой основе политических убеждений. В связи с этим важнейшей задачей этого процесса является достижение личностью умения ориентироваться в политическом пространстве и функционально действовать в нём. Для молодежи в студенческие годы актуализируется потребность во всесторонней интеграции в общественно-политические отношения. От того, каким образом осуществляется процесс политической социализации, зависит, как студенты проявят себя в будущем – будут активными участниками или пассивными наблюдателями политических процессов, а может быть всё политическое будет вызывать у них отторжение.

Современное состояние политической социализации обусловило тот факт, что политическое сознание студенческой молодежи представляет собой неустойчивую совокупность стихийных представлений и ориентаций. В настоящее время, исходя из социально-экономических и идейно-политических условий социальной среды, исследователями выделяется ряд проблем политической социализации студентов.

Интерес к политической жизни у студентов носит несистемный характер. В целом студентам безразличны политические процессы, однако, политическая сфера при этом занимает одно из последних мест по степени значимости, так как для студентов наиболее важным становится решение иных проблем. Это выражается в том, что их интересуют в большей степени информационные формы политического участия (просмотр аналитических программ, новостей, обсуждение в социальных сетях, на форумах), а деятельностные формы отстаивания своих политических идей (участие в политических акциях, митингах и т.д.) менее востребованы [1,2].

Деформация и противоречивость политического сознания студенческой молодежи. С одной стороны студентами признается социальная значимость участия в общественно-политической жизни, а с другой стороны мы видим фактическое отстранение от многообразных видов деятельности в этом направлении. Достаточно высокий уровень интереса к политике, и, в то же время, инертность студенчества как социально-политической силы современного общества. Наблюдается тенденция отчуждения студентов от реального политического процесса [3,4].

«Культурный сдвиг» политического участия студентов. Традиционные формы политического участия в малой степени воспринимаются молодыми людьми в качестве пригодных для выражения своего слова, что отражается на степени доверия политической системе, политической лояльности. Таким образом, не столько студенты безразличны к политике, сколько политические представители не способны соответствовать жизненному опыту, уже приобретенному в новых условиях, молодыми людьми, который характеризуется социальными моделями ускоряющегося темпа изменений, мобильности, индивидуализации и консюмеризма. Это выражается в настоящей пропасти между традиционными способами политической коммуникации, и молодыми людьми, сориентированными на более современные методы массовой коммуникации [5].

Возрастание роли СМИ как агента политической социализации в сравнении со степенью влияния основных агентов политической социализации (партий, общественно-политических организаций и т.д.). Средства массовой коммуникации играют приоритетное значение для студенческой молодежи, в качестве источников общественно-политической информации, сюда же относят и «новые» СМИ (Интернет). В связи с этим основная проблема здесь - это ненаправленный характер политической социализации, осуществляемый в рамках СМИ [1,3,4].

Высшие учебные заведения имеют малую степень влияния на формирование и развитие политических представлений студентов. Безусловно, ВУЗ не должен нести всю ответственность за идейно-политическое состояние студентов. Однако высшее образование длительное время оказывает влияние на политическую социализацию молодых людей, именно в университете студенты получают конкретные знания о политической сфере жизни, которые способствуют формированию у них соответствующих ценностей и установок, которые также играют роль в формировании позиций относительно восприятия политической системы. Современные ВУЗы не справляются с такой своей ролью [1,4].

Самостоятельно проведя исследование студентов НГУЭУ в 2016 г., мы можем выделить следующие аспекты. Студентам важнее решать личные проблемы, чем разбираться в проблемах общественно-политических, так считает 60% респондентов. 54% студентов выделили как основную проблему отсутствие интереса к непосредственному активному участию в общественно-политической жизни. Также 52% опрошенных видят проблему в недостатке знаний у студентов в политической сфере, значит, существующий механизм политической социализации действует неэффективно. Студенческая молодежь также полагает, что основной проблемой политической

социализации стоит считать низкий уровень политической активности студентов, это отмечают 42% респондентов. Такое же число студентов подчеркивают недоверие среди студентов к политическим институтам и государственной власти.

В целом можно говорить о следующих тенденциях в процессе политической социализации молодежи России. Во-первых, общее снижение заинтересованности студентов в общественно-политической жизни страны. Справедливо сказать, что, несмотря на то, что молодые люди не проявляют полного безразличия к политическим процессам, происходящим сегодня в стране, политическая сфера входит в число последних по степени своей значимости интересов для них. Во-вторых, низкий уровень вовлеченности студенческой молодежи в общественно-политическую жизнь, низкая электоральная активность. Это объясняется даже не тем, что студенты не заинтересованы в такой деятельности, а скорее тем, что они не уверены в результатах своего участия, не склонны доверять институтам государственной власти, не верят в эффективность избирательного процесса. В-третьих, усиление влияния «новых» СМИ (Интернет-порталы, социальные сети) в противовес, оказывающим всё меньшее влияние традиционным агентам политической социализации. Доминирование СМИ делает процесс политической социализации неуправляемым. При этом в сети Интернет современный студент подвержен влиянию, как непосредственных аспектов политической культуры, так и опосредованных в ходе взаимодействия с развлекательными страницами, социальными сетями и т.д. В-четвертых, условия идеологического плюрализма приводят к тому, что студенческая молодежь не способна себя самоидентифицировать. Это отражается в отсутствии четких политических убеждений, которые позволяют взвешенно и ответственно оценивать политическую власть, происходящие политические события. В-пятых, постепенно возрастает уровень недоверия государственной власти и политическим элитам. С точки зрения становления политического сознания, уровень доверия политическим институтам и общественным структурам - наиболее важный компонент, который на современном этапе снижается. В-шестых, наблюдается ориентация на повышение своей осведомленности и понимания политического процесса. Среди студентов более популярно информационное участие в политике, и всё меньшее число студентов выражают желание принимать прямое участие в деятельности общественно-политических организаций с целью отстаивания своих политических взглядов. Рассмотренные нами ключевые тенденции, а также существующие проблемы не способствуют формированию направленного процесса политической социализации студентов, а наоборот приводят его содержание к разобщенности.

Противоречивость процесса политической социализации прежде всего обусловлена тем, что его исходные цели не могут быть достигнуты, поскольку вступают в резонанс с объективными факторами, среди которых: отсутствие политического опыта у студентов, слабость институтов политической социализации, фрагментарность политической культуры, обострение проблемы «жизненного старта».

1 Бучкова А.И. Сущность и особенности политической социализации молодежи в современной России :автореф. дисс. к. соц. н. Москва,2013. - 27с.

2 Гришко Н.А. Специфика социально-политических факторов, влияющих на процесс политической социализации молодежи в России // Общество и право. 2012, №1(38). - С.293-298.

3 Зуляр Р.Ю. Политическая социализация российской студенческой молодежи (институциональный аспект) :автореф. дисс. д-ра. полит. наук. Чита, 2011. - 23 с.

4 Мари Н.С. Некоторые особенности политической социализации студентов в высшем учебном заведении (опыт социологического исследования) // Всероссийский журнал научных публикаций. 2010, № 1 - С.93-96.

5 Погосян Л.А. Влияние процессов социализации, адаптации и идентификации на формирование политической культуры молодежи // Гуманитарий Юга России. 2013, № 3. - С. 65-73.

ФОТОГРАФИИ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Шубина Т.Ф. (Архангельск)

Фотография родилась в начале XIX века. К ней сразу возник интерес как к новой возможности, которую она открывала для науки. Сторонники фотографии обнаруживали заложенное в ее природе не только эстетическое начало, но и возможность социологического аспекта оценки фотографии, которая, как писал русский критик и искусствовед В. В. Стасов,

«будет иметь несомненное влияние на образование человеческого рода и рано или поздно повлечет за собою великие результаты» [1].

На заре появления фотографии вряд ли кто-то мог предположить, что со временем каждый человек сможет позволить практически ежесекундно снимать все, что он наблюдает вокруг. Но как пишет Вальтер Беньямин изо дня в день у людей обнаруживается «неодолимая потребность овладения предметом в непосредственной близости через его образ, точнее - отображение, репродукцию» [3].

Несмотря на поразительную распространенность фото в современных обществах - «сфотографировано, кажется, почти все» [4] - и утверждение исследователей, что для людей, занятых изучением общественных и культурных процессов главным умением является понимание и применение визуальных данных, использование фотографий как источника социальной информации до сих пор не стало популярным занятием среди социологов.

Фотографии — это зафиксированный опыт, «удостоверение того, что видимое мною действительно было», - как сказал Р. Барт [6, 146]. Они дают нам ощущение, что мы можем держать в голове весь мир — как антологию изображений, они меняют и расширяют наши представления о том, на что стоит смотреть и что мы вправе наблюдать [4]. Для социолога важно, что снимок регистрирует повседневную жизнь человека, отражает изменения его деятельности в течение суток, следующих друг за другом времен года или фаз жизни, отображает социальные институты - семью, брак, церковь... При этом «не только показывает их внешнюю сторону, но и старается открыть способ их функционирования, влияния на личность, лояльность и поведение» [2, 39]. Исследователь должен прислушаться к словам В. Беньямина, что «в настоящее время фотография... дает наиболее значимые сведения для понимания ситуации» [3].

Как пишет С. Зонтаг, одной из первых функций фотографии было «запечатлеть достижения индивида в роли члена семьи» [4]. Следовательно, анализ событий, зафиксированных на снимке позволит исследователю полнее представить историю семьи и воссоздать образ эпохи. Согласно социологическому исследованию, проведенному во Франции, в семьях с детьми фотоаппараты встречаются вдвое чаще, чем в бездетных семьях [4]. Фотографии позволяют семье создать свою портретную историю, которую стремятся сохранить и передать следующему поколению. Миллионы фотоснимков становятся достоянием семейных альбомов, которым дорожат, как «памятью об исчезающих связях большой семьи» так как фотография создает «иллюзию владения прошлым» [4]. Мир семьи на фотографии - это сотворенная людьми социокультурная реальность, созданная для того чтобы зафиксировать важные моменты. По мнению В. Нурковой, «привычное содержание семейного фотоальбома включает в себя становление социально удачливых членов семьи, умалчивание о девиантных судьбах» [5].

В данной статье мы анализируем результаты использования метода интервью с привлечением семейных фотоальбомов со студентами – социологами, в рамках освоения курса «Социология семьи» в 2016 году (27 интервью).

Погружение в фотографические материалы, в ходе просмотра семейного альбома, позволило сформировать новый порядок ознакомления со снимками, многие обнаружили отсутствие последовательности в хранящихся материалах, отмечали разрозненность фотодокументов, в некоторых семьях была отмечена плохая сохранность фотографий или вообще отсутствие альбомов, многим пришлось обратиться за комментариями к старшему поколению своей семьи.

В результате все пришли к единодушному мнению: семейные фотоальбомы могут стать перспективным источником социологических данных, поскольку появляется возможность извлечения из них уникальной информации для исследователя. Одновременно данный принцип может послужить способом получения интересных фактов истории своего рода, сближению членов семьи, накоплению социального капитала семьи. воссозданию визуальной истории жизни своей семьи.

Участники эксперимента отмечали, что за визуальными репрезентациями кроется образ жизни людей, сознательно расставленные ими акценты - благополучие, сплоченность, статус и достаток семьи, которые достигаются при помощи фона, позы, одежды, аксессуаров. Позирующие осознанно создают свою идентичность. На представленных постороннему взгляду фотографиях люди стараются быть не такими, какие они есть, а теми, кем хотят быть. Р. Барт так описывает этот процесс: «Попадаю в объектив и все меняется: я конституирую себя в процессе «позирования», я мгновенно фабрикую себе другое тело, заранее превращая себя в образ. ...я ощущаю, как Фотография творит или умерщвляет мое тело в свое полное удовольствие» [6, 27].

Как отмечали участники исследования, прежде всего в семейных альбомах хранятся фотографии свадебных церемоний, детей и снимки, привезенные из путешествий, особенно зарубежных. Таким образом создается фотохроника семейной истории. Материалы семейных фотоальбомов послужили источником самых разных сведений из жизни своего рода, среди которых можно выделить информацию о повседневных практиках прошлого, об обычаях представителей разных поколений, об этапах собственного взросления, скрупулезно зафиксированного родителями.

Наиболее любимая или значимая фотография сопровождалась более подробным повествованием. Мемориальная реконструкция содержала в себе как ностальгические воспоминания, так и описание чувств и эмоций, которые человек испытывал в настоящее время.

Рост сферы визуального в современном обществе сопровождается появлением специфических методов его изучения. С позиций классической социологии фотографии выступают лишь фактом доказательства присутствия объекта, их функции ограничиваются презентацией. Постклассические социологические методы позволили осознать, что представление одновременно бывает и внешним, и внутренним. Фотография представляет собой уникальный случай исследовать представления о способах презентации себя для других. Выясняется, что на страницах семейных фотоальбомов сконцентрированы ряды образов, которые можно интерпретировать бесконечно.

Поскольку область визуально фиксируемых объектов огромна, интересующие исследователя сферы можно распределить в определенной иерархии по их значимости, классифицировать по событиям, предметам, локализации, действиям, контекстам, личностям и т.п., то есть составить матрицу визуальных данных.

Подходы к анализу содержания фотографии могут быть основаны «на выделении визуальных элементов, существенных с точки зрения поставленной проблемы или вопроса исследований, частоты их появления в тщательно отобранной коллекции снимков, а затем выполнении анализа количественных результатов» [2, 58]. Может быть выбран метод фотографического интервью, который позволяет вести беседу при рассматривании фотоальбома. При этом наблюдается большая спонтанность и аутентичность ответов и уменьшается «хорошо известный методологам эффект анкетера»: «То, что кто-то делал заметки, полностью игнорировалось исследуемыми, быть может, по причине тех самых трехсторонних реляций, в которых все вопросы относились к фотографии, а не к информатору» [2, 70].

Фотографии могут служить для фиксации подробностей и нюансов, ускользающих при проведении наблюдения. Фотографический образ может выступать предмет интерпретации, т.к. разные люди будут один и тот же снимок воспринимать различным образом, то, что П. Штомпка назвал «дискурсивной интерпретацией», с помощью которой исследователь «стремится к выявлению того, кому адресована фотография и каким образом адресат соучаствует в формировании значения снимка посредством «практик рассматривания» [2, 97].

Значительную часть жизни мы проводим в семье. Эта жизнь «состоит из интересных событий, заслуживающих фотографирования... Событие закончилось, а картинка существует, жалуя ему нечто вроде бессмертия (и важности), которого иначе оно было бы лишено» [4]. А это позволит продолжить изучение общества, узнавания других и самих себя на фотографии в семейном альбоме.

1. Морозов, С. А. *Творческая фотография [Электронный ресурс] / С. А. Морозов. — Москва: Планета, 1989. URL: http://photographerslib.ru/books.php?book_id=0018.0001 (Дата обращения: 12.07.2016)*

2. Штомпка, П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / П. Штомпка. — Москва: Логос, 2007. — 168 с. + 32 с. цв. ил.*

3. Беньямин, В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости [Электронный ресурс] / В. Беньямин. URL: http://forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (Дата обращения: 01.07.2016)*

4. Зонтаг, Сьюзен *О фотографии [Электронный ресурс] / Сьюзен Зонтаг. — Москва: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. — 272 с. URL: <http://fanread.ru/book/download/9551375/> (Дата обращения: 10.06.2016)*

5. Васильева, Е.В. *Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов [Электронный ресурс] / Е.В. Васильева, А.В. Стрельникова // Вестник РГГУ — 2012. - № 2. URL: http://rsuh.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_12.pdf (Дата обращения: 10.06.2016)*

6. Барт, Ролан *Camera lucida. Комментарий к фотографии / Ролан Барт. - Москва: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011. - 272 с.*

ПАРТИСИПАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ И МЕТОДИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Шуклина Е.А. (Екатеринбург)

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10046) «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

Партисипаторные исследования как феномен гражданского общества являются частью публичной социологии, предполагая не только гражданское участие социолога в общественной жизни, но и включенность в процесс исследования в качестве со-исследователей представителей тех социальных сообществ, которые реализуют или готовы реализовать свою активность в преобразовании разных сфер социальной жизни – от собственных повседневных практик до крупных социальных структур. В России они пока не получили широкого применения по целому ряду причин, прежде всего связанных с ограниченным развитием гражданских институтов. Вместе с тем, само применение исследований этого типа имеет серьезные перспективы в реализации многих социальных проектов (мы используем термин «партисипаторный» для характеристики исследований и «партисипативный» для обозначения управления и культуры определенного типа в силу сложившихся в западной литературе традиций словоупотребления [Brock, Pettit, 2007; Chevalier, 2013; Swantz, 2008]).

Партисипаторные исследования нашли применение и в прикладной, и в критической социологии. Их прикладная роль особенно заметна в социологии менеджмента, в решении вполне конкретных задач оптимизации управления коллективами. Критическая социология также не нейтральна к исследованиям этого типа, поскольку данные, собираемые самими участниками событий и получаемые ими выводы, порой вступают в конфронтацию с академическими стереотипами интерпретации известных фактов и социальных процессов. Эти данные могут выполнять роль контр-нарративов, опровергая академические построения и описания исторического прошлого или повседневности.

Термин «партисипаторные исследования» не является окончательно сложившимся, вместе с тем, обязательными характеристиками данных исследований можно считать: участие социальных сообществ в качестве со-исследователей (они никогда не выступают только объектом исследования, хотя степень их участия может быть различной); практическую ориентацию на результат, связанную с изменением исследуемой сферы социальной реальности; выраженный образовательный эффект, проявляющийся в более углубленном понимании представителями социальных сообществ сути их проблемы, а также способов ее изучения; повышение гражданской активности, ориентированной на социальные изменения.

Отношения партисипаторных исследований с академической наукой являются принципиальной проблемой, поскольку методологические, методические подходы, стратегию их реализации, характер требований к формальным процедурам, техническим приемам, оценку ожидаемых результатов и социальной эффективности определяет академическое экспертное сообщество. В целом, партисипаторные исследования ориентированы на базовые требования к получению научного знания, при реализации которых корректно конструируется методология, продумываются процедуры верификации концептуальных положений и контроля получаемых данных. Вместе с тем, существует совершенно иная концепция и практика партисипаторных исследований, связанная с выраженным дистанцированием от академической науки и корпоративных стратегий партисипативного управления. В рамках данной традиции осуществляется критика эффективности больших теорий и принятых в науке методов исследования, отдается предпочтение «живому» знанию [Chevalier, Buckles, 2013; Reason, Bradbury, 2008].

Партисипаторные исследования не являются комплексом детально разработанных методологических подходов и методических процедур, а представляют собой достаточно плюралистическую ориентацию на получение знаний, необходимых для конкретных социальных изменений [Camic, Joas, 2003; Chambers, 2008; Swantz, 2008]. По типу они скорее тяготеют к качественным методическим стратегиям, хотя вопрос качественно-количественной принадлежности остается дискуссионным.

В целом характеристиками стратегии партисипаторных исследований являются открытость притоку информации и отсутствие доминанты априорных представлений о предмете исследования, сформулированных в рамках академической науки; процессуальность и ориентация

на изменение объекта исследования в ситуации субъект-субъектного взаимодействия; гибкость в формировании методической стратегии, подборе методов и технических приемов; коммуникативность, т.е. понимание получаемого знания как результата коммуникативного взаимодействия; рефлексивность и интерпретативность в отношении получаемых данных и формируемых мини-теорий; контекстуальность как ориентация на включенность в социокультурный контекст и контекстное видение исследуемой проблемы.

Партисипаторные исследования базируются на традициях самоэкспериментирования, самонаблюдения, их особенностью является то, что они должны осуществляться совместно «с» людьми, а не «на» людях как объекте и даже не «для» людей, во имя их блага [Brock, Pettit, 2007; Chevalier, Buckles, 2013]. Коллективные усилия всех членов исследовательского сообщества, в отличие от классического (субъект-объектного) изучения проблемы, прежде всего, ориентированы на значимые изменения, которые должны произойти в реальности, их целью является самопреобразование внутри групп, организаций и более крупных социальных структур. При этом коллективная деятельность, направленная на саморегуляцию, органично объединяется с исследованием.

Партисипаторные исследования осуществляются при соблюдении ряда условий: существовании сообщества людей, которые в той или иной мере осознают наличие общей для них социальной проблемы и необходимости изменить сложившуюся ситуацию; сформированности у представителей данного сообщества партисипативной культуры определенного уровня; наличии объективных условий для данных изменений; доверии социальных субъектов институтам, ответственным за социальные изменения и решение конкретной проблемы, а также веры людей в то, что они способны эти изменения осуществить, преодолев институциональные и организационные барьеры.

Если ставить проблему масштабов реализации партисипаторных исследований, то, с одной стороны, они направлены на воспроизводство и изменение смыслов, ценностей, практик локальных социокультурных сообществ, укрепление местных сетевых территориальных связей, с другой – прогнозируется их выход на проблемы глобального масштаба и макро-ориентацию демократического диалога, а также разработку стратегий социальных преобразований всех уровней [Hickey, Mohan, 2005].

Развитие данных исследований в России является важным фактором формирования партисипативной культуры и социологов, и представителей местных сообществ как необходимого условия становления гражданского общества. Партисипаторные исследования как вид методической исследовательской стратегии имеют серьезные перспективы и методологический потенциал.

1. Brock K., Pettit, J. *Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development*. UK, Warwickshire, 2007.
2. Camic C., Joas H. *The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age*. Maryland: Rowman & Littlefield, 2003.
3. Chambers R. *PRA, PLA and Pluralism: Practice and Theory* // Reason P., Bradbury H. *The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice*. London: Open University Press, 2008: 297–318.
4. Chevalier J.M., Buckles D.J. *Participatory Action Research: Theory and Methods for Engaged Inquiry*. UK, Routledge, 2013.
5. Hickey S., Mohan G. *Participation: From Tyranny to Transformation? Exploring New Approaches to Participation in Development*. London, 2005.
6. Lewin K. *Action Research and Minority Problems* // *Journal of Social Issues*, 1946. Vol 2. No 4: 34–46.
7. Reason P., Bradbury H. *The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice*. London: Open University Press, 2008.
8. Swantz M.L. *Participatory Action Research as Practice* // Reason P., Bradbury H. *The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice*. London: Open University Press, 2008: 31–48.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЛИЧНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Шунк Е.П., Чуканова Т. В. (Барнаул)

В связи с происходящими изменениями общественных отношений на современном этапе развития российского общества проблемы социальной безопасности приобрели особую остроту и

актуальность. Социальная безопасность – это защита жизненно важных интересов общества, личности и семьи от внешних и внутренних угроз. Ключевыми составляющими социальной безопасности являются социальное самочувствие и личная защищённость населения.

Социальное самочувствие определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций [1]. Это сложная форма достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими, своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

Очевидна взаимосвязь понятия социального самочувствия с защищенностью личности, социальной группы, общности людей от угроз их жизненно важным интересам, а также с понятием социального благополучия.

Субъективное благополучие, социальное настроение, самочувствия отражается в оценке степени личной защищенности человека в различных сферах его жизни. В частности, в оценке состояния собственного здоровья и уровне медицинского обслуживания. Понятие здоровья теснейшим образом связано с понятием благополучие. Не случайно в определении здоровья ВОЗ отмечаются необходимость наличия состояния полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов [2].

Повышенное внимание к проблеме здравоохранения объясняется не только плохим состоянием здоровья населения и недостаточным уровнем развития системы здравоохранения, но и основным страхом россиян потерять свое здоровье. Самооценка здоровья не может являться точным индикатором его реального состояния, но, тем не менее, на ее основе можно получить представление о существующей ситуации. Кроме того, именно самооценка здоровья может во многом определять поведение индивида (например, его активность на рынке труда), а также его самоощущение, субъективную оценку степени своей «включенности» в общество и, соответственно, степень удовлетворенности своими возможностями и своей жизнью в целом.

По результатам исследования (2014г) довольно значительный процент респондентов (41,1%) периодически нуждаются в медицинской помощи, поскольку «временами болеют». Считают здоровье «нормальным» и «пока не жалуются на него» 35%; «часто болеют», соответственно, нуждаются в медицинской помощи 11,1%. Имеют хронические заболевания 11,1%, а 2,3% - инвалидность. Возникающие проблемы со здоровьем подавляющее большинство респондентов (74,4%) предпочитают решать бесплатно в медицинских учреждениях по месту жительства; 20,5% не обращались за такой помощью и лишь 5,1% платили за услуги, предоставленные в поликлинике или медпункте по месту жительства. Больше половины опрошенных (56,5%) получали медицинскую помощь в специализированном медицинском учреждении или больнице, причем не платили за нее 38,4%, а вынуждены были заплатить 18,1%, что связано, очевидно, со спецификой предоставления услуг в подобных учреждениях. Больше половины отвечающих (52,2%) не обращаются в ведомственные медпункты, поликлиники, стационары, а среди обратившихся только 4% платили за оказываемую помощь. Столько же отвечающих (52%) не обращались в кабинеты частных врачей, а 45,1% воспользовавшихся такими услугами заплатили за них. Небольшое количество заболевших получили платную медицинскую помощь на дому (1,9%), не платили за нее 16,3%. Таким образом, в большинстве случаев, респонденты пользуются бесплатной медицинской помощью.

Степень удовлетворенности населения государственным медицинским обслуживанием оценивалась рядом показателей, среди которых наиболее важными, по мнению респондентов, являются трудности в связи с «большими очередями к врачу» (66,3%); «врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие» (33,2%); «советы, рецепты врачей редко помогают» (24,8%). Только 15,2% отвечающих «в целом удовлетворены медицинским обслуживанием». Определенную сложность в получении медицинской помощи представляет удаленность лечебных учреждений.

Важнейшими показателями социального благополучия, социального самочувствия являются его составляющие – психологическое здоровье, психологическое благополучие.

Психологическое благополучие представляет собой системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности, проявляющееся в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально

ориентированных целей, которое является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей [3].

Важным показателем психологического благополучия человека выступает наличие референтной группы. Оценивая «среди каких людей» наибольший уровень психологического комфорта и где достигается наибольшее взаимопонимание, подавляющее большинство респондентов указали семью (70,3%), затем компанию друзей (20,9%) и работу (3,3%). Всего 0,5% ответивших встречают наибольшее взаимопонимание «в кругу единомышленников», 0,7% - среди соседей, что является показателем сужения социального пространства респондентов. Настораживает тот факт, что 2% отвечавших не находят взаимопонимание, а, значит, поддержку, «нигде». Подобные ответы свидетельствуют о сложном социально-психологическом состоянии индивида.

Анализ внутренней структуры социального самочувствия, личной защищенности предполагает учет широкого спектра воздействующих факторов, в том числе, оценка материального положения семьи, а также выявление обстоятельств, ведущих к ее разрушению.

Анализ результатов исследования, проведенного в 2014 г., свидетельствует о сохраняющейся актуальности вопросов материального положения семьи. Главной причиной, мешающей сегодня созданию семьи или ведущей к ее разрушению, больше половины респондентов (55,7%) считают «отсутствие средств для ее нормального обеспечения», не менее важным фактором, по мнению отвечающих (45,8%), являются «плохие жилищные условия». 47,6% опрошенных значимым условием, мешающим созданию семьи, считают «характер людей, их эмоции». Наименьшее число респондентов (12,5%) ставят разрушение семьи в зависимость от «нравственности людей и приверженности нормам религии».

Анализ социального настроения, самочувствия населения дополняется оценкой степени личной защищенности от существующих угроз и опасностей.

По результатам исследования 2014 г. выявлено, что в рейтинге опасностей, волнующих разные группы населения, социально-экономические проблемы занимают лидирующие позиции: занимают проблемы бедности (55,3%) и опасность потерять работу (51,2%). От преступности считают себя незащищенными 47,6% респондентов. Далее следует проблема произвола чиновников (43,3%), экологическая угроза (42,1%), угроза произвола правоохранительных органов (32%), одиночество и заброшенность (29,8%), преследование за политические убеждения (18,6%), притеснения из-за возраста или пола (14,9%), притеснения из-за религиозных убеждений (8,1%), на последнем месте стоит ущемление из-за национальности (7,8%).

Анализ социального самочувствия как интегральной характеристики предполагает выделение различного рода субъективных и объективных показателей. Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что общую картину социального самочувствия, настроения населения дополняют: самооценка здоровья; степень удовлетворенности медицинским обслуживанием; материальное благосостояние семьи; степень психологического комфорта; оценка степени личной защищенности от существующих опасностей и угроз. Таким образом социальное самочувствие и личная защищенность являются ключевыми факторами социальной безопасности населения Алтайского края.

1. Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования. // Вестник алтайской науки. - 2014.-№1. - с. 115-120.

2. Психическое здоровье детей и психосоциальное развитие детей: Доклад комитета экспертов ВОЗ // Серия технических докладов №613 – Всемирная организация здравоохранения. – Женева, 1979, с. 16-37

3. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: Учебное пособие для студентов психологических факультетов. Ярославль: ЯГУ, 1979, 79 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЕ

Щекотин Е.В. (Томск)

Понятие «культура безопасности» активно используется в научном дискурсе начиная с 80-х гг. Возникновение этого понятия связано с появлением сложных технических систем, взаимодействие человека с которыми может оказать влияние на безопасность в организации или в другой социальной группе. В первую очередь речь идет о взаимодействии с компьютерными и

информационными системами, а также с атомными объектами (этот вопрос возник в связи с обсуждением последствий Чернобыльской аварии). Сегодня понятие «культура безопасности» широко используется как в теории международных отношений [1], организационной теории [2], так и в сфере безопасности жизнедеятельности [3].

В качестве исходного определения культуры безопасности примем определение Т. Шлингера и С. Теуфил, которое относится к сфере информационной безопасности, но которое подчеркивает важнейшие характеристики этого понятия: культура безопасности охватывает все социокультурные измерения, которые поддерживают определенную степень технической безопасности, таким образом, что информационная безопасность становится естественным аспектом в повседневной деятельности каждого работника [4]. Таким образом, если расширить данное определение, то под культурой безопасности следует понимать совокупность мер, которые способствуют тому, чтобы забота о безопасности встраивалась в структуры повседневной жизни. Это определение подчеркивает активный характер данного действия – безопасность должна стать деятельностью, которую осуществляют все вовлеченные акторы (сотрудники, как в приведенном выше определении, или же население в целом)

В определенном смысле можно говорить о формировании культуры безопасности и в отношении такого явления как терроризм. После того как терроризм стал глобальной угрозой и получил широкое распространение, возникла такая форма деятельности как противодействие террористической угрозе. Эта деятельность сегодня приобретает конкретные институциональные черты (создание государственных органов и комиссии, в чьем управлении оказывается деятельность по антитеррору). В тоже время противодействие террористической угрозе активно внедряется в повседневность. Происходит насыщение пространства повседневной жизни (в первую очередь публичных пространств, мест общего пользования, транспортных средств) разного рода информационными материалами о террористических угрозах – о правилах обращения с «подозрительными предметами», о поведении в случае террористической атаки и т.д. Такие материалы в виде памяток, информационных постеров, объявлений, аудио- и видео сообщений можно обнаружить в любом общественном пространстве. Помимо информационного оформления пространства повседневных практик, трансформируется и материальная структура пространства, определенным образом конфигурирующая порядок действия. Привычным стали системы досмотра в аэропортах (чего не было еще 30-40 лет назад), схожими системами контроля оборудованы метрополитены (пункты досмотра, детекторы и рамки металлоискателей, специальные сотрудники, ответственные только за контроль на входе в транспортную систему). Широкое распространение получили системы видеонаблюдения в местах массового скопления людей. В данной статье не рассматривается вопрос о эффективности данных мер и о необходимости такого ужесточения контроля в повседневных действиях.

Таким образом, в последнее десятилетие складываются определенные фрагменты такого явления как культура безопасности в отношении угрозы терроризма. Институциональные усилия государства, о которых сказано выше, привели к изменениям в некоторых привычках и практиках людей. В частности, изменяется отношение к «бесхозным вещам», вещам, оставленным без присмотра. Они становятся источником страха и тревоги [5]. Появляется особая категория вещей – «подозрительные предметы», которая не имеет точной классификации и к которой автоматически теперь причисляют все бесхозные вещи. Хотя еще 15-20 лет назад бесхозные вещи представляли скорее корыстный интерес (как возможный объект хищения).

Культура безопасности, связанная с противодействием терроризму, отличается от той культуры безопасности, которая нами обозначена в определении. Различие их состоит в том, что культура безопасности антитеррора нацеливает индивида на пассивное поведение – она поощряет развитие таких качеств как подозрительность и бдительность, но в тоже время не предполагает наличие у индивида компетенций, который позволят ему всемерно поддерживать. Напротив, в различных инструкциях подчеркивается ценность пассивного поведения. Практические вопросы антитеррористической безопасности должны быть полностью делегированы специальным «компетентным» органам. Такая логика безопасности, которая построенная на усилении контроля и секретности, играла ведущую роль в условиях развитых национальных государств, прежде всего в период после Второй мировой войны. Однако в сегодняшних условиях изменяются технические факторы безопасности.

В ситуации, когда огромное значение приобретают информационно-коммуникативные технологии, системы безопасности, организованные на принципах централизации, жесткой иерархии и секретности, устраивают способность контролировать террористические угрозы.

Терроризм в информационном пространстве основан на слабых связях. Субъектом терроризма становится не особая организация, а информационное поле, интегрирующее разных индивидов. Этот множественный субъект невозможно локализовать, он свободно перемещается в информационной среде. Спонтанно один из участников этого полисубъекта переходит к прямым действиям, т.е. совершению терактов. Подтверждением этого служат многочисленные атаки террористов-одиночек, которые имели место в последнее время.

Одним из выходов в данной ситуации является создание интегрированной культуры безопасности антитеррора. Это требует ослабления монополии государства на безопасность. До определенного момента взаимоотношение населения и государства складывались таким образом, что безопасность локальных сообществ (того что можно назвать внутренней безопасностью) была делом самого населения. Функции государства ограничивались обеспечением безопасности от внешних врагов. Однако, начиная с XVII-XVIII вв. государство активно «разоружает» население, все больше монополизировав эту сферу [6].

Возможно, сегодня следует обратиться к историческому опыту и вернуться в такой системе организации безопасности, когда значительная часть функции получит само население. В определенном виде эта практика уже существует – широкое распространение получили «закрытые сообщества» (*gated community*), в которых обеспечение безопасности берет на себя само сообщество жителей. Формирование интегрированной культуры безопасности подразумевает расширение компетенций населения в этой сфере, причем акцент необходимо сделать именно на активных навыках – развитие способностей к оказанию сопротивления, навыков обращения с оружием и т.д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.

1. Gariup M. *European security culture: language, theory, policy*. UK: Ashgate, 2009.
2. Walton H. *Security culture: a how-to guide for improving security culture and dealing with people risk in your organization*. London, NY: Routledge, 2015.
3. Воробьев Ю.Л. *Основы формирования культуры безопасности жизнедеятельности*. – М.: Деловой экспресс, 2006.
4. Schlienger T., Teufel S. *Analyzing information security culture: increased trust by an appropriate information security culture*. In the proceedings of 14th International Workshop on Database and Expert Systems Applications, IEEE, 2003. Pp. 405-409.
5. Запорожец О., Лавринец Е. *Драматургия городского страха: риторические тактики и «бесхозные вещи» // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – 474 с. – С. 83-103.*
6. Тилли Ч. *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.

АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК РЕАКЦИЯ НА «ВЫЗОВЫ» СРЕДЫ

Щелкова Т.В. (Минск, Республика Беларусь)

От того, насколько правильно выбрана адаптивная стратегия, зависят скорость, темпы и успешность процесса адаптации. Эффективная стратегия во многом сберегает адаптивные ресурсы и ускоряет адаптационный процесс. Неадекватная и неэффективная стратегия осложняет адаптацию, а иногда может привести и к дезадаптации.

По мнению Л.В. Коррель стратегия адаптации представляет собой «общий план совокупности действий, предпринимаемый адаптантом для приспособления к изменившимся условиям; она подразумевает осознанный и осмысленный процесс приспособления» [2, с.118.]. М.В. Ромм рассматривает стратегию адаптации личности как «всегда идеальную модель искомых результатов приспособления, взятых в единстве с идеальным алгоритмом приемов и способов их достижения, специфика которых задается самим процессом индивидуальной интерпретации значимых параметров социальной ситуации, выраженных в информационно-символических значениях» [4, с.133-134.].

На процесс выбора и реализации той или иной стратегии адаптивного поведения в большей степени влияют индивидуальные характеристики адаптанта, его мотивы и ценности, а также специфика и особенности той социальной среды, к которой предстоит адаптироваться.

В настоящее время не существует единого подхода к определению основных видов стратегий адаптивного поведения и критериев их выделения. Каждый исследователь предлагает

свою классификацию. Это можно объяснить большим количеством форм адаптации и, соответственно, реализующих их стратегий.

Адаптивная стратегия в общем плане реализуется через адаптивную технологию, представляющую собой совокупность способов, приемов и методов адаптации. Поэтому изучение и анализ особенностей этих конкретных приемов и способов дают возможность выявления определенных типов стратегий адаптивного поведения.

Традиционно выделяют активную и пассивную адаптивные стратегии. Так, еще в 1917 г. американский исследователь Н.В. Woolston описал эти типы социальной адаптации и указал на два способа реализации каждой [6]. Многие современные социологи также рассматривают активность и пассивность в качестве оснований для классификации адаптивных стратегий. По нашему мнению, большую популярность этого критерия можно объяснить тем, что в любой адаптивной ситуации человек либо имеет установку на приспособление, либо вообще не желает приспособляться к новым условиям. Каждая из этих адаптивных моделей подразумевает разную степень активности или пассивности. Поэтому важность выделения данного критерия обусловлена в первую очередь тем, что именно от степени активности (пассивности) личности зависят различные способы адаптации, приемы и алгоритмы, применяемые ею в процессе приспособления к новым условиям.

Под активной понимается такая стратегия, в процессе реализации которой индивид становится источником изменений, стремится преобразовать внешнюю среду под свои цели, интересы и стремления. Пассивная адаптивная стратегия подразумевает бездействие адаптанта, невозможность или нежелание применять активные действия при преодолении сложных жизненных ситуаций [3, 5].

Кроме представленных критериев, часто применяемым основанием для выделения классификаций адаптивных стратегий являются успешность, контактность, добровольность, двусторонние изменения и др.

Для изучения особенностей адаптивных стратегий нами было проведено качественное исследование методом глубинного интервью с молодыми и пожилыми людьми в г. Минске (20-30 лет N = 28; 67-79 лет N = 31). Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий. Выбор данных возрастных групп вызван авторской идеей о максимальных различиях в способах и формах адаптации и возможностью выявления их особенностей.

Анализ результатов исследования позволил выделить ряд содержательных моментов.

1. Многим молодым людям свойственна активная адаптивная стратегия. Они с большим оптимизмом, нежели пожилые люди, смотрят в будущее, стараются адекватно оценивать свои возможности и шансы на успех. Респонденты четко осознают, что бездействие не способствует решению проблем, а увеличение темпа социальных преобразований, экономические кризисы и риски требуют от них высочайшего уровня активности. Причем, активная адаптивная стратегия не всегда основывается на позитивном отношении адаптанта к внешней среде. Часть опрошенных не в полной мере, а некоторые вообще не принимают характер социальных изменений, но осознают необходимость и полезность приспособления и активно реализовывают определенные методы и процедуры в процессе адаптации.

2. Большинству молодых людей присущ добровольный характер адаптивного поведения. Они понимают значимость успешной адаптации и имеют положительную установку на адаптационный процесс. У некоторых респондентов под грузом ответственности и необходимости действий, либо по причине нежелания адаптироваться, адаптивное поведение приобретает вынужденный характер. Их ценностные ориентации не соответствуют характеру трансформационных изменений, а, зачастую, и применяемой ими адаптивной технологией. В адаптивной ситуации они принуждают себя к определенным действиям, либо подчиняются новым обстоятельствам.

3. Многие молодые люди достаточно высоко оценивают свои адаптивные возможности. Преимущественно они надеются только на себя, не перекладывая решение проблем на родителей, государство и т.д. Они имеют краткосрочные и долгосрочные жизненные цели и считают, что находятся на пути их достижения. Понимая, что молодежь относится к «группе риска», респонденты не исключают возможность неуспешной адаптации (некоторые ее уже переживали).

4. Для большинства пожилых людей характерна вынужденная адаптация и соответствующие ей стратегии адаптивного поведения. Данная категория респондентов не понимает, не принимает или отвергает происходящие перемены. Многие из них не пытаются что-либо предпринять или изменить, они принудительно приспосабливаются к новым условиям.

5. Пожилым респондентам в равной степени свойственны активная или пассивная адаптивные стратегии. «Активные» адаптанты стремятся улучшить свое материальное положение (они работают), вести привычный образ жизни, участвовать в общественной жизни, осваивать новое и т.д. Большинство «пассивных» субъектов адаптации стараются изменить свои привычки, взгляды на жизнь, уменьшить запросы, потребности и тем самым приспособиться к уходу на пенсию и новому социальному статусу. Они не ждут от жизни ничего хорошего, не видят перспектив в будущем, самоустраиваются от решения проблем, надеются, что они решатся сами собой.

6. Для многих пожилых людей характерна пассивная адаптивная стратегия, связанная с архаизацией, т.е. «стихийным обращением к повседневным практикам, почерпнутым из прошлого, как к способу адаптироваться к сложности через поиск “простых” ответов» [1]. Выделенная Н.Н. Зарубиной данная упрощенная социальная практика как нельзя точно отражает особенность данного адаптивного поведения. Трудности приспособления к социальным изменениям, невозможность соответствовать их темпу и скорости порождает у этих респондентов осознанный отказ от освоения всего нового и использование привычных, хорошо знакомых, апробированных годами форм поведения.

Таким образом, для молодых и пожилых людей характерны разные адаптивные стратегии. Для молодежи свойственен активный и добровольный характер адаптивного поведения. Лишь небольшая часть молодых респондентов категорически не принимают новую ситуацию и принуждают себя к определенным способам адаптации.

Большинство пожилых людей отличаются вынужденной адаптацией, принимающей в равной степени активные или пассивные формы. Пассивная адаптивная стратегия, связанная с архаизацией, является особенностью адаптационного процесса пожилых людей.

1. Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // *Социологические исследования*. 2014. №5. – С. 37-46.
2. Корель Л.В. *Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики*. Новосибирск: Наука, 2005.
3. *Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – Москва: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 358-378.*
4. Ромм М. В. *Адаптация личности в социуме. Теоретико-методологический аспект*. Новосибирск: Наука, 2002.
5. Шабанова М.А. *Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования*. 1995. №9. – С. 81-88.
6. Woolston H. B. *Social Adaptation The American Journal of Theology*, Vol. 21, No. 2 (Apr., 1917), pp. 311-313.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ И ПРОФКОНСУЛЬТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Щербаков Н.Ю. (Санкт-Петербург)

Под профориентацией мы понимаем широкий комплекс социально-организационных и психолого-педагогических мер по оказанию помощи в выборе общего направления личностно-профессионального развития, индивидуального варианта профессионального обучения или конкретной профессии. В этот комплекс мер входит и профконсультация как индивидуально адресованная помощь в личностно-профессиональном самоопределении.

Сущность личностно-профессионального самоопределения связана со способностью личности к самостоятельному, осознанному поиску и нахождению личностного смысла профессиональных занятий и жизнедеятельности в целом и конкретной социально-экономической и культурно-исторической ситуации.

Современная социально-экономическая ситуация ориентирует молодых людей старшего школьного и юношеского возраста на самостоятельность, инициативность, «поисковость»,

гибкость в выборе вида будущей трудовой деятельности, характера профессиональных занятий и, шире, жизненной концепции социально - экономического поведения. Мы полагаем, что в настоящий момент гуманистический подход к профориентационной работе как помощи в социально-экономическом и личностно-профессиональном самоопределении, согласуется с экономическими критериями, связанными с задачами подготовки выпускника вуза или колледжа, уверенно владеющего профессией и способного к самостоятельному и ответственному социально-экономическому и профессионально-трудовому поведению. Согласование гуманистических прагматических критериев обусловлено тем, что основой заинтересованности учащегося вуза или колледжа в быстром и успешном овладении профессией может только соответствие содержания профобучения и профессиональных перспектив ведущим мотивационным тенденциям личности. Это же соответствие обуславливает самостоятельность и инициативу выпускника в дальнейшей профессиональной карьере, повышении квалификации, переобучения, овладения смежными видами профессиональных занятий.

Социальная ситуация развития в старшем школьном возрасте (на рубеже 9-10 кл.) представляет собой один из критических этапов жизненного пути школьника вообще, а уходящего из школы и поступающего в колледж или лицей – в особенности. Это своеобразная жизненно-проблемная ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, реальной сложностью и жизненной значимостью задач социально-экономического и личностно-профессионального самоопределения, а с другой – незавершенностью личностного развития, недостаточной зрелостью психологических механизмов выбора и принятия решений. Школьник 9 -10 класса, как правило, «страдает» недостаточным знанием себя, своих возможностей, своих истинных (а не поверхностных, сиюминутных) интересов и, зачастую, скрытых способностей и талантов, с другой, внешней стороны, ему не хватает широты и перспективности видения жизни, часто – элементарной осведомленности о мире профессий и многообразии видов деятельности.

Дополнительными «осложняющими» факторами является продолжающееся психосексуальное и социально-коммуникативное развитие и самоопределение (поиски сексуальной и социально-коммуникативной идентичности, «самости», своего лица в отношениях с противоположным полом и товарищами). Сильное, противоречивое влияние на характер принимаемых решений в этот сложный период могут оказывать различные референтные группы сверстников и более старших (но не всегда более личностно-зрелых) друзей. Наконец, существенным фактором является не всегда адекватное интересам и индивидуальности школьника «давление» родителей, часто обусловленное стесненным экономическим положением семьи, а также «выталкивание» подростка школьной администрацией в силу (часто проблематичной) «трудности» учащегося.

Профориентационная работа в 9х – 10 х классах ориентируется, прежде всего, на то, чтобы помочь молодому человеку в обобщенном виде определить вектор (общее направление) личностно-профессионального развития и таким образом минимизировать вероятность ошибочного личностно-профессионального выбора (в силу личной некомпетентности или под воздействием сторонних влияний).

При этом психодиагностический комплекс и соответствующая «технология» должны обеспечивать решение следующих задач:

1. Определение наиболее значимой сферы деятельности и социальных взаимодействий личности (различные виды личностно-предметных или личностно – социальных, межличностных, личностно-групповых, личностно-организационных взаимодействий). Эта задача решается с помощью методик диагностики общей направленности личности или (и) личностных опросников.

2. Выявление личностно-значимого (доминирующего) уровня деятельности и социального взаимодействия (эгоцентрически-прагматический, социально-адаптивный, репродуктивный или конструктивный деятельно-практический, поисково-творческий уровень). Данная задача решается с помощью комплекса методик, диагностирующих личностную направленность, стиль деятельности и общения, креативность.

3. Выявление личностно-профессиональных предпочтений (определение личностно-профессионального типа). Эта задача решается с помощью профориентационных анкет и опросников.

4. Выявление личностно-профессиональных потенциалов и ограничений (прежде всего по самым общим адаптивно-творческим параметрам личностной организации):

- Открытость-закрытость;

- Пластичность – ригидность;
- Уровень саморегуляции

Задача решается с помощью комплекса методик диагностики индивидуальности на личностно-мотивационном (направленность) и познавательно-инструментальном уровнях (индивидуальный стиль деятельности и общения, познавательный стиль, креативность).

Выявление значимых областей и уровней функционирования, личностно-профессиональных потенциалов и ограничений позволяет рекомендовать старшекласснику ориентироваться на группы специальностей, связанные с:

- С освоением новых областей науки, техники и технологии;
- С предпринимательством (менеджментом и сотрудничеством в общем деле) в технико-технологической, торговой и социально-культурной сферах;
- С работой в области педагогики, психологии, социально-культурного сервиса;
- С техническим или художественным «ремеслом».

Завершающим этапом профориентационной работы является составление психогаммы на основе анализа информации, полученной с помощью психодиагностического комплекса, и проведение профориентационного собеседования.

В процессе индивидуальной профориентационной беседы старшеклассник получает возможность обсудить с консультантом значимые для него проблемы выбора линии социально-экономического поведения, личностного и профессионального самоопределения.

РИСКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Юрасов А.Д., Сапрыкина И. Э. (Москва)

В современных российских реалиях проблема образования стоит очень остро, ведь во время прохождения обучения закладывается базовое образование, во многом определяющее выбор профессии школьника или студента. В свою очередь образовательные учреждения служат не только местом получения академических знаний, но и местом, где у учащегося проходит процесс социализации.

На данный момент, по оценкам ООН в рейтинге стран мира по индексу уровня образования Россия находится на 36 месте [1]. Однако система Российского образования не стоит на месте. Она развивается, вводятся новые стандарты, ориентированные на модернизацию образовательных программ и адаптацию её к современным реалиям.

Как вытекает из постулата И.Р. Пригожина «стрелы времени» [2], развитие чего бы то ни было происходит в однонаправленном процессе. Поэтому любой процесс, как и процесс образования, со временем движется в сторону усложнения, поскольку количество знаний, необходимых для успешной самореализации в современном мире растет, а количество времени остается неизменным.

В работе С.А. Кравченко «Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества» утверждает, что «Россия перешла определенный порог динамической сложности в развитии своего социума, который стал качественно иным - сложным. За этим стоит не только появление новых привлекательных форм жизнедеятельности, но и зарождение невиданных ранее уязвимостей и рисков». [3]

К рискам реализации государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" на 2013-2020 годы [4], прописанных непосредственно в официальном документе, относятся:

- финансово-экономические риски – недофинансирование мероприятий Государственной программы со стороны регионов, муниципалитетов, образовательных организаций;
- нормативные правовые риски – непринятие или несвоевременное принятие необходимых нормативных актов, внесение существенных изменений в Законопроект, влияющих на мероприятия Государственной программы;
- организационные и управленческие риски – недостаточная проработка вопросов, решаемых в рамках Государственной программы, слабость управленческого потенциала, неадекватность системы мониторинга, отставание от сроков реализации мероприятий;
- социальные риски связанные с сопротивлением населения, профессиональной общественности и политических партий, и движений целям и реализации Государственной программы;

- риски, связанные с региональными особенностями, – недостаточное финансирование со стороны субъектов Российской Федерации необходимых для достижения поставленных целей Государственной программы мероприятий, а также непонимание региональными органами исполнительной власти задач и приоритетов развития образования.

Тут необходимо дать несколько комментариев, касательно этих пунктов. Финансово-экономические риски напрямую связаны с не только с государством, которое заинтересовано в получении квалифицированных специалистов, сколько с другими организациями, участвующими в софинансировании деятельности ряда мероприятий по достижению целей программы. Риски эти исключить совсем невозможно, однако можно постараться их минимизировать посредством заключения договоров о реализации этих мероприятий и через институционализацию механизмов софинансирования [5].

Касательно нормативных рисков можно сказать, что в Законопроекте заложены возможности корректировки и изменения в образовательной системе. [6].

Так же стоит отметить социальные риски, связанные с сопротивлением изменению и реформированию системы образования. В силу многих обстоятельств, система образования является довольно инертной системой, что привносит дополнительные сложности и риски в процесс её актуализации и модернизации. Сегодня можно отметить достаточно большое сопротивление и неприятие стандартизации выпускных экзаменов, таких как Единый Государственный Экзамен (ЕГЭ) и Основной Государственный Экзамен (ОГЭ). Так же заметным является движение за возрождение советской школьной модели образования, где основной упор делался на технические науки, в результате чего страна имела высокое количество профессионалов технической специальности.

Стоит отметить, что в данном документе не учитывается еще два вида риска, которые необходимо учитывать: это риски оценки образования и риски планирования образовательных программ.

К рискам планирования образовательных стандартов относятся все риски, связанные с постановкой целей обучения, на достижение которых направлено образование. В связи с объективной инертностью принятия стандартов самым опасным риском может быть подготовка несоизмеримо большого количества специалистов по специальностям уже не требующим такого количества кадров. Примером может стать сегодняшняя статистика трудоустройства, когда большое количество выпускников работает не по своей специальности, а там, где есть рабочие места. По данным ресурса hh.ru таковых 34% от числа тех, кто получил хотя бы одно высшее образование [7]. Это говорит о том, что в программу обучения были заложены нужды в квалифицированных специалистах на тот момент, без учета того, что через несколько лет, когда специалист будет обучен, конъюнктура рынка труда изменится.

Для избегания и минимизации воздействия подобного рода рисков необходимо соотносить планируемую конъюнктуру рынка труда с ориентировочным сроком подготовки соответствующих специалистов таким образом, чтобы количество выпускаемых бакалавров или магистров по данной специальности соответствовало прогнозируемому значению потребности в таких специалистах рынка.

Другим видом риска является риск оценки образования. При оценке образования используется заранее разработанный ряд критериев, по которым и происходит оценивание. Таких наборов критериев может быть огромное множество и оценивание по всем критериям сразу физически невозможно.

Для составления корректной программы оценивания необходимо ответить на вопрос: «Кто является клиентом образовательного учреждения?» [8]. Тот, кто оплачивает обучение – а в большинстве случаев это государство – или тот, кто проходит обучение и заинтересован в дальнейшем трудоустройстве. В зависимости от ответа на этот вопрос необходимо формировать набор критериев для оценки образования. Потому что в дальнейшем участники системы образования будут вести себя таким образом, чтобы максимизировать показатели именно по этим показателям, зачастую в ущерб остальным, не вошедшим в стандарты оценивания.

Ярким примером максимизации по конкретным параметрам может служить Гонк Конг, который занимает третью строчку в номинации математика по рейтингу PISA [9], однако восьмую строчку в той же номинации по рейтингу TIMSS [10].

Так же как регулятора качества образования можно упомянуть систему APQN – Азиатско-Тихоокеанскую сеть агентств гарантия качества. Она включает в себя 52 государства и ставит перед собой задачу объединять эти страны для развития потенциала региона.

Анализируя методику оценивания, применяемую рядом вузов Китая, Индонезии, Малайзии и Таиланда авторы выделяют критические замечания недостатков проведения оценки качества образования [11]. Среди них: роль правительства в оценивании выше, чем роль общественности; вузы рассматриваются как объект оценивания, их субъективное мнение сведено до минимума; контроль результатов преобладает над оценкой процесса обучения; более низкий уровень заинтересованности общества и вузов в оценивании или даже полное отсутствие такой заинтересованности. Еще одной проблемой видят авторы принуждение со стороны субъекта оценивания. Правительство совмещает роли администратора и инспектора в сфере образования; оно является одновременно и «игроком», и «судьей», что легко приводит к смешению функций правительства в оценочной деятельности. Так, чиновник от образования принимает во внимание, прежде всего, собственное положение и выгоду при установлении критериев оценки. Это может снизить объективность и справедливость оценивания. Акцент делается на унификации, достигаемой посредством унифицированных оценочных критериев. Требование к единой системе критериев, естественно, приведет к унификации вузов и, в итоге, к «одной модели для тысячи вузов». [12]

Таким образом риски в современном российском образовании носят комплексный характер и требуют более детального изучения.

- [1] Рейтинг стран мира по уровню образования // gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info URL: Дата обращения 3.10.2016.
- [2] Пригожин И. Наука, разум и страсть // Знание-сила, № 9, 1997.
- [3] Кравченко С.А. Социология риска и безопасности. Учебник и практикум. М., 2015.
- [4] Правительство Российской Федерации, Распоряжение от 15 мая 2013 г. № 792-р
- [5] Правительство Саратовской области, Постановление от 20 ноября 2013 года N 643-П
- [6] Государственная программа российской федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы
- [7] Жалуют ли россияне о полученном образовании? // hh.ru/article/726 URL: Дата обращения 5.10.2016.
- [8] Юрасова М. В. Оценки систем качества подготовки выпускников в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2013. № 1. С. 55–66.
- [9] PISA 2012 Results in Focus What 15-year-olds know and what they can do with what they know // OECD 2014
- [10] TIMSS 2015 in Brief // nces.ed.gov/timss/timss15.asp URL: Дата обращения 5.10.2016.
- [11] Наводнов В.Г., Мотова Г.Н. АРQН. Глобализация систем гарантии качества // Аккредитация в образовании akvobr.ru/apqn_globalizacia_sistem_garantii_kachestva.html URL: Дата обращения 5.10.2016.
- [12] Юрасова М. В. Разработка критериев эффективности программ дополнительного профессионального образования в вузах России // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2015. № 2. С. 72–92.

ВЛИЯНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Яицкова А.И. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Профессиональное самоопределение является неотъемлемой частью процесса социализации индивида, необходимым условием его конкурентоспособности и успешности в современных социально-экономических условиях. На протяжении многих лет тема профессионального самоопределения остается одной из самых актуальных в педагогических, психологических и социологических исследованиях.

Цель данной статьи — определить роль профориентации в процессе профессионального самоопределения молодежи.

Согласно Н.С. Пряжникову, профессиональное самоопределение — это «самостоятельное, осознанное и добровольное построение, корректировка и реализация профессиональных перспектив, предполагающие выбор профессии, получение профессионального образования и совершенствование себя в данной профессиональной деятельности»[1, с. 52].

Е.А. Климов отмечает, что процесс профессионального становления индивида начинается еще в его детстве и продолжается на протяжении всей профессиональной жизни. По его мнению, выбор профессии человеком реализуется по формуле «мгновение плюс вся предшествующая жизнь». [2, с. 40]

Факторы, влияющие на профессиональное самоопределение индивида, обычно объединяют в две большие группы: объективные и субъективные. К объективным факторам относятся уровень подготовки индивида (культурный кругозор, мировоззрение, школьная успеваемость), состояние здоровья и информированность о мире профессий. К субъективным относятся особенности темперамента и характера, свойства нервной системы, интересы, способности. [3, с. 57]

Уровень информированности о мире профессий, а значит и успешности профессионального самоопределения, во многом зависит от проведения профориентационной работы.

Профессиональная ориентация, профориентация — система мер, направленных на выявление личностных особенностей, интересов и способностей индивида для оказания ему помощи в выборе профессии, наиболее соответствующей его индивидуальным возможностям.

Исследователи выделяют несколько основных функций профориентации ([4], с. 361-362):

1) социальная – усвоение человеком ценностей, норм, определённой системы знаний, которые позволяют ему быть полноценным и полноправным членом общества (социализация);

2) экономическая – улучшение качественного состава работников, повышение производительности труда;

3) психолого-педагогическая – выявление, формирование и учет индивидуальных способностей молодёжи;

4) медико-физиологическая – учёт требований к здоровью и физиологическим качествам, необходимым для профессиональной деятельности.

Эти функции реализуются через систему разнообразных профориентационных мероприятий, которые можно распределить по нескольким основным направлениям[5]:

1. профессиональное просвещение (обеспечение индивида необходимыми сведениями о мире профессий, учебных заведениях, карьерных возможностях);

2. профессиональная диагностика (процедуры, методы, направленные на выявление уровня развития качеств, которые важны для определенных видов профессиональной деятельности);

3. профессиональное консультирование (взаимодействие индивида и специально обученного консультанта по вопросам выбора профессии, трудоустройства, профессиональной подготовки);

4. профотбор (система методов выявления индивидуальных особенностей человека, дающая возможность произвести выбор наиболее подходящих людей к требованиям определенной профессии);

5. профессиональная адаптация (содействие приспособлению обучающихся в общеобразовательных школах по профилю трудового обучения, техникумах, вузах и т. д., а также служащих к условиям их профессионального труда для закрепления специалистов в профессии).

Профориентационные мероприятия должны способствовать формированию профессионального самоопределения индивида. Это обусловлено тем, что:

Во-первых, профориентационные мероприятия предоставляют индивиду возможность лучше узнать самого себя: проанализировать особенности темперамента и характера, определить свои интересы, выявить предрасположенность к определенным видам профессиональной деятельности.

Во-вторых, профориентация оказывает информационное воздействие, позволяя индивиду сориентироваться во всем многообразии профессий, а также получить актуальные сведения о ситуации на рынке труда.

В-третьих, профориентация оказывает профилактическое воздействие, предупреждая ошибочный выбор профессии, который может быть сделан, например, под воздействием третьих лиц, из-за увлечения только внешней или какой-либо частной стороной профессии, игнорирования медицинских противопоказаний и т.д.

В-четвертых, профориентация создает условия для адекватного соотнесения личностных характеристик индивида и требований к представителям определенной профессии.

В-пятых, на основании этого сопоставления происходит определение направления профессионального обучения индивида.

Совокупность вышеуказанных аспектов в конечном итоге обуславливает успешность профессионального самоопределения индивида.

На сегодняшний день в России потенциал профориентационной работы используется неполноценно. Это показывают результаты социологического исследования «Влияние профессиональной ориентации на формирование и само определение личности», проведенного в Ростовской области [6]. Исследование проводилось методом анкетирования и экспертного опроса. Респондентами выступили выпускники школ, абитуриенты и студенты 1 курса.

Анализ мнений респондентов об организации профориентационной работы в школах показал, что у 50% опрошенных она «проводилась формально», находится на низком уровне – 30%, не устраивает – 10%. Лишь 5% респондентов отметили, что «получили полную информацию о профессии».

В ходе исследования только 17,2% респондентов указали, что на данный момент владеют сведениями о профессиях, востребованных в регионе. Лишь 8,8% отметили, что у них сформирован устойчивый выбор будущей профессии.

Подводя итог, можно сказать, что профориентация обеспечивает необходимые условия для успешного профессионального самоопределения человека, основанном на его индивидуально-личностных характеристиках, полноценном понимании особенностей профессиональной деятельности и ситуации на рынке труда. Однако в России уровень эффективности профориентационной работы на сегодняшний день остается невысоким, поскольку для полноценного использования потенциала профориентации необходимо создание системного механизма государственного регулирования в этой сфере при непосредственном участии потенциальных работодателей.

1) *Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Academia, 2001. – 478 с.*

2) *Климов. Е.А. Психология профессионального самоопределения. – Ростов-на-Дону. Издательство «Феникс», 1996. – 512 с.*

3) *Кон И.С. Психология старшеклассника. М., 1980. – 192 с.*

4) *Столяренко Л.Д., Столяренко В.Е. Психология и педагогика для технических вузов. Ростов н/Д: «Феникс», 2001. – 512с.*

5) *Гудкова Е.В. Основы профориентации и профессионального консультирования: Учебное пособие/ Под ред. Е.Л. Солдатовой. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 125 с.*

6) *Балук А.Д. Профессиональная ориентация в системе социализации молодежи (на примере Ростовской области): дисс. канд. соц. наук. Тюменский гос. Нефтегазовый университет, Тюмень, 2014. URL: http://www.tyuiu.ru/media/files/2014/06_17/dissertatsija-baljuk-a.d.pdf (дата обращения 26.09.2016)*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙВ ПРАКТИКЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Яковлева А.В. (Санкт-Петербург)

По мнению профессора Национального института здоровья Г.К. Зайцева, на протяжении последних 10-15 лет отмечается тенденция к социальной и нравственной деградации молодого поколения, также рост подростковой и молодежной преступности, наркозависимости, алкоголизма и т.д. [1]. Несовершеннолетние являются социально уязвимой группой населения, и, ввиду своей физической и умственной незрелости нуждаются в особом внимании и участии со стороны окружающих. Одной из актуальных задач, стоящих перед государством и обществом, является поиск путей снижения роста правонарушений среди несовершеннолетних, повышение уровня эффективности профилактической деятельности.

Несовершеннолетние правонарушители, – писал Макаренко А.С. – обыкновенные дети, попавшие в неблагоприятные условия воспитания. Безусловно, после совершения преступления несовершеннолетний нуждается в помощи специалистов: социально-педагогической, психологической, медицинской реабилитации, коррекции, также в ряде индивидуальных профилактических мероприятий.

Социально-педагогическая реабилитация представляет собою меры воспитательно-го характера, направленные на коррекцию поведения, интеллектуальной деятельности,

эмоционального состояния, получение образования, ликвидацию педагогической запущенности, выработку у ребенка психологической уверенности в собственной полноценности и формирование социально значимой личностно-профессиональной ориентации. Понятие «педагогическая реабилитация» тесно связано с понятиями ресоциализации и перевоспитания [2].

Ресоциализация – это аспект реабилитации и представляет из себя усвоение новых ценностей, ролей, навыков в место прежних, недостаточно усвоенных или устаревших. Ресоциализация – деятельность, направленная на лиц с различными видами отклоняющегося поведения с целью восстановления социального статуса, утраченных либо несформированных навыков социального поведения, переориентация социальных установок и референтных ориентаций девиантов за счет включения их в новые позитивно ориентированные отношения и виды деятельности педагогически ориентированной среды [3].

Стоит отметить, что процесс социализации несовершеннолетнего – это многогранный процесс формирования человеческой личности, связанный с усвоением системы ценностей, восприятием индивидом норм права в форме закона. Ресоциализация личности несовершеннолетних правонарушителей – это одна из форм социализации личности несовершеннолетних, которая осуществляется специфическими средствами и методами, однако, это лишь стадия формирования личности.

Характерные особенности ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей:

- протекает после освобождения;
- начинается с момента освобождения и завершается достижением соответствия между требованиями-ожиданиями общества и поведением ранее осуждённого;
- основная задача – приобщение к жизни без правоограничений в новой или меняющейся социальной среде и добровольное подчинение нормативным требованиям;
- зависит от адаптационных навыков и способностей, присущих индивиду изначально и воспитанных в условиях исполнения наказания;
- зависит от соотношения системы личностных установок освобождённого и требований, предъявляемых средой;
- может быть обеспечена лишь при наличии взаимообусловленной социальной направленности микросреды и личности судимого [4].

Восстановление коммуникативных связей – важнейший процесс ресоциализации несовершеннолетних. Установление бесконфликтных отношений, воспитание морально-нравственных ценностей в сознании у несовершеннолетних правонарушителей – это часть этапа ресоциализации.

Существует ряд предпосылок, которые могут негативно сказаться и спровоцировать у детей и подростков рецидив правонарушения, среди которых можно выделить следующие: биологические, психологические, социальные, духовные [5].

Для предотвращения повторного правонарушения или совершения более тяжкого преступления несовершеннолетним, необходим целый комплекс профилактических мероприятий. Для осуществления эффективного этапа ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей, необходимо участие целого ряда специалистов: педагогов, психологов, социальных педагогов, юристов, медиков и т.д.

В Российской Федерации существуют учреждения открытого и закрытого типа, в которых особое внимание уделяется социально-педагогической реабилитации и профилактике повторных правонарушений среди несовершеннолетних. Среди таких учреждений – Санкт-Петербургское казенное государственное специальное учебно-воспитательное учреждение для детей и подростков с девиантным поведением специальная общеобразовательная школа № 1 (закрытого типа).

Школа закрытого типа является комплексным учебно-воспитательным учреждением для несовершеннолетних правонарушителей. В школу принимаются несовершеннолетние (мальчики) в возрасте от 11 до 18 лет без отклонений в развитии и имеющие отклонение в развитии (программа обучения VIII вида) по постановлению или приговору суда. В учреждении ведется комплексная работа разных специалистов: психолога, социального педагога, социального работника, психотерапевта, медика и т.д. Параллельно подросток получает базовое образование, соответствующее его уровню развития, также ведётся работа в различных учебно-производственных мастерских (слесарной, столярной, гончарной, фьюзинга и художественной) и спортивных кружках.

Учреждение занимается вторичной профилактикой. Несовершеннолетние, поступающие в данное учреждение, не были своевременно выявлены или первичная профилактическая в образовательных учреждениях не принесла результата в силу семейной депривации и влияния асоциального окружения.

Для достижения целей исправления несовершеннолетних и предупреждения совершения новых преступлений в спецшколе создана и реализуется система индивидуального психолого-медико-педагогического сопровождения воспитанников. Данная система состоит из следующих элементов: сопровождение и изучение личности несовершеннолетнего специалистами не только на этапе адаптации, но и на всем протяжении пребывания в спецшколе, а также в оказании социальной и психологической помощи в период самоопределения после выпуска.

В ходе исследования был проанализирован и рассмотрен теоретический аспект процесса ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей на практике специализированных учреждений. На примере ГКСУВУ СОШ № 1 – закрытого типа г. Санкт-Петербурга, была рассмотрена специфика деятельности специализированных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Ресоциализация несовершеннолетних – это сложный и комплексный этап работы не только со стороны специалистов различных профильных учреждений, но и со стороны семьи, общества и государства. Для предотвращения повторных правонарушений и преступлений со стороны несовершеннолетних, помимо активной работы подобных специализированных учреждений, важно усиливать социальную политику в обществе. Проводить акции, привлекающие внимание общества к детской преступности, повышать духовно-нравственную составляющую общества, в частности, в подростковой среде.

1. Зайцев Г.К., Зайцев А.Г., Дмитриев М.Г., Апалькова И.Ю. Реабилитация личности несовершеннолетних правонарушителей // Педагогика, № 6, Июль 2008, Москва. - С. 55-61.
2. Мардахаев Л.В. Социально-педагогическое сопровождение и поддержка человека в жизненной ситуации // Педагогическое образование и наука. – 2010. – №6. – С. 6.
3. Вяткин Д.М. Социализация личности несовершеннолетнего /Вяткин Д.М. // «Вопросы ювенальной юстиции», 2007, № 3. [Режим доступа: Электронный ресурс: Правовая справочная система «Консультант+»].
4. Иванов П.В. Проблемы социальной адаптации несовершеннолетних, освобожденных из мест лишения свободы /Иванов П.В. // «Вопросы ювенальной юстиции», 2008, № 6. [Режим доступа: Электронный ресурс: Правовая справочная система «Консультант+»].
5. Телина И.А. Социальная педагогика: учеб. пособие / И.А. Телина. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014.

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИСТОЛКОВАНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Яколенко А.Д. (Санкт-Петербург)

Историческая практика признания и уважения прав человека берёт начало с V века, когда Кир Великий, завоевавший Вавилон, провозгласил свободу вероисповедания, подарил рабам свободу и др. Считается, что Цилиндр Кира был первой Декларацией прав человека. В настоящее время издано и действует много международно-правовых документов, среди которых Всеобщая Декларация Прав Человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод и другие. Кроме того, в Конституциях разных стран есть главы или статьи о правах человека. В Основном Законе России этим вопросам посвящена глава 2.

Вместе с тем на сегодняшний день отсутствует единое понимание терминов «права человека» и ограничений этих прав. Данный феномен рассматривается не только в рамках научного сообщества, но и внутри общества.

Кроме того, актуальность данного вопроса обуславливается крупнейшими мировыми потрясениями, которые так или иначе влияют на развитие общества. Неконтролируемые потоки миграции в Европейские страны, сложная геополитическая ситуация в мире, ряд локальных конфликтов в странах Ближнего Востока, а также иные внутригосударственные и внешнеполитические проблемы и кризисы всё чаще сопрягаются с ограничением прав человека, а нередко и с их нарушениями. Поэтому мировое сообщество ставит перед собой важнейшую цель – обеспечение прав и свобод человека и их защита во всем мире. Кроме того, реализация и обеспечение прав является высшей социальной ценностью и гарантом, защищающим население от конфликтов и нарушений как внутри общества, так и со стороны государства.

В нашем случае особую актуальность приобретает уточнение того, связаны ли права человека только с обеспечением каждому человеку и гражданина достойными уровнем и качеством жизни. Или предполагает также создание условий для достижения счастья и благополучия каждого гражданина своими руками? Ведь современные развитые государства ныне реализуют постулат индивидуальной активности граждан, создавая условия для достижения человеком, своим трудом и целеустремленностью, личного и семейного счастья. Это определяет особый гуманистический потенциал современного демократического государства. Немаловажными аспектами остаются также взаимная помощь и поддержка слабых, а также распределение материальных благ.

Права человека являются здесь частью социальной политики государства, реализуемой совместно с правом на жизнь, личное достоинство и свободу. Обеспечивая и защищая права человека государство, в свою очередь, сокращает неравенство внутри общества, предотвращает возникновение конфликтных ситуаций и волнений, а также удовлетворяет жизненные потребности людей, ориентируясь на повышение благополучия, качества жизни, а также такого фактора, как обеспечение общечеловеческих ценностей. Под словом ценности подразумеваются априорные принципы человеческой деятельности, имеющие всеобщую значимость. Переход к изучению и разделению ценностей осуществил в своих работах М. Шелер, составив градацию ценностей: чувственные, гражданские, культурные, религиозные [8. С 67]. Принципиальный интерес к социальным ценностям в XX веке проявили австромарксисты М. Адлер, К. Реннер, американец Дж. Дьюи, испанец Ортега-и-Гассет, француз Э. Мунье [6]. Австромарксисты к числу социальных ценностей относили справедливость, свободу, равенство, утверждая, что человек – всегда цель, а не средство. Однако, понятие ценности ученые, философы и социологи на протяжении всего времени связывали с разными факторами. Такое положение существует и в современном мире, поэтому можно сделать вывод, что понятие общечеловеческие ценности истолковываются по-разному и не носят абсолютный характер.

Кроме того, в научном сообществе отсутствует единое представление о правах человека. Так, например, некоторые ученые выделяют право человека на достойную жизнь как основу социальных прав человека и гражданина [6]. Далее идет право на личное свободное развитие и право непосредственно пользоваться условиями, которые должно обеспечить для их реализации государство и последующая репликация экономико-культурных и социальных прав и свобод. Научное сообщество понимает под правом на достойную жизнь нематериальное благо, связанное с пребыванием человека в социальной среде. Это категория личных, индивидуальных прав и свобод, неотъемлемых и принадлежащих ему от рождения, основополагающее для других прав человека, реализуемое через их развитие [1. С 23]. Например, право на жизнь, включающее в себя право на неприкосновенность жизни, право на свободное распоряжение своей жизнью, право на достойный уровень и качество жизни, право на физическое существование, право на свободное духовное развитие, право на свободное распоряжение жизнью.

Юрист и философ П.И. Новгородцев в статье «Право на достойное человеческое существование» сделал попытки дать характеристику данному явлению. Автор склоняется к тому, что, когда говорят о праве на достойное человеческое существование имеют ввиду не человеческий идеал и стремление достичь его, но лишь избавление от условий, которые так или иначе исключают возможность реализации права на достойное человеческое существование [3].

Однако, человеческая жизнь, свобода, а также собственность, как неотчуждаемые ценности, в соответствии с современными правовыми и конституционными нормами не могут быть ограничены и отчуждены. Европейский суд по правам человека особое внимание уделяет обеспечению права человека не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, праву не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, праву не быть осужденным за деяние, которое, согласно действовавшему в момент его совершения закону, не являлось уголовным преступлением, и праву не подвергаться более тяжкому наказанию, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления [8. С.177].

Крайне важно отметить, что все остальные права человека подлежат ограничению. Это связано с тем, что Европейский суд по правам человека называет компромиссом. Данный компромисс ограничивает права и свободы граждан или отдельных групп населения ради осуществления и поддержания стабильности страны и безопасности ее граждан. Здесь приоритетными становятся общегосударственные, национальные права и интересы. Используемые во всем демократическом мире Международные пакты делают акцент на общественные и

коллективистские мотивы, связанные с обеспечением общественного порядка, публичной морали, здоровья населения и другие.

Также необходимо отметить, что ограничение прав человека должно быть оправдано необходимостью защиты прав других лиц [1. С.50-51]. В том числе защиты общества и государства. В данном случае речь идет о защите не только от внешних угроз, но и от внутренних. Кроме этого, права человека могут быть ограничены для сохранения суверенитета страны, обеспечения безопасности, целостности и устойчивого развития. Необходимо принять и тот факт, что права человека определяют меру свободы в обществе, основываясь на взаимном принятии социума данных положений, а, следовательно, реализуется принцип ограничения свободы каждого свободой другого [2. С.209]. Хотя "священных и неотчуждаемых" прав никогда не существовало, ибо личные или естественные права не имеют "абсолютного характера", это не означает отрицания значимости естественных прав человека как "идеологемы", признаваемой любым государством.

В завершение стоит отметить, что в изучении прав человека и их ограничении на первый план выходит идея об общем благе. Общее благо является основным для любой государственной системы, представляя собой неотчуждаемое требование совместного социального бытия. Кроме того, носителями общего блага являются сами члены сообщества, организующие свою жизнедеятельность и соответствующую государственно-правовую систему жизни на основании принципов равенства, свободы и справедливости [3, С.49]. Поиск возможностей для согласования различных интересов и свобод индивидов – цель общего блага. Ради соблюдения данных положений права человека защищаются, соблюдаются, а также могут быть ограничены или вовсе отчуждены соразмерно «насушной социальной потребности».

1. *Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 01.10.2016)
2. *Капицын В.М. История, теория и защита прав человека: Учебник.* – М.: Московский университет потребительской кооперации, 2003. – 260 с.
3. *Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Под ред. В.А. Четвернина.* М, 1997. – 702 с.
4. *Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ. Опыт доктринального осмысления.* – М., 2009. – 540 с.
5. *Лапаева В.В. Формирование доктрины защиты прав личности как актуальная задача теории права // Российское правосудие. Научно-практический журнал.* – М.: ООО "ИПП "Куна", 2006, № 4. – С. 14-30
6. *Луковская Д.И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права.* – М.: Юрист, 2007, № 12. – С. 32-36
7. *Рассказов Л.П., Упоров И В. Естественные права человека.* СПб., 2001. С. 6-26
8. *Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней.* – ТОО ТК "Петрополис", 1997. – 336 с.
9. *Экштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской Конвенции. Учебное пособие для вузов.* – М.: Nota Bene, 2004. – 496 с.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МОНОРОДИТЕЛЬСКИХ ОТЦОВСКИХ СЕМЕЙ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ИХ СПЕЦИФИКИ И ПРОБЛЕМ

Янак А.Л. (Нижний Новгород)

Исследование монородительских отцовских семей сегодня становится чрезвычайно актуальным. Во-первых, фиксируется рост их числа. Во-вторых, существует проблема адекватного социального конструирования отцовских семей: несмотря на появление и распространение социальных практик «вовлеченного отцовства» вследствие трансформации гендерных и семейных ролей мужчины и женщины, увеличение гражданской и семейной активности отцов, их родительские компетентность и успешность часто подвергаются сомнению. В то же время результаты немногочисленных исследований по проблеме показывают, что многих одиноких отцов отличает высокий уровень ответственности за семью, ориентированности на ее благополучие.

Типология отцовских семей является продуктом рефлексии особенностей их повседневных практик и жизнеустройства, с одной стороны, и расширяет возможности диагностики, прогнозирования и профилактики потенциальных семейных и личностных проблем – с другой.

Взяв за основу за основу параметры типологизации семей А.И. Антонова [1, с. 70-79] и Т.А. Гурко [2], результаты вторичного анализа интервью с отцами-одиночками 2011 г., а также материалы интервью с одинокими отцами и экспертных интервью со специалистами социальных служб и представителями НКО Нижегородской области, проведенных автором в 2013-2015 гг. [3], классифицируем отцовские семьи по следующим критериям:

1) по причинам образования:

вдовья отцовская семья. Традиционно смерть матери была главной причиной возникновения отцовских семей. Боль от потери супруги / матери приводит к сильному стрессу, часто выражается в дезадаптации, дезориентации, появлении ощущения социальной изолированности. На данном этапе жизненного цикла отцовской семьи все ее члены становятся особенно психологически и социально уязвимыми.

постразводная отцовская семья. Отмечается рост числа отцов, готовых отстаивать свое право на родительство после развода, в том числе на единоличную опеку над детьми. Анализ судебной практики бракоразводных процессов, проведенный Кузнецовой О.В., показал, что сегодня 10-12% претензий удовлетворяется в пользу отцов [4, С. 90], в то время как два десятилетия назад и ранее доля подобных прецедентов едва достигала 2-3% [5]. Важным фактором проблематизации отцовского монородительства могут стать конфликтные или напряженные отношения между бывшими супругами или нерезидентной матерью и ребенком / детьми.

отцовская семья, возникшая вследствие раздельного проживания супругов, включая, во-первых, случаи осознанного решения матери покинуть семью (распад сожительства или разделение супругов без расторжения брака), во-вторых, раздельного проживания, обусловленного профессиональными причинами (например, родитель осуществляет постоянную трудовую деятельность в другом городе). В связи с ростом случаев добровольного отказа матери от детей в пользу отцов в зарубежной научной литературе появилось понятие «нерезидентного материнства» (non-resident motherhood) [6].

отцовская семья, возникшая в результате лишения матери родительских прав. Данное обстоятельство квалифицируется экспертами как одна из основных причин образования отцовских семей, наряду с овдовением отца и разводом. При этом возникает два справедливых и взаимосвязанных вопроса: «Что послужило причиной и поводом для лишения матери родительских прав?», «Насколько ответственным, внимательным и благополучным является отец в такой семье?»

отцовская семья, возникшая в результате применения технологии суррогатного материнства. Современные мужчины имеют возможность и право самостоятельно принимать решение о родительстве, хотя дороговизна «услуги» накладывает определенные ограничения на ее использование. Поэтому имеют место быть лишь отдельные, даже исключительные случаи.

2) По родственной структуре отцовская семья может делиться на:

простую;

расширенную. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. фиксируют, что 26,5% от общего числа монородителей проживают со своими родителями или другими родственниками [7]. Совместное домохозяйство является решением или предотвращением жилищной проблемы. Кроме того, родственники в большинстве случаев автоматически становятся дополнительными субъектами заботы о детях, разделяя с папой бытовую, экономическую, социализирующую, досуговую и контролирующую функции.

3) По количеству детей в семье:

однодетная отцовская семья – 81,4% от общего число отцовских семей с несовершеннолетними детьми;

двухдетная отцовская семья – 15,7%;

многодетная отцовская семья – 2,9% [7].

4) по возрасту детей:

отцовские семьи с несовершеннолетними детьми;

отцовские семьи с детьми, старше 18 лет. В семьях с несовершеннолетними детьми одинокий отец зачастую является не просто финансовым лидером, а единственным кормильцем. Недостаточный доход может привести к появлению или обострению материальных трудностей, а интенсивная занятость – проблем в воспитании (снижение уровня родительского авторитета, доверия и контроля). Взрослые дети могут стать дополнительными или полноправными инвесторами в семейный бюджет.

5) по полу детей:

- семьи, в которых воспитываются девочки;
- отцовские семьи, где воспитываются мальчики;
- отцовские семьи с разнополными детьми.

Как правило, одинокие отцы испытывают больше сложностей в воспитании девочек. Хотя для адекватной полоролевой социализации мальчики не меньше нуждаются в материнских тепле, ласке и эмпатическом общении и в целом женском паттерне поведения.

Важными критериями для выделения типов отцовской семьи также являются ее различные социодемографические и социокультурные характеристики:

- местность проживания семьи (городская или сельская, что может создавать дополнительные трудности, связанные с развитием инфраструктуры образовательных, социальных, досуговых учреждений и пр. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. отцовские семьи, проживающие в сельских населенных пунктах, составляют 21,9% от общего числа неполных отцовских семей, остальные, соответственно, проживают в городах [7].

- возраст семьи или этап жизненного цикла семьи;
- доход;
- уровень образования папы и его детей (уровень образования отца может повлиять на стиль воспитания, на профессиональный и, соответственно, социальный статус и уровень дохода семьи и т.д.);

- национальность (зачастую национальные меньшинства, являясь малозащищенными категориями населения, испытывают на себе еще больше социальных рисков и внешнее негативное влияние, что связано с дискриминацией на рабочем месте, безработицей, с социальным обслуживанием и т.д.).

Критерии классификации отцовских семей вариативны, однако наиболее пристального внимания заслуживают причины возникновения таких семей. Они дают не только краткую характеристику семье, но и обеспечивают возможность оценки и прогноза потенциальных трудностей и способов их решения, отражают степень мотивации и самостоятельности отцов в вопросах обеспечения и воспитания детей.

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»). 1996. 304 с.
2. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. №10. С. 95-99.
3. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 2 (34). С.42-46.
4. Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 89-94.
5. Папины дочки [Эл. ресурс] // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2007. № 311-312. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0311/gazeta019.php>. (Дата обращения: 29.09.2016 г.)
6. Kielty S. Non-resident motherhood: managing a threatened identity // Child and Family Social work, 2007. pp. 32-40.
7. Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf (Дата обращения: 05.09.2016).

ТЕЛЕФОННОЕ ИНТЕРВЬЮ ПО ТЕХНОЛОГИИ САТИ: ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА МЕТОДА

Ярмак О.В. (Севастополь)

Метод телефонного интервью стал популярен в социологических, маркетинговых и электоральных исследованиях. Однако, обратившись, к истории возникновения и сути данного метода, возникает ряд вопросов, связанных с оценкой качества получаемой с помощью него информации, ее репрезентативности и надежности.

Метод телефонного интервью САТИ (computer assisted telephone interview), зарекомендовавший себя как оперативный и бюджетный способ сбора информации, дословно переводится как «телефонное интервью с помощью компьютера». Смысл данной технологии в том, что процесс организации и проведения телефонных интервью управляется с помощью

специального программного обеспечения, которое позволяет строить выборку, планировать и распределять звонки, вести интервью, осуществлять онлайн-мониторинг интервьюеров, автоматически записывать интервью и получать данные.

Процесс развития метода телефонного интервью по технологии CATI, несомненно, связан с уровнем развития информационно-коммуникационных технологий. Период формирования метода охватывает конец 1920-х – начало 1970-х годов – от проведения первого телефонного опроса до появления первых систем с использованием технологии CATI. В этот период происходит становление метода и закладываются основы технологии. В конце 1960-х – начале 1970-х годов произошли события, вследствие которых возникли первые комплексы CATI. Во-первых, популярный на тот момент метод опросного интервью по месту жительства столкнулся с рядом проблем: снизилось число людей, готовых принимать участие в опросах; появились претензии к качеству исследований (высокая стоимость, сложности в организации, фальсификации в работе интервьюеров). Во-вторых, к началу 1970-х годов уровень проникновения стационарной телефонной связи в США практически приблизился к 100%. В-третьих, был достигнут прогресс в технологическом развитии – появилась возможность использования компьютера для проведения телефонных опросов. В 1972 году компания Chilton Research Services по заказу American Telephone and Telegraph (AT&T) разработала одну из первых систем CATI.

Период с момента появления первых систем CATI и до начала XXI века можно определить как этап «становления» метода телефонного интервью по технологии CATI. Это время характеризуется активным развитием технологии и появлением разнообразных систем CATI. Была разработана и апробирована методика случайной генерации телефонных номеров для участия в опросе. Специально созданное программное обеспечение позволило организовывать и контролировать дозвон до респондента. Значительное внимание уделялось контролю за исполнением выборочной совокупности. Появилась возможность организовывать выборку под управлением компьютера как по квотному, так и по случайному алгоритму. Были реализованы функции онлайн-контроля за состоянием выборки, получения данных по количеству состоявшихся и прерванных интервью, по количеству отказов участвовать в опросе и неработающих телефонных номеров. Важным преимуществом систем CATI стало получение промежуточных результатов исследования в любой момент опроса или итоговых сразу же по его окончании.

В 1990-х годах в США и в некоторых государствах Европы получает широкое распространение мобильная связь, что придало новый импульс использованию систем CATI. Вслед за мобильной связью в западных странах начинает активно развиваться интернет. Эта коммуникационная среда стала отличной возможностью для проведения социологических и маркетинговых исследований методом интернет-опросов CAWI (computer assisted web interviewing – интернет-опросы с помощью компьютера). Этот этап характеризуется изменениями в технологии CATI как в технической, так и в методической составляющих. С одной стороны, системы CATI стали основой интегральных аппаратно-программных комплексов для проведения, в том числе одновременного, исследований методами личного (CAPI), телефонного интервью (CATI) и интернет-опросов (CAWI). С другой стороны, для сбора валидных данных в исследовательской практике социологов и маркетологов получают широкое распространение комбинированные опросные методы mixed-mode survey. Использование комбинированных методик связано с тем, что во многих регионах ни один из опросных методов самостоятельно не может обеспечить получение данных требуемого качества.

Первые телефонные опросы в Советском Союзе были проведены в 1980-е годы. Одной из основных структур, проводивших такие опросы общественного мнения, был Институт социологических исследований Академии наук СССР (сейчас Институт социологии РАН). После распада СССР в Российской Федерации присутствовали препятствия для активного применения метода телефонного интервью: это и низкий

уровень проникновения стационарной телефонной связи, и ее неравномерное распространение. Определенные трудности возникали и с построением выборочной совокупности.

На современном этапе использование метода телефонных интервью по технологии CATI в отечественной профессиональной среде соответствует понятию «call-центр» и зачастую реализуется именно в таком формате.

Однако необходимо отметить, что проблем с организацией опросов с применением технологии CATI, а тем более с получением надежной и качественной информации с помощью

данного метода остается достаточно. Возможно, это связано с тем, что в отечественной научной литературе данный метод был недостаточно изучен, либо с отсутствием необходимого опыта проведения телефонных опросов у отечественных исследователей. Опираясь на свой опыт применения метода телефонных интервью по технологии CATI в формате call-центр, автор предлагает описать ряд проблем, связанных с реализацией данного метода и получением информации с его помощью.

Первая группа проблем связана с построением выборочной совокупности для исследования, проводимого методом телефонного интервью. Если для маркетингового исследования, проводимого по методике CATI, использование клиентской базы мобильных телефонов является допустимым, то для проведения социологического исследования по замеру социальных индексов или электорального исследования построение выборочной совокупности на основе базы мобильных телефонов жителей данного города, федерального округа неприемлемо, так как изначально неизвестны качество и надежность подобных баз. Если для построения выборочной совокупности используется база стационарных телефонов, то в этом случае выборка может не отвечать качественному поло-возрастному распределению и в таком случае будет требовать постоянной коррекции.

Вторая группа проблем связана с качеством получаемой по телефону информации. Принято считать, что при личном общении человек отвечает на вопросы более правдиво, чего нельзя сказать о телефонной беседе. Тем более в процессе телефонного общения интервьюер зачастую не чувствует ситуацию, в которой в момент интервью находится респондент. И этот момент является серьезным фактором, влияющим на получение надежной первичной информации. Данную проблему можно решать либо вводом дополнительных вопросов в сценарий интервью, либо психологической подготовкой интервьюеров.

Третья группа проблем – ментальная. Отечественный интервьюер с опаской воспринимает звонок на мобильный либо стационарный телефон, и данный факт зачастую негативно влияет на процесс проведения интервью, либо служит отказом от него.

Четвертая группа проблем – это отказы от телефонного общения и несуществующие номера в телефонной базе. Изначально метод телефонного интервью по технологии CATI получил популярность в силу своей бюджетности. Однако в ряде случаев, чтобы достигнуть необходимого количества звонков приходится тратить больше и человеческих, и финансовых ресурсов.

В этой связи необходимо отметить, что метод телефонного интервью по технологии CATI необходимо применять с учетом его недостатков, выявленных в непосредственной практической работе. Нельзя сказать, что данный метод может быть единственным и надежным методом получения социологической, маркетинговой или электоральной информации, но то, что он может служить одним из этапов исследовательского проекта, несомненно. И в каждом конкретном исследовании в зависимости от его целей и задач необходимо отводить должное место данному методу для полноценной реализации исследовательской идеи и получения качественной, надежной и репрезентативной социологической информации.

СЕКЦИЯ 4. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО: ТРАДИЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БЕДНОСТЬ В ПЕРИОД КРИЗИСА: ЦЕННОСТНЫЕ СДВИГИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОЦЕНОК

Абрамова С.Б. (Екатеринбург)

В последние десятилетия для многих исследователей тема жизненных ценностей и их влияния на экономическое поведение россиян становится особенно актуальной. Можно выделить два наиболее значимых аспекта этого влияния. во-первых, в современном состоянии общественной системы характерной становится возможность выбора ценностных установок со стороны индивида. Эту возможность можно объяснить процессами расширения моральных норм, а так же увеличением числа ценностей, заимствованных из других культур. Особо важно здесь понимание ценностей как сильных мотиваторов поведения индивида и групп, влияющих на формирование будущих целей, стратегий поведения, в том числе и в экономике. Во-вторых, под влиянием общемировых тенденций, таких как глобализация, сложившаяся система ценностей, идеалов, установок претерпевает изменения. Значимую роль в этом процессе играет и экономическая нестабильность, как России, так и западных стран, а также состояние российского общества, которое в настоящее время сталкивается с рядом социальных проблем, одной из которых является увеличивающаяся социально-экономическая дифференциация общества.

Уровень жизни определенных слоев населения растет, и иногда сверх темпами, тогда как ограниченные ресурсы других (которые зачастую не способны обеспечить им самостоятельную адаптацию, преодоление кризисной экономической ситуации) истощаются. Это приводит к низкой материальной обеспеченности определенных слоев людей, к изменению их системы ценностей, жизненного стиля, диссонирующего с утвердившимся в обществе, и в итоге к формированию особого социального мира и своей особой культуры (субкультуры бедности). Нарастание социальных проблем сопровождается трансформацией ценностных приоритетов, в том числе – изменением представлений о бедности, отношении к богатым и бедным, нарастанием неуверенности и ощущения неопределенности будущего.

Социологически феномен бедности может быть рассмотрен с точки зрения трех аспектов. Научно-теоретическая сторона позволяет раскрыть подходы к определению бедности, дать критерии и признаки данного явления, поставить вопросы о его детерминантах и последствиях. Субъективно-обыденный контекст позволяет обратить внимание на оценочный компонент, применимый к категории бедности, на отношение общества к данному социальному явлению, на субъективное восприятие рисков бедности и т.д. Наконец, идеологический компонент предполагает акцент на анализ трансляции определенного образа бедности в СМИ, уровня интереса и тональности освещения явлений, связанных с бедностью, с официальных выступлениях политических и общественных деятелей. Комплексное изучение данного феномена, прежде всего, должно быть направлено на решение проблемы бедности путем разработки эффективных национальных стратегий развития, опирающихся на внутренние экономические, политические, человеческие и культурные ресурсы.

По данным, приводимым Н. Е. Тихоновой [1], российская бедность мало похожа на бедность европейскую. В Европе быть бедным или вращаться в среде откровенно бедных — стыдно; в России — «бедность не порок, а несчастье». Созвучное мнение высказывает директор Института социологии М. К. Горшков: «Понятие «жить как все» в России иное, чем в Европе. Среди жителей села каждый пятый получает не больше половины «средней суммы по стране». Пусть средний европеец попытается прожить на 100 евро в месяц, а потом отчитается, как ему это понравилось» [2].

По исследованиям Н.Е. Тихоновой, для россиян бедность ассоциируется, в первую очередь, с невозможностью нормально питаться, покупать одежду и обувь даже при острой необходимости, недоступностью платного медицинского обслуживания и невозможностью дать детям образование. «Бедность – это когда все деньги идут на физиологическое выживание» – типичный ответ, полученный в открытом интервью. Здесь можно проследить явное противопоставление богатству, которое характеризуется изобилием денежных средств, позволяющих иметь сверх необходимого.

По результатам опроса жителей Екатеринбурга, бедность предстает как структурный феномен: она возникает вследствие безработицы и низких доходов, и в минимальной степени

связана с собственно личностными чертами человека. Старость практически однозначно воспринимается как шаг в бедность. Внешние факторы приобретают довлеющий характер: высокие цены, кредиты, сокращения и увольнения, все это создает ощущение неуверенности. Как указывают аналитики ВЦИОМ [3], поведение индекса самооценок материального положения нестабильно: на протяжении первого полугодия 2016 года наблюдаются резкие спады и подъемы. Несмотря на появление положительной динамики в оценке социального самочувствия, выйти на докризисные показатели уровня удовлетворенности жизнью, оптимизма, оценки положения дел в стране пока не удается.

По данным опроса наблюдается противоречивая тенденция. С одной стороны, прослеживается ухудшение отношения к бедным: им чаще приписываются ярлыки, бедность чаще стала ассоциироваться с пьянством и другими асоциальными формами поведения. С другой стороны, они вызывают жалость, устойчиво мнение о необходимости помогать и решать проблемы бедных если не всем миром, то усилиями общества и государства. Правда, респонденты не надеются на помощь государства в отношении бедных, они говорят о том, что эти люди сами стараются выйти из него (такими способами как экономия, долги, помощь от близких, поиск дополнительной работы и т.д.). Несмотря на то, что 70 % опрошенных считают, что ответственность за бедность в стране лежит именно на государстве, население не надеется на его помощь и не доверяет государству в вопросе решения макроэкономических проблем.

Интерес представляет анализ медийной составляющей в раскрытии темы бедности. Согласно данным компании «МедиаЛогия» [4], темы «бедность» на федеральном ТВ и в прессе в 2010-2015 гг. упоминалась 12 751 раз. «Пик» упоминаемости темы приходится на сентябрь 2011 года (что связывается со съездами политических партий, предвыборными программами и обещаниями). Контент-анализ федеральных и свердловских региональных газет за 2014 и 2016 гг. показал, что частота публикаций с упоминаниями данной проблематики остается практически неизменной. 2014 год стал периодом смены основных стратегических партнеров, что сопровождалось охлаждением отношений с Западом в результате введенных против России санкций, заключением новых контрактов с Китаем и подписанием документов в рамках Евразийского экономического союза. Безусловно, все эти действия со стороны государства отразились на обществе в целом, требовали объяснения в контексте социально-экономических последствий (преимущественно негативных на тот момент) для населения. 2016 год пытается стабилизировать те последствия, которые были причинены государству в прошлых годах кризиса (повышение цен, инфляция, рост безработицы и т.д.). В связи с этим обсуждение в СМИ экономического положения людей имеет устойчивую значимость.

Тем не менее, публикации, освещающие бедность в российском обществе, как правило, не являются темой выпуска, уступая место более интересным и ярким новостям. Публикации, которые освещают бедность в семьях или обществе, социальное неравенство, последствия поляризации, чаще всего являются статьями на 3-4 страницах газет в разделе экономика или общество. В основном вопросы бедности использовались как дополнительные темы в других статьях, то есть упоминались в контексте других обсуждаемых проблем. При этом 67% публикаций имеют нейтральный по тональности характер, содержат взвешенную оценку, не содержат призывов, провокационных заявлений или выраженных обвинений. Около 8% статей содержат положительные примеры решения (преодоления) ситуации бедности (помощь со стороны государства, история персонального успеха и т.п.).

Таким образом, феномен бедности включен в актуальный проблематив как на уровне отдельного жителя страны, так и пространстве медиа. Решение глобальной проблемы борьбы с бедностью связано как с совершенствованием государственной политики, так и направленными усилиями всех социальных субъектов по созданию объективных условий и ценностно-мотивационной среды для эффективной реализации усилий отдельных граждан.

1. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7-19.
2. Сами себе капитал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/01/sociology.html> (дата обращения: 11.08.2016)
3. Пресс-выпуск № 3173. Социальное самочувствие россиян в июле 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115812> (дата обращения: 01.10.2016)
4. Бедность не порок? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115416> (дата обращения: 01.10.2016)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Андрос И.А. (Минск, Республика Беларусь)

Знания и профессиональные навыки предпринимателя определяют результативность деятельности, уровень благосостояния и степень социальной защищенности как его самого, так и других вовлеченных в данный процесс участников. Это обстоятельство актуализирует постоянную необходимость комплексного исследования роли и возможностей предпринимательства в качестве стратегического фактора развития производства. Данный подход обуславливает важность изучения феномена предпринимательства в контексте не только экономических и политических, но и социокультурных перемен в обществе, а также – соответствующих изменений в массовой и научной формах сознания. Нас интересуют социальные аспекты современных процессов в предпринимательской среде.

Так как в современном обществе тема повышения всеобщего благосостояния продолжает оставаться одной из самых обсуждаемых, то предпринимательство, ассоциируемое в первую очередь только с положительными сторонами деятельности – прибылью и доходами, как социально-психологическое явление константно находится в зоне пристального внимания экономистов, психологов, философов, обществоведов и т.д. При этом, предпринимательство рассматривается с нескольких позиций: как деятельность, как поведение, как психофизиологическое состояние. Наконец, дать описание личности предпринимателя считается профессиональным долгом всех исследователей.

В теоретико-методологических построениях, определяющих сущностную природу предпринимательской деятельности, укоренилась точка зрения, согласно которой целью предпринимательства является извлечение прибыли (дохода) путем удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей в товарах, работах и услугах. В условиях перехода к инновационному типу развития еще более актуальным становится положение Й. Шумпетера о том, что предприниматели являются основными двигателями механизмов производства, обмена и распределения в условиях рынка, а новаторство в деятельности предпринимателя – это источник общего движения. Это экономическая точка зрения на роль предпринимательства в развитии общества. Социальная функция предпринимательства заключается в возможности каждого дееспособного индивидуума быть собственником дела, лучше проявлять свои индивидуальные таланты и возможности. Эта функция все более выражается в формировании новой прослойки людей – предприимчивых, склонных к самостоятельной хозяйственно-экономической деятельности, способных преодолевать сопротивление среды и добиваться поставленной цели. Развитие предпринимательства обеспечивает рост рабочих мест, сокращение уровня безработицы, укрепление социального положения наемных работников.

Однако объективные предпосылки, вызванные изменением условий жизнедеятельности, отдельных государств и конкретных сообществ людей на рубеже столетий, привели к развитию социальных функций в самом бизнесе. Это и новая волна кооперативного движения в Европе, и Соглашения о добросовестной торговле, и так называемый «аффирмативный» бизнес, и государственно-частное партнерство, и трехстороннее сотрудничество государства, бизнеса и некоммерческих организаций в развитии местных сообществ, и расширение популярности микрофинансирования, и, наконец, институционализация корпоративной социальной ответственности.

Очевидно следующее. Современные бизнес-структуры и государство поставлены перед необходимостью изменения своей роли в сфере социального обеспечения и решения социальных проблем. Таким образом, маятник научных исследований в предпринимательстве качнулся в сторону изучения социальных компонент самого предпринимательства. Если раньше специалисты, осуществляющие социальный анализ экономических явлений, основной упор делали на экономических составляющих деятельности предпринимателя, то сегодня понятие «социальный» и понятие «бизнес» часто звучат вместе.

На наш взгляд, выражение «социально ответственный бизнес» звучит не совсем корректно с методологической точки зрения. Это устойчивое выражение удобно для вербального общения, но оно упрощает, а иногда и выводит за пределы научного анализа «предпринимательство» как явление, которое имеет инновационную суть. Напомним, что Й. Шумпетер связывал предпринимательство с мелким и средним бизнесом. Он отмечал, что «...капиталистическое предпринимательство в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать

прогресс, мы делаем вывод, что оно имеет тенденцию делать самое себя излишним – рассыпаться под грузом собственного успеха. Совершенно бюрократившиеся индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и «экспроприируют» их владельцев, но в конечном итоге вытесняют также и предпринимателя...» [1, С. 515]. Главными характеристиками содержания предпринимательства являются нововведение и свобода выбора деятельности предпринимателя, который представляется собственником и управленцем в одном лице. Поэтому предпринимательство может существовать в масштабах малого и реже среднего бизнеса. А в крупном бизнесе корпоративное мышление и деятельность, где функции собственника и управленцев разделены, и свобода индивида ограничена в пределах данной организации, предпринимательство существовать не может. Следовательно, сущность предпринимательства выражают экономические отношения индивидуального воспроизводства в масштабах малого и среднего бизнеса, которые реализуют инновационную деятельность. Эта деятельность предопределена свободным выбором субъекта хозяйствования, который является в одном лице собственником и управленцем, функционирующим в конкурентной среде, предоставляющим на рынок новые товары и услуги для получения прибыли.

Следовательно, крупный бизнес – это умение делать дело масштабно. А предпринимательство – это особый вид деятельности. Его неизменными условиями являются: ограниченность ресурсов, конкурентная борьба, неопределенность ситуации. Главными инструментами предпринимателя являются: бережливость, кооперация и инновации. В таком русле малое предпринимательство может, в отличие от крупного бизнеса, решить конкретную социальную проблему или уменьшить ее остроту. При этом социальный эффект является не побочным продуктом деятельности, как в обычном предпринимательстве, а прямым целенаправленным результатом. И прибыль направляется на социальные цели предприятия, а не собственникам. Крупному бизнесу проще оказать спонсорскую поддержку, поучаствовать в благотворительности, посодействовать начинающим через франшизу.

На пост-советском пространстве предпринимательство, разрешающее социальные проблемы, принимается с большей симпатией, поскольку здесь наиболее актуален вопрос ответственности предпринимателя перед обществом. Вместе с вопросом об ответственности предпринимательства уместно говорить о справедливости. За социальную справедливость общество требует социальной ответственности, точно также как социально ответственный человек жаждет соблюдения справедливости. Так как социальная справедливость включает в себя равенство возможностей, то социальная ответственность характеризуется способностью этим равенством воспользоваться. В случае с предпринимательством это можно рассматривать как верификацию различных видов социально ориентированного предпринимательства через социологические индикаторы, например, характеризующие уровень взаимного доверия.

1. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: пер. с нем. / Й. А. Шумпетер. – М.: ЭКСМО, 2007. – 864 с.

ПОДРОСТКИ И ПОТРЕБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПРОДУКЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Бодянская С.Ю., Филипова А. Г. (Владивосток)

Развитие технологий и общая доступность информации позволяет все большему количеству людей узнавать о разных видах услуг и включаться в процесс их потребления. Подростки, как отдельный сегмент рынка и особая социально-демографическая группа, нуждаются в отдельном изучении. Мы обращаемся к потреблению культурной продукции подростками, поскольку оно в отличие от потребления вещей, оказывает влияние на формирование мировоззрения и выработку у подростков ценностных ориентаций. В то же время потребление культурной продукции на сегодняшний день малоизученная область. Понимание сути потребления, в частности подросткового потребления, требует четкого терминологического аппарата. В классической литературе, относящейся к проблемам потребления, термин «потребление» имеет достаточно строгие границы. Часто можно встретить такое определение: «потребление – это процесс удовлетворения базисных человеческих потребностей посредством разового или длительного использования товаров» [1].

В конце XX в. потребление перестает рассматриваться исключительно как экономический утилитарный процесс, на первый план выходят его социальные и культурные характеристики. Так,

В.И. Ильин рассматривает потребление как создание текста, которое может быть как сознательным, так и неосознанным. Сознательное написание текста предполагает использование товаров определенных марок или ценовой категории [1].

Обезличенность городов, ускорение темпа жизни и массовое производство подрывают устойчивость идентификации, поэтому потребление переосмысливается в контексте символического потребления. Товары выступают символами, которые конструируют образ и позволяют раскрыть индивидуальность потребителя.

Фактически, изучение подросткового потребления началось с 1970-х годов. Отправной точкой стала работа Скотта Варда и Даниеля Вэкмана «Влияние семьи и СМИ на покупательское обучение подростков» [2]. Именно в этой статье впервые было сказано о том, что подростки занимают существенный сегмент рынка, а также являются активными потребителями товаров и услуг. Еще одним важным выводом исследователей стал вывод о влиянии семьи, а также телевидения на выбор подростков.

В конце 1986 г. Д. Джон Роеддер и К. Коул представили работу, посвященную информационным возможностям детей и подростков. Исследователи выявили, что подростки, начиная с 12 лет, способны выстраивать стратегии для хранения и воспроизводства информации с использованием корректирующих технологий [3].

Одной из центральных тем в вопросе изучения подросткового потребления остается потребительская социализация. Под потребительской социализацией С. Вард предлагает понимать процесс усвоения и обретения знаний, навыков, установок приемлемых для функционирования детей как потребителей на рынке [4]. Потребительская социализация состоит из множества элементов, таких как формирование привычек и установок, знание брендов, участие в процессе покупки, воздействие рекламы и других средств на выбор продукта. Кроме того, на процесс социализации оказывают влияние различные социальные институты, в частности, семья, в которой и формируются покупательские привычки и установки.

На сегодняшний день на Западе и в России вопрос подросткового потребления исследуется достаточно интенсивно, затрагивая при этом разные научные области. Если раньше, чаще всего, это было привилегией социологии, то сейчас подростковое потребление рассматривается и с точки зрения маркетинга, экономики, психологии и др. Как правило, изучение подросткового потребления осуществляется на примере потребления одежды, косметики, бытовой продукции, и совсем не изучен вопрос потребления культурной продукции.

Уже на стадии определения понятия «культурная продукция» или «культурный продукт» возникают сложности, связанные с отсутствием четкого определения.

М.В. Рукосуева выделила 2 подхода к понятию культурной продукции:

1) это благо, предоставляемое культурными учреждениями в виде товара и услуг, несущих в себе культурные ценности, смыслы, идеи, этические и моральные нормы, образы, культурные коды и представления;

2) это результат процесса идеалообразования, воплощенный в вещественной (как репрезентант) или невещественной (как идеал) форме, предназначенный для удовлетворения потребностей высшего порядка (вторичных, т.е. социальных, духовных, коммуникативных и т.д.) [5].

Важность потребления культурной продукции, в отличие от потребления бытовых вещей, заключается, как уже отмечалось, в функции формирования ценностных ориентаций, поэтому важно знать, каким образом потребляется культурная продукция, что влияет на выбор подростков в этой сфере, через какие каналы подростки узнают о той или иной культурной продукции, как происходит обмен культурной продукцией, как культурное потребление влияет на другие виды потребления и др.

Сейчас подрастает поколение, которому дали название «поколение Z». Общая тенденция глобальной сети интернет и большого количества социальных сетей – сокращение контактов с внешним миром, что часто компенсируется усилением внимания к собственному внутреннему миру. Возможно, самопогружение станет стимулом для продвижения «поколения Z» к ценностям искусства и науки.

Таким образом, под потреблением культурной продукции мы будем понимать перевод товаров и услуг, предоставляемых учреждениями культуры и науки, интернетом, СМИ, в культурные символы (ценности, смыслы, нормы). Подростковое потребление культурной продукции будет отличаться, с одной стороны, от потребления взрослых, а с другой – от детского потребления. В качестве критериев сравнения, нуждающихся в дальнейшем уточнении, нами

обозначены: институты влияния, формы культурной продукции, соотношение с другими видами потребления, соотношение индивидуального и группового потребления и др.

1. Ильин В.И. *Поведение потребителей*. - М: Пупер, 2000 г. - 265 с.
2. Ward S., Wackman D. *Family and Media Influences on Adolescent Consumer Learning* *American Behavioral Scientist*. 1971. № 14. N 3. P. 415–427.
3. Roedder John D., Cole C. *Age Differences in Information Processing: Understanding Deficits in Young and Elderly Consumers* // *Journal of Consumer Research*. 1986. № 13. December. P. 297–316
4. Ward S. *Consumer Socialization* // *Journal of Consumer Research*. 1974. № 1. N 1. P. 1–14.
5. Рукосуева М.В. *Культурный продукт: к определению понятия* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf2.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s58/s58_017.pdf.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ МОДНОЙ ИНДУСТРИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Борискина М.В. (Санкт-Петербург)

Очередной кризис в российской истории — не первый, но совершенно новый. Это кризис плохих институтов, завершения старой модели роста. По словам директора региональной программы Независимого института социальной политики Натальи Зубаревич, кризис, который сейчас переживает Россия, начался еще в 2013 году, когда перестала работать "машинка" старого экономического роста, сформировавшаяся в 2000-х годах [1].

Он оказывает эффект на доходы и потребление. За 11 месяцев 2015 года реальные доходы населения снизились на 3,5%. При этом среднемесячная номинальная зарплата в стране составила 33,8 тыс. рублей, что больше показателя прошлого года на 4,6%. В реальном выражении зарплат упали на 9% [4]. За январь-ноябрь 2015 года оборот розницы составил всего 24,710 трлн. руб., сократившись за год на 9,3%. Это свидетельствует о серьезном снижении потребительского спроса.

Кроме того, согласно исследованию Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центра) 80% россиян согласны с мнением о том, что в стране сейчас экономический кризис. Практически у половины опрошенных сохраняется уверенность в том, что кризис будет длительным. Каждый шестой работающий респондент отметил задержки в выплате заработной платы себе или членам своей семьи, каждый четвертый – её уменьшение [5].

Эта ситуация повлияла на состояние модной индустрии в России. По данным агентства Bloomberg, общая стоимость десяти ведущих брендов класса люкс (Louis Vuitton, Hermes, Gucci, Prada, Cartier и пр.) сократилась на \$7 млрд. И среди причин агентство называет замедление продаж предметов роскоши в России. Более того, трафик посетителей премиальных торговых центров сократился на 15–20% [4].

По данным аналитического и консалтингового агентства в российской индустрии моды Fashion Consulting Group (FCG) в прошлом году доля рынка люкса составляла 10% и в 2015 г. осталась на прежнем уровне. При этом доля среднего сегмента упала на 9% в этом году по сравнению с прошлым, доля масс-маркета, хоть и выросла в итоге за счет среднего сегмента, но в денежном выражении сократилась с 705 млрд. руб. до 664 млрд. руб. По прогнозам FCG до конца 2015 г. доля люкса останется неизменной, а вот в денежном выражении сократится на 15–20%, в то время как доля среднего сегмента упадет еще на 9–10% и денежный объем может сократиться на 45% [5].

Целью моего исследования является то, как игроки модного рынка приспосабливаются к новым реалиям.

В большинстве монобрендовых люксовых и премиальных бутиков, которые работают под прямым управлением самого бренда, цены не повышались до конца 2014 г. Затем, они устанавливались вместе с колебаниями курса, делая цену максимально приближенную к европейской. Это позволяет сегменту класса люкс не терять покупателей. Иными словами, стратегия люксовых брендов заключается в том, чтобы уменьшить расходы и предложить клиенту максимально хорошие цены.

Масс-маркету намного сложнее приспособиться, ему необходимо оставаться доступным, а при изменении курса это достаточно сложно сделать. Тем не менее, в большинстве своем была выбрана стратегия снижения качества одежды. Теперь используются в основном искусственные материалы, дешевая рабочая сила стран средней Азии. А также имеют место более частые распродажи, каждый месяц устраиваются акции.

Еще одним выходом из трудного положения стали онлайн-магазины, бренды все чаще предлагают покупать одежду онлайн, в самих бутиках теперь часто можно увидеть рекламу с адресом онлайн-магазина. За прошлый год количество онлайн-покупателей увеличилось на 35% и составляет более 25 млн. человек, сообщается в докладе интернет-магазина KupiVIP Group. По словам основателя KupiVIP.ru Оскара Хартманна, объем продаж сайта вырос на 70% по сравнению с прошлым годом [6].

Таким образом, сравнивая стратегии, я хочу отметить, что люксовый сегмент выбрал наиболее успешную политику в этом отношении, сохраняя качество и ассортимент прежним, люкс пытается сделать цены более выгодными, снижая расходы на поездку за границу. Масс-маркету нужно последовать его примеру, потому что, снижая качество, этот сегмент рискует потерять покупателей, которые могут выбрать качественные вещи на распродажах более дорогих брендов или же совершать покупки реже. Для минимизации расходов бренды этого сегмента очень успешно могут использовать стратегию перехода на онлайн-торговлю. Это позволит уменьшить расходы на содержание и аренду бутиков, оставив качество и ассортимент прежними. Что в свою очередь позволит сохранить клиентскую базу и репутацию.

Значением данного социологического исследования является выбор правильной стратегии для развития и продвижения модной индустрии в условиях экономического кризиса.

1. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. — М.: Независимый институт социальной политики, 2013. — 160 с. — ISBN 978-5-903599-10-3.

2.

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/

3.

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_for ce/#

4. <http://www.bloomberg.com/features/2016-spring-fashion/>

5. <http://fashionconsulting.ru/services/marketing/>

6. <http://fashionconsulting.ru/krizis-vremya-dlya-umnogo-shopping-a-s/>

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Варавкина А.В., Савченко И. А. (Москва)

Проблема оценки эффективности проводимых социальных программ является актуальной как в социологических науках, так и в экономических. Бесспорно, главным критерием эффективности проводимой государством социальной политики является степень удовлетворенности конечных потребностей человека и общества.

Будет правильно рассматривать эффективность социальной политики в контексте трех аспектов: чистый эффект программы, общий эффект программы и, наконец, общий результат программы.

Общий результат программы, как правило, характеризует средний результат всех хозяйствующих субъектов, участвующих в социальной программе. Сюда можно отнести, например, прирост доходов фирм, домохозяйств, повышение образовательного уровня, повышение уровня здравоохранения и др.

Общий эффект программы представляет собой ни что иное как соотношение результатов участвующей в программе группы населения и, соответственно, не участвующей. Однако, здесь существует некоторая дилемма в оценке качества социальных программ, поскольку зачастую такая программа и вырабатывается, чтобы решить определенные проблемы той или иной социальной группы населения, прийти к социальной справедливости по отношению к другим группам населения, а соответственно, не случайно выбирается та социальная группа, которая будет является объектом преобразования.

Для более качественной оценки проводимых социальных программ и существует чистый эффект. В данном случае рассматриваются представительные выборки групп участников и неучастников определенной программы. Группы по определенным критериям максимально приближены друг к другу, становится очевидно, результат показателя эффективности будет наиболее точным, нежели при общем эффекте программы. [1]

Выявление эффективности проводимой социальной программы нужно так же и для определения перспектив социальных групп, участвующих в преобразованиях. Очевидно, оценка

эффективности тех или иных программ является родоначальникам последующим социальным программам, а так же оценка программы позволяет улучшать функционирование имеющейся проводимой социальной программы в обществе.

Например, для того, чтобы ответить на вопрос «А что было бы, если бы определенная социальная программа не была бы реализована в обществе?» необходимо сгенерировать ситуацию, на которую бы распространялась данная программа. Итак, рассмотрим чистый эффект программы по выплате социальных пособий семьям до полутора лет. Очень важно в данной ситуации выявить контрольную группу и группу воздействия. Данные группы должны быть схожи по определенным параметрам. Если мы группой воздействия будет выступать семья, имеющая ребенка до полутора лет, а контрольной группой будет выступать семья без детей априори, то результаты выявления эффективности проводимой социальной программы не принесут никаких плодов и даже напротив, введут в замешательство. Так же очевидно, что контрольная группа и группа воздействия не могут совпадать. Таким образом, будет логично взять в качестве контрольной группы, например, семью, пусть не имеющую ребенка в возрасте до полутора лет, но хотя бы отвечающую тем социально-демографическим показателям и характеристикам группе воздействия. Таким образом, сравнительная группа будет схожа с экспериментальной группой почти по всем параметрам, за исключением факта участия в проводимой программе.

Итак, чтобы оценить качество проводимой программы, мы строим сценарий, по которому и выявляем отличия между группами, где проводилась определенная социальная программа (смотрим, насколько повысились в нем показатели уровня жизни) и группой, где данная программа не была проведена. Чтобы построить такой сценарий, мы можем прибегнуть к двум подходам: экспериментальному и квази-экспериментальному.

Рассмотрим экспериментальный подход в оценке эффективности проводимых социальных программ. Он является очень плодотворным при выявлении чистого эффекта. Данный метод будет заключаться в том, что мы выбираем общности со схожими характеристиками, а далее участников случайным образом распределяем между контрольной и экспериментальной группой. Случайный разброс участников позволит нам более точно и конкретно определить несмещенную оценку эффекта. Однако, наряду с достоинствами в экспериментальном подходе есть и свои существенные минусы. Например, по этическим соображениям нельзя отказать людям в участии в программе по борьбе с голодом, с целью только улучшения показателей качества проводимой программы. А исключение из участия в программе той группы, которая могла бы принести плодотворный результат к оценке программы, может обострить конфликты в обществе. Не менее значимым минусом является и то, что деление на группы может иметь субъективный характер, что так же некорректно по отношению к другим общественным группам. В конечном счете мы можем прийти к неточным, неверным или смещенным результатам к оценки эффективности проводимой социальной программы.

Альтернативным методом в оценке эффективности социальной программы может послужить квази-экспериментальный метод. Он является менее затратным, нежели экспериментальный. Его суть состоит в том, что он использует данные, которые выявляются по ходу самой уже проводимой в данное время социальной программы. Как и в экспериментальном методе, здесь создается контрольная группа, по определенным характеристикам схожая с группой воздействия, но и отличающаяся от нее. Эти отличия будут устраняться путем статистических методов. К статистическим методам квази-экспериментального подхода относят:

- Метод сопоставления (при использовании метода сопоставления в достижении чистого эффекта в большинстве работ производится контроль систематических различий в характеристиках двух объектов, принимаемых участие в эксперименте: группы воздействия и контрольной группы - пол, возраст, уровень образованности и т.д. Когда количество таких различий превышает допустимый уровень, оценка эффективности смещается и становится неточной);

- Метод инструментальных переменных (данный метод применяется в том случае, когда данные доступны только после проведения программы и является плодотворным в создании альтернативы другим методам для оценки качества проводимой социальной программы. Инструментальная переменная представляет собой переменную, связанную с непосредственным участием в программе, но не влияющую на результат. В данном методе имеется два этапа: на первоначальном этапе предсказывается участие в социальной программе, а на втором этапе проводится сравнение результатов на основе предсказанного участия);

• Метод оценки разностей (данный метод применяется, когда есть ряд таких ненаблюдаемых характеристик, которые сильно влияют на результат проводимой программы. При использовании данного метода фиксируются начальные данные, а после измеряются данные в экспериментальной группе после проведения социальной программы и как это воздействовало на контрольную группу).[1]

Россия переживает этап развития, на котором проблема формирования научно обоснованной государственной социальной политики приобретает особую актуальность. [2] Использование данных подходов позволит оценить эффективность проводимых в обществе социальных программ и повысить степень их научной обоснованности.

1. Абазиева К.Г. Методологические подходы к оценке эффективности социальных программ // *TERRA ECONOMICUS*. 2011. том 9. №1. С. 55-59.

2. Савченко И.А. Модель социальной политики современной России // *Инновационная наука*. 2016. №3. Часть 4. С. 192-195.

СОЦИОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОБЛАСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Васильев В.П. (Москва)

Фундаментальные труды М.М.Ковалевского дают ответы на многие дискуссионные проблемы современной социологии. Среди них особое место занимают исследования по генетической социологии, теории факторов развития, теории государства, причинно-следственным связям экономики и других областей общественной жизни Автор определяет взаимосвязи экономической теории с методологическими принципами и структурой общей социологии, а также рядом отраслевых социологических теорий. Принципы исследования социологии государства представлены в структуре взаимодействий с базисными разделами макросоциологии, Особое внимание уделено причинам и последствиям недооценки взаимосвязей социологии и теории экономики, необходимости их синтеза при разработке теоретических моделей и практических рекомендаций. Поставлен вопрос об ограниченности предметной области экономической социологии и необходимости ее развития в контексте влияния ограниченных ресурсов общества на их распределение и равновесие социально-экономической системы в условиях масштабных финансовых ресурсов государственных бюджетов и одновременного кризиса социального государства.

The fundamental works of M. M. Kovalevsky provide answers to many controversial issues of modern sociology. Among them the special place of the study of genetic sociology, theories of development factors, theories of the state, causal relations in the economy and other spheres of social life The author defines the relationship of economic theory with the methodological principles and the structure of General sociology, and a number of branch sociological theories. Principles of research of sociology of the state is represented in the structure of interactions with the reference sections of makrosotsiologii, Special attention is paid to the causes and consequences of underestimating the relationship of the sociology and theory of economy, the necessity of synthesis in the development of theoretical models and practical recommendations. Question about the limited subject area of economic sociology and the need for its development in the context of the impact of limited resources to distribute and balance the socio-economic system. In the scale of financial resources of public budgets and the simultaneous crisis of the welfare state.

Фундаментальные труды М.М.Ковалевского дают ответы на многие дискуссионные проблемы современной социологии. Среди них особое место исследования по генетической социологии, теории факторов развития, теории государства, причинно-следственным связям экономики и других областей общественной жизни [Ковалевский, 1888-1903; 1900].

Социологии в научном управлении обществом представляет незаменимые знания о социальной структуре, мотивации слоев и групп, дифференциации и мобильности населения и, в конечном счете, об эффективности государственного управления, стратегической задачей которого является гармонизация общественных интересов и социальная динамика. В связи с этим необходимо определить место социологии государства в системе социологического знания и междисциплинарные взаимодействия.

Структурно-функциональный подход к исследованию государства в контексте социологического знания обуславливает следующие координаты: макросоциология – теория среднего уровня (ранга) – конкретные социологические исследования [Merton 1949]. Следовательно, социология государства основывается на всей гамме макросоциологии, является

специальной теорией. Социологические знания в данной предметной области связывают теоретическую социологию с прикладными исследованиями.

В макросоциологии государство, как правило, рассматривается как политический институт, нормативно определяющий взаимодействие человека и государства, личности и власти и в этом контексте анализирует электоральные мотивы, формирование политических элит, функционирование политических партий. Социологическое исследование государства не редко пересекается с предметной областью современной политологии, образуя специализированный предмет – политическая социология.

Вместе с тем, очевидно, что социальные трансформации зависят от современных механизмов экономической динамики. В ряде базовых разделов общей социологии, таких как «социальные структуры», «социальные взаимодействия и процессы», «социальные изменения и социальное развитие», «социальные конфликты» не достаёт анализа экономических предпосылок и причин. Предмет социологии, один из главных конфликтов современного общества: - постоянное напряжение принципов либерального государства и демократии, нарастающее на почве не решенности социально-экономических проблем [Валлерстайн И., 2003]/

Однако социологические исследования постоянно пересекаясь с философией психологией, политологией, историей и другими социальными науками не часто до последнего времени привлекали к анализу принципы и выводы экономических исследований.

Представляется, что существующая недооценка экономической компоненты в социологических исследованиях связана с тремя методологическими аспектами. Во-первых, опасение оказаться в колее экономического детерминизма, который вместе со всей теорией марксизма подвергся основательной критике. Во-вторых, современная экономическая теория представлена ее неоклассическим направлением – *economic* – предметом которого является не производственные отношения, трудовая теория стоимости, пофазное деление и анализ воспроизводственного процесса (производство – распределение – обмен – потребление), а распределение ограниченных ресурсов, математическое моделирование, факторный и маржинальный анализ [Marshall 1890]. В-третьих, механистическая трактовка взаимодействий социологии и экономики – поиск социологического в экономическом развитии как первичного, определяющего.

Уход социологами от экономической проблематики не редко связан с гласной и не гласной критикой «потребительства» как чуждой человеку ценности. Однако между монастырским аскетизмом и гедонизмом лежит огромный диапазон и доход, потребление выступают социальным критерием развития общества, объективным и субъективным параметром социальной структуры. Первичным критерием выстраивания социальной структуры общества в теориях стратификации М. Вебера и П. Сорокина выступает доход, но, чтобы выявить его динамику и распределительные факторы необходимо привлекать к анализу выводы исследования экономического механизма.

Междисциплинарный анализ государства представляют новые подходы в рамках институциональных исследований, основанных на анализе социальных норм, институтов, традиций [Уильямсон 1996]. В условиях постиндустриального развития для теории и практики государственного управления все более актуальным становится анализ социокультурных аспектов институциональных целей государства, основанных на культурных ценностях. «Новая экономическая социология», по существу, присоединилась к институциональным исследованиям.

Институциональная теория исходит из необходимости ограничения роли государственного управления в социально-экономических процессах, обосновывая свою позицию выявленными универсальными «провалами государства». В рамках неинституциональной теории, выявлены следующие проблемы государственного управления – неполнота или искажение информации при разработке и принятии управленческих решений, особенности политического цикла, ограниченный контроль над бюрократией [Нуреев 2005; Радыгин, Энтов 2012]. Каждый из названных «провалов» - особый предмет государственного управления, синтезированный с социологией.

В современных реалиях государство воздействует на общество, сетевые взаимосвязи не только с помощью установления социальных норм. Большинство государств получили в свое распоряжение гигантские финансовые средства, значительную долю которых используют на социальные цели развития. Для социологии государства принципиальным стал факт трансформации от формирования социальных норм к масштабному управлению финансовыми ресурсами для реализации социальных целей общества. В этих условиях возрастает значение

исследований и выводов социологии, несущей ценностно ориентированный взгляд на экономические стратегии, предостерегая от 'технократических' решений в государственном управлении.

- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.*
Ковалевский М. М. «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (т. 1—3, 1898—1903
Ковалевский М. М. Экономический строй России / пер. с франц. — Изд. А.Ермолаевой, 1900.
Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
Радаев В.В., Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
Радыгин А, Энтов Р. «Провалы государства»: теория и политика. Вопросы экономики, 2012, №12, С. 4-31.
Тоценко Ж.Т. (ред.) Политическая социология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
Уильямсон Оливер И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контракция. Пер. с англ. - СПб.: Лениздат; SEV Press, 1996.
Merton R. Social theory and social structure. N.Y., 1949.
Marshall Alfred. Principles of Economics 1 (First Edition ed.). London: Macmillan, 1890.

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧИХ ГРУПП В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Васильев М.В. (Москва)

Взаимодействие рабочих и командная работа в организации являются главными ресурсами, обеспечивающими эффективность ее работы. Конечный результат, главный продукт существования организации зависит от способности специалистов работать в одной команде. Количество прибылей и качество жизни в организации определяет именно «команда».

Человеческий фактор основа эффективности командной работы, которая дает каждому сотруднику организации лучшие условия профессионального существования.

Возможности команды безграничны, именно в ней ставят амбициозные цели и добиваются беспрецедентных результатов. Использование феномена команды, умение руководителя извлекать максимум из ресурсов каждого ее члена и поддержание их высочайшей мотивации на совместную работу дает решающее конкурентное преимущество современным организациям.

Многолетний опыт показал, что команда работает лучше, чем отдельная личность, поэтому ее формирование имеет важное значение для организации. Большую роль в формировании коллектив имеет сотрудничество. Разделение знаний помогает членам команды достигнуть определенных целей, развивать стратегию организации, решать разного рода задачи. Производственная эффективность любой команды зависит от взаимоотношений ее членов.

В научной литературе теоретические основы деятельности рабочих групп в организации и основные подходы к их формированию исследованы различными учеными. В своем ставшем классическим эксперименте американский психолог М. Шериф продемонстрировал неосознанное влияние, которое группа может оказывать на индивидуальное восприятие. Американский социолог Р. Лайкерт, например, развивает концепцию организации, основанную на влиянии рабочих групп на ее деятельность.

Отмечая значимость научных результатов, полученных данными авторами, необходимо обозначить, что некоторые аспекты изучены недостаточно. Именно поэтому эта проблема является актуальной современной задачей научно-практических исследований для развития процессов формирования и функционирования команд в рамках организационной структуры.

Условия создания и развития функциональной социальной группы в организации можно охарактеризовать налаживанием первоначальных контактов между её участниками, а также поиском первичной группы и ингруппы для углубления внутригрупповых связей. На этом этапе индивидуум осознает, какие ценности считаются основополагающими в данной группе, а также выясняет, какие настроения и установки являются доминирующими. Определяются и первичные нормы общения: участники находят свое место в данной группе и стремятся произвести благоприятное впечатление на остальных её членов, демонстрируя окружающим собственные навыки, знания и личностные качества. На данном этапе многое зависит от лидера группы, т.к. большинство её членов испытывает чувство неуверенности. Участникам нужны ориентиры в психологическом и социальном пространстве группы – их дает лидер, выбирая первичные правила поведения.

Анализ теоретических и методологических основ деятельности рабочих групп в современных организациях позволил сделать ряд заключений.

1. Выявление закономерностей в формировании и функционировании разнообразного рода социальных групп, дает возможность объяснить научную составляющую процессов, которые происходят как в микросреде, так и во всем обществе, поскольку малые группы выглядят как социатальные микросистемы.

2. Рабочие в рамках одной организации хотят взаимодействовать друг с другом, а значит совместно выполнять больше задач.

3. Существенным недостатком командной работы является то, что группа может принимать решение, руководствуясь не его оптимальностью, а тем, устраивает ли оно всех членов команды.

4. Командный подход может быть неприемлемым, если решение нужно найти в максимально сжатые сроки. Принятие коллективного решения всегда требует больше времени, чем решение, выработанное отдельным лицом, т.к. команда предполагает обсуждение и поиск компромисса, который устроит всех её членов.

5. Образование групп может происходить вследствие четко спланированных действий руководителей группы. В этом случае новая группа становится частью формальной структуры организации. Грамотный руководитель должен понимать, что невозможно игнорировать наличие групп внутри организации. Наоборот связи между группами следует распознать, проанализировать и грамотно использовать для достижения необходимых целей деятельности всей организации.

6. Любой созданной группе, с целью достижения ее эффективности, должны быть включены участники с «однородными» должностями, а непосредственный руководитель (лидер) группы должен предлагать всем участникам обсуждать каждое выработанное в пределах группы решение.

1. Ильин В. А. Социально-психологические основы командообразования: методология и базовые техники [Текст]: Учебное пособие / В. А. Ильин – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 168 с.

2. Исаев В. В. Организация работы команды проекта [Текст]. – СПб.: Изд. Дом «Бизнес-пресса», 2006. – 359 с.

3. Лачина Т. А. Проектные команды в управлении проектами [Текст]// Менеджмент в России и за- рубежом. – 2009. – № 2. – С. 118 – 130.

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В РАБОТАХ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Веселов Ю.В. (Санкт-Петербург)

Очень часто мы, российские социологи, когда говорим об основах нашей науки, обращаемся к западной социологии. Это правильно - действительно, без Конта или Спенсера, Дюркгейма или Вебера, Парсонса или Гофмана, говорить о социологии бессмысленно. Но нельзя и впадать в другую крайность - как-будто в российской общественной мысли вообще не было никаких достижений. В этой статье я хотел бы подчеркнуть значение работ М.М. Ковалевского для развития экономической социологии.

Традиция “Экономика и общество” была заложена в начале XXв. как в трудах немецкой школы социологии хозяйства (в работах Макса Вебера, его основной труд так и называется “Экономика и общество”, теперь с 2016 г. благодаря титаническому труду переводчиков под руководством Л.Г. Ионина он доступен и на русском языке), так и в работах французской школы (Э. Дюркгейма; М.Мосса; Ф. Симиана; М. Халбвакса и др., однако во французском направлении было принято теперь всем привычное название “Экономическая социология” - La Sociologie Economique). В 1950-х гг. традиция Economy and Society была продолжена Талкоттом Парсонсом и Нилом Смэлсером; но с 1960-х гг. в США, а потом и в Европе и России закрепляется для этой области социологического исследования экономики общепринятое название “Экономическая социология”. В начале XX в. для русской традиции общественных исследований такое название было не возможным, поэтому даже книгу “Экономическая социология” Гильома ДеГреефа, ректора Нового Брюссельского университета, перевели как “Социальная экономия”, под таким названием она вышла в свет в Москве в 1904г. И, конечно, не без помощи М.М. Ковалевского, который дружил с ДеГреефом и часто бывал у него. И весьма вероятно именно Ковалевский

выступил инициатором продвижения этого направления “Экономика и общество” в российской общественной мысли.

Как социолог Ковалевский был всегда близок экономическим проблемам. Многие его наиболее популярные работы имеют непосредственное отношение к экономике: "Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства", "Общинное землевладение", "Очерк происхождения семьи и собственности", "Краткий обзор экономической эволюции и подразделение ее на периоды" [1] и др. Чтобы более подробно показать вклад М.М. Ковалевского в создание основ русской экономической социологии мы рассмотрим три основных аспекта его социально-экономических работ: это вопрос об общинном хозяйстве, вопрос о собственности и вопрос о причинах и механизмах экономической эволюции.

Экономическая социология М.М. Ковалевского начинается с исследований по экономической антропологии и доказательству того положения, что община и общинное хозяйство - явление всеобщее и закономерное. Этому посвящены такие его работы, как "Общинное землевладение: причины, ход и последствия его разложения" (1879 г.) и "Закон и обычай на Кавказе" (1890 г.). Если в первой работе Ковалевский исследует общинное хозяйство на основе исторического и этнографического материала, полученного для таких стран, как Мексика, Перу, Алжир, Индия, Швейцария, Германия, то во второй работе он обращается к современному хозяйственному быту кавказских народов. Основная идея Ковалевского - перевести спор между "западниками" и "славянофилами" об общине и "русском духе" на положительную почву, т.е. доказать историко-сравнительным методом, что община имеет всеобщий характер. Основной социальной единицей примитивного общества является "стадная группа", здесь на все общая собственность, а отношения хозяйствования напоминают "архаический коммунизм". Постепенно размножение населения приводит к тому, что охотничье и собирательское хозяйство на ограниченной территории становятся затруднительными, что ведет к образованию оседлого хозяйства и развитию земледелия. Но и при возникновении земледелия роль общины не уменьшается - из родовой она превращается в соседскую, скоро уже и каждая семья имеет право на свои наделы, но в целом земля является собственностью общины. Для того, чтобы общинное землевладение было разрушено необходимо было ввести чуждое ему явление - отчуждаемость, сначала общинной собственности, затем и семейной. Это стало возможно с концентрацией власти в руках вождя или аристократии. Так образуется частная собственность, которая соответствует не коллективному, а индивидуальному хозяйству.

Вопрос собственности для Ковалевского - это, прежде всего, социологический вопрос. Тип собственности зависит от типа хозяйства - в общественном хозяйстве господствует коллективная собственность, в индивидуальном хозяйстве - частная собственность. Повышающаяся плотность населения ведет к разложению коллективного хозяйства, разделению труда и применение индивидуального труда к производству влечет за собой индивидуальное присвоение продуктов, а следовательно, и частную собственность. Первые предметы индивидуальной собственности - это оружие, украшения и предметы питания, а земля, люди, природные ресурсы - все это является еще функцией коллективной собственности. С появлением патриархальной семьи форма собственности на землю меняется, теперь земля является собственностью семьи, но это еще коллективная форма - семья или род владеет землей, а не отдельный индивид. Только с разложением патриархальной семьи, и далее с возникновением городского хозяйства развивается частная собственность.

Что касается экономической эволюции, то Ковалевский выступает как сторонник теории воздействия демографического фактора на экономический рост. В 90-е годы эта теория была весьма популярна в Европе, так, Дюркгейм объяснял возникновение разделения труда факторами возрастающей плотности населения. Поэтому Ковалевский был не одинок в своем стремлении объяснить экономический рост динамикой населения. Такое особенное внимание к демографическому фактору не означает, что Ковалевский не учитывал воздействие других социальных факторов на экономику. Ведь в более поздних работах Ковалевский выступает как сторонник "плюралистической социологии". Связь роста населения и развития экономики скорее функциональная, чем непосредственно определяющая. Таков метод исследования Ковалевского, и это не означает, что рост населения сам не обусловлен другими факторами.

Что касается классификации этапов развития хозяйства, то здесь Ковалевский выступает против теоретиков немецкой исторической школы политической экономики. У Гильдебранда хозяйство делится на: натуральное, денежное, кредитное, но Ковалевский настаивает, что и у примитивных народов есть понятие кредита. У Бюхера хозяйство делится на: домашнее, городское

и народное. Здесь Ковалевского не устраивает, что в этой классификации нет общинного хозяйства. Поэтому Ковалевский дает собственную классификацию:

эпоха хозяйства непосредственного потребления;

эпоха менового хозяйства.

По этапам развития хозяйство делится на :

хозяйство орды и племени (общинное хозяйство);

деревенское хозяйство;

поместное хозяйство;

городское хозяйство;

национальное хозяйство;

всемирное хозяйство.

Для экономической социологии Ковалевский интересен не только своей теорией хозяйства и объяснением экономического роста, Ковалевский немало усилий приложил и как исследователь экономического направления в социологии. В частности, наиболее интересны в этом плане его более поздние работы: "Современные социологи" (часть III "Экономическая школа в социологии") [2] и "Социология" (глава V "Социология и политическая экономия").

В целом, оценивая значение Ковалевского для формирования экономической социологии в России, мы хотели бы подчеркнуть, что именно Ковалевский был одним из первых, кто в русской общественной мысли синтезировал социологический и экономический подход. Его по праву можно назвать одним из родоначальников русской экономической социологии.

1. Ковалевский М. Краткий обзор экономической эволюции и ее подразделение на периоды. СПб.: Тип. Е.Евдокимова, 1899.

2. Ковалевский М.М. Современные социологи // Ковалевский М.М. Сочинения в двух томах. СПб: "Алетейя", 1997, т.2.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОРПОРАЦИИ: МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Власова С.А. (Орёл)

В процессе ускоренного развития цивилизации задача обеспечения информационной безопасности непрерывно усложняется. Поэтому, наряду с развитием различных механизмов управления корпорацией, для достижения ее стратегической цели, актуализируется проблема совершенствования системы социальных механизмов, как целенаправленных процессов состоящих из совокупности соответствующих приемов, норм, правил, инструментов, выстроенных на субъект-субъектных отношениях корпорации. Акцентируя важность выявления факторов влияющих на обеспечение информационной безопасности, автором было проведено исследование, в ходе которого доказано, что на сегодняшний день эти факторы схожи. При этом допускается возможность, что с течением времени и развитием технологического прогресса, данные факторы, а также их значимость, могут изменяться в зависимости от рода деятельности и статуса корпорации.

На первоначальном этапе исследования проведен экспертный опрос с целью определения факторов значимо влияющих на информационную безопасность в корпорации, в связи с тем, что безопасность информации в корпорациях зависит от множества аспектов различного рода. Среди предложенных факторов экспертами были выявлены наиболее значимые в обеспечении информационной безопасности. В экспертном опросе приняли участие 30 экспертов в области информационной безопасности. Экспертами выступили сотрудники отделов (департаментов) безопасности корпораций и специалисты, занимающиеся вопросами информационной безопасности. При отборе экспертов учитывался стаж работы (не менее пяти лет), род занятий, профессиональная деятельность, а также мнение экспертов о личной компетенции в этом вопросе (метод самооценки экспертов).

По частоте выбора показателей экспертами на первом этапе социологического опроса было выделено 17 факторов, значимо влияющих на обеспечение информационной безопасности корпорации (далее по тексту ОИБК) в данный период времени: внимательность; знание правил обеспечивающих информационную безопасность; владение программными средствами; дисциплинированность; лояльность; владение методами защиты информации; благонадежность; текучесть кадров; ограничение носителей информации; эмоциональная устойчивость; объем информации; владение персональным компьютером; знание нормативно-правовой базы; развитие

информационной инфраструктуры; напряженность труда; заработная плата; социальная защищенность. Выявленные факторы были типологизированы в четыре интегральных показателя: когнитивный, социальный, информационно-технический, организационно-административный. Все вышеперечисленные показатели в разной степени влияют на обеспечение информационной безопасности, но, тем не менее, требуют пристального внимания со стороны руководителей корпорации, заинтересованных в сохранности своих информационных ресурсов. Для того чтобы знать, где нужно усилить обеспечение безопасности, необходимо своевременно и регулярно проверять каждый интегрированный показатель, так как влияние внешних факторов оказывает на него значительное воздействие.

На втором этапе исследования экспертам предлагалось оценить по десятибалльной шкале (1 – низкая степень влияния, 10 – очень сильная степень влияния) степень влияния факторов на конечный результат ОИБК, где допускаются одинаковые оценки для различных факторов, имеющие по мнению экспертов, одинаковую степень влияния.

Расчет весовых значений, полученных в результате математических операций, позволил определить коэффициенты значимости показателей с целью их дальнейшего использования в комплексной оценке состояния информационной безопасности в исследуемой корпорации: благонадежность (6,80); внимательность (6,75); знание правил обеспечивающих информационную безопасность (6,75); дисциплинированность (6,72); лояльность (6,67); владение методами защиты информации (6,60); текучесть кадров (6,28); ограничение носителей информации (6,16); эмоциональная устойчивость (5,72); объем информации (5,67); владение персональным компьютером (5,50); знание нормативно-правовой базы (5,50); развитие информационной инфраструктуры (5,45); владение программными средствами (5,33); напряженность труда (5,08); заработная плата (4,56); социальная защищенность (4,42).

Выявленные факторы, влияющие на ОИБК, способствуют анализу состояния информационной безопасности в корпорации. Е. П. Твокин в своих трудах говорит о трех способах (режимах) вовлечения социологических исследований (социологической информации) в управленческие процессы (методах организации социологических исследований): это мониторинг, аналитико-прогнозные исследования, экспресс-исследования [1]. С целью улучшения обеспечения информационной безопасности целесообразно проводить ее мониторинг.

В качестве эмпирической базы для мониторинга состояния информационной безопасности использовались результаты социологического опроса работников корпораций. На основании полученной информации было выявлено, что уровень ряда блоков недостаточно высок, данная ситуация требует дополнительных мер для их совершенствования. В связи с тем, что обеспечение информационной безопасности рассматривается как социальный процесс, меры воздействия для повышения уровня обеспечения информационной безопасности предлагается использовать социальные – социальный механизм управления.

В современном обществе происходит трансформация субъект-объектных отношений в процессе управления, так как все чаще используется патисипативное управление, социальное партнерство и другие подходы к управлению, основанные на субъект-субъектном ($S \leftrightarrow S$) взаимодействии. Руководители нуждаются не просто в объектах управления, а именно в активных, деятельных, самоорганизованных, сознательных субъектах управления, которые способны решать поставленные задачи самостоятельно и на высоком методическом уровне. Субъект-субъектное взаимодействие предполагает воздействие субъектов друг на друга, а не только на управляемый субъект. Субъект-субъектные отношения представляется как взаимовыгодное сотрудничество, что является необходимым в рамках ОИБК.

Процесс социального управления корпорацией построен на взаимном сотрудничестве ее субъектов на основе технологий управления-стимулирования, то есть, создания условий для повышения творческих инициатив сотрудников корпорации. Согласно предложенного концепта, целесообразно рассмотреть структуру социального механизма управления ОИБК состоящую из двух направлений.

Первое – организационно-административное. Оно представляет собой совокупность действий, направленных руководством корпорации на процессы обеспечения информационной безопасности.

1. Отбора и подбора кадров, ориентированных на конкретные задачи по ОИБК, где оценивается социальная компетентность личности, социальная позиция личности, социальная совместимость личности [2].

2. Создания службы (департамента, отдела, группы и т.д.) для ОИБК

3. Осуществление деятельности отдела по ОИБК
4. Диагностики ОИБК.
5. Принятия управленческих решений с целью мотивации персонала корпорации.

Второе направление социального механизма управления ОИБК основано на человекоориентированной политике, конструктивных и партнерских взаимоотношениях между всеми субъектами иерархической структуры корпорации. Человекоориентированное социальное управление корпорацией направлено на создание условий для стимулирования потенциалов и выражения творческих инициатив персонала корпорации, что способствует проявлению в них свободы и ответственности, а также росту правосознания и самосознания. В современной системе управления широкое распространение получает деятельность по развитию S↔S социальных связей на основе создания микроклимата в корпорации, которая характеризуется совокупностью следующих элементов:

1. Создание корпоративной культуры, способствующей созданию благоприятных условий для проявления лучших качеств людей-сотрудников корпорации, что, безусловно, позитивно влияет на ОИБК.

2. Привлечение сотрудников к управлению корпорацией, что накладывает ответственность за сохранность информационных ресурсов с целью достижения положительных результатов в деятельности корпорации.

3. Создание корпоративного средства массовой информации носит коммуникативный характер, являясь связующим звеном в S↔S отношениях, создавая возможность для всех субъектов корпорации своевременно получать актуальную информацию о существующих проблемах, изменениях, – иных событиях.

На основании структурной модели социального механизма управления ОИБК, каждому ее элементу может соответствовать набор социальных технологий, которые будут способствовать повышению уровня ОИБК.

1. Тавокин, Е. П. Управление. Социальное управление. Социология управления / Е. П. Тавокин. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 256 с.

2. Козачок, В. И. Социологическое обеспечение процессов формирования аппарата управления в федеральных органах исполнительной власти: дисс. док. соц. наук: 22.00.08/В.И. Козачок. – Орел, 2007. – 460 с.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Волкова К.В. (Санкт-Петербург)

Учащаяся молодежь является «репродуктивным, интеллектуальным и трудовым потенциалом страны». Здоровье данной социальной группы «определяет будущее государства, генофонд нации, ее научный и экономический потенциал, и, наряду с другими демографическими показателями является чутким барометром развития страны.» [7,17]

В начале 2000-х годов обнаружены негативные тенденции в отношении здоровья населения, в том числе такой социальной группы, как учащаяся молодежь, которые связаны с социально-экономическими трансформациями в 90-е годы в России. «Реформы, безусловно, нанесли ущерб состоянию здоровья людей, спровоцировав рост смертности, прежде всего трудоспособного населения». [1,9]

Согласно исследованиям Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ), неравенство в экономических возможностях оказывает как текущее, так и последующее воздействие на здоровье индивида. Это отражается в неравных адаптационных возможностях по сохранению здоровья, перенесению стрессовых ситуаций, физических и эмоциональных нагрузок. Экономические характеристики в большей степени отражаются на состоянии здоровья мужского населения. «Женщины легче переносят экономические сложности, поскольку активнее используют потенциал социально-культурных и семейных ролей, который имеет самосохранительный эффект в стрессовой ситуации». [3]

«Социально-экономический кризис 1990 года, отразившийся на состоянии здоровья населения, связанный с падением уровня жизни, социальной дезадаптацией, деградацией системы здравоохранения, был значительным и продолжает сохранять свое значение и сегодня». [6,53] По утверждению таких исследователей, как А.А. Шабунова, Н.А. Рыбакова «изменения, которые произошли в экономической, политической и социальной сфере в России приводят к повышению

общего уровня заболеваемости населения страны, они повлияли на социальное расслоение общества». [10,85] В результате данных изменений снизился уровень жизни населения, что «негативно отразилось на продолжительности жизни мужчин - 59 лет (136-е место в мире) и женщин - 72 года (91-е место в мире)». [10,85]

Ухудшение состояния здоровья такой социальной группы, как молодёжь, связывается исследователями с различными факторами. Как утверждает Римашевская Н.В., заведующая лабораторией гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. (ИСЭПН РАН), которая до 2005 года являлась директором ИСЭПН РАН, существуют два основных фактора «не здоровья» следующих поколений:

- социально-демографический;
- экономический;

Социально-демографический фактор связан с более низким здоровьем матерей, чем у женщин предыдущего поколения. «Каждый год новорождённые приходят с меньшим потенциалом здоровья». [8] Обратившись к данным Министерства Здравоохранения Российской Федерации, мы можем увидеть подтверждение факта более низкого здоровья матерей. Так, с 2000 по 2012 год в 1,5 раза возрастает количество осложнений при беременности, родах и послеродового периода у женщин России в возрасте 15-49 лет. Беременность и роды проходят сложнее, с большим количеством сопутствующих заболеваний. Каждому следующего поколения женщин становится сложнее переносить период беременности и проходить процесс родов.

Анализируя влияние второго, экономического фактора, можно увидеть, что Римашевская Н.М. прослеживает взаимосвязь между уровнем доходов и уровнем здоровья: чем меньше уровень доходов у семьи, тем ниже уровень здоровья её членов. [8] Позицию Римашевской Н.М. разделяет Кислицина О.А., доктор экономических наук, директор по научной работе ИСЭПН РАН. По мнению Кислициной О.А. «значительную роль в формировании здоровья детей играет жизненный уровень семьи, несмотря на то, что влияние этого фактора опосредованно. Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор материальных благ, который может способствовать сохранению и укреплению его потенциала. Низкий уровень доходов населения обуславливает невысокую покупательную способность, что сказывается на качестве питания семей, возможностях приобретения лекарств и витаминов для ребенка, его оздоровления в санаторно-курортных условиях и т.д.». [5,111]

Среди бедных домохозяйств самое больше место занимают семьи с детьми, «около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности, притом, что в общей численности домохозяйств семьи с детьми составляют 37%, в общем количестве бедных семей их 50–60%». [2]

В 2009 году Институтом социологии РАН проведено исследование «Здоровье студентов» в 10 городах России и Белоруссии, на основе результатов которого составлен сборник «Здоровье студентов. Социологический анализ». [4]

При проведении анализа данных Волковой К.В. было рассмотрено влияние социально-экономического фактора на отношение студентов к здоровью, а именно материального положения семьи. Результаты исследования показали, что, чем выше доходы в семье на человека, тем выше студенты оценивают уровень собственного здоровья. Так, согласно результатам анализа данных, обладают хорошим здоровьем в 1,3 раза больше студентов с доходом свыше 30 тысяч рублей на человека, чем студенты, где доход в семье на человека менее 15 тысяч рублей в месяц. Возможно, это связано с тем, что студенты из семей с высоким уровнем дохода могут позволить себе больше заботиться о здоровье, так как имеют больше материальных средств и времени, которое не занято работой, по сравнению со студентами, которые вынуждены подрабатывать, что в итоге негативно отражается на состоянии здоровья.

В результате проведения анализа была выявлена зависимость между материальным положением семей и регулярностью занятий физкультурой. Студентов, кто занимается физкультурой ежедневно и часто, в два раза больше среди студентов из семей с высоким уровнем дохода, чем из семей с низким уровнем дохода. Возможно, это связано с нехваткой времени из-за того, что практически каждый второй студент из семей с низким уровнем дохода не только учится в университете, но и работает. Это подтверждается результатами ответов на вопрос о причинах, по которым студенты не занимаются спортом. Для всех студентов, вне зависимости от материального положения семьи, нехватка времени является ведущей причиной, которой студенты объясняют то, что не занимаются физкультурой. Стоит отметить, что в два раза чаще, чем остальные респонденты, студенты с низким материальным положением указывают именно на эту причину.

Кроме того, это может быть связано с характером труда студентов. Так, среди работающих студентов из семей с низким материальным положением, большинство подрабатывают именно с помощью физического труда, где они получают физическую нагрузку.

В ноябре 2014 – январе 2015 года Волковой К.В. проведено социологическое исследование «Здоровье и самосохранительное поведение студентов города Петрозаводска», где целью являлось выявление факторов, влияющих на состояние здоровья и самосохранительное поведение учащейся молодежи г. Петрозаводска. В исследовании были опрошены учащиеся четырех учебных заведений г. Петрозаводска. Всего было опрошено 45 учебных групп (609 учащихся). Одним из результатов исследования был тот факт, что социально-экономический фактор оказывает влияние на самооценку здоровья учащихся. Чем выше материальное положение индивида, тем выше он оценивает состояние собственного здоровья. Студенты, которые считают, что обладают равным материальным положением с другими студентами из учебной группы, в 1,2 раза чаще оценивают здоровье, как хорошее по сравнению с теми, кто считает, что обладает разным материальным положением. Рассмотренное влияние социально-экономического фактора подтверждает гипотезу исследования: «Чем больше материальных лишений испытывает человек, тем ниже уровень его здоровья». Стоит отметить, что самооценка здоровья является реальным отражением состояния здоровья индивида. «Обнаружена довольно высокая степень соответствия самооценки и объективной характеристики здоровья (до 80%), выявленная в результате сравнения самооценок и данных медицинских карт». [9,94]

В заключении стоит отметить, что, статистические данные, результаты социологических исследований в России подтверждают наличие прямой зависимости между экономическим положением и состоянием здоровья российского общества, в том числе такой социальной группы, как учащаяся молодежь: чем выше материальные возможности индивидов, тем выше их уровень здоровья.

1. Величковский Б.Т. Реформы и здоровье населения страны (пути преодоления негативных последствий).- М.: 2001.-36 с.
2. Демографический ежегодник России 2009. Статистический сборник.-Москва: Росстат, 2009.
3. Журавлёва И.В. Отношение к здоровью как социокультурный феномен : автореф. дис....д-ра социол.наук : 22.00.04 - Социальная структура, социальные институты и процессы док. [Электронный ресурс]. - Электрон. ст. - URL: http://forum3000.ru/departaments/social/zhuravleva/1/glava_4.html#5, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. Рус (дата обращения: 14.02.16.)
4. Здоровье студентов: социологический анализ/ под ред. И.В. Журавлева.-М.: Институт социологии РАН 2012.- 252с.
5. Кислицына О.А. Состояние здоровья российской молодежи //Народонаселение.- 2012- № 2.- С.103-112.
6. Попова И.П. Мужчины и женщины в сферах занятости и здоровья: контекст девяностых/И.П. Попова //Женщина в российском обществе.- 2012.- № 2.- С.53-67.
7. Римашевская Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России / Н.М.Римашевская // Безопасность Евразии. - 2004. - N 1.- С. 17.
8. Римашевская Н.М. Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп. – 2012.– № 509-510.
9. Римашевская Н.М. Семейное благосостояние и здоровье: Проект "Таганрог-три с половиной" / Н.М. Римашевская.- М.: ИСЭПН РАН, 1997. - Т.1. С.85-112.
10. Шабунова А.А.Факторы, ограничивающие здоровье населения региона (на примере Вологодской области) /А.А. Шабунова, Н.А. Рыбакова, Г.В. Тихомирова// Социологические исследования. - 2009. С.85.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ОЦЕНКЕ ДОВЕРИЯ РЫНОЧНЫХ АГЕНТОВ

Голохвастов Д.В. (Санкт-Петербург)

Доверие понимается как «универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества» [5, с. 49].

Доверие как социальный механизм способствует организации коллективной жизни в отсутствии внешних источников управления и принуждения, таких как государство и закон. Доверие обеспечивает совместную деятельность и предполагает минимум затрат времени и сил на согласование действий, выполняет функцию социальной интеграции [6, с. 54] и поддержки социальной стабильности [7, с. 26]: «доверие и правдивость составляют простейший остов

общности» [13, с. 141]. Оно лежит в основе социального и культурного разнообразия [9, с. 81], солидарности и групповой идентичности, повышая ресурсы рационального диалога.

Доверие отражает ожидание благоприятных или нейтральных действий со стороны других лиц, организаций, групп [15]. Вероятность совершения таких действий оценивается высоко, что обусловлено опытом, знаниями и предположениями об объекте доверия.

Если исходить из предпосылки, что доверие в организации возникает на основе опыта коммуникативных актов [2], то можно говорить о постепенном накоплении «позитивных» результатов, способствующих нарастанию доверия, или негативных, приводящих к разрушению доверия. Необходимым условием взаимодействия является объективная взаимозависимость участников [9]: если поведение одного из субъектов способствует достижению целей, поставленных другим, субъект выбирает стратегию сотрудничества; если же в результате поступков партнера достижение этих целей затрудняется, то субъект вступает в конфликт, осознанный или неосознанный. Агентская теория выдвигает ряд методов преодоления проблемы асимметрии информации [4], социологический анализ позволяет опираться на идентификацию целей и ценностей между принципалом и агентом.

В случае, если от партнера ожидаются понимание и сотрудничество, субъект предоставляет партнеру максимально подробную информацию, и напротив, в конфликтном взаимодействии субъект скрывает свои намерения и знания об обстоятельствах взаимодействия или умышленно дезинформирует партнера [10]. Рамки дихотомии «доверия – подозрительности» [1] определяются представлениями субъектов общения о намерениях другого, т.е. подвержены влиянию атрибуции, восприятию поведения и приписыванию причин. В результате распределения доверительности, более высокая степень доверия ведет к конструктивному разрешению конфликта, подозрения – к его усилению. Акт доверия осуществляется, если субъект предполагает, что действия партнера направлены на повышение его благополучия и, во всяком случае, не наносят ему ущерба. Если же выбор стратегии действий обусловлен обратным предположением о намерениях другого, возникает подозрение к партнеру.

Необходимо упомянуть базовую установку доверия к миру. Чувство глубокого (базисного [16]) доверия к себе, к людям, к миру выступает в качестве «фундаментальной психологической предпосылки всей жизни» [14]. Доверие к миру отражает первую установку младенца, испытывающему чувство комфорта от процесса жизни. Затем эта установка составляет основу конструктивной адаптации в процессе взаимодействия человека со средой.

В условиях роботизации и усложнения производительной деятельности вопросы организационного доверия изучаются в социальной психологии и управленческих науках, изучающих эмоциональные и интеллектуальные способности индивида [11] в организационных бизнес-процессах. Доверие между рыночными агентами опирается на успешный опыт взаимодействия либо на репутацию агента, которую необходимо заботливо ограждать от негативных влияний, вплоть до умелого использования либо не-использования социальных сетей и иных коммуникационных каналов.

Организационная структура и культура образуют символическое и институциональное содержание внутренней среды, которые отражаются на межличностных (индивид – индивид), групповых (индивид – группа) и межгрупповых (группа – группа) отношениях. Подробный анализ доверия внутри организации в рамках указанных 3 типов отношений проведен в статье Калинина И.В. и Ашлаповой Е.В. [10] На проявление доверия влияют уровень и характер восприятия партнера по взаимодействию, эмоциональный фон. Организационное доверие проявляется в институциональной форме как системе «правил игры», нормативных поведенческих моделей [12], регулирующих условия обмена информацией и другими ресурсами, а также правил контроля и надзора за сотрудниками, а также в форме социально-психологического поля взаимодействий и построения взаимоотношений в структуре компании, основанных на представлениях и субъективных оценках коллег, организации и партнеров, которые зависят от удовлетворенности потребностей и ожиданий работников, ценностно-смысловых образований и индивидуально-психологических характеристик.

Таким образом, можно выделить институционально-нормативную, культурно-поведенческую (содержательную и феноменологическую) и структурную составляющие доверия. Доверие по отношению к рыночным агентам формируется с учетом социальных регуляторов, ценностных ориентаций и норм, выступающих в качестве границ допустимого совершения выбора и принятия решений. Принятие управленческих решений рыночными агентами находится в социальном пространстве, ориентированном по осям ценностей и осуществляется по «карте»

разрешенных каналов реализации интересов и целей, нарушение которых приведет к разрушению доверия и репутации как коллективного представления о конкретном агенте [3]. Можно также обнаружить темпоральные различия в формировании и разрушении доверия: кропотливый труд для создания доверительных отношений, как правило, требует нескольких лет выстраивания взаимных установок либо крайне интенсивных «проверочных» взаимодействий, в то же время разрушение доверия может произойти предельно быстро в случае нарушения норм поведения или межличностных обязательств, явных или неявных.

1. Deutsch M. *Trust and Suspicion // Journal of Conflict Resolution*, 1958, № 2, p. 265-279.
2. Авакова Э.Б., Покровская Н.Н. Коммуникативная эффективность как фактор доверия: анализ Эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций сотрудников организации // Актуальные проблемы социологии и управления : межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Н. Покровской, Э.Б. Аваковой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 159 с. – С. 5-13.
3. Голохвастов Д.В., Покровская Н.Н. Оценка доверия к рыночным агентам // *Личность и Культура*. – 2015. – №6. – с. 53-56.
4. Голохвастов Д.В., Покровская Н.Н., Смирнов П.Д. Системные нормативные регуляторы поведения рыночных агентов в условиях экономики знаний // *Социология и Право*. – 2014. – №4 (26). – С. 12-23.
5. Глушко И.В. Диалектика доверия и согласия в социальном дискурсе // *Теория и практика общественного развития*. – 2010. № 2. – С. 44-52. – С. 49.
6. Глушко И.В. Понятийная дихотомия «доверие-недоверие» в контексте мультиметодологии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 6.4.2. С. 53-56. – С. 54.
7. Глушко И.В. Социальное доверие в контексте модернизации общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 5.4.1. С. 24-27. – С. 26.
8. Донцов А.И., Полозова Т.А. Проблема конфликта в западной социальной психологии // *Психологический журнал*. Том 1. №6. 1980.
9. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // *Вестн. РУДН. Сер.: Социология*. 2003. № 4-5. С. 79-85.
10. Калинин И.В., Ашлапова Е.В. К вопросу о проблематике психологии доверия в системе внутриорганизационных отношений // *Рыночная психология в контексте русской ментальности (Региональный аспект) / По ред. Д.С.Точеного*. – Ульяновск: УлГУ, 2000. С. 181-191.
11. Львин Ю.М., Покровская Н.Н. Этика и психология экономических отношений. – СПб.: СПбГЭУ, 2015. – С. 28.
12. Покровская Н.Н. Ресурс времени в трудовых отношениях (график работы и нормативная культура работников) // *Труд и социальные отношения*. 2008. № 1. С. 31-37.
13. Поршнев Б.Ф. *Социальная психология и история*. М. : Наука, 1979. - С. 141.
14. Семья Г.В. Основы психологической защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // *Развитие личности*. – 2004. – №1. – С. 71-86. – С.
15. Шушпанов С.С. Доверие и справедливость: зависимость формирования представлений о справедливости от общественного доверия // *Известия ВГПУ*. – 2014. №3 (88). – С.9-13.
16. Эрикссон Э.Г. *Детство и общество*. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СТРАНЫ

Голубева К.А. (Москва)

В условиях нестабильности российской экономики, общество, характеризующееся высоким динамизмом в социально-экономической сфере, требует подготовки экономически грамотного человека, умеющего принимать нестандартные решения в разнообразных ситуациях экономической деятельности.

В последние годы всё больше внимания уделяется проблеме повышения финансовой грамотности населения. Многие эксперты говорят о необходимости увеличения знаний населения в области экономики и финансов. Так, по словам экс-министра финансов РФ А. Кудрина, если человек знает обо всех этих тонкостях или хотя бы ключевых вещах (касающихся финансовой

грамотности), то он может повысить эффективность использования своих денег процентов на 20% или на 30%. [3]

Финансовая грамотность – это совокупность навыков и знаний о финансовых продуктах, инструментах и услугах, а также умение применять их на практике с осознанием возможных последствий.

В 2011 году был создан проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», который реализуется Министерством финансов Российской Федерации совместно с Всемирным банком.

Целью Проекта является повышение финансовой грамотности российских граждан, содействие формированию у населения разумного финансового поведения, обоснованных решений, ответственного отношения к личным финансам.

В апреле 2015 г. НАФИ был проведен инициативный всероссийский опрос (N=1600), который показал, что россияне стали оценивать свои финансовые знания выше, чем два года назад.

Доля респондентов, считающих себя финансово грамотными, выросла и вернулась на уровень 2011 года (20%). Соответственно, выросло и количество тех, кто считает свои знания удовлетворительными (с 28% до 46% за два года). Сократилось также число тех, кто имеет неудовлетворительные знания в сфере финансов (с 49% до 34%).

Опрошенные старше 45 лет более склонны оценивать свои знания в финансовых вопросах как неудовлетворительные. Россияне в возрасте от 34 до 45 лет, наоборот, считают себя более финансово грамотными. [2]

Как уже отмечалось выше, финансовая грамотность – это, прежде всего, совокупность знаний и умений в области финансов. К финансовым знаниям относятся знания о финансовых институтах, финансовых продуктах, финансовых услугах и знание ключевых финансовых понятий. К умениям в области финансов можно отнести умение вести учёт доходов и расходов семьи, планировать бюджет семьи, делать сбережения, рационально принимать финансовые решения и, конечно, умение защищать свои финансовые интересы.

Повышение финансовой грамотности населения должно стать приоритетной задачей любого государства, так как от этого зависят дальнейшие перспективы экономического развития и роста. Особенно актуально это становится на сегодняшний день, когда на Россию оказывают давление страны Европы и США в форме санкций, идёт девальвация российской валюты, что обостряет кризисную ситуацию. В таком случае, поведение населения с высоким уровнем финансовой культуры делает экономику государства более устойчивой к внешним изменениям, так как население оценивает возможные риски своего финансового поведения, действует более рационально и осмысленно в условиях нестабильности на внутреннем и внешнем рынке и менее подвержено паническим настроениям в выборе различных финансовых услуг.

К высокому уровню финансовой культуры и финансовой грамотности можно отнести:

- наличие сбережений, которые в случае отсутствия постоянного дохода должны покрывать все расходы семьи на несколько месяцев;
- знание своих прав на финансовом рынке;
- кредитные расходы, не превышающие 25% дохода семьи;
- ведение учёта и контроля над своими доходами, планирование бюджета семьи;
- оценивание рисков финансовых вложений;
- преобладание инвестиций собственных доходов и богатства над кредитным поведением.

Так, например, неграмотное кредитное поведение населения подрывает экономический рост страны в целом. Если человек действует не рационально и не может рассчитать свои силы, появляются трудности в погашении кредитов. Отсюда появляется долг перед банками и государством. Для кредитора это неполучение ожидаемых денежных доходов в связи неплатежеспособностью заемщика, а для банков и государства это значит, что платежи по счетам могут быть задержаны или не выплачены вовсе, что может привести к проблемам в движении денежных потоков и неблагоприятно отразиться на ликвидности кредитной организации. Недостаток финансовой грамотности значительной части российского населения приводит к неэффективному управлению гражданами своими финансовыми обязательствами, что создает угрозу стабильности национальной финансовой системы и служит серьезным препятствием для обеспечения устойчивого экономического роста. [1]

В декабре 2015 года в г. Москве было проведено авторское эмпирическое исследование «Влияние семьи на формирование экономической культуры россиян», где использовался метод тестирования для выявления уровня финансовой грамотности респондентов. Тест был разработан Национальным агентством финансовых исследований, выборка составила 130 человек.

По результатам тестирования, всего 10% респондентов хорошо разбираются в финансовых вопросах, у 70% был выявлен средний уровень финансовой грамотности, а 20% не справились с тестом и показали плохой уровень финансовой грамотности.

Больше всего затруднений вызвал вопрос, касающийся необходимости ведения письменного учета доходов и расходов. 45% осознают необходимость его письменного ведения, но такой учёт не ведут.

Вопрос о сбережении средств для жизни на пенсии вызвал затруднение и 65% респондентов сказали о том, что на данный момент они не думают о пенсии.

Меньше всего (25%) опрошиваемых знают, куда следует направить жалобу, если не удалось урегулировать спор со страховой компанией самостоятельно. Остальные 75% и вовсе не знают правильного ответа на вопрос.

В целом, результаты тестирования оказались положительными, так как большинство справилось с вопросами теста и показали средний уровень финансовой грамотности. Но четверть респондентов оказались не сильны в вопросах обращения с деньгами, поэтому стоит принимать меры для повышения финансовой грамотности населения, так как от него зависит экономическое благополучие и развитие страны.

Исходя из всего вышесказанного, можно говорить о прямой зависимости уровня финансовой культуры населения и экономическим ростом государства. Сейчас активно создаются различные проекты по повышению финансовой грамотности, что говорит о том, что государству важно иметь экономически и финансово образованное население. Такое население менее подвержено финансовым махинациям и мошенничеству, что повышает финансовую безопасность граждан, а, следовательно, и страны в целом.

1. Кочмола К.В., Евлахова Ю.С. ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК ИНСТИТУТ ПОЗИТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ // Успехи современного естествознания. – 2008. – № 9. – С. 79-81

2. НАФИ: <http://nacfin.ru/rossiyane-stali-schitat-sebya-finansovo-gramotnee/>

3. ТАСС: <http://tass.ru/opinions/interviews/2120908>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВОВ К ТРУДУ У РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕСТОРАННОМ БИЗНЕСЕ

Голубкова О.А., Гусева О.Л. (Санкт-Петербург)

Основные проблемы управления персоналом современных фирм связаны с диверсификацией рабочей силы, вызванной условиями глобализации, демографической ситуацией в мире, а также с действием разнообразных факторов, таких как политические, экономические, социо-культурные, организационные, и т.д., которые формируют поведение работников. Поведение человека в организации имеет свои особенности, где важную роль играют доминирующие мотивы, потребности, интересы, установки, сформированные в условиях социально-культурной среды. Работник осознает свою роль и требования, предъявляемые выполняемой должностью с позиции своих социо-культурных предпочтений.

Кросс-культурное исследование трудовой мотивации у граждан США и РФ, работающих в сфере ресторанного бизнеса на территории США, позволило выявить влияние социо-культурных факторов на отношение к труду у представителей разной культуры. Выборка проведенного исследования составила 48 человек, из них 24 официанта, граждане Соединенных Штатов Америки, родившиеся в США, и 24 официанта, граждане Российской Федерации, родившиеся в России. Все 48 респондентов работали в кафе и ресторанах на территории США, в г. Норф Конвэй, как «Pizza hut» («Пицца – хат»), «Fishrestaurant» («Рыбный ресторан»), «Steakhouse» («Стейк Хаус»), «99».

Группа граждан РФ была представлена студентами в возрасте от 19 до 23 лет, из них 12 человек составляли юноши (50%), 12 – девушки (50%). Эта группа была сформирована из участников студенческой программы «WorkandTravel» («Ворк энд Трэвэл»), которая позволяет оформить разрешение на работу на территории США на летний период. Таким образом, срок действия разрешения на работу и необходимость возвращения в РФ и продолжать обучение в

ВУЗе способствовал тому, что опыт работы молодых людей не мог превышать 3 - 5 месяцев. Следует отметить также, что представители этой группы до посещения США не имели опыта работы в ресторанном бизнесе на территории РФ и не обладали специальными навыками и знаниями в данной деятельности.

Группа граждан США была представлена также студентами в возрасте от 18 до 23 лет, из них также 12 человек составляли юноши (50%), 12 – девушки (50%). Они также работали в студенческие каникулы, и имели опыт работы в местах общественного питания от 3 до 14 месяцев. Для представителей обеих групп работа официанта представляла собой временный заработок и не рассматривалась как возможность будущей профессиональной карьеры.

Во всех организациях общественного питания, где работали студенты из двух стран: «Pizza hut» («Пицца – хат»), «Fishrestaurant» («Рыбный ресторан»), «Steakhouse» («Стейк Хаус»), «99», присутствовала почасовая оплата труда и одинаковая возможность получения денежного вознаграждения за свой труд.

Система почасовой оплаты труда позволяет работнику самому планировать и регулировать свой ежедневный заработок. Она мотивирует работника к повышению производительности труда за счет увеличения часов работы с целью получения большей выручки. Следует также отметить, что в США культура общественного питания имеет массовое значение и является обыденным делом. Таким образом, кафе и рестораны всегда заполнены клиентами, что увеличивает не только интенсивность труда, но и уровень дохода официантов, тем более что система поощрения официанта в виде чаевых в США, как дополнительной формы его дохода, является элементом сложившейся организационной культуры.

Кросс-культурное исследование ведущих мотивов в трудовой деятельности у студенческой молодежи с помощью теста «Мотивы трудовой деятельности» [1] не выявило существенных различий в мотивационной сфере у граждан России и США. Тем не менее, по результатам теста было установлено, что финансовые мотивы в профессиональной деятельности наиболее значимы как для граждан России (mean = 20,75), так и для граждан США (mean = 22,63). Помимо финансовых мотивов к общим мотивирующим факторам, независимо к какой культуре принадлежит работник, относятся такие мотивы как содержание работы и достижения в труде.

Однако при внешнем сходстве значимости мотивационных факторов для граждан России и граждан США следует обратить внимание на нюансы их мотиваций к труду. Так, финансовые мотивы (материальный фактор) гражданами США оцениваются несколько выше, чем россиянами (22,63 к 20,75), при этом для них менее важно признание и вознаграждение (социальный фактор) по сравнению с гражданами России (17,08 к 18,00). Различия также наблюдаются при анализе менее значимых трудовых мотивов. Для граждан России менее значимым мотивом в труде является ответственность за свой труд, (mean = 13,75), для них характерно стремление возложить ответственность на плечи руководителя, либо других сотрудников. Граждане США же более самостоятельны и для них менее значимо то, какими будут отношения с руководителем (mean = 13,92).

Следует также отметить, что по результатам зарубежных исследователей русская культура относится к коллективистским культурам, а американская – к индивидуалистским. Коллективизм, как форма развития сотрудничающих взаимоотношений («один за всех и все за одного»), должна воспитывать в представителях своей культуры, в первую очередь, стремление к сотрудничеству. Иначе, можно было бы предположить, коллективизм и сотрудничество – это приоритеты для россиян, как представителей коллективистской культуры. Однако, работая не на Родине, а в другой стране, граждане России почему-то в меньшей степени стремятся к сотрудничеству по сравнению с гражданами США. По данному фактору средняя оценка у граждан РФ составила 15,29 баллов, у граждан США - 17,83. Иначе, для россиян, работающих на территории другой страны, сотрудничество оказалось менее значимым фактором в работе, чем для американцев, представителей индивидуалистской культуры, но работающих на территории родной страны. Поведение россиян может объяснить тем, что американцам не требуется адаптироваться ни к новым условиям, ни к требованиям новой культуры, что, в свою очередь, необходимо было россиянам при работе вдали от родной страны. Учитывая этот факт при управлении диверсификации рабочей силы, следует больше внимания уделять адаптационному периоду работников, меняющих не только условия труда, но страну своей деятельности.

Таким образом, с целью повышения производительности персонала и эффективности управления им в условиях глобализации и диверсификации рабочей силы необходимо учитывать не только значимость финансовых мотивов и оплаты труда для каждого отдельно взятого

работника, но и влияние социо-культурных факторов, формирующих его ролевые представления и отношение к труду. Так одни работники больше ценят самостоятельность и ответственность при выполнении профессиональной деятельности (граждане США), другие ожидают поддержку и признание со стороны руководства (граждане России). Независимо от страны и условий работы для успешной профессиональной деятельности работникам требуется своевременная поддержка и помощь, особенно в адаптационный период. В данном случае такие технологии в управлении персоналом как наставничество, обмен опытом, стажировка и т.п., то, что формирует у работника ролевую гибкость, позволяют ему быстрее адаптироваться к новым условиям, проявляя лучшие свои качества как представителя другой культуры..

Голубкова О.А., Сатикова С.В. Организационное поведение. Учебник и практикум. – М.: Издательство Юрайт, С.142-146, 2016.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ТРУДА: ПРЕДМЕТ И ЕГО СПЕЦИФИКА

Гонашвили А.С. (Санкт-Петербург)

Для понимания предмета политической экономии труда, стоит в первую очередь отметить, о месте труда в политической экономии. В классической политической экономии труд еще ставился во главу угла, однако уже в неоклассических и маржиналистских концепциях труд начал исчезать из поля зрения, что привело к тому, что труд стал, характеризоваться как «отрицательная полезность». Труд все больше рассматривался как орудие, посредством которого можно увеличить собственность и оборотный капитал. Однако в политической экономии социальное значение труда было восстановлено. Такое восстановление произошло в ключе теории трудовой стоимости. Хотя положение труда как созидательной потребительской стоимости не получило достаточного теоретического обоснования. Политическая экономия труда каждый раз приобретает форму особенной науки, отражающей специфику особенностей экономического развития того или иного периода времени. До возникновения капиталистического товарного производства она могла отражать движение общества, в которых господствовало производство потребительной стоимости. В дальнейшем она конвертировалась в теорию труда, где труд производит стоимость и прибавочную стоимость, что делает возможным говорить о наемном труде и его превращения в капитал. Говоря о месте труду в жизнедеятельности общества, В.Я. Ельмеев в своей книге «Социальная экономия труда» [1] отмечает, что труд является вечным условием человеческой жизни, общим для всех ее общественных форм, ибо каждое общество экономической основой своей жизни имеет труд.

Поняв, что труд является неотъемлемым элементом жизнедеятельности общества стоит перейти к непосредственному изучению труда и его специфики предмета в дискурсе дисциплины «политической экономии труда». Для того чтобы понять специфику предмета политической экономии труда в первую очередь стоит обратить внимание на два ключевых обстоятельства: во-первых, надо изучать труд с позиции всеобщего, присущего всем этапам развития человеческого общества, во-вторых, при изучении труда речь должна идти об особой специфики труда, объясняющей движение труда в пределах определенной общественно-экономической формации, как отмечает В.Я. Ельмеев отличной, например, от общества, в котором господствует капитал, наука, изучаемой политической экономией не труда, а капитала. Однако на этом фоне можно поднять вопрос возможно ли объединить два вышеуказанных подхода и понять, скажем, капитал с позиции превращения труда в капитал? Если рассмотреть труд с позиции источника богатства, то можно сказать, что при таком условии политическая экономия труда приобретает характер всеобщности, а точнее характер всеобщей науки, которая охватывает изучение всех общественно-экономических формаций и их исторических форм развития. В этом ключе можно сказать, что на фоне выше указанной всеобщности труд выступает как созидатель потребительской стоимости, а политическая экономия труда приобретает форму такой науки, которая демонстрирует нам специфические особенности экономического развития.

Давая определение политической экономии в широком смысле, стоит отметить, что политическая экономия – это наука об условиях и общественных формах, при которых происходит производство, обмен и распределение продукта, такое определение вполне может быть использовано для определения предмета политической экономии труда. В этом ключе стоит отметить, что производство – это в первую очередь труд, а обмен и распределение также касаются непосредственно труда в контексте его условий и результатов. Стоит отметить, что помимо труда

в предмет политической экономии должен входить сам носитель и субъект труда, а именно человек, при этом он должен рассматриваться не только с позиции стоимостного значения своей рабочей силы, но и со стороны определения рабочей силы как потребительной стоимости, которая реализуется в живом труде. В.Я. Ельмеев в своей работе отмечает, что стоит изучать в политической экономии труда обмен деятельностью и их результатами в форме потребительских стоимостей, реализующийся на основе потребления (обмен труда на труд). Одной из наиболее важных сторон предмета изучения труда является воспроизводство труда через его потребления, которое образует второй род производства, а именно сохранение и производство непосредственно человеческой жизни, а вместе с ней и самого человека. Завершая стоит отметить, что при изучении труда в контексте дисциплины политической экономии труда, труд должен рассматриваться не как источник стоимости, а как создатель потребительской стоимости, то есть в контексте производства и воспроизводства самого человека и его гармонического развития.

Завершая стоит процитировать В.Я. Ельмеева, который отмечал следующее: «Труд входит в предмет политической экономии не как технологический процесс, а со стороны своего общественного устройства, социальных отношений, складывающихся между людьми в трудовой деятельности и по поводу самого труда, его общественной организации. Данное обстоятельство позволяет политическую экономию труда называть одновременно и социальной экономией труда, и социологической наукой ...» [1, с 19.], что подчеркивает из выше сказанного социальную сторону труда и его роль в социальной жизни индивидов и общества в целом.

1. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общиe основы политической экономии. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2007. – 576 с.

РАЗРАБОТКА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ: ЧТО ДЕЛАТЬ И КТО ВИНОВАТ

Горелова И.В. (Волгоград)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №16-06-00027А «Закономерности эколого-экономического развития и их влияние на государственное стратегическое управление регионом».

Язык поколения, отношение к языку можно использовать как маркер происходящих в обществе изменений. Законодательные акты – не исключение. Использование в документах такого уровня понятий и терминов, не имеющих унифицированной трактовки, приводит к тому, что такие документы априори становятся невыполнимыми. Это рождает целый пласт проблем – от оценки деятельности чиновников до решения стратегических задач. В статье речь идет о проблемах, которые сопровождают процесс формирования муниципальных стратегий в контексте реализации закона о стратегическом планировании.

Language can be used as a marker of what is happening in society changes. Legislation is no exception. The use in documents of such level terms that do not have a unified interpretation leads to the fact that such documents a priori to be unworkable. This creates the problems – from assessing the activities of officials to the resourcing of the territories in the context of achieving strategic objectives. In this article we are talking about the problems that accompany the process of formation and implementation of municipal strategies.

У каждого времени свой язык. Язык, отражая происходящее вокруг нас, показывает уровень, качество и направление происходящих во всех сферах жизни изменений. Приходится подвергать толкованию ряд понятий в литературе прошлых веков, - не понятны они нам, нынешним. Написаны на том же языке, но ... Также и наши потомки будут оценивать наше время по языковым артефактам. По наблюдениям автора, работающего в высшей школе в тесном контакте с молодым поколением, происходящие процессы в языке свидетельствуют о нивелировании смысловой нагрузки современной речи, отражают своеобразный возврат в недавнее прошлое, в «лозунговое» мышление. Автору попал в руки забавный артефакт советского прошлого: на бумаге альбомного формата располагалась таблица, состоящая из трех столбцов, в каждом из которых размещались слова. Идея матрицы состоит в том, что, соединяя поочередно слова из представленных колонок, можно произнести речь на вполне понятном русском языке. Смысла только в этих предложениях нет никакого. Говорят, что предназначался данный инструмент для советских партocrats, которые, соединяя с помощью матрицы слова в предложения, могли продержаться на трибуне не один час.

Сегодня изменилось бы наполнение указанной матрицы, в нее поместили слова, отражающие эпоху, маркеры своего времени: вместо «перестройка», «гласность», «ускорение» появились «модернизация», «инновация», «инвестиция», «стратегия». Последнее из приведенных

понятий – «стратегия» - для государства имеет такое же значение как смысл жизни для человека – определенные и сформулированные ориентиры жизнедеятельности. Во всяком случае, так его трактуют теоретики стратегического менеджмента. Очевидно, что ориентиры должны быть реалистичны, достигаемы, измеряемы. Стратегический менеджмент – высший пилотаж, квинтэссенция и философия управленческого искусства. Но даже в сфере стратегического управления до сих пор нет унифицированного определения понятия «стратегия», и его использование в российском законодательстве создает дополнительные проблемы.

6 мая 2016 года в Волгоградском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ состоялась конференция «Муниципальные стратегии в системе стратегического планирования социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года», на которой присутствовали представители муниципалитетов региона. На конференции обсуждались проблемы, с которыми столкнулись местные власти при формировании стратегий обозначенного уровня. Одна из очевидных проблем обнаруживает себя в статье 39 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ-172): «По решению органов местного самоуправления могут разрабатываться, утверждаться (одобряться) и реализовываться в муниципальных районах и городских округах стратегия социально-экономического развития муниципального образования и план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования». Налицо парадокс: муниципалитет – самостоятельное звено в системе стратегического планирования в государстве, при этом разработка этих самых стратегий отдается на откуп самим муниципалитетам, а те, в свою очередь, могут эти стратегии не разрабатывать(?).

В процессе подготовки к конференции организаторы опросили ее участников на предмет выявления проблем, с которыми они столкнулись в процессе формулирования стратегий. Так, 61% респондентов на вопрос, с какими проблемами вы столкнулись при разработке и реализации документов стратегического планирования, отметили несоответствие между поставленными целями и ресурсными (финансовыми) возможностями, 43 % отметили большой разрыв между теоретическими разработками и реальной практикой, на отсутствие единой методики планирования указали 50% респондентов. Следует отметить, что единая методика по своему замыслу противоречит необходимости учета специфики каждого объекта стратегирования. Указанные проблемы нивелируют возможность консолидации усилий всех органов власти, о которой говорится в Указе Президента от 31 декабря 2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Обратимся к результатам анкетирования представителей муниципальных образований. Обращает внимание результат ранжирования проблем, которые требуют незамедлительного решения:

1. Занятость, низкие доходы, отток населения
2. ЖКХ, газификация, водоснабжение, ТБО
3. Финансирование со стороны субъекта федерации
4. Дороги
5. Медицинское обслуживание, учреждения культуры
6. Текущая работа с населением
7. Текущие проблемы муниципалитета как единого целого
8. Система налогообложения
9. Землепользование.

Такой результат говорит о «фрактальной» структуре обозначенных проблем: на муниципалитет возлагается решение проблем всех уровней государства, как раз первые из обозначенных входят в сферу полномочий высших уровней власти - федеральных и региональных.

Анализ понятий и терминов ФЗ-172 обнаруживает одну из главных проблем законодательства, регулирующего территориальное стратегирование – метафоризацию употребляемых понятий и терминов, и, как следствие, метафоричность самого законодательства. Поэтому Министерство экономического развития РФ задумалось о переносе сроков утверждения документов, объясняя это угрозой взаимной несогласованности документов стратегического планирования. ФЗ-172, анализируемый в статье (по состоянию на 01.10.2016), несмотря на свое почти двухлетнее существование и наличие большого числа противоречий, подвергся правке единожды. И правки касались перенесения сроков разработки документов стратегического планирования - 1 января 2019 года. В нашей стране такой показатель «изменчивости закона»,

скорее, невостребованности самого закона. Сравнение, например, с Налоговым кодексом РФ, явно будет в пользу последнего.

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ – СОЦИАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Горчакова Д. (Москва)

В данной статье проанализировано такое направление как неoinституционализм - одно из современных социальных течений экономической науки, сложившийся на базе научно-технической революции для разрешения накопившихся глобальных проблем человечества. В рамках данного направления рассмотрены основные его представители, которые утвердили возрастающую роль человека как основного экономического ресурса и создателя экономических и социальных благ, обратили особое внимание на социальные проблемы отдельных граждан и общества в целом, вывели особую роль социальных институтов. В статье рассмотрены и проанализированы работы представителей неoinституционализма, которые выявили способы создания сбалансированного общества в условиях глобализации.

This article analyzes neo-institutionalism - one of the modern social trends of economic science, formed on the basis of scientific and technological revolution to solve the backlog of global problems of mankind. Also the article describes its main representatives, who confirmed the increasing role of human resources as the main economic resource and creator of economic and social benefits. Paid special attention to the social problems of individuals and society as a whole, brought the special role of social institutions. The article describes and analyzes works of representatives of neo-institutionalism, who showed how to create a balanced society in the context of globalization.

Глобализация, происходящая во всех сферах жизнедеятельности людей, стимулирует огромные сдвиги в их сознании, а список достижений и проблем глобализации охватывает различные интересы, начиная с отдельного человека и заканчивая мировым сообществом.

На сегодняшний день достижения и проблемы глобализации - не просто ее последствия, а являются самовыражением этого сложного явления, управляемость которого исследует и стремится постигнуть как социальная, так и экономическая наука.

Если рассматривать развитие человечества на протяжении всего его существования, то стоит отметить, что глобальные достижения и проблемы цивилизации осознаны и подытожены только во второй половине XX века, когда резко возросла взаимозависимость стран и народов, произошли значительные природные изменения, потоки информации стали достигать гигантских размеров, а неразрешенность ряда глобальных проблем проявилась явственно и разрушительно. По сути, осознание глобальных достижений и проблем пришло тогда, когда, с одной стороны, человечество накопило огромный потенциал знаний, сделавших эти проблемы видимыми, с другой стороны, данный потенциал знаний не привел к тому, чтобы разрешить накопившиеся вопросы.

В современном мире внедрение научно-технических достижений является главным двигателем прогресса общественного развития и основой для разрешения накопившихся глобальных проблем человечества. На этом этапе стал возможен переход от капитализма к новой стадии развития общественных отношений. Именно на базе научно-технической революции возникли теории институционализма и неoinституционализма.

В настоящей статье рассмотрен и проанализирован неoinституционализм как одно из современных социальных направлений экономической науки, который отличается от других направлений отходом от абсолютизации технических факторов, большим вниманием к человеку, социальным проблемам. Неoinституционализм затрагивает такие понятия, как: «теория общественного выбора», «этическая экономика», социэкономика, где представителями являются: Р.Коуз, Джон Моррис Кларк, Адольф Берли и Гарднер Минз, Дж. Бьюкенен, и др.

На основе взглядов неoinституционалистов меняется и экономическая политика развитых стран в условиях глобализации. Главная идея современного неoinституционализма состоит в утверждении не только возрастающей роли человека как основного экономического ресурса информационного общества, но и в общей переориентации на всестороннее развитие личности. При этом, особую роль играют социальные институты:

1) они имеют первостепенное значение при решении ряда социальных и экономических вопросов,

2) они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов экономической теории.

Р.Коуз, положивший начало неонституционализму, лауреат Нобелевской премии по экономике, известный всем своей работой “Природа фирмы”, на протяжении практически всей своей академической жизни исследовал актуальные социальные проблемы индивидов в современной социальной реальности в условиях глобализации и достиг определенных успехов. Он пришел к выводу о том, что сокращение транзакционных издержек на уровне фирмы или между отдельными индивидами может привести к эффективной и устойчивой системе функционирования экономики.

В своей работе “Проблема социальных издержек” Р.Коуз пишет о том, что существуют “действия деловых фирм, которые оказывают вредное влияние на других. Стандартный пример - фабрика, дым которой отрицательно влияет на соседей”[1]. Также он приводит ряд примеров, в которых действия одних индивидов приводят к появлению социальных издержек других и вреду окружающей среды.

Его работа позволяет решить ряд актуальных на сегодняшний день социальных проблем, а именно – проблему социальных издержек и издержек, влияющих на окружающую среду:

1) когда заключается любая транзакция, она ведет к чрезвычайно большим издержкам, которые останавливают эту транзакцию. Цель – сокращение издержек. Ценовая система могла бы работать без издержек, но тогда такой мир был бы идеальным;

2) необходимо сравнивать выгоды от предотвращения ущерба с издержками, которые возникнут в результате прекращения деятельности, которая является причиной издержек;

3) когда мы сталкиваемся с действиями, порождающими вредные последствия, возникающая проблема не сводится просто к ограничению тех, кто является источником затруднений и беспокойства;

4) делая выбор между социальными установками, в контексте которых принимаются индивидуальные решения, следует учитывать, что изменение существующей системы, приведет к улучшению одних решений, и может одновременно ухудшить другие. Необходимо учитывать издержки функционирования различных социальных институтов (будь то рынок или правительственное учреждение), так же как издержки перехода к новой системе. Задумывая выбор, следует заботиться об общем результате[2].

Дж. Бьюкенен, экономист, известный своей “Теорией общественного выбора”, полноценно внес вклад в современные социальные направления экономической науки. В своей работе "Границы свободы. Между анархией и Левиафаном"[3] он проводит фундаментальный анализ проблемы политической легитимности. При каких условиях возможно принуждение индивида политической властью? В условиях роста взаимозависимости стран и всеобщей глобализации он исходит из предпосылки, что индивид - единственный “источник” создания экономических и социальных благ, из чего следует, что политическая власть должна основываться в конечном счете на согласии индивидов. Он говорит о постоянном выборе, с которым сталкиваются люди в любом современном обществе. Для него важно, чтобы каждый человек понимал границы своей свободы и чтобы существовало разумное ограничение политической власти, необходимость которой индивиды признают для того, чтобы избежать хаоса.

Джон Моррис Кларк известен своей работой “Экономические институты и благополучие людей”, в которой считает, что сбалансированное общество возможно создать благодаря постепенным изменениям, улучшающим социальное положение граждан, а не благодаря государственным мерам экономического урегулирования.

Существует еще ряд исследователей данного направления, работы которых актуальны в настоящее время.

Гэри Беккер, лауреат Нобелевской премии по экономике 1992 г., которая была вручена "за расширение области применения микроэкономического анализа к широкому кругу проблем человеческого поведения и взаимодействия, включая поведение вне рыночной сферы"[4]. Автор ряда выдающихся трудов, среди которых можно отметить: "Теория распределения времени", "Экономический анализ и человеческое поведение", "Человеческое поведение: экономический подход".

В своей работе "Экономический анализ и человеческое поведение" он утверждает, что существует определенное “своеобразие” экономического подхода к человеческому поведению”. Сложно определить, что же именно отличает его от других подходов. В настоящем очерке предпринята попытка выделить его главные отличительные признаки.

“Оставим поэтому в покое дефиниции, ибо я убежден, что экономическая теория как научная дисциплина более всего отличается от прочих отраслей общественнознания не предметом, а своим подходом. В самом деле, многие формы поведения составляют предмет исследования сразу нескольких дисциплин: например, проблема деторождения образует особый раздел социологии, антропологии, экономической теории, истории, биологии человека и, пожалуй, даже политологии. Я утверждаю, что экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения”[5].

“Экономический подход дает продуктивную схему для понимания всего человеческого поведения в целом, я не хочу умалять вклад других наук и, тем более, полагать, что вклад, вносимый экономистами, важнее всех остальных. К примеру, предпочтения, которые принимаются как данные и предполагаются стабильными в экономическом подходе, анализируются социологией, психологией и наиболее, на мой взгляд, успешно социобиологией”[6].

Таким образом, направление неинституционализма возродило социальный элемент экономической науки, где главную роль стали играть социальные институты. В настоящее время, в условиях глобализации, работы, созданные в рамках данного направления, остаются актуальными и требуют дальнейших исследований.

1. Р.Коуз. Проблема социальных издержек // LIBERTARIUM.RU: Институт Свободы. Московский Либертариум. URL: http://www.libertarium.ru/lib_firm05 (дата обращения: 15.05.2016).

2. Там же.

3. Дж. Бьюкенен. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // NOVSRU.RU: Новгородский государственный университет. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/istoch/%D0%91%D1%8C%D1%8E%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%20%D0%94%D0%B6.%20%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D1%8B.%20%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%20%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B5%D0%B9%20%D0%B8%20%D0%9B%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%BC.htm> (дата обращения: 20.05.2016).

4. Нобелевские лауреаты по экономике: Гэри Беккер // ECONOMICUS.RU: Галерея экономистов. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/becker/biogr/becker_b3.txt&name=becker&img=brief.gif (дата обращения: 20.05.2016).

5. Там же.

6. Там же.

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Горячева К.Е. (Москва)

В статье раскрывается содержание социального капитала в условиях трансформации социально-экономического развития. Проведен анализ состояния социального капитала, его взаимосвязи с социально-экономическим развитием. Разработаны теоретические основы мониторинга социального капитала.

The article considers the content of social capital in the conditions of transformation of socio-economic development. Author analyses the current status of social capital, it's interrelation with socio-economic development. The theoretical foundations of monitoring of the social capital were devised.

Ряд событий в 2014 (обострение международных отношений, резкое падение цен на нефть) привели к кризису в российской экономике. Началась трансформация социально-экономического развития – активного процесса функционирования экономической системы, в ходе которого наращивается экономический потенциал и на этой основе обеспечивается повышение уровня жизни жителей данной территории [1]. Особое значение в условиях трансформации социально-экономического развития приобретает социальный капитал, способный обеспечивать стабильность общества и социальных связей в нем. Его можно рассматривать как составную часть человеческого капитала, развитие которого, в свою очередь, – одна из российских стратегических целей [2].

В работах зарубежных социологов социальный капитал рассматривает в качестве ресурсов для инвестиций Дж. Коулмен, совокупности ресурсов, связанных и включенных в группу – П.

Бурдые, общепризнанных норм и ценностей, которые позволяют взаимодействовать – Ф. Фукуяма. В трудах отечественных ученых данная категория изучается в рамках различных дисциплин и на различных уровнях: на всей территории России, в русле социальной психологии – Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко и экономики – Л.И. Полищуком, в Красноярском крае, в русле социальной философии – Е.П. Порхачевой (Стариковой). В. В. Радаев дает такое его определение: «это совокупность отношений, которые связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций [3]». У вышеописанных концепций есть один общий изъян: на их базе крайне сложно вести регулярный мониторинг состояния социального капитала. Для более простого измерения можно задействовать такое определение: социальный капитал – это способность российского общества к улучшению взаимодействия на базе образовательной системы, профессиональной мобильности, коррупции и толерантности [4, стр. 728].

По мнению Ф. Фукуямы, сам полученный опыт высшего образования приводит к возникновению сообществ с формированием и поддержанием общих норм, участники которых имеют общие знания и опыт [5, стр. 110]. Респонденты дают среднюю оценку состоянию российской системы образования (41% оценил состояние как посредственное) [6]. Аналогичную оценку со стороны работодателей и всего населения заслужило и качество подготовки выпускников российских вузов (55% оценили его как среднее), что разительно отличается от оценки молодых специалистов (10% - очень высокое и 48% - скорее высокое) [7]. Опрошенные согласны с тем, что высшее образование служит для обеспечения хорошей карьеры и облегчения достижения жизненных целей (65%) [8]. Однако, 60% респондентов в принципе не заинтересованы в продолжении своего образования, получении другой специальности или дополнительных знаний, навыков, и, что неудивительно, здесь прослеживается обратная зависимость с возрастом (среди респондентов в возрасте 18-30 лет такой ответ дали 31%, а среди тех, кто старше 60 – уже 90%) [9].

Полномасштабные исследования профессиональной вертикальной мобильности не проводились с начала кризиса (на первый план в России выходит удержание уже имеющейся работы); для анализа доступны только оценки россиянами горизонтальной профессиональной мобильности, т.е. трудовой. Главные стимулы для переезда на заработки в другой регион России – более высокая зарплата (48%) и предоставление комфортабельного места жилья (42%). Каждый третий не согласится на переезд в другой регион России для трудоустройства ни при каких условиях [10].

Коррупцию можно рассматривать как негативное проявление социального капитала (положительный результат не для всего общества, а лишь для узкого круга лиц, участвующих в коррупционных схемах). Большинству респондентов (71%) никогда не приходилось давать взятки должностным лицам [11]. 2/3 респондентов дают высокую и очень высокую оценку степени распространения коррупции в обществе и каждый второй – высокую и очень высокую оценку коррупции по месту жительства (18% - очень высокая, 31% - высокая). Среди основных российских сфер и институтов, пораженных коррупцией – ГИБДД(ГАИ) (32%), сфера медицины (21%) и полиция (не включая ГИБДД(ГАИ) (21%) [12]. Высокая оценка уровня коррупции вкупе с отсутствием опыта дачи взяток вполне может быть вызвана тем, что сведения о коррупции опрошенные получают из «сарафанного радио» и СМИ.

Толерантность (как и коррупцию), можно рассматривать как негативный социальный капитал, когда ее уровень невысок. В настоящий момент у россиян проявляется этническая солидарность – согласие с утверждением «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности» [13, стр. 94]; так выражается насущная потребность в социальных связях, основанных на взаимоподдержке и взаимоуважении [14, стр. 409]. Толерантность – явление весьма не простое и не однозначное, как показывают результаты другого исследования: фиксируется небольшой численный перевес у сторонников идеи «Россия – для русских» (ее поддерживают 35% опрошенных и 25% называют ее фашистской). Половина опрошенных поддерживает лозунг «Хватит кормить Кавказ» (20% определенно поддерживает и 32% – скорее поддерживает). Единого мнения о том, как следует поступать с нелегальными иммигрантами из стран «ближнего зарубежья», не сформировано: 41% полагают, что помогать в ассимиляции и поиске работы в России, а 41% - выдворять их за пределы нашей страны [15, стр. 196].

В последние годы среди плеяды факторов, влияющих на состояние экономики (а, значит, и на выход из кризиса), все большую роль начала играть социальная сторона вопроса: это состояние социальных отношений, характер и качество связей между различными экономическими

субъектами и т.п.. Поэтому следует еще раз подчеркнуть, что для накопления социального капитала, работающего на благо всего общества, необходимыми условиями являются государственная поддержка российского образования на всех его уровнях, мониторинг ситуации на рынке труда, противодействие коррупции (здесь также очень важна помощь со стороны граждан) и формирование толерантных установок у населения (без слепого копирования у Запада).

1. Нагаева О.С. Создание условий для перехода сырьевой территории к устойчивому социально-экономическому развитию // *Современные исследования социальных проблем*, № 2/2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-usloviy-dlya-perehoda-syrievoy-territorii-k-ustoychivomu-sotsialno-ekonomicheskomu-razvitiyu> стр. 4 (дата обращения: 01.10.2016)
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/71296054/paragraph/148/doclist/0/selflink/0/context/человеческий_капитал:0 (дата обращения: 01.10.2016)
3. Татарко А.Н. Социальный капитал современной России: психологический анализ // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология*, № 3 / 2012. С. 68-82. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-sovremennoy-rossii-psihologicheskiy-analiz> (дата обращения: 01.10.2016)
4. Лапинов В.А. Социальный капитал развития современной России // *Развитие современной России: проблемы воспроизводства и создания. Материалы II международной научной конференции: сборник научных трудов / Под ред. Р. М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет, 2015. С. 722-732.*
5. Фукуяма, Фрэнсис. Великий разрыв: монография / Фрэнсис Фукуяма ; [Пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой]. – Москва : АСТ, 2003. – 476 с.
6. Пресс-выпуск № 3022. Система образования в России [Электронный ресурс]: 1991-2016. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 16-17 января 2016 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статпогрешность не превышает 3,5%. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556> (дата обращения: 01.10.2016)
7. Пресс-выпуск №3152. Высшее образование [Электронный ресурс]: контроль не ослаблять, качество повышать. Исследование проведено ВЦИОМ по заказу Федерального института оценки качества образования «ФИОКО» 16 - 24 мая 2016 г. среди взрослого населения страны (18 лет и старше) методом телефонных интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775> (дата обращения: 01.10.2016)
8. Пресс-выпуск №2757. Татьяна день [Электронный ресурс]: о бедном студенте замолвите слово. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 17-18 января 2015 г. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статпогрешность не превышает 3,5%. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115125> (дата обращения: 01.10.2016)
9. Интернет и образование [Электронный ресурс]. Пользуются ли россияне интернетом в образовательных целях? «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 19 июля 2015. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. – Режим доступа: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12256> (дата обращения: 01.10.2016)
10. Пресс-выпуск № 3004. Трудовая мобильность: 1990-2015 [Электронный ресурс]. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 27-28 июня 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статпогрешность не превышает 3,5%. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115521> (дата обращения: 01.10.2016)
11. Коррупция и взяточничество в России [Электронный ресурс]. Какова динамика уровня коррупции в стране? Как относятся к взяточникам? «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 28 декабря 2014. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. – Режим доступа: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912> (дата обращения: 01.10.2016)
12. Пресс-выпуск №2960. Коррупция в России: после «дела Гайзера» [Электронный ресурс]. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 10-11 октября 2015 г. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках

- России. Статпогрешность не превышает 3,5%. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115440> (дата обращения: 01.10.2016)*
13. Рыжова, С.В. *Этническая идентичность в контексте толерантности* / С.В. Рыжова. – М. : Альфа-М, 2011. – 280 с.
14. *Российское общество и вызовы времени. Книга вторая* / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2015. 432 с.
15. *Общественное мнение – 2015 [Электронный ресурс]*. М.: Левада-Центр, 2016 – 308 с. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/wp-content/uploads/2016/02/OM2015.pdf> (дата обращения: 01.10.2016)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Данилова Е.О. (Волгоград)

Внешняя трудовая миграция стала актуальной в контексте глобализации и обусловлена переменами в социально-экономическом пространстве российских городов. Общество как сфера хозяйственной жизни является пространством борьбы интересов и потребностей, а внешняя трудовая миграция как форма инвестиций в человеческий капитал предполагает возможность получать доход. Активизация внешней трудовой миграции на территории России приобретает наибольший размах в постсоветский период, благодаря чему увеличивается человеческий капитал в социально-экономическом пространстве российских городов. По мнению Г. Н. Тугускиной человеческий капитал, накопленный в результате профессионального опыта, содействует росту производительности и приносит доход [7].

Стоит заметить, что с 1990 г. в России реализуется новая стратегия в сфере рынка труда и занятости населения, призванная смягчить негативные последствия социального стресса после распада СССР. Так, с 2006 г. отмечался быстрый рост внешней трудовой миграции – ее количество превысило 1 млн. человек против 703 тыс. в 2005 г., 469 тыс. в 2004 г. и 380 тыс. человек в 2003 году [4]. Следовательно, социально-экономическое пространство российских городов изменялось в процессе трудового обмена, а внешняя трудовая миграция способствовала приросту численности трудоспособного населения. По данным международной организации по миграции Россия с 2005 г. заняла второе место среди стран с наибольшим миграционным приростом [8].

Социально-экономическое пространство российских городов заинтересовано в инвестициях в человеческий капитал, что предполагает дальнейшие изменения. Человеческий капитал внешних трудовых мигрантов в пространстве российских городов способствует увеличению занятости, росту производительности, а также пространство получает материальную выгоду, что позволяет преодолеть экономический кризис, восстанавливать упадочные отрасли хозяйства. С. В. Рязанцев подчеркивает, что основной привлекаемой в Россию иностранной рабочей силой на 2010 г. выступали граждане стран Центральной Азии: Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан [6].

Рынок труда как социальный механизм предполагает переплетение интересов работника и работодателя, интересы одних работников (внешних трудовых мигрантов) и других работников (местного населения) социально-экономического пространства города. Т. Г. Нефедова считает, что в целом миграционные процессы в российских городах указывают на то, что рынок труда отчасти компенсируется модернизацией городской экономики [5]. З. Т. Голенкова отмечает, что внешняя трудовая миграция выступает как один из генераторов формирования среднего класса в стране, как школа бизнеса и рыночных отношений (каждое пятое мигрантское домохозяйство в России на заработанные средства открыло свой бизнес) [3]. Тем не менее, по утверждению В. И. Мукомеля траекторией внешних трудовых мигрантов, только прибывших в Россию, является трудоустройство на менее престижное рабочее место, по сравнению с тем, которое они занимали ранее [2]. С одной стороны, внешние трудовые мигранты способствуют переориентации работодателей на использование более выгодного для них труда, но, с другой, способствуют конкуренции.

Внешний трудовой мигрант в качестве рыночного субъекта прежде всего направляет свой человеческий капитал на получение каких-либо личных социально-экономических выгод, но при этом он также способствует созданию общественных социальных благ. Поэтому важно выделить этапы социально-экономического пространства российских городов в постсоветский период, которые отражают особенности внешней трудовой миграции:

– Активизация миграционных процессов на территории России приобретает наибольший размах после распада СССР. Начало 1990 г. сопровождалось ростом мигрантов в небольших городах. В основном за счет приезжих из бывших республик СССР.

– С 2000 г. становится явной зависимость миграционной привлекательности малых городов от местоположения по отношению к крупным городам.

– С 2005 по 2016 гг. в современной России мы можем наблюдать активизацию внешней трудовой миграции, и в связи с этим продолжается реализация целенаправленной государственной миграционной политики, так как миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии России в 2014-2016 годах. Необходимо отметить, что в 2015 г. Россия находилась на 26 месте по уровню развития человеческого капитала, который включает в себя следующие показатели: образование, здоровье, занятость, инфраструктура и социальная мобильность.

Таким образом, за последние двадцать шесть лет произошли существенные изменения: кризисная обстановка в постсоветский период, выход экономики на рыночную основу, сокращение трудоспособного населения – все это поспособствовало формированию новой миграционной политики и позволило иначе взглянуть на человеческий капитал и внешнюю трудовую миграцию в социально-экономическом пространстве российских городов.

1. *Всемирный экономический форум: Рейтинг стран мира по уровню развития человеческого капитала 2015 года. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. (1 файл). – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2015/05/19/7160>. – 2016. – 10 октября. – Заглавие с экрана.*

2. *Мукомель, В. И. Мигранты на рынке труда: профили, мобильность, незаконная и неформальная занятость // Трудовая миграция: тенденции, политика, статистика. Материалы чтений памяти Е. В. Тюрюкановой. – М. : МАКС Пресс, 2012. – С. 126.*

3. *Наемный работник в современной России [Текст] / Отв. ред. З. Т. Голенкова. – М. : Новый хронограф, 2015. – 368 с.*

4. *Население России. 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / Под редакцией Вишневого А. Г. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 231-242.*

5. *Нефедова, Т. Г. Социально-экономическое пространство Ближнего Севера / Под. ред. Н. Е. Покровского // Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения. – М. : Логос, 2014. – С. 15-73.*

6. *Рязанцев, С. В. Трудовая иммиграция в Россию: старые проблемы и новые подходы к регулированию [Текст] / С. В. Рязанцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. – 2013. – № 1. – С. 3-14.*

7. *Тугускина, Г. Н. Особенности оценки человеческого капитала трудовых мигрантов [Текст] / Г. Н. Тугускина // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2014. – № 3. – С. 84-90.*

8. *Юдина, Т. Н. Миграционная политика как составляющая демографического будущего России [Текст] / Т. Н. Юдина // Социальная политика и социология. – 2007. – С. 90-101.*

ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВАЯ ДИАГНОСТИКА КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Дерюгин П.П., Сивоконь М. В., Панкратов В. О. (Санкт-Петербург)

Предсказания М.М. Ковалевского относительно укорененности общинного сознания в русском менталитете, - с одной стороны, и череда кризисов в современной российской экономике - с другой, показывают актуальность и современность предостережений великого русского социолога о недопустимости искусственности и поспешности в ломке социальных традиций при переходе к капиталистическим отношениям. В свое время Ковалевский критиковал Столыпина за «аграрную революцию» и попытки насильственного ускорения развития общества, подчеркивая важность естественной трансформации общины: «Общественные феномены управляются известными законами. Они не являются продуктами свободного выбора» - предостерегал Ковалевский [1, 127]. В его работах неоднократно доказывалась идея о важности последовательного и нескаткообразного перехода к новым формам организации трудовой деятельности, в особенности в российских условиях. [2] Община объединяла людей одним пространством проживания, кровными и семейными узами, совместным бытием. "Совместное бытие, - пишет Тённис, - это вегетативные сердце и душа общины. Все существование общины покоится на сознании совместной принадлежности и признании ее условием взаимной зависимости"... Из совместного бытия общины вытекает вся ее социальная структура - ценностное

единство ее членов, их единая воля, единые чувства и единое сознание: "Быть вместе означает принадлежать к совместно создаемому сознанию". [3]

Во многом общинный дух был характерен и для советского периода в развитии трудовых форм взаимодействия (труд и воспитание «в коллективе и через коллектив»).

Наши соотечественники фактически впервые столкнулись с новыми (капиталистическими) формами труда немногим более 20 лет назад, когда на арене экономики стали массово возникать корпоративные организации. Современные корпорации – действительные движители капиталистической экономики самым существенным образом отличаются от русских общин и советских коллективов. Они только внешне могут напоминать ушедшие в прошлое советские коллективы. Поэтому научное их исследование предполагает разработку и обсуждение специфических особенностей корпораций как объекта диагностирования, без чего невозможно получение надежных результатов. [4]

Наметим основную на наш взгляд проблему, наиболее значимую для организации социологических исследований корпораций. Это проблема определения сущности корпоративной организации, т.е. ответ на вопрос: чем корпоративная организация отличается от некорпоративной? Разброс определений корпорации как социального института чрезвычайно широк. Экономисты и управленцы, историки и философы, психологи и правоведы вкладывают в это понятие тот смысл, который целесообразен для интересов их конкретной науки. Далее, понятие корпорации трактуется неоднозначно в зависимости от принадлежности автора к различным регионам мира. Существенные различия есть в понимании этого феномена в американских и европейских исследованиях, еще больше таковых отличий в сравнении с японскими и восточными подходами. В - третьих, как минимум противоречиво воспринимаются корпорации на бытовом, нормативном и научном уровнях. Поэтому, нам представляется, что интегративный статус социологической науки (так считал М.М. Ковалевский) предполагает проведение обобщающего исследования и выявление базовых характеристик корпораций, показывающих ее как особую форму ведения хозяйственной деятельности.

К центральной особенности корпораций как социального института следует отнести специфическую роль цели, ради которой выстраиваются все другие элементы внутренней и внешней среды. Цель – это закон, определяющий все стороны жизнедеятельности корпораций. Как показывает анализ, цель деятельности корпорации признается ведущими специалистами-исследователями по корпоративной проблематике как решающее условие ее развития. Целям деятельности подчинены все последующие задачи и управленческие решения, структуры управления и мотивация, подбор, найм и обучение персонала, технологии управления и производства, короче: все, чем занимается корпорация, прямо или косвенно направляется на достижение ее целей. Высшей целью корпораций выступает монополизация рынка, которая неизбежно вытекает из самой природы капиталистического производства.

Какими социальными последствиями сказывается такая роль цели в проявлениях социального взаимодействия в корпорациях?

1. Консенсусный (т.е. договорной) характер межличностных отношений, построенных на согласии в понимании единства цели. Цель деятельности корпорации выступает референтом всякого общения.

2. Интерес достижения цели интегрирует волю участников, обособляя корпорацию и выделяя ее в закрытую социальную группу. Идентификационные признаки участников одной корпорации сказываются на их особых ценностях, интересах и мотивациях.

3. Процесс освоения целей, и их трансформация в систему ценностей участников корпорации – длительный эволюционный период, рефлексия «цели – ценности», в рамках которого личность охвачена отношениями, на основе которых и во взаимодействии с такими же другими людьми выстраиваются как типичные принципы и законы мышления, эмоциональные поступки, бесчисленные практики взаимодействия и пр. На коротких промежутках времени идейные или нравственные основания межличностного общения полностью заменяются силой влияния цели.

Практика организации социологических исследований корпоративных структур, на наш взгляд, поэтому, целесообразна, как исследование рефлексии по оси «цели корпорации – ценности сотрудников». [5]

Другим важным параметром таких исследований выступает деление ценностей сотрудников корпораций на ценности – цели и ценности – средства (Рокич). Так, например, в уставных документах ПАО «Газпром» обозначены такие терминальные ценности- цели как

прибыль, обеспечение потребителей природным газом и другими энергоресурсами, продуктами их переработки, освоение новых рынков, обеспечение надежности поставок, сохранение и защита экологии и др. К ценностям – средствам, обозначенным в кодексе корпоративной этики «Газпрома», утвержденном в 2012 году, были отнесены: профессионализм, инициативность, бережливость, взаимное уважение, открытость к диалогу, преемственность, имидж, компетентность, инициативность, способность предлагать новые подходы и идеи, стремление к самосовершенствованию, способность и готовность самостоятельно работать над повышением квалификации, творческий подход к работе, активность и самостоятельность мышления, готовность и способность брать на себя ответственность, личностные качества - честность, порядочность, искренность, доброжелательность в отношениях с коллегами, высокая внутренняя культура и самодисциплина и др.

Проведение пилотажных социологических исследований в четырех корпоративных организациях и полученные результаты позволяют говорить о перспективности обозначенных принципов построения диагностических процедур, основанных на предложенных методологических подходах.

1. Ковалевский М.М. *Современные социологи*. СПб., 1905, с.127.
2. Ковалевский М.М. *Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения*, ч. I. М., 1879.
3. Toennis F. *On Sociology: Pure, Applied, and Empirical. Selected Writings. Edited and With an Introduction by Werner Y. Cahnman and Rudolf Heberle*. Chicago: University of Chicago Press, 1971. p. 69.
4. Дерюгин П.П. *Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет*. Санкт-Петербург, 2001.
5. Дерюгин П.П., Рассказов С.В., Шиляева А.С., Сивоконь М.В. *Рефлексия ценностей и целей как основание диагностики организационной культуры. Дискурс. История. Философия. Экономика. Социология. Языкознание*. 3\2016 Изд. СПб ГЭТУ (ЛЭТИ)
6. Кодекс корпоративной этики ОАО «ГАЗПРОМ». <http://www.gazprom.ru/f/posts/00/302817/2012-07-30-codex-of-corporate-ethics.pdf>. Дата обращения 8.10.2016

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ Г.ЯРОСЛАВЛЬ

Дудина И.М., Круглова В.С. (Ярославль)

Переход России к рыночным отношениям обусловил радикальные изменения условий жизни всех социальных слоев общества, включая молодежь. С одной стороны, стали существенно более доступными потребительские товары и услуги, традиционно дефицитные в советское время. С другой стороны, произошло сильное расслоение социума по уровню доходов и качеству жизни. Оба этих фактора привели к трансформации экономического и, в частности, потребительского поведения населения. Сегодня практически во всем мире прослеживается четкая тенденция перехода от кредита как средства достижения определенной цели (покупки автомобиля, покупки телефона, планшета и т.п.) к формированию особого стиля жизни. Феномен потребления пронизывает повседневные практики индивидов всех социальных страт, однако именно молодежь все чаще рассматривается социологами в контексте демонстративного потребления.

Актуальность заключается в том, что умение привлечь к себе внимание, презентовать себя стало необходимым критерием достижения жизненного успеха. «Для современного общества характерен рост расточительства и, что еще более важно, изменение отношения к нему. Сегодня за расточительством стоит моральное убеждение в его полезности, оно более не осуждается».

Противоречие заключается в том, что с одной стороны, молодежь выбирает демонстративный стиль потребления, стараясь следовать модным тенденциям, навешанным обществом, а с другой - выбирая его, дистанцирует себя от стандартов, предлагаемых этим же обществом. К демонстративному потребительскому поведению их подталкивает само общество, в котором средства коммуникации и подвижность населения представляют индивида на обозрение многих людей, не имеющих никаких других возможностей судить о его почтенности, кроме тех материальных ценностей (и, вероятно, воспитания), которые он, находясь под непосредственным наблюдением, в состоянии выставить напоказ.

В течение апреля был проведен опрос по стандартизированной анкете. Целью данного опроса стало изучение мнения жителей города относительно демонстративного

потребительского кредитования. В ходе социологического исследования было опрошено 250 жителей Ярославля, из них 125 мужчин и 125 женщин в возрасте от 18 до 30 лет.

На вопрос «Был ли у Вас опыт получения кредита?» 24% мужчин и 28% женщин ответили положительно, 76% мужчин и 72% женщин ответили, что не брали кредит. В целом среди жителей Ярославля лишь 26% населения имеют опыт в получении кредита.

Из числа мужчин, которые имеют опыт в получении кредита, 50% брали его на покупку телефона, планшета и др. компьютерную технику, 33,33% на покупку автомобиля, и 16,67% на бытовую технику. Из числа женщин, которые имеют опыт в получении кредита, по 28,57% брали его на покупку автомобиля, телефона, планшета и др. компьютерную технику, одежду, 14,29% - на бытовую технику. В целом можно сделать вывод, что большинство мужчин и женщин (50% и 28,57%), у которых уже есть опыт в получении кредита, брали его на покупку телефона, планшета и др. компьютерную технику.

На вопрос «Какую часть своего дохода Вы отдаете (отдавали) на выплату кредита?» 66,67% мужчин ответили «от 10 до 25%», 33,33% ответили «менее 10%». Среди женщин 42,86% отдают (или отдавали) на выплату кредита от 10 до 25% своего дохода, и по 28,57% отдают менее 10% или от 25 до 50% дохода. Таким образом, можно сказать, что женщины готовы отдавать (отдают) большую часть своего дохода по сравнению с мужчинами.

С утверждением «Кредит – это возможность для пользования завышенными жизненными благами» согласилось 56% и не согласилось 36% мужчин, в то время как у женщин эти цифры составили 40% согласившихся, 44% не согласных с утверждением, 8% мужчин и 16% женщин - затруднились ответить.

Мы задали респондентам вопрос «Если бы Вы решили взять кредит, то на что?», и получили на него следующие ответы. 84% мужчин взяли бы кредит на жилье, 8% - на покупку автомобиля, по 4% - на получение образование и лечение. Среди опрошенных женщин мы получили похожие показатели – 80% женщин готовы взять кредит на жилье, 12% - на образование, и по 4% - на автомобиль и на свадьбу. При этом на выплату кредита мужчины и женщины готовы отдавать от 10 до 25% (68% и 64% опрошенных) своего дохода.

А так же респондентам было предложено несколько высказываний, с целью проанализировать их склонность к демонстративному потреблению. В результате обработки результатов пришли к выводу, что жители города склонны к статусной демонстративности. Это может говорить о том, что такой социальный фактор, как социальное окружение оказывает существенное влияния на появление у молодежи желания взять кредит.

Таким образом, подтвердилась наша гипотеза о том, что мужчины более склонны к демонстративному потребительскому поведению, чем женщины. Подтвердилась гипотеза о том, что большинство граждан хотели бы взять кредит на покупку автомобиля, телефона, планшета и др. компьютерную технику 50% мужчин и 41% женщин. Также мы опровергли гипотезу о том, что мужчины берут больше кредитов, чем женщины. Оказалось, что женщины имеют больший опыт в получении кредита (28% женщин против 24% мужчин).

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Еремичева Г.В. (Санкт-Петербург)

В России понятие прекариата, как нового социального образования, стало особенно популярным после публикации книги Г.Стэндинга [1]. Прекариат - это та часть наемных работников, которая занята неполный рабочий день или не на постоянной основе, находится в условиях жесткой зависимости от работодателя, без социальных гарантий и социальной защиты. Рост численности этой категории занятых и пополнение ее высококвалифицированными работниками с высоким уровнем образования вызывает серьезную озабоченность не только западных исследователей, но и становятся предметом острых дискуссии в российском сообществе.

Основным источником формирования прекариата являются гибкие рынки труда, стимулирующие появление новых форм занятости и многозанятость, которые в условиях высокой конкуренции на рынках рабочей силы жестко реагируют на изменения в соотношении предложения рабочей силы и спроса на нее, а также на колебание цены труда.

Расширение гибкого рынка труда в России обусловлено сокращением материального производства и увеличением сферы услуг. Оно сопровождается рассредоточением крупных производств на мелкие и средние предприятия, интенсификацией индивидуальной деятельности, надомничеством, вовлечением в трудовой процесс новых групп населения, например, мигрантов.

Структурные изменения рабочей силы связанные также с увеличением доли женщин, молодежи и работающих пенсионеров, заинтересованных в таком режиме работы, повышают спрос на подвижные формы занятости.

Важным условием формирования гибких рынков является опережающее развитие профессиональных знаний работников в сфере ИТ технологий. Компьютеризация почти всех сфер занятости интенсифицирует многие виды труда и изменяет представление о сущности нематериального труда, который производит не физические объекты, а информацию, идеи, состояния, отношения. Современный ритм работы становится намного более прерывистым, неустойчивым и неровным. [2]

Характеристиками гибкого рынка выступают:

- нестандартные формы найма работников (контрактная система, упрощение процедуры приема и увольнения);

- гибкие формы оплаты труда, система дополнительных вознаграждений по усмотрению администрации и работодателя;

- производственные задачи, позволяющие переводить работника с выполнения одного вида работы на другой, нередко без его согласия;

- изменение традиционных требований к рабочему месту работника.

Бесспорно, гибкие рынки могут рассматриваться как прогрессивные и перспективные. Они отражают не только объективный научный прогресс, но и позволяют работнику в рамках такого графика более полезно и эффективно использовать оборудование и свое рабочее время.

Однако, в условиях жесткой конкуренции на рынке труда, усилением зависимости работников от работодателя, сокращением социальных гарантий и защиты, высоким уровнем безработицы и значительной доли неформальной зоны занятости многие стороны такого рынка оцениваются неоднозначно.

Отношение работников к условиям работы, практикам, которые используются в режиме гибкого рынка, выяснялись в анализе текстов полуформализованных интервью, собранных коллективом сектора исследования социальной структуры СИРАН. В рамках, реализованных исследовательских проектов, в секторе накоплен огромный массив интервью с жителями СПб за период с 1993-2005гг. Получение поддержки РГНФ (проект № 15-03-00421) позволило возобновить интервьюирование, в котором участвуют не только бывшие информанты, но и их взрослые дети, живущие отдельно и умеющие свои семьи.

Для вторичного анализа были выделены семьи представителей «среднего класса» с высшим и средне-специальным образованием, средним возрастом 35-50 лет, с постоянным доходом и наличием собственности (средняя квартира, машина, дачный участок). На рынке занятости они преимущественно являются высококвалифицированными ИТР, работниками социальной сферы (врачи, учителя, средний медицинский персонал, работники сферы торговли), а также высококвалифицированными рабочими. По шкале самооценки они относили себя к низко и среднеобеспеченным группам. Многие информанты и члены их семей работают на нескольких работах, не отказываются ни от каких возможных приработков, как правило, это работа более низкой квалификации и престижа.

В качестве наиболее беспокоящих информантов были отмечены следующие негативные стороны работы в нестандартном режиме :

- На частном предприятии количество работников в полной мере зависит от работодателя, заинтересованного в росте прибыли и снижении стоимости рабочей силы. Поэтому численность работающих может быть увеличена или сокращена по его желанию. Нередко работники узнают об увольнении довольно поздно и без объяснения конкретных причин.

- Гибкие формы найма, и прежде всего, контрактная система вызывают неуверенность и страх потерять работу по окончанию контракта, а возможно и с нарушением его срока.

- Упрощенный процесс приема и увольнения работника, которые используются при заключении коллективных и индивидуальных, письменных и устных договоров приводит к тому, что работник не имеет возможности согласовать свое увольнение с органами занятости, с трудовой инспекцией или с профсоюзом.

- Декларируемая гибкость управленческой политики часто оборачивается нарушением трудового законодательства, условий труда или техники безопасности, заниженным доходом, отсутствием страховки и социальных гарантий.

- Установление и регулирование заработной платы нередко связано с тем, что вознаграждение работников определяется не коллективным договором между профсоюзом и

представителями администрации предприятия, а соотношением рыночных сил спроса и предложения на рынке труда.

- Подвижные режимы использования рабочего времени нередко оборачиваются сверхпереработками, дополнительной физической или интеллектуальной нагрузкой, стрессами, нарушениями функциональной смены рабочих мест независимо от профессиональных качеств работающего, по усмотрению администрации и др.

Нестабильность материального и социального положения, смена востребованности тех или иных квалификационных и профессиональных качеств работника, серьезно влияет на социальную мобильность в условиях работы на гибком рынке и имеет ряд важных социальных последствий.

В условиях гибкого рынка многие профессии теряют свое традиционное значение и престиж, хотя старые иерархии на профессиональных шкалах престижа еще сохраняются. Идентичность работника как профессионала становится гибкой и негарантированной, а выбор специальности, подготовка и поиск работы не связанными между собой актами.

Тревожным вызовом становится тенденция не только изменения социальной значимости ранее престижных профессий, но и общественного запроса на эти профессии

Утрата высокого рейтинга для высококвалифицированных профессий в различных шкалах престижа (прибыль, общественная польза, доверие, стрессогенность), снижает стремление молодежи к высшему образованию. А коммерциализация делает его еще более недоступным для выходцев из небогатых семей..

Поэтому многие информанты, работающие в условиях гибкого рынка, оценивают нестандартные формы занятости как социально незащищенные и негуманные. Считают, что некоторые удобства подвижного графика, оборачиваются подчас для работника гораздо большими потерями, чем видимость свободного рабочего дня и отсутствие постоянного административного контроля. Наиболее ощутимыми в этой связи оказывается неопределенность положения на рынке труда, неожиданный риск потери работы, а значит, рост безработицы, усиление ненадежности пожизненных карьер и как говорят информанты «обманутыми надеждами».

Все это отражается на траектории профессиональной занятости информанта, она не развивается целостно, линейно, а получает дополнительные разветвления, новые уровни измерений. Имеет так называемые «разрывности», которые описывают разрывы между реальной и нормативной последовательностью и длительностью переходов от одной статусной позиции к другой, препятствуют предсказуемому воспроизводству социальных лифтов.

Анализ показал, что, в целом, за прошедшее время представители низко и среднеобеспеченных групп в большинстве случаев не смогли в полной мере воспользоваться условиями новой экономической системы для осуществления вертикальной мобильности, поскольку социальные лифты так и остались для них закрытыми. Их социальная мобильность преимущественно реализовывалась в горизонтальном социальном поле. За прошедшие годы никто из них не смог серьезно улучшить свой социальный статус, реализовать свои профессиональные и квалификационные ресурсы в полной мере, хотя ими предпринимались различные попытки. Это свидетельствует о том, что происходит дальнейшее закрепление социально-статусных позиций за теми или иными социальными группами, сужение сферы их возможностей.

1. Стэндинг Г. Прекариат : новый опасный класс- М.: Ад.Маргинем Пресс,2014.328

2. Федеричи С. Прекарный труд: феминистская точка зрения. Posted on 21/10/2013 by Radio Westin

<http://tovaryshka.info/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4> (доступен 15.09.2015)

СТИЛЬ ЖИЗНИ ФРИЛАНСЕРОВ-СОВМЕСТИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ

Ефимов А.М. (Санкт-Петербург)

Фриланс – новая для России форма самостоятельной занятости специалистов, характеризующаяся производством и предоставлением того или иного товара или услуги без официального оформления трудовых отношений посредством информационно-коммуникационных технологий [Бурлуцкая, Харченко, 2013]. Она получила широкое развитие в нашей стране (преимущественно, в больших городах) в начале двухтысячных годов и продолжает стремительно развиваться сегодня.

Российский фриланс является достаточно специфичным. В то время как в странах Западной Европы и Северной Америки почти все специалисты фрилансеры являются абсолютно независимыми, т.е. самостоятельная занятость для них - основной вид профессиональной деятельности и главный источник дохода [Bögen hold, Heino nen, Akola, 2014], в России количественно преобладают фрилансеры-совместители, т.е. специалисты, занятые помимо фриланса в других видах деятельности. Согласно мониторинговому исследованию «Всероссийская перепись фрилансеров», проводимого НИУ ВШЭ и FL.ru только 34% российских фрилансеров являются абсолютно свободными профессионалами, работающими исключительно на фрилансе. Большинство же специалистов совмещают фриланс либо с основной занятостью в штате организации (40%), либо с обучением в вузе (8%), либо с работой по дому (7%) [Стебков, Шевчук, 2015]. Это порождает ряд последствий, определенным образом влияющих на формирование личности самого специалиста, результативность его работы, а также на его личную и семейную жизнь. В этой связи изучение стиля жизни фрилансеров-совместителей в условиях мегаполиса представляется особенно актуальным. Наибольший интерес представляет изучение проблемы самоорганизации личности, трудностей, с которыми сталкивается профессиональная группа совместителей в управлении своими ресурсами и поиске баланса между основной работой, фрилансом и личной жизнью.

Несмотря на возросший интерес представителей различных наук к исследованию проблем свободной занятости, вопросы трудовой мотивации фрилансеров-совместителей, их социального самочувствия, а также ценностных установок и предпочтений остаются малоизученными. Необходимость комплексного исследования стиля жизни данной профессиональной группы обусловлена, прежде всего, стремительным развитием неформальной занятости, ее возрастающим влиянием на рынок труда и государственную политику в сфере занятости населения, а также трансформацией ценностных ориентаций и установок современной молодежи - оплотом свободной занятости. Кроме того, изучение данной социальной проблемы поможет объяснить некоторые социально-экономические и ценностно-смысловые трансформации, которые произошли в современном российском обществе [Харченко, 2014].

В настоящее время существует значительное количество научных работ, преимущественно зарубежных, которые непосредственно относятся к теме исследования. Условно их можно разделить на две группы:

- работы, посвященные стилю жизни как исследовательской категории (зарубежные - М. Вебер, Г. Зиммель, И. Гоффман и др.; отечественные - К.А. Абдульханова-Славская, И.В. Бестужев-Лада, А.А. Возьмитель, Т.И. Заславская и др.);

- работы, посвященные социологическому изучению российских фрилансеров как специфической профессиональной группы (С.В. Водолагина, В.В. Вязникова, С. Горлова, С.А. Заиченко, В. Игнаткина, Г. Казаринов, К.М. Никуткина, А.О. Привалова, Д.О. Стребков, В.С. Харченко, А.В. Шевчук и др.).

В анализе жизнедеятельности фрилансеров категория «стиль жизни» понимается исследователями как «способ, которым живет индивид или группа, ценностный стержень, который направляет индивида на цель, определяет пути достижения успеха с точки зрения их приемлемости или неприемлемости в контексте его ценностного мира, помогает корректировать жизненно важные решения» [Омельченко, 2003].

Первые эмпирические исследования, посвященные стилю жизни фрилансеров (в т.ч. совместителей), появились в странах Западной Европы и США в начале двухтысячных годов. Монографии [Barley, Kunda, 2004; Osnowitz, 2010] и статьи в научных журналах [Dex, 2000; Evans, Kunda, Barley, 2004; O'Mahony, Bechky, 2006; Storey, Salaman, Platman 2005] были посвящены месту нового вида профессиональной деятельности в современной экономике, трудовой мотивации фрилансеров и специфике жизненных стратегий, которые они выбирают.

Поскольку в России уровень развития сферы фриланс один из самых низких в мире, примерно в два раза ниже в сравнении с развитыми странами [Вишневская, 2013], количество научных работ по данной тематике немного.

Как отмечают Д.О. Стребков и А.В. Шевчук, большинство исследований, посвященных фрилансу, выполнено с использованием качественной методологии и, соответственно, не позволяет выявлять взаимосвязи переменных и основные социально-экономические характеристики новой категории работников, вовлеченных в электронную самозанятость [Стребков, Шевчук, 2014]. Среди современных отечественных работ, посвященных анализу фриланса как социального явления и фрилансерам как новой профессиональной группе, наиболее

подробными и содержательными являются «Всероссийская перепись фрилансеров» - мониторинговое исследование Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука, и исследования В.С. Харченко, посвященные непосредственно стилю жизни фрилансеров.

Имеющиеся на сегодняшний день социологические исследования неформальной занятости показывают, что стиль жизни фрилансеров-совместителей характеризуется высокой трудовой интенсивностью, сравнительно невысоким положением свободы в иерархии ценностей, преобладанием в системе трудовой мотивации принудительных мотивов (заработная плата, достаток и т.д.) и высокой потребностью в самореализации. В условиях постоянной занятости фрилансеры-совместители зачастую испытывают трудности в построении семейной жизни и организации своего досуга. Это негативно сказывается на их социально-психологическом состоянии, и, зачастую, на соматическом здоровье. Однако одно преимущество перед «чистыми» фрилансерами у совместителей есть. Оно заключается в наличии различных социальных гарантий, которые предоставляет им официальный работодатель. Тем не менее, используются эти блага фрилансерами не всегда. Например, отпуск зачастую свободные профессионалы рассматривают не как возможность отдохнуть, а как возможность дополнительного заработка.

Таким образом сегодня необходимо изучать и описывать основные модели поведения российских фрилансеров и их практики совмещения личной жизни и работы.

1. Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 111–123.
2. Вишневецкая Н.Т. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 58–67.
3. Омельченко Е.Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж. 2003. № 18. С. 145–166.
4. Стебков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров) под ред. В. В. Радаева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 24–48. (Аналитика ЛЭСИ. Вып. 16).
5. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Рынки удаленной работы как объект исследования // Рынки удаленной работы: социальные сети и институты / под ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012г. С. 7–34. (Аналитика ЛЭСИ. Вып. 10).
6. Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.
7. Харченко В.С. Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики или новые смыслы // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 92–104.
8. Barley S.R., Kunda G. Contracting: A New Form of Professional Practice // The Academy of Management Perspectives. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 45–66.
9. Barley S.R., Kunda G. Gurus, Hired Guns, and Warm Bodies: Itinerant Experts in a Knowledge Economy. Princeton University Press, 2004.
10. Dex S., Willis J., Paterson R., Sheppard E. Freelance Workers and Contract Uncertainty: The Effects of Contractual Changes in the Television Industry // Work, Employment and Society. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 283–305
11. Evans J.A., Kunda G., Barley S.R. Beach Time, Bridge Time, and Billable Hours: The Temporal Structure of Technical Contracting // Administrative Science Quarterly. 2004. Vol. 49. Iss. 1. P. 1–38.
12. O'Mahony S., Bechky B.A. Stretchwork: Managing the Career Progression Paradox in External Labor Markets // The Academy of Management Journal. 2006. Vol. 49. No. 5. P. 918–941.
13. Storey J., Salaman G., Platman K. Living with Enterprise in an Enterprise Economy: Freelance and Contract Workers in the Media // Human Relations. 2005. Vol. 58. No. 8. P. 1033–1054.

СОЦИОЛОГИЯ ПЕНСИИ: РОССИЙСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ПОЛХОДЫ

Злотников А.А., Злотников А. Г. (Гомель, Республика Беларусь)

Рассматриваются актуальные проблемы изменения пенсионной системы на постсоветском пространстве. Выявлены различия в российском и белорусском подходах к ее проведению. Дана характеристика общих тенденций необходимости пенсионной реформы. Показано различие объективных условий реформирования пенсионной системы в сфере занятости России и Беларуси. Рассматривается степень обоснования проведения пенсионной реформы в России и Беларуси. Делается акцент на преимуществах стратегического подхода пенсионной реформы в России. Выявляется негативная тактическая направленность пенсионной реформы в Беларуси. Показано противоречие в

методологическом подходе пенсионной реформы в России и Беларуси. Дана экспертиза возможных последствий пенсионной реформы в экономической, социальной и демографической сферах Беларуси.

The urgent problem of changing the pension system in the post Soviet space is regarded. Differences of Russian and Belarusian approaches to its implementation are revealed. The characteristic of common trends should in proving of necessity pension reform is given. Differences of objective conditions of reforming pension systems in the field of employment in Russia and Belarus is shown. The degree of justification of pension reform in Russia and Belarus is considered. The emphasis on the benefits of the strategic approach of the pension reform in Russia is made. Negative tactical targeting of pension reform in Belarus is revealed. The contradiction in methodological approaches to pension reforms in Russia and Belarus is displayed. Examination of possible consequences of the pension reform in the economic, social and demographic spheres of Belarus is executed.

Сегодня не только актуальной, но злободневной и самой сложной социологической проблемой России и Беларуси является проблема пенсии. Сложность ее решения связано и с укоренившимся в советский период менталитетом о патерналистской роли государства. Отметим, что только в трех новых независимых постсоветских государствах – Беларуси, России и Украины – возраст выхода на пенсию до сего года оставался таким, как он был установлен в 1929 г.: мужчины – в 60 лет, женщины – в 55 лет. Правда, в 2012 г. Украина приняла закон о поэтапном увеличении возрастного ценза выхода на пенсию. Но позже действие этого закона было приостановлено. Заявленные изменения в пенсионном законодательстве Украины были одним из факторов поддержки населением «революции достоинства».

В Беларуси с января 2016 г. в пенсионное законодательство были внесены изменения, связанные с расчетом определения трудового стажа для назначения пенсии. В соответствии с ними критерием определения трудового стажа стала деятельность граждан страны, связанная с отчислениями в фонд социального развития и подоходного налога. Этими изменениями при определении трудового стажа для назначения пенсии исключены периоды нахождения женщин в «декретном» отпуске, нахождения граждан на «больничном», срочной службы в вооруженных силах а также учебы в ПТУ, техникумах (колледжах), вузах и в очной аспирантуре.

Позже, в марте 2016 г. Указом Президента Республики Беларусь были внесены изменения в пенсионное законодательство страны, которыми поэтапно с 2017 г. будет увеличен до трех лет, как мужчинам, так и женщинам, возраст выхода на пенсию. Эта проблема повышения возрастного ценза выхода на пенсию является актуальной и для России. Фоном обоснования этого является демографическая ситуация.

И для Беларуси и для России характерны общие тенденции изменения демографической структуры населения. Беларусь характеризуется как стареющее общество, что подтверждает значительная и растущая доля пожилых людей. Так, доля пожилого населения Республики Беларусь (в возрасте 60 лет и старше) на начало 2015 и 2016 гг. составила соответственно 20,2% и 20,6%. Ожидается, что к 2030 г. доля пожилых людей в населении Беларуси вырастет до 28,0%. Выросла и ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖР) – с 71,1 лет в 1990 г. до 73,9 лет в 2016 г. И вроде бы демографическая ситуация, падение и численности и доли трудоспособного населения свидетельствуют о необходимости идти за Европой и увеличить пенсионный ценз. Но следует констатировать, что ОПЖР в Беларуси намного ниже, чем в 35 странах Европы, а также Австралии, Аргентины, Ирана, Канады, Китая, Мексики, Новой Зеландии, США, Японии. А в России ОПЖР еще ниже.

Но характеризуя ОПЖ в возрастных когортах, следует отметить, что многие недопонимают суть показателя ОПЖР. Он измеряет среднюю общую продолжительность жизни только тех, кто родился в конкретном году, если условия продолжительности жизни в различных возрастных группах останутся без изменений. Если условия жизни станут хуже, то эта продолжительность жизни, родившихся в том или ином году, может снизиться. Если же условия жизни (экономические, политические, экологические и др.) будут иметь тенденцию к улучшению, то вырастет и средняя продолжительность жизни этого поколения. К сожалению, главные показатели условий жизни – занятость и материальное благосостояние – не дают оснований для оценки этих условий, как улучшающихся.

По расчетам (на начало 2015 г.), средняя ОПЖ мужчин в возрасте 60 лет добавляет им еще 15,7 лет, а женщин – 21,9 лет. По этим расчетам у тех белорусских мужчин, которые достигли в 2015 г. возраста 65 лет, средняя ОПЖ составит еще 12,9 лет. Но вот у мужчин, достигших в 2015 г. 20-ти лет, средняя ОПЖ добавит им 49,1 года. Это означает, что у нынешних 65-ти летних мужчин средняя ОПЖ составит 77,9 лет, а у нынешних 20-ти летних мужчин средняя ОПЖ составит

только 69,1 года, а у тех мужчин, у которых ныне возраст 25 лет – 69,3 лет, т.е. у молодого поколения – в самом расцвете сил мужчин средняя ОПЖ будет примерно на 8-9 лет меньше. И потому последствия предлагаемой реформы по изменению сроков выхода на пенсию в большей степени затронут молодое поколение, чего не только этим поколением, но и разработчиками пенсионной реформы эта негативная перспектива не осознана.

Кроме демографической ситуации изменение пенсионного возраста органически связано и с напряженностью на рынке труда страны. Если в стране имеется избыток трудоспособного населения и наблюдается тенденция сокращения занятости, то повышение возрастного потолка выхода на пенсию – дело сомнительное. В условиях дефицита рабочей силы возрастной пенсионный потолок может быть выше. И в этом плане наряду с общими тенденциями в проведении пенсионной реформы Беларусью и Россией есть и существенные различия. Прежде всего, это различие объективных условий России и Беларуси в ситуации на рынке труда. В России – дефицит трудовых ресурсов, который восполняют трудовые мигранты (гастарбайтеры), а, значит, Россия объективно нуждается в изменении пенсионного возраста.

В Беларуси потребность в рабочей силе сокращается, происходит обвальное сокращение занятости в сфере экономики. Если бы Беларусь, как и Россия, испытывала бы недостаток в трудовых ресурсах, то проведение пенсионной реформы можно было бы и оправдать. Но трудовой потенциал Беларуси на своей территории полностью не используется. Белорусы составляют большой отряд трудовых мигрантов прежде всего на российском рынке труда. Только в 2015 г. более 307,5 тыс. граждан Беларуси поставлены на учет в России как трудовые мигранты.

Уже несколько лет на рынке труда Беларуси идет лавинообразное сокращение занятых в экономике, которое почему-то называют оптимизацией занятости (в экономической терминологии эта тенденция носит иное название – даунсайзинг (downsizing)). И, не решив проблемы с занятостью трудового потенциала Беларуси на своем рынке труда, повышение пенсионной возрастной планки и преждевременно и еще более усложнит не только экономическую ситуацию в стране, но и социальную.

Важное различие состоит в степени научного обоснования необходимости изменений возрастного ценза выхода на пенсию. Так, в России уже в течение нескольких лет проблема повышения возраста выхода на пенсию активно обсуждается научной общественностью, проводятся исследования в этой сфере, о чем свидетельствуют, к примеру, материалы последней Грушинской конференции. В Беларуси по этой проблеме начитывается ограниченное количество публикаций, одна из которых содержит итоги исследования Института социологии НАН Беларуси. Социологами выявлено негативное отношение населения к повышению пенсионного ценза. А ведь любые революционные преобразования (а изменения в пенсионном законодательстве) должны опираться и на субъективный фактор. Если кому-то не нравится марксистский вывод (В.И. Ленин: когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой), то классический вывод либерализма (Л. фон Мизес: самые хорошие теории бесполезны, если не разделяются общественным мнением, и не могут работать, если не принимаются большинством людей) также свидетельствует о решающей роли общественного мнения в социальных и экономических процессах.

Но эти методологические выводы в реформировании пенсионной системы в Беларуси не в почете. Доминирует вторая точка зрения, отраженная в книге «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси», изданной под редакцией помощника Президента Республики Беларусь по экономическим вопросам, идеи которой и легли в основу принятой в Беларуси пенсионной реформы.

Существенным различием является и то, что в России, размышляя над последствиями пенсионной реформы, ее введение рассматривают с глобальных – стратегических позиций, а в Беларуси ее пытаются решить сиюминутные, т.е. тактические задачи. В России осознано, что прежде чем приступить к любому реформированию, особенно в социально-экономической сфере, необходимо провести социологическую экспертизу реформаторских инноваций. Иначе, может получиться по Черномырдину «хотелось, как лучше, а получилось, как всегда». И потому, несмотря на объективную потребность министр по труду Российской Федерации М.А. Топилин считает, что повышение срока выхода на пенсию вряд ли принесет выгоду бюджету.

Неоднозначной является связь процесса старения населения и их социального обеспечения. Высокий удельный вес пенсионеров в населении страны (почти четвертая часть) ложится бременем на социальное обеспечение. И на основе этого роста, а также на проблемах бюджета страны и делают упор те, кто ратует за изменение пенсионной возрастной планки.

Изменения пенсионной возрастной планки в Беларуси направлены на решение проблем бюджета страны и, вроде бы имеют демографическое обоснование. Аргументы ее сторонников – это соотношение населения в трудоспособном возрасте и пенсионеров, характеризующееся в настоящее время, как 2,3 к 1. При сохранении прежнего срока выхода на пенсию это соотношение к середине 2020-х гг., считают они, может снизиться до уровня 1,9 к 1. Повышение же возрастной планки выхода на пенсию и корректировка требований к определению трудового стажа для получения пенсии предполагает доведение этого соотношения через 10 лет до 2,4-2,5 к 1. Да, такая тенденция может иметь место.

Главная цель повышения пенсионного ценза в Беларуси – это не столько забота о людях, сколько забота в сложных финансовых условиях – это как-то сократить расходы на выплату пенсий и дефицита бюджета путем ограничения доходов не только работающих пенсионеров, но и вообще трудящихся. Но эта, вроде бы «обоснованная» экономия фонда социальной защиты, как это ни странно, может тяжестью лечь на эти фонды, еще более дестабилизировав всю бюджетную и пенсионную системы.

Какие это, на наш взгляд, проблемы для фонда социальной защиты, которые может породить увеличение пенсионного ценза? К пенсионному возрасту многие подходят уже с подорванным здоровьем, особенно женщины, что чревато увеличением численности работников, находящихся на «больничном». Хотя смертность среди мужчин и выше, но здоровье женщин старше трудоспособного возраста хуже (наличие хронических заболеваний и особенно их психологическое состояние – хуже).

Более поздний срок выхода на пенсию увеличит и количество тех пожилых работников, которые будут уходить на «больничные». Это негативно скажется и на рождаемости: исключение из стажа для назначения пенсии отпусков по уходу ребенка и нахождения на больничных по уходу за ребенком, во-первых, вряд ли будет стимулировать желание женщин рожать, в ущерб будущей пенсии, а во-вторых, может сказаться на ухудшении в связи с последним обстоятельством состояния здоровья малолетних детей, ибо и сейчас много случаев, когда женщины, работающие в частном бизнесе, своих не вылечившихся детей ведут в детские сады, создавая угрозу для здоровья других детей. Это естественно повысит нагрузку на те же социальные фонды, тем более, что выплата пособий по больничному листку значительно выше размера пенсии. И этим сокращаются возможности республиканского фонда социальной защиты населения в деле стимулирования рождаемости, как источника будущего трудового потенциала и улучшения ситуации в демографической нагрузке населения.

Т.о. демографический и социальный факторы пенсионной реформы свидетельствуют, что обоснованных предпосылок повышения пенсионного ценза в Беларуси не имеется. Отметим, что в конце 1990-х годов в некоторых странах (Ирландии, Италии, Канаде, Люксембурге и Франции) происходило даже понижение возраста выхода на пенсию с одновременным ужесточением в отношении досрочных пенсий по старости.

В деле проведения пенсионной реформы в России и Беларуси отличаются и методологические подходы. В России наблюдается сотрудничество разнообразного круга специалистов – демографов, социологов, экономистов, психологов, геронтологов, медиков, политологов, юристов, футурологов и др. В Беларуси прежде всего это интересы финансистов, о которых говорят, что они вместо четырех арифметических действий знают только одно – отнять. Это отражает хроническую неспособность белорусских управленцев и финансистов обеспечить эффективную работу экономики, ибо если в стране бесперебойно работает экономика, обеспечивающая занятость рабочей силы, то соответственно и обеспечено пополнение фонда социальной защиты, формирующего пенсионные выплаты и пособия.

Есть проблемы и социальной справедливости, в частности, в отношении работников правоохранительных и силовых структур. Работающие управленцы, бухгалтера, паспортисты, вахтеры и др. специалисты в этих структурах уходят на пенсию досрочно в отличие от подобных специалистов в других структурах (скажем, на промышленном или сельскохозяйственном предприятии). Но при этом не может быть усредненного подхода. Не умаляя и не преувеличивая специфики и особенностей того или иного вида труда (деятельности), вместе с тем очевидно, что есть проблема при определении возраста выхода на пенсию учета специфики и принадлежности будущих пенсионеров к той или иной социальной общности (профессиональной группе). Если человек большую часть трудовой жизни провел за станком стоя, то здесь пенсионный возраст может быть меньшим. Население, и даже молодежь, в большинстве своем не поддерживают идею

повышения пенсионного возраста, что выявило пробное исследование среди студентов Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

А это значит, что проводить ее надо взвешенно. Здесь недопустим односторонний монистический похода, недопустимы узковедомственные механизмы решения социальных проблем. Вопросы повышения возраста выхода на пенсию целесообразно решать во взаимосвязи и параллельно с повышением качества жизни. Во главу экспертной оценки этих изменений необходимо ставить не только (и не столько) финансовые проблемы, сколько демографическую экспертизу: как это скажется на ближайшей перспективе в тенденциях рождаемости. И как это скажется в более отдаленной перспективе на соотношении численности населения трудоспособного возраста и численности пенсионеров.

Конечно, несмотря на все минусы предлагаемой пенсионной реформы, которая рано или поздно произойдет, следовало бы ее связать с реализацией активной демографической политики. Речь идет об учете репродуктивной активности женского населения. Необходимо обеспечение, если не расширенного, то хотя бы простого демовоспроизводства. В этом плане было бы правильным учитывать в пенсионном обеспечении женщин их репродуктивную активность, т.е. зависимость величины пенсии от количества родивших и воспитавших ими детей. Нами в течение последних четырех лет в рамках социолого-демографического мониторинга задавался вопрос «Может ли повысить рождаемость назначение большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших детей?». Две трети (стабильный показатель ответов женщин активного репродуктивного возраста) разделяют такую возможность. Удельный вес респондентов, (женщин, в основном, от 20 до 35 лет), ответивших на него утвердительно составил в 2012 г. – 58,9%, в 2013 г. – 61,4%, в 2014 г. – 61,2% и в 2015 г. – 67,3%. Это обусловлено тем, что женщины, которые дали более высокий прирост трудового потенциала, обеспечивают экономический рост и пополнение бюджета, в т.ч. формирующего и бюджет социального обеспечения. Это означает, если около двух третей женщин активного репродуктивного возраста смогли бы с перспективой получать хорошую пенсию за рождение хотя бы третьего ребенка, то коэффициент суммарной рождаемости уже смог бы быть на уровне простого замещения поколений (2,14-2,15).

БИЗНЕС-ФИЛОСОФИЯ «КАЙДЗЕН» И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

Ивчик В.В., Ивчик Т.В. (Горки, Республика Беларусь)

В настоящее время глобальное распространение идей «Кайдзен» подтолкнуло многие компании к пересмотру традиционной парадигмы организации труда и позволило им повысить конкурентоспособность собственного бизнеса. Чем же эта организационно-управленческая модель привлекательна и сколь она приемлема для белорусской экономики, где рыночное реформирование осуществляется не радикальными методами, с сохранением высокой степени государственного регулирования?

Кайдзен – японская бизнес-философия, характеризующая систему взаимосвязанных действий, приводящих к повышению качества продукции, процессов и системы управления. Кайдзен – это система непрерывного улучшения качества, технологий, процессов, корпоративной культуры, производительности труда, надежности, лидерства и других аспектов деятельности компании [2, с. 10].

Основное внимание данная система фокусирует на «качестве» персонала, потому что именно от него зависит качество выпускаемой продукции и услуг, эффективность всей работы. Она нацеливает на вовлечение в процесс улучшения каждого работника – от руководителя самого верхнего звена, до рядового сотрудника. Каждый сотрудник организации предлагает небольшие улучшения на регулярной основе. Предложения делаются постоянно. В большинстве случаев они не носят архимасштабного характера, а являются незначительными усовершенствованиями. Предположения по улучшению, которые вносят сотрудники, могут не ограничиваться какой-то конкретной областью, например, производством или маркетингом. Кайдзен базируется на внесении изменений везде, где можно добиться улучшения. Суть системы в том, что большое количество малых, незначительных усовершенствований приводит к существенному улучшению качества во всех сферах деятельности организации [2, с.41].

Основу системы «Кайдзен» составляют пять ключевых элементов: командная работа, персональная дисциплина, высокое моральное состояние, кружки качества, предложения по улучшению. Чтобы она могла нормально работать и быть эффективным инструментом

повышения качества, в организации необходимо создать условия для их реализации. Внедрение системы «Кайдзен» на практике подразумевает следование основным принципам этой системы: организация рабочего места, устранение неоправданных потерь, стандартизация [1, с.94-96].

В Кайдзен-философии весомая роль отводится управленческому элементу, как комплексному контролю качества (ККК), благодаря которому происходит совершенствование менеджмента на всех уровнях. ККК связан с такими задачами управления, как организационное развитие, кросс-функциональный менеджмент, развертывание и осуществление политики. Другими словами, аппарат управления использует комплексный контроль качества в роли главного инструмента для улучшения общего результата своей деятельности.

В ККК наиважнейшей задачей является качество людей. Компания, способная эффективно интегрировать качество в своих сотрудников, наполовину готова к выпуску качественной продукции. Одним из инструментов внедрения качества является реализация системы предложений от работников организации. Верхнее звено управления должно разработать обоснованный план для обеспечения динамичности этой системы. Через собственные предложения работники участвуют в «Кайдзен», играют важную роль в повышении уровня стандартов и стремятся следовать им. Каждое предложение должно тщательно прорабатываться руководством и при необходимости вести к изменению принятых в компании стандартов.

Существенное отличие философии «Кайдзен» – формирование целеориентированного мышления, суть которого в концентрации усилий менеджмента сначала на процессе, а затем уже на результате. Что касается работы менеджера, то она состоит из двух главных частей, одна из которых – поддерживающее управление (контроль результата работы), а другая – управление, связанное с улучшением контроля процесса, приведшего к определенному результату.

Значение системы «Кайдзен» в настоящее время для белорусских предприятий велико, так как благодаря ей многие финансовые и маркетинговые вопросы успешно решаются, а стратегические задачи реализуются. Кроме того, выбравшим эту стратегию корпорациям удалось добиться заметного снижения затрат и улучшения качества товаров, повысилась производительность персонала, сократились сроки выполнения заказов и потребности в инвестициях. Принципы «бережливого производства» с очевидным экономическим успехом внедрены на ряде предприятий. К таковым относятся: европейская станко-инжиниринговая компания, г. Минск; концерн «БИАЛ», г. Минск (строительство и производство окон); ПО «Белкоммунмаш», г. Минск; предприятия «FENOX», г. Минск (производство автозапчастей); «Компо», г. Брест (производство оборудования для пищевой промышленности); «Радиоволна», г. Гродно (производство комплектующих для автотракторной техники) и др. [3].

В то же время в Беларуси многие компании, не зависимо от их размеров и видов деятельности, сталкиваются с определенными сложностями при внедрении философии «Кайдзен» на производстве. Вот некоторые из них: 1) основополагающие принципы этой системы коррелируются с японским менталитетом, неотъемлемой частью которого является способность к постоянному совершенствованию во всех аспектах жизни; 2) сознание белорусских предпринимателей пока еще не готово к тому, что постепенное, долгосрочное совершенствование отдельных элементов бизнеса даст ощутимые результаты только через несколько лет; 3) белорусские работники не желают проводить коррекцию в стиле поведения; 4) руководители отечественных предприятий не спешат разрушать патерналистские настроения работников, относясь к ним просто как к исполнителям. В результате идеи персонала не учитываются, их креативность остается не востребованной.

И все же, несмотря на наличие проблем, «Кайдзен» пробивает себе дорогу и у нас. Сама жизнь доказывает, что данная технология бережливости и качества вполне приемлема для белорусской ментальности; она способствует созданию творческой атмосферы, повышению лояльности сотрудников, обуславливает совершенствование производственного процесса, ведет к устранению простоев, обеспечивает быстрое внедрение перемен на конкретных участках производства, что позволяет поставить потребителям продукцию высокого качества по низкой стоимости и в кратчайшие сроки.

Резюмируем. В Республике Беларусь, при отсутствии центров «Кайдзен», проводящих масштабные пиар-акции, ЛИН-саммиты, производственные и аудиторные семинары-практикумы и тренинги с участием японских специалистов, кайдзен-мышление, по сути, проповедуется в масштабах всей страны и является, без брендового афиширования, одним из образующих векторов развития государства. Постоянное стремление к оптимизации и рационализации, борьба с издержками, нацеленность на лучшее качество продукции – главные постулаты философии

бережливое производства – стали основой формирования экономической политики. По нашему мнению, общие принципы государственного управления и организации порядка в Беларуси во многом совпадают с главными тезисами философии «кайдзен». И мы вправе констатировать, что в Беларуси строится «бережливое государство».

1. Бык, В.Ф. *Незапретные инструменты и методы повышения конкурентоспособности машиностроительных предприятий Республики Беларусь* / В.Ф. Бык // *Вест-ник ГГТУ им. П.О. Сухого*. – 2014. – №4. – С. 93– 98.

2. Масааки, И. *Кайдзен. Ключ к успеху японских компаний* / И. Масааки. – М.: Альпина Паблшер, 2013. – 274 с.

3. Хоббс, Д. *Перспективы бережливого производства в Беларуси* / Д. Хоббс, 2010. – Режим доступа: <http://www.krconsult.org/about/analytics/article/bertjilivoe/86.html>. –

Дата доступа: 29.08.2016.

МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ПОДСИСТЕМЫ МОДЕЛЕЙ КАПИТАЛИЗМА: КРИЗИСНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Ильин В.И. (Санкт-Петербург)

Модели капитализма

Современный капитализм - это сущность, являющаяся в разнообразных формах, которые можно классифицировать на основании тех или иных критериев. Один из них - роль потребителя в социально-экономической системе. В первой модели движущей силой экономики выступают индивидуальные потребители, создающие спрос на рынке. Это капитализм потребителей (consumer capitalism) или потребительский капитализм.

Во второй модели движущей силой выступает государство, формирующее заказ для ведущих отраслей промышленности с целью реализации своих политических целей. Это мобилизационный государственный капитализм, в котором спрос потребителей не влияет на положение системообразующих отраслей.

Модель мобилизационного государственного капитализма может вполне органично сочетаться с экспортно-ориентированным капитализмом, в котором движущей силой является спрос на глобальном рынке, который государство использует как рычаг укрепления державы. Здесь потребители также занимают периферийную позицию. Говоря в экономических терминах, государство идет на ограничение внутреннего потребления. Мобилизационный капитализм ориентирован на приоритет мощи государства, которая может измеряться в терминах либо геополитического, либо экономического влияния, что не исключает и их переплетения в тех или иных пропорциях.

Как правило, ни одна страна не могла себе позволить реальный баланс этих полюсов. Единственным историческим исключением стали только Соединенные Штаты, сумевшие сочетать две противоположные модели капитализма: это и развитый потребительский капитализм, и самый мощный в мире военно-промышленный комплекс, движимый государственными заказами.

Модели потребительского поведения

Каждая модель способа производства нуждается в адекватной ей модели потребительского поведения, обеспечивающей реализацию стратегических целей всей системы. Это позволяет конвертировать на микроуровне энергию индивидов в динамику экономической системы как минимум национального масштаба.

Для реализации логики потребительского капитализма необходимо максимально возможное превращение всего населения в активных и ненасытных потребителей. Экономика перепроизводства нуждается в культуре перепотребления, т.е. в консюмеризме (консьюмеризме).

Мобилизационный капитализм нуждается в совершенно иной модели потребительского поведения, вытекающей из политики ограничения внутреннего спроса. В основе этой модели аскетические практики. С одной стороны, они вынужденные. Перекос экономики в сторону создания фундамента роста державы не может не сужать внутренний розничный рынок как пространство потребительских возможностей. В этих условиях потребителю остается лишь принять существующее и искать пути оптимизации этих ограниченных возможностей. С другой стороны, чтобы ограничение потребления не вызывало серьезного внутреннего напряжения, угрожающего политической стабильности, необходима легитимация вынужденного аскетизма. С этой целью государство стремится пробудить в потребителе гражданина. Эффективная

легитимация идет по двум направлениям, которые вполне могут переплетаться или существовать изолированно. Первое — апелляция к национальной гордости, порождающей стремление построения великой державы. Второе — апелляция к фактору внешней угрозы. В осажденной крепости сетования по поводу плохого ассортимента сыра выглядят как вызов патриотизму, граничащий с предательством.

Россия на распутье

Исторически современная Россия вышла из экономики дефицита советского типа. Это хозяйство сугубо мобилизационного характера, несмотря на «основной закон социализма». Его суть состояла в том, что целью социалистической экономики является все более полное удовлетворение растущих потребностей трудящихся. Это была заявка на социалистический вариант общества потребления, однако в реальности выйти за рамки логики мобилизационного хозяйства и аскетической модели потребления не удалось. Таким образом, современная Россия имеет длительную и прочную традицию, укорененную в унаследованной от СССР структуре экономики и геополитике.

В ходе неолиберальных трансформаций 1990-х гг., имевших революционный характер (произошло качественное изменение способа производства) перед Россией открылись новые перспективы. Однако ее развитие в первое десятилетие было предопределено доставшимся в наследство от СССР хозяйственным комплексом, одним столпом которого была экспортно-ориентированная добыча сырья, а вторым — военно-промышленный комплекс. Сработал классический механизм зависимости от прошлого.

В результате в 1990-е гг. начала формироваться экспортно-ориентированная капиталистическая сырьевая экономика, в которой индивидуальные потребители играли совершенно маргинальную роль. Иначе говоря, роль потребительского спроса в динамике основных отраслей была минимальной. Неолиберальная революция, вдохновлявшая массы перспективой создания общества потребления, «как в цивилизованных странах», в реальности обернулась резким падением уровня жизни. В этих условиях доминирующей стала аскетическая модель потребления, по сути напоминавшая советский аналог периода упадка государственного социализма или даже послевоенного времени.

В нулевые годы на волне роста цен на энергоносители в стране началось формирование общества потребления. Его экономическим базисом стал потребительский капитализм, представленный в основном розничной торговлей и сферой услуг. Однако основным источником национального дохода оставался экспорт сырья. В результате в стране распространяется модель конюмеристского поведения, относительно жестко зависящая от состояния нестабильного мирового рынка энергоносителей. Российское общество потребления сразу приобрело резко выраженный очаговый характер, концентрируясь в отдельных зонах социального и географического пространства. В результате модели конюмеристского потребления повсюду переплетались с моделями поведения аскетического.

Во втором десятилетии XXI в. данная гибридная модель капитализма начала давать сбои. Уже с 1913 г. обозначились явные симптомы надвигающегося кризиса. Они стали очевидными с 2014 г. Обвал курса рубля в условиях сильной зависимости потребительского рынка от импорта вывел существенную часть населения из зоны общества потребления, вынудив перейти от конюмеристской к аскетической модели. Геополитический кризис, связанный с участием России в событиях в Украине и Сирии, вылился в войну санкций и антисанкций, что болезненно ударило по рынку продовольствия, а это стимулировало распространение аскетической модели индивидуальной мобилизации ресурсов. Поскольку экономический кризис развернулся в условиях развертывания Второй Холодной войны, то возникли возможности легитимации поворота к мобилизационной модели хозяйства и аскетической модели потребления в терминах патриотизма, необходимости защиты суверенитета, национальной безопасности, растущей внешней угрозы и т.д. Это симптомы возврата не только к потребительской модели эпохи общества дефицита, но и к ее идеологической легитимации. Этот поворот в сторону от общества потребления обозначился, но пока сохраняет статус возможной альтернативы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И МОДЕЛЕЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Ишмухаметов Н.С. (Уфа)

Обращаясь к вопросам потребительского поведения и моделей потребления домохозяйств, необходимо, прежде всего, отметить, что в экономической науке происходят значительные изменения в понимании концепции благосостояния, которые нацеливают исследователей вглубь потребительской деятельности домохозяйств, что невозможно без применения междисциплинарного подхода.

Нацеленность на анализ деятельности домохозяйств лежит, к примеру, в основе «Двенадцати рекомендаций» комиссии Стиглица [2], согласно которым привилегированное место в современном статистическом анализе должны занимать домохозяйства и их уровень жизни. Предлагается не только принимать во внимание наследство, внедрять в домохозяйства идею баланса с активами и пассивами (по аналогии с моделью предприятия), но и включать в статистический учет показатели деятельности внутри домохозяйств (например, уход за детьми, работа по дому и т.п.). На наш взгляд, успех исследования подобных показателей во многом связан с возможностями анализа на стыке экономики и социологии, в основе которого может лежать статистическая модель, позволяющая оценивать капитал в трех измерениях: человеческий, культурный, социальный капиталы.

Интересным представляется в этой связи анализ моделей потребительского поведения с позиций таких наук, как философия, социология, экономика, психология, проведенный в работе [1], где среди прочего анализируются правила, которыми руководствуется современный индивид в процессе потребления.

Ряд вопросов потребительского поведения, безусловно, лежит за пределами возможностей современной статистики, которая, тем не менее, предоставляет широкий инструментарий для мониторинга эволюции реальных доходов и потребления домохозяйств.

Домохозяйства – основные экономические субъекты, «создающие» человеческий капитал на индивидуальном уровне, прежде всего, через функцию потребления. Потребительская функция домашнего хозяйства реализуется, прежде всего, на стадии накопления человеческого капитала (наряду с функциями деторождения, социализации и рекреации). По утверждению Г.М. Россинской, «все функции домохозяйства так или иначе связаны с его потребительской функцией, иногда выступают её подфункциями, её составными частями, полностью или частично «встроены» в неё, либо являются самостоятельными функциями, которые реализуются посредством потребительской функции» [5, С. 93]. При этом с точки зрения модели потребления важно заметить, что домохозяйства в каждом акте потребления непосредственно проявляют себя как субъекты рациональной, либо иррациональной деятельности.

Из любой простейшей схемы функционирования домохозяйства в рамках потребительской деятельности видно, что модель иррационального потребления приводит к регрессу в развитии человеческого капитала, а затем и к социальной неустойчивости экономики, то есть к ухудшению важнейших социально-экономических индикаторов, описывающих воспроизводство таких форм капитала, как человеческий, социальный, нравственный: качество образования всех уровней, общественно-политическая, инновационно-творческая, социальная активность граждан, заболеваемость населения и ожидаемая продолжительность жизни, уровень доверия в экономике, обществе, духовно-нравственный потенциал. В этой связи нам представляется целесообразным мониторинг и дальнейшее изучение структуры потребления домохозяйств, в том числе потребления социальных услуг, предоставляемых государством, их качества и эффективности с точки зрения развития человеческого капитала.

Вместе с тем, потребление стоит в ряду тех категорий, анализ и измерение которых не может ограничиваться денежными (стоимостными) инструментами. Необходим своего рода «контент-анализ» натуральных показателей потребления в масштабах макроэкономики, который мог бы раскрыть основной вектор развития потребительской деятельности общества, его потребительских способностей. По нашему мнению, в структуре расходов на конечное потребление необходимо выделять «иррациональные расходы», которые содействуют развитию иррациональной деятельности, препятствуя формированию рациональных способностей в составе человеческого капитала. К таким расходам можно отнести, например, покупку алкогольных напитков, табачных изделий. Проведенный нами краткий анализ стоимостных и «контент-анализ» натуральных показателей по исследуемым видам потребительской деятельности [3] указывает на

существующую в России проблему нарастания негативных тенденций в этой сфере, а именно – сформировавшихся предпосылок для реализации на практике модели иррационального потребления (в частности, через рост потребления алкогольной продукции и табачных изделий).

В современной экономической науке статистически наиболее разработанными остаются показатели занятости и безработицы. Потребительная и социальная деятельность населения слабо охвачена статистическим учетом, что, на наш взгляд, объяснимо тем, что сущность, состав таких видов деятельности экономистами почти не изучены. По нашему мнению, косвенно о степени реализации потребительных и социальных способностей, условиях, динамике и направлениях их развития может свидетельствовать статистическая информация по отраслям культуры, отдыха и туризма.

Можно выделить как позитивные, так и негативные тенденции в условиях и динамике развития потребительских и социальных видов деятельности населения РФ. Среди позитивных можно отметить развитие массовых видов спорта, рост туристических поездок, а в числе негативных – снижение интереса к сфере культуры.

Потребительская и социальная деятельность современного человека, безусловно, не ограничивается показателями культуры, отдыха, спорта и туризма, что говорит о необходимости дальнейшего изучения столь актуальной проблемы как источники формирования той или иной модели потребления. Однако для нашего исследования здесь важна и сама постановка вопроса – роль современных социологических и экономических наук в углубленном изучении потребительской деятельности домохозяйств – и возможность ответа на него. Междисциплинарный подход к исследованию вопросов потребительского поведения и моделей потребления домохозяйств нам представляется весьма полезным и перспективным, как с теоретической, так и практической точек зрения.

Трудно не согласиться с мнением В.В. Радаева, что «социологии потребления следует преодолеть известную культурологическую заикленность и более активно обращаться к изучению экономических аспектов данной темы. Более тесное сочетание экономических и экономико-социологических подходов к анализу потребления позволит дать более объемное представление о современном развитии общества потребления – с его отчуждающими и инновационными практиками, с теми сложностями, противоречиями и новыми возможностями, которые оно порождает [4].

1. Гуцина Е.Г., Витальева Е.М. Модели потребительского поведения индивида с точки зрения различных наук // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. - 2012. - №2. - С.136-142.

2. Доклад Франции об измерении эффективности экономики и социального прогресса. Доклад Национального института статистики и экономических исследований. - URL: <http://unstats.un.org/unsd/statcom/doc11/2011-35-France-R.pdf>

3. Ишмухаметов Н. С. Человеческий капитал: специфика и условия его развития на стадии постиндустриализации: диссертация кандидата экономических наук: 08.00.01 / Челябинский государственный университет. – Уфа, 2011. – 221 с.

4. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы. - URL: http://ecsocman.hse.ru/data/838/062/1217/001_radaev_2005-1.pdf

5. Россинская Г.М., Домохозяйство в системе субъектов потребительского поведения / Г.М. Россинская. – СПб: ООО «Недра», 2007. – 192 с.

ОЦЕНКА УСЛОВИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Калугина Д.А., Попова И. Н. (Екатеринбург)

Актуальность проблемы выживания малого бизнеса, его значимости для развития российской экономики удовлетворения потребностей граждан в товарах и услугах, не вызывает сомнения. Малый бизнес привлекает людей, даже если не приносит дохода как такового, но создает человеку рабочее место и обеспечивает ему заработную плату, сопоставимую со средней и выше средней по региону оплатой работы по найму.

Однако российским предпринимателям приходится действовать в условиях постоянно меняющихся норм и правил, что усиливает риски их профессиональной деятельности. В такой ситуации вклад предпринимателей малого бизнеса России в экономику составляет всего лишь до 20%, тогда как в развитых странах - не менее 50%.

В октябре 2014 года в Общественной Палате России прошли общественные слушания на тему: «Оценка эффективности государственных программ поддержки малого и среднего предпринимательства». В ходе слушаний прозвучало, что в 2013 году на поддержку малого и среднего бизнеса было выделено 50 млрд. рублей, однако получить поддержку смогли всего 3% предпринимателей.

В августе 2014 в 47 субъектах России года по инициативе Комиссии Общественной Палаты РФ по поддержке малого и среднего бизнеса был проведен мониторинг эффективности государственных программ поддержки малого и среднего бизнеса. В результате мониторинга выявлены основные проблемы в системе господдержки малого и среднего бизнеса в России, среди которых - недостаточность финансовых средств поддержки; несовершенство системы администрирования (большое количество документов для подачи заявки и сложная система отчетности за использование бюджетных средств), при распределении средств поддержки зачастую не учитывается региональная специфика, отсутствуют внятные показатели эффективности мер поддержки [1].

В то же время, результаты опроса показали и некоторую долю иждивенческих настроений предпринимателей: большинство (67%) отметили, что из всех форм поддержки предпочли бы прямую финансовую поддержку (гранты, субсидии). Лишь 12% опрошенных считают эффективными гранты на создание собственного бизнеса [1].

По результатам анализа структурных условий развития предпринимательства на основе экспертных интервью, проведенного в 2013 г., наиболее низкие оценки по пятибалльной шкале среди всех структурных условий предпринимательства (динамика рынков, доступность физической инфраструктуры, развитие коммерческой инфраструктуры и профессиональное образование) получили государственные программы. Не всем заинтересованным новым и растущим компаниям доступны программы поддержки (1,51). Кроме того, получить широкий спектр поддержки при обращении в «одно окно» сложно (1,62). По мнению экспертов, необходимо увеличить разнообразие и количество программ для нового и развивающегося бизнеса. У новых и растущих компаний возникают трудности с государственной бюрократией и проблемы с лицензированием их деятельности (1,69). Получить большинство необходимых разрешений и лицензий в течение недели практически невозможно (1,31) [2].

Государственная политика в области налогообложения создает серьезные проблемы новым и растущим компаниям. Размер налогов является тяжелым бременем для большинства предпринимательских фирм (1,89). В целом эксперты не считают политику государства ориентированной на последовательную поддержку новых фирм (1,63).[2]

В целом на основании представленной динамики мнений можно сделать вывод, что предприниматели малого бизнеса наиболее значимыми в своей деятельности считают те проблемы, решение которых непосредственно зависит от государственных органов. Это – нормативно-юридическое обеспечение предпринимательства и его правовая защита, система налогообложения, механизм финансирования и кредитования, функционирование системы государственной поддержки предпринимательства.

Попытка решения данных проблем предпринята в Антикризисном плане действий, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году, где предусматривается ряд инициатив, упрощающих деятельность малого бизнеса: налоговые и надзорные каникулы, расширение списка видов деятельности для патентовладельцев, исключение двойного налогообложения при уплате НДС и т.п. [3]

В ходе исследования социальных и социально-профессиональных качеств российских предпринимателей в марте-апреле 2016 г. авторами данной статьи было проведено анкетирование (опрошено 246 респондентов), затрагивающее, в том числе, вопросы о том, созданы ли государством условия для ведения предпринимательской деятельности. При ответе на этот вопрос мнения распределились следующим образом: 47% опрошенных придерживаются мнения, что государством скорее не созданы благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности, 21,6% - условия неблагоприятны абсолютно, 22,1% предпринимателей в целом удовлетворены, и считают, что в сложившихся условиях можно заниматься бизнесом, и только 4,8% уверены, что на сегодняшний день созданы благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности.

Анализ ответов, характеризующих оценку предпринимателями реального отношения со стороны государственных органов, свидетельствует о преобладании негативных оценок. Так, 58,5% опрошенных отмечает низкий уровень развития государственной поддержки, что

свидетельствует о том, что больше половины предпринимателей не чувствуют помощи со стороны государственных органов. 33,2% отметили средний уровень государственной поддержки. И только 3% предпринимателей указывают на реальную поддержку.

На социальном самочувствии и экономическом положении всех опрошенных предпринимателей, безусловно, сказываются нестабильность, неопределенность политической и экономической ситуации. Но люди, почувствовавшие «вкус свободы», уже не соглашаются так просто расстаться с собственным бизнесом: 46% не хотят закрывать дело, 35%, скорее всего, будут продолжать бизнес, 11% все же планируют закрыться, 8% - затруднились с ответом.

Предприниматели малого бизнеса больше надеются на свои силы, чем на поддержку государства, они вынуждены постоянно развиваться и адаптироваться к институтам рынка и собственности, используя свои преимущества в гибкости, мобильности и скорости приспособления к изменяющейся ситуации. Таким образом, при заинтересованности государства в реальной реализации норм и правил ведения предпринимательской деятельности, закрепления их в нормативно-правовых актах, эффективность деятельности предпринимателей значительно возрастет, увеличится вклад предпринимателей малого бизнеса в экономику страны в целом.

1. Государственная поддержка малого бизнеса должна быть максимально эффективной. //бизнес-омбудсмен. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/2014/10/gosudarstvennaya-podderzhka-malogo-biznesa-dolzha-byt-maksimalno-effektivnoj/>

2. Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2013./Верховская О.Г., Дорохина М.В., Сергеева А.В. СПб, 2014. URL: http://www.gsom.spbu.ru/images/cms/data/faculty/gem_2013_final20_all.pdf

3. План действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году// Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/media/files/X6NrRVuOjjj1ALG5ZoCbVm5G3IQ0lCkh.pdf>

НАЕМНЫЙ ТРУД И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ЗА ГРАНЬЮ КОМПРОМИССА Карапетян Р.В. (Санкт-Петербург)

Наемный труд естественное явление современного мира. Он настолько естествен и распространен (2/3 трудоспособного населения планеты – это наемные работники), что у подавляющего большинства населения не возникает сомнений в том, как организовать свою жизнь, как она пройдет и каким образом закончится. С раннего детства людей готовят к жизни в роли наемных работников. Под это подогнан жизненный уклад, стиль жизни, часто общественные нормы и ценности. За это ответственны многие институты общества,- образование, здравоохранение, семья, даже религия. Это огромное поле для законотворчества. Бескомпромиссная аксиома «нужно трудиться» многие столетия передается от старшего поколения младшему. Ему вторит идеология господствующей власти, правда, не уточняя для кого трудиться, и какова реальная цена труда.

Для государства наемный работник – «универсальный солдат», призванный безоговорочно по первому требованию выполнять любые капризы власти. Его жизнь (не только трудовая) строго регламентирована, дисциплинирована временем труда и отдыха, количеством потребляемых благ (соразмерно заработной плате). Им легко манипулировать, создавая преграды интеллектуального развития, погружая в омут информационной пропаганды. Его легко наказывать, отнимая последнее, что у него есть – возможность трудиться. Его следует держать в страхе, запугивая величиной прожиточного минимума и увеличением пенсионного возраста. Им легко управлять, разрушая условия возможного единства.

Фактически, капиталистическое государство предоставляет наемному работнику лишь одно средство выживания – его наемный труд. Альтернативы для этой категории граждан недопустимы. Его наемный труд – это его качества: физические, умственные, квалификационные, профессиональные, интеллектуальные. С тем, чтобы выжить он должен их продать. «Никто не заставляет продавца торговать собой. Это его воля. Но иначе он поступить не может, поскольку это едва ли не единственный способ, чтобы жить».[1] Но продает он себя, как правило, по тем условиям, которые установлены покупателем. Не обязательно, что им является государство, но непременно оно контролирует и координирует данный процесс экономической политикой, трудовой политикой, законодательными актами, репрессивными мероприятиями, типа, минимальной социальной пенсии (для тех, у кого нет стажа), которая в РФ составляет 3692 рубля

или пособия по безработице, минимальный размер которого на данный момент в РФ 850 рублей в месяц.

При всей социальной ориентированности современных капиталистических государств, наемный работник, как и 100 лет назад, продолжает оставаться экономическим производственным ресурсом, хотя и с точки зрения потребления его потребительская ресурсность оказывается едва ли не определяющей характеристикой его сущности. Навязывание потребительских ценностей, а именно они все более оказываются основным (едва ли не единственным) мотивом наемного труда, это не что иное, как выхолащивание внутреннего мира, фетишизация сознания и прочие особенности деградации личности.

Современному капиталистическому государству крайне выгодно воспроизводить институт наемного труда, причем, воспроизводить его расширенно, распространяя его по возможности на все сферы приложения труда. Тогда и труд, и наемный работник будут легко контролируемы и управляемы. Тогда для всех обезличенных наемных работников будут существовать общие правила и обязанности, позволяющие бюрократической системе, «невзирая на лица», применять стандартизированные методы запугивания и устранения недовольных. Принцип манипулирования наемной рабочей силой крайне прост: «подчинись или будешь уничтожен», будешь изгнан из общества, будешь лишен социальных гарантий. Поэтому часто у наемной рабочей силы нет выбора, и она соглашается на условия, навязанные ей.

Но может быть такое ее положение компенсируется государственной политикой в отношении роста благосостояния работников наемного труда? Данные статистики РФ говорят о следующем: среднедушевые доходы населения в 1 квартале 2016 года составили 74,1% к предыдущему периоду (2015 год).[2] Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума (процентов) сократилось во 2-м квартале 2016 года до 301,2% против 343,1% в 2013 году и 333,8% в 2014 году.[3] При этом 46,6% потребительской корзины тратится на продукты питания.[4]

И хотя размер гарантированного государством минимального размера оплаты труда в 2016 году увеличился по сравнению с 2015 годом на 4% (6204 рублей против 5965 рублей, соответственно)[5], индекс потребительских цен за этот же период вырос на 13,7%.[6]

Но если не улучшение условий жизни, то может быть государство озабочено хотя бы улучшением условий труда тех, кто регулярно и, как написано в статье 8 Налогового кодекса РФ, безвозмездно выплачивает в казну подоходный налог? Статистические данные говорят о следующем: удельный вес работников организаций, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда, по отдельным видам экономической деятельности (на конец года) в 2004 году составлял 19,9% от общей численности работников, 2010 году - 26,9%, а в 2015 году стал равен 35,8%, т.е. к настоящему времени более чем каждый третий работник осуществляет трудовую деятельность в неблагоприятных условиях.[7]

Наконец, и как нам представляется, самое главное для общества потребления. В условиях кризиса и привязки курса рубля к ценам на нефть и газ произошло искусственное (намеренное) занижение заработной платы, при стабильном уровне производительности труда. Так в валютном выражении, а мы имеем право рассматривать заработную плату именно так, поскольку цены на нефть и газ официально представляются именно в долларах США, оплата труда сократилась.

Несложные арифметические расчеты показывают, что если в 2013 году курс доллара был 32 рубля [8], а заработная плата равнялась 29792 рублям [9], то, соответственно, среднестатистический работник получал 931 доллар США в месяц. В настоящее время при курсе доллара в 65 рублей [10] и заработной плате в 35888 рублей [11] в долларовом выражении наемный работник получает 552 доллара. Таким образом, зарплата совершенно открыто и официально была сокращена более чем на 40%.

Подобная «забота» о наемном труде формирует не только экономический, но и идеологический, и социальный портрет государства, указывает на апеллирование государства к наемной рабочей силе лишь как ресурсу для поддержания целостности господствующей политической системы. В этих условиях о компромиссе речи не идет.

1. *Капитализм в России: в поисках новых институциональных оснований.* / Ю.В. Веселов, Р.В. Карапетян, Е.В. Капусткина, А.В. Петров, М.В. Синютин, А.А. Смелова. СПб.: Реноме, 2013. С.80-81.

2. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11kv.htm

3. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.doc

4. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/image2271.gif

5. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/06-17.htm
6. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/rates/79a3cc004a41fc37bdd8bf78e6889fb6
7. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/graf1_din.htm
8. http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/ex_rate_ind_13.htm&pid=svs&sid=analit
9. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/zrpl-v.doc
10. http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/ex_rate_ind_16.htm&pid=svs&sid=analit
11. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/rates/3aaf0b00420c9778bf91ff2d59c15b71

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Карапетян С. (Санкт-Петербург)

Экономическая эволюция, совершающаяся в наше время в России, заслуживает внимания всех, интересующихся социальными науками. [1]
М.М. Ковалевский

В экономической науке рынок труда традиционно рассматривается как «система общественных отношений, связанных с наймом и предложением труда, т.е. с его куплей и продажей, это механизм, обеспечивающий согласование цены и условий труда между работодателями и наемными работниками». [2] Рынок труда молодежи это сложная социально-экономическая система, которая формирует отношение спроса и предложения на рабочую силу молодежи, которая только входит в сферу труда и принимает правила рыночных отношений. В контексте данных тезисов объектом моего исследования будет молодежь в возрасте 20-24 года, в том числе выпускники вузов и средних профессиональных образовательных учреждений.

Наличие безработных в этой возрастной группе в РФ на конец 2014 года было больше, чем безработных в любой другой возрастной категории. Это подтверждается данными Росстата. Так в возрасте 20-24 лет безработных 790.000 человек, а уже в возрасте 25-29 лет на 22% меньше [3]. Это связано с тем, что выпускники обычно не имеют представлений о ситуации на рынке труда, тенденциях его развития и о тех профессиях, которые являются востребованными, поскольку не имеют трудовой практики. Причиной этого является то, что большинство, будучи еще абитуриентами, выбирают так называемые престижные профессии, спрос на которые обычно ограничен. Из-за этого выпускники высших учебных заведений начинают свою рабочую деятельность не по полученной специальности, а переходят в те отрасли рынка труда, в которых существует недостаток работников. Согласно данным Росстата на 2015 год около 60% Россиян работают не по специальности [4].

Еще одна особенность положения молодежи состоит в том, что образовательные услуги не успевают за потребностями рынка труда. Они не могут вовремя подстроиться под потребности рынка труда, для того чтобы снабдить его нужными специалистами. Поэтому выпускники, подготавливаемые вузами, их квалификации, становятся не востребованными для текущей экономики.

При выборе места трудоустройства, большинство выпускников следуют собственным субъективным воззрением о престижности той или иной профессии. В добавок к этому, молодые специалисты не осознают перспектив развития рынка и часто не понимают тенденций развития экономики и возможностей своего дальнейшего профессионального роста.

Все выше перечисленные данные могут свидетельствовать о том, что это усиливает конкуренцию среди молодых людей в одном сегменте рынка и, соответственно, создает дефицит кадров в другом. Этот аспект может быть рассмотрен с позиции выпускников вузов и остальной части молодежи.

Особенностью молодежного рынка труда является и то, что молодые работники, у которых есть и преимущества, и недостатки перед работниками старших возрастных категорий, формируя

предложение труда, вступают в конкурентные отношения с представителями других возрастных групп. Это также не может не сказываться на уровне безработных среди молодежи РФ.

Если рассматривать динамику и влияние экономического кризиса на уровень безработной молодежи, то по данным Росстата на август 2016 года он превысил отметку в 23,5% среди возрастной группы до 25 лет [5]. В 2013 году этот показатель равнялся 25,6% [6], то есть был даже несколько больше. Для сравнения в 2010 году процент безработных составлял 26,7%. Можно предположить, что в условиях сегодняшнего кризиса работодатель выбирает более дешевую рабочую силу, предлагающую себя на рынке труда впервые.

Если запланированное правительством РФ сокращение на 40% бюджетных мест в вузах в 2017 году будет реализовано [7], то доля безработных выпускников должна будет сократиться. Но, по всей видимости, численность остальной безработной молодежи увеличится.

Для понимания процессов на рынке труда молодежи необходим комплексный подход и изучение проблемы в динамике. Поскольку, несомненно, существует огромное количество факторов, влияющих на формирование уровня занятости и безработицы, будь то демография, уровень производственных возможностей страны, политическая ситуация и т.д. Все они оказывают влияние друг на друга и на общую картину в целом. Как писал М.М. Ковалевский: «Говорить о факторе, т.е. о центральном факте, увлекающем за собой все остальные, для меня то же, что говорить о тех каплях речной воды, которые своим движением обуславливают преимущественно ее движение»[8].

1. Ковалевский М.М. *Экономический строй России*. СПб.: Тип. П.П. Сойкина. 1899. С.3.
2. *Экономика труда: учебник / А.И. Рофе*. - М.: КНОРУС, 2010. С.138.
3. http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/
4. <https://ria.ru/society/20120813/722231749.html> (ссылка от 09.10.2016)
5. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/194.htm
6. http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/IssWWW.exe/Stg/01-59.doc
7. <https://www.gazeta.ru/business/2016/07/31/9722969.shtml> (ссылка от 07.10.2016)
8. Ковалевский М.М. Соч.: в 2-х томах. Т.1: *Социология*. СПб.: 1997. С.22-23.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИЕНТАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КОМПАНИЙ

Касабуцкая М.С. (Санкт-Петербург)

Глобальное распространение и утверждение легитимного, символического господства экономики знаний существенным образом изменяет социально-трудовые отношения на современных предприятиях, где развитие интеллектуального капитала приобретает ключевую роль [3, С. 74].

Обращаясь к социально-исторической ретроспективе, можно заметить ряд существенных изменений в организации труда в индустриальном и постиндустриальном обществе. Характерными чертами труда и производства в индустриальную эпоху служат конвейерное, массовое, однотипное, машинное производство, нацеленное на удовлетворение потребностей как можно большего количества людей. В индустриальной системе Г. Форда и Ф. Тейлора человек выступал частью механизма и работал на машину. Научный подход к организации труда (НОТ) стал разрабатываться в связи с распространением индустриализации производства, вторичного сектора экономики – фабрик и заводов по переработке сырья в промышленные товары в больших масштабах, чтобы наиболее рационально и эффективно использовать и организовывать социально-трудовую деятельность. В рамках научной организации труда предпринимались попытки разработки и применения научных знаний для трудовой дисциплины и формализации различных рабочих процессов [1, С. 315]. Заложенные в рамках индустриальной эпохи контроль, соблюдение регламентированного времени и предписанных результатов труда, 40-часовая рабочая неделя сохранились и присутствуют до сих пор в режиме работы крупных корпораций, оперирующих в различных отраслях. Научные методы в организации индустриального типа труда, основанные на разработке способов «приспособления» человека к условиям труда, пришли в упадок в 20-ые годы XX века в связи с появлением определенных сбоев массового индустриального производства. Недостаток учета требований и изменений рынка, его потребностей стал причиной кризиса перепроизводства, в то время как монотонная, однообразная работа и отсутствие возможности творческого подхода к труду, «отчуждение труда» привели к

низкому уровню социального самочувствия и удовлетворенности трудовой деятельностью среди рабочих, и как следствие – отсутствию стремления к трудовой деятельности. В 30-ых годах XX века объектом исследований выступили непосредственно трудовые ресурсы и их мотивация, изучением которых стали заниматься новые направления исследовательской деятельности – социология труда в Европе, а также индустриальная социология в США. Постепенно наблюдалось высвобождение рабочей силы из сферы производства, что способствовало появлению новых отраслей и профессий интеллектуального труда в экономике и необходимости трансформации индустриальных основ организации производства и социально-трудовых отношений. Безусловно, сохранился целый ряд заводов и организаций, оперирующих по принципам промышленного производства и направленных на выполнение рабочими однотипных операций, тем не менее, они стали больше нуждаться в сфере обслуживания и обеспечении каналов продаж на различных рынках сбыта, а также широко возрос процент организаций, занятых в третичном секторе экономики. С середины XX века существенная роль стала уделяться включению трудовых ресурсов непосредственно в научно-образовательную и исследовательскую деятельность на рабочих местах в связи со всеобщим повышением образовательного уровня и со способностью большей части населения различных стран к интеллектуальному труду. Постепенно стали формироваться теории человеческого капитала (Г.Беккер, Т.Шульц), а затем и интеллектуального капитала (Э.Брукинг, К.Свейби, Л. Эдвинссон, М. Мэлоун, Т. Стюарт, М. Армстронг).

Значительную роль начинает играть интеллектуальный, умственный труд, большое распространение получает научно-исследовательская деятельность в процессе производства. Если в индустриальную эпоху капиталист нанимал рабочую силу, выполняющую в основном простые операции (на машинах, станках), то в постиндустриальную эпоху уровень квалификации трудовых ресурсов значительно возрастает. Работник становится не просто подчиненным, но и активным субъектом социально-трудовых отношений, способным своими решениями и предложениями влиять на процессы производства и на конечный результат. Наблюдается также противоположная индустриальному типу производства тенденция: если индустриальное общество диктовало, как человеку приспособиться к компьютеру, то современное – как машине приспособиться к пользователю, как сделать ее удобной для человека [4, С. 76]. В новых условиях производства можно отметить, что крупные масштабы (merits of scale) производства уже не выступают в качестве преимущества, что необходимо учитывать при управлении и руководстве компанией. Незыблемость бюрократической, иерархической системы подвергается изменениям и распространением динамичной, адхократичной, гибкой структуры, поскольку компаниям приходится оперативно решать различные задачи. Вышеописанные тенденции напрямую связаны с распространением интеллектуализации производства и сформировали теоретические концепции интеллектуального капитала компаний.

Постепенно сформировались теории интеллектуальных организаций, основанных на знаниях (knowledge intensive organizations) и самообучающихся организаций (learning organizations), способных быстро изменяться в ответ на внешние и внутренние стимулы, создавать, приобретать и сохранять знания [5, Р. 77]. Знания, полученные организацией, влияют на ее интеллектуальное поведение. Основопологающим становится не просто обучение, выполнение проекта и получение результата, но и распространение полученных знаний среди всех участников организации [2, С. 24]. Какие особенности социально-трудовых отношений будут способствовать развитию интеллектуального капитала компаний, основанных на знаниях?

1. Особый экономический менталитет организации, которому свойственно непрерывное получение, абсорбция, распространение и расширенное воспроизводство знаний среди организационного сообщества.
2. Прогрессивная ценностно-смысловая модель развития, которая способствует творческой деятельности сотрудников компании и организации в целом.
3. Социальный капитал, основанный на сетевых горизонтальных связях. Приоритет неформальных ограничений, отношений и связей над формальной и бюрократической системой.
4. Высокая степень доверия – внутрикорпоративного и межфирменного.
5. Самоорганизация в процессе производства.

Можно говорить о том, что интеллектуальный капитал компаний, в основе которого заложены знания, умения и навыки как отдельных сотрудников, так и организации в целом, становится одним из ключевых ресурсов развития социально-трудовых отношений. Глобальные социально-экономические макропроцессы, связанные с существенным влиянием общества и экономики знаний, интеллектуализацией труда, мобильностью и гибкостью во внешней и

внутренней производственной системе, непрерывным обучением, ростом научно-исследовательской деятельности, профессиональных знаний и компетенций в процессе производства, ростом самоорганизации и самоконтроля, видоизменяют социально-трудовые отношения компаний, в то время как последние в своих практиках стараются целенаправленно или неосознанно учитывать вышеописанные тенденции и изменять специфику социально-трудовых отношений, ориентируясь на развитие новой формы капитала – интеллектуального. Как российским, так и зарубежным компаниям, отвечая на глобальные «вызовы современности» необходимо исследовать, созданы ли в организациях условия, способствующие производству и распространению знаний, а также выяснить, какие социальные механизмы и технологии развития интеллектуального капитала необходимо сформировать в целях повышения конкурентоспособности как отдельных предприятий, так и страны в целом.

1. Веселов Ю. В. и др. *Экономическая социология*. Москва, 2013.
2. Исаев Р.А., Дудурханов А.А. *Когнитивные формы воздействия на созидательную динамику корпоративного интеллектуального капитала*. Москва: Маркетинг, 2013.
3. Касабуцкая М.С., Петров А.В. *Роль интеллектуального капитала в организации труда современных компаний (на примере сектора информационных технологий) // Общество. Среда. Развитие*. 2015. С.74-80.
4. Стюарт Т. А. *Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций*. М.: Поколение, 2007.
5. Huysman M. *Knowledge Sharing, Communities, and Social Capital //Communities of Practice: A Special Issue of Trends in Communication*. 2014. pp. 77-100.

НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАПАДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ЕЁ ПРОБЛЕМ

Касимов М.З. (Санкт-Петербург)

Стагнация отечественной экономики ставит сейчас перед наукой острые вопросы об источниках экономического роста в России, ответ на которые невозможно дать без свежего взгляда на суть и характер нашего народного хозяйства. Критически важен выбор теоретического аппарата. Основной спор ведется уже ряд лет между представителями двух направлений. Первое можно условно назвать «неолиберальным». Его сторонники проповедуют принципы минимизации госучастия в экономике, приватизации, бюджетной консолидации, свободы торговли, движения капитала и рабочей силы, рыночный механизм определения курса рубля и прочие постулаты либеральных экономических школ Запада прошлого и позапрошлого века. Их противники полагают желательной политику протекционизма, создание системы рефинансирования с возложением на ЦБР функций обеспечения реального сектора кредитными ресурсами по регулируемым ставкам и, в идеале, регулирование капитальных операций, развитие в разной мере форм и методов госрегулирования экономики и госпредпринимательства. Эти предложения созвучны идеям Д.М. Кейнса.

Между тем реальная экономическая политика эклектична; она по необходимости включает меры, формально проповедуемые представителями как того, так и другого направления. Это бессознательное уклонение от декларируемых политэкономическими школами теорий, отражает тот факт, что к российской экономике на практике вообще не применимы принципы западной политэкономии в любом варианте.

В понимании закономерностей отечественной формы товарного производства следует идти от непосредственно наблюдаемых фактов экономической жизни, начиная с нигде не исчезнувшего и постоянно воспроизводящегося тотального доминирования государства.

Согласно последним данным Федеральной Антимонопольной Службы доля государства в российской экономике составляет около 70% [2]. Тотальное доминирование государства в российской экономике составляет видимое отличие от стран с капиталистическим товарным производством.

Суть капиталистической формы товарного производства определена Марксом в гл.48 3-й книги «Капитала»: «Капитал – прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля – земельная рента, труд - заработная плата: вот триединая формула, которая охватывает все тайны общественного процесса производства» [1, с. 380].

Равные условия конкуренции обеспечивались существованием антагонистического противоречия между классами земельных собственников и капиталистов, благодаря чему вся

дополнительная прибыль, связанная с применением разных по величине капиталов на различных по качеству землях (дифференциальная рента I и II), изымалась у класса капи-талистов, что и ставило отдельных капиталистов в равные условия по части применения и роста капиталов, создавая возможность для внутри- и межотраслевой конкуренции. Изъя-тие доходов, связанных с применением капитала на лучших по качеству землях, у класса капиталистов в пользу класса земельных собственников делает возможным образование средней нормы прибыли как экономической категории.

Существование основанного на антагонизме классов механизма обеспечения рав-ной конкуренции капиталов тщательно игнорировалось и до сих пор отрицается апологе-тами социального строя капитализма. Игнорирование, замалчивание или отрицание зна-чения разделения ренты и процента современными экономистами происходит вопреки положениям, сформулированным задолго до Маркса основателями английской политиче-ской экономии, определившими самостоятельность форм дохода от товарного производ-ства.

Истощение ресурсной базы во всех странах при увеличении спроса на все виды ре-сурсов, а, следовательно, увеличение различий в продуктивности используемых земель и месторождений и связанная с этим историческая тенденция к росту регулирующей цены производства имеют объективным следствием повышение доли ренты в прибыли. Изъятие её в интересах одного класса подрывает условия капиталистического вос-производства в целом. Поэтому в передовых капиталистических странах место класса земельных собственников заняло государство. Наивысшие позиции в рейтингах национальной конкурентоспособности занимают те капстраны, где государство наиболее последовательно реализует экономическую функцию изъятия ресурсной ренты в интересах общества, и постепенно снижаются в рейтингах те страны, где государство по разным причинам опаздывает отодвинуть исторически уходящий класс земельных собственников от изъятия ренты.

Поскольку среда обитания человека становится всё более искусственной, в ней по-явились и появляются новые виды ресурсов, без которых не может обойтись современное товарное производство, и которые изначально носят общенациональный характер. В каче-стве примера можно привести частоты связи. Распределение на платной основе частот связи между агентами экономики не под силу никакому классу; это может сделать только государство. Чтобы сохранить равные условия конкуренции для самостоятельных эконо-мических агентов, государство обязано постоянно и предельно точно изымать всю. Все указанные потребности современной экономики создают базу для образования админи-стративной ренты, то есть такой ренты, появление которой связано не с частной собственностью на те или иные природные ресурсы, а с необходимостью общенационального регулирования искусственной среды обитания человека в интересах сохранения конкурентной среды в народном хозяйстве.

В России же исторически не обособились формы дохода, свойственные капитали-стическому товарному производству; прежде всего, рента не обособилась в составе при-были. При отсутствии экономической базы в виде обособленных форм дохода в России не сформировались классы капиталистического общества.

Наша экономика относится к классу экономик некапиталистического типа; она ба-зируется на частном присвоении результатов общественного производства в форме, не-распределенной на ренту и процент. Наши крупные государственные и частные рентопо-лучатели всегда одновременно являются и основными товаропроизводителями. Возмож-ность к получению прибыли предпринимателями существует, но её условием в большин-стве случаев является предварительный доступ к присвоению ресурсной и администра-тивной ренты. Собственно капиталистическое предпринимательство составляет в эконо-мике подчиненный уклад. В России отсутствует рыночный доступ к ресурсам. Субъекты экономики не могут на открытом конкурентном рынке приобрести лицензии на использование месторождений полезных ископаемых или права собственности или долгосрочной аренды на землю. Важнейшим противоречием современного российского способа производства является противоречие между необходимостью иметь разрешение на применение капитала и невозможностью свободно приобрести это разрешение за пла-ту.

Поскольку платное разрешение на применение капитала (ренту) невозможно полу-чить через покупку на открытом конкурентном рынке, сами рентополучатели при нали-чии инвестиционных ресурсов, но не имея по разным причинам возможности расширения собственного производства, вынуждены экспортировать прибыль или просто аккумулировать её на счетах. Условия для расширенного воспроизводства национального капитала в границах страны

отсутствуют. Рентополучатели защищены от реальной конкуренции со стороны владельцев более производительного капитала по причине отсутствия у последних необходимых лицензий и разрешений. В настоящее время в руках крупнейших рентополучателей, таких как Роснефть, Газпром или Лукойл и пр., находятся около 3000 лицензий на право пользования месторождениями, на которых добыча либо вообще не производилась, либо приостановлена (прекращена) по причине или под предлогом нерентабельности [3, с. 105].

Наша налоговая система не обеспечивает изъятие ренты. Пользователи природных ресурсов в рамках каждой отрасли поставлены налоговой системой в примерно равные условия, и это исключает возможность равной конкуренции. Законом от 08.08.2001 № 126-ФЗ были внесены изменения в Закон «О недрах» и Налоговый Кодекс был дополнен главой 26, в результате чего шкала ставок налога на добычу полезных ископаемых стала плоской и дифференцируется лишь по видам полезных ископаемых без учета условий их добычи, количественных и качественных характеристик месторождений, степени риска.

Отсутствие рентного механизма изъятия дополнительной прибыли у земле- и недропользователей ведёт к невозможности конкуренции в пределах каждой конкретной отрасли и к препятствиям для межотраслевого перераспределения капитала. Отказ государства от изъятия ренты в пользу класса не лишает эту экономическую категорию смысла; рента непременно образуется в любой форме товарного производства при обусловленных природой различиях в производительности применяемых капиталов. У нас она из дополнительной прибыли превратилась в важнейшее условие получения прибыли.

Самым важным для капитала в России стал не поиск способов для более производительного его применения за счет внедрения любых новых технологий и повышения нормы прибыли, а поиск условий его применения вообще.

Экономика была бы обречена на абсолютную стагнацию, если бы для рентополучателей не существовала возможность экспорта. Процесс накопления не может осуществляться в рамках реального бизнеса рентополучателей и в границах страны; в процессе накопления для него жизненно важно иметь выход через доступ к внешнему рынку. Именно этим объясняется устойчивое положительное сальдо торгового баланса Российской Федерации после 1991г. Российский товарный экспорт устойчиво в 1,5 – 2,5 раза превышает импорт. Сам существующий порядок доступа к ресурсам представляет для рентополучателей одновременно и защиту от конкуренции, и ограничение на применение капитала. Из административного по природе ограничения конкуренции на рынке капитала вытекает экономическое по природе ограничение конкуренции на товарных рынках. Поскольку все рентополучатели одинаково не поставлены в конкурентные условия на рынке капитала, они равно не заинтересованы в повышении производительности своих капиталов.

Несбалансированность внешней торговли обусловлена не колебаниями конъюнктуры, а экономическими законами, свойственными именно нашему способу производства, от колебаний конъюнктуры не зависящими.

Следствиями утверждения в стране некапиталистической формы товарного производства без обособления ренты и процента в составе прибыли и при экономическом господстве уклада рентополучателей являются отраслевая деформация народного хозяйства и перманентный вывоз капитала. Декапитализация в нашей экономике дифференцирована в отраслевом отношении. Доминирование рентополучателей приводит к перераспределению капитала в пользу сырьевых отраслей и к выводу капитала из перерабатывающих отраслей с высокой добавочной стоимостью.

1. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 3, кн. III: *Процесс капиталистического производства, взятый в целом* // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 25. Ч. II. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962. – 551 с.

2. Мереминская Е. *Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики* // *Ведомости* № № 4171 от 29.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki> (дата обращения: 29.09.2016).

3. Кимельман С.А. *Ренто-ориентированная экономика современной России*. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 460 с.

СУБЪЕКТИВНЫЙ КРИТЕРИЙ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Квачев В.Г. (Москва)

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Российские средние классы: теоретико-методологические основы выявления, социальные стандарты идентификации, оценивание и увеличение численности» №16-02-00533

Процесс идентификации социальных классов является одним из важнейших механизмов исследования социальной структуры общества. Практически любая серьезная макросоциологическая концепция обосновывает собственную социально-групповую таксономию, и, в ее рамках, - критерии и признаки деления индивидов на те или иные социальные классы или группы.

Проблема группировки индивидов и идентификации их принадлежности к тому или иному социальному классу является одновременно предметом исследования как для экономики, так и для социологии. Однако экономика и социология по-разному подходят к этому вопросу. Для экономических исследований с их определением человека как рационального экономического агента, общество как предмет исследования представляет собой множество индивидов, которые подлежат группировке по уровням дохода, владению той или иной собственностью, характеру потребления и т.п. Социологические науки делают акцент на социальную составляющую человека, который, как член общества, неизбежно включен в общественные отношения, подразумевающие внеэкономические характеристики, зачастую не подлежащие прямому количественному измерению: солидарность, лояльность, идентичность. Среди этих критериев особо выделяется субъективный критерий идентификации социального класса, который проявляется в форме самоощущения себя в качестве представителя той или иной социальной группы.

Зарождение научного интереса к субъективному критерию при определении социальных классов можно отнести еще к трудам Маркса. По Марксу, для того, чтобы класс сложился, ему необходимо стать «классом для себя», то есть такой социальной общностью, которая четко идентифицирует себя, отделяет от других социальных общностей и сознает свои коллективные интересы, иными словами, обладает классовым сознанием [4, 183]. Эта идея, хотя и в радикально иной форме, получила значительное развитие в работах классиков социологии, например у Т. Парсонса. Для Парсонса сам факт разделения на социальные группы является субъективным, хотя и апеллирующим к надындивидуальным нормативным структурам. Для Парсонса пишет о стратификации как о «дифференцирующем ранжировании индивидов данной социальной системы» [6, 354-355]. В его интерпретации социальная стратификация напрямую связана с «общепризнанной системой оценивания», которая представляет собой совокупность критериев, по которым ранжируется тот или иной индивид или группа в социальной иерархии [5, 565]. П. Бурдьё, развивая эту идею, задается вопросом о том, существуют ли в реальности «классы на бумаге». Его ответ заключается в том, что социальные классы нужно рассматривать как отношения, а не как сущности. Для социальных классов как отношений, по Бурдьё, системообразующими являются «порождающие и организующие практики и представления» [2, 102]. В то же время в социально-групповом разделении общества важную роль играет само обобщенное знание об этом разделении – «легитимные номинации», которые устанавливают тот или иной социальный порядок, а также место индивидов и их групп в этом порядке [3, 28].

Все эти научные разработки дают возможность рассматривать субъективный критерий в качестве одной из важнейших переменных при идентификации социальных классов. Многие исследователи сходятся, что в современном обществе именно средний класс обладает наиболее развитым самоощущением. О важности субъективного критерия писали такие известные исследователи среднего класса как У.Л. Уорнер и П.С. Лант (инициативность, экономическая активность, культурный капитал) [12], А. Гоулднер («культура критического дискурса» среднего класса) [10], А. Гидденс («классовая осознанность») [9]. Субъективная самоидентификация современного среднего класса обусловлена вовлеченностью в специфические культурные практики, которые конституируют его самосознание в качестве представителей среднего класса [11]. Эти практики, в свою очередь, формируются благодаря особому стилю жизни, основанному на определенном уровне благосостояния.

Для наиболее современных социологических теорий характерен разрыв с самим понятием социального класса. Например, известный социолог Бруно Латур критикует «субстанциональный» подход к определению социальных групп за стремление разрешить бесповоротно решить

неразрешимый вопрос о принципах социальной стратификации общества. Вместо этого Латур предлагает альтернативную методологию, основанную на исследовании перформативного конституирования социальных «групповостей» (а не групп), которые представляют собой набор однородных и скоординированных практик, формирующих динамическое единство социальных общностей [4].

Субъективный критерий при определении среднего класса активно применяется современными социологами. При этом методология определения субъективного критерия может отличаться. Некоторые исследователи говорят об определенных ценностях среднего класса, отличающихся от ценностей общества в целом; другие делают акцент на том, что средний класс в лице своих представителей должен обладать своего рода классовым сознанием (то есть осознавать самого себя как класс); третьи указывают, что представители среднего класса, даже если они и не воспринимают себя в качестве таковых, должны высказывать определенный уровень самооценки материального положения и удовлетворенность собственным уровнем жизни. Так, Институт социологии РАН использует субъективный критерий при помощи определения ценностей среднего класса [7]; Н.Е. Тихонова и С.В. Мареева – при помощи исследования жизненных установок и идентичностей [8]; Е.М. Аврамова – с помощью самооценки представителями среднего класса своего материального положения [1] и т.д.

На наш взгляд, при идентификации среднего класса субъективный критерий необходимо применять в рамках интердисциплинарного подхода наряду с социолого-экономическими методами измерения дохода, владения собственностью, уровня жизни и т.п. При этом правомерно применять различные подходы к идентификации специфического самоощущения, ценностей, самооценки собственного положения представителей среднего класса. Такое сочетание субъективных и объективных методов идентификации среднего класса позволит полнее описать всю совокупность характеристик данной социальной группы.

1. Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008, №1.
2. Бурдые П. *Практический смысл*. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Бурдые П. *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
4. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014.
5. Маркс К. *Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона* // Маркс К. Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. Т. 4. М., 1955.
6. Парсонс Т. *Новый аналитический подход к теории социальной стратификации* // Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект, 2002.
7. *Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад ИС РАН*. Москва, 2014 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Sredny_klass/full.pdf (дата обращения: 05.10.2016)
8. Тихонова Н. Е., Мареева С. В. *Средний класс: теория и реальность* с http://www.isras.ru/files/File/publ/Sredniy_class_teoriya_i_realnost.pdf (дата обращения: 05.10.2016)
9. Giddens A. *The Growth of the New Middle Class / The New Middle Classes: Life-styles, Status Claims and Political Orientations*. / ed. by A.J. Vidich. Hampshire and London: Macmillan Press Ltd, 1995.
10. Gouldner A. *THE FUTURE OF INTELLECTUALS AND THE RISE OF THE NEW CLASS*. New York: Continuum Pub. Corp., 1980.
11. Stewart S. *Culture and the Middle Classes*. London and New York: Routledge, 2016.
12. Warner W.L., Lunt P.S. *The Social Life of a Modern Community*. New Haven: Yale University Press, 1941.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кибакин М.В. (Москва)

В современном социологическом знании активно используются научные разработки Дж.Урри о необходимости учета ресурсного поворота в развитии общества, включения в понимание его содержания климатических изменений, мира объектов, технологий, машин и природных сред [1; 2]. Этому способствуют и объективные процессы изменения смысла базовых экономических категорий – труда, прибыли, эффективности и др. – в современных процессах общественных изменений. Дополнительное значение необходимости уточнения понимания

содержания, роли и места социальных ресурсов обеспечения экономической устойчивости и национальной безопасности России придает включения в соответствующий инструментарий современных документов стратегического планирования национального приоритета «экономический рост», мероприятий по созданию условий для развития личности, человеческого капитала, привлекательности российской юрисдикции для экономической деятельности [3].

Социальные ресурсы в узком смысле способность повышения (или понижения) социального статуса или ранга субъектов социального взаимодействия, места в социальной иерархии. Традиционно эти ресурсы рассматриваются в качестве расширенного понимания экономических ресурсов. Доход и богатство, являясь экономическим ресурсом, вместе с тем характеризуют и социальный статус - социальный ресурс. Однако социальные ресурсы включают и такие характеристики, как должность, престиж, образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и т.д.

В связи с этим в общем виде социальные ресурсы общества можно охарактеризовать как совокупность потенциалов личностей, социальных групп и организаций, их потенциала для реализации целей функционирования и развития институтов, общества.

К социальным ресурсам обеспечения экономического роста, как национального приоритета обеспечения национальной безопасности в современных условиях относятся: устойчивость социальной системы, основанной на функциональности институтов и консолидации общества; соответствие ценностных ориентаций населения потребностям экономической деятельности; развитая инфраструктура развития и сохранения человеческого капитала – институтов образования, науки, здравоохранения, социального обеспечения и культурного обеспечения; эффективные механизмы социального контроля и государственного управления.

Каждый из этих социальных ресурсов включает в себя частные институциональные образования, связанные с процессами социально-экономического развития, поддержания позитивных социальных практик.

Существенное значение для обеспечения экономического роста в настоящее время являются социальные ресурсы обеспечения технологической независимости нашей страны, которое в условиях развития информационно-коммуникационных процессов играют важное условие национальной безопасности. Обратим внимание, что для современного государства проблема преимущественно не в наличии высокотехнологичных продуктов, а в интеллектуально-творческом потенциале, способном их придумывать. Иначе говоря человеческий капитал современной экономики является приоритетным объектом развития даже по отношению к передовым технологиям.

Так, высший социально-экономический статус в передовых странах мира все больше занимают те, кто выявляет и решает новые проблемы, создает и продвигает символы, бренды. Это процесс превращения экономики в культуросцентричный институт. Кроме того, идет смещение центра формирования и управления экономическими процессами от сферы производства в сферу финансов. Можно утверждать, что задача превращения идеи в прибыльное предприятие решается конкурентной борьбой за потребителей, а не за производителей.

В технологически развитых странах наука превратилась в сложный социальный институт, который определяет структуру общества и национальное самосознание. Наиболее эффективно создается стоимость, создаваемая знанием. Сама цифровая экономика может работать при наличии создаваемых вместе с новыми высокотехнологичными продуктами социальные модели, где бы потребитель был соединен с посредником и производителем - так называемые платформы многосторонних рынков. При этом в новой цифровой реальности автомобиль является не просто средством передвижения, а сложнейшим компьютером, управляемый сетью. Но и это не исчерпывает глубины проблемы. «Умный автомобиль» может реализовать свои возможности в условиях «умного города».

В современном обществе более ценны для экономического роста не технологические, а социальные идеи. Так, население развитых стран стареет, а потому социальные сети начинают применяться не ради малопродуктивной социальной коммуникации, а как среда оказания их участниками взаимных услуг, самообслуживания в широком диапазоне от получения советов до оказания помощи конкретными действиями.

В российском обществе пока недостаточно полно учитываются особенности социальных подходов к обеспечению эффективности технологического компонента экономического развития. Например, в нашей стране происходит попытка создания системы телемедицины. Однако, в силу недостатка соответствующих кадров, пока копируется чужой опыт и технологии. В России не

хватает конструкторов сетей, архитекторов сложных систем при избытке административных барьеров. И эта проблема имеет глубокие причины. В настоящее время наблюдается устойчивое стремление российской молодежи, по данным социологов, получить доступ к административной и сырьевой ренте, мечта работать исключительно в крупных компаниях или госструктурах. Такой перекос сказывается на престиже производственных профессий в том числе.

К перспективным направлениям научных исследований в области социального ресурсного обеспечения экономического роста, как национального приоритета безопасности страны относятся:

- дальнейшая разработка активно включаемых в научный дискурс социологической науки концепций «информационного общества», «общества знаний», «цифрового общества» и других для раскрытия движущих механизмов общественного развития;

- проведения сравнительного социологического анализа характеристик социальных ресурсов экономического развития в различных государствах и общественных системах;

- выявления тенденций трансформации содержания и роли традиционных экономических явлений и процессов в социальной жизни, укрепления социальной солидарности местных сообществ и мотивационно-ценностных оснований экономической активности людей.

Научная рефлексия обозначенных выше проблем может осуществляться в рамках научных школ, программ социально-экономического развития страны, отдельных научно-исследовательских работ и инициативных проектов в системе высшего образования. Полученные результаты должны войти в качестве отдельной области современного социологического знания, а конкретно экономической социологии и социологии управления.

1. Urry, John. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003

2. Urry, John. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683)

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССВИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Клименко Л.В. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306

Отрицательные последствия мировых процессов прекариатизации социально-трудовых отношений ярко проявились в современном российском обществе. Череду экономических кризисов, сокращение производства, рост безработицы и нестабильность рынка труда привели к нарастанию флексибельности социально-трудовых отношений в российском обществе, когда распространяются неустойчивые, зачастую нарушающие трудовые права работника принципы в сфере оплаты труда и организации рабочего времени. Обеспечивая работодателю большую степень адаптированности к условиям экономической неопределенности, новые неустойчивые принципы и формы социально-трудовых отношений для многих российских работников в итоге обернулись социальной незащищенностью и нестабильностью, отчуждением не просто от средств производства и результатов труда, но и от работодателя [1, 2, 3].

В качестве одного из проявлений прекариатизации труда выступает распространение неформальной занятости. Деформализация трудовых отношений получает все большее распространение в России из-за невозможности устроиться на работу с формализованными контрактами и гарантированными социально-трудовыми правами. Рабочие места сократились с 1991 г. по 2015 г. на 8,1 млн. рабочих мест [4]. Фиксируется ухудшение ситуации с соблюдением социально-трудовых прав работников, рост трудовой нагрузки, который не сопровождается повышением оплаты труда.

По методологии Росстата, под неформальной занятостью понимается работа на предприятии, у которого отсутствует государственная регистрация в качестве юридического лица (занятые по найму у физических лиц, самозанятые, занятые в домашнем хозяйстве). Исходя из официальной статистики число занятых россиян в неформальном секторе выросло с 8,2 млн. чел. в 2001 г. до 14 млн. чел. в 2015 г. В свою очередь динамика неформально занятых в долевых показателях составила 12,5% - в 2011 г. и 19,4% - в 2015 г. (Рис. 1). По другим оценкам Центра макроэкономических исследований Сбербанка России число неформально занятых по нижней

границе составляет около 20 млн чел. или четверть экономически активного населения, а также существует еще около 4 млн самозанятых [5].

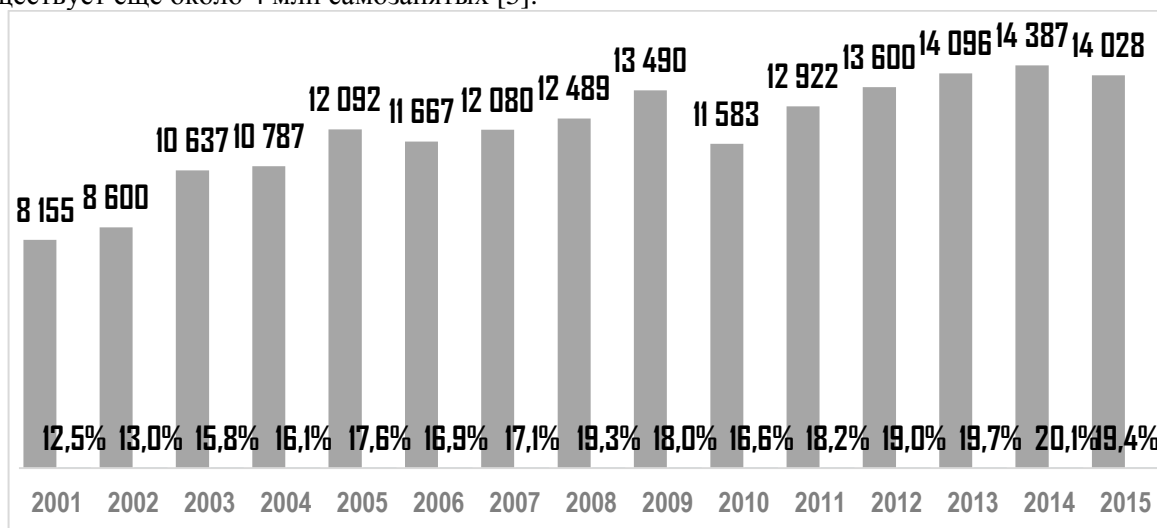

Рисунок 1 - Занятые в неформальном секторе, в тыс. человек и в % к общей численности занятого населения (по данным Росстата) [6]

На постиндустриальном этапе общественного развития прекаризация затрагивает не только сферу труда, но и всю систему социальных отношений (А.Негри, П.Вирно, М.Хардт, Г.Стендинг). В этих условиях в состав прекариатизированных групп попадают не только население с низкой квалификацией, гастарбайтеры, безработные, но и высококвалифицированные работники, вынужденные соглашаться на понижение зарплаты, увеличение объема и продолжительности труда, нарушения или отсутствия трудовых договоров, низкого качества условий работы и пр.

В структуре неформального сектора наиболее емкие по количеству занятых являются оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. Практически каждый третий деформализованный работник трудится в этом секторе (31,8%). Значительна доля неформального труда в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (23,1%), строительстве (11,7%), транспорте и связи (9,2%), на обрабатывающем производстве (8,8%). (Рис. 2).

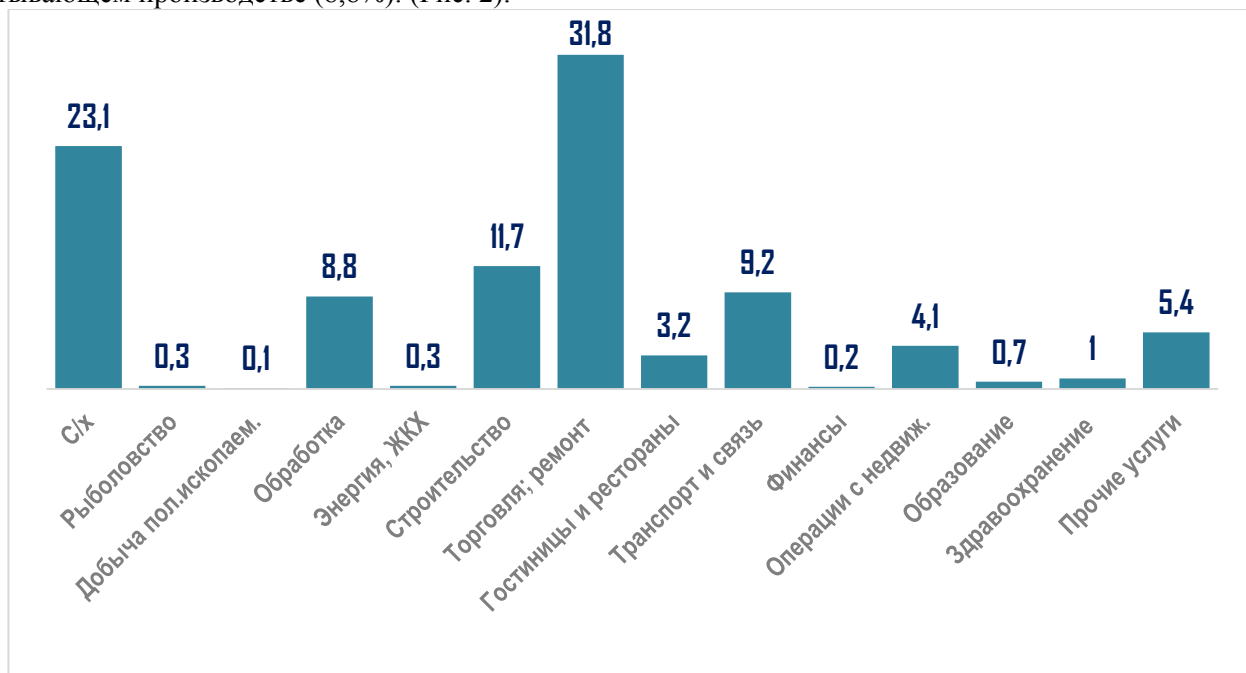

Рисунок 2 - Структура занятых в неформальном секторе по видам деятельности, в %

(по данным Росстата) [6]

В последние годы в зону прекариатизации попадают не только кадры с низкой квалификацией. По официальным данным с 2004 по 2015 г. практически в два раза увеличилась доля занятых в неформальном секторе, которые имеют высшее профессиональное образование (табл. 1).

Таблица 1 - Структура занятых в неформальном секторе по уровню образования, в % (по данным Росстата) [2]

Год	Всего	в том числе имеют образование						
		высшее профессиональное	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
2004	100	11,1	1,9	21,7	20,2	30,8	12,2	2,1
2005	100	10,9	1,9	20,8	20,5	31,2	12,5	2,1
2006	100	11,6	1,7	20,8	21,2	31,0	11,7	1,9
2007	100	12,2	1,6	21,6	20,3	31,9	10,8	1,6
2008	100	13,0	1,7	22,8	21,6	30,9	8,6	1,5
2009	100	14,5	-	22,9	21,3	31,4	8,9	1,1
2010	100	14,5	-	22,3	22,1	31,5	8,4	1,1
2011	100	14,7	-	22,4	22,7	31,1	8,1	1,0
2012	100	14,9	-	22,2	22,4	32,2	7,6	0,7
2013	100	15,8	-	21,8	22,1	32,2	7,4	0,7
2014	100	16,7	-	22,9	23,1	29,6	7,1	0,6
2015	100	18,0	-	22,4	22,5	30,3	6,4	0,4

1. Бобков В.Н., Вередюк О.В., Колосова Р.П., Разумова Т.О. Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ. М.: Теис, 2015;
2. Наемный работник в современной России / отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015;
3. Федорова А.Э. Парсюкевич А.М. Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников// Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 5.
4. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. / Ред. Горшков М.К., Петухов В.В. Институт социологии РАН. М.: Издательство Весь Мир, 2015. С. 49-51.
5. Россия: неформальная занятость как новый феномен // Центр макроэкономических исследований Сбербанка России Выпуск 14.02.2014. URL: file:///C:/Users/s/Downloads/neformaltrudF.pdf (Дата обращения 13.08.2016)
6. Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>)

НАУКОЕМКИЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ключарев Г.А. (Москва)

1. Научно-технологические инновационные производства не столько экономический, сколько социальный феномен. Инновационное развитие связано с формированием нового среднего класса, с новыми ценностными ориентирами, выражающими стремление к творческой самореализации и свободе личности. Образование и здравоохранение становятся основными статьями потребления в инновационном обществе, а педагоги и врачи задают массовый тип поведения творческой самореализации. К этому стоит добавить, что если раньше общество рассматривало науку как автономную деятельность, способную иногда генерировать новые и полезные знания, то в современной постнеклассической парадигме происходит неотделимое переплетение ценностей и целей науки с интересами влиятельных слоев общества и простых потребителей. От

исследователей сегодня требуется, чтобы получаемые результаты удовлетворяли вполне конкретные запросы общества и человека. Теряется смысл разделения наук на фундаментальные и прикладные. Требуется не только прирост нового знания, претендующего, как говорили раньше «на истинность», но, в первую очередь, достижение результата. Иными словами, в общественных ожиданиях, обращенных к науке, сейчас явно доминируют запросы на эффективные (экономические, демографические, политические) решения проблем, а не на «объяснение мира».

2. Интеллектуалоемкие технологии являются основным средством производства и накопления человеческого капитала (по крайней мере, специфического Ч.К.), который востребован как на рынке труда, так и на рынке высокотехнологичной продукции. Основным местом производства человеческого капитала являются производственные компании и предприятия, которые «работают» с NBIC-технологиями. Общепринятым индикатором производства человеческого капитала считается абсолютное и относительное (в зависимости от объема основных фондов компании и численности персонала) число полученных патентов на открытия и изобретения. В сочетании с показателем IPO, можно оценить капитализацию человеческого ресурса. В то же время, значительная, хотя и меньшая доля технологических инноваций приходится на малые предприятия и стартапы, которые возникают, как правило, на базе научных и учебных заведений. Это – сфера наибольших инвестиционных рисков, хотя именно такие малые предприятия способствуют зарождению нетрадиционных и прорывных решений. Особое внимание уделяется тому, как происходит развитие малого, среднего и крупного интеллектуалоемкого бизнеса, какие препятствия и барьеры мешают развитию этих предприятий. Государство должно поддерживать малый бизнес, ориентированный на инновации. Развитие малого и среднего наукоемкого бизнеса – непреложное условие создания инновационной инфраструктуры, расширения подготовки высококвалифицированных, технологически компетентных специалистов во всех сферах экономики.

3. Крупный интеллектуалоемкий (knowledge-intensive) бизнес связан с географической и корпоративной концентрацией производств и человеческого капитала. Большинство национальных правительств с крупными экономиками догоняющего типа (Индия, Малайзия, Аргентина, Чили, Бразилия и др.) сделали определенные шаги по локализации инновационных производств под своим патронажем (налоговые льготы, кредитование, страхование рисков, размещение заказов, поддержка исследований). В среднесрочной перспективе это должно обеспечить рост национальных экономик – повысить их конкурентоспособность и уменьшить зависимость от политики транснациональных корпораций. Социологам предстоит выяснить – в каких формах и до какой степени протекторат государства (на федеральном, региональном уровнях) в сфере развития NBICS –технологий может быть эффективен с учетом национальных приоритетов и российской специфики. Кого и как должно поддерживать государство – новые стартапы и малые инновационные предприятия или устойчиво растущие high-tech и knowledge-intensive крупные предприятия ?

4. Проблема технологического отставания России в значительной степени обусловлена отсутствием «национальной инновационной системы» и органически связанной с ней практикой полного научно-производственного цикла, включающего не только научные исследования, но и самое главное, коммерческую реализацию научных достижений. Социологи могут показать, как нужно последовательно формировать «национальную инновационную систему», включающую все основные компоненты, на которых базируется инновационное наукоемкое развитие. Речь идет не о централизованном планировании сверху, а о стимулировании взаимных связей внутри саморазвивающейся инновационной системы. При этом государство обеспечивает -прежде всего, путем законотворческой деятельности - институциональные предпосылки для успешного инновационного развития. Поскольку речь идет об общей установке на постепенное возвращение России роли одного из лидеров мирового развития, то при социологическом анализе отечественной наукоемких инновационных производств речь должна идти о новых технологиях, которые конкурентоспособны на мировом рынке.

5. Социологам управления предстоит разработать подход, при котором: а) научно-исследовательская деятельность, практики создания, трансфера, продвижения на рынок и получения прибыли современных интеллектуалоемких технологий будет рассматриваться как

единый социальный процесс; б) основа национальной наукоемкой инновационной системы – взаимодействующие инновационные кластеры, технопарки и исследовательские университеты – будут рассматриваться в социологии как составляющие экономики, социально-культурной жизни, взаимодействия государства и гражданского общества. При этом предстоит изучить, почему Россия существенно отстает от экономически развитых стран в формировании правовой основы национальной инновационной системы, почему в России долгосрочные инновационные проекты не пользуются доверием инвесторов, а капиталы в НИР и НИОКР вкладывают преимущественно государство, почему уровень доверия частных фирм к государственным гарантиям защиты их финансовых и интеллектуальных интересов остается крайне низким.

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НОВЫМИ МЕТОДАМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Кобяк О.В. (Минск, Республика Беларусь)

Предпринимательство является одним из наиболее динамичных и многогранных феноменов общественной жизни. С социологической точки зрения сфера предпринимательской активности хозяйствующих субъектов – это пространство, в котором, с одной стороны, происходит строгая селекция образов мышления участников взаимодействия и «выбраковка», в соответствии с неумолимым законом конкуренции, несостоявшихся предпринимателей. С другой стороны, именно предпринимательство, как «лифт» в структуре социально-экономической стратификации, потенциально может в сравнительно сжатые сроки поднять индивида или социально-профессиональную группу на самую верхушку общественной пирамиды. Высокий преобразовательный потенциал предпринимательства от микроуровня (индивид, домохозяйство) до макроуровня (национальная экономика) обуславливает неослабевающий интерес социологов к изучению этого широко открытого и, вместе с тем, по-прежнему глубоко загадочного феномена общественной жизни.

Разрабатываемые автором подходы к моделированию феномена предпринимательства опираются на труды ряда видных учёных. Это, прежде всего, В.А. Штофф, В.С. Стёпин, А.Н. Елсуков, С.В. Лапина и др. [1; 2; 3] В качестве новых методов социологического моделирования мы предлагаем использовать координатный, комплементарный, квазипанельный и динамический методы [4, С. 170–219]. Суть координатного метода состоит в сравнении степени выраженности набора характеристик в коллективном сознании и действиях предпринимателей с другими взаимодействующими с ними коллективными субъектами по ряду шкал. При этом все шкалы приводятся к одному масштабу. Для наглядности представления результатов используются лепестковые диаграммы для каждого коллективного субъекта отношений с общим центром в системе координат. Такой подход позволяет, во-первых, обнаружить, величину отличий в характеристиках сравниваемых субъектов по определённым шкалам, и, во-вторых, визуально определить (а если это необходимо, то и точно рассчитать) совокупную степень выраженности набора характеристик рассматриваемых субъектов по площадям профилей лепестковых диаграмм. Так, например, использование метода координатного моделирования в исследовании деловой активности минчан позволило определить, что в 2014 г. деловая среда столицы Беларуси была в несколько большей степени ориентирована на самореализацию менеджеров (независимо от формы собственности предприятий) нежели предпринимателей, которые компенсировали ослабленную лояльность внешней среды вынужденной активизацией своего экономического поведения [4, С. 182–184].

Комплементарный метод социологического моделирования разработан с целью выявления степени сочетаемости (не путать с выраженностью, как в предыдущем случае) в повседневных хозяйственных практиках поведения предпринимателей с поведением взаимодействующих с ними субъектов. Это могут быть, например, предприниматели, работающие на конечных потребителей, и физические лица, которые потенциально или реально приобретают их товары или пользуются их услугами. Также это могут быть предприниматели, которые создают новые рабочие места, и работники, которые заинтересованы в предлагаемом трудоустройстве. Смысл метода состоит в том, чтобы определить, в какой мере первые и вторые ищут там, где надо, и, в конце концов, с какой частотой успешно находят друг друга. Чем выше степень комплементарности в отношениях взаимодействующих субъектов, тем ниже уровень транзакционных издержек, больше доверия друг к другу, скорее достигаются и быстрее реализуются любые договорённости. Наиболее

мощным фактором повышения комплементарности отношений является совместное развитие общей для сторон экономической культуры.

Квазипанельный метод социологического моделирования может быть использован для предварительной оценки возможных действий предпринимателей в перспективе в случае эволюционного изменения их социально-демографических или статусных характеристик при относительно стабильных условиях внешней среды. Основная идея метода, состоит в том, что мы допускаем преемственность во времени в поведении предпринимателей, относящихся к близким по характеристикам подгруппам. Такой подход позволяет приблизительно, но зато «моментально» оценить всю ожидаемую гамму проявлений хозяйственной (и шире – социальной) активности предпринимателей в ситуации возможных стратификационных переходов. Факторами таких переходов могут быть: изменение семейного положения, повышение уровня образования, улучшение имущественного статуса, например, в связи со снижением налоговой или документально-бюрократической нагрузки на предпринимателей.

Метод динамического социологического моделирования нацелен, в отличие от предыдущего метода, на прогнозирование перемен в поведении предпринимателей в случае существенных изменений факторов внешней среды под воздействием внешних либо внутренних сил. Этот метод позволяет определить ожидаемый позитивный сдвиг в настроениях и социально-экономических действиях предпринимателей в случае заметных положительных подвижек в условиях хозяйственной деятельности, а также – предусмотреть возможные негативные последствия в случае ухудшения жизненной ситуации. Особенно пристальное внимание следует обращать на такие обнаруженные зависимости, когда незначительное изменение величины какого-либо фактора приводит, по модели, к существенным изменениям характеристик коллективного сознания, а значит – и поведения, предпринимателей. Вот эти ключевые моменты могут быть, с одной стороны факторами риска, если некая деструктивная сила, обладая таким знанием, захочет «раскачать лодку», но, с другой стороны, они же (эти ключевые моменты) могут быть факторами серьёзного роста мотивации субъектов в предпринимательской среде.

Итак, метод координатного моделирования позволяет соотнести социальную размерность исследуемого феномена с эталоном либо другим сопоставимым социальным объектом в одной и той же системе координат. Метод комплементарного моделирования позволяет определить степень сочетаемости поведения предпринимателей и иных взаимодействующих субъектов в количественных величинах. Метод квазипанельного моделирования позволяет наглядно представить, какими могут быть с течением времени перемены в стратификационных или групповых характеристиках предпринимателей при условии относительной стабильности факторов внешней среды. Метод динамического моделирования позволяет рассчитать возможные изменения в мышлении и поведении предпринимателей в ситуации преднамеренного или спонтанного существенного изменения факторов внешней среды. Таким образом, описанные методы социологического моделирования позволяют всесторонне изучить феномен предпринимательства в аспектах его сопоставимой социально-экономической размерности, сочетаемости социального поведения включённых хозяйствующих субъектов, а также – в оценках возможных стратификационных переходов и вероятных перемен в мышлении и поведении предпринимателей.

1. Штофф, В.А. *Моделирование и философия* / В.А. Штофф. – М. – Л.: Наука, 1966. – 303 с.
2. Стёпин, В.С. *Методы научного познания* / В.С. Стёпин, А.Н. Елсуков. – Минск: Выш. шк., 1974. – 152 с.
3. Лапина С.В. *Моделирование в социологическом исследовании* / С.В. Лапина. – Минск: Университетское, 1992. – 127 с.
4. Кобяк О.В. *Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования* / О.В. Кобяк. – Минск: РИВШ, 2015. – 240 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ Г. ПЕРМИ

Комелькова И.А. (Пермь)

Начиная с 2000х годов, у российского населения в списке финансовых инструментов помимо возможностей сбережения появилась возможность активно использовать заемные денежные средства или кредиты. Это стало возможным благодаря институциональным

изменениям в финансовой сфере и расширением возможностей населения, а также изменениями в сфере потребления. В России зафиксирован рост объема задолженности перед банками у граждан. На январь 2004 года объем задолженности банкам составлял 306,3 млрд. руб., а на декабрь 2007 задолженность населения банкам составила уже почти 3,3 трлн. руб., что почти в 11 раз больше. На период 2013 года долг составлял уже 9 трлн. руб. Развитие кредитования, с точки зрения социологов, во многом связано с изменением стиля жизни и сознания людей.

С точки зрения, социологического восприятия, кредитное поведение имеет более выраженную стратегическую направленность индивида, связано с наличием ресурсов и дисциплины. Тогда как долг обычно ассоциируется с бедностью.

В строгом смысле кредит является средством для повышения своего статуса в обществе, подразумевает рациональное использование своих ресурсов, а в условиях Российской реалии кредит является неотложной нуждой для его потребителей, как средство для выживания. Необходимо понять формирует ли кредитное поведение отношение к кредиту как в форме временного займа или как долга и тяжелого бремени. Возникает противоречие между целью кредита и возможностями его реализации.

Российский исследователь Стребков Д. О. под кредитным поведением понимает «деятельность индивида или домохозяйства, в процессе которой происходит заимствование денежных средств, предполагающее их обязательное последующее возвращение». [1]

Предполагается изучение кредитного поведения в рамках социологической теории, и для его анализа будем рассматривать кредитное поведение как социальное.

Социальное поведение рассматривается как форма деятельности, которая содержит в себе внутренне субъективное смысловое единство и по этому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на эти действия.

Таким образом подобное действие – это не механический акт, а некий процесс, в ходе которого у индивида сначала формируются установки на кредитное поведение, а затем в соответствии с ними совершается само действие - получение кредита или отказ от него. [2]

Согласно идее Дьюзенберри, осуществляемое индивидами финансовое поведение, конкретные практики являются не столько результатом индивидуально принимаемых рациональных решений, сколько социально и культурно одобряемых образцов поведения.

Таким образом, влияние социального окружения на кредитное поведение может иметь самостоятельный эффект, независимый от изменений дохода. С одной стороны социальный статус людей побуждает их следовать стандартам поведения в потреблении, принятый в группе. Тогда индивиды, чей текущий уровень доходов оказывается ниже среднего уровня доходов в группе, вынуждены тратить большую часть своего дохода на потребление, или использовать потребление на повседневные нужды, либо брать в долг, брать кредит. [3]

Идея Ж. Бодрийяра говорит о том, что происходит расширение области использования кредита. Покупатель в кредит постепенно привыкает спокойно пользоваться вещью, как будто бы она уже принадлежит ему. В сущности, система кредита лишь высвечивает общие особенности отношений с вещами в современном контексте. По мнению Бодрийяра, человек всегда отстает от своих вещей. Таким образом, благодаря кредиту лишь переводится в план экономики фундаментальная психологическая ситуация: в обоих случаях действует один и тот же закон принудительной последовательности — в плане экономическом это череда выплат, в плане психосоциологическом ускоренная смена серий и моделей; и в том и в другом случае время, в котором мы переживаем свои вещи, изначально отягчено принуждением, долговыми обязательствами. [4]

Для того чтобы оценить сегодняшнюю структуру кредитного поведения, а также факторы, влияющие на его формирование в мае - июне 2015 года было проведено пилотажное исследование по изучению кредитного поведения населения в Пермском крае.

В анкетном опросе приняли участие 97 человек. Преобладают респонденты женского пола (72,2%), мужчин в выборке оказалось 27,8%.

В целом отношение к долгу со стороны респондентов скорее негативное. Если учесть наличие беспокойства о будущих выплатах, которое вызывает негативную эмоциональную реакцию, у большинства опрошенных, а также наличие достаточно большого процента респондентов с попустительским отношением к долгу, то можно сделать вывод о том, что можно наблюдать негативное отношение к долгу по некоторым аспектам среди респондентов. Если говорить о соотношении кредитов и сбережений, то из данных видно, что те респонденты, у

которых есть сбережения, в меньшей степени имеют кредиты, чем те граждане, у которых сбережений нет.

Это может быть связано с тем, что долг становится в каком-то смысле нормальным явлением в жизни людей. Респонденты не уверены, каким будет уровень цен, какова будет стоимость валюты, поэтому накопление и сбережение средств становится менее значимым. А также уровень доходов не позволяет совершать накопление средств.

Также необходимо было определить, какие основные цели кредита преобладают среди респондентов, исходя из этого можно сделать вывод, для чего служит кредит: как средство для покрытия текущих нужд, как необходимость, или как средство для повышения своего статуса.

В соответствии с полученными данными кредиты уже оформленные ранее респондентами в большинстве своем имеют целью неотложные нужды. (см. График 1) А рассматривая возможные цели кредитов, кредит на неотложные нужды находится на втором месте после цели приобретения автомобиля. (см. График 2)

Данное распределение может быть связано с тем, что респондентами движет мотив обеспечения себя, респонденты недостаточно финансово обеспечены, и поэтому им необходимы заемные средства для обеспечения своих нужд, пусть даже самых необходимых, которые должен покрывать их доход. Но тот факт, что респонденты желаемой целью на первое место поставили приобретение жилья, говорит о наличии мотивов развития и достижения. Данные мотивы находятся в положении противоположном друг другу. Очевидно, что мотивы обеспечения в реальных мотивах противостоят мотивам развития себя и увеличения статуса в желаемых мотивах.

Из всех проанализированных данных можно сделать вывод, что притязания респондентов в отношении кредитов достаточно скромные, это подтверждается и достаточно небольшой суммой кредита, которую респонденты готовы взять. Самым важным критерием является процентная ставка по кредиту, платность кредита заботит респондентов больше всего, при этом они готовы платить ставку не более 10% в год. Большинство респондентов предпочтет обратиться в банк, выбор которого является не самым важным критерием для респондентов, более важным является опыт общения с определенным банком, а не сам бренд.

Это может быть объяснено тем, что уровень доходов респондентов небольшой, соответственно, они не готовы больше платить, точно также как и больше брать, а также большинству возможно большинству респондентов неудобно брать в долг у знакомых друзей.

Представилось необходимым охарактеризовать после более подробно потребительские предпочтения в рамках кредитования, которые являются составляющей в структуре кредитного поведения, поскольку данный аспект мало представлен в научной литературе на данную тему.

Нами были составлены три типа кредитного поведения респондентов.

Кратко охарактеризовать типы кредитного поведения можно следующим образом:

Если респондент использовал когда-либо кредит (брал кредит не раз или хотя бы один раз), то есть применял данную практику, имеет намерение воспользоваться кредитом в течение ближайшего будущего, а также положительно относится к долгу, то респондента можно отнести к адаптированному инновационному типу.

Если респондент брал кредит, но лишь однажды, либо не брал кредит, но скорее планирует взять кредит, либо затрудняется относительно своих намерений, а также отношение к долгу нейтральное, то респондента можно отнести к слабо адаптированному вынужденному типу кредитного поведения.

Если же респондент никогда не брал кредит и скорее не планирует или вовсе не планирует в ближайшее время его оформить, а также у него негативное отношение к долгу, то респондент относится к неадаптированному типу кредитного поведения.

Также мы оставили портрет респондентов, преобладающих в наших типах кредитного поведения.

Так, среди неадаптированного типа кредитного поведения преобладают респонденты в возрасте 18-23 лет, преимущественно холостые, по уровню образования преобладает среднее образование и ниже, по роду деятельности в большинстве это студенты или временно безработные, реже руководители подразделения, с уровнем дохода 41-60 тысяч рублей в месяц, скорее это относится к руководителям.

Среди слабо адаптированного типа преобладают женатые (замужние) респонденты без детей, в возрасте 24-36 лет, преимущественно с незаконченным высшим образованием, занятые

по большей части индивидуальной трудовой деятельности, с меньшей степени представлены студентами, со средним доходом 26-40 тысяч рублей в месяц.

Среди адаптированного типа преобладают также респонденты в возрасте 24-36 лет, преимущественно рабочие, со средним специальным образованием, преимущественно состоящие в гражданском браке без детей, их средняя заработная плата составляет 26-40 тысяч рублей в месяц.

Далее нами были проанализированы факторы, влияющие на кредитное поведение населения города Перми. Большое внимание уделялось изучению влияния социальных факторов. Так, вы выяснили, что наиболее сильное влияние на кредитное поведение населения оказывают опыт социального окружения респондента, также уровень жизни социального окружения респондента в сравнении с собой. Данные полученные в ходе исследования согласуются с данными приведенными в различных статьях по изучению кредитного поведения населения.

Мы определили наличие влияния потребительских практик на тип кредитного поведения. Чем больше практик использует респондент, тем более активно он использует кредитные услуги, что может быть связано с изменением жизненной стратегии от бережливого отношения к своим деньгам, к стремлению удовлетворить свои потребности здесь и сейчас. Ожидания относительно своего будущего также влияют на кредитную стратегию, причем ожидания относительно выплат влияют в большей степени, нежели ожидания относительно своих профессиональных перспектив.

Определили, что пол значительно влияет на структуру потребительских предпочтений. Но в отношении типов кредитного поведения влияние слабое, что согласуется с результатами других исследований на эту тему. Возраст влияет на отношение к долгу, причем по мере увеличения возраста, растет более негативное отношение к долгу. Род занятости влияет на тип кредитного поведения, более активные группы населения (такие как предприниматели или ведущие индивидуальную трудовую деятельность), чаще относятся к адаптированному типу кредитного поведения.

Существенного влияния уровня дохода на тип кредитного поведения не выявлено в данной выборочной совокупности. Образование также влияет на уровень информированности респондента, при условии наличия достаточно большого количества источников информации, откуда респондент получает информацию о кредитах. Эти данные также согласуются с результатами уже проведенных ранее исследований.

Нами была представлена типология отражающая аспекты кредитования в чистом виде. Данные полученные в ходе исследования раскрыли широкий спектр факторов, влияющих на кредитное поведение населения, которые требуют дальнейшего изучения и более глубокого, детального анализа.

График 1

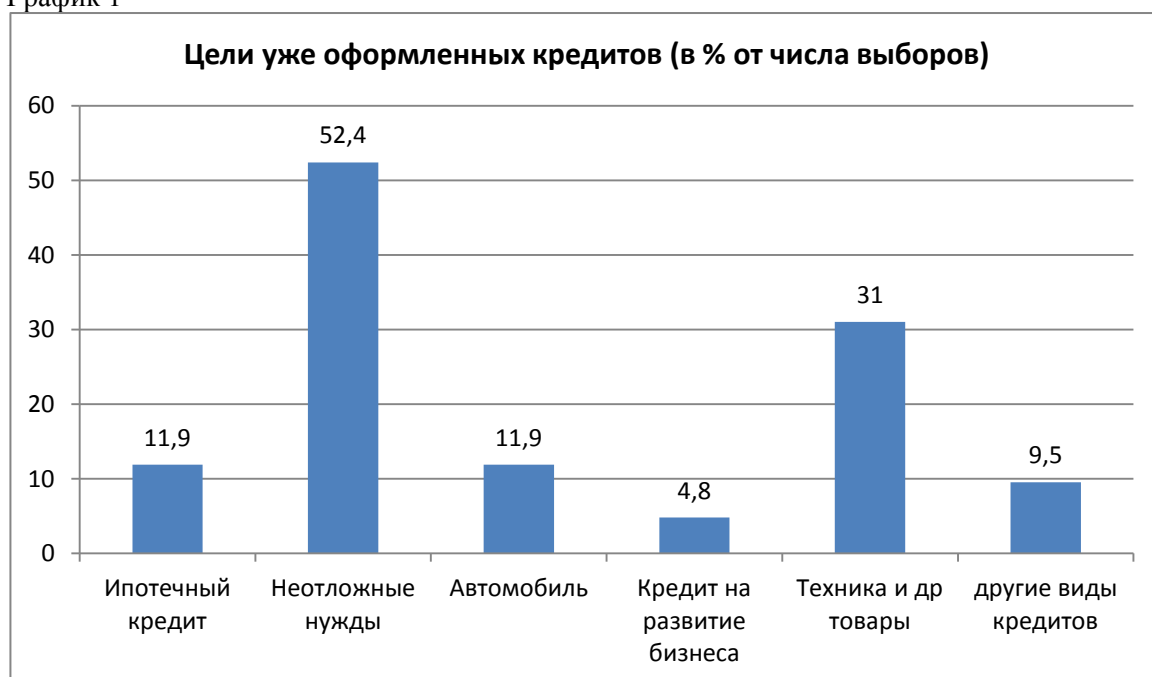
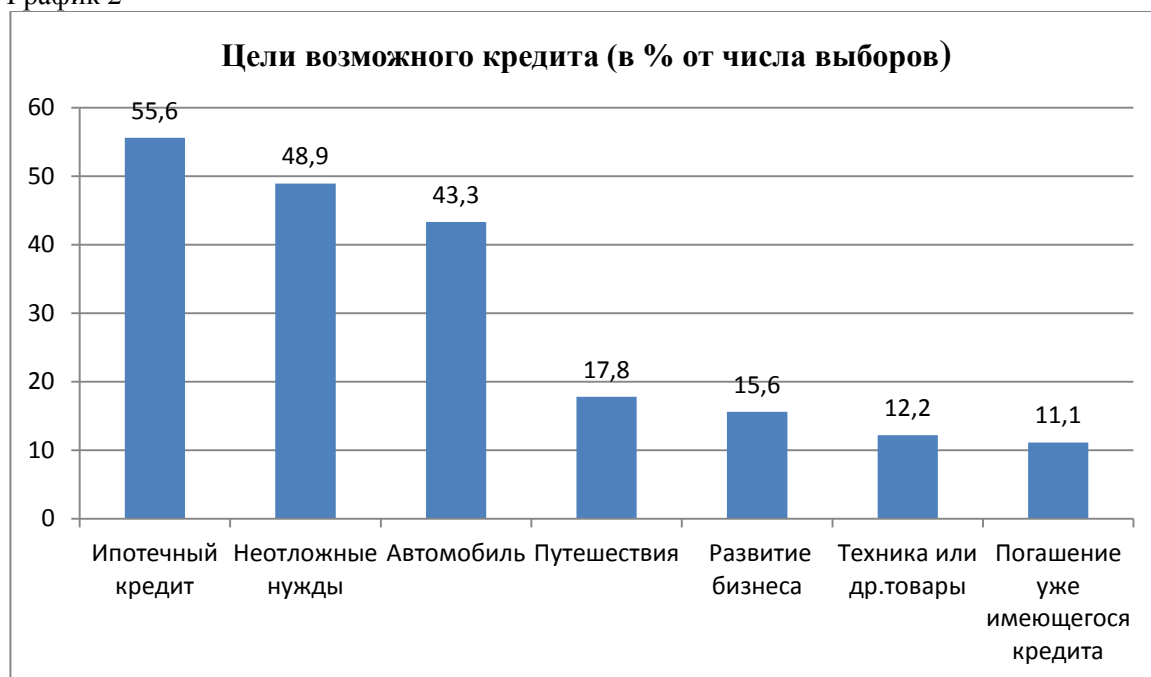

График 2

1. Стребков Д.О., *Между долгом и кредитом: модели кредитного поведения населения*// Социологические исследования, 2007.-№3
2. Вебер М. *Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено; коммент. А. Ф. Филиппова.* — М.: Прогресс, 1990.
3. Шабунова А.А. *Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт/А.А. Шабунова, Г.В. Белехова.- Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012*
4. Бодрийяр, Ж. *Система вещей: Пер. с франц.; сост., общ. ред. и послесл. С.Зенкина.* — М.: Русдомино, 2001.

ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА ОНЛАЙН-ОПРОСА В СОЦИОЛОГИИ И МАРКЕТИНГЕ Корытникова Н.В. (Харьков, Украина)

Использование преимуществ Интернета в области организации массовых опросов уже более десяти лет привлекают как социологов, так и маркетологов. Огромное количество фирм предлагают свои услуги по проведению исследований методом онлайн-опроса. Приходится констатировать тот факт, что опросные онлайн-технологии получают большое развитие в маркетинговых исследованиях, а в социологии применение инновационных методов сбора информации пока недостаточно распространено. Объяснить такое положение можно разными задачами и источниками финансирования исследований, а также направленностью полученных результатов (коммерческая прибыль для маркетинга и подтверждение научной теории для социологии).

Известно, что задачей маркетинговых исследований является предоставление объективных данных участникам рынка, которые помогут предпринимателям принимать мотивированные решения и грамотно действовать на рынке, опираясь на своевременную и точную информацию о конкурентах и потребителях. Роберт Монстер указывает на пять основных тенденций использования Интернета в маркетинговых исследованиях: 1) онлайн-методики как стандарт для количественных международных исследований потребителей; 2) многоканальный сбор данных на основе онлайн-технологий; 3) репрезентативные исследования для специализированных онлайн-панелей; 4) модернизация методов анализа количественных данных на основе веб-приложений; 5) интеграция баз данных в международных компьютерных системах исследовательских кампаний [1]. Разработанные специальные исследовательские онлайн-технологии и интернет-приложения должны привести к персонализации взаимоотношений с респондентами с учетом конфиденциальности их персональных данных, а также появлению принципиально новых стандартов работы с клиентами.

При изучении трендов рынка исследований отмечается рост интереса к мобильным исследованиям с помощью смартфонов и мобильных телефонов. «Данный подход является новым и неиспробованным для большинства клиентов и агентств, но вызывает интерес, желание попробовать. Рост проникновения мобильных устройств и мобильного интернета подкрепляет желание использовать эту возможность. Большая часть проектов до сих пор проводится без специализированного оборудования – через WhatsApp, приложение «ВКонтакте» и другие мессенджеры, что делает работу исследователей более сложной/трудоемкой, но зачастую результаты по объему собранной информации и инсайтам превосходят все ожидания как самих клиентов, так и исследователей» [2].

Задачей социологического исследования является изучение социальных изменений, вызываемых активностью социальных субъектов; рассмотрение социальных отношений как механизмов взаимодействия социальных групп или выявление закономерностей социальных действий и массового поведения. Социологи признают, что онлайн-опросы дают весьма полезную информацию для изучения выше названных задач исследования. Но очевидным становится тот факт, что результаты массовых онлайн-опросов все еще нельзя распространять на всех пользователей Сети и тем более на все общество в целом, потому что социально-демографические характеристики пользователей Сети пока еще сильно отличаются от таких же показателей в социальной структуре общества. Так, многие исследования показывают, что женщин среди пользователей Интернета меньше, чем мужчин; интернет-пользователи в целом достаточно высокообразованные; в Интернет-аудитории плохо представлено старшее поколение. Эти моменты ограничивают использование онлайн-опросов в социологических исследованиях. Рассуждая о перспективах онлайн-технологий в опросных методах, социологи в первую очередь обращают внимание на темпы роста аудитории Интернета, что позволит в дальнейшем проводить репрезентативные для всего населения массовые опросы. Пока же в социологических исследованиях метод онлайн-опроса может быть применим только для рассмотрения определенного круга вопросов, связанных с применением информационных технологий, с изучением закрытых социальных групп и т.п.

Описывая перспективные для социологии технологии и показывая их полезность, Юлиана Николаевна Толстова подчеркивает, что «в рамках информационных технологий разработаны компьютерные приемы решения социологических задач, остающиеся неизвестными большинству социологов. Стремления хотя бы приблизительно ознакомиться с достижениями компьютерной науки не наблюдается. Главная причина этого: социологи не знают соответствующих методов» [3].

В настоящее время все интенсивнее развивается информационная инфраструктура в целом (3G Интернет), постоянно растет объем интернет-аудитории, увеличивается время использования интернет-ресурсов, повышается стаж работы в Интернете, изменяется отношение к представленному содержанию в Сети. Кризис опросных технологий указывает на необходимость серьезных методических экспериментов для выявления нужных параметров управления онлайн-исследованиями и особых методов формирования выборочной совокупности.

Таким образом, современные социологические и маркетинговые онлайн-исследования нуждаются в преобразовании опросных техник под Интернет, а также в грамотном сочетании их с совершенно инновационными способами сбора информации, в частности сервисы Online Big Data, нейромаркетинг и т.п. Полностью справиться с недостатками использования Интернета для сбора эмпирической информации пока невозможно, но многообразие появляющихся инструментов сбора, хранения и обработки информации позволяет реализовать свой исследовательский интерес любому специалисту, профессионально и творчески подходящему к достижению поставленных целей. Если маркетологи в онлайн-опросах видят больше преимуществ, чем недостатков, то для социологов это не так очевидно. Однако одинаково важным для них является необходимость независимого, объективного и профессионально исполненного количественного исследования с учетом преимуществ, которые дают интернет-технологии.

1. Robert W. Monster, Raymond C. Petit *Market Research in the Internet Age: Leveraging the Internet for Market Measurement and Consumer Insight*. – NY : John Wiley and Sons, Inc., 2002. – Pp. 266–270.

2. Черкашина А. Исследования в России: чего хотят заказчики и агентства. – [Электронный ресурс]. – *Russian Research Weekly*. – Выпуск № 1 (Октябрь 2016) – Режим доступа:
<http://adindex.ru/publication/opinion/marketing/2016/08/10/135665.phtml>

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА И ПОЛИТИКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ИМИДЖА БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Кузеванова А.Л., Сагайдак В. А. (Волгоград)

Бизнес-сообщество в современных российских условиях сталкивается с рядом сложных проблем, связанных с отсутствием правового регулирования социально направленной деятельности, достаточно широким применением властными структурами практики использования бизнеса для достижения целей, не имеющих стратегического в социальном и культурном плане значения, с рассмотрением общественностью социальной активности бизнесменов как попытки установления взаимовыгодных отношений с властью, с широким обсуждением проблем социально ответственного поведения различными общественными группами без четкого определения позиции самого бизнеса [1].

Изучение процесса реализации концепции социальной ответственности бизнеса осуществлялось нами на основе данных экспертного опроса, проведенного в январе 2011 г., где в роли экспертов выступили 60 известных в бизнес-сообществе руководителей бизнес-организаций Москвы, Волгограда и Сочи (отбор экспертов производился по критериям опыта и стажа работы в сфере бизнеса, степени известности в деловых кругах). Проблематика, связанная с политикой отечественных бизнес-организаций по формированию их социального имиджа, анализировалась на основе данных социологического исследования, проведенного с применением метода анкетирования в марте-августе 2015 года среди руководителей бизнес-организаций Волгограда (n=550, тип выборки – многоступенчатая случайная).

По мнению большинства экспертов, для современных российских бизнес-организаций приоритетными являются проблемы организации новых рабочих мест, предоставления дополнительных социальных гарантий своим работникам, создания центров повышения квалификации и переобучения работников. В группу менее значимых входят направления деятельности коммерческих компаний, связанные с оказанием финансовой поддержки социально незащищенным слоям населения, укреплением материально-технической базы социально-культурной инфраструктуры, оказанием помощи выдающимся представителям сферы культуры и науки. «Периферийными» для организаций являются виды социальной активности, касающиеся развития институтов российского гражданского общества, и столь популярные в развитых странах меры по предотвращению дискриминации в сфере труда.

Эксперты подчеркивают, что для современных отечественных бизнес-организаций типичной является модель поведения, которую, с одной стороны, характеризует желание дистанцироваться от решения проблем общества, стремление ограничиться социальной активностью лишь в среде собственного торгового предприятия; а с другой – уверенность в том, что участие бизнес-структур в социальных программах является деятельностью добровольного характера, никак не связанной с принуждением со стороны государства. По мнению большинства экспертов, реализация принципа социальной ответственности бизнеса для большинства бизнес-организаций является лишь актом посильной помощи, не связанным с какими-либо рациональными целями, и не рассматривается как инвестиции в будущее компании и возможность сформировать положительный имидж организации.

Эксперты признают, что уровень социальной ответственности отечественных бизнес-организаций является очень низким. «В эмбриональном состоянии, – отмечает один из экспертов. – Целенаправленная работа по реализации социально ориентированных проектов только-только начинается». В отношении к социально ориентированным акциям наблюдается доминанта личностного подхода: все решения о проведении благотворительных мероприятий напрямую зависят от личного мнения руководителя организации. Социальная активность рассматривается бизнесменами как этически окрашенный вид деятельности, связанный с нравственными принципами конкретного руководителя, имеющий приватный характер и не поддающийся формализации. Современный этап реализации принципа социальной ответственности бизнеса, по мнению большинства экспертов, характеризуется отсутствием планирования социальной активности, специальных подразделений в коммерческой организации, призванных на профессиональной основе заниматься вопросами социальных и благотворительных мероприятий.

Руководители бизнес-предприятий демонстрируют свое нежелание создавать подобные специализированные службы. Уровень информированности руководителей бизнес-организаций о формах и методах социально ориентированной деятельности является основой для формирования идеологии социально ответственного поведения. По мнению большинства экспертов, практика российского бизнеса в области социальных инициатив не основывается на четких представлениях и знаниях о современных технологиях оказания социальной поддержки обществу

Реализация концепции социальной ответственности бизнеса лежит в основе политики по формированию социального имиджа компании [2]. По данным анкетного опроса руководителей бизнес-организаций, развитие внешнего социального имиджа во многом определяется представлением руководства компании о его эффективности в бизнес-деятельности. В связи с этим респондентам был задан вопрос, что, по их мнению, свидетельствует о наличии положительного внешнего социального имиджа компании. Каждый пятый опрошенный руководитель связывает положительный внешний социальный имидж с лояльностью клиентов компании и их настроением на долгосрочные отношения, что может говорить о важности поддержания отношений с действующими клиентами в условиях информационного общества в сочетании с высоким уровнем конкуренции на региональном рынке. По мнению 18,6% респондентов, о наличии положительного внешнего социального имиджа свидетельствуют позитивные взаимоотношения с органами государственной власти. Вариант ответа «продукция компании пользуется высоким спросом» был выбран 15,5% опрошенных и, таким образом, представляет собой третий по важности для принявших участие в опросе признак наличия положительного внешнего социального имиджа. Принявшие участие в опросе руководители видят вполне четкую взаимосвязь внешнего социального имиджа с общим имиджем компании и, как следствие, степенью ее конкурентоспособности на рынке, так как для большинства руководителей бизнес-организаций основным мотивом формирования внешнего социального имиджа является создание общего положительного имиджа компании.

Определенная дифференциация в ответах фиксируется при анализе данных по рассматриваемому вопросу с учетом продолжительности существования компании на рынке. Для молодых организаций, существующих менее 5 лет, основными маркерами положительного внешнего социального имиджа являются лояльные клиенты, настроенные на долгосрочное сотрудничество, и статус компании как привлекательного работодателя. Подобное мнение отражает потребности молодого бизнеса в привлечении специалистов и перспективных клиентов. По мнению респондентов, чей бизнес существует 5-15 лет, о наличии положительного внешнего социального имиджа свидетельствуют позитивные отношения с органами государственной власти и лояльность клиентов. Подобное смещение акцентов может объясняться желанием более зрелых компаний получать поддержку со стороны государства для дальнейшего развития. Руководители компаний, действующих на рынке 16-20 лет, считают основными индикаторами положительного внешнего социального имиджа высокий спрос на продукцию компании и интерес со стороны инвесторов, что отражает потребности бизнеса на данном этапе развития. Респонденты, чья компания существует более 20 лет, выбрали такие варианты ответа, как «продукция компании пользуется высоким спросом» и «клиенты компании лояльны и настроены на долгосрочные отношения». Подобная точка зрения может отражать развитое состояние бизнеса и желание удержать позиции на рынке.

Социально ориентированная деятельность как инструмент формирования внешнего социального имиджа используется представителями крупного бизнеса: каждая вторая компания данного сегмента участвует в федеральных или региональных социальных проектах и программах. Основной формой участия в подобных проектах и программах являются благотворительные пожертвования. Мелкий и средний бизнес практически не вовлечен в социально ориентированную деятельность. Наиболее эффективными инструментами формирования внешнего социального имиджа бизнесмены Волгограда считают денежные гранты, благотворительные пожертвования, спонсорство и социально значимый маркетинг.

1. Оценка деятельности российских предпринимателей [Электронный ресурс] – Пресс-выпуск аналитического центра Ю. Левады от 28.07.2008. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2008072802.html>.

2. Иваненко Ю.А. Имидж как выражение связи организации с обществом // *Среда обитания, здоровье и физическое развитие личности: сб. науч. трудов.* - Саратов: ГСЭУ, 2007. - С. 38-42.

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Куликов А.М. (Санкт-Петербург)

В Российской Федерации с 2014 года наблюдается сложная экономическая ситуация, сложившаяся под воздействием цикличности экономики, а именно в стадии стагнации на тот момент, и усугубленная влиянием различных внешнеполитических и финансово-экономических факторов. Замедление темпов роста экономики России, обвал мировых цен на углеводороды, от экспорта которых зависит значительная часть государственного бюджета, обострение конфликта на востоке Украины и присоединение Крыма послужили поводами для политической атаки со стороны Запада, принявшей различные формы и воплотившейся, прежде всего, в экономических санкциях, ударивших по различным секторам отечественной экономики, введение ответных санкций в виде продовольственного эмбарго, рискованные действия правительства и Центрального банка – все это стало предпосылками нынешнего положения вещей. По сути, его можно охарактеризовать как экономический кризис, который по оценкам различных экспертов и вопреки мнению правительства России, продолжается и пока не достиг своего дна. Одними из первых, ярко проявившихся последствий, стали резкое обесценение рубля по отношению к иностранной валюте и увеличение темпов инфляции. Поэтому в некоторых научных кругах кризис, начавшийся с 2014 года, называют «Валютный кризис». Необходимо изучить, как рассматриваемые события последних лет повлияли на социальные процессы, происходящие в нашей стране.

Для того чтобы оценить воздействие экономического кризиса на население страны, проанализируем статистические данные, характеризующие те или иные стороны общественной жизни. В этих целях воспользуемся официальными данными федеральной службы государственной статистики. Так, к августу 2016 года по отношению к 2014 году, несмотря на номинальное увеличение показателя средних пенсионных выплат, в реальном исчислении они уменьшились на 7,55 % [1]. То есть материальное положение пенсионеров ухудшилось, поскольку для большинства из них пенсионные выплаты являются единственным источником дохода, при том, что ежегодно численность категории граждан, получающих пенсионные выплаты, увеличивается, прежде всего, за счет увеличения численности граждан пенсионного возраста. Подобная ситуация наблюдается и в сфере оплаты труда: как отмечает Росстат, по предварительным подсчетам по отношению к 2014 году в 2015 году реальная средняя заработная плата снизилась на 9 %, и в 2016 году эта тенденция продолжается [1]. Согласно официальным данным, в среднем по стране в структуре денежных доходов населения оплата труда, включая и скрытую заработную плату, составляет 65,3 %, в то время как социальные выплаты составляют 18,8 %, что говорит о снижении реальных располагаемых доходов населения [1]. Также стоит отметить и снижение доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения за период кризиса более чем на 1 %, их замещение государственными выплатами [1]. Это, безусловно, негативное явление, так как свидетельствует о снижении деловой активности населения и усилении нагрузки на государственный бюджет. Так или иначе, все эти данные говорят о том, что реальные доходы населения упали, снизился потребительский спрос.

Некоторые эксперты проводят аналогию между нынешним экономическим положением и тем, что наблюдалось в 90-е годы из-за обвала национальной валюты и высоких темпов инфляции, и все знают, насколько сильно в тот период времени ухудшилась демографическая обстановка в стране: запредельно упала рождаемость и резко возросла смертность. Эту ситуацию в течение многих лет руководство страны пыталось исправить, и только к 2013 году удалось добиться положительного естественного прироста. В последние два года, как сказано ранее, уровень жизни в России снизился, поэтому необходимо проанализировать динамику численности населения и ее составляющих. По официальным данным службы государственной статистики, в 2014 и 2015 годах естественный прирост оставался положительным, при этом ежегодно, хоть и незначительно, увеличивался. Вызывает интерес структура численности родившихся и умерших относительно их принадлежности сельскому и городскому населению. Ее анализ за 2012-2015 гг. показал, что с 2013 по 2014 год она была практически сбалансирована: как в сельской местности, так и в городах рождаемость уравновешивала смертность и примерно соответствовала уровню урбанизации (около 29 % на 71 % [1]). Но в 2015 году в этой структуре произошло значительное изменение – уменьшение рождаемости в сельской местности и увеличение в городах, что привело к соотношению около 25 % на 75 % [1], при практически том же соотношении смертности.

Очевидно, что одной из весомых причин такого резкого колебания является экономический кризис, который, как ни странно, сильнее ударил по периферии нашей страны, даже несмотря на проводимую государством политику импортозамещения, которая призвана, первым делом оказать положительное воздействие на ситуацию в сельской местности. Учитывая то, что в отрасли сельского хозяйства одни из самых низких показателей заработной платы (по официальным данным среднемесячная номинальная заработная плата работника в 2015 году составила 19721,1 рублей, при среднем значении по всей экономике 34029,5 рублей [1]) инфляция более значительно повлияла на доходы жителей сельской местности, поскольку большинство из них трудоустроены именно на предприятиях агропромышленного комплекса. Такое положение может быть причиной (хоть и не первостепенной, но весомой) ограничения рождаемости – с таким низким уровнем оплаты труда практически невозможно обеспечить молодой семье достойный уровень жизни без чьей-либо поддержки. Это может вынудить молодежь искать работу с более достойной заработной платой в других местах проживания, в частности, мигрировать в крупные города. Поэтому крайне важно, несмотря на все трудности, продолжать совершенствовать политику импортозамещения, разрабатывать и внедрять эффективные механизмы материальной поддержки жителей сельской местности, развивать предпринимательскую инициативу у граждан и оказывать им различную помощь в их деятельности.

Что же касается социальных процессов в городах, то здесь также существуют определенные проблемы, вызванные экономическим кризисом. Примером такой проблемы является «утечка умов», которая существует в нашей стране уже давно и глобально проявилась в 90-е годы. Ее суть заключается в эмиграции образованных, талантливых граждан в другие страны, в которых они могут полностью реализовать свой потенциал и обеспечить себе желаемый уровень жизни. Руководству нашей страны необходима четко выстроенная политика в области подготовки одаренных кадров, реализации и использовании их потенциала, материального обеспечения их работы в России. Ведь, как известно, инвестиции в человеческий капитал при правильном подходе – наиболее эффективные из всех объектов инвестирования.

Таким образом, были рассмотрены некоторые последствия современного экономического кризиса в российском обществе. Одной из главных проблем является снижение реальных доходов большинства категорий граждан. Наиболее уязвимой частью населения нашей страны являются граждане пенсионного возраста и жители сельской местности, поскольку именно эти большие социальные группы имеют одни из самых низких как номинальных, так и реальных доходов в России. Темпы роста заработной платы в сфере сельского хозяйства и уровень индексации социальных выплат не покрывают темпы инфляции, наблюдающиеся в стране в последние годы. Поэтому эти категории граждан наиболее остро нуждаются в государственной поддержке, – именно в этом направлении государству необходимо отдать приоритет при разработке социально-экономической политики, не забывая при этом и об остальных социальных группах, имеющих свои проблемы, решение которых также невозможно без участия государства.

1. www.gks.ru (Федеральная служба государственной статистики России)

КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ Лабадзе О.Е. (Новочеркасск)

С момента институционализации российского малого предпринимательства организация государственного управления этим сектором экономики строилась, прежде всего, на основании анализа результатов социологических исследований, характеризовавшихся в большей степени прикладной поверхностной направленностью, не ориентированных на выявление системных закономерностей его становления и развития. Выделение в качестве объекта исследования определенных групп предпринимателей на основании одного-двух критериев обуславливало несостоятельность используемых подходов при рассмотрении предпринимателей как элемента социальной структуры общества, определении внешних границ предпринимательства в социальном плане, идентификации современных российских предпринимателей как новой социальной группы в структуре общества.

Сейчас, осознание важности человекоориентированного подхода к управлению ставит перед современными учеными задачу исследования функционирования малого предпринимательства как сегмента общественной жизни, не только потребляющего и создающего

экономический продукт, но и активно влияющего на социальные процессы в обществе, ориентируя нас на рассмотрение в качестве объекта самого малого предпринимательства как общественного института, управленца или работника малого предприятия – как субъекта социально-экономического пространства с его индивидуальными способностями, возможностям и потребностями. В организации социального управления малым предпринимательством особое значение имеет выделение и анализ его качественных и количественных характеристик.

Для исследования количественных признаков малого предпринимательства чаще всего опираются на такие доступные для анализа показатели, как число предприятий, число занятых, оборот, выраженные в абсолютных или относительных величинах [1]. Основные абсолютные и относительные показатели российского малого предпринимательства в динамике за последние 5 лет приведены в таблице 1:

Таблица 1

Абсолютные и относительные показатели российского малого предпринимательства

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Количество малых предприятий, ед.	1644269	1836432	2003038	2063126	2103780
Средняя численность работников малых предприятий, тыс. человек	11149,0	11480,4	11683,9	11695,7	11744,2
Оборот предприятий, млрд. руб.	18933,8	22610,2	23463,7	24781,6	26392,2
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), %	21	22,7	23,4	23,5	23,6
Оборот предприятий, %	21,4	22,2	21,1	20,5	20,2

Рост абсолютного показателя оборота малых предприятий сопровождается падением его доли в общем объеме ВВП государства, что говорит о более высоких темпах роста продаж крупных корпораций. В свою очередь, в отношении доли среднесписочной численности работников наблюдаются достаточно низкие темпы прироста занятых на предприятиях малого бизнеса, тем не менее, обеспечивая видимый рост доли занятых в этом секторе. Анализ отраслевой структуры малого бизнеса позволяет выделить наиболее характерные виды экономической деятельности, характерные для российских субъектов малого предпринимательства, в числе которых: торговля; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; строительство; обрабатывающие производства; транспорт и связь; сельское хозяйство [2].

Качественный подход к исследованию малого предпринимательства, на наш взгляд, можно условно разделить на три уровня:

- исследование малого предпринимательства как социальной группы;
- исследования малого предприятия как единичного элемента социальной группы;
- исследование предпринимателя как субъекта предпринимательской активности.

В реализации исследования качественных характеристик малого предпринимательства как социальной группы продуктивным является применение общественно-ценностного подхода, позволяющего рассматривать малое предпринимательство и как социально-экономическую систему – носителя определенных общественных функций, и как объект управления в проекции социо-экономической полезности [3]. Данный подход позволяет выделить особенности социального функционала малого предпринимательства, являющиеся базисами при построении управленческих моделей, основными из которых являются следующие:

- с приростом малого предпринимательства связано увеличение доли среднего класса [4];
- развитие малого предпринимательства сглаживает социальное напряжение в обществе;
- малое предпринимательство предоставляет возможности самореализации представителям “креативного класса”.

Исследования качественных характеристик малого предприятия как единичного элемента социальной группы связано с определением его специфических характерных черт в качестве

объекта социального управления. Среди сильных сторон малого предприятия можно выделить небольшой стартовый капитал, эффективность, гибкость, самостоятельность, слабые стороны – ограниченный (локальный) рынок, высокая зависимость от изменений конъюнктуры рынка, недостаток квалифицированных кадровых ресурсов [5] и др.

Исследование качественных характеристик малого предпринимательства обозначает необходимость составления социального портрета предпринимателя с целью определения мотивационных факторов его деятельности. Согласно данным проведенного нами социологического исследования субъектов малого и среднего предпринимательства, среднестатистический владелец малого бизнеса – это мужчина в возрасте от 31 до 50 лет. Подавляющее большинство руководителей российских малых предприятий имеют высшее образование — почти 70%, при этом более половины опрошенных получили высшее техническое или экономическое образование [6]. В отношении профессиональных характеристик можно отметить наиболее важные: способность к стратегическим решениям, способность к эффективному управлению, знание специфики своего дела, его технологических аспектов, ориентация на внедрение инноваций. Интеллектуально-профессиональный портрет среднестатистического предпринимателя прежде всего может сказать о степени развития предпринимательской культуры и интереса к предпринимательству в современной России. В отношении личностно-психологических характеристик можно выделить наиболее универсальный набор черт, присущих успешному российскому предпринимателю: инновационность и инициативность, упорство и настойчивость, целеустремленность, готовность к риску, стрессоустойчивость, стремление к совершенству, отраженное в ориентации на эффективность и качество, ответственность, независимость, стремление к познанию и самосовершенствованию.

Предпринимательская деятельность содержит в себе комбинацию возможности самореализоваться, реализовать потребности предпринимателя, получить прибыль, и возможности удовлетворить экономические и социальные потребности общества, что обуславливает необходимость изучения социальных аспектов предпринимательства, научного поиска социальных каналов управления данным видом человеческой активности, разработки социально-управленческих подходов к его регулированию, основанных на четком определении его качественных и количественных характеристик как элемента общественного развития.

1. Дунаева А.И., Удачин Н.О. *Малый бизнес в Российской Федерации: определение количественных и качественных характеристик* // Наука-RASTUDENT.RU. – 2014. – No. 3(03-2014) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://nauka-rastudent.ru/3/1277/>

2. *Малое и среднее предпринимательство в России. 2015: Стат.сб. / М 19 Росстат.* - М., 2015. – 96 с.

3. Щербакова Л.И., Лабадзе О.Е. *Социальные технологии и их востребованность в малом предпринимательстве: социологический анализ* // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. - 2016. - № 4. - С.108-114.

4. Шереги Ф.Э. *Социология предпринимательства: прикладные исследования.* / Ф.Э. Шереги. – М.: Центр социального прогнозирования, 2002. – 536 с.

5. Чепуренко А.Ю. *Малое предпринимательство в России* // Мир России. Социология. Этнология. - 2001. - №4 - С.130-161.

6. *Малый бизнес в интернете. Исследование, 2014 г. Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России».* Режим доступа. – URL: <http://aori.ru/files/issledovanie.pdf>

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Лесина Л.А. (Екатеринбург)

Необходимость модернизации экономики, повышения уровня ее конкурентоспособности актуализирует потребность в поиске конкурентных преимуществ региона, в качестве одного из которых может выступать такой важнейший ресурс социального развития как молодежь [1, с.451]. Именно молодежь, прежде всего, студенческая молодежь, проходя первичную профессиональную социализацию, в самом ближайшем будущем может стать активным субъектом социально-экономической и политической жизни.

Анализ изучаемой проблематики был предпринят в рамках социологического исследования «Студент – 2016», объектом эмпирического изучения выбраны студенты ведущих

вузов г.Екатеринбурга (объем выборки составил 1827 человек). Процесс выстраивания траекторий различных профессиональных стратегий исследовался с помощью следующих индикаторов: осознанность выбора профессии; профессиональные планы после окончания вуза; значимость различных аспектов будущей работы; факторы, способствующие реализации профессиональных стратегий; оценка востребованности выбранной профессии на рынке труда.

Формирование профессиональной стратегии начинается с осознанного выбора будущей профессии, с накопления необходимых для успешной деятельности знаний, умений, навыков, компетенций. Интерес к профессии как ведущий мотив выбора актуален для 44% опрошенных; 29% привлекла возможность найти хорошую работу на рынке труда после окончания вуза, 24% хотели обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем. Настораживает достаточно высокий процент «случайных» выборов будущей профессии, без соотнесения ее с собственными склонностями, с потребностями регионального рынка труда: 8% поступили в вуз, чтобы избежать службы в армии, 5% - за компанию с друзьями, 5% - надеются таким образом продлить себе беззаботный период жизни.

Для определенной части студентов профессиональное образование становится просто высшим и рассматривается как формальная часть их человеческого капитала при выходе на рынок труда. Так, почти четверть опрошенных студентов выбрали вуз и профессию, основываясь на желании получить диплом, при этом не важно, где и какой! При поступлении в вуз только 20% четко представляли себе характер и специфику профессиональной деятельности по выбранной специальности, остальные имели об этом весьма смутные представления. В процессе профессионального обучения уже 56% считают, что у них сформировалось четкое понимание специфики будущей профессии, остальные 44% по-прежнему лишь в самом общем виде представляют себе контуры осваиваемой специальности. Сначала школы, а затем и вузы не в полной мере реализуют свои функции по профессиональной диагностике и ориентации учащейся молодежи.

Стремятся к работе по выбранной специальности, понимают значение осваиваемой профессии и особенности собственной профессиональной роли на основе четко сформированного образа профессии 34% опрошенных студентов. Выбор профессии вначале, затем – выбор работы по специальности отражает стремление молодых людей заявить о своей принадлежности к определенной профессиональной общности, желание занять определенный статус в социально-профессиональной структуре общества.

Возникают определенные противоречия между желаниями студентов заниматься интересным делом по полученной специальности и жесткими ограничениями рынка труда в плане предоставления возможностей трудоустройства. Студенты весьма критично оценивают шансы реализовать свои профессиональные планы на местном рынке труда. Только 10% опрошенных рассчитывают найти работу без особых трудностей. Почти половина студентов отметили отсутствие открытых вакансий по интересующим их специальностям, 28% - отсутствие информации о предприятиях, где востребована их профессия.

Среди желательных форм трудоустройства после окончания вуза можно выделить следующие: 14% хотели бы заняться предпринимательством; 6% планируют поехать за границу работать или учиться. Почти четверть планируют продолжить обучение дальше, поступив в магистратуру, аспирантуру, либо получить второе высшее образование. Это может быть вызвано как желанием остаться в статусе обучающегося, «отодвинув» сроки выхода на рынок труда и откладывая реализацию собственной профессиональной стратегии в повседневной практике, так и осознанием необходимости наращивать человеческий, культурный капитал.

Апатия и безразличие к собственному профессиональному будущему наблюдается у 20 % опрошенных студентов. Подобные настроения растерянности, неуверенности в будущем, возможно, обусловлены кризисными явлениями в обществе.

Для студентов превалирующими являются достижительные аспекты будущей работы: 59% хотели бы найти работу, приносящую высокие доходы; для 51% значима в будущей работе возможность карьерного роста (при этом привлекательной является как административная, так и профессиональная карьера). Таким образом, получаемая в вузе профессия становится средством достижения желаемого образа жизни. Часть студентов готова поменять специальность, если предлагаемая работа окажется перспективной и хорошо оплачиваемой. Студенты осознают, что полученное профессиональное образование не является гарантом устройства на хорошую работу, а полученная в вузе профессия – это не профессия на всю жизнь.

Высшее образование воспринимается студентами как непереносимое условие реализации их профессиональных стратегий, причем профессиональное образование может и не соответствовать будущей работе ни по профилю, ни по уровню квалификации, обозначенному в дипломе. Важным в современных реалиях, и это закрепилось в сознании молодежи, становится не столько содержание образовательных программ, сколько их рыночная востребованность. Знания, навыки, компетенции, освоенные в процессе профессионального обучения, для 65% являются непереносимым условием реализации их планов в отношении будущей работы.

Достаточно высокий уровень статусно-профессиональных притязаний студентов зачастую не соответствует реалиям рынка труда. Среди основных трудностей, с которыми сталкиваются молодые люди при поиске работы, были отмечены: отсутствие трудового стажа (75%), несоответствие профессиональной подготовки требованиям работодателя (38%). Все это порой делает невозможным реализацию выбранной профессиональной стратегии. Если профессиональная подготовка молодых людей мало востребована работодателями, то это значительно ограничивает возможности их карьерного роста, деформирует профессиональные роли и ценности. По данным статистики, около 50% выпускников меняют свою специальность сразу после окончания учебного заведения.

Большее половины опрошенных студентов рассчитывают в выстраивании своего профессионального и, в целом, жизненного пути на личные ресурсы: особенности характера, трудолюбие, обучаемость. Традиционно высокие проценты в оценке значимости социального капитала при поиске подходящей работы на рынке труда: на личные связи, умение налаживать контакты полагаются 30%; на «нужные» знакомства своих родственников – 22% опрошенных.

Почти половина студентов на момент опроса не имели работы, но в качестве самого эффективного способа трудоустройства отметили именно возможность продолжить работу в той организации, где уже работали, либо проходили производственную практику. Таким образом, выбранное студентами во время обучения в вузе место работы становится своеобразной стартовой площадкой их будущей профессиональной карьеры. Так же 18% подчеркивают в качестве значимого фактора успешности реализации профессиональных стратегий - прохождение практики на предприятии.

Комплексное исследование профессиональных стратегий выпускников высших учебных заведений представляет несомненный интерес, поскольку определение меры их соответствия реальной динамике социально-профессиональной структуры территориальной общности позволяет более целенаправленно формировать и развивать систему профессионального образования в условиях конкретного региона.

1. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Лихачёв Н.Е. (Могилёв, Республика Беларусь)

Комплекс представлений о материальной жизни сельского сообщества основывается на отношениях собственности. Социальные потребности людей подчинены, прежде всего, потреблению и качество жизни определяется количеством материальных ценностей и их денежным эквивалентом. Повседневная жизнь села выдвигает на первый план потребление, а самоуважение и авторитет человека зависит от наличия в его распоряжении определенного набора материальных благ. Собственность во всех ее разновидностях лежит в основе межличностных и социально-экономических отношений. Они базируются на условиях производства материальных ресурсов, их распределения и обмена, потребления. Если первые три фактора представляют собой в большей степени область экономики, то потребление характеризуется социальной направленностью.

Проблема собственности одна из самых дискуссионных в предметной области общественных наук. Ряд исследователей склоняются к наличию множественности форм собственности. «В настоящее время, например, существуют общественная, частная, государственная, муниципальная, семейная, индивидуальная, кооперативная, акционерная, монополистическая, фермерская формы собственности и ряд других» [1, 14]. Другие полагают, что значимы только две ее основные формы: частная и государственная. Под государственной понимается ограничение интересов частного собственника интересами общества и, собственно,

активы, которые попадают под такие ограничения. В свою очередь «частная собственность – это способность хозяйствующих субъектов использовать принадлежащие им активы в собственных интересах, по их собственному волеизъявлению без ограничений со стороны общности более высокого уровня (государства)» [2, 84].

Собственнические отношения - это, прежде всего, принципы взаимодействия людей по поводу материальных ценностей, условий их производства и использования. Общество не может существовать, не упорядочив правила имущественных отношений. Поэтому дефиницию «собственность» можно кратко определить как «социальная упорядоченность имущественных отношений» [2, 80]. Но при анализе жизни села необходимо иметь ввиду, что агросфера – это особая социально-экономическая и духовная система со своим внутренним миром и взаимоотношениями, специфическими интересами и собственной логикой развития. Это пространственный базис хозяйственной деятельности людей, основанный на использовании земельных, водных, материальных и трудовых ресурсов для решения не только продовольственно-сырьевых задач, но и обеспечения устойчивого развития общества в целом. Здесь представления об отношениях собственности несколько иные, и она «идентифицируется, главным образом, с личным имуществом: дом, хозяйство, машина и т.п. При этом имеется ввиду, что эта часть частной собственности легитимна». [3, 132] Что же касается государственной и колхозно-кооперативной собственности, то сельчанин чаще всего рассматривает их как источники зарабатывания денег и чуждых личным интересам.

В перспективе руководству страны придется решать проблему приватизации земли. Несомненно, развитие института собственности, в том числе и на земельные угодья, стимулирует трудовую активность человека, потому что создает возможность накопления богатства. Но в современных условиях Беларуси сельским предпринимателям не хватает не земли, ведь имеется немало резервных площадей, которые можно вовлечь в сельхозпроизводство, а не хватает материальных средств для ее обработки, оборудования, помещения. Другими словами, рыночные отношения и развитие аграрной предпринимательской среды тормозятся нехваткой капиталов. Вероятно, есть необходимость осуществлять поэтапный переход к купле-продаже земельных участков исключительно для организации частного сельхозпроизводства.

Вряд ли следует бояться того, что введение частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения вызовет большой ажиотаж и рост рядов аграрных предпринимателей. В опросе Института социологии НАН Беларуси таких оказалось только 13,7%. Большая часть сельского населения – крестьяне, рабочие, учителя, врачи, агрономы и др. хотят хорошо делать то, что они умеют, и за это получать достойный гарантированный доход [4, 40].

В нынешних условиях расширения товарности сельских домохозяйств пока проявляется как тенденция и не приобрела характера массового явления. Большинство сельчан живет надеждой на рост зарплаты в СПК и делает ставку на государственное вспомоществование. Такой вывод напрашивается при анализе ответов респондентов на вопрос: «Хотите ли Вы приобрести надел земли в частную собственность?» - да, хочу 8,4%; хочу, но у меня нет для этого материальных средств 20,4%; нет, не хочу приобретать землю в частную собственность 71,2%. Собственнические интересы не являются постоянными, они меняются в зависимости от исторических и экономических условий общественного развития. Если в дореволюционную эпоху авторитет крестьянина в социуме и его экономическое положение определялось размером обрабатываемого надела, то в современных условиях этот фактор большой значимости не имеет. Современное крестьянство в своей основной массе потеряло интерес к труду на собственной земле, довольствуется занятостью в общественном производстве и на небольшом приусадебном участке. Следует отметить – в сельских поселениях Беларуси не сформировалось сколько-нибудь значительная социальная база для частного землепользования.

При анализе установок сельчан по поводу собственности необходимо опираться на доминирующую в их среде систему ценностей и сформировавшийся менталитет. Для более полного понимания структуры и механизма формирования подходов к собственности вычленим такие дефиниции, как «присвоенная собственность» и «произведенная собственность». К первой относятся те материальные ценности и ресурсы, которые дарованы природой человеку. Скажем, дары леса, полезные ископаемые и т.п. не производятся непосредственно человеком, а присваиваются. Произведенная собственность – есть продукт целенаправленного труда с использованием природных и искусственных материалов и инструментов. Такое членение этого понятия необходимо учитывать при анализе отношения сельчан к собственности на земельные угодья. Для белорусского народа земля представляет нечто большее, нежели средство

производства материальных ценностей и развития экономического пространства. Она выступает как присвоенная собственность, как территория формирования родовых мест, сохранения традиций и духовности народа. Несмотря на усиленную пропаганду идеи превращения национальных земельных угодий в объект купли-продажи, современное сельское население в своей основной массе считает землю, дарованную Богом, общественным достоянием, как воздух, реки, леса, озера и т.п. Земля в представлении сельчан должна принадлежать не тем, кто ею владеет фактически, а всему народу. Государство должно только предоставлять право на пользование землей, но не отчуждать ее. В ментальности сельских жителей прочно укоренился принцип, согласно которому человек должен выступать в роли пользователя и хранителя природы, а не собственником.

На российско-белорусском сельском пространстве многие столетия культивировалась общинная уравнилельно-передельная система распределения земли в соответствии с числом членов семьи и возможностями крестьянского двора. Общинное землепользование чаще всего приводило к дроблению участков и материальных ценностей между всеми наследниками, а в итоге к оскудению плодородия и сельской бедности. В крестьянской среде из поколения в поколение передавалась установка на обеспечение биологической выживаемости, а инициатива и предприимчивость искусственно подавлялись. Этот общинный тип сознания и сейчас проявляется у значительной части сельских жителей, что выражается в негативном отношении к частной собственности на землю, непринятии обогащения и социального неравенства.

В негативизме сельчан к частнособственническим отношениям есть и другая подоплека. Современные сельские труженики – это уже совершенно иная генерация крестьянства, впитавшая в себя психологию колхозно-совхозной системы, значительная часть из них потеряла интерес к активному индивидуальному труду, предпочитает работать по минимуму, надеясь на постоянную финансовую подпитку со стороны государства.

1. Лоскутов, В.И. *Экономические и правовые отношения собственности* / В.И. Лоскутов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002.

2. Ефимчук, И.В. *Собственность как социальная система : монография* / И.В. Ефимчук. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2004.

3. *Человеческий потенциал белорусской деревни* / Р.А. Смирнова и др.; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн.: «Белорусская наука», 2009.

4. Смирнова, Р.А. *Трудовые и экономические стратегии крестьянства Беларуси* / Р.А. Смирнова // *Региональная социология: состояние, проблемы, перспективы: материалы между. науч.-практ. конф., г. Горки, 2-3 июня 2005 г.* / Бел. гос. сельскохозяй. акад.; редкол. А.Н. Цыганов, А.Н. Данилов [и др.]. – Горки: БГСХА, 2005.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: МЕРА ТРУДА И МЕРА ПОТРЕБЛЕНИЯ Малинина Т.Б. (Санкт-Петербург)

Современный экономический кризис за последние два года в России усугубил социально-экономическую ситуацию в обществе. Экономический упадок явился причиной многих негативных тенденций в общественной жизни: сокращение рабочих мест, рост безработицы, падение покупательной способности населения – все это привело к резкому расслоению общества, снижению уровня жизни населения. Осмысление сложившихся экономических отношений, целью которых является получение максимальной прибыли, игнорирующей социальное развитие человека и общества, заставляет обратиться к потребительной стоимости [2], которая могла бы являться новой формой воспроизводства экономических отношений.

Согласно К.Маркса, труд в своих исторических формах выступает главным фактором развития человека и общества. В процессе труда для человека большое значение имеют его результаты, которые являются благом для человека и общества, т.е. имеют социальное значение. Любое благо можно назвать потребительной стоимостью, т.к. оно обладает свойством полезности. Ведущий представитель современной неомарксистской исторической социологии И. Валлерстайн говорит о крахе мировой капиталистической экономики в первой половине XXI века, что мы и наблюдаем уже сейчас: отсутствие дешевой рабочей силы, истощение сырьевой базы, экологические и демографические кризисы.

Заметим, что в концепциях развития перспективы и будущего общества оцениваются под углом зрения стоимостной парадигмы, которая в общем случае, по мере роста производительности труда, предполагает уменьшение стоимости производимого продукта (результата). Предполагается, что совокупная масса ресурсов, расходуемых на осуществление процесса

производства, растет с опережением, в силу чего совокупная масса средств к жизни не может удовлетворить требуемый объем потребления. Известная стоимостная формула накопления капитала, предполагающая опережение постоянным капиталом (c) роста переменного капитала (v) в соотношении $c > v$, трактуется как неизбежное падение потребления и невозможность устранения неравенства между производством средств производства и потреблением. Отсюда выводятся пределы общественного прогресса.

На самом деле эти пределы вытекают не из неспособности труда давать результаты, превышающие его затраты, и тем самым обеспечивать общественный прогресс, а из стоимостного измерения труда и потребления. На труд и потребление, движение которых не может быть уложено в стоимостные рамки, тем не менее, накладывается стоимостная схема, что приводит к искажению перспектив развития.

На наш взгляд, теоретическое обоснование социально-экономического развития общества самым тесным образом связано с преодолением стоимостной парадигмы, которая касается не только экономики, но и всей социальной сферы. Можно сослаться на авторитет А. Эйнштейна, по мнению которого производство ради лучшего удовлетворения потребностей должно сменить производство ради прибыли. Он сознавал, что экономический кризис его времени разразился из-за того, что экономическая система работала на прибыль, а не на удовлетворение человеческих потребностей. Что имеет место и сегодня в любых национальных экономиках.

Экономический кризис и неразвитая экономика привели Россию к глубокому расслоению в обществе. Согласно Росстата средний доход 10% наиболее обеспеченных людей в 18 раз превышает доход 10% наименее обеспеченных (для сравнения этот показатель в 1999 г. составлял 5,32 раза). Мировая практика показывает, что для сведения к минимуму числа социальных конфликтов, необходимо чтобы разница между доходами богатых и бедных составляла менее 10 раз. Заработная плата является основным источником дохода населения. Заметим, что МРОТ в России с 01.07.16 г. составляет 7500 рублей [1] - один из самых низких среди развитых экономик мира. И до сих пор его величина ниже прожиточного минимума в РФ (да и сам прожиточный минимум вызывает удивление, когда его начинаешь соизмерять с ценами услуг ЖКХ, расходами на продовольственные товары и т.д.). Размеры наших пенсий, вряд ли можно назвать обеспечивающими достойную старость. Всероссийский центр уровня жизни населения подсчитал: число населения с месячными доходами ниже среднего составляет 83%, почти 50% домашних хозяйств, где есть работающие люди, с доходами ниже прожиточного минимума (II кв. 2016 г. - 9956 руб. на душу населения). Люди с низкими доходами не могут обеспечивать высокий спрос, а лишь тормозят развитие отраслей социальной сферы – медицины, сферы услуг, производства потребительских товаров. К тому же высоко квалифицированные представители ценных профессий, таких как учителя, преподаватели ВУЗов, ученые, врачи, работники сферы культуры составляют большую прослойку бедного населения. Низкооплачиваемый интеллектуальный в нашей стране труд негативно сказывается на уровне образования общества, его культуре, ценностных ориентациях, а также не способствует развитию науки, техники, новых современных производственных технологий, т.е. отрицательно влияет на развитие человека и общества. В сложившихся условиях оплаты интеллектуального труда у людей отсутствует мотивация овладеть такими профессиями, необходимыми для развития общества.

Таким образом, производство всегда выступает как затраты труда, а потребление – как результат овеществленного в продукте труда. В основе затрат и результатов лежит только труд и ничего больше: на стороне производства выступают затраты в виде неопределенного труда – живой рабочей силы, а на стороне потребления – результаты реализации труда – продукт. Отсюда следует, что труд является фундаментом производства и потребления: соизмерить затраты и результаты можно на одной и той же основе – на основе труда. В стоимостном измерении мера потребления определяется затратами труда на воспроизводство рабочей силы и мы имеем равенство меры труда и меры потребления работника. Однако, важна обратная зависимость меры труда от меры потребления. Труд и потребление в потребительстоимостном измерении взаимодействуют иначе, чем в стоимостном. Работник трудится, в этом случае, чтобы удовлетворить своих непосредственных нужды, и мера его труда определяется объемом (мерой) его непосредственных потребностей, которые выражаются в соответствующих производимых благах. Тогда общество трудилось и производило бы не более того, в чем оно нуждается: границы потребления индивида определяют здесь границы его труда.

В потребительстоимостном измерении потреблением определяется мера труда, а значит и целью производства является потребительная стоимость и возвышение потребностей,

измеряемых на основе труда, создающего результат, который превосходит его затраты. В данном случае, соизмерение осуществляется не затраченным трудом (как в законе стоимости), а высвобождаемым, сэкономленным трудом, получаемым от реализации потребительной стоимости продукта.

1. *Федеральный закон от 02.06.2016 № 376-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда».*
2. *Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости – новая парадигма экономической науки. СПб., 1996.*

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Мальцева Н.В. (Тюмень)

В условиях экономического кризиса повышение качества жизни как одно из приоритетных направлений социальной политики государства становится трудноразрешимой задачей. Данная проблема усугубляется наличием территориальных диспропорций в социально-экономическом развитии современного российского общества, что приводит к снижению уровня качества жизни сельского населения в сравнении с городским. В связи с этим особую актуальность приобретает решение вопросов обеспечения доступности для сельских жителей образовательных, медицинских, культурных, торгово-бытовых услуг и преодоление отставания села от города по условиям жизнедеятельности.

Понятие «качество жизни» представляет собой интегральную характеристику общественного благосостояния, которая отражает не только материальное положение и уровень потребления граждан, но и возможности развития личности, реализации её жизненных планов в сферах образования, труда и занятости, профессиональной карьеры, досуга и отдыха, а также жилищные условия, уровень развития инфраструктуры, доступ к информации, состояние здоровья и личную безопасность населения, политическую и социальную стабильность общества, динамику демографических процессов, состояние природной среды и экологическую обстановку.

Сложность изучения качества жизни населения заключается в отсутствии общепринятого набора критериев для измерения данного показателя. Разработанные отечественными специалистами методики оценки учитывают наиболее приоритетные компоненты качества жизни в субъектах Российской Федерации. Расчет индекса обычно производится по следующим критериям: размер индивидуальных доходов населения как отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, установленному в регионе; миграционная привлекательность региона – прирост числа прибывших на десять тысяч человек населения территории; выживаемость детей до одного года, учитывающая качество медицинских услуг и состояние здоровья родителей; уровень безопасности жизни, обратно пропорциональный уровню преступности; развитость рынков услуг в виде объема платных услуг на душу населения; доступность рабочих мест.

Полученные на основании подсчетов данные позволяют выстраивать рейтинги качества жизни, проводить мониторинг и экспресс-диагностику социально-экономической ситуации в регионах.

Согласно исследованию рейтингового агентства «РИА Рейтинг» в 2015 году Тюменская область (без учета автономных округов) среди российских регионов заняла одиннадцатое место по качеству жизни, переместившись на три позиции вверх в сравнении с 2014 годом. Анализ проводился по семидесяти трём показателям, характеризующим основные аспекты проживания в регионе: уровень экономического развития, размеры доходов населения, обеспеченность различными видами услуг, климатические условия и другое [2].

Параллельно с этим исследованием экспертами Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ проводилась оценка качества жизни в крупных и средних городах России, по итогам которой город Тюмень занял первое место в рейтинге. Данная методика расчета строилась на основании нескольких подходов с использованием статистической информации и результатов опросов общественного мнения. Специалистами учитывались следующие группы индикаторов: уровень материального благополучия, качество медицинского обслуживания, доступность хорошего образования, качество жилого фонда и работы жилищно-коммунальных служб, уровень благоустройства города, состояние дорожного хозяйства, готовность жителей к миграции, удовлетворенность жизнью [4].

Можно предположить, что наблюдаемое улучшение качества жизни в регионе за 2015 год в целом определялось благоприятной социально-экономической ситуацией, сложившейся в областном центре. Следовательно, условия проживания в остальных городах юга Тюменской области, а также многочисленных сельских поселениях являются недостаточно комфортными для жителей и требуют пристального внимания со стороны региональных властей. В связи с этим важным становится вопрос определения структуры качества жизни сельского населения.

В отечественной науке существуют разные точки зрения относительно составляющих категории «качество жизни сельского населения». Например, А.И. Зиганшин предлагает включать в структуру понятия термин «качество общества», под которым понимается качество личности, населения, отдельных социальных групп и организаций гражданского общества; а также качество трудовой и предпринимательской жизни; уровень развития социальной инфраструктуры; состояние окружающей среды; личную безопасность и удовлетворенность людей своей жизнью [1, с. 8].

Иерархическая система показателей качества жизни населения сельских территорий, разработанная Т.Н. Лариной, содержит два блока критериев оценивания, а именно: частные показатели и полученные на основе их моделирования агрегированные оценки. Среди частных показателей автор выделяет факторы (ресурсы развития) и результаты человеческой жизнедеятельности (достижения человека). Ресурсы развития описываются следующими категориями: национальное богатство, демографическая структура, избирательная система, потребительский бюджет, рынок труда, социальная инфраструктура, информационная инфраструктура, общественная безопасность, природно-климатические условия и состояние окружающей среды, государственные (муниципальные) финансы. Достижения человека представлены показателями: уровень заболеваемости, образования, занятости (безработицы); структура доходов (потребительских расходов) домашних хозяйств; число общественных организаций на территории поселения; средняя ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость (смертность); интенсивность миграции. Агрегированные оценки качества жизни населения сельских территорий включают уровень территориальной социальной конвергенции и интегральные показатели (индикатор устойчивости конвергенции районов по уровню социального развития, компоненты развития социальной инфраструктуры, индекс человеческого развития [3, с. 19].

Очевидно, что создать универсальную методику, способную охватить весь спектр показателей качества жизни населения и пригодную для любой территории, не представляется возможным. Это объясняется неодинаковым экономическим потенциалом поселений, многообразием климатических условий и природных ресурсов, различиями в потреблении и т.п. Поэтому при оценке качества жизни сельских жителей целесообразно использовать комплексный подход, заключающийся в применении статистических, социологических и экономико-математических методов исследования.

Наиболее перспективным методом исследования оценки качества жизни является социологический метод, поскольку он позволяет получить достоверную информацию об условиях жизни различных социальных слоев сельского населения и эффективности функционирования учреждений и служб, обеспечивающих удовлетворение разнообразных потребностей граждан. В числе наиболее актуальных видов социологических исследований можно назвать зондажно-информационное обследование, информативно-целевой анализ материалов местной прессы, социологические опросы населения, интервью с экспертами, специализированные прогнозные методы.

Результаты проведенного нами социологического исследования показали, что качество жизни сельского населения в регионе находится на довольно низком уровне. Большинство опрошенных не устраивают условия проживания, многие хотели бы сменить место жительства, переехав в другой населенный пункт. Недостаток рабочих мест, малооплачиваемый труд, сложности с получением качественного медицинского обслуживания, отсутствие комфорта обуславливают низкую удовлетворенность жизнью. Решение проблемы видится в повышении эффективности государственного управления в агропромышленном комплексе, создании благоприятных условий для вовлечения населения в предпринимательскую деятельность, развитии социальной инфраструктуры сел, повышении доходов их жителей.

Таким образом, методика изучения и оценки качества жизни должна включать в себя следующие основополагающие моменты: структурирование элементов, составляющих понятие «качество жизни», отбор показателей для их оценки и выбор наиболее важных направлений

исследования, в значительной степени отражающих региональные особенности в сложившейся социально-экономической ситуации. Различия, наблюдаемые в условиях жизни сельских поселений, вызывают необходимость разработки дифференцированных программ социально-экономического развития для каждого муниципального образования с учетом имеющихся в его наличии ресурсов и возможностей.

1. Зиганишин А.И. Оценка качества жизни сельского населения и ее региональная дифференциация: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 15.12.12 / А.И. Зиганишин. – Казань, 2012. – 25 с.
2. Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2015 // РИА Рейтинг. - Режим доступа: <http://www.riarating.ru/infografika/20160225/630010958.html>
3. Ларина Т.Н. Методология статистического исследования качества жизни населения сельских территорий: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 31.10.13 / Т.Н. Ларина. – М., 2013. – 41 с.
4. Рейтинг городов России по качеству жизни в 2015 году // Финансовый университет при Правительстве РФ. - Режим доступа: <http://www.fa.ru/dep/press/about-us/Pages/Otsenka-kachestva-zhizni.aspx>

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕКАРИТИЗАЦИИ ДЛЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ **Маскаев А.И. (Ростов-на-Дону)**

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

История развития цивилизаций может быть представлена как процесс, который характеризуется с одной стороны, количественными показателями – увеличением населения, подушевого дохода, объемов производства, а с другой качественными показателями – возникновением институтов, усложнением организации коллективных взаимодействий, созданием нового знания. Количественные и качественные показатели развития взаимосвязаны, но в процессе эволюции общества их взаимовлияние претерпевает изменения. Современный этап общественного развития характеризуется усиливающимся влиянием знаний, технологий и связанных с ними институтов.

Технические достижения оказывают заранее непредсказуемое влияние на ресурсы, находящиеся в коллективном пользовании, создают и разрушают трудовые иерархии, меняют условия труда, создают угрозу для ренты, обеспечиваемой существующими технологиями, оборудованием, навыками. Поток технологических инноваций не только интегрирует уже существующие источники труда и капитала, но и создает новые [4].

Воздействие науки на жизнь человека сегодня велико, как никогда прежде, но оно остается невидимым для макроэкономических индикаторов. Знание с незапамятных времен было важным фактором экономического развития и повышения уровня жизни. Современные машины, роботы заменяют различные виды человеческого труда, причем гораздо интенсивнее, чем когда-либо ранее.

Прекариатизация труда означает усиливающуюся трансформацию из гарантированной, постоянной занятости к менее оплачиваемой и менее защищенной работе. Повышения уровня автоматизации производства не только способствует увеличению выработки, но и поднимает острые социальные проблемы: высвобождение занятых в промышленности и как следствие сокращение платежеспособности населения.

Прекариат - это такая социоэкономическая группа, состоящая из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством, отличающаяся гибкой занятостью, нестабильностью доходов и отсутствием гарантий социальной защищенности [5].

Э.П. Томпсон, применительно к рабочему классу, говорил о созидании, а не о спонтанном возникновении класса: формирование класса есть процесс, который активно осуществляется акторами [8, р. 401]. С этой точки зрения выделение прекариата в отдельный класс затруднено по причине его разнородности – трудно представить, что преследующие настолько разнонаправленные экономические интересы группы людей способны сформировать единую структуру.

Увеличение численности прекариата ведет к разрушению профессиональной идентичности, что затрудняет передачу неявного знания. Знание, в отличие от информации, неотделимо от носителя. Экономическая трактовка неявного знания значительно отличается от предложенной М. Полани и связана с разработками австрийской школы. Неявное знание в

трактовке австрийской школы представляет собой знание, образующееся в процессе экономических обменов и совместной деятельности. Неявное знание позволяет актерам получать и интерпретировать релевантную информацию, которая в отсутствие рыночных обменов, делиберативного процесса была бы не только недоступна, но и вообще не создана.

Неявное знание не вербализуемо, это знание, которое не может быть легко передано другим в отрыве от практической деятельности. Постоянная смена рабочих мест не дает актору времени и возможности для его интернализации. Еще одним барьером на пути восприятия нового знания и технологий является низкий уровень мотивации у отправителя или получателя, формируемый институциональной средой [2]. Опыт связан с приобретением обоих видов знания – явного и неявного, однако неявное знание, которое является знанием взаимодействий, не может быть рационально трансформировано в явное знание. Хайек отмечает, что мы на самом деле не в состоянии изложить все правила, которые регулируют наше восприятие и действия. Мы всегда знаем не только больше, чем мы можем сознательно использовать, но также больше, чем мы можем осознать. Многое, что мы успешно делаем, зависит от предпосылок, которые находятся вне диапазона, что мы можем либо сформулировать или осмыслить.

Снижение издержек за счет прекариатизации общества вряд ли приведет к прорывам в экономической эффективности, но несет в себе угрозу разрушения социального порядка, основанного на рыночных, демократических ценностях. В противном случае массы «новых» луддитов могут направить свой разрушительный потенциал не только против физических, но и социальных технологий. И здесь основными проблемами являются понимание закономерностей эволюции и конструирование социальных технологий и институтов, способствующих снижению напряженности на рынках труда и препятствующих прекариатизации общества [2, с. 168].

Рост численности прекариата происходит из-за неверного понимания роли институциональной среды в формировании условий (в том числе стимулов) для развития конкуренции и, более того – недопонимания роли конкуренции в современных социальных порядках. Роль важной причинно-следственной переменной здесь играет набор правил, определяющих наше взаимодействие друг с другом и ресурсами, имеющимися в распоряжении. Эти правила должны обеспечивать способность реализовать преимущества от специализации и обмена, а также воспользоваться благами инноваций. Конкуренция – это прежде всего спонтанный процесс создания нового знания [6, с. 8]. Открытие нового знания в сфере экономики осуществляется предпринимателями-инноваторами. Но сложность современного мира и современных рынков предполагает формирование множества институтов, которые позволяют рыночным механизмам (в том числе и на рынке труда) приводить общества к экономическому росту и процветанию.

Ответом на рост сложности глобального общества, когда слабеют традиционные социальные, экономические, политические, идеологические отношения и институты, когда возрастает стратегическая неопределенность и возникают всё новые признаки надвигающегося онтологического хаоса, важным проявлением глобального системного кризиса становится рост радикализма в мире. Лица из числа прекариата наиболее подвержены подобным тенденциям. Радикализм, экстремизм, терроризм — это не результат некоей экзотической патологии каких-то личностей или даже изолированных групп людей, а объективная реакция на систему обостряющихся глобальных и региональных кризисных трендов.

Растущий уровень прекаритизации в будущем представляет острую проблему и одновременно носит виртуальный характер, в виду отсутствия возможности повлиять на него. Прекаритизация включает очень сложные и постоянно видоизменяющиеся процессы, которые не могут быть легко сведены к общему знаменателю. Ожидания от будущего развития технологий и рынка труда влияют на прекаритизацию. Из-за этого эффекта, результаты прекаритизации часто непредвиденны, хотя и не случайны. Изменяющаяся природа прекаритизации дает бесконечные возможности для интерпретации, что также дает преимущество [7, р. 2].

1. Вольчик В.В., Маскаев, А.И. Неявное знание, научные исследования и экономическое развитие // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 2016, т. 7, № 1, с. 6-18.

2. Вольчик, В.В., Посухова, О.Ю., Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // *TERRA ECONOMICUS*, 2016, Т. 14 №2, С. 159-173.

3. Клеман, К., *Флексибельность по-русски*: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // *Социологический журнал*, 2007, №4, с. 74-96.

4. Мокир Д. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.
5. Стэндинг, Г., Прекариат: новый опасный класс, М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
6. Хайек Ф. (1989). Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, с. 6–14.
7. Della Porta, D. Hänninen, S. Siisiäinen, M. and Silvasti, T., *The New Social Division: Making and Unmaking Precariousness*, UK: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 1–23.
8. Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. London, 1963.
9. U.S. Bureau of Labor Statistics. *Industry employment and output projections to 2024*, 2015.
10. Vosko, L. «Managing the margins: Gender, citizenship, and the international regulation of precarious employment», OUP Oxford, 2009.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОФИСА КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА **Матвеева А.Р. (Санкт-Петербург)**

К теме социального пространства обращается множество классиков социологии: Гидденс пишет о контекстуальности пространства, о важности зонирования в формировании контекстов взаимодействия [Гидденс Э.. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект Москва, 2005г.]; Бурдьё говорит о социальных полях в и о значимости социального капитала в контексте местонахождения агента в социальном пространстве [Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Издательство «Алетейя», 2007г.]; Бергер и Лукман оперируют понятием повседневная реальность, которая так же делится на зоны с присущими им специфическими практиками [Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995].

В современном мире, когда люди проводят большую часть дня в офисе, взаимодействуя друг с другом и выполняют определенные роли, проблема социального пространства офиса становится особенно актуальна. Многочисленные исследования, проведенные в этой области, еще раз показывают, что проблема мало изучена, хотя влияние пространства рабочего места на сотрудников и их работу неоспоримо.

Удовлетворенность офисным пространством, его загруженность, комфорт и дискомфорт — это не прямые факторы, которые, как принято считать, имеют самое что ни на есть прямое воздействие на сотрудника [Klitzman Susan, Stellman Jeanne M. The impact of the physical environment on the psychological well-being of office workers. — Soc. Sci. Med. Vol. 29. No. 6].

Многие работодатели понимают, что пространство — это сильный рычаг воздействия на своих сотрудников. А сотрудники, в свою очередь, — это самый важный актив компаний. Руководители стараются получать в штат самых лучших сотрудников, а офисное пространство становится важным фактором в рекрутинге, удерживании в компании персонала и развитии таланта.

Существует множество исследований о связи между удовлетворенностью, эффективностью и различными компонентами окружающей обстановки офиса. К примеру, в одном из исследований было выявлено, что темные офисы с большой плотностью и легким доступом к личному пространству коррелируют с низкой удовлетворенностью и перерывами вне офиса. Кроме того, личные вещи, вроде фотографий, растений, сувениров, почти не встречаются на столах сотрудников таких офисов [Oldham Greg R., Rotchford Nancy L. Relationships between Office Characteristics and Employee Reactions: A Study of the Physical Environment. — Administrative Science Quarterly, Vol. 28, No. 4, 1983].

Зонирование, или разделение на поля, играет очень важную роль в конструировании социального пространства офиса. Здесь встает вопрос не только расположения кабинетов, наличия кухни, комнат отдыха и т.д., но и в принципе разделения на отдельные кабинеты в офисе. Наличие или отсутствие отдельных кабинетов, является одним из определяющих аспектов формирования социальной реальности офиса.

Зачастую говорят, что сотрудники делятся на тех, кто предпочитает традиционный тип офисов (то есть наличие кабинетов), и тех, кто предпочитает так называемые офисы «open space» (или «open plan»). На самом деле, конечно же это не так. Исследования показывают, что существуют сотрудники, которым приходится по душе офисы обоих типов [Marans W.Robert. Evaluating open and conventional office workspace. — Environment and behavior, Vol.14 No3, 1982].

Офисы традиционного типа для многих сотрудников являются более комфортными, поскольку обеспечивают им приватную зону, и они не находятся под постоянным давлением со

стороны коллег: никто не посмотрит в его компьютер, никто не будет следить за темпом и качеством его работы. Кроме того, больше личного пространства, а значит и никакого притеснения.

Однако отсутствие физических барьеров в open-plan офисах облегчает коммуникацию между коллегами – вербальный и визуальный контакт устанавливается беспрепятственно без стен и деления. Благоприятные отношения между сотрудниками создают взаимное удовлетворение, а также такую важную составляющую успешной работы как мотивация [Oldham Greg R., Brass Daniel J.. Employee Reactions to an Open-Plan Office: A Naturally Occurring Quasi-Experiment. -- Administrative Science Quarterly, Vol. 24, No. 2, 1979].

Из проведенного обзора можно выделить следующие ключевые аспекты конструирования социального пространства офиса, имеющие наибольшее влияние на сотрудников, их работу, удовлетворенность рабочим местом и эффективность:

1. Личное пространство
2. Организация и зонирование офисного пространства
3. Освещенность помещения
4. Звукоизоляция
5. Удобство рабочего места
6. Эстетические характеристики офиса

Эти факторы были взяты за основу при проведении исследования офисного помещения ГК «Юлмарт». В качестве объекта был выбран департамент маркетинга, находящийся в офисе «open space».

В ходе исследования выяснилось, что в первую очередь сотрудники отдают предпочтение не удобству и комфорту, а эстетическим характеристикам офиса. Эстетические характеристики офиса чаще всего указываются в качестве первостепенного фактора, что говорит о безусловной важности красоты офиса для сотрудников.

Примечательно, что сотрудники офиса open space чаще всего выбирали удобство и комфорт в качестве наименее важного фактора, что говорит о не самой высокой значимости этого фактора для сотрудников такой планировки офиса. Однако есть респонденты, оговорившиеся о том, что хотели бы иметь в офисе зоны отдыха.

Трепетное отношение к эстетической стороне рабочего помещения подтверждается степенью влияния на удовлетворение рабочим местом – большинство оценок степени воздействия на удовлетворенность офисом в зависимости от эстетической составляющей варьируется на уровне верхнего предела. Кроме того, большинство респондентов отметили, что эстетика офиса влияет на эффективность работы.

Если говорить о личном пространстве и о его влиянии на эффективность работы, то большая часть респондентов дала максимальную оценку влияния личного пространства на их работу. Более того, большинство из тех, кто дал максимальную оценку ответили, что им абсолютно достаточно личного пространства на рабочем месте, что говорит о том, что сотрудники открытых офисов ценят личное пространство, но при этом такая планировка позволяет им его иметь в достаточном количестве.

Что касается освещения, то для большинства сотрудников предпочтительным оказался естественный свет. Данные о влиянии звукоизоляции на эффективность работы оказались неоднозначны. Возможно, на это оказал влияние тот факт, что далеко не все сотрудники знают, есть ли у них в офисе изоляция. Исходя из данных можно лишь утверждать, что ни один из опрошенных не оценил степень влияния звукоизоляции на качество своей работы максимально.

Отношения с коллегами – важный аспект рабочего пространства – оказались намного лучше между сотрудниками одного отдела, чем с сотрудниками из разных. В офисах открытого типа сотрудники оказались более склонны к общению с коллегами по департаменту, а не с сотрудниками других отделов, что говорит, действительно, о значимом влиянии отсутствия стен и барьеров в контексте благоприятных отношений коллег.

Все из перечисленных характеристик офиса, по мнению респондентов, оказывают значительное влияние не только на удовлетворенность работой, но и на эффективность выполнения ими рабочих задач. Это является ключевым моментом с точки зрения функционирования организаций, и подтверждает тот факт, что формированию рабочего пространства следует уделять повышенное внимание.

1. Klitzman Susan, Stellman Jeanne M.. *The impact of the physical environment on the psychological well-being of office workers.* – Soc. Sci. Med. Vol. 29. No. 6
2. Marans W.Robert. *Evaluating open and conventional office workspace.* – Environment and behavior, Vol.14 No3, 1982
3. Oldham Greg R., Brass Daniel J.. *Employee Reactions to an Open-Plan Office: A Naturally Occurring Quasi-Experiment.* -- Administrative Science Quarterly, Vol. 24, No. 2, 1979
4. Oldham Greg R., Rotchford Nancy L. *Relationships between Office Characteristics and Employee Reactions: A Study of the Physical Environment.* – Administrative Science Quarterly, Vol. 28, No. 4, 1983
5. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.* — М.: «Медиум», 1995
6. Бурдые П. *Социология социального пространства.* М.: Издательство «Алетейя», 2007г.
7. Гидденс Э.. *Устроение общества: Очерк теории структуризации.* М.: Академический Проект Москва, 2005г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

Машкина Д.И. (Уфа)

В статье рассмотрена проблема становления рынка интеллектуального капитала в России. Дана авторская трактовка данной экономической категории, выявлены предметы купли-продажи на данном рынке, конкретизированы субъекты рынка. Рассмотрены основные социально-экономические предпосылки формирования рынка интеллектуального капитала в России: создание инновационной экономики, научно-технический прогресс, возрастающая роль личности и интеграция науки, образования, производства и рынка.

The article considers the problem of formation of the market of intellectual capital in Russia. Given author's interpretation of this economic category, revealed subjects of sale in this market, concretised market subjects. Considered the main socio-economic premises forming of the market of intellectual capital in Russia: the creation of innovative economy, scientific and technological progress, the increasing role of the individual and the integration of science, education, production and market.

В условиях становления инновационной экономики, интеллектуальный капитал становится драйвером развития любой социально-экономической системы. В связи с этим возникает потребность в создании рынка, на котором объектом покупки или продажи будет являться интеллектуальный капитал. Так как понятие «рынок интеллектуального капитала» заняло свое место в экономической науке сравнительно недавно и изучения в этом направлении начали проводиться не ранее нескольких последних лет, возникает множество вопросов по формированию и развитию рынка интеллектуального капитала, и нет единого подхода к его определению.

Учитывая то, что данный рынок состоит из таких двух важных экономических категорий, как рынок и интеллектуальный капитал, рынок интеллектуального капитала можно трактовать, как совокупность экономических отношений, которые возникают в результате купли-продажи интеллектуальных продуктов, товаров, работ и услуг, выступающих в виде знаний специалистов, их творческих способностей, опыта, наличия лидерских качеств, а также научных достижений, открытий, ноу-хау и т.д. Субъектами рынка являются создатели интеллектуального капитала – это инноваторы или собственники интеллектуальных ресурсов, формирующие предложение, и потребители интеллектуального капитала – это государство, домохозяйства или различные организации, формирующие спрос на него и его потребление [2].

Формирование и развитие рынка интеллектуального капитала и в целом интеллектуализация общества связаны, в первую очередь, с преобразованием индустриальной экономики в постиндустриальную экономическую систему и увеличением процесса информатизации общества. При этом под постиндустриальным обществом понимается такое общество, в экономике которого преобладает инновационный сектор экономики, где приоритет отдается преимущественно производству услуг, организации эффективной системы образования, развитой индустрии знаний, проведению различных исследований, разработок и т. д.

В нашей стране рынок интеллектуального капитала находится на стадии становления, что обуславливает, в первую очередь, рассмотрение основных предпосылок, влияющих на формирование рынка интеллектуального капитала в России [3].

1. Создание инновационной экономики.

Основная предпосылка, влияющая на формирование рынка интеллектуального капитала, является переход экономики России на инновационный путь развития, характеризующийся следующими основными показателями роста:

доли предприятий, осуществляющих технологические инновации;

доли России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и удельного веса экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров;

внутренних затрат на исследования и разработки;

доли публикаций российских исследователей в общемировом числе публикаций в научных журналах;

доли средств в структуре доходов российских университетов, получаемых за счет выполнения НИР и НИОКР;

доли средств на научные исследования, проводимые в вузах, в общем объеме средств, направляемых на научные исследования и т. д.

Таким образом, инновационное развитие страны обеспечивает устойчивый экономический рост, повышение качества и уровня жизни населения, с помощью гармонизации интересов его участников в информационном пространстве, тем самым реализуя конкурентные преимущества экономики страны [1].

2. Научно-технический прогресс.

Процессом, в результате которого происходит постоянное улучшение средств и предметов труда, организации производства, развитие науки и техники, является научно-технический прогресс. Научно-технический прогресс является движущей силой развития общества. Этот процесс осуществляется в целях повышения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества на основе реализации научных знаний. Оценим рост объема инновационных товаров, работ, услуг, выполненных в Российской Федерации, как основного фактора роста НТП (рис. 1) [4].

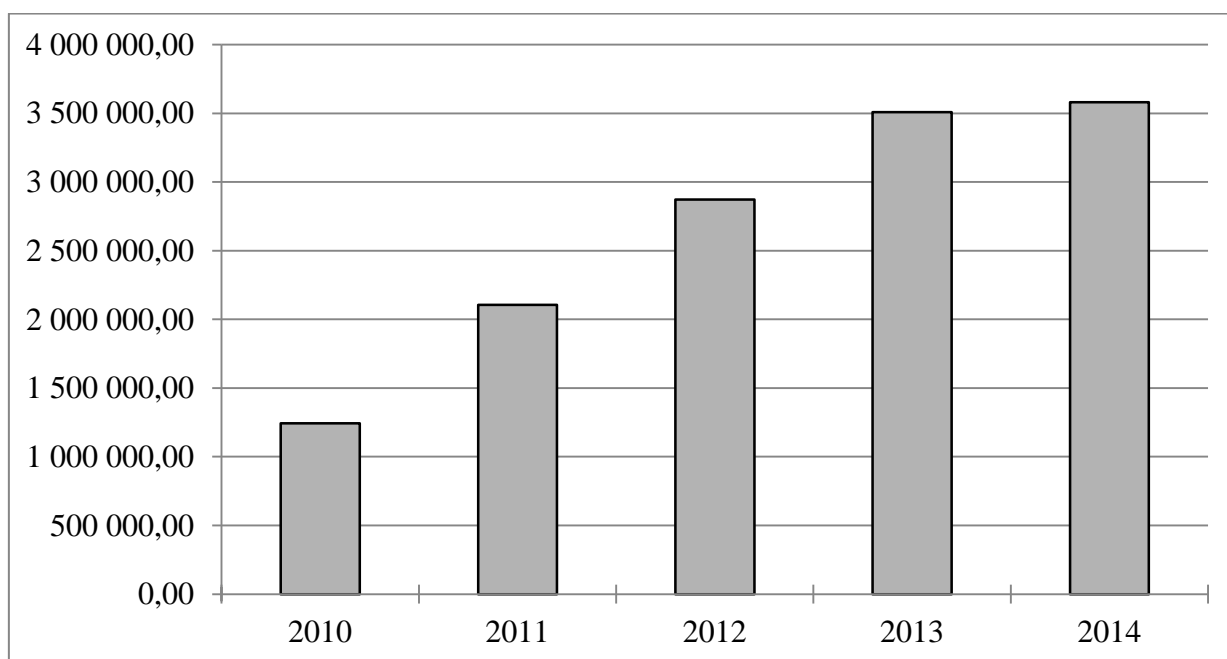

Рисунок 1 – Объем инновационных товаров, работ, услуг (млн. руб.)

Как видно из рисунка, с каждым годом происходит рост объема отгруженных инновационных товаров собственного производства, и выполненных работ и услуг собственными силами. За рассматриваемый период произошел рост объема инновационных товаров, работ, услуг в России более чем в два раза, с 1 243 712 млн. рублей, до 3 579 923 млн. рублей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что научно-технический прогресс имеет тенденцию постоянного роста и является фактором развития рынка интеллектуального капитала.

3. Возрастающая роль личности.

В современном мире личность, как носитель человеческого капитала, становится источником богатства общества, способствуя генерации новых знаний и идей, а также является фактором инновационного развития страны, так как во многом от населения зависит эффективность внедрения инноваций. Интеллектуальное развитие личности ориентировано на реализацию личных возможностей, для чего нужна адекватная мотивация на соответствующем рынке, и таким рынком, все более обособливаясь от традиционных рынков, становится рынок интеллектуального капитала.

4. Интеграция науки, образования, производства и рынка.

Основным принципом современной инновационной экономики является интеграция науки, образования, производства и рынка, которая приводит к синергетическому эффекту, так как, только находясь в тесной взаимосвязи, происходит возрастание эффективности деятельности этих элементов. В связи с этим необходимо рассмотреть сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации, как фактора взаимодействия науки, образования и бизнеса (табл. 1).

Таблица 1 – Сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации (единиц)

В единицах

Год	Вид интеллектуальной собственности					
	Изобретения	Полезные модели	Промышленные образцы	Базы данных	Программы для ЭВМ	Топологии интегральных микросхем
2010	10663	4188	1560	273	2861	56
2013	12709	5090	1730	654	4541	202
2014	13048	5406	1668	845	5602	162
2015	14181	5556	1659	1153	6459	135

Анализируя таблицу, можно сделать вывод, что использование объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации имеет тенденцию роста по всем ее видам, что говорит об усилении интеграции между наукой, образованием, производством и рынком.

Итак, определив сущность понятия «рынок интеллектуального капитала», выявив объекты купли-продажи на данном рынке, а также субъекты рынка, были приведены основные социально-экономические предпосылки формирования рынка интеллектуального капитала в России. Таким образом, можно сделать вывод, что возникновение рынка интеллектуального капитала происходит за счет многих условий и факторов, которые оказывают влияние на формирование и дальнейшее развитие данного рынка.

1. Кузьминых Н.А. Интенсивность и экстенсивность инновационного развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2014. – № 3. – С. 52.
2. Машкина Д.И. Рынок интеллектуального капитала: структура, проблемы, принципы // Инновации и инвестиции: научно-практический журнал. – 2016. – № 7. – С. 12.
3. Машкина Д.И. Современная модель рынка интеллектуального капитала // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 6.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 5.10.2016).

МЕХАНИЗМЫ ЭВОЛЮЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ПО РАЗВИТИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Миллер Н.В., Давиденко Л. М. (Омск)

Сфера потенциальных технологических изменений находится в постоянном движении. Эволюция хозяйственных связей обусловлена развитием технологической интеграции, вследствие чего изменяются бизнес-процессы, имущественный комплекс, организационно-правовая форма

деятельности, система и структура управления, стратегия и тактика управления, социальная политика хозяйственных структур.

В таблице 1 описаны механизмы эволюции хозяйственных связей, назначение которых связано с продвижением и внедрением технологий. Технологии затрагивают все сферы производственно-хозяйственной деятельности, в том числе и социальное направление, а именно ресурсное обеспечение развития кадров, отвечающих за разработку и продвижение технологий с целью последующей их интеграции.

Таблица 1 - Элементы системы хозяйственных связей по развитию технологической интеграции

Участники интегрированных хозяйственных структур	Механизмы экономической эволюции хозяйственных связей	Авторы научных исследований
«Интегрированная бизнес - группа», комплекс предприятий, производящих взаимосвязанные продукты	Формирование единой технологической цепочки	Паппэ Я.Ш. [1, с. 15-16]
Группа юридически или хозяйственно самостоятельных организаций, ведущая совместную деятельность для достижения общих целей	Консолидация активов или формирование договорных отношений, направленных на поддержание национальной технологической безопасности государства	Винслав Ю.Б. [2]
Участники с разной степенью автономности: жестко централизованные (корпорации, концерны) и равноправные (цепи поставок, сетевая интеграция)	Решение единовременных социально-экономических задач (консорциумы), длительные договорные отношения (кластеры, стратегические альянсы)	Агафонов В.И. [3, с. 32-38]; Амосов Ю.П. [4]; Белый Е.М., Рожкова Е.В., Тюлин А.Е. [5]
Объединения хозяйственных субъектов	Рост инвестиционной привлекательности; сопряженность с общей системой управления	Фридолфсон С.А., Стенек Й. [6]; Миллер А.Е., Миллер А.А. [7]
Стратегические альянсы	Развитие общих направлений деятельности, рост материальных и нематериальных активов	Чен С.С., Хуан И.С. [8, с. 1-2], Си К.К. [9]
Высокотехнологичные предприятия	Преумножение капитала компании, применение внутрикорпоративного оборота в целях финансового оздоровления интегрированных подразделений	Ашурбейли И.Р., Горелик А.Л., Горелик В.А. [10, с.19-20]
Производственные, экономические, маркетинговые, логистические и другие структуры взаимосвязанных предприятий	Сочетание стратегии и тактики управления, комплексный характер формирования управленческих решений; высокий динамизм; ориентация на долговременные цели развития предприятия	Беллмант Т.В., Торрес П.Р. [11]; Миллер А.А. [12]
Крупные производственные структуры, малые и средние предприятия, инновационные и научные центры	Продвижение технологической интеграции путем привлечения научно-исследовательских центров	Кардаш А.П. [13]; Колесникова Л.А. [14]; Перерва О.Л. [15]; Ясин Е.Г. [16]

Исследуя такое социально-экономическое явление как интеграция, можно прийти к выводу, что интеграция - это сложный социально-экономический процесс по сочетанию стратегии и тактики управления отдельными производственными, экономическими, социальными, маркетинговыми и другими структурами взаимосвязанных хозяйственных структур. Технологическая интеграция затрагивает различные сферы, в том числе стратегию и тактику

развития хозяйственных структур нового поколения, при этом нет типовых стандартов объединения нескольких подразделений или компаний в единый технологический комплекс, предлагаются лишь общие методы и подходы к объединению.

Несмотря на различные подходы к изучению социально-экономической сущности интеграции, специалисты сходятся во мнении, что преодолеть структурные деформации и повысить инновационную активность хозяйственных структур можно посредством объединения крупных промышленных и научно-исследовательских центров, малых инновационных предприятий, совершенствования социальной политики. В составе последней возможно целое направление подготовки и поддержания конкретных персоналий, отвечающих за интеграцию технологий хозяйственных структур.

Обобщая подходы и взгляды на технологическую интеграцию, как часть интеграционной стратегии, можно сделать вывод, что технологическая интеграция - это комплекс мероприятий по управлению сложными хозяйственными системами, обладающий характерными признаками, представленными на рисунке 1.

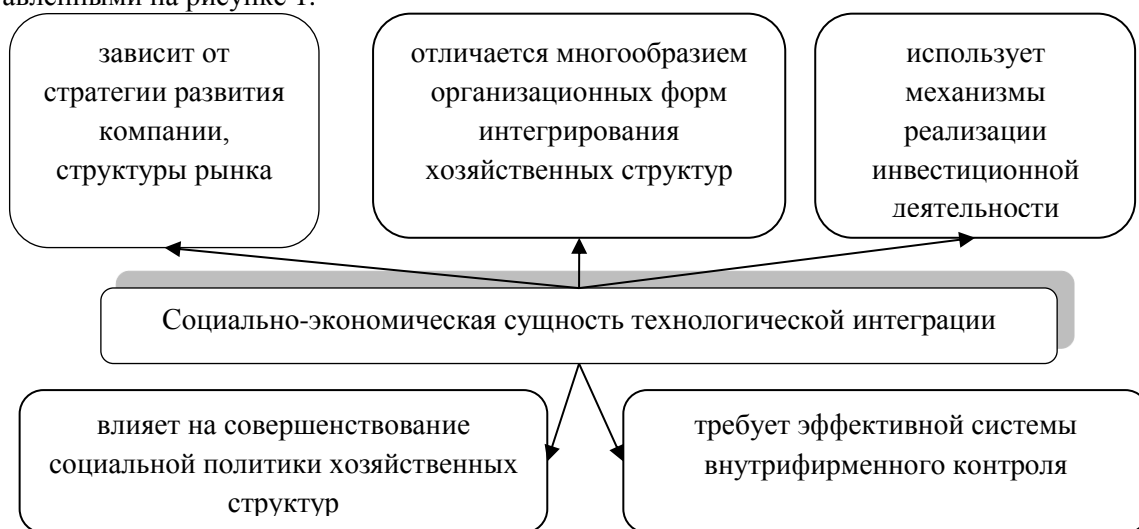

Рисунок 1 – Социально-экономическая сущность технологической интеграции

В период, когда экономика и социальная сфера взаимосвязаны и взаимозависимы, использование механизмов их взаимодействия в рамках технологической интеграции представляется особенно важным, ведь именно от этого зависит скорость и результативность технологического развития отечественной экономики в сложившихся на сегодняшний день условиях.

1. Паппэ, Я.Ш. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 гг. [Текст] / Я.Ш. Паппэ, Я.С. Галухина; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2009.- 423 с.
2. Винслав, Ю.Б. Становление отечественного корпоративного управления: теория, практика, подходы к решению ключевых проблем // Российский экономический журнал, 2001, № 2. - С. 15-28.
3. Агафонов, В.И. Крупные промышленные объединения и финансово-промышленные группы. - Калуга, 1997. – 239 с.
4. Амосов, Ю. П. Русские транснациональные инновации // Эксперт. - 2004. - №47 (447). - С. 82-86.
5. Белый, Е.М., Рожкова, Е.В., Тюлин, А.Е. Интегрированные структуры в современной экономике: сущность, тенденции развития // Фундаментальные исследования // 2013. - №6.- Часть 6.- С. 1482-1484.
6. Fridolfsson, S. O., Stennek Jo. Why Mergers Reduce Profits and Raise Share Prices-A Theory of Preemptive Mergers //Journal of the European Economic Association. - 2005. – №3 (5). - PP. 1083-1104.
7. Миллер, А.Е., Миллер А.А. Оценка роли рынка ценных бумаг в увеличении доходов региональных бюджетов // Экономика региона. - 2015. - №3.- С.216-227. - С.218.
8. Chen, S.S., Huang, Y.S. Corporate governance in emerging markets: An introduction. International Review of Economics and Finance. - 2014. - Vol. 32 - pp. 1-2.

9. Xi, Kangwu Kenneth. *Integrating the Global with the Local: Performance Measurement in Multinational Corporations*. - *Transnational Corporations Review*. Vol. 3, №4, December 2011. - pp. 54-68.
10. Аиурбейли, И.Р. *Производственные корпорации: Проблемы формирования и управления* / Аиурбейли И.Р., Горелик А.Л., Горелик В.А. - М.: Патент, 2006. - 180 с.
11. Bellmunt, T. V., & Torres, P. R. *Integration: Attitudes, patterns and practices* // *Supply Chain Management: An International Journal*. - 2013. - Vol. 18 Iss. 3. - PP. 308 - 323.
12. Миллер, А.Е. *Развитие научных предпосылок организационно-технологических изменений* // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика* // 2016. - № 1. - С. 66-73.
13. Кардаш, А.П. *Создание стоимости в сделках слияния и поглощения* // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Экономика и управление»*. - 2013. - №2. - С.142-144.
14. Колесникова, Л.А. *Предпринимательство и малый бизнес в современном государстве: управление развитием*. - М.: Новый Логос, 2000. - 290 с.
15. Перерва, О.Л. *Экономика и управление инновационными процессами на промышленном предприятии: теория, методология, практика*. - М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2005. - 280 с.
16. Ясин, Е.Г. *Конкурентоспособность и модернизация экономики*. - М.: ГУВШ, 2004. - 478 с.

СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МОДНЫЙ ТРЕНД ИЛИ НОВАЯ МОДЕЛЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ?

Минева А.С. (Санкт-Петербург)

Понятие «совместное потребление» используется в контексте коллективного использования товаров и услуг, обмене и аренде вместо владения. Основная идея совместного потребления заключается в переосмыслении процесса владения и пониманию того, что иногда временный доступ к продукту или услуге гораздо выгоднее и удобнее.

Проанализировав ряд примеров систем совместного потребления, были выделены три основные группы. Первая представляет собой прокат различных вещей. Вместо того чтобы продавать свой продукт, компании дают им пользоваться. Частные владельцы могут давать принадлежащую им вещь напрокат. Эта модель завоевывает все большую популярность у людей, предпочитающих не «владеть», а «пользоваться». Вторая модель основывается на принципах перераспределения ресурсов. Товары перемещаются оттуда, где потребность в них исчезла, в места, где она еще есть. Перераспределение может внести огромный вклад в дело сохранения природных ресурсов и окружающей среды. И наконец, третья группа объединяет системы совместного потребления в коллаборативном стиле жизни, в котором люди со схожими потребностями и интересами объединяются. Обычно это происходит в рамках тесного сообщества или территории: люди совместно пользуются рабочими местами, садовыми участками или парковкой.

В фокусе нашего исследования находится феномен совместного (коллаборативного) потребления в пространстве города и его влиянию на экономическую, социальную и экологическую ситуацию в городе. Особое внимание уделяется анализу физических и виртуальных площадок для обмена, таких как – библиотеки вещей, car sharing и bike sharing (совместное использование автомобиля и велосипеда), обмен домами, навыками и знаниями, ограниченными пространством исследуемых городов - Амстердама (Нидерланды) и Сеула (Южная Корея) с использованием качественных и количественных методов. Данные города были выбраны по причине официального провозглашения совместного потребления частью городской политики и поддержки со стороны правительства.

По результатам case-study, в ходе полуструктурированных интервью с представителями власти в городах Амстердам и Сеул и анкетного опроса жителей этих городов было выявлено, что совместное потребление практически идеально подходит для жизни в городской среде, где вокруг так много соседей для взаимного обмена и аренды, а пространственный и финансовый ресурсы ограничены. Причем большую заинтересованность в продвижении и развитии совместного потребления проявили как сами жители, так и члены городских советов, которые видят в нем перспективные возможности для решения многих городских проблем. Кроме того, совместное потребление позволяет увеличить социальное взаимодействие, повысить доверие и чувство солидарности, а также оказать большое влияние на соучастие горожан в жизни города и их включенность в решение городских вопросов. Немаловажным является также и экологический

аспект, так как обмен и предоставление в пользование различных вещей означает уменьшение производства и отходов, что может значительно улучшить экологическую ситуацию в городе.

Таким образом, совместное потребление это не модный тренд и не слабый отголосок рецессии. Это мощное социально-экономическое явление, которое представляет новую модель организации потребления в городском пространстве, которая с течением времени может иметь большие перспективы развития и в России.

1. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. 2012. No 2. С. 31 – 39.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. - М.: Новое издательство, 2011. - 464 с.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. No 3. С. 122 – 139.
4. Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества, обмен, личность: Труды по социальной антропологии. - М.: Восточная литература, 1996. - С. 82 - 222.
5. Поланьи К. Два значения термина «экономический». О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. - М.: Логос, 1999. - С. 505 – 513.
6. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. No 2. - С. 62 – 73.
7. Скоробогатов А.С. Дары, дарообмен и рыночный обмен на шкале организационных форм // Вопросы экономики. 2011. No 11. - С. 38 - 56.
8. Appadurai A. Introduction: Commodities and the Politics of Value // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / Ed. by A. Appadurai. - Cambridge: Cambridge University Press, (1986). - P. 3 - 63.
9. Botsman R., Rogers R. (2010) What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. - Tantor Media.
10. Felson, M. & Spaeth, J. (1978). Community Structure and Collaborative Consumption: A routine activity approach. American Behavioral Scientist, 21:614–35.
11. Gansky, L. (1986). The Mesh: Why the future of business is sharing. Penguin. Hardin, G. 1986. The Tragedy of the Commons. Science, 385:124-128
12. Glind, P. (2014). Amsterdam embraces sharing economy. Collaborative bulletin
13. Gorenflo, N. (2014). The tale of two sharing cities. Shareable, 9.
14. and Reason for Exchange in Archaic Societies (W. D. Halls Trans), Oxford press
15. Makkonen, J. (2013). Is collaborative consumption only for the privileged. OuiShare. <http://ouishare.net/2013/03/is-the-collaborative-economy-only-for-the-privileged/> (Accessed May 2016)
16. Guerreni S. (2014) How Seoul became one of the world's sharing capitals? Forbes tech, 25 May 2014
17. Pagel, M., (2012). Wired for culture: the natural history of human cooperation, MIT Press
18. Roodink, (2014). To share or not to share? Ouishare, Amsterdam Economic Board, 8 May 2014.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ЕЁ ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ

Мищенко А.С. (Санкт-Петербург)

Рассматриваются два парадигмальных сдвига в развитии индустриальной социологии: их содержание и возможности, позволяющие индустриальной социологии двигаться от своего классического состояния к своему будущему положению как всеобъемлющей науке о профессиональной деятельности

Consider two paradigmatic shift in the development of industrial sociology: contents and capabilities of industrial sociology to move from its classical status to his future position as a comprehensive science of the profession

Эволюция индустриальной социологии в течение всего двадцатого века основывалась на различных парадигмальных сдвигах. Из-за краткости эссе мы позволим себе остановиться на двух сдвигах, связанных с движением социологического знания в сторону исследования следующих системных характеристик профессиональной деятельности: «позиция субъекта в деятельности»; «смысл и ценность деятельности»; «превращенные формы профессиональной деятельности».

Первый парадигмальный сдвиг: от исследования функций к изучению позиций и смыслов профессиональной деятельности. Позиционно-смысловая парадигма исследования профессиональной деятельности, наряду с фрейм- и трансситуационным анализом иных видов

человеческой деятельности, стала предметом социологического исследования не случайно. Её отличие от функционально-видового среза исследования профессиональной деятельности (и её преимущество перед ним) состоит в том, что она позволяет проанализировать трудовые действия акторов с точки зрения особых эмерджентных единиц познания: позиций и смыслов, вкладываемых в неё субъектами. Это дает возможность: раскрыть укрупнённую структуру и архитектуру взаимодействий субъектов производства; обосновать социокультурные векторы развития её потенциала; опираться не на функции и отдельные виды профессиональной деятельности, а на позиции и смыслы её субъекта в качестве особых единиц социологического анализа современного производства; позволяет принципиально иначе раскрыть её структурные взаимосвязи и т.д. Идти не от материальных элементов и единичных функций к целостному смыслу деятельности, а от познания её смысла – к её (реально пронизанным смыслом) материальным основаниям и функциям; учесть в специфике её материальных, организационных, технологических, информационных и коммуникационных элементов особую синергию трудовых усилий акторов. В условиях повышения интегрированности и целостности современного профессиональной деятельности, усиления значимости, нового по своему качеству человеческого капитала для достижения высокой эффективности производства, такой подход и такая исследовательская парадигма, должна, по мнению автора, распространиться на изучение всех интегрально организованных видов профессиональной деятельности.

Второй парадигмальный сдвиг: от исследования сущности к исследованию на её основе превращенных форм профессиональной деятельности. В современный социологический анализ должна быть заложена новая парадигмальная познавательная возможность, позволяющая определять не только относительно стабильные – сущностные, глубинно укоренённые – элементы профессионального труда, но и его особые динамичные социально-экономические формы – характеристики, – которые раскрывают механизмы его взаимодействия с фундаментальными условиями общественной жизнедеятельности. Идя здесь от классики к современности, социально-экономический анализ профессиональной деятельности (стимулом для которого, автору постоянно служила книга «Человек и его работа») в своём развитии, чтобы быть синергично целостным, должен включить в себя изучение её различных «превращенных форм».

Исследования, проведённые автором, начиная с 1981 года, в области профессиональной деятельности самых разных специалистов материального и нематериального производства, включая сферу образования, позволило выявить ряд особенностей её превращенных форм. Полученные нами данные показали, что сложная структура взаимодействия материальных, вещественных и творческих элементов профессиональной деятельности в условиях системной трансформации общества заметным образом обновилась: она (как в позитивном, так и в негативном плане) оказалась причинно обусловленной, можно сказать детерминированной, экономическими компонентами промышленного производства, рыночными интересами предприятий и организаций, уровнем развития менеджмента, человеческими ресурсами, которые вовлечены в реальное общественное производство. Анализ собранных фактов показал, что превращенные формы профессиональной деятельности – это её особые системные характеристики, служащие свое-образным промежуточным “мостиком” для взаимодействия (выражения его объективных отношений) сущности и социально-экономических форм её проявления.

Превращенные формы профессиональной деятельности позволяют отразить прямые и обратные взаимодействия непосредственно несоизмеримых между собой её компонентов: содержания; организации; её социальных и экономических форм и т.д. Предметно раскрыть объективные и гносеологические функции её познания. Обеспечить всестороннюю соизмеримость и когерентность познания её содержания и общественной формы. Преодолеть (разрешить), эксплицировать и субстанциализировать противоречия её развития. Способствовать соизмеримости развития субъектов труда в её различных видах. Содействовать адекватному категориальному выражению влияния макросоциальных и экономических характеристик различных сфер общественного производства на её развитие. Помочь понятийно выразить движение абстрактного и конкретного труда через раскрытие взаимодействия её особых превращенных форм.

Исследование превращенных форм профессиональной деятельности показало их активную роль в её развитии. Оказалось, что взаимодействие материальных, вещественных, социально-экономических и субъектных моментов профессиональной деятельности (на уровне сущности) всегда опосредуется в процессе своего развертывания и развития (на уровне явления) взаимосвязями её превращенных форм. Эта зависимость, поскольку она касается онтологической

основы жизнедеятельности любого гражданского общества – трудовой сферы материального производства – может рассматриваться как закон и сущность всякого другого социального взаимодействия. Важность данной объективной зависимости (закона) для парадигмального сдвига в развитии индустриальной социологии обусловлена следующими обстоятельствами.

Открытие, объяснение и категориальное применение в исследовании “превращенных форм” возможно только на основе выявления онтологически данной нам диалектики социальных процессов. В стационарном состоянии социальных и экономических отношений превращенные формы могут быть нейтрализованы и, так сказать, заретушированы сущностными компонентами общественных процессов.

Только постоянное наличие их динамики, реальной (или гносеологически организованной) дает возможность социологам открыть и категориально зафиксировать, объяснить и понять превращенные формы профессиональной деятельности и общественных процессов, отделив их феноменологическую динамику от их сущностной динамики.

Там, где в познании социальной реальности производственных процессов господствуют формально-логические – недиалектические – приемы, таких откровений обычно не бывает. Наоборот, каждое открытие социальных превращенных форм в общественной практике и профессиональной деятельности человека на основе диалектической методологии – это вполне твердо установленная объективная закономерность.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Могильчак Е.Л. (Екатеринбург)

Кризисное состояние экономической системы предполагает невыполнение ею своих функций — производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Экономический кризис имеет неизбежные социальные последствия, сказывается на качестве жизни людей, ограничивает возможности реализации ими индивидуальных потребностей. К указанным потребностям относятся потребность в товарах и услугах, в труде, сохранении здоровья, личной безопасности. Степень реализации потребностей и ожиданий людей находит своё конечное проявление в удовлетворённости жизнью.

Рассмотрим основные тенденции в возможностях удовлетворения перечисленных потребностей в 2014, 2015 и 2016 году.

В 2015 году по сравнению с 2014 годом уровень безработицы повысился с 5,2 до 5,6 процентов. [4] Реальная зарплата упала на 10 процентов, индекс потребительских цен увеличился на 16 %..[5] Произошло увеличение числа зарегистрированных преступлений с 1332 до 1426 тысяч, а индекс удовлетворенности жизнью снизился с 73 до 56. . [3]

В 2016 году уровень безработицы продолжал расти. В 1 квартале 2016 года этот показатель составлял уже 5,9 % по сравнению с 5,7% в 1 квартале 2015 года. Индекс потребительских цен в июне 2016 года по сравнению с июнем 2015 года увеличился на 7,5 процентов.

В 2016 году произошли позитивные изменения в условиях жизни. Начала расти реальная зарплата россиян, существенно увеличился объем продаж по таким продуктам питания, потребление которых является показателем уровня жизни, например, мясо животных. Произошло снижение числа зарегистрированных преступлений. На 4%.. Однако, индекс удовлетворенности жизнью, по данным ВЦИОМ, снизился в мае 2016 по сравнению с маем 2015 года, с 56 до 48, то есть на 8 процентов. [2] Однако это снижение является существенно меньшим по сравнению с изменением данного показателя в 2015 году.

Особо нужно отметить, что экономический кризис не оказал никакого влияния на уровень смертности населения. В 2015 году данный уровень даже несколько снизился по сравнению с 2014 годом. [1]

Т. Парсонс разработал модель институциональных изменений в экономике, которую можно применить для понимания кризисных явлений. Кризис является не только явлением, нарушающим функционирование общества, но стимулом для его совершенствования и развития.

Исходя из указанной модели, процесс изменений начинается с неудовлетворенности производительными достижениями экономики и заканчивается осуществлением инноваций, которое реализуется людьми и коллективами, выполняющих роль предпринимателей. [6, Р.270]

Нужно отметить, что в период кризиса число субъектов малого и среднего предпринимательства в России увеличилось с 1 января 2015 года по 1 августа 2016 года с 4 531,3 до 5 523,8 тысяч. Данные люди пытаются преодолеть последствия институциональных дисфункций за счёт активности и предприимчивости.

Безусловно, часть российских граждан в силу объективных или субъективных причин вынуждена сохранять прежнее положение и стиль жизни, выбирая пассивную форму адаптации к изменившимся экономическим условиям. Но абсолютным значениям изменившиеся в худшую сторону показатели не столь велики, а изменения в лучшую сторону уже наметились. Поэтому следует предполагать, что кризис будет преодолен на основе реализации потенциала активной части населения, совмещенной с выполнением пассивно-исполнительских функций другой его частью.

1. Естественное движение населения Российской Федерации
URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
2. Индексы социального самочувствия россиян в мае. URL
<http://mresearcher.com/2016/05/vtsiom-rossiyane-i-ih-sotsialnoe-samochuvstvie-v-mae-2016.html>
3. Правонарушения. Итоги статистического наблюдения
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/
4. Рынок труда. Занятость и заработная плата. URL
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
5. Уровень жизни и доходы населения. Итоги статистического наблюдения .URL
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/
6. Parsons T. E. Smelser N.J. *Economy and society. A study in the integration of economic and society. Great Britain, 1956., p.270*

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Моисеева Д.В., Дулина Н.В. (Волгоград)

Проблема выбора методологии встает всякий раз перед исследователем, когда он приступает к проведению исследования, поскольку от правильности ее решения во многом зависит качество полученного результата. При обращении к феноменам, сравнительно недавно попавшим в сферу научного внимания, каковым является финансовая грамотность населения, анализ и последующий выбор методологических подходов целесообразно начать с широко распространенных и хорошо зарекомендовавших себя подходов. В данной работе представлена оценка эвристического потенциала структурно-функционального подхода при изучении финансовой грамотности населения.

Востребованность проблематики финансовой грамотности населения подтверждается ростом числа научных публикаций в базах РИНЦ и Scopus на эту тему. Анализ определений, представленных в указанных публикациях, позволил сделать следующие выводы:

1) на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные методологии исследования финансовой грамотности населения. Большинство исследователей использует тот или иной методологический подход интуитивно, не определяя его четко в научных терминах, используя исследовательскую традицию той науки, в которой он работает;

2) в современной науке нет общепринятого определения понятия «финансовая грамотность». Нередко под финансовой грамотностью понимается способность (умение) человека принимать участие в экономической жизни посредством управления финансовыми ресурсами, основанная на наличии одного или нескольких (в разных сочетаниях) элементов: финансовые знания, финансовые навыки, финансовые установки. В практике социологических исследований при операционализации понятия всегда выделяется структура финансовой грамотности.

Понимание финансовой грамотности как некой компетенции (способности) человека и выделение элементов, позволяющих судить об уровне сформированности этого качества, дает возможность применить структурно-функциональный подход при ее исследовании.

В рамках структурно-функционального подхода общество рассматривается как система взаимозависимых структур, которые образуют единое целое. Представители этого направления в основном занимаются исследованием того, какой вклад разные части общества вносят в интеграцию социальной системы, для чего используется понятие функциональной зависимости.

По Т. Парсонсу, функциональная зависимость – это то, что придает совокупности элементов свойство целостности, которым в отдельности не обладает ни один из них. Соответственно, явление становится структурным элементом системы тогда, когда выполняет функцию, важную для системы в целом.

Исследование финансовой грамотности с позиций структурно-функционального подхода основывается на совместном рассмотрении строения и функционирования компонентов финансовой грамотности, с последующим построением ее модели.

Большинство исследователей, занимающихся проблематикой финансовой грамотности, выделяют три базовых элемента финансовой грамотности: финансовые знания, финансовые навыки, финансовые установки. Обратимся к смысловому наполнению данных дефиниций.

Под финансовыми знаниями понимаются знания в области поступления, расходования, распределения денежных средств, их накопления и использования.

Следующий элемент – финансовые навыки. В англоязычных работах (большинство источников по финансовой грамотности написано на английском языке) употребляется словосочетание «financial skills», которое было переведено на русский язык как «финансовые навыки» и закрепилось в научном обороте. Но если обратиться к словарям, то становится понятно, что данный перевод редуцировал понимание термина «financial skills». «Skills» можно перевести не только как навыки, но и как умения, в русском языке навыки и умения не одно и то же. Под умениями в широком смысле принято понимать освоенные человеком способы выполнения действия, обеспечиваемые совокупностью приобретённых знаний и навыков [1, с. 295], под навыком – доведенное до автоматизма умение решать тот или иной вид задач [2, с. 195]. Опираясь на данное расхождение в переводе и понимании термина «financial skills», авторы считают необходимым уточнить перевод и в дальнейшем использовать два понятия «финансовые навыки» и «финансовые умения». В рамках данной работы финансовые навыки определены как утвердившиеся в ходе неоднократного использования финансовых знаний и умений способности автоматически выполнять стандартные финансовые операции, а финансовые умения – способность адекватным и осознанным образом осуществлять сложные модели финансового поведения для достижения финансовой цели. И финансовые навыки, и финансовые умения представляют собой устойчивые модели финансового поведения, различающиеся уровнями автоматизма.

Финансовые установки – предрасположение индивида и группы определенным образом реагировать на те или иные явления в финансовой сфере.

Использование структурно-функционального подхода определяет необходимость синтезировать описанные элементы финансовой грамотности. Попытка создания концептуальной модели финансовой грамотности в рамках структурно-функционального подхода предпринята Angela A. Hung, Andrew M. Parker, Joanne Yoong [4]. Достоинством данной модели является попытка объединения различных элементов финансовой грамотности (представлены такие элементы, как финансовое знание (financial knowledge), финансовые навыки (financial skills), усвоенное знание (perceived knowledge), финансовое поведение (financial behavior)), объяснения процесса их взаимодействия.

Опираясь на проведенный анализ смыслового наполнения дефиниций элементов, образующих структуру финансовой грамотности, и концептуальную модель финансовой грамотности Angela A. Hung, Andrew M. Parker, Joanne Yoong, считаем, что необходимо уточнить состав элементов финансовой грамотности. По нашему мнению, финансовая грамотность базируется на двух элементах: финансовой культуре, включающей в себя финансовые знания и установки, и финансовом поведении, сочетающие финансовые умения и навыки. Финансовая культура определяет когнитивный и ценностно-мотивационный компоненты и является внешне заданной, определяемой в большей степени внешней средой, а финансовое поведение – это деятельностный компонент, т. е. степень активности самого человека.

Финансовая грамотность характеризует успешность взаимодействия личности с другими членами общества по вопросам финансов и выполняет следующие функции:

- 1) адаптационную – определяет процессы поступления и распределения финансовых ресурсов (на уровне личности, в основном, это деньги);
- 2) целедостижительную – позволяет сформулировать финансовые цели и привлекать финансовые ресурсы для их достижения;
- 3) интеграционную – усвоение норм финансовой культуры во многом определяет поведение личности;

4) латентную – обеспечивает воспроизводство и распространение образцов финансового поведения.

Таким образом, использование структурно-функционального подхода в качестве методологической базы позволило выделить основные элементы финансовой грамотности, рассмотреть их функционирование и взаимодействие, определить основные функции финансовой грамотности и особенности процессов ее формирования, но с позиции измерения уровня, оценки сформированности этого качества имеет малую область применения. Как отмечает Ж. Т. Гощенко, структурно-функциональный подход важен в стабильном обществе, российское же общество сложно назвать стабильным. В условиях трансформирования социальной структуры, выбора путей модернизации актуальность приобретают исследования, о том, «что человек знает, как он оценивает свои знания, какие цели ставит перед собой, какими установками руководствуется, как вырабатывает отношения к тем или иным процессам и явлениям общественной жизни» [3, с. 43].

1. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 17 / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 616 с.

2. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002. – 460 с.

3. Экономическая социология: предмет, статус, структура, место в учебном процессе («Круглый стол»)// Социологические исследования. – 1999. – № 6. – С. 42-49.

4. Angela A. Hung, Andrew M. Parker, Joanne Yoong Defining and Measuring Financial Literacy. - RAND Corporation. 2009. – 28с.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ

Моисеева Е.О., Аракелян А.А. (Москва)

Общество представляет собой сложную систему, включающую в себя четыре основных сферы жизнедеятельности человека: экономическую, социальную, политическую и духовную. Деятельность современного общества, ключевой характеристикой которого является высокая степень интеграции, строится на взаимопроникновении и взаимосвязи этих сфер. В нашей работе поставлена цель более подробного рассмотрения взаимодействия экономической и социальной составляющей общества в условиях сегодняшней экономической ситуации.

Профессиональные политики и экономисты, описывая современное экономическое положение России, чаще используют понятия валютного кризиса или финансово-экономической нестабильности. Несмотря на эту политическую маскировку, сами граждане страны однозначны в оценке ситуации. Как показывают исследования ФОМа, в период с февраля 2015 по март 2016 более 70% россиян убеждены в наличии экономического кризиса в России. [1] Каковы причины его возникновения? Какие социальные последствия влечет за собой ухудшение экономической жизни страны? Постараемся ответить на эти вопросы.

В истории становления российской государственности экономические кризисы явление не редкое. Только за последние 25 лет российская экономика сталкивалась с такими потрясениями, как дефолт 1998 года и мировой кризис 2008 года. Экономический кризис, начавшийся в России 2014 году, многие эксперты характеризуют как структурный, геополитический, связанный с ограничениями по спросу. [2] Исходя из таких характеристик, можно сделать вывод о причинах возникновения этого явления.

В первую очередь, это экономические санкции против России, введенные США, Евросоюзом и другими странами из-за присоединения Крыма к составу РФ. Санкции ограничили доступ к иностранным источникам финансирования и заставили Россию примерить на себя роль изгоя на международном рынке. Ответные санкции, заключающиеся в эмбарго на импорт определенных товаров, а также в уменьшении государственной закупки товаров легкой промышленности, стали одной из причин повышения цен на продукты питания [2]. Объяснение данной причины экономического кризиса давал М. Аболафия: рассматривая рынки как культуры, он полагал, что акторы рынка, руководствуясь определёнными стратегиями, конкурируют друг с другом посредством "повторяющихся взаимодействий (транзакций)" с целью достижения собственных интересов и установления контроля. Результатом их деятельности становится "изменение правил, ролей, рациональности", т.е. "социальное конструирование рыночной культуры"[3].

Вторая причина экономического кризиса заключается в снижении цен на нефть, в результате увеличения ее добычи странами ОПЕК. Это стало прямым ударом для России, 51,3 %

доходов которой в 2014 году составлял экспорт нефти [4]. Еще экономистом и историком М.И. Туган-Барановским было замечено, что «экономические кризисы вызываются периодической сменой расширения и сокращения производства основного капитала». Во время расширения производства, потребление капитала идёт быстрее, чем его образование, что ведёт к неизбежному окончанию фазы подъема [5]. В 2014 добыча нефти не уменьшилась, а увеличивалась, экспорт нефти, в свою очередь, снизился, следовательно, доходы от нефти в бюджете уменьшились (до 43 %) [4]. Это вызвало кризис не только в нефтяной отрасли, но и во всех смежных с ней. Таким образом, в результате двух выше указанных причин произошли: девальвация рубля, дефицит государственного бюджета, галопирующая инфляция, отток капитала из России и снижение потребительского спроса.

Однако экономический кризис – это результат не только внешних факторов. По мнению немецкого философа Фридриха Энгельса, одна из причин кризиса – это «противоположность организованного производства в отдельных фабриках и анархия всего национального производства» [6]. Суть экономического кризиса заключается в несовершенстве российской государственной экономики, что послужило следствием её высокой зависимости от цен на нефть. Коротко перечислим основные проблемы отечественной экономики: низкая доля готовой продукции в структуре экспорта, но высокая – сырья и энергоресурсов, невысокий вес экономики знаний (науки, образования, здравоохранения, информационных и биотехнологий), низкая конкурентоспособность большей части отечественных предприятий, недостаточный уровень диверсификации экономики, низкий уровень доверия в обществе, импортизация внутреннего рынка (импортозамещение составляет 20-30 %), отсутствие оборотных и инвестиционных средств, слабая государственная поддержка малого и среднего бизнеса и др. [7, 8, 9, 10]

Экономический кризис и его последствия напрямую сказались на социальном положении граждан страны. Как гласит известная поговорка: «Беда не приходит одна!» Вслед за экономической нестабильностью все большее выражение обретают и социальные проблемы общества. В первую очередь это касается снижения реальных доходов населения – за 2015 год доходы сократились на 4 % по сравнению с 2014 годом [11]. Это, в свою очередь, привело к увеличению числа бедных на 3,1 миллиона человек. [12] По данным ВЦИОМ, за 2015 год число бедных выросло с 22 до 39 % [13]. Стоит отметить, что увеличилось число бедных работающих граждан, в результате несвоевременных выплат заработной платы. Еще одним негативным социальным последствием экономического кризиса является повышение уровня безработицы, достигнувшего показателя в 5,9% в марте 2015 [14].

Прожиточный минимум увеличился незначительно – в среднем на душу населения с 8 234 руб. за IV квартал 2014 года до 9 452 руб. за IV квартал 2015 года (вырос на 14,8%) [15]. Стоит отметить, что прожиточный минимум, установленный Правительством РФ различается с субъективной оценкой населения. Согласно опросу ВЦИОМ в 2015 году: 22 755 руб. необходимо для нормального существования жителю России [16]. Официально прожиточный минимум на II квартал 2016 года установлен на уровне 9 956 руб. (вырос на 5,3%). Если рассмотреть минимальный размер оплаты труда, то с 1 января 2015 по 1 января 2016 он вырос с 5 965 руб. до 6 204 руб. (на 4 %).

Несмотря на рост основных социальных показателей, реальная картина дел не так оптимистична. В действительности цены растут быстрее (индекс потребительских цен вырос на 12,9 % за декабрь 2015 относительно декабря 2014 года [17]), чем доходы населения, а пособия и социальные выплаты – меньше. Ситуацию усугубляет тот факт, что МРОТ меньше прожиточного минимума.

Стоит также отметить наличие «доходной дифференциации» населения: если сравнить нижний доходный дециль (10 % самых неимущих) и верхний (10 % самых богатых), то разница составит 38 545 руб. (верхний – 43 475, нижний – 4921 за октябрь 2014 года) или доход нижних классов составляет 11 % от дохода высших. Кроме этого, наблюдается резкий скачок верхнего доходного дециля относительно остальных, плавно нарастающих [18]. Данное усиление социального неравенства можно проанализировать с точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса: все возможности для избыточного потребления и высокого уровня дохода существуют у небольшого слоя избранных (капиталистов у К. Маркса и Ф. Энгельса). «Бедность» и «ограниченность потребления масс» из-за низкой заработной платы являются «конечными причинами всех экономических кризисов» (под массами понимались рабочие) [19].

Согласно опросу ФОМа за 28 апреля 2016 года, экономический кризис проявляется в росте цен и тарифов – 40 %, маленьких социальных выплатах, их задержках, снижении уровня жизни –

31 %, безработице – 15 % [20]. Все эти социально-экономические проявления кризиса отразились на снижении показателей России по индексу качества жизни. Уже в 2014 году наша страна занимала 67 место (16,72) [21].

Согласно индексу социального настроения, который отражает самочувствие социума, россияне пессимистично настроены относительно ближайшего будущего страны [22]. Большинство респондентов считает, что в следующем году экономический кризис будет проявляться в той же степени, что и сейчас. По мнению многих экспертов, увольнения, сокращения, задержки заработных плат, уменьшение льгот и социальных выплат могут повысить протестную активность среди населения. Только за 2015 год зафиксировано около 30 рабочих забастовок. К примеру, забастовка учителей в Забайкальском крае, забастовка на АвтоВАЗе, голодовка строителей на космодроме «Восточный», забастовка московских врачей [23].

Стоит отметить, что по данным ВЦИОМа, индексы удовлетворенности россиян социальной и экономической политикой низкие, в течение 2015 года имели тенденцию к дальнейшему снижению, в сентябре 2016 года незначительно повысились. [24]

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о неоспоримой связи между экономикой и социальной сферой общества. Экономический кризис в России 2014-2016 годов внес существенные изменения в социальное положение граждан и ускорил выражение социальных проблем, существующих на протяжении многих лет. Государственная политика, на наш взгляд, должна сделать упор не на создание иллюзии благополучной страны, а на скорейшее решение ключевых экономических и социальных проблем.

1. ФОМ: fom.ru
2. РИА Новости: ria.ru
3. Аболафия М. Рынки как культуры. URL: <http://group27.narod.ru/ucheba/files/ecsocs3-789.pdf>
4. РБК: www.rbk.ru
5. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. URL: booker.org/reader?file=716933
6. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке, с. 33 URL: www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Razsoc/index.html
7. Винокуров М.А. Новая экономическая реальность и экономическая политика современной России // Известия Иркутской государственной экономической академии, № 1, 2014 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-ekonomicheskaya-realnost-i-ekonomicheskaya-politika-sovremennoy-rossii.pdf>
8. Щеголев А.В. О проблемах реализации государственной экономической политики России на современном этапе // Среднерусский вестник общественных наук, № 4, 2015 <http://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-realizatsii-gosudarstvennoy-ekonomicheskoy-politiki-rossii-na-sovremennom-etape.pdf> стр 3
9. РИА Новости: ria.ru
10. Сергеева И.А. Промышленная политика и экономическая безопасность России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, № 1, 2015 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-politika-i-ekonomicheskaya-bezopasnost-rossii.pdf>
11. Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России. Январь-март 2015 год
12. Аргументы и факты: www.aif.ru
13. РБК: www.rbk.ru
14. Занятость и безработица в Российской Федерации в мае 2015 года. Федеральная служба государственной статистики.
15. Росстат: www.gsk.ru
16. ВЦИОМ: wciom.ru
17. Росстат: www.gsk.ru
18. Горшков М.К., Петухова В.В. Российское общество и вызовы времени. М.: Издательство Весь мир. 2015, с. 36
19. Маркс К. Капитал. Том третий
20. ФОМ: fom.ru
21. Quality of life index: Countries Compared, NationMaster, 2014
22. <http://www.levada.ru/old/indeksy>
23. <http://rusrand.ru/events/v-rossii-narastaet-protestnaya-aktivnost>
24. ВЦИОМ: wciom.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА: ПОНИМАНИЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Никифорова О.А. (Санкт-Петербург)

В последнее время тема социальной ответственности бизнеса в России стала крайне популярной. Ей посвящены монографии, статьи, круглые столы и целые конференции. Однако о том, что представители научного сообщества, бизнеса, власти и гражданского общества понимают социальную ответственность одинаково говорить нельзя. Результаты исследования Ассоциации менеджеров России наглядно демонстрируют, что понимание данного феномена у представителей разных сфер существенно отличается.

Развитие концепции социальной ответственности бизнеса в России тесно связано с такой формой социального участия как социальные инвестиции. Исследования показывают, что для крупного российского бизнеса характерен переход от «хаотичной» благотворительности к социальному инвестированию, имеющему рациональную основу. Согласно определению социальной ответственности, данному Ассоциацией менеджеров России в докладе ООН в 2005 году, при изучении данного явления необходимо учитывать два момента: добровольность социального участия и деление практик такого участия на внутренние (направленные на сотрудников) и внешние (нацеленные на местное сообщество). В целом под социальными инвестициями понимаются «материальные, технологические, управленческие или иные ресурсы, а также финансовые средства компании, направляемые по решению руководства на реализацию социальных программ, разработанных с учетом интересов основных внутренних и внешних заинтересованных сторон в предположении, что в стратегическом отношении компанией будет получен определенный (хотя и не всегда просто измеримый) социальный и экономический эффект».

Традиционно основным приоритетом социального инвестирования большей части российских компаний и предприятий является внутренняя социальная политика, которая направлена на поддержание и стимулирование работников компании. По данным Ассоциации менеджеров в среднем социальный бюджет российских компаний на 60 % тратится на развитие персонала, тогда как на внешнюю социальную политику, адресованную местному сообществу, тратится около 25 % «социальных» денег.

Согласно исследованию Ассоциации менеджеров России, чиновники, представляющие региональные органы власти склонны понимать социальную ответственность как «социально ориентированное поведение бизнеса в условиях широкого распространения бедности». В рамках этого исследования отмечалось, что именно повсеместное распространение бедности заставляет власти законодательно принуждать бизнес к социальной ответственности. «Они (власти) считают, что социально ответственные предприниматели должны платить сотрудникам достойную заработную плату, отказаться от системы «конвертов», лишаящих сотрудников пенсий». Однако, подобное понимание социальной ответственности не согласуется с теоретическим определением. Социальная ответственность есть ответственность дополнительная. Принуждение к исполнению законодательных норм (выплате «белой» заработной платы, официальному трудоустройству сотрудников) является принуждением к ответственности, но не ответственности социальной. Таким образом, мы видим, что в российской действительности происходит подмена понятия социальной ответственности, под которой понимается исполнение законодательно установленных минимальных норм, а не дополнительных обязательств.

Большая часть средств, направляемых на социальные цели, перечисляется небольшим количеством крупных компаний. Малые и средние предприятия составляют значительный сектор экономики, при этом они тем или иным образом тоже вовлечены в практики социального участия, вне зависимости, имеет ли их руководство четкое представление о «социальной ответственности бизнеса» или нет. Масштабы их деятельности, а, следовательно, и объем выделяемых на социальные цели средств гораздо скромнее, чем у крупных компаний, но все же заслуживает внимания. Согласно исследованиям ВЦИОМа, около 40 % россиян считают, что социальные обязательства должны нести все частные компании и предприниматели, вне зависимости от уровня их прибылей. Таким образом, актуальным является изучение состояния социальной ответственности не только крупнейших компаний, но и субъектов малого и среднего бизнеса.

Козина И.М. отмечает, что по степени включения бизнеса в местное сообщество можно выделить предприятия «традиционные» и «новые». Под «традиционными» в данном случае подразумеваются те, которые были трансформированы из государственных в ходе приватизации.

К «новым» относятся предприятия без «советских корней», которые были образованы на частные средства «с нуля». Для предприятий, существующих с советских времен, характерна преимущество осуществления практик социального участия: сохранение традиций прямой поддержки организаций социальной сферы, сильная социальная политика в отношении работников предприятия. Однако чаще всего руководители этих предприятий отождествляют затраты на подобную деятельность с издержками производства, чем рассматривают в качестве элемента осознанной социальной политики.

Среди руководителей «новых» предприятий наиболее распространенной является позиция «корпоративного эгоизма»: бизнес не должен выступать субъектом дополнительной ответственности. Бизнес платит государству налоги, которые оно должно правильно тратить. Большая часть опрошенных руководителей малых и средних предприятий считают, что бизнес должен развивать производство, платить достойную зарплату работникам и честно платить налоги, а государство должно самостоятельно осуществлять все необходимые социальные программы.

Таким образом, среди представителей бизнеса превалирует понимание социальной ответственности как внутренней политики, направленной, прежде всего, на работников. Также в сферу своей ответственности предприниматели относят создание качественного товара или оказание качественных услуг клиентам фирмы. Социальную ответственность перед властью и обществом большинство опрошенных сводит к своевременной и полноразмерной выплате налогов.

Проведенное автором исследование показывает, что бизнес предпочитает очень конкретные формы благотворительности. Наиболее распространенными практиками является бесплатная передача продукции и услуг фирмы. Как правило, такая благотворительность направлена на нуждающиеся социальные группы (пострадавших от чрезвычайных ситуаций; детей, оставшихся без попечения родителей). Традиционная форма социальной ответственности, характерная как для западных стран, так и для России – проявление заботы о сотрудниках. К данной сфере относятся: официальное трудоустройство, выплата достойной оплаты труда, социальный пакет: оплачиваемый отпуск и больничный, обязательное медицинское страхование. Все представители бизнеса, изучаемые в рамках проведенного исследования, отмечали, что для них эта область является приоритетной. Однако, как выяснилось, забота о сотрудниках тоже может пониматься по-разному.

Таким образом, понимание социальной ответственности бизнеса в нашей стране имеет свои особенности. Представители малого и среднего бизнеса под социальной ответственностью понимают, прежде всего, обязательства перед сотрудниками и клиентами. Ответственность перед властью и обществом большинство опрошенных сводит к своевременной и полноразмерной выплате налогов. Участие в поддержке социальных программ выходит за рамки их обязательства. Однако, не смотря на это, большая часть из них принимает участие в подобных мероприятиях. Примечательно, что «ответственность», которую представители бизнеса готовы на себя брать, иногда не соответствует их юридической обязанности, определенной законодательно.

Ожидания заинтересованных в деятельности бизнеса групп: власти, населения, общественных организаций превосходит понимание бизнесом социальной ответственности. Для этих групп характерно желание прозрачности и легальности бизнеса, его полный выход из теневого сектора экономики, взятие на себя обязательств по развитию местного сообщества. Парадоксальным является то, что при негативном отношении и нежелании представителей бизнеса брать на себя дополнительные обязательства, большая часть из них принимали или принимают участие в благотворительных акциях или других социальных программах, организуемых властями или общественными организациями, что говорит о наличии принуждения по отношению к бизнесу. В следующем параграфе мы проанализируем принуждение для выявления его источников и механизмов.

1. *Формирование концептуальных основ корпоративной социальной ответственности / Под ред. Канаевой О.А., Сопина В.С./ СПб.: Издательский дом СПбГУ. 2010. Стр. 123.*

2. *Андрунакиевич А.Н. Социальная ответственность бизнеса: теория и российская практика. // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 15. Июнь 2008. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2008/15/Andrunakievich.pdf> (дата обращения: 12.03.2013).*

3. *Бизнес и общественное развитие России: проблемы и перспективы.* / Литовченко С.Е., Урнов М.Ю., Чувиляев П.А., Дынин А.Е., Иванова Е.А., Мазаев А.Н. М.: Ассоциация менеджеров России. 2006. Стр. 12-14.
4. *Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 год.* // Под общей ред. Литовченко С.Е. М.: Ассоциация менеджеров. 2004. Стр. 26.
5. *Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер?* / А. Е. Чирикова, Н. Ю. Лапина, Л. С. Шилова, С. В. Шишкин (отв. ред.); Независимый институт социальной политики. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ. 2005. Стр. 19.
6. Андрунакиевич А.Н. Социальная ответственность бизнеса: теория и российская практика. // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 15. Июнь 2008. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2008/15/Andrunakievich.pdf> (дата обращения: 12.03.2013).
7. Андрунакиевич А.Н. Социальная ответственность бизнеса: теория и российская практика. // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 15. Июнь 2008. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2008/15/Andrunakievich.pdf> (дата обращения: 12.03.2013).
8. Исследование ВЦИОМ. 8/ Социальная ответственность бизнеса: взгляд предпринимателей и наемных работников. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=9710> (дата обращения: 14.04.2013).
9. Козина И.М. Особенности «социальной ответственности бизнеса» российских предприятий. // Журнал исследований социальной политики. Т. 3. № 3. 2005. Стр. 369.

МИГРАЦИОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК ИНДИКАТОРЫ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ **Огурцова А.Ю., Нишнианидзе О. О. (Курск)**

Процесс занятости и безработицы оказывает существенно влияние на государство, именно поэтому необходимо проводить качественную политику занятости. Государство оказывает поддержку безработным гражданам, выплачивая им пособия по безработице, и оказывает помощь в трудоустройстве.

Проблема безработицы на региональном уровне, представлена наличием различий среди проективных установок среди безработных и реальной ситуацией спроса и предложения в данный момент на рынке труда. Помимо этих разногласий актуальность исследования безработицы обуславливается характерной чертой, которая выражается в ухудшении материального состояния различных групп безработных в городах и поселках с моноэкономической специализацией.

Уровень занятости населения формируется под влиянием большой совокупности факторов, равнодействующая которых определяет его динамику. Именно поэтому, далее, можно рассмотреть демографические факторы определяющие уровень безработицы. Миграционные процессы как важный показатель, сильно влияет на жизнь государства. Главная роль миграции, как демографического процесса заключается в том, что благодаря ним происходит формирование количества населения страны. Экономика также находится под влиянием переездов населения из одной страны в другую, причем это влияние может быть как положительным, так и негативным.

Проанализировав статистические данные, можно сказать, что эти показатели влияют на уровень безработицы, а в Курской области сработал только показатель внешней миграции. Изучая данные, за представленный период, уровень внутренней миграции стремительно увеличивался с каждым годом. Его пик в ЦФО приходится на 2012-2013 годы, где поток мигрантов составлял 146027 и 142551 соответственно, при этом уровень безработицы оставался практически неизменным. В 2014 году на территории ЦФО происходит резкий спад уровня внутренней миграции до 119382, а в 2015 году, динамика снова начинает увеличиваться.

Такие резкие скачки за короткий промежуток времени объясняется различными политическими событиями, происходящими в мире, их резкий масштаб проявления, который и приводит к таким переменам в области миграционных процессов.

Говоря о внешней миграции, мы подразумеваем эмиграцию за пределы страны и иммиграцию в страну из других. По полученным статистическим данным в ЦФО, мы видим, что уровень внешней миграции, начиная с 2005 вплоть до 2012 года, постепенно увеличивается, что говорит о высоком уровне экономического развития из всех федеральных округов Российской Федерации.

Говоря о Курской области, нами было выявлено, что безработица зависит только от уровня внешней миграции, в отличие от ЦФО, где на уровень безработицы влияют оба показателя. Такое положение можно объяснить, прежде всего, населенностью ЦФО, а также развитием инфраструктуры той или иной области.

Также, мы видим, что за 2005-2006 годы внешняя миграция носит отрицательный характер, так как это обуславливается тем, что количество уехавших из региона граждан превышает количество прибывших, т.е. наблюдается миграционная убыль населения. Необходимо отметить, что первый скачок снижения уровня внешней миграции пришелся на 2009 и 2010 года, так как произошли изменения условий существования, а именно экономические условия, т.е. достижение более высокой материальной прибыли. Затем численность прибывших на территорию региона снова идет ввысь. На конец 2015 года миграционный прирост населения составил 7814 человек, и это в два раза больше, чем аналогичный показатель за соответствующий период 2014 года. Как мы видим, уровень внешней миграции к концу изучаемого периода увеличился до 7814 человек.

Особенностью является то, что изучая данные, за представленный период, уровень внутренней миграции стремительно увеличивался с каждым годом, при этом уровень безработицы оставался практически неизменным. Так же мы видим по данным ЦФО, что уровень внешней миграции увеличивается и уровень безработицы так же растет.

Таким образом, мы рассматриваем в работе особенности миграции, как демографический фактор определяющие уровень безработицы.

Таким образом, в сложившихся социально-экономических условиях социально-демографические процессы играют одну из немаловажных ролей в современном обществе. Именно с помощью социально-демографических факторов можно выявить актуальные проблемы такого макроэкономического явления, как безработица.

В последнее время безработица в России становится одной из важных социальных проблем, где государству необходимо приложить множество усилий для ее устранения. Т.е. проблемы, что вызваны появлением такого феномена как безработица, обусловлены переизбытком дешевой неквалифицированной рабочей силой из зарубежных стран, которые готовы занять ниши на российском рынке труда. Помимо социальных условий на уровень безработицы влияют и демографические, в совокупности которых складывается общая ситуация безработицы в стране и странах ближнего зарубежья. Безработица, в настоящее время, привнося свои изменения в структуру рынка, труда, приобрела характер социально-демографической проблемы общества. Также, нарушение демографического потенциала нашей страны обуславливается влиянием совокупности таких факторов, как рост уровня безработицы в целом, и ее социально-демографическое разделение в частности.

1. Анаева, З.К. *Безработица и ее социально-экономические последствия* □Текст□ / З.К. Анаева, С.И. Хайдаева, Л.Х. Алханов // *Экономические науки*. - 2015. - №7 (160). - С.14-16.

2. Викулова, С.К. *Социологические концепции социального взаимодействия: проблема определения социальной напряженности [Электронный ресурс]* / С.К. Викулова // *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. - 2009. - № 3. 3. Вукович, Г.Г. *Рынок труда и проблемы занятости в РФ* □Текст□ / Г.Г. Вукович, Д.А. Хилько // *Общество: социология, психология, педагогика*. - 2012. - №3. - С.16-21.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ

Орлик Е.Н. (Владимир)

Развитие любой науки зависит, как известно, от двух факторов: прогресса самого научного знания и степени его связи с практикой, меры востребованности со стороны общества.

Пути развития эмпирической социологии в России после бурного расцвета в 20-е и 30-е гг. прошлого столетия и почти тридцатилетнего забвения по причине «идеологического табу» были продолжены организацией социологических служб на промышленных предприятиях СССР. В любом учебнике по социологии заинтересованный читатель всегда обнаружит описание той роли, которую эти службы сыграли в институализации социологической науки и социальном развитии отечественных предприятий. Цель их создания состояла в налаживании профессионального уровня планирования производства. При этом ориентиром социального планирования в отличие от экономического для социологических служб служил взятый на вооружение классиков марксизма идеал формирования всесторонне развитой личности. В аспекте прикладной социологии он интерпретировался как гармонизация личного и общественного интересов в производственных отношениях.

В методических рекомендациях по социальному планированию определялись следующие направления: совершенствование профессиональной и квалификационной структуры отраслей; улучшение условий труда и охраны здоровья; совершенствования оплаты труда; рост образовательного и культурно уровня работников; улучшение жилищных и бытовых условий; воспитание и развитие социальной активности работников, включение их в систему управления производством; паспортизация предприятий.

В 80-е гг. прошлого столетия в областном центре Владимирской области действовали две крупных социологических службы : сектор социальных проблем труда (руководители: В.В. Круглов, Я.Л. Эйдельман) на базе Владимирского филиала Всесоюзного научно-исследовательского проектно-конструкторского технологического института электромашиностроения (ВНИПТИЭМ) и социологическое бюро (руководитель М.Т. Фоминцев) на Владимирском тракторном заводе (ВТЗ). Кроме того, на крупных предприятиях города: Владимирском электромоторном заводе (ВЭМЗ), заводах «Электроприбор», «Точмаш», на мебельном комбинате , - проблемами социального развития предприятий занимались социологи, работающие в штате отделов кадров.

Если в социологических службах между сотрудниками существовало четкое разделение рабочих функций, то социологам-одиночкам, приходилось в одном лице совмещать обязанности и методолога, и полевого исследователя, и методиста, и аналитика. Выручало их то, что в силу немногочисленности социологического сообщества в городе они имели возможность консультироваться с руководителями и персоналом социологических служб. Те же в свою очередь за консультациями обращались к ученым ведущих отечественных вузов, института социологии РАН. Активные деловые отношения с местным социологическим сообществом поддерживали такие маститые социологи, как : Л.А.Гордон, А.И. Пригожин, В.А. Ядов.

Поддержку в своих исследованиях социологические службы и кадры на предприятиях получили и со стороны местного научного сообщества в лице заведующего кафедрой научного коммунизма Владимирского политехнического института (ВПИ) д.ф.н., профессора Ю.В. Согомонова . С его легкой руки студенты ВПИ знакомились с тайнами эмпирической социологии в рамках спецкурса «Социологический минимум для инженера». Спецкурс был ориентирован на раскрытие социальных проблем в тесной связи с инженерно-управленческой деятельностью: составление профиограммы инженера, использование социальной информации на стадии формирования решений, диагностирование общественного мнения в трудовом коллективе.

Ю.В. Согомонов также был инициатором формирования регионального отделения Советской Социологической Ассоциации (позже РОС), в рамках которого проходил обмен опытом, протекали горячие дискуссии по методологическим, методическим и организационно-техническим процедурам организации социологических исследований.

Подавляющее большинство местного сообщества социологов были энтузиастами-новаторами, не имеющими профессионального социологического образования. В строго методологическом плане их исследования носили в большей степени социальный, чем социологический характер.

Однако результаты их работы впечатляют. Речь идет о тысячах работников разных отраслей, привлеченных в качестве респондентов к исследованиям, разработке сотен рекомендаций по системе выработки и реализации управленческих решений на конкретных предприятиях, преодолению текучести кадров, трудовых конфликтов , внедрению новых форм организации труда.

В этой связи хотелось бы отметить успешность социологического обеспечения внедрения на местных предприятиях бригадной формы организации труда (БФОТ). Идея БФОТ состояла в том, что из числа рабочих, связанных одним технологическим циклом, создавались бригады с элементами самоуправления. Члены бригады определяли трудовой вклад каждого в производственный процесс, общим голосованием определяли руководителя своего коллектива, принимали другие важные для бригады управленческие решения. Работа эта продолжалась несколько лет. По ее итогам региональный коллектив сектора социальных проблем труда ВНИПТИЭМ был удостоен грамоты ВДНХ, а его руководитель - награжден медалью.

В работе социологического бюро ВТЗ сильной стороной были оригинальные методики по формированию комфортного морально-психологического климата, составлению профиограмм специалистов и управленческого звена предприятия. Некоторые их наработки были переняты другими предприятиями и учреждениями Владимирской области, в частности областной администрацией.

Начало 90-х годов было как трудным, так и многообещающим для владимирского социологического сообщества. Казалось, открылись невиданные перспективы: ушел в прошлое идеологический диктат, исчезли барьеры на пути занятием любым делом, появился интерес к вопросам изучения общественного мнения.

В 1993 г. социологическая группа ВПИ провела опрос среди студенток вуза в рамках компаративного американско-русского проекта по изучению проблем насилия на свидании. Результаты исследования доказали, что в стране есть не только секс, но и то, что на отечественной почве в том числе процветают его наиболее грубые и неприемлемые формы. Безусловно, это была пощечина в адрес бывшего советского истеблишмента. Сегодня обращение к миру повседневности, личному опыту является нормой для социологических исследований, проводимым на основе качественных методик типа case study. Тогда же это был прорыв в манящий мир непознанного.

В то же время социологи стали востребованными в региональных органах исполнительной власти. В администрации Владимирской области в структуре департамента общественных связей (руководитель Борисова Т.Ф.) был сформирован отдел анализа и прогнозирования социально-политических процессов. В результате, был налажен мониторинг социальных настроений населения области и определяющих их факторов; на местных и региональных выборах апробированы тогда еще новые для отечественной науки методики картографии экономического потенциала территорий региона, электоральных предпочтений, рейтингового замера местных элит, exit-poll и т.п.

И если первые годы функционирования данного отдела социологическое обследование региона проводилось собственными силами сотрудников отдела, то в настоящее время исполнители отбираются из социологических исследовательских центров России посредством тендерного отбора.

Позже в 1998 г. во Владимирском гос.университете была открыта кафедра социологии, выпускающая профессиональных социологов.

Однако, начавшийся в 90-е гг. «перекрой» предприятий и организаций по лекалам многоукладной экономики нанес смертельный удар по социологическим службам предприятий. Критерии экономической эффективности, которыми руководствовалась новая генерация директорского корпуса, требовали экономного отношения ко всем видам ресурсов. В результате социальная сфера предприятий была сведена к минимуму. Предприятия в срочном порядке передавали на баланс муниципалитетов детские дошкольные учреждения, общежития для персонала; выставляли на торги не только подсобные хозяйства, но и ремонтные цеха и мастерские; закрывали многотиражки. Все эти процессы естественно сопровождалась оптимизацией численности персонала.

В результате социологи-практики вынуждены были либо в очередной раз перекалцифицироваться, либо вернуться к работе по своей - когда-то отринутой в пользу социологии - профессии, либо стать предпринимателями. В любом случае, наполненность их профессиональной жизни кардинально изменилась.

В настоящий период во Владимирской области действуют несколько социологических центров: «Независимое агентство региональных исследований», «Среднерусское агентство маркетинговых и социальных исследований» (создан на базе Владимирского отделения Центра изучения общественного мнения РАН), «Среднерусский консалтинговый Центр». В уставных документах этих исследовательских организаций в перечне целей их деятельности значится проведение социально-политических, экономических, маркетинговых и иных исследований, консультирование по широкому кругу проблем от инновационной диагностики предприятий и фирм до политического консалтинга. Однако пакет заказов, поступающих сегодня в эти организации, крайне однокбок и, как правило, сводится к изучению потребительского рынка и обслуживанию интересов местных политических элит. В таком образом тематически сориентированных исследованиях в большей степени востребована добросовестность, нежели профессиональная компетентность исполнителей, научный потенциал которых остается практически нереализованным. Отчасти данная ситуация компенсируется за счет включенность ряда ведущих сотрудников исследовательских центров региона в процесс теоретико-методологической и методической подготовки новых поколений социологов.

2. *Левицкая А.Г., Орлик Е.Н., Потапова Е.П. Насилие на свидании: преступление или момент сексуальной игры?//Социолог. исслед.1993. № 6. – С.92-98*
3. *Орлик Е.Н. Социологический минимум для инженера// Социолог. исслед. 1989. № 2 .- С.144*

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ЕГО ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ: ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Петров А.В. (Санкт-Петербург)

Социальное партнерство в экономико-социологическом смысле можно рассматривать как стремление к добровольному сотрудничеству работодателей и наемных работников в целях предотвращения и разрешения трудовых (индустриальных) конфликтов, достижения социального мира, социальной стабильности и справедливого распределения выгод от организации производства товаров и услуг, создания благоприятных условий для накопления человеческого капитала, повышения инновационной активности и развития экономической культуры. Такой подход к определению социального партнерства призван дополнить весьма распространенную политико-правовую его трактовку. Поскольку подобное сотрудничество невозможно без регулирующих, контролирующих или определяющих институциональные рамки взаимоотношений наемных работников и работодателей усилий, то одной из основных форм организации социального партнерства является трипартизм, предполагающий появление третьей стороны в этих взаимоотношениях — государства. Именно поэтому основные, анализируемые в литературе посвященной исследованиям социально-трудовых отношений, модели социального партнерства изначально предполагают наличие не столько двухстороннего, сколько трехстороннего взаимодействия, направленного на предотвращение и разрешение индустриальных конфликтов.

Как правило, исследователи социального партнерства и трипартизма, пользуясь критерием отражающим степень и формы государственного вмешательства во взаимоотношения профсоюзов и работодателей, рассматривают две его модели. Первая модель социального партнерства, характерная для стран континентальной Европы (прежде всего стран с социально ориентированной рыночной экономикой), включает множество «корпоративистских» структур, цель которых — достижение социального и промышленного консенсуса. Жесткий контроль за деятельностью профсоюзов в соответствии с этой моделью отсутствует. Работодатели позволяют профсоюзам и правительству участвовать в принятии хозяйственных решений в обмен на сотрудничество при разрешении экономических проблем. Роль правительства заключается в снижении риска путем контроля над решениями, касающимися инвестиций и занятости. Профсоюзы формируют централизованные структуры, чтобы вести переговоры в рамках социального диалога на всех уровнях организации социально-трудовых отношений, в том числе и на национальном уровне, принимая активное участие в политической жизни и оказывая влияние на принятие политических решений в сфере урегулирования индустриальных конфликтов и формирования системы социальной защиты. Вторая модель взаимоотношений, характерная для Великобритании и США уводит профсоюзы от активного участия в политической жизни и заставляет сосредоточиться, прежде всего, на решении локальных социально-экономических вопросов. Нормы взаимоотношений работодателей и профсоюзов устанавливаются не прямыми постоянными переговорами, а с помощью жестких институциональных ограничений их деятельности. Данная модель обеспечивает систему постоянного правового контроля и сдерживания активности работодателей и правительства в реализации своих узконаправленных интересов. Отказываясь от некоторых политических и экономических свобод, профсоюзы, в рамках подобной системы социального партнерства, обретают взамен структуру, благодаря которой их существование, деятельность и требования признаются работодателями (даже если они вовсе не настроены на конструктивный социальный диалог) и защищаются государством.

Эти модели в литературе, посвященной исследованиям профсоюзной деятельности и социального партнерства, иногда также именуют моделями «до» и «после» (трудового конфликта), отражающими реакцию государства на решение проблем возникающих в рамках регулирования системы социально-трудовых отношений. В рамках второй модели вмешательство государства осуществляется по закону на той стадии, когда конфликт между работодателями и профсоюзами уже проявился и готов вылиться в действия, подрывающие экономическую и социально-политическую стабильность. Подобную схему, как правило, выбирают страны,

стремящиеся к воспроизводству в рамках национальных экономик системы либерального капитализма свободной конкуренции. В соответствии с первой моделью государство стремится упредить неблагоприятное развитие ситуации и заранее добиться достижения таких соглашений между сторонами трудовых отношений, которые позволили бы обеспечить социальный мир и стабильность по возможности на весь срок действия коллективных соглашений. По этому пути организации социального партнерства стремятся идти те страны, которые стремятся к реализации модели социально ориентированной рыночной экономики.

Специфика различных моделей социального партнерства обусловлены не только современным положением страны в структуре мировой экономики и международного разделения труда, но и особенностями социально-исторического развития промышленной системы и трудовых отношений.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пименова В.В. (Санкт-Петербург)

Успешное экономическое развитие современной страны с рыночной экономикой невозможно представить, если в ней не развито малое предпринимательство. Малый бизнес выполняет множество функций: стимулирует экономическое развитие страны, обеспечивает занятость значительной части населения, а также способствует созданию благоприятных социальных и экономических условий среды.

Согласно данным на конец 2014 года в Российской Федерации действует 2,1 млн. субъектов малого предпринимательства, что обеспечивает около 20% ВВП и 23,6 % занятости по стране. Стоит также обратить внимание, что большая часть субъектов малого предпринимательства относится к сектору розничной и оптовой торговли (25% и 10% соответственно).

Стоит также обратить внимание, что большая часть субъектов малого предпринимательства относится к сектору розничной и оптовой торговли (25% и 10% соответственно) . В то время как, множество экономистов исследовали значимость малых предприятий, и пришли к выводу, что малые не все малые предприятия являются фактором развития экономики.

Среди ученых-экономистов, которые придерживались данной точки зрения можно выделить Д. Берча, который ввел понятие фирм особого рода, фирм, названных ученым «Газелями». «Газели»- это малые фирмы, генерирующие и потребляющие продукты инновационной деятельности, вносящие активный вклад в экономику, они динамично развиваются и создают много рабочих мест .

Ученый итальянского происхождения, Б. Джованик, обратил внимание на следующие факты: во-первых, известный ранее факт о том, что динамика роста малых фирм опережает динамику роста крупных, во-вторых, возросшую роль малых фирм в создании высокотехнологичных продуктов. Также, автор заметил ускорившуюся тенденцию быстрого устаревания технологий и продуктов по сравнению с предшествующими периодами (основная характеристика Новой Экономики, понятия, используемого Б. Джоваником), что и привело к повышению роли малых предприятий .

На основе данных статистических данных и рассмотренных исследований ученых-экономистов, можно констатировать высокую значимость проблематики значимости развития малого бизнеса для роста российской экономики.

Рассмотрим понятие малого предпринимательства в России. Малое предприятие, согласно ст.4 ФЗ 209 от 24.07.2007 "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации", (учитывая все внесенные поправки) – это предприятие, на котором трудится от 16 до 100 человек, выручка от реализации товаров за предшествующий период без учета налога на добавленную стоимость не должна превышать 800 млн. руб. (учитывая поправки к ФЗ-2009 от 29.06.2015). Если на предприятии задействовано менее 15 человек, и выручка не превышает 200 млн. руб., то это микропредприятия. Также к данной категории относятся предприятия, организованные без регистрации юридического лица (индивидуальные предприниматели, фермерские хозяйства).

Малые предприятия в некоторых ситуациях более уязвимы, чем крупные. Для развития малого предпринимательства необходимы определенные условия и предпосылки. В России

существует множество мер, поддержки малого бизнеса. Среди которых можно выделить предоставление грантов начинающим предпринимателям на конкурсной основе (сумма гранта до 500 000 руб.), субсидия на приобретения основных средств производства (также до 500 000 руб.), компенсация кредитов, ранее полученных на развитие бизнеса (сумма компенсации до 15 000 000 руб.), бесплатная организация стажировок, обучения, направленных на развитие предпринимательской активности населения. Также государство создает бизнес-инкубаторы, которые представляют собой места с высокой концентрацией представителей малого бизнеса, для которых разработан комплекс мер поддержки, и которые ведут свой бизнес на льготных условиях.

Однако, данные меры не приносят ожидаемого результат, и являются малоэффективными. Наблюдаются лишь минимальные приросты по всем основным показателям. Так, в качестве примера можно привести следующие данные. В период с 2013 по 2014 гг. общее количество фирм, которые являются субъектами малого предпринимательства, увеличилось на 1,9 %. Количество предприятий, осуществляющих деятельность связанную с научными исследованиями и разработками увеличилось на 5,26 %, несмотря на то, что оказания мер поддержки со стороны государства именно такими предприятиям - это приоритетная задача. Прирост занятых в секторе малого предпринимательства с 2013 по 2014 гг. вырос на 0,1%,

Почему так происходит? Для ответа на данный вопрос можно обратиться к зарубежному опыту экономически-развитых государств, исходя из которого можно найти ключ к успеху эффективной работы малых предприятий в данных странах, в роли которого выступают развитые институты.

Для развития малого предпринимательства необходимо качественное развитие внешней среды, хорошая инфраструктура, функционирование которой обеспечивается системой социальных экономических институтов.

Ключевыми институтами, которые могут обеспечить развитие малого предпринимательства, являются следующие: государство, финансово-кредитные учреждения, институт собственности, институт рынка, предпринимательства.

Институт государства в России претерпел серьезные изменения, и можно говорить о том, что до сих пор находится в состоянии формирования. Противоречивы характер реформ 90-х, отсутствие прозрачности в проведении ключевых реформах, особенно приватизации, а также бюрократизация и ряд других особенностей не позволяют обеспечить благоприятные условия для работы малых предприятий.

Институт собственности также имеет важное значение, проблемы которого во многом исходят из характера особенностей проведенной в 90-х годах приватизации. Успешное функционирование данного института обеспечивается системой нормативно-правовых актов, внедренных государством. Можно утверждать, что институт собственности в России до конца не сформировался. Что обеспечивает дополнительные сложности, в том числе, и для субъектов малого предпринимательства, которые сопряжены с дополнительными рисками и сложностями, и более высоким уровнем транзакционных издержек.

Институт финансово-кредитных организаций не нацелен на поддержку малого предпринимательства. Кредитование малых предприятий сопряжено с дополнительными рисками. Дорогие кредиты, бюрократические процедуры, реализуемые с целью создания дополнительных и искусственных барьеров для выдачи кредитов малым предприятиям усугубляют ситуацию, т. к. развитие предпринимательства является невозможным в условиях отсутствия капитала. Путем решения данной проблемы, могло бы быть создание специального фонда или комитета, позволяющего удешевить и сделать более доступными кредиты для малых предприятий. Льготное кредитование малых предприятий, предоставляющие отсрочки выплаты по кредиту, может быть эффективным решением. Данная мера положительно зарекомендовала себя в множестве стран, среди которых наибольших успехов добились Великобритания, Япония, Китай.

Стоит отметить также особое отношение к предпринимательству среди населения, которое в большинстве своем окрашено негативным оттенком. Предпринимательская деятельность в сознании многих россиян ассоциируется с мошенничеством, жульничеством и воровством. Все это негативно трансформирует институт предпринимательской деятельности в целом, препятствует развитию среди населения предпринимательских способностей и развития предпринимательской инициативы.

Таким образом, можно сделать вывод, что создание благоприятной институциональной среды является ключевым фактором для развития малого предпринимательства. Ключевые

экономические институты в России требуют значительной трансформации, которая может привести к развитию малого предпринимательства и российской экономики в целом.

1. Домбаев А.Р. Государственное регулирование и поддержка малого предпринимательства//*Terra Economicus*, выпуск № 4-2 / том 6 / 2008, С. 60-63
2. Кошелева Т. Н. Проблемы государственного регулирования инновационного развития и стратегии малого предпринимательства//*Журнал Проблемы современной экономики*, № 1 / 2012 С. 154-155
3. Федонина Е. В. Малое предпринимательство в структуре экономики// *Транспортное дело России*, №11, 2010, С. 157-159
4. Фияксель Р.Э. Малые инновационные предприятия на ранних стадиях развития: инвестиционная привлекательность и возможности взаимодействия с региональными институтами// *Журнал: Экономические науки*. 2011. № 8. С. 82-85
5. Черный А. С., Обалева Ю. И. Малый и средний бизнес в системе контрактных отношений// *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, №1, том 6, 2015, С. 74-82
6. *Статистический сборник: малое и среднее предпринимательство в России 2014*
7. Jovanovic B. *New Technology and The Small Firm Small Business Economics*, February 2001, Volume 16, Issue 1, pp. 53-56, URL: <http://link.springer.com/article/10.1023/A:1011132809150>
8. URL: <http://www.sba.gov/aboutsba/index.html> (дата обращения: 5.08.2016) - официальный сайт Администрации малого бизнеса США

ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Письменная Е.Е., Аношкина М. С., Абрамкина М. О. (Москва)

В современном мире все большее значение приобретают информационные технологии. Компьютеризация проникла во все без исключения сферы человеческой жизни: от ведения сельского хозяйства до борьбы с терроризмом. Активно новые методы внедряются и в процесс научного исследования.

Наиболее важную роль в данном контексте играет Интернет как сеть, предоставляющая возможность ученым со всего мира кооперироваться для совместного решения определенных задач. Более того, всемирная паутина позволяет в кратчайшие сроки получить любую информацию по той или иной проблеме. Все это делает онлайн-исследования наиболее перспективным методом реализации научной мысли. Особое место занимают исследования в социальных сетях [3, С. 42-50]. Подобные порталы позволяют взаимодействовать с тысячами людей одновременно, получая от них необходимую для научной работы информацию. Тем не менее, несмотря на инновационность и гибкость этого подхода, существует несколько проблем, которые затрудняют проведение исследований в социальных сетях.

Одна из таких проблем - невозможность скачать данные социальных сетей как файл. У исследователя нет возможности получить доступ к первоначальным данным. Необходимо найти способ определенного ограничения данных, и здесь встает вопрос о критериях таких ограничений. Во-вторых, Россия не покрыта Интернетом на 100% или даже на 80%. Вопрос о репрезентативности исследования в такой ситуации стоит крайне остро. Более того, в массиве уже изданных работ имеет место статистическая ошибка публикации. То есть публикуются только те исследования, в которых была выстроена правильная репрезентативная выборка, однако мы понимаем, что реальных исследований гораздо больше.

Итак, перейдем к главному вопросу - в чем же преимущества проведения исследований через социальные сети и есть ли они вообще?

1. Понимание респондентами своих действий. Используя традиционные методы (анкетный опрос или интервью face-to-face), мы сами инициируем исследование, получая неподготовленное мнение респондентов. Спонтанность полученной информации может быть как сильной стороной традиционных методов исследования (опрошенный не успел задуматься и ответить неправду), так и слабой (респондент растерялся и пропустил вопрос). При исследовании сетей люди максимально естественны. Они сами создают контент, выражают свое собственное, никем не навязанное, мнение. Людям важно, что о них подумают их друзья и подписчики, они чаще осмысливают информацию, выкладываемую в сеть.

Более того, одной из основных проблем опросов и интервью является наличие самого интервьюера. Как известно, интервьюер должен вести себя соответствующим образом, не давить на опрашиваемого, не подсказывать ему ответы. Даже если инициатор опроса ведет себя

подобаяюще, респондент может смущаться отвечать на определенные вопросы, бояться выглядеть глупо и прочее. К тому же, интервьюер занимает время опрошенного, часто заставляет его думать, а иногда и просто мешает заниматься своими делами - присутствует определенная "тяжесть" участия в исследовании для респондента. Однако в сетях такой проблемы нет. Другая сторона всегда объективно существует (друзья, подписчики), однако мы знаем этих людей. Люди пишут самостоятельно, то, что хотят, в удобное для них самих время. Даже учитывая тот факт, что выкладываемую информацию может увидеть любой посторонний человек, прежде всего люди работают на свою аудиторию.

2. Природа данных. Начнем с основной проблемы хорошего исследования - выборка. Конечно, крупные социологические центры могут позволить себе сформировать репрезентативную на Россию выборку, однако у независимых исследователей такой возможности нет. Даже маленькая, но грамотная выборка требует немалых средств. При анализе материалов из сети мы можем сформировать гораздо большую выборку в разы дешевле [1, С. 109-110]. С другой стороны, в традиционном исследовании выборка будет генерализуема и репрезентативна, хоть и ограничена, однако при исследовании сетей выборка чаще всего не бывает репрезентативна. Не стоит забывать, что для опроса и интервью, выборка - это люди, а для анализа сетей возможностей гораздо больше - это могут быть записи, фото- и видеоматериалы, комментарии и прочее.

Что касается отношения к поставленной проблеме, то при использовании опроса и интервью исследователь сам задает вопрос респонденту так, как он видит сложившуюся проблему. Здесь очень большую роль играет не только сама постановка вопроса, но и множество интерпретаций, следующих за ним. В социальных сетях люди пишут свои мысли без влияния исследователя, так, как бы высказали их вслух друзьям. Конечно, стоит учитывать, что большинство людей не пишут по теме, интересной самому исследователю.

Таким образом при использовании традиционных методов тема исследования не "смещается из-за шума", нет проблемы фактора времени, но выборка существенно ограничена. В сетях же наоборот, есть сильный информационный шум и определенный временной лаг, когда люди моментально пишут об актуальных новостях, но также быстро их забывают (необходимо грамотно выбрать время для анализа), однако при формировании выборки существенных ограничений нет.

3. Этические соображения. С практической точки зрения исследования с использованием традиционных методов являются достаточно дорогими, в то время как цена исследования сетей невысока. Однако здесь возникает дополнительная проблема - респондент имеет право выйти на любом этапе традиционного исследования, но может не знать, что его исследуют в сетях [2, С. 21-25]. Должны ли мы, как социологи, уведомить его об этом? Конечно, опрошенный имеет право знать об исследовании его контента, и таким образом мы сможем избежать проблем с использованием авторских прав.

Еще одно этическое соображение - анонимность, в сетях также может быть сбой. В теории можно идентифицировать респондента и через обычный опрос, но это довольно сложно. К сожалению, на практике участника исследования с использованием сетей очень просто вычислить, так как мы работаем с открытыми данными. Вопрос стабильности данных исследований также разнится: с помощью традиционных методов проводятся постоянные исследования и данные долго хранятся, а при исследовании сетей правила сбора информации постоянно меняются. К тому же данные традиционных исследований не принадлежат респондентам, а являются собственностью исследований, в отличие от данных исследования сетей.

Некоторые параметры традиционных методов и сетевых совпадают - это исследования "о настоящем", люди чаще говорят не конкретно о себе, а об злободневных общественных и экономических проблемах. Несмотря на то, что при анализе сетей источник данных может быть сомнителен, не всегда ясно как полученные данные агрегировать и структурировать, ведутся активные разработки решения данных проблем. В то же время, работа с социальными сетями позволяет нам не только существенно сэкономить на выборке, расширив ее за счет сетевого контента, но и получить максимально естественное и актуальное мнение респондентов.

Таким образом, проведение исследований в социальных сетях является перспективным, но несколько непроработанным методом, который требует дополнительных научных изысканий для его полноценной реализации. Тем не менее, некоторые виды социологических исследований можно проводить в социальных сетях уже сегодня, предусмотрев обозначенные выше проблемные аспекты.

1. Долженко Ю.Ю., Позднякова А.С. Онлайн анкетирование как современный и эффективный способ исследования // Журнал Транспортное дело России, Выпуск № 1 / 2015, С. С. 109-110

2. Круглов А. Ю. Этические аспекты социологического исследования он-лайн // Журнал Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, выпуск № 33 / 2005, С. 21-25

3. Моисеев С. П., Савинкова Ю. К. Выборка, направляемая респондентом, в онлайн-опросе: к вопросу о динамике и качестве // Журнал Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, Выпуск № 6 (124) / 2014, С. 42-50

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ Г. ТОЛЬЯТТИ

Подгорная К.С. (Тольятти)

Важным аспектом социологического изучения современных тенденций развития общества, является исследование социального самочувствия людей, как их эмоционально-оценочная реакции на общественные изменения и своё положение в нем в контексте прошлого и ожидаемого будущего [1]. Социальное самочувствие выступает одним из главных показателей эффективности социальной политики, проводимой в обществе, а также успешности социального развития территории и качества жизни людей её населяющих. Социальное самочувствие конкретного человека является производным от удовлетворенности его социальных потребностей, что, в свою очередь, вытекает из системы социальных благ, существующей в обществе, их производства и распределения. Именно поэтому общая оценка восприятия людьми своего благополучия в основных сферах собственной жизнедеятельности является показательным при определении положительной или отрицательной оценки социального развития.

За последние годы в нашей стране произошли существенные изменения. Произошедшие реформы не могли не сказаться на социальных настроениях, ценностных ориентациях людей, их укладе и образе жизни, качестве жизни, а также уровне социального самочувствия.

Проблема социального самочувствия в последние годы приобрела актуальность для города Тольятти, в связи с ухудшением социально-экономического положения населения, снижением материального благосостояния граждан, ростом цен, и общей нестабильной ситуацией на градообразующем предприятии – АВТОВАЗе (массовые сокращения, низкая заработная плата) [2].

С целью выявления уровня социального самочувствия жителей города Тольятти и влияния на него мероприятий, проводимых местной властью, направленных на повышение удовлетворенности различных групп населения проводимыми социальными реформами было проведено данное исследование.

Для начала мы хотели узнать о заработной плате респондентов на основном месте работы. Мы выяснили, каковы официальные доходы жителей города Тольятти. Ведь от размеров заработной платы зависят оценка собственного материального положения, условия жизни человека, степень удовлетворения его ежедневных потребностей. Размер заработной платы служит основным показателем, определяющим жизненный уровень работника. Так средний размер заработной платы жителей города Тольятти составляет 18354 рублей.

Далее мы выяснили отношение жителей к городу Тольятти. Результаты показали, что 42% из числа опрошенных нравится город, и они хотели бы жить в нем в дальнейшем, 23% – трудно оценивают свое отношение к городу, вариант ответа «мне нравится этот город, но я собираюсь уехать» выбрали 15% из числа опрошенных, 10% – не нравится этот город, но жить собираются здесь, и еще 10% горожан собираются покинуть город, так как он им не нравится. В чем же причины такого желания – уехать из города? Возможно, причины кроются в следующих проблемах, волнующих горожан.

Большинство людей отметили довольно актуальные проблемы, существующие в городе, такие как проблема качества жизни и низкий уровень доходов (74%), далее достойное трудоустройство по специальности (68%), на третьем месте экологическая безопасность в городе (57%). Удовлетворенность вызывают следующие аспекты жизни: отношения в семье (89%), жилищные условия (58%), состояние здоровья (69%). Скорее удовлетворены респонденты условиями труда (47%) и уровнем безопасности в городе (48%).

В связи с этим чуть менее половины опрошенных не видят перспектив развития города в будущем и считают, что в городе не произойдет существенных изменений (45%), а 27% полагают, что положение в городе ухудшится, в том, что город преодолет статус моногорода и будет процветать уверены 11% опрошенных, 17% затруднились ответить на данный вопрос. На наш

взгляд, это связано с теми проблемами, которые волнуют горожан, а также с существующей ситуацией в городе – рост безработицы, низкие заработные платы, рост цен, а также с нестабильной ситуацией на АВТОВАЗе.

На вопрос «Как вы относитесь к деятельности администрации города?» большинство опрошенных респондентов дали отрицательную оценку деятельности администрации города (63%), 32% трудно оценивают её деятельность, и лишь 5% оценили её как положительную.

Далее оценивая отношения между жителями и администрацией города, 37% опрошенных полагают, что решения администрации не соответствуют интересам жителей, 32% выразили мнение, что администрация решает свои проблемы, а не проблемы города. Треть опрошенных оценили отношения между администрацией и населением как удовлетворительные (31%). Большинство опрошенных респондентов не доверяют действиям администрации города. Возможно, это объясняется тем, что итоги деятельности местных органов власти не способствуют решению проблем населения, что и обеспечивает недоверие к их деятельности.

Несмотря на различные жизненные трудности, тольяттинцы удовлетворены своей жизнью в целом (8% - полностью удовлетворены и 59% - удовлетворены). Четверть (24%) респондентов не удовлетворяет собственная жизнь, лишь 8% ответивших полностью удовлетворяет своя жизнь, 9% затруднились ответить на вопрос. Ответы на этот вопрос дают обобщенную характеристику самочувствия населения города. За самооценкой просматривается и оценка условий жизни, предоставляемых обществом, т.е. служит обобщенной субъективной характеристикой социального порядка. Можно сделать вывод о том, что люди довольны той социальной средой, в которой они живут, т.е. практически каждый имеет счастливую семью, уютный дом, работу, которая приносит доход. Население приспособилось к существующим условиям жизни.

Не смотря на существующие проблемы в городе, жители смотрят в будущее с оптимизмом. На вопрос «Как вы относитесь к своему будущему?» 46% респондентов ответили, что надеются на лучшее, не смотря на наличие поводов для беспокойства, 26% смотрят в будущее с оптимизмом, чуть менее выбрали вариант ответа «много проблем, но верю, в то, что найду способы их решения» (23%), лишь 5% ответивших ничего хорошего от жизни не ждут. Выражая своё отношение к будущему, человек неизбежно исходит из личного ощущения настоящего и своего места в этом настоящем. Человек переносит свои настоящие (во временном смысле) чувства на будущий период, тем самым, отражая основные характеристики своего социального самочувствия.

В условиях кризиса в городе, росте цен, довольно высоком уровне безработицы большинство опрошенных (60%) отметили, что за последний год материальное положение их семей в разной степени, но ухудшилось, у 24% респондентов материальное положение осталось без изменений по сравнению с прошедшим годом, лишь 16% отметили улучшение материального положения семьи в разной степени. Из результатов вопроса видно, что материальное положение населения города ухудшилось за последний год. Возможно, это связано с тем, что выросли цены на товары первой необходимости, при сохранении прежнего уровня заработной платы, а также с массовыми сокращениями на АВТОВАЗе. Данные результаты определенно свидетельствуют о нестабильной ситуации в городе.

Более оптимистично респонденты настроены относительно прогнозов изменения материального положения своих семей в ближайшем будущем. 32% верят, что их финансовая ситуация изменится в лучшую сторону в ближайшем году, 34% не ждут от жизни ни позитивных ни негативных изменений, считая, что уровень материального положения останется неизменным, об ухудшении высказались 13%. Затруднились ответить – 21%. Русские люди устроены так, что они верят в хорошее, светлое будущее. Оптимистичные настроения относительно динамики материального положения объясняются надеждой на лучшее, на индексацию зарплаты и пенсии, негативные настроения объясняются снижением доходов и ростом цен.

В условиях повышения цен на продукты питания в городе, достаточно высоких показателей инфляции в стране, большинство населения в городе не могут позволить себе роскошь в питании. Итак, на вопрос «Имеете ли вы возможность питаться в соответствии с собственными желаниями?» половина респондентов ответили, что питаются нормально, но на деликатесы денег не хватает (52%), 26% во многом себе отказывают, денег не хватает даже на самые необходимые продукты 8% опрошенных, и лишь 14% ни в чем себе не отказывают.

Далее на вопрос «Какое из ниже приведенных высказываний больше всего соответствует ситуации, сложившейся в Вашей жизни?» большинство (76%) отметили, что в жизни много трудностей, но их удается преодолевать, неразрешимы большинство проблем для 11% опрошенных, ситуация в целом благоприятная для 9%, затруднились ответить – 4%. В целом

респонденты оценивают жизненную ситуацию как сложную, но при этом разрешимую. В их жизни существует много трудностей, но их удается преодолевать. Несмотря на социально-экономическую нестабильность в городе, людям представляется их жизненная ситуация оптимистично.

По проведенному исследованию можно сделать несколько выводов. Мы выяснили, что горожан волнуют такие проблемы, как качество жизни и уровень доходов, достойное трудоустройство по специальности, экологическая безопасность города. Удовлетворены респонденты такими показателями социального самочувствия, как отношения в семье, жилищные условия, состояние здоровья. Среднюю оценку респонденты дают таким показателям, как условия труда и уровень безопасности в городе. Также наблюдается ухудшение материального положения населения по сравнению с прошлым годом. Однако исследование показало, что существуют определенные объективные причины, которые препятствуют повышению благосостояния граждан. К наиболее значимым, причинам относятся, во-первых, постоянное повышение цен на основные товары и услуги, во-вторых, низкий уровень оплаты труда, не позволяющий поддерживать достойный уровень жизни, в-третьих, общая нестабильная ситуация на ОАО «АВТОВАЗ». Свою жизненную ситуацию они рассматривают как сложную, но при этом разрешимую. В их жизни есть поводы для беспокойства, но они надеются на лучшее. Но, несмотря на довольно тяжелое свое материальное положение, жители города смотрят в будущее без лишнего пессимизма.

Исследование показало, что, с одной стороны, социальное самочувствие населения в настоящее время имеет тенденцию к усилению тревожности в связи со снижением жизненного уровня большинства граждан. С другой стороны, сохраняется надежда на то, что власти города смогут в ближайшей перспективе обеспечить желаемый социально-экономический рост. Состояние социально-экономической сферы, а не политической и социокультурной, определяет в первую очередь направленность и содержание самочувствия подавляющего большинства граждан [3].

У основной массы опрошенных, как и следовало ожидать, социальное самочувствие повышается при улучшении материального положения. Следовательно, решения местных органов власти должны быть направлены на формирование позитивного отношения к деятельности администрации, должны быть связаны с социально-экономической политикой, которая ведет как к росту заработной платы населения, так и к снижению цен на товары первой необходимости.

1. Крупец, Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // СоцИс. – 2003. – №4. – С. 143-144.

2. Желнина, Е.В., Иванова, Т.Н., Цветкова И.В. Социальное самочувствие работников ОАО «АТОВАЗ» в условиях модернизации предприятия // Вектор науки ТГУ. – 2014. – №3 (29) – С. 151-154.

3. Бочканова, Е.Н. Социальное самочувствие горожан – ориентир муниципальной социальной политики // Известия УрГУ. Серия 3: Общественные науки. – 2007. – Т. 3. № 5. – С. 29–37.

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЦЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Покровская Н.Н. (Санкт-Петербург)

Отсутствие в российском законодательстве четких указаний на целевое позиционирование страны в мировой экономической системе отражает в целом неясное представление о текущей роли и о желаемом месте страны в глобальной модели хозяйствования, которую с учетом специфики информационного общества сегодня принято именовать экономикой знаний или knowledge-driven economy [1].

В условиях, когда явного знания не удается получить с помощью прямого прочтения государственных стратегических и концептуальных документов (таких, как Концепция социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., Стратегия инновационного развития до 2020 г. или Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»), можно обращаться к анализу иных документов, в которых можно найти косвенное указание на выбор, сделанный на уровне государственных регуляторов. Неявное знание отражено в российской системе бюджетных расходов и налоговых льгот для развития отраслей, которые могут характеризоваться как обладающие высоким вовлечением знания (knowledge-intensive

industries [2]). В частности, анализ налогового кодекса и предоставляемых сфере НИОКР налоговых преференций позволяет сделать вывод о том, что Россия выбрала путь инновационного и научно-технического лидерства.

Вместе с тем, такому выводу противоречат, по меньшей мере, два важных аргумента:

1) в глобальном инновационном рейтинге (Global innovation index) в 2015 г. Россия занимала 48-е место, между Объединенными Арабскими эмиратами (47-е) и Маврикием (49-е);

2) согласно официальной статистике Федеральной налоговой службы РФ (ФНС) в России в 2015 г. лишь 1235 налогоплательщиков воспользовались льготами по налогу на прибыль в связи с выполнением НИОКР. В то же время, согласно данным РосПатента, в 2015 г. было выдано 19481 патентов (подано российскими заявителями более 29 тыс. заявок). Это означает либо высочайшую концентрацию получаемых патентов, либо, что более вероятно, отсутствие значительной части предприятий, выполняющих НИОКР, в статистике ФНС. Это означает, что абсолютное большинство предприятий выполняют свои исследования и, прежде всего, разработки, опытные образцы, патенты и проч., не получая при этом налоговых льгот, т.е. предусмотренные законодательством налоговые льготы, по сути, не оказывают стимулирующего воздействия.

Анализируя налоговую систему стимулирования НИОКР в таких группах стран, как англо-саксонские, европейские континентальные и восточноазиатские страны, можно увидеть существенные различия. Так, англо-саксонские страны, прежде всего, США и Великобритания, предоставляют государственные заказы и налоговые льготы для получения принципиально новых результатов в области науки и технологий (снижения научной и технологической неопределенности – solving the scientific of technological uncertainty, как указано на сайте Ее величества доходов и сборов) и создания промышленных образцов (pilot models, в США). В то же время в таких государствах, как Голландия, Германия, Франция, предоставляются налоговые льготы для создания и внедрения интеллектуальной собственности, открытия инновационных предприятий и, в случае Нидерландов, найма и вовлечения в работу компаний в области выполнения НИОКР высококвалифицированных сотрудников. Наконец, восточно-азиатские страны, среди которых в данном случае можно, хотя и с оговорками, объединить и «молодых драконов» (включая Тайланд, Малайзию, Сингапур), и Южную Корею, и Китай, налоговое стимулирование ориентировано на привлечение иностранных инвестиций и создание зарубежным капиталом новых, в частности (в случае Китая) инновационных предприятий (так, в КНР значительное число и объем льгот предназначены для предприятий ННТЕ, New and High Technology Enterprises), что отражает стимулирование предпринимательской активности в инновационных отраслях с существенной поддержкой государства.

Можно оспаривать эффективность данной государственной политики в Китае, в частности, качество патентов, зарегистрированных в Китае, но по количеству зарегистрированных патентов Китай уже с 2011 г. лидирует в мире, опережая США примерно в 1,5 раза (более 850 тыс. патентов в КНР и более 550 тыс. патентов в США). Эти результаты, вне всякого сомнения, свидетельствуют о серьезном общем повышении уровня компетентности и квалификации сотрудников, привлекаемых Китаем для осуществления и развития исследовательской и внедренческой (т.е. собственно, инновационной) деятельности.

Рассматривая указанные примеры, следует, вероятно, не только задаться вопросом об эффективности российской системы налогового стимулирования инноваций и НИОКР, которая снижается, как было показано в ряде исследований, в результате сложных бюрократических процедур, прохождение которых затрудняет обращение российских налогоплательщиков к системе льгот, но и поставить вопрос в целом об эффективности регулятивного механизма на уровне государства.

Вероятно, постановка более четкой, озвученной и ясной цели развития страны в области научно-исследовательской и инновационной деятельности могло бы более явно сориентировать и налоговые органы, которые в рамках своей работы должны не только контролировать, но и решать задачу сокращения процедур учета и отчетности, в том числе, связанных с осуществлением НИОКР и с получением соответствующих налоговых преференциальных режимов и ставок.

Кроме того, необходимо проверять на непротиворечивость целевые результаты деятельности государственных органов: если задача инновационного роста государства находится в противодействии с целевыми нормативами по сбору налоговых платежей в бюджет, то вполне закономерно, что на линейном уровне будут применяться те целевые ориентиры, которые

позволяют наиболее полно реализовать задачи исполнителей, собственно осуществляющих реализацию налоговой политики государства.

Таким образом, необходимо выстраивать не только законодательно грамотную и адаптированную регулятивную модель, но и выявлять наиболее эффективные социально-организационные регулятивные механизмы, которые определяются социокультурной и институциональной средой и которые определяют реальное поведение экономических и социальных субъектов. Экономические агенты, принимая конкретные организационно-управленческие решения, оперируют когнитивной моделью [3], которая складывается в контексте постсовременного [4], постиндустриального общества [5], в условиях максимальной ценности человеческого капитала как в целом, так и в его оценке по временным интервалам, расходам времени и затратам эмоциональной энергии и интеллектуального труда.

1. *Innovation management and the knowledge - driven economy. ECSC-EC-EAEC, January 2004. – Brussels-Luxembourg, 2004. – https://cordis.europa.eu/innovation-policy/studies/pdf/studies_innovation_management_final_report.pdf.*

2. *Smith K. What is the 'knowledge economy'? Knowledge-intensive industries and distributed knowledge bases // STEP Group, Oslo, Norway, May 2000. – <http://www.ebusinessforum.gr/old/content/downloads/WorkingPaper54.pdf>.*

3. *Bourguine P., Nadal J.-P. Cognitive Economics: An Interdisciplinary Approach. – Springer, 2004. – 479 p.*

4. *Пайн II Б.Дж., Гилмор Дж.Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. – М.: Издательство «Вильямс», 2005. – 304 с.*

5. *Branscomb L., Kodama F., Florida R. Industrializing Knowledge: University-Industry Linkages in Japan and the United States. – MIT Press, 1999.*

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ: ВОПРОС ЗАМЕНЫ ФУНКЦИЙ И СТРУКТУР

Покровская Н.Н. (Санкт-Петербург)

Социальная укорененность экономического действия определяет механизмы воздействия социокультурного содержания представлений, ценностей, ожиданий и норм на выбор моделей экономического поведения. Социально-психологические компоненты мотивации долгое время не находили адекватного отражения в экономической науке. Как отмечает А. Долгин, экономическая теория на основе рыночного механизма и денежной оценки выстраивает математическую модель человеческого поведения, но современные методы экономического анализа слабо подготовлены к «метаморфозам, происходящим в душе сытого хомо сапиенса. Голодного человека экономисты моделируют недурно, по крайней мере, европейца, и голодного не чересчур, не доведенного до крайности. А вот хомо сапиенс, достигший высокого уровня материального благоденствия, просчитан ими гораздо хуже» [1]. Сложность и синергетический характер регулятивных механизмов, определяющих поведение индивида и группы, стали предметом когнитивных исследований.

Помимо открытий поведенческой [2], неоинституциональной, экспериментальной и когнитивной [3] школ в экономике, анализ реального экономического поведения, основанный на вычислительных технологиях больших данных (Big data), позволяет получить прикладные результаты на основе математико-статистической обработки массивов информации, отражающие выстраивание индивидуальной поведенческой модели и логику поведенческих актов. Предметом социально-экономического анализа может выступать выявление ценностно-нормативных регуляторов и механизмов согласования действий участников сообществ, сетей, социумов.

Вытеснение сложных, объемных и многофакторных исследований в сферу статистических, математических и кибернетических технических подходов ставит следующие вопросы перед социологической наукой:

1) в какой мере социальная регуляция может представлять собой просчитываемый механизм, в какой мере регулятивные механизмы опираются на уникальность и бесконечную многогранность человеческой личности, разнообразие культуры обществ и сообществ, а в какой – на набор расчетных правил и процедур;

2) какие пути познания и объяснения более эффективны для понимания и прогнозирования действия регулятивных механизмов – интеллектуальные системы в информационно-коммуникационных технологиях, ICT, или интуитивно-комплексное

голографическое осмысление интенциональных аспектов восприятия действительности в рамках мыслительных процессов ученых-исследователей;

3) какие функции или элементы человеческого взаимодействия могут поддаваться лучшему анализу и прогнозированию в рамках нейротехнологий, измеряющих физические проявления эмоциональных и когнитивных процессов;

4) каким образом в постсовременном обществе, сочетающем виртуальное и физическое пространство взаимодействия индивидов и групп, социальная регуляция призвана воплощать интересы общества (сообщества) – и что является базовой ценностью в постсовременном фрагментированном мире, в частности, при существующих возможностях манипулирования общественным сознанием, кто будет формулировать (в прозрачном для всех или в закрытом режиме) цель регуляции и чью волю следует поддерживать или, напротив, подавлять;

5) является ли очевидная первостепенная ценность человеческой жизни очевидной, или есть более значимые вещи, чем человеческая жизнь, в частности, фундаментальные ценности – и в какой мере терроризм и физическое уничтожение могут быть оправданы идеалами (демократии, религии или любыми иными);

6) если значительная часть функций регулятивных механизмов может быть преобразована в цифровую форму (например, взимание налогов с электронных платежей автоматизировано; электронное голосование и сбор подписей в поддержку различных петиций опирается на уникальность IP-адресов), то какие социальные институты и структуры сохраняются, а какие – могут быть алгоритмизированы и переведены в форму кодов программного обеспечения;

7) наконец, насколько такие функции социальных институтов, как правосудие, основанное на представлениях о справедливости и этике, могут быть обращены в алгоритмы и сведены к набору процедур и правил.

В частности, отоваривание слова – продажа поисковыми Интернет-системами рекламодателям слов как элементов поиска потенциальным потребителем товаров и услуг – представляет собой достаточно глубокое явление, которое требует осмысления с точки зрения возможных последствий. Например, регулятивные механизмы должны определять границы, в которых допустимо изменение содержания слов, происходящее в результате словоупотребления, ограниченного рамками товаров рекламодателей. Но выполнить эту функцию на уровне программного обеспечения пока практически невозможно, и включаются такие регуляторы, как чувство юмора и мода, например, среди молодежи набирают популярность полу-серьезные модели поведения с использованием слов старорусского языка («ибо», «ежели», «боярин», «светлость», «изволит» и пр.) и предпочтение исконных имен (Аким, Степан, Анфиса и др.). Нейротехнологии способны эффективно регистрировать частоту употребления слов, ИСТ и программное обеспечение могут оперировать выбором порядка выводимых ссылок и страниц, контент-методы позволяют анализировать содержание на основе заранее сформулированных смысловых связей. Распространение поведенческой модели, которая отражает возвращение к корням, описывается представлениями о социальных инновациях как усиливающейся или затухающей волне – если новая модель поведения отвечает потребностям широкой части публики (по Г. Тарду), то она постепенно приобретает черты социальной нормы, экспектации «подталкивают» акторов к выбору ожидаемой модели, даже если она квалифицируется как инновационная модель.

В контексте экономики впечатлений [4] и фанки-бизнеса [5] как формата креативного создания ценности [6] социальные инновации стали ключевой формой эволюции регулятивных механизмов. Сопоставление издержек на изменение формы ресурсов (трансформацию) и на совершение взаимодействий (транзакции) отражает доминирование знаний человечества в области материального преобразования ресурсов, которые обеспечили выживание человека. Сегодня же, в условиях экономики знаний [7], быстро преумножаются знания в области построения взаимоотношений, которые отражают марксистскую закономерность возвышения потребностей, т.е. возникновения новых типов потребностей после удовлетворения существующих. В этих условиях, социально-экономическая регуляция поведения одновременно захватывает неэкономические инструменты [8] и затрагивает неэкономические области поведения и принятия решений [9]. Несмотря на широкие возможности нейротехнологий передавать реакции людей и невербальные сообщения (например, ощущения запаха и вкуса, боли или удовольствия), для эффективного взаимодействия недостаточно непосредственного восприятия собеседника, необходимо также установить границы проникновения в личностный мир партнера по интеракции. Индивид выбирает этически выверенный поступок не только потому, что воспринимает другого и его ощущения, но и реализует через свой поведенческий выбор

собственную ценностную шкалу, например, приоритет уважения к частному пространству и личной воле.

Согласование ценностных шкал и интернализация интересов социума, вероятно, составит перспективу развития нейротехнологий как регулятивного инструментария.

1. Долгин А. *Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка*. – М.: «АСТ», 2010. – 256 с. – С. 4.
2. Arthur W. B. *Designing Economic Agents that Act like Human Agents: A Behavioral Approach to Bounded Rationality* // *The American Economic Review*, 81, 1991. – pp. 353-391.
3. Bourguin P., Nadal J.-P. *Cognitive Economics: An Interdisciplinary Approach*. – Springer, 2004. – 479 p.
4. Пайн II Б.Дж., Гилмор Дж.Х. *Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена*. – М.: Издательство «Вильямс», 2005. – 304 с.
5. Нордстрем К., Риддерстрале Й. *Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта* - СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002.
6. Florida R. *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. – HarperBusiness, HarperCollins, 2005.
7. Branscomb L., Kodama F., Florida R. *Industrializing Knowledge: University-Industry Linkages in Japan and the United States*. – MIT Press, 1999.
8. Катица С.И. *Решения 3D-менеджмента для управления компанией: 15-летний опыт управленческого консультирования*. – СПб.: ЗАО «Гуманитарный фонд», 2008.
9. Florida R. *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. – Basic Books, 2002.

САМОЗАНЯТАЯ МОЛОДЁЖЬ ВОЛГОГРАДА: МОТИВАЦИЯ И ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ ФРИЛАНСЕРОВ

Полтавская М.Б., Кузнецова О. В. (Волгоград)

Описаны главные факторы, способствующие появлению рынка услуг самозанятых профессионалов, так называемых фрилансеров. Исследованы причины включения молодежи в гибкие формы занятости. Изучены главные ценности трудовой деятельности фрилансеров, выявлены их мотивация, выделены особенности, преимущества и недостатки самостоятельной занятости.

Describes the main causes of market for self-employed professionals, so-called freelancers. Investigated the causes of youth's inclusion in flexible forms of employment. Studied the core values of the employment of freelancers, the motivation, features, advantages and disadvantages of self-employment.

В современном обществе некая определенность, которая присуща стандартным формам занятости, размывается. Сформировавшаяся в эпоху индустриализма система трудовых взаимоотношений характеризуется стандартизацией трудовых биографий, которая развивается по общему плану: работник занят, в большинстве случаев, единственной профессией, организация представляет собой институт стратификации и мобильности в обществе. В настоящее время происходит значительные изменения моделей занятости в сторону гибких формы (non-standard employment relationships). Возрастает ответственность каждого индивида за свою жизнь, происходит замена привычного, всеобщего жизненного пути самостоятельно выбранным решением. Появляется категория самозанятых профессионалов.

Нетипичные формы занятости долгое время не привлекали пристального внимания отечественных социологов в отличие от зарубежных исследователей (Дж.Ниллес, Ф.Кинсман, Г. Гордон и другие). На 10.10.2016 г. в e-library по поисковому запросу «фриланс» найдено более двухсот публикаций. Среди ключевых исследований, рассматривающих фриланс с социологической точки зрения, следует назвать работы Д.О.Стребкова, А.В.Шевчука, заложивших традицию исследования феномена фриланса, проводивших в 2008 г. первую всероссийскую перепись фрилансеров [1]. На страницах журнала «Экономическая социология» опубликованы исследования К.М.Никуткиной, А.О.Приваловой [2], А.В.Шевчука [3] и других. Образ жизни российских фрилансеров, вопросы идентификации и их профессионального развития исследуют М.Г.Бурлуцкая [4], В.С.Харченко [5]. Вышло исследование современных российских наемных работников, подготовленное Институтом социологии РАН [6], защищены диссертации [7], [8].

Мотивы, причины и трудовые ценности самозанятой молодёжи изучались нами с помощью метода глубинного интервью в ноябре 2015 года. Всего было опрошено восемь информантов-

фрилансеров, среди которых семь девушек и один мужчина разных возрастов, проживающие в г. Волгограде. Анализ результатов интервью позволил сделать следующие выводы: большинство опрошенных имеют высшее образование и до занятия фрилансом работали в каких-либо организациях, режим которых качественно отличается от их нового занятия. «Я изначально имел рекламное агентство, занимался рекламой, а интерьер был вот, скажем так, хобби, вот, я по чуть-чуть начинал, первые заказчики были друзья, это как раз-таки квартиры, потом появились общественные пространства» (М., 26 лет, дизайнер).

Среди причин перехода к гибкой форме занятости можно указать на самоактуализацию, стремление выразить свои творческие способности, реализовать себя в той сфере, в которой комфортно, избежать рутинной неинтересной, работой. «Скорее из-за нежелания оставаться инженером-газовиком, это вообще было не моё...у меня не было ни малейшего чувства к этому. Вот, и я в своё время закончила школу искусств, да, это не высшее образование, даже не среднее в области искусств, но всё равно за эти семь лет задатки, которые в тебе есть еще и развиваются, то есть способности были. И для того чтобы заняться дизайном важно твоё внутреннее видение, оно либо есть, либо его нет... вот и из-за не любви к своей профессии, которую я получила с дипломом, я стала искать выходы, как мне прийти в то дело, которым хочется заниматься» (Ж., 25 лет, дизайнер).

Главные ценности фрилансеры видят в трудовой деятельности, это для них является самым важным, первостепенным. Как правило, информанты связывали трудовые ценности с их мотивацией выбора работы на себя. Так, художник, продающая картины и занимающаяся флористикой в цветочном магазине и по-совместительству арт-менеджер творческого пространства «Икра» считает, что это «эмоциональный выплеск, самореализация, нее... как сказать? Вдохновение, которое приносит новое вдохновение» (Ж., 27 лет, художник).

Итак, обобщим сказанное информантами: главные трудовые ценности - ценности, которые делают их отличными от наемных работников, сидящих в офисе – возможность к творчества, стремление к самовыражению, независимость, самостоятельность, предвосхищение достигнутого результата.

Приведем основные минусы фриланса и сложности, с которыми приходится сталкиваться. Практически все выделяют в качестве негативной стороны фриланса нестабильность дохода. Выявлены следующие проблемы: трудности в поиске заказов, неоплата выполненной работы, сложности в планировании своего трудового дня. «Главной сложностью было найти заказы, первое время начал искать заказы в социальной сети ВКонтакте, но отсутствие портфолио сказалось на невозможности это сделать. Затем после некоторого времени работы появилась следующая проблема, с которой борется каждый – это неоплата заказов» (Ж., 23 года, фотограф).

Исследование показало, что устоявшийся стереотип о том, что фрилансер - это тот, кто хочет делать меньше работы, не имеет постоянного графика работы. Однако мы выяснили, что фрилансеры посвящают своей работе больше времени, чем стандартные работники, порой не имеют выходных и праздничных дней, регулярного отпуска, но это в том случае если фриланс – основная занятость, и они не имеют основную работу. «Сейчас фриланс - мой основной вид заработка. Рабочий день занимает куда больше рабочего дня обычного работника, выходных как таковых нет, и я просто живу своей работой. С другой стороны – это не так уж плохо, как может показаться. Ведь теперь я занимаюсь любимым делом, поэтому день пролетает незаметно» (М., 27 лет, копирайтер).

Таким образом, данные глубинного интервью продемонстрировали нестандартизированность и индивидуализированность трудовой биографии представителей новых форм занятости. Особенность включения людей в новые формы занятости обусловлена несколькими причинами: это возможность ухода от рутинной, стандартизированной работы и возможность самореализации. Свободной занятости присуще дистанционность и самостоятельная организация трудового процесса. Выявленные преимущества (гибкость рабочего графика, автономность) и недостатки (поиск заказчиков, трудность в разграничении рабочего и нерабочего времен). Подводя общий итог, подчеркнем, что современные темпы жизни и экономическая обстановка порождает проблемы трудоустройства современной молодежи - работник, которого отличает востребованность знания, способность самостоятельно отвечать за свою деятельность, обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, что позволяет ему находить себя во фрилансе. Изучение мотивов и ценностных ориентаций представителей новых форм занятости заслуживает внимания ученых и требует дальнейшего исследования.

1. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров). Препринт WP4/2009/03. М., 2009.
2. Никуткина К.М., Привалова А.О. Западные количественные исследования фрилансеров: профессиональный обзор // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1.
3. Шевчук А. В. Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы. Экономическая социология. 2008. 9 (1): 51–64
4. Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 1 (66). С. 111-123.
5. Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ. Социологические исследования. 2014. № 4 (360). С. 54-63.
6. Наёмный работник в современной России / Отв ред. З. Т. Голенкова. – М.: Новой хронограф, 2015.
7. Чаплашкин Н.В. Фриланс как новое социальное явление и его последствия. Дис... канд. социол. наук. Н.Новгород, 2013. - 209 с.
8. Харченко В.С. Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе. Дис... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2013.- 179 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОПЫТ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Полтавская М.Б., Резникова Е. С. (Волгоград)

Описаны основные характеристики социального предпринимательства, дан обзор ключевых исследований по теме. Охарактеризован процесс становления женского предпринимательства в России. На примере Волгоградской области приведены успешные практики женского бизнеса.

The paper describes the main characteristics of social entrepreneurship, provides an overview of key research on the topic. The process of formation of female entrepreneurship in Russia is described in the article. Successful practices of women's business is considered on the example of the Volgograd region.

Мы не можем сказать, что социальное предпринимательство совершенно новый феномен, но именно последние десятилетия он находится в поле зрения ученых различных стран и активно исследуется ими. Актуальна эта тема в Америке, Великобритании, Германии, Нидерландах, России и других странах. За рубежом широкое распространение данного феномена (хронологически - это 1980-1990-е гг. XX века) связано с работами Б. Дрейтона, Г. Дж. Диза, Р. Л. Мартина, С. Осберга, Й. Шумпетера и ряда других исследователей. Переведены на русский язык работы зарубежных авторов: Д. Борнштейн [1], Дж. Кикал [2], Т. С. Лайонс, А. Жоли, М. Юнус [3], в которых описывается практика реализации социального предпринимательства.

Среди российских ученых, изучающих данную область, можно назвать работы Н.А. Антониковой [4], М. Баталиной, А.А. Московской [5] и других.

Среди исследователей ведутся споры по поводу границ социального предпринимательства [6]. Высказываются противоположные мнения о том, следует ли широко подходить к социальному предпринимательству, включая в него все разновидности социально-полезной деятельности, или необходимо четко очертить его границы

Социальное предпринимательство может быть определено как предпринимательская деятельность, которая призвана обеспечить инновационные решения актуальной социальной проблемы. Социальное предпринимательство, в первую очередь, нацелено на решение социальных проблем, а не использование рыночных возможностей.

Наиболее современной и актуальной проблемой социального предпринимательства является женское предпринимательство, появление и распространение которого в России связывают с периодом 90-х годов XX века. На первый взгляд, может показаться, что предпринимательство - это «не женское дело». Однако, как показывает практика, женщины достаточно часто добиваются успеха в данной области, в большей степени это связано с их личностными качествами. Ряд факторов может препятствовать их успешности, например, неравноправный доступ к кредитам, более низкий статус в политической и других сферах.

Но сегодня эти вопросы решаются и вводятся механизмы поддержки и развития женского предпринимательства. В России работает общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России», которая активно поддерживает женское социальное предпринимательство, для популяризации женского предпринимательства, разработки

и реализации программ поддержки мам-предпринимателей учрежден новый комитет по развитию женского предпринимательства. Комитет успешно функционирует в двадцати регионах России. В целях продвижения женского предпринимательства в 2015 году в рамках Проекта Национальная предпринимательская премия «Бизнес-Успех» учреждена новая номинация «Лучший женский проект». В 2015 г. премию получила Е.Постоева, предпринимательница из Волгограда, основавшая компанию «Могојко» (молочные коктейли и мягкое мороженое). В июле 2016 г. в Волгограде был проведен Всероссийский Форум предпринимателей и VIII съезд лидеров «Опоры России», на котором был организован круглый стол «Женское предпринимательство - новые возможности для роста экономики». В Волгограде в 2016 г. была проведена фотовыставка «Мама может всё!», ярмарка «Сделано мамой - сделано в России», реализован проект «Главное - начать: 20 успешных бизнес-проектов волгоградских женщин», среди которых А.М.Сукиасян (бизнес: ЧОУ СОШ «Поколение»), А.А.Донцова (ООО «Благо-Медиа», журнал «Быть человеком»), Ю. Донецкова (Event-агентство «Смотри!»), Е.В.Антонова (учебный центр красоты и эстетики «Ева»), Н.Г. Галиченко (кафе «Слава КПСС»), Н.Полякова (школа журналистики «Первая полоса») и другие [7].

С 2015 г. Опора России совместно с Федеральной корпорацией по развитию малого и среднего предпринимательства реализуется федеральный образовательный проект «Мама-предприниматель», направленный на развитие женского предпринимательства в России. В 2015 году проект прошел в шести городах России: в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Самаре и Новосибирске и был направлен на формирование у женщин необходимых компетенций и знаний для организации собственного бизнеса. В 2016 году обучение проходит в десяти городах России. Развитие женского предпринимательства будет означать развитие социальной сферы, рост доли малого бизнеса в структуре ВВП и снижение уровня безработицы в России.

Женское предпринимательство сейчас только начинает обретать силу, находится начальной стадии становления. Чтобы добиться положительных результатов от женщин-предпринимателей, необходимо создавать благоприятные условия существования женского предпринимательства. По оценкам экспертов, в России высокий потенциал роста женского предпринимательства, изучать который предстоит исследователям, прежде всего социологам и экономистам.

1. Борнштейн Д. Как изменить мир: Социальное предпринимательство и сила новых идей. - М.: Альпина паблишер, 2012. - 504 с.
2. Кикал, Дж. Социальное предпринимательство: миссия – сделать мир лучше / Джилл Кикал, Томас Лайонс; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 304 с.
3. Юнус, М. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма / М. Юнус, А. Жоли. – М.: Альпина Паблишер, 2010. – 312 с
4. Антонинова, Н.А. Использование концепции социального предпринимательства для решения социальных проблем: применимость в российском контексте. – М., 2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nb-forum.ru/thanalitic_391_3 (дата обращения: 01.10.2016)
5. Баталина, М. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России: [Текст] Препринт WP1/2008/02. / М. Баталина, А. Московская, Л. Тарадина. - М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 180 с.
6. Zahra, S.A., Newey L.R., Li. Y. On the Frontiers: The Implications of Social Entrepreneurship for International Entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2014. № 38 (1). pp. 137-158
7. Главное - начать: 20 успешных бизнес-проектов волгоградских женщин. [Электронный ресурс] <http://www.wday.ru/stil-zhizny/vibor-redakcii/zamechatelnyie-volgogradki-uspeshnyie-predprinimateli-mamyi-i-prosto-jenschinyi/2/> (Дата обращения 01.10.2016)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Поляничко В.В. (Москва)

В современном мире роль науки постоянно возрастает и это обусловлено тем, что она призвана оперативно реагировать на развитие сложнейших процессов мира, на его инновационные аспекты и на роль человека в решении стоящих перед ним многогранных задач. Именно об этом

очень четко высказался президент Российской Федерации в своем Послании и встрече с представителями Академии наук Российской Федерации[5].

В этом контексте значительное место занимают социальные науки, в том числе и современная социология, как наука о личности человека и общества.

Социология является содержательным и важнейшим интеграционным ресурсом изучения роли экономики в жизни общества.

В этой теории современного социального знания - социальный капитал (далее сокращенно СК) отражает многогранный процесс социализации, рост имиджа и статусных характеристик личности, как на уровне межгруппового и межличностного общения с руководителями, начальниками, равными по должности и подчиненными. А так же и на институциональном уровне конкретных, адресных социальных взаимодействий. СК имея свои функциональные направленности существенно влияет на объективную социальную эффективность работы сотрудников в организации, по траекториям: а) достижения востребованных реальных результатов в процессе профессиональной деятельности и труда; б) определения состояния социально-групповой сплоченности организации и солидарности всего трудового коллектива; в) обеспечения объективной профессиональной деятельности и творческой социальной активности.

В нашем исследовании подчеркивается мысль о том, что высокий современный уровень объективной значимости СК личности отражает и фиксирует многогранные потребности конкретной среды на уровне эффективного урегулирования, сбалансирования групповых интересов участников современных конкретных социальных взаимодействий, индивидуальных и коллективных субъектов профессиональной деятельности. Научное исследование и осмысление, а так же осознание этих потребностей выдвигает перед социологами важную задачу междисциплинарного теоретико-методологического объяснения сложнейшего комплекса процессов формирования востребованных профессиональных компетенций в их неразрывной взаимосвязи с практикой, конкретным состоянием, динамикой и тенденциями формирования СК, его адресной реализацией с акцентом на качественное исполнение работниками своих непосредственных статусно-ролевых характеристик и обязанностей.

В современной общей социологии дефиниция «социальный капитал» институционализировалась и как научно обоснованная теоретическая концепция, и как объектно-предметная область эмпирических исследований. С одной стороны, повышенный общественный интерес к феномену СК обусловлен его качественно-количественными характеристиками действующих межличностных связей, являющихся следствием социальных действий взаимодействующих индивидов, а с другой стороны, являющихся залогом профессиональной функциональности и успешности его реализации в структуре статусно-ролевых обязанностей и прав личности.

На наш взгляд, современному состоянию и развитию СК присущи объективные противоречия как между объемом охвата его эмпирических исследований как социального явления, так и между разнообразием реализации теоретико-методологических подходов и технологий, не имеющих определенной согласованности содержания его концептуального определения[3].

Как следствие этого процесса сформировалась проблематика теоретической интерпретации социального капитала, определения его многогранности на уровне эмпирических данных, а также сопоставления результатов научных исследований при их объективном сравнительном анализе.

В контексте научных традиций, заложенных зарубежными и отечественными социологами, целесообразно социальный капитал рассматривать как социальное богатство личности, которое выражается в совокупности её позитивных межличностных связей, что предоставляет этой личности доступ к различным ресурсам партнеров, а с другой стороны, дает возможность партнерам пользоваться её ресурсами. Из этого следует, что СК находится в устойчивой системе социальных связей индивидов, сложившейся в процессе их социального взаимодействия друг с другом, а именно в социально-профессиональной (трудовой) деятельности и межличностном общении. Он непосредственно обуславливает формирование профессиональных и социальных компетенций личности.

Между социальной успешностью индивида и его благосостоянием наблюдается зависимость: чем более развит социальный капитал индивидов, тем выше экономическая эффективность организации. Исходные предпосылки формирования и реализации социального капитала как ресурса социальных связей (взаимодействий) заложены в целерациональном,

ценностно-ориентированном, традиционном и аффективном виде социального действия (по М. Веберу). Он является результатом востребованных, доверительных и взаимовыгодных взаимодействий индивидов, инициирующих сотрудничество и координацию в целях повышения эффективности функционирования организации в целом.

В зависимости от профессиональной деятельности индивида социальный капитал может быть как групповой, так и индивидуальный. Его групповая природа является предпосылкой формирования и поддержания социального порядка в системе взаимодействий, эффективного управления социальной организацией (организаций взаимодействий социальных субъектов) [2, с. 4]. Ему присущ неформальный характер, усиливающий или ослабляющий функциональность практически всех взаимодействий.

Формирование социального капитала индивидов происходит в результате их взаимодействий с социальным окружением, в результате их социализации. Он формируется посредством взаимодействий индивидов: а) в добровольных организациях – ее члены объединяются на добровольной основе; б) в принудительных организациях – членами организации становятся принудительным путем; в) в утилитарных организациях – объединение происходит в перспективах достижения определенных целей как среды, так и индивидов в отдельности [4, с.100].

Таким образом, актуальность социологического исследования анализа современного социального капитала личности в функционировании организации обусловлена следующими научными параметрами:

- инновационном возрастанием роли СК в управлении организацией Российского социума;
- неоперативной разработанностью данной проблемы в современном социологическом знании;
- востребованной необходимостью усиления роли и авторитета руководителей всех уровней, а так же минимизации социальных отношений, деструктивно влияющих на управление организациями особенно в экономической сфере.

1. Барановский, М.В. Феномен доверия в современных социологических исследованиях // *Власть*. – 2013. – № 6. – С. 134 – 137.
2. Веремчук, В.И., Барановский, М.В. Социальные характеристики и особенности процесса социализации личности офицера в условиях модернизации ВС РФ // *Военный академический журнал*. – 2015. – № 3. – С. 104 – 111.
3. Назаренко, С.В. *Социология : учебное пособие*. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 496 с.
4. Никитова, С.Г. *Социология труда и экономическая социология : учебное пособие*. – М. : ВУ, 2015. – С. 100.
5. *Послание президента Российской Федерации Федеральному собранию от 3 декабря 2015 г.* // *Российская газета. Документы [Электронный ресурс]* // Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2015/12/03/postanie-dok.html>.

ЦЕЛЕВАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ СЕТЕВОЙ СТРУКТУРЫ КЛАСТЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ПРИМЕРЕ СПБГМТУ

Романова В.А. (Санкт-Петербург)

1. В настоящее время существует большое количество проблем, связанных с подготовкой квалифицированных кадров, обучением сотрудников. Одной из таких проблем является регулирование рынка труда и образовательных услуг. Предприятие и вуз считаются двумя сторонами образовательного процесса. Институт – является производителем, соответственно предприятие выступает потребителем специалистов, именно от эффективности обратной связи между ними зависит степень соответствия качества подготовки специалистов по желаниям работодателя, а, значит, и востребованность выпускника вуза на производстве.

Решение вопроса о подготовке подходящих экономике специалистов возможно исключительно при тесном взаимодействии вуза и предприятий. Поэтому следует создать такую систему, при которой работодатель сможет воздействовать на структуру образовательной программы, а также заказывать специалистов, нацеленных на определенное предприятие. Кроме того, каждый вуз должен иметь «полигон», на котором в период обучения сумеет «опробовать» качество и уровень подготовки своих студентов. По мнению кандидата технических наук В.А. Аржанова, «в развивающейся рыночной экономике появляются новые формы взаимодействия. Одной из перспективных форм взаимодействия между вузами и предприятиями могут стать

кластерные объединения, когда несколько предприятий и организаций, заинтересованных друг в друге, объединяются с университетами и участвуют в формировании образовательного стандарта определенного перечня специальностей, устанавливая необходимые требования к компетенциям выпускников»[1,7]. Подобная форма взаимодействия является одним из требований моделей кластерной экономики. Реализация данной модели будет означать достижение оптимального уровня развития указанного взаимодействия.

2. Санкт-Петербургский морской технический университет находится в особо благоприятных условиях для формирования кластерных форм взаимодействия в судостроительной сфере. По мнению Ф.Ф. Рыбакова, «в Санкт-Петербурге сосредоточено около 90 % всего научного российского судостроительного потенциала. Это известные конструкторские бюро «Рубин», «Малахит», «Алмаз» и другие. Таким образом, в Санкт-Петербурге присутствует полная технологическая цепочка по разработке и строительству гражданских судов и военных кораблей»[6,40].

В 2000 году решением Ученого совета СПбГМТУ был создан факультет целевой контрактной подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием и дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов (ФЦКПС и ДПОС), задачей которого является организация перспективного партнерства СПбГМТУ с предприятиями, готовыми участвовать в образовательном процессе и финансировать (полностью или частично) обучение своих сотрудников. За 15 лет работы в рамках целевой контрактной подготовки было подготовлено около 5000 молодых специалистов. В настоящее время в рамках целевого приема в СПбГМТУ и целевого оборонного заказа обучается около 500 человек. Характерной чертой подготовки на факультете являются развитые системы практик – от ознакомительной на первом курсе до преддипломной на четвертом курсе. Студенты при желании имеют возможность получать судостроительные рабочие специальности. На третьем курсе студенты переходят к профессиональным программам, а информационные технологии вводятся не только как отдельный предмет, но и как средство обучения.

3. Заказчиками целевой контрактной подготовки специалистов являются Министерство промышленности и торговли РФ, государственная корпорация «Росатом», государственная корпорация «Роскосмос», Правительство Ленинградской области. С 2000 г., с факультетом сотрудничают многие предприятия, входящие в «Объединенную судостроительную корпорацию», в том числе ОАО «Адмиралтейские верфи», ОАО «Балтийский завод», ОАО «Пролетарский завод», «ЦКБ МТ «Рубин». При участии факультета заключены соглашения о сотрудничестве в деле подготовки кадров и со многими другими предприятиями и организациями, в том числе с ФГУ «Российский морской регистр судоходства» (с филиалами). Договор о сотрудничестве в области профессионального образования и научной деятельности заключен с ФГУП «Крыловский государственный научный центр»; с ОАО «Центр технологии судостроения и судоремонта»[3,219]. По решению Ученого Совета в СПбГМТУ в соответствии с Программой развития вуза, открываются базовые кафедры, то есть подразделения в рамках кафедры, которые имеют своего заведующего, и ориентированы на крупные предприятия и научно-исследовательские организации. Базовая кафедра создает условия для прохождения практики на предприятии, для ведения научно-исследовательской работы, студенты могут писать дипломы и магистерские диссертации, используя научно-исследовательский потенциал предприятий и отраслевых НИИ.

4. В 2015 году целевая форма обучения в вузе и возможности ее развития стали предметом исследования участников кружка СНО «Социолог» при кафедре философии и социологии СПбГМТУ. Для получения данных в исследовании применялись следующие методы: опрос (подробнее об этом см.[3]), экспертное интервью, анализ документов.

Приоритетными задачей исследования было выявление проблемных аспектов функционирования Отдела целевой контрактной подготовки и переподготовки специалистов, а также возможностей его совершенствования. В ходе исследования были получены значимые результаты, сделаны соответствующие выводы и сформулированы некоторые рекомендации. Их можно представить пятью укрупненными блоками.

□ Целевая форма обучения достигла уровня установленной государством квоты -15% (подробнее об этом см. [4]). Доля обучающихся по целевой форме в выборке опрошенных составила 7,3%. Из 409 студентов-первокурсников на бюджетной целевой основе обучаются 23 человека (5,6%), на внебюджетной целевой – 7 человек (1,7%). Однако, по соображениям безопасности, в выборку не вошли студенты военного центра (приблизительно 40 человек).

Следовательно, можно сказать, что совокупный результат совпадает с показателями официальных отчетов Отдела целевого обучения, указывающих, что целевой прием достиг предела установленной квоты. Поэтому дальнейшее развитие данной формы обучения возможно только за счет совершенствования структуры взаимодействия.

□ Анализ документов отдела позволил выявить следующую структуру заказчиков данной формы обучения предприятий судпрома - заказчиков данной формы обучения с 2009 по 2016 гг.

- АО «Выборгский судостроительный завод» – 14,3% (94 человека);
- Ассоциация судостроителей Санкт-Петербурга – 11% (72 человека);
- АО «Адмиралтейские верфи» – 10,5% (69 человек);
- ООО «Балтийский завод-Судостроение» – 10,2% (68 человек);
- ФГУП «Крыловский государственный научный центр» – 9% (59 человек);
- ОАО «Концерн «Морское подводное оружие «Гидроприбор» – 7,6% (50 человек).

Остальные заказчики-предприятия (17 предприятий) не превысили 7%. Согласно информации, размещенной на официальном сайте Администрации Санкт-Петербурга, в городе находится 43 организации судостроительной отрасли (подробнее об этом см.[7]). На основании этого, можно сделать вывод о том, что в СПбГМТУ задействованы лишь 34,8% от общего количества судостроительных предприятий. Вовлечение незадействованных предприятий (65,2%) является первоочередной задачей вуза, поскольку кластерная экономика требует максимальной вовлеченности всех заинтересованных сторон. Каждый новый партнер это не только гарант набора абитуриентов, но и новые возможности для вуза, связанные с переподготовкой, повышением квалификации специалистов предприятия в университете, а также возможность участия в учебном процессе ведущих специалистов предприятия, и возможность реализации профессиональной практической подготовки студентов на предприятии.

□ Расширение сферы обучения возможно также посредством партнерского сотрудничества с учреждениями и организациями города (включая и правительственные организации), готовых оплачивать подготовку специалистов по гуманитарным и социально-экономическим направлениям подготовки. Анализ документов также позволил выявить, что всего лишь один человек в 2011 г. обучался на факультете по гуманитарной специальности (по направлению юриспруденция).

□ Сетевая структура экономического кластера предполагает необходимость вовлечения также школ и техникумов, заинтересованных в профориентации своих выпускников. На сегодняшний день формализованной деятельности подобного рода у Отдела целевого обучения пока не выявлено.

□ Совершенствование целевой формы обучения может осуществляться посредством разработки и внедрения новой формы сотрудничества между вузом и предприятием – целевой договор на работы с участием студентов. Организация трудового профессионального опыта студентов в процессе обучения должна стать первоочередной задачей руководства вуза. Это продиктовано необходимостью изменения учебных образовательных программ в сторону практической ориентации и создания благоприятных организационных условий для оплачиваемой трудовой деятельности студентов в сфере приобретаемой профессии. По причине высокотехнологичности и секретности производства и конструирования самостоятельное трудоустройство студентов в сфере судостроения затруднительно. Согласно данным другого исследования, проведенного СНО «Социолог» (подробнее см.[2]), было выявлено, что лишь 12% студентов имеют работу, связанную с направлением подготовки, при почти стопроцентном к пятому курсу опыте занятости студентов параллельно с обучением в вузе.

1. Аржанов. В.А. Кластерные объединения – эффективный инструмент модернизации системы профессионального образования // *Наука и образование*. 2008. №4. С.7-8.
2. Голованова О.В., Герасимова Е., Тарасова Л. О бедном студенте замолвите слово // *За кадры верфям*. №3 (2550) март 2016. С.4.
3. Османова Ю.В., Пантелеева В.Н., Проценко Г.В. Опыт партнерства СПбГМТУ с предприятиями судостроительной промышленности в процессе подготовки инженерных кадров // *Россия в глобальном мире*. 2015. № 7 (30). С.218-225.
4. Порядок приема граждан в образовательные учреждения высшего профессионального образования Минобрнауки РФ. // *Официальный сайт Министерства образования и науки РФ*. 2011. [Электронный ресурс]. – URL:

- http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/pr_mon/12_2011_2895/5684 (дата обращения 11.01.2016)
5. Романова В. Факторы мотивации при выборе вуза и направления профессиональной подготовки на примере СПбГМТУ // *Материалы 5-й научно-практической конференции преподавателей и студентов Санкт-Петербургского морского технического университета "Гуманитарное образование в техническом вузе. Память в истории культуры России: актуальные проблемы современности". 21 апреля 2016- СПб.: "Изд-во СПб ГМТУ", 2015. - 59 с.*
6. Рыбаков Ф.Ф. *Промышленность Санкт-Петербурга и вызовы неоиндустриальной экономики* // *Экономист*. 2010. № 1. С. 39–42.
7. Судостроительный кластер. // *Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга*. 2015. [Электронный ресурс]. – URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial/sudostroitelnyj-klaster (дата обращения: 23.09.2016)

СВАДЬБА «ПОД КЛЮЧ»: СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЫНКА ОРГАНИЗАЦИИ СВАДЕБ

Рубцова Т. (Санкт-Петербург)

Сюжету кризиса брака как социального института в публичном дискурсе отводится важное место. Гораздо меньше внимания уделяется трансформациям свадьбы как обряда, и рынку товаров и услуг, которые связаны с этим праздничным событием. А между тем этот рынок на протяжении нескольких десятилетий демонстрирует рост и значительное развитие в США и в странах Европы, в том числе и в России. Одним из наиболее интересных результатов этого развития стали услуги организации свадьбы «под ключ». Появление подобного типа услуг обычно связывается с ростом сферы услуг в современной экономике. При этом деятельность специалистов по организации свадеб находится на пересечении вопросов, поднимаемых социологией семьи, гендерными исследованиями, социологией потребления и экономической социологией.

В настоящее время вступление в брак не является необходимым условием получения доступа к сексуальным отношениям и рождению детей. Исследователи отмечают также эволюцию семьи к «супружеской» [1], «приватизацию» отношений партнеров [2], равно как и выведение событий, знаменующих этапы цикла семейной жизни из публичной сферы и из-под институционального контроля [3]. Сами супружеские отношения трансформируются в соответствии с идеалами индивидуализма [4, 5, 6]. Однако «интимизация» события удивительным образом сочетается с разрастанием обрядовой стороны праздника, с изобретением множества новых ритуалов. Впрочем, желание персонализировать свадьбу тщательно согласовывается с «современными свадебными трендами», распространению которых служат свадебные журналы, выставки и социальные сети.

Организация свадьбы «под ключ» содержит множество парадоксов и обнаруживает различные линии напряжения во взаимодействии участников этого события. Свадьба «под ключ», как предлагаемая на рынке новая услуга, вписывается в более широкое явление коммерциализации социальной жизни. С другой стороны, свадьба остается одним из важнейших событий личной жизни, которое разворачивается одновременно в символическом и интимном измерениях: два человека, две семьи вступают в союз. Обращает на себя внимание стремление пары взять это событие под свой контроль, особенно эмоции, переживаемые как самими молодоженами, так и другими участниками праздника. И в то же время, пары могут делегировать реализацию этого праздника специалисту, занимающему внешнюю (по отношению к кругу родных и друзей) позицию.

Таким образом, для понимания того, как рынок организации свадеб возникает и функционирует, необходимо проанализировать как эти три плана (интимный, символический и рыночный) встраиваются друг в друга в профессиональной деятельности организаторов свадеб. Основной вопрос в данном случае может быть сформулирован так: в то время как свадьба воспринимается как возможность самовыражения пары, адресованного их близким, как происходит, что будущие супруги обращаются к свадебному организатору, который за вознаграждение берет на себя организацию их праздника? Подобным образом сформулированная проблематика требует привлечения различных социологических теорий.

Принимая решение праздновать свадьбу, чтобы тем самым отметить начало нового этапа жизни пары [7], будущие супруги ставят перед собой задачу посредством праздника заявить о принимаемых обязательствах и о своей взаимной любви. Это заявление адресовано близким

супругов, иначе говоря, свадьба мыслится как праздник, организуемый «своими для своих». Обращение пары к профессиональному свадебному организатору в данном случае затрагивает проблематику проникновения рынка в домашний мир и сферу интимного, проблематику, которую развивают В. Зелизер и А. Хохшильд. В своих работах они предлагают концептуальные инструменты для анализа такого рода явлений. Вслед за этими авторами мы предполагаем, что граница между рынком и нерыночной сферой является предметом убеждений и культурных представлений, и что стена между этими двумя мирами в реальности оказывается проницаема. Услуги по организации свадьбы в данном случае предстают как делегирование, как «аутсорсинг» [8] определенного рода деятельности ранее осуществлявшейся в рамках чуждого рыночному обмену мира. Такое делегирование опирается на изменения в коллективных представлениях о любви, о супружеской жизни, о семье, о пространстве личного и интимного. Эти изменения, в свою очередь, ведут к переопределению смыслов, вкладываемых в свадебный ритуал: из обряда перехода для индивида он трансформируется в «представление себя» [9] осуществляемое парой, в некое постановочное действие, содержанием которого является то, как супруги видят себя сами и как они хотят, чтобы их видели другие.

Обращение пары к свадебному организатору становится следствием изменения «актерского состава» свадьбы и ролей участников свадебного ритуала. Проанализировать эти изменения позволяют теории антропологии и социологии обрядов [10, 11, 12, 13], а также исследования современных ритуалов в свете этих классических идей [14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Можно отметить, что будущие супруги теперь сами становятся основными авторами и главными исполнителями своего свадебного ритуала. Остальные принимают участие в празднике и его подготовке по приглашению супругов и в установленных ими границах.

В центр свадьбы, как культурного перформанса, помещается праздничное потребление, которое становится средством символического производства *par excellence*. Такое «представление» триумфа взаимной любви и единства супругов по замыслу должно стать их совместным предприятием. Однако уже с начала приготовлений невеста берет на себя основную часть работы по организации свадебного потребления. Она стремится контролировать ритуальную сторону свадьбы. Одна из основных её задач: избежать привнесения нежелательных смыслов (в особенности относительно её новой идентичности замужней женщины) традиционно присущих этому обряду. Ради этого детали ритуала подвергаются тщательной ревизии.

Экономическая социология рассматривает рынки как социальные конструкции и ставит задачу выявить взаимодействия акторов, которые привели к появлению того или иного типа рынка [22, 23]. Так, в своем пионерном исследовании рынка клубники в Солони [24] М.-Ф. Гарсия анализирует создание этого рынка как результата совокупности действия социальных механизмов, определенной эволюции, но в особенности, целенаправленных, стратегически выверенных действий участников ситуации. Рынок свадеб в России и в странах Западной Европы конструируется в ходе коллективной работы по продвижению услуг свадебных организаторов, возникших в социальном и культурном контекстах англо-саксонского мира.

В теории «культурной прагматики» («*cultural pragmatics*») [25] предлагается модель «социального перформанса» («*social performance*»). Анализ действий представителей свадебной индустрии на основе данной модели позволяет выявить, как именно они пытаются сообщить «зрителям» смыслы своих действий, чтобы дать ситуации определение, отвечающее их (как поставщиков услуг) интересам. Эта работа осуществляется на уровне «воспитания вкуса» посредством распространения соответствующих идей через женские и свадебные журналы, тематические интернет-издания, сайты и блоги.

В концепции «отношения услуги», предложенной Э. Гоффманом, подчеркивается, что это отношение всегда основывается на требующей разрешения проблеме, с которой клиент обращается к специалисту [26]. Теория «экономики единичных благ» («*économie des singularités*») [27] и концепция «иллюзорного гедонизма» («*illusory hedonism*») [28] позволяют выделить характеристики благ и услуг, потребляемых в рамках свадебного ритуала, а также указывают на особую роль эмоций в этом праздничном потреблении и на риски, которые ему угрожают. На основе этих рисков и формулируется проблема, решить которую призван свадебный организатор. И так как эти риски связаны главным образом с эмоциональными переживаниями свадьбы, мы полагаем, что его задачей является приведение в равновесие эмоционального опыта клиентов, в соответствии с «правилами чувствования» («*feeling rules*») [29, 30], предписанными свадебным ритуалом.

Таким образом, сделав акцент на конструирование услуг по организации свадьбы «под ключ», нам удалось выявить основания социальной конструкции данного рынка, что позволяет сформулировать содержательные вопросы для дальнейшего исследования особенностей его функционирования.

1. SINGLY F. de (2000a [1996]), *Le soi, le couple et la famille*, Paris, Nathan, coll. « Essais & Recherches ».
2. THÉRY I. (1998), *Couple, filiation et parenté aujourd'hui. Le droit face aux mutations de la famille et de la vie privée*, Paris, Odile Jacob.
3. SEGALEN M. (2013), *Rites et rituels contemporains*. Paris, Armand Colin, (2e édition), 1998 (1e édition).
4. SINGLY F. de (2000b), *Libres ensemble. L'individualisme dans la vie commune*, Paris, Nathan, coll. « Essais & Recherches ».
5. SINGLY F. de (2005), *L'individualisme est un humanisme*, L'Aube.
6. GIDDENS A. (1991), *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford University Press, Stanford.
7. KAUFMANN J.-C. (2014), *Sociologie du couple*, 6e éd., Paris, Presses Universitaires de France, coll. « Que sais-je ? ».
8. HOCHSCHILD A.R. (2012), *The outsourced self: intimate life in market times*. New York: Metropolitan Books.
9. ГОФФМАН И. (2000), Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
10. VAN GENNEP A. (1981 [1909]), *Les rites de passage : étude systématique des rites*, Paris, Picard.
11. DOUGLAS M. (1971), *De la souillure. Essais sur les notions de pollution et de tabou*, Paris, Maspéro.
12. TURNER V. (1990 [1969]), *Le Phénomène rituel : structure et contre-structure*, Paris, Presses Universitaires de France
13. BOURDIEU P. (1982), « Les rites comme actes d'institution », in *Actes de la recherche en sciences sociales*. Vol. 43, juin 1982.
14. SEGALEN M. (1997), « Comment se marier en 1995. Nouveaux rituels et choix sociaux », in BOUCHARD G., SEGALEN M., (dirs.), *Une langue, deux cultures. Rites et symboles en France et au Québec*, Paris, La Découverte, Presses de l'université Laval, pp. 149-166.
15. SEGALEN M. (2003), *Eloge du mariage*, Paris, Gallimard.
16. SEGALEN M. (2013), *Rites et rituels contemporains*. Paris, Armand Colin, (2e édition), 1998 (1e édition).
17. KAUFMANN J.-C. (2012), *Mariage. Petites histoires du grand jour, de 1940 à aujourd'hui*. Paris, Les Éditions Textuel.
18. MAILLOCHON F. (2002), « Le cout relationnel de la « robe blanche » », in *Réseaux*, 2002/5, n. 115, pp. 51-90.
19. MAILLOCHON F. (2008), « Le mariage est mort, vive le mariage ! Quand le rituel du mariage vient au secours de l'institution », *Enfances, Familles, Générations*, n. 9. <http://id.erudit.org/iderudit/029630ar>
20. MAILLOCHON F. (2009), « La femme du ménage. La préparation du mariage au principe du "partage inégal" du travail domestique », in *Temporalités*, n°9. Публикация 29/09/2009, docmyn 06/02/2016. URL : <http://temporalites.revues.org/1047>.
21. MAILLOCHON F. (2011), « Le cœur et la raison. Amis et parents invités au mariage », in *Genèses*, 83, 2011/2, pp. 93-117.
22. BOYER R., « Marché, État et capitalismes », in STEINER Ph., VATIN F. (dirs.), *Traité de sociologie économique*, Paris, Presses Universitaires de France, 2009, pp. 53-86.
23. FRANÇOIS P. (2008), *Sociologie des marchés*, Paris, Armand Colin.
24. GARCIA M.-F. (1986), « La construction sociale d'un marché parfait [Le marché au cadran de Fontaines-en-Sologne] », in *Actes de la recherche en sciences sociales*, vol. 65, novembre 1986, *La construction sociale de l'économie*, pp. 2-13.
25. ALEXANDER J.C. (2006), « Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy », in ALEXANDER J., GIESEN B., MAST J.L. (dirs.), *Social Performance : Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*, New York, Cambridge University Press, pp. 29-90.
26. GOFFMAN E. (1968[1961]), *Asiles. Etudes sur la condition sociale des malades mentaux*, Paris, Minuit.
27. KARPIK L. (2007), *L'économie des singularités*, Nrf – Gallimard.
28. CAMPBELL C. (2005 [1987]), *The Romantic Ethic and the Spirit of Consumerism*, Oxford, Alcuin Academics.
29. HOCHSCHILD A.R. (1979), « Emotion work, feeling rules and social structure », in *American Journal of Sociology*, 85(3), pp. 551-575.
30. HOCHSCHILD A.R. (1983), *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*, University of California Press, Berkeley et Los Angeles.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В СТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОЦИОЛОГИЯ БРЕНДА И BRAND COMMUNITIES

Садомская В.С., Полтавская М.Б. (Волгоград)

Описана роль социологии в становлении таких направлений, как социология бренда, сообщество бренда (brand communities), маркетинговые исследования. Обосновывается правомерность выделения социологии бренда в одно из направлений исследований. Приводятся примеры использования социологических исследований в сфере маркетинга и брендинга.

It describes the role of sociology in the development of such areas as sociology of brand Community (brand communities), market research. Substantiates the validity of allocation of Sociology of the brand in one of the research areas. Examples of the use of social science research in the field of marketing and branding.

Социология - востребованная наука с большими перспективами. В сфере маркетинга и брендинга социология и социологические методы - незаменимые инструменты современных специалистов-маркетологов. Социологические методы активно используются в маркетинговых исследованиях [2]. Развиваются новые востребованные направления, например социология бренда (markensoziologie), теоретические положения которой разработаны А. Дайкселем и его последователями [4]

Перспективным направлением является brand communities (сообщество бренда или клиентское сообщество). Термин «brand communities» был введен А. Мунисом и Т. С. О'Гинном в 1995 г., под ним они понимают специализированное, географически не связанное сообщество на основе структурированного набора социальных отношений среди поклонников марки [1]. Примерами брендов с активным сообществом являются гаджеты Apple, фототехника Canon, мотоциклы Harley-Davidson и другие. В отечественной науке также изучаются вопросы формирования сообщества приверженцев бренда. [3] Исследования в этом направлении позволяют изучить online-сообщества или клубы, формируемые вокруг бренда, выделить их достоинства, а также охарактеризовать условия, ресурсы и компетенции, необходимые для их создания. [7]

Изучая проблему взаимодействия социологии с другими смежными дисциплинами, мы встретили мнение, что «стало модным буквально каждый аспект, явление или предмет окружающей действительности соединять со словом «социология», что предопределило ускоренный рост числа названий отраслевых социологических дисциплин» [5].

Мы считаем, что социология бренда имеет право так называться, что это востребованное направление, в рамках которого проводятся научные разработки, определяется предмет исследования, имеются последователи, ежегодно выпускаются научные публикации.

В современном мире стало очень много больших трансконтинентальных компаний, которые производят различные виды продукции и услуг и поставляют их по всему миру. Все эти компании имеют свой уникальный бренд, который выделяет их на мировом рынке конкуренции. Бренд дает им свою неповторимую уникальность, а также законодательную защищенность. В толковом словаре инновационной деятельности дается следующее понятие: «Брэнд (brand— клеймо) — имя, термин, дизайн, символ или любая другая характеристика, идентифицирующая товар или услугу продавца как отличные от тех, которые принадлежат другим продавцам. Юридическая защита «брэнда» может быть обеспечена торговой маркой или авторским правом».[9]

Влияние социологии на создание и развитие брендов значительно. Специалисты, занимающиеся продвижением брендов, часто заказывают социологические исследования и пользуются полученными данными, чтобы правильно оценить возможности и определить целевую аудиторию, собрать социологическую информацию о компании. Большие международные и трансконтинентальные компании проводят масштабные социологические исследования перед выходом на новый рынок, чтобы узнать менталитет и культурные ценности своей потенциальной аудитории.

Известны примеры, когда отсутствие социологического исследования при вводе на новый рынок товаров приводило к нежелательным последствиям. Примером служит фиаско компании General Motors на рынках Латинской Америки со своим новым автомобилем Chevrolet Nova. Продажи данного автомобиля провалились, поскольку Nova по-испански означает «не может двигаться». Маркетологи компании не учли того, что название автомобиля может не корректно звучать на местном языке. Эту ошибку можно было предотвратить, проведя предварительное социологическое исследование на восприятие данного названия местным населением [6].

Еще один пример вывода товара на рынок без проведения исследования - детское питание Gerber на африканском континенте. На разработанной упаковке детского питания был изображен улыбающийся младенец, однако в Африке на упаковках местных товаров принято изображать их содержимое, потому что большинство населения не умеет читать. Размещение изображения счастливого ребенка дезориентировало многих неграмотных африканцев [6].

Таким образом, социология и ее методы исследования аудитории играют важную роль в становлении и развитии крупных брендов. Социология активно занимается изучением влияния брендов на общество. Бренд для покупателя стал нечто большим, чем просто товарный знак, хороший бренд - это возможность соответствовать определенному статусу, быть участником элитного сообщества, чувствовать свое отличие от других людей. Люди высших слоев общества покупают себе брендовые и дизайнерские вещи, тем самым выделяясь из общей массы. Самые дорогие бренды такие, как Parker, Apple, BMW, Mercedes, Louise Viton, Gucci и другие востребованы среди элитных групп и делают отношения между бедными и богатыми более напряженными. [8]. Также бренды формируют новые ценности и потребности, влияют на культуру поведения людей, диктуют моду и устанавливают высокие стандарты качества

В пример обоснования данного влияния можно привести бренд компании Apple и ее продукцию. Компания Apple является одной из ведущих компаний на рынке гаджетов и одним из главных новаторов в сфере новых технологий. Другим примером подобного влияния могут послужить такие дорогие бренды, как Louise Viton, Gucci, Dolce&Gabbana. Эти бренды диктуют модные тенденции всему миру, мода проникает в сознание людей, и становится неотъемлемой частью их жизни. По всему миру проводятся крупные модные показы, устраиваются недели моды.

В выше перечисленных примерах найдено подтверждение того, насколько сильно мировые бренды влияют на общество, на социальную дифференциацию и способствуют техническому прогрессу.

Подводя итог, можно констатировать, что социология тесно связана со многими смежными дисциплинами, что привело к созданию новых направлений исследований, например, возникновению социологии бренда, изучению brand communities. Единого подхода к изучению бренда в социологии пока не сложилось, такое положение характерно для многих направлений, однако мы можем подчеркнуть, что социология и ее методы исследования играют важную роль в изучении брендов. В свою очередь, мировые бренды влияют на развитие общества, на социальную дифференциацию, социокультурное взаимодействие, влияют на социологию, что влечет за собой создание новых методов и направлений социологических исследований.

1. Muniz A. M., O'Guinn Thomas C. Jr. Brand community // *Journal of consumer research*. 2011. March. P. 412–431.
2. Власова М.Л. Социологические методы в маркетинговых исследованиях. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 710 с.
3. Гостеев И. Создание лояльного сообщества пользователей вокруг бренда. <http://www.e-executive.ru/community/magazine/1467160-ilya-gosteev-sozhdanie-loyalnogo-soobshchestva-polzovatelei-vokrug-brenda> (Дата обращения 08.10.2016)
4. Дайксель А. Марка как социокультурная реальность // *Социологические исследования*. 1992. № 8. С. 125–131.
5. Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // *Вестник московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2013. № 2. С. 29-51
6. Ошибки крупных компаний в переводах. https://fog.od.ua/humor/oshibki_v_perevodah
7. Савина Н. Социальная сеть вокруг Вашего бренда – новая форма программы лояльности <http://www.marketingnews.ru/article/21/> (Дата обращения 08.10.2016)
8. Самые дорогие бренды мира (The World's Most Valuable Brands), 2016 год <http://www.brandreport.ru/ratings/?rtid=58>
9. Толковый словарь «Инновационная деятельность». Термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я). 2-изд., доп. —Новосибирск: Сибирское научное издательство. Отв.ред. В.И.Суслов, 2008.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА НА ФОНЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Сачук Д.И. (Петрозаводск)

Стратификационная система российского общества в первые десятилетия своего развития характеризовалась высокой степенью динамичности и изменчивости. В качестве ключевых причин подобных тенденций развития социологи преимущественно выделяли такие социальные

процессы макро-уровня, как внедрение рыночной экономики взамен командно-административной, а также неоднократные радикальные изменения политического курса.

В сложившихся условиях логичным звучали мнения экспертов о необходимости развития российского среднего класса. При этом, помимо широко известной классической функции стабилизации общества, средний класс способен выполнять комплекс экономических, политических и социокультурных функций, что было особенно значимо в российских реалиях [3]. При этом в отечественной социологии в настоящий момент времени появляются работы, в которых делается вывод, что средний класс исчерпывает свои интенции вследствие вызовов современности и постиндустриального общества. Поэтому необходима смена ориентиров развития стратификационной системы российского общества, смещая акцент в сторону понятия "креативный класс" [1]. Однако необходимо отметить, что понятия "средний класс" и "креативный класс" с экономической точки зрения оказываются вполне схожими, поскольку описывают сопоставимые социально-экономические и профессиональные социальные группы.

При этом, современные кризисные явления в мировой и российской экономиках, продиктованные как непосредственно экономическими, так и внеэкономическими факторами, возвращают нас к дискуссии вокруг среднего класса, столь важного для стабильности российского общества в кризисный период. Исследователи отмечают существенное сокращение среднего класса за последние 2-3 года. Иллюстрацией снижения уровня материальной обеспеченности могут служить данные ФОМа, согласно которым за последние месяцы 29% россиян отметили, что за последние месяцы кто-то в их семье стал меньше зарабатывать, лишился работы [6]. Одним из следствий экономического кризиса, а также одной из основных экономических причин размывания российского среднего класса стал фактический крах массового потребительского и ипотечного кредитования.

В контексте данной статьи используется трактовка социального механизма

Г.Н. Соколовой – устойчивая структура взаимодействия социальных субъектов по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, а также структура типов экономического поведения этих субъектов [4]. Механизмы массового потребительского и ипотечного кредитования оказывают существенное влияние на социальные группы, претендующие на попадание в ряды среднего класса. В западных обществах молодые специалисты, получившие престижное образование, имеют доступ к высокооплачиваемым профессиям, соответственно, способны позволить себе участвовать в вышеописанных механизмах. Подобное участие позволяет им в сравнительно юном возрасте претендовать на позиции среднего класса. Это существенно расширяет функции среднего класса, такие как освоение новых видов активного экономического поведения (к ним можно отнести работу с ценными бумагами, активную работу с банковскими вкладами, перевод финансовых операций в безналичную и виртуальную форму и др.). Эти инновационные виды поведения активнее эксплуатируются молодежью в силу их объективно большей адаптивности к социальным изменениям. Механизмы массового потребительского и ипотечного кредитования, несомненно, имеют большое значение для становления среднего класса в обществе. Однако, в условиях кризисных явлений, а также невысокой экономической грамотности населения данные механизмы приобретают ярко выраженные негативные черты, такие как:

- Неустойчивость во время экономических и социальных кризисов. Современный экономический кризис наглядно продемонстрировал, что данные финансовые сектора являются крайне уязвимыми и практически не имеют запаса стабильности в силу отсутствия рычагов внешнего управления. Подобная неустойчивость не в последнюю очередь связана с отсутствием механизмов сберегательного поведения и непониманием границ своей ответственности при невозможности погашения образовавшейся задолженности;

- Несоответствие ценностно-нормативной системе общества. В российском обществе на сегодняшний день отсутствует готовность выстраивать свое экономическое поведение согласно концепции «жизни в долг». Данная неготовность не только чревата неустойчивостью экономической системы, но и подразумевает неспособность населения рационально оценивать свою карьеру, свою жизнь, прагматически относиться к своим материальным и нематериальным ресурсам;

- Фактическое отсутствие жестких и обязательных для всех правовых норм, связанных с деятельностью данных механизмов. Лишь стабильные нормы и «правила игры» побуждают членов общества к доверию тому или иному социальному механизму. Если эти механизмы связаны и с экономической деятельностью, то требования к стабильности института

увеличиваются. В противном случае могут множественно возникать откровенно девиантные случаи, к которым, в частности, можно отнести коллекторские агентства в России, деятельность которых с точки зрения правовых аспектов определяется и регулируется весьма туманно;

- Зависимость представителей среднего класса от работодателей, от экономической системы, от государства. Особенно актуальным данный недостаток механизмов массового потребительского и ипотечного кредитования становится в России. Российские социологи отмечают угрозу пассивности среднего класса именно в нашей стране, что, во многом обусловлено культурно-историческими особенностями развития российского общества.

Не менее значимой причиной размывания российского среднего класса в кризисный период является комплекс трудностей на пути развития малого и среднего бизнеса, являющегося основой старого среднего класса. Особо отметим, что в российской практике выделяют две основные группы методов выхода из кризисной ситуации на предприятии. Первая группа методов основана на сокращении издержек, вторая - на переориентации предприятия на низший ценовой сегмент при снижении качества товара или услуги [2]. Вполне очевидно, что данные методы в перспективе являются, скорее, препятствием для развития экономики, следовательно, и для восстановления позиций российского среднего класса.

Наконец, общие тенденции развития экономики также не создают предпосылок для развития средних слоев общества. Ряд авторов отмечает, что сверхдешевые товары и услуги, свобода информации и возможности виртуальной экономики не подкрепляют навыки и рыночные качества большей части представителей среднего класса, а снижают их возможности [5].

В качестве резюме отметим, что проблема развития российского среднего класса становится актуальной в каждой кризисной экономической ситуации. Однако вследствие воздействия комплекса кризисных факторов российский средний класс размывается, тем самым его функциональные возможности существенно ослабевают, что не может не вызывать тревогу.

1. *Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Научное издание. Ер.: Тигран Мец, 2013. - 247 с.*
2. *Плехун А.В. Среднее предпринимательство в условиях государственного регулирования рыночной экономики // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. - 2014. - № 3. - С. 112-122*
3. *Сачук Д.И. Социологическое содержание категории "средний класс": основные подходы // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2013. - № 3. - С. 181-192*
4. *Силласте Г. Экономическая социология / Г. Силласте. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 480 с.*
5. *Делонг Б. Почему интернет отбирает будущее у среднего класса. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/economy/56294999213106>*
6. *Изменения в расходах и доходах россиян. Как меняется структура доходов и расходов российских семей, и какие изменения люди прогнозируют. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/12788>*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПЕРИФЕРИЙНОГО СТОЛИЧНОГО ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА

Симакова А.В., Кекконен А. Л., Федорова Е. А. (Петрозаводск)

Качество и своевременное воспроизводство человеческого капитала региона является одним из главных условий эффективного социально – экономического развития региона. Наибольший исследовательский интерес представляет столичный город субъекта как точка притяжения, в котором «сконцентрированы необходимые ресурсы для воспроизводства и развития человеческого капитала» [1]. Точкой концентрации необходимых ресурсов для воспроизводства человеческого капитала в Республике Карелия является город Петрозаводск, в котором сосредоточена большая часть всех возможностей. При этом Республика Карелия имеет статус депрессивного региона в контексте дефицитного регионального бюджета, депопуляции населения, оттока молодежи в другие регионы России и небольшого вклада экономики в ВРП Северо – Западного федерального округа. В контексте сложившейся социально – экономической ситуации наибольший интерес представляют образовательные намерения школьников, своевременное выявление которых позволит сформировать картину о планах молодежи относительно

образования и сферы профессиональной реализации с точки зрения возможности их применения на благо региона.

В апреле – мае 2016 года Центром бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета проведено социологическое исследование об образовательных намерениях школьников Республики Карелия. Цель исследования – выявление типов образовательных намерений школьников. Объектом исследования являются школьники общеобразовательных организаций города Петрозаводска, а предметом их образовательные намерения. Выборка построена с учетом задач исследования. В выборочную совокупность вошли 37 школ Петрозаводска, в которых посредством онлайн – анкетирования было опрошено 454 старшеклассника 9-11 классов, из которых 39,8% юношей и 60,2% девушек; 55,9% относятся к среднему звену (9 класс) и 44,1% к старшему (10 и 11 классы). Типы образовательных намерений определены посредством выделения типобразующих признаков, по которым осуществлялся отбор наблюдений.

На основе классических и современных подходов сформировано рабочее определение образовательных намерений школьников и их компоненты [2, 3, 4 и др.] Образовательные намерения представляют совокупность действий по выбору профессионального образования после школы и принятых решений по этому вопросу с целью освоения определенной (желаемой) профессиональной деятельности для дальнейшего закрепления в системе общественного разделения труда и обретения социального статуса. Образовательные намерения включают ряд формирующих их компонентов: установочный, поведенческий и эмоциональный.

Данное исследование носит разведывательно - описательный характер. В рамках исследования получены результаты по следующим показателям:

1. Компоненты образовательных намерений
 - Планы относительно места обучения
 - Выбор профессии и представление о ней
2. Тип образовательных намерений

Компоненты образовательных намерений школьников Петрозаводска

Основополагающим элементом образовательных намерений являются жизненные планы выпускников относительно выбора профессии и специальности. Большинство опрошенных школьников планируют поступления в высшие учебные заведения (68,8%), 15,9% в учреждения среднего профессионального образования и каждый десятый еще точно не обрядился с планом на будущее.

Логика профессиональной самореализации заключается в первоначальном выборе профессии, а затем в выборе специальности для получения знаний по выбранному профессиональному пути. Примечательно, что специальность для поступления выбрали все школьники, а с профессией определились только 47,8% респондентов. Приблизительно половина старшеклассников (44,4 %) планируют получить образование в Республике Карелия, другая половина (41,5%) - за пределами региона предпочтительно в Санкт – Петербурге и Москве.

Побудительной причиной выбора образовательного и профессионального пути является мотивация. У тех школьников, кто планирует покинуть регион, преобладает развитие своих способностей (50%), возможность получения высокой заработной платы (51,4%) и перспективы карьерного роста (25,7%) (Рис. 1).

Рис. 1 Профессиональные ценности старшеклассников Петрозаводска в зависимости от ориентации на территориальное получение образования по выбранной профессии (N=454)

Каждый пятый старшеклассник Петрозаводска планирует реализоваться в медицинской сфере, по 7% в сферах педагогики, культуры и искусства и военной службе, по 5% в транспортной сфере, науке, юриспруденции.

Поведенческий компонент у старшеклассников ярко выражен: большинство заняты подготовкой к поступлению в образовательные учреждения. Эмоциональный аспект относительно уверенности в выборе профессионального пути отражает устойчивость ориентации на получение профессионального образования и выбор образовательной стратегии. 89,6% старшеклассников полностью или скорее уверены в своем выборе и его неизменности. Анализ составляющих индикаторов компонентов образовательных стратегий позволил выявить ведущий компонент – установочный (мотивационный) при условии учета поведенческого компонента в ключевых фактических действиях (выбора профессии).

Типы образовательных намерений школьников Петрозаводска

Полученные эмпирические данные позволили типологизировать образовательные намерения по основанию установочного компонента на получение профессионального образования. На основе анализа теоретических положений, основные образовательные намерения школьников можно разделить на основные «статусно ориентированные», «образовательно ориентированные» и дополнительные «индифферентные» [5]. Ориентация на социальный статус отражает важность для старшеклассника получения престижной профессии, возможности занимать высокое положение в обществе и получать достойную заработную плату. Ориентация на образование и получение знаний предполагает нацеленность на получение образования как источника реализации интеллектуальных, личностных и творческих способностей для индивида в процессе развития профессионализма. Дополнительно выявлены намерения, характеризующиеся как «наименьшее сопротивление» и «индифферентная». Школьники, придерживающиеся стратегии «наименьшего» сопротивления выбрали будущую профессию с учетом невысокого конкурса при поступлении и выражают безразличие при выборе учебного заведения.

Таблица 1. Типология образовательных намерений старшеклассников города Петрозаводска (N=454)

Тип образовательных намерений Типообразующие признаки Принадлежность респондентов к признаку (абс. числа) От общего числа %

Ориентация на социальный статус Выбрали будущую профессию. Ориентируются на престижность профессии или высокую заработную плату или перспективы карьерного роста. 142 31,2

Ориентация на получение образования Выбрали будущую профессию. Ориентируются на развитие своих способностей или интеллектуальный характер и сложность профессии. 123 27%

Индифферентная позиция Не выбрали будущую профессию, но определились, где территориально будут обучаться. 29 6,4%

Позиция «наименьшего сопротивления» Выбрали будущую профессию. Ориентируются на невысокий конкурс при поступлении или высказывают безразличие: – «все равно куда поступать». 16 3,5%

Образовательные намерения школьников являются составной частью системы воспроизводства регионального человеческого капитала. Полученные результаты исследования подтвердили наличие установочного, поведенческого и эмоционального компонентов образовательных намерений школьников. Треть школьников в получении профессионального образования ориентируются на приобретение социального статуса. Ведущим компонентом при выборе той или иной позиции являются установочный и поведенческий. Тревожным для региона в контексте воспроизводства человеческого капитала является факт того, что многие школьники планируют покинуть регион.

1. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала / Н.В. Зубаревич // *Общественный науки и современность*. – 2020. - № 5. – С. 5 – 19.

2. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology* / - 1998. – Vol. 94. P. 95 – 121.

3. Заборова Е.Н., Озерова М.В. Образовательные стратегии: подходы к определению понятия и традиции исследования / Е.Н. Заборова, М.В. Озерова <http://elar.ufrj.ru/bitstream/10995/21678/1/iurp-2013-116-16.pdf> С. 105 – 113.

4. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф., Макеева Т.Е. Образовательные стратегии современных школьников / В.П. Бабинцев, Г.Ф. Ушамирская, Т.Е. Макеева // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия, социология и социальные технологии*. 2008. № 2. С. 130 – 137.

5. Терентьев К.Ю. Образовательные стратегии абитуриентов вузов: опыт построения классификации [Электрон. ресурс] / К.Ю. Терентьев // *Непрерывное образование XXI век (научный электронный журнал)*. 2014. Вып.2. URL: http://i121.petsu.ru/journal/content_list.php?id=19961, свободный. – Дата обращения (24.06.2016 г.)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Смелова А.А. (Санкт-Петербург)

Транснациональные компании (ТНК) – сложный социальный объект, который представляет собой мультикультурный конструкт, характеризуется локально-глобальным типом социального действия и является встроенным во все подсистемы общества (политическую, экономическую, культурную, социетальную). А значит каждая из социальных наук (социология, экономика, политология, юриспруденция, культурная антропология и др.) пытается разработать и применить свои методы исследования ТНК. Экономическая социология не является исключением. Так, она рассматривает ТНК как агентов транснационального капитализма, действующих на разных типах рынков – финансовом, информационном, продовольственном, промышленном и др., и активно трансформирующих социальную реальность. Для анализа каждой из актуальных проблем используется определенный экономико-социологический подход.

Так, проблема формирования институциональной структуры рынков ТНК рассматривается с позиции политико-культурного подхода Н.Флигстина и сетевого подхода М.Грановеттера. Институциональная структура рынков ТНК состоит из четырех видов рынков: рынка капитала, рынка производства, рынка труда и рынка потребления. Будучи по своей природе институциональными предпринимателями, ТНК способны конструировать частные неформальные рыночные институты для каждого вида рынка, которые являются для них конкурентным преимуществом, т.к. позволяют определять способы мобилизации ресурсов, территориального размещения производства и формы организации бизнеса; находить рыночную нишу и занимать на ней доминирующее положение на принципах монопольной конкуренции, устанавливая там свои правила регулирования рынка; проводить социальную дифференциацию рыночного пространства, объединять рыночных участников в круг партнеров на основе коллективно разделяемых смыслов экономического взаимодействия. Формирование институциональной структуры рынков представляется как двухфазный процесс. Вначале на микроуровне происходит выработка частных неформальных рыночных институтов ТНК с целью минимизации транзакционных издержек и «навязывание» их партнерам своей социальной сети. Затем осуществляется переход на макроуровень – когда правила и смыслы распространяются на смежные рынки путем копирования, т.е. когда другие компании начинают процесс изоморфных изменений, воспринимая эти правила и смыслы на рынке как успешные и легитимные. Другими словами, формирование рыночных институтов как новых культурных конструкций происходит в форме политического движения, где доминирующая роль принадлежит ТНК. А их распространение осуществляется сначала через сильные, а затем через слабые социальные связи рыночных субъектов [1].

Другой пример - НПФ «Газфонд». Исследования российской ТНК Газпром, как правило, посвящены финансовой деятельности компании на международных рынках. В то время как такой сложный вопрос, как инвестирование пенсионных средств негосударственного пенсионного фонда Газпрома – Газфонда остается мало изученными. Предлагается рассмотреть данную проблему с позиции подхода социологии конвенций (Л.Болтански, Л.Тевено, Э.Кьяпелло). Инвестиционная политика Газфонда предполагает две стратегии размещения пенсионных средств на финансовом рынке: финансовую и социально-ответственную. Первая направлена на максимизацию прибыли и «оправдывается» логикой рыночного града, вторая предполагает инвестиции в социальные проекты и «оправдывается» логикой гражданского града. На парадигмальном уровне можно заметить соответствие: действительно, Газфонд в своей инвестиционной политике придерживается принципов ESG - Environmental, social and governance principles (направляет пенсионные средства в инфраструктурные, экологические проекты, что способствует стабильному социально-экономическому развитию того или иного региона; при определении критериев социального инвестирования учитывает мнения вкладчиков, их ценности, интересы и др.). Однако, эмпирическое исследование мнения вкладчиков, проведенное в одном из Северо-Западных филиалов «Газпрома» показало, что их ценности и выбранные направления инвестирования в целом соответствуют логике домашнего и гражданского градов (развитие промышленных предприятий, медицинских центров, профессионального образования и др.). В то время как финансовая и социально-ответственная стратегия Газфонда соответствуют логике рыночного и научно-технического градов (строительство дорог, мусороперерабатывающих заводов, водоканалов). НПФ инвестирует в инфраструктурные проекты со сложной системой

учета и контроля пенсионных средств, потребление которых носит институциональный характер. По мнению же вкладчиков, пенсионные инвестиционные проекты должны обладать следующими особенностями: быть локальными, быть ориентированными на индивидуальный и краткосрочный характер потребления. При выборе негосударственного пенсионного фонда вкладчики отдают предпочтение институциям, которые принадлежат корпорациям из отраслей естественных монополий или финансовым корпорациям и находятся под патронажем государства. Эффективность фонда или высокие проценты по вкладам не являются главными причинами, оказывающими влияние на выбор фонда потенциальными вкладчиками. Таким образом, подход социологии конвенций через анализ ценностей вкладчиков позволил установить существующий разрыв между реальной и желаемой формой реализации социально-ответственной инвестиционной политики негосударственного пенсионного фонда ТНК [2].

Далее перейдем к вопросу исследования экономической деятельности ТНК на продовольственных рынках. Так, продовольственную ТНК Fazer (занимающуюся, главным образом, производством хлеба и хлебобулочных изделий) предлагается исследовать с позиции культурно-экономического подхода Ф. Верри [3]. Согласно данному подходу, ТНК являются производителями системы рыночных ритуалов, влияющих на формирование потребительского спроса. Анализ ритуалов позволяет лучше понять, как потребители принимают экономические решения, опираясь не на математические калькуляции, а на культурные представления и коллективные репрезентации; а также как формируется и поддерживается спрос на конкретные продукты/услуги. При этом стратегические продукты питания (например, мясо, молоко и хлеб) рассматриваются через дихотомию сакральное/профанное. Хлеб – это сакральный, национальный (родной) продукт, удовлетворяющий самую сильную витальную потребность – голод. Его специфика (тип используемого зерна, форма, способ приготовления и др.) определяется культурно-генетическими основаниями. Однако, продовольственные ТНК, представляя собой транслокальные культуры, способны формировать культуру потребления своего продукта (в данном случае, финского, северо-европейского хлеба) и транслировать ее на рынки других стран. Это достигается путем создания особых рыночных ритуалов, в которые включаются потребители.

Также особый интерес представляет проблема производства инноваций ТНК. В качестве примера рассматривается ТНК Danone, один из лидеров рынка молочной продукции. Речь идет о технологии производства и внедрения на международных рынках инновационных продуктов питания ТНК как важного элемента их маркетинговой стратегии, направленной на максимизацию прибыли в глобальных масштабах. Проблема рассматривается через призму историко-сетевого подхода (Д.Старк), акторно-сетевой теории (Б.Латур), теории социального конструирования научного факта (Б.Латур, С.Вулгар) и теории социальных движений. Согласно данным подходам, суть маркетинговой стратегии ТНК заключается в том, что компания превращает потребителей своего продукта в «проводников» (т.е. трансляторов) своих ценностей – научного подхода к питанию. Оставшуюся часть не-потребителей, которая критикует инновационный продукт и воздерживается от его потребления, – в «посредников» (т.е. трансформаторов), обеспечивая тем самым развитие идеи инновационного продукта. Однако и в том, и в другом случае, это приводит к качественным изменениям в ценностной структуре потребителей. Так, успех ТНК, занимающейся инновационной деятельностью, достигается за счет выстраивания грамотной маркетинговой политики. Другими словами, окупаемость производства инноваций обеспечивается заинтересованным платежеспособным потребителем, а не за счет госфинансирования и различных форм господдержки (налоговых льгот и преференций, госзакупок или госстрахования убытков инновационных компаний). При этом инновации остаются не только важным фактором производства и создания материального богатства в инновационной экономике страны-происхождения ТНК, но и способом получения доступа к материальным ресурсам других стран [4].

Еще два примера посвящены исследованию деятельности ТНК на информационном рынке и рынке коммерческой культуры. Так, медиа ТНК Thomson Reuters предлагается исследовать с позиции потоково-структурного подхода (К.Кнорр-Цетины). Медиакорпорации представляют собой «транструктуры, действующие в пространстве потоков: информации, капиталов, индивидов и др.», которые «способны разграничивать потоки, разрезая тем самым реальность на части, и создавать смысл для каждой новой части фрагментированной реальности» [5, 207]. Данное видение медиа ТНК отличается от традиционных подходов, принятых в социологии массовых коммуникаций (социально-организационного, политэкономического, антропологического, теории практик и др.). Информационный продукт (научная, финансовая

информация или новости), производимый медиа ТНК, воспринимаются аудиторией как реальность. Однако, по факту, это всего лишь часть реальности, выбранная ими для репрезентации социальной ситуации на научном, финансовом или информационном рынках. Критерием отбора выступают интересы медиа ТНК как экспертного сообщества, а также интересы капитала. Таким образом, в обществе утверждается коммуникативное действие, «наполненное социальным содержанием и основанное на согласии» [5, 207].

Наконец, ТНК Disney в отрасли индустрии развлечений (телерадиовещание, анимация, кинематография, тематические парки) предлагается исследовать с позиций экономико-культурного подхода Д.Тросби [6]. Согласно его представлению, производство и потребление культурных благ носит уникальный характер, отличный от продуктов материального производства и потребления. Прежде всего, процесс производства совпадает с процессом потребления, при этом благо не уничтожается в процессе потребления, оно напротив, приобретает дополнительную социальную ценность, также оно требует специальной профессиональной группы специалистов-критиков для проведения оценки качества продукта/услуги и специально подготовленного потребителя с сформированным вкусом и опытом потребления, необходимыми для понимания культурного блага. Как правило, данный процесс носит досуговый, а не профессиональный характер. Цель развлекательных ТНК, в отличие от традиционной культуры, не сохранение ценностей, а активное экономическое производство новых ценностей и культурных паттернов, направленное в конечном итоге на извлечение прибыли в глобальных масштабах.

Таким образом, многообразие современных методологических подходов экономической социологии, в отличие от «старых» подходов (институционального, структурно-функционального, социо-структурного, феноменологического и др.) позволяет анализировать ТНК как динамический объект, постоянно осуществляющий реконфигурацию своих элементов и совершающий стратегическое действие. В рамках современной экономической социологии ТНК рассматриваются не только как экономический или политический феномен, но и как культурный – они активно трансформируют социальную реальность, существующий социальный порядок, конструируют новые концепции культуры, институты, нормы и ценности, стандарты качества и мировоззрение.

1. Смелова А.А. Основные пути влияния транснациональных корпораций на формирование институциональной структуры рынков: социологический анализ // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Научный журнал.* – 2011. – №130. – С. 275-283.
2. Смелова А.А., Александрова А.А. Социально-ответственная инвестиционная политика корпоративных пенсионных фондов: опыт эмпирического исследования // *Политика и Общество.* – 2016. – № 7. – С. 985 - 1007. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.7.19221
3. Wherry F.F. *The Culture of Markets. Polity,* – 2012. — 180 p.
4. Смелова А.А., Алексеева Т.И. Инновационная деятельность ТНК на рынке молочной продукции // *Тренды и управление.* – 2016. – № 2. – С. 162 - 180. DOI: 10.7256/2307-9118.2016.2.18088
5. Смелова А.А., Андреева А.И. Роль медиакорпораций в социальном конструировании новостей // *Научные исследования: от теории к практике. Материалы VI Международной научно-практической конференции.* – 2015. – № 5(6). – С.207-210.
6. Тросби Д. *Экономика и культура. М.: Изд. дом Высшей школы экономики,* – 2013. — 256 с.

В.Я.ЕЛЬМЕЕВ КАК ОСНОВАТЕЛЬ НОВОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИИ СОБСТВЕННОСТИ

Тарандо Е.Е. (Санкт-Петербург)

Практика рыночных реформ в качестве своего ключевого момента предполагала смену доминирующей формы собственности. Если в советский период в качестве таковой провозглашалась общенародная собственность, реализовавшаяся через механизм государственной собственности, то рынок с его механизмом спроса и предложения требовал установления частной собственности в качестве своего конституирующего базиса хозяйственных взаимодействий. Очевидно, что смена доминирующей формы собственности, причем смена, осуществляемая не эволюционным, а революционным путем, вызовет в обществе целый спектр самых разных изменений, большинство из которых превратятся в острейшие проблемы, разрешить которые не представится возможным на основе господства в обществе стихии рыночных отношений.

Однако это не означает, что возникающие в связи с установлением частной собственности социальные проблемы не требуют своего осмысления, анализа и поиска путей решения, что означает необходимость исследования социального контекста и социально-экономических и правовых условий, определяющих их возникновение. Все это обозначило необходимость формирования в рамках социологической науки направления, занимающегося научным осмыслением социальной проблематики, возникающей в связи со сменой базовой формы собственности. Эта необходимость была осмыслена В.Я.Ельмеевым, который предложил сформировать в рамках экономической социологии специальную социологическую теорию социологии собственности.

Научным фундаментом социологии собственности должен был стать марксизм как теория, внесшая наибольший вклад в исследование общественной природы собственности. Именно в марксизме оказались проработанными вопросы социальных проблем, возникающих при первоначальном накоплении, и их экономических и психологических причин. Несмотря на другую эпоху социально-экономического развития общества, переход от общественной формы собственности к частной обязательно потребовал первоначального накопления капитала, специфические черты и проблемы которого так тщательно проанализированы в марксистской теории.

Другим важным достижением марксистской теории, позволяющим сделать ее научной основой социологии собственности, было обоснование положения отношений собственности в системе социально-экономических отношений, ядро которых составляют производственные отношения, причем с выявлением связей с другими общественными явлениями и процессами и анализом влияния развития отношений собственности на характеристики указанных явлений и процессов.

Однако для анализа природы социальных проблем, возникающих в связи с установлением частной собственности указания на то, что собственность образует основное производственное отношение оказывается недостаточным. Возникает необходимость анализа структуры отношений собственности с целью упорядочивания связей, образующих данные отношения, что было замечено В.Я.Ельмеевым.

Так, он выделил два основных уровня (стороны) отношений собственности. Первый уровень связан с отношением человека к объекту собственности как объекту внешнего мира, способному удовлетворить человеческую потребность. Этот уровень имеет двойственную природу, так как к объекту собственности можно относиться как к объекту мышления, делая его объектом познания, присваивая идеально. В.Я.Ельмеев отмечает, что в этом случае речь идет о так называемых идеалистических тратовках собственности. Однако, во-вторых, объект можно присваивать путем практической деятельности и именно это присвоение есть действительное присвоение, реализующее фундаментальную функцию собственности.

Второй уровень отношений собственности представлен отношениями между людьми по поводу объектов собственности. Этот уровень также имеет двойственную природу. С одной стороны, существуют концепции собственности, в которых настаивается на том, что собственность образуется исходя из отношения отдельного человека к вещи (М.Штирнер). Однако в этом случае собственности как отношения между людьми не возникает. Она возникает тогда, когда по поводу объекта собственности, будь то материальный объект, способности, присущие человеку (способность к труду) или иные нематериальные ценности, возникают отношения между людьми.

Аналитическая схема анализа отношений собственности, предложенная В.Я.Ельмеевым, подытоживает развитие марксистской мысли относительно глубинных основ отношений собственности и позволяет определить место как уже существующих, так и возникающих новых теорий собственности и исследуемых в их рамках аспектов этого феномена в структуре собственности как общественного отношения.

В.Я.Ельмеев видел перспективность развития социологии собственности не только с точки зрения тех перемен, которые начали происходить в нашей стране с начала 90-х гг. XX в., но и с точки зрения эволюционного развития самой капиталистической системы, которая, по мнению К.Маркса, достигнув высших стадий своего развития, должна отрицаться следующей стадией общественной эволюции, предполагающей свою, специфическую доминирующую форму собственности.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Ткалич М.А. (Королёв)

В настоящее время одной из актуальных задач для российского общества стало обеспечение эффективности управления социальными процессами, а так же возможность, в последующем, прогнозировать их перспективы развития.

Прогностика, как система научных знаний о будущем, находится в неразрывной связи с математикой, правоведением, социологией, историей, философией и большинством наук. [3, с. 143]

Прогнозное исследование – это научная методика, целью которой является всесторонний анализ объекта, предвидение возможных вариантов развития процессов и явлений, выбранные в качестве предмета анализа. [1, с. 11]

К наиболее важным принципам прогнозного исследования можно отнести:

1) Принцип единства и целостности. Данный принцип предполагает изучение объекта комплексно, как систему вертикальных и горизонтальных взаимосвязей, имеющих зависимость от изменений внутри системы, так и вне ее.

2) Принцип единообразия и объективности. В данном принципе основным является точное определение всех характеристик изучаемого объекта прогнозных исследований, научно-теоретический анализ сущности объекта, позволяющий привести к единообразию категориально-понятийный аппарат и, при обобщении результатов, иметь возможность добиться максимально объективной и достоверной информации.

В процессе прогнозного исследования решаются такие задачи как:

- определяются цели и выдвигаются гипотезы исследования;
- изучается и анализируется проблемная ситуация и ее тенденции как в теории, так и на практике;
- выбирается методика исследования, и проводятся опытно-экспериментальные проверки гипотез, с последующей верификацией результатов исследования;
- формируются предложения по проблемной ситуации.

В целом, любая деятельность, в том числе и прогнозирование, имеет свой методологический аспект, в силу своих тесных взаимосвязей с различными сферами общественной жизни. Каждое прогнозное исследование должно содержать в себе тщательно проработанные методологические и организационные аспекты, а также проанализированные специфические особенности объекта или процесса исследования.

Основными методологическими принципами прогнозирования социальных процессов являются:

1) Объективный характер социальных процессов. Данный принцип подразумевает существование данного процесса не зависимо от субъективных понятий, представлений, суждений. Социальные процессы - есть отображение материальной действительности.

2) Субъективный фактор развития социальных процессов. Определяется накопленным научным опытом и потенциалом, вследствие целенаправленной и осознанной деятельности людей, а так же их морально-нравственными и эстетическими ценностями. [5, с. 9]

В качестве методологических аспектов, в данном случае, можно рассматривать использование статистической аналитики, системного подхода, а так же анализ проблемы на базе ретроспективного исследования исторических аналогий.

Прогнозирование социальных процессов, должно учитывать многие факторы и тенденции развития данных процессов, позволяющие предвидеть возможные социальные последствия предпринимаемых мер социальной политики предприятия. По своей сути, прогнозирование будущего развития предприятия предполагает тщательно изученное прошлое, поскольку отсутствие объективного анализа предыдущего опыта влечет за собой неверное толкование настоящего, а так же неспособность предвидеть будущую динамику.

Практическая значимость прогнозирования социальных процессов на предприятии состоит в том, чтобы обосновать и подготовить предложения, рекомендации о желательных направлениях развития процессов и способах предотвращения негативных тенденций. А так же, прогнозирования играет большую роль при подготовке социальных планов, программ по преобразованию и улучшению процессов и явлений. [4, с. 31]

Социальными процессами на предприятии выступают взаимоотношения между индивидами или социальными группами как носителями различных видов деятельности, различающимися социальными позициями на предприятии.

На основе теоретических исследований и научных материалов, мною были определены социальные процессы на предприятии, которые можно соотнести в три группы, целесообразные для прогнозирования (рис. 1).

С помощью первой группы процессов осуществляется прогнозирование кадровой политики предприятия: необходимость в тех или иных кадрах, гармоничное распределение кадрового потенциала, естественное движение кадров (выход на пенсию, служба в армии и т.д.), профессиональная подготовка кадров и своевременное восполнение потребностей в них на предприятии.

Рисунок 1 – Условная группировка социальных процессов на предприятии

Вторая группа процессов способствует получению информации о текущей социальной политике на предприятии: условиях труда, рациональном использовании трудового потенциала (в широком смысле слова, это профессиональная ориентация и профессиональный подбор персонала с учетом индивидуальных особенностей и склонностей), а так же уровне оплаты труда.

Третья группа процессов находит свое применение в прогнозировании стратегической социальной политики на предприятии. Данное прогнозирование позволяет использовать персонал предприятия в процессе труда с наибольшей эффективностью (с учетом специальности, профессии, образования и способностей работника). В этой группе изучаются и анализируются причины миграции (увольнения) работников из трудовой организации, перспективные ценностные ориентации сотрудников, а так же уровень и направленность всех видов активности персонала.

Прогнозирование социальных процессов выступает, как первоначальный этап в планировании социального развития на предприятии и обусловлено необходимостью создания эффективного управления всеми процессами на предприятии, а так же планирование стратегического развития предприятия.

Для возможности проведения всестороннего анализа социальных процессов, обоснования и формирования программ или планов социального развития предприятия, необходимо определить основные показатели деятельности данного предприятия. Расчет показателей деятельности предприятия поможет реализовать основные методологические подходы и принципы стратегического планирования.

Показателями социальных процессов служат количественно-качественные представления данного процесса, позволяющие оценить свойства, основные признаки, тенденции, а так же эффективность работы самого процесса. Следует отметить, что распределение показателей, на качественные и количественные носит относительно-условный характер, поскольку, в большинстве своем, качественные показатели имеют количественную определенность, а количественные – имеют качественную характеристику.

Разрабатывая прогнозные документы, как правило, анализируют не просто отдельно взятый показатель, а систему взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга показателей. Основными требованиями при формировании системы показателей прогнозирования социальных процессов являются следующие:

- показатели отражают всю полноту сущности и содержания процесса;
- показатели раскрывают специфические особенности процесса с позиции его стоимостного или вещественного состояния;
- показатели точно соответствуют задачам и целям социальной политики предприятия и способствуют ее развитию;
- показатели позволяют наиболее эффективно и рационально использовать ресурсы, способствуют повышению качества работы на всех уровнях производства;
- показатели должны быть хорошо адаптивными и гибкими, при вхождении в систему более высокого или низкого порядка;
- показатели обязательно должны иметь определенное методологическое единство, а так же возможность сопоставить их с другими показателями учета и статистики.

Проанализировав научные и практические публикации, мною были определены важнейшие показатели, рассматриваемые по ранее описанным группам социальных процессов на предприятии, целесообразным для прогнозирования (рис. 2).

Подводя итог, можно обозначить, что основное практическое назначение прогноза заключается в возможности повышения с его помощью эффективности принимаемых управленческих решений на основе выявлений и учета изменений внешней среды.

Прогностическая деятельность приобретает в настоящее время все большую актуальность в разных сферах жизни общества, поскольку является одним из важнейших методов познания и управления экономической, политической, духовно-нравственной и социальной действительностями. [2, с. 128]

Тем самым, современные научные представления о прогнозировании выявляют необходимость более активной и качественной проработки проблематики исследования социальных процессов с целью повышения эффективности управленческой деятельности и развития предприятия.

1. Дуброва Т.А. *Прогнозирование социально-экономических процессов: учебное пособие*. – М.: Маркет ДС, 2010. – 192 с.
2. Кирилина Т.Ю., Бузмакова Т.И., Лапишинова К.В., Антоненко В.И. *Эволюция развития социальной политики, основанной на социальной сплоченности (статья). Русский космизм: история и современность // Сборник трудов научной конференции 22 апреля 2015 года//Под общ. Научн. Ред. Смирнова В.А. – М.: Научный консультант, 2015. с. 121-131.*
3. Кирилина Т.Ю. *Предпосылки формирования социальной политики, основанной на социальной сплоченности//Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. с. 142–146.*
4. Леньков Р.В. *Социальное прогнозирование и проектирование* – М.: Форум, 2012. – 184 с.
5. Сафронова В. М. *Прогнозирование и моделирование в социальной работе: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений* – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 192 с.

СЕЛЬСКАЯ ВАХТОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Туракаев М.С. (Санкт-Петербург)

На основе проведенного исследования 28 вахтовых работников в Республике Башкортостан автор делает выводы о структурировании их жизненных путей в системе мобильного вахтового труда. Вахтовая трудовая занятость — это вид мобильной трудовой занятости на постоянной основе, который предполагает физическую удаленность места труда от места проживания, официальное и незаконное неофициальное трудоустройство с регулярным фиксированным графиком труда и отдыха, маятниковые перемещения от места жительства (дома) до места вахты, продолжительностью вахты законно от нескольких дней до 3-х месяцев и предполагающий законные ограничения при приеме на работу (лица старше 18 лет и не имеющие медицинские противопоказания).

На основании выборочных обследований Росстата экономической активности населения в возрасте 15–72 лет можно сделать вывод о том, что спрос на мобильный труд на протяжении нескольких последних лет возрастает (прежде всего на маятниковую миграцию на дальние расстояния). Количество мобильных работников и трудовых маятниковых мигрантов в России с 2011 года по 2014 г. увеличилось на 424,4 тыс. человек: 2010 г. — 1,8 млн. чел., 2011 г. — 1894,1 тыс. чел., 2012 г. — 2245,9 тыс. чел., 2013 г. — 2323,1 тыс. чел., 2014 г. — 2318,5 тыс. чел. 27,6% из общего числа мобильных работников, работающих за пределами региона проживания составляют маятниковые трудовые мигранты, которые имеют возможность ежедневно возвращаться домой и не относятся к видам мобильной трудовой занятости на большие расстояния.

Мобильная трудовая занятость закрепляет вахтовых работников в пограничном статусе трудового мигранта и полноправного члена семьи и местного сообщества. Отчуждение трудовой позиции вахтового работника от его личности заключается в невозможности реализовать его естественные потребности, ценности, социальный и культурный капиталы. Это отчуждение не влияет негативно на социальный статус вахтового работника в месте постоянного проживания. Семьи вахтовых работников достаточно крепкие и не распадаются по причине длительного

отсутствия главного добытчика дома. Процесс хабиитуализации стиля жизни вахтовых работников обусловлен социокультурными механизмами воспроизводства мобильного вахтового труда. Вахтовые работники почти полностью адаптируются к условиям труда и быта на работе (вахте), благодаря частично осозанным, но в большей степени привычным неосознаваемым жизненным стратегиям и практикам, которые отражаются на выработке устойчивых длительных диспозиций. При этом они обладают высоким социально-экономическим статусом в социальном поле места проживания. Уровень их доходов, как правило, выше, чем у тех местных жителей, которые зарабатывают на месте (за исключением некоторых местных предпринимателей, представителей власти и других высоких позиций в стратификационной и классовой социальной структуре). Престиж труда вахтовых работников заключается в их значимости для местного сообщества: они живут и пользуются услугами системы здравоохранения, образования, муниципальной власти, местной экономики.

Социально-экономические факторы не вынуждают уезжать в другое постоянное место жительства всех местных жителей, а именно: вахтовых работников, потому что особенности их жизненных трудовых путей, стратегий и практик, габитуса и культурного капитала формирует сельский стиль жизни, который закрепляет их в этом пространстве сельской местности. Одной из причин устойчивой маятниковой занятости вахтовых работников сельских районов Республики Башкортостан и их отказа осесть в регионе вахты на постоянное место жительства служит существующий значительный уровень разрыва в денежных доходах в регионе проживания (оплата труда на рабочих позициях в местах проживания вахтовых работников) и месте вахтовой мобильной занятости. При дальнейшем уменьшении этого разрыва и создании рабочих мест в данных сельских районах может наступить процесс сокращения количества вахтовых работников и других мобильных работников и прироста немобильных работников в настоящих местах постоянного проживания. Однако неизвестно какой порог этого разрыва должен быть, чтобы вахтовые мобильные работники приняли решение работать в месте постоянного жительства. Также улучшение условий проживания в местах работы (предоставления жилья, оплата аренды жилья) может способствовать переходу вахтовых работников и других мобильных работников на постоянный труд и переезд (одиночный или вместе с семьей) в регионы работы, т. к. условия труда и быта в настоящее время достаточно тяжелые. Напротив, стратегии и практики их трудовых путей скорее явно и неявно приводят к еще большей привязанности к локальности проживания.

Габитус вахтовых работников — результат длительного проживания в сельской местности и работы вахтовым методом за пределами места постоянного проживания, который затрудняет им возможность уехать из обжитого места или заниматься другими видами экономической деятельности (как по причине сформированных диспозиций, так и вследствие социально-экономических факторов). Большинство вахтовых работников не предрасположены к накоплению культурного и символического капитала в системе образования и не имеют высшего образования. Им свойственен инструментальный прагматизм в стратегиях и практиках, основанный на личном опыте: выбор рабочей профессии ради денег. Вахтовые работники предрасположены к сельскому и семейному образу жизни: они проводят свободное время дома со своей семьей, занимаясь воспитанием детей, подсобным хозяйством и ремонтом. Также для них характерна мужественность в действиях, которая проявляется как в повседневных практиках в сфере досуга (брутальные формы досуга: ремонт дома, хозяйство, рыбалка и др.), но и в готовности работать в тяжелых условиях труда и быта.

Общая направленность жизненного трудового пути вахтовых работников зависит как от их первоначального вовлечения в мобильный труд, так и от уровня позиций в социальном пространстве: уровня квалификации профессии. Именно продолжительное нахождение на позициях уровня квалифицированного, малоквалифицированного и неквалифицированного труда приводит к закреплению вахтовых работников в сфере данного вида труда. При этом географическое место работы не влияет существенно на продолжение местными жителями работать вахтовым методом, а скорее связано с особенностями работодателя и самого работника. Вахтовым рабочим трудно что-то менять в своей жизни, поэтому они воспроизводят существующие правила и нормы организации работодателя, а привычный стиль жизни закрепляет их в домашней среде проживания.

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2014.doc (дата обращения: 02.04.2016).

2. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по субъектам Российской Федерации, из которых они выезжают [Электронный ресурс] // О межрегиональной трудовой миграции. Федеральная служба государственной статистики «Росстат». 6 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab2.xls (дата обращения: 02.04.2016).

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Унесихин В.Р. (Пермь)

Рынок труда для молодых людей – это непонятная и жестокая часть объективной реальности, с которой они только начинают свое знакомство. Поэтому очень важно понять, как молодежь ведет себя в условиях сложившегося рынка труда.

В рамках данной проблемы нами было проведено 2 исследования: количественный анкетный опрос и качественное исследование с использованием метода неоконченных предложений.

В ходе качественного исследования было опрошено 10 человек 21-23 лет. Предлагаемые им неоконченные предложения для удобства анализа и представления данных были разделены на 5 блоков:

- 1) Причины, побудившие к поиску работы
- 2) Критерии выбора работы
- 3) Преграды при выборе
- 4) Отношение к поиску работы и рынку труда
- 5) Процесс выбора работы

Таким образом, мы постарались затронуть все аспекты процесса поиска и выбора работы.

Если говорить о полученных результатах в целом, стоит отметить, что мнение респондентов напрямую указывает на критическое состояние рынка труда, пребывание в условиях которого, вызывает у многих самые негативные эмоции, от угнетенности до страха. Здесь же находят проявления авантюристские наклонности некоторых людей, воспринимающих проблемы рынка труда как личный вызов, стимулирующий интерес и желание к самосовершенствованию.

Здесь стоит выделить несколько важных моментов. Кажется занимательным тот факт, что при продолжении предложений, связанных с причиной поиска работы (например, «Работать я решил(а) потому что...»), часть респондентов использовала слово «хочу», тогда как другая часть использовала слово «нужно».

Что касается ценностей, молодые люди ожидаемо высказывают свою заинтересованность в основном в финансовых аспектах труда, однако их также интересует возможность саморазвития и самореализации, причем, судя по ответам, речь идет не только о карьере, но и вообще личностном росте. Также можно отметить важность заинтересованности в рабочем процессе, личной симпатии к конкретной деятельности и желание мобильности («поездок» и «движения», как выразились респонденты). Структура трудовых ценностей респондентов условно поделилась на финансы, интерес и саморазвитие.

Основным критерием выбора работы ожидаемо явилась заработная плата. В структуре высказываний по поводу того, что интересует при выборе работы, можно заметить некоторую неоднородность с точки зрения конкретности суждений. Одни респонденты высказывают довольно конкретные положения, на которые они бы обратили внимания при поиске работы, другие же отвечают более общими словами.

С какими проблемами на рынке труда столкнулись молодые люди? Выявлено две группы высказываний: одна носит внешний характер, и винит реалии рынка труда, другая обращается к личностным качествам индивида, обвиняя его в незаинтересованности, нежелании и т.д. Также довольно логично, что основными преимуществами на рынке труда, по мнению респондентов, являются личностные качества, полезные связи, реже опыт и образование, что косвенно говорит о дисфункциональности рынка труда.

Говоря о проблемах рынка труда, мы можем выделить два аспекта: проблемы инфраструктуры рынка труда и самих рабочих мест (имеется в виду их несоответствие ожиданиям индивида).

Наверно наиболее интересным и важным для данного исследования моментом оказалось предложение: «Поиск работы я могу сравнить с...». Дело в том, что значительная часть опрошенных сравнивали рынок труда с лотереей, рулеткой, «повезет – не повезет» и т.д.

Также был затронут эмоциональный аспект рынка труда. В палитре эмоций, вызванных поиском работы, преобладают негативные тона. Для многих респондентов поиск работы оказался полным стресса и негативных чувств. Однако есть и менее популярное мнение о том, что поиск работы – это интересное занятие.

Интересно, что если структурировать предложенные респондентами варианты завершения высказывания «Я считаю, что поиск работы должен быть...», можно составить три группы:

- Поиск работы должен быть недолгим
- Поиск работы должен быть грамотным, понятным («с умом»)
- Поиск работы должен быть увлекательным

Можно сказать, что это отражение их взгляда на проблемы рынка труда.

Изучение процесса поиска работы выявило две группы установок к действию: импульсивная (когда человек совершает действия) и исследовательская (когда он говорит об изучении информации).

Насчет инструментария, используемого респондентами при поиске работы. Многие используют личные знакомства и связи.

В целом можно сказать, что кризисное состояние рынка труда находит свое отражение не только в неэффективности распределения трудовых ресурсов, но и в негативно окрашенном восприятии молодыми соискателями.

Для того чтобы определить предпочитаемые стратегии поведения на рынке труда и факторы, влияющие на их выбор, было проведено пилотажное количественное исследование с использованием метода анкетного опроса, опрошенными были молодые люди в возрасте 21-23 лет, ищущие работу. В ходе исследования была составлена типология стратегий поведения на рынке труда, включающая в себя 3 типа:

- 1) Активный – активен на рынке труда, импульсивен, склонен к мобильности
- 2) Сдержанный – не проявляет особой активности на рынке труда, идет проверенными, безопасными путями, ориентирован на долгосрочную стабильную работу
- 3) Пассивный – не смотря на то, что принимает участие в экономической жизни общества, избегает рынка труда, ища источники дохода вне его

В рамках данного исследования было проверено влияние различных факторов на распределение типов. Также были рассмотрены показатели, не вошедшие в типологию.

Полученные данные сигнализируют о явной симпатии выходцев из среднеобеспеченных семей к стратегиям сдержанного типа. То же можно сказать о выходцах из богатых семей, но их «сдержанность» обуславливается скорее наличием ценных родственных связей и личных знакомств.

Также отмечено явное разделение: представители женского пола более склонны к стратегиям активного типа и наоборот, мужчины чаще выбирают пассивный тип стратегий.

Интересным стало влияние наличия любовных отношений у респондентов на восприимчивость к рискам при поиске работы. Так, для мужчин, находящихся в отношениях, ценность официального трудоустройства резко увеличивается, но в то же время женатые мужчины по большей части не считают это важным. У женщин все наоборот. Девушки в отношениях в меньшей степени заинтересованы в официальном трудоустройстве, чем девушки, без партнера. Зато заинтересованность в официальном трудоустройстве резко возрастает с вступлением в брак. При всем этом отмечается также общая тенденция к обесцениванию официального трудоустройства.

Одним из вопросов, затронутых в данном исследовании, стали трудовые ценности и отношение к труду. В частности, была проверена связь личной оценки респондентом его готовности к труду и отношения к труду. Здесь сказать, что отчасти подтвердилась гипотеза о том, что негативное отношение к труду чаще всего имеют люди, морально не готовые к нему.

Также не обошел стороной данное исследование и феномен предпринимательства. Если коротко, то наши данные указывают на то, что к предпринимательской деятельности в большей степени тяготеют люди, работающие на нескольких рабочих местах, либо претендующие на дополнительное рабочее место. Однако данный феномен все же необходимо изучать отдельно для получения более полной и достоверной картины.

1. Кривонос Ю.Е. *Экономическая теория: конспект лекций*. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2009.
2. Ольховский Роман Михайлович *Типологические особенности жизненных стратегий российской молодежи // Теория и практика общественного развития*. 2014. №21.
3. Волкова Наталья Викторовна *Типология карьерных стратегий молодых специалистов// Социологические исследования*. 2006. № 1. С. 142-147.
4. Вишневецкая Н. Г. *Молодежь на рынке труда крупного города: проблемы эффективного трудоустройства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*. 2014. №15-1 (186) С.38-47.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ БЛАГ

Уразгалиев В.Ш. (Санкт-Петербург)

В теории и практике экономического развития разных стран имеются многочисленные примеры производства и потребления разнообразных товаров и услуг, которые не вписываются в традиционные рамки рыночного мейнстрима, что приводит к массивным и регулярным интервенциям государства в рыночное хозяйство. Одной из самых известных концепций, объясняющей причины данных процессов является теория общественных благ, в которой фиксируется внимание на специфических свойствах этих благ – неисключаемости и несоперничества, являющихся основой для мотивации активности государства на рынке данных благ. С другой стороны, стремящиеся к нулю предельные издержки производства и низкоэффективные цены приводят к отказам от производства этих товаров. Все это заставляет государство взять на себя обязанности по поставкам общественных благ. В тоже время общественные блага не могут покрыть собой все продукты социальной сферы и, в первую очередь, образовательные услуги и социальное обеспечение. Последние, в свою очередь, выступают в качестве типичного примера, так называемых, мериторных благ.

Согласно концепции мериторных благ (Merit goods) к ним относятся товары и услуги, спрос на которые со стороны частных лиц отличается от нормативных установок общества. Одним из основателей этой концепции был Р. Масгрейв[1], который выделил группы мериторных товаров непосредственно увязывая с наличием разрыва между этими нормативными, не выявляемыми рыночными механизмами предпочтениями, с фактическими потребностями частных лиц. При этом целью государственного регулирования любых мериторных благ является создание условий для корректировки поведения индивидуумом в сторону их выбора нормативных установок.

Понятно, что всю социальную сферу невозможно описать только с помощью общественных и мериторных благ. Они явно «не стыкуются» с научной и культурной деятельностью, производством инновационной продукции и т.п.

Еще один вид особых благ, которые без серьезной поддержки со стороны государства, неизбежно будут «вымыты» с рынка в результате его автоматического самоочищения – продукты «баумолевской экономики» [2]. В этой концепции рассматриваются товары и услуги, страдающей «болезнью цен» в результате того, что издержки на их производство растут быстрее чем цены на конечный продукт. Многие продукты «баумолевской экономики» производятся непосредственно в социальной сфере и связаны с научными затратами.

На основе теорий общественных и мериторных благ, продуктов «баумолевской экономики» и ряда других теоретических воззрений, российские ученые Р.С. Гринберг и А.Я. Рубенштейн создали концепцию «экономической социодинамики», в русле которой лежит теория рынков «опекаемых благ» [3].

В основе данной концепции лежит ключевая категория несводимых интересов, представляющая два параллельных процесса формирования этих общественных интересов – рыночный и политический. Принцип несводимости означает, что интересы, ангажированные политической системой, не могут быть сведены к индивидуальным рыночным предпочтениям и поэтому не могут выступать в качестве какого-либо их параметра. Это связано в том числе и с тем, что экономической социодинамике присуще использование принципа комплементарности индивидуальной и социальной полезности. Комплементарность полезностей «трансформируется в комплементарность субъектов рыночного обмена: совокупность индивидуумов дополняет государство, миссией которого является реализация несводимых общественных интересов.

Мажорирующее свойство. В этом смысле социальная полезность товаров и услуг, их способность удовлетворять несводимые общественные интересы служат маркером для любого

вида благ, находящихся под опекой общества. Иначе говоря, можно считать справедливым следующее общее утверждение: для того, чтобы товар или услуга принадлежали классу «опекаемых благ», необходимо и достаточно, чтобы они обладали социальной полезностью. Иными словами, данное свойство является мажорантой для всего класса опекаемых благ»[4, с.97]. Это относится к большинству товаров и услуг, создаваемых в социальном секторе экономики – в отраслях образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения и т.п.

В соответствии с данной концепцией, несводимый к индивидуальным предпочтениям общественный интерес представляет собой универсальный мотив для усиления активности государственной функции по максимизации социальной полезности. И именно в социальной сфере производятся товары и услуги, обладающие социальной полезностью, а значит бюджетные затраты на их производство являются не безвозвратными расходами, а социальными инвестициями, обеспечивающими экономический рост.

При анализе многоканальной системы финансирования социальной сферы в «экономической социодинамике» специально рассмотрению подвергнуты три базовых механизма бюджетных расходов: адресные трансферты и социальные карточки, субвенции производителям «опекаемых благ».

Адресные трансферты потребителям направлены на поднятие уровня доходов бедной части населения страны и тем самым создать предпосылки для увеличения потребления опекаемого блага. Данный механизм будет эффективен только в случае его применения к относительно незначительной части граждан. Он способен обеспечить их социальную защиту без каких-либо сдвигов в структуре потребления даже при нецелевом использовании общественных средств. Если же адресные трансферты нацелены на существенную часть нуждающегося населения, то их использование может иметь негативные последствия. «Во-первых, более чем вероятный факт нецелевого использования общественных средств не позволяет надеяться на выход индивидуумов из «зоны бедности» по опекаемому благу. Во-вторых, существует реальная опасность того, что трансферты, потраченные не по назначению, приведут к структурным сдвигам в потреблении, увеличив спрос на некоторые неопекаемые блага и породив иных «бедных» уже по другим товарам и услугам. В-третьих, по мере роста число показателей трансфертов и увеличение суммы выплачиваемых средств возрастает опасность раскручивания инфляционной спирали «цены – доходы — цены.»»[5, с.105].

Для роста потребления «опекаемого блага» и для уменьшения рисков нецелевого использования денежных трансфертов зачастую применяются социальные карточки и талоны, позволяющие потребителям приобретать опекаемый товар или услугу бесплатно или по льготным ценам. Этот механизм, так же как и механизм адресных трансфертов, эффективен при статистически незначимой части граждан и подвержен таким же рискам в случае его применения к значительной части населения.

По целесообразности субсидирования производства благ, создающих внешнюю экономику, еще в начале 20 века отмечал А. Пигу. Современной экономике этот процесс предстает в виде субвенций производителям. При прочих равных условиях, субвенции (дотации) товаропроизводителям могут способствовать снижению цен на опекаемые блага, а значит и расширению зоны их ценовой доступности с одной стороны, а с другой – ликвидируют возможность нецелевого использования этих благ потребителями. Однако этот механизм не лишен и недостатков, поскольку дотационное снижение цен на опекаемое благо «не только расширяет его доход и место для «бедных», но и приводит к экономии затрат «богатых» ... Поэтому эффективность и этого инструмента зависит от опекаемой группы населения. Однако, в отличие от трансфертов и социальных карточек, верным является противоположный вывод: субвенции целесообразны лишь тогда, когда опекаемая часть населения является достаточно большой, хотя и в данном случае механизм следует применять в комбинации с прогрессивным налогом на доходы физических лиц, который позволяет обществу субвенционный эффект экономии затрат «богатых.»» [5, с.106]

В разных странах применяются различные варианты для поддержки социальной сферы, но при этом всегда используются бюджетные и внебюджетные источники. Так в США, помимо бюджетных расходов, социальная сфера в основном финансируется через стимулирующие налоговые механизмы. Как правило, недополученные налоговые доходы государства превышают бюджетное финансирование социальной сферы. В отличие от США в Германии и Франции основу финансовых ресурсов социальной сферы составляют бюджетные ассигнования. В Эстонии более 10 лет применяется Закон о KulturKapital, согласно которому бюджетный фонд поддержки

социальной сферы формируется за счет отчислений в него части доходов игорного, табачного и алкогольного бизнеса. В Италии действует беспрецедентный закон, в соответствии с которым половина прибыли сберегательных банков отчисляется в региональные фонды поддержки отраслей социальной сферы. Во многих странах Европы в пользу социального бизнеса введены специальные налоги на доходы от проведения лотерей, продажи бытовой техники и т.п.

Поэтому при финансировании социальной сферы в нашей стране необходимо подумать о целесообразности трансплантации многих из этих успешных институтов [5, с. 106-107]. В то же время эффективность от возможного применения этих или других инструментов определяется не только добросовестностью и искусством управления людьми, принимающими соответствующие решения, но и в решающей степени будет зависеть от институциональной среды, формируемой правовыми нормами, регулирующими деятельность организаций социальной сферы.

1. *Musgrave R.A. Merit Goods// The New Palgrave/S. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (Hrsg.). London; Basingstoke, 1987.*
2. *Baumol's Cost Disease^ The Arts and other Victims/ Ed. By Ruth Towse. London, 1997.*
3. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М., 2008.*
4. *Стратегические ориентиры экономического развития России: Науч. доклад СПб.: Алетейя, 2010.*
5. *Стратегические ориентиры экономического развития России: Науч. доклад СПб.: Алетейя, 2010*

О ПРЕОБЛАДАЮЩЕМ ТИПЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Хведелидзе К.Ш., Чернобровка О. Г. (Екатеринбург)

Тип хозяйственной системы страны определяет уровень и качество жизни, степень развитости технологий и уровень развития экономики в целом. В статье представлены результаты исследования мнения о преобладающем типе хозяйственной системы России. Исследование показало, что большинство опрошенных склоняются к мнению о том, что российская экономика не является индустриальной. Особое внимание было уделено выявлению рекомендуемых мер по развитию экономики России.

В последнее время остро стоит проблема дальнейшего пути развития экономики России. Падение рубля, высокая инфляция, замедление экономического роста, безработица, отсутствие инвестиций – вот малый круг проблем, поставивших развитие российской экономики в тупик. Российская рыночная экономика зародилась не так давно относительно развитых зарубежных стран, поэтому для дальнейшего развития необходимо определиться с типом хозяйственной системы, в рамках которой нужно строить национальную экономическую политику.

Определение типа хозяйственной системы позволит выявить основные проблемы и перспективы национальной экономики, а также будет способствовать экономическому планированию и прогнозированию успешной хозяйственной деятельности.

В рамках данной темы методом анкетирования было проведено исследование мнения по поводу преобладающего типа хозяйственной системы России. В качестве респондентов выступили преподаватели и студенты Уральского института управления РАНХиГС. Исследование проводилось в октябре 2016 года. Всего было опрошено 60 студентов, обучающихся на факультетах экономики и менеджмента, государственного и муниципального управления и юриспруденции. Возраст опрошенных составил от 20 до 25 лет. Количество опрошенных преподавателей составило 10 человек – преподавателей как естественнонаучных (математика, информатика), так и гуманитарных дисциплин (экономика, философия, политология, социология, менеджмент).

В ходе анкетирования респондентам был предложен вопрос «Выберите признаки, наиболее характерные для современной экономики России». Результаты показали, что российская экономика, по мнению преподавателей, носит черты преимущественно индустриально-аграрного типа (преобладание добывающего сектора в экономике, низкие темпы развития экономики, высокий удельный вес занятых в промышленности и машиностроении, господство крупных монополий). За индустриальные признаки проголосовало 40,43% преподавателей, за аграрные – 37,23%, за постиндустриальные – 22,34%.

Мнение студентов по данному вопросу несколько отличается от точки зрения преподавателей. Большинство студентов в равной степени указали на наличие перечисленных выше признаков, чуть больше выделяя признаки индустриального типа национальной

хозяйственной системы. За индустриальные признаки проголосовало 34,54% студентов, за постиндустриальные – 33,51%, за аграрные – 31,96%.

Далее в рамках исследования респондентам был задан вопрос о том, за каким типом общества будущее России. Более половины преподавателей (65% от общего количества преподавателей) и студентов (53,75% от общего количества студентов) сошлись на мнении, что дальнейшее развитие России желательно в рамках постиндустриальной экономики, так как многие развитые страны делают акцент на развитии сферы услуг, превалировании знаний над капиталом в качестве ведущих факторов производства.

В то время как 38,75% студентов считают, что будущее России за индустриальной экономикой. При этом многие вспоминают о том, что именно индустриальный тип национальной хозяйственной системы предопределял основу мощи экономики Советского Союза.

Таким образом, исследование показало, что в данный момент времени российская экономика далека от постиндустриальной. Основные потоки государственных и частных инвестиций направлены в промышленное производство, а не в развитие человеческого капитала. Многие из опрошенных связывают это, в первую очередь, с природно-ресурсными факторами. Так как Россия – страна, как ни одна другая богатая природными ресурсами, это одна из причин, обусловивших развитие российской экономики в индустриально-аграрном типе хозяйствования.

По мнению большинства преподавателей и студентов для привлечения иностранных инвесторов необходимо разрабатывать интеллектуальные отрасли, так как ограниченность природных ресурсов снижает привлекательность долгосрочных инвестиций. Недостаточность инноваций в российской экономике отметили 97,6% всех опрошенных респондентов.

Специфика российской экономики во многом также обуславливается географическим фактором, его также отметило большинство респондентов. Месторасположение между Европой, миром модернизации, и Азией, миром традиционности, оставил отпечаток на развитие России. Экономика России содержит черты как западной цивилизации, так и восточной.

Самобытность российской экономики определяется и историческим фактором. Частая колонизация новых земель содействовала установлению экстенсивного характера экономического развития. Высокая плотность населения Европы, ограниченность ресурсов способствовали расширению хозяйственной системы, стремлению к преобразованию. В России же обилие природных ресурсов сформировало потребительное отношение к ним, которое выражалось через экстенсивное расширение производства.

Все перечисленные выше факторы негативно сказались на внутреннем развитии российской экономики и технологическом прогрессе, а также замедлили переход в постиндустриальный мир.

Исследование показало, что в настоящее время на вопрос о типе хозяйственной системы России однозначного ответа нет. Большинство преподавателей и студентов относят Россию к индустриально-аграрной экономике.

Таким образом, исследование выявило необходимость развития постиндустриального типа экономики. Большинство преподавателей и студентов Уральского института управления РАНХиГС признали важность научных разработок и технологий, так использование природных ресурсов и риск их исчерпания станет в ближайшее время тормозом для российской экономики.

Россия имеет ряд специфических особенностей, которые следует учитывать при дальнейшем развитии типа хозяйственной системы. Это связано с тем, что в нашей экономике передовые технологии рука об руку существуют с устаревшим производством. Также и с российским менталитетом, который имеет черты как советской эпохи, так и капиталистической.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, по мнению общественности, путь российской экономики уникален. Становление постиндустриальной экономики невозможно без поддержания и развития элементов экономики индустриально-аграрного типа. Это образует фундамент хозяйственной системы России и создает предпосылки для развития экономики постиндустриального типа.

1. Миропольский Д.Ю. Основы теоретической экономики. Теория альтернативных хозяйственных систем. М.: Питер, 2014.

2. Спиридонова Н.В. Теоретический анализ экономических систем: учебное пособие для вузов по направлению «Экономика». М.: Питер, 2013.

3. Зерчанинова Т. Е. Методы социологических и прикладных исследований: учебное пособие. Екатеринбург: издательство УрАГС, 2010.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА Холоденко Ю.А. (Москва)

В докладе рассмотрены проблемы реализации социальной политики современной России. Исследованы факторы, определяющие необходимость выработки новых подходов к выделению приоритетов Российского государства в данной области. Подчеркивается сложность подобной трансформации и сопряженные с ней социальные риски, вызванные необходимостью опираться исключительно на внутренние источники. Следовательно, в условиях социально-экономического кризиса социальная политика государства должна стать более эффективной и адресной, учитывать социальные предпочтения россиян.

The article considers the problems of implementation of social policy of the modern Russia. The author studies factors determining the need for new approaches to the definition of priorities of the Russian state in this area. The article underscores the complexity of such transformation and associated social risk, because in implementing the reforms the state will have to rely primarily on internal sources. The state social policy during the crisis must become more effective and targeted aimed.

Современная российская экономика находится в глубоком кризисе. В 2015 году ВВП страны сократился на 3,9 процента, цены выросли на 12,9 процентов, а численность бедного населения достигло 19,2 млн. человек или 13,4 %[1]. В 2016 году неблагоприятные тенденции в социально-экономическом развитии удалось затормозить, но не переломить. Очевидно, что глубоко скрывавшиеся надежды на благоприятную конъюнктуру глобального нефтяного рынка не оправдались. Предстоит сложная вы-сокопрофессиональная работа по формированию новой – инновационной - социально-экономической модели.

Актуализация задачи перехода к новой модели обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. С одной стороны, снижение темпов роста глобальной эконо-мики, падение цен на товары традиционного российского экспорта, углубление поли-тических противоречий с Западом, санкции и антисанкции лишь обострили проблему ускорения глубоких социально-экономических преобразований.

С другой стороны, не только негативные внешние факторы создали саму про-блему. Представляется, что кризис будет продолжительным, а поиск путей его преодо-ления- сложным и противоречивым, ибо главные причины кризисных явлений в соци-ально- экономической сфере имеют внутреннюю природу. Архаичная структура народного хозяйства, невосприимчивость к генерированию и неспособность к внедрению инноваций, высокие административные барьеры для предпринимательства, неблагоприятная инвестиционная среда, сохраняющаяся зависимость от импорта в стратегических отраслях – вот далеко не полный перечень условий, препятствующих превращению России в современное государство с процветающей экономикой и активной социальной политикой.

Предстоящие преобразования вряд ли будут простыми и безболезненными. Они потребуют внесения серьезных изменений в подходах к выработке и реализации госу-дарственной социальной политики. Не исключено, что это приведет к смене социально-экономической парадигмы, в том числе переоценке принципов и сути социального государства.

Социальное государство – ответ на вызовы середины XX столетия, которое созда-валось для решения социальных проблем капиталистического общества, обостривших-ся в результате Второй мировой войны. Все современные развитые государства явля-ются социальными. Они добились впечатляющих успехов в сфере обеспечения высо-ких стандартов в образовании и здравоохранении, в создании благоприятных условий жизнедеятельности людей. Их фундаментальной основой стали идеи социального ком-промисса, социальной справедливости и социальной солидарности, разделяемые по-давляющим большинством граждан. Поэтому нет ничего удивительного в том, что со-циальное государство западного типа стало для других стран и народов идеалом, к ко-торому нужно стремиться, превратив его в своеобразную «витрину» социально ориен-тированного, справедливого общества.

Однако сейчас ситуация изменилась. Обеспечение высоких социальных стандар-тов требует значительных бюджетных средств. Однако возможности налогового ма-невра в большинстве государств исчерпаны. В частности, уровень налогового бремени в развитых странах ЕС достиг 45-50 процентов ВВП [2]. Сужение финансовой базы заставляет власти обратиться к таким источникам финансирования социальных расхо-дов, как внутренние и внешние заимствования. В итоге большинство государств пере-гружены долгами. В 2013 году

государственный долг Греции составил 174 процента ВВП, Италии – 133 процента, Португалии, Ирландии, США и Бельгии – 129, 123, 104 и 100 процентов соответственно. [3]. Поэтому все более очевидными становятся попытки оптимизировать социальную нагрузку на бюджет.

Российская Федерация лишь в конце двадцатого столетия встала на путь формирования социального государства, которое первоначально носило откровенно декларативный характер. Однако экономический рост начала 2000-х годов сформировал материальные предпосылки для проведения активной социальной политики. Государство стало предпринимать реальные шаги в направлении решения накопившихся социальных проблем. Качество и уровень жизни россиян на фоне укрепления социальной стабильности претерпели заметные позитивные изменения.

Несмотря на очевидные успехи, многие социальные проблемы российского общества решены не были. Более того, в условиях современного кризиса они заметно обострились. Государство пытается выполнять социальные обязательства перед своими гражданами, но дефицит бюджетных ресурсов становится все более очевидным.

Мы неоднократно подчеркивали, что в нашей стране зарубежный опыт реализации государственной социальной политики в полной мере использован быть не может [4]. Социальная политика в большинстве развитых стран превратилась в тормоз для развития экономики. Дорогостоящие социальные программы становятся непосильной ношей даже для богатых государств. Нужно ли нам повторять чужие ошибки? Ведь российское социальное государство вновь переживает непростые времена. Государственные социальные программы реализуются на чрезвычайно неблагоприятном экономическом фоне. Социальные проблемы будут нарастать и углубляться. Под угрозой социальная стабильность российского общества, и не замечать этого нельзя. Легитимность принимаемых властью решений должна быть максимально возможной. Для этого следует выделить социальные приоритеты, достижение которых не вызовет противостояния в российском обществе.

Возникает извечный русский вопрос: «Что делать?». На наш взгляд, активнее инвестировать в человеческий капитал. Общеизвестно, что важнейшими формами инвестиций в человеческий капитал выступают образование, медицина, переподготовка и повышение квалификации. Очевидно, что России предстоит привести качество человеческого капитала в соответствие с требованиями инновационного развития, несмотря на кризисную ситуацию в экономике. Решение данной непростой проблемы потребует значительной концентрации усилий со стороны российского государства, и прежде всего – хотя бы сохранения масштабов финансирования образования, науки и здравоохранения.

Кроме того, социальная политика российского государства нуждается в усилении адресности. Получать помощь государства должны те, кто в ней нуждается. Весомее должны стать пособия на детей, однако данный вид социальных выплат необходимо превратить в адресный социальный трансферт, цель которого – способствовать преодолению бедности и неравенства.

Наша страна – полноправный член глобального сообщества и в полной мере испытывает на себе влияние процессов глобализации. От способности российского общества и государства найти правильный ответ на глобальные вызовы зависит ответ на главный вопрос: сможет ли Россия занять достойное место в глобальной социально-экономической системе. Это потребует мощной политической воли от правящей элиты и понимания со стороны широких социальных слоев, отказа от сложившихся в последние десятилетия стереотипов и вульгарных идеологем. Мировое сообщество вступило в эпоху турбулентности. Оно стоит на пороге глубочайших перемен.

1. Росстат: инфляция в России в 2015 г. составила 12,9% URL: <http://www.vestifinance.ru> (дата обращения: 20.04.2016).

2. Уровень налогов по отношению к ВВП. URL: <http://Mostinfo.ru> (дата обращения: 20.09.2016).

3. Госдолг стран мира в 2014 г. – URL: <http://RU-trade.info/> (дата обращения: 20.09.2016).

4. Коровяковская Н. Д., Холоденко Ю. А. Социальная политика Российского государства: глобальные вызовы. – Труд и социальные отношения, 2016, №3, с.54-55

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЗАРПЛАТЫ УЧИТЕЛЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА

Хуснутдинова М.Р. (Москва)

Самооценка учителями уровня своей заработной платы

В последние несколько лет российским учителям была существенно повышена заработная плата. Каким образом это сказалось на мотивации выбора профессии и продолжения работы на текущем месте? Как современные педагоги оценивают уровень нынешней зарплаты и находят ли его конкурентоспособным на современном рынке труда?

В ходе анализа полученных социологических данных выяснилось, что учителя довольно низко оценивают уровень своей заработной платы. Более половины из них поставили оценки от 1 до 2 – 55%, при этом предельно низкий балл поставили более четверти – 28%. Ниже всего оценивают уровень своей заработной платы педагоги со стажем работы более 21 года (33% оценили на 1 балл).

Около трети учителей (32%) оценивают уровень зарплаты как средний, то есть поставили оценку в 3 балла. В основном это опытные педагоги со стажем от 11 до 20 лет – 42%.

Достойная заработная плата как мотив выбора профессии учителя

В ходе опроса педагогам было предложено вспомнить, что в первую очередь повлияло на выбор профессии и подумать о том, что наиболее важно сегодня. Полученные данные позволяют сказать, что заработная плата не являлась мотивом, определившим выбор будущими педагогами своей профессии (4%). Но значимость этого фактора выросла более чем в два раза в нынешних условиях труда (до 10%).

Помимо суммы заработка немаловажным условием достойного уровня жизни является стабильность его получения. «Гарантированная, стабильная работа» (48%) в современных кризисных обстоятельствах становится очень значимой для учителей и даже начинает конкурировать с «желанием работать с детьми» (54%). Для сравнения – в качестве мотива выбора профессии - он составлял только 34%, а «желание работать с детьми» почти в два раза больше – 63%.

Стоит отметить возросшую значимость, связанного с оплатой труда, такого фактора как «продолжительный отпуск, достаточное количество нерабочих дней» («повлиял на выбор профессии» - 21% и «значимо сегодня» - 31%).

Таким образом, педагоги сегодня ориентированы не столько на высокий уровень оплаты своего труда, сколько на гарантированное и стабильное его получение, а также возможность продолжительного отпуска.

Оценка педагогами конкурентоспособности своей зарплаты

Обратимся к рассмотрению оценок, которые педагоги дали относительно конкурентоспособности их зарплаты «по сравнению с педагогами с такой же, как у них квалификацией из других школ» и «со средней зарплатой в их регионе». Выяснилось, что большая часть учителей считает оплату своего труда неконкурентоспособной «по сравнению со средней зарплатой в регионе» (55% - совокупный показатель «безусловно, неконкурентоспособна» + «скорее неконкурентоспособна»). Но более четверти респондентов настаивает на обратном (27% - совокупный показатель «безусловно, конкурентоспособна» + «скорее конкурентоспособна»).

В оценке же конкурентоспособности своей зарплаты в сравнении с педагогами из других школ мнения опрошенных учителей разделились – 39% (совокупный показатель «безусловно, неконкурентоспособна» + «скорее неконкурентоспособна») и 40% (совокупный показатель «безусловно, конкурентоспособна» + «скорее конкурентоспособна»).

Наиболее благополучной можно считать ситуацию в двух округах – Южном и Центральном, где совокупные доли ответов, подтверждающих конкурентоспособность зарплаты педагога, составляют 46% и 34% соответственно. Ниже всего свой уровень заработной платы оценивают педагоги из Северо-Кавказского и Сибирского округов – в них высоки доли педагогов, считающих свою зарплату «безусловно неконкурентоспособной» по сравнению со средней по региону, а совокупные доли отмечающих низкий уровень заработной платы педагога в целом (безусловно неконкурентоспособна + «скорее неконкурентоспособна») составляют 71% (в Северо-Кавказском) и 68% (в Сибирском).

Основные изменения в работе учителя в период с 2012 г.

Начиная с 2012 г. государство начало осуществлять повышение заработной платы школьным учителям. В целом это довольно позитивно оценивается российскими педагогами. Только треть из них (36%) настаивает на том, что повышение оплаты труда «ничему не способствовало».

По мнению 45% респондентов, в первую очередь, это «дало дополнительный стимул учителям заниматься профессиональным развитием, самообразованием». Кроме того, «повысило

самоуважение учителей» (22%), «качество их работы» (20%) и даже способствовало тому, чтобы «престиж профессии в обществе вырос» (15%).

Удовлетворенность учителей текущим местом работы

Согласно полученным данным, практически все респонденты (91%) удовлетворены текущим местом работы, половина (52%) из них – «полностью удовлетворена». Больше всего «полностью удовлетворенных» педагогов среди тех, чей стаж составляет от 11 до 20 лет - 59%. Меньше всего – среди молодых учителей со стажем до 5 лет – 40%. Кроме того, в их группе наивысший показатель по «неудовлетворенности» – 17%.

В регионах России существенно варьируется удовлетворенность учителей текущим местом работы. Так, наибольшая доля «полностью удовлетворенных» – в Южном округе (66%), а неудовлетворенных – в Дальневосточном федеральном округе (17% - совокупный показатель «частично не удовлетворён» (17%) + «полностью не удовлетворён» (0%)).

В результате проведенного опроса выяснилось, что только одна десятая часть (10%) педагогов «хотела бы сменить профессию/ уйти в другую сферу». В основном – это молодые педагоги со стажем работы до 5 лет (18%). Остальные опрошенные не собираются менять место работы. Но среди них есть те, кто «хотел бы вообще перестать работать и заниматься домашним хозяйством, выйти на пенсию и т.д.» - 9%. Подавляющее большинство из них – опытные педагоги со стажем работы от 21 до 64 лет.

81% педагогов хотели бы остаться работать школьными учителями, но 4% из них ориентированы на то, чтобы «занять другую должность в своей образовательной организации», а 4% - «хотели бы сменить образовательную организацию» и работать в другой школе.

Вывод

Таким образом, российские учителя оценивают уровень своей заработной платы как низкий. Большая часть из них считает оплату своего труда неконкурентоспособной «по сравнению со средней зарплатой в регионе». В оценке же конкурентоспособности своей зарплаты в сравнении с педагогами из других школ мнения опрошенных учителей разделились на две равные группы с противоположными позициями.

Но оплата труда не является для современного педагога ведущим мотивом выбора профессии. В нынешних кризисных условиях важным фактором становится гарантированное и стабильное получение зарплаты - около половины опрошенных педагогов выделили его в качестве одного из главных.

Процесс повышения заработной платы, начавшийся в 2012 г., в целом довольно позитивно оценивается российскими педагогами. По их мнению, это «дало дополнительный стимул учителям заниматься профессиональным развитием, самообразованием», «повысило самоуважение учителей», «качество их работы» и позволило поднять «престиж профессии в обществе».

Практически все опрошенные педагоги «удовлетворены» текущим местом работы (91%). И только одна десятая часть (10%) педагогов «хотела бы сменить профессию/ уйти в другую сферу». В основном – это молодые педагоги со стажем работы до 5 лет.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КОРЗИНА. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУРСКОЙ СЕМЬИ

Чернягина О.С., Подгорный А. С., Килимова Л. В. (Курск)

Для обеспечения социальной стабильности в обществе одной из главных задач социально-ориентированного государства является обеспечение своих граждан необходимым набором жизненных средств и стремление к повышению уровня жизни населения. Этому способствует развитие социальных институтов, в том числе, таких как образование и семья. Система высшего профессионального образования проявляет себя, как активный элемент, поскольку она выполняет ряд целей, которые ставит перед ней общество и государство, достигая их путем выполнения ряда функций, а через их выполнение стимулирует свое воздействие на общество [1, 510]. При этом важнейшим индикатором эффективности предпринимаемых мер для создания благоприятных условий для долгой, безопасной, здоровой и благополучной жизни людей становится потребительская корзина.

Семья играет важнейшую роль в экономике страны, поэтому государство должно стремиться к тому, чтобы уровень жизни семей был как можно выше. Актуальность данной проблемы связана и с тем, что мировой кризис негативно сказывается на экономике нашей страны в настоящее время. В связи с этим есть острая необходимость исследования потребительской

корзины, т.к. именно она является одной из основных мер, направленных на повышение уровня жизни[2].

Из-за экономической нестабильности Россия утрачивает свою продовольственную безопасность. На данный момент стандарт ООН суточной потребности в питании доступен только каждому десятому российскому гражданину. Для выявления проблемы продовольственной безопасности необходимо рассматривать действующую продовольственную корзину.

При определении потребительской корзины многие экономисты не разделяют понятий потребительский выбор и предпочтения, поскольку полагают, что фактическое решение потребителя однозначно выявляет и его предпочтение. Иначе говоря, что мы предпочитаем, то реально и выбираем, делая свои приобретения.

По нашему мнению, это ошибочно, ведь на выбор потребителя влияют различные факторы: личностные (пол, возраст, национальность, религиозность, социальный статус, этап жизненного цикла), социокультурные (ценностные установки, культурная среда, сложившиеся в обществе нормы, правила поведения и стереотипы), а так же эффекты и условия.

Многочисленные практики личности раскрываются в деятельности и поведении людей как воплощение их знаний, установок, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, закрепленных в коллективном сознании [3, 115].

Для нашей страны характерны серьезные продовольственные проблемы, связанные с недостаточным количеством и низким качеством продуктов питания. Именно этот фактор является определяющим в формировании состава потребительской корзины семьи. Потребительское поведение является очень важным вопросом, так как необходимо учитывать реальные условия жизни потребителей и их вкусы, а так же определять влияющие на потребительское поведение факторы.

С 1 января 2013 года вступила в силу новая потребительская корзина, которая будет действовать до 2018 года. В потребительскую корзину в первую очередь включены продукты питания, которые составляют около 50% ее стоимости (для сравнения, в странах Западной Европы, эта цифра не превышает 20%). Стоит упомянуть, что большинство российских семей тратят на продукты питания также больше половины семейного бюджета.

Согласно опросу «ФОМнибус» на тему «семейные расходы» было выявлено, что самые большие расходы для семьи составляют питание, коммунальные платежи и одежда [4].

Участников опроса, сказавших, что им придется экономить на продуктах питания, спросили, какие именно продукты они хотели бы покупать регулярно, но не могут себе этого позволить. Практически не назывались (0–1%) пищевые товары первой необходимости – хлеб, соль, сахар, крупы, макароны, мука. Редко упоминались молоко и яйца (7 и 9% соответственно). А в числе наименее доступных названы свежее мясо (47%) и мясопродукты (32%). На свежих фруктах экономят 40% опрошенных.

Около четверти респондентов, экономящих на еде, отметили, что снижают расходы за счет отказа от молочных продуктов (25%), свежих овощей (24%), свежей и мороженой рыбы, а также рыбной гастрономии (26–27%). Еще 22% упомянули в этой связи замороженное мясо. Любопытно, что о необходимости ограничивать в целях экономии потребление алкогольных напитков (в том числе пива) сказали лишь 6% от всех участников опроса [5].

В период с сентября по октябрь 2016 года мы провели социологическое исследование в виде анкетного опроса, целью которого стало уяснение структуры потребления курских семей. Эмпирическую базу исследования составили официальные нормативно-правовые документы федерального и регионального уровней, данные Фонда общественного мнения (ФОМ) и собственные авторские исследования, проведенные опросным методом семей г. Курска (N=50).

В качестве респондентов выступали взрослые представители семей, состоящих из 1-2 человек (40%): из 3-4 человек (48%); из более 4 человек (12%). В качестве основных источников доходов опрошенные выделили заработную плату (64%); стипендии (15%); пенсии (11%); пособия по безработице (8%); пособия по инвалидности (2%).

Месячный совокупный доход у 72% семей составляет более 20 тысяч рублей, у 26% - до 20 тысяч рублей и у 2% - до 10 тысяч рублей.

По мнению респондентов в месяц на питание уходит в среднем 30-40 % расходов от общего совокупного дохода. Это показывает, что показатель уровня жизни семей в целом довольно низкий.

Наибольший удельный вес в их продовольственной потребительской корзине составляют: овощи – 15.7% мясо – 32.3%; хлеб и хлебобулочные изделия – 10%; молочные продукты – 14%; макаронные изделия – 11%; фрукты – 7%; рыба – 7%

На приобретение непродовольственных товаров, семьи в среднем тратят от 20 до 40 % месячного дохода, очень редко на них тратится большая часть заработной платы.

Из них на верхнюю одежду в среднем расходуется 14% от месячного совокупного дохода, на обувь – около 20%, на товары бытового и хозяйственного назначения – более 10%, на лекарственные препараты – более 5%, белье и нижнюю одежду – около 10%, галантерею и косметику – 10% и на прочие товары – около 5%.

Эти показатели означают, что из-за высокой доли средств, которая уходит на продукты питания, семьям приходится экономить на покупке дорогой верхней одежды и бытовой технике.

Респонденты отметили, что до трети доходной части бюджета семьям приходится тратить на услуги ЖКХ, транспорт, связь и прочие выплаты (Интернет, телевидение и т.д.).

Подавляющее большинство опрошенных (более 86%) отметили неудовлетворенность своим материальным положением, что отразилось в предпочтениях респондентов по поводу желаемого дохода, который бы позволил их семьям реализовать свои потребительские предпочтения в достаточно полном объеме. Так более 72% указали среднедушевой месячный доход от 40 до 50 тыс. рублей; 18% - от 30 до 40 тысяч рублей, остальные – более 50 тыс. рублей.

Это так же говорит о том, что у курских семей наблюдается низкий уровень жизни. Причем наибольшие претензии в отношении своего материального благосостояния высказали представители семей, имеющих в своем составе более 4 человек. Тем самым именно эта социально-демографическая группа является наиболее уязвимой в отношении своего материального положения.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд основных концептуальных выводов:

- большинство семей Курской области не могут в достаточно полном объеме удовлетворить свои потребности;
- в структуре расходов доминируют услуги ЖКХ и затраты, связанные с приобретением продуктов питания;
- в реализации региональной политики органам управления всех уровней необходимо учитывать материальное положение семей, имеющих в своем составе 4 и более человек.
- на формирование потребительского поведения влияют различные факторы и условия.

1. Килимова Л.В. Модернизация системы высшего профессионального образования как социально-экономическое требование развития российской экономики [Текст] / Л.В. Килимова, И.А. Федосова // Приоритеты системной модернизации России и ее регионов: сб. статей научно-практической конференции / отв. ред. Харченко Е.В. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. - С. 483-487.

2. Теория потребления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosdiplom.ru/library/prosmotr.aspx?id=125844> (дата обращения 22.05.16)

3. Килимова Л.В. Профессиональная социализация студентов ЮЗГУ в условиях модернизации системы высшего профессионального образования [Текст] / Л.В. Килимова, И.А. Федосова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 114-121.

4. ФОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d29sr10.pdf> (дата обращения 06.09.16.)

5. О продуктах питания и росте цен на них [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/> (дата обращения 14.09.2016 г.)

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Шиляева А.С. (Санкт-Петербург)

К. Манхейм: «Быть молодым - означает стоять на краю общества, ть во многих отношениях аутсайдером...»

Молодые люди, взаимодействуя в условиях трансформирующегося российского общества, в эпоху глобальных политических изменений, совершают различный экономический выбор, одни предпочитают наемную работу со стабильным доходом, другие же, ориентируясь на реализацию собственного потенциала, пытаются заниматься предпринимательской деятельностью. Однако, лишь 1,95% молодежи в возрасте от 14 до 35 лет заняты предпринимательской деятельностью и в

основном в сфере торговли (около 82% ото всех сфер). В целом же, наблюдается тенденция оттока предпринимателей из малого и среднего бизнеса.

Активное внимание социологов на проблему молодежного предпринимательства также объясняется влиянием предпринимателей на решение социальных проблем в обществе. Исследования Всемирного банка показывают: если в стране малое и среднее предпринимательство в структуре ВВП менее 40 %, то инвестиции в ее экономику будут низкоэффективными (так, в Германии малый бизнес производит до 70 % ВВП и создает до 60 % рабочих мест). К тому же, производя товары и услуги, предприниматели формируют моду, потребности и предпочтения потребителей, тем самым изменяя социально-экономические условия их жизнедеятельности.

Обращая внимание на высказывание профессора Смирнова П.И.: «Социальная роль предпринимателя неизменно требует мастерства, хозяйства и богатства» [1, С. 60-61], встает вопрос: что же помогает одному молодому человеку осваивать горизонты рынка, а другой не может стать хотя бы активной его частью?

Сами начинающие предприниматели, говоря о главных проблемах развития своего дела, указывают на недоступность денежных средств (около 50 % из числа опрошенных), включая низкий уровень финансовой грамотности и отсутствие возможности обратиться в банк для получения займа.

Однако, с точки зрения социологов, эти заключения не являются достаточным аргументом, низкая предпринимательская активность молодежи должна быть рассмотрена многоаспектно, а «любое поведение личности связано с ее системой социальных значений, нормативной функцией ценностей» [2, С. 24].

Выбор, совершаемый молодыми людьми, является отражением сложившихся социальных обстоятельств, усвоенных привычек и основополагающего жизненного опыта, мировоззрения и, в большей степени чем у старшего поколения, новыми моделями поведения. Эти модели, будут апробированы молодежью и в процессе взросления они, скорее всего, отдадут предпочтение той модели поведения, которой соответствует их жизненный опыт. Смена поколений меняет жизненный опыт, изменяется и мировоззрение «происходит вытеснение прежних ценностей, образов жизни и поведенческих образцов новыми» [3, С. 59].

В предположении, что молодыми предпринимателями движут определенные ценности, способные влиять на успешность ведения предпринимательской деятельности, мы провели анкетирование среди молодых предпринимателей в возрасте до 35 лет и взрослыми людьми старше 35 лет, занимающихся общественно-полезной деятельностью, не связанной с собственным бизнесом. Предлагалось расставить в порядке приоритета возможные цели предпринимательства и средства их достижения.

Все цели предпринимательства были выделены в 4 группы: личные, технологические, общественные и гуманистические. В обеих группах респондентов личные цели преобладают над какими-либо другими. Для молодых предпринимателей: воплощение творческих идей (1 место), для старшего поколения (2 место); личная материальная обеспеченность и финансовая независимость (2 место), для старшего поколения (4 место); достижение личной свободы и независимости (3 место), для старшего поколения (8 место); самореализация (4 место), для старшего поколения (1 место). На третьем месте у старшего поколения – реализация технических проектов.

Наибольшую разницу получили следующие цели предпринимательства: увеличение экономической мощи страны – 12 место для молодых предпринимателей, 5 место для старшего поколения. Такой же рейтинг получили цели: сохранение и развитие культуры, традиций государства - 5 рейтинг у старшего поколения против 10; повышение престижа государства, его геополитического влияния – 5 место старшее поколение, против, 13 места - молодежи; оздоровление нации - 5 рейтинг старшего, против 15 у молодого поколения. Большая разница между следующими целями: удешевление продукта за счет современных технологий – 11 место для молодых предпринимателей и 7 место у старшего поколения. Повышение знаний и умений людей также заняло 7 место у молодых людей и 11 у старшего поколения. Мало значимыми для обеих групп респондентов стали цели предпринимательства: модернизация существующих продуктов или товаров; помощь незащищенным слоям населения; развитие и наращивание межгосударственных связей; выход на зарубежный рынок.

Средства достижения предпринимательских целей были выделены в 4 группы: психологические, инновационные, управленческие и ресурсы, как средство организации бизнеса. Результаты опроса показали, что для молодых предпринимателей и для старшего поколения выбор

средств достижения предпринимательских целей зависит от личной возможности влияния на процесс ведения дела при использовании психологических средств в сочетании с активным деловым поведением.

На первом месте, как средство предпринимательства у молодых предпринимателей выступает - развитие своих лидерских качеств, для старшего поколения эта цель на 7 месте. Собственный труд, трудолюбие и самодисциплина – 2 место для молодежи, а старшее поколение поставило этот вариант ответа на первое место, как наиболее значимый. На третьем месте у молодых предпринимателей – бизнес-идеи и интеллектуальный капитал, который старшее поколение поставило на 4 место. Для молодых людей также важным является: активное деловое общение и наращивание связей (4 место), а для старшего поколения этот вариант оказался еще более значимым (2 место); формирование команды, основанной на дружбе и уважении (5 рейтинг), а для старшего поколения только 8 рейтинг. Принцип: «кадры решают все», молодые люди поставили на шестое место, а старшее поколение на третье. Одинаково значимым для обеих групп респондентов выступили – формирование системы мотивации в команде - 7 рейтинг для обеих групп. Для старшего поколения более важным является создание четкой системы целеполагания (5 место), чем для молодых предпринимателей (9 место), такой же рейтинг - использование инновационных методов снабжения, управления и сбыта», что для молодых предпринимателей (14 место). Но вот использование власти и дисциплины, как средство предпринимательства, молодежи кажется более значимым (8 рейтинг), чем для старшего поколения (12 рейтинг). Наименее значимыми средствами достижения предпринимательских целей для обеих исследуемых групп стали: создание оптимальной организационной структуры; собственного и заемного капитала; оптимизации издержек за счет современных технологий; системы контроля деятельности; диагностики, прогнозирования, корректировки бизнес-процессов. Недвижимость и природные ресурсы в группах заняли наименьший рейтинг, как наименее эффективное средство предпринимательства.

Межпоколенческие различия молодежи и старшего поколения объясняются как советским периодом их социализации, «инерцией несвободного мышления» и «контрастной установкой», с одной стороны, и ориентацией на механизмы рынка молодежи с другой, у которых ярче выражена собственная индивидуализация, «преобладание личности над обществом» [1, С. 112]. Старшее поколение же принимают рынок при условии выгоды для большинства народа. Схожие механизмы (средства) реализации предпринимательских целей молодых предпринимателей и старшего поколения могут объясняться трансформацией жизненного опыта и мировоззрения на молодежь, ценности которых еще находятся в процессе своего становления и созревания, что особенно ощутимо в период общественных трансформаций.

1. П.И. Смирнов. *Социология личности: Учеб. пособие.* – СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001. - 380 с.

2. Боборыкин В.Е., Зинченко Ю.Г. *Философско-социологические концепции ценностного сознания личности. Социальная философия и философия истории. Вестник СевДТУ. Вып. 94: Философия: сб. науч. пр. — Севастополь: Вид-во Сев НТУ, 2009.*

3. Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель. *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития.* – М.: Новое издательство, 2001. – 464 с.

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.М.КОВАЛЕВСКОГО

Щербакова Л.И. (Новочеркасск)

Обращение к трудам одного из основателей отечественной социологии М.М.Ковалевского еще раз подчеркивает глубину его научного предвидения, связанного с обоснованием междисциплинарного, комплексного подхода к анализу явлений социально-экономической действительности в контексте исторической последовательности. На страницах своей работы «Социология» он неоднократно обращался к утверждению о том, что невозможно изучать народное хозяйство иначе, как в тесной связи с общественной средой, в которой оно поставлено, с условиями времени и места, а также признавал обусловленность социального порядка климатом, почвой, густотой населения, экономическим ростом. Правоту данного подхода для анализа российской социально-экономической реальности еще раз подтвердили ведущие отечественные ученые на прошедшей на базе Южного федерального университета Всероссийской научной

конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании», на которой член-корр. Академии наук РФ Г.Н.Клейнер, обосновывая иерархичность междисциплинарности, предложил формат междисциплинарности среднего уровня - расположение исследования в координатах общенаучного знания: мир живой природы, мир неживой природы, духовная материя, социальная материя, которые объединяют потенциал биологии, экономики, математики, философии, социологии и других наук. Основу современных подходов к изучению динамики отношений собственности составляют труды западных и отечественных ученых, в их числе и работы классиков экономической науки А. Смита, Д. Рикардо в которых собственность рассматривалась как отношение между производителями материальных благ и их потребителями, как детерминанта социальных отношений и структуры общества, которая обуславливала процессы европейской модернизации, ориентированной на либерализацию общества, ключевым принципом которой выступала защита частной собственности, как основы формирующейся рыночной экономики.

Изучение социальных последствий изменения социально-экономического уклада в России, обусловленного переходом от планового ведения хозяйства к рыночному, к формированию новых экономических отношений, также может продуктивно осуществляться только на основе междисциплинарных подходов. Именно применение междисциплинарной методологии позволяет исследовать собственность как систему отношений присвоения и отчуждения в социуме как в контексте исторической социальной динамики общественной системы, ее культурно-цивилизационной специфики, так и с учетом специфических особенностей современных тенденций социального и экономического развития российского общества.

Институциональные основания формирования многообразия форм собственности, составляющие фундамент рыночных отношений, в том числе признание самостоятельного статуса частной собственности, в последнее десятилетие существенным образом повлияли на новую конфигурацию социальной структуры российского общества и углубление социального неравенства, на формирование новых стратегий экономического поведения работников, развитие хозяйственной активности и инициативы, на вовлечение новых субъектов в предпринимательскую деятельность. Обращение к данной проблеме особо значимо в этот сложный период формирования рынка в России, когда в хозяйственной сфере конкурируют старые и новые социальные нормы и правила поведения, а трансплантация институтов собственности из другой социальной среды (западные образцы) пока не принесла желаемых результатов.

Базируясь на неинституциональном подходе, открылась методологическая возможность изучения отношений собственности через призму формальных и неформальных ограничений, ценностей, традиций, нравственных ориентиров, доминирующих в обществе; при этом, как следует из известных трудов П.Сорокина, специфика этих отношений во многом детерминирована социокультурными и цивилизационными особенностями исторического развития каждой общественной системы, в том числе и российского социума. При этом существенным образом изменяется институциональная природа отношений собственности, которой отводятся важные социальные функции, ориентированные на гармонизацию насущных интересов государства, как главного субъекта и регулятора общественных отношений, и индивидов, отдельных социальных групп, носителей деловой и предпринимательской активности.

Пока же в этой сфере существуют риски, противоречия, связанные с исторически сложившейся этатистско-патерналистской моделью российской государственности, идеологией отчуждения человека от собственности, сформировавшейся в предыдущий период, особенностью процесса и итогов фактической, а не декларируемой приватизации в постсоветской России, когда основная масса населения оказалась вне участия во владении собственностью. Обзор научных публикаций позволил выявить следующие специфические черты формирования отношений собственности в России, которые заключаются в следующем: а) трансформация прав собственности в российском обществе осуществлялась преимущественно «революционным» способом; б) процесс формирования институтов собственности основывался на заимствовании готовых моделей из другой институциональной среды, прежде всего, западной; в) в советский период развития российского общества длительное время доминировала идеология отчуждения человека от собственности. С особой силой эти закономерности проявляются на региональном уровне, где общественное мнение населения, отношение к преобразованиям проявляется наиболее остро.

Например, в докладе академика Полтеровича В.М. на указанной выше конференции в Южном федеральном университете приведены следующие данные: мнения респондентов,

включенных в выборку, состоящей из 28 000 граждан из 28 стран с переходной экономикой, показали, что 80% респондентов считают необходимым пересмотреть результаты приватизации. Из них 36% предпочитают государственную собственность частной в принципе, а остальные, будучи сторонниками частного предпринимательства, полагают, что приватизация была несправедливой. Обнаруженная тенденция негативного отношения населения к частной собственности как таковой может быть рассмотрена в контексте не сбывшихся патерналистских ожиданий, породивших невысокую экономическую активность населения, низкий уровень институционального доверия, неуважение к закону, а также обусловившее всплеск коррупции и поиск ренты в процессе приватизации. Социологический анализ института собственности в современной России в контексте углубляющегося социального неравенства, представленный в трудах М.К. Горшкова, Т.И. Заславской, С.В. Мареевой, Е.Н. Тихоновой, М.Ф. Черныша и др., свидетельствует о том, что одной из важнейших проблем в российском обществе является проблема неравномерного распределения собственности и доходов между представителями различных слоев населения. Выявленную тенденцию подтверждают данные, представленные Институтом социологии РАН, где отчетливо видно, что массовое недовольство россиян в значительной степени связано именно с чрезмерной глубиной неравенств в распределении собственности (74 % опрошенных). Выводы данного исследования обращают внимание на необходимость изменений в сложившейся ситуации, ориентированных, прежде всего, на реализацию принципов справедливости в отношении права владения той или иной собственностью.

Другая сторона рассмотрения динамики отношений собственности связана с выделением ключевой задачи перспективного развития российского общества – повышением качества жизни россиян, их удовлетворенностью профессиональной деятельностью, социальным самочувствием. Данные подходы затрагивают глубинные основы формирования отношений собственности на Руси: и политические, и психологические, и нравственные, а особенно, культурно - цивилизационные. Как видно в контексте исторической ретроспективы, функционирование различных форм собственности в России, специфика этого социального института определяется особенностями географических, природных, конфессиональных, климатических условий, социальными факторами культурно-цивилизационного развития России. На организацию хозяйственной жизни и, особенно на формирование института частной собственности большое влияние оказал геополитический фактор, в силу которого Россия оказалась на месте пересечения двух цивилизаций: западной, или индивидуалистской, ориентированной на личность, ее свободу, естественные права, и восточной, или коллективистской, ориентирующейся преимущественно на общественные государственные интересы. Сочетание европейского и азиатского начал в культуре России определяет специфику ее институциональной среды.

Особое место в выделении этапов функционирования института частной собственности в России в контексте цивилизационных и ценностных аспектов отводится взаимодействию базовых социальных институтов государства и экономики, феномену сращивания власти и собственности, причем данный процесс влияет на углубление дисфункций института частной собственности, проявляющихся в том, что новые модели поведения, характерные для свободной конкуренции, приживаются замедленными темпами. Особая роль государства как самостоятельного субъекта отношений собственности и функционирование феномена власти-собственности проявляется в следующих институциональных практиках: а) государство выступает единственным субъектом распределения собственности в обществе; б) государство обладает правом экспроприации частной собственности в своих интересах; в) государство или его представители получают ренту (в явном или неявном виде) от объектов, включенных в отношения власти-собственности. Государство как социальный институт в экономике продолжает поддерживать воспроизводство «административно-командных правил» игры, неформальных взаимоотношений, не обеспечивает должный контроль за соблюдением институциональных норм. В этой связи, правомерным было мнение Т.М. Заславской, которая выделяла ключевую роль политико-экономического фактора в социальной стратификации современного российского общества.

Представляется, что перспективное развитие отношений собственности в правовом, демократическом государстве, построение которого в российском обществе широко декларируется политической элитой, заключается не только в защите прав личности, но и в создании условий для равноправного функционирования всех форм собственности, развития индивидуальной инициативы, предпринимательской деятельности, особенно в сфере малого и среднего бизнеса. Система «власть - собственность» в ее современном институциональном

оформлении как раз блокирует возможности экономической свободы, от реализации которой в первую очередь зависит уровень жизни населения и успешная интеграция России в глобальную экономическую систему.

УРОВЕНЬ ДОХОДОВ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Ягафарова Д.Г. (Уфа)

В статье рассматривается дифференциация населения республики Башкортостан по уровню дохода и социальному самочувствию, затрагивается проблема закредитованности населения, анализируются наиболее острые и актуальные социально-экономические проблемы населения. Рассмотрена структура реальных доходов населения, объем денежных средств, остающихся в распоряжении домохозяйства после реализации основных потребностей.

The article discusses the differentiation of the population of the Republic of Bashkortostan in terms of income and social well-being, addresses the issue of public debt load, analyzes the most acute and urgent social and economic problems of the population. The structure of the population's real income, the amount of funds remaining at the disposal of households after the implementation of the basic needs.

Доход является важным средством расширения свободы выбора человека в удовлетворении потребностей. Это один из факторов, способных расширить или ограничить выбор и, таким образом, расширяет возможности человека в таких областях как здравоохранение, образование, экономическая и общественная деятельность, доступ к культурным благам и т.д. Оптимальный уровень дохода населения является стимулирующим и мотивирующим элементом для дальнейшей трудовой деятельности, являясь с одной стороны компенсацией за вложения труда, с другой стороны – его результатом.

По социологическим данным [1] средний ежемесячный личный доход населения Республики Башкортостан в 2015 году составил 29 891 руб. (в категории наемных работников – 32 013 руб.). Безусловно, эти показатели дифференцированы в зависимости от типа населенного пункта: если для г. Уфа размер ежемесячного дохода составляет около 40 465 руб., то для жителей сельской местности вдвое ниже – около 21 780 руб.

Аналогично дифференцируются уровень затрат на базовые расходы (на продукты питания, коммунальные платежи) и остаточные денежные средства на другие нужды. Показателен низкий уровень жизни в сельской местности, недостаточность денежных средств на удовлетворение потребностей более высокого порядка.

Желаемый размер личных доходов, удовлетворяющий имеющиеся у населения потребности, в среднем составляет 51 100 руб. в месяц. Интересно, что субъективные оценки достаточного уровня дохода для поддержания нормального уровня жизни различны среди городского и сельского населения. Если в г. Уфа достаточной является сумма в размере около 57 600 руб., то в сельской местности – 43 980 руб.

Таким образом, очевидны разрывы между реальным и желаемым уровнем дохода, особенно он существенен для сельских жителей – более чем в 2 раза.

В соответствии со шкалой самоотнесения можно выделить 4 слоя населения на основании доходных групп и уровня потребления: низший (28,8%), нижний средний (40,6%), верхний средний (17,4%), высший (13,2%). Следует обратить внимание на значительную долю населения (почти треть), относящую себя к низшему слою – 28,8%.

Показательно, что в 2015 г. по сравнению с 2010 г. сильно выросла дифференциация населения: если в 2010 г. доля нижнего среднего слоя составляла 30,7%, то в 2015 г. уже 40,6% [2]. Изменилась вариация структуры населения: сильно увеличился разброс величины групп.

Анализ изменений материального положения населения за последние два года показывает явную тенденцию к ухудшению. Если в 2014 г. доля населения, отмечающая ухудшение материального положения, составляла в зависимости от социального слоя по уровню дохода и потребления от 32,3% (низший слой) до 8,0% (высший слой), то в 2015 г. она ощутимо возросла от до 40,7% и 13,5% соответственно.

При этом очень показательным является тот факт, что именно у низшего слоя населения, наиболее бедного и депривированного, значительно ухудшилось материальное положение за последний год. Совокупные оценки, характеризующие ухудшение материального положения для

этого слоя составляют 63,0%. Среди наиболее обеспеченного (высшего слоя) населения, доля тех, у кого материальное положение в разной степени ухудшилось, составляет 16,2%.

В связи с возросшей неопределенностью, значительная часть (31,8%) домохозяйств затрудняется спрогнозировать свое материальное положение в следующем году. Около трети населения, в основном малообеспеченные семьи, предполагает, что никаких изменений в их материальном положении не произойдет.

Сравнительный анализ ожиданий населения за 2014 и 2015 гг. показывает, что доля ожидающих позитивных изменений существенно сократилась во всех группах. Если в 2014 г. четверть представителей низшего слоя предполагала улучшение, то в 2015 г. только 16,8%. Аналогичные изменения произошли во всех группах.

Кроме этого, следует отметить высокий уровень закредитованности населения. По данным Национального бюро кредитных историй (НБКИ) – крупнейшего бюро кредитных историй в Российской Федерации - по итогам второго квартала 2015 года Башкортостан вошел в первую тройку российских регионов с наибольшим объемом микрокредитования населения после г. Москва и Московской области. При этом основная часть приходится на потребительские кредиты.

По данным социологического исследования почти половина населения имеет кредиты различного размера. Анализ уровня закредитованности населения в возрастном срезе показывает значительную долю кредитов среди молодых людей в возрасте 25-34 года, среди этой группы населения кредитов не имеют только 41,1% семей и именно эта группа населения тратит на погашение кредита большую часть бюджета – от четверти и более (29,1%). Можно предположить, что значительная доля из них составляет ипотечное кредитование. Наибольшая закредитованность приходится также на сельское население.

Ощутима более серьезная закредитованность низших слоев населения: более половины бюджета домохозяйств расходуются на погашение кредитов у 11,5% низшего слоя, и только у 3,5% высшего.

На протяжении последних лет их перечень остается практически неизменным: рост цен; низкая заработная плата и пенсия; повышение квартплаты, рост цен на коммунальные услуги. При этом ощутимо нарастает актуальность и массовый характер этих проблем: если в 2011 г. рост цен был наиболее проблемным аспектом для 67,8% населения, то в 2015 г. – уже для 82,2%. Тренды аналогичны и для других аспектов: в 2011 г. проблема низкой зарплаты и пенсии беспокоила 54,4% населения, в 2015 г. – 65,7%; повышение квартплаты, рост цен на коммунальные услуги (ЖКХ) – 39,0 и 49,8% соответственно.

Ежегодно за период 2011-2015 гг. нарастает актуальность проблем, связанных с ростом цен, низкой заработной платой и пенсией; повышением квартплаты, ростом цен на коммунальные услуги (по данным 2011 г. рост цен является наиболее существенной проблемой для 67,8% населения, в 2015 г. – для 82,2%). При этом анализ показывает углубление социального расслоения населения по уровню доходов за период 2010-2015 гг.: материальное положение всех слоев населения существенно ухудшилось, наиболее тревожны данные для бедного населения (ухудшение показали в 2014 г. – 32,3% низшего слоя, в 2015 г. – 40,7%). Показателен разрыв в оценках населения между желаемым уровнем дохода и его реальным уровнем, очень существенный для сельского населения (при более низких запросах – более чем в 2 раза). Ожидания населения каких-либо потенциальных изменений материального положения в лучшую сторону также снижаются во всех группах. На фоне этих тенденций вызывает беспокойство достаточно сильная закредитованность населения, особенно наиболее бедных слоев, молодежи и сельских жителей. Таким образом, очевидно нарастание кризисных явлений, ухудшение благосостояния значительной части населения, снижение социального оптимизма.

1. Социологическое исследование «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года»; организатор исследования: ИСПИ РБ; объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет; выборка: квотная, стратифицирована по типу населенного пункта и социально-экономическим зонам Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу; объем выборки: 6270 человек; метод исследования: самозаполнение по месту жительства; сроки полевых работ: июль-сентябрь 2015 г.

2. Республиканский социологический мониторинг «Социально-политическое и экономическое развитие Республики Башкортостан», 10 волн; организатор исследования: ИСПИ РБ, объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет; выборка: вероятностная, стратифицирована по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием

на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу и уровню образования; объем выборки: от 1000 до 1500 человек в разных волнах исследования; метод исследования: личное интервью по месту жительства; этапы волн: 2010-2015 гг.

СЕКЦИЯ 5. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ЛОДЗИ И КРАКОВА: ПОПЫТКА ТИПОЛОГИИ

Morawicki J. (Лодзь, Польша)

В последние десятилетия Европа столкнулась с новой волной внутренней и внешней миграции.

По мнению Каи Кажмерской: «przesiedlenie dużych grup ludności, czy też całych wspólnot narodowych lub etnicznych, są odwiecznym problemem ludzkości. Są one rezultatem klęsk żywiołowych oraz działań ludzkich, takich jak antagonizmy etniczne, religijne, rasowe». [1, 163].

Сегодня этническая и религиозная идентичность часто формируются ad hoc: «Płynność i negocjowalność tożsamości kolektywnej sprawiają, iż występują również typy pośrednie, będące rezultatem przejścia od jednego do drugiego sposobu realizacji planów działania jednostki w kontekście kraju ojczystego». [2, 5]

На этом фоне нам представляется интересным описание процессов формирования и поддержания религиозной идентичности и ее соотношения с этнической идентичностью на примере конкретной религиозной группы.

Исследования, которые мы проводили, находятся на начальной стадии. Приведенный материал, в значительной степени, должен способствовать формированию программы дальнейших действий. Основой этого текста стали пилотажные исследования, проведенные в православных религиозных общинах Лодзи и Кракова.

Мы уточняем понятия религиозной группы и религиозной общины (прихода). Это разграничение кажется нам целесообразным. С одной стороны, это позволяет избежать исключительно доктринального описания объекта исследования, а с другой стороны, дает возможность учитывать особенности конкретных религиозных организаций. Кроме того, Валентина Чеснокова указывает: «Религиозность, религиозная жизнь человека, по общим представлениям, это, прежде всего феномены сознания, тонкие духовные представления и переживания. Поэтому исследователи, приступая к изучению данного предмета, испытывают сильное искушение начинать именно с этих феноменов, задавая респонденту вопросы о его мировоззрении, установках и ценностях. Однако инструментарий гуманитарных наук все еще слабо приспособлен для выявления ценностных установок и мировоззренческих убеждений» [3, 1]

В ходе нашего исследования мы использовали методы включенного наблюдения и неформализованного интервью.

Поле

Православный приход в Лодзи был основан в конце XIX века российскими чиновниками и военными. Значительная часть членов православной группы Лодзи проживала в городе временно. Такое положение сохранялось до начала I мировой войны. После прихода к власти в России большевиков, в Польше появились представители белой эмиграции. «Po wprowadzeniu reżimu bolszewickiego niektórzy emigranci rosyjscy osiedlili się w Polsce, w tym też w Łodzi. W ich nowej ojczyźnie ściana niezrozumienia między dawnymi uciskanymi a dawnymi uciskającymi zatruwała życie rosyjskiej społeczności». [4, 9]

Значительное влияние на формирование прихода и религиозной группы оказала послевоенная миграция. Лодзь покинула часть этнических русских, которые по разным причинам не хотели оставаться на территории, занятой советской армией. Некоторые белые эмигранты были вывезены на территорию СССР и находились в учреждениях пенитенциарной системы.

В то же время в городе оказались переселенцы из восточных регионов Польши. Эту группу мы назвали «послевоенные польские переселенцы» - ППП. По свидетельству респондентов, данная миграция носила, с одной стороны, принудительный характер, одним из примеров чего может служить акция «Висла» 1947 года. С другой стороны, переселение происходило из-за желания самих мигрантов покинуть беспокойные районы страны. Важную роль играли и экономические причины.

Еще одну группу мигрантов мы назвали РПЖ – послевоенные русские женщины. В ходе II мировой войны они оказались на территории Германии или на территориях, оккупированных немецкой армией. После окончания войны некоторые из них оказались в Польше. ППП и РПЖ по-разному воспринимали группу православных Лодзи и православный приход. Первые, видели в

церкви возможность поддержания связи с «исторической родиной», с оставленными деревнями и землями. Религиозная идентичность, на наш взгляд, выполняла, в.ч. функцию поддержания идентичности региональной. Особо в этом случае подчёркивается связь поколений. При этом послевоенный период описывается ППП, как время спокойствия и благополучия – отсутствие преследований со стороны государства, экономической стабильности и активной приходской жизни. Изредка упоминается об отдельных неопытных ситуациях бытового характера. Отметим, хотя респонденты напрямую не противопоставляют различные исторические периоды, тем не менее, в интервью и бытовых разговорах неоднократно подчеркивался репрессивный характер отношений государства к Православной церкви в межвоенный период. Тема церкви-мученицы воспроизводится практически во всех разговорах и интервью.

В своих рассказах информанты часто вспоминают историю родных земель. Место происхождения, совместные молитвы, обстановку в доме. В то же время они выстраивают свою идентичность, используя символы, связанные с полем религии. Например, часто упоминается тема истинности, правильности догматов православной церкви. Некоторые обращают внимание на то, что условно можно было бы назвать, кирилло-мефодиевским мифом - на историко-религиозные дискуссии вокруг вопроса происхождения христианства на территории современной Польши. По нашим наблюдениям, представители – ППП активно участвуют в обрядовых практиках. Они присутствуют на большей части литургии и стараются посещать обязательные богослужения.

В отличие от переселенцев довоенного периода, РПЖ не утратили прямого контакта с родственниками в СССР. Их иммиграция не носила идеологического характера. По крайней мере, ни один из наших информантов не упоминал этот мотив. Некоторые РПЖ в том или ином виде использовали компетенции, связанные с жизнью в СССР для встраивания в новую социальную реальность. В частности, речь идет о работе в системе образования на должностях преподавателей русского языка. РПЖ прошли социализацию в условиях Советского Союза. В итоге, даже после приезда в Польшу РПЖ не пытались наладить контакт с православной общиной. РПЖ не спешили крестить своих детей, они практически не обладали какими-либо компетенциями, связанными с обрядовыми практиками или вероучением Церкви. Некоторые из них участвовали в работе отделения общества польско-советской дружбы. Профессиональные обязанности (в случае преподавателей русского) требовали поддержания языковых компетенций. Многие РПЖ не хотели афишировать свою этническую идентичность в публичном пространстве. РПЖ вспоминают о конфликтных ситуациях, связанных с их этнической идентичностью.

Одним из способов поддержания этнической идентичности для РПЖ было участие в работе общества польско-советской дружбы. Там была возможность свободного общения на родном языке и воспроизводства культурных кодов, в частности, русских песен. Только после исчезновения общества некоторые РПЖ оказываются в церкви. Вход в религиозную группу происходит с помощью проводника - знакомого, который обладал определенными обрядовыми компетенциями и базовыми знаниями, связанными с религиозной группой православных.

По нашему мнению, «возвращение» информанта к православию в большей степени связано с попыткой поддержания этнической идентичности на фоне исчезновения факторов, которые ранее способствовали ее сохранению. Церковь для них, это центр русской жизни, своеобразный субститут «дома русской культуры». При этом коды религиозности: оппозиции истинный – ложный, представление о церкви-мученице, тема духовности, крайне редко появляются в интервью и разговорах с РПЖ. По нашим наблюдениям, РПЖ чаще всего приходят в церковь для выполнения самых обычных обрядовых практик.

Еще одна группа, представителей которой мы обнаружили в Кракове, была нами названа – «новые верующие» или НВ. В отличие от РПЖ, они активно участвуют в обрядовых практиках и заявляют о своей компетенции в вопросах веры и религии. Православная община Кракова начала формироваться в межвоенный период. Впрочем, тогда приход был ориентирован, главным образом, на военных православного вероисповедания. Важное событие в истории каковской общины происходит в период II Мировой войны. Тогда приходу передается здание бывшей синагоги. После окончания войны в приходе появляются переселенцы и студенты. Значительный рост числа прихожан связан с миграционными процессами после 1989 года.

Отметим, представителей НВ мы встречали и в ходе нашего исследования католической религиозной группы Петербурга. Среди общих характеристик: начало активного участия в приходской жизни в сознательном возрасте. Вся предыдущая жизнь описывается как время поиска, время проб и ошибок, религиозного невежества. Далее, следует ключевое событие, прелюдия конверсии - некая точка бифуркации - смерть близкого человека или тяжелая болезнь. В

этот момент происходит встреча с «истиной». Это событие описывается, как имеющее мистический характер. Оно открывает новую страницу в жизни информанта. Уже обладая знанием «истины», он стремится наверстать упущенное. С этим, по нашему мнению, связано активное участие не только в обрядовых практиках, но и в «светской» приходской деятельности. В ходе исследования нами был выявлен случай НВ – женщины, которая переехала в Польшу с Украины.

На наш взгляд, информант использует описание прошлого (периода поиска) для противопоставления нынешнему времени – соотносит себя с периодом до и после конверсии. Она часто использует слово «атеизм» для подчеркивания чуждости, непросвещенности ее самой и ее окружения в прошлом, и других людей уже в наше время. Причем, слово «атеизм» связывается не с мировоззрением или государственной политикой, оно является синонимом невежества, незнания истины. Респондент подчеркивает свое стремление поучить как можно больше знаний о церкви, при этом она не останавливается на собственной духовности. «Чудо» религиозного просвещения воспринимается как миссия, требование нести знания блуждающим, находящимся под влиянием «атеизма». При этом проблема выстраивания этнической идентичности практически не поднимается. Вопрос этничности связывается исключительно с местом происхождения, но воспоминания о прошлом не окрашены эмоционально. Более того, Украина скорее описывается, как страна «атеизма», а факт переезда в Польшу как «божий промысел».

На особый интерес заслуживает восприятие членами православной религиозной группы, католиков - группы большинства. С Католической церковью польские православные сталкиваются не только в процессе конструирования и поддержания религиозной идентичности. Например, календарь государственных праздников связан с праздниками Католической церкви. Соответственно, в определенные моменты возникает ситуация невозможности полноценного участия в обязательных обрядовых практиках. Это подтверждают и наши наблюдения. В частности, на Рождество, которое по Юлианскому календарю совпадает с 7 января по Григорианскому летоисчислению, приходит меньше членов православной общины, чем в обычное воскресенье.

В случае РПЖ мы сталкивались с индифферентным отношением к разногласиям, которые существуют между Православной и Католической церквями. Вопрос религиозных споров и разницы в обрядовых практиках не является существенным для РПЖ. Более того, часто их дети были крещены или крестились сами в Католической церкви и не связывают себя с православием. Противоположные тенденции мы замечаем у ППП и НВ. Представители этих групп противопоставляют православие и католицизм. Причем оппозиция выстраивается не только по линии истинный – заблудший, важным элементом оппозиции оказываются отношения внутри самой общины. Верность духовным основам противопоставляется формальности и бездушию.

Интересно отметить, что подобные сюжеты мы встречали у НВ в группе католиков Петербурга. Впрочем, в петербургском случае высказывание и сопоставление касались православной церкви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего исследования мы сделали следующие выводы: во-первых, религиозная группа, а точнее группы православных Лодзи и Кракова не являются единым целым. Во-вторых, участие в обрядовых практиках для определенных членов группы является способом поддержания этнической идентичности. В большей степени такие модели свойственны членом группы, которых мы условно назвали «РПЖ». Религиозная идентичность выступает в этом случае исключительно как способ поддержания идентичности этнической. В-третьих, конструирование религиозной идентичности в рамках группы православных часто связано с жестким противопоставлением истинной и неистинной церкви; важное место занимает и оппозиция гонимая – гонители. Прежде всего, подобные мотивы появляются в интервью «ППП». В-четвертых, особо можно выделить НВ – эти представители группы не используют обрядовые практики для поддержания этнической идентичности. Религиозная идентичность выстраивается на жестких оппозициях: религиозное невежество (атеизм) – познание истины.

[1] K. Kaźmierska, *Doświadczenia wojenne polaków a kształtowanie tożsamości etnicznej*, Warszawa, IfiS PAN, 1999 z.

[2] M. Gońda, *Cudzoziemcy polskiego pochodzenia podejmujący studia w Polsce. „Powrót do macierzy czy pragmatyczny wybór/CMR Working Papers № 57(115)*, 2012 z.

[3] В. Чеснокова, *Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века*, Москва, Академический проект, 2005 z.

[4] V. Wiernicka, *Prawosławni w Łodzi, Łódź, KM*, 2016 z.

«ГЭСЭР» МИФО - СИМВОЛИЧЕСКОЕ КОНСТРУИВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БУРЯТИИ

Teziç(Тезич) М. (Анкара, Турция)

The aim of this article is to analyze the role of mythological hero Geser with in the framework of identity politics in the republic of Buryatia

Целью данной статьи является анализ роли мифологического героя Гэсэр, в рамках политики идентичности в Республике Бурятия

В литературе о национализме есть разные подходы к этому вопросу. В то время как в рамках модернистского подхода, нация рассматривается как новое явление, которое связано с культурно-экономической интеграцией, в рамках понятия этносимволизма А. Смит отмечает роль исторического прошлого современных наций и устанавливает связь этнического прошлого с современной нацией. А. Смит, ссылаясь на французский термин *ethnie* определяет нацию как общность людей, имеющую имя, мифы предков, совместную историю, культуру, ассоциированную со специфической территорией и обладающую чувством солидарности [1]. С.В. Кузнецова изучая теорию А. Смита, сформировала вывод, что территориальное самоопределение ассоциируется с концептом родины, которым обладает земля героических предков. По мнению С.В. Кузнецова культ великих людей является неотъемлемой частью проекта строительства нации и все нации идентифицируют себя с Героями [2, с. 132-133].

Народный эпос «Гэсэр» – один из ярких примеров политического проекта мифосимволического конструирования. Эпос «Гэсэр» – это легендарная история, уважаемая народами Тибета, Монголии и Бурятии. Время создания эпоса признаётся учеными как 1000 лет назад. В настоящее время существует несколько версий эпоса: «тибето-монгольский «Гэсэр»», написанный на тибетском и монгольском языках, Бурятский «Абай Гэсэр». Кроме этого, даже бурятский вариант эпоса имеет разные версии: эхирит-булагатскую, унгинскую, хоринскую.

В бурятском эпосе Гэсэр – сын верховного божества хана Хурмасты, который появляется на Земле для восстановления порядка, мира и благополучия и для уничтожения чудищ. Так, Гэсэр упоминается как харизматический лидер, могущий принять правильное решение. В этом аспекте Гэсэр предстает в образе простого человека и трактуется по-разному – иногда как шаман, иногда как светский лидер. В связи с этим он занимает важное место в сознании бурятского общества.

Гэсэр используется национальными элитами в качестве национального символа культурного возрождения бурят. В 1991 году в Улан-Удэ собирался Всебурятский съезд по вопросу консолидации и духовного возрождения этноса, где была создана Всебурятская ассоциация развития культуры (ВАРК) со своей программой. В результате было принято общее решение о проблеме координации и организации деятельности в сфере национально-культурного возрождения в бурятских национально-государственных образованиях. Выполнение решения политической консолидации нуждалось в создании национального символа, который должен быть объединяющим символом всей бурятской нации [3, с. 87-90]. Поскольку Гэсэр обладает духовным и культурным влиянием, он был выбран как необходимый символ бурятского народа.

В марте 1990 года было принято решение «о праздновании 1000-летия эпоса Абай Гэсэр». Праздник был организован при участии организационного комитета и ВАРК, кроме того в нем активно принимали участие Бурятский институт общественных наук (БИОН) и Фонд «Гэсэр» [3, с.90]. Комитет подготовил 5-летнюю обширную программу (1991-1995 гг.). Кроме фольклорных праздников в программу были включены научные конференции, круглые столы, издание эпоса, изготовление памятных сувениров. По решению комитета 1995-й год был объявлен завершающим этапом [3, с.87]. 5-летняя программа фестивалей продемонстрировала, что все фестивали организовывались в связи с религиозными или другими важными событиями – например, первый официальный Сагаалган праздник нового года. В 1991 в честь 125-летия со дня рождения улигершина Л Петрова Гэсэр был освящен на берегу Ангары в селе Хадаа-хан – родине сказителя эпоса. В 1993 году в честь Гэсэра было организовано Моление Арын Губан Эзед (Тринадцати Хозяевам Севера) и совершен шаманской тайлаган на Ольхон (Ойхони бабай) и на р. Баргузин (Бархан ундер). В 1995 году фестиваль был приурочен к Сагаалгану.

В рамках этих событий Гэсэр идентифицировался с ценностями не только бурятского народа но и молодёжи. В этих мероприятиях молодёжь активно участвовали. Таким образом,

этническое самосознание усилилась. На фестивалях «Гэсэр» повествовалось о деятельности Гэсэра, участники играли активную роль в этих мероприятиях, становясь, таким образом, они частью эпоса. Использование мифа «Гэсэр» в духовных праздниках и обнаружение святых мест, увеличило роль «Гэсэра» в бурятском обществе. В процессе манипулирования элитами образ Гэсэра стал осознаваться бурятским народом как этнонациональный символ. Параллельно с этим, образ Гэсэра приобрел самостоятельное духовное существование и средство социализации молодежи в бурятском обществе.

В первую очередь, образ Гэсэра появился в прессе. Он иллюстрировался по-разному в газетных публикациях. Наиболее часто Гэсэр изображался как древний воин под такими заголовками, как «Гэсэр возвращается на землю», «Гэсэр – тысячелетняя легенда бурятского народа», «Гэсэр – бурятский героический эпос». Разные изображения Гэсэра представлены в сериях статей об эпосе: «Гэсэр с войском», «Рождение Гэсэра», «Гэсэр опускается на землю». Наряду с этим, в первый день Всебурятской «Алтарганы» на площади на проспекте Победы был открыт памятник Гэсэру. В прессе с использованием различных повествовательных техник Гэсэр представлялся читателям как национальный герой [4, с. 104].

Кроме того, в данном контексте разрабатывались различные проекты, одним из которых был российско-американский Окинский проект. В его рамках для строительства природно-этнографического парка была выделена общинная территория, которая будет называться «Край Гэсэра». В центре этого парка отводится место храму Гэсэра. Частью этого проекта является публикация издательством «Наран» сборника статей «Край Гэсэра». Таким образом, народное торжество совершится на земле Гэсэра [5].

В последующие годы, в Национальной библиотеке РБ, для использования молодежи, была создана электронная коллекция под названием «ГЭСЭР» – БУРЯТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС». В четырех разноплановых разделах представлена информация о Гэсэре и его влиянии на бурятскую культуру [6].

После всей этой интеллектуальной работы, героический эпос «Гэсэр» превратился в национальный символ бурятского народа. Параллельно с этим, под именем национального героя «Гэсэр» организуются разные конкурсы, на которых молодежь активно участвовала. И эти конкурсы служили социализации молодежи. Например, «На земле ГЭСЭРА». В этих конкурсах требуется знание бурятского языка, обычаев, традиций, ритуалов, умение готовить национальные блюда, петь и танцевать, также юноши должны владеть навыком стрельбы из лука ... и т.д [7]. Необходимо подчеркнуть, что такие конкурсы являются важными именно для бурятской молодежи, где низкое знание родного языка. В итоге, Гэсэр стал важным этнонациональным символом бурятского народа. Через память о Гэсэре бурятский народ устанавливает ментальную связь между прошлым и настоящим. Таким образом, Гэсэр как национальный символ сохраняется бурятским народом как историческое наследие.

1. Smith, A.D. *The Nation in History – Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism*. University press of New England, 2000. 106 p.
2. Кузнецова С.В. *Историческая память и повседневный национализм в трактовке этносимволизма // Актуальные проблемы новейшей истории и историографии Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, No: 6(3), с. 131-136.*
3. Строганова, Е.А. *Национально-культурное возрождение в Бурятии: взгляд изнутри села // Этнографическое обозрение, 1997, No:1, с.86-89.*
4. Тезич, М.Дж. *Социокультурные факторы динамики этнической идентичности Бурятии и Тывы. Национальные элиты и университетская молодежь, Lambert Academic Publishing, Deutschland. 183p.*
5. Тулуев, К. *Саяны встречают знамя Гэсэра // Бурятия, 1995, No: 105 (1020).*
6. Дугароб, В. *Электронная коллекция «Гэсэр» Бурятский героический эпос // Бурятия, 2006, No: 116 (3756).*
7. Абгалдаева, В. *«На земле ГЭСЭРА» // Бурятия, 2003. № 71, (2969).*

«ФОТОГРАФИЯ В ПУТЕШЕСТВИИ»: ЭЛЕМЕНТЫ ПРОГРАММЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВОГО ЭТАПА НЕЗАВИСИМОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ
Абросимова Н.В. (Санкт-Петербург)

Вначале скажем о том, что собой представляет заявленное обследование. Название проекта: «Отношение к фотографии туристов, посещающих Санкт-Петербург». Проект является

частью второго этапа исследования, посвященного изучению фотографии как части визуальной культуры современного общества.

Обследование предполагало проведение анкетного опроса. Инструментарий был основан на переработанной анкете, использованной на первом этапе исследования – в рамках пилотного проекта «Отношение молодежи к фотографии», проведенного в 2014 г. (результаты опубликованы ранее в научных журналах и сборниках конференций [См., напр.: 1]). Анкета – полуструктурированная, содержащая вопросы: открытые, закрытые, полужакрытые; с одним вариантом ответа и несколькими; текстовые и содержащие иллюстрации (фотографии).

Цель обследования: проанализировать отношение приезжающих в Санкт-Петербург туристов к фотографии как социальной практике; предмет – отношение приезжающих в Санкт-Петербург туристов к фотографии как социальной практике. Объект обследования: туристы, приезжающие в Санкт-Петербург. Предполагается, что полученные эмпирические данные позволят выявить некоторые тенденции в поведении туристов – участников фотографической деятельности, являющейся социальной практикой современного человека.

Данный опрос проводился летом 2016 года в течение месяца (конец июня – конец июля). Построение выборки осуществлялось без претензии на высокую степень репрезентативности, с учетом потенциальных смещений и предполагаемых процедур корректировки на этапе анализа полученных данных [См. об этом: 2; 3, 123-127]. Это связано с тем, что выборка – неслучайная, целевая, в анкете много открытых и полужакрытых вопросов, а само исследование проводится одним человеком без привлечения грантов и целевого финансирования. В связи с этим, набор респондентов осуществлялся среди тех, кто соглашался участвовать в анкетировании.

Конечно же, определенные рамки для поиска респондентов устанавливались. В частности, респонденты отбирались исключительно среди приехавших в Санкт-Петербург туристов (в самом начале общения им задавался вопрос о том, являются ли они туристами, не являющимися жителями этого города). Кроме того, в большинстве своем набор осуществлялся в сугубо популярных среди туристов местах: экскурсионные автобусы, места общепита (кафе, рестораны), прогулочные катера на Фонтанке (на пристани), набережные рек и каналов, сады, парки, мосты, площади, улицы, музеи в центральной части города. Было также опрошено несколько человек в Интернете (поиск респондентов осуществлялся в социальных сетях «Фэйсбук» и «Вконтакте», пользователи аккаунтов сами «выкладывали» на своей «стене» фотографии и информацию о том, что они посетили Санкт-Петербург, и им отправлялось личное сообщение с предложением заполнить анкету и ссылкой на страницу опроса в «Гугл.Форм»).

Помимо этого, респондентов можно разделить на несколько групп по различным признакам: полу; возрасту; регионам, из которых приехали туристы (иностранцы и российские граждане); образованию; материальному положению; роду занятий; впервые приехавшие и не бывавшие в Санкт-Петербурге; приехавшие в группе (с родственниками, друзьями, с экскурсионными группами) или в одиночестве; остановившиеся в частном секторе или в гостиницах/хостелах. Выравнивание выборки осуществлялось только в рамках групп: пол, возраст, род занятий, регион. Но добиться полного выравнивания, к сожалению, не удалось в силу специфики проводимого исследования, указанной чуть выше.

Если говорить о сложностях полевого этапа обследования, то, стоит назвать две: 1) проблема организации и проведения опроса групп, связанная с взаимодействием с организациями (туристическими компаниями, гостиницами/хостелами и музеями), работающими с туристами; 2) проблема организации и проведения личного опроса туристов.

Во-первых, необходимо отметить наличие проблемы сотрудничества с гостиницами и туристическими компаниями, работающими на приеме туристов в Санкт-Петербурге. Автор обращалась в туркомпании и гостиницы для организации опроса групп туристов. К сожалению, откликнулась только одна туристическая компания. Другие либо вообще не ответили на запрос-письмо, либо сослались на «высокий сезон», либо не захотели сотрудничать в связи с тем, что исследование независимое, либо из-за страха потерять клиентов (если опрос не понравится туристам). Так, отдельной проблемой была попытка сотрудничества с туркомпаниями, работающими на приеме иностранных туристов (компании категорически отказывались из-за страха потерять клиентов). «Китайские туристы для нас — «золотая жила», мы боимся их «потерять», пылинки с них сдуваем... Ни о каком опросе этих туристов даже и говорить не стоит», — ответила анкетёру одна из гидов-экскурсоводов на просьбу поспособствовать опросу группы китайских туристов.

Несоблюдение договоренностей со стороны гидов, обещавших впустить в салон экскурсионного автобуса с туристами для их анкетирования, — также одна из проблем. Экскурсоводы опаздывали, переносили и отменяли встречи, сокращали время опроса. Сложность была связана, со слов гидов, с нежесткой программой экскурсий и дорожным трафиком, т. е. «пробками».

Для организации опроса в одном из музеев города исследователь обратилась в службу по работе с туристами. В ответ поступила просьба подготовить официальное письмо с места работы исследователя на имя директора музея и обратиться с этим письмом в пресс-службу.

В конечном итоге, самым простым вариантом проведения полевого этапа обследования, как ни странно, оказался обычный личный уличный опрос респондентов. Хотя и в его процессе имели место некоторые проблемные ситуации, связанные с общением с респондентами. К числу проблем можно отнести нижеследующие.

1. Наличие проблемных групп респондентов. Первая группа — иностранные туристы (языковые проблемы: первая — не все туристы знают русский и английский языки, вторая — дороговизна коммерческого перевода анкеты на иные языки, отличные от английского). Таким образом, большинство опрошенных иностранных туристов были либо русскоязычными или знающими английский. Вторая проблемная группа — респонденты, чаще всего отказывающиеся от участия в опросе. Это были туристы мужского пола, особенно в группе «третьего возраста» (от 51 года и старше).

2. При опросе на пристани прогулочных катеров наибольшая сложность была связана с недостатком времени для заполнения анкеты. Так, в выходные, праздничные и жаркие дни возникала ситуация, когда вообще невозможно было провести опрос в связи с наплывом туристов. Это было связано с тем, что туристы заполняли анкеты, ожидая отхода катера, а катер отправлялся тогда, когда все места на нем занимались желающими. В стандартном варианте ожидание длилось 15-20 минут. Столько же времени занимало заполнение анкеты. Но, к примеру, в день праздника «Алые паруса» после 17.00 стоянка катера составляла от силы 2-5 минут. Таким, образом, опрос провести было невозможно.

3. Еще одна проблема, с которой столкнулась интервьюер — страхи опрашиваемых относительно опроса. Респонденты задавали, например, такие вопросы: «кто является заказчиком исследования»; «не будет ли нарушена анонимность»; «не станет ли известно, кем работает респондент» (некоторые в связи с этим отказывались указывать сферу своей деятельности); «куда пойдет информация», не будут сведения как-то использованы против респондентов»? Волновали вопросы, а не будут полученные сведения использованы в маркетинговых целях, например, для увеличения продаж сувениров туристам. Некоторые туристы не хотели заполнять анкету, беспокоясь, что за этим последует предложение что-нибудь приобрести или платно сфотографироваться. Иногда такое недоверие приводило к агрессивным отказам участвовать в опросе, были также случаи явного недовольства тем, что к ним обращаются.

Таким образом, все перечисленные проблемы, так или иначе, были связаны с осуществлением целевого набора респондентов. Процедура усложнялась тем, что организация и проведение анкетирования проводились одним человеком.

1. *Абросимова Н.В. Молодёжь о фотографии // Paradigmata poznani. – 2014. – № 4. – С. 127-133.*

2. *Отчёт рабочей группы ААРОР о неслучайных выборках: июнь 2013 / Американская ассоциация исследователей общественного мнения / Пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой. М.: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2016. – 170 с.*

3. *Методология и методы социологического исследования: учебник / Под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой. СПб: Изд-во СПбГУ. – 388 с.*

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аллахвердова О.В., Шэ Линь (Санкт-Петербург)

Глобализация современного мира создала огромные преимущества в развитии обществ и человечества в целом. Но наряду с позитивными фактами нельзя не отметить проблемы, возникающие между людьми разных национальностей при их взаимодействии в мегаполисах. Мегаполис в словаре Ожегова толкуется как «город с многомиллионным населением». К особенностям мегаполиса относят его ведущую роль как делового, политического и финансового

центра национального и мирового уровня. А также характерно наличие международных организаций, роль центра культуры и искусства, концентрация высококвалифицированных видов деятельности.

Начиная с 90-тых XX века, таким мегаполисом стал Санкт-Петербург как наиболее привлекательный город для сотрудничества, бизнеса и туризма иностранцев из разных стран.

Первый опыт сотрудничества русских и американских студентов в рамках полевых практик по защите ООПТ показал, что их коммуникации были напряженными и приводили к серьезным конфликтам. Это не было случайным, так как повторялось в течение трех лет, и каждый год неизбежно заканчивался конфликтами в группах студентов.

Целью нашего первого исследования было определение причин, приводящих к конфликтам. В исследовании использовались методы: интервью, включенное наблюдение и фокус группы. Важно было понять, как ценности, установки и стили поведения влияют на взаимодействие студентов и что является основным фактором, провоцирующим конфликт.

В результате исследования было обнаружено, что ценности студентов, как русских, так и американских сходны. Они считают, что здоровье, семья, личностный рост и профессиональная работа являются важными в жизни. Аналогичные данные нами были получены и в последующих исследованиях других национальных и культурных групп. (2004, 2007, 2012 г.г.)

Однако установки, определяющие наиболее типичное поведение студентов в различных социально-бытовых ситуациях и восприятие поведения других в контексте своих установок, оказывается различным у американских и русских студентов. Различные социологические исследования уже давно показали направленность на коллективизм и совместную ответственность за достижение результата у русских студентов и на индивидуальную направленность и личную ответственность у американских студентов.

Вывод: Первой причиной возникновения напряжения и развития в последующем конфликтов у студентов было непонимание поведения друг друга, связанного с различиями в установках, определяющих стиль поведения в различных ситуациях.

Сегодня по мере глобализации мира все более интенсивно происходит перемещение населения. Мегаполис, как активный участник международных отношений, включает взаимодействие между людьми из разных культурных слоев. Так, по статистике Росстата число жителей Санкт-Петербурга на 1 января 2016 года достигло 5,22 миллионов. В качестве важнейшего экономического, научного и культурного центра России, Санкт-Петербург, действительно, можно считать подлинным мегаполисом. В «Итогах Всероссийской переписи населения» 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей указано, что в Санкт-Петербурге проживают представители более 150 национальностей и народностей. Несмотря на то, что русские составляют 3,909 миллионов человек (более 90% от всего населения), в городе проживает и много других национальностей: украинцы – 64 тысячи человек (1,52%), белорусы – 38 тысяч человек (0,9%) . В 2014 году число прибывших из стран СНГ составило 62120 человек. В то же время, число прибывших из других зарубежных стран достигло 6122 человек: из Китая – 961 человек, из Грузии – 350 человек, из Эстонии – 342 человека. А за первые 3 месяца 2016 года (т. е. с января по март) в город прибыли 3807 человек из стран СНГ и 754 человек из других зарубежных стран.

Исследователи утверждают, что Санкт-Петербург – это не столько большая населенная территория, столько сложная культурная система, в которой активно взаимодействуют представители различных культур. Приезжающие иностранцы попадают в неприятные ситуации, так как оказываются в незнакомой культуре, в которой иные нормы и представления о правильном поведении. [4] Многие из проблем описаны в работах о межкультурной коммуникации. [7, 2, 3, 5, 9, 6, 8, 11] и многие др.

Очевидно, что чужая культура, с одной стороны, приносит новые взгляды на окружающую среду и обогащает местную культуру; с другой стороны, создает барьеры в общении и вызывает недоразумения, а иногда даже серьезные конфликты. К примеру, разговаривая с другими людьми, китайцы обычно не смотрят в глаза собеседника, и ощущают неловкость, когда на них пристально смотрят. Прямые контакты глаз в Китае воспринимают как знак «неуважения» и «грубости». А в России избегание контактов глаз считается нечестностью. В Китае проблемы межкультурной коммуникации изучали такие ученые, как Li De-jun (2012), Hu Wenzhong (1999), Zou Fulin (2007), Shao Tong (2011), [12,13] и др. Если между людьми различных культур возникают конфликты, конфликтующие стороны оценивают ситуацию своими стандартами, основанными на собственной культуре. В таком случае, борьба за интересы

превращается в убеждение в правильности или господстве своих ценностей, что проявляется в обострении межнациональных отношений в форме кризиса, хаоса (и даже войны)

Согласно Концепции демографической политики Санкт-Петербурга на период до 2025 года, к началу 2019 года планируется обеспечить сохранение миграционного прироста на уровне не менее 13,0 на 10 тысяч населения, к началу 2026 года – не менее 181,0 на 10 тысяч населения. Также в этой концепции был поставлен ряд задач демографической политики Санкт-Петербурга, в том числе и привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития Санкт-Петербурга с учетом необходимости их адаптации и интеграции.

Это ставит важные задачи перед социальной работой, которая должна обеспечить эти процессы. К ним относятся:

1. Реализация специальных программ, направленных на создание условий для адаптации и интеграции мигрантов и членов их семей (включая их обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения).

2. Содействие развитию в Санкт-Петербурге культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости.

Поэтому изучение межкультурной коммуникации и конфликтов является актуальной задачей социологии.

В данном подходе к профилактике конфликтов в межкультурной коммуникации активно используется обучение русскому языку, нормам права и культурным традициям. И это первый шаг в создании условий для взаимопонимания. Но культурные особенности стилового взаимодействия не могут в полной мере предотвращать межкультурные конфликты. Повседневная практика требует включения методов оперативного вмешательства и оказания помощи в ситуации возникающих и развивающихся конфликтов. Одним из продуктивных методов урегулирования межкультурных конфликтов является внедрение медиации – ведения переговоров с участием профессиональных посредников. Такой подход активно используется в Германии, Швеции, Англии и др. странах.[10]

1. Ваганова О.А. Межкультурная коммуникация как одна из культурных универсалий в сфере человеческой деятельности / Взаимовлияние языка и культуры. – Иркутск, 2003
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации, М., 2003
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М6Гнозис, 2006 – 376 с.
4. Денисова И. В., Еременко А. П. Типы межкультурных коммуникаций // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». — 2012.
5. Мошняга П.А. Билингвальное образование в Японии: межкультурная коммуникация vs мультикультурализм / Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 2010
6. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие / М.: Логос, 2007
7. Старыгина Г. М. Межкультурная коммуникация: Учебно-методическое пособие. — Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2014. — 112
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
9. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие / Томск: Томский политехнический университет, 2013
10. Embedding Mediation in Society/ Theory – Research-Practice- Training Eds by S.A. Manichev and Alex Redlich/ Frankfurt am Main : PETER LANG, 2012 -244 p.
11. Mary Ellen Guffey, Kathy Rhodes, Patricia Rogin Communicating Across Cultures / Business Communication Process and Production. Nelson Education Ltd., 2010
12. 邹英林 / 全球化背景下中西方文化的冲突与融合【J】. 潍坊学院学报, 2007 (09) 19-21
13. 邵彤 / 中西方社会文化差异在跨文化交际中的表现【J】. 沈阳工业大学学报(社会科学版), 2011 (01) : 92-95

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАЧЕСТВОМ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КУЛЬТУРЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ Андриянова Т.В. (Курск)

Показатели удовлетворенности потребителей качеством оказания услуг организациями культуры являются социальными индикаторами состояния отрасли на разных уровнях – от федерального до муниципальных образований. Они формируются на основе уже принятых моделей измерения показателей качества и уровня жизни населения, которые базируются на методологических рекомендациях ООН и ОЭСР. Это относится, прежде всего к качественным показателям, включающими в себя показатели условий труда, быта и досуга человека, куда относится и сфера культуры.

К объективным показателям, измеряющимся объективными методами, не зависящими от отношения к измеряемым свойствам объекта человека, производящего измерение или оценку, и обеспечивающим получение значений в параметрических единицах измерения относится изучение и оценка данных, размещенных на официальном сайте организации культуры и официальном сайте для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях культуры в сети Интернет (www.bus.gov.ru).

Среди субъективных показателей, измеряющихся субъективными методами, складывающимися в сфере психики человека, производящего измерение или оценку качества жизни, и зависящих от накопленных им знаний и сформировавшихся у него критериев оценки объектов, субъектов и явлений, выделяется изучение мнения получателей услуг учреждений культуры. Основные каналы сбора информации в данном случае:

- Интернет-канал (путем заполнения в сети Интернет специализированных форм опроса);
- виджет на сайте организации культуры, где пользователь сможет ответить на вопросы анкеты;
- электронная почта (оператор получает выборку из клиентской базы организации культуры с ее разрешения и отправляет электронные сообщения с формой анкеты для заполнения получателем услуги);
- опрос по телефону;
- установка терминала в организации культуры, позволяющая получателю оценить качество услуг, непосредственно находясь в организации культуры;
- личный опрос в ходе социологического исследования.

Социологические показатели, отражающие отношения людей к свойствам объектов или явлений, измеряемые посредством социологических опросов как показывает региональная практика, являются наиболее эффективными, однако и наиболее трудоемкими, и затратными, что не позволяет с их помощью проводить масштабных и длительных исследований. Сравнительный анализ каналов сбора информации по степени достоверности получаемых данных, по стоимости и по степени доступности для населения с обобщающей оценкой по 5-ти балльной шкале выглядит следующим образом: терминал в организации культуры -13; опрос по телефону – 12; личный опрос – 11; электронная почта – 10; виджет на сайте организации культуры – 9; интернет-канал – 7.

Все организации культуры для получения объективной картины удовлетворенности получателей услуг разделены на 3 группы в зависимости от их количества (в месяц):

- малые организации культуры – не более 2000 человек;
- средние организации культуры – от 2000 до 7000 человек;
- крупные организации культуры – более 7000 человек [1; 2; 3].

В системе унифицированной общероссийской номенклатуры показателей качества жизни, которая включает как объективные, так и субъективно-оценочные показатели, в раздел «Комплексный показатель качества жизни населения» входит, в том числе, и «Показатель духовно-психологического потенциала и качества услуг культуры». В номенклатуре этот показатель, используется для оценки индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) по методике ООН, что позволяет включать его, помимо обобщенного показателя качества жизни населения, в оценку ИРЧП.

Комплексные показатели находятся на более высоких уровнях, чем единичные, они измеряются путем свёртки показателей нижележащих уровней. Для обеспечения свёртки значений единичных разнородных показателей в значения комплексных показателей все значения объективных и субъективных единичных показателей переводятся в единую шкалу отношений, в

которой значения показателей выражаются в относительных единицах (0...1). Определение относительных значений единичных показателей производится по формуле:

где P_i – значение i -го единичного показателя качества, $P_i \max$ и $P_i \min$ – максимальное и минимальное значения i -го показателя. Затем шкалу отношений переводят в шкалу баллов, после чего дают качественную интерпретацию каждого балла:

0,859...1,0	7	Отличное качество
0,716...0,858	6	Хорошее качество
0,573...0,715	5	Удовлетворительное качество
0,430...0,572	4	Приемлемое качество
0,287...0,429	3	Нежелательное качество
0,144...0,286	2	Плохое качество
0...0,143	1	Очень плохое

Свёртка значений оценок единичных показателей в значения оценки комплексного показателя с учётом их коэффициентов весомости производится по формуле:

где K_i – значение оценки i -го единичного показателя, m_i – значение коэффициента весомости i -го показателя; n – количество показателей в данной группе. Для каждого комплексного показателя любого уровня:

Отбор показателей производится с учетом нескольких требований, среди которых: приоритетность региональных особенностей, то есть для отдельного региона должны отбираться показатели, отражающие факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на жизнедеятельность населения [4].

В Курской области в 2016 году в проведении независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры участвовали: Курский областной археологический музей, Курская государственная картинная галерея имени А.А. Дейнеки и 2 библиотеки (Курская областная библиотека для слепых и Курская областная библиотека для детей и юношества). Показатель «Открытость и доступность информации об организации культуры» измерялся на основе анализа информации, представляемой на сайте www.bus.gov.ru (от 0 до 7 баллов), на официальном сайте организации культуры (от 0 до 5 баллов) и на основе изучения мнения получателей услуг (музей – от 0 до 5 баллов, для библиотеки не предусмотрен) и являлся комплексным. Остальные показатели измерялись на основе изучения мнения получателей услуг посредством личного опроса ($N=1400$) – «Комфортность условий предоставления услуг и доступность их получения» (от 0 до 5 баллов), «Время ожидания предоставления услуги» (от 0 до 7 баллов), «Доброжелательность, вежливость, компетентность работников организации культуры» (от 0 до 7 баллов), «Удовлетворённость качеством оказания услуг» (от 0 до 5 баллов). Комплексная оценка всех показателей исходит из $\max=100$ баллов, которые формируют независимую оценку качества оказания услуг учреждениями культуры и представляются на сайт Министерства культуры РФ.

1. Приказ Минкультуры России №196 от 2 февраля 2015 г.

«Об утверждении перечня организаций культуры, в отношении которых не проводится независимая оценка оказания услуг в сфере культуры»

2. Приказ Минкультуры России от 25.02.2015 N 288

"Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями культуры"

3. Приказ Минкультуры России № 277 от 20 февраля 2015 г.

Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций культуры в сети «Интернет»

4. Система показателей качества и уровня жизни населения. URL: http://geolike.ru/page/gl_9132.html. Дата обращения 09.10.2016.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗМА

Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. (Санкт-Петербург)

Среди комплекса вызовов и проблем, сопровождающих развитие современного общества, важное место занимает стремительная экспансия массовой культуры, которая разворачивается в контексте современных глобализационных процессов. Проблема кризиса культуры, "заката" цивилизации и поиска новой культурной парадигмы не нова в истории человеческой мысли. Она много раз поднималась и обсуждалась западноевропейскими и отечественными мыслителями, каждый раз приобретая все новые оттенки и акценты. Привнесение в нее нового смысла, обусловленного социокультурными, религиозными, политическими, экономическими условиями эпохи порождало и новые подходы к преодолению этого кризиса, поиску путей выхода из него или мрачные прогнозы относительно судьбы мировой и отечественной культуры. Переход от классической культуры к господству культурной индустрии, произошедший в начале XX века, также был воспринят как глобальная катастрофа, потеря норм, образцов, ориентиров и идеалов. Собственно, любая попытка проникновения в сущность постиндустриального общества, выявления тенденций процесса глобализации неизбежно сопровождалась анализом массовой культуры.

В XX веке массовое общество и сопряженная с ним массовая культура стали предметом исследований виднейших ученых в разных научных областях: Х. Ортеги-и-Гассета, К.Ясперса, О.Шпенглера, П.Сорокина, Ж. Бодрийара, Р.Арона, Д.Белла, А.Моля, О.Хаксли, У.Эко, М.Фуко и др [См.: Ортега-и-Гассет. Восстание масс. М., Ясперс К. Духовная ситуация времени. М., Шпенглер О. Закат Европы. М., Бодрийяр Ж.Фантомы современности, Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество и др.]. Философско-культурологический и социологический анализ массовой культуры содержится и в работах современных отечественных ученых – Б.Ерасова, Г.Кнабе, А.Костиной, Э.Орловой, К.Разлогова, А.Флиера. Интерес к этому породил немало теорий и концепций «массовой культуры», авторы которых склонны рассматривать ее как особый социальный феномен, имеющий свой генезис, специфику и тенденции развития.

Появление массовой культуры, по мнению большинства исследователей, связано с появлением средств массовой коммуникации, то есть с рубежа XIX-XX вв. В 1895 году был изобретен киноаппарат, ставший средством массового искусства, близкого всем, независимо от пола, возраста, вероисповедания, не требующий для своего восприятия даже элементарной грамотности. К тому же времени относится и широкое распространение фотографии, занявшей важное место в массовых средствах информации. Изобретение и внедрение граммофонной записи породило ещё один раздел массовой культуры - лёгкую музыку, которая захватила радиовещание, а затем и все формы звукозаписи. Именно в этот период всеобъемлющая "массовизация" стала характерной чертой жизни. Она затронула все сферы - экономику, политику, управление и общение людей. Стремительное развитие массовой культуры начинается с 30-х годов XX века в США. Известный американский политолог Збигнев Бжежинский любил повторять фразу, которая стала со временем расхожей: «Если Рим дал миру право, Англия - парламентскую деятельность, Франция - культуру, то США дали миру научно-техническую революцию и массовую культуру». С середины XX века массовая культура становится тотальной и экспансивной.

Исследование процесса развития массовой культуры в России позволило выделить ряд этапов, которые в основном отражают процессы общеевропейского становления массовой культуры, но с учетом тех реалий, которые существовали в советском обществе. Согласно этой периодизации, конец XIX века рассматривается как этап, заложивший основы массовой культуры. 20-30-е годы связываются с появлением собственно массовой культуры советского периода. 70-годы ознаменовали поворот от идеологической советской массовой культуры к массовой культуре западного потребительского общества. И, наконец, с конца 80-х и особенно в 90-е годы начинается расцвет массовой культуры в пространстве постсоветской России.

Философские корни массовой культуры - начиная с античности - детально проанализированы зарубежными и отечественными исследователями. Древнейшие идейные истоки современной массовой культуры с ее ключевыми ценностями (развлечение, наслаждение, комфорт, потребление) можно найти уже в философских идеях киренаиков и эпикурейцев. Именно представителями данных философских течений были сформулированы и развиты этические принципы гедонизма. В качестве теоретической основы современной массовой культуры можно назвать философию позитивизма, которая нашла отражение в эстетике и оказала

влияние на становление натурализма. Натурализм как метод художественного творчества оформился в Европе во второй половине XIX века. Сведение социального к биологическому, откровенное изображение физиологической стороны человеческой жизни в ущерб глубине идейно-художественного содержания, утверждение всеобщности грубой будничной реальности и подсознательных импульсов человека, столь характерное для натурализма, несомненно, подготовило идеологию сексуальной вседозволенности, культ тела в массовой культуре современности.

В современной социологии и культурологии анализ понятия "массовая культура" всё более утрачивает свою сугубо критическую направленность. Подчеркивается функциональная значимость массовой культуры, обеспечивающей социализацию огромных масс людей в условиях сложной, изменчивой среды современного индустриального урбанизированного общества. Массовая культура характеризуется всеобщностью, она охватывает широкую срединную часть общества, затрагивая специфическим образом и элиту, и маргинальные слои. Довольно длительное время массовую культуру традиционно определяли и описывали через оппозицию культуре элитарной. Сейчас подобный подход представляется малоэффективным. Противопоставление определено позитивной и определено негативной оценок массовой культуры не совсем корректно. Очевидно, что влияние массовой культуры на общество далеко не однозначно и не вписывается в бинарную схему «белое – черное». В этом заключается одна из главных проблем анализа массовой культуры.

В исследовательской литературе нет единого мнения о функциях и аксиологических аспектах массовой культуры, хотя проблема функций продолжает занимать одно из центральных мест в исследованиях последнего десятилетия. В зависимости от "оптимистической" или "пессимистической" позиции автора анализируются те или иные функции массовой культуры. Именно оптимисты (преимущественно политологи и социологи) детально анализируют адаптационную и коммуникативную функции массовой культуры. Рекреационная функция массовой культуры снимает психологическое напряжение, вводит человека в мир иллюзорного опыта, ориентируя не на реалистические, а на искусственно создаваемые образы (имиджи), шаблоны и стереотипы. Культура для масс - это естественное сочетание видимой достоверности и утопических чаяний. Не случайно столь широкой популярностью пользуются у потребителей такие жанры искусства как детектив, вестерн, фэнтези, мелодрама, мюзикл, комикс. Именно в рамках этих жанров создаются упрощенные версии жизни и удовлетворяется эскапистские потребности человека, его стремление уйти от действительности. Коммерческая функция массовой культуры связана с превращением культуры в товар, включение ее в массовое, серийное производство. Товаром становятся практически все артефакты культуры.

Массовая культура, развиваясь и трансформируясь, приобретает новые черты и формы проявления. Среди новейших тенденций в развитии массовой культуры исследователи выделяют следующие. Во-первых, широкую экспансию визуальных форм и жанров, которые повсеместно теснят книжную культуру. Телевидение и компьютеры не только снижают интерес к книге, но и создают новый режим восприятия: визуальный образ "считывается" мгновенно и воздействует на уровень подсознания". Во-вторых, развитие массовой культуры ведет к кризису социально-культурной идентичности. Происходит нивелировка культурных различий (национальных, религиозных, социально-групповых, личностных). В-третьих, возрастает тенденция к мистицизму и мифотворчеству. Массовая культура мифологизирует сознание человека, причем все возрастающий мифологизм характеризуется эпичностью, зрелищностью, натуралистичностью.

В заключение несколько слов о возможных социальных перспективах массовой культуры. По всей видимости, она прочно укрепилась в современном обществе, и ожидать ее спонтанного исчезновения, по крайней мере, в ближайший исторический период, не приходится. Массовая культура – объективный факт, феномен, состояние общества, содержащее в себе позитивные и негативные тенденции. Противостоять негативным тенденциям возможно – при условии структурированности социальной жизни, наличия в области социальных форм традиций, которые создают систему социальных ориентиров. В обществе должны существовать фильтры и механизмы противодействия, сдерживания этих негативных тенденций. И одним из таких фильтров призвана стать система университетского образования.

Массовая культура не упрощенное издание "высокой" просветительской культуры, а вполне самостоятельное и сложное социальное явление, требующее всестороннего компетентного анализа. В мировой практике исследования массовой, или популярной, культуры постепенно выделяются в особую область научной деятельности (cultural studies), где объединяются усилия

различных специалистов: философов и культурологов, социологов и психологов, искусствоведов и музейных работников, журналистов и педагогов, менеджеров в сфере культуры и пр. По-видимому, условия для такого объединения творческих сил сложились и в России, однако потребность в нем пока еще недостаточно четко осознается обществом.

1. Аблеев С.Р. Кузьминская С.И., Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы. <http://www.roerich.com/aife/russian/ims/welcome1.html>.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
3. Генис.А. Вавилонская башня: Искусство настоящего времени. Эссе. М., 1997.
4. Добренков В.И.Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 т. Т.4.: Социальные институты и процессы. М., 2004.
5. Зборовский Г.Е. Шуклина Е.А. Образование как ресурс информационного общества //СОЦИС, 2005, № 7. С. 107-114.
6. Землянова Л.М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике //Вестник МГУ. – Серия 10. Журналистика. 2002. № 5.
7. Лисичкин В.А.Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.,1999.
8. Хагуров Т.А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа. Автореф... доктора социолог. наук. М., 2007.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
10. Шабунина В.А. Педагогические проблемы гуманизации процесса воспитания студентов сельскохозяйственного вуза. М., 2001.
11. Шевляков Е. Авиаминоз культуры //Научная мысль Кавказа, 1998. Вып. 3. Эко У. Как написать дипломную работу. М., 2004.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ И РУССКИХ (НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ)

Балич Н.Л. (Минск, Республика Беларусь)

Исследование выполнено в рамках проекта «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян» (договор с БРФФИ № Г15Р-032 от 04.05.2015 г.).

На основе данных конкретных социологических исследований выявляется роль и значение этнокультурных практик в современном белорусском обществе, отражается современное состояние и активность обращения к ним различных групп населения в повседневной жизни. Сравнительный анализ был направлен на раскрытие у респондентов чувства гордости, свободы выражения, позитивной презентации своей национальной принадлежности в пределах республики, знаний и особенностей воспроизводства языковых, семейно-бытовых, свадебных, религиозных, народных традиций в зависимости от возраста и национальной принадлежности респондентов в различных сферах жизнедеятельности.

On the basis of the data of special sociological studies the role and importance of ethnic and cultural practices in the modern Belarusian society have been revealed, the current state of practices and recurrence to them of different population groups in everyday life have been considered. The comparative analysis is aimed at the disclosure of the respondents' sense of pride, freedom of expression, positive presentation of their national identity within the country, their knowledge and features of reproduction of language, of family, wedding, religious and folk traditions in various fields of life, with the dependence on the age and ethnicity of the respondents.

В сохранении национального самосознания народов определяющую роль играют этнокультурные практики, воплощаемые в различных сферах жизнедеятельности людей.

В национальном самосознании комплексно и объективно отражаются особенности духовной и материальной этнокультуры, национальной психологии, характера. К этническим особенностям относятся, прежде всего, традиционная бытовая культура, многообразие которой проявляется в народных традициях, обычаях, обрядах как элементах этнокультурного самоопределения.

С целью изучения этнокультурных практик и особенностей их воплощения в повседневной жизни был проведен опрос населения Беларуси по репрезентативной квотной выборке. Полевой этап реализован на базе Института социологии НАН Беларуси

в 2016 г. Метод сбора эмпирических данных – формализованное интервью (объем выборки 1500 респондентов, статистическая погрешность $\pm 3\%$).

Этнический состав выборки соответствует данным об этнической структуре населения республики, полученным в ходе переписи населения 2009 года, согласно которым белорусами себя назвали 83,7 %, русскими - 8,3 % [1].

Этническое самовосприятие русских, белорусов измерялось исходя из развернутых ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать о себе, что...». Данный блок вопросов был направлен на раскрытие у респондентов чувства гордости, свободы выражения, позитивной презентации своей национальной принадлежности в пределах республики.

Полученные данные свидетельствуют, что для всех групп характерна позитивная этническая самоидентификация: гордятся своей национальностью 73 % белорусов и 75 % русских. Доля респондентов, заявивших о том, что не скрывают своей национальной принадлежности, а также рассказывают позитивно о своем народе другим, составляет 86% белорусов и 89 % - русских.

Неотъемлемой частью культуры и быта народов являются национальные традиции и обычаи, которые выступают эталоном поведенческих ориентаций в различные периоды жизни человека.

Второй блок вопросов раскрывает оценку респондентами своих знаний о традициях и обычаях своей национальности. Для сравнительного анализа были выделены группы белорусов и русских с корреляцией по возрасту (18-29, 30-49, от 50 лет и старше). Подавляющее большинство респондентов, отвечая на вопрос: «Как хорошо Вы знаете традиции и обычаи народа своей национальности?», чаще всего отмечают, что имеют о них лишь общее представление.

Респонденты белорусской национальности всех возрастов чаще называют знание ими семейно-бытовых, религиозных, свадебных традиций и обычаев, реже – народных традиций и обычаев, связанных с календарем восточных славян (Коляды, «Гуканне вясны», Иван Купала, Яблочный спас, Дожинки и др.). Респонденты старшей возрастной группы (от 50 лет) чаще оценивают свои знания о национальных традициях и обычаях как хорошие, реже указывают об их отсутствии.

Невелика доля респондентов русской национальности всех возрастных групп, оценивших свои знания традиций и обычаев (по сравнению с белорусами) как хорошие. Особенно наглядно это прослеживается в сравнительных характеристиках младших и старших возрастных групп. Так, семейно-бытовые, свадебные, народные традиции знают лишь 6,4 % русских и 23-26% белорусов в возрасте 18-29 лет. Большинство респондентов русской национальности старшего поколения (от 50 лет и старше) сообщают об отсутствии у них знаний о различных традициях и обычаях русских. Средняя возрастная группа русских респондентов чаще (39,8 %), по сравнению с белорусами (25, 9 %), отмечает хорошие знания религиозных традиций и обычаев.

Каждый народ использует свои приемы и методы трансляции и передачи культурного опыта. Практики поддержания этнической идентичности реализуются в осознанных действиях: владении и изучении родного языка, практике языкового общения с представителями своей национальности, включенности в национальные объединения. В семейной сфере культурный опыт воплощается в приобщении детей к культуре своего народа, сохранении традиционных предметов быта, одежды от предков в семье.

Третий блок вопросов выявил особенности воспроизводства семейно-бытовых и языковых практик от возраста и национальности респондентов.

Респонденты русской национальности всех возрастных групп лидируют во владении родным языком и изучении его, приобщении к религии и традициям своих детей, участии в национальных объединениях. Младшая возрастная группа русских респондентов (50,6 %), по сравнению с аналогичной группой белорусов (35,4 %), чаще заявляет о сохранении традиционных предметов быта и одежды в семье. В то же время больше белорусов поддерживает общение с людьми своей национальности, что, вероятно,

связано с территорией проживания и этническим составом населения Республики Беларусь (таблица 1).

Таблица 1. Практики поддержания этнической идентичности в зависимости от национальности и возраста, %*

Виды практик	Белорусы, %			Русские, %		
	18-29	30-49	50 и старше	16-29	30-49	50 и старше
Владеют языком или изучают его	63,8	61,5	62,9	88,9	81,0	82,2
Приобщают детей к культуре, религии, традициям	35,8	47,6	53,3	42,8	42,0	56,5
Сохраняют традиционные предметы быта, одежды в семье	35,4	37,6	47,7	50,6	30,8	38,7
Общаются, дружат с людьми своей национальности	81,9	80,2	79,3	73,0	66,8	80,0
Состоят в национальных объединениях	9,7	8,0	6,5	14,0	14,0	6,6

*в таблице представлены положительные ответы респондентов

Своеобразие и уникальность этнической культуры воплощается в традициях и обычаях: праздниках, фольклоре, символике, национальной кухне, религии и др.

Четвертый блок вопросов раскрывает реальную включенность этнокультурных практик в сферу повседневности, отражает современное состояние и активность обращения к ним.

Полученные данные свидетельствуют о невысокой значимости традиционных форм этнокультурных практик в повседневной жизни респондентов белорусской и русской национальности. Меньшей популярностью пользуется фольклор – национальные песни и танцы. Более половины белорусских и русских респондентов младших возрастных групп отметили, что никогда не обращаются к данному виду этнокультурных практик. Такая же особенность выявлена в средней возрастной группе русских. Невысока популярность использования в одежде и быту национальной символики. Этим же выделяются младшие возрастные группы белорусов, все возрастные группы русских. Отвечая на вопрос о частоте использования национальной символики, 69,9 % русских и 47,8 % белорусов младших групп ответили «никогда», такой же вариант ответа дан более 50 % респондентов русской национальности средней и старшей возрастных групп.

Чаще всего респонденты белорусской и русской национальности отмечают традиционные праздники, а также готовят блюда национальной кухни. Возвращаясь к вопросу востребованности национального языка в повседневной жизни, отметим, что респонденты русской национальности всех возрастных групп значительно чаще на родном языке читают книги, смотрят передачи, чем белорусы. Наиболее низкие показатели интереса к родному языку продемонстрировали респонденты младшей (6,1 %) и средней (7,6 %) возрастных групп белорусов.

Таким образом, этнокультурные практики – важное условие сохранения этнического самосознания и воспроизводства этнической культуры.

Исследование этнокультурных практик выявило, что белорусы и русские оценивают свое знание этнической культуры в целом как невысокое. Белорусский язык не используется как средство повседневной коммуникации большинством респондентов, в отличие от русского языка, что является тревожным сигналом в вопросе сохранения и трансляции языковых практик белорусов. Прослеживается ограниченное участие русских и белорусских респондентов всех возрастных групп в различных видах этнокультурных практик. Вместе с тем старшие возрастные группы показывают большую осведомленность об этнических традициях и обычаях, чаще включают этнокультурные практики в повседневную жизнь.

Невысокая популярность этнокультурных практик среди молодежи говорит о недостаточных знаниях, получаемых и усваиваемых детьми в важнейших социальных институтах – семье и школе, призванных знакомить подрастающее поколение с этнической культурой, содействовать возрождению и воспроизводству национальных традиций.

1. Национальный состав населения в 2009 г.// Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://census.belstat.gov.by/pdf/PopulationNation-ru-RU.pdf>.

МЕТОД РЕФЛЕКСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, РЕАЛИЗУЕМЫЙ ЧЕРЕЗ МНОЖЕСТВЕННОЕ СРАВНЕНИЕ

Басимов М.М. (Москва)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Для получения более объективных результатов в кросс-культурных психологических исследованиях А.Б. Хромовым была предложена процедура опроса для изучения этнических особенностей через измерение перекрестных коллективных рефлексивных представлений [17]. Коллективные представления изучаются на трех уровнях рефлексии (0, 1, 2). Нулевой уровень коллективных представлений измерялся прямыми оценками особенностей своей культуры и особенностей других культур. Первый уровень рефлексивных представлений совпадает с автостереотипами и рефлексивными представлениями других культур за представителей своей культуры. Второй уровень рефлексивного представления – многократное отражение некоторых особенностей культуры с точки зрения представителей другой культуры.

В случае трех этносов (оптимальное количество для исследования) в результате перекрестного измерения имеем 36 прямых и рефлексивных оценок первого и второго уровня для каждого измеряемого параметра. Оценки разделим на три группы в зависимости от того, какая культура (Н1, Н2, Н3) оценивается. Во вводимом для дальнейшего описания обозначении оценки NXYZ четыре позиции имеют следующий смысл: N – уровень рефлексии (0, 1, 2); X – кто оценивает (Н1, Н2, Н3); Y – кого оценивают (Н1, Н2, Н3); Z – с чьей точки зрения оценивают (Н1, Н2, Н3). По результатам оценивания каждой этнической группы по одному из параметров имеем 12 оценок: по четыре оценки со стороны каждой из трех изучаемых культур: одна прямая оценка (обозначается по позиции Z символом «*») и три рефлексивные оценки с точки зрения каждой из трех культур.

Для анализа кросс-культурного рефлексивного исследования [20, 19] был адаптирован авторский метод множественного сравнения [1, 2, 18], предложено структурное описание и геометрические иллюстрации результатов исследования.

Изучаемая матрица данных $D(N,M)$ рефлексивного исследования состоит из S (количество сравниваемых прямых и рефлексивных групп оценок, составляющих совокупность из N оценок по каждому параметру) блоков размерностью $N_i \times M$, где M – количество измеряемых параметров для каждой оценки, а N_i – количество оценок в каждой из S сравниваемых групп оценок (кто оценивает, кого оценивают, с чьей точки зрения оценивают). Количественной характеристикой множественного сравнения является матрица сравнительной весомости $V(M,S)$ [3, 4, 5, 9], с использованием которой можно построить различные наглядные распределения групп оценок и

изучаемых параметров, отражающие результат множественного сравнения. Матричный элемент V_{ij} определяет сравнительную значимость i -го параметра для j -ой группы оценок.

Матрица «Сравнительная весомость – I» строится в результате сравнительного анализа рассматриваемого множества групп оценок в рамках каждого параметра. Реализация алгоритма для одного параметра дает строку матрицы сравнительной весомости. Наглядное представление результата множественного сравнения строится в виде распределений по уровням достоверного отличия изучаемых групп оценок в рамках каждого параметра.

Матрица «Сравнительная весомость-II» ортогонального плана по отношению к первому варианту строится исходя из необходимости представления результатов в виде распределения по уровням изучаемых параметров в рамках каждой группы оценок. Данный вариант множественного сравнения можно охарактеризовать как неявный по отношению к первому варианту, так как несмотря на расчеты с представлением информации в виде распределения по уровням изучаемых параметров в рамках каждой группы оценок учитываются (неявно, через стандартизацию данных на всем множестве рассматриваемых групп оценок) и отличия групп оценок между собой в рамках параметров.

Матрица «Сравнительная весомость-III» (обобщенный вариант) строится в результате сравнительного анализа элементов прямого произведения рассматриваемого множества групп оценок и изучаемых параметров. Элементы множества, являющегося прямым произведением множеств выделенных для исследования групп оценок и параметров, обозначим следующим образом: $P\$/N\%$, где $P\%$ – параметр, а $N\%$ – группа оценок. Всего таких элементов $P\$/N\%$ в нашем случае будет $M*S$ (M параметров и S групп оценок).

Так как в данном случае необходимо сравнивать между собой выборки, относящиеся как к одному и тому же параметру, так и к разным параметрам, необходимо первичные оценки преобразовать в стандартные T -баллы (для совокупности всех рассматриваемых групп оценок). Элементы $P\$/N\%$ прямого произведения множеств групп оценок и изучаемых параметров сравниваются между собой (множественное сравнение) для всех возможных пар $P\%_i/N\%_j$ и $P\%_m/N\%_k$, где i и m принимают значения от 1 до M , а j и k – от 1 до S (всего $M*S(M*S-1)/2$ различных пар $P\$/N\%$ для M параметров и S групп оценок). Сравнение проводится с использованием статистического критерия Стьюдента.

Исходя из стандартизированных оценок вычисляем средние значения X_{ij} и средние квадратические отклонения Y_{ij} по каждому измеряемому параметру (i принимает значения от 1 до M) для всех заданных групп оценок (j принимает значения от 1 до S). Имея $M*S$ средних значений X_{ij} (и столько же средних квадратических отклонений Y_{ij}), проведем их множественное сравнение. Сравниваются попарно все элементы $P\$/N\%$ прямого произведения множеств выделенных групп оценок и изучаемых параметров. При обнаружении достоверных отличий между элементами $P\$/N\%$ прямого произведения множеств выделенных групп оценок и параметров выявляется сколько уровней достоверного отличия будет получено для них. Распределение элементов $P\$/N\%$ по уровням производится так.

Вычисляются критерии Стьюдента для всех возможных пар элементов $P\$/N\%$ прямого произведения множеств групп оценок и параметров. После чего расчетные значения критериев сравниваются с критическими значениями критерия Стьюдента для уровня значимости, например, $\alpha=0.05$. Пользуясь таблицей теоретического распределения Стьюдента выделяются те пары элементов $P\$/N\%$ прямого произведения множеств выделенных групп оценок и изучаемых параметров, для которых наблюдается достоверное отличие их средних значений.

Для каждого элемента $P\$/N\%$ (всего $M*S$) прямого произведения множеств групп оценок и параметров, выявляется сколько элементов $P\$/N\%$ $B(i)$ имеют значения достоверно меньшие и сколько элементов $P\$/N\%$ $A(i)$ имеют значения достоверно большие, чем элемент $P\$/N\%$ под номером i (i принимает значения от 1 до $M*S$). Вычисляется разность $B(i)-A(i)$, показывающая насколько больше элементов $P\$/N\%$ находится ниже данного элемента $P\$/N\%$ под номером i , чем выше, при сравнении $M*S$ элементов $P\$/N\%$ и выявленном при этом достоверном отличии между ними. Минимальному значению разности $B(i)-A(i)$ соответствует нижний уровень – первый, максимальному значению – высший уровень. Количество уровней очевидно может изменяться от 1 до $M*S$ для списка из $M*S$ элементов $P\$/N\%$ прямого произведения множеств выделенных групп оценок и изучаемых параметров.

Значения $B(i)-A(i)$ могут быть как положительными, так и отрицательными, изменяясь в интервале от $1-M*S$ до $M*S-1$. Значение $1-M*S$ соответствует случаю, когда элемент $P\$/N\%$ с номером i меньше по величине всех других элементов $P\$/N\%$ полученного списка, а значение $M*S-$

1 – если больше по величине всех остальных элементов $P\$/N\%$ прямого произведения множеств групп оценок и параметров. Заметим, что в этом случае (в отличие от двух предыдущих) нулю равна только сумма сравнительных весомостей всех $M*S$ элементов $P\$/N\%$ прямого произведения.

Далее для изучения несоответствия спектра прямых и рефлексивных оценок предпочтительней перейти от рассмотрения оценок в рамках каждого изучаемого параметра к рассмотрению этих оценок на множестве всех параметров.

«Тензор групп оценок» $TS(S,S)$ описывает интегральное сравнение групп оценок на множестве всех изучаемых параметров. «Тензор групп оценок» представляет симметричную квадратную матрицу $TS(S,S)$ размерности $S*S$ (S строк и S столбцов). Матричный элемент, принадлежащий строке i и столбцу j , дает численную характеристику «расстояния» между группами оценок под номерами i и j в пространстве изучаемых параметров, представленными ко векторами сравнительной весомости, определенными для замкнутого множества рассматриваемых групп оценок. Компоненты тензора групп оценок TS_{ij} вычисляются следующим образом: суммируются абсолютные значения разностей элементов двух столбцов матрицы сравнительной весомости $V(M,S)$ с номерами i и j для M параметров [5, 9].

Для наглядности можно распечатать тензор групп оценок покомпонентно в порядке убывания всевозможных парных различий между группами оценок на множестве изучаемых параметров. Всего компонент у тензора групп оценок $S*S$, из них S компонент, расположенных по главной диагонали, равны нулю (каждая группа оценок тождественна сама себе). Оставшиеся $S*(S-1)$ компонент образуют симметричную структуру. Значит, в покомпонентной распечатке достаточно привести в порядке убывания $S*(S-1)/2$ компонент. Тензор 36 групп оценок представляет собой матрицу $36*36$, определяющую «расстояния» между группами в M -мерном пространстве изучаемых параметров, которая состоит из 630 различных парных отличий между 36 группами оценок. Для анализа нам понадобятся только те компоненты, которые определяют расстояния между группами оценок, совпадающими по оцениваемой культуре. Таким образом, следует последовательно рассмотреть три подмножества компонент тензора, каждое из которых содержит по 66 компонент. Для получения значимых для описания и интерпретации результатов предпочтительней рассматривать в рамках каждой культуры эти 66 пар оценок по отдельным характерным подмножествам.

Данная процедура с некоторыми трансформациями может быть применена и в других социологических исследованиях, что позволит получить более глубокую информацию для понимания и интерпретации результатов.

Например, при изучении профессионального выбора выпускников и студентов первого курса можно задавать вопросы первокурсникам с оценками не только за себя, но и с позиций других (родителей, друзей, учителей). В дополнение к прямой оценке себя можно предложить еще три оценки. Как студент дает оценку себя (своего профессионального выбора и т.д.) с трех позиций (рефлексивные оценки): за родителей (как он считает, что думают родители); за его друзей (как он считает, что думают друзья), за учителей (как он считает, что думают учителя). Следующий уровень рефлексии дают оценки студента (а также, возможно, и родителей, и учителей) за других с разных позиций. В этом случае также желательно опрашивать и других (учителей, родителей), тогда эффект изучения отличий рефлексивных оценок будет еще более содержателен.

Но даже по оценкам, данных одним человеком, можно судить о сложности изучаемой проблемы в нем самом, неоднозначности, например, его профессионального выбора и т.д.

Другой пример – это внутрисемейные отношения, когда каждый член семьи дает оценки семьи и семейных отношений, отдельных членов семьи за себя (прямая оценка), за других (родителей, детей, братьев, сестер) – рефлексивная оценка.

1. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. / Под ред. Т.Н.Савченко и Г.М.Головиной. – М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
3. Басимов М.М. Математическое обеспечение рефлексивного исследования на примере межэтнических представлений // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – С. 2796-2804.

4. Басимов М.М. Математические методы анализа рефлексивных представлений // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы V Межд. Симпозиума 11-13 октября 2005г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского. – М.: Институт философии РАН, 2005. – С. 25-31.
5. Басимов М.М. Математические методы анализа рефлексивных представлений в кросскультурных исследованиях // Рефлексивные процессы и управление (Международный научно-практический междисциплинарный). – 2005. – Том 5. №1. – С. 59-70.
6. Басимов М.М., Хромов А.Б., Morrison D., Dibey V. "Законопослушность" в рефлексивных представлениях особенностей культур России, Индии и США // Общество и этнополитика: Матер. Междун. науч.-практ. интернет-конф. 1.04-15.06 2008 г.; СибАГС; Центр соц.-полит. исслед. и проектов; Центр социолог. и политолог. образования Ин-та социологии / под ред. Л.В.Савинова. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2008. – С. 79-94.
7. Басимов М.М., Хромов А.Б., Дюби Б. (Индия), Моррисон Д. (США) Рефлексивные представления некоторых особенностей культуры России, Индии и США // Рефлексивные процессы и управление (Международный научно-практический междисциплинарный). – 2005. – Том 5. №1. – С. 35-59.
8. Басимов М.М., Хромов А.Б. "Открытость к переменам" в рефлексивных представлениях молодежи России, Индии и США // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Первой Междунар. науч.-практ. конф. / Под общей редакцией О.Ф.Русаковой. – 15-16 дек. 2006 г. (Серия "Дискурсология". Выпуск 3) – Екатеринбург: Издательский Дом "Дискурс-Пи", 2006. – С. 11-13.
9. Басимов М.М. Математические методы анализа рефлексивных представлений в кросс-культурных исследованиях // Вестник Курганского государственного университета 2008. – №1(11). – С. 60-65. Серия "Физиология, психология, медицина", – Вып.3.
10. Басимов М.М., Хромов А.Б., Б.Дюби (Индия), Д.Моррисон (США) Рефлексивные представления некоторых особенностей культуры России, Индии и США // Вестник Курганского государственного университета 2008. – №1(11). – С. 66-79. Серия "Физиология, психология, медицина", – Вып.3.
11. Басимов М.М., Хромов А.Б. "Законопослушность" в рефлексивных представлениях // П.А.Сорокин и современные проблемы социологии. К 120-летию со дня рождения П.А.Сорокина и 20-летию факультета социологии СПбГУ / Матер. межд. науч. конф. – Первых Санкт-Петербургских социологических чтений 16-17 апреля 2009 года: в 2 т. Том 2. СПб., 2009. – С. 29-34.
12. Басимов М.М., Хромов А.Б., Моррисон Д. Оценка рефлексивным методом проблем семьи в России и США // Рефлексивные процессы и управление. Сбор.матер. VII Межд.симп. 15-16 окт. 2009г. / Под ред. В.Е.Лепского.– М.:Когито-Центр, 2009.– С. 33-36.
13. Басимов М.М., Берхеева Р.Н. Межнациональное рефлексивное исследование в рамках населенного пункта // Материалы VIII междун. науч.-практ. междисциплинарного симпозиума "Рефлексивные процессы и управление" (Москва, 18-19 октября 2011г., ИФ РАН). – М.: ИФ РАН, 2011. – С. 28-30.
14. Басимов М.М. Межнациональные рефлексивные представления башкир, татар и русских // Матер. междун. науч. конф. "Сорокинские чтения". К 300-летию М.В.Ломоносова. – М.: Университетская книга, 2011. – С. 54-55.
15. Басимов М.М. Сравнение результатов межэтнических рефлексивных исследований для различных групп испытуемых // Зауральский научный вестник. – Научно-инновационный журнал. Вып. 1(3). – Курган: Изд-во Курганского областного союза ученых. – С. 97-100.
16. Басимов М.М. Межэтнические рефлексивные представления различных групп испытуемых // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов IX Международного симпозиума 17-18 октября 2013 г., Москва / Отв. ред. В.Е.Лепский – М.: "Когито-Центр", 2013. – С. 265-269
17. Хромов А.Б. (Россия), Дюби, Бэнки (Индия), Мальхотра, Мамта (Индия), Моррисон, Дороти (США) Рефлексивные представления некоторых особенностей культуры России, Индии и США // Рефлексивные процессы и управление. Тез. IV Межд. симп. (7-9.10.2003). – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – С.153-154.
18. Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008. – 101 p.
19. Basimov M.M., Khromov A.B. Reflexive representations in cross-cultural research: Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008. – 120 p.
20. A.Khromov, M. Basimov Using the measurement's method of the reflexive representations in cross-cultural researches // International Journal of Psychology. Vol.43.ISSUE 3/4 june/august 2008 (XXIX International Congress of Psychology Berlin, Germany, July 20-25, 2008 Abstracts), p. 638.

ВЕГЕТАРИАНЕЦ СРЕДИ "ДРУГИХ"

Беспалова П.А., Бурмистрова М. С., Иванова А. О., Раевская М. Д. (Санкт-Петербург)

Вегетарианство как образ жизни и стиль питания в наши дни становится все более популярным. Если говорить о Петербурге, то об этом можно судить по тому, как активно развивается в городе «зеленый» бизнес (вегетарианские кафе и магазины). Это не говорит о том, что люди массово стали обращаться в вегетарианство, однако указывает на то, что в обществе существует интерес к этому феномену и спрос на определенные виды товаров и услуг.

В данном социологическом исследовании акцент был сделан на изучении повседневного взаимодействия вегетарианцев с мясоедами. Основной вопрос можно сформулировать следующим образом: как идентичность вегетарианца/мясоеда определяет стратегии поведения во взаимодействии с «Другим»? Под идентичностью здесь понимается «Я-идентичность» И. Гоффмана, то есть субъективное ощущение индивидом своей жизненной ситуации, своего своеобразия. [1. С. 167]

Взаимодействие как отдельных индивидов, так и групп индивидов составляет основу жизни общества. Любой человек, даже не меняя серьезным образом своей дислокации, имеет шанс вступить во взаимодействие с кем-то, кто по своим взглядам и исповедуемым ценностям будет кардинально отличаться от него самого. Кроме того, эти взгляды могут меняться в течение жизни. [3. С.95]

Любой индивид является «носителем» многих идентичностей. В зависимости от конкретной ситуации та или иная идентичность индивида актуализируется [4, 5]. Чаще всего это происходит тогда, когда человек вступает во взаимодействие с кем-то, кто имеет иную идентичность - «Другим». Идентичность, актуальная для ситуации, определяет тактики поведения индивида в этой ситуации. Поэтому изучать идентичность, пытаться увидеть, как она формируется и определяет взаимодействие людей друг с другом (в данном случае вегетарианцев и мясоедов), необходимо именно во взаимодействии.

Чтобы ответить на основной вопрос исследования, было необходимо определить, в каких ситуациях актуализируется идентичность индивида как представителя определенного стиля питания, а также то, какие факторы влияют на выбор той или иной стратегии поведения как со стороны вегетарианцев, так и со стороны мясоедов.

Эмпирическую базу представленного исследования составляют полуструктурированные интервью с тремя группами информантов, проживающих в Санкт-Петербурге: пары вегетарианец-мясоед (соседи по квартире/комнате и люди в отношениях), вегетарианцы и бывшие вегетарианцы. Интервью были дополнены четырьмя авторефлексиями и анализом сообщений в чате сообщества «Первый Вегетарианский» в социальной сети Вконтакте [6].

Выводы:

1. Как уже обозначалось раньше, среди информантов присутствовали люди, отказавшиеся от употребления мяса по совершенно разным причинам. Для наглядности, на основании проведенных интервью было выделено 4 типа вегетарианцев в зависимости от причин перехода:

1. Этический вегетарианец;
2. Духовный (идейный) вегетарианец;
3. Вегетарианец, который считает, что такой стиль питания более полезен, чем мясной;
4. Вегетарианец, который не любит или не переваривает мясо, поэтому его не ест.

Изначально в рамках этого исследования не планировалось делать акцент на причинах, по которым индивид отказался от мяса, однако сами информанты выступили в качестве инициаторов для обсуждения этой темы. Поэтому был сформулирован вывод о том, что именно причины отказа от мяса оказывают решающее влияние на формирование идентичности вегетарианца и его поведение при взаимодействии с «Другими».

2. Социокультурная идентичность вегетарианца-индивида это, скорее, ощущение собственной причастности не к какой-либо группе, а к идее или образу жизни. Она также формируется под воздействием причин перехода. Опираясь на работы Р. Брубейкера и Ф. Барта [2, 5], можно говорить о разной интенсивности этой идентичности. Этический вегетарианец больше противопоставляет себя «Другим», а мысль об отказе от вегетарианства кажется ему неприятной и постыдной, в то время, как те, кто отказались от мяса в силу причин, обозначенных в пунктах 3 и 4, могут вообще не противопоставлять себя мясоедам в большинстве ситуаций и спокойно

размышлять о вегетарианстве как об этапе в жизни или даже как о чем-то, что осознается ими как неправильное, но с чем они вынуждены жить (в случае, если мясо не переносится физически).

Что касается групповой идентичности всех вегетарианцев, то ее существование – большой вопрос. В ходе исследования было установлено, что вегетарианцев сложно представить в качестве чего-то единого и цельного, так как разногласия между сторонниками различных видов вегетарианства могут проявляться значительно острее, чем с мясоедами (другие «Другие» и свои «Другие» [4, 5]). Можно сделать вывод о том, что категория «вегетарианец» используется и самими вегетарианцами, и сторонними наблюдателями совершенно по-разному, а формирование групповой идентичности как ощущения общности и единства взглядов возможно только на более локальных уровнях, например, этические веганы-активисты или пескетарианцы и т.д.

3. Представления мясоедов, которые никогда не практиковали отказ от продуктов животного происхождения, о вегетарианцах и их образе жизни формируются под воздействием двух основных факторов: личного опыта общения с людьми, отказавшимися от употребления мяса, и конструируемого в СМИ и интернет-дискурсе образа вегетарианца.

Была установлена следующая закономерность: если у мясоеда был даже единичный негативный личный опыт взаимодействия с вегетарианцем, например, с агрессивным активистом, он (мясоед) склонен экстраполировать эти негативные эмоции на всех вегетарианцев даже в том случае, если наряду с негативным опытом, он имел и позитивный опыт общения с вегетарианцами. Отчасти это можно объяснить тем, что стереотипный образ вегетарианца, существующий в российском обществе, имеет множество негативных коннотаций.

Показательным является и тот факт, что стереотипные представления о вегетарианцах свойственны не только людям, далеким от этой проблематики, но и самим вегетарианцам. Некоторые из них говорят, что не хотели бы общаться с единомышленниками, потому что «они (другие вегетарианцы, но не сам говорящий) фанатичны и привередливы».

5. Что касается бывших вегетарианцев, то предположение о том, что на их возвращение в ряды мясоедов, могло повлиять окружение, не подтвердилось. В результате исследования был сделан вывод о том, что решение о переходе на вегетарианство или об отказе от него слабо поддается влиянию социальной среды. Этот выбор является очень личным и индивидуальным, поэтому он совершается даже во враждебных условиях.

6. Парные интервью с вегетарианцами и мясоедами показали, что ни позиция мясоеда, ни позиция вегетарианца не является агрессивной самой по себе, а наиболее удачная и удобная для обеих сторон тактика – это избегание темы питания. По словам информантов, при соблюдении такой стратегии, возникновение конфликтов и неприятных ситуаций сводится к нулю, и сосуществование в одном пространстве становится максимально комфортным для всех.

Результаты проведенного исследования дают представление о том, чем характеризуется взаимодействие вегетарианцев и мясоедов, действующих в общем социокультурном пространстве, и какие факторы оказывают наибольшее влияние на поведение каждого из участников этого взаимодействия.

1. Барышникова И.В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. № 2. 2009.

2. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

3. Васильева Д.А. ЛОКАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОФИСОВ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ / Социальная политика и социология. 2010. № 2 (56). С. 95-111.

4. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.

5. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.

6. vk.com/just_veg

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Бикметов Е.Ю. (Уфа)

Переживаемый современным российским обществом системный, нравственный кризис выступает в первую очередь как кризис ценностных ориентаций людей. Он во многом обусловлен

процессом «запаздывающей» или «догоняющей» модернизации 90-х годов XX века. В настоящее время российское общество напоминает конгломерат, рассыпающийся на части, в нем не удастся воспроизвести устойчивых социальных конструкций, а элементы общества в настоящее время, попадая в перспективе в зону притяжения различной поликультурной среды и нетрадиционных культурных доминант, иных цивилизационных центров, ценностных установок, ментальности, неизбежно теряют или будут терять собственную идентичность. Произошел фактический распад, утрата общенационального ценностного мировоззрения, ментальности. Реализуемая концепция «догоняющей модернизации» в качестве официальной идеологии 90-х гг. XX в. сделала ситуацию еще более драматической, поскольку в ходе ее осуществления социально поощряемой моделью поведения стала установка на крайнюю индивидуализацию жизненных, духовных, интеллектуальных алгоритмов.

Духовная культура как предмет социологического анализа направлена на восстановление духовной жизни человека, реализуется посредством социализации и воспитания. Она представляет собой совокупность ценностей и норм, регулирующих поведение человека. Теоретическая социология уделяла внимание анализу именно этого аспекта духовной культуры, так как именно в качестве социального «регулятора» духовная культура наиболее наглядным образом воздействует на само социальное взаимодействие» [1, с. 92]. Духовный вектор определяет направление развития не к частным образцам профессиональной деятельности, а к уникальному и одновременно целостно-смысловому образованию духовной культуры человека, его свободы. Духовная культура как интегратор социума становится сверхценностью, а это позволяет демонстрировать различие между необходимым и излишним. Духовная культура есть сложное социальное образование. Достаточно непростая и ее структура, вообще «структура духовности» [2, с. 54]. Духовная культура есть фундаментальная образованность человека и дух образованности, существующий в обществе. В структуру духовной культуры включаются такие пропорционально развитые компоненты, как фундаментальная интеллектуальная образованность, интеллект, нравственный дух, эстетизм, развитый душевный мир, мировоззренческая подготовленность личности к целенаправленной деятельности.

Исследование духовной культуры современной России невозможно вне осмысления ценностных ориентаций человека и общества. Личность лишь в том случае ценностно-ориентирована, если имеет место сознательное, духовное «самоограничение» субъекта в процессе выбора им «траектории» самоактуализации, самоопределения. В процессе отождествления терминальных ценностей с бытием происходит объективация самой ценности и превращение ее в средство нового целеполагания и целедостижения. Попытка социологической концептуализации особенностей становления духовной культуры человека, общности, социума предполагает анализ методологических проблем теоретической социологии. Еще О. Конт стремился к тому, чтобы социология могла преодолевать конфликты и тем самым предотвращать социальные потрясения. Духовная культура в этом плане выступает способом предотвращения социально опасных конфликтов. Анализируя социальное пространство современного российского общества, следует выделить такую его черту, как колоссальная культурная контрастность. Именно здесь пересекаются западные и восточные магистрали духовного и культурного развития, взаимодействия различных культур. Происходящие в социально-политической области изменения своеобразно проявляются в социокультурных трансформациях современного российского общества. При существующей неорганичности процессов модернизации внутренний социально-политический и культурный конфликт между отдельными фрагментами общества на каком-то этапе социального и духовного развития становится доминирующим над осознанием исторической общности. Такой причиной социально-культурного конфликта выступают способы формирования новой системы актуализированного и традиционализированного общественного идеала. Ценности внутри одного общества, приводящие к возникновению в данном обществе нескольких социальных групп на базе приверженности их к тем или иным ценностям, способствуют тем самым становлению конфронтационно относящихся друг к другу групп населения, одни из которых оказываются ориентированными на новые ценности, принимающие форму целевой установки, иные, напротив, формируются на основе духа толерантности по отношению к прежним ценностям, а также в ходе приспособления старых ценностей к новым.

Становление духовной культуры в общественных отношениях органичным образом сопряжено с идеей человеческой личности, с ее духовным богатством. Развитие личности направлено в целом на культурное, духовное развитие общностей. Личность есть «творческий дух», а последний – неотъемлемое начало человека, проявляемое и раскрываемое в духовном

бытии через осознание его в собственных экзистенциальных структурах (в том числе в экзистенциальных структурах личности человека) [3, с. 39]. Именно принцип человечности выступает мерой развития всечеловеческих ценностей, хранителем положительного нравственного опыта в форме ценностей и рекомендаций человеческого поведения. Этот принцип является самостоятельным фактором нравственности и морали. От уровня распространенности принципа человечности зависит реальное функционирование общечеловеческих ценностей. Специфика ценностного мировоззрения определяется в первую очередь способностью ценности выступать в роли нормативно-оценочного регулятора общественного сознания и соответствующих идеологических общественных отношений. Каждое проявление ценностного мировоззрения несет в себе нормативность, характеризуя «лицо» как общества в целом, так и отдельной личности, потому что только такое ценностное мировоззрение всегда стимулирует начало развития общественной и личной нравственности в конкретно-исторических и культурных условиях. Свое активное социальное значение оно приобретает в той мере, в какой становится достоянием большинства людей, входит в их практические отношения, проникает в их сознание и чувства. А целенаправленное формирование ценностного мировоззрения личности, соответствующего общественно значимым ценностям, позволяет выработать единый направляющий стержень моральной и социально творческой позиции личности.

В духовной культуре современного российского общества наблюдается полицентризм ценностей с характерным для него эмоционально-рассудочным видением социальной реальности, рассмотрением ее в различных ракурсах.

Институциональные преобразования становятся действительно необратимыми только тогда, когда они восприняты обществом и закреплены в системе ценностей, на которые это общество ориентируется.

Ценностный мир человека обладает понятийно-логической базой, но его социокультурные характеристики обусловлены исторически закрепленными вариантами модернизации и индивидуализации.

Основными факторами формирования новых ценностных установок, мировоззрения и ментальности может стать единство общечеловеческих, общенациональных, патриотических ценностей и нравственного духа как фундамента становления гуманного общества.

1. Матецкая А. В. *Социология культуры: учеб. пособие* / А. В. Матецкая, С. И. Самыгин. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2007. 317 с.

2. Федотова В. Г. *Душевное и духовное // Философские науки*. – 1988. – № 7. – С. 50-58.

3. Бикметов Е. Ю., Лукьянов А. В. *Духовная культура личности, общности, социальной организации. Монография*. – Уфа: УГАТУ, 2014. 149 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ШКОЛЕ

Бочарова А.С. (Барнаул)

Одной из важных характеристик современного российского общества является его поликультурность, связанная как с многолетним сосуществованием представителей различных этносов на одной территории, так и с массовой миграцией последних десятилетий. В настоящее время в России проживают представители более 150 национальностей, которые относятся к разным этнолингвистическим группам, имеют разное вероисповедание, собственную культуру и историю.

Школьная среда – это часть социальной среды, и существующие в современной школе проблемы подтверждают необходимость специальной работы, направленной на формирование этнокультурной компетентности как у учителей, так и у учащихся.

Понятие «этнокультурная компетентность» рассматривалось рядом отечественных ученых, педагогов и психологов. Так, А.Н. Некрасова под этнокультурной компетентностью рассматривает «определенное социально-психологическое свойство личности, обладающей определенным уровнем ее подготовленности к вступлению в межэтническое общение, то есть такую этносемиотическую осведомленность, которая позволяет личности легко и раскованно включаться в национально окрашенные ситуации общения, обеспечивает различную степень оптимизации взаимоотношений с представителями иных этнокультурных традиций». С.Н. Федорова рассматривает этнокультурную компетентность как «системное, интегральное личностное образование в единстве его статистических и динамических характеристик, отражающее

деятельность педагога, как субъекта этнокультурно направленного образовательного процесса». Автор в качестве содержательных компонентов этнокультурной компетентности педагога рассматривает три аспекта– этнопедагогический (связан с педагогическими понятиями, факторами, средствами, методами и функциями воспитания), этнопсихологический (связан с владением педагогом знаниями об особенностях психического склада и поведения детей, которые проявляются как национальный характер, определяющийся их национальной принадлежностью) и поликультурный (рассматривается, как степень проявления человеком знаний, навыков и умений, позволяющих ему правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества) [2].

В работах академика Г.Н. Волкова дается всестороннее обоснование необходимости полноценной этнопедагогической подготовки и ее составляющих. Им же была разработана этнопедагогическая концепция национальной школы, послужившая фундаментальной базой для развития национальной системы образования.

Основные принципы концепции:

- обучение и воспитание детей на родном языке с дошкольного возраста до окончания средних учебных заведений;
- формирование интеллектуальных способностей, социально- этнических качеств личности ребенка с учетом этнопсихологических особенностей и традиций народной педагогики;
- систематическое приобщение подрастающего поколения в процессе обучения к национальной культуре, обычаям и традициям родного народа, к его духовным и социально-этническим ценностям;
- учет регионального компонента в содержании и структуре преподаваемых в национальной школе предметов.

Осуществление данной концепции требовало специальной подготовки педагога, который должен знать о жизни того народа, с детьми которого он собирается работать [3].

Процесс формирования этнокультурной компетентности у школьников на каждом возрастном этапе имеет свои особенности.

Активные процессы социализации, начинающиеся с определения ребенка в школу, так же активно включают и механизмы приобщения к этнокультурным ценностям. Дети до 6 лет имеют достаточно размытое представление о своей национальности. Поэтому младший школьный возраст следует рассматривать как начальный этап формирования этнокультурной осведомленности личности. На данном этапе происходит усвоение школьниками знаний об этнической культуре своего народа, этническом многообразии мира, интериоризация этнокультурных и общекультурных ценностей, а результатом восприятия этнокультурных ценностей становится формирование этнокультурных представлений школьников.

Приблизительно с 9 лет у школьника эмоциональные предпочтения складываются в устойчивые стереотипы, появляются национальные чувства, происходит этническая самоидентификация ребенка со своей этнической группой, мотивированная национальностью родителей, местом проживания, языком, на котором говорит.

В младшем подростковом возрасте (10–11 лет) этнокультурная идентичность формируется в полном объеме, ребенок понимает уникальность истории разных народов, их специфические особенности традиционных культур. Способность к культурной идентификации и интерпретации ее ценностей.

Для учащихся старшего школьного возраста характерным является заметное расширение информационного пространства личности. Поэтому на данном возрастном этапе предполагается не только диалог с этническими культурами, но и выдвигается задача по глобализации культуры, что в свою очередь приобщает личность к общечеловеческим ценностям, формирует ощущение ее причастности к человеческой культуре в целом. Это позволяет формировать у школьника готовность выражать этнокультурную позицию через поиск гармонических отношений с жизнью, другими людьми, не нарушая при этом их воли [1].

Полиэтнический состав учащихся диктует необходимость использования специальных методов и приемов обучения и воспитания, направленных на развитие знаний, умений и навыков, требующихся для эффективной коммуникации с одноклассниками - представителями других этносов. С другой стороны, то, насколько полно будет реализован потенциал образовательной среды в отношении воспитания необходимых личностных качеств, определяет успешность дальнейшего взаимодействия представителей разных культур.

Таким образом, формирование этнокультурной компетенций, определяющей успешность межэтнического взаимодействия в условиях современного поликультурного общества, является актуальной и чрезвычайно сложной задачей. Большое значение при этом имеет реализация образовательного, развивающего и воспитательного потенциала, в частности, современных полиэтнических школ.

1. Горшенина, С.Н. *Этнокультурная компетентность личности школьника: ориентиры становления // Перспективы науки.* - 2011, - № 10 (25), - с. 281-283.
2. Екеева, Э.В. *Этнокультурная компетентность педагога // Мир науки, культуры, образования.* - 2009, - № 7. - с. 291-293.
3. Урусова, З.М., Джанибекова, Э.Х. *Этнокультурная компетентность педагога // Вестник Майкопского государственного технологического университета.* - 2014. - № 3. - с. 125-129.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Бухтиярова И.Н. (Москва)

Влияние ценностных приоритетов, мотиваций поступков, а также выбора культурной и духовной компоненты своего будущего современной молодежью России особенно сильно отражается на трендах и перспективах развития поколения, и будущего страны в целом, что, безусловно, является неотъемлемой частью гуманитарной составляющей национальной безопасности России. Во все времена идеи и образ жизни молодежи являлись той движущей силой, которая вела или к процветанию, или к деградации страны и нации. Результатами глобализации является расширение культурных контактов между представителями различных стран и народностей, взаимное проникновение культур, приобщение к молодежным субкультурам, и как следствие, стирание культурной самобытности, что выражается в моде, музыкальных предпочтениях, наблюдаемых вне зависимости от страны проживания.

Немаловажным является стремление старшего поколения научить современную молодежь сохранять в таком межкультурном взаимодействии свою культурную идентичность, для чего необходимо транслировать ценностные компоненты русской культуры, выдвигая на передний план традиционные семейные ценности, чтобы идентичность была охарактеризована добровольным принятием господствующих в сообществе элементов сознания, вкусов, привычек, норм, ценностей и других средства общения. Согласно социологическому опросу [4] «по мнению большинства опрошенных, причем как людей старшего возраста, так и самой молодежи, для современной молодежи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам. Эту точку зрения разделяют 64% молодых респондентов и 70% – представителей старшего поколения». Распространение среди молодежи настроений цинизма и равнодушия к идеалам в наибольшей степени ощущается в группе респондентов в возрасте 17-19 лет чаще всего (43% при 36% среди 20-23-летних и 31% среди 24-26-летних опрошенных. Сохранение своей культурной идентичности взрослым населением и приобщением к ней молодежи возможно посредством передачи семейной родовой памяти, выполнении генеалогического исследования своей семьи. В процессе такого исследования происходит открытие для себя личностей и примеров для подражания, семейных историй, формирующих у молодого поколения близкие по духу идеалы, и влияющих на становление ценностей, формирование своей культурной идентичности.

Понятие генеалогии, генеалогической культуры все чаще употребляется в концепциях нравственного возрождения России. В психолого-педагогической литературе [5] наряду с основными потенциалами личности, обеспечивающими формирование её мировоззрения (познавательным, духовным, творческим, коммуникативным и эстетическим), исследуются аксиологический (ценностный) и нравственный потенциалы. Вопросы формирования генеалогической культуры, влияние ее на ценности молодежи отражены в работах И.Н.Извекова, Ю.О.Баиновой, О.А.Щекиной, Суриной И.А, Краско А.В., Котельников С.Д.

Генеалогия представляет собой систематическое собрание сведений о происхождении, преемстве и родстве родов и фамилий [6]. Несмотря на то, что знание своих предков и истории своей семьи появилось одновременно с человеком, а сведения по генеалогии содержатся еще в летописях, данное понятие известно с конца XV века, тогда же в русском языке возникает термин «генеалогия». Генеалогическая культура определяется совокупностью ценностей - общечеловеческих: отражающих связи с семьей, принадлежность к семье; государственных и

общественных: отражающих осознание причастности к стране и роли предков в истории Отечества; патриотических и гражданских: влияющих на духовно-нравственное развитие личности. Среди основополагающих понятий генеалогической культуры выделяется родовая память, являющаяся связующим генеалогическим звеном индивидуального и общественного сознания, когда семейно-родовой опыт составляет основу нравственного багажа общества, собирая воедино духовные ресурсы многих поколений, являя собой культурную идентичность человека.

Формирование генеалогической культуры молодежи происходит в процессе генеалогического исследования, реконструкции персональных родовых событий, посредством приобщения к семейной истории, в котором возникает возможность наглядно продемонстрировать ценностный опыт, присущий каждому поколению, каждой ветви родового древа, почувствовать свою принадлежность к семье и к фамильному роду, продемонстрировать графический результат проводимого исследования, соединяющего воедино все звенья персонального рода, получить знание своих корней, своей родословной, а также осознать значимость и роль каждого отдельного человека в семейной генеалогии. Для молодого человека в результате исследования происходит понимание своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данной семье на протяжении десятков лет, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

1. Баикина Ю.О. *Генеалогическая традиция и потенциал семьи в системе факторов формирования духовных ценностей личности: дис. канд. социол. наук.* – Тюмень, 2002.
2. Бухтиярова И.Н. *Духовно-нравственные аспекты формирования генеалогической культуры молодежи.* / *Материалы V международной научно-практической конференции «Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика».* – Прага: *Sociosféra-CZ*, 2016.
3. Бухтиярова И.Н., Грудина Т.Н. *Генеалогические исследования как фактор формирования и развития семейных ценностей // Социология*, №3, 2016 г.
4. Бычкова М.Е., Смирнов М.И. *Генеалогия в России: история и перспективы.* М., 2004.
5. *Молодежь новой России: ценностные приоритеты.* [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_1.html. Дата обращения 09.10.2016г.)
6. Римашевская Н.М. *Исследование жизнедеятельности семьи как теоретическая основа семейной политики. // Семья в России.* –1995 г., №1,2.
7. Синельников А.Б. *Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие.* (Серия «Спецкурс»). – М.: КДУ, 2008.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ЦЕННОСТЕЙ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

Бушина Е. (Москва)

Азербайджан или Азербайджанская республика - многонациональная и многоконфессиональная страна, граничащая с Ираном, Турцией, Россией, Грузией и Арменией. Большинство населения республики исповедует ислам, меньшинство - христианство и иудаизм. Согласно статистическим данным 2015 года 53% населения проживает в городах, из них 23% - в столице Азербайджана.

Конец 80-х–начало 90-х гг. ознаменован сильной волной миграции вследствие экономического кризиса в стране. Русскоязычное население стало мигрировать еще в 70-х годах. Как отмечает Карачугина Л.: «Если в 1939 г. русскоязычное население Баку в 1,5 раза превосходило численность азербайджанского, то по переписи населения 1970 г. всё поменялось местами, чему способствовал комплекс демографических и экономических причин. После активной миграционной фазы оттока, датированной 1989-1992 гг., когда из Азербайджана уезжали и русские, и армяне, и смешанные семьи, поток из Республики в Россию год от года становился всё более азербайджанским. Азербайджанцы доминируют в нем начиная с 1996 г.»(Карачурина Л.Б., 2012)

За последующее десятилетие число азербайджанцев в стране возросло почти на 8%, при этом их численность в крупных городах составляет 96-99% населения. Однако, в столице этническое большинство составляет 88% населения города. Русские, в основном селятся в крупных городах, и занимают по численности второе место в Баку (7% населения столицы). После распада СССР и по сей день российско-азербайджанские взаимоотношения неоднозначны и противоречивы. Согласно опросам, проведенным в Азербайджане в 2003-2005 годы службой

«Puls-R», Россия одновременно входит в тройку дружественных и нейтральных стран по отношению к Азербайджану, и в то же самое время – находится на третьем месте после Армении и Ирана как наиболее враждебная страна.

Изучение межпоколенной трансмиссии ценностей внутри семьи может наглядно продемонстрировать насколько азербайджанцам важно придерживаться и сохранять свою идентичность, или контекст является ведущим в формировании ценностных профилей у представителей этой этнической группы.

Цель исследования: изучение межпоколенных сходств и различий ценностей у представителей младшего и среднего поколений титульного населения Азербайджана

Задача исследования: Выявить межпоколенные сходства и различия в ценностях у титульного населения Азербайджана в трех поколениях.

Основной метод исследования - социально-психологический опрос, в котором использован основной инструмент - ценности были измерены опросником инструментом PVQ-R Шварца и др. [2012]. Методика содержит 57 вопросов, позволяющих оценить степень выраженности у индивида 19 ценностей обновленной теории Шварца: Самостоятельность - мысли; Самостоятельность - поступки; Стимуляция; Гедонизм; Достижение; Власть - доминирование; Власть- ресурсы; Репутация; Безопасность- личная; Безопасность- общественная; Традиция; Конформизм- правила; Конформизм - межличностный; Скромность; Благожелательность - чувство долга; Благожелательность- забота; Универсализм - забота о других; Универсализм - забота о природе; Универсализм - толерантность. Далее ценности группируются в ценности высшего порядка: Сохранение, Открытость изменениям, Самоутверждение, Самопреодоление.

В таблице 1 продемонстрированы основные характеристики выборки.

Таблица 1 - Социально-демографические характеристики выборки

Группа	Кол-во/средн. возраст	Кол-во Мужчин (%)	Кол-во Женщин (%)
Титульное население Азербайджана			
Младшее поколение	95(22 года)	57%	43%
Среднее поколение	102 (47 лет)	28%	72%
Старшее поколение	102 (68 лет)	45%	55%

Результаты

Для выявления межпоколенных сходств и различий титульного населения Азербайджана, нами был проведен межпоколенный анализ выраженности ценностей высшего порядка (Wilks's $\Lambda = .82$, $F(8, 586) = 7,76$, $p = .000$, $\eta^2 = .10$) с использованием MANOVA. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнение выраженности ценностей высшего порядка у трех поколений титульного населения Азербайджана.

Ценности	Младшее поколение азербайджанцев			Среднее поколение азербайджанцев	
	Старшее поколение азербайджанцев	F (2,295)		Partial η^2	
	ср. (ст. отк)	ср. (ст. отк)	ср. (ст. отк)		
Открытость изменениям	4,07(.45)а	3,96(.31) а	4,02(.33) а	2,45	,02
Самоутверждение	3,73(.47) аб	3,64(.50) а	3,82(.37) б	4,19	,03
Сохранение	4,12(.43) а	4,18(.38) а	4,09(.36) а	1,45	,01
Самопреодоление	4,11(.29) а	4,12(.33) а	4,04(.26) а	2,25	,02

Титульное население в трех поколениях имеет одинаковую выраженность по блокам ценностей Открытость изменениям, Сохранение, Самопреодоление. Ценность Самоутверждения значимо отличается только между средним и старшим поколением – она выше у старшего поколения.

Изучая сходства и различия индивидуальных ценностей высшего порядка, можно сделать вывод о том, что по ряду ценностей все три группы азербайджанцев Азербайджана схожи, однако, ценность Самоутверждения значимо выше у старшего поколения, чем у среднего.

"ДОМ ВДАЛИ ОТ ДОМА": АНТИКАФЕ КАК ФОРМА ДОМЕСТИКАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Ваневская П.Н. (Санкт-Петербург)

Современный мегаполис предоставляет индивиду разнообразные варианты проведения досуга. Посещение разного рода развлекательных заведений, как кафе или кинотеатры, включено в нашу картину мира, в нашу повседневность.

Любое заведение представляет собой локализацию, структурированную по определенному принципу. Эти принципы дают действующему в этом пространстве индивиду определенный контекст, в котором необходимо действовать в соответствии с, в терминологии П.Бурдьё, габитусом [1, с.102]. Совокупность габитуализированных действий, иными словами, практики, подразумевают набор телесных и ментальных паттернов поведения в конкретном месте в конкретной ситуации.

Что включает в себя антикафе? Как правило, это место, где «все бесплатно, кроме времени»: за определенную плату посетитель почти круглосуточно получает различные угощения, развлечения, и, что главное, часть пространства, которое он может использовать для личных целей и самореализации, для отдыха или для работы, а также для общения с другими людьми.

По неофициальным данным, на данный момент на территории России открыто около двух сотен антикафе. В большинстве описаний заведений (на информационном портале kudago [7]) мы можем найти слова об «уютной атмосфере», «комфортном общении», «дружелюбии» и «спокойной обстановке», что делает значительный акцент на «домашности».

Посетители антикафе не воспринимаются как «клиенты»: их заботливо именуют «гостями», стирая тем самым границу между работником и посетителем, оставляя их практически на равных, вплоть до позволения обращаться друг к другу на «ты», то есть, включения механизмов позитивной вежливости, ради сближения на межличностном уровне.

Для части индивидов практика посещения антикафе не входит в повседневный опыт, а значит, не имеет под собой фоновых ожиданий и ряда поведенческих паттернов. Привычны же практики посещения кафе или ресторанов. В повседневном понимании кафе – это место, где можно перекусить и побеседовать с коллегой или другом, но не более. Иная знакомая практика – посещение ресторана, сформировавшаяся после Великой Французской революции как возможность почувствовать себя «богатом на час». За два столетия данное действие рутинизировалось, а контекст ресторана создал особые условия действия в нем.

Визит в антикафе становится крушением фоновых ожиданий, легкой фрустрацией, когда индивид еще не готов активно действовать в рамках предложенного контекста, так как сами условия деятельности оказываются вне повседневности, вне набора рутинных действий и представлений.

Локализация антикафе в городском пространстве, как правило, не направлена на то, чтобы привлечь к себе внимание. В основном, все заведения локализованы в центре города, но не вписаны в его парадную часть. Оознаваемость антикафе зависит от тех ориентиров, которые встроены в рутинизированное восприятие города. Например, мы скажем, что «это место рядом с площадью Восстания» или «рядом с Инженерным замком» и так далее.

Организация внутреннего пространства антикафе влияет на ритмику и вариативность действий, акцентирует внимание посетителя на ряде деталей и создает особую атмосферу.

Пространство антикафе подвергается зонированию, то есть делению на комнаты по функционалу или по тематике интерьера, где находится большое количество мест для сидения: кресла, стулья, диваны, пуфы – все это прочитывается посетителем как призыв к отдыху, к размеренности действий и расслаблению.

Пространство антикафе не имеет четкой регионализации, и это подразумевает отсутствие иерархии: центра и периферии. Организация пространства вариативна, как и возможные действия. Соответственно, от индивида не требуется четких телесных практик: движений и поз. Можно сказать, что контекст антикафе заключается в отсутствии контекста: индивид свободен в своих действиях, как если бы находился не в публичном пространстве.

Антикафе предоставляют посетителям множество видов занятий, однако, базовые предложения – это угощения, настольные игры, книги. Специфика угощения в антикафе состоит в предоставлении посетителю самостоятельности; пространство при этом организовано так, что своеобразная «кухня» всегда вынесена наружу и открыта для эксплуатации.

Практики настольных игр очень популярны в антикафе. В повседневной жизни индивида настольная игра вызывает ассоциации с дружеским или семейным общением, что заставляет воспринимать окружающее пространство в соответствующем контексте.

Распространенным также является использование книг в оформлении пространства антикафе. Это вновь относит нас к неосознанному воспроизведению в сознании ассоциаций со спокойствием и домашним уютом, ведь, что важно, книги здесь в свободном доступе: их можно брать и читать, как в любой домашней библиотеке. Но не стоит забывать, что даже при наличии «побочных» видов деятельности, антикафе прежде всего представляет собой место для общения и свободного взаимодействия людей.

Атмосфера непринужденности и обжитости создается за счет деталей: от картинок на стенах до предметов обихода. Попадая в подобное пространство, посетитель ощущает себя оказавшемся в некоем хаосе мелочей, но мелочей приятных глазу и ассоциативно относящихся его в пространство дома.

Пространство антикафе, как и любое пространство, «проживается» за счет рождения метафоры в сознании индивида. Метафорой мы можем назвать характеристику атмосферы места; это дает нам право говорить, что метафорой антикафе является «дом» или «визит в гости». Драматургическая теория И.Гофмана [4] говорит, что при взаимодействии индивидов актуализируется передний план, в то время как то, что остается вне контекста, уходит на задний план. Отсутствие контекста в антикафе, таким образом, позволяет индивиду «оставаться собой», не стимулируя себя действовать, полагаясь на определенные ментальные и поведенческие паттерны. Такой образ действия является подтверждением созданной метафоры пространства антикафе как «дома».

В теории Р.Ольденбурга [5] о «третьем месте», или о «ключевых точках неформальной публичной жизни», третье место – это то, что доводит жизнь жителя мегаполиса до полноценного состояния, то есть то, что стоит между двумя основными локациями – работой и домом. Характер третьих мест [5, с. 62]:

- это нейтральная территория;
- это уравниватель;
- беседа – основная деятельность;
- доступность и размещение;
- завсегдагаи;
- неприметность;
- настроение - игривое;
- дом вдали от дома;

Антикафе – относительно новая форма «третьего места» и форма проведения досуга, однако, вновь обратившись к факту того, что это место наиболее четко и ярко вбирает в себя характеристики домашнего пространства, мы имеем право говорить о процессе доместикации городского пространства за счет распространения мест данного вида. Таким образом, изменяется общее восприятие пространства мегаполиса, где, как правило, индивид ощущает себя отчужденно.

Рост количества локализованных пространств, организованных по принципу антикафе – это путь к более позитивному восприятию города, к созданию дружелюбной атмосферы и к запуску механизмов адаптации индивида в городском пространстве.

1. Бурдые П. *Практический смысл / Перевод с французского / Общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко.* СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии. 2001, 562 с.
2. Волков В.В., Хархордин О.В. *Теория практик / Вадим Волков, Олег Хархордин.* – СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге. – 298 с.
3. Гиддэнс Э. *Устроение общества: Очерк истории структуризации.* – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
4. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева* — М.: «КА» НОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 304 с.
5. Ольденбург Р. *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Рэй Ольденбург; пер. с англ. А. Широкаковой.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
6. Филиппов А. *Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. Т.8. №3. 2009. С. 3-15.*
7. <https://kudago.com/spb/list/top-12-antikafe-peterburga/>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Васильева Д.А. (Санкт-Петербург)

Общая территория (как место обитания и как ресурсная база) играет огромную роль в процессе формирования и легитимизации социальных объединений: она фиксирует явления, имеющие социальную основу. В классической социальной антропологии механизмы формирования определенной социальной структуры и возникновения чувства солидарности неоднократно описаны на примерах формирования эндогамных брачных ареалов, экономической кооперации и совместного проживания. [4, 110-111] Рэдклифф-Браун описывает двойную систему отношений, состоящую и из локальных, и из родственных групп, рассматривая общую территорию и родственные отношения, как источник общих интересов. [7, 43-61] Результатом освоения и идентификации с кормовой территорией является и такой феномен как «родство по кормлению» [2] – источником такого родства становится не только социальная связь, возникающая в процессе вскармливания и совместных трапез, но и кормовая земля, на которой живет, совершает совместную деятельность и с которой кормится родственная группа. Эта территория становится символом идентификации. [2, 25; 4, 111]

Таким образом на основе социокультурного механизма идентификации территорий и их границ возникают формы общинной территориальности (родственные и локальные). Реинтерпретация территории, как общей для этнической или национальной группы или базовой для других расширенных форм групповости, имеет во многом сходную природу. Тем не менее, в отличие от описанных на материалах традиционных общин форм территориальности в основании механизма идентификации с «кормовой территорией» лежит не разделенный опыт, а дискурс ее освоения и принадлежности к месту.

«Чувство места» и «осознание принадлежности» - понятия, используемые Э. Коэном для исследования механизмов символического конструирования общины. Принадлежность индивида к той или иной социальной общности напрямую зависит от успешности распознавания пространства и конфигурации его «мест», и во многом завязана на повседневные практики. [9, 27-31] Вариативность поведения в конкретной ситуации, соотнесение ее со структурой идентичности выстраивается во многом за счет умения производить нужное с точки зрения контекста взаимодействия впечатления, показывает нам, каким образом утверждает, демонстрирует, меняет свои ежедневные пространственно-временные пути индивид.

Связи, которые устанавливает с пространством воображение, являются достаточно сложными и многообразными. Французский антрополог М. Оже выделил три формы идентификации в современном городском пространстве: «встреча», «память» и «фикция». Идентифицируя место, как «место встречи», индивид апеллирует к личному разделенному с значимыми другими опыту (место учебы, места знаковые для влюбленных и т.д.). Пространство города-памяти разительно отличается от пространства города-встречи – его формируют дискурсы, завязанные на память группы, ее историю. Историческая наука, образы городов в художественных произведениях порождают необходимые для идентификации с городом образы. [6]

Современный город не осмысляется вне мировой сети «городских мест», это порождает новую форму восприятия городского пространства – фикцию. В этом случае план символического заменяется кодом коммуникации: наше восприятие аэропортов, торговых центров, отелей, развлекательных парков ориентировано в большей степени на стандартизированный медициной продукт и на сеть подобных мест (торговых центров, аэропортов), чем на специфику данной территории.

Город-фикция, описанный М. Оже, затрагивает описанный современными антропологами феномен детерриторизации и возникновения социального «неместа» в городском пространстве. [8] Так называемые «неместа» городского пространства характеризует замкнутость на себя. «Неместа» организованы таким образом, что для их освоения достаточно образов, символов, транслируемых на уровне глобальных потоков – они оказываются исключены из локального городского контекста. Многие специалисты, такие как в частности М. Оже, З.Бауман связывают их возникновение с необходимостью поддерживать безопасность и «чистоту» в публичном пространстве [1, 107-112], где сталкивается огромное количество незнакомцев, обладающих отличным друг от друга культурным опытом. Многообразия и различия нивелируются за счет

создания пространств, где столкновения с «другим» не просто можно избежать, а где оно полностью исключено.

Размышляя о том, как «незнакомцы встречаются с незнакомцами» в современных городах, глобализированных, мигрантских, туристических, перенаселенных и суетливых, З. Бауман выделил несколько механизмов направленных на снижение стресса, порожденного многообразием и различиями. [1, 103-107] Изначально город как феномен завязан на адаптирующем механизме, на «вежливости». Достаточно сложный глубинный символический ряд образа горожанина (например, образ «петербуржца») создает сильное поле, заставляя мотивированных новичков, придерживаться норм и правил, носить вежливую маску прилежнее старожилов. [3] Адаптирующими городскими территориями можно назвать исторический центр (не путать с «туристическим») любого города.

Альтернативные механизмы, помогающие нам справиться с непохожестью других, выделенные К. Леви-Строссом в традиционных обществах и работающие, по мнению З. Баумана, и сегодня в современной городской среде, – это, во-первых, запрет, «извержение», «выплывывание» незнакомых и чуждых; во-вторых, «пожирающая стратегия» культурного крестового похода. [5]

«Пожирающие места» современного города (такие как торговые и развлекательные центры, нейтральные зоны а аэропорту, загородные гипермаркеты) превращают человека в потребителя, навязывая ему маршрут, унифицированный набор образов и идей. [1, 107]

1. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб., 2008.
2. Бутинов Н.П. *Социальная организация полинезийцев*. – М.: Наука, 1985.
3. Куропятник А.И. *Общество, сообщество, нация: проблемы толерантности в нацио-нальных границах // Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обще-стве*. - СПб., 2004.
4. Куропятник М.С. *Коренные народы в процессе соци-альных изменений*. – СПб., 2005.
5. Леви-Стросс К. *Печальные тропики*. – М., 2010.
6. Оже М. *От города воображаемого к городу-фигури*. // *Художественный журнал*. – СПб., 1999. - № 24.
7. Рэдклифф-Браун А.Р. *Структура и функция в примитивном обществе*. М., 2001
8. Auge M. *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity* - London, New York, 1997.
9. Cohen A.P. *The symbolic Construction of community*. – London, New York: Routledge, 1995.

МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вершинина И.А. (Москва)

В современном мире миграционные процессы обрели невиданные масштабы и все чаще можно услышать о том, что мы наблюдаем второе великое переселение народов. Параллельно идут процессы внутренней миграции, не предполагающей пересечения государственных границ, и внешней, уже ставшей проблемой для ряда стран.

И внутренняя, и внешняя миграция – процессы, давно знакомы человечеству, и ранее редко рассматривавшиеся как негативные явления. Однако в XXI веке ситуация изменилась. Миграция все чаще становится избыточной.

Следствием внутренней миграции стала интенсивная урбанизация, горожане уже составляют большую часть жителей планеты и города продолжают расти, но подобный бурный рост не может во многих регионах обеспечить устойчивого развития, жители многих городов не могут обеспечить удовлетворения даже своих элементарных потребностей. Самыми быстрыми темпами в мире растут районы трущоб, где высокая рождаемость, но условия жизни ужасающи. Жители этих районов сталкиваются с дефицитом пресной воды, продуктов питания и антисанитарией. В одном из крупнейших городов Индии, Мумбаи, например, в бедных районах на тысячу жителей приходится всего два туалета [2, 112]. Численность обитателей трущоб уже превысила миллиард человек и, по прогнозам Организации Объединенных Наций (ООН), утроится и достигнет к 2050 году 3 миллиардов [5, 5]. Поэтому необходимо констатировать тот факт, что многие города не справляются с потоками внутренних мигрантов, которые обрушились на них.

Не лучше обстоит ситуация и с внешней миграцией, все чаще можно услышать о гуманитарной катастрофе, подобной которой, мир не видел со времен Второй мировой войны.

Международных мигрантов уже более 244 миллионов [1]. Любопытен тот факт, что при таком количестве мигрантов, юридически согласованного определения данного понятия не существует. ООН считает мигрантом «лицо, проживающее в чужой стране в течение более одного года, независимо от причин миграции (добровольных или недобровольных) и методов миграции (легальных или нелегальных)» [6], но это лишь одно из многих определений.

Гораздо менее противоречивым является другой термин – беженец, так как определение было дано в Конвенции о статусе беженцев 1951 года: лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне своей страны и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений [6]. Из 244 миллионов мигрантов официально признаны беженцами 20 миллионов [1]. Принципиальное различие между ними заключается в том, что беженцам необходимо помогать, так как они были вынуждены покинуть пределы своей страны, в то время как мигранты сделали это добровольно (в противном случае они могут претендовать на статус беженца) и должны позаботиться о себе самостоятельно.

Очевидно, что у международных мигрантов возникает гораздо больше трудностей, чем у внутренних, так как они оказываются в чужой стране, чьи язык и культура зачастую им не знакомы. Этническое и культурное многообразие – одно из главных следствий миграции сегодня. 76 миллионов международных мигрантов живут в Европе, 75 миллионов – в Азии, 54 миллиона мигрантов насчитывается в Северной Америке [1], поэтому очевидно, что проблема наиболее актуальна для европейских стран. При этом поток мигрантов в Европу только усиливается. В августе 2015 года средства массовой информации заговорили о глобальном миграционном кризисе, назревающем в европейских странах. Тысячи мигрантов из африканских стран, а также с Ближнего Востока пытаются любыми путями пробраться в Европу. Некоторые из них полагают, что европейские страны так же, как и США, несут ответственность за вооруженные конфликты в Ираке, Ливии и Сирии, вследствие которых они лишились нормальных условий для жизни, а поэтому считают, что им должны предоставить новый «дом» взамен разрушенного. Возможно, поэтому в Германии предпочитают избегать термина «мигрант» и говорят преимущественно о «беженцах».

Соединенные Штаты Америки выстраивали миграционную политику, опираясь на концепцию «плавильного котла», пытались сформировать культурно гомогенную американскую нацию. Различные народы и их национальные культуры «переплавлялись» в единое целое на основе общей системы ценностей. Во второй половине XX века необходимость ассимиляции ставится под вопрос в ряде европейских стран, в качестве альтернативы предлагается формирование мультикультурного общества, для которого характерны поддержка местных этнических групп, их языков и культуры. Более того, политика мультикультурализма предполагает, что поддержка этнических меньшинств является легитимной и обязательной функцией государства [7, 144]. Целью доминирующей культуры больше не является ассимиляция мигрантов и создание однородного общества. Существование культурных, религиозных и других различий поддерживается и не воспринимается как проблема. Политика мультикультурализма, или национального либерализма, получила большое распространение в Западной Европе в последней трети XX века, позволив мигрантам сохранять и поддерживать культуру, которую они привезли из стран своего происхождения. Последствия либерального национализма стали очевидны в начале XXI столетия и вызывают опасения не только у местного населения, но и у многих политических деятелей.

В отдельных населенных пунктах число мигрантов превышает количество местных жителей, поэтому периодически стали задавать вопрос: кто кого должен ассимилировать, если мультикультурализм вышел из моды? В прессе довольно активно обсуждалась ситуация в небольшой немецкой деревушке Зумте (земля Нижняя Саксония), коренное население составляет всего 102 жителя. За один день население деревни выросло вдвое, после того как в Зумте двумя автобусами привезли первую партию мигрантов в сто человек, большинство из которых – многодетные семьи [3]. Всего власти запланировали размещение в Зумте 750-1000 мигрантов, то есть почти в десять раз больше, чем местных жителей. Чья культура будет доминирующей?

Довольно часто можно услышать и другой вопрос: нужны ли мигранты Европе? Журналисты британской *The Guardian* провели опрос специалистов по демографии и предрекли демографическую катастрофу в Европе [4]. В последние годы рождаемость упала от Лиссабона до Берлина, от Рима до Мадрида. Европа переживает глубокий демографический кризис,

урегулировать который может, например, массовый прием мигрантов. Но готова ли Европа принять и ассимилировать десятки тысяч мигрантов, которые сейчас пересекают границы Европейского Союза, учитывая, что мультикультурализм уже был признан тупиковым путем миграционной политики? Не потеряют ли европейцы свой дом, разделив его с беженцами?

- 1) В 2015 году число мигрантов достигло 244 миллионов // Сайт Организации Объединенных наций. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.V_yJ_RD5OY, дата обращения 28.09.2016.
- 2) Дэвис М. Планета трупоб // Логос. 2008. № 3.
- 3) Забродина Е. Десять на одного // Российская газета. URL: <http://rg.ru/2015/11/05/derevushka.html>, дата обращения: 09.10.2016.
- 4) Нелюбин Е. Обзор инопрессы. Есть ли чувство стыда у ЕС, и можно ли спасти РФ от катастрофы. URL: <http://www.bfm.ru/news/301474>, дата обращения: 09.10.2016.
- 5) ООН-Хабитат – за лучшее будущее городов. Брошюра. 2009 // Сайт «ООН-Хабитат» Организации Объединенных наций. URL: <http://www.unhabitat.org/pmss/getElectronicVersion.asp?nr=2648&alt=1>, дата обращения 28.09.2016.
- 6) Определения // Сайт «Беженцы и мигранты» Организации Объединенных наций. URL: <http://refugeesmigrants.un.org/ru/definitions>, дата обращения 28.09.2016.
- 7) Kymlicka W. Introduction: An Emerging Consensus? // *Ethical Theory and Moral Practice. Special Issue: Nationalism, Multiculturalism and Liberal Democracy. June 1998. Volume 1. Issue 2, pp. 143-157.*

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Войтенко В.П. (Ростов-на-Дону)

Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Конструирование национально-государственной идентичности на Юге России основано на нормативно-правовых актах федерального и регионального уровней. Базовыми федеральными нормативными документами, задающими вектор строительства национально-государственной идентичности по всей стране, в том числе и на Юге России, являются Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и Концепция государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года. Перечисленные нормативно-правовые документы выступают основой для более частных нормативных документов, какими являются Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации и федеральные государственные образовательные стандарты. Более того, до недавнего времени на территории Российской Федерации реализовывались три государственные программы: 1) ГП «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», 2) ГП «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы», 3) ГП «патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы». В целом следует отметить, что федеральные нормативно-правовые акты провозглашают необходимость построения в российском обществе национально-государственной идентичности, способствующей укреплению единства многонационального народа России, путем формирования чувства патриотизма, духовных и нравственных ценностей народов России, а также воспитания культуры межнационального общения и толерантности [1].

Региональная нормативная база конструирования национально-государственной идентичности в южно-российском регионе в первую очередь представлена региональными целевыми программами и концепциями, направленными на патриотическое воспитание граждан. Лишь в одном субъекте Юга России – Республике Адыгея – в 2015 году принят республиканский закон «О патриотическом воспитании» (всего 18 субъектов Российской Федерации приняли региональные законы о патриотическом воспитании граждан). Республиканские РЦП патриотической тематики имеют ярко выраженную военно-патриотическую компоненту,

преимущественно направленную на военно-патриотические цели и более эффективную допризывную подготовку молодых граждан. Об этом свидетельствует и наличие в республиках Северного Кавказа специальных региональных центров (советов), призванных курировать вопросы патриотического воспитания и подготовки молодых граждан к военной службе. Так, в республиках Северного Кавказа ежегодно проводятся спартакиады по военно-прикладному многоборью и техническим видам спорта, соревнования по военно-прикладным видам спорта среди допризывной молодежи, а также создаются военно-патриотические клубы, тесно сотрудничающие с местными военными комиссариатами и региональными отделениями ООГО ДОСААФ России.

Говоря о военно-патриотическом воспитании в других регионах Юга России, необходимо отметить, что на Дону и Кубани в этот процесс активно вовлечено казачество. Так, помимо традиционных форм военно-патриотической работы, таких как военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок», в Краснодарском крае и Ростовской области пользуются популярностью такие военно-спортивные игры, как «Казачий сполох», «Пластунский берег», а также военно-спортивные игры казаков в возрасте от 18 до 30 лет [2]. В Ставропольском крае военно-патриотическое воспитание молодежи проходит с привлечением Ставропольского окружного казачьего общества, в структуру которого входят казачьи военно-патриотические клубы, военно-спортивные клубы, секции, молодежные организации и воскресные школы. Данное казачье общество ежегодно организует и проводят военно-полевые сборы на горе Стрижамент, краевые молодежные казачьи игры, краевой конкурс «Казачьему роду – нет переводу!» [3].

Следующим направлением конструирования национально-государственной идентичности на Юге России вступает исторический компонент патриотической социализации, направленный на изучение многовековой истории Отечества, его места и роли в историческом процессе, изучение героического прошлого различных поколений, боровшихся за независимость и самостоятельность страны, познание историко-культурных истоков сопричастности к прошлому, осознание неповторимости Отечества, его судьбы, гордости за сопричастность к достижениям предшествующих поколений, понимание исторической ответственности за происходящее в обществе и государстве [2]. В первую очередь необходимо отметить, что в реализации данного компонента конструирования национально-государственной идентичности огромное значение имеют акции и мероприятия, проводимые на всероссийском уровне. Так, во всех регионах Юга России проводятся ежегодные традиционные «Вахты памяти» в честь празднования Великой Победы, всероссийская акция «Бессмертный полк», всероссийский конкурс «Великая Отечественная Война в судьбе моей семьи», всероссийский слет патриотов «Равнение на победу», всероссийский конкурс патриотической песни «Я люблю тебя, Россия!», всероссийский фестиваль народного творчества воинов Вооруженных Сил, ветеранов войны и военной службы, членов их семей «Катюша» и др.

Помимо всероссийских мероприятий, посвященных историко-патриотическому воспитанию молодежи, в субъектах Юга России регулярно проводятся региональные акции памяти подвигов местных жителей: историко-патриотическая композиция «Мой Ростов» (Ростовская область), историко-патриотическая акция «Путь достойных предков» (республики Северного Кавказа), историко-патриотическая акция «Народная память» (Ставропольский край), историко-патриотическая акция «Первая мировая война» (Волгоградская область). В 2015 году казачьи отряды Волгоградской, Астраханской и Ростовской областей, а также Республики Калмыкия осуществили конный переход из Волгограда в город-герой Севастополь, который был приурочен к 70-летию Победы в Великой Отечественной Войне.

Третий компонент конструирования национально-государственной идентичности на Юге России – этнокультурный компонент, направленный на укрепление социального, межнационального и межконфессионального согласия, профилактики экстремизма, терроризма и ксенофобии, сохранение традиционной культуры народов страны (фольклор, этнография, история). В целях налаживания межкультурных контактов и взаимодействия, формирования чувства толерантности у народов Юга России в регионе на регулярной основе проводятся различные фестивали и праздники. Так, в республиках Юга России ежегодным стал фестиваль культуры и спорта народов Северного Кавказа, фестиваль документального кино и телевизионных авторских программ Северного Кавказа «Кунаки». В Ростовской области с 1995 года проходит Фестиваль национальных культур «Народов Дона дружная семья». Практически во всех субъектах Юга России, в том числе и республиках, действуют региональные отделения общероссийского общественного движения «Русь», деятельность которой направлена на сохранение мира,

достижение общественного и межэтнического согласия, возрождение духовности и культуры русского населения России.

В реализации этнокультурного компонента конструирования национально-государственной идентичности интересен опыт Ставропольского края, где в данный процесс вовлечены православные конфессиональные институты (Ставропольская митрополия Русской православной церкви, прежде всего, Пятигорская и Черкесская епархия). В структуре Ставропольской митрополии РПЦ функционируют специальные отделы по работе с молодежью, деятельность которых направлена на духовное воспитание молодежи края. Среди реализованных краевыми епархиями проектов особо выделяется православно-мусульманский молодежный форум «Кавказ – наш общий дом».

Четвертым компонентом конструирования национально-государственной идентичности на Юге России выступает студенческий активизм, которому способствует активное создание научно-организационных связей между вузами Юга России, академическими отраслевыми научными учреждениями региона, органами региональной власти и молодежными организациями. Эффективным вектором конструирования национально-государственной идентичности на Юге России стал Всероссийский молодежный лагерь «Машук». В республиках Северного Кавказа существует практика проведения, так называемых «предмашуков». В качестве иллюстрации выступает региональный молодежный форум Республики Ингушетия «Таргим».

На базе Северо-Кавказского федерального университета, Южного федерального университета (Институт социологии и регионоведения), Адыгейского государственного университета, Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, а также Пятигорского государственного лингвистического университета функционируют специальные центры и клубы национальных языков и культур, проводятся фестивали и конференции, а также общественно-политические акции с участием студентом, посвященные государственным праздникам Российской Федерации (День народного единства, День России, День государственного флага России, День Победы, День Защитника Отечества, День славянской письменности и культуры) [4]. Все вузы Юга России являются активными участниками автопробега «Мир Кавказу». Помимо региональных проектов, молодежь Юга России является активным участником всероссийского молодежного образовательного форума «Таврида» (Республика Крым), а также всероссийского молодежного образовательного форума «Селигер».

Таким образом, конструирование национально-государственной идентичности на Юге России как система включает в себя универсальные (или общедоказательные), а также региональные компоненты и представлена следующими компонентами: 1) военно-патриотическое воспитание молодежи Юга России; 2) историко-патриотическое воспитание молодежи Юга России; 3) этнокультурное направление; 4) студенческий активизм.

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>.

2. Концепция патриотического воспитания молодежи в Ростовской области на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?ItemID=250&mid=128186&pageid=75189>.

3. Военно-патриотическое воспитание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://soko.terkv.ru/voenno-patrioticheskoe-vospitanie/>.

4. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014. С. 72-79. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eawarn.iea.ras.ru/pub/books/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%D0%A1%D1%82%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%98%D0%AD%D0%90%D0%A0%D0%90%D0%9D014.pdf.

КУЛЬТУРА, ГАРМОНИЯ И СОЛИДАРНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ АКТОРОВ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Волчкова Л.Т. (Санкт-Петербург)

Социологическое осмысление современного Российского общества предполагает обращение к классикам социологии и современным социологическим теориям. Классик социологии О.Конт видел идеал общественного устройства в установлении гармонии и солидарности всех классов и слоев. Вот такой сферой, где может быть установлена гармония и солидарность социальных групп, на наш взгляд, и является публичное управление, поскольку публичное управление – это сфера гражданского открытого управления, которое осуществляется ассоциированным собирательным субъектом, который формируется в результате трансформации государственного муниципального в публичное управление. Трансформация – это социальный процесс качественного преобразования уже сложившихся ценностей, норм, правил и управленческих практик. Для этого нужна политическая воля властных структур на всех уровнях ее иерархии, нужны общественная реклама, провозглашение, заявление о трансформации государственного управления в публичное управление как систему социальных взаимодействий активных, способных к социальным инновациям граждан, вступающих в трудовое сотрудничество в процессе управленческой деятельности с чиновниками, представителями властных структур на муниципальном и других уровнях управленческой иерархии. В этом призваны сыграть главную роль средства массовой информации, печать, телевидение. Это должно прозвучать из уст политических лидеров – главных управленцев, президента, главы правительства, лидеров конкурирующих партий и общественных движений.

Публичное управление – это, как мы уже отмечали в предыдущих наших публикациях, императивно координированная система социальных взаимодействий государственных чиновников – представителей власти и организованных групп граждан, образующих гражданское общество, это отношения управления, связывающие противоположные группы людей, обладающих властью, наделенных правом распоряжаться национальными ресурсами, умеющих договариваться при формировании национальных целей и способов их достижения. Этому нужно учиться, и эту функцию обучения призваны восполнять социальные науки, прежде всего социология.

А социология учит, что групповые взаимодействия регламентируются и направляются сложившимися в обществе ценностными установками, нормативными правилами поведения, т.е. культурными нормами и правилами, устоявшимися практиками и идеологически направляемыми практиками, поддерживаемые финансовыми вливаниями. Сложившиеся или формируемые культурные нормы, образцы и выступают инструментами императивной координации взаимодействия между акторами публичного управления. В социологии культура определяется как совокупность материальных и духовных ценностей, представленных материальными и духовными благами, способствующие развитию человека как потребителя этих благ, его познавательных, творческих способностей, направленных на созидание, прогресс общества. Культура – это сфера духовного развития человека, общества в целом. Как отмечал в свое время А.Турен, человек движется к обществу, управляемому универсальными ценностями и нормами разума. Вот такой универсальной ценностью является духовность как скоба, связывающая материальные и духовные ценности, формирующие культурное пространство как сферу развития человека во взаимодействии с другими членами общества.

Согласно обычного рассуждения гражданина, наша вселенная имеет законы мироздания. Человек как частичка вселенной сталкивается с этими законами бессознательно или сознательно. Духовность – сознательное соблюдение законов мироздания. Познавая окружающий мир, вселенную и понимая, что неукоснительно надо соблюдать эти законы, человек повышает свою духовность. Развитие духа, заложенного в душе каждого человека изначально вместе с рождением тела (физическая оболочка) означает накопление духовной энергии, проявление этой энергии может быть положительным и отрицательным, т.е. разрушительным, во вред всему обществу. Духовный человек – это человек, соблюдающий каноны и правила, установленные богом, законы мироздания, т.е. познавая и соблюдая эти законы, передающий свои знания и благие дела другим людям безвозмездно ради соблюдения этих законов и развития на благо Вселенной, мира.

Научное осмысление феномена духовности предполагает обращение к этимологии данного слова. Дух это сознание, мышление, психическая способность, то, что побуждает к действию, к деятельности, внутренняя моральная сила.

Социологическое осмысление духовности, опора на философские рассуждения Платона, Аристотеля, Бердяева подводит нас к следующим трактовкам духовности. Духовность – это культурное пространство строительства личности как гражданина. Духовность присуща человеку разумному, что выделяет его из животного мира. Духовность – качественно своеобразная духовная энергия – источник творчества. Позитивные качественные преобразование сущего с ориентацией на общечеловеческие ценности – жизнь, мир, дети, семья. Нравственные ценности : истина, добро, красота, знание, познание. По-знающий размыкает свою душу до слияния с единой духовной жизнью посредством слияния общечеловеческого разума и формирования ноосферы.

Истинная духовность, культура есть духовная соборность – тип социального единения на основе традиционно народной нравственности. Поэтому духовность связывается со свободой и любовью. Духовность связывается не просто с деятельностью сознания, а с ценностным срезом. На наш взгляд, духовность – это состояние целенаправленной возвышенной творческой деятельности. Это, по мысли Н.Бердяева, воплощение жизни, свободы и творчества, свобода – высшая форма проявления духовности. Такое понимание духовности подводит нас к оценке потенциала публичного управления. Оно может быть направлено как на созидание, на прогрессивное развитие общества, а может быть разрушительной силой, если используется в корыстных интересах, не служит прогрессивному развитию общества в целом и каждого его члена. Духовность как состояние целенаправленной возвышенной творческой деятельности во благо человека может возникнуть только в упорядоченной среде. Без порядка в повседневной жизни невозможно расти духовно, поскольку порядок базируется на понимании окружающего мира и осознании своего места в нем, понимании своей текущей задачи и необходимых действий для ее реализации. Порядок – это равновесие, наличие правил, по которым живет живая общественная система. Порядок основывается на знании, понимании человеком своего места в социальном культурном пространстве. Порядок – согласованность действий, равновесие, гармония, дисциплинированность. Поэтому духовность связывается с ответственностью за предпринятые действия. Совесть – наладчик побуждения. Совесть, как считал в свое время Декарт, самое значимое проявление духовности в человеке. Декарт отождествлял душу с умом, разумная душа способна к мышлению. Сократ соединял познание добра с воспитанием души, с выработкой нравственности народа. Для публичного управления важна гармонизация социальных взаимодействий. Гармония – это соразмерность в установках, в направленности социальных взаимодействий акторов публичного управления, результат гармонии – единогласие, единое звучание своих притязаний на долю совокупного общественного продукта. Гармония – это «установка культуры, ориентирующая на осмысление мироздания (как в целом, так и его фрагментов) и человека с позиции полагания их глубинной внутренней упорядоченности»(1. С.162). Гармония – это своеобразный порядок, это сила осознания себя человеком. Гармония проявляется как внутренний порядок и дисциплина. Гармония во взаимодействиях между людьми как членами ассоциированного субъекта публичного управления достигается при обязательном условии порядочности, ценности моральных качеств. Порядочность – это закон человеческих взаимодействий, базирующихся на честности, искренности, уважении, чуткости. Порядочность это есть гармоничные взаимодействия в любых ситуациях, сохранение ориентации на человеческое достоинство, на природные добродетели, т.е. способность души творить добро.

В духовности мы видим интегрирующее свойство профессиональности и других социальных качеств акторов публичного управления. Духовность – связь, гармония души и тела, момент одухотворения социальной деятельности человека. По Аристотелю, это актуализация социальной энергии, направленной на одухотворение мира. Совесть – самое значимое проявление духовности. Декарт отождествлял душу с умом. Разумная душа, способная к мышлению должна вести к благоговению перед добром.

Применительно к публичному управлению гармония – это согласие, консенсус. Гармоничность – это организованность акторов публичного управления. Этому могут способствовать программы духовного развития, программы социологического образования населения для чиновников, программы для направления социальной энергии народа, его социального творчества в направлении прогресса общества. В этих программах помимо культуры и его сердцевины духовности как способности человека к самопознанию акцентируется внимание на гармонии, на солидарности. Солидарность от латинского *solidus*, твердый стойкий, целостный.

Солидарность тесно связана с гармонией как консенсусом. Классики социологии О.Конт, Э.Дюркгейм солидарность рассматривали как упорядоченное взаимодействие в силу общественного разделения труда. Солидарность придает целостность социальным взаимодействиям в публичном управлении, обеспечивает социальный порядок. Солидарность придает сплоченность обеспечивает функционирование субъекта публичного управления как целого. Сплоченность, таким образом, характеризует степень интеграции между акторами публичного управления, формирование его ассоциированного субъекта. Усвоенные эти содержательные компоненты публичного управления – культура, духовность, гармония, солидарность становятся своеобразными нравственными императивами при принятии и реализации решений публичного управления. Это нужно осознать членам современного общества и действовать в соответствии с нравственными императивами.

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. М., 2002.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Для российского общества, характеризуемого полиэтничностью и социокультурным многообразием, актуальной продолжает оставаться задача выработки эффективной политики в сфере гармонизации межэтнических и межнациональных отношений, предотвращения и урегулирования межэтнических конфликтов. В современной России началась новая стадия формирования и реализации национальной политики, однако государственные институты и экспертное сообщество по-прежнему испытывают дефицит научных и управленческих практик.

Индикация степени разработанности научных вопросов, связанных с институциональными практиками в сфере межэтнических отношений в России несколько затруднена по двум причинам. Во-первых, само понятие институциональной практики еще не получило в отечественной социологии конвенциональной дефиниции, поэтому определение данного понятия во многом зависит от когнитивных установок отдельно взятого исследователя и/или региональной научной школы. Во-вторых, институциональные практики в контексте разнообразных форм межнационального и межэтнического взаимодействия еще не стали предметом специальных научных исследований, но это отнюдь не означает, что в современной научной литературе данные вопросы не поднимались совсем.

В целом мы принимаем определение институциональной практики, предложенное П. В. Пановым: «... «Единичная» институциональная практика ... представляет собой (потенциально) бесконечное множество конкретных интеракций, которые интерпретируются акторами как происходящие в одной и той же «типичной ситуации» ...» [1]. Так, А. К. Дегтярев и О. Ю. Посухова, исследуя проблемный фон гармонизации межрасовых и межэтнических отношений в США, подразумевают под институциональными практиками социальные и правовые механизмы регулирования [2]. Иными словами, институциональные практики разделяются на социальные практики и правовые практики.

Предметом научных исследований, в которых так или иначе прослеживается изучение институциональных практик в сфере межэтнических отношений, выступают: государственная политика нациестроительства в России, способы и история предотвращения / гашения межнациональных и межэтнических конфликтов в Советской и современной России, факторы межэтнической напряженности в российских регионах, ценностная политика в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой, миграционные проблемы. Однако в работах российских исследователей наблюдается некоторая избыточность описательного компонента в ходе анализа «неудачных» и «успешных» управленческих практик в сфере регуляции межнациональных отношений, увлеченность историческим контекстом межнациональных и межэтнических отношений. Следует отметить, что внимание уделяется преимущественно анализу формальных институциональных практик, которые

юридически зафиксированы. Неформальные институциональные практики и «правила игры», как правило, остаются вне фокуса научных исследований, особенно выполненных в рамках количественной стратегии социологического исследования.

О. В. Шатаева и А. С. Мошкин анализируют опыт взаимовыгодного существования и сотворчества народов и культур сквозь призму межнациональных конфликтов и отношений при различных политических режимах в России. В монографии «Межнациональные отношения и конфликты в России и за рубежом» ученые подвергают научной рефлексии советскую и современную российскую национальную политику, изучают эффекты распада СССР в контексте межнациональных отношений современной России со странами ближнего и дальнего зарубежья, исследуют исторические условия возникновения и причины эскалации межнациональных конфликтов в современном российском обществе [3]. Большое внимание уделяется политическим, экономическим и культурным проблемам межнационального диалога России со странами СНГ.

Роль различных акторов (власти, национальных движений, общественных организаций и т.п.) в сфере межэтнических отношений на Северном Кавказе исследуют М.А. Аствацатурова, В.А. Тишков, Л.Л. Хопёрская [4]. Авторы выделяют позитивный и негативный сценарий развития межэтнических отношений и этнополитических процессов в СКФО. На взгляд ученых, эффективное развитие региона возможно только при условии сплочения северокавказского сообщества на базе традиционных и общероссийских ценностей при обозначении интересов русских, северокавказских народов и диаспор. В качестве основополагающих факторов позитивного сценария называются: «укрепление федеральной власти, законности и правопорядка; эффективное функционирование СКФО в целях снижения региональной конфликтности, обеспечения безопасности, борьбы с криминалитетом и коррупцией; ликвидация террористической опасности; деэскалация экстремистских настроений; нейтрализация национализма, ксенофобии» [4, с. 241].

Говоря об управленческих практиках в сфере межнациональных отношений Р. Д. Хунагов высказывает ряд важных методологических идей. Во-первых, согласно Р. Д. Хунагову, недопустимо силовое вмешательство в социальную систему взаимодействий наций и этносов, поскольку в таком случае разрушается самоорганизация социальных процессов на любом уровне. Во-вторых, необходимо исключать управление регионом как самоорганизующейся этносоциальной системой «со стороны», т. е. с привлечением управленческих кадров «извне». И, наконец, в-третьих, требуется тонкая перенастройка социокультурных институтов на формирование представлений о конструктивной роли взаимосвязи общероссийской и этнической идентичности в современной России [5, с. 137-145].

Р. Х. Усманов и Н. М. Тажиев справедливо отмечают, что никакие институциональные практики гармонизации межнациональных отношений не будут иметь положительного эффекта без конфликтологической экспертизы социально-политических проблем и рисков, угроз региональной безопасности [6]. Следовательно, управление межнациональными отношениями – поле институциональных практик не только акторов, наделенных субъектностью (например, представителей федеральных и региональных элит), но и акторов, изучающих управленческие практики наделенных субъектностью акторов. Проще говоря, управление межнациональными отношениями – это ещё и поле научной деятельности профессиональных социологов, регионоведов, конфликтологов, политологов, психологов, т. к. решение многих проблем межнациональных и межэтнических отношений тесно связано с изменением глубинных структур общественной самоорганизации, устранением причин и условий, способствующих этнонациональным конфликтам, напряженности, осуществлению террористической деятельности [7].

1. Панов П.В. *Институты и институциональные практики: проблема концептуализации* // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 34-47.

2. Дегтярев А.К., Посухова О.Ю. *Институциональные практики в сфере гармонизации межрасовых и межэтнических отношений в США* // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 77-88.

3. Шатаева О.В., Мошкин А.С. *Межнациональные отношения и конфликты в России и за рубежом: монография*. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015.

4. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. *Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов в Северо-Кавказском регионе*. М.: ФГНУ «Росин-формагротех», 2010.

5. *Этносоциальные процессы: региональное измерение: монография / гл. ред. Р.Д. Хунагов; ред. А.Ю. Шадже, С.А. Ляушева / науч. ред. М.К. Горшков. Майкоп: Качество.*

6. *Усманов Р.Х., Тажиев Н.М. Конфликтотенные факторы и новые вызовы этнополитической стабильности южных регионов России и Прикаспия //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 188-197.*

7. *Гурба В.Н., Фокин Н.И. Этнонациональные факторы терроризма // Вестник непрерывного образования. 2015. № 1. С. 42-52.*

ВЫЗОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЗАКРЫТОГО ТИПА

Грошева Л.И., Ханбеков Э. Р. (Тюмень)

Взаимодействие представителей разных вероисповеданий в условиях высокой политизации отдельных религиозных организаций осложняется кризисом мультикультурной концепции развития общества, которая подвергается значительной критике ввиду роста миграционных потоков. Их качественный состав обусловлен людьми с ортодоксальными религиозными и традиционными представлениями, распространение которых является разрешённым и желательным актом миссионерской деятельности. В условиях взаимодействия в организации закрытого типа данный факт сопровождается ограниченностью воздействия факторов внешней среды, что в свою очередь может способствовать росту напряжённости в сфере межличностных коммуникаций.

Модель «закрытой» организации является достаточно распространённой в современном обществе как в военной, так и в гражданской корпоративной сфере, хотя официально характерна лишь для ряда сфер жизнедеятельности общества (военные, силовые структуры), данная модель также получила название «пирамиды» [1, с. 181].

Формы управления организацией закрытого типа, могут быть связаны с барьерами включения-исключения из коллектива, с характером выполняемой работы, с вынужденным ограничением социальных контактов.

С одной стороны, степень закрытости организации связана с возможностью беспрепятственного и добровольного включения в коллектив. В данном случае сфера реализации свободного выбора практикуется в большинстве гражданских сфер, однако, отдельные социальные практики показывают, что закрытость внешних границ коллектива встречается в современном обществе достаточно часто [2]. Закрытость вступления и выбытия из коллектива может быть обусловлена спецификой сферы деятельности.

С другой стороны, причиной закрытия группы может быть характер выполняемой работы или сложность, многоаспектность поручаемых задач. В ходе военной службы значительную роль в ограничении контактов с окружающим миром для состоявшихся офицеров является военная и государственная тайна, а также специфика графика работы, не имеющего строго определённых временных границ, обусловленного объёмом и значимостью выполняемых задач [3]. Для обучающихся в военных вузах закрытость формируется необходимостью интенсификации воспитательного и образовательного процессов, посредством снижения отвлекающих явлений и целей. Также сужение круга коммуникаций повышает управляемость и степень контроля над деятельностью человека, что стимулирует рост уровня давления организации на личность. В данном случае речь идёт об осознанном принятии ограничительных мер с целью получения компенсаторных благ: денежного довольствия, гарантированного трудоустройства, бесплатного обеспечения и др.

Таким образом, взаимодействие представителей различных религиозных направлений в организации закрытого типа происходит в специфических условиях, формирующих как потенциал для нормализации межличностной коммуникации, так и барьеры в сфере выработки коллективных решений и гармонизации совместного быта. По результатам интервьюирования курсантов военного образовательного учреждения г. Тюмени (N=300 человек, время проведения март 2015 г. – январь 2016 г.) были сформированы основные проблемные аспекты взаимодействия молодых людей в контексте их религиозных представлений.

1. Высокая интенсивность межличностных контактов, характеризующаяся стабильностью и монотонией с одной стороны, обуславливает предпосылки для выработки стереотипических механизмов взаимодействия. Однако, с другой стороны, латентные конфликтные ситуации на религиозной почве приобретают пролонгированный характер и

достаточно сложны как в ходе их идентификации, так и в сфере поиска эффективного управленческого решения.

2. Многообразие религиозных установок в рамках базовых ценностей мировых и национальных религий в значительной мере препятствует поиску оснований для межгруппового общения. В случае усиления внимания со стороны руководства на процессном аспекте веры (молитвы, ритуалы и пр.), возможно возникновение точек напряжённости между представителями различных религиозных направлений, а также верующими и атеистически настроенными членами коллектива.

3. Внедрение на территорию специализированных религиозных сооружений и зданий в результате приводит к необходимости создания равных условий для всех членов коллектива, что по объективной причине не является возможным, ввиду большого количества религиозных направлений, территориальных и штатных ограничений в плане организации религиозных мероприятий.

4. Интенсификация в восприятии членов закрытого коллектива информации о религиозных различиях и особенностях жизни в рамках религиозных канонів в долгосрочном периоде может усилить кластерную структуру коллектива и способствовать образованию религиозных анклавов с абсолютно закрытой структурой и иерархией.

5. Отсутствие навыков ведения дискуссии у молодёжи приводит к выражению субъективной религиозной позиции, которая зачастую сопряжена с догматичностью и низкой толерантностью по отношению к иным способам и путям реализации веры.

Таким образом, в рамках организации закрытого типа негативные проявления специфики взаимодействия в многонациональном и полирелигиозном коллективе могут проявляться в более выраженной форме (открытые противостояния, применение аргумента физической силы и пр.). Поэтому реализация принципов ознакомления с особенностями различных религий в культурологическом разрезе: в формате мастер-классов, открытых занятий, конференций, круглых столов и фестивалей, имеет больший потенциал, нежели попытки удовлетворить потребности большинства в рамках формирования предпочтения к определённой религии.

1. Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. – М.: «Права человека», 2001 г. – 272 с.
2. Сравнительный анализ теорий бюрократии. Официальный портал: Гид по социологии. URL: <http://www.sociovolume.ru/socs-488-1.html> (дата обращения: 24.04.2016 г.).
3. Горихова Е.Ю. Специфика управления многонациональным персоналом организаций. Государственное управление. Электронный вестник. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2010/vipusk_24._sentjabr_2010_g./problemi_upravlenij_a_teorija_i_praktika/gorokhova.pdf (дата обращения: 04.05.2016 г.).

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ЭМИГРАНТАМИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Грунт Е.В., Леенаф О. (Екатеринбург)

Социологический анализ проблемы формирования культурной идентичности предполагает анализ факторов, влияющих на этот процесс. Каждый из факторов может как способствовать формированию новой культурной идентичности, так и препятствовать ее обретению. Формирование культурной идентичности личности не в родной для нее культуре обусловлено объективными и субъективными факторами.

Социологическое исследование проведено авторами статьи в 2015 году в городах Париже и Ницца, местах наибольшего проживания русскоязычных эмигрантов. Методы исследования – опрос русскоязычных эмигрантов и глубинное интервью с лидерами русскоязычной диаспоры.

Исследование показало, что объективными факторами являются: гендер, возраст, образование, условия культуры пребывания, особенности культуры страны исхода, диаспора, СМИ. Рамки статьи не позволяют проанализировать все факторы, остановимся на рассмотрении некоторых из них.

Возраст человека является одним из главных факторов, влияющих на формирование у личности новой культурной идентичности. Принято считать, что лучше всего адаптируются к новой культуре дети, труднее всего – люди пожилого возраста, поскольку им сложнее принять нормы ценности чужой для них культуры. Соответственно чаще всего пожилые люди сохраняют свою прежнюю культурную идентичность. На это указало более 60,0% эмигрантов. Главные

причины переезда в другую страну для большинства опрошенных более младшей возрастной группы эмигрантов – это «поиск лучшей жизни», «замужество/женитьба», «обучение и дальнейшее трудоустройство», поэтому в связи с возрастными показателями и причинами переезда данная группа наиболее открыта для приобретения новой культурной идентичности (75,0% опрошенных).

Образование – также важный фактор в процессе формирования культурной идентичности. Чем выше уровень образования, тем успешнее проходит процесс культурной адаптации. Кроме того, образованному человеку гораздо проще найти работу. Это подтверждают и глубинные интервью: «Я быстро адаптировалась, благодаря широкому кругозору и адекватной реакции на «новое». С юридический дипломом мне не составило труда найти работу» (Алена, 39 лет, юрист, г. Париж); «Первое образование я получил в России, второе – здесь. Даже хорошее российское образование (широкий диапазон знаний мне помог интегрироваться во французское общество» (Андрей, 44 года, лидер диаспоры, г. Ницца).

На формирование культурной идентичности оказывает влияние и фактор знание языка «чужой» культуры и то, на каком языке происходит коммуникация в группе русскоговорящих эмигрантов. 47,1% респондентов хорошо владеют французским языком. При этом, в своей русскоговорящей группе 68% опрошенных предпочитают говорить по-русски. 28,5% – выбирают язык в зависимости от ситуации. Таким образом, можно заключить, что для эмигрантов языком общения в группе русскоязычных служит русский язык, что свидетельствует о сохранении эмигрантами своей культурной идентичности. Но основными для части эмигрантов языком общения все же являются два языка – родной и французский. Это говорит как о сохранении эмигрантами своей культурной идентичности, так и формировании новой. Культурная дистанция не столь ощутима, так как эмигранты свободно общаются на двух языках.

Не менее важным фактором формирования культурной идентичности личности, являются условия культуры страны пребывания. Основным моментом является настрой местных жителей к эмигрантам. Наше исследование показало, что настрой местных жителей к русскоязычным эмигрантам в целом позитивен. 20,6% опрошенных отметили, что у них не возникло проблем при переезде, потому что их хорошо приняли местные жители. Однако сложно говорить о хорошем отношении местных жителей в целом. Поскольку большое количество респондентов состоит в браке с представителями французской культуры. Следует рассматривать данные показатели только по отношению к конкретным членам семьи. Только 14% респондентов ощутили на себе неприязнь местного населения. Вполне возможно, что это связано с районом проживания респондентов. Если район не благополучный (заселен в основном другими эмигрантами, такими как алжирцы, марокканцы, сенегальцы и т.д.), криминального характера, то вполне возможно, что русскоговорящие эмигранты ощутили неприязнь местного населения, что вполне логично. Об этом говорят и наши интервью: «Когда мы только приехали в Париж, мы жили в 17 округе. Там «обитает» множество афро-французов и выходцев из арабских стран. Контингент, скажу прямо отвратительный. Ежедневные ссоры с соседями, которые выливают воду из окон и т.д. На улицу страшно выходить после 22:00. Да, днем тоже небезопасно» (Ирина, 42 года, хореограф, г. Париж).

Таким образом, принимающая культура, настрой местных жителей к приезжим, иногда препятствует, а иногда (чаще всего) помогает формированию новой идентичности. Таким образом, мы видим некое противоречие между желанием со стороны русскоязычных эмигрантов в приобретении новой культурной идентичности и сопротивлением, которое вынуждена оказывать принимающая культура, чтобы не потерять свою индивидуальность.

Необходимо учитывать мнение респондентов о стране пребывания и ее культуре. Мнение респондентов в отношении страны пребывания положительное. Культура страны пребывания вызывает у русскоязычных эмигрантов положительные эмоции. Для 27,1% респондентов культура Франции близка. Большое число опрошенных, считают французскую культуру дружелюбной. Таким образом, данные показатели позволяют эмигрантам, как сохранять старую, так и приобретать новую культурную идентичность. Однако, оценивая мнение респондентов о культуре Франции, мы пришли к выводу о том, что русскоязычные эмигранты имеют поверхностные знания о французской культуре. На это указывает то, что никто из респондентов, говоря о культуре Франции, не упомянул о ее проявлениях, например, в архитектуре, музыке, живописи, литературе. Мы видим противоречие между желанием эмигрантами приобрести новую культурную идентичность и отсутствием четких представлений о культуре Франции.

Фактор референтной группы (ближайшего социального окружения), является одним из значительных факторов. Круг общения оказывает воздействие на формирование культурной идентичности личности. Большинство представителей русскоязычной диаспоры предпочитают общаться с представителями русскоязычной культуры или с семьей. 49,5% дружат с представителями русскоязычной культуры. 41,0% общается как с французами, так и с русскоязычными эмигрантами. Всего 9,5% опрошенных отметили, что их круг общения состоит в основном из представителей французской культуры. Соответственно фактор референтной группы не способствует формированию новой культурной идентичности, наоборот, содействует сохранению старой. Таким образом, мы видим, что взаимодействие с бывшими соотечественниками, с одной стороны, обеспечивает поддержку, объединяя эмигрантов в диаспору. С другой стороны, не способствует принятию личностью новой идентичности. Кроме того, возникает опасность замкнуться в узком кругу общения, а это только усилит чувство отчуждения от новой культуры.

Изучение традиционной и бытовой стороны жизни русскоязычных эмигрантов не менее важно в нашем исследовании. Анализ данных показал, что эмигранты придерживаются своих традиций, находясь во Франции. Отмечают праздники, слушают музыку, готовят традиционную еду. Кроме того, предпочитают отмечать и французские праздники, в том числе и католические. И русские, и французские праздники эмигранты отмечают, встречаясь с русскоязычными друзьями и знакомыми, и с франкоговорящими. Многие католические праздники отмечают только в кругу семьи. Что касается предпочтений в еде, представители русскоязычной диаспоры в основном предпочитают разнообразную кухню. Таким образом, мы можем говорить о наличии у эмигрантов двух видов культурной идентичности: старой и новой. Это свидетельствует о неоднозначном влиянии диаспоры. В одном случае, это говорит о сохранении роли диаспоры в жизни эмигрантов, которые поддерживают свои традиции, а в другом, - об утрате прежнего значения диаспоры в связи со стремлением эмигрантов к приобретению новой культурной идентичности.

Наряду с объективными факторами формирования культурной идентичности личности важную роль играют (субъективные) факторы. Субъективные факторы могут воздействовать на формирование культурной идентичности только в сочетании с объективными факторами. К субъективным факторам относятся: мотивы выезда в другую культуру; потребности и интерес к освоению новой культуры; личностные характеристики эмигрантов, их жизненные ценности, менталитет. К сожалению, рамки статьи не позволяют дать анализ воздействия этих факторов на сохранение старой \ формирование новой культурной идентичности эмигрантов.

Факторный анализ культурной идентичности русскоязычных эмигрантов в современной Франции, позволил нам сделать следующие выводы. Целый ряд факторов влияет на формирование новой культурной идентичности. Ведущими из них являются: особенности культуры родной страны, референтная группа, культурная дистанция, условия культуры пребывания, семья, мотивы выезда в другую страну и культуру, интерес к освоению новой культуры, личностные качества индивида. В современной Франции 45,0% русскоязычных эмигрантов стремятся к приобретению новой культурной идентичности при сохранении старой.

Рассматривая основания для сохранения культурной идентичности, можно сделать вывод, что наблюдается кризисное состояние культурной идентичности. Но, скорее всего, - это не сам кризис как таковой, а закономерный социальный процесс – философия нового времени. Глобализация привела к размыванию культурных ценностей и норм, размыванию границ национальных культур, а следовательно, и к новым теоретическим подходам к анализу проблемы идентичности, в том числе, и культурной.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИГР И МУЗЫКИ

Гуков П.С., Гуков П. С. (Санкт-Петербург)

На протяжении второй половины XX-начала XXI века происходили культурные изменения в обществе, которые связаны, в первую очередь, с появлением новых средств коммуникации и возникновением информационного общества. Данные изменения затронули практически все слои общества, влияя на первичную социализацию подрастающего поколения, окружающую его среду, а также саму детскую субкультуру, которая, с одной стороны, создается взрослыми для детей, а с другой – воспроизводится самими детьми. Таким образом, актуальность исследований в области детства обусловлена высокой степенью влияния на само детство, например, через методики

воспитания, интернета, детских передач, а с другой – малым уровнем изученности результата этих влияний.

В социологии детство рассматривается как особое социальное состояние, отражение социально-культурных изменений общества, а – дети как соучастники этого процесса со своим уникальным взглядом на мир.

Для выявления трансформации символического пространства детской субкультуры через призму игр и музыки было проведено эмпирическое исследование, и были поставлены следующие задачи:

1) Провести опрос среди детей в возрасте 8-9 лет, с целью выявить наиболее популярные в современном детстве игры во дворе и дома, а также популярные песни, которые дети поют или слушают на уроках музыки и дома;

2) Выделить наиболее популярные игры, а также провести их анализ и дать им общую характеристику;

3) Выявить предпочтения в музыке современного детства и провести дискурс анализ современных песен;

4) Провести опрос контрольной группы, представляющей для группы опрошенных детей поколение родителей, родившихся в период с 1960-х по 1990-е года, с целью выявить популярные тренды в детской субкультуре того времени;

5) Сделать сравнительный анализ полученных результатов и определить уровень трансформации внутри детской субкультуры.

б) На основании полученных результатов сделать выводы о трансформации внутри детской субкультуры с течением времени.

Гипотеза эмпирического исследования следующая: с развитием информационных технологий произошли изменения в обществе, в первую очередь касающиеся коммуникации. Появились новые каналы, с помощью которых можно делиться информацией. Эти нововведения затронули все слои общества, что повлекло за собой трансформацию привычных когда-то вещей и отмирание устаревших практик. Но детская субкультура, хоть и претерпела какие-то незначительные изменения, по своей сути осталась прежней.

Методы исследования:

1) Полуформализованное интервью;

2) Интернет-опрос.

В эмпирическом исследовании было опрошено две группы респондентов: первая группа – это 20 школьники из вторых и третьих классов государственной общеобразовательной школы. Данный возраст был выбран в связи с тем, что ко второму классу ребенок уже начинает понимать правила и законы не только самой школы, но и «школьного двора». Количество учеников на каждый класс было распределено поровну (10 и 10 человек соответственно).

Вторая группа – нынешние взрослые, родившиеся в период 1960-х по 1990-е года, численность которых составила 28 человек. Т.к. найти респондентов, готовых отвечать на столь большую анкету, довольно сложно, был использован метод снежного кома.

Полученная информация позволила судить о происходящих внутри детской субкультуры изменениях.

Дети достаточно много играют во дворе, гуляют, катаются на велосипедах и скейтбордах. На вопрос, «В какие игры ты вообще играешь» было дано множество ответов с названиями самых различных игр. Однако, безоговорочно лидируют «Догонялки» и «Прятки» (13 и 12 упоминаний соответственно). Стоит отметить, что в рамках исследования «Прятки», «Московские прятки» и «Прятки-догонялки», а также «Слепой кот», «Паучок и яблочко», «Стоп, земля» были объединены в одну категорию в связи с тем, что это вариации названий одних и тех же игр.

На третьем месте расположилась игра в «Стрелялки», которая может отличаться у детей, и играют в нее исключительно мальчики. Были названы как командные «Стрелялки» с делением 2 на 3, так и воображаемые, в которых дети представляют себя штурмовиками и их цель выкрасть данные врага. Во втором варианте «Стрелялок» ребята воюют против современных немцев.

Респонденты контрольной группы, т.е. вчерашние дети, сегодняшние взрослые давали куда как более разнообразные варианты ответов. Помимо бессмертных «Пряток» и «Догонялок», они вспоминали такие игры как «Чай-чай, выручай», «Гуси, лебеди», «Светофор», «Бабкины панталоны», «Казачки-разбойники» и «Мушкетеры». Что интересно, такое разнообразие игр свойственно респондентам всех десятилетий. И многие из них предполагали деление на роли, как например, мать и дочь или персонажи Дюма.

И, с одной стороны, можно утверждать, что игры во дворе остались такими же подвижными и остаются популярными для современных детей, но, с другой, эти игры пошли по пути упрощения. Конечно, «Прятки» и «Догонялки» были, есть и будут еще долго, но большинство игр, которые были популярны у контрольной группы стали сходиться на нет.

Большинство респондентов контрольной группы в вопросах про игры дома отмечали, что это были преимущественно настольные игры, такие как шашки, карты, морской бой, играли в игрушки, рисовали, вязали. И лишь только один респондент, родившийся в 1980-х говорит, что играл в Playstation, и всего три респондента 1990-х годов рождений рассказывали о том, как они играли в компьютерные игры. Также можно отметить огромный скачок в разнообразии и усложнении настольных игр, с различными правилами и условиями.

Наиболее популярными категориями игр дома у современных детей являются видеоигры (35%), далее идут творческие занятия, игрушки и настольные игры (по 20% ответов у каждой категории).

Первое место среди видеоигр у детей занимает проект шведской компании «Mojang» — «Minecraft» (видеоигра похожая на конструктор), а также игры «Clash of Clans» и «Clash Royal», объединенные в одну категорию.

Конечно, никуда не исчезли игры в куклы. Они все также примеряют на себя роли матерей и дочерей, подружек, а работают они уже за компьютерами, при этом дети совмещают игры в куклы с другими творческими занятиями, такими как лепка. Так, у кукол появляются животные, мебель, компьютеры и пр.

Из детей всего лишь один респондент ответил, что слушает музыку лишь иногда, остальные слушают ее часто. Они называют различных исполнителей и пытаются объяснить, какая именно музыка им нравится. Из названных исполнителей и песен наиболее популярными являются Егор Крид и Ньюша, хотя дети и несколько стеснялись признаваться, что слушают их. Большинство респондентов не смогли вспомнить исполнителей, которых они слушают или назвать любимые песни, но, возможно, и постеснялись это сделать.

Респонденты контрольной группы вспоминали песни из детских диснеевских мультфильмов, из советских фильмов, пионерские песни, зарубежные песни или отечественную эстраду и рок-исполнителей. На вопрос «учили ли эти песни чему-то» были даны ответы, схожие с ответами нынешнего поколения детей. Например, «ничему, просто развлекали» и «родину любить».

Современным школам, видимо, приходится подстраиваться под современные реалии и интересы учеников. Поэтому на уроках музыки, учащиеся учат песни группы «Звери» - «Районы, кварталы», песни из мультсериала «Утиные истории» и работ студии «Союзмультфильм». А из современных песен «Крутые пацаны» (учительница музыки, в ходе короткой беседы, отметила, что именно эта песня им очень нравится) и «Песня Карлсона», написанная по мотивам советского мультфильма (к сожалению, никто не смог вспомнить ни единой строчки из этой песни).

Если говорить об играх дома, то судя по ответам респондентов, можно сказать, что раньше дома преобладали настольные игры преимущественно для 1-2 человек, но теперь им на смену пришел компьютер и планшет, позволяющий «погрузиться» в игровой мир и стать некой его частью, а также не просто играть, но и что-то создавать, творить, управлять армиями, постоянно продумывая свои ходы.

Музыка как та, что дети выбирают сами, так и та, что изучается в школе также изменилась. Песни, которые дети слушают, представляют собой просто явление моды. Ньюша, Егор Крид, PSY — это все то, что считается популярным, и абсолютно не имеет значения, о чем эти песни, ведь детям они просто нравятся. Музыка в школе также поддалась трансформации, но и при этом не отказываясь от прошлого. Дети стали изучать песни из советских мультфильмов - такие как «Песня мамонтенка», «Ничего на свете лучше нету» наравне с песнями группы «Звери» или «Крутые пацаны».

Гипотеза исследовательской работы о том, что детская субкультура с развитием информационных технологий претерпела незначительные изменения, но при этом осталась прежней, частично подтвердилась. Сами же игры, как можно было увидеть из ответов обеих групп респондентов, не изменились, но зато сократилось разнообразие самих дворовых игр.

Конечно, это исследование скорее послужит отправной точкой для разработки новых гипотез и проведения куда более глубоких исследований, ведь детский мир не ограничен только играми и музыкой. За кулисами остались обряды, сленг, фольклор и многое другое, что входит в детскую субкультуру.

АККУЛЬТУРАЦИЯ НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ, ПРИЕХАВШИХ В СПбГУ ПО ЛИНИИ МЕЖВУЗОВСКОГО ОБМЕНА

Гуревич М.В. (Санкт-Петербург)

В рамках создания странами Европы общего научно-образовательного пространства академическая мобильность пережила новый виток развития. Россия участвует в Болонском процессе с 2003 года, что на сегодняшний день особенно актуально на фоне сложившейся напряженной ситуации между нашим государством и странами Европы. Международная академическая деятельность Санкт-Петербургского Государственного Университета нацелена на «вхождение СПбГУ в мировую элиту классических университетов».

В процессе жизни и учебы в Санкт-Петербурге иностранные студенты СПбГУ сталкиваются с определенными культурными, социально-экономическими и академическими барьерами. Течение процесса аккультурации в принимающем российском обществе во многом определяет самоощущение визитеров, как в образовательной среде СПбГУ, так и в повседневной жизни.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что студенческая мобильность – один из способов интернационализации СПбГУ, как одного из ведущих университетов страны. У университета есть совершенно определенная цель: достичь вхождения в системы мировых рейтингов, в частности увеличить процент иностранных студентов посредством реализации дополнительных программ обучения на иностранных языках (в программе развития СПбГУ до 2020 года планируется увеличение числа программ для иностранных студентов на 20%). Именно увеличение спектра образовательных программ на иностранных языках и привлечение за счет этого большего количества иностранных студентов являются ключевыми моментами при достижении поставленной цели и требуют особого внимания.

Под аккультурацией понимается «культурное изменение, которое происходит в результате контакта с другими культурами». От результата рассматриваемого процесса в немалой степени зависят как перспективные взаимоотношения молодежи России и Германии, так и развитие взаимодействия обеих стран в целом.

Анализ рассматриваемого феномена был основан на теории аккультурации Джона Берри, теории структуризации Энтони Гидденса и концепции габитуса и капиталов Пьера Бурдьё. Обобщенные Джоном Берри модели поведения и самоощущения, которым следуют индивиды в процессе приспособления к инокультурной среде, представляют собой такие стратегии аккультурации, как ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация.

Стоит отметить, что упомянутые модели применимы к недоминантной группе, они характеризуют поведение только немецких студентов в российском обществе.

Объект исследования имеет два полюса – систему образования, для иностранных студентов, с одной стороны, и самих студентов, как представителей другой культуры, с другой. Обе стороны объекта исследования рассматриваются в свете теории структуризации Гидденса, оперирующей среди прочего, понятиями правил и ресурсов. В качестве правил, определяющих функционирование системы (программа обмена для немецких студентов, процесс обучения в СПбГУ), были рассмотрены: порядок посещения лекций и семинаров, сдачи зачетов и экзаменов по дисциплинам в конце семестра, а также правила размещения и проживания в общежитии. В качестве ресурсов взяты те характеристики и возможности студента в разных областях и сферах, которые позволили ему «играть по правилам», реализовать себя в рамках программы обмена и обучаться за границей в требующей особых усилий среде.

Для более комплексного рассмотрения объекта исследования использовались понятия габитуса и социального пространства Пьера Бурдьё. С их помощью были описаны сферы деятельности студентов и позиции, которые они занимают в данных сферах, в зависимости от соотношения находящихся в их распоряжении капиталов (символического, экономического, культурного и социального).

Автором был проведен детальный анализ взаимодействия немецких студентов с представителями русской культуры. Объектом эмпирической части исследования выступили немецкие студенты и социокультурная среда СПб. Предметом – те индивидуальные стратегии аккультурации в различных сферах жизнедеятельности, которых придерживаются эти студенты. Методами проведения исследования послужили: полуструктурированное интервью, качественный

анализ данных, анализ текстовых документов, определяющих условия и правила участия иностранных студентов в программе обмена.

Ниже представлены сферы деятельности немецких студентов и социальные группы, с которыми они больше всего контактировали, а также рассмотрены наиболее противоречивые и конфликтные ситуации.

1. Учебная деятельность: интеграция. Ни один из студентов не испытал существенных проблем в рамках обучения;

2. Организационные вопросы в рамках университета: интеграция. Во многом посредником выступает координатор иностранных студентов: все документы и бюрократия предварительно им обрабатывается и все административные моменты студенты решают именно с координатором;

3. Культурная жизнь города: интеграция. Стоит пояснить, что немецкие студенты осваивают городское пространство и культуру самостоятельно, в основном без сопровождения русских. Таким образом, включенность в жизнь города носит преимущественно не поведенческий, а культурный характер. Стоит добавить, что Санкт-Петербург – один из крупнейших городов Европы с множеством культурных мероприятий, а разница в курсах валют делает его чрезвычайно привлекательным для иностранных студентов, особенно в сравнении с другими зарубежными городами;

4. Регулярные межличностные контакты с русскими: сепарация. Дружеские отношения между русскими и немецкими студентами занимают небольшую долю от общей совокупности контактов, налаживаемых в Санкт-Петербурге (объясняется недостаточными точками пересечения с русскими студентами и невозможностью закрепления на этой почве дружеских связей);

5. Международная и политическая сфера (у троих студентов): интеграция. У некоторых студентов поменялось мнение по поводу определенных политических конфликтов и ситуаций, связанных с положением России на международной политической арене, появилось более или менее объективное понимание политической ситуации (считают некоторую информацию, представленной в немецких и европейских СМИ искаженной).

6. Общежитие: интеграция (преимущественно вынужденная). Социальные группы, с которыми взаимодействуют немецкие студенты – это другие иностранцы и работники общежития. Все участники исследования отмечают неудавшийся контакт с работниками сферы обслуживания, но особый акцент ставится, как правило, на недружелюбности персонала, осуществляющего стирку белья. Недружелюбное отношение проявляется по большей части в манере общения (обрывочные фразы без обращения и формул вежливости, безразличная интонация), а также зачастую в грубом указании на нарушение правил пользования. Большинство иностранных студентов не говорит по-русски, а персонал – по-английски, поэтому коммуникация не всегда удается. Предвзятое отношение сложилось не за один год, поэтому для преодоления этого социокультурного барьера необходимо продолжительное время и регулярные мероприятия, направленные на выработку навыков межкультурного взаимодействия у персонала. В целом, стоит отметить, что в общежитии имеет место недостаточно современная бытовая инфраструктура.

В завершении хотелось бы отметить, что результаты проекта представляются интересным материалом как для администрации СПбГУ, ее подразделений, ответственных за входящую студенческую мобильность, так и для общественных организаций, занимающихся и содействующих студенческому обмену и прочим образовательным программам. Полученная в процессе исследования информация может стать основой для разработки тренингов по развитию межкультурной компетенции у будущих участников международных образовательных программ с немецкой стороны (культурный ассимилятор, симуляционные игры и проч.). В рамках партнерского соглашения университетов России и Германии возможно введение обязательных семинаров для участников программ студенческого обмена, предполагающих подготовку к особенностям жизни и успешного обучения в России, в Санкт-Петербурге. Что касается принимающей стороны, то созданию благоприятных условий для более гладкого процесса аккультурации способствовало бы регулярное проведение мероприятий по снижению уровня предубеждений, развитию межкультурной компетентности и толерантности для персонала.

Стоит отметить, что у немецких студентов появляются новые практики: общение с «прикрепленным» к нему русским студентом, чья задача – опекать иностранца в первые недели и помогать ему с решением любого рода вопросов. Также у некоторых студентов появляются «tandem-partner»: с помощью уже существующих связей или поиска по интересам в университете

немецкие студенты ищут русских, которые изучают немецкий язык и заинтересованы в практике с носителем. Таким образом, немецкий студент имеет возможность говорить на русском, а русский – на немецком языке с носителем, при этом затрачивая на ценную языковую практику минимум материальных ресурсов. Также к новым практикам можно причислить оформление БСК, так как такая форма взаимодействия с институциональными структурами происходит у студентов впервые, особенно ценен опыт преодоления проблем, связанных с приобретением студенческого проездного билета.

1. Berry J. W. *Acculturation: Living successfully in two cultures. International Journal of Intercultural Relations* №29. 2005.
2. Берри Д. В. *Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы. Пер. с англ. Шолохов И. 2001. №3-4. С. 183-193.*
3. Берри Дж. В. *Кросс-культурная психология: Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.*
4. Будаева З. А. *Аккультурация как доминирующий теоретический маркер проявления процессов глобализации. Вестник Бурятского государственного университета, 2014. № 6-2. С. 91-95.*
5. Волков В. Хархордин О. *Теория практик. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2008// http://eupress.ru/uploads/ebooks/praktiki_e.pdf.*
6. Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации, 2-е изд. М: Академический Проект, 2005.*
7. *Интервью 1. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
8. *Интервью 10. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
9. *Интервью 2. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
10. *Интервью 3. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
11. *Интервью 4. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
12. *Интервью 5. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
13. *Интервью 6. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
14. *Интервью 7. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
15. *Интервью 8. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
16. *Интервью 9. СПб, СПбГУ, Факультет Социологии. 2016.*
17. *Кросс-культурная психология. Исследования и применение (перевод с английского). Харьков: JVI Гуманитарный центр. 2007.*
18. *Программа Развития Федерального Государственного Бюджетного Образовательного Учреждения Высшего Профессионального Образования "Санкт-Петербургский Государственный Университет" до 2020 года// <http://spbu.ru/images/programm.2.pdf> (от 7 октября 2010 года).*
19. Тангалычева Р. К. Головин Н. А. Куропятник М. С. *Межкультурная коммуникация и проблемы аккультурации в крупном городе. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010.*
20. Тангалычева Р. К. *Теоретико-методологические основы социологического изучения межкультурной коммуникации. СПб: СкифияПринт, 2014.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Данилова Е.А. (Ольденбург/Минск, Германия/Беларусь)

27 июля 1990 г. была подписана Декларация о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики, в течение последующих нескольких лет были утверждены и название «нового» государства – Республика Беларусь, и ее государственные символы, а также была принята Конституция. Шло время, были (и будут) реформы, референдумы, кризисы, преодоления, трансформация всех сфер жизнедеятельности, принятие самостоятельных решений и ответственность за них, вся палитра взаимоотношений с соседними странами и различными объединениями, попытки переосмыслить исторические события, придание нового значения старому, влияние индивидуализма и капитализма, рост объема и интенсивности транснациональных потоков капитала, рабочей силы, информации и услуг, развитие новых технологий и Интернета, динамика ценностей, каждый раз стоящие преграды на пути к... Это, пожалуй, и есть основной вопрос, – к чему мы стремимся и кто это «новое» поколение «новой» страны? Что для нас является важным и определяющим? И как не раствориться в этом глобальном культурном и геополитическом пространстве, сохранив самобытность нашего «мы»?

В современных реалиях наиболее интересной представляется концепция «мозаичной» идентичности Х. Койпа, понимаемая как результат развития, завершаемого с вхождением во

взрослое состояние, и как открытый процесс длиною в жизнь, в котором субъект должен упорядочить для себя фрагменты опыта [1, 2]. Социальные катаклизмы, изменения ценностей, процессы глобализации, влияние СМИ играют важную роль в формировании личности и дальнейшем конструировании идентичности.

Основываясь на данных опроса (стандартизированное интервью, объект – молодежь Беларуси в возрасте 18-30 лет), который проводился Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в октябре-ноябре 2013 г. на репрезентативной республиканской квотной выборке (n=1000) в рамках проекта «Конструирование идентичности молодых взрослых в постсоциалистических трансформационных обществах: случай Беларуси» Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого (Германия), можно выделить две группы молодых людей в соответствии с выбором дальнейшего вектора развития для своей страны: 1 – те, кто за объединение с Россией (26,5 %); 2 – те, кто за вступление в Европейский союз (37,1 %) (36,4 % респондентам было трудно сказать определенно). Ответ на данный вопрос показывает, что формирование идентичности молодых белорусов происходит в достаточно непростых условиях, в том числе на фоне практически противостояния двух сильнейших «игроков» в нашем геополитическом пространстве. В чем схожи позиции вышеперечисленных групп и в чем существенные отличия, и насколько эти различия непримиримы, могут ли они привести к радикализации поведения отдельных лиц или групп молодежи, является важным для дальнейшего конструктивного диалога между различными порой полярными социокультурными и политическими силами в одном государстве.

Согласно Х. Койпу, через рефлексию ситуативного опыта возникает частичная идентичность, которая вместе с биографическим опытом и оценкой собственной личности формирует чувство принадлежности к определенной социальной группе [2]. Одной из таких частичных идентичностей наряду с работой, политикой, религией и т.д. является досуг. В разрезе двух рассматриваемых групп, можно отметить, что существуют значимые отличия в проведении свободного времени (р?... А мы ведь – случайность... Нас случайными сквозняками согнало. Революция приходит не сверху и не снизу – она наступает, когда истончаются все истины...». И далее, следует ответ старшего поколения... «Вы не знаете, куда себя деть, что делать с собой...» [3]. Молодежь уже в силу своего возраста – радикальна во взглядах и поступках, склонна к крайностям, а тем более, когда в мире «истончаются все истины» и рушатся всякие надежды найти в нем себя.

Все вышеизложенное требует, прежде всего, от гуманитарных наук новых подходов в отношении тех вызовов и угроз, перед лицом которых может оказаться Беларусь в ближайшем будущем. Необходимо выработать внятную социокультурную концепцию, увязанную на национальной безопасности страны и с преобладанием национальных интересов. Популяризация и распространение информации о стране, ее культурных особенностях, традициях и ценностей белорусов, как за пределами республики, так и внутри, является важной составляющей сохранения суверенитета в эпоху глобализации.

1. Keupp, Heiner (1988): *Auf dem Weg zur Patchwork-Identität? In: Verhaltenstherapie und Psychosoziale Praxis* 4, S. 425-438.

2. Keupp, H., Ahbe, T., Gmür, W. et al. (2002): *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. Hamburg: Rowohlt.*

3. Прилепин, З. (2006): *Санька. Москва: Ад Маргинем.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ БУРЯТ В ИЗМЕРЕНИИ ВЛИЯНИЯ КИНОИДЕОЛОГИИ

Дашибалова И.Н. (Улан-Удэ)

В рамках данной работы рассмотрена специфика зрительского восприятия и социальная дифференциация бурятских кинозрителей по отношению к советскому документальному кинематографу. На основе рецептивного анализа киноаудитории в контексте показа документальных фильмов, снятых в различные исторические периоды в Бурятии, нами выделяется специфика этнокультурного воспроизводства.

Исследование основано на визуальном анализе советских документальных фильмов «Двадцатилетие» (1943 г., автор-режиссёр В.Стрельцов, операторы О.Зекки, И.Грязнов, Г.Жовтобрюх, производство Иркутской студии кинохроники), «Города и годы» (1969 г., в 2 частях, автор сценария А.Богомолов, режиссёры О.Канищев, Е.Рябко, операторы М.Коростин,

М.Налётный, Б.Колобов, производство «Дальелефильм») и «Круг Сансары» (1991 г., в 3 частях, авторы сценария Б.Жигмытов, М.Сергеев, режиссёр С.Пинигин, операторы В.Пономарёв, А.Сидлер, производство Восточно-Сибирской студии кинохроники). Материал построен на транскриптах дискуссий, проводившихся с просмотром кинодокументов и собранных методом фокус-групп, которые были проведены в г. Улан-Удэ и Селенгинском районе Республики Бурятия в 2012-2014 гг. Фокус-группы дополнялись скрининговой (статусные характеристики респондентов) и тематической анкетами. Всего было проведено 11 фокус-групп по 8-10 человек. Выборка являлась целевой, гомогенной, нестатистической ввиду неопределённой совокупности респондентов, в основе которой лежал интерес аудитории к кино и выраженное внимание зрителей к этнической тематике. Отбор осуществлялся по квотным признакам (этническая принадлежность, пол, возраст, профессиональная принадлежность, образование, место жительства). Таким образом, в пределах квот были рекрутированы буряты старшего возраста, проживающие в сельской и городской местности. По статусным признакам респонденты – пенсионеры как социальная группа, внутри которой наличествуют представители различных социальных слоёв по уровню образования, характеру предыдущей работы, бывшей занимаемой руководящей позиции. В ходе изучения зрительского восприятия и последующего описания этнокультурной дифференциации осуществлена реконструкция зрительского видения документального кино. Кинозрителям предлагалось вспомнить советское прошлое и свой опыт кинозрения в формате массовых киносеансов. Изучение кинодокументов с точки зрения их авторства, сценария и закадровых технологий проводилось на основе интервью с создателями кинолент (операторы Восточно-Сибирской студии кинохроники).

Обращение к советскому документальному кинематографу актуально в связи с необходимостью оценки трансформации этнической культуры. Кинодокументы советского периода зафиксировали изменение этнокультурного воспроизводства, т.е. демонстрируют как с 1920-х гг. по 1990-е гг. происходило замещение комплекса этнической культуры и укоренение новой традиции, от микрогруппового этнического взаимодействия к опосредованным функциональным связям. Как указывает Карлов В.В., этнокультурное воспроизводство выражается в двух противоположных формах: унификация и рост многообразия культур [1, с.29].

Советская кинохроника как идеологический инструмент социально нормировала поведение индивидов. И, в этой связи, зрительская кинорецепция старшего поколения этноактеров позволяет определить степень влияния кинематографа как социального института, формировавшего советскую идентичность. Этнический актер выступал одновременно объектом киносъёмки, которая демонстрировала и включала его в советское поле идеологической политики, и субъектом, воспринимающим визуальное знание о самом себе и производящим критическое или одобрительное значение к кинодокументу.

Киноплёнка сохранила для нас не только политически заданный нарратив о социалистической системе за почти вековой период, но и что важно «руины времени» [2, с.14]. Анализ советской кинохроники имеет эффект, который Л.Малви назвала «отложенное кино» [3, 4]. Эвристичность данного понятия, на наш взгляд, заключается в метафоричности восприятия кино, независимо от жанра. В изучении коллективной идентичности кинозрителя «отложенное кино» представляет особый интерес как пространство аффективного восприятия истории.

В фокус-групповых интервью при разнообразии мест их проведения и разнородности участников были найдены ключевые смысловые пересечения восприятия советских документальных фильмов. Текстовой дискурс, зафиксированный в закадровом комментарии к киножурналам глубоко впитан и наложен на их поствосприятие: «коллективный труд народа, патриотизм, трудовой подвиг, герои прославляли республику, был подъём, энтузиазм» (фокус-группа в с.Харгана Селенгинского района Республики Бурятия, июль 2014г.). Прямую доминантную функцию кинохроники воодушевлять народ на трудовые и ратные подвиги выражает тип зрителя, активно одобряющего советскую социальную политику. Документальная кинохроника как многомерный образ воздействовала не только политическим языком пропаганды, но и аурой визуальности, моделями поведения, потому что «кто хорошо работал, тех и показывали» (из интервью). В этой связи, кинодокумент выступает информационным каналом, распространяющим социокультурное знание, предлагающего конкретные стандарты поведения, а принимающая сторона активным реципиентом визуальных просветительских канонов.

Исходя из зрительских оценок, обнаруживается, что экранная социальная реальность максимально вовлекала адресата в контекст кинохроники, имела конвенциональный характер. Между каналом политических сообщений и реципиентом массовым простым потребителем была

прямая связь, вызывающая и по сей день ностальгическую реакцию: «так, действительно было, как показано в фильме, и стар и млад, все работали тогда, сейчас такого нет, мы работали на энтузиазме» (ж., бурятка, 70 лет, работала бухгалтером в колхозе). Такие концепты общественного сознания как созидательность, коллективность, дружба, сознательность, работоспособность определяются как ушедшие и востребованные символы советского общества.

Следующим типом кинозрителя, является критик, определяющий кинопропаганду как искажающую действительность: «в советском кино не показывалась истинная жизнь народа, быт, в каких условиях люди жили, сажали моих дедов, бабушек на 8 лет, коллективизация прошла колесом, за колосок хлеба истребляли» (м., бурят, 60 лет, работал инженером-железнодорожником). В указанном комментарии важно учесть момент редактирования социальной памяти, в нём содержится фоновое знание о другой реальности. Мы полагаем, что зритель-критик, погружаясь в пространство кинохроники, видит несколько реальностей, отвлечённо воспринимая продукт. Он подвергает анализу закадровый текст, выводит возможные неточности в трансляции компонентов материальной культуры и через киноисторию он испытывает установку на себя. В интервью с бывшими представителями городской интеллигенции пенсионного возраста была выявлена особенность, что кинозритель указанного типа описывает факты, не транслируемые в кинохронике. Во-первых, подоплёка сюжета ему известна гораздо глубже, чем сценаристу, поскольку это взгляд изнутри на традиционную культуру, во-вторых, интерпретация фактов с течением времени (в частности, в период перестройки фоновое знание о репрессиях перестало быть умолчанием) имеет уже иной характер.

Кинохроника позволяет погрузиться зрителю в комбинацию традиционного миропорядка и современных знаний о нём, вызывая текучесть идентификаций и символические разрывы. Кинотекст в этом случае приобретает полисемичный характер и режим удвоенной реальности. Как утверждал британский философ С.Холл, описывая модель кодирования/декодирования, любое сообщение декодируется получателем на основании имеющихся у него познаний. И в этом случае роль кинопропаганды не является манипулятивной и односторонней, получатель киносообщения меняет самостоятельно полярность дискурса с доминирующего на противоположный [5].

Итак, на основе рецептивного анализа зрительской киноаудитории, можно вывести её социокультурные различия. Несмотря на доминирующий визуальный дискурс советской кинохроники, воздействие кинопропаганды не было одномерным. Формирование эстетического и политического вкуса кинозрителей было как минимум двусторонним процессом. Выделяется значительная часть кинопублики, которая принимает идеологические кинокоды и относится к массовому зрителю. В данной киноаудитории отличаются 1) наивно участвующий реципиент; 2) аффективный кинозритель по степени восприятия художественных эффектов и пропаганды; 3) традиционный этнический актер; 4) укоренённый в советской социокультурной модернизации (одобряющий советскую идеологию) представитель этнической группы.

Приверженцы «элитарного вкуса» декодируют (или отрицают) отправляемое киносообщение, избирательно создают новые значения в понимании кинохроники. Исследованные кинозрители выражают спорадический или регулярный интерес к кино с точки зрения обретенного киноопыта и знания специфики экранных технологий. По уровню образования и характеру профессиональной деятельности они являются компетентными специалистами. Среди них выделяются зритель-кинокритик и рефлексирующий этнический актер. Таким образом, просмотр кинохроники позволяет обнаружить социальную стратификацию в аспекте обладания экономическим и культурным капиталом. Советский экран, формировавший в течение длительного исторического периода кинематографические практики, в значительной мере изученный такими социологами как Жабский М.И., Козырева Л.Г., Серебренников А.В., Хитрова С.Ф., Вахеметса А.Л.-Ф. и др. [6, 7, 8, 9], между тем является и стимулом рассмотрения трансформации этнокультурного воспроизводства. Реконструкция зрительского опыта и наблюдения за киноаудиторией бурятских кинозрителей позволили показать микс этнического самосознания и советской идентичности, консервацию идеологических установок, выраженных в советских кинодокументах, рефлексию кинопублики по отношению к изменению традиционного уклада и его возможному ренессансу.

1. Карлов В.В. Этнос и глобализация: унификация или рост многообразия культур? Этнология на перепутье // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье: колл.мон. по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России, 2-5 июля 2015г. Под ред. В.В.Карлова, Е.А.Окладниковой. Москва-Берлин, 2016. – 316с.

2. Флешер А. *Лаборатории времени. Эссе о кино и фотографии*. Минск: «ПроPILEU», 2014. 380 с.
3. Mulvey L. *Death 24x a Second: Stillness and the Moving Image*. L.: Reaktion Books, 2005. 216 p.
4. Малви Л. *Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф* // *Антология гендерной теории*. Минск: ПроPILEU, 2000. С. 280 – 297.
5. Hall S. *Encoding, Decoding* // *The cultural studies*. Edited by Simon During. – London, New York: Routledge. P. 90-103.
6. Жабский М.И., Козырева Л.Г., Хитрова С.Ф. *Методология и методика социологического исследования киноаудитории*. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ киноискусства, 1987. 174 с.
7. Серебрянников А. В. *Формирование аудитории кинематографа в России как коммуникативная проблема в условиях глобализации [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. социол. наук : – М., 2009. – 26 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/>. (03.04.11).*
8. Вахметса А.Л.-Ф. *Об эстетически-воспитательном воздействии киноискусства: Автореф. дисс. ...канд. филос. наук / Ин-т философии АН СССР, Ин-т истории АН Эст. ССР. – М., 1966. – 14 с.*

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дегтярев А.К. (Ростов-на-Дону)

В современном глобализованном мире взрыв идентичностей, как характеризует английский исследователь З. Бауман [1], определяется тем, что «ось» идентичности стала важнейшим исследовательским параметром, через которые рассматриваются, изучаются и оцениваются новые политическая и социальная реальности. Между тем, интерес к идентичности является следствием изменений в социальном и социо-культурном ландшафте общества.

Прежде всего, это связано с изменениями в понимании роли и значения национального государства, игравшего основную роль в формировании идентичности в обществе модернити. Иными словами, кризис, а точнее глобальные вызовы, стоящие перед национальным государством, как структурой консолидации общества, и универсальным инструментом самоопределения и самопричисления отдельных индивидов и социальных групп, способствовали «реакции» идентичности, тому, что под флагом идентичности, где отсутствуют компромиссы [2], стали очевидными «крайности» глобализации в виде ультралиберального и ревайвалистского проектов.

Несмотря на идеологические и смысловые различия, для отмеченных образцов самоопределения приоритетным является отрицание национального государства, и не только в сфере экономической и политической жизни, но и в том, что можно охарактеризовать как процедура социальной категоризации действительности. Речь идет о том, что критика государственной бюрократии, точнее государства, ставит целью доминирование фундаментальных принципов веры [2], отказ от рациональных оснований идентичности, от того, что можно квалифицировать, как всеобщую разумность государства.

Таким образом, глобализационные эффекты модифицируются в российском обществе, в немалой степени, как угроза традиции государствоцентричности, тому, что В. А. Ядов определил как «опору на сильное государство» [3]. Государство, которое способно выполнять свою функцию легитимированного насилия и ориентировано на социально-политическую консолидацию общества, на возрождение, в той или иной степени, традиции коллективизма для государственно-гражданской самоидентификации россиян.

Учитывая, что в российском обществе фоновые практики формируются под влиянием несправедливых социальных неравенств, коррупционных схем, и группового эгоизма, немаловажным является подчеркнуть, что государство в условиях слабой социальной самоорганизации и социальной ответственности вынуждено брать на себя функцию центра координации социальных структур. Иными словами, государствоцентричная идентификационная матрица имеет реальные основания в том, что можно охарактеризовать как социальное самоопределение в рамках консенсуса «стабильность – законность – порядок».

Динамика социальных настроений россиян показывает, что существовавший в конце 90-х годов идентификационный тренд в пользу идентичности социального микроуровня сохраняет влияние в качестве социально-ориентационного инструмента, но на социальном макроуровне оценочную и рефлексивную роль выполняет общероссийская идентичность, которая строится по оси общество-государство.

Глобальные вызовы, связанные с десоверенизацией, претензиями наднациональных структур и транснациональных корпораций на политическую и экономическую власть в современном мире, вызывают настороженную реакцию в настроениях россиян. Одним из безусловных достижений современного периода большинство россиян считают внешнюю политику, направленную на укрепление суверенитета и авторитета российского государства: 42% россиян характеризуют внешнеполитические действия руководства, как носящие в целом сбалансированный характер [4].

Можно предположить, что для российского общества важным становится понимание общероссийской идентичности, как идентификационной матрицы, направленной на сохранение и развитие российской государственности в глобализирующемся мире, где присутствуют не только локальные конфликты и очевиден кризис доверия к государственно-властным институтам, но и наблюдается рост «анархии», конфликта идентичностей.

Обращает внимание на себя и то, что в идентификационных стратегиях россиян выявляется установка на лояльность к государству в рамках демократии соучастия, формирования сфер доступной ответственности и компетентности. Отсюда российская идентичность не может восприниматься в схеме оппозиции «глобализм – локализм». Важным является то, что в российской идентичности воспроизводится в качестве «организующего ядра» государствоцентричность, как гарантия избежать межэтнических и межконфессиональных конфликтов, с одной стороны, с другой – закрепить за государством статус гаранта социальных и экономических благ, чему подтверждением является позиция россиян относительно того, что, хотя страну ждут трудные времена (59%), 49% испытывают позитивное социально-психологическое состояние [5].

Очевидно, что стабилизирующую роль приобретает общероссийская идентичность, как идентичность, ориентированная на развитие России в качестве сильного экономического и политического игрока в современном мире. В этом смысле, общероссийская идентичность нацелена на конкурентность, соревновательность, ограничивает влияние схемы ученичества, возникающей при принятии догоняющей модернизации.

Следует, однако, подчеркнуть, что в российском обществе, где пройдена точка невозврата к общесоветской идентичности, наблюдаются разнонаправленные процессы, представляющие риски для формирования общероссийской идентичности. Речь идет о том, что в период полураспада политико-правового и культурно-информационного пространства 90-х годов сформировался синдром социального анархизма [6], который заключался и выражается в том, что общероссийская идентичность содержит слабую «обязывающую» силу, то, что называется разделением с властью ответственностью за происходящее в стране. Иными словами, выражение лояльности государству в настроениях только 18% россиян сопровождается готовностью к участию в решении общих дел, а у 13% - ответственности за то, что происходит в стране [7].

Иными словами, общероссийская идентичность не обрела нового социального качества, не стала позитивно-мобилизующей идентичностью, в то время, как очевиден запрос общества в переходе от идентичности, ориентированной на противодействие внешним угрозам, к идентичности, консолидирующей общество по отношению к актуальным социальным и политическим проблемам. Можно предположить, что воспроизводится анархический синдром в том смысле, что россияне, выступая в поддержку сильного государства, реализуют стратегию дистанцирования от государства, как действующей политико-правовой системы, что в российском обществе низок уровень институционального доверия, и что проявляется установка на формулу безразличия, на сохранение сферы неправовой свободы в обмен на лояльность государству.

Следует так же подчеркнуть, что такая диссонансная позиция имеет последствием риск нарастания межэтнических и межконфессиональных конфликтов, поскольку в социальных настроениях пока не закреплена доминанта социальной ответственности. Между тем, вызывает тревогу тот факт, что общероссийская идентичность закреплена в официальном дискурсе и не находит воплощения в повседневных практиках. Об этом свидетельствует, во-первых, не преодоленность этнодискриминации на региональном и локальном уровнях, спад межэтнического сотрудничества и доверия, усиления тенденции конфессиональной сегрегации, выстраивания жизненных стратегий по конфессиональным параметрам.

Значимым глобальным вызовом для стабильности и солидарности российского общества является инфильтрация, распространение, особенно в молодежной среде, ревайвалистских, радикально-религиозных воззрений. Религиозный фундаментализм, как следствие глобализации, характерен тем, что пытается сформировать альтернативу общероссийской идентичности,

разрушительную и по отношению к российской государственности, и к российскому обществу в целом. Существует и достаточно деликатная проблема в том, чтобы разделить «зерна от плевел», и религию и религиозный экстремизм. Учитывая, что российское общество является полиэтническим и поликонфессиональным, важным является сохранение мира и согласия между представителями различных этнических и этноконфессиональных групп.

В этом смысле, общероссийская идентичность становится инструментом предотвращения конфликтных ситуаций, так как в формуле «мы – россияне» содержится акцент на традиции взаимодействия, взаимопонимания, согласия, закрепленные многовековым историческим опытом совместного проживания народов России. Очевидно, что российская идентичность предполагает широкий политический и социальный диалог, что ее перспективы связаны с тем, в какой степени удовлетворяются и право граждан на этническое и культурное самоопределение, и в какой степени защищены социальные и политические права граждан в независимости от социального и социально-политического статуса [8].

Важный момент заключается в том, что развитие общероссийской идентичности определяется тем, какое направление примут глобализационные процессы в ближайшем будущем, продолжится ли политика глобализма или восторжествует понимание «многополярности» современного мира, сотрудничества в решении глобальных проблем. Для россиян место России в глобализованном мире видится как особое евразийская цивилизация, имеющая векторы развития (64%) [9]. Таким образом, общероссийская идентичность не обременена следованием «подтвердить» принадлежность к Европе, и, в то же время, определяет возможности диалога с Востоком на основании «серединого положения, как моста между Европой и Азией».

Можно сделать вывод о том, что восприятие и оценка общероссийской идентичности в настроениях россиян включает осознание того, что мы живем в глобализуемом, взаимозависимом мире, что позиции самоизоляции пагубны в равной степени, как и уход в состояние национального и государственного нигилизма. Для перспектив общероссийской идентичности важно осознать, что, сохраняя сильное государство, исходя из того, что Россия должна быть великой державой, россияне определяют свой идентификационный выбор в рамках восстановления связи времен и чувства самоценности как граждан.

Благодарность. Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

- 1) Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.:2002. – С.176
- 2) Есть ли будущее у капитализма? – М.:2013. – С.277
- 3) Россия: трансформирующее общество. – М.:2001. – С.16
- 4) Российское общество и вызовы времени. Кн. 1. – М.:2015. – С.257
- 5) Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. – М.:2015. – С.21
- 6) На перепутье. – М.:1999. - С. 137
- 7) Горшков М. К. Российское общество как оно есть. Том 1. – М.:2016. – С.69
- 8) Ильинская С. Г. Толерантность. – М.:2007. – С. 254
- 9) Горшков М. К. Российское общество как оно есть. Том 2. – М.:2016. – С.194

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Демиденко А.С. (Ростов-на-Дону)

В статье приводятся основные причины формирования миграционных установок молодежи России, а также мотивы переезда молодого поколения в другие регионы России. Также в работе показаны последствия реализации миграционных установок молодежи.

Социальные изменения, произошедшие на рубеже XX – XXI вв., привели к усилению миграционных процессов в России. Молодежь по праву считается самой мобильной частью населения, особенно если ее установки рассматривать с точки зрения социально-экономических целей. Молодежная миграция, совпадая с общими миграционными потоками, имеет более четкую направленность. Миграционные установки данной категории ориентированы на регионы с лучшими условиями жизни. Зачастую молодые люди, не имеющие стабильной работы и семьи, решаются на переезд в другой регион России. Миграция в другой регион способствуют развитию

самостоятельности, независимости и ускоряет взросление молодого поколения. Также молодежь имеет более высокую степень адаптации, что способствует более легкому освоению и налаживанию жизни на новом месте.

Согласно данным, в 2011–2013 гг. максимальная интенсивность миграции явно сместилась к возрастам, в которых основная часть российской молодежи оканчивает школу и поступает в высшие учебные заведения, к группе 17–18-лет [1]. Москва и Московская область оказались лидерами по числу мигрантов (за период с 2003 по 2010 гг. был зафиксирован прирост на 780 тыс. человек). Также популярным направлением среди молодежи студенческого возраста является Санкт-Петербург.

Миграция способна решить демографические, экономические и др. проблемы региона. Однако в то же время существует целый ряд психологических, юридических, культурных и др. проблем, которые вызывают миграционные процессы. Именно поэтому миграцию изучают различные науки, как демография, политология, экономика и др. Но объектом их изучения является направление миграционных потоков через объективные количественные показатели. В социологии объектом являются миграционные намерения и адаптация мигрантов на новом месте жительства, а субъектом выступает население. В социологии накопился большой пласт теоретических и эмпирических исследований по данной теме.

На современном этапе в изучении миграций внесли важный вклад в теоретико-методологический фундамент для социологических исследований такие ученые, как Д. Массей, М. Критц, Ш. Глик, Т.И. Заславская, М.С. Блинова, Л.Л. Рыбаковский, В.И. Мукомель и др. Существуют различные трактовки понятия «миграция». Л.Л. Рыбаковский под этим термином понимает территориальное перемещение между населенными пунктами независимо от продолжительности, регулярности и цели, а в узком смысле, как собственно переселение, то есть смену места жительства [2].

Многие ученые при исследовании миграции опираются на концепцию трех стадий миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского [3]. В данной работе будут рассмотрены две фазы концепции: предпосылки миграции и непосредственно само перемещение. Таким образом, будет представлена характеристика статистических данных миграции в России, а также пойдет речь о субъективных факторах миграции, которые выражены в понятии «миграционная установка».

Миграционные установки – это сформированное в различной степени представление человека о том, где он хотел бы проживать [4]. Миграционные установки могут появляться в результате сравнения характеристик родного населенного пункта, региона или страны с другими территориями с точки зрения комфортности проживания.

Социологии выделяют основные ряд основных причин формирования миграционных установок молодежи в России. Желание улучшить социально-экономическое положение. Большая часть молодежи стремится иметь высокий уровень дохода, но некоторые из них не имеют ни желаний работы, ни профессии. Это связано с отсутствием молодого поколения стимула к труду, так как все возникающие проблемы молодые люди вынуждены решать самостоятельно. Также возникают проблемы с трудоустройством после окончания вуза, а многие выпускники не вовсе не востребованы на рынке труда

Стремление получить более престижное образование по-прежнему является одним из главных факторов миграции молодежи. Согласно рейтингу вузов 2015 г. В топ-10 вошли 6 столичных вузов, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Новосибирский национальный исследовательский университет и Уральский федеральный университет [5]. Лидеры данного рейтинга имеют самые лучшие условия для получения образования и высокий уровень научно-исследовательской работы. среди других причин можно выделить стремление к развитию творческого потенциала, культурные потребности, которые зависят от общей культуры и уровня образования молодого поколения. Также при переходе высших учебных заведений на Болонскую систему образования, усложнилась ситуация с бюджетными местами в региональных вузах [6], в которых мало бюджетных мест в магистратуре, а на некоторых направлениях есть только коммерческая основа.

Также высоко стремление молодежи к повышению уровня культурного развития. В столице и крупных региональных центрах культурная жизнь гораздо шире, чем в маленьком провинциальном городе. Недостаточное число театров, памятников, выставочных центров, музеев, галерей и пр. не устраивает молодое поколение. Помимо всего прочего, в малых городах недостаточно развита индустрия развлечений.

Реализация миграционных установок носит как позитивные, так и негативные последствия. Одним из главных последствий миграции являются демографические изменения в структуре населения региона: миграционные процессы позволяют регионам реципиентам уменьшить безработицу молодежи. Так как наиболее мобильной частью населения является молодежь, то в районах выезда снижаются темпы прироста населения из-за сокращения естественного прироста и старения местного населения. Особенно актуальной в последнее время становится проблема «утечки умов» и, как следствие, потеря высококвалифицированных специалистов.

Также следует отметить, что и принимающая стороны, есть тоже свои негативные последствия: снижение заработной платы местного населения на фоне демпинга на рынке трудовых ресурсов; усиление конкуренции за рабочие места; массовое увеличение числа мигрантов оказывает нагрузку на социальную инфраструктуру, и, как следствие, у местного населения начинает формироваться негативное отношение к приезжим.

К позитивным последствиям миграции можно отнести тот факт, что у людей появляется возможность улучшить свое материальное благосостояние, изменить свой социальный статус; за счет увеличения количества поступлений от налогов и сборов растет доходная часть бюджета принимающего региона.

С каждым годом молодежь все больше интересуется миграцией. Миграционные процессы сами по себе – это неделимая часть социально-политического и экономического развития страны, поэтому особенно актуально их изучение особенно в молодежной среде российского общества, а молодежь – это «двигатель» творческого поиска и общественного развития.

1. Кашицкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // *Вопросы образования*. 2016. № 3. С. 169-203

2. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // *Социальная психология и общество*. 2013. № 4. С. 34-45.

3. Рыбаковский, Л. Л. Исследование миграции населения в России [Текст] / Л. Л. Рыбаковский // *Социология в России*. – 1998. – С. 215–234.

4. Долгов А.А. Современные миграционные установки населения Южного федерального округа (на примере Ростовской области) // *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2016. № 2-2. С. 123-127

5. (URL: http://www.raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2015/)

(Рейтинговое агентство RAEX (Эксперт РА): [сайт]: URL: <https://raexpert.ru/>)

6. Эндрюшко А.А. 6. «Движущие» силы миграционного поведения молодежи и его основные типы // В сборнике: *ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ сборник научных статей 5-й Международной научно-практической конференции : в 2-х томах. Ответственный редактор Горюхов А.А.* 2015. С. 311-313.

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ, ЭМИГРИРОВАВШЕЙ ЗА РУБЕЖ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Дергунова Н.В. (Ульяновск)

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант №15-33-01044 а1

Этнокультурная идентичность русскоязычной молодежи при ее переезде за пределы России, претерпевает существенные изменения. В течение 2015 года нами был проведен ряд полевых социологических исследований (фокус-группы, интернет-опросы) с выпускниками российских вузов, проживающими за пределами России, в основном в европейских странах. Данные исследования ставили целью изучение тенденций изменения социокультурной и гражданской идентичностей русскоязычной молодежи за рубежом. Был выявлен «волновой» характер динамики этнокультурной идентификации на протяжении от 1 года до 10 лет пребывания за границей, описаны четыре модели поведения молодых мигрантов в отношении социокультурной адаптации и сохранения своей этнокультурной идентичности. Исследования показали негативное отношение русскоязычной молодежи к коллективным формам сохранения культурной идентичности, к русской диаспоре более взрослого поколения (50+). Формы сохранения этнокультурной идентичности молодежи носят в большей степени индивидуальный характер, с использованием современных коммуникативных технологий. Большинство

респондентов сохранили позитивное отношение к российскому государству, его истории и культуре. Вместе с тем, часть молодых мигрантов высказала неприятие политического режима РФ и связала возможность своего возвращения в Россию с изменением политического режима в стране.

Государственная и этнокультурная идентичности у выпускников российских вузов-мигрантов могут не совпадать. В данном сопоставлении первична этнокультурная идентичность. Из 106 респондентов-выпускников российских вузов, выехавших в разные страны, четверть критически воспринимает российскую государственность в нынешнем ее состоянии, но только 16% молодых респондентов готовы отказаться от своей этнокультурной идентичности. Чтобы определить эффективные формы сохранения русской этнокультурной идентичности, была поставлена задача исследовать уровень сформированности данного типа идентичности у студентов старших курсов вузов г.Ульяновска.

Вопрос этнической идентичности всегда был актуален для поликультурных регионов, где уровень межэтнических контактов достаточно высок. Национальное не поддается (или лишь частично поддается) измерению сугубо рациональными категориями. Тем более не поддается измерению энергия причастности, которая определяется психологическими характеристиками и вербализируется в знакомых, но не сводимых к конкретному личному опыту понятиях национальной гордости и патриотизма. Данная проблематика находится на стыке интересов этнологии, истории, социологии, социальной и этнической психологии. В изучении проблем этнической идентичности и этнической толерантности/интолерантности в поликультурном обществе особенно продуктивным оказывается комплексный междисциплинарный подход. [1] По мнению В.А.Ядова, в исследовании фундаментальных проблем самоопределения индивидов в человеческом окружении психология и социология выделяют свои особые области. Психология, во-первых, концентрирует интерес в сфере исследования психических механизмов самого процесса идентификации и, во-вторых, "точкой отсчета" обозначает самого индивида, т.е. изучает его САМОидентификацию, начиная с физического (организмического) самоопределения и кончая самоопределением в нравственном "пространстве". Социология такой "точкой отсчета" полагает социальные группы, сообщества и интересуется социальным механизмом самоопределения индивидов в многообразных группах.

Сохранение своей этнокультурной идентичности или аккультурация как отказ от своей идентичности имеют объективные и субъективные причины. Исследования российских социологов последних лет позволяют рассмотреть динамику множественных идентичностей, изменения в их содержательном наполнении. Родной язык является одним из значимых моментов этнической и государственной идентификации российской молодежи, наряду с территорией, местом рождения, природой, историей, прошлым народа и государства [2].

В зарубежной психологии одним из основных подходов к изучению идентичности признается изучение моделей «культурных синдромов» (Г.Триандис), обозначающих определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения. Социализация – это явление, которое происходит, завершается и дает определенный результат, о котором мы можем в дальнейшем судить, напротив, адаптация – это серия разнонаправленных векторов, исходящих из единого центра, поскольку для каждого индивида адаптация происходит в отношении разных сред, общностей и ситуаций. Зачастую неустойчивая или «кризисная» идентичность представляется результатом сбоя процесса адаптации. И возникновение проблем с самоопределением, и неспособность встраивания в социокультурную общность – это своего рода девиация. Основными субъектами влияния на личность при ее самоидентификации являются прежде всего семья и школа.

В современной психологии выделяют условно три уровня сформированности социокультурной идентичности: пороговый, средний, глубинный [3]

Поверхностный, самый неглубокий уровень человек осуществляет процесс социокультурной идентификации в результате работы только когнитивных элементов. На этом чисто внешнем уровне субъект отождествляет себя со своей этнической группой в результате идентификации с формальными признаками: государством, местом проживания, гражданством и т. д. На этом уровне человек не готов к действиям, направленным на подтверждение идентичности в рамках собственной культуры, отсутствует идентификация по культуре. Т.е когнитивный компонент идентификации личности сформировался, а социальные действия нет.

На среднем уровне социокультурной идентификации уже подключается эмоциональный слой, работают психические механизмы человека. Этот уровень более глубокий, чем первый,

человек считает себя представителем конкретной нации, потому что ощущает неразрывную связь со своим этносом, культурой. Примером среднего уровня идентичности может служить следование человеком своим обычаям, традициям. На этом уровне индивид готов к действиям, направленным на подтверждение идентичности, однако они не носят экзистенциального характера.

На глубинном уровне социокультурной идентификации человек сливается с национальными и культурными ценностями. При идентификации субъекта со своим этносом, культурой возникает сложный комплекс волевых, чувственных, эмоциональных переживаний, связанных со своей этнической принадлежностью. Изъятие человека из контекста собственной культуры невыносимо для индивида. Примером данного уровня может служить ощущение дискомфорта в инокультурной среде, чувство тоски по Родине даже при недлительных отъездах.

Данные подходы к изучению динамики изменений идентичности позволили нам сформулировать следующие гипотезы для проведения опроса студентов выпускных курсов вузов г. Ульяновска:

1. Полиэтническая семья со средним специальным и высшим образованием родителей способствует формированию среднего уровня социокультурной идентичности.

2. Моноэтническая семья со средним специальным и высшим образованием родителей способствует формированию глубинного уровня социокультурной идентичности с элементами этноцентризма.

3. Дети, выросшие в полиэтничных семьях, при эмиграции более открыты для культурных заимствований (космополитичны) и менее стремятся сохранить свою социокультурную идентичность.

4. Жизнь в полиэтничной среде обостряет чувство этнокультурной самоидентификации, способствует актуализации защиты своей идентичности в конкретных условиях.

5. Школа формирует поверхностные, не укорененные культурные стереотипы поведения.

6. Социальные практики становления этнокультурной идентичности через воспитательный процесс, гражданскую активность способствуют формированию у школьников и студентов среднего и глубинного уровней социокультурной идентичности.

1. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995 № 3-4.

2. Дробижеева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Россия реформирующаяся. М., 2002; Дробижеева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5.

3. Тучина О.Р. Этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход. // SOCIOSPHERE. 2014. №

ФЕНОМЕН РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ В БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Дивисенко К.С., Дивисенко О. В. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Жизненный мир верующих: теоретико-методологические аспекты исследования индивидуальной духовности и религиозности» (Грант Президента РФ. Конкурс 2015 года по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук. № МК-6693.2015.6).

Обоснование критерия религиозности в современной отечественной социологии религии по-прежнему остается одной из актуальных проблем, которая во многом связана с характером российской религиозности. Высокая степень идентификации россиян с православием и низкий уровень религиозного участия свидетельствуют о необходимости использования в социальных исследованиях разнообразных критериев религиозности.

Использование в массовых опросах мягких критериев (например, самоидентификации) и других переменных, отражающих особенности религиозного поведения, часто приводит к выделению аморфных групп верующих, чей религиозный «образ мыслей» принципиальным образом не отличается от средних показателей по массиву в целом. Использование более строгих критериев оказывается возможным преимущественно на целевых выборках, поскольку их применение в массовых опросах, очевидно, приведет к кардинальному сокращению группы верующих и, соответственно, к невозможности выявления статистически значимых связей.

Исследование религиозности в отечественной и зарубежной науке, как правило, связано с многомерным подходом – анализируется система различных элементов религиозного сознания и поведения. В религиозном сознании выделяются такие компоненты, как религиозные знания, убеждения, ценности, установки. Следует отметить, что изучению авторефлексии верующих как достаточно трудно операционализируемому показателю уделяется значительно меньше внимания, несмотря на то, что данный индикатор может быть весьма значимым.

С нашей точки зрения, феномен реинтерпретации индивидом личной истории, проявляющийся в процессе автобиографической рефлексии верующих, является одним из ключевых компонентов религиозного сознания. В своём исследовании мы постарались осуществить качественное описание особенностей биографической нарративизации личной истории, а также сопоставить степень воцерковленности с самооценкой респондентами влияния собственных религиозных убеждений на различные стороны их жизни. Исследовательский проект опирался на один из вариантов стратегии смешанных методов (mixed method) – равноприоритетное последовательное использование качественных и количественных методов [1, 94-96], что позволило не только описать феномен реинтерпретации, но и осуществить его измерение. На первом этапе мы использовали материалы биографических интервью, а на втором был осуществлен анкетный опрос. В исследовании приняли участие воцерковленные православные верующие.

Биографическое исследование широко используется как социологами, так и психологами религии. Оно позволяет изучить религиозный опыт, способы восприятия и понимания священного индивидами и религиозными общностями [2, 203-204]. Биографическое исследование как стратегия качественного анализа во многом опирается на методологию социальной феноменологии и позволяет изучить жизненный опыт индивида и события личной истории. В автобиографической нарративизации жизненного опыта события личной истории, их осмысление и оценка вплетаются индивидом в ткань последовательного повествования. Этот процесс обусловлен когнитивными интерпретационными структурами, свойственными индивиду. Наличие конструкта, который обуславливает восприятие жизни и ее интерпретацию в религиозном ключе, свидетельствует о достаточно высоком уровне религиозной саморефлексии, который может быть расценен как критерий религиозности. Очевидно, что данный подход, в первую очередь, ориентирован на изучение интерпретации жизненного опыта, а не на его содержательный анализ, поэтому автобиография рассматривается как нарративная конструкция, а не как документальное (достоверное) свидетельство о прошлом.

Теория жизненного мира позволяет рассматривать религиозный опыт в качестве «конечной области смысла», т. е. как явление одного порядка с повседневностью. Религиозный жизненный мир формируется интенцией человека на священное. По мере воцерковления индивида религиозный жизненный мир претендует на постоянное расширение и замещение религиозно-нейтральной повседневности. На дискурсивном уровне «разрастание» особого мира религиозного опыта можно зафиксировать в анализе реинтерпретации (во вторичной интерпретации индивидом событий и явлений повседневной жизни с точки зрения религиозного миропонимания).

Феномен реинтерпретации событий личной истории в категориях религиозного миропонимания на материалах биографических интервью обнаруживается как на собственно лингвистическом уровне – в использовании характерных устойчивых выражений, так и в более сложных конструкциях репрезентации. Ключевую роль в религиозной интерпретации событий личной истории играет религиозное обращение, привносящее в сферу повседневности религиозные практики. Нарративный анализ показал, что по мере воцерковления происходит становление новой религиозной повседневности, в которой функционируют две системы рациональности, используемые индивидом при социальном взаимодействии: для соотнесения своих поступков с религиозными и нерелигиозными нормами.

В рамках анкетного опроса (n=154) задавался вопрос о самооценке респондентами влияния на их жизнь собственных религиозных убеждений (закрытый список, состоящий из 10 пунктов, с возможностью выбора нескольких вариантов ответов). Наибольшее число ответов приходится на варианты «в настоящем влияют» и «никак не повлияли». По мнению опрошенных, их религиозные убеждения в настоящее время влияют на всю жизнь в целом (85,6 %), свободное время (66,0 %), круг общения (62,7 %), отношения в семье (62,1 %). Доля вариантов ответа «никак не повлияли» для этих пунктов составляет 21,7 %, 21,1 % и 17,1 % соответственно. На пункты «выбор образования», «выбор работы», «увлечения, хобби, спорт» пришлось наибольшее число ответов «никак не повлияли» (69,9%, 50,3% и 41,4% соответственно). При сопряжении распределения

вариантов ответов «в настоящее время влияют» и «никак не повлияли» относительно степени воцерковленности респондентов (выявленной на основе религиозного поведения) обнаружены статистически значимые различия. Так, для представителей сильной группы верующих в большей степени характерно признание влияния религиозных убеждений на их жизнь, а для слабой – нет. Четыре пункта из десяти («круг общения», «выбор работы», «отношение с сотрудниками», «свободное время») для двух групп респондентов являются «зеркальными» – общими по наличию статистически значимых различий.

Результаты эмпирического исследования подтвердили, что уровень религиозной авторефлексии является важным компонентом религиозного сознания и зависит от особенностей религиозного поведения (степени воцерковленности).

1. Morgan D.L. *Integrating qualitative and quantitative methods: A pragmatic approach*. Thousand Oaks: Sage, 2014.
2. Nelson J.M. *Psychology, Religion, and Spirituality*. New York: Springer, 2009.

МОДЕЛИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Дроздова Ю.А. (Волгоград)

*Подготовлено по результатам полевого этапа реализации гранта РГНФ 16-13-34011
«Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ»*

Автор статьи утверждает, что модели миграционных процессов в Волгоградской области носят неустойчивый характер и нуждаются в поддержке и управлении. На это и направлен расчет миграционных рисков как основы для управления миграционными процессами в регионе.

The author argues that the model of migration processes in the Volgograd region are fragile, and need support and management. This calculation migration risks is a basis for migration management in the region.

Для понимания сущности миграционных процессов, на наш взгляд, наиболее важной представляется объединение различных типологий миграций в некие модели, позволяющие объяснить причины и мотивы перемещения населения: вынужденно-принудительную (из-за насильственного переселения, негативного отношения со стороны местного населения и т.д.); индустриально-классическую (поиск работы, улучшение материального положения и т.д.); военную (из-за военных действий в прежнем месте жительства, эвакуации населения на время проведения боевых действий и т. д.) и связанную с решением личных вопросов (воссоединение семьи, интернациональный брак, «человеческое любопытство» и т.д.), а также транснациональную.

Эти модели использованы для описания ситуации в Волгоградской области, которая является регионом, имеющим множество регионов – соседей с кардинально различными культурными и социально-экономическими характеристиками (Калмыкия, Саратовская, Воронежская, Ростовская, Астраханская области, Казахстан), транспортным транзитным узлом, принимающей мигрантов территорией.

Волгоградская область является многонациональной. На ее территории проживают более 130 национальностей и народностей. Это не только представители бывших союзных республик, автономных округов и областей, но и многих зарубежных стран, хотя их численность невелика. По данным переписи населения 2010 года в общей численности постоянного населения русские составляют наибольшую часть – 88,5%, на другие национальности приходится 11,5% [5]. В сравнении с данными переписи 2002 года в регионе увеличился процент азербайджанцев, даргинцев, армян, узбеков, таджиков, цыган. Уменьшился численный состав белорусов, немцев, евреев. Интенсивность миграции в целом составила (-2,5, сальдо на 1000 человек населения), и в большинстве районов убыль населения, как естественную, так и вследствие эмиграции не компенсируют иммиграционные потоки. Важная особенность региона – его объективная потребность в иммигрантах. Начиная с 1989 по 2016 год, общий прирост населения области был сформирован в основном за счет миграции, которая частично компенсировала убыль естественного населения до 1998 года [4, с. 33]. Таким образом, сегодня Волгоградская область нуждается в иммигрантах вдвойне: и как в рабочей силе, и как в «ресурсе» пополнения населения.

С одной стороны, все эти особенности могут обеспечить выгодное социально-экономическое положение области, а с другой – уже создают проблемы в сфере миграции. Если до

недавнего времени основными типами миграции были военная и вынужденно-переселенческая, то на сегодняшний день ей на смену приходит индустриально-классическая (экономическая) миграция. Этот вывод сделан на основе данных статистики и проведенного авторского исследования в Волгоградской области (опрос проводился в рамках реализации гранта РГНФ 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», июль – сентябрь 2016 года, N=150), согласно которому подавляющее большинство мигрантов, въезжающих на территорию области, сегодня имеют целью поиск работы (76 % респондентов) или улучшение материального положения (39% опрошенных).

Изменившийся порядок привлечения иностранных граждан, прибывших в безвизовом режиме, к трудовой деятельности повлек увеличение числа мигрантов, въезжающих в Россию с целью «работа». Доля данной категории мигрантов в общем миграционном потоке составила 23,3%. Данный рост в первую очередь объясняется увеличением количества въехавших граждан Армении, Украины и Киргизии, указавших при въезде цель «работа». При этом наибольшую долю трудовых мигрантов среди прибывших граждан каждого государства составляют граждане Таджикистана (81,1%) и Узбекистана (77,3%) [2, с. 10]. В 2006 году целью въезда в Волгоградский регион заявляли работу только 6% (92% заявили цель въезда частной) [1, с. 6 – 7]. Иммигранты старались давать как можно меньше информации о себе и целях въезда, хотя большинство приехавших в Волгоградскую область и тогда целью въезда имели трудоустройство. Изменение российской миграционной политики, упрощение режима въезда, регулирование трудовой миграции позволили, на наш взгляд, сократить нелегальную миграцию, что является позитивной тенденцией в миграционной политике. Другой вопрос, что все меры, принимаемые в отношении мигрантов, должны носить комплексный, системный характер. Так, косвенно увеличивая приток иммигрантов через законодательные меры, необходимо обеспечивать их адаптацию и максимально безболезненное и безопасное в будущем внедрение в общество, как для самих иммигрантов, так и для коренного населения [3].

Необходимо отметить, что основная часть опрошенных иммигрантов среди проблем при приезде в Россию и регион назвала проблемы отсутствия жилья и работы (84%). Основной поток иммигрантов оседает в городах областного подчинения, в которых нет реальных предпосылок создания новых рабочих мест. Инфраструктура областного и районных центров значительно перегружена. В любом из районов области дополнительное размещение населения без дополнительных затрат на социально-экономическое развитие будет вызывать социальную напряженность и усиливать депрессивное состояние социальной и производственной сферы.

Программы по адаптации иммигрантов при обязательном условии их проживания и работы в удовлетворительных условиях позволили бы снизить уровень социальной напряженности, решать проблему культурного развития региона. Проблема является тем более актуальной, что отношение со стороны населения области к увеличивающемуся числу иммигрантов является настороженным. Согласно проведенному нами исследованию, 38,5% опрошенного коренного населения относится к иммигрантам «уважительно, пока не задается достоинство собственной национальности», нейтрально – 38, 1% респондентов, а 14, 4 %, принявших участие в опросе, считают, что «миграция создает множество проблем для коренного населения». 31,9% респондентов считают, что с многонациональным составом принимающего общества «приходится мириться». В данной противоречивой ситуации равновесие в межнациональной сфере основывается на профилактике и прогнозировании конфликтных ситуаций.

Необходимо отметить, что помимо иммиграции, Волгоградская область имеет также достаточно большой отток населения, который превышает миграционный приток в течение последних лет (с 2003 года). Это отъезд населения в другие регионы страны, на 13% превышающий число прибывших из других субъектов Российской Федерации; в зарубежные страны, кроме СНГ и Балтии. Наиболее многочисленная группа эмигрантов – это русскоязычное население (70% миграционной убыли). В определенной степени в регионе начался процесс замещения коренного населения на прибывающее. Такая ситуация складывается и с образованием иммигрантов. Большинство приезжих имеют среднее или среднее профессиональное образование, в то время как уезжает большое число лиц с высшим образованием. Такая ситуация, конечно, в определенной степени восполняет потребность работодателей в лицах рабочих специальностей, но снижает общий уровень образования населения Волгоградской области.

Нельзя обойти стороной и внутрирегиональную миграцию, которая составляет около 50% миграции в области. Основной поток миграции направлен из села в город. Это не может не

вызывать опасения, поскольку в таком случае сельские районы области остаются без рабочей силы. Основной поток внешней миграции направлен в города, потребность сельскохозяйственных предприятий в работниках вынуждает привлекать иммигрантов, что также может привести к замещению коренного населения в районах Волгоградской области.

Таким образом, совокупность миграционных процессов Волгоградской области представляет собой многовекторную синтетическую модель, в которой имеют место отдельные черты и вынужденно-переселенческой, и индустриально-классической, и диффузной моделей. Исключение составляет транснациональная модель, черты которой еще очень слабо выражены в миграционной ситуации в области. Но модель, которая сложилась на территории региона, носит крайне неустойчивый характер, и, как любая другая искусственная система, нуждается в поддержке и управлении. На это и направлен расчет миграционных рисков как основы для управления миграционными процессами в регионе.

1. Аналитический отчет о миграционной ситуации в Волгоградской области (по состоянию на 01 января 2008 г.) Волгоград, 2007г. Волгоград: УФМС, 2007. 56 с.
2. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год. URL: https://гувм.мвд.рф/upload/site1/document_file/_doklad.pdf (дата обращения 24.09.2016).
3. Коллиер П. Как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.
4. Миграция населения Волгоградской области / под ред. О. Р. Никитина. Волгоград: Радуга, 2006. 164 с.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федеральная служба государственной статистики – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т.4. Кн.1. 1256 с.

ФИЛЬТР МИГРАЦИИ: МОЛОДЫЕ - НА ЗАПАД, ЗРЕЛЫЕ - НА ВОСТОК, ПОЖИЛЫЕ - ДОМОЙ

Злотников А.Г., Смалюга А. К. (Гомель, Республика Беларусь)

Исследование проведено при поддержке гранта БРФФИ № Г15Р-047.

Рассматриваются особенности миграционных процессов современной Беларуси. Раскрываются противоречия в выявлении масштабов белорусской миграции. Дана характеристика векторов миграции населения Беларуси. Выявляются особенности влияния социально-экономических процессов на миграцию. Приводятся результаты социологических исследований миграционных ориентаций современной белорусской молодежи. Дана характеристика белорусско-русской, белорусско-украинской миграции. Раскрываются проблемы использования гастарбайтеров на рынке труда Беларуси.

The study was conducted with support from BRFFR grant № Г15Р-047. The features of migration of modern Belarus are regarded. Contradictions in identifying the extent of the Belarusian migration are revealed. The characteristic vectors of migration the population of Belarus is given. Particularly the influence of socio-economic processes in the migration is given. The results of sociological studies of the migration-orientations of modern Belarusian youth are shown. The characteristic of the Belarusian-Russian, Belarusian-Ukrainian migration is given. Problems of using garstarbayters in the labor market of Belarus are revealed.

Из важнейших демографических процессов (рождаемость, смертность и миграция) главными направлениями преодоления депопуляции в социальной политике Беларуси провозглашено обеспечение роста рождаемости. На подъем рождаемости направлены все демографические программы в стране. Но рост рождаемости не компенсирует рост миграции, что выдвигает проблему миграции на первый план в демографической политике страны.

Миграция среди демографических процессов занимает особое место. Это ее особенность обусловлена тем, что миграция тесно связана с многообразными сторонами – внутренними и международными, соци-ально-экономическими и политическими, личностными и общественными процессами, этническими и конфессиональными, расселенческими и экологическими факторами, уровнем жизни и ситуацией на рынках труда своей и сопредельных стран, а также многими другими процессами социальной жизни.

Так, за 1990-е годы численность населения Республики Беларусь со-кратилась на 106,6 тыс. чел., а за следующее десятилетие это сокращение уже составило 541,4 тыс. чел. Т.е. за

последнее десятилетие темпы и размеры этого сокращения значительно увеличились. Говоря о структуре процессов этого уменьшения численности населения страны между переписями 1989 и 1999 гг., соотношение за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3% и 23,7%. А за период между переписями 1999 и 2009 гг. эта пропорция уже составила 58,1% и 41,9%. Это означает, что за последнее время сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, а за счет миграции рост потерь составил 8,8 раза. Это свидетельствует, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния отрицательного сальдо миграции на депопуляционные процессы.

Отметим, что положение миграционных процессов в Республике Беларусь национальная статистика отражает не совсем адекватно, показывая, что наша страна имеет положительное сальдо миграции. Действительную же ее характеристику, к примеру, дает сопоставление данных о размерах белорусско-российской миграции статистическими органами Беларуси, с одной стороны, и России, с другой. Белорусская статистика показывает, что Беларусь имеет положительное сальдо в белорусско-российском миграционном обмене: за 2010-2014 гг. – 22045 чел. Российская же статистика приводит данные, что Россия за этот период в белорусско-российском миграционном обмене имеет положительное сальдо в 28443 чел. (См. табл. 1). Т.е. выявляется противоречивая картина.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена за 2010-2014 гг. по данным Национального статистического учета Республики Беларусь и Федеральной службы государственной статистики России (чел.)

Годы	Данные Белстата		Данные Росстата		Прибыло	Выбыло	Прирост
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло			
2010	9268	4237	5031	4894	2899	1995	
2011	9666	4953	4713	10182	2622	7560	
2012	8560	5493	3067	16564	6513	10249	
2013	9150	4378	4772	15748	12031	3717	
2014	9131	4669	4462	17878	11156	6722	
2010-2014	45775	23730	22045	65266	36823	28443	

Величина численности граждан Беларуси поставленных на учет в России за последние 7 лет (2009-2015 гг.) по данным ФМС России составила 1342,5 тыс. чел., что равно 14,0% всей нынешней численности населения Беларуси. Или больше в отдельности численности населения Витебской, Гродненской и Могилевской областей. Причем, прошедший 2015 г. в общей численности граждан Беларуси, прибывших и поставленных на учет в России, составил самую значительную величину – 307,5 тыс. чел., или 22,9% миграционного потенциала граждан Беларуси для России. Основной поток граждан Беларуси в миграционном движении с Россией ориентирован на Центральный федеральный округ (23,3% прироста) и Северо-Западный федеральный округ (25,4% прироста). А в них миграционный поток трудовых мигрантов направлен прежде всего в Москву и Московскую область (Центральный федеральный округ), а также в Санкт-Петербург и Ленинградскую область (Северо-Западный федеральный округ). Всего в этих двух федеральных округах граждане Беларуси из общей численности поставленных на учет в России в 2009-2015 гг. составляют более миллиона человек (или 75,4% общего трудового миграционного потенциала Республики Беларусь в Российской Федерации).

Проведенные нами (2011-2015 гг.) в рамках демографического мониторинга социологические исследования свидетельствуют, что в каждой третьей белорусской семье имеются трудовые мигранты, работающие за пределами Республики Беларусь. Кроме того у каждого пятого респондента ранее имелись такие лица. Это означает, что почти в каждой второй белорусской семье имеются трудовые мигранты в России.

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. По данным текущего статистического учета Белстата в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию из Беларуси переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на

демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси. Это более образованное население. Такой миграционный обмен между Беларусью и Россией создает существенную угрозу для перспектив демографического развития Беларуси.

В последние годы растет численность эмигрировавших белорусов в западном направлении. По информации Европейского статистического комитета численность граждан Беларуси, получивших в 2014 г. вид на жительство в европейских странах составила 80 тыс. чел. По общим количественным показателям это больше, чем граждан России (73 тыс. чел.), но меньше, чем граждан Украины (302,8 тыс. чел.). Правда, в сопоставимых величинах от численности населения стран эмиграции процент граждан Беларуси, ставших в 2014 г. резидентами стран Европейского сообщества, оказался больше, чем аналогичный украинский показатель – соответственно 0,84% и 0,67%.

За последние четверть века в постсоветском социуме сформировалось молодое поколение с новым менталитетом, которое в миграционной компоненте меньше ориентируется на постсоветское пространство. Российский рынок труда пополняет поколение 1975-1990 годов рождения. Молодое же поколение ориентируется на западный вектор миграции. Проведенное нами исследование миграционных установок молодежи показало, что в Беларуси молодое поколение (более двух третей респондентов, как среди мужчин, так и среди женщин) потенциально ориентировано на эмиграцию. Видны два основных направления эмиграции: страны дальнего зарубежья и страны СНГ. Причем, на страны дальнего зарубежья ориентируется 2,7 раза больше респондентов, чем на близкое респондентам социокультурное пространство – их соотношение 52,0% к 19,3%. Исследованием выявлена противоречивая тенденция: чем меньше реально знакомы со страной будущей иммиграции, тем выше оценка ее привлекательности. И наоборот: чем большая доля раньше бывавших в этих странах, тем меньшая оценка привлекательности условий жизни в ней. Это касается и западного и восточного векторов миграции Беларуси.

Конечно, как ориентация респондентов на перспективу трудоустройства за пределами Республики Беларусь, так и желание связать свое будущее с трудоустройством и жизнью в той или иной стране еще не факт того, что их эти планы осуществляются. Как свидетельствуют статистические данные о размерах межстрановой белорусской миграции, существует противоречие между желанием респондентов (работать в западноевропейской стране или в США) и реальными направлениями миграционных потоков (это прежде всего Российская Федерация). Желание и реальное осуществление этих пожеланий в действительности часто расходятся. Но, тем не менее, эти желания характеризуют оценку респондентами, во-первых, условий жизни в своей стране и, во-вторых, отражают реальные возможности решать те или иные социальные потребности. А для начинающих трудовую деятельность это, прежде всего, возможность трудоустройства в своей стране и получать достойное вознаграждение. Они и являются теми обстоятельствами, которые вызывают эмиграционные ориентации, и тем фундаментом, на котором в Беларуси создается миграционный потенциал для других стран.

В последние годы, после событий «революции достоинства» существенно повысилась миграционная компонента Украины в Беларуси. Если за 2010-2013 гг. доля мигрантов в Беларуси с Украины из стран СНГ составляла 16,9%, то в 2014 г. она увеличилась до 31,8%, а в 2015 г. – до 47,0%. Общий прирост населения Беларуси за счет мигрантов с Украины в 2011-2013 гг. составил 5205 чел. В 2014 г. он превысил этот трехгодичный показатель, составив 5882 чел. А в 2015 г. положительное миграционное сальдо Беларуси за счет украинско-белорусской миграции по сравнению с предыдущим годом выросло в 1,9 раза, составив 9678 чел. В результате за пять лет прирост населения Беларуси за счет мигрантов с Украины составил 20765 чел.

Однако, положение украинских мигрантов последних лет в Беларуси не является окончательным решением их жизненных проблем. Несмотря на ту социальную политику в Беларуси, которая направлена на их интеграцию в белорусское общество, а также несмотря на то, что по многим социальным характеристикам они в социокультурном плане близки к белорусскому социуму, тем не менее свое пребывание в Беларуси они считают временным, а значит недостаточно включенным в белорусский социум. Поэтому надеяться на прирост населения Республики Беларусь за счет украинских мигрантов (в Беларуси эта категория мигрантов официально называется «временно пребывающие в Беларуси граждане Украины») не стоит. При стабилизации ситуации на юго-востоке Украины они вернутся в эти регионы.

Таким образом, как реальная направленность, так и иммиграционные ориентации белорусского населения свидетельствуют о том, что зафиксировано в названии этой статьи: молодые – на Запад, зрелые – на Восток, пожилые – домой.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Зобов Р.А. (Санкт-Петербург)

В современном европейском обществе одни группы людей ориентируются на культуру, а другие – на цивилизацию. Культура ориентирует человека на целостное восприятие действительности так как в ней присутствует ряд компонент, среди которых можно назвать такие, как наука, искусство, философия, религия и другие. Они образуют единую систему, в рамках которой формируется творческая личность с широким горизонтом сознания. Сформировавшиеся установки и традиции затем передаются от поколения к поколению, воспроизводя процесс развития знаний, умений, высокий уровень интеллекта и нравственности. Все это не может не способствовать гармоничному включению человека в социальную систему.

Цивилизация же представляет собой специфический уровень развития современного европейского общества, который не укладывается в систему культуры. Здесь человек замыкается на отдельных компонентах в виде достижения материального благополучия на возможно более высоком уровне, на решении конкретных технических проблем, наиболее востребованных обществом и т.п.

В результате формируется односторонняя личность, для которой многостороннее видение действительности отступает на задний план. Такой человек замыкается на решении конкретных проблем. В условиях бурного развития науки и техники деятельность таких людей часто приобретает негативный характер, ибо полученные результаты представляют уже значительную опасность для природы и общества, что хорошо прослеживается в ходе разработки ядерной физики, при возникновении и решении экологических проблем и пр.

Выход из такой ситуации возможен только при условии гармоничного сочетания культуры и цивилизации. В культуре как целостном образовании достигается сочетание рациональных и иррациональных компонент, в частности, например, науки и этики. В этих условиях открывается возможность осознания человеком своей ответственности за результаты своих действий. Это достигается в русле современной философии, в рамках которой формируется единство материальных и духовных компонент.

В таких условиях возникает потребность в образовании, прежде всего, философском, так как именно философское образование позволяет достигнуть единства рациональных и иррациональных компонент. Наиболее эффективным в настоящее время здесь является университетское образование, где созданы все условия для формирования единства различных сфер деятельности (наука, искусство, этика, религия и пр.). Образование такого рода значительно расширяет масштабы включения человека в структуру общества. Его сознание приобретает все более динамичный характер [1].

Как уже говорилось, на уровне цивилизации множество людей замыкается на решении конкретных проблем. Разумеется, здесь могут быть получены результаты, которые затем могут войти в состав культуры и передаваться от поколения к поколению. Однако видение действительности при этом остается односторонним.

В современном мире такое одностороннее видение социума представляет значительную опасность. Даже если человек получает позитивные результаты, то он замыкается на них. Если же такой человек становится во главе государства, то он начинает навязывать свои односторонние представления и не учитывает другие возможные варианты, находящиеся за их пределами, а ведь именно они и могут стимулировать прогрессивное развитие общества. Это уже отметил в свое время Конфуций, который говорил, что если человек не видит далеко вперед, то в ближайшее время его ждут крупные неприятности [2]. И не только Конфуций, но и другие выдающиеся мыслители постоянно говорили, что во главе государства должен стоять человек с широким горизонтом сознания (Платон, Аристотель, Марк Аврелий и многие другие).

Однако на уровне цивилизации найти таких людей достаточно сложно. Здесь явно получают преимущество те, кто ориентирован на достижение таких результатов деятельности, которые оказываются наиболее востребованными государством и обеспечивают высокий уровень

материального благополучия. В рамках цивилизации такие люди часто и становятся во главе государства в различных странах

В сфере цивилизации происходит заикливание очень большого количества людей на отдельных компонентах (наука, искусство, религия и пр.), нарушающее целостное видение действительности. В результате значительно обостряется противоречие между творческими людьми и односторонними, и это негативно сказывается на развитии общества.

В таких условиях на передний план выступает необходимость восстановления гармонии между различными членами общества. Если творческий человек оказывается не востребованным государством, то у него возникает негативное к нему отношение, что проявилось в явлении «анонимного террора». Такой человек часто включается в антигосударственные группировки и даже стимулирует их деятельность.

И не случайно уже в прошлом столетии в России делались попытки выявления творческих личностей с целью включения их в такие государственные структуры, где бы они оказывались востребованными. При этом более талантливые включались в структуры высокого уровня, в которых гарантировался высокий уровень материального благополучия и творческая самореализация.

Вообще в рамках цивилизации всегда наблюдаются тенденции достижения гармонии между творческими и односторонними личностями, ибо в этом случае осуществляется поступательное развитие социума. Многие выдающиеся социологи пытались найти наиболее благоприятные варианты социальной системы, в которой естественным образом достигается гармоничное сочетание творческих и односторонних личностей [3]. При этом поступательное движение социума наблюдается только в тех случаях, когда устанавливается гармония цивилизации и культуры.

Общество непрерывно развивается. Поэтому соотношение культуры и цивилизации носит динамичный характер. На каждом этапе появляются новые конкретные компоненты, которые привлекают внимание людей. Скажем, на уровне античного общества наиболее привлекательной считалась возможность проявить себя, свои возможности в различных вариантах. В современном же европейском обществе наиболее привлекательным стала возможность достижения материального благополучия на возможно более высоком уровне.

Такого рода отдельные фрагменты являются компонентами культуры. Их объединение может быть осуществлено в рамках философии. Но на разных этапах развития общества формировались различные философские системы: материалистические, идеалистические, религиозные и пр. В настоящее время формируется философская система, органично сочетающая в себе все предыдущие и способствующая гармоничному сочетанию различных вариантов. В этих условиях различные компоненты, характерные для того или иного уровня цивилизации, оказываются сразу же включенными в контекст культуры.

Из всего сказанного следует, что все компоненты реального мира, в котором мы живем, представляют собой целостное образование, в рамках которого формируется адекватное представление о действительности.

1. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Университетское образование в контексте проблем современного российского образования. Ж. «Социология образования». № 7, июнь 2015.

2. Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков. 2006.

3. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИНДИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Кальян С.Е. (Полтава, Украина)

Актуальность данной темы обусловлена тем, что процесс демократизации общества требует новых подходов к решению проблем в этнонациональной сфере, а также стимулирует поиск собственной оптимальной этнонациональной модели, которая бы позволила гармонично совместить интересы всех субъектов полиэтнического общества.

В любом государстве крайне актуальна проблема разработки и внедрения интеграционных этностратегий как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Актуальность выбранной темы также обусловлена состоянием исследования содержания и сущности национально-этнической самоиндификации в научной литературе, особенно с учетом изменений

общественных отношений на стадии трансформации – перехода от одной политической системы к другой. В том анализ этнонациональных моделей показывает, что их изучение и обобщения специалистами остается недостаточным. Проблема теоретических основ национально-этнической самоидентификации приобретает особое значение для посттоталитарных стран и осложняется экономическим кризисом, сепаратистскими тенденциями в обществе.

Для каждого человека естественным является отождествление себя с определенной национально-этническим сообществом, признание своей определенной культуры, языка, обычаев, истории, религии и стремление к их сохранению. Л. Гумилев подчеркивал: «Несомненно одно – вне этноса нет ни одного человека на земле... Этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее» [1, 22].

Как справедливо отмечают В. Куц, В. Лесничий, Ю. Куц, «каждая личность есть прежде всего маленькой клеткой большего или меньшего этнического организма, то есть конкретного национального целого, без которого она не способна существовать (языковая или этнокультурная среда, быт, обычаи и тому подобное)... Отсюда – потребность сохранения своего этнического «я», национального сознания и особенностей своего национального лица при обязательном условии обеспечения уважения к иной национальной самобытности» [2, 47].

По мнению Бенджамин Г. Барбера, национальность – это скорее общее ощущение и выраженное стремление, а не совокупность признаков, поддающихся четкому определению» [3, 257].

Беспокойство по поводу возможной потери собственной национальной идентичности, к сожалению, небезосновательны, ведь на протяжении всей истории человечества в сфере межнациональных отношений наблюдается определенная закономерность, согласно которой одни национально-этнические сообщества стремились к доминированию над другими, к навязыванию им своего языка, культуры, традиций, обычаев, религии как более приемлемых, удобных и значимых, пренебрегая при этом духовными ценностями и достижениями целых поколений других национально-этнических общностей. Стремление одних этносов к покорению других нашло свое отражение в многочисленных теориях и концепциях, которые создали теоретическую и идеологическую основу колониализма, работорговли, массового уничтожения этнических меньшинств, принудительной ассимиляции.

Еще в конце XIX века М. Драгоманов сделал вывод, что «система принудительной национальности является таким же всемирным проявлением в общественной жизни, как и система принудительной религии. Первоосновой обеих систем служит дикий субъективизм, который толкает людей удивляться тому, что не похоже на их, смеяться с него, враждовать, уничтожать» [4, 505].

Национальная самоидентификация человека в каждом конкретном случае является своеобразной, особенной. Вместе с тем есть определенные закономерности и определенные типы (варианты) национальной идентификации. В одном случае национально-этническая идентификация осуществляется путем подражания, когда индивид осознанно или неосознанно копирует стереотипы поведения определенной национально-этнической общности, среди которой он живет и воспитывается. В противном случае национально-этническая идентификация происходит на основе принуждения, когда индивида заставляют действовать определенным образом, следовать определенным традициям, обычаям, вопреки его желанию. Совсем другая ситуация складывается, когда этнонациональная идентификация происходит вообще в условиях осознанного свободного выбора вплоть до возможности отказа от национальной принадлежности вообще.

Без обеспечения со стороны государства достаточных условий для осуществления этого права невозможно преодолеть межнациональную напряженность и достичь межнационального согласия в обществе. Это право должно быть признано одним из главных критериев определения демократического характера государства. Одновременно оно составляет фундаментальную методологическую основу для исследования особенностей, закономерностей и специфики современных национально-этнических (межнациональных, этнических) отношений.

1. Гумилев Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли*
2. *Етнонаціональні чинники державотворення: Монографія / О. М. Куць, В. В. Лісничий, Ю. О. Куц; керівник авт. кол. О. М. Куць*
3. Бенджамін Р. Барбер. *Націоналізм / Енциклопедія політичної думки*
4. Драгоманов М. П. *Вибране. – К. : Либідь, 1991. – 505 с.*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Кардинская С.В. (Санкт-Петербург)

Интерес индивидов к этническим и религиозным «корням», стремление к устойчивыми примордиальным ценностям усиливается в эпоху глобализации. Глобальная «безмирность» (А. Бадью), сопровождающаяся ускорением прохождения информационных потоков сквозь пространство и время, универсализацией, формированием «не мест» (З. Бауман), повышает значимость для современных индивидов так называемых «фундаменталистских миров» с их закрытостью, непроницаемостью, отчетливым разделением на «своих» и «чужих», «мы» и «они», наличием принципов различения ценного и неценного, «миров», определяющих включенность индивида в сообщество, дающих ему ощущение солидарности и, своего рода, психологический комфорт.

Принадлежность к этническому сообществу является важной для многих жителей российских крупных городов. Процесс «поиска идентичности» в постсоветский период достаточно подробно описан в социологической литературе. Одно из наиболее удачных и интересных, на наш взгляд, исследований этнических сообществ Санкт-Петербурга представлено в сборнике «Конструирование этничности»[1]. Социологи «Центра независимых исследований» Санкт-Петербурга проанализировали типы этнической идентификации, которые можно условно обозначить как «семейно-клановый», характерный, в основном, для петербургских татар и армян, «организационный», предполагающий приобщение к этнической культуре посредством национально-культурных объединений (немцы, поляки), а также «сконструированный» тип этнической идентичности, подразумевающий самостоятельное творческое конструирование индивидом образа своего этноса посредством обращения к истории близких или дальних родственников, их поиск, изучение архивных документов, языка и культуры избранного этноса. При этом, основанием для такого конструирования может быть лишь имя, фамилия и / или семейные предания.

Анализ процессов этнической идентификации 90-х годов показывает размывание границ понятий «этничность» и «этнос», становится практически невозможным обнаружение отчетливых признаков «этнической общности». Одновременно с повышением неопределенности самого понятия «этнос», интерес индивидов к этническим «корням» и к их поиску не ослабевает, а, в силу последних политических тенденций, только усиливается и ведет к росту националистических настроений у части общества. Поиск идентичности в современную эпоху оказывается связанным с созданием сетевых этнических сообществ и с демонстрацией символической природы этничности. Этничность начала XXI века становится языком, говорящим о самом себе и принимающим более или менее отчетливые конфигурации. Эти конфигурации выстраиваются по типу сетевых интернет-сообществ и имеют ряд особенностей.

В 2015-2016 гг. был проведен контент-анализ ряда сетевых этнических сообществ Санкт-Петербурга. Были исследованы группы «ВКонтакте», наиболее часто обновляющиеся и с достаточно представительным количеством участников. Это группы: «Удмурт Кенеш в Санкт-Петербурге», «Удмурты в Санкт-Петербурге», «ПетроТат», «Татары Санкт-Петербурга», «Армяне Санкт-Петербурга», «Русская пробежка. Санкт-Петербург», «Нация. Традиция. Европейская солидарность. Ресурс русской молодежи в Санкт-Петербурге».

В процессе проведения контент-анализа были выделены категории – политическая, экономическая социальная, культурная сферы деятельности сообществ. Внутри этих категорий, в свою очередь, оказалось возможным определение подкатегорий, достаточно разнообразных по своему содержанию. Единицей анализа является сообщение на «стене» сообщества. Всего было проанализировано четыреста сообщений (по сотне сообщений для каждой этнической группы).

Подводя итог исследования, можно сказать о наибольшей идеологизированности «русских» сообществ «ВКонтакте», предъявлении ими националистического дискурса, предполагающего ксенофобию в качестве нормы для русской молодежи. «Русская» конфигурация этнического сообщества выстраивается по принципам дискурса критики, содержащего риторику «очищения» от «неправильного», «чужого» с позиции «своего». Не предлагая никаких ценностей «этнического» содержания (связанных с историей, культурой, языком), подобные сетевые группы используют язык отрицания – отрицания положительной роли цивилизации Запада в российской истории, ценность культурной связи русского этноса с этносами Азии и Кавказа, отрицание холокоста, неприятие различного рода меньшинств и т.п. В результате такого отрицания или

устранения всего «чужого» происходит освобождение пространства для собственной идеологии, не содержащей ничего, кроме критики. Будучи пустым, критический дискурс, тем не менее, обозначает «русскость» как существующую в коммуникативном пространстве. В критическом дискурсе «русских» сообществ происходит явная подмена – утверждение позитивных ценностей здорового образа жизни и трезвости оборачивается идеологической изнанкой ксенофобии и нетерпимости. Так, массовая пробежка участников сообщества и спортивные мероприятия оказываются поводом продемонстрировать черносотенную символику группы и мускулы активистов, готовых к обороне и наступлению.

1. Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. – СПб., 1998.

МОЛОДЕЖЬ И КРИЗИС: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург)

В 2015-2016 гг. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ проводилось исследование «Молодежь в условиях кризиса». Было опрошено 700 студентов различных вузов Санкт-Петербурга. Одной из задач исследования была попытка выявления влияния гендерной принадлежности на восприятие и жизненные стратегии респондентов в условиях кризиса. С нашей точки зрения это важно, поскольку для быстрой стабилизации кризисных явлений, необходимо представление о том, как воспринимает кризис не только молодежь в целом, но и юноши и девушки в отдельности, в чем различие их мнений и поведения, обусловленных их социальным полом.

В России, как представляется, в настоящее время наблюдаются две противоречивые тенденции в области гендерной политики. С одной стороны, Россия вовлечена в процессы развития глобального мира, в результате чего происходит изменение гендерного порядка. Как пишет известный российский социолог И.С.Кон, «вовлеченные в общественное производство и политику, женщины вынуждены развивать необходимые для конкурентной борьбы «мужские» качества (энергичность, силу воли и т.д.), а мужчины, которые уже не могут опираться главным образом на власть и силу, - вырабатывать традиционные «женские» качества – способность к компромиссу, эмпатию... [1, 58]. Понятно, что женщины, способные в современном мире вступать в конкуренцию с мужчинами, становятся все более самостоятельными и активными.

С другой стороны, набирающая силу в обществе Русская православная церковь, хотя и признает существование России в глобальном мире, однако, считает, что такое вхождение противоречит сохранению «традиционных ценностей». Православные традиции подразумевают социальную роль женщины преимущественно в брачно-семейных отношениях, а не активное участие в общественной жизни: «церковь делает упор на разницу между полами и соответствующее разделение сфер деятельности...» [2, 56]. Молодежь, оказываясь вовлеченной в неопределенность гендерной политики, отражает в своих мнениях и оценках кризиса эту неопределенность.

Наше исследование показало, что на целый ряд заданных вопросов, характеризующих кризис, ответы были практически одинаковы, не выявляя гендерных аспектов. У молодых людей полное согласие по характеру кризиса (он имеет политическую – отметило 54,4% респондентов и экономическую - 36,7% направленность). В ответах на вопросы об изменении социальной и политической обстановке, о длительности кризиса, об условиях изменения ситуации мнения респондентов не имеют значимых различий. Но, например, представления опрошенных студентов по поводу причин кризиса, имеют некоторые особенности, в зависимости от пола: мужчины больше внимание обращают на внутрироссийские причины кризиса (коррупция, неспособность российских властей вести грамотную экономическую и социальную политику), внимание женщин больше устремлено на внешние факторы (проблемы, связанные с Украиной и Крымом, всеобщий мировой кризис).

Некоторая разница в видении причин кризиса, как представляется, связана с разным восприятием общественных процессов юношами и девушками. Видимо, внутри молодежной среды между юношами и девушками скрыто происходит некоторая конкуренция и зависит она от тех ценностей в области гендерной политики, которые они усвоили. Есть молодые люди, которые стоят на позициях РПЦ, и есть девушки, которые способны и хотят конкурировать с мужчинами в общественном производстве. Неслучайно наше исследование выявило, что среди юношей 10,4%

глубоко верующих (т.е. тех, кто соблюдает все церковные обряды, часто посещает церковь и т.п.), среди девушек таких только 2,1%. Но при этом среди юношей и больше атеистов – 34,2%, тогда как атеистов девушек почти в два раза меньше – 15,3%. Проведенное исследование также показало, что степень религиозности респондентов, носит довольно широкий диапазон. Среди тех, кто верует в Бога, но не соблюдает обрядов и религиозных правил треть юношей (33,4%) и 56,7% девушек. Каждый пятый юноша (22,1%) и каждая четвертая девушка (25,9%) считают, «что существует иное иррациональное духовное начало мира». Очевидно, что нельзя не принимать во внимание, религиозность респондентов, накладывающую определенный отпечаток на формирование мировоззрения респондентов, на их представления о роли и месте мужчин и женщин.

Исследование показало, что не ощутили кризиса 17,2% юношей и 14,2% девушек, все остальные в той или иной степени ощущают воздействие социально-экономического кризиса. Отсюда и разные действия в условиях кризиса. Юноши чувствуют себя более активными и свободными в период обучения – собираются «активно искать возможность подработать», «попробовать заняться мелким бизнесом», «уехать за границу». Для девушек свойственна большая консервативность в поведении – они стремятся «завершить учебу», затем уже «искать подработку», осуществить «переход в режим жесткой экономии», «полагаться на помощь родителей и родственников». Именно поэтому они стараются учиться систематически и иметь хорошие оценки. Видимо, придерживаясь стремления как можно скорее найти свое место в жизни, для юношей не так актуальна учеба как таковая.

Для девушек ситуация несколько другая, и она, по-видимому, связана с гендерной неопределенностью, поскольку прежде всего женщины оказываются в точке пересечения двух почти взаимоисключающих гендерных тенденций. Поэтому они стремятся лучше учиться, чтобы получить преимущества, если им придется вступить в конкурентную борьбу с мужчинами. Это тем более вероятно, поскольку у трети респондентов «стало пропадать ощущение перспективы». Подобное ощущение в условиях кризиса отметили 29,9% мужчин и еще больше у девушек – 34,4%. Иными словами, респонденты не могут определять свои цели и жизненные стратегии на будущее, что предопределяет их ситуативные действия только в краткосрочной перспективе. Поэтому как юноши (25,1%), так и девушки (19,6%) не хотят «обзаводиться семьей и детьми».

Полученные результаты позволяют говорить о том, что образ собственно кризиса не отличается у юношей и девушек. Они отмечают, что «трудно стало с деньгами, приходится экономить не еде, сложнее стало найти подработку, снизились возможности проведения досуга, возникли проблемы с оплатой учебы, ухудшилось психологическое состояние». При этом, несмотря на отмечаемые юношами и девушками одинаковые элементы кризиса для девушек кризис оказался более тяжелым (каждый элемент кризиса отмечался значительно большей долей девушек, чем юношей).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что жизнь молодежи в условиях кризиса скорее будет способствовать процессам развития «западных» гендерных тенденций, чем религиозным традиционным ценностям, стоящим в основе гендерной политики

1. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV № 1(54). С. 58.
2. Ковалевская К.В. Русская православная церковь и гендер: дифференциализм или равенство полов. Сборник статей по материалам четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ» 12 сентября 2014 г./ Отв.ред.С.Д.Лебедев. С.56.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРА»

Коркия Э.Д. (Москва)

Интерес отечественной социологической науки к содержанию понятия «культура», к выявлению ее внутренней структуры, сущностному пониманию культуры в рамках рассмотрения данного феномена в качестве социального явления и универсального свойства общества проявился в середине минувшего века. Современные исследования культуры, которые с 1990-х годов приобретают широкий и многоплановый характер под воздействием таких социокультурных процессов как «культуроцентрическая» тенденция развития современного мира, глобализация, мультикультурализм и др.

При этом преобладающим является социокультурный подход, подразумевающий понимание социального развития как единства культуры и модернизационных трансформаций, обуславливающих смену цивилизационных парадигм в социально-историческом контексте.

Объединение социокультурного подхода и историко-аналитического метода позволяет дать как ретроспективную интерпретацию культурных и модернизационных трансформаций, а также проследить динамику социальных изменений объектов исследования понятий культуры и модернизации, так и выявить значимые социокультурные матрицы, которые наиболее адаптивно можно использовать в современных моделях и стратегиях модернизационных преобразований [2, с.87].

Социологическая концептуализация исследования культуры в качестве одного из наиболее плодотворных объяснительных принципов утвердилось в социальной науке в целом только после того, как оно доказало свою состоятельность в рамках частных социальных наук, — этнографии и этнологии, которые первоначально занимались изучением только примитивных обществ. С этими обществами европейцы впервые ознакомились в XV-XVI веках, благодаря тому, что впоследствии получило название великих географических открытий. Изучая открывшиеся для них (в основном Новом свете) многочисленные примитивные общества и сравнивая их между собой, а также с известными им западными и восточными обществами Старого света, европейские этнографы и этнологи были вынуждены постепенно отказываться от многих признаков, входивших тогда в их понятие общества в качестве необходимых и, следовательно, продвигаться к предельному обобщению этого понятия [5, с.23]. Для этого им было необходимо установить то минимально общее, что позволяло бы им подводить все эти, чрезвычайно отличные друг от друга социальные системы, под единое понятие человеческого общества. И таким понятием в конце концов и стало понятие культуры.

В соответствии с этим, краткое определение культуры, на наш взгляд, может быть сформулировано следующим образом. Культура есть специфически человеческий образ жизни, сутью которого является постоянная выработка (изобретение), хранение и передача все новым и новым поколениям людей специфически человеческих форм, способов и предметов деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человека, — как специфических ему (духовных), так и общих ему с животными вообще и «общественными животными» в особенности.

Наконец, к социальной культуре относятся те стороны общественной жизни человека, которые «обслуживают» потребности людей друг в друге. Эти потребности имеются также и у многих животных, относимых к так называемым «общественным животным». Хотя, строго говоря, «необщественных» животных вообще не существует, поскольку половой диморфизм порождает потребность в специфическом (половом) общении у особей практически любого вида. Однако у «общественных животных», к которым биологически принадлежит и человек, эта потребность (или эти потребности) развиты в максимальной степени [1, с.32]. Одна только многолетняя беспомощность детей указывает на огромную роль социальных потребностей в человеческом обществе. Эти потребности также врождены человеку, поскольку человек от природы является существом общественным.

В данном контексте необходимо отметить, что хотя феномен культуры всегда был объектом внимания научных исследований, тем не менее, несмотря на высокую значимость культуры для жизнедеятельности современного российского общества в целом, а также ее роли как базового инструментария модернизации, она все еще не стала предметом пристального внимания отечественной науки, представления которой о культуре современного российского общества лежат в плоскости критики существующего социокультурного пространства.

Современный этап генезиса научного знания о феномене культуры охватывает весь XX век и продолжается по настоящее время. В этот период как научное оформление приобретает культурология, интегративная сущность которой позволяет исследовать культурные явления и процессы в их динамике, с разных ракурсов и сторон, в сложных взаимосвязях природного и социального контекста. Центральным теоретическим понятием культурологии выступает культура, сущностное понимание которой рассматривается с позиций ее роли в общественной жизни, ее влияния на вектор социально-исторического развития. Возникает дискуссионное поле, центральным фактором которого выступает проблематика культуры в условиях научно-технического прогресса, глобализации и информатизации современного общества. Проблематикой культуры занимаются такие науки как философия культуры, социология культуры. В целом культура становится объектом исследования всех общественных наук — истории, искусствоведения, этнографии, лингвистики, психологии и т.д. Такое многообразие объясняется

попыткой понять и объяснить причину кризиса, в котором оказалось современное западное общество. XX век привнес в социальную жизнь Западной Европы серьезные трансформации всех сфер жизни и деятельности общества. И, прежде всего, существенные изменения произошли в самом бытии человека и в современных реалиях культуры – морали, религии, искусства, массовой культуры, науке и технике, что начинало основательно тревожить сознание общества. Интенсивное развитие культурологических подходов стало «рефлексией» [3,с.91] на происходящие трансформации.

Кроме того особенностью современных подходов к пониманию культуры в западной научной мысли стал обобщенный подход, что представляет собой притязание на глобальное историко-социальное обобщение. Культура рассматривается как историческая жизнь в целом и в своей ретроспективе идентифицируется с историческим процессом. Современные реалии в целом воспринимаются исследователями как кризисные, так как сама действительность показывает кризис культуры, обусловленный крушением традиционных постулатов, ценностей и установок. Кризис культуры поэтому воспринимается как тупик в развитии ряда стран, близких географически и объединенных общностью культурных истоков. В связи с этим расширился интерес к пессимизму, идеализму, иррационализму и субъективизму в концепциях культуры [4, с.102]. С другой стороны, ряд концептуальных установок в исследованиях продолжают придерживаться позиций рационалистической, утилитарно-деятельной парадигмы культуры, обусловленной индивидуализмом веберовской этики.

В силу этого, проблематика культуры в настоящее время стала центром острого научного дискурса, который характеризуется напряженной рефлексией по поводу всех основных направлений культурной жизнедеятельности современного общества и в котором концентрируется весь комплекс проблем современности, будь то экономических, политических, социальных и т.п.

1. Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения / Дialeктика общения. – М., 2001.
2. Богатырева Т.Г. Факторы культуры и образования в стратегиях развития российского общества. – М., 2012.
3. Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. – М., 2014.
4. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М., 2015.
5. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y.: John Wiley & Sons, 1973.

КУЛЬТУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МОБИЛЬНОСТИ

Куропятник А.И. (Санкт-Петербург)

Множественность социокультурных конфигураций, возникающих в современных обществах под влиянием миграции, свидетельствует о пластичном характере ее вовлеченности в структуры глобальной мобильности. Роль миграции в изменении контуров современного мира состоит в том, что именно с ней сопряжена значительная часть мифологии, социальных и культурных практик, посредством которых миграция «развоплощает» этнокультурные образы локальности, тиражирует новые культурные и социальные образы мест и ландшафтов, искусно вплетая калейдоскоп их конфигураций в контексты глобализации. Исходя из этого, миграция предстает перед нами не только как социальное движение, конечной целью которого является привнесение в структуру населения новых жителей-переселенцев. Одновременно она выступает как социальный процесс, контуры которого очерчены, в одном ракурсе, - линейностью и заданными историческими алгоритмами, в другом, - движением, разрушением и созиданием, как свойствами актуального социокультурного мира, в контекстах которого, - по тонкому замечанию Р. Парка, - мобильности становится все больше, а миграции все меньше (Р.Парк).

Как представляется, именно на этой основе возникает идея неразделенности реальности и ее образа. Под этой сенью скрываются не столько явленное и игровое пространство, сколько бегство от реальности (М. Оже). Миграция – один из способов ее преодоления. Миграция и мигранты помещаются общественным мнением принимающей стороны в такой сектор социокультурного пространства, где они оказываются неразделенными в дискурсах современности как движение и метафора движения, как образ масштабного социального процесса и как реальное социальное явление. Именно на этот причудливо дифференцированный образ социальной реальности – мигрантов - возлагается социальная ответственность за «последствия миграции». В дискурсах миграции за предельно обобщенным образом мигранта закрепляется стигма вины за политические, социальные и экономические решения, которые вызвали к жизни

современную социально-экономическую и миграционную ситуацию в России. «Дискурс вины», поддерживаемый ссылками на рост этнической преступности, нелегальной миграции, теневой бизнес - деятельности уже давно приобрел в средствах массовой информации перманентную форму упрека. В центре их внимания, как правило, находятся:

- тема востребованности в экономике страны неквалифицированного труда и последствий этого явления для настоящих и будущих граждан страны;

- проблема квот на въезд в Россию специалистов - иностранцев среднего и высшего звена, в том числе, экспатов. Влияние этого типа миграции на темпы и характер воспроизводства собственных специалистов. Развития соответствующих образовательных систем, стратегий и учреждений;

- возвращение в нашу жизнь болезней, характерных для «бедных классов» и развивающихся стран мира;

- этническая преступность в городах и селах России, (за которой чаще всего кроется «преступность без национальности»);

- рост культурной мозаичности российских городов и регионов, необходимость создания локальных версий социальных, экономических и культурных политик, отвечающих социально-политической и культурной специфике региона, города, села, задачам его развития.

- стигматизация отдельных групп мигрантов, за которыми закрепляется в ряде случаев шлейф негативных коннотаций («бедный», «больной», «отсталый», «грязный», «дикий»), и которые как будто бы являют собой «...визуальное загрязнение» (Д. Урри) привычного социокультурного пространства.

Перечень «упреков» можно было бы продолжить. Каждый из них в соответствующей социальной среде занимает свое место в конфигурациях ксенофобии и социальной нетерпимости. Каждый из них претендует на идентичность, культуру и этничность, вероятно, как на инструменты защиты от произвольного течения перемен, как на способы конструирования такого пространства жизни, какое только может представить себе обыватель, обеспокоенный проблемами безопасности и этнокультурного комфорта, как средства очищения своего, придуманного мирка от «чужих». Этими чужими могут быть и свои «коренные» соседи, и свои этнокультурные мигранты, граждане страны и иностранцы-иммигранты. От каждого из этих дискурсов невозможно требовать достоверности и ответственности. Чаще всего они сливаются в общий трудно идентифицируемый поток прогрессирующей ксенофобии. В этих условиях, как писал Ж.Бодрийяр, образы миграции становятся предвестниками грядущего разрушения и трагедии (Жю Бодрийяр).

В подобных дискурсах мигрант предстает не только чужим, но и другим, а проблема другого, это, прежде всего, наша внутренняя проблема, это свидетельство глубокого неблагополучия в нас самих, потому что «это проблема гостеприимства» (Ж.Бодрийяр) и эрозии идентичности. «Мы – сообщества», о которых так много говорится в последние несколько десятилетий, и культура которых понимается как защитный барьер от ударов глобализованной современности, часто воспринимаются как гомогенные в культурном и этническом отношении. В действительности, они гомогенны только с точки зрения некоторой части принимающего населения. Несомненно, траектории отношения к мигрантам задаются во многом состоянием идентичности и культуры принимающего населения. Отсюда актуальными являются задачи изучения состояния культуры принимающего населения, перспективы и направления ее развития, исследование характера социальных связей и отношений в границах городских и сельских поселений, форм и навыков самоорганизации, соотношения индивидуальных и коллективных целей, способов их достижения. Важной задачей социальной антропологии является в этом плане исследование культурных изменений, появления новых форм культуры, культурных практик в контекстах миграции, в условиях культурной и социально-демографической трансформации принимающей среды. Задачей этнической социологии является изучение особенностей формирования российской нации, гражданского самосознания, интеграции иммигрантов в российское общество. Общественные риски и позитивные ожидания, прямо или косвенно сопряженные с миграцией, также выступают на первый план современных социальных исследований.

КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Куропятник М.С. (Санкт-Петербург)

Одной из значимых тенденций развития современных социальных наук является отказ от аналитического разграничения культур как досовременных (традиционных) и современных (Б. Латур), который стимулирует переход к пониманию культурных и социальных форм, соотносимых с коренными народами, как «смешанных» (М. Стрэттерн) по происхождению, «гибридных» по своей природе. В свою очередь такой подход предполагает переосмысление культуры как концепта, фокусирующегося на традиции (в ситуации с коренными народами – культурной аутентичности), культурных ареалах или «культурных островах». Одной из возможных альтернатив концептуализации культуры как объекта в социальной антропологии становится ее понимание как «когнитивной конструкции, применяемой в целях идентификации» (Т. Туен). Так, в настоящее время многие коренные народы выражают стремление к определению собственной культуры, ее границ и способов репрезентации в локальных, национальных и глобальном контекстах. В том числе они прибегают к самоописаниям, совмещая и реинтерпретируя индигенные и внешние (например, научные) версии своей культуры. Самоописания в их современных формах позволяют коренным народам перейти от повествований, которые «они рассказывают сами себе о себе» (К. Гирц), к осмыслению своего культурного опыта в более широком социальном контексте. В этой перспективе имеет место смещение фокуса с культуры как данности на социальные и культурные процессы, которые конституируют множественные версии культуры.

СМЫСЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОЗИЦИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург)

Рассматриваются вопросы смысла исторического познания и знания в сознании молодежи поколения 1990-х. Представлены результаты исследования (2006-2015 гг.) исторического сознания молодежи времени социокультурной трансформации. На основании результатов опроса студентов и школьников выявляются доминирующие позиции молодежи, некоторые особенности его исторического сознания.

The questions of the meaning of historical knowledge and knowledge generation in the minds of the youth of the 1990s. The results of the study (2006-2015) the historical consciousness of time of young people social and cultural transformation. Based on the results of a survey of students and pupils identified the dominant position of youth, some of the features of its historical consciousness.

Вопросы «зачем познавать историю» и «каков смысл исторического знания» принадлежат к числу вечных вопросов. Их актуальность, острота звучания приходится на время социокультурных изменений, когда обостряются такие сущностные вопросы, как культурная, национальная, историческая идентичности. Как отвечают на них представители молодого поколения? Каковы характер и степень осознания данных вопросов учащейся молодежью поколения 1990-х, социализация которых пришлось на время социокультурной трансформации?

Результаты исследования исторического сознания и самосознания учащейся молодежи первого постсоветского поколения, предпринятого в 2006-2015 гг., показывают, что доминирующую позицию молодежи в вопросе смысла исторического познания составляет признание того, что, прошлое надо знать, ибо оно не проходит, а всегда присутствует в настоящем и освещает путь будущего; человек, не знающий и не интересующийся прошлым, рискует ступить на путь, ведущий в «никуда».

Преобладающая долженствующая позиция по данному вопросу дополняется самостоятельно предложенными ответами, которые могут быть классифицированы так: историю знать обязательно нужно; надо знать прошлое, но не в подробностях и не ограничиваться им, ибо для современника важно настоящее и будущее; недоверие к исторической науке; интерес к прошлому – проявление индивидуального выбора; история – основа гражданского самосознания и философия, иллюстрированная фактами и событиями; история – это твое прошлое, которое интересно.

Человек не просто должен изучать историю, он не может обойтись без знания, понимания ее, а также представлений о ней. Такова, первостепенная по своему значению позиция учащейся

молодежи поколения 1990-х. Тем не менее, намечаются две тенденции: сокращения количества уверенных респондентов, в том числе в связи с взрослением, и увеличения количества сомневающихся в собственной позиции, следовательно, затрудняющихся сформулировать ее. Так, существенен рост сомневающихся среди студентов, завершающих свое обучение в высшем учебном заведении, более того, ранее не испытывавших сомнения (0,5% – 2010 г. и 27% – 2014 г.; 0% – 2006 г.; 24% – 2014 г.).

Подавляющее большинство респондентов уверены в наличии смысла исторического знания. С точки зрения учащейся молодежи, историческое знание необходимо, прежде всего, для современника, стремящегося понять историческое настоящее. Например, из ответов респондентов, полученных в 2014-2015 гг. следует, что для молодежи, завершающей обучение в университете, имеет значение свое «я» с развитой эрудицией, удовлетворенным интересом, хорошим образованием, активно формирующимся мировоззрением, лучшим пониманием своего времени. Студентам младших курсов важно: уметь анализировать и понимать происходящие современные события, не допускать ошибок прошлого; быть эрудированным, компетентным, активно самопознающим человеком, получить опыт. Примечательны ответы студентов: «много претендентов на искажение истории, поэтому надо знать как минимум историю своей страны», «без истории не обойтись в нынешнее время», «...чтобы достойно жить», «народ, не знающий своей истории, обречен на вымирание», «знать, гордиться, уважать», «знание прошлого – основа настоящего» (2015 г.).

Необходимость исторических знаний рассматривается учащейся молодежью в контексте «самоценности знания о прошлом». Она связана, главным образом, с изучением опыта прошлого, преодолением его ошибок и нежеланием современников переживать негативный опыт, затем с наличием представлений «о быте и жизни в прошлом», их анализом, кроме того, «незнание прошлого есть невежество».

Как считают 11% (2006 г.), 11,4% (2010 г.), 8% (пятикурсники, 2014 г.), 12% (2014 г.), 14% (2015 г.) респондентов, историческое знание необходимо для «будущего», что предполагает прогнозирование и понимание будущего, предвидения развития некоторых событий, а также для сохранения памяти. Примеры ответов: «чтобы предположительно оценить возможное будущее», «помогает в будущем, возможно, ограждает от ошибок», «история помогает извлекать урок из прошлого для светлого будущего» (2015 г.).

Учащаяся молодежь, принадлежащая поколению начала 1990-х, считает, что знание истории необходимо для того, чтобы «не совершать прежних ошибок», «манипулировать другими людьми, не обладающими этими знаниями» и понимать настоящее, кроме того, историю должно знать, ибо «без знания истории человек – ничто» (2006 г.); знания и представления о былом нужны, прежде всего, для «настоящего» (2010 г.). Взрослея, респонденты выражают признание равнозначности смысла исторического знания, как в контексте «прошлого», так и «настоящего».

Молодежь поколения второй половины 1990-х проявляет уверенность в должествовании знания прошлого, ибо оно присутствует в настоящем, а отсутствие интереса к истории, ее незнание лишает человека перспектив, обрекает на бессмысленное существование (2013 г.). Примеры ответов школьников: «нужно знать прошлое, чтобы учиться на ошибках», «история – не только то, что было; это история твоего прошлого, о которой ты мог и не узнать», «прошлое просто интересно»; «прошлое надо знать, чтобы не повторять его ошибок», «просто это предмет в школе, его нужно учить», «это необходимо для адекватного анализа современных событий». Студенты, согласно результатам 2014 г., отмечают преимущество «прошлого» (38%) перед «настоящим» (16%).

Историческое невежество и пробелы воспитания в вопросе отношения современника к историческому памятнику, месту являются, с точки зрения учащейся молодежи поколения 1990-х, первостепенными причинами исторического нигилизма. Его феномены, например, осквернение, разрушение памятников, могил, «граффити» на памятниках истории и культуры, не ускользают от внимания молодежи, не только «иногда», но и «довольно часто».

За исследуемый период в вопросе степени необходимости знания и понимания истории молодежь поколения 1990-х совершает переход от сомнения к уверенной предпочтительной позиции «необходимо обязательно». Тем не менее, согласно результатам, полученным по данному вопросу, имеет место внутр поколенческое рассогласование. Оно выражено в том, что динамика перехода от сомнения (2006 г.) к уверенности (2010 г.) в необходимости человеку знания и понимания истории неоднозначна. Так, к окончанию университета студенты тяготеют к выражению скептических настроений в соотношении позиций «необходимо обязательно» (71% –

2010 г.; 45% – 2014 г., пятикурсники) и «возможно, нужно» (24% – 2010 г.; 48% – 2014 г., пятикурсники). Данные настроения типичны и для студентов младших курсов технического университета в 2014 г.: «необходимо обязательно» (45%), «возможно, нужно» (46%). Однако отнести их к характерным чертам исторического сознания поколения второй половины 1990-х годов нельзя, на что указывают результаты опроса школьников и студентов медицинского университета.

Итак, молодежь поколения 1990-х осознает необходимость познания истории и приобретения исторических знаний, при этом скептицизм, растерянность составляет коллизию молодежного сознания времени социокультурных изменений. Очевидно, на пути утверждения позиции необходимости познания истории, преодоления исторического невежества, стереотипов, противоречия уверенности и растерянности молодежи перед историей большое значение приобретает историческая культура.

«НОВОЕ РОДИТЕЛЬСТВО»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Лактюхина Е.Г. (Волгоград)

В середине 1990-х – начале 2000-х гг. в социологических исследованиях, связанных с вопросами социализации, воспитания и развития детей, происходит смена парадигм: ранее общепринятая «социализационная» теория уступает место так называемой «новой социологии детства». Всё большее распространение получают концепции, в рамках которых детство представлено как социальный конструкт, имеющий политические и культурные смыслы. Такой ракурс открывает возможности для формирования более сложной проблематизации родительства, разделяя его на «parenting» (воспитание и социализация ребёнка) и «parenthood» (переживание социальной роли родительства и её интерпретация) [3]. Эти два аспекта родительства тесно связаны между собой, так как индивидуальное прочтение собственной родительской роли предопределяет и повседневные практики воспитания детей. Однако современное родительство реализуется в условиях эрозии социальных норм. Ни одна из моделей родительства, существующих сегодня, не является доминирующей или однозначно поддерживаемой общественным дискурсом. Такая ситуация является отражением глобальных процессов, происходящих в том числе и под влиянием сложившейся постиндустриальной медиакультуры. Изменение способов межпоколенной трансляции социального опыта, описанное М. Мид [2] еще в середине XX века (переход от постфигуративного: старшие поколения – младшим к кофигуративному и префигуративному типам с обучением у сверстников и младших поколений), становится наиболее очевидным. Сегодня молодые родители не могут в полной мере использовать опыт собственных родителей и других старших родственников, так как те воспитывали своих детей в принципиально иных условиях. Новые медиа предлагают родителям возможность скорее обращаться к опыту «незнакомца» в сетевых сообществах и открывают доступ к любой специализированной информации. Проникновение цифровых технологий в повседневные практики кардинально переопределяет и взаимодействие с ребенком: теперь не опыт родителей, а цифровые приложения являются ориентиром в вопросах времени сна или кормления ребёнка, определяют его передвижения по городу, круг мест для его досуга и многое другое [1; 4]. При этом, как сетевые сообщества, так и цифровые приложения ориентируются на социальные нормы, но эти нормы часто противоречат друг другу. Усилению нормативного кризиса также способствуют следующие тенденции:

1. Современная семья из детоцентричной превращается в родителецентричную, а именно повышается ценность профессиональной самореализации женщины, что серьезно сокращает время для непосредственного общения с ребёнком. Усиливается ценность личного времени и личных социальных контактов.

2. Повышается ответственность родителей за будущий успех их детей. Появляется проблема их самоэффективности, переживания родительской роли и качества её исполнения, что заставляет постоянно повышать свою компетентность и провоцирует рост числа тренингов и специализированных обучающих курсов.

3. Медиатизация общества переводит развитие ребёнка из частного пространства в публичное, проблемы воспитания получают широкое обсуждение, что одновременно и повышает ответственность индивидуального выбора родителя.

Становится очевидной в настоящее время необходимость теоретической концептуализации родительства как социальной роли, переживаемой актором, выявления основных социальных

характеристик молодых родителей, формулирования и подробного описания типичных моделей родительства, реализуемых в настоящее время, выявления типичных практик воспитания и развития детей в новых, изменившихся социальных условиях.

1. Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // *Pro et Contra*. 2010 январь — апрель. С. 6 -19.
2. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
3. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // *Электронный журнал «Психологическая наука и образование*. 2015. Том 7. № 3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301
4. Свешикова О. Российские родители: новое в поведении и мировосприятии // *Pro et Contra*. 2010 январь — апрель. С. 61-77.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ XXI ВЕКА

Ларионова И.В. (Казань)

В статье акцентирован ряд проблем социокультурной идентификации личности в современном российском обществе. Выделяются характерные особенности идентификационного пространства и процессов личностного самоопределения под влиянием социокультурных трансформаций.

This article focused some problems of socio-cultural identification in modern Russian society. The author traces typical features of the identificational space and processes of personal self-determination influenced by socio-cultural transformations.

В России XXI века социокультурный контекст личностной идентификации является амбивалентным. Происходит перманентная корректировка государственных, социально-политических, экономических «пазлов» социальной системы, усложнение социально-стратификационной системы, разрастание информационных потоков, культурный плюрализм и др. При этом процессы социальных изменений в России связаны с глубокой модификацией системы ценностей и моделей социального поведения. В совокупности эти разнородные факторы детерминируют регулярное «переконструирование» идентификационного пространства российского социума.

Современное российское общество подвергается воздействию таких всеобщих тенденций, как глобализация мирового пространства, интеграция в экономической, политической, образовательной, информационной и других сферах – с одной стороны и дезинтеграционных процессов – с другой. Динамичные социальные изменения социокультурного «облика» государства с неизбежностью находят отражение в идентификационных процессах.

В постсоветский период произошли радикальные изменения не только в институциональном «скелете» социальной системы, но и в глубинных социокультурных пластах, детерминирующих процессы личностной идентификации. Однако, некоторые черты «советского человека» (признаки «двойной идентичности», сохранение дискурса простоты, ординарности, пассивно-конформистских стратегий личности и др.) в той или иной степени проявляются и у современных россиян. [1]

Плюрализация культурных форм по-разному отражается в практиках различных социальных групп современного российского общества. Как свидетельствуют массовые опросы, оси ценностно-нормативного разрыва проходят, в частности, между «богатыми» и «бедными», между поколениями молодых и пожилых (пенсионеров), между жителями мегаполисов и «провинциалами» (особенно из сельской местности). [2]

В силу особенностей национального менталитета, а также инерционного воспроизведения стереотипов значительная часть наших соотечественников в плане социальной самоидентификации следуют принципу «я – как все». Вместо формирования своего собственного социального «Я» они ситуативно используют мозаичный набор стереотипных частных идентичностей, которые транслируются многообразными каналами масс-медиа.

Каждый канал массовой коммуникации посредством специфических технологий (разработка информационных сценариев, подбор «героев дня», акцентов в видеоряде, комбинация сюжетных картинок и т.п.) формулирует и навязывает аудитории свои интерпретации образов и поведенческих стратегий различных социальных агентов. Это сопровождается конструированием определенных категоризаций «своих» – «чужих» и провоцирует стремление к идентификации,

либо – к дистанцированию в отношении них. [3] Таким образом, посредством разнородных виртуальных ресурсов мозаично структурируется социокультурное пространство. Как следствие в повседневных идеологиях россиян это находит отражение в соответствующих категоризациях и номинациях, выступающих основой для внешней идентификации социальных групп. [4]

В России XXI века наблюдается рост культурной дифференциации. Плюралистические тенденции характерны практически для всех сфер жизнедеятельности общества, что связано с постоянным обновлением и появлением принципиально новых видов практик и поведенческих стратегий, а также соответствующих повседневных дискурсов. Это сопровождается, по наблюдениям исследователей, значительным расширением спектра жизненных форм и стилей культурного происхождения, не имеющих прямого соответствия категориям демографической, профессиональной, политической или имущественно–слоевой структуры общества. [5]

Выделим особо такие «веяния» модернизации, как формирование многообразных молодежных субкультур, различные «фанатские» движения, «сексуальная революция», распространение нестандартных семейных форм («гражданский брак», «гостевой брак», неполные семьи, однополое сожительство и проч.). Усиление роли разнообразных аскриптивных статусов порождает соответствующие специфические идентификационные формы: гендерные (феминистские, маскулинные, гомосексуальные), возрастно-поколенческие (продвинутое поколение «next», «дети перестройки», пенсионеры), этнические (рост национального самосознания, вплоть до национализма, шовинизма), по социальному происхождению (типажи «папины сыночки», «мажоры» и дети «из интеллигентной семьи», «из простых работяг»), территориально–поселенческие (коренные горожане – «колхозники», «местные» – «приезжие», гастарбайтеры, беженцы) и проч.

Социокультурные модели становятся все более амбивалентными, что значительно осложняет процесс индивидуального самоопределения. Перманентно трансформирующееся идентификационное пространство не поддается четкой категоризации. Традиционные субъекты девиации (умалишенный, преступник, проститутка, гомосексуалист и т.п.) получают легитимацию и повышение социального статуса. В современном социуме эти модели внедряются в образ «нормального человека». [6]

Одной из ключевых характеристик трансформирующейся социальной структуры российского общества является маргинальное положение значительной части населения. Социальная маргинальность становится обыденной нормальной характеристикой. [7]

Процессы социальной маргинализации в современных российских условиях сопровождаются культурной маргинализацией индивидов. Плюрализация культурных форм с соответствующим набором ценностей, поведенческих образцов и жизненных стилей приводит к мозаичности культурного облика современного российского социума. Наблюдается эклектическое сочетание традиционности (в различных этнических, религиозных формах, а также в советском варианте) и веяний модернизма, постмодернизма (главным образом, в виде «экспансии» массовой культуры и распространения разнообразных течений молодежной субкультуры). Культурная маргинальность в социальных практиках индивидов зачастую запускает механизм маргинальной идентификации. В результате возникает феномен «мозаичной идентичности» (J.Poirier), основанной на абсолютно разнородных паттернах, отражающих как патриархальные традиции, так и «модернити», постмодерн. [8]

Указанные процессы способствуют увеличению многообразия дифференцирующих оснований социальной идентификации и преобразованиям «облика» социальных идентичностей россиян. Потенциально перед личностью открывается целый ряд альтернатив конструирования устойчивой социальной идентичности посредством нахождения «своей» социокультурной формы. Однако, ненадежность, краткосрочность социальных взаимодействий, в русле которых индивиды пытаются самоидентифицироваться, зачастую вызывают обратный эффект – формирование комплекса социальной неполноценности, сопровождающееся кризисом идентичности.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в процессе длительных постсоветских трансформаций значительно расширился спектр многообразных моделей в поливалентном идентификационном пространстве. Таким образом, появился потенциал для индивидуального циркулирования по множеству реальных и виртуальных социальных полей и для произвольного формирования личностью множественной социальной идентичности. В условиях социокультурных трансформаций прежние механизмы формирования социальных идентичностей зачастую оказываются не функциональными. Они модифицируются, приобретая иной вид и сущность.

1. Левада Ю.А. Человек обыкновенный в двух состояниях // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1 (75). С. 9-19
2. Максимова О.А. Преемственность и конфликт поколений в информационном обществе: социологический анализ // Вестник КГТУ им. А. Н. Туполева. 2010. № 3. С. 210-214.
3. Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности / Под ред. В. Гельмана, Т.Хопфа. - СПб: Летний сад, 2004.
4. Рассолова И.В. Социальная идентификация личности в условиях трансформации современного российского общества: автореф. дисс. на соискание уч. степени кандидата социологических наук. - Казань, 2005. 25с.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие - М.: Логос, 2000. С.32-38.
6. Ларионова И.В. Социокультурная идентификация личности в контексте общества модерна и постмодерна // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 313-315.
7. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // СОЦИС. 2008. № 7
8. Poirier J. Les recits de vie, theorie et pratique. – Paris: PUF, 1993. 210 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАУЗАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ НЕ-ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ (СЛУЧАИ СПБГУ И УНИВЕРСИТЕТА КАЛИФОРНИИ, ЛОС-АНДЖЕЛЕС)

Лисицын П.П., Резаев А.В., Трегубова Н.Д. (Санкт-Петербург)

Исследование, результаты которого представлены для презентации на конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке» проведено гранта РФФ № 15-18-00101.

Основная цель исследовательского проекта состоит в разработке моделей каузальных механизмов формирования межэтнических конфликтов в студенческой среде и выработке практических рекомендаций организации социальной политики, направленной на прогнозирование, предупреждение и регулирование межэтнических конфликтов и гармонизации межнациональных отношений.

В 2015 году исследовательским коллективом были проведены кейс-стади в Санкт-Петербургском государственном университете и Университете Калифорнии, Лос-Анджелес, направленные на фиксацию этнической напряженности и этносоциальных конфликтов в академической среде. Исследование в Санкт-Петербурге включало: а) проведение репрезентативного статистического исследования среди студентов Санкт-Петербурга; б) проведение глубинных интервью со студентами-мигрантами из Китая; в) проведение двух фокус-групп; г) кейс-стади трех студенческих общежитий СПбГУ. Исследование в Лос-Анджелесе было более ограниченным и предполагало проведение глубинных интервью со студентами-мигрантами из разных стран (Китай, Тайвань, Мексика, Россия, Конго). Оба исследования фокусировались на наиболее «видимых» этнических группах среди студентов.

В результате проведенного анализа было обнаружено, что в обоих случаях не наблюдается открытых этносоциальных конфликтов (и конфликтов вообще), но при этом можно фиксировать скрытую напряженность. Основной исследовательский вопрос был переформулирован следующим образом: каковы механизмы избегания конфликтов в академической среде?

В случае СПбГУ можно говорить о своеобразной «геттоизации» китайских студентов: их группирование по признакам проживания (общежитие или съёмная квартира), низкого владения русским языком, практик питания, сетей общения. Кроме того, китайские студенты воспроизводят стереотипы о «национальном характере» русских, а интервью русскоязычных студентов в общежитии выявило нежелание жить с иностранными студентами. Таким образом, не-возникновение конфликтов обеспечивается ограничением повседневных взаимодействий: «приватизацией» и четким разделением пространства и вещей в студенческих общежитиях, минимизацией контактов с русскоязычными студентами и замыканием в собственной среде для китайских студентов.

В случае Университета Калифорнии, Лос-Анджелес были обнаружены скрытые этнические конфликты между студентами и преподавателями, а именно, бытовые конфликты интерпретируемые участниками конфликтов как конфликты основные на этнических различиях. Большинство информантов замечало, что преподаватели оценивают их знания и возможности в прохождении образовательных программ, основывая свое мнение на стереотипах связанных с их этнической принадлежностью, занижая возможности студентов. Была также обнаружена этническая напряженность между студентами разных этнических групп. Обмен конспектами лекций, совместное участие в практических занятиях, помощь при подготовке к экзаменам, неформальные встречи и общение после учебы, сексуальные отношения - все это происходит внутри замкнутой национальной группы, в то время как общение между группами не практикуется, а возможность такого общения вызывает недоумение со стороны информантов. Кроме того, на основании анализа интервью были выделены две группы студентов, вызывающие наибольшее отторжение среди информантов, - «белые американцы» и «африканские студенты». Эти группы студентов представляются наиболее закрытыми для входа в них студентов других национальностей.

Общий вывод состоит в том, что, несмотря на базовые различия между кейсами, механизм не-возникновения конфликта состоит в ограничении повседневного общения между представителями различных этнических групп. Данное решение представляется эффективным, однако потенциально опасным, так как, по-видимому, приводит к постепенному накоплению этнической напряженности и коллективного недовольства в академической среде.

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лубский А.В. (Ростов-на-Дону)

Особое внимание социальным практикам повседневности уделяется в социологии жизни как теоретической концепции [5, с. 106–116], ставшей результатом когнитивного поворота к постижению повседневных интенций человека в контексте его жизненного мира. Социология жизни в стремлении к целостному изучению социальных практик повседневности предполагает переход к научным исследованиям мультидисциплинарного характера, связанных с решением научных задач в рамках предметного поля социологии с помощью теоретических идей и методов других научных дисциплин [3, с. 3–11].

Социологическое изучение социальных практик повседневности как целостного социального явления предполагает также разработку многомерного методологического конструкта, основой которого может быть теоретический синтез различных концепций социальных практик, существующих в современном научном дискурсе. Во-первых, структуралистско-конструктивистской концепции П. Бурдьё, направленной на снятие дихотомии объективного и субъективного в понимании социальных практик, являющимися, с одной стороны, реакциями габитуса на те социальные вызовы, которые создают сообщества со сложной социокультурной структурой, с другой стороны – проявлениями определенного типа габитуса, характерного для той или иной социальной группы. Во-вторых, структурионистской концепции Э. Гидденса, направленной на преодоление в трактовке социальных практик оппозиции структуры и действия, в рамках которой социальные практики рассматриваются как рутины, то есть действия, совершаемые привычным образом в ходе повседневной деятельности. В-третьих, этнометодологической концепции Г. Гарфинкеля, акцентирующей внимание на социальных практиках как практиках повседневности, осуществляемых при помощи рутинных действий, и «искусстве» решения практических задач в ситуации неопределенности, в ходе которого умелые и взаимно согласованные действия «снимают» неопределенность и поддерживают существование объективных социальных институтов. В-четвертых, концепции фоновых практик Л. Витгенштейна и «раскрывающего» характера социальных практик М. Хайдеггера, в рамках которых социальные практики рассматриваются как формы жизни, воспроизводящие основные способы социального существования, возможные в данной культуре, или как деятельностный контекст, в котором интерпретируются высказывания и сами действия, а также как условия осмысленности повседневного языка, обладающего перформативной силой, то есть возможностью изменять социальную реальность [4, с. 30–39].

В рамках такого синтеза методология социологического изучения социальных практик повседневности направлена, во-первых, на преодоление в их понимании оппозиций, с одной стороны, объективного и субъективного, с другой – нормативного и деятельностного. Во-вторых, предполагает рассматривать эти практик как репертуары социальных действий, обусловленных социальными институтами. В сфере повседневности эти институты оказывают влияния на социальные действия опосредованно, через их коллективное осмысление и интернализацию общественным сознанием. В результате институты как правила и нормы социального взаимодействия превращаются в когнитивные образования, которые в процессе экстернализации становятся основой повседневных социальных действий, трансформирующих институциональную среду.

Поскольку осмысление правил и норм социального взаимодействия может быть целерациональным или ценностно-рациональным, постольку социальные практики как наборы осознанных действий могут быть как целерациональными, так и ценностно-рациональными. Кроме того, практики как наборы повторяющихся социальных действий могут иметь рутинный, «опривыченный», и поэтому неосознанный характер, обусловленный обычаями и традициями. В связи с этим, наряду с целерациональными и ценностно-рациональными социальными практиками, можно выделить, повседневные практики, рутинные и неосознанные.

Социальные практики повседневности обусловлены нерелексивными структурами ментальных программ, включающими когнитивные образы, стереотипы, или догматы, аксиологические предпочтения-верования и конативные предрасположенности. Нерелексивные структуры ментальных программ носят устойчивый характер, поскольку они не осознаются людьми в качестве основания их социальных действий, и поэтому являются не особенно восприимчивыми к внешним и внутренним воздействиям.

Формирование нерелексивных структур ментальных программ, обуславливающих социальные практики повседневности в том или ином обществе обусловлено прежде всего спецификой его институциональной матрицы. В научной литературе институциональная матрица общества рассматривается как «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер» [2, с. 24–33]. В рамках социологического институционализма институты понимаются как «когнитивные схемы», или ментальные модели, посредством которых акторы воспринимают и интерпретируют окружающий мир. Поскольку эти «схемы» достаточно глубоко укоренены в сознании и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, постольку они разделяются всеми членами социальной группы, и это позволяет последним вступать в регулярные взаимодействия [1, с. 63–91], а ментальным моделям определять социальные практики повседневности.

В таком понимании институциональных матриц внимание акцентируется на том, что составляющие ее институты носят нерелексивный характер. Поэтому под институциональной матрицей общества понимается такая система архетипических принципов и норм социальных действий, которые носят неосознанный и, следовательно, неформальный характер. В рамках институциональных матриц функционирования и развития обществ формируются нерелексивные структуры ментальных программ, обуславливающие социальные практики повседневности.

1. Даугавет А.Б. Опыт когнитивного подхода к изучению института властной элиты // *Власть и элиты в современной России*. СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 63–91.

2. Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. М.: ТЕИС, 2000. С. 24–33.

3. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // *Социологические исследования*. 2015. № 10. С. 3–11.

4. Лубский А.В. *Социология жизни: методологические проблемы исследования социальных практик* // *Социология жизни: теоретические основания и социальные практики* / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2016. С. 30–39.

5. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // *Социологические исследования*. 2015. № 1. С. 106–116.

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР: ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Лузина Т.И., Орнатская Л. А. (Санкт-Петербург)

Проблема единства и многообразия культур формируется уже в социокультурной мысли Просвещения. Единству при этом придается субстанциональное значение, что в известной степени предопределило и то направление, в котором развивалось понятие культуры: оно фиксировало прежде всего черты общности, подобия человеческих способов существования. Разнообразию придавалось вторичное, акцидентальное значение – оно объяснялось случайностями исторического развития, особенностями географических условий, спецификой языка и т.д. Такой подход мы обнаруживаем вплоть до XX в. Он существует и сейчас. Установка на «строгую научную» версию культуры, характерная для так называемого «этносоциологического» определения культуры, начало которой связано с именем Э. Тайлора, расширяя границы культуры через включение в нее культур примитивных народов, не только не поколебало эту идею, но сделало ее универсальным обоснованием общественного прогресса. В XVIII в. (И. Гердер) формулируется и иное определение культуры, где делается акцент на разнообразие, что ставит под вопрос идею единства, поскольку многообразие чаще всего также объясняется субстанциональными различиями. Культура того или иного народа определяется при этом как набор черт, принципиально отличающих ее от других культур. Идея единства культуры при этом либо ставится под сомнение, либо открыто отрицается.

В XX в. делается попытка примирить эти идеи. Примером такой попытки может служить концепция динамики культуры П. Сорокина, где единство культур рассматривается в основном в перспективе будущего, «человечества» [1, с. 521]. С середины XX в. в европейской культуре четко проявились две тенденции в решении проблем культурного многообразия: либеральная версия построения единой универсальной культуры, получившая в современной литературе название глобализации, и культурный релятивизм, делающий акцент на различиях. Обе эти версии в разной мере в качестве связующего звена культурного единства используют идею диалога; в первом случае, диалог рассматривается как путь к единству, во втором – как путь сохранения различий и признания достоинства не только собственной, но и чужих культур.

В отечественной литературе диалог очень часто используется как метафора для обозначения культурных взаимодействий и взаимовлияний. Речь обычно идет просто о культурных контактах и возникающих на их почве заимствованиях. Не всякое заимствование, однако, можно связать с диалогом, многие из них носят «монологический» характер и связаны с различного рода «отношениями власти». Такие механизмы заимствования, как подражание, комплексы по поводу более сильной чужой культуры (тот факт, что поляки заимствовали у турок кунтуши, Зигмунд Бауман связывал именно с ними), прельщение новизной или экзотикой, трудно однозначно связать с диалогом. Вопрос не в том, что одна культура что-то заимствовала у другой и в свою очередь поделилась с ней чем-то, а в том, как отразилось это на экзистенциальном бытии культуры, способствовали ли эти контакты и заимствования утверждению ее самобытности и в конечном счете устойчивости и выживаемости. История говорит, что не все контакты были для культур благотворны, а многие приводили к гибели культур. Выборочные фрагментарные факты заимствований лишь констатируют эти заимствования и ничего не говорят о механизмах их внедрения в целостность культуры.

М. Бахтин различал диалогичность культуры и диалогический подход к ее исследованию. Диалогический подход предполагает особый взгляд на ту или иную культуру и на процесс ее взаимодействия с иными культурами. Задача исследователя при этом – заставить говорить ее многими голосами, голосами, т.е. оживить ее и сделать понятной. Специфика такого подхода в западной литературе является предметом обсуждения, часто ее связывают с использованием понимающих методологий и методов, с герменевтикой. Иногда эта специфика определяется через различение предметов исследования или через исходные исследовательские понятия, «начальные единицы». Например, некоторые связывают основание монологического подхода с понятиями культуры и индивида, а диалогического – с понятиями действия и взаимодействия (P. Linnel). В.М. Алексеев следующим образом определял установку на исследование чужой культуры, в его случае – китайской: «Не то важно, что мы видим, а то, что видит китаец. Наше суждение начинается лишь с того момента, когда мы поймем, наконец, почему китаец наслаждается там, где мы бываем только ошарашены» [4, с. 248]. Нетрудно увидеть, что такой подход требует активного присутствия в дискурсе субъекта культуры, не «чистого» субъекта, освобожденного от

индивидуальных особенностей и культурных определений, а субъекта, включенного в контекст условий своего бытия. Об этом хорошо говорит Леви-Стросс в своих лекциях, посвященных взаимопониманию европейской и японской культур [2].

Акцент на диалог предполагает не только поиски различий, но и того общего, что делает культуру любого народа культурой и что может служить почвой для взаимопонимания. Диалог невозможен, когда абсолютизируются различия. Между тем культ различий, доминирующий в постмодернистской литературе, в принципе снимает проблему общего, единого, что автоматически снимает и проблему диалога. Если в познавательном плане целью исследования диалога культур является не суд над чужой культурой по законам собственной, а понимание, то это требует рассмотрения ее как целостности, не ограничиваясь простыми сравнениями и ассоциациями. Но тогда и сравнения культур «по большому счету» требуют поиска принципиально новых оснований, выходящих за пределы той или другой культуры. Если с практической точки зрения цель диалога культур – не утверждение правоты одной из них и универсализация ее ценностей, но их взаимное обогащение за счет включения своего «голоса» в контекст других голосов, то соответственно нормативные условия такого диалога, где участники представляют разные культуры, не могут определяться одной стороной. Они не могут и непрерывно меняться. И в том и в другом случае диалог невозможен, или теряет всякий смысл. Поэтому поиски общих оснований диалога в межкультурном общении представляются очень важными. Возможно между типологически «чуждыми» культурами существует значительно больше общего, чем принято полагать. Но эпистемологическая установка на фиксацию различия, очень важная для утверждения идентичности культур, их уникальности и единственности, мешает увидеть точки их схождения.

Следует отметить, что споры по поводу диалога долгое время велись исключительно с позиций европейской версии культуры, ориентируясь на западный тип интерпретаций. И дело не только в подверстывании интерпретации артефактов чужих культур под западную традицию. Дело в том, что диалог – изобретение европейской мысли. Теоретически он был результатом саморефлексии европейской культуры, который вытекал из собственного опыта и апробировался этим опытом. Диалог культур инициировался именно западной культурой. Он не был сознательной установкой и проблемой для других культур. При этом европейский диалог складывался и утверждался в рамках рационалистического и демократического стиля мышления. В связи с этим возникает вопрос, можно ли перенести идею диалога на «недемократические» культуры, на культуры с иррационалистическими установками или представляющие принципиально иной тип рациональности?

Вопрос о том, возможен ли и в каких пределах межкультурный диалог, является предметом спора. Толчком, актуализировавшим эти споры, было появление книги Э. Саида «Ориентализм» [3], ставшей заметной вехой в проблематизации методологического обеспечения исследований культур Востока. Другой автор, оказавший заметное влияние на исследование межкультурного диалога, В. Мудимбе, сформулировал ту же идею применительно к африканской культуре. Он обратил внимание на «структуральные ограничения» процесса культурного обмена, поставив вопрос: можно ли европейские коммуникативные стратегии безоговорочно переносить на все культуры?

Диалог требует условий, которые он сам не создает и отсутствие этих условий не может быть компенсировано принудительными способами. Здесь должна поработать сама история. И межкультурный диалог – это проект, пытающийся ее скорректировать. В основе его лежит идея такого единства культур, которые могли бы жить в мире, сохраняя свою идентичность и не поступаясь своим достоинством.

1. Питурич Сорокин. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992.
2. Леви-Стросс К. *Узнавать других. Антропология и проблемы современности* / Клод Леви-Стросс; пер. с фр. Е. Чебучевой. М.: Текст, 2016.
3. Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб, 2006.
4. *Человек и мир в японской культуре*. М.: Наука, 1985.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН

Мавликасов А.Х. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день многими учёными подчёркивается малоприменимость западных концептуальных теорий электорального поведения в российских условиях. Отечественными исследователями на методологической основе зарубежных подходов выдвигаются многофакторные концепции, объясняющие поведение избирателей, в основе большей части которых лежит анализ сторон национальной политической культуры. Проблема заключается в отсутствии целостной системной теории, изучающей политическую культуру как социальную детерминанту электорального поведения. Данный подход позволил бы исследовать поведение избирателей по определённой заданной программе. Поэтому нами предлагается объективная, комплексная концепция, созвучная с глубинными политическими тенденциями развития российского общества, рассматривающая процесс формирования, динамики политической культуры.

Сформулируем основные положения подхода. Данный подход обозначим историко-культурным. Российская Федерация, как и любое другое государство, имеет свои особенности. Объективно корень этих особенностей необходимо искать в истории и культуре страны. История и культура — это фундамент, начало своеобразия всех социальных систем. Поскольку объектом нашего внимания является электоральное поведение российских граждан, то будет правильным обращение к политической культуре россиян — неотъемлемой части истории и культуры народа. При многообразии определений понятия политической культуры, будем опираться на одно из наиболее широких определений, данное исследователем С. Д. Савиным, который рассматривает политическую культуру как «характерную для данного общества, общности, социальной группы совокупность норм политического поведения и политических оценок-ориентаций, степень усвоения и реализации основных прав и свобод гражданами, историко-политический опыт общества и традиции политической жизни, которые определяют политическое поведение и действия граждан, политический процесс в целом» [1].

Историко-культурный подход в изучении электорального поведения — это хронологическое прослеживание истории политической культуры изучаемой социальной группы, условий, в которых формировалась политическая культура. «Электоральные предпочтения осуществляются под влиянием норм и ценностей политической культуры социальной группы, к которому принадлежит индивид. Политическая культура воспроизводится в процессе социализации; у человека формируются установки, которые определяют его действия в конкретных ситуациях» [2, с. 91].

Если рассматривать политическую культуру России в целом, то в ней можно выделить две традиции осуществления власти: авторитарную и демократическую. Отметим проявления этих традиций на двух уровнях: в целом, на общероссийском и на региональном.

1) Общероссийский уровень. Российские демократические традиции зародились очень давно. Воплощением этих традиций были народные собрания, Земский собор, Государственная Дума и многое другое. Авторитарные традиции наиболее ярко проявлялись в период правления Ивана Грозного, Петра I, Сталина. Спецификой нашей страны является, подчеркнём, одновременное взаимообусловленное сосуществование автократии и демократии. При любой власти, даже самой жёсткой, существовали демократические институты. При одновременном существовании двух традиций в основном преобладала авторитарная, однако в короткие периоды истории доминирование переходило к демократической традиции, например в 1917 году, в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия.

Данные традиции присущи и самому российскому обществу. Российское общество всегда состояло и состоит из разных индивидов. Традиции определённых групп, прежде всего интеллигенции, основываются на ценностях демократии, традиции большинства на ценностях автократии [3]. Основные черты политической культуры россиян — ощущение централизма, вера в государство, предпочтение государства одинокому индивидуальному счастью [4].

2) Региональный уровень. Специфика России в её многоэтничности, многокультурности и разнородности. Одним регионам больше присущи авторитарные традиции, другим — демократические. С точки зрения политической культуры, Российская Федерация состоит из двух частей: «традиционной» России и России «модернистской» направленности. «Традиционалисты» ориентированы на сохранение традиционных для сообщества ценностей и устоявшихся

отношений, а сторонники модернизации поддерживают изменения в старых общественных связях и утверждение новых системы ценностей и норм поведения. Первую группу избирателей отличает консерватизм, коллективистское сознание и ряд других особенностей; для второй характерны индивидуалистическая мораль, отрицание традиций и приверженность комплексу либеральных ценностей, в силу многих причин чаще всего заимствованных на Западе [2, С. 92].

Политическая культура проявляется в различных формах политического поведения. В нашем государстве с 1989 года политическая культура начинает проявляться и в электоральном поведении. Таким образом, была предыстория электорального поведения, представленная в виде истории политической культуры (демократические и в большей степени авторитарные традиции). Предпосылки особенностей сегодняшнего электорального поведения начали складываться задолго до начала самой электоральной истории.

Если взглянуть на российскую политику не просто как к цепи произвольных действий акторов власти, а как к процессу, который обладает собственной логикой и подчиняется определённым закономерностям, то можно установить взаимосвязь результатов выборов с целостностью политической культуры России [2, С. 90]. Так, для большинства граждан страны характерны ценности автократии, что выражается в поддержке кандидатов или партий, придерживающихся идеологии консерватизма, традиционализма, государственности. Такими политическими силами на сегодняшний день являются «Единая Россия», В.В. Путин, КПРФ, Г.А. Зюганов. Кроме того, Президент Владимир Путин и партия «Единая Россия» набирают большинство голосов, так как, во-первых, уже находятся у власти, а политической культуре россиян свойственна малоизменчивость, во-вторых, позиционируют себя в том числе и как центристские, что даёт возможность получать поддержку среди последовательных сторонников либерализма. Доминирование демократической традиции над авторитарной наблюдалось в 90-е годы, когда народ голосовал за политические силы либеральной направленности, но постепенно по мере приближения к 2000-м годам популярность первого Президента России Б.Н. Ельцина и всего либерального крыла власти падала, но и сегодня в российском социуме есть индивиды, которые придерживаются либеральной идеологии.

При применении историко-культурного подхода к отдельному региону первоначально необходимо учитывать общероссийский фон, только затем проводить дальнейшее исследование. Если объектом анализа является небольшая территориальная единица внутри региона, то следует опираться на специфику как страны в целом, так и на своеобразие этого региона. Каждый регион находится внутри Российской Федерации, поэтому особенности политической культуры российского общества проецируются на региональный уровень, но в той или иной степени.

Историко-культурный подход — единый подход, однако в то же время включает в себя все классические подходы к изучению электорального поведения. Выявив особенности политической культуры, можно определить, какая из теорий больше применима к стране или региону. Например, для северокавказских регионов России, которым больше присущи авторитарные традиции, применим социально-психологический подход. К регионам «модернистской» направленности можно применить рационально-инструментальный подход. Социологический подход применяется в любом случае и включает в себя в российских условиях такие важнейшие характеристики как, например, тип поселения и религиозная принадлежность.

Выделим особенности историко-культурного подхода к изучению электорального поведения:

- является макроподходом, при помощи которого исследуется электоральное поведение граждан государства и/или конкретных его регионов. Каждый человек индивидуален, поэтому нельзя «привязывать» подход к электоральному поведению отдельного избирателя; кроме того, в сознании отдельного индивида перемешаны как авторитарные, так и демократические ценности и установки [2, С. 92];

- чётких границ между социальными группами «авторитарной» и «демократической» направленности нет. Скорее можно говорить о преобладании в различных группах одного или другого поведенческого типа [2, С. 92];

- особенности политической культуры – наиболее вероятные модели в поведении на первоначальном этапе исследования. На электоральное поведение оказывает воздействие множество факторов, особенно сложившаяся в период выборов ситуация в мире, стране, регионе, семье и так далее, однако все факторы являются лишь дополнениями к базису электорального поведения — политической культуре;

– благодаря данному подходу возможно осуществлять прогнозы динамики электоральных предпочтений российских граждан на долгосрочный период.

Таким образом, в основу историко-культурного подхода положен системный взгляд на весь комплекс процессов и явлений политической жизни. Подход учитывает возможности применения западных теорий, то есть опирается на опыт Запада. Но самое главное, учитывает политические традиции, историю и культуру государства. Данный подход можно применять к любой социальной группе любой страны; там конечно будут свои особенности политической культуры.

1. Савин С. Д. *Культура как фактор динамической стабильности российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2010. - Серия 12. - № 2. - С. 109.*
2. Страхов А. П. *Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Политические исследования. - 2000. - № 3. - С. 90-96.*
3. *Политическая социология / под. ред. В. Д. Виноградова, Н. А. Головина. - М.: РГ-Пресс, 2013. - 424 с. - С. 278.*
4. *Интервью с А. А. Прохановым в передаче В. В. Познера. Опубликовано 04.03.2013. - URL: <http://aftershock.su/?q=node/25050> (дата обращения: 06.03.2013).*

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ ПОИСКА ПОЗИТИВНОЙ СТРАТЕГИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ИННОВАЦИИ

Маликова Н.Р. (Москва)

В этносоциологии утвердилось понимание междисциплинарности анализа проблем межкультурного взаимодействия. Идеи сопряженности традиции и инноваций, задолго до наступления эры глобализации предвосхищены М.М. Ковалевским, о том, что: 1) развитие культуры народов не образует замкнутого круга, цикла, а характеризуется преемственностью и развитием, 2) в международных отношениях и общении постоянно идет взаимовлияние на базе приспособления чужого культурного мира к внутренним потребностям, но при этом важно влияние внешних обстоятельств, которые тормозят или способствуют прогрессивному развитию; 3) параллельные культурные потоки, которые развивались раньше автономно, могут стремиться к образованию органического единства, - экономического и культурного, в масштабе всего человечества, вобравшего все остальные гуманистические общечеловеческие ценности. [Ковалевский, 1910]

Сегодня общепризнано, что три ключевых компонента культуры имманентны для социально-культурных изменений в глобализации, это: 1) соотнесение традиции и инноваций; 2) трансформация ценностных культурных ориентаций; 3) культурные идентичности. Новые значения концепта культурного многообразия глобализации в социальной теории наиболее глубоко и полно предвидел Э. Тоффлер. Наибольший резонанс вызвали концептуальные идеи П. Бурдье - о роли культуры как активного начала, оформляющего социально-стратификационную дифференциацию и различия социальной идентификации; Ю. Хабермаса, раскрывающего культурный смысл модернизации; Р. Инглехарта, по данным мониторинга социально-культурных изменений. Высокий эвристический потенциал «теории зависимости от прошлого» и теории «культурной травмы» П. Штомпки. Дискуссионны концепты американского доминирования в глобальной культуре (Ф. Бродель, П. Бергер, С. Хантингтон), посредством глобальной элиты «давосской культуры», «яппи-интернационала», клубной культуры интеллектуалов», распространения масс - культуры (Adidas, McDonalds, Disney, MTV). Культурная глобализация, по мнению П. Бергера, бросает серьезный вызов плюрализму: ломаются традиции, считавшиеся незыблемыми, обнаруживается, что в области веры, ценностей и образа жизни существует широкая возможность выбора, как отдельным индивидам, так и целым сообществам. Это означает «поиск неких средних позиций между приятием и агрессивным сопротивлением, между глобальной однородностью и провинциальной изоляцией» [Бергер, 2004 с. 9-24]. Культурные миры «глобалов» и «локалов», соприкасаются дискретно, а знаково-символическое конструирование стилей потребления маркирует незримые социальные барьеры, новые образцы социального неравенства в пространстве реальной коммуникации, в виртуальном сетевом общении. Создается лишь иллюзия виртуального равенства и единства в глобальной сети, в этом «динамическом многомерном социально-культурном поле взаимодействий» (П. Штомпка). Нас тревожит представление об эклектичности культуры постмодерна, когда на смену устойчивым

социальным структурам приходят «гибкие сети языковых игр»: практики манипулирования дискурсами, потоками сообщений (Ф. Лиотар), видение «утраты, исчезновения социальной реальности», замещения их симулякрами сдерживания потребности в реальных социальных изменениях (Бодрийяр). Признана продуктивность обращения к видению медиа -, этно-, техно-, финансового, идеологического социального пространств, «мирового культурного потока» [Appadurai, 1997: 8, 33]

Проблемы взаимодействия культур нередко становятся проблемами политического звучания, как в евроатлантицентризме концепции «конфликта цивилизаций» С. Хантингтона. Результаты репрезентативных этносоциологических исследований (Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, мн.др), опровергли значительную часть хантингтоновских идеологем, подтвердили концепт Ф. Барта о том, что первичной значимостью обладают культурные характеристики, которые используются в качестве маркеров различий и установлении этнокультурных границ, а ключевая роль в этом «конструировании барьеров» принадлежит этнической элите, а данные измерения социально-культурной дистанции (по Л. фон Визе) между титульными народами и русскими, проживающими в республиках РФ, показали, что этнокультурные особенности россиян, скорее различают, нежели разделяют народы.

Проблемы формирования глобальной культуры оказались сопряженными с необходимостью анализа культурных идентичностей, соотносительности этнической/этнокультурной, конфессиональной, гражданской и цивилизационной идентичностей. Это обусловило повсеместное обращение к концепциям этнического, культурного национализма: Исследованиями многих российских этносоциологов и этнопсихологов установлено, что только позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а чувство ощущения угрозы утраты культурной идентичности - к интолерантности и ксенофобии. В анализе путей преодоления негативной социально-культурной идентичности, продуктивно обращение к концепции «социального капитала», культивирующего чувства взаимного доверия, открытости и свободы, независимости культурно-информационного обмена, настроенности на конструктивное сотрудничество и взаимовыгодное взаимодействие, интегрирующего общество. (Дж. Коулмэн, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, Р. Шо, П. Штомпка, Н. Лебедева, Н. Маликова, А. Татарко). Большого внимания требует анализ потенциала включенности в «репрезентативную культуру» (Л. Г. Ионин, Фр. Тенбрук). В зависимости от уровня межэтнического взаимодействия, частоты масштабности, глубины межкультурных контактов определяются разные типы социально-культурных последствий: культурная ассимиляция, аккультурация, межкультурная кооперация, этнокультурный изоляционизм и, наиболее продуктивный процесс межэтнической интеграции.

В контексте обсуждения 3-го направления работы 5-ой секции «Культурная идентичность и миграция в изменяющемся мире» особое значение имеют осмысление перспектив адаптации, межкультурной и социальной интеграции иммигрантов в ЕС и «уроки европейского опыта» для России. Негативные проявления издержек реализации идеологии, политики мультикультурализма на практике, стала очевидной не только для большинства граждан, правительств европейских стран, для всех, кто солидарен с основополагающими европейскими ценностями Хартии ЕС. Помимо анализа данных Евробарометра, Евразийского монитора/ Eurasian Monitor (К. Херпфер), ЕССИ (Н. Лапин, Л. Дробижева, А. Андриенкова), ЭтноМониторинга (В.Тишков) назрела потребность организации кросс - культурных исследований социальной мотивации, выработки позитивной стратегии социальной адаптации иммигрантов, формирования у них ряда социальных качеств. Это - развитие социальной активности, готовности приобщаться к культурному наследию, включиться в современную социальную, экономическую, политическую, культурную динамику современной жизнедеятельности общества. Очевидна необходимость смещения фокуса исследовательского внимания, мониторинга потенциала адаптации не только иммигрантов, но и представителей принимающих полиэтнических сообществ, выявления ресурсов преодоления кризиса идентичности, культурного шока, феноменов «глокальности», - «культурной диффузии», негативной «этнокультурной стереотипизации» и «стигматизации», «социально-культурной сегрегации/автосегрегации».

Оптимизм внушает то, что в исследованиях этносоциологов, с использованием самых современных инновационных методов (в том числе и для обработки Интернет-контента, данных онлайн опросов, проективных методик психосемантики) отмечают, что на смену актуализации негативной этноидентичности приходят новые реалии. Фиксируется рост позитивного потенциала соотношения этнической и государственно-гражданской многоуровневой идентичности, уверенности россиян в продуктивности адекватного культурно-информационного взаимодействия,

выбора перспективной стратегии межэтнической интеграции обеспечения многостороннего социального и межкультурного взаимодействия.

1. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. М., 1995.
- Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства, или Конец оциального*. Екатеринбург, 2000.
2. Бурдые П. *Социология политики*. М., 1993.
3. Ковалевский М. М. *Социология*. В 2-х тт. СПб, 1910; *Этнография и социология*. М., 1904;
4. Коулман Дж. *Капитал социальный и человеческий//Общественные науки и современность*. 2001. №3
5. Лебедева Н.М, А. Н. Татарко. *Социальный капитал: Теория и психологические исследования*. М.: РУДН, 2009.
6. Лиотар Ж. Ф. *Состояние постмодерна*. СПб, 1998.
7. Маликова Н. Р. *Социальное измерение глобализации*. М., «РГГУ», 2012.
8. Маликова Н. Р. *Деадаптация иммигрантов в ЕС: негативные уроки европейского опыта для России./Сб.Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире.Материалы III Межд. Научно-практической конференции г.Пенза, 11-12 марта 2016 г. Пенза: Изд-во ПГУ,2016*
9. Патнэм Р. *Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь//Международная экономика и международные отношения*. 1995. - №4.
10. Татарко А. Н. *Социальный капитал*. М.:МАКС-ПРЕСС, 2011
11. Шо Р. Б. *Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы*. М.: Дело, 2000.
12. Штомпка П. *Доверие - основа общества*. М.: Логос, 2012. 448 с.
13. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ-Ермак, 2004.
14. Malikova N. *Methodological problems of cross-cultural research of social trust among students/ Cultures of Trast / Edited by Oxana Kozlova and Karolina Izdebska. (ISBN 978-83-64277-02-3). Szczecin, Wydawca: Minerwa Wydawnictwo naukowe WN, 2013.*
15. Malikova N. *Social design of cultural, regional, national identities and overcoming ethnic, religious differences/ Cultural discourses of regionalisation/Edited by Oxana Kozlova&Robert Bartlmiejski. Szczecin, Wydawca: Minerwa Wydawnictwo naukowe WN, 2015.ISBN 978-642777-57-3*
16. Fukuyama F. *Social Capital and development: The coming agenda //SAIS Review/ 2002/(22 (1)/ P.23-37.*
17. Sztompka P. *Zaufanie: Fundament społeczeństwa. Wydawnictwo Znak, Kraków 2007.*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Малолетнева И.В. (Москва)

В современном общемировом пространстве столкновение позиций этноцентризма и культурного релятивизма представляется наиболее острым. Военные конфликты в ряде государств, стимулировали исход большого числа представителей этносов, изначально не склонных к культурному релятивизму, а использующих возможность культурной конвергенции, понимаемой как сближение культур, лишь для спасения жизни и здоровья своих семей.

Попад в новое культурное пространство, люди склонны сохранять негативные предубеждения, стереотипы, установки и предрассудки к представителям другой культуры, что во многом определяется деформацией принципа культурного релятивизма, основное содержание которого можно сформулировать в виде известного тезиса: «Все культуры разные, но равные», в понимании того, что собственные культурные нормы, ценности, традиции не лучше и не хуже других, а другие — не хуже и не лучше собственных. Аналогичные деформации могут возникать и у представителей этносов, традиционно проживающих на своей территории.

В основе этого явления лежит огромное количество социальных различий: между людьми, группами людей, социальными процессами, объединениями, ситуациями, режимами, практиками, культурами и субкультурами. Адаптируясь к жизни в условиях существования такого количества различий, человечество пришло к выводу о необходимости развития у людей таких психологических качеств, которые позволяли бы им гармонично уживаться с другими людьми, балансируя между готовностью предоставить другим людям возможность для самовыражения и удовлетворением собственных потребностей в таком же самовыражении, самоактуализации, самоидентификации.

И, как настоятельно убеждает нас современная социальная мультикультурная реальность, без систематической работы по обучению людей, формированию в их сознании картины многообразного гармоничного мира, не обойтись. Здесь необходимо упомянуть и о развитии толерантности, понимаемой как умение принимать мир таким, каков он есть, во всем его многообразии, не пытаясь ни пассивно подстроиться под него, ни переделать его «на свой лад».

Психологический смысл этого свойства состоит в том, что толерантный человек настроен миролюбиво, его мышление открыто (open mind) и дивергентно по отношению к существующим различиям, его поведение многовариантно. Он хочет, заинтересован, умеет находить естественные или выстраивать искусственные пути для развития конструктивных взаимодействий с окружающими людьми с учетом их прав, вытекающих из факта существования в мире социальных различий, но, сохраняя также и за собой право быть носителем таких различий. Сохраняя обоюдное «право на различия», толерантный человек тем самым сохраняет и обоюдное право на самоидентификацию. Соответственно, интолерантный человек — тот тот, кто по отношению к существующим различиям «воинственно» настроен, чье мышление сфокусировано на одном из полюсов различий, то есть закрыто (close mind) и конвергентно, чье поведение однозначно и «без вариантов» направлено на приоритет одного из полюсов различий.

В итоге интолерантный человек либо вынуждает других людей, вопреки их самоидентификации, соответствовать его собственным нормам и представлениям, либо сам вынужден приспособливаться к чьим-то «чужим» нормам и представлениям, выводящим за границы его собственной самоидентификации. В обоих случаях нарушается человеческое «право на различия» и самоидентификацию, баланс смещается в сторону нарушения этого права у одного из партнеров [1].

Необходимо также отметить, что нарушение этого права со стороны «пришельцев» воспринимается «аборигенами» как естественная жертва или плата за предоставленные возможности безопасности и развития. И в данном случае акцент на развитии толерантности естественно переносится в сторону титульного этноса, иммигранты же должны быть ориентированы и мотивированы на восприятие новой, неизвестной культуры. Трансляция системы ценностей, культурных норм, обычаев и традиций естественным образом осуществляется при обучении иностранному языку, который для иммигрантов должен стать не просто языком межнационального общения, но и вторым «родным». Именно язык необходим для успешной не прямой (опосредованной социальными институтами и социальной практикой общения) культурной трансмиссии.

Обучение языку неотделимо от социокультурного контекста, и наиболее эффективно обучение осуществляется на базе практического овладения ценностями, нормами, правилами представителей другой культуры, необходимо также применять элементы тренинга межкультурной коммуникации с учетом возрастных и психологических особенностей обучаемых.

Поскольку у детей и младших школьников в деятельности, как известно, преобладает эмоциональный компонент, то обращение к эмоциональной сфере (например, через рисунок или отреагирование чувств, связанных со значимыми жизненными событиями) позволяет формировать у детей естественную мотивацию в приобретении новых знаний, желание опробовать новые формы поведения.

Старшие школьники и студенты, основным видом деятельности которых является познание, легко и с удовольствием работают в когнитивном режиме, обсуждая обнаруживаемые значимые различия между людьми и аргументируя разные точки зрения. Основным содержанием метода «обучения действием», который применяется в данном случае, является игровое моделирование значимых для обучаемых социальных ситуаций и процессов, а также работа в малых группах над созданием совместных проектов, ориентированных на продолжение сотрудничества за пределами семинара [2].

Как отмечают многие специалисты, использующие в практике обучения тренинги межкультурной коммуникации, в процессе дискуссии, обучаемые, меняя позиции в ходе аргументации, ощущают себя участниками единого процесса. Именно это чувство единения мотивирует обучаемых к разработке конструктивных стратегий совместной деятельности, «надежных» технологий взаимодействия, обеспечивающих благоприятную возможность и психологическую безопасность совместного реагирования возникающих в ходе взаимодействия интолерантных эмоциональных отношений или переживаний семинара.

Занятые практической деятельностью, взрослые люди склонны абстрактно рассуждать, но больше заниматься конкретным совместным проектированием, в данной ситуации эффективно

также применять практико-ориентированные лекции, тематические семинары с элементами тренинга межкультурной коммуникации.

Во всех обучающих ситуациях в любой возрастной группе четко выделяются две приоритетные задачи:

- познакомить обучаемых с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что требует участия в проигрывании ситуаций, которые протекают по-разному в разных культурах;

- сделать возможным перенос полученных знаний на новые ситуации, что достижимо, если обучаемый знакомится с самыми характерными особенностями другой для него культуры.

При этом в процессе обучения сам обучаемый, прежде всего школьник, студент, должен пройти 5 шагов или этапов культурной трансмиссии:

1. Осознать себя за пределами собственной культурной зоны;
2. Понять многообразие мира, в котором мы живем;
3. Познакомиться с разнообразными культурами и формами контактов в них и прежде всего культуры того государства, в котором оказалась твоя семья;
4. Научиться видеть проявления культурных разнообразий в позитивном ключе;
5. Сформировать позитивное отношение к установкам, ценностям, особенностям поведения представителей других культур [3; 4].

В этом случае, в процессе и в результате обучения запускаются естественные механизмы социальной чувствительности, эмоционального принятия, понимания, социальной адаптации и сотрудничества, которые обеспечивают открытость мышления, дивергентность, творчество, готовность к инновациям, что является адекватным откликом на увеличение многообразия мира, в котором мы все живем, ориентирует ценности этногруппы на гуманистические этические нормы; оптимизирует все базовые социально-психологические процессы: социальные отношения, социальное познание, социальное взаимодействие.

1. Бардиер Г. Л. *Социальная психология толерантности*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
2. Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г. *Тренинг этнической толерантности для школьников*. М.: Привет, 2004.
3. *Обучение толерантности. Методическое пособие* / Под ред. Г. Л. Бардиер. СПб.: Норма, 2005.
4. Почебут Л. Г. *Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
5. Тер-Минасова С. Г. *Война и мир языков и культур*. М.: Слово, 2008.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ГЛОБАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ VS КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА, ОСНОВАННАЯ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕЛОВЫХ ТРАДИЦИЯХ

Маркеева А.В., Гавриленко О. В. (Москва)

Глобализационные процессы обуславливают не только интенсификацию экономических взаимодействий стран, но и способствует взаимопроникновению культур, расширяют возможности узнать о культуре другой страны, приводят к кардинальному изменению образа мышления современного человека: делая его глобальным (утверждение верное, по крайней мере, для определенных социальных страт); повышая толерантность или, наоборот, нетолерантность по отношению к другим культурам.

Одним из следствий этих процессов является распространение «универсальных (глобальных)» стандартов управления, в том числе в вопросе формирования или изменения сложившихся организационных (корпоративных) культур. Однако такая модернизация негативно сказывается на конкурентоспособности организаций. Разрушая корпоративную идентичность, основанную на традиционных нормах и ценностях национальной деловой культуры, компании зачастую не только не приобретают новых конкурентных преимуществ, но и вынуждены разрешать целый комплекс управленческих проблем, связанных с увеличением конфликтности и стрессогенности в коллективе, снижением вовлеченности персонала, падением производительности труда, вследствие подобных трансформаций. Это активизирует дискуссию о необходимости сохранения идентичности организаций в условиях усиления внешнего давления.

Теоретики и практики бизнеса указывают, что, несмотря на «управленческую моду», направленную на нивелирование влияния национальных культур, последние продолжают оказывать серьезное влияние на организационную культуру, модель управления организациями, а

также определяют индивидуальное поведение работника, его отношение к нации, социальной группе или организации [4,14]; формируют систему внутриорганизационных коммуникаций и, в конечном счете, влияют на различия в сложившихся организационных практиках [1].

Компании, ведущие бизнес на территории нескольких стран, должны принимать во внимание особенности деловых культур этих стран, учитывать их влияние на сложившуюся организационную культуру компании. Современные исследования выделяют три наиболее часто используемые стратегии формирования организационной культуры: этноцентричную (доверие к отечеству), полицентрическую (доверие к стране, где расположена организация) и геоцентрическую (мир-ориентированный фокус) [5,113].

Для выработки эффективной стратегии руководству компании необходимо выработать согласованную позицию по следующим ключевым вопросам: во-первых, определить, в какой степени корпоративная культура компании способна в настоящих условиях преодолеть национальные культурные различия и обеспечить создание «глобальной организации»; в какой степени и в каких сферах управления организацией «глобальные» управленческие практики являются предпочтительнее локальных (национальных). Во-вторых, определить последствия переориентации организационной культуры на геоцентрический (мир-ориентированный) фокус. Кейс-стади демонстрируют, что применение «глобального видения» в противовес поддержанию организационной индивидуальности, основанной на ценностях национальной деловой культуры, приводит к тому, что компании не могут использовать корпоративную культуру как механизм контроля [3,124]. Развитие международной структуры происходит, как правило, посредством потери идентификации работников с местными, национальными сообществами, сложившейся семейной идентичностью. С другой стороны, необходимость расширения присутствия компаний в разных странах мира, ставит перед руководителями вопрос о поиске инструментов и технологий, направленных на снижение конфликтов, неизбежно сопровождающих процесс экспансии. В этой связи национальные деловые культуры могут стать барьером для развития организаций.

На практике, компании вынуждены комбинировать данные стратегии, формируя корпоративную культуру, с одной стороны, обеспечивающую эффективную интеграцию организационных ресурсов путем поддержания локальных различий, а с другой - позволяющую налаживать непрерывный процесс поиска и внедрения технологических и управленческих инноваций, генерируемых в условиях глобальной экономической системы.

Возникающие в процессе выбора стратегии противоречия можно проследить на процессе модернизации «по-западному» принципу корпоративных культур организаций стран БРИК. Например, в середине 2000-х, китайское правительство стало проводить политику трансформации корпоративных культур китайских корпораций в соответствии с задачами повышения конкурентоспособности компаний на мировой арене, в том числе, и за счет расширения применения «западных» принципов управления персоналом, выступающих основой «глобальных стандартов управления». Это привело к активному заимствованию методов и технологий управления, направленных на разрушение сложившихся в китайской деловой культуре норм и ценностей. Так, китайские компании Huawei и Haier активно использовали такие методы управления как «культура публичной критики работников» (culture of cursing) (менеджерам позволялось публично отчитывать сотрудников за недостижение ежедневных целей), публичное разрушение некачественных товаров теми сотрудниками, которые их разработали, «демократические митинги» (когда сотрудники публично занимались критикой продуктов компании и сложившихся бизнес-процессов), надеясь искоренить в китайских сотрудниках сложившийся тысячелетиями «страх потери лица». Опыт подобных трансформаций показал, что китайские работники терпели эту «инновационность» в отношении к сложившимся культурным практикам только в условиях более высоких компенсационных пакетов. Как только появились компании, способные предоставить схожие условия работы и компенсаций без системы тотального контроля и общественного унижения, компании столкнулась с проблемой текучести персонала [2,77]. Исследования также подтверждают, что усиление разрыва с национальной культурой связано с увеличением количества мультикультурных и личностных конфликтов и приводит к росту стрессогенности.

Следует подчеркнуть, что подстегиваемые глобализацией процессы изменения архитектуры современных организаций, появление новых гибких форм занятости, изменение и расширение требований работников к современным организациям будут приводить к неизбежным изменениям корпоративных культур, но этот сдвиг будет иметь разное место в зависимости от исходных культурных особенностей и самобытности самих организаций. Прогнозируется, что

сходства организационных культур будут нивелироваться, а значение различий становится все более значимым. Необходимо признать, что современная сверхтурбулентная внешняя среда обуславливает отсутствие единых методов и технологий изменения корпоративных культур. Сложность и разнообразие современного мира требует разнообразия корпоративных культур. В этих условиях корпоративная культура становится решающим фактором поддержания организационной идентичности. Несмотря на усиливающиеся глобализационные процессы, влияющие на все сферы деятельности и индустрии, приводящие к унификации стран, культур и экономик, компании будут вынуждены иметь дело с сотрудниками, которые будут продолжать нести на себе специфический «культурный код». В этой связи понимание культурных различий является необходимым условием для формирования и поддержания корпоративной культуры организации, способной привлекать, удерживать и вдохновлять персонал организации.

1. Brinkmann U., & Weerdenburg O. (2014). *Intercultural Readiness. Four competences for working across cultures*. Hampshire: Palgrave Macmillan.
2. Colin Hawes & Eng Chew (2011). *The cultural transformation of large Chinese enterprises into internationally competitive corporations: case studies of Haier and Huawei*// *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, Vol. 9, No. 1, February 2011, pp.67-83, DOI:10.1080/14765284.2011.542886
3. Emano il Muscalu (2014) *Organization culture in the age of Globalization*//*Buletin Stintific*, N2 (38), 2014, pp. 120-125
4. Hofstede, G., & Hofstede, G.J. (2005). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill Ryerson.
5. Robbins, S.P., & Coulter, M. (2004). *Management*. Praha: Grada Publishing.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Мартынова Ю.А. (Уфа)

В данной статье рассматриваются особенности формирования при помощи СМИ гендерных стереотипов и их влияние на социальный институт семьи.

Дается краткая характеристика существующего кризиса социального института семьи в современном обществе. При этом изменение гендерных образцов поведения является одной из важнейших причин такого состояния. В свою очередь, данное изменение обусловлено целенаправленным воздействием на общественное сознание посредством СМИ в целом и рекламы в частности. Так, через рекламу предлагается не только товар, но и определенная система ценностей, образ жизни, не вписывающийся в традиционные полоролевые модели поведения и подспудно разрушающие их, а вместе с ними и всю систему взаимоотношений человека, включая семейные.

In this article features of forming by means of mass media of gender stereotypes and their influence on social institute of a family are considered.

Here is the short characteristic of the existing crisis of social institute of a family in modern society is given. At the same time change of gender examples of behavior is one of the most important reasons of such condition. In turn, this change is caused by purposeful impact on public consciousness by means of mass media in general and advertizing in particular. So, through advertizing it is offered not only goods, but also a certain value system, the conduct of life which is not fitting into traditional polorolevy behavior models and latently destroying them, and together with them and all system of relations of the person, including family.

Сегодня семья рассматривается как одна из важнейших подсистем общества, воспроизводящая членов общества, а также являющаяся первой ступенью их социализации и инкультурации.

Институт семьи, будучи включенным в структурно-функциональную и нормативную системы общества, регулирует поведение членов семьи, определяя присущие им социальные роли и статус, а также выполняет целый комплекс дополнительных функций.

Важнейшими функциями семьи являются репродуктивная и воспитательная. Таковы функции нормальной традиционной семьи – семьи, основанной на официально зарегистрированном, гетеросексуальном браке, с двумя родителями, в которой обязательно имеются дети. В такой семье отец является «главой», духовно и экономически определяющим началом ее развития, а мать – «хранительница очага», основной задачей которой является забота о появляющихся детях и муже и поддержание существующего в семье порядка. Такая семья предполагает единобрачие и родственно-семейный принцип организации жизни.

Многие исследователи семьи и брака считают, что изменения семейно-брачных установок и ориентаций в современном обществе связаны с историческими изменениями института семьи, переходом от традиционной формы семьи к современной. К сожалению, во многих нынешних семьях на первое место выходят экономические цели индивида, ценности индивидуализма, независимости, личных достижений, «эгоцентризм». Также происходит переход от системы норм многодетности семьи к исчезновению многодетной семьи с исторической сцены на фоне ужасающего количества аборт, совершающихся ежедневно. Реальные изменения семейных структур в XX в. на всех континентах позволяют говорить о переходе к эпохе спонтанного уменьшения детности семьи, разводимости и падения брачности. Кроме того, девальвации семейных ценностей способствует и активная пропаганда и реальное распространение альтернативных форм брачно-семейных отношений и откровенно содомистских союзов.

Исследователи в своих мнениях сходятся в том, что эти процессы свидетельствуют, прежде всего, о кризисе социального института семьи.

Сегодня кризис семьи и брака зачастую связывается с гендерным конфликтом, под которым имеется ввиду противостояние женщин и мужчин в обществе по поводу их социальных ролей и позиций. Само наличие такой борьбы предполагает нарушение восприятия половых ролей в обществе. Биологически любой человек всегда является представителем определенного пола – мужского или женского. Процесс социализации мальчиков и девочек, мужчин и женщин существенно отличается друг от друга и предполагает усвоение ими моделей полоролевого поведения. С точки зрения В.И. Кагана, половая роль – это модель социального поведения, комплекс ожиданий, стереотипов, требований, адресуемых обществом людям мужского или женского пола. Она всегда зависит от особенностей той культуры, в которой человек воспитывается, а изменение традиционных моделей полоролевого поведения в конечном счете неизбежно приводит к разрушению всего уклада общественной жизни.

Наиболее зримо процесс разрушения моделей полоролевого поведения просматривается, на наш взгляд, при анализе результатов исследований, изучающих проблему гендерных образов рекламы и проблему материнства как составной части половой идентификации женщины.

Реклама сегодня – одно из неотъемлемых явлений современной жизни. Часто в рекламе вторым планом обозначаются те социальные роли, которые должны выполнять мужчины и женщины. Рекламные образы очень сильно упрощены и стереотипизированы, но именно в таком виде они воздействуют на людей, заставляя их не только приобретать товар, но и переносить репрезентируемые рекламой стили полоролевого поведения в реальную жизнь.

И.В. Грошев [2, 3] отмечает, что в последнее время в рекламе образ женщины и мужчины трансформируется в совершенно непривычном для отечественного зрителя ракурсе. Через рекламу стал транслироваться образ женщины более независимой, активной, уходящей от привычной роли жены, матери, демонстрирующей на невербальном уровне высокомерную манеру поведения (при этом в подтексте можно ощутить неприязнь, которую она испытывает по отношению к мужчине). Образ мужчины при этом – инфантильный, беззаботный, безответственный субъект, не отягощенный заботой о ближних, да и в целом мало о чем задумывающийся.

Говоря о способах воздействия СМИ на общественное сознание, известный немецкий социолог Э. Ноэль-Нойман подчеркивал «формирующую функцию СМИ» [7, с. 245]. Размышления Ноэль-Ноймана созвучны идеям М. Хоркхаймера и Т. Адорно. В своей работе «Диалектика просвещения» они рассматривают культурный аспект СМИ в ракурсе их вечной перманентной активности по производству смыслов, символов и кодов, которые затем берутся на вооружение в реальной жизни как пример для подражания [8, с. 159]. Однако при этом следует учитывать, что СМИ в основном являются лишь каналами репрезентаций, они выдают некий продукт, уже прошедший предварительную «термическую обработку» в фильтрах идеологической цензуры. СМИ воспроизводят смыслы, произведенные другими инстанциями, и при этом являются идеальным средством воздействия на общественное и индивидуальное сознание.

Как утверждает Е.И. Кравченко, рекламодатели подспудно сообщают, чего от Вас ожидают окружающие в более или менее типичной ситуации, каковыми должны быть ваши действия. Рекламодатели, предлагая свой товар, одновременно «продают» потребителю и версию социального мира, взаимоотношений в нем. Ю. Вильямсон очень точно подметил, что реклама не говорит просто «купи эту вещь», она осуществляет подмену и говорит: «Подари себе хорошее настроение, здоровье, уверенность в себе, сексуальную привлекательность для другого пола, будущую благодарность детей, самоудовлетворение...» Мы покупаем не мороженое, колготки,

шампунь, дезодорант или таблетки, а свое положение в обществе, на работе, в семье, на вечеринке, в школе, свое отношение к другим людям, свой образ и имидж, мы покупаем благодаря рекламе «самих себя».

Согласно М. Фуко, предложение о товарах и услугах составляет «первичный дискурс» рекламы, а представление об обществе, взаимоотношениях в нем – ее «вторичный дискурс». Именно ее вторичный дискурс отсылает зрителя (слушателя) к другим смысловым кодам, другим, не явным, не видным, но имеющим первостепенное значение иерархиям. В первичном дискурсе может идти речь, например, о том, насколько чисто стирает тот или иной порошок, как прекрасно работает новая кухонная техника, какой незабываемый запах у этих духов и т.д. А вторичный дискурс информирует о том, кто стирает (должен стирать) порошком, кто готовит (должен готовить) пищу, кто принимает (должен принимать) решения и как надо себя вести, чтобы преуспеть в жизни.

В целом можно сказать, что в СМИ пропагандируется неприемлемая для адекватного развития института семьи система ценностей, разрушающая традиционные модели полоролевого поведения. Если данную тенденцию не остановить, то следует ожидать дальнейший рост личностных и социальных проблем, девальвацию всех господствовавших ранее ценностных систем и деструктивный путь общественного развития. Ведь, как говорил Серафим Саровский: «Если разрушится семья, то низвергнутся государства и извратятся народы».

1. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социологические исследования. – 2002. – № 1.
2. Грошев И.В. Гендерные образы рекламы // Вопросы психологии. - 2000. - №6. - С.38-49.
3. Грошев И. В. Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность, 2000, №4. С. 172 – 187.
4. Грошев И. В. Образ женщины в рекламе // Женщина Гендер Культура. – М.: МЦГИ, 1999. – С. 331-343.
5. Зборовский Г.Е. Общая социология: курс лекций. – Екатеринбург, 1999. – С. 409.
6. Мон. Нина Крынина. «Роль СМИ в разрушении традиционных полоролевых моделей и семейных ценностей», материалы сайта <http://www.rusfront.ru/2021-rol-smi-v-razrushenii-tradicionnyh-polorolevyh-modeley-i-semeynyh-cennostey.html>
7. Мусиец П.В. «Образ женщины в современной рекламе», материалы сайта http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=581:2010-04-26-15-16-29&catid=51:2010-04-15-13-05-52&Itemid=19
8. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика просвещения. М., СПб., 1997.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ ШКОЛЬНИКАМИ СТАРШИХ КЛАССОВ

Микиденко Н.Л., Сторожева С. П. (Новосибирск)

В статье авторы рассматривают вопросы актуализации межкультурной компетентности личности в условиях поликультурных сообществ. Межкультурная компетентность рассмотрена как инструмент управления межкультурными взаимодействиями в ситуациях диалога. Представлены результаты исследования представлений городских школьников старших классов, живущих в мегаполисе о познаваемости чужих культур и возможностях межкультурного диалога. Предпринята попытка охарактеризовать уровень знаний и умений старших школьников ориентироваться в определении характерных черт культуры разных народов, оценки возможности познания культуры в ситуации межкультурного диалога, психологической и когнитивной настроенности, допускающей понимание другой культуры. Приведены мнения старшеклассников.

In the article the authors consider the issues of cross-cultural competence of a person in multi-cultural communities. Cross-cultural competence is considered as a tool of cross-cultural interaction in the dialogue. The article presents results of a study of the perceptions of urban high school students about the knowability of another/other cultures and the possibilities of cross-cultural dialogue. An attempt was made to characterize the level of knowledge and skills of the pupils to be guided in determining the characteristic traits of the culture of different peoples, assessment of the possibility of knowledge of culture in cross-cultural dialogue, psychological and cognitive attitude, allowing the understanding of the another/other cultures. There are the opinions of high school students.

Актуализировавшиеся миграционные процессы и европейский миграционный кризис последних двух лет в полный рост вновь поставили перед мировым сообществом вопросы,

связанные с решением проблем миграции и связанных с ними межэтнических и межкультурных взаимодействий в принимающих сообществах. Сложившиеся практики политики мультикультурализма и политики интеграции мигрантов в принимающие сообщества подвергаются критике. Оспаривается экономическая польза трудовой миграции для принимающих сообществ [1]. Принимающие сообщества не только сталкиваются с необходимостью решать целый комплекс социальных проблем, возникающих у мигрантов (информационное обеспечение, медицинское обеспечение, школьное образование, социальные пособия), но и в самом принимающем сообществе возникает целый ряд проблем, среди которых отмечают деформацию структуры занятости, дисбаланс в социальной сфере, нарастание мигрантофобии, сепарация и социальная исключенность мигрантов, рост межэтнической напряженности и риски межэтнических конфликтов, социальное отчуждение среди местного населения, сложности межкультурного взаимодействия [2].

Неоднозначность существующих практик решения вопросов, связанных с интенсивной миграцией актуализирует на межличностном уровне взаимодействия вопросы межкультурной компетентности, так как межкультурные взаимодействия становятся частью повседневных взаимодействий. Как бы не решались вопросы миграционной политики, стратегия повышения межкультурной компетентности общества в целом и отдельных индивидов, его членов, в частности, будет иметь позитивные следствия. По мнению Р. Льюиса, «понимание основ других культур, точно так же, как и своей собственной, сведет к минимуму количество неприятных сюрпризов (элемент культурного шока) и позволит нам успешно взаимодействовать с представителями национальностей, общение с которыми ранее казалось нам затруднительным» [3]. Межкультурная компетентность выступает инструментом управления процессами взаимодействий на межличностном уровне. И в рамках компетентностной модели образования в условиях глобализирующейся культуры вопросам межкультурной компетентности необходимо уделять должное внимание как в системе школьного, так и высшего образования.

Для оценки межкультурной компетентности мы обратились к исследованию представлений о других культурах и возможностях диалога культур, сформировавшихся у учащихся старших классов. В исследовании проанализированы мнения и высказывания учащихся 10-11 классов общеобразовательных школ г. Новосибирска, принявших участие в феврале 2016г. в IX олимпиаде для школьников по обществознанию «Социологические ступеньки» (201 человек) [4]. Участникам было предложено ответить на 25 тестовых заданий по проблемам культуры и межкультурного взаимодействия и выполнить творческое задание (в формате эссе по мотивам анимационного проекта «Колыбельные мира», где определить культурную принадлежность просмотренных сюжетов, высказать мнение о возможностях и границах понимания чужой культуры).

В своих суждениях о возможностях передачи оригинальности и самобытности культуры, к которой не принадлежишь и о причинах, которые не позволяют передать самобытность культуры, старшеклассники высказали следующие мнения: Нет, это длительное становление, которое невозможно передать носителю другой культуры, с другими ценностями, взглядами, обычаями... (Р: 097); Нет, даже свою культуру приходится познавать всю жизнь (Р: 096); Нельзя говорить о чем-то, не живя с этим, не видя всей сути (Р: 092); Нет, не сможет, ведь особый колорит, традиции, ... менталитет каждого народа невозможно перенять, ведь это все складывалось веками, передавалось из поколения в поколение (Р: 057); Нет, культура закладывается в детстве, язык, способности, ведения жизни (Р:063); Нет, это может сделать только представитель этой культуры, с рождения усвоивший все особенности и ценности своего народа (Р: 003); нет, лучше бы передали ... те, кто принадлежит к этой культуре. Они большую часть жизни в этом ... (Р: 014); Поверхностно, чтобы передать ... нужно принадлежать (017); Каждая культура неповторима... поэтому не сможет (Р: 018). В приведенных здесь и ниже высказываниях сохранена авторская орфография и стилистика.

Таким образом, основными суждениями о причинах, не позволяющих понять и передать самобытность и своеобразие «другой» культуры, стали суждения о недостаточности культурного опыта и глубокие различия между культурами: нужно родиться, или хотя бы длительное время взаимодействовать с представителями познаваемой культуры, так как знание о культуре можно получить лишь в непосредственном опыте, в детстве, от поколения к поколению. Мнение о том, что передать самобытность и оригинальность культуры, человек, который не принадлежит к этой культуре не может, прозвучало в 60% эссе творческого задания (из 143 человек, давших ответ на это вопрос).

Более взвешенные мнения о познаваемости культуры и способах ее познания высказаны авторами, отметившими, что познать культуру возможно при определенных условиях – это общение с представителями «другой» культуры, изучение ее признаков и черт, психологическая настроенность. Вот некоторые высказывания этого типа:

Да, если продолжительное время изучал данный этнос и имеет о нем познания такие же, как и у носителя этого этноса (Р: 080); Да, может гораздо объективнее описать культуру, так как он сравнивает эту культуру со своей и выделяет отличия (Р: 099); Может о ней поведать достаточно, если достаточно хорошо изучил (Р: 016).

Школьники старших классов отмечают важную роль психологического фактора, играющего роль для познания культуры: Если погрузиться в культуру, больше общаться с её носителями (Р: 020); Сможет, если проникнется другой культурой (Р: 047).

В ряде наиболее глубоких и интересных работ отмечено, что ...Представители ...культуры полнее и насыщеннее передадут информацию о себе (Р: 092); Может передать самобытность..., выразить свое мнение о ней ... в результате сравнения с другой ..., к которой принадлежит (Р: 033); Передать сложно, культура нации это то, что окружает человека в течении всей жизни, наделяет опытом и знаниями, обучает особому образу жизни и традициям. Поэтому передать сложно, но углубленное изучение поможет приблизить образы этносов, созданные другими людьми (Р: 010); Общение между ... этническими группами, передача своих знаний друг другу ценный опыт, который поможет расширить ... кругозор, мировоззрение... (Р: 092).

Таким образом, интенсификация межкультурного взаимодействия в современном обществе делают культуру проблемой повседневного существования личности. «Другой» и его культура часто рассматриваются как непонятные и непознаваемые. Это еще раз возвращает к проблеме организации образовательных программ по проблемам культуры, недостаточного внимания к теме культуры в школьной программе, уменьшения объема учебных курсов по проблемам культуры в программах бакалавриата в высших учебных заведениях, в целом переориентации образовательных программ на практикоориентированные. Образовательная система, ориентированная на формирование подходов к пониманию культур, диалогического взаимодействия и расширения межкультурной компетентности, будет способствовать формированию и закреплению представлений подрастающего поколения о полифоничности мира, существовании множества способов человеческого бытия и возможности диалога в условиях поликультурного общества.

1. Монастырская Т.И. Мигранты и принимающее сообщество: дилемма и опыт европейских стран // Общество. Политика. Финансы. Российская научно-техническая конференция. Материалы конференции – Новосибирск, 2015. – С. 139-143.
2. Миграция и мигранты. Тезисы докладов и программа. Секция 2. XI Конгресс антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2-5 июля 2015г.) / Ред. Степанов В.В., Белова Н.А. – М.: ИЭА РАН, 2015. – С. 3-17.
3. Льюис Р. Столкновение культур: Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей / Ричард Льюис; пер. с англ. А.Андреева, М.Павловой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С.12.
4. Результаты олимпиады по социологии для старшеклассников «Социологические ступеньки» // Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики. Официальный сайт. [Электрон. ресурс]. [сайт]. — URL: <https://www.sibsutis.ru/news/1991736/>

КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Милокова И.А., Артемьева У. Н. (Петрозаводск)

По данным опросов Института социологии РАН прослушивание музыки занимает сегодня весьма значительное место в структуре досуговой деятельности российской молодежи □1,192□. Подтверждается это и данными социологических исследований, проведенных за последние десять лет в Петрозаводском государственном университете: подавляющее большинство опрошенных студентов сказали, что слушают музыку практически ежедневно. В то же время, не секрет, что классическая музыка не входит в число наиболее предпочитаемых современной молодежью направлений, хотя и занимает устойчивое срединное место по популярности □3□.

Чем же определяется интерес (или его отсутствие) современной молодежи к классической музыке? Какие социальные факторы на это влияют? Какова роль классической музыки в жизни современного студенчества?

В основу доклада положены результаты социологического анкетирования студенческой молодежи, реализованного в г. Петрозаводске в 2015-2016 годах. В общей совокупности было опрошено 532 студента ПетрГУ, ряда техникумов и колледжей. Особую заинтересованность к данному исследованию проявила Карельская государственная филармония, активно развивающая сегодня отдельные программы по работе с подростками и молодежью.

Надо сказать, что в Республике Карелия и, особенно в ее столица – городе Петрозаводске, созданы достаточно благоприятные условия для развития музыкальной культуры населения. На территории республики успешно работают около 20-ти детских музыкальных школ, Музыкальное училище им. К. Раутио, Государственная консерватория им. Глазунова, Карельская государственная филармония, Музыкальный театр. Возможно, именно с этим обстоятельством связан столь высокий процент среди опрошенных тех, кто получил начальное или общее музыкальное образование – в среднем каждый шестой студент отметил, что учился в музыкальной школе. В то же время на момент опроса занимались музыкой (играли на музыкальных инструментах, занимались пением или сочинительством) лишь очень и очень немногие (3,5%).

В среднем, примерно пятая часть опрошенных студентов, хотя бы иногда, ходят на концерты классической музыки в филармонию, консерваторию или Музыкальный театр, правда, процент этот весьма существенно варьируется в зависимости от пола, типа учебного заведения, направления образовательной подготовки и типа поселения, в котором респондент жил до поступления в образовательное учреждение. Те, кто этого не делает, главными причинами откровенно назвали отсутствие интереса к данному музыкальному направлению (52%) и непонимание той музыки в силу ее сложности (32,8%), а также недостаток финансовых средств (39,7%). Впрочем, вторая причина вызывает некоторое недоумение, т.к. филармония, например, делает регулярно огромные скидки на концерты классической музыки для студентов, а профком ПетрГУ массово закупает билеты на такие концерты и раздает их бесплатно всем желающим.

Полученные нами результаты во многом подтверждают выводы, сделанные другими социологами [2,74], что для современной молодежи музыка, служит, чаще всего, фоном для выполнения другой деятельности (подготовке к занятиям, поездке в транспорте и т.п.) или же выполняет функцию релаксации и рекреации. Как цель слушания и как особая ценность классическая музыка выступает только для студентов, получающих профессиональное музыкальное образование (консерватории и музыкального колледжа).

1. Гориков М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Гориков, Ф. Э. Шереги. - М.: ЦСПиМ, 2010.
2. Нуждина А.А. Музыкальные предпочтения молодых людей с разным профессиональным образованием / А.А. Нуждина // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2011. — №139. — С. 73-79
3. Фонд общественного мнения. Музыка и люди. [Электронный ресурс].- URL: <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/10731>, свободный. Яз. русский (дата обращения 04.01.2016)

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРАКТИКАХ КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ГОРОЖАН

Минина В.Н., Снопина С.М., Демидова И.Д. (Санкт-Петербург)

Введение

В эпоху глобализации проблематика культурной идентичности приобретает особое значение. Прочная связь с национальной, локальной культурой, городской культурной средой выступает важным фактором устойчивого развития. В докладе предпринята попытка выявить, как в практиках культурного потребления формируется культурная идентичность. В качестве кейса выбран Санкт-Петербург, культурная специфика и проблематика культурной идентичности с которым являются предметом неугасающего интереса исследователей (Анциферов, Ахнаева, Каган, Лихачев, Марголис и др.)

Описание исследования

Исследование выполнено в 2014 году при поддержке Ресурсного центра «Центр социологических и Интернет исследований» СПбГУ. В качестве основного метода был выбран

телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга. Опрошено 1129 горожан, проживающих в 18 районах Санкт-Петербурга. В ходе опроса горожанам задавались вопросы, касающиеся их предпочтений в практиках культурного потребления, а также вопросы, позволяющие выявить конструируемые ими признаки петербургской идентичности.

Результаты исследования

Культурные предпочтения горожан. Как показали результаты опроса, в практиках культурного потребления жители Санкт-Петербурга отдают предпочтение театрам, на это указали 57% опрошенных. Из них 24,1% отдают предпочтение драматическим театрам и 21,9% музыкальным театрам (опере, балету, оперетте). Если к этому добавить еще 9,5% респондентов, которые отдают предпочтение концертам классической музыки, то можно сказать, что среди горожан немалая доля тех, кто ориентирован на «высокое искусство». В совокупности 36,7% респондентов ответили, что они посещают драматические, комедийные спектакли, оперу, балет и концерты классической музыки не реже одного раза в месяц; 4,4% респондентов указали, что они посещают драматические, комедийные спектакли, оперу, балет и концерты классической музыки не реже одного раза в неделю. Выставки классического и современного искусства не реже одного раза в неделю посещают 4,2% респондентов, не реже одного раза в месяц – 17,3% респондентов.

В то же время нельзя не заметить, что высока доля тех, кто практически не посещает мероприятия сферы «высокого искусства»: в совокупности 24,2% респондентов отметили, что они ни разу в жизни не были на драматических и комедийных спектаклях, в опере и балете, на концерте классической музыки; в совокупности 12,5% респондентов указали, что они ни разу в жизни не были на выставках классического и современного искусства.

Таким образом, не сложно заметить, что практики культурного потребления дифференцируют горожан на тех, кто интегрирован в культуру Санкт-Петербурга с его насыщенной театральной, музыкальной и художественной жизнью, и тех, кто прикасается к культурной жизни города эпизодически, фрагментарно. О наличии группы горожан, далеких от «высокого искусства», свидетельствуют следующие данные: 39,6% респондентов отметили, что они были в опере только один раз в жизни; 37,2% респондентов отметили, что они были в балете только один раз в жизни. Один раз в жизни были на выставке классического искусства 29,6% респондентов, на выставке современного искусства – 43,5% респондентов.

Данные опроса свидетельствуют, что такие символические места, как Львиный мостик, знают большинство горожан: 46,8% респондентов указали, что они точно смогут объяснить, как добраться до Львиного мостика, и 26,6% отметили, что могут указать направление. О том, где находится театр им. Товстоногова (БДТ), знают большинство горожан (76,3% респондентов отметили, что смогут точно объяснить или указать направление, как добраться до театра). То же можно сказать и о памятнике Крылову (67,9% респондентов сказали, что они могут точно объяснить или указать направление, как добраться до памятника). Хуже обстоят дела со знанием исторических и культурных мест, имеющих важное культурное значение для города, но не так широко представленных в СМИ. К таким культурно-историческим местам относятся памятник Стелу Стелу, Кикины палаты и Камеронова галерея. Об этих местах знают гораздо меньше горожан. Сказанное позволяет заключить, что доля тех горожан, кто глубоко погружен в культурную жизнь города (интегрирован в культурное пространство), составляет не более 45%. Если учесть, что о появлении новых культурных объектов (музей Эрарта) знают не более 30% горожан, то можно предположить, что эта доля даже ниже.

Есть ли основание на основе этих данных выделить группу горожан, которых можно назвать истинными петербуржцами? Вряд ли. Для ответа на поставленный вопрос респондентов просили определить, к кому они себя относят: к жителям Санкт-Петербурга или петербуржцам, и в целом есть ли разница в выражениях «житель Санкт-Петербурга» и «петербуржец».

Культурная идентичность горожан. Подавляющее большинство опрошенных (73,4%) отметили, что есть разница в выражениях «житель Санкт-Петербурга» и «петербуржец». При этом более половины (51,3%) считают себя петербуржцами.

В ходе опроса респондентов просили выбрать определения, которые лучше всего характеризуют петербуржцев. В пятерку наиболее значимых попали следующие прилагательные:

- культурный;
- интеллигентный;
- вежливый, любезный;
- воспитанный;
- добрый, доброжелательный.

Примечательно, что практически все выявленные характеристики петербуржца совпадают с результатами исследования М. Илле и Н. Ядова, выполненного в 2002 г. (Илле, Ядов, 2002), а также с мнениями экспертов (<http://mr7.ru/articles/62242/>; <http://www.argenberg.com/2007/08/o-peterburzhtsakh.html>; <http://www.wmos.ru/privat/detail.php?ID=4982>). Это дает основание отнести выделенные характеристики к признакам культурной идентичности.

В дополнение респондентов просили выбрать качества, которые отличают жителей СПб от жителей других городов России. Пятерку наиболее значимых характеристик петербуржцев составили следующие качества:

- воспитанность/ чувство такта/ интеллигентность (55,3%);
- небезразличие к судьбе города/ гордость за свой город (35,5%);
- высокий интеллект/ начитанность/ широкий кругозор (34,1%);
- гостеприимство/ дружелюбие/ отзывчивость (33,1%);
- скромность/ сдержанность (21,7%).

На основании полученных данных можно заключить, что ключевой характеристикой петербуржцев является интеллигентность.

Также респондентов просили отметить поведенческие характеристики, по которым можно определить петербуржцев. Большинство опрошенных (70,5%) высказали мнение, что петербуржцев отличает манера речи; 58,5% респондентов назвали в качестве такой характеристики поведение в общественных местах, а 40,3% - поведение в общественном транспорте.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, истинный петербуржец – это воспитанный, интеллигентный, скромный и отзывчивый человек, который демонстрирует начитанность и широкий кругозор, который в общественных местах проявляет дружелюбие и уважение к окружающим.

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб.: Лениздат, 1991.
2. Анциферов Н.П. Непостижимый город. СПб.: Лениздат, 1991.
3. Ахнаева Н.А. Феномен петербургской идентичности: анализ конструирования и функционирования. Автореферат диссерт. на соиск. уч. степ. к.с.н – СПб, 2004.
4. Громова Е.И., Герасимова М.В. Москвичи и петербуржцы: различия в стилях жизни и потребления [Электронный ресурс. Заглавие с экрана] //URL: <http://www.wmos.ru/privat/detail.php?ID=4982> (Режим доступа – свободный; доступ: 01.10.2016).
5. Илле М., Ядов Н. Идеальные петербуржцы и москвичи в представлении жителей двух столиц// "Телескоп": наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев No 3, 2002.
6. Каган М. С. Слово Петербурга в истории русской культуры // Возрождение культуры России: Истоки и современность. Вып. 1. СПб., 1993.
7. Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: Славия, 1996.
8. Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры// Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Изд-во «Logos», 1999.
9. Марголис А. Феномен «коренного» петербуржца: мифы и реальность// Петербург. История и современность. Избранные очерки. СПб.: Контрфорс, 2001.
10. Метафизика Петербурга // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1993.
11. О петербуржцах [Электронный ресурс. Заглавие с экрана] //URL: <http://www.argenberg.com/2007/08/o-peterburzhtsakh.html> (Режим доступа – свободный; доступ: 01.10.2016).
12. Самые культурные и самые коренные - все заблуждения петербуржцев о себе [Электронный ресурс. Заглавие с экрана] //URL: <http://mr7.ru/articles/62242/> (Режим доступа – свободный; доступ: 01.10.2016).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРЕХОДА ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Митрофанова Е.С. (Москва)

Переход во взрослую жизнь – это сложный, комплексный процесс изменения личности, ее поведения в разных сферах. В условиях глобализации, Второго демографического перехода [1] поведение разных поколений становится все более различным, тогда как поведение одного людей, родившихся в один период, но проживающих в разных странах, становится все более схожим. В данной работе мы проследим дивергенцию поведения российских поколений и конвергенцию молодежи по отношению к мировым трендам.

Имеющиеся эмпирические данные позволили нам изучить только событийную составляющую взросления, поэтому за скобками остались психологическая, эмоциональная, экономическая и социальная компоненты в чистом виде. Тем не менее, мы рассматриваем широкий спектр событий (демографические и социоэкономические), которые могут выступать маркерами взросления и косвенно характеризовать зрелость в социально-демографическом плане.

Поведение россиян в социоэкономической и демографической сферах претерпело много изменений за последние десятилетия. Особенно хорошо трансформации видны на стартовых событиях жизненного пути, т.к. они в биографиях молодежи появляются быстрее всего и позволяют фиксировать разницу между поколениями еще до завершения репродуктивной, брачной и других карьер.

Исследование выполнено на панельных данных обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004, 2007, 2011 гг.). В итоговую подвыборку попало 4943 респондента (32% мужчин, 68% женщин). Исходя из эмпирических данных и существующих классификаций [2], было взято пять 10-летних поколений 1935-1986 годов рождения, из которых 1935-1969 – условно советские поколения (социализировавшиеся в СССР), а 1970-1986 – современные (чья юность и молодость пришлась на послеперестроечное время).

Были проанализированы стартовые (первые) события трудовой, образовательной и семейной жизни. События были объединены в три группы, и внутри каждой группы выделены статусы, указанные в скобках: наличие детей (нет детей, 1 ребенок), матримониальное состояние (одинок, в партнерстве, в браке), социоэкономический статус (нет событий, отделился от родителей, трудоустроился, завершил получение образования). Количество комбинаций всех статусов очень велико, поэтому, чтобы сократить их число, в парах социоэкономических событий мы акцентировали внимание только на первом событии, а в тройках – на последнем. Перечень получившихся статусов представлен на рисунке 1. Серым цветом обозначены цензурированные события (еще не произошедшие на момент опроса в силу того, что еще не все респонденты достигли возраста окончания наблюдения).

Рисунок 1. Группировка событий в статусы

Используя возможности пакета TraMineR программы R [8], для каждого респондента мы реконструировали (в виде статусов) отрезок жизненного пути длиной в 240 месяцев: от 15 до 35 лет. Мы ограничили период наблюдения 35-летием, чтобы уравнивать шансы разных поколений на наступление событий и исключить маргинальные случаи (т.к. первые события чаще всего происходят в первой половине жизни). Были получены распределения частот появления разных статусов в каждый момент времени для каждого поколения, на основе которых были построены хронограммы, репрезентирующие эти частоты. На хронограмме представлено изменение статусов на отрезке от 15 до 35 лет (ось X). Ось Y – это доля респондентов в подвыборке, начиная от 0% и заканчивая всеми, то есть 100%. Хронограмма показывает, какая доля респондентов имела какие статусы на каждый момент времени. На рисунке 2 представлены хронограммы для мужчин и женщин.

Мужчины Женщины

100

80

60

%

40

20

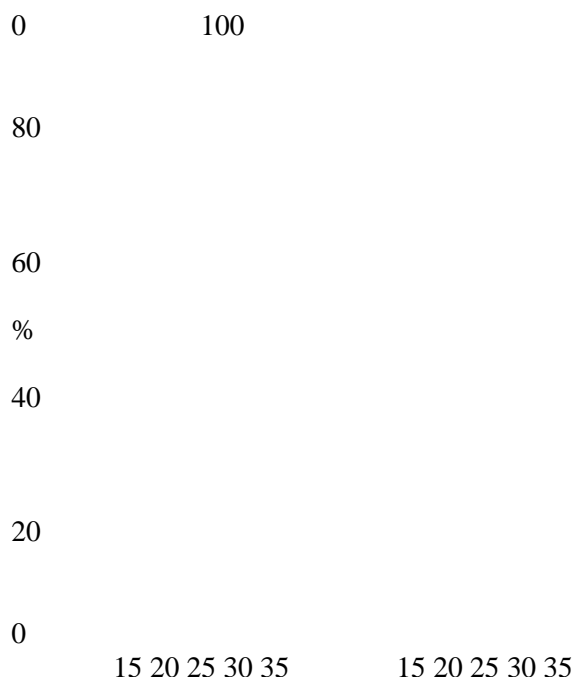

Рисунок 2. Хронограмма для мужчин и женщин

Как видно из рисунка, в целом, форма и цвета хронограмм у мужчин и женщин довольно похожи. Биографии начинаются с социоэкономических событий, причем часть респондентов уже имеет события к возрасту 15 лет. Это, в основном, отделение от родителей и работа. Далее мужчины накапливают социоэкономические события гораздо интенсивнее, чем женщины: к возрасту 20 лет более 70% мужчин имеет хотя бы одно событие из этого блока, тогда у женщин социоэкономические события достигают пика в 19 лет и составляют менее 60%. В это время начинается активный прирост демографических событий. В основном, это первые браки без детей (зеленая гамма) и с детьми (фиолетовые цвета). К возрасту 35 лет и у мужчин, и у женщин, преобладают насыщенные статусы фиолетовых цветов, то есть это брак, наличие ребенка и все социоэкономические события в разных комбинациях. Различия составляют желто-коричневые цвета (это наличие ребенка и отсутствие союза). Женщины гораздо чаще мужчин пребывают в подобной ситуации, то есть их биографии более насыщены разными опытами, в том числе, опытом одинокого материнства. Интересно отметить, что у мужчин больше кораллового и серого цветов, то есть отсутствия событий и их цензурирования, что также говорит нам о чуть большей пассивности мужчин в накоплении жизненных событий.

В приложении 1 представлены хронограммы для респондентов разного пола, поколений и уровня образования. Такая детализация позволяет увидеть самые тонкие различия между респондентами с учетом трех характеристик.

Распределение респондентов по группам в относительных числах представлено на рисунке 3, в абсолютных – в таблице 1.

Рисунок 3. Относительные числа респондентов в подгруппах

Таблица 1. Абсолютное число респондентов в подгруппах

Поколения образование	Общее образование		Среднее специальное образование		Высшее образование
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Женщины					
1930-1939	68	279	72	184	41
1940-1949	54	176	112	225	40
1950-1959	72	156	230	520	63
1960-1969	77	116	237	437	82
1970-1979	59	79	166	306	69
1980-1986	26	35	71	71	43

Начнем анализ хронограмм в приложении 1 со сравнения кораллового цвета в подгруппах. Дольше всего период отсутствия каких-либо событий длится у людей с высшим образованием. Меньше всего – у тех, кто имеет начальное, общее школьное образование. Цензурированный среди поколения 1970-1979 г.р. больше всего у малообразованных мужчин и высокообразованных женщин. Среди самых молодых респондентов разница в цензурировании почти не прослеживается.

Социоэкономические события

Раньше всего и в самом большом объеме накапливать социоэкономические события начинают те, кто остановился на самом низком уровне образования. Более 80% мужчин этой подгруппы вне зависимости от поколения имеют хотя бы одно социоэкономическое событие в возрасте до 20 лет, причем почти ни у кого нет демографических событий. У женщин этой подгруппы данный показатель высок только в старшем поколении (примерно у 80%), а затем плавно падает, и уже в самых молодых поколениях меньше чем у 50% девушек в жизни были только социоэкономические события к возрасту 20 лет.

Позже всего и менее интенсивно накапливают социоэкономические события респонденты с высшим образованием. Причем интересен сам вид синих «гор»: если у респондентов с другими уровнями образования эти «горы» островершинные, то у людей с высшим образованием они часто имеют плато, что говорит о том, что в течение определенного отрезка времени (20-25 лет) в жизни респондентов почти не было ни одного из искомым событий. Можно предположить, что это как раз период накопления человеческого капитала (обучение в вузе).

Интересно также различия в оттенках синего. У людей с более низким уровнем образования в первые годы после 15-летия преобладает событие «трудоустройство», а у людей с высшим образованием – отделение от родителей, что, скорее всего, связано с переездом в другой город с целью обучения в вузе. Также у менее образованных больше темных оттенков синего, что говорит о том, что, еще не имея ни одного демографического события, они уже получили достаточный опыт в социоэкономической сфере. У высокообразованных мало темных синих цветов, то есть, разрыв во времени между социоэкономическими событиями у них выше, и часто события из этого блока «добирались» респондентами уже после обретения опыта в демографической сфере.

К возрасту 35 лет доля тех, у кого есть исключительно социоэкономические события и ни одного демографического, очень мала и едва достигает 10%. Примечательно, что у мужчин с низким уровнем образования 1940-1945 г.р. синего цвета в возрасте 35 лет нет, а у женщин этого поколения, но из группы высокообразованных, эта доля выше всего по подвыборке. То есть в то время, как почти все мужчины со школьным образованием имели семьи, высокообразованные женщины имели явные трудности с поиском супруга.

В целом, у всех респондентов в возрасте 35 лет преобладает фиолетовая гамма цветов. У всех респондентов с общим образованием и мужчин со средним специальным преобладает насыщенный статус, где последним социоэкономическим событием было отделение от родителей. У респондентов с высшим образованием чаще последним событием является работа. То есть, фактически, социоэкономические биографии респондентов с высшим образованием и с более низкими уровнями зеркальны: «рабочий класс» начинает социоэкономическую биографию с трудоустройства и заканчивает отделением от родителей, а «интеллигенция» сначала отделяется от родителей, чтобы получить лучшее из возможного образования, а уже после завершения учебы трудоустраивается.

Демографические события

Цветовые вариации у старших поколений ограничены где-то двумя, где-то тремя палитрами демографического блока. Это говорит о низкой вариативности демографического поведения: брак, дети, иногда – развод. У молодежи маневров становится больше: набирает популярность не новое, но не приветствовавшееся ранее партнерство (или сожительство, незарегистрированный союз). Причем партнерство как детоспособный союз, который не прикрывается браком после зачатия ребенка. Примечательно, что партнерство в большей степени характерно для респондентов с невысоким уровнем образования.

«Накопление демографических событий у поколений происходит по-разному. В биографиях мужчин только демографических событий становится меньше, в биографиях женщин – больше. Высоко образованные респонденты проявляют активность в демографической сфере

меньше, нежели люди с более низким уровнем образования. То есть откладывание событий наблюдается, но не в разрезе поколений, а в разрезе уровня образования (и немного – пола).

В разрезе пола самое заметное различие – одинокое родительство, которое, как писалось ранее, характерно именно для женщин. Здесь мы можем добавить, что оно также более характерно для высоко образованных женщин и некоторых поколений с низким уровнем образования. Причем женщины с общим образованием становятся одинокими начиная с более ранних возрастов, чем женщины с высшим образованием.

В разрезе поколений (от старшим к младшим) наблюдается тенденция роста числа тех, кто состоит в бездетных союзах. Это может быть показателем того, что пара не торопится заводить ребенка, что ребенок не является обязательным условием/причиной вступления людей в союз, что появляются те, кто осознанно не хотят иметь ребенка или иметь, но значительно позже.

Таким образом, проанализировав только хронограммы, мы можем сделать следующие наблюдения:

1. Значительную часть своей молодости мужчины посвящают достижению социоэкономических событий, тогда как женщины гораздо раньше и активнее начинают выстраивать демографическую карьеру. Тем не менее, к 35 годам среди мужчин больше тех, кто имеет ребенка и состоит в отношениях.

2. Молодежь гораздо активнее предыдущих поколений вступает в сожительства и заводит в них ребенка. А также вступает в союзы и не заводит ребенка продолжительное время.

3. Откладывание всех видов событий (или более длительное их достижение, как, например, образования) наблюдается не при движении от более старших поколений к более молодым, а при движении от менее к более образованным.

4. Социоэкономические биографии людей с высшим образованием и более низкими уровнями зеркальны: более высокообразованные, в среднем, сначала переезжают от родителей, учатся, а потом трудоустраиваются, менее образованные – наоборот.

1. Kaa D.J. van de Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. (42). С. 3–57.

2. Семенова В.В. *Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии М.: Новое Литературное обозрение*, 2005. 80–107 с.

3. Abbott A., Tsay A. *Sequence Analysis and Optimal Matching Methods in Sociology: Review and Prospect // Sociological Methods & Research*. 2000. № 3 (29).

4. Aisenbrey S., Fasang A. *Beyond optimal matching: the 'second wave' of sequence analysis // New Haven: Center for Research on Inequalities and the Life Course, Yale University*. 2007.

5. Aisenbrey S., Fasang A.E. *New Life for Old Ideas: The «Second Wave» of Sequence Analysis Bringing the «Course» Back Into the Life Course // Sociological Methods & Research*. 2010. № 3 (38). С. 420–462.

6. Billari F., Piccarreta R. *Analyzing Demographic Life Courses through Sequence Analysis // Mathematical Population Studies*. 2005. № 2 (12). С. 81–106.

7. Billari F.C. *Sequence Analysis in Demographic Research // Canadian Studies in Population*. 2001. № 2 (28). С. 439–458.

8. Gabadinho A. [u op.]. *Analyzing and visualizing state sequences in R with TraMineR // Journal of Statistical Software*. 2011. № 4 (40). С. 1–37.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Моргунов Е.В. (Москва)

В самом общем виде культурная идентичность — это принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, народу (нации), обществу и миру в целом. В данных тезисах мы сконцентрируем внимания именно на актуальных вопросах национальной (гражданской) составляющей культурной идентичности человека (гражданина России).

1. Наиболее актуальным вопросом стратегии государственной национальной политики является разработка концепции российской (русской) гражданской нации, возможно на основе единого учебника истории. В учебнике (концепции) во-первых, должно быть четко показана роль русского народа в формировании государственности: Древнерусского государство (9-13-е века), Удельная Русь и ее объединение Москвой (13-16-е века), Русское Царство (1547-1721 гг.),

Российская Империя (1721-1917 гг.), Российская Республика (1917 г.), Гражданская Война, РСФСР (1917-1922 гг.), СССР (1922-1991 гг.), Российская Федерация (РФ, 1991 г. - по н.в). Во-вторых, в концепции (учебнике) должно быть обоснование перехода от русской к российской культурной идентичности, например с целью нивелирования узкоэтнического русского контекста государственности для других народов страны. В-третьих, РФ является светским социальным демократическим государством, поэтому упор наравне с доминирующими факторами, характерными для определенных этапов нашей государственности, должен быть направлен на примеры демократических институций, борьбы за социальную справедливость и на примеры развития науки. В целом (опираясь на Конституцию РФ и историю государства) культурная парадигма общероссийской гражданской идентичности должна зиждиться на доминировании русского языка (культуры) как исторических основ большинства граждан России, демократических институтов, светском образовании и развитии науки.

2. Вторым, связанным напрямую с первым, актуальным вопросом стратегии национальной политики, является вопрос формирования общего национального культурного самосознания. Национальное самосознание - совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации (этноса), позволяющих воспроизводить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности. Необходимо понимать, что общероссийская гражданская идентичность находится в начальной стадии культивирования. В условиях провала советской идентичности, у народов России произошел откат к религиозной и (или) чисто этнической идентичности при безусловной доминанте этнокультурной русской идентичности как самого крупного народа России. Но даже в русском народе нет единого национального самосознания. Все это является корнем межэтнических конфликтов в нашей стране. Поэтому необходим комплекс образовательно-просветительских проектов и программ. Они должны быть направлены на гармонизацию межнациональных отношений, их основой должны стать образовательные курсы, книги теле- и радиопередачи, фильмы и т.д. (в том числе и в интернет-формате), посвященные российской истории, прежде всего истории русского народа как государствообразующего, а так же истории других народов России. При этом необходимо корректное объяснение (особенно при военном присоединении) вхождения других народов в Российское государство. Другой блок образовательно-просветительских проектов и программ должен быть направлен в будущее — формирование общегражданской идентичности: светское (университетское) образование, развитие научного мышления, социальная справедливость и демократия должны быть положены в основу национального гражданского самосознания россиян и их трансляции через образовательное и медийное пространство.

3. Следующим актуальным вопросом стратегии государственной национальной политики должна стать развитие информационного обеспечения стратегии национальной политики. По аналогии, предложенной правительством Москвы, возможно создание общероссийской электронной системы «4И» - «Информационного инкубатора инновационных идей» для сбора и обработки инициативных предложений, проектов и программ от граждан РФ, общественных организаций, органов государственной власти и муниципальной власти, направленных на формирование общероссийского гражданского самосознания, воспитание культуры межнационального общения, патриотического воспитания молодежи. Также необходимо совершенствовать научно-методологическую базу формирования российской гражданской нации и мониторинг проблем в ее формировании. Основными институциями по этому направлению могут стать Российская академия наук, научные институты и вузы соответствующего профиля, государственные научные фонды: РГНФ, РФФИ, РНФ и т.д.

4. Актуальным вопросом стратегии государственной национальной политики также является подготовка кадров. Исторически сложилось, что в РФ существует разделение преподавания (вузы) и развитие науки (научные институты). Несмотря на современную политику интеграции образования и науки, это разделение до сих пор достаточно сильное. Поэтому основными направлениями повышения квалификации педагогических кадров по вопросам национальных отношений и этнокультурного развития должны стать совместные кафедры и исследования профильных вузов и научных институтов, научные стажировки, ознакомление с культурой народов России на основе приглашения выдающихся представителей и специалистов-практиков для чтения открытых лекций.

5. Еще одним актуальным вопросом национальной политики является поддержка соотечественников. Основными проблемами их поддержки является расплывчатость данного понятия и отсутствие четкой концептуальной основы. Необходимо уточнение. Например,

соотечественники — представители коренных народов России (не имеющих своего национального государства), проживающие в других странах мира. Концептуальной парадигмой поддержки может стать Концепция Русского мира. При этом основным долгосрочным мероприятием может стать поддержка добровольного переселения и получения гражданства представителей коренных народов России, проживающих за границей. Другим значимым долгосрочным мероприятием должно стать стимулирование воспроизводства российской и прежде всего русской культурной идентичности среди соотечественников на основе сети школьного и вузовского образования в странах, где есть весомая доля коренных народов России. Третье направление — консолидация общественных объединений, поддержка молодых и слабо защищенных соотечественников, развитие информационного обеспечения соотечественников.

ИССЛЕДОВАНИЕ БАРЬЕРОВ НРАВСТВЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Омельническая Н.В. (Королёв)

В настоящее время очень сильно искажена социальность человека, то есть его способность быть членом общества: люди перестают заботиться друг о друге, теряют душевность и духовность, выбирают временные ценности вместо вечных, вневременных ценностей; даже взрослые люди во многом проявляют свою незрелость, отсутствие взрослости. Тревогу по этому поводу высказывают педагоги, психологи и социологи.

Социологи, педагоги, психологи солидарны с мнением, что распространение девиантного и делинквентного поведения – отличительная черта инволюции современной России. Этот процесс несет угрозу национальной безопасности [2; 3]. Все острее встают вопросы нарастания девиации в молодежной среде. Молодежь является важным структурным элементом общества и представлена во всех его социальных слоях и группах. Становление современной молодежи проходит в сложных условиях обострения социально-экономических и политических противоречий в российском обществе, в ситуации пересмотра прежних ценностей и складывания новых норм и отношений, когда старые мировоззренческие установки уже преданы забвению, а новые еще не сформировались. Современное состояние культуры, получившее эпитеты «постмодернистской», «рефлексивного модерна», «радикального модерна», по мнению З. Баумана и других ученых, характеризуется распадом универсальной «арочной морали», ценности и нормы которой постепенно утрачивают императивность и общезначимость, становятся объектом рефлексивного осознания и индивидуального выбора. З. Бауман утверждает, что в современном обществе человек обречен жить в состоянии постоянных моральных дилемм, неразрешимых в силу отсутствия универсального рационального порядка [1]. Этика убеждения, предусматривающая беззаветную веру в неизменные ценности, или этика служения, базирующаяся на чувстве долга, теряют свою актуальность, уходят в прошлое и больше не могут быть основанием для принятия нравственных решений, так как все существующие нормы и ценности, социальные иерархии приобрели относительный характер.

На этом фоне актуальный характер приобретают проблемы нравственной социализации молодежи. Нравственная социализация является важнейшей категорией социологии морали и определяется как процесс усвоения индивидом нравственных норм и принципов, интериоризации нравственных категорий и ценностей общества [4; 5]. Она представляет собой двухсторонний процесс, который включает в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта, а с другой стороны – активное воспроизводство индивидом системы социальных связей в результате вхождения в социальную среду.

Исследование проблем нравственной социализации дает основание утверждать, что ее реализация предполагает преодоление определенных преград, препятствующих данному процессу, которые мы определили как барьеры нравственной социализации [5]. Они различаются, тем, на каком уровне распространяются в пространстве: на общемировом, государственном или на уровне молодежи как социальной группы. Барьеры нравственной социализации на общемировом уровне обусловлены процессами, происходящими в мире и имеющими универсальный характер. Эти процессы отметил и проанализировал З. Бауман. К ним относятся: 1) распад универсальной морали, универсальных ценностей и норм; 2) трансформация и краткосрочность всех социальных связей; 3) хроническая аномия как ценностно-нормативный вакуум; 4) ориентация на новое, часто противоположенное существующим в обществе формам знания, поведения, эстетического самовыражения.

Для культурно-нравственной позиции современной молодежи характерна потребность в новых формах знания, поведения, постоянных вызовах существующим институтам культуры и закреплённых ими формам деятельности. Для удовлетворения этой потребности молодежь часто прибегает к эпатажным, авангардистским формам и способам самовыражения. Кроме указанных выше общемировых тенденций социокультурного развития общества, преобразующих этику ответственности в духовно-нравственной позиции молодежи, существует целый ряд специфических российских тенденций, создающих барьеры на уровне государства. Они опосредованы реформами, проходящими на протяжении более двадцати лет, а также спецификой культурно-исторического развития России. Согласно результатам социологических исследований, для современных россиян, в том числе и для молодежи, характерна утрата ощущения сопричастности к происходящему, чувства идентификации со своей страной, ее историей и культурой, что приводит к нежеланию брать на себя ответственность за происходящее.

Новые барьеры на пути к нравственной социализации молодежи на уровне государства создают следующие факторы: отсутствие четко сформулированных целей реформирования и модернизации российского общества; в условиях отрицания не только коммунистической идеологии, но нравственного базиса советской культуры, отрешение от целенаправленного формирования и поддержания общечеловеческих ценностей; отсутствие общепринятых социокультурных, в том числе и моральных, критериев, на основании которых можно было бы оценивать завершенность процесса социализации молодежи.

Вышеозначенные проблемы создают барьеры нравственной социализации молодежи на уровне социальной группы: транзигцию, склонность молодых людей к неоправданному риску; инфантилизацию молодежи; подрыв этики ответственности. Транзигция как особенность молодого поколения заключается в состоянии перехода от одного жизненного этапа к другому, предусматривающем поступательное изменение социального положения, в ходе которого происходит достижение социальной зрелости. В процессе транзигции происходит переход от ранней юности с ее безответственностью к формированию ответственности, присущей взрослому человеку. Сформированная ответственность распространяется как на личную жизненную траекторию, так на ближайшее окружение, и на общество в целом. Желание молодых людей обрести независимость от социального мира взрослых, сформировать собственную сферу свободы самовыражения проявляется в таком социальном феномене как молодежная культура. Это понятие ввел в науку американский социолог Т. Парсонс [6]. По его мнению, современные институты социализации, такие как школа, вуз и другие, способствуют выходу молодежи из-под традиционных семейных форм контроля и при этом оставляют большое пространство досуга, свободного времени, не отягощенного самостоятельной хозяйственной и общественной деятельностью, а зачастую и необходимостью заботиться о самообеспечении. Поэтому подростковый период он назвал «структурированной безответственностью» [6].

Нередко педагоги и психологи сетуют на безответственность молодых людей, которая имеет повседневные проявления в нежелании планировать собственный жизненный путь, проявлять активную заботу о близких, в желании жить «одним днем», в противопоставлении личного и общественного, в стремлении к гедонистическому образу жизни и т.д. Обозначенные проблемы свидетельствуют об актуальности и сложности нравственной социализации молодежи и необходимости решения данной задачи. Нравственная социализация молодежи не может осуществиться сама по себе, этот процесс требует активной и целенаправленной деятельности различных акторов (семьи, школы, вуза, СМИ и т.д.) и разработки соответствующих механизмов социализации. Предложенная выше классификация может способствовать адекватному выбору акторов и механизмов нравственной социализации молодежи.

1. Бауман З. *Текущая современность*. – М.: Питер. – 2008.
2. Кирилина Т.Ю. *Проблема управления процессом трансляции духовно-нравственных ценностей в современном обществе. Материалы Афанасьевских чтений*. – 2015. – Т. 1. – № 13. – С. 269–277.
3. Кирилина Т.Ю. *Социология морали. Учебник*. – М.: ИИФРА-М, 2013.
4. Кирилина Т.Ю., Омельницкая Н.В. *Демографическая ситуация и ценностные ориентации молодежи в современной России. России Вопросы региональной экономики*. – 2013. – Т. 14. – № 1. – С. 24–29.
5. Кирилина Т.Ю., Бузмакова Т.И., Кирилина Н.А., Омельницкая Н.В., Ткаченко А.В. *Трансформация духовно-нравственных ценностей в условиях становления гражданского общества в современной России. В книге: Социально-гуманитарное знание как ресурс формирования гражданского общества в России // Кирилина Т.Ю.,*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ (ПРИМЕР АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Омельченко Д.А. (Барнаул)

Актуальная ситуация в России и мире характеризуется усилением интереса к идентификационным процессам, определяющим самовосприятие этнических общностей и выступающими основой для взаимопонимания и конструктивного взаимодействия между народами внутри страны и отдельными государствами. Указанные процессы были исследованы с помощью методики, сочетающей методы репертуарных решеток (Fransella, Bell, Bannister, 2004) и семантического дифференциала (Osgood, 1964, 2013). Десять этнических групп – «Русские», «Европейцы», «Азиаты», «Славяне», «Народы Кавказа», «Народы Средней Азии», «Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего востока», «Мигранты», «Народ, дружественный моему народу», «Народ, враждебный моему народу» оценивались с помощью биполярных семибалльных шкал, описывающих эмоционально-оценочные характеристики образа, особенности менталитета, характеристики национальной культуры, поведенческие характеристики межэтнических и межкультурных взаимодействий, степень идентификации.

В исследовании, проведенном в Алтайском крае в 2015 году на основе комбинированной (квотной и маршрутной) выборки было опрошено 212 респондентов, в том числе 46,2% мужчин и 53,8% женщин. Возраст респондентов, варьировал от 15 до 75 лет, средний возраст составил 41,9 года, около 86% респондентов идентифицировали себя с русскими, оставшиеся респонденты имели смешанную, иноэтническую или неопределенную идентичности.

Анализ вариабельности средних значений по шкалам дескрипторов позволил составить общие профили ролевых позиций. В оценке «Русских» респонденты практически не использовали отрицательные полюса, этот образ был оценен как «свой», «близкий», «похожий на меня», «вызывает симпатию, уважение». Образ «Славян» в сознании респондентов ассоциировался с отвагой и открытостью характера, сдержанностью, способностью к критичному мышлению, смекалкой, житейской хитростью. Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего востока воспринимались как миролюбивые и безопасные, вызывающие симпатию и уважение, смелые.

Образ «Европейца» оценивался респондентами как привлекательный, но несовместимый с характером и менталитетом большинства респондентов. Ролевая позиция «Народов Кавказа» являлась одной из наиболее противоречивых, и помимо характеристик чуждости, включала характеристики агрессивности и нетерпимости, консервативных взглядов и стремления к обладанию превосходством. «Народы Средней Азии» ассоциировались с дружественностью и миролюбием. Отношение к «Мигрантам» было достаточно доброжелательным, сопряженным с чувством собственного превосходства, жалости и сочувствия. Референтная позиция «Народ, дружественный моему народу» была оценена как «своя», вызывающая симпатию и уважение, дружественная, миролюбивая и безопасная. Оценки позиции «Народа, враждебного моему народу» естественным образом являлись сосредоточием негативных характеристик.

Сопоставление некоторых когнитивных измерений, в частности индекса интенсивности, мер расстояний и результатов кластерного анализа, позволило выделить группы позиций, максимально близких, или наоборот далеких друг от друга. Одну группу составили позиции, минимально дистанцированные друг от друга («Русские», «Дружественный народ», «Славяне» и «Малочисленные народы Севера»), в другую группу вошли все оставшиеся элементы, объединявшиеся в следующем порядке в ходе кластеризации: «Мигранты» и «Народы Средней Азии», «Жители Кавказа», к которым на последних этапах были присоединены «Европейцы» и «Народ, враждебный моему народу». Средний коэффициент интенсивности составил 0,23, наименьшей интенсивностью обладали позиции «Европейцев» (0,13) и «Жителей Кавказа» (0,15), что свидетельствовало об уникальности их образов, их более четкой идентификации по сравнению с остальными.

В результате факторного анализа было выделено три значимых фактора – оси категоризации элементов, описывающих 56,6%, 27,7% и 10,4% дисперсии переменных. Первый фактор ($\lambda=12,5$) являлся фактором общей оценки, детерминирующим положительное или

отрицательное восприятие этнических позиций. Смысл второго фактора ($\lambda=6,1$) задавался дескрипторами, описывающими социально-экономическое положение, культурный уровень, тип мышления и поведения. Третий фактор ($\lambda=2,3$) фактор раскрывал особенности современных западных или традиционных восточных цивилизационных культур и соответствующих типов ментальности (рациональной западной и преимущественно интуитивной и эмоциональной восточной).

Расположение ролевых позиций в семантическом пространстве позволяло оценить особенности этнической идентификации в свете представлений и смысла, задаваемого главными факторами, в различных социально-демографических группах. Так для семантического пространства молодежи до 30 лет было характерно придание позитивных характеристик «Европейцам», обладающих в сознании молодежи большим благосостоянием и высоким социальным статусом, но этом эмоционально и ментально более далеких, не вызывающих положительной идентификации (отчасти в силу удаленности региона от европейской зоны России). Группу респондентов 30-49 лет отличала более высокая оценка комплекса позиций «Русские-Славяне-Народ, дружественный моему народу», сближающегося по второму фактору с «Европейцами» и более пессимистическая оценка представителей народов Средней Азии, воспринимающихся как более зависимые, социально и экономически неблагополучные. Для старшего поколения (50-75 лет) была характерно приписывание негативных характеристик позициям, получившим более низкие оценки по идентификационным критериям.

В группе русских респондентов оппозиция «свой – чужой», лежащая в основе этнической идентификации и самоопределения составляла не только основу первого фактора, но и определяла значительную часть смысл второго фактора. Вследствие этого, в семантическом пространстве часть позиций перемещалась в сторону более высоких значений по второму фактору. В частности, позиция «Народа, враждебного моему народу» получила характеристики более благополучной и образованной, тогда как в других группах она была однозначно локализована в зоне отрицательных значений. Особенности семантического пространства респондентов с иноэтнической идентичностью являлись перемещение позиции «Мигрантов» зону положительных значений и сближение «Народов Кавказа» с «Народом, дружественным моему народу». «Народ, враждебный моему народу» ассоциировался с представителями азиатских национальностей, тогда как «Европейцы» выступали в качестве эталона по уровню обеспеченности и образованности, вызывающие зависть, но не идентифицировались ни с одной другой ролевой позицией.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России №28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

1. Fransella F., Bell R., Bannister D. *A manual for repertory grid technique*. – John Wiley & Sons, 2004.
2. Osgood C. E. *Semantic differential technique in the comparative study of cultures* // *American Anthropologist*. – 1964. – Т. 66. – №. 3. – С. 171-200.
3. Osgood C. E. *Lectures on language performance*. – Springer Science & Business Media, 2013. – Т. 7.

МУЛЬТИСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Павенков О.В. (Санкт-Петербург)

Доклад посвящен анализу методологических возможностей и ограничений мультисемиотического анализа религиозного дискурса (на примере фотографий патриархов Православной церкви). Мультисемиотика исследует, как мультимодальные ресурсы используются в конкретных исторических, культурных и институциональных контекстах, и как люди говорят об них в этих контекстах (Van Leeuwen, 2005: 3). Наша работа посвящена анализу одной из известных мультисемиотических концепций – концепции Гюнтера Кресса и Тео ван Леувена. Имеющая марксистское происхождение, мультисемиотическая концепция Кресса и ван Леувена получила широкое распространение в зарубежной литературе, стала основой социологического и социолингвистического изучения фотографий, диаграмм, презентаций, рекламных плакатов, любой визуальной продукции. На страницах своих работ авторы неоднократно высказывали сомнения, насколько их концепция, выросшая из западных практик, может быть применима для анализа изображений за пределами западного мира. Некоторую неуверенность у них вызывал и

универсализм их концепции, применима ли она к специфическим изображениям, в том числе религиозным фотографиям. В целях ответа на данные вопросы было проведено исследование восприятия фотографий патриархов православной церкви российскими и индийскими зрителями. Данные включают 526 официальных фотографий патриархов (далее корпус фотографий). Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе, были созданы две группы кодеров (два индийских и двое российских кодеров). Две группы кодеров независимо друг от друга кодировали полный корпус фотографий. На втором этапе, были проведены полуструктурированные интервью с кодерами с целью определения проблем, с которыми они сталкивались во время кодирования. На третьем этапе, кодеры выбрали четыре фотографии, показавшие наибольшие расхождения в кодировании, для проведения формализованного интервью с респондентами. Сорок четыре респондента (22 российских и 22 индийских студента) изучили эти фотографии и ответили на вопросы. Проверка надежности была выполнена с помощью коэффициентов Каппа к Коэна и альфа Кrippendorфа. Обработка данных была выполнена в программе SPSS. Результаты показывают, что мультисемиотическая концепция в целом может предоставить инструменты для анализа фотографии, соотнесенных с различными культурами и религиозными практиками. Однако исследования выявили и необходимость уточнения как положений концепции, так и методики исследования. Концепты английского языка, используемые для кросс-культурных исследований в рамках данной концепции, оказались в значительной мере обусловлены англосаксонской культурной традицией. В результате возникло расхождение в понимании концептов представителями разных культур, в то время как представители одной культуры показали значительное сходство в понимании концепта. Это означает, что в предложенном виде мультисемиотическая концепция Кресса и ван Леувена не может быть базой сравнительных кросс-культурных исследований. Однако относительно небольшое уточнение концептов, их более тесная связь с «геометрией пространства», от которой и отталкивались Кресс и ван Леуен, позволили более точно определить различия в восприятии изображений на фотографиях, а не концептов, с помощью которых эти различия описываются. Предложенные в докладе рекомендации, уточняющие мультисемиотическую концепцию Кресса и ван Леувена и основанную на ней методику исследования, могут быть полезны при исследовании кросс-культурной мультимодальной коммуникации в рамках визуальной социологии и социологии культуры и духовной жизни.

1. Barthes, R., 1981. *Camera Lucida*. New-York: Hill and Wang.
2. Barthes, R., 1964. *Rhetoric of the Image*. In Roland Barthes: *Image - Music - Text*, ed. Stephen Heath. London: Fontana Press.
3. Barthes, R., 1965. *Elements de semiologie*. In Roland Barthes: *Oeuvres completes*, Eric Marty (eds). Vol. 1. Paris: Editions du Seuil, 1993.
4. Behshad A. & Ghaniabadi S. 2015. *Visual Analysis of Magazine Covers*. *International Journal of Linguistics*. 7(5): 20-32.
5. Breckner R., 2008. *Bildwelten – Soziale Welten. Zur Interpretation von Bildern und Fotografien*, Online-Beitrag zu Workshop & Workshow vom 23./24.11.2007, URL: www.univie.ac.at/visuellesoziologie/ (1.08.2016)
6. Halliday M.A.K. and Christian M.I.M. Matthiessen, 2014. *Halliday's Introduction to Functional Grammar* London, Routledge
7. Halliday, M.A.K. 1978. *Language as Social Semiotic*. London. Edward Arnold.
8. Halliday, M.A.K. 1971. *Language in a social perspective*. *Educational Review*, 23:3, 165-188, DOI: 10.1080/0013191710230302
9. Jewitt, C. and Oyama, R. 2001, *Visual meaning: a social semiotic approach*, in *Theo van Leeuwen & Carey Jewitt, ed., 'Handbook of visual analysis'*, Sage, London, pp. 134–156.
10. Kress G. & Van Leeuwen, T. 2001. *Multimodal Discourse. The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold.
11. Kress, G. & Van Leeuwen, T., 2006. *Reading images: The Grammar of Visual Design*. 2nd ed. London: Routledge.
12. Krippendorff, K. 2004. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. SAGE: Thousand Oaks
13. Martínez Lirola, M. 2006. *A Systemic Functional Analysis of Two Multimodal Covers*. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 19: 249-260.
14. Martínez Lirola, M and Ibáñez Castejón, L. 2014. *Multimodal approach to the image of Impoverished: a visual analysis of covers in a sample from Intermón Oxfam magazines*. *Fonseca, Journal of Communication*, n.8: 86-110.
15. Muñoz-Leiva, F., Montoro-Ríos, F.J., Luque-Martínez, T. 2006. *Assessment of interjudge reliability in the openended questions coding process*. *Qual. Quant.* 40(4): 519–537

16. Oreh E.A., 2012. *The photo of the head of the state as a tool to create an image of the soviet reality*. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12. Sociologija. 1: 192-200
17. Pavenkov O. 2014. *Contemporary linguistic analysis of the concept "love"*. Studia Humanitatis. № 4. – URL: <http://st-hum.ru/content/pavenkov-os-contemporary-linguistic-analysis-concept-love> (Accessed on: 23.07.2016)
18. Schill D., 2012. *The Visual Image and the Political Image: A Review of Visual*
19. Seale C. 2011. *Researching Society and Culture*, New-York: SAGE Publications.
20. Siegel, S., Castellan, N.J. 1988. *Nonparametric Statistics for the Behavioural Sciences*. McGraw Hill, New York.
21. Tagg, J. 2009. *The Disciplinary Frame: Photographic Truths and the Capture of Meaning*. Minnesota: University of Minnesota Press.
22. Tagg, J. 1997. "The World of Photography or Photography of the World?" Reprinted in revised form with a new introduction in Jessica Evans [ed.]. *The Camerawork Essays: Context and Meaning in Photography*. London: Rivers Oram Press, 1997: 64–73.
23. Tagg, J. 1980. "Power and Photography – Part I. A Means of Surveillance: The Photograph as Evidence in Law." *Screen Education*, 36: 17-55.
24. Tagg, J. 1981a. "Power and Photography: A Means of Surveillance." In T. Bennett, G. Martin, C. Mercer and J. Wollacott [eds]. *Culture, Ideology and Social Process*. London: Batsford/The Open University: 285-308.
25. Tagg, J. 1981b "Power and Photography – Part II. A Legal Reality: The Photograph as Property in Law." *Screen Education*, 37: 17-27
26. Tagg, J. 1988. *The Burden of Representation. Essays on Photographies and Histories*. London: Macmillan, 1988;
27. Van Leeuwen, T. 2008a. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Analysis*. London: Oxford University Press.
28. Van Leeuwen, T. 2013a. *Critical Analysis of Multimodal Discourse*. In C. Chapelle (Ed.), *Encyclopedia of Applied Linguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell.
29. Ventsel, A. 2010. *Visualization of "people" in Soviet Estonian public photographs of the Stalinist era*, *Social Semiotics*, 20:5, 593-612, DOI: 10.1080/10350330.2010.513194

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ)

Панич Н.А. (Москва)

Миграция - крайне острая тема современного мира. В той или иной степени каждый из нас сталкивался с аспектами этого социального явления. Рассматривая причины и следствия можно с большой долей уверенности говорить о том, что под воздействием миграционных процессов стало возможным рассуждать о мультикультурализме, как составляющей части современного общества. Образовательная же миграция уже давно стала важным фактором процесса глобализации. В двух наиболее авторитетных международных рейтингах – рейтинге университетов мира QS и рейтинге лучших университетов мира от The Times – в качестве одного из параметров оценивания учебного заведения присутствует доля иностранных студентов, обучающихся в нем. [4]

Привлечение иностранных студентов в высшие учебные заведения РФ – одна из задач, решение которой будет способствовать повышению места образовательных учреждений в международных рейтингах. Так, 27 сентября 2010 года Правительством Российской Федерации была одобрена Программа развития федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» до 2020г, согласно которой доля иностранных учащихся должна составить 35% от общей численности обучающихся.[5]

Иностранные учащиеся, пребывающие в Россию учиться далеко не всегда следуют своей главной цели - получению качественного образования. Результаты интервью с иностранными студентами (МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина) свидетельствуют о том, что чаще всего выбирается не та специальность, которая востребована на рынке труда, а та, которую легче получить. Поэтому стремление получить диплом («корочку») превалирует над стремлением получить знания.

Условно иностранных учащихся можно разделить на несколько категорий. Одна из категорий – те, кого на обучение отправляют родители и для которых ключевой целью является получение диплома. Обычно – это дети довольно состоятельных родителей, возможно чиновников, которые свое образование рассматривают как этап в уже сложившейся карьерной лестнице и потому не заслуживающего пристального внимания с их стороны. Поэтому такая категория иностранных учащихся фактически не посещает занятия, ничего не понимает и не стремится понять, чувствует некий иммунитет от отчисления. И все время, которое к примеру их

родители, получившие образование в далеком Советском Союзе, занимались освоением программы, данные студенты попросту тратят на себя: путешествуют, ходят в кафе, магазины, отдыхают и т.д. И даже если они будут отчислены из одного вуза за неуспеваемость, другой вуз с определенной долей вероятности возьмет их на обучение.

Следующая категория иностранных учащихся – те, которые реально хотели бы получить образование, но не могут этого сделать качественно, поскольку вынуждены работать, чтобы оплатить обучение и проживание в таком мегаполисе как Москва. Они тоже редко посещают занятия, не достаточно хорошо знают русский язык, так как работают в своей этнической группе. Тем не менее, они тоже крайне редко отчисляются из вуза по причинам неуспеваемости.

Существует еще одна категория иностранных учащихся, которые приезжают исключительно работать (как правило это те, кто уже раньше получил образование в бакалавриате, магистратуре). Получение разрешения на трудовую деятельность в РФ сопряжено с рядом трудностей как со стороны работодателей, так и со стороны самих иностранных граждан. Выходом из сложившейся ситуации является продолжение образовательного процесса в аспирантуре, на стажировке. Встречаются случаи, когда иностранные студенты по два-три раза учатся в магистратуре и в аспирантуре на разных факультетах и на разных направлениях. Преимущества такого рода образовательного - трудового процесса ощутимы: проживание в общежитии гораздо дешевле как для «студента», так и для работодателя, который не берет на себя эти расходы, учебная виза практически не вызывает вопросов со стороны миграционной службы и правоохранительных органов, фактически снимает ответственность с работодателя за нахождение его работника на территории РФ, с одной стороны, и не влечет дополнительные расходы на оформление необходимых документов для иностранного учащегося, с другой стороны, а также позволяет работодателю не учитывать в отчетности данную трудовую единицу. И, наконец, так называемые студенты уже хорошо знакомы с существующей в конкретном учебном заведении системой образования и индивидуальными траекториями решений возникающих вопросов обучения.

Необходимо отдельно выделить еще одну категорию – это иностранные учащиеся, которые приезжают по целевым направлениям, либо по гос линии [3], соответственно, обучение оплачивает направляющая сторона. Это студенты, которые наиболее ответственно относятся к учебе, поскольку понимают, что им придется отчитываться за те средства, которые были выделены государством на их обучение.

Российские вузы, прежде всего МГУ имени М.В. Ломоносова, обучающие иностранных студентов, оказываются перед сложным выбором: отчислять иностранцев за низкую успеваемость, связанную в первую очередь с плохим знанием русского языка, или снижать требования по отношению к ним, что диктуется важностью такого критерия при оценке вуза, как удельный вес иностранных учащихся в общей численности студентов. Также следует особо отметить роль российского образования и России в целом как плацдарма для освоения в дальнейшем иностранными учащимися (преимущественно гражданами КНР) европейского пространства, прежде всего культуры и языка.

Вместе с тем актуализируется комплекс проблем, связанных с адаптацией иностранных учащихся вне границ своего государства, сохранением культурной идентичности в новой для них языковой среде. В условиях меняющегося мира мы наблюдаем рост насилия, агрессии и нетерпимости в обществе [2]. Особенно часто подобное можно наблюдать в молодежной среде. Не только иностранцы, но и представители других регионов страны довольно часто встречаются с откровенно враждебным отношением к себе со стороны местных жителей. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что применение насилия в различных ситуациях считают допустимым представители всей молодежи, вне зависимости от этнической, конфессиональной и территориальной принадлежности [1. С.435-436]. Если в стенах вуза конфликты, особенно с применением насилия, происходят не так часто, то за их пределами, к сожалению, они стали уже привычным явлением. Высокий уровень агрессии заставляет иностранных студентов держаться вместе, образуя небольшие этнические группы, сохраняя при этом свои культурные традиции, прежде всего язык, затрудняя коммуникацию в инокультурной среде.

1. Филатова М.Н., Волкова Л.В. Отношение молодежи к насилию как средству разрешения межличностных и социальных конфликтов // Психология развития и стигмации личности в рамках современного общества. Материалы II

- Международной научно-практической Интернет-конференции. Система виртуальных конференций Pax Grid. Казань: ИП Синяев Дмитрий Николаевич, 2014.*
2. *Platonova, A., & Kokarevich, M. (2015). Formation of Collective Responsibility Principles in Higher Professional Education in Procedia – Social and Behavioral Sciences, 206, 434 - 439.*
 3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152929/
 4. <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015>
 5. <http://www.msu.ru/>

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Пацкевич О.В. (Горки, Республика Беларусь)

В начале 90-х годов XX века внимание ученых больше привлекали проблемы этнической идентичности, исследовавшиеся в контексте обострившихся межэтнических отношений. В последнее время растущую значимость обретают вопросы становления идентичности макросоциальных общностей, изучающиеся в контексте становления государственности, в условиях современных глобализационных процессов. Феномен глобализации оказывает неоднозначное воздействие на процессы идентификации вообще и на процесс социокультурной идентификации личности и группы. Личность есть носитель некоего базового набора идентичностей по этническому, национальному, гражданскому, профессиональному и др. признакам, которые образуют основание и вектор ее социокультурного самоопределения. Поэтому определенный набор ценностей, норм, ориентиров передается из поколения в поколение, и без этой преемственности поколений общество не может существовать.

По мнению известного белорусского ученого Л. Н. Науменко, идентичность – одна из ключевых категорий, в которой находят отражение перемены современного общества [1]. Наиболее полное определение, отражающее суть данного понятия, дает другой отечественный исследователь В. И. Русецкая. Она считает, что идентичность – это та категория, которая наиболее полно отражает динамическое единство личности, ее целостность, а также процесс усвоения социального опыта, в ходе которого у человека формируются представления о себе, на основе которых он действует. Специфика социокультурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком (группой) определенных социокультурных образцов, достижение которых происходит в процессе идентификации [2].

Проблема белорусской идентичности состоит в становлении и сохранении национальной идентичности в условиях современных глобализационных процессов. Суть этой проблемы выражается в изменяющемся характере белорусской идентичности, который обусловлен, с одной стороны, преобразованиями современного белорусского общества в ходе обретения и укрепления государственной независимости, а с другой стороны – глобальными изменениями форм социальности в современном мире.

В качестве важных эмпирических индикаторов белорусской идентичности Л. Н. Науменко выделяет чувства принадлежности, приверженности и общности с группами, презентующими каждую из базовых составляющих идентичности, таких как этническая (белорусы и др.), территориальная (жители Беларуси), культурная (представители белорусской культуры). Каждое из этих чувств отражает разную степень коллективной субъектности, а также потенциал перехода идентичности с индивидуального к групповому (коллективному) уровню, от осознания принадлежности к группе (идентификации с ней), через общность (единение) с нею к преданности (приверженности) ей.

Сущность белорусской идентичности раскрывается в чувствах принадлежности и приверженности людей своей стране Беларуси, причастности к ее жизни; общности с ее на-родом, его культурой и историей. В качестве базовых компонентов белорусской идентичности следует выделить такие ее составляющие, как территориальную, гражданскую, этническую и культурную субидентичности. Это выделение обусловлено их распространенностью, актуализацией, устойчивостью в массовом сознании населения республики и тесной взаимозависимостью между ними. Структура белорусской идентичности многокомпонентна. Ее содержание преломляется через разделяемые народом Беларуси общие представления, смыслы, идеи, чувства, цели, идеалы и образы.

Важным основанием определения социокультурной идентичности белорусов является их географическое положение и язык общения, а также межпоколенческая передача социокультурных ценностей и традиций, иначе определяемая как межпоколенческая идентификация.

Необходимо отметить, что проблема социокультурной идентичности тесно связана с проблемой этнической и национальной идентичности как базовыми факторами, формирующими среду, в которой индивид оказывается благодаря самому факту своего рождения. В связи с этим интересным представляется анализ ответов респондентов на вопрос «Кем Вы себя осознаете прежде всего?». Проведенное исследование институтом социологии НАН Беларуси свидетельствует о том, что идентифицируют себя с людьми белорусской национальности в полной мере 36,0% респондентов; 36,8% – не осознают такой принадлежности, 13,1% – затруднились ответить на данный вопрос.

Следует учитывать, что белорусский язык содержит в себе значительное количество заимствований из польского, украинского и русского языков. Кроме того, по данным многих исследований владение белорусским языком не является основным условием причисления себя к белорусскому этносу. Этот фактор и определяет особенности социокультурного развития белорусов, которые выражаются в культурном, религиозном, психологическом взаимодействии различных социокультурных образцов.

Изучению вопросов существования и распространения языков, на которых говорят жители Беларуси посвящены ежегодные мониторинговые исследования, проводимые институтом социологии НАН Беларуси. В итоге полученные социологические данные соответствуют данным статистики. В ответах на вопросы, на каком языке белорусы разговаривают: дома с родными, с близкими друзьями, с соседями, с земляками, с коллегами по работе, с незнакомыми людьми в общественных местах респонденты отдали предпочтение общению на русском языке – 60-66%. «Местным», т. е. смесью белорусского, русского и польского языков, пользуется 22,4% до 32,2% в зависимости от сферы общения. Литературный белорусский язык имеет очень небольшой ареал распространения (от 1,6% до 3,6%).

На выявление факторов, в наибольшей степени объединяющих жителей Беларуси, было направлено исследование, проведенное в июне 2013 г. Институтом социологии НАН Беларуси. В результате фактором, наиболее объединяющим жителей Беларуси, названо гражданство (91,3%), свидетельствующее о факте принадлежности человека к той или иной социальной общности – государству. Значимость культуры, традиций отметили 86% респондентов. Они оцениваются населением выше, чем национальность, происхождение (84,3%), патриотизм (81,1%), общая история (85,8%), религия (78%), менталитет (78,2%), язык (76,8%). В результате проведенного исследования выяснилось также, что знание и использование языка как одного из условий идентификации себя с белорусским этносом, не является определяющим фактором, так как ему предпочтение отдали менее 9% опрошенных. Большинство населения уверено, что в Беларуси нет дискриминации по языковому признаку. Так, результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что более, чем половине респондентов (51,6%) неизвестны факты дискриминации граждан Беларуси по языковому признаку, 17,8% – скорее неизвестны, 10,0% – скорее известны, 6,1% – известны, 13,2% – затруднились ответить на данный вопрос.

Важным обстоятельством, определяющим особенности социокультурной идентичности белорусов, является система традиций народа, которая непременно включает в себя обряды и обычаи, отражающие представления о мире, связанные с календарным годом, местом проживания и способами организации быта (хозяйства, кухни, костюма и т. п.). В условиях существования на перекрестке нескольких близких славянских культур Беларусь испытывает культурное влияние традиций не только белорусского этноса, но также и других – русского, польского, украинского. Это находит свое отражение в традициях, обрядах и обычаях, которые определяют характер взаимоотношений человека и социальной общности.

Передача традиционных ценностей из поколения в поколение всегда осуществлялась посредством не только семейного воспитания. Комплексный процесс воздействия на формирование личности обеспечивал трансляцию как национальной компоненты, так и общечеловеческой сущности традиционных ценностей. Поэтому социальные качества людей, постоянно находящихся в едином культурном и информационном пространстве, могут передаваться от поколения к поколению только под воздействием влияния семейных ценностей. Так, на вопрос о том, кто должен заботиться о духовно-нравственном развитии общества, 72,9% респондентов отметили, что семья; 47,5% – учреждения образования и культуры; 30,1% – церковь; 26% – органы государственной власти и управления; 21,1% – СМИ. Очевидно, на институт семьи возлагается основная ответственность о духовно-нравственном развитии общества. Однако здесь ощущается влияние различий в структуре межпоколенческой идентификации. Например, в регионах пограничья, в частности белорусско-польского, для которого характерен плюрализм мнений,

культур, идеологий, новые поколения в меньшей степени, чем представители старших поколений, стремятся к сохранению традиционной культуры.

Таким образом, проблема социокультурной идентичности имеет свою специфику на территории Беларуси. С целью ее изучения институтом социологии НАН Беларуси неоднократно проводились мониторинговые исследования. Так, их результаты показали, что количество респондентов, отождествляющих себя с лицами своей национальности, с 2007 по 2013 г. возросло с 23,5 до 79,45 от общего числа опрошенных. Точно такая же ситуация обстоит и со значимостью гражданской идентичности – количество идентифицирующих себя с гражданами Беларуси увеличилось с 37,3 до 84,0% от общего числа опрошенных.

1. Русецкая, В. И. *Формирование социокультурной идентичности личности в современном обществе* / В. И. Русецкая // *Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* – 2013.–№1.– С. 105-109.

2. Науменко, Л. И. *О содержании белорусской идентичности* / Л. И. Науменко // *Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси. Социологический анализ. Сборник научных трудов. Выпуск 6.* – Минск: Экоперспектива, 2005.

СОЦИОЛОГИ О СТУДЕНЧЕСТВЕ

Петрова Т.Э. (Москва)

На рубеже XIX-XX вв. в России рост численности студентов вузов определялся растущим интересом общества к техническому образованию, революционными событиями 1905-07 гг., а также приростом негосударственного сектора российской высшей школы. Начиная с 1905 года постоянно возникали негосударственные вузы (как общественные (филантропические), так и частные (коммерческие) учебные заведения). Основу их контингента составляли женщины, выпускники, как правило, не приравнивались к дипломированным кадрам. Выход студенчества на арену российской общественной жизни неизбежно привлек к нему внимание исследователей.

К этому времени завершился процесс становления статистики как самостоятельной отрасли науки. Многие исследователи (З.Т. Голенкова, В.А. Мансуров, И.А. Голосенко) считают, что эмпирические основания социологии и на Западе, и в нашей вызревали в недрах статистики. Публикации отчетов об итогах эмпирических исследований в социологических журналах со временем заполнили их на четверть.

Поскольку значительную долю этих публикаций составили отчеты о проведении так называемых студенческих самопереписей, к этому периоду можно отнести зарождение социологии студенчества в России. Студенческие самопереписи – это специальные статистико-социологические обследования студентов, проводившиеся для изучения положения студентов при помощи массовых фактических данных. Зачастую самопереписи осуществлялись самими студентами по инициативе и под руководством преподавателей, а в некоторых случаях проводились ими самостоятельно. В период с 1872 г. по 1917 г. было проведено свыше 80 студенческих самопереписей в различных вузах (15 изданы в виде брошюр, 35 – фрагментов в периодической печати, остальные известны по упоминаниям).

На дореволюционном этапе развития социологии студенчества выделяются различные направления ее исследований – ведомственное и корпоративное при полном отсутствии академического (по словам В.В. Святловского, «академия почти безмолвствует...») [1]. При этом предлагаемая преподавателями самоперепись осуществляется, как правило, в моноузовском режиме, а проводимое общественной организацией исследование зачастую приобретает черты межрегионального.

На раннем этапе преобладала материально-бытовая проблематика самопереписей, после 1905 года - комплексная. В основу их методологии был положен метод, называемый К.М. Тахтаревым статистико-социологическим [2]. Практически все самопереписи производились методом «самосчисления» (раздаточного анкетирования), в основном анонимно, хотя при этом организаторы осознавали как преимущества, так и недостатки этого способа.

Во втором десятилетии XX века развернулась полемика между сторонниками и противниками психологизации опросников: Е.П. Радин утверждал, что весь смысл анкеты не в статистической точности, а в психологической цели, которую она себе ставит [3], а А.А. Кауфман возражал, что вопросы об отношении к Богу, к людям и жизни почти не поддаются статистическому учету, а если и бывают попытки их усчитать, то научное значение полученных

выводов будет более чем сомнительным, по причине философского содержания этих вопросов, трудности определения границ и неясности их содержания [4].

Среди организаторов самопереписей была распространена установка на проведение сплошных обследований, однако зачастую производились не вполне репрезентативные опросы на случайной выборке. При обобщении и анализе собранной социальной информации в основном использовались способы обработки материала, апробированные земской статистикой (простые и перечневые, группировочные и комбинационные таблицы, контент-анализ). По мере накопления социальной информации о проблемах студенчества начали использоваться приемы вторичного анализа. Многие из организаторов самопереписей полагали, что необходимо производство аналитической анкеты, по возможности, во всех вузах, а также чтобы впредь устраивалось регулярное производство переписей (через 5 лет).

Интерпретация обобщенных данных самопереписей осуществлялась преимущественно с использованием подходов генетической социологии: подчеркивались, с одной стороны, неразрывная связь представителей студенчества с социальными слоями, выходцами из которых они являются, определяющее воздействие на их духовный облик семьи, школы, социального окружения, с другой стороны, адаптация их социального облика к специфике интеллигенции. К важнейшим чертам социокультурного облика российского студенчества на рубеже XX века можно отнести фиксированное возрастное соотношение между представителями различных профессиональных отрядов студенчества; большую привилегированность социального состава универсантов и аграрников, его демократизм – у технологов и курсисток; преобладание в среде универсантов и курсисток прагматической образовательно-профессиональной ориентации; наличие у каждого второго студента личного заработка (универсанты зарабатывают квалифицированным творческим трудом, технологи применяют специальные знания, курсистки выполняют литературную работу); величина дохода у юристов больше, чем у гуманитариев. Каждый второй студент имеет расстроенное здоровье, более половины употребляют никотин и алкоголь, их отличает отзывчивость, восприимчивость, вдумчивость отношения к социальной ситуации в России. Двое из трех студентов осознают свою политическую принадлежность, читают Л.Толстого, К.Маркса, Ч.Дарвина, Д.Писарева, Н.Михайловского.

Первая мировая война, Октябрьская революция и гражданская война нанесли серьезный урон высшему образованию в России. Реорганизация старой и строительство новой высшей школы велась на принципах ликвидации ее сословности, подчинения Советской власти, демократизации вузов, перехода их работы на марксистско-ленинскую методологию, ликвидации разрыва между теоретическим обучением и практикой, максимального приближения подготовки кадров и научной работы к нуждам социалистического строительства. В первые два десятилетия Советской власти развитие социологии студенчества шло по накатанной. Молодежь оказалась в эпицентре внимания исследователей (ей было посвящено более 300 научных публикаций [5]), поскольку повышенный уровень ее грамотности позволял проводить опросы, а интереса к особенностям социального облика первого поколения советских людей был обострен.

В рассматриваемый период было проведено более десяти эмпирических социологических исследований российского студенчества (в 1922 г. в Московском Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова под руководством И.Гельмана, в 1923 г. в Пермском университете под руководством проф. М.И. Альтшулера, в 1925 г. в Вятском педагогическом институте им. В.И. Ленина под руководством В.А. Танаевского, в 1925 г. в Московской Тимирязевской сельскохозяйственной академии под руководством А.Васильева, в 1926 г. во 2-м МГУ под руководством М. Семенова, в 1926 г. в 14 вузах 6 регионов страны силами ЦСУ по инициативе Главпрофобра, в 1926 г. в московских вузах под руководством К.Х. Кекчеева, в 1926/27 уч.г. в Кубанском педагогическом институте под руководством Н.П. Маркова, в 1927 г. в десяти одесских вузах под руководством Д.И. Ласса, в 1927 г. в московских вузах и техникумах под руководством проф. М.М. Рубинштейна).

Постановка проблем существенно прагматизируется - большинство исследований посвящено бюджетам времени студентов в целях улучшения его использования для работы и отдыха. Крепнет ведомственное направление исследований, слабеет корпоративное, громче заявляет о себе академическое (в лице, например, Педологического Отдела Научно-Педагогического Института Методов Школьной работы), что приводит к появлению межрегиональных сравнительных исследований.

Исследования бюджетов времени студентов породили комплекс методов сбора социальной информации: своеобразное сочетание самонаблюдения, ретроспекции и различных модификаций

метода опроса – от самосчисления (анкетирования) до экспедиционного варианта опроса (формализованного интервью), обобщение их результатов производится при помощи методов не только корреляционного и факторного, но и кластерного анализа, а их интерпретация зиждется на положениях генетической социологии.

Данные исследований свидетельствуют, что на протяжении первого советского десятилетия механизм воспроизводства социокультурной общности российского студенчества находился в нестабильном состоянии. Студенчеству живется нелегко - они не только страдают от недосыпания, но спят очень нерегулярно. Определелись основные оси дифференциации студенчества: возрастная, гендерная, семейная, партийная, проявляющиеся в отношении к занятиям, общественной работе. По отношению к бюджетам времени рабочих и крестьян у студентов перевес расходов на общественную работу и недобор по части отдыха. Работа для заработка является неотъемлемой частью образа жизни студенчества, это особенно верно по отношению к женщинам, семейным, беспартийным. Слишком мало времени уделяют студенты физической культуре, с отдыхом у них дело обстоит не лучше. Питание студентов недостаточно по количеству приемов пищи и особенно плохо в смысле регулярности. Каждый третий отличается слабостью здоровья, в массе своей студенты характеризуются неустойчивой психикой, регулярно употребляют алкоголь, никотин, наркотики. Большинство стремится к качественному образованию, интересуется научной и художественной литературой, ценит дружеское общение, любовь, считает себя скорее мечтателями, идеалистами, чем прагматиками.

1. Святловский В.В. Студенческие переписи в России. Краткий исторический очерк. – Студенчество в цифрах. С-Пб, 1908 г. С.39.
2. Тахтарев К.М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг., 1917, с. 15
3. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб, 1913, с. 2-3.
4. Слушательницы С.-Петербургских женских (Бестужевских) курсов (по данным переписи-анкеты, выпущенной статистическим семинарием в 1909 г.). СПб, 1912, с.109.
5. Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Н. Тагил, 1995, с. 63.

ФОТОГРАФИИ КАК СРЕДСТВО САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Пименова О.И., Перетькина С. А. (Екатеринбург)

В последнее время социальные сети стали одним из наиболее популярных каналов коммуникации, о чем свидетельствуют данные рейтингов. В частности социальная сеть «ВКонтакте» стабильно находится в тройке лидеров интернет-проектов в России, а ее основной аудиторией является молодежь. [6]

В рамках данного исследования нас интересуют социальные сети не просто как канал повседневного общения, но как средство самопрезентации. Мы остановились на аудитории старших школьников как объекте исследования. Методом глубинного интервью мы опросили учащихся 10-11 классов (N=30, г. Новоуральск, 2016 г.). Выбор подростков в качестве объекта был обусловлен специфическими характеристиками, которые создают ее внутреннюю противоречивость и детерминируют процессы самопрезентации.

Во-первых, это гибкость и мобильность ориентиров, установок, жизненных приоритетов подростков, качественный пересмотр ими своей идентичности, склонность к идеализации и абсолютизации жизненных стремлений. [1] Во-вторых, это зависимость от родителей, от мнения «значимых других» и одновременное обостренное желание быть независимым, самостоятельным и взрослым, или хотя бы казаться таковым. [2] Согласно Дж. Марсии, именно в данный период происходит достижение идентичности, когда индивид начинает сознательно понимать, к какой группе он хочет относиться, какую социальную нишу занимать.[5] Однако подростки еще не имеют своих собственных статусно-ролевых позиций в структуре общества, данные позиции определяются статусом родителей. При этом в силу озвученных выше особенностей не всегда позиция родителей признается подростком авторитетной и в идеале желаемой. В таких ситуациях он стремится сконструировать свой статус (как правило, подросток определяет его довольно абстрактно, в категориях успеха) и продемонстрировать его значимым другим, располагая для этого определенным набором ресурсов. Проблема же в том, что зачастую этих ресурсов бывает

недостаточно для воссоздания в идеале желаемой статусной позиции и презентации ее окружающим.

Пробел в объеме необходимых ресурсов способны восполнить социальные сети. Для подростка социальные сети – это пространство для конструирования модели собственной, отчасти идеализированной, социальной реальности, в которой они позиционируют себя желанным образом. Социальные сети дают подростку возможность имитировать и симулировать желаемые статусно-ролевые характеристики и презентовать их аудитории «значимых других». В случае с социальными сетями такой аудиторией являются подписчики подростка. Как показало наше исследование, подростки зачастую не авторизуют своих родителей и родственников, их подписчиками являются приятели, дальние знакомые, знакомые знакомых. Исходя из этого, демонстрируемая подростком информация о себе может быть в некотором роде нереальной, но восприниматься другими истинной, поскольку истину знает очень ограниченный круг лиц.

В качестве наиболее популярного средства самопрезентации в сети сегодня выступает фото-контент. Отчасти это связано с клипизацией мышления подростков, которые все чаще предпочитают информацию иллюстративную, требующую с их стороны меньших затрат на ее производство и восприятие в условиях информационного профицита и высокой скорости сменяемости информационных потоков.

Размещая свои фотографии в социальной сети, пользователь невербально презентует себя другим. Стоит заметить, что согласно И.Гофману самопрезентация – это управление впечатлениями окружающих о себе через создание определенного образа, в котором важна его символическая составляющая (иногда далекая от реальности, но помогающая при этом конструировать желаемую картину), – это внешний вид, обстановка, одежда, манеры.[3] Все эти составляющие легче всего визуализировать на фотографии.

Примечательно, что прежде чем быть опубликованными, фотографии проходят отбор. Света, здесь есть какие-нибудь подтверждения из интервью? Подросток зачастую осуществляет тщательную селекцию фото-материалов так, чтобы они демонстрировали его с лучшей стороны, с которой он хочет, чтобы видели его другие. Важными здесь становятся показатели независимости от мира взрослых и показатели успеха. Для подростка это, например, наличие романтических отношений, характер проведения досуга, материальный достаток, который может быть показан через знаковые атрибуты (модель телефона, одежда, украшения, косметика и проч.). В результате мы полагаем, что фотография способна демонстрировать другим пользователям определенный уровень и образ жизни, чаще всего не столько реальный, сколько желаемый и потому несколько рафинированный.

В качестве подтверждения, что процесс управления впечатлениями о себе (как суть процесса самопрезентации) состоялся, могут считаться так называемые «лайки» к фотографиям – количественное свидетельство одобрения, и комментарии к ним подписчиков, в том числе, комментарии от противоположного пола – это будет своего рода качественным показателем признания и одобрения. Желая получить как можно больше лайков и комментариев, некоторые пользователи прибегают к процедурам автоматической «накрутки» лайков и подписчиков, делают свои профайлы открытыми, используют тематические хештеги под фотографиями. А 27 из 30 опрошенных считают, что можно использовать различные средства обработки фотографий для того, чтобы они больше нравились другим пользователям. В результате в социальных сетях складывается своего рода традиция, некая норма: фотографии должны выглядеть как можно более эстетично, в соответствии с идеализированными представлениями подростка о желаемом образе себя.

Источником таких эстетизированных, отчасти стереотипизированных норм, лежащих в основе презентуемого подростком образа себя, являются кумиры, звезды и множественные нововведения, повторенные неоднократно, которым подросток начинает подражать, поскольку именно они являются для него референтными лицами. [4] Так, например, в последнее время известные люди на своих страницах начали говорить о важности правильного питания, здорового образа жизни, фитнес-тренировок. Наше исследование показало, что почти половина опрошенных осознают тенденцию актуализации культа спорта, поэтому они делают фотографии во время бега, в спорт-зале, при этом абсолютно все опрошенные нами школьники отметили, что сейчас не модно выкладывать провокационные фотографии с алкоголем и сигаретами.

Таким образом, социальные сети сегодня становятся пространством самопрезентации подростка; основным средством этого процесса является фото-контент пользователя, который призван помочь ему в конструировании и осознании собственного «Я»; базовые механизмы

процесса самопрезентации – имитация и стереотипизация, а конечная цель – получение признания сконструированного образа от значимых других.

1. *Абрамова С.Б. Эффективность социализации: ценности и увлечения современных подростков // Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения). – Уфа, 2015. – С. 97-101.*
2. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.*
3. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. –М.: КАНОН-пресс-Ц: 2000. – 157 с.*
4. *Меренков А.В. Социология стереотипов. - Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. - 290 с.*
5. *Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980. .*
6. *TNS Global website [Электронный ресурс].- Режим доступа : http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2016&set_filter=Показать&set_filter=Y (Дата обращения 05.08.2016)*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург)

Появление социологии молодежи как самостоятельного направления в социологии в середине 60-х годов прошлого века было обусловлено историческим контекстом, для которого были характерны ориентации на демократические преобразования социальной жизни и развитие на этом фоне протестного движения молодежи в западных странах. Создание в рамках уже существующей лаборатории социологических исследований В.А.Ядова исследовательской группы по изучению проблем молодежи, которая позднее оформилась в самостоятельную структуру, в какой-то мере рассматривалось как превентивная мера по преодолению асоциальной активности российской молодежи.

Определяя в 1967 году целевые задачи вновь созданной в рамках института комплексных социальных исследований СПбГУ лаборатории социологических исследований проблем молодежи В.Т.Лисовский обозначил специфику исследований молодежной проблематики как анализ эмпирической информации, отражающей различные объективные и субъективные показатели образа жизни, социальное самочувствие, запросы, интересы, ценностные ориентации, поведение и проблемы молодежи. По мнению В.Т.Лисовского, изучение реального поведения и жизненных планов молодежи необходимо для разработки программ социального воспитания молодежи, формирования патриотизма и ответственного отношения к жизни, определения актуальных направлений молодежной политики. В это время уже были начаты эмпирические исследования социальных ориентаций и нравственного сознания рабочей молодежи.[1;2;3]

Исследование молодежной проблематики предполагало и международное сотрудничество, которое активно реализовывалось в рамках кросскультурных проектов. Одним из первых таких проектов можно считать интервьюирование французской молодежи после майских событий 1968 года. Несмотря на то, что еще не были детально разработаны программы эмпирических исследований, эти опросы имели важное значение для понимания предпосылок этих и других, в том числе девиантных, социальных явлений в молодежной среде.

С начала 70-х годов рамочным форматом многолетних исследований лаборатории проблем молодежи НИИКСИ СПбГУ стал образ жизни молодежи, который охватывал широкий спектр проблематики, отражающей процессы социализации различных категорий молодежи в условиях динамично развивающейся социальной среды. Исследовались как отдельные параметры образа жизни: экономический – уровень жизни; социологический – качество жизни; социально-психологический – стиль жизни; социокультурный – уклад жизни, так и интегральные экзистенциальные характеристики восприятия и осмысления связей между ними. Интегративный характер категории "образ жизни" раскрывает и конкретизирует многие понятия, которые отражают социокультурную динамику. [4;5]

Исследования социальных ориентаций и проблем, с которыми сталкивается молодежь, базировались на эмпирических данных социологических опросов в рамках различных проектов.

Результаты этих исследований отражают тенденции социокультурного развития молодежи, ее социальное самочувствие и проблемы, жизненные стратегии в различные исторические периоды.

Одно из первых исследований в рамках этой парадигмы было направлено на изучение студенческого образа жизни и проблем студенческой молодежи. Пятилетнее лонгитюдное исследование было направлено на выявление структурных элементов образа жизни, его динамики в процессе обучения, характеристик развития личностных качеств от студентов-первокурсников до выпускников университета. Для исследования объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование личности специалиста, выпускника вуза, при опросе студентов различных факультетов СПбГУ использовались социологические и социально-психологические методы исследования. Кросскультурный характер российско-немецкого исследования способствовал развитию сравнительного анализа, были использованы при написании первого учебника со социологии молодежи.[6;7]

Рассматривая проблему смены поколений в современном обществе, О.Н.Козлова отмечает, что каждая поколенческая группа, проходя стадии жизненного цикла, проявляет активность для решения двух задач – адаптации и самореализации. При этом в каждой фазе жизненного цикла поколения возникает свое специфическое содержание этих задач. Оформляются проблемы включения в экономическую, политическую, духовную сферы воспроизводства социальной жизни и обозначения себя в этих сферах. [8]

Разрабатывая методологию социологии социальных проблем, О.И.Иванов указывает, что социальной проблемы являются составной частью социальной среды, включают в себя объективные и субъективные компоненты, широкий спектр критериев и характеристик (масштаб, продолжительность, своеобразие, актуальность, осознаваемость и т.д.). Социальная проблема - определенный тип взаимодействия между отдельным индивидуальным или коллективным субъектом (группой, общностью) и социальной средой его существования, при котором отдельные компоненты среды неблагоприятно, отрицательно воздействуют на жизненную ситуацию субъекта, на его социо-культурный статус, "ущемляют" его потребности и интересы. [9]

На фоне социальных проблем возникает широкий спектр психологических проблем, которые отражают внутренние противоречия индивида, обусловленные неадекватным отражением картины мира, изменением системы ценностных ориентаций, депривацией потребностей, неэффективными социальными и межличностными отношениями.

Под проблемной ситуацией понимается невозможность удовлетворения того или иного сильного стремления (влечения, потребности, мотива), при котором причины проблемы находятся в психике индивида, в его внутреннем мире

Проблемная ситуация рассматривается как состояние интеллектуального и эмоционального затруднения, вызванное, с одной стороны, острым желанием решить проблему, а с другой – невозможностью это сделать при помощи наличных ресурсов (запаса знаний или с помощью знакомых способов действия) и создающее потребность в приобретении дополнительных ресурсов - новых знаний или поиске новых способов действий. [10]

Реализация серии последующих проектов лаборатории по программам, направленных на изучение конкретных обстоятельств жизнедеятельности молодежи, социальных ориентаций и способов решения жизненных проблем был реализована в серии социологических исследований: «Жизненные планы и ценностные ориентации молодежи», «Проблемы образования и профориентации молодежи», «Проблемы семейной социализации и брачно-семейные ориентации молодежи», «Неформальные объединения молодежи», «Экстремизм в молодежной среде». Данные эмпирических исследований были направлены на получение оперативной информации о способах адаптации молодежи к реальным социальным условиям, необходимой для работы с молодежью. Создание социального портрета молодежи стало стержневой задачей социологии молодежи.[11;12;13;14;15]

Радикальные и динамичные изменения социального порядка и трансформация социокультурного пространства в конце 90-х годов поставили перед социологией молодежи новые задачи, связанные с решением новых проблем. Актуальной стала проблематика социального неблагополучия молодежи, девиантного поведения, отношения к наркотикам и другим социальным рискам. Результаты исследований фиксировали отсутствие у части молодежи жизненных планов и перспектив, высокий уровень суицидальных намерений. Ответом на вызовы современности стала разработка таких программ как «Наркотизм как социальная проблема», «Молодежный экстремизм», «Социальное здоровье молодежи», «Будущее России в молодежном сознании».

Новое обновление социальных ориентиров в сторону мультикультурализма в начале нулевых высветило новые аспекты молодежной проблематики: проблемы самоопределения молодежи в различных сферах социальной жизни, изменение структуры образа жизни и социокультурных практик, ориентации молодежи на жизненный успех и благополучие, стратегии поведения молодежи в условиях кризисов.

Представления молодежи о жизненном успехе стали предметом исследований кафедры социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ. По мнению руководителя проекта А.А.Козлова, отношение к понятиям «успех» и «успешность» значительно варьирует в различных группах молодежи, отражает приверженность к определенным общественным идеалам, содержит устойчивые комбинации признаков. Понятия «жизненный успех» и «благополучие» коррелируют между собой, но имеют существенные различия. Благополучие включает такие компоненты, как: вовлеченность в осмысленную деятельность, востребованность, позитивные эмоции и взаимоотношения, достижения, баланс внешних успехов и внутренней гармонии. Ограниченность возможностей для достижения процветания или хотя бы благополучия в нынешних условиях может стать фрустрирующим фактором для определенной части молодежи, основанием для формирования социальных и психологических проблем. [16;17]

Мониторинг отношения молодежи к изменениям социальных условий, проведенный после экономического кризиса 2009 года, показывал, что большинство молодых людей ощутили на себе влияние экономического кризиса. Характерный для предыдущих лет оптимизм молодежи, уступил место смешанным чувствам, беспокойству, страху перед будущим. Однако большинство респондентов проявили готовность к активным действиям для выхода из кризиса.

Изменение спектра проблем молодежи на фоне макросоциального кризиса, а также используемые копинг-стратегии для преодоления кризисных ситуаций является частью исследовательской программы 2015 года «Отношение молодежи к вызовам современности».

Согласно результатам опроса кризис задел значительное число студентов и учащейся молодежи: в разной мере ощутили на себе его воздействие примерно 85% опрошенных. В качестве болевых точек студенты отмечают изменение материального положения, образа жизни, психологического состояния и жизненных перспектив. Изменения в образе жизни проявляются в появлении сложностей с подработкой, снижении возможностей проведения досуга. Часть респондентов отмечает ухудшение психологического состояния и отношений со сверстниками, и даже с родителями, появление ощущения отсутствия жизненных перспектив.

Влияние экономического кризиса проявляется неоднозначно в отдельных социально-демографических группах студентов. Трансформация факторов внешней среды в индивидуальный психологический кризис может быть обусловлена совокупностью социально-демографических факторов и психологических характеристик семьи и индивида. Программа исследования включает выявление различий в способах реагирования на кризис и выборе копинг-стратегий поведения различных социально-демографических групп респондентов; анализ масштабов трансформаций социальной проблематики в проблематику психологическую. [18]

Для решения проблем молодежи в СПбГУ в 2012 году организована служба оказания профессиональной психологической помощи. Руководитель консультативной службы СПбГУ С.Н.Костромина отмечает, что среди проблем, с которыми обращаются клиенты, присутствуют не только типичные студенческие трудности, но и проблемы личностного и даже экзистенциального характера. Регулярный мониторинг проблем, с которыми сталкивается молодежь, необходим для оказания эффективной помощи. [19]

Социология молодежи, охватывая широкий спектр социальной проблематики: молодежной, семейной, гендерной, межпоколенческой, была ориентирована в основном на использование социологической информации в целях совершенствования социальной практики, разработки различных направлений социальной политики. Но социологическая информация может быть развернута и в сторону респондентов, способствовать в решении вопросов самоопределения в различных сферах социальной жизни. Этот аспект особенно актуален в новых социокультурных условиях плюрализации всевозможных стратегий и практик, затрудняющих процессы выбора собственного жизненного пути. Сопоставление своих взглядов и представлений с результатами социологических опросов может способствовать осознанию своих жизненных позиций, повышению уровня социально-психологического благополучия. [20]

В этом контексте социология молодежи может рассматриваться как помогающая профессия.

1. Лисовский В.Т. *Методологические вопросы исследований проблем молодежи// Социальные проблемы молодежи. Человек и общество. Вып. XXVII. СПбГУ., 1995*
2. Лисовский В.В. *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000.*
3. Лисовский В.Т. *Молодежь о себе и своих сверстниках. Л., 1969.*
4. Ядов В.А. *Взаимосвязь социологического и социально-психологического подходов к исследованию образа жизни// Психология личности и образ жизни. М., 1987.*
5. Орлова Э.А. *Социокультурное пространство обыденной жизни. Методическое пособие по курсу «Культурная антропология». М., 2002.*
6. *Образ жизни современного студента. Социологическое исследование. СПбГУ., 1981;*
Выпускник 80-х. социологический очерк// Человек и общество. Вып. XXVI. СПбГУ. 1990.
7. *Социология молодежи. СПбГУ., 1996.*
8. Козлова О.Н. *Социальные миры поколений. Социальные и гуманитарные науки. 2004. N2.*
9. Иванов О.И. *Социальные проблемы молодежи и ювенологические исследования. Введение в социологию социальных проблем. СПб., 2001.*
10. Линде Н.Д. *Психологическое консультирование. Теория и практика. М., 2009.*
11. *Феномен экстремизма. СПбГУ., 2000.*
12. *Экстремизм в среде петербургской молодежи. Анализ и вопросы профилактики. СПб., 2003.*
13. Поспелова Т.Г. *Социологические аспекты проблемы поиска смысла// Проблемы смысла в науках о человеке. М., 2005.*
14. *Молодежь и социальное здоровье. СПб., 2006.*
15. *Молодые россияне: эскиз к портрету. СПб., 2011.*
16. Козлов А.А. *Современная молодежь о жизненном успехе и стратегиях достижений. СПб., 2012.*
17. Селигман М. *В поисках счастья. М., 2010.*
18. Козлов А.А. *Молодежь в условиях современного кризиса// Молодежная галактика. 2015. N12.*
19. Kostromina S., Zinovyeva E., Beykina A. *escription of Problematic Situations for Students Referring to the Psychological Support Center of the St. Petersburg State University // Procedia-Social and Behavioral Science, 2015, V. 165, pp.69-77.*
20. Поспелова Т.Г. *Девантные аспекты образа жизни молодежи: отношение молодежи к наркотикам// Девантное поведение подростков и молодежи: современные проблемы, тенденции, прогнозы. Академия образования Великобритании. Лондон. 2016.*

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Посухова О.Ю. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-00122.

Одним из деструктивных явлений тормозящих процесс национальной консолидации является заторможенность процесса национального самосознания. Социологические исследования фиксируют противоречивость процесса национального самосознания: чувство ответственности за происходящее в стране испытывают только 26% россиян. Наблюдение за процессом национального объединения россияне наблюдают как бы со стороны, не признавая себя полноправным участником процесса. Событиям подобных Крыму недостаточно для того, чтобы в национальном самосознании ощущение целостности и единства приняли окончательные очертания [1, 37-38].

Среди деструктивных условий препятствующих национальной консолидации и интеграции можно также назвать сильную социальную поляризацию в российском обществе, которая не уменьшилась по сей день. Негативными условиями также являются слабое развитие гражданского общества и искусственная деполитизация россиян [2]. Отсутствие в России фундаментальных и общепризнанных политических ценностей, целостной системы политической социализации,

обуславливает непредсказуемость политического воспитания и не создает предпосылок для конструктивного диалога между обществом и государством.

По мнению Найда О.А., Косицовой О.С. становлению такой относительно новой общности, как «россияне» препятствует не только национализм, а отсутствие национальной идеи [3]. По их мнению, такая национальная идея как модернизации, не отвечает потребностям российского общества. Этой же мысли придерживается и Перегудов С.П.: модернизация оставляет без сколь-нибудь значимых изменений существующий порядок вещей. В ситуации раскола элит, может актуализироваться такая стратегия как управляемый национализм, назначением которого станет перетягивание на сторону власти склонных поддаться влиянию этнонационалистических экстремистов и укреплению социальной и политической базы режима.

В научном дискурсе мысли о национальной идее начали актуализироваться с 1996 г., после распоряжения Б.Н. Ельцина разработать национальную идею, объединяющую всех россиян. Варианты были разнообразны: «Борис Ельцин будет работать «гарантом»», «здоровый образ жизни», «спорт», «футбол» и т.д. Г. Зюгановым были предложены четыре идеи, которые могли претендовать на статус общенациональных – державность, национальность (спасение самобытной русской цивилизации и возрождение русского народа как станового хребта русской государственности), идея социальной справедливости, идея демократии. Видными политиками и общественными деятелями также были предложены разные варианты национальной идеи. По мнению Пирогова Н. сама сущность национальной идеи требует конкретизации. Некоторые из вариантов национальной идеи, были озвучены Президентом РФ Путиным В.В. «Мы должны гордиться своей историей», «дискуссия об идентичности, национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников». Опыт Советского Союза показывает, что объединяющая идея должна базироваться на успешном решении актуальных общенациональных задач и попытка уже была в виде реализации ряда национальных проектов. В настоящее время актуально решение таких проблем как коррупция, снижение негативных последствия приватизации, развитие демократических начал и совершенствования государственного устройства страны, преодоление апатии и пассивности населения[4].

По мнению Казаковой А.В. на современном этапе в роли национальной идеи может выступать соборность, означающая солидарность общества и консолидацию нацию при духовном, культурном и религиозном единении.

Способствовать национальной консолидации и интеграции будет формирование общероссийской идентичности на основе общих культурных кодов [5]. Не маловажное значение в этом процессе имеет и система образования, через введение основ поликультурного образования. Именно образовательное пространство является одним из реальных и основных каналов реализации национальной консолидации и интеграции россиян [6]. Национальной консолидации будет способствовать реализация «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (2009 г.), «Фундаментальное ядро содержания общего образования» (2011 г.), проект Концепции развития поликультурного образования в РФ (2010). Введение специализированных курсов будет способствовать осознанию школьника как гражданина России, и принятию в качестве ценности единство многонационального российского народа [7].

Несмотря на то, что в настоящее время фиксируется кризис национально-цивилизационной идентичности, связанный с утратой прежней «советской» и несформированной новой российской идентичности, российское общество все же обладает всеми предпосылками для консолидации: происходит переосознание советского опыта со знаком плюс, национальных ценностей и национальных интересов [8].

Также одним из главных условий консолидации нации является приоритет гражданственности перед любыми различиями. Статус гражданина страны должен быть выше его национальной, этнической, религиозной и половой принадлежности [9].

На наш взгляд, можно выделить две базовые модели для консолидации и интеграции российского общества. Модель «сверху» и модель «снизу». Модель «сверху» достаточно подробно представлена в официальных документах, а также анализируется в исследованиях российских ученых. Модель консолидации «снизу» более предпочтительна, но в настоящее время нет условий для ее реализации. Ее эффективность будет тем выше чем быстрее будут выработана общая идеологическая система координат, общие ценностные ориентиры. Модель консолидации «снизу» еще не получила должного осмысления в отечественной научной мысли. Это обусловлено тем, что для успешной консолидации необходимо: наличие четких и принимаемых народом задач

консолидации, их активная пропаганда, разъяснение, уменьшение разрыва между богатыми и бедными, национальная система образования и гражданско-патриотического воспитания, рост среднего класса и обеспечение приоритета гражданского статуса. Учеными однозначно интерпретируются, что основная проблема видится в аксиологическом кризисе, поиске новых ценностных оснований консолидации российской политической нации. Дискуссионным остается вопрос, какая национальная идея способна консолидировать и интегрировать российское общество. Есть вариант национальной идеи – модернизация, которая на сегодняшний день вызывает больше «против» чем «за». Но такой вопрос какая ей имеется альтернатива, должного освещения в научной литературе не получил. Есть рассуждения о патриотизме, но в чем его наполнение вопрос остается открытым. Доминирующей является идея о том, что именно формирование национальной идентичности будет способствовать национальной консолидации и интеграции российского общества.

1. Вольвач В.Г. Народное единство и национальное самосознание // инновационное образование и экономика. 2014. № 16 (27). С. 37-38.
2. Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Политические исследования. 2011. № 3. С. 141–163.; Виловатых А.В. Об основах национальной консолидации в условиях глобальной социально-политической турбулентности // Система ценностей современного общества. 2012. № 24. С. 237-239.
3. Найда О. А., Косивцова О. С. Основа процессов национального взаимодействия: патриотизм или национализм? // Известия ВолгГТУ. 2014. №13 (140) С.35-39.
4. Пирогов Н. На пути эффективности через осознание национальной идеи // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2013. № 5. С. 24- 35.
5. Ахмедов А.А. Национальное сознание адыгов в контексте культурно-исторических процессов: дис. на соиск. уч. степ. канд. Культурологии. Нальчик, 2015.
6. Куква Е.С. Образование в ресурсе национальной консолидации // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 4. // <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/478>
7. Довгий Т.П. Законодательство в сфере образования как гарант формирования гражданской, национальной и культурной идентичности народов России // наука и образование: новое время. 2014. № 4.
8. Чекменева Т.Г., Прибытков А.А. Россия в глобализирующемся мире: поиск национальной идентичности // Вестник ВГТУ. 2014. №5-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-globaliziruyuschemsya-mire-poisk-natsionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 29.04.2016).
9. Ясюков М.И. Консолидации нации и армия // Военный академический журнал. 2015. № 2 (6). С. 72 – 84.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь)

Исторически государство выступало главным организатором и регулятором экономической жизни на своей территории. Мировая экономика представляла совокупность национальных экономик. В условиях современного этапа глобализации государства вынуждены приспосабливаться к новым для них условиям существования. Ему все труднее становится защищать национальную экономику от нежелательных внешнеэкономических воздействий.

Ослабление регулирующих функций современного государства особенно отчетливо видно в сфере макроэкономического регулирования при использовании таких рычагов, как импортные барьеры и экспортные субсидии, курс национальной валюты и ставка рефинансирования центрального банка. В условиях все более нарастающей взаимозависимости национальных хозяйств правительство вынуждено учитывать интересы и других государств, а также влиятельных негосударственных субъектов международных экономических отношений – ТНК и транснациональных банков, которые своими ответными действиями могут снизить эффективность экономической деятельности страны. Более того, в условиях острой конкуренции стран за приток иностранных капиталов регулирование даже таких традиционных сфер деятельности, как налогообложение, социальная политика, трудовое законодательство, образование и профессиональная подготовка кадров должно осуществляться с оглядкой на другие государства. Каждое правительство вынуждено все более считаться с тем, как обстоят дела в этих сферах у соседей-соперников. В таких условиях четко обнаруживается тенденция утраты государством возможности эффективно регулировать собственную экономику. Под влиянием глобализации

наибольшей трансформации подвержена социальная функция, в которой ярко выражено общесоциальное начало государства – снятие или смягчение социальных противоречий в обществе, а также обеспечение человеку достойных условий жизни посредством гарантирования определенного объема социальных благ за счет государства. Ряд экономических процессов, в частности в валютно-финансовой и кредитной сферах, обретают глобальный характер и не поддаются в полной мере регулирующим усилиям отдельных, даже весьма могущественных государств. Для этого нужны согласованные меры многих стран и вмешательство в эти процессы таких глобальных организаций, как МВФ, Всемирный банк, ВТО и т.п. В новых условиях внутренние функции государства не могут развиваться только на собственной основе, определяться лишь национальными целями, задачами, без учета интересов международного сообщества. Таким образом, внутренние функции государства приобретают интернациональный характер, существенно углубляется взаимосвязь внутренней и внешней политики государства.

Однако, несмотря на то, что функции национального государства претерпевают изменения, утверждать, что государство из «основного игрока» превращается в «ночного сторожа», преждевременно. Хотя некоторые возможности государства действительно сократились и, возможно, в ряде случаев имеет место «размывание» национального государства, но этот процесс не ведет к его «отмиранию».

И в настоящее время национальное государство остается наиболее активным субъектом организации функционирования мировой экономики. В современных экономически развитых странах регулирующая роль государства должна быть более ответственной и сложной, чем когда-либо ранее. Этого требует необходимость разработки и реализации мер по защите окружающей среды, обеспечения стабильности функционирования финансового сектора и совершенствования такой сферы, как деятельность монополий. Важной заботой государства становится создание конкурентоспособной национальной экономики, стимулирование научно-технического прогресса, создание инфраструктуры, сбор и обработка информации, регулирование притока иностранной рабочей силы. Заметно роль государства в унификации статистических, экологических, технических, санитарных и иных норм и стандартов. Таким образом, в современных развитых странах имеет место не ослабление и размывание хозяйственно-экономических функций государства, а смена акцентов деятельности, активизация ее по обеспечению для страны более выгодной ниши в мирохозяйственной системе. При этом государство выступает как глобальный предприниматель, передающий часть своих функций по реализации стратегических национальных интересов своим транснациональным корпорациям и мощным кредитно-банковским структурам.

Сложные проблемы стоят перед странами догоняющей модернизации, вынужденными решать задачи интеграции в глобализирующийся мир. Они обязаны следовать определенным правилам: сделать частный сектор основой экономики, минимизировать уровень инфляции, обеспечить стабильность цен, сбалансированный бюджет, сократить бюрократический аппарат, снять ограничения на иностранные инвестиции, ликвидировать квоты на импортную продукцию, осуществить демонополизацию, приватизировать государственные предприятия, местную индустрию открыть миру, иностранцам предоставлять право покупки любых акций и ценных бумаг, поощрять конкуренцию местных компаний, отказаться от субсидий отдельным предприятиям и др. ТНК навязывают свои порядки и свое видение всем государствам независимо от их географического положения и экономических возможностей. Они требуют, чтобы национальные государства не вмешивались в хозяйственные дела, выступают за открытость политических границ. Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация предписывают строго выполнять их инструкции. Из этой логики вытекают такие рекомендации, как максимальное изгнание государства из экономики, его невмешательство в хозяйственную жизнь, приватизация, полная свобода торговли и бизнеса, экономическая открытость границ и т.д. [1, с. 62].

На деле ослабление экономических функций государства происходит лишь в некоторых областях. Все правительства в той или иной мере вмешиваются в деятельность на рынке, оказывая таким образом воздействие на формирование различных частей глобальной экономической системы. Государство, особенно периферийной страны, должно активно способствовать интеграции страны в мировое экономическое хозяйство, находя различные формы, методы и средства регулирования, которые бы обеспечили органическое взаимодействие национального хозяйства с мирохозяйственной сферой. Страна не сможет стать самостоятельным субъектом в мировом сообществе, если процессы открытия национальных рынков, привлечения иностранного

капитала, развития международной кооперации будут происходить стихийно, под влиянием глобальной конкуренции, а не под контролем национального правительства. Государство призвано обеспечить национальный контроль над природными ресурсами и ключевыми отраслями экономики, защитить внутренний рынок и интересы отечественных товаропроизводителей на рынке внешнем, осуществить контроль над денежной системой.

1. Байнев, В.Ф. Против идеологии рыночного «ничегонеделания» // Беларуская думка. – 2016. – № 2. – С 58–64.

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Прохода В.А., Клейменова Е. В. (Москва)

В публикации анализируются результаты седьмой волны сравнительного межстранового исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2014 г. «ESS» - проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). В 2014 г. опрос проводился в 22 странах среди населения в возрасте 15 лет и старше. В каждой стране было опрошено от 1224 (Словения) до 3045 респондентов (Германия) по национальной репрезентативной выборке. В России выборка составила 2445 человек. Анализу подверглись данные по следующим странам: Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Российская Федерация, Словения, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

Проблемы, связанные с миграцией, в частности интеграция мигрантов в принимающее сообщество, актуальны для многих государств. Европейские страны не являются исключением, что ярко иллюстрирует возникший в 2015 г. (в скором времени после проведения полевого этапа исследования) европейский миграционный кризис, связанный с неготовностью многих европейских стран к приему и перераспределению резко увеличившегося числа мигрантов из Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии. Основное внимание в работе уделено рассмотрению установок населения применительно к внешней миграции. При этом особенности восприятия населением внутренней миграции, подразумевающей перемещение людей из одного региона в другой в рамках одной страны, остаются вне рамок нашего рассмотрения. Таким образом, предметом настоящего исследования являются установки населения европейских стран по отношению к внешним мигрантам.

Для выявления отношения населения европейских стран к иммигрантам респондентам задавались следующие вопросы: «Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения страны, переезжать жить в нашу страну?»; «А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны?»; «А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?». В каждом вопросе предлагались четыре содержательных варианта ответа: 1. «Следует позволить многим таким людям переезжать жить в страну»; 2. «Следует позволить некоторым таким людям переезжать жить в страну»; 3. «Следует позволить переезжать лишь немногим из них»; 4. «Никому не разрешать».

Исследование показало, что отношение населения европейских стран к мигрантам тесным образом связано с их расовой и национальной принадлежностью (см. таблицу 1). Респонденты во всех рассматриваемых странах существенно чаще констатируют готовность приема мигрантов той же расы или национальности, что и у большинства граждан страны. Стремление к ограничению притока мигрантов сопряжено с их принадлежностью к иной расе или национальности, нежели у большинства населения. Последнее явление хорошо известно - «...когда у представителей большинства, возникают трудности экономического порядка, в социальном продвижении, доступе к ограниченным ресурсам, благам, виновных всегда ищут среди меньшинств» [1].

Таблица 1

Отношение населения европейских стран к мигрантам в зависимости от их расовой и национальной принадлежности (% от числа опрошенных в каждой стране)

	Следует ли позволить переезжать жить в нашу страну людям ...							
	той же расы или национальности, что и большинство населения				чья национальность или расовая принадлежность отличается от большинства населения			
	Многим	Некоторым	Немногим	Никому не разрешать	Многим	Некоторым	Немногим	Никому не разрешать
Австрия	21,1	46,5	23,9	6,6	11,8	38,3	35,1	13
Бельгия	17	56	19,3	7,3	9,6	49,1	28,7	12,4
Германия	44,9	44,9	7,8	1,2	25,1	50,5	19,6	3,5
Дания	25,9	56	14,5	2,1	14,2	46,1	32,6	5,5
Ирландия	17,7	42	30	8,4	12,9	38,5	33,8	12,5
Нидерланды	16,5	54,9	22,7	5	15	51,7	26,3	6,1
Норвегия	30,4	52,9	15,2	0,7	21,8	54	21,7	1,6
Польша	18,8	47,1	24,1	6,5	13,7	41,1	30,4	10,5
Россия	23,6	30,5	26,7	13,8	8,4	29	33,8	23,5
Словения	19,3	52,7	17,6	6,2	13,5	47,9	23,9	10,5
Финляндия	16,4	47,9	31,9	2,4	12	34,1	44	8,3
Франция	16,6	56,1	19,1	6,1	11,7	49,1	26,5	11,3
Чешская Р-ка	7,1	34,7	39,8	16,4	2,1	25	42,7	28
Швейцария	21,7	60,8	13,7	1,5	11,6	49,9	32,4	3,9
Швеция	43,2	49,4	4,9	0,4	41,8	49	6,9	0,6
Эстония	21,2	49,8	23	4,5	8,1	37,3	39,1	13,7

Абсолютное большинство респондентов в каждой из стран, где проводилось исследование (от 55,1% в Германии до 92,9% в Чешской республике), полагают, что приток мигрантов в той или иной степени следует контролировать. Лишь меньшая часть населения убеждена, что возможность переезда должна предоставляться многим мигрантам, то есть без существенных ограничений.

Прослеживается определенная связь установок населения с однородностью принимающего социума. Население таких стран как Швеция, Германия имеет широкий опыт общения с мигрантами иной национальности и одновременно демонстрирует одни из самых высоких показателей готовности приема. Интересно, что среди жителей Франции также достаточно много мигрантов, однако население заявляет о готовности приема существенно реже. Больше всего сторонников ограничения прибытия мигрантов иной национальности оказалось в Чешской Республике (немногим или никому – 70,7%), России (соответственно – 57,3%), Эстонии (52,8%), Финляндии (52,3%), Австрии (48,1%), Ирландии (46,3%).

Возможны различные объяснения таких установок. В некоторых из перечисленных стран, например, в Чешской Республике, проживает сравнительно мало мигрантов, что позволяет в условиях дефицита межличностных контактов предположить наличие стереотипного восприятия. В странах, где мигранты представлены весьма многочисленными группами, например, в России мнение населения во многом определяется успехом процесса интеграции в социум, в том числе стремлением самих иммигрантов стать частью принимающего общества. В России лишь менее четверти респондентов (23,6%) убеждены, что следует позволять многим людям той же национальности, что и большинство населения страны переезжать жить в Россию. По сравнению с результатами 2012 г. (28,4%) процент сторонников миграции несколько снизился. В тоже время

применительно к людям, которые отличаются по национальности или расовой принадлежности от большинства населения страны так считает только 8,4% опрошенных и это одни из самых низких показателей в Европе. Показатель весьма устойчив и повторяет результаты исследования 2012 г. - 8,1% респондентов [2, 595]. Уверены, что необходимо запретить переезжать в Россию всем представителям доминирующей по численности национальности 13,8% респондентов (2012 г. - 14%), а представителям других национальностей уже 23,5% опрошенных (2012 г. - 25,7%).

Оценки населения европейских государств становятся критичней, когда речь заходит о приезжих из более бедных стран, расположенных за пределами Европы. Данные в национальном разрезе в чем-то повторяют картину таблицы 1. Наибольшей поддержкой идеи переселения жителей бедных стран пользуются среди населения все тех же государств – Швеции, Норвегии, Германии. Страны, где фиксируется меньше всего сторонников миграции, опять же повторяются - Россия, Эстония, Чешская Республика, Ирландия. При этом применительно к выходцам из бедных стран доля сторонников миграции в каждом из государств участников проекта снижается по сравнению с данными из таблицы 1. В некоторых странах большинство населения выступает за жесткий контроль (позволять немногим) или запрет миграции (никому не разрешать). Например, в Австрии таких оказалось 53,9% респондентов, в Дании – 54,3%, в Ирландии – 55,8%, в России – 62,5%, в Финляндии – 63,8%, в Чешской Республике – 80,6%, в Эстонии 67,7%.

В завершении отметим, что в предлагаемой публикации рассматриваются лишь некоторые аспекты заявленной проблематики. Несомненно, обозначенная тема заслуживает более глубокого внимания.

1. Дробижеева Л. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам, 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top-content (дата обращения: 15.09.2016).
2. Прохода В.А. Отношение россиян к мигрантам. Девятое Ковалевские чтения // Материалы научно-практической конференции 14-15 ноября 2014 года // Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. - СПб.: Скифия-принт, 2014. – С. 594 – 596.

ОБРАЗ БЕЛАРУСИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ракачев В.Н. (Краснодар)

В статье представлены результаты социологического исследования посвященного изучению образа Беларуси в представлении россиян и белорусов. Исследование проводилось в 2014 г. в Краснодаре и Минске.

The article presents the results of sociological research devoted to the study of the image of Belarus in the representation of Russians and Belarusians. The study was conducted in 2014 in Krasnodar and Minsk.

Сегодня, в непростой международной обстановке когда выстраивается национальная стратегия во взаимоотношениях с ближними и дальними соседями, особый интерес приобретает изучение национальных образов и механизмов их постижения, играющих ведущую роль в интеграции, характере и направленности межнациональных взаимодействий. Исследование этих механизмов в истории и на современном этапе может способствовать выработке модели взаимоприемлемого поведения, культуре межнационального общения. Особую актуальность это приобретает для взаимоотношения России и Беларуси, представляющих интересы союзного государства.

Для изучения стереотипов россиян и белорусов нами был использован метод неоконченных предложений. Респондентам предлагалось продолжить 10 предложений начинающееся словами «Беларусь – это ...» направленных на выявление представлений респондентов о Беларуси в виде своего рода авто- и гетеростереотипа. Исследование проводилось в 2014 г. в Краснодаре и Минске в рамках реализации совместного российско-белорусского проекта «Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания», подготовленного при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-23-01002а(м). Выборочная совокупность в исследовании представлена двумя блоками выборки – российской – 800 чел. и белорусской – 700 чел.

Используя данный метод мы получили следующую структуру образа Беларуси, существующего в представлениях россиян, включающую в себя семь основных компонентов: 1) природно-климатические и географические особенности; 2) совокупность элементов, связанных с

политико-правовыми аспектами; 3) экономика; 4) этнокультурные особенности, качества, черты характера; 5) элементы, характеризующие культуру и искусство; 6) историческое прошлое; 7) личные оценки, отношения, интенции респондентов.

Интенсивность проявления компонентов отражает структуру соответствующего образа в сознании респондентов. Преобладание одних компонентов, второстепенность других, позволяет выделить содержательное ядро и периферию стереотипного образа. Для оценки интенсивности проявления компонентов нами были рассчитаны частоты их встречаемости по всей выборке. Анализ характера распределения этих частот позволил сделать вывод о том, что ядро образа составляют три компонента – 2, 3 и 4. Это соответственно политико-правовые, экономические и этнокультурные характеристики. Остальные компоненты служили для описания периферии образа.

Остановимся подробнее на содержании компонентов, составляющих ядро стереотипного образа Беларуси и распределении, составляющих их элементов. Компоненты, составившие ядро образа, представлены примерно равными долями. Вместе с тем и среди них выделяются определенная доминанта – это Компонент 3 (включающий набор элементов, характеризующих экономику Беларуси), доля отнесенных к нему предложений составляет 27,5% от общего числа. Затем с незначительным отрывом следует Компонент 2 (объединивший элементы, связанные с политико-правовыми аспектами белорусского государства) – 27,2%. На долю Компонента 4 (качества белорусов) пришлось 18,6% предложений.

Таким образом, респонденты-россияне ассоциируют и представляют Беларусь прежде всего через ее экономику, политику и народ.

Внутреннее содержание компонентов так же неоднородно. Среди составивших их элементов явно выделяются по частоте упоминания одни, и лишь изредка другие. Такую же ситуацию мы наблюдаем и в отношении элементарных смысловых обоснований. Это позволяет нам определить степень согласованности в отношении тех или иных характеристик, приписанных качеств. Наибольшая степень согласованности проявляется в таких элементах как белорусские товары (14,4%), качества белорусов (13,5%), политико-правовой режим (10,5%), президент Лукашенко (8,7%), уровень экономического развития (8,4%). Среди составивших их элементарных обоснований с равной частотой абсолютно лидируют «Лукашенко» и «картошка» и с некоторым отрывом от них «братский народ», «доброта» и «дружелюбие».

В исследовании вырисовываются два противоположных образа Беларуси – «позитивный» и «негативный». По степени интенсивности, по частоте указанных характеристик в целом преобладает «позитивный» образ, который передаваемый с помощью таких типичных элементарных обоснований как «развитая экономически страна», «демократическое государство», «социальное государство», «союзник России», «братский, дружественный народ». Однако в отдельных компонентах и элементах присутствует и «негатив», через характеристики «отсутствие свободы», «низкий уровень жизни», «слаборазвитая экономика».

В целом можно отметить, что восприятие россиянами Беларуси как страны и белорусов как народа носит позитивный характер, а сам стереотипный образ согласован и весьма устойчив.

Результаты гетеростереотипного описания русскими белорусов можно дополнить сравнением с автостереотипным образом, составленным с помощью того же метода неоконченных предложений респондентами-белорусами.

В структуре автостереотипного образа также было выделено то же число компонентов, т.е. семь ключевых сфер, посредством которых раскрывается данный образ.

Распределение элементарных оснований по компонентам относительно равномерно. Среди компонентов четыре выделяются в качестве базовых, собственно они и образуют ядро образа, это природно-географический (17,5%), политико-правовой (23,9%), социально-экономический (22,2%) и этнонациональный (22,2%). В то же время эти компоненты внутри дифференцированы в наибольшей степени, тогда как оставшиеся компоненты, включившие наименьшее число элементарных оснований внутренне более однородны.

При сравнении гетеро- и автостереотипов белорусов и представлений о Беларуси можно отметить, что компоненты, составляющие их ядро, практически совпадают. И в авто- и в гетеростереотипе ядро образа составили социально-экономический, политико-правовой и этнонациональный компоненты. То есть и в представлениях русских о белорусах и Беларуси и в представлениях самих белорусов о себе и своей стране в основе лежат экономические, политические и этнокультурные образы и представления.

В то же время периферия образа Беларуси в авто- и гетеростереотипе несколько различается. Так у россиян среди компонентов периферии при описании Беларуси и ее жителей преобладают описания связанные с историей и культурой Беларуси, а у белорусов личные характеристики и отношения к своей стране, а затем история.

В историческом компоненте так же с содержательной точки зрения наблюдаются заметные отличия. У россиян история Беларуси прежде всего ассоциируется с советским периодом, Великой Отечественной войной, героизмом партизан и защитников Брестской крепости. В автостереотипе белорусов исторический компонент включает в себя, прежде всего, упоминания об исторических корнях и связях с Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой, гербом «Погоня».

Компонент, содержащий личные оценки и отношения значительно больше у белорусов и преимущественно содержит указания на родственные отношения, на родину, место рождения, что в общем-то вполне объяснимо и закономерно. У россиян же в личных отношениях и оценках фигурируют в первую очередь наличие знакомых и друзей и желание посетить страну.

В целом можно отметить достаточно высокий уровень согласованности в содержании образа Беларуси на основе сопоставления авто- и гетеростереотипов, что в свою очередь может говорить об истинности стереотипа.

МИГРАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЮГА РОССИИ

Ракачева Я.В. (Краснодар)

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение представлений местных жителей южных регионов России о состоянии миграций в местах их проживания, составе миграционных потоков, влиянии миграций на повседневную жизнь, особенностях взаимодействия мигрантов и местного населения.

The article presents the results of a study aimed at investigating the perceptions of local residents of the southern regions of Russia on the state of migration in their places of residence, the composition of migration flows, the impact of migration on everyday life, especially the interaction of migrants and the local population.

Сегодня трудно себе представить территорию, страну, регион, населенный пункт, население которого не участвует в миграционных перемещениях. Они стали рутинной, повседневной стороной жизни современного общества.

Массовые миграции, в том числе представителей определенных народов и этнических групп являются вполне ординарной ситуацией для жителей южных территорий России. На протяжении последних десятилетий регион активно принимали бывших соотечественников из СССР, жертв военных конфликтов на Кавказе. Памятна ситуация с миграцией турок-месхетинцев в конце 1980-х гг. Последние волны миграции были связаны большей частью с инвестиционным бумом и олимпийской стройкой в Сочи, а так же в связи с политическими событиями в Украине.

Однако при всей привычности активная миграция не остается незамеченной для местных жителей, поскольку именно в поле взаимодействия мигрантов и местных жителей до сих пор сохраняется проблемная сфера.

Согласно данным проведенного нами социологического опроса в Южном и Северо-Кавказском Федеральных округах [1], подавляющее большинство опрошенных (67,5%) отметили, что в последнее время приезжих в их населенном пункте (городе, селе) стало больше. Еще 9,7% респондентов не замечают никаких изменений в связи с миграцией, 12,2% наблюдают отток жителей из своего населенного пункта. Притягивают мигрантов преимущественно крупные города и в первую очередь столицы субъектов (краев, областей и республик). Среди респондентов этой категории населенных пунктов 74,6% отметили, что число жителей в них в последнее время заметно увеличилось. Жители малых городов и сельских населенных пунктов заметно реже указывают на то, что население растет (59,6 и 60,4%) и напротив чаще, отмечают, что население сокращается. На миграционный отток чаще указывают жители малых городов, чем сел.

В числе основных территорий-доноров, дающих основной поток мигрантов респонденты выделяют близлежащие населенные пункты – 14,8%, регионы Северного Кавказа – 17,6%, регионы Дальнего Востока и Сибири – 13,5%, Ставропольский край – 1,4%, центральная Россия – 0,8%, Крым – 0,6%. Таким образом, на внутрироссийскую миграцию на основе ответов респондентов приходится около половины (48,7%) всех переселенцев прибывающих на юг

страны. Доля собственно внутрирегиональных переселенцев на юге страны составляет исходя из ответов респондентов треть (33,8%).

Среди южных территорий активно участвующих во внутрирегиональном миграционном обмене – республики Северного Кавказа. По оценкам респондентов наибольший поток мигрантов отдают Дагестан и Чечня, вполтину меньше – Карачаево-Черкессия и Адыгея. Ингушетия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия существенно меньше участвуют в межрегиональном миграционном обмене.

Второй по величине миграционный поток составляют близлежащие населенные пункты. Это миграции село-город или малый город – большой город. На ее долю во внутрирегиональном обмене, исходя из ответов респондентов, приходится 14,8%. Во внутрирегиональном обмене в качестве «доноров» наибольшие показатели имеют Ставропольский край, Карачаево-Черкессия, Чечня и Дагестан.

Значительная часть ответов указывает на активную миграцию с территории Дальнего Востока и Сибири (13,5%). Эти оценки, коррелируют со статистическими показателями, которые указывают на рост данных миграционных потоков на юг страны.

В нынешней ситуации, характеризующейся увеличением миграционного потока с Севера страны, стала заметнее проявляться конфликтность в отношениях между этой группой мигрантов и местными жителями. Ориентируясь на определённые объективные условия (климат, доступность жилья и работы) мигранты с Северных территорий не учитывают значительной культурной дистанции с принимающим обществом. Различия в менталитете и стереотипах поведения жителей Севера и Юга в отдельных ситуациях оказываются достаточно велики и зачастую ведут к непониманию и конфликтам.

Мигранты с Севера отмечают у южан более высокую обособленность, отсутствие сплоченности и взаимопомощи, отзывчивости и доброжелательности. В свою очередь местные жители с недоверием и предвзятостью относятся к мигрантам с Севера, опасаясь, что те с их «большими северными» доходами могут способствовать росту цен на продукты и недвижимость, создавать конкуренцию на рынке труда и т.д.

Рост конфликтности в поле взаимодействия мигрантов-северян и местных жителей имеет под собой объективные причины – увеличение миграционных потоков и концентрацию мигрантов в определенных населенных пунктах, микрорайонах в некоторых случаях специально построенных для выходцев из определенных северных территорий, обеспечивающих их компактное проживание и в некоторой степени направленное на облегчение процессов адаптации. В представлениях местных жителей это воспринимается как своеобразная экспансия и вызывает противодействие как на бытовом, так и на административном уровне. В итоге затрудняется приживаемость мигрантов, формируются возвратные либо транзитные миграционные потоки.

Согласно ответам респондентов в основном жители их населенных пунктов переезжают в пределах РФ (63,7%). 10,5% опрошенных отметили, что основным направлением выезда являются зарубежные страны. Четверть затруднилась определить конкретные направления миграции (25%). Среди территорий России лидируют столичные центры – Москва и Санкт-Петербург. Так же крупным центром притяжения мигрантов на Юге страны выступает Краснодар, реже Ростов-на-Дону и Ставрополь.

Миграционные потоки, направляющиеся в южные регионы страны, в представлениях респондентов имеют выраженный этнический характер. Как правило, респонденты отмечали ограниченное число этнических групп, представители которых преимущественно приезжают либо уезжают в тот или иной населенный пункт. Среди мигрантов из регионов Северного Кавказа преобладают представители народов Дагестана (33,3%). Следующую по численности группу мигрантов составляют выходцы из Чечни, 13,5% опрошенных указали, что в числе мигрантов прибывающих в их населенный пункт они составляют значимое большинство. Из народов Закавказья, мигрирующих на территорию России опрошенные чаще всего отмечали армян. На их долю среди всех прибывающих из Закавказья приходится 90% упоминаний. Вторую позицию здесь занимают азербайджанцы (11,3%). Наименьшую долю в закавказском миграционном потоке, направляющемся в населенные пункты южных регионов РФ составляют грузины (3,8%) и абхазы (2,1%).

Такое распределение мигрантов обусловлено расположением самих южных регионов РФ, которые либо непосредственно граничат с указанными государствами, либо находятся в относительной близости от них (Украина, Армения, Абхазия и др.). Близкое территориальное

расположение определяет наличие родственников и знакомых в южных регионах и соответственно облегчает переселение и адаптацию.

В потоке мигрантов выезжающих из южных регионов более половины опрошенных указали русское население – 40,6%. Второй этнический миграционный поток составляют народы Северного Кавказа. Однако по своей величине он в разы меньше русского.

Показателем уровня миграционных установок и одновременно социального самочувствия являются ответы на вопрос о желании переехать в другой регион, населенный пункт. Результаты опроса достаточно оптимистичны – почти три четверти опрошенных не планируют переезд (72%). При этом еще 12,5% предполагают для себя в перспективе возможность переезда, но не приняли решение окончательно, что может свидетельствовать, что выталкивающие факторы не носят критического характера. При этом 8,3% респондентов уже однозначно определились с переездом.

Респонденты оценивают общую обстановку в месте своего жительства как стабильную либо изменившуюся в лучшую сторону. В тоже время анализ ответов по типам населенных пунктов показывает, что положительные изменения в первую очередь отмечают жители крупных городов, в меньшей степени жители малых городов. Они же чаще указывают на изменение ситуации в худшую сторону. Негативные изменения выражаются в последствиях экономического кризиса, снижении доходов и уровня жизни, повышении цен, недостатка рабочих мест, в ухудшении криминальной и миграционной ситуации, наплыве мигрантов или напротив опустении населенных пунктов и т.д.

В целом, все обозначенные респондентами проблемы не специфичны для региона, а скорее отражают общее состояние миграционных процессов в стране.

1. Ракачева Я.В., Богонова Е.С., Полонец И.И., Ракачев Д.Н., Русанова И.О., Сушко П.Е. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Внутрирегиональная миграция на Юге России, и ее влияние на социальное самочувствие жителей региона». Краснодар, 2015. – 67 с. (проект № 13-03-00577а РГНФ)

КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург)

Как и большинство понятий в социальных науках, понятие «мультикультурализм» перегружено смыслами, что затрудняет его рассмотрение по существу. Можно выделить, как минимум, три основных смысла данной категории:

- 1) Мультикультурализм как культурное многообразие, являющееся результатом этнической, религиозной, языковой неоднородности населения страны;
- 2) Мультикультурализм как социальная и политическая практика в условиях культурного многообразия;
- 3) Мультикультурализм как идеология культурного многообразия [Подр. см. 1, с. 250-261].

В общественно-политической практике чаще всего используют второй и третий подход к пониманию данной категории. В самом общем виде, мультикультурализм может быть рассмотрен как идея интеграции общества без ассимиляции, то есть через принятие различий групп, формирующих данное общество. Вообще, дискуссии о том, как должно проходить принятие инокультурных групп в обществе часто приводит к идее принятии различий через их унификацию. Данная стратегия реализуется в системе западноевропейской рациональности, что ставит вопрос о том, способен ли западный рационализм принять эти различия в их первоначальном виде.

Вообще, в идеологии мультикультурализма можно сформулировать три дискурса [Подр. см.: 2. С. 162-163]:

- 1) Первый тип мультикультурализма - моралистический, понимается как мирное сосуществование разных этнических, этно-религиозных сообществ, за каждым из которых признается роль носителя определенной культуры. Агентами этого типа мультикультурализма выступают работники социальной сферы (прежде всего, занятые в системе образования), а также все те, кто разделяют либеральный подход к мультикультурализму как мирному сосуществованию. Это самое распространенное толкование идеи мультикультурализма, выводящее нас на идеологию толерантности.
- 2) Признание различий при сохранении существующего порядка – идея, лежащая в основе второго типа мультикультурализма – постмодернистского. Носителями данной идеи в

европейской культуре являются представители масс-медиа и университетские преуспевающие интеллектуалы. Инакость приветствуется лишь тогда, когда она делает жизнь представителей данной идеологии более комфортной: новая этническая кухня, этнические мотивы в дизайне одежды и домов, освоение альтернативных форм досуга и т.п. Как только инакость угрожает привычному образу жизни, ей сразу же отказывается в праве на существование, то есть получается некий вариант «этнической культуры в резервациях» - определенных нишах нашей повседневной жизни.

3) Третий тип мультикультурализма – фундаменталистский представляет собой идею социально-политического (а не только культурного) реванша. Эту идею в основном высказывают представители этнических меньшинств.

Политика мультикультурализма, предполагающая поддержку этнических групп, на самом деле способствует самоизоляции представителей этнических групп, например, мигрантов, в своеобразные «этнические гетто», не позволяя сформировать гражданское общество, куда в полной мере должны быть включены мигранты как отдельные индивиды, а не участники этнических групп.

Противоположная политика – отказ от поддержки этнических групп (политика ассимиляции) бросает участников этих групп на произвол судьбы, закрепляет маргинальное положение данных групп (т.е. опять-таки происходит их геттоизация), что приводит к еще большей сплоченности на почве «противостояния» враждебному обществу, не принимающему их «инакость».

Таким образом, и первая, и вторая стратегии приводят к замыканию группы, подчеркиванию своей инакости (т.е. речь идет об эквифинальной системе), но если в первом случае подчеркивание различий – это стратегия борьбы за ресурсы в политическом поле, то во втором – стратегия противостояния обществу, стратегия выживания. Таким образом, и первая, и вторая стратегии оказываются уязвимы с точки зрения проявления радикального национализма, но все-таки первая стратегия оказывается предпочтительней, так как дает определенную возможность социальной интеграции этнической группы, вторая же представляет собой «капсулирование» этнической группы, способствуя ее этнической мобилизации по пути радикализации.

Выбор первой стратегии правительствами европейских стран не отменяет существования так называемого «парадокса мультикультурализма»: идеи либерализма, провозглашающие приоритет прав человека и гражданина, сталкиваются с невозможностью реализации данных прав и свобод всеми. Далее, в соответствии с логикой приоритета обеспечения прав и свобод для всех, предлагается «помочь» определенным группам, участники которых испытывают затруднения в реализации своих прав (прежде всего, в праве на свою «инакость»); здесь и наступает поворотный пункт: подмена концепции индивидуальных прав и свобод концепцией коллективных прав и свобод, то есть, фактически, подрыв устоев либеральной системы. Поэтому, нельзя не согласиться с выводом В.Малахова о том, что идеология мультикультурализма является скорее препятствием на пути построения мультикультурного общества, а не средством его формирования [2, С. 166].

1. Малахов В.С. *Национализм как политическая идеология: Учебное пособие.* – М.: КДУ, 2005.

2. Малахов В. *Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Скромное обаяние расизма.* – М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001.

КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ЦИКЛ КАК ПУТЬ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Рахматуллина З.Б. (Уфа)

В статье как один из способов реализации компетентностного подхода в высшей школе предлагается культурно-мировоззренческий цикл. Он включает в себя два уровня: стратегический уровень философских основ мировоззрения и социально-гуманитарно-экологический комплекс основ наук.

In the article, cultural-worldview sequence is suggested as one of the ways of implementation of competence approach in tertiary education. It includes two levels: strategic level of philosophical foundations of worldview and social-liberal-ecological system of science foundations.

Внедрение компетентного подхода в систему высшего образования направлено на усиление взаимодействия с рынком труда, повышение конкурентоспособности специалистов, обновление содержания образования и создание благоприятной среды обучения с целью формирования нового социокультурного типа личности, характеризующегося способностью к реализации жизненных и профессиональных планов. Один из важнейших практических путей реализации компетентного подхода, по нашему мнению, состоит в укреплении связей между общенаучными, специальными и гуманитарными науками, о превращении «всех наук», по И. Пригожину, в гуманитарные.

Примером универсального подхода к решению этой проблемы, на наш взгляд, является модель В.Сагатовского, предлагающего взять за основу культурно-мировоззренческий цикл (КМЦ) [1]. Он включает в себя два уровня: стратегический уровень философских основ мировоззрения и социально-гуманитарно-экологический комплекс основ наук. В совокупности они позволяют реализовать мировоззренческие идеалы и методологические принципы в деятельности человека, гражданина и специалиста.

Знания первого уровня в том или ином объеме нужны всем студентам. Знания второго уровня и по содержанию, и по объему прямо зависят от профиля вуза. Требования к содержанию и изложению знаний первого уровня, по нашему мнению, следующие:

1) от прошлого к настоящему (эволюционно-генетический подход): возникновение жизни и человека с его ценностями; 2) настоящее: проблемы отношений человека и мира; 3) перспективы и прогнозы; 4) общество, природа, человек рассматриваются в отношении к проблемам бытия – конечному и вечному; 5) каждая проблема излагается посредством критического анализа, диалога.

Требования к блоку знаний второго уровня КМЦ (социально-гуманитарно-экологический комплекс основ наук) состоят в том, что все три элемента в том или ином виде должны присутствовать, причем вуз самостоятельно определяет уровень и объем знаний, необходимый будущим специалистам. Взяв модель В.Сагатовского за основу, мы можем определить содержательную сторону социально-гуманитарных дисциплин и представить их выделить в нижеприведенные направления.

I. Философско-мировоззренческое направление является основным, стержневым, поскольку проблема формирования личности есть, прежде всего, проблема формирования его мировоззрения, а именно принципы деятельности индивида обусловлены системой его взглядов на мир и свое место в нем. Мировоззрение формируется в результате обобщения естественно-научных, социально-исторических и философских знаний, а также под влиянием условий жизни, передаваясь из поколения в поколение в форме здравого смысла, стихийных и традиционных представлений о мире.

На этапе обучения задача формирования мировоззрения возлагается в основном на философские науки. Известный философ И.Т.Фролов пишет, что основное предназначение философии – синтезировать знания о человеке и для человека [2]. Говоря о формировании гуманистического мировоззрения как функции философии, отметим, что она как ядро для других гуманитарных наук должна исследовать проблемы человека, его деятельности и развития в качестве центральной проблемы курса. Все это можно отнести к курсу философии, читаемому в вузе любого профиля, поскольку таким образом решаются не только мировоззренческие вопросы, даются основы знаний (инициируется интерес) по многим социальным проблемам и реализуются задачи общекультурного развития обучающихся, но и более успешно осуществляется «связь с профессией». На курс философии, в центре проблем которой находится человек, как на стержень нанизываются все социально-гуманитарные курсы. Первым из направлений является социальное направление.

II. Социальное направление. Основы социологических и социально-психологических знаний.

Для вузов это направление имеет особое значение, поскольку на философию как на стержень нанизываются дисциплины, дающие социологические и социально-психологические знания, а именно курсы, нацеленные на изучение социальных и социально-психологических проблем человека, проблем развития человеческого общества в условиях НТП, глобализации, а также дидактики социальных возможностей человека, его социальной реализации как личности, его общественной жизни, способов и результатов его жизнедеятельности и т.д. Отсюда преподавание социологических и социально-психологических курсов требует четкой постановки целей в соотношении с другими гуманитарными курсами, должной проработки учебных планов и

программ, использования активных методов обучения, чтобы проблемноцентричность, диалогичность и дискуссионность стали нормой обучения.

III. Экологическое направление. Знания в области экологии становятся необходимым элементом образования вообще, при этом понимание проблем взаимоотношения человека и окружающей среды является одним из важнейших критериев и показателей общекультурного развития. Данило Ж. Маркович, опираясь на трактовку образования как процесса приобретения знаний, умений, навыков и формирования мировоззрения, определяет экологическое образование как «...процесс приобретения знаний об экологических проблемах, причинах их возникновения, необходимости и возможностях их решения».[3] Понимаемое таким образом, продолжает автор, экологическое образование должно способствовать формированию экологического сознания и развитию экологической культуры как неотъемлемых компонентов концепции экологической политики, направленной на сохранение окружающей среды.

IV. Культурологическое направление. «В учебном заведении, по словам профессора В.И.Гараджа, вопрос заключается в том, чтобы здраво соразмерить возможности культурологии в том виде, как она сегодня есть, с теми надеждами, которые на нее возлагают, то есть адекватно определить место культурологии в решении задачи гуманитаризации образования» [4].

По мнению исследователей, культурология обозначает познавательное пространство, включающее достаточно широкий и не вполне определенный содержательно набор дисциплин, изучающих с помощью различных методов культуру в ее бесконечно многообразных аспектах. Очевидно, что между культурологией в таком ее содержании и преподаваемом в вузе предметом огромная и еще не пройденная дистанция. Необходимо определить, как пишут исследователи, «общественное звучание» преподавания культурологии здесь и сейчас, т.е. в современных российских условиях.

С учетом этнической и культурной «мозаичности» нашей страны обществу сегодня важно, чтобы система образования выполняла свою коммуникативную функцию, то есть давала достоверную и достаточную информацию о культуре, традициях, обычаях, религиях не только для определения своей идентичности молодым человеком, но и для понимания «других», существующих рядом и соприкасающихся в повседневной жизни культур и людей с иными взглядами [5]. Ибо приобщение к общечеловеческим культурным ценностям и постижение других культур – это путь к упрочению взаимотерпимости, толерантности, согласия в культурно неоднородном обществе, как наше.

Исходя из этого, культурология как учебный предмет должна стать пропедевтической (как философия и экология) дисциплиной, осуществляющей передачу содержания культуры как целостного феномена, синтезирующего совокупность материальных и духовных ценностей, раскрывающего их единство и взаимообусловленность.

Указанные направления актуальны для вузов любого профиля. Однако, профиль вуза, вероятно, требует особого подхода в соотношении рассмотренных дисциплин и способах их реализации. Кроме того, сегодня требуются от специалистов знания, умения, навыки в области управления, организации взаимодействия людей в процессе их трудовой деятельности, поэтому целесообразно изучение таких важных дисциплин как социология, экономика, социальная психология и правоведения. Учитывая решающую роль среды, непосредственного окружения, на превращение знаний в убеждения, учебный процесс должен быть построен в соответствии с этическими нормами, где особая роль принадлежит преподавателю как своего рода нравственному ориентиру. Такой подход заставляет рассматривать вопрос о качестве деятельности преподавателя. «Скажи мне, кто твой педагог, и я скажу, кто ты», - так можно было бы перефразировать известный афоризм. В этом перефразировании содержится глубокий смысл, связанный с тем, что именно педагогу предстоит воспитывать новое поколение тружеников и граждан России.

1. Сагатовский В. Нужны ли нам общественные науки? – Современная высшая школа, 1990 № 1 – С 53-56.
2. Фролов И. Наука и философия о человеке: настоящее и будущее. // Высшее образование в России. 2000. №2. С. 99 – 102.
3. Маркович Д.Ж. Глобализация и экологическое образование // Социологические исследования, 2001, №1 С. 17.
4. Культура, культурология и образование (материалы “Круглого стола”) // Вопросы философии №2, 1997.– С.50.
5. Вербицкий А.А. Основы концепции развития непрерывного экологического образования // Педагогика. 1997.

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДОЙ В РЕГИОНЕ

Реутов Е.В., Тришина Т.В. (Белгород)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества" №15-03-00378.

Межличностное доверие, удовлетворенность отношениями в микрогруппах и устойчивая коллективная идентичность являются важными показателями социального самочувствия и удовлетворенности качеством жизни и одновременно их существенным фактором. В частности, доверие представляет собой необходимое условие стабильности мироощущения людей, без которой оно деформируется и становится подверженным деградации и стрессу, и легитимации социального порядка. Как отмечает А. Селигмен, "власть, господство и насилие могут... на какое-то время решить проблему социального порядка, организации разделения труда и всего с этим связанного, но они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долгосрочной перспективе" [1, с. 7]. Используемое социологами понятие обобщенного межличностного доверия, выраженное в опросниках формулировкой "можно ли доверять большинству людей", служит достаточно четким показателем состояния массового сознания с точки зрения наличия в нем стрессов, тревожности и иных негативных состояний. Но эти субъективные установки отражают и вполне объективную ситуацию в обществе, уровень социальной и экономической стабильности, характер криминальной ситуации, наличие иных кризисных явлений.

В задачи данной статьи, написанной по результатам репрезентативного регионального исследования (ОАУ "Институт региональной кадровой политики", N=8363 респондента, июль-август 2016 г.), входит выявление параметров социального самочувствия, связанных с межличностным доверием и удовлетворенностью средой общения, и их динамики.

Полученные в ходе исследования данные позволяют констатировать достаточно благоприятную тенденцию в сфере обобщенного межличностного доверия. Так, более половины респондентов (55,9%) считают, что большинству людей можно доверять. Противоположную точку зрения высказали 36,9% опрошенных. Тем самым после достаточно ощутимого спада произошел возврат значений показателя к ситуации двухгодичной давности. По всей видимости, ощутимое ухудшение ситуации с межличностным доверием в 2015 году было связано со стрессом, вызванным развитием экономического кризиса, нарастанием тревожных ожиданий и неуверенности в будущем. В 2016 же году, хотя объективно ситуация и мало изменилась в лучшую сторону, массовое сознание вполне адаптировалось к новой реальности.

Показатель межличностного доверия коррелирует с некоторыми социально-демографическими характеристиками респондентов. Что характерно, пол респондентов, по сравнению с предыдущими волнами опросов, утратил значимость для выраженности обобщенного межличностного доверия. Ранее у женщин доверие носило более выраженный характер. Среди возрастных групп наибольший уровень обобщенного межличностного доверия зафиксирован у респондентов 30-39-ти и 40-59 лет - у них доля доверяющих большинству людей значительно превышает долю не доверяющих; заметно ниже уровень доверия - у "крайних" возрастных групп. Существенными оказались различия в поселенческих группах. В городах и поселках городского типа уровень доверия оказался значительно ниже, чем в сельской местности. Так, в городах и ПГТ 49,9% респондентов считают, что большинству людей можно доверять, и 43,0% - что нельзя. В селах это соотношение – 66,7% и 25,9%.

Удовлетворенность средой общения, являясь одним из индикаторов социального самочувствия, косвенно указывает и на приоритеты в социальной самоидентификации.

Учитывая "фамилистический" характер российского общества (во многом обусловленный дефицитом институционального и межличностного доверия), вполне объяснимо, что из всех кругов повседневных социальных взаимодействий наиболее высоко оценивается респондентами качество семейных отношений. Так, в той или иной мере удовлетворенность отношениями в семье выразили 79,8% опрошенных. Из них 48,2% - те, кто декларировал полную удовлетворенность. Неудовлетворенность семейными отношениями в той или иной мере отметили 8,8% опрошенных.

При этом из субъектов оценки оказались исключены 10,8% респондентов, не имеющих семьи. По сравнению с прошлыми волнами мониторинга следует отметить некоторую тенденцию к ухудшению оценок - заметно меньше стала доля респондентов, однозначно удовлетворенных отношениями в семье - она составила меньше половины выборочной совокупности. При этом необходимо учитывать сензитивность (чувствительность) темы семейных отношений для респондентов и возможное завышение оценок при необходимости их "внешней" презентации.

Небольшие различия в уровне удовлетворенности семейными отношениями прослеживаются в ответах мужчин и женщин. Первые несколько чаще дают однозначно благоприятные оценки. У женщин чуть выше уровень неудовлетворенности, хотя эта разница - в пределах статистической погрешности. Удовлетворенность семейными отношениями с увеличением возраста несколько снижается. У самой старшей возрастной группы это объясняется утратой семейных связей и проживанием в одиночестве, что обусловлено уходом из жизни супругов и территориальным отдалением детей. Однако наиболее высокий уровень неудовлетворенности наблюдается в возрастной группе 40-59-летних. Это новая по сравнению с прошлыми замерами тенденция. Не исключено, что в ситуации социально-экономической нестабильности именно этой возрастной группе приходится задействовать весь свой адаптивный потенциал. И это неизбежно отражается на качестве семейных отношений. Наиболее удовлетворены отношениями в семье молодые респонденты, которые, напротив, еще не испытали всех проблем, связанных с выстраиванием семейных отношений, с материальным обеспечением и воспитанием детей. Удовлетворенность отношениями в семье существенно не различается по поселенческому признаку, хотя с учетом того, что среди сельских респондентов оказалось заметно больше одиноких людей, в селе она все-таки выше.

С выходом за пределы семейных отношений на уровень дома, двора, улицы (в селе) высокая степень удовлетворенности сохраняется. Так, доля тех, кто удовлетворен в целом отношениями со своими соседями и людьми, проживающими в одном дворе, на одной улице, составила 83,8% - даже больше, чем отношениями в семье. И данный показатель, по сравнению с более ранними замерами (особенно с 2015 годом), вырос. Полностью удовлетворены соседскими отношениями 37,4% опрошенных; "скорее удовлетворены, чем не удовлетворены" 46,4%. Скорее не удовлетворены, чем удовлетворены, отношениями с соседями 11,5%, совершенно не удовлетворены 3,4%. Доля неудовлетворенных в целом соседскими отношениями, таким образом, составила около седьмой части опрошенных.

Однако при интерпретации данного факта необходимо учитывать, что, во-первых, в оценке удовлетворенности семейными отношениями не участвовала десятая часть выборочной совокупности - те, кто живет в одиночестве. И, во-вторых, специфика территориальных связей состоит в меньшей эмоциональной близости, нежели в семье, в наличии социальной и физической дистанции. Следовательно, оценивая качество соседских отношений респонденты исходят, прежде всего, из наличия или отсутствия явных конфликтов, нежели из качества реальных коммуникаций.

Удовлетворенность социальной средой на локальном уровне незначительно выше у мужчин - и это является новшеством по сравнению с прошлыми замерами, в которых женщины высказывали большую удовлетворенность. Существенных различий в удовлетворенности отношениями с соседями по возрастному признаку не выявлено, за исключением несколько более высокого уровня удовлетворенности у пожилых респондентов. Это вполне объяснимо, исходя из их более высокой коммуникабельности и наличия свободного для общения времени у неработающих пенсионеров.

В отличие от прошлогодних замеров, сельские жители перестали выказывать большую удовлетворенность отношениями с соседями. Теперь этот показатель практически не различается в зависимости от типа поселения. Это подтверждает отмеченную ранее тенденцию изменения структуры сельского населения - особенно вблизи городских агломераций. Если среди городских респондентов доля тех, кто полностью удовлетворен качеством отношений с соседями и людьми, проживающими в непосредственной близости, составила 36,8%, то среди сельских - 38,1%; скорее удовлетворенных - соответственно, 46,2% и 46,9%. То есть преимущество селян оказалось в пределах статистической погрешности. В целом не удовлетворены соседскими отношениями 15,7% горожан и 13,8% сельских жителей. В меньшей мере соответствует желаемому качество отношений на мезолокальном уровне - в городе, поселке, селе, в которых проживают респонденты. Однако и здесь доля тех, кто в целом удовлетворен отношениями между людьми, оказалась вполне сопоставимой с предыдущими уровнями взаимодействий и составила 77,0%. При этом тех, кто удовлетворен качеством отношений полностью - уже значительно меньше -

26,4%. Значения данного показателя преодолели прошлогодний спад и несколько превысили уровень 2014 года. Разница между «мужскими» и «женскими» ответами оказалась достаточно заметной - мужчины, как и в предыдущих случаях, чаще высказывали удовлетворенность, особенно выраженную в однозначной форме. Так, в целом удовлетворенных отношениями между людьми в городе (поселке, селе) среди мужчин - 79,6% (из них 31,7% полностью удовлетворены), среди женщин - 74,6% (из них 21,5% полностью удовлетворены). Возрастные различия в удовлетворенности отношениями в месте проживания незначительны. Но у самой старшей возрастной группы удовлетворенность выражена несколько сильнее. Достаточно заметной оказалась разница в ответах городских и сельских жителей (в пользу последних). Доли в целом удовлетворенных соответствующими отношениями различаются на 8,2 п.п. Отношения между людьми в сельской местности, по самооценке респондентов, гораздо более комфортны, нежели в городских поселениях. Если в селе доля положительных ответов составляет 82,2%, то в городе - 74,0%. И, наоборот отрицательных оценок в селе - 14,1%, в городских поселениях - 22,6%. Однако по сравнению с прошлогодними замерами различия достаточно существенно сгладились. Причем произошло это, главным образом, за счет улучшения оценок горожан.

Таким образом, рассматривая показатели обобщенного межличностного доверия и удовлетворенности социальными отношениями на микро- и мезолокальном уровнях социальной коммуникации, следует отметить улучшение социально-психологического климата по сравнению с прошлым годом и возврат, а в некоторых случаях и превышение показателей 2014 года. Наиболее существенный рост произошел в уровне обобщенного межличностного доверия. Ощутимо повысился уровень удовлетворенности отношениями между людьми на уровне соседского и местного сообществ.

1. Селигмен, А. Проблема доверия. - М.: Идея-Пресс, 2002. - 256 с.

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ИНДУСТРИИ КРАСОТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Салистая Г.С. (Москва)

Процессы культурной глобализации, экспансия массовой культуры, как источника потребления стандартизованных духовных ценностей и образа жизни, – оказывают значимое влияние на формирование потребностей, представлений и идеалов, стандартов поведения, ценностных ориентаций и ценностных установок. Восприятие красоты и эстетических норм внешности, – сталкивается с трансформациями, характерными и для культуры в целом. Традиционные представления о красоте, в контексте российской культуры, претерпевают в настоящее время значительные изменения. Колоссальное влияние западной культуры, тенденции к глобализации и унификации канонов женской красоты, приводят к формированию ценностных установок, направленных на «улучшение» внешности, согласно «идеалам красоты», навязанным масс культурой [1].

Воздействие средств массовой информации на человеческое сознание, создание культурных образцов и эстетических клише, эксплуатирующих ценностную взаимосвязь красоты и здоровья, – способствует продвижению культа молодости, оказывает активное влияние на представления социума. В контексте новых образцов массовой культуры, концепция женской красоты и связанные с ней ценностные установки, приобретают новые выражения. Красота становится условием социального принятия и выбор индивида, связанный с несоответствием стереотипам, влечет за собой определенные социальные потери. Ценностные установки, в основании которых лежит потребность действия в направлении работы над своей внешностью, обусловленные фактором социального принятия, – направляют индивида в сторону массового потребления услуг эстетической медицины и индустрии красоты по омоложению, коррекции параметров тела [4, 1092-1096].

Стремительное развитие медицинских технологий, создание инновационных препаратов и повышение доступности медицинских услуг в сфере красоты создают революционные возможности в достижении модных стандартов. Тем не менее, общество переживает эпидемию недовольства своей внешностью. В рекламных сообщениях красота связывается с идеей личного счастья; формирующиеся при этом ценностные установки выражаются в уверенности в том, что существующие проблемы взаимосвязаны с внешностью и могут быть решены, если выглядеть по-другому. Определенную роль играет и заинтересованность индустрии красоты в недовольстве

женщинами своей внешностью, ориентирующая на потребление производимых ею товаров и услуг.

Индустрия красоты, представляющая собой глобальный кластер, объединяющий производителей косметики и фармацевтических препаратов, салоны красоты и клиники пластической хирургии, – при различных технологиях, производит один и тот же продукт: управляемую внешность, которая управляет сознанием [3, 9-28]. Существующая корреляция между внешностью и успешностью, является источником ценностных установок, направленных на улучшение своей внешности. Формированию ценностных установок на молодость и красоту, способствуют также значительные финансовые средства индустрии моды и красоты, которые выделяются на продвижение «образцов для подражания» и модной внешности в аспекте телесности, стимулируя рост популярности в российском обществе процедур по увеличению губ, моделированию контуров лица, омоложению кожи. Роль ценностных установок потребителей индустрии красоты, связанных с ценностями: «современность», «универсальность», «демонстративность», – многократно усиливается под воздействием этого фактора.

Ценностные установки потребителей индустрии красоты связаны и с изменением социально-культурных оснований потребления в глобализации. В условиях глобализации культ европейского типа внешности, определение общего стандарта, – неадекватен этнической принадлежности статистического большинства. Основные проблемы социокультурного характера, связанные с визуализацией глобальной идентичности – это проблемы унификации культуры по базовому образцу и проблемы противоречия национально-культурной идентичности в условиях глобализации. Выбор потребителем европейского стандарта красоты, вне зависимости от этнического происхождения, порождает несоответствие между национально-культурной идентичностью и стремлению к европеизации внешности [2, 66-71].

Следует отметить риски для здоровья, связанные с усилением ценностных установок на достижение современных стандартов телесной красоты и стереотипов «идеальной» внешности. В применении разработок биомедицинских препаратов эстетической медицины присутствуют риски для здоровья и риски морального вреда, определяемые побочными действиями инвазивных вмешательств и отсутствием практик длительной апробации инновационных методик. Следствием распространения новых, нетрадиционных представлений о красоте, являются такие заболевания, как анорексия, булимия, дисморфофобия. Внушает опасения, обстоятельство особенной подверженности влиянию интенсивного воздействия масс-медиа, – молодых девушек и подростков.

Представления об эталонной внешности в различных культурах, существовали на протяжении всей истории человечества и продиктованы не только биологическими, но и социокультурными факторами. Общественные изменения в условиях глобализации породили новые культурные образцы, эталоны и ориентиры. Изменение канонов красоты в эпоху глобализации, размывающей этнические, национальные и территориальные границы приводит к возникновению проблем социокультурного характера.

1. Бутовская М. Л. Глобализация идеалов красоты и этнокультурная специфика . – [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.ruskolan.com/rasa/bytovsk2.htm>. (Дата обращения 29.01.2016)
2. Егорова С. И., Бобрехин А. А. Красота и нормативная внешность в условиях глобализации. // XXI ВЕК – ВЕК ДИЗАЙНА. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, под редакцией А. Б. Костериной. 2014. С.66-71
2. Иванов Д. В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI веке.// Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 9-28.
3. Патрикеева Э. Г., Соловьева О. А. Влияние моды и современных стандартов красоты на сознание и поведение девушек // Молодой ученый. 2015. №24. С 1092-1096.

ПРЕСТИЖ УЧИТЕЛЬСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сароян Я.О. (Курск)

Современное общество ставит определенные цели в воспитании молодежи перед учительской страной, где основным принципом является принцип гуманизма, который поставлен в противовес культивированию в подрастающем поколении силы, непринятии мнений и взглядов других людей, а также национальной и религиозной нетерпимости. Подобное гуманистическое

начало и принципы справедливости, которые заложены в модели современного учителя, реализуются в процессе воспитания человека, в формировании моральных и нравственных качеств у детей, разграничении «добра» и «зла». Мы уже говорили о противоречивом положении учителей, т.к. общество проявляет повышенные требования к образовательному процессу. Родители и школа требуют полноценной подготовки детей уже в дошкольном учреждении, а также уделению внимания индивидуальным особенностям детей.

На сегодняшний день остро встает вопрос о формировании такой модели учителя, который был способен к обеспечению высокого уровня образования, несмотря на ряд факторов, влияющих на качества образования. [Филлипова, 2011, с. 96] Эта модель должна включать в себя культурное и духовное обогащение современного учителя, работу над досугом и квалифицированную заботу о здоровье как учителей, так и учащихся. Учителя и педагоги должны отвечать современным требованиям общества, постоянно пополнять свои знания, умения и навыки, а также ощущать ответственность за профессиональную деятельность.

Проблемы современной школы особенно детально изучаются современными исследователями, поскольку эти проблемы порождают ряд проблем, связанных с самой активной возрастной группой общества, молодежью. Низкий престиж учителей, определенные трудности в создании и поддержании культурного и духовного воспитания детей, низкий уровень закрепляемости молодых учителей на рабочих местах – все это требует детального изучения для практического решения проблем.

На сегодняшний день, в период реформирования отечественного государства, особая роль возлагается на школу, выступающую как один из институтов социализации индивида. Учителя, как трансляторы знаний и умений, занимают самую активную позицию. При этом ведущая роль учительства как социально-профессиональной общности в воспитании и обучении подрастающего поколения обусловлена новыми задачами, возложенными на данную профессиональную группу государством. [Цвык, 2009, с. 50]

С одной стороны, в стране ведется активная политика по улучшению положения учителей, по усовершенствованию имущественного положения учительской страты и становлению структурированного педагогического корпуса, которое бы соответствовало современным потребностям социума. Примером такой активной деятельности государства является объявление 2010 года годом учителя. Реализация социального заказа и достижение поставленных целей может способствовать укреплению учительства в профессиональной иерархии.

С другой стороны, данная профессиональная страта находится в противоречивой и сложной ситуации, которая обусловлена систематическими процессами трансформации российского общества.

Важно обратить внимание на отношение педагогов к труду, их оценку своей профессии. Престиж - это духовная категория, которая возвышает учителя в его собственных глазах. Привлекательность педагогического труда лежит, прежде всего, в сфере, связанной с пониманием учителями своей миссии в обществе, с возможностью творческого самовыражения в работе. [Тимурова, 2008, с. 217]

Отмечая проблему падения престижа и привлекательности профессии учителя, на которую было направлено наше исследование, нам было важно выделить основные меры, которые были бы наиболее эффективными для повышения социального статуса учителя и престижа профессии.

Исходя из результатов исследования мы отмечаем, что одной из самых главных причин отрицательной тенденции понижения уровня престижа и привлекательности профессии учителя видят в низкой заработной плате, а значит, ее повышение будет эффективно воздействовать на привлечение молодых и перспективных людей в ряды учительского сообщества.

Безусловно, для повышения престижа учителей нужно также провести качественную социальную рекламу, это отмечают 62% опрошенных. 40% респондентов считают эффективной мерой введение дополнительных льгот для учителей, вышедших на пенсию. 22% опрошенных считают, что нужно расширить спектр предоставляемых государством социальных услуг, 17% отмечают в качестве эффективной меры проведение различных конкурсов, например «Учитель года». Ответы показывают, что наиболее остро для учителей стоит проблема материальной и социальной оплаты труда, признания обществом значимости и роли учителей в воспитании и формировании современной молодежи.

Последнее время молодежь выбирает себе профессию исходя из советов родных и знакомых. Именно поэтому мы задали респондентам такой вопрос: «Посоветовали бы Вы сегодня своему ребенку или ученика выбрать профессию «учитель»? Большая доля респондентов

посоветовала бы своему ребенку или ученику выбрать профессию «учитель», 33% опрошенных ответили отрицательно на этот вопрос, а 19% учителей затруднились ответить на поставленный вопрос.

Опираясь, на полученные данные можно сделать вывод, что большая часть учителей видят свою профессию достаточно почетной, интересной, творческой, что готовы посоветовать ее своему ребенку или ученику. Анализируя свой труд, отношение к своей профессии учителя демонстрируют довольно высокий уровень удовлетворенности разными аспектами своей деятельности, за исключением заработной платы. Привлекательность педагогического труда лежит, прежде всего, в сфере духовной и нравственной, связанной с пониманием учителями своей миссии в обществе, с возможностью творческого самовыражения работе. Удовлетворенность своей профессией складывается, из удовлетворения собой как педагогом и межличностным отношениями в коллективе образовательного учреждения.

Однако, учителя обеспокоены, что молодежь не считает привлекательным преподавание в школе, происходит «старение» кадров, а это является следствием недостаточной материальной оплатой этого кропотливого, труда. Респонденты желают быть признаны как представители почетной профессии – Учитель.

1. Тимирова Л. Н. Роль престижа профессий в изменении социально-профессиональной структуры общества // вестник кзу им. Н.а. некрасова: педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. №5 с.216-219.

2. Филиппов А. А. Социально-профессиональный статус школьного учителя в современном российском обществе // известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2 с.89-97.

3. Цвык В. А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии // вестник тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2009. № 4 с.44-52.

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И СИГАРЕТ КАК ЧАСТЬ СТИЛЯ ЖИЗНИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Сидоров Д.С., Чечикова С. В. (Санкт-Петербург)

В настоящее время потребление алкоголя и курение являются непосредственной частью стиля жизни, связанной не только с экономическим и социальным положением человека в обществе, культурным капиталом, но и, конечно, гендерными особенностями.

Изменения стиля жизни, связанные с процессами урбанизации, глобализации, сменой ценностных ориентиров влекут за собой изменения моделей поведения и потребительских практик, что сказывается на характере потребления сигарет и алкоголя. Половое и гендерное поведение является одними из важнейших факторов при различении потребления, которые выделяют многие исследователи. В частности, А. А. Демьянова и В. С. Тапилина отмечают, что мужчины являются более активными потребителями алкогольной продукции, в 2002 году среди мужчин потребляли алкоголь 82-88%, среди женщин – 63-71% [1, с. 84]. Кроме того, Я. М. Рощина указывает, что существуют различия в способе и месте потребления алкоголя в зависимости от пола: мужчины чаще, чем женщины, пьют до еды и без принятия пищи, а также пьют в парках или на улице [2].

В настоящее время отношение к потреблению алкоголя и сигарет видоизменилось, изменились практики потребления алкоголя и сигарет – всё это важно отслеживать для комплексного анализа гендерного аспекта с позиции культурного потребления для определения тенденций проведения досуга, культурной активности индивида, трансформации питейных обычаев и традиционного потребления.

Потребление алкоголя и сигарет можно рассматривать с точки зрения различных подходов, к примеру, социально-психологического, где практики потребления табака и алкоголя есть диалектическая соподчинённость сознательных и бессознательных процессов, основанных на соматической связи [3]. Социально-экономический подход изучает практики потребления табака и алкоголя как «институциональные практики» современного общества (известно, что значительная часть бюджета Российской империи и СССР пополнялась за счёт этой статьи доходов) [Там же]. С точки зрения медицинского подхода практики табакокурения и распития алкоголя – негативные явления, отражающиеся на функционировании внутренних органов, психике, и приносящее вред здоровью, зависимости, с которыми необходимо бороться медицинскими средствами, например,

профилактикой, предупреждением, информированием и т.п. [4]. В рамках социокультурного подхода раскрывается связь культурных особенностей, стилей жизни и стратегий поведения в рамках конкретного общества, также рассматриваются факторы риска, ведущие к неумеренному потреблению алкоголя: генетическая предрасположенность, неблагоприятная окружающая среда, социальные условия, культурные особенности и др. Так, наш анализ будет придерживаться социокультурного подхода, в основе которого генетический структурализм П. Бурдьё.

Таким образом, объектом исследования является потребление алкоголя и табака, предметом – гендерная специфика потребления алкоголя и сигарет. Цель: выявить различия в потреблении алкоголя и сигарет мужчинами и женщинами.

Методы исследования: опрос, включённое наблюдение, анализ документов, а вторичный анализ данных потребления алкоголя на базе данных RLMS.

Основная гипотеза: опираясь на концепцию П. Бурдьё можно предположить, что потребление алкоголя и сигарет воспроизводит принадлежность потребителя к определённой статусной позиции и ролевой позиции.

Итак, параметры потребления алкоголя и сигарет между мужчинами и женщинами различаются как количественно, так и качественно. Исследования показывают, что мужчины, в целом, пьют и курят существенно больше, чем женщины. М. Е. Позднякова установила, что соотношение между женщинами и мужчинами, склонными к потреблению алкоголя и других наркотических веществ в России можно определить как 1:7 [5]. Кроме того, мужчины предпочитают крепкий алкоголь, нежели женщины, которые чаще пьют более легкие напитки, например, вино.

Курение рассматривалось как социальное поле, где прослеживается целый ряд различных мотивов, стимулирующих людей прибегать к курению:

- 1) коммуникативная выгода — курение как повод и способ для значимой для агента коммуникации;
- 2) адаптивная выгода — курение как способ адаптации к новым социальным условиям или как следствие влияния;
- 3) утилитарная выгода — курение как способ избегания какой-либо деятельности или курение, порождённое рекреационными потребностями;
- 4) комплиментарная выгода — курение как дополнение к какой-либо другой деятельности;

Согласно данным полученным в ходе квартирного опроса в Волгограде курят 40% мужчин и 32% женщин. Абсолютно все социологические и медицинские исследования, посвященные проблемам курения, отмечают факт гендерного перекоса курильщиков. На наш взгляд, это можно объяснить, прежде всего, психологическими особенностями, а также тем обстоятельством, что женщины — будущие матери, а курение, как известно, отрицательно влияет на репродуктивную функцию. Таким образом, мы можем предположить, что женщины более, чем мужчины, склонны заботиться о своём здоровье и будущем потомстве (репродуктивном здоровье).

Наибольшее (треть) количество респондентов расположено в возрастном промежутке от 35 до 44. Исходя из допущения, что в основе курения лежит *illusio* социального поля курильщиков, подобное распределение ответов респондентов объясняется в первую очередь тем обстоятельством, что данная группа более всех других вовлечена в социальные интеракции, а, следовательно, более всех остальных нуждается в выгодах поля. Поэтому агенты, как рационально мыслящие существа, стремятся овладеть данными выгодами. Главной причиной для отказа от курения всё же являются витальные мотивы, на втором месте — коммуникационные мотивы.

Среди мотивов, по которым информанты отказались бы от курительных практик, были выделены следующие:

- ухудшение здоровья (представители обоих полов)
- если бы молодой человек (муж) запретил (Ж, 22)
- если бы бросили друзья (представители обоих полов)

Что касается алкоголя, то критерий Хи-квадрат показывает, что существуют значимые различия в потреблении алкоголя с сочетанием с пищей между мужчинами и женщинами: в отличие от женщин, мужчины могут потреблять алкоголь вне зависимости от сочетания с пищей – до, во время и без еды и более склонны к потреблению на улице, в парках. Таким образом, гендерные различия являются источником разного отношения и восприятия алкоголя, и как следствие потребление в различных культурных контекстах.

Значительно снизилось потребление алкоголя девушками в возрасте 14-18 и юношами в возрасте от 14 до 23 лет, что может быть обусловлено распространением культурно - досуговых и спортивных заведений, пропаганды здорового образа жизни. Наблюдается снижение потребления алкоголя и мужчин в возрасте 45-54 и у женщин свыше 65 лет, что, скорее, связано с состоянием здоровья, при этом растет потребление алкоголя (особенно у мужчин) в трудоспособном возрасте (алкоголь, как возможность отвлечься от бытовых, рабочих, семейных проблем) и в первые годы на пенсии, что связано с появлением свободного количества времени для встреч с друзьями, семьей и т.д.

Социально- экономические факторы не могут объяснить полностью, почему наблюдаются различия в потреблении алкоголя между одинаковыми по тому или иному признаку потребителями. Как отмечает П. Бурдые, в том случае, когда мы рассматриваем потребление в качестве функции от дохода оно «не может объяснить случаи, когда одинаковый доход сочетается с типами потребления, имеющими совершенно разную структуру» [6, с. 32].

Таким образом, мы можем говорить о культурной составляющей, то есть, о неком культурном капитале, во многом предопределяющем стиль потребления. Кроме того выбор модели потребления - не индивидуально-спонтанный, он формируется в зависимости от социальных условий, положения в обществе, общественных и культурных влияний. Культурные особенности общества могут спровоцировать то или иное поведение и практики потребления алкоголя и сигарет, например, тотальный контроль социальных институтов может привести к психологическому стрессу, что, в свою очередь, может вызвать потребление алкоголя в увеличенных объемах. Габитус различных потребителей будет находить выражение в практиках потребления и дифференциации характеристик, свойственных различным моделям потребления, и, тем самым, определять поведение потребителя. Курение как практика выступает в роли «повода» для коммуникации (в этом плане алкоголь также может выступать инструментом коммуникации), либо средством адаптации (в чужеродной среде, например в армии).

Таким образом, опираясь на концепцию П. Бурдые, было выяснено, что потребление алкоголя и сигарет воспроизводит принадлежность потребителя к определённой статусно-ролевой позиции и может выступать в качестве важного символического элемента, дополняющего тот или иной стиль потребления.

Существует, так называемый, «женский» тип потребления, для которого характерно потребление слабоалкогольных напитков (в частности, которые можно приготовить дома) и, по большей части, в сочетании с пищей. И «мужской» тип потребления, в котором преобладают крепкие спиртные напитки, а также пиво. Некоторые виды алкогольных напитков, например, самогон, остаются потребляемыми старшим поколением, и становятся менее популярными у молодых и потребителей в зрелом возрасте, которые начинают потреблять коктейли, мартини, ликеры.

Кроме того, можно наблюдать пересмотр взглядов и отношения индивидов к потреблению алкоголя и сигарет, и, как следствие, трансформации питейных обычаев и практик потребления алкоголя и сигарет (к примеру, стремительный рост так называемых «вейперов», а в отношении алкоголя в период с 2003 по 2010 годы прослеживается снижение уличного потребления (в парках, на улице, в подъездах), и, напротив, внедрение алкоголя в повседневную жизнь, как часть трапезы). Следует добавить, что в настоящее время эта тема особенно актуальна ввиду становления общества потребления и трансформации повседневных практик.

1. Демьянова А. А. Факторы и типы потребления алкоголя и табака в России. Электронный журнал «Экономическая социология». Том 6. №1. 2005. С. 78-94.
2. Рощина Я. М., Мартыненко П. А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах. [Электронный ресурс] / [Обращение к документу: 25 сентября 2016]. Режим доступа .
3. Кристакис Н., Фаулер Дж «Связанные одной сетью: как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели»/ перевод с английского Н. Сашина. Москва. United press. 2011. 313с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. М.: Прогресс. 1984. 188с.
5. Позднякова М. Е. Социальные и психологические предпосылки наркотизации // Россия: трансформирующееся общество // Под ред. В. А. Ядова. М: Канон-пресс. 2001. с. 532-545.
6. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. Т. 6. 2005. №. 3. С. 25-48.

МИГРАНТЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Смирнова Н.В. (Волгоград)

На протяжении последних десятилетий на территории страны и города Волгограда в частности наблюдается увеличение числа лиц разных национальностей, выходцев из стран ближнего зарубежья. В течение трех последних лет, в связи с событиями на Ближнем Востоке, а также событиями на Украине, наблюдается отток граждан из стран с неблагоприятным экономическим, политическим положением дел, а также в связи с напряженной конфликтной ситуацией внутри стран и ее отдельных регионах [1].

В условиях многонационального государства всегда присутствовала проблема в сфере межнациональных и межэтнических отношений, в результате чего возникали конфликтные ситуации на национальной и религиозной почве. В настоящее время проводятся исследования, направленные на изучение проблем миграции и межнациональных отношений, как в регионе, так и на территории всей страны. Отношение населения к мигрантам, представителям этнических национальностей и деятельности муниципальных органов власти в сфере регулирования межнациональных отношений на примере Ворошиловского района г. Волгограда изучалось на основании данных социологического исследования, проведенного в июле 2016 года среди представителей разных возрастных групп города Волгограда Ворошиловского района. В анкетировании принял участие 271 человек (случайная выборка), а в глубинном интервью 10 человек.

В процессе исследования респондентов просили оценить межнациональные отношения в регионе. Все опрошенные придерживались двух вариантов ответов, наиболее распространенным из которых был «ситуация внешне спокойная, но ощущается некоторая напряженность», которого придерживалось 66,1% от общего числа респондентов. Отметим, что ситуация напряженная и возможны конфликты 33,9% от общего числа респондентов. Анализируя распределение ответов опрошенных по национальному составу, было отмечено, что 77,3% русских находят ситуацию внешне спокойной, но ощущают напряженность, так же как и украинцы – 52,9%, армяне – 52,6%. Считают, что ситуация напряженная, возможны конфликты 100% казахов, 47,4% армян, 47,1% украинцев, 22,7% русских.

При ответе на вопрос «Испытываете ли Вы неприязнь к представителям каких-либо национальностей, проживающих в Ворошиловском районе?», 81,5% опрошенных отметили, что не испытывают неприязнь, при этом 45,1% отметили, что явная неприязнь присутствует, а 54,9% отметили её отсутствие.

В ходе исследования респондентам задали вопрос, заключающийся в том, насколько эффективна деятельность администрации г. Волгограда в сфере регулирования межэтнических и межнациональных отношений. В ходе исследования было выявлено 63,9% респондентами женского пола и 46,2% мужского пола, что деятельность администрации скорее эффективна, нежели неэффективна. Подобного мнения придерживаются респонденты 18-26 лет (64,4%), 27 – 35 лет (100%), 36 – 43 лет (52,6%), 44-51 лет (34,6%), 60 и старше (44,3%).

Проблема межнациональных отношений беспокоит не многих интервьюируемых, поэтому оценить ситуацию в регионе смог не каждый. Было отмечено, что до тех пор, пока каждый человек самостоятельно не столкнется с представителями иной национальности вживую и не произойдет столкновение их взглядов на почве различий в культуре каждого, в менталитете, в особенностях поведения, проблема не будет воспринята остро и не последует ответная реакция со стороны каждого в конфликтной ситуации:

«Люди не могут жить мудро и не могут сдерживать свое эго. Зато когда они получают по заслугам, то только тогда понимают, что разница в цвете кожи, разрезе глаз - она не повод для конфликтов. Среди каждой нации есть и плохие люди, и хорошие и если бы проводили мероприятия, нацеленные на сближение разных культур, конфессий, наций, то думаю, люди открыли бы глаза и все острые углы сгладились бы» (мужчина, 28 лет).

Интервьюируемым был задан вопрос, касающийся влияния СМИ на образ мигрантов, активно заселяющих территорию города. Было выявлено, что СМИ освещает все вопросы, касающиеся миграционной политики, миграционных служб и проблем, решение которых возложено на представителей миграционного контроля. Однако телевидение, печатные издания и новости интернета красочно описывают новости из-за рубежа, заявления и приказы представителей власти:

«Думаю, да. Сейчас СМИ - мощный рычаг давления всего. В случае с национальностями - тоже, однако, как говорится - нет дыма без огня. Конечно, какие-то истории выдуманные, но какие-то реальные» (женщина, 24 года).

В процессе проведения интервью опрошенным был задан вопрос, связанный с ощущением ими напряжения между коренным населением и приезжими, а также ущемляются ли права граждан в связи с увеличением количества приезжих в регион. Мнение интервьюируемых разделилось на два противоположных, одни высказывали точку зрения, что конфликтные ситуации в регионе не столь заметны, потому что не акцентируется внимание на отношениях между представителями разных национальностей, другие отметили, что межнациональные конфликты существовали на протяжении долгого времени, начиная с войн и захвата территорий. Поэтому в настоящее время, по мнению большинства, невозможно остановить столкновение интересов, потребностей людей разных национальностей, всегда существовала борьба за территорию, выживание и ресурсы [3]. Отсюда вытекали конфликты и противоборства между странами и, проживающими на их территориях, народами:

«Я думаю не всегда и носит частных характер, как и везде: нельзя делить все на черное и белое. Некоторые будут справедливы к человеку независимо от его национальности, а некоторые захотят помочь человеку своей национальности в первую очередь и вытянуть его за уши. Не важно в какой сфере, к примеру, в назначении на какую-то гос. должность или протащить в университет не взирая на уровень знаний... С одной стороны это хорошо, с другой плохо, когда сплоченность и братство перерастают в некое подобие национализма, в захватничество, когда выбирают не по уму, а только из-за принадлежности к той или иной национальности» (мужчина, 28 лет).

Источником напряженности, по мнению опрошенных, выступают сами люди. Вне зависимости от национальной принадлежности, вероисповедания, мировоззрения и обычаев. Поведение представителей различных национальностей связано с воспитанием, наличием или отсутствием основ культуры поведения. Многие приезжие стараются навязать свои порядки, на что следует соответствующая реакция со стороны коренного населения и правоохранительных органов [4]. Пока не нарушены права человека, пока никто насильно не вторгается в жизнь людей, а так же их личное пространство, не нарушает порядок в регионе и не вызывает негативное отношение к представителям различных национальностей, временно посетивших город или проживающих на постоянной основе как граждане страны, наблюдается спокойное и мирное взаимодействие граждан.

По результатам исследования было выявлено, что население Ворошиловского района г. Волгограда относится нейтрально к представителям различных национальностей, готово узнавать о традициях и обычаях этносов, мероприятиях, проводимых организациями в сфере межнациональных отношений, с целью интеграции культур коренного населения и культур других национальных групп, проживающих на территории города.

1. Абдулатипов, Р. Г. *Национальный вопрос и государственное устройство России [Текст]: монография / Р. Г. Абдулатипов. - М.: Славянский диалог, 2010. - 656 с.*
2. Ильин, В. И. *Механизмы реализации государственной национальной политики в Российской Федерации [Текст] / В. И. Ильин // Среднерусский вестник общественных наук. - 2012. - № 2. - С. 105-116.*
3. Крысько, В. Г. *Этнопсихология и межнациональные отношения [Текст]: курс лекций / В. Г. Крысько. - М.: Издательство "Экзамен", 2012. - 448 с.*
4. Мнацаканян, М. О. *Нации в современном глобальном мире: Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории [Текст]: монография / М. О. Мнацаканян. - Москва: Анкил, 2011. - 324 с.*
5. Мукомель, В. И. *Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальная практика [Текст] / В. И. Мукомель // Мир России. - 2011. - №1. - С. 34-50.*
6. Тишков, В. А. *Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа [Текст] / В. А. Тишков. — СПб.: СПбГУП, 2010. — 36 с.*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Смирнова С.В. (Сыктывкар)

Одной из приоритетных целей модернизации системы образования в рамках социокультурных изменений является создание основы для развития каждого ребенка, его

способности состояться в жизни, обладать рефлексивными навыками, возможности конструировать карьеру, собственную идентичность, жизнь, выбирать осознанно пути развития и управлять обстоятельствами.

Поэтому современный процесс усвоения и применения педагогами стандартов в образовании закономерно сопровождается процессом поиска, отбора и применения таких новшеств в воспитании и обучении детей, которые способствовали бы личностному развитию ребенка.

В связи с этим профстандарт педагога требует от каждого учителя умения организовывать педагогическую деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса, то есть умения проектировать воспитывающие и развивающие ситуации и события. [4]

При этом, одной из острейших проблем, глобальным вызовом современности является запрос государства и общества о духовно-нравственном воспитании детей, на которое возлагается множество надежд и ожиданий, связанных со становлением «Национального воспитательного идеала» – высшей цели образования, абсолютного представления о современном человеке. Возможно, именно по этой причине сегодня на первый план выдвигаются вопросы педагогической профилактики зависимого поведения детей. Хотя причины возникновения отклоняющегося поведения и его различных форм могут быть весьма разнообразны, но их симптоматика не возникает в одночасье, что позволяет предположить, что у любого отклонения - глубоко идущие корни. Чаще всего отклонения от нормы начинаются незаметно, и, как ни странно, с разрешения значимого взрослого.

Второй вызов – необходимость мирной и плодотворной совместной жизни с многочисленными непохожими друг на друга народностями, умение находить общий язык и общекультурные точки взаимодействия, исключая межнациональные конфликты. Умение гибко отстаивать свои традиции и ценности, выходить на конструктивный диалог и коммуникации. На территории России проживает более 190 народов, которым легко внушить, что терпимость, толерантность – позиция слабого. При этом, толерантность, терпимость являются нормой современного социального общества, в котором по каким-то причинам возникают различные виды отклонения от нормы. Поэтому вопросы воспитания толерантности неизменно сопровождают вопросы воспитания свободы и творческой самореализации.

Третий вызов – формирование компетенций для решения незапланированных задач будущего. Поэтому воспитание в целом должно пронизывать образование, а не сопутствовать ему. А.А. Попов, генеральный директор АНОДПО «Открытое образование», профессор ФГАУ «ФИРО», заведующий Лабораторией компетентных практик образования ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет» отмечает: «Компетентностные практики в образовании направлены на:

- системное представление учебного предмета;
- его соотношение со смежными учебными предметами;
- возможность конструирования необходимых средств-инструментов как новых предметностей;
- употребление этих инструментов в неопределенной ситуации;
- антропологическая организация по схеме: поведение - мобильность - идентичность» [3].

Таким образом, данная направленность достигается за счет всестороннего погружения в изучаемую область, использования актуальных средств развития способности творчески преобразовывать пространство вокруг себя, ориентируясь, при этом, на позиции других людей.

Параллельные процессы поиска наиболее актуальных форм развития человеческого потенциала и саморазвития происходят также и в других сферах жизнедеятельности, наиболее гибкой из которых, в силу своей специфики, является бизнес. Так, в базовых положениях о стратегическом управлении ведущих мировых корпораций, таких как Microsoft, ведется речь не только об освоении всем знакомых ключевых компетенций, но, в первую очередь, о развитии динамических возможностей. Так, к примеру, свои повседневные действия компания Microsoft основывает на ключевых компетенциях, которые складываются из ориентации на результат, развития духа конкуренции и открытости плохим новостям (Гейтс говорит: “Если что-то не так, я хочу все знать”). А их динамические возможности выглядят следующим образом:

- Способность предвидеть будущее и соотносить с ним свои действия.
- Способность учиться и изменяться.
- Способность принимать долгосрочные планы.

- Способность приводить нужных людей в корпорацию.
- Способность выстраивать партнерские отношения [1].

Так становится понятным, что динамика и мобильность – основные тренды в современном образовании.

В целом, в рамках данной статьи предлагаются к рассмотрению некоторые взгляды на систему многомерного развития личности учащихся и воспитательного взаимодействия как систему, актуальную для передачи знаний и опыта, то есть способную отвечать на глобальные вызовы современности. Основные отличия данной системы в том, что она является динамичной.

Ее динамичность строится на основе понимания того, что ребенок не развивается согласно плану воспитательной работы, когда в сентябре решаются вопросы нравственности, в октябре культуры поведения, в ноябре сотрудничества и т.д. Многомерность обеспечивается за счет акцента на развитие, которое происходит одновременно в различных направлениях, с различной глубиной восприятия, зависящей от актуальных жизненных условий каждого конкретного ребенка.

Процессуальный инструментарий системы многомерного воспитательного взаимодействия разработан сотрудниками кафедры воспитания и развития личности Коми республиканского института образования и включает следующие направления:

- ориентацию на целенаправленное и рефлексивное развитие духовно-нравственных, гражданских, патриотических, социальных, психологических и творческих качеств личности (Ценностно-целевой и Результативный блоки),

- смысловую основу пространства духовно-нравственного развития личности, которая пронизывает все учебное содержание, весь уклад школьной жизни, всю многоплановую деятельность школьника как человека, личности, гражданина [2] (Содержательный блок),

- использование актуальных технологий передачи молодым поколениям общественно-исторического опыта и навыков созидательного преобразования действительности (Процессуальный блок).

Данный подход представляется востребованным не только с точки зрения достижения устойчивых положительных эффектов воспитания в творческо-личностном взаимодействии педагога и ребенка, в профилактике зависимого поведения обучающихся и профессионального выгорания учителей, но и является своеобразным требованием времени, направленным на становление личности ребенка и развитие его собственной идентичности.

1. *Большаков З. Организационная архитектура Microsoft // Экономические стратегии. - Режим доступа: <http://www.cfin.ru/management/microsoft.shtml>*

2. *Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. — М.: Просвещение, 2009. — 30 с.*

3. *Попов А.А. Компетентностные практики образования в рамках стратегии развития человеческого потенциала. - Режим доступа: <http://www.opencu.ru/page/kompetentnostnye-praktiki-raboty-s-odarjonnymi-detmi-v-ramkah-strategii-razvitiya-chelovecheskogo-potenciala>*

4. *Профессиональный стандарт Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель) (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от «18» октября 2013 г. № 544н) - Режим доступа: <http://профстандартпедагога.рф>*

СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМА ПЛАСТИЧНОСТИ И НЕУСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Смолина Е.Г. (Волгоград)

Глобализационный процесс, характеризующий современное общественное развитие, оказывает свое влияние, в том числе и на идентичность человека. В настоящее время наблюдается кризис социальной идентичности, возникший в связи с множеством перемен, вызванных модернизацией. Основное затруднение в данном аспекте четко выражено З. Бауманом: «Проблема состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [1].

Множественный состав идентичности позволяет сделать вывод о том, что человек конструирует ее разными способами и под влиянием различных процессов. Предметом настоящей статьи является новый тип идентичности, выделяемый учеными в связи с возросшим влиянием сетевых коммуникаций на жизнь человека, и речь идет о сетевой идентичности молодежи как группы, наиболее активно включенной в сетевые процессы.

На настоящий день в науке нет четкого определения данного понятия, более того трактовка сетевой идентичности часто происходит в паре с категорией идентичности виртуальной. Одни авторы (такие как А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина) четко разграничивают их, другие (Е. В. Летов, Л. А. Фадеева) считают их синонимичными. В данной научной работе сетевая идентичность понимается как часть виртуальной, при этом последняя включает в себя разные практики, реализуемые в интернет-пространстве. Сетевая идентичность, конструируемая в интернет-коммуникации, ставит целью быть «презентированной» другим людям и осуществляется, по мнению автора, именно в социальных сетях. Общепринятое социологическое определение «социальной сети» – это объединение социальных позиций или социальных акторов (людей и организаций) и связей между ними. Относительно настоящей научной статьи категория «социальная сеть», прежде всего, означает сообщество как группу людей, общающихся между собой посредством сети интернет.

По данным Исследовательского холдинга Ромир, девять из десяти российских пользователей интернета ведут активную социальную жизнь в сети [2]. По мнению Д. Соловьева, одна из причин нахождения молодежи в социальной сети – прокрастинация [3]. Это откладывание дурных и неприятных мыслей, дел, эмоций «на потом». Вместо затраты энергии на решение определенной задачи мозг знает о возможности «ускользнуть от работы» и уйти в сеть, где времяпрепровождение не так энергетически затратно. Таким образом, респонденты, постоянно обращающиеся к онлайн-состоянию в сети просто не контролируют процесс и вместо дел начинают проводить время в интернете. Другими словами, им либо не хватает самодисциплины, либо они просто стремятся улучшить свое настроение, снизить давление реальности и отвлечься.

Однако, по мнению автора настоящей статьи, данная практика скорее происходит в силу формирования привычки у молодых людей. И это мнение подтверждается итогами авторского интервьюирования, в ходе которого на вопросы о зависимости от интернет-сетей и причинах частого обращения к ним в течение дня респонденты отвечали по типу «само собой получается», «руки сами тянутся», «это обычное дело для меня». Ведь на настоящий момент характер повседневности социальных сетей легко описать через призму понятия ритуальности. Удачное сравнение связано с тем, что под ритуалом понимается символическое действие, в котором утрачено его утилитарное значение. Также ему свойственны строго установленная форма и демонстративность. Применительно к онлайн-общению можно сказать, что вступать в сеть стало привычным действием: мы не задумываемся об истинном смысле такого акта. Строгость выражается в том, что в социальных сетях есть формы для обязательного заполнения, к примеру, а демонстративность как стремление личности заявить о себе во-многом раскрывается в размещении на странице «идеальных», «выгодных» или «удачных» фотографий. Типологизация пользователей сети посредством анализа фотоконтента ярко демонстрирует сущностную сторону сетевой идентичности и вполне конкретно говорит об интересах молодых людей. Ведь наличие на интернет-страничке большого числа семейных фотографий и кулинарных рецептов или наводнение профайла пользователя ссылками на важные политические и социально-экономические темы /умные мысли/события и встречи достаточно четко характеризует сферу занятости и предпочтения молодого участника сети. Важным является и тот факт, что в ходе исследования автором был выделен такой тип пользователя как «Виртуал». Он характеризуется тем, что буквально каждый момент своей жизни он стремится выложить в сеть: такой пользователь полностью воспроизводит через виртуальное пространство то, что происходит с ним в мире реальном. Многое о человеке говорит и лента новостей, ярко демонстрируя информационный контент, интересный пользователю сети. Этими текстовыми и визуальными наполнениями автор виртуальной странички формирует свою сетевую идентичность и показывает ее остальному социуму.

Однако все же основным выводом авторского исследования стал факт подтверждения изменчивости в поведении молодежи в сетях, ее неустойчивость в наполнении профиля и гибкость в возможностях конструирования сетевого Я, что говорит о так называемой пластичности сетевой идентичности. Отметим, что все действия молодого человека в социальной сети в конечном счете связаны с главным – желанием заявить о себе другим. При этом широкие возможности,

предлагаемые сетями для общения и виртуальной активности, нацелены на длительное пребывание на данных сайтах, а факт оценки, получения комментария, в конечном счете, направлен на желание получения одобрения, похвалы (например, наличие «лайкирования», репостов и их количество). Следовательно, самопрезентация в социальных сетях призвана нести хорошее впечатление о человеке, выгодное или точнее сказать – желаемое для пользователя (хотя многими конструируемый образ в силу рассеянности и невнимательности к характеру выкладываемой на публику информации не прибавляет плюсов к оценке личности). Поэтому сетевая идентичность – это публичное Я, требующее оценки, а в идеале одобрения. И если в реальной жизни этот процесс может стать трудоемким и растянутым во времени, то в виртуальном пространстве для похвалы достаточно очередной фотографии или статуса.

Таким образом, в рамках повседневных практик взаимодействия для организации популярного интернет-общения молодые люди формируют через виртуальный проект сетевую идентичность. Данный тип идентичности является новым, еще не до конца изученным, результаты авторского эмпирического исследования и вторичный анализ социологических результатов свидетельствует о том, что создаваемая сетевая идентичность в силу изменчивости молодежи и «необязательности» электронной коммуникации характеризуется такими чертами как пластичность, гибкость, и процессуальность, что подтверждает неустойчивый характер электронной коммуникации, реализуемой в анонимной и тексто-визуальной интернет-среде.

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Логос, 2005. - 390 с. ISBN 5-98704-075-2 2. Социально-сетевая жизнь http://romir.ru/studies/670_1432155600/ (дата обращения 05.10.2016).
3. Соловьев, Д. Человек в социальной сети http://www.chaskor.ru/article/chelovek_v_sotsialnoj_seti_27237 (дата обращения 06.10.2016).

ИНСТИТУТ КУРАТОРОВ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ МИГРАНТАМИ

Смольникова Л.В., Покровская Е. М., Колесник А. В. (Томск)

Острый вопрос о востребованности системной работы в сфере межнациональных отношений актуализирует необходимость решения существующих в данной области проблем и противоречий на всех институциональных уровнях, и в частности успешный опыт накоплен сегодня в ТУСУР – вузе, который традиционно многонационален, и активно работает по развитию кросскультурной безбарьерной межэтнической среды. Одной из приоритетных задач развития образовательного потенциала Томской области состоит в привлечении иностранных студентов [1]. Это обусловлено одним из новых векторов развития российского высшего образования является стремление выйти на международную арену. Поэтому изучения и выделения критериев формирования комфортной среды для взаимодействия молодежи в студенческом городе Томске независимо от расовой, национальной, культурной принадлежности является важным этапом в формировании международного образовательного пространства. На сегодняшний день на территории г. Томска приоритетным направлением в развитии международных образовательных отношений является мегапроект под названием «Азиатский вектор». Разработка данного направления включает множество задач различного значения, одной из которых является, привлечение мигрантов для обучения и работы из стран Азии. Таким образом, перед нами встала цель формирования и организации комфортного межкультурного пространства, которое позволило бы самореализоваться мигрантам на территории ТО [2].

Результаты многих отечественных и зарубежных исследований, в том числе выполняемых на базе ГФ ТУСУР по проблемам интеграции и учета культурно-ценностных потребностей демонстрируют, что люди, удовлетворяющие собственные потребности в самореализации, чаще проявляют толерантное отношение и эмпатическую позицию по отношению к мигрантам, чем люди с неудовлетворенными потребностями в самореализации. Данный факт напрямую связан с межнациональной напряженностью и устойчивой конфликтной позицией в обществе. Для гармоничного функционирования общества проблема самореализации мигранта имеет важное значение не только для самого мигранта, но и для принимающего сообщества, так как, с позиции гуманизма, самореализация является залогом стабильности общества в целом, а нарушение процесса самореализации ведет к личностным проблемам, деформации и, как следствие, деструктивным формам поведения, например, преступным. Позитивная тенденция современности,

когда происходит автономизация индивидов, их отделение от институализированных социальных взаимодействий и создается возможность для образования социальных связей и общностей, соответствующих их потребностям, стереотипам, форматам интерпретации действительности», подводит нас к поиску тех факторов (индивидуальных и средовых), которые бы способствовали образованию этих самых социальных связей и общностей, соответствующих потребностям, стереотипам, форматам интерпретации действительности, как мигрантам, так и принимающему сообществу (коренным жителям).

Еще один немаловажный момент, рассматриваемый в современном научном дискурсе, связан с макроэкономическими факторами влияния на отношение личности к другим странам. Снижение экономической ксенофобии как движущей силы скептических отношений посредством использования программы самореализации мигрантов, учитывающей их культурно-содержательные особенности позволяет формировать отношения не как конкурирующие, а как дополняющие [3].

Поскольку развитие личности осуществляется в ходе восприятия опыта, ценностных ориентаций определенного общества, используя механизм коммуникации индивидов в социальной и культурной среде, то диалогизм культурной предметности, «опредмечивания» личностью своих духовных сил и способностей в «распредмечивании» духовного содержания культуры, превращая его в собственное достояние служит залогом успеха любого кросскультурного взаимодействия, в том числе, в отношении коренного населения к мигрантам. Согласимся, что невозможно стать полноценной личностью в рамках одной культуры, поскольку собственные культурные представления должны быть соотнесены и взаимоувязаны с культурным наследием других цивилизаций, что возможно только при выходе на таком уровне самореализации как «уровень смысложизненной и ценностной реализации».

Все вышеобозначенное определяет необходимость системного рассмотрения вопросов самореализации личности [4].

В настоящее время сотрудниками гуманитарного факультета разрабатываются курсы для обучения студентов кураторов в рамках школы кураторства, студентов направления подготовки «Организация работы с молодежью» и для профессорско-преподавательского состава, направленные на эффективное взаимодействие с иностранными студентами (мигрантами).

С целью формирования благоприятного психологического климата, способствующего развитию не только адаптивного поведения, но и стремления мигрантов к самореализации в новой культурной среде было проведено социально-психологическое исследование в 2014 году на базе ТУСУР. Целью исследования являлся сравнительный анализ культурных и социально-психологических различий в мировосприятии и ценностных ориентациях у представителей различных культур (тюркская, иранская и славянская культуры). Исследование позволило изучить основные проблемы самореализации иностранных студентов (мигрантов) на территории г. Томска и наличие конфликтного потенциала местного населения к представителям других национальностей. Что легло в основу разработки специализированных способов и методов, направленных на актуализацию потребности в самореализации среди мигрантов (игровые, дискуссионные методы, социально-психологические тренинги, практические и лекционные занятия) и организовано в два этапа:

1. Через институт кураторов, который направлен на формирование положительной мотивации учебной деятельности, развитие студенческого самоуправления; формирование патриотической и нравственной позиции студентов, воспитание толерантности, потребности в освоении ценностей общечеловеческой и национальной культуры, участия в культурной жизни, формирование здорового образа жизни, привлечение студентов к внеаудиторной работе (кружки, художественная самодеятельность, спортивные секции и т.п.), повышение результатов обучения и воспитания. Разнообразие задач и функций кураторства стало одной из причин в проведении пробного использования данного способа взаимодействия с образовательными мигрантами.

2. Организация специализированных внеучебных занятий, направленных на актуализацию и развития личностного потенциала мигрантов в процессе адаптации к новой среде.

С помощью разработанной анкеты было выявлено число активистов на факультетах РТФ, РКФ, ФЭТ, ФСУ, ФВС, ГФ, ЭФ, ИИ, по результатам исследования проведен сравнительный анализ за 2013-2014 и 2014-2015 уч.гг. В опросе принимали участие 2527 студентов 1 курса ТУСУРа: 2013-2014 уч.г. – 1218 первокурсников, 2014-2015 уч.г. – 1309.

По результатам исследования можно сделать вывод: в целом по университету отмечается рост активности студентов-первокурсников в 2014-2015 уч.г. (42,4% – 2013-2014, 46,1% – 2014-

2015), в том числе и среди образовательных мигрантов (2013-2014 – 157, 2014-2015 – 219 студентов), что свидетельствует о включенности их в социум и процесс самореализации.

Благодаря взаимодействию деканатов университета был проведен сравнительный анализ академической успеваемости потоков 1 курса 2013-2014 и 2014-2015 уч.г., который позволил сделать вывод: в целом по всему университету отмечается рост академической успеваемости студентов-первокурсников, в 2014-2015 уч.г. увеличилось количество хорошистов на 108 человек и отчисленных стало меньше на 53, что свидетельствует о формировании студентами-кураторами среды, позволяющей раскрыть потенциал личности студентов, в том числе и образовательных мигрантов в принимающем сообществе и способствующей их самореализации.

Таким образом, опыт взаимодействия с образовательными мигрантами позволил определить несколько наиболее эффективных направлений работы: индивидуальное консультирование по различным вопросам (административным, жилищно-бытовым, психологическим и т.д.); семинары и клубы по интересам (своего рода группы помощи); творческие и спортивные объединения [5].

Опыт взаимодействия с образовательными мигрантами позволил нам определить несколько наиболее эффективных направлений работы, рекомендованных к активному внедрению в образовательную практику:

- индивидуальное консультирование по различным вопросам (административным, жилищно-бытовым, психологическим и т.д.);
- семинары и клубы по интересам (своего рода группы помощи);
- творческие и спортивные объединения.

Данные мероприятия зарекомендовали себя как эффективные, так как способствуют преодолению существующих барьеров в первичной адаптации и включению мигрантов в новую социокультурную среду.

1. Гришианов Л.К. Социологические проблемы адаптации студентов младших курсов // Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов к учебному процессу в вузе / Л.К. Гришианов, В.Д. Цуркан. – Кишинев, 1990. – С.29-41.

2. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Основы социально-культурной деятельности. – М., 2005.

3. Ронгинская Т.И. Изменение системы личностных характеристик в процессе адаптации студентов // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук. – Л., 1987. – 16с.

4. Сиомичев А.В. Психологические особенности адаптации студентов в сфере познания и общения в вузе / А.В. Сиомичев // Автореф. канд. пс. н. – Л., 1985. – 17с.

5. Большой толковый социологический словарь. режим доступа URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc.html>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ВНЕШНИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Соколова Д.А. (Владивосток)

Дальневосточный федеральный округ занимает ведущие в России позиции по экспорту в страны Азиатско-Тихоокеанского региона продукции военного машиностроения, круглых лесоматериалов, нефти и газа, рыбы и морепродуктов, продолжают устойчиво расти индексы валового регионального продукта, промышленного производства и инвестиций в основной капитал [13, с.74]. К сожалению, в Дальневосточном регионе России в последние годы складывается неблагоприятная демографическая обстановка, которая не соответствует темпам экономического роста региона. Численность экономически активного населения Дальневосточного субъекта Российской Федерации составляет 3,3 млн. чел. За прошедшие пять лет, значительно увеличилась доля трудового населения в общей его численности. Если в 2010г. она составляла 54.6%, то на первый квартал 2016г. - 70.1%.

Формирующийся на Российском Дальнем Востоке рынок труда на основе международного экономического взаимодействия предопределяет актуальность осмысления процессов внешней миграции и складывающейся этнополитической, социокультурной ситуации в регионе. Как отмечает профессор В.К. Заусаев «человеческий фактор становится ключевой составляющей экономического развития Дальнего Востока...; требуется информация о намерениях, мотивах, жизненных ценностях и установках людей для разработки управленческих решений по формированию постоянного населения» [13, с. 75]. По мнению профессора Ю.В. Билана «внешние

миграции - сложное социально-экономическое и культурно обусловленное явление, неоднозначное по последствиям и роли в функционировании обществ» [4, с.70]. В этой связи все большую актуальность приобретает «прогнозирование и конструирование миграционных процессов» на основе методов научной диагностики. «С управленческой точки зрения, все актуальней становятся вопросы регуляции миграционных потоков, интеграции и адаптации миграционных сообществ, неоднозначные процессы взаимодействия мигрантов и принимающих обществ, возрастание роли социокультурных факторов внешней миграции» [4, с.71].

Процессы, связанные с перемещением трудовых мигрантов из одной социальной среды в другую, не могут быть изучены в рамках классических концепций миграции. Понимание путей и способов социальной адаптации внешних трудовых мигрантов в принимающем обществе возможно лишь с учетом специфики новой организации социальных сообществ, отличительной особенностью которых по утверждению профессора Зигмунда Баумана является «отделение национальности от территории, усиливающаяся роль национальных и культурных диаспор», «краткосрочность ментальности» [1, p.29]. Многолетние исследования трансформации групповой идентичности с позиции деятельностно-активистского подхода под руководством крупнейшего российского социолога профессора В.А. Ядова показали изменчивость идентификации в больших сообществах. По утверждению российских исследователей «неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой современного общества» [5], что подтверждается концепцией High modernity (позднего модерна) Энтони Гидденса и теорией цивилизации повышенных рисков Ульриха Бека [6, 7].

Вопросы внешней миграции рабочей силы рассматриваются как экономическими, так и социальными науками. На сегодняшний день, бесспорно, признается ограниченность узкодисциплинарного подхода к изучению миграционного процесса и необходимость мультидисциплинарных исследований [2-4, 8; 10; 11]. Так, профессор Ю.В. Билан определяет следующие ограничения экономического подхода в изучении процессов внешней миграции рабочей силы:

- дескриптивность исследований на основе констатации статистических показателей и, как правило, отсутствие анализа социально-экономических изменений как следствия миграционных процессов;

- в исследовании процессов внешней миграции рабочей силы экономическая наука «опирается на довольно упрощенную модель человека (homo economicus), который воспринимается как рациональный и хорошо проинформированный искатель прибыли» [4, p.71].

- экономические науки недостаточно полно рассматривают социокультурную составляющую миграционного процесса. «Вне внимания экономической науки, как правило, остается то, что социокультурное измерение (восприятия, мотивации, цели и ценности) особенно важно в современном мире, где коммуникационные, логистические, транспортные технологии и массовая культура создают и возможность, и желание мигрировать» [4, p. 71];

1. - при исследовании внешней миграции рабочей силы экономические науки практически не учитывают институционально-нормативный аспект миграции, который определяется свободой выбора мигранта и жесткими рамками миграционной политики, в том числе и социокультурным миграционным режимом [9].

Практика показывает успешность интердисциплинарного подхода при изучении внешней миграции с использованием статистической, демографической, социологической, экономической информации. Прогнозирование и конструирование внешних миграционных процессов возможно лишь на основе мультидисциплинарной интеграции экономической науки и социологии в рамках неинституционализма, опирающегося на принцип методологического индивидуализма.

Следует отметить, современные программы социальной адаптации трудовых мигрантов, реализуемые в Дальневосточном федеральном округе, достаточно часто наталкиваются на острейшую социальную проблему. Существовая в условиях не всегда доброжелательного окружения, мигрантские общины трудовых мигрантов адаптируются к условиям принимающего общества, ориентируясь на неформальные (теневые) механизмы социальной адаптации. Процесс адаптации трудовых мигрантов, зачастую осуществляется в неформальной сфере, ускользает от внимания исследователей. В настоящее время отмечается явный недостаток конкретных исследований функционирования сообществ трудовых мигрантов применительно к социально-экономическим, социокультурным особенностям Дальневосточного региона России. Необходимо рассмотреть взаимоотношения мигрантских сообществ (диаспор) с принимающим населением, исследовать процессы трансформации групповой идентичности общностей трудовых мигрантов с

позиции мультидисциплинарности в рамках неоинституционализма. Также неясными остаются границы стратификации и места общностей трудовых мигрантов в современном этносоциальном, этнополитическом, социокультурном пространстве региона.

Для изучения закономерностей социальной адаптации, анализа процесса трансформации групповой идентичности общностей трудовых мигрантов в социокультурных условиях Российского Дальнего Востока необходимо рассмотреть данные процессы на некоторой социальной группе, которая, с одной стороны, обладала бы явными культурными отличиями, с другой, обладала бы достаточной степенью прозрачности, чтобы стать объектом исследования. Этим условиям предельно точно соответствуют община русскоговорящих этнических корейцев, вернувшихся на историческую Родину и проживающая в Республике Корея, и общность этнических корейцев, проживающих в Дальневосточном федеральном округе, предки которых вынуждены были покинуть Корейский полуостров. Эти анализируемые группы обладают вполне четкими и фиксируемыми признаками, отделяющими их от принимающего сообщества, являются достаточно «прозрачными» для исследования, отличаются высоким уровнем мотивации к интеграции в принимающее сообщество. Именно это делает мигрантские общности русскоговорящих этнических корейцев почти идеальным объектом для исследования процесса социальной адаптации мигрантов, установленные закономерности которой могут быть частично экстраполированы на иные сообщества мигрантов для оптимизации их вхождения в принимающее сообщество.

1. Bauman Zigmund *Individual Society*. Moscow: Logos, 2002. 437 p.
2. Bilan Y. *Specificity of Border Labour Migration // Transformations in Business & Economics*. 2012. № 11. P. 82-97.
3. Bilan Y. *Labour Migration of Ukraine's Population: Scientific and Public Discourse// Transformations in Business & Economics*. 2014. Vol. 13. № 1 (31). P.196-208.
4. Bilan Y., Chabelkova I. *Multidisciplinary Approach to migration processes investigation// Sociological Research*. N 9. 2015. P. 70-74/
5. Danilova E.N., Ydov V.A. *Instable Identity as a Norm of Modern Societies// Sociological Research*. 2004. N10. http://www.isras.ru/socis_2004_10.html
6. Giddens A. *The Third Way and its Critics*. Polity Press, 2000. P. 263;
7. Hogg Michael, Ridgway Cecilia *Social Identity Theory: Sociological and Social Psychological Approaches. Special Issue of Social Psychology Quarterly*. Vol 66 (2), 2003.
8. *International Migration, Economic Development & Policy (Trade and Development)*. World Bank Publications, 2007.
9. Lodewyckx I., Timmerman C., Wets J. *From Nation State to Migration State // Economics and Sociology*.2010. Vol. 3. № 2. P. 9-22. *Migrations: Interdisciplinary Perspectives*. Springer, 2012.
10. Mobasher M., Sadri M. *Migration, Globalization and Ethnic Relations: An Interdisciplinary Approach*. Pearson, 2003.
11. Ozshepkova V.V. *Introduction to the Multicultural Communication Theory/ - Moscow*. Moscow State Regional University Press. 2012. 189 P.
12. *Socioeconomic Situation on the Federal Districts//GRS.RU: Official site of the Federal State Statistical Survey. Q1 2016*. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm/ (accessed data 5.07.2016.)
13. Zausaev V.K. *Migration Process on the Far East: Social Assessments // Sociological Research*. N 12. 2015. P. 73-79.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ВНЕШНЕГО РОССИЙСКОГО ЭМИГРАНТА

Старых Н.П. (Орёл)

Статья посвящена изучению миграции как особого типа территориального поведения. Основное внимание уделено характеристике внешней миграции, факторам миграции. Акцентируется внимание на социальном портрете россиянина, готового эмигрировать из своей страны. Выводы и положения основаны на вторичном анализе эмпирических исследований по проблемам миграционной активности россиян.

The article is devoted to the study of migration as a special type of territorial behavior. The focus is on the characteristics of foreign migration, migration factors. The attention is focused on the social portrait of Russians ready to emigrate from their country. Conclusions and provisions are based on a secondary analysis of empirical research on the migration activity of the Russians.

Миграция является одним из важнейших типов территориального поведения человека. В настоящее время она приобретает новые черты, сохраняя при этом свое исходное значение – поиск

более благоприятных для жизни географических условий (природно-климатических, экономических, политических, социокультурных).

На желание изменить привычное место жительства, оказывают влияние определенные условия: обстоятельства (природного и экономического характера), воздействие которых делает невозможным дальнейшее проживание в данном регионе; возможность получить более выгодные предложения; доступность попадания мигранта в другой регион; наличие или отсутствие барьеров на пути; финансовые и языковые возможности.

Также необходимо учитывать, что немаловажную роль в процессе принятия решения о миграции играет субъективный фактор, включающий наличие жизненного стандарта. На формирование, которого накладывает отпечаток культура, традиции населения, восприимчивость к их изменениям.

Миграция является процессом селективным, и одни и те же факторы могут действовать на разных людей по-разному.

Внешняя миграция, как правило, связана с желанием покинуть свою страну. По данным [1] Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) большинство опрошенных россиян (85%) заявляют, что уезжать из своей страны не хотят. Особенно велика доля таких респондентов среди тех, кто старше 45 лет (93-98%).

Что касается россиян, сообщающих, что желают эмигрировать, то их доля на протяжении 2012-2013гг. колеблется в узких пределах 11-13%. Говорить о своем желании уехать из страны склонны прежде всего 18-24-летние (31%).

При этом те, кто сообщает о желании эмигрировать, все реже задумываются о том, когда именно они могли бы осуществить свое намерение: если в марте 2012 года представления об этом не было у 39%, то в 2013 - уже у 50%. Остальные респонденты сравнительно редко планируют эмиграцию в ближайшие год-два (5%, год назад таких было - 11%), и чаще откладывают осуществление этого намерения на более далекий срок: на ближайшие три-пять лет (15%), шесть-девять лет (9%), десятилетие и позже (8%).

Основной причиной, по которой респонденты желают уехать в другую страну, по-прежнему связана со стремлением улучшить условия жизни (58%, 2012 год - 46%). Вторым по значимости аргументом является представление, что за границей больше перспектив и возможностей реализовать себя, но об этом говорят реже (21%, 2012 год - 14%), как и о том, что там больше порядка (с 18 до 7%).

Сбор информации о стране переезда (26%) - главный способ подготовиться к эмиграции среди тех, кто желает эмигрировать. Также респонденты учат иностранный язык (19%), консультируются со знакомыми, переехавшими за рубеж (17%), копят деньги на переезд (14%). Реже потенциальные эмигранты ищут информацию о программах переезда (7%), работу за рубежом (6%), варианты вступления в брак с иностранцем (5%), образовательные программы, получают дополнительное образование и трудоустраиваются в зарубежные компании (по 4%). И еще 16% сообщили, что никаких действий не предпринимают.

В целом за последние пять лет отношение россиян к эмиграции несколько изменилось. Если пять лет назад более половины опрошенных считали, что эмигрировать из родной страны - это неправильно и непатриотично (58%), а чуть более трети придерживались позиции, что менять одну страну на другую - допустимо (37%), то сегодня доли сторонников этих позиций практически сравнялись (46 и 48% соответственно) [2].

Подтверждают данную тенденцию и результаты исследовательского холдинга Ромир [3].

Почти треть (31%) городских жителей России признались, что хотели бы эмигрировать из России. За семь лет, с момента, когда проводился аналогичный опрос, число желающих эмигрировать выросло на 12 процентных пунктов. Тем не менее, более половины респондентов (55%) не хотят менять страну постоянного проживания. Основные направления, которые привлекают россиян, остались прежними - Европа, Северная Америка и Австралия с Новой Зеландией. Хотя стоит отметить, что за семь лет значительно упала привлекательность европейских стран, и вырос интерес к Австралии.

Как показали результаты опроса, за семь лет увеличилась доля активных горожан, которые допускают мысль об эмиграции из России - с 19% до 31%. При этом число тех, кто не хочет менять страну, соответственно, сократилось - с 63% до 55%.

Несколько чаще о желании уехать из страны заявляли мужчины, горожане с высшим образованием и высоким доходом, состоящие в гражданском браке либо холостые. Доля

желающих эмигрировать из России значительно выше среди молодежи 18-24 лет (48%) и постепенно снижается с увеличением возраста участников опроса.

Респондентам, которые ответили утвердительно на вопрос о желании эмигрировать из страны, было также предложено уточнить, в какую страну они предпочли бы переехать. Более трети отвечавших на этот вопрос (37%) среди предпочтительных направлений назвали страны Европы. Причем несколько чаще такой вариант ответа давали молодые люди 18-24 лет, вероятно, только что закончившие учиться в вузах и начавшие строить карьеру – поэтому обладающие средним доходом. Столь резкое (с 51% в 2005 году) падение интереса к европейскому направлению, вероятно, можно объяснить кризисным состоянием, в котором пребывают в последнее время ряд европейских стран.

На втором месте по привлекательности оказались Австралия и Новая Зеландия – 23% участников опроса дали такой вариант ответа. Это направление значительно больше привлекает респондентов среднего возраста (35-44 года), со средним образованием и низким доходом, не обремененных узами официального брака.

О желании переехать в поисках лучшей жизни на североамериканский континент заявил каждый пятый (19%). Об Америке несколько чаще мечтают представители высокодоходной группы населения, горожане с высшим образованием.

За семь лет значительно увеличилась доля тех, кто хотел бы выехать в другие страны, например, в Японию и страны юго-восточной Азии. Интерес к азиатскому направлению вполне объясним – страны этого региона активно развиваются экономически. За последние годы значительно вырос туристический поток – азиатские страны многих привлекают дешевизной и более благоприятным климатом. Вдвое увеличилось число желающих переехать в страны Южной Америки [4].

Таким образом, опираясь на результаты социологических исследований ведущих социологических центров можно «нарисовать» следующий социальный портрет потенциального российского эмигранта. Это, прежде всего мужчина, проживающий в городе с высшим образованием и высоким доходом, холостой либо состоящий в гражданском браке, в возрасте от 18-24 лет. Основная причина переезда связана со стремлением улучшить условия жизни, поскольку доминирует представление, что за границей больше перспектив и возможностей реализовать себя и что там больше порядка. Основные направления, которые привлекают россиян, остались прежними – Европа, Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия.

1. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 6-7 июля 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.
2. «Пора валить?»: сколько в России сегодня потенциальных эмигрантов?» МОСКВА, 25 июля 2013 г. // [Электронный ресурс] <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114306> (дата обращения 20.10.2016)
3. В сентябре 2012 года исследовательский холдинг Ромир провел опрос на тему возможной эмиграции россиян. Аналогичное исследование проводилось в 2005 году. И в том, и в другом случае в опросе участвовали жители российских городов. В опросе приняли участие 1000 респондентов в возрасте от 18 до 50 лет и старше, проживающих в городах с населением от 100 тысяч и выше, из 8 федеральных округов. Выборка репрезентирует взрослое, экономически активное городское население России.
4. Все больше россиян задумываются об эмиграции. [Электронный ресурс] Опубликовано: 20.09.2012 // http://romir.ru/studies/390_1348084800/ (дата обращения 20.10.2016)

РУССКИЕ В АМЕРИКЕ ИЛИ АМЕРИКАНЦЫ ИЗ РОССИИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Степанов А.М. (Санкт-Петербург)

Предлагаемые к обсуждению на международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке» (К 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского) тезисы анализируют и осмысливают результаты эмпирического исследования, проведенного в октябре 2015 года в Лос-Анджелесе, Калифорния, США. Целью исследования являлось изучение транснациональных практик выходцев из СССР и России, постоянно проживающих в США.

Исследование проводилось методом глубинного биографического интервью. Было проведено девять интервью с выходцами из СССР и России, которые в настоящее время постоянно проживают и имеют гражданство США. Исследование выполнялось в рамках транснационального подхода. Он предполагает синтез традиционного подхода к изучению миграции, фиксирующего миграционные потоки, и подхода, который можно назвать *post-migration studies/dynamics/situations*, и который анализирует то, что происходит с людьми после миграции. В соответствии с выбранным подходом, фокус внимания исследователя был направлен на выявление повседневных практик информантов, которые помогли бы зафиксировать включение последних в различные социальные сети или повседневные миры как страны исхода, так и принимающего сообщества.

Транснационализм предполагает фиксацию мигранта одновременно в двух социальных пространствах: «здесь» и «там», в качестве таких пространств, как правило, рассматривают современные национальные государства (*nation-states*), границы которых в конце XX века в результате процессов глобализации и регионализации стали проницаемыми. В таких условиях происходит не совмещение повседневных миров мигранта, а увеличение их количества. Таким образом, транснациональные практики мигранта могут выражаться как в материальных и информационных связях со страной исхода, так и в структуре его повседневной жизни.[1]

Анализ проведенных интервью показал, что транснациональные практики присущи всем без исключения информантам вне зависимости от времени нахождения в принимающем сообществе. Были выявлены как материальные, так и информационные связи со страной исхода. Почти все информанты отметили, что стараются материально помогать родственникам, оставшимся на Родине, а также периодически их навещать или даже отправлять детей на лето к бабушкам или другим родственникам. На наличие удаленной коммуникации с друзьями и родственниками (общение по телефону или Skype, обмен SMS или сообщениями по электронной почте) указали все информанты, причем интенсивность такой коммуникации достаточно высока: общение происходит с периодичностью до нескольких раз в день. Кроме того, анализ повседневных практик информантов показал их одновременное присутствие в двух повседневных мирах: принимающего сообщества и страны исхода, которые выражались в языковых практиках, досуговых практиках и даже практиках питания.

1. Резаев А.В., Кивисто П., Введение// Сборник научных трудов международной исследовательской лаборатории СПбГУ «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ» Том 1, Часть 1 «Современные проблемы исследований транснационализма и миграции». Санкт-Петербург, 2015

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ КОМФОРТНОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

Суслова Т.И., Фирсова Л.В. (Томск)

Современное пространство культуры, наполненное инновационными моделями развития, включающее науку, образование, политику и бизнес, претерпевает серьезные изменения.

Актуализация этничности, обостренный интерес к межнациональным проблемам в XXI в. как характерная черта современной общественной и научной мысли становится непреложной составляющей в подготовке будущих специалистов, ориентированных на глобальное мировидение и участие в международной интегративной деятельности. В современном мире культура каждого народа тесно переплетена с другими. Функционирование и жизнедеятельность культур этносов основывается на взаимном диалоге и взаимодействии с другими культурами. Проблема культуры межэтнических отношений актуальна для тех регионов, где наблюдается высокий уровень этнического многообразия населения. Томская область в этом отношении является показательной, на ее территории проживает свыше 120 национальностей и народностей при том, что население области не превышает 1 млн. 200 тысяч человек. Плюс к этому в университетах города Томска обучается около 6000 тысяч студентов-иностранцев из общего числа студентов – чуть более 100 тысяч. Данная тема в течение ряда лет разрабатывается на уровне теории и практического взаимодействия с национально-культурными автономиями города ведущими преподавателями кафедры философии и социологии ТУСУР (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники), поскольку университет по доле иностранных учащихся занимает

стабильное третье место в России, что отражено в выступлениях и монографиях, многочисленных статьях[1]. В рамках образовательных курсов разработана и читается дисциплина «Межкультурные коммуникации». Во вводной части курса студенты получают теоретическое знание о том, что в условиях глобального мира, когда диалог культур затруднен, претерпели неудачи как политика ассимиляции, проводимая в Европе в послевоенное время, так и политика «плавильного котла» США. В условиях мультикультурного взаимодействия и многонационального общения в современной России при всем желании опереться на опыт многонационального коммунистического сосуществования представителей различных культур, современная практика не может. Система образования, школы и вузы находятся в сложном положении – отсутствует четкое представление, как строить взаимодействие и как учить налаживать общение с представителями других культур. Современная реальность показывает, что общие положения о необходимости развития способности конструктивно взаимодействовать в межнациональной культурной среде остаются в большинстве случаев лишь декларативными требованиями в высшем образовании. Концептуальные основания формирования модели комфортного межэтнического взаимодействия в культурно-образовательном пространстве вузов города Томска раскрыты на основании механизмов проектной работы в области межнациональных отношений. В частности, в 2015г был реализован грант РГНФ и Администрации Томской области «Создание программы самореализации мигрантов через изучение их культурно-ценностных потребностей», продолжен в 2016 г. [2,3].

Использование университетской инфраструктуры подчинено логике целенаправленного формирования модели комфортного межэтнического взаимодействия в культурно-образовательном пространстве вузов города Томска. В результате проведенных социологических опросов выявлено, что в ТУСУР обучается 30% иноэтничных студентов от общего числа обучающихся. По данным исследований прибывающие в Томск, зачастую испытывают затруднение в обучении, в общении со студенческим сообществом и преподавателями не только в процессе учебных занятий, но и во внеучебной жизни. Студенты-инофоны образуют национальные анклав, взаимодействие строится исключительно с представителями своей культурно-религиозной диаспоры и по принципу национально-языкового понимания и взаимодействия. Как следствие, студенты слабо интегрируются в социокультурное пространство вуза, а шире – города, что неизбежно приводит к не успешности, ощущению некоторой маргинальности. До недавнего времени российские исследования, посвященные иностранным студентам, как правило, имели количественный характер. На основании массовых опросов делались выводы относительно трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты, проживая и обучаясь в различных регионах России. В данный момент в российской исследовательской практике появились работы, посвященные качественному анализу условий проживания и обучения иностранных студентов. Так, в конце 2014 г. проектно-учебная лаборатория «Развитие университетов» НИУ ВШЭ в рамках исследовательской экспедиции провела серию интервью с иностранными студентами, обучающимися в Национальном исследовательском Томском политехническом университете (ТПУ) и ТУСУР.

Для исследовательской группы представлялось важным узнать об особенностях адаптации иностранных студентов, находящихся вдали от дома. С этой целью был проведен ряд полуструктурированных интервью, включающих блоки биографии студента, мотивов приезда и обучения в России, трудностей, связанных с адаптацией (проживание, обучение, коммуникация, культура). Интервью проводились на русском и переводчик (английского языка). Инструментарий разрабатывался с учетом индивидуального опыта проживания и обучения иностранного студента в новых условиях. Выяснились преимущества качественного подхода: возможность выявить или уточнить уже имеющиеся факторы, влияющие на адаптацию иностранных студентов; получить расширенную интерпретацию каждого из факторов, а тем самым – более глубокое понимание проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты; дает возможность выдвижения гипотез как о различных аспектах адаптации студентов, так и о возможности выстраивания стратегий проведения интервью и опросов в зависимости от национальной группы, к которой принадлежит студент. В ходе интервью выявилось толерантное отношение к студентам со стороны жителей принимающего сообщества. В сравнении с исследованиями других регионов, иностранные студенты в Томске ощущают себя спокойно в городе. Практически не было упоминаний инцидентов, связанных с проявлениями недоброжелательного отношения со стороны местного населения. Результаты качественного исследования являются важным дополнением к результатам количественного. Это позволило глубже проникнуть в содержание проблем, которые реально

стоят за цифрами, позволило университетам лучше понять иностранных студентов, их культуру, выстроить для каждой национальной группы особые стратегии взаимодействия и удовлетворить потребности каждого, тем самым сделав образование в России еще более привлекательным для иностранных граждан.

1. Сулова Т.И. Человек в мире-мир в человеке / Т.И. Сулова, Е.М. Покровская, Д.Н. Озеркин, Томск: В-Спектр. 2012. - 160 с.
2. Сулова Т.И., Покровская Е.М., Горских О.В., Смольникова Л.В. Механизмы эффективного межкультурного взаимодействия в региональной молодежной политике. Учебно-методическое пособие. – Томск: ТУСУР, 2014. – 80 с.
3. Университетская инфраструктура г. Томска – ресурс эффективного межкультурного взаимодействия. Учебное пособие. / Горских О. В., Покровская Е. М., Смольникова Л. В., Сулова Т. И. – 2014. 76 с. <http://edu.tusur.ru/training/publications/4124>

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: МНЕНИЯ РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Тамразян Н.А. (Барнаул)

Работа посвящена проблеме социального сиротства. Указываются причины и меры по первичной профилактике. Проведен сравнительный анализ системы социального сиротства в России и в Армении, а также представлены количественно обработанные данные мнения армянской и русской молодежи о заданной проблеме.

По официальным данным на фоне сокращения общей численности детей число детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, продолжает увеличиваться. В середине 2000-х годов количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигло чрезвычайно высокого уровня, что позволило многим экспертам заявлять о реальной угрозе национальной безопасности. Эта проблема не осталась незамеченной и высшими органами российской власти, что отразилось в комплексе мер, направленных на ее решение. В результате ситуация с сиротством детей в последние годы стабилизировалась [1, с. 105].

В России численность детей-сирот в 2015 году составила 71,4 тыс. детей. Это на 18% меньше, чем в конце 2014 года (87,6 тыс. детей) и на 33% меньше, чем в конце 2013 года (107 тыс. детей). За весь 2015 год передано на воспитание в замещающие семьи более 42 тыс. детей. Всего в России численность детей на 1 января 2015 г. составило 27 мил. 374 тыс. Соответственно, 3,83 % детей являются социальными сиротами.

В Армении на учете в государственном банке данных о детях находятся сведения о 1178 детях-сиротах за 2015 г., ситуация практически стабильная – в 2014 году число детей было 1140. Всего в Армении 13 детских домов, 8 из них государственные. Согласно национальной статистической службе детей в Армении на 1 января 2015 г. было 41 815 тыс., из этого следует, что 0,35% детей являются социальными сиротами.

В условиях нестабильности социально-политической обстановки, инфляции, безработицы и вынужденной миграции населения, снижения жизненного уровня семей, ослабления их инфраструктуры отмечается постоянный рост числа детей, находящихся в социально опасном положении, ухудшение физического и психического здоровья подрастающего поколения, увеличение социального сиротства, безнадзорности и беспризорности, преступности и наркомании среди детей и подростков [2, с. 40].

Самое драматичное последствие социального сиротства – это прямой вред здоровью, психическому и социальному развитию ребенка, лишившемуся попечения родителей. До 60% контингента домов ребенка составляют дети с тяжелой хронической патологией, преимущественно центральной нервной системы, относящиеся к III-IV (наиболее низким) группам здоровья. Почти 55% детей отстают в физическом развитии. Лишь 4,7% детей квалифицируются как практически здоровые.

Чем раньше ребенок отрывается от семьи, тем более выражены деформации по всем направлениям психического развития: основной приобретенный дефект – задержка психического развития и искажение личностного развития; комплекс сложных нарушений эмоционального развития – бедность эмоций, трудности в общении, пассивность, трудности адаптации в социуме и др. [4, с. 17].

Сравнительный анализ современной ситуации проблемы социального сиротства в России и Армении позволяет сделать следующие выводы.

Система учреждений для детей-сирот. В России достаточно развитая система учреждений для детей-сирот и детей, лишённых родительской опеки. В Армении мы практически не видим данной системы, поскольку приоритет отдаётся семейному воспитанию.

Усыновление. Длительна процедура, занимает много времени. Быстрая процедура. Иногда менее трёх дней. Желających усыновить ребёнка всегда очень много.

Причины социального сиротства. В России аморальное и асоциальное поведение родителей, отказ от детей. В Армении причины практически те же за исключением того, что случаи отказа от ребёнка очень и очень редкие.

Льготы для детей-сирот. В России бесплатное питание, ежемесячные выплаты, отдых и оздоровление. В Армении – предоставление жилой площади в подарок от государства, ежемесячные выплаты, отдых и оздоровление.

Образование. В России предоставляются льготы на образование, а так же бесплатное получение первого высшего образования. В Армении образование для детей-сирот полностью бесплатное.

Сиротство как социальное явление присуще любому обществу, даже самому гуманному, богатому и цивилизованному. Основной причиной пополнения контингента воспитанников домов ребенка, детских домов и школ-интернатов является алкоголизм.

Другими причинами увеличения числа детей-сирот при живых родителях являются падение социального престижа семьи, ее материальные и жилищные трудности, увеличение количества родителей, ведущих асоциальный образ жизни, рост внебрачной рождаемости.

Организационная структура образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остается традиционной и нуждается в создании новых форм устройства осиротевших детей. Возникают проблемы постинтернатной адаптации выпускников детских домов, выбора или сферы профессиональной деятельности, обеспечения жильем. Усугубляются проблемы дезорганизации семьи, прежде всего связанные с нестабильностью браков.

Возросло число семей с отрицательным психологическим климатом, сложными межличностными отношениями. Растущая бедность, увеличение количества неполных семей, распространяющаяся безработица, алкоголизм приводят к тому, что родители не могут, а часто не хотят воспитывать детей в соответствии с правовыми и моральными нормами. К тому же негативно влияют на детей своим образом жизни [3, с. 120].

Таким образом, в Армении и России в решении проблемы социального сиротства есть различия и сходства. Всем детям предоставляются льготы и бесплатное образование. Но самое главное отличие Армении в том, что вопросы ответственного родительства, серьезного отношения к браку включены в основную задачу воспитания детей, т.е в армянских школах, университетах нет специальных внеклассных уроков, предметов, посвященным данной теме, все эти вопросы решаются через воспитание, задача каждого родителя привить эти ценности своему ребенку уже с детства. Может быть, именно строгий подход к данному вопросу дает в будущем меньшее количество детей-сирот в стране.

Мы также попытались выявить отношение молодежи армянского и русского народов к лекциям, тренингам, которые способствуют подготовке к родительству, выявили, готовы ли они стать родителями, как они относятся к гражданскому браку и рождению ребенка вне брака.

Для решения поставленных задач был разработан инструментарий исследования, основным методом стало анкетирование.

Разработанная анкета состояла из 11 вопросов. Сбор данных осуществлялся через онлайн-анкетирование с помощью программы Google Формы. Выборку составили респонденты от 17 до 30 лет армянкой и русской этничности. Всего в исследовании приняли участие 186 человек. Полученные данные были обработаны количественно.

Ответы у разных национальностей не совпадают по трем вопросам.

1. Как Вы считаете, бабушки, дедушки, другие родственники должны помогать родителям в воспитании их детей?

Армяне: 11% нет, 89% да. Русские: да 44%, нет 56%.

Связь поколений очень важна, как отмечают многие ученые, именно она играет важную роль в судьбе ребенка, оставшегося без попечения родителей. Ведь лучше, чтобы он жил со своими родственниками, чем в детском доме.

2. Как Вы относитесь к гражданскому браку (приемлем ли он для Вас)?

Армяне: положительно 11%, отрицательно 89%. Русские: положительно 56%, отрицательно 44%.

3. Допустимо ли для Вас рождение ребенка вне брака?

Армяне: да 2%, нет 98%. Русские: да 49%, нет 51%

В целом, респонденты отвечают, что готовы и хотят стать родителями, но не желают принимать участие в курсах по подготовке к родительству, не хотят овладевать навыками по улучшению межполового взаимодействия.

Все перечисленные мероприятия (курсы, тренинги, лекции и т.д.) являются частью первичной профилактики социального сиротства. Они необходимы для создания здорового мыслящего поколения, ведь именно от них зависит не только их будущее, но и будущее всей страны.

Таким образом, был разработан ряд рекомендаций по первичной профилактике социального сиротства:

1. Проводить уроки, внеклассные часы, начиная уже с 9 класса, чтобы заранее подготовить молодежь ко взрослой жизни.

2. Проводить тренинги, ролевые игры, чтобы каждый мог «примерить» на себя роль родителя, и понять, какие трудности могут возникнуть.

3. Проводить деловые игры с участие разных национальностей, чтобы обменяться мнением об актуальной проблеме социального сиротства.

4. Ввести как обязательный предмет «Ответственное родительство» в университетскую программу.

1. Антонович И.В., Васильева Е.В., Дронова Е.Н., Калинина Ю.А., Мазайлова Т.А., Скорлупина Е.А., Сиротина Т.В., Чудова С.Г. Инновационные подходы в профилактике социального сиротства в Алтайском крае: институциональные и дискурсивные аспекты // Вестник Алтайской науки. 2013. № 1. С. 105-109.

2. Астоянц М.А. Отношение к детям-сиротам – толерантность или отторжение? // Социальная педагогика. 2005. N 2. С. 40-42.

3. Байтингер Е.В. Меры защиты воспитанников детского дома // Директор школы. 2002. N 4. С. 115-125.

4. Сиротина Т.В., Миллер С.М. Больничная клоунада как технология адаптации и реабилитации ребенка в больничном учреждении // Baikal Research Journal. 2015. T.6. №6. С. 17.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Тартыгашева Г.В. (Улан-Удэ)

Роль государства в формировании регионального культурного пространства.

Определяя социокультурную среду как совокупность культурных институтов, как макро- и микро условия, систему связей в социуме, которыми располагает социум и человек в процессе жизнедеятельности, необходимо выделить роль государства как культурно-просветительского института, оказывающего мощное влияние на духовную составляющую индивида в процессе жизнедеятельности. По-прежнему, в нашей стране, органы государственной власти и бюджетные учреждения культуры формируют и реализуют культурную политику, фактически, без участия других субъектов социально-культурных процессов. По-прежнему, они существуют для того, чтобы единолично и централизованно формировать просветительский контент, основанный на высоких стандартах европейской культуры и государственной идеологии. Любые творческие, креативные проекты явно и тайно надеются или требуют государственного финансирования и пока речи о самостоятельности и независимости от государства не идет.

Не смотря на все призывы и концепции реформирования, основанные на идеях децентрализации, эффективности, многосубъектности и свободы, именно государственные организации создают для человека культурное пространство, которое он должен обживать, в котором должен развиваться и реализовываться. Социокультурная среда – конкретное социальное пространство для каждого социального субъекта, посредством которого он активно включается в культурные связи общества.

Не смотря на то, что современный дискурс строится на том, что подобная модель государственной культурной политики устарела, а «консервативное хранение наследия и

выражение государственной идеологии – уже не соответствует ни запросам публики, ни задачам модернизации страны», ценности и смыслы социокультурного пространства формирует государство [Пермский проект, 2010].

Рост значимости культурного и творческого развития человека в современном обществе, «экспансия культуры», понимание ее как одного из важнейших показателей качества жизни, ставит новые задачи в области управления развитием отрасли культуры. Любые экономические преобразования неэффективны без полноценного удовлетворения культурных потребностей населения.

Современная социокультурная ситуация в регионах, характеризуется как депрессивная, изуродованная экономическим кризисом, скрытой массовой безработицей, «закредитованностью», массовыми миграционными настроениями. Неизбалованность, невысокий уровень притязаний жителей регионов не только по отношению к культуре, но и по отношению к другим аспектам жизнедеятельности территориальных сообществ, общероссийского социума в целом, низкий уровень политической культуры, приводит к общему снижению качества и уровня культуры в регионах.

В условиях затяжного экономического кризиса, тяжелых последствий революционных преобразований, неразвитого гражданского общества, а значит, фактически, отсутствия институтов меценатства, частных фондов, частного и совместного финансирования культурных мероприятий и деятельности учреждений культуры, региональные власти вынуждены изменять ситуацию депрессивности и отсталости не только на основе региональной экономики, но и сформировать некое новое культурное региональное пространство, радикально изменить взгляд на культуру как на стратегический ресурс новой экономики, обеспечения инновационного развития страны.

Результаты различных социологических опросов показывают, что одной из важнейших проблем, влияющей на качество жизни населения провинций, является культурное пространство, вернее его «провинциальность, скучность, отсутствие событий и интересных проектов». Почему люди хотят уехать в столицу? Прежде всего, потому что им важно наличие развитой городской культурной среды, наличие пространства, в котором они могли бы реализовать свои культурные потребности.

Безусловно, государство не в состоянии содержать столь разветвленную сеть клубов, библиотек, детских школ искусств и т.д., однако массовое сокращение этих учреждений еще более усугубляет социокультурную ситуацию и снижает качество жизни провинциальных жителей. Кроме того, в условиях неразвитого гражданского общества, индивиды не в состоянии самостоятельно и под свою ответственность качественно обеспечивать свои культурные потребности, а это порождает массовые депрессии и иные социальные проблемы. Нужно также отметить, что в соответствии со статьей 44 Конституции Российской Федерации: «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям». В наследство от советской культурной политики, нам досталось альтруистическое желание обеспечить равный доступ всего населения к ценностям элитарной культуры, в мире доступным не всем, но, к сожалению, за государственный счет, сегодня, это сложно осуществляемо.

Перед региональными властями стоят сложные задачи создания благоприятного привлекательного имиджа региона, реализации инновационной культурной и образовательной политики, формирования нового образа жизни, комфортной атмосферы и среды обитания, развития креативного предпринимательства, творческих индустрий, современных гуманитарных технологий.

Наиболее интересным и противоречивым примером изменения роли сферы культуры стал масштабный художественный мультикультурный проект «Пермь – культурная столица». Идея «экспансии культуры» реализуемая в Пермском крае в 2008-2012 гг., должна была решить типичные проблемы депрессивного региона, повысить его внутреннюю и внешнюю привлекательность, создать новый более комфортный и современный образ жизни. Как говорил основной разработчик проекта М. Гельман «мы реформируем отношение культуры и власти, когда во главу угла ставится такое понятие, как «качество досуга», который составляет «25 % качества жизни». Мы собираемся стать инновационной площадкой для тех процессов, которые, в любом случае, произойдут в России». [Полит.РУ..., 2009]. Хотя, в настоящее время, оценивая последствия реализации Пермского культурного проекта, можно получить диаметрально противоположные оценки, а также: «оценить достижения Пермского культурного проекта по

таким показателям, как «изменение качества жизни», «повышение индекса развития человеческого капитала» или «создание точек постиндустриального развития», вообще не представляется возможным в виду отсутствия общепринятых индикаторов и регулярных замеров». [Лысенко О.В., 2016]

Тем не менее, важные последствия пермской «культурной революции» заключаются в том, что произошло осознание того, что: ситуация «культурной пустыни», «затхлости и отсталости» в регионах такова, что именно региональные органы государственной власти, а не представители творческой интеллигенции, помимо чисто политических вопросов, должны заниматься творчеством, генерировать новые идеи, придумывать и реализовывать громкие культурные проекты и т.д.

Учитывая европейский опыт, а также опыт Пермского края, Министерство культуры Республики Бурятия формирует концепцию развития сферы культуры в рамках реализации культурного бренда республики «Бурятия – пространство впечатлений», в целях формирования имиджа культуры как конкурентного преимущества республики и развития туристского сегмента экономики. Программа направлена на:

- внедрение принципов творческих индустрий в развитие сферы культуры и искусства;
- повышение доступности и качества культурного продукта для населения и турпотоков;
- расширение межрегиональных контактов, создание позитивного международного имиджа Республики Бурятия;

Республики Бурятия;

- внедрение современных принципов менеджмента и маркетинга в деятельность учреждений культуры.

В процессе реализации данной концепции Министерство культуры Республики Бурятия решает главную задачу: создание актуального современного культурного пространства, которое было бы сопоставимо по профессиональному уровню и качеству с другими культурными столицами. Чтобы местные жители могли получать самые качественные, самые новые культурные впечатления, здесь в республике, чтобы избавиться от комплекса провинциальности и отсталости. В ситуации экономического спада и финансирования отрасли культуры по остаточному принципу, реализовать качественные культурные проекты нелегко, поэтому средства бюджета аккумулируются вокруг нескольких больших, но качественных, необычных творческих проектов, призванных не только познакомить зрителей с наследием мирового классического искусства и актуальными трендами современной культуры, но задать населению новые высокие культурные стандарты.

Государственные и муниципальные учреждения культуры должны исполнять функции центров инициатив местного населения, творческого самовыражения граждан, сохранения и развития национальных культур, народов проживающих на территории Республики Бурятия Этот новый формат культурной деятельности объединит различные секторы социально-культурной сферы и даст любому человеку возможность получить удовлетворение от общения с искусством, а также самому поучаствовать в созидании артефактов культуры в пространстве впечатлений [Тартыгашева, 2012]

1. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края. Пермь, 2010.

2. Полит.РУ... 29.10. 2009// URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/29/online291009>.

3. Лысенко О.В. Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологического исследования). // <http://magazines.russ.ru/nz/2016/1/posledstviya-permskogo-kulturnogo-proekta.html> (дата обращения 05.10.2016).

4. Проект концепции развития сферы культуры Республики Бурятия.// <http://buryatia2030.ru/wp-content/uploads/2015/10/ПРОЕКТ-КОНЦЕПЦИИ-РАЗВИТИЯ-СФЕРЫ-КУЛЬТУРЫ-РЕСПУБЛИКИ-БУРЯТИЯ.docx> (дата обращения 05.10.2016).

5. Тартыгашева Г.В. Интеллигенция и региональное культурное пространство. «Новая и «старая» интеллигенция: общее и особенное/ РГГУ, Социолог. Фак-т, Центр социолог. Исследований. М.:РГГУ, 2012

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Тимофеева Е.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

В условиях интенсификации различных форм мобильности становится особенно актуальным исследование процессов конструирования и поддержания границ. Культурная динамика национальных обществ способствует постоянному воспроизводству дискурсов

глобализации, модернизации и мобильности. Общественные трансформации на локальном уровне приводят к всплеску научного интереса к проблеме культурной идентичности.

Иерархизация идентичностей дает основания для анализа системообразующих механизмов конкретного национального общества. Нациестроительство во Франции нельзя считать завершенным процессом. Французская революция поставила вопрос о единой французской культуре, национальном самосознании французов, а также о демократической культуре и понимании легитимности [2]. Последнее утверждение связано с идеей гомогенности, которая используется для формирования различных сообществ как «форм социальной организации» (Ф. Барт). В случае с Францией доминирование региональной идентичности над общенациональной свидетельствует о степени релевантности республиканских принципов для стабильного функционирования социальной системы.

Идентичность не является статичной категорией, ее невозможно представить в форме набора объективных признаков [1, 174], поэтому она является одной из самых интересных, но в то же время сложных категорий для научного осмысления. Значимым ракурсом становится анализ имеющихся отношений между группами, нежели объективные культурные различия [3, 211]. Современность характеризуется «сдвигом пространственно-временной оси» (Т. Х. Эриксен), когда существенные изменения восприятия пространства и времени приводят к переосмыслению категорий научного анализа и акцентуации «новых» измерений. Одной из ключевых характеристик «сверхсовременности» (М. Оже) является избыточность доступного пространства, которая главным образом проявляется в дополнении реальных перемещений виртуальными. Глобализация, как процесс связывания культур, структур, идентичности (М. С. Куропятник) и осознание этого взаимовлияния, приводит к изменению восприятия пространства и социально значимых границ. «Идентичность, «государство» и «нация» составляют триаду основных категорий для исследований нации и национализма [1, 175].

Пространственная мобильность в форме международной миграции в контексте глобализации приобретает особое значение [4]. Интеграция иммигрантов во Франции имеет насыщенную в культурном отношении историю. Въезд иммигрантов европейского происхождения не обернулся резким усилением научного интереса к механизмам включения иммигрантов во французскую среду и восприятием этого процесса как потенциальной угрозы культуре национального большинства. Однако вторая половина XX века – время кардинальных изменений, которые связаны прежде всего с распадом колониальной системы и последующими изменениями характера иммиграционных потоков, когда доминирующей в количественном отношении группой иммигрантов стали выходцы из неевропейских стран. Культурная дистанция национального большинства и иммигрантов неевропейского происхождения позволяет обозначить новые контуры «жизни вместе» в рамках одного политического образования. Национальное большинство стремится поддерживать коллективную идентичность через оценку соответствия «новых» моделей поведения культуре большинства. На самом деле, утверждение единой культуры в рамках демократического режима содержит внутреннее противоречие.

Для республиканизма, как и для других политических идеологий, основной задачей была концептуализация идеи сообществ (У. Кимликка). Функциональный анализ последней позволяет утверждать, что коллективное измерение зачастую находится в противоречии с индивидуальным. Идея сообщества во Франции становится особенно актуальной, поскольку натурализация возможна только при условии доказательства индивидом интеграции во французское сообщество. Закрепление основ этой идеи на административном уровне приводит к теоретическому переосмыслению конфигурации французской нации.

Таким образом, трансформации социальной системы, обусловленные культурной динамикой французского общества, нуждаются в переосмыслении и осознании как на общественном, так и на политическом уровне, а «возрождение» и проблематизация концепта нации в современной французской социологии находят веские основания для изучения. Конфигурация концепта нации обусловлена социокультурными, политическими и экономическими измерениями, которые характеризуются «текучестью» (З. Бауман). В связи с этим профессиональное осмысление реконфигурации концепта национального общества в контексте глобализации в современных социальных науках приобретает особую значимость.

1. Куропятник А. И. *Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ*. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 208 с.
2. Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность*. М.: Academia, 1995. 245 с.

3. Эриксен Т. Х. *Что такое антропология?* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 238 с.

4. Rea A. et Tripiet M. *Sociologie de l'immigration*. Paris: La Découverte « Repères», 2008. 128 p.

КРИМИНАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩИН СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Трапш Н.А. (Ростов-на-Дону)

Организованный криминал в качестве особой формы девиантного поведения присутствует в общественной жизни с глубокой древности, эволюционируя в формальном и содержательном измерении. Финикийские и малайские пираты, китайские триады и итальянская мафия последовательно превратились не только в социально-экономический фактор, связанный с синхронным развитием определенного региона, но и в мощное культурное явление, детерминирующее реальное формирование ментальных установок отдельных личностей и локальных групп. Как представляется, преступный промысел, характерный для определенных этнических групп, способствовал системному генезису своеобразной профессиональной идентичности, отражающей базовые мировоззренческие ценности рассматриваемых сообществ.

В предшествующей и современной научной литературе достаточно широко освещается сложный процесс, связанный с последовательным формированием национальной преступности. В известных трудах Л.С. Арутюнова, С. Бальзамо, Т. Донелли, А.М. Зюкова, Л. Кларка, Л.А. Лузина, В.А. Номоконова и Е.В. Ткач были охарактеризованы имманентные моменты длительного и сложного генезиса этнической преступности, складывающейся в конкретных социокультурных контекстах [3,4,5,6,10,11,12,14,15,18,19]. В частности, исследовательская практика показала реальные механизмы системного воспроизводства криминального менталитета, объективные закономерности инновационного изменения избранного общественного сегмента и естественные особенности экономического обеспечения нелегальной деятельности. Подробная характеристика аналогичных свойств организованной преступности присутствует в фундаментальных работах Г. Абадинского, Ю.М. Антоняна, А.И. Гурова, В.В. Лунеева и Дж. Керри, опирающихся на значительный объем привлеченного эмпирического материала [1,2,9,15,16]. Следует выделить также специальные исследования, посвященные региональному измерению избранной проблематики [7,8], в том числе и на постсоветском пространстве. Особого внимания заслуживают отдельные работы, характеризующие социальные и психологические механизмы, определяющие последовательное формирование криминальной идентичности [13].

Этнические преступные сообщества формируются на прочной социальной основе, включающей устойчивые диаспорные группировки. В частности, итальянская мафия, контролирующая значительный сегмент криминального мира США, соединила в рамках собственного генезиса естественные свойства сицилийских общин (осознанная корпоративность, рациональное использование ограниченных ресурсов, жесткая ксенофобия) и важнейшие атрибуты индивидуального участия в общественной жизни (электоральная активность, пропагандистские кампании, эффективный диалог с заинтересованными властными структурами) [6]. Исследуемая специализация противозаконной деятельности также детерминируется социальными условиями, а в отдельных случаях и специфическими особенностями государственной политики, подавляющей специфическую экономическую инициативу, связанную, например, с алкогольным или наркотическим трафиком. Ирландские криминальные сообщества Большого Лондона, объединявшие физически крепких портовых грузчиков, традиционно специализировались на мелком рэке, тогда как китайские триады существенно усилили собственное влияние в период «опиумных войн», а чикагские гангстеры утроили привлеченные капиталы во время «сухого закона».

Специфическая среда крупных городов традиционно притягивает миграционные потоки, создавая благоприятные условия для хозяйственной адаптации и открывая разнообразные социальные лифты. Формирующиеся этнические общины последовательно приобретают коммерческую или производственную специализацию, нелегальный контроль над которой переходит родственным криминальным группировкам. В частности, китайские преступные сообщества традиционно «защищают» легальный бизнес законопослушных соотечественников, а итальянская мафия выполняет патерналистскую функцию по отношению к успешным выходцам с

Аппенинского полуострова. В исследуемом контексте социальный патернализм становится не только значимым элементом группового менталитета криминальных сообществ, но и естественным фундаментом для складывающейся «профессиональной» идентичности. В российских условиях преступные сообщества выполняют аналогичные патерналистские функции, связанные с системным покровительством азербайджанским рыночным торговцам или дагестанским таксистам, успешно контролирующим соответствующие экономические отрасли крупных мегаполисов.

Специфическая профессиональная идентичность этнических криминальных групп-пиравок включает и другие значимые элементы, среди которых неизменное следование неписанным правилам корпоративного поведения, обязательное отчисление определенной части заработанных средств в специализированные «страховые» фонды, тотальное неприятие любых форм социального и административного взаимодействия с властными структурами, правоохранительными органами и специальными службами. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что в современных условиях преступные сообщества системно включают многочисленных профессионалов, не имеющих исходной незаконной специализации и не испытывающих объективной необходимости в дальнейшем формировании соответствующих стереотипов индивидуального сознания. Инкорпорируя подобных специалистов, криминальные группировки последовательно приобретают новые черты собственной профессиональной идентичности, ранее характерные для используемых юристов, экономистов, бухгалтеров и программистов. Как представляется, указанный синтез детерминирует интенсивную вторичную социализацию преступных сообществ, органично интегрирующихся в легальную жизнедеятельность осваиваемых крупных мегаполисов.

1. Абадинский Г. *Организованная преступность* - СПб., 2002. - 388с.
2. Антонян Ю.М. *Исследование организованного преступного поведения*. - М., 2005. - 304 с.
3. Арутюнов Л.С. *К вопросу о транснациональном аспекте этнической преступности* // *Юридический мир*. - 2007. - №11. - С. 17-21.
4. Арутюнов Л.С. *Мотивация противоправного поведения среди представителей национальных общин (на примере иммигрантов)* // *Миграционное право*. - 2007. - №5. - С. 18-21.
5. Арутюнов Л.С. *Особенности возникновения преступности по признаку этнической идентичности*. // *Современное право*. - 2008. - №5. - С. 80-81.
6. Бальзамо У. *Мафия: первые сто лет* - М., 1996. - 448 с.
7. Геворгян Г.М. *Криминологические проблемы борьбы с организованными этническими преступными формированиями в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук*. - М., 2003.
8. Глонти Г. *Профессиональная преступность Грузии (воры в законе)*. Тбилиси, 2004. - 111 с.
9. Гуров А.И. *Профессиональная преступность. Прошлое и современность*. - М., 1990. - 304 с.
10. Доннели Т. *Китайские триады* // *Информационный бюллетень НЦБ Интерпола в России*. - 1993. - №5. - С. 48-50.
11. Зюков А.М. *Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых представителями разных этнических групп. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук*. - М., 2005.
12. Зюков А.М. *Проблемы исследования криминологических особенностей организованной преступности по признаку этнической идентичности*. // *Евразийский юридический журнал*. - 2009. - №8. - С. 131-134.
13. Касьяненко М.А. *О некоторых этносоциальных особенностях личности учитываемых при формировании этнических преступных группировок в РФ*. // *Российский следователь*. - 2007. - №7. - С. 30-32.
14. Кларк Р. *Преступность в США*. - М., 2002. - 212 с.
15. Лузин Л.А. *Уголовная и политическая преступность азиатских мигрантов (исторический аспект)*. - М., 2003. - 74 с.
16. Лунеев В.В. *Криминологическая характеристика организованной преступности в России*. // *Изучение организованной преступности: Российско-американский диалог*. М., 1997. - С. 33-48.
17. Лунеев В.В. *Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции*. // *Государство и право*. - 1996. - № 4. - С. 96-109.
18. Номоконов В.А. *Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность*. - Владивосток, 2001. - 469 с.
19. Ткач Е.В. *Нелегальная иммиграция и этническая преступность* // *Труды Академии управления МВД РФ*. - 2008. - №1(5). - С. 57-61.

ВЛИЯНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ПОЛИТИК НА МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ СТУДЕНТОВ: СЛУЧАИ КАЗАНИ И КИЕВА

Трегубова Н.Д., Степанов А.М. (Санкт-Петербург)

Тезисы, представленные на конференцию «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке», основаны на результатах исследования, проведенного в рамках гранта РФФ № 15-18-00101.

Действия администрации университетов, направленные на интеграцию студентов в единую среду общения, представляют собой один из наиболее важных факторов избегания межэтнической напряженности и предотвращения этносоциальных конфликтов. В каких случаях эти действия эффективны и уместны? В мае 2016 года исследовательским коллективом было проведено исследование в трех вузах Казани (КГЭУ, КНИТУ, К(П)ФУ) и одном вузе Киева (КНУ им. Т. Шевченко), включающее глубинные интервью со студентами, преподавателями и представителями администрации университетов. В фокусе исследования были процессы организации повседневного общения студентов и влияние на эти процессы межэтнических, межрегиональных и языковых границ, в том числе – воздействие администрации университетов на данные процессы.

Казань и Киев представляют собой два случая неоднородной этносоциальной среды, сформированной в общих рамках советской политики нациестроительства (Т. Мартин), однако эти два случая различаются по ключевым параметрам. Казань – столица республики Татарстан, субъекта РФ, имеющего смешанный этнический, преимущественно русско-татарский состав населения; Казань является крупным региональным образовательным центром и привлекает внутренних и внешних образовательных мигрантов. Киев – столица Украины, является преимущественно моноэтническим украинским городом и образовательным центром странового масштаба, при этом важной характеристикой различия между внутренними образовательными мигрантами, связанной также с региональным делением, является базовый язык общения (украинский, российский, оба). В университетах Казани образование ведется на русском языке, в университетах Киева – на украинском (если не считать отдельные англоязычные программы). Соответственно, при интервьюировании информантов в Казани мы сосредоточились на влиянии на повседневное общение этнических («национальных») и языковых (для иностранных студентов) различий, при интервью в КНУ – на влиянии языковых и региональных различий.

В обоих городах не было зафиксировано открытых конфликтов между студентами, которые могли бы классифицироваться иначе, нежели «бытовые». Тем не менее, мы обнаружили, что структурирование студентов на группы повседневного общения в соответствии с этническими, региональными и (или) языковыми признаками в отношении иностранных студентов во многом зависело от внутриуниверситетских политик интеграции или их отсутствия. Для внутренних образовательных мигрантов, однако, оно определялось скорее общим региональным или страновым контекстом.

В отношении внешних образовательных мигрантов может быть отмечено следующее. В одном из вузов Казани проводились специальные мероприятия (смешанное расселение в общежитиях, беседы со студентами, праздники), направленные на включение иностранных студентов, плохо владеющих русским языком, что приводило к их включению в жизнь студенчества на уровне университета. В других случаях образование дружеских связей и кругов общения иностранных студентов в вузах происходило эпизодически или не происходило вовсе, так другие студенты и преподаватели могли не знать об их существовании.

В отношении внутренних образовательных мигрантов на фоне общей положительной динамики общения были зафиксированы некоторые противоречивые тенденции. В случае Казани межэтническая интеграция и создание «татарстанской» надэтнической идентичности, по-видимому, являются глубоко усвоенным императивом, так что артикуляция этнических различий часто в принципе избегается. Это делает затруднительным реконструкцию сетей общения студентов. В случае Киева язык не является помехой в общении между студентами, однако иногда может выступать как барьер в начале обучения, что, впрочем, потом преодолевается. Кроме того, некоторыми информантами были отмечены тенденции к группированию студентов по

региональному признаку и по признаку «киевлянин-приезжий», что, однако, отрицалось другими информантами. Представляется, что окончательные выводы по обоим случаям могут быть сделаны только на основании более детального анализа сетей общения студентов.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИЯ: НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ Ю.ХАБЕРМАСА

Трофимов С.В. (Москва)

События 11 сентября 2001 года серьёзным образом потрясли западноевропейский мир. Однако «черная пятница» 13 ноября 2015 года показала, что проблема безопасного существования привычного западного мира не только остаётся актуальной, но и становится всё более насущной.

Через месяц после катастрофы в Нью-Йорке Юрген Хабермас произносит речь в церкви Святого Павла во Франкфурте-на-Майне по случаю вручения ему Премии мира Биржевого союза немецкой книготорговли [1]. В этой ёмкой статье он называет социальные причины, обусловившие с одной стороны, сам террористический акт, отразивший противоречия западного и мусульманского миров, с другой, окрасившие светскую реакцию в рамках западного общества в глубоко религиозные тона.

По мнению Хабермаса, события 11 сентября 2001 года должны были перевести конфликт между «поборниками академической науки и представителями церквей», то есть верующими и сторонниками секулярности, на совершенно новый уровень понимания проблемы:

Террористы, сделавшие смертельным орудием гражданские авиалайнеры с пассажирами и направившие их на символ международной глобальной бизнес-системы – башни-близнецы Мирового торгового центра, явным образом мотивировали свои действия религиозными убеждениями. Тем более удивительной стала реакция на это из ряда вон выходящее событие. У прикованных к экранам телевизоров европейцев и американцев эта сцена вызывала практически ветхозаветные ассоциации (разрушение Вавилонской башни). Ветхозаветные образы звучали в дискурсе возмездия американского президента. Также показательным было то, что охваченные скорбью или чувством солидарности люди пришли в религиозные центры – синагоги, церкви, мечети – чтобы выразить свои чувства на траурных церемониях.

Вместе с тем, Хабермас утверждает, что проявившийся в этой катастрофе религиозный фундаментализм является исключительно современным и связан непосредственно с процессом глобализации.

Если секулярные процессы проходили в Европе в течение нескольких веков, затронув как христианскую, так и еврейскую общины, то современный мусульманский мир оказался решительным образом не готов к мгновенному восприятию новой парадигмы.

Ю.Хабермас отмечает, что секулярное общество предъявило к своим гражданам требование нерелигиозного решения вопросов публичной сферы, что по сути дела являлось несимметричным. Верующие оказались вынуждены «раскалывать свою идентичность на публичную и частную составляющие», с тем, чтобы «переводить на светский язык свои религиозные убеждения». Вместе с тем, в силу длительного процесса в западноевропейском обществе верующие и неверующие достаточно хорошо приспособились к такой ситуации. Вместе с тем, подвижная граница между секулярными и религиозными основаниями понимается как кооперативная задача, требующая от обеих сторон признать перспективы каждой из них.

Что касается выходцев из мусульманского мира, в этих обществах граница между светским и религиозным не просто не проведена или каким-то образом не демаркирована, а, напротив, даже не подразумевается.

Соответственно, оказываясь перед вызовами глобализации, выходцы из мусульманского мира отказываются производить операцию разделения мирского и религиозного. Ю.Хабермас считает, что перспективы улучшения материальных условий жизни в процессе глобализации оказывается противопоставлен мучительной фрустрации, происходящей вследствие утраты потенциальными террористами своих корней, традиции, социальной территории, происходящее в результате быстрой и радикальной модернизации общества на их родине.

Еще один вывод Хабермаса касается возврата постгуманизма к религиозным началам.

За пятнадцать лет, прошедших с момента, когда Хабермас произнес свою речь, ситуация, изменившись с одной стороны, с другой полностью подтверждает выводы сделанные философом.

Проблема «нашествия» беженцев, предсказанный, но произошедший при полной неготовности французских (и в целом европейских) властей и силовиков на него оперативно отреагировать террористический акт «черной пятницы 13 ноября 2015 года» (кстати, совершенно

европейская символика «дурной приметы», использованная разработчиками теракта) – показали столкновение религиозного и светского дискурса. Религия становится индикатором происходящего конфликта, хотя не объясняет и не ограничивает. Происходящий процесс не только и не столько религиозный, сколько политический, территориальный, экономический.

Намеченные Эрвьё-Леже еще в 1999 году в работе «Паломник и обращенный. Религия в движении» [2] проблемы мусульманского сообщества в Европе остаются сегодня прежними, прежде всего «опыт отрицания социальной идентичности, с которым они (мусульманская молодежь – С.Т.) ежедневно сталкиваются приводит к тому, что религия становится для них пространством, на котором возможно достижение достоинства и построение собственной идентичности. Они требуют возможности коллективно и публично исповедовать ислам, который они усваивают как основное (фундаментальное) измерение их социальной и культурной идентичности: единственное культурное и символическое благо, которое они могут особым образом обладать перед лицом «чистокровных французов (Français de souche)» и позволяющий им преобразовать насильно навязанное исключение в добровольно принимаемое отличие». [2,32]

Показательно, что не дало ожидаемых результатов решение основать в 1998 в рамках французского университета Центр изучения ислама, на стыке образования и научного исследования, способного формировать религиозную образованную элиту (а не имамов), что, по мнению правительства, должно было сформировать новых мусульманских лидеров, к которым прислушалось бы большинство французских мусульман. [см. 2, 33].

Если в конце уходящего XX века, еще казалось, что необходимо предоставить соответствующие условия для интеграции, ситуацию удастся, по меньшей мере, контролировать... то сегодня становится очевидным, что значительная часть мусульманское сообщество больше не собирается интегрироваться в западноевропейское. Подобно карикатурному городку Брадфорду, переименованному его обитателями в Брاديстан, из британского фильма «Восток есть восток» East Is East (1999), в Европе наблюдаются целые анклавов (в Париже и пригородах, в Брюсселе, в Великобритании), где люди остаются на европейской территории, но полностью в привычной им культуре. Европейская полиция не решается входить на эти территории, так что они оказываются практически стихийно самоуправляемыми.

Религиозные аспекты отмечают, в какой то мере становятся видимыми индикаторами более сложных социальных процессов. Они оказываются на «виду», благодаря тому, как это показал Хабермас, в условиях социальных изменений, утраты привычных статусов и условий, люди оформляют свой протест в виде усиления религиозной мотивации своих действий. Там, где неустойчивое равновесие нарушается – происходит социальный взрыв, осложняемый недовольством местного европейского населения, которое в свою очередь испытывает фрустрацию, утрату безопасности, боязни потерять свои территории, привычный общественный уклад и ценности.

1. Хабермас Юрген. *Вера и знание // Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 117-131.*

2. Danièle Hervieu-Léger. *Le pèlerin et converti. La religion en mouvement. Paris, Flammarion, 1999 – P.290. ISBN: 978-2-0808-0017-6.*

ДРЕСС-КОД В ВУЗАХ РОССИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ ОДНООБРАЗИЯ И ДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург)

Путешествуя по различным учреждениям и корпорациям дресс-код, наконец добрался и до высших учебных заведений России. Объект регулирования и запретов – религиозная и национальная одежда студентов. Дополнительному табуированию подверглись и национальные танцы (и обряды) народов России. МГИМО, РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева, Волгоградский госуниверситет, Донской государственный технический университет (ДГТУ) – неполный список вузов, в которых действуют гласные и негласные запреты на определенный тип одежды, головные уборы и проявления национальной/религиозной идентичности [1]. В Мосгордуме поддержали введение дресс-кода в московских вузах (2016). Наиболее откровенно и простодушно аргументировал в пользу запретов ректор ДГТУ Б. Месхи. Если каждый будет носить национальную одежду, это превратится в выставку, и будем ходить как попугаи. У нас принята отвечающая требованиям вуза гражданская одежда: рубашка, брюки, галстук [2]. В ДГТУ не разрешают в будние дни, во внеучебное время

исполнять национальные танцы, в первую очередь кавказские. Необходимо отметить, что г. Ростов-на-Дону, где располагается данный и иные вузы – пространство, где стали наиболее решительно практиковать запреты на исполнение «лезгинки» в общественных местах, начиная с 2012 года. Напомним, что Ростов-на-Дону всегда был и центром Донского края и Северного Кавказа. СКНЦ, СКВО и многие другие учреждения и организации располагались именно здесь. В городе всегда было много ученых, военных, студентов, иностранцев, уроженцев Северного Кавказа и Украины. В постсоветское время, когда был образован Южный федеральный округ, именно Ростов-на-Дону получил статус его негласной столицы. Однако, вместо того, чтобы интегрировать различные субъекты ЮФО в нечто единое с общей идентичностью, основанной на различиях, здесь предпочли другой проект. Приоритет – донская, казачья идентичность вне связи с иными (кроме русской) корнями. Отсюда, разнообразная регламентация и запреты на проявление северокавказской идентичности.

Отметим, что дресс-код в виде униформы давно практикуется в военных и полувоенных учебных заведениях России. Мундиры, фуражки с кокардой, сапоги и ботинки, шинели, знаки отличия – непреходящий и нормальный атрибут подобных негражданских вузов. Для гражданских образовательных учреждений была принята относительно свободная одежда, в основном светская. Формальные запреты на отличия в одежде отсутствовали. Например, иностранные студенты в большом количестве, обучавшиеся в советских вузах могли посещать лекции в своих национальных костюмах и головных уборах.

Школа в России была объектом периодического регулирования дресс-кода – то вводили, то отменяли. До революции 1917 года он унифицировал и одновременно разделял учащихся. После свержения самодержавия школьная форма как атрибут принуждения, несвободы и милитаризации была отменена. После ВОВ ее восстановили в статусе. В 1994 году ее опять отменили. В 2013 году она была вновь введена, но уже не как единая для всей страны, а с вариациями – региональными, муниципальными и частными. С 2014 года дресс-код стал проникать в пространства университетов. В вузах, где он был введен доминировать стал корпоративный деловой стиль – явное влияние бизнес среды и делового мышления. В литературе можно встретить работы, которые пытаются придумать аргументацию в пользу введения делового костюма (и для мужчин и для женщин) в вузовскую среду.

Рассматриваемый процесс и явление требует адекватной социологической интерпретации. Представляется целесообразным тезисно обозначить шесть основных моментов, объясняющих распространение дресс-кода в гражданских вузах России.

1. Европейщина.

Практика, которую анализировал и высмеивал еще Н.Я. Данилевский. Речь идет о бездумном заимствовании определенного стиля в одежде без учета традиций и разнообразия и превращение его в обязательный атрибут.

2. Издержки модернизма.

Модернизм боролся, вытеснял традиционализм (традиции, обряды, верования, ментальность, национальные костюмы, головные уборы, промыслы и т.п.). Исключение посредством символического насилия.

3. Дресс-код – следствие централизации, унификации и стандартизации.

Углубляется процесс формальной рационализации, в рамках которого одежда – оператор конструирования статусной принадлежности. Отличие между группами, сходство и единство между индивидами внутри социальной группы.

4. Столкновение различных идеологий и практик идентичности.

В современном идеологическом поле существуют и взаимодействуют: светский, религиозный фундаментализм и неотрадиционализм, либерализм и консерватизм; модернизм и постмодернизм.

5. Господство экономизма и корпоративизма.

Модерн навязал распространение корпоративно-делового стиля в одежде, аксессуарах, головных уборах на различные сферы общественной жизни и институтов.

Однако, динамика модернистской рационализации и вширь и вглубь столкнулась с революцией в новых корпорациях. В эпоху постиндустриализма в наиболее продвинутых компаниях, особенно связанных с инновационным сектором, новыми технологиями, сетевыми структурами привычный деловой стиль в одежде перестает доминировать. Формируется своя субкультура свободы одеваться и этикета. Свобода творчества в экономике знаний породила свободу от традиционного дресс-кода. Агенты конструирования нового повседневного

корпоративного стиля – капиталисты-революционеры в новых областях предпринимательства (С. Джобс, С. Брин, М. Цукерберг и др.).

6. Дисциплинарность.

Навязывание дресс-кода в вузах можно аргументировать в духе дисциплинарного общества М. Фуко, описанного им в работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» (1975). Согласно подходу М. Фуко социальной единицей в дисциплинарном обществе, которое является продуктом модерна, выступает тело индивида. Рационализация (как ключевой проект модерна) предполагает конструирование тела посредством, в частности, его дисциплинирования. В свою очередь данный процесс предполагает формирование условий, правил и обстоятельств для подчинения тела определенной логике – логике послушания и унификации. Как ходить, что носить, знаки отличия – результаты методического дисциплинирования. Дисциплинирование, по сути, это составная часть скрытой программы образовательного процесса.

1. Диана Евдокимова. Форменный запрет. Вузы по всей стране вводят дресс-код для студентов. URL://www.New izv.ru. 15 сентября 2014 г. (дата обращения 24.08.2016).

2. Бесарион Месхи: студенты с Кавказа гордые и ранимые, их нужно уважать и понимать культуру. Интервью ТАСС 23 августа 2016 г. URL:http://www.tass.ru (дата обращения 26.08.2016).

ЧЕЧЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИКЕ ГРОЗНОГО

Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург)

Память и забвение – два спутника идентичности.

Процесс конструирования этнической и региональной (территориальной) идентичности тесно связан с трансформацией символического пространства города. Научный интерес представляет ситуация в столичных центрах Северного Кавказа. Столицы-центры принятия решений по топонимическому переделу. Здесь вырабатывается идеология и политика идентичности и памяти, легитимизируется и транслируется на другие пространства регионов, а также и за их пределы. Напомним, что символическое присвоение и освоение пространства СКФО осуществлялось в различные периоды его истории – в царский, советский, а ныне и в постсоветский. В последнем случае волна переименований совпадает с началом распада советской матрицы урбанонимов.

Наиболее интенсивно новые наименования и переименования улиц и площадей в Грозном стали появляться после 2004 года. Вторая половина двухтысячных поворотный пункт в топонимическом переделе символического пространства города. Практически разрушенный двумя войнами в процессе своего возрождения Грозный стал изобретать собственную идентичность и урбанонимы. Милитарный период в постсоветской истории города способствовал мемориализации одних урбанонимов и забвению других. У процесса поэтапного восстановления и нового изобретения чеченской символики есть свой и общий контекст: социально-демографический, политический, идеологический и социокультурный.

Изучение процессов символической трансформации Грозного предполагает обнаружение связи между изменениями в городской топонимике и конструированием новой чеченской идентичности. Анализ социальных практик по топонимическому переделу – важный шаг в прояснении смысла происходящего в городском пространстве региона. Чеченская столица избавляется от экзогенных символов советской и коммунистической идентичности.

1) от топонимов с именами идеологов международной пролетарской революции (К. Маркс, В.И. Ленин, К. Цеткин, Р. Люксембург и др.);

2) от урбанонимов с именами идеологов и практиков русской революции и гражданской войны (Ленин, Киров, Тухачевский, Маяковский, Чернышевский).

Процесс топонимического передела включает так же деконструкцию трудовой символики советского периода (ул. Стахановцев, ул. Рабочая и др.) и минимизацию русской (славянской) символики.

Персонализация и тематизация городской топонимики Грозного на сегодняшний день представляет собой симбиоз из:

а) этнокультурных мемориальных символов – светских и религиозных (проект «чеченизации»). Речь идет о конструировании топонимического пантеона героев чеченской

истории – прошлой и современной, память о которых закрепляется в городском пространстве и включена в актуальную культуру Чечни и в образовательный процесс.

Мемориализация городского пространства Грозного включает и сакральные ценности вайнахов. В отличие от других столиц СКФО здесь активно формируется единство, симбиоз светского и религиозного в городской архитектуре, антропологии, урбанизме и топонимике. Особое значение в процессе топонимического обновления придается двум ключевым духовным источникам чеченцев – учениям тарикатов Кадирийя и Накшбандийя. Память о подвижниках-учителях и их потомках, сохранивших веру и религиозные практики, закрепляется в городском топонимическом пространстве (Шейхи – Кунта – Хаджи Кишиев, Денни Арсанов, Али-Митаев, А.Х. Яндаров и др.). В мемориальном пантеоне героев прошлого легализованы и герои сопротивления – чеченского и кавказского (Дадин Айбика, А. Авторханов, имам Шамиль). Мемориализация затронула и политических лидеров современной истории Чечни (А.-Х. Кадыров, Д.-В. Абдурахманов);

б) региональных – внутрикавказских урбанонимов. Речь идет о сохранении практики обменов наименованиями между регионами Северного Кавказа, сложившаяся еще в советский период. В Грозном можно встретить улицы Грузинская, Кабардинская, Калмыцкая, Махачкалинская, Нальчикская, аллея Дружбы Кабардино-Балкарской и Чеченской республик;

в) общероссийских национальных символов, отражающих прошлое культурное наследие, признаваемое агентами конструирования:

- классики русской литературы (Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Толстой, Чехов);

- пионеры технических достижений в области космонавтики (Гагарин, Терешкова, Николаев, Титов, Попович);

г) современных российских символов политического и военного характера (В.В. Путин, Г.Н. Трошев, Г. Угрюмов).

Таким образом, деконструкцию постигли городские топонимы, отражающие официальную память о революции и гражданской войне, репрессиях, героике труда и ВОВ, идеологии коммунизма. Процесс изобретения урбанонимов Грозного продолжается, а чеченская идентичность закрепляется и легитимируется на его улицах, площадях, аллеях и скверах.

ОТРАЖЕНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА АУДИТОРИЮ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Фаткуллина Г.Р. (Уфа)

Первые серьезные шаги в изучении аудитории телевидения и влияния телевидения на аудиторию были предприняты на Западе в 20-30-х годах XX века в США. С развитием телефонизации в США и в связи с осознанием того факта, что информация недолго задерживается в памяти слушателей, возникли две разновидности методик. Первая предполагала телефонный опрос в процессе прослушивания, вторая - на следующий день после выхода передачи в эфир. В тот же период возникли первые коммерческие социологические службы, специализировавшиеся исключительно на измерениях аудитории.

В Европе первыми изучать аудиторию телевидения начала британская государственная корпорация ВВС, проводящая с середины 30-х годов ежедневные замеры аудитории.

В начале 1970-х годов ведущими исследователями медиакультуры Д. Мак – Вейлом, Г. Блумлером и Брауном, были опубликованы результаты своего исследования о сущности целей в отношении СМИ, которые преследуют потребители. Исследователями была предложена типология взаимодействия медиа и человека с такими позициями, как личные связи и отношения, характеристика личности потребителя, его деятельность по поиску информации. [1]

В 1986 году Т. Либес и Э. Кац осуществили международный сравнительный проект «Даллас». Одной из целей исследования было выявить «процесс влияния», и понять, действительно ли американские фильмы несут в себе потенциал американского культурного империализма. Для этого использовалась весьма сложная методология - для определения степени вовлеченности респондентов в фильм - «индикатор влияния» сериала - авторы использовали такие позиции как: «критическая», «референтная» (обычная, некритическая), «реалистическая» и «игровая» и две ориентации: свободную от ценностей и нормативную, ценностную. [2]

Другое исследование по сериалу «Даллас» было осуществлено голландской исследовательницей Иен Анг. Анг работала с письмами читательниц голландского женского журнала «Viva», которые содержали впечатления и комментарии об этом сериале. Целью

исследовательницы было внести свой вклад в общественную дискуссию о культурном империализме американского телевидения, которая тогда шла в Голландии и других европейских странах. Исследовательница смогла выяснить, что больше всего от фильма зрителей отталкивала пронизывающая его идеология массовой культуры. Анг, таким образом, ставила перед собой цель изучить идеологические аспекты «популярного телевидения». [3]

Также свой вклад в изучение телевизионной аудитории внесла работа Д. Морли «Общенациональная аудитория», которая была опубликована в 1980 году. В книге изучалась аудитория новостных и аналитических программ в Великобритании. Основу составили групповые интервью с исследователями, практическими работниками и менеджерами структур СМИ. Исследователь пришел к выводу, что ни одну из телевизионных программ нельзя рассматривать как нечто, имеющее одинаковое значение для всех членов аудитории.

В 1986 году Морли было опубликовано другое его исследование - «Семейное телевидение». Морли выяснил, что можно говорить о специфически «мужском» и специфически «женском» способах восприятия телевидения, не сводимых к сугубо индивидуальным привычкам. Исследователем было выдвинуто мнение, что в большинстве случаев «использование» телевидения и способ интерпретации его программ и в самом деле зависят от социальной принадлежности зрителя, а не от сугубо индивидуальных вкусов и привычек. [4]

Американский психолог, преподаватель Университета штата Канзас Р. Харрис в своей книге «Психология массовых коммуникаций» приводит ссылки на целый ряд научных исследований, посвященных телевидению. Так исследователь пишет, что наиболее популярным в мире видом досуга является просмотр телепередач. Во всём мире каждый день люди проводят перед телевизором более 3,5 миллиардов часов. Американцы же каждую неделю 15 часов своего свободного времени, которое в среднем составляет 39 часов, проводят перед телевизором. За чтением американцы проводят лишь 2,8 часа, что делает просмотр передач наиболее популярным видом досуга. Также Харрис привел несколько источников, связанных с просмотром телесериалов. [5]

В СССР для изучения аудитории и влияния СМИ, телевидения на аудиторию в основном применялись историко-описательные работы (с сильным идейно-политическим уклоном), а также изучались мастерство, поэтика, формы журналистской деятельности.

Среди основных источников, относящихся к этому периоду, стоит отметить ряд монографий и сборников статей: «Телевизионная аудитория: структура, ориентация, культурная активность» (отв. ред. Л.Н. Коган); «Массовая информация в советском промышленном городе»; «Исучаем нашу аудиторию» В. А. Григорьевой и В. Е. Живодерова; «Телевидение глазами социолога» Б. М. Фирсова; «Человек после работы» Л. А. Гордона и Э. В. Клопова. [6]

Стремительное развитие прикладной телевизионной социологии и возникновение рынка измерений телевизионной аудитории на постсоветском пространстве произошло с появлением коммерческого телевидения и развитием телевизионно-рекламной индустрии. До начала 90-х годов XX столетия телевидение не нуждалось в социологических данных, поскольку существовавшая единая и централизованная система государственного телевизионного вещания не предполагала конкурентной борьбы между каналами за аудиторию. Но с появлением коммерческого телевидения и телевизионной рекламы стала актуальной потребность в изучении зрительских предпочтений, возникла необходимость в постоянных социологических исследованиях телеаудитории. Причем просто усредненные данные не могли удовлетворить телеканалы и рекламный рынок, поскольку рекламодателя интересовала не просто зрительская масса, а конкретные целевые аудитории, сегментированные по различным социальным признакам.

Для России изучение проблемы конструирования и транслирования ценностей средствами СМИ, телевидения явление довольно-таки новое, что обуславливает отсутствие в настоящее время монографических работ по данной тематике.

Изучением инструментов конструирования и трансляции ценностей занимается один из ведущих российских социологов в области семьи Антонов А. И. Он анализировал рекламу как один из инструментов трансляции семейных ценностей, используя результаты социолого-демографического исследования «Россия - 2000», проведенного под его руководством кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Результаты исследования говорят о широком распространении в обществе ориентаций на внесемейные ценности, такие как высокий доход, карьерный рост, повышение квалификации. В рамках исследования анализу были подвергнуты социальная и коммерческая рекламы, как основные типы рекламы. Социальная реклама транслирует ценности семьи явно, в то время как

функция коммерческой рекламы в транслировании семейных ценностей носит скорее латентный характер.

В итоге Антонов А. И. сделал вывод, что на аудиторию оказывается прямое воздействие, и малое количество эфирного времени, отведенного под социальную рекламу, говорит, что российское общество недостаточно информировано о тех или иных проблемах. Поэтому, характеризуя рекламу как инструмент сохранения и трансляции ценности семьи, следует подчеркнуть, что независимо от целей и задач рекламной коммуникации, грамотно построенное сообщение оказывает благотворное влияние на ценности и нормы, существующие в обществе. [7]

Кафедрой социологии семьи в МГУ был проведен целый ряд выборочных межрегиональных исследований, в том числе: социологический анализ влияния массовой культуры и СМИ на имидж брака и семьи в общественном мнении (1999-2002), социологический анализ отечественных кинофильмов и телесериалов (2011-2012). [8]

Короткова А. В. в своей работе «Формирование имиджа семьи под влиянием СМИ (социологический аспект)» исследовала принципы социальной идентичности в рекламе (технологии гендера), анализируя результаты проведенного контент-анализа рекламных сообщений за сентябрь-ноябрь 2006 года и опираясь на исследования Галкиной А., Медковой М. В. и Проневской И. В.

Социолог пришла к выводу, что важно акцентировать внимание общественного мнения на проблемах семьи, так как многочисленные социологические исследования подтверждают наличие в обществе кризиса семьи, и на поиске путей изменения этих тенденций при активном участии мощного идеологического потенциала СМИ. [9]

Также исследовательской группой ЦИРКОН в 2013 году было проведено социологическое исследование «Семейные ценности в современных СМИ. По результатам исследования, была выявлена группа людей, которая считает, что большинство программ современного телевидения носят вредный, аморальный характер и являются опасными для просмотра. [10]

Особый интерес к телевидению, транслированию и конструированию телевидением социальных образцов жизни и моделей поведения проявился в журналистской среде. За последние годы вышло немало журналистских статей в газетах, журналах и других печатных изданиях ненаучного характера.

1. McQuail D. *McQuail's Mass Communication Theory, 4th edn.* London: Sage // *Методология исследования аудитории телевидения [online].* 2000. P. 387-388. [цитировано 21 марта 2014]. Метод доступа:
2. Liebes T. and Katz, E. *Patterns of involvement in television fiction: a comparative analysis, European Journal of Communication 1* // *Методология исследования аудитории телевидения [online].* 1986. P. 151-171. [цитировано 21 марта 2014]. Метод доступа:
3. Ang I. *Watching Dallas, London: Methuen, P. 10* // *Методология исследования аудитории телевидения [online],* 1985. [цитировано 21 марта 2014]. Метод доступа:
4. Morley D. *Family Television, Cultural power and domestic leisure, London: Comedia.* // *Методология исследования аудитории телевидения [online],* 1986. [цитировано 21 марта 2014]. Метод доступа:
5. Харрис Р. *Психология массовых коммуникаций.* М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.
6. Грушин Б. А. *Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах.* – СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. С. 205 – 228.
7. *Социология: теория, методы, анализ. [online].* [цитировано 21 марта 2014]. Метод доступа:
8. *Социологический факультет МГУ [online].* [цитировано 21 марта 2014]. Метод доступа:
9. Короткова А. В. *Формирование имиджа семьи под влиянием СМИ (социологический аспект) Автореферат.* М., 2007. С. 20-22
10. ЦИРКОН. *Исследовательская группа // Социологическая мастерская. [online].* [цитировано 18 марта 2014]. Метод доступа:

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ПОЛИТИКЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Фурцева В.Ю., Пятова М. А. (Москва)

Одной из острых проблем, охвативших в последние годы Европу стала миграция. Особенную актуальность она приобрела с начала 2015 года, с усилением военного конфликта в Ближневосточном регионе. По данным OECD (Организация экономического сотрудничества и развития) с января по сентябрь 2015 года более 700 тыс. человек были вынуждены покинуть родные дома в поисках политического убежища. [1] Основная масса мигрантов направилась в Германию, проводящую «политику открытых дверей» по принятию беженцев с Ближнего Востока.

Стоит отметить, что ранее Германия уже не раз сталкивалась с подобной проблемой. Впервые это было после 2 Мировой войны, когда граждане Турции, Греции, Италии, Испании и стран Средиземноморья приглашались германскими властями для работы по восстановлению разрушенного хозяйства. Тогда их селили на обособленные территории, препятствовали включению в общественные процессы, считая «третьим сортом». Стоит отметить, что первые переселенцы вели светский образ жизни и хотели интегрировать в немецкое общество. Вот здесь и нашло свое яркое проявление противоречие политики мультикультурализма, проводившейся властями Германии по отношению к трудовым мигрантам. Согласно данной теории, разработанной У. Кимликом, М. Уолтером, Ч. Тейлором и др., в качестве основной задачи политики мультикультурализма выступает поддержка новых культурных, этнических и религиозных идентичностей. Проводимая политика основана на принципе толерантности к чужеродным культурам, включению и взаимопроникновению различных элементов культур, обеспечивающих социокультурное разнообразие и вариативность развития общества. [2] На практике, оттеснение мусульманской культуры привело к безразличию со стороны мигрантов к германскому обществу, и напротив, способствовало развитию и закреплению в сознании немцев негативного образа ближневосточных мигрантов. [3]

Согласно микропереписи 2007 года 15,4 млн человек в стране имеют миграционную историю. А более 95% всех мигрантов исповедуют ислам, регулярно посещают мечеть, следуют традициям и обычаям исповедуемой религии, что в значительной мере усложняет их интеграцию в немецкое общество. Наряду с этим средний возраст мусульманских мигрантов менее 30 лет, в то время как возраст коренного населения превышает 45 лет. [4] Таким образом, через несколько десятков лет Германия рискует потерять национальную самобытность за счет замещения немецкого населения выходцами из стран Ближнего Востока. Подобные неутешительные прогнозы дает доктор политических наук Тило Саррацин в книге «Германия. Самоликвидация», изданной в 2010 году. С того момента мало что изменилось в лучшую сторону...

Политика канцлера Германии Ангелы Меркель привела лишь к обострению миграционного кризиса. Впервые термин «кризис» по отношению к мигрантам был употреблен после событий апреля 2015 года, когда в Средиземном море затонули как минимум 5 лодок, погибли 1200 человек. [5] Несмотря на попытки сдерживания мигрантов на территории Турции и ряда других стран, мигранты все равно находят пути для попадания в Европу. Так как многие европейские страны отказывают мигрантам в убежище, большая часть из них в поисках лучшей жизни направляется в Германию. Однако, страна оказалась неспособной обеспечить условия жизни и ассимиляцию мигрантов в немецком обществе. Закрытие части городов от выходцев с Ближнего Востока привело к перенаселению в других городах. Это нашло проявление в том числе в нехватке мест для расселения беженцев, которых государственные органы социального обеспечения были вынуждены поселить в бараки бывших концентрационных лагерей. [6] О том, что миграция стала серьезной общественной проблемой в ряде немецких городов (преимущественно расположенных вдоль восточной границы), Ангела Меркель заявляла еще в 2013 году, когда европейские страны только ожидали наплыва беженцев. Таким образом, существующая гипотеза о том, что лишь передовые развитые страны ЕС (Европейский союз) – Германия, Франция, Швеция – могут наиболее эффективно справиться с миграцией, оказалась недееспособной. Напротив, миграционная политика как внутри Германии, так и в Европейском Союзе в целом привела к обострению народных протестных выступлений и разладу между политическими лидерами Евросоюза.

Прежде всего среди граждан Германии вызывает недовольство образ жизни и деятельности Ближневосточных мигрантов, большинство из которых не работают, живя лишь на пособие для

беженцев, составляющее на данный момент €135 в месяц. Резкое увеличение людей, живущих на социальные выплаты, не могло не сказаться на налогах коренного населения, что, безусловно, способствует негативному восприятию беженцев. Также немаловажным фактором является культурное религиозное различие. Ввиду того, что нынешнее поколение мигрантов значительно более религиозно, а коренное население современной Европы преимущественно атеистично, возникает конфликт ценностей. Особенности мировоззрения мигрантов, исповедующих ислам, идут вразрез с демократическими либеральными идеалами. Примером этому можно считать то, что большое количество беженцев не знают и не хотят учить немецкий язык и принимать немецкую культуру, так как учителями преимущественно выступают женщины, которые в мусульманской культуре имеют меньше прав, по сравнению с мужчинами. Таким образом нарушается один из важнейших принципов современного европейского общества – принцип равенства, независимо от пола, возраста, национальности и религиозной принадлежности.

Иными словами, в Германии, как и во многих других странах Европы, сформировались крупные этнические группы, нарушающие культурную однородность европейской идеологии. В то же время желание и потребности коренного населения в сохранении своих самобытных черт привели к развитию и практическому применению появившейся в 1941 году теории мультикультурализма. Однако, следует отметить несостоятельность данной теории. По заявлению канцлера Германии Ангелы Меркель, попытки построить мультикультурное общество в Германии «полностью провалились», а принятые поправки в закон о получении статуса беженцев стали шагом назад к теории «плавильного котла», по которой все культуры должны сливаться в одну, основанную на идеалах всеобщего прогресса.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что миграция на данном этапе развития всего мирового общества является гуманитарной катастрофой, и рассматривать ее лишь через призму экономических и политических обстоятельств не представляется корректным. Важно осознавать, что неконтролируемые потоки беженцев способствуют всплеску преступности, широкому распространению конфликтов на национальной и религиозной почве, усилению социальной напряженности, росту радикальных настроений в обществе. Следует также отметить, что мигранты становятся объектами пропаганды и вербовки со стороны экстремистских и террористических организаций, которые в настоящее время представляют большую угрозу всему мировому сообществу. Поэтому важно помнить, что от профессиональных, продуманных действий в этой сфере зависит обеспечение общественной стабильности, межнационального мира и согласия в эпоху глобализации.

1) *OECD: Migration Policy Debates “OECD” (сент. 2015). – ОЭСР: Дебаты о миграционной политике*

2) *Денисюк Н.П. Политика мультикультурализма в глобализирующемся мире. Электронный ресурс: [https://elib.bsu.by/handle/123456789/91772]*

3) *Кенан Малик. Крах мультикультурализма. Журнал «Россия в глобальной политике». – 2015. - № 2*

4) *Саррацин Т. Германия: самоликвидация, Deutsche Verlags-Anstalt, München, a division of Verlagsgroupe Random House GmbH, München, Germany, 2010 (Перевод. Т.А. Набатникова, 2012)*

5) *В результате кораблекрушения в Средиземном море погибли 400 мигрантов. Электронный ресурс: [https://lenta.ru/news]*

6) *СМИ: В Германии беженцев разместили на территории лагеря, подчинявшегося Бухенвальду. Электронный ресурс: [http://Russian.rt.com/article/115026] от 13 сентября 2015г.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Царева А.В. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Естественнонаучные методы в исследованиях игрового компьютерного опыта» № 16-06-00368 а

Сегодня метафора игры все чаще употребляется в самых широких контекстах, отражая важные аспекты современного мира, общества и культуры. В числе таких аспектов: рост неопределенности, хаотичность и непредсказуемость социокультурных ситуаций, значимость конкурентных процессов в различных областях социальной жизни, драматургический характер современных СМИ, потребительское отношение к технологиям, развитие индустрий массовой культуры и досуга, рассчитанных на взрослые возрастные группы, и многое другое. Игра как

особый способ осмысления и проживания реальности привлекает все больший интерес отечественных ученых. В частности, российский социолог С.А. Кравченко рассматривает игру как особый тип «гибридной рациональности», позволяющий в предпринимательстве, политике, культуре и личной жизни «противостоять давлению хаоса, становясь фактором порядка постмодернистского типа» [2, с.230]. Особое исследовательское поле составляют сравнительно новые, однако стремительно развивающиеся компьютерные игры, мобильные игровые технологии и многопользовательские игровые среды виртуальной реальности. Компьютерные игры, родившиеся в 1950-х годах как досуговый эксперимент сотрудников американских исследовательских лабораторий, сегодня представляют интерес во многих перспективах. Индустрия компьютерных игр является одной из наиболее доходных и динамично развивающихся областей современного бизнеса. Согласно оценке компании J'son & Partners Consulting, в 2016 году оборот мирового рынка компьютерных игр составил 95,2 млрд.долл. с годовым ростом 17% [1]. Компьютерные игровые технологии внедряются в образовании и социальных проектах, игровые компьютерные тренажеры и симуляторы активно используются в сфере транспорта и обороны, многие европейские страны признали компьютерные игры в качестве нового перспективного направления современного искусства. Идет активная работа по легализации киберспорта в качестве равноправного вида современных спортивных соревнований.

Социальные и психологические аспекты компьютерных игр, формирование игровых виртуальных сообществ, развитие экономических и властных структур в цифровых игровых средах становятся актуальной областью современных отечественных исследований. В числе тем, привлекающих внимание отечественных социологов и психологов: особенности создания и развития нарративов в компьютерных играх (А. Ветушинский, Л. Манович и др.), формирование игровых субкультур (Литвинова Е.С., Логвинов И.Н., Радева Р.Е., Смирнова Е.О., Степанцева О.А. и др.), драматургические, театральные и ролевые составляющие игр (В.Демчог, М.Б.Игнатъев и др.), психологические механизмы и особенности восприятия в виртуальных играх (И.В. Бурлаков, А.Е. Войскунский, В.В.Гудимов, М.С. Иванов, Г.Г. Кузнецов и др.), исследование игровой зависимости (Иванов М.С., Лебедев И.Б., Худяков А.В. и др.) и многое другое.

Социокультурное пространство современных компьютерных игр включает в себя не только виртуальные игровые миры, создаваемые на базе компьютерных технологий, и дающее игрокам возможность проживать игровой опыт определенного качества. Оно охватывает также сети коммуникаций, формируемые игроками и разработчиками вокруг игровых проектов и виртуальных миров, медийные и культурные процессы, превращающие сюжеты и персонажей различных игр в успешно продаваемые товары, инициативно создаваемые пользователями творческие продукты и многое другое. Некоторые игры, появившись на рынке, не встречают интереса у пользователей, другие же существуют и развиваются годами, превращаясь в многомиллионные миры с собственной экономикой, политикой и культурой. В свете этого особый интерес представляют механизмы, обеспечивающие воздействие на внимание и социальный опыт пользователей компьютерных игр, которые целенаправленно создаются в виртуальных игровых пространствах.

Компьютерная игра воплощает особую технологическую конструкцию, управляющую вниманием пользователя и побуждающую его к действиям определенного типа. Различные типы компьютерных игр представляют собой модели действий различных типов и сложности, от простых поведенческих реакций до сложнейших проявлений групповой солидарности, конкуренции, решения конфликтов и стратегических принятий решений. Целенаправленное воздействие на индивида в виртуальном игровом пространстве является эффективным инструментом конструирования социального опыта. Компьютерная игра как особая среда социальной деятельности и коммуникации оказывает возрастающее социализирующее воздействие по мере увеличения времени участия в игре, роста количества активных игроков и интеграции игровых значений в область «реальной» жизни. Погружение в тот или иной мир, созданный на базе компьютерной технологии, представляет собой проживание особого игрового опыта, объединяющего восприятие программных, информационных и социальных составляющих той или иной игры. Исследование особенностей этого опыта и характера его конструирования является одной из значимых задач исследования феномена игры с точки зрения социологии.

На формирование специфического игрового опыта оказывают влияние увеличение времени, проведенного в виртуальном игровом пространстве, активное участие в игровых действиях, эмоциональная заинтересованность в происходящих событиях. Мы выделим два типа игр, которые условно назовем играми «активного вовлечения» (внешний локус контроля действий

игрока) и играми «инициативного вовлечения» (внутренний локус контроля действий игрока) [Подробнее см. 3, с.99-101].

Игры активного вовлечения. Это, в первую очередь, насыщенные графикой, интенсивностью и скоростью действия игры аркадного типа, «стрелялки-шутеры», «экшены» и пр. Данный тип игр реализует определенный набор стимулов, которые непрерывно мотивируют игрока продолжать участвовать в игре, втягивая его в игровой процесс в качестве «ведомого». Игрок вынужден реагировать на изменение внешней ситуации и выполнять предлагаемые игрой действия, четко следуя предлагаемому сценарию. Наиболее эффективным поведением игрока в данном случае становится определение и наилучшее выполнение действий, задаваемых игровым пространством.

Игры инициативного вовлечения. К играм подобного типа относятся текстовые многопользовательские игровые миры, сетевые симуляторы, игры стратегического действия, ролевые игры и пр. В рамках подобных игр стимулы к игровой деятельности носят не непосредственно-предметный, а символический характер. Действие в ситуации, которая разворачивается в воображаемом поле, приводит к тому, что игрок научается определяться в своем поведении не только непосредственным восприятием вещи или непосредственно действующей на него ситуацией, а смыслом этой ситуации. В играх инициативного вовлечения основной интерес игрока нацелен на интерпретацию происходящего, возможность сотрудничества с другими участниками игрового процесса и творческое достраивание игрового мира.

Игры активного и инициативного вовлечения, таким образом, представляют два качественно различных способа конструирования социального и психологического опыта, задействующие разные формы инициативы, оснований принятия решений, условий и целей индивидуальной и групповой активности, интереса к сотрудничеству и пр. Преобладание интереса к тому или иному типу игр у различных групп пользователей, прежде всего, молодежи, массовость участия в виртуальных игровых мирах и развитие соответствующих игровых индустрий, формирует не только специфический опыт и навыки принятия решений, но и возможные социальные последствия, эффекты которых еще предстоит изучить.

1. Анализ рынка игр в России и мире, 2014-2016 гг. Текущая ситуация, прогнозы, игроки, проекты и тенденции. Отчет международной консалтинговой компании J'son & Partners Consulting. [Электронный ресурс] URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/analiz-rynka-igr-v-rossii-i-mire-2014-2016-gg-tekuschaya-situatsiya-prognozy-igroki-proekty-i-tendentsii-20150724054917 (дата обращения: 25.08.2016).

2. Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире: монография. М.: МГИМО-Университет, 2007. – 264 с.

3. Царева А.В. Особенности конструирования опыта участников компьютерных игр в социологической перспективе / Дискуссия. № 8(71) сентябрь 2016. – С. 96-103.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ О ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург)

Интерпретативный подход качественного социологического исследования, в рамках которого изучаются биографические нарративы (истории жизни и другие свидетельства биографического характера обычных людей) ориентирован на исследование микроуровня социальной жизни, локальных форм существования ее ценностных основ, динамики социальных установок и ценностных ориентиров, которые определяют процессы взаимодействия людей. В условиях глобальных социальных трансформаций, происходящих сегодня во всем мире, этот подход, дает возможность рассмотреть социально-культурную динамику в антропологическом ключе, уловить культурно-историческую специфику целого ряда социальных процессов, расширяя горизонт видения и понимания происходящих в обществе социально-культурных изменений [1].

Социально-экономические трансформации постсоветского времени и распад ценностно-нормативных ориентиров советской эпохи привели к массовой дезидентификации, заставив людей переосмысливать ценностные основания привычных им идентификаций. Российскому обществу потребовалась работа по формированию новой системы ценностей, которую человек теперь, в изменившихся условиях, должен использовать в своей жизнедеятельности. Эта проблема изучалась на материале биографических нарративов из собрания Биографического фонда Социологического института Российской академии наук (нарративов 1990-ых - начала 2000-ых

гг.). Одна из основных задач этого исследования формулировалась как определение тенденций формирования новых ценностных оснований идентификаций в российском обществе и нового ценностного дискурса конструирования идентичностей на уровне повседневной жизни людей.

Важно подчеркнуть, что методология биографического исследования ориентирована не столько на соответствие биографического нарратива реалиям жизни его автора, сколько на то, что такой нарратив представляет собой самоопределение автора, его самоотождествление с какими-либо нормами и ценностями. Важно также, что в любой такой нарратив попадает то, что значимо для его автора. Еще один важный принцип анализа биографических нарративов заключается в том, что любой такой нарратив имеет двойную структуру. Одна составляющая нарратива это хронологическое описание этапов жизненного пути человека и тех жизненных стратегий и практик, которые характеризуют его жизнедеятельность. Другая его составляющая – его смысловое конструирование, те ценностные суждения, которыми его автор определяет свой жизненный опыт, упорядочивая свое повествование. И анализируя смысловое конструирование биографического нарратива, мы помещаем высказанные автором оценки и суждения в контекст его жизненных стратегий и практик, определяя таким образом ценностные основания, ценностный дискурс его самоопределения, его идентичности.

Предложенные перестройкой ценностно-нормативные изменения в культуре российского общества с определенной долей условности можно обозначить как переход от советской модели культуры с декларированным ею приоритетом ценностей «высокой» культуры над ценностями материальными к модели культуры современного западного общества, основанной на ценностях прагматизма и индивидуализма. В этой связи появление новых ценностных оснований идентификации в меняющемся российском обществе, как правило, связывается с развитием мотивации достижения, которой не хватало «советскому простому человеку» и которая рассматривается как одна из основных ценностей общества с развитой рыночной экономикой [2].

Исследование биографических нарративов дает возможность увидеть сложную и неоднозначную картину того, в каких условиях и посредством каких жизненных стратегий и практик формируются как искомая мотивация достижения так и, в целом, новые ценностные основания идентификации в меняющемся российском обществе.

Наиболее очевидно и вполне объяснимо, что между людьми старших советских поколений и более молодыми людьми, формативный период жизни которых приходится на постсоветское время, обнаруживаются существенные различия в их ценностной адаптации к произошедшим в стране переменам. Так, нарративы свидетельствуют, что ценностный дискурс конструирования идентичности людьми старших когорт и их жизненные стратегии и практики, как правило, остаются в рамках привычных им формул советской просвещенческой культуры с ее своеобразным идеализмом противопоставления ценностей «высокой» культуры и духовности над ценностями материальными. В свою очередь ценностный дискурс конструирования идентичности людьми более молодых возрастных когорт уже не подвергает сомнению главенствующую роль ценностей прагматизма и индивидуализма. Можно даже утверждать, что их нарративы упорядочивает новая логика, в которой на смену романтизированным советской эпохой «высшим» ценностям приходит жизнь «без идеологии» - жизнь, больше ориентированная на прагматизм и здравый смысл, нежели на объединяющую силу идеологических конструктов. В своих нарративах они открыто, иногда даже цинично, говорят о своих материальных интересах, что было немисливо для поколения их родителей.

Однако, несмотря на то, что прагматичное отношение к жизни молодых возрастных когорт часто выглядит упрощенным и даже циничным, их нарративы свидетельствуют о значимых тенденциях становления новых ценностных оснований идентификаций. Прежде всего, в нарративах молодых очевиден переход от дискурса моностилистической культуры коллективного опыта старших поколений к дискурсу полистилистической культуры, основанной уже на индивидуальном опыте, личностной автономии и личностной самореализации. Кроме того, прагматичное отношение к жизни этих возрастных когорт дифференцирует их жизненные стратегии и практики и становится значимым ресурсом для формирования новых дифференциаций и новых ценностных оснований идентификации.

Другой вопрос, и это необходимо подчеркнуть, что этот новый ценностный дискурс конструирования идентичности молодыми людьми, фиксирует и те проблемы и контексты, которые давно волнуют исследователей современного западного общества. Это проблемы и контексты процесса индивидуализации и сопутствующего этому процессу ценностного

релятивизма. И это заставляет задуматься о культурных корнях, культурном наследовании, о преемственности в культуре общества.

По всей видимости, ответы на эти вопросы зависят от того, с каких позиций оценивать движение российского общества в сторону формирования новых ценностных оснований идентификаций. Это движение трудно считать временным явлением, то есть, этапом модернизации российского общества. Ведь о фрагментации и релятивизации ориентирующих ценностных систем, недоверии к «большим нарративам», кризисе социальности и других «диагнозах» современности уже давно говорят ведущие социальные исследователи вполне модернизированного западного общества [3].

1. Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп. 2004.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общества // Полис. 1997. № 4.
3. Зигмунт Бауман. Индивидуализированное общество. М.: «Логос». 2002.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург)

Интенсификация процессов маргинализации совпала с началом политических и экономических реформ. Большую обеспокоенность вызывают процессы маргинализации молодежи, так как молодежь - это наиболее подверженная риску социальная группа. Интеграция молодежи в общество в условиях политического, экономического, социального кризисов сталкивается с серьезными трудностями.

Маргинальная среда не только показала свою устойчивость, она успешно институционализировалась, адаптировалась к социальной реальности и служит выходом для тех, кто в условиях перманентного социального кризиса выпадает из общественной структуры.

Еще в конце 20 века многие социологи стали обращать внимание на ряд новых тенденций в развитии общества. Эти тенденции увязывались исследователями с фактором риска. Именно возрастание риска, неопределенности, неустойчивости характеризует современное общество. [2]

Риск - это неотъемлемый фактор, характеризующий социальные условия жизни молодежи. И именно молодежь в своей социальной практике иллюстрирует двойственную роль риска в обществе в целом. Риск выступает и как угроза, и как возможность. Риск - это неотъемлемое свойство инновации, модернизации и прогресса. В этом и заключается противоречие. Общество стремится к стабильности, что рано или поздно оборачивается застоём. А институционализация рискогенности повышает в обществе уровень угроз, опасностей, нестабильности, конфликтов и в целом может привести к разрушению этого общества. Поэтому социальный риск всегда «серая зона», всегда удел маргиналов.

Маргинальное состояние - это состояние пограничное, промежуточное, находящееся между некими социально устойчивыми институционализированными отношениями - между классами, социальными или этническими группами, или идеологиями и т.д. Характеризуется маргинальность неустойчивостью и неопределенностью всех социальных позиций, но парадоксальным образом именно эта неустойчивость приводит к формированию устойчивости. Длительное время находясь в состоянии исключенности, стабилизируясь в этом состоянии, маргиналы самоорганизуются, атрибутируют свое положение, начинается процесс своеобразной социализации и культурогенеза. Так возникают субкультуры, то есть устойчивые социальные группы, вырабатывающие свои системы ценностей, свои поведенческие алгоритмы, правила, традиции и т.д.

То есть фундаментальные изменения, происходящие в современных обществах, детерминируют маргинализацию молодежной среды, вследствие чего происходит консолидация маргинализированной молодежи в субкультурные сообщества различной направленности.

Надо сказать, что на заре исследований понятие «маргинальности» не несло негативных оценок и характеризовалось как нейтральное (в отличие от той же аномии), однако в ходе дальнейшего изучения этого вопроса стали выделять два вида маргинальности: негативную и позитивную. Негативная маргинальность - это комплексная всеобъемлющая десоциализация - утрата социальных позиций, выпадение из общественной структуры, распад социальных связей,

бедственное материальное положение, неопределенность будущего, порождающая или апатию или провоцирующая криминальную активность. [6]

Однако широкое применение понятия маргинальность для описания самых различных процессов и явлений привело к тому, что стали отмечаться и позитивные аспекты маргинальности. Например, при анализе «класса интеллектуалов», возникшего в информационную эпоху, характеризующегося повышенной мобильностью, отсутствием обязывающих связей с другими социальными классами и т.д. [4]

Надо сказать, что авторы концепции общества риска (Бек, Гидденс) напрямую не используют понятие «маргинальности», однако в их исследованиях речь ведется о процессах трансформации, ситуациях неустойчивости кризиса и опасности. Общество, как система более высокого порядка, детерминирует процессы в классах, социальных группах и сообществах, одной из таких групп и выступает молодежь.

«Маргинализации молодежи способствует не только ущербная система социализации, блокирование каналов самореализации, но и отсутствие в ее сознании социокультурных механизмов этой самореализации, что приводит к уродливым формам самовыражения, к различным видам девиантного поведения (наркотики, воровство, вандализм, национальная нетерпимость и др.) и дезориентации». [1]

В качестве реакции на эти детерминирующие воздействия и возникают субкультуры. Молодежные субкультуры могут служить зримым критерием процессов маргинализации в обществе и выражают специфические формы социальной практики присущие этой группе.

Критерием разделения молодежных субкультур для нас является отношение к господствующей культуре, к господствующей социальной системе. В отношении названного критерия можно выделить эскапистские, активистские и адаптивные субкультуры. Эскапизм - это попытка уйти из реальности, отгородиться от нее, создать свой маленький мир, устроенный на иных принципах. Яркими примерами таких субкультур могут быть dark-культуры (Готы, Эмо), ролевики (толкиенисты, реконструкторы), геймеры и т.д. Активистские субкультуры характеризуются яркой контркультурной направленностью, они противостоят господствующей системе, готовы с ней бороться публично, открыто, применяя самые разные методы. Это националистические и левацкие группировки (скинхеды, неонацисты, антифа), это футбольные фанаты, активисты ЛГТБ и др. И наконец, адаптивные сообщества, демонстрирующие готовность жить в рискогенном обществе, конкурировать за блага по правилам и требованиям, которые формируются в современных условиях, принимать угрозу эксклюзии как данность и признавать, что эксклюзия - справедливое наказание за «неэффективность». Таковы сейчас разного рода современные трудовые коллективы (группы разработчиков, участники проектов, стартап-команды), по ряду параметров максимальную комплементарность к формирующейся социальной структуре общества риска демонстрируют хипстеры, метросексуалы и клабберы.

В описании устоявшихся субкультур (таких как фанаты или поклонники готической музыки) трудно найти нечто новое. То, что действительно характеризует разворачивающееся общество риска и новые формы маргинальности, стоит искать в самой динамичной сфере общественной жизни, в экономике, а точнее в изменяющемся характере трудовых отношений.

В «сетевом» мире нужны новые трудовые стратегии и тактики при изменившихся, по сути, требованиях собственников средств производства, таких как повышение ликвидности, повышение доходов, повышение капитализации.

И здесь можно наблюдать две личностные стратегии адаптации. Первую можно условно назвать «включение через этический долг»; эта модель сформировалась в академическом сообществе, где возрастающие требования в условиях обострившейся конкуренции на рынке образовательных услуг принимаются, как неизбежные, а подчинение им выглядит личным долгом. Академические работники оказались в тисках стресса, комплекса вины, сверхэксплуатации. [3]

Другая стратегия - «исключение через интерес», то есть «заинтересуйте меня или я уйду, так как ни карьера, ни долг перед компанией мне не интересны». Такая стратегия характерна для части молодых людей поколения «игрек», не привязанной к долгу, карьерному росту, ответственности, избегающей специализации (ограничивающей широту интересов), что ведет к общему снижению профессиональной квалификации, постоянной смене работы. Это не способствует подъему на социальной лестнице, которая всё-таки ориентирована на профессионалов. [5]

И ту, и другую стратегию можно назвать проявлением маргинальности, предполагающую специфическую адаптацию к изменяющимся условиям современного рынка труда.

Итак, молодежные субкультуры - это зримый результат маргинализации, они являются субъективным отражением объективных процессов. Эскапистские субкультуры - это вероятная реакция на конкретные формы эксклюзии, и выражается она в уходе от реальности. Активистские субкультуры наоборот реагируют на эксклюзию попытками изменения социальной ситуации. К сожалению, эти формы борьбы заведомо деструктивны и ведут к возрождению реакционных (давно отвергнутых), а то и архаичных форм социальной практики.

Адаптивные группы пытаются приспособиться к новому миру, и стратегии этого приспособления разные. Одна ведет к саморазрушению вследствие сверхэксплуатации, а другая формирует совершенно новые отношения, и пока нет возможности оценить ее положительные и отрицательные стороны в полной мере.

В целом общество риска повышает уровень угроз и вызовов и вероятность маргинализации молодежи; а ценности маргинализированной молодежной среды имеют тенденции к преобразованию господствующей культуры.

1. Банникова Л.М. *Маргинальность как социально-патологическая форма адаптации населения к меняющимся условиям жизни (к постановке проблемы)*. URL: elibrary.ru/elib/books/Files/pa2000_2/pages/19/pap_19.html (дата обращения: 15.09.2016)
2. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М., 2000. - 383 с.
3. Гилл Р. *Прервать молчание. Скрытые травмы нелиберальной академии*. URL: http://www.socialcompas.com/2014/02/14/prervat-molchanie-skryty-e-travmy-neoliberalnoj-akademii/#_1 (дата обращения: 19.09.2016)
4. Иноземцев В.Л. *Класс интеллектуалов в постиндустриальном обществе* // *Социс*. 2000. № 6. С. 67-77.
5. Матвеева А. *Амбициозные и бессмысленные*. URL: <http://expert.ru/expert/2014/03/ambitsioznye-i-bessmyslennyye/> (дата обращения: 19.09.2016)
6. Парк Р. Э. *Культурный конфликт и маргинальный человек* // *Социальные и гуманитарные науки. Социология*. 1998. - №2. - С. 172-175.

ИММИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Черепанова М.И., Сарыглар С. А., Неваева Д.А., Курбонов Ф.А. (Барнаул)

Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" Код проекта: 1475 " «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации.

Актуальность научного исследования проблем иммиграции обусловлена необходимостью социального контроля данного процесса в контексте национальных интересов, социальной безопасности, консервации стабильности в обществе.

Однако, в современное время в России ярко выражена тенденция роста потребности в квалифицированных профессиональных кадрах. Следовательно, адекватная социальная политика, направленная на эффективное привлечение мигрантов, смогла бы решить данную актуальную проблему.

При этом специфика уникального положения РФ заключается в том, что она граничит с бывшими постсоветскими странами, населяющими около двадцати млн. человек, близких в культурном, этническом, ментальном отношении.

Все это способствует привлечению мигрантов в различные российские территории, при этом актуализируется проблематика социальной интеграции, сохранения социальной стабильности, прогноз, анализ и минимизация угрозы межнациональной дестабилизации.

В данной связи сложно переоценить данные научных мониторингов, посвященных анализу и оценке иммиграционных настроений населения.

В данной статье приведены фрагменты результатов социологического исследования проблемы гражданской и этнической идентичности в контексте социальной безопасности, проведенной научным коллективом социологического факультета Алтайского государственного университета в приграничных регионах России, в частности: Алтайском, Забайкальском краях, Кемеровской, Омской, Оренбургской, Амурской, Еврейской автономной областях, республике

Алтай. В каждом из регионов, выборка составила в среднем около 500 человек. Общая численность составила 3960 членов домохозяйств.

В целях определения социальных детерминант, оказывающих наибольшее и решающее влияние на формирование социальных установок к мигрантам в общей выборке по всем регионам, был проведён регрессионный анализ статистических данных, характеризующих особенности социально-экономической жизни населения, особенности формирования социальных установок в межэтнической сфере.[1; 2]

В качестве зависимой переменной был определен показатель – уровень толерантности к мигрантам, включающий позитивный полюс (желание легализовать и ассимилировать мигрантов) и отрицательный полюс (установка на выдворение мигрантов за пределы России).

В качестве независимых переменных, установлены следующие факторы: особенности этнического самосознания; проявления повседневных социальных практик населения в межэтнических отношениях; оценка эффективности этнокультурной политики; социально-экономические; социально-демографические показатели межэтнической конфликтности.

Согласно данным представленной модели, толерантное отношение к мигрантам в регионах российского общества, может быть обусловлено особенностями этнического самосознания, а именно высокой степенью отождествления себя со своей этнической группой, наличием позитивного эмоционального компонента, осознания своей сопричастности к своему народу, вызывающем чувство гордости.

Однако, наиболее сильным и статистически выраженным, в контексте формирования народного единства, имеет такой фактор, как соблюдение нравственных правил религии в повседневной жизни, которые независимо, от конфессиональной принадлежности, этнической выраженности, содержат общечеловеческие позитивные ценности, направленные на помощь ближнему, толерантное отношение, согласие и дружелюбие к другим иноэтничным гражданам.

Социально-экономическое благополучие, а именно ощущение уверенности, стабильности в материальном и моральном плане создает оптимальные социальные условия, является социальным фоном, благоприятным для реализации межэтнического согласия. Очевидна, обратная закономерность, заключающаяся в обострении межнациональных отношений, негативного отношения к мигрантам с ростом социально-экономической нестабильности, распространении бедности, нищеты, увеличении материальной дифференциации.

Наибольшая роль в стимулировании межэтнического согласия принадлежит обыденным социальным практикам населения, реализующаяся в формировании позитивных установок в отношении иноэтнического населения. Выявлено наибольшее количество факторов интеграции, принадлежащих именно к данному классу явлений.

Высокий рейтинг и значимость фактора «люди стараются помогать друг другу» способствует формированию позитивного межэтнического коммуникативного пространства. Дружба между представителями разных национальностей, уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей является индикаторами позитивных социальных установок населения, направленных на преодоление межэтнических разногласий.

Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности, справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей формируют благоприятные социальные условия для развития межэтнического единства. Осуждение проявления национализма, экстремизма имеет регулирующую функцию, имеет тенденцию усиливать позитивные взаимодействия между людьми разных национальностей.

Выраженную значимость для роста межэтнического сотрудничества имеет эффективная региональная и общероссийская этнокультурная политика.

Согласно данным, представленным в модели, наиболее значимыми, являются следующие базовые направления реализации национальной политики: контроль исполнительной власти за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики; реализация исполнительными органами власти процессов развития культуры и традиций представителей разных национальностей; бескомпромиссность, реальное, отстаивание интересов всех жителей, независимо от национальности и вероисповедания. Рост эффективности данных направлений политического управления, высокая оценка значимости данных мероприятий населением регионов будет способствовать усилению межэтнической интеграции кроме того будет препятствовать тенденциям роста национализма, ксенофобии, экстремизма и других негативных явлений в области межэтнических коммуникаций. Безусловно, максимальная роль в формировании народного единства, по мнению населения всех исследуемых регионов,

принадлежит наличию сформированной эффективной системы управления реализацией государственной национальной политики в регионах.

Таковы базовые условия формирования и оптимизации межэтнической интеграции, как базовой основы эффективной миграционной политики в приграничных территориях Российской Федерации.

1. Черепанова, М.И., Неваева, Д. А., Щеглова, Д.К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество [текст]: сборник статей. - Вып. 7/под ред. Е.А. Попова.- Барнаул: Изд-во АлтГУ.-2014, 278 с.

2. Черепанова, М.И., Неваева, Д.А., Щеглова, Д.К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности// Социология в современном мире: наука, образование, творчество [текст]: сборник статей. - Вып. 7/под ред. Е.А. Попова.- Барнаул: Изд-во АлтГУ.-2014

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И СУЩЕСТВОВАНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Шапаров А.Е. (Архангельск)

В современном мире роль миграции как фактора, оказывающего воздействие на экономические, политические и культурные характеристики принимающих обществ, неуклонно возрастает. Европейский миграционный кризис обострил существующие противоречия в проводимой политике и генерировал комплекс вызовов и угроз, способных качественно переформатировать институциональные основы европейского единства.

Наиболее острой является невидимая угроза будущему ЕС, ставящая под сомнение существование общеевропейских ценностей, составляющих ядро европейского политического проекта. Стержневыми в европейском проекте выступали общие политические ценности - демократии, власти закона, уважения прав и свобод человека. Обязанность стран Евросоюза принять и дать убежище сотням тысяч людей, бегущих от войны и преследований, политики и СМИ объясняли гражданам апеллируя к европейским ценностям достоинства, солидарности и прав человека. Однако по мере нарастания угроз в сфере безопасности, связанное с ростом количества преступлений, совершаемых мигрантами, использование представителями политического истеблишмента риторики либерального дискурса отталкивает от них потенциальных избирателей.

После Второй мировой войны в развитых странах произошли радикальные изменения институциональной среды, выразившиеся в закреплении в международном праве эгалитарной трактовки прав человека и гражданина, запрете расовой и религиозной дискриминации. В условиях новой институциональной среды в послевоенную эпоху был осуществлен демонтаж прежних моделей иммиграционной политики (например, «Белой Австралии», «Белой Канады») как не отвечающих современным требованиям в сфере демократии и прав человека и допускающим дискриминацию мигрантов по расовым основаниям. Пересмотр обязательств демократических государств в отношении вынужденных мигрантов являлся составной частью изменений в международно-правовом режиме беженцев. Детерминантом изменений в теле иммиграционной политики западных либеральных демократий зачастую выступали внешние по отношению к ней причины. Например, мультикультурализм, воспринятый в качестве образца в иммиграционных политиках Швеции, Великобритании, Германии, Франции и других стран, оказавший негативное воздействие на процесс интеграции мигрантов, первоначально был предложен П.Трюдо для внутренней политики Канады с целью решения квебекского вопроса. Г. Лахав, анализируя иммиграционные политики стран Европейского союза, отмечает: «Национальные модели выработки политики и практики, характерные для институтов, коренятся в присущих им культурных ценностях и идентичностях. Верования, ценности и символы довлеют над (актерами — А. Ш.) формирующими иммиграционную политику» [1, р. 30].

В настоящее время, когда основу иммиграции в ЕС составляют беженцы из африканских и азиатских стран, лавинообразно прибывающие нелегально морским путем, прежние меры иммиграционной политики, ориентированные на прием ограниченного количества трудовых мигрантов, не работают. Дальнейшая реализация текущих мер иммиграционной политики стран Евросоюза лишь обострит кризис на рынке труда, приведет к снижению доходов государства, росту преступности, обострит проблемы коррупции, увеличит нагрузку на системы социального

обеспечения и приведет к углублению других негативных тенденций, связанных с нелегальной иммиграцией и неспособностью государства ее контролировать. Углубление миграционного кризиса и возрастание террористических угроз объективно ведет к политической нестабильности. Различия мигрантов, прибывающих в ЕС в кризис беженцев, с коренным населением европейских стран в религии, традициях, в языке, в культуре, в образе жизни и поведении столь глубоки, а масштабы их миграции значительны, что это закладывает основы дестабилизации для обществ принимающих стран на долгий срок. А если добавить к этому разницу в демографическом поведении мигрантов и коренных европейцев, у которых фактически утвердился однодетный тип семьи, то решение проблемы интеграции мигрантов становится условием выживания Евросоюза.

По мнению автора, в настоящее время в европейских либеральных демократиях неизбежен пересмотр базовых принципов и норм, регулирующих отношения мигрантов и принимающих обществ. Как справедливо замечает Н.Глик-Шиллер, «...восприятие мигрантов как нежелательных «других» реанимирует национальные идентичности и лояльность у граждан, отношение которых к государству как к гаранту социальных услуг и поддержки было подорвано неолиберальными реформами» [2, р. 128]. Основная причина неизбежного пересмотра обязанностей государства в отношении вынужденных мигрантов состоит в масштабном обострении террористической угрозы, поставившей развитые европейские страны в условия необъявленной войны.

Примером кризиса главных политических партий, характерного для большинства стран ЕС, является Германия, в которой в октябре 2014 г. организационно оформилось движение Пегиды (Pegida) – «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (нем. Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes). Как отмечает Н.Н. Большова, ««Пегиды» бросила своего рода вызов немецкой общественно-политической системе и перспективам демократического развития, проблематичного в условиях нарастания экстремистских тенденций в обществе, входящих в конфликт с базовыми принципами плюрализма и равноправия всех граждан» [3, с. 123]. В программных тезисах Пегиды говорится, что движение выступает за включение в конституцию ФРГ права и обязанности мигрантов интегрироваться (в настоящее время в конституции закреплено лишь право на убежище); за политику нулевой толерантности по отношению к мигрантам, совершившим преступления; против любой формы религиозного радикализма. Важное место в программе движения уделяется защите европейской культуры, основанной на христианских ценностях. В частности, в программе резко критикуется «гендерный мейнстрим» (Genderisierung), приводящий к политически корректной принудительной нейтрализации половой идентификации в языке.

Особенность иммиграционной политики состоит в том, что изменения в процессе ее формирования, как правило, наступают после событий, которые непосредственно не связаны с миграцией населения: войны, революции, политические и экономические кризисы, глобализация. Каждый из этих процессов (событий) имеет мультипликативный эффект для иммиграционной политики: во-первых, воздействует на изменение ценностей, приоритетов и, как следствие, целевых установок лиц, принимающих решения; во-вторых, расширяет или сужает количество уровней принятия решений, содействуя появлению, наряду с национальным, наднационального и регионального уровней.

Изменение расстановки политических сил, происходящее под давлением общественного мнения и последствий миграционного кризиса, оказывает влияние на восприятие единых общеевропейских ценностей. Происходит переформатирование институциональной среды, проявление которого можно проследить и в изменении политического дискурса по вопросам миграции, и в принятии политических решений, направленных на достижение управляемости миграционными потоками. Анализ политического дискурса по проблемам миграции позволяет выделить несколько ценностных наборов: а) леволиберальный, присущий европейскому политическому истеблишменту и правозащитникам; б) левоцентристский, исповедуемый влиятельной частью СМИ, например, ARD, ZDF, DW, Deutschlandradio; в) националистический, свойственный партиям правой ориентации и евроскептикам; г) праворадикальный, разделяемый участниками несистемных политических партий и движений; д) фундаменталистский, лоббируемый представителями радикальных религиозных течений. К существующим долговому кризису, террористическим угрозам, кризису миграции и Brexit, добавляется кризис ценностей, угрожающий существованию Евросоюза.

Миграционный кризис в Европе обострил существующие проблемы в миграционной политике стран Евросоюза, как в решении тактических задач, связанных с управляемостью миграционными потоками, так и стратегические просчеты в сфере интеграции мигрантов. Волна

терактов в Европе, исполнителями которых стали мигранты в первом и втором поколении, привела к эффекту секьюритизации миграции, когда проблемы миграции из стран глобального Юга в общественном сознании граждан принимающих стран тесно переплетены с угрозами безопасности. Неспособность правительств стран Евросоюза обеспечить безопасность своих граждан открывает электоральную перспективу представителям правых партий и движений. Достижение управляемости ситуации с мигрантами возможно лишь при изменениях в миграционном режиме, связанных со сменой нынешнего леволиберального ценностного набора.

1. Lahav G. *Immigration and Politics in the New Europe: Reinventing Borders*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. - 316 p.
2. Glick Schiller N. *A global perspective on transnational migration: Theorising migration without methodological nationalism*. In: Bauböck R., Faist Th., eds., *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. - 359 p.
3. Большова Н.Н. «Пегиды» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса. *Полит. Политические исследования*. 2016. № 3. - С. 123-137.

ИЗМЕРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОКА И ЗАПАДА: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ (ДИАХРОННЫЙ) ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ ИНДЕКСА

Шведовский В.А., Стандрик А. С. (Москва)

Рассматривается система расширенного социального воспроизводства, которая в свою очередь моделируется как растущим множеством ядер воспроизводства, охваченных увеличивающейся сетью воспроизводственных циклов. Эта система представляется и исследуется средствами теории графов и алгебраическим инструментарием теории симметрии, в рамках которой возникает возможность на макроуровне сопоставить длинам модельных эволюционных траекторий индекс значимости культурных кодов или индекс их укоренённости.

We consider a system of expanded social reproduction, which in turn is modeled as an increasing number of reproduction kernels covered by a growing network of reproductive cycles. This system is presented and investigated by means of graph theory and the algebraic tools of the theory of symmetry, in which there is an opportunity at the macro level to compare the lengths of the model the evolutionary trajectories of the index of importance of cultural codes or index their embeddedness.

В социологической литературе XX века под воздействием роста межнациональных конфликтов обострился интерес к описанию и количественному измерению проявлений культурных черт – культурных кодов национальных характеров народов. Наиболее результативным в этом плане оказались в 1967-1973-е годы разработки Г.Хофстеда [14], а также в 1990-е годы К.Ситарамы и Р.Когдейла [8] и в 2000-е годы К.Рапая [4]. Среди отечественных авторов из наиболее обстоятельных по этой тематике, на наш взгляд, следует отметить работы Латовых Н.В. и Ю.В. [3] и Сикевич З.В. [7]. Однако в этих и аналогичных исследованиях определяющим свойством являлось синхронное измерение выбранных социальных признаков. Новая идеология диахронного подхода к их измерению была высказана в труде нашего соотечественника – В.Ф. Турчина [15]. Авторам известны две попытки отечественных учёных [1, 5] получать количественные результаты на основе этого подхода. Однако в [1] реализация подхода, на наш взгляд, методологически ошибочна, ибо эволюция социума «подгоняется» под последовательность Фибоначчи, а в [5] она определяется фазами разделения труда, т.е. опускается значительный исторический период. В приводимом ниже материале демонстрируется попытка преодоления этих недостатков.

В основе излагаемого диахронного подхода лежит представление о последовательной эволюции исторически допустимой комбинаторики 4-х фаз социального воспроизводства процесса [9] (производства – **p**, распределения – **d**, обмена – **e** и потребления – **u**) на разных уровнях формирующегося социального неравенства, начиная с его нулевого уровня в первобытно-общинном социуме.

Предполагается, что система социального воспроизводства как совокупность воспроизводственных ядер (ЯВ), охваченных множеством воспроизводственных циклов (ВЦ), адекватно отображаема образами жизни (о.ж.) ячейки социума – двух взаимодействующих соседских общин. Природной пищевой базой каждой общины положены различающиеся биотопы, например, «лес» и «река», также рассматривающиеся как воспроизводственные ядра. Всем 4-м ЯВ

сопоставляются 4 вершины графа G_4 : биотопам «1» и «2» - природные, общинам «3» и «4» - социально-экономические. Рёбра графа представляют саму возможность взаимодействий между вершинами, а их отсутствие означает маловероятность или невозможность таковых.

На базе графа G_4 строятся орграфы, ориентированные циклы (контуры) которых кодируют воспроизводственные циклы: петля-потребление - **u**, две встречные горизонтальные дуги – обмен –**e**, две встречные вертикальные дуги – производство, состоящее из двух подфаз-1) воздействия на природу - вертикальная дуга «сверху-вниз» –**p**; 2) присвоения результата воздействия - вертикальная дуга «снизу-вверх» - **c**. Для графа G_4 возможны и 3-х или 4-х дуговые контуры, включающие в себя как распределение- **d** в виде одной горизонтальной дуги, так и разнесённые по различным вершинам дуги, кодирующие акты производства.

Первая гипотеза: ВЦ отображаемы контурами орграфа, а т.е., перестановками. Вторая гипотеза: уровень развития социума задаётся его уровнем сложности, который оценивается набором воспроизводственных циклов, описываемых группой или подгруппой перестановок. Переход от менее сложного уровня к более сложному, сочетающемуся с большей степенью социального неравенства, происходит за счёт совершённых и освоенных в виде изобретений открытий, сложность которых отвечает уровню сложности социума [10, 11].

Алгоритм перехода: акторы древнего социума воспроизводят данный о.ж. в конечном наборе ВЦ, т.е. заданного уровня сложности о.ж., а т.е. и такого же уровня восприятия окружающего мира до тех пор, пока одному из них «не повезёт» сделать открытие или изобретение на этом уровне. Освоение открытия существенно повышает эволюционный потенциал, а с ним и набор ВЦ образа жизни, т.е. его уровень сложности. Третья гипотеза: усложнение о.ж. может быть описано как минимальное расширение H_n группы перестановок, где n – порядок, описывающих набор ВЦ, таким образом, что предыдущая группа становится подгруппой вновь построенной группы, и результатом выступает последовательность вложенных подгрупп: $H_n \subset H_m \subset H_l, n < m < l$, кодирующая в траектории эволюции социальную наследственность.

Из всего множества эволюционных траекторий отбираются те, для которых суммарная оценка сложности [12] каждой - перехода от низшего уровня к высшему - обладает минимумом. Поскольку эволюция древнего социума моделируется, не ограничиваясь G_4 , то учитывается и рост числа вершин в графе, означающих появление новых социальных институтов, в ходе перехода от присваивающей к экономике производства [6], например, института вождей. В соответствии с длинами отобранных эволюционных траекторий строится $I_{у\kappa\kappa}$ - индекс укоренности культурного кода. В основу концепции связи культурного кода, образа жизни и образа мыслей лежит тезис: образ жизни порождает образ мыслей, а устойчивое повторение образа мыслей формирует культурный код. В итоговом расчёте $I_{у\kappa\kappa}$ вычислительный эксперимент осуществлялся для двух графов G_6 , характеризующих наиболее консервативные земледельческие социумы, складывающиеся в переходных экономиках Востока и Запада, по приоритету коллективного взаимодействия, или его отсутствия.

Таблица 1. Сравнение значимости ценностей «уважение к власти» и «коллективизма» на «Востоке» и на «Западе» методом измерения индекса Г. Хофстеда (синхронная методика [14]) – I_{Hof} и по диахронной методике – с помощью индекса $I_{у\kappa\kappa}$.

Локальность $I_{Hof}/I_{у\kappa\kappa}$ (Ценности)	Восток - В			ВЗ	Запад - З		
	РФ	КНР	Индия	Турция	США	Австралия	Швеция
I_{Hof} (Коллективизм) = 100 – I_{Hof} (Индивидуализм) / $I_{у\kappa\kappa}$	61	80	52	63	9	10	29
	0.265				0.239		
$I_{Hof} / I_{у\kappa\kappa}$ (Уважение к власти, к иерархии)	93	80	77	66	40	36	31
	0.324				0.319		

Из сравнения результатов, представленных в Таблице 1, обнаруживается, что построенный Index - индекс укоренённости культурных кодов - $I_{у\text{кк}}$ адекватно отражает различие и тождество ценностных ориентаций цивилизаций Востока и Запада в системе отношений упорядочения как для горизонтальных, так и вертикальных сравнений значений индексов [13].

Проверка $I_{у\text{кк}}$ на устойчивость была проведена посредством многократного разбиения случайным образом стартовых значений эволюционных траекторий на два подмножества и последующего вычисления средних значений $I_{у\text{кк}}$ для каждого из них. Пересечение доверительных интервалов всех этих пар отвергло гипотезу об их различии.

Выводы

Построен инструмент отображения ряда воспроизводственных циклов с помощью групп и подгрупп перестановок на графе системы ядер воспроизводства, а сама эволюция систем воспроизводства цепочками вложенных подгрупп перестановок.

Длинам отобранных эволюционных траекторий - цепочкам вложенных подгрупп сопоставлен индекс укоренённости культурных кодов - $I_{у\text{кк}}$.

Построенный по диахронной методике индекс протестирован на отношениях порядка между значениями аналогичных по смыслу индексов, полученных в синхронной методике, а также проверкой индекса на устойчивость.

1. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Модели периодизации истории человечества // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 12. С. 1076-1084.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН. 2005. Стр. 567.
3. Латова Н.В., Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4
4. Рапай К. Культурный код. Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс. 2008. – 167 с. (Серия «Сколково»)
5. Савостьянов Г.А. Теоретический анализ и формализация описания разделения труда как одного из инвариантов развития сообществ различной природы // Эволюция: аспекты современного эволюционизма. №4, 2012, С.48-85.
6. Семёнов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития (часть I), 1993 г., ЭО, № 1., стр.52-64.
7. Сикевич З.В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека. // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 14, вып. 2, 2011.
8. Ситарам К., Когделл Р. Основы межкультурной коммуникации // Человек, 1992, № 2-5.
9. Социологический словарь / под ред. Осипова Г.В. // Научно-справочное издание академического учебно-научного центра РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова, М.: Норма, 2008.- 608 с.
10. Шведовский В.А. Опыт теоретико-группового представления циклов общественного воспроизводства // Сб.: Математическое моделирование социальных процессов, Социологический факультет МГУ, вып.4., М. – 2002, С. 52-88.
11. Шведовский В.А. О вычислении социальных констант в моделировании эволюции архаичного социума // Пространство и человек, №4, М.: 2013
12. Shvedovskiy V.A., Standrik A.S. Group-lattice approach to computation of social constants in the modeling of evolution path of the archaic society // Numerical Algebra with Applications – Proceedings of Fourth China-Russia Conference/ - Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing, 2015, P.130-134.
13. Shvedovsky V., Standrik A., Bilan Y. Economic and Social Institutions: Modelling the Evolution Paths for the Archaic Society // Economics and Sociology, Vol.9, № 2, 2016. - pp. 11-25. DOI: 10.14254/2071-789X.2016/9-2/1
14. Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, L., 1980/
15. Turchin V.F. The Phenomenon of Science: A Cybernetic Approach Human Evolution. Columbia University Press. – New York: 1977.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Шими́на М.А., Ветю́гова И. П. (Нижний Новгород)

Стремительные изменения привычных основ нашей жизни, создание нового информационного пространства, культурная экспансия Запада, способствовавшая деформации сложившихся форм культуры, затронувшая ценности и регулятивы общества, привели к возникновению новой социальной и культурной ситуации. Пока, к сожалению она не внушает

оптимизма. Так называемой вестернизации в первую очередь подверглись такие базовые структуры культуры, как воспитание и образование. Воспитание и образование это как раз те общественные механизмы, через которые передаются исторически сложившиеся стандарты «правильной жизни», гаранты преемственности и сохранения национальной культуры. Но как бы мы не сетовали на сложившуюся ситуацию, это реальность, в которой мы живем и на которую можно оказывать влияние, лишь хорошо представляя, какова она, эта данность.

Нашим студентам приходится существовать одновременно в разных культурных средах: студенческой и рабочей, и играть разные социальные роли. Задача нашего исследования достаточно скромна: выяснить, ограничиваются ли формы социального взаимодействия только этими средами, или наши респонденты осознанно расширяют круг социального взаимодействия за счет участия в молодежных объединениях по интересам. Исходя из результатов социологического опроса, попытаемся определить роль преподавателя в ситуации резкого сужения культурного кругозора и изменяющейся системе образования.

В нашей анкете был дополнительно сформулирован блок вопросов с целью прояснить круг духовных и эстетических интересов, а также активность соприкосновения студентов с художественной жизнью. Эта часть нашего социологического исследования была описана в статье «Проблемы досуга студентов инженерных специальностей (по материалам социологического опроса студентов)» [1]. Вопросы, ориентированные на досуговую деятельность студентов, были введены в социологическое исследование по причине того, что «выбор занятий в свободное время совершается «по велению сердца», по интересам», а это очень близко к «гуманитарным предметам, в которых когнитивные методы тяготеют к «ведению», познанию сокровенного» [1, 13].

В социологическом опросе, проведенном в 2015-2016 учебном году в Нижегородском филиале МИИТ, участвовало 112 студентов, обучающихся на инженерных специальностях (заочная форма обучения). Возраст респондентов распределился следующим образом: до 25 лет – 63,4%, от 25 до 40 лет – 36,6%. На инженерных специальностях обучаются преимущественно студенты мужского пола – 69,6% от общего числа (женского пола соответственно – 30,4%). Более половины 55,4% пришли в высшее учебное заведение будучи работниками в сфере железнодорожного транспорта, 13,4% работают на других производствах. Остальной контингент – это выпускники железнодорожного техникума 27,7% и общеобразовательных школ 7,1%. 45,5% респондентов отметили, что они состоят в браке, на вопрос «Есть ли у Вас дети?» 40,2% ответили утвердительно.

Контингент респондентов сам по себе уже вызывает интерес. Во-первых, как уже было сказано, это так называемые «технари». Во-вторых, наши студенты одновременно учатся и работают. В силу того, что в современной исторической ситуации многие ценности недалекого прошлого утратили свое практическое значение, а современная ценностная шкала подвижна, молодые люди зачастую тяготеют к созданию своего ценностного мира. На этой основе создаются молодежные объединения, т.е. та особая среда, в которой они чувствуют себя комфортно, защищенно. Студентам было предложено ответить на вопросы, касающиеся их осведомленности в области субкультур и возможной причастности к ним. 66% опрошенных признали свою причастность к молодежным субкультурам. Основной мотив войти в сообщество – «интересы» 41,66%, наименьший показатель 2% связан с ответом «конфликты на учебе и дома». Предпочтение отдано субкультурам, выделенным на основании признака увлечения основными видами спорта 55% и на основании признака музыкальных пристрастий 33%. Замечено, что формы самостоятельной активности, чаще всего находятся в сфере досуговых и художественно-эстетических предпочтений. Возможно, причина в том, что в этой сфере молодежь выступает в качестве субъекта молодежной субкультуры. И хотя творимая ими культура не вызывает радикальных изменений в социуме, она существенно влияет на стиль жизни, поведение, моду. На прямой вопрос «сами активно участвуете в жизни какой-либо из субкультур?» положительно ответили лишь 3,33%. В этом случае уместно предположить, что для большинства респондентов принадлежность к молодежным субкультурам – факт пройденного периода жизни. Есть и другая версия, объясняющая столь низкий процент активных участников субкультур. Она оформляется в ответах на вопросы, имеющих косвенное отношение к субкультурам. Подавляющее число наших респондентов – 69,6% – представляют мужскую часть населения. Предполагалось, политика, это та область, которая не может их не интересовать. На вопрос «интересуетесь ли вы политикой» утвердительно ответили 55%. Но при этом 46,6% признались, что они не принимают участия в общественно-политической жизни страны, 28% считают достаточным участие в выборах, 20 %

ограничиваются беседами на политические темы, и только 3,3% являются членами политических партий. Налицо, что и в случае с субкультурами, максимально сниженная активность. Поэтому есть основания для версии: не присутствуем ли мы при «формировании» социального явления, так называемого Хомо цвишенса — «человека, воздерживающегося от поступков, непоследовательного в социальных действиях»? Если эта версия хоть в малейшей степени реальна, то преподавателю в процессе обучения следует сделать осознанный уклон в сторону воспитания, то есть, сопровождение личности в образовательной среде, помощь в построении продуктивных социальных и личностных связей» [2, 24]. Это не противоречит задачам современного образования. Как справедливо замечено, «задача образовательного учреждения заключается в том, чтобы сделать среду воспитательно-развивающей» [2, 24]. Механизм воспитания давно известен – это культура. Она важнейший фактор социализации, в ходе которой человек осваивает хранящиеся в культуре программы и научается жить, мыслить и действовать в соответствии с ними. Погружаясь в определенный культурный контекст, человек черпает из него правила жизни, или формирует идеалы, получает дополнительные представления о способах действия [3, 109]. В техническом вузе эту функцию выполняют дисциплины гуманитарного направления. Самый короткий и действенный путь вхождения в культурный контекст – это художественная культура. Преподавателю достаточно определиться с культурными предпочтениями студентов, чтобы на этой основе строить субъект – субъектное взаимодействие.

Задачи преподавателей гуманитарного цикла осложняются тем, что современная культурная политика уже достаточно давно ориентирована на принцип всеобщего релятивизма, тогда как образование всегда тяготеет к системности, непреложности знаний, излагаемых преподавателем.

Но ведь так быть не должно. Существование общего культурного поля обязательно. Собственно на нем должно держаться образование, а если шире – единство общества. Отраднo, что это понимание присутствует в студенческой среде. В своих ответах студенты демонстрируют тяготение к сохранению или обретению четких жизненных ориентиров. Косвенно это подтверждается выбором ценностных приоритетов (на первом месте стоит хорошая семья, дети – 68% опрошенных), отношением к роли преподавателя в учебном процессе. По результатам социологического исследования «Преподаватель технического вуза глазами студентов» очевидно, просветительские ценности не канули в Лету. Студенты по-прежнему ассоциирует современного преподавателя с наставником, личностью убежденной, предрасположенной к диалогу, готовой помочь, ясно формулирующей свою позицию [4]. В такой ситуации изучение культурных интересов студентов дает преподавателю дополнительную информацию, необходимую для моделирования учебного процесса, для выстраивания культурного диалога, в котором обе стороны были бы интересны друг другу, позволяет создать механизмы культурного взаимодействия и культурного влияния.

1. Ветюгова И.П., Шими́на М.А. Проблема досуга студентов (по материалам социологического опроса студентов инженерных специальностей). Современные концепции научных исследований. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Нижегородский филиал МИИТ; Под редакцией Н.В. Пшениснова. 2015. С. 13-15.

2. Емельянова И.Н. Сущность воспитания в контексте государственных стандартов нового поколения // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. №9. С. 20-24

3. Гулякин Д.В. Факторы, детерминирующие необходимость формирования социально-информационной культуры студентов технического вуза' по специальности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №3. С.109-111

4. Ветюгова И.П., Шими́на М.А. Преподаватель технического вуза глазами студентов // В мире научных открытий. 2014. № 11.12(59). С. 4815-4826

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ДИАСПОР (ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ)

Шупенько Т.И. (Минск, Республика Беларусь)

Общество любого современного государства состоит из множества социальных групп, которые как калейдоскоп образуют особую социокультурную национальную специфику. Среди таких групп можно выделить диаспоры, как национальные меньшинства, которые определяют

этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие государства. Изучение сфер и способов взаимодействия диаспор со странами происхождения способствует созданию достоверных представлений о том, какую роль диаспора может играть в развитии международных отношений и каким образом следует использовать этот потенциал.

Глобализация в сфере этнополитики вызывает два разнонаправленных процесса. С одной стороны, степень межкультурного и межэтнического взаимодействия приводит к ассимиляции менее развитых народов более развитыми. Ценности богатых и развитых стран пропагандируются, а зачастую агрессивно навязываются. Это ведет к стиранию этнических границ, потере чувства этнической принадлежности, стремлению принадлежать более «продвинутой» культуре, чтобы не чувствовать себя аутсайдерами на мировой арене. Общество потребления диктует единые стандарты в области моды, кухни, индустрии развлечений и во многих других. По некоторым оценкам «логическим завершением ассимиляционных процессов в этнической сфере должно стать появление в течение 200-250 лет единого планетарного этноса» [1].

С другой стороны, глобализация выявила противоположную тенденцию – острое стремление народов к сохранению своей этнической неповторимости. Особенно характерно это для небольших народов, которые на протяжении всей своей истории испытывали национальное угнетение. Например, это касается народов бывшей Югославии, Северного Кавказа, Прибалтики. Эту мысль, хоть и в несколько ином аспекте, озвучил в тексте доклада Бруно Латур в мае 2016 года: «Хотя общая тенденция мировой политики глобальна, присутствует почти во всем мире, ее приверженцы убеждают нас в необходимости как раз поскорее уйти от всего глобального и обратиться к другим задачам, которые, на первый взгляд, уникальны для каждой страны, хотя каждая страна описывает их в поразительно сходных терминах: идентичность, защита, земля, границы, аутентичность, подлинность, естественность, нормальное, местное, единое, однородное, иногда этнически чистое».[2]

Учитывая влияние глобализационных процессов на этнополитику и, в частности, на меняющуюся роль диаспор в международных отношениях, большинство современных государств осуществляет переход от репатриационной и патерналистской моделей взаимодействия с диаспорой к прагматической. Это выражается в усилении использования лоббистского потенциала диаспор. Важно отметить, что наиболее актуальной тенденцией современности становится использование научного потенциала представителей диаспоры.

Диаспора – это реальный политический инструмент, способный влиять на социальную и политическую ситуацию в стране. Как указывает Тощенко, «это проявляется, во-первых, в том, что они лоббируют возможность получения дополнительных прав и возможностей для своих республик (своего народа), получения особых гарантий для их эффективного развития, расширения их полномочий как внутри страны пребывания, так и на международной арене.

Во-вторых, диаспоры, вернее, ряд их организаций (например, таджикская, узбекская, туркменская, часть белорусской) выступают как оппозиция правящему режиму, организуя все возможные силы – от издания газет до организации общественного мнения – для борьбы с неприемлемыми им политическими силами.

В-третьих, диаспоры непосредственно воздействуют и на международные позиции страны проживания. Это, например, можно продемонстрировать на примере греков. В бывшем СССР их жило свыше 550 тыс. человек. В современной России насчитывается около 100 тыс. греков, 90% из которых живут на Северном Кавказе. Их нацеленность на возвращение на свою историческую Родину стала ярким показателем неудовлетворенности решения насущных проблем греческого населения» [3].

Анализ представителей диаспоры по разным критериям (половозрастной состав, уровень образования и профессиональной подготовки, психологические характеристики) позволяет выявить следующее: в потоке мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста, с уровнем образования и профессиональной подготовки выше среднего, как правило, энергичные и предприимчивые. Можно сделать вывод, что мигранты более активны в сравнении со средними характеристиками исходной общности. Такая ситуация отчасти стихийно, отчасти целенаправленно контролируется принимающими государствами, заинтересованными в притоке или ограничении каких-либо категорий мигрантов. Многие государства применяют ограничения в соответствии с возрастным, профессиональным, имущественным и т.д. уровнем мигрантов. Как следствие, потенциал диаспоры может иметь более высокий показатель по сравнению с окружающим социумом, что проявляется, в частности, в уровне жизни, который зачастую значительно выше, чем на исторической родине, и превосходит уровень окружающих.

В сфере взаимоотношений диаспоры и государства проживания исторический опыт показывает, что чем выше авторитетность и влияние ее представителей в государственных, экономических, культурных кругах общества, тем больше шансов, что при проведении политики данным государством, при принятии решений будут учитываться интересы этой этнической группы. В свою очередь эти же свойства представителей диаспоры будут полезны при налаживании взаимовыгодных контактов с исторической родиной.

Например, установление диалога с научной диаспорой и создание инструментов для развития взаимодействия с ней - новое направление в международном сотрудничестве Беларуси. Сегодня более 500 ученых-соотечественников включены в базу данных «Белорусские ученые за рубежом», размещенную на сайте Национального научно-технического портала и ставшую одновременно инструментом для идентификации и мониторинга диаспоры [4]. Создана также виртуальная электронная площадка для взаимодействия между учеными-соотечественниками, работающими в разных странах. База данных и электронная площадка - результаты проекта, направленного на анализ возможностей и разработку механизмов для содействия международному научно-техническому и инновационному сотрудничеству белорусских организаций с учеными выходцами из Беларуси, работающими за рубежом. Создание совместных проектов и научных разработок – это приток инвестиций, развитие инновационной сферы и укрепление межгосударственных контактов.

В вопросах использования лоббистского потенциала диаспор существуют и определенные сложности. Как уже подчеркивалось ранее, в связи с процессами этнической глобализации и повышения роли диаспор на международной арене, национальные государства стремятся использовать все их ресурсы в своих интересах и закрепить это законодательно. Это выражается в закреплении двойного гражданства, предоставлении различных льгот, принятии законов, дающих определенные преимущества данной категории граждан. Распространение получает практика выдачи специального документа, который закрепляет льготы (например, «удостоверение зарубежного венгра», «карта поляка»). Такие меры иногда вызывают недовольство государств, чьи интересы страдают в результате их реализации, и могут привести к межгосударственному конфликту.

Таким образом, можно сделать вывод, что глобализация вызывает у этнических меньшинств не только всплеск интереса к собственной национальной уникальной культуре и идентичности, но и тревогу за сохранность этой идентичности. В связи с этим сегодня наблюдается усиление функции этнических общностей как самостоятельных акторов политики.

Роль диаспор во внутри- и внешнеполитической жизни государств зависит от ряда обстоятельств, среди которых определяющую роль играет потенциал созданных диаспоральных объединений и активных представителей диаспоры в частности, их способность влиять на политику, проводимую государством проживания и по отношению к диаспорам, и по отношению к стране исхода.

1. Белашов, И.И. *Геополитические интересы в структуре современного политического процесса: дис. кандидата политических наук: 23.00.02/ И.И. Белашов.* – Ставрополь, 2004, 178 с.
2. Бруно Латур. *О возможной триангуляции некоторых современных политических позиций [Электронный ресурс].* – Режим доступа <http://gefeter.ru/archive/19588>. – Дата доступа 08.10.2016.
3. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. *Диаспора как объект социологического исследования [Электронный ресурс].* – Режим доступа http://ecsocman.hse.ru/data/420/787/1219/004_Toshchenko.pdf. – Дата доступа 08.10.2016.
4. *Белорусская научная диаспора: шаг навстречу [Электронный ресурс].* – Режим доступа http://www.scienceportal.org.by/upload/diaspora_step%20forward.pdf. – Дата доступа 08.10.2016.

ФЕНОМЕН СЕЛФИ КАК СПОСОБ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Шушунова Т.Н. (Минск, Республика Беларусь)

Визуализация мира становится универсальной характеристикой современной повседневной жизни, которая способна выполнять коммуникативное воздействие на становления личности, эффективно участвовать в стихийной социализации индивида и конструировать современные практики. «Общество в полной мере становится современным, когда его основной

характеристикой становится информация, важнейшей частью которой является образ, его производство и потребление. Восприятие реальности всё более зависит от ее репрезентации с помощью визуальных образов» [3]. Одним из ярких феноменов последних десятилетий стало появление фотографических автопортретов (селфи), которые благодаря широкому распространению смартфонов позволяют делать без посторонней помощи качественные снимки. Появление социальной сети «Инстаграм», специализирующейся на коммуникационном взаимодействии посредством визуальных образов, окончательно закрепило право первенства на распространение селфи-фото за собой. Причем именно такой способ визуального взаимодействия, имеет ряд положительных моментов, среди которых самостоятельность (фото можно сделать без посторонней помощи); простота (не нужно иметь дополнительного профессионального образования); доступность (достаточно купить смартфон); популярность (любая категория граждан делают селфи) и возможность осуществить направленную самопрезентацию в любой момент времени. Появление в большом количестве подобных фотографий и их стремительный рост во всем мире вызывает естественный исследовательский интерес у специалистов, в частности философов, психологов и социологов, которые, каждый со своей позиции, делают попытку осмыслить этот феномен повседневной жизни. Философы работают в рамках феноменологического анализа, психологи при рассмотрении этого вопроса делают акцент на самоопределении личности и своеобразной форме нарциссизма, а социология рассматривает феномен селфи в контексте самопрезентации себя для «Другого», и делает по различным критериям: гендерным, стратификационным, возрастным, профессиональным и эмоциональным.

Создание современного вида автопортрета, которым часто называют способ запечатления человеком самого себя - селфи, есть один из способов визуальной коммуникации, способ рассказать о себе миру. Для человека всегда реальным будет выступать то, что представлено как зрительный образ, который он может «прочитать», проинтерпретировать, оценить, и по отношению к которому, он может испытывать эмоции. Где образ – это средство коммуникации между Я и Другим, «Я» и социальной средой, средство передачи социальных норм[1]. В ситуации снижения доверия к речевой коммуникации, обусловленной самим характером сообщений, на который влияют межличностные барьеры, возникающие в процессе речевого общения, а также, вследствие того, что люди не стремятся вслушиваться в слова, придают им другое значения, не уточняют позиции оппонента, а ответ формулируют с учетом своих собственных мыслей, что вынуждает отправителя сообщения возвращаться к ранее сказанному и заново формулировать высказанное положение, коммуникация посредством речи не всегда выполняет свое предназначение [2]. Не говоря уже о том, что успешность общения связана с языковой компетенцией коммуникаторов, их речевым опытом, словарным запасом и возможностями интерпретации языковых сообщений. Поэтому именно визуальный образ как нельзя лаконичней и доступней для окружающих может репрезентировать отправителя сообщения, который он осуществляет с помощью автопортрета – селфи по правилам новоявленного жанра – фронтальная камера и вытянутая рука (селфи-палка). И именно таким образом, создается личная медиа история отдельного человека, своеобразное личное мифотворчество, посредством которого каждый из желающих своей «минуты славы» может «вписать себя» в общий визуальный «селфи-мир», осуществить самоопределение в виртуальном пространстве, и не только почувствовать себя причастным к глобальному флеш-мобу вытянутой руки и камеры в ней, но и рассказать этому миру о себе через селфи. Причем, рассказывать о себе правду при этом не всегда обязательно.

Интернет, как отмечал Ю.Ю. Перфильев, некое определенное место в пространстве, которого нет, а собственно виртуальная реальность, где возможен факт размещения селфи, по мнению Д. В. Иванова имеет следующие основные характеристики: нематериальность (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного); условность параметров (объекты искусственны и изменяемы); эфемерность (свобода входа или выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования) [4]. Эти особенности наделяют людей не столько анонимностью, поскольку имеет место личный профиль с минимальными персональными данными, факт он-лайн общения, который подразумевает как виртуальных друзей, так и реальных, что способствует более честной ситуации общения, сколько возможностью «управлять впечатлениями», в терминологии драматического подхода Э. Гофмана. Когда люди сами создают ситуации, чтобы выразить символические значения, с помощью которых они производят хорошее впечатление на других. В данном случае, в ситуации селфи люди также действуют подобно актерам на сцене, используя “декорации” и “окружающую обстановку” для создания определенных впечатлений. Тем более, если учесть выводы В.А.Лабунской о том, что

«внешний облик становится одним из важнейших средств построения типологий, выделения и распознавания определенных социальных групп, страт, описания стилей жизни... Внешний облик человека становится способом визуальной коммуникации и стратификации» [5]. Потребность улучшить свой визуальный облик с помощью возможностей техники и камеры не уступает желанию преподнести себя в более выгодной позе и виде. Данную мысль подтверждают результаты исследований Погонцевой Д.В., основанные на анализе визуального образа аватар пользователей контента ВК, а именно, что «в процессе формирования образа Я в виртуальном пространстве мужчины и женщины искажают информацию о себе с целью изменить, откорректировать свой образ или с целью скрыть свой настоящий облик» [7]. Этот вывод можно распространить и на феномен селфи, где преобладают четко выделенные категории фотографических портретов, направленных на преподнесение себя в выгодном положении (селфи в тренажерном зале, селфи в примерочной и т.д.).

Нами было проанализировано в социальной сети «Инстаграм» порядка пятисот фотографий с хэштегом «селфи» на предмет того, какие категории подобно рода фотографических портретов преобладают в действительности с учетом гендерного признака. Всего было выделено 16 категорий селфи-фото: в кругу друзей, на фоне достопримечательностей, в примерочных, в зеркале, экстремальное селфи, спортивное селфи, селфи с едой, рекламное селфи, селфи отношений пары, детское селфи (школьники), селфи – портрет крупным планом, эмоциональное селфи, в кругу семьи, селфи с животными, селфи в машине.

Были получены следующие результаты. Подавляющее большинство селфи-фото (41,6%) были сделаны в классической манере данного жанра, который мы назвали «эмоциональное селфи», поскольку в нем отражены любые проявления эмоций человека с помощью различных возможностей человеческой мимики, сюда относились селфи с вытянутыми губами, с высунутым языком, определенным прищуром глаз, улыбками и хмурые селфи и т.д.. Второй по популярности вид селфи – это лицо крупным планом или портрет (22,2%), в отличие от «эмоционального селфи», здесь не присутствует никакой мимики и никакой актерской игры, просто фотографический портрет человека, который он делает самостоятельно с помощью вытянутой руки или селфи-палки. На третьем месте с заметным отставанием следует «селфи в кругу друзей» (8,4%), и, чуть меньше предыдущего, а именно 7,6%, было отдано также известному варианту - «селфи в зеркале», которое совершается как правило перед выходом из дома или в лифте; и еще проявило себя «селфи на фоне достопримечательностей» (4,6%) и «селфи в машине» (4,0%). Все остальные категории селфи-фото не вышли за пределы двух процентов.

Если рассматривать гендерный признак, то можно прийти к выводу, что селфи-фото это женская прерогатива, т.к. подавляющее большинство (90,0%) фотографий были сделаны представительницами женского пола. Если мужчины и делают селфи, то это в большей степени относится к категории «селфи на фоне достопримечательности» и «селфи в кругу друзей». На основании всего вышеперечисленного можно сделать определенные выводы.

1. Визуальная коммуникация в современном мире имеет место, и на примере анализа селфи-фото в социальной сети «Инстаграм» мы можем утверждать, что это преимущественно женский способ передачи сообщений, как пример трансформации женской общительности в эпоху компьютерных технологий.

2. Посредством такого вида фото, женский пол (часть женского пола) сознательно помещает себя в игровую ситуацию (речь идет о популярном «эмоциональном селфи») с целью, возможно, привлечь к себе внимание окружающих, показать свои актерские дарования, заявить о себе как о разносторонней личности и посмотреть на реакцию окружающих.

3. Роднит женщин и мужчин в плане селфи-фото – желание запечатлеть себя на фоне друзей. Что не выглядит глупо в глазах окружающих как момент нарциссизма, а показывает желание оставить себе на память фотографию о приятном событии в жизни в условиях, когда нет возможности или желания оплачивать услуги фотографов.

В заключении, можно отметить, что судя по растущей популярности подобного рода фотографий, даже с учетом неоднозначной оценки общественного мнения, и особенно специалистов-психологов, которые всерьез фиксируют существование «селфи-зависимости», этот феномен социальной жизни требует дополнительного осмысления различных специалистов, а в особенности социологов как исследователей жизнеспособности социума в условиях тотального производства и потребления информации.

1. Белоусова, Ю.Б. Медийный образ как средство коммуникации. <http://cyberleninka.ru/article/n/mediynny-obraz-kak-sredstvo-kommunikatsii>
2. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Каатаева Е. русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов. 10-е изд. Ростов н/Д, 2004. -544 с.
3. Дроздова, А.В. Визуальность как феномен современного медиаобщества // «Дискуссия». Политематический журнал научных публикаций. Философские науки. — 2014. — №10 (51). <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1208>.
4. Иванов Д. В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 261 с.
5. Лабунская В. А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 26–39.
6. Погонцева, Д. В. Формирование впечатления средством виртуального общения // Концепт. – 2013. – № 01.
7. Погонцева Д. В. Selfie как современный социально- психологический феномен // Концепт. – 2013. – № 12.

ИНОЭТНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Щеклачева Т.В. (Новосибирск)

Россия находится в общем числе стран, активно вовлеченных в миграционные процессы. До сих пор в целом принято в большей степени отрицательно оценивать российский опыт взаимодействия с мигрантами по сравнению с европейским. В России действительно не сложилась устойчивая и последовательная миграционная политика, отсутствуют интеграционные программы и система мониторинга и корректировки ожиданий мигрантов и принимающего общества относительно друг друга. Вместе с тем, события последних лет показывают, что европейская политика мультикультурализма также не дала тех результатов, которые от нее ожидали, что противоречия, вызванные притоком и натурализацией большого количества мигрантов из бывших колоний и «стран третьего мира», не могут быть удовлетворительно разрешены для обеих сторон.

В отличие от европейских стран, Россия как реципиент имеет ряд особенностей, к наиболее важным из которых можно отнести: 1) многонациональность и поликультурность, 2) опыт объединения народов разных стран во времена Российской империи и СССР, 3) признание и декларирование равноправия (за некоторыми исключениями) всех народов СССР. Учитывая вышеперечисленное, а также возвратную миграцию русских из республик бывшего СССР и тот факт, что большая часть мигрантов – выходцы из этих республик, можно сказать, что российское общество обладало большим запасом знаний о мигрантах, чем европейское. Вместе с тем, российское общество не избежало обобщения потока мигрантов в единое целое, представляемое в публичном дискурсе как угроза, что, в сочетании с непоследовательностью миграционной политики и отсутствием системы интеграционных программ предоставило и мигрантов, и принимающее общество самим себе.

Проведенное нами в 2013-2014 годах исследование позволило получить некоторые данные о взаимных представлениях мигрантов и представителей принимающего общества, которые можно интерпретировать как промежуточный результат их взаимодействия под влиянием вышеописанных условий.

Для анализа были отобраны 315 человек – трудовых мигрантов и прибывших на постоянное место жительства в основном из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. Выборка принимающего общества составила 601 человека.

Самоидентификация мигрантов в целом позитивна. При ответе на вопрос «С какими из нижеперечисленных мнений о мигрантах Вы согласны?» положительные характеристики выбрали в совокупности 54,7% ответивших. 33,2% выбрали фактологическую характеристику «Они работают там, где не хочет работать местное население». Большинство ответивших из выборки принимающего общества (54,5%) наоборот, выбрали для мигрантов отрицательные характеристики; 26,5% выбрали характеристику «они работают там, где не хочет работать местное население». При этом 49% опрошенных воспринимают приток мигрантов как угрозу для сохранения культурного единства России (еще 33,3% затруднились ответить), а положительно относятся к мигрантам 6,9% опрошенных (при 59,2% относящихся нейтрально, 26,3% - не очень хорошо и 7,6% - относящихся резко отрицательно).

Респонденты-мигранты показали более позитивное восприятие местного населения, осознание необходимости знания русского языка (97,7%), соблюдения российских норм и

традиций (86,2%), заинтересованность в сближении с местным населением (77%). Больше половины респондентов считает, что между ними и местным населением нет различий. Среди принимающего общества так считают 18,5%, из них 16% выбрали ответ «мы немного похожи»; 38,8% отметили значительные различия.

Большинство переселенцев склонны воспроизводить и транслировать своим детям те культурные нормы страны исхода, которым приписывается наибольшая ценность или которые являются «естественными», «привычными» для страны исхода или этнокультурного окружения в стране пребывания. Это сказывается не только на характерных поведенческих практиках, но и на предпочтении использования национального языка, ношении национальной одежды, проведение празднеств в «традиционном духе» в том числе в общественных местах. Несмотря на осознание необходимости выполнения норм и законов принимающего общества, не все мигранты способны или хотят не выделяться в публичном пространстве. Местным населением это может восприниматься как демонстрация «другой группой» (без учета ее неоднородности) угрожающего присутствия, стремления повлиять на культуру принимающего общества и изменить ее. И, хотя 71,8% опрошенных понимали, что мигранты просто следуют своим культурным традициям, процент одобрявших разговоры в общественных местах не на русском языке, ношение национальной одежды и религиозных символов был крайне низок (3,2%, 5,7% и 3,3% соответственно). Доли не одобрявших и относящихся нейтрально были примерно равны в отношении допустимости общения не на русском языке и ношения религиозных символов. Более нейтрально опрошенные отнеслись к ношению национальной одежды (60,1%), возможно, потому, что национальная одежда воспринимается как маркер интруппы, который не может быть перенесен на членов аутгруппы.

Вопрос о влиянии иноэтничных мигрантов на культуру принимающего российского общества требует еще длительного изучения. В процессе социокультурной адаптации изменения претерпевают обе стороны взаимодействия, однако, говорить об ассимиляции или интеграции большей части мигрантов не представляется возможным, как нельзя сказать и о значительном культурном воздействии мигрантов на принимающее общество.

МАТЕРИАЛЫ ТЕМАТИЧЕСКИХ СЕКЦИЙ

ЗАЧЕМ НУЖНЫ НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА?

Винер Б.Е. (Санкт-Петербург)

1. Впервые о необходимости существования научных обществ в современной России я высказался в связи с деятельностью Санкт-Петербургской ассоциации социологов (Винер, 2001). Все основные задачи, которые ставят перед собой российские научные общества, по сути дела, дублируют задачи вузов и исследовательских институтов. К сожалению, мне не удалось обнаружить в литературе обобщающие работы, посвященные проблеме деятельности таких обществ как особого типа организаций. Пока же приходится довольствоваться тем, что удастся извлечь из самых разнородных источников.

2. Следует обратить внимание на то, что с русским термином "научное общество" в английском корреспондируют *learned society* и *research association*. Первый термин относится к собранию джентльменов, увлекающихся наукой, второй - к организациям, защищающим интересы входящих в них профессиональных исследователей. Дореволюционные общества скорее были *learned societies*. Наиболее известными из них являются Вольное экономическое общество и Русское географическое общество. Они объединяли представителей дисциплин, не имевших до XX в. самостоятельных факультетов в вузах. Первое в России экономическое отделение открыто в Политехническом институте в 1902 г., а в 1906 г. Высшие коммерческие курсы Побединского (созданы в 1897 г.) стали первым в России экономическим вузом. До этого экономистов готовили на юридических факультетах.

Кафедры географии существовали сначала на историко-филологических факультетах, а затем на естественнонаучных. Полная институционализация географии произошла только в советский период: в 1918 г. в Петрограде создан Государственный географический институт, который в 1925 г. объединился с географическим факультетом ЛГУ (Станюкович, 1971).

Институционализация социологии начинается с появления кафедры социологии в 1907 г. в Петрограде в Психоневрологическом институте. Однако последующие исторические перипетии привели к ликвидации социологии как дисциплины в СССР и ее постепенному возрождению сначала в системе Академии наук, а в конце советского периода и в университетах: в 1984 г. открыто отделение социологии на экономическом факультете ЛГУ, а в 1989 г. - факультеты социологии в МГУ и ЛГУ (Бороньев и Скворцов, 2005). На послесталинскую часть советского периода и приходится деятельность созданной в 1958 г. ССА, когда ей удалось стать коллективным пропагандистом и коллективным организатором социологической науки.

Исторические общества в дореволюционный период не достигли известности и популярности ВЭО и РГО. 4 мая 2012 г. в Европейском университете СПб французский историк В.Я. Берелович рассказывал о состоянии исторической науки в России во 2/2 XIX - начале XX века. Он заметил, что даже мельчайшие аспекты деятельности университетских преподавателей истории регулировались и контролировались Министерством народного просвещения. С его точки зрения всероссийское общество историков так и не появилось. Примерно то же мы видим и в остальных институционализированных дисциплинах. Т.е. до появления отдельных факультетов научные общества решают исследовательские проблемы при неполной институционализации своих дисциплин.

3. Наиболее сильными являются профессиональные ассоциации, действующие в условиях децентрализованного управления наукой, прежде всего в США. Здесь фундаментальная наука сосредоточена главным образом в университетах, которые являются автономными учреждениями, неподчиняющимися какому-либо аналогу нашего Министерства образования и науки. Децентрализация побуждает профессуру координировать действия через профессиональные ассоциации. Например, для того, чтобы один университет мог нанимать преподавателя, получившего степень в другом университете, необходимо соглашение о взаимном признании дипломов и неких общих образовательных стандартов.

4. Для социологов наиболее известным американским научным обществом является созданная в 1905 г. Американская социологическая ассоциация (первоначально Американское социологическое общество). Еще в 1930-е гг. ею был предложен целый комплекс мер для профессионализации организации: ввести для ряда чиновничьих должностей на федеральном уровне и уровне штата требование иметь образование и полевой опыт в области социологии; добиться участия социологов в различных комиссиях штатов, в органах социального обеспечения,

в федеральной администрации; выступать против практики трудоустройства преподавателями социологии в университетах и колледжах лиц не имеющих постбакалаврской подготовки в области социологии (Rhoades, 1981).

5. Американское государство и научные ассоциации заинтересованы во взаимодействии: "Так как исследователи стараются применять научные принципы внутри более широкого общества, они должны формализовать свои отношения с государственными чиновниками, которые используют их услуги. А федеральное правительство, например, поскольку находит сложным иметь дело с отдельными учеными, часто смотрит на научные ассоциации, чтобы последние предоставили им квалифицированных официальных представителей дисциплины в целом. Верно и обратное, если ученым предстоит высказаться в политической сфере, они должны быть вовлечены в лоббирующие действия. В таких ситуациях формальные организации ученых играют стратегическую роль" (Sjoberg & Net, 1968).

6. В существует несколько социологических обществ, наиболее известными являются Российское общество социологов, Союз социологов России, Сообщество профессиональных социологов (СоПСо). СПАС то объявляет себя местным отделением РОС, то говорит об ассоциации с РОС. У всех этих организаций, за исключением представительства на международных социологических конгрессах, нет ни одной задачи, ни одного мероприятия, которые не могли бы быть осуществляемы и выполняемыми институтами РАН или университетами. В таком случае, возможно, подсказка причины их существования содержится в известной статье об институциональном изоморфизме (DiMaggio & Powell, 1983). Тогда более понятна логика создателей дисциплинарных научных обществ в России: если в прошлом некоторые научные общества в России были весьма успешны, если научные общества в передовых в научном отношении странах являются важными субъектами научной политики, то и нам следует иметь такие организации, даже если нам трудно объяснить, для чего они нужны.

7. Все ли научные общества в современной России имеют малый коэффициент полезного действия? События последнего пятилетия в области реформирования российской науки показали, что чиновники в ряде случаев прислушивались к позиции Общества научных работников и Санкт-Петербургского союза ученых, особенно когда их заявления подкреплялись заметным числом подписей ученых. Важно заметить, что данные организации как правило высказываются по вопросам выходящим за рамки отдельных научных дисциплин. Примерами других организационных форм, оказывающими заметное влияние на действия российских ученых и научную политику, являются созданные после начала реформы РАН 2013 года Конференция научных работников и Сеть координации институтов. Помимо этого, в Интернете функционирует множество созданных учеными для обсуждения конкретных проблем социальных сетей. Возможно, новые организационные формы в каком-то отношении окажутся более эффективными, чем традиционные научные общества.

1. Бороноев А.О., Скворцов Н.Г. Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском университете: традиции и современность // Социологические исследования, 2005, № 8. С. 130-139.

2. Винер Б. Почему петербургским социологам сегодня не нужна профессиональная ассоциация // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, № 4. С. 45-48.

3. Станюкович Т.В. Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. Труды института этнографии им. М.М. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 95. М.: Наука, 1971. С. 121-138).

4. DiMaggio, P.J., & Powell, W.W. (1983). *The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields* // *American Sociological Review*, 1983, 48(2), 147-160

5. Rhoades, Lawrence J. *A History of the American Sociological Association 1905-1980*. Washington, DC: American Sociological Association, 1981

6. Sjoberg G., Net R. *A Methodology for Social Research*. New York: Harper & Row, 1968)

7. Turner, Jonathan H. & Kyung-Man Kim. *The disintegration of tribal solidarity among American sociologists: implications for knowledge accumulation* // *American Sociologist*, 1999, 30(2), 5-20

Говоря о картографии российской социологии, представляется необходимым посмотреть на географию социологических журналов и прочих периодических изданий. В какой мере российские социологи имеют возможность публиковаться в своих региональных изданиях, и насколько эти издания авторитетны в социологическом сообществе. В таблице представлены рейтинги 45 изданий, которые в 2014 году занимали лидирующие позиции по показателю science index в научной электронной библиотеке (НЭБ). Всего в НЭБ по тематике социология зарегистрировано 1542 издания, анализ всего массива периодики невозможен и из-за, во-первых, их огромного количества, и, во-вторых, большинство этих изданий в библиотеке не рейтингуется. В рейтинге science index, например, мы наблюдаем только 62 издания, по другим показателям, как правило, немного и много больше. 2014 год выбран, поскольку данные за 2015 год еще не представлены.

Итак, прежде всего, посмотрим, как представлены издания по регионам. Из 45 показанных в таблице периодических изданий 20 издаются в Москве, 5 представляют Петербург. Томск, Новосибирск, Волгоград, Тюмень и Орел представлены двумя изданиями, остальные города – по одному изданию. Таким образом, без учета Москвы и Петербурга, социологи Сибирского Федерального округа имеют наибольшие возможности публиковаться в своих региональных изданиях (Томск, Новосибирск, Красноярск – 5 социологических изданий). Центральный федеральный округ имеет четыре издания: два в Орле, по одному – в Белгороде и Иванове. Три издания есть в Уральском округе (Тюмень, Челябинск); по два издания мы фиксируем в Приволжском округе (Саратов, Пермь) и Южном округе (Волгоград, Краснодар). Один журнал издается в Северо-Западном округе (Вологда, если, естественно, не учитывать Петербург). Социологические издания Дальневосточного, Северо-Кавказского и Крымского федеральных округов в рейтинге science index в научной электронной библиотеке не представлены, среди указанным там 62 изданий.

Очевидно, что подавляющее большинство социологической периодики издается университетами, но не только. Посмотрим, какие институции имеют наибольшее число изданий. Высшая школа экономики – 4 издания, Институт социологии РАН – 4, Академия народного хозяйства и государственной службы -3.

Если посмотреть на лидирующую десятку рейтинга, то оказывается, что семь журналов издается в Москве, по одному в Новосибирске, Петербурге и Тюмени. (Появление Вестника Тюменского университета на второй позиции рейтинга вызывает некоторое недоумение, поскольку, как мы видим из приведенных данных, у издания крайне низкий индекс Хирша и большое значение индекса Херфиндаля, то есть Вестник печатает преимущественно сотрудников университета и только одна статья за десять лет была процитирована дважды. Но, возможно, это связано с тем, насколько качественно собирается и представляется информация в НЭБ, работу которой вряд ли можно назвать безукоризненной). Доминирование Москвы было ожидаемо, но все же, когда практически половина всей социологической периодики издается в столице, это вряд ли способствует развитию региональной социологии.

Тем более, что в московских журналах преимущественно и печатаются московские авторы, о чем свидетельствует нижеприведенная таблица. Приводятся данные о количестве научных статей, опубликованных в последних номерах журналов за 2014 год в семи московских изданиях, входящих в первую десятку рейтинга science index. Полагаю, что полученный результат вряд ли сильно отличался бы от того, если бы был проведен анализ всех выпусков журналов за 2014 год.

Таблица 2. Количество научных публикаций в последнем номере 2014 года в ведущих московских журналах и доля в общем числе публикаций авторов-москвичей

Название журнала	Количество опубликованных научных статей в последнем номере 2014 года	Количество авторов-москвичей	% авторов-москвичей от общего числа
СОЦИС	18	10	55,5
Мир России	6	4	66,7

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	12	7	58,3
Общество и экономика	13	8	61,5
Социодинамика	5	2	40,0
Вестник института социологии	9	7	77,8
Экономическая социология	4	3	75,0
Всего	67	41	61,2

Таблица 1. Рейтинги журналов по тематике «социология» по данным НЭБ за 2014 год. Приводятся значения показателей и в скобках место в рейтинге

Название журнала	Город	Издатель	science index (место в рейтинге)	Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	Индекс Херфиндаля по организациям авторов	Десятилетний индекс Хирша
СОЦИС	Москва	Изд. «Наука» РАН	6,376 (1)	1,437 (2)	479 (6)	20 (1-2)
Вестник Тюменского ГУ социально-экономические и правовые исследования	Тюмень	Тюменский университет	3,376 (2)	1,283 (3)	5225 (107)	1 (120-203)
Мир России: социология, этнология	Москва	НИУ ВШЭ	3,333 (3)	1,213 (4)	1181 (29)	9 (8)
Социодинамика	Москва	ООО «НБ-Медиа»	1,996 (4)	3,431 (1)	1112 (27)	17 (3)
Экономическая социология	Москва	НИУ ВШЭ	1,892 (5)	0,758 (5)	5859 (117)	10 (5-6)
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	Москва	ВЦИОМ	1,866 (6)	0,522 (13)	894 (19)	5 (28-42)
Мир экономики и управления	Новосибирск	НИУ Новосибирский у-т	1,314 (7)	0,356 (18)	2816 (77)	5 (28-42)
Общество и экономика	Москва	Изд. «Наука» РАН	1,243 (8)	-	421 (4)	10 (5-6)
Журнал социологии и социальной антропологии	Петербург	Фонд «Интерсоцис»	1,132 (9)	0,607 (9)	939 (21)	6 (15-27)
Вестник института социологии	Москва	Институт социологии РАН	1,113 (10)	0,640 (8)	3951 (92)	4 (43-55)
Свободная мысль	Москва	Политиздат	1,051 (11)	0,217 (28)	525 (8)	6 (15-27)
Alma Mater (Вестник высшей школы)	Москва	Изд. Центр «Алмавест»	0,885 (12)	0,456 (16)	111 (1)	11 (4)

Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Вологда	И-н социально-экономического развития территорий РАН	0,884 (13)	0,754 (6)	1625 (53)	8 (9-11)
Социология: методология, методы, мат. моделирование	Москва	Институт социологии РАН	0,734 (14)	0,662 (7)	5306 (108)	6 (15-27)
Социологическое обозрение	Москва	НИУ ВШЭ	0,716 (15)	0,527 (11)	2212 (63)	7 (12-14)
Вестник Томского ГУ. Философия, социология, политология	Томск	НИУ Томский у-т	0,709 (16)	0,363 (17)	1896 (55)	5 (28-42)
Социологический журнал	Москва	Институт социологии РАН	0,682 (17)	0,474 (15)	1104 (25)	6 (15-27)
Научно-аналитический журнал Обозреватель	Москва	И-т стран СНГ	0,556 (18)	0,269 (21)	602 (10)	6 (15-27)
Журнал исследований социальной политики	Москва	НИУ ВШЭ	0,519 (19)	0,521 (14)	1322 (35)	6 (15-27)
Современные исследования социальных проблем	Красноярск	ООО «Научно-инновационный центр»	0,506 (20)	0,188 (31)	143 (2)	5 (28-42)
Информационное общество	Москва	АНО «И-т развития информ. об-ва»	0,502 (21)	-	791 (18)	6 (15-27)
Проблемы управления в социальных системах	Томск	НИУ Томский у-т	0,496 (22)	0,580 (10)	1429 (41)	4 (43-55)
Личность. Культура. Общество	Москва	АНО «Независимый институт гражданского общества»	0,409 (23)	0,165 (36)	689 (15)	6 (15-27)

Название журнала	Город	Издатель	science index (место в рейтинге)	Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	Индекс Херфиндаля по организациям авторов	Десятилетний индекс Хирша
Социология медицины	Москва	Из-во «Медицина»	0,360 (24)	0,524 (12)	1488 (46)	8 (9-11)
Известия Саратовского ун-та. Социология. Политология	Саратов	НИУ Саратовский университет	0,354 (25)	0,178 (34)	3489 (88)	4 (43-55)
Образование и общество	Орел	Редакция журнала	0,345 (26)	0,179 (33)	655 (12)	6 (15-27)
Вестник Волгоградского ГУ Философия. Социология и	Волгоград	Волгоградский ГУ	0,325 (27)	0,252 (23)	1562 (49)	6 (15-27)

социальные технологии						
Лабораториум. Журнал социальных исследований	Петербург	ЦНСИ	0,295 (28)	0,218 (27)	2400 (68)	5 (28-42)
Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика	Москва	ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»	0, 287 (29)	0,302 (19)	680 (14)	4 (43-55)
Вестник Уни-та дружбы народов. Социология	Москва	РУДН	0,281 (30)	0,292 (20)	2396 (66)	4 (43-55)
Общество: социология, психология, педагогика	Краснодар	ИД «ХОРС»	0,262 (31)	0,231 (25)	484 (7)	4 (43-55)
Вестник Московского у-та Социология и политология	Москва	МГУ	0,247 (32)	0,162 (38)	7576 (123)	5 (28-42)
Сибирский философский журнал	Новосибирск	НИУ Новосибирский у-т	0,217 (33)	0, 148 (40)	3463 (87)	8 (9-11)
Social evolution & history	Волгоград	ООО «Издательство Учитель»	0,200 (34)	0,172 (35)	5556 (112)	7 (12-14)
Среднерусский вестник общественных наук	Орел	РАНХиГС	0,186 (35)	0,188 (32)	3185 (80)	5 (28-42)
Социология власти	Москва	РАНХиГС	0,182 (36)	0,148 (39)	1626 (54)	5 (28-42)
Ведомости Белгородского ГУ Философия. Социология. Право	Белгород	БГНИУ	0,162 (37)	0,083 (52)	1614 (52)	3 (56-79)
Женщина в российском обществе	Иваново	Ивановский ГУ	0,140 (38)	0,239 (24)	925 (20)	5 (28-42)
Известия ВУЗ. Социология. Экономика. Политика	Тюмень	Тюменский индустриальный университет	0,133 (39)	0,202 (29)	2584 (72)	5 (28-42)
Вестник Пермского ГУ. Философия. Психология. Социология	Пермь	ПГНИУ	0,112 (40)	0,221 (26)	1974 (58)	3 (56-79)
Мир политики и социологии	Петербург	Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»	0,101 (41)	-	656 (13)	20 (1-2)
Вестник СПбГУ. Психология. Социология. Педагогика	Петербург	СПбГУ	0,089 (42)	0,113 (48)	5700 (116)	5 (28-42)
Социум и власть	Челябинск	РАНХиГС	0,087 (43)	0,118 (44)	1554 (48)	5 (28-42)
Социология города	Волгоград	Волгоградский архитектурно-строительный	0,075 (44)	0,257 (22)	1217 (32)	4 (43-55)

		университет				
Ученые записки СПб академического у-та	Петербург	СПб академический у-т	0,070 (45)	0,101 (49)	1442 (43)	3 (56-79)

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА/АССОЦИАЦИИ: СПЕЦИФИКА И НАЗНАЧЕНИЕ

Бороноев А.О. (Санкт-Петербург)

Различные общества (ассоциации) в науке играют большую роль в профессиональной структуризации как факторы формирования идентичностей, в организации (внутреннего и внешнего) взаимодействия, в совершенствовании деятельности и реализации принципов гражданского общества, ибо они имеют негосударственный статус, являясь общественными организациями.

Подобные общества и ассоциации функционируют и в других сферах деятельности: культурной, экономической, политической и т.д. Формирование их связано с разделением труда, усложнением производства, с образованием различных обособленных сфер деятельности со своими задачами, корпоративными интересами, что характерно для капиталистического общества. По мнению Э. Дюркгейма и М. Ковалевского профессиональные общества это фактически поиск «органической» солидарности между разделенными частями общества, и поэтому имеют очень важное значение для регуляции социально-экономических, культурных и политических отношений. Они (общества) форма диалога через актуализацию специфики сфер деятельности и корпоративных интересов.

Безусловно, некоторые формы профессиональных и других отношений были и в докапиталистический период, но широкий и более конкретный характер они приобретают в связи с рациональной структуриацией обществ в период капитализма, т.е. его с профессионализацией и поиском форм солидарности.

В этом процессе большое место занимают научные общества/ассоциации, которые активно формировались с периода Возрождения под влиянием его идей, культурного и духовного развития, и потребностями новой экономики [1]. В этот период, как известно, формируются множество специализирующихся структур, нацеленных на создание полезного знания для промышленности и нового мировоззрения свободного от средневековой схоластики, оторванного от реалий жизни. Как известно в 12-13 вв. создается новая система образования – высшая школа. Появляются университеты – Болонский, Парижский, Неапольский, Салернский, Палермский и т.д. Начинается профессиональная подготовка специалистов. Легитимация образовательного сектора влияет на расширение исследовательских школ, направлений для опытных работ. Это служит основой образования группы людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью. На основании образовательного и исследовательского секторов формируются с конца 16 века академические образования – национальные академии, которые объединяют ученых для эффективности их деятельности по производству знания, определяя начало корпоративного творчества, научно-исследовательской кооперации в виде различных сообществ [1, с.82]. Научная деятельность превращается в определенную систему знаний, опыта, нравственно-этических норм, когнитивных правил, объединяющих ученых. Расширение сферы науки и становление профессионального научного слоя, научных работников в обществе ведет к новым формам ее презентации, особенно ее структурных направлений, что определяет создание различных обществ, ассоциаций.

На первом этапе эта тенденция проявлялась как академии – Лондонское королевское общество (1662 г.), Берлинская академия (1700 г.), Петербургская академия (1724 г.) и т.д. Наряду с подобными обществами/академиями в связи с дифференциацией научного знания образуются как специализированные научные ассоциации и общества, которые определяются состоявшимися объектами и предметами и проблематикой конкретных научных и учебных направлений. Так, начиная с 17 в. формируются географические, математические, химические, медицинские, биологические, инженерные и др. общества и ассоциации. Этот процесс продолжался активно в 18-19 веках и в начале 20 века.

Первым в России в 1765 году было создано Вольное экономическое общество, которое сыграло большую роль в развитии хозяйства страны, проводя обширные статистико-

географические, естественнонаучные исследования, осуществляя поиск новых форм агротехники, концепций развития экономики страны и народного образования.

Секретарь Общества А.Н. Бекетов, подводя итоги деятельности с 1865 по 1890 гг., писал: «не было ни одного вопроса в экономической и хозяйственной жизни страны, в котором бы наше Общество не приняло участие, а нередко и являлось начинателем» [2, с.396]. Это была действительно весьма эффективная общественно-научная организация, которая, по мнению М. Ковалевского (одного из президентов Общества) «отзывалась на все вопросы русской жизни» [2, с.397].

Затем были созданы Общество любителей российской словесности (1811), Минералогическое общество (1817), Общество русских врачей (1883), Русское географическое общество (1850), Русское антропологическое общество (1888), Русское археологическое общество (1846), Русское историческое общество (1866), Русское техническое общество (1866), Русское физическое общество (1872), Русское химическое общество (1868), Общество любителей естествознания (1863) и т.д.

В начале XX века, когда получила широкое развитие научная деятельность, формирование обществ/ассоциаций в мире и в России продолжалось. Были созданы Русское ботаническое общество (1915), Палеонтологическое общество (1916), Физиологическое общество (1918), Русское социологическое общество (1916) и ряд других обществ, связанных конкретными научными направлениями. Этот процесс продолжается и в настоящее время, что связано с продолжающейся дифференциацией научных направлений, поиском ими форм идентичности, а иногда просто внутринаучными дискуссиями между научными школами и отдельными учеными, когда одну науку представляют несколько обществ/ассоциаций.

Научные общества являются общественными организациями, тем отличаются от научно-исследовательских институтов, которые имеют, как считает чл.-корр. РАН А.И. Жамойда целевой характер, изучают конкретные темы, мало включаясь в перспективы развития научного направления в целом, его презентации и в изучение его истории [3]. Исследовательские институты по научным направлениям и научные общества, по мнению А.И. Жамойды, взаимодополняют друг друга. Последние особо обращают внимание публичному обсуждению результатов исследований, их координации, междисциплинарным связям, перспективам развития направлений, истории науки, сохранению научных ценностей как важных результатов интеллектуальной жизни общества, нравственным проблемам науки. В формировании Обществ проявляется мемориальность. Например, в присутствии в их названиях имен выдающихся ученых, сделавших открытия, создавших научные традиции, школы. Так, в России Общество русских врачей связано с именем Н.И. Пирогова, выдающегося ученого, педагога, общественного деятеля, с именем которого связано развитие отечественной и мировой медицины, университетского и народного образования в России. Физиологическое общество – с именем И.П. Павлова, лауреата Нобелевской премии. Всероссийское химическое общество носит имя Д.П. Менделеева, Русское социологическое общество – М.М. Ковалевского. Это не только российская традиция, мемориальность обществ проявляется повсеместно. Научные общества как профессиональные ассоциации важный фактор институционализации науки, способствующие решению научных проблем, взаимодействию между научными направлениями, становлению международных связей, презентации выдающихся заслуг ученых и научных школ.

Важным направлением деятельности научных обществ являлось проведение конференций и других мероприятий, связанных с презентацией научного направления. Поэтому конференции и конгрессная, т.е. публичная деятельность объединяющая широкий круг ученых, является прерогативой Обществ. Через них происходит объединение ученых и связь науки с общественными структурами. Большое внимание в их деятельности уделялось изданиям, презентующим достижения научных направлений. Эта функция с самого начала деятельности того или иного общества была ведущей. Через издательскую деятельность осуществлялось взаимодействие и взаимопонимание представителей разных наук. Не зря М.М. Ковалевский, представляя Английское социологическое общество, возникшее в Лондоне в 1904 году, в первую очередь говорит о первом Томе “Sociological Papers” – издания этого общества, который, по его мнению, дает картину «современному состоянию европейской мысли по вопросу о социологии, ее задачах и отношении к конкретным наукам об обществе» [4, с.521]. Ковалевский оспаривает позицию тех ученых, которые принижали роль научных обществ в развитии научного направления, в частности, социологии. Так он критиковал Карла Пирсона, который утверждал, что «Пока мы не найдем великого социолога, основываемому обществу не удастся ни установить

границ науки, ни определить ее функции». Ковалевский, наоборот, считал чрезвычайную важность научных обществ для решения актуальных вопросов развития науки, формирования консенсуса между различными традициями и научными направлениями. В связи с этим он подчеркивал роль таких изданий как: «Международный журнал социологии» (Париж), “*Rivisto Internazionale die sociologia*”; «Американский журнал социологии» (Чикаго) и т.д. Эти и другие издания того времени были связаны с деятельностью научных обществ/ассоциаций, возникших в европейских странах. Их рассматривал он как фактор институционализации социологического знания, включение его элементов в структуру общественного сознания.

Одной из функций обществ – программы подготовки кадров, без чего наука существовать не может. Как известно, в любом направлении науки есть два аспекта – занятие самой наукой и обучение науке, которая состоит из формирования знания у молодежи, приобретения ими опыта исследований с учетом традиций и новаций. Поэтому значимой стороной деятельности обществ является историко-научные проблемы, проблемы преемственности в науке и в образовании. Это направление имеет огромное значение для науки. Как утверждает В.В. Ильин: «Историко-научную деятельность неправильно понимать как деятельность архивную (археологическую), ограниченную поиском, отработкой, систематизацией фактов, относящихся к прошлому науки. Историко-научная деятельность – прежде всего деятельность ученого; она входит в исследование» [5, с.95]. Фактически знание истории науки, продолжает В.В. Ильин, стимулирует изыскания, содержит развернутую панораму динамики знания, способствуя постижению внутринаучных перспектив, представляет информацию о путях получения знания об объекте и выполняет охранительные функции в процессе познания [5, с.95]. Актуализация истории науки – важная сторона культуры исследования, научной деятельности, определяющий успех, а не просто увлечение или простая археологическая деятельность, а часть любого серьезного исследования. Поэтому в деятельности Обществ большое место занимает реконструкция предыдущего опыта (подходов, методов, принципов) и возвращение в научную память выдающихся исследователей и школ, осуществляя охранительные функции в развивающейся научной среде, давая возможность проявлению преемственности, что является чрезвычайно важным фактором культуры научной деятельности. В связи с этим широко известна деятельность различных Обществ по созданию музеев (научных и мемориальных) с целью сохранения истории научных направлений, имен ученых и научных школ, которые дают панораму истории науки и важны для воспитания культуры (общей и профессиональной) у научной молодежи.

По мнению Р. Мертона, профессиональные ассоциации, общества важный фактор исполнения своих ролей группами специалистов и через это влияния на общественные процессы и решения внутренних проблем науки [6, с.50-54].

Координация общих профессиональных интересов и служба общественным благам два объединяющих фактора и они же основа целевых задач обществ.

Таким образом, научные общества имеют свои особенности и динамику функций. Они связаны периодами развития науки. В период становления и активного развития «творческой продуктивности наук, формирование научных обществ было постоянным явлением. Этому способствовала и дифференциация наук, когда науки стали отходить от однородности и приобретать черты отдельных систем знания, имеющих разные предметы и уровни зрелости. Как мы говорили выше, этот период связан с периодом 18 века, включая начало 20 века. С 30-х годов 20 века происходит стабилизация научных обществ и формирование новых наук становится редким явлением. Это связано, во-первых, предметно-проблемным определением наук, как систем знания, когда произошла их определенность и частично ушла необходимость презентации, поиск перспектив развития и формирование конкретного научного мышления и т.д.

Во-вторых, многие функции научных обществ/ассоциаций стали переходить в развившиеся национальные академии, которые имеют хорошую базу и достаточное финансирование. В-третьих, это связано с тем, что несмотря на количественный и качественный рост сообщества ученых, в нем снижается общая культура, теряются принципы преемственности (памяти) и становится достаточным «техническое» общение. Тем не менее научные общества не сошли на нет. Некоторые из них активно функционируют, играя большую роль в презентации научных направлений, их достижений, в сохранении ценностей духовного творчества и памяти об истории науки в целом и ее отраслей. Есть случаи возрождения обществ, прекративших свою деятельность. Примером является возрождение в 1993 году Социологического общества им. М.М. Ковалевского, Русского исторического общества, Общества русской словесности и т.д.

Есть надежда, что кризис в духовно-интеллектуальной сфере, бюрократизация научной деятельности и падение его престижа послужит возрождению и активизации деятельности научных обществ и ассоциаций, в виду того, что они являются общественными организациями, характерными для гражданского общества. Их деятельность может послужить основой нового этапа взаимоотношения науки как важнейшей сферы общества с властными структурами и заставить их слушать для пользы общества интеллектуальную, в том числе научную элиту.

Этот процесс зависит как от самих ученых, от их способности к самоорганизации в новых условиях, так и от интеллектуальной эволюции власти и общества в целом.

1. Ильин В.В. *Философия науки*. М., 2003.
2. Ковалевский М.М. *К столетию юбилею Вольного экономического общества* // *Вестник Европы*, кн. Двенадцатая, 1915.
3. *Интервью А.И. Жамойды, Чл-корра РАН, Вице-президента Палеонтологического общества «Наука с двумя лицами»* // *С.-Петербургские ведомости*. 29.04, 2016.
4. Ковалевский М.М. *Новое социологическое общество* // М.М. Ковалевский. *Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы*. Отв. ред. А.О. Бороноев. Изд-во РХГА, Санкт-Петербург, 2011.
5. Ильин В.В. *Философия науки*.
6. Robert K. Merton *The functions of the Professional Association* // *The American Journal of Nursing*, Vol. 58 № 1.

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА В РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Кузванова О.Ю. (Санкт-Петербург)

Наследие Питирима Александровича Сорокина (1889-1968), российско-американского ученого и мыслителя, о котором сегодня уже с полной уверенностью можно говорить, как о научном корифее ушедшего века, во-многом носит парадоксальный характер. П.А.Сорокин стоял у истоков многих современных социологических теорий и отраслевых социологических дисциплин, являясь русским классиком западной социологии. Ему следует отвести особое место в плеяде мыслителей, чьи труды оказали фундаментальное влияние на развитие социологии как научной дисциплины в теоретико-методологических вопросах и институциональных аспектах. К настоящему времени уже проделана большая историко-социологическая работа по возвращению имени Питирима Сорокина в корпус отечественного социологического знания: его теориям посвящены главы в учебниках, диссертации, о нем пишут, его знают. Но насколько его идеи и теории актуальны сегодня?

В России популяризация трудов Питирима Сорокина и их изучение идут параллельно. Включение основных научных работ ученого в отечественную социологию преодолевало различные преграды, в первую очередь идеологического и языкового характера. В число трудностей восприятия научного наследия П. Сорокина можно отнести и период становления постсоветской отечественной социологии, когда потребовалось определенное время, чтобы признать за ученым высочайший теоретический уровень осмысления социальной реальности наряду с такими мыслителями XX века, как Т.Парсонс, Р.Мертон, К.Поппер, А.Тойнби, Ф.Фукуяма и др.

Первые упоминания о П. Сорокине в советской литературе появляются только в конце 1960-х гг., начале 1970-х гг. в связи с активизацией критики американской социально-политической мысли (Голосенко И.А., Бормотова С.С., Момджян К.Х.). Работы этого периода посвящены в основном критическому анализу философско-исторических и социологических воззрений П.А.Сорокина. Безусловно, что они не затронули весь массив социологических проблем в трудах П.А.Сорокина, но послужили базой для дальнейших исследований.

Второй этап изучения творчества П.А.Сорокина связан с началом переиздания и перевода его трудов российского и американского периодов творчества в конце 1980-х - начале 90-х гг. В это время благодаря активной исследовательской работе Ю.А.Согомонова была издана книга, в которой была впервые осуществлена попытка дать целостное представление о творчестве П.А.Сорокина. Состоящая из переводов фрагментов крупнейших работ ученого - «Человек. Цивилизация. Общество» [1] и сегодня остается своеобразным «путеводителем» в мир идей и научных теорий П.А.Сорокина. В этот же период времени в разных научных журналах стали публиковаться отдельные статьи и фрагменты работ П.А.Сорокина российского периода.

Одновременно становятся доступными архивные материалы, связанные с его научной и политической деятельностью. Наиболее значимые историко-биографические исследования принадлежат социологу И.А. Голосенко и историку Ю.В. Дойкову. В целом же научные работы этого периода целенаправленно знакомили читателей с жизнью, интеллектуальной биографией и основными направлениями научного творчества П.А. Сорокина.

Третий этап изучения наследия П.А. Сорокина связан с целым рядом событий. Во-первых, произошло определенное накопление объема исследовательских работ, что помогло вывести изучение научного творчества социолога на качественно новый уровень. Во-вторых, эти исследования получили институциональное подкрепление: с конца 1990-х гг. в российском социологическом сообществе стали проводиться международные конференции, посвященные научному наследию П. Сорокина. На Международном научном симпозиуме, посвященном 110-летию со дня рождения П. Сорокина (Санкт-Петербург, 1999 г.) было объявлено о создании Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева. Одним из основных направлений деятельности Института стали перевод и издание работ П. Сорокина в России. Наиболее значимые труды, изданные при содействии Института - «Социальная и культурная динамика» (2000) и «Социология революции» (2005).

В-третьих, политические преобразования начала 1990-х гг. не могли не сказаться на состоянии отечественной науки об обществе, причем не только в содержательном, но и в институциональном плане. После окончательного падения идеологических препон были открыты первые социологические факультеты в Московском и Ленинградском (Санкт-Петербургском) университетах, открылись десятки отделений, кафедр по подготовке социологов. При этом, одна часть российского социологического сообщества принялась активно осваивать зарубежные теории, концепции, подходы. Другая же его часть обратилась к изучению дореволюционного наследия с целью восстановления его органической связи с современной социологией, понять, на каком уровне находится последняя, оценить реальный вклад отечественных ученых в мировую науку. И в связи с этим, научные труды Питирима Сорокина оказались в фокусе внимания. Поэтому именно на третьем этапе стали возможны защиты кандидатских и докторских диссертаций, публикации серьезных научных монографий. Стали интенсивнее переводиться и издаваться труды ученого, написанные в США.

В 2010 г. постановлением Правительства Республики Коми в Сыктывкаре было образовано государственное бюджетное учреждение «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». Наряду с организацией научных мероприятий, посвященных творчеству П. Сорокина, Центр «Наследие» стал выпускать одноименный специализированный научный журнал, где публикуются научные статьи, развивающие методологию, основные идеи и концепции выдающегося социолога, размещаются материалы историко-биографического характера.

Важным направлением деятельности Центра является издание трудов П. Сорокина. В настоящее время реализуется крупный проект по изданию Собрания сочинений ученого, куда предположительно войдет 30 томов. К настоящему времени издано четыре тома (I том «Ранние сочинения. 1910 – 1914 гг.», II том «Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь», III том «Преступление и кара, подвиг и награда», IV том «Листки из русского дневника. Социология революции»). В 2016 г. планируется издание тома, куда войдут художественные произведения П. Сорокина: роман «Предтеча», рассказы и стихи.

С момента присуждения имени П.А. Сорокина Сыктывкарскому государственному университету в марте 2015 г. Сыктывкар окончательно стал одним из российских центров изучения и популяризации научного наследия всемирно известного социолога. Уже с 2014 г. СГУ им. П. Сорокина регулярно проводит международные конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» [2]. В 2016 г. в университете начал работать Международный центр социальных исследований, одним из направлений которого является систематизация, перевод и публикация архива П.А. Сорокина, находящегося в Саскачеванском университете (Канада).

К настоящему времени обозначились основные направления изучения научного наследия П. Сорокина в отечественной науке, а вместе с тем и перспективные и актуальные темы дальнейших исследований его творчества.

Большую роль в развитии изучения трудов П. Сорокина будет играть перевод и публикация всех фундаментальных работ Сорокина, что уже осуществляется в рамках собрания сочинений П. Сорокина, издаваемом Центром «Наследие», Международным институтом П.

Сорокина – Н. Кондратьева, другими научными центрами России. Особенно это касается такой работы П. Сорокина, как «Социальная и культурная динамика» (1937 – 1939 гг.).

На очереди стоит такая задача, как систематизация, изучение и публикация архивных документов из частной коллекции семьи Сорокиных (Винчестер), специальной коллекции П.Сорокина, хранящаяся в Саскачеванском университете в Канаде.

Сегодня научное наследие Питирима Сорокина имеет несомненный эвристический потенциал. С одной стороны, можно констатировать все более возрастающий интерес научного сообщества к теориям и концепциям Сорокина, что выражается в увеличении количества публикаций. С другой стороны, сами идеи выдающегося социолога становятся импульсом к дальнейшим научным изысканиям в рамках тех проблем, которые были им поставлены.

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество /общ. Ред., сост. И предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. С.А. Сидоренко, А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.

2. Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г.: сборник научных трудов. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

РЫЦАРЬ ИСТИНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ МАКСИМА МАКСИМОВИЧА КОВАЛЕВСКОГО

Кукушкина Е.И. (Москва)

Среди представителей классического периода развития отечественной социологии Максим Максимович Ковалевский был одним из тех, кто получил при жизни широкую известность не только в России, но и в научных кругах на Западе. Выпускник одного из лучших в то время университетов России – Харьковского, он с дипломом доктора права отправился для продолжения образования в страны Западной Европы, где за короткое время получил основательную подготовку как гуманитарий широкого профиля. Несмотря на ожидавшее его в послереволюционной России почти полное длительное забвение (кадет, буржуазный ученый, позитивист да к тому же социолог - представитель отвергнутой в советской России западной «лженауки») – все эти ярлыки в течение многих лет тормозили изучение и дальнейшее развитие трудов и идей Ковалевского. Исключение составляли лишь ученые-историки.

У новых поколений исследователей, просветителей и педагогов представления о личностях всемирно известных ученых прошлого складываются как правило на основании знакомства с их научными трудами и почерпнутых из самых разных источников, прежде всего мемуаров, обрывочных высказываний их современников. Между тем само восприятие научного наследия предшественников во многом зависит не только от знания представителями новых поколений особенностей того времени (эпохи), когда жили и творили эти ученые, но и от проникновения в конкретную обстановку прошлого, в те детали, по которым можно судить о характере каждого известного человека, о его отношении к жизни, людям, природе, к себе самому наконец, о его вкусах и предпочтениях, то есть обо всем том, что характеризует творческую личность, раскрывая неповторимые черты ее эмоционального и душевного склада. В случае с М.М.Ковалевским мы имеем яркий пример не просто взаимовлияния, но почти полного слияния внутренней жизни личности и его научной, общественно-политической и просветительской деятельности.

Сам о себе Ковалевский говорил и писал мало, считая, что трудно, если не невозможно, правдиво представить картину времени, заслоненную плотной завесой времени и чередой событий. Мы пока мало знаем о нём как истинном представителе российской интеллигенции, а в истории мировой науки - как основателе отечественной традиции в социологии и политологии.

В 1878 г. 19-летний П.Н.Милюков, посещавший гостеприимный дом Вс.Ф.Миллера, встречал там ближайших друзей и коллег ученого, среди которых, как вспоминал он много лет спустя, уже сам став известным ученым и политиком, «самым выдающимся и знаменитым был Максим Максимович Ковалевский» [1]. Ковалевскому тогда было 27 лет. Из оценок, разбросанных по мемуарной литературе и переписке современников Ковалевского можно заключить, что человек он был жизнерадостный, доброжелательный, терпимый к чужим мнениям, заботливый по отношению к своим коллегам, студентам, пользовался большим успехом у женщин (однако, по крайней мере два его серьезных романа браком не завершились). Человек состоятельный, он постоянно тратил личные средства на нуждающихся студентов. Он готов был оказать материальную помощь и студентам, и ученым. При этом предметом его забот мог стать

коллега, взгляды которого он не разделял. Так, известно, какую заботу он проявил об идейном руководителе народнического движения П.Л.Лаврове, помогая ему с публикацией его трудов. Доминирующей чертой характера Ковалевского была неиссякаемая жажда знания, необходимого ему как ученому для научной разработки средств и методов избавления человечества от бед и страданий. За это он снискал прочно закрепившееся за ним имя Рыцаря Истины. У него была своя особая гражданская позиция: он не состоял членом такой-либо политической партии и не принимал участия в общественно-политических движениях. При этом проявлял высокую активность как общественный деятель и был избран депутатом в Первую Государственную думу.

Одной из характерных особенностей личности М.М.Ковалевского была потребность в гармонии, стремление к гармонии – во всем, т.е. не только в научных исследованиях, но и в повседневной жизни. Именно от жизненной установки, от потребности жить гармонично, в ладу с самим собой и окружающими рождались у него мысли о будущем не только своей родины России, но и стран всей планеты Земля.

При всей терпимости характера и доброте души Ковалевский, однако, проявлял настойчивость в проведении в жизнь своих незыблемых принципов, что подчас требовало немалого мужества и смелости. Отстаивая права научного знания как основы практической жизни цивилизованного общества, он постоянно открыто в прессе и устных выступлениях напоминал о том, что «пастыри народные» (правители Российской империи) должны помнить об опасности доверять власть тем, кто верит, что порядок и прогресс зависят от одного лишь исполнения велений начальства. На самом деле важно в управлении государством опираться на знание его правовых основ, учитывая характер взаимодействия государства и права, экономики и политики» и считаясь с «с требованиями общественности, находящими выражение себе в нравственном законе» [2].

Сдержанный и ироничный в оценках людей А.П.Чехов, встречаясь с Ковалевским в Ницце в начале XX века, отзывался о нем почти восторженно: «Это большой человек во всех смыслах». Великий знаток человеческих душ отмечал веселый раблезианский нрав ученого, его заразительный смех. Этой своей оценкой писатель определил важность изучения всех «смыслов» жизнедеятельности Ковалевского как выдающейся личности, о которой необходимо знать всё. Без этого невозможно раскрыть секрет широты и универсальности его интересов, понять его исследовательские задачи и приемы, выбор им тем для своих исследований и связей между всеми направлениями его ученой деятельности.

Почему, будучи блестящим знатоком в области таких наук, как правоведение, история, экономика, этнография, Ковалевский лишь к концу 19 века всерьез занялся социологией и был признан одним из основателей отечественной традиции в этой науке? Дело все в том, что душевному и интеллектуальному строю ученого эта наука оказалась особенно близкой и необходимой как средство осуществления его глобальных творческих замыслов. По словам того же Миллюкова, социология для Ковалевского «была его систематическим мировоззрением» [3].

Широта научных интересов и богатейшая эрудиция в области человековедения и обществоведения, раннее приобщение к сокровищам человеческой мысли, с историей которой его знакомили уже на школьной скамье харьковские гимназические учителя, привели молодого ученого в страны Западной Европы. Он знал, чего не найдёт в архивах и библиотеках России и потому ему необходимо поработать в научных центрах других стран. Привлекаемый богатством исторических источников в западных архивах и библиотеках, отражающих более длительный исторический опыт общественной и государственной жизни стран Европы, он тем не менее пристально наблюдал за событиями в России, что принесло ему репутацию связующего звена между Западом и Россией.

Благодаря общительному характеру и умению налаживать контакты с наиболее интересными для него учеными и писателями западного мира Ковалевский, приехав в Англию, смог попасть в дом к Марксу, познакомился со Спенсером и другими деятелями науки и культуры. Во Франции его друзьями стали знаменитый социолог Р.Вормс и писатель Г.Флобер. С К.Марксом он общался тесно и длительное время, хотя не все в его учении принимал. Но то, в чем был согласен (прежде всего высоко ценя учет экономического фактора в изучении истории общества), признавал и принимал с благодарностью. Через четверть века после кончины Маркса он продолжал сохранять светлую память об этом мыслителе и называл его своим учителем [4].

Кого потеряла в лице М.М.Ковалевского Россия в канун Октября 1917 года.

Таланта и эрудиции М.М. Ковалевского, ушедшего из жизни накануне потрясших весь мир революционных событий в России в 1917 году, его умения прогнозировать ход событий очень не

хватало России, особенно в самые трудные для страны первые послереволюционные годы, когда строительство новой жизни велось буквально вслепую в массе своей неквалифицированными кадрами. Блестящий знаток истории общества и общественных отношений, специалист высшего класса по проблемам государственного управления, досконально изучивший процесс зарождения и развития демократии, Ковалевский к тому же обладал редким провидческим даром. Он болел за Россию и потому более, чем кто-либо другой из российских обществоведов того времени мог оказать реальную помощь в становлении и развитии нового типа государства, впервые в истории человечества поставившего перед собой задачу создать строй, основанный на принципе социальной справедливости.

1. Милуков П.Н. *Воспоминания*. М., 1991. С.73.

2. Ковалевский М.М. *Социология на Западе и в России*. // *Новые идеи в социологии*. Сб. статей. Под ред. М.М.Ковалевского и Е.В. де Роберти. В.1. Спб., 1913. С.10.

3. Милуков П.Н. *М.М.Ковалевский как социолог и как гражданин*.// *М.М.Ковалевский . Ученый, государственный, общественный деятель и гражданин*. Сб. статей. Пг., 1917. С.137.

4. Ковалевский М.М. *Две жизни*. // *Вестник Европы*. №№7 и 8.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ИМ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург)

Первое в истории России профессиональное объединение социологов было основано в 1916 г. по инициативе ближайших учеников М.М. Ковалевского, которые в память об ушедшем в том же году учителе и наставнике решили присудить обществу его имя. В создании Русского социологического общества (Общества) ключевую роль сыграли П.А.Сорокин, К.М.Тахтарев, П.И.Люблинский, Н.Д.Кондратьев, Я.М.Магазинер. Уставной задачей Общества была «разработка вопросов социологии и других общественных наук, а также распространение знаний по этим наукам». Задачи Общества понимались широко и поэтому в первоначальном списке его членов мы встречаем имена многих выдающихся представителей социальных, естественных наук и известных политических деятелей: лауреата Нобелевской премии И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, Б.Б. Веселовского, А.И. Чупрова, Л.И. Петражицкого, Н.И. Кареева, А.С. Лаппо-Данилевского, М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве, П.Н. Милукова, А.В.Пешехонова и др. Им, как и всем остальным будущим членам, были разосланы 19-20 октября 1916 г. персональные приглашения принять участие в деятельности создаваемого Общества и практически сразу, в 20-х числах этого же месяца, Питирим Сорокин и Николай Кондратьев (именно они занимались рассылкой приглашений) получили ответы с выражением согласия.

Первым председателем Русского социологического общества был избран академик А.С. Лаппо-Данилевский, профессор Санкт-Петербургского университета. После его кончины в 1919 г. Председателем стал акад. Н.И. Кареев.

Деятельность Русского социологического общества с самого начала проходила в сложных условиях. Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции не способствовали реализации его планов. Тем не менее, в рамках Общества произошло объединение ученых, предпринимались шаги по развитию социологии и социологического образования в стране.

Особое место в послереволюционный период истории Общества занимает Социологический Институт, который был основан в октябре 1918 г. по инициативе А. М. Ловягина и начал свою научную и практическую деятельность с декабря того же года, «развивая одновременно свою деятельность по четырем направлениям: во-первых, в смысле учета материалов по строительству новой жизни в обновленной России; во-вторых, путем выпуска изданий, предназначенных популяризовать занятия социологии; в-третьих, посредством собирания книжных богатств, имеющих отношение к социологии и к социальным наукам; в-четвертых, путем устройства публичных лекций на темы, имеющие отношение к задачам института» [1, 6].

С приходом в Институт П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева и Н.А. Гредескула 5 марта 1919 года было решено завязать отношения с Социологическим обществом имени М. М. Ковалевского, а чуть позже, усилиями членов Общества это научное учреждение трансформировалось в сентябре 1919 г. в Социологический институт, который в 1921 г. был закрыт. Как отмечал Питирим Сорокин, «Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского», основанное тотчас

после смерти последнего и едва успевшее приступить к работе, событиями 1917-1918 годов вынуждено было прервать работу. Она возобновилась в 1919 году, но в 1920 году снова прервалась, а частью перешла в основанный тогда «Социологический институт» [2, 26].

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ней кардинальная трансформация политического строя печальным образом сказались на судьбе Общества. Просуществовав около шести лет, оно прекратило свое существование. В 1923 году оно было официально закрыто, фактически же это произошло несколькими годами раньше, когда перестали проводиться регулярные собрания членов общества. На это повлияла в целом неблагоприятная для развития социологии обстановка в стране, а также позиция, которую заняли некоторые члены общества по отношению к новым политическим реалиям. Тем не менее, несмотря на столь непродолжительный период деятельности Общества, было достигнуто главное: русские социологи впервые попытались осознать свои цели и задачи, заявить о себе как о группе профессионалов, способных решать актуальные для общества проблемы, понять свою миссию в обществе.

Таким образом, история «Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского», открывает сегодня заново забытые страницы не только российской социологии, но и истории нашей страны. Как писал Питирим Сорокин, стоявший у истоков зарождения первого профессионального объединения социологов в России, характеризуя этот период истории: «Тяжелые условия России не прервали целиком работы русской науки. Не прекратилась она и в области социологии. Напротив, жизнь, ставившая ежечасно «прикладные вопросы» социального бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли» [2, 23].

Воссоздание Социологического общества им. М. М. Ковалевского 22 мая 1993 года приходится на такие же сложные для России времена, как и времена его возникновения, и целью его явилось восстановление связей между современной социологией и социологией дореволюционной. Необходимо было провести анализ достигнутого тогда и сейчас, чтобы понять на каком уровне находится социологическая наука в России, каков ее реальный вклад в мировую социологию, какие задачи она должна решать в обществе. В числе приоритетных задач общества была определена просветительская деятельность, деятельность по популяризации социологии в обществе.

В 1993 году в журнале «СОЦИС» (№8) было опубликовано открытое письмо А.О. Бороноева и А.П. Прилипка: «Возродим Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского», нашедшее живой отклик у профессионалов. Благодаря усилиям Асалхана Ользоновича Бороноева – ныне Почетного Председателя «Социологического общества им. М.М. Ковалевского», Обществу не только удалось осуществить свои задачи на первом этапе деятельности, но и занять достойное место в российском социологическом пространстве. Сегодня под эгидой Общества активно издается классическая научная литература – серийное издание «Российская социология» (переизданы труды М.М.Ковалевского, П.А.Сорокина, Н.К.Михайловского, К.М. Тахтарева, Е.В. де Роберти, Н.И.Кареева и др.), с 1994 года издается периодически выходящее издание «Проблемы теоретической социологии». Социологическое общество им. М.М.Ковалевского стояло у истоков издания с 1998 года «Журнала социологии и социальной антропологии» (главный редактор проф. В.В. Козловский). Сегодня этот журнал, созданный с целью расширения коммуникационного поля российских социологов, социальных философов, политологов, культурологов и антропологов, пользуется известностью и авторитетом у профессионалов, занимает высокие места в рейтингах научных изданий.

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского в 1998 г. совместно с факультетом социологии СПбГУ выступило организатором Первого Всероссийского социологического конгресса, который состоялся в 2000 г. и стал важнейшим этапом институционализации российской социологии. Начиная с 2006 года, в Санкт-Петербургском государственном университете под эгидой Общества в ноябре ежегодно проходит Всероссийская научно-практическая конференция "Ковалевские чтения".

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского вносит значительный вклад в сохранение не только российских социологических традиций, но и в сохранение культурного наследия и исторической памяти. С участием членов Общества по личной инициативе А.О. Бороноева была восстановлена заброшенная могила М.М. Ковалевского на Никольском кладбище Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга, а в 2006 году была открыта мемориальная доска на доме по адресу: Санкт-Петербург, ул. Моховая, д.22, где жил М.М.Ковалевский, в 2009 году была установлена мемориальная доска П.А.Сорокина на доме по адресу: Санкт-Петербург, 8 линия В.О., д.31.

В современных условиях развития социологии в России Социологическое общество им. М.М. Ковалевского далеко не единственная профессиональная организация социологов. Существует множество ассоциаций и обществ, как на региональном, так и на общенациональном уровне.

1. Ломоносова М.В. Российская социология на изломе эпох (1918–1918): Питирим Сорокин и Социо-Библиологический Институт // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2(79). С. 5–14.

2. Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб: Алетейя, 2000.

СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ ФОРМ НЕРАВЕНСТВА. ПОСЛЕДСТВИЯ И ВЫЗОВЫ "ПОВОРОТА К БИОЛОГИИ"

Богомягкова Е.С. (Санкт-Петербург)

Изучение социального неравенства является трендом современной социологии, о чем свидетельствует тематика последних конгрессов Международной социологической ассоциации (2014) и Европейской социологической ассоциации (2015). С развитием постиндустриального, глобального, сетевого, информационного, потокового общества принято говорить о новых формах социальности и новых структурах неравенства – потоковом, сетевом, цифровом и т.д. Однако, сконцентрировавшись на тенденциях, обусловленных глобализацией, новыми формами мобильности, развитием информационных технологий, ученые рискуют упустить еще один тренд в трансформациях современных форм социальности, а соответственно, и социального неравенства.

Открытия в биологии и генетике за последние 20 лет вновь поставили вопросы о соотношении биологического и социального в социальном действии и социальных структурах. Расшифровка генома человека, активное развитие биотехнологий раздвигают представления о границах человеческой жизни, которые до сих пор были непререкаемыми, поскольку лежали вне досягаемости технических возможностей человека. В результате, природное (биологическое) становится одним из измерений социального. Однако вновь возникшие биологические или генетические реальности не бесспорно заданы, а конструируются и предписываются бионаукой и ее специфическим стилем мышления, приобретают культурное значение, а также конвертируются в социальный и политический капитал. Теперь, помимо уровня дохода, доступа к властным ресурсам, «популярности» в сообществах Интернет и т.д., такие характеристики, как структура ДНК, определяющая вероятность тех или иных заболеваний, особенности здоровья и физиологии человека (например, возможность иметь детей, потребность в трансплантации органа, конкретная группа крови и т.д.) оказываются значимыми компонентами его статуса, а также основанием групповой сплоченности и солидарности. Для описания подобных феноменов в понятийном аппарате современной науки используются такие категории, как биологическое [Rose 2007] и генетическое гражданство [Kerr, 2003], концепт «биосоциальности» [Rabinow, 1996].

Ученые оказались перед «поворотом к биологии» и вынуждены включать в свой анализ не только классические представления о социальном, но и вновь актуализировавшиеся биологические и генетические реальности. Эти реальности все чаще выступают основанием новых различий и практик исключения, а здоровье человека, его физиологическое благополучие становится не просто биологической данностью, но и полем выбора, ответственности, прав и обязанностей. Здесь мы кратко рассмотрим трансформации структур социального неравенства, вызванные современными открытиями генетики и биологии. Прежде всего, речь может идти о новых формах символического исключения и дискриминации людей с «опасными генами» в результате расшифровки генома человека, позволяющей предсказывать вероятность развития хронических и неизлечимых заболеваний, а также ряд поведенческих особенностей человека. Носителями «подозрительных» генов могут быть человеческие эмбрионы в случае вспомогательных репродуктивных технологий, онкологические больные, застенчивые, люди, страдающие избыточным весом, представители нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. Биологические и генетические особенности становятся ключевым элементом как самоидентичности, так и практик идентификации и исключения. Кроме того, примеры прямой генетической дискриминации уже зафиксированы в США.

Однако, наибольшие возможности трансформации социального неравенства открываются в результате объективации и коммодификации человеческого тела, органов, клеток, тканей, а также информации о ДНК. Человеческое тело приобретает «биоценность» (biovalue), и «во все большей степени воспринимается как род контейнера редких и ценных биологических

материалов» [Governmentality..., 2011: 236]. Теперь не только здоровье из средства достижения блага превращается в главное благо и цель человеческого существования, в материальную ценность и даже товар, который можно купить и продать, но и тело человека, его биологические ткани и материалы приобретают самостоятельное экономическое значение.

С одной стороны, биологические материалы (органы, ткани, половые клетки, информация о ДНК человека и т.д.), а с другой, доступ к возможностям управлять своим биопотенциалом, здоровьем, а также жизнью и смертью, в современном мире становятся важными ресурсами. Наиболее наглядно эти процессы проявляются в случае с вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ), трансплантацией органов и тканей, искусственным поддержанием жизни. Применительно к ВРТ, речь идет о репродуктивной биоэкономике, которая представляет собой глобальную сеть, основным элементом которой выступает репродуктивный труд (например, суррогатное материнство), а основным средством обмена – репродуктивные ткани (донорство). «Репродуктивный рынок» имеет глобальный характер, распределение поставщиков и потребителей варьируется как в рамках одной страны, так и на глобальном уровне, когда налицо оказывается географическое разделение на «страны богатых заказчиков и страны бедных поставщиков услуг, к которым в первую очередь принадлежат бедные азиатские государства» [Кожевникова, 2015: 74]. В то же время, несмотря на включение в 2013 году процедуры экстракорпорального оплодотворения в программы обязательного медицинского страхования в России, другие виды ВРТ оказываются доступны лишь финансово обеспеченным группам. «Более 60% центров, проводящих процедуры ВРТ в России, относятся к коммерческому сектору» [Регистр ВРТ..., 2015], что затрудняет доступ к данным услугам со стороны малообеспеченных групп населения. В США спектр возможных участников ВРТ ограничивается, прежде всего, экономическими возможностями и имеющейся медицинской страховкой [Thompson, 2005].

Аналогично, для описания потребностей в органах и тканях используются экономические категории спроса и предложения, а со стороны ученых и практиков звучат призывы к формированию национальных специализированных рынков. «В настоящее время ценность человеческого тела на американском рынке трансплантации органов и тканей оценивается в \$2500000 [Keller 2008: 11, Цит по: Governmentality..., 2011: 236]. Таким образом, представители наиболее уязвимых в социально-экономическом отношении слоев населения подспудно подталкиваются к продаже собственных органов и тканей, тогда как сами не имеют возможности их купить, а также имеют ограниченный доступ к современным медицинским технологиям. Распространение новых форм экономических отношений на глобальном уровне может рассматриваться как «новая форма колониализма и эксплуатации» [Кожевникова, 2015: 74]. Глобальные и внутристрановые различия в доступе к технологиям и биологическим материалам, который регулируется национальными законодательствами, вызывают новые формы социальной мобильности.

Термин биоэкономика покрывает не только вопросы воспроизводства населения, но интересы фармакологических компаний, индустрию медицинских экспериментов и организацию научной деятельности (например, исследования стволовых клеток), которые также нуждаются в биологических материалах, и стимулируют включение в эти практики все большего числа людей. Таким образом, социологи вынуждены «повернуться» к биологическим основаниям человеческой жизни, поскольку они приобретают все большее социальное и культурное значение и становятся основанием новых форм групповой сплоченности и социального неравенства.

Кожевникова М. Люди «из пробирки». Обзор этических проблем, связанных с ВРТ// Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. — М.: Издательство Мос-ковского гуманитарного университета, 2015. — С. 66 – 80.

Регистр ВРТ. Отчет за 2013 год. Российская ассоциация репродукции человека, Санкт-Петербург, 2015.

Governmentality: current issues and future challenges / edited by Ulrich Bröckling, Susanne Krasmann and Thomas Lemke. NY: Routledge, 2011.

Keller M. Ausgeschlachtet. Die menschliche Leiche als Rohstoff, Berlin: Econ, 2008.

Kerr A. Genetics and Citizenship // Society. 2003. No. 40(6). Pp. 44–50.

Rabinow P. Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality, pp. 91–111 in Essays in the Anthropology of Reason. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

Rose N. The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press, 2007.

ТРЕНДЫ В СОЦИОЛОГИИ XXI ВЕКА

Иванов Д.В. (Санкт-Петербург)

Среди множества различных и зачастую противоречивых тенденций, изменяющих характер современной социологии, можно выделить четыре основных тренда: тематический, теоретический, методологический, идеологический.

Тематический тренд выражается в сдвиге фокуса внимания международного социологического сообщества от изучения глобализации к исследованию неравенства. Тематический тренд отчетливо виден при анализе данных в международных наукометрических базах. Количество публикаций на тему «глобализация» в базе данных Web of Science росло опережающими темпами в 90-х гг. прошлого века и в начале нынешнего столетия практически сравнялось с числом публикаций на традиционную для социологии тему «неравенство», но в последние 5-10 лет проблема неравенства заметно доминирует в сознании социологов.

Период \ Тема	1992-1999	2000-2007	2008-2015
«глобализация»	2699	21271	33965
«неравенство»	7617	22504	49794

Темы мировых конгрессов Международной социологической ассоциации (ISA) также свидетельствуют о переориентации сообщества на изучение неравенства как сквозной и объединяющей темы социологии. Если в Дурбане (2006) тема конгресса «Качество социального существования в глобализирующемся мире» подчеркивала важность феномена глобализации, а в Гетеборге (2010) тема «Социология в движении» ориентировала исследователей на саморефлексию, то в Йокогаме (2014) тема «Лицом к неравному миру: вызовы для глобальной социологии» задала новый ориентир. Для конгресса в Торонто (2018) анонсирована, которая очевидно продолжает линию на изучение неравенства и связанных с ним проблем: «Власть, насилие и справедливость: рефлексия, ответы и ответственность». Оформление тематической связки «от изучения неравенства – к концептуализации справедливости» базируется на том общем подходе современного международного социологического истеблишмента к определению неравенства, который наиболее отчетливо выразил шведский теоретик Гёран Терборн (2006): «неравенства – это различия, которые мы рассматриваем как несправедливые».

Теоретический тренд в современной социологии заключается в сдвиге от дискурса «кризиса» и проектов интеграции конкурирующих парадигм к метатеоретизированию. На рубеже веков в социологии стали быстро возникать и распространяться разнообразные дискурсы «поворотов» и поиски новой объектности. На «Западе» / «глобальном Севере» продвинутые социологи практикуют постконструктивистское метатеоретизирование как поиск объединяющих концептуальных схем и решающих метафор. Здесь главный концептуальный продукт – гибридные и темпоральные объектности (актор-сети, потоки, мобильности, перформансы, ассембляжи и т.п.). На «Востоке» / «глобальном Юге» исследователи культивируют постколониальное метеоретизирование как поиск множественностей (Модернов, глобализаций, цивилизаций, идентичностей и т.п.), открывающих возможность отличных от западных форм и способов социального существования.

Методологический тренд в современной социологии можно видеть в сдвиге от противопоставления и комбинирования количественных и качественных методов к перформативному знанию и технологиям Big Data и Web 3.0. Этот методологический тренд опирается на растущее понимание того, что социальные сети – это новый огромный ресурс «естественных» данных, то есть спонтанных, а не искусственно создаваемых анкетированием и интервьюерами. Сетевые платформы сбора данных и программные средства сетевого анализа бурно развиваются и создают как новые возможности, так и новые проблемы для исследователей. Технологии Big Data стали вызовом для социальных наук. Создание инструментов для сбора, анализа и представления данных может теперь осуществляться в формате Web 3.0 (самодельные сайты и мобильные приложения). После господства позитивизма, а затем конструктивизма, теперь распространение получает концепция перформативного знания.

Идеологический тренд в социологии XXI века связан со сдвигом в дискурсе об общественном предназначении социологии от идей защиты «гражданского общества» к идеям новой (после марксизма и неомарксизма) атаки на капитализм. Антикапиталистический дискурс теперь опирается на такие фигуры как Папа Римский и модный экономист Тома Пикетти, а не на Маркса. Идеологический тренд «полевения» отчетливо виден в том, как проект «публичной социологии» Майкла Буравого радикализуется теми, кто впечатлен размахом экономических кризисов и креативностью новых протестных движений. В поисках востребованности и идентичности социологи все чаще пытаются идти «в народ», становясь урбанистами и активистами альтернативных движений.

ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ТУБЕРКУЛЕЗА СРЕДИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.

Амирханян А.Г. (Санкт-Петербург)

Россия является третьей страной по приему трудовых мигрантов после США и Германии. Выявляемость туберкулеза среди иностранных граждан в России значительно выше, чем среди россиян. Социологическое исследование, направленное на изучение проблем здоровья трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге позволило выявить необходимость в разработке программ, направленных на повышение информированности, воспитание ценностей здоровья среди молодых людей, отправляющихся на заработки в Россию в странах исхода. Кроме того представляется необходимым разработка оптимальных путей распространения профилактической информации через социальные сети молодых мигрантов.

Россия является третьей страной по приему трудовых мигрантов после США и Германии. Более 598 600 иностранных граждан въехали на территорию России в 2015 году [1], в основном это мигранты из стран бывшего Советского Союза. Трудовая миграция сопряжена с высокими рисками получения инфекционных заболеваний. Тяжелые условия труда, скученное проживание в коммунальных квартирах старого жилого фонда, где мигрант зачастую снимает лишь спальное место в комнате; или проживание в непригодных для жизни помещениях, таких как строительные вагончики и подвалы, частая смена жилья – все эти факторы способствует распространению такого инфекционного заболевания как туберкулез. В 2013 выявляемость туберкулеза среди иностранных граждан в России составила 163,2 случая, в то время как соответствующий показатель среди россиян составил 61,6 случая на 100 тысяч. В Санкт-Петербурге высока доля (26,7%) иностранных граждан в структуре заболеваемости туберкулезом [2].

В июне 2016 года проводилось социологическое исследование, направленное на изучение проблем здоровья трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге, данное исследование проводилось методом экспертных интервью. Часть исследования была направлена на изучение вопросов заболеваемости туберкулезом среди мигрантов. В качестве экспертов в области лечения туберкулеза были выбраны главный врач и участковый врач-фтизиатр СПб ГБУЗ "Противотуберкулезный диспансер №12 Адмиралтейского района Санкт-Петербурга". Адмиралтейский район – центральный район с преимущественно исторической застройкой. На его территории находится большое количество торговых площадей, рынков, учебных заведений, вокзалов, узловых станций метро, что осложняет эпидемиологическую ситуацию.

Согласно российскому законодательству, трудовые мигранты должны проходить обследование на туберкулез для получения патента. В случае выявления у мигранта изменения, подозрительного на туберкулез, его направляют в Городской противотуберкулезный диспансер для уточнения диагноза. Все обследование и лечение проводится платно.

В соответствии с правилами оказания медицинской помощи иностранным гражданам, медицинская помощь делится на экстренную и плановую. Экстренная помощь, при состояниях, угрожающих жизни пациента, должна оказываться бесплатно. В тот момент, когда непосредственная угроза жизни ликвидирована, всю последующую помощь человек должен получать платно. Выявление туберкулеза оказывается плановой медицинской помощью и финансово оно возложено полностью на пациента. Более того ни один из полисов дополнительного медицинского страхования, из тех, что приобретают мигранты не включает обследования и лечения туберкулеза. Как отмечают эксперты выявление социально-значимых инфекций не должно зависеть от возможности человека заплатить. Диагностика и лечение

обходятся дорого для трудовых мигрантов. Как следствие, многие трудовые мигранты отказываются от лечения, так как не могут его оплатить. Согласно законодательству если мигрант отказывается от лечения, в отношении него принимается решение о нежелательности пребывания в России, после чего мигрант должен покинуть страну за свой собственный счет. Однако, как отмечают эксперты, мигранты, в большинстве своем, не покидают страну. Угроза депортации провоцирует уход мигрантов из правового поля и от лечения.

Эксперт: «Да, как правило, он [трудовой мигрант] уходил от наблюдения, и потом они [трудовые мигранты] все-таки понимают, чем им грозит выявление у них туберкулеза, они не афишируют свое местонахождение. Если у них есть источники дохода, то они как-то где-то тихо живут, особенно, если речь идет о малых бессимптомных формах туберкулеза, человек себя хорошо чувствует, он не стремится вернуться домой».

Часто, будучи трудоустроенными без официального договора, мигранты не имеют медицинского пакета услуг. Кроме того, мигранты стараются не обращаться к врачу, в случае заболевания, по причине невозможности покинуть рабочее место, из опасений обращения в официальные органы и по причине нехватки денег на лечение. Все эти факторы способствует развитию и распространению инфекционного заболевания. В результате мигранты продолжают трудиться, пока не попадают по экстренной помощи в лечебное учреждение с тяжелыми формами инфекционного заболевания.

Раннее выявление заболевания и своевременное начало лечения – эффективный метод профилактики распространения туберкулеза. Международная организация по миграции поддерживает программы, направленные на профилактику туберкулеза среди трудовых мигрантов. В частности, в рамках таких программ создаются и распространяются информационные буклеты с информацией о том, что мигранты должны пройти обследование на туберкулез, эти буклеты распространяются в странах исхода мигрантов. В Санкт-Петербурге также ведется работа по профилактике туберкулеза. Например, при поддержке землячеств публикуются информационные издания, такие как газеты на родном для мигрантов языке. Однако, как отмечают эксперты, данная информация не всегда доходит до адресата.

Эксперт: «Конечно, люди должны быть информированы о том, с чем они могут столкнуться, чтобы эти проблемы предотвратить. Но тут понимаете в чем дело, туберкулез это - болезнь молодых. А молодые люди не склонны думать, что с ними может что-то случиться в плане здоровья, когда они едут куда-то на заработки. Поэтому это больше наверное работало бы в отношении зрелых людей. А их очень немного среди наших пациентов».

Согласно мнениям экспертов, представление услуг обследования и лечения туберкулеза на общих основаниях с российскими гражданами, то есть бесплатно могло бы обходиться гораздо дешевле, чем выдворение из страны, и было бы более эффективным с эпидемиологической точки зрения. Во многих развитых европейских странах именно так и происходит. В Лондоне есть автобусы с флюорографическими установками, куда может обратиться любой, независимо от наличия у него документов, пройти обследование и получать лечение. Кроме того, на въезде в Великобританию из стран с высоким уровнем распространения туберкулеза, обследование проводится прямо в аэропорту. В случае положительного результата тестирования, мигранта не депортируют, а направляют в стационарное отделение больницы на лечение. Если у иностранного гражданина в Германии выявляется туберкулез, его мотивируют пройти лечение, и, при успешном излечении, он останется в стране. И только в случае его недобросовестного лечения, он может быть выдворен. Представляется необходимым адаптация опыта других государств в профилактике и борьбе с туберкулезом. По мнению экспертов, обследование и лечение туберкулеза в России должно проводиться не зависимо от статуса пребывания.

Эксперт: «Туберкулез должен выявляться и лечиться там, где человек пребывает, в случае отклонения от данного принципа, создаются условия для распространения туберкулеза и тогда финансовые затраты по обеспечению медицинской помощи многократно увеличиваются».

Необходимо расширять возможности обследования и лечения туберкулеза для трудовых мигрантов в России на законодательном уровне. Кроме того актуальна разработка программ, направленных на повышение информированности, воспитание ценностей здоровья среди молодых людей, отправляющихся на заработки в Россию в странах исхода. Наиболее эффективным способом распространения информации среди трудовых мигрантов в России остается так называемое «сарафанное радио». Представляется необходимым разработка оптимальных путей распространения профилактической информации через социальные сети молодых мигрантов.

*Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

1. Федеральная служба государственной статистики. Международная миграция
URL:
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demograp/hy/# (дата обращения: 07.10.2016)
2. Резолюция круглого стола, посвященного вопросам раннего выявления, диагностики и лечения туберкулеза среди мигрантов в Российской Федерации. URL:
<http://critub.ru/rezoluciya-kruglogo-stola/#%E2%84%961> (дата обращения: 07.10.2016)

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ).

Бородкина О.И., Амирханян А. Г. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

В последние годы, несмотря на экономические сложности в российской экономике, по-прежнему наблюдается увеличение притока мигрантов из стран СНГ. Так, в 2015 году в Российскую Федерацию прибыло 536 157 международных мигрантов из стран СНГ. Наибольший приток мигрантов происходит из Украины (194 180 человек), Узбекистана (74 242 человек), Казахстана (65 750 человек) и Таджикистана (47 638 человек) [1]. Вместе с тем, Санкт-Петербург, второй по величине город, становится менее привлекательным для международных мигрантов. По данным Петростата, поток международных мигрантов СНГ в Санкт-Петербург уменьшается: так, с января по июнь 2016 года число прибывших зарубежных мигрантов составило 9700 человек (из них 7834 из стран СНГ) 7 216, в то время как в 2015 году за тот же период количество международных мигрантов было 17076 (13970 человек из стран СНГ). Однако, если посмотреть на разницу прибывших и выбывших международных мигрантов, то 2016 г. имеет место миграционный прирост (930 чел.), а в 2015 г. происходило миграционное снижение (-14947 чел.). [2].

Мигранты, прибывающие в Россию, сталкиваются с различными проблемами. У многих мигрантов возникают трудности при получении необходимого правового статуса. Изменения, введенные в 2015 году в миграционное законодательство, приводят к тому, что мигранты часто не успевают оформить все документы, необходимые для получения трудового патента в 30 дневный срок, как того требует закон. Ежемесячная плата за патент является для многих мигрантов достаточно высокой. Кроме того, существуют риски при трудоустройстве; значительная доля мигрантов трудоустраивается по устной договоренности и, как следствие, сталкивается с частичной или неполной выплатой зарплаты. У мигрантов возникают проблемы при поиске жилья; мигранты не могут зарегистрироваться по месту жительства, так как многие владельцы квартир сдают в аренду жилье неофициально. Взаимодействие с правоохранительными органами так же вызывает проблемы, так как отсутствуют переводчики при взаимодействии полиции и мигрантов. Доступ к медицинским услугам у мигрантов ограничен.

Одной из ощутимых проблем, возникающих у мигрантов, является негативное отношение к ним со стороны местных жителей. Однако необходимо отметить, что восприятие мигрантов и отношение к ним постепенно меняются. По данным ежегодных опросов общественного мнения, которые проводит Левада Центр об отношении местных жителей к мигрантам, можно сделать вывод, что в целом отношение к мигрантам становится более толерантным. Определенная часть россиян придерживаются мнения, что не нужно ставить на пути притока приезжих административные барьеры и пытаться использовать его на благо России, но большинство российских граждан поддерживают политику ограничения притока приезжих и выдворение нелегальных иммигрантов из стран ближнего зарубежья за пределы России. Незначительная часть россиян полагает, что необходимо легализовать мигрантов, помогать им получить работу и ассимилироваться в России, при этом доля россиян поддерживает идею «Россия – для русских» является значительной [3, 197].

По мнению эксперта в области миграции и межэтнических отношений Валерия Тишкова, негативное отношение к мигрантам проистекает из образа врага, создаваемого из мигрантов. «Начиная с 2001 г., иммиграция стала все больше рассматриваться как негативный фактор, как угроза существующей культуре, образу жизни и даже национальной безопасности страны. Это

произошло после того, как ФМС была передана в подчинение МВД и когда смыслом и целью миграционной политики стала борьба с нелегальной миграцией»[4,2]. Возможно, в связи с недавним переводом Федеральной миграционной службы в систему Министерства внутренних дел данная тенденция будет сохраняться.

В Санкт-Петербурге в рамках исследования международной миграции был проведен телефонный опрос среди жителей с целью изучения отношения к трудовым мигрантам. 1 Интервьюеры, прошедшие необходимый тренинг, звонили по случайно сгенерированным номерам телефонов и задавали вопросы респондентам по структурированной анкете. Опрос проводился анонимно. Анкета включала тематические блоки, позволяющие описать социально-демографические характеристики респондентов; вопросы об отношении респондентов к трудовым мигрантам; утверждения, позволяющие выявить наличие устойчивых предубеждений у респондентов в отношении трудовых мигрантов. Телефонный опрос проводился среди жителей 18 районов г. Санкт-Петербурга, всего было опрошено 1017 респондентов. Несмотря на систематический подход к сбору данных, необходимо отметить следующие ограничения выборки: опрос проводился среди респондентов, которые имеют стационарный телефон, кроме того, звонки выполнялись в дневное время в рабочие дни, таким образом, в выборку попали в основном респонденты, имеющие гибкий график работы, либо не работающие. Полученные в ходе телефонного опроса данные были обработаны с использованием программы SPSS 17.0. Были получены следующие результаты.

Социально-демографические характеристики респондентов. Наибольшую часть выборки составили неработающие пенсионеры – 20% (n=207), специалисты-гуманитарии с высшим образованием (учителя, врачи, юристы, бухгалтеры...) – 14,1% (n=143), специалисты-техники с высшим образованием (инженеры, программисты...) – 8,9% (n=91), квалифицированные рабочие (станочники, водители...) – 8,8% (n=89). Распределение выборки по районам проживания в целом равномерное с небольшим преобладанием жителей Невского района – 7,6% (n=77). В опросе приняли участие 57% (n=580) женщин и 43% (n=437) мужчин. Значительная доля респондентов (24,9%, n=253) – в возрасте 60 лет и старше, 21,2% (n=216) – молодые люди в возрасте 18-29 лет, 19,9% (n=202) – респонденты в возрасте 40-49 лет, 17,2% (n=175) – респонденты в возрасте 50-59 лет, 16,8% (n=171) – респонденты в возрасте 30-39 лет. Большинство опрошенных имеет высшее образование – 50,4% (n=513), значительная часть респондентов имеет среднее профессиональное образование (техникум, колледж) – 24,2% (n=246), среднее полное (средняя школа) образование – 9,9% (n=101). Отношение местных жителей к мигрантам. С миграцией жители Санкт-Петербурга связывают негативные проявления социальной жизни. Так, с утверждением о том, что «мигранты отнимают рабочие места у россиян, из-за них снижаются зарплаты» согласились в целом – 61,2% (n=622) респондентов. Местные жители убеждены, что снижается качество товаров и услуг из-за низкой квалификации мигрантов (64,3%; n=654). Большинство опрошенных жителей Санкт-Петербурга полагает, что некоторые мигранты ведут себя вызывающе, пренебрегают принятыми нормами поведения и морали (86,8%; n=883). Около половины респондентов (50,7%; n=516) в целом согласны с утверждением о том, что «среди мигрантов уровень преступности выше, чем среди других групп населения». Более половины респондентов (59,5%; n=605) в целом согласны с утверждением о том, что «имеют место случаи сексуальных домогательств и изнасилований со стороны мигрантов». Большая часть респондентов (78,2%; n=795) убеждена, что «мигранты распространяют опасные инфекции, живут в антисанитарных условиях».

В представлениях опрошенных вероисповедание трудовых мигрантов ассоциируется с негативными факторами и вызывает опасения. Так, больше половины респондентов (58,7%; n=597) в целом согласны с утверждением, что «значительное увеличение количества мигрантов-мусульман может иметь негативные последствия для России», и лишь около трети респондентов (31,1%; n=346) в целом не согласны с данным утверждением.

В целом около половины опрошенных не допускают укоренение мигрантов, их права на покупку жилья и объектов малого бизнеса. Так, на вопрос «как Вы относитесь к предложению законодательно ограничить приобретение иностранными гражданами на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области объектов недвижимости? А именно... жилья – квартир, индивидуальных домов?» - в целом согласились 50,6% респондентов (n=514), не поддержали в целом 39,6% (n=403) респондентов. Земельных участков – поддержали в целом 54% (n=549), не поддержали в целом 36,7% респондентов (n=373). Объектов малого бизнеса – кафе, магазинов, мастерских и т.п. – поддержали в целом 50,9% респондентов (n=518), не поддержали в целом 39,5% респондентов (n=402). Крупных предприятий – заводов, торговых компаний и т.п. –

поддержали в целом 58,3% респондентов (n=593), не поддержали в целом 32,4% респондентов (n=329).

Результаты проведенного опроса демонстрируют, что определенные негативные установки населения мегаполисов по отношению к мигрантам по прежнему достаточно широко распространены. Миграционная политика должна быть направлена, в том числе, на формирование более объективного восприятия мигрантов населением и более ясного правового регулирования миграционных процессов.

Телефонный опрос выполнен ресурсным центром «Центр социологических и Интернет-исследований». Анкета для опроса разработана Н.В. Соколовым при участии О.И. Бородкиной и А.В. Тавровского.

1. Федеральная служба государственной статистики. Демография. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Миграция населения. http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/d0dd4d004e39a3ff9da1bdba5f1db840/02migr_g.pdf
3. Общественное мнение –2015. М.: Левада-Центр, 2016–308 Отношение к мигрантам стр.197 <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf>
4. Тишков В. От каких русских надо защищать русских? /Миграция XXI век. Независимый информационно-аналитический журнал №5(8), сент-окт. 2011 С. 2-4. <http://mirpal.org/files/files/journal/migraciaXXI-08n%2072dpi.pdf>

НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МИГРАНТОВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Иванова М.М. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

Санкт-Петербург на сегодняшнее время остается самым крупным центром миграционного притока в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации. По данным УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 2015 году на миграционный учет было поставлено более 1563 тыс. иностранных граждан и снято с миграционного учета около 1135 тыс. человек¹. Необходимо отметить, что в сравнении с 2014 годом количество вставших на миграционный учет иностранных граждан сократилось на 16%². Основными причинами данного снижения послужили: нестабильная экономическая ситуация, в частности падение курса рубля, и, безусловно, изменение законодательства в сфере трудовой миграции. Порядок квотирования рабочей силы в отношении иностранных граждан государств, с которыми у России установлен безвизовый режим въезда, был заменен патентной системой.

Стратегические документы Российской Федерации последних лет, такие как Концепция государственной миграционной политики РФ, на период до 2025 года, Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года выделили в качестве одного из важнейших направлений социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, одновременно квалифицируя осуществления мер в этой области к предметам ведения субъектов РФ.

Очевидно, что социальная политика по координации поликультурного общества, в данном случае должна восприниматься не только как деятельность государства и его институтов, а скорее, как синтез деятельности государственного, частного и общественного секторов.

Если в предыдущие годы основным актором социальной политики выступало государство и его полномочные органы, то в условиях демократизации общества и переходе к рыночным отношениям, а также с введением нового законодательства наряду с государственными органами субъектами социальной политики становятся и социальные институты гражданского общества, причем не только номинально, но и реально, примером правового оформления служит Концепция долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года, в рамках которой, приоритетной задачей ставится развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания услуг, в том числе частичное преобразование государственных и муниципальных учреждений социальной защиты в некоммерческие организации и создание механизма

привлечения их на конкурсной основе к выполнению государственного заказа по оказанию социальных услуг. В такой мере, Федеральный закон № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» законодательно закрепляет доступ к социальному обслуживанию наряду с государственными учреждениями, негосударственных (коммерческих и некоммерческих) организаций и индивидуальных предпринимателей.

Следует отметить, что действие Федерального закона № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» распространяется в равной степени, как на граждан Российской Федерации, так и на иностранных граждан и лиц без гражданства постоянно проживающих на территории Российской Федерации, беженцев, а также на юридических лиц независимо от их организационно-правовой формы и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих социальное обслуживание граждан. Из этого следует, что только легально и постоянно проживающие на территории РФ иностранные граждане и лица без гражданства имеют право на социальную помощь и поддержку со стороны государства. Термин «постоянно проживающий иностранный гражданин на территории Российской Федерации» ссылаясь на 1 гл. ст.1 Федерального закона № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» трактуется как лицо, получившее вид на жительство, а это сравнительно небольшой процент миграционной массы, тем самым социальная поддержка со стороны города наиболее уязвимым категориям иностранных граждан – бездомным и недокументированным мигрантам, в особенности женщинам и детям – не представляется возможным для государственных социальных учреждений .

В этой связи встает закономерный вопрос «Какие же формы социальной поддержки в отношении мигрантов существуют в Санкт –Петербурге?». Так, в рамках проекта Российского Научного Фонда «Социальные риски международной молодежной миграции в современной России» с июня по октябрь 2016 года сотрудниками Санкт-Петербургского государственного университета, факультета социологии были проведены экспертные интервью с представителями негосударственных организаций, имеющих одну из форм деятельности - оказание социальной поддержки мигрантам и членам их семей. В частности, были опрошены 6 экспертов: Юлия Алимова, координатор волонтеров РОО «Дети Петербурга», Якимов Андрей Николаевич, эксперт по работе с трудовыми мигрантами и этническими меньшинствами, а также председатель БФ «ПСП – ФОНД», Фаррух Сатторов, председатель правления РОО «Молодежное общество студентов Таджикистана в Санкт-Петербурге», Диана Ильдаровна Мубаракшина, юрист Санкт-Петербургского регионального отделения Российского Красного Креста, Калашников Михаил Вадимович, менеджер по развитию «Мальтийская служба помощи», председатель правления РОО «Дети Петербурга» Екатерина Алимова. В ходе интервью обсуждались вопросы деятельности негосударственных организаций, направленных на поддержку мигрантов, а именно, формы поддержки, различные барьеры (инфраструктурные, финансовые, законодательные, социальные) оказания помощи, статистика обращений, существующие каналы связи с клиентской группой, существование или отсутствие межсекторного взаимодействия, а также общие вопросы, связанные с миграционной ситуацией: социальные риски для принимающего общества, для самих мигрантов, для стран исхода.

По результатам и проведенных экспертных интервью было выявлено:

1. Наличие маятниковой миграции, которая является важным источником формирования трудовых ресурсов в нашем городе, поскольку в значительной мере обеспечивает сбалансированное и рациональное использование трудовых ресурсов, однако существенно затрудняет социальную адаптацию самих мигрантов. В свою очередь, по словам экспертов, маятниковая миграция является причиной нежелания государственной системы вкладывать средства в адаптацию миграционного потока.

...большой процент населения стран Средней Азии находится в постоянной миграции, и это уже образ жизни, также и мигранты, приезжающие в Россию, по словам наших коллег около 80% из них относятся к маятниковой миграции. Я всегда говорю нашим преподавателям — волонтерам, что ребенок в любой момент может уехать на Родину, но это не означает, что ему не нужен образовательный процесс...

Из экспертного интервью, РОО «Дети-Петербург»

2. Отсутствие доступа мигрантов к системе государственного социального обслуживания. С введением нового законодательства в системе социального обслуживания граждан в РФ основной миграционный поток оказался за рамками социальной поддержки государства-реципиента.

Из экспертного интервью, ПСП-фонд

...442 закон, они вообще не про это, они против работы с мигрантами в принципе, они против адаптации, они ставят своей задачей дезинтеграции мигрантов российском обществе в принципе, вообще законодатель не ставил такой задачи, потому что он не думал об этом, права мигрантов не приоритет.

Из экспертного интервью, ПСП-фонд

3. Недостаток системы законодательного регулирования пребывания иностранных граждан на территории РФ. В области регулирования пребывания близких родственников иностранного гражданина, острым вопросом по сей день является миграционный учет несовершеннолетних граждан, если родители законно пребывают на территории России, ребенка также поставят на миграционный учет, тем самым он на равных со всеми сможет посещать образовательные учреждения, по крайней мере 90 дней. Как только этот срок, указанный в его миграционной карте, истечет, школа или дошкольное учреждение обязаны сообщить об этом в надзорные органы, а миграционная служба – выдворить ребенка вместе с родителями (родителем), закрыв въезд в РФ как минимум на год, если по истечении 90 дней не был произведен выезд из страны. Данная ситуация является абсурдной в рамках непрерывного учебного процесса.

Права мигрантов — это плюшка, как какая-то привилегия, если ты едешь в качестве высококвалифицированного специалиста, ну ты молодец, ты можешь с собой жену детей взять мы им РВП оформим, как привилегия такая, а вот если ты приехал как простой узбек, тебе вообще нельзя сюда детей привозить, потому что у них нет оснований пребывать здесь больше 90 дней в течении 180...

Из экспертного интервью, ПСП-фонд

4. Эксперты в области миграции о существовании различных схемы организации и пособничества теневым практикам:

- посредники, фактически торгующие миграционными патентами, что создает предпочтительный по цене и времени ожидания канал получения трудового статуса;
- существование подпольных схем перевозчиков, которые занимаются прямым обманом своих клиентов и в результате в России появляются беженцы, живущие на бесправном положении;
- относительно причин волны беженцев, исследование показало, что существует специфическая причина прибытия в Россию части потока беженцев, в основном касающаяся «транзитников». На практике виза в Россию стоит дешевле, чем в другие страны, и беженцы покупают такую у посредника (как правило туристическую).

.....получить визу в Россию проще, по каким причинам это происходит, я затрудняюсь сказать. То ли меньше стоит, то ли за это деньги посредники берут.

Из экспертного интервью, Санкт-Петербургское региональное отделение Российского Красного Креста

5. Ограничение доступа к государственным услугам здравоохранения

Для иностранных граждан, находящихся временно на территории Российского государства, полис ОМС законом не предусматривается.

Данная категория граждан может рассчитывать только на получение бесплатной экстренной медицинской помощи:

- лечебно-профилактических учреждений;
- медработников или лиц, призванных оказывать необходимую медицинскую помощь в обязательном порядке при состояниях, угрожающих жизни и здоровью больного.

Дальнейшие медицинские услуги больному, вышедшему из критического состояния, производятся на платной основе.

...страховка, предусмотренная для мигрантов при приобретении миграционного патента, дает право лишь на экстренную медицинскую помощь.

Из экспертного интервью, Региональная общественная организация «МОСТ»

6. Недостаток ресурсов существующего негосударственного сектора социальной поддержки мигрантов в Санкт-Петербурге

Очевидно, что даже с учетом последних изменений в социальном законодательстве в области доступа негосударственных общественных организаций к социальному обслуживанию граждан, необходимо создавать механизмы содействия в осуществлении социальной поддержки мигрантов негосударственными организациями для управления миграционными процессами. Третий сектор играет роль катализатора действий социальной политики в области миграции – с одной стороны смягчает негативные эффекты миграционных процессов, а с другой создает

возможность эффективного контроля действий государственной власти, а также заботится о правах наиболее уязвимых категориях иностранных граждан. Негосударственные организации, как правило, малы, и работают в большой степени на бескорыстном энтузиазме своих членов и добровольцев, это предоставляет возможность быстрой адаптации к изменениям миграционной обстановки и потребностям мигрантов.

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/ (дата обращения: 12.08.2016).
2. Описание программы [Электронный ресурс]// Российский Красный Крест. Справочный материал URL: <http://spbredcross.org/programms/334/opisanie-programmyi> (дата обращения: 10.08.2016)
3. Рыбаковский Л.Л. Исследование миграции в России //Л. Л. Рыбаковский // Социология в России. М., 2013. 293 с.
4. СПб РОО «Дети -Петербурга» [Электронный ресурс] // Справочный материал URL: <http://detipeterburga.ru/>(дата обращения: 12.08.2016)
5. Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Российская газета от 30 декабря 2013 г. № 6271
6. Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ 1 гл. ст.1 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета от 31 июля 2002 г. № 3008.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: УСПЕШНЫЙ ОПЫТ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ивашкина Ю.Ю. (Санкт-Петербург)

Миграция, в том числе, международная все больше оказывает влияние на демографическую ситуацию в городе, на национальный состав, на структуру занятости населения, становится важным структурным элементом экономики и социокультурной среды города, затрагивает интересы горожан и воздействует на социальное положение семей, детей и молодежи [1, с.398].

Среди разнообразия и многогранности имеющихся в сфере миграции проблем необходимо отдельно выделить семейную политику в отношении семей мигрантов с детьми и семей, имеющих в своём составе иностранных граждан. Однако социальные гарантии и меры социальной поддержки иностранных граждан могут повлечь за собой отток ресурсов, предусмотренных для обеспечения социальных гарантий российских семей, проживающих в Санкт-Петербурге. Поэтому при разработке направлений и приоритетов семейной политики следует определять насколько имеющиеся экономические ресурсы в состоянии обеспечить поддержку как российских семей с детьми, так и семей иностранных граждан, и каковы могут быть последствия для региона, если такая поддержка не будет обеспечиваться. [2, с.61].

Одной из подсистем семейной политики является социальное обслуживание семей с детьми, которое могло бы на себя частично взять оказание социальной помощи семьям мигрантов. Тем более, что в Санкт-Петербурге имеются определённые ресурсы для выстраивания системы социального обслуживания семей с детьми иностранных граждан, накоплен положительный опыт и разработаны и апробированы технологии работы.

Для беженцев и вынужденных переселенцев, находящихся в трудной жизненной ситуации, предусмотрена возможность получения 21 вида социальных услуг в полустационарной форме. Одновременно социальное обслуживание осуществляется в отношении семей, имеющих в своем составе иностранных граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

За 2015 год по приблизительной оценке администраций района социальные услуги в государственных учреждениях социального обслуживания получили около 1 200 иностранных граждан (в 2013 году – около 400 чел., 2014 г – 3 120 чел.). За социальными услугами в учреждения социального обслуживания обращались граждане Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Сирии, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины. Приоритетно социальное обслуживание осуществлялось в отношении граждан, вынужденно покинувших Украину.

Социальное обслуживание семей, имеющих в своем составе иностранных граждан, и детей иностранных граждан в 2015 году осуществляли районные учреждения социального обслуживания семей и детей и СПб ГБУ социальный приют для детей «Транзит».

Социальный приют для детей «Транзит» является единственной службой в городе, которая оказывает комплексную медико-психологическую, социально-правовую помощь, предоставляет временное убежище безнадзорным несовершеннолетним, не имеющим регистрации в Санкт-Петербурге и подлежащим возвращению к месту проживания родителей или законных представителей. В приют поступают несовершеннолетние от 3-х до 18 лет, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации (дети, самовольно ушедшие из семей или воспитательных учреждений России и других стран, оказавшиеся без законных представителей, не имеющие средств к существованию и постоянного места жительства, утратившие семейные, родственные связи, подвергшиеся насилию, подкинутые или заблудившиеся и др.). В 2015 году в приют поступили 87 несовершеннолетних из стран СНГ (в 2014 г. – 88, в 2013 г. – 109), из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. Из других стран (Вьетнам, Афганистан, Украина, Молдова) поступило 11 несовершеннолетних (в 2014 г. – 1, в 2013 г. – 4).

В 4-х районных центрах социальной помощи семье и детям (Адмиралтейского, Выборгского, Невского, Курортного) функционируют специализированные отделения (службы) социального сопровождения семей мигрантов с детьми, а в центре Петродворцового района организована общественная приемная по социальным вопросам в сфере миграционных отношений.

Основными видами поддержки были правовые консультации по вопросам миграционного законодательства, связанные с постановкой на миграционный учет, продлением сроков пребывания на территории Российской Федерации, оформлением временного убежища, статуса беженца, получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, вступлением в гражданство Российской Федерации, регистрацией по месту пребывания, социально-правовое сопровождение и содействие сбору, оформлению (восстановлению) необходимых документов; содействие в трудоустройстве, помощь в оформлении ИНН, получении разрешения на работу, оформлении патента на осуществление трудовой деятельности; помощь в поиске жилой площади и заключении договора об аренде временного жилого помещения; содействие в получении медицинской помощи; консультации, направленные на адаптацию к жизни в мегаполисе, выстраиванию новых социальных связей, ведению домашнего хозяйства; обучение несовершеннолетних социальным навыкам; индивидуальная работа по предупреждению и избавлению от вредных привычек; содействие устройству детей в образовательные организации, педагогическая помощь в освоении учебной программы и обучении русскому языку; консультации родителей по вопросам обучения и поведения детей; услуги отделений дневного пребывания (помощь в социализации, адаптации к другой культурной среде, предоставление питания, организация досуга несовершеннолетних и т. п.); содействие в организации различных форм досуга, посещения музеев, выставок, театров, концертов, культурных мероприятий, посещение детьми кружков и секций.

Главной проблемой для оказания социальных услуг иностранным гражданам специалисты видят отсутствие четких правовых оснований для предоставления социальных услуг иностранным гражданам и лицам без гражданства, отсутствие регистрации по месту пребывания, разрешения на работу, социальных выплат на несовершеннолетних детей, средств к существованию, жилья, а также отсутствие надлежащего исполнения родительских обязанностей в отношении несовершеннолетних детей и их досуга, потому что родители вынуждены работать без выходных, чтобы прокормить свои семьи [3, с.44,45].

С 2015 года в связи с реформированием системы социального обслуживания и вступлением в силу закона Санкт-Петербурга от 24.12.2014 № 717-135 «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге» право на социальное обслуживание имеют только постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства, а также беженцы, имеющие место жительства или место пребывания в Санкт-Петербурге. Таким образом, семьи с детьми, являющиеся иностранными гражданами, попавшие в трудные жизненные ситуации, в Санкт-Петербурге могут оказаться без помощи и поддержки. Социальные последствия такой политики требуют дополнительного изучения и расчета экономических выгод и затрат.

Однако основными задачами семейной политики в отношении мигрантов видятся: профилактика маргинализации семей мигрантов; профилактика социального сиротства детей; улучшение социального функционирования семей; успешная социальная и психологическая

адаптация; профилактика возникновения этнических конфликтов с коренным населением и защита от дискриминации, связанной с национальностью [2, с.64]. Такие меры могли бы быть обеспечены сбалансированным сочетанием государственной поддержки определённых категорий мигрантов в определённых законодательством случаях, поддержкой национальных объединений и инициативами самопомощи мигрантов, а также привлечением национальных бизнес структур для оказания социальной поддержки своим соотечественникам.

1. Ивашкина Ю.Ю. Влияние миграционной ситуации на изменения в молодежной и семейной политике Санкт-Петербурга / коллективная монография «Социальное благополучие молодежи Санкт-Петербурга и Гданьска», под ред. А. Бахуж, О. Безруковой, Л. Михаловски, В. Семёнова, СПб.: издательство Скифия-принт, 2012. □ С. 398–401

2. Ивашкина Ю.Ю. Актуальные вопросы семейной политики в отношении молодых семей мигрантов в Санкт-Петербурге // Власть № 12, 2011. – С.61-65

3. Результаты социального обслуживания семей и детей в Санкт-Петербурге в 2015 году. Информационно-аналитические материалы // Аналитические материалы о положении детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге. – СПб.: СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья», 2016. – 132 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЖЕНСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ.

Камнева А.В. (Санкт-Петербург)

Трудовая миграция в XX веке для многих женщин стала возможной именно благодаря появлению Советского Союза. Идеи эмансипации, равенства мужчин и женщин в доступе к престижу и социальным благам, за которые боролись западные феминистки, в СССР номинально провозглашались в рамках самой идеологии. В данной статье речь пойдёт о миграционном опыте советских женщин, которые приезжали из далёких (в основном – сельских) населённых пунктов в Ленинград с целью получения образования и рабочего места.

Структура миграционных процессов в СССР выстраивалась в соответствии с основными идеологическими принципами государства. Если раньше строгий патриархальный строй общества устанавливал запрет на автономную мобильность для женщин, то советская власть избавила женщин от подобного зависимого положения. Теперь гендерная идеология диаметрально развернулась, и то, что раньше казалось невозможным, стало поощряться со стороны государства. Здравомыслова Е.А. и Тёмкина А.А. называют такую ситуацию “этакратическим гендерным порядком”, т.е. такая ситуация, в которой конструирование гендера в обществе определяется политикой государства. [1, 302]

С появлением СССР трансформировался архетип «женщины»; теперь она могла оставить свой пост «хранительницы домашнего очага» и выходить на те же фабрики и производственные цеха, где прежде трудились исключительно представители сильной половины человечества. Стала происходить гендерная трудовая сегрегация. За женщинами закрепились определенные промышленные отрасли (текстильная промышленность, образование, общественное питание и т.д.). Их потенциал на рынке труда значительно возрос, и на волне индустриализации и урбанизации, благодаря известной пропаганде, молодых женщин (наряду с мужчинами) стали звать учиться в крупные индустриальные города, предоставляющие все условия для получения «качественного» образования, временного жилья и такой же временной работы [2].

В тех условиях именно трудовая миграция стала мощным рычагом демографической политики. Но как социальный процесс, женская трудовая миграция имела ряд противоречивых последствий для женщин, и эти последствия дальше будут обозначаться как “социальные риски”.

В ходе исследования было проанализировано 8 интервью с женщинами, мигрировавшими в позднесоветский период – 1961 по 1988 гг. из Краснодарского края, Марийской АССР; Новгородской, Воронежской, Саратовской, Полтавской, Мурманской областей и Грузинской ССР. 7 информанток родились и выросли в сельской местности, только одна – в малом городе.

Информантки признались, что без особых усилий поступили в ленинградские училища. Для поступления от девушек требовалось только письмо, и затем каждая из них получила положительный ответ. Это для некоторых из них было неожиданностью, поскольку они не были уверены, что смогут поступить в Ленинград, особенно после неудач при поступлении на родине.

Женщины делились в интервью миграционным опытом, описывали они и то, как происходила адаптация в Ленинграде, какие условия были созданы для обучения, проживания и работы, а также затронуты были ценностные ориентации, культурный капитал и отношения внутри семьи.

Трудовая мобилизация в позднесоветский период практически в равной мере охватывала как мужчин, так и женщин. При этом женщины осваивали профессии в строительной сфере, которую принято считать «сугубо мужской», работу выполняли зачастую физически тяжелую. Поэтому первая группа рисков связана именно с физически тяжёлым трудовым положением женщин. Границы гендерных ролей в профессиональной сфере размывались, в результате чего женщины получили возможность заниматься различными видами деятельности и даже совмещать несколько, что часто было вызвано низкой оплатой труда и невозможностью обеспечить себя (и семью) материально. Женщины были подвержены профессиональным и материальным рискам одновременно, они были вынуждены работать больше, чтобы зарабатывать больше, так как оплата труда для женщин не была соразмерна с оплатой труда мужчин, и те профессии, которые были выделены для женщин в ходе профессиональной сегрегации, зачастую характеризовались низкой оплатой труда.

Самым небанальным оказался тот факт, что мигрировавшие в ту пору студентки порой заранее не знали, чем именно они будут заниматься. Поступали можно сказать «вслепую». Уже в учебном заведении их добровольно распределяли, и именно в тот момент окончательно решалась их профессиональная судьба. То есть, выбор будущей профессии, который во многом определял и жизненную стратегию, для мигранток был скорее навязанным и почти безальтернативным, нежели свободным.

Трансформация гендерных ролей в советский период отнюдь не освободила женщин от функций деторождения и воспитания детей, которые были возложена на них и в дореволюционной России. При выборе между учебной/профессиональной деятельностью и рождением ребенка приоритет отдавался деторождению, так как «идеология семьи» была основательно укоренена в сознании советского человека.

Присутствовали также риски культурного характера, во многом тормозящие адаптацию женщин, мигрировавших в северную столицу того времени. Молодые девушки, например, чувствовали себя маргинальными по причине того, что не имели возможности выглядеть так же «модно» и «современно», как коренные жительницы Ленинграда. Советский «блат», недоступный приезжим девушкам, провоцировал их на самостоятельное создание одежды. Кройка, шитье и сопутствующие затраты требовали дополнительного времени и сил.

Несмотря на все те трудности, с которыми сталкивались советские мигрантки, приоритет отдавался жизни в большом городе. Это происходило по тем самым причинам (возможность удачно выйти замуж, найти престижную работу, обеспечить хорошим образованием своих детей), которые общо обозначила Е.В. Тюрюканова в одной из своих статей. Она, исследуя женскую трудовую миграцию, пришла к выводу, что «немаловажной особенностью женской трудовой миграции является большое количество скрытых мотивов (брачные, эмиграционные)»[3].

Просуммировав всё вышеизложенное, можно отметить вслед за Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, что конструирование гендера в советском обществе преломлялось неоднозначной политикой государства. Там, где женщин призывали пополнять ряды работников, трудиться зачастую на равных условиях с мужчинами, их также призывали посвящать себя облагораживанию семейного быта, рождению и воспитанию детей. «Политика формирования новой женщины представлена рядом нормативных актов и политических кампаний, призванных вовлечь женщин в советскую публичную сферу, превратить ее в члена советского трудового коллектива: работницу, общественницу и мать.» [1, 305] Конечно, в таких условиях женщинам приходилось если не выбирать, то уж точно расставлять приоритеты. Таким образом миграционные потоки женского населения стали возрастать, и особенно хорошо это иллюстрирует культура советского периода. Транслируемые государственными СМИ образы не женщин-матерей, но женщин-работниц на промышленных фабриках, одетых не в платья, а в спецодежду, словно кричали о гендерном равноправии (равновесии), но по факту просто умалчивали о том, что женщинам придется взять на себя сверх той, подчас нелегкой, работы по ведению домашнего хозяйства.

1. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., статья «Государственное конструирование гендера в советском обществе». Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–322

2. Илимбетова А. А. Глобальный процесс феминизации миграции. // Журнал: Век глобализации. Под Ред. Чумаков А. Н. Выпуск. №1(11)/2013 с. 79-92
3. Тюрюканова Е. В., статья «Женская трудовая миграция» (полностью опубликовано в: «Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация.» М.: РИЦ ИСЭПН, 2002, с. 64-80)

МИГРАЦИЯ И СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В РОССИИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Панкратова Л.С. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

В зарубежной и отечественной научной литературе все более пристальное внимание обращается на риски сексуального поведения мигрантов [1], так называемое сексуально рискованное поведение, т.е. не соответствующее нормам, экстремальное и потенциально опасное по своим последствиям. Рост интереса к данной проблематике обусловлен, во-первых, появлением и масштабным распространением заболеваний передающихся половым путем, прежде всего обеспокоенность вызывают такие болезни как ВИЧ и СПИД (в России официально зафиксировано более 1 миллиона ВИЧ-инфицированных [2]); во-вторых, социальными изменениями, обусловившими либерализацию и демократизацию сексуальной сферы жизни, а соответственно и трансформацию сексуального поведения (ранние сексуальные дебюты, распространенность внебрачных половых отношений, наличие нескольких и более сексуальных партнеров и т.д.) [3], [4]; в-третьих, интенсификацией миграционных процессов, что оказывает влияние на практики, в том числе сексуальные, брачные и репродуктивные, мигрантов, принимающего общества и общества донора. Отечественные исследователи наиболее пристальное внимание уделяют сексуально рискованным практикам выходцев из ближнего зарубежья, стран СНГ, составляющих основную массу (трудовых) мигрантов в Россию [5], [6], [7].

Традиционно к сексуально рискованным формам поведения наряду с угрозой заражения ВИЧ/СПИД относят изнасилования, принудительный секс, являющиеся формами сексуального насилия [8]. Сексуальное насилие касается любых действий по принуждению человека к сексуальному контакту (изнасилование, развратные действия, в том числе в отношении несовершеннолетних, сексуальные домогательства – оцупывание, поцелуи, др.). Оно может направлено, как на женщин, так и мужчин, а также детей. Нежелательная беременность, угроза заражения инфекциями, передающимися половым путем (в том числе ВИЧ), проблемы психического здоровья – незамедлительно возникающие и возможные в долгосрочной перспективе последствия принудительного секса.

Одним из ключевых социальных институтов регулирования сексуально рискованного поведения, связанного с насилием, является право. Правовое регулирование и контроль сексуального насилия в современной России осуществляется на основе Уголовного кодекса Российской Федерации (глава 18, статьи 131-135). К половым преступлениям относят преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: изнасилования, насильственные действия сексуального характера и понуждения к действиям сексуального характера, также в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста («возраста сексуального согласия»), развратные действия.

В современном российском обществе складываются противоречивые дискурсы о распространенности и практиках сексуального насилия, характерных для мигрантов из стран СНГ. Отечественные СМИ активно конструируют и тиражируют представление о том, что мигранты из ближнего зарубежья (прежде всего, стран Средней Азии и Южного Кавказа) совершают такие правонарушения, как сексуальные домогательства и изнасилования, в том числе несовершеннолетних лиц (граждан России и других мигрантов). При этом согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2013 по 2015 гг. [9] доля мигрантов из стран СНГ от общего числа осужденных за преступления по статьям 131-135 УК РФ в среднем составляет 5,7%. На этом фоне опросы населения в России, в том числе в Санкт-Петербурге, свидетельствуют о мифологизации образа мигранта-выходца из ближнего зарубежья: широко распространенное мнение о наличии проблемы, случаев сексуальных домогательств со стороны мигрантов и изнасилований не подкрепляется реальным

опытом респондентов, которые не становились жертвой сексуальных домогательств, приставаний или насилия со стороны мигрантов, не сталкивались с подобными ситуациями.

1. Weine S.M., Kashuba B. Labor migration and HIV Risk: a systematic review of the literature / Steven M. Weine, Adrianna B. Kashuba // *AIDS and Behavior*. 2012. Vol. 16. № 6. P. 1605-1621.
2. Число ВИЧ-инфицированных в России достигло 1 млн. человек // РБК. 20.01.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/20/01/2016/569fa9849a794768bb441afa> (Дата обращения: 07.10.2016).
3. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
4. Голод С.И. Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX столетия / С.И. Голод // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. №2. С. 52-71.
5. Агаджанян В., Зотова Н. Миграция и риски ВИЧ-инфекции: женщины – выходы из Средней Азии в Российской Федерации / В. Агаджанян, Н. Зотова // *Демографическое обозрение*. 2014. № 2. С. 85-109.
6. Рочева А.Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве / А.Л. Рочева // *Журнал исследований социальной политики*. 2014 Т. 12. № 3. С. 367-380.
7. Borodkina O., Amirkhanian A. HIV risk among labor migrants in Russia / Olga Borodkina, Anastasiya Amirkhanian // *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016*. (Article in press).
8. Sherr, L. Sexual risk behavior / Lorraine Sherr // *Cambridge handbook of psychology, health and medicine* / ed. by S. Ayers, A. Baum, C. McManus, S. Newman, K. Wallston. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 194-198.
9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Дата обращения: 26.06.2016).

РОЛЬ ДОВЕРИЯ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ СООБЩЕСТВ.

Рехтина Л.С. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

Миграцию можно рассматривать как набор коммуникативных актов [1], причем коммуникации разного уровня, это и коммуникация мигрантов между собой [2], коммуникация потенциальных мигрантов с отправляющим сообществом, новоприбывшего мигранта с принимающим сообществом [3], коммуникация принимающего и отправляющего сообществ друг с другом, пусть даже опосредованно, через мигранта [1], коммуникация членов отправляющего сообщества между собой, по поводу "исчезновения" одного из "элементов" их мира, а также коммуникация внутри принимающего сообщества вокруг нового актора в их мире. Таким образом процесс пересечения невидимых социальных границ похож на сложную паутину коммуникативных единиц, связанных между собой в причудливом хитросплетении повседневных взаимодействий, которые сами по себе вносят возмущение в и без того беспокойное социальное пространство. Так же как магнитное поле это возмущение, невидимое и, в то же время, влиятельное, вмешивается в городскую повседневность преломляя хронотоп и искажая социальные перспективы [4].

В основе череды этих взаимодействий лежит социальное доверие, как моральная основа экономической деятельности [5]. Принципиальный вопрос заключается в том, как можно доверять в процессе миграции, ведь речь идет о рисках не только для субъекта перемещения, но и для его родных, даже если они остались дома. Как вообще можно доверять в мире людей, где "человек человеку волк" и жизнь постоянно находится под угрозой, да еще людям из чуждого пространства. При этом само перемещение требует как минимум доверия к воображаемому принимающему сообществу, к тому прекрасному далеку, которое ждет его там за горизонтом этой социальности. Нужно верить самому шансу выйти туда за этот горизонт переступить границу обыденности и попробовать найти... Что? "Что ищет он в краю далеком". Лермонтовской Бури или булгаковского "Покоя" или это новые связи, новые впечатления, новые возможности, шанс заново

начать конструировать свою социальность, возможно это акт эскапизма - попытка бегства от себя или своего круга? В любом случае нужна вера в успех только для того чтобы переступить порог своего нынешнего дома, что уж говорить о попытке реконструировать его "где-то там". Доверие возможно только по отношению к определенному объекту или субъекту, т.е доверие без верификации этого объекта или субъекта невозможно. Находясь в своем родном сообществе субъект обладает инструментами верификации через коммуникацию, а включаясь в миграцию он теряет эту способность его навыки оказываются не актуальны в новой среде, а социальные связи ослабевают. При этом парадоксальным образом ценность доверия возрастает. Мигранты включены в моральную экономику и моральную социальность, где все происходит неформально: найм, решение конфликтов, распределение выигрышей. Эта неформальность реализуется на фоне снижения надежности верификационных процедур. Вопреки практике домашнего сообщества, где никто не рискнул бы решать свои вопросы «под честное слово», в новом сообществе, вырвавшись из оков недоверия, как профессор Плейшнер «вдохнувший воздух свободы» [6] мигранты соглашаются выстраивать всю свою жизнь на доверии. Значит ли это что мигранты бегут от постоянной верификации и излишней формализации каждого своего шага? Но уйти от нее можно только потеряв какую-либо способность к этой самой верификации, тем самым многократно увеличивая риски (что и погубило профессора Плейшнера). Само по себе снижение способности к верификации, не является негативным, наоборот оно освобождает время и моральные силы, снимая задачу постоянно сопоставлять детали и искать искажения в своем социальном окружении, она позволяет мигрантам включаться в такие игры, в которые они бы не включились в верифицируемом сообществе. В этих социальных играх больше ставки и больше вероятный выигрыш [7].

Проведенные нами фокус-группы с разными категориями мигрантов, дают основание говорить о том, что для неофитов в принимающем сообществе сформировался своеобразный буфер, который первым вступает в коммуникацию с ними. Прежде всего эксплуатирующую коммуникацию. Это вымогательство денег на этапе поиска жилья, платный поиск работы, это работа, часто сделанная, которая в итоге или не оплачивается ли оказывается дешевле, чем обещали на этапе найма и т.д. Это многочисленные, в лучшем случае малоэффективные сервисы, на которые попадают мигранты и теряют время, деньги, возможности и доверие. Буфер это пространство посредников между принимающим сообществом и мигрантами, но он настолько сильно паразитирует на излишнем доверии мигрантов, что становится дисфункциональным, не помогает ни принимающему сообществу ни мигрантам интегрироваться.

Обратная задача верификации мигранта сообществом в условиях, когда все «на одно лицо» плохо говорят и не известно что умеют, начинает перекладываться на отправляющее сообщество. Мигранту нужно иметь при себе документы выданные предыдущим сообществом для того чтобы состоялась хоть какая-то коммуникация в новом сообществе, в противном случае верификация невозможна. Понятно, что такая верификация очень рискованна, проверить подлинность документов и адекватность процедуры их получения затруднительна, так как с той стороны тоже формируется буфер.

Но пользователь со стороны принимающего сообщества так же проявляет интерес к мигранту, получается со стороны акторов принимающего сообщества так же есть стремление снизить пороги верификации, увеличить выигрыш за счет повышения рисков. Получается ситуация «знакомство в слепую», когда не имея никакого доверия к инструментам верификации люди вынуждены доверять друг другу,

Возможно, это потому что в родном сообществе инструменты верификации становятся настолько жесткими и ресурсоемкими, что практически убивают доверие как таковое, получается что люди живут в ситуации постоянной инверсии, когда инструменты верификации не создают доверие, а наоборот его неуклонно снижают. Фактически миграция является выходом из этого кризиса доверия. Одна из информанток объясняя свои критерии желаемой работы, которую она искала в Петербурге сообщила, что ищет «спокойную работу», что она отказывается от работы по специальности, хотя она явно даст более высокий уровень заработка, из-за того, что там постоянное напряжение. Именно доверие обеспечивает покой, человек спокоен пока он доверяет соседям, коллегам, работодателям, когда не нужно постоянно следить и верифицировать каждый свой контакт. Возможно, именно этим привлекательна мигрантская экономика выстроенная на личном доверии, причем привлекательна и для мигрантов и для тех кто ею пользуется, она дает редкий шанс доверять своему партнеру.

1. Лебедевко М.Г., Дударёнок С. М. миграция как процесс межкультурной коммуникации: развитие взаимопонимания контактирующих культур // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке Выпуск № 4 (24) / 2013 стр. 103-109
2. Варшавер Е., Рочева А. Сообщества мигрантов в Москве: механизмы возникновения, функционирования и поддержания // Новое литературное обозрение № 127 (3/2014): диаспоры и сообщества. [электронный ресурс] // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5184>
3. Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция Социологические исследования, № 5, Май 2010, С. 82-86
4. Соколов Н.В., Рехтина Л.С. Телевизионная аудитория, как сложный объект социологического измерения // Измерения в современном мире - 2015 Сборник научных трудов 5-ой Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 214-220.
5. Веселов Ю. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. Изд-во Аспект-пресс 2011., 231 с.
6. Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. Изд-во Астрель 2010., 288с.
7. Кузьмин Г. С. Аналитические возможности теории игр в исследовании механизмов социальной интеграции и конфликтооразрешения // Власть. 2013. № 9. С. 141-144

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖЕНСКОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ **Романенко В.В. (Санкт-Петербург)**

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

Процессы глобализации и неравномерность экономического развития различных стран в 21-м веке привели к усилению миграционных процессов по всему миру. Россия, хоть и выступает в качестве донора человеческого капитала для ряда европейских стран, США и Канады, в значительно большей степени в ситуации международной миграции выполняет роль страны-реципиента для граждан из стран СНГ, а также ряда стран дальнего зарубежья (например, Китая, КНДР, Индии, Вьетнама). Естественный миграционный прирост в России за последние пять лет положителен и колеблется в районе 300 тыс. человек (0,2 % от общего числа населения) [9]. Устойчивая миграция из стран СНГ в Россию привела к структурным сдвигам в экономике, сформировались специфические ниши труда мигрантов, рыночный запрос на неквалифицированный труд в которых в основном удовлетворялся за счет притока мужского трудоспособного населения из стран ближнего зарубежья. Таким образом, до недавнего времени в фокус отечественных социологических исследований практически не попадали миграционные стратегии женщин, прибывших из стран СНГ и дальнего зарубежья, или же они рассматривались вместе с мужскими, без выделения гендерных факторов и гендерных рисков миграционных процессов.

В российском обществе (как и во всех постиндустриальных обществах) за последние 20 лет существенно увеличился сектор экономики, связанный с оказанием услуг. На сегодняшний день по оценке специалистов в глобальной сфере услуг доля женщин увеличилась с 41% (1995 год) до 61,5% (настоящее время) [2, с.5]. Эта ниша труда на сегодняшний момент «закреплена» за женщинами, ее разрастание, равно как и относительная открытость границ, распространение информационных технологий, упадок экономики ряда стран, стимулировали феминизацию миграционных потоков. Увеличение доли женщин в общем количестве мигрантов признается специалистами характерной чертой современного этапа международной миграции рабочей силы [4, с.1]. Россия в этом процессе не является исключением. Количество въезжающих на территорию Российской Федерации женщин на масштабе 2012-2015 годов возросло со 156 тыс. человек до 266 тыс. человек, составив в 2015 году 44% от общего числа мигрантов (в 2012 году этот показатель был 37%) [8].

Эта тенденция выдвигает перед исследователями миграционных процессов в России необходимость учитывать гендерный аспект при изучении социальных рисков трудовой миграции. Ситуация усугубляется тем, что в России положение женщин в экономическом плане остается в целом менее благополучным, нежели положение мужчин. По оценкам исследователей, женщины и молодые девушки составляют около 60% представителей «нижнего класса» — людей, с доходами на грани прожиточного минимума [5].

Само производство услуг, в которое, как было сказано выше, включены в основном женщины, считается по сравнению с другими видами труда менее значимыми и хуже оплачиваемым [6]. Здесь можно говорить о двойной сегрегации - национальной и гендерной, в результате которой женщины-мигранты оказываются занятыми в наименее престижных и наиболее неформальных сегментах рынка.

В гендерно-обусловленных отраслях риск трудовой эксплуатации, который является наиболее значимым и опасным для мигрантов, может быть совмещен и с риском сексуальной эксплуатации. Трудовая эксплуатация чаще всего проявляется в нарушении работодателем обязательств по выплате зарплаты - в первую очередь это касается работающих без официального договора мигрантов. Что касается женщин, то к риску быть обманутой работодателем в плане денежных выплат и условий труда, добавляется и риск сексуального принуждения. По данным Е. Тюрюкановой (опрос 442 трудовых мигрантов из разных регионов России) заявили о принуждении к секс-услугам практически 100% опрошенных женщин, занятых в сфере развлечений, и почти 20% (в Москве – 30%) всех женщин, занятых в торговле [7].

Можно выделить несколько наиболее крупных секторов рынка занятости, в которые женщины-мигранты включаются для заработка в России:

- Работа по хозяйству у физических лиц и уход за больными - прислуга, няни, сиделки и т.д.

- Неквалифицированная работа на фабриках и производствах

- Работа в строительном и жилищно-коммунальном секторе (маляры, штукатурки, уборщицы и т.д.)

- Работа в сфере питания и гостиничном бизнесе (официантки, посудомойки, повара в столовых, уборщицы номеров в отелях и т.д.)

- Торговля и предпринимательство (продавцы, кассиры, работники рынков, самозанятость, мелкое предпринимательство)

- Индустрия развлечений, околосексуальных и сексуальных услуг.

С распространением культуры потребления и либерализацией половой морали последний сектор в мегаполисах России стал весьма обширным. Среди различных форм сексуальных услуг проституция является одной из наиболее распространенных, прибыльных и опасных для физического и психического здоровья женщин. Контингент проституток в российских мегаполисах всегда активно пополняется за счет девушек, переехавших из менее благополучных регионов страны. Приток международных мигрантов также ведет к расширению масштабов проституции в крупных городах. С одной стороны, это связано с увеличением количества экономически активных мужчин, прибывающих в эти города на заработки, с другой стороны, с уязвимым положением женщин-мигрантов, которые в большинстве своем не имеют достаточно социального и культурного капитала, а иногда и легального статуса, чтобы конкурировать с местным населением в престижных отраслях занятости. По оценке экспертов Всемирной Организации Здравоохранения, в России насчитывается от 150 тыс. до 300 тыс. женщин, вовлеченных в проституцию [3]. Согласно другим экспертным оценкам, в целом внутренний рынок секс-услуг обслуживают до 3 млн. человек [10].

Необходимость в изучении специфики социальных рисков женщин-мигрантов обусловлена, во-первых, гендерной асимметрией, существующей на рынке труда, во-вторых, - более уязвимым положением женщин в контексте сексуальной эксплуатации и торговли людьми [1]. Расширение сферы услуг в мегаполисах России и феминизация миграционных потоков – процессы, имеющие взаимное влияние. В этой связи особое внимание следует уделить положению женщин-мигрантов в индустрии коммерческих секс-услуг - наиболее рискованном и теневом сегменте женской занятости.

1. Борьба с торговлей людьми: действия МОТ 2008 // Сайт Международной Организации труда [Электронный документ] Режим доступа: http://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_308944/lang--ru/index.htm, дата доступа 5.10.2016

2. Женщины в сфере труда: тенденции 2016. Резюме. Международное бюро труда. Женева // Сайт Международной Организации труда [Электронный документ] Режим доступа: http://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_457097/lang--ru/index.htm, дата доступа 5.10.2016

3. Национальный доклад Российской Федерации о ходе выполнения Декларации о приверженности делу борьбы с ВИЧ/СПИДом. 2008 // [Электронный документ] Режим доступа:

- http://www.aids.ru/eecaac/russia_2008_country_progress_report_ru.pdf, дата доступа 25.01.2015
4. Рудакова О.В. Трудовая эмиграция в России: гендерный аспект [Электронный документ] Режим доступа: <http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/Documents/410-RUDAKOVA.pdf>, дата доступа 5.10.2016
5. Тихонова, Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. 2011. №5. – С. 24 -35.
6. Тюрюканова Е.В. Женская трудовая миграция // Демоскоп Weekly. 2005. № 201 – 202. [Электронный документ] Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0201/analit04.php>, дата доступа 5.10.2016
7. Тюрюканова Е.В. Принудительный труд в современной России. Издание второе, 2006 // Сайт Международной Организации труда [Электронный документ] Режим доступа: http://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_308915/lang--ru/index.htm, дата доступа 5.10.2016
8. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году // Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный документ] Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm, дата доступа 5.10.2016
9. Эль-Сибай Н.М. Социографический портрет современного мигранта // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (часть 25) – С. 5689-5692
10. Inventory and Analysis of the Current Situation and Responses to Trafficking in the Russian Federation. Washington.2005. - P. 30

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МИГРАНТА КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ИССЛЕДОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Соколов Н.В. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

В нарастающем потоке исследовательской активности на поле миграционных процессов задача определения статуса мигранта предстает не только в предметном, но и в инструментальном ракурсе. Структурированные, глубинные, биографические интервью, фокус-группы и другие доступные социологу методы сбора данных выглядят вполне подходящими для изучения, например, факторов pull and push в рамках ставшего уже классическим подхода Э.Ли [1]. Но кажущийся простым вопрос, кто именно должен быть опрошен, проинтервьюирован, приглашен на фокус-группу в качестве приезжего, при внимательном рассмотрении оказывается коварен. Конечно, хочется охватить исследованием «типичные» контингенты, позиционированные в самом «пекле» миграционного процесса. Беда только в том, что они почти не достигаемы по совокупности причин, среди которых языковой барьер и культурная дистанция, отсутствие у «настоящего» мигранта мотивации к сотрудничеству с исследователем хотя бы уже в силу остроты его житейских проблем, которые нужно решать немедленно, и, следовательно, совершенно неподходящий для участия режим повседневности, мобильность, переходящая грань не только локальной, но и персональной идентификации, что вызывает затруднение даже у правоохранительных органов [2, 3] и т.д.

Простым и неизбежным практическим решением вопроса становится вовлечение в исследование социально адаптированных «периферийных» контингентов, доступность которых значительно выше, но репрезентативность по отношению к желаемому эмпирическому объекту уже является гипотетической. Например, практически все актуальные социологические исследования детей мигрантов дают достаточно оптимистичную картину их успешной культурной адаптации и ресоциализации в российском обществе. [См. напр.: 4] Общественность же, включая экспертов педагогического сообщества, не первый год бьет тревогу, указывая ровно на обратное. [5, 6] Такое впечатление, что исследователи и СМИ говорят просто о разных детях – и это так и есть. Ведь исследования выполняются на базе школ, и нетрудно догадаться, что дети, систематически посещающие школу, осваивают русский язык и успешно адаптируются к социокультурной среде принимающего сообщества. А как изучать тех, кто язык не учит и в школу практически не ходит?

Решая задачи определения эмпирического объекта в миграционных исследованиях, мы неизбежно упираемся в два момента. Первый: доступные для измерения фрагменты поля сомнительны с точки зрения репрезентативности, т.к. не соответствуют стереотипическим представлениям о мигрантах. Разве «похожи» на них новгородцы, псковичи, мурманчане и даже

москвичи приток которых в Петербург измеряется сотнями тысяч? [7] Это ведь в своем большинстве не разнорабочие, а менеджеры по продажам и обладатели прочих массовых в нашей торгово-сервисной экономике профессиональных статусов. Но тут возникает второй момент: попытки спекулятивного определения статуса мигранта заводят в тупик, как только мы отказываемся от аксиомы о тождественности мигрантов и разнорабочих. Контингент мигрантов оказывается многообразен, в т.ч. и с точки зрения стратегий позиционирования в принимающем сообществе, которое, в свою очередь, тоже не идеально с точки зрения демонстрации характерных маркеров «мигрантской» маргинальности. [8] Студенты «издалека» нередко владеют русским языком гораздо лучше своих сверстников «отсюда». А фигуры в тренировочных штанах и полосатых тапочках, издали однозначно читающиеся на фоне петербургского пейзажа как «мигранты», вблизи оказываются просто люмпенами без выраженных признаков дальнего переезда. Так кого же надо опрашивать, интервьюировать, рекрутировать для того, чтобы собрать данные о мигрантах, присутствующих в нашей жизни здесь и сейчас?

Формат этой статьи не позволяет столь же подробно обсудить вопрос об идентификации мигранта в контексте измерения общественного мнения, т.е. отражение этого статуса в массовом сознании принимающего сообщества. Но суть инструментальной задачи в данном случае та же – как определить границы актуального для сообщества объекта оценки, избежав редукции к стереотипам.

Первый уровень анализа интересующей нас проблемы – формально-правовой – преодолевается социологом легко. Очевидно, что статус приезжего, отраженный в разрешающих его пребывание в стране документах (или не отраженный в случае мигранта-нелегала) имеет очень опосредованное отношение к нашему делу. Огромная доля мигрантов из зарубежных стран прибывает и проживает в России с формальным статусом туриста. Бюрократические причины могут надолго законсервировать такой статус, при этом фактическая интеграция в принимающее сообщество часто вообще не учитывается. Классический, хоть и не российский пример – великий Чарли Чаплин, реализовавшийся в США творчески и экономически, но не получивший гражданства. Нередко, бывает и наоборот – получение гражданства и, тем более, разрешения на постоянное проживание не свидетельствует о реальных достижениях субъекта в деле интеграции в принимающее сообщество. Примером служит ситуация, сложившаяся сегодня в ЕС. [9]

Второй уровень анализа проблемы может быть обозначен как первично-социологический. Он апеллирует к концепции социального сообщества и его границ. [10] Мигрант в данном случае предстает как субъект перемещения между отправляющим и принимающим сообществами, пересекающий границу(ы) между ними. Принципиальная правильность такого подхода реализуется, однако только на предельно абстрактном уровне. Дело в том, что, на поверку, отправляющее сообщество никого не отправляет – в известных случаях оно обычно старается удержать потенциального мигранта. Так происходит, например, с «утечкой мозгов», которая систематически осуждается и не очень успешно профилактируется. [11] В реальности миграция становится возможной не по воле отправляющего сообщества, а вопреки ей. Де-факто массовая миграция это признак разрушения отправляющего сообщества, которое утрачивает способность удерживать своих членов. Роль принимающего сообщества также сомнительна – часто оно настроено против прибытия мигрантов, но ничего не может поделать с ними. Следовательно, и в случае принимающего сообщества массовая миграция маркирует его ослабление до степени неспособности удерживать собственные границы. Но если границы рушатся и в отправляющем, и в принимающем сообществе, то рассматривать их (границы) в качестве существенного признака миграции нельзя! Трансграничность, таким образом, оказывается совершенно внешним признаком миграции, наблюдение которого не приближает к пониманию сути явления.

Третий уровень интерпретации статуса мигранта может быть реализован путем соотнесения его институциональной системой и социальностью как таковой. Мигрант становится маргиналом в результате дезинтеграционных тенденций по отношению к принимающему сообществу. Но он остается таковым и даже воспроизводит свой статус в рамках дезинтеграционных процессов в сообществе принимающем. Следовательно, суть рассматриваемого статуса – в дезинтеграции по отношению к сообществу как таковому, в уходе от социального и институционального контроля. Ответ на поставленный здесь вопрос надо искать именно в идентификации внешнего по отношению к сообществу статуса.

2. Газеты пишут о загранпаспортах для мигрантов. [Электронный документ]/URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/gazeta03.php> (Дата обращения: 10.10.2016)
3. Полиция ФРГ разыскивает почти 300 тысяч незаконных мигрантов. [Электронный документ]/URL: <https://jrgazeta.ru/politsiya-frg-razyskivaet-pochti-300-tyisyach-nezakonnyih-migrantov> (Дата обращения: 10.10.2016)
4. Александров Д.А., Иванюшина В.А., Костенко В.В., Савельева С.С., Тенишева К.А. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. – М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012 – 168 с.
5. Дети мигрантов тормозят процесс школьного обучения. [Электронный документ]/URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/10/28/obrazovanie-v-rossii/deti-migrantov-tormozyat-protsess-shkolnogo-obucheniya> (Дата обращения: 10.10.2016)
6. Депутаты предложили ограничить детям мигрантов доступ в школы. [Электронный документ]/URL: <http://mamkam.spb.ru/detyam-migrantov-ogranichat-dostup-v-shkolu/> (Дата обращения: 10.10.2016)
7. Почему тысячи москвичей сбегают в Петербург. [Электронный документ]/URL: <http://www.online812.ru/2013/03/27/001/> (Дата обращения: 10.10.2016)
8. Park R.E. Human Migration and the Marginal Man // *The American Journal of Sociology*. Vol. 33, No. 6 (May, 1928), 881-893.
9. Петров И. Как мигранты начали выживать местное население во Франции. Комсомольская правда [Электронный ресурс] // URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/26458.7/3328628/> (Дата обращения: 25.05.2016)
10. Парк Р. С. Социология, сообщество и общество. // *Вопросы социальной теории. Научный альманах*. 2008. Т. II. Вып. 1(2) Социальная реальность: концепции и методология исследований / Ин-т философии РАН; Под ред. Ю.М. Резника. – М.: Институт философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. С. 227 – 231.
11. Мукомель В.И. Утечка умов и циркуляция умов на постсоветском пространстве: Россия и страны СНГ // *Материалы 49-го Международного съезда Ассоциации международных исследований*. Сан-Франциско, 2008. - Официальный сайт ИС РАН. - 2008. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=1245>

ИНДЕКС ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ MIREX: ОЦЕНКА СИТУАЦИИ В РОССИИ

Тавровский А.В. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

В докладе описывается один из важнейших международных инструментов оценки, сравнения и совершенствования миграционной политики – Индекс политики интеграции мигрантов MIREX [1], обсуждается включение российской интеграционной политики в этот индекс, анализируются возможности и ограничения предлагаемой методики.

MIREX был запущен в 2004 г. как инструмент оценки соответствия миграционной политики входящих в ЕС стран директивам Совета Европы, относящимся к правам мигрантов (не граждан стран — членов ЕС). В первом релизе было 15 стран, 5 областей политики и около 100 индикаторов. Впоследствии Индекс неоднократно расширился (в 2007 г., 2011 г., в 2015 г. выходит IV релиз) за счет включения новых стран, областей политики и показателей. В последнем релизе уже 38 стран, 167 индикаторов и 8 областей политики: мобильность на рынке труда, воссоединение с семьей, образование, здравоохранение, политическое участие, постоянное проживание, получение гражданства, антидискриминация.

Методология MIREX предполагает конструирование интегрированных показателей и их ранжирование. Индикатор – это вопрос, затрагивающий тот или иной элемент политики в одной из 8 областей. Для каждого вопроса существуют 3 варианта ответа: шкала 1(0), 2(50), 3(100). Максимальное число баллов – 3(100) присваивается элементу политики, который в наибольшей степени соответствует высокой норме равенства возможностей для граждан и неграждан. Норма задается европейскими и международными правовыми стандартами, нацеленными на достижение равноправия, равных обязанностей и возможностей для всех резидентов.

Внутри каждой области выделяются 4 измерения, отражающие один из аспектов политики. Например, в области мобильности на рынке труда выделяются измерения доступа на рынок труда, общей поддержки, адресной поддержки и прав мигрантов. В свою очередь измерение прав мигрантов, то есть вопрос о том, обладают ли мигранты теми же трудовыми и социальными правами, что и граждане, включает такие индикаторы, как членство в профсоюзах, доступ к

социальному обеспечению, доступ к жилью и условия труда. Баллы по каждому измерению получаются в результате среднего арифметического баллов индикаторов. Затем вычисляется среднее арифметическое баллов измерений, что дает балл области политики. Наконец, балл страны получается как среднее арифметическое баллов областей политики.

Индекс конструируется двумя аналитическими центрами – Барселонским центром международных дел (CIDOB) [2] и Группой миграционной политики (MPG) [3] – на основе опроса экспертов из изучаемых стран. В результате опроса получается многомерная оценка политики интеграции, включающая не только законодательные нормы, но и результативность политики [4], описание реальных и потенциальных бенефициаров, а также образцовые практики. MIPEX направлен прежде всего на повышение эффективности политики интеграции и позволяет актерам, принимающим решения в этой области, наглядно оценить профиль страны. Этому немало способствуют 35 национальных партнеров MIPEX, которые привлекают внимание к индексу в своих странах.

Россия пока не включена в MIPEX, однако в 2010 г. А. Прохорова провела экспертный опрос по методике MIPEX (анкета 2007 г.) и сконструировала Индекс для России [5]. На Круглом столе предполагается обсудить следующие проблемы построения Индекса для России. Во-первых, сложность оценки измерений антидискриминации и воссоединения с семьей, поскольку они слабо разработаны в российском законодательстве. Во-вторых, трудности оценки результативности и выбора образцовых практик политики интеграции, релевантных для России. В-третьих, определение потенциальных и реальных бенефициаров интеграционной политики. В случае России, где политика интеграции подменяется политикой культурной ассимиляции, Индекс позволил бы не только трезво оценить российскую политику на международном фоне, но и выработать рекомендации по ее приведению к высоким международным стандартам интеграции мигрантов.

Migrant Integration Policy Index 2015. Huddleston Th., Bilgili Ö, Joki A.-L. and Vankova Z. With the vision of J. Niessen, the scientific review of A. Bardolet, F. Fàbregues, J.D. Ingleby and E. Sánchez-Montijano and the support of K. Shklyan. Barcelona/Brussels: CIDOB and MPG, 2015. www.mipex.eu

<http://www.cidob.org>

<http://www.migpolgroup.org>

Bilgili Ö., Huddleston Th., Joki A.-L. The Dynamics between Integration Policies and Outcomes: a Synthesis of the Literature. Brussels: MPG, 2015.

Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // ДемоскопWeekly, 2011, № 479 – 480.

<http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php>

ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУПП)

Шендрикковская А.В., Эпель Е. (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

С 2014 года в Российской Федерации было зарегистрировано 4,3 миллиона человек, которые вынужденно покинули дома и пересекли границу нашей страны и государства Украина. 3 миллиона из них позже все-таки решили вернуться обратно.

Официальное общее количество беженцев с Украины на начало 2015 года составляло 1,3 миллиона человек. Из них всего 226 тысяч получили статус временного убежища или статус беженца, еще 55 тысяч до сих пор на тот момент находились во временных лагерях, а 400 тысяч сняли свое жилье. Остальные были разбросаны по всей территории страны у родственников или знакомых. По мнению, специалистов МИД России такие цифры – это рекорд в современной истории нашей страны. [1]

На сегодняшний день, согласно сообщению замминистра внутренних дел Российской Федерации Александра Горюхова, количество беженцев остается на том же уровне, а количество получивших определенный статус уже составляет более 280 тысяч человек. [2]

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что количество беженцев, которые официально зарегистрированы в нашей стране, которые могут беспрепятственно работать и

получать медицинскую помощь, до сих пор не соответствует общему количеству человек, вынужденно покинувших Украину и проживающих в данный момент на нашей территории.

По данным Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, на 1 июня 2016 года в Санкт-Петербурге временное убежище получили 14 тыс. человек, а статус беженца - 36 человек.

Все граждане Украины, приехавшие в Российскую Федерацию, вследствие внутриукраинского кризиса, могут обратиться в Санкт-Петербургское отделение Российского Красного Креста, где им может быть оказана одна из следующих видов помощи:

Правовое консультирование в области российского миграционного законодательства

Социальная и образовательная помощь лицам, ищущим убежище, и беженцам, проживающим в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (Миллионная ул., д 11)

Временное размещение

Сбор и организация раздачи гуманитарной помощи [3]

В сентябре 2016 года в рамках проекта «Социальные риски международной молодежной миграции в современной России» на базе Санкт-Петербургского Красного Креста были проведены фокус группы с целью выявления основных проблем украинских беженцев.

Участниками исследования стали 7 человек, 6 из которых - женщины. Все они проживали на территориях Донецкой и Луганской областей и в 2014 году вынужденно покинули Украину и на данный момент посещают Санкт-Петербургское отделение Российского Красного Креста с целью получения дополнительных знаний в различных областях для повышения своей социальной значимости в современных реалиях российского общества.

Материал, полученный в ходе проведения фокус-групп, показал, что каждый участник столкнулся с рядом типичных проблем, а именно, с такими, как:

получение статуса временного убежища;

официальное трудоустройство;

материальный вопрос;

жилищный вопрос;

а также изменение своего статуса в дальнейшем.

Самой острой проблемой для беженцев, принявших участие в данном исследовании, из которой вытекают и все последующие, стала проблема получения определенного статуса, благодаря которому для них в нашей стране открываются новые возможности, а именно: устройство на официальное место работы, бесплатное медицинское обслуживание, а также прием их детей в детские сады и школы.

Данная проблема почти во всех опрошенных случаях связана с трудностями, возникшими вследствие невозможности получить регистрацию по месту проживания на территории нашей страны. Ведь любой постоянно или временно проживающий на территории Российской Федерации иностранный гражданин должен зарегистрироваться по адресу указанного помещения. [4]

Но трудность для данных лиц заключается в том, что граждане Российской Федерации, которые предоставляют им жилые помещения по договорам социального найма, отказывают им в постановке на учет, хотя данный договор является основанием для оформления документов на вселение и регистрацию граждан по месту жительства или месту пребывания. При этом, если договор найма заключен на срок до одного года (краткосрочный наем), то такой договор может быть основанием только для оформления регистрации по месту пребывания. [5]

Беседа с респондентами также показала, что и большинство работодателей не хотят принимать на работу лиц, имеющих статус временного убежища, так как это повлечет для них дополнительные обязанности, связанные с постоянным взаимодействием с органами УФМС. Все работодатели предпочитают иметь дело с теми лицами, которые самостоятельно приобрели патент, так как в данном случае работники сами связываются с органами миграционного учета.

Органы УФМС, на основании мнения и жизненного опыта опрошенных, не спешат присваивать даже статус временного убежища вновь прибывшим беженцам, а количество квот, которое выделяется государством на получение временного вида на жительство хоть и увеличивается с годами, о чем свидетельствуют следующие данные: «В 2015 году правительство РФ увеличило квоту на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в России со 128 055 до 151 175 человек.»[6], но все равно далеко не соответствует уровню действительных потребностей в нем.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, был разработан ряд рекомендательных мер, применение которых могло бы поспособствовать улучшению положения лиц, вынужденно покинувших территорию Украины и прибывших в Российскую Федерацию с целью улучшения качества своей жизни, а именно:

Органы Субъектов Российской Федерации должны активно взаимодействовать с Правительством, предоставлять ежеквартальные отчеты о количестве мигрантов и делать запросы на предоставление дополнительных квот с учетом этих данных.

Унифицировать перечень документов и форму их подачи для всех отделений органов УФМС в Российской Федерации так, чтобы каждый сотрудник миграционного учета применял единый стандарт для всех клиентов, обратившихся за получением определенного статуса.

Разработать меры, стимулирующие работодателей принимать на работу беженцев, а также упростить процедуру получения патента на работу для лиц, имеющих статус беженцев.

Предоставлять беженцам социальную помощь: материальную, правовую, психологическую, медико-санитарную, информационно-просветительскую.

Предоставлять данным лицам возможность получения временной регистрации, например, в государственных общежитиях.

Перечисленные меры могут стать начальным этапом для устранения проблем, с которыми сталкиваются вынужденные переселенцы из Украины, а также других стран.

Проблема беженцев – это проблема не только государственного масштаба, это проблема каждого взятого региона в отдельности, каждого муниципального образования нашей огромной страны.

1. *Общее количество беженцев из Украины в Россию: официальное число* URL: <http://www.migration-patent.ru/index/razdel3/chislo-bezhencev-iz-ukrainy-v-rossiyu>
2. *В России озвучили количество беженцев из Украины* URL: <http://lugradar.net/2016/10/140637>
3. *Российский Красный Крест Санкт-Петербургское отделение* URL: <http://spbredcross.org/about/spb/news/2014/09/29/okazanie-pomoshhi-grazhdanam-ukrainyi-sankt-peterburgskim-krasnyim-krestom/>
4. *Федеральный закон от 18.07.2006 N 109-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации"* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/5442db3d8cd78fcb11f24021df2291c7a8b37bed/
5. *Навигатор по государственным услугам Санкт-Петербурга. Предоставление жилья по договорам социального найма* URL: <https://gu.spb.ru/188507/mfcservice/>
Аргументы и факты URL: http://www.aif.ru/dontknows/actual/na_skolko_i_pochemu_rossiya_uvelichivaet_kvoty_na_migrantov